

Genre

religion_rel

Author Info

ДОБРОТОЛЮБИЕ

Филокалия - т. е. любовь к красоте. Антология святоотеческих текстов, собранных Никодимом Святогорцем и Макарием из Коринфа (впервые опубликовано в 1782г.). Истинная красота и Творец всяческой красоты - Бог. Тексты Добротолюбия созданы людьми, которые сполна приобщились этой Красоте и могут от своего опыта указать путь к Ней. Добротолюбие - самое авторитетное аскетическое сочинение Православия.

Полное название Добротолюбия: "Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется."

Амфилохий (Радович) писал о значении Добротолюбия: "Нет никакого сомнения, что Добротолюбие, как обожения орган, как справедливо назвал его преподобный Никодим Святогорец, является корнем и подлинным непосредственным или косвенным источником почти всех настоящих духовных всплесков и богословских течений в Православии с конца XVIII века до сего дня".

ДОБРОТОЛЮБИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СВЯТЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ

Несколько слов о жизни и писаниях святого Антония Великого

Святой Антоний Великий, положивший начало уединеннопустынному подвижничеству, жизнь свою представляет идеал такого рода Богоугождения, и вместе путь, которым и всякая душа, если захочет, должна идти к возможному для нас на земле совершенству, подаемому христианством. Жизнь св. Антония описана св. Афанасием Великим (см. его творения, т. 3), и почти без сокращений помещена в наших Четь–Минеях под 17 января. Желаящий знать ее подробно пусть обратится туда. Здесь указываются только общия черты ея.

Божие избрание св. Антония на дело, им совершенное, обнаружилось в нем еще в детстве. Тихий, теплосердечный нрав, склонный к уединению, отстранял его от детских резвостей и шалостей сотоварищества и держал в доме на глазах родителей, которые блюли его, как зеницу ока. Так и вырос он, в этом отрешении от людей, выходя из дома только в церковь. При таком настроении и порядке жизни, благодать Божия, полученная в крещении, беспрепятственно действовала на созидание духа и без особых усилий с его стороны. Очень естественно, что он рано ощутил сладость жизни по Богу и распалялся Божественным желанием, как говорит св. Афанасий.

Не находя препятствий к такой жизни в доме, — ибо и родители были того же духа, — св. Антоний не обнаруживал никакого желания оставить его, пока живы были родители, и избавляли его от неизбежных житейских забот. Но когда отошли они к Богу, он, оставшись наибольшим, должен был принять на себя заботы по управлению дома и пропитанию сестры. Это тотчас дало ему ощутить великую разность жизни в Боге и многопопечительной жизни житейской, и положило твердое начало его желанию — все оставить и жить только для Бога. Слышанное им в этом настроении в церкви слово Господа: аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и

имети имаши сокровище на небеси (Мф. 19, 21) — и потом другое: не печытесь на утрей (Мф. 6, 34), запечатлели сие желание печатию Божескою; ибо в словах тех он слышал Божий ответ на вопросы совести своей, и вместе Божие повеление и благословение на исполнение сокровенных желаний и стремлений своего сердца. — Он решился решимостию нераскаянною, и, все раздав, начал жить для единого Бога.

Первые годы мироотречной жизни своей св. Антоний проводил так же, как проводили ее другие, известные тогда подвижники, от них всему научаясь. — Известно, что мироотречное подвижничество, в коем, отрешившись от всех житейских забот, ревнуют единственно о том, како угодити Господеву (1 Кор. 7, 32), в Церкви Божией установилось с самага ея основания, как существенная необходимость в строе ея, и от св. Апостолов получило первые основоположительные законы. Но сначала аскеты, — так назывались люди, посвящавшие себя сему роду жизни, отрешаясь от мира и житейских забот, оставались в своих домах, только уединялись где нибудь в невидном уголке, и там предавались молитвам, Богомыслию, посту, бдениям и всем подвигам. С течением же времени, когда христианство расширилось, в пределах и числе верующих, многие подвижники стали оставлять свои семейства, и, удаляясь за город, или селение, там, в глуши, проводили уединенную жизнь, в какой-нибудь натуральной пещере, в запустелом гробе, или в нарочно устроенной небольшой келлии. Ко времени св. Антония подвижники, наиболее ревностные, жили преимущественно таким образом. Им подражать возревновал и св. Антоний Великий. Начало жизни подвижнической — послушничество. Его проходил св. Антоний в подражании и послушании тем подвижникам. — Существо послушничества состоит в утверждении в сердце христианских добродетелей и в усвоении порядков подвижнической жизни, под руководством опытейших. Христианския добродетели вынес св. Антоний из воспитания; теперь ему предлежало только узнать, какие подвиги необходимы для возревновавших жить в Боге, и как их надо совершать. Для этого ходил он к известным тогда подвижникам, разузнавал, как что делать, научался тому и возвращался с сим приобретением, как с добычею, в свое уединище. Таким образом, как замечает св. Афанасий, он, как мудрая пчела отвсяду собирал себе духовный мед, слагая его в сердце свое, как в улей. У одного перенимал он строгость воздержания в пище, спание на голой земле, продолжительное бдение; у другаго научался неумоимости в молитве, вниманию к помыслам и Богомыслию; у третьяго брал пример трудолюбия, верности правилам, и терпению; и у всех заимствовал тот же дух твердой веры во Христа Господа и братской ко всем любви, в себе одном стараясь сочетать все, чем особенно отличался каждый из виденных им отцев. Без поверки своей жизни жизнью других и без сторонняго руководства никто не достигал высших степеней подвижнической жизни. Означенными старцами св. Антоний поверял свою жизнь, и их руководством был направляем по неуклонному пути к совершенству. В этом послушническом воспитании провел он лет пятнадцать, живя за селением в гробнице, сначала не так далеко, а там и подальше, куда приходил к нему один искренний ему селянин, принося хлеб, — единственную пищу св. Антония, — и отбирая рукоделье: ибо св. Антоний жил трудами рук своих. Все время свое он делил между этим рукоделием, молитвою и размышлением о Божественных истинах Писания: в каких деланиях утвердил его и явившийся ему Ангел Божий, когда однажды томил его дух уныния. Как текла в это время жизнь его, приводим о том свидетельство Созомена (Цер. ист., кн. 1, гл. 13), который пишет о св. Антонии: «изведав, что добрая жизнь от привычки делается приятною, хотя на

первый раз бывает и трудна, он придумывал опыты подвижничества все более и более строгие, с каждым днем становясь воздержнее, и как бы всегда только начиная, придавал новую силу рвению; телесныя удовольствия обуздывал трудами, против страстей душевных вооружался богомудрою ненавистию к ним. Пищею его был хлеб с солью, питием — вода, а временем обеда — закат солнца; не редко впрочем дня по два и более оставался он без пищи; бодрствовал же он, можно сказать, целыя ночи и в молитве встречал день, а если и вкушал сна, то на одну минуту; ложился большею частию на голой земле, и только землю имел своею постелию. Намащаться же елеем, мыться и пользоваться другими удобствами он себе не позволял, так как от этого изнеживается тело. Лениности терпеть не мог, и работа не выходила у него из рук почти целый день».

Таким претрудным путем шел св. Антоний. Но, как известно, такая жизнь без борьбы не проходит, как не бывает света без тени. Не будь в нас греха, и не имей мы врага, одно добро раскрывалось бы в нас и росло безпрепятственно. Но как тот и другой есть и оба предъявляют свои на нас права, то никто не обходился без борьбы с ними. — Надо обезсилить их и победить, чтобы свободно идти далее. Без этого они все будут путать руки и ноги хотящему право идти, кто бы он ни был. Вот почему Божия благодать, созидавшая в духе св. Антония, вводила его в брань, чтоб искусив его, как золото в горниле, укрепить нравственныя силы его и дать простор их действию. Врагу дан был доступ, а подвижника поддерживала сокровенная помощь.

Св. Афанасий пространно описывает эту борьбу. Вражеския стрелы, говорит он, были очень чувствительны; но мужественный борец отражал их, немало не колеблясь.

Сначала враг покушался поколебать его сожалением, что оставил мир, приводя на мысль с одной стороны — знатность рода, без нужды будто презренную, не малое богатство, напрасно будто разсоренное, и все удобства жизни, без пользы будто отвергнутыя, — и особенно сестру, брошенную ни с чем на чужия руки, без собственной его поддержки, присмотра и утешений, — с другой — притрудность и жестокость начатой жизни безотрадной, непривычность и невыносимость тела, которому не устоять будто против таких лишений, и длительность этой жизни, — так что и конца ей будто не видится, — вдали от людей, без всяких утешений, в непрестанном самоумерщвлении. Этими внушениями враг возбуждал сильную бурю помыслов; но был не только отражен твердостью св. Антония, непоколебимо стоявшаго в своем намерении и в своей решимости, но и низложен великою его верою, что все, оставленное и терпимое им, ничто в сравнении с нескончаемыми благами, уготованными мироотречным труженикам от Бога, угодить Которому удобнее свободному от всех житейских и вещественных уз, — и даже повержен в прах непрестанными его молитвами, привлекавшими в сердце его сладчайшия духовныя утешения.

Побежденный с этой стороны враг нападает на юнаго борца с другой, с которой привык уже он низлагать юность, — начинает бороться плотскою похотью, смущая ночью и тревожа днем. Борьба была столь ожесточенна и длительна, что не утаилась даже от посторонних. Враг влагал нечистые помыслы, а св. Антоний отражал их молитвою; тот приводил в разжение члены, а этот охлаждал их постом, бдением и всяким себя претруждением; тот принимал на себя ночью женские образы, всячески ухитряясь возбудить обольстительныя влечения, а этот восторгался горе, и созерцанием тамошних красот, равно как живейшим сознанием благородства, какого сподобляется естество наше в Господе Иисусе Христе, разсеивал обманчивую прелесть; окаянный вызывал чувство сласти от удовольствия, а блаженный возставлял противочувствие страшной горечи мук в огне вечном и от

червей неусыпающих, — и пребывал невредимым. Докучливость и безобразие нападений образовали наконец в борющемся отвращение ко всяким нечистым движениям и гнев на них с сильным раздражением, что лишило врага возможности приближаться к нему и даже издали как-нибудь искушать и тревожить его с этой стороны. Ибо чувства отвращения и ненависти к страстным движениям суть огненные стрелы, опаляющие врага. Так побежден был и в этом вселукавый юностию, носящую страстную плоть, и отступил с посрамлением, потому что рабу Божию содействовал Сам Господь, ради нас понесший плоть и в ней сокрушивший всю силу вражию, как это исповедует всякий истинный подвижник, говоря с Апостолом: не аз, но благодать, яже со мною (1 Кор. 15, 10).

Но у человека-ненавистника не все еще истощились стрелы. Видя покров Божий над юным борцем, и зная, что он осеняет только смиренных, враг замышляет лишить его сего покрова, возбудив в нем высокоумие и самомнение. Для сего является видимо в виде малаго отрока — черного, и с притворным унижением говорит св. Антонию: победил ты меня, — полагая, что тот, отнесши победу к себе, возмечтает много о себе и тем прогневает Бога, ему помогающего. Но св. Антоний спросил его: ты же кто такой? Тот ответил: я дух блуда, на котором лежит возбуждать разжение похоти и ввергать в плотской грех. Многих, давших обет целомудрия, обольстил я; многих, долгое время умерщвлявших плоть свою, довел до падения; но тобою все мои сети порваны, стрелы поломаны, — и я низложен. Тогда св. Антоний, благодаря Бога, Спасителя своего, воззвал: Господь мне помощник, — и аз воззрю на враги моя (Пс. 117, 7), и затем не боязненно посмотрев на врага, сказал: черным попустил тебя Бог мой явиться ко мне в показание черноты твоих злоумышлений, — и отроком в обличение твоего безсилия. Потому и достоин ты всякаго презрения. От этих слов дух этот, как огнем палимый, бежал, и уже не приближался более к блаженному Антонию.

Победа над страстями приближает к безстрастию; безстрастие же в какой мере утверждается, в такой приносит с собою и мир душевный: а мир душевный с сладостными ощущениями, подаемыми молитвою и Богомыслием, возбуждает в сердце духовную теплоту, которая, собирая к себе все силы духа, души и тела, вводит человека внутрь, где водворившись, он ощущает неотразимую потребность быть одному с единым Богом. Это неотразимое тяготение внутрь пред Бога есть вторая степень духовнаго преспеяния; и к ней—то подошел теперь св. Антоний.

И доселе он бывал больше один; но к нему нередко приходил искренний его из села, а сам он хаживал, то к старцам, то в сельскую церковь на Богослужение, особенно литургию. Все это было сопряжено с своего рода развлечениями, так ни отсекай их. Востяготевший внутрь дух св. Антония начал требовать решительнаго уединения, чтоб ничего не видеть и не слышать.

К этому, как указывалось, душа приходит сама собою, прямым путем подвижничества; но ускоряют этот поворот и дают ему решительный толчек какие-нибудь сильные порывы самоотвержения.

Явить такой порыв св. Антонию подало случай явное нападение на него бесов. Бесы лишаась возможности действовать чрез помыслы на душу очистившуюся, начинают действовать со вне, являются видимо и строят подвижнику то, чем надеются повредить ему, или поколебать его добрых намерения. — Благодать же Божия попускает это в видах преспеяния подвижника, открывая ему чрез то восход на высшую степень и вместе снабжая неким правом на приятие потом власти над самими духами искусительными. Это и было со св. Антонием.

Самый важный в сем обстоятельстве момент есть тот, когда св. Антоний, очнувшись в притворе

церковном в селении, и едва еще дыша, сказал своему другу; неси меня опять в мое уединище. Ибо этим он выразил предание себя на смерть ради жизни, которую в своем лице сознавал единственно угодною Богу. Это значило тоже, что и делом умереть Господа ради: ибо готовность на то была полная.

Готовность на смерть ради Господа и угождения Ему есть всепобедительное оружие: ибо чем еще можно искутить, или утрашить имеющего ее? Она и считается исходным началом подвижничества и крепостию во все продолжение его. Господь и Спаситель, — Подвигоположник наш, — все дни земной жизни Своей видел смерть пред Собою, но в саду Гефсиманском, во время молитвенного борения, Он окончательно победил ее человечеством; страдания и смерть крестная делом совершили то, что там изречено. За этим следовало тридневное субботствование, пред славным воскресением. Этот путь проходят все души, пошедшие вслед Господа. Первый шаг при сем есть самоотвержение; но в каких бы малых начатках оно ни было, в нем всегда есть своя доля готовности на смерть. Затем растет самоотвержение, — растет и сия готовность, или сия готовность есть душа самоотвержения. Кто дойдет до такой степени готовности, какая была у Спасителя в саду, тому предлежит тотчас восхождение в духе на крест, и затем субботствование духовное, за которым следует и духовное воскресение во славе Господа Иисуса. — Вот это и совершилось теперь в духе св. Антония. Словами к другу нести его опять туда же, где его так умучили, он показал, что в его духе было тоже, что у Спасителя, когда Он, по молитве в саду, сказал ученикам: идем; се приближися предай Мя! — За этим тотчас следовало его удаление в дальнейшую пустыню и двадцатилетнее в ней пребывание в безмолвии, — как его распятие и субботствование — в духе.

Лишь только оправился св. Антоний от страданий, причиненных бесами, как устремился в пустыню за два, или за три дня пути от жилых мест, — и там заключился в старом заброшенном капище, в котором был колодец в водою, а хлеб доставлял ему по полугоду друг его. Какие нес он здесь труды и подвиги, и что с ним было — никто не видел. Но судя по тому, каким он вышел из затвора, должно заключить, что это было время созидания его духа Духом Святым. Здесь тоже происходило, что происходит с гусеницею, когда она завертывается в куколку. Никто не видит, что с ней делается в эту пору: она будто замерла. Но между тем всеоживляющая сила природы действует в ней, — и в свое время из куколочки вылетает прекрасный разноцветный мотылек. Так и в св. Антоние. Никто не видел: что с ним; но Дух Божий ни для кого незримо, неведомо большею частию и для самага Антония, созидал в нем новаго человека, по образу Создавшего его. Когда кончилось время созидания, ему повелено было выдти на служение верующим. И он вышел, облеченный разнообразными благодатными дарами Св. Духа. Как Христос воста от мертвых в славе Отчей, так св. Антоний исшел теперь в обновленной духом жизни.

Этим кончилось образование духа св. Антония. Вся последующая затем жизнь его была не что иное, как плодоприношение от того, что посеяно в первые два периода его жизни. Это — третий, время служения во благо Церкви, — как будто Апостольство его. — Сколь многоплодно и широко было это служение, всякий увидеть может из описания жизни его св. Афанасием. Он служил всеми дарами благодатными. А каких у него не было? — Был дар чудотворений, дар власти над бесами, над силами природы и над животными, дар прозрения мыслей, дар видения происходившаго вдали, дар откровений и видений. Но из всех даров самый многоплодный и обширный по приложению был дар слова. — И им—то послужил он меньшей братии своей паче всех других даров.

Св. Афанасий пишет, что Бог дал св. Антонию слово сильное, проходящее до глубин сердечных. И он умел с такою силою говорить на пользу каждому, что многие из людей знатных, — военных и гражданских, люди с большим достатком, слагали с себя тяготы житейския и делались монахами. Да и кто, приходя к нему печальным, возвращался необвеселенным? Кто, приходя к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, приходя гневным, не переменял гнева на кротость? Какой монах, впадавший в нерадение, побывавши у него, не делался снова ревностным и крепким в подвигах? Какой юноша, увидев св. Антония и послушав его, не отрекался от утех, и не начинал любить целомудрие? Сколько дев, имевших уже женихов, издали только повидав св. Антония, перешло в чин невест Христовых?

Из этого свидетельства видно, что св. Антоний не закрывал источника своего Богодарованного ведения. Да и приходили к нему преимущественно затем, чтобы послушать, принять слово истины и найти себе должное руководство. И он всех, по Апостолу, научал, обличал, умолял. Иногда обильным потоком изливалось слово его, как то, которое сохранил в его жизнеописании св. Афанасий; иногда говорил он менее пространная речи, как его 20 кратких слов; но более ограничивался он краткими изречениями, полными смысла и силы. Эти краткия изречения в неисчетном множестве переходили потом из уст в уста, составляя как бы ходящий устав подвижничества, и вошли наконец в сборники отеческих достопамятностей. Иногда св. Антоний писал и послания к детям своим духовным, инокам разных обителей, в которых то изображал общия черты жизни о Христе Иисусе, то врачевал частныя немощи братий.

Все, исшедшее из уст св. Антония и преданное письмени, и все им писанное доставит богатую пищу душе, ищущей назиданий. Дошли до нас, кроме пространного слова, в жизнеописании помещенного, 20 посланий к инокам, 20 кратких слов о добродетелях и пороках, 170 глав о доброй нравственности, его правило для монахов с двумя к нему прибавлениями, и множество его изречений и сказаний о нем, всегда назидательных и поучительных, разбросанных в разных отечниках.

Послания и слова его в русском переводе помещены в первых годах Христианскаго Чтения, — главы входят в состав Добротолубия, изречения и сказания составляют первую статью Достопамятных Сказаний. В подлиннике все это можно найти и читать в *Patrologiae graecae*, t. 40 — Migne, откуда и переведено все, помещаемое в настоящем сборнике.

Здесь предлагаются вниманию любителей такого чтения:

1. Извлечения из посланий и слов. В них 1—15 пункты взяты из жизнеописания св. Антония св. Афанасием. Наставления 16—68 извлечены из писем св. Отца. Наставления 69—82 извлечены из его 20-ти слов к монахам.
2. 170 глав о доброй нравственности.
3. Устав отшельнической жизни. В 40 т. «*Patrologiae graecae*» Migne, на стр. 1065, помещены *Præcepta Antonii* в 80 пунктах. За ними стоят еще его же: «*Spiritualia documenta regulis adjuncta*», и «*Admonitiones et documenta varia*», то и другое, очевидно, как дополнение к предыдущему правилу. Как все изречения, содержащиеся под сими заглавиями, одного суть рода, и по содержанию и по образу речи, то оне сводятся здесь воедино и размещаются под особыми рубриками, следуя естественному ходу отшельнической жизни, под заглавием, устав отшельнической жизни.
4. Изречения св. Антония Великаго и сказания о нем. Такие изречения в большом числе помещены в *Достопам. Сказаниях*; но кроме этих есть другия, которыя приводятся в том же томе 40-м *Patr. graec.*

и в нашем Алфавитном Патерике; иные еще приводятся Кассианом; есть несколько в разных статьях отеческих сборников. Вместо того, чтобы ставить их как какия пришлось где найти, здесь они размещаются в некотором порядке, подобно предыдущим правилам. Начало полагается сказаниями, относящимися к движению из мира, коим начинается подвижничество, а потом идут и все прочия изречения и сказания по порядку отшельнической жизни.

5. Вопросы учеников и ответы старца о некоторых изречениях св. Антония Великаго.

Наставления святого Антония Великаго.

1. Наставления св. отца нашего Антония Великаго о жизни во Христе, извлеченныя из слова его в жизнеописании св. Афанасия, из его 20 посланий и 20 слов.

1. Да будет общею всем такая преимущественно забота, чтоб, начавши, не ослабевать и не унывать в трудах, и не говорить: — долго уже времени пребываем мы в подвиге; но лучше, как бы начиная каждый день, будем приумножать ревность свою. Целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущими веками, и все наше — ничто пред жизнью вечною, так что, тогда как в мире всякая вещь продается по стоимости, и всякий выменивает равное на равное, — обетование жизни вечной покупается за малость некую. Ибо написано: дние лет наших в них же семьдесят лет, аще же в силах осмьдесят лет и множае их труд и болезнь (Пс. 89, 10). Итак, если и все восемьдесят, или даже сто лет пребудем мы в подвиге, то не равное ста годам время будем царствовать, но вместо ста лет, будем царствовать во веки веков; притом, подвизавшись на земле, наследие получить не на земле, но на небесах имеем мы обетование; и еще — сложив тело тленным, — мы восприимем его нетленным. Не будем же унывать, и не будем думать, будто долго пребыли мы (в подвиге), или сделали что великое; ибо недостойны страсти нынешняго времени, к хотящей славе явится в нас (Римл. 8, 18).

2. Так же, взирая на мир, не будем думать, будто отреклись мы от великаго чего, ибо и вся эта земля очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы и над всею землею были мы господами и отреклись от всей земли, то и в этом опять не было бы ничего, равноценнаго царству небесному. Ибо как тот, кто бросает одну драхму меди, чтоб приобрести сто драхм золота, так и тот, кто, будучи господином всей земли, отрекается от ней, оставляет не много, а получает во сто крат более. Если же вся земля не равноценна небесам, то оставляющий несколько десятин, как бы ничего не оставляет. Хотя бы оставил он при том и дом и много золота, и тогда не должен хвалиться, или малодушествовать. С другой стороны надо подумать, что если-бы не оставили мы (что имеем) ради добродетели, всячески после, умирая, оставили бы то, как и оставляем часто даже тем, кому не хотели бы, как упомянул о сем еще Екклезиаст (Еккл. 4, 8). Почему же не оставить нам сего ради добродетели, чтоб наследовать за то царство (небесное)?

3. По сей же причине никто из нас не должен питать в себе желание приобретать. Ибо какая выгода приобретать то, чего не возьмем с собою. Почему не приобретать нам лучше то, что и с собою взять можем, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, разсудительность, любовь, нищелюбие, веру во Христа, безгневие, страннолюбие? Приобретши сии (добродетели), мы найдем их впереди себя там, приготовляющими нам пристанище на земле кротких.

4. Такими-то мыслями да убеждает себя каждый не малодушествовать, наипаче же, если разсудит при том, что он есть раб Господень, и обязан работать своему Владыке. Как раб не осмелится сказать: поелику работал я вчера, то ныне не стану работать, — и вычисляя протекшее время (труда)

неперестает (он трудиться) в последующие дни, но каждый день, как написано в Евангелии, оказывает ту же ревность, чтоб угодить своему господину и не попасть в беду: так и мы будем каждый день с терпением пребывать в подвиге, зная, что если один день проведем в нерадении, (Господь) не простит нам того, ради (труда) в прошедшее время, но прогневается на нас за сие нерадение. Так и у Иезекииля слышали мы (18, 26): егда совершится праведник от правды своя, и сотворит грех и умрет, — в преступлении, еже сотвори, в том умрет. Так и Иуда в одну ночь погубил труд всего протекшаго времени.

5. Итак, возьмемся за подвиги, и не будем унывать. Ибо в этом имеем мы содействователем и Господа, как написано: всякому избравшему благое, Бог содействует во благое (Римл. 8, 28). Для этого же, т. — е. чтоб нам не малодушествовать, хорошо содержать в мысли и следующее изречение Апостола: по вся дни умираю (1 Кор. 15, 31). Ибо если мы станем жить, как умирающие каждый день, то не согрешим. Изречение же сие означает вот что, — чтоб мы, каждый день пробуждаясь, думали, что не проживем до вечера, и опять, намереваясь ложиться спать, думали, что не пробудимся; потому что и по естеству не известен предел жизни нашей, не известно и то, какую меру полагает ей каждодневно Провидение. Так расположившись, и каждый день живя так, мы не будем — ни грешить, ни иметь похоти к чему-либо, ни воспламеняться гневом на кого, ни собирать себе сокровища на земле; но, как ожидающие каждый день смерти, будем нестяжательны и всем все будем прощать; похотения же жены, или другаго какого нечистаго удовольствия, ни на одно мгновение не будем удерживать в себе, — но тотчас будем отвращаться от него, как от чего-то мимоходящаго, пребывая всегда в (предсмертном) как-бы борении и прозревая день суда. Ибо сильный страх и опасение мук уничтожает приятность удовольствия и возстановляет клонящуюся к падению душу.

6. Итак, начавши (дело спасения) и вступивши уже на путь добродетели, будем наиболее простираться в предняя, так чтобы достигнуть (Фил. 3, 14). И никто да не обращается вспять, подобно жене Лотовой, потому особенно, что Господь сказал: никто же возлож руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в царствие небесное (Лук. 9, 62). Обратиться же вспять, не иное что значит, как раскаяться (что оставили мир), и начать опять мирская мудрствовать.

7. Не устрашайтесь слыша о добродетели и не чудитесь о имени сем. Ибо не далеко от нас, и не вне нас, а в нас есть дело сие; и оно удобно, если только захотим. Еллины отправляются в чужие края и переплывают море, чтоб изучать науки; а нам нет нужды отправляться в чужие края, царствия ради небеснаго, ни переплывать моря ради добродетели: ибо Господь предотвратил это, сказав: царствие небесное внутри вас есть (Лук. 17, 21). Поэтому для добродетели нужно только то, чтоб мы ее захотели, так как она в нас есть и из нас образуется. Ибо коль скоро душа разумная находится в естественном своем чине, то в то же время в нас есть и добродетель. (Душа) находится в естественном своем чине, когда пребывает такою, какою сотворена: сотворена же она весьма доброю и правою. Почему Иисус Навин, давая заповеди, и говорил народу: исправите сердца ваша ко Господу Богу Израилеву (Иис. Нав. 24, 23); а Иоанн: правы творите стези (Матф. 3, 3). Правою же душа бывает, когда разумность ея находится в естественном своем чине. Когда же она уклоняется инуды и низвращает чин, требуемый естеством, тогда это называется злом в душе. Итак, — незатруднительное это дело (добродетели); ибо если мы пребываем так, как созданы, то находимся в добродетельном состоянии; а если замышляем худое, то нас справедливо называют злыми. Еслиб со

вне надлежало заимствовать сие дело (добродетели), то конечно оно было бы затруднительно; но если она в нас есть, то будем только хранить себя от худых помыслов, и соблюдать душу свою Господу, как принятый от Него залог, чтоб Он признал ее творением Своим, увидев, что она такова, какую Он ее создал.

8. Будем бороться (с собою), чтоб не тиранствовал над нами гнев и не властвовала похоть; ибо написано: гнев мужа правды Божией не соделывает. И: похоть заченши раждает грех, грех же содеян, раждает смерть (Иак. 1. 20. 15). Но ведя такую жизнь, будем крепко трезвиться, и, как написано: всяким хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23). — Ибо имеем страшных и вселукавых врагов, злых демонов.

9. И с ними—то у нас брань, как сказал св. Апостол: несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12). Великая их толпа в окружающем нас воздухе, и они не далеко от нас. Великая также есть между ними разность. Но о естестве их и различии слово было бы очень продолжительно, и при том говорить о сем более прилично тем, кои выше нас, чем нам. Нам же ныне нетерпящая отлагательства настоща нужда узнать только их против нас козни.

10. Итак, во—первых, знаем, что демоны не в таком созданы состоянии, из—за котораго называются демонами. Ибо Бог не сотворил ничего злаго. Добрыми созданы и они; но ниспадши от небеснаго мудрования, и вращаясь уже около земли, Еллинов прельстили привидениями, нам же христианам завидуя, все приводят в движение, в желании воспрепятствовать нашему восхождению на небеса, чтоб не взошли мы туда, откуда они ниспали. Посему потребно и молиться много и подвизаться, чтобы прияв от Духа дарование разсуждения духовом (1 Кор. 12. 10), можно было узнать касательно их, какие из них меньше злы, и какие больше, о каком деле каждый из них имеет заботу и как каждаго из них можно низлагать и изгонять. Ибо много у них козней и много изворотов их наветливости. — Блаженный Апостол и последователи его знали сие, говоря: — не неразумеваем бо умышлений его (2 Кор. 2, 11). — Мы же в чем были от них искушены, в том должны взаимно друг друга предостерегать. — Вот и я, сам отчасти испытавши (их козни), говорю вам о том, как детям.

11. Они коль скоро увидят и всякаго христианина, а тем паче монаха, пребывающими в труде и преуспевающими, то первее всего покушаются и пытаются положить на пути соблазны: — соблазны же их суть злые помыслы. — Но нам не должно бояться этих внушений их; потому что молитвами, постами и верою в Господа враги тотчас низлагаются. Впрочем, и будучи низложены, они не успокоиваются, но тотчас опять приступают с коварством и хитростию. Когда не возмогут обольстить сердце явно нечистыми пожеланиями, то иным опять образом нападают, именно: устраивают разныя привидения, чтоб устрашить; для чего претворяются в разные виды и принимают на себя образы: жен, зверей, пресмыкающихся, великанов и множества воинов. Но и таких привидений не должно бояться; потому что они ничто — и тотчас исчезают, коль—скоро кто оградит себя верою и знамением креста. — Впрочем они дерзки и крайне безстыдны. — Почему, если и в этом бывають побеждены, то нападают иным еще образом: — принимают на себя вид прорицателей и предсказывают, что будет спустя несколько дней; также показывают себя высокими, чтоб кого не могли прельстить помыслами, уловить хотя такими привидениями. Но не будем слушать демонов, как чуждых нам; не станем слушаться их, хотя бы они возбуждали нас на молитву, хотя бы говорили о постах; а будем внимательнее смотреть на цель нашего подвижничества, — и не будем обольщены

ими, делающими все с лукавством. — Бояться же их не должно, хотя бы казались они наступающими на нас, хотя бы угрожали смертью; потому что они немощны, и ничего более сделать не могут, как только угрожать.

12. Все попечение надобно прилагать более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душе и искать ей пользы, чтоб не увлекалась она телесными сладостями, но паче себе поработала тело. Сие—то и значит сказанное Спасителем: Не пецтытесь душею вашею, что ясте, ни телом, во что облечетесь (Матф. 6, 25). — И вы не ищите, что ясте, или что пиете: и не возноситея. Всех бо сих языцы мира сего ищут: ваш же Отец весть, яко требуете сих. Обаче ищите прежде всего царствия Его и сия вся приложатся вам (Лук. 12, 29—31).

13. Веруй в Господа и люби Его; храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий, и как написано в притчах — не прельщайся насыщением чрева (Притч. 24, 15); бегай тщеславия, молись непрестанно, пой псалмы пред сном и после сна; изучай заповеди, данная тебе в Писании, содержи в памяти деяния святых, чтоб памятующая заповеди душа твоя ревность святых имела для себя образцом. Особенно старайся исполнять Апостольское наставление: солнце да не зайдет во гневем вашем (Еф. 4, 26), — и думай, что это сказано вообще относительно ко всякой заповеди, чтоб не заходило солнце не только во гневем, но и в другом грехе нашем. Ибо хорошо и необходимо, чтобы не осуждали нас, ни солнце за дневный проступок, ни луна за ночной грех и даже за худое помышление.

14. Чтоб соблюсти себя от этого, — хорошо выслушать и сохранять Апостольское слово: себе искушайте (2 Кор. 13, 5). Поэтому, пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и ночных своих поступках. И если согрешил, да перестанет грешить; если не согрешил, да не хвалится тем, но да пребывает в добре, и не предается нерадению, — и ближняго не осуждая, и себя не почитая праведным, дондеже придет Господь (1 Кор. 4, 5), испытующий тайное. — Не редко и от нас самих бывает сокрыто, что делаем мы. Но хотя не ведаем сего мы; но Господь видит все. — Посему суд предоставя Господу, будем сострадательны друг к другу, станем носить тяготы друг друга (Гал. 6, 2), и истязывать самих себя, и в чем мы недостаточны, постараемся то восполнять.

15. К ограждению себя от греха будем соблюдать еще следующее. Пусть каждый из вас замечает и записывает свои поступки и душевныя движения как бы с намерением сообщить это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что—либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает чтоб это видели? Иди кто согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так если будем записывать свои помыслы, с намерением сообщить их друг другу, легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности. — Итак записывание да заменит для нас очи наших сподвижников, чтобы, чувствуя при записывании такой же стыд, какой чувствуем, когда смотрят на нас, и в мысли мы не держали чего—либо худого. Если так будем образовывать себя, то придем в состояние поработать тело свое, угождать Господу и попирашь козни врага.

16. Думаю, что благодать Духа Божия скорее исполняет тех, кои от всего сердца вступают в подвиг, и с самага начала определяют себе стоять и ни за что не уступать места врагу, ни в какой брани, пока не победят его. Впрочем Дух Святыи, призвавший их, сначала все делает для них удобным, чтоб усладить таким образом вступление в подвиг покаяния, а потом показывает им пути его во всей истине (притрудности). — Помогая им во всем, Он печатлеет в них, какие несть труды покаяния, и

полагает им пределы и образ, как в отношении к телу, так и в отношении к душе, пока не приведет их к совершеннейшему обращению к Богу, Творцу своему. — Для этого, Он постоянно возбуждает их к тому, чтобы приутруждать и тело свое и душу, дабы то и другое равно освятившись, равно соделались достойными и наследия жизни вечной: (приутруждать) тело — постоянным постом, трудом и частыми бдениями, а душу — духовными упражнениями и тщанием во всех служениях (и послушаниях), совершаемых чрез тело. Об этом (чтоб ничего не делать небрежно, а все со тщанием и страхом Божиим) надобно стараться при всяком телесно совершаемом деле, если желаем, чтоб оно было плодоносно.

17. Изводя на подвиг кающегося, Дух Божий, призвавший его к покаянию, подает ему и Свои утешения и научает его не возвращаться вспять и не прилепляться ни к чему из вещей мира сего. — Для этого Он открывает очи души и дает ей узреть красоту чистоты, достигаемой трудами покаяния, и чрез то возгревает в ней рвение к совершенному очищению себя вместе с телом, так чтобы оба стали одно по чистоте. — Ибо в этом цель обучающего руководства Духа Святаго, чтоб очистить их совершенно и возвесть их в то первобытное состояние, в котором находились они до падения, истребив в них все, примешанное завистию диаволею, так чтоб не оставалось в них ничего вражеского. — Тогда тело станет во всем покорствовать велениям ума, который будет властно определять его в пище и питии, и сне и во всяком другом действии, постоянно научаясь от Духа Святаго, по примеру св. Апостола Павла, умерщвлять тело свое и поработать (1 Кор. 9, 27).

18. Не безызвестно, что в теле бывают троякого рода плотския движения. — Первое есть движение естественное, прирожденное ему, которое однакож ничего не производит (греховнаго, совесть тяготящаго), — без согласия души, а только дает ощущать, что оно есть в теле. — Другое движение в теле происходит от слишком обильнаго питания тела пищею и питием, когда рождающийся от этого жар крови поднимает в теле брань против души и склоняет ее к нечистым похотям. — Потому—то и говорит Апостол: не упивайтесь вином, в немже есть блуд. Равно и Господь заповедует ученикам Своим в Евангелии: внемлите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством (Лук. 21, 34). Те же, кои возревновали достигнуть полной меры святости и чистоты, в иноческом чине, особенно должны всегда так себя держать, чтоб можно было говорить со Апостолом: умерщвляю тело мое и поработаю (1 Кор. 9, 27). Третье движение бывает от злых духов, которые по зависти искушают этим и покушаются расслабить взыскавших чистоты (иноков уже), или уклонить с пути хотящих войти в дверь чистоты, (т. — е. еще только вступить в иночество).

19. Впрочем, если человек вооружится терпением и неуклонною верностию заповедям, кои от Бога, то Дух Святой научит его ум, как очистить душу и тело от таких движений. Если же он расслабнет когда чувством и попустит в себе небрежение о слышанных им заповедях и повелениях, то духи злые начнут одолевать его, насыдут на весь состав тела и станут сквернить его тем движением до того, что измученная душа не будет знать куда деваться, не видя в отчаянии, откуда бы пришла к ней какая—либо помощь; и только после того, как она, отрезвившись, станет снова на сторону заповедей, и, восприявши их иго (или сознавши силу обязательства), предаст себя Духу Божию, снова исполняется она спасительным настроением. Тогда—то уразумеваает она, что покоя должна она искать единственно в Боге, и что только таким образом возможен для ней мир.

20. Необходимо — согласно и равно нести труды покаяния и душею и телом, стремясь к совершенной чистоте. И когда ум сподобится такой благодати, чтоб без саможаления и поблажки

вступить в борьбу со страстями, тогда ему присущи внушения, указания и подкрепления Духа, помощью которых он успешно начинает отражать от души все нечистые приращения, исходящие от похотей сердца. Дух сей, сочетавшись с умом (или духом человека), ради решимости строго исполнять узнанные заповеди, направляет его к тому, чтоб отгонять от души все страсти, как примешивающиеся к ней со стороны тела, так равно и ее собственные, кои есть в ней независимо от тела. Он научает его держать в порядке тело — все, с головы до ног: глаза, чтоб смотрели с чистотою; уши, чтоб слушали в мире (или мирное) и не услаждались наговорами, пересудами и поношениями; — язык, — чтоб говорил только благое, взвешивая каждое слово, и не допуская, чтоб в речь вмешалось что-либо нечистое и страстное; руки, чтоб были приводимы прежде в движение только на воздеяние в молитвах и на дела милосердия и щедродательности; чрево, — чтоб держалось в должных пределах в употреблении пищи и пития, сколько нужно только для поддержания тела, не попуская похотению и сластолюбию увлекать себя за эту меру; ноги, — чтоб ступали право и ходили по воле Божией, направляясь к служению добрым делам. Таким образом тело все навыкает всякому добру, и изменяется, подчиняясь власти Св. Духа, так что наконец становится в некоторой мере причастным тех свойств духовного тела, какия имеет оно подучить в воскресение праведных.

21. Душа имеет, как сказано, свои собственные страсти, кои суть: — гордость, ненависть, зависть, гнев, уныние и другия подобныя. Когда душа предает себя Богу всюю силою своею, тогда Всещедрый Бог подает ей дух истинного покаяния, и очищает ее от всех сих страстей, научая ее не следовать им, и давая силу преодолевать их и препобеждать врагов, которые не перестают полагать ей препоны, стараясь посредством искушений снова похитить ее себе. И если она пребудет твердою в своем обращении и в добром повиновении Духу Святому, научающему ее покаянию, то милосердый Творец сжалится над нею, трудов ради ея, со всякою теснотою и нуждою подъемлемых — в постах долгих, бдениях частых, в поучениях в Слове Божиим, в непрестанной молитве, в отречении от всех мирских утех, в услужении всем от чистаго сердца, в смирении и нищете духом, — если пребудет твердою во всем этом, Всещедрый, милостивым призывом на нее оком, избавит ее от всех искушений и исторгнет из рук врагов милостию Своею.

22. Бог Отец, по благодати Своей, не пощадил (Римл. 8, 32) Сына Своего Единородного, но предал Его для избавления нас от грехов и неправд наших. И Сын Божий, смилив Себя ради нас, исцелил нас от душевных болезней наших и устроил нам спасение от грехов наших. Прошу же вас, именем Господа нашего Иисуса Христа, — знать и в мыслях всегда содержать это великое устройство Божие, т. — е. что Бог — Слово, ради нас, во всем уподобился нам, кроме греха. Прилично же тем, кои одарены разумом, знать сие разумно, возревновав о том, чтоб самым делом стать свободными (от грехов), силою пришествия Господа к нам. Те, кои воспользовались, как должно, сим устройением, суть рабы Его. Но это звание еще не есть совершенство. Совершенство вводит в сыновство, — и есть освящение, приходящее в свое время. Так, когда Господь наш Иисус Христос, увидев, что ученики Его подошли уже к сыновству, и Его Самого познали, быв научены Духом Святым, сказал им — Я не называю уже вас рабами, но друзьями и братьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца (Иоан. 15, 15). И те, которые познали, чем стали они во Христе Иисусе, возвысили такие гласы, говоря: — не приняли мы духа работы в боязнь, но Духа сыноположения, о Коем вопием: Авва Отче (Римл. 8, 15). Кто же не явит полной и усердной готовности возстать (от греха), тот пусть знает, что пришествие Господа Избавителя будет ему в осуждение. Почему еще вначале Симеон воспел: се

лежит Сей на падение и возстание многим во Израили, и в знамение пререкаемо (Лук. 2, 34). А потом и Апостолы провозгласили: мы есмы овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот (2 Кор. 2, 16).

23. Не безызвестно вам, что враги истины непрестанно усиливаются уничтожить истину. Бог же во всякое время посещал тварь Свою, от самага начала создания мира, и тех, которые приступали к Создателю своему от всего сердца своего, научал, как должно Его почитать. Но когда, по страстности плоти и злобе врагов, борющихся нас, добрыя стремления души потеряли силу, и люди не могли даже постигнуть того, что свойственно им по их естеству и назначению, а не только избавить себя от грехов, чтоб возвесть себя в первобытное состояние: тогда Бог сотворил с ними милость и научил их истинному Богопочтению чрез закон писанный. Когда же и это не помогло, тогда Бог, видя, что рана расширяется и требует решительнаго врачевства, определил послать Сына Своего Единороднаго, Который и есть единственный Врач наш.

24. Побеждаемый любовию к Иисусу Христу, я, смотря на наше время, испытываю то радость, то сетование и плач. Очень многие в роде нашем облеклись в одежду благочестия (иноческую). Но из них некоторые только сделали это от всего сердца и сподобились получить принесенное пришествием Господа Иисуса избавление. И это суть те, о которых я радуюсь. Иные же, презревши силу (своего обета), действуют по воле плоти и склонностям сердца своего, — чрез что пришествие Господа стало им в обличение. И это суть те, о которых я сетую. Иные, наконец, помышляя о долготе времени подвига, упали духом; почему сбросили с себя одежду благочестия, и стали как бы безсловесными. И это суть те, о которых я плачу, — так как пришествие Господа нашего Иисуса Христа стало им в осуждение.

25. Я всеми силами молюсь о вас к Богу, чтобы Он вверг в сердца ваши огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел вверещи на землю (Лук. 12, 49), да возможете право править вашими намерениями и чувствами, и отличать добро от зла.

26. В то время, когда ветер дует ровно, всякий мореплаватель может высоко думать о себе и похвастать собою; но только при внезапной перемене ветров, открывается искусство опытных кормчих.

27. Кто боится Господа и соблюдает Его заповеди, тот есть раб Богу. Но это рабство, в котором и мы находимся, не есть рабство, но праведность, ведущая к сыновству. Господь наш избрал Апостолов и вверил им благовестие Евангелия. Данныя ими заповеди установили для нас прекрасное рабство, чтоб мы господствовали над всеми страстями и совершали прекрасное служение добродетели. Но когда мы приступим ближе к благодати, Господь наш Иисус Христос скажет и нам, как сказал Апостолам Своим: Я уже не называю вас рабами, но друзьями Моими и братьями: потому что все, что слышал от Отца Моего, сказал вам (Иоан. 15, 15). Приступившие к благодати опытно познают движения Духа Святаго и свое уразумевают духовное устройство; уразумевши же и познавши это, взывают, говоря: неприяхом духа работы в боязнь, но Духа сыноположения, о Немже вопием: Авва Отче! (Римл. 8, 15).

28. Бог всех руководит действиями Своей благодати. Почему, не ленитесь и не унывайте, взывая к Богу день и ночь, чтоб умолить благость Бога Отца, ниспослать вам помощь свыше к познанию того, как вам поступать. Не давайте сна очам вашим и веждам вашим дремания (Псал. 131, 4), ревнуйтесь принести самих себя Богу в жертву чистую, чтоб узреть Его: ибо без чистоты никто не может узреть

Бога (Евр. 12, 14), как говорит Апостол.

29. Все святые, когда видят, что мы ленимся и нерадим, — скорбят, плачут и сетуют; когда же видят, что мы становимся исправными и возрастаем в совершенстве, — радуются, и в радости и веселии непрестанно многия изливают о нас к Создателю молитвы. И Господь тогда утешается добрыми делами нашими, равно как свидетельствами и молитвами святых, — и ущедряет нас всякими дарами.

30. Кто от всего сердца не возымеет ненависти к тому, что свойственно вещественной и земной плоти, и ко всем ее движениям и действиям, — и ума своего не восторгнет горе к Отцу всех, тот не может получить спасения. Кто же сделает это, над трудами того умилосердится Господь наш, и дарует ему невидимый и невещественный огонь, который поглотит все находящиеся в нем страсти и совершенно очистит ум его. Тогда возобитает в нем Дух Господа нашего Иисуса Христа, и пребудет с ним, научая его поклонению Отцу достодолжному. Но пока мы соуслаждаемся вещественной плоти своей, дотоле врагами бываем Богу и Ангелам Его и всем святым. Умоляю же вас именем Господа нашего Иисуса Христа, не нерадите о жизни вашей и спасении вашем, и не попустите этому времени мгновенному похитить у вас вечности, которой конца нет, и этому телу плотному лишить вас царства светов, безпредельного и неизглаголанного. Истинно смущается душа моя и дух мой цепенеет от того, что когда нам свобода дана чтоб избирать и делать дела святых, мы, опьяневши страстьми, подобно пьяным от вина, не хотим умов своих воздвигнуть горе и взыскать вышней славы, не хотим подражать деяниям святых, или последовать стопам их, чтоб, сделавшись наследниками дел их, получить вместе с ними и наследие вечное.

31. Великаго сподобились мы блага, получив благодать, которая в вас есть. Должно однакож вам неленостно подвизаться о имени Того, Который есть посетивший вас Восток с высоты (Лук. 1, 78), да соделаетесь Ему жертвою святою и непорочною. Мы знаем, как пала природа наша с своей высоты в глубину унижения и бедности, и как посещал ее милосердый Бог Своими законами чрез руки Моисея и прочих Пророков; в последнее же время сделал это чрез Единороднаго Сына Своего, Который есть верховный Начальник наших первосвященников, и истинный Врач наш, Единый сильный исцелить болезни наши, и Который облекся в тело наше, и предал Себя Самого за нас и за грехи наши; Его смертью мы спасены. Вникайте же и прилежно рассматривайте распоряжения Творца нашего и Его посещения нас, по внешнему и внутреннему человеку, после того, как мы, будучи разумны, сделались неразумными за свое склонение на волю врага, злодея, отца лжи.

32. Сколько мириад злых бесов, и сколь безчисленны виды козней их! Они и после того как увидели, что мы, пришедши в познание своих страстей и своего посрамления, стараемся уже избегать злых дел, на которыхы они нас наводят, и уха своего не склоняем к злым советам, которые они нам внушают, — не отстали, но приступили к делу с отчаянным усилием, зная, что участь их уже окончательно решена и что наследие их есть ад, за их крайнюю злобу и отвращение (от Бога). Да откроет Господь очи сердец ваших, чтоб вы видели, сколь многочисленны козни демонов и как много зла причиняют они нам каждый день, — и да дарует вам сердце бодренное и дух разсуждения, чтоб вы могли принести самих себя Богу в жертву живую и непорочную, остерегаясь зависти демонов во всякое время и их злых советов, их скрытных козней и прикровенной злобы, их обманчивой лжи и помышлений хульных, их тонких внушений, которыхы влагают они каждый день в сердце, гнева и клеветы, на которые подушают они нас, чтоб мы друг на друга клеветали, себя самих только оправдывая, других же осуждая, чтоб злословили друг друга, или сладким говоря языком,

скрывали в сердцах наших горечь, чтоб осуждали внешность ближнего, внутри самих себя имея хищника, чтоб спорили между собою, и шли наперекор друг другу, в желании поставить на своем и показаться честнейшими. Всякий человек, который услаждается греховными помыслами, падает произвольно, когда рад бывает (сочувствует) тому, что в него влагаемо бывает от врагов и когда думает оправдать себя только видимо совершаемыми делами, будучи внутри жилищем злого духа, который научает его всякому злу. Тело такого наполнится постыдными срамотами; — ибо кто таков, тем овладевают страсти демонския, которых он не отгоняет от себя. Демоны не суть видимыя тела; но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темныя; ибо, принявши сии помышления, мы принимаем самих демонов, и явными их делаем в теле.

33. Природа умная и бессмертная сокрыта в тленном теле нашем для того, чтобы в нем и чрез него, обнаруживать свои действия. Итак, сделав тело это — алтарем кадильным, приносите на него все помышления ваши и худые советы ваши, и поставя их пред лицом Господа, возноситесь к нему сердцем и умом, умоляя его, да ниспослет Он вам свыше Свой невещественный огонь, который бы попалил все, находящееся на алтаре сем и очистил то. И убоятся противники ваши, священники вааловы, и погибнут от рук ваших, как от рук Илии Пророка (3 Цар. 18, 25 и д.). Тогда узрите вы человека, исходящего из вод Божественных, который сделает, — чтоб одождил на вас дождь духовный, то—есть орошение Духа Утешителя.

34. Дьявол, ниспавший из своего небеснаго чина за гордость непрестанно, усиливается увлечь в падение и всех тех, кои от всего сердца желают приступить к Господу, — тем же самым путем, каким и сам ниспал, т. — е. гордостью и любовью к суетной славе. Этим—то борют нас демоны, этим—то и другим подобным думают они отдалить нас от Бога. Сверх того, зная, что любящий брата своего, любит и Бога, они влагают в сердца наши ненависть друг к другу, — до того, что иной видеть не может брата своего, или сказать с ним слово. Многие истинно великие подъяли труды в добродетели, но по неразумению своему сгубили себя. Этому не дивно быть и между вами, если, напр., охладевши к деланию, вы будете думать, что обладаете в себе добродетелями. Ибо вот уже вы и ниспали в эту болезнь дьявольскую (самоуверенность), думая, что близки к Богу и пребываете во свете, тогда как в самом деле находитесь во тьме. Что побудило Господа нашего Иисуса Христа сложить одежды Свои, препоясать чресла Свои лентием, и, вливши воду в умывальницу (Иоан. 13, 4 и д.), умыть ноги тех, которые ниже Его, если не то, чтоб научить нас смирению? Да, — его Он изобразил нам примером того, что сделал тогда. И точно, все хотящие быть принятыми в первый чин, не иначе могут этого достигнуть, как смирением; так как в начале то, что свергло с неба, было движение гордости. Итак, если не будет в человеке крайняго смирения, смирения всем сердцем, всем умом, всем духом, всею душою и телом, — то он царствия Божия не наследит.

35. Если желаем искренно приступить к Создателю нашему, то необходимо нам подвизаться об освобождении душ наших от страстей, по духовному закону. Ибо от наших злых дел, от услаждения страстями, от множества дьявольских искушений ослабела наша умная сила, и замерли добрыя движения душ наших; мы не можем уже познать красоту (и требования) нашей духовной природы, по причине страстей, в которыя впадаем; и нет нам ни от кого спасения, кроме Господа нашего Иисуса Христа, как написано у Апостола Павла, что как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут (1 Кор. 15, 22). Господь наш Иисус Христос есть жизнь всех разумных тварей, созданных по подобию образа Его.

36. Мы названы именами святых и облечены в одежду их, которою хвалимся пред неверными; — подражать же делам их не имеем усердия. Боюсь, как бы не шло к нам сказанное Апостолом: имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися (2 Тим. 3, 5). Да даст вам Господь уразуметь, что есть воспринятая вами жизнь, чтоб действуя в духе ея, вы достойными соделались невидимое получить наследие; делать, сколько сил есть у нас, свои дела сообразно с волею Господа, — вот что должны мы! потому что это свойственно природе нашей, и кроме этого ничего большего не должно требовать от добродетели нашей. — Кто служит Богу и ищет Его от всего сердца своего, тот действует сообразно с своею природою; а кто делает какой грех, тот достоин порицания и наказания, потому что это чуждо его природе.

37. С тех пор, как Господь мой благодатию Своею пробудил ум мой от смертного усыпления, чрезмерный был у меня плач и вздыхание неутешное. Думаю я сам с собою, что дадим мы Господу за все, что Он сделал для нас? Ангелов Своих заставил Он служить нам, Пророков — пророчествовать, Апостолов — Евангелие возвестить. Но что больше всего этого, — Сына Своего Единородного послал во спасение наше. Возбуждайте же сердца ваши к страху Божию. Ведайте, что Иоанн Креститель и Предтеча крестил водою в покаяние для приготовления к крещению Господа нашего Иисуса Христа, крестящаго Духом Святым и огнем, который есть огонь ревности о добрых делах. Явим же усердную готовность к очищению себя в теле и духе и, приняв крещение Господа нашего Иисуса Христа, будем ревнителями добрых дел, чтобы принести себя самих Ему в жертву приятную. Дух Утешитель, приемлемый в крещении, дает нам силу действовать свято, чтоб опять возвесть нас в первое славное состояние и сделать достойными получить вечно пребывающее наследие. Ведайте, что которые во Христа крестятся, во Христа облачаются, как говорит Апостол (Гал. 3, 27. 28), — получая благодать Св. Духа. Притом как у раба, так и у свободного, как у мужчины, так и у женщины, как только получают они благодать сию, тотчас перестают иметь силу сии телесныя отличия. И Св. Дух в тоже время, как становится для них залогом наследия вечнаго царства небеснаго, научает их о том, как должно поклоняться Отцу в духе и истине (Иоан. 4, 23).

38. Я молился о вас, да сподобитесь и вы получить того великаго огненнаго Духа, Котораго получил я. Если хотите получить Его, так чтобы Он пребыл в вас, принесите прежде труды телесныя и смирение сердца, и восторгая помышления свои на небо, день и ночь, възыщите с правотою сердца Духа сего огненнаго, — и Он дастся вам. Сим образом получил Его Илия Фесвитянин и Елисей с прочими Пророками. Кто возделывает себя этим возделыванием (показанными подвигами), тому дастся Дух сей на всегда и на веки. Пребудьте в молитвах с приболезненным исканием от всех сердец ваших, — и дастся вам. Ибо Дух тот обитает в правых сердцах. И он, когда принят будет, откроет вам высшия тайны; отгонит от вас страх людей и зверей, — и будет у вас небесная радость день и ночь; и будете в этом теле как те, кои уже находятся в царствии (небесном).

39. Если человек желает стяжать любовь Божию, то он должен возыметь страх Божий; страх же рождает и плач, а плач рождает мужество. Когда все сие созревает в душе, то она начнет плод приносить во всем. И Бог, узрев в душе эти прекрасныя плоды, привлекает ее к Себе, как воню фимиама избраннаго; радуется о ней с Ангелами во всякое время, преисполняя и ее радостию, и хранит ее на всех путях ея, да безопасно достигнет она в место упокоения своего. Тогда диавол не нападает на нее, видя Высочайшаго Стража, ее окружающаго; даже совсем и приступить боится он к ней, по причине сей великой силы. Стяжите себе силу сию, да страшатся вас демоны, да облегчатся

вам труды, вами подъемлемые, и да усладится (сладко да будет) вам Божественное. Сия сладость любви Божественной далеко слаще сота медовнаго. Многие из монахов и девственниц, живущих братствами, ни мало не вкусивши сей сладости Божественной любви, и не получив Божественной силы, думали, что уже имеют ее; но как они никакого старания не прилагали к приобретению ея, то Бог и не даровал ея им. Кто же старается ее приобрести, тот верно достигнет сего по милости Божией; ибо у Бога нет на лица зрения. Когда человек, желая иметь в себе свет Божий и силу Его, презирает поношения мира сего, равно как и почеты его, ненавидит все мирское и покой тела, и сердце свое очищает от всех худых помышлений, непрестанно приносит Богу пост и деннонощныя слезы, равно как чистыя молитвы, тогда Бог ущедряет его тою силою. Таковую—то силу стяжать поревнуйте, — и вы будете совершать все дела свои спокойно и легко, получите великое к Богу дерзновение, и Он будет исполнять все ваши прошения.

40. Бог слушает любящих Его и ищущих Его от всего сердца своего, и снисходит им во всех их прошениях. Прощения же тех, кои не от всего сердца своего приступают к Нему, но раздвоены сердцем, и что ни делают, выставляют то на—вид для получения славы и похвалы человеческой, — не слушает, но гневается на них; так как дела их — на—показ. И исполняется над ними слово Псалма, который говорит: Бог разсыпает кости человекоугодников (Пс. 52, 6). По сей причине сила Божия не действует в них, — так как они не тверды сердцем во всех делах, к которым приступают. И не знают они Божественной сладости, ея тихости и веселия. Много в роде нашем таких, которые не получили той силы, которая доставляет душе сладость, и исполняет ее день ото дня все большею и большею радостью и веселием, и возжигает в ней Божественную теплоту. Их обольщает дух злой, за то, что они дела свои совершают на—показ пред людьми. Вы же, плоды трудов ваших принесите пред лице Господа, старайтесь удаляться от духа тщеславия, и непрестанно ведите против него брань, чтобы Господь принял ваши плоды, которые приносите вы пред лице Его и ниспослал вам силу, которая дается избранным Его. Не преставайте противиться этому духу злому; ибо когда человек приступает к добрым делам и к прекрасному подвигу, подбегает и этот дух, чтоб войти с ним в часть, или чтоб совсем отклонить его от таких начинаний. Он не терпит, чтоб кто поступал праведно, и противится всем, которые желают быть верными Господу. Многих он совсем не допускает до добродетели, а у других вмешивается между делами их и губит плоды их, научая их совершать добродетели и творить дела милосердия, примешивая к ним тщеславие. О таких люди думают, что они обогащены плодами, тогда как они совсем их не имеют, — а похожи на смоковницу, о которой думали, что на ней много сладких плодов, когда смотрели на нее издали; ближе же подошедши, ничего не нашли на ней. Бог изсушает их за то, что не находит на них никакого доброго плода, а не только лишает оной несравненной сладости Своего Божества. Но вы, вступив в подвиг, старайтесь противостоять духу тщеславия, — противтесь ему и его преодолевайте. Придет сила Божия, принесет вам помощь и пребудет с вами, и во всякое время будет подавать вам ревность и теплоту, которой ничего нет дороже. Если кто из вас увидит, что он не одарен этою теплотою, пусть постарается взыскать ее, — и она придет к ищущему ее. Она похожа на огонь, который люди, когда желают вскипятить на нем немного елея, раздувают, пока разгорится, и который, разгоревшись, берет свою естественную силу и вскипичает, восходя вверх и паля. Равным образом, когда увидите, что души ваши охлаждаются, по нерадению и лености, поспешите возбудить их, проливая над ними слезы. Без сомнения, придет тот огонь и соединится с душами вашими, — и приобретшие его воскипят добрыми делами. Вот и

Давид, — когда заметил, что душа его отяжелела и охладела, так сказал: помянух дни древния, поучихся во всех делах Твоих, в творениях руку Твоею поучахся. Воздох к Тебе руке мои, и душа моя, яко земля безводная Тебе (Пс. 142, 5. 6). Видите, — Давид, когда отяжелело сердце его, крайне был озабочен этим, пока не возгорелся опять огонь в сердце его, до того, что он воззвал: готово сердце, Боже, готово сердце мое (Пс. 107, 2). И восстановлен он был опять в свой чин, при посредстве этого нощенственного попечения и заботы. Подобным образом поступайте и вы, да будете единомысленны в уготовании сердца, при помощи Божественного света и огня.

41. Молитесь — да дарует вам Бог благодать все ясно видеть и разуметь, чтоб вы верно могли различать, что добро и что зло. Написано у Апостола Павла, что совершенных есть твердая пища (Евр. 5, 14). Это суть те, которые долгим и тщательным подвигом обучили чувства свои и намерения относительно добра и зла, сделались сынами царствия и приписаны к Божественному усыновлению. И Бог даровал им мудрость и рассуждение во всех делах их, чтоб не прельстил их, — ни человек, ни диавол. Должно вам знать, что враг искушает верных видом добра, и многих успеваеет прельщать, от того, что у них нет рассуждения и мудрости. Посему блаженный Павел, когда узнал эти богатства разума, которые определены верным и которых великости нет предела, написал к Ефесеям: да даст вам Бог духа премудрости и разума, просвещенна очеса сердца вашего, яко уведети вам, яко есть упование звания вашего и кое богатство славы достояния вашего и кое богатство славы достояния Его во святых (Еф. 1, 17. 18). Это делал он по своей чрезмерной к ним любви, зная, что если они достигнут этого, то ни в чем не будет им никакого труда, и никакого не будут бояться они страха, радость же Господа будет утешать их день и ночь и труды их будут им сладки во всякое время. Многие из монахов и дев, живущих в киновиях, не достигают этой меры. И вы, если хотите достигнуть этой меры, в которой верх совершенства, отступите от всех, которые носят такие имена, т. — е. монашества и девства, яснозрения же сего и рассуждения не имеют; ибо если вы вступите в общество с ними, то они не дадут вам преуспевать, а еще погасят жар ваш, потому что в них нет никакого жара, а есть хлад, вследствие того, что они ходят по своим желаньям. Итак, если они придут к вам и заведут с вами мирския речи, сообразно с своими желаньями, не соглашайтесь на это. Ибо написано у Апостола Павла: Духа не угашайте, пророчества не унижайте (1 Сол. 5, 19. 20). Знайте, что Дух ничем так не погашается, как суетными беседами.

42. Во всякой разумной твари, — мужчина—ли то, или женщина, есть орган любви, которым способны они обнимать и Божеское и человеческое. Божии (духовные) любят Божеское; плотские — любят плотское. Любящие Божеское очищают сердца свои от всех нечистот и дел мира сего преходящаго, ненавидят мир и собственные души, и неся крест, последуют Господу, во всем действуя по воле Его. Почему в них вселяется Бог, и дарует им сладость и радость, которая питает души, насыщает и возвращает. Как деревья, если не будут напоены естественною водою, расти не могут, так и душа, если не восприимет небесной сладости, расти не может. Только души, которые восприняли Духа, и небесною напоены сладостию, возрастают.

43. Говорите, что вы грешники, и оплакивайте все, в состоянии нерадения вами наделанное. За это благоволение Господа будет с вами, и будет действовать в вас: ибо Он благ, и отпускает грехи всех, обращающихся к Нему, кто бы они ни были, так что не помянет об них более. Однакоже Он хочет, чтоб те (помилованные) сами помнили о прощении грехов своих, доселе соделанных, чтоб забыв о том, не допустить чего в поведении своем такого, из—за чего принуждены будут дать отчет и в тех

грехах, которые были уже им прощены, — как это случилось с тем рабом, которому господин отпустил весь долг, которым он был должен ему. Ибо — когда забыв об этой милости, он несправедливо поступил с сорабом своим, господин его потребовал от него весь бывший на нем долг, уже отпущенный было ему, — за то, что он не сжалился над сорабом своим и не отпустил ему ста динариев, — суммы ничтожной, сравнительно с тою, которая была ему отпущена (Мф. 18, 23 и д.). Посмотрим на Давида Пророка. Когда после того, как он согрешил с женою Урии, Пророк Нафан обличил его за это и за то, что он сделал с мужем ея, — он, выслушав обличение, тотчас раскаялся и смирился. Почему Пророк Нафан сказал ему: уже отпустил тебе Бог грехи твои (2 Цар. 12, 13). Но Давид, получив отпущение грехов, не забывал об них, и память об них предал потомству. Это сделано в память всем родам, из рода в род. Научу беззаконных путем Твоим (Пс. 50, 15), говорит он, чтоб все грешники научились из примера его, подобно ему каяться во грехах своих, и когда они будут прощены, не забывать о них, но всегда помнить. Подобное сказал Сам Бог, чрез Пророка Исаию: Аз есмь заглаждай грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни (Исаии 43, 25. 26). Сказал он также и чрез Пророка Иеремию: обратися ко Мне доме Израилев, ... и не утвержду лица Моего на вас, яко милостив Аз есмь, и не прогневаюся на вы во веки. Обаче виждь беззаконие твое, яко в Господа Бога твоего преступила еси и расточила еси пути твоя (Иер. 3, 12. 13). Таким образом, когда Господь отпускает нам грехи наши, мы должны не отпускать их себе самим, но всегда помнить о них, чрез возобновление раскаяния в них.

44. Славно духовное подвижничество, но много у него противников. Кто хочет быть совершен в нем, тот не должен быть работен ни чему худому. Кто рабствует чему-либо худому, тот далеко отстоит от предела совершенства.

45. Господь наш Иисус Христос, по непостижимому смирению Своему, покрыл Божество Свое человечеством, так что все смотрели на Него, как на человека, тогда как Он не человек только был, но Бог вочеловечившийся, как написано: и Слово плоть бысть и вселися в ны (Иоан. 1, 14). Однакоже Господь не стал вне Своего Божества чрез Свое воплощение, которое было Ему необходимо для устройства нашего спасения.

46. Многие по глупости своей говорят: мы также видели Господа Иисуса Христа, как и Апостолы; между тем как они состоят в самообольщении и прелести, и очей не имеют, чтоб видеть Господа, как видели Его Апостолы. Апостол Павел видел Господа, как видели Его Апостолы, которые были с Ним и которые уверовали в Него в то время, когда Он ходил по земле, будучи окружен толпами, смотревшими на Него, как на человека. Когда кровоточивая, увидев Его очами сердца, уверовала, что Он есть Бог, и с верою прикоснулась краю одежды Его, — тотчас избавилась от болезни. Он спросил: кто прикоснулся ко Мне, — не потому, чтоб не знал, но потому, что хотел обнаружить веру ея. Хотя Апостол Петр говорил: народ угнетает Тебя, и Ты говоришь, кто прикоснулся ко Мне? Но та сама открылась и исповедала, как исцелела. Тогда Господь сказал ей: иди, — вера твоя спасе тя (Лук. 8, 45—48). Видели Господа и Пилат, и Анна, и Каиафа, но как и прочая толпа, которая смотрела на Него без веры, а не как смотрели на Него Апостолы: почему никакой не получили пользы от того, что видели Его. Но Апостол Павел видел Его очами сердца своего и своею сильнейшею верою, как видела Его кровоточивая, коснувшаяся Его с верою и исцелевшая.

47. Когда престаёт в человеке царство греха, тогда является душе Бог и очищает ее вместе с телом. Если же царство греха живет в теле, то не может человек видеть Бога, ибо душа его находится в теле

и не имеет места в ней свет, который есть видение Бога. Давид говорит: во свете Твоем узрим свет (Пс. 35, 10). Что же это за свет, в котором видит человек свет? Это тот свет, о коем упоминает Господь наш Иисус Христос во Евангелии, — т. — е. чтоб весь человек был светел, и не было в нем ни одной части темной (Лук. 11, 36). Господь также сказал: никтоже знает Отца, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти (Мф. 11, 27). Сын же не открывает Отца Своего сынам тьмы, но тем, кои пребывают во свете и суть сыны света, коих очи сердечныя просветил Он познанием заповедей.

48. Пишется в Псалме: пройду в место селения дивна, даже до дому Божия (Пс. 41, 5). Это пройду означает дальнейшее прохождение и показывает нам на совершенный возраст души; ибо тут она уже приблизилась к Богу, тогда как прежде путь ея был еще очень отдален от Бога. Не будем дивиться, что путь наш очень отдален, потому что мы еще находимся в духовном детстве. Видим, что и великому оному Пророку Илии было сказано: встань, ешь, пей и укрепись; ибо долог еще путь твой (3 Цар. 19, 7), (а он шел к Боговидению). Об этой же самой долготе сказал и Давид: кто даст ми крыле, яко глубине, и полещу и почию (Пс. 54, 7). Почему должно путь сей проходить не с небрежением, расслаблением, и леностию, но со вниманием и рвением. Учитель вселенной — Павел советует нам, тако тецйте, да постигнете, — и говорит притом: умерщвляю тело мое и порабощаю (1 Кор. 9, 27). Течем убо, пока имеем время в этом теле, да достигнем совершенства, как достиг его сам св. Павел, который говорит: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее соблюдается мне венец правды (2 Тим. 4, 7. 8).

49. Как тело, пока в нем бывает душа, проходит три возраста, именно: юность, мужество и старость; так три же возраста приходит и душа, сокрытая в теле, именно: начало веры, преуспевание в ней и совершенство. В первом, когда начинает душа веровать, она рождается во Христе, как говорится в Евангелии. Св. Иоанн Апостол дал нам признаки этого новорождения, равно как средняго состояния и совершенства, когда сказал: писал я к вам, юноши; писал к вам, дети; писал к вам, отцы (1 Иоан. 2, 12—14). Так писал не к плотским своим друзьям, но к верующим, изображая три состояния, которые проходят стремящиеся в духовную область, чтоб достигнуть совершенства и удостоиться полной благодати.

50. Возлюбивший жизнь духовную должен подражать чистоте и воздержности Иосифа; должен начать упорядочивать себя созерцанием и вооружаться против всех худых похотей, сильных поддержкою хитраго врага, говоря о нем словами Иова: се убо крепость его на чреслах его, сила же его на пупе чрева (Гл. 40, 11). Почему всякий подвизающийся и вооружающийся против сих плотских похотей, кои обычно возбуждаются излишнею пищею и питием, должен препоясать чресла свои строгим воздержанием, чтоб устоять в чистоте. Пишется, что Ангел, боровшийся с Иаковом, сжал крепко жилу стегна его, отчего увяла и ослабла плоть его, и он назван Израилем, т. е. видящим Бога (Быт. 32, 25. 32). Равным образом и нам надобно увядшим сделать тело свое для того, чтоб умертвить и погасить похоть. Ибо увядение плоти дает нам возможность дойти до совершенства в добродетели чистоты. Душа бывает крепка, когда тело измождено. Итак, утончим тела свои, чтоб иметь силу держать себя в порядке; ибо если мы поработим тело, и отдадим его в рабство души; то плотския помышления, любовь к которым есть вражда Богу, умерщвлены будут чрез умерщвление плоти. Тогда просветится душа и соделается храмом Богу. Кто старается быть чистым во всех членах своих, тот истинно духовный подвижник. И он—то есть обучивший все чувства свои, и не позволяющий им властвовать над собою, но сдерживающий их и подклоняющий под иго Господне

великою чистотою. Он не позволяет очам своим видеть что—либо худое, или взирать с вожделением на жен; не позволяет ушам своим слушать пересуды, или диавольские советы и влагаемые диаволом помыслы; на уста свои налагает печать и языку своему не дает воли говорить пустяя речи; руки свои простирает он к деланию прекрасных дел милосердия и вспомоществования; ноги его скоры на исполнение слов Господа: аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два (Мф. 5, 41); чрево свое и перси держит он так, чтоб из—за них не пасть и не начать ползать по земле, подобно змию, ползающему на чреве и персях своих. Таков, братие, образ жизни подвижника.

51. Всякий желающий быть истинно—духовным подвижником, должен стараться держать себя вдали от шумного многолюдства и не приближаться к нему, чтоб быть и телом, и сердцем, и умом вне смятения и круговращения людского; ибо где люди, там и смятение. Господь наш показал нам образец удаления от людей и уединения, когда один особо восходил на гору для молитвы. В пустыне также победил Он и диавола, дерзнувшего вступить с Ним в борьбу. Конечно, Он не был безсилен победить его и среди многолюдства; но Он сделал так, чтобы научить нас, что в уединении и безмолвии удобнее можем мы победить врага и достигнуть совершенства. Также славы Своей Господь не показал ученикам Своим среди людей, но возвел на гору, и там показал им славу Свою. Иоанн Предтеча также был в пустыне до дня явления своего Израилю. В мире врагу удобнее теснить вас своими орудиями и внешними и внутренними; там привлекая к себе некоторых людей, как пособников и подручников, ему послушных, он при посредстве их ведет брань против верных: какая—нибудь женщина безстыжая бывает у него очень сильным оружием, широко распростирая обольстительныя сети свои. Иезекииль, когда видел четырех животных, которые имели по четыре лица, и все показывали славу Божию, не был в городе, или селении, но вне, — на поле: ибо Бог говорил ему: изыди на поле и увидишь славу Мою (Иезек. 3, 22). И вообще такого рода видения и откровения не иначе показываемы были святым, как на горах и в пустынях. Пророк Иеремия также, зная как угодно Богу уединение, сказал: благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей, сядет наедине и умолкнет (Плач Иерем. 3, 27. 28). Он же опять, хорошо зная, как много вреда человеческия молвы приносят тем, кои хотят угодить Богу, не удержался, чтоб не сказать: кто даст мне в пустыни виталище последнее, и оставлю люди моя и отыду от них? (Иерем. 9, 2). Также и Илия Пророк сподобился получать пищу от Ангелов; а это было не среди толпы народной, не в городе, или в селе, а в пустыне. Все сие и подобное, бывшее со святыми, написано для убеждения нас подражать тем, кои любили уединение, потому что оно и нас может привести к Господу. Почему старайтесь утвердиться в нем, как должно, чтоб оно привело вас к видению Бога, которое есть самое духовное созерцание.

52. Хочу сказать вам и то, чему подобна душа, в которую вселился огонь Божий. Подобна двухкрылой птице, горе возносящейся по небесному воздуху. Из всех тварей только птицам свойственны крылья, как их особенность; крылья же души, Богу повинующейся, суть устремление огня Божия, коими она может воспарять горе к небу. Если же она лишится сих крыльев, то не в силах будет возвышаться горе, как непричастная того огня, горе возносящаго, и станет подобною птице, лишенной своих крыльев, которая потому летать не может. Сверх того, душа человека похожа на птицу, еще в том отношении, что теплота есть причина рождения птицы на свет: ибо если птица не будет нагревать (насиживать) яиц, то из них не выведутся живые птенцы, потому что они не могут иначе возбудиться к жизни, как посредством теплоты. Так и Бог, объемля и согревая души Ему покорныя, возбуждает

их к жизни духовной. Уразумевши, таким образом, что душа, к Богу прилепившаяся и Ему покорная, подобна птице, коей источник существования есть теплота, — никак не допускайте себя лишиться силы огня сего. Знайте, что за этот огонь, от Бога вам даруемый, уготованы вам от диавола многия брани, чтоб вас лишить его: ибо он хорошо знает, что, пока есть в вас огонь сей, он одолеть вас никак не может.

53. Противьтесь диаволу и старайтесь распознавать его козни. Он горечь свою обычно скрывает под видом сласти, чтоб не быть открыту, и устраивает разныя призрачности, красныя на вид, — которыя, однакож, на деле совсем не то суть, — чтоб обольстить сердца ваши хитрым подражанием истине, которая достойно привлекательна: к этому направлено все его искусство, чтобы всеми силами противиться всякой душе, добре работающей Богу. Многия и разныя влагает он страсти в душу, для погашения в ней Божественного огня, в котором вся сила; особенно же берет покоем тела и тем, что с этим соединено. Когда же увидит, наконец, что всего подобного остерегаются и ничего не принимают от него, и никакой не подают надежды, чтоб когда-нибудь послушали его, — отступает от них со стыдом. Тогда вселяется в них Дух Божий. Когда же вселится в них Дух Божий, то дает им покойными быть, или покой вкушать во всех делах их, и сладким соделывает для них несение ига Божия, как написано в Евангелии: обрящете покой душам вашим (Матф. 11, 29), хотя они взяли и несут иго Его на себе. Тогда становятся они неутомимыми, как в опытах добродетели, так и в исполнении послушания и в ночных бдениях; не гневаются при человеческих напраслинах, и не боятся никого, ни человека, ни зверя, ни духа: потому что радость Господня с ними пребывает день и ночь, оживляет их разум и питает их. Этою радостью возрастает душа, и является годною на все, или совершенною, и ею восходит на небо.

54. Видим, что дитя растет, принимая сначала молоко матери, потом другую какую пищу, наконец и всякую, какую обычно питаются все люди. Так оно крепким становится, мужает, и сердце его смело встречает врагов, если они хотят напасть на него. Но если схватит его в детстве какая-либо болезнь, то питание его и укрепление не бывает успешно; оно выходит слабым и всякий враг одолевает его и побеждает. Чтоб ему стать здоровым, и получить силу одолевать врагов, нужно попользоваться пособием и попечением опытного врача. Так и душа человеческая, если нет в ней Божией радости, бывает слаба и многия приемлет раны. Если она постарается найти себе какого-либо человека, Божия служителя, искуснаго в духовном врачевстве, и к нему прилепится; то он прежде исцелит ее от страстей, потом воскресит и научит ее, как при помощи Божией получить радость ту, которая есть ее пища. Тогда-то она воспротивится врагам своим, кои суть духи злые, и их одолеет, и советы их потопчет, и совершеннейшею еще возрадуется радостью.

55. Берегитесь советов злаго диавола, когда придет он в виде правдоречиваго, чтоб прельстить вас и ввести в обман. Хоть бы он пришел к вам в виде Ангела света, — не верьте ему и не слушайте его: ибо тех, кои верны, он обыкновенно очаровывает привлекательною видимостию истины. Несовершенные не знают этих хитростей диавола, и того, что постоянно он влагает им; совершенные же знают, как говорит Апостол: совершенных же есть твердая пища, имущих чувства обученна долгим учением, в разсуждении добра же и зла (Евр. 5, 14). Этих враг не может обольстить; но верных, которые себе мало внимают, удобно прельщает он своею сладкою по виду затравою, и их уловляет, подобно тому, как рыболов уловляет рыбу, прикрывая острие удочки затравою. Рыба не знает, что этою затравою прикрыта удочка: потому подплывает, проглатывает затраву и тотчас

попадает в плен. Если бы рыба знала, что этою затравою она будет поймана, без всякаго сомнения, не приблизилась бы к ней а бежала бы от нея. Равным образом и несовершенных верующих, как мы сказали, уловляет враг, и по причинам совершенно сходным, как говорит Соломон: суть путие мянущиися прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово (Прит. 16, 25); писано также у Пророка Амоса: что ты видиши, Амосе? Он ответил: сосуд (тенета, сети) птицелова (8, 2). Птица, из страха быть пойманною на земле, летает по воздуху и строит себе гнездо, для отдыха и сна, в самых высоких местах: там она спит беззаботно, зная, что никто не может достать или поймать ее. Но известно, как ухитряется обмануть ее птицелов: приходит к тому месту, разстилат тенета, и посыпает на виду семена; этою пищею сманивает он птицу с той высоты, она слетает и попадает в лов. Подобным образом делает и диавол, уловляя несовершенных христиан своими хитростями, и низвергая их с своей высоты. Так он действовал когда прикрывлся змием и сказал Еве: не смертью умрете... в онъже аще день снесите, отверзутся очи ваши и будете яко бози (Быт. 3, 4. 5). Услышав эти слова, Ева склонилась к нему сердцем и думала, что тут истина, потому что не рассудила о том как следует. Но когда вкусила сама, и дала вкусить Адаму, тогда случилось с ними то великое несчастье: они пали оба с своей высоты. Таким же образом поступает диавол и с несовершенными христианами, когда, не зная как различить доброе от худого, следуют они своим склонностям, довольствуясь своим суждением и мнением; когда отцев своих совершенных, умеющих верно различать добро от зла, — не спрашивают, — а следуют желаниям своего сердца, думая, что они и сами достигли уже совершенства и получили благословение отцев своих. Таковые подобны тем птицам, которыя построили свои гнезда высоко, но слетели на землю, попались в сети птицелова и были пойманы. Подобное сему случается с ними, потому что в самоуверенности они действуют всегда по влечению сердца своего и исполняют свои желанья, не слушая отцев своих и не советуясь с ними. Посему диавол устрояет им видения и призраки и надымает их сердце гордынею; иногда дает им сны ночью, которые исполняет для них днем, чтоб в большую погрузить их прелесть. Этого мало: он иногда показывает им свет ночью, так что светлым становится место, где они; и многое такого рода он делает, даже будто знаменья. Все это он делает для того, чтоб они относительно его оставались спокойными, думая, что он Ангел, и принимали его. Как скоро они примут его в этом смысле, он низвергает их с их высоты, по причине духа гордости, который ими овладевает. Стараются он держать их в убеждении, что они сделались великими и славными в духе паче многих, и не имеют нужды обращаться к своим отцам и слушать их. А они, по Писанию, суть в самом деле блестящие грозды, но незрелые и терпкие. Наставления отцев им тяжелы; потому что они уверены, что сами знают уже все.

56. Твердо знайте, что ни преуспеть, или возрасти и сделаться совершенными вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы наши сами так поступали: повиновались отцам своим и их наставления слушали; от того преуспели, возрасли и сделались сами учителями, как написано в Премудрости сына Сирахова: не отступай от повести старцев, ибо тии навькоша от отцев своих: яко от них навькнеши разуму, и во время потребно дати ответ (Сир. 8, 11—12). Итак, вы должны подражать тем, кои покорны были отцам своим, и их во всем слушались, и которых отцы, при помощи Божией, научили всему, чему сами научились у отцев своих, и что предали сынам своим покорным. Так Исаак слушался Авраама; Иаков — Исаака; Иосиф — Иакова; Елисей — Илии; Павел — Анании; Тимофей — Павла. Сии все и

подобные им слушались отцев своих, исполняли волю их, и следовали их советам; оттого познали истину, научились правде, и наконец сподобились Духа Святаго, — и стали, таким образом, провозвестниками истины во всем, как написано у Иезекииля Пророка: стража дах ты дому Израилеву, да слышиши слово от уст Моих и воспретиши им от Мене (3, 17). Итак, если желаете преуспеть и полнее возрасти, сделаться невозмутимыми в сердце своем и ни в чем не быть посмеянными от диавола, повинуйтесь отцам своим и их во всем слушайтесь, — и не падете во веки.

57. Укажу вам дело, которое одно делает человека твердым в добре и блюдет его таким от начала до конца, именно: любите Бога всею душою вашею, всем сердцем вашим и всем умом вашим, и Ему единому работайте. Тогда Бог даст вам силу великую и радость и все дела Божии станут для вас сладки, как мед, все труды телесные, умные занятия и бдения, и все вообще иго Божие будет для вас легко и сладко. По любви, впрочем, Своей к людям, Господь посылает иногда на них противности, чтоб не величались, но пребывали в подвиге; и они испытывают вместо мужества — отяжеление и расслабление; вместо радости — печаль; вместо покоя и тишины — волнование; вместо сладости — горечь; многое и другое подобное бывает с любящими Господа. Но борясь с этим и препобеждая, они более и более становятся крепкими. Когда же наконец совсем все это преодолеют они, тогда во всем начнет быть с ними Дух Святой, тогда не станут они более бояться ничего худого.

58. Дух Святой непрестанно веет благоуханием приятнейшим, сладчайшим и неизъяснимым для языка человеческого. Но кто знает сию приятность Духа и Его сладость, кроме тех, которые удостоились того, чтоб Он вселился в них? Дух Святой вселяется в душах кающихся не иначе, как после многих трудов. Много подобного видим мы и в мире сем: камни, наприм., драгоценные иначе не достаются, как с большим трудом. Взыскав сего Духа, святые обрели Его; и Он — то есть истинный бисер многоценный, о коем поминается во святом Евангелии (Матф. 13, 45. 46), в притче о купце, искавшем добрых бисеров, который, нашедши один многоценный бисер, пошел, продал все свое и купил его. Он же разумеется и в другой притче о сокровище, скрытом на поле, которое нашедши человек скрыл и от радости пошел продал все что имел, и купил село то (Матф. 13, 44). Испытания ни на кого так не возстают, как на тех, кои получили Духа Святаго. И Господь наш, когда по крещении сошел на Него Дух Святой в виде голубя, изведен был Духом в пустыню, искушится от диавола, который испытал Его всеми своими искушениями, но ни в чем не успел против Него, как пишется о сем в Евангелии Луки: и скончав все искушение, диавол отыде от Него до времени (Лук. 4, 13), Господь же Иисус возвратился в Галилею в силе Духа. Так и всех, приемлющих Духа, борющихся и побеждающих, Дух Святой укрепляет и подает им силу препобеждать всякое искушение.

59. Серафим, котораго видел Пророк Иезекииль (Иезек. 1, 4. 9), есть образ верных душ, кои подвизаются достигнуть совершенства. Имел он шесть крыльев, преисполненных очами; имел также четыре лица, смотрящих на четыре стороны: одно лицо подобно лицу человека, другое — лицу тельца, третье — лицу льва, четвертое — лицу орла. Первое лицо Серафимово, которое есть лицо человеческое, означает верных, кои живя в мире, исполняют заповеди на них лежащая. Если кто из них выйдет в монашество, то он подобным становится лицу тельца, потому что несет тяжелые труды в исполнении монашеских правил и совершает подвиги более телесные. Кто, усовершенствовавшись в порядках общежития, исходит в уединение и вступает в борьбу с невидимыми демонами, тот уподобляется лицу льва, царя диких зверей. Когда же победит он невидимых врагов и возобладает

над страстями и подчинит их себе, тогда будет восторгнут горе Духом Святым и увидит Божественные видения; тут уподобится лицу орла: ум его будет тогда видеть все, могущее случиться с ним с шести сторон, подобясь тем 6-ти крылам, полным очей. Так станет он вполне Серафимом духовным и наследует вечное блаженство.

60. Чистота, мир непрестанный и неизменный, милосердие полное и другия прекрасныя добродетели, которыя венчаются благословением, — суть заповеди Божии. Старайтесь исполнить эти веления Духа, коими оживятся души ваши и при посредстве коих восприимите вы Господа в самих себя: они суть безопасный путь. Без чистоты тела и сердца никто не может быть совершен пред Богом, почему сказано в св. Евангелии: блажен чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Матф. 5, 8). Совершенство рождается от чистоты сердца. В сердце находится добро естественное и зло неестественное. От зла рождаются страсти душевныя, каковы: осуждение, ненависть, самомнение и другия подобныя. Добро же (сердца естественное) — рождает познание Бога (страх Божий) и святость или чистоту души от всех страстей (совесть). Если человек решится исправиться и начнет избегать всякаго зла, вооружившись против него подвигами, — плачем, сокрушением, воздыханиями, постом, бдениями, бедностью и многими к Богу молитвами, то Господь по Своей благодати поможет ему и от всех душевных страстей избавит его. Многие, долгое время пребывая в монашестве и девстве, не научились этой науке чистоты, потому что, презрев наставления отцев своих, последовали желаниям сердца своего; по какой причине взяли над ним верх злые духи душегубители, поражая их скрытными стрелами ночь и день и не давая им покоя ни в каком месте, так что сердца их заняты то гордостью, то тщеславием, то нечестивою завистию, то осуждением, то гневом и яростию, то сварами и другими премногими страстями. — Таковых часть будет с пятью юродивыми девами за то, что неразумно проводят все время свое, — не обуздывают языков своих, не хранят чистыми очей своих и тел от похотей, и сердца своих от нечистот, и других вещей, плача достойных, потому что они нечисты, — довольствуясь одною одеждою льняною, которая есть только образ девства: почему лишаются и елея небеснаго для возжения лампад своих; и Жених некогда не отворит им дверей чертога Своего, и скажет им, как сказал в притче девам юродивым; аминь глаголю вам: не вем вас (Матф. 25). Пишу это по желанию вам спасения, чтоб вы соделались свободными и верными, — и чистою невестою Христу, Который есть Жених всех душ, как говорит Апостол Павел: обручих вас единому мужу деви чисту, представи Христови (2 Кор. 11, 2).

61. Золото многократно очищается огнем, чтоб чрез сильнейшее очищение оно стало лучше. Равным образом Господь наш, по благодати Своей, очищает человека многими искушениями, испытывает его и делает его опытным в ведении браней сердечных, так что он не возвращается более мыслями или, памятью к неправдам и унижениям, каким подвергали его люди; но смиряется пред Богом и на Него возлагает все упование свое, будучи всегда готов на всякое доброе дело пред Богом, как сказал Давид Пророк: готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей (Пс. 107, 2). Содержите в мысли, что вы будете испытываемы какими-нибудь братьями, посредством поношения и неправд, или подвергнетесь унижению от сотрудников своих. Почему когда случится с вами что подобное, стойте твердо, не бойтесь, не унывайте; но благодарение возсылайте Господу за все это, потому что без Него ничего подобного не случается, а Им попускается по той причине, что испытывать брани необходимо для рабов Божиих: ибо кто не будет испытан от благодати Божией искушениями, трудами, скорбями и бедствиями, пока навькнет с терпением устоять в добре во

всех случаях, тот не получит от Него чести.

62. Терпеливо носите беды и скорби, какая с вами случаются; и благодарение воздавайте за них Господу с великим смирением, да вкусите радость от трудов ваших, — подобно блаженной Сусанне, мужественной в брани, которая преодолела похотствование тех двух незаконных старцев и от их ложной клеветы много понесла бед и скорби, но которую Бог, за ея терпение и непоколебимость, в конце ея подвига возвысил, а врагов ея смирил, подобно Фекле, еще более мужественной духом, которая не убоялась причиненных ей родителями ран, ни огня, ни раздиранья плоти, ни зверей, и которой Бог даровал наконец радость сердца и награду трудов, когда мужественная вера ея угасила огонь пламенеющий, заградила уста львов кровожадных и посрамила всех врагов ея; и подобно Иосифу, — смиренному пред Богом и людьми, котораго, — когда братья, преследовавшие его по зависти и ненависти за предпочтение, которое было оказываемо ему отцем, хотели пролить кровь его, — сохранила от смерти Божественная помощь. Одолеваемые завистию, они продали его в рабство, где жена господина его, которому он служил, очень много причинила ему бед и довела до того, что его ввергли в темницу; но Бог не оставил его. Ибо он был воздержен, кроток, чист и непорочен душою и телом, и не пал, по Божию к нему благоволению, под тяжестью всех тех несчастий, но перенес их терпеливо, возложив упование на Господа. И Бог возвеличил его наконец, сделав его главою Египта и всех его областей; и братьев его, ненавидевших его, всех покорил под ноги его. Эти помянутыя лица и им подобныя, никак не в начале своего подвига и борьбы получили от Бога честь, но после того, как Он испытал их, очистил бедствиями и скорбями, и научил, как следует устаивать во время брани. И тогда уже, как видел, что они мужественно переносят беды и скорби и на Господа возлагают все свое упование, — дал им честь Своею Божественною помощию, а ненавистников их посрамил и им подчинил.

63. Пребудьте в терпении и не давайте расслабляться сердцам своим во время бедствий ваших, но воздавайте за них благодарение, чтобы получить воздаяние от Господа. Да будет у всех вас — мир, истина, любовь к Богу и взаимное благорасположение, и да не будет у вас раздоров, ни клеветы, ни противоречий, ни злой зависти и ни неповиновения, ни гордости, ни обиды кому из людей, ни осмеяний, ни тщеславия, ни ненависти, ни взаимнаго недружелюбия. В какой обители бывают такие действия, там вселяется гнев Божий. При том знайте, что жизнь наша в мире сем очень коротка; потому подорожите ею и не иждивайте ее в нерадении, чтоб не застал вас час переселения из сей жизни, когда вы гневаетесь друг на друга, и следовательно должны быть причислены к человекоубийцам, по Писанию: всяк, ненавидяй брата своего человекоубийца есть (1 Иоан. 3, 15). Щадите друг друга, да пощадит вас Господь. Ибо это внушает Он Сам, когда говорит: отпускайте, и отпустят вам (Лук. 6, 37). Если кто из вас потерпит клевету, пусть примет это с радостью, и все свое предаст Господу, Который есть праведный Судия и Мздовоздаятель... А кто вознесет клевету на ближняго, пусть спешит смирить себя пред Господом и испросит прощение у ближняго своего, да пощадит его Господь. Не попускайте солнцу заходить во гнев вашем, как учит нас Писание (Еф. 4, 26); но с корнем исторгайте из сердец ваших томящая вас злыя помышления, какая имеете друг на друга, чтоб таким образом пресекать всякий зародыш недружелюбия, корень котораго — ненависть и зависть. Эти две страсти суть самыя злыя, ненавистныя и Богу, и людям; и ни с чем несообразно быть им в ком-либо из верующих, или рабов Божиих. Почему никто из нас да не хвалится, по крайней глупости своей, и не говорит: я взял верх над братом, и не будет ему пощады. Да ведает

говорящий и помышляющий таковое, что он предал душу свою в руки смерти и наследием его будет место плача и скрежета зубов, червя неусыпающего и огня неугасимаго.

64. Пробудимся от сна, пока еще находимся в теле сем, воздохнем о себе самих, и будем оплакивать себя от всего сердца нашего день и ночь, чтоб избавиться от того страшного мучения, стенания, плача и туги, которым не будет конца; поостережемся идти в просторные врата и широким путем, вводящим в пагубу, хотя очень многие идут им, но пойдем в узкие врата и тесным путем, ведущим в живот, хотя очень немногие идут им. Идущие сим последним суть истинные делатели, которые получают мзду трудов своих с радостью и наследуют царство. Кто же не совсем еще готов предстать туда, — умоляю его не нерадеть, пока не ушло время, чтоб в нужный час не оказаться неимеющим елея, притом так, что не будет никого, кто-бы хотел продать его. Ибо так случилось с теми пятью девами юродивыми, которые не нашли у кого-бы купить. Тогда оне с плачем воззвали, говоря: Господи, Господи, отверзи нам. Он же отвечаю рече им: аминь, аминь глаголю вам: не вем вас (Мф. 25, 11. 12). И это случилось с ними не по другой какой причине, как по лености. Потом оне хоть пробудились и начали хлопотать, но уже это ни к чему не послужило, потому что Господин дома встал и заключил двери, как написано. Приведу вам и другой, подобный сему, пример. Когда Ной вошел в ковчег, сам с сыновьями своими и женами их, и со всем прочим, что было с ним, и заключил дверь ковчега, по причине потопных вод, ниспосланных на творящих злое, то не открывал более двери ковчега, и сынам своим не попускал видеть это ужасное зрелище, которое было в казнь нечестивым тем; тем более злые сии, по заключении двери, не могли войти туда, чтоб быть вместе с праведными, но пагубою погибли все от воды потопной, за свою леность и непокорность. Ибо Ной в продолжение тех ста лет, в которые строил ковчег, непрестанно призывал их к лучшей жизни, но они не внимали ему и не послушались его, оттого и погибли.

65. Держите братство в одном месте и устройте его в мире, единомыслии, смирении, страхе Божиим и молитвах. Тогда в совершенстве явится в вас благо дома Божия, и вы будете обладать им с радостью и веселием. Да украшают вас сверх того вера, надежда, любовь, смирение, страх, рассуждение, благоговеинство, мир, любовь к братьям. Ибо кто все сие возымеет, тот есть облеченный в брачную одежду и ходящий в заповедях Духа. Пребудьте во всяком смирении и терпении, да прейдут от вас страсти.

66. Кто ходить будет по воле Божией, которая слаще меда и исполнена всеми радостями, тому она сама будет помогать и его укреплять, и даст душе его совершать дела дивныя и предуготовит пред ним все стези, Господу любезныя; и не возможет тогда ни один враг противостоятъ ему, от того, что он ходит по воле Божией. Но кто ходит в своей воле, тому Бог ни в чем не подаст помощи, но оставит его демонам, которые будут витать в сердце его день и ночь, и не дадут ему возыметь ни в чем никакого покоя, и сделают его безсильным и немощным во всех делах, как внешних, так и внутренних, и многое другое наведут они на него пагубное и вредное. Дьявол иногда вселяет в них радость и веселие; но в этом не может быть радости, а одна туга и печаль. Если и бывает что похуже на радость, то в этом нет истины, а один призрак, ибо не от Бога. Истинная радость исходит от Бога и подается только тому, кто самого себя нудит постоянно на то, чтоб свою волю отвергать, а волю Божию во всем исполнять. Воля, которая действует в сердце человеческом, бывает тройка: первая — от дьявола; вторая — от человека; третья — от Бога; к двум первым не благоволит Бог, а (благоволит) только к той, которая от Него. Рассмотрите же самих себя, и отвергнув все стороннее,

одну Божию волю возлюбите. Ибо немаловажно для человека постоянно уразумевать волю Божию во всем. Уверяю вас, что если не оставит человек всей воли сердца своего, и не отвергнется себя во всем, и не отбросит от себя всего богатства и имени своего, и не покорится Господу, чрез повиновение отцам своим духовным, — то ни познать не возможет воли Божией, ни исполнить ее, и лишен будет последнего благословения.

67. Господь нам не сказал, что здесь будет воздаяние; но что здесь будут искушения, тесноты, нужды и скорби, а там воздаяние. Эта жизнь есть путь подвигов и искушений.

68. Если вы будете терпеливы, послушны и покорны отцам своим, то прекрасное воздаст вам Господь воздаяние; и вот тот труд, который помянется пред лицом Господа. Кто повинуется отцам своим, тот Господу повинуется, и кто Господу повинуется, тот и отцам своим повинуется.

69. Прежде всего, да веруем в Господа нашего Иисуса Христа, да поклоняемся Ему и покорствуем, и волю Его да творим во всякое время и мгновение.

70. Будем ходить в страхе Господнем, так как нам предписано — со страхом и трепетом содевать свое спасение (Фил. 2, 12). Страх Господень искореняет из души все лукавства и грехи. Кто же не боится Бога, тот впадает во многая злая. Страх Господень хранит человека и бережет, пока не сбросит он с себя сего тела, как написано: страха ради твоего во чреве прияхом, и поболехом и родихом дух спасения (Исаии 26, 18).

71. Кто незлобив, тот совершен и богоподобен. Он исполнен радования и есть покоище Духа Божия. Как огонь сожигает больше леса, когда понебрежешь о нем; так злоба, если допустишь ее в сердце, погубит душу твою, и тело твоё осквернит, и много принесет тебе неправых помышлений; возбудит брани, раздоры, молвы, зависть, ненависть и подобныя злыя страсти, отягчающия самое тело и причиняющия ему болезни. Поспешите стяжать незлобие и простосердечие святых, чтоб Господь наш Иисус Христос принял вас к Себе, и каждый из вас мог с радостию сказать: мене же за незлобие приял, и утвердил мя еси пред Тобою во век (Псал. 40, 13).

72. Бог говорит чрез Пророка: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих (Исаии 66, 2). Господь же наш так говорит в Евангелии: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Матф. 11, 29). Итак, стяжите себе смирение и не ходите с гордостью сердца, свойственною диаволам. Кто ходит с гордостью сердца, тот причастник диаволов. Человек высокосердный всем ненавистен, потому что дела его хвастливы: от чего и впадает он во многие грехи. Все грехи мерзки пред Богом, но всех мерзостнее гордость сердца. Кто увещавает или подает совет гордому, тот походит на льющаго воду в дырявый сосуд, или на того, кто стирает речь к пролетающей птице. Гордые сердцем люди презренны пред Богом; сердца же смиренныя и сокрушенныя Бог не уничтожит. Сама любовь Божия, нисшедши к нам от вышних, соделалась смиренною до последних степеней. Возлюбим же смирение, чтоб можно было взывать: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя (Псал. 24, 18).

73. Не ходите вслед похоти очес своих и не расслабляйтесь сердцем своим. Ибо злая похоть развращает сердце и омрачает ум. Дальше отходите от ней, да не прогневается на вас живущий в вас Дух Божий. Станем подвизаться за чистоту даже до смерти и всячески блюсти себя от скверных похотей: для того будем остерегаться взирать на красоту жен. Не будем рабами нечистых страстей и срамных похотей, которыя ненавидит Бог. Имя Бога преднапишите пред очами сердец ваших, чтоб внутри вас непрестанно взывалось: вы есте церкви Бога жива (2 Кор. 6, 16) и место покоища Духу

Святому. Кто увлечен нечистыми похотями, тот пред Богом подобен скотам, лишенным всякого смысла, по слову Псалмопевца, св. Давида Пророка (Пс. 48, 13). Итак, ненавистию возненавидим оное непотребное и взыщем чистоты, поелику она есть слава Ангелов Божиих. Но если, по внушению диавола, падем, — возстанем чрез покаяние и приступим к Тому, Кто пришел взыскать овцу, блуждавшую во грехе (Лук, 15, 4).

74. Кто не может хранить уст своих и языка, пусть позаботится, по крайней мере, не мног быти в словесех своих (Иов. 11, 3). Блюдись, человек, возьми власть над языком своим, и не умножай слов, чтоб не умножить грехов. Положи перст на уста твои и узду на язык твой, потому что многоречивый человек не оставляет в себе места Духу Святому. Если кто, новичек еще, беседа с тобою, спросит тебя о чем-либо спасительном для души его, ответь ему; если же о том, от чего нет ему пользы, будь как глухой, который не слышит, и как немой, который не говорит.

75. Понудим себя крепкую приставить стражу к устам своим, чтоб о ком-либо не сказать чего-либо худого, потому что худая речь хуже всяких ядов. Все раны залечиваются, а рана от языка не имеет врачевания. Язык неосторожного охуждателя, движимый диаволом, ядовитее языка змиина, потому что он возбуждает свары и горькия враждования среди братий, сеет мятежи и злодейства между мирными и рассеивает многолюдныя общества. Итак, бегайте охуждения других, и прилежите молчанию. Любящий молчание пребывает близ Бога и Ангелов Его, и в вышних место его. Господь говорит, что Он тогда сохранит пути твои, — когда ты сам будешь хранить уста свои (Притч. 13, 3).

76. Святое Писание удостоверяет, что стыд бывает двоякого рода: один, от котораго раждается грех; а другой, от котораго происходит слава и благодать (Сирах. 4, 23—25). Стыдение сделать грех есть истинный и спасительный стыд; стыд же, из котораго раждается грех, есть стыдение препятствующее приводить в исполнение заповеди Божии. Ничего не стыдись делать, что согласно с волею Божию, и в деле истины не таись; не бойся возвещать учение Господне, или словеса премудрости, и не стыдись грехи свои открывать духовному отцу своему.

77. Господь наш, движимый состраданием к душам нашим, говорит в св. Евангелии: горе вам, когда будут говорить о вас добрыя слова и прославлять вас, и вы славы Божией не взыщете (Лук. 6, 26; Иоан. 5, 44). Итак, будем подвизаться даже до смерти, противясь тщеславию и его злейшия отсечем отрасли, чтоб не быть доведенными до погибели. Беги от тщеславия; ибо многие погибли от него. Оно побуждает человека на многие труды, — посты, молитвы, многократныя бдения нощныя, милостыни, раздаваемая пред человеками и на многое подобное; но всем этим он ничего другаго не достигнет, кроме стыда и поношения. Не будем стараться выказывать в себе что-либо, особенно великое, чтоб не погибнуть по причине сего, и не запутаться в многочисленныя отрасли тщеславия, потому что демонов тщеславия чрезвычайно много. Ревностнее же устремимся к стяжанию славы святых, равно как и нищеты их, чтоб получить оную сладкую похвалу Божию: блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное (Матф. 5, 3).

78. Господь наш Иисус Христос в Евангелии Своим сказал: в терпении вашем стяжите души ваша (Лук. 21, 19). Также: претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22; 24, 13). С какою потому ревностию надлежит нам истинно потрудиться и потерпеть, чтоб достигнуть того, что уготовано нам на небесах? Прежде, впрочем, чем дойдем до изливания крови, не будем хвалиться; потому что ни один художник не хвалится своим произведением прежде окончания его. Того надлежит наименовать блаженным, кто стяжал победу терпением. В свое время он прославлен будет в вышних,

как Лазарь.

79. Псалмопевец Давид сказал: сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим (Пс. 118, 103). Также: судьбы Господни вожделенны паче камене честна многа (Пс. 18, 10. 11). Истинно блажен тот, кто бодрствует и исполняет заповеди Господа нашего Иисуса Христа, пока достигнет истинного познания Его, так что может сказать: удивися разум Твой от мене (Пс. 138, 6). Бойся быть неверным, чтоб не прогневался на тебя Создавший нас. Кто проповедует истину неверу, укоряет или учит его, тот подобен человеку, бросающему драгоценнейшие перлы во глубину моря. Напротив, как вода по наклонной земле стекает вниз и бежит туда стремительно; так слово Господне натекает в душу верующаго.

80. Будем бодрствовать и постоянно возгревать благую ревность в доме ума нашего, чтоб не назвали нас нерадивыми и ленивыми. Над ревностным и бодренным страсти никогда не возьмут верха. Если и падет он когда, по козням искушителя, ревность и бодренность тотчас восстанавливает его. А нерадивый и беспечный, не имеющий ревности о богоугождении, если падет от искушений диавола, даже не замечает совершеннаго им греха, потому что сердце его жестко, как камень, и он подобен мулу усмиренному и заузданному, на котораго всякий садится, без сопротивления с его стороны. В такого рода людях диавол совершает все свои похоти и свое всецелое растрление и куда хочет влечет каждого из них, пока исполнятся неправды его, и он умрет со стенаниями и плачем. Нерадивый походит на дом развалившийся и брошенный жильцами, который никакой ни у кого не имеет цены, но отвратителен всем, будто проклятый, как жилище ехидн, скорпионов и зверей; никто о нем не печется, как о развалившемся и запустелом. Таково состояние нерадиваго! Позаботьтесь хранить ревность и никогда не отлагайте ее, чтоб не подпасть под власть врага. Когда есть в человеке эта прекрасная ревность и благопечение, то она от всех падений и повреждений возставляет и предостерегает его, так что человек такой бывает местом упокоения Духу Святому и, счастливо совершив путь свой, удостоивается в мире внити в покой святых.

81. Слышали мы, что блаженный Павел, когда дошел до разсуждения о девстве, так о нем сказал: повеления Господня не имам (1 Кор. 7, 25). Не имел он повеления потому, что не все могут понести тяжелое иго сие: почему и оставлено оно произвольному выбору тех, кои понести его в силах. Никто из девственников не хвалился девством, так как оно есть благодать Самого Бога. Девство отдаляет от себя женския чувства, плотския помышления, гордость сердца и любовь ко всему тому, что диаволово; далеко от себя отгоняет оно также нетерпеливую ропотливость, ненависть к людям и славу мирскую; прилежит Богослужению, воздерживает язык и чрево наказывает постами. Когда оно украшено всем этим, то бывает жертвою без порока и скверны. Если ты, девствующая душа, будешь заботиться о многих яствах, и будешь ходить с удивлением к себе (занятая собою), то будешь постыждена во всех делах своих. Если не будешь блюсти языка своего, будешь пуста во все течение жизни твоей, и тщетно подняла ты великие труды.

82. Будем праведно ходить тем путем, коим шли святые, о коих написано: блажени непорочнии в пути, ходящие в законе Господни (Пс. 118, 1). То—есть, в чистоте тело, в чистоте языка, в чистоте очей, в чистоте рук, в чистоте ушей, в чистоте ног, в правом пред Богом помышлении и в чистом сердце в отношении друг к другу, как говорим мы в молитвах: сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей (Псал. 50, 12).

2. Наставления о доброй нравственности и святой жизни, в 170—ти главах.

1. Люди обычно именуется умными, по неправильному употреблению сего слова. Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа — умна, которые могут разсудить, что добро и что зло; и злаго и душевредного убегают, а о добром и душеполезном разумно радуют и делают то с великим к Богу благодарением. Эти одни по истине должны именоваться умными людьми.
2. Истинно умный человек одну имеет заботу, вседушно повиноваться и угождать Богу всяческих. Тому и единственно тому поучает он душу свою, как бы благоугодить Богу, благодаря Его за Его благое промышление, в каких бы ни находился случайностях по жизни. Ибо неуместно врачей и тогда, как они дают нам врачевства горькия и неприятныя, не благодарить за оздоровление тела, а к Богу из за того, что кажется нам не радостным, оставаться не благодарными, не разумея, что все бывает по Его промышлению и на пользу нам. В таком разумении, и в такой вере в Бога — спасение и покой души.
3. Воздержание, незлобие, целомудрие, твердость, терпение и подобныя им великия добродетели, как бы силы (ратныя) получили мы от Бога, чтобы оне сопротивлялись и противостояли встречающимся с нами прискорбностям и помогали нам во время их: так что если мы будем упражнять сии силы и иметь их всегда на готове, то ничто из случающагося с нами не будет для нас тягостно, или болезненно, губительно и несносно; ибо все то будет преодолеваемо сущими в нас добродетелями. Этого не имеют в мысли те, у коих душа не умна, ибо они не верят, что все бывает на пользу нам, чтобы просияли добродетели наши и мы увенчаны были за них от Бога.
4. Если почитая богатство и полное им наслаждение одною кратковременною призрачною суетою, и ведая, что добродетельная и богоугодная жизнь лучше богатства, ты твердо будешь стоять в сем убеждении и содержать то в памяти; то не будешь ни воздыхать, ни сетовать, ни роптать на кого-либо, но за все будешь благодарить Бога, когда увидишь, что худшие тебя прославляются за краснословие или ученость и богатство. Ненасытное желание богатства и удовольствий, славолюбие и тщеславие при неведении истины, суть самыя злыя страсти души.
5. Умный человек, разсматривая сам себя, познает, что должно и что полезно ему делать, что сродно душе его и спасительно и что чуждо ей и пагубно. И таким образом избегает того, что вредит душе, как чуждое ей.
6. Чем кто умереннейшую проводит жизнь, тем тот спокойнее бывает, потому что не печется о многом, — о рабах, земледельцах (наемных работниках) и приобретении скота. Когда же прилепляемся мы к сему, то, подвергаясь случающимся из-за того прискорбностям, доходим до того, что на Бога ропщем. Таким образом самопроизвольное наше желание (многого) наполняет нас смятением и мы блуждаем во тьме греховной жизни, не зная себя самих.
7. Не должно говорить, что невозможно человеку проводить добродетельную жизнь, но что это не легко. И точно не для всякаго без различия удободостижимо это; но только те из людей приобщаются добродетельной жизни, которые благочестивы и имеют боголюбивый ум. Общй (обыкновенный) ум есть ум мирской и превратный; он дает помышления добрыя и худыя, изменчив и склонен к вещественному; а ум боголюбивый есть казнитель зла, которое бывает в людях от произвольной их беспечности.
8. Необразованные и простецы смешным делом считают науки и не хотят слушать их, потому что ими обличается их невежество, — и они хотят, чтобы все были подобны им: равным образом и

невоздержные по жизни и нравам заботливо желают, чтоб все были хуже их, думая снискать себе обезвинение в том, что много злых. Гибнет и растлевается душа от зла греховного, которое многосложно и совмещает в себе блуд, гордость, алчность, гнев, продерзость, неистовство, убийство, ропот зависть, лихоимство, хищничество, нетерпеливость, ложь, сластолюбие, леность, печаль, робость, ненависть, осуждение, разлечение, заблуждение, невежество, обольщение, богозабвение. Этим и подобным терзаема бывает бедная душа, удаляющаяся от Бога.

9. Истинно ли подвижнически проходит кто добродетельную и прехвальную жизнь, об этом должно судить не по нраву, притворно на себя принимаемому, и не по лживому виду жития; но по тому, если кто, подобно искусным живописцам и ваятелям, показывает свою добродетельную и боголюбезную жизнь самым делом, отвращаясь от всяких сластей, как от сетей.

10. Человек богатый и благородного происхождения без душевного образования и добродетельной жизни несчастен в глазах людей здравомыслящих; напротив, бедный и раб по состоянию — счастлив, если он украшен образованием и добродетелию. Как странники заблуждаются на дорогах (и гибнут), так погибают непекущиеся о добродетельной жизни, будучи увлекаемы пожеланиями.

11. Человекотворцем должно назвать того, кто успеваеет умягчить нрав необразованных и заставить их полюбить науки и образование. Равным образом и тех, кои людей невоздержной жизни приводят к жизни добродетельной и Богоугодной, тоже должно считать человекотворцами, потому что они будто возсоздают людей. Кротость и воздержание суть счастье и благая надежда для душ человеческих.

12. По истине должно людям надлежащим образом устроить свою жизнь и нравы. Когда это будет исправлено, тогда удобно познается и Бог. От всего сердца и со всею верою чтущий Бога промыслительно получает от Него помощь к укрощению гнева и похоти. Похоть же и гнев суть причина всех зол.

13. Человеком должно называть или того кто умен (по первому пункту), или того кто принялся исправлять себя. Неисправного не должно называть человеком; потому что это (т. — е. неисправимость) есть дело не человеческое. От таковых должно бегать. Сживающиеся со злом никогда не будут в числе бессмертных (т. — е. блаженным бессмертием).

14. Только самым делом, качественною в нас умность (по первому пункту), делает нас достойными называться людьми; не имея же такой умности, мы разнимся от безсловесных одним расположением членов и даром слова. Итак, да познает разумный человек, что он бессмертен; и да возненавидит всякую срамную похоть, которая бывает для людей причиною смерти.

15. Как всякий художник показывает свое искусство тем, что обделывает в прекрасныя формы взятое им надлежащее вещество, — как то: один дерево, другой медь, иной золото и серебро, так и нам должно показывать, что мы люди не тем, что так устроены телесно, но тем, что истинно умны в душе, — тем, что покорствуем закону благожития, т. — е. добродетельной и богоугодной жизни. Истинно умная и боголюбивая душа знает все, чему как следует быть в жизни, и Бога любительно умилоствяет, и благодарит Его искренно, к Нему устремляясь всем желанием и всею мыслию.

16. Как кормчие осмотрительно направляют корабль вперед, чтобы не наткнуться на подводный камень, или скалу какую, так и ревнующие о добродетельной жизни пусть тщательно рассматривают, что им должно делать и чего убегать, полезным для себя почитая только то, что внушают истинные и Божественные законы, отсекая от души лукавыя помышления.

17. Как кормчие и кучера, при сообразительности и старании, успевают быть исправными в своем деле, так и тем, кои ревнуют о правой добродетельной жизни, должно внимательно соображать и заботиться о том, как бы пожить достойно и богоугодно: ибо хотящий сего и убедившийся в возможности для него достигнуть желаемого, верою достигает нетления (чистой жизни).
18. Свободными почитай не тех, кои свободны по состоянию, но тех, кои свободны по жизни и нравам. Не должно, например, называть истинно свободными знатных и богатых, когда они злы и невоздержны, потому что такие суть рабы чувственных страстей. Свободу и блаженство души составляют настоящая чистота и презрение привременного.
19. Напоминай себе, что непрестанно должно являть себя умным, но являть доброю жизнью и самыми делами. Так и больные находят и признают врачей спасителями и благодетелями, не по словам, а по делам.
20. Чья душа действительно умна и добродетельна, — это обнаруживается во взоре, поступи, голосе, улыбке, разговорах и обращении. В ней все изменилось и приняло благообразнейший вид. Боголюбивый ум ея, как бодренный привратник, затворяет входы для злых и срамных помышлений.
21. Разсмотри окружающее тебя и знай, что начальники и владыки имеют власть над телом только, а не над душою, — и всегда содержи сие в мысли своей. Почему, когда они приказывают, например, убить, или другое что сделать неуместное, несправедливое и душевредное, не должно их слушать, хотя бы они мучили тело. Бог создал душу свободною и самовластною, и она вольна поступать как хочет, — хорошо или худо.
22. Умная душа старается избавиться от безпутства, надмения, гордыни, оболъщения, зависти, хищения и подобнаго, каковыя дела суть (дела) демонов и злаго произволения. Все же то, при заботливом старании и внимательном обдумывании, успевает совершить человек, у котораго пожелание не устремляется к низким удовольствиям.
23. Те, кои проводят жизнь в малых и невысоких подвигах, и опасностей избегают, и не имеют нужды в особенных предосторожностях. Побеждая же во всем пожелания, они удобно обретают путь, к Богу ведущий.
24. Умным людям не нужно слушать всякаго рода беседы, но только те, кои приносят пользу, кои ведут к познанию воли Божией; ибо она есть путь, коим люди опять возвращаются к жизни и свету вечному.
25. Тем, кои стараются жить добродетельно и боголюбиво, надобно отстать от самомнения и всякой пустой и ложной славы, и стараться о добром исправлении жизни и сердца. Боголюбивый и непеременимый ум есть руководство и путь к Богу.
26. Никакой нет пользы изучать науки, если душа не будет иметь доброй и богоугодной жизни. Причина же всех зол есть заблуждение, прелесть и неведение Бога.
27. Углубленное размышление о доброй жизни и попечение о душе производят добрых и боголюбивых мужей. Ищущий Бога обретает Его, побеждая всякое похотение непрестанною к Нему молитвою. Таковой не боится демонов.
28. Обольщающиеся земными благами и знающие все до слова, что должно делать проводящим добрую жизнь, походят на тех, кои приобрели лекарства и врачебныя орудия, а пользоваться ими не умеют и даже не заботятся о том. Посему в соделанных нами грехах не будем винить ни рождения нашего, ни другого кого, а только себя самих; ибо если душа самоохотно предается разленению, то

не может быть не побеждаемою.

29. Тому, кто не умеет различить, что добро и что зло, не пристало судить, кто добр и кто зол из людей. Человек знающий Бога, — добр; а когда он не добр, то значит не знает (Бога) и никогда не будет познан (от Него): ибо единственный способ к познанию Бога есть доброта.

30. Добрые и боголюбивые мужи обличают в чем-либо худом людей, когда они есть на лицо, а отсутствующих не только не укоряют сами, но и тем, кои покушаются говорить что-либо о них, не позволяют того.

31. В беседах не должно быть никакой грубости: ибо умных людей обыкновенно украшают скромность и целомудрие более, чем дев. Боголюбивый ум есть свет, осиявающий душу, как солнце — тело.

32. При каждой из душевных страстей, возстающих на тебя, помни, что те, которые право мудрствуют и желают постановить касающееся их (свою участь) на должном и прочном основании, считают для себя усладительным не приобретение тленного богатства, а истинную славу (на небесах). Вот что соделывает их блаженными. Богатство и окрадывается и бывает отнимаемо сильнейшими, а добродетель душевная — одна есть стяжание безопасное и некрадомое, и при том такое, которое по смерти спасает стяжателей своих. Тех, кои так разсуждают, не увлекает призрачный блеск богатства и других утех.

33. Непостоянным и необученным не следует испытывать умных мужей. Умен тот, кто Богу угождает и больше молчит, или, если говорит, то говорит немного — и только нужное и Богу угодное.

34. Стремящиеся к добродетельной и боголюбивой жизни, ревнуют о добродетелях душевных, как о таком стяжании, которое составляет неотъемлемую их собственность и вечное утешение.

Привременным же пользуются они лишь столько, сколько нужно и как дает и хочет Бог, употребляя его с веселием и всяким благодарением, хотя бы то было и очень умеренно. Ибо богатый стол питает тела, как вещественная, а познание Бога, воздержание, благость, благотворение, благочестие и кротость — обожают душу.

35. Властители, которые принуждают делать неуместные и душевредные дела, не господствуют над душою, которая создана самовластною. Они вяжут тело, но не произволение, котораго господином пребывает умный человек по дару Создателя своего, сильнейшаго всякой власти и принуждения и всякой силы.

36. Почитающие несчастием потерю денег, или детей, или рабов, или другаго имущества, да ведают, что во первых должно быть довольными тем, что подает Бог; а потом, когда потребует отдавать, то (обратно) с готовностию и благодушием, не муча себя скорбию по причине лишения того, или лучше, обратнаго возвращения: подобно тем, кои попользовавшись не своим, опять отдают то обратно.

37. Дело человека хороших качеств не продавать свободу свою ради приобретения богатства, хотя бы достающееся ему было очень значительно. Ибо сну подобны житейския блага, и богатство имеет только призрачный блеск, неверный и маловременный.

38. Люди с истинно-человеческими достоинствами (по значению вышеизложенному) должны столько стараться о боголюбивой и добродетельной жизни, чтоб их добродетельная жизнь сияла между другими людьми, подобно тому, как малая порфира, набрасываемая поверх белых одежд в

украшение им, выдается и всем заметна бывает. Ибо таким образом надежнее будет их ревность о душевных добродетелях.

39. Благоразумным людям должно осматривать свою силу (рать) и держать в строю находящиеся в душе добродетели, чтоб таким образом быть всегда готовыми воспротивиться нападающим страстям, с сущюю в душе их силою (ратию добродетелей), естественно дарованною им от Бога. Таковы суть: против красоты и всякой душевредной похоти — воздержание; против нужды и бедности — терпение; против досаждения и гнева — незлобие и подобное сим.

40. Добрым и мудрым человеком вдруг сделаться нельзя; но сие достигается внимательным обсуждением, упражнением, опытом, продолжительным подвигом и (главное) сильным желанием доброго дела. Добрый и боголюбивый человек, истинно познавший Бога, покоя себе не дает, делая все без исключения угодное Богу. Но такие мужи редко встречаются.

41. Людям, не имеющих природных к добру расположений, не следует в отчаянии о себе, опустив руки, небречь о боголюбивой и добродетельной жизни, как бы она ни была недоступна и недостижима для них; но должно и им подумать, и посильное приложить попечение о себе. Ибо хотя и не возмогут они достигнуть верха добродетели и совершенства, но всячески, думая о себе и заботясь, они, или сделаются лучшими, или, по крайней мере, не станут худшими — и это немалая польза для души.

42. Человек по уму соприкасается с неизреченною Божественною силою, а по телу имеет сродство с животными. Но немного таких, которые, как настоящие люди, умные, стараются обращать мысль к Богу и Спасителю и иметь с Ним сродство, и это показывают делами и добродетельною жизнью. Большая же часть людей, несмысленные душою, оставив то Божественное и бессмертное всыновление, склоняются к мертвому, бедному и маловременному сродству с телами, и, как безсловесные, мудрствуя только о плотском и похотию разжигаясь, отлучают сами себя от Бога, и душу с неба низводят в пропасть плотских мучений.

43. Муж умный, помышляя о сопребывании и общении с Божеством, никогда не прилепится ни к чему земному или низкому, но устремляет ум свой к небесному и вечному, зная, что воля Божия — сия вина всякаго добра и источник вечных благ для людей, — есть та, чтоб человек спасся.

44. Когда встретишь человека, который, любя спорить, вступает с тобою в борьбу против истины и очевидности; то, прекратив спор, уклонись от него, совсем окаменевшаго умом. Ибо как дрянная вода делает ни к чему негожими самая лучшая вина, так и злые беседы растлевают людей добродетельных по жизни и нраву.

45. Если мы употребляем все старание и все средства для избежания смерти телесной; то тем паче должны стараться избежать смерти душевной: ибо кто хочет спастися, тому нет к тому никакого препятствия, — разве только нерадение и разленение души.

46. О тех, которые не любят узнавать, что им полезно, и что должно почитать добром, можно сказать, что они не в добром здравьи; у тех же, кои, познав истину, безстыдно спорят против ней, умерщвлена разумность: нрав их сделался скотским, не знают они Бога и душа их не озарена светом.

47. Разные роды животных произвел Бог словом Своим для нашей пользы: одних для употребления в пищу, других для служения. А человека создал Бог, чтобы он был зрителем и благодарным истолкователем Его дел. Об этом и надобно стараться людям, чтобы иначе не умереть им не узревши и не уразумевши Бога и дел Его, подобно животным безсловесным. Ведать надлежит человеку, что

Бог все может. Тому же, кто все может, никто не может противиться. Как из несущаго все, что ни восхотел, сотворил Он словом Своим, так (и ныне) все творит во спасение людей.

48. Небесныя существа безсмертны, по сущей в них доброте; а земныя стали смертными, по причине находящагося в них самопроизвольнаго зла, которое у неразумных умножается от разленения их и неведения Бога.

49. Смерть для людей, кои понимают ее, есть безсмертие; а для простецов, не понимающих ея, есть смерть. И этой смерти не следует бояться, а (бояться надобно) погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души!

50. Грех нашел себе опору в вещественном, и тело стало седалищем его. Но умная душа, поняв сие, свергает с себя бремя вещественнаго, и, возникнув из-под сего бремени, познает Бога всяческих и внимательно смотрит за телом, как за врагом и противоборцем, не доверяя ему. И таким образом душа, победивши злыя страсти и вещество, венчается от Бога.

51. Грех, быв понят душею, ненавидим бывает ею, как зверь зловоннейший; непонятый же он бывает и любим непонимающим его, и порабощая любителя своего, держит его в плену у себя. А он несчастный и бедный не видит, что для него спасительно, даже не думает о том; но полагая, что грех красит его, рад ему.

52. Чистая душа, будучи добротна, освящается и осиявается Богом, и тогда ум помышляет о добром и раждает боголюбивыя намерения и дела. Но когда душа осквернится грехом, тогда Бог отвращается от нея, или лучше — сама душа отделяет себя от Бога, и лукавые демоны, вошедши в помысл, внушают душе неподобныя дела: прелюбодеяния, убийства, хищения и подобныя сим демонския злыя деяния.

53. Ведающие Бога исполнены бывают всякими благими помышлениями и, возделывая небеснаго, презирают житейское. Но таковыя не многим нравятся; так что за это они не только бывают ненавидимы, но и подвергаются поруганию многими из несмысленных. Они готовы терпеть крайнюю бедность, зная, что кажущееся для многих злом для них есть добро. Кто помышляет о небесном, тот верует Богу и знает, что все творения суть дело воли Его, а кто не помышляет о том, тот не верит никогда, что мир есть дело Божие и сотворен для спасения человека.

54. Исполненные греха и упивающиеся невежеством не знают Бога, ибо не трезвенствуют они душею; Бог же умствен (то—есть трезвенным умом только может быть познаваем). Он хотя невидим, но очень явствен в видимом, как душа в теле. Как телу нельзя жить без души, так все видимое и существующее не может стоять без Бога.

55. Для чего создан человек? Для того, чтобы, познавая творения Божии, он зрел Самого Бога и прославлял Создавшаго их для человека; ум, любовь к Богу прилепленный (боголюбец и боголюбезный), есть невидимое благо, от Бога даруемое достойным за добрую жизнь.

56. Свободен тот, кто не рабствует сластям (чувственным удовольствиям), но господствует над телом посредством разсуждения и целомудрия, и с полною благодарностию довольствуется тем, что подает ему Бог, хотя бы то было очень умеренно. Когда боголюбивый ум и душа войдут в согласие между собою, тогда тело смирно и не хотя, ибо тогда душа, действием ума, погашает всякое плотское движение.

57. Не довольствующиеся тем, что есть у них для поддержания жизни, но домогающиеся большаго, порабощают себя страстям, мятущим душу и влагающим в нее помыслы и мечтания все худшия и

худшая, — что все нехорошо и что следовательно надо приобрести новое и лучшее. Как сверх меры длинные одежды мешают идти путешествующим, так и желание имущества сверх меры не дает душе подвизаться и спастись.

58. В чем кто находится по неволе и неохотно, то для него есть темница и казнь. Итак, будь доволен тем, что есть у тебя; иначе, перенося (это состояние свое) без благодарения (с недовольством, неохотно), ты будешь тираном для себя самого, не сознавая того. Но путь к сему один — презрение житейских благ.

59. Как зрение имеем мы от Бога для того, чтоб распознавать видимое, — что бело и что цвету черного; так и разум дарован нам от Бога для того, чтоб различать, что душе полезно (и что вредно). — Пожелание, отвергаясь от разсудка, рождает пристрастие к чувственным удовольствиям, а это не дает душе спастись, или вступить в общение с Богом.

60. Не то грех, что делается по закону естества, но то, когда по произволению делают что худое. Вкушать пищу не есть грех, но грех вкушать ее без благодарения, неблагоговейно и невоздержно; не грех просто смотреть, но грех смотреть завистливо, гордо, ненасытно; не грех слушать мирно, но грех слушать с гневом; не грех заставлять язык благодарить и молиться, но грех позволять ему клеветать и осуждать; не грех утруждать руки милостыне-подаянием, но грех позволять хищение и убийство. Так каждый член грешит, когда по нашему свободному произволению делает злое вместо добраго, в противность воле Божией.

61. Если сомневаешься, что каждое дело твое видимо бывает Богом, то разсуди, что и ты — человек и прах — зараз в одно и тоже время можешь мысленно обзирать все известные тебе места и помышлять о них: не тем ли паче все видит, как зерно горчичное, Бог, все животворящий и питающий по Своему хотению.

62. Когда затворишь дверь жилища твоего и останешься один, ведай, что тебе соприсуш определенный от Бога каждому человеку Ангел, котораго Еллины называют домашним духом. Он не дремлюш, и всегда будучи при тебе, все видит. Его обмануть нельзя и тьма не скрывает от него. Вместе с ним сознавай и Бога во всяком месте присущим. Ибо нет места, или вещества какого, где бы не было Бога, Который больше всех, и все содержит в руке Своей.

63. Если воины хранят верность царю ради того, что от него доставляется им пища; во сколько больше мы должны стараться, благодаря Бога немолчными устами, непрестанно угождать Ему, все создавшему для человека?

64. Благодарность Богу и добрая жизнь есть угодный Богу плод от человека. По как плоды земные не в один час созревают, а требуют времени, дождя и ухода, так и плоды человеческие требуют подвига, разсуждения, времени пождания, воздержания, терпения, пока явятся во всем блеске своем. Впрочем, если ради их покажешься ты иногда кому-либо мужем благоговейным, не верь себе, пока находишься в теле сем и ничего своего не считай вполне угодным Богу. Ибо знай, что неудобно (трудно) человеку до конца сохранить безгрешность.

65. У людей ничего нет честнее слова. Слово столь важно, что словом и благодарением мы Бога чтим. Употребляя слова непотребныя, или безчестныя, обличаем непотребство души своей.

Несмысленному человеку свойственно за грехи свои винить рождение свое или другое что, когда самопроизвольно употребляет он худое слово или делает недоброе дело.

66. Если стараемся мы врачевать иныя телесныя болезни, ради того, чтоб не смеялись над нами те, с

кем случается нам быть; то гораздо более необходимо нам со всею заботою постараться уврачевать болезни душевные, чтоб не оказаться безчестными и осмеянными достойными — пред Богом, пред лицом Коего имеем суд прияти. Ибо имея самовластие, мы можем, если захотим, не делать худых дел даже тогда, как вождедеваем их; в нашей также власти есть жить благоугодно Богу и никто нас не принудит никогда сделать что-либо худое, если не хотим. Так подвизаясь, мы будем людьми Бога достойными, живя как Ангелы на небе.

67. Если хочешь, можешь быть рабом страстей, и если хочешь, можешь остаться свободным, не подклоняясь под иго страстей: ибо Бог создал тебя самовластным. Побеждающий страсти плотския венчается нетлением. Если бы не было страстей, не было бы и добродетелей, ни венцов, даруемых от Бога людям достойным.

68. Не видящие, что для них полезно и незнающие, что добро, слепотствуют душою и разумок их ослеп. Не должно смотреть на них, чтоб тому-же по необходимости не подвергнуться и нам непредвиденно, как слепым.

69. На согрешающих не должно гневаться, хотя бы совершаемые ими проступки были достойны наказания. Виновных, ради самой правды, должно обращать (на путь истинный) и наказывать, если потребуется, или самим, или чрез других, а гневаться на них, или сердчать не следует, потому что гнев действует только по страсти, а не по суду и правде. Не должно одобрять тех, кои сверх должной меры милостивы, но и наказывать злых должно, ради самого добра и правды, а не ради собственной страсти гнева.

70. Одно только душевное стяжание безопасно и некрадомо; — есть же оно — добродетельная и богоугодная жизнь, ведение и творение добрых дел. Богатство есть слепой руководитель и советник несмысленный. Тот, кто употребляет богатство худо, в свое только удовольствие, губит обуморенную душу свою.

71. Людям надобно или совсем не приобретать ничего излишняго, или, имея то, быть твердо уверенными, что все житейское по естеству тленно, может быть отнято, потеряно и разрушено, и что потому, когда случится что, не должно малодушествовать.

72. Знай, что телесныя болезни естественно свойственны телу, как тленному и вещественному. Итак, в случае таких болезней, душе обученной (добру) должно с благодарностию показывать мужество и терпение, и не укорять Бога, зачем создал тело.

73. Подвизающиеся на олимпийских играх увенчиваются не тогда, как победят одного, или другого, или третьяго; но когда победят всех, вступающих с ними в состязание. Так и всякому, желающему быть увенчану от Бога, надобно обучать душу свою целомудрствовать не только в отношении к телесным страстям, но и тогда, как бывает искушаем корыстолюбием, желанием похитить чужое, завистию, сластолюбием, тщеславием, укорами, опасностями смерти, и подобным сему.

74. Будем ревновать о доброй и боголюбивой жизни не ради человеческой похвалы; но изберем добродетельную жизнь ради спасения души; ибо каждодневно видится смерть пред глазами нашими, — и все человеческое ненадежно.

75. В нашей власти жить целомудренно, но сделаться богатым не в нашей власти. Итак, что-же? Не должно-ли осуждать душу нашу за желание маловременнаго и призрачнаго блеска богатства, котораго стяжать не имеем власти? О, как неразумно поступаем мы, желая все богатства! Не знаем разве, что выше всех добродетелей есть смиренномудрие, как больше всех страстей есть чревоугодие

и ненасытное желание житейских благ.

76. Помнить непрестанно должно людям разсудительным, что подъемля в жизни сей небольшие и маловременные труды, после смерти получим мы величайшее утешение и блаженство вечное. — Борющийся с страстями и желающий быть увенчанным от Бога, если падет, да не малодушествует и не остается в падении сем, отчаяваясь в себе; но возстав опять пусть борется и заботится получить венец, до последнего издыхания возставая от случающихся падений. Телесные труды суть орудия добродетелей и спасительны для души.

77. Лишение житейских удобств людей мужественных и борцов соделывает достойными венцов от Бога. Итак, должно в жизни сей умертвить уды свои для всего житейского: ибо мертвый не будет уже заботиться ни о чем житейском.

78. Душе умной и подвизающейся не должно тотчас падать духом и утрашаться, когда случится что скорбное, чтоб не быть осмеяною за боязливость. Душа, увлекаемая житейским блеском, выходит из своего чина. Душевные добродетели делают нас достойными вечных благ, а самопроизвольные грехи человеческие суть причина вечных мучений.

79. Умный человек борим бывает страстями душевными чрез чувства (телесные), кои есть у разумных тварей. Телесных чувств пять: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Чрез сии пять чувств подпадая четырем своим собственным страстям, бедная душа берется в плен. Эти четыре страсти душевные суть, — тщеславие, жажда утех, гнев и страх. Но когда человек с мудростию и разсуждением, хорошо повоевавши, одолеет и победит страсти, тогда уже не бывает борим, но мирствует душею и увенчивается от Бога, как победитель.

80. Из останавливающихся в гостинницах, некоторые получают постели, а другие, не имея постели, на полу ложатся и засыпают так же крепко, как и те, кои спят на постелях. Дождавшись конца ночи, утром те и другие оставляют постели и равно все выходят из гостинницы, неся с собою только свое собственное. Таким же образом и все шествующие путем жизни сей, — и те, кои жили в умеренном состоянии, и те, кои пожили в славе и богатстве, — выходят из жизни сей, как из гостинницы, не беря с собою ничего из сластей житейских и богатства, а одни только собственные дела свои, соделанные ими в жизни сей, — добрыя ли то, или злыя.

81. Имея большую власть, не грози сразу кому-либо смертию, зная, что по естеству и ты подлежишь смерти, и что всякая душа, как последнюю одежду, — скидает с себя тело свое. Разумея сие ясно, подвизайся быть кротким, делая добро, благодари всегда Бога. Кто немилостив, тот не имеет добродетели в себе.

82. Смерти избежать невозможно и нет способов. Зная сие, истинно умные люди, опытно навывкшие добродетелям и боголюбивому помыслу, встречают смерть без стенаний, страха и плача, имея в мысли, что она, с одной стороны, неизбежна, а с другой, — избавляет от зол, каким подвергаемся мы в жизни сей.

83. Забывших добрую и богоугодную жизнь и мудрствующих не по правым и боголюбивым догматам не должно ненавидеть, а более жалеть, как оскудевших разсуждением и слепотствующих сердцем и разумом: ибо принимая зло за добро, они гибнут от неведения. И Бога не знают они треокаянные и несмысленные душою.

84. Не со всяким веди беседы о благочестии и добром житии. Не по зависти говорю так, но потому, что пред неразумнейшим покажешься ты, думается мне, смешным. Подобное подобному

сочувствует, а для таких бесед немного слушателей, или вернее, они очень редки. Лучше потому не говорить, ибо не этого хочет Бог для спасения человека.

85. Душа состраждет телу, а тело не состраждет душе. Так, когда тело разсекают, страдает, с ним и душа, и когда тело крепко и здорово, сослуждаются тем и чувства душевные. — Но когда душа раздумывает (раскаивается), не раздумывает (не раскаивается) вместе с нею и тело, а пребывает само по себе, оставаясь позади (не двигаясь): ибо раздумывание (раскаяние) есть болезненное чувство души; равно как — неведение, гордость, неверие, любостяжание, ненависть, зависть, гнев, малодушие, тщеславие, честолюбие, несогласие, нечувствие добра, и подобное, — душою производятся.

86. Помышляя о Боге, будь благочестив, независтлив, добр, целомудр, кроток, щедр по силе, общителен, неспорлив, и подобное: ибо всем этим угождать Богу есть некрадомое богатство души, а также не осуждать никого, или ни о ком не говорить, что он—де нехорош, согрешил, но лучше разыскивать свои худыя дела и свою жизнь разсматривать с самим собою, — угодна ли она Богу. Какое нам дело до того, что другой кто нехорош?

87. Истинный человек старается быть благочестивым. Благочестив тот, кто не желает чуждаго ему; чуждо же человеку все сотворенное. Итак, презри все, так как ты образ Божий. Образом Божиим бывает человек, когда живет право и богоугодно, а этому быть невозможно, если не отстанет человек от всего страстного. У кого ум боголюбив, тот искусен во всем, что спасительно для души, и во всяком благоговействе, требуемом от него. Боголюбивый муж не укоряет никого другого, потому что знает, что и сам согрешает, и это есть признак души спасающейся.

88. Те, кои с усилием стараются иметь временное стяжание, и, забыв о смерти и погибели души своей, любят вожделение злых дел, а о том, что спасительно для них, не заботятся, не представляют, бедные, что претерпевают люди от зла по смерти.

89. Бог не есть виновник зла. Он даровал человеку разум, способность различать добро и зло и самовластие; злыя же страсти рождаются уже от нерадения и беспечности людей. Отнюдь не виновен в них Бог. По свободному выбору воли, демоны сделались злыми, равно как и большая часть людей.

90. Человек, благочестиво живущий, не попускает злу войти в душу. А когда нет в душе зла, тогда она бывает безопасна и невредима. Над таковыми ни злобный демон, ни случайности не имеют власти. Бог избавляет их от зол и живут они невредимо хранимы, как богоподобные. Похвалит ли кто такового человека, он в себе самом посмеивается над хвалящими его; обезславит—ли, он сам не защищается пред поносящими его, и не негодует за то, что так говорят они о нем.

91. Зло приражается к естеству, как ржавчина к меди, и грязнота к телу. По как не медник произвел ржавчину и не родители грязноту; так не Бог произвел зло. Он даровал человеку совесть и разум, чтоб избегал зла, зная, что оно вредно для него и готовит ему муку. Смотри же внимательно, увидев какого счастливец в силе и богатстве, ни под каким видом не ублажай его, прельщен будучи демоном. Но тотчас смерть да будет у тебя пред глазами; и никогда не возжелаешь ты ничего худого, или житейского.

92. Бог наш тем, кои на небе, даровал бессмертие, а тех, кои на земле, создал подлежащими изменению; всему (прочему) даровал жизнь и движение, — и все для человека. Итак, да не увлекают тебя житейския прелести, когда диавол будет влагать злыя помышления в душу твою; но тотчас вспомни о небесных благах и скажи себе самому: если захочу, в моей состоит власти победить и это

возстание страсти; но я не побегну, если захочу удовлетворить моему желанию. Таким-то подвизайся подвигом, могущим спасти душу твою.

93. Жизнь есть соединение и сочетание ума (духа), души и тела; а смерть есть не погибель этих сочетанных (частей), а расторжение их союза; все это Бог хранит и по расторжении.

94. Ум не есть душа, но дар Божий, спасающий душу. Богоугодный ум течет впереди души и советует ей презреть временное, вещественное и тленное, а возлюбить блага вечныя, нетленные и невещественныя, так чтоб человек, живя в теле, умом представлял и созерцал небесное и Божественное. Таким образом ум боголюбивый есть благодетель и спаситель человеческой души.

95. Душа, поблажая телу, омрачается удовольствием и погибает, Боголюбивый ум действует противно сему: он причиняет скорбь телу и спасает душу, как врач, разсекающий и жгущий тела.

96. Те души, которыя не обуздываются разумом и не управляются умом, который бы остепенял, удерживал и направлял (куда следует) страсти их, т. е. скорбь и удовольствие, — такия души погибают, как неразумныя животныя; потому что у них разум увлекаем бывает страстями, как кучер лошадьми, вышедшими у него из повиновения.

97. Величайшая болезнь души, крайняя беда и пагуба, — не знать Бога, все создавшего для человека и даровавшего ему ум и слово, коими, возносясь горе, может он вступать в общение с Богом, созерцая и прославляя Его.

98. Душа в теле, в душе — ум, в уме — слово, коими созерцаемый и прославляемый Бог обезсмертывает душу, даруя ей нетление и наслаждение вечное. Ибо Бог всему сущему даровал бытие по единой Своей благости.

99. Бог, сотворив человека самовластным, как независтный (всещедрый) и благий, доставил ему возможность, если захочет, угождать Богу. Угодно же Богу то, чтоб в человеке не было зла. Ибо, если люди хвалят хорошия дела и добродетели святой и боголюбивой души, а дела срамныя и злыя осуждают, не тем ли паче Бог, хотящий спасения человеку?

100. Благо получает человек от Бога, как благаго; а злу подвергается человек сам от себя, от сущаго в нем зла, от похоти и нечувствия.

101. Безразсудная душа, по естеству бессмертная и госпожа тела, становится рабою тела из-за чувственных удовольствий, не разумея, что услаждение тела — пагуба душе. Но впадши в нечувствие и обьюродевши, заботливо печется она о сем услаждении тела.

102. Бог благ, а человек зол. На небе нет зла, а на земле нет истиннаго блага. Но умный человек избирает лучшее: познает Бога всяческих, благодарит и воспеваает Его; телом-же гнушается прежде смерти и злым его чувствованиям (требованиям, желаниям) не позволяет приходить в исполнение, зная их пагубность и злое действие.

103. Грехолюбивый человек любит многостяжание; а о правде нерадит, не помышляя о неверности, непостоянстве и маловременности жизни, и не помня о неподкупности и неизбежности смерти. Если же и в старости кто бывает так срамен и несмыслен, — то он, как древо гнилое, негоден ни на какое дело.

104. Удовольствие и радость чувствуем мы после того, как испытываем скорбное: ибо несладко пьет тот, кто не томился жаждою, несладко ест, кто не голодал, несладко засыпает, кого сильно не клонила дремота, не сильно чувствует радость, кто прежде не был в скорби: — так и вечными благами не насладимся мы, если не презрим маловременныя.

105. Слово есть слуга ума. Что хочет ум, то и слово выражает.
106. Ум все видит, даже то, что на небе, и ничто не помрачает его, кроме одного греха. Для чистаго же ничего нет неудобопонятнаго, как для слова его, — неизглаголаннаго.
107. По телу человек смертен, а по уму и слову — бессмертен. Молча ты умствуешь, и, умствуя говоришь в себе: ибо в молчании ум раждает слово. Благодарное же слово, Богу приносимое, есть спасение для человека.
108. Говорящий несмысленно не имеет ума; ибо говорит, ничего не думая. Но размотри, что полезно тебе делать для спасения души.
109. Слово умное и душеполезное есть дар Божий; напротив, слово пустопорожнее, хотящее определять меру и разстояние неба и земли, и величину солнца и звезд, есть изобретение человека, всуе трудящагося, который по пустому самомнению ищет того, что никакой ему не приносит пользы, как бы желая решетом зачерпнуть воды; ибо этого людям нет возможности найти.
110. Неба никто не видит, и того, что на нем, познать никто не может, кроме человека, ревнующаго о добродетельной жизни, который ведает и прославляет Сотворшаго оно (небо) во спасение и живот человеку. Таковой боголюбивый муж несомненно знает, что без Бога нет ничего, но что Он есть везде и во всем, яко Бог, ничем неограниченный.
111. Как из матерняго чрева выходит человек, так из тела душа выходит голою, и бывает иная чиста и светла, иная запятнана падениями, а иная черна от многих прегрешений. Почему умная и боголюбивая душа, поминая и рассуждая о бедах и крайностях послесмертных, живет благочестиво, чтоб не быть осужденною и не подвергнуться им. А неверующие не чувствуют и грешат, презирая имеющее быть там, безумные душою.
112. Как, изшедши из чрева, не помнишь того, что было в чреве; так, изшедши из тела, не помнишь того, что было в теле.
113. Как, из чрева изшедши, стал ты лучше и больше телом; так, изшедши из тела чистым и нескверным, будешь лучшим и нетленным, пребывая на небесах.
114. Как телу, когда совершенно разовьется во чреве, необходимо родиться; так душе, когда она достигнет положеннаго Богом предела ея жизни в теле, необходимо выдти из тела.
115. Как ты будешь относиться к душе, пока она в теле; так и она отнесется к тебе, вышедши из тела. Хорошо послуживший здесь телу своему, доставляя ему всякия утехи, худую сам себе оказал услугу по смерти (как известно из притчи о богатом и Лазаре); ибо подверг осуждению душу свою, как безразсудный.
116. Как тело, вышедшее из матерней утробы несовершенным, не может жить; так душа, изшедшая из тела, не достигнув боговидения чрез доброе житие, спасется или быть в общении с Богом, не может.
117. Тело, соединяясь с душою, выходит на свет из мрака чрева; а душа, соединяясь с телом, заключается во мраке тела. Посему надобно не жалеть, а обуздывать тело, как врага и противоборца души; ибо множество яств и сласти возбуждают злыя страсти в людях, воздержанное же чрево усмиряет страсти и спасает душу.
118. Орган зрения телеснаго — глаза, а орган зрения душевнаго — ум. Как тело, не имеющее очей, слепо; не видит солнца, освещающаго всю землю и море, не может наслаждаться светом его: так душа, не имеющая благаго ума и доброй жизни, слепа: — не ведает и не славит Бога, Творца и

Благодетеля всех (тварей), и войти в наслаждение Его нетлением и вечными благами не может.

119. Неведение Бога — от нечувствия и безумия души: от сего неведения рождается зло; от боговедения — же прибывает людям добро и спасает душу. Итак, если, пребывая в трезвении и боговедении, стараешься ты не исполнять своих пожеланий, то ум твой обращен на добродетели; если же, опьянев неведением Бога, в удовольствие свое стараешься исполнять злых пожеланий твоих, то погибнешь подобно бессловесным, не помня тех бед, какие имеют встретить тебя по смерти.

120. Дело промысла есть и то, — что бывает по непреложному порядку, Богом для мира определенному, как наприим. то, что солнце восходит и заходит каждодневно и земля приносит плоды. Все-же человека ради сотворено.

121. Что Бог творит, как Благий, для человека творит; а что человек делает, то делает сам для себя, как доброе, так и злое. Чтоб не быть тебе в недоумении относительно благоденствия злых людей, знай, что как города содержат палачей не потому, чтоб похваляли их злейшее произволение, но для того, чтоб посредством их наказывать достойных того; так и Бог попускает злым преобладать в житейском для того, чтоб чрез них наказывать нечестивых. После же их самих предаст Он суду, потому что не Богу служа, а своей собственной злобе раболепно удовлетворяя, причиняли они людям зло.

122. Еслиб почитающие идолов знали и видели сердцем, что почитают, то не совратились бы с пути благочестия, несчастные; но созерцая красоту, чин и промысл во всем сотворенном и бывающем от Бога, познали бы Сотворившаго все сие для человека.

123. Человек, будучи зол и неправеден, может убить; Бог же непрестанно дарует жизнь и недостойным. Будучи независтен (ко всем щедр) и благ по естеству, восхотел Он, чтоб был мир, и он стал быть и продолжает быть для человека и спасения его.

124. (Настоящий) человек есть тот, кто понял, что такое тело, — именно, что оно тленно и маловременно. Таковый и душу понимает (как следует) — именно, что она божественна и бессмертна, и, будучи вдуновением Бога, соединена с телом для испытания и восхождения к богоподобию. Понявший же душу, как следует, живет право и богоугодно, не доверяя и не полагая телу. Созерцая Бога умом своим, он зрит умно и вечныя блага, даруемая Богом душе.

125. Бог, будучи благ и независтен (щедродателен), дал человеку свободу в отношении к добру и злу, одарив его разумом, чтоб созерцая мир и что в мире, познавал он Сотворшаго всяческая для человека. — Но человек неправедный может желать и не разуметь сего, может, к своему несчастью, не веровать и мыслить противно истине. Такую имеет человек свободу в отношении к добру и злу!

126. Таково Божие определение, чтоб, по мере возраста тела, душа исполнялась умом, — дабы человек из добра и зла избирал удобное уму (т. — е. добро), душа же, не избирающая добра, не имеет ума. Почему хотя все тела имеют душу, но нельзя сказать, чтобы всякая душа имела ум. Ум боголюбивый бывает у целомудренных, преподобных, праведных, чистых и благих, милостивых и благочестивых. Присутствие ума бывает помощно человеку в его отношениях к Богу.

127. Одно только невозможно человеку — быть не смертному (миновать смерти). С Богом возыметь общение он может, если поймет, как сие возможно. Ибо при желании и понимании (дела) ради веры и любви, свидетельствуемой доброю жизнью, человек становится собеседником Богу.

128. Глаз видит видимое, а ум постигает невидимое. Боголюбивый ум есть свет души. У кого ум боголюбив, тот просвещен сердцем и зрит Бога умом своим.

129. Ни один добрый не срамен. Кто не добр, тот, конечно, и зол, телолобив. Первоначальная добродетель человека есть презрение плоти. Отрешение от благ привременных, тленных и вещественных, по произволению, а не по бедности, соделывает нас наследниками благ вечных и нетленных.
130. Кто имеет ум, тот знает о самом себе, что он есть, именно, — что он есть человек тленный. Себя же познавший знает и обо всем, что оно есть творение Божие, и создано для спасения человека. Так все разуметь и право веровать состоит во власти человека. Таковой муж твердо знает, что презирающие житейския блага труд имеют очень небольшой, а утешение и покой вечные получают от Бога по смерти.
131. Как тело без души мертво, так душа без ума бездейственна (безплодна) и Бога достоянием своим иметь не может.
132. Одного человека Бог слушает, одному человеку Бог является; ибо человеколюбив есть Бог, и где бы ни был человек, там есть и Бог; один человек есть достойный Бога поклонник; для человека Бог преобразается.
133. Для человека создал Бог небо, украшаемое звездами, для человека создал Он землю, — и люди возделывают ее для себя. Не чувствующие такого Божия промысления — несмысленны душою.
134. Добро невидимо, как невидимо сущее на небе; а зло видимо, как видимо сущее на земле. Добро есть нечто сравнения не имеющее; человек же, имеющий ум, избирает добрейшее. Один человек способен познавать Бога и творения Его.
135. В душе действует ум, а в теле природа. Ум обожает душу, а природа разлагает тело. В каждом теле действует природа, но не в каждой душе бывает ум; почему не всякая душа спасается.
136. Душа есть в мире, как рожденная; а ум превыше мира, как нерожденный. Душа, понимающая что есть мир и желающая спастись, имеет неотложным законом — каждый час помышлять в самой себе, что вот ныне подвиг (смертный) и истязание (дел), на коем не стерпишь (взора) Судии, и что будто уж гибнет душа. Помышляя так, она хранит себя от ничтожных и срамных удовольствий.
137. На земле положены Богом рождение и смерть, а на небе полнота всего и неизменность. Все же сотворено для человека и спасения его. Не нуждающийся ни в каких благах, Бог для человека устроил небо, землю и стихии, доставляя ему чрез них всякое наслаждение благами.
138. Смертное подчинено бессмертному и служит ему, т. е. стихии человеку, по человеколюбию и существенной благости Создателя Бога.
139. Убогий, не имеющий сил вредить, не ставится в числе деятельно благочестивых. Но кто может причинить вред и не употребляет силы своей на зло, а щадит униженных, по благочестию пред Богом, тот бывает причастником воздаяний благих и по смерти.
140. По человеколюбию создавшего нас Бога, ко спасению есть весьма много путей, обращающих души и возводящих их на небеса. Души человеческия получают за добродетель награды, а за грехи — наказания.
141. Сын в Отце, Дух в Сыне, Отец в Обоих. Верою человек познает все невидимое и умопредставляемое. Вера же есть свободное убеждение души в том, что возвещается от Бога.
142. Как те, кои по каким-либо потребностям и обстоятельствам вынуждаемы бывают переплывать большия реки, если бывают трезвы, сохраняют жизнь; ибо хотя бы случилось сильное стремление вод, хотя бы даже зачерпнулась и вода лодкою, — они спасаются, ухватившись за что либо,

бывающее обычно при берегах; если же бывают пьяны, то хотя бы тьмократно покушались доплыть до края, будучи одолеваемы вином, погружаются в волны и остаются вне круга живых: таким же образом, если и душа, впадши в волны и кружение течении жизни, сама не возникнет из-под плотолюбия и не познает самой себя, — именно, что она, будучи божественною и бессмертною, соединена с вещественным телом, маловерным, многострастным и смертным только на испытание, и позволит себе увлечься плотскими страстями на пагубу себе; то как презрительница себя самой, пьяная неведением и о себе незаботящаяся, погибает и остается вне круга спасаемых. Ибо тело, подобно реке, часто увлекает нас к непотребным удовольствиям.

143. Умная душа, стоя непоколебимо в своем добром намерении, как коня обуздывает гнев и похоть — эти неразумнейшие свои страсти, и за то, что борется с ними, укрощая и преодолевая их, увенчивается и удостоивается пребывания на небесах, получая сие, как воздаяние за посев и труды от создавшего ее Бога.

144. Истинно умная душа, смотря на счастье злых и благоденствие недостойных, не возмущается, помышляя о их наслаждениях в сей жизни, как это бывает с людьми безразсудными; ибо такая душа ясно знает и непостоянство счастья, и безвестность пребывания здесь, и мало-временность жизни сей, и нелюбезность суда, и верует, что Бог не небрежет о том, что необходимо для ея пропитания.

145. Жизнь плотская и наслаждение в жизни сей большим богатством и властью бывает смертию для души; напротив труд, терпение, бедность с благодарением и умерщвление тела есть жизнь души и путь к вечному утешению.

146. Умная душа, презирая вещественное стяжание и маловременную жизнь, избирает утешение небесное и жизнь вечную, которую и получит от Бога за доброе житие.

147. Имеющие на себе замаранную одежду марают платье тех, кои прикасаются к ним. Таким же образом люди злые нравом и неисправные поведением, обращаясь с простейшими и говоря к ним неподобающие речи, как грязью оскверняют душу их чрез слух.

148. Начало греха есть похоть, чрез которую погибает умная душа. Началом же спасения и царствия небеснаго бывает для души любовь.

149. Как медь, брошенная в небрежении и оставленная без должнаго о ней попечения, повреждается ржавчиною, появляющеюся на ней от долговременнаго лежания в связках и неупотребления в дело, и чрез то делается недобротною и непотребною: так и душа, в бездействии пребывающая и незаботящаяся о доброй жизни и обращении к Богу, злыми делами своими лишая себя покрова Божия, снедается злом, раздражающимся от такого нерадения в веществе тела, и чрез то является недобротною и негожею ко спасению.

150. Бог благ и безстрастен и неизменен. Если кто, признавая благословным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает однакож, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвращается, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним; то на сие надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается: ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтоб Божеству было хорошо, или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредить, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом, по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога, по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы бываем Божиими, а делаясь злыми становимся отверженными от Него; а сие не

то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу возсиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах: то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу, уврачевав сущее в нас зло, опять соделываемся мы способными вкушать Божию благодать; так что сказать: Бог отвращается от злых, есть тоже, что сказать: солнце скрывается от лишенных зрения.

151. Благодетельная душа знает Бога всяческих: ибо быть благодетельным есть не что иное, как исполнять волю Божию, а это и значит знать Бога, т. е. когда старается кто быть независтливым, целомудренным, кротким, щедрым по силе, общительным, не любопытным, и делать все, что угодно воле Божией.

152. Ведение Бога и страх Божий суть врачевство против страстей плоти. Почему когда в душе есть неведение Бога, тогда страсти, оставаясь неисцеленными, портят душу. Она тогда растлевается от живущаго в ней зла, как от долговременнаго вередя. Но Бог не виновен в этом, потому что Он даровал людям ведение и разум.

153. Бог исполнил человека ведением и разумом, стараясь очистить страсти и самопроизвольное зло и по Своей благодати желая преложить смертное в бессмертие.

154. Ум, находящийся в чистой и боголюбивой душе, истинно зрит Бога — не рожденнаго, невидимаго, неизглаголаннаго — Единаго Чистаго для чистых сердец.

155. Венец нетления, добродетель и спасение человека есть благодарно переносить несчастье. Обуздание же гнева, языка, чрева и сластолюбия весьма великою бывает помощию для души.

156. То, чем держится мир, есть промышление Божие, и нет ни одного места, котораго не касалось бы сие промышление. Промышление же есть самосвершительное Слово Божие, образователь входящаго в состав мира сего вещества, Устроитель и Художник всего бывающаго. Никак не возможно веществу принять прекрасное устройство без разсудительной силы слова, которое есть образ, ум, мудрость и промышление Божие.

157. Возбуждаемая воспоминанием похоть есть корень страстей, родственных тьме. Находясь в сем похотном воспоминании, душа не знает о себе, что она есть вдуновение Бога и бросается на грех, не помышляя о крайней беде, в какой будет находиться по смерти, — безумная.

158. Самая большая и неисцельная болезнь души и пагуба ея есть богозабвение и тщеславие. Похотение зла есть лишение блага; благо—же наше состоит в том, чтоб охотно делать всякое добро, которое угодно Богу всяческих.

159. Один человек способен принимать Бога. Ибо с этою одною живою тварию беседует Бог, ночью чрез сновидения, а днем чрез ум, и всячески предсказывает и предзнаменует Он достойным Его людям будущия блага.

160. Для верующаго и желающаго нисколько не трудно познать Бога. Если же хочешь зреть Его, смотри на благоустройство всего и промышление о всем, что было и бывает словом Его. — И все это для человека.

161. Святым называется тот, кто чист от зла и грехов. Почему величайшее совершенство души и дело весьма Богу угодное есть то, когда нет зла в человеке.

162. Имя есть означение одного из числа многих (нарицательное). Но неразумно думать, чтоб Бог, Который есть Един и единствен, имел соименных Себе: ибо слово Бог означает безначальнаго, все

сотворшаго для человека.

163. Если сознаешь за собою худыя дела, отсеки их от души твоей, в чаянии благ: ибо Бог праведен и человеколюбив.

164. Знает Бога и знаем бывает от Бога тот человек, который старается быть всегда неотлучным от Бога; неотлучным же от Бога бывает человек добрый во всем и воздерживающийся от всякаго чувственного удовольствия, не по недостатку средств к тому, а по своей воле и свободной воздержности.

165. Благодаря тому, кто обижает тебя, и Бога будешь иметь другом. Никому не наговаривай на врага своего. Подвизайся в любви, в целомудрии, в терпении, в воздержании и подобном; ибо то и есть познание Бога, чтоб посредством смиренномудрия и подобных добродетелей последовать Богу. Но такая дела не всякому свойственны, а только душе умной.

166. Против тех, кои дерзают говорить, что растения и травы имеют душу, написал я сию главу к сведению для простейших. Растения имеют жизнь физическую, но души не имеют. Человек называется разумным животным, потому что имеет ум и способен приобретать познания. Прочия же животныя — земныя и воздушныя, у которых есть голос, имеют дыхание и душу. Все растущее и умаляющееся можно назвать живым потому, что живет и растет, но нельзя сказать, чтоб все такое имело душу. Живых существ четыре различных вида: одни из них бессмертны и воодушевлены, каковы Ангелы; другия имеют ум, душу и дыхание, каковы люди; иныя имеют дыхание и душу, — каковы животныя; а иныя имеют только жизнь, — каковы растения. Жизнь в растениях держится и без души, и без дыхания, и без ума и бессмертия; но и прочее все без жизни быть не может. Всякая человеческая душа есть приснодвижна.

167. Когда восприимешь мечтание о каком-либо чувственном удовольствии, поберегись, чтоб не быть тотчас увлечену им; но несколько отстранив его, вспомни о смерти и помысли, сколько лучше сознать себя тогда победившим эту прелесть сластолюбия.

168. Бог приличнейшим образом положил преграду злу в людях тем, что даровал им ум, ведение, разум и различение добра, чтобы познавая зло, что оно вредит нам, мы убегали его. Но безумный человек идет вслед зла, и даже величается им, и как бы в сеть попавшись, бьется он, будучи опутан им внутрь и не имея сил возникнуть когда-либо из-под него, чтоб увидеть и познать Бога, все создавшаго во спасение и обожение людей.

169. Смертные должны заботиться о себе, зная наперед, что их ожидает смерть. Ибо блаженное бессмертие бывает уделом преподобной души, когда бывает доброю, и смерть вечная сретает ее, когда она бывает злою.

170. Когда склоняешься на свое ложе, со благодарением воспоминай в себе благодеяния и Промысл Божий. Тогда, исполненный этим благим помышлением, ты полно возвеселишься духом и будет для тебя сон тела трезвением души, смежение очей твоих — истинным видением Бога, и молчание твое, будучи преисполнено чувством блага, от всей души и силы воздаст восходящую горе — сердечную славу Богу всяческих. Ибо когда нет зла в человеке, тогда благодарение и одно, паче всякой многоценной жертвы, — приятно Богу. Ему же слава во веки веков. Аминь.

3. Устав отшельнической жизни.

1. Даю сии правила, как изречет их Господь устами моими, для тех, кои хотят подклониться под тяжелое иго отшельничества. Должно повиноваться сим заповедям, и кто нарушит хоть одну из них,

тот мний наречется в царствии небесном (Мф. 5, 19).

а) Внешнее течение и внешние порядки такой жизни.

а) Удаление от мира и от сожителства с людьми.

2. Кто хочет спастися (в мироотречном образе жизни), пусть не остается в доме своем и не живет в том городе, в котором грешил; также пусть не посещает родителей своих и ближних по плоти: ибо от этого бывает вред душе и гибнут плоды жизни.

3. Не возвращайся в город, в котором некогда грешил ты пред Богом.

4. Не ходи смотреть, как живут родные твои, и им не позволяй приходить смотреть, как живешь ты; и даже совсем не видайся с ними.

б) Избрание пустынножительства.

5. Духовные отцы наши утверждают, что пустынь есть самое пригодное место для размышления о смерти и верное убежище от увлечения вещами мирскими, покоящими плоть.

6. Кто живет в пустыни и безмолвствует, тот избавлен от трех браней: от брани чрез слух, от брани чрез язык и от брани чрез видение того, что может уязвлять сердце его.

7. Смотри, чтоб не обольстил тебя помысл, внушая, что пустынь есть место прохладения.

в) Келейное уединение.

8. Удалясь от молвы житейской, уединись, и будешь странник. Сидеть в келлии будет для тебя тоже, что отправиться в чужую сторону.

9. Когда выйдешь куда, всеми мерами старайся поскорее воротиться в уединилище свое, чтоб предаться молитвам своим.

10. Когда пойдешь на жатву, не мешкай там, но скорее возвращайся в свое уединилище.

11. Когда посетишь какого брата, не медли долго в его келлии.

г) Келейныя занятия и порядки.

12. Пребывая в келлии своей, держи следующие три занятия: рукоделие, чтение псалмов и молитву.

13. Пребывая в келлии, вот чем занимайся: чтением писаний, молитвою к Богу и рукоделием.

14. Каждый день постись до 9-го часа, исключая субботы и дня Господня. Когда настанет 9-й час, иди в келлию свою (внутреннейшую) [1], и прежде принятия пищи соверши молитву свою. По вкушении пищи, то читай, то молись попеременно.

д) Молитвословие и коленопреклонения.

15. Исполняй молитвы в установленные часы, ни одного не пропуская, чтоб не дать за это ответа.

16. Молитву свою ночью совершай, прежде чем пойдешь в церковь [2].

17. (И всегда) прежде, чем пойдешь в церковь, молись в келлии своей.

18. (Вообще) прежде и после общей молитвы с братьями, всегда совершай молитву и в келлии своей; и никогда не ленись этого делать.

19. Почасту преклоняй колена, и не ленись это делать, чтоб не умереть злою смертию.

20. Когда молишься, не допускай лености: ибо молитва лениваго — праздныя слова.

21. Когда молишься и воспоминаешь о Боге, будь как птица, легко и высоко парящая, по обету монашества и значению одежд твоих.

е) Чтение и Богомысленное размышление.

22. Прилежи чтению писаний, и они исторгнут тебя из нечистоты (или: будут разгонять нечистые помыслы).

23. Если будешь постоянно и усердно заниматься чтением писаний и исполнять заповеди, то Божие милосердие пребудет с тобою.
24. Размышляй о делах Божиих и не ленись молиться.
25. Монах, сидящий в келлии своей с сомкнутыми устами и Бога не помнящий, похож на раззоренный дом, находящийся вне города, который всегда полон всякими нечистотами; потому что, кто ни вздумает вынести нечистоты из дома своего, туда их относит. (То есть: молчит устами, а умом мечтает, помыслам поблажает и сердцем увлекается, — что все есть греховный сор, бесами в душу ввергаемый).
- ж) Рукоделие и вообще труд.
26. Тело надобно поработать и утомлять долгим трудом.
27. Назначь себе умеренный какой-нибудь труд для келейного занятия, — и сердце твое смиренно будет.
28. Понуждай себя на труд рукоделия; и вселится в тебя страх Божий.
29. Будь прилежен в трудах рукодельнических и низойдет на тебя страх Божий.
30. Сидя в келлии, налегай на труды рукоделия; но при этом имени Господа не отпускай от себя, но непрестанно вращай Его в уме твоём, поучайся Ему в сердце твоём и хвали Его языком твоим, говоря: Господи мой, Иисусе Христе, помилуй меня; или: Господи Иисусе Христе, пошли мне помощь Твою; или: Хвалю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе.
- з) Пища.
31. Один (и тот же всегда) час установи себе (для принятия пищи, и принимай ее) для подкрепления тела своего, а не для услаждения.
32. Употребляй самую простую и дешевую пищу.
33. Хлеб твой съедай в безмолвии и с воздержанием, и смотри, чтоб сидение твое (за столом) было скромно.
34. Не ешь до сыта.
35. Не будь жаден и падок на пищу, чтоб не возобновились в тебе прежние грехи твои.
36. В среду и пятницу не разрешай поста.
37. Мяса совсем не ешь.
38. К месту, где точат вино, не подходи.
39. В собрания и угощения (общая трапеза) не спеши.
40. Если придешь в какое место, где учреждается общая трапеза [3], вкуси и воздай благодарение Богу.
41. К трем чашам вина не прибавляй четвертой, разве только по какой-либо великой болезни [4].
42. Не тотчас протягивай руку к тому, что тебе предлагается.
43. Если ты молод, не протягивай руки своей прежде других; потому что это не скромно.
- и) Сон.
44. Спи мало и в меру; и Ангелы посетят тебя.
45. Когда здоров, не снимай пояса своего.
46. Когда ляжешь спать, не влагай рук твоих внутрь (м. б. за пазуху), чтоб не согрешить и не знаючи.
- и) Одежда.
47. День и ночь будь в кукуле твоём, и в мантии твоей, и во всей одежде твоей, как узник и

заклученник.

48. Не надевай одежды, которою мог бы ты величаться и хвалиться.

49. Одежды твои береги, чтоб в день суда не оказаться тебе нагим среди сонма других [5].

к) Все содержание, котораго главная черта — нищета.

50. Больше того, сколько тебе нужно, не сберегай ничего.

51. Нищета есть не что иное, как умеренность во всем, или такое состояние, в котором довольствуются малым.

52. Люби поношение паче почета, утруждение тела паче покоя, и недостаток в вещах (потребных), паче избытка.

л) Церковное Богослужение [6].

53. Дела церкви (смотрение за церковью и Богослужением) должны быть поверяемы мужу верному и Бога боящемуся.

54. Как только ударят в било, не ленись тотчас идти в церковь.

55. Не оставляй Богослужения, да не будет тебе это в преткновение и сеть.

56. В церкви отнюдь не говори.

57. Не так будь в церкви, как в таком месте, где собирается много народа (т. — е. чтоб в душе не было шума и толкотни многопомышлений).

58. В церкви не хорони мертвеца своего (т. — е. не занимайся тем, как устроить свои житейския дела).

м) Соотношения:

аа) Первое и главное, — к авве, к отцу духовному, к старцам и вообще к преуспевшим.

59. Ни к какому делу, каково бы оно ни было, не приступай, не посоветовавшись с аввою монастыря [7].

60. Пред аввою твоим и высшими себя не размножай слов.

61. То твердо держи всегда в сердце своем, чтоб слушаться отца своего; и вселится в тебя страх Божий.

62. Совершенство подвига твоего есть послушание; и добро человеку, если он несет иго Господне от юности — служит и повинуется.

63. Не будь непослушен, иначе будешь орудием и сосудом всех зол и неправд.

64. Со смирением и плачем проси отца своего, чтоб он наставил тебя в том, чего еще не знаешь; и не будешь постыжден.

65. Помни всегда того, кто напаяет тебя добрым учением, и от него старайся вызнать животворныя заповеди, — и благоуспешную проведешь жизнь по воле Господа, как написано у блаженнаго Апостола Павла: в сих поучайся, в сих пребывай: да преспеяние твое явлено будет во всех (1 Тим. 4, 15).

66. Если ты искренно подклонил выю свою под иго послушания, внимательно выслушивай, что говорится тебе, и потом добросовестно исполняй то по всей силе заповедания.

67. Не скрывай от отца своего греха, сделаннаго тобою.

68. Добрым нравам каждодневно учись у старших своих.

69. Отцев своих духовных люби больше, чем родителей плотских, потому что те заботятся о тебе ради Бога.

70. Так живи, чтоб отцы монастыря, родившие тебя духовно, порадовались славе твоей в сонме святых.

71. Всячески заботься о том, чтоб благословение старцев монастыря почивало на тебе.

72. Не всем открывай помыслы свои, а только тем, которые могут врачевать душу твою.

73. Не всем открывай помыслы свои, чтоб не быть в соблазн брату своему.

74. Ко всем имей приятельское расположение; но не всех имей советниками.

бб) Взаимное — всех ко всем.

75. Старайся достигнуть того, чтоб все люди благословляли тебя.

76. Попечалься с братом твоим, и покажи ему доброе участие.

77. Если какой брат усердно попросит тебя помочь ему, работай с ним весь тот день.

78. Друзей прежде опробуй испытанием, и не всех делай себе близкими, не всем вверяйся; потому что мир полон лукавства. Но избери себе одного брата, боящагося Господа, и с ним дружись как брат с братом. А лучше всего прилепись к Богу, как сын к отцу; ибо люди все вдалились в лукавство, исключая немногих. Земля полна суеты, бед и скорбей.

вв) Старших к другим.

79. Если ты перестал работать греху, то говори во имя Господне и наставляй тех, коих ради хулится имя Господа: и как они мертвые и отсечены от живаго Господа, постарайся, чтоб они отстали от своих мертвых дел, оживотворились и сподобились получить славу.

80. Обличай (и исправляй) детей своих (духовных) нещадно; потому что с тебя взыщется осуждение их (если т. — е. они окажутся достойными осуждения на страшном суде).

81. Обличай не щадя, но со страхом Божиим. Не приемли ничьего лица, кто бы тут ни был, и отлучай словами истины.

82. Если какой брат придет к тебе и откроет свои помыслы, — смотри, никому их не пересказывай, но молись о себе и о нем, да спасет вас Господь обоих.

83. Не отвергай того, кто ищет веры во Христа.

84. Кто не принимает наставлений твоих, не говори их тому.

85. Ничего не предлагай кому-либо в правило, прежде чем сам исполнишь то делом.

86. Величайшее из всех безобразий безобразие есть — заповедовать другому делать то, чего сам не исполняешь; ибо никакой не получим мы пользы от чужих дел.

гг) К больным.

87. Вставая утром каждый день, заботься о больных, какие есть у вас.

88. Ходи по больным и их сосуды наполняй водою.

89. Все, что можешь, все лишнее раздавай больным монастыря.

90. Если авва твой приставит тебя служить больным, служи им от всего сердца твоего, чтоб двоякую получить награду от Бога, т. — е. за послушание, с любовью исполненное.

дд) К странникам.

91. Если придет к тебе брат какой, хоть не во время, прими его с радостью, чтоб он воздал благодарение Богу и на тебя не поскорбел.

92. Если брат какой придет к тебе, смири себя во всем пред ним, покажи ему радушие ради Господа, и бойся вознестись гордостью.

93. Лице твое всегда должно быть печально, разве когда к тебе придут братия-странники: тогда

прими вид радостный.

н) Взаимное обращение.

94. Будь скромн во всех своих действиях.

95. Во всем поведении своем и взаимообращении с другими усвой себе приемы беднаго нищаго: не величайся, ни когда ведешь беседу, ни когда поешь гимн или хвалебную песнь Богу. И когда сойдешься с братьями, слова твои да будут безъискусственны.

96. С отроком и юношею не заводи речи, тем более не своди дружбы; и в сожительство таких не принимай, чтоб не дать места диаволу.

97. С отроком совсем не говори; ибо иначе он будет тебе в преткновение.

98. Не бери за руку подле тебя стоящаго брата и не касайся ланит его, старше ли он, или моложе тебя.

99. Всеми силами удаляйся от людей, чуждых разума и совета.

100. Если любишь покойную жизнь, не входи в круг тех, у коих вся забота о суетностях, и если случайно попадешь в среду их, будь таков, как-бы тебя там не было.

о) Собеседование и вообще, употребление языка.

101. Не возвышай (не издавай) голоса (все молчи в келлии), разве только для молитв, уставом положенных.

102. Бегай брани языка (обуздывай язык).

103. Не многословь, чтобы не удалился от тебя Дух Божий.

104. Преславное дело хранить молчание, подражая Господу, Который хранил молчание, несмотря на сан Ирода.

105. Когда сойдешься вместе с подобными тебе верными, избирай лучше слушать и уразумевать, что говорено будет другими, с готовностью исполнять спасительное. Это будет гораздо лучше, чем говорить самому.

106. Когда придешь к кому, да будет страх Божий в сердце твоём, и уста свои храни, чтоб в мире возвратиться в келлию свою.

107. Муж мудрый хорошо знает как себя держать, потому не спешит говорить, но взвешивает, где надо говорить и где слушать; напротив, муж ненаказанный не хранит этого, в тайне держимаго, управления и обуздания языка.

108. Когда сидишь среди братий, не слишком много говори; и если будешь о чем спрашивать их, скажи то кратко со смирением.

109. Слова твои да будут с сладостию и в назидание. Помни, что от слов и слава и унижение.

110. Не говори с раздражением, но да будут слова твои с мудростию и разумом, равно как и молчание твое. Подражай премудрым отцам нашим, которых слова всегда были полны мудрости и разума, равно как и молчание их.

111. Язык твой всегда да следует разуму, потому что слова, чуждые разума, суть колючие остны и иглы.

112. Бегай лжи; иначе она отгонит от тебя страх Божий.

113. Уста твои должны говорить всегда одну истину.

114. Предметом бесед твоих да будут благодеяния Всевышняго Бога; этим ты сделаешь себя достойным получить от Него еще большия блага.

115. Не спрашивай о делах злых; но дальше от них держи внимание свое.
116. Не заводи пустых речей, и тем, которые заводят их, не подставляй уха, чтоб не почерпнула им зла душа твоя.
117. Ненавидь праздную речь о всем, что есть от мира сего.
118. Как можно воздерживайся от шуток и забавных речей.
119. Не кричи и не говори громко и скоро; ибо написано: кто умножает слова, тот не безопасен от греха (Слич. Еккл. 10, 14).
120. Не будь упрям и не настаивай на своем слове, чтоб не вошло в тебя зло (злость, сердчание).
121. Не божись совсем, — ни в несомненном, ни тем паче в сомнительном деле.
- и) На случай отлучек.
122. Если необходимость заставит идти в город, — не ходи один.
123. Когда идешь за водою, или путешествие совершаешь, читай (псалмы на память) и размышляй.
124. Когда совершаешь путешествие с братьями, отдаляйся от них немного, чтоб сохранить молчание.
125. Идя дорогою, не обращай направо и налево, но перечитывай со вниманием псалмы свои и молись Богу умом. Потом, где бы тебе ни пришлось быть, с жителями места того не братайся.
126. В толпу людей мирских не вмешивайся; но и фарисею не подражай, который делал все напоказ.
127. Женщине не позволяй приблизиться к себе и не потерпи, чтоб она вошла в твое жилище (комнату), потому что вслед за нею идет буря помыслов.
128. С женщиною не ешь вместе, и с отроком не входи в содружество никогда.
129. Когда придется где ночевать, смотри, не покрывайся одною и тою же одеждою с другим кем.
130. Не ложись на одной рогоже с тем, кто моложе тебя.
131. Двое вместе не спите на одной рогоже, разве крайняя заставит нужда. Хотя бы то был отец или брат, и это допускай с великим страхом.
132. В гостиницах монастырских не засиживайся.
- б) Строй внутренней жизни.
- а) Исходное начало жизни — ревность.
133. Будь ревностен о стяжании добродетелей, чтоб иначе не привлечь к себе нерадения.
134. Бойся охлаждения любви Божественной.
135. От добрых дел, к которым приступил ты, не возвращайся вспять.
136. Не возвращайся вспять с пути уединения твоего.
137. Не оставляй трудов, которые несешь ты ради добродетели, — чтоб не сделаться ленивым и нерадивым, и не погрешить в последний час; но люби Господа до самого конца, и получишь милость.
138. Как развалины вне города служат всем для смрадных нечистот, так душа того, кто лениво и вяло проходит уединенническую жизнь, бывает вместилищем всех страстей и нечистот греховных.
- б) Правило жизни — воля Божия в заповедях.
139. Если ты предал себя Богу, соблюдай все Его заповеди, и что тебе повелевается, делай то тщательно, ничего не опуская; потому что, если думаешь опускать что, то не отпустятся тебе прежние грехи твои, если же твердо положишь исполнять все (до положения живота), то будь уверен, что прежние грехи твои уже прощены.
140. Мысли твои постоянно должны быть заняты Божественными заповедями, которых старайся и

исполнять всеми силами, не оставляя ни одной, чтоб иначе душа твоя не сделалась вместилищем всех нечистот.

141. Если приступаешь к какому делу и не видишь на то воли Божией, ни за что не делай того.

в) Цель — слава Божия.

142. Всевозможно старайся о том, чтоб славился (через тебя) Отец твой, Иже есть на небесах (Мф. 5, 16).

г) Памятования — возбудители и поддержатели ревности.

аа) Об обете и первом жаре.

143. Ради тленных вещей не отступай от Бога; но помни, что обещал ты, когда пламенел в тебе жар стремления твоего к богоугождению.

144. Старайся не забывать значения одежды твоей, которою облечен ты был вначале; помни и о слезах покаяния твоего, кои пролиты были тобою тогда, — и поспешно отскочи от подкрадывающихся тайно помышлений (недобрых), чтоб не быть увлечену ими и на явныя дела.

145. Постоянное и искреннее приноси покаяние, — и ни на одну минуту не предашься нерадению и лености.

бб) О примерных ревнителях.

146. Не бери пример с того, кто слабее тебя, но с того, кто совершеннее тебя.

147. Да будут тебе в образец и пример те, которые возлюбили Господа от всего сердца своего и постоянно прилежат добрым делам; не стыдись просить у них себе уроков жизни, потому что они совершенны в добродетелях.

148. Не подражай тем, кои заботятся о прохлаждениях мирских, иначе ни в чем не будешь иметь успеха; но соревнуй тем, которые ради Господа скитались (и скитаются) в горах и пустынях (Евр. 11, 38), да приидет на тебя сила свыше.

вв) О благах обетованных.

449. Если будешь исполнять все (заповеданное), то получишь наследие, котораго око не видало, о котором ухо не слыхало и сердце человеческое не помышляло (1 Кор. 2, 9).

150. Употреби свет ведения на то, чтоб сподобиться быть в роде праведных, пока есть время.

гг) О смерти и суде.

151. Помни, что юность твоя прошла (силы истощились), а немощи возрасли, и близко уже время исхода твоего, когда имеешь ты дать отчет во всех делах своих, и знай, что там ни брат не искупит брата, ни отец не избавит сына.

152. Всегда поминай об исходе из тела и не выпускай из мысли вечного осуждения; если будешь так поступать, во веки не согрешишь.

153. Думай сам в себе и говори: я не пробуду в этом мире больше нынешняго дня, — и никогда не согрешишь пред Богом.

154. Всякий день полагай сам в себе, что этот один день остался тебе в мире сем, — и сохранишь себя от грехов.

155. Келлию твою преврати в темницу, держа в мысли, что все уже для тебя кончено и вот-вот ударит час отрешения твоего от мира сего.

156. Блуди себя, чтоб не быть отвержену в будущем веке. Горе нерадивым; ибо приблизился конец их, и нет им помощника, ни надежды спасения.

д) Производители успеха — благодатная Божия помощь и свои усилия и подвиги.

аа) Помощь свыше, привлекаемая молитвою.

157. Господь наш Иисус Христос да подаст нам помощь все делать ко благоугождению Его.

158. Прежде всего молитву непрестанную изливай, и всегда благодарение возсылай Богу, за все что ни бывает с тобою.

159. Напрягайся непрестанно изливать молитвы со слезами, чтобы сжалился над тобою Бог и совлек с тебя ветхаго человека.

160. Не преставай проливать слезы (молитвенная), — и Бог сжалится над тобою и облегчит все твои болезнования (все, о чем болит душа твоя).

161. Если хочешь угодить Богу, предайся Господу Иисусу Христу, и Он избавит тебя и защитит.

бб) Свои подвиги и усилия вообще.

162. Старайся проходить следующие, мною тебе предлагаемые подвиги: труд, нищету, странничество, лишения (ничего неимение) и молчание. Они сделают тебя смиренным, а смирение принесет тебе отпущение грехов. Смирение же состоит в том, чтоб человек считал себя грешником и думал, что он ничего добраго не делает пред Богом; чтоб прилежал молчанию и себя вменял ни во что; чтоб не упорствовал ни пред кем, настаивая на своем слове; чтоб отлагал свою волю, лице опускал долу, смерть имел пред очами, остерегался лжи, пустых не произносил слов, настоятельно не возражал, терпеливо сносил обиды и нудил себя благодушно переносить всякия притрудности и прискорбности. Постарайся, брат, соблюдать сии правила, чтоб не была бесплодною жизнь твоя.

163. Отстраним все, что доставляет покой плоти нашей; жизнь эту будем мало ценить, чтоб жить в Боге, Который в день суда потребует от нас, алкали—ль мы ради Его, жаждали—ль, терпели—ль наготу сокрушались—ли, стонали—ль из глубины сердца нашего, испытывали—ль себя самих, достойны—ли мы Бога. Итак, будем прилежать сокрушению и сетованию о грехах, чтоб обрести Бога; презрим плоть, чтоб спасти души наши.

164. Избери себе труд, и он, вместе с постом, молитвою и бдениями, избавит тебя от всех скверн, потому что телесный труд приносит чистоту сердца, а чистота сердца делает то, что душа приносит плод.

165. Люби милосердие, оденься в веру; не попускай сердцу своему замышлять злое, но понуждай его воздавать добром за зло, взыщи благостыню и мир и ревнуй о всех прекрасных делах.

е) Настроения души, условливающие успех.

аа) Пребывание в Боге со страхом, бодренным вниманием и отвращением от греха и мира.

166. Душа твоя да будет с Господом во всякое время, тело же твое пусть будет на земле, как изваяние и истукан.

167. Стой всегда пред лицом Господа с правотою.

168. Страх Божий всегда должен быть пред очами нашими; также память о смерти и неприязненное отвращение к миру и всему мирскому.

169. Умирай каждый день, чтобы жить; ибо кто боится Бога, тот будет жить во веки.

170. Бодрствуй непрестанно, чтоб не впасть в леность и нерадение. 171. Возненавидь все мирское и отдали его от себя; иначе оно само отдалит тебя от Бога.

172. Ненавидь все, в чем есть вред для души твоей.

бб) Терпение.

173. Что бы ты ни делал, делай то с терпением, и Бог поможет тебе во всех делах твоих, и во всем, что ни случится с тобою.

174. Смотри, не малодушествуй.

175. Будь благодушен во всем, что ни делаешь по воле Божией.

176. Не скучай из-за помыслов, которые нападают на тебя в келлии, зная, что Господь никакого труда твоего (ради Его) не предаст забвению: это послужит тебе к преуспеянию и благодать Божия поможет тебе.

177. Мужество есть не что иное, как твердость в истине и сопротивление врагам: когда не уступишь им, они отступят и совсем не покажутся более.

вв) Сокрушение и плач.

178. День и ночь боли о грехах своих.

179. Возжги светильник твой елеем слез.

180. Непрестанно плачь о грехах своих, как бы ты имел мертвеца в келлии своей [8].

181. Лице твое всегда должно быть печально, чтобы вселился в тебя страх Божий.

182. Не считай себя чем либо; но предавайся плачу о грехах своих.

гг) Смирение.

183. Возлюби смирение, и оно покроет все грехи твои.

184. Будь смирен во все дни жизни твоей и прилежи всему прекрасному.

185. Того, кто слабей тебя в добродетелях, считай равным себе; равного же себе в добродетелях почитай гораздо превосходящим тебя в совершенстве.

186. Не завидуй тому, кто идет вверх; но лучше всех людей считай высшими себя, чтоб с тобою был Сам Бог.

187. Не ходи с гордыми, но ходи с смиренными (это о подражании и содружестве).

188. Будь во всем смирен, — в осанке, в одежде, в сидении, в стоянии, в походке, в постели, в келлии и во всех принадлежностях ея.

189. Если станут хвалить тебя за дела твои, не радуйся тому и не услаждайся тем: утаевай их сколько можешь; не позволяй себе кому-либо говорить об них, и всячески постарайся достигнуть того, чтоб люди не хвалили тебя.

190. Бойся сделаться известным по какому-либо из дел твоих.

191. Если кто укорит тебя безвинно в каком грехе, смири себя, и получишь венец.

192. Приучи язык свой говорить: прости мне, и придет к тебе смирение.

193. Навыкни, чтоб язык твой во всех случаях, во всякое время и всякому брату говорил: прости мне. Ибо если будешь всегда говорить: прости мне, то скоро достигнешь смирения.

194. Будь готов при всяком слове (обличительном), которое слышишь, говорить: прости мне; потому что такое смирение разстроивает все козни врага.

195. Знай, что смирение есть не иное что, как чтоб всех людей почитать лучшими себя. Твердо содержи в уме своем, что ты виновен во многих грехах, — голову свою держи поникшею долу, а язык твой пусть будет готов, сказать тому, кто нанесет тебе обиду: прости мне, владыко мой!

Постоянным же предметом помышления твоего да будет смерть.

196. Люби труды, всем себя подчиняй, уста свои держи заключенными, — и достигнешь смирения; смирение же привлечет отпущение всех грехов твоих.

197. Прежде всего не считай себя чем-либо, — и это породит в тебе смирение; смирение же породит науку (опытность и здравомыслие); — наука же родит веру; вера же родит упование; упование же родит любовь; любовь же родит повиновение, а повиновение родит неизменное постоянство (твердость в добре).

ж) подвиги борьбы с грехом.

аа) Прежде всего с помыслами.

198. Далеко гони от себя злыя помышления, предаваясь Богу; и Он покроет тебя десницею Своею.

199. Не всякому помыслу своему следуй.

200. Помыслов и пожеланий своих не исполняй.

201. Смотри, не попускай уму твоему увлекаться памятью прежних грехов, чтоб они не возобновились в тебе.

202. Не обращай в уме своем грехов, некогда совершенных тобою, чтоб они опять не возобновились. Будь уверен, что они прощены тебе в то время, как ты предал себя Богу и покаянию, и ни мало в том не сомневайся.

203. Об удовольствиях и утехах, которым предавался ты во время нерадения своего, не воспоминай и речей о том не заводи, говоря: я то сделал, или это нарушил; ибо это может послужить тебе в преткновение.

204. О страстях, которым работал ты в мире, совсем не поминай, чтоб опять не возбудить похотения их, и это не послужило тебе в соблазн.

бб) С разными пожеланиями порочными.

205. Апостол Иоанн в трех вещах совмещает все человеческия похоти, говоря: все, еже в мире, есть похоть плоти, похоть очес и гордость житейская (1 Иоан. 2, 16). — Похоть плоти есть насыщение чрева множеством разных яств, за которыми следует нечистота блудная. — Похоть очес имеет предмет своим вещественныя блага, при обладании коими око или возносится, или влагает в сердце нечистые виды. — Гордость есть мирская любовь в шумной славе (высокое о себе мнение, самовосхваление, и жажда хвалы от других), которая заседает в умах наших по причине суетных и преходящих внешних достоинств каких-нибудь.

206. Бегай любоимания и непослушания, наипаче же многоядения, чтоб не опутаться тебе сетью похотей своих, ибо оне изгоняют страх Божий из сердца и стыд с лица, предают любителя своего низким и срамным делам, и отчуждают от Бога.

207. Совлекись гневливости и облекись в кротость, отбрось око развращенное и возьми себе око простое (детское, чистое).

208. Будь далек от гнева и от похоти береги себя, равно как и от всяких греховных пожеланий.

вв) В частности, — с сластолюбием.

209. Человек сластолюбивый (только приятнаго ищущий) ни на какое дело негож.

210. Не будь сластолюбив; ибо сластолюбивых Бог не слушает.

211. Тело и утехи его имей в ненависти, потому что они исполнены зла.

212. Тело свое так изможди, чтоб оно было похоже на тело, лежащее на одре болезни.

гг) С гневом и порождениями его.

213. Если нападет на тебя гнев, поспешнее гони его подальше от себя и будешь радоваться во все дни жизни твоей.

214. Отнюдь ни на кого не сердись, и всем прощай.
215. Если кто неправедно укорит тебя, не разгорячайся.
216. Будь мудр, и уста тех, кои худо говорят о тебе, заграждай молчанием.
217. Не дивись, если кто–нибудь говорит о тебе худо, потому что это одна из хитростей злейших врагов наших, которою они полагают человеку препоны узнать истину.
218. Не будь скор на гнев и не держи зла на того, кто подвиг тебя на гнев.
219. Если получишь оскорбление, не имей неприязни к тому, кто нанес тебе его, но скажи: я достоин того, чтоб все братия презирали меня.
220. Не ропщи и никому не причиняй оскорбления.
221. Не воздавай злом за зло, ни оскорблением за оскорбление, ибо этим смиряет тебя Сам Господь, видя, что ты не смиряешься сам собою.
222. И младшие и старшие пусть молятся; да не попущено им будет подпасть тиранству гнева.
223. Кто подставляет другую ланиту ударившему его в одну, тот обрадован в поношении своем. Господь наш Иисус Христос никогда не оставит его, ибо Он благ и помогает душам, которыя терпят ради Его, и ищут Его, подавая им силу и крепость, пока они не утвердятся в покое (от страстей). Итак, радуйся, — когда встречаются скорби и смущения; ибо за ними следуют сладкие плоды.
224. Не бойся поношения от людей.
- дд) С другими порочными движениями сердца, подрывающими успех: осуждением.
225. Если увидишь, что какой–нибудь брат согрешил, не презирай его, не отвращайся от него, и не осуждай его; ибо иначе сам впадешь в руки врагов твоих.
226. Не делай никому зла и никого не осуждай.
227. Уха своего не подставляй, чтоб услышать худое (о других); но будь снисходительно жалостлив к людям, и жив будешь.
228. Не осуждай никого; ибо в этом твое падение.
229. Не укоряй брата своего, хотя бы ты видел его нарушителем всех заповедей, иначе и сам впадешь в руки врагов своих.
230. Не осуждай никого из смертных, чтоб Бог не возгнушался молитвами твоими.
231. Никому не выставляй на вид каких–либо его недостатков, ни по какой причине.
232. Никому не ставь в укор его немощей.
- вв) Тщеславием и самомнением.
233. Когда творишь милостыню, не выставляй того на вид.
234. Если предаешься подвигам духовным, не хвались тем.
235. О добром деле, которое ты намерен сделать, не говори никому наперед, но сделай его.
236. Когда совершишь какия дела добродетели, не высокоумствуй и не говори в себе: я то и то сделал; потому что если будешь так поступать, мудр не будешь.
237. Не будь славолюбив и в сердце своем не держи самовосхваления, говоря: я то и то сделал, в том и том преуспел. Такие помыслы дышат тщеславием, и кто ими набит, тот стал жилищем нечистых духов.
- жж) Человекоугодием и лицемерием.
238. Не оставляй воли Божией, чтоб исполнить волю людей.
239. Божией заповеди не нарушай из уважения к дружбе человеческой.

240. Не будь лицемером или притворщиком, тем паче лжецом.

241. Не пред людьми только будь праведен, но сам в себе будь мудр, кроток, благодушен, терпелив, ревностен, человеколюбив.

зз) Гордостью.

242. Не возносись делами своими, каковы бы они ни были.

243. Не возносись в гордости и не хвались.

244. Гордость далеко отгони от себя, ближняго же твоего и всех людей почитай лучшими себя.

245. Нет больше нечестия, как причинить кому–либо скорбь и возноситься над другими.

246. Не считай себя мудрым, иначе гордостью вознесется душа твоя, и ты вступишь в руки врагов своих.

247. Не считай себя всезнающим и мудрым (то–есть не говори: сам знаю, сам умею делать); иначе пропадет труд твой, и корабль твой напрасно бежал доселе.

Заключение.

248. Кто не будет исполнять всего прописанного, тот подвигнет Бога на гнев. Я, Антоний, истину тебе говорю. Итак, преклони ухо твое к словесам моим и сокрой их в сердце своем; и знай, что этими заповедями я предаю тебя Творцу. Если ты сохранишь их, — будешь радоваться со всеми Ангелами, а всех злых духов поразишь скорбию. Ходи же в сих заповедях; и Бог будет с тобою и Ангелы Его будут сшествовать тебе; душа же твоя исполнится благоуханием святых и светом блаженных возсияет лице твое, и станешь ты святилищем Богу, как и все святые; и сретитишь наконец Господа с веселием и радостью и услышишь глас оный, говорящий: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа своего (Мф. 25, 21).

249. Не отступай ни от одного из сих наставлений; и Господь наш Иисус Христос даст тебе покой, и совершит в мире дело, к какому приступил ты. Совершенные отцы наши, и те, которые подражали им, от исполнения их стали совершенными.

250. Если к сказанному захочешь прибавить какое–нибудь из добрых дел, прибавь; и непрестанное возсылай благодарение Господу нашему Иисусу Христу.

251. Каждую ночь слезами своими обливай ложе свое и смачивай постель твою, и смирай себя пред Христом Господом, да изгладит Он грехи твои и тебя паки обновит, да подаст тебе помощь к совершению дел благих, и дарует в наследие царство Свое вечное. Ему буди хвала, честь, слава и поклонение, со всеблагим Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

4. Изречения св. Антония Великаго и сказания о нем.

1. Об отречении от мира.

1. Кто хочет с успехом совершать подвиг иночества, тому надобно совсем разсчитаться с миром, и блага его все оставить и делом из него выдти и всякое пристрастие к вещам его отсечь. Эту истину впечатлительно внушил св. Антоний одному брату, который, отказавшись от мира и раздав бедным все, что имел, удержал при себе малость некую на случай нужды какой, и пришел к св. Антонию. Старец, посмотревши на него, узнал, что в нем, и сказал ему: если хочешь быть монахом, поди в такое–то селение, купи мяса, разрежь его на тонкие куски, и, скинув одеяние, развесь на плечи и на руки, — и так приди сюда. Брат сделал, как велел ему старец; и тут собаки, птицы и шершни окружили его и ранами покрыли все тело его. Когда пришел он опять к старцу, сей спросил его, сделал ли он, что ему было приказано; он, жалуясь, показал раны свои. Тогда св. Антоний сказал

ему: так бывает с тем, кто, оставляя мир, хоть малость какую из имени удерживает при себе: ранами покроют его демоны, и истерзанный падет он в бранях (Дост. сказ. 20; Patr. Graec. t. 40, p. 1099).

2. Тогоже предмета касается и следующее сказание, сохраненное Кассианом (Coll. 24, гл. 11. 10).

Пришел к св. Антонию брат, думавший, что нет никакой необходимости уходить из мира, и начал говорить: больше цены имеет тот, кто подвизается в городе или селении, исполняя все, что требуется для достижения совершенства духовного. Св. Антоний спросил его: да ты где и как живешь? Тот отвечал: живу в доме родителей, которые доставляют мне все нужное. Это избавляет меня от всех забот и попечений, и я непрестанно занят только чтением и молитвою, без всякаго развлечения духа чем-либо сторонним. Св. Антоний спросил его опять: скажи мне, сын мой, скорбишь ли ты вместе с ними в горестях их, и сорадуюешься ли радостям их? Тот признался, что испытывает то и другое. Тогда старец сказал ему: знай же, что и в будущем веке будешь ты разделять участь с теми, с кем в сей жизни делишь ты радость и горе. И не тем только вреден для тебя избранный тобою образ жизни, что по причине каждодневной почти перемены житейских случайностей, погружает ум твой в непрестанные помышления о земном; но и тем, что лишает тебя того плода, который получил бы ты, еслиб сам, трудами рук своих, добывал себе пропитание, по примеру Ап. Павла, который и среди трудов проповедания Евангелия, руками своими добывал нужное и себе и тем, кои были с ним, — как говорил он сие Ефесеянам: сами весте, яко требованию моему и сущих со мною послужите руке мои сии (Деян. 20, 34). Делал же это он в наше назидание, чтобы дать нам пример, как писал он к Солунянам: не безчинствовахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде, и подвизе, ношь и день делающе, да не отягчим никого же от вас, не яко не имама власти, но да себе образ дамы вам, во еже уподобитися нам (2 Сол. 3, 8. 9). Вот почему и мы, имея возможность пользоваться пособием родных, предпочитаем лучше добывать себе содержание в поте лица, нежели обезпечивать себя доставкой его от родных. Охотно избрали бы мы последнее, если бы могли считать его более полезным. К тому же знай, что если будучи здоров, ты живешь на чужой счет, то поядашь достояние бедных и немощных.

2. Общие ответы на вопрос: что же делать?

Оставивший мир, вступает в совершенно новую область жизни, которая хотя, конечно, не совсем безъизвестною бывает для него, много, однакож, представляет сторон, которыя невольню вызывают вопрос: что же делать? и как жить должно? К св. Антонию не раз обращались с таким вопросом, и вот его ответы:

3. Спрашивал его о сем авва Памво, и он ответил ему: не уповай на свою праведность; истинно кайся о прошедших грехах; обуздывай язык, сердце и чрево (Patr. Graec. t. 40, p. 1093. Достоп. ск. 6).

4. Вот что сказал он по сему же вопросу авве Пимену: дело, славнейшее из всех дел, какия может совершать человек, есть — исповедывать грехи свои пред Богом и своими старцами, осуждать самого себя, и быть готову встретить каждое искушение, до последняго издыхания (Patr. ib. 1084; Дост. ск. 4).

5. Иной некто спрашивал его: что мне делать, чтоб угодить Богу? Св. Антоний отвечал: куда бы ты ни пошел, всегда имей Бога пред своими очами; чтобы ты ни делал, имей на то свидетельство в Писании; и в каком бы месте ты ни жил, не скоро уходи оттуда. Соблюдай сии три заповеди, и спасешься (Дост. ск. 3; Patr. ib. 1083).

6. Еще одному ученику внушал он: отвращение возымей к чреву своему, к требованиям века сего, к

похоти злой и чести людской: живи так, как бы тебя не было в мире сем, и обретешь покой (Patr. Lat. t. 73, p. 1049).

7. Вот что, как пишет св. Афанасий, говорил авва Антоний к братьям, приходившим к нему: всегда имейте страх пред очами своими; помните Того, Кто мертвит и живит (1 Цар. 2, 6). Возненавидьте мир и все, что в нем; возненавидьте всякое плотское успокоение; отрекитесь сей жизни, дабы жить для Бога; помните то, что вы обещали Богу: ибо Он взыщет сего от вас в день суда. Алкайте, жаждайте, наготуйте, бдение совершайте, плачьте, рыдайте, вздыхайте в сердце своем; испытывайте себя, достойны ли вы Бога; презирайте плоть, чтобы спасти вам души свои (Дост. ск. 33 и в житии).

8. Подобное сему подробное указание того, что должно делать монаху, приводит св. Кассиан. Издавна, — говорит он, — ходит дивное наставление блаж. Антония, что монах, стремясь к высшему совершенству, не должен ограничиваться подражанием одному какому-либо из преуспевших отцев; потому что ни в ком нельзя найти все роды добродетелей в совершенстве. Но один украшается ведением; другой силен здравым разсуждением; третий тверд непоколебимым терпением; иной отличается смирением, иной воздержанием, иной благодатною простотою сердца; тот превосходит других великодушием, а этот милосердием, тот бдением, а этот — молчанием, или трудолюбием. Почему монах, желающий составлять духовные соты, должен, подобно мудрой пчеле, всякую добродетель заимствовать у того, кто наиболее освоен с нею, и слагать ее в сосуде сердца своего, не обращая внимания на то, чего нет у кого, но к той добродетели присматриваясь, и ту себе усвоить ревнуя, какую кто отличается (Inst. c. V. 1. 4).

3. Сила, движущая на подвиги и поддерживающая в них.

Если сделать перечень всего указанного, окажется довольно просторное поприще для подвигов. Спрашивается, какая сила движет на них труженика и поддерживает его в трудах? Сила эта есть ревность о спасении, славы ради имени Божия, готовая на все. Есть эта ревность? у инока все подвиги в ходу. Нет ея, — все стало.

9. Почему, когда однажды брат, у котораго недоставало этой ревности, пришедши к св. Антонию, просил его помолиться о нем, великий старец ответил ему: ни я, ни Бог не сжалится над тобою, если ты не будешь заботиться сам о себе, и молиться Богу (Дост. ск. 16).

10. По сей же причине советовал он держать себя в постоянном внимании к Богу и в бодрности, хваля как великую добродетель, если кто во все время жизни своей работает неослабно Господу, и до последняго издыхания стоит на страже против козней искушителя (Patr. graec. t. 40, p. 1083).

11. Потому убеждал не послаблять себе ни в чем, но с терпением хранить всегда тот же дух ревности, говоря: монах, который несколько дней подвизается, и потом послабляет себе, потом опять подвизается и опять нерадит, — такой монах все равно что ничего не делает, и никогда не достигнет он совершенства жизни, за недостатком постоянства ревности и терпения (Patr. Lat. t. 73, p. 1049).

12. Почему ищущаго льгот называл он непонимающим своего чина и своих целей, и весь неуспех у иноков производил от недостатка усердия к трудничеству. Потому, говорил он, мы не преуспеваем, что не знаем своего чина, и не понимаем, чего требует дело, к которому приступаем, но хотим достигнуть добродетели без труда. Оттого, коль скоро встретим искушение в своем месте, переходим на другое, думая, что есть где-нибудь место, в котором нет диавола. Но кто познал, что есть брань, тот не дает себе ослабы, но постоянно воинствует, с Божиею помощью (Patr. gr. t. 40, p. 1093).

13. Замечательно на сей предмет слово св. Антония к тем, которые одного не хотят, другого не могут. Пришли однажды какие-то братья к св. Антонию, и говорят ему: дай нам наставление как спастись. Старец отвечал им: вы слышали Писание? И сего очень довольно для вас. Но они сказали: мы и от тебя, отец, хотим что-нибудь услышать. Тогда старец сказал им: в Евангелии сказано: аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мф. 5, 39). Они говорят ему: мы не можем сего сделать. Старец сказал: если вы не можете подставить другой, по крайней мере переносите удары в одну. И этого не можем, отвечали те. Если и этого не можете, сказал старец, по крайней мере не платите ударом за удар. Братья сказали: и сего не можем. Тогда св. Антоний сказал ученику своему: приготовь им немного варева: они больны. Если вы одного не можете, а другого не хотите, то что я вам сделаю? Нужно молиться (им самим, или другим об них), чтоб пробудился в них дух ревности, — нравственная энергия (Дост. ск. 19).

4. Руководители ревности.

Но ревность сама по себе бывает иногда слепа, и может принять направления, несообразныя с целями начатой жизни. Почему должна быть ограждена руководителями. Кто же сии руководители? Св. Антоний указывает их два: свое разсуждение и совет опытных.

а) Свое разсуждение.

14. Сошлись некогда отцы к св. Антонию, чтоб разследовать, какая добродетель совершеннее всех и какая могла бы охранить монаха от всех сетей вражиих. Всякий из них сказал, что казалось ему правильным. При чем одни похвалили пост и бдение, так как они упорядочивают помыслы, тонким делают ум и облегчают человеку приближение его к Богу; другие больше ободряли нищету и презрение вещей земных, потому что чрез это ум становится спокойнее, чище и свободнее от забот мирских, а потому приближение его к Богу делается более удобным; некоторые хотели дать преимущество пред всеми добродетелями милосердию, потому что Господь скажет милосердным: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (Мф. 25, 34); иные говорили иное. А св. Антоний сказал: все добродетели, о которых вы поминали, очень спасительны и крайне нужны тем, кои ищут Бога, и кои пламенеют сильным желанием приблизиться к Нему. Но мы видели, что многие измождали свои тела чрезмерным пощением, бдениями, удалением в пустыню, усердно также ревновали о трудах, любили нищету, презирали мирския удобства, до того, что не оставляли себе столько, сколько нужно на один день, но все, что имели раздавали бедным; и однакож бывало, что, после всего этого, они склонялись на зло и падали, и лишившись плода всех оных добродетелей, делались достойными осуждения. Причина этому не другая какая, как-то, что они не имели добродетели разсуждения и благоразумия, и не могли пользоваться ею пособием. Ибо она-то и есть та добродетель, которая учит и настраивает человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутия. Если мы будем идти царским путем, то никогда не будем увлечены наветниками нашими, — ни справа, — к чрезмерному воздержанию, — ни слева, — к нерадению, беспечности и разленению. Разсуждение есть око души, и ея светильник, как глаз есть светильник тела: так что если это око светло будет, то и все тело (наших деяний) светло будет; если же око сие темно будет, то и все тело темно будет, как сказал Господь во св. Евангелии (Мф. 6, 22, 23). Разсуждением человек разбирает свои желания, слова и дела, и отступает от всех тех, которые удаляют его от Бога. Разсуждением он разстроивает и уничтожает все направленные против него козни врага, верно различая, что хорошо и что худо. Patr. gr. t. 40, p. 1096; (Дост. ск. 8).

15. На этот же предмет указывает и следующее изречение: кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему делать: косу, меч или топор. Так и мы наперед должны рассуждать, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться (Дост. ск. 35).

Ближе бы всего, конечно, руководиться своим рассуждением, еслиб его всегда на все и у всех доставало. Но как этого сказать нельзя, то более верное и безопасное руководство есть —

б) Совет опытных.

16. В сем смысле говорит св. Антоний: я знаю монахов, которые после многих трудов пали и подверглись безумию, потому что понадеялись на свои дела и презрели заповеди Того, Кто сказал: вопроши Отца твоего, и возвестит тебе (Втор. 32, 7). (Дост. ск. 37).

17. И еще: Св. Писание говорит: имже несть управления, падают аки листовые (Прит. 11, 14), и заповедует ничего не делать без совета, так что не позволяет даже духовное питание, веселящее сердце человека, пить без совета, когда говорит: без совета ничего не твори (Сир. 32, 21), и: с советом пей вино. — Человек, без совета делающий дела свои, походит на город неогражденный, в который, кто ни захочет, входит и расхищает его сокровища (Patr. gr. t. 40, p. 1098).

18. Спрашивать других св. Антоний считал столь спасительным делом, что даже сам учитель всех обращался с вопросом к ученику своему, преуспевшему однакож, и как тот сказал, так и поступал. Ибо повествуют, что когда авва Антоний получил от императора Констанция письменное приглашение прибыть в Константинополь, то обратился к Павлу препростому с вопросом: должно ли мне идти? И когда тот сказал: если пойдешь, будешь Антоний, а если не пойдешь, то будешь авва Антоний — чем не одобрялось такое путешествие, — то он спокойно остался на месте (Достоп. сказ. 32).

19. Так и всем другим советовал он поступать, говоря: монах, если можно, должен спрашивать старцев о всяком шаге, который делает в келлии своей и о всякой капле воды, какую выпивает. Я знаю некоторых монахов, которые пали потому, что думали одни, сами по себе, угодить Богу (Patr. gr. t. 40, p. 1082; Дост. ск. 38).

20. Таким образом св. Антоний не одобрял доверие к своему суждению. Не потому ли отнесся он с похвалами и об авве Иосифе, сказавшем на один вопрос из Писания: «не знаю», что этим, кроме смирения, выражалось и недоверие к своему уму? Это было так: пришли к св. Антонию старцы, а с ними был и авва Иосиф. Старец, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и стал спрашивать каждого, начав с младших, что значит сие изречение? Каждый говорил по своим силам; но старец каждому отвечал: нет, не узнал. После всех он говорит авве Иосифу: ты что скажешь о сем изречении? Не знаю, отвечал Иосиф. Авва Антоний говорит: авва Иосиф попал на путь, когда сказал: не знаю (Дост. ск. 17).

21. Впрочем и другим доверять советовал он не без ограничений. Надобно наперед удостовериться в правомыслии и в опытности старца, — и тогда уже доверяться его слову и безпрекословно принимать его советы. Признак, по которому это можно распознать, есть согласие слова его с Словом Божиим. Надобно смотреть, говорил он, на то, что повелевается. Если кто укажет тебе что-либо такое, что согласно с заповедями Господа нашего, — прими то с покорностью и старайся соблюдать, да исполнится и в нас слово Апостола: повинуйтесь друг другу в страхе Божии (Гал. 5, 13; Еф. 5, 21). Напротив, если кто укажет тебе что противное Божественным заповедям, то скажи дающему наставление: аще праведно есть тебя послушать паче, нежели Бога? (Деян. 4, 19). Подобаает

повиноватися Богови паче, нежели человеком (Деян. 5, 29). Будем помнить также слово Господа: овцы Мои гласа Моего слушают, и к чуждему не идут, яко не знают чуждаго гласа (Иоан. 10, 5). Равным образом и блаженный Павел убеждает, говоря: аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет (Гал. 1, 8). (Patr. gr. t. 40, p. 1083).

Повод к такому ограничению, вероятно, подали ариане, которые привлекали иных к себе видом благочестия и потом напояли ядом своего лжеучения. А, может быть, и то послужило к сему поводом, что иные брались руководить других, сами опытом не изведавши многого. На этот случай он имел обычай говорить: древние отцы уходили в пустыню, и там трудами своими многими уврачевав души свои, уразумевали как можно врачевать и других. Почему, возвратясь оттуда, становились спасительными врачами других. Из нас же если случится кому выдти в пустыню, то мы прежде чем оздоровеем сами, берем на себя заботу о других; от чего возвращается к нам прежняя немощь и бывают нам последняя горша первых. Чего ради идет к нам слово: врачу, исцелися сам прежде (Лук. 4, 23). (Patr. lat. t. 73, p. 1053).

5. Чем возгревать ревность?

В человеке ничто ровно не стоит, но то усиливается, то слабеет. Так и ревность то пламенеет, то погасает. В последнем случае надобно ее возгревать, чтобы совсем не погасла. Чем же и как? Во–первых, памятью о смерти. Неоднократно твердил св. Антоний всем напечатлеть в уме и сердце, что этот день, который мы проживаем, есть последний.

22. Во–вторых приведением на мысль того, что будет по смерти. Чтоб напечатлеть в душах своих учеников эту мысль, он рассказывал им, что открыто было ему самому, как повествует о том Афанасий Великий в его жизнеописании.

Однажды, пред вкушением пищи, около девятого часа, встав помолиться, св. Антоний ощутил в себе, что он восхищен умом, и что всего удивительнее, видит сам себя будто бы он вне себя, и кто–то как бы возводит его по воздуху; в воздухе же стоят какая–то мрачные и страшные лица, которыя покушались преградить ему путь к восхождению. Путеводители Антониевы сопротивлялись им; но те приступали будто с правами, требуя отчета, не подлежит ли Антоний в чем–либо их власти. Надо было уступить, и они готовились вести счет. Но когда они хотели вести счет с самага рождения св. Антония, то путеводители его воспротивились тому, говоря: что было от рождения, то изгладил Господь, когда он дал иноческий обет; ведите счет с того времени, как сделался он иноком и дал обет Богу; но в этом отношении обвинители его ни в чем не могли уличить его; почему отступили, — и путь к восхождению Антония сделался свободным и невозбранным. После сего св. Антоний стал ощущать, что он опять входит сам в себя, и потом стал совсем прежним Антонием. Но он уже забыл о пище, и весь остаток того дня и ночь всю провел в воздыханиях и молитвах, дивясь, со сколь многими врагами предстоит нам брань и с какими трудами должно будет человеку проходить по воздуху. Тогда пришли ему на память слова Апостола Павла о князе власти воздушныя (Еф. 2, 2). Ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по оному, стараясь преградить им путь. Почему наипаче и советовал Апостол: примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют (Еф. 6, 13) и да посрамится враг, ничтоже имея глаголати о нас укорно (Тит. 2, 8).

23. Так повествует св. Афанасий, и хоть не замечено потом нигде, чтоб св. Антоний рассказывал о том другим, но сомневаться в том не следует, потому что знать о виденном нужно было не столько для него, сколько для других. О другом, того же предмета касающемся видении, замечено, что он

разсказывал его и другим. Св. Афанасий пишет: вел св. Антоний однажды разговор с пришедшими к нему братьями о состоянии души по смерти, и о том, где будет ее местопребывание. В следующую за тем ночь зовет его некто свыше, говоря: встань, выйди и посмотри; Антоний выходит (ибо знал, кто приказывал ему) и возведши взор, видит какого-то великана, безобразного и страшного, который головою касался облаков, а тут с земли поднимались какая-то пернатые, из которых одним великан преграждал путь, а другие перелетали чрез него, и миновав его, уже безбедно возносились горе. На последних он скрежетал зубами, а о первых радовался. Невидимый голос сказал при сем: Антоний! уразумей виденное. Тогда отверзся ум его, и он уразумел, что это есть прохождение душ от земли и что великан этот есть исконный враг наш, который удерживает нерадивых и покорявшихся его внушениям и возбраняет им идти далее, а ревностных и неслушавших его задержать не может, и они проходят выше его. Такое видение св. Антоний принял как бы за напоминание себе, и стал прилагать еще большее старание о преуспейнии в подвигах противления всему вражескому. С тою же целию т. — е. для возбуждения большей ревности о чистоте жизни, рассказывал он о сем видении и другим. Авва Кроний говорит, что однажды св. Антоний рассказывал об этом видении пред большим собранием. При чем он дополнял, что св. Антоний, пред этим видением, целый год молился, чтоб ему открыто было, что бывает по смерти с душами праведных и грешных; что у великана руки простерты были по небу, а под ним лежало озеро величиною с море, в которое падали птицы, которых ударял он рукою (Лавсаик, гл. 24). В Латинском Отечнике, в рассказе о сем дается мысль, что пернатые тогда только ударяемы были великаном и ниспадали в озеро, когда останавливались сами в воздухе ниже его рук, не имея сил подняться выше их; а которые сильны были подняться выше его рук и головы, на тех он только скрежетал зубами, смотря как они воспаряли потом к небу и были принимаемы Ангелами (Patr. Lat. t. 73, p. 1044).

24. Каким возбуждательным страхом исполнялись души, слыша о сем! Но вот и отрадное видение, сильное оживлять ревность упованием светлаго состояния. Это видение о св. Аммоне, не столько ученике, сколько друге и собеседнике св. Антония. Пишет св. Афанасий, что св. Антоний, сидя однажды на горе, взглянул на небо, и видит что кто-то огненною полоскою возносится по воздуху на небо, а свыше сходит к нему в сретение сонм радующихся Ангельских ликов. Дивясь тому, он начал молиться, чтобы Господь благоволил открыть ему, что сие значит. И был к нему глас: это душа Аммона, Нитрийскаго инока. Сей Аммон до старости прожил в строгом подвижничестве. Он бывал у св. Антония, и св. Антоний бывал у него. Разстояние от Нитрийских гор до горы св. Антония 13 дней пути (650 верст). Когда бывшие при нем братья спросили его, чему он так дивился, он сказал, что видел и слышал об Аммоне. Когда, чрез 30 дней, пришли братья из Нитрии, они спросили об Аммоне, и узнали, что он точно скончался в тот самый день и час, в который старец видел, как душа его возносилась на небо.

25. Не менее сильно прогонять разленение и возбуждать энергию и следующее видение, о котором рассказывает сам св. Антоний. Молил я Бога, говорит он, показать мне, какой покров окружает и защищает монаха! И видел я монаха, окруженнаго огненными лампадами, и множество Ангелов блюли его, как зеницу ока, ограждая мечами своими. Тогда я вздохнул и сказал: вот что дано монаху! И несмотря однако на то, диавол одолевает его, и он падает. И пришел ко мне голос от милосердаго Господа и сказал: никого не может низложить диавол; он не имеет более никакой силы после того, как Я, восприяв человеческое естество, сокрушил его власть. Но человек сам от себя падает, когда

предается нерадению и поблажает своим похотям и страстям. Я спросил: всякому ли монаху дается такой покров? И мне было показано множество иноков, огражденных такою защитою. Тогда я воззвал: блажен род человеческий, и особенно воинство иноков, что имеет Господа, столь милосердаго и столь человеколюбиваго! Будем же ревновать о спасении своем и, прогнав всякое нерадение, усердно нести труды наши, да сподобимся царствия небеснаго, благодатию Господа нашего Иисуса Христа (Patr. graec. t. 40, p. 1083).

26. В другой раз св. Антоний открыл своим ученикам, как от умаления ревности разслабеет монашество и померкнет слава его. Некоторые ученики его, видя безчисленное множество иноков в пустыне, украшенных такими добродетелями, и с таким жаром ревнующих о преуспейнии в святом житии отшельническом, спросили авву Антония: Отче! долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, к которым ныне так усердно прилежит все это множество монахов? Человек Божий с воздыханием и слезами ответил им: придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни, и потекут вместо их в богатые города, где, вместо этих пустынных пещер и тесных келлий, воздвигнут гордые здания, могущия спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладет; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах, не меньше самых мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и не смотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах — собственно уединенник). При том они будут величаться, говоря: я Павлов, я Аполлосов (1 Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников: они будут величаться отцами своими, как Иудеи — отцем своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить, и не преступил, — и зло сотворить, и не сотворил (Сир. 31, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании (Patr. graec. t. 40, p. 1095).

27. Тем и другим напоминанием, т. — е. о смерти, и о том, что будет по смерти, возгревается страх Божий, — который есть третий возбудитель ревности. К страху Божию призывал св. Антоний, как мы видели уже, в многосодержательном изречении: всегда имейте страх Божий, бойтесь Того, Кто мертвит и живит (см. выше п. 7). В другом кратком изречении он указывает в страхе Божиим источник готовности и годности на все добродетели. Страх Божий, говорит он, есть начало всех добродетелей и начало премудрости. Как свет, входя в какой-либо темный дом, разгоняет тьму его и освещает его; так страх Божий, когда войдет в сердце человеческое, то прогоняет тьму и возжигает в нем ревность ко всем добродетелям (Patr. gr. t. 40, p. 1084).

28. Потому всячески предостерегал от потери сего страха. Не выходи, говорил, из келлии, а то потеряешь страх Божий. Ибо как рыба, извлеченная из воды, умирает, так замирает страх Божий в сердце монаха, если он выходит из келлии блуждать вне (там же).

29. Но все эти поддержки ревности действуют понудительно, влекут со вне, хотя устроятся внутри. Надо стяжать внутренних возбудителей ревности, так чтобы она сама была из сердца, как ключ воды. До этого доводят сердце: 1) ощущение сладости жизни по Боге. Пока не образуется это ощущение,

до тех пор ревность наша ненадежна. Почему, когда один брат спросил св. Антония: отчего, когда Бог, по всему Писанию, обещает душе блага высшая, душа не бывает постоянно тверда в искании их, а уклоняется к переходящему, тленному и нечистому? — он отвечал: кто не вкусил еще сладости небесных благ, тот не прилепился еще к Богу от всего сердца своего; потому и возвращается на тленное. Но пока не достигнет кто такого совершенства, должно работать Богу из покорности св. воле Его, так чтобы таковой с Пророком говорил: скотен бых у Тебе (Пс. 72, 23), т. — е. я работал Тебе, как подъяремное животное (Patr. lat. t. 73, p. 1056).

30. Отсюда 2) любовь к Богу — еще сильнейший возбудитель ревности. Св. Антоний сам по себе знал, что любовь сильнее страха, и говорил: я уже не боюсь Бога, но люблю Его (т. — е. не страхом побуждаюсь, как держать себя, но любовью); ибо любви вон изгоняет страх (1 Иоан. 4, 18). (Дост. ск. 32).

31. И других убеждал он, чтоб паче всего воспитывали в себе любовь к Богу, как силу несокрушимую и неотпадающую. Так, когда однажды спросили его братия: чем лучше можно угодить Богу? он ответил: самое угодное Богу дело есть дело любви. Его исполняет тот, кто непрестанно хвалит Бога в чистых помышлениях своих, возбуждаемых памятью о Боге, памятью об обетованных благах, и о всем, что Он для нас совершить благоволил. От памятования о всем этом рождается любовь полная, как предписывается: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоя и всюю силою твоею (Втор. 6, 5), — и как написано: якоже желает елень на источники водные, тако желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41, 2). Вот дело, которым должны мы благоугождать Богу, да исполнятся и в нас слова Апостола: кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или беда, или меч? Ничто же (Римл. 8, 35. 38). (Patr. gr. t. 40, p. 1094).

32. От сей или вместе с нею приходит 3) радость доброделания и пребывания в порядках Божиих, которая в свою очередь становится возбудителем ревности. Сюда относится следующее изречение св. Антония. Спросили его: что есть радость о Господе? Он ответил: делом исполнить какую-либо заповедь с радостью, во славу Божию, — вот что есть радость о Господе. Ибо когда исполняем Его заповеди, нам должно радоваться; напротив, когда не исполняем их, должно нам печалиться. Почему постараемся исполнять заповеди с радостью сердца, чтобы взаимно соутешаться в Господе; только всячески при этом будем опасаться, чтоб радуясь не вознестись гордостью, но все упование свое возлагать на Господа (Patr. gr. t. 40, p. 1095. Подобная мысль у Василия Вел. крат. прав. вопрос. 193).

6. Подвиги и доброделание, в частности.

Так руководимая и возгреваемая ревность обращается на подвиги, и телесные и душевные, и на всякое доброделание.

33. Сколько надобно измощать плоть свою, указал св. Антоний в общем наставлении о подвигах (см. п. 7), и в вычислении причин движения похоти (см. извлеч. п. 18), между которыми стоит и питание вдоволь плоти, — чем (как на средство против таких движений) указывается на истощание тела постом (Дост. ск. 22). Св. Антоний заповедывал быть к телу очень строгим (см. выше п. 7), и осуждал всякую поблажку. Почему не благоволительно отнесся о тех, кои ходят в баню. Отцы наши, говорил он, и лиц своих никогда не умывали, — а мы ходим в бани мирския (Алфав. патер. ст. 4).

34. После усмирения плоти большое значение придавал он обузданию языка. Этот подвиг ставил он наряду с странничеством, говоря: странничество наше в том, чтобы держать затворенными уста свои

(там же, стр. 4 об.).

35. Те же, которые говорят все, что ни приходит им в голову, походят на двор без ворот, на который всходит кто ни захочет, подходит к стойлу и отвязывает осла. Мысль эта хоть не св. Антонием высказана, но в присутствии его, и им, конечно, одобрена (Дост. ск. 18).

36. И еще большое значение давал сидению в келлии. Как рыбы, говорит он, оставшись долго на суше, умирают, так и монахи, находясь долго вне келлии, или пребывая с мирскими людьми, теряют любовь к безмолвию. Посему как рыба рвется в море, так и мы должны спешить в келлию, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении (Дост. ск. 10).

37. Вообще советовал держать себя в келлии так строго, чтоб келлия для инока была пещию Вавилонскую, обжигающею в нем все нечистое (Patr. gr. t. 40, p. 1086).

38. Допускал, однакож, он и некоторое послабление в напряжении подвигов, как видно из ответа его охотнику. Сказывают, что некто, в пустыне ловя диких зверей, увидел, что авва Антоний шутил с братьями, и соблазнился. Старец, желая уверить его, что нужно иногда давать послабление братии, говорит ему: положи стрелу на лук свой и натяни его. Он сделал так. Старец говорит ему: еще натяни. Тот еще натянул. Опять говорит: еще натяни. Охотник отвечал ему: если я сверх меры натяну лук, то он переломится. Тогда старец сказал ему: так и в деле Божиим: если мы сверх меры будем напрягать силы братий, то оне скоро разстроятся. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии. — Охотник, услышав это, пришел в умиление и пошел от старца с назиданием. А братия, укрепясь тем, возвратились в свое место (Дост. ск. 13).

Более впрочем сохранились такие изречения и сказания, в которых указываются душевные подвиги, или расположения сердца, условливающие успех. Таковы:

39. Терпение. Оно столько нужно подвижнику, что коль скоро его нет, то и сам он никакой цены не имеет. Так, хвалили братия св. Антонию одного монаха. Когда монах сей пришел, св. Антоний захотел испытать его, перенесет ли он оскорбление, и увидев, что не переносит, сказал ему: ты похож на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками (Дост. ск. 15).

40. Терпение нужно потому, что искушения для нас нужны. И св. Антоний говорил: никто без искушений не может войти в царствие небесное; не будь искушений, никто бы и не спасся (Дост. ск. 5).

41. Молитва. Этому учил он примером, ибо все знали, как долго он маливался. Мы знаем, говорили ученики его, блаженный старец иногда так углублялся в молитву, что простаивал в ней целую ночь, и когда восходящее солнце пресекало сию его пламенную в восхищении ума молитву, мы слышали, как он говорил: зачем мешаешь ты мне, солнце? Ты для того будто и восходишь, чтобы отвлекать меня от Божественного умного света (Patr. lat. t. 73, p. 848).

42. Слезы. Так, когда брат спросил св. Антония: что мне делать с грехами моими? Он ответил: кто хочет освободиться от грехов, плачем и стенанием освободится от них: и кто хочет настроиться на добродетели, — слезным плачем настроится. Само псалмопение есть плач. Помни пример Езекии, царя Иудейского, который, как написано у Исаии Пророка (гл. 38), за плач не только получил исцеление от болезни, но и сподобился прибавления жизни на 15 лет, и на котораго нашедшее вражеское войско в 185 тысяч сила Божия поразила на смерть, ради пролитых им слез. Св. Петр Апостол плачем получил прощение в том, что погрешил против Христа, отрекшись от Него. Мария, за то, что орошала слезами ноги Спасителя, сподобилась услышать, что об этом всюду будет

возвещаться вместе с проповедию Евангелия (Patr. lat. t. 73, p. 1055).

43. Места же смеху не находил св. Антоний в жизни инока, и когда ученики спросили его: можно ли нам когда-нибудь смеяться? Ответил: Господь наш осуждает смеющихся, когда говорит: Горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете (Лук. 6, 25). Итак, верному монаху не должно смеяться, нам должно паче плакать о тех, коими хулятся имя Божие, по той причине, что они преступают закон Его, и всю жизнь свою иждивают, погрязая во грехах. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтоб Он не попустил им ожестечь во грехах и смерть не застала их прежде покаяния (Patr. gr. t. 40, p. 1096. Подобное у Василия Великого крат. прав. 31).

44. Смирение, привлекающее покров свыше и обезопасивающее от всех падений. Видел я, говорил св. Антоний, однажды все сети врага, распростертыя по земле, и со вздохом сказал: кто же избегнет их? Но услышал глас, говорящий мне: смиренномудрие (Дост. ск. 7).

45. Почему внушал потом: если подвигаемся добрым подвигом, то должно нам крайне смиряться пред Господом, чтобы Он, ведающий немощь нашу, покрывал нас десницею Своею и хранил; ибо если вознесемся гордостью, Он отнимет покров Свой от нас, и мы погибнем (Patr. gr. t. 40, p. 1090).

46. В другой раз сказал он: как гордость и возношение ума низвергли диавола с высоты небесной в бездну, так смирение и кротость возвышают человека от земли на небо (Там же, стр. 1081).

47. Почему, чтоб подвиг, напр. молчанья, не привел к гордости, он советовал давать ему самоуничительный смысл. Если кто, говорил он, берет на себя подвиг молчания, пусть не думает, что проходит какую добродетель, но пусть держит в сердце, что потому молчит, что не достоин говорить (Patr. lat. t. 73, p. 1051).

48. Внушал также св. Антоний, что Сам Господь так ведет нас внутренно, что скрывает от нас наше добро, чтоб удержать в смиренных о себе чувствах. Он говаривал: если мельник не будет закрывать глаз животного, вращающего колесо, то дело его не будет идти успешно. У сего животного кружилась бы голова, и оно падало бы, не имея возможности работать. — Так и мы, по Божию устройению, получаем прикрытие, чтоб нам не видеть добрых дел своих, дабы ублажая себя за них, мы не возгордились и не потеряли плода всех трудов своих! Это бывает, когда мы оставляемы бываем обуреваться нечистыми помыслами, в которых мы не можем не осуждать самих себя и своей мысли. А в таком положении помышление о нашей доброте не может иметь места; и след. наше маленькое добро прикрывается и не видно бывает из-за этих нечистых помыслов (Перифраз, там же, стр. 1037).

49. Сколько пагубно самомнение, разительно это внушалось падением юнаго подвижника после совершеннаго им чуда. Мимо места, где подвизался сей юный, шли старцы к св. Антонию и крайне утомились. Он позвал диких ослов и повелел им донести на себе сих старцев до св. Антония. Когда старцы сказали о сем св. Антонию, он отвечал: монах этот, как мне кажется, есть корабль, полный груза, но не знаю, взойдет ли он в пристань. — И действительно, возмечтав о себе, он пал чрез несколько времени. Прозрев это, св. Антоний сказал ученикам: сей час пал тот юный подвижник. Пойдите, посмотрите. Они пошли и увидели его сидящим на рогоже и оплакивающим сделанный грех (Дост. ск. 94).

50. Но сколько самомнение пагубно, столь же напротив спасительно самоуничужение. Это представляет пример башмачника, о котором св. Антоний имел указание свыше. Св. Антоний молился в келлии своей и услышал глас, говоривший ему: Антоний! ты еще не пришел в меру

такого—то башмачника в Александрии. Св. Антоний пошел в Александрию, нашел этого башмачника, и убедил его открыть, что есть особенного в его жизни. Он сказал: я не знаю, что когда—нибудь делал какое—либо добро; почему, вставши утром с постели, прежде чем сяду за работу, говорю: все в этом городе от мала до велика войдут в царствие Божие за свои добрые дела; один я за грехи мои осужден буду на вечныя муки. Это же самое со всею искренностью сердечную повторяю я и вечером прежде, чем лягу спать. Услышав это, св. Антоний сознал, что точно не дошел еще в такую меру (Patr. lat. t. 73, p. 785).

51. Не это ли послужило поводом к тому, что он потом часто повторял наставление: нам надобно всегда во всем самих себя укорять и обвинять, и делать это искренно; ибо кто сам себя укоряет, того оправдывает и прославляет Бог (Там же).

52. Взаимное услужение и помогание. Братия спросили св. Антония: если кто скажет: я ничего не буду брать у братий, и сам ничего не буду им давать, — для меня достаточно моего; хорошо ли это? Св. Антоний отвечал: дети мои! кто таков, тот жесток сердцем, и душа у него — душа льва. Его должно считать отчужденным от сообщества всех добрых людей (Patr. graec. t. 40, p. 1095).

53. В другой раз спросили еще его: как должно служить братиям? Он отвечал: братия, которые хотят служить братиям, пусть служат им как слуги своим господам, и как Господь служил Петру, которому оказал Он последнее услужение, будучи Творцем его. Этим показал Господь, что если те, которые отвергают оказываемое им услужение, не безупречны; то тем паче достойны осуждения те, которые низким считают послужить братиям. Если первые не будут иметь части с Господом, как сказал Господь Петру; то что сказать о последних? (Там же).

54. И вообще говорил он: от ближнего — живот и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога; а если соблазняем брата, то грешим против Христа (Дост. ск. 9).

55. Сострадание и снисхождение к падающим. В обители аввы Илии с одним братом случилось искушение. Его выгнали оттуда, и он пошел в Гору к авве Антонию. Авва Антоний, подержав его несколько времени у себя, послал в обитель, из которой он пришел. Но братия опять прогнали его. Он снова пришел к авве Антонию и сказал ему: не захотели принять меня братия, отче! Тогда старец послал его с такими словами: буря застигла корабль на море; он потерял груз свой и с трудом сам спасся; а вы хотите потопить и то, что спаслось у берега. Братия, услышав, что брата послал к ним авва Антоний, тотчас приняли его (Дост. ск. 21).

56. В одной обители оклеветали брата в блудодеянии, и он пришел к авве Антонию. Пришли также и братия из обители, чтоб уврачевать его и опять к себе взять. Они стали обличать его, зачем он так сделал; а брат защищался, говоря, что он ничего такого не делал. Случилось тут быть и авве Пафнутию Кефалу. Он сказал им такую притчу: на берегу реки видел я человека, который увяз по колена в грязи. Некоторые пришли подать ему помощь, и погрузили его по самую шею. Авва Антоний сказал после сего: вот истинно такой человек, который может врачевать и спасать души! — Братия, тронутые словами старцев, поклонились брату, и по совету отцев, приняли его опять к себе (Дост. ск. 29).

57. Замечательна мысль св. Антония о том, кто может иметь истинное братолюбие. Он говорил: человек никогда не может быть истинно добрым, как бы ни желал того, если не вселится в него Бог; ибо никто же благ, токмо Бог един (Patr. lat. t. 73, p. 785).

7. Последняя цель всего и верх совершенства.

58. Это боговселенье или жизнь в Боге и есть последняя цель всех подвижнических трудов и верх совершенства. Сам Бог показал сие св. Антонию, когда он сподобился такого откровения в пустыни: есть в городе некто подобный тебе, искусством врач, который избытки свои отдает нуждающимся и ежедневно поет с Ангелами Трисвятое (т. е. при совершенстве любви к ближнему в Боге живет и пред Богом ходит). (Дост. ск. 24).

8. Совершенство св. Антония и слава на небе.

59. Говорили об авве Антоние, что он был прозорливец, но избегая молвы людской, не хотел разглашать о сем; ему открываемы были и настоящие и будущия события мира (Дост. ск. 30).

60. Один старец просил у Бога, чтобы ему увидеть отцев (в славе); и увидел он их всех, кроме аввы Антония. Он спросил того, кто показывал ему: где же авва Антоний? Тот отвечал: Антоний там, где Бог! (Дост. ск. 28).

5. Объяснение некоторых изречений св. Антония Великаго, сделанное после его смерти одним старцем.

1. Вопрос монахов. Как должно понять слово святого аввы Антония, которое он сказал ученику своему Павлу, когда тот, оставя мир, просился жить при нем: если хочешь быть монахом, ступай в монастырь, где много братий, которые могут поддерживать твою слабость?

Ответ старца. Из этого научаемся, что мы должны принимать в монастырь и стариков немощных, больных, слепых и разслабленных, и любить их, когда они с радостью и усердием посвящают себя стяжанию добродетелей, хотя по немощам своим и не могут поднимать всех трудов. Потому немалого укора достойны те настоятели монастырей, которые не принимают стариков немощных, хотя известно, что они очень добрых нравов, а принимают охотно крепких юношей для исполнения разных служб по монастырю и для посылок, хотя они дерзки и безстыжи. Таких настоятелей блаженный истолкователь [9] строго обличает в книге о совершенстве управления (обителей), говоря: они позволяют ученикам своим оставаться нерадивыми в делах добродетели, а к делам телесным и мирским сильно побуждают их. Тем, которые приняли монашество, чтобы прилежать добродетелям, они не дают отдыха и покоя от мирских дел, непрестанно заставляя исполнять их; и укоряют их, бранят, осмеивают, осуждают, если когда они не с особенною поспешностию исполняют порученное им дело, по немощи ли—то, или иногда по ослаблению усердия, хотя бы они очень были заботливы и усердны в делах духовных; напротив великими похвалами превозносят тех, которые весь труд и заботу обращают на мирския дела, хотя они преленивы на стяжание добродетелей. И это трудолюбие происходит у них не от добродетели послушания, а от того, что они любят заниматься мирским. Но что всего хуже, — ленивы ли они или старательны, их имеют как рабов. Авва же Пимен сказал: если из трех киновитов — один прекрасно безмолвствует, другой болен, но благодарит Бога, а третий охотно исполняет послушание; то все они в одном состоят подвиге. Этими словами показал святой сей, что в монастыре, где многие собраны киновиты, не одни крепкие телом, нужные для исправления разных послушаний, должны быть, но и немощные братия, предающие себя непрестанному безмолвию: иначе суэтен весь труд их.

2. Вопрос. Чего ради авва Антоний сказал Павлу, ученику своему: ступай, сиди в уединении, чтобы изучить брани, бывающия от демонов?

Ответ. (Желая ему совершенства). Ибо совершенство монаха состоит в навыке его править духом всем в себе. Но такое самоуправление духовное приходит вместе с чистотою сердца; чистота же

сердца бывает, когда им правит ум, а умом правит непрестанная молитва. Брань же от демонов бывает чрез помыслы и привидения, которые в уединении и безмолвии сильнее возбуждаются. Примеч. Сила ответа. Уединение дает непрестанные случаи к брани с самыми тонкими помыслами, всеваемыми демонами. Эта брань ведется умом молитвенно в Боге сущим и внимающим сердцу, и ими правящим. Непрерывность сего подвига духовнаго при разнообразии опытов брани научает духовному самоуправлению и образует навык к нему, а в нем все духовное совершенство монаха и всякаго христианина.

3. Вопрос. Что значит сказанное аввою Антонием: как извлеченныя из воды рыбы умирают, так случается и с монахом, который долго промедливает вне келлии своей? Каким образом монах умирает подобно рыбе?

Ответ. Жизнь души состоит в непрестанном любительном богомыслии, которое достойно именоваться жизнью души, обнимая и соединяя в себе ум и сердце. Итак, если монах будет толкаться по городам, то, развлекаясь видением и разговорами, он лишается духовной жизни и умирает, потому что он отводится от Бога и забывает Его, и изгоняет из сердца своего любовь к Христу, которую стяжал себе многими трудами, когда безмолвствовал в келлии. Сверх того, расслабляется в нем любовь к лишениям и притрудностям, и он предается упокоению плоти и удовольствиям, — и возмущается чистота сердца его, по причине мятущагося движения образов, которые входят и выходят чрез чувства — зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния, и чрез слово; это же все наводит его тогда на блуд и другия страсти, кои суть истинная смерть и погибель монаха. Итак, хорошо сказал блаженный Антоний: как умирают рыбы, извлеченныя на сушу; так умирает монах, который, оставя келлию, проводит время в городах и селениях.

4. Вопрос. Авва Антоний говорит: кто живет в уединении, свободен от трех браней, — то есть, брани от языка, зрения и слуха; остается же у него только брань сердца? Объясни нам, пожалуй, эти слова блаженнаго.

Ответ. Не потому он так сказал, чтобы брань в безмолвии и уединении была меньше брани, воздвигаемой в братиях, которых ум развлекается зрением, слухом и языком; но он показывает этими словами, что живущим в уединении чужды брани со стороны чувств, которыми другие терзаемы бывают более, чем те бранями сердца, которые поднимают в них демоны. Отцы наши того ради уходили на безмолвие, чтоб брани сердца не были усиливаемы бранями со стороны зрения, языка и слуха. Ибо как легко падают братия (общежительные), которые — то выходят, то входят, то из монастыря, то в монастырь, потому что у них к брани сердечной присоединяется брань со стороны телесных чувств, так удобно падают и монахи, которые живут в безмолвии, и тревожимы бывают только бранию сердечною, если и к ним подойдет брань со стороны телесных чувств. Это довольно полно оправдано теми братиями (отшельниками), к которым, в то время когда они жили в уединении, приходили по какому-либо случаю женщины, и у которых потому к брани сердечной присоединялось видение тела и красоты лица: они тотчас были преодолеваемы усиливавшеюся бранию сердца, и падали. Что подлинно у тех, кои живут в уединении, брань со стороны душевных чувств сильнее и ожесточеннее, нежели брань со стороны чувств телесных, — это можно видеть и из слов блаженнаго Евагрия, который говорит, что с теми монахами, которые живут в уединении, демоны ведут брань прямо сами от себя, без всякаго посредства, а против тех, которые живут в обителях и ревнуют о преуспейнии в добродетелях, они возбуждают и поднимают распущенных

монахов, которых жесточе, досадительнее и коварнее никого нет.

5. Вопрос. Что означает следующее изречение, сказанное св. аввой Антонием: келлия монаха есть пещь Вавилонская, место трех отроков, среди которых был Сын Божий, и есть столп огненный, из которого Бог говорил с Моисеем?

Ответ. Как огонь имеет два свойства, из коих одно есть жар больно—обжигающий, а другое — освещение радующее; так и терпеливое пребывание в келлии имеет два действия, из коих одно тяготит и беспокоит новичков в безмолвии, то крайним изнеможением, то бранию, а другое радуется преуспеянием, делая покойными тех, кои, миновавши страсти, являются совершенными в чистоте и удостоиваются светлых видений. Смысл же сказанного им о трех отроках, что они видели Сына Божия, есть следующий: как Анания, Азария и Мисаил, будучи ввержены в Вавилоне в пещь огненную, не были сожжены и даже обожжены, потому что к ним послан был Ангел Божий снять с них узы и избавить от разрушительного действия огня: так и для братий, в уединении живущих, сначала брань со страстями, поднимаемая на них демонами, бывает очень трудна; но их никогда не оставляет благодатная помощь Господа нашего Сына Божия, явно посещая их и обитая с ними, чтоб когда с сею помощью победят они страсти и врагов, удостоить их благодати совершенной любви и светлой славы своей.

6. Вопрос. Что значит следующее изречение аввы Антония: не должно воздавать злом за зло; и если монах не достиг еще сей степени, да хранит молчание и безмолвие? Как можно достигать сего (безгневия) посредством безмолвия?

Ответ. Если брат немощный, оскорбляющий брата своего языком и ненависть к нему питающий в сердце, удержит себя в келлии, и воздержится от разговоров с людьми, подавляя между тем злые помыслы, и постоянно прилежит молитвам и чтению Писаний; то посетит его благодать мира, — просветится сердце его и дух его возрадуется в Боге, получив свободу от страсти. Ибо человек сей, взглянув на крест Господень, воспламенится любовью к Нему, и поцеловав его, станет разсуждать о том, как Бог, по Писанию, так возлюбил мир, что и Сына Своего Единородного предал на смерть за него (Иоан. 3, 16); что, конечно, любовь Свою к нам показал Бог тем, что еще грешником нам сущим, Христос за ны умре (Рим. 5, 8). — Если же Сына Своего не пощадил Бог, но за нас предал Его на смерть, и притом на такую позорную смерть креста, како не и с Ним вся нам дарствует (Рим. 8, 32), или в чем другом откажет нам? Великая же к нам милость и любовь Христова побуждают нас не только подумать, что нам никак ни следует жить для своих пожеланий, а для того, Кто за нас умрет (2 Кор. 5, 14. 15); но и взирать, как на начало и образец терпения, на Иисуса, Который понес за нас крестную смерть, и потерпев такое поношение, опять возсел одесную Бога на высоких. Итак, если постраждем с Ним, с Ним прославимся (Рим. 8, 17), и если с Ним претерпим, с Ним и воцаримся (2 Тим. 2, 12). Почему Апостол Павел увещавает нас, говоря: будем взирать, братие, на крест Господа нашего (Евр. 12, 2). Смотри, сколько перенес Он за грешников, которые были врагами душ своих! Не унывайте же и не расслабляйтесь душами своими по той причине, что вам приходится терпеть тесноту, обиды, поношение и смерть, которыя налегают вам, за любовь к Нему.

Испрашивайте в молитвах ваших прощения тем, кои причиняют вам неудовольствия, подобно тому, как Господь молился за распинателей Своих, говоря: Отче, отпусти им (Лук. 23, 34), и как блаженный Стефан испрашивал прощения у Господа нашего тем, кои побивали его камнями, говоря: Господи, не постави им греха сего (Деян. 7, 60). Если монах тот, сидя уединенно в келлии своей,

будет разсуждать таким образом, то укрепится духом, возгосподствует над всеми страстями в Господе; и не только не станет кого-либо обижать, или гневаться на кого, или злом воздавать за зло кому; но будет великою радоваться радостью, и в честь себе вменять, если случится потерпеть ему поругание и обиду. Вот до какой нравственной крепости доходит монах в келлии своей, по причине безмолвия, внимания к себе и терпеливаго исполнения заповедей Христовых, каковы: пост, молитва, богомыслие и другия добродетели, имеющие место в безмолвии. Итак, очень хорошо сказал блаженный авва Антоний, если монах не может воздержатъ языка своего от нанесения оскорблений, ропота и многословия, и сердца своего не силен удержать от таких падений; пусть, по крайней мере, сколько может, прилежит безмолвию и молчанию.

7. Вопрос. Пришли некогда братия к авве Антонию и сказали ему: дай нам заповедь, которую мы могли бы исполнять. — Он говорит им: написано в Евангелии: если кто ударит тебе в одну ланиту, обрати к нему другую (Мф. 5. 39). Те отвечали ему: мы этого никак не можем исполнить. Старец сказал им: если вы не можете обращать другой ланиты, переносите терпеливо удар в одну. Они сказали: и это не можем делать. Он еще сказал им: если и этого не можете, по крайней мере не отвечайте ударами тому, кто вас ударит. Они сказали и этого не можем делать. Тогда великий старец сказал ученику своему: приготовь братиям этим немного пищи, потому что они больны. Что значат эти слова святаго отца?

Ответ. Он хотел сказать, что с такими нечего делать, как покормить их и отпустить. Но как старец в заключение сказал: для вас нужна молитва; то можно думать, что под пищу он разумел молитвы старцев, как бы так говоря: если вы не можете ни того, ни этого, то нужна молитва о вас. Ибо как для больных потребна особая пища по слабости их желудка, который не может принимать всякаго рода пищу; так и для вас, у которых мысль так немощна, что не может и малой части заповедей Господа нашего исполнять, нужно целение и врачевание душ, именно молитвы отцев, которые могли бы их вам испросить.

8. Вопрос. Св. авва Антоний сказал: я видел сети дьявола простертыя по всей земле, возстенал от этого и сказал: горе роду человеческому; кто может избавиться от них? И сказали мне: смирение спасает от них; ибо они не могут спутывать его. Как видел святой сети сии — чувственно, или мысленно? И кто те, которые сказали ему: смирение спасает от них, ибо они не могут спутывать его?

Ответ. Авва Макарий Великий, Египетский, ученик аввы Антония, видел также во внутреннейшей пустыне скитской все козни вражеския, в то же время, как видел их авва Антоний, только в другом образе. Святой Макарий видел бесов, в подобии двух человек, из которых один был одет в дырявую одежду, на которой были разных цветов нашивки; тело же другаго все покрыто было изношенною одеждою, на верху которой была сеть какая-то, обвешанная пузырьками, к ним подходил еще какой-то, который покрыт был крыльями на подобие покрова. Вот этих телесно, — телесными очами, — видел авва Макарий; а св. авва Антоний видел оком ума, как видят видение, все те сети дьявола, которыя он всегда строит монахам, и которыми старается их опутать, уловить и помешать им благополучно кончить шествие свое путем добродетели, как написано: скрыша гордии сеть мне, и ужы препяша сеть ногама моима (Псал. 139, 5). Итак, он видел, что сети дьявольския устроены по земле таким же образом, как звероловы протягивают свои. Видя это, он удивился и ужаснулся, по причине множества тенет и сетей, в которыя елиб и зверь попался какой, не мог бы высвободиться, по множеству разных силков и пут. Под таким образом представились авве Антонию виды всех

страстей телесных и душевных, которыми бесы борют монахов. И видел он Ангелов святых, которые поименно означали ему сеть каждой страсти, — именно: сеть чревоугодия или объядения, сеть сребролюбия, сеть блуда, тщеславия, гордости и прочих страстей. Сверх того, они показали ему все искусства и хитрости, как враги устроят свои сети и засады, чтоб положить братьям препону, опутать их и остановить их шествие по великому пути любви Божией. Когда пораженный ужасом при виде сетей, возстенал он и сказал: горе нам, монахам! Как избавиться нам и спастись от этих сетей, чтоб не запутаться в них? — Ангелы сказали ему: смирение спасает от всех их, и кто им обладает, тот никогда не запутается в них и не падет. — Но они не сказали, что не одним смирением препобеждаются страсти и демоны: требуются еще и другия дела и подвиги вместе с смирением. Смирение одно само по себе никакой не принесет пользы; равно как и дела без смирения ничего не значат: ибо они без него — что мясо, землю, а не солию осоленное, которое легко портится и пропадает. Итак, телесные труды, внутренний подвиг ума, безмолвие и непрестанная молитва с совершенным смирением преодолевают все страсти и демонов, так что сии последние и достать не сильны монаха, обладающего ими, как Ангелы сказали авве Антонию.

9. Вопрос. Авва Антоний сказал: если подвигаемся подвигом добрым, должно нам крепко бояться и крайне смиряться пред Богом, чтоб Он, ведающий немощ нашу, покрывал нас десницею Своею и хранил; ибо если вознесем гордостию, — Он снимет покров Свой с нас, и мы погибнем. Какой смысл этого изречения блаженного?

Ответ. Смиряться должны мы всегда, как во время теснот, скорбей и браней, так и во время мира и покоя от браней. Во всякое время имеем мы нужду в смирении, так как оно во время брани доставляет нам помощь и придает силы к поднятию тягости терпения; а во время мира и покоя от браней — защищает нас от гордости и удерживает от падений. Также по причине разления нашего и пленяющего нас богозабвения, должны мы смиряться; ибо очевидная здесь немощ наша сама собою поведет к смирению и заставит отгонять всякую гордость. Бог не хочет, чтоб мы всегда находились в опасностях и тревогах; но, по Своей благодати и человеколюбию, покрывает нас и прекращает брани страстей и свирепость демонов. Итак, если мы во время брани и подвига прибегаем к смирению, ради опасности и затруднения, а во время спокойствия и безопасности от браней забываем Бога и возносимся гордостию; то Он, без сомнения, снимет с нас покров Свой, и мы погибнем в разорении и отчаянии. Почему нет времени, в которое не было бы нам потребно смирение, так как во всяком месте и во всех действиях мы всеконечно имеем в нем нужду.

10. Вопрос. Некто из старцев молил Бога показать ему всех отцев, и ему дано было видеть их всех, кроме св. аввы Антония. Тот, кто показывал ему их, сказал: где Бог, там авва Антоний. Как, видел он всех отцев и почему не видел аввы Антония?

Ответ. Или ум старца был восхищен в рай, и видел там отцев, или сами отцы пришли к нему, или Ангел показал ему их, посредством видения. Авва же Антоний не был им видим по двум причинам: для показания великости славы св. аввы Антония, и для того, чтоб смирить старца того, дабы не превознесся он гордостию, что видел всех отцев. Ибо исполняя его прошение, Бог этим видением отцев обязывал его подражать им; а что не удостоен он видеть св. Антония, этим внушалось, что старец не имеет столько сил, чтоб подражать ему; чем давалось ему побуждение подавлять гордость и смиряться.

11. Вопрос. Пришел однажды авва Аммон девственник к авве Антонию и сказал ему: вижу, что я

имею больше дел, нежели ты; каким же образом имя твое больше славится между людьми, чем мое? Святой Антоний ответил ему: это от того, что я люблю Бога больше, нежели ты. С каким намерением это сказано?

Ответ. Ни авва Аммон не хвалился своими делами, ни авва Антоний своею любовью; но намерение слов их было таково. Как эти святые были первыми учредителями чина монашеского и начинателями пустынножительства; то они имели в виду обоюдным согласием утвердить и всем монахам показать, что внутренний строй ума превосходнее телесных подвигов. Ибо сей внутренний строй ума направляет и восторгает душу монаха к совершеннейшей любви к Богу, делающей его достойным видений и откровений славы Божией. Телесные подвиги освобождают монаха от страстей телесных, утверждают в добродетелях, силу ему подают к отгнанию похотей, и телу доставляют чистоту. А подвиг ума вооружает душу против демонов и помыслов, ими всеваемых, и доставляет чистоту сердца, которое крепость получает от любви и делается достойным того, чтоб им правил Дух. Не всякаго, преуспевающего в добродетелях и любящаго Господа, славе нужно распространяться между людьми: ибо вот авва Павел, начало пустынножителей и перворожденный из монахов (котораго авва Антоний называл иногда пророком Илиею, иногда Иоанном Крестителем, иногда Апостолом Павлом), пока жив был, ни мало не был известен между людьми. Но, как я уже сказал, те оба отца хотели взаимно утвердить и нас научить, какой чин подвижничества превосходнее другого, — телесный, или духовный, состоящий во внутренней сокровенной брани ума, в непрестанной молитве и богомыслии, которыя, достигши совершенства, возвышают ум монаха в духовный строй, состоящий в духовной молитве, в удивлении Богу, в созерцании Его и в явлении славы Господа нашего Бога, Коему хвала во веки веков. Аминь.

12. Вопрос. Св. авва Антоний сказал, что Бог не попускает диаволу наводить сильные брани на род сей, потому что он немощен. — Как это так?

Ответ. Бог жалеет род сей, — не попускает быть ему слишком тесному от диавола, так как у нас недостаточны жар любви к Богу и ревность о добрых делах. Итак, диавол слабее нападает на нас, по причине нашей слабости и разлечения.

13. Вопрос. Что значат следующие слова аввы Антония: еслиб мельник не закрывал глаз мула, то он ничего не мог бы приобрести: ибо мул падал бы от кружения головы, и работа прекращалась. Подобно сему и мы бываем покрываемы по божественному устройению. Ибо и мы вначале делаем добро, не видя его, чтоб не стали мы считать себя блаженными и не погибли потому труды наши; почему иногда впадаем в срамныя помышления, чтоб видя их укоряли самих себя. Эти—то срамныя помышления и суть прикрытые небольшого добра, которое делаем, так как человек, который укоряет себя, не потеряет награды своей. — Объясни нам, что есть полезного в этом изречении?

Ответ. Не все святые удостоиваются видеть видения; они не видят даже добра, которое делают, и уготованных им обетований, хотя они преисполнены благих дел и добродетелей. Не потому так, чтобы Бог не радовался их добродетелям и не утешался их добрыми делами. Чтоб Всеблагий умалил нечто от награды, уготованной добрым, — да не будет! Но это делает Он для того, чтоб добродетельные люди не вознеслись гордостью, и чтобы чрез то совсем не погибла цена их добродетели, чтоб не лишились они уготованных им благ, и не сделались чуждыми благодати Божией. Почему хотя на то, что они добрые суть делатели и прилежат добродетелям, Бог хранит их, попускает, однакож, иногда, что демоны посмеваются над ними, всевают в них срамные помыслы,

или наводят страх, или наносят раны, чтоб знали они немощь свою, и всегда были осторожны и опасливы: ибо пока остаются они в мире сем, жизнь их изменчива и превратна. Но как помышление о благе, которое уготовано им за добрых дела, поддерживает в них ревность к постоянному доброделанию для получения его, так сознание своих недостатков и своей немощи отклоняет их от гордости, и делает то, что они готовы бывают на всякий род смирения, и всячески опасаются, как бы не потерять своей добродетели в то время, когда имеют получить сугубую радость от Господа нашего Иисуса Христа в безконечном царствии небесном.

14. Вопрос. Когда авва Еллений из Сирии пришел к авве Антонию, авва Антоний, увидев его, сказал: добро пожаловать, денница, восходящая заутра. А авва Еллений отвечал ему: здравствуй и ты, светлый столп, украсивший вселенную. — Кто этот Еллений? И почему блаженный так назвал его?

Ответ. Еллений этот жил во времена аввы Антония и был равен ему по степени совершенства и делам. Его похвалил император Константин Победитель, говоря: Благодарю Господа Иисуса Христа, что в дни мои есть три божественных светила, — блаженный авва Антоний, авва Еллений и авва Ивхин. Так сказал он потому, что они гораздо превосходили всех монахов, которые жили и были известны в то время. Назвал же его авва Антоний денницею потому, что как денница величиною и светлостью превосходит все другия звезды, так авва Еллений светом благодати превосходил всех прочих монахов его времени. И он с своей стороны, желая показать авве Антонию, что ему не безызвестна высота его совершенства и великость света благодати, ему данной, назвал его светлым столпом, который украсил вселенную.

15. Вопрос. Авва Антоний сказал: потому мы не преуспеваем, что не знаем своей степени и своего чина, и не понимаем, чего требует дело, к которому приступаем, но хотим достигнуть добродетели без труда. Почему, коль скоро встретим искушение на месте, в котором живем, переходим на другое, думая, что есть где-нибудь место, в котором нет диавола. Но кто познал, что есть брань, тот постоянно (везде) воинствует с Божиею помощью; потому что Господь наш сказал: Царствие Божие внутри вас есть (Лук. 17, 21). — На что указывает Он сими словами?

Ответ. Смысл его слов таков. Переходим мы с одного места на другое, чая найти место, где нет диавола; но встречая искушения и там, куда перешли, удаляются в иное место. Но кто знает, что есть брань, тот борется с Божиею помощью там, где живет, и не ищет другого места. Смысл же сказанного Господом нашим: Царствие Божие внутри вас есть, — есть тот, что мы, монахи, исшедшие из мира, взявшие крест свой, по заповеди Господа нашего, и Ему последовавшие, должны пребывать в одном месте, и заботясь единственно о спасении душ своих, переносить всякаго рода встречающиеся там брани. По любви к Богу и ради исполнения воли Его, которое состоит в соблюдении Его заповедей, нам должно, где бы мы ни были, терпеливо переносить все брани и искушения, будут ли они от страстей, или от демонов, или от людей. Но эти, не искусные в брани, не привыкшие сносить никакой тяготы, спешат в другия места, ожидая найти покой от брани, и убежище от помыслов, переселяясь с одного места на другое, и из одной страны в другую. Почему будем оставаться на своих местах, и если нападет на нас брань, или искушение, станем поститься, молиться, преклонять колена, бить себя в перси пред крестом Господа нашего, со слезами и болезнию сердечною прося себе у Него помощи и спасения; так как Он всегда присущ нам и обитает в нас, как написано: близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом спасет (Псал. 33, 19), и как Сам Господь сказал: Царствие Божие внутри вас есть (Лук. 17, 21), т. е. Я в вас обитаю. Ибо

Царствие Божие есть Христос, Который всегда в нас обитает. Блаженный Павел тоже говорит: не знаете ли, что Христос живет в вас? (1 Кор 3, 16). И не Он только живет в нас; но и мы в Нем пребываем, как Он Сам говорит: будьте во Мне, и Аз в вас (Иоан. 15, 4). Итак, если мы в Боге обитаем, и сами есмы жилище Ему, то не будем оставлять Господа нашего, во время искушений, бед и браней, и переселяясь инуды, не будем искать себе помощи и убежища от стран и мест; но на своих пребудем местах, умоляя Господа, в нас обитающего, подать нам помощь и избавить нас. При этом будем открывать свои помыслы отцам нашим и просить их молитв в помощь нам. Терпя на своих местах, будем всегда прибегать к покрову Спасителя нашего; и Он несомненно сделает нас победителями во всех бранях наших.

СВЯТЫЙ МАКАРИЙ ВЕЛИКИЙ

Сведения о жизни и писаниях св. Макария.

Ближайшим преемником учительского дара св. Антония был св. Макарий Египетский. Сказания сохранили только два случая посещения св. Макарием св. Антония, но надо полагать, что это были не единственные случаи. Вероятно св. Макарию не раз приходилось прослушивать пространные беседы св. Антония, которых, исходя из своего уединения, вел он иногда чрез всю ночь к собравшимся для назидания от него и ожидавшим его в монастыре братьям, как уверяет Кроний (Лавс. гл. 23). Оттого в беседах св. Макария слышатся почти слово в слово некоторые наставления св. Антония. Читающий те и другия подряд, может заметить это тотчас же. И нельзя не признать, что этот светильник — св. Макарий — возжен от того большого светила — св. Антония.

Сказания о жизни св. Макария не дошли до нас во всей целости. Все, что можно было узнать о нем, собрано в его жизнеописании, помещаемом при издании его бесед. Замечательнейший в ней случай, — это напраслина, претерпенная им, когда он жил еще недалеко от селения. Какое тут смирение, какое самоотвержение, какая преданность в волю Божию! Эти черты потом характеризовали и всю жизнь св. Макария. Гласно признался и сатана, что в конец побежден смирением св. Макария. Оно же было лестницею и к тем высоким степеням духовного совершенства и даров благодати, какия видим наконец у св. Макария.

Из писаний св. Макария имеем 50 бесед и послание. Оне давно издаются в русском переводе, и нет нужды помещать их в нашем сборнике, как оне есть. Сделаем выбор из них, который представлял бы в некотором порядке наставления св. Макария. Ибо оне представляют нечто целое и замечательны тем, что подробно выясняют главное дело христианства, — освящение падшей души действием благодати Святаго Духа. Это главный пункт, куда направляются у него все почти уроки. Так делает и Греческое Добротолубие. Из св. Макария помещает оно у себя не беседы его, а 150 глав, извлеченных Симеоном Метафрастом из его бесед, кои у нас составляют семь слов. Но что делает Метафраст, то может сделать и всякий. То делаем и мы.

Св. Макарий не касается частных в подвижничестве. Те, к кому обращал он свои беседы, и без того были усердные труженики. Потому он преимущественно заботился только о том, чтобы дать должное направление сим трудам, указывая им последнюю цель, к которой должно стремиться, подъемля такие труды и поты. Это, как уже помянуто, освящение души благодатию Святаго Духа. Одухование есть душа души. Без него нет жизни. Оно залог и будущего светлаго состояния.

Св. Макарий имеет дело с падшею душею, и научает ее, как из этого состояния тьмы, растления, мертвенности — выйти на свет, уврачеваться, ожить. Потому наставления его важны не для одних

мироотречников, но для всех вообще христиан: ибо в том и христианство, чтоб возстать от падения. За тем и Господь приходил; и все спасительныя Его учреждения в Церкви к тому же направлены. Хотя всюду поставляет он условием успеха в этом деле мироотречную жизнь; но своего рода мироотречность обязательна и для мирян. Ибо любы мира вражда Богу есть. А при этом какое спасение?

В выборе наставлений будем держаться того порядка, который сам собою строится в голове, когда читаешь беседы св. Макария. Св. Макарий часто возводит мысли к самому началу нашему и изображает, в каком светлом состоянии находился первый человек, — и это для того, чтобы тем мрачнее казался и без того мрачный вид падшаго, живописуемый им в самых непривлекательных образах. То и другое делает он для того, чтобы тем очевиднейшею представлялась безпредельная милость Божия, явленная нам в спасении нас чрез воплощение Единороднаго Сына Божия, и благодать Пресвятаго Духа. Все же сии три предмета выставляет он с тою целию, чтобы возбудить у всех желание содевать свое спасение и воодушевить мужеством к терпеливому прохождению и совершению всего пути его. Путь сей начинается образованием твердой, до положения живота, решимости последовать Господу, — идет чрез трудничество в подвигах самопринуждения и самопротивления, но доведши чрез сие до ощутительнаго действия благодати, или, как он говорит, до того, чтоб наконец благодать Духа Святаго открылась в сердце в силе и действительности, — проводит до возможнаго на земле совершенства во Христе Иисусе Господе нашем и заканчивается двояким состоянием душ в будущей жизни.

Таким образом все мысли св. Макария Великаго мы соберем под следующими заглавиями:

1. Светлое состояние перваго человека.
2. Мрачное состояние падшаго.
3. Единственное спасение наше — Господь Иисус Христос.
4. Образование твердой решимости последовать Господу.
5. Состояние трудничества.
6. Состояние приявших ощущение благодати.
7. Возможное христианское совершенство на земле.
8. Будущее состояние по смерти и воскресении.

Везде приводятся речи св. Макария слово в слово. От себя собиратель делает только заглавия. В цитатах первая цифра означает беседу, а вторая главу или параграф беседы. Надо заметить, что есть параграфы, в которых содержится не одна мысль; потому и цитуются они иногда не раз.

Наставления святаго Макария Великаго о христианской жизни, выбранныя из его бесед.

1. Светлое первобытное состояние.

а) Последняя цель и верховное благо человека в Богообщении. Бог благоволит почивать в нем и человек нигде не находит покоя, как только в Боге. В таком сродстве состоит человек с Богом по первоначальному назначению в творении.

1. Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душою. Бог сотворил разныя твари; сотворил небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносныя, всякие роды животных. Но ни в одной из сих тварей не почивает Господь. Всякая тварь во власти Его; однакоже не утвердил Он в них престола, не установил с ними общения; благоволил же о едином человеке, с ним вступив в общение, и в нем почивая. Видишь—ли в этом сродство Бога с человеком и человека с

Богом? (45, 5).

2. Как небо и землю сотворил Бог для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселяться и упокоиваться в теле его, как в доме Своем, имея прекрасною невестою возлюбленную душу, сотворенную по образу Его. Почему Апостол говорит: Егоже дом мы есмы (Евр. 3, 6). (49, 5).

3. Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна: и не в них благоволил упокоиться Господь, а только в человеке. Поэтому человек драгоценнее всех тварей, даже, осмелюсь сказать, не только видимых, но и не видимых, т. е. служебных духов. Ибо об Архангелах Михаиле и Гаврииле не сказал Бог: сотворим по образу и подобию Нашему (Быт. 1, 26), но сказал об умной человеческой сущности, разумею бессмертную душу. Написано: Ангельския ополчения окрест боящихся Его (Псал. 33, 8). (15, 20. 41).

4. Посему душа смысловая и благоразумная, обошедши все создания, нигде не находит себе упокоения, как только в Едином Господе. И Господь ни к кому не благоволит, как только к единому человеку (45, 5).

5. Как богатая девица, сговоренная замуж, какие бы ни получала подарки до брака, не успокаивается тем, пока не совершится брачный союз, так и душа ничем не успокаивается, пока не достигнет совершенного общения с Господом. Или как младенец, когда голоден, ни вочто вменяет и жемчуг и дорогая одежды, все же внимание обращает на питательные сосцы, чтобы вкусить молока; так разсуждай и о душе (то—есть, что все минуя, ищет она вкусить Бога, — и тогда только покойною становится). (45, 7).

б) Имея такое назначение, человек был приспособлен к нему в самом сотворении. В творении он был поставлен у цели.

6. Душа — дело великое и чудное. При создании ея, такую сотворил ее Бог, что в естество ея не было вложено порока, напротив того сотворил ее по образу добродетели Духа, вложил в нее законы добродетелей, рассудительность, ведение, благоразумие, веру, любовь и прочия добродетели, по образу Духа (46, 5).

7. Он вложил в нее разумение, волю, владычественный ум, воцарил в ней и иную великую утонченность, соделал ее удободвижною, легкокрылою, неутомимою, даровал ей приходить и уходить в одно мгновение, и мыслию служить Ему, когда хочет Дух. Одним словом, — создал ее такую, чтоб соделаться ей невестою и сообщницею Его, чтоб и Ему быть в единении с нею, и ей быть с Ним в единый дух, как сказано: прилепляйся Господеви един дух есть с Господом (1 Кор. 6, 17). (46, 6).

8. Как муж тщательно собирает в дом свой всякия блага, так и Господь в доме Своем — душе и теле — собирает и полагает небесное богатство Духа (49, 4).

в) Вследствие сего первозданные были в Боге и обладали великими преимуществами и благами.

9. До преступления они были облечены Божию славою... Адам, пока держался заповеди, был другом Божиим — и с Богом пребывал в раю (12, 8).

10. В Адаме пребывало Слово, и имел он в себе Духа Божия (12, 6).

11. Ум первоначально чистый, пребывая в чине своем, созерцал Владыку своего; и Адам, пребывая в чистоте, царствовал над своими помыслами и блаженствовал, покрываемый божественною славою (45, 1; 15, 23; 12, 6).

12. Само пребывавшее в нем Слово было для него всем: и ведением, и ощущением (блаженства), и наследием, и учением. И со вне пребывала на первозданных слава, так что они не видели наготы своей (12, 7. 10).

13. Человек был в чести и чистоте, был владыкою всего, начиная от неба и до дольняго, умел различать страсти, чужд был демонам, чист от греха, или от пороков, — Божиим был подобием (26, 1).

г) Но это обилие благодати не имело ничего приневоливающего. Человек был свободен быть с Богом и благодатию, или отделиться от них, Он отделился и пал, как пали и духи.

14. Все разумныя сущности, разумею Ангелов, души и демонов, Создатель сотворил чистыми и весьма простыми. А что некоторыя из них совратились во зло, это произошло с ними от самопроизвола: потому, что по собственной своей воле уклонились оне от достодолжнаго помысла (16, 1).

15. Видимыя твари связаны каким-то неподвижным естеством; не могут они выйти из того состояния, в каком созданы, и не имеют воли. А ты создан по образу и подобию Божию. Как Бог свободен и творит что хочет, так свободен и ты. По природе ты удобоизменчив (15, 20. 21).

16. Природа наша удобоприемлема и для добра и для зла, и для Божией благодати и для противоположной силы. Она не может быть приневоливаема (15, 23).

17. Так, и Адам по собственной своей воле преступил заповедь, и послушал лукаваго (12, 8).

18. Великое богатство и великое наследие было ему уготовано. Но как скоро возымел худые помыслы и мысли, погиб он для Бога (12, 1).

2. Мрачное состояние падшаго.

а) Послушав лукаваго, Адам продал себя ему, а тот, завладев им, наполнил его всяким злом.

19. Адам, преступив заповедь Божию и послушав лукаваго змия, продал и уступил себя в собственность диаволу, и в душу — эту прекрасную тварь, — облекся лукавый. Душа называется телом лукавой тьмы, пока в ней пребывает духовная тьма; потому что там живет и содержится она в продолжение лукаваго века тьмы, как и Апостол, упоминая о теле греховном и о теле смерти, говорит: да упразднится тело греховное (Римл. 6, 6), и еще: кто мя избавит от тела смерти сея? (Рим. 7, 24). Душа — не от Божия естества, и не от естества лукавой тьмы, но есть тварь умная, исполненная лепоты, великая и чудная, прекрасное подобие и образ Божий, и лукавство темных страстей вошло в нее вследствие преступления (1, 7).

20. Лукавый князь — царство тьмы, вначале пленив человека, так обложил и облек душу властью тьмы, как облачают человека, чтобы соделать его царем и дать ему все царския одеяния, и чтобы от головы до ногтей носил он на себе все царское. Так лукавый князь облек душу грехом, все естество ея, и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое, не оставил в ней свободным от своей власти ни одного члена ея, ни помыслов, ни ума, ни тела, но облек ее в порфиру тьмы, Как в теле (при болезни) страждет не один его член, но все оно всецело подвержено страданиям: так и душа вся пострадала от немощей порока и греха. Лукавый всю душу, — эту необходимую часть человека, этот необходимый член его, — облек в злобу свою, то есть, в грех; и таким образом тело соделалось страждущим и тленным (2, 1).

21. Когда Апостол говорит: совлекитесь ветхаго человека (Кол. 3, 9), то понимает человека совершеннаго, у котораго соответствуют очам свои очи, голове — своя голова, ушам — свои уши,

рукам — свои руки и ногам — свои ноги. Ибо лукавый осквернил и увлек к себе всего человека ветхаго, оскверненного, нечистаго, богоборнаго, непокорнаго Божию закону, — в самый грех, чтоб не смотрел уже, как желательно человеку, но и видел лукаво, и слышал лукаво, и ноги его поспешали на злодеяние, и руки его делали беззаконие, и сердце помышляло лукавое (2, 2).

22. Ветхий человек совлек с себя человека совершеннаго и носит одежду царства тьмы, одежду хулы, неверия, небоязненности, тщеславия, гордыни, сребролюбия, похоти, и другия одеяния царства тьмы, нечистыя и скверныя рубища (2, 4).

23. Того и домогался враг, чтобы Адамовым преступлением уязвить и омрачить внутренняго человека, владычественный ум, зрящий Бога. И очи его, когда недоступны им стали небесныя блага, прозрели уже для пороков и страстей (20, 4).

24. Оковами тьмы связывают (падшую) душу духи злобы; почему, не может она ни, сколько желает, любить Господа, ни, сколько желает, веровать, ни, сколько желает, молиться, потому что со времени преступления перваго человека, противление и явно и тайно во всем овладело нами (21, 2).

б) Видя такое пагубное состояние, Бог и Ангелы сожалели о падшем.

25. В тот день, когда пал Адам, пришел Бог, и ходя в раю и увидев Адама, пожалел, так сказать, и изрек: «при таких благах, какое избрал ты зло! После такой славы, какой несешь на себе стыд! Почему теперь так омрачен ты, так обезображен, так бременен? После такого света, какая тьма покрыла тебя!» Когда пал Адам и умер для Бога, сожалел о нем Творец; Ангелы, все силы, небеса, земля, все твари оплакивали смерть и падение его. Ибо твари видели, что данный им в царя стал рабом сопротивной и лукавой тьмы. Итак, тьмою, тьмою горькою и лукавою, облек он душу свою, потому что воцарился над ним князь тьмы. Он—то (Адам) и был тот изъязвленный разбойниками и ставший полумертвым, когда проходил из Иерусалима в Иерихон (30, 7).

в) Правда однакож подвергла его праведному наказанию; и он оставлен как запустелый дом.

26. Адам, преступив заповедь, изгнан из рая и навлек на себя гнев Божий. Как прогневавшись некогда на Иудеев, Бог предал Иерусалим на позор врагам, и ненавидящие их стали господствовать над ними, и не было уже там ни праздника, ни приношения: так прогневавшись и на душу за преступление заповеди, предал ее врагам, демонам и страстям; и они, обольстив ее, совершенно уничтожили, и не стало уже там ни праздника, ни фимиама, ни приношения, предлагаемаго душею Богу; потому что пути к достопримечательному в ней наполнились дикими зверями, и возгнездились в ней пресмыкающиеся — лукавые духи. И как дом, если не живет в нем владетель, облекается во тьму, в безславию, в поругание, наполняется нечистотою и гноем: так и душа, если Владыка ее не ликовствует в ней с Ангелами, наполняется греховною тьмою, постыдными страстями и всяким безславию (12, 10; 28, 1).

27. Поелику человек в преслушании принял клятву на клятву: терние и волчцы возрастит тебе земля (Быт. 3, 18), и еще: возделывай землю, и не приложит дать тебе плодов своих: то на земле сердца его возродились и возрасли терния и волчцы. Враги обманом восхитили славу его и облекли его стыдом. Похищен свет его, и облечен он во тьму. Убили душу его, разсыпали и разделили помыслы его, совлекли ум его с высоты, и человек—Израиль стал рабом истиннаго Фараона, и он поставил над человеком приставников дел и досмотрщиков — лукавых духов, которые понуждают человека волею и неволею делать лукавыя дела его, составлять брение и плинфы. Удалившие человека от небеснаго образа мыслей, низвели его к делам лукавым, — вещественным, земным, бранным, к словам,

помышлениям и рассуждениям суетным; потому что душа, ниспав с высоты своей, встретила человеконенавистное царство и жестоких князей, которые понуждают ее созидать им греховные грады порока (47, 6).

г) Вследствие падения, вся тварь и весь род человеческий подвергся тиранству врага и страстей.

28. Представь себе царя, у которого есть достояние, и подвластные ему служители готовы к услугам; и случилось, что взяли и отвели его в плен враги. Как скоро он взят и уведен, необходимо служителям и приставникам его следовать за ним же. Так и Адам чистым создан от Бога на служение Ему, и в услугу Адаму даны твари сии; потому что поставлен он господином и царем всех тварей. Но как скоро нашло к нему доступ и побеседовало с ним лукавое слово, — Адам сначала принял его внешним слухом, потом проникло оно в сердце его и объяло все его существо. А таким образом, по его пленению, пленена уже с ним вместе служащая и покорствующая ему тварь; потому что чрез него воцарилась смерть над всякою душою, и вследствие его преслушания, так изгладила весь Адамов образ, что люди изменились и дошли до поклонения демонам. Ибо вот и плоды земные, прекрасно созданные Богом, приносятся демонам. На алтари их возлагают хлеб, вино и елей и животных. Даже сынов и дочерей своих приносили в жертву демонам (11, 5).

29. Со времени Адамова преступления, душевные помыслы, отторгшись от любви Божией, разсеялись в веке сем и смешались с помыслами вещественными и земными. Но как преступивший заповедь Адам принял в себя закваску зловредных страстей, так и родившиеся от него, и весь род Адамов, по преемству, стали причастниками оной закваски; а при постепенном преспеянии и возрастании дотого уже умножились в людях греховныя страсти, что простерлись до прелюбодеяния, непотребств, идолослужений, убийств и других нелепых дел, пока все человечество не вскисло пороками. Зло дотого возрасло в людях, что помыслили, будто бы нет Бога, стали же поклоняться неодушевленным камням; вовсе не могли даже составить себе понятия о Боге. До такой степени закваска зловредных страстей заквасила род ветхаго Адама (24, 2).

30. После того, как человек уклонился от заповеди и подвергся осуждению гнева, грех взял его в свое подданство, и сам, как некая бездна горечи, и тонкая и глубокая, вошедши внутрь, овладел пажитями души до глубочайших ея тайников. Таким образом и душу и примешавшийся к ней грех уподобляем великому дереву, у которого много ветвей, а корни в земных глубинах. Так и вошедший в душу грех овладел ея пажитями до глубочайших тайников, обратился в привычку и предубеждение, с младенчества в каждом возрастает, воспитывается и учит его худому (41, 1).

31. Лазарь, которого воскресил Господь, этот Лазарь, исполненный великаго зловония, так что никто не мог приблизиться к гробу его, был образом Адама, принявшаго в душу свою великое зловоние и наполнившагося чернотою и тьмою. Но ты, когда слышишь об Адаме, об изъязвленном разбойниками и о Лазаре, не позволяй как-бы по горам блуждать уму твоему, но заключись внутри души своей, потому что и ты носишь те же язвы, то же зловоние, ту же тьму. Все мы сыны этого омраченнаго рода, все причастны того же зловония. Какою немощию пострадал Адам, тою же пострадали и все мы, происходящие от Адамова семени. Ибо такая же немощь, как говорит Исаия, постигла и нас: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся; несть пластыря приложить, ниже елея, ниже обязания сотворити (Исаии 1, 6). Такою неисцельною язвою уязвлены мы (30, 8).

32. Как в Египте, в продолжение трехдневной тьмы, сын не видал отца, брат брата, друг — искренняго друга, потому что покрывала их тьма: так и после того, как Адам преступил заповедь,

ниспал из прежней славы и подчинился духу мира, и покрывало тьмы снизошло на душу его, — от него и до последнего Адама — Господа не видал человек истинного Небесного Отца, благосердой и доброй матери — благодати Духа, сладчайшего и вождельного брата — Господа, друзей и искренних своих — святых Ангелов, с которыми некогда радостно ликовал и праздновал. И не только до последнего Адама, даже и ныне, для кого не возсияло солнце правды — Христос, у кого не отверзлись душевные очи, просвещенные истинным светом, — все те покрыты тою же тьмою греха, имеют в себе то же действие сластолюбия, подлежат тому же наказанию, и нет у них очей, которыми бы могли видеть Отца (28, 4).

д) Осязательнейшее следствие падения — всюду в мире царствующее смятение.

33. Чада века сего уподобляются пшенице, всыпанной в решето земли сей, и просеваются среди непостоянных помыслов мира сего, при непрестанном волнении земных дел, пожеланий и многосплетенных вещественных понятий. Сатана сотрясает души, и решетом, то есть земными делами, просеивает весь грешный род человеческий. Со времени падения, как преступил Адам заповедь и подчинился лукавому князю, взявшему над ним власть, непрестанными обольстительными и мятущимися помыслами всех сынов века сего просеивает и приводит он в столкновение в решете земли (5, 1).

34. Как пшеница в решете у просеивающего бьется, и взбрасываемая непрестанно, в нем переворачивается: так князь лукавства земными делами занимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, гнусным пожеланиям, земным и мирским связям, непрестанно пленяя, смущая, уловляя весь грешный род Адамов. И Господь предсказал Апостолам будущее на них возстание лукаваго: сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу; Аз же молихся Отцу Моему, да не оскудеет вера ваша (Лук. 22, 31. 32). Ибо сие слово и определение, изреченное Создателем Каину явно: стена и трясьйся, в тревоге, будеши на земле (Быт. 4, 12), служит в тайне образом и подобием для всех грешников; потому что род Адамов, преступив заповедь и соделавшись грешным, принял на себя втайне сие подобие. Люди приводятся в колебание непостоянными помыслами боязни, страха, всякаго смущения, пожеланиями, многообразными всякаго рода удовольствиями. Князь мира сего волнует всякую душу, не рожденную от Бога, и, подобно пшенице, непрестанно вращающейся в решете, разнообразно волнует человеческие помыслы, всех приводя в колебание, и уловляя мирскими обольщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями (5, 2).

35. И Господь, показывая, что последующие обольщениям и хотениям лукаваго, носят на себе подобие Каинова лукавства, и обличая их, сказал: вы похоти отца вашего хотите творити, он человекоубийца бе искони, и во истине не стоит (Иоан. 8, 44). Посему весь грешный род Адамов втайне несет на себе оное осуждение: стена и трясьясь будете тревожимы в решете земли сеющим вас сатаню. Как от одного Адама распространился по земле весь род человеческий, так одна какая-то страстная порча проникла во весь грешный род человеческий, и князь злобы один в состоянии сеять всех, непостоянными вещественными, суетными, мятежными помыслами. И как один ветер может приводить в колебание и движение все растения и семена; и как одна ночная тьма распространяется над целою вселенною: так князь лукавства, будучи некою мысленною тьмою греха и смерти, каким то сокровенным и жестоким ветром обуревают и кружит весь на земле человеческий род, непостоянными помыслами и мирскими пожеланиями уловляя человеческия сердца, тьмою

неведения, ослепления и забвения наполняет всякую душу, нерожденную свыше, и мыслию и умом не преселившуюся во иной век, по сказанному: наше житие на небесех есть (Фил. 3, 20). (5, 3).

е) Все испытывали это, но никто не знал, что это за зло и откуда оно, почитая такое состояние естественным.

36. Видимый мир, от царей и до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины, то есть этого явного зла, привзошедшего вследствие Адамова преступления, — этого жала смерти: потому что прившедший грех, как разумная некая сила и сущность сатаны, посеял всякое зло; он тайно действует на внутренняго человека и на ум, и борется с ним помыслами; люди же не знают, что делают сие побуждаемые чуждою некоею силою; напротив того, думают, что это естественно, и что делают сие по собственному своему разсуждению. Но в самом уме имеющие мир Христов и озарение Христово знают, откуда воздвигается все это (15, 47).

37. Сколько появлялось царей из Адамова рода, которые овладевали всюю землею, и много думали о царском своем владычестве! И ни один при таком довольстве не мог познать того повреждения, какое преступлением перваго человека произведено в душе, и омрачило ее, почему не познает она происшедшей в ней перемены, а именно, что ум теперь за падение свое облечен стыдом, и по ослеплении очей сердечных, не видит той славы, какую до преступления видел отец наш Адам (45, 1).

38. Были праздные мудрецы в мире: одни из них показали свое превосходство в любомудрии, другие удивляли упражнением в софистике, иные показали силу в витийстве, иные были грамматиками и стихотворцами, и писали по принятым правилам истории. Были и разные художники, упражнявшиеся в мирских искусствах... И все сии, обладаемые поселившимся внутри их змием и не сознавая живущаго в них греха, сделались пленниками и рабами лукавой силы и никакой не получили пользы от своего знания и искусства (45, 2).

ж) Как ни велико зло от падения, оно не совсем умертвило человека. Остались в нем проявления духовной жизни.

39. Не говорим, что человек всецело утратился, уничтожился, умер: он умер для Бога, живет же собственным своим естеством (12, 2).

40. Человек погиб за преступление; стал язвен; сатана омрачил его ум. И в ином человек действительно мертв, а в ином живет, разсуждает, имеет волю (26, 1).

41. И по преступлении осталось ведение. (Осязательно это видно в действиях совести). Когда разбойника берут в суд и начинают судить, князь спрашивает его: когда делал ты зло, ужели не знал, что будешь пойман и предан смерти? И разбойник не осмелится сказать, что не знал: потому что было ему сие известно. И блудник не знает разве, что делает худо? И тать не знает разве, что грешит? — Так люди и без Писания, по естественному смыслу, не знают разве, что есть Бог? Невозможно будет им в оный день сказать: не знали мы, что есть Бог. Ибо в громах и молниях с неба вещается им: не знаете разве, что есть Бог, управляющий тварию? (12, 8. 9).

42. Несправедливо иные, введенные в обман лжеучением, утверждают, что человек решительно умер, и вовсе не может делать ничего добраго (46, 3).

43. Осталась в человеке свобода, какую Бог дал ему в начале. Как совершенный не привязан к добру какою—либо необходимостью, так не привязан и ко злу погрязший в грех и делающий себя сосудом диавола (15, 38).

44. Ты свободен; и если хочешь погибнуть, то природа твоя удобоизменяема. Кто хочет, тот и покорствуется Богу, и идет путем правды, и владеет пожеланиями, потому что ум сей есть противоборник, и твердым помыслом может препобедить порочные стремления и гнусные пожелания (15, 21).

45. Напрасно, однакож, надмеваясь, думают собственною своею свободою устранить от себя поводы ко греху. Свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться диаволу, а не на то, чтобы при сей возможности непременно иметь и власть над страстями. Ибо сказано: аще не Господь созиждет дом и сохранит град, всеу бде стрегий и трудится зиждущий (Псал. 126, 1). (25, 1).

46. В нас действует зло со всею силою и ощутительностию, внушая все нечистые пожелания, однакож срастворено с нами не так, как иные говорят сие о смешении вина с водою, но как на одном поле растут и пшеница сама по себе, и плевелы сами по себе, или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома (16, 1).

47. Когда светит солнце и дует ветер, то у солнца — свое тело и своя природа, и у ветра — своя же природа и свое тело. Так и грех примешался в душе; но и у греха и у души своя особая природа (2, 2).

48. Источник изливает чистую воду; но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину, — весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, срастворяется с пороком. И сатана чем то одним делается с душою; оба духа во время блуда или убийства составляют что-то одно. Посему то прилепляйся сквернодейце едино тело есть с любодейцею (1 Кор. 6, 16). В иное же время, самостоятельная душа действует сама по себе, и раскаявается в своих поступках, плачет, молится и приводит себе на память Бога. А если бы душа всегда погрязала во зле, то как могла бы делать это? Потому что сатана, будучи жестокосерд, никак не хочет, чтобы люди обращались к покаянию (16, 2).

3. Господь Устроитель спасения.

а) Падшим одно спасение — Господь. Умилосердился Господь и пришел воплощением для спасения нашего. Кровию Своею Он омыл грехи наши; благодатию Св. Духа обновил обветшавшее естество наше, и сделал нас таким образом гожими для царства Своего небесного.

49. Мир уподобляется человеку богатому, который владеет великолепными и огромными домами, изобилует серебром и золотом, различными стяжаниями и всякою прислугою, но внезапно объят болезнями и немощами; все родство стоит пред ним и, при всем богатстве, не может избавить его от болезни. Так, никакая житейская рачительность, ни богатство, ни другое что, душу, погруженную в грех, не изымлет от греха; и одно только пришествие Христово может очистить душу и тело (45, 3).

50. Поелику род человеческий, в беззакониях зачавшись и во грехах родившись, от матерней утробы делался отчужденным, и от матерняго чрева пребывал в заблуждении, после того, как от Адама стал царствовать грех; то, умилосердившись, пришел Агнец Божий, чтобы собственною Своею силою взять грехи мира, связав прежде крепкаго, и потом расхитив собранные им в добычу сосуды, по сказанному: пленил еси плен (Псал. 67, 19). (Посл. стр. 433).

51. Сатана и князи тьмы, со времени преступления заповеди, возсели в сердце, в уме и теле Адамовом, как на собственном своем престоле. Почему пришел наконец Господь и приял на Себя тело от Девы; потому что, еслибы угодно Ему было прийти непокровенным Божеством, кто мог бы вынести сие? Напротив того, посредством сего орудия — тела возглагодал Он к человекам. И наконец, лукавых духов, возседающих в теле, низложил Господь с престолов, то есть, понятий и

помыслов, которыми они правили, и очистил совесть, и престолом Себе Самому соделал ум, и помыслы, и тело (6, 5).

52. Бог повелел Моисею сделать медного змия, вознести и пригвоздить его на верху дерева; и все, уязвленные змиями, взирая на медного змия, получали исцеление. Мертвый змий препобеждал змиев живых, потому что был образом Господня тела. Ибо Господь тело Свое, принятое им от Марии, вознес на крест, простер на древе и пригвоздил к нему; и мертвое тело победило и умертвило змия, живущаго и пресмыкающагося в сердце. Великое здесь чудо (11, 8. 9).

53. Душу, вначале уязвленную неисцельною язвою вредоносных страстей, никто не мог исцелить ни из праведных, ни из отцев, ни из пророков, ни из патриархов. Приходил Моисей, но не мог подать совершеннаго исцеления. Были священники, дары, десятины, субботствования, новомесячия, омовения, жертвы, всесожжения и всякая прочая правда совершалась по закону; а душа не могла исцелиться и очиститься от нечистаго течения злых помыслов, и вся правда ея не в состоянии была уврачевать человека, пока не пришел Спаситель, истинный Врач, туне врачующий и Себя дающий в искупительную цену за род человеческий. Он один совершил великое и спасительное искупление и уврачевание души; Он освободил ее от рабства и извел ее из тьмы (20, 5. 6).

54. Собственные от земли взятыя врачевства, то—есть свои только дела правды, не могли уврачевать и исцелить душу от такой невидимой язвы; только силою небеснаго и Божескаго естества, даром Духа Святаго — сим одним врачевством мог человек получить исцеление и достигнуть жизни, по очищении сердца Духом Святым (20, 7).

55. Как земледелец, когда идет обрабатывать землю, должен взять приличныя для возделывания орудия и одежды, так и Христос Царь Небесный и истинный Делатель, когда пришел к запустевшему от пороков человечеству, облекшись в тело и вместо орудия понесши крест, возделал запустевшую душу, изъял из нея терния и волчцы, исторг плевелы греха, и все былые грехов ея пожег огнем. И таким образом, возделав ее древом креста, насадил в ней прекраснейший духовный сад, который всякаго рода сладкие и вожделенные плоды приносит Богу, как Владыке (28, 3).

56. Христос Господь Новый Завет обновил, крестом и смертию сокрушив врата ада и греха; изведя верныя души, подав им внутрь Утешителя и введя их в царство Свое (38, 3).

57. В Законе предписано было жрецу взять двух голубей: одного заклать, а живаго окропить его кровию и пустить летать на свободе. Сие действие было образом и сению истины. Ибо Христос заклан, и кровь Его, окропившая нас, соделала окрыленными, потому что дала нам крыла Святаго Духа невозбранно воспарять в воздухе Божества (47, 2).

58. Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить и обновить естество, и эту душу, вследствие преступления низложенную страстями, создать вновь, растворив ее Божественным Духом. Он пришел верующих в Него соделать новым умом, новою душею, новыми очами, новым слухом, новым языком духовным, одним словом — новыми людьми (44, 1).

59. Как враг, взяв подчинившагося ему человека, сделал его новым для себя, обложив вредоносными страстями, помазав духом греха, влив в него вино всякаго беззакония, так и Господь, избавив человека от греха, соделал его новым, помазав Духом Святым (44, 2).

60. Как в видимом мире никто не может сам собою переплыть и перейти море, если нет у него легкаго и удободвижнаго корабля, который, будучи устроен из дерева, может носиться по водам; потому что потонет и погибнет, кто пойдет по морю; так и душе невозможно самой собою перейти,

преодолеть и переплыть горькое море греха, не проходимую бездну лукавых сил и темных страстей, если не примет в себя удободвижного, небесного, легкокрылаго Духа Святаго, попирающего и преходящего всякое лукавство (44, 6).

б) Устроив спасение, Господь хочет, чтобы желающие спастись — спасались: но никого не принуждает.

61. Господь наш Иисус Христос, восприяв на Себя попечение о спасении человека, совершил все домостроительство, и с самага начала прилагал рачение чрез Отцев, Патриархов, чрез Закон и Пророков; а напоследок пришедши Сам и пренебрегши крестный позор, претерпел смерть. И весь труд, все рачение Его были для того, чтобы от Себя, от естества Своего, породить чад Духом, благоволив, чтоб раждались они свыше от Божества Его. И как земные отцы печалются, если не раждают, так и Господь, возлюбив род человеческий, как собственный Свой образ, восхотел породить их от Своего Божественнаго семени. И если иные не хотят приять таковое рождение, и быть рожденными от чресл Духа Божия, то великая печаль Христу, за них страдавшему и терпевшему, чтобы спасти их (30, 2).

62. Господь хочет, чтобы все люди сподобились сего рождения; потому что за всех умер и всех призвал к жизни. А жизнь есть рождение от Бога свыше. Ибо без сего рождения душе невозможно жить, как говорит Господь: аще кто не родится свыше, не может видети царствия Божия (Иоан. 3, 3). А посему, все те, которые уверовали в Господа, и приступив, сподобились сего рождения, радость и великое веселье на небесах доставляют родившим их родителям. Все Ангелы и святые силы радуются о душе, рожденной от Духа и соделавшейся духом (30, 3).

63. Земледелец всюду бросает семена и желает, чтобы все оне принесли плод; а потом приходит с серпом, и печалится, если не находит плода. Так и Господь хочет, чтобы слово Его посеяно было в сердцах человеческих. Но как земледелец печалится о скудной ниве, так и Господь скорбит о скудном и не приносящем плода сердце (32, 11).

64. Как, еслиб царь, нашедши человека скудного и недужного, не постыдился его, но врачебными составами стал врачевать его раны, и перенес его в свои чертоги, и облек в порфиру и диадиму, и сделал сообщником своей трапезы, так и небесный Царь Христос, пришедши к недужному человеку, исцелил его, и приобщил к царской Своей трапезе; и притом, не делая принуждения воле его, но действуя на него увещаниями, возвел его в такую честь (15, 28).

65. В Евангелии написано, что Господь послал рабов призвать желающих и объявить им: се обед Мой уготован (Матф. 22, 4), но сами званые отказывались и говорили: один: супруг волов купих, другой: жену поях (Лук. 14, 19. 20). Видишь ли — звавший готов, отреклись званые, и, конечно, сами для себя были виною. Видишь, Господь уготовал им царство, зовет их, чтобы вошли, но они не хотят (15, 29).

66. Господь непрестанно ударяет в двери сердец наших, чтобы отверзли мы Ему, и Он вошел и почил в душах наших, и сотворил обитель у нас. Ибо говорит: се стою при дверях и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему (Апок. 3, 20). Для того Он благоволил много пострадать, предав тело Свое на смерть, и искупив нас от рабства, чтобы пришедши к душе нашей, сотворить в ней обитель. Ибо и пища, и питье, в одежда, и покров, и упокоение Его — в душах наших. Посему непрестанно ударяет в дверь, желая войти к нам. Примем же Его и введем внутрь себя; потому что и для нас Он есть и пища, и питье, и жизнь вечная. И всякая душа, которая не

прияла Его в себя и не упокоила Его в себе ныне, или лучше сказать, сама не упокоилась в Нем, не имеет наследия со Святыми в царстве небесном, и не может войти в небесный град. Ты Сам, Господи Иисусе Христе, введи нас в оный! (30, 9).

4. Образование твердой решимости спасаться в Господе.

Движение души ко спасению начинается образованием желания спасения и твердой решимости содевать его о Господе. Господь совершил спасение наше, все приготовил для него и желает, чтобы каждый спасался. Ожидается только, чтоб приступил человек и начал содевать спасение.

а) Ожидается наше желание, как необходимое условие.

67. Человек по природе имеет предначинание, и его то взыскует Бог. И поэтому повелевает, чтобы человек сперва понял, поняв возлюбил, и предначал волею. А чтобы мысль привести в действие, или перенести труд, или совершить дело, — сие благодать Господня дает возжелавшему и уверовавшему. Посему воля человеческая есть как бы существенное условие. Если нет воли, — Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей. Посему совершение дела Духом зависит от воли человека. Опять, если даем мы полную свою волю, то нам все дело приписывает чудный во всем и совершенно недомыслимый Бог (37, 10).

68. Как кровоточивая жена, хотя не могла исцелиться, и оставалась язвенною, однако же имела ноги, чтоб придти к Господу и пришедши получить исцеление; подобным образом и оный слепой, хотя не мог придти и приступить к Господу, потому что не видел, однако же послал глас, потекший быстрее вестников: Сыне Давидов, помилуй мя (Мар. 10, 47)! и таким образом, уверовав, получил исцеление, когда Господь пришел к нему и дал ему прозрение: так и душа, хотя изъязвлена язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховною тьмою, однако же имеет волю возопить к Иисусу и призывать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление (20, 7).

69. Как оный слепой, если бы не возопил, и оная кровоточивая, если бы не пришла ко Господу, не получили-бы исцеления: так, если кто не приступит к Господу, по собственной воле и от всего произволения, и не будет умолять Его с несомненностию веры, то не получит он исцеления. Ибо почему они тотчас были исцелены, а мы еще не уврачевались от тайных страстей? За неверствие наше, за разномыслие наше, за то, что не любим Его от всего сердца и не веруем в Него искренно, еще не получили мы духовнаго исцеления и спасения. Посему уверуем в Него и истинно приступим к Нему, чтобы Он вскоре совершил в нас истинную цельбу. Ибо обетовал дать _Духа Святаго просящим у Него (Лук. 11, 13), отверсть дверь ударяющим в нее и обрестися ищущим Его (Матф. 7, 7). И не ложен, Иже обетова (Тит. 1, 2). (20, 8; подоб. 45, 2).

70. Хотя младенец ничего не в силах делать, или не может на своих ногах идти к матери, однако же он, ища матери, движется, кричит, плачет. И мать сжаливается над ним; она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее. И поелику младенец не может идти к ней, то сама мать, преодолеваемая любовью к младенцу, за долгое его искание, подходит к нему и с великою нежностью берет, ласкает и кормит его. Тоже делает и человеколюбивый Бог с душою, которая приходит и взыскует Его. Но гораздо еще более побуждаемый свойственною Ему любовью и собственною Своею благодатию, прилепляется Он к разумной душе и, по Апостольскому слову, делается с нею един дух (1 Кор. 6, 17). (46, 3).

71. Господь милосердует и долготерпит, ожидая нашего обращения, и если грешим, переносит сие в чаянии нашего покаяния, и если падем, не стыдится принимать нас снова, как сказал Пророк: еда

падай не востает? Или отвращаясь, не обратится (Иерем. 8, 4)? Мы только отрезвимся, приобретаем благую мысль, скорей и правым образом к Нему обратимся, взыскав Его помощи; а Он готов спасти нас, потому что ожидает горячаго, по мере сил наших, устремления к Нему воли нашей, благой от произволения веры и усердия, всякое же преспеяние производит в нас Сам. Почему совлекшись всякаго предубеждения, нерадения и обленения постараемся соделаться мужественными и готовыми идти в след Его, не будем откладывать сего день за день, увлекаемые к тому пороком; ибо не знаем, когда будет исшествие наше из плоти (4, 17).

б) Как образуется желание.

аа) Пробуждение от Бога.

Господь вразумляет душу невидимо, иногда обращает несчастиями, иногда непосредственным воздействием Своим, как на Апостола Павла, но повсюдный глашатай к обращению есть слово Божие.

72. (Человека, во грехе находящагося) Богу угодно снова ввести в жизнь, и Он увещавает Его, чтобы восплакал и покался. И если человек продолжает сие делать (оплакивать себя), то кающагося в давних своих прегрешениях Бог убеждает снова плакать и приносить покаяние (чтоб всю жизнь в подробностях оплакивать). (15, 15).

73. Когда по домостроительству Божию бываешь в скорбях, в страданиях, в язвах, тогда что считаешь для себя противным, то это самое служит к пользе души твоей. Если сретают тебя несчастия, то начинаешь разсуждать сам с собою: несчастлив я в мире, пойду отрекись от мира, буду служить Богу. Случится, что дошедши до этой мысли, слышишь заповедь: продаждь имение твое (Матф. 19, 21), возненавидь плотское общение, и служи Богу. Тогда начинаешь благодарить за свое несчастье в мире, за то, что по сему поводу оказываешься послушным Христовой заповеди. Наконец, если изменил ты мысль свою отчасти в отношении к видимому и удалился от мира и от плотскаго общения, то надлежит тебе также измениться и в уме, плотское мудрование переменить в мудрование небесное. Тогда начинаешь разсуждать о той же слышанной тобою заповеди, и не имеешь еще покоя, а приемлешь только на себя попечение и труд приобрести то, о чем слышал (32, 7).

74. Как был уловлен Богом св. Павел? Как мятежник, захватив кого–нибудь в плен, уводит к себе, а потом сам уловляется истинным царем, так и Павел, когда действовал в нем мятежнический дух греха, гнал и расхищал Церковь; но поелику делал сие по неведению, не из противления Богу, но как бы подвизаясь за истину, то и не презрел, но уловил его Господь. Небесный и истинный Царь, неизреченно облистав его, сподобил слышать Свой глас и, ударив в лице, как раба, даровал ему свободу. Видишь Владычнюю благость и то, как души, прилепившиеся к пороку и ожесточенныя, Господь может в одно мгновение времени изменить и сообщить им Свою благость и мир (48, 8).

75. Как царь, написав послания к тем, кому хочет дать грамоты и дары свои, дает всем знать: «старайтесь скорее придти ко мне и получить от меня царские дары»; и если не придут и не получают, то не принесет им пользы чтение посланий, скорее же сделаются они повинными смерти за то, что не захотели придти и из царских рук сподобиться чести: так и Божественныя Писания Царь–Бог, как послания, предложил людям, объявляя ими, чтобы взывавшие к Богу и уверовавшие просили и получили небесный дар от Ипостаси Божества Его. Ибо написано: да будем Божественнаго причастицы естества (2 Петр. 1, 4). Если же человек не приходит, не просит, не приемлет, то не

будет ему пользы от чтения Писаний, а напротив того, соделывается он повинным смерти за то, что не восхотел от Небеснаго Царя приять дар жизни, без котораго невозможно улучшить бессмертную жизнь (39).

бб) Борьба с собою для склонения воли на призывание.

76. Человек не тотчас, как услышит Божие слово, делается уже достойным благой части. Утверждая противное, отнимаешь у человека волю и отрицаешь бытие сопротивной силы, противоборствующей уму. Мы же говорим, что слушающий слово приходит в сокрушение, и потом начинает он упражняться и поучаться в брани, борется и подвигается против сатаны; и после долгаго состязания и борения, одерживает победу и делается христианином (решается, то есть, быть строгим последователем Христовым). (27, 20).

вв) Представления и убеждения, действующие на склонение воли.

В этой борьбе с собою ум собирает разныя побудительныя и понудительныя представления истины и убеждения, способныя возбуждать и воодушевлять. На первом месте у св. Макария здесь ставятся представления того, что Бог сделал для нашего спасения и какими обетованиями окружил Он дело сие. К этому он очень часто обращается в разных оборотах речи.

77. Вникни в умную сущность души, и вникни не слегка. Бессмертная душа есть драгоценный некий сосуд. Смотри как велико небо и земля, и не о них благоволит Бог, а только о тебе. Возри на свое благородство и достоинство, потому что не Ангелов послал, но Сам Господь пришел ходатаем за тебя, чтобы воззвать погибшаго, изъязвленнаго, возвратит тебе первоначальный образ чистаго Адама. Сам Бог пришел вступить за тебя и избавить тебя от смерти. Стань же твердо, и представь себе, какое о тебе промышление (26, 115. 28).

78. Представь себе, что царь, нашедши какую-нибудь бедную отроковицу, одетую в рубища, не постыдился, но снял с нея нечистыя одежды, омыл ея черноту, украсил ее светлыми ризами, соделал царскою сообщницею и участницею в трапезе и пиршестве царском. Так и Господь обрел душу уязвленную и сокрушенную, дал ей врачество, совлек с нея очерченныя одежды и срамоту порока, облек ее в ризы царския, небесныя, Божественныя, светоносныя и славныя, возложил на нее венец и приобщил ее к царской трапезе, на радость и веселие (27, 3).

79. Поэтому христианство не есть что-нибудь маловажное; оно — великая тайна. Познай же свое благородство, а именно, что призван ты в царское достоинство, что ты — род избран и язык свят (1 Петр. 2, 9). Тайна христианства необычайна для мира сего. Видимая слава и богатство царя суть нечто земное, тленное, преходящее; а то царство и то богатство Божественны, небесны, славны, никогда не преходят, или никогда не прекращаются. Ибо в небесной Церкви соцарствуют с небесным Царем, и как Сам Он перворожден из мертвых (Кол. 1, 18), так и соцарствующие с Ним первородны (27, 4).

80. Велики и неизреченны обетования христианам, и в такой мере велики, что с верою и богатством одной души не идут даже в сравнение вся слава и лепота неба и земли, и прочее их украшение и разнообразие, и богатство, и красота, и наслаждение видимым. Итак, при стольких побуждениях и обетованиях Господних, как же не пожелать нам всецело приступить к Господу, Ему посвятить себя самих, сверх всего прочаго по Евангелию отречьшись и души своей, возлюбить Его Единаго, не любя притом ничего иного? Вот все сие даровано нам, и какая еще слава! Сколько Господних о нас смотрений со времени Отцев и Пророков! Сколько возвещено обетований! Сколько побуждений!

Какое благосердие Владыки было к нам от начала! Напоследок же в пришествие Свое неизреченную к нам благодать доказал Он распятием, чтобы нас обратившихся ввести в жизнь. А мы не расстаемся еще с своими изволениями, с любовию к миру, с худыми побуждениями и навыками, и чрез это оказываемся малoverными, или неверными! Однакоже вот и при всем этом, Господь пребывает к нам милостивым, невидимо охраняя и упокоевая нас, до конца не предавая нас, по грехам нашим, пороку и обольщениям мира, по великой благодати и долготерпению не попуская нам погибнуть, имея еще в виду, что обратимся к Нему когда-нибудь (4. 17, 18).

81. Что значат слова; ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9)? В оное время, великие праведники, цари и пророки знали, что приидет Избавитель; но не знали, и не слышали и на сердце им не всходило, что Он пострадает и будет распят, что пролиется кровь на кресте, что будет крещение огнем и Святым Духом, что в церкви будут приносимы хлеб и вино, вместообразныя Его плоти и крови, что причащающиеся видимаго хлеба духовно будут вкушать плоть Господню, что Апостолы и христиане примут Утешителя и облекутся силою свыше, сподобятся единения с Духом Святым. Сего не знали пророки и цари, сие и на сердце им не всходило (27, 17).

82. Поелику же такая уготованы нам блага, такая даны обетования, и такое было к нам благоволение Господа, то не вознерадим и не укосним — поспешить к жизни вечной и всецело посвятить себя на благоугождение Господу (49, 5).

83. Слыша о достоинстве души и о том, как драгоценна сия умная сущность, понимаешь ли, что небо и земля мимо идут, а ты призван к сыноположению, к братству, в невесты Христу? В видимом мире все женихово принадлежит и невесте; так все Господне вверяется тебе. Ибо для ходатайства о тебе Сам Он пришел, чтобы воззвать тебя. А ты ничего себе не представляешь, и не разумеешь своего благородства. Поэтому справедливо духовный муж оплакивает падение твое, говоря: человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им (Псал. 48, 21). (16, 13).

За этим следуют у него и другия побуждения, — что цель наша — быть со сродным себе, т. — е. с Господом, и особенно, что тогда только и хорошо нам, когда последуем Господу, и что нет хуже состояния, когда не последуем Ему.

84. Возведешь ли очи к солнцу; найдешь, что круг солнечный на небе, свет же и лучи его нисходят на землю, и вся сила света и блистательность его стремится к земле. Так и Господь, сedit одесную Отца, превыше всякаго начала и власти, но око Его устремлено на сердца людей, пребывающих на земле, чтобы ожидающих от Него помощи вознести туда, где Сам пребывает. Ибо говорит: идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет (Иоан. 12, 26). Но безсловесныя животныя много смысленнее нас; потому что каждое из них соединяется с собственной своей породой: дикия с дикими, и овцы также с своим родом. А ты не возвращаешься к небесному своему родству, то—есть, ко Господу, но помыслами своими соглашаешься и склоняешься на помыслы злобы, делаясь помощником греху, заодно с ним воюя против себя, и таким образом предавая себя в снедь врагу, подобно тому, как пожирается птица, пойманная орлом, или овца волком, или как умирает дитя, протянувшее руку свою к змее и уязвленное ею (45, 6).

85. Душа тому принадлежит, с кем в общении и единении она своими хотениями. Поэтому, или, имея в себе Божий свет и в нем живя и украшаясь всякими добродетелями, причастна она свету упокоения; или, имея в себе греховную тьму, подлежит осуждению. Душа, желающая жить у Бога в

вечном упокоении и свете, должна умереть для прежней лукавой тьмы, преставиться же в иную жизнь для Божественного воспитания. Слыша это, обрати внимание на себя самого, произошло ли это в тебе. И если нет, то должно тебе скорбеть, плакать и болезновать непрестанно. Как мертвый еще для царства, взывай ко Господу и проси с верою, чтобы тебе сподобиться истинной жизни. Бог, сотворив тело сие, не из своего естества, не из тела дал ему заимствовать себе жизнь, пищу, питье, одеяние, обувь; а напротив того сотворив тело само по себе нагим, устроил, что все необходимое для жизни заимствует оно совне, и невозможно телу жить без того, что вне его существует, то есть без пищи, без питья, без одежд. Если же ограничивается оно тем, что — в естестве его, не заимствуя ничего отвне, то разрушается и гибнет. Таким же образом и душа, не имеющая в себе Божия света, сотворенная же по образу Божию (ибо так домостроительствовал и благоволил Бог, чтоб имела она вечную жизнь), не из собственного своего естества, но от Божества Его, от собственного Духа Его, от собственного света Его восприимлет духовную пищу, и духовное питье, и небесныя одеяния, что и составляет истинную жизнь души (1, 8. 10).

86. Как в теле, по сказанному пред сим, жизнь не от него самого, но от того, что вне его, то есть от земли, и без существующаго вне его невозможно ему жить: так, если душа еще ныне не возродится в оную землю живых, и не будет там духовно питаться, и духовно возрастать, преспеывая пред Господом, и не облечет ее Божество в неизреченныя ризы небесной лепоты, то без оной пищи невозможно ей самой собою жить в услаждении и упокоении. Ибо естество Божие имеет и хлеб жизни, — Того, Кто сказал: Аз есмь хлеб животный (Иоан. 6, 35), и воду живу (Иоан. 4, 10), и вино, веселящее сердце человека (Псал. 103, 15), и елей радости (Псал. 44, 8), и многообразную пищу небеснаго Духа, и светоносныя небесныя одежды, даруемыя Богом. В этом и состоит небесная жизнь души. Горе телу, когда оно останавливается на своей природе, потому что разрушается и умирает. Горе и душе, если останавливается на своей только природе, не имея общения с Божественным Духом; потому что умирает, не сподобившись вечной Божественной жизни. Как отчаяваются в больных, когда тело их не может уже принимать пищи, и плачут о них все близкие, друзья, родные и любимые ими: так Бог и святые Ангелы достойными слез признают те души, которыя не вкушают небесной пищи Духа и не живут в нетлении (1, 11).

87. Итак, если внутренний твой человек опытно и несомненно изведаль все сие, то вот живешь ты подлинно вечною жизнью, и душа твоя даже ныне упокоивается с Господом; вот действительно приобрел и приял ты сие от Господа, чтобы жить тебе истинною жизнью. Если же не сознаешь в себе ничего такого, то плачь, скорби и сетуй; потому что доныне не приобрел еще ты вечнаго и духовнаго богатства, до ныне не приял еще истинной жизни. Поэтому сокрушайся о нищете своей, день и ночь умоляя Господа; потому что находишься в страшном греховном обнищании. И о, если бы приобрел кто хотя скорбь сию о нищете своей! О, если бы не проводили мы времени в безпечности, как пресыщенные! Кто скорбит, и ищет, и неотступно просит Господа, тот скорее получит избавление и небесное богатство, как сказал Господь, заключая слово о неправедном судие и о вдовице: кольми паче Бог сотворит отмщение вопиющих к Нему день и ночь? Ей глаголю: сотворит отмщение их вскоре (Лук. 18, 7. 8). (1, 12).

88. Все пришествие Господне было для человека, лежащаго мертвым во гробе тьмы, греха, нечистаго духа и лукавых сил, чтобы Господу ныне в веке сем воскресить и оживотворить сего человека, очистить его от всякой черноты, просветить светом Своим, и облечь в Свои небесныя ризы

Божества. В воскресение же тел, которых души предварительно воскресли и прославились, прославятся и тела сии, и просветятся душою, ныне еще просвещенною и прославленною, — облекутся в жилище нерукотворенное, небесное, в славу Божественного света. Видишь как славы Божии невыразимы и непостижимы! Невозможно выразить или описать неизмеримое, безпредельное и непостижимое богатство христиан. Посему со всяким тщанием должно приступить к христианскому подвигу, и приять оное богатство; потому что наследие и часть христиан есть Сам Бог. Ибо сказано: Господь часть достояния моего и чаши моя (Псал. 15, 5). (34, 2. 3).

89. Как мясо без соли загнивает, наполняется великим зловонием, и по причине несносного смрада все отвращаются от него; и в Загнившем мясе пресмыкаются черви, находят там себе пищу, поядают его и гнездятся в нем; но коль скоро посыпана соль, — питавшиеся мясом черви истребляются и гибнут, зловонный запах прекращается; потому что соли свойственно истреблять червей и уничтожать зловоние: таким же образом и всякая душа, не осоленная Св. Духом, непричастная небесной соли, то есть Божией силы, загнивает и наполняется великим зловонием лукавых помыслов; почему лице Божие отвращается от страшного смрада суетных помыслов тьмы и страстей, живущих в такой душе; движутся в ней злые и страшные черви, то есть лукавые духи и темные силы, питаются, гнездятся, пресмыкаются там, поядают и растлевают ее. Ибо сказано: возсмердеша и согниша раны моя (Псал. 37, 6). Но как-скоро душа прибегает к Богу, уверует и испросит себе соль жизни, благаго и человеколюбиваго Духа, снисшедшая небесная соль истребляет в ней страшных червей, уничтожает вредное зловоние и очищает душу действием силы своей. А таким образом, когда истинная соль соделает ее здоровою и невредимою, — снова вводится она в употребление и служение небесному Владыке. Поэтому и в законе в означение сего Бог повелел всякую жертву осолять солию (Лев. 2, 13). (1, 5).

90. Как в видимом мире, кто обнажен, тот терпит великий стыд и безчестие, и друзья отвращаются от друзей, и родные от своих, если они обнажены, и дети, увидя отца обнаженным, отвратили взоры свои, чтобы не смотреть на обнаженное тело отца, подошли вспять зряще, и покрыли его, отвращая взоры свои (Быт. 9, 23): так и Бог отвращается от душ, которыя не облечены с полным удостоверением в ризу Духа, в силе и истине не облеклись в Господа Иисуса Христа (20, 1).

91. Самый первый человек, увидев себя нагим, устыдился. Столько безчестия в наготы! Еслиже и телесная нагота подвергает такому стыду, то кольми паче большим покрывается стыдом и безчестием страстей та душа, которая обнажена от Божественной силы, не имеет на себе, и необлечена по всей истине в неизреченную, нетленную и духовную ризу Самого Господа Иисуса Христа. И всякий, кто обнажен от оной Божественной славы, столько же должен стыдиться себя самого и сознавать безчестие свое, сколько устыдился Адам, будучи наг телесно: и хотя сделал себе одеяние из смоковых листьев, однакоже носил стыд, сознавая свою нищету и наготу. Посему такая душа да просит у Христа, дающаго ризу и облакающаго славою в неизреченном свете, и да не делает себе одеяния из суетных помыслов, и да не думает, обольщаясь собственною праведностию, что есть у ней риза спасения (20, 2).

92. Как дом, в котором присутствует сам владетель, бывает полон всякаго убранства, красоты и благолепия: так и душа, которая у себя имеет Владыку своего, и в которой пребывает Он, исполняется всякой красоты и благолепия; потому, что Господь с духовными Его сокровищами есть обитатель ея и браздодержец. Но горе тому дому, котораго владетель в отсутствии, и в котором нет

господина, потому что разрушаясь, заустевает, и делается он полным всякой нечистоты и неустройства; там, по слову Пророка, поселятся сирини и бесы (Ис. 13, 21), потому что в опустевшем доме находят себе место дикие кошки, собаки и всякая нечистота. Горе душе, которая не возстает от тяжкого своего падения и внутри себя имеет убеждающих и понуждающих ее пребывать во вражде с Женихом своим и намеревающихся растлить мысли ея, отвортив от Христа (33, 3).

гг) Предложенными представлениями готова душа склониться на призывание последовать Господу; но приходят мысли, что еще успеет это сделать и подсекают желание. Святой Макарий отвращает их сильными представлениями опасности отлагать дело спасения. Может истощиться долготерпение Божие — и тогда погибель неизбежна.

93. Боюсь, чтобы на нас, которые живем, всем пренебрегая, и водимся предразсудками, не исполнилось со временем Апостольское изречение, а именно: или о богатстве благодати Его и кротости, и долготерпении не радиши, не ведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведет (Рим. 2, 4)? Если же, при долготерпении, благодати и кротости Его, приумножим еще число грехов, и своим нерадением и пренебрежением уготовим себе тяжчайшее осуждение; то исполнится на нас Апостольское слово: по жестокости же своей и нераскаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия (Рим. 2, 5). Ибо велика и неисповедима благодать Божия, не вырази́мо Божие долготерпение к человеческому роду, если только пожелаем мы отрезвиться и постараемся всецело обратиться к Богу, чтобы возможно нам было улучшить спасение (4, 19).

94. А если угодно познать тебе Божие долготерпение и великую благодать Божию; то можем научиться сему из богодуховных Писаний. Посмотри на Израильтян, от которых отцы, которым определены были обетования, от нихже Христос по плоти, ихже служения и завет (Рим. 9, 4. 5), как много они грешили? Сколько раз совращались. И Бог не оставлял их в конец, но на короткое время, к их же пользе, предавал их наказаниям, скорбию желая смягчить их жестокосердие; обращал, побуждал их, посылал к ним Пророков, и сколько времени был долготерпелив к ним, когда они согрешали и оскорбляли Его? Обращающихся принимал с радостью; и когда снова совращались, — не оставлял, но чрез Пророков призывал к обращению; и хотя многократно уклонялись от Него, и обращались к Нему, всякий раз сретал благоволительно, принимал человеколюбиво, пока не впали, напоследок в великий грех, возложив руки на собственного своего Владыку, котораго, по преданию отцев и святых Пророков, ожидали себе Искупителем, Спасителем, Царем и Пророком. Ибо, когда пришел, не приняли Его, но даже еще, подвергнув великому поруганию, напоследок предали на кресте смертной казни. И сим великим оскорблением и чрезмерным преступлением преумножившиеся грехи их дошли до полноты; потому, в конец уже оставлены они, по удалении от них Святаго Духа, когда раздралась церковная завеса. Посему и храм их, преданный язычникам, разрушен и приведен в запустение, по определению Господа, что не имать остати zde камень на камне, иже не разорится (Матф. 24, 2). И таким образом, решительно преданы они язычникам и по всей земле разсеяны пленившими их тогда царями, и повелено им уже не возвращаться в страну свою (4, 20).

95. Так и ныне милостивый и благий к каждому из нас Бог являет Свое долготерпение: хотя многократныя видит от каждого оскорбления, но безмолвствует, ожидая, не отрезвится ли человек современем, и не переменится ли, чтобы больше уже не оскорблять Его; и с великою любовью и радостью, приемлет обращающагося от греха. Ибо так говорит: радость бывает о едином грешнице,

кающимся (Лук, 15, 10), и еще: несть воля пред Отцем Моим, да погибнет един от малых сих (Матф. 18, 14), наименьших. Но если кто, — при великом к нему милосердии и долготерпении Божиим, когда Бог не подвергает его наказанию за каждое греховное преткновение, тайное или явное, но видя оное безмолвствует, как бы ожидая покаяния, — сам дошедши до великаго небрежения, начинает прилагать грехи ко грехам, присовокуплять беспечность к беспечности, на одном прегрешении созидать другое и исполнит меру грехов; то впадает уже, наконец, в такой грех, из котораго не может изникнуть, но сокрушается и, предавшись лукавому, погибает в конец (4, 21).

96. Так было с Содомлянами. Много греша и не обращаясь, напоследок, злым умышлением против Ангелов, в такой впали грех, что не стало уже места и покаянию, но отвержены они в конец; потому что исполнили и даже превзошли меру грехов. И потому, по Божию суду, попалены огнем. Так было и при Ное; многократно падая и не принося в том покаяния, простерлись до таких грехов, что растлили, наконец, всю землю. Так и к Египтянам, которые много оскорбляли Бога и согрешали против народа Его, Бог был еще милостив, не налагал на них таких казней, чтобы в конец истребить их, а только в научение, чтобы побудить к обращению и покаянию, наносил им легкие удары, являя Свое долготерпение и ожидая их покаяния. Но они, во многом согрешив пред Божиим народом, то обращаясь, то опять в том раскаяваясь, и утвердившись в древнем неверии злаго произволения, обременив народ Божий работами, напоследок, когда Бог чрез Моисея при множестве чудес извел народ из Египта, учинили великий грех, погнавшись вслед за народом Божиим. Почему, Божественный суд наконец истребил и погубил, и потопил их в водах, признав недостойными видимой жизни (4, 22).

97. Распространились же мы о сем, возлюбленные, из Писания почерпнутыми мыслями подтверждая, что, как можно скорее, должно нам обратиться и поспешить ко Господу, Который милостив к нам, и ожидает, чтобы совершенно удалились мы от всякаго лукавства и худаго предубеждения, обращающихся же приемлет с великою радостью, — распространились, говорю, о сем для того более, чтобы со дня на день не возрастало пренебрежение наше, и не умножились в нас грехопадения наши, и чрез сие не навлекали мы на себя Божия гнева. Посему, постараемся, обратившись с искренним сердцем, приступить к Богу, и, поелику отчаяние есть внушение злобы и коварства, не отчаяваться во спасении при воспоминании предшествовавших грехов, которые для того и приводят человека к отчаянию, недеятельности, нерадению и беспечности, чтобы, обратившись и пришел ко Господу, по великой Господней милости к человеческому роду, не получил он спасения (4, 24).

дд) Между тем, как душа подходит таким образом к решимости начать дело спасения, враг устремляет на нее последняя свои разжженные стрелы отчаяния и нечаяния.

98. Случается, что сатана ведет разговор с тобою в сердце: «смотри, сколько худаго сделал ты; смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обременен ты грехами, что не можешь уже спастись». Сие же делает, чтобы ввергнуть тебя в отчаяние, потому что неприятно ему покаяние твое. Ибо, как скоро чрез преступление вошел грех, — ежечасно беседует он с душою, как человек с человеком. Отвечай ему и ты: «Имею в Писании Господнем свидетельства: не смерти хочу грешника, по покаяния, чтобы обратился Он от пути лукаваго и был жив (Иезек. 33, 11). Ибо для того снишел Он, чтобы спасти грешных, воскресить мертвых, оживотворить умерщвленных, просветить находящихся во тьме». И действительно, пришедши, призвал Он нас в сыноположение,

во град святой, умиротворенный, в жизнь никогда не умирающую, в славу нетленную, только бы мы началу нашему дали добрый конец, пребывали в нищете, странничестве, злострадании, не преставали просить Бога, с неотступностию ударяя в дверь. Как тело близко к душе, так и Господь близок и готов прийти и отверсть заключенныя двери сердца, и даровать нам небесное богатство. Он благ и человеколюбив, и обетования Его не ложны, если только с терпением взыщем Его до конца (11, 15).

99. Представь себе стан персидский и стан римский; и вот вышли из них два окрыленные мужеством и равносильные юноши и ведут борьбу. Так сопротивная сила и ум равносильны между собою, и равную имеют силу, как сатана преклонять и лестию вовлекать душу в волю свою, так опять и душа прекословить и ни в чем не повиноваться ему; потому что обе силы могут только побуждать, а не принуждать к злу и добру. Таковому—то произволению дается Божия помощь, и оно может борьбою приобрести оружие с неба, и им победить и искоренить грех; потому что душа может противиться греху, но не может без Бога победить, или искоренить зло. А утверждающие, что грех подобен сильному исполину, душа же подобна отроку, говорят худо. Ибо, еслибы таково было несходство, и грех уподоблялся исполину, а душа — отроку, то несправедлив был бы Законоположник, Который дал человеку закон — вести брань с сатаною (27, 22).

100. Если же кажется нам как бы неудобоисполнимым и невозможным — обратится от множества предвозобладавших нами грехов, (а такая мысль, как сказали уже мы, есть внушение злобы и служит препятствием к нашему спасению); то приведем себе на память и не оставим без внимания, как Господь, пришедши к нам по благодати Своей, давал прозрение слепым, врачевал расслабленных, целил всякую болезнь, воскрешал мертвых, которых коснулось уже тление и разрушение, отверзал слух глухим, из одного человека изгнал легион бесов и дошедшему до такого беснования возвратил здравый ум. Кольми же паче душу, которая к Нему обращается, у Него ищет милости, Его требует помощи, — и обратит Он, и приведет в целомудрие безстрастия, в благоустройство всякой добродетели, в обновление ума, дарует ей здравие, прозрение разумения, мир помыслов, от слепоты, глухоты и мертвости неверия, неведения и небоязненности возведет к целомудрию, добродетели и чистоте сердца. Ибо Кто создал тело, Тот сотворил и душу. И как, пребывая на земле, по благодати Своей, всем приходящим к Нему и ищущим у Него помощи и исцеления, как благий и единый Врач, в чем имел кто нужду, подавал то щедро; так щедр Он и в духовном (4, 25).

101. А всем этим убеждал Он нас к тому, чтобы неотступно, непрестанно, неутомимо просили мы у Него благодатного заступления; потому что пришел Он ради грешников, чтобы обратились к Нему, и врачевать Ему верующих в Него. Мы только отступимся от худых предубеждений, сколько будет на то наших сил, возненавидим дурныя свои занятия и мирския обольщения, отвратимся от лукавых и суетных помыслов, будем же всегда, по мере сил своих, к Нему прилепляться: а Он готов оказать нам помощь Свою; потому что Он весьма милосерд, животворит, врачует неисцелимыя страсти, творит избавление тем, которые призывают Его, к Нему обращаются, по собственной воле и непринужденно удаляются, по мере сил, от всякой мирской любви, отвлекают ум от земли, и к Нему устремлены своим желанием и исканием (4, 27).

ее) Когда все противныя мысли отстранены, борьба с собою для склонения воли кончается и образуется решимость работать Господу для содевания своего спасения; решимость крепкая, как смерть. Выражение ея: хоть умереть, а не стану более поглажать греху.

102. Святой Макарий говорит о душе, в которой есть истинная решимость: что бы ни было ей нанесено, среди тысячи искушений, все претерпевая, она говорит: если и умру, не оставлю Его (то—есть Господа, в угоду греху и врагу). (26, 8).

жж) Но чаще выражает он сию решимость закланием души, как закалал животных в жертву: ибо решимость точно есть самопожрание Господу во всеожжение.

103. Если человек плотский решается приступить к изменению себя самого, сперва он умирает и делается бесплодным для оной прежней лукавой жизни (46, 2).

104. (Относительно жертв узаконено было), чтобы сперва заклал ее иерей, и она умерла, а потом чтобы разсеченная на части, была осолена и, наконец, возложена на огонь. Ибо, если иерей предварительно не предаст овчати закланию и смерти, то не осоляется и не приносится оно во всеплодие Владыке. Так и душа наша, приступая к истинному Архиерею Христу, должна быть от Него закланною и умереть для своего мудрования и для худой жизни, какою жила, то—есть, для греха; и как жизнь оставляет жертву, должно оставить ее лукавство страстей. Как тело, когда из него выйдет душа, умирает и не живет уже тою жизнью, какою жило, не слышит, не ходит: так, когда небесный Архиерей Христос благодатию силы Своей предаст закланию и умертвит в душе жизнь для мира, умирает она для той лукавой жизни, какою жила, и уже не слышит, не говорит, но живет в греховной тьме; потому что лукавство страстей, как душа ея, по благодати выходит из нея. И Апостол взывает, говоря: мне мир распялся, и аз миру (Галат. 6, 14). (1, 6).

зз) Чтоб сильнее напечатлеть эту истину во внимании, св. Макарий пространно изображает, что все неуспехи в духовной жизни, все падения и отпадения и все нравственные настроения происходят от недостатка самоотверженной решимости работать Господу с отрешением от всего.

105. Очень немного таких, которые с добрым началом соединили добрый конец, непреткновенно дошли до цели, имеют единую любовь к Единому Богу и от всего отрешились. Многие приходят в умиление, многие делаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесною любовью; но, не выдержав встретившихся на пути различных борений, подвигов, трудов и искушений от лукаваго, поелику у каждого есть желание любить что—либо в мире сем, и не вовсе отрешаться от любви своей, возвратившись к разнообразным и различным мирским пожеланиям, по слабости и недеятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви к чему—либо земному, остались в мире и погрязли в глубине его. А те, которые действительно намерены до конца проходить доброе житие, должны, при оной небесной любви, не принимать на себя добровольно и не примешивать никакой другой любви и приверженности, чтобы не положить тем препятствия духовному, не возвратиться вспять, и, наконец, не лишиться жизни. Как обетования Божии велики, неизглаголанны и неисповедимы; так потребны нам вера и надежда, и труды, и великие подвиги, и долговременное испытание. Не маловажны те блага, какия упоает получить человек, возделывающий небеснаго царства. Со Христом желает он царствовать безконечные веки; ужели же не решится с усердием, впродолжение краткаго времени жизни сей, до самой смерти, терпеть борения, труды и искушения? Господь взывает: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, повседневно радуясь, и по Мне грядет (Матф. 16, 24). И еще: аще кто не возненавидит отца, мать, жену, чад, братию и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лук. 14, 26). Но весьма многие из людей, хотя намереваются получить царствие и желают наследовать вечную жизнь, однакоже не отказываются жить по собственным своим хотениям и следовать сим хотениям, лучше же сказать,

следовать посевающему в них суетное; и не отрехшись от себя, хотят они наследовать вечную жизнь, что — невозможно (5, 7).

106. Истинно слово Господне. Те непреткновенно шествуют, которые, по Господней заповеди, всецело отрехлись от себя, возгнушались всеми мирскими пожеланиями, связями, развлечениями, удовольствиями и занятиями, имеют пред очами Единого Господа, и вожделевают творить Его заповеди. Посему, собственную свою волею совращается каждый, если действительно не восхотел он отрехься от себя, и при оной любви любит еще что-нибудь, услаждается какими-нибудь удовольствиями или пожеланиями века сего, и не имеет ко Господу всецелой любви, сколько возможно сие для произволения и хотения (5, 8).

107. Иногда хорошия, повидимому, начинания приводятся в исполнение ради славы и людской похвалы; а сие пред Богом равно неправде, и татьбе и другим грехам. Ибо сказано: Бог разсыпа кости человекоугодников (Псал. 52, 6). И в добрых, повидимому, делах лукавый видит себе услугу; он весьма разнообразен и обманчив в мирских пожеланиях. Для какой-нибудь земной и плотской любви, которую человек связывает себя по собственной воле, уловляет его грех, делается для человека оковами, узами, тяжким бременем, которое потопляет и подавляет его в веке лукавом, не давая ему собраться с силами и возвратиться к Богу. Что возлюбил человек в мире, то и обременяет ум его, овладевает им и не позволяет собраться с силами. От этого зависит и равновесие, и склонение, и перевес порока; сим испытывается весь род человеческий, испытываются все христиане, живущие в городах, или в горах, или в обителях, или в полях, или в местах пустынных; потому что человек, уловляемый собственною своею волею, начинает любить что-нибудь; любовь его связывается чем-нибудь и не всецело уже устремлена к Богу. Например, иный возлюбил имение, а иный золото и серебро, иный-же — многоученую мирскую мудрость для славы человеческой; иный возлюбил начальство, иный — славу; иный любит безвременныя сходбища, иный весь день проводит в рассеянии и удовольствиях; иный обольщается праздными помыслами; иный для человеческой славы любит быть как бы законоучителем; иный услаждается недеятельностью и нерадением; другой привязан к одеждам; иный предается земным попечениям: иный любит сон, или шутки, или сквернословие. Чем привязан кто к миру, малым ли или великим, то и удерживает его, и не позволяет ему собраться с силами. С какою страстию человек не борется мужественно, ту любит он, и она обладает им, и обременяет его, и делается для него оковами и препятствием уму его обратиться к Богу, благоугодить Ему и, послужив Ему Единому, соделаться благопотребным для царствия и улучшить вечную жизнь (5, 9).

108. А душа, действительно стремящаяся ко Господу, вся и всецело к Нему простирает любовь свою и, сколько есть сил, к Нему Единому привязуется своим произволением, и в этом приобретает помощь благодати, отрицается сама себя, и не следует хотениям ума своего; потому что по причине неотлучного с нами и обольщающего нас зла, ходит он лукаво. Таким образом, как скоро душа возлюбила Господа, исхищается из сетей собственною своею верою и великою рачительностию, а вместе и помощью свыше сподобляется вечнаго царства, и действительно возлюбив оное, по собственной своей воле и при помощи Господней, не лишится уже вечной жизни (5, 10).

109. Чтобы яснее доказать нам самым делом, как многие гибнут по собственной своей воле, тонут в море, похищаются в плен, представь себе, что горит какой-нибудь дом; один, вознамерившись спасти себя, как скоро узнал о пожаре, бежит вон, и, оставив все, решившись же позаботиться только

о душе своей, он спасается; другой, вознамерившись взять с собою некоторыя домашния утвари или иное что, взошел в дом, чтобы забрать это, и, пока забирал, огонь взял силу над домом, и его захватил в доме и сожег. Видишь ли, что этот человек погиб в огне по собственной своей воле из любви, и именно — возлюбив на время нечто кроме себя? Подобно также сему плывут иные морем, и застигнуты сильным волнением; один, раздевшись донага, бросается в воду с намерением спасти только себя; и вот он, гонимый волнами, и ничем не связанный, кроме заботливости о душе своей, плавая поперх волн, нашел возможность выйти из горькаго моря; а другой, вознамерившись спасти нечто из одежд своих, подумал, что и с ними, если возьмет их с собою, можно плыть и выйти из моря; но взятыя им одежды обременили его и потопили в глубине морской, и вот, ради малой корысти не позаботившись о душе своей, погиб он. Примечаешь ли, что по собственной воле своей стал он жертвою смерти? Представь еще, что прошел слух об иноплеменниках; один, как скоро услышал это, тотчас предается бегству, ни мало не медлит и пускается в путь ни с чем; другой же, не доверяя, что идут враги, или желая некоторыя из вещей своих взять с собою, и решившись на сие, замедлил побегом, и вот неприятели пришли, взяли его, отвели пленником в иноплеменную землю и принудили жить там в рабстве. Видишь ли, что и этот по собственной своей воле, по причине своей недеятельности, по недостатку в мужестве и по любви к некоторым вещам, отведен в плен (5, 11).

110. Подобны им и те, которые не последуют заповедям Господним, не отрелись от себя самих, и не возлюбили единого Господа, но добровольно связали себя земными узами. Если угодно правоту совершенной любви ко Господу узнать из святых Богодухновенных Писаний; то смотри, как Иов совлекаясь, так сказать, всего, что имел у себя, — детей, имения, скота, рабов и прочаго достояния. Его почитали стяжавшим многое, но, по испытанию его Господом, оказалось, что Иов ничего не стяжал, кроме единого Бога. Подобно и Авраам, когда было повелено ему Господом изыти от земли, и от рода и от дому отца его (Быт. 12, 1), тотчас совлекаясь, так сказать, всего, — отечества, земли, родных, родителей, и последовал слову Господню. Потом, среди многих бывших ему испытаний и искушений, то, когда взята была у него жена, то, когда жил и терпел обиду на чужой стороне, — во всех сих случаях доказал, что Единого Бога любит паче всего. Наконец, когда по обетованию, по прошествии многих лет, имел уже у себя едиnorodного, столь много вожделенного сына, и Бог потребовал у него, чтобы сына сего с готовностію сам он принес в жертву, — совлекаясь Авраам и истинно отрелись себя самого. Ибо сим приношением едиnorodного доказал, что не любил ничего иного кроме Бога. Если же с такою готовностію отдавал он сына, то тем паче, когда повелено бы ему было оставить прочее свое имущество; или в один раз разделить бедным, — и это сделал бы со всею готовностію и со всем усердием. Видишь ли теперь правоту совершенной и произвольной любви ко Господу? (5, 12).

111. Так и желающие стать сонаследниками сих праведников, не должны любить ничего, кроме Бога, чтобы когда будут подвергнуты испытанию, оказаться им благопотребными и благоискусными, в совершенстве сохраняющими любовь свою к Господу. Те только в состоянии будут пройти подвиг до конца, которые всегда по собственной воле своей любили Единого Бога и отрелись от всякой мирской любви. Но весьма немного оказывается людей, которые бы восприяли такую любовь, отвращались от всех мирских удовольствий и пожеланий и великодушно претерпевали возстания и искушения лукаваго. Весьма многие из людей хотят сподобиться царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие невозможно (5, 13).

112. Как в мире иные приходят к какому-нибудь богатому человеку, — поработать у него во время жатвы или во время другого дела, чтобы получить, в чем сами имеют нужду для своего пропитания; и некоторые из них бывают люди ленивые и праздные, не трудятся, как другие, не работают, как должно, но не трудясь и не изнуряя себя в доме богатого, хотят, как сделавшие уже все дело, взять плату наравне с теми, которые трудятся терпеливо, и скоро, и из всех своих сил: таким же образом и мы, когда читаем Писания, или о каком праведнике, как благоугодил он Богу, как стал другом и собеседником Божиим, или и о всех отцах, как соделались они друзьями и наследниками Божиими, сколько претерпели скорбей, сколько страдали ради Бога, сколько совершали доблестных дел и подвигов; тогда ублажаем их, и хотим сподобиться равных с ними даров и достоинств, охотно желаем получить славные оныя дарования, отложив только в сторону их труды, подвиги, скорби и страдания; и стяжать те почести и достоинства, какия прияли они от Бога, желаем усердно, а их изнурений, трудов и подвигов на себя не приемлем. Но сказываю тебе, что всего этого желает и вожделевает всякий человек: и блудники, и мытари, и неправедные люди хотели бы получить царствие так легко, без трудов и подвигов. Для того-то и подлежат на пути искушения, многия испытания, скорби, борения и пролития пота, чтобы явными соделались те, которые действительно от всего произволения и всеми силами даже до смерти любили Единого Господа, и при такой любви к Нему не имели уже ничего иного для себя вожделенного. Посему-то, по правде, входят они в небесное царство, отрекшись от себя самих, по Господнему слову, и паче дыхания своего возлюбив Единого Господа; почему за высокую любовь свою и будут вознаграждены высокими небесными дарами (5, 14).

5. Состояние трудничества.

а) Решимость есть исходная точка. Надо назначить ей цель, чтоб труды ее были не бесплодны. В чем же сия цель? В том, чтоб достигнуть обновления естества благодатию Святаго Духа. Решившийся туда и должен устремлять все свои усилия, чтоб Дух Святой осенил его в силе и действенности, и как огонь начал опалить все нечистое. Когда сие совершается, тогда как бы душа входит в душу, человек оживает духовно, или тут только становится человеком. Это — главная мысль св. Макария, около которой группируются все прочия.

113. Кто приходит к Богу, и действительно желает быть последователем Христовым, тот должен приходиться с тою целию, чтобы перемениться, показать себя лучшим и новым человеком, неудержавшим в себе ничего из свойственного ветхому человеку. Ибо сказано: аще кто во Христе, нова тварь (2 Кор. 5, 17). (44. 1).

114. Душе, истинно во Христа верующей, должно из нынешняго порочнаго состояния перейти в состояние иное, доброе, и нынешнее уничиженное естество изменить в естество иное, божественное, и соделаться естеством новым, при содействующей силе Св. Духа; и тогда может она стать благопотребною для небеснаго царства. Достигнуть же сего возможно только нам, которые веруем, истинно любим Его, и исполняем все святыя заповеди Его. Если при Елисее дерево, по природе на воде легкое, будучи брошено в воду, изнесло на себе железо, по природе тяжелое; то кольми паче Господь здесь еще пошлет легкаго, удободвижнаго, благаго и небеснаго Духа Своего, и Им, душу погрязшую в водах лукавства, облегчит, окрылит, изнесет в небесныя высоты, претворит и пременит собственное ее естество (44, 5).

115. Как тело без души мертво и не может ничего делать, так без небесной души, без Духа Божия, и

душа мертва для царства, и без Духа не может делать того, что Божие (30, 3).

116. Посему кто старается уверовать и придти к Господу, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять ему Духа Божия, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь — Духа Святого (30, 6).

117. Бог столько благоволил к тебе, что сошел с святых небес, и принял на Себя разумную твою природу и земную плоть, срастворив Божественным Своим Духом, чтобы и ты, перстный, приял в себя небесную душу. И когда душа твоя будет в общении с Духом, и небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге, и наследник и сын (32, 6).

118. Посему надлежит нам возлюбить Господа, всемерно стараться преуспевать во всех добродетелях, неутомимо и непрестанно просить, чтобы всецело и совершенно приять нам обетование Духа Его, да оживотворятся души наши, пока еще мы во плоти. Ибо если душа всем еще веке не примет в себя святости Духа за многую веру и за молитвы и не сделается причастною Божескаго естества, срастворясь благодатию, при содействии которой может непорочно и чисто исполнять всякую заповедь, то она непригодна для небеснаго царствия (44, 9).

119. Вследствие преслушания первого человека, приняли мы в себя странное для естества нашего — вредныя страсти, и привычкою, долговременным усвоением обратили их для себя как бы в природу; и опять необычайным же даром Духа надлежит изгнать из нас сие странное и возстановить нас в первоначальную чистоту. И если ныне со многим молением, прошением, с верою, молитвою, с отвращением от мира не приимем в себя оной небесной любви Духа, и естество наше, оскверненное пороком, не прилепится к любви, то есть ко Господу, и не будет освящено оною любовию Духа, и мы до конца не пребудем непреткновенными, во всей точности живя по заповедям Господним; то не возможем улучшить небесное царство (4, 8).

б) Кто в покаянии обратился ко Господу, тому, по принятии таинства, присуща уже благодать. Но она не во всех одинаково обнаруживается. Иных тотчас осеняет, а других подвергает долгим испытаниям, — и тогда уже являет свою действенность.

120. Безпредельная и непостижимая премудрость Божия, непостижимым и неизследимым образом, многообразно совершает раздаяние благодати человеческому роду, для испытания свободной воли, чтобы обнаружились любящие Бога всем сердцем и ради Его переносящие всякую опасность и всякий труд. Ибо иных, как скоро приступают с верою и молитвою, пока еще живут в мире, без их трудов, потов и изнурений, предваряют дарования и дары Святого Духа. При сем Бог дает благодать не без причины, не безвременно и не как случилось, но по неизреченной и непостижимой некоей премудрости, чтобы оказались благоискусными произволение и свободная воля тех, которые скоро получают Божию благодать, а именно, в том, что чувствуют они благодеяние, оказанную им милость и сладость Божию по мере, сообщенной им без собственных трудов их, благодати, которой сподобившись, обязаны они показать рачительность, неутомимость, усилие и плод любви от своей воли и от своего произволения, и воздать за дарования, то есть всецело предать себя, посвятив любви Господней и исполняя Господню только волю, совершенно же удаляясь от всякаго плотскаго пожелания (29, 1).

121. А иным, хотя удалились они из мира, отреклись, по Евангелию, от века сего, и с великим терпением преуспевают в молитве, в посте, в рачительности и в других добродетелях, Бог не скоро дает благодать, и упокоение, и духовное дарование, но медлит и удерживает дар. И сие не без

причины, не безвременно и не как случилось, но по неизреченной некоей премудрости, для испытания свободной воли, чтобы видеть, точно ли верным и истинным почитают Бога, обетовавшего давать просящим и отверзать дверь жизни ударяющим в нее, чтобы видеть, по истине ли уверовали в слово Его, пребудут ли до конца в несомненной вере, и станут ли со всею рачительностью просить и искать, не отвратятся ли от Бога в злостраданиях и в боязни, не предадутся ли лени, впад в неверие и безнадежность, и не претерпев до конца, по причине умедления времени и испытания их воли и произволения (29, 2).

122. Ибо кто не скоро приемлет, тот, когда Бог отлагает и медлит, еще более возгарается и сильнее вожделевает небесных благ, и ежедневно прилагает большее желание, рачение, неутомимость, усилие, совокупность всех добродетелей, алчбу и жажду, только бы получить благо, а не ослабевает от порочных помыслов, пребывающих в душе, не впадет в лень, нетерпеливость и отчаяние; или, под предлогом замедления, не предастся расслаблению, водясь таким помыслом: «когда-то получу благодать Божию?» и чрез это вовлекаясь лукавым в нерадение. Напротив того, в какой мере Сам Господь отлагает и медлит, испытывая веру и любовь воли его, в такой и он, тем стремительнее и тщательнее, неослабно и неутомимо, должен искать дара Божия, единожды уверовав и убедившись, что не ложен и истинен Бог, обетовавший подавать благодать Свою тем, которые просят ее с верою и со всяким до конца терпением (29, 3).

123. Души верная почитают Бога верным и истинным, и по истинному слову, утвердились, яко истинен есть (Иоан. 3, 33). А сообразно с сим, по сказанному выше понятию веры, испытывают сами себя, в чем, сколько от них зависит, имеют они недостаток, в труде—ли, или в усилении, или в рачительности, или в вере, или в любви, или в прочих добродетелях, и испытав себя со всею утонченною точностию, сколько есть сил, принуждают и приневоливают себя угождать Господу, единожды уверовав, что Бог, как истинный, не лишит их духовного дара, если до конца со всею рачительностию пребудут пред Ним в служении и в терпении, и что пребывая еще во плоти, сподобятся оне небесной благодати и улучат вечную жизнь (29, 4).

124. Таким образом, все любовь свою устремляют ко Господу, отрекшись от всего, Его Единого ожидая с сильным вожделением, с алчбою и жаждою, всегда чая себе упокоения и утешения благодати, не утешаясь же и не упокоеваясь ничем в мире сем, добровольно связывая себя, непрестанно же сопротивляясь вещественным помыслам, ожидают только Божией помощи и Божия заступления, — ожидают, когда в таковых душах, восприявших произволение, рачительность и терпение, Сам Господь уже тайно будет присутствовать, помогать им, охранять и поддерживать в них всякий плод добродетели. Ибо есть пределы, мера и вес свободному произволению, и свободной любви, и посильному расположению ко всем святым Его заповедям. И таким образом души, исполняющие меру любви и долга своего, сподобляются царствия и вечной жизни (29, 5).

в) Что общий у благодати закон — не вдруг верить себя, это объясняет святой Макарий многими примерами из Божественного Писания, с приложением урока, к чему это обязывает каждого верующего.

125. Духовное действие Божией благодати в душе совершается великим долготерпением, премудростию и таинственным смотрением ума, когда и человек с великим терпением подвигается в продолжение времени и целых лет. И дело благодати тогда уже оказывается в нем совершенным, когда свободное произволение его, по многократном испытании, окажется благоугодным Духу, и с

течением времени покажет опытность и терпение. Ясные образцы сего порядка представим из Богодухновенных Писаний (9, 1).

126. Утверждаемое мною подобно тому, что было с Иосифом. Чрез сколько времени и чрез сколько лет совершилось определение Божией о нем воли, исполнились видения! А прежде в скольких трудах, скорбях и теснотах испытан был Иосиф! И когда все претерпел мужественно, во всем оказался благоискусным и верным Богу рабом; тогда уже стал царем Египта и препитал род свой, и исполнились и пророчества о невидимом и та воля Божия, о которой задолго по великому смотрению было предречено (9, 2).

127. Подобное сему было и с Давидом. Бог чрез Пророка Самуила помазал его в царя. И когда был он помазан, тогда гонимый Саулом должен был спастись от смерти бегством. И где Божие помазание? Где скорое исполнение обетования? Ибо как-скоро помазан, стал терпеть жестокия скорби, удаляясь в пустыни, не имея даже насущнаго хлеба и спасаясь бегством у язычников от Саулова против него злоумышления. И в таких скорбях пребывал тот, кого Бог помазал в царя! Потом, когда многие годы был испытываем и искушаем, терпел скорби и переносил их великодушно, решительно вверился Богу и себя самого удостоверил: «что сотворил со мною Бог пророческим помазанием, и о чем сказал, то несомненно должно исполниться»; тогда уже за многое долготерпение совершилась, напоследок, воля Божия; и после многих испытаний воцарился Давид; и явственным тогда стало Божие слово, и помазание, совершенное Пророком, оказалось твердым и истинным (9, 3).

Подобное сему было с Моисеем, с Авраамом и с Ноем (9, 4. 5. 6).

128. Примеры же сии привели мы из Писаний в доказательство, что действие Божией благодати открывается в человеке и приемлет он дарование Святаго Духа, какого сподоблена бывает душа верная только после долговременнаго борения, после опытов великаго терпения и великодушия, после искушений и испытаний, когда свободное произволение испытано будет всякими скорбями. Когда ни в чем не оскорбит оно Духа, но по благодати будет во всем согласно с заповедями, тогда бывает оно сподоблено — достигнуть свободы от страстей, приять полноту духовнаго всыновления, изрекаемаго в таинстве, также духовнаго богатства и такого разумения, которое не от мира сего, и котораго делаются причастными одни истинные христиане. Почему, таковые люди во всем отличны от всех людей благоразумных, сведущих и мудрых, имеющих в себе дух мира (9, 7).

129. Посему уготовимся от всего произволения и со всею охотою идти ко Господу и стать Христовыми последователями, для исполнения воли Христовой и для памятования и соблюдения всех Христовых заповедей; совершенно устранившись от любви к миру, предадим души свои Единому Христу; то будем иметь в уме, чтобы Им одним заниматься, о Нем одном иметь попечение, Его Единаго искать. Если же, по причине тела, не употребим должнаго радения об исполнении заповедей и о послушании Богу, то, по крайней мере, ум наш да не устранивается от любви ко Господу, — от того, чтобы искать Его и стремиться к Нему. А подвизаясь с таким умом, с правым образом мыслей, шествуя путем правды и всегда пребывая внимательными к себе, да улучим обетование Духа Его, и по благодати да избавимся от гибели во тьме страстей, какими одержима душа, а чрез сие соделаемся достойными вечнаго царствия, и сподобимся блаженствовать со Христом целые веки, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа во веки. Аминь (9, 13).

г) В следствие сего, всякому решающемуся работать Господу, предлежит на первых порах

трудничество, — состояние, когда он только силою разумной воли своей понуждает себя на всякое дело доброе и сдерживает себя от всего неодобряемого совестью, не смотря на то, что этому нет сочувствия в сердце. Итак, решился? — Начинай нудить себя на всякое добро, и противиться себе во всем худом.

130. Кто хочет приступить к Господу, сподобиться вечной жизни, соделаться обителю Христовою, исполниться Духа Святаго, чтобы прийти в состояние приносить плоды Духа, чисто и неукоризненно исполнять заповеди Христовы, тот должен начать тем, чтобы прежде всего крепко уверовать в Господа, и всецело предать себя вещаниям заповедей Его, во всем отречься от мира, чтобы весь ум не был занят ничем видимым. И ему надлежит непрестанно пребывать в молитве, с верою, в чаянии Господа, всегда ожидая Его посещения и помощи, сие одно всякую минуту имея целию ума своего. Потом, по причине живущаго в нем греха, надлежит ему понуждать себя на всякое доброе дело, к исполнению всех заповедей Господних. Так например: надлежит понуждать себя к смиренномудрию пред всяким человеком, почитать себя низшим и худшим всякаго, ни от кого из людей не ища себе чести, или похвалы, или славы, как написано в Евангелии, но имея всегда пред очами Единого Господа и заповеди Его, Ему Единому желая угодить в кротости сердца, как говорит Господь: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим (Матф. 11, 29). (19, 1).

131. Подобно сему да приучает себя, сколько можно, быть милостивым, добрым, милосердным, благим, как говорит Господь: будьте добры и благи, якоже и Отец ваш небесный милосерд есть (Лук. 6, 36). Паче всего в незабвенной памяти, как образец, да содержит смирение Господа и жизнь Его, и кротость, и обращение с людьми, да пребывает в молитвах, всегда веруя и прося, чтобы Господь пришел и вселился в него, усовершеншал и укреплял его в исполнении всех заповедей Своих, и чтобы Сам Господь соделался обителю души его. И таким образом, что делает теперь с принуждением произволяющаго сердца, то будет некогда делать произвольно, постоянно приучая себя к добру и всегда памятуя Господа и непрестанно ожидая Его с великою любовию. Тогда Господь, видя такое его произволение и доброе рачение, видя, как принуждает себя к памятованию Господа, и как сердце свое, даже против воли его, ведет непрестанно к добру, к смиренномудрию, к кротости, к любви, и ведет, сколько есть у него возможности, со всем усилием, — тогда, говорю, Господь творит с ним милость Свою, избавляет его от врагов его и от живущаго в нем греха, исполняя его Духом Святым. Тогда уже без усилий и труда во всей истине творит он все заповеди Господни, лучше же сказать, Сам Господь творит в нем заповеди Свои, и он чисто плодоприносит тогда плоды Духа (19, 2).

132. Но приступающему ко Господу надлежит, таким образом, принуждать себя ко всякому добру; принуждать себя к любви, если кто не имеет любви; принуждать себя к кротости, если не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы милосердным быть и иметь милостивое сердце; принуждать себя к тому, чтобы терпеть пренебрежение, и когда пренебрегают, — быть великодушным; когда унижают, или безчестят, — не приходить в негодование, по сказанному: не себе отмщаяще возлюбленнии (Рим. 12, 19); надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае, Бог видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную духовную молитву, даст истинную любовь, истинную кротость, утробы щедрот, истинную доброту, и одним словом исполнит его духовнаго плода (19, 3).

133. Если же кто, не имея молитвы, принуждает себя к одной только молитве, чтобы иметь ему

молитвенную благодать, но не принуждает себя к кротости, к смиренномудрию, к любви, к исполнению прочих заповедей Господних, и не заботится, не прилагает труда и усилия преуспеть в них; то, по мере его произволения и свободной воли, согласно с прошением его, дается ему иногда отчасти благодать молитвенная, но по нравам остается он таким же, каким был и прежде. Не имеет он кротости, потому что не взыскал труда и не приуготовил себя соделаться кротким; не имеет смиренномудрия, потому что не просил и не принуждал себя к тому; не имеет любви ко всем, потому что прося молитвы, о сем не позаботился и не показал усилия (19, 4).

134. Но кто не имеет сих добродетелей, не приучил и не приуготовил себя к ним, тот, если и приемлет благодать молитвенную, то утрачивает оную по приятии, и падает от высокоумия, или не преуспевает и не возрастает в благодати, дарованной ему, потому что не предаёт себя от всего произволения исполнению заповедей Господних. Ибо обителю и упокоением Духу служат: смиренномудрие, любовь, кротость и прочия Господни заповеди (19, 6).

135. Посему кто хочет истинно благоугождать Богу, приять от Него небесную благодать Духа, возрасть и усовершеняться о Духе Святом, тот должен принуждать себя к исполнению всех заповедей Божиих и покорять сердце, даже против воли его, по сказанному: сего ради ко всем заповедям Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех (Псал. 118, 128). (19, 7).

д) Нудить себя на добро есть одна сторона трудничества. Другая есть — противиться себе в худом. Эта последняя есть брань духовная. О ней так учит святой Макарий.

136. Кто хочет истинно благоугождать Богу, и поистине возненавидеть противную сторону злобы, тому должно нести брань в подвигах и борениях двоякаго рода, именно: в видимых делах мира сего удаляться от земных развлечений, от любви к мирским связям и от греховных навыков; а в делах сокровенных бороться с самими духами злобы, о которых сказал Апостол: несть наша брань к крови и плоти, но к началом, ко властем, к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Ефес. 6, 12). (21, 1).

137. Человек, преступив заповедь и будучи изгнан из рая, связан двояким образом и двоякаго рода узами: в мире сем — делами житейскими, любовью к миру, т. — е. к плотским удовольствиям и страстям, к богатству и славе, к имению, к жене, к детям, к родным, к отечеству, к месту и одеждам, одним словом, ко всему видимому, от чего слово Божие повелевает отрешиться по собственному произволению (потому что каждый ко всему видимому и привязывается по доброй воле), чтобы, отрешась и освободив себя от всего этого, мог он стать совершенным исполнителем заповеди; втайне же опутывают, окапывают, остеняют и оковами тьмы связывают душу духи злобы (21, 2).

138. Посему, когда, услышав кто Божие слово, вступит в подвиг, отринет от себя дела житейския и мирския связи, отречется от всех плотских удовольствий и отрешится от них; тогда с постоянством устремляя мысль ко Господу, может он дознать, что в сердце есть иная борьба, иное тайное противление, иная брань помыслов от лукавых духов, и что предлежит ему иной подвиг. И таким образом, с несомненною верою и великим терпением непрестанно призывая Господа, ожидая от Него помощи, можно здесь еще получить внутреннее освобождение от уз, тенет, преград и тьмы лукавых духов, то—есть от действия тайных страстей (21, 3).

139. Сия же брань может быть прекращена благодатию и силою Божией; потому что человек сам собою не в состоянии избавить себя от противления, от скитания помыслов, от невидимых страстей и козней лукаваго. Если же кто привязан к видимым вещам в мире сем, опутывает себя

многообразными земными узами и увлекается зловредными страстями, то не познает он, что внутри у него есть иная борьба, и битва, и брань. И о еслибы человеку, когда с усилием исхитит и освободит он себя от сих видимых мирских уз и вещественных забот и плотских удовольствий, и начнет постоянно прилепляться ко Господу, устраняя себя от мира сего, — хотя после сего прийти в состояние познать внутри водворяющуюся борьбу страстей, и внутреннюю брань, и лукавые помыслы! А если, как сказали мы прежде, не отречется с усилием от мира, не отрешится всем сердцем от земных пожеланий, и не пожелает всецело прилепиться ко Господу; то не познает обмана сокровенных духов злобы и тайных зловредных страстей, но остается чуждым себе самому, потому что неизвестны ему язвы его, и имея в себе тайные страсти, не сознает их; но еще добровольно привязывается к видимому и прилепляется к мирским попечениям (21, 4).

140. А кто истинно отрекся от мира, подвизается, сверг с себя земное бремя, освободил себя от суетных пожеланий, от плотских удовольствий, от славы, начальствования и человеческих почестей, и всем сердцем удаляется от сего, тот, — когда Господь в сем явном подвиге помогает ему тайно, по мере отречения воли от мира, и когда сам он всецело, то есть, телом и душою утвердился и постоянно пребывает в служении Господу, — находит в себе противление, тайные страсти, невидимые узы, сокровенную брань, тайное борение и тайный подвиг. И таким образом, испросив у Господа, прияв с неба духовные оружия, какия исчислил блаженный Апостол: броню правды, шлем спасения, щит веры и меч духовный (Ефес. 6, 14—17), и вооружившись ими, возможет противостать тайным козням диавола в составляемых им лукавствах; приобретши себе сии оружия молитвою, терпением, прощением, постом, а паче верою, в состоянии будет подвизаться во брани с началами, властями и миродержителями; а таким образом победив сопротивные силы при содействии Духа и при собственной рачительности во всех добродетелях, соделается достойным вечной жизни, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа. Ему слава и держава во веки! Аминь (21, 5).

141. Некоторые говорят, что Господь требует от людей одних явных плодов, а тайное совершает Сам Бог. Но не так бывает на деле; напротив того, сколько ограждает кто себя по внешнему человеку, столько же он должен бороться и вести брань с помыслами; потому что Господь требует от тебя, чтобы сам на себя был ты гневен, вел брань с умом своим, не соглашался на порочные помыслы, и не услаждался ими (3, 3).

142. Душа должна сопротивляться, противоборствовать и отражать. Произволение твое, противоборствуя, пребывая в труде и скорби, начинает, наконец одерживать верх; оно и падает и возстает; грех снова низлагает его; в десяти и в двадцати борениях побеждает и низлагает душу; но и душа современем в одном чем-нибудь побеждает грех. И опять, если душа стоит твердо и ни в чем не ослабевает, то начинает брать преимущество, решать дело и одерживать над грехом победы. Так-то люди преодолевают и делаются его победителями (3, 4, 5).

143. Конь, пока с дикими животными пасется в лесах, не покорен бывает людям. А когда он пойман, тогда для укрощения его налагают на него тяжелую узду, пока не научится ходить чинно и прямо. Потом опытный седок упражняет его, чтобы сделать способным к брани. Тогда надевают на него вооружение, разумею нагрудник и забрала, а прежнюю узду вешают и приводят в сотрясение пред глазами его, чтобы он привык и не пугался. И обучаемый так всадником, если не приучится, — не может быть на войне, а как скоро приучится и приобыкнет к брани, едва почует и услышит бранный звук, сам с готовностью идет на врагов, почему, самым ржанием своим наводит страх на

неприятелей (23, 2).

144. Подобно сему и душа, одичав и став непокорною со времени преступления, в пустыне мира сближается со зверями — лукавыми духами, продолжая служение греху. Когда же услышит слово Божие и уверует, тогда обуздываемая Духом, отлагает дикий нрав и плотское мудрование, управляемая всадником Христом. Потом приходит в скорбь, в усмирение, в тесноту, что нужно для ее испытания, чтобы постепенно укрощал ее Дух, при постепенном же оскудении и истреблении в ней греха. И таким образом душа, облеченная в броню правды, в шлем спасения, в щит веры, и прияв меч духовный, научается вести брань с своими врагами, и вооруженная Духом Господним, борется с духами злобы, и угашает разжженные стрелы лукаваго. А без духовнаго оружия не вступает в ополчение; как же скоро имеет оружие Господне, едва услышит и ощутит сильныя брани, исходит со скаканием и ржанием, как сказано у Иова (Иов. 39, 25), потому что от самага гласа моления ея падают враги. Совершив же такой подвиг и с помощью Духа одержав во брани победу, с великим дерзновением примет победные венцы, и будет упокоеваться вместе с Небесным Царем (23, 3).

145. Как скоро удалишься от мира и начнешь искать Бога и рассуждать о Нем, должен уже будешь бороться с своею природою, с прежними нравами и с тем навыком, который тебе прирожден. А во время борьбы с сим навыком найдешь противящиеся тебе помыслы и борющиеся с умом твоим; и помыслы сии повлекут тебя, и станут кружить тебя в видимом, от чего ты бежал. Тогда—то начнешь борение и брань, возставляя помыслы против помыслов, ум против ума, душу против души, дух против духа (32, 9).

146. Ибо открывается какая—то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая в сердце. И Господь бывает близ души и тела твоего, и смотря на борьбу твою, влагает в тебя сокровенные, небесные помыслы, и втайне начинает упокоевать тебя. Но пока оставляет еще тебя под обучением, и в самых скорбях промышляет о тебе благодать. И когда придешь в упокоевание, даст тебе познать Себя, и покажет тебе, что для твоей же пользы попускала быть тебе в борении. Как сыну богатаго человека, у котораго есть пестун, пока наставник наказывает его, и учение, и раны, и удары кажутся тяжкими, и это бывает пока не сделается мужем, и тогда начинает уже благодарить пестуна: так и благодать промыслительно обучает, пока не придешь в совершеннаго мужа (33, 10).

е) Поелику такой предлежит труд решившемуся работать Господу, то кроме безжалостнаго к себе определения себя на всякое трудничество, ему необходимо еще иметь рассудительность, внимание и осмотрительность.

147. Кто хочет христианскую жизнь с великою точностию вести в совершенстве, тот обязан всеми силами позаботиться прежде всего о смысле и о разсудке души, чтобы, — приобретши способность в точности различать доброе и худое, и во всяком случае распознавая, что в чистую природу привзошло несвойственнаго ей, жить нам правильно и непреткновенно, и чтобы, пользуясь разсудком как глазом, быть нам в состоянии не сдружаться и не входить в согласие с внушениями порока, а чрез это, сподобившись божественнаго дара, соделаться достойными Господа (4, 1).

148. Тело имеет своим путеводителем глаз, и он видит и все тело ведет надлежащим путем. Представь же, что идет кто—нибудь местами лесистыми, заросшими тернием и тинистыми, где и огонь заграждает путь и мечи вонзены, есть там и стремнины и множество вод. Если путник оборотлив, осторожен и неустрашим, то, имея путеводителем глаз, с великою внимательностию проходит трудныя сии места, и руками и ногами всячески сдерживает хитон свой, чтобы не изорвать

между деревьями и в терниях, не замарать грязью, не изрезать мечами; и глаз, служа светом для целого тела, указывает ему путь, чтобы не сокрушилось оно на стремнинах, или не потонуло в водах, или не потерпело вреда в каком-нибудь затруднительном месте. Так оборотливый я смысленный путник, со всею осторожностью подобрав хитон свой, идя прямо по указанию глаза, и себя сохраняет невредимым, и надетый хитон сберегает несожженным и неразодранным. Если же подобными местами проходит человек нерадивый, ленивый, беспечный, неповоротливый, недеятельный, — то хитон его, развеаясь туда и сюда, потому что у путника недостает твердости всячески подбирать свою одежду, рвется об сучки и терния, или загорается от огня, или изрезывается вонзенными мечами, или грязнится в тине; одним словом, прекрасный и новый хитон его в скором времени портится от его невнимательности, недеятельности и лености. А если путник не будет обращать полного и должного внимания на указание глаза, то и сам упадет в ров, или потонет в водах (4, 2).

149. Подобным образом и душа, — нося на себе, как бы прекрасный хитон, одежду тела, и имея у себя разум, который дает направление всей душе с телом, когда проходит она по лесистым и тернистым стезям жизни, среди тины, огня, стремнин, то есть, вожделений и удовольствий и прочих несообразностей века сего, — должна с трезвением, мужеством, рачительностью и внимательностью везде сдерживать и оберегать себя. А чтобы телесный хитон на лесистых и тернистых стезях мира сего не раздрался где-либо от забот, недосугов и земных развлечений, и не сгорел от огня вожделения, то облеченная в оный душа отвращает око, чтобы не видеть лукавства, а также отвращает слух, чтобы не слышать пересудов, удерживает язык от суетных разговоров, руки и ноги от худых занятий, потому что душе дана воля отвращать телесные члены и не допускать их до худых зрелищ, до слышания чего-либо лукаваго и срамнаго, до непристойных слов, до занятий мирских и лукавых (4, 3).

150. Господь, как скоро увидит, что мужественно отвращается кто-нибудь от житейских удовольствий, от вещественных развлечений и забот, от земных уз и от кружения суетных помыслов, — подает таковому благодатную Свою помощь и непреткновенно соблюдает эту душу, которая прекрасно совершает течение свое в настоящем лукавом веке. И таким образом, душа от Бога и от Ангелов удостоивается небесных похвал за то, что прекрасно охранила и себя и хитон тела своего, сколько возможно ей было, отвращаясь от всякаго мирскаго вожделения, и вспоможествуемая Богом, прекрасно совершила течение свое на поприще мира сего (4, 4).

151. Если же кто по недеятельности и беспечности невнимательно ходит в жизни сей, и по собственной воле своей не отвращается от всякаго мирскаго вожделения, и не взыскует со всем желанием Единого Господа, то хитон тела его рвется от терний и дерев мира сего, опалается огнем вожделения, оскверняется грязью удовольствий; и потому, душа в день суда оказывается не имеющею дерзновения, потому что не возмогла одеяние свое соблюсти неоскверненным, но растлила оно среди обольщений века сего. За сие то извергается она из царства. Ибо, что сотворит Бог с тем, кто по собственной воле своей предает себя миру, обольщается его удовольствиями, или блуждает, кружась в вещественном? Помощь Свою подает Он тому, кто отвращается от вещественных удовольствий и от прежних навыков, с усилием устремляет всегда мысль свою к Господу, отрекается от себя самого, взыскует же Единого Господа. Того и Бог блюдет, кто в дебри мира сего при всяком случае остерегается сетей и тенет, кто со страхом и трепетом свое спасение

содевает (Фил. 2, 12), со всею внимательностию обходит сети, тенета и похоти века сего, взыскует же Господней помощи и по милости Господней надеется спастись благодатию (4. 5).

ж) Воодушевление в трудах почерпать должен труженик в надежде и непоколебимой уверенности, что Господь увидит, сколь усерден труд, удостоверится в верности души, и даст ей Духа Святого и Сам сочетается с нею. Этому предмета очень часто касается святой Макарий, и всякий почти урок о трудничестве сводит на внушение сей надежды.

152. Всякое видимое в мире дело делается в надежде получить пользу от трудов. И если кто не вполне уверен, что насладится трудами, то не полезны ему и труды. И земледелец сеет в надежде собрать плоды и, в чаянии их, переносит труды; сказано: о надежде должен есть орай орати (1 Кор. 9, 10). И кто берет жену, берет в надежде иметь наследников. И купец ради прибыли пускается в море, отдает себя на готовую смерть. Так и в царстве небесном человек, в надежде, что просветятся сердечные очи, отдает сам себя на то, чтобы устранился от дел житейских, проводить время в молитвах и прошениях, ожидая Господа, когда придет и явит ему Себя, и очистит его от живущаго в нем греха (14, 1).

153. Должно христианину иметь упование, радость и чаяние будущего царства и избавления, и говорить: «если не избавлен я сегодня, буду избавлен на утро». Насаждающий у себя виноградник, прежде нежели приступит к труду, имеет в себе радость и надежду, и когда вина еще нет, живо представляет в уме точило, вычисляет доходы, и в таких мыслях принимается за труд; надежда и ожидание заставляют его трудиться усердно, и делает он пока большия издержки в доме. А подобным образом домостроитель и земледелец сперва расточают много своей собственности, в надежде на будущую прибыль. Так и здесь, если не будет у человека пред очами радости и надежды, что примет избавление и жизнь, то не возможет стерпеть скорбей и принять на себя бремя и шествие тесным путем. А сопровождающия его надежда и радость делают, что он трудится, терпит скорби, и принимает на себя бремя, и идет тесным путем (26, 11).

154. Верующему должно просить о себе Бога, чтобы пременилось произволение, его предложением сердца. К Нему должен ты возводить ум и помыслы, и не содержать в мысли ничего иного, кроме чаяния узреть Его. И посему, как резвых детей, душа да соберет и усмирит рассеянные грехом помыслы; пусть введет их в дом тела своего, непрестанно в посте и с любовию ожидая Господа, когда Он придет и действительно соберет ее воедино. Поелику же будущее неизвестно, то еще более да надеется, прекрасно возлагая надежду свою на кормчаго. Сказано: не бойся, Аз пред тобою пойду, и горы уравнию, врата медяная сокрушу и верей железныя сломлю (Исаии 45, 2). И еще сказано: внемли себе; да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония (Второз. 15, 9); не говори в сердце своем: язык сей мног и крепок (Второз. 2, 21), (31, 1. 2).

155. Если не обленимся и не дадим у себя пажитей безчинным порочным помыслам, но волею своею привлечем ум, понуждая помыслы устремиться ко Господу, то, без сомнения, Господь Своєю волею придет к нам, и действительно соберет нас к Себе; потому что все благоугождение и служение зависит от помышлений. Посему, старайся угождать Господу, всегда ожидая Его внутренно, взыскуя Его в помышлениях, побуждая и принуждая волю свою и произволение свое к Нему непрестанно устремляться. Ибо в какой мере собираешь ты ум свой к исканию Его, в такой и еще в большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостию Своєю прийти к тебе и упокоить тебя. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, назирает, как ищешь Его,

от всей ли души твоей, не с леностию ли, не с нерадением ли (31, 3).

156. И когда увидит рачительность твою в искании Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою и уготовит тебе победу, избавляя тебя от врагов твоих. Посему, вознесем тело сие, соорудим жертвенник, возложим на него всякое наше помышление, и будем умолять Господа, чтобы послал с неба невидимый и великий огонь, да пояст он и жертвенник, и все, что на нем. И падут все священники Вааловы, то есть, сопротивныя силы; и тогда увидим небесный дождь, подобно следу человеческому (3 Цар. 18, 44), сходящий в душу; почему исполнится на нас Божие обетование, как сказано у Пророка: возставлю и возгражду скинию Давидову падшую, и раскопанная ея возгражду (Амос. 9, 11). (31, 4. 5).

з) В частности труженических подвигов не касается святой Макарий, потому что они все были в практике у тех, к кому обращал он беседы свои. При случае он только перечисляет их, как–то: пост, бдение, уединение, телесный труд, послушание, взаимовспомоществование, терпение. Только об одной молитве говорит он подробнее, потому что она хороводица всех добродетелей и подвигов, и особенно потому, что она есть приемница наития Духа Святаго.

157. О внешнем подвижничестве, и о том, какой образ жизни есть высший и первый, знайте, возлюбленные, следующее: все добродетели между собою связаны, как звенья духовной цепи, одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты. Так и с противной стороны худыя дела зависят одно от другаго: ненависть от раздражительности, раздражительность от гордости, гордость от тщеславия, тщеславие от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от нерадения, нерадение от разленения, разленение от уныния, уныние от нетерпеливости, нетерпеливость от сластолюбия; прочия части порока также между собою связаны, как на доброй стороне связаны между собою и одне от других зависят добродетели (40, 1).

158. Главное же во всяком добром рачении и верх заслуг — прилежное пребывание в молитве. Ею, испрашивая у Бога, ежедневно можем приобретать и прочия добродетели. Отсюда в сподобившихся происходит общение в Божией святости, в духовной действительности, и союз умнаго расположения как бы в неизреченной любви ко Господу. Ибо кто ежедневно принуждает себя пребывать в молитве, тот духовною любовию к Богу воспламеняется к божественной приверженности и пламенному желанию, и приемлет благодать духовнаго освящающаго совершенства (40, 2).

159. Не по телесному навыку, не по привычке вопиять, молчать, преклонять колена, должно нам молиться, но, трезвенно внимая умом, ожидать, когда Бог придет и посетит душу на всех исходах и стезях ея и во всех чувствах. Таким образом, иногда надобно молчать, иногда же надобно взывать и молиться с воплем, только бы ум утвержден был в Боге. Ибо как тело, когда что–нибудь работает, прилежит к делу, всецело бывает занято, и все члены его один другому помогают, так и душа всецело да посвятит себя молитве и любви Господней, не развлекаясь и не кружась в помыслах, но все чаяние возложив на Христа. И в таком случае, Господь Сам просветит ее, научая истинному прошению, подавая молитву чистую, духовную, достойную Бога и поклонение духом и истиною (33, 1. 2).

160. Приступающие ко Господу должны совершать молитвы в безмолвии, мире и великом покое, и внимать Господу не с воплями непристойными и смешанными, но с томлением сердца и трезвенными домыслами. Рабу Божию надлежит пребывать не в неустройстве, но во всякой кротости

и мудрости, как сказал Пророк: на кого воззрю? токмо на кроткого и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих (Исаии 66, 2). Находим также, что при Моисее и Илие, когда являлся им Бог, пред величием Владычным во множестве служили и трубы и силы, но пришествие Господне отличалось и обнаруживалось тем, что исчислено выше, то—есть миром, безмолвием и покоем. Ибо сказано: се глас хлада тонка, и тамо Господь (3 Цар. 19, 12). А сим показывается, что покой Господень состоит в мире и в благоустройстве (6, 1. 2).

161. Истинное основание молитвы таково — быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире. Человеку молящемуся надобно все усилие свое обращать на помыслы, и что служит пищею лукавым помыслам, то отсекасть, а устремляться мыслию к Богу, и хотения помыслов не исполнять, но кружащиеся помыслы собирать отовсюду воедино, различая естественныя помыслы от лукавых. Душа под грехом уподобляется как бы большому лесу на горе, или тростнику на реке, или какой-нибудь чаще терний и дерев; посему, намеревающиеся проходить сим местом, должны протягивать вперед руки и с усилием и с трудом раздвигать пред собою ветви. Так и душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивною силою; почему, потребны великая рачительность и внимательность ума, чтобы человеку отличать чуждые помыслы, внушаемые сопротивною силою. Внимательные к помыслам, весь подвиг в молитвах совершают внутренно. Таковые своим разумением и разсудительностию могут преуспевать, отражать возстающие помыслы и ходить в воле Господней (6, 3, 4).

и) Из предосторожностей, какия надобно иметь труженику, больше всего внушает св. Макарий ту, чтоб не остановиться на одной внешней исправности. Трудничество с внешней стороны, имеет задачу навыкновение всем подвигам и всем добродетелям, но не с тем, чтобы на этом и стоять, но это самое обращать к развитию внутренней жизни и стяжанию действенности Духа. Но иные на этом одном и останавливаются, доходят до исправнаго поведения, и только, а на сердце не обращают внимания и Духа благодати не ищут. От того и труд несут, а плода не имеют. Этого остерегаться паче всего и убеждает святой Макарий.

162. Многие, строго наблюдая за внешним, упражняясь в науках и заботясь о жизни правильной, думают, что такой человек совершен, не вникая в сердце, не примечая там пороков, какия обладают душою. Между тем в членах есть корень порока, соразмерный внутренней порочной мысли, и в доме кроется разбойник, то—есть сила сопротивная, и потому противоборная и вместе мысленная. И если кто не борется со грехом, то внутренний порок, разливаясь постепенно, с приумножением своим увлекает человека в явные грехи, доводит до совершения их самым делом; потому что зло, как отверстие источника, всегда источает из себя струю. Посему старайся удерживать потоки порока, чтобы не впасть в тысячи зол (15, 46).

163. Мир страждет недугом порока, и не знает того. Есть нечистый огонь, который воспламеняет сердце, пробегает по всем членам и побуждает людей к непотребству и к тысячам злых дел. И те, которые раздражаются и соуслаждаются, внутренно, в сердце, совершают блуд; а когда зло таким образом найдет себе пищу, — впадают и в явный блуд. Тоже разумей и о сребролюбии, о тщеславии, о надмении, о ревности, о раздражительности. Как если позван кто на обед и предложено ему множество снедей: так и грех внушает отведать всего, и тогда услаждающаяся душа обременяется (15, 48).

164. Может ли, кто бы то ни было, сказать: «я пощусь, веду странническую жизнь, расточаю имение

свое, следовательно уже свят»? Ибо воздержание от худого не есть еще самое совершенство, разве вошел уже ты в униженный ум, и убил змия, который таится под самым умом, во глубине помыслов, гнездится и умерщвляет тебя в так-называемых тайниках и хранилищах души; потому что сердце есть бездна; итак, разве его ты умертвил и изринул из себя всякую, бывшую в тебе, нечистоту. Все любомудрствующие, и закон и Апостолы, и пришествие Христово имеют целию очищение. Всякий человек, и Иудей и Еллин, любит чистоту, но не может соделаться чистым. Посему, надобно доискаться, как и какими средствами можно достигнуть сердечной чистоты. Неиначе возможно сие, как с помощью Распятого за нас. Он есть путь, жизнь, истина, дверь, жемчужина, живой и небесный хлеб. Без оной истины никому невозможно познать истину и спастись. Посему, как в разсуждении внешнего человека и вещей видимых, отрекся ты от всего, — и роздал имение свое: так если имеешь знание и силу слова и в мирской мудрости должен все от себя отринуть, все вменить ни во что; тогда только будешь в состоянии назидать себя в буйстве проповеди, которая есть истинная мудрость, состоящая не в красоте слов, но в силе, действующей святым крестом (17, 15).

165. Самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце, сотворил он брань с сатаною, возненавидел себя самого, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее, противился привычным своим пожеланиям, препирался с помыслами, боролся с самим собою (26, 12).

166. А если видимо соблюдаешь тело свое от растления и блуда, внутренно же ты любодействовал и творил блуд в помыслах своих, то прелюбодей ты пред Богом, и не принесет тебе пользы девственное тело твое. Как, если юноша, хитростию обольстив девицу, растлит ее, то мерзкою она делается жениху своему за любодейство: так и безплотная душа, вступающая в общение с живущим внутри змием, лукавым духом, блудодействует пред Богом. И написано: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети, уже любодействова в сердце своем (Матф. 5, 28). Ибо есть блуд совершаемый телесно, и есть блуд души, вступающий в общение с сатаною. Одна и та же душа бывает сообщницею и сестрою, или демонов, или Бога и Ангелов, и прелюбодействуя с диаволом, делается уже неблагопотребною для небеснаго Жениха (26, 13).

167. Неоднократно приводили мы притчу о земледельце, который, потрудясь и вложив семена в землю, должен еще ждать свыше дождя. А если не явится облако и не подуют ветры, труд земледельца не принесет ему никакой пользы, и семя будет лежать без всего. Примени это и к духовному. Если человек ограничится только собственным своим и не примет необычайнаго для своей природы; то не может принести достойных плодов Господу. В чем же состоит делание самаго человека? В том, чтобы отречься, удалиться от мира, пребывать в молитвах, во бдении, любить Бога и братьий; пребывать во всем этом есть собственное его дело. Но если ограничится он своим деланием и не будет надеяться приять нечто иное, и не повеют на душу ветры Духа Святаго, не явится небесное облако, не снидет с неба дождь, и не оросит душу; то человек не может принести достойных плодов Господу (26, 19).

і) Особенно, из числа таких внешне исправных, выделяет святой Макарий книжников, которые из книг и разговоров узнали в чем дело и толкуют об нем, но за самое дело не берутся; почему отстают в духовном ведении даже от невежд и самое толкование их бывает неистово.

168. Кто ведет речь о духовном, не вкусив того сам, тот уподобляется человеку, который при

наступлении дневного зноя идет пустым полем, и томясь жаждою, описывает источник, струящийся водою, изображая себя пиющим, тогда как зосохли у него уста и язык от палящей их жажды, — или человеку, который говорит о меде, что он сладок, но не вкушал его сам и не знает силы его сладости. Так, если ведут речь о совершенстве, о радовании, или о безстрастии, не ощущавшие в себе их действительности и удостоверения в них; то на деле не все бывает так, как они говорят. Ибо, когда такой человек сподобится со временем, хотя отчасти приступить к делу, тогда разсудит он сам с собою: «не так оказалось, как предполагал я. Иначе разсуждал я; а иначе действует Дух» (17, 12).

169. Иное дело — разсуждать о хлебе и о трапезе, а иное дело — есть и принимать в себя хлебную питательность и укрепляться всеми членами. Иное дело — на словах поговорить о самом сладком питии, а иное пойти и почерпнуть из самого источника и насытиться вкушением сладкого пития. Иное дело — разсуждать о войне, о мужественных борцах и воинах, а иное — идти человеку в воинский строй и вступить в сражение со врагами, наступать и отступать, принимать на себя и наносить удары и одерживать победу. Так и в духовном: иное дело — одним ведением и умом объяснять себе сказанное, а иное дело — существенно, на самом деле, с несомненностию, во внутреннем человеке и уме иметь сокровище, благодать, внушение и действие Святаго Духа. Произносящие одни только слова мечтают и надмеваются своим умом (27, 12).

170. Как в мире, когда объявлена война, люди умные и вельможи, не отправляются туда, но, боясь смерти, остаются дома, вызываются же на войну вновь произникшие, бедные, простолюдины, и случается, что они одерживают победу над неприятелями, прогоняют их от пределов, и за сие получают от царя награды и венцы, достигают почестей и достоинств, а те великие люди остаются позади их: так бывает и в духовном. Невежды, слыша в первый раз слово, с правдолюбивым помыслом исполняют оное на деле, и приемлют от Бога духовную благодать, а мудрые и до тонкости углубляющиеся в слово избегают брани и не преуспевают, но остаются позади участвовавших в брани и победивших (43, 8).

к) Итак, всячески надо озаботиться стяжать Духа благодати. Ибо, если Его нет в тебе, все жертвы и труды твои ничто, и в час исхода схватят тебя бесы и увлекут в свою бездну. У кого же Дух, тот опалит их.

171. Если кто ради Господа, оставив своих, отрекшись от мира сего, отказавшись от мирских наслаждений, от имени, от отца и матери, распяв себя самого, делается странником, нищим и ничего не имеющим, вместо же мирскаго спокойствия не обретет в себе Божественнаго упокоения, не ощутит в душе своей услаждения духовнаго, вместо тленных одежд не облечется в ризу Божественнаго света, по внутреннему человеку, вместо сего прежняго и плотскаго общения не познает с несомненностию в душе своей общения с небесным, вместо видимой радости мира сего, не будет иметь внутри себя радости духа и утешения небесной благодати, и не примет в душу, по написанному, Божественнаго насыщения, вегда явится ему славе Господней (Псал. 16, 15), одним словом, вместо сего временнаго наслаждения, не приобретет ныне еще в душе своей вожделеннаго, нетленнаго услаждения: то стал он солию обуявшею, он жалок паче всех людей, и здешняго лишен, и Божественным не наслаждался, не познал по действию Духа во внутреннем своем человеке Божественных Таин (49, 1).

172. А что душа делает, повидимому, сама собою, что предприимлет и прилагает старание совершить, опираясь на собственную только силу, и думая, что сама собою без содействия Духа

может привести дело в совершенство, в том много погрешает; потому что неблагопотребна для небесных обителей, неблагопотребна для царствия та душа, которая думает сама собой и своими только силами без Духа преуспеть в совершенной чистоте. Если человек, находящийся под влиянием страстей, не приступит к Богу, отрекшись от мира, с упованием и терпением не уверует, что примет некое необычайное для собственного его естества благо, то—есть, силу Духа Святаго, и не уканет от Господа свыше в душу жизнь Божественная, то не ощутит он истинной жизни, не отрезвится от вещественного упоения, озарение Духа не возблистает в омраченной душе, не возсияет в ней святой день, и не пробудится она от самага глубокаго сна неведения, чтобы истинно познать ей Бога, Божию силою и действием благодати (24, 5).

173. Посему, кто старается уверовать и придти ко Господу, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять ему Духа Божия, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь — Духа Святаго. Ибо сказано: дондеже свет имате, веруйте во свет (Иоан. 12, 36); приидет ночь, егда не можете делати (Иоан. 9, 4). Посему, если кто здесь не искал и не приял жизни душе, то—есть Божественнаго света Духа, то он во время исшествия из тела отлучается уже на шую страну тьмы, не входя в небесное царство, и в геенне имея конец с диаволом и с аггелами его. Или, как золото или серебро, когда ввержено оно в огонь, делается чище и добротнее, и ничто, ни дерево, ни трава не могут изменить его, потому что само бывает как огонь и поядает все приближающееся к нему: так и душа, пребывая в духовном огне и в Божественном свете, не потерпит никакого зла ни от одного из лукавых духов; а если и приблизится что к ней, то потребляется небесным огнем Духа. Или, как птица, когда летает в высоте, не имеет забот, не боится ни ловцев, ни хитрых зверей, и паря высоко над всем посмевается: так и душа, прияв крила Духа и воспаряя в небесныя высоты всего выше, над всем посмевается (30, 6).

174. А если кто не имеет еще насажденной и утвержденной в себе Божией благодати, то день и ночь, как к чему—то естественному, да прилепляется душою к тому, что по временам руководствует им, пробуждает его и направляет к добру. Пусть, по крайней мере, как нечто естественное и неизменное, будут в нем: попечение, страх, болезнование и всегда утвержденное в нем сокрушение сердца (16, 6).

6. Состояние приявших действенность Духа.

а) Кто добросовестно, без саможаления ведет труды подвижничества, у того наконец открывается сила и действенность благодати. Обнаруживается она особою духовною теплотою в сердце, умирением помыслов, отъятием вкуса ко всему тварному и умалением цены всему, что считается на земле ценным. Это и есть семя собственно духовной жизни. Отселе начинается одуховление души, очищение ея от страстей, заживление ран, страстями причиненных.

175. Марии подражай, — подражай, не имея в виду ничего иного, а взирая только на Того, Кто сказал: огня приидох воврещи на землю, и что хошу, аще уже возгореся (Лук. 12, 49)? Ибо возгорение духа оживотворяет сердца. Невещественный и Божественный огонь освящает души и искушает их, как неподдельное золото в горниле, а порок попаляет, как терния и солому; потому что Бог наш огонь поядаяй есть (Евр. 12, 29). Действенности сего огня взыскуя, блаженный Давид сказал: искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое (Псал. 25, 2). (25, 9).

176. Сей огонь согревал сердце Клеопы и спутника его, когда говорил с ними Спаситель по воскресении. И Ангелы и служебные духи причащаются светлости сего огня, по сказанному: творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя огонь палящ (Евр. 1, 7). Сей огонь, сожигая сучец во внутреннем оке,

делает чистым ум, чтобы возвратив себе естественную прозорливость, непрестанно видел он чудеса Божии, подобно тому, кто говорит: открий очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего (Псал. 118, 18). Поэтому, огонь сей прогоняет бесов и истребляет грех (25, 10).

177. Как железо, или свинец, или золото, или серебро, вложенные в огонь, теряют свойство жесткости, переменяясь в вещества мягкия, и пока бывают в огне, по силе огненной теплоты, расплавляются и изменяют естественную жесткость: таким же образом и душа, отрехшись от мира и возлюбив Единого Господа, с великим сердечным исканием, в труде, в подвиге, непрестанно ожидая Его с упованием и верою, и прияв в себя оный небесный огонь Божества и любви Духа, действительно уже отрешается тогда от всякой мирской любви, освобождается от всякого вреда страстей, все отменяет от себя, переменяет естественное свое качество и греховную свою жесткость, все почитает излишним, в едином небесном Женихе, Котораго приняла к себе, упокоеваясь горячею и несказанною любовью к Нему (4, 14).

178. Сказываю же тебе, что и самых любимых братий, которых имеет у себя пред очами, если останавливают в оной любви, душа, так сказать, отвращается; потому что жизнь и покой ея — таинственное и неизреченное общение с небесным Царем. Ибо и любовь к плотскому общению разлучает с отцем, с матерью, с братьями, и все, касающееся до них, делается в уме сторонним. И ежели человек любит их, то любит как сторонний; все же расположение имеет к сожительнице своей. Ибо сказано: сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене, и будета два в плоть едину (Ефес. 5, 31). А посему, если плотская любовь так отрешает от всякой любви; то кольми паче те, которые действительно сподобились вступить в общение с оным небесным и вожделенным Святым Духом, отрешатся от всякой любви к миру, и все будет казаться для них излишним: потому что препобеждены они небесным желанием, и в тесной от него зависимости; там желания, там помышления их, там они живут, там ходят их помыслы, там имеет всегда пребывание свое ум, препобежденный Божественною и небесною любовью и духовным желанием (4, 15).

179. Люди, на которых уканула оная роса Духа Божественной жизни, и уязвила сердце Божественною любовью к небесному Царю—Христу, привязуются к оной красоте, к неизглаголанной славе, к нетленному благолепию, к недомыслимому богатству истиннаго и вечнаго Царя—Христа. Они отдаются в плен вожделению и любви, всецело устремляясь ко Христу, и вожделевают улучшить те неизглаголанная блага, какия созерцают духом, и ради сего ни вочто вменияют всякую на земле красоту, и славу, и благолепие, и честь, и богатство царей и князей; потому что уязвились они Божественною красотою, и в души их уканула жизнь небеснаго безсмертия. Посему и желают единой любви небеснаго Царя, с великим вожделением Его Единого имея пред очами, ради Него отрешаются от всякой мирской любви и удаляются от всяких земных уз, чтобы возможно им было сие одно желание иметь всегда в сердцах, и не примешивать к нему ничего иного (5, 6).

180. Те христиане, которые действительно вкусили благодати, одни могут разуметь, что весь земной мир и царския сокровища, и богатство, и слава, и словеса мудрости, — все это — какая то мечта, что то не имеющее твердаго основания, но преходящее; и ежели есть что под небом, то для них достойно это всякаго пренебрежения. Почему же это? — Потому что чудно и дивно то, что превыше небес, чего нет ни в сокровищах царских, ни в словесах мудрости, ни в славе мирской. И достоинство, или богатство, какое приобрели они — во внутреннейшем человеке имеющие Господа и Творца всяческих — есть стяжание не преходящее, но вечно пребывающее (15, 40. 41).

181. Ум и разумение христиан, по общению и причастию Святаго Духа, достигают постоянства, твердости, безмятежия и покоя, не рассеиваются и не волнуются уже непостоянными и суетными помыслами; но пребывают в мире Христовом и в любви Духа, как и Господь разсуждая о таковых сказал, что прешли они от смерти в живот (Иоан. 5, 24). Обновлением ума, умирением помыслов, любовию и небесною приверженностию ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь — христианин. Для того было и пришествие Господне, чтобы истинно уверовавшие в Господа сподобились сих духовных благ (5, 4. 5).

182. Как кровоточивая жена, истинно уверовав и прикоснувшись воскрилию ризы Господней, тотчас получила исцеление, и изсох поток нечистаго источника кровей: так всякая душа, имея неисцелимую язву греха, источник нечистых и лукавых помыслов, если придет ко Христу, и истинно веруя, будет просить, то получит спасительное исцеление от неисцельнаго тока страстей, и силою Единаго Иисуса изсякнет, оскудеет, оный источник, источающий нечистые помыслы; но никому другому невозможно исцелить сию язву (20, 4).

183. Как, если солнце взойдет над землею, то все лучи его на земле, а когда бывает оно на западе, тогда, отходя в дом свой, назад собирает оно все лучи свои: так душа, невозрожденная свыше Духом, вся на земле своими помыслами, и мысли ея простираются до пределов земли; но как скоро бывает сподоблена получить небесное рождение и общение от Духа, во едино собрав все свои помыслы и удерживая их при себе, входит ко Господу, в нерукотворенную обитель на небеси, и все ея помыслы, вступая в Божественный воздух, делаются небесными, чистыми и святыми; потому что душа, освободившись из узилища лукаваго князя — духа мира, обретает помыслы чистые и Божественные, так как Бог благоволил сотворить человека причастником Божественнаго естества (49, 3).

б) Это проявляется с первых пор воздействия благодати; но очень опасно думать, что тут уже есть какое совершенство. Сим полагается только начало. Благодать, дав себя ощутить, овладевает сердцем мало—по—малу, пока не исполнит все и все внутреннее преобразит.

184. Когда действие Божественной благодати приосеняет душу, по мере веры каждого, и душа приемлет помощь свыше, тогда благодать приосеняет ее только еще отчасти. И не думай, чтобы в ком—нибудь озарялась вся душа; внутри ея остается еще великая пажить пороку, и человеку потребны великий труд и усилие, соглашенные с действующею в нем благодатию. Посему—то, Божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение, сохраняет ли оно всецелую любовь к Богу, ни в чем не сдружаясь с лукавым, но всецело предавая себя благодати. Таким образом душа, в продолжение времени и многих лет оказывающаяся благоискусною, ничем не преогорчевающая и не оскорбляющая благодать, в самой постепенности находит для себя пособие. И сама благодать овладевает пажитию в душе, и по мере того, как душа многие годы оказывается благоискусною и согласною с благодатию, до глубочайших ея составов и помышлений пускает корни, пока вся душа не будет объята небесною благодатию, царствующею уже в этом сосуде (41, 2).

185. Так многие вводимы были в заблуждение самым действием в них благодати: они подумали, что достигли совершенства, и сказали: «довольно с нас, не имеем ни в чем нужды». Но Господь безконечен и непостижим. И христиане не смеют сказать, что постигли, но смиряются день и ночь. У души много членов и глубина ея велика, и привзошедший в нее грех овладел всеми ея пажитями и

составами сердца. Потом, когда человек взыщет благодати, она приходит к нему и овладевает двумя, может быть, составами души. А неопытный, утешаемый благодатию думает, что пришедшая благодать овладела всеми составами души, и грех искоренен. Но большая часть души во власти греха, одна же часть под благодатию. И человек обманывается и не знает сего (26, 17; 50, 5).

186. И у того, кто одержим недугом, некоторые члены бывают здоровы, например, орудие зрения — глаз, или другой какой член, между тем, как прочие члены повреждены. Тоже бывает и в разсуждении духовнаго. Иному можно иметь здоровыми три духовные члена, но поэтому человек не есть еще совершен. Видишь, сколько духовных степеней и мер, и как по частям, а не вдруг очищается и истончается зло (15, 7).

187. Как зародыш в матерней утробе не вдруг делается человеком, но постепенно принимает человеческий образ, и рождается, впрочем, несовершеннаго еще возраста человеком, но сперва многие годы растет, и потом становится мужем; а также и семена ячменя, или пшеницы, не тотчас, как только брошены в землю, пускают корень, но когда пройдут холода и ветры, тогда уже в должное время дают от себя стебли; и кто сажит грушу, не тотчас собирает с нея плод: так и в духовном, где столько мудрости и тонкости, постепенно возрастает человек и приходит в мужа совершенна, в меру возраста (Ефес. 4, 13), а не как утверждают другие, будто бы сие тоже, что совлечься и облечься (15, 39).

188. Но как пчела тайно выделяет сот в улье: так и благодать тайно производит в сердцах любовь свою, и горечь превращает в сладость, а жестокосердие — в мягкосердие. И как серебряник и резчик, производя резьбу на блюде по частям, покрывает разных животных, каких на нем вырезывает, а когда кончит работу, тогда показывает блюдо в полном блеске; так и истинный Художник (Христос) Господь украшает резьбою сердца наши и обновляет таинственно, пока не переселимся из тела; и тогда соделается видною красота души (16, 7).

в) Оттого вкусившие благодати непрестанно больше и больше жаждут вкушать ее.

189. Души правдолюбивыя и благолюбивыя, с великою надеждою и верою вождедевающия совершенно облечься во Христа, не столько имеют нужды в напоминании других, и не терпят в себе даже какого-либо умаления в небесном желании и любви ко Господу; но, всецело пригвоздившись ко кресту Христову, ежедневно сознают в себе ощущение духовнаго преспеяния в привязанности к духовному Жениху; уязвившись же небесным желанием и жаждая правды добродетелей, сильно и ненасытимо вождедевают духовнаго озарения. А если за веру свою сподобятся приять познание Божественных Таин, или делаются причастными веселия небесной благодати: то не полагаются сами на себя, почитая себя чем-либо; но в какой мере сподобляются духовных дарований, в такой же, по ненасытмости небеснаго желания, с большим еще напряжением взыскуют оных; чем более ощущают в себе духовнаго преспеяния, тем паче алчут и жаждут причастия и приумножения благодати; чем более обогащаются духовно, тем паче как бы обнищевают в собственном о себе мнении, по причине ненасытмости духовнаго желания стремиться к небесному Жениху, как говорит Писание: ядущии Мя еще взалчут и пиющии Мя еще вжаждутся (Сир. 24, 23). (10, 1).

190. Душа истинно боголюбивая и христоролюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытмому стремлению своему ко Господу, думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала; хотя бы изнурила тело свое постами и бдениями, при таких остается чувствованиях, будто бы не начинала еще трудиться для добродетелей; хотя бы сподобилась достигнуть различных духовных

дарований, или откровений и небесных таин, по безмерной и ненасытимой любви своей ко Господу, сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела, а напротив того ежедневно алкая и жаждая, с верою и любовию пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроением себя во всякой добродетели. Она уязвлена любовию небеснаго Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждает в себе пламенное стремление к небесному Жениху, возделевает совершенно сподобиться таинственного и неизреченнаго общения с Ним в святине Духа, с откровенным лицом души, взирает на небеснаго Жениха лицом к лицу, в духовном и неизглаголанном свете, со всею несомненностию входит в единение с Ним, сообразуется смерти Его, с великим возделением непрестанно ожидает смерти за Христа, несомненно верует, что чрез Духа примет совершенное избавление от греха и тьмы страстей, и, очистившись Духом, освятившись душевно и телесно, сподобится стать чистым сосудом для приятия в себе небеснаго мира и обителю небеснаго и истиннаго Царя Христа. И тогда—то соделывается она достойною небесной жизни, став еще здесь чистым жилищем Святаго Духа (10, 4).

191. Но придти в такую меру возможно душе не вдруг и не без испытаний. Напротив того, многими трудами и подвигами, с продолжением времени, при рачительности, после испытаний и различных искушений, приемлет она духовное возрастание и преспеяние даже до совершенной меры безстрастия; и тогда уже с готовностию и мужественно выдержав всякое искушение от греха, сподобится великих почестей, духовных дарований небеснаго богатства, и таким образом соделается наследницею небеснаго царствия о Христе Иисусе Господе нашем (10, 5).

192. Христианство есть пища и питье. И чем больше кто вкусит его, тем более возбуждается сладостию ум, делаясь неудержимым и ненасытимым, более и более требующим и вкушающим. Или как, если кто в жажде, и подано ему сладкое питье, то, отведав его, еще сильнее распаляется жаждою, и ближе придвигается к питию; так и вкушение Духа производит неутолимую почти жажду, которая справедливо уподобляется жажде такого человека. И это не одни слова, но действие Святаго Духа, таинственно споспешествующее уму (17, 13).

193. Представь себе источник, и пусть там какой—нибудь жаждущий начинает пить, потом, когда он пьет, отвлекает его кто—то и не дает напиться, сколько ему хочется; тогда, вкусив воды, еще более возгарается он жаждою и усильнее ищет пития. Так бывает и в духовном: иной уже вкушает и причащается небесной пищи, и вдруг в это самое время его останавливают, и никто не дает ему насытиться (27, 7).

194. Господь знает немощь человеческую, что человек скоро превозносится; потому останавливает его и попускает ему быть в непрестанном упражнении и волнении. Ибо если когда и малое приемлешь, для всех делаешься несносным и надмеваешься, то кольми паче сделаешься нестерпимым, если дадут тебе в один раз насытиться. Но Бог, зная твою немощь, по смотрению Своему посылает тебе скорби, чтобы стал ты смиренным и ревностнее взыскал Бога (27, 8).

г) Жаждая все больше и больше Господа, такие чувствуют себя скудными, недостаточными во всем: от того смирение есть укорененное в них чувство. Оно же — условие и всякаго дальнейшаго преспеяния.

195. Как можно человеку быть нищим по духу, особливо когда сам в себе чувствует, что он переменился, преуспел, дошел до ведения и разумения, какого прежде не имел? Пока человек не приобрел сего и не преуспел, — он не нищий еще духом, но высоко о себе думает. Когда же

приходит в сие разумение и преуспеяние, тогда сама благодать учит его быть нищим по духу, — и хотя он праведник и Божий избранник, — не почитать себя за что-либо, но признавать душу свою малоценною и уничиженною, как будто ничего он не знает и не имеет, хотя и знает и имеет. И такая мысль делается как бы прирожденною и укорененною в уме человеческом. Не видишь-ли, что праотец наш Авраам, будучи Божиим избранником, называл себя землею и пеплом (Быт. 18, 27). И Давид помазанный в царя, имел пред собою Бога; и что говорит: аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей (Псал. 21, 7). Посему, желающие быть сонаследниками их, согражданами в небесном граде и прославиться с ними, должны иметь то же смиренномудрие и не думать о себе, будто они что-нибудь, но иметь сокрушенное сердце (12, 3—4).

196. Приявший благодать почитает себя уничиженным паче всех грешников; и такой помысл насажден в нем, как естественный; и чем глубже входит он в познание Бога, тем больше почитает себя невеждою; чем более учится, тем паче признает себя ничего незнающим. Сие же споспешествующая благодать производит в душе, как нечто естественное (16, 12).

197. Благоискусные пред Богом сами себя признают весьма малыми и крайне неблагоискусными, и для них стало естественным и непременно делом почитать себя низкими, или даже ничем. Ужели таковые не знают, что им придано, чего не имели, и приобрели нечто необычайное для естества своего? Сказывая тебе, что не признают они себя благоискусными и преуспевшими, не знают, что приобрели, чего не имели. Нисходящая же на таковых благодать сама учит их, чтобы и преуспевая, не почитали души своей драгоценною, естественно же признавали себя ничего нестоящими. И будучи драгоценными пред Богом, не таковы они сами для себя; при своем преспеянии и ведении Бога, признают себя как бы ничего не знающими, и богатые пред Богом сами для себя кажутся бедными (27, 4. 5).

198. Если же увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати, то хотя бы и знаменья творил он, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей безчестною и уничиженною, и себя нищим по духу и мерзким, окрадывается он злобою, и сам не знает того. Если и знаменья творит он, — не должно ему верить; потому что признак христианства — и тому, кто благоискусен пред Богом, стараться таить сие от людей, и если имеет у себя все сокровища царя, скрывать их и говорить всегда: «не мое это сокровище, другой положил его у меня; а я — нищий; когда положивший захочет, возьмет у меня». Если же кто говорит: «богат я, доволен с меня и того, что приобрел; больше не нужно», — то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола. Ибо наслаждение Богом ненасыσιμο, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим. Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу; чем более стараются они преуспевать и приобретать, тем паче признают себя нищими, как во всем скудных, и ничего не приобретших. Они говорят: «недостойн я, чтобы это солнце озаряло меня». Это признак христианства, — это смирение (15, 35).

199. Если кто не соблюдет великаго смиренномудрия, то предается он сатане, и обнажается от данной ему Божественной благодати, и тогда обнаруживается его самомнение, потому что он наг и беден. Посему, обогащающийся Божиею благодатию должен пребывать в великом смиренномудрии и сердечном сокрушении, почитать себя нищим и ничего не имеющим, думать: «что имею у себя, все то чужое, другий мне дал, и когда захочет, возьмет у меня». Кто так смиряет себя пред Богом и людьми, тот может сохранить данную ему благодать, как сказано: смиряйся, вознесется (Матф. 23,

12). Будучи Божиим избранником, да осуждает он сам себя, и будучи верным, да почитает себя недостойным. Такие души благоугождают Богу и животворятся Христом (41, 3).

д) Несмотря на то, однакож им дается предостережение больше всего опасаться самомнения, превозношения, осуждения: ибо за них отступает благодать; а без благодати — тотчас падение.

200. Если царь положит свое сокровище у какого-нибудь нищаго, то принявший на сохранение не считает сего сокровища своею собственностью, но везде признается в своей нищете, не смея расточать чужаго сокровища; потому что всегда разсуждает сам с собою: «это сокровище не только у меня чужое, но еще положено ко мне сильным царем, и он, когда захочет, возьмет его у меня». — И имеющие благодать Божию должны тоже о себе думать, быть смиренномудрыми, исповедывать нищету свою. Если нищий, приняв от царя вверенное ему сокровище и понадеявшись на это чужое сокровище, начинает превозноситься им как собственным своим богатством, и сердце его исполняется кичения, то царь берет у него свое сокровище, и имевший оное на сохранении остается таким же нищим, каким был прежде. Так, если и имеющие благодать превознесутся, и станут надмеваться сердца их, то Господь отъемлет у них благодать Свою, и остаются они такими же, какими были до приятия благодати от Господа (15, 25).

201. Поелику, прияв благодать Духа, и находя для себя благодатное утешение в упокоении, желании и в духовной сладости, и положившись на сие, превозносятся они, предаются беспечности, не сокрушаясь сердцем, не смиряясь в мыслях и не достигнув совершенной меры безстрастия, не получив того, чтобы со всею рачительностию и верою совершенно исполниться благодати, удовлетворились они тем, и успокоились, и остановились при малом благодатном утешении, то подобныя сим души, преуспев более в превозношении, нежели в смирении, если и сподобились какого дарования, лишаются онаго за беспечное небрежение и за суетную кичливость их самомнения (10, 3).

202. Сказываю же тебе, что видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся причастниками Духа, и не достигнув совершенной любви, они падали. Некто, человек благородный, отрекшись от мира, продал имение свое, дал свободу рабам; и как благоразумный и смысленный, прославился уже честною жизнью, и между тем, предавшись самомнению и надменности, впал, наконец, в распутство и в тысячи зол (27, 14).

203. Другой, во время гонения, предал тело свое, и быв исповедником, в последствии, по наступлении мира, освобожден и был в уважении: у него повреждены были вежди от того, что его томили в сильном дыму. И он прославляемый, будучи позван на молитву, взяв хлеб, дал оный отроку своему; и ум его пришел в такое состояние, как будто бы никогда не слышал он Божия слова (27, 15).

204. А другой некто подвижник, живя со мною в одном доме и молясь вместе со мною, так богат был благодатию, что, молясь подле меня, приходил в умиление; потому что кипела в нем благодать. Ему дано было дарование исцелений; и не только изгонял бесов, но и связанных по рукам и ногам, имевших жестокия болезни, исцелял возложением рук. Потом, вознерадев, прославляемый миром, и услаждаясь сам собою, возгордился он и впал в самую глубину греха. Смотри же, и имеющий дар исцелений пал. Видишь ли, как падают не пришедшие в меру любви? А кто достиг любви, связан и упоен ею, тот погружен и отведен пленником в иной мир, как бы не чувствуя собственной своей природы (27, 16).

205. Душа верная и истиннолюбивая, взирая на уготованныя праведным вечныя блага, и на

неизреченное благодеяние имеющей снизойти Божией благодати, и себя и свое рачение, и свой труд и подвиг признает недостойными неизреченных обетований Духа. Таков нищий духом, котораго ублажает Господь. Таков алчущий и жаждущий правды. Таков сокрушенный сердцем. Восприявшие такое произволение, и рачение, и труд, и любовь к добродетели и до конца пребывшие таковыми, по истине возмогут улучшить жизнь и вечное царство. Посему, никто из братий да не превозносится пред братом, и обольщаемый лукавым, да не преуспевает в самомнении, говоря: «вот имею уже духовное дарование». Ибо недостойно христиан думать так. Неизвестно тебе, что сделает с братом утрешний день; не знаешь, каков будет твой и его конец. Напротив того, пусть всякий, будучи внимателен к себе, непрестанно разбирает совесть свою, и испытывает дело сердца своего, с каким рачением и усилием ум стремится к Богу: и имея в виду совершенную цель — свободу, безстрастие и духовное упокоение, непрерывно и неленостно да течет, не полагаясь несомненно ни на какое дарование или оправдание (29, 7).

206. Каким образом падают и те, в которых воздействовала Божия благодать? Самые чистые по своей природе помыслы бывают поползновенны и падают. Человек начинает превозноситься, осуждать другаго и говорить: «ты грешник», а себя самого признавать праведным. Разве не знаешь, что говорит Павел? Дадесь ми пакостник плоти, аггел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся (2 Кор. 12, 7). И в чистой природе есть возможность превозношения (7, 4).

207. Посему, христиане сами должны употреблять все старание вовсе никого не осуждать, ни явную блудницу, ни грешников, или людей безчинных, взирать же на всех с простодушным произволением, чистым оком, чтобы обратилось человеку как бы в нечто естественное и непременное, никого не уничивать, не осуждать, никем не гнушаться и не делать различия между людьми (15, 8).

208. Человек может ли пасть, имея благодатное дарование? Если вознерадит, то падает; потому что враги никогда не остаются в бездействии, и ведут брань, не предаваясь лени. Кольми паче не должен ты прекращать искания своего пред Богом. Ибо много бывает тебе вреда, если предаешься нерадению, хотя бы, повидимому, испытан ты был в самом таинстве благодати (15, 14).

209. Велико достоинство христиан; оно ни с чем несравнимо. А если кто доведен до разсеяния и окраден злобою, то уподобляется он городу, у котораго нет стен, и беспрепятственно входят в него разбойники, откуда хотят, и опустошают и сожигают его. Так, если и ты нерадив и невнимателен к себе самому, то приходят лукавые духи, в ничто обращают и опустошают ум, рассевая помыслы в веке сем (15, 45).

е) Оттого они сколько радуются, сознавая, какое сокровище получили, столько же страшатся, как бы не потерять его, и стараются совершать свое духовное служение так, чтоб не оскорбить Духа благодати, и Он не отошел.

210. Не надеется труженик на труды свои и на житие, пока не получит уповаемого, пока не придет Господь, и не будет обитать в нем во всяком ощущении и действии Духа. А когда вкусит он благодати Господней, насладится плодами духовными, снято будет покрывало тьмы, и свет Христов возсияет и воздействует в неизглаголанной радости; тогда удостоверится в великой любви, имея с собою Господа. Как купец, получивший прибыль, он радуется, но вместе сокрушается и боится бед от разбойников и лукавых духов, чтобы, ослабев, не погубить как-либо труда, пока не сподобится войти в небесное царствие, в горний Иерусалим (14, 2).

211. Как плывущие морем купцы, хотя найдут и попутный ветер и тихое море, но пока не войдут в

пристань, находятся всегда под страхом, что вдруг возстанет противный ветер, взволнуется море, и корабль подвергнется опасности: так и христиане, хотя и ощущают в себе, что дышет благоприятный ветер Святаго Духа, однакоже находятся еще под страхом, чтобы не нашел и не подул ветер сопротивной силы, и не воздвиг в душах их какого мятежа и волнения. Посему, потребна великая рачительность, чтобы войдти в пристань упокоения в совершенный мир, в вечную жизнь и вечное наслаждение, во град святых — в небесный Иерусалим, в церковь первородных (Евр. 12, 23). А кто не прошел еще оных степеней, для того много причин к страху, чтобы лукавая сила, во время сего прохождения, не устроила ему какого-либо падения (43, 4).

212. Какой-нибудь богатый человек, весьма славный царь, обратит свое благоволение на бедную женщину, у которой нет ничего, кроме собственного ея тела, сделается ея любителем и вознамерится ввести ее к себе, как невесту и сожительницу. И если она покажет, наконец, благорасположение свое к мужу; то, храня любовь к нему, эта бедная, нищая, ничего у себя не имевшая женщина, делается госпожею всего имения, какое есть у мужа. А если сделает что против обязанности и долга и в доме мужа своего поведет себя неприлично, то изгоняется тогда с безчестьем и поруганием, и идет, положив обе руки на главу, как и в законе Моисеевом дается сие разуметь о жене непокорной и неугодной мужу своему (Второз. 24, 1), и тогда уже она мучится и горько плачет, разсуждая, какое утратила богатство, какой лишилась славы, подвергшись безчестью за свое неблагоразумие (15, 2).

213. Так и душа, которую обручит себе в невесту небесный Жених Христос для таинственного и Божественного с Ним общения, и которая вкусит небеснаго богатства, должна с великим рачением искренно благоугождать обручившемуся с нею Христу, вверенное ей духовное служение выполнять должным и приличным образом, чтобы во всем благоугождать Богу, ничем не оскорблять Духа, надлежащим образом хранить совершенное целомудрие и любовь ко Христу, хорошо вести себя в дому небеснаго Царя, со всею преданностию дарованной благодати. И вот, такая-то душа поставляется госпожею над всеми Господними благами, самое тело ея приемлет прославление от Божества Христова. Но если погрешит она в чем, и в служении своем будет поступать противно долгу, не сделает угоднаго Христу, не последует воле Его, не будет содейственницею присущей в ней благодати Духа; то с поруганием подвергается постыдному безчестью и отлучается от жизни, как соделавшаяся неблагопотребною и неспособною к общению с Небесным Царем. И о сей душе бывают уже печаль, скорбь и, плач у всех святых и умных духов; Ангелы, Силы, Апостолы, Пророки, Мученики сетуют о ней (15, 2).

214. Поэтому, должно нам подвизаться и со всем благоразумием вести себя осторожно, чтобы, по написанному, со страхом содевать свое спасение (Филип. 2, 12). Посему, все вы, соделавшиеся причастниками Духа Христова, ни в чем, ни в малом, ни в великом, не поступайте с пренебрежением, и не оскорбляйте благодати Духа, чтобы не лишиться вам той жизни, которой стали уже причастными (15, 4).

215. И еще представляю тоже в другом лице. Если раб входит в царские чертоги, служит при царе, подавая, что поручено ему, то берет сие из царскаго достояния, и сам входя ни с чем царскими утварями услуживает царю. Но здесь уже нужно много благоразумия и разсудительности, чтобы при служении не сделать чего недолжнаго, на царский стол не подать одну снесь вместо другой, но все явства, от первого до последняго, предлагать по порядку. И если, по незнанию и по неразсудительности, будет он служить царю, не как следует, то подвергнется опасности и смерти (15,

5).

216. Так и душа, посвятив себя служению Богу по благодати и по духу, имеет нужду в великой разсудительности и в ведении, чтобы не погрешить в чем-нибудь в разсуждении Божиих сосудов, то есть, в разсуждении духовнаго служения, имея собственное свое произволение, несогласное с благодатию. Ибо душа может служить Господу духовным служением, которое втайне совершается внутренним человеком, и своими собственными сосудами, то есть духом внутренняго человека; а без сосудов Его, то есть без благодати, никто не может служить Богу, то есть благоугождать, исполняя во всем волю Божию (15, 5).

217. И когда душа примет благодать, тогда потребно ей много благоразумия и разсудительности. Все же сие Сам Бог дает душе, просящей у Него, чтобы могла благоугодно послужить Ему Духом, какой приемлет, ни в чем не препобеждаться пороком и не погрешать, совратившись с пути, по неведению, необязненности и нерадению, и против долга преступив Владычнюю волю; потому что таковой душе будут наказанием смерть и плач, о чем говорит и Божественный Апостол: да не како иным проповедуя, сам неключим буду (1 Кор. 9, 27). Видишь, какой имел страх, будучи Божиим Апостолом? Посему, будем молить Бога, чтобы всем нам, приявшим благодать Божию, по преимуществу проходить духовное служение согласно с волею Его, и не свыкаться с пренебрегающею всем мыслию; а таким образом, пожив благоугодно пред Богом и, согласно с волею Его, послужив Ему духовным служением, наследовать вечную жизнь (15, 6).

218. Как входящие в чертоги к Царю, комиты, или начальники областей, в великом бывают страхе, как дать им ответ и не подвергнуться нареканию и наказанию, погрешив в ответе; а поселяне и простолюдины, никогда не выдавшие князя, ведут себя беззаботно, так и весь этот поднебесный мир, все, от царей и до нищих, не познавая славы Христовой, имеют попечение о делах житейских, и нескоро кто вспомнит о дне суда; входящие же помыслом в судилище Христово, где престол Христов, и всегда предстоящие Христу, пребывают в непрестанном страхе и трепете, чтобы не погрешить в чем против святых Его заповедей (15, 17).

219. Как раб, если он близ господина своего, во все то время, пока близ его — бывает под страхом и без него ничего не делает, так и мы должны повергать и обнаруживать помыслы свои пред Владыкою и Сердцеведцем Христом, и на Него иметь надежду и упование, потому что Он — слава моя, Он — отец мой, Он — богатство мое. Посему, всегда должен ты иметь в совести попечение и страх (16, 6).

220. Как те, которым поручено главное управление областью, или царское сокровище, во всякое время бывают озабочены, чтобы не оскорбить чем царя, так и те, которым вверено духовное дело, всегда озабочены, и имея покой, как будто не имеют его; потому что изгоняют еще из души царство тьмы, вторгшееся в город, то есть в душу, и варваров, овладевших ея пажитями (16, 12).

ж) Для сей же цели, они всячески напрягаются не отступать умом от Господа; и внутреннее свое держать в таком строе, как кормчий своих корабельников, или возница коней.

221. Бог неописуем и необъемлем, являет Себя всюду — и на горах, и в море, и внизу бездны, не переходя с одного места на другое, подобно как Ангелы сходят с неба на землю; Он и на небе, Он и здесь. Если ищешь Господа в глубине, то найдешь, что Он творит там знаменья. Если ищешь Его во рве, то найдешь, что там среди двух львов охраняет Он праведнаго Даниила. Если ищешь Его в огне, то найдешь, что там помогает Он рабам Своим. Если ищешь Его на горе, то найдешь что там Он — с

Илиену и Моисеем. Господь — повсюду, и под землею, и превыше небес, и в нас, и везде (16, 5. 12).

222. Христианин обязан всегда иметь памятование о Боге, ибо написано: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего (Второз. 6, 5), то—есть не только когдаходишь в молитвенный дом, люби Господа, но, и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу, имей памятование о Боге, и любовь и приверженность к Нему. Ибо говорит Он: где ум твой, там и сокровище твое (Матф. 6, 21). К чему привязано сердце человека, и к чему влечет его пожелание, то и бывает для него богом. Если сердце всегда вожделевает Бога, то Бог есть Господь сердца его. Как хворост, брошенный в огонь, не может противиться силе огня, но тотчас сгарает, так и демоны, когда хотят напасть на человека, сподобившагося даров Духа, попадают и истребляются Божественною огненною силою, только бы сам человек был всегда прилеплен ко Господу; и на Него возлагал упование и надежду. И если демоны крепки, как твердые горы, то поджигаются молитвою, как воск огнем (43, 3).

223. И Святым Господним случается сидеть на позорище мира и смотреть на его обольщения, но по внутреннему человеку беседуют они с Богом, тогда, как по внешнему человеку представляются взорам смотрящими на то, что происходит в мире. Мирские люди подлежат иному влиянию духа лести, по которому мудрствуют земное; а у христиан иное произволение, иной ум; они — люди иного века, иного града; потому что Дух Божий пребывает в общении с душами их (15, 8. 9).

224. Апостол говорит: хошу, да молитвы мужие творят без гнева и размышления лукавых (1 Тим. 2, 8); потому что, по Евангелию, помыслы от сердца исходят (Матф. 15, 19). Посему, приступай к молитве, и обращай внимание на сердце свое и на ум; желай, чтобы чистая молитва возсылалась тобою к Богу, преимущественно же смотри при этом, нет ли чего препятствующаго молитве, чиста ли молитва, занят ли ум твой Господом так же, как у земледельца — земледелием, у мужа — женою, у купца — торговлею; и когда преклоняешь колена свои на молитву, — не расхищают ли помыслов твоих другие (15, 12).

225. Написано: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего (Второз. 6, 5). И ты говоришь: я люблю, и имею Духа Святаго. Но точно ли есть в тебе памятование о Господе, любовь и горячность к Нему? Привязан ли ты к Господу день и ночь? Если имеешь такую любовь, то ты чист. А если не имеешь, то когда приходят земные заботы, скверные и лукавые помыслы, разыщи: действительно ли непреклонен ты к сему, всегда ли душа твоя влечется к любви Божией и привержена к Богу? Ибо мирские помыслы развлекают ум земным и тленным, не позволяют возлюбить Бога, или памятовать о Господе. Нередко и человек несведущий приступает к молитве, преклоняет колена и ум его входит в покой; и в какой мере противостоящую стену злобы подкапывает он и углубляется под нее, в такой разрушается она, человек доходит до видения и мудрости, до чего не достигают сильные, или мудрые, или витии, и они не могут постигнуть или познать тонкость ума его, потому что занят он Божественными тайнами (15, 13).

226. Когда есть огонь вне меднаго сосуда, и станешь потом подкладывать дрова, — сосуд разгорячается, и что внутри его, то варится и кипит от огня, разведеннаго вне сосуда. А если кто понерадит и не подложит дров, то жар начнет убывать и как бы потухать. Так и благодать есть небесный внутри тебя огонь. Если будешь молиться, помыслы свои предашь любви, ко Христу, то как будто подложишь дров, и помыслы твои сделаются огнем, и погрузятся в любовь Божию. Хотя и удаляется Дух, и бывает как бы вне тебя, однакоже Он и внутрь тебя пребывает, и является вне тебя. Если же кто вознерадит, хотя мало предавшись, или мирским делам, или рассеянности, то опять

приходит грех, и облекается в душу, и начинает угнетать человека. Душа воспоминает о прежнем покое, и начинает скорбеть и чаще страдать (40, 7).

227. Снова ум обращается к Богу, снова начинает приближаться к нему прежнее упокоение, снова начинает он сильнее искать Бога, и говорить; «Умоляю Тебя, Господи!» Постепенно прибавляется огонь, воспламеняющий и упокоивающий душу, подобно тому, как уда понемногу извлекает рыбу из глубины. А если бы не было сего, и не вкусила бы душа горечи и смерти, то как могла бы отличить горькое от сладкого, смерть от жизни, и возблагодарить Животворящего Отца и Сына и Святаго Духа во веки! (40, 8).

228. Как на корабле, если он вполне оснащен, всеми распоряжается и управляет кормчий, одним делает выговоры, другим указывает, что делать, так и сердце имеет кормчаго — ум, и обличающую совесть, и помыслы осуждающие и оправдывающие; ибо Апостол говорит: между собою помыслом осуждающим или отвечающим (Рим. 2, 15). (15. 31).

229. Если колесница, бразды, животныя и все к тому нужное в руках у одного возничаго, то уже, когда хочет он, носится на колеснице со всею быстротою, а когда хочет сдерживает колесницу, и опять, куда хочет поворотить ее, там она и проходит, почему, вся колесница во власти у возничаго. Так и сердце имеет много естественных помыслов, которые тесно с ним связаны, а ум и совесть дают вразумления и направления сердцу и усыпляют естественные помыслы, возникающие в сердце; потому что у души много составов, хотя она и одна (15, 32).

230. Люди, запрягши коней, правят колесницами и устремляются друг против друга; каждый старается низринуть и победить противника. Так сердце подвижников представляет из себя зрелище; там лукавые духи борются с душею, а Бог и Ангелы взирают на подвиг. Сверх того, ежечасно многие новые помыслы и душею производятся, а также влагаются и злобою. Ибо душа имеет много сокровенных помыслов, и в этот час производит и раждает их; и у злобы много помыслов и предначинаний, я ежечасно поражает она новые помыслы против души; потому что ум есть всадник, он впрягает колесницу души, сдерживая бразды помыслов и устремляется против сатанинской колесницы, — так как и сатана уготовил ее против души (40, 5).

з) Из этого видно, что брань и здесь не прекращается от греха и от врага; отсюда непрекращаемая борьба с помыслами и движениями сердца. Здесь она более утончена.

231. Многие, хотя и присуща им благодать, не знают, что окражены они грехом. Как если в каком-нибудь доме живут молодая женщина, а также и молодой мужчина, и женщина, обольщаемая мужчиною, наконец входит с ним в согласие, прелюбодействует и делается презренною, так и страшный змий греха сопребывает с душею, соблазняет и убеждает ее, и если соглашается она, то безплотная душа входит в общение с безплотною злобою духа, то-есть дух входит в общение с духом, и прелюбодействует в сердце своем тот, кто приемлет в себя помысл лукаваго и соглашается на оный. Поэтому, мера подвига твоего заключается в том, чтобы тебе не прелюбодействовать в мыслях, но противостоять умом и внутренно вести брань, бороться с пороком и не слушаться его, не соуслужать им в помыслах. И если Господь обретет в тебе готовность сию, то в последний день примет тебя в царство Свое (15, 26).

232. Человек имеет такую природу, что и тот, кто во глубине порока и работает греху, может обратиться к добру, и тот, кто связан Духом Святым и упоен небесным, имеет власть обратиться к злу. И те самые, которые вкусили Божией благодати, и стали уже участниками Духа; если не будут

осторожны, угасают и делаются хуже того, какими были, живя в миру. И сие бывает не потому, что Бог изменяем и немощен, или Дух угасает, но потому, что сами люди не согласуются с благодатию, почему и совращаются и впадают в тысячи зол (15, 34).

233. Иные, вкусив уже сладости Божией, подлежат еще действию в них сопротивника, и по неопытности дивятся, что и после Божия посещения помыслы оказывают свое действие и во время христианских таинств. Но состаревшиеся в этом состоянии не дивятся сему, как и опытные земледельцы по долговременному навыку, когда бывает плодородие, не остаются совершенно безопасными, но ожидают и голода и скудости, и наоборот, когда постигает их голод, или скудость, не теряют совершенно надежды, зная, что времена переменяются. Так и в духовном, когда душа подпадает различным искушениям, не дивится она и не отчаявается; ибо знает, что по Божию попущению дозволяется злобе испытывать и наказывать ее, и наоборот, при великом своем богатстве и покое, не делается безопасною, но ожидает перемены (16, 3).

234. Когда человек в глубине благодати, и обогащен ею, и тогда есть еще в нем зелие порока; но есть у него и заступник, который помогает ему. Если источник течет, то и окружающая его места бывают сыры и влажны. А как скоро настает зной, высыхают и источник и близ лежащая места. Так и в рабах Божиих, в которых преизбыточествует благодать, изсушает она и возбуждаемое лукавым, а равно и естественное пожелание; потому что ныне Божии человеки стали выше первого Адама (16, 4).

235. Иные в такой мере упокоиваются в Божией благодати, что бывают мужественнее пребывающего в них порока, и имея молитву и великое упокоение пред Богом, в иной час подпадают действию лукавых помыслов и окрадываются грехом, хотя и пребывают еще в благодати Божией. Но люди легкомысленные и несведущие, когда отчасти действует в них благодать, думают, что нет уже греха в них; а умеющие разсудить и благоразумные не осмелятся отречься, чтобы имея в себе благодать Божию, не подлежали они действию срамных и нечистых помыслов (17, 5).

236. Нередко находим в братиях, что иные великую приобретали радость и благодать, и в продолжении пяти или шести лет, говорили о себе: «увяла в нас похоть», и после этого, когда почитали себя совершенно освободившимися от похотения, таившийся в них порок приходил в движение, и возгарались они похотию, отчего сами в себе дивились и говорили: «откуда это после столь долгаго времени возстал в нас такой порок?» Поэтому, ни один разсуждающий здраво не осмелится сказать: — «так как пребывает благодать во мне, то совершенно свободен я от греха». Напротив того, на ум действуют два лица. Неопытные в деле, как скоро, хотя несколько, воздействовала на них благодать, думают, что победители уже они и стали совершенными христианами. А по моему, — дело бывает так; когда на небе при чистом воздухе сияет солнце, и найдут на него облака, и закроют его и сгустят воздух, — солнце, будучи за облаками, не терпит никакого ущерба ни в свете, ни в существе своем. Так бывает и в тех, которые не достигали совершенной чистоты. И в благодати Божией пребывая, и в глубине души одержимые еще грехом, они имеют в себе и естественныя движения, и помыслы укрепляющие их в стремлении к Богу, хотя и невсечело утверждены в добре (17, 6).

237. Так, наоборот, и те, которые во глубине души держатся доброй стороны, то есть, преобладаются благодатию, остаются еще рабами и пленниками лукавых помыслов и бывают на стороне порока. Посему, много потребно разсудительности, чтобы человеку опытно дознать, как бывает в нас дело.

Сказываю же тебе, что и Апостолы, имея в себе Утешителя, не были совершенно беззаботны. В них, при радости и веселии, был также страх и трепет по действию самой благодати, а не со стороны порока; сама благодать остерегала их, чтобы они не совратились, даже и в чем малом. Как бросивший осколком камня в стену ни мало не повредит, или не сдвинет с места стены; или, пустивший стрелу в носящего броню не сделает вреда ни железу, ни телу, потому что броня отражает стрелу: так если и к Апостолам приближалась часть порока, то не вредила им; потому что были они облечены совершенною силою Христовою, и сами они, будучи совершенными, имели свободу творить дела праведныя. Поелику некоторые утверждают, что при благодати душе уже не о чем заботиться; то Бог и в совершенных требует душевной воли на служение Духу, чтобы действовали согласно с благодатию. Ибо Апостол говорит: Духа не угашайте (1 Сол. 5, 19). (17, 7. 8).

238. В видимом мире земля сама собою всего чаще приносит терния; земледелец вскапывает землю, прилежно обрабатывает и засеивает; однакоже терния и непосеянные растут и умножаются, потому что Адаму, по преступлении, сказано: терния и волчцы возрастит тебе земля (Быт. 3, 18). Земледелец снова трудится, выкапывает терния; они еще более умножаются. Понимай это духовно: по преступлении земля износит из сердца терния и волчцы; человек возделывает землю, трудится, а терния лукавых духов все еще рождаются. Потом, Сам Дух Святой вспомоществует человеческой немощи, и Господь в сию землю сердца влагает небесное семя, и возделывает ее. И когда падет Господне семя, — все еще рождаются терния и волчцы. Сам Господь и человек снова возделывает землю души, и все еще изникают и отражаются там семь лукавых духов и терния, пока не наступит лето, не умножится благодать, и не посохнут терния от солнечного зноя (26, 21).

239. Хотя порок пребывает в самом естестве, однакоже преобладает там только, где находит себе пагубу. Нежные стебли пшеницы могут быть заглушены плевелами. Но когда с наступлением лета растения сделаются сухи, тогда плевелы ни мало не вредят пшенице. Пусть будет тридцать мер чистой пшеницы, но есть в ней примесь и плевел, например, окажется их несколько горстей, — плевелы незаметны будут во множестве пшеницы. Так и в благодати: когда дар Божий и благодать приумножаются в человеке, и богатеет он в Господа, тогда порок, хотя отчасти и остается в человеке, не может вредить ему и не имеет никакой над ним силы, или никакой в нем доли. Ибо для того и пришествие и промысление Господне, чтобы нас, поработанных, повинных и подчинившихся пороку, освободить и соделать победителями смерти и греха (26, 22).

240. Апостолы могли ли согрешить, если бы захотели; или благодать была сильнее и самой воли? Согрешить они не могли; потому что, пребывая во свете, и при такой благодати не превозносились. Впрочем, не говорим, что благодать была в них немощна, утверждаем же, что благодать попускает и совершенным духовным мужам иметь свои изволения и возможность делать что хотят, и преклоняться на что им угодно. И самая природа человеческая, будучи немощна, имеет возможность уклоняться от сопребывающего с нею добра. Как облеченные в полное вооружение, в броню и прочия оружия, внутренно приведены уже в безопасность, и враги не нападают на них; или и нападают, но в их уже воле — употребить в дело оружия, воспротивиться врагам, вступить с ними в борьбу и одержать победу, или, имея у себя оружие; не воевать с врагами, но веселиться вместе с ними и быть в мире; так и христиане, будучи облечены в совершенную силу и имея у себя небесное оружие, если захотят, соулаждаются вместе с сатаною и пребывают в мире с ним, а не воюют; потому что природа удообоизменяема, и человек, по причине остающегося у него произвола, если

захочет, делается сыном Божиим, или также и сыном погибели (27, 11).

241. Предстоит ли совершенным скорбь, или брань? Или они вполне беззаботны? Нет человека, на которого враг перестал бы нападать. Сатана немилосерд и человеконенавистен, поэтому не ленится нападать на всякого человека; но по видимому не на всех наступает он с одинаковым усилием. Иные терпят сильную брань и терзания от греха, но укрепляются и умудряются во бранях, пренебрегая сопротивную силу, и нет им опасности в этом отношении; потому что непоколебимы и уверены в своем спасении; так как часто упражнялись и приобрели опытность во брани с злобою, и Сам Бог с ними; Богом путеводятся они и упокоиваются. Иные же, не упражнявшись еще, если в одну только впадут скорбь и воздвигнется на них брань, тотчас ввергаются в беду и гибель (15, 16. 17).

242. Некоторые, оградив себя и при сильном действии в них благодати Божией, находили свои члены столько освященными, что заключали о себе, будто бы в христианстве нет места уже похоти, но приобретается ум целомудренный и чистый, и что внутренний человек парит уже в Божественном и небесном. Посему такой человек думает, что несомненно достиг он в совершенную меру; и когда почитает себя вступившим в безопасную пристань, — возстают на него волны, и опять видит он себя среди моря, увлеченным туда, где только вода и небо, и готовая смерть. Так вошедший в нас грех производит всякую злую похоть. Но, снова сподобившись таковой некоей благодати, и как бы, так сказать, из целой морской глубины приив малую некую каплю, в сем самом находят ежечасно и ежедневно совершающееся чудо; почему подвергшийся такому необычайному новому и Божественному действию, дивится и изумляется, как он обманулся. Наконец, благодать, как Божественная и небесная, просвещает, руководит, умиряет его, все устрояет во благое (38, 4).

243. Делай правду, совершаемую во внутреннем человеке, где поставлен Христов алтарь вместе с нескверным святилищем, да свидетельство совести твоей похвалится крестом Христа, очищающего совесть твою от мертвых дел, и послужишь Богу духом своим, узнаешь, Кому поклоняешься, по сказанному: мы поклоняемся, Егоже вемы (Иоан. 4, 22). Вверься путеводствующему тебя Богу; душа твоя да вступит в общение с Богом, как невеста с женихом. Ибо сказано: тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа (Ефес. 5, 32) и в непорочную душу (38, 5).

244. Представь себе сад, в котором есть плодоносные деревья и другие благоухающие растения; сад весь прекрасно обделан и украшен, и для охранности, вместо загородки, обнесен малою стеною; по случаю же протекает тут и быстрая река. Если вода, хотя слегка, ударяет в стену, то будет вредить ей основанию, найдет себе проход, понемногу совершенно размоет основание, и вошедши в сад, поломает и искоренит все растения, уничтожит все труды, и сделает сад бесплодным. Так бывает и с сердцем человеческим. Есть в нем прекрасные помыслы, но непрестанно приближаются к сердцу и потоки греха, готовые его низринуть и увлечь на свою сторону. И если ум, хотя несколько легкомыслен, и предается нечистым помыслам, то вот уже духи лести нашли себе там пажить, ворвались и испровергли все красоты, в ничто обратили добрые помыслы, и душу привели в запустение (43, 6).

и) Кроме сей брани, подходит другая — внешняя. Вместе с тем, как начинает обнаруживаться благодать Божия в сердце труженика, начинаются неприязненные нападения на него других людей. Враг, изгнанный изнутри, вооружается со вне. Это стало неизбежным условием для христианина к совершенству в духе.

245. Божии человеки должны приуготовлять себя к борению и подвигу. Как мужественный юноша

выдерживает борьбу, и на удары, ему наносимые, отвечает ударами: так и христиане должны переносить скорби, и внешние и внутренние брани, чтобы принимая на себя удары, побеждать терпением. Таков путь христианства. Где Дух Святой, там как тень следует гонение и брань. Видишь, как Пророки, хотя в них действовал Дух, всегда гонимы были единоплеменниками? Видишь, как Господь, Который есть путь и истина, гоним был не иным народом, но своими. Свое племя — Израильтяне и гнали, и распяли Его. А подобное сему было и с Апостолами; потому что со времени Креста пришел Дух Утешитель и преселился в христиан: никто из Иудеев не был уже гоним, но одни христиане были мучениками. Посему, не должны они изумляться сему: истине необходимо быть гонимой (15, 11).

246. Не просто и то, что написано об Иове, как просил его себе сатана; потому что ничего не мог сделать сам собою без поущения. Что же говорит диавол Господу? Отдай его мне в руки, аще не в лице Тя благословит (Иов. 1, 11)? Так и ныне и Иов тот же, и Бог Тот же, и диавол тот же. В то самое время, когда Иов видел себе помощь Божию, был ревностен и горяч по благодати, просит его себе сатана и говорит Господу: «поелику помогаешь ему и защищаешь его, служит Тебе. Оставь его и предай мне, аще не в лице Тя благословит?» Наконец, как бы по тому самому, что душа утешается, благодать отступает от нея, и душа предается искушениям. По этому, приходит диавол, и наносит ей тысячи бедствий, безнадежность, отчаяние, лукавые помышления, и сокрушает душу, чтобы разслабить ее и соделать далекою от упования на Бога. Душа же благоразумная и в бедствиях и в скорби не теряет надежды, но владеет, чем обладала, и что ни было бы ей нанесено, среди тысячей искушений, все претерпевая, говорит: «если и умру, не оставлю Его» (26, 7. 8).

247. Все же праведники, идя тесным и узким путем, до конца благоугождали Богу, Авраам богат был по Богу, а в отношении к миру, называл себя землею и пеплом (Быт. 18, 27); и Давид говорит о себе: поношение человеков и унижение людей, червь, а не человек (Псал. 21, 7). Подобно все Апостолы и Пророки злострадали, были укоряемы. Сам Господь, — Который есть путь и Бог, пришедши не для Себя, а ради тебя, чтобы соделаться для тебя образом всего добраго, — смотри в каком пришел унижении; зрак раба приял Бог, Сын Божий, Царь и Сын Царев; Он подает целительныя врачевства, и врачует язвленных, а по внешности является как бы одним из язвленных (26, 25).

248. Но не пренебрегай Божия величия, когда видишь Его по внешности униженным и как бы подобным единому из нас: ради нас, а не ради Себя, явился Он таким. Разсуди, не паче ли всех унижен был Он в тот час, когда вопияли: распни, распни, Его, и стекался народ! Как в мире, если над каким злодеем произнесен приговор князем, то весь народ гнушается им и унижает его: так и Господь во время распятия, как человек осужденный умереть, ни во что вменяем был фарисеями. И когда также плевали на лице Его, возлагали на Него терновый венец, били Его по ланитам, — не превзошло ли сие меру всякаго унижения? Ибо написано: плещи Мои вдах на раны, лица же Моего не отвратих от студа заплеваний и ланит Моих от заушений (Исаии 50, 6). Если же Бог приял столько поруганий, страданий и унижения, то сколько бы ни смирял себя ты — по природе тина и смертный естеством, не сделаешь ничего подобнаго Владыке твоему. Ради тебя Бог смирил Себя; а ты и ради себя не смиряешься, но превозносишься и кичишься. Он пришел на Себя взять скорби и тяготы, тебе же дать покой Свой; а ты не хочешь понести трудов и пострадать, чтобы чрез это могли исцелеть твои язвы. Слава страданию и долготерпению Его во веки (26, 26).

249. Если Бог на земле шествовал таким путем, то и ты должен стать Его подражателем. Так

шествовали и Апостолы и Пророки. И мы, если желаем быть названными на основании Господа и Апостолов, должны стать их подражателями. Ибо Апостол Духом Святым говорит: подобни мне бывайте, якоже аз Христу (1 Кор. 4, 16). Если же любишь ты человеческую славу, хочешь, чтобы кланялись тебе, ищешь себе покоя, то совратился ты с пути. Тебе надобно сораспяться с Распятым, пострадать с Пострадавшим, чтобы после сего и прославиться с Прославившимся (Рим. 8, 17). Ибо невесте необходимо пострадать с Женихом и чрез сие соделаться сообщницею и сонаследницею Христовою. И никому не дозволено без страданий, не путем негладким, тесным и узким войти в град святых, упокоеваться и царствовать с Царем нескончаемые веки (12, 5).

250. До известной ли меры попускается сатане, или сколько хочет нападать на нас? Стремление его не только на христиан, но и на идолослужителей и на целый мир. Посему, еслибы дозволено ему было нападать, сколько хочет, то истребил бы всех. Почему же? — Потому, что его это дело и такова его воля. Но как скудельник, когда кладет сосуды в огонь, в меру разжигает печь, и не слишком много, чтобы обжигаемые долее надлежащего времени сосуды не дали трещин, и не слишком мало, чтобы оставшиеся непрожженными, они не пропали даром; а также делающий серебрянные и золотыя вещи подкладывает огонь в меру; а если усилит огонь, то золото и серебро расплавляются, делаются жидкими и пропадают; и ум человеческий умеет соразмерять тяжести с силами вьючного скота, или верблюда, или другаго какого животного, какую именно тяжесть понести может: то кольми паче Бог, Который знает крепость сосудов человеческих, в разных мерах попускает действовать сопротивной силе (26, 3).

i) Выдерживая все сие терпеливо и не уступая ни в чем врагу, душа все больше очищается и дает простор сильнейшим воздействиям благодати Святаго Духа, — которая и проявляется наконец в озарениях ума, в особых отрадных состояниях нравственных, в видениях, руководствах. Видно становится, что душа подходит к совершенству.

251. Если кто любит Бога, то и Бог сообщает ему любовь Свою; кто однажды уверовал в Бога, тому прилагает небесную веру, и человек делается сугубым. Посему, как ты от членов своих принесешь Ему дар, так и Он, подобно сему, от собственных Своих членов уделит душе твоей, чтобы все тебе делать, и любить и молиться чисто (15, 20).

252. Мария оставила все, села при ногах Господних, и весь день благословляет Бога. Видишь ли седение при ногу, превосходящее любовь? Но чтобы яснее возсияло Божие слово, слушай еще. Если кто любит Иисуса и внимлет Ему, как должно, и не просто внимлет, но пребывает в любви; то и Бог хочет уже воздать чем-либо душе той за любовь сию, хотя человек не знает, что он примет, или в какой мере Бог одарит душу. Ибо и Марии, возлюбившей Его, и сидевшей при ногах Его, не просто дана награда, но от сущности Своей даровал Он некую сокровенную силу. Самыя слова, какия Бог с миром изглагодал Марии, были дух и некая сила. Слова сии вошли в сердце, стали душею в душе, духом в духе, и Божественная сила наполнила сердце ея; потому что, где привитает оная сила, — по необходимости делается она там пребывающею, как неотъемлемое стяжание. Посему и Господь, зная что даровал ей, сказал: Мария благую часть избра (Лук. 10, 42). Но со временем и то, что делала Марфа, из усердия услужить, привело ее к тому же дарованию; потому что и она прияла Божественную силу в душу свою (12, 16).

253. И что удивительнаго, если приходящие ко Господу и прилепленные к Нему телесно принимали силу? Иногда Апостолы глаголали слово и Дух Святой нападал на верующих (Деян. 10, 44).

Корнилий от слова, какое услышал, принял силу. Кольми паче, когда Господь глаголал слово Марии, или Закхею, или грешнице, которая, распустив волосы, отирала ноги Господни, или Самарянке, или разбойнику, — тогда являлась сила, и Дух Святой входил в единение с душами их. И ныне, любящие Господа, оставившие все, и постоянно пребывающие в молитве, втайне научаются тому, чего не ведали. Сама Истина по их произволению открывается им и учит их: Аз есмь Истина (Иоан. 14, 6). Сами Апостолы, до креста пребывая с Господом, видели великия знамения, как очищались прокаженные и воскресали мертвые: но не знали, как Божественная сила и пребывает и действует в сердце; не знали, что сами они возродятся духовно, вступят в единение с небесною душою и соделаются новою тварию. Они любили Господа ради совершаемых Им знамений. Наконец, Господь сказал им: «что дивитесь знамениям? Я даю вам великое наследие, какого не имеет целый мир» (12, 17).

254. Странны были для них еще слова Господа, пока не воскрес Он из мертвых, и ради нас не вознес тела на небо. И тогда сошел на них Дух Утешитель, и вступил в единение с душами их. Сама Истина являет Себя в душах верных, и небесный человек приходит к человеку твоему, и бывает между ними единое общение. По сему, тех, которые пребывают в служении и усердно все делают из ревности по вере, из любви к Богу, со временем сие самое приводит к ведению самой Истины; потому что Господь открывается душам их и учит их сопребыванию Духа Святаго (12, 18).

255. Сказано: вкусите и видите, яко благ Господь (Псал. 33, 9); вкушение же сие есть в несомненности действенная сила Духа, совершающая служение в сердце. Ибо те, которые суть сыны света и служения Новому Завету в Духе Святом, ничему не научаются у людей, как научаемые Богом. Сама благодать пишет на сердцах их законы Духа. Посему, не в Писаниях только, начертанных чернилами, должны они находить для себя удостоверение, но и на скрижалях сердца благодать Божия пишет законы Духа и небесныя тайны; потому что сердце владычественно и царственно в целом телесном сочленении. И когда благодать овладеет пажитями сердца, тогда царствует она над всеми членами и помыслами: ибо там ум и все помыслы, и чаяние души. Почему, благодать и проникает во все члены тела (15, 18).

256. Таковой, по написанному (1 Кор. 2, 14), востязует всякаго человека. О каждом знает он, из какого источника берет слово, где остановился, и на какой находится степени, о нем же самом никто из людей, имеющих в себе духа мира, не может знать и судить. Кто только имеет в себе подобнаго небеснаго Божия Духа, тот и знает подобнаго ему, как говорит Апостол: духовная духовными сразсуждающе (9, 8).

257. Сподобившиеся стать чадами Божиими и родиться свыше от Духа Святаго, имея в себе просвещающаго и упокоивающаго их Христа, многообразными и различными способами бывают путеводимы Духом, и благодать невидимо действует в их сердце при духовном упокоении. Но от видимых наслаждений в мире займем образы, чтобы сими подобиями отчасти показать, как благодать действует в душах таковых. Иногда бывают они обвеселены, как бы на царской вечери, и радуются радостью и веселием неизглаголанном. В иной час бывает, как невеста, Божественным покоем упокоиваемая в сообществе с женихом своим. Иногда же, как безплотные Ангелы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окриленность. Иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упоиваемые Духом, в упоении Божественными духовными тайнами (18, 7).

258. Но иногда как бы плачут и сетуют о роде человеческом, и молясь за целаго Адама, проливают

слезы и плачут, воспаляемые духовною любовию к человечеству. Иногда такую радостью и любовию разжигает их Дух, что, если бы можно было, вместили бы всякого человека в сердце своем, не отличая злаго от добраго. Иногда в смиренномудрии духа столько унижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда Дух постоянно содержит их в неизглаголанной радости. Иногда уподобляются сильному воителю, который, облекшись в царское всеоружие, выходит на брань со врагами и крепко подвизается, чтобы победить их. Ибо, подобно сему и духовный облекается в небесныя оружия Духа, наступает на врагов и ведет с ними брань, чтобы покорить их под ноги свои (18, 8).

259. Иногда душа упокоивается в некоем великом безмолвии, тишине и мире, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Иногда умудряется благодатию в уразумении чего-либо, в неизреченной мудрости, в ведении неиспытываемаго Духа, чего невозможно изглаголатъ языком и устами. Иногда человек делается, как один из обыкновенных. Так разнообразно действует в людях, благодать, и многими способами путеводствует душу, упокоивая ее по воле Божией, и различно упражняет ее, чтобы совершенною, неукоризненною и чистою представить небесному Отцу (18, 9).

260. Сии же перечисленные нами действия Духа достигают большей меры в близких к совершенству. Ибо исчисленные разнообразные упокоения благодати различно выражаются словом и в людях совершаются непрерывно, так что одно действие следует за другим. Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей, и в неизреченном общении пришедши в единение и срастворение с Духом Утешителем, и срастворяемая Духом, сама сподобится стать духом; тогда делается она вся светом, вся оком, вся духом, вся радостью, вся упокоением, вся радованием, вся любовию, вся милосердием, вся благию и добротою. Как в морской бездне камень отвсюду окружен водою, так и люди сии, всячески срастворяемые Духом Святым, уподобляются Христу, непреложно имея в себе добродетели духовной силы, внутренне пребывая неукоризненными, непорочными и чистыми. Ибо обновленные Духом как могут производить наружно плод порока? Напротив того, всегда и во всем сияют в них плоды Духа (18, 10).

261. Иный входит преклонить колена, — и сердце его исполняется Божественной действительности, душа веселится с Господом, как невеста с женихом, по слову Пророка Исаии, который говорит: якоже радуется жених о невесте, тако возрадуется Господь о тебе (Исаии 62, 5). И иногда во весь день чем-нибудь занятый, на один час посвящает себя молитве, — и внутренний его человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в безконечную глубину онаго века, так что всецело устранивается туда парящий и восхищаемый ум. На это время происходит в помыслах забвение о земном мудровании, потому что помыслы насыщены и пленены Божественным, небесным, безпредельным, непостижимым, и чем-то чудным, чего человеческим устам изречь невозможно. В этот час человек молится и говорит: «О, еслибы душа моя отошла вместе с молитвою» (8, 1).

262. Всегда ли человек входит в это состояние? Правда, что благодать непрестанно сопребывает, укореняется и действует как закваска в человеке, с юнаго возраста, и сие, сопребывающее в человеке, делается чем-то как бы естественным и неотделимым, как бы единою с ним сущностию; однакоже, как ей угодно, различно видоизменяет она свои действия в человеке к его пользе. Иногда огонь сей

возгарается и воспламеняется сильнее, а иногда как бы слабее и тише; в иныя времена свет сей возжигается и сияет более, иногда же умалывается и меркнет; и светильник сей, всегда горя и света, иногда делается яснее, более возгарается от упоения Божию любовию, а в другое время издает сияние свое бережливо, и соприсуций в человеке свет бывает слабее (8, 2).

263. Сверх того, иным во свете являлось знамение креста и пригвождалось во внутреннем человеке. Иногда также человек во время молитвы приходил как бы в изступление; казалось, что стоит он в церкви пред жертвенником, и предложены ему три хлеба, как бы вскиснувшие с елеем, и в какой мере вкушал их, в такой хлебы возрастали и поднимались. Иногда также являлось как бы светоносное некое одеяние, какого нет на земле в веке сем, и какого не могут приготовить руки человеческия. Ибо как Господь, с Иоанном и Петром восшедши на гору, преобразил ризы Свои и соделал их молниевидными, так бывало и с оным одеянием, и облаченный в оное человек удивлялся и изумевал. В иное же время свет сей, явясь в сердце, отверзал внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет, почему человек, всецело поглощенный оною сладостию и оным созерцанием, не владел уже собою, но был для мира сего как бы буим и варваром, по причине преизобилующей любви и сладости и по причине сокровенных таин, так что человек, получив в это время свободу, достигает совершенной меры, бывает чистым и свободным от греха. Но после сего благодать умалывалась и нисходило покрывало сопротивной силы; благодать же бывала видима как бы отчасти, и на какой-то низшей степени совершенства (8, 3).

264. Человеку надобно пройти, так сказать, двенадцать ступеней, и потом достигнуть совершенства. В иное время действительно достигает он этой меры и приходит в совершенство. Потом благодать снова начинает действовать слабее, и человек нисходит на одну ступень, и стоит уже на одиннадцатой. А иной, богатый благодатию, всегда день и ночь стоит на высшей мере, будучи свободен и чист, всегда пленен и выпретен. И теперь человек, которому показаны оныя чудеса, и который изведал их опытно, если бы так было с ним всегда, не мог бы уже принять на себя домостроительства слова, или инаго какого бремени, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться, по обыкновению, о себе и об утрешнем дне, но только стал бы сидеть в одном углу, в восхищении и как бы в упоении. Посему-то совершенная мера не дана ему, чтобы мог он заниматься попечением о братии и служением слову, если не разорено уже средостение ограды, и смерть препобеждена (8, 4).

265. На деле же бывает так: подобно сгущенному воздуху, какая-то как бы примрачная сила лежит на человеке и слегка прикрывает его. Светильник непрестанно горит и светит; однакоже как бы покрывало лежит на свете; и посему человек признается, что он еще несовершен, и не вовсе свободен от греха; почему, можно сказать, что средостение ограды уже разорено и сокрушено, и опять в ином чем-нибудь разорено не вовсе и не навсегда. Ибо бывает время, когда благодать сильнее воспламеняет, утешает и упокоивает человека; и бывает время, когда она умалывается и меркнет, как сама она домостроительствует сие на пользу человеку. Кто-же, хотя на время, приходил в совершенную меру, вкушал и опытно изведывал оный век? Доныне не знаю ни одного человека-христианина совершеннаго или свободнаго. Напротив того, если и упокоевается кто в благодати, доходит до таин и до откровений, до ощущения великой благодатной сладости; то и грех сопребывает еще внутри его. Такие люди, по преизобилию в них благодати и света, почитают себя свободными и совершенными; но погрешают в сем, по неопытности вводимые в обман тем самым, что действует в них благодать. А я доныне не видал ни одного свободнаго человека, и, поелику в

иныя времена сам отчасти доходил до оной меры; то доведался и знаю, почему нет совершенного человека (8, 5).

266. Скажи нам! на какой ты степени? — Ныне, после крестнаго знамения, благодать так действует и умирает все члены и сердце, что душа от великой радости уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает уже ни Еллина, ни Иудея, ни грешника, ни мирянина, но на всех чистым оком взирает внутренний человек, и радуется о целом мире, и всемерно желает почтить и полюбить Еллинов и Иудеев. В иной час он, сын царев, так твердо уповает на Сына Божия, как на отца. Отверзаются пред ним двери, и входит он внутрь многих обителей; и по мере того, как входит, снова отверзаются пред ним двери в соразмерном числе, например, из ста обителей — в другия сто обителей, и обогащается он; и в какой мере обогащается, в такой же показываются ему новыя чудеса. Ему, как сыну и наследнику, вверяется то, что не может быть изречено естеством человеческим, или выговорено устами и языком (8, 6).

7. Высшая степень совершенства христиан.

267. Пророк Иезекииль поведал то Божественное и славное явление и видение, которое узрел он, и описал оное, как явление, исполненное неизглаголаных таин. Видел же он на поле херувимскую колесницу, четырех духовных животных. У каждого животного было четыре лица: одно лице львиное, другое лице орлиное, еще лице тельчье и лице человеческое. И у каждого лица были крила, так что ни у одного невозможно было различить, где передняя, или задняя сторона. Плечи их исполнены были очес, и перси также полны очей, и не было места, неисполненного очей. При каждом лице было по три колеса, как бы колесо в колесе, и в колесах был дух. И Пророк видел как бы подобие человека, и подножие у него — как бы сапфирное. Колесница сия (то—есть — Херувимы и животныя) носила на себе восседающаго Владыку. Куда ни угодно было ему шествовать, — животныя всюду обращены были лицом. И Пророк видел под крыльями Херувимов как бы руку чловеку, которая их поддерживала и носила (Иезек. 1, 5—28 и гл. 10). (1, 1).

268. Истинно и несомненно было то, что видел Пророк в восхищении; но оно указывало на иное, прообразовало нечто таинственное и Божественное, тайну подлинно сокровенную от родов, явленную же в последняя времена, в пришествие Христова. Пророк созерцал тайну души, имеющей принять Господа своего и соделаться престолом славы Его. Ибо душа, которую Дух, уготовавший ее в седалище и обитель Себе, сподобил приобщиться света Его и осиял красотою неизреченной славы Своей, делается вся — светом, вся — лицом, вся — оком; нет у нея ни одной части, неисполненной духовных очей света, то—есть, нет в ней ничего омраченнаго; но вся она всецело соделана светом и духом, вся исполнена очей, и не имеет никакой последней, или задней стороны, но отвсюду представляется лицом, потому что снизошла на нее и возседит на ней неизреченная красота славы Света Христа. И как солнце везде себе подобно: нет у него ни одной последней или недостаточной части, но, состоя из частей одинаковых, все оно всецело блистает светом, и все есть свет, или как огонь, т. — е. самый свет огня, весь сам себе подобен и не имеет в себе перваго, или последняго, или большаго, или меньшаго: так и душа, совершенно осиянная неизреченною красотою славы света от лица Христова и совершенно вступившая в общение с Духом Святым, и сподобившаяся стать жилищем и престолом Божиим, делается вся оком, вся светом, вся лицом, вся славою, вся духом, как уготовал, благоустроил и украсил ее духовною лепотою Христос, Который и носит, и водит, и поддерживает, и подьмлет ее. Ибо сказано, что рука чловека была под Херувимами (Иезек. 1, 8).

Сам Христос и носим бывает душею, и водит ее (1, 3).

269. Четыре животныя, носящия колесницу, представляли собою образ владычественных умственных сил души. Как орел царствует над птицами, лев над дикими зверями, вол над кроткими животными, а человек над всеми тварями: так и в душе есть более царственные силы умственные, то—есть, воля, совесть, ум и сила любви. Ими управляется душевная колесница, в них почивает Бог. А по иному способу объяснения, разумеется сие о небесной Церкви Святых. И как там Пророк говорит о животных, что высота их была чрезмерна, что они исполнены очей, и что никому невозможно было объять число очей, или высоту, потому что не дано ведения о сем; как звезды на небе всякому человеку дано видеть и дивиться им, узнать же число их ни одному невозможно; таким же образом в небесную Церковь Святых войти и наслаждаться в ней дано всем желающим подвизаться, но узнать и объять число Святых, — сие принадлежит Единому Богу. Сядящий на колеснице и на престоле всеочитых животных, или в каждой душе, соделавшейся престолом и седалищем Его, ставшей оком и светом, шествует и носится, возседя на ней, правя браздами духа, и направляя ее, как Сам знает. Как духовныя животныя шествовали, не куда сами хотели идти, но куда знал и хотел Сядящий на них и направляющий их: так и здесь Сам правит и водит, указуя путь Духом Своим. Таким образом, не по своей воле, когда хотят, возносятся души на небеса; но Бог направляет душу, свергнув тело, стремиться мыслию на небеса, и опять, когда угодно Ему, ходит она во плоти и в помыслах, а по Его же воле переходит к пределам земли, и Он показывает ей откровения тайн. О, подлинно превосходный, благий, единый и истинный Браздодержец! Так, если душа предпрославлена ныне, и вступила в единение с Духом, то и тела сподобятся части в воскресении (1, 3).

270. А что души праведных соделываются светом небесным, — о сем Сам Господь сказал Апостолам: вы есте свет мира (Матф. 5, 14). Сам, соделав их светом, повелел, чтобы чрез них просвещался мир, и говорит: Ниже вжигают светильника и поставляют под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине (суть). Тако да просветится свет ваш пред человеки (Матф. 5, 15. 16). А сие значит: не скрывайте дара, какой прияли от Меня, но сообщайте всем желающим. И еще: Светильник телу есть око: аще убо будет око твое светло, все тело твое просветится; аще же око твое лукаво, все тело твое темно будет. Аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми (Матф. 6, 22. 23)? Как очи суть свет для тела; и когда они здоровы, — все тело освещено; и когда попадет что в очи, и они омрачатся, тогда все тело бывает во тьме: так Апостолы поставлены очами и светом для целого мира. Посему, Господь, заповедуя им, сказал: «если вы, будучи светом для мира, устоите и не совратитесь, то просвещено будет все тело мира. А если вы, свет мира — омрачитесь, то тьма, то—есть, мир, кольми?» Итак, Апостолы, став светом, послужили светом для веровавших, просветив сердца их тем небесным светом Духа, которым просвещены были сами (1, 4).

271. Которые совлекли с себя человека ветхаго и земнаго, и с которых Иисус совлек одежды царства тьмы, те облеклись в новаго и небеснаго человека Иисуса Христа. И Господь облек их в одеяния царства неизреченного света, в одеяния веры, надежды, любви, радости, мира, милосердия, благодати, а подобно, и во все прочия Божественныя, животворныя одеяния света, жизни, неизглаголанного упокоения, чтобы, как Бог есть любовь, радость, мир, благодать, милосердие, так и новый человек соделался сим по благодати (2, 4. 5).

272. Совершенные христиане, сподобившиеся войти в меру совершенства и соделаться

приближенными Царю, всегда посвящают себя в дар кресту Христову. Как при Пророках, всего досточестнее было помазание; потому что помазуемы были Цари и Пророки: так и ныне люди духовные, помазуемые небесным помазанием, делаются христианами по благодати, чтобы им быть царями и пророками небесных таин. Они суть и сыны, и господа, и боги, связуемые, отводимые в плен, низвергаемые, распинаемые, посвящаемые в дар. Если помазание елеем, какой получаем от земного растения, от видимого дерева, имело такую силу, что помазанные безпрекословно получали сан (ибо всеми признавалось, что они поставлены в цари, и помазанный Давид тотчас подвергся гонениям и скорбям, а чрез семь лет стал царем), то кольми паче те, у которых ум и внутренний человек помазуются освещающим и радостотворным, небесным и духовным елеем радования, приемлют печать онаго нетленного царствия и вечной силы, залог Духа, — Самого Духа Святого и Утешителя (разумей же, что Утешитель и утешает, и исполняет радости сущих в скорбях). (17, 1).

273. Сии, помазуемые елеем небеснаго насаждения, древа жизни — Иисуса Христа, бывают сподоблены войти в меру совершенства, то—есть царствия и усыновления, так как, находясь еще в этом мире, они уже сотаинники небеснаго Царя, имеют дерзновение пред Вседержителем, входят в чертог Его, где Ангелы и духи Святых. Ибо, и не получив еще совершеннаго наследия, уготованнаго им в оном веке, — тем залогом, какой прияли ныне, обезопасили себя, как уже венчанные и царствующие, и при обилии и дерзновении Духа, не находят они для себя удивительным, что будут царствовать со Христом? Почему—же? Потому что, будучи еще во плоти, имели уже в себе оное ощущение сладости и оное действие силы (17, 2).

274. Как при скончании мира, когда этой тверди не станет, праведники будут уже жить в царстве, во свете и в славе, не видя ничего иного, кроме того, как Христос пребывает всегда во славе одесную Отца: так и сии, ныне еще восхищенные и отведенные пленниками в оный век, созерцают все тамошня лепоты и чудеса. Ибо мы, будучи еще на земле, имеем жительство на небесах, как обитатели и граждане онаго мира по уму и по внутреннему человеку. Как видимое око, будучи чистым, чисто всегда видит солнце; так и ум, совершенно очистившись, всегда видит славу света Христа, и с Господом пребывает день и ночь, подобно тому, как тело Господне, соединившись с Божеством, всегда сопребывает с Духом Святым. Но в сию меру не вдруг достигают люди, и то разве трудами, скорбию, великим подвигом (17, 4).

275. Как Господь, отложив всякое начальство и власть, облекся в тело, так и христиане облачаются Духом Святым и пребывают в упокоении. Если и наступает брань отвне, делает приращения сатана, то внутренне ограждены они Господнею силою, и не тревожатся при нападениях сатаны. Когда Господа искушал он в пустыне сорок дней, — повредил ли Ему сколько—нибудь тем, что отвне приступал к телу Его. В сем теле был Бог. Так и христиане, если и искушаются отвне, то внутренне исполнены силы Божества, и не терпят никакой обиды. Но если достиг кто в такую меру, то пришел он в совершенную любовь Христову и исполнение Божества. А кто не таков, тот и внутренне ведет еще брань. В иной час упокоевается в молитве, а в другой час бывает в скорби и во брани. Ибо так угодно Господу; поелику человек еще младенец, управляет его Господь во бранях. И внутри появляются как бы два лица, свет и тьма, упокоение и скорбь; в иной час в упокоении молятся, а в иной час бывают в смятении (27, 15).

276. Не слышишь ли, что говорит Павел? Если имею все дарования, аще предам тело мое, во еже сжещи е, аще языки ангельскими глаголю, любве же не имам, ничтоже есмь (1 Кор. 13, 1—3). Ибо

дарования сии руководствуют только к совершенству; и достигшие оных, хотя и во свете, однакоже еще младенцы. Многие из братий восходили на сию степень, и имели дарования исцелений, откровение и пророчество; но поелику не пришли еще в совершенную любовь, в которой союз совершенства (Кол. 3, 14), то возстала в них брань, и они, вознерадев, пали. Но кто достигает совершенной любви, тот делается уже узником и пленником благодати. А кто приближается постепенно к совершенной мере любви, но не дошел еще до того, чтоб стать узником любви, тот находится еще под страхом, ему угрожают брань и падение; и если не оградит он себя, то низлагает его сатана (26, 16).

277. Всякий должен знать, что есть очи, которыя внутреннее сих очей, и есть слух, который внутреннее сего слуха. И как эти очи чувственно видят, и распознают лице друга или любимого, так очи души достойной и верной, просвещенныя Божественным светом, духовно видят и распознают истинного друга, сладчайшаго и многовождеденнаго Жениха—Господа, как скоро душа озарена достопоклоняемым Духом. И таким образом, душа, мысленно созерцая вождеденную и единую неизглаголанную лепоту, уязвляется Божественною любовию, настроивается ко всем духовным добродетелям, и вследствие сего приобретает безпредельную и неистошиму любовь к вождеденному для нея Господу (28, 5).

278. В сени закона, даннаго чрез Моисея, Бог повелел, чтобы в субботу каждый упокоевался и ничего не делал. А сие было образом и сению истинной субботы, даруемой душе Господом. Ибо душа, сподобившаяся избавиться от срамных и нечистых помыслов, субботаствует истинную субботу, и покоится истинным покоем, пребывая праздною и свободною от всех темных дел. Ибо там в преобразовательной субботе, хотя упокоевались телесно, но души связаны были лукавством и пороками; а сия истинная суббота есть истинное успокоение души, пребывающей праздною и очистившейся от сатанинских помыслов, покоющейся в вечном Господнем покое и в радости (35, 1).

279. Ибо Господь призывает человека к покою, говоря: приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы (Матф. 11, 28). И те души, которыя покоряются и приходят, Он упокоевает от сих тяжких, обременительных и нечистых помыслов; делаются оне праздными от всякаго беззакония, субботаствуют субботу истинную, приятную и святую, празднуют духовный праздник неизглаголанной радости и веселия, совершают от чистаго сердца служение чистое и благоугодное Богу. И это есть истинная и светлая суббота. Посему, будем и мы умолять Бога, чтобы и нам войти в покой сей, упраздниться от срамных, лукавых и суетных помышлений, а таким образом придти в возможность служить Богу от чистаго сердца и праздновать праздник Духа Святаго. И блажен, кто войдет в сей покой (35, 1. 3).

280. Когда душа прилепляется ко Господу, и Господь, милуя и любя ее, приходит и прилепляется к ней, и разумение ея непрестанно уже пребывает в благодати Господней, тогда душа и Господь делаются единый дух, единое срастворение, единый ум. Тело души остается поверженным на земле, а ум ея всецело жительствует в небесном Иерусалиме, восходя до третьяго неба, прилепляясь ко Господу, и там служа Ему (46, 3).

281. И Сам Седящий в небесном граде на престоле величества на высоких, весь пребывает с душою в теле ея; потому что образ ея положил Он горе в небесном граде Святых — Иерусалиме, а собственный Образ неизреченнаго света Божества Своего положил в теле ея; Он служит ей во граде тела, и она служит Ему во граде небесном. Душа соделалась наследницею Его в небесах, а Он приял

ее в наследие на земле. Ибо Господь делается наследием души, и душа наследием Господа. Мысль и ум даже омраченных грешников могут быть весьма далеко от тела, имеют силу во мгновение времени пробегать большие пространства, переходить в отдаленные страны, и нередко тело повержено на землю, а мысль в другой стороне пребывает с возлюбленным, или с возлюбленною, и видит себя как бы живущею там. А если душа грешника так тонка и быстрокрыла и уму ее нет препятствия быть в отдаленных местах, тем паче душа, с которой покрывало тьмы снято силою Духа Святаго, когда умные очи ее просвещены небесным светом, и совершенно избавлена от страстей безчестия, соделалась чистою по благодати, — всецело на небесах служит Господу духом, и всецело служит Ему телом, и столь расширяется мыслию, что бывает повсюду и, где хочет, и когда хочет, служит Христу (46, 4).

282. Сие говорит Апостол: да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долготы, и высота и глубина, разумети же преспеющую разум любовь Христову, да исполните во всяко исполнение Божие (Ефес. 3, 18. 19). Разсматривай неизреченные тайны души, с которой Господь съемлет лежащую на ней тьму, и открывает ее, и Сам ей открывается. Как расширяет и распространяет мысли ума ее и в широту, и в долготу, и в глубину, и в высоту всей видимой и невидимой твари (46, 5).

8. Будущая жизнь.

283. Когда душа человеческая выйдет из тела, тогда совершится при сем великое некое таинство. Ибо если повинна она во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы поемлют душу ту и берут в собственную свою область. И никто не должен удивляться сему; потому что если душа в сей жизни, находясь в веке сем, им подчинялась и повиновалась и была их рабою, то тем паче удерживается ими и в их остается власти, когда отходит из мира. А что касается до части благой, то должен ты представлять себе, что дело бывает так. При святых рабах Божиих еще ныне пребывают Ангелы, и святые духи их окружают и охраняют. И когда отходят от тела, тогда лики Ангелов приемлют души их в собственную свою область, в чистый век, и таким образом приводят их ко Господу (22).

284. Истинная смерть внутри, — в сердце, и она сокровенна; ею умирает внутренний человек. Посему, если кто перешел от смерти к жизни сокровенной, то он истинно во веки живет и не умирает. Даже, если тела таких и разрушаются на время, то снова будут воскрешены во славе, потому что освящены. Поэтому смерть христиан называем сном и успением (15, 37).

285. Как купец, возвращаясь издали, во много крат увеличив свою куплю, посылает к домашним, чтобы приобрели ему дома, сады и необходимые одежды; когда же приходит на родину, приносит с собою великое богатство, с великою радостью принимают его домашние и родные; так бывает и в духовном. Если иные искупают себе небесное богатство, то узнают о сем сограждане, то—есть, духи святых Ангелов, и дивятся, говоря: «великое приобрели богатство братья наши, которые на земле». Таковые при отшествии своем, имея с собою Господа, с великою радостью восходят к горним; и сущие с Господом принимают их, уготовав для них там обители, сады, всесветлые и многоценные одежды (16, 8).

286. Если человек, находясь еще во брани, когда в душе его действительны и грех и благодать, преставится из мира сего, — то куда поступает сей одержимый тем и другим? — Поступает туда, где ум имеет свою цель и любимое место. Тебе, если постигают тебя скорбь, или брань, должно только воспротивиться и возненавидеть. Ибо, чтобы наступила брань, не твое это дело; а ненавидеть — твое

дело. И тогда Господь, видя ум твой, потому что подвизаешься и любишь Господа от всей души, в единый час удаляет смерть от души твоей (это нетрудно Ему), и приемлет тебя в лоно Свое и во свет; в единое мгновение времени исхищает тебя из челюстей тьмы, и немедленно преставляет в царство Свое. Богу легко все совершить в одно мгновение, только ты имел бы любовь к Нему. Бог требует от человека его делания, потому что душа удостоена быть в общении с Божеством (26, 18).

287. Зачавшая во чреве жена внутри себя носит младенца своего во тьме, так сказать, и в нечистом месте. И если случится, наконец, младенцу выйти из чрева в надлежащее время, видит она для неба, земли и солнца новую тварь, — какой никогда не видала; и тотчас друзья и родные с веселым лицом берут младенца в объятия. А если от какого-либо беспорядка случится младенцу умереть во чреве, то необходимо уже определенным на то врачам прибегнуть к острым орудиям, — и тогда младенец переходит от смерти к смерти, из тьмы во тьму. Тоже примени и к духовному. Приявшие в себя семя Божества имеют оное в себе невидимо, и по причине живущаго в них греха, таят в местах темных и страшных. Посему, если оградят себя и соблюдут семя, то в надлежащее время породят оное явно, и наконец, по разрешении их с телом, Ангелы и все горние лики с веселыми лицами примут их: А если подъявший на себя оружие Христово, чтобы сражаться мужественно, расслабнет; то скоро предается он врагам и, по разрешении с телом, из тьмы, обдержавшей его ныне, пойдет в другую более страшную тьму и в погибель (43, 5).

288. Как сборщики податей, сидя в тесных проходах, останавливают и истязывают проходящих, так и демоны наблюдают и задерживают души; и если души не совершенно очистились, то, при исшествии своем из тела, не получают дозволения войти в небесные обители и предстать Владыке своему, но уносятся вниз воздушными демонами. Но пребывающие во плоти, при трудах и при великом усилии, могут еще приобрести благодать свыше от Господа; и они вместе с достигшими упокоения за добродетельное житие, отойдут ко Господу, как Сам Он дал обетование: идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет (Иоан. 12, 26), и безконечные веки будут царствовать с Отцом и Сыном и Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков! (43, 9).

289. Каждый должен подвизаться и стараться преспеянием во всех добродетелях приобрести оную храмину, и веровать, что приобретается она здесь. Ибо если разорится телесная наша храмина, — нет у нас иной храмины, в которой бы превитала душа наша: аще точию, как сказано, и облекшеся, не нази обрящемся (2 Кор. 5, 3), то—есть не будем лишены общения и единения со Святым Духом, в Котором только и может упокоеваться верная душа. Посему те, которые во всей действительности и силе суть христиане, твердо надеются и радуются, исходя из сея плоти, что имеют оную храмину нерукотворену; храмина же сия есть обитающая в них сила Духа. И если разорится телесная храмина, — не страшатся они того; потому что имеют небесную духовную храмину, и ту нетленную славу, которая в день воскресения созиждет и прославит и храмину тела, как говорит Апостол: Воздвигий Христа из мертвых оживотворит и мертвенная телеса наша, живущим Духом Его в нас; и еще: да и живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей (2 Кор. 4, 11); и: да пожерто будет, как сказано, мертвенное животом (2 Кор. 5, 4). (15, 16).

290. Посему, постараемся верою и добродетельною жизнью здесь еще приобрести себе оное одеяние, чтобы нам, — облеченным в тело, не оказаться нагими; и тогда в день оный ничто не прославит плоть нашу. Ибо в какой мере сподобился каждый за веру и рачительность стать причастником Святаго Духа, в такой же мере прославлено будет в оный день и тело его. Что ныне собрала душа во

внутреннюю свою сокровищницу, то и тогда откроется и явится вне тела; как и деревья, когда, по прошествии зимы, согреет их невидимая сила солнца и ветров, подобно одеянию производят и откидывают из себя наружу листья, цветы и плоды, а также в это время выходят из внутренних недр земли и полевые цветы, и ими покрываются и облакаются земля и трава, подобно кринам, о которых сказал Господь: ни Соломон во всей славе своей облечется, яко един от сих (Матф. 6, 29). Ибо все сие служит примером, образом и подобием христианина в день воскресения (5, 17).

291. Так для всех боголюбивых душ, то—есть для истинных христиан, есть первый месяц Ксанфик, называемый еще Апрелем; и это есть день воскресения. В оный то силою Солнца правды изведется извнутри слава Святаго Духа, покрывающая и облакающая собою тела Святых, та самая слава, какую имели они сокровенною в душах. Ибо, что имеет теперь душа в себе, то обнаружится тогда в теле. Сей, говорю, месяц есть первый в месяцах лета (Исх. 12, 2); он приносит радость всей твари; он, разверзая землю, облакает одеждою обнаженные деревья; он приносит радость всем животным; он распространяет между всеми веселие; он для христиан есть первый месяц Ксанфик, то—есть, время воскресения, в которое прославлены будут тела их неизреченным светом, еще ныне в них сокровенным, то—есть, силою Духа, Который будет тогда их одеяние, пища, питье, радование, веселие, мир, облачение, вечная жизнь. Ибо всею лепотою светлости и красоты небесной соделается тогда для них Дух Божества, которого еще ныне сподобились они приять в себя (5, 18).

292. Поэтому, каждый из нас должен подвизаться и трудиться, тщательно упражняться во всех добродетелях, веровать и просить у Господа, чтобы внутренний человек еще ныне соделался причастником оной славы, и душа возымела общение в оной святости Духа, и чтобы, очистившись от скверны порока, и в воскресение иметь нам во что облечь воскресшия наши нагая тела, тем прикрыть срамоту их, чем оживотворить и на веки упокоить их в небесном царстве, потому что, по Святым Писаниям, Христос придет с небес и воскресит все племена Адамовы, всех почивших от века, и разделит их на две части, и которые имеют собственное Его знамение, то—есть печать Духа, тех, глашая как Своих, поставит одесную Себя. Ибо говорит: овцы Моя гласа Моего слушают (Иоан. 10, 27); и знаю Моя, и знают Мя Моя (Иоан. 10, 14). Тогда—то тела их, за добрая дела, облечутся Божественною славою, а сами они будут исполнены той духовной славы, какую еще ныне имели в душах. И таким образом, прославленные Божественным светом и восхищенные на небеса в сретение Господне на воздухе, по написанному, всегда с Господем будет (1 Сол. 4, 17), с Ним царствуя безпредельные веки веков! Постараемся же предварительно иметь на себе знак и печать Господню, потому что во время суда, когда Бог будет производить разделение, и собраны будут все колена земныя — целый Адам, когда Пастырь созовет стадо Свое, тогда все, имеющие на себе знак, узнают своего Пастыря, и Пастырь узнает имеющих на себе собственную Его печать и соберет их из всех народов; услышат глас Его свои, и пойдут во след Его. На две части разделится мир; одна часть будет темное стадо, отходящее в огонь вечный, а другая — света исполненная паства, возводимая к небесному жребию. Что ныне приобрели мы в душах, то самое возсияет и обнаружится тогда, и облечет славою тела (5, 21; 12, 13).

293. В воскресение все ли члены будут воскрешены? Богу все не трудно. Таково и обетование Его. По человеческой немощи и человеческому разсудку кажется сие как бы невозможным. Как Бог, взяв прах и землю, устроил как—бы иное какое—то естество, именно естество телесное, неподобное земле, и сотворил многие роды естеств, как—то волосы, кожу, кости и жилы; и каким образом игла,

брошенная в огонь, меняет цвет и превращается в огонь, между тем как естество железа не уничтожается, но остается тем же; так и в воскресение все члены будут воскрешены и, по написанному, влас не погибнет (Лук. 21, 18), и все соделается световидным, все погрузится и предложится в свет и в огонь, но не разрешится и не сделается огнем, так чтобы не стало уже прежнего естества, как утверждают некоторые. Ибо Петр остается Петром, и Павел — Павлом, и Филипп — Филиппом; каждый, исполнившись Духа, пребывает в собственном своем естестве и существе. А если утверждаешь, что естество разрешилось, то нет уже Петра или Павла, но во всем и повсюду — Бог, и отходящие в геенну не чувствуют наказания, а идущие в царство — благодеяния (15, 10).

294. Представь себе сад, в котором всякого рода плодоносные деревья, были там груша, яблонь и виноград с плодами и листьями; но и сад, и все деревья и листья изменились и обратились в иное естество, и все прежнее соделалось световидным. Так и люди изменятся в воскресение, и члены их сделаются святыми и световидными (15, 11).

295. Как тело Господа, когда восшел Он на гору, прославилось и преобразовалось в Божественную славу и в бесконечный свет, так и тела Святых прославляются и делаются блистающими. Ибо как внутренняя слава Христова в такой мере распростерта была и возсияла на теле Христовом, так, подобно сему, и во Святых внутри сущая сила Христова в оный день будет преизливаться вовне — на тела их; потом у что еще ныне они умом своим причащаются Христовой сущности и Христова естества. Ибо написано: Святей и освящаемый от единого (Евр. 2, 11); и: славу юже дал еси Мне, дах им (Иоан. 17, 22). Как одним огнем зажигаются многие светильники, так необходимо и телам Святых — сим членам Христовым — соделаться одним и тем же с Самим Христом (15, 36).

296. И совершенные, пока пребывают во плоти, не избавлены от забот по причине свободы и состоят под страхом; почему и попускаются на них искушения. Когда же душа войдет в оный град Святых, — тогда только возможен пребывать без скорбей и искушений: потому что нет там заботы, или скорби, или труда, или старости, или сатаны, или брани; а есть там покой, радость, мир и спасение. Там посреди их Господь, Который именуется Спасителем, потому что спасает плененных, именуется Врачем, потому что подает небесное и Божественное врачевство и исцеляет душевные страсти, в некоторой мере господствующая над человеком. Словом сказать: Иисус есть Царь и Бог, а сатана — мучитель и злой князь (26, 23).

297. Поелику некоторые продают имение, отпускают на свободу рабов, исполняют заповеди, но не стараются в мире сем приять Духа, то ужели, живя таким образом, не войдут они в Небесное Царство? Это предмет тонкий для разсуждения. Ибо некоторые утверждают, что и царство одно, и геенна одна; мы же говорим, что много степеней, различий и мер в одном и том же царстве и в одной и той же геенне. Как во всех членах одна душа, и вверху действует она в мозгу, а внизу она же приводит в движение ноги: так и Божество объемлет все твари, и небесные, и те, которые ниже бездны, и повсюду всецело пребывает в твари, хотя по своей неизмеримости и необъятности оно и вне тварей. По сему, само Божество внемлет людям, и во всем домостроительствует премудро. И поелику некоторые молятся, не зная, чего просят, другие постятся, иные пребывают в служении; то Бог, праведный Судия, каждого награждает по мере веры. Ибо что делают они, делают по страху Божию, но не все они — сыны, цари, наследники (40, 3).

298. Одни в мире убийцы, другие любодее, иные хищники, а некоторые также раздают имение свое

нищим; Господь взирает на тех и на других, и делающим добро дает упокоение и награду; есть меры избыточествующия, и есть меры малыя, в самом свете и в самой славе есть разность. В самой геенне и в наказании есть отравители, и разбойники, и другие, прегрешившие в малом. А которые утверждают, что одно царство, одна геенна, и степеней нет, те говорят худо. Сколько ныне мирских людей, которые преданы зрелищам и прочим безчинствам? И сколько еще таких, которые молятся и боятся Бога? Бог взирает на тех и на других, и как праведный Судия уготовляет одним упокоение, другим — наказание (40, 4).

ПРЕПОДОБНЫЙ АВВА ИСАИЯ

Краткое сведение о преподобном отце нашем Исаии, авве Нитрийском и его писаниях.

Преподобный отец наш Исаия отшельник жил во второй половине четвертаго столетия по Р. Х. († 370), — современно с Аввою Макарием Великим. Местом подвигов его был нижний Египет, — а в нем пустыня Скеф (Σκευος), обычно называемая нами — Скит (Σκητη), недалеко отстоящий от Александрии, где монашествующие проводили жизнь созерцательную в глубоком безмолвии (σιγη). В каком возрасте избрал он поприще монашеской жизни, неизвестно; знаем только, что он был сыном бедных и незначительных родителей, как это видно из плача его и из поношений, какими поносил его ученик его Елисей, во время искушения своего называвший его человеком низкаго происхождения.

Преподобный Исаия пользовался вниманием современных ему монахов, из которых многие руководствовались советами его и охотно оказывали ему совершенное послушание. Был он знаем и тогдашнему патриарху Александрийскому, который, когда преподобнаго злословил его Елисей, сказал: немы да будут устны льстивыя, глаголющая на праведнаго беззаконие, гордынею и уничижением (Пс. 30, 19).

Преподобный Исаия был крайне смирен и имел благодать глубокаго плача, как это видно из кроткаго ответа его ученику Елисею, во время искушения поносившему его и злословившему, и из 14 слова его — практика (πραξις) плача, внимательное чтение котораго может умягчить и привести в сокрушение даже каменное сердце.

По обычаю отцев, безмолвствовавших в Ските, преподобный Исаия имел двух учеников Петра и Елисея. Для перваго написал он преназидательное слово (26—е), а о последнем есть в Герондике душеспасительное сказание. Кроме этих двух учеников, его советами и наставлениями руководствовались и многие другие монахи, с которыми он вел беседы не лично только, но и письменно. День и ночь поучаясь в Божественных Писаниях, и обильныя почерпнув струи духовной мудрости из спасительных сих источников, он соделался творцем многих прекраснейших словес, которыя обнимают разные душеспасительные предметы и составляют целую книгу.

Преподобный Исаия назван отшельником по причине любви его к глубокому уединению и подвижническаго отдаления его от всех, так что в последние годы его жизни с ним не жили даже ближайшия его ученики, а только по временам навещали его, как видно из 27—го слова.

О писаниях Преподобнаго упоминают: Епископ Аммон в послании своем к Феофилу патриарху Александрийскому, Никифор монах в слове своем о хранении сердца, Варсанофий Великий, Иоанн Дамаскин, Григорий Синаит и др.

Память Преподобнаго отца нашего Исаии совершается православною Церковию в субботу сырной седмицы.

В дошедшем до нас сборнике слов аввы Исаии, содержится их 29; но очень вероятно, что здесь помещены не все слова аввы Исаии. Ибо в извлечениях из его слов есть такие наставления, которых нет в сих словах.

Кроме этих слов, есть еще от сего аввы правила для новоначальных монахов, сохраненныя аввою Венедиктом Авианским (нач. 9-го века), в его сборнике монашеских уставов. Об этих правилах в означенном сборнике замечается, что они извлечены из слов аввы. Но в словах не все их можно найти. Потому надо допустить, что многия и из них или взяты из несохранившихся слов аввы, или были преподаны им отдельно от слов разным лицам, в разное время, — и потом переходили из уст в уста и кем-нибудь собраны во едино, не в порядке течения мыслей, а как были слышаны, так и прилагались в общее собрание их. Они одного духа и содержания с правилами св. Антония Великаго. Некоторые слово в слово одинаковы с ними. Надо полагать, что авва Исаия был ближайшим преемником учительнаго дара аввы Антония Великаго, вместе с аввою Макарием Великим.

В Добротолюбии помещена статья аввы Исаии о блюдении ума, в 27-ми главах. О ней говорится там в предисловии, что она есть извлечение из слов сего аввы, и содержит краткое наставление о том, как отражать прилоги помыслов, сохранять совесть незазорною, держать сокровенное поучение в сердце, и разумно блюсти во всяком безмятежии троичность души.

В том 40 Patrol. graec., после слов, напечатана подобная же статья под заглавием: о подвижничестве и безмолвии, в 19-ти главах с греческим текстом. И эти главы суть тоже извлечения из слов, что и указывается в самом издании цитатами, откуда взята какая глава. Некоторые из них слово в слово одинаковы с теми, кои находятся в статье Добротолюбия.

Но как в числе этих 19-ти, так и в числе 27-ми Добротолюбия, есть наставления, которых нет в словах. Это, между прочим, и служило побуждением к тому, чтоб в настоящем издании писаний аввы Исаии пометить обе эти статьи.

Чтоб ничего не пропустить, что исходило от сего аввы, помещаем здесь и изречения его, кроме приводимых в Достопамятных Сказаниях, те, кои содержатся в нашем Алфавитном Патерике, в переводе впрочем только с славянского, ибо подобнаго патерика на греческом нет. Это есть труд наших ревнителей подвижничества. Всякий и сам увидит, что и между сими изречениями есть не мало таких, каких нет в словах.

Таким образом, здесь предлагаются:

1. Слова аввы Исаии.

О словах сих сообщается к сведению, что в первом издании они предложены в переводе с латинскаго, на котором одном они и существуют в печати. Но потом, когда старцы Афонские нашли на Афоне греческий текст сих слов и список с них доставили в Москву, сделан новый их перевод с сего текста, в каковом переводе они и предлагаются теперь любителям чтения таких книг. — При сем переводе принималось во внимание перевод сих слов Нямецкаго старца Паисия, каковым переводом обязательно одолжили старцы Оптиной пустыни. В нужных местах на него указывается в сносках.

2. Его правила для новоначальных монахов.

3. Изречения его.

4. Статья из Добротолюбия, о хранении ума, в 27-ми главах.

5. Главы о подвижничестве и безмолвии.

1. Слова преп. аввы Исаии к своим ему ученикам.

Слово первое.

Заповеди аввы Исаии жившим с ним братьям.

1. Если желаете пребывать со мною, послушайте ради Иисуса.

2. Сиди каждый в келлии своей в страхе Господнем; и не небрегите о рукоделии вашем по заповеди Божией.

3. Не нерадите о поучении вашем и о непрестанной молитве, и храните сердце свое от чуждых помыслов, чтоб ничего не помышлять — ни о человеке каком, ни о чем либо из вещей века сего; но всегда исследуйте, в чем претыкаетесь, и старайтесь исправиться, умоляя Бога в болезновании сердца, слезах и злострадании (измождении плоти), да простит Он вам, и прочее да сохранит вас от впадения в то же.

4. Каждодневно имейте пред очами смерть и заботливо помышляйте о том, как имеете выдти из тела, миновать власти тьмы, встречающая нас в воздухе, и безпреткновенно предстать пред Бога, простирая взор и ко страшному дню последняго суда Его и воздаяния каждому за дела, слова и помышления. Ибо вся нага и объявлена пред очами Того, Кому нам предлежит давать слово ответное (Евр. 4, 13).

5. Без великой нужды не говорите ничего ни в трапезе, ни в церкви, и не поправляйте кого поющего, если он сам не спросит вас о чем.

6. По одной неделе служите в поварне со страхом Божиим, не погубляя поучения своего.

7. Отнюдь не входи никто в келлию брата своего, и не желайте прежде времени видеть друг друга.

8. Не подмечайте за рукодельем друг—друга, — брат ли больше тебя сработал, или ты больше его.

9. Исходя на поделие, не празднословьте и не позволяйте себе вольничать; но каждый в страхе Божиим да внимает себе и духу своему, также поучению и молитве, в тайне (в клети сердца).

10. Когда кончится церковное собрание, или когда встанете по вкушении пищи, не садитесь поговорить друг с другом, ни даже о словесах Божиих; но иди каждый в келлию свою и плачь о грехах своих.

11. Если же будет нужда переговорить с кем, говорите сколько можно меньше, со смирением и благоговением, потому что Бог всегда внимает вам.

12. Не спорьте друг с другом ни о чем, и никого не оглаголуйте; не судите никого и не унижайте ни устами, ни в сердце, и ни на кого отнюдь не ропщите; да не изыдет ложь из уст ваших и не желайте сказать или услышать что, бесполезное вам.

13. Не оставляйте в сердце своем ни злобы, ни ненависти, ни зависти к ближнему, и да не будет у вас иное в устах, и иное в сердце, ибо Бог поругаем не бывает (Гал. 6, 7), но все видит — и тайное и явное.

14. Всякий помысл и всякую скорбь, и всякое желание ваше и всякое подозрение не укрывайте в себе, открывайте свободно авве своему, и что услышите от него, то с верою старайтесь делать.

15. Смотрите, не вознерадите блюсти заповеди мои, потому что — простите мне — в таком случае я не оставлю вас пребывать со мною. Если будете соблюдать их, я дам за вас слово пред Богом; а если не будете соблюдать, Он с вас потребует слова — и о вашем нерадении, и о моем бесплодии. Кто будет соблюдать мои заповеди, и тайно и явно, того Господь Бог сохранит от всякаго зла и покроет его во всяком искушении грядущем — тайном ли, или явном.

16. Молю вас, братия мои, помните, чего ради вышли вы из мира, и заботьтесь о спасении своем, чтоб не всуе было ваше от него отречение, и не постыдиться вам пред Богом и пред отрекшимися ради Его от мира и добре подвизавшимися святыми.

17. Нелюбопытность, злострадание (подвиги и лишения во измождение плоти), смирение и то, чтоб с разумом отсекал волю свою во всем, и не верить в свою праведность, но всегда иметь пред очами своими грехи свои, — народят тебе добродетелей. Сие же ведай (всяк), что покой (плоти), широкость (πλατυσμος — широкий путь, нестеснение себя ничем, своя воля) и тщеславие губят всякий плод монаха.

Слово второе.

О законе естественном.

1. Не хочу, чтоб вы не ведали, братие, что в начале, когда создал Бог человека, то вселил его в рай, и он имел тогда чувства здравия, стоящая в естественном своем чине; но, когда послушал прельстившаго его, превратились все чувства его в неестественность, и извержен он был тогда из славы своей. Господь же наш сотворил милость Свою с родом человеческим, по великой Своей благодати, Слово плоть быв (Иоан. 1, 14), — т. — е. совершенным человеком во всем нашеском сделался Он по всему, кроме греха, чтоб пременить неестественность нашу в естественность чрез Святое тело Свое. Сотворив такую милость с человеком, Он возвращает его опять в рай, — тем, что возставляет (падшаго) чрез последование стопам Его и заповедям Его, какия дал Он нам, чтоб мы могли побеждать извергших нас из славы нашей, — и тем, что показал нам служение (λατρείαν) святое и закон чистый, чтоб человек стал в естественном чине своем, в каком создал его Бог.

2. Итак, кто желает придти в естественное свое состояние, тот пусть отсекает все пожелания свои плотския, чтоб поставить себя в состояние по естеству ума (духовное). Есть в нас по естеству вожделение (к Богу), — и без сего вожделения к Богу нет и любви: ради сего Даниил назван мужем желаний (Дан. 9, 23), но враг изменил его (вожделение по естеству) в срамное похотение, чтоб похотствовать всякой нечистоты. В уме по естеству есть ревность по Богу, — и без ревности по Богу нет и преспеяния, как написано в Апостоле: ревнуйте о дарованиях больших (1 Кор. 12, 31); но эта ревность по Богу изменилась в нас в ревность неестественную, — чтоб ревновать друг против друга, завидовать и лгать друг другу. В уме есть гнев по естеству, — и без гнева не бывает у человека и чистоты, если не будет он гневаться на все, всеваемое в него врагом, как Финеес, сын Елеазаров, разгневавшись, заклал мужа и жену, и престал гнев Господа на народ Свой (Числ. 25, 7—9); но в нас изменился такой гнев в другой, чтоб гневаться на ближняго из—за всяких вещей, ненужных и бесполезных. Есть в уме ненависть по естеству, так: когда нашла она на Илию, он заклал мерзких пророков (3 Цар. 18, 40), равно и Самуил по ней поступил с Агагом царем Амаликским (1 Цар. 15, 33), — и без ненависти к врагам честь (цена и достоинство) души не обнаруживается; но эта ненависть (естественная) изменилась в нас в неестественную, чтоб ненавидеть ближняго и с отвращением гнушаться им, — и сия—то ненависть изгоняет из нас все добродетели. — Уму свойственно высокоумудрие по естеству пред врагами его; так: когда нашло оно на Иова, то он поношением покрыл врагов своих, говоря им: безчестнии и похуленнии, скудни всякаго блага, ихже не вменя достойными быти псов моих стад (Иов. 30, 1. 4); но это высокоумудрие пред врагами изменилось в нас: смирились мы пред врагами и возвысокоумудрствовали друг перед другом, уязвляя себя взаимно, и праведными себя считая паче ближних, — а за такое высокоумудрие Бог бывает враг

человекам. Вот что создано было с человеком (вложено в него при сотворении), и что, когда вкусил он от преслушания, изменилось в нем в такие страшные страсти.

3. Постараемся же, возлюбленные, попещись о том, чтоб оставить их (страсти), и стяжем то, что показал нам Господь наш Иисус Христос в Святом теле Своем: ибо Он Свят и во святых почивает. Попечемся о себе самих, чтоб угодить Богу, по силе нашей, упражняя деятельные силы свои и устанавливая (как на весах) все члены свои, пока станут они в своем по естеству чине, да обрящем милость в час искушения, имеющего прийти на всю вселенную (Лук. 21, 26), — умоляя непрестанно благодать Его, да соизыдет помощь Его со смирением нашим во спасение нас от врагов наших, ибо Его сила, и помощь, и держава, во веки веков. Аминь.

Слово третье.

О состоянии [10]новоначальных и келлиотов.

1. Первее всего потребно нам смиренномудрие, чтоб при всяком слове, какое слышим, или деле, были мы готовы говорить: прости, ибо смирением разстроиваются все козни врага.
2. Не меряй себя ни в каком деле своем, чтоб быть безмятежну в помыслах своих.
3. Имей лице носящее печать сетования и сокрушения (когда ты один); но с людьми странными (являй его) радушно—приятным, да вселится в тебя страх Божий.
4. Когда пойдешь куда в дорогу с братьями, отдаляйся немножко, чтоб молчать, и идя, не смотри туда и сюда, но поучайся в помысле своем, или молись Богу в сердце своем. В каком месте сделаешь привал, не вольничай, но будь скромностыдлив во всем. К тому, что будет предложено тебе, руку свою протягивай неохотно, будто принуждаемый есть. Юнейшим будучи, не дерзай простереть руку свою, чтоб вложить [11] (какой кусок) в уста другаго. В каком месте придется на ночлеге лечь соснуть не покрывайся одним с другим кем покровом; но прежде чем ляжешь, много сотвори молитв в сердце своем. Если утомился ты от дороги, и желаешь елеем немного натереться труда ради путнаго, одни ноги свои дай натереть, стыдясь при том открывать их; тела же своего (всего) не позволяй себе натереть елеем кроме крайней нужды, или болезни.
5. Если, когда сидишь в келлии своей, придет к тебе брат странный, сделай и ты для него тоже, — натри ноги его и скажи ему: сотвори любовь, возьми немного елея и помажь прочее тело. Ели он не захочет принять охотно, не утруждай его; но, если это — старец—деятель, понудь его, пока не намастишь всего его.
6. Когда сидишь за трапезою с братьями, которых ты моложе, не скажи себе [12]: ешь, но вспомни о грехах своих, чтоб не есть с услаждением. Руку свою протягивай только к тому, что пред тобою, к тому же, что пред другими, не протягивай руки своей. Одежда твоя пусть покрывает ноги твои и колена твои да будут тесно соединены одно с другим. Если будут странники в числе ядущих, подай им потребное с радушным взором; а когда перестанут есть, скажи им дважды или трижды: сотворите любовь, покушайте еще немного. Когда ешь, не поднимай лица своего на того, кто подле тебя, не смотри туда и сюда, не говори слова суетнаго, не протягивай руки своей к тому, что тебе желательно, не сказавши: благослови; а когда пьешь воду, не давай горлу своему издавать гурчание, как (делают) миряне простые.
7. Если, когда сидишь с братьями, подступит мокрота, не извергай ее пред лицом их, а встань и извергни ее вне; не тянись телом своим на виду других: если позывает на зевоту, не открывай уст своих, и она отбежит от тебя; не открывай уст своих для смеха отнюдь, потому что это есть

безстрашие.

8. Не пожелай чего либо братняго, увидев то: одежды ли, или пояса, или кукуля (наглавника), и не исполняй желания своего сделать и себе подобныя им.
9. Если приобретешь себе книгу, не украшай уборы (или отделки) ея, ибо это — страсть.
10. Если погресишь в чем, не лги, стыдись (признаться), но положи поклон, говоря: прости мне, — и грех твой преидет.
11. Если кто скажет тебе жесткое слово, не воздымай на него сердца своего, но поспеши положить ему поклон, прежде чем родится в сердце твоём неудовольствие на него (или чувство обиды), потому что вслед за этим быстро приходит гнев.
12. Если кем напрасно укорен будешь в каком либо деле, не вооружайся против него, но положи поклон, говоря: прости мне, не буду вперед так делать, знаешь ли ты то дело, или не знаешь; ибо все такое есть преспеяние для новоначалья.
13. Когда будешь [13] справлять рукоделие свое, не небрежничай, но постарайся о нем в страхе Божиим, чтоб не погрешить в неведении.
14. Когда учишься какому рукоделию, говори учащему тебя, и не стыдись часто говорить ему: сотвори любовь, посмотри, хорошо—ли это у меня, или нет.
15. Если позовет тебя брат твой, когда ты находишься за рукоделием своим, поспеши узнать, чего он хочет, и сделай то с ним, оставя свое.
16. По окончании трапезы, войди в келлию свою и соверши молитвы свои, а не садись поговорить с теми, от которых не чаешь пользы себе. Но если это — старцы, говорящие слово Божие, то скажи авве своему: сесть ли мне послушать, или идти в келлию свою? и что он тебе скажет, то и сделай.
17. Если он (авва) пошлет тебя на сторону за каким делом, скажи ему: где прикажешь мне остановиться? и то, в чем имеешь нужду; и, что он скажет, сделай то, — не прибавляй и не убавляй.
18. Если услышишь какия слова вне, не тащи их с собою и, пришедши, не пересказывай другому. Если охранишь уши свои, не погрешит язык твой.
19. Когда ты желаешь быть чему, а тот, с кем живешь, не желает тому быть, откажись для него от желания своего, чтоб не произошло прения, и тот не опечалился.
20. Когда поступишь (в какую келлию) жить с братом, как присельник, не давай ему приказаний ни в каком деле, и не желай быть главою над ним.
21. Если будешь жить с другими братьями, не желай равняться с ними и ты в славе их. Если они прикажут тебе что, чего ты не желаешь, поборись с волею своею и сделай то, чтоб не опечалить их и не нарушить бездерзновенности (несмелости говорить, скромности, обязательной для тебя) и мирнаго с ними сожителства.
22. Если будешь жить с братом, и он скажет тебе: свари мне что нибудь, спроси его: что хочешь, чтоб я тебе приготовил? и, если он оставит это в твоей власти, говоря: что хочешь, — приготовь, что найдется, со страхом Божиим.
23. Если живете обще друг с другом (во взаимности или общежительно), и есть какое поделие, делай его и ты; приобщитесь ему все; и не щади ты тела своего, совести ради всех.
24. Каждый день, утром, как встанешь, прежде чем возьмешься за рукоделие, поучись в словесах Божиих; если же нужно что либо привести в порядок: рогожу ли, или сосуд какой, или другое что, сделай то поскорее без лености.

25. Когда есть какое дело с мздовоздаянием, пусть приобщится к нему с тобою и брат твой, — и не завистуйся пред ним; если же есть какое дело малое и скажет один другому: поди делай свое дело, брате, а это я один сделаю, послушайся его: кто слушается, тот и велик.
26. Если зайдет к тебе брат–странник, имей радушное к нему лице, приветствуя его, и ношу, какую он несет, сам понеси, — что опять сделай и когда он пойдет от тебя. Приветствие же твое ему да будет благопристойно и со страхом Божиим, чтоб не потерпел он вреда. Поостерегись спросить его о чем либо, что для тебя не полезно, но попроси его помолиться. Когда сядет он, скажи ему: каково тебе? и остановись на этом слове; затем дай ему книгу, — и пусть читает поучаясь; если же он пришед преутрудившись, дай ему отдохнуть, омой ему ноги. Если он привнесет в беседу с тобою неподобающия слова, попроси его с любовью: прости мне, — я слаб, и не могу сего понести. Если он немоществует, и одеяния его загрязнены, вымой их. Если он прост, и одежды его рубищныя разодраны, почини их. Если он из праздно обходящих, а у тебя будут некоторые верные, не вводи его к ним, но сотвори ему милость в любви Божией. Если же это брат, проходящий ради Бога и зашел к тебе отдохнуть, не отврати лица своего от него, но прими его с радостью вместе с верными, прибывшими к тебе. Если он беден, не отпускай его ни с чем, но дай ему из благословения, каким благословил тебя Бог, ведая, что что имеешь, не твое есть, а есть даяние от Бога.
27. Если брат положит что у тебя, не открывай того без него, чтоб узнать, что там; если же это полагаемое у тебя будет что слишком ценное, скажи ему: дай мне это в руки мои.
28. Если пойдешь на сторону в дом к кому, и тот, вышедши, оставит тебя одного, не поднимай вверх лица своего, чтоб посмотреть, какия у него в доме вещи, и не открывай ничего, ни дверцы какой, ни сосуда, ни книги, а скажи ему, когда будет выходить: дай мне чтонибудь делать, пока придешь, — и что он даст тебе, делай то, не ленясь.
29. Не хвали, чего не видел, а что слышал, о том не говори, как видевший.
30. Никого не презирай из–за одежды его (σχημα).
31. Стоишь ли для воды, или и необходимой ради нужды сидишь, не небрежничай, но помни, что на тебя смотрит Бог.
32. Когда в келлии своей встанешь, чтоб сотворить молитву свою, не небрежничай в нерадении, и вместо воздаяния чести Богу, не окажись прогневающим Его, но стой в страхе Божиим; не прислоняйся к стене, и ног своих не распускай, стоя на одной и поджимая другую, как (делают) неразумные; сердцу же своему противостой, чтобы оно не кружилось в желаниях твоих, да примет Бог жертву твою.
33. Когда поете несколько вас вместе, каждый пусть сотворит молитвы свои (свою часть, по очередно); если будет у вас странник, попросите и его с любовью сотворить молитву, — скажите ему об этом дважды или трижды, без любопрения.
34. В час приношения (безкровной жертвы) противостой помыслам, установив чувства свои в страхе Божиим, да достойно сподобишься (причастия) Св. Таин и исцелит тебя Господь.
35. Смотри, не оставляя тела своего в грязноте неряшливым, да не окрадет тебя тщеславие; а новоначальный пусть оставляет себя во всякой неряшливости в отношении к телу своему, потому что это полезно для него.
36. Новоначальный пусть никогда не носит хорошей одежды, пока не достигнет в возраст мужа: это — врачевство для него. Относительно вина пусть положит себе законом, — до трех чаш в нужде.

В смехе отнюдь да не обнажает зубов своих; лице же свое пусть склоняет долу в благоговейном стыдении. Ложась спать, пусть остается опоясанным поясом своим, и всячески подвизается не влагать рук своих внутрь (под одежду); ибо у тела много страстей, с коими слагается и сердце. Когда нужда бывает идти ему на сторону, пусть надевает сандалии; пока же он в келлии, пусть поподвизается не носить сандалий. Когда идет, руки свои пусть задевает за пояс (или держит прижато к поясу), а не махает ими, как миряне.

37. Когда идешь со старшими тебя, не упреждай их отнюдь. Когда старший останавливается поговорить с кем, не презорствуй и не садись, а стой, пока тот не даст тебе знака, что сделать.

38. Когда ходишь в город или село, очи твои пусть будут поникшими долу, чтоб не поднять против себя браней (когда будешь) в келлии своей.

39. На стороне не оставайся на ночь в чьем либо доме, где сердце твое боится впасть в грех.

40. Когда, имея где-либо вкусить пищи, узнаешь, что там должна вкушать и женщина, ни за что не садись; лучше тебе опечалить позвавшего тебя, нежели соблудить тайно в сердце своем. Если можешь, не взгляни даже на одеяние жен. Если, когда идешь в дороге, женщина скажет тебе: мир ти; ответь ей в сердце своем, долу зря очами своими.

41. Когда идешь в дорогу с старцем каким, ношу, какую имеете с собою, никак не позволяй нести ему; если же вы оба новоначальные, то несите попеременно; но несущий пусть идет впереди.

Слово четвертое.

О спутешествовании живущих в келлиях, и о совести.

1. Когда путь совершаете в дороге, и кто-нибудь из вас немощен, оставьте его идти впереди вас, чтобы он, если захочет есть, сядился.

2. Если вы из новоначальных, и будете на стороне, — наперед, однажды навсегда, установите себе порядки, как поступать, к умывальнице ли подходите, или садитесь за стол, чтоб, когда настанет такой час, вам не мешаться; но если один ныне пойдет первым, в другой раз пусть пойдет другой.

3. Когда спрашиваешь старца о помысле, обнажи пред ним с свободою помысл сей, если знаешь, что старец верен и сохранит слово твое.

4. Когда услышишь о грехе брата твоего, не рассказывай того при ком-нибудь; ибо это смерть для тебя.

5. Когда некие будут говорить о помыслах, борющихся тебя, не желай слушать их, чтоб не было это тебе поводом к брани.

6. Понуждай себя творить много молитв; ибо свет для души твоей есть молитва.

7. Каждый день разсуждай, в чем погрешил; и если помолишься о том, Бог простит тебе.

8. Если какой брат настойчиво станет оговаривать пред тобою брата своего, не постыдись (остановить его) и не поверь ему, чтоб не согрешить пред Богом; но скажи ему со смирением: прости мне, брате; окаянен я, — то что ты говоришь, за мною водится, — и я не могу того понести.

9. Если брат сделает тебе зло, и кто-нибудь станет говорить на него пред тобою, охрани сердце свое, чтоб не возобновилась в тебе злоба; но вспомни о грехах своих пред Богом, — и если желаешь, чтоб Он простил тебе их, — не воздавай ближнему твоему.

10. Если пойдешь на сторону с братьями, которых ты не знаешь, и окажется, что они — меньшие пред тобою, — отдавай им честь первенства во всем. Если случится тебе зайти к другу своему, пускай их впереди себя во всем, к умывальнице ли (подходите) или садитесь за стол; и не делай вида,

будто они приняты ради тебя, но им отдавай эту честь, говоря: это ради вас он сотворил со мною милость.

11. Если идешь в дороге с братом и уклонишься к какому другу своему, сказать ему слово по нужде своей, сказав брату: посиди здесь, — а друг твой удержит тебя вкусить хлеба; ничто да не внидет в уста твои, прежде чем позовешь брата, чтоб и он утешился вместе с тобою.

12. Если идешь в дороге с многими братьями, и стыдишься взять их к другу своему, так как их много; смотри не презри их, и, тайком отшедши, не вкуси хлеба один, оставя их, но вместе с ними размотри, чему быть подобает, — и что они скажут тебе, послушай их со смирением; идя же дорогою с ними, не присвой себе большей меры и не бегай от послушнических послужений.

13. Если пойдешь на сторону и захочешь зайти к брату, а он не пожелает принять тебя; то, когда увидишь его потом в дороге, или он зайдет к тебе не с ведома, окажи ему наибольшее благорасположение.

14. Если услышишь, что кто-нибудь сказал про тебя слово недоброе; то, когда встретишься с ним в каком месте, или он зайдет к тебе, яви к нему лице свое радостно-радушным и благорасположенным по силе твоей, ничего не говоря ему про то, что слышал: зачем ты сказал это? ибо написано в Притчах: кто помнит зло, тот законопреступен.

15. Если вы, братия, зайдете к брату бедному, не печальте его ни какую потребою; но купите себе все потребное для подкрепления себя пищею, так чтобы избытки остались для него, — (от него же) довольно с вас крова, какой нашли.

16. Если зайдешь к каким старцам, знаемым тебе, и будут с тобою другие, неизвестные старцам, — не выказывай при них особаго дерзновения к старцам, но пришедшим с тобою уступи место говорить о своих помыслах.

17. Когда будут жить с тобою братья, попекись о них со строгостию, если будут слушать тебя, зная, что дашь за них отчет Богу.

18. Если отойдешь куда, как странник Бога ради, не желай входить в связи с теми, кои в том месте, и словом своим не вяжись с ними; потому что (в таком случае) более для тебя полезно быть с сродниками по плоти.

19. Если пойдешь на гору побывать у братий в монастырях, то к кому зайдешь (сначала), у того и будь, и к другому не переходи, не спросивши у этого: пойти ли мне или нет? Если он недоволен будет этим, не опечаливай его, пока не выйдешь оттуда.

20. Если (на чужбине) возьмешь келлию, чтоб жить в ней, не попускай себе (иметь) многих друзей, — довольно с тебя одного, на случай немощи; и не погубишь силы (δυναμιν, значения, веса) странничества своего.

21. Когда сделаешь благодеяние бедному (брату), не призывай его на подение свое, чтоб не погубить благодеяния, какое сделал ты ему.

22. Если войдешь в монастырь (пустынное обиталище), котораго не знаешь; то где позволит тебе жить (обитатель его), там и живи, и в другую келлию не входи, пока он сам не позовет тебя.

23. Если безмолвствуешь в келлии своей, и брат попросит у тебя какой-либо вещи на потребу свою, то не оставляй для себя этой вещи, потому что иначе нарушишь заповедь относительно брата твоего. Но если ты имеешь вещи только потребныя тебе, а не излишния; то не расточай их на смущение свое: ибо полезнее погубить один из членов своих, а не всему телу твоему ввержену быть в геенну.

24. Если удалился ты от сродников по плоти, чтоб быть странником Бога ради, то не попускай сластному сочувствию к ним (чувству приятности от сопребывания с ними) войти в тебя; и, сидя в келлии, не тревожься сожалением об отце или матери, или воспоминанием о брате или сестре, или сердоболием к детям, или желанием жены в сердце своем, — что все оставил ты; но вспоминай об исходе своем в нужде смертной. Так как никто из них не поможет тебе тогда, то почему не оставить тебе (их) ради добродетели?
25. Когда, безмолвствуя в келлии своей, вспомнишь о ком, сделавшем тебе зло, встань и помолись Богу от всего сердца своего, чтоб Он простил ему, — и помысл отмщения отойдет от тебя.
26. Когда пойдешь причаститься Таин приношения, охраняй всячески помысл свой (или блюдись от всякаго сторонняго помысла), да не причастишься в суд себе.
27. Если искушен будешь срамным мечтанием ночью, храни сердце свое не помышлять о том днем, какия лица были в мечтании, чтоб не оскверниться сластию их и ненавести на себя лютаго гнева; но припадай к Богу всем сердцем своим, — и Он поможет тебе; ибо Он милосерд к немощи человеческой.
28. Если держишь строгое подвижничество, да не понадеется на него сердце твое, помышляя в себе, будто оно хранит тебя; но скажи помыслу своему, что, ради измождения тела, Бог внимает (молитве) окаянства моего (и хранит меня).
29. Если кто поносить будет тебя, не противоречь ему, пока замолчит; потом, если, испытав себя, найдешь в себе то, что слышал от него, покайся, что ты согрешил, — и благодать Божия примет вас опять.
30. Когда путешествуешь с братьями, и будет между ними такой, к которому ты имеешь любовь Бога ради, не показывай особой к нему близости, на виду тех; не нашелся бы между ними немощный и не умер бы от ревности, — и ты понесешь грех его, потому что подал ему повод согрешить.
31. Когда пойдешь к неким, не ожидай, что они рады будут тебе очень; чтоб, когда примут тебя, возблагодарил ты Бога.
32. Если схватит тебя немощь, когда безмолвствуешь в келлии, не малодушествуй, но возблаговари Бога; если увидишь, что душа твоя мятется от того, скажи ей: не лучше ли для тебя эта немощь, чем геенна, в которую имеешь пойти? — и она успокоится в тебе.
33. Если придешь к братьям, и один из них скажет тебе: не нахожу здесь покоя, но хочу жить с тобою; не давай ему места, чтоб не дать претыкания прочим. Если же он скажет тебе: умирает душа моя, по причине некоей скрытной вещи; дай ему способ бежать, но с собою все же не позволяй жить.
34. Сидя же на безмолвии в келлии своей, положи себе относительно пищи правилом — давать потребное телу своему, чтоб оно носило тебя и давало совершать службы твои молитвенныя, и чтоб тебе не хотелось ходить к другим; ничего не ешь в сласть, в удовлетворение похоти вкуса, добрая ли то снедь, или не из добрых; если будет нужда посетить, — брата ли какого, или киновию, никакой сладкой снеди, каковая найдется там, не давай телу своему вдоволь, чтоб захотелось ему поскорее идти в келлию, и не сделалось оно предателем себя самого.
35. Если демоны станут склонять сердце твое на подвиги выше сил твоих, не слушай их; ибо они обычно разгорячают человека на всякое дело, для котораго он не силен, чтоб он попал в руки их, и они порадовались над ним. Ешь однажды в день и давай телу своему потребное столько, чтоб вставать, когда еще хотелось бы (поесть). Бдение свое совершай благочестно, и не лишай тела своего

потребного ему, но с разумом и мерностью твори молитвы свои, чтоб иначе от слишком большого бдения не помрачилась душа твоя, и не сбежала с поприща. Половины ночи довольно тебе для молитв твоих, и половины — для покоя телу; прежде отхода ко сну проведи два часа в молитве и псалмопении, — и ляжь почить; а когда Господь возставит тебя, твори опять молитвы свои с усердием. Если увидишь, что тело твое ленится, скажи ему: или хочешь покоя в это краткое время, а там — быть вверженным во тьму кромешную? И если по немногу будешь так возставлять себя, придет к тебе сила (к бодренности).

36. Не держи дружбы с людьми, которых совесть твоя боится увидеть другими (нежели как кажется, и нежели как тебе желательно, — или боится, что чрез них с другими спознаешься), да не дашь преткновения в ведении.

37. Если ты — в монастыре, и, имея раба, держишь его при себе, то подвергаешь поношению иноческий чин; если же подаришь его брату, согрешишь пред Богом. Но или отпусти его, — и пусть идет, или сделай его свободным. Если он захочет быть монахом, сам узрит (или как знает). Ты же не оставляй его с собою, ибо это бесполезно для души твоей.

38. Если ты, живя в городе, измождаешь тело свое Бога ради, — и человечество тамошнее, в ревности, станет чтить тебя за это, оставь его и устройся в другом месте — чтоб труд твой не сделался бесплодным; но если ты победил уже тщеславие, не внимай человечеству, зная, что Бог вместе с тобою благоволяет тому, что ты творишь.

39. Если отрекся ты от мира, то совершенно ничего не оставляй при себе; и если увидишь в себе желание походить, то поболее потруди тело свое рукоделием, чтоб безмолвствовать в келлии своей, мирно вкушая хлеб свой.

40. Если пойдешь в город продавать рукоделие свое, не спорь из-за цены его, как миряне, но отдай его, как случится, — чтоб не погубить силы (значения) келлии своей.

41. Когда покупаешь что-нибудь, в чем имеешь нужду, не спорь, что больше того-то не дам за это; но если желаешь ту вещь, понудь себя немного (заплатить требуемое); если же не имеешь цены ей, оставь ее молча. Когда начнут потом мучить тебя помыслы; где же возьмешь? скажи им: се я стал теперь, как все святые, которых Бог искушал бедностию, пока не узнавал, что произволение их верно, — и тогда уже выводил их на широту (довольства).

42. Если брат положит у тебя какую вещь, и ты поимеешь нужду в ней, не касайся ее без него, если не сказал ему (об этом прежде).

43. Если брат, отходя на сторону, скажет тебе: купи у меня такую-то вещь; то, если можешь купить то, купи у него. — Впрочем, если ты живешь с другими, не делай этого без их ведома и мнения, иначе оскорбишь ты сожительствующих с тобою.

44. Если будет тебе нужда побывать в селе своем за каким либо делом, поостерегись позволять себе особую вольность в обращении с сродниками по плоти, и не вмешивайся в разговоры их.

45. Если возьмешь что на временное пользование у брата своего, не неради, но постарайся отдать ему то поскорее. Если же это будет какое либо рабочее орудие, то отдай его тотчас, как кончишь дело свое. Если оно сломается у тебя, почини, или новое сделай: не понеради о сем.

46. Если ссудишь что либо брату бедному в нужде его, — и видишь, что он не может отдать, не докучай ему и не тесни его, что бы там ни было, деньги ли или одежда, — что бы ты ни дал ему по силе своей.

47. Если, пришедши в какое место жить, возьмешь келлию, и, устроая все в ней потребное, истратишься на нее, а по времени оставишь ее, и в ней станет жить какой либо брат, ты же потом опять воротишься туда, — не вытесняй его, но поищи себе другую келлию, чтоб не согрешить пред Богом. Но если тот по собственному произволению удалится из нея, ты чист будешь от всякой вины. Если оставил ты какия вещи в келлии, а он истратил их, не взыскивай их с него.
48. Когда удаляешься из келлии, смотри не бери с собою нужных в ней вещей, а оставь их в ней для брата беднаго; и Бог благоустроит тебя там, куда отойдешь.
49. Всякий помысл, борющийся тебя, не стыдись сказывать набольшему своему, и будешь облегчаться от него: ибо духи ни в ком так не имеют места, как в человеке, умалчивающем о своих помыслах, хорошие ли они, или худые.
50. Блюдись, приступая к причащению, иметь зло на брата своего; ибо в таком случае ты сам себя обольщаешь.
51. Если откроется тебе в словах Писания какой либо переносный (аллегорический) смысл, — толкуй их аллегорически, но не разорай и буквы (или буквального смысла), чтоб не верить своему разуму более, чем Святому Писанию; ибо это — знак гордости.
52. Если брат твой, прельстившись словами еретиков, уклонится от веры по неведению, а потом опять обратится, не презирай его; ибо это было у него дело неведения.
53. Блюдись разговаривать с еретиками, желая отстоять веру; чтоб яд скверных слов их как нибудь не уязвил тебя (самого).
54. Если встретишь книгу, которая слывет еретическою, не желай прочитатъ ее, чтоб не наполнить сердца своего ядом смертоносным; но содержи то, в чем просвещен, ничего не прибавляя к тому, и ничего не убавляя от того.
55. Блуди себя от лжеименнаго разума, противящагося здравому учению, как сказал Апостол (1 Тим. 6, 20; 1, 10).
56. Если ты юн и не поработил еще тела, то слыша о высоких добродетелях отцев, и устремясь к ним, не возмечтай достигнуть их предаваясь покою: не придут оне к тебе, если не будешь притрудно возделывать их, а если будешь, оне сами собою придут к тебе.
57. Храни себя от уныния; ибо оно уничтожает плод монаха.
58. Когда подвизаешься против какой страсти, не малодушествуй; но повергни себя пред Богом, говоря от всего сердца своего: не могу я против этого; помоги мне бедному, — и успокоишься.
59. Если срамота насеется в сердце твое, когда сидишь в келлии своей, смотри, воспротивься душе твоей, чтоб она не взяла верха над тобою; поспеши вспомнить о Боге, что Он внимательно смотрит на тебя, и что все, о чем помышляешь ты в сердце своем, открыто пред лицом Его; и скажи душе своей: если ты боишься подобных себе грешников, чтоб они не видали грехов твоих, сколь более (должна ты бояться) Бога, внимательно на всех смотрящаго? Из такого внушения душе откроется в ней страх Божий, — и если ты пребудешь с ним, то будешь недвижим на страсти, как написано: надеющиеся на Господа, яко Гора Сион: не подвижутся в век живый во Иерусалиме (Пс. 124, 1).
60. Если ты — в подвиге, противостоишь вражьей силе, — и увидишь, что она подалась пред тобою в изнеможении, и бежит вспять, — да не радуется тому сердце твое; потому что злой ков, устрояемый тебе духами сими, находится позади их, и они уготовляют тебе брань, злейшую первой. Они оставляют особую бранную рать в засаде, — позади города, и приказывают ей не двигаться.

Когда потом ты, вступив против них, воспротивишься им, они бегут пред лицом твоим будто в изнеможении; но когда вознесется сердце твое тем, что ты прогнал их, — и ты оставишь город, тогда из них одни сзади воздвигнутся против тебя, другие станут против спереди, ставя бедную душу посреде себя, так что ей не будет уже убежища. — Город этот есть — повергать себя от всего сердца, пред Богом, спасающим тебя от всех браней вражьих.

61. Если молишься Богу о брани, чтоб Он взял ее от тебя, и Он не слышит тебя, не малодушествуй; ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе. Но когда молишь Бога о всяком прощении твоём во время брани, не говори: возьми от меня то-то, и дай то-то; а молись, говоря так: Господи, Иисусе Христе, помоги мне, и не попусти мне согрешить против Тебя, ибо я заблудился; не попусти мне последовать воле своей; не попусти мне погибнуть во грехах моих; ущебри Твое создание; не презри меня, яко немощен есмь; не остави меня, яко к Тебе прибегах; исцели душу мою, яко согреших Тебе; предо мною все, стужающие мне, — и нет мне прибежища, разве к Тебе, Господи; Господи, спаси меня ради щедрот Твоих; да постыдятся все, возстающие на меня, ищущие душу мою — истребить ее; ибо Ты, Господи, силен во всем, и чрез Тебя есть слава Богу и Отцу, и Духу Святому, во веки, Аминь. — Тогда совесть втайне скажет сердцу твоему, ради какого дела не внемлет тебе Бог; твое же дело будет потом не пренебречь того, но что ни скажет она тебе сделать, сделай. Нельзя тому быть, чтоб Бог не слышал человека, когда человек не преслушает Бога. Он недалеко от человека, но пожелания наши не пускают Ему услышать нас. Никто да не прельстит тебя: как земля не может плода приносить сама по себе, без осеменения и орошения, так невозможно человеку приносить плоды (добра) без злострадания (самоозлобления, самоумерщвления) и смиренномудрия.

62. Будем же стоять, возлюбленные, в страхе Божиим, сохраняя и соблюдая делание добродетелей (то практиков — практику — τῶν ἀρετῶν), не причиняя преткновения совести нашей, но внимая себе в страхе Божиим, пока и она освободит себя вместе с нами, чтобы было между нами и ею единение. Тогда прочее она будет для нас стражем, показывая нам все, в отношении к чему надлежит отсекасть [14] (волю свою). Если же мы не станем слушать ее, то она отступит от нас и оставит нас; и мы впадем в руки врагов наших, от которых не будет уже нам никакой милости, как научил нас Владыка наш, говоря: буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним: да не предаст тебе соперник судии, и судия ты предаст слуге, и в темницу ввержен будеши. Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант (Мф. 5, 25. 26). — Говорят, что совесть есть соперник, потому что она противится человеку, когда он желает сотворить волю плоти своей, и если человек не послушает ее, то предаст его врагам его. Почему Осия, оплакивая Ефрема, говорил: соодоле Ефрем соперника своего, попра суд (Осии 5, 11): Египта взыскал, и к Ассирианам взят невольню (Осии 7, 11). Египет означает то, что сердце взыскало собственных хотений плоти; а «к Ассирианам взят невольню» то означает, что хотя и нехотя работает врагам.

63. Позаботимся же о себе, возлюбленные, чтоб не впасть нам в руки воли своей плотской, — и она не отдала нас против воли Ассирианам. Прослушаем (следующее) горькое слово: пришел царь ассирийский в землю Израилеву, и переселил Ефрема и Израиля к Ассирианам, и поселил их на Елее и Аморе, реках Хузанских; и суть они там до сего дня. Тогда послал царь ассирийский (некоторых) из народа своего и повелел им жить в земле Израильской; и каждый из них сделал себе истукан, — и поклонялся ему. И се там суть они до днесь (4 Цар. 17, 6. 24, 25, 29). Случилось же это с Ефремом за

то, что он соодоле соперника своего и попра суд.

64. Узнали—ль вы теперь, братие, участь последующих волям своим злым и попирающих совесть свою, — что постигло их? — Не будем же ревновать им, возлюбленные, но поревнуем святым, не послушавшим греха даже до смерти, а слушавшимся святой совести своей, и наследовавшим царство небесное. Каждый из них скончался в непорочности в роде своем, но имена их соделались неизгладимыми во все роды. — Возьмем в пример возлюбленного Иакова, слушавшагося во всем родителей своих по Богу, который, приняв (от них) благословение, восхотел пойти в Месопотамию, чтобы там стяжать себе детей; ибо не хотел иметь их от дочерей Хананейских, которые непокорны были родителям своим. Тогда взяв жезл свой и сосуд елея, пришел он на место Вефиль, — что толкуется — дом Божий, и почил там, — и видел в откровении ночью образ лестницы, простирающейся от неба до земли, и Ангелов Божиих восходящих по ней. — Господь же утверждался на ней. Это есть знамение грядущему работать Богу, — что хотя в начале открывается ему лик добродетелей, но если не сотворит он труда ради их, то не достигнет Бога. Встал Иаков и положил Завет с Богом, что будет рабом Его, — и укрепил его Бог, говоря: буду с тобою и сохраню тебя (Быт. 28, 1—15). Так пришел он в Месопотамию, чтобы взять себе жену на месте том, и увидев Рахиль, дочь брата матери своей, полюбил ее, и работал за нее семь лет; но ее не дали ему, пока не взял прежде Лию. И остается бесплодною Рахиль, пока не проработал он за нее других семь лет. Вот что означает слово (сказание) сие.

65. Называется (страна та) Месопотамиею, потому что находится между двух рек: первой имя Тигр, а второй — Евфрат; первая течет насупротив Ассириан, вторая не имеет врага (препон), но называется текущею на просторе. Тигр, толкуется, — разсуждение, а Евфрат — смиренномудрие. Лия берется во образ телесных трудов, а Рахиль представляет образ истинного созерцания. Сбывается же это на человеке, сущем в Месопотамии, который, с разсуждением совершая телесные труды, противостоит враждебности Ассириан, а посредством смирения восходит к истинному созерцанию. — Но Рахиль не раждала ему, пока Лия не породила всех чад своих, и он не проработал за Рахиль других семь лет. Это вот что означает, — что если человек не совершит всего деятельного поприща, истинное созерцание не получает в нем свободы (или свободного проявления), Жены хотя обе были его, но он любил Рахиль более Лии; потому что у этой очи были, болезненны. — Рахиль же бе красна взором зело (Быт. 29, 17). Вот что означает сказанное, что первая жена болезненная имела очи, — т. — е., что, пока человек пребывает в телесных (трудах), дотоле еще не видит он славы истинного созерцания; ибо враг по обычаю примешивает к делу его человекоугодие; но ему не следует внимать сему. — Когда Лия перестала на время раждать, то дала мужу своему Зелфу, рабыню свою; и потом приложила еще родить и нарекла имя рожденному Ассир, что толкуется — богатство. Когда Лия перестала раждать, тогда Бог вспомянул о Рахили (Быт. 30, 22). Это означает, что, когда телесные труды стяжут (очистят) чувства, и они освободятся от страстей, тогда истинное созерцание открывает уму свои славы (или — открывает себя уму в полной славе). — Хотя сыны Лии были в помощь Иакову, но он любил Иосифа паче всех. Это означает, что хотя и телесные труды охраняют человека от врага, но с Богом сочетавает его истинное созерцание. — Почему, как только увидел Иаков Иосифа, тут же восхотел возвратиться к родителям своим (Быт. 30, 25), так как увидел, что родился ему Царь над братьями. Когда, далее, перевел Иаков все ополчение (стан, караван) свое чрез поток Иамох (слав. и русс. — Иавок), и остался на другой стороне один, тогда приял радость

благословения от Бога, сказавшего ему: не прозвется ктому имя твое Иаков, но Израиль (Быт. 32, 28), Иаковом назван он потому, что запыл врага, — (и назывался так), пока не удостоился такого благословения и не спас (от плена) чувств своих, бывших в руке врага. Когда же освободились они у него, тогда переименован он Израилем, т. — е. умом, зрящим Бога. Ибо, когда ум достигнет того, чтоб увидеть славу Божества, тогда боится его враждебная неприязнь. Почему, хотя Исав выходит на встречу ему в горечи, но смиренномудрие Иакова погашает злобу его; и не он уже сам (Иаков) поборает его (Исава), но его повержение себя пред лицом Бога. Хотя враг будет завидовать человеку, видя великую славу, какой он достиг, но не может насиловать его, потому что Бог есть помогаяй ему, как написано: возвратись в землю рождения твоего, и Я буду с тобою (Быт. 31, 3). — Наконец, пришел он в Салим, и купил там поле, и устроил на нем жертвенник Господу, услышавшему его в день скорби (Быт. 33, 19. 20). Имя Салим есть мир, т. — е.: когда пройдет человек брань, в которой покровительствует ему Бог, тогда достигает состояния мира. — И поставил Иаков жертвенник из двенадцати камней, и принес на нем в земле обетования (жертву Богу) от трудов работы, какую совершил в Месопотамии.

66. Таков был и возлюбленный Моисей, который, когда извел народ из Египта, спас его от руки Фараона, перевел его чрез Красное море и увидел смерть всех врагов его, послал Иисуса истребить Амалика, а сам пребыл стоящим на вершине горы (в молитве), и руки его были поддерживаемы Аароном и Ором, чтоб оне не отступали от знамения креста. Когда потом Иисус, истребив Амалика, с радостью возвратился, тогда Моисей построил жертвенник под горою из двенадцати камней, и дал месту тому имя: Господь мое прибежище (Исх. 17, 15), потому что с Амаликом воюет Бог невидимою рукою. — Имя Амалик означает уныние. Ибо, когда начнет человек убегать от пожеланий своих, и оставит грехи свои, и прибегнет к Богу, тогда уныние, — первое, — воюет против него, желая опять возвратить его на грехи его. Прогоняется сие уныние прилежным к Богу приседением, приседению сему благоприятствует воздержание, воздержание сохраняется телесными трудами; и чрез них—то освобождается Израиль. Тогда воздает человек благодарение Богу, говоря: немощен я; но Ты мне помощник от рода родов.

67. Таков был и Пророк великий Илия. Не мог он истребить всех скверных пророков, противопоставленных ему, прежде чем воздвиг жертвенник из двенадцати камней, и накла на него поленьев дров, и возложил на них святую жертву, и облил все водою, и Бог был для него огнем, поядающим жертвенник и что на нем. Тогда уже, в час оный воздержноествовал он против врагов своих (3 Цар. 18, 40 и д.). — Когда же истребил он их, так что ни одного не осталось; тогда воздал благодарение Богу, говоря: Ты — во всем сем; ибо написано, что он положил лице свое между коленами своими (3 Цар. 18, 42). Так, если ум тщательно будет стоять над чувствами своими, то приобретает безсмертие (или присноживотную жизнь), и безсмертие (присноживотная жизнь) приводит его к словам сим, которыя открывает ему Бог. Когда, потом, отрочищ Илии воззрит и не увидит ни одной из семи страстей возбуждаемою, тогда узревает облак мал, аки след ноги мужеския, возносящий воду из моря: что есть упокоение (— —43. 44) Святаго Утешителя. — Безсмертие вот что есть — иметь труды здоровыми (целыми и сохранными), и не возвращаться на то, о прощении чего молишься. Ибо, когда Бог примет труды человека, и то, что он делает целым, сохранится от вражьей силы, тогда не возмогут стоять против него враги его; когда увидят они, что нет хотения ихняго в нем, тогда сами собою исчезают, как написано: да призовете имена богов ваших, и аз

призову имя Господа Бога моего, и будет Бог, иже аще послушает огнем, той есть Бог (3 Цар. 18, 24). (Призываху... и не бе гласа, ни послушания — 26). Так бывает со всем, что вражью силою всевается в человека: в нехотящем не могут враги совершить хотения своего; они всю силу напрягают (чтоб преклонить на свою сторону), но человек Божий не слушает их, потому что не хочет того сердце его, сущее в воле Божией, — как написано: призовите имя Бога вашего, и я призову имя Господа Бога моего; но как воля их не была в Нем, то Он ни в чем не услышал их.

68. Все такое бывает со всеми, последующими воле Божией и хранящими заповеди Его. Для тогдашних мужей это были прообразы, написано же в назидание нам, решившимся шествовать по стопам их, подвизавшихся стяжать бессмертие, которое сохранило их от всех стрел врага. Они привергли себя под кров Бога, молясь о помощи Его, потому что не полагались ни на какой труд свой; и покров Божий был для них градом ограждения. Они веровали, что без помощи Божией ничего не могут, и во смирении говорили с Псалмопевцем: аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждушии: аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий (Пс. 126, 1). Бог же, когда видит, что ум покорился Ему всюю силою, и не имеет поглотити в другом ком, кроме Его, исполняет его силою, говоря: не бойся Иакове, малый Израилю (Ис. 41, 14), — и опять: не бойся, яко избивих тя, (и) прозвах тя именем твоим: Мой еси ты. И аще преходиши сквозе воду, с тобою есмь, и реки не покрюют тебе: и аще сквозе огонь пройдеши, не сожжешися, и пламень не опалит тебе, Яко Аз Господь Бог твой, Святыи Израилев, спасая тя (Ис. 43, 1—3). Когда ум услышит такое воодушевительное слово, то смело возстает против вражьей силы, говоря: кто прайся со мною?... да приблизится ко мне. Се Господь, Господь поможет ми: Кто озлобит мя? Се вси вы, яко риза обетшаєте, и яко молие изъяст вы (Ис. 50, 8. 9). Но силен Бог (сделать), чтоб и мы обрелись в числе тех, кои имея смирение, были сохранены им, так как оно было для них шлемом и охранило их от всех стрел врага, — благодатию Бога, Коего сила и слава и держава, во веки веков. Аминь.

Слово пятое.

О заповедях верным; и о домостроительстве желающих в мире жить вместе друг с другом.

1. Когда идете вместе дорогою, внимайте во всем помыслу слабейшаго между вами, поймет ли он нужду отдохнуть немного, или принять пищи несколько прежде времени.

2. Когда выйдете вместе на какое дело, каждый из вас себе да внимает, а не брату своему: ни учить его пусть не учит, ни приказывать что пусть не приказывает.

3. Когда делаете какое поделие в келлии, или устроете что, — очаг, напр., или другое что; делающаго свое дело, оставляйте делать, как он хочет. Но если он скажет: сотворите любовь, научите меня, потому что я не умею (как сделать то и то), а между вами есть умеющий (то делать); да не слукавит он и не скажет: сам не умею, — такое смирение не по Богу.

4. Если брат твой делает какое дело (не как должно) и ты видишь это, — не скажи ему: ты это испортил. Но если он скажет: сотвори любовь, научи меня, ты же не научишь, а промолчишь; то нет в тебе любви Божией, — потому что держишь (в сердце) лукавство.

5. Если брат твой сварит варево, и будет оно не так хорошо, не скажи ему: худо ты сварил; ибо в этом смерть для души твоей. Но подумай лучше, как было бы тебе прискорбно, елиб пришлось самому услышать это от другаго, — и успокоишься.

6. Когда поете вместе, и кто-нибудь ошибется в слове, не сказывайте ему об этом и не смущайте его; если и пропустит слово, — пусть пропущено (остается). Но если он (наперед) скажет: сотворите

любовь, сказывайте мне (если ошибусь, или пропушу), сказывайте ему.

7. Когда вкушаете что за трапезою, и кому-либо из вас не желательна такая пища, пусть не говорит он: этого я не могу есть; но ради Бога даже до смерти пусть понудит себя (или смолчать, или есть, как другие), — и Бог успокоит его.

8. Когда вместе делаете какое дело, и ктонибудь из вас, по малодушию, перестанет (работать), не упрекайте его, но паче соблаговолите ему, или поблажьте.

9. Когда зайдут к вам братия, отнюдь не спрашивайте их ни о чем, что может во вред послужить вам, чтоб не осталось вам от них в келлии пленение (смущение, рана в сердце). Но если зашедший, немогши удержаться, скажет кому либо из вас нечто такое, что, как замечено, может во вред послужить вам; то услышавший, пусть никому из братьий не пересказывает того, а промолчит, — чтоб пленение то (как пришло, так и) прошло у него одного, — и не наполнил он сердце их ядом смертоносным.

10. Когда пойдешь на сторону, по какой либо нужде, никого не спрашивай ни о чем неподобающем тебе, чтоб целым (неповрежденным) войти тебе опять в келлию свою. Если же что услышишь не хотя; того пришедши не пересказывай братьям своим.

11. Когда бываете на стороне, ни в чем не позволяйте себе вольности, куда ни войдете, чтоб (видящие) благообразие (вашего поведения) пользу получили от вас; особенно (не послабляйте себе) в тайном и видимо являемом молчании: ибо все те страсти (промахи в поведении от вольности) оказываются в ином немощном (брате), по причине бездействия (или опустения) сердца его, — что не видит он грехов своих. (Ведайте, что) помощь Божия, упование, тихонравие, совестность, оставление воли своей, и нуждение себя во всем — имеют место в сердце смиренномудром; а высокоумие, любопрение, почитание себя знающим более брата своего, попираание совести, невнимание к тому, что брат твой скорбит на тебя, со словом: какое мне до того дело — имеют место в сердце жестоком.

12. Когда сидишь за рукоделием своим, и войдет в келлию твою брат твой, отнюдь не гадай, ты ли наработал более его, или он более тебя.

13. Если работаешь с немощным, не любопрись в сердце своем желая наделать более его.

14. Если брат твой, делая какое либо дело, испортит его, ничего не говори ему об этом, если он сам не скажет тебе: сотвори любовь, брате, поучи меня, и если ты, зная (как сделать), промолчишь, то в этом смерть тебе.

15. Когда творите рукоделие ваше, какое бы оно ни было, употребите усилие, не разузнавать, что ты наработал в неделю и что брат твой; ибо это знак необученности.

16. Когда пойдешь на работу с братьями своими, не желай, чтоб они узнали, что ты более наработал, чем они. Вот что требует Бог от человека: чтоб всякое дело, делаемое им, делал он втайне.

17. Если брат твой по малодушию ответит тебе словом (недовольного), потерпи его с радостию; ибо если размотришь (случившееся) судом Божеским (праведным, нелицеприятным), то найдешь, что ты погрешил (а не брат).

18. Если живешь с братьями, и помысл твой захочет стеснить тебя (более обыкновенного) в употреблении пищи, скажи помыслу своему: (брат) немощный, здесь живущий, есть владыка мой. Если решительно желаешь увеличить воздержание, возьми себе малую келлию особую, — а брата своего немощного не смущай.

19. Если зайдет к вам брат–странник, о котором прежде слышали вы, что он φιλοσηματικός ἐστι, — любит показность (или любит рисоваться, представлять себя многознающим, подвижником и проч.), не пытайте его об этом на словах, пока сам собою не обнаружится этот недостаток его; но (и после) поостерегитесь сделать что либо, сообразно с тем, что узнали, потому что если поймет это брат, то оскорбится.
20. Если желаешь что взять, имея в том нужду, не ропщи на брата своего (говоря в себе): почему не догадался он дать мне то сам от себя; но скажи ему дерзновенно в простоте: сотвори любовь, дай мне то–то, потому что имею в том нужду. Это и есть святая чистота (или прямота) сердечная. Если же ты не скажешь, а между тем будешь роптать и укорять (брата) в сердце своем, то ты неправ.
21. Если зайдет у вас речь о каком либо слове Писания, знающий его и понимающий, по силе своей, пусть волю свою несет (или держит) позади брата своего (уступает ему), — и упокоит брата своего в радости. — Слово, котораго паче всего искать должно, есть сие: смирять себя пред братом своим.
22. Кто держит во внимании страшный суд, на который имеет предстать, тот всячески усиливается достигнуть, да не заградятся уста его, не находя что сказать в оправдание, в страшный час тот.
23. Не разведывайте о делах века сего, чтоб не стать подобными тем местам, в которых всякий идет отлагать испражнения чрева своего, и в которых потому большое бывает зловоние. Но будьте паче жертвенником Богу чистым, устроая внутрь себя иерея (духовнаго), который всегда утром и вечером возлагал бы фимиам (на сей жертвенник). Не оставляйте никогда сего жертвенника без фимиама; но понуждайте себя непрестанно (возноситься) пред лице Господа со всяким молением, да дарует Он вам простоту и детскую невинность и возьмет от вас противное тому, именно: вселукавство, бесовскую мудрость, любопытство (блуждание всюду, чтоб то видеть, другое слышать), самолюбие и злосердечие; ибо все такое истребляет труды тех, кои так действуют. Конец же всего этого: если человек разумно боится Бога и внимает с покорностию совести своей по Богу, то о всем сказанном научит он сам себя втайне. Когда же там (внутри) не будет домовладыки онаго (страха Божия), тогда у такого человека беднаго дом (внутреннее) брошен бывает на произвол, и всякий желающий говорит в нем, что хочет; потому что сердце его не под его состоит властью, а под властью врагов.
24. Если предлежит вам выдти на какую небольшую работу, никто да не презирает другаго, и не выходит один, оставя брата своего, мучиться совестию в келлии; но пусть скажет ему с любовью: хочешь идти? Пойдем. — И если увидит, что брат не имеет покоя (не спокоен духом) в тот час, или немоществует телом, пусть не спорит, настаивая ныне идти непременно, но пусть отложит на несколько, и идет в келлию свою в сострадательной (к брату) любви. Блюдитесь в чем либо противиться брату, чтоб не оскорбить его.
25. Кто живет с отцем, или братом своим, пусть не совещається ни о чем с кем либо из посторонних, но о всем — с тем, кто живет с ним: в этом мир и послушание.
26. Если живешь с отцем своим, или братом, смотри не окажись имеющим с кем либо дружбу втайне, или пишушим к кому либо письма тайком, не желая, чтоб знали о сем те, кои с тобою: этим ты и себя губить будешь, и их.
27. Если живешь с тем, кто больше тебя, смотри, не спросивши его, не делай для беднаго какого либо благотворительнаго дела — не делай этого тайком.
28. Спрашивая о помыслах, спрашивай не после того, как исполнишь их; но сказывай о том, что борет тебя в настоящее время. О перемене ли места жительства, или научении рукоделью, и о

перемене рукоделья, о вступлении ли в сожителство с кем, или об оставлении такого сожителства с кем, — о всем спрашивай свободно, но прежде, чем сделаешь что делом. Также о немощах душевных и о страстях телесных (спрашивай), когда (помыслы) еще подушают тебя на это — и спрашивая не то говори, что ты еще не сделал ничего по сим внушениям, но спрашивай о ране, говоря, что ты уже уранен, чтоб получить врачевство против раны.

29. Когда спрашиваешь о помыслах своих, не будь лицемером, и не говори одного вместо другого, или (не давай такого оборота речи) будто другой некто так и так поступил; но говори истину, и уготовь себя сделать, что тебе ни скажут. (Действуя) иначе, сам над собою посмеваешься, а не над старцами, которых спрашиваешь.

30. Когда спрашиваешь старцев о брани, не слушай тех, которые внутри говорят тебе больше старцев; но прежде помолись Богу, говоря: сотвори со мною милость, и что благоугодно Тебе о мне, внуши отцам моим сказать то мне; и потом, что ни скажут тебе отцы, сделай то с верою, и Бог успокоит тебя.

31. Когда живешь с братьями и не находишь упокоения по каким либо причинам: или по причине рукоделья, или по причине связности (и тесноты жизни), или по причине покойности жизни, или по причине невозможности терпеть (встречаемая неприятности), или по причине уныния, или потому что желаешь убезмолвиться, или потому что не можешь нести ига (подчинения), или потому что не имеешь возможности делать что желательно тебе, или потому что не имеешь всего потребнаго тебе или потому, что желаешь утеснить себя большими лишениями, или потому, что немощен и не можешь нести труда (что у них), — или вообще, какая бы ни была причина, побуждающая сердце твое отойти от них, — смотри, не соглашайся отойти, не сбрасывай ига и не уходи с печалию, — или не убегай скрытно в чувстве оскорбления (на них), или в то время, когда внутри тебя (в силе) пребывает укор им и оуждение их, не вспомнив, по причине покрывшаго тебя озлобления на них, о братстве твоём с ними, — но паче поищи для сего времени мира, чтоб сердце твое покойно было, куда бы ты ни отошел, оуждение же их на себя взвали, ни в чем не осуждая братьий, с коими жил; не слушайся врагов твоих, (если они будут внушать тебе) преложить благодеяния их (братьий) в злодеяния, чтоб избежать укора самому себе и укором брата твоего прикрыть свой собственный; за это падешь ты от руки врагов своих, там где оснуешься на жительство.

32. Пришедши в какое либо место на жительство, не бери себе келлии для житья прежде, чем узнаешь порядки жизни тамошней, — нет ли там тебе преткновения какого нибудь, или по причине многопопечительности (что надо много забот иметь), или потому что видеть будешь неких (не на пользу себе), или по причине славы (тебе или тому месту), или по причине покойности (слишком покойно и утешно жить), или по причине преткновений со стороны друзей твоих. Если будешь мудр, все узнаешь в несколько дней, смерть ли (там) тебе, или жизнь.

33. Если дашь брату келлию свою, чтоб он побыл в ней несколько дней, не относись к нему так, как бы он состоял у тебя под властью.

34. Если возьмешь у кого келлию на прожитие в ней несколько времени, ничего не разоряй, и не устрояй в ней, не спросивши прежде у того, кто тебе ее дал, угодно ли ему то, или неужодно; иначе — не по совести будет.

35. Когда живя с кем, или временно проживая у кого, получишь от него какую заповедь, поостерегись ради Бога — презреть, и явно или тайно нарушить сию заповедь.

36. Если, живя одиноко в келлии своей, положишь себе принимать пищу в такой-то час, или не есть варева, или другое что, потом выйдешь на сторону, поостерегись сидя за трапезою (где либо) сказать кому: прости мне, я этого не вкушаю, потому что чрез это весь труд твой попадет в руки врагов твоих попусту. Владыка твой Спаситель сказал: делай в тайне, чтоб Отец твой воздал тебе явно. Кто любит труды свои, тот блюдет их, чтоб они не пропали даром.
37. Когда живете вместе с кем, то, какую бы работу ни вели вы вместе, внутри или вне келлии, когда брат твой позовет тебя на нее, смотри не скажи: потерпи немного, дай кончить вот эту малость, — но тотчас послушайся его.
38. Когда работаете вместе друг с другом, то, если ты мудр, какую бы погрешность ни увидел ты вне у других, не носи ее (в памяти), чтоб не сорвалось как либо с языка сказать о том братьям (с тобою живущим); ибо в этом смерть души твоей.
39. Если живут с тобою братья, и случится им иной раз протрудиться весь день, утешь их, дав им вкусить пищи прежде определенного часа. Не о себе только помышляй, но внимай суду Божию. Бога имей пред очами во всяком деле, какое бы ты ни делал.
40. Если придешь в какое место, чтоб жить там, — одному ли, или с теми, кои прежде тебя (там устроились), — и увидишь что вредное для души, или немонашеское, искусство ли какое, или дела, не открывай уст своих на обличение того; но если не по душе тебе там остаться, иди в другое место, язык же свой соблюди, чтоб не обличить их: ибо в этом смерть тебе.
41. Если ты немоществуешь страстями, остерегись позволять кому либо открывать тебе страстные помыслы свои, как верному; ибо такое дело — пагуба для души твоей.
42. Если прорвется между вами какое смехотворное слово, остерегитесь позволять гласу (смеха) вашему возвыситься до услышания: ибо это знак необученности и безстрашия Божия, потому что нет стражи внутри вас.
43. Так как во дни наши гнев Божий постиг всю вселенную, то не смущайтесь, что бы ни услышали, но так говорите в сердцах своих: что это сравнительно с тем местом (адам), в кое имеем мы попасть за грехи наши?
44. Сотворите любовь ради Бога, прочитывайте (написанное здесь), чтоб и соблюдать то; потому что для верного не мало — почитать это делом малым (неважным). — Если соблюдете сие в простоте и с разумом, то отыдете в покой Сына Божия в радости; а если не соблюдете, то и здесь труд понесете, и когда изыдете из тела, отведены будете во ад по Писаниям. Для сказанного пред сим пришел Владыка наш Христос (т. — е., чтоб покой устроить соблюдающим заповеди Его); но жестокосердие наше ослепляет нас пожеланиями сердца нашего, потому что мы любим их более Бога, и не любим Его так, как любим страсти.
45. Вот я понудил себя написать вам и это, так как прежняго не довольно было для вас. Сотворите же любовь, и отныне вступите в подвиг; не оставайтесь с необрезанным сердцем вашим и помогите себе (потрудитесь во спасение свое), в немногие дни ваши. Если соблюдете сие, т. — е., смирение, мир, терпение, отсечение воли своей и любовь (то во благо себе проведете жизнь свою); а если не соблюдете, напротив же, будут у вас: зависть и рвение, любопрение и высокосердие, ропот и непослушание, то зле иждивете время ваше, и по истине пойдете в ад, когда изыдете из тела. Любите же братьев своих любовию святою и блюдите язык свой, чтоб не выпустить слова неподобающего, которое могло бы уязвить брата. Силен же есть Владыка наш Бог дать нам делати и хранити, да

благодатию Его обрящем милость, со всеми, угодившими Ему святыми. Ему слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово шестое.

О желающих безмолвствовать добрым безмолвием, — да внимают себе, чтоб отрывать татей, окрадающих их, и не иждивать времени своего в пленении и работе горькой, предавая сердца свои делам, кои неприличествуют им, и забывая о грехах своих.

1. Любовь к питанию Писания раждает споры и вражды; плач же о грехах своих приносит мир. Грех монаху, сидящему в келлии своей, если он, оставляя грехи свои, вдается в питание Писания. Кто предаёт сердце свое (питанию), — почему Писание сказало так и так, — прежде, чем стяжет себя самого (стяжет внимание в себе, или власть над собою, или высвободит себя из страстей), тот имеет сердце пытлиное и пленение крайнее; а кто бодренно блюдет, чтоб не быть чем либо пленену, тот любит повергать себя пред лицом Бога.
2. Кто изыскивает, чему бы уподобить Бога, тот хулит Бога; а кто ищет, как бы (совершеннее) почтить Его, тот любит чистоту в страхе Божиим.
3. Кто соблюдает словеса Божии, тот познал Бога (1 Иоан. 2, 3), — и таковой исполняет их, как должник (в чувстве неотложного долга).
4. Не ищи высших (даров) Божиих, пока молишься Ему о помощи, да придет и спасет тебя от греха. Божие само собою приходит, когда будет (для него уготовано) место нескверное и чистое.
5. Кто утверждает на собственном своем разуме и держит свою волю, тот привлекает к себе толпы бесов [15] и не может быть от Духа (Божия), приносящего сердцу печаль (или сокрушение).
6. Кто, видя словеса Писания, творит их по собственному своему разуму, и на нем утверждает себя, что так есть (на нем утверждаясь, полагает, что так должно понимать слова те), — таковой не знает славы Божией и богатства Его; а кто видя, говорит: не знаю, — человек есмь, и воздаёт славу Богу, — в таком обитает богатство Божие, по силе его и по помыслу его.
7. Не будь охочь открывать помысл свой всем, а только отцам своим, чтоб не навлечь себе печали в сердце свое.
8. Храни уста свои, да честным будет пред тобою ближний твой (уважение к ближнему да остерегает уста от осуждения его).
9. Приучи язык свой к словесам Божиим с разумом, и ложь убежит от тебя.
10. Любовь к славе человеческой раждает ложь, а уничижение себя, в смирении еще большем, соделывает страх Божий в сердце твоём.
11. Не желай быть другом славных мира сего, чтоб слава его (чувство зловредности славы его) не притупилась у тебя.
12. Если кто наговорит пред тобою на брата своего, уничижит его и покажет злобу (на него), не склоняйся против него, чтоб не постигло тебя то, чего не желаешь.
13. Простота и не мерение себя (вменение себя ни во что) очищают сердце от лукавства. Кто лукаво ходит с братом своим (обходится с ним), того не минует печаль сердечная. Кто говорит одно, а в сердце своем имеет другое в лукавстве, все служение (молитвы) такового тщетно. Не прилепись к кому либо из таковых, чтоб не оскверниться ядом его оскверненным. Ходи с незлобивыми, да общником будешь славы их и чистоты.
14. Не имей злобы на человека, чтоб не сделать бесплодными трудов своих. Со всеми будь

чистосердечен, да узришь в себе мир Божий. Как когда ужален бывает кто скорпионом, яд сего (последняго) проходит по всему телу и самое сердце повреждает, такова и злоба на ближняго в сердце: яд ея уязвляет душу и в беде бывает она от зла сего. Итак кто желает пощадить труды свои, чтоб они не пропали даром, пусть поспешит извергнуть из себя сего скорпиона, т. — е. лукавство и злобу.

Слово седьмое.

О добродетелях.

1. Три есть добродетели, которыя всегда промыслительно блюдут ум, и в которых он имеет нужду: естественное (ему) стремление, мужество и безленость.
2. Три есть добродетели, которыя если ум увидит в себе, верует, что достиг бессмертия (обновления, или совершенства небожителй бессмертных): рассуждение, верно отличающее одно от другаго; провидение всего прежде времени; и не сочувствие ничему чуждому.
3. Три есть добродетели, которыя всегда свет подают уму; не видение лукавства ни в каком человеке, — благотворение злотворящим тебе, — и перенесение всего находящаго без смущения. Эти три добродетели раждают другия три, большия их: не видение лукавства в человеке раждает любовь; благотворение злотворящим тебе стяжевает мир; перенесение находящаго без смущения приносит кротость.
4. Четыре есть добродетели, которыя чистою делают душу: молчание, соблюдение заповедей, теснота (стеснение себя во всем, чтоб был тесный путь), и смиренномудрие.
5. В четырех следующих добродетелях ум всегда имеет нужду: молиться Богу, припадая (к Нему) непрестанно, — повергаться пред лицом Бога, — не беспокоиться на счет всякаго человека (что и как он, — тоже, что не пытаться), чтоб не судить его, — быть глуху к тому, что говорят ему страсти.
6. Четыре добродетели как стеною ограждают душу, и дают ей — покойно вздохнуть от тревог со стороны врагов: милость, безгневие, долготерпение, и извержение всякаго находящаго семени греха; противостояние же забвению сохраняет их все.
7. Четыре добродетели по Боге помогают юности (новоначалию): поучение на всяк час, безленость, бдение и не мерение себя (ни во что себя вменение).
8. Четыре вещи причиняют осквернение душе: блуждание по городу без хранения очей, дружба с женщиною, дружба с славными мира, и любление бесед с родственниками по плоти.
9. Четырьмя вещами множится блудная страсть в теле: спанием вдоволь, ястием до сытости, смехотворным празднословием, и наряжанием тела.
10. Четырьмя вещами помрачается душа: ненавидением ближняго, уничижением его, завидованием ему, и ропотом на него.
11. Четырьмя вещами душа делается пустою: переходами с места на место, любовью к развлечениям, вещелюбием и скупостию.
12. Четырьмя вещами множится гнев; даянием — и приятием (делками), держанием воли своей, желанием учить, почитанием себя разумным (человеком).
13. Три есть вещи, которыя человеку трудно приобрести, — а ими хранятся все добродетели: сокрушение, плач о грехах своих, и имение смерти пред очами своими.
14. Три есть вещи, которыя проявляют власть над душею, пока она не достигнет в великую меру, — и оне—то не дают добродетелям сожительствовать с умом: пленение (пристрастие к чему либо, кроме

Бога), леность и забвение. Забвение воует с человеком до последнего издыхания, повергая его в бесплодие; оно сильнее всех помыслов, и есть родительница всего худого, и раззорительница того, что каждый час созидает в себе человек.

15. Се дела новаго, и дела ветхаго человека! Любящий душу свою и не желающий погубить ее, соблюдает дела новаго человека; а любящий покой (плоти) в краткое время сие, творит дела ветхаго человека и губит душу свою. — И Господь наш Иисус Христос, являя новаго человека в Своем теле, говорил: любяй душу свою, погубит ю (Иоан. 12, 25): а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю (Мф. 10, 39). Он есть Владыка мира, Им разрушено средостение вражды (Еф. 2, 14); говорил также: не приидох воврещи мир, но мечь (Мф. 10, 34), и еще: огня приидох воврещи на землю, и что хочу, аще уже возгорется (Лк. 12, 49). То—есть, — что в тех, кои последовали Его учениям святым, был (присущ осязательно) огонь Божества Его; вследствие чего, они имели: в себе меч духовный, коим отсекали все пожелания плоти своей. И Господь дал им радость, говоря: мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Иоан. 14, 27).

16. Вот как попекшиеся погубить душу свою в веке сем, и отсекая пожелания свои соделались святыми овцами Его в жертву Ему. И когда явится Он во славе Божества Своего, тогда позовет их одесную Себя, говоря: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкался бо, и дасте Ми ясти... и проч. (Мф. 25, 34 и 35). Вот как губящие душу свою, в краткое время сие, обретут ее во время нужды, получая воздаяние гораздо большее, нежели какое ожидали получить. Исполняющие же воли свои, сберегают конечно душу свою, в грешном веке сем, но, как они, прельщаясь суетностию богатства его, не соблюдают заповедей Божиих, чая без конца пребывать в веке сем; то в час суда обнаружена будет срамность ослепления их, они явятся козлищами проклятыми и услышат страшный приговор Судии, Который изречет: (от) идите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его. Взалкался бо, и не дасте Ми ясти... и проч. (— —41 и 42). Уста же их заградятся — и не найдут они, что сказать, вспомнив о своей немилостивости, (прежней и настоящей) бедноте. Правда, они скажут тогда: Господи, когда Тя видехом алчуща... и не послужихом Тебе? (— —44). Но Он заградит им уста, говоря: сделавший добро одному из сих, верующих в Меня, Мне сотворил его.

17. Испытаем же себя, возлюбленные, исполняет ли каждый из нас заповеди Господни, по силе своей, или нет: ибо все мы долг имеем исполнять их, по силе нашей, — малый по малости своей, великий, по великости своей. Вметавшие дары свои в сокровище—хранительницу богаты были; но Господь обрадован был паче бедною вдовою, ради двух лепт ея, потому что Бог смотрит на произволение наше. Не дадим же места в сердце своем унынию (что не многое можем сделать), чтоб завидование (другим) не отлучило нас от Бога, но будем исполнять послужения (διακονίας) свои по бедноте своей. Ибо Господь, как сотворил милость со дщерию архисинагога, воскресив ее, как помиловал кровоточивую, иждившую вся своя на врачей, прежде чем познала она Христа, как исцелил раба сотника, потому что сей веровал, — так помиловал и хананеянку, исцелив дщерь ея; и как воскресил Он Лазаря возлюбленного Своего, так возбудил едиnorodного сына бедной вдовы, ради слез ея; и как не презрел Марии, мазавшей ноги Его миром, так не оттолкнул жены грешницы, мазавшей ноги Его миром, со слезами; и как позвал Он Петра и Иоанна с лодки их, говоря: грядите в след Мене (Мф. 4, 19), так позвал и Матфея, сидевшаго в мытнице; и как умыл ноги (прочих) учеников, так умыл (ноги) и Иуды, не деляя различия; и как на Апостолов послал он Духа

Утешителя, так ниспослал Его и на Корнилия с дерзновением; и как понудил Ананию в Дамаске Павла ради, говоря, что сей сосуд избран ми есть (Деян. 9, 15), так понудил Филиппа в Самарии евнуха ради ефиопскаго. Ибо у Него нет лицепрятия ни к малому ни к великому, ни к богатому ни к бедному, но произволения (добраго) ищет Он, и веры в Него, и исполнения заповедей Его, и любви ко всем. Вот что будет служить печатю для души (знаком отличия ея), когда изыдет она из тела, как и заповедал Он ученикам Своим, говоря: о сем разумеют вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою (Иоан. 13, 35).

18. О ком это говорит Он, что уразумеют вас, если не о силах десных и шуиих? (И будет, что), когда супостаты увидят знамение любви шествующим с душою, то отступят от нея со страхом; все же святыя силы возрадуются с нею. Поподвигаемся же, возлюбленные, по силе своей, стяжать такую печать, чтоб не схватили нас враги наши. Господь сказал: не может град укрытися верху горы стоя (Мф. 5, 14). О какой горе говорит Он, если не о святом Своем слове? Употребим же, возлюбленные, труд свой с усердием и разумом, на исполнение слова Его, которое говорит: любяй Мя, заповеди Моя соблюдет (Иоан. 14, 23), да будут для нас такие труды градом неповредимым и огражденным, сохраняющим нас словом Господа, от руки всех врагов наших, пока сретим Его (предстанем пред лице Его). Ибо, если обретаем дерзновение, то рассеются все враги наши, силою Святаго слова Его, которое есть гора она, от коей отторгся камень без рук и стер образ златый, четырехсоставный, бывший из серебра, меди, железа и глины, — как сказал Апостол: облецытеся во вся оружия Божия, яко возможи вам стати противу кознем диавольским: яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 11. 12). Четыре сии начала суть четырехсоставный образ оный, который есть вражда (вражья сила). Их (начала) истнило святое слово Божие, как написано, что камень тот, сокрушивший образ, бысть в гору великую, и наполнил всю землю (Дан. 2, 34. 35).

19. Убежим же, братие, под кров Его (Господа), — да будет Он для нас убежищем и спасет нас От четырех сих властей злобных, чтоб и нам услышать радость (или вкусить, или услышать обрадывающее слово Его) со всеми Святыми Его, когда соберутся они пред лице Его от четырех концов земли, и каждый из них услышит собственное блаженство (присуждение блаженства, или какое блаженство присуждено именно ему) по делам своим. — Сильно же есть имя Его святое — пребывать с нами и укрепить нас, — и не попустить сердцу нашему прельститься по причине забвения вражия (врагом наводимаго), но сохранит нас (и даст нам) по силе нашей перенести все, находящее на нас, ради Святаго имени Его, да обрящем милость со всеми сподобившимися улучшить блаженство Его. Ему подобает слава, честь и поклонение, — Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово осьмое.

Изречения.

1. Авва Исаия сказал: я иногда вижу себя похожим на коня, блуждающаго без хозяина—владельца, — на котораго садится всякий, кто ни нападет на него, — и когда пустит его один, ловит его другой и садится на него.
2. Сказал опять: я похож на кого нибудь такого, котораго враги схватив связали и бросили в ров тинный; и если он возопиет ко Господу своему, они всего изсекают его ударами, чтоб молчал.
3. Опять сказал: я похож на птицу, за ногу привязанную малым отроком; когда (отрок) ослабит (нить,

птица) тотчас воспаряет горе, думая, что отвязалась; но когда отрок потянет ее за нить, опять низвлекает ее долу. Таким я вижу и себя; и вот что хочу сказать этим, — что не должно никому предаваться беспечности, до последнего издыхания.

4. Сказал опять: если, давши кому что взаймы, простишь ему, то будешь подражателем природе Иисуса; а если взыщешь, то — природе Адама; если же возьмешь рост, то (это будет) не по естеству даже и Адама (разумеется — ниже или против него).

5. Когда кто обвинит тебя по какому либо делу, — которое ты сделал, или не сделал; то, если ты смолчишь, это будет по природе Иисуса, — если скажешь в ответ: что я сделал? то это будет не по Его природе, — если же противоречешь слово за слово, то это будет против природы Его.

6. Если, совершая службы свои (молитвенные последования), совершаешь их в смиренномудрии, как недостойный, то оне приятны Богу; если же при сем взойдет на сердце твое и помянешь, как другой (в эту пору) спит, или нерадит (о сем деле), то труд твой бесплоден.

7. Опять сказал о смиренномудрии, — что оно не имеет языка, чтоб сказать о ком-либо, что он нерадив, или о другом, что он презритель есть; ни очей не имеет, чтоб усматривать недостатки других; ни ушей не имеет, чтоб слушать бесполезное для души своей; — и ни до чего ему дела нет, кроме грехов своих; но ко всем людям оно мирно, по заповеди Божией, а не по дружбе какой. — Кто и по шесть дней будет поститься и вдаст себя в великие труды и заповеди (подвиги), помимо пути сего, — все труды его тщетны.

8. Сказал опять: если кто приобретает вещь какую для своей нужды, а во время нужды не найдет ее, то напрасно он приобрел ее. Таков тот, кто говорит: боюсь Бога, а когда поставлен бывает в обстоятельства, где нужен бы был сей страх, — когда, например, находится в необходимости говорить с кем, и в это время чувствует или припадку гнева и дерзкой несдержанности, или позыв учить другаго тому, до чего сам не достиг, или движение человекоугодия, или желание сделаться именитым среди людей, и прочих страстей проявление, — когда в это время не найдет он в себе страха Божия, то напрасны все труды его.

9. Еслиб Господь наш Иисус Христос не уврачевал прежде всех болезней человека, для котораго пришел на землю, то, может быть, не дошел бы и до креста. Прежде пришествия Господа во плоти, человек был и слеп, и нем, и расслаблен, и глух, и прокажен, и хром, и умерщвлен всеми противоестественностями. Когда же Он сотворил милость и пришел к нам, то воскресил мертваго и сделал хромаго ходящим, слепаго зрящим, немаго говорящим, глухаго слышащим, — и возставил человека новаго, свободнаго от всякой немощи. И тогда уже взошел на крест. И повесили с ним двух разбойников, из коих бывший по правую сторону прославлял Его и молил Его, говоря: помяни мя Господи во царствии Твоем (Лук. 23, 42), а бывший по левую сторону злословил Его. — Это вот что означает. Прежде возникновения от нерадения, ум бывает за одно с вражескими силами. Когда же Господь наш Иисус Христос возставит его от нерадения его, и даст ему прозреть и все ясно различить, — и он возможет таким образом взойти на крест; тогда вражья сила начинает злословить его тяжкими словами, в чаянии, что, может быть, ум, расслабив чрез это, отступит от трудов и возвратится опять к прежнему нерадению. Таково значение двух разбойников, которых Господь наш Иисус Христос разлучил от содружества друг с другом, и из которых один злословил Его, в чаянии, что, может быть, отторгнет Его от надежды Его, а другой не переставал умолять Его, пока не услышал: днесь со Мною будеши в раи (Лк. 23, 43). Этот явился похитителем и рая, и вкушает

теперь от древа жизни.

10. Опять сказал о святом причащении, что его называют соединением с Богом. Но если мы побеждаемся страстями, — гневом ли, или завистию, или человекоугодием, или тщеславием, или ненавистию, или другою какою страстию, то далеки мы от Бога. Где же (у нас) соединение с Богом?

11. Когда вы совершаете свои службы (молитвенные последования) и, по совершении их, в сердце вашем подвигается какая-либо из сих (помянутых страстей), то все труды ваши: Бог не приемлет их.

12. Некто из старцев сказал ему: почему же они не толкают [16] Отче? Старец сказал: когда дождь ниспадет на землю засемененную, тогда она дает произрастание; а когда она не засеменена, то как даст произрастание? Если кто потрудится извергнуть из сердца своего неестественности (т. — е. страсти), то оне уже не движутся в нем. Бог хочет, чтоб человек был во всем Ему подобен. Для того пришел Он на землю и пострадал, чтоб изменить естество наше ожестовившее, и отсечь желания наши, и наше ложное знание, возобладавшее душою нашею. Безсловесныя животныя сохранили свою природу; а человек природу свою изменил. Теперь, как подчиняется скот человеку, так должен всякий человек подчиняться ближнему ради Бога: ибо на сие пришел Господь. Смотри же, сколько скот превышает тебя, опирающагося на мнимое знание свое. Посему, если я пожелаю придти в естественное состояние, то как скот не имеет ни воли своей, ни знания, так должен и я делать, не только в отношении к тому, кто со мною есть, но и к тому, кто идет против меня: ибо такова воля Божия.

Кто хочет вступить на покой келейный и не быть олихоимствовану враждеством (вражьюею силою, не быть ея добычею), тот отстраняется от людей во всем (обеззабочивает себя относительно их, не входит в их дела), чтоб не порицать кого, не хвалить, не оправдывать, не ублажать, не высказывать его правоту, не опечалить его чем, не внимать его недостаткам, не оставлять в сердце своем остра враждебнаго против него помышления, и не губить (не тратить) ведения своего на неразумевающаго, и воли своей на неразумнаго. Тогда познаешь самого себя, и поймешь, что вредно для тебя.

Надеющийся на праведность свою и воли своей держащийся не может избежать враждества (козней вражеских), ни покой найти, ни увидеть, чего у него не достает. И когда изыдет он из тела, трудно ему найти милость. Конец же всего — Богу присесть (о Нем помышлять, к Нему прилепляться, и об угождении Ему заботиться) всем сердцем и всею силою, иметь ко всем милосердие, плакать и молить Бога о помощи и милости Его.

13. Опять сказал относительно учения ближняго заповедям Божиим: почему знаю я, что принял меня Бог, чтоб сказать другому: сделай это или то, когда я сам под покаянием нахожусь по причине грехов моих? — Ибо человек когда нибудь падший находится под покаянием. И не можешь ты иметь твердаго удостоверения (об участи своей), пока не познаешь, что совершилось в тебе отпущение грехов твоих. Признаком же сего служит то, если ничто из того, в чем согрешил ты, не движется в сердце твоём; или, если, когда говорит кто тебе о том, а ты и не узнаешь даже, что бы такое было, то явно, что совершилась на тебе милость. Если же это живет еще в тебе, подавляй то, и плачь о том: ибо страх и трепет и мука смертная — беззаботну быть о сем, пока предстанешь престолу Божию. — Если кто попросит тебя поучить его чему, и ты, предав душу свою на смерть, скажешь ему, как может он освободиться (от того, что гнетет его), а он опять придет к тебе, тоже говоря, и нисколько не успев в том, что ты сказал ему; то явно, что он не исполнял того делом. Почему, отстань от него;

ибо он умерщвляет душу твою. То велико для человека, чтоб он оставил свою правду, о коей думает, что она по Богу есть, и соблюл слово того, кто учит его по Богу. Вот и человек Божий, авва Нистерой, который видел славу Божию, — имея живущими с собою сыновей сестры своей, никаких не давал им приказаний, но каждого оставил на свою ему волю, не заботясь о них, хороши ли они были, или худы. Также о Каине и Авеле говорили: кто научил их делать то или это, когда не было еще ни Закона, ни Писания? (Конечно Бог); потому что, если Бог не научит человека, все трудится он.

14. Сказал опять: когда кто начнет говорить тебе слова бесполезныя, не слушай их, чтоб не сгубил он души твоей. Не стыдись лица его, и, боясь опечалить его, не потерпи, чтоб тебе говорилось то, думая: ведь я сердцем не принимаю того. Нет, не говори так. Ты не выше первозданнаго, котораго Бог сотворил рукою Своею, — а ему не в пользу была злая беседа. Беги же и не слушай. Но, смотри, убегая телом, не пожелай знать (держать в памяти) сказанное; ибо, хотя бы ты услышал малость некую, демоны не оставят (втуне) сказаннаго и тобою услышаннаго, но убьют (тем) душу твою. Бегая, беги в конец.

15. Опять сказал: из того, что вижу, (закключаю, что) выгоды, честь и покой борют человека до смерти.

16. Сказал опять: учить ближняго есть испадение души (из своего чина), — и желать возвесть его в доброе состояние есть великое разорение души. Почему, всякий раз, как учишь ближняго своего: сделай это или то, — так помышляй о себе и думай, — что ты, взяв лом, разоряешь свой дом, желая устроить дом его.

17. Опять сказал: горе душе, согрешившей после святаго крещения! Такой человек не может в беззаботности быть о себе, находясь под покаянием, — пал ли он телом (в телесные грехи), или украл, или в какой из прочих грехов поскользнулся, или оком на тело взглянул страстно, или съел что тайно, осматриваясь, чтоб не увидел кто, или когда другой положил свой милотарий [17], ты полюбобытствовал, что есть в нем, — ибо поступающий так поносит Иисуса.

18. Тогда некто спросил его: неужели так важно это дело, отче? — И он сказал: как прокопавший стену, и взявший деньги, прельщен врагом; так (им же прельщен) и этот: ибо кто того победил, тот же победил и этого, — и в малых вещах побеждаемый побеждается и в великих.

19. Если человек сотворит силы великия и исцеления, и возьмееет все знание, пусть и мертвых воскресит; но коль скоро впал он в грех, не может быть в беззаботности о себе, потому что состоит под покаянием. Также, если он много несет (покаянных) трудов, но увидев кого либо во грехе, или в нерадении пребывающим, уничтожит его, — всеу все покаяние его; так как он отринул член Христов, осудив его, а не оставив суда Судие Богу.

20. Опять сказал: все мы как во лечебнице находимся, — один болит глазами, другой — рукою, у того — веред, или другая какая из немощей. Бывает, что иные раны уже залечены, но если съешь что из вреднаго, оне опять раскрываются. Так бывает и с состоящим в покаянии: когда он осуждает или унижает кого, то опять разоряет свое покаяние. — Из тех, которые лежат во лечебнице в разных болезнях, если один кричит по причине своей боли, другой кто скажет ли: что кричишь? Не всякий ли о своей болезни помышляет? Так и если боль грехов моих была у меня пред глазами, не стал бы я смотреть на другаго грешащаго: подобно как из лежащих во лечебнице у врача, каждый остерегается съест что могущее развередить рану его.

21. Горе душе, не хотящей избегать всякаго греха! Много ей скорбей от (врагов) завидующих ей и идущих против нея. Почему она имеет нужду в великом долготерпении и благодарении за все. Так, когда народ (Израильский) был в Египте, все пили и ели вдоволь, работая однакож Фараону, как рабы. Но когда Господь послал им помощь, т. — е. Моисея, чтоб он освободил их от Фараона, тогда подпали они тяжелым трудам и чувствительным прискорбностям; и Моисей при всех язвах, какия Бог навел на Фараона, все еще не дерзал с уверенностию говорить об избавлении их от пагубы, пока не пришло время, и Бог не сказал ему: еще одну язву наведу на Фараона, и ты скажешь ему: отпусти народ, иначе я поражу первенца твоего. Тогда наконец восприял дерзновение Моисей. И сказал ему Бог: глаголи убо отай во уши людем, и да испросите кийждо у соседа, и жена у соседы своя, сосуды серебряны и златы, и ризы: и возложите на выи чад ваших, — и оберите Египтян (Исх. 11, 1. 2).

Некоторые из сих вещей употреблены потом на сооружение скинии.

22. (После сего авва) сказал: вот что говорят о сем старцы. Сосуды серебряные, золотые, и ризы суть чувства, работающия врагу: означает же сказанное то, что если человек не исторгнет их от врага, чтоб они плод приносили Богу, покров упокоения Божия не низойдет на него; если же исторгнет их от врага и принесет ими плод Богу, то покров Божий приидет на него. И облак не осенил скинии, пока она в чем либо недостаточествовала, но когда кончена была совершенно, тогда осенил. Так было и на храме, устроявшемся после того, — пока чего либо не доставало в нем, не осенил его облак; когдаже был он совсем кончен, и были внесены в него кровь и тук всесожжений и Бог обонял воню их, тогда облак осенил сей дом. То—есть, пока не возлюбит человек Бога всею силою своею и всем помышлением своим, и не прилепится к Нему всем сердцем своим, покров упокоения Божия не приидет на него.

23. Сказал опять: если ум, прежде чем чувства престанут немоществовать (работать страстям), захочет взойти на крест, то гнев Божий приходит на него за то, что начал дело выше меры своей, не уврачевав чувств своих.

24. Если миазмы (зловоние страстей) действуют в тебе, и ты сочувствуешь им, и содействуешь тому, что порождает их, а не печалишься об этом в болезни сердечной, то это ниже естества Адама.

25. Если сердце твое победило грех, и отвратилось от того, что порождает его, — и ты положил муку адскую пред собою, и, желая иметь всегда сопребывающим тебе (единого) Помощника своего, ни чем не оскорбляешь Его, но плача пред Ним, говоришь: дело Твоей милости есть избавить меня, Господи, — сам же я безсилен избежать из рук врага, без Твоей помощи; а при этом внимаешь и сердцу своему, чтоб не опечалить научающаго тебя по Богу: то это будет по естеству, Иисуса — и Он сохранит тебя от всякаго зла. Аминь.

Слово девятое.

Заповеди отречшимся от мира.

1. Если ты отрекся от мира и предал себя Богу на покаяние, не попускай помыслу своему смущать тебя скорбию относительно прежних грехов твоих, якобы они не прощаются тебе при сем; но опять не неради и о заповедях Господа, потому что иначе Он не простит тебе и прежних грехов твоих.

2. Вот что соблюдай даже до смерти, и не понебреги о сем: не есть вместе с женщиною, не иметь дружбы с юнейшими, не ложиться, когда ты юн, с кем либо на одной рогоже, кроме брата своего и аввы, — и это со страхом, а не с небрежением; не небрежничай очами своими и когда облакаешься в одежды свои.

3. Если будет нужда, вина принимай до трех чаш, и не нарушай сей заповеди ради дружбы.
4. Не живи в том месте, где ты нагрешил пред Богом; и не неради о службах своих (молитвах), чтоб не впасть в руки врага своего.
5. Понуждай себя поучаться в Псалмах, — и это сохранит тебя от пленения миазмами (страстей). Возлюби всякое озлобление плоти, — и смирятся страсти твои.
6. Попекись не мерить себя в каком бы то ни было деле, — и получишь свободу, плакать о грехах своих.
7. Сохраняй себя от лжи: иначе она отгонит страх Божий от тебя.
8. Не открывай пред всеми помыслов своих, чтоб не дать преткновения ближнему своему; но открывай помыслы свои отцам твоим, чтоб благодать Божия покрыла тебя.
9. Понуждай себя к рукоделию своему, — и страх Божий будет жить с тобою.
9. Если увидишь преткновение брата своего не к смерти (1 Иоан. 5, 16), не уничижай его, чтоб не впасть в руки врагов своих.
10. Сохрани себя от пленения тем, чем грешил, чтоб не возобновились в тебе (грехи твои).
11. Возлюби смирение, — и оно покроет тебя от грехов твоих.
12. Не будь любопрителен, чтоб не вселилось в тебя вселукавство.
13. Предай сердце свое в послушание отцам своим, — и благодать Божия будет обитать в тебе.
14. Не будь мудр о себе, чтоб не впасть в руки врагов своих.
15. Приучи язык свой говорить: прости, — и смирение низойдет на тебя.
16. Сидя в келлии своей о следующих трех вещах попечение имей всегда; о рукоделии, поучении (чтении и Богомыслии) и о молитве.
17. Помышляй каждодневно: только нынешний день имею я провести в этом мире, — и не согрешишь пред Богом.
18. Не будь чревоугодлив в ястии, — чтоб не возобновились в тебе прежние грехи твои.
19. Не унывай (не скучай) ни при каком труде, чтоб не вторглись в тебя воздействия врага.
20. Понуждай себя на поучение (чтение и Богомыслие), и покой Божий приидет к тебе вскоре: ибо, как развалившийся дом вне города бывает местом зловония, — так душа лениваго новоначального бывает вместилищем всякой безчестной страсти.
21. Понуждай себя на многия молитвы со слезами; может быть, Господь помилует тебя и совлечет с тебя ветхаго человека грешащаго.
22. Содружись с следующими (делами): трудом, бедностию, странничеством, озлоблением плоти и молчанием; ибо от них раждается смирение, а смирение приносит прощение всякаго греха.
23. Силен же есть Благий Владыка наш Бог даровать нам силу и познать (должное), и сотворить, да обрящем милость со святыми, соблювшими заповеди Его. Аминь.

Слово десятое.

Другое слово (к отрекшимся же).

1. Святому Петру Апостолу показал Бог, что не должно ни одного человека почитать скверным, или нечистым (Деян. 10, 15). Поелику освятилось сердце его, то свят стал пред ним всякий человек. А у кого сердце в страстях, пред тем никто не свят; но по страстям, кои в сердце его, думает он, что и всякий человек — таков-же. Даже когда скажет ему кто, что такой-то — добрый человек, он тотчас разгневывается на это в сердце своем. Остерегайтесь же уничижать кого не только устами, но и в

сердце своем.

2. Пока нерадит человек о себе самом, дотоле думает в сердце своем, что он друг Божий. Когда же освободится от страстей; стыдится возвести очи свои на небо пред Бога, видя себя крайне отдаленным от Бога.

3. Человек некий имел двух рабов и послал их на поле свое жать пшеницу, приказав, чтоб каждый из них нажал в день по семи ставок (в роде крестцов, или куч). Один из них всю силу употреблял, чтоб исполнить повеленное ему господином его, но исполнить не успел, потому что дело то превышало силу его; а другой, отчаявшись в успехе, в унынии сказал себе: кто может сделать такое дело в день? и презрев (повеление господина), не заботился о деле, но лег спать, — и то зевал, то спал, то поворачивался с боку на бок, как дверь вертится на пяте своей, — и так весь день потратил попусту. Когда настал вечер, пришли они к господину своему. И он, разсуждая обоих, признал дело старательного слуги (достойным одобрения), хотя он не успел вполне исполнить повеленного; а ленивого нерадивца изгнал из дома своего. Так и нам следует, не падать духом ни в каком труде, и ни при какой скорби; но употреблять силу свою, работая от всей души. И верую, что Бог примет нас наравне с святыми Своими.

4. Надлежит же всякому человеку многия творить молитвы пред Богом, в великом смирении сердца и тела, не считать себя сделавшим что доброе, ни в каком деле своем не верить похвалам, не оскорбляться укорами, помнить о грехах своих, мирным держать сердце свое со врагами своими и не позволять горькому слову изыти из уст своих, чтоб сказать его им, и укорить их, даже пред любезными (друзьями) своими.

5. Конец всего, — долженствует монах заключить все двери души своей и хранить все чувства свои, чтоб она не пала чрез них, и оберегать себя от тех, которые приносят к нему мирския речи. Блажен, кто довольствуется своими грехами (т. — е. сознанием их и оплакиванием, не любопытствуя о чужих).

Слово одиннадцатое.

О зерне горчичном.

(Есть) таинство (в слове) о зерне горчичном, как сказали отцы, чтоб (возбудить нас) изследывать значение его судя по тому, что (о нем) написано: подобно есть царствие небесное зерну горчичному, еже взем человек всяя на селе своем: Ежели малейше убо есть от всех семян: егда же возрастет, более всех зелий есть, и бывает древо: яко приити птицам небесным, и витати на ветвех его (Мф. 13, 31. 32). Таково зерно горчичное, таковы добрыя свойства его! (И Господь, выставляя их) желает, чтоб человек подражал ему во всем его (во всем, что сказал о нем). Сказав, что оно малейше есть от всех семян, Он внушает нам смиренномудрие, — чтоб мы ставили себя ниже всякаго человека; (говоря), что оно стало совершенно (возрасло), напоминает о кротости и долготерпении; что оно огненного цвета, — напоминает о чистоте, чтоб не иметь никакой скверны во плоти; что внутреннее его горько, — внушает ненависть к страстям, ибо горько тем, кои желают мира; что приятное действие его на вкус не обнаруживается, если не разжевать его и не растереть, это говорит о злострадании (озлоблении плоти лишениями); когда кто растирает его, оно кусает глаза, — это напоминает о прискорбности деланий (или подвижнических трудов); употребляют его на то, чтоб намазывать им (горчицею из него) омертвелые члены, чтобы они не испортились. Уразумеем же значение его, и будем последовать свойствам его, — и члены свои повредившиеся намажем им, чтоб не испортились

и не закипели червями. Ибо это и есть вочеловечивать, воображать в себе Господа Иисуса; чтоб заботиться по силе нашей настроить себя для Него по нему (по свойству горчичного зерна), испытывая себя самих, от зерна ли онаго есмы мы, или нет, — от устройства ли его и смиренносердия его, — от стертости ли его (в порошок), от горькости ли его, от вкуса ли его. — Милости же Божией есть дело исполнить нас силою на сие, по воле Его. Его слава — Отца и Сына и Святаго Духа, во веки. Аминь.

Слово двенадцатое.

О вине.

1. Таинство вина. (Оно есть образ) человеческого естества (или человека), желающего сретить Бога (угодить Богу), и для того в чистоте соблюдающего дело свое целым, чтоб Бог принял его (дело) с радостью.
2. Сосуд (для вина) бывает осмолен надлежащим образом. Это есть образ непорочности тела, во всяком члене своем здраваго (и чистаго) от срамных страстей; ибо невозможно работать Богу тому, кто работает какой либо из (плотских) сластей.
3. Как невозможно влить вино в сосуд, который не весь засмолен, или имеет какую либо трещину: так невозможно нам угодить Богу, имея в себе ненависть и вражду. Испытаем же себя (нет ли их в нас); ибо оне мешают человеку в деле покаяния.
4. Вино в начале образования своего перебраживает. Это образ новоначалия, которое мятется, пока не возмужает и не остепенится.
5. Вино не делается (настоящим вином), если не положить в него гипса, равно как и закваски в меру. Так и новоначалию невозможно преуспеть (оставаясь) на своей воле, если оно не примет от отцев своих по Богу закваски, и они не укажут ему пути (и не поведут по нему), пока не дарует ему Бог самому видеть его.
6. (Вино) оставляют в доме (на месте, где его делают), пока оно не отстоится. Так и без безмолвия, злострадания и всякаго по Богу труда невозможно новоначалию придти в состояние (прочно благонастроенное).
7. Если оставить вино с зернами, или ветками, то оно будет кислое. Так и новоначалие, если будет вращаться среди сродников по плоти, или среди других людей, не сущих одного с ними делания и подвижничества, теряет тот нрав, какой приняло от отцев своих по Богу.
8. Налагают на вино землю, чтоб не выветрилось и не пропало. Так и новоначалие, если не стяжет смирения во всем, все труды его все.
9. Если часто отведывают вино, оно выветривается и теряет свой вкус. Тоже самое часто бывает с человеком, который выставляет на вид дело свое, ибо в таком случае тщеславие сгубляет все дело его.
10. Если оставят сосуд с вином открытым, ненавистные комары губят вино. Так многословие, шутки и суесловие (губят благонастроение юных иноков).
11. Если оставят вино на ветре, то это губит его вид и вкус. Так гордость губит всякий плод человека.
12. Прячут вино в подвалах и покрывают крепко—на—крепко. Так (прячет и укрывает труженника Божия) безмолвие и нивочто—себя—вменение во всяком деле. И невозможно человеку сохранить труда своего без сего безмолвия и нивочто—себя—вменения.
13. Все такое делают с вином, пока не окажется оно угодным делателю своему, — и он порадуется

плоду своему. — Все такое должен делать человек, пока благоугодным не явится дело его пред Богом.

14. И как невозможно поверить на слово, какво вино, если не открыть его и не отведать: так невозможно человеку дерзновение возыметь в сердце своем и не бояться за себя, пока не предстанет он пред Бога, и Бог не признает дела его совершенным.

15. И как если сосуд начнет просачиваться, вино вытечет на землю, прежде чем узнает о том хозяин его, если он нерадив: так малое и ничтожное какое либо дело (недолжное) губит плод человека, если он нерадив.

16. Употребим же силу свою, братие мои, чтоб соблюдать себя от всего вредоносного для нас, — и милость Господа и благодать дадут нам дерзновение в день он сказать; по немощи нашей мы употребили труд соблюсти, что внушала нам совесть; но сила (на то) Твоя есть, и милость, и помощь, и покров, и прощение, и терпение. Ибо кто есмь аз? Доселе был я в руке злых, от коих Ты спас меня; и ничего не имею дать Тебе. Грешен я и недостойн даров Твоих; но Ты сохранил меня от руки врагов моих. Ты — Господь мой и Бог мой. И Твоя есть слава, и милость, и покров, и помощь, и держава, во веки веков. Аминь.

Слово тринадцатое.

О подвизавшихся и совершивших (подвиг) свой добре.

1. Вот знамения, какия сотворил Господь Иисус, прежде чем взшел на крест. Шедша, говорит, возвестита Иоанну, яже видеста и слышаста: яко слепии прозирают, хромии ходят, прокаженнии очищаются, глушии слышат, мертвии встают, нищии благовествуют: и блажен есть, иже аще не соблазнится о Мне (Лк. 7, 22. 23) [18].

2. Итак много знамений, какия сотворил Господь Иисус. (Но нам надлежит ведать, что каждое из них, кроме буквального, имеет иносказательный смысл). Что слепии прозирают, вот что значит: внимающий надежде мира сего, слеп есть; если же он, оставя ее, вперит взор в ожидаемую надежду, то он прозрел, равным образом: хромии ходят, значит вот что: желающий Бога и любящий плотския мудрования сердца, хром есть; но если он оставит эти последния, и возлюбит Бога от всего сердца своего, то он начнет ходить право. Таким же образом опять: глушии слышат, вот что есть: находящийся в состоянии рассеяния (в развлечениях живущий) глух есть, по причине пленения (его внимания внешними вещами) и забвения (должного); если же он упразднится от всего, то станет слышать. И это: прокаженнии очищаются, вот что есть: в законе Моисеевом написано: да не внидет в дом Господа нечистый, — т. — е. имеющий вражду к ближнему, или ненависть, или зависть, или осуждение; если же кто оставит это, то он станет и чист.

3. Итак, когда прозрит слепой, станет ходить хромой, слышать — глухой, очистится прокаженный; тогда человек, бывший мертвым чрез сие (чрез означаемое тем нравственное повреждение) во время нерадения, возстается и обновляется; и потом благовествует чувствами своими, которыя скудны были святыми добродетелями, что он прозрел, стал ходить и слышать, и очистился. Оправдание такое представить ты должен крестившему тебя.

4. Вот что есть крещение: — злострадание (озлобление плоти) со смирением и безмолвие. Ибо об Иоанне написано, — что одежда его была из верблюжьих волос, и пояс ременный опоясывал чресла его, — и был он в пустыне (Мф. 3, 4). Это есть знак злострадания. Оно первое очищает человека; и если кто потрудится, приобретает его; а когда приобретет его себе, тогда открывает себе путь взойти

на крест (Крест есть знамение будущего бессмертия), заключив прежде уста фарисеям и саддукеям (саддукеи представляют образ неверия, а фарисеи — вселукавства, лицемерия и тщеславия), как написано: ниже смеяше кто от того дне вопросити Его ктому (Мф. 22, 46).

5. Наконец послал Господь Петра и Иоанна уготовать пасху. Это образ того, что, когда ум увидит себе ничем необладеваемым, то готовится к бессмертию, собирая чувства свои во едино, и делая их единым телом, чрез питание их причащением от Господа.

6. Опять, что Иисус молился, говоря: аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия, в час сей (Мф. 26, 39), — это о нас слово. Ибо когда ум восхощет взыти на крест, то имеет нужду во многой молитве и многих слезах, и во всецелом предании себя Богу, прося помощи у благодати Его, да будет она укрепительницею и хранительницею его, пока не возставит его во святом и неоскудевающем обновлении; потому что великая бывает опасность в час креста. Моляся же имеет он нужду, чтоб с ним были Петр, Иоанн и Иаков, кои суть: вера здравая, мужественное от упования сердце, и любовь к Богу.

7. Вот значение и того, что нас ради было с Самим Владыкою, возлюбленным Господом Богом нашим Иисусом, Который был для нас образом во всем, как сказал Апостол: Яко разумети Его, и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуясь смерти Его, аще како достигну в воскресение мертвых (Фил. 3, 10. 11): — Желчь, которой вкусил Он за нас, внушает нам истреблять в себе всякую похоть злую, (и заключать уста свои), и не давать никакой из них выходить из тела и делом совершаться; оцет, который вкусил Он за нас, внушает нам погашать всякое самоволие и всякую мятежность суетную; заплевание, которым оплевали Его за нас, внушает нам подавлять всякое человекоугодие, и всякое желание славы мира сего; терновый венец, который сплели и возложили на главу Его, внушает нам переносить порицания, даже повсечасныя, и без смущения претерпевать всякия укоризны; трость, коею били по главе Его за нас, внушает нам, всегда имея на главе шлем смиренномудрия, погашать всякую гордыню вражескую; предание Господа Иисуса на бичевание пред распятием внушает нам ни во что вменять всякое человеческое поношение и позор; разделение риз Его, с бросанием жребия, причем Сам Он пребыл несмущенным, — внушает нам презирать все мирское прежде, чем взыдем на крест, по слову Апостола: разграбление имений ваших с радостию приясте, ведяще имети себе имение лучшее на небесех (Евр. 10, 34).

8. Все сие должен сделать человек, чтоб возмочь взойти на крест. И если ты не сделаешь того, что сделал Он, по силе твоей, как человек, то не сможешь взойти на крест. Что был час шестой, когда жестокосердые распяли Его нашего ради спасения, это пример нам, чтоб с силою вооружились против всякаго уныния и малодушия, пока умрет грех, по написанному, что Он крестом убил вражду. Что, когда был час девятый, возопил гласом велиим Иисус: Елои, Елои, лима савахфани (Мф. 27, 46), — нам пример, чтоб, по терпеливом подъятии скорбных подвигов против страстей, пока погаснут, воспринимали мы наконец дерзновение в смиренномудрии вопиять к Богу. Что после померкнута солнца предал Он дух Свой, — указание нам есть, что, если ум освободится от всякой надежды мира сего видимаго, то это служит признаком того, что грех умер в тебе. Что церковная завеса разодралась на двое с верхняго края до нижняго, — это образ есть того, что если ум освободится (от страстей), то средостение между им и Богом отходит. Что камни распались и гробы отверзлись, — это нам образ того, что, когда совершится в нас она смерть (греху), когда всякая тяжесть и слепота, и все сопротивное душе, расторгнется, и чувства, умершие и плод приносившая

смерти, начинают здравствовать, возстав непобедимыми. Что Он был повит плащаницею чистою с ароматами, — это нам образ того, что после оной смерти (греху), святость бывает повита и нетление упокоивает ее. Что положили Его во гробе нове, в коем никто еще полагаем не был, и привалили камень великий ко входу в него, — это нам образ того, что когда ум освободится от всего и возсубботствует, то бывает уже в другом веке новом, новая мудрствует, внимает тому, в чем нет ничего тленного, и о нетленном помышляет. — Прочее, — идеже тело (труп), тамо соберутся и орли (Лк. 17, 37). — Что Он воскрес во славе Отца Своего, и что возшел на небеса и сел одесную величества на высоких (Евр. 1, 3), — нам пример, по слову Апостола: аще убо воскреснете со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сидя. Горняя мудрствуйте, (а) не земная, умросте бо (Кол. 3, 1—3).

9. Имя же Его честное, творящее милость, бывшее для святых образом во всем, сильно (есть) заступиться за немощь нашу, и, по нищите нашей, простить нам грехи наши, чтоб и мы обрели милость со всеми достойными ея. Аминь.

Слово четырнадцатое.

Деяния плача.

1. Увы мне, увывы мне, — что еще не освободился я от геенны! Влекущие меня в нее еще приносят плоды свои во мне, и все дела ея движутся в сердце моем; погружающие меня в огонь еще действуют во плоти моей, желая приносить плоды ея; еще не познал я, от-зде куда отойду; еще не уготовился мне путь правый; еще не освободился от воздействий, сущих в воздухе (сил темных), имеющих преградить мне путь, по причине сущих во мне злых дел их; еще не увидел я Избавителя, пришедшаго спасти меня от них, потому что злоба их все еще приносит во мне плоды; еще не увидел я дерзновеннаго заступления между мною и Судиею; еще не дано свидетельство о мне, что я недостоин смерти; еще не отстал я от злотворцев.

2. Не радуется злодей, будучи заключен в темнице; не может творить волю свою связанный железом; не учит другаго заключенный в колоду; не помнит покоя сущий в болезненных трудах; не ест в сласть связанный по выи своей; и не загадывает сделать еще что злое, потому что всевозможно нагрешил, но с раздирающимся сердцем оплакивает все злыя дела свои, и все муки, какия готовятся ему, говоря о них: да, я их достоин.

3. Помышляющий всегда о том, каковы будут последняя его, и видящий муки, (каких достоин) по грехам своим, не нуждается в большом усилении, чтоб не осудить кого в сердце своем; болезнование об (ожидаемых) мучениях съедает сердце его; горькое — увывы! есть всегдашний предмет сокровеннаго поучения его; не воодушевляет он других не унывать; забота о пище не входит в круг попечений его; признает милость творящих с ним милость, но от печали вкуса не видит в ней, потому что всячески нагрешил; тем, которые поносят его, не отвечает он гневно, и терпеливо несет болезненные труды, говоря: я достоин их; смех зубов (Сирах. 19, 27) отступил от него; помавает он главою своею в стенании, вспоминая о престоле суда, пред которым имеет предстать; когда слышит речи (других), не говорит: хорошо, или — худо; хороши ли оне или худы, не приемлет их слух его; вежди его источают потоки слез по причине болезней, снемлющих его. Если он от благородных родителей, то еще более печалится, приводя на ум стыд пред теми, которые имеют увидеть его осуждаемым на суде. Содержа в мысли уготовляемый для него суд, не обращает он внимания на людей, хороши ли они или худы. Если есть другие, связанные с ним, и на них не обращает он

внимания, и не рассматривает с ними, что предлежит делать; ибо всякий свое несет бремя, влекомый на смерть. Лице его мрачно. Ни один человек не берется говорить в защиту его, по причине страха мучений. Сам он исповедует, что наделал, и что достойно подлежит суду за то, в чем согрешил.

4. Доколе же быть мне в опьянении без вина? Доколе беспечничать, имея впереди себя таковое? Ожестение сердца моего изсушило очи мои, — а опьянение от суетной многозаботливости изсушило голову мою, и увлечения сердца моего навели на меня забвение до омрачения. Нужда телесная связала меня и пагуба (отчаяние) докучает мне оставить путь (жизни). Не приобрел я друга, который бы поговорил о мне, и не имею дара, чтоб послать его гражданам. Весть о худых делах моих не попускает им признать меня. Если прошу их, они не обращают внимания на меня, ибо видят, что я не отстал еще от болезней своих (нравственных), и не прошу их распространенным сердцем (2 Кор. 6, 11).

5. Остен грехов моих не стал еще непрестанно уязвлять сердце мое (т. — е. не пришло еще болезненное сокрушение о грехах). Бремя грехов моих еще не отяготело надо мною (не подавляет меня тяготою своею, не чувствую тяготы грехов). Не познал еще я вполне, как следует, силы огня; иначе, подвизался бы не впасть в него. Глас слышится в ушах моих, что ад предлежит мне, так как по истине не очистил еще я сердца своего. Раны на теле моем сделались опасными, но еще не возсмердели, чтоб искать врачевства. Я прикрываю от людей раны от стрел; и не могу терпеть, чтоб касался их врач. Он предложил мне наложить примочки (или припарки) на раны, но я не крепок сердцем, чтоб стерпеть едкость их. Врач добр, и не требует с меня вознаграждения, но леность моя не позволяет мне сходить к нему. Приходит он сам ко мне поврачевать меня, и находит меня ядущим то, что растравляет раны. Он упрасивает меня перестать отныне (принимать такие яства), но сласть вкушения их обольщает сердце мое. Когда поем, раскаяваюсь, но раскаяние мое не истинно. Присылает мне (врач свое) ястие (говоря): — поешь, чтоб оздороветь; но злой навик не дает мне принять его. — Конец всего этого, — не знаю, что мне делать?

6. Восплачьте же со мною все братия, знающие меня, да приидет ко мне помощь паче силы моей и возобладает мною, чтоб я соделался достойным быть учеником Его (Господа моего): ибо Его сила во веки веков. Аминь.

Слово пятнадцатое.

Об отречении от мира.

1. Возлюбленные! Попечемся о себе, яко время сокращено есть прочее (1 Кор. 7, 29). Нельзя пешишь о душе, коль скоро кто печется о теле. Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим — на землю: так и уму нельзя пешишь и о Божиим и о мирском. Что не будет помощно тебе, когда выйдешь из тела, о том стыдно тебе пешишь.

2. Имей в уме, что Бог внимает тебе при всяком деле, какое делаешь. Имей в уме, что Бог видит тебя при всяком помысле твоим.

3. Что стыдишься делать пред людьми, о том стыдись помышлять тайно (в сердце). Как древо познается по плоду, так ум по созерцанию своему (по тому, на что устремлено око его) познает помыслы свои и душа разумная по созерцанию своему (по тому, чему умно внимает) познает саму себя.

4. Не считай себя безстрастным, пока влечет тебя грех. Кому дарована свобода (от страстей), тому уже не думается о том, что делал он не по естеству. Не считай же себя свободным, коль скоро

оскорбляешь Господа своего; ибо свобода не приходит, пока сердце твое похотствует что либо мирское.

5. Пекись о своем теле, как о храме Божиим, — пекись, как имеющий воскреснуть и дать ответ Богу; бойся Бога, как имеющий дать Ему отчет по всем, что наделал; как, когда тело твое получит рану, заботишься ты уурачевать ее, так попекись, чтоб оно явилось безстрастным в воскресении.

6. Разматривай в себе каждодневно, какую страсть победил ты, прежде чем вознесешь к Богу прошения свои.

7. Как земля не может принести плода без семени и воды, так человек не может покаяться без смиренномудрия и труда телеснаго.

8. При благорастворении воздухов разцветают семена; так и человек разцветает чрез заповеди, когда ум его (на то обращен), чтоб соблюдать заповеди. То и вера в Бога и страх Божий, чтоб не оскорблять своей совести.

9. Если всеется в тебя сласть блудная, когда сидишь в келлии своей, смотри, противостой помыслу своему, чтоб он не увлек тебя. Постарайся возставить память о том, что Бог внимает тебе, и что пред Ним открыто все, о чем ни помышляешь ты в сердце своем. Скажи убо душе своей: если стыдишься ты подобных тебе грешников (и стараешься), чтоб они не видели тебя грешащим, кольми паче (должно страшиться грешить) пред Богом, внемлющим сокровенностям сердца твоего. Чрез такое разсуждение в помысле твоем страх Божий возстановится в душе твоей, — и если ты последуешь страху Божию, то будешь неподвижен (на страстное) и не можешь уже более быть насилуемым от страстей, как написано: надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме (Пс. 124, 1).

10. Верующий, что есть суд, когда изыдет из тела, — не может судить ближняго ни в каком деле, как имеющий дать ответ Богу о всех делах своих, как написано, что нам должно предстать пред судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10).

11. Верующий, что для святых есть царство, печется соблюсти себя (непорочным) даже в малых и ничтожных вещах, чтоб быть сосудом избранным; ибо написано: подобно есть царствие небесное неводу ввержену в море, и от всякаго рода собравшу: иже егда исполнися, извлекоша и на край, и седше избраша добрыя в сосуды, а злыя извергоша вон (Мф. 13, 47—48).

12. Верующий, что тело его имеет возстать в своем естестве в день воскресения, должен попещись о нем и очистить его от всякой скверны; ибо написано: Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти ему сообразну телу славы Его, по действию еже возмогати Ему (Фил. 3, 21).

13. В ком вселилась любовь к Богу, того ничто мирское не может уже отлучить от Бога, как написано: кто ны разлучит от любви Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь (Рим. 8, 35).

14. Силен же есть Бог (сделать), чтоб и мы обрелись в числе тех, кои ни из—за чего мирскаго не разлучили себя от любви Христовой, чтоб вместе с ними обрести милость силою Господа нашего, Иисуса Христа. Ибо Ему слава, со безначальным Отцем и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово шестнадцатое.

О радости, бывающей в душе, желающей работать Богу.

1. Во первых, приветствую тебя в страхе Божиим, и умоляю: будь совершен, как благоугодно сие

Богу, чтоб не был бесплоден труд твой, и чтобы целым принял его Бог в радости от тебя.

Торгующий, если получит прибыль, радуется, ни во что ставя подъятые труды, потому что узнал (как они полезными оказались); взявший жену, если она покоит его и блюдет добре, радуется о ней сердцем своим, во всем полагаясь на нее; вступивший в военную службу, если, с презрением смерти своей повоевав за царя, получит венец, (радуется), что такой имеет успех. Се таковы дела мира сего погибающего, — и творящие их радуются, когда получают в них успех. Какая же, думаешь, радость будет душе того, кто, начав работать Богу, успешно окончит это дело свое? — При исходе его из мира сего, такое дело его сделает ему то, что с ним будут радоваться Ангелы, увидев, что он освободился от властей тьмы. Ибо когда изыдет душа из тела, ей сшествуют Ангелы; на встречу же ей выходят все силы тьмы, желая схватить ее, и изыскивая, нет ли в ней чего ихняго. Тогда не Ангелы борются с ними, а дела, содеянные душою, ограждают ее, как стеною, и охраняют ее от них, чтоб не касались ея. Когда дела ея одержат победу, тогда Ангелы (идя) впереди ея поют, пока не предстанет она Богу в радовании. В час тот забывает она о всяком деле мира сего и о всем труде своем.

2. Употребим же силу свою, чтоб добре поработать в краткое время сие, (сохраняя) дело свое чистым от всякаго зла, да возможем спастися от рук князей (тьмы), имеющих сретить нас; ибо они злы и немилостивы. Блажен, в ком не найдется ничего ихняго: радости того и веселию, упокоению и венцу — меры нет. Мирское же все превратно, торговлею ли кто занимается, или брачным делом, или другим, чем, о чем сказал я впереди. Брате возлюбленне! Сотворим силу нашу в слезах пред Богом; может быть смилуется над нами благостыня Его и пошлет нам мощь, на препобеждение тем, что сделаем (добраго), начальников злобы, имеющих сретить нас (по исходе из тела).

3. Попечемся о себе с крепким сердцем (без саможаления, и стяжем себе вожделение к Богу, которое спасет нас от рук злобы, когда она там изыдет в сретение нам. — Возлюбим любить бедных, чтоб это спасло нас от (духа) сребролюбия, когда оно изыдет в сретение нам. — Возлюбим мир со всеми, малыми и великими, потому что он сохранит нас от (духа) ненависти, когда изыдет она в сретение нам. — Возлюбим всех, как братьев наших, ни малой неприязни не держа в сердце своем ни против кого, и никому не воздая злом за зло; это избавит нас от завистования, когда оно изыдет в сретение нам. — Возлюбим смиренномудрие во всем, перенося слово ближняго, если он побранит нас или обнесет: это сохранит нас от гордости, когда изыдет она в сретение нам. — Взыщем чести ближняго, не допуская умалиться ему во мнении нашем, когда его поносят, кто бы он ни был: это сохранит нас от оклеветания, когда оно изыдет во сретение нам. — Презрим выгоды мира и честь его, чтоб избавиться от зависти, когда изыдет она в сретение нам. — Приучим язык свой к Божию поучению, правде и молитве, чтоб это сохранило нас от лжи, когда изыдет она в сретение нам. — Очистим сердце свое и тело от похоти, да избавимся от нечистоты, когда изыдет она в сретение нам. — Все сие покушается схватить душу, когда изыдет она из тела; а добродетели вспомоществуют ей, если она стяжала их.

4. Кто же из мудрых не восхощет предать душу свою на смерть, чтоб избавиться от всего сего? Итак, сотворим по силе нашей; и сила Господа нашего Иисуса Христа велика, чтоб помочь смирению нашему. Знает Он, что человек бедная есть тварь, и дал ему покаяние, пока он в теле, до последнего издыхания. Да будет же один у тебя помысл — к Богу, чтоб Он сохранил тебя. — Не внимай благам мира, как бы можно было на них понадеяться, — дабы возмог ты спастися. Все, что есть от мира

сего, оставишь и отойдешь; что же сделаешь для Бога, в том обретешь благую надежду в час нужды.

5. Возненавидь словеса мира, да узрит Бога сердце твое. — Люби часто молиться, да просветится сердце твое. — Не люби лености, чтоб не пожалеть, когда достигнешь в воскресение праведных. — Храни язык свой, да просветится сердце твое. — Не люби лености, и страх Божий вселится в тебя. Дай ныне нуждающемуся, богатым оком, да не посрамишься пред святыми и благими делами их. — Возненавидь похотение яств, чтоб Амалик не преградил тебе пути. — Не спеши в отправлении служб своих (молитвенных правил), чтоб не пожрали тебя звери. Не люби вина до опьянения, чтоб не быть лишены обрадования Божия. — Возлюби верных, чтоб чрез них получить милость. — Возлюби святых, да ревность их снесет тебя.

6. Помни о царствии небесном, чтоб вожделение его мало-по-малу увлекло тебя. Помышляй о геенне, чтоб возненавидеть дела ея. — Просыпаясь утром каждый день, вспоминай, что дашь отчет Богу о всяком деле, и не согрешишь пред Ним, и страх Его вселится в тебя. Приготовляй себя к сретению Его, — и совершишь волю Его. Обсуждай себя здесь каждый день, в чем недостаточествуешь, и не будешь в затруднении в час нужды смертной. — Да видят братия твои дела твои, и ревность твоя снесет их. Испытывай каждый день самого себя, какую страсть победил, — и однакож не думай много о себе, потому что то милость и сила Божия есть. — Не почитай себя верным до последняго издыхания. — Не высокоумствуй, будто ты добр; ибо не можешь вверить себя врагам своим. — Не полагайся на себя, пока ты в жизни сей, — и пока не минуешь всех властей тьмы.

7. Бодрствуй, брате, против духа, приносящаго человеку печаль; ибо много у него ловлений, пока не сделает тебя обезсиленным. Печаль по Богу радостотворна, когда видишь себя стоящим в воле Божией. Кто же говорит тебе: куда тебе бежать? Нет тебе покаяния; тот от вражьей стороны, (и говорит так), чтоб склонить человека оставить намерение вести прочее воздержную жизнь. А печаль по Богу не налагает на человека (подавляющею тяготою), но говорит ему: не бойся, приди опять (к Богу); ибо знает Он, что человек немощен, и подает ему силу.

8. Разсудительное имей сердце; при помыслах (находящих), — и они пооблегчатся у тебя. Кто боится их, того разслабляют они тяжестию своею. Боящийся воздействий (вражеских) обнаруживает, что не имеет веры в Бога.

9. Намерение себя и почитание себя невеждою показывают человека, который не поблажает страстям, чтоб творить волю их, а творит волю Божию. А желающий сказать слово свое при многих обнаруживает, что страха Божия нет в нем. Страх Божий есть страж и помощник для души, охранитель внутренняго владычественнаго (—ума), в деле истребления всех врагов его.

10. Ищущий чести Божией старается отогнать от себя нечистоту. — Разумное о себе попечение отсекает страсти; ибо написано: попечение найдет на мужа мудраго (Притч. 17, 12. Впадет попечение мужу смысленну, безумнии же размышляют злая). Заболевший познает цену здравия. Венчаемый венчается за то, что победил врагов царя. — Есть страсти, есть и добродетели. — Но если мы унывливы (ленивы), то явно, что мы, как предатели. — Мужество сердца есть помощь для души, после Бога; как уныние (разленение) есть помощь злу. — Сила желающих стяжать добродетели вот в чем, — чтоб если падут, не малодушествовать, но опять воспринимать попечение (о спасении). Орудия добродетелей суть телесные труды с разумом. Порождения страстей бывают от нерадения. Не осуждение ближняго есть стена (ограждения) для разумно ведущих брань; осуждение же его

разоряет сию стену в неразумии. — Попечение о языке явным делает, что человек такой из деятельных; а необуздание языка означает, что он не имеет внутри себя добродетели. — Милостыня, с разумом творимая, рождает презрение (имущества) и руководит к любви; а немилостивость означает, что нет в человеке добродетели. — Благозность рождает чистоту; а развлечение (трата на развлечение и удовольствия) рождает страсти, и жестокосердие рождает гнев. — Ненавидеть развлечение есть подвиг душевный, а скудость есть (подвиг) телесный. — Любовь к развлечению есть падение души, а безмолвие с разумом есть исправление ея. — Насыщение сном есть растревожение страстей в теле, а бдение в меру есть спасение сердца. — Много-спание утучняет сердце, бдение же в меру утончает его. — Лучше спать в молчании с разумом, чем бодрствовать в суесловиях. — Плач изгоняет все худости (как $\kappa\alpha\iota\varsigma$) без тревог. — Щадение (небиение, неуязвление) совести ближнего рождает смиренномудрие. — Слава человеческая мало-по-малу рождает гордость. — Любовь к простору (нестеснению себя лишениями) изгоняет ведение; а воздержание чрева смиряет страсти. — Похотение яств возбуждает их без труда. — Украшение тела есть разорение души; попечение же о нем в страхе Божиим хорошо.

11. Внимание к суду Божию рождает страх в душе; а поправление совести исторгает добродетели из сердца. — Любовь к Богу прогоняет нерадение; а безстрашие возбуждает его. — Хранение уст восторгает ум к Богу, если молчать с разумом; а многословие рождает уныние (разленение) и умоизступление (). — Уступление своей воли ближнему означает, что ум имеет в виду добродетели; а удерживание своей воли (в сношении) с ближним показывает невежество. — Поучение в страхе (Божием) сохраняет душу от страстей; а говорение словес мирских омрачает душу, (удаляя ее) от добродетелей. — Вещелюбие возмущает ум и душу; а отречение от всего обновляет их. — Молчание, если молчишь, чтоб не высказать помыслов, показывает, что ты ищешь чести мира и славы его срамной; а кто с дерзновением (не жалея себя) высказывает свои помыслы пред отцами своими, тот отгоняет их от себя.

12. Что дом, не имеющий дверей и окон, в который, какое ни захочет пресмыкающееся, входит свободно: то человек трудящийся и не хранящий труда своего. — Как ржа снедает железо, так честь человеческая — сердце, если оно сочувствует ей. — Как плющ сплетшись с виноградом уничтожает плод его, так тщеславие уничтожает труд монаха, если он увлекается им. — Впереди всех добродетелей (стоит) смиренномудрие; а впереди всех страстей — чревоугодие. — Конец добродетелей — любовь; а конец страстей — самооправдание. — Как червь, истачивая дерево, уничтожает его, так злоба в сердце омрачает душу.

13. Повержение души пред Богом (предание себя в волю Божию) рождает несмущенное перенесение поношений, — и слезы ея бывают (тогда) сохранены от всего человеческого. — Неукорение себя причиняет и то, что не претерпевают (не укрощают) гнева. — Смешивание слова своего с мирянами (беседа с мирянами по мирски) встревоживает сердце, и постыждает его на молитве; потому что оно после того не имеет дерзновения. — Любовь к выгодам мирским делает душу омраченную; а презрение к ним во всем приносит ведение. — Любовь к труду есть ненависть к страстям, а леность порождает их без труда.

14. Не связывайся с жителями города, — и помысл твой безмолвствовать будет в тебе. — Не надейся на силу свою, — и помощь Божия будет сшествовать тебе. Не имей вражды к человеку; иначе не будет принята молитва твоя. — Будь мирен со всеми, чтоб иметь дерзновение в молитве. — Храни

очи свои, — и сердце твое не узрит зла. — Смотрящий на кого либо сластолюбно совершает любоддеяние. — Не желай слышать о вреде, понесенном оскорбившим тебя, чтоб не воздать ему в сердце (злом за зло). — Храни слух твой, чтоб не набрать им себе браней. — Трудись в рукоделии своем, чтоб бедный нашел (у тебя) хлеб; ибо бездействие есть смерть и падение души.

15. Прилежная молитва разрешает пленение (пристрастие к чему либо); а нерадение о ней, хотя малое, есть мать забвения. — Ожидаящий близкой смерти не грешит много; а ожидающий ее чрез много лет во многие вплетется грехи. — Кто готовится дать отчет Богу во всех делах своих, того весь путь печется Бог очистить от всякаго греха; — а кто нерадит о том, говоря: когда-то еще я достигну туда, тот сосед лукавым. — Прежде чем сделать какое либо дело, каждый день, поминай, где ты и куда имеешь пойти, изшедши из тела, — и ни одного дня не понеради о душе своей. — Помышляй о чести, какую прияли святые, — и соревнование им мало по малу повлечет тебя (в след их); помышляй опять и о посрамлениях, каких испытали грешники, — и это всегда будет охранять тебя от зла.

16. Всегда следуй совету отцев своих, и все время жизни своей проведешь в спокойствии. — Внимай себе, — и если помысл твой крушит тебя из-за того, что брат твой скорбит на тебя, не презирай его (помысла), но (поди) поклонись брату с умоляющим гласом, (и не отступай), пока не убедишь его (примириться). — Смотри, не будь жестокосерд к брату, (помня, что) мы бываем насилуемы от врага. — Когда жить будешь с братьями, не приказывай им одним что либо делать; но трудись вместе с ними, чтоб не погубить мзды своей. — Когда станут смущать тебя демоны относительно пищи, одежды или большой бедноты (всем), подлагая тебе, как за это поносят тебя; не отвечай им против этого ничего, но предай себя Богу от всего сердца своего, — и Он успокоит тебя. — Смотри, не небрежи об исправлении служб (молитвословий) своих; ибо оне приносят просвещение душе.

17. Если сделал ты что доброе, не хвались тем; (но и с другой стороны, если наделал много зла, да не опечаливается тем чрез меру сердце твое, но стань над сердцем, чтоб не попускать ему более сослагаться с тем) — и соблюдешься от гордыни, если ты мудр. — Если терпишь нападки от блуда, держи тело свое непрестанно под прискорбностию в смирении пред Богом, не давая сердцу своему увериться, что прощены тебе грехи твои, — и успокоишься. — Если станет крушить тебя завистование, вспомни, что мы все члены есмы Христовы, и что честь и поношение ближняго есть (честь и поношение) всех нас, — и успокоишься. — Если войну против тебя подняло чревоугодие похотением яств, то вспомни о зловонии их, — и успокоишься. — Если беспокоит тебя позыв осудить брата своего; то вспомни, что он имеет опечалиться, если услышит, — и тебе стыдно будет повстречаться с ним после того, — и успокоишься. — Если станет одолевать тебя гордыня, то вспомни, что она губит весь твой труд, и что нет покаяния сосложившимся с нею, — и успокоишься. — Если борет сердце твое желание уничтожить ближняго, то вспомни, что за это Бог предаст тебя в руки врагов твоих, — и успокоишься. — Если красота телесная влечет сердце твое, вспомни о зловонии ея, — и успокоишься. — Если сласть жен сластнейша есть для тебя, вспомни о (женах), умерших уже, куда оне отошли, — и успокоишься.

18. Все такое собирая и обсуждая, разсуждение уничтожает (брани). — Но разсуждения достигнуть невозможно тебе, если в возделание его не употребишь сначала безмолвия (удаления от шума мирскаго). Безмолвие раждает подвижничество; — подвижничество раждает плач; — плач раждает страх Божий; — страх (Божий) раждает смирение; — смирение раждает прозрение; — прозрение

раждает любовь; — любовь делает душу безболезненной и безстрастной. Тогда познает человек, как далек он от Бога.

19. После всего сего, желающий достигнуть всех сих всехвальных добродетелей, да будет в беспопечении о всяком человеке, — и пусть готовит себя к смерти. И будет, что на всякой молитве своей начнет он уразумевать, что такое отделяет его от Бога, и станет уничтожать то, возненавидев всякое житие такое (т. — е. отделяющее от Бога); — и благодать Божия вскоре дарует ему их (означенные добродетели).

20. Сие же ведай, что всякий человек, ядущий и пьющий безразлично и любящий что либо от мира сего, не дойдет до них (добродетелей), и не достигнет их, но обольщает себя. Молю убо всякаго человека, желающаго принести покаяние Богу, блюсти себя от многовиния; ибо оно поновляет все страсти, и изгоняет страх Божий из души. Напротив всеми силами постарайся умолить Бога, послать тебе страх Свой, чтоб он с помощью твоего сильного желания Бога (Богообщения) истребил в тебе все страсти, противоборствующие бедной душе, и хотящая отлучить ее от Бога, чтоб сделать наследием своим. На это и враги употребляют всякое усилие, противоборствуя человеку.

21. Итак не обращай внимания, брате, на покой (от брани), пока ты в теле сем, и не верь себе, если увидишь себя на время покойным от страстей; потому что оне иногда приутихают на время в лукавом чаянии, что может быть человек распустит сердце свое, полагая, что совсем избавился от них; и потом внезапно наскакивают на бедную душу и похищают ее, как малую птицу какую; и если окажутся мощнее ее во всяком грехе, то смиряют ее без милосердия, ввергая в грехи, пагубнейшие прежних, о прощении которых она молилась уже.

22. Будем же стоять в страхе Божиим, и хранить его, совершая дела свои, и соблюдая все добродетели, которыя возбраняют злобе врагов. Труды и поты краткаго времени сего не только сохраняют нас от всякаго зла, но (они же опять) приготавливают венцы душе, прежде исхода ее из тела.

23. Учитель наш Святой, Господь Иисус, зная великую немилостивость врагов наших, и жалея род человеческий, заповедал в крепости сердца, говоря: будьте готовы на всякий час; потому что не знаете, в какой час тать придет, чтобы он, внезапно пришедши, не застал вас спящими (Мф. 24, 43, 44). И в другой раз уча Своих, заповедал Он, говоря: внимайте себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той (Лк. 21, 34). Зная же, что лукавые (духи) много превосходят нас и показывая Своим, что мочь (противостоять им) есть Его дело, и что потому им нечего бояться, сказал им: се посылаю вас яко овцы посреде волков (Мф. 10, 16); но притом заповедал им, ничего не брать в путь (Лк. 9, 3), ибо поколику они ничего не имели из принадлежащаго тем волкам, то они (волки) не могли их поглотить. Когда же возвратились они здоровыми и соблювшими заповедь, то Он возрадовался с ними, благодаря Бога и Отца за них, и укрепляя сердце их сказал им: видех сатану яко молнию с небесе спадша. Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит (Лк. 10, 18, 19). Итак послание Его (было) со страхом и опасливостию: но когда они исполнили Его заповедь, Он дал им власть с силою.

24. Эти слова не к ним только относятся, но и ко всем исполняющим заповеди. Возлюбив их совершенною любовью, Он сказал им: не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам царство. Продадите имения ваша, и дадите милостыню; соторите себе влагалища невешшающа,

сокровище неоскудеемо на небесех (Лк. 12, 32. 33). Когда же они исполнили и это слово, сказал им: мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Иоан. 14, 27). Удостоверяя их в сем, Он говорил: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим (Иоан. 14, 23). Воодушевляя их не страшиться мира, Он сказал им: в мире скорбни будете: но дерзайте, яко аз победих мир (Иоан. 16, 33). Укрепляя их не падать духом в скорбях, сказал им, вливая радость в сердца их: вы есте пребывше со Мною в напастех Моих: и Аз завещаю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, царство, да ясте и пиете на трапезе Моей во царствии Моем (Лк. 22, 28—30).

25. Это же сказал Он — не всем, а потерпевшим Его в искушениях. — Но кто такие, потерпевшие Иисуса в искушениях, если не стоящие против неестественностей (страстей), пока не отсекут их? Сказал это Он им, идя на крест. Почему, желающий есть и пить на трапезе Его да сшествует Ему на сей крест: ибо крест Иисуса есть обуздание всякой страсти, пока не отсекут их все. Се и возлюбленный Апостол, отсекавший их, дерзнул сказать: Христови сораспяхся. Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 19. 20). Итак в тех, кои истребили страсти, живет Христос. Почему, уча чад своих, сей же Апостол сказал: иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми (Гал. 5, 24). И Тимофею, чаду своему, пиша, говорил Он: аще с Ним умрохом, то с Ним и оживем: аще терпим, с Ним и воцаримся: аще отвержемся, и Той отвержется нас (2 Тим. 2, 11. 12).

26. Кто же такие эти, отвергающие Его, если не те, кои творят воли свои плотския, и посрамляют тем Святое Крещение? — О имени Его дается нам оставление грехов; но враг по зависти опять порабощает нас чрез грех. Почему Господь наш Иисус Христос, зная из начала злобу его, что она велика, приложил нам покаяние, до последнего издыхания. Еслиб не было покаяния, едвали бы кто спасся. И Апостол, зная, что есть грешащие и после крещения, сказал: крадый ктому да не крадет (Еф. 4, 28).

27. Итак, имея на себе печать Святаго Крещения, постараемся оставить грехи свои, да обрящем милость в день он. Ибо приблизился и грядет Господь, сидя на престоле славы Своея. И соберутся пред Ним все племена. Тогда каждый явен будет (что он такое) по собственному светильнику, держимому в руке своей. У кого не будет елея, у того светильник погаснет, — и он будет ввержен во тьму; а у кого светильник будет светел, тот внидет вместе с Господом в царствие.

28. Постараемся же возлюбленные, наполнить сосуды наши елеем, пока еще мы в теле, чтоб сиял светильник наш и мы вошли в царствие Господа. Сосуд есть покаяние; находящийся в нем елей суть дела (практиков — практика) всех добродетелей; светлый же светильник есть святая душа, Итак, какая душа сделается светоносною посредством дел своих, та войдет в царствие вместе с Господом; а какая душа омрачена собственною своею злобою, та пойдет во тьму.

29. Подвизайтесь же, братия; ибо время наше близ есть. Блажен, кто имеет заботу о сем. Плод созрел и время жатвы настало. Блажен, кто сохранил плод свой, потому что Ангелы соберут его в вечную житницу. Горе же тем, кои суть плевелы, потому что их наследует огонь.

30. Наследие мира сего — золото и серебро, дома и одеяния. Они только в грехи нас вводят; отходя же отсюда, мы оставляем их. А Божие наследие безмерно, какового ни глаз не видал, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не восходило. И его—то даровал Господь слушающимся Его в краткое время сие, и получающим его за хлеб, воду и одежду, какие доставляли они нуждающимся, — за человеколюбие и чистоту тела, за неделание зла ближнему, за незлобивое сердце, и за исполнение прочих заповедей.

31. Соблюдающие сие, — и в сем веке имеют покой и пользуются почетом от людей, — и когда изыдут из тела, радость вечную получают. А которые творят хотения свои в грехе и не каются, но в сластолюбных развлечениях и самопрельщении удовлетворяют худым влечениям своим, словоохотству и болтливости, бранчивости и спорливости, немилостивости к бедным при безбоязненности суда Божия, и прочим грехам, — таковых лица будут исполнены посрамления в сем веке и люди будут презирать их, и когда изыдут из тела, срам и стыд будет сопровождать их в геенну.

32. Силен же есть Бог сподобить нас преуспеть в делах Его, с соблюдением себя от всякаго дела лукаваго, да возможем спастися в годину искушения, имеющую прийти на весь мир. Ибо не коснит Господь наш Иисус, но придет, имея с Собою воздаяние, и нечестивых пошлет в огонь вечный, и Своим даст награду. И внидут они вместе с Ним в царство Его, — и упокоятся в Нем, во веки веков. Аминь.

Слово семнадцатое.

О помыслах при отречении от мира и странничестве.

1. Первый пред всеми подвиг есть странничество, особенно когда, удалившись на уединение, оставишь своя — си, и в другое место пойдешь, неся веру совершенную, и надежду, и крепкое сердце против своих пожеланий. Ибо обступят тебя тогда кругом (враги) во многих кругах, и начнут устрашать тебя искушениями, жестокою бедностию и болезнями, внушая, что если впадешь в них, то что будешь делать, не имея никого, кто бы попекся о тебе, или знал тебя. — Это благодать Божия испытывает тебя, чтоб обнаружилась ревность твоя и любовь к Богу.

2. Если ты наконец решительно установишься жить уединенно в келлии, то (враги) начнут всевать в тебя еще более тяжелые помыслы страшливости, говоря: не одно странничество спасает человека, но исполнение заповедей; — приведут при этом тебе на память некоторых близких (к родным твоим) по плоти, и скажут: чтож? Эти вот не рабы ли суть Божии? — Будут влагать притом в сердце твое помыслы о неблагоустроенности воздуха (в том месте) и тягостности для тела, — пока не изнеможет сердце твое от малодушия. Но если в сердце твоём пребудут неразлучно любовь и упование, то злоба тех (внушителей) ничего не сделает тебе. Так обнаружится рачение твое пред Богом и то, что ты Его любишь более, чем покой плоти своей.

3. Тех, которые претерпевают прискорбность странничества (жизни на чужой стороне), скорбь приводит к упованию, и упование сохраняет их от тех (искушений), кои по плоти. Ибо ты не просто удалился на чужую сторону, но чтоб уготовить себя поднять труд борьбы со врагами и научиться каждого из них отражать в свое время; пока, достигши покоя безстрастия, не освободишься (от них), победив каждого в борьбе в свое им время.

4. Велико, думаю, и честно есть победить тщеславие, и преуспеть в познании Бога. Впадший в срамоту сей лукавой страсти тщеславия чужд бывает мира, и жестеет сердцем ко святым, в конце же зол своих впадет в гордость злую и в заботу лгать (словом, а более лицемерством). Ты же, верный рабе, имей труды свои скрытными, и с сердечным болезнованием при обуздании языка пекись о том, чтоб язык не похитил их и не предал врагам твоим. Кто делатель есть (труженник в деле Божиим), отложивший страсти плотския и все прегрешения свои чрез покаяние, тот душу свою соделывает честною пред Богом, уготовав ее Ему, как непорочное приношение, да сподобится быть храмом Его. А кто любит славу человеческую, тому нельзя быть безстрастным, но ревнивость и зависть обитают

в нем. Таковой предал душу свою многим искушениям, и сердце его закаляется демонами, по той причине, что не часто находит он возможность удовлетворить желаниям своим. Конец же его — пагуба.

5. Кто стяжал смиренномудрие, тому Бог открывает грехи его, чтоб он признал их (признался в них и раскаялся). Если затем присоединится к сему плач и пребудут в нем оба сии (признание грехов и плач), то они изгоняют из души его демонов и напитают ее своею честью и своими святыми добродетелями (самими собою и порождаемыми от них добродетелями). Таковому нет заботы о поношении человеческом. Собственные грехи (непрестанно) помнимые, бывают для него всеоружием, охраняющим его от гнева и отомщения, — и он терпеливо переносит все находящее. Ибо какое поношение может коснуться его (сердца болезненно), когда так срамным себя имеет он пред Богом, держа пред лицом своим грехи свои?

6. Если ты не сможешь снести слова ближнего твоего и отомстишь ему, то брани воздвигнутся в сердце твоём, болезнь сердцу твоему причиняя тем, что слышал ты, и о том печалиться заставляя, что сам сказал. И станет гнести тебя пленение (этою страстию), заставляя тебя ублажать безмолвствующих в уединении, и ожесточая сердце твое к ближним, как неимеющим любви. Но восприими подвиг стяжать долготерпение; и оно победит гнев, а любовь уврачуеет оскорбление; молитва же к Богу сохранит в тебе сии (добродетели). Любовь и долготерпение уничтожают естественный гнев; и если оне пребудут в тебе, то вместо того, чтоб гневаться на ближнего, ты станешь гневаться на демонов, к ближнему же мирен будешь, имея в себе плач и смиренномудрие.

7. Могущий сносить жестокое слово (человека) грубаго и неразумнаго, ради Бога и ради мира помыслов, — сей наречется сыном мира. Таковой силен хранить всегда мир души, тела и духа. В ком сии три вступят в согласие между собою, в ком престанут (помыслы), вооружающиеся против закона ума, и упразднится пленение плоти, тот наречется сыном мира, — и вселится в него Дух Святой: ибо его Он соделался, и не отступит от него.

8. Блаженны те, коих труды разумно установлены; ибо они таким образом избавили себя от всякаго отягощения и миновали вселукавство демонов, особенно (демонов) боязливости, устрояющих человеку препоны во всяком деле благом, на которое он налегает, ввергая ум в леность, когда он предается неусыпному вниманию к Богу, чтоб какнибудь отклонить его от сего пути трудов ради. Но думаю, что если будут в нас любовь, терпение и воздержание, то они (враги) ни мало не успеют в этом, особенно если ум, сознав, что лень все низвращает, — презирает ее.

9. Если ты оставил все видимое вещество, то блюдись от демона печали, чтоб по причине скудости (во всем) и прискорбности (жизни), не лишиться тебе возможности преуспеть в великих добродетелях, кои суть: немерение себя (нивочто—себя—вменение), перенесение поношений и нежелание именитости ни в каком мирском отношении. Если потрудишься стяжать такие (расположения), то они уготовят венцы душе твоей. Не те только нищи, кои, отрекшись от всего, обнищали в видимом; но те, кои обнищали всяким злом, и всегда алчут памяти Божией. И не те стяжевают безстрастие, кои имеют видимую скорбь; но те, кои пекутся о внутреннем человеке и отсекают свои пожелания: сии примут венец добродетелей.

10. Стой же над сердцем своим, внимая чувствам своим. И если мирно будет мирствовать в тебе память, то ты будешь узреть воров, покушающихся окрасть его. Строго внимающий помыслам, узнает хотящих войти и осквернить его.

11. Если печешься о заповедях с горячим сердцем, то поймешь, в каких видах возмущают тебя производящие мятеж (в помыслах твоих), внося малодушие избрать другое место, не представляющее в себе ничего, (почему бы избрать его следовало), и (на случай неудачности выбора) внушая: если раскаемся, опять (здесь) сядем. Они возмущают ум, чтоб он мечтал (носясь туда и сюда, как метеор) и оставался праздным. Познавшие же их злокозненность пребывают невозмутимыми, благодарение возсылая Господу за то место, в котором дал Он им в терпении проводить дни свои. Ибо терпение, мужество и любовь за труды и поты благодарны бывают; а леность, малодушие и любовь к покою ищут места, в коем прославиться могут. И бывает с ними, что, по причине славы от многих, немощными делаются чувства их; в следствие чего плен страстей угнетает их и они теряют сокровенное (поучение) по причине рассеяния ума и довольства (всем).
12. Сказал еще святой: если ум, прежде чем чувства успокоятся от немощи (от болезни страстями), восхочет взойти на крест, то гнев Божий грядет на него за то, что начал дело выше силы своей, — не уврачевав прежде чувств своих.
13. Если сердце твое влается, и ты не знаешь, как укротить его; то (знай, что) делание твое таково, что, хочешь ты или не хочешь, увлекает его (сердце) влаяться. Это есть неестественность Адамова.
14. Если сердце твое всем существом своим возненавидело грех и отстало от того, что порождает его, и ты, положив пред собою мучение (вечное) с разумом, отстранился от всего, что влечет к нему (греху), — и молишься с разумом Создателю своему, да сопребывает Он с тобою, ни чем Его не опечаливая, но плача пред Ним и говоря: «Дело Твоей милости есть избавить меня, я же, без помощи Твоей, не имею сил избежать от рук их (врагов моих)», — и (при этом) внимаешь сердцем своим, чтоб не опечалить и того, кто учит тебя по Богу; то это есть по естеству Иисуса. Ибо если человек и все сотворит, послушания же, смирения и терпения не стяжет, то уклоняется в то, что не по естеству. Но предай все сердце свое в послушание Богу, моляся Ему во истине и говоря: «Господи! пред Тобою есмь; удостой меня (познания) воли Твоей; ибо сам я не знаю, что мне полезно; Ты побори (врагов моих); ибо я не уразумеваю злокозненности их». И если ты будешь делать то, что по естеству Иисуса, то Он не попустит тебе заблудиться ни в чем. Но если ты одну какую заповедь сотворишь, а не предашь Ему себя всецело в послушание, то Он ни мало не попечется о тебе.
15. Как поле не противоречит возделывателю своему, когда он очищает его от плевел и сеет на нем семена по естеству (настоящая): (таков будь и ты в отношении к Господу). И как не могут естественные семена возрасть вместе с неестественными, будучи заглушаемы ими; ибо плевелы безстыжее их: так если не очистишь ты себя от плотских пожеланий, то не можешь сохранить себя от греха.
16. (Не можешь ты сохранить себя от греха), если прежде не сохранишь себя от того, что поражает его. А это вот что есть: малодушие есть злая мать греха; уныние (разленение) раждает волю (свою); своя воля и ширение (*πλατυσμος* — то, что ограничений и стеснений не терпит, любит шириться) раждают презрение (ко всему должному, — вот, стану я это делать); господствовать желаящее (широту возлюбившее) сердце поражает любовь к мирским беседам, — поражает желание искать неподобающего тебе и бесполезного, — поражает отдавание слуха своего осуждающему (брата), — поражает навык слушать слова (одного) и передавать их другому, — поражает искание того, что есть от мира сего, — поражает желание учить, когда не спрашивают, — поражает желание уколоть ближняго, — поражает много и других зол. Итак кто

преуспел или желает преуспеть, да блюдет себя с разумом от всего того, что порождает грехи, — и грехи сами собою ослабеют.

17. Подвизающийся видит их (грехи) и горечь их; а небрегающий (о спасении) готовит себе ад. Боящийся изнеможения тела (от подвига) не достигнет состояния, которое есть по естеству; но если он припадает к Богу во всяком труде своем, то Бог силен успокоить его. Еслиб Гедеон не сокрушил водоносов (Суд. 7, 19), то не увидел бы света лампад: так, если человек не презрит тела своего, то не увидит света Божества. Так и Иаиль, жена Хавера Кинеева, еслиб не выдержала кола кушного, то не сокрушила бы гордыни Сисара (Суд. 4, 21).

18. Когда ум возмет силу и уготовит себя следовать любви, погашающей все страсти плоти и тела (так как она долготерпит, милосердствует, ненавидит завидование и гордость, не мыслит в сердце своем ничего, что ниже естества, не допускает завладеть умом ничему противоестественному); тогда он такую силою ея противоборствует неестественности, пока совсем не отторгнет ея от того, что по естеству. Когда же таким образом ум восприимет господство, тогда бывает он главою души, (и научает ее) не принимать ничего, что не по естеству, поведая ей все несправедливости, какия наделало ей то, что не по естеству во все время, как оно было смешано с естественным.

19. Владыка наш Иисус, когда сотворил милость Святым Своим (совершил домостроительство спасения), разделил на кресте разбойников. Их было распято два, и Он посреде их. Тот, что был по левую сторону, возмущался, видя, что разорвется нечистая дружба его с тем, что был по правую сторону. Бывший же по правую сторону обратился к Иисусу и, со смирением и страхом, сказал: помяни мя, егда приидеши во царствии си (Лук. 23, 42).

20. Из сего явно, что они уже не суть други, — и сущий ошуюю не может склонить на свою сторону сущаго одесную лукавыми своими внушениями. Недостигшие же еще сего термина пути падают и возстают, пока приидет на них милость Божия; и не могут они спастися, если не приидет на них милость сия. Итак, позаботиться надобно со страхом и смирением придти в сознание, подобно тому, который одесную. Смирennemудрие даст силу переносить уничижение.

21. Когда кто отделит себя от шуяго, тогда познает верно и все грехи свои, какие наделал пред Богом: ибо не видит он грехов своих, если не отделится от них отделением горьким (с болезнованием сердца). Постигшие же в сию меру, — эти обрели плач и молитву, и то, чтоб стыдиться пред Богом, воспоминаая о лукавом своем содружестве со страстями. Силен же есть Бог укрепить сокровенно трудящихся в смирении. Ему честь и слава, во веки веков. Аминь.

Слово осмнадцатое.

О незлопамятстве.

1. Святейший Апостол заповедал чадам своим: Господь близ. Ни о чемже пецытесе, но во всем молитвою и молением со благодарением приношения ваша да сказуются к Богу (Фил. 4, 5, 6); и мир Божий да водворяется в сердцах ваших (Кол. 3, 15). И (Господь) в Евангелии от Марка говорит ученикам Своим: отпускайте все грехи должникам вашим, чтоб и вам Отец ваш отпустил грехи ваши (Марк. 11, 25, Мф. 6, 14). Страшно сие слово Господа: (по нему) если видишь, что сердце твое не ко всем чисто, то и не проси ничего у Бога; потому что оскорбление Ему приносишь, когда, будучи грешен и имея печаль на подобнаго тебе человека, говоришь Испытующему сердца: оставь мне грехи мои (как и я оставляю). Таковый не молится умом, но одними устами в неведении. Ибо, желающий во истину умом молиться Богу, в Духе Святом, с чистым сердцем, испытывает сердце свое прежде,

чем станет молиться, безпечально ли оно в отношении ко всякому человеку или нет. И если оно не (безпечально), то он сам себя обманывает (моляся); ибо нет слышащаго его (молитву). Тогда ум твой не молится, а по обычаю исправляются установленные часы.

2. Итак, желая чисто совершать делание (молитвы), испытывай прежде ум свой, что в нем, чтоб когда говоришь: помилуй мя, и сам ты миловал просящаго тебя, — когда говоришь: прости мне, и сам ты, бедный, прощал, — когда говоришь: не помяни прегрешений моих, и сам ты не помнил грехов ближняго твоего, — когда говоришь: не помяни зол, волею и неволею мною содеянных, и сам ты не помнил (их со стороны ближняго). Если так нужно, то и помышлять ты ничего не должен ни на какого человека. Если ты не дошел до того, чтоб так делать, то всеу молитва твоя: Бог не услышит тебя, по всем Писаниям, — прости мне.

3. Сказал еще Господь в Евангелии от Матфея, в молитве: и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим (Мф. 6, 12). А в Евангелии от Луки сказал: аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный (согрешения ваша) (Мф. 6, 14. У св. Лк. так: отпускайте, и отпустят вам, — Лк. 6, 37). (Как бы так): Я всю любовь отдал тебе, — чтобы ты, чего желаешь себе от Бога, сделал то прежде сам (ближнему твоему); и тогда освобожден будешь (от грехов) в той мере, в какой успел ты сделать тоже в отношении к людям. Если ты очистил сердце свое в отношении ко всякому творению (Божью разумному), чтоб не злопамятствовал ни на кого, — то должен блюсти сие: ибо Бог есть истина, а не слова только языка. Итак, всякий человек сам себя вяжет в геенну, и сам себя разрешает от нея. Ничего нет жесточае воли, к смерти ли она устремится, или к жизни.

4. Блаженны те, кои возлюбили живот вечный, когда они не претыкаются. Итак, подвизаться надлежит в труде и поте, сокровенно в сердце, против томящаго тебя помысла (чувства оскорбления), чтоб не попустить стреле его уязвить сердце твое. Но трудно тебе будет уврачевать его, — если не будешь ты всегда иметь пред очами своими грехов своих. Когда услышишь, что кем нибудь учинено тебе зло некое, противопоставь сему доброе желание свое — не воздать ему в сердце своем, не поносить его, не осуждать и не оглашать, предав его в уста всех; — и думай после сего: во мне нет ничего худаго. Если в тебе есть страх геенны, то он препобедит в тебе злые (помыслы), внушающие тебе воздать ближнему твоему, говоря тебе: несчастный! молишься ты о грехах своих и Бог терпит тебя до днесь, не обнаруживая их (пред всеми); ты же, гневаясь на ближняго, бросаешь его в уста всех. Не явно ли, что ты не раскаян во грехах своих, когда никакого не имеешь в сердце своем снисхождения (к ближнему)?

5. Итак, если умягчится сердце твое, и ты сохранишь себя от всякой злобы (на брата), то будет тебе милость от Бога. Если же сердце твое лукавое жестоким пребудет к ближнему твоему, то (знай, что) не пришла еще память твоя пред лице Бога (не помнишь Бога). — Прости мне; я нищ и уничижен грехами; и пиша сие, стыдом покрываю лице мое в сердце своем.

6. Если не достигнет человек состояния по естеству Сына Божия, всеу все труды его. Земледелец, сея семена свои, чае собрать их в большем гораздо количестве; но если случится тлетворный ветер, то непрестанная печаль бывает в сердце его, что и семена и труды над обработыванием земли пропали даром. Св. Петр Апостол, распятый в Риме, просил, чтоб его повесили вниз головою, — показывая тем таинство неестественности, овладевшей всяким человеком. Он (чрез это) сказал (как бы), — что всякий крестившийся обязуется распять злыя неестественности, постигшия Адама и низвергшия его

со славы его в злое поношение и срам вечный. Почему, надлежит уму мужественно подвизаться и возненавидеть все, видимое человеком (как неестественное ему), и враждовать против того горчайшею ненавистию до конца.

7. Вот главныя (страсти, неестественныя человеку), овладевшия всеми сынами Адама: прибыль, честь, покой, величание тем, что оставишь (наконец), украшение тела, чтоб оно было чисто и благообразно, и взыскание добрых одежд. Все сие питает похотную сласть, которую змий вложил в уста Евы; из чего и мы познаем, что есмы сыны Адама, — из этих злых помыслов, соделавших нас врагами Божиими.

8. Итак, блажен распявшийся, умерший, погребенный, и воскресший в обновлении, когда увидит он себя сущим по естеству Иисуса и последующим святым стопам Его, коими шествовал Он, быв человеком (на земле), для работников Своих Святых. Его черты суть: смиренномудрие, бедность, нищета, нестяжательность, прощение, мир, перенесение поношения, беспопечение о теле, и небоязнь наветов злобствующих, — самое же великое есть — знание всего прежде событий и долготерпение к людям в кротости. Достигший сего и отребивший в себе неестественность явно показывает, что он есть из Христа, Сына Божия и есть брат Иисуса, Кому подобает слава и поклонение, во веки веков. Аминь.

Слово девятнадцатое.

О страстях.

1. Желательно и мне сказать с Пророком Исаиею: терпех, яко раждающая, (дондеже) изсушу и истреблю (их) вкупе (Ис. 42, 14). Если сознаешь, что бьет в тебе источник Святаго Духа, то это есть знамение, что оне иссохли и погибли (кто? страсти), как сказал Спаситель наш, что несть царствие Божие zde или онде, но есть внутри вас (Лк. 17, 21). Есть некоторые, говорящие о делах царствия, но нетворящие их; есть и другие, творящие дела царствия, но не с сторожением (вниманием) и разумом; в коих же совершилось слово Спасителя, — что оно внутри вас есть, — таких немного: они редки и трудно находимы. На таковых низшел Дух Святыи Божий, — и исполнилось на них слово Евангелиста Иоанна, — что верующим во имя Его даде Он область чадом Божиим быти: иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася (Иоан. 1, 12. 13). Сии избавились; от печали, постигшей Еву: в болезнех родиши чада (Быт. 3, 16). Сии избавились от горькаго определения, изшедшаго на Адама: проклята земля в делех твоих (Быт. 3, 17). Сии суть приявшие радость, какую прияла Мария: Дух Святыи найдет на тя (Лк. 1, 35). Как печаль постигла Еву и (постигает) все семя ея даже до ныне; так опять радость объяла Марию и (объемлет) семя ея даже до ныне. И так как были мы некогда сынами Евы и познавали проклятие ея (сущим) и на нас, чрез помыслы наши безчестныя; так опять должны мы познавать себя, что мы рождены от Бога, чрез помыслы Духа Святаго и чрез страдания Христовы, если они в самом деле есть в теле нашем; ибо написано в Апостоле: испытайте себя, есть ли Христос в вас, разве точию чим неiskusни есте (2 Кор. 13, 5).

2. Итак, когда носили мы образ перстнаго, мы познавали, что мы сыны его из безчестной материи помыслов его, живущих в нас, — кои суть страсти. Облекшиися же во образ Небеснаго познают себя, что сыны Его суть, чрез Духа Святаго, в них живущаго. Так Исаия взывал, говоря: страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом, и поболехом, и родихом дух спасения, которым очреватели на земле (Ис. 26, 18); опять написано и в Екклесиасте: якоже кости во чреве, раждающия, тако путь

Духа (Екк. 11, 5). Ибо как Св. Дева чревоносила Его во плоти, так приявшие благодать Святаго Духа носят Его в сердце своем, по слову Апостола, который говорит: да даст вам Отец небесный утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша, в любви вкоренени и основани, да возможете представить себя со всеми святыми (Еф. 3, 16—18); и опять: имамы сокровище сие в скуделных сосудах, да премножество силы будет Божия, а не от нас (2 Кор. 4, 7).

3. Итак, если достиг ты до того, что говорит следующее слово: в тойже образ преобразуемся от славы в славу (2 Кор. 3, 18), и исполнилось на тебе слово Апостола, которое говорит: мир Божий да водворяется в сердцах ваших (Кол. 3, 15), — и: аще Христос в вас, плоть убо мертва греха ради (Рим. 8, 10); если достиг ты до того, что говорит еще и следующее слово: из тмы возсиял в сердцах ваших свет познания Бога (2 Кор. 4, 6), — и исполнилось на тебе слово: да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи: и вы подобни человеком, чающим господина своего, когда возвратится от брака (Лк. 12, 35. 36), чтоб не заградились уста твои, не имея, что сказать в оправдание себя, посреде святых; если знаешь, что в сосуде твоём есть елей, как у мудрых дев, чтоб внити в брачный чертог и не быть оставлену вне; если ощутил ты, что дух твой, душа и тело соединились безукоризненно, и возстанут в день Господа нашего Иисуса Христа незапятнанными, — если ты соделался необличаемым и незазираемым совестию, — если стал ты дитя, по слову Спасителя, Который говорит: оставите детей приходити ко Мне: таковых бо есть царствие небесное (Мф. 19, 14): то истинно соделался ты Ему невестою, и Дух Святой ввел тебя в наследие, когда ты еще в теле. Если же не так, то ожидай печали и стенания горькаго, то стыд и посрамление предыдут тебе пред Святыми.

4. Сие же ведай, что как дева, вставая утром каждодневно, никакого другаго дела не касается, прежде чем украсит себя для жениха своего, часто глядясь в зеркало, — нет ли на лице ея какого пятнушка, и оно не понравится жениху ея: так великая есть забота у Святых день и ночь испытывать действие свое и свой помысл, чтоб знать, под игом ли они Бога и Святаго Духа, или нет.

5. Итак, усердно подвизайся, брате, в болезновании сердца и тела, с разумом, стяжать вечную оную радость; потому что редки удостоившиеся ея, — кои стяжали меч духовный и освободили душу свою и чувства от всякой скверны страстей, как сказал Апостол (2 Кор. 7, 1; Еф. 6, 17). Силен же есть Бог вспомоществовать немощи нашей, да сподобимся достигнуть (того, чтоб быть) со Святыми Его.

Аминь.

Слово двадцатое.

О смиренномудрии.

Что есть смирение? Смирение есть — думать о себе, что ты грешник и ничего добраго не делаешь пред Богом. Дела же смирения суть: молчание, немерение себя ни в чем, нелюбопытность, повиновение, смотрение в землю, имение смерти пред очами, блюдение себя от лжи, непозволение себе в беседах суесловий, противоречия старшему и настояния на своем слове, перенесение положения, ненавидение покоя, нуждение себя на труд и никого неогорчение. Попекися же, брате, в точности исполнить сие, чтоб душа твоя не стала жилищем всякой страсти, и ты не кончил жизни своей бесплодно на веки. Аминь.

Слово двадцать первое.

О покаянии.

1. Спросили Авву Исаию: что есть покаяние, или что есть убежание от греха? И он ответил, говоря: путей — два: один путь — жизни, а другой путь — смерти. Идущий по одному, не ступает по другому. Ступающий же по обоим не зачислен еще ни на одном, — ни на том, что в царство (ведет), ни на том, что в ад (низводит). Впрочем, если скончается таковой, то суд (над ним) есть дело Бога, имеющего и милость.

2. Но желающий внити в царствие соблюдает дела его: царствие есть истребление всякого греха. Сеют конечно враги, но помыслы их не произрастают. Ибо если ум достигнет до созерцания сладости Божества; то стрелы их уже не входят в него, так как он облечен (тогда бывает) во всеоружие добродетелей, которое хранит его, печется о нем заботливо и не допускает его до возматения (помыслами или страстями), но занимает его своим созерцанием, чтоб знал и различал два пути, и одного бегал, а другой любил.

3. Итак, кто познал славу Божию, тот познал горечь вражию; кто познал царствие, тот познал геенну; кто познал любовь, тот познал, что есть ненависть; кто познал воздержание к Богу, тот познал ненависть, которая (обращается) к миру; кто познал, что есть чистота, тот познал нечистоту зловоний (страстей похотных); кто познал плод добродетелей, тот познал, что есть плод зла; кому сорадуются ангелы в делах его, тот познал, как сорадовались ему демоны, когда он делал дела их. Ибо если не убежишь от них, то не познаешь горечи их. Как познает кто, что такое есть сребролюбие, если не отречется от всего и не пребудет в великой нищете Бога ради? Как узнать горечь завистности, если не стяжешь кротости? Как узнать мятежность гнева, если не стяжешь себе долготерпения во всем? Как познать безстыдство гордыни, если не стяжешь тихости смиренномудрия? Как познать зловоние блуда, если не познаешь сладкаго благоухания чистейшей невинности? Как познать срамность осуждения, если не познаешь своих недостатков? Как познать невежество смехотворства, если не познаешь плача о грехах? Как познать смущение уныния, если не устроятся чувства твои и не познаешь света Божия?

4. Всем сим (злым страстям) глава — одна, которая называется злобою вражьей силы; добродетелям же всем одна мать, которая называется страхом Божиим, — который в стяжавшем его, в чистоте раждает добродетели, и отсекает ветви зла, как я сказал прежде. Стяжи же его себе, возлюбленный и проведешь все время (жизни) своей в спокойствии. Ибо страх Божий есть мать всех добродетелей. Доколе кто не прошел сего, дотоле он еще не (сын) царствия небеснаго; но подвизаться надлежит ему мало-по-малу, пока не отсечет каждой из сказанных страстей. Если кто заботится узнать, трудится ли он (над этим) или нет, то вот что служит признаком того: пока левая сторона проявляет свои воздействия, дотоле не умер еще в нем грех, и добродетели правой стороны не мирствуют с ним. Ибо написано: не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание, рабы есте, егоже послушаете, или греха в смерть, или послушания в правду (Рим. 6, 16)? И опять: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусни есте (2 Кор. 13, 5)? И опять Иаков говорит: аще кто мнится верен быти в вас, и не обуздавает языка своего... сего суетна есть вера (Иак. 1, 26).

5. Всему сему учит нас Дух Святой, показывая нам, как отстать от неестественности и охранять себя от нея. Ибо покаяние в том состоит, чтоб отвращаться от греха. Но грех не один, а весь ветхий человек называется грехом. Почему Апостол говорит: не весте ли, яко текущие в позорищи, вси убо текут, един же приемлет почесть (1 Кор. 9, 24)? Кто же это, если не тот, кто стоит и доблестно борется (со всеми)? Ибо сказал и еще (далее тот-же Апостол), — что подвизайся от всех

воздержится (тамже ст. 25). Позаботимся же, братие, о себе. Но какая это настоящая забота, если не та, чтоб повергать себя пред благостию Господа нашего Иисуса Христа (умоляя Его о заступлении от врагов). И Он силен есть против них, чтоб пресекать злыя их на нас устремления; человек же плоть и кровь есть.

6. Спросили опять (сего Авву): что есть — безмолвствовать в келлии? И он ответил, говоря: безмолвствовать в келлии есть — повергаться пред Богом, и всю силу свою напрягать на то, чтоб противостоять всякому лукавому помыслу, от врага (всеваемому): ибо это и есть убежание от мира. — Спросили его и еще: а что есть мир? и он ответил, говоря: мир есть простор греха; мир есть детелище (мастерская) неестественностей; мир есть исполнение пожеланий своих плотских; мир есть думание, что всегда будешь пребывать в веке сем; мир есть попечение о теле паче, чем о душе; мир есть похвальба тем, что оставишь (наконец). Не от себя говорю я это, но Апостол Иоанн говорит так: не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию, пребывает во веки (1 Иоан. 2, 15—17). Чадца, никтоже да льстит вас: творяй правду, праведник есть; творяй грех от диавола есть: яко исперва диавол согрешает (1 Иоан. 3, 7. 8). Любы мира сего вражда Богу есть (Иак. 4, 4). Опять и Петр Апостол, желая сделать чад своих чуждыми греха мира, говорил: молю вас, братие, яко пришельцев и странников, огребатися от плотских похотей, яже воюют на душу (1 Петр. 2, 11). И возлюбленный Господь наш Иисус, зная, что мир греховный есть томительная тягота, пока не оставит его человек, воодушевил своих Ему, говоря: грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже (Иоан. 14, 30); и опять: мир весь во зле лежит (1 Иоан. 5, 19). Сказал Он и о Своих Ему, что взял их из мира (Иоан. 15, 19). Из какого мира взял Он их, если не от всего разлиания греха?

7. Итак, кто хочет быть учеником Иисуса, да бежит от страстей. Ибо, если он не отсечет их, то не может быть жилищем Бога. Не увидит он и сладости Божества Его, если не отстанет от них; ибо Он Сам сказал: светильник телу есть око: аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет: аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет (Мф. 6, 22. 23). Итак смотри, что если ум не будет здрав от зла, то не может узреть света Божества; ибо зло бывает тогда для ума мрачною стеною и душу делает пустою, как написано в Евангелии: никтоже светильника вжег, покрывает его сосудом, или под одр подлагает, но на свещник возлагает, да входящие видят свет (Лк. 8, 16).

Говорят, что одр здесь есть неправда мира. Итак, пока ум наш находится в неестественности, дотоле не может быть внутри его светильник Божества. Когда же ум сделается высоким светильником, тогда бывает на нем свет Божества, и он познает находящихся в доме, и кого должен выбросить, выбрасывает, а с кем должен мирствовать, оставляет. Почему Господь поучал тех, у которых ум просветился заповедями Божества Его, говоря: вам глаголю слышащим: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите кленущия вы, и молитесь за творящих вам обиду. Биющему тя в ланиту, подаждь и другую; и от взимающаго ти ризу, и срачицу не возбрани. Всякому же, просящему у тебе, дай, и хотящаго от тебе зяяти, не отврати, и от взимающаго твоя, не истязуй (Лук. 6, 27—30. Слич. Мф. 5, 42).

8. Сие сказал Он убогим от мира; так как они оставили все и уготовали себя последовать Ему, Спасителю своему. Почему, возлюбив их совершенною любовью, Он говорил им: встаните, идем отсюда (Иоан. 14, 31). Куда же это Он берет их, говоря: встаните, идем отсюда? Это Он берет ум их

от дел века сего и упокоивает в царствии Своем. Почему воодушевляя их, Он говорил: Аз есмь лоза, вы же рождие. Будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворить о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете (Иоан. 15, 4. 5). Сие говорит Он оставившим мир, потому что есть в них Дух и живет в сердцах их. Не оставлю, говорит, вас сиры: прииду к вам (Иоан. 14, 18). Итак, кто возлюбил Бога и желает, чтоб Он обитал в нем, а не (желает) остаться сирым, да попечется прежде соблюсти то, что заповедал ему Иисус, — и Он будет обитать в нем; потому что Он недалеко от нас, — и между нами и Им ничего нет, кроме страстей.

9. Если убо, брате, ты называешь себя отрекшимся от мира, а окажешься делающим дела мира, то ты не отрекся, а обольщаешь себя. Отрекшимся от мира Господь дал такой признак, сказав: любяй душу свою, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, той спасет ю (Мф. 10, 39). Как же погубляет кто душу, если не чрез отсечение всех пожеланий ея плотских? — И еще: иже не носит креста своего, и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 27). Какой это крест, говорит Он, чтоб мы носили, если не тот, чтоб всегда бодрствовал ум, и стоял в добродетелях, дабы не сойти со креста? То—есть, воздержание от страстей, пока не отсечены будут оне, — и ум не возстанет наконец непобедимым. Ибо тем, которые возбудились, дал Он знамение, говоря: аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит (Иоан. 12, 24). В утешение же умершим подобно зерну, говорил Он: аще кто Мене служит, почитит его Отец Мой: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет (Иоан. 12, 26). Как же служат Иисусу, если не тем, что возненавидели мир страстный, исполняя заповеди Его? Соблюдши их, они возымели дерзновение говорить пред Ним: се мы оставихом вся, и в след Тебе идехом: что убо будет нам (Мф. 19, 27)? И Он показал им, что будет им, говоря: вы, шедши по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престоле, судяще обеманадесяте коленама Израилевома. И всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит (Мф. 19, 28—29).

10. Господь наш, сладчайший Иисус, зная, что если человек не стяжет безпечения относительно всего, то ум его не может взойти на крест, заповедал оставить все, с чем свыкновение и встреча низводит ум со креста. Почему, когда некто подошел к Нему и сказал: иду по Тебе, Господи, но прежде позволь мне сходить распорядиться тем, яже суть в дому моем (Лк. 9, 61), — возлюбленный наш Иисус, зная, что если он увидит то, опять склонится сердце его к тому, и разныя там случайности как бы по праву удержат его, возбранил ему сходить, сказав: никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в царствие небесное (Лк. 9, 62). (После же притчи о браке сына царя, в коей сказывал Он) как (царь) сотворил вечерю для сына своего, и посылал рабов своих звать званных, а те по любви, каковую имел каждый к миру, не могли придти, сказал Он с печалию: аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца Своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 16—26). Сие говорит Он, научая нас, что желающий внити в царствие Его, если прежде не положит, в себе ненавидеть все, влекущее сердце к миру, не может войти в царствие, котораго возжелал. А внушая нам не полагаться на одну веру без действия по ней, Господь сказал, что царь, вошедши видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное и повелел бросить его во тьму кромешную (Мф. 22, 11—13). Входят по имени христианскому, а извергаются вон по неимению дел (христианских). Так и Апостол, зная, что никто не может любить вместе и то, что Божие есть, и то, что от мира сего есть,

писал к Тимофею, чаду своему, говоря: никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и постраждет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет (2 Тим. 2, 4. 5). Воодушевляя же его надеяться, что не погибнут труды его, говорил он ему: труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити (2 Тим. 2, 6). А пища к другим неким, говорил он: не оженившийся печется о Господних, како угодити Господеви: а оженившийся печется о мирских, како угодити жене (1 Кор. 7, 32. 33). Таковый пекущийся услышит страшный глас, глаголющий: вверзите (его) во тму кромешную: ту будет плачь и скрежет зубом (Мф. 22, 13).

11. Употребим же, братие, силу нашу на то, чтоб облещись во одежду добродетелей, дабы не быть изверженными вон; ибо никакого лицепрятия не будет в день тот. Почему Апостол сказал чадам своим, яко таковая творящие царствия Божия наследити не могут (Гал. 5, 21). Зная же, что сподобившиеся возбудиться от мертвых страстей, уже не имеют соперника, он показал им плод Духа, который есть — любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание, терпение: на таковых, говорит, несть закона (Гал. 5, 22. 23). А возлюбленный наш Господь Иисус, показывая нам, что в тот день имеет обнаружиться плод делания нашего, сказал: мнози взыщут внити, и не возмогут. Ибо Домовладыка, после того, как встанет и затворит дверь, скажет стучащимся: не вем вас (Лк. 13, 24. 25). Ужели можем мы сказать о Боге, что Он не знает чего либо? Никак. Но как эти стучащиеся и говорящие: Господи, Господи, отверзи нам, не знали добродетелей, то и Он говорит им: не вем вас. И еще показал Он нам об (участи) имеющих веру, дел же неимеющих, говоря: Аз есмь лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, яко розга, и изсышет; и собирают ю и во огонь влагают, и сгарает (Иоан. 15, 5. 6). (Ветви же), приносящая добрый плод, очищает (Отец), да множайший плод сотворят (Иоан. 15, 2). Опять, показывая нам, что не любит действующих по своим пожеланиям плотским, говорил Он в молитве: не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть (Иоан. 17, 9). И Я взял их из мира (Иоан. 15, 19): ибо мир свое любит. Наконец говорит: Отче, соблюди их от неприязни; яко от мира не суть (Иоан. 17, 15. 16).

12. Изследуем же себя, братие, от мира ли мы, или нет. Если не от мира, то Он хранит нас от зла, ибо так сказал: не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя: да вси едино будут, якоже и Мы едино есмы. И опять: да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною (Иоан. 17, 20—24). Смотри же теперь, какою любовию возлюбил Он нас, когда люди, подвизавшиеся в мире сем и ненавидевшие пожелания свои плотския, царствовать будут с Ним в безконечные веки? И Иоанн Апостол, созерцая великую оную славу, сказал: вемы, яко егда явится, подобни Ему будем (1 Иоан. 3, 2), если соблюдем заповеди Его, и угодное пред Ним сотворим. И опять он же (говорит): не чудитесь, возлюбленные, аще ненавидит вас мир. Мы вемы, яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию (1 Иоан. 3, 13. 14). И еще: всяк не творяй правды, несть от Бога, и нелюбяй брата своего (там же, ст. 11). Еще; творяй правду от Бога родися (1 Иоан. 2, 29), а творяй грех от диавола есть (1 Иоан. 3, 8). И опять: рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает: и не может согрешати, яко от Бога рожден есть (1 Иоан. 3, 9).

13. Сотворим же по силе нашей, братие, имея утешение в таких свидетельствах. Может быть смилуется над нами благодать Господа нашего, — и Он пошлет нам силу сбросить с себя тяготу нечистаго мира сего. Ибо враг наш не дремлет, но повсечасно охотится за нами, желая похитить души наши. Господь же наш Иисус с нами есть, и возбраняет ему силою Святых словес Своих, если

мы будем соблюдать их. Ибо, кто воспрепятствует врагу, или кто силен против него, если не словеса, которые сказал против него Бог? Они противостоят ему и сокрушают его силою своею, когда человек и не знает о том.

14. Апостол Петр, научая нас и показывая нам, что дела спасают человека, говорил: подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, во благочестии же братолюбие, в братолюбии же любовь. Сия бо сущая в вас и множащаяся, не праздных ниже бесплодных сотворят вы в Господа нашего Иисуса Христа познание. Ему же бо несть сих, слеп есть, мжай, забвение прием очищения древних своих грехов (2 Петр. 1, 5—9). Опять Иоанн Креститель говорит: сотворите убо плоды достойны покаяния. Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, не творящее плода добра, посекается и во огонь вметається (Лк. 3, 8. 9). И Господь наш Иисус говорит: от плода древо познано будет (Мф. 12, 33). Еда объемят от терния грозды, или от репия смоквы (Мф. 7, 16). И опять: не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет во царствие небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех (Мф. 7, 21). Опять Иаков говорит: вера без дел мертва есть. И беси веруют и трепещут. Якоже бо тело без духа мертво есть, тако вера без дел мертва есть (Иак. 2, 20. 19. 26). Также (Павел) Апостол, утверждая чад своих в том, что вера имеет нужду в делах, строго заповедывал им, говоря: блуд же и всяка нечистота ниже да именуется в вас, якоже подобает святым: но паче благодарение. Сие бо да весте, яко всяк блудник, или нечист, или лихоимец, иже есть идолослужитель, не имать достояния в царствии Христа и Бога (Еф. 5, 3—5). И опять еще более подтверждая сие слово, говорил им: никтоже вас да льстит суетными словесы: сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокоривыя. Не бывайте убо сопричастницы сим. Бесте бо иногда тма, ныне же свет о Господе. Якоже чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благостыни и правде и истине (Еф. 5, 6—9). И опять: всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою (Еф. 4, 31). Подражатели мне бывайте, говорил он еще, якоже аз Христу (1 Кор. 11, 1). Елицы бо во Христа креститесь, во Христа облекостесь (Гал. 3, 27).

15. Изследуем же себя, братие, облеклись мы во Христа или нет. Познается же Христос по чистоте; ибо Он чист и в чистых обитает. А чистыми как делаются? Не иначе, как перестав делать зло, которое делали. Ибо такова благость Божия, что в какой час обратится человек от грехов своих, Он приемлет его с радостию, не считая прежних грехов его, как написано в Евангелии о юнейшем сыне, который, расточив блудно свою часть, напоследок пас свиней и желал насытиться пищею свинскою, наконец же раскаявшись в том, что наделал, уразумел, что нет сытости в грехах, но чем больше кто делает их, тем более разжигается на них. Итак, когда покаяние коснулось сердца его (буквально: постучалось к нему), он не отлагал, но (тотчас) возвратился ко отцу своему со смирением, оставив все пожелания свои плотския. Ибо веровал отцу своему, что он милосерд и не вменит ему содеяннаго. Почему и отец его тотчас велел дать ему одежду чистоты и залог сыноположения (перстень) (Лк. 15, 11—32). Сие говорил Господь наш Иисус Христос, (желая внушить), что если обратимся к Нему, то долженствуем прежде оставить пищу свиней; и тогда Он примет нас, ставших чистыми. Сказал Он сие для того, чтоб не унывала душа, говоря: когда же Бог услышит меня? Ибо Он знает время, когда достоин бывает просящий услышания; и тогда Он услышит его скоро.

16. Обратимся же к Нему всем сердцем и не будем, умоляя Его, стужати—си (Лк. 18, 1); и Он вскоре услышит нас. Ибо Сам сказал: просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцйте, и отверзется вам

(Мф. 7, 7). Итак, братие, если будем просить, или искать, или толкать; то получим что ищем, или что просим у Него. Так пришедший к другу своему в полночь, понуждал его, говоря: даждь ми взаим три хлебы, понеже друг прииде с пути ко мне (Лк. 11, 5), — и, как не переставал стучать, то тот дал ему, что он просил у него. Отбросим же, братие от себя, леность и уготовим себя к такому безстыдию: и Бог, видя терпение наше, подаст нам просимое нами. Ибо Он милостив, и желает обращения к Нему человека, как написано: истинно говорю вам, радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся (Лк. 15, 7).

17. Итак, братие, имея такую милость Его и такое богатство щедрот Его, поболезнуем пред Ним всем сердцем, пока еще находимся в теле сем: ибо скоротечно время жизни нашей. Если поподвигаемся, то наследуем радость вечную и неизглаголанную; а если возвратимся вспять, то будем подобны юноше, вопрошавшему Господа Иисуса, как спастися. Он ответил ему: вся, елика имаши, продаждь, и раздай нищим, и, взяв крест свой, гряди в след Мене, показывая нам, что отсекашь волю свою и есть — спастися. Но тот услышав сие, опечалился очень и отошел прочь (Лк. 18, 22. 23). Ибо знал, что раздать свое бедным не так трудно, как нести крест. Раздаяние своего бедным есть одна добродетель, и человек совершает ее для того, чтоб (удобнее) нести крест; а крест есть истребление всякаго греха, — и раждает любовь; без любви нет и креста. Почему Апостол, зная, что есть и мнимыя добродетели, в которых нет любви, ни совершенства добродетелей, сказал: аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любве же не имам, бых (яко) медь звенящи, или кинвал звяцай. И аще раздам вея имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никакая польза ми есть. Любы долготерпит, милосердствует: любы не завидит; любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла (1 Кор. 13, 1—5).

18. Итак желающий вступить на путь любви пусть обеззаботит себя в отношении ко всем людям, хороши ли они, или худы. Тогда наконец (одно) вожделение, еже к Богу, останется в сердце его, а это вожделение родит ему свойственный естеству гнев, гнев же станет противостоять всему, всеваемому от врага. Тогда закон^[19] Божий обретает в нем пастбище себе, и чрез страх обнаруживается любовь в нем. Тогда говорит такой человек с дерзновением, как Апостол: аз не точию связан быти хочу, но и умрети готов есмь за имя Господа Иисуса Христа (Деян. 21, 13). Блаженна душа, достигшая такой любви: ибо она бывает тогда безстрастною.

19. Вышли мы, братие, из мира, знаем, в каком чине находимся, и что милосерд есть Господь Иисус, чтоб упокоить каждаго из нас по делам его, и малаго по малости его, как сказал: много обителей у Отца Моего (Иоан. 14, 2). Ибо хотя царствие одно, но каждый обретает в нем свое место и свое ему дело. Будем же подвигаться, братие, против лености, сбросим с себя сударь тьмы, т. — е. забвение, и узрим свет покаяния. Стяжем себе Марфу и Марию, — кои суть злострадание и плач, — которыя плачут пред Спасителем, да воскресит Лазаря, т. — е. ум обвязанный многими повязками своих пожеланий; — Он же, хотя творит милость и возбуждает им его; но далее уже их дело есть развязать и оставить его (идти). Когда же освободится Лазарь, тогда появляется тщание Марии и Марфы. После сего вот что видится: Лазарь безпопечительно возлежит со Иисусом, Марфа с усердием и радостью совершает свое услужение, а Мария, принеши алавастр мира, помазывает ноги Господа.

20. Станем же, братие, подвигаться по силе нашей, и Бог посодействует нам, по множеству милости Своей. — Если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, употребим усилие наше сохранить хоть тела, как требует Бог, безгрешными; и веруем, что Он во время глада, постигшаго нас, сотворит

и с нами милость, как и со всеми святыми Его. Ибо хотя ина слава солнцу, и ина слава луне, и звезда от звезды разнствует во славе; однако оне на одной находятся тверди; — и слава их и честь их — Его есть, от ныне и до века. Аминь.

Слово двадцать второе.

О действовании новаго человека.

1. Возлюбленные братие мои! Еврей познается по трем делам: по обрезанию, пасхе и субботе. Ибо так написано в книге Бытия: младенец осми дней обрежется вам домочадец и купленный.

Необрезанный же погубится от рода своего: яко не сохрани Завета Моего (Быт. 17, 12. 14). Авраам обрезался первый, что есть знамение что умерла его шуяя (сторона), — есть, данный в сем древним, прообраз новаго человека, котораго проявил во святом теле Своем Господь Иисус, чтоб древнее (растление), покрывающее мужеский пол, обрезать и отделить. Об этом и Апостол сказал: о Немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, во обрезании Христове: спогребшеся Ему крещением: о Немже и совостасте верою действия Бога (Кол. 2, 11. 12). И опять: отложить вам, по первому житию, ветхаго человека тлеющаго в похотех прелестных: обновлятися же духом ума вашего, и облещися в новаго человека, созданаго по Богу в правде и в преподобии истины (Еф. 4, 22—24). И еще: да умрете греху, поживете же правдою (1 Петр. 2, 24). — Это (о первом деле Еврея) об обрезании. Кто не имеет сего, тот необрезан, и не Еврей; потому что не сохранил завета, который положил (Бог) Господь Иисус Святою Своею кровию.

2. О святой же Пасхе много предлежит сказать. (Первое — обрезание; второе — Пасха, третье — суббота). Ибо Моисей говорит: сей закон Пасхи: всяк иноплеменник да не яст от нея: И всякаго раба или купленаго обрежеша его, и тогда да яст от нея. Всяк же необрезанный да не яст от нея. В дому едином да снесся (Исх. 12, 43. 46). Чресла ваша препоясана, и сапозы на ногах ваших, и жезлы ваши в руках ваших (Исх. 12, 11). Пасхи — сего печения испеченаго огнем — нельзя вкушать иначе, как с опресноками и горькими травами. Не сказал: опоясавшись по чреслам вашим, чтоб не сказал кто, что он говорит здесь о поясе; но: препоясавши чресла ваши, — чтоб показать, что говорит о чистоте, здоровой от всякой страсти, сущей под действием совокупления в нечистоте. — Сапозы, — о готовности говорит, и бегстве от всякаго уязвления, повреждающаго совесть и препятствующаго уму видеть свое созерцание в чистоте. — Жезл есть мужественная надежда, чтоб шествовать небоязненно путем, и внити в землю обетования: сии суть усубботившиеся. Кровь есть знамение крови Господа нашего Иисуса Христа; и того, что когда придет Он в собственном Своем пришествии и введет сынов Израиля в наследие Свое, тогда явны будут уготовившиеся и помазанные знамением Его в душах их явно. — Взять пук иссопа — это есть злострадание; ибо говорит: снейдите (пасху) с горькими травами. — Изследуй же себя, брат, обрезан ли ты, помазал ли двери дома своего кровию агнца непорочнаго, упразднил ли себя от всякаго помысла земнаго, приготовил ли себя шествовать без страха и внити в землю обетованную?

3. И о субботе многое предлежит сказать, — и это есть дело тех, кои сподобились истиннаго обрезания, вкушают Святую Пасху, освободились от Египтян, узрели всех их потонувшими в Черном море, и возсубботствовали от горькаго рабства им. Ибо говорит (Бог) Моисею: шесть дней делай, в день же седмый суббота Господеви Богу твоему (Исх. 20, 9, 10). Всяк, иже сотворит в ню дело, потребится душа та (Исх. 31, 14). Господь же наш Иисус Сам возсубботствовал истинною субботою, и научил Своих, как должно субботствовать, восшедши (на крест) в пятницу, после того,

как сделал всякое приготовление к тому, прежде восхождения на него, — т. — е. поношения, каким подвергся и какия потерпел за нас, пригвоздив Себя ко кресту, и не соизволив ни разрешиться ни послабить Себя в чем, пока имел дыхание. Когда воззвал Он: жажду, поднесли Ему губу с оцтом, и Он, вкусив, сказал: все совершилось, и преклонь главу, предаде дух (Иоан. 19, 28—30). Потом сняли Его (со креста) на земь, уже не имевшаго движения и воистину субботствовавшего. Так наконец почил Господь Иисус в день седьмый и благословил его; потому что в него почил Он от всех дел, коими упразднил человеческия страсти, как сказал и Апостол: вшедый в покой Его, и той почи от дел Своих, якоже от Своих Бог (Евр. 4, 10). Это и есть истинная суббота! Итак, несубботствующий не есть Иудей. Почему Иеремия, плача о народе своем, говорил ему: не носите бремени в день субботный и не исходите во врата Иерусалима, нося бремена в день субботный (Иер. 17, 21).

4. Увы мне бедному, преступившему такая святяга заповеди, и носящему тяжелья бремена в день субботный, — хотя я умер с Ним (Христом), спогребся Ему и возсубботствовал! Что же это за тяжелья бремена, носимья мною? (Это страсти), по которым действую: гнев тяжелое есть бремя, рвение, ненависть, тщеславие, осуждение, уязвление и оскорбление, высокоумудрие, почитание себя праведным, командование, спорливость, самолюбие, зависть. Это душевныя (страсти). Телесныя же — чревоугодие; телолобие, страсть наряжаться, сластолюбие, похоть, оскудение сердца (м. б. безсердечие). Все сии и сим подобныя страсти упразднил Господь Иисус в теле святых и убил во святом теле Своем, по слову Апостола, что Он крестом убил вражду, и закон заповедей ученми упразднил (Еф. 2, 16. 15), — что и есть святая суббота. Итак, кто носит эти тяжелья бремена (страстей) и действует (по ним), удовлетворяя им в день субботный, как может сказать: я — истинный Иудей? Таковий себя обольщает; потому что имя только такое лежит на нем. Ничего убо не получит он от Господа Иисуса; ибо отрицается от Него делами своими, когда то, что Господь убил, он опять воскресил, и что Он похоронил, опять возставил. Явно, что такой не есть истинный Еврей, а ложный, — и не обрезан он, и не возсубботствовал. Потому, когда приидет Господь Иисус во славе Своей, то введет в царство Свое вечное одних истинных сынов Израиля, всех обрезанных в Нем, которых собрал Он из всех народов, как и Апостол говорит, — что ослепление отчасти Израилеви бысть, пока внидут все языки (Рим. 11, 25), — и еще: елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость, и на Израили Божии (Гал. 6, 16). Видишь ли, кто суть Израильтяне Божии? — Это те, кои имеют обрезание сердца, и субботство, и упразднение греха. Опять говорит (тот же Апостол): не иже яве, Иудей есть, ни еже во плоти, обрезание; но иже в тайне Иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием (Рим. 2, 28. 29).

5. Будем же внимать себе, братие! Доколе будем мы творить труд и губить его чрез нерадение, не зная, что есть в нас враг наш, льстящий нам и непрестанно отвлекающий нас (от должнаго), не дающий очам нашим узреть нечто от света Божества? Изследуй же себя, бедный, во Христа и в смерть Его крестившийся. Что это за смерть, кою Он умер? — Если ты последуешь стопам Его, то покажи мне это нравом своим. Он безгрешен, и являя Себя тебе образцем во всем, жил в нищете; ты же не сносишь нищеты. Он не имел, где главы подклонити (Мф. 8, 20), а ты не сносишь странничества (быть странником всюду) с радостию. Он переносил всякаго рода поношения, а ты и одного поношения не сносишь. Он не воздавал (за зло), а ты не сносишь не воздать зла. Он не гневался страдая, а ты, и сам служа другим в тягость, гневаешься. Он пребыл безмятежен поносим будучи, а ты и не будучи поносим мятешься. Он был смирен и грешников к Себе призывал, а ты и

любящих тебя уязвляешь словом. Он с радостию сносил все причиняемое Ему, а ты, и малое слыша оскорбление, мятешься. Он был кроток ко впадшим в грехи, а ты высокоумствуешь и над гораздо большими тебя. Он предал Себя за согрешивших пред Ним, чтоб искупить их, а ты и за любящих тебя не можешь дать себя. Вот что Он дал тебе, ты же что воздал Ему? Познай Его из дел Его, и себя самого из дел твоих. Если ты умер с Ним, — то кто творит (в тебе) такие грехи?

6. Возлюбленные! Право да внимаем Святым Его заповедям; отсечем волю свою, и узрим свет заповедей. Если мы любим только того, кто чтит нас, что делаем более язычника? Если ты молишься за благодетельствующих тебе, то и мытарь тоже творит. Если радуешься с хвалящим тебя, то и Иудей тоже делает. Что же лишнее творишь ты, умерший греху и оживший во Христе Иисусе? Если ты любишь только того, кто тебя слушается, что творишь более грешника? Это и он делает. Если ты ненавидишь того, кто причиняет тебе неприятность, не слушается тебя и ссорится с тобою, то и ты, как язычник. Но молиться надлежит о таком, да прощено ему будет (то, в чем он согрешил тебе). Если ты скорбишь на злословящего о тебе, то и мытарь тоже делает.

7. Размотри же себя и ты, крестившийся во имя Господа, таковы ли твои дела, в каких Он явил Себя? Или как имеешь ты явиться в день Славы Его и увенчаться, если не имеешь венца победы над страстями, побежденными тобою, — которые уже победил Царь твой, образец тебе показывая в Себе? Ибо, когда явится во славе Он, Царь царствующих и Господь господствующих, то явится зримым для всякаго языка в великой славе Своей, имея знамение того, что пострадал за нас; ты же имеешь явиться, ничего не имея из страстей Его в теле своем. Он и скажет тебе: не знаю тебя. Там имеешь ты увидеть всех святых, умерших за имя Его, имеющими знамение Его, — и устыдишься явиться пред лицом их. Размотри жизнь всех святых, и найдешь, что они потерпели зло, но не воздали за него: (только) кровь всех их вопияла (к Богу): взыщи за нас с живущих на земле. — Я же, возлюбивший покой, что имею сказать в день оный, увидев там Пророков, Апостолов, мучеников и прочих Святых, которые, будучи озлобляемы, долготерпели, не воздавая за то, и даже не гневаясь; ибо знали, что тут не воля человеческая, а неправда диаволова, понуждающая их делать им это; — будучи умерщвляемы, или камением побиваемы, или сожигаемы, или потопляемы, они не гневались на них, но молились за них, да прощено будет им то, зная, кто понуждает их делать это им.

8. Размотри же, возлюбленный брате, себя самого, что делаешь и ты, — уразумей помысл свой, — каково то, что имеешь ты, пред лицом Бога. Ибо в тот час ничего не можешь ты укрыть, не в воле человека будет иное сказать (а иное нет); но когда совершится воскресение, тогда всякий возстанет одеянным делами своими, как одеждою, — грехами ли, или правдою. Дела сии будут говорить, — и всякий сам узнает, где место его. Блажен подвизавшийся и совлекший с себя то, что имеет повлещи его в геенну, и облекшийся в то, что имеет повлещи его в царствие. Апостол говорит: вемы, яко аще земная наша хранина тела разорится, создание от Бога имама, хранину нерукотворену, вечну на небесех (2 Кор. 5, 1). Время жизни нашей ничтожно, и мы прельщаем себя (думая иначе), — пока постигнет нас час (наш), — и опечалимся в плаче вечном.

9. Не будем же послаблять сердцу своему, но сделаем все по силе нашей, печась о нем и храня его, и умоляя всякий час благость Божию, помочь нам. Не будем гневаться на ближних за слова говоримыя ими в неразумии, не по воле своей, но по воздействию отъинуды; служа же орудиями врага, они чужды Бога, пока не будут воззваны и не уйдут с поприща сего (недобраго). — Позаботьтесь, возлюбленные, о смиренномудрии во всем, снесите поношение и все, что приходится терпеть, и

повсечасно упражняйтесь в отсечении воли своей, потому что держание воли своей губит все добродетели. Кто имеет помыслы право—простертыми (благонастроенными), тот отсекает волю свою кротостию, боясь любопрения, как змия; потому что оно низвращает все домоустройство (души — внутреннее), и делает душу омраченною, так что она не видит ничего из света добродетелей.

Присмотрите же позаботливее за сею страстию проклятою, примешивающеюся к добродетелям, — чтоб сгубить их. Так и Господь наш Иисус Христос не прежде возшел на крест, как извергши Иуду из среды учеников Своих. И всякий человек, если не отсечет сей безчестной страсти, не может преуспеть по Богу; потому что за нею следует все злое: нетерпение — от нея, тщеславие — от нея; все, что ненавидит Бог, живет в душе любопрительнаго и высокомудраго, — и все, относительно чего убеждают они сердце свое, что то есть Божие, ложно по всем Писаниям.

10. Осуждение первее самого себя приносит смиренномудрие, а оставление воли своей для ближняго с разумом, есть смирение. Чистота есть — молиться Богу [20]. Не осуждать есть — любовь.

Долготерпение есть — не помышлять ничего против ближняго. Боголюбивое сердце есть — не воздавать (за зло). Безмолвие есть — не допытываться до того, что тебя не касается. Нищета есть — незлобивое сердце. Владеть своими чувствами есть — мир. Переносить (все) есть — кротость.

Милостыня есть — прощать. Пораждает же все сие отсечение воли своей. Оно умиротворяет добродетели между собою. Оно соделывает владычественное (ум) безмятежным.

11. Конец же всего этого: ничего другаго, как вижу я во всех Писаниях, не желает Бог от человека, как чтоб он смирял себя пред ближним во всем, отсекал волю свою в отношении ко всему, молился Ему всегда о подаянии руки помощи человеку, и о хранении очей его от сна забвения и от прелести пленения; потому что естество человеческое лукаво и превратно. Его (Божие) есть дело сохранить (нас). Его есть сила — доставить нам (силу) сохранить (себя). Его есть покров — оградить нищету нашу. Он есть обращение — обратить нас к Себе. Его есть благодарение — даровать нам его. Его есть даровать нам благодать благодарить Его. Его есть покров — сохранить нас от руки врагов наших. Его есть честь и слава во веки веков. Аминь.

12. Впрочем, вот от чего поражается любопрение, и что немилостиво низвращает душу: многословие, пустословие, перенесение слов (перетолкование) на что каждому угодно, несдержанность, двоязычие, настояние на слове своем. Кто имеет сие, того душа бесплодна для добродетелей. После всего этого, если душа не попотеет над каждою добродетелию, то не возможет достигнуть до покоя Сына Божия. Не нерадите же о жизни своей, братие, и ум ваш да не изобретает всяких предлогов к злой лености, чтоб не истощилось время ваше все, прежде чем достигнете в покой Сына Божия: это есть смирение во всем, незлобие, неимение ненависти ни к какому человеку, неприлепление ни к какой вещи, не сущей Божиею, имение грехов своих пред собою, умертвие для всякаго дела злаго. И не ложен Бог (Тит. 1, 2), — чтоб вспомоществовать немощи нашей, по щедротам Своим. Аминь.

Слово двадцать третье.

О совершенстве.

1. Некто из Отцев сказал, что если не стяжет человек веры в Бога, непрестаннаго вожделения Бога, незлобия, невоздаяния злом за зло, злострадания, смирения, чистоты, человеколюбия, отречения от всего, кротости, долготерпения, непрестанной с болезнованием сердца молитвы к Богу, истинной любви, чтоб не озираться вспять, несмотрения ни на что находящее, ненадеяния на свое

доброделание, или служение (молитвенный труд), испрашивания помощи Божией против всего, каждодневно находящего на него; — то он не может спастись.

2. Враги твои, человеце, не дремлют. Не неради же; не небреги о своей совести, и отнюдь не верь себе, будто ты достиг до чего-то, достойного Бога, зря себя (находящимся еще) во стране врагов своих. Злострадание (подвижническия лишения телесныя) с разумом восполняет бывшее пред тем нерадение; плач чувств врачует раны внутренних супостатов; совершенная к Богу любовь по воле Его противостоит невидимым воителям; побеждающая невидимых врагов сокровенная чистота уготовляет к покою Сына Божия, а видимая чистота сохраняет добродетели.

3. Если ведение есть родитель (всего сказанного), то оно же есть и хранитель (того). Обретение (в сердце) благодарности во время искушения обращает вспять находящия искушения. Неверование, что угоден Богу труд твой, уготовляет помощь Божию на охранение тебя. Предавший сердце свое на благочестивое взыскание Бога по истине, не может иметь мысли, что угодил Богу. Ибо, пока совесть обличает его в чем либо из неестественного, дотоле он чужд свободы. Потому что, пока есть обличающий, есть и осуждающий; а пока есть осуждение, дотоле нет свободы. Если наконец увидишь, во время молитвы, что совершенно никакое зло не обличает тебя, тогда ты истинно свободен, и вшел на святой Его покой, по воле Его.

4. Если увидишь, что добрый плод укрепился в тебе, и плевелы врага уже не подавляют его; если борители, — так как ты не борешься уже с чувствами своими, — отступили не сами по-себе уступая в коварстве; если облако осенило скинию твою, — и ни солнце не стало жечь тебя днем, ни луна ночью (Пс. 120, 6); если есть в тебе все уготовление (все принадлежности) скинии, чтоб поставить и хранить ее, по воле Божией: то (знай, что) совершилась в тебе победа Богом; и отседе Он уже будет осенять скинию (твою), потому что она Его есть, Он будет шествовать пред нею, и предуказывать стан для нея (отдохновение, покой). Ибо, если Он прежде не остановится, в каком желает месте, то и она, как говорит Писание, не может делать остановки (иметь покой) (Числ. 9, 16—23).

5. Великая есть опасность, пока человек не помнит себя и не увидит ясно, что в нем нет уже ничего от (части врагов), силящихся разстроивать делание монашеское, научая неестественностям. Нужду имеем мы потому, чтобы страх пред благостию Его (Божиею, или пред Благим Богом) начальствовал над нами, чтоб память (о смерти и суде) непрестанно поражала нас, и святое смирение господствовало над сердцем нашим всякий час, по милости Божией; (а для этого имеем нужду) не нерадеть о том, что уготовляет и хранит все то (те святые чувства и расположения), но пребывать в том умом даже до конца, — видеть непрестанно грехи свои, и ни в чем не верить себе, пока находимся в злом рабстве.

6. Когда кто осуждает ближняго, укоряет и уничижает брата в сердце, поносит его, как только находит случай, учит с гневом, оклеветывает пред кем-либо; то это делает его чуждым милости, какую улучают святые, и честных добродетелей. Ибо это губит поднимаемые человеком труды, уничтожая добрые плоды их. Кто говорит: я оплакиваю грехи свои, — и делает нечто из сказанного, тот несмыслен. Кто говорит: я плачу о грехах своих, — и имеет нечто из того, тот обольщает себя.

7. Ищущий безмолвия, и незаботящийся вместе с ним отсечь страсти, слеп в деле наздания добродетелей. — Оставивший свои грехи (в небрежении), и пекущийся об исправлении другаго, чужд молитвы от всего сердца, и разумнаго к Богу прошения. — Вот настоящее мужество — когда человек противоборствует прежним грехам, о прощении коих и просит, умоляя всегда о том, чтоб

опять не впасть в них, ни в сердце своем, ни в действовании, ни в чувствах.

8. Если память о грехах не будет непрестанно господствовать над сердцем Его, и не отвратит его от всего, что есть в мире, так чтоб это не одолевало его; то не может он остановить грехи свои, и, довольствуясь (попечением) о них одних, отстать от осуждения творения Божия. Блажен, кто сподобился сего во истине, а не притворно и с лукавством. Впрочем это есть дело истинный имеющих плач, чрез сие видимое, ум с чувствами (напрягающих) на то, чтоб не осуждать ближнего. Ибо, если удовольствует тебя попечение о грехах своих, то это отчуждит тебя (заставит забыть) от грехов ближнего.

9. Воздавать за зло — далеко от плача. — Принаровляться к чему либо мирскому по тщеславию, тоже далеко от него, даже в помышлении. — Скорбеть о том, что не приняли твоего мнения о сем принаровлении, — далеко от него. — Творить волю свою, далеко от него. — Сказать о ком либо, что он хорош, или худ, стыд ему есть; потому что он твердо знает, что сам сквернее его. — Желать узнать о деле, которое не его, стыд для него есть, и невежество, и пленение злое, не дающее ему видеть грехи свои.

10. Если кто обнесет тебя, и ты возболезнуешь о том, то по истине нет тут плача. — Если будут у тебя какая либо житейския сделки, и ты, потерпев ущерб, возскорбишь о том, то нет тут страха Божия. — Если скажут о тебе что либо, о чем даже не знаешь, и ты возмятешься, то нет тут (страха Божия). — Если кто прославляет тебя, — и ты приемлешь то, — то нет (страха Божия) тут. — Если побранит тебя кто, и ты возболезнуешь о том, то нет (страха Божия) тут. — Если обтекаешь славных мира, желая дружества их, то нет (страха Божия) тут. — Если кто, разговаривая с тобою, заспорит, и ты захочешь настоять на своем слове, то нет (страха Божия) тут. — Если презрят слова твои, и ты заскорбишь о том, то нет (страха Божия) тут. — Все это обнаруживает ветхаго человека, что он жив еще и являет власть свою; потому что нет там (внутри) того, кто противоборствовал бы ему, — (нет страха Божия), нет и истиннаго плача.

11. У действующаго по Богу, должны быть умныя очи, чтоб познать себя (и сознать), что он враг Божий бывает, (когда поблажает) воле своей. — Если ты, будучи хранителем заповедей Божиих и всякое дело свое делаешь с разумом для Бога, будешь держать на сердце, что не можешь угодить Богу соответственно славе Его, — и поставишь пред очами своими грехи свои; то найдешь их сопротивляющимися лукавomu (духу), хотящему низложить тебя мнением о своей праведности, — и они сохраняют здание, которое устроил тебе плач. Тогда узнаешь, что ты познал себя и то, где обитаешь (в каком находишься состоянии), — и не поверишь сердцу своему, что одержана тобою победа. Ибо, пока человек не предстанет на суд, и не услышит (окончательнаго) о себе определения, и не узнает, какое место его; дотоле не может верить этому, — так как все остается страх, угодил ли он Богу. Печаль по Богу, снедающая сердце, может сдерживать чувство, и сопротивление (помыслом) с трезвением здравыми сохраняет чувствилища ума. Но человек недоволен (к сим), и не может верить себе; почему постоянно должен быть в труде, пока находится в теле.

12. Блаженны, не надеющиеся дерзновенно на дело свое, якобы угодное Господу, и стыдящиеся сретить Бога, по причине такого ненаядения на дело свое, — уразумевшие славу Его, и старающиеся первее всего творить волю Его, по хотению Его, — познавшие немощь свою и удовольствовавшиеся печалию о себе, — чтоб оплакивать себя, не заботясь о (прочем) создании Божиим, которое Сам Он имеет судить. — Победа работающаго (по Богу) откроется, когда он, всецело соединившись с Богом,

скончается по воле Его. — Вписану же быть ему в книгу живых есть, — когда Ангелы небесные засвидетельствуют, что он миновал властителей шуиих [21]. Оттогда память его будет с небесными (жителями). По пока идет брань, человек находится под страхом и трепетом, ныне победить, а завтра побеждену быть, — или ныне побеждену быть, а завтра победить.

13. Борение сжимает сердце; а безстрастие неборимо. Оно получило уже венец и не беспокоится об участии трех (наших) отдельных (частей), когда достигнут оне умиротворения друг с другом в Боге. Три эти части суть: душа, тело и дух, по Апостолу, который говорит (о них) негде в послании (1 Сол. 5, 23). Итак, когда три сии соделаются едино действием Святаго Духа, то оне уже не могут отделиться (друг от друга). Так Христос, умерши и воскресши, ктому уже не умирает: смерть Им ктому не обладает (Рим. 6, 9). Смерть Его была нам спасением, — так как смертью Своею Он умертвил грех, — и воскресение Его было жизнью всем, крепко верующим в Него. (Тем и другим) Он уврачевал (Своих Ему) от страстей, чтоб жить им в Боге и давать плод правды.

14. Не почитай себя умершим (греху), пока терпишь нуждения (греховныя возбуждения) от врагов своих, во время ли бодрствования, или во сне: ибо, пока бедный человек находится на поприще, дотоле не имеет он дерзновения, — и, смотря издали (на конец), не верит делам своим. Только неразумный, — хотя каждодневно падает, думает о себе, что побеждает, — потому что нет борьбы на поприще.

15. Посему—то Господь сказал ученикам Своим, посылая их на проповедь: никогоже на пути целуйте; целуйте же сущих в доме. И аще убо будет ту сын мира, у него пребывайте (Лк. 10, 4 и д.). И там почиет мир ваш. — Опять и Елисей сказал Гиезию, посылая его: аще обрящешь мужа, да не благословиши его, и ты да не благословишия от некоего (4 Цар. 4, 29). Ибо ведал, что им не оживотворится отрок, и что он не имел силы воздвигнуть его. Когда же вошел человек Божий, то, увидев отрока лежащим на одре, затворил дверь за собою, и каждым чувством совершил подвиг и действия, восходя на одр к отроку и нисходя, и прохаживаясь до седми раз. Когда согрелись чувствовалища, по волению Духа Божия, тогда отверзлись очи отрока.

16. Что же имеем сказать мы, бедные, — любящие славу мира сего, паче славы Божией, незнающие как вести брань, а спешащие войти в покой, неведающие долготерпения Божия, что Он оставляет плевелы вместе с добрым плодом, и пока не достигнет (в меру) добрый плод, и не совершится, не посылает собирать плевел? И Гиезий совершил течение пути, но не успел воздвигнуть отрока, потому что возлюбил славу человеческую, паче славы Божией.

17. Блаженны очи, с разумом стыдящиеся простертися к Богу, и старающиеся язвы свои уврачевать с разумом, — сознающие грехи свои и молящиеся об отпущении их. Горе же тем, кои губят время свое, думая, что безгрешны, кои попирают совесть свою, не желая быть приводимы ею в сокрушение, и не признавая, что не мало есть быть малейшим.

18. Как земледелец, посеявший семена, если они не принесут плода, почитает их даром пропавшими и тужит о труде своем, по причине сего непринесения плода: так и человек, — хотя бы ведал все тайны и всякия имел познания, творил силы многия и исцеления, пребывал в разных злостраданиях, — и наготствовал даже до лишения одеяния, — все еще под страхом есть, — не полагаясь на совесть свою, и будучи еще окружен врагами ловцами, и наветниками, — пока не услышит слова сего: любы николиже отпадает, но всему веру емлет, вся уповае, и вся терпит (1 Кор. 13, 2—8).

19. О, сколь труден путь Божий, как сказал Он, что узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его (Мф. 7, 14)! И мы, бездельные и любострастные, успокоением себе имеем то, что не можем (будто) нести ига, о коем Он сказал: возьмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим. Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 29. 30). И кто есть в числе мудрых по Богу, и (Бога) боящихся, который не подвизается всею силою поднять злострадание во всяком труде и удалении (от мира), в безмолвии, хранении (сердца) и попечении (о спасении)? Но и Он найдет себя все же недостойным изрещи устами своими имя Бога. Страстей ради, действующих в нас, Владыка, Господь Иисус пришел (к нам на землю), чтобы в нас, не по плоти ходящих, но по духу (Рим. 8, 1—4), умертвить их, показав нам всю волю Отца. Уча учеников Своих, Он говорил им: егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10. 11). Это говорил Он тем, кои подъяли труд и хранили его, потому что знали, что есть грабители, готовые украсть труд их. Всякий, увидев что либо ядовитое, бежит от того со страхом, — змею ли (увидит), или ехидну, или скорпиона, или другое что обладающее смертоносным ядом. А безстыжая душа наша бедная принимает все умерщвляющее ее, не бежит от того, и даже не отступает, но услаждается тем и слагается с тем сердцем; почему все иждивает время свое, пребывая нераждающею и бесплодною.

Слово двадцать четвертое.

О безстрастии.

1. На пути добродетелей есть падения; ибо есть враги, есть преложение, есть изменение, есть обилие, есть мерность, есть оскудение, есть печаль, есть радость, есть болезнование сердца, есть скорбь, есть покой сердца, есть преспеяние, есть нуждение: ибо это есть путешествие, чтоб достигнуть упования.

2. Безстрастие же далеко от всего этого и не имеет ни в чем нужды: ибо оно в Боге есть и Бог в нем. Врагов оно не имеет, падения не имеет уже, ни неверия, ни труда хранения, ни страха от страсти, ни похотения какой либо вещи, ни безпокойства о чем либо вражеском.

3. Велики и неисчетны славныя достоинства его. Пока есть в ком страх какой либо страсти, дотоле он далек от него (безстрастия), доколе у кого из сердца исходит осуждение, дотоле он чужд его (безстрастия).

4. Это есть тело, которое воспринял Господь Иисус. Оно есть любовь, какую делом являть с радостию научил Он Своих.

5. Многие невежды подумали, что они достигли его, когда страсти жили еще в душе их, и тело их не совсем было очищено, — и уклонились от должнаго. Простите мне, ради Бога.

Слово двадцать пятое.

К авве Петру, ученику своему.

1. Что ты написал ко мне: хочу принести покаяние Богу о грехах моих, если Господь избавит меня от горькой, какую имею, заботы мирской; то хорошо сказал: если избавлюсь от дел века сего; поелику невозможно уму пешись о том и другом, как и Господь сказал: не можете Богу работати и мамоне (Мф. 6, 24). Мамона означает всякое делание мира сего. Итак, если не оставит его человек, то не может служить Богу.

2. Служение же Богу какое другое есть, как не то, чтоб не иметь в уме ничего, чуждаго (Бога), когда благословляем Его, ни похотения, когда молимся Ему, ни злобы, когда поем Ему, ни ненависти,

когда поклоняемся Ему, ни злой ревности, полагающей нам препоны, когда приседем Ему, ни срамной сласти в членах наших, когда воспоминаем о Нем: ибо все сие мрачныя стены суть, объемлющая бедную душу; и не может она чисто служить Богу, имея в себе это. Препоны полагает это ей в воздухе, и не дает ей сретить Бога, и в сокровенности благословить Его, и помолиться Ему в сладости любви, в приятности сердца и в желании святом, чтобы просветиться от Него.

3. От того ум помрачается всегда, и не может преуспеть по Богу, что не заботится разумно отсесть сие. Невозможно же ему озаботиться отсесть сие, если не станет он безпопечительным о делах века сего [22]. Одна (забота обращена во) вне, — и промышляет о (вещах) века сего, в упокоение тела; другая же — внутрь, (об удовлетворении) страстей, и строит препоны добродетелям. Но душа не видит сей внутренней, страстной, если не освободится от внешней. Посему Господь Иисус сказал, что всякий, не отрешившийся от всей воли своей, не может быть Моим учеником (Лк. 14, 26).

4. Внешняя попечительность — от произволения, а внутренняя — от внешнего действия. Господь наш Иисус, зная, что над тою или другою царит воля, повелел отсесть ее. Поелику ум мертвится, пока душа заботится о внешнем; то внутренняя страсти проявляют тогда свои воздействия уже без раздумывания (без удержки). Итак, если душа послушается слова Иисуса — отсесть все хотения свои, то начинает ненавидеть всякое делание мира сего. И тогда возбуждается ум и стоит, пока не извергнет их из дома своего, внимая непрестанно душе и охраняя ее, чтоб не возвратилась вспять к тому, что причиняло ей напасть.

5. Душа подобна замужней молодой женщине, которая, когда муж ее отойдет на сторону, без страха и стыда не заботится с усердием (как бы следовало) о том, что в доме. Когда же придет муж ее в дом свой, она тотчас в страхе отстает от того, что делано было ею, и начинает хлопотать о всем по воле мужа. И он, пришедши, хлопочет о домашних вещах по всему, в чем имеется нужда. Таков и ум. Когда возбудится он, то печется о душе и хранит ее непрестанно, пока она родит с ним, и он воспитывает чад ее. И наконец они бывают одно сердце; душа покоряется уму; и покоряется она ему, как написано в Апостоле: глава же жене муж. И еще: муж не должен есть покрывати главу, образ и слава Божия сый: жена же слава мужу есть. Несть бо муж от жены, но жена от мужа: ибо не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради. Сего ради должна есть жена власть имети на главе, Ангел ради. Обаче ни муж без жены, ни жена без мужа, о Господе. Якоже бо жена от мужа, сице и муж женою: вся же от Бога (1 Кор. 11, 3. 7—12).

6. Слово сие относится к тем, кои сподобились соделаться едино с Господом, и не имеют уже (прежняго) образа. Сии суть молящиеся Богу в чистоте. Сии суть благословляющие Бога в сердце святом. Сии суть просветившиеся от Бога. Сии суть истинные поклонники, каких ищет Бог. Сии суть, о коих сказал Он: вселюся в них, и похожду (2 Кор. 6, 16). К ним относится сказанное Им, — что если двое согласятся (между собою), то о чем бы они ни просили во имя Его, все будет им (Мф. 18, 19). Итак, Он хочет, чтобы Свои Ему были чисты от всего вещественнаго, — и видимо, и сокровенно в душе, и от всего, что упразднил Он в теле Своем, чрез воплощение Свое, как сказал: будите во Мне, и Аз в вас (Иоан. 15, 4). Видишь, брате, что прежде желает Он, чтобы мы были в Нем делами; тогда и Он будет в нас, ради чистоты по силе нашей.

7. Но скажет кто: я стал быть в Нем чрез крещение; жизнь же соделать (соответственно тому) не могу. — Послушай, возлюбленне! — Всеконечно, приемлющий крещение приемлет его в упразднение греха, как сказал Апостол: спогребохомся убо Ему крещением в смерть, да упразднится

тело греховное, яко ктому не работати нам греху (Рим. 6, 4. 6). Ибо невозможно Христу пребывать со грехом вместе. Посему, если вселился в тебя Христос, то грех умер; дух же живет правды ради, как сказал еще Апостол (Рим. 8, 10). Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть законом: аще ли же умрет муж ея, разрешится от закона мужескаго. Темже убо живу сущу мужу прелюбодейца бывает, аще будет мужеви иному: аще ли умрет муж ея, свободна есть от закона, не быти ей прелюбодейце, бывшей мужу иному (Рим. 7, 2. 3).

8. Итак, желающий узнать, вселился ли в нем Христос, познает сие из своих помыслов. Доколе грех влечет сердце, доколе Бог не вселялся еще в него, и Дух Его не нашел еще себе в нем покоя. Ибо Богу подобает вселяться в человеке тогда, когда он соделает (соответственные тому) дела, и человеку быть в Боге, когда душа его свободится (от страстей), как сказал Апостол: прилепляйся сквернодейце, едино тело есть (с блудодейцею); прилепляйся же Господеви, един дух есть с Господем (1 Кор. 6, 16. 17). Ибо всякая неестественность именуется блудницею.

9. Итак, когда душа освободится и минует все, преграждающее ей путь в воздухе (т. — е. в восхождении к Богу); тогда начинает она быть в Боге и приемлет от Духа Его, — по сказанному, что прилепляйся Господеви, един дух есть с Господем, — и Он научает ее, как молиться, — ее, поклоняющуюся Ему непрестанно, и прилепляющуюся к Нему. — И Он пребывает в ней, руководя ее и упокоевая непрестанно, открывая ей почести и дарования Свои неизреченныя. Ибо она возраждается от Него чрез крещение и чрез вдуновение Духа Его, как написано: рожденный от Бога не согрешает, и лукавый не прикасается ему (1 Иоан. 5, 18); яко от Бога рожден есть (1 Иоан. 3, 9), — как сказал Он в Евангелии: аще не обратитесь, и будете, яко дети, не внидете в царство небесное (Мф. 18, 3). И опять: Будьте, как новорожденные младенцы, словесное млеко вожделевающие, да о нем возрастет (1 Петр. 2, 2).

10. Какая же дела свойственны дитяти? — Дитя, если его побьют, плачет, и с радующимися с ним радуется; если побранят его, не гневается, и если похвалят, не возносится; если почтут дружку его паче его, не ревнует; если возьмут что из принадлежащаго ему, не мятется; если оставят ему мало в наследство, не осведомляется, — не входит в тяжбу ни с кем, не любопрится из-за своего ему, не ненавидит никакого человека; если беден, не печалится, если богат, не высокоумдрствует; если видит женщину, не вожделеват ея; сласть похотная или многозаботливость не господствуют над ним; никого он не осуждает, ни над кем не властительствует; никому не завидует; не говорит с самохвальством о том, чего не знает; не смеется над ближним из-за внешнего вида его; ни с кем не имеет вражды; не притворяется; не ищет почести мира сего; не ищет собрания богатства; не сребролюбствует; не бывает дерзок; не любопрится; не учительствует со страстию, ни о ком не беспокоится; если разденут его, не печалится; не держит своей воли; не боится голода, — ни злодеев; не боится зверя, ни брани; когда бывают гонения, не мятется.

11. Таков тот, о ком Господь наш Иисус сказал (кого в пример ставит): аще не обратитесь, и будете, яко дети, не внидете в царство небесное. Когда же немного возрастет дитя, и начнет жить в нем зло; укоряет его Апостол, говоря: да не бываем ктому младенцы, влающеся и скитающеся всяким ветром учения, во лжи человечестей, в коварстве козней лщения: Истинствующе же в любви да возрастим в Него всяческая (Еф. 4, 14. 15). И опять говорит: как младенцев, млеко вы напоих, а не брашном: ибо не уможасте, но ниже еще можете ныне (1 Кор. 3, 2, 3). И еще говорит: в елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба, господь сый всех. Но под повелители и приставники есть,

даже до нароча отча. Такожже и мы, егда бехом млади, под стихиами бехом мира порабощени (Гал. 4, 1—3). И опять: похотей юных бегай (2 Тим. 2, 22). Научая убо нас отвергать такое младенчество, сказал: братие, не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте (1 Кор. 14, 20). Итак, дело (истинных) младенцев о Христе в чем состоит? Вот в чем, по слову Апостола Петра: отложите убо всяку злобу, и всяку лесть и лицемерие и зависть, и вся клеветы, ако новорождени младенцы (1 Петр. 2, 1). Видишь ли, брате, что значит слово, сказанное Господом нашим Иисусом: аминь, аминь глаголю вам, аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в царство небесное (Мф. 18, 3)? Полно страха слово сие; потому что Господь наш сказал его с клятвою: аминь, аминь глаголю вам: Он Сам есть Аминь. Почему Апостол сказал: поелику нет другога кого больше Бога, то Он клянется Собою, глаголя: воистинну (аминь) благословя благословлю тя (Евр. 6, 13. 14).

12. Уразумеем же точно слово сие и будем всячески стараться со страхом и трепетом исполнять его всякий час, как только случай к тому будет. Когда враг уязвит нас стрелою неприязни на ближняго, — или за то, что оскорбит кто нас, или что обезчестит, или что оклеветает, или что заспорит с нами ближний, чтоб сделать ему уступку, или огорчение нечистое начнет щемить нас, приводя в движение злое воспоминание о том, что сделал нам ближний, чтоб омрачить душу нашу гневом и ненавистью, — когда что нибудь такое приблизится к душе нашей, поспешим тогда вспомнить слово Господа нашего, которое Он изрек с клятвою, говоря: аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в царство небесное. Кто не устрашится слыша слово сие? Или кто из мудрых, желающих спасти душу свою, не выбросит из сердца своего всякое неудовольствие, какое имеет на ближняго? Или кто из боящихся попасть в геенну не исторгнет из сердца своего всякую ненависть, чтоб не быть извержену вне царствия? Ибо Господь наш сказал решительным словом: аще не обратитесь, и будете, яко дети, не внидете в царство небесное. Тяжко слово сие для держащих волю свою, любящих мир и непознавших (неприявших) дара Святаго Духа; потому что на кого низойдет Он, тому подает забвение всякаго зла, и научает его Своему, — вместо гнева — кротости, вместо вражды — миру, вместо любопрения — смиренномудрию, вместо ненависти — любви, вместо малодушия — долготерпению. Таковы сподобившиеся возрождения.

13. Постараемся же отсечь от сердца своего сказанное нам великим Апостолом, и оставим то, чтобы придти в меру дитяти. Позаботившиеся о том (Апостолы) и отсекившие то от душ своих (чтоб стать младенцами о Христе), пришли потом опять во святой великий возраст и совершенство. Ибо Господь, после того, как дунул в лице их, говорит: примите Дух Свят (Иоан. 20, 22); явившись же им на море Галилейском, сказал: дети, имате ли что с недно (Лук. 24, 41)? напоминая им, что чрез вдуновение Духа, Он сделал их детьми, — тогда как по плоти они не были детьми. Опять написано: се аз, и дети, яже Ми дал есть Бог. Понеже убо дети приобщахся плоти и крови, и Той приискренне приобщахся техже, да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола, и избавит сих (Евр. 2, 14. 15). Чьей же плоти и крови соделался Он приискренным, если не тех, кои оставили всякое лукавство и достигли в меру святаго детства. И они же опять стали совершенными, по слову Апостола: Дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13). И опять возвращение тела творит в создание самага себе любовию (— ст. 16). Таковым пишет Апостол Иоанн, говоря: Пишу вам, дети, яко познасте отца... Писах вам, юноши, яко победисте лукаваго (1 Иоан. 2, 13. 14). Узнал ты теперь,

что возмладенчествовавшие злобою, они самые стали борцами против врага; потому что обнажены от его всеорудия, которое есть злоба; и они же потом стали отцами и достигли в меру совершенства, так что вверяются им откровения и тайны, пока достигнут мудрости, единения, благодати, кротости и чистоты, так как таковы принадлежности кротости. — Они-то и суть прославившие Христа в теле своем.

14. Восподвизаемся же, возлюбленный брате, по соделавшемуся на земле великому гладу (кажется, духовному), ни в чем не малодушествовать, но непрестанно умолять благодать Божию, да не попустит Он нам обольститься прелестию врага и завистника, творящего зло немилостиво, и безстыдно настаивающего и говорящего, что если не ныне, то завтра, но не уступлю, пока не пересилю его. Почему будем молиться неотступно, говоря, как святой Давид: призри, услыши мя Господи Боже мой, просвети очи мои, да не когда усну в смерть: Да, не когда речет враг мой: укрепихся на него. Стужающие ми возрадуются, аще подвижуся (Пс. 12, 4—6). Если враги начнут одолевать нас, воззовем, говоря: Боже, кто уподобится Тебе? не премолчи, ниже укроти Боже (не будь кроток ко врагам). Яко се врази Твои, Боже, возшумеша (воскричали... возгласили), и ненавидящие Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавоваша волею, говоря: не оставим памяти об Израиле (Пс. 82, 2—5). Преуспевший же Святым Духом говорил: Боже, положи я яко коло, яко трость пред лицом ветра. Исполни лица их безчестия, и да познают, яко Ты един Вышний по всей земли (Пс. 82, 14. 17. 19). Так подвизающиеся верою своею укрепляют сердце свое против врагов, и прежде чем те станут бороться их, водружают себя на святом камне, который есть Христос, говоря в крепости сердца: обыдоша мя, яко пчелы сот, и разгорешася яко огонь в тернии: и именем Господним противляхся им (Пс. 117, 12).

15. Когда увидим, что враги окружили нас своим вселукавством, которое есть уныние (разленение), — или расслабляют душу сластиею похотною, или не дают перенести гнева на ближняго, когда он сделает что недолжное, — или отягощают очи наши к вожделению телес, или хотят увлечь нас ко вкушению сладких яств, или слова ближняго делают для нас ядом, или нас побуждают уничтожить слово другаго, или внушают различие полагать между братьями, говоря: этот хорош, а тот худ, — так, когда окружит нас таковое, да не возмалодушествуем, но паче да воззовем в крепости сердца, как Давид, говоря: Господь защититель живота моего! Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое; аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю. Единою просих от Господа, то възыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и потщати храм святой Его. Яко скры мя... и вознесе мя: И ныне се вознесе главу мою на враги моя (Пс. 26, 1, 3—6). Сие свойственно воздвигшим ум свой от мертвых дел, которых Апостол называет ночью, говоря: несмы нощи, ниже тмы (1 Сол. 5, 5). Обличая же нерадящих о себе, говорил Он: спящие бо в нощи спят; и упивающиися в нощи упиваются (— ст. 7). И еще: день Господень, яко тать в нощи, тако приидет; и не имут избежати (— ст. 2. 3), потому что они в нощи суть. А к тем, которые воздвигли ум свой от страстей, кои суть ночь, он говорил: сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеса в броню веры и любве, и шлем упования спасения (ст. 8).

16. Сотворим убо все, трезвенствуя умом от мертвых дел, и внимая душею всякий час, — чтоб не делать ничего, кроме естественнаго; потому что естество наше изменчиво по слову Исаии Пророка, который сказал: милостив к тебе Господь, смиренная и колеблемая, не имела еси утешения (Ис. 54, 10. 11). Ибо душа похожа на железо, которое, если будет оставлено в небрежении, ржавеет, а когда

разожгут его огнем, то огонь очищает его, и пока оно в огне, подобно бывает огню и никто не может взять его (в руки), потому что оно огонь. Такова и душа: пока пребывает она с Богом и приседит Ему, дотоле бывает огнем и поалает всех врагов своих, доведших ее до заржавления во время нерадения ея; и (сей огонь) делает ее чистою в обновлении, как железо; и она уже не услаждается ничем мирским, но упокоевается в естестве своем, котораго сподобилась; так как оно было первоначально ея собственностью. Когда же она оставит свое естество, то умирает. Ибо как животное умирает, если погрузить его в воду, потому что оно из земной сущности есть; опять и рыбы, если попадут на землю, умирают, потому что оне из водной сущности суть; равно и пернатые, будучи на воздухе, в покое пребывают, а когда спустятся на землю, бояся, как бы не поймали их: так и совершенная душа, пребывающая в естестве своем, когда оставит естество свое, тотчас умирает.

17. Почему, сделавшиеся достойными и сподобившиеся даров оных, смотрят на мир, как на темницу для них, и не хотят смешиваться с ним, чтоб не умереть. Такая душа не может уже возлюбить мир, хотя бы и пожелала, — помня о прежнем своем состоянии, в каком находилась прежде, чем стала пребывать в Боге, — о том, что наделал ей мир и как сделал ее пустою. Ибо как, когда в город войдет враг царя, и мужи (града) из страха дадут ему руки; он тотчас спешит, по злобности своей, изображения царя уничтожить, и законы его отменить; затем вводит другие законы тяжкие и ставит свое там изображение, а наконец все множество народа заставляет работать себе. Когда же граждане тайно дадут знать истинному царю, говоря: приди, помоги нам, и он, разгневавшись на врага своего, придет с своим войском; тогда граждане, услышав о том, с радостью отворяют, ему ворота, и он входит и убивает врага своего, изображение, поставленное им насильственно, уничтожает, и законы, отменяет; город радуется, и истинный царь, возстановив свое изображение и свои законы, живет в нем, укрепляет его, чтоб никто уже не завладевал им, и живущих в нем научает воевать, чтоб они без страха были пред всяким врагом своим. Такова и душа, которою, после святого крещения, опять насильственно завладел враг, — смирил ее всякими срамными своими кознями, образ Царя низложил и поставил свой и свои законы, заставил ее пещись о делах мира сего, научил действовать нерадиво и нечестиво, и вообще сделал ее такою, какою хотел; но которой наконец благодать святого и великаго Царя Иисуса послала покаяние, — и возрадовалась душа. Покаяние отверзло вход, и великий Царь Христос, вошедши в нее, врага ея истребил, образ его и нечестивые законы его изгладил, и, сделав ее свободною, поставил в ней святой образ Свой, и предал ей Свои законы, и все чувства ея научил воевать; и наконец почивает в душе оной, потому что она стала Его. Так бывает с душею но милости Божией!

18. Итак, невозможно душе внити в покой Сына Божия, если не имеет она образа Царева. Как монеты никто из купцов не принимает и не дает, если она не имеет изображения царева, — не взвешивает ее весовщик, и царь не допускает ее в свою сокровищницу: так, если и душа не имеет образа Великаго Царя Иисуса, то не допускают ее (войти) Ангелы, и Сам Царь отрывает ее, говоря: как ты вошла сюда, не имея образа Моего? Знамение же образа сего есть любовь. Ибо Он Сам сказал: о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Иоан. 13, 35). Но любви Его невозможно быть в нас, когда душа разделена, и Бога ищет и Мирское любит. Как птица не может полететь одним крылом, или имея что навешенное на себя: так и душа не может преуспеть по Богу, будучи связана чем либо из мирскаго. Как корабль, не имея чего либо необходимаго в нем, не

может плавать: так и душе невозможно преплыть волны страстей, если она не имеет какой либо добродетели. Как матросы не носят хороших одежд, или перчаток, или сапогов, и (в случае нужды) не могут плыть, если не будут наги: так и душа не может преплыть волны сопротивных духов злобы, если не будет обнажена от всего мирскаго. Как воин, исходя на брань против врагов царя, не может устоять против них, если не имеет чего либо из всеоружия: так невозможно монаху противостоять страстям, не имея какой либо из добродетелей. Как когда в городе, огражденном стеною, малая часть стены будет разрушена; то враги, желая войти в него, все внимание свое обращают на эту разоренную часть, чтоб войти чрез нее; и хотя стражи есть при вратах, но они не могут устоять против врагов, если не возсозиждется разоренное: так подвижник монах, когда им обладает какая либо страсть, не может устоять против врагов и достигнуть в меру совершенства.

19. Но я сие говорю, но и Божественное Писание говорит. Так в книге Бытия написано: и рече Бог к Ною: ты единого видех праведна в роде сем и совершенна (Быт. 7, 1). Опять и Аврааму сказал Он: буди непорочен предо Мною и положу с тобою завет... в завет вечен (Быт. 17, 1. 7). Исаак же, благословляя сына своего Иакова, сказал ему: Бог мой да укрепит тебя, чтобы ты возмог исполнить всю волю Его (Быт. 28, 1—). Опять в книге Числ написано: всякий кто имеет обет на себе, да воздержится от пития вина, и оцта винна, и сикера, и от всего исходящаго (от винограда) даже до кости (Числ. 6, 1—4). И во Второзаконии: аще изыдеши ополчитися на враги твоя, сохрани себя от всякаго слова зла, доколе предан будет в руки твои враг твой (Втор. 23, 9—). Из седми же народов сих, не оставляй никого из них имеющим дыхание: да не научат тебя согрешить предо Мною (Втор. 20, 16. 18). Научая не малодушествовать тех из нас, которые говорят: скоро ли истребишь их, когда их столько, сказал: невозможеш погубити их в один год, да не будет земля пуста, и умножатся зверие дивии на тя; но мало по малу, пока умножишься и возрастешь... и умножит Бог пределы твои (Втор. 7, 22). Много раз также заповедывал им Бог, говоря: внимай, да не когда положишь Завет с Хананеями, которых Я намерен истребить от лица твоего (— ст. 2).

20. Также, — когда Иисус Навин пошел и окружил Иерихон и разрушил его, Бог сказал: прокляни его, и все что его (Иис. Нав. 6, 16). Еще, — когда Иисус хотел сразиться с (жителями) Гая, то Израиль побежал от лица их не могши противостоять врагам, по причине малаго нечего, находившагося под клятвою, что украл Ахар. Тогда Иисус, падши на лице, восплакал пред Богом, говоря: отврати Израиль выю свою пред враги своими (Иис. 7, 8), и Я что сотворю? И сказал ему Архистратиг силы Господней: так как на тебе клятва, Израиль, то не можешь ты устоять против врагов своих (—13). И (Иисус) не вышел уже на брань, пока не истребил Ахара. Видим также, что Бог отъял царство у Саула, по причине клятвы, какой подвергся он из-за Амалика. И еще, — за то, что Ионафан омочил жезл свой (в соте медвене) и обратил во уста свои, Бог не услышал Израиля в день той (1 Цар. 14, 27. 37). Опять Екклезиаст, научая нас, что и малейшая страсть уничтожает силу добродетелей, говорит: мухи умершии сгноют елея сладость (10, 1). Иезекииль также говорит: в какой день совратится праведник от пути правды своя и сотворит неправду, дам болезнь на лице его, и правды его не помяну (Иезек. 18, 24). Опять Апостол говорит: мал квас все смешение квасит (Гал. 5, 9). Анания же и Сапфира, жена его, когда, взявши (себе) из цены села, солгали, тотчас пали у ног Апостолов и испустили дух, за малое дело сие. Опять Иаков говорит: иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2, 10).

21. Воодушевляя же нас обратиться к Нему, Бог говорит у Иезекииля: в какой день обратится

беззаконник от пути своего беззаконного, и сотворит суд и правду, беззаконий его не помяну, но жизнь поживет (18, 21); яко не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему, обращением обратится: и вскую умираете, доме Израилев (33, 11). Опять и Иеремия говорит: обратися ко Мне, доме Израилев, и милостив буду вам, глаголет Господь (Иер. 3, 12; 36, 3). И еще: еда падаый не востает; или отвращаыйся не обратится? Вскую отвратишася людие Мои сии во Иерусалиме отвращением безстыдным, и укрепишася в произволении своем, и не восхотеша обратися, глаголет Господь (Иер. 8, 4. 5)? Обратится ко Мне, и обращуся к вам (Малах. 3, 7). И Господь Иисус сказал: аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный. Аще ли не отпускает, ни Отец ваш отпустит вам (Мф. 6, 14. 15). Так же Апостол говорит: аще кто из вас впадет в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте такового духом кротости (Гал. 6, 1). Опять Иаков говорит: братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти, и покрывает множество грехов (Иак. 5, 19. 20).

22. Вот все сии свидетельства Писаний побуждают нас испытать самих себя, не имеем ли, трудясь (в делании должного), злобы на ближняго, или не держим ли гнева на него, не прощая ему (чего либо); чтоб это не сгубило труда нашего. В таком случае и Господь наш Иисус Христос не поможет нам в тот час, когда будут обижать нас враги наши. Ибо Он Сам строго укорил неких таких, говоря: рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси. Не подобаше ли и тебе помиловати клевету твоего? И прогневався... предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой. Тако и Отец Мой небесный сотворит вам, аще не отпустит кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их (Мф. 18, 32—35). Разсматривай же себя, брате, каждодневно, если желаешь узнать сердце свое, что есть в нем пред Богом, — не осуждение ли (там брата), или ненависть (к нему), или зависть, или презорство? Если насеется в сердце твоем такой яд, поминай (тогда) Слово Господа Иисуса, сказанное Им: тако Отец ваш небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их. Кто убо страшится попасть в геенну, да извергнет из сердца своего всякую злобу, чтоб оное страшное определение не пало на него. Внимай же сердцу своему, брате, и бодрствуй над врагами; ибо они вселукавы в злостворстве своем. Убедись в сердце своем в истине такого слова, — что невозможно человеку делать добро, когда делает зло; но можно человеку делать зло под видом добра.

23. Посему Спаситель наш научил нас бодрствовать над ними (врагами), говоря: что узкая врата и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его. Пространная (же) врата и широкий путь, вводяй в пагубу, и мнози суть входящий им. Внемлите же, говорит, от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их (Мф. 7, 14. 13. 15. 16). Какие же это плоды их, если не всякая неестественность, с которою они налегают на нас, желая склонить на нее сердце наше? Но любящих Бога от всего сердца лжепророки не могут убедить ни в чем своем, по слову Апостола: кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь? Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь возможет нас разлучити от любви Божия? Видишь, брате мой, каковы любящие Бога от всего сердца, что ничто мирское не может отлучить их от любви Его?

24. Внимай же себе, чтоб что нибудь пагубное не отдалило тебя от любви Божией, — или золото, или

серебро, или жилища, или сласть удовольствия, или ненависть, или поношение, или уязвление сердца словом, или всякий другой яд, вливаемый змием в сердце наше. Не мяться, (увидев в себе что такое); но паче поспешим устремить взор свой на меднаго змия, котораго сделал Моисей по слову Господа. Он возложил его на древо, на вершине горы, чтобы всякий, уязвленный змием, тотчас мог воззреть на него, и исцелиться. Господь наш Иисус Христос уподобился сему змию медному. (Змий) враг есть, коего послушав Адам сделался врагом Божиим. Господь наш Иисус соделался совершенным человеком, по всему, кроме греха, подобным Адаму, ради нас; а змий медный, — хотя подобен (по виду) тому, кто был врагом Божиим, — помысла злаго не имеет, ни яда, ни злобы, не пресмыкается и не шипит, и дыхания вражия не имеет. Прообраз сей исполнил Господь наш Иисус, чтоб погасить яд, котораго вкусил Адам из уст змия. — И возвратилось естество, соделавшееся неестественностию, в естественность. Подобное сему говорит (Бог) Моисею: что сие есть в руке твоей? он же рече: жезл. И рече (ему): поверзи его на землю. И верже и на землю, и бысть змий: и отбеже Моисей от него. И рече Господь к Моисею: простри руку, и ими (его) за хвост: простер убо руку, взя (его) за хвост, и бысть жезл в руке его (Исх. 4, 2—4). После сего говорил ему Бог в разное время, то: — возми жезл (обращавшийся в змия) и ударь им по реке Египетской пред лицом фараона; и вода ея превратится в кровь; то: — ударь им Чермное море, и оно высохнет; то: — возми жезл, который имеешь в руке своей, которым ты ударял море, ударь в камень, и он дает из себя воду (Исх. 7, 19; 14, 16; Числ. 20, 8).

25. Видишь, как идущий по стопам Господа нашего Иисуса Христа, после того, как был врагом и змием, превращается в жезл, и никто из врагов не противостоит ему? Таинство сие велико есть. Почему, если змий посеет яд свой в нас, поспешим воззреть на возшедшаго на крест. Все сие (страдания, крест, смерть) сделали Ему ради нас. И Он все претерпел, не изменившись, не оскорбившись на озлобивших Его, не сказав жесткаго слова; но пребыл неподвижен, подобно медному змию. Итак, если будем внимать Ему и последовать стопам Его, то здоровы будем от угрызений скрытных змий. Сила и помощь Его есть, сказавшаго: якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает вознестися Сыну Человеческому: да всяк веруяй в онь не погибнет, но имать живот вечный (Иоан. 3, 14, 15). Сие и есть следовать по стопам Его, — чтобы быть здоровыми чрез Него. Как же бываем мы здоровы? Если веруем, что Он силен есть (к тому). Ибо к угрызеным в пустыне, не сам змий медный приходил врачевать их; но угрызенный змием, с верою воззрев на него и становился здоровым. Там много было умерших от змий, потому что не поверили Слову Божию, как сказал Апостол: ни да искушаим Христа, якоже они искусиша, и от змий погибша (1 Кор. 10, 9).

26. Знаешь ли, брате, что даже до ныне есть змий в душе, желающий искушать Иисуса? Искушать же Его что другое есть, если не вопрошать о заповедях Его, и не исполнять их, как написано: и вопроси един от них законоучитель, искушая Его, и глаголя: Учителю, кая заповедь больши есть в законе; Иисус же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею, и искренняго твоего, яко сам себе. В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят (Мф. 22, 35—40). Видишь ли, что вопрошающие и неделающие называются искусителями? Потому что не хотят уверовать в меднаго змия, могущаго спасти их от яда змия невидимаго. Удерживай же сердце свое и неунывай говоря: как могу я соблюсти добродетели, будучи человеком грешным? Ибо когда оставит человек грехи свои и обратится к Богу, то покаяние

возражает его, как говорит Апостол: якоже облекохомся во образ перстного, (так) да облечемся и во образ небесного (1 Кор. 15, 49). Видишь ли, что (Бог) дал человеку изменяться чрез покаяние и совершенно новым соделываться чрез него?

27. Пока младенец находится на лоне матери, дотоле она охраняет его каждочасно от всякаго зла. Если он заплачет, она дает ему сосец свой, и слегка ударяет его по ланите, устрашая его, чтоб брал молоко ея со страхом, и не имел сердца дерзкаго. Если он от этого заплачет, она сжаливается над ним, как над плодом чрева своего, утешает его, целует и лелеет, пока он не возьмет сосец ея. Если показать младенцу золото, или серебро, или маргариты, и всякую другую вещь мира, он хоть взглядывает на то, но, находясь на лоне матери, все презирает, чтоб наслаждаться сосцем ея. Отец не бранится с ним, почему не работает, или почему не идет на войну против врагов его, потому что он мал еще и не может: ноги имеет, но не может стоять на них, руки имеет, но не может держать оружия. Так терпит его благодушно мать, пока он мало—по—малу выростет. Когда выростет он немного, и схватится бороться с другим кем, и тот повергнет его на землю; то отец не гневается на него за это, зная, что он еще дитя. Когда же сделается он мужем, тогда обнаруживается расположение его, — враг ли он врагам отца своего. Тогда отец вверяет ему дела свои, так как он сын его. Если же после всех трудов, какими родители потрудились над ним, он, выросши, сделается для них чумою, — возненавидит родителей, не станет слушаться их благородия и сдружится с врагами их, тогда они, лишив его своего к нему благорасположения, изгоняют его из дома своего, (положив) не дать ему и наследства.

28. И мы, брате, попечемся о себе, (понуждая себя) пребыть под кровом покаяния; будем принимать млеко из сосцев его, чтоб оно питало нас. Презрим все видимое, чтоб усладилось в устах наших млеко его. Будем нести иго его обучения, чтоб оно (усерднее) попеклось о нас. Если схватимся бороться с врагами нашими, и они повергнут нас долу, как малышей, восплачемся пред ним, чтоб оно умолило Отца нашего, отмстить за нас обидевшим нас. Отсечем всякое желание сердца нашего, и возлюбим — быть странниками, чтоб оно спасло нас, как Авраама. Покоримся под руки его, как Иаков, да примем благословение от Отца нашего. Возненавидим хотения сердца нашего, как Моисей возненавидел и, сохранен быв под кровом его, возстал на хотевших убить его (покаяние), как свободный от всякой сласти похотной. Не презрим его, чтоб оно не возненавидело нас, как Исава. Сохраним чистоту его, чтоб оно возвысило нас в земле врагов наших. Будем всегда иметь его добрым кровом, как Иисус, сын Навин, Слуга говорит, Иисус, сын Навин, юноша не исхождаше из скинии (Исх. 33, 11). Не дадим места унынию в сердце нашем, чтоб оно не сделало нас безнаследными в земле обетования. Возлюбим во всем смирение, и возревнуем войти в землю, текущую медом и млеко, как Халев. Не будем вожделевать ничего пагубнаго, чтоб не быть истребленными, подобно Ахару. Возлюбим совесть его (покаянную), чтоб она сокрушала нас каждый час и спасала в час искушения, как Раав. Не будем любить услаждения гортани чем нибудь из яств, чтоб оно не истребило нас, как сынов Илия. Предохраним себя от всякой неправды, как Самуил, незазренный совестию, чтобы сделал что—либо злое ближнему. Не будем любить злаго завистования другим, чтоб оно (покаяние) не отвергло нас, как Саула. Возлюбим — не воздавать зло ближнему, чтоб оно (покаяние) сохранило нас от зла, как Давида. Не будем любить велехваления и тщеславия, чтоб оно не отреяло нас от лица Отца нашего, как Авессалом. Но возлюбим смиренномудрие и честность, чтоб оно возымело нас отмстителями всем врагам Отца нашего, как

Соломона. Возлюбим полное от всего отречение, обуздывая члены свои от всякаго дела мертваго, чтобы воспрять мужественное сердце против врагов наших, подобно Илии Фесвитянину. Не будем сластолюбцами и похотниками, чтоб оно (покаяние) не истребило нас как Ахаава. Будем подвизаться до смерти, чтоб не потерять святаго наследия его, подобно Навуфею Израильтянину. Будем во всем послушны Отцам нашим по Богу, отсекая всякую волю свою, чтоб, за совершенную покорность им, пребыло на нас благословение их, как на Елиссее. Не будем сребролюбцами и лживыми человекоугодниками, чтоб не постигла нас кара, как Гиезия. Возлюбим верных во всем (мужей), паче себя самих, чтоб оно (покаяние) благословило нас, как Сонамитянину. Не будем страстными любителями срамных дел, чтоб оно не истребило нас от лица своего, как Ахию и Седекию, жженных во огне царем Вавилонским. Возненавидим грех, ради души нашей, даже до смерти, чтоб оно помогло нам в час нужды, как Сусанне. Не будем вождевать различных снедей, чтоб оно не оставило нас, как (не оставило) получавших пищу с трапезы Навуходоносора. Возлюбим злострадание во всем, чтоб оно порадовалось о нас, как о тех, кои были с Азарием. Не будем вселукавы, как Вавилоняне, роптавшие на верных. Будем исполнять службы наши (молитвенныя), не поблажая лености тела, подобно Даниилу, который лучше желал умереть, нежели оставить молитвы, которыя совершал каждодневно. Ибо Бог силен сохранить любящих Его от искушений, а злых истребить. Так вера, яже к Богу, праведнаго (Даниила) сделала зверей агнцами овними. Благословен Бог покаяния, и благословен у Него возлюбивший его (покаяние), и подклонивший выю свою под иго воли его (покаяния), доколе возродится свыше волею Божию.

29. Итак, брате, нужду имеет человек в великой разсудительности, в отсечении всякаго хотения плотскаго, в трезвении на всех путях своих со вниманием, чтоб не заблудиться и не впасть в руки врагов его (покаяния). Так уклонение к самоправедности закаляет его; осуждение грешников отгоняет его; уничтожение нерадивых пресекает его. О нем написано в Притчах: тесны стези дому ея: брашна же леностнаго не яде. Сугуба одеяния сотвори мужу своему. Бысть яко корабль куплю деющий издалеча: собирает себе богатство (Прит. 31, 27. 22. 14). Постараемся же понять его из слова сего. Купец, нагружая корабль, полагает в него не один род (товаров), но все, от чего, как знает, получит прибыль. Когда видит кого несущим убыток, то не соревнует ему, но соревнует обогатившимся и (в покое) пребывающим в домах своих. От всякой вещи убыточной отвращается он, а всякую прибыльную заимствует, пока купит себе собственную. Неизменным правилом ему служит вот что, — чтоб, от чего получил прибыль, опять озабочиваться закупать тогоже; и (о прочем) спрашивать незавидующих ему, обогатившихся и покоющихся в домах своих: по сколько продавать мне это, за сколько купить то. Такова и душа, желающая сретить Бога непреткновенно. Недовольно ей одного дела, но о всяком деле выгодном (для спасения) она промышляет; если же узнает о каком деле, что оно убыточно, то бежит от него, чтобы не изубыточиться.

30. Теперь, брате мой, назвал ты себя купцом Иисуса? Позаботься же быть им. Торговля Царя онаго далека от всякой убыточной вещи. Вот предметы, убыточные для него: — слава человеческая, гордость самооправедность, презорство, огорчительныя речи, любоимание, похвальба, любовь к развлечениям. Все это убыточно для купцов Иисуса; и невозможно им угодить Ему, если они имеют то в лавке своей. Разсмотри же себя, брате, что в тебе находится? Пусть ум твой обследует чувства твои, какия из них плод приносят Богу, и какия из них влекутся к греху. Не увлекаются ли очи твои сластию удовольствия? Язык твой не бывает ли побеждаем продерзостию? Не видишь ли сердца

своего услаждающимся человеческим почетом? Не радуется ли ушей твоих клевета? Все это убыточно для ума. В книге Левит написано: так скажи Аарону: да не принесешь на жертвенник Мой из чистых животных имеющее порок; да не умрешь (Лев. 22, 18. 20). Аарон есть образ ума. Поелику враг (обычно) свое зло примешивает к начинаниям праведным; то и заповедал (Бог) прежде принесения их Ему обследовать, чтоб не умереть. Умереть же значит низойти из созерцания и войти в соглашение с желающими осквернить чувства его.

31. Таковы слова возлюбивших Иисуса и возуповавших па Него! И стала душа их невестою украшенною всякою добродетелию, имеющею святое свое зеркало, по слову Апостола: мы же вси откровенным лицом славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа (2 Кор. 3. 18). Ибо ныне видим в зеркале и гадании, тогда же узрим Его лицом к лицу (1 Кор. 13, 12). Итак те, которые соделались невестами Ему по чистоте, смотрятся в самих себя, как в зеркало, нет ли какого порока в лице их, — и оно не понравится Жениху их. Ибо Он ищет девственниц, душ чистых, не имеющих порока, как написано о Ревекке, что она была очень добродетельна и не познала мужа (Быт. 24, 16). И Пророк говорит: приведутся царю девы в след ея, искренняя ея приведутся Тебе (Пс. 44, 15). Приведутся показывает на святое Его человечество, а искренняя ея — на прилепление к Нему. Поелику возрождение во святом крещении обновило их от всякой ветхости, а покаяние очищает их и делает святыми девами, забывшими о всякой ветхости и уже непомнящими о ней, как сказал им (Пророк): слыши дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего. И возжелает царь доброты твоя (Пс. 44, 11. 12). И удивятся ей все силы небесныя, по причине чистоты, какою очистило ее покаяние, и соделало ее едино тело с Господом, — и скажут: кто сия восходящая убелена, и утверждаема о брате своем (Песнь песн. 8, 5)?

32. Употребим же всю силу нашу со слезами на то, чтоб подвизаться мало по малу, пока совлечемся деяний ветхаго человека, и сохранять себя от всякаго дела пагубнаго, пока приидет любовь Его к нам и, отняв от нас образ перстнаго, поставит в сердце нашем святой образ Его, — небеснаго, — да будем достойны Его, чисты от всякаго порока, как сказал Апостол: якоже облекухомся во образ перстнаго, да облечемся во образ небеснаго (1 Кор. 15, 49). Поелику знал Апостол, что нет человека без греха, с тех пор, как учинено преступление, и что покаяние может опять возвратит человека к безгрешному обновлению; то и сказал, чтоб мы оставили деяния преступившаго Заповедь, и делали деяния, т. — е. святыя Заповеди Господа нашего Иисуса Христа, сотворившаго милость и понесшаго рабство человека, чтоб ввести его в сокровенный рай, и даровать ему все святыя Свои добродетели, — дав ему вкусить от древа жизни, которое есть чистота, явленная Им в Себе, и умирив Херувимов с пламенным их оружием, обращающимся хранить путь древа жизни, который есть ведение святых словес Его, охраняющее их (верных) всегда, и заграждающее слух их от всякаго слова змия, напоминая о горьком рабстве, в которое впали прежде, чтоб опять не возвратились к нему, и научая их непрестанно благодарить Искупившаго их честною кровию Своею. Он изгладив рукописание рабства их Крестом (Кол. 2, 14) и сделав их братьями и друзьями (Иоан. 15, 14; 20, 17), излив Духа Своего на них по благодати и успокоив сердца их, сказал: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему (Иоан. 20, 17). Еще: Отче, хочу, да идеже есмь Аз и тии будут со Мною, потому что Я возлюбил их, как Ты Меня возлюбил (Иоан. 17, 24. 23). Показал Он нам также, что не о всех сказал это, но о тех, кои, оставив воли свои, последовали Его святой воле, и отсекли от себя всякое желание мира сего. Ибо говорил: Аз избрах их от мира: сего ради ненавидит

их мир, яко от мира не суть (Иоан. 15, 19; 17, 9. 14). Видишь, что оставившие мирское, — они-то и удостоились быть невестами Господа Иисуса? Они пребывают в единении с Ним, как сказал Апостол: сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину. Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во Церковь (Еф. 5, 31. 32). И опять он же сказал: яко быти языком снаследником и стелесником и спричастником обетования Его о Христе Иисусе, благовествованием (Еф. 3, 6). Видишь, что в тех, кои удостоились соделаться едино тело с Господом, обитает и Дух Его Святый? И Он вспомоществует им, Он и печется о них, как сказал Господь: не вы бо будете глаголющие, но Дух Отца вашего, глаголай в вас (Мф. 10, 20). Также и Апостол: нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует, и глубины Божия (1 Кор. 2, 10). Мы же, говорит он еще, ум Христов имамамы (— ст. 16). Како же возможно уму Христову помышлять о каком либо грехе?

33. Приникни, брате, сердцем своим в сие таинство, — что всякий род на земле раждает с однородным ему, а не с инородным, скот ли то, или зверь, или пресмыкающееся, или пернатое. Почему Бог привел всех (их) к Адаму, — видеть, есть ли подобное ему? И не нашлось; потому что они не были из его естества. Тогда Бог, взяв одно из ребр Адама, сотворил его женою, так как взял его из мужа ея. Сие таинство великое бывает и в тех, кои соделываются невестами Христу; так как они из сущности Его суть чрез возрождение, и из святого тела Его, как говорит Апостол: все мы едино тело есмы о Христе, а по единому друг другу уди (Рим. 12, 5). И опять: зане уди есмы тела Его, от плоти Его, и от костей Его (Еф. 5, 30). Видишь ли, чего Он хочет? Чтобы человек был во всем подобен Ему, как Ева из Адама есть и во всем подобна ему. Почему, если мы имеем нечто от неразумия скотов, или жадность зверей, или непостоянство пернатых, или яд пресмыкающихся, то такая души не могут быть девами-невестами Ему; потому что они не суть по деяниям Его. Видишь ли, брате, как Он желает, чтоб человек был по Нему, здрав от всякой неестественности, дабы удостоиться быть невестою Ему? Душа познает помыслы свои из своих деяний. Если она творит деяния (Духа), то (явно, что) Дух Святый обитает в ней, так как деяния (Духа) возраждают душу безстрашною. И невозможно Духу Святому не обитать в такой душе, как сказал Господь: аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте. И Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам — Духа истины (Иоан. 14, 15—17). И Апостол также говорит: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неiskusни есте (2 Кор. 13, 5).

34. Видишь ли, что если кто не стяжет деяний Иисуса, то он неiskusен и не невеста Ему? Все девы приготовили светильники свои, но неимевшая деяний остались за дверью. Невод, брошенный в море, собрал (всякаго рода рыбы), но в царствие приняты (только добрые). Плевелы выросли вместе с пшеницею, но когда настала жатва, связаны в снопы и брошены в огонь. Розги все оставались в лозе виноградной, но непринесшия плода ввергнуты в огонь. Овцы паслись вместе с козлищами, но только одних овец Он ввел с Собою, а козлища брошены вне. Сеятель равно сеял все семена свои, но порадован только теми, кои возрасли на доброй земле. Дававший серебро (таланты, мнасы) давал их без лицепрятия; но только удвоивший его принес ему радость. Все званы были на брак; но неимевшаго одеяния брачнаго (царь) велел бросить во тьму вечную. Эти слова нас касаются; потому что все мы говорим, что веруем, но неимеющих деяний Божества Его, бросит Он вне, как сказал: мнози бо суть звани, мало же избранных (Мф. 22, 14).

35. Изследуем себя, братие, и рассмотрим деяния свои, прежде чем сретим Господа. Не будем

смотреть на тех, кои творят плотския хотения сердца своего, чтоб не погубить толикаго богатства, какое имеем обрести в час нужды. Восподвигаемся приобрести его; а то, какое имеем оставить, презрим, как врага. Помыслим о тех, кои весь свой труд иждили на хлопоты о гибнущих (благах), — что они оставили их и отошли, и за них наследовали геенну, потому что не хотели следовать по стопам Господа, чтоб удостоиться быть Ему невестами. Будем же подвигаться со слезами пред Богом, с болезнованием сердечным и стенанием сокровенным, да (не попустит Он нам) впасть в такое их посрамление. Ибо, когда бывает на море волнение, и многие корабли погибнут, а другие остаются еще целыми; то не говорят: погрязнем и мы в пучине, как они, но воодушевляют друг друга не унывать и умоляют Бога помочь им. По истине великое стоит волнение на земле. Будем же себя всячески понуждать, к трудам, и вопиять к Господу, да не погибнем: так, когда и на море бывает буря, начальник корабля всегда находит и в числе матросов и в числе пассажиров таких, которые воодушевляют его. (Да ведаем что) если человек не обнажится от всякой вещи погибельной, то не может спастись из этого моря многоволненного. И Моисей не мог воспеть песнь Господу, пока не перешел моря и не увидел смерти хотевших удержать род его в Египте, чтоб были они там рабами. И когда уже перевел их, когда совсем стали они свободны, тогда лишь воззвал он: поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море (Исх. 15, 1).

36. Так, когда ум спасет чувства души от пожеланий плоти и минует их; тогда столп созерцания его отделит душу от пожеланий плоти. Затем, если Бог увидит безстыдство страстей, что оне устремляются на душу, желая удержать чувства ея во грехе, — между тем, как ум в сокровенности приседит непрестанно Богу, то посылает ему помощь Свою и все их за раз истребляет, как написано: рече Господь к Моисею: что вопиеш ко Мне? Заповедуй сыном Израиля и да уготовят себя. И ты возми жезл, который в руке твоей, и низведи его на воду моря, — и иссохнет (Исх. 14, 15, 16). Верен Бог дать руку (помощи) и ныне Моисею, чтоб спасти Израиля (ум) из рук Египтян, кои суть пожелания, какия мы исполняли, — да и мы сподобимся воспеть Ему новую песнь, говоря: поим Господеви, славно бо прославися. Но как можем мы сказать: славно бо прославися, если льнем к врагам нашим и обращаемся к Египту волею нашею, вождевая яств тамошних, и понуждая Аарона: сотвори нам боги, которые повели бы нас в Египет (Исх. 32, 1), — и если мы так смиренны малодушием, что хулим духовную пищу. Силен же Бог возвратить к нам Моисея с горы, для истребления тельца бодающаго, коим мы прогневали Бога. Силен Бог, даровавший нам покаяние, опять возвратить нас к Себе, — и укрепить Моисея помолиться о нас, говоря: аще отавиши им грехи, остави: аще же ни, изглади мя из книги живых (Исх. 32, 32), — и облечь силою, во время, Иисуса на истребление седми народов, обративших в свое достояние землю обетованную завистливым лукавством своим, — да примет Израиль наследие свое, живя в нем независтно, во веки веков. Аминь. Его есть сила, Его помощь, Его покров, Его мудрость, Его охрана. Он в нас есть Господь Иисус Христос, в славу и честь Бога Отца и Святаго Духа, прежде века, и ныне и во веки веков. Аминь. Когда прочитаешь это, брате, потрудись попещись и об исполнении того, да покроет тебя Господь в час искушения. Аминь.

Слово двадцать шестое.

Слова, которыя передал авва Петр, ученик Исаии, сказывая, что слышал их от него.

1. Сказал отец мой: мужайся возстановить то, что должно исправить. Чистота молится Богу. — Страх Божий и утеснение (себя во всем) оставляют грехи. — Если человек имеет злобу отмщения в сердце

своим, то тщетна молитва его. — Не желай спрашивать совета или слова (о делах) времени сего, — и сам не давай его вопрошающим тебя. Непрестанно имей уши свои (внимающими) тем, кои говорят в тебе, и моли Бога дать тебе дар узнавать, чьему из них слову послушаться. — Сотвори силу свою — не говорить одно устами, другое имея в сердце своем.

2. Опять сказал, — что повержение себя пред Богом с разумом, и повиновение заповедям со смирением приносят любовь, а любовь — безстрастие.

3. Еще сказал, — что безмолвствующему должно испытывать себя каждый час, миновал ли он тех, кои имеют удерживать его в воздухе, и освободился ли от них, еще здесь пребывая. Ибо доколе подлежит он рабству их, дотоле не освободился еще (от них). Почему труд предлежит ему, пока не будет милость с ним.

4. Сказал опять: человек, имеющий осуждение в сердце своем, далек от милости Божией. Когда же я спросил его об этом, он сказал: если хочешь последовать Господу нашему, Иисусу Христу, соблюдай слово Его; если хочешь сораспять с Ним ветхаго человека, то должен ты отсесть тех, кои сводят тебя со креста, приготовить себя к перенесению унижения, упокоивать сердце озлобляющих тебя, смирять себя, властвовать над хотениями своими, иметь молчание уст, и не осуждать никого в сердце.

5. Сказал еще, — что, находящийся в безмолвии, должен иметь, страх сретения Бога такой, чтоб он упреждал дыхание его; ибо доколе грех влечет к себе его сердце, дотоле еще не совершился в нем страх, и далека еще от него милость.

6. Опять сказал: вот что жалко, что безстрастие имеем мы в устах, а беззаконие и зло имеем в сердце.

7. Сказал еще, — что если человек не восподвизается даже до смерти сделать тело свое таким, какое носил возлюбленный Иисус, то не встретит Его с радостью; и не освобожден еще бывает от горькаго рабства.

8. И вот что еще говорил: помилуй! помилуй! помилуй! До чего дошла душа! В какой чистоте сотворена была она, — и под какою властью состоит теперь, и какою суетностию связана!

9. Сказал также: пока ты в теле сем, не послабляй, прошу тебя, сердцу своему; ибо, как человек не может веру яти никакому плоду, пока он всходит только на поле его, потому что не знает, что случится с ним, прежде чем заперт он будет в житницах его: так не может человек ослабить и сердцу своему пока есть дыхание в ноздрях его (Иов. 27, 3); и как не знает человек, какая страсть встретит его, до последнего издыхания: так нельзя человеку ослабить сердцу своему, пока имеет он дыхание; но вопиять должно ему всегда к Богу о помощи Его и милости.

10. Спросил я его, говоря: отче, что есть смиренномудрие, и что поражает его? И он сказал мне: послушание, отсечение своей воли в смирении без труда, чистота, перенесение оскорблений, стерпование слова ближняго без тяготы, — вот что есть смиренномудрие.

11. Опять сказал: блажен стяжавший новаго человека, прежде сретения Христа. Это и Апостол сказал, что плоть и кровь царствия Божия наследити не могут (1 Кор. 15, 50). И еще сказал: идеже в вас зависти и рвенія и распри, не плотстии ли есте, и по человеку ходите (1 Кор. 3, 3)?

12. Опять сказал: от того в таких трудах находимся мы от врагов наших, что не познали надлежащим образом грехов своих и плача не испытали с разумом; ибо если бы открылся в нас плач, то он обнаружил бы пред нами грехи наши. Когда же дано будет нам увидеть грехи свои во истине, тогда стыдиться имеем мы даже воззреть на лице предстоящих, или даже жен безстыжих, потому что оне

честнее нас; ибо оне с такою дерзостию делают грехи свои потому, что не знают Бога, наши же сердца слагаются с грехами, тогда как мы — верные.

13. Сказал опять: перенесение поношения и уступление воли своей ближнему по Богу, чтоб не дать войти посреде врагу, обнаруживает человека—деятеля; ибо, если кто бодренный имеет ум и с разумом есть под ногами Господа Иисуса, — то он станет заботиться отсечь свою волю для того уже, чтоб не быть отлучену от возлюбленного своего Господа. Свою же удерживающий во всем волю даже с верными не мирен бывает; потому что малодушие, гнев и огорчение на брата всюду сопровождают сердце его. Говорящий: ничего мне не будет, если поговорю, или послушаю, подобен слепому, который, и когда вводят его и когда выводят, не видит света. Уразумейте это из того, что бывает с солнцем, — что его светлость и теплоту покрывает и малое набежавшее облако. — Но это не для всех явно, а только для тех, кои имеют ведение.

14. Опять сказал: человек, всегда смотрящий на грехи свои, не имеет языка, чтоб поговорить с каким—либо человеком.

15. Опять сказал: возненавидь все, что в мире, и телесный покой, потому что они делают тебя врагом Богу. Как человек, имеющий врага, ведет с ним брань; так мы должны вести брань с телом своим, чтоб не давать ему покоя.

16. Сказал опять: делатель, любящий Бога, должен внимать всякому помыслу своему, и совещаться с ними и рассуждать их, суть ли они от тела его, или нет. Ибо, поколику неестественности имеют силу в каком—либо из членов его, потолику не почитается еще он девственником.

17. Спросил я его: что значит слово молитвы Евангельской: да святится имя Твое? И он сказал: это относится к совершенным; потому что невозможно святиться имени Божию в нас, обладаемых страстьми.

18. Сказал опять: древние отцы наши сказали, что удаление (от мира) есть бегство от тела (непоблажание телу), и помышление о смерти.

19. Опять сказал о мире с ближними, — что где нет мира, там и Бог не обитает. Видящий же грехи свои, видит и мир. Ибо не место жительства оставляет грехи, но смиренномудрие. Давид, говорит, впадши в грех с Урииною, не нашел ничего, чтобы принести в жертву Богу о грехах своих, кроме следующих слов: жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19).

20. Сказал опять, — что малодушие и порицание кого—либо мятежем исполняют ум, и не дают ему видеть свет Божий.

21. Сказал опять: сотвори силу твою избежать от следующих трех страстей, низвращающих душу: корыстолюбия, честолюбия и покое—любия; потому что они, возобладав душею, не дают ей преуспеть.

22. Опять сказал: если, когда сидишь в келлии, придет тебе (помысл) посудить ближняго; то суди его, от своих грехов (исходя), заключая, что твоих грехов больше, чем у ближняго. — Также, если подумается тебе, что ты делаешь дела праведныя, то не полагай, что они угодны Богу. — Всякий крепкий член тела ходит за больным и печется о нем, говоря: у меня есть нечто (общее) с ним, — и состраждет ему, пока оздоровеет. — Жестокосердый говорит в сердце своем: я никогда не погрешал; а стяжавший смиренномудрие на себя переносит порицание ближняго, говоря: это я погрешил. — Презирающий его (смирение) держит на сердце своем, что он мудр, и никогда не уязвлял никого; а

имеющий страх Божий печется о добродетелях, не погибла бы какнибудь хоть одна из них.

23. Опять сказал: если, сидя в келлии, совершаешь ты в молчании службу Богу, и сердце твое преклоняется к чему-либо, что не есть Божие, ты же думаешь, что это не грех, — что это помыслы, а не грех; то (знай, что) служба, совершаемая тобою в молчании, не есть истинная. Если ты говоришь: «Бог приемлет службу сердечную, которую совершил я в молчании», то (должен согласиться, что) и, когда сердце твое слагается со злом в молчании, молчание вменяется тебе в грех пред Богом.

24. Спросил я его и он мне сказал, что ненаходящий помощи во время брани и миру верить не может.

25. Опять сказал об учительстве, что (сему делу) страх присущ, как бы не погрешить против того, чему учишь: ибо коль скоро погресишь, не можешь научить.

26. Сказал опять о причащении: Горе мне! Горе мне! Ибо если я общусь с врагами Бога; то какое же мне общение с Ним? Итак в суд себе и осуждение причащаюсь я. — Ибо вот какое слово говорим мы: святая святым, т. — е. святым (подобает принимать) сии святыя (тайны). Но если я свят, то кто же суть эти действующие во мне?

27. Спросил я его, говоря: что есть страх Божий? И он сказал мне, что человек, склоняющийся на что-либо, что не есть Божие, не имеет страха Божия.

28. Спросил я его еще: что есть раб Божий? И он сказал мне, что доколе кто работает страстям, доколе не может почитаться рабом Божиим, — но того он есть раб, кем обладает.

29. Сказал опять: Горе мне! Горе мне! что не подвизался очистить себя, чтоб получить милость. Горе мне. Горе мне! что не подвизался восторжествовать над врагами моими в брани, чтоб царствовать со Христом; ибо как возможет рабствующий другим приблизиться к Царю своему? Горе мне! Горе мне! что лежит на мне имя Твое, Господи, а работаю я врагам Твоим. Горе мне! Горе мне! что вкушаю снеди, коими гнушается Бог мой, и за это Он не исцеляет меня.

30. Посетил я его, когда он был болен, и нашел его сильно страдающим. Увидев печаль сердца моего по причине страданий его, он сказал мне: только подвергаясь таким немощам, едва могу вспомнить о горьком часе оном; здоровье же плоти бесполезно (для таких занятий). Она ищет крепкого здравия, чтоб враждовать против Бога; а дерево, напаяемое каждодневно, не иссыхает, и не перестает приносить плоды (по роду своему).

31. Опять сказал: человеку потребно сердце мужественное и великое, чтоб пещись о хранении заповедей Божиих.

32. Опять сказал: Горе мне! Горе мне! что имею пред собою обвинителей, которых знаю, и которых не знаю, — и не могу отрещися. Горе мне! Горе мне! что имею обвинителей. И как могу сретить Господа моего и святых Его, когда враги не оставили ни одного члена моего здоровым пред лицом Его?!

33. Спросил я его: что потребно делать безмолвствующему? И он сказал мне: безмолвнику потребны три следующие (добродетели): страх непрестанный, всегдашняя молитва и непрерывное непослабление сердцу своему.

34. Опять сказал, — что человек безмолвствующий должен хранить себя, чтоб ни одного слова не услышать бесполезного ему, потому что это губит труд его.

35. Опять сказал об авве Серапионе, что когда один старец спросил его: сотвори любовь, скажи мне, каким ты себя видишь, — и он ответил: я похож на того, кто находясь на башне, и смотря во вне, помавает проходящим, чтоб они не приближались к нему. А вопрошавший его старец сказал ему: я

же вижу себя, что я как бы сделал ограду вокруг и запер ее железными запорами, так что, когда кто постучится, я не узнаю, кто там, или откуда пришел, или чего хочет, или каков он, — и не отворюю ему, пока не уйдет.

36. Сказал опять: кто ищет Господа с болезнованием сердечным, того услышивает Он; если просить о том с разумом, и заботливо ищет того с болезнованием сердца, и не связан ничем мирским, — но печется о душе со страхом, чтоб поставить ее на судилище Божиим непреткновенною по силе своей. Слово двадцать седьмое.

О «внемли себе» (Втор. 15, 9).

1. Внемли себе тщательно, дерзая и веруя, что Господь наш Иисус Христос, Бог сый, и неизреченную имея славу и величие, соделался для нас образцем, да последуем стопам Его (1 Петр. 2, 21), ради нас смирил Себя превеликим и всякую меру превосходящим смирением, зрак раба прияв, обнищал, ни во что вменил посрамление, претерпел многия и срамныя оскорбления, и как написано, яко овча на заколение ведеса, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст Своих. Во смирении суд Его взятся (Исаии 53, 7. 8), — (наконец) и смерти с великими поношениями подвергся за нас: чтоб и мы, по заповеди Его и по собственным грехам нашим, охотно переносили, если кто праведно или неправедно будет поносить нас, или клеветать на нас, и — что говорить — если даже до смерти (будет доводить нас), яко овча на заколение да ведемся, и будем, как неразумный скот, отнюдь не противореча, но паче, если сможем, моляся, или по крайней мере молча, с великим смирением.

2. Внемли себе тщательно, — веруя, что многополезно и спасительно для души, (подвергаться) оскорблениям и безчестиям ради Бога, и переносить их охотно и безмятежно, помышляя, что по грехам моим я достоин и больше пострадать, и что всячески удостоиваюсь пострадать и понести нечто за Господа, того ради, что, может быть, чрез многия страдания и безчестия, хоть малою некою черточкою, подражателем соделаюсь страдания Бога моего. И всякий раз, как вспомнишь об оскорбивших тебя, от души и искренно молись о них, как о доставивших тебе великия блага, отнюдь не ропща на них.

3. Внемли себе тщательно, — чтоб, как смерть великую, как пагубу души своей и вечную муку, так презирать и всецело ненавидеть любоначалие и славолюбие — желание славы, или чести, или похвал человеческих, — и то, чтоб думать о себе, что ты нечто, или что справил какую добродетель, или что ты лучше кого либо; и всякое срамное похотение и сласть плотскую до малейшей отсекай; — так же знакомиться с кем либо без нужды, или касаться тела другаго, и поесть чего хоть немного не вовремя себе не позволяй, дабы, соблюдая себя таким образом и ограждая в малом, не впасть тебе в тяжкие (грехи), и, презирая малое, мало по малу не погрешить в большем.

4. Внемли себе тщательно, — чтоб от души и во истине почитать себя малейшим и грешнейшим всякаго христианина и всегда иметь душу плачущею, смиряющеюся и стеньящею; и, как недостойный и идиот, всегда молчи, да и вообще не говори без нужды.

5. Внемли себе, — всегда помнить и пред очами иметь огонь вечный и вечныя муки и осужденных туда, — и почитай себя паче за одного из тамошних, чем из живых.

6. Внемли себе тщательно, — зная, что Господь наш за нас умер и воскрес, чтоб и ты не себе уже жил, но Господу, за нас умершему и воскресшему (2 Кор. 5, 15), дерзая и веруя, что ты всегда находишься пред лицом Его, и Он видит сердце твое.

7. Внемли себе тщательно, — всегда быть готовым повиноваться воле Божией, на смерть ли, или на живот, или на какую либо скорбь, со всем желанием, и верою, и всегда ожидать великих и страшных искушений, грядущих на тебя, скорбей, мучений и самой горькой смерти.
8. Внемли себе тщательно, — чтоб, как пред лицом Бога существу, ничего без воли Его не делать, даже до малейшаго чего. Что бы ни захотел, — сказать ли, или сделать, или сходить к кому, или поест, или напиться, или лечь спать, или другое что захотел бы ты сделать, дознай прежде, по Богу ли то, и исповедуй причину, почему хочешь того, — и тогда делай то, как подобает пред Богом. Так во всех делах и словах исповедуйся Богу, чтоб стяжать большее свыкновение с Ним и большее к Нему дерзновение.
9. Внемли себе тщательно, — чтоб, если кто чем либо оскорбит тебя, и будет в тебе печаль или гнев, молчать и ничего не говорить, кроме подобающего, пока прежде молитвою не укротишь сердца своего; и тогда наконец переговори с братом. Если будет тебе нужно (обличить) брата, и видишь себя в гневе и нестроении, то отнюдь ничего не говори ему, чтоб не придти в большее разстройство. Но когда увидишь и себя и его в добром расположении и кротости, тогда и поговори ему, не как обличающий, а как напоминающий, со всяким смиренномудрием.
10. Внемли себе тщательно, — чтоб каждодневно ожидать грядущаго на тебя искушения, на смерть ли, или на скорби и беды великия, и (когда придет) переноси его охотно и без смущения, помышляя, что многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие (Деян. 14, 22).
11. Внемли себе тщательно, — во всем, что бы ни предлежало тебе, в слове ли, или в деле и помышлении, отнюдь не искать своей воли и своего покоя, но волю Божию дознавать тщательно, и ее исполнять в совершенстве, — и хотя трудным что покажется, переносить то и делать, царствия ради небеснаго, веруя от всего сердца, что то полезно тебе, паче всякой мудрости человеческой: ибо заповедь Его живот вечный есть, и взыскающи Господа не лишатся веякаго блага (Пс. 33, 11).
12. Внемли себе тщательно, как всегда сущий пред лицом Бога, чтоб ни от кого ничего не чаять, но все от Него Единаго, с верою. И в чем бы ни имел ты нужды, моли Бога, да будет тебе нужное то по воле Его. За все, что находится у тебя, благодари всегда Бога, как все то даровавшего тебе. Если лишишься чего, отнюдь не надейся на человека, равно не скорби и не ропщи ни на кого, но переноси то благодушно и без смятения, помышляя в себе: еще больших скорбей достоин я по грехам моим; впрочем, если хочет Бог помиловать меня, может. Если будешь так располагаться, то Он исполнит всякую твою нужду.
13. Внемли себе тщательно, — отнюдь не соглашаться принять что, если не удостоверишься, что Бог посылает тебе то от праведных трудов; и тогда прими то со всяким миром. Когда же видишь, что то от неправды, или брани, или лукавства и лицемерия, отвергни и отбрось то, помышляя что лучше частица малая со страхом Господним, нежели сокровища велия без боязни (Притч. 15, 16).
14. Внемли себе тщательно, и понуждай себя хранить молчание, чтобы Бог даровал тебе силу бороться и подвизаться. Если же кому будет нужда говорить с тобою, и ты дознаешь прежде сам по себе, что нужда та благословна, и что по Богу в сем случае лучше говорить, чем молчать: тогда наконец открой уста твои со страхом Божиим и трепетом, имея лице долу (обращенное) и слово почтительное и подобающее. Когда говоришь с кем, говори не много любви ради, и поскорее замолчи. Если спрошен будешь о чем, послушайся (сказать) только нужное, и больше того ничего не говори.

15. Внемли себе тщательно, чтобы, как воздерживаешься от блуда, так воздерживаться и от похоти очес, и слуха, и языка, и осязания; чтоб очи свои всегда иметь только тебе внимающими и рукоделию твоему, и не обращать их на другого человека, разве только когда видишь, что есть благословная в том нужда. На женщину же, или на мужчину доброзрачного, отнюдь не смотри, без нужды. Ушам своим не позволяй слушать что против кого-либо, — ни бесед бесполезных. Уста твои да молчат, и отнюдь не говорят без нужды.

16. Когда будешь читать это, возлюбленный, сотвори силу твою попещись об (исполнении) того, да покроет тебя Бог в час искушения. Аминь.

Слово двадцать осьмое.

О ветвях зла.

1. Необходимо сказать о ветвях зла, чтоб знал человек, что есть страсть, и что отлучает его от Бога, и молил благодать Его по поводу каждой из них, — да изыдет помощь Его с человеком и да даст Он ему силу (бороться с ними), пока возможно он совсем совлечется их. Ибо оне суть раны в душе и отлучают ее от Бога.

2. Блажен совлекшийся их, потому что он будет разумною овцею, благоприятною на жертвенник Божий, и услышит радостный глас Господа: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа Твоего (Мф. 25, 21). Те же, — которые хотят творить свои хотения по плоти, и не хотят уврачевать себя святым врачевством покаяния, чтоб соделаться чистыми, — в час нужды окажутся нагими, неимеющими одеяния добродетелей, и ввержены будут во тьму кромешнюю, где пребывает диавол, одетый в одежду страстей, кои суть: блуд, похотение, сребролюбие, оглаголение, гнев, завистование, тщеславие, гордость. Оне-то и суть ветви (зла), и многия им подобныя, как-то: невоздержание, украшение тела, развлечения, леность, смехотворныя речи, безстыжие взгляды, страсть шириться, безсовестность, невнимание к суду Божию, зависть к ближнему, ложь на брата, человекоугодие, лжесвидетельство, ложное знание, желание учить, любовь к обычаям мира, малодушие, нетерпение, ненависть к ближнему, непорицание себя (несознательность и самодовольство), любовь к славе человеческой, паче славы Божией, выказывание своего делания, чтоб прославлену быть людьми, любовь к яствам изысканным, совершение страстей телесных в сердце, почитание соблазном немерения себя (или самоуничижения), хвастание своим знанием, спорливость, настояние на своей воле, почитание себя разумным и мудрым, почитание брата неразумным, и уничижение его.

3. Все сие действуется в бедной душе, доколе не отлучит ее от Бога. Это суть тяжкия бремена, кои взял на себя Адам, когда вкусил от древа. О них-то и говорится: Той немощи наши взял и болезни понес (сл. Ис. 53, 4...). Их-то Господь наш Иисус Христос умертвил крестом. Они-то суть ветхие мехи, в которые не вливают вина новаго. Они-то суть пелены, коими связан был Лазарь. Они-то суть демоны, коих послал Христос в стадо свиней. Это есть ветхий человек, коего совлещися заповедал Апостол. Это то, что он сказал: плоть и кровь царствия Божия наследити не могут (1 Кор. 15, 50). Это то, что он говорит: аще бо по плоти живете, имате умерети (Рим. 8, 13). Это плевелы, кои извела земля Адамова, когда он извергнут был из рая.

4. Христово же бремя легко: безгневная чистота, благодать, кротость, радость духа, воздержание страстей, любовь ко всем, разсуждение святое, вера непоколебимая, терпение скорбей, смотрение на себя, как на чуждаго миру, желание изыти из тела и сретить Христа. Вот те бремена легкия, которыя

понести повелел нам Христос. Вот путь, на котором многие труды подъяли святые, пока совершили его. Вот то, чего никто не может достигнуть, если не совлечется ветхаго человека, не освободится (от него) и не стяжет любви, и любовь не сделает его безпечальным в отношении ко всему. По любви сей невозможно возобитать в нас, пока любим мы что либо от мира сего, как написано: не можете трапезе Господней причащаться и трапезе бесовстей (1 Кор. 10, 21). И Исаия говорит: кто возвестит вам, яко огонь горит; кто возвестит вам место вечное; (если не) ходяй в правде, глаголяй правый путь, ненавидяй беззакония и неправды, и руце отрясай от даров: отягчаяй уши, да не услышит суда крове: смежаяй очи, да не узрит неправды, сей вселится в высоце пещере камене крепкаго: хлеб ему дастся, и вода его верна (Ис. 33, 14—16).

5. Видишь ли, какую честь доставляет Бог подвизающимся в малое время сие, и совлекшим с себя тяготу мира, чрез претерпение скорбей своих? Видишь, как помощь Божия соисходит с отсежшими хотения свои, и изглаждает в них все страсти, ради того, что они последовали воле Божией? Те же, которые удерживают свои хотения, и желают исполнять их, хотя начинают духом, но, не могши устоять против врагов своих, по причине желания исполнять свои хотения, скончавают плотию (Гал. 3, 3). И делают суетным и бесплодным труд свой. За это укоряет их Пророк Иеремия, говоря: проклят (всяк) творяй дело Господне с небрежением (Иер. 48, 10).

6. Видишь, что если некоторые, пожелав служить Богу, работают страстям; то не соисходит с ними Бог, но, оставляя их с волею их, предает их в руки ненавидящих их? И вместо чести, которой ищут они у людей, бывает им поношение, за то, что не противостояли врагам своим, пока бы Бог пришел к ним на помощь, и смирил их (врагов). Так, без труда, пота и болезнования, человек не бывает слышимаем от Бога, по всем Писаниям.

7. Будем же молить благодать Божию со тщанием сердечным, со слезами и слостраданием, повинуюсь всякому человеку Господа ради, смиряя себя и пред братьями нашими, как сведущими более нас, никому злом за зло не воздая, и не помышляя злаго в сердце своем ни о ком, но все в единосердечии пребывая, — не говоря относительно потреб мира телесных, ни о чем: это мое, — но ум свой каждодневно меряя, докуда он достиг, и сохраняя его, чтоб не помышлял о том, что нечисто, — лишая тело свое насыщения, чтоб оно не потребовало от нас удовлетворения страстей своих, — чтоб тело смирилось пред душою, а душа покорилась уму и соделалась невестою, чистою от всякой скверны, и звала жениха своего, говоря: да снидет брат мой в вертоград свой, и да яст плод овощей своих (Пес. 5, 1).

8. Станем же подвизаться, братие, чтоб, снискав такое к Нему дерзновение, услышать и нам слово, которое сказал Он: хошу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною; ибо Я возлюбил их, как Ты возлюбил Меня, Отче. Ты во Мне и Аз в них (Иоан. 17, 23. 24). — Может же Троица Святая, единосущная и безначальная, сотворить милость с нами, да обрящем упокоение, со всеми Святыми Его, в день суда. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово двадцать девятое.

Рыдания.

1. Горе нам, любосластные и маловременные, — что за привременное беззаконное похотствование плотское, не узрим мы славы Господа!

2. Горе нам, — что, когда тление нетления не наследствует (1 Кор. 15, 50), — мы, презрев нетление, неудержимо емлемся за тление!

3. Горе нам, — что, имеющую разложиться в червей и гной, плоть свою питаем в грехах, не боясь ни огня, имеющего нас вечно мучить, ни червя неусыпающего!
4. Горе нам, — что, оскверненное нечистотами, тело наше Христолюбивые человеки чтут поклоном и лобызают, а мы гробы повапленные есмь, хранящие в себе смертоносный грех!
5. Горе нам, — что чрез невоздержание в пище и сластях сокровищем в себе семянные зародыши, и чрез то возбуждены бываем к беззаконному плотскому смешению!
6. Горе нам, — что не сличаем тления с нетлением и не страшимся Божественной и страшной правоты!
7. Горе нам, — что мы малодушны на добро, но ретивы и скоры на зло!
8. Горе нам, — что способное быть приятелем света вечного тело наше сделали мы приятелем вечной тьмы!
9. Горе нам, — что соделавшийся Сыном Человеческим, и Богу Отцу единосущный, не имеет где главу Свою подклонить в нас, ради нас вочеловечившись; а лисы — злые и лукавые духи — норы себе в нас поделали!
10. Горе нам, — что правые сердцем представят Судие души свои непорочными и тела свои святыми и незапятнанными, мы же, имея души оскверненные и тела нечистыя, должны ожидать одного осуждения на вечныя муки!
11. Горе нам, — что будучи похотителями неправд и всякой нечистоты требуем себе чести святых!
12. Горе нам, — что будучи осужденниками, повинными многим грехам, вращаемся среди святых и незлобивых, как чистые и свободные!
13. Горе нам, — что будучи исполнены прегрешений вразумляем и научаем тех, которые гораздо лучше нас!
14. Горе нам, — что, имея бревно в глазе, будто непорочные поднимаем суд и гневаемся на тончайшая (подобно сучцу) погрешности братий наших!
15. Горе нам, — что для других связываем тяжкия и неудобноносимыя бремена, сами же, будто немощнейшие телом, и (перстом) прикоснуться к ним отказываемся!
16. Горе нам, — что, скудны будучи в божественном монашеском делании, спешим без стыда учить других деятельной добродетели!
17. Горе нам, — что, забыв о давних грехах своих, и о новых не мучимся и не плачем!
18. Горе нам, — что, с Божию помощью и благодатию добре начав, ныне стали плотскими!
19. Горе нам, — что так погрязли в нечистых помыслах, что будто не видя своих грехов, спрашиваем, делали ли мы их!
20. Горе нам, — что, когда едим и пьем, не припоминаем о бывающей в нас от многоядения брани!
21. Горе нам, — что лишь только возбуждают в нас демоны блудныя воспоминания, как уже находят нас готовыми на то в сосложении с помыслами!
22. Горе нам, — что, оставя божественныя молитвы и чтения с размышлением, иждиваем дни наши в пустых мечтаниях и празднословиях!
23. Горе нам, — что так окаменены сердца наши, что часто, напряженно ища сокрушения и слез, не успеваем в этом по причине крайняго нерадения и разленения!
24. Горе нам, — что, когда Бог сказал: душа, яже согрешит, та умрет (Иезек. 18, 4), мы нисколько не печемся о ней, хотя она непрестанно согрешает.

25. Горе нам, — что, тогда как тело наше падко на грех, по причине насыщения и утех, мы до похотения раздражаем нечистые и скверные помыслы, чрез очи принимаем стрелы лукаваго в сердца свои, и чрез прикосновение к телам делаемся женонеистовыми конями, ни о разумном достоинстве своем не помышляя, ни вечнаго мучения не страшась!
26. Горе нам, — что о страданиях и болезни плоти много стенаем и беспокоимся, а о ранах и неизлечимых болезнях души болим нечувствием!
27. Горе нам, — что владычественная сила души подчиняется у нас рабе ея — плоти, и господствует худшее над лучшим, а не обе в едином желании работают создавшему их Богу!
28. Горе нам, — что грехи наши поновляются злыми и нечистыми помыслами, — и мы не различаем удаления от нас Бога и нашествия в нас нечистых духов!
29. Горе нам, — что, будучи несмысленны и неразумны, любим и восхищаем похвалы святых, а не подвиги их и дела!
30. Горе нам, — что в делании заповедей Божиих не проявляем ни страха рабов, ни усердия и благоразумия наемников, ни любви сынов!
31. Горе нам, — что в угождение людям не отказываемся все говорить и делать, нерадя о том, что праведно!
32. Горе нам, — что стыдимся лица человеков, когда грешим, а на стыд вечный никакого внимания не обращаем!
33. Горе нам, — что, будучи (рождены) от бедных и неславных родителей, не знали мы себя (думать о себе не думали), а давши пред Богом обет нищеты и неславности, любопримся, чтоб нас ставили наравне с богатыми и славными!
34. Горе нам, — что в мире были мы воздержны по причине бедности, а ныне, призваны быв к воздержанию, очень много печемся о насыщении чрева и покое плоти!
35. Горе нам, — что тогда, как Ангелы ополчаются вокруг боящихся Бога, а демоны — вокруг небоящихся Его и преступающих заповеди Его, мы вчиняем себя в полки демонские!
36. Горе нам, — что, встретившись и беседуя с богатыми и сильными, понравиться (угодить) им стараемся; а когда бедные подходят к нам с видом просителей, мы отвращаемся от них, как от докучливых!
37. Горе нам, — что не относимся, как следует по долгу, к каждому человеку, а делаем это, как нам кажется и нравится!
38. Горе нам, — что права (свои притязания) точно определяем, судим о них и учим; а от делания добра далеко отступили!
39. Горе нам, — что тщательно очищаем землю от терний и волчцев и от других вредных для плодов произрастаний, а душ наших страхом Божиим не очищаем со тщанием от повреждающих святя добродетели злых и нечистых помыслов!
40. Горе нам, — что не смотря на то, что имеем преселиться с земли, на коей живем пришельцами, многолетняя употребляем заботы о земных и тленных вещах; а во время неотложнаго отселе отшествия нашего, ни над чем из того никакой власти поиметь не удостоимся!
41. Горе нам, — что о всяком деянии земной жизни, о всяком праздном слове, о злых и нечистых помыслах и воспоминаниях души имеем мы дать отчет страшному Судие, — а будто не подлежащие ответу за все время жизни нашей, беззаботствуем о душах своих!

42. Горе нам крайнее, не только по причине нечестий наших и беззаконий, какими нагрешили, но и по причине презрения обетований Божиих и неверия в них!
43. Горе нам, — что, как несмысленные, прилепились к тлению, и имея возможность чрез жизнь по Евангелию сраствориться с нетлением, по причине любви к земному, остались непричастными вечнаго нетления!
44. Горе нам, — что нетлению предпочли отвратительное тление!
45. Горе нам, — что, имея возможность побеждать всякое любосластие, по самоугодию произволили паче быть побеждаемыми страстями нашими!
46. Горе нам, — что пред лицом людей грешить стыдимся и боимся, а пред очами Того, Кто видит сокровенное, нечестивать и грешить не трепещем и не боимся!
47. Горе нам, — что не приправляем слова своего божественною солию, но всегда говорим ближнему бозполезныя и далекия от благочестия речи!
48. Горе нам, — что с лестью, лукавством и притворством ведем с людьми речи, не страшась за это осуждения!
49. Горе нам, — что сон и уныние наше делают то, что демоны похищают умиление сердец наших!
50. Горе нам, — что, отрекшись от мира, мирян превосходим страстями!
51. Горе нам, — что, сами имея нужду во многом обучении и наставлении, исправляем других, когда они погрешают в малостях!
52. Горе нам, — если Господь сделает нам испытание на земле, и возьмет нас на суд неисправленными!
53. Горе нам, — что не посматриваем на то, что находится внутри чрева нашего, и потому побеждаемы бываем сластолюбием и гордостью!
54. Горе нам, — что, оскверняя всегда души свои нечистыми помыслами, желаем однакож, чтоб об нас думали, как о святых, и чтили нас их наименованиями!
55. Горе нам, — что, предавшись суетностям, забыли мы о борьбе с диаволом!
56. Горе нам, безстрашно здесь согрешающим! потому что там примут нас огонь геенский неугасимый, тьма кромешная, червь неусыпающий, плач и скрежет зубов, и вечный срам пред вышею и низшею нас тварью.
57. Горе неразсудительной и нераскаянной душе нашей! потому что, по воскресении мертвых, с воплем и скрежетом зубов будет она плакать и стенать в грешном теле своем, — будучи поражена отчаянием от горьких и болезненных мучений в огне вечном.
58. Горе нам, — что в стране изгнания и пришельствия любим проклятое веселие, а о сладости рая не воспоминаем и царствие небесное презираем!
59. Горе нам, — что уподобляемся юродивым девам в немилосердии, и елея для освещения (там) лампад здесь чрез благотворение ближним не закупаем!
60. Горе нам, — что день и ночь возсылаем к Богу молитвы, говоря: Господи! Господи! а не творим, что Он заповедал!
61. Горе написавшему сии рыдания, что, будучи повинен во всем написанном, не восприял я и малаго вздоха покаяния!
62. Горе болезнующему о других, когда он себя лишает собственных болезнований (о себе не болезнует)!

63. Горе нам, — что, имея в совести обличения, непрестанно нас осуждающая и против нас свидетельствующая, не устыждаемся, и как подлежащие осуждению и мучению за все содеянное нами, не трепещем страшного Судища Божия!
64. Горе нам, — что, смердя делами, радуемся похвалам человеческим!
65. Горе нам, — что блуждание умом туда и сюда, рассеянность и забвение отъемлют страх Божий от сердец наших!
66. Горе нам, что попечение наше о суетном делает сердце наше запущенною землею и притупляет его (чувство к духовному)!
67. Горе нам, — что, будучи носимы долготерпением Божиим, не бываем мы поражаемы смертию по делам нашим, и однакож, сподобляясь такой (милости), сами милостивыми сделаться не стараемся!
68. Горе нам, — что не памятуем ныне грехов своих; а когда душа наша обнажится от тела, тогда все их, и словами, и делами, и помышлениями (содеянные), в преболезненном и прегорьком раскаянии, за раз увидим напечатленными и написанными в памяти сердец наших!
69. Горе нам, — что несмотря на объявление Апостола всем, что ядый (хлеб) и пияй (чашу Господню) недостойне, суд себе яст и пьет, не рассуждая тела Господня (1 Кор. 11, 29), — мы, будучи проникнуты нечистотами своими, приступаем к страшным тайнам Божиим, извиняя себе, что соделали в ночных мечтаниях и в скверных помыслах! Приступающий к Богу с помыслами не чистыми, с очами не непорочными, с телом не нерастленным, с стремлениями души и тела не неоскверненными, скольким болезням тела и немощам души делает себя повинным? А потом — и вечному мучению и посрамлению безпредельному.
70. Горе мне, — что пишу это горькия проливая слезы, а дела покаяния еще не начинал!
71. Горе мне, — что говорю истину, а дел добрых не делаю!
72. Горе мне, — добре учащему, но худо делающему!
73. Горе грешащим в сластях! потому что горький их примет конец, с посрамлением вечным.
74. Горе печалющимся о вещах бесполезных! потому что они лишили себя душеполезной печали в покаяние.
75. Горе поносителям и обидчикам! потому что они отчуждили себя от блаженной любви.
76. Горе недоброжелателям и завистникам! потому что они сделали себя чуждыми благодати и милосердия Божия.
77. Горе человекоугодникам! потому что они Богу угодить не могут.
78. Горе лицеприятникам! потому что они отпали от истины Божией.
79. Горе гордым! потому что они суть на стороне отступника диавола.
80. Горе небоящимся Господа! потому что они вплетутся в множайшие грехи и бичуемы будут и здесь и там.
81. Горе нам, что ужаления и укушения блох, гнид, вшей, мух, комаров и пчел не терпим (защищаем себя от них); а против пасти великаго дракона, жалящаго нас и поглощающаго как на пойле, и всякими смертоносными жалами пронзающаго, не устроаем себе никакой помощи, или убежища!
82. Горе нам, — что диавол измождает нас и сластями и болезнями, и нуждами и всякими мирскими прелестями, мы же не хотим престать от зол наших!
83. Горе нам, — что, тогда как отступление держится так много лет и очень многие оставили православную веру, мы ни слезы не проливаем, ни сердцем не болезнуем, ни от страстей своих не

воздерживаемся, но прилагаем грехи ко грехам, чтоб и за злыя дела свои, и за неверие, зараз получить горькое вечное мучение в геенне!

84. Горе нам, написавшим сии рыдания, — что, когда подошел уже конец нам, мы, не покаившись в злых делах юности пашей и не оплакавши их, на старости приложили большия и неподъемныя зла и тягчайшие грехи.

85. Горе нам, что даже тягчайших страданий и разных болезней тела не устыждаемся; но ботеем в грехах, и с презорством (к должному), с полною невоздержностию и распущенностию откармливаем свои скверныя и грешныя тела!

86. Горе нам, что сквозь огонь, клокочущий паче волн морских, подобает нам пройти да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10).

87. Горе нам, что не помышляем об оном мрачном и невещественном огнежжении, и о вечном там горьком плаче и скрежете зубов! ибо Бог отымет светлость у пламени, а жгучесть и при мрачности оставит в огне для нечестивых и грешников.

88. Горе мне, бедная душа! Яко скорбь ми есть, и непрестающая болезнь сердцу моему (Рим. 9, 2)! Ибо, оплакивая себя, должен сказать: зло омрачило разум и закрыло истину, смерть победила жизнь, земное, тленное и привременное заменило небесное, нетленное и вечное, мерзкое и достойное ненависти показалось более сладким и любезным, чем истинная любовь Христа и досточестность, заблуждение, осудив на изгнание истину, выбросило ее из души моей, печаль вместо радости избрал я, стыд и поношение вместо дерзновения и похвал, горечь предпочел сладости, землю и пепел ея возлюбил паче неба и царствия его, тьма доброненавистнаго врага вошла в сердце мое, и омрачила свет ведения в уме моем.

89. Горе мне! Горе мне! Какая сети диавола объяли меня и, запнув, с какой высоты повергли долу! Теча истощился я, и поты мои напрасно обливали меня. Кто не оплачет меня? Кто горько не възрыдает о мне, истомленном суетными трудами и у пристани потерпевшем крушение? Помилуйте мя, помилуйте мя, помилуйте мя, о друзи (Иов. 19, 21), — и болезненно умолите благаго и незлобиваго Господа моего Христа, да умилосердится Он надо мною и сгонит эту страшную мглу доброненавистника диавола с ума моего, и я да узрю, в каком лежу блате и, могучи востать, не хочу. Или уж время мое сокращенное пресекло всякую мне надежду?! — Нет болезни, паче болезни моей; нет раны, как рана моя; нет раздирания, как раздирание сердца моего; яко беззакония моя превзыдоша главу мою (Пс. 37, 5). Раны мои — не раны от меча, и мертвые мои — не мертвые от брани; но разжженные стрелы врага вонзились в меня и ослепили внутренняго человека моего, — и углебох в тимении глубины, и несть постояния (Пс. 68, 3), — страх, егоже ужасался, прииде ми (Иов. 3, 25), — и прикры ны сень смертная (Пс. 43, 20).

90. Горе мне! Душа, воззри, и увидь настоящее привременное и, спустя не много, с горечию и прискорбностию прейти имеющее, — и грядущее—ужаснейшее. Помысли, душа, от скольких благ и надежд отпадаешь ты, и каких мучений вскоре сделаешься ты наследницею, безпреемственною и безутешною! Почему, прежде чем померкнет над главою твоею свет, предупредив приди, и падши моли и проси Подателя вечнаго света, да избавит тебя от всепожирающаго пламени и от безсветной тьмы. Ибо Его есть — простить грехи и даровать блага нам, недостойным милости Его. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

2. Правила и советы новоначальным инокам.

Брат, возлюбленный! Если уже оставил ты суетный мир сей и посвятил себя Богу, приноси покаяние о грехах своих и храни принятое тобою намерение. Не слушай помыслов своих, когда они начнут томить тебя, говоря: никак не простятся тебе прежние грехи твои. Но соблюдай следующие правила:

1. Не ешь с женщиною; с отроком не входи в содружество; с юным не спи на одной постеле. Когда скинешь одежду свою, не смотри на тело твое.
2. Если понудят тебя выпить вина, боле трех небольших чаш не пей. Этого правила не нарушай даже ради дружбы.
3. Не исполняй небрежно молитв, положенных в известные часы, чтоб не впасть в руки врагов своих. Трудись, сколько можешь, над размышлением о псалмах; ибо это сохранит тебя от нечистой жизни.
4. Люби труд и самостеснение, чтоб утишились страсти твои. Не считай себя чем–нибудь ни в каком отношении, и не перестанешь плакать о грехах своих.
5. Блуди себя от лжи, ибо она отгонит от тебя страх Божий. Не открывай всем добрых дел своих, чтоб не похитил их враг твой.
6. Открывай болезни свои отцам твоим, чтоб испытать помощь от советов их.
7. Принуждай себя к рукоделью; и возобитает в тебе страх Божий.
8. Не суди брата своего — согрешающего, и не презирай его; иначе впадешь в руки врагов своих.
9. Не будь спорлив, настаивая на слове своем, чтоб не утвердилось в тебе зло.
10. Люби смирение, и не полагайся на свой совет. Приучи язык свой говорить: прости мне, и низойдет на тебя смирение.
11. Когда сидишь в келлии своей, о трех вещах имей заботу: о непрерывности в молитве, об углублении в псалмы и о рукоделии.
12. Думай сам в себе: не пребуду я в этом мире дале настоящего дня; и исхищен будешь от греха.
13. Не будь объятлив, чтоб не возобновились в тебе прежние грехи твои. Не ленись работать; потрудись углубляться в псалмы, — и придет к тебе мир Божий.
14. Принуждай себя к плачу в молитвах, и Бог смилуется над тобою и совлечет с тебя ветхаго человека.
15. Знай, что труд, нищета, самостеснение и молчание приводят к смирению; смирение же доставляет прощение всех грехов. Смирение же состоит в том, чтоб человек считая себя грешником и неправедным, не настаивал на своем слове, отсекал свои хотения, очи опускал долу, переносил обиду, ненавидел честь и покой, и всем говорил: прости мне. Силою же смирения враги обращаются в бегство.
16. Будь всегда печален; но когда придут к тебе братия, развеселись с ними, — да возобитает в тебе страх Божий.
17. Если идешь куда с братиями, отступай немного от них, чтоб хранить молчание. Не оборачивайся туда и сюда, но углубляйся в псалмы и молись Богу в уме своем. В какое бы место ни пришел ты, не слишком доверчиво обращайся с жителями его. Храни скромность и стыдливость во всем, и к тому, что предлагают тебе, не протягивай руки, пока не попросят тебя.
18. Не спи с другим под одним покрывалом. Долго молись пред сном, хотя бы ты утомлен был дорогою.
19. Не допускай, чтоб кто–либо намазал елеем тело твое, разве в тяжелой болезни.
20. Когда сидишь за столом с братиями, не ешь с услаждением, и руку твою протягивай только к

тому, что находится пред тобою. Колена твои пусть будут сложены. Глаз твоих не подымай на другого. Не пей воды с жадностью и с гурчанием в горле.

21. Если нужда придет тебе отхаркаться, когда сидишь среди братьев, встань и сделай это подальше от них. Не потягивайся и не зевай, когда находишься в кругу других, и если нападет на тебя зевота, не открывай рта, и пройдет.

22. Не разевай рта для смеха; ибо это будет показывать, что нет в тебе страха Божия.

23. Не пожелай чужой вещи. Если приобретешь книгу, не украшай ее; ибо это обнаружит в тебе пристрастие к ней.

24. Если погрешешь в чем, не стыдись сознаться в том и не извиняй себя ложью; но преклонив колена, исповедуй грех свой и проси прощения, и оно дано будет тебе.

25. Если кто солжет пред тобою, не гневайся, но скажи: прости мне.

26. Не стыдись обращаться с вопросами к твоему наставнику.

27. Если кто постучит в двери келлии твоей, когда ты, сидя, занят делом своим; оставь дело и успокой его.

28. Не говори ни с кем и словам другого не внимай без пользы.

29. Если наставник твой пошлет тебя куда в дорогу, спроси у него, как тебе должно держать себя, и потом действуй по заповеди его. Не переноси слов. Если будешь хранить очи свои и уши, то не согрешишь и языком своим.

30. Если будешь жить с каким братом, будь с ним как странник; не приказывай ему ничего, и не показывай себя набольшим над ним; если он прикажет что тебе, чего бы ты не хотел, отсеки волю свою, и не оскорби его (отказом), чтоб не разстроился мир между вами. Знай, что кто повинуется, тот набольший.

31. Если будешь жить с братом каким, и он скажет тебе: свари; спроси: что хочешь? и если он предоставит тебе выбор, свари, что попадет тебе под руки, со страхом Божиим.

32. Когда встанешь от сна, твори молитву, прежде чем возьмешься за какое дело; затем углубляйся в Слово Божие; и тогда уже берись неленостно за дело.

33. Радостно встречай странника и приветствуй его, чтоб иначе свидание ваше не было вам обоим во вред. Когда войдет, не делай ему каких-либо пустых вопросов; но проси сначала помолиться; потом когда сядет он, скажи ему: как здоров брат мой? — и за тем дай ему какую-либо книгу для чтения.

Если он утомлен от пути, дай ему отдохнуть, и омой ноги его. Если он начнет говорить пустые речи, скажи ему: прости мне, брат мой; я немощен, и не могу слышать этого. Если расшились одежды его, зашей. Если он немоществует, и одежды его запачканы, вымой их. Но если он шатайка, а у тебя будут в ту пору святые, то не позволяй ему войти; но скажи ему должное приветствие, и отпусти его. Если впрочем он беден, не отпускай его без утешения, но дай ему, что Бог послал.

34. Если брат положит у тебя что-нибудь, не рассматривай положенного, разве только в присутствии его самого.

35. Если кто оставит тебя в келлии своей и выйдет, не поднимай очей, чтоб посмотреть, что есть в ней; но когда он будет выходить, скажи ему: дай мне какое-нибудь дело, и я поработаю, пока воротиться; и что он тебе даст, делай то с усердием.

36. Не молись с леностию и небрежно; ибо этим, вместо того, чтоб угодить Богу, ты привлечешь гнев Его. Стой на молитве со страхом и трепетом, не опираясь на стену и не распуская ног, так, чтоб на

одной стоять, а другую отставлять. Противостой помыслам своим и не попускай им озабочиваться плотскими вещами, чтоб была благоприятна молитва твоя.

37. Когда бываешь на литургии, храни помыслы свои и чувства, и стой со страхом пред Богом Высочайшим, чтоб достойно принять тело и кровь Христовы, и уврачевать тем страсти свои.

38. Когда ты юн, не надевай хорошей одежды, пока достигнешь старости.

39. Когда совершаешь путь с тем, кто старше тебя, не заходи вперед его. Если старший тебя встанет чтоб поговорить с кем, не оставайся сидящим и ты, но встань вместе с ним, и стой, пока он не велит тебе сесть.

40. Когда войдешь в город, или селение, взор твой опусти долу, чтоб иначе увиденное тобою не послужило тебе поводом к брани в келлии твоей.

41. Не спи в том месте, где боишься согрешить сердцем. Не ешь с женщиною, и не смотри на нее, — даже на одежды ея, если можешь.

42. Если путь совершаешь со старцем, не допускай, чтоб он нес что—нибудь сам. Если будете юны, каждый носи свою часть. Если ноша мала, несите попеременно по часам. Несущий пусть идет впереди, равно как и немощный, и когда уморившись сядет он отдохнуть, садитесь и вы с ним.

43. Когда будешь спрашивать какого старца о помыслах своих, открывай их свободно, как они есть, тому, в ком уверен ты, что он сохранит тайны твои. В выборе старца не предпочитай того, кто преклонных лет; но кто убелен ведением и опытностию духовною, чтоб иначе не получил ты вреда и не размножились отрасти твои.

44. Понуждай себя долго молиться ночью; да просветится ум твой. Помышляй о грехах своих, и молись о них Богу; и Он простит тебе их.

45. Если кто начнет судить брата своего в твоём присутствии, то хотя судимый будет из числа тех, которые тебя самого судят, скажи ему со смирением: прости мне, брат мой, грешен я и немощен, и повинен сам тому, о чем ты говоришь; почему не могу этого слышать.

46. Предпочитай себе во всем других братий, и если какой друг при них окажет тебе честь, скажи: это ради вас оказал он мне такую честь.

47. Кто просит у тебя что—либо взаймы, не отказывай.

48. Не часто вращай в сердце своем память о тех, коих оставил ты любви ради Божией; но помни о смерти и суде, и что никто из них в то время не может помочь тебе.

49. Если, сидя в келлии своей, вспомнишь о ком, сделавшем тебе зло, встань тотчас и помолись за него в сердце своем, да помилует его Бог; таким образом скоро исчезнет страсть, — какую питаешь в отношении к нему.

50. Если хочешь причаститься Тела и Крови Христовых, смотри, чтоб никак не оставались в сердце твоём гнев или ненависть на кого; и если знаешь, что кто—либо гневен на тебя, испроси у него прежде прощения, как заповедал Господь наш.

51. Если ночью (в сновидении) потерпишь нападения от похоти, смотри, днем не повторяй в мысли видов тех срамных, чтоб — услаждением не осквернилось сердце твое; но пади пред Господом, и Он помилует тебя: ибо ведаёт немощь человеческую.

52. Если возложишь на себя крайний пост, и станешь совершать продолжительныя молитвы, не подумай, что они спасут тебя; но верь, что Бог умилоствится озлоблением тела твоего, и поможет немощи твоей.

53. Если схватит тебя болезнь, не унывай и не падай духом; но возблагодари Бога, что Он промышляет доставить тебе болезнию сею благо.
54. Живя в келлии своей, установи для пищи своей определенную меру и положенный час, и не отступай от того. Давай телу своему, сколько нужно, чтоб оно сильно было совершать молитвы и службы Божии. Если где вне келлии твоей будет тебе предложена деликатная пища, не до сыта принимай ее.
55. Если диаволы внушат тебе начать труд, котораго не силен ты подъять, — не слушай их; ибо обычно они наводят сердце человека на такие дела, которых одолеть он не в силах, чтоб потом ввергнуть его в уныние и посмеяться над ним. И все их начинания без меры и без порядка.
56. Ешь однажды в день, но не досыта. Давай телу своему сколько нужно по требованию природы (по сложению твоему).
57. Одну половину ночи определи на молитвенное бдение, а другую на упокоевание тела твоего. Прежде чем идти в постель, часа два поборствуй в молитве и Богохвалении (псалмопении), потом дай покой телу своему. Если разленится тело твое, когда придет время встать на молитву, скажи ему: ужели ты хочешь принять малый покой в это время, чтоб потом отойти в нескончаемую муку? Не лучше ли здесь немного потрудиться, чтоб там вкушать вечный покой со святыми? Тогда отступит от тебя леность, и приидет к тебе Божественная помощь.
58. Принимая чин монашеский, отпусти раба своего; если он захочет последовать тебе и вступить в монашество, не допусти, чтоб он жил с тобою.
59. Если пойдешь продавать рукоделие; не спорь о цене, как делают миряне. Также поступай, когда что покупаешь. Знай, что скудость вещей приближает тебя к Богу.
60. Если брат положит у тебя какую вещь, — и она понадобится тебе, не трогай ее, разве с его позволения.
61. Если какой брат, попросит тебя что-нибудь купить, когда идешь в город, сделай то; но если будут с тобою и другие братия, сделай это в присутствии их.
62. Если дана тебе будет какая вещь, возврати ее, попользовавшись ею, сколько нужно; но не удерживай ее дотоле, пока потребуют ее от тебя обратно; если что попортится в ней, исправь. Если ты сам дашь кому какую вещь попользоваться, не требуй ее обратно, если видишь, что тот почему-либо возвратит тебе ее не может, особенно когда она тебе совсем ненужна.
63. Если, бросив келлию свою, после опять воротишься, и найдешь, что в ней живет уже какой-либо брат, поищи себе другой, а его ни за что не выгоняй, да не прогневается на тебя Бог. Но если тот сам добровольно захочет оставить ее, то ты прав. Если при этом тот возмет что из принадлежностей ея, не требуй того от него.
64. Если захочешь совсем выйти из келлии своей, не бери с собою ничего из принадлежностей ея, но отдай ее какому-либо бедному брату, и Бог ущедрит тебя, куда ни пойдешь.
65. Ничему так не радуются диаволы, как тому, если кто скрывает помыслы свои от духовнаго своего наставника. Не думай уподобиться отцам, если не будешь подражать трудам их.
66. Блуди себя от богатства и любви к нему; ибо оно повреждает плоды монашества.
67. Если борешься с каким искушением, которое теснит тебя, не ослабевай; но простершись пред лицом Бога, скажи; Помози мне, Господи, потому что я немощный не силен выдержать эту брань; и Он поможет тебе, если молитва твоя будет исходить от чистаго сердца. Если поборовшись

преодолеешь, не хвались тем, и не полагайся на себя; но больше еще блюдишь, потому что враг не замедлит устроить тебе новую брань, сильнейшую прежней.

68. Когда молишься Богу, не говори: Господи, возьми от меня это, и дай мне то; но скажи: Господи, Боже мой, Ты знаешь, что для меня спасительно; помоги мне, и не попусти мне грешить пред Тобою и погибнуть во грехах моих, ибо я грешный — немощен; не предай меня врагам моим, яко к Тебе прибегах; избави меня, Господи, ибо Ты моя крепость и упование мое. — Тебе слава и благодарение во веки. Аминь.

3. Изречения аввы Исаии.

1. Авва Исаия говорил: Поелику одинаковыя случайности постигают грешных и праведных, то не должно думать, что все подвергающиеся несчастиям, подвергаются им за какие-либо предшествовавшие грехи.

2. Которые все делают только для себя самих, те работают самолюбию, величайшему из всех зол от которого раждается отособленность, необщительность, недружелюбность, неправда и нечестие. Не так создан человек, чтоб быть отособлену, но чтоб жить в общении с подобными себе, паче же с Богом Творцем всяческих. Итак, разумному человеку надо быть любообщительным и Боголюбивым, да будет он и Богу любезен.

3. Авва Исаия сказал: от любви к славе человеческой раждается ложь. Кто отвращает ложь смирением, в сердце того возрастает страх Божий. Не люби же славы мира сего, да не удалится от тебя слава Божия.

4. Когда совершая службу свою, совершаешь ее со смиренномудрием, как недостойный, то она приятна Богом. Если же при этом взойдет на сердце твое гордостная мысль, и ты примешь ее, и, вспомнив об ином спящем и не радящем, осудишь его в мысли своей, то знай, что тщетен труд твой.

5. Когда и как кто смиренномудр бывает? Когда языка не имеет — сказать кому-либо, что он нерадив, или отвечать обидевшему, очей не имеет — видеть прегрешения другого, слуха не имеет — слышать не полезное для души его, рук не имеет — одолеть кого, и ни на кого не возлагает вину чего-либо, а все на грехи свои.

6. Человек должен прежде всего стяжать веру в Бога и любовь к Нему неизменную; также незлобие, невоздавание злом за зло, притрудную жизнь, смиренномудрие, чистоту, человеколюбие — ко всем любовь и повиновение.

7. Возненавидь все мирское и покой телесный; ибо они сделали тебя врагом Богу. Но как человек, имея врага, ведет с ним брань, так и нам надобно брань вести с телом, чтоб не покоить его.

8. Брат спросил, — что значат слова: да святится имя Твое? Старец ответил: это свойственно совершенным; ибо невозможно святиться в нас имени Божию, пока обладают нами страсти.

9. Опять сказал: люби лучше молчать, чем говорить: ибо молчание собирает, а многоглаголение расточает.

10. Великое дело победить тщеславие. Впадший в эту лукавую страсть, бывает чужд умиления, и ко всем жесток сердцем; а наконец впадает в высокоумие и гордыню, — это крайнее зло, матерья погибели. Держи же втайне дело свое, и с болезнию сердечною попекись, чтоб человекоугодия ради не погубить тебе мзды воздержания твоего. Ибо кто творит что на показ пред людьми, тот лишает себя тем мзды своей, как сказал Господь.

11. Кто хочет быть славен у людей, тот не может быть свободен от зависти; а имеющий зависть не

может обрести смиренномудрия. Таковой предал душу врагам своим, и они вовлекают ее во многие грехи и губят. Бегай же тщетной славы и сподобишься славы Божией в будущем веке.

12. Если придет тебе помысл осудить ближняго в каком-либо прегрешении, — подумай в себе, что ты нагрешил более его; о добре же, какое, кажется, творишь, не верь, что оно приятно Богу, — и не осудишь искренняго твоего. Самоуничужение есть место покоя внутренняго.

13. Авва Исаия, увидев однажды брата грешащаго срамным грехом, не обличил его, но сказал: если Бог, создавший его, видя это, не пожигает его, кто я, чтоб обличить его?

14. Опять говорил он же: будем помнить Того, Кто не имел где главу подклонить. Разумей сие человек, и не велемудрствуй. Кто Он и каким стал тебя ради? Владыка всяческих странен и дома не имеет. О сколь неизреченно человеколюбие Твое, Господи! Как столько смирил Ты Себя меня ради? Но, если все сотворивший словом, не имать где главу подклонити; что ты окаянный человек, много думаешь о суетном? Что слепотствуешь несытостию?

15. Стяжавший смиренномудрие, на себя берет вину брата своего, говоря: я согрешил. Считающий себя мудрым, презирает и укоряет брата своего; а уничижающий себя никогда не укорит брата.

16. Не в том мудрость, чтоб говорить, но в том, чтоб знать время, когда подобает говорить. С разумом молчи, с разумом и говори. Прежде начала речи, подумай о том, что сказать, чтоб дать подобающий ответ. Не хвались своим разумом. Больше всех знает тот, кто говорит: ничего не знаю. Венец мудрости — себя укорять и ставить себя ниже всех.

17. От пяти причин усиливается блудная брань: от празднословия, от тщеславия, от многоспания, от щегольства, от объядения. Хочешь ли избежать блудной брани, не поддавайся этим страстям, но вместо празднословия, вооружись псалмопением, вместо тщеславия возлюби смирение Христово, вместо многоспания огради себя бдением, вместо щегольских одежд носи портища и рубища, вместо объядения, свяжи себя воздержанием и постом. Ибо страсти, подобно звеньям цепи, держатся одна за другую.

18. Богач, понимающий дело, скрывает сокровища свои внутри дома; ибо сокровище, выставленное на вид, возбуждает зависть и наветуется от князя. Так и монах добродетельный, но смиренномудрый таит свои добродетели, как тот богач свои сокровища. Такой монах не творит своих хотений; но на всякий час укоряет себя, и обучает себя тайному поучению, по слову Писания: согреша сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огонь (Пс. 38, 4). Какой это огонь? Слышите слово Писания, которое говорит: Бог наш огонь поядаяй есть (Евр. 12, 29). Как от огня тает воск и изсушается тина скверных нечистот, так и от тайнаго поучения изсушаются скверные помыслы, увядают душевные страсти, просвещается ум, ясною творится мысль и сердце исполняется радости. Тайное поучение уязвляет бесов, и отгоняет злые помыслы; ибо просвещает внутренняго человека. Кто вооружает себя тайным поучением, тот и от Бога укрепляем бывает, и от Ангел силу приемлет, и у людей славится. Тайное поучение и чтение есть дом души, в который нет прохода, есть столп неподвижный, есть пристанище тихое и безмятежное, в котором несомненно спасется душа. Много мнутя и молвят бесы, когда инок вооружает себя тайным поучением, т. — е. молитвою: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, — и чтением в уединении Божественнаго Писания. Это сокровенное поучение есть зеркало ума и светильник совести. Сокровенное поучение изсушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отнимает гордость, отрывает напрасство (скорбное чувство напраслины), тлит уныние. Сокровенное поучение просвещает владычественный ум, отгоняет

леность, рождает умиление, вселяет страх Божий, приносит слезы. Сокровенное поучение доставляет монаху нелестное смиренномудрие, благоумилненное бдение, несмущенную молитву. Оно есть сокровище молитвенное, отгоняющее неподобные помыслы, поражающее бесов, очищающее тело. Сокровенное поучение учит долготерпению, воздержанию причастником делает, возвещает геенну. Сокровенное поучение соблюдает ум немечтательным, настроивая его помышлять только о смерти. Сокровенное поучение исполнено всякаго дела благаго и украшено всякою добродетелию, от всякаго же сквернаго деяния удалено: оно негде далече есть от этого.

4. О хранении ума: 27 глав.

1. Уму по естеству свойствен гнев на страсти. Без гнева и чистоты не бывает в человеке, — если, т. — е., не будет он гневаться на все, всеваемое в него врагов. Хотящий придти в этот, естественный уму гнев, отсекает все свои хотения, пока не поставит себя в состояние, характеризующее умом (умное, духовное состояние, в котором душа и тело подчинены во всем духу).
2. Если, противостоя врагу, увидишь, что полчище его, ослабев обращается в бегство от тебя, да не обрадуется тем сердце твое; потому что эти враги устроили для тебя злохитрый ков позади себя. И там—то они готовят тебе брань злейшую первой. Выступая против тебя, они оставили за городом в засаде значительную часть полчища своего, приказав им не двигаться. И вот, когда ты воспротивился им и выступил против них, они побежали от лица твоего, будто бессильные; но если сердце твое вознесется тем, что ты прогнал их, и ты таким образом оставишь город, тогда поднимутся и те, кои остались позади в засаде, остановятся и эти бегущие впереди тебя, — и охватят бедную душу со всех сторон, так что ей не останется уже никакого убежища. Город есть молитва; противостояние врагам есть противоречие помыслам во Христе Иисусе, а выступление против них есть гнев.
3. Станем же, возлюбленные, в страхе Божиим, храня и соблюдая практику добродетелей; не давая преткновения совести нашей, но внимая себе в страхе Божии, пока и она освободит себя вместе с нами, так чтобы между нами и ею было единение, и она сделалась наконец нашею блюстительницею, показывая нам все, в чем может преткнуться. Но если мы не станем слушаться ея, то она отступит от нас и оставит нас. Тогда впадем в руки врагов наших, которые уже не выпустят нас из них, как научил нас Владыка наш, говоря: буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним, и проч. (Матф. 5, 25). Говорят, что соперник этот есть совесть, потому что она противится человеку, хотящему творить волю плоти своей. Если он не послушает ея, она предаёт его врагам его.
4. Когда Бог увидит, что ум покорился Ему всею силою, и не ожидает помощи ни откуда, как только от Него Единого, тогда укрепляет его, говоря: Не бойся, яко избавих тя, и прозвах тя именем Моим: Мой еси ты. И аще проходиши сквозе воду, с тобою есмь, и реки не покрывают тебе: и аще сквозь огонь пройдеши, не сожжешися и пламень не опалит тебе. Яко Аз Господь Бог твой, Святыи Израилев, спасаяй тя (Исаии 43, 1—3).
5. Когда ум услышит такое воодушевление, тогда смело обращается к врагам и говорит: Кто хочет бороться со мною? Пусть станет против меня! И кто хочет судиться со мною? Да приблизится ко мне! Се Господь помощник мой, кто озлобит меня? Се все вы обветшаете, как одежда от моли.
6. Если сердце твое, вполне возненавидев грех, напрягается побеждать его, и отстранившись от всего, что рождает грех, положило пред очами твоими муку (вечную), то ведай, что Помощник твой сопребывает с тобою, — и ты ни в чем не оскорбляя Его, но плача пред лицом Его, говори, внимая сердцу своему: Милость Твоя, Господи, да избавит меня; сам же я не силен избежать из рук

вражеских без Твоей помощи! И Он сохранит тебя от всякого зла.

7. Монах должен затворить все двери души своей, т. — е. чувство, чтоб не пасть чрез них. Когда, таким образом, ум увидит, что ничто не вторгается, чтоб овладеть им, то готовится к безсмертию, собирая все чувства свои во едино и делая их единым телом.

(Мысль: ум, не развлекаемый внешним чрез чувства, сосредоточивается в себя и преселяется в оный век. Мысль и Василия Великаго).

8. Когда ум станет свободен от всякой надежды на что бы то ни было видимое мирское, то это есть признак, что грех умер в тебе.

9. Когда ум станет свободен от страстей, тогда средостение, которое было между им и Богом, падает.

10. Когда ум освободится от всех врагов своих, и возсубботствует, тогда он есть в ином веке, новом, новое созерцая и нетленное. Идеже убо труп, тамо соберутся орли (Матф. 24, 28).

11. Притаиваются иногда на время демоны с коварством, не даст ли свободы человек сердцу своему, подумав, что почил уже (от брани). (Если случится точно так), внезапно наскокивают они на бедную душу, и схватывают ее, как малую птичку. И если они окажутся сильнее ее и преодолеют ее, то без милости смиряют ее (унижают) всяким грехом, злее прежних, прощение которых она вымолила было. Будем же непрестанно стоять в страхе Божиим и строго блюсти сердце, неопустительно совершая делания свои (подвижническую практику), и храня добродетели (умно—сердечный строй), кои полагают препону злобе врагов.

12. Учитель наш Иисус Христос, зная крайнюю немилосливость врагов наших и жалея род человеческий, заповедал, как строго должно держать сердце, говоря: будьте готовы на всякий час, ибо не знаете, в какой час тать придет, чтоб когда придет, не застал он вас спящими (Матф. 24, 43 и т. д.). И еще: внемлите себе, да не когда не отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той (Лук. 21, 34). Стой же над сердцем твоим, внимая чувствам. И если память Божия соединится с тобою, то легко будешь схватывать врагов, подкрадающихся украсть ее. Ибо строго смотрящий за помыслами тотчас узнает тех, которые хотят войти, чтоб осквернить его. Они смущают ум, чтоб он развлекся и стал бездействен (отстал от своего делания). Но знающие лукавстве их хранят себя невозмутимыми, моляся Господу.

13. Если не возненавидит человек все, что деется в мире сем, то не может служить и поклоняться Богу, как должно. Ибо служение Богу что есть, если не то, чтоб ничего не иметь в уме чуждаго, когда он молится; ни сласти (чувственной), когда благословляет Бога, ни гнева, — когда поет Ему, ни ненависти, когда величает Его, ни злаго рвения и зависти, когда приседит Ему и памятует о Нем. Ибо все это мрачное, есть стена, окружающая бедную душу; и она, имея это в себе, не может чисто служить Богу. Ибо оно удерживает ее в воздухе и не допускает ей сретить Бога (предстать Ему умно), в тайне благословить Его и помолиться Ему в сладости сердца, да просветится от Него. Ум всегда омрачается и не может преуспевать в жизни по Богу того ради, что не печется отсекасть все сие разумно.

14. Когда ум ревнует избавить чувства душевныя от плотских пожеланий и провести их (перевезть как на лодке) в безстрастие, и самую душу отделить от плотских пожеланий, тогда, если безстыдные страсти устремятся на душу, чтоб овладеть чувствами ее и увлечь их в грех, и ум начнет втайне непрестанно возопиять к Богу, то Бог, видя это, пошлет помощь Свою, и прогонит их в одно мгновение.

15. Умоляю тебя, пока ты в теле, не послабляй сердцу своему. Ибо как земледелец не может положиться ни на какой хлеб, восходящий на поле его; ибо не знает, что будет из него, прежде чем уберет его в житницы свои: так человек не может ослабить сердцу своему, пока есть дыхание в недрах его (Иов. 27, 3). Не знает он, какая страсть сретит его до последнего издыхания; потому не должен послаблять сердцу, пока имеет дыхание. Но надлежит ему всегда вопиять к Богу о Его помощи и милости.
16. Не обретающий помощи во время брани не может верить и миру.
17. Когда кто отделится от шуй стороны, тогда верно познает и все согрешения, которые соделал пред Богом: ибо обычно он не видит грехов своих, если не отдалится от них, отдалением горьким (т. — е. с сокрушением и болью сердца). Достигшие в эту меру плачут, умножают молитвы, стыдом покрываются пред Богом, поминая о своем непотребном содружестве со страстями. Будем же подвизаться, братие, по силам нашим; и Бог посодествует нам по множеству милости Своей. Если не сохранили мы сердца нашего, как отцы наши, употребим труд сохранить по крайней мере тела наши безгрешными, как требует того Бог. И веруем, что во время глада, постигшаго нас, сотворит Он и с нами милость, как со святыми Своими.
18. Предавший сердце свое тому, чтоб искать Бога в благочестии истинно, не может тотчас возъиметь мысль, что благоугоден Богу труд его. Ибо пока обличает его совесть в чем-либо противоестественном, дотоле чужд он свободы. Ибо когда есть обличающий, есть и осуждающий; а где есть осуждение, там нет свободы. Итак, когда молясь увидишь, что совершенно ничто не обличает тебя во зле, тогда можно сказать, что ты свободен и вошел в святой покой Его, по благоволению Его. Когда увидишь, что добрый плод укрепился, и не подавляется более плевелами вражиими; что ратники, полагавшиеся на свое вселукавство, хоть не сами по себе, отступили, чтоб не вести более брани с чувствами твоими; что — облак осенил над скиниею твою, и солнце не жжет уже тебя во дни, ни луна нощию; что в тебе все уже готово для скинии, чтоб поставить ее и хранить по воле Бога, то знай, что ты одержал победу силою Божиею. Тогда наконец и Сам Он осенил над скиниею, ибо она Его. Пока же есть брань, человек находится в страхе и трепете, победит ли ныне, или побежден будет, и завтра побежден ли будет, или победит. Подвиг тяготит сердце; безстрастие же свободно от брани: ибо получило уже должное и перестало пещись о трех, бывших в разъединении, частях человека, потому что они достигли взаимнаго умиротворения в Боге. Эти три части суть: душа, тело и дух. Когда они станут едино действием Св. Духа, то уже не могут разлучиться. Не думай, что ты умер греху, пока насилуем бываешь от врагов, во время ли то бдения, или во время сна. Ибо пока бедный человек еще течет на поприще, до тех пор не имеет дерзновения.
19. Если ум воодушевится и решится с готовностию последовать любви, погашающей страсти телесныя, и силою ея не станет попускать ничему неестественному (страстям, греху) овладевать сердцем, то он, противостоя таким образом тому, что неестественно, достигает наконец того, что совсем отрывает его от того, что естественно.
20. Каждодневно испытывай себя, брат, и усматривая в сердце своем, пред лицом Бога, что в нем есть страстного, отривай то от сердца своего, чтоб страшное решение (участи твоей) не постигло тебя (прежде чем очистишься).
21. Внимай сердцу своему, брат, и бодренно наблюдай за врагами своими: ибо они коварны в злобе своей. Убедись сердечно в той истине, что нельзя делать доброе человеку творящему (любящему)

злое. Потому Спаситель научает нас бодрствовать, говоря, — что узкая врата и прискорбен путь, вводящий в живот, и мало их есть, иже обретают его (Матф. 7, 14).

22. Внимай себе, чтоб что-нибудь погибельное не отдалило тебя от любви Божией; удерживай сердце твое и не унывай, говоря: где мне сохранить его, человеку грешнику? Ибо когда оставит человек грехи свои и обратится к Богу, тогда покаяние его возвращает его и делает его всего новым.

23. Божественное Писание, ветхое и новое, повсюду говорит о хранении сердца. Инок должен разуметь цель Писания, кому оно что говорит и для чего. Должно ему также постоянно держать труд подвижничества и, внимая прилогам противоборца, — подобно искусному кормчему, уметь переходить мысленныя волны, управляясь благодатию; чтоб таким образом не совращаясь с пути, но себе единому внимая, в безмолвии беседовать с Богом, не рассеянным помыслом и не пытливым умом.

24. Время требует от нас молитвы, как кормчаго ветры, треволения и бури воздушныя. Мы способны принимать прилоги помыслов и добрых и худых. Владыкою страстей именуется и есть благочестивый и боголюбивый помысл. Нам безмолвникам должно внимательно и трезвенно различать и распределять добродетели и пороки, — какую добродетель держать в присутствии братии и отцев, и какую исполнять, когда бываем наедине, — и какая добродетель первая, какая вторая и третья; также, — какая страсть есть душевная, и какая телесная, и какая добродетель душевная, и какая телесная, еще — из-за какой добродетели гордость поражает ум; из-за какой тщеславие приражается, из-за какой подходит гнев, из-за какой чревоугодие нападает. Ибо мы должны низлагать помышления, и всякое возношение, взимающееся на разум Божий (2 Кор. 10, 5).

25. Первая добродетель есть безпопечительность, т. — е. умертвие от всякаго человека и всех дел; от ней потом раждается желательное стремление к Богу, а это раждает естественно гнев, который возстает против всего, всеваемого врагом. Тогда находит себе обитель в человеке страх Божий; действием же страха раскрывается потом любовь.

26. Надобно во время молитвы прилог помысла отвращать от сердца благочестивым противоречием, чтоб не оказаться нам — устами Богу молящимися, а в сердце помышляющими неуместное. Не принимает Бог от безмолвника молитвы, расхищаемой помыслами и небрежной. И Писание всюду заповедует хранить душевныя чувства. Если воля инока покорится закону Божию, и ум начнет по сему закону управлять подчиненных своих, — разумею, все чувства душевныя, особенно же гнев и похоть; ибо они суть подчиненные ума: тогда добродетель нами совершена и правда исполнена; пожелание устремлено к Богу и воле Его, а гнев против диавола и греха. Что же еще потребуется? — Тайное поучение.

27. Если срамота всяяна будет в сердце твое, когда сидишь в келлии своей, смотри, противостань злу, чтоб иначе оно не овладело тобою: потщись помянуть Бога, — что Он внимает тебе, и что пред Ним открыто все, о чем помышляет сердце твое. Скажи душе твоей: если ты боишься подобных тебе грешников, чтоб они не видали грехов твоих, не тем ли паче должен ты бояться Бога, Который всему внимлет? От этого увещания откроется в душе страх Божий, и если ты пребудешь с ним, то будешь неподвижен в страсти (не увлекут тебя страсти), как написано: надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живый во Иерусалиме (Пс. 124, 1). И во всяком деле, которое делаешь, содержи в уме, что Бог видит всякий помысл твой, и никогда не согресишь. Ему слава во веки. Аминь.

5. Главы о подвижничестве и безмолвии.

1. Три добродетели суть всегдашняя блюстительницы ума: естественное ему стремление, мужество и безленность.
2. Три есть добродетели, которые когда увидит в себе ум, уверяется, что достиг в бессмертие: рассуждение, тонко различающее страсти одну от другой, — предвидение всего прежде времени, и несосложение ни с каким чуждым помыслом.
3. Три есть добродетели, которые всегда доставляют свет уму: не знать злобы никакого человека, сносить без смущения все случающееся, и благотворить зло творящим. Эти три добродетели рождают три другия, которые выше их: не знать злобы человека рождает любовь; сносить без смущения все случающееся приносит кротость; благотворить злотворящим приносит мир.
4. Есть четыре добродетели, которые очищают душу: молчание, соблюдение заповедей (послушание), самоутеснение и смиренномудрие.
5. Авва Исаия сказал: я смотрю на себя, как на лошадь блуждающую, у которой нет хозяина; всякий, кто ни найдет ее, садится на нее и ездит: и когда этот пустит ее, берет ее другой и тоже садится и ездит.
6. Храни себя, чтоб не услаждаться тем, чем прежде грешил, чтоб не возобновились в тебе прежние грехи. Люби смирение, и оно покроет тебя от грехов твоих. Дай сердце свое в послушание отцам твоим, и благодать Божия вселится в тебя. Не будь мудр сам о себе, чтоб не впасть в руки врагов своих. Приучи язык свой просить прощения, и снидет на тебя смирение. Сидя в келлии, трем вещам прилежи: рукоделию, Богомыслию и молитве. Каждодневно думай, что ныне имеем мы потрудиться в мире сем, а завтра, не знаю; и не согрешишь пред Богом.
7. Не будь чревоугодлив в принятии пищи, чтоб не возобновились в тебе прежние грехи твои. Не унывай ни в каком труде, чтоб не подвергнуться нападкам со стороны врага. Понудь себя на поучение (тайное), и скоро придет к тебе упокоевание в Боге (покой Божий). Заставляй себя долго молиться с плачем, и, может быть, помилует тебя Бог, и совлечет с тебя ветхаго человека, грехолюбиваго.
8. Труд, нищета, странничество, злострадание и молчание рождают смирение, а за смирение прощаются все грехи.
9. Если борет тебя блуд, преутруждай себя непрестанно бдением, алчбою и жаждою, и смирайся пред всеми; если чья красота телесная начнет влечь сердце твое, или похотение жены, вспомни о зловонии (какое будет во гробе), — и успокойся.
10. Брат! Пока находишься ты в жизни сей, не давай покоя телу своему; и не верь ему, когда видишь, что оно покойно от страстей. Ибо демоны часто притаиваются на время; и если человек вознерадит о своем спасении, внезапно нападают на бедную душу, и захватывают ее, как малую птицу; и если преодолеют ее, то без милости смиряют ее всяким грехом. Будем же стоять в страхе Божиим и хранить себя, продолжая делать делания свои и соблюдать все добродетели, которые полагают препону злобе врагов. Труды и подвиги настоящего краткаго времени не только сохраняют нас от злых дел, но и венцы приготавливают душе прежде исхода ея из тела. Постараемся же мы, имеющие печать святаго крещения, отстать от грехов своих, чтоб обрести милость в день суда. Подвизаемся, возлюбленные: ибо время близ. Блажен, имеющий заботу сию день и ночь.
11. Если сердце твое расхищается, и ты не знаешь как упредить его, знай, что в такое расхищение

влечет его какое–нибудь деяние твое, хотел ли ты того, или не хотел. Еслиб Гедеон не велел сокрушить водоносов, то не видать бы было света свечей (Суд. 7, 19 и д.): так если человек не презрит тела своего, то не увидит света Божества.

12. Если в городе, огражденном стенами, малая какая часть стены разгородилась, то враги, если хотят войти в город, все внимание свое обращают на этот пролом, чтоб чрез него войти. Стражи хоть и стоят у ворот, но противостоять врагам не могут, если не восстановлена будет разоренная часть. Так невозможно монаху противостоять врагам своим, когда им обладает какая–либо страсть; и не может он достигнуть в меру совершенства.

СВЯТЫЙ МАРК ПОДВИЖНИК

Сведения о жизни и писаниях святого Марка.

Святой Марк подвижник принадлежит к числу знаменитейших отцев Египетских. Но об обстоятельствах жизни его мало что известно. Палладий (Лавс. гл. 20), видевший его лично, говорит, что он был нрава крайне тихаго и кроткаго, так что в этом никто сравниться с ним не мог; и что с юных лет любил он изучать святое Писание и так хорошо освоился с ним, что знал наизусть Ветхий и Новый Завет.

Строгость жизни и чистота сердца поставили его на высокую степень духовнаго совершенства.

Святой Макарий Александрийский свидетельствует об особенной милости Божией к нему во время причащения Святых Таин, которая указывает и на великую силу веры св. Марка, и на пламень любви его к Господу, и на смирение его крайнее.

Святой Марк жил более ста лет, и почил, надо полагать, в начале пятаго века. Но он жил и обращался с первыми преемниками жизни и учения святого Антония, а может быть и с самим Антонием.

Благодать Божия, опыты жизни и изучение Слова Божия сделали его глубоко–ведущим тайны духовной жизни. Не скрывая сего таланта, он учил и писал много; но до нас дошли только некоторые его писания. В русском переводе издано десять его слов. Патриарх Фотий читал их только восемь; а Никифор Каллист, кроме этих восьми, приписывает ему еще тридцать два слова (Церк. Ист. кн. 13, гл. 53. 544).

В настоящий Сборник берем то, что находится в Добротолюбии, прибавляя к тому наставления, извлеченные из всех других слов, и располагаем все в таком порядке:

1. Послание к монаху Николаю. Оно ставится на первом месте ради того, что в нем содержится очерк подвижнической жизни, с начала ея до конца.

За ним будут следовать:

2. Наставления, извлеченные из прочих слов св. Марка, — как продолжение уроков, данных в послании, и приготовление к пониманию кратких изречений, содержащихся в главах, которыя и последуют тотчас.

3. 200 глав о духовном законе.

4. 226 глав к тем, которые думают оправдаться делами.

При переводе служили: Греческое Добротолюбие, Творения св. Марка, в издании св. Отцев Migne, *Patrologiae graecae*. t. 65, — и рукопись монастыря св. Саввы, что в Палестине, которая полнее и точнее других.

Наставления Марка подвижника о духовной жизни.

1. Послание к иноку Николаю.

Возлюбленному сыну Николаю.

1. И прежде много заботился ты о спасении своем, и, в великом попечении о жизни по Богу, рассказывал нам все о себе, с каким горячим стремлением вознамерился ты прилепиться к Господу строгим житием, воздержанием и всяким другим самоумерщвлением, подвизаясь в бдениях и прилежной молитве; какая также брани, и какое множество плотских страстей возжигаются у тебя в теле, и возстают на душу, от закона греховнаго, противовоюющаго закону ума нашего; особенно же плакался ты на то, что тебе крайне стужают страсти гнева и похоти, и искал какого-либо способа и словеснаго наставления, какие надо употребить труды и подвиги, чтоб взять верх (стать выше) над сказанными пагубными страстями.

2. В то время, сколько было можно, в лице любви твоей предлагал я душеспасительныя мысли и советы благоразумия, показывая, какими трудами и какими подвижническими усилиями, душа, с разсуждением и просвещенным ведением, разумно по Евангелию живущая, может, будучи веры ради вспомоществуема благодатию, преодолеть ключем бьющия внутрь сердца злыя (помыслы и чувства), особенно же указанные страсти. Ибо по духу каких страстей, ради предрасположения к ним и свичности с ними, окачествовалась душа, будучи ими особенно возбуждаема, против тех должна она воспрять и подвиг непрерывно-тщательнейший, пока не покорит плотския и безсловесныя воздействия (влечения) греха, которыми прежде была покоряема, увлекаема и отводима в плен чрез внутреннее с ними в мыслях сосложение, (вынуждаемое) частым воспоминанием (худых) помыслов и страстное с ними собеседование.

3. Ныне же, так как я отдалился от тебя телесно, — лицом, а не сердцем, ушедши в пустыню к истинным делателям и борцам Христовым, чтоб и себе, хоть мало сколько-нибудь сподвизаясь и борясь вместе с братьями, борющимися против вражеских воздействий, и доблестно сопротивляющимися страстям, отложить леность, отсечь разслабление, отбросить от себя нерадение и воспрять ревность и всякое попечение, направляясь к Богоугождению: то поусердствовал письменно начертать твоей искренности краткое наставление и душеспасительные советы, для того, чтоб то самое, о чем я говорил тебе лично, прочитывая со вниманием вкратце в этом небольшом моем увещательном писании, получил ты духовную от того пользу, как бы мы лично были с тобою вместе.

4. Вот с чего, сын мой, должен начать ты спасительное по Богу устройство жизни твоей. Незабвенно и приснопамятно надлежит тебе содержать в уме своем с непрестанным размышлением, все бывшие и бывающие с тобою промыслительныя действия Человеколюбиваго Бога и все благодеяния Его во спасение души твоей, и никак не позволять себе, по причине ли омрачения злым забвением (наводимым врагом), или по причине разленения, не памятовать о многих и великих Его благодеяниях, и поэтому бесполезно и неблагодарно проводить остальное время жизни. Ибо такая воспоминания, как остен какой, уязвляя сердце, подвигают его всегда к исповеданию (щедрот Божиих), к смирению, к благодарению с сокрушенною душею, к радению о всем добром, к стяжанию в воздаяние (за благодеяния) благих нравов и обычаев и всякой по Богу добродетели, вследствие углубления добросовестною мыслию в следующее пророческое слово: что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми (Пс. 115, 3). Когда душа приведет на ум все от рождения благодеяния к ней человеколюбиваго Бога, равно как и то, от скольких бед она многократно была избавляема, или в

скольких впадши беззакония и на каких произвольно поскользнувшись прегрешения, не была праведным судом предана прельстившим ее духам на погибель и смерть; но человеколюбивый Владыка, долготерпеливо презирая ее прегрешения, хранил ее, ожидая ее обращения, — и тогда как она самоохотно работала чрез страсти врагам и злым духам, — Он питал ее, покрывал и всячески о ней промышлял, и наконец благим мановением наставил ее на путь спасения, вложил в сердце любовь к подвижнической жизни, воодушевил с радостью оставить мир и всю прелесть плотских его утех, украсил ангельским образом подвижнического чина, и устроил удобное принятие святыни отцами в состав братства, (когда приведет все это на ум душа), то кто, имея доброю совестью руководимую мысль и размышляя обо всем этом, не пребудет навсегда в сердечном сокрушении? Имея такой задаток в полученных прежде благодеяниях, когда сам не делал ничего доброго, не воспримет ли он твердой навсегда надежды, так говоря сам с собою: если тогда, как я не делал ничего доброго, а напротив много грешил пред лицом Его, валяясь в плотских нечистотах, и во многих других грехах, Он не по—грехам моим сотворил мне и не по беззакониям моим воздал мне, но ущедрил такими дарами и благодатями; то, когда наконец всецело предам себя на служение Ему вполне непорочную жизнь и исправлением всяких добродетелей, каких благ и каких дарований духовных сподобит Он меня, на всякое дело благое укрепляя, направляя и благопоспешествуя? Таким образом, кто, не забывая никогда Божиих благодеяний, имеет такой помысл, тот склоняет себя, направляет и понуждает на всякий благой подвиг добродетели и на всякое делание правды, будучи всегда ревностен и всегда готов на то, чтобы творить волю Божию.

5. Итак, сын возлюбленный, имея, по благодати Христовой, естественный разум, сохраняй всегда в себе такое делание и такое благое размышление, не позволяй себе быть, как мрачным облаком покрываемому, пагубным забвением, ни преграждаемому в шествии разлением, осуечающим ум и отклоняющим его от должной жизни, ни омрачаемому в помысле неведением, — этою причиною всех зол, ни увлекаемому нерадением всезлым, ни прельщаемому плотскою сластиею, ни преодолеваемому чревонеистовством, ни пленяемому в уме пожеланиями и оскверняемому в себе самом сосложением с блудными помыслами, ни побеждаемому гневом, раждающим братоненавидение, — если по какому—либо жалкому и окаянному предлогу опечаливая и опечаливаясь начнешь собирать в памяти злые помыслы против ближнего, — ни отклоняемому от чистой к Богу молитвы, ни отводимому в плен умом, чтоб зверским помыслом подсматривать за единокровным братом. (Ибо если попустить все это, то) за такой безсловесный нрав, полный плотского мудрования, связан будучи в совести, предан будешь до времени в научительное наказание злым духам, которым покорялся; пока ум, оскудевший всеконечно и поглощенный будучи печалию и унынием, по причине потери преспеяния по Богу за предшествовавшую вину, снова начнет со всяким смирением воспринимать начало пути спасения, после многих трудов в молитвах и вседневных бдениях получив разрешение грехов своим смиренным исповеданием их пред Богом и ближними. Так начинает он опять истрезвляться, и просвещаемый светом Евангельского ведения, по благодати Божией познает, что кто не предаст себя всецело на крест в смиренном мудровании, и самоунижении, и не повергнет себя пред всеми, на поправление, унижение, презрение, онеправдование, осмеяние и поругание, чтоб переносить все это с радостью Господа ради, не ища ничего человеческого, ни славы, ни чести, ни похвалы, ни сладкого ястия и пития, ни (красных) одеяний; тот истинным христианином быть не может.

6. Итак, если такие предлежат нам подвиги, борения и венцы, то доколе будем мы позволять себе

быть поругаемыми притворным видом благочестия, и с коварством работать Господу, за одно будучи почитаемы людьми, и другими являясь пред Ведущим тайное? Ибо будучи многими почитаемы за святых, мы доселе еще звери по нраву, истинно вид благочестия только имеющие, силы же его пред Богом не стяжавшие (2 Тим. 3, 5), будучи многими почитаемы за девственников и непорочно-чистых, пред Ведущим тайное оскверняем внутри нечистотами сосложений с блудными помыслами, и окаляемся воздействиями страстей, а между тем по причине крайне притворного своего подвижничества, еще же и по причине человеческих похвал, нерадим о том, слепотствуя умом. Доколе же будем мы ходить с суете ума, не усвоя себе Евангельского мудрования и не воспринимая добросовестного жития, с решимостью тщательно теши путем его, чтобы и дерзновение обрести в совести, но все еще утверждаемся на одной мнимой праведности внешнего человека, и сами себя обольщаем внешними исправностями по недостатку истинного разумения дела, человекам угождать желая, и от них себе ища славы, чести и похвал?

7. Приидет во истину открывающий тайны тьмы, и объявляющий советы сердечные (1 Кор. 4, 5), необольстимый Судия, Который ни богатаго не стыдится, ни беднаго не милует. Он отымет внешний покров и объявит скрытую внутри истину, — и добросовестно живущих, истинных подвижников и борцов, в присутствии Ангелов увенчает пред Отцем Своим, а притворных, которые облакаются только во образ благочестия и пред людьми только видимо показывают (исправную) жизнь, на ней суетно утверждаясь и ею самих себя умопрельщая, пред всею высшею Церковию и пред всем воинством небесным, торжественно изоблачит, и в крайне поразительном стыде отошлет во тьму кромешную.

8. (Таковые подобны) юродивым девам, которыя сохранили внешнее девство (ибо нимало за это не укорены), и сверх того имели несколько елей в сосудах своих, т. — е. были причастны некоторых добродетелей и исправностей внешних, и некоторых даров, — почему светильники их горели до некотораго времени, но, по нерадению, неведению и разленению, о внутренней стороне попечения не имели; и не познали как должно кроющейся внутри толпы страстей, возбужденных злыми духами; от чего мысли их были растлеваемы вражескими воздействиями, и оне (девы) общились с ними сосложением с помыслами, будучи втайне увлекаемы и побеждаемы: завистию злейшею, ревнивостию доброненавистною, задорностию, любопрением, ненавистию, гневом, огорчением, злопамятством, лицемерием, раздражительностию, гордостью, тщеславием, человекоугодием, самоугодием, сребролюбием, небрежением, плотскою похотию, в помыслах сладостраствующею, неверием, безстрашием (пред Богом), боязнию (внешняго чего), печалию, прекословием, всяким себе послаблением, сном, самомнением, самооправданием, возношением, кичливостию, ненасытностию, роскошью, любоиманием, безнадежием, всех бедственнейшим, и другими тончайшими воздействиями греха. Оне (девы) и делание добрых дел, и честную жизнь, какую вели видимо пред людьми, получая от них за то похвалы, и самые дары духовные, если каких были причастны, продавали духам тщеславия и человекоугодия; увлекаясь же другими страстями, в добрыя начинания примешивали лукавья и плотския мудрования и делали их чрез то нечистыми и Богу неугодными, как Каинову жертву. За все это, оне лишены радования с Женихом, и остались вне чертога небеснаго, заключеннаго пред ними.

9. Разсуждая о сем с строгою разборчивостию и самоиспытанием, пойдем и сознаем, в каком состоянии находимся мы, и, пока еще есть время покаяния и обращения, исправим себя самих;

позаботимся, чтобы добрые дела наши, будучи чисто совершаемы, были истинно добры, не имея примеси плотского мудрования, да не будут они отвергнуты, как жертва порочная, по причине безстрашия, нерадения и недостатка истинного ведения: иначе мы, и понесем труд девства, воздержания, бдения, поста и всякаго самоумерщвления и дни свои иждивем, — и все же то, что кажется нам такою праведностию, не будет принято Небесным Священником Христом, быв найдено жертвою порочною, по причине означенных страстей.

10. Итак, сын мой, паче всего надлежит пешись о ведении и разуме тому, кто хочет взять крест и последовать Христу, с непрестанным испытанием своих помыслов, многим попечением о спасении и великою приверженностию к Богу, при вопрошении единокоренных и единомысленных рабов Божиих, тем же подвигом подвигающихся, чтоб не зная, куда и как направлять шествие, не идти во тьме без светлаго светильника. Ибо самочинник, без Евангельскаго ведения и руководства шествующий, часто претыкается, и впадает во многие рвы и сети лукаваго, часто заблуждается и подвергается великим бедам, и не знает, куда наконец придет. Многие проходили большие подвиги самоумерщвления, и большие понесли Бога ради труды и поты; но самочиние, неразумительность и то, что не считали нужным обращаться за спасительным советом к ближнему, сделали такие труды их небогоприятными и тщетными.

11. Ты же, сын возлюбленный, как я и в начале сего увещательнаго слова моего сказал, не забывай бывших тебе от поклоняемаго Человеколюбиваго Бога благодеяний, будучи отклоняем от сего окрадением злобы вражией и разлением, но положив пред очами все, душевныя ли—то, или телесныя, благодеяния, бывшия тебе от начала рождений доселе, размышляй о них и поучайся в них, по сказанному: не забывай всех воздаяний Его (Псал. 102, 2). Таким образом сердце удобно будет подвигнато на страх Божий и любовь, и ты сможешь воздать (Богу в благодарение) строгую жизнь, добродетельным поведением, благочестною совестью, словом благоприличным, верою правою, мудрованием смиренным, и, просто сказать, предашь всего себя Богу. Вот к чему привлечет тебя память благ, полученных тобою от Благаго и Человеколюбиваго Владыки! Такою памятию благодеяний, особенно при содействии манования свыше, сердце твое невольно уязвляемо будет любовию и вожделением (Бога), ибо другим, достойнейшим тебя, не сотворил Он того дивнаго, что сотворил тебе по одному Своему неизреченному человеколюбию.

12. Итак, постарайся содержать в непрестанной памяти все бывшия тебе от Бога блага; особенно же вспоминай о той великой благодати и дивном благодеянии, какия Он подал тебе, как ты мне сказывал, в то время, когда вместе с матерью плыл от Святых мест в Константинополь, — когда ночью поднялась страшная и нестерпимая буря с великим волнением моря, и все бывшие на корабле вместе с корабельниками и самою матерью твоею погибли во глубине, один ты с двумя другими преславною Божественною силою спасся выброшенный на берег; (вспоминай) также, как устроил (Господь) путь твой в Анкиру, где был ты с отеческим благоутробием принят неким щедролубцем и соединился любовию с благоговейнейшим сыном Епифанием, с которым оба вы, по руководству одного преподобнаго мужа, вступили на путь спасения (в отречении от мира), и святыми рабами Божиими были приняты как искренния чада.

13. За все эти, бывшия тебе от Бога блага, что имеешь ты воздать Призвавшему тебя в жизнь вечную? Себе самому, как требует справедливость, не должен ты более жить, но умершему за тебя и воскресшему Христу, — должен стремиться ко всякой правой добродетели и к исполнению всякой

заповеди, ища всегда, что есть воля Божия благая, и совершенная и угодная (Римл. 12, 2) и ее всеусильно стараясь исполнять. Наипаче же, сын, юность свою так покори слову Божию, как требует того сие слово: представь тело свое жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение (Рим. 12, 1). Всякую влагу плотской похоти охлади и изсуши малоядением, малопитием и всенощными бдениями, чтоб и ты мог от сердца сказать: бых яко мех на слане[23], оправданий Твоих не забуду (Псал. 118, 83). Сознав, что ты Христов, распни плоть свою, по Апостольскому гласу, — со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24), и умертви уды, яже на земли (Кол. 3, 5), то—есть не только деяние блудное, но возбуждаемую злыми духами во плоти нечистоту. И не до сего только простирает подвиг свой тот, кто желает сподобиться венца девства истиннаго, несквернаго и всесовершеннаго, но последуя Апостольскому учению, подвизается умертвить самое движение сей страсти. Даже и этим не удовольствуется тот, кто по крепкой любви (к чистоте) возревновал вселить в тело свое ангельское и пречистое девство, но молится, — чтоб исчезло самое простое, в одном помысле, воспоминание о похоти, навеваемое в ум в виде мимолетнаго приражения, без движения и воздействия плотской страсти. Но это может быть достигнуто не иначе, как помощью свыше, единою силою и подаянием Св. Духа, — если только есть какие, сподобляемые такой благодати.

14. Таким образом, возжелавший стяжать венец чистаго, невещетвеннаго и несквернаго девства, распинает плоть свою подвижническими трудами, умерщвляет уды, яже на земли, притрудным и терпеливым воздержанием, истневая внешнею человека, истончая его и соделывая старческим и скелетным; чтоб безпрепятственнее обновлялся внутреннии человек действием благодати ради веры и подвигов духовных, день ото дня преуспевая на лучшее, — возрастая в любви, украшаясь кротостию, обвеселяясь радованием духовным, приемля от Христа залог мира, водясь милостию, облакаясь в благостыню, объемлясь страхом Божиим, просвещаясь ведением и разумом (духовным), облистаясь мудростию, руководясь смиренномудрием. Сими и подобными сим добродетелями обновляемый от Святаго Духа ум приемлет в себя начертание боговиднаго образа, облакается в умную неизреченную красоту Владычняго подобия и сподобляется богатства духовной премудрости.

15. Истончи же, сын мой, юношескую плоть свою, душу же свою утучни и ум обнови вышереченными добродетелями, содействием Святаго Духа. Юношеская плоть, утучненная разными яствами и винопитием, делается подобно вепрю, готовому на заклание. Жжением плотских сластей закалается при этом душа, и распалением злой похоти пленяется ум, не могши противостоять влечению плоти. Так прилив крови — отлив духа. Что касается до вина, то юность да не обоняет даже запаха его, — чтоб двойным пожаром, — внутри от воздействия страсти, и совне от винопития, — разгоревшись сласть плотская не изгнала духовной сладости болезненнаго умиления и не произвела смятения и ожесточения в сердце. Даже воды в сытость да не приемлет юность, для сохранения духовнаго желания (благонастроения); ибо скудость воды много способствует к уцеломудрению тела. Когда испытываешь это на деле, тогда удостоверись в том собственным опытом. Ибо я законополагаю тебе это и устанавливаю, не в том смысле, чтоб хотел наложить на тебя какой невольный ярем; но любовно советую и предлагаю это, как доброе средство к сохранению истиннаго девства и строгаго целомудрия, оставляя твоему свободному произволению делать что хочешь.

16. Теперь поговорим немного и о неразумной страсти гнева, которая во время своего движения и

воздействия опустошает всю душу, приводит ее в смятение и омрачает и человека делает подобным зверю, такого особенно, который легко поползновенен и быстро преклонен на нее. Страсть эта крепится, поддерживается и делается неодолимой от гордости; и пока сие диавольское древо горести (Евр. 12, 15), то—есть, гнева и раздражительности, напоется злою водою гордости, дотеле оно разрастается и цветет, и приносит обильный плод беззакония. Таким образом это здание лукаваго в душе бывает неразоримо, пока имеет подкрепу и поддержку в основах гордости. Посему, если хочешь, чтоб это древо беззакония (разумею страсть огорчения, гнева и раздражительности) изсохло в теле и сделалось бесплодным, чтоб секира Духа пришла и посекала его, и оно было брошено в огонь, по слову Евангельскому и исчезло со всякою злобою, — если хочешь, чтоб этот дом беззакония, который лукавый на зло строит в душе, собирая в помыслах отвсюду, как камни, основательные и неосновательные предлоги от дел, или слов, и уготавливая здание злобы в душе, подложив в твердое ему основание помыслы гордости, если хочешь, чтоб этот дом был разорен и раскопан, то возымай смирение Господа незабвенным в сердце своем. Кто Он и чем стал ради нас? С какой высоты света Божества, открытаго в меру и горним существам, и славимаго на небесах всяким разумным естеством — Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств, Начал, Властей, Херувимов, Серафимов и всех прочих неизмененных умных сил, которых имена не дошли до нас, — и в какую глубину смирения человеческого низошел Он, по неизреченной благодати Своей, во всем уподобившись нам, сидящим во тьме и сени смертной, состоящим в плену у врага, по причине преступления Адамова, и обладаемым от него чрез действующие в нас страсти.

17. Итак, Владыка всякой твари видимой и невидимой не постыдился нас, бедствующих в таком пленении и обладаемых горькою смертию, но смирил Себя и восприяв (на себя) Человека, коему Владычним определением присуждено нести скорби, как эпитимию, уподобился нам во всем, кроме греха, т. — е., кроме страстей безчестия. Что Владычним определением наложено на человека, за грех преступления (прародительскаго), как эпитимия, как—то, — смерть, труд, алчба, жажда и подобное, все то Он восприял, став тем, чем мы есмы, чтоб нам сделаться тем, что Он есть: Слово плоть бысть (Иоан. 1, 14), чтобы плоть стала словом; Богат сый обнища, да мы нищетою Его обогатимся (2 Кор. 8, 9), по великому человеколюбию Он уподобился нам, чтоб и мы уподобились Ему всякою добродетелию. Ибо с тех пор, как пришел Христос, человек, бывший (и в начале) по образу и подобию воинстину обновляется благодатию и силою Духа Святаго, достигая в меру совершенной любви, вон изгоняющей страх и не могущей более подвергаться падению; ибо любви николиже отпадает (1 Кор. 13, 8), потому что Бог, говорит Иоанн, любви есть и пребывая в любви, в Бозе пребывает (1 Иоан. 4, 16). Такой меры сподобились Апостолы, и все, которые подобно им подвизались в добродетели и представили себя Господу совершенными, с совершенною приверженностию во всю жизнь свою последовав Христу.

18. Итак, если будешь ты всегда без забвения содержать в уме таковое смирение, какое по неизреченному человеколюбию из любви к нам показал Господь, то—есть, вселение Бога—Слова в ложесна, восприятие человека, рождение от жены, постепенность телеснаго возрастания, безчестие, досады, поношения, поругания, укорения, биения, оплевания, насмешки, наругания, червленную хламиду, терновый венец, приговор на Него правителей, вопли против Него беззаконных Иудеев, единоплеменных Ему: возми, возми, распни Его (Иоан. 19, 15), крест, гвозди, копие, напоение оцтом и желчию, торжествование язычников, насмешки проходивших мимо и говоривших: аще Сын еси

Божий, сниди со креста и веруем в Тя (Матф. 27, 42) и прочия страдания, которья Он претерпел ради нас, — распятие, смерть, тридневное погребение, сошествие во ад — потом и плоды страданий, — каковы: воскресение из мертвых, опустошение ада и смерти чрез изведение собравшихся ко Господу душ, вознесение на небеса, седение одесную Отца, превыше всякаго начала и власти и всякаго именуемаго имени (Ефес. 1, 21), честь, слава и поклонение от всех Ангелов Первенцу из мертвых, по причине Его страданий, по Апостольскому слову, которое гласит: сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе; Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв и образом обретеса якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему Имя, еже паче всякаго имене; да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и прочее (Фил. 2, 5—10)... Вот на какую славу и высоту, по правде Божией, вознесли человека Господня вышесказанныя страдания!

19. Итак, если будешь с теплым расположением без забвения хранить в сердце своем такая помышления, то не возобладает тобою страсть огорчения, гнева и раздражительности. Ибо когда взято будет из под них основание, т. — е. когда истребится страсть гордости углублением в смирение Христово, тогда все здание беззаконнаго гнева, ярости и печали легко разорится само собою. Какое жестокое и каменное сердце не сокрушится, не умилился и не смирится, если будет всегда иметь в уме такое ради нас смирение Божества Единороднаго, и помнить исчисленныя пред сим страдания Его? Не сделается ли оно напротив охотно землею, и пеплом и попранием для всех человеков, по Писанию? Когда же душа, смотря на смирение Христово, так смирится и сокрушится, тогда какая раздражительность может овладеть ею? Какой гнев и какое огорчение приразятся?

20. Но, как кажется, забвение этих спасительных и животворных для нас помышлений, и сестра его — разленение, и их содейственница и единоправница неведение, — эти тягчайшия и внутреннейшия болезни души, которья трудно сознать и еще труднее уврачевать, — увлекая и омрачая душу неудержимым любопытством (разведыванием о всем внешнем кроме себя), бывают причиною того, что в ней действуют и укрываются и все прочия злыя страсти: оне производят безстрашие (пред Богом) и нерадение о всем добром, и дают всякой страсти свободу входить в душу и без стыда в ней действовать. Когда душа покрыта (как покровом каким мрачным) всезлым забвением, пагубным разленением и, материю и питательницею всего злаго, неведением; тогда жалкий слепотствующий ум удобно привязывается к каждой вещи видимой, или мыслимой, или слышанной: видит, например, красоту женскую, и тотчас уязвляется плотскою похотию. Память, прияв таким образом страстно и с услаждением виденное, слышанное и осязанное, живописует потом образы того внутри, чрез воображение помышлений и злую с ними беседу, и тем оскверняет страстный еще жалкий ум, чрез воздействие блудных духов.

21. Наконец и плоть, если она тучна, или очень юна, или слишком мокротна, от таких воспоминаний проворно возбуждается страстию и делает свойственное ей, движась к похоти, и иногда во сне, иногда на яву издавая нечистоту, и без общения с женою в действительности. Таковой многими может быть считаем за целомудреннаго, девственника и чистаго, или даже может иметь притязание на святость, но пред Видящим сокровенное он есть скверный, блудник и прелюбодей, и в день оный справедливо будет осужден, если не будет плакать и рыдать, и Богу, пред лицом Котораго помышлял и делал злое, не принесет достойнаго покаяния, измождив плоть постами, бдениями и

непрестанными молитвами, и ум уврачевав и исправив святыми памятованиями и поучением в Слове Божиим. Ибо не ложен живой глас, который сказал: всяк иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Матф. 5, 28). Посему очень полезно особенно для юных отнюдь не видаться с женами, хотя бы оне почитались святыми, а, если можно, жить особо и от всех людей: чрез это он сделает брань гораздо легчайшею для себя и осязательнее будет чувствовать свое преспеяние; особенно, если будет строго внимать себе и пребывать в молитве, подвизаясь в малоядении, в малопитии даже воды, и продолжительных бдениях; также соображаться с опытными духовными отцами, стараясь быть с ними и пользоваться их руководством. Ибо крайне опасно жить особняком, по своей воле, без свидетелей, или жить с неопытными в духовной брани. Много козней у злобы (сатаны), много сокровенных засад, и разнообразны сети, простертые врагом повсюду. Посему, сколько можно, всячески надо стараться и домогаться жить вместе, и часто беседовать с мужами—знатоками дела духовнаго, дабы, если кто и не имеет собственного света истиннаго ведения, по причине младенчества и несовершенства еще духовнаго возраста, то идя вместе с тем, кто имеет его, не шел он во тьме, не подвергался опасности от тенет и сетей, не попадался мысленным зверям, которые, кроясь во тьме, восхищают и растлевают ходящих в ней без умнаго светильника Божественнаго слова.

22. Если же хочешь, сын мой, стяжать и иметь внутри себя собственный светильник умнаго света и духовнаго ведения, чтобы непреткновенно мог ты ходить в глубочайшей ночи века сего, и стопы твои исправлялись от Господа (Псал. 118, 133), да по пророческому слову, восхощеши зело пути Евангельскаго, то—есть, того, чтобы с горячайшею верою проходить совершеннейшия Евангельския заповеди и сделаться причастником страданий Господних чрез вожделение их и молитву: то покажу тебе к тому дивный способ, состоящий в нравственном внутреннем настроении духа, которое требует не телеснаго труда, или подвига, но приболезненнаго труда душевнаго, властвования ума (над всем внутри), и внимательной мысли, при содействии страха и любви Божией. Этим настроением легко можешь ты обращать в бегство полки врагов, подобно блаженному Давиду, который с верою и упованием на Бога, убив одного иноплеменническаго исполина, тем самым обратил в бегство тьмы врагов и с народом их.

23. Метит это слово мое на трех сильных и крепких исполинов иноплеменнических, на которых утверждается вся сопротивная сила мысленнаго Олоферна, которые, если будут низвержены и убиты, то в конец изнеможет вся сила лукавых духов. Эти мнящиеся быть сильными три исполина лукаваго суть помянутые уже нами — неведение, мать всех зол, — забвение, сестра его, содейственница и помощница, и, из мрачнаго ткущее душе темную одежду и покров — разленение (равнодушие), которое утверждает и укрепляет оба первыя, и дает им состоятельность, и делает то, что в душе нерадивейшей зло становится как—бы вращенным и всуществленным. Ибо от равнодушия (разленения), забвения и неведения крепнут и увеличиваются подпоры всех прочих страстей. Будучи взаимными одно другому помощницами, и одно без другаго не могучи иметь состоятельность, они (в связи все вместе) являются крепкими силами супостата и главными начальниками лукаваго. При посредстве их скопище духов лукавствия строит в душе свои ковы и успевает приводить в исполнение свои замыслы.

24. Если хочешь одерживать победу над страстями и легко обращать в бегство толпы мысленных иноплеменников, то, молитвою и содействием Божиим собравшись внутри себя и сошедши во

глубины сердечныя, розыщи в себе сих трех сильных исполинов диавольских, — разумею забвение, равнодушие, или разленение и неведение, питаюсь которыми, и все другия страсти действуют, живут и усиливаются в самоугодливых сердцах и ненаказанных душах. При строгом к себе внимании и бодрности ума с помощью свыше найдешь, конечно (уловишь в себе, схватишь), эти другим неведомыя и даже не предполагаемыя, губительнейшия прочих злыя страсти, противоположными им оружиями правды, — разумею, — благою памятью, причиною всего добраго, просвещенным ведением, которым в бодрности держимая душа прогоняет от себя тьму неведения, и живую ревностью, возбуждающею и ведущею душу ко спасению. Затем, облекшись в сии же оружия добродетели, со всякою молитвою и молением, силою Духа Святаго, доблестно и мужественно победишь (совсем прогонишь) помянутых трех гигантов мысленных иноплеменников, — именно: прекрасною по Богу памятью, всегда помышляя о том, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала (Фил. 4, 8), отгонишь от себя всезлейшее забвение; просвещенным небесным ведением уничтожишь пагубную тьму неведения; а готовую на всякое добро живейшею ревностью, — изгонишь безбожное равнодушие (разленение), делающее зло вращенным в душу. Стяжать же сии добродетели можешь ты не одним своим произволением, но силою Божиюю и содействием Святаго Духа, при многом внимании и молитве, и стяжав их таким образом, можешь чрез них избавиться от сказанных трех крепких исполинов лукаваго. Когда силою действенной благодати образуется в душе, и тщательно будет храним в ней (тройственный) союз истиннаго ведения, памятования словес Божиих и доброй ревности; тогда самый след забвения, неведения и равнодушия исчезнет из души. Они обратятся в ничто, в душе же начнет царствовать наконец благодать, во Христе Иисусе, Господе нашем, Кому слава и держава, во веки веков. Аминь.

2. Наставления святаго Марка, извлеченныя из других его слов.

1. Вера состоит не в том только, чтобы креститься во Христа, но чтобы и заповеди Его исполнять. Святое крещение совершенно и подает нам совершенство, но не делает совершенным неисполняющаго заповедей.

2. Если и по крещении бываем мы подвержены греху, то это не потому, что не совершенно было крещение, но потому что мы нерадим о заповеди, и пребываем в самоугодии по собственному нашему произволению. Волю нашу и по крещении ни Бог, ни сатана не приневоливает. В крещении таинственно освободились мы от рабства греху по написанному: яко закон духа жизни освободил мя есть от закона греховнаго и смерти (Рим. 8, 2); по причине же нерадения о делании заповедей Очистившаго нас, мы подпали действию греха; поелику не исполняли заповедей, то снова сделались пленниками врага.

3. Человек по своей воле, где любит, там и пребывает, хотя и крестился, потому что самовластие не приневоливается. Когда Писание говорит, что нуждницы восхищают царствие небесное (Матф. 11, 12), то говорит сие о своей воле, дабы каждый из нас понуждал себя после крещения не уклоняться к злу, но пребывать в благом. Получившим силу к исполнению заповедей, как верным, Господь заповедует подвизаться в них, дабы не возвращаться назад.

4. Подвиги не суть что-либо особое от заповедей. Они суть заповеди. Покажи мне подвиги, кроме заповедей. Если укажешь на молитву, — это есть заповедь; если скажешь о низложении помыслов, — и это заповедь (трезвитесь и бодрствуйте); если о посте и бдении, и сие тоже есть

заповедь; если укажешь на самоумерщвление, и это заповедь (да отвернется себе); и какое бы ни сказал ты дело подвижнической добродетели, — все оне суть заповеди. (Цель подвижничества — точнейшее исполнение заповедей).

5. Святое крещение дает совершенное разрешение (от рабства греху, как и покаяние); связать же себя снова пристрастием, или пребыть разрешенным чрез делание заповедей, есть дело самовластного произволения. Если помысл укосневает в какой-либо сласти греховной, то это от самовластного пристрастия, а не но какой-либо неволе. Мы, по Писанию, имеем власть помышления низлагать (2 Кор. 10, 4). Лукавый помысл, для низлагающих его в себе, есть знак любви к Богу, а не греха; ибо не приражение помысла есть грех, но дружеская с ним беседа ума. Если не любим его, то зачем медлим в нем? Невозможно, дабы что-либо, от сердца нами ненавидимое, продолжительно беседовало нашему сердцу, без нашего злаго участия в этом.

6. Когда по святом крещении, будучи в состоянии исполнять заповеди, не исполняем их, тогда и не желая того, бываем содержимы грехом (опять падаем в рабство греху), пока покаянием не умолим Бога, направляясь ко всем заповедям Его, и он истребит грех нашего самовластия.

7. Ты облекся во Христа крещением (Гал. 3, 27), и имеешь силу и оружие низлагать помышления (2 Кор. 10, 4). Если же имея на них силу, не низлагаешь их от первого приражения, то очевидно, что сластолюбствуешь по неверию, соглашаешься и сдружаешься с ними. В таком действии сам ты виноват.

8. Иногда без согласия нашего какой-нибудь помысл скверный и ненавидимый нами, как разбойник, неожиданно напав на нас, насильно содержит у себя ум наш. Однакоже знай наверное, что и сей помысл произошел от нас самих; ибо или по крещении мы предавали себя такому худому помыслу, хотя не исполняли его делом; или по собственной воле держим в себе некоторые семена зла, почему и утверждается в нас лукавый; и он лукавыми семенами удержав нас, не отойдет, пока не отбросим их; скверный же помысл, пребывающий в нас чрез делание зла, тогда изгонится, когда принесем Богу труды, достойные покаяния. Итак, в невольном, беспокоящем, помысле виновен ты сам, потому что, имея власть отогнать его и очистить от него ум в начале первого приражения, ты не сделал этого, но беседовал с ним самоохотно, хотя не исполнил делом. (Он приходит на согретое место, к старому знакомому, приятелю).

9. Когда увидишь в сердце своем бывающую тебе помощь, знай достоверно, что, не извне явившись, пришла благодать сия, но данная тебе таинственно при крещении воздействовала ныне в такой мере, в какой ты, возненавидев помысл, отвратился от него.

10. Христос Господь, избавив нас от всякаго насилия (благодатию в крещении), не возбранил приражение помыслов к сердцу нашему; дабы одни, будучи ненавидимы от сердца, тотчас были истреблены; другие же, сколько мы их любим, столько и пребывали, чтобы обнаруживались и благодать Христова, и воля человеческая, — что она любит, — труды ли ради благодати, или помыслы ради самоугодия.

11. Как некое злое родство, похоти наши и приражения помыслов действуют совокупно одни с другими. Каждый помысл, укоснев в своем любителе, передает его своему ближнему, так что человек, привычкою сильно влекомый к первому, вторым уже и против воли бывает увлекаем. Ибо кто может избежать гордости, будучи исполнен тщеславия? Или кто, насытившись сна и предавшись наслаждению, не будет побежден помыслом блуда? Или кто предав себя лихоимству, не

будет связан немилосердием? А наслаждающиеся всем этим, как избегнут раздражительности и гнева?

12. И по принятии благодати, в нашем произволении состоит, — ходить по плоти, или по духу. Но невозможно ходить по духу возлюбившим похвалу человеческую и послабление телу; и невозможно жить по плоти внутренне предъизбирающим будущее более настоящего. Потому надлежит нам возненавидеть похвалу человеческую и упокоение тела, чрез которые и без нашего хотения прозябают в нас лукавые помыслы, и искренно сказать Господу: совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми (Псал. 138, 22).

13. Крестившимся в Соборной Церкви крещением дается таинственно благодать и живет в них сокровенно; потом же по мере делания заповедей и мысленной надежды, открывается в верующем, по слову Господню: веруй в Мя, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его (Иоан. 7, 38. 39).

14. По своему маловерию, каждый подпадает действию греха, будучи от своего похоти влеком и прельщаем; таже похоть зачещи раждает грех, грех же содеян раждает смерть (Иак. 1, 14. 15). От своей похоти раждается грех мысленный; а от этого происходит совершение сообразного тому действия. Лишь только кто отступит (от обязательства крещения), тотчас бывает содержим грехом.

15. Твердо верующим Дух Святой дается тотчас в крещении; но мы сами оскорбляем и угашаем Его в себе. Почему заповедует Апостол: Духа не угашайте (1 Сол. 5, 19), не оскорбляйте Духа Святаго, Имже знаменастеся в день избавления (Еф. 4, 30). Сие не значит, чтоб всякий крещенный и получивший благодать по тому самому был неизменен и не требовал более покаяния; но что от крещения, по дару Христову, нам дарована совершенная благодать Божия к исполнению всех заповедей; но потом каждый, получив оную таинственно, и не совершая заповедей, по мере опущения их, находится под действием греха, за то, что по нерадению, получив силу действовать, не совершает дел. Желаем ли быть совершенными, скоро или медленно, мы должны совершенно верить Христу и исполнять все Его заповеди, получив от Него силу на такое дело. Сколько мы, веруя, исполняем заповеди Божии, столько и Дух Святой производит в нас Свои плоды. Плоды же Духа, по святому Павлу, суть: любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 22).

16. Итак, если кто из верных, живя по заповедям, соразмерно тому, обрел некое духовное действие, да верует, что он уже прежде получил силу на то; ибо получил в крещении благодать Духа — причину всего благаго, не только тайных и духовных, но и явных добродетелей. И никто из добродетельных да не полагает одною своею силою соделать что-либо благое; ибо благий человек, не от себя, но от благаго сокровища сердца приносит благое (Матф. 12, 35), говорит слово, разумея под сокровищем Духа Святаго в сердцах верных сокровеннаго.

17. Познавший достоверно, что он, по слову Апостола, имеет в себе сокровеннаго от крещения Христа, оставив все вещи мира сего, пребывает в своем сердце, соблюдая его всяцем хранением (Притч. 4, 23). Ибо Той есть действующий в нас еже хотети и еже деяти о благоволении (Фил. 2, 13). Словом — о благоволении — показывает Апостол, что благоволить о добродетелях зависит от нашего самовластия, а соделать их, или искоренить грехи, без Бога невозможно. Сказанное: без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 5), имеет тот же смысл. Но во всем есть и наше участие.

18. Царственный ум каждого, сперва из тайнаго сердечнаго храма, приемлет добрые и благие советы

от внутри живущаго Христа, и производит их в дело добродетельным житием, которое приносит снова даровавшему ему советы посредством благой мысли Христу.

19. Блага, которыя получают праведные по воскресении, находятся горе; обручения же их и начатки отныне действуют духовно в сердцах верующих, дабы, будучи удостоверены о будущем, мы презрели все настоящее, и возлюбили Бога до смерти. Посему Апостол не сказал: имеете приступить, но приступите к Сионстей горе, и ко граду Бога Живаго, Иерусалиму Небесному (Евр. 12, 22): ибо способными к тому мы все соделались от крещения, получить же то сподобляются одни твердо верующие, которые всякий день умирают ради любви Христовой, то—есть, стоящие превыше всякой мысли о здешней жизни, и непомышляющие ничего другаго, кроме того, как бы достигнуть в совершенную любовь Христову. Сего ища паче всего, святой Павел говорил: гоню же, аще и постигну, о нем же и постижен бых, то—есть да возлюблю так, как и возлюблен был от Христа (Фил. 3, 12). И когда достиг сей любви, более уже не хотел помышлять ни о чем, — ни о скорбном для тела, ни о дивном в творении, но все оставил явно, и говорит: кто ны разлучит от любви Христовы (Рим. 8, 35—39)? Ни о чем уже не хотел помышлять, но только пребывать там (в сердце, в любви Христовой).

20. Апостол сказал, что мы имеем в себе начаток Духа (Рим. 8, 23), показывая меру нашего вместилища; ибо мы не можем вместить всего действия Духа иначе, как совершенную заповедю. Как солнце, будучи совершенно, изливает от себя всем совершенную, простую и равную благодать: но каждый насколько имеет очищенное око, на столько и принимает солнечный свет; так и Дух Святой верующих Ему соделал от крещения способными к принятию всех Своих действий и даров: однако дары Его действуют не во всех в одной мере, но каждому даются по мере делания заповедей, поколику он засвидетельствует благими делами и покажет меру веры во Христа.

21. Приражение сатанинское есть в одном только помысле представляющееся явление лукавой вещи (дела), которое и самому тому, чтобы приблизиться к уму нашему, находит (удобство) лишь по нашему маловерию. Ибо когда по получении нами заповеди ни о чем не иметь попечения, но всяцем хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23) и искать внутрь нас сущаго царствия небеснаго, отступит ум от сердца и от вышесказаннаго взыскания, тотчас дает место диавольскому приражению, и бывает доступен лукавому совету. Но даже и тогда диавол не имеет власти приводить в движение наши помыслы, иначе бы он не пощадил нас, наводя понудительно всякую злую мысль, и не попуская помышлять ничего благаго; но он имеет только власть внушать превратное в помысле только первой мысли, чтобы искушать наше внутреннее расположение, куда оно клонится, к его ли совету, или к заповеди Божией, поелику они друг другу противятся.

22. Когда приражение помысла ненавидимаго пребывает внутри и закосневает, то это зависит не от новаго нашего расположения, но от прежняго восприятия. Такое приражение стоит на месте неподвижно одномысленным; негодование сердечное возбраняет ему перейти во многомислие и страсть. Одномысленный (голый) помысл, ненавидимый внимающим себе, не имеет силы увлекать ум в многомислие. Это бывает только при сердечном с ним сострастии. А потому если мы совершенно отступим от всякаго сострастия, то явление (в уме) прежде принятых образов всегда будет одномысленно, и вредить нам более не может, или осуждать совесть нашу.

23. Когда ум познает безуспешность своего противления прежде принятым образам (впечатлениям) и исповедует Богу прежнюю свою вину, тотчас упраздняется и самое сие искушение, и ум снова имеет

власть внимать сердцу и всяцем хранением блюсти оное молитвою, покушаясь войдти во внутреннейшия и безопасныя клетки сердца, где уже нет ветров лукавых помыслов, бурно реющих и низвергающих душу и тело в стремнины сладострастия и в поток нечистоты; нет широкаго и пространнаго пути, устланнаго словами и образами мирскаго мудрования, который оболъщает последующих ему, хотя бы они и были весьма мудры; ибо чистыя внутреннейшия клетки души и дом Христов приемлют внутрь себя ум наш, обнаженный и не приносящий ничего от века сего, будет ли то оправдываемо разумом или нет; разве только три сия, поименованныя Апостолом, веру, надежду и любовь (1 Кор. 13). Итак, кто любит истину и желает трудиться сердечно, тот, по сказанному выше, может не увлекаться и прежде принятыми впечатлениями, но внимать своему сердцу, преуспевать (в достижении) ко внутреннейшему и приближаться к Богу, только да не небрежет о трудах молитвы и жительстве (по Богу); ибо не может не трудиться сердцем тот, кто внимательно воздерживает себя всякий день не только внешне, но и внутренне от мысленных парений и плотских сластей.

24. Не испытывать приражений зла есть принадлежность одного Естества Непреложнаго, а не человеческого. И Адам доступен был сатанинскому приражению; но имел власть послушать его, или не послушать. Приражение помысла не есть ни грех, ни правда, но обличение самовластной нашей воли. Потому—то и попущено ему приражаться к нам, дабы преклоняющихся к заповеди удостоить за верность венцев (победных), а преклоняющихся к сомоугодию, за неверность показать достойными осуждения. Но и сие надлежит знать нам, что не тотчас после каждаго нашего изменения дается по оному суд, оказались ли мы искусными, или достойными отвержения, но когда во все наше пребывание в сей жизни будем испытаны приражениями, побеждая и будучи побеждаемы, падая и востая, блуждая и будучи наставляемы на добрый путь, тогда только в день исхода, по сочтении всего, соразмерно сему будем судимы или похваляемы. Итак, не приражение есть грех. Вовсе нет! Ибо хотя оно и невольно (без нашего согласия) нам показывает вещи в одном (лишь) помысле, но мы получили от Господа власть духовнаго делания, и в нашем самовластии состоит, при первой мысли, испытав вредное и полезное, отвергать или принимать помыслы, которые умножаются не по нужде, но от душевнаго расположения.

25. Поелику душа наша, помрачившись сластолюбием и тщеславием, ниспала во глубину неразумия, то не слушает ни заповедей Писания, ни естественнаго разума, ни разсмотрения опытных, а следует лишь одним своим умышлениям. Почему удерживая в себе эти причины зла, она не может быть свободна и от свойственных им действий. Каждый поколику верует Господу о будущих благах, презрев человеческую славу и удовольствия, потолику и помыслы удерживает, и на столько бывает спокойнее того, кто любит удовольствия; потому мы и различаемся друг от друга и по помыслам и по жизни.

26. Достоверно знай, что Господь зрит на сердца всех людей: и за тех, которые ненавидят первое появление лукавых помыслов, тотчас заступается, как обещал, и не допускает, чтобы множество многомыслия (их), воставши, осквернило ум и совесть их; а тех, которые не низлагают первыя прозябения помыслов верою и надеждою на Бога, но услаждаются ими, оставляет как неверных без помощи, быть биемыми последующими помыслами, которых не удаляет, ибо видит, что мы любим первое их приражение, а не ненавидим их при первом появлении.

27. Никакая власть не принуждает нас насильственно ни к добру, ни к злу; но кому мы, по нашей

свободной воле работаем, — Богу, или дьяволу, тот потом поощряет нас ко всему, что составляет его область.

28. Начала действий суть два приражения помыслов, не примечаемая умом: похвала человеческая и угождение телу, которые, когда невольно приражаются к нам, прежде согласия с ними воли нашей, не составляют ни порока, ни добродетели, но служат лишь обличением склонности нашей воли, куда мы преклоняемся. Господь желает, чтобы мы терпели поношения и удручали себя, дьявол же хочет противного; и потому, когда мы радуемся о вышесказанных приражениях, то очевидно, что мы, преслушав Господа, склоняемся к сластолюбивому духу; когда же скорбим о помянутых приражениях, то очевидно, что мы преклоняемся к Богу, возлюбив тесный путь. Посему—то этим приражениям и попущено приражаться к людям, чтобы те, которые любят заповедь Божию и услаждаются ею, преклонили свою волю пред Христом, и Он, найдя в них вход, направил ум их к истине. Также разумей и о противном: те, которые напротив любят человеческую славу и угождение телу, дают вход дьяволу, и он, найдя себе свой вход, предлагает нам свои злыя внушения, и по мере того, как мы услаждаемся мыслями о них, не перестает делать к ним прибавления, пока не возненавидим от сердца двух вышесказанных приражений. Но мы так их любим, что не только ради их предаем добродетель, но и самыя эти приражения при случае переменяем одно на другое: иногда удручаем тело ради тщеславия, иногда переносим безчестия ради сластолюбия. Когда же беззаботно согласимся с ними, то начинаем искать и вещества их возвращающаго. Вещество же тщеславия и телеснаго наслаждения есть сребролюбие, которое по Божественному Писанию, есть и корень всем злым (Тим. 6, 10).

29. Господь не сказал Адаму: в оньже день снете, Я умерщвлю вас, но, предостерегая их, предвозвещает им закон правды, сказав: в оньже аще день снете, смертью умрете (Быт. 2, 17). И вообще Господь положил, чтобы за каждым делом, добрым или злым, приличное ему воздаяние следовало естественно, а не по особенному назначению, как думают некоторые, незнающие духовнаго закона.

30. Мы должны помнить, что если возненавидим кого—либо из единовѣрных как злаго, то и Бог возненавидит нас как злых; и если кого—либо отвергаем от покаяния, как грешника, то и мы будем отвержены (Богом), как грешники; и если мы не прощаем ближнему согрешений, то равным образом и сами не получим прощения в согрешениях наших. Объявляя сей закон, Законодатель наш Христос сказал нам: не судите, и не судят вам, не осуждайте, да не осуждени будете, отпускайте и отпустится вам (Лук. 6, 37). Зная сей закон, святой Апостол Павел явно говорил: имже судом судиши друга, себе осуждаеши (Рим. 2, 1). И Пророк, не зная сего, так взывал к Богу: яко Ты воздаси комуждо по делом его (Псал. 61, 13) и другой Пророк от Лица Божия говорит: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь (Втор. 32, 35).

31. Говорится у Пророка Даниила: грехи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами (убогих) (Дан. 4, 24). Но может быть, ты скажешь: я не имею денег, как ущедрю убогаго? Не имеешь денег, но имеешь хотения; отрекись от них, и посредством их совершай благое. Не можешь благотворить рукою телесною? Благотвори правым произволением: аще согрешит к тебе брат твой, остави ему (Лук. 17, 3), по слову Господню; и это составит для тебя великую милостыню. Если мы ищем оставления грехов от Бога, то должны поступать так при всяком согрешении, относительно каждаго, дабы сбылось сказанное (во Евангелии): отпускайте и отпустится вам (Лук. 6, 37). Великое

дело, если кто, имея деньги, подает (милостыню) убогим; миловать же ближних в согрешениях их (противу нас) на столько больше, для получения прощения грехов, во сколько душа, по естеству своему, честнее тела. Если же мы, прося от Бога прощения (грехов), и многократно получив просимое, так что ради сего не претерпели здесь никакого зла, а ближних наших не хотим сделать участниками сего дара, то чрез сие самое мы уподобляемся оному лукавому рабу, который, получив от своего Владыки прощение долга — тмы талант, ближнему своему, который был ему должен только сто пенязей, не простил; с коим и Господь, как бы судясь по закону, сказал: рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил Мя еси; не подобаше ли и тебе помиловати клеветра твоего, и простить ему долг, якоже и Аз тя помиловах? И прогневався, сказано; предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой. И выводит из сего заключение, говоря: тако и Отец Мой Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их (Матф. 18, 32—35).

32. Господь сказал: горе вам богатым (Лук. 6, 24). Но сказав так, Он не всех обвиняет обогатившихся, ибо есть в числе их, и действительно умеющие располагать богатством, по воле давшаго оное — Бога, и по Писанию, сторицею в жизни сей приемлющие, каковы: блаженный Авраам и праведный Иов, которые, будучи милостивы, обогатились еще более и здесь и в будущем веке; но порицает (как мы выше сказали) тех, кои, имея лихоимственный нрав, присвояют себе дарования Божии, или в отношении имений (вещественных), или в различных Его щедротах, и не хотят быть милосердыми к ближнему. Ибо не данное от Господа имение причиняет вред обладающему оным, но от неправды прибывающее лихоимство и матерь его, — немилосердие, которых, совершенно избегая, твердо верующие всецело отреклись настоящих благ, не потому, чтобы безразсудно возненавидели Божие творение, но по вере во Христа, заповедавашаго им поступать так, получая от Него удовлетворение своих дневных нужд. Иной может богатеть и без имений, содержа в лихоимстве слово или ведение, или какое-либо другое средство к оказанию милосердия, обще всем дарованное; ибо получает оное для того, чтобы преподать неимущему.

33. Согрешившим не следует отчаяваться. Да не будет сего. Ибо мы осуждаемся не за множество зол, но за то, что не хотим покаяться и познать чудеса Христовы, как свидетельствует сама Истина: мните ли, говорит (Господь), яко Галилеане сии, ихже кровь смеси Пилат с жертвами их, грешнейши бяху паче всех человек, иже на земли? Ни, глаголю вам: но аще не покаетесь, такожде погибнете. И они осмнадесяте, на нихже паде столп Силоамский, и поби их, мните ли, яко грешнейши бяху паче всех человек, живущих во Иерусалиме? Ни, глаголю вам: но аще не покаетесь, такожде погибнете (Лук. 13, 2—5). Видишь ли, что мы осуждаемся за то, что не имеем покаяния?

34. Покаяние же, как полагаю, не ограничивается ни временем, ни какими-либо делами, но совершается посредством заповедей Христовых, соразмерно с оными. Заповеди же одне суть более общия, которыя заключают в себе многия из частных, и многия части порока отсекают за один раз, как например, в Писании сказано: всякому просящему у тебя дай: и от взимающаго твоя не истязуй (Лук. 6, 30), и: хотящаго заяти от тебе, не отврати (Матф. 5, 42); это суть заповеди частныя. Общая же, заключающая их в себе: продаждь имение твое, и даждь нищим, и: взем крест твой, гряди вслед Мене (Матф. 19, 21), разумея под крестом терпение постигающих нас скорбей. Ибо все раздавший нищим и взявший крест свой исполнил разом все вышеозначенныя заповеди. Равным образом: хошу, говорит (Апостол), да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки (1 Тим.

2, 8); а общее сего (Господь): вниди в клеть твою, и помолися Отцу твоему, Иже втайне (Матф. 6, 6); и еще: непрестанно молитесь (Сол. 5, 17): вшедший в клеть свою, и непрестанно молящийся, в этом самом заключил вполне молитву, приносимую на всяком месте. Также сказано: не соблуди, не прелюбы сотвори, не убий и тому подобное, и общее сего: помышления низлагающе, и всяко возношение взымающееся на разум Божий (2 Кор. 10, 5). Низлагающий же помышления поставил преграду всем вышеупомянутым порокам. Посему—то боголюбивые и твердо верующие понуждают себя на общия заповеди, не оставляя и частных, встречающихся по случаю. А потому и полагаю, что дело покаяния совершается тремя следующими добродетелями: очищением помыслов, непрестанною молитвою, и терпением постигающих нас скорбей, и все сие должно быть совершаемо не только наружным образом, но и в умном делании, так, чтобы долго потрудившиеся сделались чрез сие безстрастными. А поелику дело покаяния, как указало слово наше, не может быть совершено без трех вышепоименованных добродетелей; то и полагаю, что покаяние прилично всегда и всем хотящим спастися; грешным и праведным; ибо нет такого предела совершенства, который бы не требовал делания вышеупомянутых добродетелей; посредством их приобретает начинающими введение в благочестие, средними — преуспеяние в нем, а совершенными — утверждение в оном.

35. Господь всем заповедует: покайтесь (Матф. 4, 17), чтоб даже и духовные и преуспевающие не пренебрегали этим повелением, не оставляя без внимания и самых тонких и малых погрешностей; ибо сказано: уничижаяй малая по мале упадет (Иис. Сирах. 19, 1). И не говори: как может пасть духовный? Пребывая таким, не падает: когда же допустит в себя что—либо малое из противного, и пребудет в нем, не покаившись, то сие малое, укоснев и возрастя, уже не терпит оставаться отдельно от него, но влечет его к соединению с собою как бы некою цепью, долговременною привязанностию привлекая насильно. И ежели вступив с ним (с сим злом) в борьбу посредством молитвы, отвергнет его, то останется в своей мере духовнаго возраста. Если же конечно сведен будет (с обычной степени) возрастающим усилием того, что обладает им, сокращая борьбу и труд молитвы, то неизбежно будет прельщаться и другими страстями. И так, постепенно будучи отводим каждую по мере своего отведения, лишается Божественной помощи; и наконец бывает сведен и в большия преступления иногда и нехотя, от понуждения предварительно возобладавшего им. Но ты скажешь мне: не мог ли он, будучи в начале зла, умоливать Бога не впасть в конечное зло? И я тебе говорю, что мог, но презрев малое, и собственною волею восприняв его в себя, как ничтожное он уже не молится о сем, не зная, что сие малое бывает предначинанием и причиною большаго: так бывает в добром и злом! Когда же страсть усилится, и при помощи его произволения найдет себе в нем место, то она уже против его воли насильно возносится на него. Тогда уразумеет беду свою, он молит Бога, ведя брань с врагом, котораго по незнанию защищал прежде, препираясь за него с людьми. Иногда же, и будучи услышан от Господа, не получает помощи, потому что она приходит не как думает человек, но как устрояет Бог к пользе нашей. Ибо Он, зная нашу удобопреклонность и презрительность, много вспомоществует нам скорбями, дабы, избавившись безскорбно, мы не стали усердно делать те же согрешения. А потому и утверждаем, что необходимо терпеть постигающее нас и весьма прилично пребывать в покаянии.

36. Ты возразишь мне на это: какого еще требуют покаяния по истине благоугодившие Богу и достигшие совершенства? Что были и есть такие люди, признаю вместе с тобою и я; но послушай разумно и поймешь, что и таковые имеют нужду в нем. Воззрение на жену с вожделением вменил

Господь в прелюбодеяние, гнев на ближнего уподобил убийству; и показал, что и о праздном слове воздадим ответ (Матф. 5, 28. 29; 12, 36). Кто же не знает вожделения от зренья, и никогда не прогневался на ближнего понапрасну, и даже оказался невиновным в праздном слове, чтобы не иметь ему нужды в покаянии? Ибо, если в настоящем и не таков, то был таким некогда, а посему в отношении покаяния, он должник до самой смерти. Но положим, что есть некоторые и без сих немощей, как говорят, и от рождения чужды всякаго порока, хотя это невозможно, по слову святого Павла: вси согреша, и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его (Рим. 3, 23. 24). Впрочем, еслибы и были таковые, все же они происходят от Адама, все родились под грехом преступления, и посему, по приговору Божию, осуждены на смерть и не могут спастись без Христа.

37. Разсмотри прошедших сию жизнь от начала мира, и найдешь, что в благоугодивших (Богу) таинство благочестия совершилось чрез покаяние. Никто не был осужден, если не презрел его, и никто не был оправдан, если не заботился о нем. Сампсон, Саул и Илий с сыновьями своими, уже приобрета отчасти святину, и вознерадев о покаянии, сперва утратили ее, а потом, когда время отсрочки прошло, умерли лютою смертию. Если диавол не перестает бороться с нами, то и покаяние не должно быть никогда упраздняемо. Святые понуждают себя приносить его и о ближних, не могли быть, совершенными без действительной любви.

38. Если покаяние есть прошение милости, то имеющему надобно заботиться, чтобы не услышать: се съити есте (1 Кор. 4, 8), тем паче неимущему надобно просить по своей потребности, ибо всяк просяй приемлет (Матф. 7, 8). Если милующий (других), сам помилован будет, то, как полагаю, весь мир держится покаянием, когда один от другаго промыслительно бывает вспомоществуем. Посредством покаяния, Бог спас Ниневитян; нерадевших же о нем Содомлян — попалил.

39. Если мы и до смерти будем подвизаться в покаянии, то и таким образом еще не исполним должнаго, ибо ничего достойнаго царствия небеснаго не сделали. Ибо как мы едим, пьем, говорим и слышим, так естественно должны и каяться. Однажды достойный смерти по закону умерщвляем бывает; а кто живет, тот живет верою ради покаяния; если и не от своего, то от греха преступления, мы очистились посредством крещения; очистившись, получили заповеди; не исполняющий же втораго, осквернил первое, забвение прием очищения древних своих грехов (2 Петр. 1, 9), от которых никто во всякий день не бывает свободен, хотя бы никогда не оставлял ничего из повеленнаго. Посему всем нужно покаяние: ибо оно показывает некогда произвольно бывшие грехи, а теперь невольню случающияся, когда возненавидим страсти и будем удаляться от них. Ограничивающий оное обращается на прежнее, и обновляет древния прегрешения.

40. В отношении деятельной жизни, мы без покаяния не можем сделать ничего достойнаго; но (Господь) много милует нас за намерение наше. Понуждающий себя и держащийся покаяния до самой кончины, если в чем и погрешит, спасется за понуждение себя; ибо сие Господь обещал в Евангелии. Кто говорит, что он не имеет нужды в покаянии, тот считает себя праведным, и называется в Писании порождением злым; ибо чрез мнение о своей праведности, являясь как бы совершившим покаяние, сам того не зная, вместо распятия, совокупляется со страстями: ибо самомнение и кичливость суть страсти. Имеющий самомнение не может спастись; ибо в Писании сказано: презорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает (Аввак. 2, 5). Если смиренномудрие нисколько не вредит совершенному, то пусть он не оставляет и причину его — покаяние. Верный Авраам и праведный Иов, смиренномудрствуя, назвали себя землею и пеплом; а

эти слова — знак смиренномудрия. Три отрока, по истине великодушные и великие мученики, исповедывались посреди горящего пламени; и говоря о себе: мы согрешили и беззаконновали, каялись в давнем зле, будучи уже совершенны; и сущность почти всей их песни состоит в покаянии. Итак, если и весьма благоугодившие (Богу), и оказавшиеся совершенными по делам своим, пользовались помощью покаяния до самой смерти, то кто может надеяться на себя и презирать покаяние под предлогом правды?

41. Должно прощать тому, кто нас обидел, зная, что воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели. А если мы не можем сего делать, по причине возобладавшаго нами греха, то должны при бдении и злострадании молить Бога, чтобы Он умилился над нами и подал нам таковую силу. При этом, во всякое время, на всяком месте и при всяком деле мы должны иметь одно намерение, дабы при различных обидах от людей радоваться, а не скорбеть: радоваться же не просто и не без разсуждения; но потому, что имеем случай простить согрешившему (против нас) и получить прощение собственных наших грехов. Ибо в этом заключается истинное Боговедение, которое многообъятнее всякаго ведения и с помощью котораго мы можем умолять Бога и быть услышаны; это есть плодосие веры, этим доказывается вера наша во Христа; чрез сие можем взять крест свой и последовать Христу; это есть мать первых и великих заповедей, ибо посредством сего можем возлюбить Бога от всего сердца, и ближняго как самого себя; для сего должны мы поститься, пребывать во бдении и удручать свое тело, дабы сердце наше и внутреннее расположение отверзлись, приняли это в себя, и уже не извергали. Тогда за то, что мы прощаем ближнему согрешения, найдем, что благодать сокровенно данная нам при святом крещении, будет действовать в нас уже не безъизвестно, но ошутительно для нашего сознания и чувства.

42. Мудрые в слове только обижающих считают виновными; а умудренные Духом и тогда, как их обижают другие, порицают самих себя, если не с радостию произвольно терпят обиды, и не только за сие порицают себя, но и за то, что скорби происходят от их же собственной прежней вины, хотя одно согрешение и легче другаго. Кто сам за себя мстит, тот как бы осуждает Бога в недостатке правосудия; а кто нашедшую на него скорбь переносит, как свою собственную, тот исповедует прежде сделанное им зло, за которое и терпит, перенося тяжкое.

43. Добродетели прощать обиды — препятствуют две страсти, тщеславие и сластолюбие: а потому прежде всего должно отречься от них в уме, и потом уже стараться о приобретении и этой добродетели. Потому вступи в борьбу с твоею волею для преодоления сих страстей. Борьба эта междоусобная, и она не внешняя (ибо не с ближними нашими должны мы будем вести борьбу), но внутренняя, и никто из людей не будет вспомоществовать нам. Мы будем иметь только одного Помощника, таинственно в нас сокровеннаго со времени крещения, — Христа, Который непобедим, и от Котораго ничто не сокрыто. Он будет способствовать нам в сей борьбе, если мы по силе своей будем исполнять Его заповеди. Противники же наши, как выше, сказано: сластолюбие, соединенное с телом, и тщеславие, которое мною и тобою обладает. Они прельстили Еву и обольстили Адама: сластолюбие указало древо, яко добро в снедь, и угодно очима видети, а тщеславие присоединило к тому: будете, яко бози, ведяще доброе и лукавое (Быт. 3, 5. 6).

44. (Иноки откуда заимствовали свой образ жизни?) Иноки не держатся мудрования противнаго Церкви, но стараются следовать мудрованию Христову, по словам Апостола: сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу,

но Себе умалил, зрак раба приим (Фил. 2, 6. 7). Знай же, что такой образ мыслей и жизни дарован Богом, и порождает великую добродетель — смиренномудрие. Совершать же сие дело заповедал Господь в Церкви, сказав: делайте не брашно гиблющее, но пребывающее в живот вечный (Иоан. 6, 27). Какое это дело? То, чтобы молитвою искать Царствия Божия и правды Его, которое внутри нас, как сказал Господь (Лук. 17, 21), обещавший ищущим Его приложить и все потребное для тела (Матф. 6, 33). Услышавших сие от Господа, уверовавших (слову Его), и по мере сил своих исполняющих его, называть действующими не по естеству, — значит порицать Бога, Который заповедал это.

45. Как иноки держась такого порядка падают? Падают не те, которые держатся его, но которые его оставляют, и будучи окражены тщеславием и попечением о житейском, нерадят о главнейшем в нем — о молитве говорю и смиренномудрии. Потому—то и диавол не препятствует нам помышлять и делать все житейское, только бы удалить нас от молитвы и смиренномудрия; ибо он знает, что совершаемое без этих двух (добродетелей), хотя оно и доброе, он в последствии когда—нибудь отнимет. Молитву же разумею не только телом совершаемую, но и неразвлеченною мыслию приносимую Богу. Ибо ежели одно из сих двух (тело, или мысль) безвременно отделяется, то и другое, оставшись одно, не Богу предстоит, а своей воле.

46. Блаженный Павел, желая, чтобы мы отнюдь не были нерадивы о молитве, говорит: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17) и вместе с тем указывая на неразвлекаемость ума, сказал: не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная (Рим. 12, 2). Так как Бог, по маловерию нашему и немощи, дал различные заповеди, что бы каждый, по мере своего старания, избегнул муки и получил спасение, то Апостол наставляет нас к совершенной воле Божией, желая, чтобы мы вовсе не были и судимы; зная же, что молитва содействует к исполнению всех заповедей, не перестает многократно и многообразно о ней заповедывать и говорить; молящися на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении и молитве (Еф. 6, 18).

47. Молитва бывает различна: ибо иное — неразвлеченною мыслию молиться Богу, и иное — предстоять на молитве телом и развлекаться мыслию; также иное — выбирать время, и окончив мирския беседы и занятия, помолиться, и иное — сколько возможно предпочитать и предпоставлять молитву всем мирским попечениям, по слову того же Апостола: Господь близ, ни о чемже пецйтесь, но во всем молитвою и молением прошения ваша да сказуются Богу (Фил. 4, 6). Как и блаженный Петр говорит: уцеломудритесь и трезвитесь в молитвах, все попечение ваше возвергше нань, яко Той печется о вас (1 Петр. 4, 7 и гл. 5, 7). Во первых же и Сам Господь, зная, что все утверждается молитвою, сказал: не пецйтесь, что ясте, или что пиете, или чим одеждемся: ищите же царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Матф. 6, 31. 33). Но может быть Господь призывает нас чрез это и к большей вере: ибо кто, оставив попечение о временном, и не терпя в нем скудости, не поверует Богу и касательно вечных благ? Сие—то обнаруживая, Господь сказал: верный в мале и во мнозе верен есть (Лук. 16, 10).

48. Господь, зная, что для нас неизбежна ежедневная заботливость о теле, не отсек дневнаго попечения, но попустив нам заботиться о настоящем дне весьма прилично, боголепно и человеколюбиво повелевает не заботиться о завтрашнем; ибо людям, облеченным в тело, невозможно вовсе не заботиться о том, что относится к жизни тела: чрез молитву и воздержание

можно многое сокращать в малое, но совершенно презреть все (относящееся к телу) невозможно. Итак, желающий по Писанию возраста в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова достигнути (Ефес. 4, 13), не должен предпочитать молитве различные служения, и без нужды, как случится, брать оныя на себя; но и встречающихся по некоторой надобности, и по смотрению Божию не должно уклоняться и отвергать оныя от себя, под предлогом молитвы; но ему (надобно) познавать различие (между молитвою и другими занятиями) и служить смотрению Божию без испытания. Кто мудрствует иначе, тот не верует, что одна заповедь бывает по Писанию и выше и главнее другой, и не хочет, по слову Пророка, направляться ко всем заповедям (Псал. 118, 128), встречающимся ему по смотрению Божию.

49. Необходимыя и смотрительно встречающиеся нам дела неизбежны, но безвременныя занятия должно отвергать, предпочитая им молитву, в особенности же отвергать те, которыя вовлекают нас в большия траты и собрания излишних имений. Ибо на сколько кто ограничит их о Господе, и отсекает излишнее вещество их, настолько и мысль удерживает от развлеченія, а сколько удержит мысль, столько и чистой молитве дает место и показывает искреннюю веру во Христа. Если же кто-либо по маловерию, или по какой-либо другой немощи, не может этого делать, то по крайней мере да познает истину, и по силе своей да простирается вперед, обвиняя себя в младенчестве.

50. Постараясь надеждою и молитвою отдалять от себя всякое мирское попечение, если же не можем исполнить этого в совершенстве, то будем приносить Богу исповедание в недостатках наших, прилежание же о молитве никак не оставим; ибо лучше подвергнуться укорению за частое упущение, нежели за совершенное оставление. Во всем же сказанном нами о молитве и неизбежном служении, много нам потребно вразумления от Бога к разсуждению, чтобы знать, когда и какое занятие мы должны предпочитать молитве. Ибо каждый, упражняясь в любимом ему занятии, думает, что он совершает должное служение, не зная того, что все дела (наши) надобно направлять к благоугождению Божию, а не для угождения себе. Еще же труднее разсудить, что и эти необходимыя и неизбежныя заповеди не всегда одинаковы, но одна из них в свое время должна быть предпочтена другой: ибо каждое из служений не всегда, но в свое время совершается, а служба молитвы узаконена непрестанною; посему мы и должны предпочитать ее занятиям, в которых не настоит необходимой надобности. И все Апостолы, уча о сем различии народ, желавший их привлечь к служению, говорили: не угодно есть нам, оставившим слово Божие, служити трапезам. Усмотрите убо, братие, мужи от вас свидетельствованы седмь, ихже поставим над службою сею. Мы же в молитве и служении слова пребудем. И угодно бысть слово сие пред всем народом (Деян. 6, 2—5). Чему же из сего научаемся? Тому, что людям, которые не могут пребывать в молитве, хорошо находиться в служении, чтобы нам не лишиться того и другаго, и тем, которые могут лучше — не нерадеть о лучшем.

51. Начнем дело молитвы, и преуспевая постепенно, найдем, что не только надежда на Бога, но и твердая вера и нелицемерная любовь, и незлопамятность, и любовь к братии, и воздержание, и терпение, и ведение внутреннейшее и избавление от искушений, благодатныя дарования, сердечное исповедание и усердныя слезы чрез молитву подаются верным, и не только сие (вышеисчисленное), но и терпение приключаящихся скорбей, и чистая любовь к ближнему, и познание духовнаго закона и обретение правды Божией, и наитие Духа Святаго, и подание духовных сокровищ, и все, что Бог обетовая дать верным здесь и в будущем веке, — (все сие получают они чрез молитву). И одним

словом — не возможно иначе возстановить в себе образ Божий, как только благодатию Божию и верою, если человек с великим смиренномудрием пребывает умом в неразвлеченной молитве.

52. Есть три вида благочестия: первый, чтобы не согрешить, второй — согрешивши, переносить приключаящиеся скорби, третий же вид состоит в том, чтобы, если не переносим скорбей, плакать о недостатке терпения. Ибо неисправленное здесь приличными средствами примирения (с Богом) по необходимости навлекает на нас тамошний суд. Разве только Бог, увидев нас плачущих и смирившихся, как Сам Он ведает, всеильною Своею благодатию изгладит грехи наши.

53. О как вкрадчива и как незаметна страсть человекоугодия; она обладает и мудрыми! Ибо действия прочих страстей легко бывают видны исполняющим оныя, и потому приводят одержимых ими к плачу и смиренномудрию; а человекоугодие прикрывается словами и видами благочестия, так что людям, которых оно обольщает, трудно разсмотреть его видоизменения.

54. Слушай, как Писание порицает человекоугодие. Во-первых Пророк Давид говорит: Бог разсыпает кости человекоугодников: постыдешася яко Бог уничижи их (Псал. 52, 6) и Апостол говорит: не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы (Еф. 6, 6) и еще: или ищу человеком угождати? Аще бых человеком угождал, Христов раб не бых убо был (Гал. 1, 10). И много такого найдешь ты в Божественном Писании, если прочтешь его.

55. Какая видоизменения человекоугодия? Мать сих видоизменений и первое из них есть неверие, а за ним, как порождения его, следуют: зависть, ненависть, лесть, ревность, ссоры, лицемерие, лицепрятие, служение лишь пред глазами, оклеветание, ложь, вид ложного благоговения, а не истинного, и подобныя сим и неудобозамечаемыя и темныя страсти. Но хуже всего то, что некоторые восхваляют все сие искусными словами как доброе, и вред, заключающийся в них, — прикрывают. Если хочешь, то я обнаружу отчасти и коварство их: коварный человекоугодник, советуя одному, строит козни другому; хвалит одного, порицает другаго; уча ближняго, хвалит себя; принимает участие в суде не для того, чтобы судить по справедливости, но чтобы отмстить врагу; обличает с ласканием, пока, укоряя врага своего, не будет принят им; клеветает не называя имени, чтобы прикрыть свое оклеветание; убеждает нестяжательных, чтобы они сказали, в чем имеют нужду, как бы желая подать им это; и когда они скажут, разглашает о них, как о просящих; пред неопытными хвалится, а пред опытными смиреннословит, уловляя похвалу от тех и от других; когда хвалят добродетельных, негодует, и начиная другой рассказ, устраняет похвалу; осуждает правителей, когда они отсутствуют, а когда присутствуют, хвалит их в глаза; издевается над смиренномудрыми, и подсматривает за учителями, чтобы укорить их; унижает простоту, чтобы выказать себя премудрым; добродетели всех ближних оставляет без внимания, а проступки их сохраняет в памяти. И кратко сказать: всячески уловляет время и раболепствует лицам, (невольно) обнаруживая многообразную страсть человекоугодия: покушается скрыть свои злыя дела вопрошением о чужих. Истинные же иноки не так поступают, но напротив: по чувству милосердия оставляют без внимания чужия злыя дела, а свои явно показывают пред Богом; потому и охуждают их люди, не знающие их намерения; ибо они не столько стараются угождать людям, сколько Богу. Итак, иногда благоугождая Ему, иногда уничижая себя, и за то и за другое ожидают награды от Господа, Который сказал: возносяйся смирится; смиряя же себе вознесется (Лук. 18, 14).

56. Из случающагося с нами печальнаго, ничто не постигает нас несправедливо, но все бывает по праведному суду Божию. Иные терпят за свои злыя дела, а иные за ближняго. Вот и три отрока,

будучи ввержены в печь, учат нас этому образу мыслей, говоря, что они ввержены по своей вине (Дан. 3, 28. 31), и по повелению Божию, хотя и приняли на себя (в это время) лице других. И святой Давид, будучи оскорбляем Семеем, исповедал, что он по своей вине и по повелению Божию подвергся оскорблению (2 Цар. 16, 11). Исаия же и Иеремия, Иезекииль, Даниил и другие Пророки предвещали народу (Израильскому) и племенам (языческим), что их постигнут в будущия времена скорби, соразмерно грехам каждого, объявляя им вместе и вины их и бедствия, ибо выражаются так: за то, что они говорили сие и делали то и то, постигло их то–то и то–то. И блаженный Давид, объясняя это, говорит в Псалме: разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистину смирил мя еси (Псал. 118, 75) и еще: поношение безумному дал мя еси. Онемех и не отверзох уст моих, яко Ты сотворил еси (Псал. 38, 9, 10).

57. Укоряющего нас будем принимать, как Богом посланного обличителя сокровенных в нас злых мыслей, чтобы мы, с точностию рассмотрев наши мысли, исправили себя, хотя мы и не знаем многого, кроющагося в нас злаго; ибо только совершенному мужу свойственно помнить все свои недостатки. Если и явные недостатки (наши) не так удобно бываю нами замечаемы, то тем более помышления; а мы, не зная большей части кроющагося в нас зла, смущаемся постигающими нас скорбями. Познаем же как разумные, что Господь для пользы нашей попускает на нас скорби, и делает нам чрез то много добра: во–первых чрез это обнаруживаются тайно владеющая нами (злая) мысли; по обнаружении же их, Господь подает нам и смиренномудрие истинное и непритворное; потом дарует нам и избавление от суетнаго возношения, и совершенное открытие всякаго, таящагося в нас зла. Достоверно знайте, что если мы не переносим постигающих нас скорбей с верою и благодарением, то не можем познать скрытаго в нас зла; если же явно не познаем его, то ни настоящих злых помыслов не можем отвергнуть, ни очищения от прежних зол взыскать, ни относительно будущаго не можем получить твердой уверенности.

58. Постигающая нас скорби и обличения, повидимому, не бывают подобны нашим винам; но в духовном отношении сохраняют всю правду. Это мы можем познать и из Св. Писания. Разве те, которые погибли под разрушившеюся башнею Силоамскою, обрушивали на других башню? Или пленники, отведенные на покаяние в Вавилон на семьдесят лет, брали в плен других на покаяние? Не таковы наказательные случаи; но как воины, если они будут обличены в каком–либо преступлении, подвергаются наказанию биения, но не то самое зло терпят, какое сделали, так и все мы бываем наказываемы постигающими нас скорбями своевременно и прилично к покаянию, но не подобообразно, ни в тоже время, и ни теми же вещами. Это, то–есть, отсрочка времени и несходство постигающих нас скорбей с нашими винами и приводит многих в неверие правде Божией.

59. Вина всякаго скорбнаго случая (встречающагося с нами) суть помыслы каждого из нас: мог бы я сказать, что и слова и дела; но так как они не происходят прежде мысли, потому я приписываю все помыслам. Помысл предшествует, а потом чрез слова и дела образуется между нами (и ближними нашими) общение. Общение же бывает двух родов: одно происходит от злобы, а другое от любви. Чрез общение мы воспринимаем друг друга, даже и тех, кого не знаем, а за принятием на себя (ближняго) необходимо следуют скорби, как говорит Божественное Писание: поручайся за своего друга, врагу предает свою руку (Притч. 6, 1). Так каждый терпит постигающее его не за себя только, но и за ближняго, — в том, в чем он принял его на себя.

60. Принятие на себя ближняго, происходящее от злобы, бывает невольное. И случается так:

лишающий чего—либо (ближняго своего), хотя и не желает, принимает на себя искушения лишаемаго; также клеветущий — искушения оклеветаннаго им; лихоимствующий — лихоимствуемаго, утомляющий — утомляемаго им, оговаривающий — оговариваемаго, презирующий — презираемаго, лгущий принимает на себя искушения того, кого он оболгал, и чтобы не перечислять всего порознь, скажу кратко: всякий обижающий ближняго соразмерно (с обидою) принимает на себя искушение обижаемаго им. О сем свидетельствует и Божественное Писание, говоря: изрываяй яму искреннему своему, впадется в ню; и валяяй камень на себе валит (Притч. 26, 27); также: в недра входят вся неправедным: от Господа же вся праведная (Притч. 16, 33). Еда ли неправеден Бог, наносяй гнев (Рим. 3, 5) не только на вразумляемых скорбями, но и на тех, кои безразсудно возстают против сих скорбей.

61. Принятие на себя ближняго по любви есть то, которое всячески предал нам Господь Иисус, прежде исцеляя немощи наши душевныя, потом целя всяк недуг и всяку болезнь; взявля грех мира, обновляя твердо верующих Ему и соделывая чистым оных естество; даруя им избавление от смерти; завещав Богопочитание, благочестию уча, показывая, что мы должны ради любви злострадать до смерти; к тому же даровал нам и терпение причастием Духа и будущия блага, ихже око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша (1 Кор. 2, 9). Потому принимает и искушения за нас, терпит поношения, поругание, связание, бывает предан, биен по ланитам, напоем оцтом и желчию, пригвождаем гвоздями, распинаем, прободен копием. Так соединившись с нами и плотию и духом, и восприняв за нас страдания, Он предал потом сей закон и святым Апостолам и ученикам, Пророкам, Отцам, Патриархам, одних прежде научив Святым Духом, а другим показав то Пречистым Телом Своим. Являя это принятие на Себя, Он говорил: больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Иоан. 15, 13). Потому и святой Павел, подражая Господу, говорил: ныне радуюся во страданиях моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за тело Его, еже есть Церковь (Кол. 1, 24), гадательно указывая на принятие по любви.

62. Хочешь ли яснее узнать, как все Апостолы и мыслию и словом и делом вступили в общение с нами и чрез это общение понесли за нас искушения? (Они делали это) мыслию: предлагая нам Писания, приводя пророчества, увещавая нас веровать Христу, как Избавителю, удостоверяя нас, что мы должны служить Ему, как Сыну Божию по естеству, молясь за нас, проливая слезы, и делая все, что можно сделать верным мыслию. Словами: прося нас, угрожая нам, уча, обличая, укоряя нас в маловерии, порицая наше невежество, объясняя Писания, обнаруживая время, исповедуя Христа и проповедуя, что Он распят за нас, утверждая, что вочеловечившееся Слово есть едино, а не два, хотя и разумеем Его состоящим из двух естеств, соединенных нераздельно и неслиянно; во всяком времени, месте и деле отсекая зловерие, не соглашаясь с ложью, не беседуя с хвлящимися по плоти, с тщеславным не пребывая, не боясь гордаго, уничтожая лукаваго, принимая смиренных, усвая себе благочестивых и научая нас делать тоже самое. Делами же: будучи гонимы, поругаемы, лишаемы, оскорбляемы, ввергаемы в темницы, убиваемы и подобное сему пострадав за нас. Так вступив с нами в общение, приняли они и наши искушения, ибо говорят; аще скорбим, о вашем спасении; аще ли утешаемся, о вашем утешении, приняв закон от Господа, Который сказал: больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Иоан. 15, 13). И Они предали нам (тоже), говоря: аще убо Господь душу Свою по нас положи: и мы должны есмы души наша по братии полагати (1 Иоан. 3, 16), и еще: друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов (Гал. 6, 2).

63. И так, если мы узнали два вида общения друг с другом, то—есть, принятие, бывающее по нужде, и проистекающее от любви, то сообразно с ними не будем любопытствовать о случающихся искушениях, как, или когда, или чрез кого они нас постигают; ибо ответственность каждого из них с воинами, время неизбежного их последования, и содействие к этому всей твари, знает один Бог. А мы должны только верить правде Божией и знать, что все невольное постигающее нас, случается с нами, или ради любви, или за злобу: и потому мы должны терпеть оное, а не отвергать, чтобы не приложить еще греха к грехам нашим.

64. Воля плоти есть естественное движение тела с последующим за ним разжением без помыслов, — которые укрепляются сном и покоем тела; о них и блаженный Петр говорит: не дивитесь еже в вас раждежению ко искушению вас бываемому, яко чужду вам случающуся (1 Петр. 4, 12). И блаженный Павел сказал о них: плоть похотствует на духа; и дух на плоть, потому он и заповедует, говоря: духом ходите, и похоти плотския не совершайте (Гал. 5, 16. 17). Сказали же это Апостолы, желая, чтобы мы с такими движениями не соглашались.

65. Подвизающимся надобно, начав (подвиг добродетели), доводить его до конца. Молодым же и старым, имеющим здоровое тело и не боящимся ни труда, ни озлобления, полезнее со всем усердием любить всегдашний пост: мерою вкушать хлеб и от времени до времени (мерою же) пить воду, так, чтобы оканчивать еду, чувствуя еще некоторый голод и жажду, дабы наслаждение (пищею и питием) не было препятствием необходимому служению Богу. Если, вкушая означенную пищу, будем насыщаться вдоволь, то скоро пожелаем других яств. Если же не будем насыщаться, то всегда будучи голодны, если и будем желать насыщения, будем желать насытиться хоть—бы и хлебом.

66. Не легко овладеть безстыдным чревом: ибо оно есть бог для побеждаемых им, и невозможно быть не виновным, кто повинуется ему. И не только от насыщения, но и от невкушения пищи вижу (бывающее) бедствие; ибо когда мы в течение многих дней не вкушаем пищи, то уныние, найдя себе в нас место, возстанет и будет бороться нас, и ночное бдение наше низвергает в сон, а дневную молитву в плотские помыслы, так что мы никакой не получаем пользы по причине сна, и подвергаемся большому вреду от плотских помыслов; ибо как более других постящиеся, мы начинаем высокоумствовать и уничтожать меньших, а такое (мнение о себе и о ближних) тяжелее всякаго греха.

67. Как неразумный земледелец, если он со многими издержками обработал свое поле, и оставил его не засеянным, потрудился в убыток себе: так и мы, если поработив тело свое большим вниманием к себе, не будем сеять семена молитвы; то выйдет, что мы потрудились против самих себя. Но может быть кто—нибудь скажет: если в молитве заключается главное дело правды, то какая надобность в посте? Всячески большая: ибо как бедный земледелец, если посеет на поле, заросшем дурною травою, не обработав вновь земли, то вместо пшеницы пожнет терние: так и мы, если будем сеять семя молитвы, не удручив прежде тело свое постом; то вместо правды принесем плоды греха. Ибо тело сие из той же земли, и если не будет возделано с таким же прилежанием, как и земля, то никогда не произрастит плода правды.

68. Пост, как приносит пользу тем, которые разумно к нему приступают, так и вредит неразумно его начинающим. Посему заботящиеся о пользе поста, должны беречься вреда его, то—есть тщеславия, и хлеб, который вкушаем, по окончании назначеннаго себе поста, должны мы разделять на дни невкушения пищи, чтобы, вкушая ежедневно по малой части, мы могли покорить мудрование своей

плоти и иметь сердце твердым к полезнейшей молитве, дабы таким образом, силою Божию быв сохранены от возношения, мы имели попечение все дни жизни нашей пребывать в смиренномудрии, без которого никто никогда не может благоугодить Богу.

69. Если бы мы старались о смиренномудрии, то не было бы нужды в наказании нас; ибо все злое и скорбное, случающееся с нами, приключается нам за возношение наше. Если на Апостола, чтобы он не превозносился, попущен был ангел сатанин, — да пакости ему деет; тем более на нас, когда превознесем, сам сатана попущен будет попирасть нас, пока мы не смиримся. Праотцы наши владели домами, имели богатство, имели жен, заботились о детях, и вместе с тем, по причине своего ненасытимаго смиренномудрия, беседовали с Богом; а мы удалились от мира, презрели богатство, оставили дома, и думая, что пребываем с Богом, бываем поруганы бесами за возношение наше. Превозносящийся не знает себя самого; ибо если бы он видел свое безумие и немощь, то не превозносился бы, а не знающий себя как может познать Бога? Если он не мог познать своего безумия, в котором пребывает, то как возможет познать премудрость Божию, от которой он далек и которой чужд? Знающий Бога, созерцает величие Его, и укоряя себя, говорит подобно блаженному Иову: даже до слуха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя. Темже укорих себе сам и истаях: и мною себе землю и пепел (Иов. 42, 5. 6). Итак, подражающие Иову знают Его. Посему, если и мы возжелаем видеть Бога, будем укорять себя и смиренномудрствовать, чтобы нам не только видеть Его пред собою, но имея Его живущим и почивающим в нас, наслаждаться Им; ибо таким образом безумие наше Его премудростию упремудрится и немощь наша Его силою укрепитя о Господе нашем Иисусе Христе.

70. Хорошее (дело) пост, бдение, странническая жизнь; однако это только труды наружной благой жизни, но чин христиан есть более внутренний, нежели сии (телесныя добродетели), и никто не должен (только) на них надеяться. Ибо случается с некоторыми, что они бывают причастны благодати, и злоба (вражия), укрывающаяся еще внутри их, строит ковы: добровольно уступает им, и не действует, но заставляет человека думать, что ум его очистился, и вводит потом человека в самомнение, что он совершенный христианин; и потом, когда человек не думает (внимать себе, предполагая), что он свободен и делается беспечным, тогда злоба нападает на него разбойническим образом, втайне деля засаду, и искушает его, и низводит в преисподнее земли. Ибо, если разбойники, или воины, будучи люди двадцати лет, умеют неприятелям строить ковы, делают засады, подстерегают (врагов) и нападают на них с тылу, и окружают их со всех сторон и избивают: тем более (все сие умеет делать) злоба, которая живет столько тысяч лет, и дело которой состоит в том, как бы погублять души. Умеет она делать тайную засаду в сердце, и в некоторыя времена не действовать, чтобы ввести душу в самомнение о своем совершенстве. Основание христианства есть сие, чтобы человек, сколько бы (дел) правды ни совершал, не успокоивался на них, и не почитал бы себя за нечто великое, но был бы нищ духом. И если сделается причастником благодати, чтобы он не подумал, что достигнул чего-либо, и чтобы не возмнил о себе, что он великий человек, и чтобы не начинал учить; и проводя добрую жизнь в великом пощении, странничестве и молитве, и быв причастником благодати, не высоко думал о душе своей. Но по истине такое начало благодати было ему тогда в особенности ради того, чтобы он нес труд, алчбу и жажду, чтобы он не был насыщен в (своем стремлении), и не почитал себя праведным и богатым в благодати, но чтобы рыдал и плакал, как плачет мать, которая имела единороднаго сына, который, когда она воспитала его, неожиданно

умер.

71. Кто исполняет закон во внешней жизни и поведении, тот свободен только от одних последствий злонравия, закалая в жертву Богу неразумное действие страстей, и таковой для спасения довольствуется сим образом (действий) по причине духовного младенчества.

72. Истинно возлюбивший Евангельскую жизнь, истребил и начало и конец своего злонравия, и делом и словом проходит всякую добродетель, принося жертву хваления и исповедания, избавившись от всякого беспокойства, (происходящего) от действия страстей, и будучи в уме свободен от борения с оным, имеет только в надежде будущих благ ненасытное наслаждение, питающее душу.

73. Страх геенны поощряет начинающих (подвиг добродетельный) избегать злонравия; желание же воздаяния благ подает преуспевающим усердие к совершению благаго; а таинство любви возвышает ум превыше всего сотворенного, соделывая его слепым ко всему, что после Бога. Из одних тех, которые ко всему, что после Бога, сделались слепыми, Господь умудряет (Пс. 145, 8), показывая им Божественнейшее.

74. Царствие Небесное подобно квасу, егоже приемши жена скры в сатех (мерах) триех муки, дондеже вскисе все? (Матф. 13, 33). Сим означает то, что ум, восприяв в себя слово Господне, скрыл его в трех-составном существе, то-есть, по Апостолу — тела, духа и души и всю тонкость их в помыслах, как многообразно разсыпанную муку, собрал в одну закваску веры, ожидая по всему уподобиться действующему в нем слову. Таким же образом Господь уподобил слово истины зерну горчичному, которое, будучи малым, когда всевается в сердце слышащих, но возрастая потом сообразным деланием, подобно превеликому древу, стоящему на возвышенном месте, бывает (по Писанию) в дом прибежища для приближающихся мыслей.

75. Духовный закон суть заповеди Христовы, из которых первая и величайшая есть любовь; она не мыслит зла, но вся любит, всему веру емлет, вся уповаует, вся терпит (1 Кор. 13, 5, 7), по слову Писания. Сею любовью различаемся мы один от другаго, но (полноты) ея достоинства никто из нас не достигает, а ожидает, что благодать Христова восполнит наши недостатки, если только мы не вознерадим о делании по силе нашей; ибо Бог знает, сколько мы не можем сделать по немощи, и сколько не исполняем дела любви по нерадению. Но так как любовь укрепляется не только произвольными трудами, но и случающимися скорбями; посему то много нужно нам терпения и кротости, при содействии помощи Божией. Божественный Апостол говорит: хотяй быти мудр в вещи сем буй да бывает, яко да премудр будет (1 Кор. 3, 18).

76. Земля Халдейская (Деян. 7, 4) есть житие в страстях, в котором созидаются и получают поклонение идола грехов. Месопотамия же (Там-же, ст. 2) есть житие, которое приобщается обоим противным нравам. А земля обетования (Евр. 11, 9) есть состояние, исполненное всякого блага. Итак, всякий, кто, подобно ветхому Израилю, возвращается к ветхому своему навыку, опять низвлекается к рабству страстей, лишаясь данной свободы.

77. Кто доблественно победил страсти телесныя, и довольно подвизался против лукавых духов, и изгнал их умышления из страны души своей; тот должен молиться, чтобы ему дано было чистое сердце, и дух правый обновлялся во утробе его (Псал. 50, 12), то-есть чтобы он совершенно избавился от злых помыслов, и по дару благодати исполнился Божественных мыслей, и таким образом соделался мысленным миром Божиим, светлым и великим, состоящим из нравственных,

естественных и богословских созерцаний.

78. Сердце чистое (Псал. 50, 12) есть то, которое представило Богу память, совершенно безвидную (чистую от впечатлений), и не имеющую образов, и готово принять одни впечатления Божии, от которых оно обыкновенно делается светлым.

79. Кто Божественным желанием победил душевное расположение к телу, тот сделался неограниченным, хотя он и находится в теле. Ибо Бог, привлекающий вожделение желающего, без сравнения превыше есть всего, и не попускает желающему привязать вожделение свое к чему—либо из того, что после Бога. Итак, да возжелаем Бога всею крепостию вожделения нашего, и сделаем, чтобы наше свободное избрание не было одержимо ничем телесным, и поставим себя расположением (душевным) по истине превыше всех чувственных и мысленных вещей; и (тогда) мы волею не примем никакого вреда от естественной жизни, относительно того, чтобы быть с Богом неописанным по естеству.

80. Великий Моисей, поставив скинию свою вне полка, то—есть утвердив мысль и ум вне видимого, — начинает поклоняться Богу (Исх. 34, 8), и вшедши во мрак (Исх. 20, 21), в невидимое и неведимое место ведения, там пребывает, посвященный в священнейшие тайны.

81. Пока умом совершенно не выйдем из обычного прилепления к существу нас самих, и ко всему, что после Бога, мы не приобретаем неизменности в добродетели. Когда же любовь достигнем сего достоинства, тогда познаем силу Божия обетования: ибо достойные должны веровать, что там непоколебимое утверждение, где сперва ум любовью утвердит свою силу. Ибо не исшедши из себя и из всего, что возможно помыслить, и не установив себя в молчании, которое превыше мышления, ум не может быть свободен от изменчивости (свойственной) всему.

82. Сидящие страха ради Иудейска в Галилеи в горнице, дверем затворенным (Иоан. 20, 19), то—есть, по страху от духов злобы, безопасно живущие во стране откровений, на высоте Божественных созерцаний, затворив чувства, как двери, принимают приходящее неведомым образом Божие слово, которое является им без чувственного действия, и возвещением мира дарует им безстрастие, а дуновением — разделения Духа Святаго, и подает власть на лукавых духов, показывает им знамения (Иоан. 20, 20) своих таин.

83. Проводящий Евангельски шестый день, умертвив предварительно первые движения греха, добродетелями достигает в состояние безстрастия, чистое от всякого зла, субботствуя (Исх. 16, 29. 30) умом даже от самого тонкого представления страстей в воображении. А прешедший Иордан (Быт. 32, 22. 30) переносится в страну ведения, в котором ум, таинственно созидаемый миром, бывает в духе Божиим жилищем.

84. Суббота суббот (Лев. 16, 31) есть душевный покой разумной души, которая, отвлекая ум даже от всех Божественных словес, сокровенно заключенных в существах (сотворенных), в восторге любви всецело облекла его в единого Бога, и таинственным богословием соделала ум совершенно неотделимым от Бога.

3. 200 глав о духовном законе.

1. Поелику многократно изъявляли вы желание знать, как, по Апостолу, закон духовен (Рим. 7, 14) и каков строй ума и какова деятельность у тех, кои стараются соблюдать его: то скажем об этом по силе нашей.

2. Во—первых, Бог, как ведомо нам, есть начало, середина и конец всякого блага. Благо же [24] ни в

действие прийти, ни уверовано быть иначе не может, как во Христе Иисусе и в Духе Святом.

3. Всякое благо даровано нам от Господа смотнительно (с особым намерением). Кто так верует, тот не погубит его.

4. Твердая вера есть крепкая башня [25]. Для верующаго Христос есть все.

5. Да начальствует над всяким начинанием твоим Начальствующий над всяким благом, чтобы по Богу было начинание твое.

6. Смирennemудрый и духовно действующий, читая Божественное Писание, все к себе будет относить, а не к другому.

7. Призывай Бога, чтобы Он отверз очи сердца твоего и ты увидел пользу молитвы, и чтения, опытно уразумеваемого.

8. Имеющий какое-либо дарование духовное и состраждущий неимушим — сим состраданием хранит свой дар; а кичливый потеряет его, бием будучи помыслами кичения.

9. Уста смиренномудраго говорят истину; и противоречащий ей подобен слуге, ударившему Господа в ланиту.

10. Не будь учеником самохвала, чтоб вместо смиренномудрия не научиться гордости.

11. Не возносись познаниями из Писания (заимствованными), чтоб не впасть умом в дух хулы.

12. Но покушайся разрешить дело темное и запутанное посредством любопрения, но тем, чем повелевает духовный закон, — терпением, молитвою и непоколебимую [26] надеждою.

13. Молящийся телесно и не имеющий еще духовнаго разума подобен слепцу, который взывал, говоря: Сыне Давидов, помилуй мя (Марк. 10, 48)!

14. Этот же (такой же) прежде слепой, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим и поклонился Ему (Иоан. 9, 35—38).

15. Не возносись, проливая слезы в молитве твоей, ибо это Христос коснулся очес твоих и ты прозрел умственно.

16. Только сбросивший по примеру слепаго одежду свою [27] и приблизившийся к Господу, становится (истинным) последователем Его и проповедником совершеннейших догматов (Марк. 10, 50. 51).

17. Зло (грех) в помыслах обращаемое (с услаждением) огрубляет сердца (окаменяет), а воздержание с надеждою, истребляя зло, умягчают сердце (стирают в порошок).

18. Есть стертие (сокрушение) сердца правильное и полезное, — к умилению его, и есть другое, беспорядочное и вредное, — только к поражению [28].

19. Бдение, молитва и терпение находящих (неприятностей, бед, скорбей) суть стертие (сокрушение) не одни раны наносящее, но полезное для сердца, только если не пресечем срастворения [29] их любоиманием. Пребывающий в них, и в прочем вспомошествоем будет; а нерадящий об них и разсекающий их (отделяющий одно от другаго), во время исхода нестерпимо страдать будет [30].

20. Слостолюбивое (одних приятностей ищущее) сердце во время исхода бывает темницею и узами для души; а трудолюбивое (любящее себя озлоблять и утруждать наперекор себе, Господа ради) есть отверзтая дверь (в другую жизнь).

21. Железные врата, вводящая во град (Деян. 12, 10), есть сердце жестокое [31]; злостраждущему и сокрушенному оне сами о себе отверзутся, как и Петру.

22. Много есть образов молитвы, один от другаго отличных. Впрочем ни один образ молитвы не

бывает вреден, кроме того, что не есть молитва, но делание сатанинское.

23. Один человек, намереваясь сделать зло, прежде помолился умом по обыкновению, и будучи промыслительно недопущен (до зла), после много благодарил (за то) [32].

24. Давид, намереваясь убить Навала Кармильского, когда воспоминанием о Божественном воздаянии отвращен был от сего намерения, много потом благодарил за то. Мы знаем также, что наделал он, когда забыл Бога; и не переставал (быть в богозабвении и нераскаянности), пока Пророк Нафан не привел его в памятование о Боге.

25. Во время памятования о Боге, умножай моление, чтоб Господь помянул тебя, когда забудешь о Нем.

26. Читая Божественное Писание, уразумевай, что скрыто в нем (для тебя собственно): елика бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася (Рим. 15, 4).

27. Веру Писание именует уповаемых извещением (Евр. 11, 1), и тех, которые не знают, что Христос в них есть, назвало неискусными (2 Кор. 13, 5).

28. Как делами и словами обнаруживается мысль, так и сердечными действиями (к чему влечет, в чем вкус находит, предуказывается) будущее воздаяние.

29. Щедрое сердце явно что ущедрено будет и милостивое — подобным образом сретит милость; противное же противное вызывает и последствие.

30. Закон свободы научает всякой истине; многие читают его разумом, но не многие понимают соответственным деланием заповедей.

31. Не ищи совершенства его в добродетелях человеческих, ибо совершенного в них нет: совершенство его сокрыто в кресте Христовом.

32. Закон свободы читается разумом истинным, понимается деланием заповедей, а исполняется щедротами Христовыми.

33. Когда будем понуждены совестию направляться ко всем заповедям Божиим, тогда пойдем, что закон Господень непорочен, и что он хотя воспособляется нашим добром (естественными нравственно–религиозными чувствами и расположениями); но без щедрот Божиих в совершенстве осуществлен быть в людях не может.

34. Те, которые не сочли себя должниками всякой Христовой заповеди, читают закон Божий телесно, не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают (1 Тим. 1, 7); потому и думают исполнить его делами.

35. Иное дело явно совершается как хорошее, цель же совершающего его (метит) не на добро; иное само по себе есть будто злое, но цель совершающего его (метит) на добро. И не только дела делают, но и слова говорят некоторые показанным же образом: иные представляют дело в ином виде по неопытности или незнанию, другие делают это злонамеренно, а иные — в видах благочестия.

36. Скрывающий в выражении похвал оклеветание и опорочение, не понятен для простецов; подобен ему и тот, кто в смиренном виде тщеславен. Они долго ухитряются скрывать истину во лжи, но наконец увлекшись (своим настоящим нравом) обличаются делами.

37. Бывает, что иной, делая видимо что–либо доброе для ближнего, получает вред в душе; и бывает, что иной от того самого, что не делает для него (такой внешней послуги), получает пользу в душе.

38. Есть обличение по злобе и мщению, и есть другое, по страху Божию и истине.

39. Переставшаго грешить и уже кающагося не обличай более. Если же по Богу, как говоришь,

хочешь обличать его, то прежде открой пред ним свои грехи.

40. Бог начальствует над всякою добродетелию, как над дневным светом солнце.

41. Совершив добродетель, помяни Сказавшаго: без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 5).

42. Так устроено, что в скорби для людей — добро; а в тщеславии и наслаждении — зло.

43. Терпящий напраслину от людей избегает греха и равное скорби находит заступление.

44. Верующий Христу относительно воздаяния по мере веры охотно переносит всякую неправду.

45. Молящийся о людях обижающих поражает бесов, а сопротивляющийся первым уязвляется вторыми.

46. Лучше от людей обида несправедная, чем от бесов, но угождающий Господу стал победителем той и другой.

47. Всякое благо промыслительно приходит от Господа; но оно отходит тайно от неблагодарных, безчувственных и недеятельных.

48. Всякий грех оканчивается запрещенным наслаждением; а всякая добродетель — духовным утешением. И как первый возбуждает (приводит в движение, раздражает) свойственников своих, так последняя — сродниц своих.

49. Поношение человеческое причиняет скорбь сердцу, но бывает причиною чистоты для того, кто его переносит.

50. Неведение дает повод и свободу противоречить тому, что полезно, и сделавшись более смелым, умножает возражения (или предложения) зла.

51. Не имея ни в чем недостатка, принимай (посылаемая) скорби, и как долженствующий дать отчет, отложи любоимание.

52. Согрешив тайно, не покушайся (и пред Богом) укрыть то — (не думай, что и скрыто то); ибо вся нага и объявлена пред очима Господа, к Немуже нам слово (Евр. 4, 13).

53. Мысленно показывай себя Владыке: человек бо на лице зрит, Бог же на сердце (1 Цар. 16, 7).

54. Ничего не думай и не делай без цели по Богу; ибо безцельно путешествующий напрасно тратит труд.

55. Грешающему не по нужде трудно бывает каяться; ибо невозможно от правды Божией утаиться.

56. Прискорбный случай разумному подает воспоминание о Боге; того же, кто забывает о Боге, соразмерно с тем огорчает.

57. Да будет тебе учителем такого памятования всякая невольная прискорбность, и никогда не оскудеет у тебя побуждение к покаянию.

58. Забвение само по себе не имеет никакой силы; но держится нашими нерадениями и соразмерно с тем.

59. Не говори: «что же мне делать? Я и не хочу, а оно (забвение) приходит». Это за то, что ты пренебрегал должным, когда помнил о нем.

60. Сделай добро, которое помнишь; тогда откроется тебе и то, о котором не помнишь; и не предавай безразсудно мысли своей забвению.

61. Писание говорит: ад и пагуба явна пред Господом (Прит. 15, 11). Сие говорит оно о сердечном неведении и забвении.

62. Ад есть неведение; ибо тот и другое мрачны. Пагуба же есть забвение; ибо в обоих их пропадает нечто из бывшего.

63. О своих любопытствуй злых делах, а не ближняго, и мысленная рабочая храмина твоя не будет окрадена.
64. Нерадение не вмещает никакого уже посильного добра (не принимается ни за что). Милостыня и молитва возвращают к долгу вознерадевших.
65. Скорбь по Богу есть неотъемлемая принадлежность благочестия; ибо истинная любовь испытывается противностями.
66. Не думай, чтобы ты стяжал добродетель без скорби: такая добродетель ненадежна (не опытна) по причине покоя (твоего, при стяжании ея).
67. Смотри на исход всякой невольной скорби, и найдешь в ней отъятие (очищение) грехов.
68. Многие советы ближняго на пользу (бывают), но для каждого ничего нет пригожее своего решения.
69. Ища врачевания, попекись о совести; и что она говорит тебе, сделай то, и получишь пользу.
70. Тайныя (дела) каждого ведает Бог и совесть; и чрез них—то да приемлют они исправление.
71. [33]Сколько может, делает человек, по своей воле; но исход его дел Бог устрояет по правде.
72. Если хочешь неосужденно принимать похвалу от людей, прежде возлюби обличение за грехи свои.
73. Какое бы ни принял кто посрамление за истину Христову, во сто крат более может он быть прославлен народом. Но гораздо лучше делать всякое добро ради будущего (воздаяния).
74. Когда человек человеку принесет пользу словами или делами, оба да признают в этом благодать Божию. Неразумеющий сего будет возобладан от неразумеющего [34].
75. Хвалящий ближняго по какому—либо лицемерству в другой раз разбранит его, и он пристыжен будет.
76. Незнающий засады врагов удобно закалается; и не ведущий причин страстей (корней, поводов), легко падает.
77. От сластолюбия (делания в свое удовольствие) происходит нерадение; а от нерадения забвение. Ибо о том, что кому полезно, Бог даровал знание всякому.
78. Человек предлагает (слово) ближнему, на сколько знает; Бог же действует в слышащем на сколько он верует.
79. Видел я простецов делом смирившихся, и стали они премудрее мудрецов [35].
80. Другой простец, услышав, как их превозносят, смирению их подражать не подражал, а только простотою тщеславился, и от этого схватил гордость.
81. Уничтожающий знание и хвалящийся неученостию не словом только есть невежда, но и разумом.
82. Как иное есть мудрость в слове, а иное сама мудрость; так иное есть невежество в слове, и иное — само невежество.
83. Ни мало не вредит благоговейнейшему неученость в слововыражении, равно как и словесная мудрость — смиренномудрому.
84. Не говори: я не знаю должного, — и потому не виновен, если не делаю онаго. Ибо если бы ты делал то добро, которое знаешь, тогда последовательно открылось бы тебе и все прочее, будучи постигаемо одно посредством другаго, подобно тому, как узнаются односемейные (Слич. гл. 48). Не полезно тебе прежде исполнения первого (ведомаго) знать второе (чего не знаешь). Ибо разум кичит, по причине бездействия (недостатка дел), а любы созидает, поелику вся терпит (1 Кор. 8, 1; 13, 7).

85. Слова Божественного Писания читай делами; и не распрострирай широко слов, надымаясь одними голыми умопредставлениями.
86. Оставивший дела и удовольствовавшийся одним знанием, вместо обоюдоостраго меча держит тростниковую трость, которая во время брани, по Писанию (Ис. 36, 6), поранит руку его и, вонзившись в нее, вольтет прежде врагов яд надмения.
87. Свою меру и вес пред Богом имеет всякое помышление. Так одно и тоже есть пред Ним помышлять пристрастно, или одним только способом (то—есть, только умом без дел, или только своим умом без совещания с опытными).
88. Исполнивший заповедь пусть ожидает за нее искушения. Ибо любовь ко Христу испытывается противностями (Сличи гл. 65).
89. Не презирай (не небрежи) никакого помысла по нерадению. Ибо никакое помышление не утаено пред Богом.
90. Когда заметишь, что помысл обещает тебе человеческую славу, знай наверно, что он готовит тебе пристыжение.
91. Враг знает требование духовнаго закона и ищет только мысленнаго сосложения (с внушаемым помыслом, — а не дела, у тех, кто проводит духовную жизнь). Не успеет ли таким образом или сделать подручника своего (когда кто согласится на внушение) повинным трудам покаяния (если сознает он свою вину), или, если не покается (не сознавши вины) обременить его невольными болезненными скорбями (и тяготами, которыя обычно Бог посылает на таких для вразумления). Бывает, что иногда он подущает возставать против таких наведений (скорбей, ропотом, непокорностию Божию определению, незнанием что заслужил их), дабы таким образом и здесь умножить болезненные прискорбности (ибо Бог еще и еще посылает, чтоб образумился) и во время исхода показать его неверным (обличить неверие Промыслу, и тому, что сам был виновен).
92. Против случающихся (в жизни) бед многие многое противопоставляли с успехом; но без молитвы и покаяния никто не избежит лютых (крайностей по смерти).
93. Зло одно от другаго получает силу, равным образом и добро возрастает (мужает, крепнет) одно от другаго. То и другое причастника своего возбуждает и направляет больше простираться в предняя.
94. Малые грехи диавол представляет в глазах наших ничтожными; потому что иначе не может он ввести в грехи большие.
95. Корень срамной похоти есть человеческая похвала; как и целомудрия — обличение (нас) в грешности, не тогда впрочем, когда слышим только, но и когда принимаем его на себя.
96. Никакой нет пользы тому, кто, отрекшись от мира, живет сластолюбиво (в свое удовольствие, делая всегда только то, что нравится и приятно сердцу). Ибо что делал он прежде посредством имения, тоже делает и теперь, ничего не имея.
97. Опять воздержник, если приобретает деньги, есть брат первому по внутреннему настроению, так как и этот от той же матери — искания того, что сладко сердцу, только от другаго отца, по причине перемены страсти.
98. Бывает, что иной пресекает страсть ради большого удовольствия (потому что покойнее жить без рабства ей), — и другие, не зная цели его, славят его: а может быть и сам он не знает, что без толку трудится.
99. Причина всякой грешности — тщеславие и желание удовольствия. Не возненавидевший их не

пресечет страсти.

100. Корень всем злым сребролюбие есть (1 Тим. 6, 10); но очевидно, что и оно ради их составляется (ими требуется, на них утверждается и стоит).

101. Ум ослепляется сими тремя страстями, сребролюбием, говорю, тщеславием и желанием удовольствий.

102. Три дочери пиявицы, о коих говорится в Писании, оне суть матерью—безумием любовию возлюбленныя (Притч. 30, 15).

103. Разум и вера — совоспитанники естества нашего — притупились ни от чего инаго, как от них.

104. Ярость, гнев, брани, убийства и весь остальной каталог зол крайне усилились между людьми от них.

105. Так надо возненавидеть сребролюбие, тщеславие и страсть к удовольствиям, как матерей пороков, и как мачих добродетелей.

106. По причине их, получили мы заповедь не любить мира, ни яже в мире, не (в том смысле получили такую заповедь), чтоб не разсудно ненавидели мы творения Божиия, но чтобы отсекли поводы к тем страстям.

107. Никтоже, говорит Писание, воин бывая, обязуется куплями житейскими (2 Тим. 2, 4). Ибо кто, обязавшись ими, хочет победить страсти, тот подобен человеку, который хочет соломою потушить пожар.

108. Кто из—за денег, славы и удовольствий гневается на ближняго, тот не познал еще, что всем правит праведно Бог.

109. Когда слышишь слова Господа: аще кто не отречется всего имения своего, несть Мене достоин (Лук. 14, 33; Матф. 10, 38); то разумей сказанное не об имении только, но и о всех внутренних делателях зла.

110. Незнающий истины — и веровать не может истинно. Ибо ведение по естеству предваряет веру.

111. Как каждой из видимых (тварей) Бог отделил сродное (ей), так и помыслам человеческим (воздаёт Он по свойству их), хотим ли мы то, или не хотим.

112. Если кто, явно согрешая и не каясь, не подвергался никаким скорбям до самага исхода, то знай, что суд над ним будет без милости.

113. Разумно в сердце молящийся переносит находящая скорби, а злопамятный еще не молился чисто.

114. Терпя от кого вред, поругание или гонение, не о настоящем думай, но о том, что ожидается в будущем; и найдешь, что он стал для тебя виновником многих благ, не только в настоящем времени, но и в будущем веке.

115. Как тем, у кого испорчено пищеварение, полезна горькая полынь, так злонравным полезно терпеть горькия беды: ибо тем к здоровью, а этим к покаянию служат сии врачевства.

116. Если не хочешь злострадать, не хоти и делать зло: ибо за этим (последним) неотступно следует то (первое). Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет (Гал. 6, 7).

117. Произвольно сея злое и против воли пожиная оное, мы должны дивиться правде Божией.

118. Между сеянием и жатвою определено быть некоторому промежутку времени. Но по сей причине, мы не должны не верить воздаянию.

119. Согрешивши вини не тело, а мысль; ибо если бы не текла впереди мысль, не последовало бы за

нею и тело.

120. Скрытный злодей злобнее явно обижающих; потому он зле и наказывается.

121. Сплетающий козни и скрытно делающий зло есть змий, по Писанию, сидя на пути и угрызаяй пята конску (Быт. 49, 17).

122. Кто в одно и тоже время за одно похвалает, а за другое укоряет ближняго, тот одержим тщеславием и завистию: похвалами покушается он прикрыть зависть, а укорами выставляет себя лучшим его.

123. Как нельзя пасти вместе овец и волков, так невозможно получить милость тому, кто коварно действует в отношении к ближнему своему.

124. Кто к заповеди тайно примешивает свою волю, тот прелюбодей есть, как показано в Премудрости, и за скудость ума болезни и безчестие понесет (Притч. 6, 32. 33).

125. Как вода и огонь не сходятся по противоположности, так противны друг другу самооправдание и смирение.

126. Ищущий оставления грехов, любит смиренномудрие; а осуждающий другаго запечатывает (закрепляет за собою) свои злыя дела.

127. Не оставляй не изглаженным греха, хотя бы он был самый маленький; чтоб в последствии он не повел тебя к грехам большим.

128. Если хочешь спастися, возлюби истинное слово (слово правды о себе), и никогда неразумно не отвергай обличения.

129. Слово истины переменяло порождения эхиднины, и указало им, как избежать будущего гнева (Матф. 3, 7).

130. Приемлющий слова истины, приемлет Бога—Слова; ибо говорит, приемляя вас Мене приемлет (Матф. 10, 40).

131. Разслабленный, свешенный сквозь кровлю, есть грешник, по Богу обличаемый верными и ради веры их получающий оставление (грехов) (Лук. 5, 19).

132. Лучше с благоговением (благожелательно) молиться о ближнем, нежели обличать его во всяком согрешении.

133. Истинно кающийся подвергается поруганию от неразумных. Но это есть для него признак благоугодности (Богу его покаяния).

134. Подвизаясь от всех воздержится (1 Кор. 9, 25); и не перестает (от подвига), пока Господь не истребит семени Вавилонскаго.

135. Представь, что есть двенадцать страстей безчестия. Если ты волею возлюбишь хоть одну из них, то она восполнит место и остальных одиннадцати.

136. Грех есть огонь горящий. На сколько отымешь вещества, на столько он угаснет, и на сколько прибавишь, на столько он больше разгорится.

137. Превознесишь похвалами, ожидай безчестия; ибо, говорит (Писание), возносясь смирится (Матф. 23, 12).

138. Когда отвергнем всякий и мысленный произвольный грех, тогда только начнем настоящую брань и с прилогами занимающих нас страстей.

139. Прилог есть невольное воспоминание прежних грехов. Кто еще борется (со страстьми), тот старается не допустить (такого помышления) до—страсти, а кто уже победил их, тот отрывает самое

первое его приражение.

140. Приражение есть невольное движение сердца, не сопровождаемое образами [36]. Оно подобно ключу (отворяет дверь в сердце греху); потому опытные и стараются захватить его в самом начале.

141. Где образы помыслов (закосневают), там (надо полагать) было сосложение: ибо то движение, которое есть безвинное (невольное) приражение, не сопровождается образами. Бывает, что иной выбегает из них, как головня из огня (или обжегшись, или боясь обжечься); а иной не отвращает их, пока не возгорится пламень [37].

142. Не говори: я и не хочу, а он (помысл) приходит. Ибо конечно, если не это самое, то причины сего верно любишь.

143. Ищущий похвалы находится в страсти; и сетующий о нашедшей скорби, конечно любит утешность.

144. Как чаши на весах, не стоит на одном помысл любящего удовольствия. То плачет он и сетует о грехах, то борется и спорит с ближним, гонясь за приятностями.

145. Все испытующий и добраго держащийся, по тому самому конечно удержится и от всякаго зла (1 Сол. 5, 21. 22).

146. Муж долготерпелив мног в разуме (Притч. 14, 29): равно как и преклоняющий слух свой к словесам премудрости.

147. Без памятования о Боге, знание истинным быть не может. Без первого второе подложно.

148. Для жестокосердаго не полезно слово тончайшаго ведения; ибо без страха (такой человек) не принимает на себя трудов покаяния.

149. Для человека кроткаго прилично слово веры (об утешениях веры); так как он не искушает долготерпения Божия, и не бывает поражаем (бием) частым преступлением (воли Божией, или заповеди).

150. Мужа сильнаго не обличай в тщеславии, но лучше укажи ему на тяготу будущаго безчестия; ибо этим способом разумный удобнее восприемлет обличение (сам в себе).

151. Кто не любит обличения, тот, верно, намеренно погрязает в страстях; а кто любит его, тот очевидно чуждается и прилогов их.

152. Не желай слышать о чужих лукавствах; потому что при этом черты тех лукавств написываются и в нас.

153. Наслушавшись худых речей, на себя гневайся, а не на того, кто говорил их; лукаваго бо слуха лукав и отвещатель (верно, это пословица, не видна мысль. Латинский перифраз: *pravarum enim rerum auditor, pravus evadit nuntius*. Слушатель худаго бывает худым и вестником).

154. Если случайно кто попадет в круг людей пусторечивых, пусть себя виновным считает в таких речах, если не по поводу настоящего, то по поводу прошедшаго, (потому, что сам прежде с ними болтал).

155. Если увидишь, что кто-либо лицемерно хвалит тебя, то в другое время ожидай от него порицания.

156. Настоящая прискорбности приравнивай к будущим благам, и нерадение никогда не разслабит твоего подвига.

157. Если за телесное (вещественное) подаяние похвалишь человека, как добраго, помимо Бога (забыв, что это по Божию Промыслу делается); то после тот же человек окажется для тебя злым.

158. Всякое благо происходит от Господа по Его смотрению; и приносящие нам оное суть служители благ.
159. Переплетения добра и зла принимай равным (греч. $\omicron\alpha\lambda\omega$) помыслом; за это Бог наконец отвратит аномалии событий в твоей жизни.
160. Неравенство помыслов (невольных) производит невольно перемены и в собственных. И во вне невольное Бог соразмеряет с произвольным.
161. Чувственное (внешнее состояние) есть порождение умнаго (внутренняго строя), принося по определению Божию, должное (чего кто стоит).
162. Когда сердце полно желания удовольствий, тогда возникают пагубные помыслы и слова. Так по дыму узнаем мы о горении вещества (внутри).
163. Пребывай в сердце умом, и не будешь утружден искушениями; уходя же оттуда, терпи, что найдет на тебя.
164. Молись, чтоб не нашло на тебя искушение, а когда найдет, прими его как свое, а не как чужое.
165. Отврати мысль от всякаго любоимания, и тогда можешь увидеть козни диавола.
166. Кто говорит, что видит все козни диавольския, не зная как, тот выставляет себя совершенным.
167. Когда ум освободится от попечения о телесном, тогда соразмерно с тем видит он ухищрения врагов.
168. Увлекаемый помыслами ослепляется ими; и действия греха видит, а причин их видеть не может.
169. Бывает, что иной, исполняя видимо заповедь, (внутренно) рабствует страсти, и злыми помыслами губит благое дело.
170. Допустив в себе начало греха (приняв помысл), не говори: он не победит меня; ибо на сколько ты допустил его, на столько уже и побежден им.
171. Все рождаемое зачинается малым и будучи мало—по—малу питаемо, возрастает.
172. Ухищрение греха есть многоплетенная сеть. Кто, запутавшись в ней отчасти, вознерадит о том, тот скоро затягивается ею всесторонне.
173. Не желай слышать о несчастьи врагов твоих, ибо охотно слушающий такая речи, собирает (тут же) плоды своего произволения.
174. Не думай, что всякая скорбь находит на людей по грехам. Ибо бывает, что иные благоугождают Богу, однакож терпят искушение. И написано не только, что нечестивии и беззаконницы изженутся (Псал. 36, 28), но равным образом и то, что хотящие благочестно жити о Христе гоними будут (2 Тим. 3, 12).
175. Во время скорби смотри за приражениями сластолюбия. Ибо как оно обещает утешение в скорби, то легко можно склониться на приятие его.
176. Иные называют благоразумными тех, которые умеют разумно распорядиться в чувственном; но настоящие благоразумники те, которые владеют своими пожеланиями.
177. Прежде истребления злых (страстей), не слушай сердца своего; ибо каково вложенное в него, таких и приложений оно требует.
178. Как змеи, одне встречаются в лесах, а другия скрытно поныряют в домах, так и страсти, — одне мысленно воображаются (в помыслах совершаются), а другия деятельно воздействуют (входят в дела и кроются в них); хотя бывает, что оне преобразуются из одного вида в другой.
179. Когда видишь, что лежащее внутри тебя пришло в сильное движение и влечет

безмолвствующий ум к страсти, то знай, что некогда прежде ум сам был тем занят, привел то в действие и вложил то в сердце.

180. Не образуется облако без дыхания ветра; не рождается и страсть без (движения) помышлений.

181. Если мы не творим уже волей плоти, по Писанию, то легко помощью Господа перестанет тревожить нас и то, что прежде внутрь вложено (душевные страсти и навыки дурные).

182. Внедрившиеся в существо ума образы бывают злее и властнее чисто мысленных; но сии последняя предваряют их и бывают их причиною.

183. Есть зло, которое из сердца исходя охватывает, по причине давняго приражения и сосложения с ним сердца; и есть зло, мысленно борющееся по причине ежедневных случаев.

184. Бог ценит дела по намерениям их. Даст ти, говорит, Господь по сердцу твоему (Псал. 19, 5).

185. Кто не пребывает добросовестно в созерцании, тот не восприимлет и телесных трудов ради благочестия.

186. Совесть есть естественная книга (велений Божиих): деятельно читающий оную получает опыты Божественнаго заступления.

187. Кто не подымлет произвольно трудов за истину (в защиту ея), тот невольными гораздо тяжелее наказан будет.

188. Кто, познав волю Божию, посильно исполняет ее, тот чрез малые труды избежит великих.

189. Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, но более в них запутается.

190. Господь сокровен в заповедях Своих и ищущими Его обретается по мере (исполнения их).

191. Не говори: я исполнил заповеди, и однакож не обрел Господа. Все, право ищущие Его, обрящут мир.

192. Мир есть избавление от страстей, котораго нельзя обрести без воздействия Святаго Духа.

193. Иное есть исполнение заповеди, а иное добродетель, хотя одно от другаго взаимно заимствуют оне поводы к добру.

194. Исполнением заповеди называется совершение делом повеленнаго, — а добродетелию то (сердечное настроение), когда (ради коего) сделанное воистину благоугодно Богу.

195. Как чувственное богатство, хотя одно, но многоразлично судя по предметам стяжания, так и добродетель одна, но имеет многообразныя делания.

196. Кто, не имея дел, мудрствует и говорит слова (беседы о том, как жить), тот является богатым от неправды, и труды его, по Писанию, в дома чуждые входят (Притч. 5, 10).

197. Все покорится злату, говорит Писание (Екл. 10, 19). Благодатию же Божиею мысленное (духовная жизнь) управлено будет.

198. Добрая совесть приобретается молитвою, а чистая молитва — совестью. Оне по естеству своему одна в другой имеют нужду.

199. Иаков сделал Иосифу пеструю одежду. И Господь кроткому дарует познание истины, как написано: научит Господь кроткия путем Своим (Псал. 24, 9).

200. Всегда делай доброе по силе своей, и когда предстоит случай сделать большее, не обращай к меньшему; ибо обративыйся вспять, говорит Господь, несть управлен в Царствие Божие (Лук. 9, 62).

4. К тем, которые думают оправдаться делами [38], 226 глав.

1. В нижеписанных (главах) худость веры тех, которые внешне только живут право, обличается

теми, которые точно веруют и верно знают истину.

2. Господь, желая показать, что при всем том, что всякая заповедь обязательна, всыновление однакож даровано людям Его кровию, говорит: Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключимы есмь; ибо еже должны бехом сотворити, сотворихом (Лук. 17, 10). Посему царствие небесное не есть возмездие за дела, но благодать Владыки, уготованная верным рабам.

3. Раб не требует свободы, как возмездия, но благоугождает как должник, и ожидает ея, как благодати.

4. Христос умре грех наших ради по Писанием (1 Кор. 15, 3); и тем, которые добре Ему служат, дарует свободу. Ибо говорит: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего (Матф. 25, 23).

5. Тот еще не есть верный раб, кто утверждается на одном голом знании; но кто верует послушанием Христу, даровавшему заповеди.

6. Чтущий Владыку творит повелеваемое, и если погрешит в чем, или преслушает Его, терпит как должное, что за это найдет на него.

7. Будучи любознателен, будь и трудолюбив; ибо голое знание надымает человека.

8. Испытания, неожиданно с нами случающиеся, по смотрению Божию, научают нас быть трудолюбивыми и невольно влекут к покаянию.

9. Находящая на людей прискорбности суть порождения их собственных худых дел. Но если мы перетерпим их с молитвою, то опять получим приращение благ.

10. Некоторые, быв похвалены за добродетель, усладились тем, и подумали, что эта сласть тщеславия их есть утешение (свыше). Другие, быв обличены в грехе, возболзновали, и это полезное болзнование сочли действием злобы (врага).

11. Те, которые ради подвигов своих, возносятся над несовсем радивыми, верно думают оправдаться внешними делами; а мы, которые, утверждаясь на одном голом знании, уничижаем малосведущих, бываем гораздо неразумнее их.

12. Знание без дел по нему еще не твердо, хотя бы было и истинно. Всему утверждением служит дело.

13. Часто от нерадения о деле, омрачается и знание (относительно его). Ибо какия делания совсем оставлены в небрежении, о тех и памятования мало—по—малу исчезнут.

14. Писание для того внушает нам познавать Бога разумом, чтоб право служить Ему делами.

15. Когда исполняем заповеди явно, то хотя соответственно тому получаем от Господа особенное что—нибудь, но пользу приемлем по цели нашего произволения.

16. Желаящий сделать что—либо и не могущий есть пред Сердцеведцем Богом, как бы сделавший. Это должно разуметь как в отношении к добру, так и в отношении ко злу.

17. Ум и без тела делает много добраго и худаго; а тело без ума ничего такого делать не может. Ибо решения свободы предшествуют деятельности.

18. Одни, не исполняя заповедей, думают, что веруют право; другие, исполняя их, ожидают царствия, как должнаго возмездия. Те и другие погрешают против истины.

19. Награда рабам не обязательна для господина; но опять и те, которые не право служат, не получают свободы.

20. Если Христос за нас умер, и мы не ктому себе живем, но Умершему за нас и Воскресшему (2 Кор.

- 5, 15): — то явно, что мы обязались служить Ему до смерти. Как же можем усыновление считать должным воздаянием?
21. Христос есть Владыка по естеству и Владыка по домостроительству (спасения); поелику и создал Он нас — не сущих, и Своею кровию искупил умерших грехом, и даровал благодать тем, которые так веруют.
22. Когда слышишь слова Писания, что Господь воздаст каждому по делам его (Псал. 61, 13), то не думай, что дела (сами по себе) достойны геенны, или царствия; но что Христос воздаст каждому по делам неверия в Него, или веры, как Бог Создатель и Искупитель наш, а не как Соразмеритель вещей (т. — е. дел и наград).
23. Мы, сподобившиеся бани пакибытия, совершаем добрыя дела не ради воздаяния, но для сохранения данной нам чистоты.
24. Всякое доброе дело, которое делаем мы естественными нашими силами, хотя удаляет нас от противного (ему худаго, дела), но без благодати не может приложить нам освящения.
25. Воздержный удаляется от чревоугодия, нестяжательный — от любоимания, безмолвный, — от многословия, чистый — от пристрастия к удовольствиям чувственным, целомудренный — от блуда, довольствующийся тем что есть — от сребролюбия, кроткий — от встревожения (серчания), смиренномудрый — от тщеславия, послушливый — от поперечения, самообличительный — от лицемерия, равным образом и молящийся удаляется от безнадежия, нищий произвольно — от многостязания, исповедник — от отречения, мученик — от идолослужения. Видишь ли, как всякая добродетель, совершаемая даже до смерти, есть ничто иное, как удаление от греха; удаление же от греха есть дело естества, а не то, за что воздано может быть царствием.
26. Человек едва сохраняет то, что ему естественно; Христос же крестом дарует усыновление.
27. Есть заповедь частная и есть заповедь общая (всеобъемлющая). Ибо инде повелевается подавать неимущим по частям, а инде заповедуется отречься (зараз) от всего своего имени.
28. Есть действие благодати не узнаваемое младенцем (по духовному возрасту), и есть действие злобы (врага), похожее на истину. Хорошо не слишком засматриваться [39] на такие действия, ради возможности обмана, и не проклинать их, ради того, что может быть тут истина; но все с надеждою приносить Богу, ибо Он знает пользу того и другаго.
29. Желаящий переплыть мысленное море долготерпит, смиренномудрствует, бденничает, воздерживается. Если же понудится войти (в этот подвиг) без сих четырех, то измучит только сердце, а переплыть не может.
30. Безмолвие есть отсечение всего злаго. Если же оно и четыре те добродетели присоединит к молитве; то нет лучшаго пособия и кратчайшаго пути к безстрастию, как оно (в таком устройстве).
31. Нельзя убезмолвиться умом без тела, ни разорить средостение их без безмолвия и молитвы.
32. Плоть похотствует на духа, а дух на плоть (Гал. 6, 17), ходящие же духом — похоти плоти не совершают.
33. Молитва не совершенна без мысленнаго взывания. Неразсеянно вопиющий ум слышит Господь.
34. Неразсеянно молящийся ум сокрушает сердце. Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не унижит (Псал. 50, 19).
35. И молитва называется добродетелию, хотя она есть мать добродетелей; ибо поражает их чрез сочетание со Христом.

36. Что ни сделаем без молитвы и благой надежды, то после окажется вредным и (по крайней мере) несовершенным.
37. Когда услышишь, что будут последние первии, и первии — последние (Матф. 19, 30); то разумей сие об имеющих добродетели, и имеющих любовь. Ибо любовь хотя по порядку последняя есть из добродетелей, но по достоинству она первая из них всех, и позади себя оставляет все прежде ее родившиеся.
38. Когда возьмет уныние, во время ли молитв или от многообразных стужений врага, приводи на память исход и лютыя мучения. Лучше впрочем прилепляться к Богу молитвою и упованием, чем вспоминать о внешнем, хотя бы оно было и полезное,
39. Никакая добродетель одна сама по себе не отверзает естественной нашей двери (Слич. 224 и 225 гл.), если все оне не будут последовательно зависеть одна от другой.
40. Тот невоздержник, кто питается помыслами, ибо хотя бы они были и полезны, но полезнее надежды быть не могут.
41. Всякий грех есть к смерти, коль скоро не очищен он покаянием. О нем, если и святой помолится за другаго, — услышан не будет.
42. Правильно кающийся не защищает труда своего за прежние грехи; но умиляет им Бога.
43. Всякое добро, к какому способно естество наше, мы должны были делать ежедневно. Что же воздадим мы Богу за прежде наделанное зло?
44. Сколько бы мы сегодня ни приумножали добродетели, это есть лишь обличение нашего прежняго нерадения, а не воздаяние (Богу за то).
45. Сокрушающийся душевно (кто скорбит о грехах), а телесно упокоивающийся (кто тело во всем удовлетворяет), подобен телесно себя озлобляющему (кто отказывает во всем телу), а умом рассеивающемуся.
46. Произвольная с обеих сторон прискорбность (то—есть, телесная и душевная), взаимно содействует одна другой: душевная телесной и телесная душевной; разъединение же их бывает хуже и тяжелее (их тяготы).
47. Велика добродетель — терпеть постигающее нас, и по слову Господа, любить ненавидящаго нас ближняго.
48. Знак нелицемерной любви есть прощение обид. Так Господь возлюбил мир.
49. Не возможно от сердца простить чьи—либо проступки без истиннаго ведения; ибо оно каждому показывает, что постигающее его есть его собственное.
50. Ничего не потеряешь ты из того, что оставил для Господа; ибо в свое время оно придет к тебе многократно (умноженно).
51. Когда ум забудет о цели благочестия, тогда явное дело добродетели становится бесполезным.
52. Если всякому человеку вредно злосоветие (не чужое, а отсутствие благоразумия своего), тем паче тем, кои восприяли строгую жизнь.
53. Делами показывай себя мудрецом, ибо нет слова, которое было бы мудрее дела.
54. За трудами о благочестии (подвижническими) последует заступление. Это можно узнать из закона Божия и совести.
55. Один принял помышление и без разсмотрения удержал его, другой же приняв, проверил его истиною. Спрашивается, кто из них поступил благочестнее?

56. Терпеть скорби и не обвинять (сторонних) людей в своих бедствиях есть истинное ведение.
57. Делаящий добро и ищущий воздаяния не Богу работает, а своему хотению.
58. Согрешившему нельзя избежать воздаяния иначе, как соответствующим греху покаянием.
59. Иные говорят, что мы не можем делать добра, пока действительно не восприимем благодати Святого Духа (И это неверно).
60. Те, которые произволением всегда расположены к самоугодию, отказываются делать и то, что под силу им, под тем предлогом, что нет помощи свыше.
61. Крестившимся во Христа таинственно дарована уже благодать; но воздействует она (ощутительно) по мере делания заповедей. Хотя благодать сия не перестает помогать нам тайно; но в нашей состоит власти делать, или не делать добро по своей воле.
62. Во-первых, оно боголепно возбуждает совесть, от чего и злодеи, покаившись, благоугодили Богу.
63. Опять она же сокрыта бывает в поучении ближняго; бывает, что иногда она последует за мыслию во время чтения и научает ум свой истине посредством естественного следствия (из той мысли). Итак, если мы не будем скрывать сего таланта в таких и подобных частных случаях даемого (то-есть будем следовать тому, что внушает благодать), то действительно внидем в радость Господа (сподобимся действенной благодати).
64. Ищущий (чающий получить) действенности Святого Духа, прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то время, как его только что купили, ищет чтоб вместе с уплатою за него денег, подписали ему и свободу.
65. Кто уразумел, что внешния бедствия бывают по правде Божией, тот ища Господа, нашел ведение с правдою.
66. Если будешь, согласно Писанию, содержать в уме, что по всей земли судьбы Господни (Псал. 104, 7), то всякий случай будет для тебя учителем Богопознания.
67. Всякий встречает должное (что заслужил) по внутреннему своему настроению; но подробности соответствий внешних случайностей (внутреннему состоянию каждого) ведает один Бог.
68. Когда потерпишь какое-либо безчестие от людей, приведи поскорее на ум воздаяние славы, яже от Бога (Иоан. 5, 44), и будешь таким образом и в безчестии — без печали и смущения, и в славе, когда придет верен и безукоризнен.
69. Будучи хвалим народом, по благоволению Божию, не примешивай (от себя намеренно) к смотрению Господню ничего показного, чтоб не изменилось все и ты не испытал противоположного (посрамления).
70. Семя не прорастет без земли и воды; и человек не получит пользы без произвольных трудов и Божественного заступления.
71. Нельзя без облака пролиться дождю; и без доброй совести угодить Богу.
72. Не отрекайся учиться, хотя бы ты был очень мудр. Ибо Божие устройство полезнее нашей мудрости.
73. Когда, по позыву какого-либо самоугодия, сердце сдвинется с места самоутруждения; тогда, подобно очень тяжелому камню, двинувшемуся с места по скользкому склону, бывает неудержимо.
74. Как неопытный теленок, бежа от травы к траве, попадает на место обоюду (с-права и с-лева) стремнистое; так бывает и с душою, мало-по-малу отманываемую помыслами (от своего устройства и внимания).

75. Когда ум, укрепившись в Господе, отвлекает душу от долговременного худого навыка; тогда сердце как палачами бывает казнимо, умом и страстию, влекущими его туда и сюда.
76. Как плывущие по морю, в надежде прибытка охотно переносят солнечный зной, так ненавидящие зло любят обличение. И те борются с ветрами и эти со страстями.
77. Как бегство в зиму или субботу (Матф. 24. 20), причиняет болезнь телу и осквернение (собств. унижение) душе, так возстание страстей в устарелом теле и душе освященной (в лице священного сана).
78. Никто столько не благ и не милостив, как Господь; но не кающемуся и Он не оставляет грехов.
79. Не мало нас таких, что печалимся о грехах, а причины их охотно лелеем в себе.
80. Крот, роющийся под землю, будучи слеп, не может видеть звезд; и неверующий (Богу) относительно временного, не может веровать и относительно вечного.
81. Как благодать прежде благодати даровано от Бога людям ведение истины, которое причастников своих прежде всего научает веровать в Даровавшего оное.
82. Когда грешная душа не принимает находящих прискорбностей (не вразумляется ими), тогда Ангелы говорят об ней: врачахом Вавилона и не исцеле (Иерем. 51, 9).
83. Ум, забывающий истинное ведение, ведет с людьми войну за вредное себе, как за полезное.
84. Как огонь не может укоснуть в воде, так и скверный помысл в боголюбивом сердце. Ибо всякий боголюбивый и трудолюбив; самоохотный же труд естественно есть враг похоти.
85. Страсть, самоохотно возвращенная в душе делом, после насильно возстает в любителе своем, хотя бы он того и не хотел.
86. Непроизвольных помыслов любим мы причины; от чего они и приходят; а произвольных, очевидно, любим и самые предметы.
87. Самомнение и кичение суть причины хулы; сребролюбие же и тщеславие — немилосердия и лицемерия.
88. Когда диавол увидит, что ум начал молиться из сердца, тогда наводит великия и злохитрыя искушения. А маленьким добродетелям не станет он мешать большими нападками.
89. Закоснение помысла обличает пристрастие человека; скорое же истребление его означает брань и сопротивление.
90. Есть три мысленных места, в котория входит ум, изменяясь сам в себе: естественное, сверх–естественное и противоестественное. Когда вступит он и в свое естественное место, тогда находит себя виновником злых помыслов и причиною страстей, и исповедует Богу грехи свои; когда же бывает в противоестественном месте, тогда забывает он о правде Божией и воюет с людьми, как с обижающими его неправо. А когда возведется в сверх–естественное место, тогда находит в себе плоды Духа Святаго, которые указал Апостол, — любви, радость, мир и проч. (Гал. 5, 22); и знает, что, если предпочтет телесныя заботы, то пребывать там не может, и вышедши оттуда, впадает в грех и в последующия за ним скорбныя случайности, хотя не вскоре, но в свое время, как ведает про то правда Божия.
91. Ведение каждого на столько бывает истинным, на сколько подтверждает его кротость, смиренномудрие и любовь.
92. Всяк православно–крещеный получит таинственно всю благодать; осязательное же удостоверение в том получает наконец по мере исполнения заповедей.

93. Заповедь Христова, добросовестно исполняемая, по множеству болезнований сердечных дарует и утешение; впрочем то и другое бывает в свое время.
94. Во всяком деле имей присущею молитву; так как ничего не можешь сделать без помощи Божией.
95. Нет ничего сильнее молитвы к стяжанию содействия Божия, и ничего нет полезнее ее для благоугождения Богу.
96. Все делание заповедей в ней заключается: ибо ничего нет выше любви к Богу.
97. Не парительная молитва есть знак Боголюбия в пребывающем в оной; нерадение же о ней и парение (во время ее) есть знак любосластия (пленения сердца чем-либо кроме Бога).
98. Кто безкорбно совершает бдения, долготерпит и молится, тот причастен действительности Святаго Духа; но и тот, кто хотя чувствует прискорбность во время сих деланий, но охотно силою воли вытерпливает их, скоро получит заступление свыше.
99. Одна заповедь, как сказано, выше другой; так и вера бывает одна тверже другой.
100. Есть вера от слуха (Рим. 10, 17), по Апостолу, и есть вера уповаемых извещение (Евр. 11, 1).
101. Хорошо словами пользоваться вопрошающих, но лучше содействовать им молитвою и добродетелию: ибо посредством сих последних приносящий себя Богу помогает и ближним, сам сподобляясь помощи.
102. Если хочешь кратким словом воспользоваться любознательного, укажи ему молитву, правую веру и терпение всех прискорбных случайностей; ибо всякое прочее добро приобретается посредством их.
103. Относительно чего возложил кто все упование на Бога, из-за того не будет уже он бороться с ближними.
104. Если все невольное имеет причину в произвольном, по Писанию, то никто столько не враг человеку, как сам он.
105. Всех зол предводитель есть неведение; второе же по нем есть неверие.
106. Беги от искушения терпением и молитвою. Если же помимо этих будешь сопротивляться ему, то оно сильнее станет нападать.
107. Кроткий по Богу из мудрецов мудрец, и смиренный сердцем из силачей силач; поелику они несут иго Христово разумно.
108. Что без молитвы говорим мы, или делаем, то в последствии оказывается, или погрешительным, или вредным, и без ведома нашего обличает нас делами.
109. По делам, словам и помышлениям праведен только Один; а чрез веру, благодать и покаяние — много праведников.
110. Как кающемуся не свойственно высокоумдрствовать, так произвольно грешащему невозможно смиренномудрствовать.
111. Смиренномудрие не есть осуждение совести; но благодати Божией и Его благоснисхождения исповедание.
112. Что вещественный дом для общего воздуха, то мысленный ум для Божественной благодати: на сколько выбросишь вещества, на столько войдет, и на сколько внесешь, на столько удалится.
113. Вещество домашнее — сосуды и снеди; а вещество ума — тщеславие и самоугодие.
114. Широта сердца есть упование на Бога, а теснота его — забота житейская.
115. Благодать Духа едина и неизменна, но действует в каждом, как хочет.
116. Как дождь излившись на землю, питает и поддерживает в растениях свойственное им качество,

в сладких — сладость, в терпких — терпкость; так и благодать наитствуя сердца верующих, сподобляет их воздействий своих, сообразно с их добродетелями, сама в себе не изменяясь.

117. Алчущему Христа—ради бывает она пищею, жаждущему — сладким питием, зябнущему одеждою, труждающемуся успокоением, молящемуся — извещением (что молитва услышана), плачущему — утешением.

118. Итак, когда услышишь слова Писания о Святом Духе, что Он седе на едином коемждо из Апостолов (Деян. 2, 3), или что Он взыде на Пророка (1 Цар. 10, 10), или что Он действует (1 Кор. 12, 11), бывает оскорбляем (Ефес. 4, 30), угашаем (1 Сол. 5, 19), раздражается (Деян. 17, 16); также, что одни имеют начаток Духа (Римл. 8, 23), другие же исполнены Духа Святаго (Деян. 2, 4): то не думай так о Духе, будто в Нем бывает какое раздробление, или преложение, или изменение; но веруй, как прежде сказали мы, что Он непреложен, неизменен и всемогущ. Посему и в воздействиях Своих, Он и пребывает одним и тем же, и всякому боголепно уделяет подобающее. Он подобно солнцу, всецело излился на крещенных, но каждый из нас просвещается по той мере, как возненавидев омрачающия его страсти, истребляет их в себе; а на сколько оказывается любящим их, на столько помрачается.

119. Кто ненавидит страсти, тот отсекает и причины их; а расположенный к сим причинам и нехотя борим бывает страстями.

120. Когда действуют в вас злые помыслы, будем обвинять в том самих себя, а не прародительский грех.

121. Корни помыслов суть явные грехи, которые каждый из нас совершает руками, ногами, устами.

122. Невозможно, чтобы тот беседовал со страстию в уме, кто ненавидит причины ея.

123. Кто станет беседовать с тщеславием, если он презирает посрамление? Кто будет смущаться безчестием, если он любит унижение? Кто согласится на угодие плоти, если он имеет сердце сокрушенное и смиренное? Кто станет заботиться о привременном, или вести из—за него войну, если он верует во Христа?

124. Отметаемый кем—либо, и ни словом, ни мыслию не вступающий в прю с отметающим, приобрел истинное ведение, и являет твердую веру Владыке.

125. Лживи сынове человечестии в мерилех, еже неправдовати (Псал. 61, 10), тогда как Бог для каждого бережет то, чего он по правде достоин.

126. Если ни для обижающаго (обижать) не избыток, ни для обижаемаго (терпеть) не лишение; убо образом ходит человек, обаче все мятется (Псал. 38, 7).

127. Если увидишь, что кто—либо по поводу бозчестий крайне болезнует сердцем, то знай, что он наполнен помыслами тщеславия, и теперь пожинает с неудовольствием рукояти семян, котория сам посеял в сердце.

128. Кто паче должнаго наслаждался телесными удовольствиями, тот оплатит за этот излишек сторичными болезнованиями.

129. Настоятель обязан говорить послушнику должное; когда же его не послушают, возвещать об имеющих постигнуть за это бедах.

130. Обиженный кем—либо и не домогающийся обижающему должнаго (возмездия), этую частию верует Христу, и сторицею примет в веке сем и живот вечный наследует.

131. Память о Боге сопровождается болезнованием сердца о благочестии; всякий же забывающий о

Боге бывает самоугодлив и безчувствен.

132. Не говори, что безстрастный не может скорбеть; ибо если не о себе, то о ближнем должен он сие делать.

133. Когда враг соберет много записей о грехах совершенных в забвении; тогда понуждает должника и не в забвении делать те же грехи, благословно злоупотребляя законом греха.

134. Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не отвергай злключений, будто неправедных, но переноси их, как праведно тебя постигающих. Ибо терпение (в таком духе) каждым случаем пробуждает память (о Боге), а отречение (отказ так терпеть) умаляет мысленное мудрование сердца (к Богу устремление пресекает, обращая к земле) и чрез отраду (что сбросил тяжесть) производит забвение.

135. Если хочешь, чтоб Господом были покрыты грехи твои, то не высказывай пред людьми, если имеешь какую добродетель. Ибо как мы поступаем с нашими добродетелями, так Бог делает с нашими грехами.

136. Скрыв добродетель, не возносись умом, как хорошо поступивший. Правда требует не только скрывать доброе, но и не думать ни о чем из запрещенного.

137. Не радуйся, когда сделаешь кому добро, но когда без злопамятства перенесешь последующее за тем сопротивление (от облагодетельствованного). Ибо как ночи следуют за днями, так и зло за добром.

138. Тщеславие, сребролюбие и сластолюбие (самоугодие) не оставят неоскверненным благодеяния, если прежде сами не ниспадут от страха Божия.

139. В невольных болезненных прискорбностях сокрыта милость Божия, которая влечет переносящих оныя к покаянию и избавляет от вечного мучения.

140. Некоторые, исполняя заповеди, ожидают, что это на весах (правосудия Божия) послужит противовесом их грехам; другие же этим думают умиловить Умершего за наши грехи.

Спрашивается, чье из них мудрование правильно?

141. Страх геенны и царствия возлюбление подают терпение в скорбях. И это не от себя, но от Ведущаго помышления наши.

142. Верующий будущему удаляется от здешних наслаждений без размышления (или без спора); а неверующий бывает самоугодлив и безчувствен.

143. Не говори, как может бедный предаваться слястям, не имея способов; ибо можно в помыслах сладостраствовать еще горше (чем делом).

144. Иное есть знание дел (деятельное благоразумие), и иное — познание истины. Сколько солнце превосходнее луны, столько последнее полезнее первого.

145. Знание дел (деятельное благоразумие) прибывает по мере исполнения заповедей; а познание истины, — по мере надежды на Христа.

146. Если хочешь спастись и в познание истины прийти, напрягайся всегда возвышаться над чувственным, и надеждою прилепляться к Единому Богу. Обращаясь таким образом с понуждением себя внутрь, встретишь начала и власти, ведущия с тобою брань приражениями помыслов; но побеждая их молитвою, и пребывая благонадежным, возымеешь благодать Божию, избавляющую тебя от грядущаго гнева.

147. Кто разумеет таинственно сказанное святым Павлом, изрекшим, что наша брань к духовом

злости (Ефес. 6, 12), тот уразумеет и притчу Господню, которую Он сказал о том, что должно всегда молиться и не унывать (Лук. 18, 1).

148. Закон образно повелевает шесть дней делать, а в седьмой упраздниться от дел. Дело души состоит в благотворении именем, то—есть, делами; упразднение же ея, или покой в том, чтобы, по слову Господа, продать все свое и дать нищим, и успокоившись чрез такую нестяжательность, празднствовать в мысленном уповании. В сей—то покой и св. Павел поощряет нас войти со тщанием, говоря: потщимся внити в оный покой (Евр. 4, 11).

149. Это сказали мы, не затворя будущего и не определяя, что все воздаяние будет здесь; но (даем только разуметь), что прежде должно возыметь в сердце действительную благодать Святаго Духа, и потом соответственно сему войти в царствие небесное. Открывая сие, и Господь сказал: царствие небесное внутри вас есть (Лук. 17, 21). То же сказал и Апостол: вера есть уповаемых извещение (Евр. 11, 1); и еще: искушайте себе, аще есте в вере. Или не знаете, яко Иисус Христос живет в вас, разве точию чим неiskusни есте (2 Кор. 13, 5).

150. Познавший истину не противится скорбным приключениям. Ибо знает, что оне руководствуют человека к страху Божию.

151. Прежние грехи, будучи воспоминаюты по виду (подробно), повреждают благонадежного. Ибо если они возникают вновь в душе, сопровождаясь печалию, то удаляют от надежды, а если воображаются без печали, то опять влагают внутрь древнее осквернение.

152. Когда ум чрез самоотвержение воспримет несомненную надежду, тогда враг под предлогом исповедания как на картине изображает пред ним прежде бывшие грехи, дабы опять возгреть страсти, по благодати Божией уже забытыя, и тайно повредить человеку. Ибо в таком случае и просветлевший уже и ненавидящий страсти (ум), по необходимости омрачается, смутившись тем, что наделано; а если он еще покрыт как туманом и сострастен похотям, то всячески укуоснит (в таких помыслах) и начнет страстно беседовать с прилогами их, так что такое воспоминание будет не исповедание, а страстное приражение.

153. Если хочешь приносить Богу неукоризненное исповедание, то не вспоминая по виду (в подробностях) прежних своих поползновений, терпи мужественно последствия их.

154. Тяжелыя скорби находят за прежде наделанные грехи, принося с собою сродное каждому прегрешению.

155. Знаток дела, познавший истину, исповедается Богу не воспоминанием о том, что наделано, а терпением того, что постигает его.

156. Отвергнув сердечное болезнование о грехах и безчестие, не обещайся совершить покаяние посредством других добродетелей; ибо тщеславию и нечувствию обычно служить греху и десными.

157. Как добродетели обыкновенно рождаются от болезненных прискорбностей и безчестия, так грехи от тщеславия и утех.

158. Всякая телесная сласть происходит от предшествовавшего упокоения (тела), а к сему упокоению располагает неверие.

159. Находящийся под грехом не может один преодолеть плотское мудрование; потому что имеет в членах внедренное непрестанное разжжение.

160. Страстным надлежит пребывать в молитве и повиновении, ибо и с помощью (их, или ради их) едва можно бороться с приражениями.

161. Кто с послушанием и молитвою борется с своими хотениями; тот искусный борец, удалением от чувственного явно показывающий мысленную борьбу.
162. Кто не соглашает воли своей с волею Божию, тот спотыкается в собственных своих начинаниях и попадает в руки врагов.
163. Когда увидишь двух грешников, имеющих любовь друг к другу, то знай, что они друг другу помогают в самоугодии.
164. Высокомудрый (гордый) и тщеславный удобно примиряются друг с другом: ибо тот хвалит тщеславного, который рабски пред ним преклоняется; а этот величает высокомудраго, который часто его похваляет.
165. Боголюбивый слушатель в обоих случаях получает пользу: когда говорят с похвалою о его добродетелях, он еще более делается к ним ревностен; а когда обличают его худыя дела, он понуждается к покаянию. Надлежит нам сообразно преуспеянию и житие иметь, а по житию должно нам возносить к Богу и молитву.
166. Хорошо конечно содержать главнейшую добродетель и ни о чем по частям не заботиться, ни о чем по частям не молиться, но только искать царствия Божия по слову Господню (Матф. 6, 33). Но если мы заботимся еще о каждой потребности, то должны о каждой и молиться, ибо кто без молитвы что-либо делает, или о чем печется, тот не доводит благоуспешно до конца дела своего. И это—то значит сказанное Господом: без Меня не можете творить ничего (Иоан. 15, 5).
167. Кто пренебрегает заповедь о молитве, тот впадает в самые неуместные преслушания, из коих одно пересылает его к другому как узника.
168. Кто благодушно принимает настоящие прискорбности, воодушевляясь надеждою будущих благ, тот обрел ведение истины и удобно избавится от гнева и печали.
169. Кто за истину принимает поругание и безчестие, тот шествует Апостольским путем, взяв крест и узами обложен будучи. Кто же без сего покушается внимать сердцу, тот прельщается умом, и впадает в искушения и сети диавольския.
170. Борющемся ни помыслов без причин их, ни причин этих без помыслов победить никак нельзя. Ибо когда отвергнем одно что из этих отдельно, то немного спустя другим ввержены будем опять в обои.
171. Кто из боязни потерпеть какое зло, или поношение воюет с людьми, тот или здесь с излишком злостраждет, или в будущем веке без милости мучен будет.
172. Желаящий свергнуть с себя всякое бремя должен в молитве все вверить Богу, и держа умно крепкое на Него упование, сколько можно презирать заботы о чувственном.
173. Когда диавол видит, что человек без нужды слишком занимается телесным, тогда прежде похищает добычу ведения (расхищает ум), а потом (успев в этом), отсекает и упование на Бога, как главу.
174. Если когда достигнешь огражденного места чистой молитвы, не принимай в это время помышления о вещах, какое влагает враг, чтобы не потерять лучшаго. Ибо лучше стрелами молитвы поражать его, внизу негдешнего, чем беседовать с ним, когда он, предлагая нашему вниманию ничтожные вещи, ухищряется отвлечь нас от моления на него.
175. Познания вещей полезно бывает человеку во время искушения и уныния, а во время молитвы оно обыкновенно вредит.

176. Если ты получил жребий учить о Господе, а тебя не слушают, то мысленно о сем скорби, а явно не возмущайся тем. Такой ради скорби не будешь осужден на ряду с тем, кто не внимает тебе; за возмущение же явное все тем же искушаем будешь.

177. Во время беседы не скрывай того, что нужно и полезно для присутствующих; только приятное излагай прямою речью, а жестокое (строгое) загадочною.

178. Того, кто не состоит в подчинении тебе, не обличай в проступке в лице; ибо это дело более власти, чем совета.

179. Что говорится вообще многим, то бывает всем полезно; каждому же свое указывает при этом совесть.

180. Говорящий право должен и сам благодарить Бога, как от Бога приемлющий то, что следует говорить. Ибо истина есть дело не говорящего, но действующего (в нем или на него) Бога.

181. Которые не дали обета подчинения тебе, с теми не вступай в прю, когда они противятся истине, чтобы (вместо назидания) не вышла одна вражда, по Писанию (см. 2 Тим. 2, 23).

182. Кто спускает послушнику, когда он противоречит, где не следует, тот обольщает его в этом деле, и располагает (вообще) небречь об обетах послушания.

183. Кто со страхом Божиим вразумляет и наставляет согрешающего, тот приобретает себе противоположную проступку добродетель. А злопамятный и недоброжелатель порицающий впадает, по закону духовному, в одинаковую с ним страсть.

184. Хорошо обучающий закону боится Законодателя; и боясь Его, уклоняется от всякаго зла.

185. Не будь двоязычен, то—есть, иначе на словах, а иначе в совести расположен. Ибо такового Писание ставит под клятву (Иис. Сир. 28, 15).

186. Иной говорит истину, и бывает за то ненавидим безумными; иной лицемерит, и бывает за то любим: однакож ни одно из этих воздаяний не бывает продолжительно. В свое время Господь воздаст каждому должное.

187. Желаящийся избавиться от будущих горестей, должен охотно переносить настоящее. Ибо таким образом мысленно изменяя одно на другое, он чрез малых скорби, избежит великих мучений.

188. Удержи слово от самохвальства, и помысл от самомнения, чтоб не было тебе за то попущено сделать противное; ибо доброе не одним человеком совершается, но помощью всевидящего Бога.

189. Всевидящий Бог как за дела распределяет нам достойныя участи, так и за помыслы и произвольныя намерения.

190. Невольные помыслы рождаются от предшествовавшего греха, а произвольные от самовластной воли. Почему вторые бывают причиною первых.

191. Злые мысли, которые не по сердцу, сопровождает печаль, почему оне скоро и исчезают; а которые по сердцу, сопровождает радость; почему и трудно от них отбиться.

192. Самоугодник печалится от укоров и лишений; а Боголюбец — от похвал и многодоговльства.

193. Незнающий судов Божиих идет умом (внутренно) по пути, у котораго с обеих сторон стремнины, и от всякаго ветра удобно бывает низвергаем: когда хвалят его, он чванится; когда порицают, раздражается; когда пиршествует в довольстве, похотничает; когда испытывает скудость, плачет; когда знает что, показничает; когда не знает, держит вид знающаго; когда богат — кичится; когда беден, лицемерствует; когда насыщается, бывает дерзок; когда постится, тщеславничает; с обличающими его вступает в прю, а на извиняющих, смотрит, как на неразумных.

194. Пока кто благодатию Христовою не стяжет ведения истины и страха Божия, дотоле он не только от страстей, но и от внешних случайностей жестокия получает раны.
195. Когда хочешь разрешить какое недоуменное (запутанное) дело, то ищи относительно его того, что Богу приятно, и конечно найдешь ему полезное разрешение.
196. К каким делам благоволит Бог, тем и вся тварь содействует; а от которых Он отвращается, тем и вся тварь противится.
197. Кто противится сумрачным случайностям, тот, сам того не зная, противоборствует Божию повелению; а кто принимает их истинным ведением, тот, по Писанию, терпит Господа.
198. Когда найдет искушение, не ищи от чего и для чего оно нашло; но (о том позаботься), чтоб благодарно, безскорбно и незлопамятно перенести его.
199. Чужое зло не прибавляет (нам) греха, если мы не воспримем (не привьем, не присвоим) его худыми помышлениями.
200. Если нет человека, который бы без искушений благоугождал Богу, то должно благодарить Бога за всякий скорбный случай.
201. Если бы Петр не оставил ночной ловитвы, то не сподобился бы и дневной; и если бы Павел не ослеп чувственно, то не прозрел бы и умственно; если бы и Стефан не был оклеветан, как хулитель, то не отверзлись бы ему небеса и он не узрел бы Бога.
202. Как делание по Богу называется добродетелию, так и нечаянная скорбь именуется искушением.
203. Бог искушал Авраама, то—есть, к его же пользе посылал ему скорби, не для того, чтоб узнать, каков он: ибо Знающий все прежде бытия знал его; но чтоб дать ему повод к совершенной вере (к познанию ея и утверждению в ней).
204. Всякая скорбь обличает настроение нашей воли, на—право склоняется она, или на—лево. Случайная скорбь потому и называется искушением, что подвергшагося оной подвергает испытанию сокровенных его расположений.
205. Страх Божий понуждает нас бороться со грехом, и когда боремся, благодать Божия истребляет их.
206. Мудрость состоит не в том только, чтобы знать истину в естественной последовательности; но и в том, чтобы от обижающих нас переносить зло, как свое собственное (как заслуженное). (Опыт показал, что) которые оставались с одним первым знанием, те возносились гордостью, а которые достигали втораго, те стяжали смиренномудрие.
207. Если хочешь, чтоб тебе не стужали злые помыслы, имей душевное уничижение и телесную скорбь, и это не отчасти, но во всякое время, во всяком месте, и во всяком деле.
208. Кто произвольно проучивает себя прискорбностями, того не будут одолевать произвольные помыслы; кто—же не берет на себя первых, тот и не хотя пленяем бывает вторыми.
209. Когда вследствие обиды, раздражится утроба твоя и сердце твое, не печалься, что смотрительно пришло в движение лежавшее внутри прежде, но радуясь низлагай возникшие внутри помыслы, зная, что вместе с тем, как они истребляемы бывают при первом приращении, истребляется обычно и зло, лежащее под ними, и их приводящее в движение, а если помыслам позволяют коснуться и часто появляться, то и зло обычно получает приращение.
210. Без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла; сердце же сокрушается от тройственнаго воздержания, именно от сна, пищи и телеснаго покоя. Ибо довольство в них питает

самоугодие (удовлетворенное), размножая злые помыслы, влагает нехотение молиться и исправлять надлежащее послушание.

211. Получив жребий управлять братиею, храни чин свой, и не умалчивай о должном (сказать, или приказать) по причине противоречия (некоторых). В чем послушают тебя, за то получишь награду, по причине добродетели их; в чем же не послушают, прости им, и за то получишь равное (же воздаяние) от Того, Кто сказал: отпустите и отпустится вам (Лук. 6, 37).

212. Текущая события жизни походят на ярмарку. Кто умеет торговать, получает прибыль, а кто не умеет, несет убыток.

213. Кто с первого слова не послушает тебя, не принуждай того прением; но лучше на свою привлекли сторону ту прибыль, которую тот отверг. Ибо незлобие выгоднее для тебя, нежели исправность того.

214. Когда поврежденность одного (который повредил себе непослушанием, или другим чем) распространяется на многих, тогда не следует долготерпеливничать, ни своей искать пользы, но многих, да спасутся (1 Кор. 10, 33). Ибо общая добродетель полезней частной.

215. Если кто впадет в какой-либо грех, и не возкорбит о том в меру преступления, то легко опять впадет в ту же сеть (вражию).

216. Как львица не подступает дружески к теленку, так безстыдство не принимает печали, яже по Бозе (2 Кор. 7, 10).

217. Как с волком не сходится овца для деторождения, так с сытостию болезнование сердечное для зачатия добродетелей.

218. Никто не может возыметь болезнования и печали по Боге, если не возлюбит прежде причины их.

219. Страх Божий и обличение принимают к себе (в содружество) печаль; воздержание же и бдение сговариваются с болезнованием.

220. Кто не вразумляется заповедями и внушениями Писания, того надо подгонять конским бичем и остном ослиным (Притч. 26, 3) [40]; если же он и это отвергнет, то броздами и уздою челюсти его востягнеши (Псал. 31, 9).

221. Кто малыми искушениями легко побеждается, тот большими поневоле поработен бывает; а кто малыя презирает, тот о Господе воспротивится и большим.

222. Не берись обличениями врачевать того, кто хвалится добродетелями; ибо один и тот же не может быть и любителем показности и любителем истины.

223. Всякое слово Христово являет милость, правду и мудрость Божию, и силу их чрез слух влагает в души тех, которые охотно слушают его. Посему немилостивые и неправедные, неохотно его слушавшие, не только не могли познать премудрость Божию, но Учащаго оной распяли. Так-то и нам надобно смотреть, охотно ли Его слушаем. Ибо Он сказал: любяй Моя заповеди Моя соблюдет, и возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам (Иоан. 14, 15, 21). Видишь ли, как Он в заповедях сокрыл явление Свое? Всех же заповедей объемнейшая есть любовь к Богу и ближнему, которая раждается по отрешении от всего вещественнаго в безмолвии помыслов.

224. Зная сие, Господь заповедует нам говоря: не печетесь о утрии (Матф. 6, 34). Так и следует. Ибо не отрешившийся от вещественнаго и от заботы о нем как избавится от порочных помыслов?

Помыслами же объятый как увидит сокрытый под ними существенный (коренный) грех, который

есть тьма и мгла души, и от которого получают начало все порочныя помышления и желания, когда диавол, искушая посредством приражения не насилующаго, указывает на грех, а человек, тщеславием и самоугодием побуждаемый, сочетается с ним? Пусть, по разсуждению он не решился на него, но движением его усладился и сосложился с ним. Если же не познает он сего главнаго греха, когда и как возмолившись о нем, очистится от него? А не очистившись, как найдет место чистаго естества (Иезек. 37, 27)? Этого же не нашедши, как увидит внутренний дом Христов? — если мы дом Божий, по слову Пророческому. Евангельскому и Апостольскому (Захар. 2, 10; Иоан. 14, 23; 1 Кор. 3, 16).

225. Итак, надлежит вышепоказанным порядком озаботиться найти сей дом, и пребывая в молитве толкать в двери (Матф. 7, 7), дабы или здесь, или во время исхода отверз их нам Владыка, и не сказал, если вознерадим: не вем вас, откуда есте вы (Лук. 13, 25). Надлежит же нам не только просить и получить, но и сохранить данное нам; ибо некоторые и после получения потеряли. Простое знание вышесказанных предметов, или даже и опытность какую случайную (относительно их) может быть имеют и поздно начавшие учиться и юные; но постоянное с терпением делание сего едва имеют старцы, благоговейные и многоопытные, часто по невниманию его терявшие и потом опять произвольными трудами взыскивавшие и обретавшие. Но престанем же делать тоже и мы, пока не приобретем онаго делания, так чтобы оно пребыло в нас неотъемлемо.

226. Такие из многих немногия узнали мы оправдания духовнаго закона, коим непрестанно поучаться и кои творить и великий Псалмопевец внушает тем, которые часто поют в Господе Иисусе, Кому подобает слава и держава и поклонение, ныне и во веки. Аминь.

АВВА ЕВАГРИЙ

Об Евагрии Понтыяине, скитском монахе и авве, известно, что он родился около половины 4-го века, в городе Иворе близ Понта Евксинскаго. Род, или способности его обратили на него внимание, процветавших в то время, великих святителей: Василия Великаго, Григория Нисскаго и Григория Богослова. Под их руководством он возростал и развивался в духе и познаниях о вере и жизни во Христе Иисусе Господе нашем. Василий Великий поставил его чтецом, Григорий Нисский диаконом, и оставил его в Константинополе, бывши там на Соборе втором вселенском. Одно обстоятельство, подвергавшее опасности его чистоту, заставило его удалиться из Константинополя. И он, побыв немного в Иерусалиме, направился в Египет, где и подвизался сначала в Нитрии, потом в келлиях, и наконец в Ските, под руководством и в содружестве с тогдашними великими аввами.

Палладий, ученик его, по Сократу, пишет о нем в Лавсаике, гл. 73: «Находя несправедливым умолчать о делах Евагрия, знаменитаго диакона Христова, мужа жизни апостольской, напротив признав за справедливое предать оныя писанию, для назидания читателей и прославления благодати Спасителя нашего, я предложу сначала, как поступил он в монашество и как, потрудившись достойно своего обета, скончался в пустыне 54 лет, по словам Писания: скончався в мале, исполни лета долга, угодна бо бе Господеви душа его.

Родом он был Понтиец, из города Иворы, сын пресвитора, св. Василием, епископом Кесарийским, поставлен в чтеца к церкви в Аргос. По преставлении св. епископа Василия, св. Григорий епископ Нисский, брат епископа Василия, стяжавшаго славу апостольскую, мудрейший, безстрастнейший и весьма знаменитый ученостию, обратив внимание на способность Евагрия, рукоположил его в диакона. Пришедши потом с ним на великий собор Константинопольский, св. Григорий епископ

оставил его там у блаженного епископа Нектария, как искуснейшаго в опровержении всех ересей. И стал он славиться в великом городе, мужественно побеждая словами всякую ересь.

Случилось, что этот муж, котораго во всем городе уважали за отличную честность нравов, был уязвлен страстною любовию к женщине, как он сам рассказывал нам после, когда уже освободился от сего искушения. Женщина взаимно полюбила его; а была она из знатнаго дома. Евагрий, так как и Бога боялся, и своей совести стыдился, и представлял себе скверну порока и злорадование еретиков, усердно молил Бога воспрепятствовать намерению женщины, которая, быв распалена страстию, усиливалась вовлечь его в грех. Он хотел отдалиться от нея, но не мог, удерживаемый узами одолжений.

Немного спустя после молитвы, которою предотвратил он совершение греха, предстал ему в видении ангел в одежде воина епархова, и взяв его, повел будто в судилище, и бросил в темницу, обложив шею железными узами и связав руки железными цепями. Приходившие к нему не говорили ему о причине заключения, но сам он, мучимый совестью, думал, что подвергся сему за то дело, и полагал, что муж той женщины донес судье об этом деле. Ктому же ему представлялось, что тут же производился суд над другими, за подобное же преступление. От этого находился он в крайнем смущении и страхе. Тогда Ангел принял образ одного искренняго друга его и пришел будто навестить его. Он вошел, будто чрезвычайно пораженный и опечаленный тем, что друг его терпит поносныя узы и сидит в заключении между сорока преступниками, и сказал ему: — отче диаконе! За что так безчестно держат тебя с преступниками? Он отвечал ему: по истине не знаю; но подозреваю, что на меня донес такой-то епарх по безумной ревности, и я опасуюсь, не подкуплен ли им градоначальник, и не подвергнули бы меня тяжкому наказанию. Представший в виде друга сказал ему: если хочешь послушать друга своего, то я советовал бы тебе удалиться из этого города, потому что, как вижу, не полезно тебе жить в нем. Евагрий сказал ему: если Бог освободит меня от этой беды, и ты потом увидишь меня в Константинополе, пусть подвергнусь еще большему наказанию. Друг сказал ему: если так, я принесу Евангелие, поклянись мне на нем, что удалишься из сего города и сделаешься иноком, и я избавлю тебя от этой беды. Евагрий сказал: клянусь как ты хочешь, — только избавь меня от этой мрачной тучи. После этого тот принес Евангелие и потребовал клятвы. Евагрий поклялся ему на Евангелии, что не останется в городе, кроме одного дня, и это для того только, чтоб перенести на корабль свои вещи. Этим кончилось видение. Вставши, в тревоге, он разсуждал: пусть клятва дана в изступлении, но все же я поклялся. Потому ни мало не медля, перенес все, что имел на корабль, и отплыл в Иерусалим. Здесь он облекся в иноческое одеяние и был принят блаженною Меланиею Римлянынею.

Но диавол опять омрачил его сердце, и поколебал его до того, что он переменял уже опять одежду; и ум его обуяло ораторское тщеславие. Бог же, Который удерживает всех нас от погибели, поверг его и здесь в другую беду, послав на него горячку и тяжкою болезнию, в продолжении шести месяцев, измождив плоть его, которая препятствовала ему идти начатым уже путем. Когда врачи оставили его не находя способа вылечить его, блаженная Мелания сказала ему: думается мне, что болезнь твоя не простая, сын мой; скажи мне, нет ли у тебя чего на душе? Он признался ей во всем, что случилось с ним в Константинополе. Блаженная сказала ему: дай мне пред Богом слово, что решишься вести монашескую жизнь, и я хоть грешница, помолюсь Господу, да дарует Он тебе продолжение жизни на покаяние и исправление сердца. Когда он дал слово, она помолилась; и Евагрий выздоровел в

несколько дней. По выздоровлении, она сама доставила ему иноческое одеяние, и он, облекшись в него, отправился в Египет, где два года прожив на горе Нитрийской, на третий удалился в пустыню. Четырнадцать лет прожил он в так-называемых келлиях, питаясь только хлебом и водою с малым иногда количеством елея, и не позволяя себе в этом отношении никакого утешения. Не ел он ни зелени, ни плодов, ни винограда; не пил вина и не омывал тела. Так томил себя человек, живший прежде в довольстве; но искушения и здесь не оставляли его. Иногда возставал на него сильно демон блуда, как сам он говорил о том; и тогда он целую ночь сиживал нагой в колодце, во время зимы, так что тело его цепенело. В другое время досаждал ему дух хулы; и тогда он сорок дней не входил под кровлю, томя себя. И вообще он столько претерпел искушений от различных бесов, что трудно их и перечислить; даже бит он был демонами.

Но так умерщвляя тело свое и так терпя, блаженный внутренно оживотворялся Духом Святым, и очистив ум, сподобился дара ведения и различения духов.

Этот доблестный подвижник Христов говорил нам пред смертью: вот уже три года не тревожила меня плотская похоть. Если после такой строгой жизни, после таких подвижнических неутомимых трудов и непрестанного бодрствования в молитве, ненавистник добра и погибельный демон так нападал на этого праведника, то сколько терпят от этого нечистаго демона, или от собственного нерадения люди безпечные!

Он сочинил сто молитв; составил три книги, так-называемыя: *ѡра* — вернее *сѡѡра* (краткия изречения в виде стихов или притчей); *моѡхон*, — монах, или деятельные уроки; и *автѡрѡтѡков* — противоборство, — о борьбе с демонами и страстями.

У Сократа (Кн. 4, гл. 23) кроме того находим, что Евагрий был ученик обоих Макариев, — Египетскаго и Александрийскаго, под руководством которых, быв прежде философом только на словах, стяжал он философию деятельную. Пришедши в Египет из Константинополя, он встретился с упомянутыми мужами и стал подражать их жизни. Ниже Сократ приводит два обстоятельства из жизни Евагрия, со слов его самого, из которых видно, какія сношения были у него с Макарием Великим. Первое то, что авва Макарий спрашивал Евагрия о различии в действиях на душу памяти оскорбления людей, и памяти оскорбления демонов; второе то, как пришедши к авве Макарию, Евагрий, утомленный от пути на жару, просил немного воды и получил отказ. То и другое приводятся в его деятельных главах к Анатолию (Гл. 93, 94). Ниже еще поминает Сократ, что Евагрий в книге своей — гностик, пишет о себе: «мы научились у праведнаго Григория, что добродетелей и умозрений о них четыре: благоразумие, мужество, воздержаніе и справедливость». Кто сей Григорий? По Палладию — Григорий Нисский, а по Сократу — Назианзин, который будто и рукоположил его в диакона в Константинополе. Не смешал ли Сократ Назианзина с Нисским? Палладию лучше было знать истину. Наконец у Сократа встречаем следующее сказаніе. Дивный Аммоній, бывший вместе с Афанасіем Великим в Риме, и ничего там не хотевший видеть, кроме церкви Петра и Павла, был призываетъ потом в Египет Феофилом Александрийским к епископству, и убегая от него, отсек у себя правое ухо, чтоб безобразіем тела отклонить от себя рукоположеніе. Спустя несколько времени, епископ Александрийскій Феофил взял для епископства Евагрия, который также убежал, но не изуродовал никакой части своего тела. Встретившись с Аммоніем, Евагрий ласково сказал ему: худо сделал ты, что отсек себе ухо; за такой поступок будешь отвечать пред Богом. А ты не будешь отвечать, Евагрий, что отсек у себя язык и ради самолюбія не

воспользовался дарованною тебе благодатию, — отвечал Аммоний.

О творениях Евагрия Сократ пишет: он написал очень хорошие книги. Одна из них надписывается монах, или о деятельности; другая — гностик, или к человеку удостоившемуся знания, разделенная на пятьдесят глав; третья противоречник (*αντιρρητικός*), или выбор из божественных Писаний против демонов-искусителей, разделенный на восемь частей, по числу осьми помыслов. Кроме того, он составил 600 вопросов о будущем, и еще две книги, написанные стихами одну к монахам, живущим в киневиях, или общежительных монастырях, другую к деве. Как удивительны эти книги, узнает, будет читать их.

Созомен (Кн. 6, гл. 30), сказавши о помянутом Аммоние, что он был один из братьев длинных, достиг высоты любомудрия и был весьма учен так что перечитал сочинения Оригена, Дидима и других духовных писателей, — прибавляет: в дружбе с Аммонием находился мудрый Евагрий, муж ученейший, сильный умом и словом, и особенно способный различать мысли (помыслы), ведущая к добродетели и пороку, и располагаться так, чтобы первые развивать, а последних остерегаться. Впрочем каков он был в ученом отношении, покажут оставленные им сочинения. Нрав его отличался, говорят, умеренностию и обнаруживал столь мало тщеславия и гордости, что как заслуженные похвалы не надмевали его, так и незаслуженные укоризны не возбуждали в нем огорчения. Любомудрствовал он и учился Священному Писанию у Назианзского епископа Григория, при котором в бытность его предстоятелем Константинопольской Церкви служил архидиаконом. Лицем он был приятен и любил изящно одеваться. Нето из вельмож, заметив его знакомство с своею женою, воспламенился ревностию и задумал убить его. Когда умысел готовились уже привести в исполнение, Бог послал ему во время сна страшное, но вместе спасительное сновидение. Далее Созомен не дает ничего особенного.

Нельзя не заметить, что Сократ и Созомен разногласят с Палладием, в показании, какой Григорий покровительствовал Евагрию и способствовал его образованию. Палладий называет Григория Нисского, а те — Григория Назианзена. Можно согласить их так: в диакона рукоположен Евагрий Григорием Нисским; но был ведом и Григорию Назианзену и пользовался его уроками. Когда Григорий Богослов призван был в Константинополь на патриаршество, тогда на Собор, бывший при нем, прибыл и Григорий Нисский с Евагрием. Здесь Евагрий мог протодиаконствовать у Назианзена, и после Собора остаться по совету обоих Григориев в Константинополе. Сократ и Созомен говорят о нем, как он был в Константинополе, а Палладий, что было до того. Палладию, как ученику Евагрия, больше надо иметь веры: ибо он верно слышал то, что говорит, от самого Евагрия.

Смерть Евагрия *Patrologia* (t. 40, стр. 1215) относит к 399 году. Там же приводятся отзывы о писаниях Евагрия. Между прочим, блаженный Иероним писал (*Epist. 135 ad Ctesiph*), что «книги Евагрия читаются не только Греками по всему Востоку, но и на Западе Латинянами, в переводе Руффина ученика его».

В *Patrologia* помещено все сохранившееся из писаний Евагрия. На первом месте стоят: главы о деятельной жизни к Анатолию. Это, как догадываться можно, то, что осталось из книги, которую приведенные нами историки озаглавливают Монах. Главам предшествует краткое письмо к Анатолию, как введение к ним. Потом следует 71 глава уроков деятельности подвижнической. За ними стоит *λογος πρακτικός* в 100 главах. Но как из сих глав большая часть таких, кои находятся в числе 71-й главы; то тут приводится текст только тех глав, которых нет там. В сложности все же

выходит 100 глав. Мы так и озаглавим: сто глав о деятельной жизни к Анатолию.

Далее в *Patrologia* следует статья, которая у нас в Добротолюбии яснее озаглавляется: образ иночества, поучающий как должно подвизаться и безмолвствовать. Так и в Греческом Добротолюбии. Заглавие *Patrologia* даже перифразом трудно передать. Удержим наше заглавие. Потом стоят 33 главы *κατ' ἀκολῶν*, (не *κατ' ἀναλογίαν*—ли); содержание их: отражение духовного в видимом; 25 глав по алфавиту; это афористические изречения о духовных вещах. К сим последним присоединены других 26 изречений не по алфавиту.

После сего — об 8—ми порочных помыслах, часть древней книги *αὐτίρρικων*.

Наконец — краткия правила — к монахам киновитам, и к деве.

Все сие предлагается здесь в переводе.

1. Главы о деятельной жизни к Анатолию.

Пред этим писал ты, возлюбленный брат Анатолий, с святой горы (вероятно Нитрийской) ко мне в Скит, и просил разъяснить тебе символическое значение монашеской схимы Египетской, полагая, что не без разумного основания она имеет такое отличие от всех других форм человеческих одеяний. Охотно перескажу тебе, что сам узнал об этом от святых Отцев.

Кукуллий есть символ благодати Спасителя нашего Бога, осеняющей ум иноков, и покровом своим защищающей их во Христе младенчество от тех, которые непрестанно покушаются наносить им удары и причинять раны. Носящие его на голове своей, с крепкою и действенною верою поют: если не Господь созиждет дом и сохранит град, всеу трудится жидущий и бдит стрегущий (Псал. 126, 1). Такие вопияния внедряют смирение и искореняют гордость, это древнее зло, низвергшее на землю Люцифера, возсиявающего завтра.

То, что обнажены у них руки, [41] показывает безлицемерность их жизни. Ибо тщеславие умеет прикрываться, и давать тень добродетели, ловя всегда славу у людей и отгоняя веру, как говорит Спаситель: како вы можете веровати славу друг от друга приемлюще, и славы яже от Единого Бога не ищите? (Иоанн. 5, 44). Добро не должно быть для чего—либо другаго, напротив все другое должно быть для него. Если это не будет допущено, явно будет, что подвизающее нас к деланию добра, ценнее для нас самага добра; а это было бы крайнею нелепостию — воображать нечто высшее Бога и говорить так.

Аналав (наш параман), крестообразно переплетающий их плечи, есть символ веры во Христа, приемлющей (*ἀναλαμ βαν?σης*) кротких, всегда устраняющей препоны и доставляющей деятельности безпрепятственность.

Пояс, вяжущий их чресла, отлагает всякую нечистоту, и возвещает: добро человеку жене не прикасаться (1 Кор. 7, 1).

Милоть имеют они, как всегда мертвость Господа Иисуса на теле своем носящий (2 Кор. 4, 10), как подавляющие все неразумныя телесныя страсти, душевное же зло пресекающие приобщением добра, и как любящие нищету, и бегающие многоимания, яко идолослужения.

Жезл есть древо жизни, всех, кои берут его в руки и на него опираются, обязывающий утверждаться на Христе.

Вот сокращенно каких вещей символом служит схима! (Облекая в нее), св. Отцы всегда говорят им такая слова: Дети! веру делает твердою страх Божий, а его — воздержание; это делают неуклонным терпение и надежда, от которых раждается безстрастие; порождение же безстрастия есть любовь, а

любовь есть дверь к познанию физическому, которое приемлет богословие и верховное блаженство. И этого о священной схиме и поучении старцев на настоящую пору достаточно. Теперь будем говорить о жизни деятельной и знательной, не все то, что видели (у старцев) и слышали (от них), но что и другим пересказывать получили от них заповедь, разделив касающееся деятельной жизни на сто глав, а касающееся знательной — на 650, и иное скрыв, иное прикрыв, да не дадим Святая псам, ниже пометаем бисера пред свиньями (Матф. 7, 6), что однакож ясно для тех, кои идут в-след их тою же дорогою.

1. Христианство есть закон — (δογμα) Спасителя нашего Иисуса Христа, совмещающий что касается жизни, познания вещей и боговедения.
2. Царствие небесное есть безстрастие души с истинным ведением Сущаго.
3. Царствие Божие есть ведение Пресвятыя Троицы, сопростирающееся соответственно состоянию ума, и исполняющее его нескончаемо блаженной жизни.
4. Кто что любит, тот того и желает конечно, — а чего желает, то и улучшить подвизается. Всякому наслаждению предшествует желание, желание же порождается чувством. Что не причастно чувства, то свободно и от страсти.
5. С отшельниками демоны сами лично вступают в борьбу, а против тех, кои проходят добродетельную жизнь в киновиях или сотовариществах, они вооружают нерадивейших братьев. Но последняя брань гораздо легче первой; потому что нельзя найти на земле людей, которые были бы горше демонов, или воспринимали в себя всю их злокозненность.
6. Ум блуждающий устанавливают — чтение, бдение и молитва. Похоть пламенеющую угашают — алчба, труд и отшельничество. Гнев волнующийся утишают — псалмопение, великодушие и милосивость. Все это оказывает свое действие, когда бывает употребляемо в свое время и в соответственной мере. Все безвременное и безмерное не долговременно (не прочно); а недолговременное больше вредно, чем полезно.
7. Когда душа желает разных яств, тогда утесним ее хлебом и водою, чтоб была благодарна и за тонкий ломоть. Ибо сытость желает разнообразных яств, а голод и насыщение хлебом почитает блаженством.
8. Много способствует к целомудрию тела скудость воды. В этом да убедят тебя те триста Израильтян, что с Гедеоном, — победившие Мадиам.
9. Как смерти и жизни случиться у кого в одно и то же мгновение есть несбыточное явление; так любви и деньгам быть у кого-либо вместе есть вещь невозможная. Любовь не только деньги иждивает, но и самую привременную жизнь нашу приносит в жертву.
10. Бегающий мирских удовольствий, есть башня, неприступная для демона печали. Ибо печаль есть лишение удовольствия, или настоящего, или ожидаемого. — Невозможно нам избыть от этого врага, пока имеем пристрастие к чему-либо земному. Там он ставит свою сеть для возбуждения печали, к чему видит нас наиболее пристрастными.
11. Гнев и ненависть умножают сердечное раздражение; а милостыня и кротость погашают его.
12. Солнце да не заходит во гнев наш, чтоб демоны, нападши ночью, не напугали души, и не сделали ума более робким для борьбы на следующий день. Страшные сны обыкновенно бывают после гневной тревоги, и ничто другое столько не вынуждает ума нашего выступить из строя (дезертировать), как тревожный гнев.

13. Когда по какому–нибудь поводу раздражительная часть души нашей приходит в тревогу; тогда демоны предлагают нам отшельничество как вещь добрую, чтоб устранив причины огорчения, не освободились мы от смущения [42]. Когда же разгорячается похотливость, тогда они стараются сделать нас человеколюбивыми (удержать среди людей), называя жестокими и дикими за то, что удаляемся, чтоб похотствуя тел, мы встречали тела (оставаясь в обществе). Им не должно верить, но паче делать им противное.

14. Не отдавай себя помыслу гнева, мысленно ведя войну с тем, кто тебя огорчил; ни — опять помыслу блудному, долго удерживая сладострастные мечтания. То омрачает душу, а это ведет к одобрению страсти, — оба же оскверняют ум; и ты, во время молитвословия, как идолами наполняя воображение страстными образами, и не принося потому Богу чистой молитвы, тотчас подвергаешься нападению демона уныния, который обыкновенно нападает в таких состояниях, и подобно псу похищает душу, как мертвечину какую.

15. Гнев по природе назначен на то, чтоб воевать с демонами и бороться со всякою греховною сластью. Потому ангелы, возбуждая в нас духовную сласть и давая вкусить блаженства ея, склоняют нас обращать гнев на демонов; а эти увлекая нас к мирским похотям, заставляют воевать гневом с людьми, наперекор естеству, — чтоб ум, омрачившись и обезсмыслев, сделался предателем добродетелей.

16. Внимай себе, чтоб разгневавшись не прогнать какого брата. За это во всю жизнь свою не убежишь от демона печали, который во время молитвы всегда будет тебе выставлять то претыканием.

17. Памятозлобие погашают дары. Да убедит тебя в этом Иаков, укротивший дарами Исава, который шел к нему на встречу с четырьмястами мужей (Быт. 32, 6; 33, 1). Но мы бедные можем исполнить эту необходимость (заменить дары) трапезою.

18. Когда подвергнешься нападению беса уныния; тогда, разделив душу надвое и сделав одну ея часть утешающею, а другую утешаемою, станем всевать в себя благия надежды, напевая следующие стихи Давида: Вскую прискорбна еси душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповеся Ему, спасение лица моего и Бог мой (Псал. 41, 6, 7.).

19. Не должно во время искушений, оставлять келлии, изобретая какия–нибудь благословные предлоги; но надо сидеть внутри и терпеть, мужественно встречая всех нападающих, особенно же демона уныния, который тягостнее правда всех, но зато — более всех делает душу и опытною. Если бегать или обходить борьбу; то ум останется неопытным, робким и легко обращающимся в бегство.

20. Трудно избегать помысла тщеславия; ибо что ни сделаешь к прогнанию его, то становится началом новаго движения тщеславия. Не всякому впрочем правому помыслу нашему противятся демоны; но некоторым эти злыя твари благоприятствуют, в надежде обмануть нас.

21. Коснувшийся ведения, и вкусивший сладости от него, не доверится более демону тщеславия, хотя бы он предлагал ему все утехи мира. Ибо что бы мог он обещать больше духовнаго созерцания? Но пока мы не вкусили еще ведения; будем усердно проходить деятельную жизнь, Богу изъявляя цель нашу, что все творим ради ведения Его.

22. Помни о прежней жизни и древних прегрешениях твоих, и о том, как будучи страстным, перешел ты к жизни не поблажающей страстям, и как опять вышел ты из мира, во многом часто тебя очень смирявшаго. Помышляй также и о том, кто хранит тебя в пустыни и отгоняет от тебя демонов,

скрежещущих на тебя зубами своими. Такие помышления внедряют смиренномудрие, и не позволяют подступить демону гордости.

23. О чем имеем страстную память, то прежде на деле было воспринято со страстью; и опять, что на деле воспринимаем мы со страстию, о том после будем иметь страстную память. Для победившаго возбуждающих страсти демонов, ничего уже не стоят вещи, коими они возбуждают их. Ибо невещественный боритель горше вещественного.

24. Душевные страсти берут повод (к движению своему) от людей, а телесные от тела. Движение телесных страстей пресекает воздержание, душевных духовная любовь.

25. Демоны—предстоятели душевных страстей до самой смерти упорно стоят и тревожат душу; и предстоятели страстей телесных, скорее отходят. Притом иные демоны, подобясь солнцу восходящему, или заходящему, касаются одной какой-либо части души, а полуденный обычно всю душу охватывает, и ум потопляет. Почему отшельничество сладко после упразднения страстей: ибо тогда от них остаются одни голыя воспоминания, и, что касается до брани, тогда бывает не столько самый подвиг брани, сколько созерцание его.

26. Дстойно внимания, помысл-ли приводит в движение страсти, или страсти помысл. Иные принимают первое, а иные — второе. Обычно страстям приходиться в движение от чувств; но когда у кого есть любовь и воздержание, то оне не движутся, а когда нет, движутся. Гнев имеет нужду в больших врачевствах, нежели похоть; и любовь потому и называется великою, что она есть узда гнева. Ее и св. Моисей символически назвал офиомахом (бьющеюся со змеями), когда перечислял, что можно и чего не должно есть (Лев. 11, 22).

27. По причине известной и никогда непрестающей злобы демонов, душа воспаляется против (всеваемых ими) помыслов, как только заметит их приближение, и устроит себе защиту тем, что принимает страстное качество нападающих (гнев).

28. Не всегда возможно исполнять обычные правила, но надо обращать внимание на обстоятельства и возможное в них стараться исполнять по силам. Не ведают этого закона благовременности и самые демоны. Почему всегда вражески относясь к нам, они возможное препятствуют нам делать, а к невозможному принуждают. Так больных отклоняют они от того, чтоб благодарить Бога за прилучившиеся скорбности и великодушно терпеть услуживающих им; а слабосильных располагают к строжайшему воздержанию, и обремененных (летами, трудом), совершать псалмопение стоя.

29. Когда нужда заставит нас быть на короткое время в городе, или селе, тогда обращаясь с мирянами, будем держаться наиболее строгаго воздержания, чтоб иначе ум наш, утучнев и оставив на настоящее время обычное тщание, не сделал чего безсоветнаго, и не обратился в бегство, гонимый демонами.

30. Во время искушений, не прежде приступай к молитве, как сказавши несколько гневных слов против искусителя. Ибо когда душа окачествована скверными помыслами, тогда молитве ее нельзя быть чистою. Но если ты скажешь что-либо с гневом против них, то этим приведешь в смятение противников своих и истребишь их внушения. Гнев подобное же действие обычно оказывает и на добрыя помышления.

31. Кто хочет испытывать злобных демонов, и приобрести навык к распознаванию их козней; пусть наблюдает за помыслами и замечает, на чем настаивают они и в чем послабляют, при каком стечении обстоятельств и в какое время какой из них особенно действует, какой за каким следует и какой с

каким не сходится, и ищет у Христа Господа разрешения всему этому. Демоны очень злятся на тех, которые деятельно проходят добродетели с знанием дела (и приводят в ясность все), желая во мраце состреляти правыя сердцем (Псал. 10, 3.).

32. Двух демонов найдешь ты при этом наблюдении, крайне быстродвижными, и почти перегоняющими движение ума нашего, — демона блуда и демона, восхищающего нас к богохульству. Но этот последний не долговременен, а первый, если не приводит в движение страстных помыслов, не мешает нам преуспевать в познании Бога.

33. Тело отделить от души может только сочетавший их, душу же от тела — и тот, кто стремится к добродетели (в отшельничестве). Ибо отшельничеством отцы наши называют память о смерти и бегство от тела (т. е. чтоб плотиугодия не творить в похоти).

34. Не к добру пространно питающие плоть свою, и попечение о ней простирающие до похоти (Рим. 13, 14), на себя самих после сего пусть жалуются, а не на нее. Напротив те, которые стяжали душевное безстрастие чрез это самое тело и прилежат посильному (при его же посредстве) созерцанию Сушного, исповедуют благодать Творца (давшаго нам тело).

35. Когда ум начнет творить молитвы неразсеянно, тогда вся брань, денно—нощная, сводится на брань с раздражительною частию души.

36. Признак безстрастия, когда ум начнет видеть собственный свой свет, станет быть покойным относительно сонных мечтаний, и легко (и правильно) понимать вещи.

37. Когда ум, во время молитвы, не воображает ничего мирского, значит, он окреп.

38. Ум, с помощью Божиею совершивший поприще деятельной жизни и достигший ведения (созерцания), мало уже чувствует и совсем не чувствует движений неразумной части души: ведение (созерцание), восхищает его горе и отделяет от чувственного.

39. Безстрастие имеет душа не та, которая не пленяется вещами, но та, которая и при воспоминании об них пребывает невозмущаемою.

40. О совершенном муже не собственно говорится: воздерживается, и о безстрастном: терпит; потому что терпение бывает у того, кто страждет, и воздержание у того, кого влечет пожелание.

41. Великое дело — молиться неразвлеченно; но петь неразвлеченно еще больше.

42. Водрузивший в себе добродетели и совершенно ими возобладанный, уже не помнит о законе, или заповедях, или наказании, но то говорит (естественно как бы) и делает, что внушает ему установившийся прекрасный нрав.

43. Демонския песни приводят в движение нашу похоть и ввергают душу в срамныя мечтания, псалмы же и пения и песни духовныя всегда привлекают ум к памяти о добродетелях, охлаждая при том жар гнева и погашая похоть.

44. Если бьющиеся в борьбе наносят удары и взаимно принимают их, демоны же состоят с нами в борьбе, то нанося нам удары, конечно и сами принимают их от нас. Оскорблю их и не возмогут стати (Псал. 17, 39). И опять: оскорбляющие мя и врази мои, тии изнемогоша и падоша (Псал. 26, 2).

45. Мудрость в содружестве с покоем, а благоразумие — с трудом. Нельзя стяжать мудрости без борьбы, и нельзя успешно совершить борьбу без благоразумия. Ему вверено противостоять гневу, возбуждаемому демонами, равно как заставлять силы души действовать, как им свойственно по естеству, и пролагать, таким образом, путь к мудрости.

46. Искушение монаха есть помысл, который вошедши чрез страстную часть души, омрачает ум.

47. Грех монаха есть согласие помысла на запрещенную страсть греховную.
48. Ангелы радуются, когда умалется греховное зло, а демоны — когда умалется добродетель. Ибо те суть слугители милости и любви; а эти — рабы гнева и ненависти. Первые, приближаясь к нам, исполняют нас духовного созерцания, а вторые, приближаясь, ввергают душу в срамные воображения.
49. Добродетели не пресекают устремления на нас демонов, но сохраняют нас невредимыми от них.
50. Деятельная жизнь (практика добродетели) есть духовный метод, как очищать страстную часть души.
51. Для совершенного врачевания сил души, недостаточно одного благотворного действия на то заповедей, если ум не будет держать при этом соответственных созерцаний.
52. Как можно не противиться влагаемому в нас Ангелами благим помыслам; так можно отражать всеваемые демонами злые помыслы. За первыми помыслами следует мирное состояние души, а за вторыми — смятение.
53. Порождение безстрастия — любовь; безстрастие же есть цвет деятельной жизни, а деятельная жизнь состоит в исполнении заповедей. Блюститель сего исполнения заповедей есть страх Божий, который есть плод правой веры, вера же есть внутреннее благо души, которое бывает обычно и у тех, кои не уверовали еще в Бога.
54. Как душа действуя чрез тело чувствует, какие члены слабы; так ум действуя своею деятельностью познает свои силы, и замечая, какая препятствует ему (своею поврежденностию), приискивает врачевательную для ней заповедь.
55. Ум, ведущий страстную войну, не видит замыслов противника: ибо он походит в эту пору на сражающегося ночью (во тме). Но стяжав безстрастие, он удобно познает козни врагов.
56. Последний предел деятельной жизни — любовь, а ведения конец — богословие. Начало же обеих их — вера и созерцание вещей. Которые демоны приражаются страстной части души, те называются противниками деятельной жизни, которые же нападают на самую мыслительную силу, те называются врагами всякой истины и противниками созерцания.
57. Ничто из того, что очищает тело, не остается после того с очищенным; но добродетели, очистив душу, сопребывают потом в ней и очищенной.
58. Разумная душа действует сообразно с своим естеством, когда пожелательная ей часть стремится к добродетели, раздражительная подвигается за нее, а мыслительная прилежит созерцанию сущаго.
59. Преуспевающий в деятельной жизни умалет страсти, а преуспевающий в созерцании умалет неведение. И относительно страстей говорят, что будет некогда совершенное их истребление, а относительно неведения говорят, что отчасти будет ему конец, а отчасти нет.
60. Доброе и худое что встречаем в жизни, может способствовать и добродетелям и порокам. Дело благоразумия есть пользоваться тем на успех в первых и наперекор вторым.
61. Душа тречастна, по словам нашего мудраго учителя [43]. Когда добродетель бывает в мыслительной части, тогда называется осмотрительностию (φρονησις), сметливостию (συνεσις) и мудростию (σοφια); когда бывает она в пожелательной части, тогда называется цедомудрием, любовью и воздержанием; когда бывает в раздражительной части, тогда называется мужеством и терпением; когда во всей душе, — то праведностию. Дело осмотрительности есть воевать с противными нам силами, добродетелям покровительствовать, пороки гнать, вещами средними

(безразличными) распоряжаться соответственно времени. Дело сметливости есть, все, способствующее нашей цели, устроить достоительно; а дело мудрости — созерцать телесныя и безтелесныя твари по всем отношениям. Дело целомудрия есть безстрастно смотреть на вещи, обыкновенно возбуждающия в нас неразумныя мечты и желанія; дело любви — такую почти являть себя в отношении ко всякому лицу, носящему образ Божий, какою бывает она к первообразу, хоть демоны покушаются иногo унизить пред нами; дело воздержанія — с радостию отвергать все услаждающее гортань. Дело терпения и мужества — не бояться врагов и охотно переносить всякия неприятности. Дело праведности — держать все части души в согласии и гармонии между собою.

62. Плод сеяты — рукояти (жатва), а добродетелей — ведение. Как метанию семян сопутствуют слезы, так рукоятям (пожину хорошему), радость (Псал. 125, 6).

63. Не отложит человек страстных воспоминаний, если не позаботится уврачевать пожелательной и раздражительной части своей, первую истончая постом, бдением и сaniem на голой земле, а вторую укрощая долготерпением, непамятозлобием и милостынею. Из этих двух страстей составляются все почти демонскіе помыслы, ввергающіе ум во всякую беду и пагубу. Но избавиться от страстей невозможно никому, если он не презрит совсем ястие и питие, имущество и славу, еще же и самое тело свое, ради тех, кои часто покушаются поражать его чрез них (т. е. бесов). Потому всякая настоит нам необходимость подражать бедствующим на море, которые выбрасывают вещи, по причине натиска ветров и высоко поднимающихся волн. При этом надобно однакож тщательно внимать, чтоб выбрасывая подобным образом вещи, не делать этого, да видимы будем людьми. Ибо чрез это мы потеряем мзду свою, и подвергнемся еще горше прежняго крушению, когда подует на нас ветром своим демон тщеславия. Почему и Господь наш, поучая в Евангелиях правителя нашего — ум, говорит: вземлите милостыни вашае не творити пред человеки, да видими будете ими; аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего иже есть на небесех (Матф. 6, 1). И опять: егда молишися, говорит, не буди яко же лицемери, яко любят в сонмищах и стогнах путии стоящи молитися, яко да явятся человеком: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою (— 5). И опять говорит: егдаже поститесь, не будите якоже лицемери сетующе: помрачат бо лица своя, яко да явятся человеком постящесе: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою (— 16). Но вземлите здесь Врачу душ, как Он милостынею врачует раздражительность, молитвою очищает ум, а постом умерщвляет похотение; из коих составляется новый человек, обновляемый по образу Создавшаго его (Кол. 3, 10. 11), в коем по причине безстрастия, несть мужеский пол, ни женск, а по причине единства веры и любви, несть Еллин и Иудей, обрезание и необрезание, варвар и Скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос (Гал. 3, 28).

64. Нечистые помыслы, закосневая в нас по причине страстей, низводят ум во всегубительство и пагубу. Ибо как помысл о хлебе закосневает в алчущем по причине алчбы, и помысл о воде в жаждущем по причине жажды: так и помысл о деньгах и других стяжаніях закосневает по причине любоиманія, и срамные помыслы по причине страсти похотной. Таким же образом объясняется и закосневание наше на помыслах тщеславия и других каких. Невозможно, чтоб ум погружаемый и утопающий в таких помыслах, предстал пред Бога, и украсился венцом правды. Этими помыслами расхищен был треокаянный оный ум, который, по притче евангельской, отказался от вечери боговедения. Равным образом и тот, связанный по рукам и ногам и вверженный во тму кромшную, из этих помыслов имел сотканную одежду, которую Звавший признал недостойною такой брачною

вечери. Брачное одеяние есть безстрастие разумной души, отвергшейся мирских похотей. Какая же причина того, что помышления о чувственных вещах, закосневая, растлевают ведение, об этом сказано будет в главах о молитве.

65. Демонскому помыслу противостоят три помысла, отсекая его, когда он закоснеет в уме: ангельский, наш, исходящий от нашего произволения, когда оно устремляется к лучшему, и другой наш, подаемый человеческим естеством, коим движимые и язычники любят, напр. детей своих и почитают родителей своих. Доброму же помыслу противостоят только два помысла: демонский, и наш, исходящий из нашего произволения, уклонившагося к худшему. Ибо от естества не исходит никакой худой помысл; так как из начала мы не были злы, потому что Господь сеял доброе семя на селе Своем. Было время, когда не было зла, и будет время, когда его не будет. Семена добродетелей неизгладимы. Удостоверяет меня в этом тот евангельский богач, который и осужден будучи во ад, милосердовал о братьях своих, а милосердие есть наилучшее семя добродетели.

66. Некоторые из нечистых демонов всегда приседают подле читающих и всячески ухитряются отвлекать ум их и нужды. Часто, взяв повод от самых божественных Писаний, они наводят их на худые помыслы; бывает, что они против обыкновения заставляют зевать, или наводят тяжкий сон, много отличный от обыкновенного. Это испытал я сам на себе; но не понимал хорошо причины, хотя часто подвергался тому. От святого же Макария слышал, что и зевота безвременная и сон от демонов; в доказательство чего он приводит обычай при зевоте полагать крестное знамение на уста, по дренему незапамятному преданию. Все это мы терпим от них потому, что при чтении не храним трезвенного внимания, и не помним, что читаем святые слова Бога Живаго.

67. Бывают у демонов передачи и преемства, когда кто из них изнемогает в брани, не успевши привести в движение любимой своей страсти. Сделавши над этим наблюдение, я нашел следующее: Когда какой-нибудь страсти помыслы долгое время редко приходят к нам, а потом она вдруг нечаянно придет в движение и начнет жечь, тогда как мы никакого не подавали к тому повода каким-либо нерадением; тогда ведайте, что за нас взялся злейший прежнего демон, и заняв место отбившаго, исполнил своим злом. Видя это ум, да прибегает к Господу, и восприяв шлем спасения, облекшись в броню правды, извлеки меч духовный, подняв щит веры (Еф. 6, 14—17) и возревши на небо со слезами, да глаголет: Господи Иисусе Христе, сила спасения моего (Псал. 139, 8). Приклони ко мне ухо Твое, ускори изъяти мя: буди ми в Бога Защитителя и в дом прибежища, еже спасти мя (Псал. 30, 3). Особенно же пощениями и бдениями пусть сделает блестящим меч свой. После этого хоть и простраждет он еще несколько времени, боримый и осыпаемый разжженными стрелами лукаваго, все же наконец и этот демон мало-по-малу сделается таким же, каков был предшественник его, и стихнет, пока не прибудет еще иной злейший для замещения его.

68. Нечистые помыслы часто распложаются и простираются на многия вещи, переплывают великия моря, и долгие пути совершать не отказываются, движимые пламенеющею страстию. Но когда они несколько очищены, тогда они бывают гораздо стесненнее этих (необуздываемых), и не могут широко распространяться на многия вещи, по причине слабости страсти. Почему движутся наиболее в кругу того, что естественно; и по премудрому Соломону, время некое вне глумятся (Притч. 7, 12), собирая тростие для незаконнаго плинфоделания (Исх. 5, 12, 7), не касаясь плевел. Итак, должно всяким хранением блюсти сердце, да спасется аки серна от тенет, и яко птица от сети (Притч. 6, 5). Ибо легче нечистую очистить душу, нежели очистившуюся и опять покрывшуюся ранами, снова

воззвать к здравью, по причине усиленных преград от демона печали, всегда вскакивающего в зеницы очей, и во время молитвы выставяющего на вид идола греховной страсти.

69. Разумное естество, умерщвленное грехом, Христос пробуждет (к покаянию) созерцанием всех веков (т. е. бывшего, бывающего и паче имеющего быть); а Отец его сию душу умирающую потом смертью Христовою, смертью греху, воскрешает боговедением. Это и значат слова Апостола: аще с Ним умрохом; то с Ним и оживем (2 Тим. 2, 11).

70. Когда ум совлечется ветхаго человека и облечется в того, который от благодати; тогда и свое состояние узрит он, во время молитвы, похожим на сапфир, или цвет неба: что в св. Писании называется местом Божиим, как его видели старцы на Синае (Исх. 24, 10).

71. Ум не узрит места Божия в себе, если не станет выше всех помышлений о вещественном и творном; выше же их он не станет, если не совлечется страстей, связывающих его с предметами чувственными и распложаящими помыслы о них. Страстей этих он совлечется посредством добродетелей, а простых помыслов посредством духовнаго созерцания; но и это отложит, когда явится ему тот свет который во время молитвы отпечатлевает место Божие.

2. Евагрия монаха — о дятельной жизни сто глав.

1. Христианство есть и проч.

29. Говорил святой и опытнейший учитель наш: монах так должен быть настроен в себе, как бы завтра имел он умереть; и так опять поступать с телом своим, как бы имел жить многие лета. Ибо то, говорит, пресекает помыслы уныния, и делает монаха ревностнейшим; а это здравым хранит тело и заставляет наблюдать всегда равное воздержание.

31. Узнал я, что демон тщеславия, почти всеми демонами гонимый, безстыдно становится на трупах гонящих его и выставяет на показ монаху величие добродетели его [44].

43. Надобно распознавать различие демонов и замечать времена их. Из помыслов познаем (а помыслы из дел), какие демоны редки, но тяжелы, какие постоянны, но легче, какие внезапно насканивают и похищают ум на богохульство. Необходимо наблюдать и то, чтоб, когда помыслы начнут передвигать свои предметы, прежде чем выйдет из обычного своего состояния, успевать сказать что-нибудь против них, и пометить того, кто присущ в них. Ибо таким образом и сами мы преуспеем с Божиею помощью, и их заставим со скорбию отлетать, дивясь нам.

44. Когда борясь с монахами, демоны изнемогут, тогда, немного отдалясь наблюдают, какая добродетель в этот промежуток будет пренебрежена, и внезапно нападши на эту сторону, расхищают бедную душу.

45. Злые демоны иногда призывают к себе на помощь еще злейших себя демонов, и составив план, начинают воевать одни против других, в одном согласными пребывая между собою — в погублении души.

46. Да не смущает нас и да не пресекает нашего добраго ревнования демон, похищающий ум на богохульство и на те непотребнейшия воображения, которыя и письмени предать стыжусь.

Сердцеведец Бог знает, что даже и в мире находясь, не безумствовали мы таким безумием. Цель у этого демона заставить нас прекратить молитву, чтоб стояли мы пред Господом Богом нашим, не смея воздевать руки к Тому, против Котораго допустили такие помыслы.

47. Признаком страстей действующих в душе бывают, или какое-либо произнесенное слово, или телом совершенное движение, из которых враги узнают, имеем ли мы внутри себя их помыслы и

болим родами их, или отвергнуши их печемся о своем спасении. Один, сотворивший нас Бог знает все так, и не имеет нужды в каких-нибудь видимых признаках, чтоб познать, что скрыто в сердце.

48. С мирянами демоны ведут брань более посредством самых вещей, а с монахами большею частью посредством помыслов; потому что у них в пустыни нет вещей. Но чем легче и скорее можно согрешить мыслию, нежели делом, тем брань мысленная тяжелее той, которая ведется чрез посредство вещей. Ум есть нечто крайне быстрое и неустойчивое, падкое на греховные воображения.

49. Непрестанно работать, бодрствовать (не спать) и поститься (не есть), не заповедано нам; а молиться непрестанно законоположено. Ибо те подвиги, обращенные на врачевание похотной части души, имеют нужду в теле, чтоб самим быть в действии; тело же без поддержки непрестанно в труде и лишениях быть не может. А молитва очищает и делает мощным к борьбе ум, который создан молиться и без этого тела, и воевать с демонами в защиту всех сил души.

54. Когда демоны, воюющие против похотной части, в сонных мечтаниях показывают нам встречи с известными, пирувания с родными, хоры жен, и другое что подобное, чем обычно питается похоть, и мы увлекаемся тем; то значит, мы болим эту часть своею и страсть эта в нас сильна. Но когда они обладают нашею раздражительною частью, то заставляют нас (в мечтаниях сонных) ходить по страшно-обрывистым местам, наводят на нас людей вооруженных, или ядовитых змий и зверей плотоядных. Если теперь мы (во сне) мест тех ужасаемся, а зверьми и людьми гонимые предаемся бегству; то нам надобно поспешить о своей раздражительной части, и призывая Христа Господа во время бдений, пользоваться показанными прежде врачевствами.

55. Естественные телесные во сне движения, без мечтаний срамных, показывают, что душа некоторым образом здорова; сплетение же таких мечтаний есть признак, что она больна. При этом знай, что воображение неопределенных лиц указывает на остатки давней страсти, а воображение лиц определенных указывает на новые уязвления сердца.

56. Признаки безстрастия будем определять днем посредством помыслов, а ночью посредством сновидений. Безстрастие назовем здравием души, а ведение ее пищею; потому что оно одно обычно сочетает нас со святыми силами, так как сочетание с безтелесными возможно только при подобонастроении с ними.

57. Есть два мирных состояния души: одно есть следствие оскудения и изсушения естественных соков, а другое бывает по случаю отступления демонов. Первому сопутствуют смиренномудрие с сокрушением сердца, — слезы и безмерное желание божественного; а за вторым следует тщеславие с гордостью, которое овладевает монахом, по удалении прочих бесов. Кто блюдет пределы первого состояния, тот скорее распознает нападения и козни демонския.

58. Демон тщеславия противоположен демону блуда; и чтоб они оба вместе напали на душу, есть дело несбыточное; ибо один из них обещает почести, а другой повергает в безчестие. Почему когда какой-нибудь из них приближась, начнет беспокоить тебя, ты производи сам в себе помыслы демона ему противоположного; и если сможешь, как говорится, клин клином выбить, то знай, что ты близок к пределам безстрастия; ибо ум твой оказался сильным человеческими помышлениями прогнать внушения бесовския. Но конечно смиренномудрием отогнать помысл тщеславия, или целомудрием помысл блуда было бы признаком глубочайшего безстрастия. Пробуй так поступать в отношении ко всем противоположным друг другу демонам. Вместе с тем узнаешь какую более

исполнен ты страстию. Впрочем всеми силами проси у Бога, чтоб научил тебя и помог тебе вторым способом прогонять врагов.

59. Чем более преуспевает душа, тем сильнейшие выступают на нее противоборцы. Не думаю, чтоб при ней всегда пребывали одни и те же бесы. Наилучшим образом знают это те, которые острозорче наблюдают за нападающими искушениями, видя, что обычное им безстрастие бывает колеблемо сильнее прежнего новыми бесами приемниками прежних.

60. Совершенное безстрастие является в душе, по преодолении всех, противящихся деятельной жизни демонов; несовершенным же безстрастие называется когда душа по силе своей, без уступок однакож, борется еще с нападающим на нее бесом.

61. Не пройдет ум, не минует благополучно страстного онаго пути (мытарств) и не вступит в область безплотных, если не исправит своего внутренняго. Эта домашняя неурядица непременно поворотит его к тем, от которых она произошла.

62. И добродетели и пороки делают ум слепым: при первых не видит он пороков, а при вторых добродетелей.

ИЗРЕЧЕНИЯ СВЯТЫХ СТАРЦЕВ.

91. Необходимо спрашивать и о путях, которыми право ходили прежние старцы и себе по ним направляться. Можно найти много хорошо ими сказанного и сделанного. Так некто из них говорит, что постоянное сухоядение с любовью скоро вводят монаха в пристань безстрастия. Он же одного брата, котораго ночью смущали мечты, избавил от них, дав ему заповедь ходить за больными с постом. Ибо, сказал он на вопрос об этом, ничем так не угашаются страсти, как милосердием.

92. К праведному Антонию приступил один из тогдашних мудрецов и сказал: как сносишь ты, Отче, такую жизнь, лишаемый утешения, какое доставляют книги? Тот отвечал: книга моя, господин философ, есть эта сотворенная природа. Она всегда со мною, и когда хочу, могу читать в ней словеса Божии.

93. Спросил меня однажды избранный сосуд, египетский старец Макарий, что за причина, что злопамятствуя на людей, мы разстроиваем памятовательную силу души [45], на бесов же злопамятствуя, не терпим вреда? Когда я, затруднясь ответом, просил его самого объяснить мне это, он сказал: та, что первое противно естеству (раздражительной силы); а второе сообразно с ним.

94. Пришел я однажды в самый сильный полуденный жар к святому отцу Макарию, и крайне жегомый жаждою, попросил у него воды выпить. Но он сказал: удовольствуйся тению; ибо многие путешествующие и плавающие в это время лишены и ея. Потом, когда я завел по этому случаю речь о воздержании, он сказал: поверь, сын мой, что целых двадцать лет я не давал себе до-сыта ни хлеба, ни воды, ни сна. Хлеб свой съедал я весом, и воду пил мерою, и прислонившись к стене урывал малую часть сна.

95. Пришла одному [46] монаху весть о смерти отца его; но он сказал тому кто извещал его об этом: перестань богохульствовать, ибо мой Отец безсмертен.

96. Один брат спросил некоего старца, велит ли он ему, когда придет домой, есть вместе с матерью и сестрами. Тот сказал: с женщиною не ешь.

97. Один брат имел только Евангелие; но потом и его продавши, деньги отдал на пищу алчущим, и изрек при этом достопамятное слово: я продал то самое слово, которое говорит мне: продай имение и роздай нищим (Матф. 19, 21).

98. Близь Александрии, на самой северной части залива, называемого Марииным, есть остров, на котором жил один монах опытейший в ведении духовных вещей. Он говорил, что все, что делают монахи, делают по пяти причинам: ради Бога, по требованию природы, по обычаю, по нужде, и ради рукоделия. Он же говорил, что добродетель по существу одна, но видоизменяется в силах душевных подобно тому, как свет солнечный не имеет фигуры, но обыкновенно принимает фигуру отверстий, чрез которыя проходит.

99. Другой опять монах сказал: я для того лишаю себя удовольствий, чтоб пресечь поводы к гневу. Ибо знаю, что он всегда поднимает войну из-за удовольствий, возмущая ум и отгоняя ведение. Некто же из старцев говорил, что любовь не умеет беречь запасы хлеба или денег. Он же сказал еще: не знаю, чтоб бесы обманули меня дважды в одном и том же деле.

100. Всех братий равно любить невозможно; но можно со всеми обращаться безстрастно, будучи свободным от злопомнения и ненависти. После Бога больше всех надо любить иереев, очищающих нас св. таинствами и молящихся о нас; старцев же своих должны мы чтить как Ангелов.

Но ныне буди тебе это только сказано мною, возлюбленный брат Анатолий, сколько нашли мы и собрали на ветвях зреющего благодатию Св. Духа винограда нашего. Если же постоянно будет осиявать нас солнце правды и ягода вполне станет зрелою, тогда выпьем от него и вина, веселящего сердце человека (Псал. 103, 15), молитвами и молениями праведнаго Григория, насадившаго меня, и преподобных здешних Отцев, напоющих меня, и силою возвращающего меня Христа Иисуса Господа нашего, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

3. Евагрия монаха, — изображение монашеской жизни, в коем преподается, как должно подвизаться и безмолвствовать.

1. У Иеремии сказано: и ты да не поймешь себе жены на месте сем. Яко сия глаголет Господь о сынех и дочерех, раждающихся на месте сем: смертию болезненною погибнут (16, 1 и др.). Слово сие на то же наводит, что и Апостол говорит: оженившийся человек печется о мирских, како угодити жене... И посягшая жена печется о мирских. како угодити мужу (1 Кор. 7, 33, 34); если пойдем, что у Пророка не о тех только сынах и дочерях, кои происходят от брачной жизни, сказано: смертию болезненною погибнут; но о сынах и дочерях, раждающихся в сердце, т. е. о плотских помыслах и пожеланиях, так как и они умирают в болезненном, немощном и расслабленном мудровании мира сего, а небесной и вечной жизни не достигают. Неоженившийся же, говорит, печется о Господних, како угодити Господеву (1 Кор. 7, 32, 2), и творит всегда зеленеющие и бессмертные плоды небесной жизни.

2. Таков инок, и таким подобает быть иноку; то—есть, чтоб он, удаляясь от жены, не творил сынов и дочерей в сказанном месте, — и не это только, но чтоб был и воином Христовым, не веществолюбивым, свободным от забот, чуждым помышлений и дел многмятежнаго мира, как и Апостол говорит: никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет (2 Тим. 2, 4). В сих наипаче да пребывает инок, оставив все вещи мира сего и стремясь к прекрасным и добрым трофеям (победознамениям) безмолвия. Как прекрасен и добр подвиг в безмолвии, как воистину прекрасен и добр! Иго его благо и бремя легко (Матф. 11, 30): сладка жизнь, любезно деяние.

3. Хочешь ли, возлюбленный, как следует, воспрять уединенническую жизнь, и устремиться к трофеям безмолвия? Оставь там попечения мирския, с их началами и властями, то—есть, будь как не

вещественный, безстрастен и чужд всякаго похотения, чтоб, быв свободен от сопряженных с тем беспокойных случайностей, мог ты добре безмолвствовать. Ибо если кто не исторгает себя из всего этого, то справиться этого рода жизни, как следует, не сможет. Пищу назначь простую, удобоприобретаемую и не требующую много о себе забот, а не разнообразную и ввергающую в развлечения. Если придет тебе помысл о ценных яствах, будто страннолюбия ради, оставь его, ни мало ему не внимая. Ибо чрез это наветует тебе враг, наветует, чтоб отвратить тебя от безмолвия. Имеешь Господа Иисуса, в лице Марфы укоряющего душу, пекущуюся об этом, и говорящего, что о многом печешься и молвишь. Едино есть на потребу (Лук. 10, 41), то, чтоб слушать слово Божие, прочее же после сего без труда найдется. Почему Он тотчас и прибавляет: Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея (— — 42). Имеешь и пример вдовицы Сарептской, чем она угостеприимствовала Пророка (3 Цар. 17, 10). Хотя бы ты имел только один хлеб и воду, можешь и с ними как следует совершить дело гостеприимства, и удостоиться за то воздаяния. Но если бы ты и этого не имел, прими странника только с добрым произволением и слово благое ему скажи, и этим можешь равно стяжать мзду страннолюбия. Ибо сказано: благо слово паче даяния (Сирах. 18, 16. 17).

4. Также должен разсуждать ты о милостыне. Не пожелай иметь богатство для раздаяния бедным. Ибо и это есть леть лукаваго, часто приходящаго в видах тщеславия, и ввергающая ум в дела многомятежныя (многосделочныя). Имеешь в Евангелии от Господа Иисуса получившую доброе свидетельство вдовицу, которая двумя лептами, превзошла произволение и силу (достоинство пожертвований) богачей. Все бо, сказал Господь, от избытка ввергоша в сокровищное хранилище; сия же все имение свое (Лук. 21. 4). Что же касается до одеяния, то не желай иметь лишних одежд; промысли себе только такая, какия достаточны к удовлетворению этой потребности тела. Возверзи на Господа печаль твою (Псал. 54, 23), и Он промыслит о тебе. Яко Той печется о нас, говорит Слово Божие (1 Петр. 5, 7). Если имеешь нужду в пище, или одежде, не стыдись принять, если будут подавать тебе их другие. Ибо это есть вид гордости. Если и сам будешь в них излишествовать, давай тому, у кого их нет. Бог хочет, чтоб чада Его (или рабы) так вели свое домостроение (или экономию). Почему и Апостол, пиша к Коринфянам, говорит о терпящих оскудение в потребном: ваше избыточествие во оных лишение, да и оных избыток будет в ваше лишение, яко да будет равенство, якоже писано: иже многое, не преумножил есть; и иже малое, не умалил (2 Кор. 8, 14. 15). Итак, имея потребное на настоящее время, не заботься о том на будущее время, на день, например, или на неделю, или на месяц, или на год. Когда настанет завтрашний день, время то само доставит тебе потребное, если ты ищешь паче царствия небеснаго и правды Божией. Ибо Господь говорит: ищите Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Матф. 6, 33).

5. Не принимай отрока, чтоб враг не воздвиг из за него какого-либо соблазна, и твоей головы не встревожил заботиться о ценных яствах; ибо тогда не можешь уже ты пещись об одном себе. Пусть придет этот помысл (отрока иметь) для успокоения телеснаго (будто необходимаго); но ты взыщи лучшаго, т. — е. покоя духовнаго: ибо духовный покой всеконечно лучше телеснаго. Пусть помысл приложит внушение, что так сделать надо ради пользы отрока, не верь ему: ибо это не наше дело, а других святых отцев, живущих в киновии. Об одной своей пекись пользе, соблюдая как следует чин безмолвнической жизни. Не люби жить с людьми вещелюбивыми и хлопотливыми. Или один живи, или с братьями невещелюбивыми и единомысленными тебе. Живущий с людьми вещелюбивыми и хлопотливыми, конечно и сам приобщится к их хлопотливости, и начнет работать человеческим

обычаям, пустым речам и всем другим злым делам, гневу, печали, неистовому вещелюбию, страху, смутам. Не позволяй себе развлекаться родительскими заботами и родственными дружбами.

Откажись от частых с ними свиданий, чтоб они не похитили твоего келейного безмолвия, и не ввергли тебя в обычные им хлопоты. Остави, говорит Господь, мертвых погребсти своя мертвецы: ты же гряди по Мне (Матф. 8, 22). Если даже келлия, в которой живешь, будет многомолвна, беги, не пощади и ея, чтоб не разстроиться по любви к ней. Так все делай, все твори, чтоб убезмолвиться, упразднясь от всего, и об одном стараться, как бы пребыть в воле Божией, и успешно бороться с невидимыми силами.

6. Если невозможно тебе, как следует безмолвствовать в своей стране, решишь убезмолвиться на чужой, и на это обрати весь свой помысл. Будь как искусный купец, все испытывая для устройства себе настоящего безмолвия, и соглашаясь на все, для того необходимое и полезное. Впрочем говорю тебе, возлюби странничество; ибо оно избавляет от неудобств, какия неизбежны в своей стране, и одно дает вкусить все благо безмолвной жизни. Избегай бывания в городе, и терпеливо седи в пустыни. Се бо, говорит святой Давид, удалихся бегая, и водворихся в пустыни (Псал. 54, 8). Если можно и совсем не ходи в город: ибо не увидишь ты там ничего благопотребного, ничего полезного, ничего успособляющего тебе избранный тобою образ подвижнической жизни. Видех, говорит опять тот же святой, беззаконие и пререkanie во граде (Псал. 54, 10). Ищи же уединенных и неразвлекающих мест и не бойся поселиться в них. Если увидишь там и бесовския привидения, не пугайся, и не убегай с этого спасительного для нас поприща. Потерпи не страшась, и узришь величия Божия (Исх. 14, 13), заступление, покров, и всякое другое удостоверение о спасении. Чаях, говорит блаженный оный муж, Бога спасающего мя от малодушия и от бури (Псал. 54, 9). Да не победит твоего произволения (жить безмолвно) желание походить для развлечения. Ибо такое блуждание с похотию пременяет ум незлобив (Прем. Сол. 4, 12). Много от этого бывает искушений. Бойся падений и тверже седи в келлии своей.

7. Если имеешь друзей, избегай частых с ними свиданий. Видаться с ними чрез долгие промежутки, будет полезнее и для тебя и для них. Если же почувствуешь, что тебе от них бывает какой-либо вред, совсем не приближайся к ним. Друзей надлежит тебе иметь таких, которые были бы полезны тебе, и пособствовали твоему житию. Избегай встреч с людьми лукавыми и немирными, и ни с кем из таких не живи вместе; и от недобрых предложений их отрицайся: ибо они не Богу служат, и не ради Его живут. Да будут друзьями твоими мужи миролюбивые, братие духовные, отцы святыя. Ибо таковых назвал так Господь, говоря: Мать Моя, и братья Мои, и сестры суть те, которые творят волю Отца Моего, Иже на небесех (Матф. 12, 50; Мр. 3, 35). Не водись с хлопотливыми и суетливыми, и не ходи к ним на трапезу, чтобы они не увлекли тебя в свои прелести и не отвели от науки и искусства безмолвнической жизни: ибо есть у них такая страсть (увлекать). Не преклоняй уха твоего к речам их; и не принимай замыслов сердца их. Ибо они по истине вредны. К верным земли пусть лежит душа твоя, и соревнованием плачу их да болит сердце твое, по примеру Давида, который говорит: очи мои на верныя земли, посаждати я со мною (Псал. 100, 6). Если кто из шествующих путем любви Божией, пришедши к тебе, позовет тебя вкусить хлеба—соли, и ты захочешь пойти, пойди, но скорее возвращайся в келлию свою. Если можно, никогда не ночуй вне келлии своей, чтоб всегда с тобою пребывала благодать безмолвия, и ты безпрепятственно совершал установленное тобою келейное служение.

8. Не поблажай похоти добрых яств, и не увлекайся приманкою удовольствий роскоши: ибо—питающаяся пространно жива умерла, как говорит Апостол (1 Тим. 5, 6). Не насыщай чрева своего чужими яствами, чтоб не пристраститься к ним, и не сделать привычки по часту трапезовать на стороне. Ибо сказано: не прельщайся насыщением чрева (Притч. 24, 15). Если увидишь, что тебя часто зовут из келлии, отказывайся; ибо часто бывать вне келлии вредно. Это отъемлет благодать, помрачает мысли, истнивает теплое желание (безмолвного с Богом пребывания). Посмотри на вино, как оно, если долго очень стоит неподвижно на одном месте, хорошо отстаивается, делается светлым и благоуханным; а если его переносят с места на место, то оно бывает мутно, мрачно и на вкус неприятно, по причине поднявшихся осадков и дрожжей. Приравнивая себя к нему, пытайся уподобиться ему, каково оно бывает в первом случае: пресеки сношения с многими, чтоб ум твой не был разсеян помыслами, и не возмущался чин безмолвия твоего. Учреди у себя рукоделие, и будь за ним, если можно, день и ночь, чтоб не только самому никого не тяготить собою; но иметь возможность подавать другим, как и заповедует св. Апостол Павел (2 Сол. 3, 12; Еф. 4, 28). Этим будешь побеждать ты и беса уныния, и отрывать все другия вражеския похотствования. Ибо дух уныния обычно нападает на праздного, о котором говорит Премудрый, что он в похотех есть (Притч. 13, 4). От даяния и приятия не избежишь греха. Потому, продаешь ли что, или покупаешь, понеси небольшой убыток, сравнительно с настоящею ценою, чтоб добиваясь настоящей цены, не увлечешься приемами корыстолюбцев, и не впасть в пагубныя для души дела — любопрение, клятвopеступление, измену словам, и тем не обезчестить и не посрамить досточестнаго достоинства нашего звания. Помышляя об этом, держи себя осторожнее в даянии и приятии твоем [47]. Если же хотел бы ты избрать лучшее, — и это для тебя возможно, — передай другому кому, человеку верному, заботу о себе, чтоб сделавшись таким образом благодушным (свободным от томящих забот, мирным в себе), пожил ты затем, благими и радостными преисполняясь надеждами.

9. К таким благопотребным делам обязывает тебя чин безмолвия. Предложу тебе теперь и о прочем, что еще в нем необходимо бывает содержать. Ты же слушай меня и делом совершай, что тебе заповедую. Сидя в келлии своей, вспомни день смерти, вообрази тогдашнюю мертвость тела, представь крайность (в какой будет находиться душа) и возболзней о том. Этим подкрепишь ты в себе презрение к суете, мятушей мир, возгреешь любовь к смиренной избранной тобою доле своей и возревнуешь неуклонно и неослабно пребыть в безмолвии своем. Вспомни и о теперешнем состоянии душ во аде. Подумай, каково им там, в каком оне горьком молчании, в каком мучительном стенании, в каком страхе и замирании от ожидания (страшнаго суда), каково их непрестанное раздираение душевное, каковы их безмерныя слезы. Вспомни также и о дне воскресения и предстания пред Богом. Вообрази страшный и ужасом потрясающий оный суд, выведи на среду, что ожидает там грешников — стыд пред лицом Бога и Христа Его, пред Ангелами, Архангелами, властями и пред всеми людьми; представь и все мучилища — огонь вечный, червя неусыпающаго, тартар, тьму, над всем же этим скрежет зубов, страхи и мучительныя страдания. Приведи также на мысль и блага отложенныя праведным, дерзновенное освоение с Богом Отцем и Христом Его, с Ангелами, Архангелами, властями и со всем ликом Святыx, царство с сокровищами его, радость и наслаждение. То и другое приводи себе на память. И об участи грешников стенай, плачь, одлекись в одежду сетования, страшась как бы и самому не быть в числе их; а о благах уготованных праведным радуйся, ликуй и веселись. И этих (благ) старайся сподобиться, а тех (мучений) избежать. Смотри же

никогда не забывай об этом; в келлии ли своей находишься, или вне где, памяти об этом не позволяй выходить из ума твоего, чтоб хоть чрез это избежать тебе нечистых и пагубных помыслов.

10. Пощение у тебя да будет сколько силы есть пред лицом Господа. Оно очистит грехи твои и беззакония, сделает душу степенною и важною, освятит ум, отгонит бесов, Бога приблизит. Однажды вкусивши в день, в другой раз не возжелай, чтоб не иметь много иждивения, и не возмутить ума своего. От этого у тебя всегда будет, что употребить на дела благотворения, и умертвятся страсти телесныя. Но если случатся братие, и тебе нужно будет вкусить во второй и в третий раз, не мрачи лица своего и не посупляйся; но паче радуйся, что мог послужить потребе братий. Почему во второй и в третий раз вкушая, благодари Бога, что исполнил закон любви, и что потому уже Самого Бога иметь будешь Попечителем о твоей жизни. Бывает, что иногда болезнь случится, и немощь телесная потребует вкусить дважды, трижды, даже и много раз, не смущайся помыслом. Ибо нет необходимости телесные подвиги нашей жизни выдерживать строго и во время болезней; но в некоторых из них делать послабление, чтоб поскорее поправиться в здоровьи и опять начать те же подвижнические труды. Относительно того, от каких яств воздерживаться, Слово Божие ничего не возбранило есть, но изрекло: се дах вам все, яко зелие травное. Ядите, ничтоже сумнящесе (Быт. 9, 3; 1 Кор. 10, 25. 27). И еще: не входящая во уста сквернят человека (Матф. 15, 11). Итак, воздерживаться от некоторых яств да будет всегда делом нашего произволения и самоохотным подвигом души.

11. Спание на голой земле, бдение и все другия преутруждения выдерживай с охотою, взирая на имеющую тебе открыться славу со всеми святыми. Недостойни бо страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас, говорит Апостол (Рим. 8, 18). Когда станешь упадать духом, молись как написано (Иак. 5, 13); но молись со страхом и трепетом, с болезнованием сердца, трезвенно и бодренно. Так молиться должно, особенно ради злобных и злокозненных невидимых врагов наших, которые всегда покушаются причинить нам помеху в этом деле. Когда они увидят нас стоящими на молитве, тогда и они проворно приступают к нам, и влагают нам в ум то, о чем во время молитвы вспоминать или думать не должно, чтобы увести пленником наш ум, и сделать бесплодными, тщетными и бесполезными наши моление и молитву во время молитвословия. Ибо тщетны и бесполезны молитва, моление и прошение, когда они, как сказано, совершаются не со страхом и трепетом, не с трезвением и бодренностию. Если приступая к царю, — человеку, всякий излагает свое прошение со страхом и трепетом и со всем вниманием; не тем ли паче Богу, Владыке всех, и Христу, Царю царствующих и Господу господствующих, подобным образом должно предстоять, и таким же образом творить пред Ним свои молитвы и моления? Богу нашему слава во веки веков. Аминь.

4. Евагрия монаха—33 главы аналогий, или уподоблений.

1. Желтуха есть злое состояние души, в котором она неверно смотрит на Бога и на все сотворенное.
2. Скорченность назад, — есть порок разумной природы, по которому она становится непреклонною на добродетель и Боговедение.
3. Загангрение есть воспламенение и движение гнева, поражающее разумную часть души.
4. Слепота есть невежество ума, не прилагающаго старания ни о деятельных добродетелях, ни о познании сущаго.
5. Паралич есть неподвижность, или трудновидность разумной души на деятельныя добродетели.

6. Флюс есть расслабление разумной души нерадением, в котором она обыкновенно отвергает словеса духовного научения.
7. Онемение есть разнеможение разумной души, по коему она отвергает добродетели, посредством которых воображается в нас Христос.
8. Проказа есть неверие разумной души, в коем она не удостоверяется, даже осязая как бы истину слов.
9. Обморок есть склонение разумной души опять на зло, после успехов в добродетели и Боговедении.
10. Контузия есть злое состояние разумной души, в котором она держится добродетелей не ради самого добра.
11. Насморк есть потеря добродетели, кою ощущалось благоухание Христово.
12. Глухота есть ожесточение разумной души, по которому она отрывает духовное научение.
13. Бельмо есть ниспадение из состояния духовного созерцания, или усвоение себе неправильного воззрения на сущее.
14. Заикание есть болезнь разумной души, в которой она, соблазняясь случайностями, не может о всем благодарить Бога.
15. Хромота есть бессилие разумной души к совершению истинной добродетели.
16. Водяная есть неразумное совращение души с пути, когда по заглушении добродетелей, господствуют в ней зло и невежество.
17. Муравей есть деятельный человек, в веке сем приготавливающий себе пищу для будущего.
18. Хирогриллы (род свиней) суть нечистые язычники, принявшие заповеди Христа Спасителя нашего.
19. Саранча суть разумные души, которых не трогает смерть и которые питаются семенами (может быть: не боясь смерти, наслаждаются земными благами).
20. Аскалавотис — (род ящерицы, свободно бегающей по стенам и потолку), есть практический ум, который, опираясь на добродетели, витает в ведениях небесных сил.
21. Скимен львов (львенок) есть человек безстрастный, восцарствовавший над бывшими в нем зверями (страстями).
22. Кочет есть человек духовный, исполненный ведения, и другим душам благовествующий день бывающий от умного солнца.
23. Олень есть деятельный муж, который право правит беспорядочные помыслы свои.
24. Пиявка есть нечистая сила, — высасывающая из разумных душ кровь праведности.
25. Ад есть тьма неведения, покрывающая разумную тварь после потери ею созерцания Бога.
26. Жена есть безумие, ввергающее разумные души в нечистоту.
27. Земля есть злое состояние, сложенное из нечестия и беззакония.
28. Огонь есть зло, истребляющее в разумной твари добродетели Божии.
29. Вода есть ложное знание, погашающее знание истинное.
30. Глаз насмешливый есть нечистая сила, осмеивающая ведение Бога и безчестящая мудрость Божию в сущем.
31. Вороны суть святые силы, истребляющие зло.
32. Пропасти суть разумные души, изрытые неведением и злом.
33. Орлята суть святые силы, которым вверено поражать нечистых демонов.

5. Его—же, — изречения о духовной жизни, — по алфавиту.
1. Неуместно ищущему почестей бегать трудов, за которые чествуют.
2. Хочешь ли познать Бога? Познай прежде себя самого. 3. Истинный друг тот, кто спешит сообщить о радостных случаях.
4. Ни с чем несообразно высоко о себе думать, делая низкия дела.
5. Во всяком самомнении мешает самопознанию.
6. Неразумной жизни демон — Игемон (правитель).
7. Благородство души обнаруживается в ее благонастроении.
8. Богочестив тот, кто себе не противоречит (живет сообразно требованиям разумной природы).
9. Храм Божий — человек безукоризненный.
10. Злейшее стяжание — жизнь непотребная.
11. Говори, что должно и когда должно, и не услышишь, что не должно.
12. Лучшее стяжание — друг верный.
13. Болезнь души — нрав тщеславный.
14. Странник и бедный — Божий коллурий (Апок. 3, 18). Коллурием помажи, очи твои, да видиши. Коллурий — милосердование к нуждающимся.
15. Принимающий их, скоро прозрит.
16. И всем благотворить хорошо, особенно же тем, кои не могут воздать.
17. Ритор правдивый — стакан холодной воды.
18. Целомудрие, и кротость души, — Херувим.
19. Честь в старости есть доказательство трудолюбия прежде старости.
20. Рачительность в юности есть залог чести в старости.
21. Светлица (мезонин) души — истинное созерцание.
22. Любя, что не должно, не будешь любить, что должно.
23. Лучше принять золото поддельное, чем друга (поддельного).
24. Душа чистая по Боге — Бог.
25. Горе от самолюбия, все ненавидящаго!
6. Его же — другия изречения.
1. Начало любви — $\upsilon\lambda\omicron\lambda\eta\upsilon\iota\varsigma\ \delta\omicron\zeta\eta\varsigma$, — (взаимное оказание чести, или доброе друг о друге мнение, или предположение славных в другом достоинств).
2. Хорошо богатеть кротостию и любовью.
3. Гордый помысл—веяло добродетели.
4. Путь ровным делается от милостыни.
5. Несправедливый судия—оскверненная совесть.
6. Срамно рабствовать плотским страстям.
7. Если хочешь быть без печали, старайся угодить Богу.
8. Кто хорошо о себе печется, о том печется и Бог.
9. Целомудренное сердце есть пристанище созерцаний.
10. Если хочешь узнать себя, кто ты, не смотри каким ты был, но каким создан в начале.
11. Душа тщеславная—яма безводная.
12. Гордая душа есть вертеп разбойников; она не терпит гласа ведения.

13. Злое заблуждение мужа истинного—не знать Писания.
14. Боишься ли ты Бога, познай из слез.
15. Смирение души есть оружие несокрушимое.
16. Муж добродетельный есть райское древо.
17. Иисус Христос есть древо жизни. Пользуйся им как должно, и не умрешь во веки.
18. Благовтори истинно—бедным, и вкусишь Христа.
19. Вкушать Тело Христово есть истинная сила.
20. Если любишь Христа, не забывай исполнять Его заповеди.
21. Ибо отсюда познается, кто после Бога есть добра—делатель.
22. Друг по Богу мед и млеко источает в словесах истины.
23. Душа нерадивая не будет иметь такого друга.
24. Помысл сластолюбивый жестокий деспот.
25. Умалчивать истину значит золото зарывать в землю.
26. Бога боящийся все делает по Богу.
7. Об осьми помыслах к Анатолию.
 1. Есть восемь всех главных помыслов, от которых происходят все другие помыслы. Первый помысл чревоугодия, и после него — блуда; третий—сребролюбия, четвертый—печали; пятый—гнева; шестой—уныния; седьмой—тщеславия; осьмой—гордости. Чтоб эти помыслы тревожили душу, или не тревожили, это не зависит от нас; но чтоб они оставались в нас надолго или не оставались, чтоб приводили в движение страсти, или не приводили, — это зависит от нас.
 2. Помысл чревоугодия предлагает монаху поскорее отступить от подвижничества, изображая ему болезни желудка, печени, селезенки, водяную или другую какую долгую болезнь, скудость врачебных пособий и отсутствие врачей. При этом приводит на память некоторых братий, точно подвергавшихся таким болезням. Бывает, что иногда враг внушает самим братьям это пострадавшим придти к постникам и рассказать, что с ними было, прибавляя, что это случилось от слишком строгаго воздержания.
 3. Демон блуда возбуждает плотскую похоть; и насильнейше нападает на воздержников, чтоб они прекратили воздержание, подумав, что от него нет им никакой пользы. Оскверняя душу, он нудит ее и на таковыя дела, и делает, что она будто говорит и слышит некоторыя слова, как бы дело само было пред глазами.
 4. Сребролюбие предполагает долголетнюю старость, бессилие к рукоделью, голод, болезни, прискорбность скудости и то, как тяжело принимать от других нужное для телесных потребностей.
 5. Печаль иногда случается по причине лишения того, что желательно, иногда же сопровождает гнев. По причине лишения того, что желательно, она так случается: помыслы некоторые наперед приходят и приводят душе на память дом, родных и прежний образ жизни. Когда увидят, что она не противоречит, а последует за ними и мысленно разливается в удовольствиях тех; тогда уже, схватив ее, погружает в печаль, и ради того, что нет предметов, и ради того, что и быть им невозможно, по уставу ведомой жизни. И бедная душа, чем увлеченнее разливалась в первых помыслах, тем более поражается и сокрушается вторыми.
 6. Гнев есть страсть самая быстрая. Он приходит в движение и воспламеняется против того, кто онеправдовал, или кажется онеправдовавшим. Он все более и более ожесточает душу; особенно во

время молитвы похищает ум, представляя живо лице опечалившее. Бывает, что он иногда, закоснев в душе и изменившись во вражду, причиняет тревоги ночью, терзание тела, ужасы смерти, нападение ядовитых гадов и зверей. Эти четыре явления, бывающие по образованию вражды, сопровождаются многими помыслами, как всякий наблюдатель найдет.

7. Бес уныния, который называется также полуденным (Псал. 90, 6), тяжелее всех бесов. Он приступает к монаху около четвертаго часа (по нашему десятаго утра) и кружит душу его часа до осьмаго (втораго по полудни), и сначала заставляя с неудовольствием видеть, что солнце медленно движется, или совсем не движется и что день сделался будто пятидесяти-часовым. Потом понуждает его почасту посматривать в окно, иди даже выходить из келлии—взглянуть на солнце, чтоб узнать, сколько еще до девяти часов, причем не преминет внушить ему поглядеть туда и сюда, нет ли кого из братьев. Тут же он вызывает у него досаду на место и на самый род жизни, и на рукоделье, прибавляя, что изсякла любовь у братьев и нет утешающаго. Если в те дни кто-нибудь оскорбил монаха, то и это припоминает демон к умножению досады. Затем наводит его на желание других мест, в которых удобнее находить необходимое для удовлетворения потребностей, взявшись за мастерство, которое менее трудно, но более прибыльно. К этому прибавляет, что не от места зависит угодить Господу. Богу везде можно поклоняться. Связывает с этим воспоминание о домашних и о прежнем довольстве; а тут пророчит долгую жизнь, представляет труды подвижничества, и всякия употребляет хитрости, чтоб монах наконец, оставя келлию, бежал с поприща. За этим бесом другой не тотчас следует. Но кто борется и победит, у того после подвига следует мирное некое состояние и душа преисполняется неизреченною радостью.

8. Помысл тщеславия есть самый тонкий. Он предстает пред тех, кои исправно живут, и начинает провозглашать их подвиги и собирать им дань похвалы у людей, представляя как кричат изгоняемые бесы, как исцеляются жены, как толпы народа теснятся коснуться одежд его; предсказывает наконец ему и священство, приводит к дверям его и ищущих его, которые по причине отказа, уводят его связаннаго против воли, — и таким образом возбудив в нем пустыя надежды, отходит, оставляя далее искушать его, или бесу гордости, или бесу печали, который тотчас наводит ему помыслы противоположные тем надеждам. Бывает, что он и демону блуда передает сего, незадолго пред сим досточтимаго и святаго иерея.

9. Бес гордости бывает причиною бедственнейшаго падения души. Он внушает ей, не исповедать Бога Помощником себе, но самой себе приписывать свою исправность, и надыматься над братьями, как невеждами, потому что не все так о ней думают. За гордостью следует гнев и печаль, и последнее зло — изступление ума и бешенство и видение многих в воздухе демонов.

8. Мысли его же, соединяемые с статьею об осьми помыслах.

1. Есть пять дел, помощью которых снискивается Божие благоволение. Первое—чистая молитва, второе—пение псалмов, третье — чтение Божественных Писаний, четвертое—воспоминание с сокрушением о грехах своих, о смерти и страшном суде, пятое—рукоделие.

2. Если хочешь в теле служить Богу, подобно безтелесным, старайся непрестанно иметь сокровенную в сердце твоём молитву. Ибо сим образом душа твоя прежде еще смерти приблизится к подобию Ангелам.

3. Как тело наше, по удалении души, бывает мертво и смрадно; так и душа, в которой не действует молитва, мертва и смрадна. Но что лишение молитвы должно считать горшим всякой смерти, этому

явно учит нас Пророк Даниил, который готов был лучше умереть, нежели лишиться себя молитвы в какой-либо час. Бога надобно вспоминать чаще нежели дышать.

4. Ко всякому дохновению прилагай трезвенное призывание имени Иисусова и помышление о смерти со смирением. Оба сии действия великую приносят пользу душе.

5. Хочешь ли быть познанным от Бога? Сделай, чтоб ты сколько можно менее был известен людям. Если будешь всегда помнить, что Бог есть Зритель всего того, что ты ни делаешь, душою и телом; то ни в каком деле не погресишь и Бога будешь иметь Сожителем себе.

6. Ничем столько человек не уподобляется Богу, как благотворением другим. Но делая благодеяния, всячески опасаться должно, как бы не обратить их в промысл.

7. Бога достойным наконец сделает тебя то, если ты не делаешь ничего Его недостойного.

8. Бога тогда преславно почтишь, когда посредством добродетелей отпечатлеешь в душе твоей Его подобие.

9. Люди делаются лучшими, когда приближаются к Богу.

10. Мудрый человек, Богу воздающий честь и поклонение, познан бывает от Него. Потому нимало не беспокоится, если остается в безвестности для всех людей. Дело благоразумия состоит в том, чтоб ту часть души, в которой находится гнев, возбуждать к ведению внутренней брани. Дело мудрости—в том, чтоб возбуждать ум к непрестанному внимательному бодрствованию. Дело правды — в том, чтоб ту часть, в которой положена похоть, направлять только к добродетели, да к Богу. Дело мужества наконец — в том, чтоб править пятью чувствами и не допускать, чтоб чрез них осквернялся внутренний наш человек, т. — е. дух, или внешний, — т. — е. тело.

11. Душа есть субстанция живая, простая, безтелесная, невидимая для телеснаго зрения, также бессмертная и одаренная умом и разумом. Что око в теле, то ум в душе.

12. Из сущих под небесем разумных творений, — одни борются, другие защищают, третьи нападают. Борются люди, защищают Ангелы Божии, нападают нечистыя силы. Но не по причине оскудения защищающих, и не по преизбытку сил в нападающих, а по беспечности борющихся бывает, что познание вещей Божественных и Самого Бога в нас не водворяется.

13. Зло собственно не есть субстанция, но лишение добра: подобно тому, как мрак не другое что есть как отсутствие света.

14. Мало осторожна и предусмотрительна бывает простота; и зла не подозревает тот, кто свободен и обезопасен от зла.

15. По истине непотребство безтолково, и ничего не придумаешь, чем бы людей развратных можно было побудить взяться за ум.

16. Чистыя и облагодатствованныя души дивно зорки и тотчас замечают диавола и прогоняют; хотя он в ином очень хитр, и в нападениях крайне злокознен.

17. Ничем так Бог не умилостивляется, как телесными самоозлоблениями.

18. Некто из св. Отцев сказал, что кто не может воспринять строгой и многотрудной жизни монашеской, тот другим способом может достигнуть спасения. Если они будут иметь веру к монахам, их утешать и доставлять потребное им; то и это, между прочим, будет у них не из последних дел, ведущих ко спасению.

19. Проводи ночь в молитвенном труде, и душа твоя вскоре обретет утешение.

20. Читением занимайся с спокойным духом, чтоб ум твой непрестанно восхищаем был к созерцанию

дивных дел Божиих, взимаемый как бы рукою чьею, к нему простираемою.

21. Спание днем указывает на болезнь тела, или на уныние души, или на ея беспечность, или на неопытность.

22. Всякая душа, благодатию Духа Святого и собственным трудом и тщанием, может совокупить и сочетать в себе, следующие качества: слово с умом (может быть: красноречие с образованием ума), деяние с созерцанием, добродетель с наукою, веру с познанием свободным от всякаго забвения, и притом так, что никое из них не будет ни больше, ни меньше другаго. Ибо тогда она бывает сочетана с Богом истинным и благим, и только с Ним Единым.

23. Есть восемь помыслов, от которых рождается всякий грех: у тех, кои ведут уединенную жизнь—помысл уныния, тщеславия, гордости, скупости, печали; а у тех, кои живут под начальством других (в киновиях)—чревоугодия, гнева и блуда.

9. Наставления братиям, живущим в киновиях и странноприимницах.

1. Наследники Божии, послушайте слово Бога! Сонаследники Христовы, внимайте заповедям Христа!

2. Вера—начало любви; конец же любви — ведение Бога.

3. Страх Божий хранит душу; трезвение же утверждает ее.

4. Терпение мужа рождает надежду; благая же надежда прославит его.

5. Кто в строгом подчинении держит плоть свою, тот достигнет бозстрастия; кто же питает ее, тот страдать будет из-за нея.

6. Дух блуда в телах невоздержных, дух же чистой стыдливости в душах воздержников.

7. Уединение с любовию очищает сердце; отдаление же от других с гневом возмущает его.

8. Лучше быть среди тысяч с любовию, чем одному скрываться в пещерах с ненавистию.

9. Кто питает злопамятство в душе своей, тот похож на скрывающего огонь в плевелах.

10. Не давай много пищи телу своему, и не увидишь во сне худых мечтаний; ибо как вода угашает огонь, так голод скверныя мечты.

11. Муж гневливый страшлив, а кроткий не боится страха.

12. Ветр сильный гонит облака, а злопамятство — добрыя чувства из души.

13. Кто молится за врагов, тот не будет помнить зла; и кто бережет язык, тот не оскорбит ближняго.

14. Если оскорбит тебя брат твой, введи его в дом твой, и к нему не поленись войти, и вкуси с ним хлеб твой; и сие творя, избавишь душу свою (от мятежа), и не будет тебе претыкания во время молитвы.

15. Не приобретает богатый ведения, и верблюд не пройдет в иглы уши; но для Бога ничего тут нет невозможнаго.

16. Кто любит деньги, не узрит ведения; и кто собирает их, омрачится (невежеством).

17. В скиниях смиренных почивает Господь; в домах же гордых умножится проклятие.

18. Безчестит Бога, кто преступает закон Его; кто же хранит его, тот прославляет Творца своего.

19. Души праведных отводятся Ангелами; а души злых берутся демонами.

20. Куда входит грех, туда и невежество; сердца же праведных исполнятся ведения.

21. Лучше бедность с ведением, чем богатство с невежеством.

22. Высшее украшение главы—корона; высшее украшение сердца—ведение Бога.

23. Кто милосерд к бедным, тот искореняет гнев, и питающий их исполнится благ.

24. В сердце кротком почивает премудрость; седалище же безстрастия — душа добродеющая.
25. Кто часто молится, тот избежит искушения; сердце же нерадиваго возмьют помыслы.
26. Не услаждайся вином, и не приманит тебя плоть.
27. Не питай пространно плоть твою, и скверные помыслы оскудеют в тебе.
28. Не говори: ныне праздник (пасха): выпью вина; или завтра пятидесятница, — поем мяса. Для монахов нет праздника, чтоб наполнять чрево.
29. Пасха Христова переход от греха (к добродетели и покаянию); пятидесятница же воскресение души.
30. Праздник Господень забвение зол; помнящаго же зло обымет плач.
31. Праздник Божий — истинное ведение; кто же внимает лжи и заблуждению, тот умрет дурною смертью.
32. Лучше пост с чистым сердцем, чем насыщение в нечистоте души.
33. Кто истребит худые помыслы в сердце своем, тот подобен тому, кто избивает младенцы о камень.
34. Монах снлюбивый впадет во всякое зло; а любящий бдение воспарит, как птица.
35. Во время бдений не предавайся повестям пустым и не отвергай словес духовных, потому что Бог назирет сердце твое, и не обезвинит тебя в грехе твоём.
36. Долгий сон наводит искушение; бдение же разгоняет их.
37. Многоспание огрубляет сердце; бдения же изощряют ум.
38. Как огонь растопляет воск, так добрыя бдения — злые помыслы.
39. Но лучше спать, чем проводить время в пусторечии.
40. Сновидение Ангельское веселит сердце, а демонское возмущает его.
41. Покаяние и смирение возставляют душу; милостыня же и кротость укрепляют ее.
42. Помни всегда об Отце твоём Небесном, и не забывай никогда о суде последнем, и не впадет в грех душа твоя.
43. Если дух уныния нападет на тебя, не оставляй келлии своей, и не уклоняйся (инуды — не уходи) во время печали: ибо как кто отчищает серебро (трением); так блестящим станет сердце твое, если устоишь непоколебимо.
44. Дух уныния отводит слезы, а дух печали подавляет молитву.
45. Как не удерживаешь скорпиона за пазухую, так не держи худаго помысла в сердце своем.
46. Как золото и серебро испытывает огонь, так сердце монаха—искушение.
47. Кто не достигает искомой славы, — печален бывает, а кто получает ее, гордится.
48. Не вдавай в гордость сердца твоего, и не скажи пред Богом: я и сам в силах; чтоб Господь не оставил души твоей и злые бесы не смирили ея. Тогда смятут тебя воздушные враги твои, и ночные ужасы обымут тебя.
49. Сосуд избран душа чистая, нечистая же исполнится горестей.
50. Без млека не отдоится дитя, и без безстрастия не возликует душа.
51. Любви предшествует безстрастие; ведению же предшествует любовь.
52. Страх Божий раждает премудрость; вера же Христова дает страх Божий.
53. Стрела огненная зажигает душу, но муж добродетель погашает ее.
54. Слушай, монах, слово отца твоего, и не делай тщетным наставления его. Сим образом избежишь помышлений злых и злые демоны не одолеют тебя.

55. Плохой расходчик (в монастыре) возмущает души братий; а кто растрчивает монастырское добро, святотатствует.
56. Кто худо говорит о брате своем, истребится; и презирающий нуждающагося, не увидит света.
57. Не говори; ныне пребуду, а завтра уйду (из монастыря); потому что не в мудрости вздумал ты это.
58. Монах–шатайка придумывает ложныя речи, и (воротясь) обманывает он старца своего.
59. Кто красно одевается и наполняет чрево свое, тот пасет срамные помыслы, и не внидет в сонм святых.
60. Когда пойдешь в село, не приближайся к женщинам и не заводи с ними речей: иначе как рыба, проглотившая уду, повлечется вслед им душа твоя.
61. Великодушный монах достигнет безстрастия; кто же огорчает братий, ненавистен будет.
62. Кроткаго монаха любит Господь, а сварливаго отгоняет от Себя.
63. Если опечален брат, утешь его, и если скорбит, соскорби ему: делая это, обрадуешь сердце его и великое сокровище соберешь себе на небе.
64. Не приклоняй слуха твоего к речам против старца твоего, и не возбуждай против него души того, кто не чтит его, чтоб не прогневался Господь делами твоими, и неизгладил тебя из книги живых.
65. Ленивый монах много потерпит вреда; а если будет упорствовать в нраве своем, то сбросит и одежду монашескую.
66. Монах двоязычный возмущает братий, а верный вводит мир.
67. Кто полагается на свою твердость, падет; кто же смиряет себя, вознесен будет.
68. Не предавайся насыщению чрева, и не будешь преодолеваем ночным сном: сим образом скоро сделаешься чистым и Дух Господень снидет на тебя.
69. Пением псалмов укрощается гнев: и великодушием отгоняется страх.
70. Кто учащает пиры, померкнет свет того и душу его покрое тьма.
71. Весом вкушай хлеб и мерою пей воду, и дух блуда убежит от тебя.
72. Не подставляй ноги брату своему, и о падении его не радуйся, ибо Господь видит сердце твое, и предаст тебя за то в день смерти.
73. Кто соблазняет мирян, не останется без наказания; и кто оскорбляет их, безчестит имя свое.
74. Кто любит мир, вкусит соты его; и кто умножает его, исполнится меда.
75. Чти Бога и познаешь безтелесных; служи Ему, и Он покажет тебе разум веков.
76. Плоть Христова — деятельныя добродетели: кто вкушает их, тот делается безстрастным.
77. Кровь Христова — различение деяний; кто пьет его, тот просветится им.
78. Грудь Господня—ведение Бога: кто возляжет на ней, будет богословом.
79. Исполненный ведения и делатель добра встретились между собою, в середине же их Господь.
80. Не оставляй веры крещения твоего и не погубляй печати духовной, чтоб Господь пребывал с душою твоею и покрывал тебя в дни зла.
81. Речи еретиков вестники смерти; кто принимает их, сгубит душу свою.
82. И ныне послушай меня, сын мой: не подходи к дверям мужей неверных, и не ходи поверх сетей их, чтоб не запутаться.
83. Удали душу твою от знания ложнаго: я часто говорил с ними (зablуждающими) и мрачныя речи их изследывал, и нашел в них яд аспидов. Кто принимает их—погибнет, и кто любит

их—исполнится зла.

84. Видел я отцев мудрования их: и не увидел света истины в речах их.

85. Пути Провидения покрыты мраком, и не постижимы разуму судьбы Его; но муж доброделающий познает их.

10. Его же—наставления девственницам.

1. Люби Господа, и Он возлюбит тебя; служи Ему и Он просветит сердце твое.

2. Чти мать твою (игумению), как Мать Господа, и не оскорбляй седин родившей тебя (по духу).

3. Люби сестр, как дочерей матери своей, и не оставляй пути мира.

4. Восходящее солнце пусть застанет молитвенник в руках твоих, а после второго часа—рукоделье.

5. Молись непрестанно и помни Христа, возродившаго тебя.

6. Избегай собрания мужей, чтоб не остался идол в душе твоей и не был тебе претыканием во время молитвы твоей.

7. Имеешь возлюбленного Христа, отвергни же всех мужей, и не будет укоризненна жизнь твоя.

8. Раздражение и гнев отдали от себя, и злопамятство да не коснит в сердце твоём.

9. Не говори: нынче поем, а завтра попошусь, — ибо не знаешь, что родит находящий день.

10. Есть мясо — нехорошо, и пить вино, непристойно. То и другое позволительно только больным.

11. Дева беспокойная не спасется; и живущая утешно не узрит Жениха своего.

12. Не говори: опечалила меня раба (послушница); воздам ей, — ибо нет рабства между дочерьми Божиими.

13. Не давай слуха твоего речам суетным, и бегай от вестей праздношатающихся старух.

14. На пиры пьянствующих не смотри, и на браки мирские не ходи: — нечиста пред Господом всякая дева, творящая сие.

15. Открывай уста свои для слова Божия; и обуздывай от многословия.

16. Смиряться пред Богом, и возвысит тебя десница Его.

17. Не отворачивайся от бедного во время нужды его, и не оскудеет елей в светильнике твоём (в час нужный).

18. Все твори ради Господа, и не ищи славы человеческой; слава человеческая как цвет травный, слава же Господня пребывает во век.

19. Деву кроткую любит Господь; дева же гневная ненавистна Ему.

20. Послушливая дева обрящет милость; противоречивая же крайне неразумна.

21. Ропотливую деву погубит Господь, благодарную же за все, избавит от смерти.

22. Срамен смех и укоризненно безстыдство (очей); всякая же неразумная впадет в них.

23. Красящаяся одеждами теряет и стыдливость взора.

24. Не закосневай с мирянами (—нками), чтоб не отвратили они сердца твоего и не сделали тщетными советы правых.

25. Со слезами молись ночью, так, чтоб никто не ощутил, что ты молишься, — и обрящешь благодать.

26. Приятныя прогулки и посещение чужих домов разстроивают состояние души и колеблят решимость воли ея.

27. Верная дева не страшлива, а неверная и тени своей боится.

28. Которая презирает сестру слабую, та удалена будет от Христа.

29. Не говори: это мое, а то твое, ибо во Христе Иисусе все общее.
30. Не разыскивай, как живет другая; и падению сестры твоей не радуйся.
31. послужи неимушим девам; и знатностию своею не возносись.
32. В церкви Божией слова не выпускай из уст твоих, и ни на кого не поднимай очей твоих; ибо Господь знает сердце твое, и все помышления твои назирает.
33. Всякое злое пожелание отгоняй от себя; и не одолеют тебя враги твои.
34. Пой в сердце твоём, а не одним языком произноси слова псалмов.
35. Как напор огня трудно утушить, так душа девы ураненная едва исцелима.
36. Не предавай души твоей помышлениям злым, да не осквернят они сердца твоего, и чистой молитвы да не отдалят от тебя.
37. Тяжела печаль, и неудобносно уныние; но слезы к Господу сильнее их.
38. Голод и жажда заморяют похоти злыя; бдение же доброе очищает смысл.
39. Гнев и раздражение отвращает любовь; памятозлобие же пристыжают дары.
40. Которая скрытно наговаривает на сестру свою, та останется вне брачного чертога Женихова, — воззовет в дверь, и не будет послушающаго.
41. У девы немилосердой погаснет светильник, и не увидит она прихода Жениха своего.
42. Стекло, падши на камень, разбивается в дребезги: и дева, прилепившаяся к мужу, не будет невинна.
43. Лучше замужняя кроткая, чем дева вспыльчивая и гневная.
44. Которая с смехом увлекается речами мужа, та похожа на человека, давшего врагам надеть петлю на шею свою.
45. Что маргарит в золотой оправе, то девство, окруженное почтением.
46. Песни бесовския с гуслиями разслабляют душу и подрывают твердость решимости ея, которую храни паче всего, чтоб не оказаться укоризненною.
47. Не услаждайся насмешками и не соучаствуй с пересудчицами, потому что их оставит Господь.
48. Не осуждай сестру ядушую, и воздержанием твоим не возносись; ибо не знаешь, что помыслил о вас Господь, и какая из вас станет пред лицом Его.
49. Которая жалеет, что очи посинели и плоть увяла, та не будет обрадована безстрастием.
50. Тяжко воздержание и едва управима чистота, но нет ничего сладче Небеснаго Жениха.
51. Видел я мужей, повреждающих дев учениями своими и тщетным делающих девство их.
52. Ты же, дева, слушай учение Церкви Божией, и никто другой не переубедит тебя.
53. Бог сотворил небо и землю и промышляет о них; нет Ангела, который бы не мог согрешить, и нет беса, злаго по природе; и того и другаго Бог создал с свободою волею.
54. Как человек состоит из тела тленного и души разумной; так и Господь наш действительно родился как человек без греха, действительно вкушал, действительно распялся: не был Он призраком в очах людей.
55. Будет воскресение мертвых; мир сей преидет; и мы восприимем духовныя тела. Праведные наследят свет, а грешные вселятся во тьме.
56. Очи девы узрят Бога; и уши ея будут слышать слово Его.
57. Чистота девственная приятна Господу; и дева чистая примет венец из рук Жениха своего.
58. Одевание брачное дано будет ей, и с Ангелами восторжествует она на небесах.

59. Неугасимо будет гореть лампада ея, и елей не оскудеет в светильнике ея; вечныя богатства приемлет она, и царствие Божие наследит.

60. Помни Христа, хранящаго тебя, и не забывай покланяемыя Троицы Единосущныя.

11. О различных порочных помыслах, главы:

1. Из бесов, противящихся деятельной жизни, первыми на брани стоят те, которым вверены похоти, или вожделения чревоугодия, и те, которые влагают в нас сребролюбие, и те, которые вызывают нас на искательство славы человеческой. Прочие же все позади их ходя, берут преемственно уже уязвленных ими. Ибо нельзя впасть в руки любодейния тому, кто не пал от чревоугодия; нельзя возмутиться гневом тому, кто не стоит и не борется за яства, или деньги, или славу; нельзя избежать беса печали тому, кто не потерпел какого урона во всем этом; не избежит гордости, этого перваго порождения диавольскаго, кто не исторг корня всем злым — сребролюбия (1 Тим. 6, 10), так как, по слову премудраго Соломона, нищета мужа смиряет (Прит. 10, 4); и кратко сказать, нельзя человеку подпасть какому-либо демону, если не будет он прежде уязвлен теми первостоящими. Почему эти три помысла приводил тогда диавол и Спасителю: первый, когда просил, чтоб камни стали хлебами; потом второй, когда обещал весь даже мир, если Он падши поклонится ему; и третий, когда уверял, что если послушает его, то прославится тем, что ничего не потерпит, бросившись с такой высоты (с крыла церковнаго). Но Господь, явясь выше всего этого, повелел отойти диаволу прочь, научая тем нас, что нельзя отогнать диавола, если не презрим сих трех помыслов.

2. Все демонские помыслы вносят в душу представления чувственных вещей, и ум, приняв отпечаток их, вращает их в себе. Следовательно по предмету помысла можно узнавать, какой приблизился к нам демон: например, если в мысли моей предстанет лице причинившаго мне вред, или обезчестившаго меня, то этим обличается, что приблизился бес злопамятства; если опять вспомнятся деньги или слава, по предмету этому нельзя не узнать, кто беспокоит нас; равных образом и при других помыслах, по предмету их можешь определить, кто предстоит и влагает их. Не говорю впрочем, чтобы все воспоминания об этих вещах бывали от бесов, потому что и самому уму, когда человек приводит его в движение, обычно воспроизводить воображения того, что было; но только те из воспоминаний бывают от бесов, которыя вместе возбуждают раздражение или вожделение, что неестественно. По причине растревожения этих сил, ум мысленно любодействует и бранится, и не в состоянии уже бывает держать в себе помышление о Боге, Законоположнике своем, так как светозарность сия (т. — е. невозмутимое богомыслие), появляется во владычественном уме, под условием пресечения помышлений, вращающихся в вещах во время молитвы.

3. См. 63 гл. о деят. жизни к Анатолию.

О сновидениях.

4. Достойно изыскания, как бесы в сонных мечтаниях напечатлевают и воспроизводят образы во владычественном нашем (уме). Подобное сему обыкновенно бывает с умом (и наяву), когда он, или видит глазами, или слышит ушами, или другим каким чувством восприемлет что со вне, и удерживает то в памяти; память же, приводя в движение то, что получила чрез тело, вносит образы во владычественный ум. Итак, мне думается, что демоны (в сновидениях), вносят образы в ум, приводя в движение память; потому что органы чувств в то время держатся сном в бездействии. Но спрашивается опять, как память приводят они в движение? Посредством ли страстей? Да, (если иметь во внимании страстные сны), и это явствует из того, что чистые и безстрастные не терпят

ничего подобного. Но бывает и простое (безстрастное) движение памяти, происходящее от нас самих, или от святых сил, по которому (представляется, что) мы беседуем и вечеряем со святыми. Впрочем, надо иметь во внимании, что как какие образы душа воспринимает с телом, так память воспроизводит их и без тела (т. — е. страстно, или безстрастно). То же самое бывает и во время сна, когда тело покоится. Ибо как о воде можно вспоминать и при жажде и без жажды; так и о золоте можно вспоминать и с любостязательностию, и без любостязательности. То же бывает и в отношении к другим предметам. (Так на яву; так и во сне). А что ум находит (или сознает в себе во время сна) такие, или такие мечтания, то в этом различии усматривай злокозненность демонов (во всем имеющих в виду нашу погибель). При этом надобно еще знать, что демоны пользуются и внешними вещами для произведения мечтаний, напр. шумом волн, когда кто плышет.

5. Очень много способствует видам демонов и для всякаго их злоухищрения бывает весьма полезна наша раздражительность, приходя в движение не как требуется от нея естеством. Почему ни один из них не отказывается возбуждать ее днем и ночью. Но когда видят, что она связана кротостию, тогда наперед стараются под какими-нибудь, правыми будто предложениями, разрешить ее, чтоб пришедши в напряжение, она стала пригодною для возбуждения их зверских помыслов. Почему ни по праведным, ни по неправедным делам, не должно попускать возбуждаться ей, чтоб не дать таким образом опаснаго меча в руки внушающих нам недоброе, — что, как я знаю, делают многие по самым ничтожным поводам воспламеняясь более, нежели сколько подобает. Из за чего, скажи мне, так скоро приходишь ты в бранное положение; если презрел снеди, деньги и славу? Зачем питаешь пса, дав обет ничего не иметь? Если он лает и бросается на людей, то явно, что ты имеешь нечто внутри и желаешь то сберечь. Я уверен, что таковой далек от чистой молитвы, зная, что гнев есть губитель такой молитвы. Сверх того дивлюсь, как забыл он святых: Давида, который вопиет: престани от гнева и остави ярость (Пс. 36, 8), Екклесиаста, который заповедует: остави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоея (Еккл. 11, 10), Апостола, который повелевает воздевать во всякое время и на всяком месте преподобныя руки без гнева и размышления (1 Тим. 2, 8). Не другому чему научает нас гадательно и древний обычай — изгонять из дома собак во время молитвы; ибо этим дается разуметь, что в молящихся не должно быть гнева. Некто и из языческих мудрецов утверждал, что желчь и бедро не вкушаются богами, сам не разумея, как думаю, что говорил: ибо полагаю, что желчь символ гнева, а бедро — скотскаго вожделения.

А о том, что не должно заботиться об одеждах или яствах, излишне думаю и писать, когда Сам Спаситель в Евангелиях запрещает это, говоря: не печытите душею вашею что ясте и что пиете, или во что облечетесь (Матф. 6, 25). Ибо язычникам это пристало как неверующим, отвергающим Владычный Промысл и отрицающим Творца; а христианам должно быть это совершенно чуждо, после того, как они однажды навсегда уверовали, что и два воробья, продаваемые за один ассарий, состоят под смотрением св. Ангелов. Между тем у демонов есть обычай после нечистых помыслов влагать и помыслы многозаботливости, чтоб уклонился Иисус, народу помышлений сушу на мысленном месте, и чтобы слово, подавляемое заботливыми помыслами, осталось без плода (Матф. 13, 22). Отложив убо их, возвергнем на Господа печаль нашу (Псал. 54, 23) довольни сущими (Евр. 13, 5), чтоб, ведя скудную жизнь, и употребляя убогую одежду, день ото дня совлекаться нам сих породителей тщеславия. Кому же покажется, что ему срамно быть в убогой одежде, тот пусть посмотрит на св. Павла, как он пребывал в зиме и нагоде (2 Кор. 11, 27), воодушевляясь

несомненным чаянием получить венец правды (2 Тим. 4, 8). По поелику св. Павел назвал мир сей позорищем и поприщем (1 Кор. 9, 24); то посмотрим, можно ли облекшемся в помыслы многозаботливости тещи к почести вышнего звания (Фил. 3, 14) Божия и бороться с властями, и началами, и миродержателями тьмы века сего (Ефес. 6, 12)? Я по крайней мере не утверждаю этого, научаемый самою этою чувственною историю (тем, что бывает на позорищах), потому что этому (борцу) конечно помешает одежда, спутывая его, как уму помыслы заботливости, если верно слово, говорящее, что ум неотлучно пребывает при своем сокровище. Ибо говорит: идеже есть сокровище твое, ту будет и сердце твое (Матф. 6, 21).

6. Из помыслов одни секут, другие посекаемы бывают; и то злыми посекаются добрые, то опять добрыми посекаются злые. Дух Святой внимает перворожденному помыслу (который берет первенство и преобладание), и по нему нас осуждает или принимает. Что же говорю я, вот что есть! Имею я какойнибудь помысл, напр. странноприимство, и имею его ради Господа; но он, когда находит искушитель, секом бывает тем, что тот внушает странноприимствовать славы ради. И опять имею я помысл странноприимства, чтоб показаться пред людьми, но и он, когда находит лучший помысл, секом бывает тем, что тот направляет добродетель нашу паче к Господу и понуждает нас творить то не для людей. Итак, если и в самых делах останемся наконец при первых помыслах, вторыми будучи только при том искушаемы; то по одним тем перворожденным помыслам получим и воздаяние, потому что как человеки и как состоящие в борьбе с демонами, не имеем мы силы всегда удерживать правый помысл нерастленным, — как, наоборот, и худой помысл не может оставаться в нас без того, чтоб не было покушения возстать против него помыслом добрым, потому что в вас есть семена добродетелей (незаглушимыя). Впрочем, если какой из посекающих помыслов закоснит, то занимает место искушаемого (т. — е. совсем вытесняет первый помысл), и человек начинает действовать движимый уже этим наконец помыслом.

7. Между помыслами Ангельскими, человеческими и теми, кои от бесов, различие, как мы узнали помощью долгих наблюдений, таково: ангельские ищут узнать естество вещей и изследывают духовное их значение, как—то: для чего сотворено золото, и для чего оно разсеяно в виде песка где—то в дольних местах земли, и отыскивается с большим усилием и трудом? как найденное промывается водою, и предается огню, и таким образом вдается в руки художников, делающих из него для скинии светильник, кадильницу, чашицы и фиалы (2 Пар. 4, 21), из которых, по благодати Спасителя, не пьет уже ныне царь Вавилонский (Дан. 5, 3). Клеопа же приносит горящее от сих таинств сердце. Демонский помысл этого не ведает и не понимает, а только безстыдно внушает одно стяжание чувственного золота, и предсказывает имеющим быть от того наслаждение и славу. А человеческий помысл ни стяжания не ищет, ни о том не любопытствует, чего символом служит золото, но вносит в мысль один простой образ золота, без страсти и любостяжания. Подобное же разсуждение придется изречь и о других предметах, если станет кто сокровенно упражнять ум свой по сему образцу.

8. Есть помысл который прилично назвать скитальцем. Он предстает братьям большею частию под утро, и водит ум из города в город, из веси в весь, из дома в дом; причем он сначала ведет простыя беседы; а потом, заговорившись с некоторыми знаемыми наидолжайше, растлевает свое состояние, соответственно качествам тех, с которыми встретился, удаляется мало—по—малу от сознания Бога и добродетели и забывает о своем звании и обете. Итак, отшельнику надо смотреть за этим бесом,

наблюдая, откуда он приходит, и где пристаёт, потому что не даром и не как случилось, делает он такой большой круг, но делает это с намерением разстроить состояние отшельника, чтоб ум, распалившись всем этим, и опьянев от многих бесед, тотчас подпал демону блуда, или гнева, или печали, которые наиболее повреждают светлость устроения его. Но мы, если имеем намерение узнать яснее козни этого беса, не будем вдруг противоречить ему, и не станем открывать тотчас (отцам), как он мысленно строит в нас беседы, и каким способом мало-по-малу загоняет он ум в область смерти, потому что, от этого он тотчас убежит, не терпя, чтоб видели, как он делает все это; и мы таким образом ничего не узнаем из того, что узнать возжелали. Но лучше попустим ему на другой, или на третий день до конца доводить свою драму, чтоб узнав до точности его хитрые извороты, потом обращать его в бегство одним обличительным словом. Но поелику во время искушения случается уму быть возмущену и не видеть точно происходящего в нас, то по удалении беса вот что надобно сделать: сядь и сам с собою припомни, что с тобою происходило, откуда ты начал и где ходил, в каком месте схвачен ты духом блуда, или печали, или гнева, и как потом было все прочее, что было: изучи все это и предай памяти, чтоб когда еще придет, уметь обличить его; заметь и самое место, скрываемое им, и не пойдешь уже более в след его. После сего, если захочешь привести его в бешенство, обличи его тотчас, как только предстанет, и словом назови первое место, в которое вошел ты (мысленно в первом искусительном блуждании), потом второе и третье; потому что он сильно раздражается, не терпя посрамления. Доказательством же того, что благовременно (полезно) держать к нему такую речь, да будет для тебя бегство помысла от тебя; ибо ему невозможно стоять при таком явном обличении. За победением же сего демона последуют тягчайший сон, омертвление вежд с великим охлаждением, непомерная зевота и отягощение плеч, что все по усердной молитве разсеивает Дух Святой.

9. Ненависть к демонам много содействует нам ко спасению, и много пригодна в делании добродетелей; и однакоже воспитывать ее у себя, как некое доброе порождение, мы не в силах, потому что ее разсеивают в нас духи сластолюбия и душу опять воззывают к содружеству и свикновению с ними. Но Врач душ сие содружество, лучше же неудобоисцелимую гангрену, врачует оставлением, попуская нам ночью и днем терпеть от них что-либо страшное. Вследствие этого душа опять восходит к первообразной (нормальной) ненависти к ним, научаемая говорить к Господу словами Давида: совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми (Псал. 138, 22). Ибо тот совершенною ненавистию ненавидит врагов, кто ни делом, ни мыслию не согрешает, — что есть знак наивеличайшаго и перваго (какое было в Адаме) безстрастия.

10. О демоне же, делающем душу безчувственной, должно ли и говорить что? Я по крайней мере боюсь писать о нем. Как это душа выступает из собственного устроения своего, в то время, как он находит, и страх Божий и всякое благовоение отлагает, грех не ставит в грех и беззаконие не считает беззаконием, о страшном суде и вечной муке вспоминает, как о простом (голом) слове, и посмеивается тем огненному всепотрясающему воистину перевороту, — и Бога хотя исповедует, но повелений Его знать не хочет. Бьешь себя в грудь, когда она движется ко греху, и она не чувствует; говоришь ей от Писаний, и она как ослепшая, не видит, и как глухая, не слышит; представляешь ей поношение от людей, она ни во что ставит то, стыд пред ними, и не чует того, подобно свинье, которая, закрыв глаза, разломала загородку свою. Этого демона наводят помыслы тщеславия, если попускаем им долго закосневать в себе; и от него, аще не быша прекратились дние оны, не бы

спаслася всяка плоть (Матф. 24, 20). Он из числа редко нападающих на братьев (т. — е. киновитов, общежительных). Чему причина очевидна, ибо при виде бедствий других, когда или болезнь кого схватывает, или поражает внезапная смерть, он тотчас обращается в бегство, так как душа, исполняясь при этом сострадания, приходит в сокрушение, и ослепление, навлеченное на нее демоном, падает с очей ее. Этого мы (отшельники) лишены, по причине пустыни и редкости у нас немощных. Подавая средство этого особенно демона обращать в бегство, Господь в Евангелиях повелел навещать больных и посещать находящихся в темнице, когда говорит: болен бех, и посетите Мене; в темнице бех, и приидосте ко Мне (Матф. 25, 36). При этом надобно знать, что если кто из отшельников, подвергшись нападению этого демона, не принял помыслов блудных, или жилища своего не оставил от уныния, то это значит, что он воспринял с небес нисшедшие ему терпение и целомудрие. Блажен он, сподобившись такого безстрастия! Те же, которые дав обет подвижнически пребывать в благоговейном Богоугождении, предпочитают водворяться среди мирян, да остерегаются этого демона. Но больше что говорить, или писать о нем, я стыжусь даже людей.

О духе печали.

11. Все демоны учат душу сластолюбиво, один демон печали этого не делает; но разстроивает помыслы вступающих в пустынь, пресекая всякое удовольствие душевное и изсушая ее печалию, так как мужу печальну изсыхнут кости (Притч. 17, 22). Умеренно впрочем нападая, он делает отшельника благоискусным; ибо располагает его презирать все блага мира сего и отвращаться от всякой утехы. Но когда он долго и сильно томит, тогда поражает помыслы, которые советуют отшельнику извести душу свою; или понуждают ее бежать далеко от места того; что помыслив, и пострадал некогда Иов, будучи томим от него; ибо сказал: аще бы возможно было, сам бых себе убил, или молил бых иного, дабы ми то сотворил (Иов. 30, 24). Символом этого духа служит эхидна, которой яд в малом количестве даемый уничтожает другие яды, а принятый неумеренно убивает принявшее его живое существо. Сему демону предал Павел Коринфскаго беззаконника; потому скоро и опять писал к ним, — говоря: утвердите к нему любовь, да не како мною скорбию пожрен будет таковой (2 Кор. 2, 7. 8). Таким образом этот томящий людей дух бывает причиною и добраго покаяния. Почему и св. Иоанн Креститель, уязвленных им и к Богу прибегших назвал порождениями эхидн, говоря: кто сказа вам бежати от будущаго гнева? Сотворите убо плод достоин покаяния: и не начинайте глаголати в себе: отца имама Авраама. Глаголю бо вам, яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму (Матф. 3, 7—9). Впрочем всякий, кто, подражая Аврааму, изшел из земли своей и от рода своего (Быт. 12, 1), стал чрез то сильнее этого демона.

12. Кто победил гнев, тот победил бесов; кто же поработился ему, тот чужд монашеской жизни и далек от путей Спасителя нашего; ибо Господь, как говорится, путям Своим научает кротких (Псал. 24, 9). Потому и неуловим бывает ум отшельников, что убегает в юдоль кротости. Ибо ни одной почти добродетели так не боятся бесы, как кротости. Ее стяжал великий оный Моисей, названный кротким, паче всех человек (Числ. 12, 3). И св. Давид отнесся о ней, что она достойна памяти Божией, когда сказал: помяни Господи Давида и всю кротость его (Псал. 131, 1). Но и Сам Спаситель повелел нам быть подражателями Своей кротости, говоря: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Матф. 11, 29). Но если кто от яств и питий воздерживается, а гнев злыми помыслами раздражает в себе, то он подобен преплывающему море

кораблю, у которого кормчим сидит бес. Потому, сколько сил есть, надобно смотреть за этим нашим псом, и обучать его, чтоб он волков только терзал, а не кусал овец, показывая всякую кротость ко всем людям (Тит. 3, 2).

О тщеславии.

13. Из всех помыслов, только помысл тщеславия многопредметен, обнимая почти всю вселенную, и всем бесам отворяя двери, как какой злой предатель какого-нибудь города. Он окрадывает ум отшельника, и, наполняя его множеством словес и вещей, губит молитвы его, которыми напрягается он врачевать раны души своей. Этот помысл распложают все побежденные уже демоны, чрез него получая опять вход в душу, и делая таким образом последняя горша первых (Лук. 11, 26). От этого помысла рождается и помысл гордости, низринувший с небес на землю печать уподобления и венец доброты (Иезек. 28, 12). Но отскочи от него, не закосневая в нем, чтоб не предать иным живота нашего, и жития нашего немилостивым (Прит. 5, 9). Обращает в бегство этого демона усердная молитва и то, чтоб ничего произвольно не делать и не говорить такого, что ведет к проклятому тщеславию.

14. Когда ум отшельников приобретет немного безстрастия, тогда, взяв коня тщеславия, начинает он носиться по городам, неудержимо упоываясь похвалами и славой своею. Но, по смотрению Божию, сретив его дух блуда, и заключив в какой-нибудь хлев, научает его тем, — не оставлять одра прежде выздоровления и не подражать тем нетерпеливым больным, которые, имея еще в себе остатки недуга, пускаются в дорогу, или начинают ходить в бани, и от того впадают в прежния болезни. Посему сидя в келлии, будем лучше внимать себе самим, чтоб, преуспевая в добродетели, соделаться нам неподвижными на зло, обновляясь в ведении, сподобиться множества различных созерцаний, а возвышаясь в молитве, яснее узреть свет Спасителя нашего.

15. Всех злодейств демонских описать я не в состоянии, и исчислять все злокозненности их стыжуся, боясь вместе и за простейших из читателей. Впрочем послушай о злоухищрениях духа блуда. Когда кто приобретет некое безстрастие в похотной части, и смрадные помыслы сделаются у него холодноватыми, тогда он вводит (в мысли его) мужчин и жен и представляет их играющими между собою, а отшельника делает зрителем их срамных дел и телодвижений. Но это искушение не из числа закосневающих (в уме); потому что внимательная молитва и крайне-стеснительная диета с бдением и упражнением в духовных созерцаниях, прогоняют его, как безводное облако. Но бывает, что этот лукавый касается даже и плоти, возбуждая в ней неразумное распаление, и строит тысячи других козней, которых нет нужды обнародовать и предавать письмени. Многопомощно против таких помыслов воскипение гнева, устремленное на демона их, который крайне боится этого гнева, когда он воскипает по поводу помыслов, потому что он этим разстраивает все его замыслы. И сие—то значат слова: гневайтесь и не согрешайте (Псал. 4, 5). Полезное врачевство, прилагаемое к душе во время искушений. Подражает этому демону и демон гнева, представляя (в мечтах ума) отшельнику, будто кто-нибудь из родителей, или друзей, или родственников его терпит обиды от людей ничтожных, и приводя тем в движение гнев его, с внушением сказать что-нибудь злое, или сделать тем, которые мечтаются ему в уме (обижающими). Это надобно замечать, и скорее исторгать мысль из таких воображений, чтоб, закосневая в них, она во время молитвы не была дымящеюся головнею. Испытаниям же таким подвергаются наиболее люди гневливые, легко разжигаемые к устремлениям (против других), которые далеки от чистой молитвы и от дознания Спасителя нашего Иисуса Христа.

16. Помышления века сего Господь предал человеку, как овец доброму пастырю, придав ему в помощники вожделение и ярость, чтоб яростию обращал он в бегство помышления волков (бесовския), а вожделением душевно любил овец (добрые помыслы), и пас их, подвергаясь многократно с ног сбивающим ветрам и дождям. Дал Он ему притом и закон, как пасти овец, и место злачно и воду покойную (Псал. 22, 2), и псалтирь и гусли, и жезл, и палицу (и постановил), чтоб от сей паствы (и пастбищ) и питался он, и одевался, и собирал сено нагорное (Прит. 27, 25). Кто бо, говорит, пасет стада, и от млека стада не яст? (1 Кор. 9, 7)? Итак отшельнику должно день и ночь стеречь сие стадо, чтоб какое-либо порождение (овечье—ягненок) не было похищено зверями, или не попало в руки разбойников; а если случается что подобное в дебри где-нибудь, тотчас надобно исхищать (похищенное) из уст льва или медведицы (1 Цар. 17, 34. 35). Бывают же зверохищными — помышление о брате, если оно пасется в нас с ненавистию; помышление о женщине, если оно вращается в нас с срамным вожделением; помышление о серебре и золоте, если оно водворяется с любостязательностию; — даже помышления о святых дарованиях, если они пасутся в уме с тщеславием. Тоже надобно сказать и о других помышлениях, если они похищаются бывают страстями. Не днем только должно блюсти (стадо свое), но хранить и ночью бодрствуя. Ибо случается, что иной, замечтавшись срамно и лукаво, теряет свое. Сие—то означает сказанное св. Иаковом: овцы звероядной не принесох тебе: аз воздах от мене самого, татьбины денныя и татьбины ношныя. Бых во дни жегом зноем, и студеностию в нощи, и отхождаше сон от очию моею (Быт. 31, 39. 40). Если от преутруждения приразится к нам уныние, то, востекши на камень ведения, начнем беседу со псалтирию, ударяя в струны ведения добродетелями. Будем же пасти овец опять и под Синайскою горою, чтоб Бог отцев наших и нас воззвал из купины (Исх. 3, 1. 4), и даровал нам силу знамений и чудес.

17. Разумное естество, умерщвленное грехом, Христос пробуждает (к покаянию) созерцанием всех веков (т. — е. бывшего, бывающего и паче имеющего быть); а Отец Его сию душу, умирающую потом смертью Христовою (в крещении или покаянии отворачивающуюся от греха), воскрешает познанием Его Самого. И сие—то значит сказанное Апостолом Павлом: аще умрохом со Христом, веруем, яко и живы будем с Ним (Римл. 6, 8).

18. Когда ум, совлекшись ветхаго человека, облечется в того, который от благодати, тогда и свое устройство узрит он во время молитвы, подобным сапфиру или небесному цвету, что Писание именует и местом Божиим, какое видели старцы на горе Синайской (Исх. 24, 10).

19. Из нечистых демонов одни искушают человека, как человека, а другие встревоживают человека, как безсловесное животное. Первые пришедши влагают в нас помыслы тщеславия, или гордости, или зависти, или осуждения, которые не касаются ни одного из безсловесных; а вторые, приближаясь, возбуждают гнев или похоть не по естеству их; ибо эти страсти общи нам и безсловесным, и сокрыты в нас под природою разумною (т. — е. стоят ниже ея, или под нею). Почему Дух Святой, имея в виду помыслы, бывающие с людьми, как с людьми, говорит: Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси: вы же, яко человецы умираете, и яко един от князей падаете (Псал. 81, 6. 7). Имея же в виду помыслы, движущиеся в человеке, как в безсловесном, что говорит? Не будите яко конь и мекк, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе (Псал. 31, 9).

20. Когда какой враг, пришедши, уязвит тебя и ты желаешь, по написанному, обратить его меч в

сердце его (Псал. 36, 15), то поступи как тебе сказываем. Разлагай (делай анализ) сам себе вложенный им помысл, кто он, из чего состоит, и что собственно в нем поражает ум. Что это говорю я, вот что есть. Пусть наслан им на тебя помысл сребролюбия. Разложи его на ум принявший его, на помышление о золоте, на самое это золото и на сребролюбную страсть. Наконец спроси: что из всего этого есть грех? Ум ли? Но как же он есть образ Божий? Или помышление о злате? Но и это кто может сказать, имеющий ум? Так не самое ли золото грех? Но зачем же оно сотворено? Итак, остается положить грех в четвертом (т. — е. в сребролюбной страсти), что не есть ни самостоятельная по сущности вещь, ни понятие о вещи, но сласть какая—то человеконенавистная, раждающаяся из свободного произволения, и понуждающая ум зле пользоваться тварями Божиими, каковую сласть пресекает и повелевает закон Божий. Когда будешь ты это разследывать, помысл исчезнет, будучи разложен на то, что он есть, и демон убежит, как скоро мысль твоя восхитится горе, окрыляемая таким ведением.

Если же ты не хочешь обращать против него его же меч, а желаешь прежде поразить его с помощью своей пращи, то возьми и ты камень из своей пастушеской сумки, и вот в какое войди умозрение: как Ангелы и демоны приражаются к нашему миру, а мы к ихним мирам не приражаемся? Ибо ни Ангелов не можем мы более приблизить к Богу, ни бесов сделать более нечистымн не приходит нам в голову. Также (и о том войди в умозрение), как денница, восходящая заутра спаде на землю (Исаии 14, 12), и мнит море, яко мироварницу, и тартар бездны, яко пленника, возжигает же бездну, яко пещь медную (Иов. 41, 22. 23), всех возмущая своею злобою, и над всем начальствовать желая? Умозрение о сих предметах очень уязвляет демона и обращает в бегство все его полчище. Но так действовать возможно только для тех, которые несколько очистились и прозирают сколько—нибудь в причины того, что совершилось. Но нечистые не умеют держать такого умозрения, и даже, быв научены другими обаявать, не будут услышаны, когда во время брани, внутри у них стоит пыль столбом и все в смятении по причине страстей. Ибо всеконечно необходимо всему полчищу иноплеменников стать смирно, чтоб один Голиаф выступил против нашего Давида. Так и при других нечистых помыслах будем употреблять и (указанное прежде) разложение (анализ помысла), и этот (второй) вид брани.

21. Когда какие—нибудь нечистые помыслы слишком скоро обратятся в бегство, поищем причины, почему так случилось. По редкости ли вещи, потому, т. — е., что трудно достигнуть предмета помысла, или по присущему нам безстрастию, не смог нам сделать ничего враг. Например, если кто из отшельников помыслит, будто ему вверено духовное правление первенствующаго града, и он не закоснит в мечтаниях по сему помыслу, то очевидно, что это случится по первой причине (по недостижимости предмета); но если кто замечает, что становится правителем кое—какого города (и следовательно дело очень может быть сбыточным), и он также отнесется к помыслу (с презрением), то этот блаженный причастен безстрастия. Равно и при других помыслах откроется (почему бежали помыслы так скоро), если употребим тот же способ изледования. Это необходимо нам знать для оживления нашего усердия и усилий, ибо чрез это мы узнаем, перешли ли мы Иордан, и находимся близ града фиников (Второз. 34, 3), или еще в пустыни пребываем, и нас бьют иноплеменники. Весьма искусен, как мне кажется, и изобретателен на обольщения демон сребролюбия. Он часто, утеснен будучи крайним отречением от всего, берет на себя вид эконома и нищелюбца, радушно принимает странннков, которых вовсе и нет, посылает, что потребно другим нуждающимся,

посещает городския темницы, выкупает продаваемых, прилепляется к богатым женщинам и указывает кому оне должны благосострадать, а другим, у которых влагалище полно, внушает отречься от мира; и таким образом мало-по-малу, обольстивши душу, облагает ее помыслами сребролюбия и передает помыслу тщеславия. Этот вводит множество прославляющих Господа за такая его (отшельника) распоряжения, а некоторых заставляет потихоньку говорить между собою о священстве, предсказывает смерть настоящего священника, и прибавляет, что ему именно не избежать (избрания), что бы он ни делал для того. Так бедный ум, опутавшись такими помыслами, с теми, которые не принимают его—препирается, тем, которые принимают, — усердно раздает подарки, и с благодарностию радушно принимает их, некоторых же упорных (противников) предает судьям и требует изгнать их из города. Между тем как такие помыслы вращаются внутри, предстает демон гордости, частыми молниями бороздит воздух келлии, напускает крылатых змий и, последнее зло, лишает ума. Но мы, молясь, да сгинут такие помыслы, постараемся в благодарном расположении, сжитья со скудостью. Ничтоже бо внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем: имуще же пищу и одеяние, сими довольни будем (1 Тим. 6, 7. 8), помня, что сказал далее св. Павел: корень всем злым сребролюбие есть (— 6, 10).

22. Все нечистые помыслы закосневают в нас по причине страстей, низвергающих ум во всегубительство и пагубу. Ибо как мысль о хлебе у голоднаго закосневает по причине алчбы, и мысль о воде у жаждущаго по причине жажды; так помыслы о деньгах и срамные помыслы, раждающиеся от обильных яств, тоже закосневают в нас по причине (соответственных) страстей. Подобное сему откроется и в отношении помыслов тщеславия, равно как и других помыслов. Но невозможно, чтоб ум, подавляемый такими помыслами, предстал Богу и украсился венцем правды. Сими помыслами поглощен был треокаянный оный ум, который по притче Евангельской, отказался от вечери Боговедения (Лук. 14, 18—20). Равным образом и тот, связанный по рукам и ногам и вверженный во тьму кромешную, имел из сих же помыслов сотканное одеяние, которое Звавший признал недостойным брачнаго пира (Матф. 22, 11—13). Брачное одеяние есть безстрастие разумной души, отвергшейся мирских похотей. Какая же тому причина, что долго остающиеся в нас помышления о вещах чувственных растлевают ведение, — об этом сказано в главах о молитве.

23. У демонов, противящихся деятельной жизни, есть три первостоятельные, за которыми следует все полчище этих иноплеменников, и которые первыми стоят на брани, и посредством нечистых помыслов вызывают душу на грех: — во-первых, которым вверено стремление чревоугодия; во-вторых, те, которые подушают сребролюбю, в-третьих, те, которые позывают нас искать человеческой славы. Итак, если желаешь чистой молитвы, — блюдиися от гнева; если любишь целомудрие, воздерживай чрево, — не давая ему в сытость хлеба, и скудостью воды удручая его. Бодрствуй в молитве и памятозлобие далеко отжени от себя; словеса Духа Святаго да не оскудевают у тебя и в двери Писаний толцы руками добродетелей. Тогда возсияет в тебе безстрастие сердца, и ты узришь ум свой в молитве блестящим подобно звезде.

У св. Нила Синайскаго—идет выбор до 27-й главы. Приложим и их. В предыдущих 23-х главах содержатся его—24 главы.

25. Когда демон чревоугодия, после частых и сильных борений, не сможет растлить установившагося воздержания, тогда влагает в ум желание строжайшаго подвижничества; ради чего выводит на среду известное о Данииле, — ту скудную жизнь, и семена (служившия ему

единственной пищею) (Дан. 1, 16), припоминает ему и других некоторых отшельников, которые всегда так жили, или в новоначалии, — и понуждает стать их подражателем, чтоб погнавшись за неумеренным воздержанием, не успел он и в умеренном, когда тело по своей немощи окажется бессильным для того. Думаю, что им справедливо не верить таким внушениям, и не лишать себя хлеба, еля и воды. Ибо братие опытом дознали, что такая диета есть самая лучшая, только всего этого принимать не досыта, и однажды в день. И было бы дивно, еслиб кто досыта вкушая хлеба и воды, мог получить венец безстрастия. Безстрастием же я называю не удаление от дел греховных, ибо это называется воздержанием, но отсечение страстных в сердце помыслов, которое св. Павел назвал и духовным обрезанием сокровеннаго Иудея (Рим. 2, 29). Если кто падает духом, слыша такие слова, тот да приведет себе на память сосуд избран (Деян. 9, 15), — Апостола, который в гладе и жажде совершал свое течение, Этому демону подражая и дух уныния, сей противник истине, внушает терпеливому мысль об удалении в глубочайшую пустыню, призывая его возревновать Иоанну Крестителю, и начатку отшельников—Антонию, чтоб не вынесши долговременнаго и вышечеловеческаго уединенничества, бежал он со стыдом, оставя свое место, а этот, хвалясь после того сказал: укрепихся на него (Псал. 12, 5).

26. Тоже, что гл. 68—Евагр. перв.

27. Демоны не знают наших сердец, как думают некоторые из людей. Ибо Сердцеведец один сведый ум человек (Иов. 7, 20) и создавый наедине сердца их (Псал. 32, 15). Но то из слов, какия произносятся, то по каким-либо движениям тела, они узнают многия из движений, происходящих в сердце. Положим, что мы в разговоре обличали тех, которые нас злословили. Из этих слов демоны заключают, что мы относимся к ним нелюбовно, и берут от этого повод влагать нам злые против них помыслы, приняв которые, мы подпадаем под иго демона памятозлобия, и этот непрестанно потом распложает в нас против них помыслы мстительные. Посему справедливо Дух Святый обличает нас, говоря: сядя на брата твоего клеветал еси, и на сына матери твоея полагал еси соблазн (Псал. 49, 20), отворял, то—есть, дверь помыслам памятозлобия, и возмущал ум во время молитвы, представляя непрестанно лице врага своего, и его имея таким образом за бога. Ибо на что ум взирает непрестанно во время молитвы, то справедливо признать его богом. Потому будем избегать болезни злословия, никого не будем поминать злом, или извращать лица свои, при воспоминании о каком-либо ближнем. Ибо злые демоны с любопытством наблюдают всякое наше движение, и ничего не оставляют неизследованным из того, чем можно воспользоваться против нас, — ни вставания, ни сидения, ни стояния, ни поступи, ни слова, ни взора, — все любопытствуют, весь день поучаясь на нас лстивным (Псал. 37, 13), чтоб во время молитвы осрамить смиренный ум и блаженный его погасить свет.

12. Евагрия монаха—Изречения.

1. Авва Евагрий сказал: избегай беседы о мирском, чтоб ум твой не возмущался и правило безмолвия твоего не было нарушено.

2. Говорил также: много значит молиться без развлечения, а еще более петь (псалмы) без развлечения.

3. Еще говорил: помни всегда об исходе твоем, не забывай вечнаго суда, и сохранишь душу твою от всякаго греха.

4. Еще говорил: не будь искушений, никто бы не спасся.

5. Сказал авва Евагрий: начало спасения—самоукорение.
6. Он же сказал: если впадешь в малодушие, молись; но молись со страхом и трепетом, молись усердно, бодренно и трезвенно.
7. В начале своего монашеского жительства авва Евагрий пришел к некоторому старцу, и сказал ему: авва! преподай мне душеспасительное слово. Старец сказал ему: если хочешь спастись, то к кому бы ты ни пришел, не говори прежде нежели он спросит тебя.
8. Однажды по какому-то делу было собрание в келлиях, и авва Евагрий говорил тут. Пресвитер говорит ему: мы знаем, авва, что еслибы ты был на своей стороне, уже давно бы мог быть епископом и начальствовать над многими; а теперь ты сидишь здесь как странник. Авва Евагрий, хотя был тронут сим, но не смутился и кивнув головою сказал: точно так, отец, но единою глаголах, — второе не приложу (Иов. 39, 35).
9. Евагрий в своем Гностике говорит: мы научились у праведнаго Григория, что главных добродетелей четыре: разумность (φρονησις), мужество, целомудрие и справедливость. Дело разумности, говорил он, состоит в том, чтоб созерцать умныя святыя силы; дело мужества—стоять в истине, и, хотя бы встретилось противоборство, не уклоняться к несущему; приняв семена от перваго земледельца, — отвращаться от всевателя (врага), свойственно, по его мнению, целомудрию. А дело справедливости—воздавать каждому по достоинству.
10. Там же говорит он: столп истины, — Василий Каппадокийский говорит: знание, происходящее от людей, усовершенствуется постоянным занятием и упражнением; а, происходящее от благодати—правдою, кротостию и милосердием: первое могут приобретать и люди страстные; а последнее в состоянии принимать только безстрастные, которые во время молитвы зрят свет, осиявающий их ум.
11. Еще говорил он там: Ангел Тмуитской церкви Серапион сказал, что ум очищается, упоеваясь духовным ведением, любовь врачует гнев, воздержание обуздывает похоть и пожелание.
12. Еще: Дидим говорил: непрестанно беседуй сам с собою о Промысле и о суде, и предметы их старайся содержать в памяти. Промысл особенно виден в возведении нас от греха и неведения к добродетели и ведению.

ТОМ ВТОРОЙ

СВЯТЫЕ ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЦЫ ВАРСАНУФИЙ И ИОАНН

Краткое сведение о них.

Св. Варсануфий родом был Египтянин. С юных лет горел он желанием вести подвижническую жизнь. Проходя однажды мимо конскаго ристалища, он вошел в него и, видя, как там каждый старается обогнать другаго, сказал себе мысленно: «видишь, как усердно подвизаются искатели тленных венцов? — Не тем ли паче должны подвизаться мы, — наследники Царствия Небеснаго?» — И ушел с сего зрелища, еще более прежняго горя духом к подвижничеству. Был ли он в какой обители в Египте, — неизвестно. Сказание указывает его иноком прямо в Палестине. Пришедши в Иерусалим на поклонение св. местам, он остался здесь и сначала жил под руководством старца Маркелла, а потом перешел в обитель Аввы Сериды близ Газы. Здесь, стремясь к высшему подвижничеству, он устроил себе малую келлию вне обители и, затворившись в ней, наслаждался сладчайшим безмолвием.

В начале сего безмолвия ему приносили из обители только три хлебца в неделю. Но как он

предавался плачу и великую почерпал сладость от слез, то от ощущения сей неизреченной сладости нередко довольствовался только одним хлебцем, а многократно забывал вкушать и его. Так вкушал он пищу иногда два раза в неделю, иногда один раз; ибо почасту восхищаем был к пище духовной, от сладости коей забывал о пище чувственной.

С течением времени, омывая себя всегдашними слезами, блаженный так очистил сердце свое от страстей душевных и телесных, что стал превыше стрел вражеских, приобрел мир помыслов, который есть вместилище дарований Святаго Духа, — приобрел и то, что в нем уснуло, или, лучше сказать, умерло всякое страстное движение и мудрование, почему и назвал затвор свой гробницею.

С того самого времени, как он очистил сердце свое от страстей и сподобился быть храмом и жилищем Святаго Духа, вследствие такой чистоты, обогатился он высокотворным, истинным и совершенным смирением, по которому считал себя землею и пеплом — на деле, а не на словах только, и всегда говорил себе: кто я такой? и кто считает меня за что либо?

Чрез такое смирение сподобился он и большей из всех добродетелей, — разсуждения, которое дается от Бога иноку, как управитель.

От разсуждения же великий Варсануфий удостоился получить прозрение, которым, по изъяснению преп. Петра Дамаскина, постигаются мысленныя и сокровенныя сущности чувственных и мысленных тварей.

Чрез прозрение же сподобился он получить дарование прозорливости и пророчества, — видеть происходящее вдали, как находящееся вблизи, и будущее, как настоящее (отв. 31. 812). Он узнавал также по благодати и сердечныя расположения людей, и отвечал вопрошающим его, не сообразуясь с словами их, но сообразно с направлением их ума и мыслей.

Полагая же непрестанно, по слову Божественнаго Давида, восхождения в сердце своем к Богу, и прилагая смирение к смирению, безмолвие к безмолвию, и любовь к любви, удостоился он наконец достигнуть и высочайшаго дарования — восхищения к Богу, в коем возносился до седьмаго неба, не на мечтательных крыльях мысли, но в неизреченной силе Духа, и там получил благословение и видел неизреченныя блага и тайны царствия Божия, не зная, в теле ли он был, или вне тела, подобно великому Павлу (2 Кор. 12, 3).

И дано ему было за тем обильное дарование чудотворения, так что он мог воскрешать мертвых именем Владыки Иисуса Христа, изгонять демонов, исцелять неисцельныя болезни, совершать и другия силы и чудеса, и подобно Илии заключать и отверзать небо.

Такия великия дарования сподобился получить и столь великаго совершенства добродетелей достигнуть великий во отцах Варсануфий. Однако столь великия дарования и приобретены были им среди таких искушений, каких многие не только не могут претерпеть самым делом, но даже и слух их не в состоянии будет вместить их. Равно и великим болезням подвергался преблаженный сей, но переносил их с такою доблестию, что, будучи болен, не только не восклонялся когда либо на одр для своего успокоения, но даже не оставлял и рукоделия своего.

Жил сей святой в 6-м веке, во времена царя Иустиниана, и в течение целых пятидесяти лет и более, ни один человек не видал его. Только однажды показался он нескольким братьям и умыл им ноги, для рассеяния сомнения в его существовании. И еще под конец жизни разставался он с дорогим ему безмолвием для блага Церкви, когда Иустиниан начал теснить не принимавших учения Аффортодокетов, покровительствуемых им. Патриарх Иерусалимский, в сей нужде, уговорил сего

Авву великаго отправить к Императору с ходатайством преложить гнев свой на милость. Посольство имело успех. Убежденный силою слова Аввы, Император остановил задуманное преследование непокорных, как ему казалось, лично ему, и возвратил Иерусалимской Церкви свое благоволение, прислав ей с Варсануфием дары.

Скончался великий Авва в 563 г. А иные, не определяя года, обще говорят: раньше 600-го года. Другой старец, препод. Иоанн, проходил такое же безмолвное житие, как и Варсануфий, и сподобился таких же, как и он, дарований Духа, особенно же и по преимуществу дарования прозорливости и пророчества, почему и именовался пророком.

Откуда был родом и откуда пришел в сию обитель преп. Иоанн, неизвестно. Жил же он в первой келлии великаго Варсануфия, когда сей последний устроил себе другую близ той же обители, — и безмолвствовал в ней 18 лет до самой своей кончины. Никто не видал, чтоб он когда либо улыбался, или был смущен, или без слез причащался Божественных Таин, как засвидетельствовал о нем игумен той обители.

По дару провидения препод. Иоанн, предсказав многое другое, делом совершившееся так, как он предсказывал, предсказал и о своей кончине, сказав о сем так: «в седмицах Аввы Серида я скончаюсь. Если бы Авва Серид прожил долее, и я бы прожил еще пять лет, но как Бог скрыл сие от меня и взял его, то и я не проживу более».

Но так как Авва Елиан, тогда еще юный по летам, будучи пострижен и поставлен в игумена обители, не зная уставов монастырских и как должно управлять братиею, умолял блаж. Иоанна: «хотя две недели подари мне, чтобы я мог спросить тебя касательно монастыря и управления им», то старец, сжалившись над ним, и будучи подвигнут от живущаго в нем Святаго Духа, сказал: «хорошо, я останусь с тобою еще на две недели».

И Авва Елиан спрашивал его о всем, касающемся до управления общежитием. По окончании же двух недель, преподобный призвал всю монастырскую братию и, приветствовав каждого особо, отпустил их в свои келлии; и затем в мире предал дух свой в руце Божии.

По кончине препод. Иоанна, св. Варсануфий умолк совершенно и более не давал никому ответов, как говорит в заглавии втораго своего слова Авва Дорофей, который, по умолкнутии Варсануфия, вышел из той обители и учредил свое особое общежитие.

Сии блаж. отцы, от всей души любившие ближних, не только при жизни своей благодетельствовали им духовными благодеяниями, но продолжают благодетельствовать и по смерти, оставив нам душеспасительную книгу своих богомудрых ответов, как отеческое наследие чадам своим, чтоб, прилежно читая оную, почерпали мы из нея великую пользу душевную.

Книга сия содержит 850 ответов, сделанных на различные вопросы различных лиц: архиереев, иереев, монахов, мирян, старцев, юных, немощных и здоровых. Одни из сих ответов писал, так называемый, другой старец Иоанн, иные же, — и притом большую их часть, — давал сам великий старец Варсануфий, который не сам их писал, а чрез Авву Серида.

Присем достойно удивления следующее обстоятельство. Когда великий Варсануфий начал давать свои ответы, то, призвав Авву Серида, пересказал ему свой ответ и велел его написать (ответ был Иоанну, иноку Миросавской обители). Авва Серид, не надеясь удержать в уме своем всех слов, которыхя сказал ему Святой, недоумевал, как он напишет такое множество слов, и полагал, что

Старец велит ему принести чернила и хартию, чтоб, слушая, писать все, слово за словом. Св. Варсануфий, по данной ему благодати прозрения, узнал тайную мысль Серида; лице его просияло, как огонь, и он сказал Сериду: «Поди, напиши и не бойся; если я скажу тебе и безчисленное множество слов, чтоб ты написал их, то знай, что Дух Святой не попустит тебе написать ни одним словом больше или меньше сказанного, хотя бы ты и сам пожелал сего, но наставит руку твою верно написать все, в последовательном порядке».

Такова книга сия! Она, изобилуя дивным разсуждением, разрешает самые неудоборазрешимые вопросы, — и есть учительница терпения, искоренительница роптания, меч, отсекающий свою волю, секира, поражающая человекоугодие, руководительница к истинному и совершенному смирению, поучающая нас почитать себя за ничто, провозвестница покаяния, родительница плача и ходатаица спасения душ и совершенства во Христе Господе.

(Выбирается под ряд все, относящееся к подвигам и борьбе со страстями).

1. Настрой себя благодарить Бога за все, слыша слово Апостола: о всем благодарите (1 Сол. 5, 18). Будешь ли ты в скорбях, или в нуждах, или в утеснениях, или в болезнях и трудах телесных, — за все, постигающее тебя, благодари Бога, ибо многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие (Деян. 14, 22). Итак, не сомневайся душою твоего и не разслабевай ни в чем сердцем твоим; но вспоминай Апостольское слово: аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Если не претерпишь страданий, не можешь взойти на крест и причастником быть спасительных плодов его.

2. Пока корабль на море, он бывает подвержен опасностям и приражению ветров. Когда же достигнет в тихую и мирную пристань, не страшится более опасностей, бедствий и приражения ветров, но пребывает в безопасности. Так и ты, пока пребываешь с людьми, ожидай скорбей, опасностей и приражения мысленных ветров. Когда же достигнешь в уготованное тебе пристанище безмолвия, тогда не будешь иметь страха.

3. Не унывай в скорбях и трудах телесных, которые несешь, трудясь ради общежития; ибо и это также значит — полагать душу свою за братию (1 Иоан. 3, 16), — и надеюсь, что велика будет награда за труд сей. Как Иосифа Господь поставил прокормить братию свою во время голода (Пс. 32, 19) в Египте, так и тебя поставил Он послужить общежитию. Я же повторяю тебе слова Апостола: ты, убо, чадо, возмогай благодатию Духа Святаго (2 Тим. 2, 1).

4. Один трудами по Богу достигает в покой Его, а другой достигает туда же смирением. Ты же держись в том устроения, чтоб получить оный за то и другое, когда умрет в тебе гнев, вследствие укрощения раздражительности в сердце твоём; и тогда исполнится в тебе слово Писания: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя (Пс. 24, 18). Господь да сохранит душу твою, и тело твое, и дух твой от всякаго зла, от всякой противности, наносимой диаволом, и от всякаго мечтания, возбуждающаго мятеж мыслей.

5. Паче всего берегись духа уныния, раждающаго все злое и различныя искушения. Зачем сердце твое разслабевает и изнемогает ради скорби наносимой тебе от овец Христовых? Выслушай со вниманием, что скажу тебе: долготерпение есть мать всех благ. Посмотри на Моисея, избравшаго себе — паче страдати с людьми Божиими, нежели иметь временную греха сладость (Евр. 11, 25).

6. Остерегайся, чтоб не окрали тебя лукавые змии и не отравили ядом своим (серчанием). Он смертоносен. Никто никогда не совершит добра посредством зла, потому что сам побеждается злом.

Напротив того, добром исправляется злое (Рим. 12, 21). Ты стоишь на позорище; почему и должен бороться со зверями, подобно Апостолу в Ефесе (1 Кор. 15, 32), который хвалился, победив зверей. Ты ввергнут в бурю морскую; почему и должен претерпеть многия опасности и подвизаться против обуревания волн. Препобедив их с помощью Божиею, войдешь в тихое пристанище о Христе Иисусе, Господе нашем.

7. Тебя беспокоят помыслы, понуждая смутить других и самому смутиться от других. Но знай, брат мой, что, если кто оскорбляет другаго, или делом, или словом, то после сам бывает оскорбляем стократно более. Будь же долготерпелив во всем и остерегайся примешивать к чему либо волю свою. Внимательно испытывай помыслы свои, как бы они не заразили сердца твоего смертоносным ядом (серчанием), и не прельстили тебя принимать комара за верблюда и камешек за утес, так что тогда ты бываешь подобен человеку, который, имея сам у себя бревно, смотрит на чужой сучек.

8. Ты называешь себя грешным, а на деле показываешь, что не чувствуешь себя таким. Признающий себя грешником и виновником многих зол, никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, но почитает всех лучшими и разумнейшими себя. Если ты грешен, то зачем укоряешь ближняго своего и обвиняешь его, будто чрез него приходит тебе скорбь? — Выходит, что мы с тобою не достигли еще того, чтобы почитать себя грешными. — Смотри, брат, как мы поруганы: говорим только устами, а дела показывают иное. — Почему, когда противоречим помыслам, не получаем силы отвергать их? Потому что прежде вдаемся в осуждение ближняго и чрез то ослабевают наша сила духовная, и мы обвиняем брата своего, будучи сами виноваты. — Возложи на Господа всякий помысл, говоря: Бог знает полезное, — и успокоишься, — и мало по малу получишь силу терпеть.

9. Если кто не переносит поношения, не узрит и славы; и если не очистится от желчи, не ощутит сладости. Ты вступил в среду братий и различных случаев, дабы быть разжженным и испытанным: а золото испытывается не иначе, как огнем. Отнюдь ничего не назначай себе (в правило), ибо чрез это ты подвергнешь себя брани и попечениям; но со страхом Божиим испытывай, что прилично времени, и ничего не делай по рвению; сколько возможно, удаляйся от гнева, никого не осуждай и люби особенно искушающих Тебя. Если вникнешь, то найдешь, что они-то и приводят нас в преспеяние.

10. Будь долготерпелив в скорбях, как достигнувший Владычняго завещания, которое говорит: в мире скорбни будете, но держайте, яко Аз победих мир (Иоан. 16, 33); да достигнешь непобедимой любви, которая вводит приобретших ее во дворы царские и соделывает их братьями Христа.

11. Сбивай молоко, и будет масло; если же стиснешь рукою сосец, выйдет кровь (Притч. 30, 33). Если кто хочет согнуть дерево или виноградную лозу на подобие обруча, то сгибает постепенно, и оне не переламываются; если же нагнет вдруг и сильно, то дерево тотчас ломается. (Это о строгих мерах настоятелей, — и о чрезмерных подвигах иноков).

12. Что изнемогаешь в скорбях, как человек плотской? Или не слышал ты, что предстоят тебе скорби? И разве не знаешь, что многи скорби праведным (Пс. 33, 20), — и они испытываются ими, как золото в горниле? Итак, если мы праведны, то подчиним себя благодушно испытанию скорбями; если же грешны, то потерпим оныя, как достойные того. — Приведем себе на память всех святых, от начала мира, — и вспомним, сколько они терпели, благое делая, благое говоря и в истине непоколебимо пребывая. Они были ненавидимы и оскорбляемы людьми до самой кончины своей, — и, по слову Спасителя, молились за врагов и творящих им напасть (Мф. 5, 44). Разве и ты был

продан, как целомудренный Иосиф? Терпел ли ты, подобно Моисею, озлобления, с детства до старости? Был ли ты гоним, подобно Давиду, терпевшему гонение от Саула? Или, как Иона, был ли и ты ввержен в море? Зачем же расслабевает помысл твой? Не устрашайся и не бойся, как чуждый мужества, чтобы не лишиться тебе Божиих обетований. Не ужасайся, как неверующий, но ободрись малoverные твои помыслы. Возлюби скорби во всем, чтобы быть тебе искусным сыном святых.

13. Никто, желая достигнуть города, не лежит; никто, желая работать и видя восходящее солнце, не предаётся лени; никто, желая удобрить ниву свою, не нерадит о ней. Но хотящий достигнуть города спешит идти туда, прежде чем смеркнется, — (хотящий кончить работу свою), видя восходящее солнце, с бодростью спешит на труд, опасаясь быть задержанным чем либо, — и хотящий удобрить поле свое, старается сделать это прежде, чем оно сделается никуда негожим. — Имея уши слышати да, слышит!

14. Желает ли избавиться от скорбей и не тяготиться ими? — Ожидай больших, — и успокоишься. Поминай Иова и прочих святых, какая скорби претерпели они; приобрети их терпение, — и утешится дух твой. Мужайся, крепись и молись.

15. Плачь, рыдай, не ищи, чтоб тебя считали за нечто, ни в чем не равняй себя с другими. Оставь мир, взойди на крест, свергни с себя земное, отряси прах от ног твоих, неради о срамоте (Евр. 12, 2), не разжигай с Халдеями печи, чтоб не быть сожжену вместе с ними гневом Божиим. Считай всякого человека превосходнейшим тебя, — восплачь о мертвецем твоём, — изми бревно твоё, — возстанови низпровергнутый дом твой, воззови: помилуй мя, Сыне Давидов... да прозрю (Лк. 18, 38. 41).

16. Пока есть у нас время, будем внимать себе и обучаться молчанию. И если хочешь быть покойным ко всему, будь мертв в отношении ко всякому человеку и успокоишься. Это говорю я касательно помыслов, касательно всяких дел, обращения с людьми и забот.

17. Ты писал: помолись о грехах моих. И я скажу тебе тоже: помолись о грехах моих. Ибо сказано: якоже хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде (Лк. 6, 31). Хотя я и окаянен и меньше всех людей, но доселе делаю это по силе моей, по заповеди: молитесь друг за друга, яко да исцелеете (Иак. 5, 16).

18. Если не можешь разсуждать о вере, то и не разсуждай. Твердый в вере, если будет говорить и состязаться с еретиками или с неверными, никогда не смутится; потому что имеет внутри себя Иисуса, Начальника мира и тишины. И такой, после мирнаго состязания, может с любовью привести многих еретиков и неверных в познание Спасителя нашего Иисуса Христа. Ты же, так как разсуждать об иных предметах выше меры твоей, держись царскаго пути, т. — е. веры 318 св. отцев (а нам ныне — веры, утвержденной семью вселенскими соборами), в которую ты и крестился: она заключает в себе все с точностию для совершенно разумеющих. Внимай себе паче, помышляя о грехах своих и о том, как сретит тебя Бог.

19. Когда слышишь похвалу себе, поминай слово Писания: людие мои, блажащии вас льстят вы, и стези ног ваших возмущают (Ис. 3, 12). Такое ублажение не допускает нам видеть гнусность дел наших: оно, думается, вредит и достигшим в меру (духовнаго преспеяния), и отлучает от веры в Бога, Который говорит: како можете веровати, славу друг от друга приемлюще (Иоан. 5, 44)? Тот, кто принимает смирение Апостола, избрет скорее буйство, да мудр будет в последствии (1 Кор. 3, 18). Кто же показывает себя разумным, а не паче духовным, тот, удивляюсь, если избежит осуждения, назначеннаго за кичливость.

20. (На вопрос о боязни по ночам). Граждане до тех пор боятся нашествия неприятелей, пока не имеют помощи от царя. Когда же получают известие, что в город их вступил военачальник, то не беспокоятся более, зная, что начальники пекутся о них. Если же и услышат о приближении неприятелей, то, имея защитника, уже не боятся. Так и мы, если веруем в Бога, то не боимся демонов; ибо Бог посылает нам Свою помощь.
21. Часы и песни суть церковныя предания, и хорошо учреждены для соглашения всех людей (в молитвах), также и в общежитиях для согласия многих. Скитяне же ни часов, ни песней не читают, но наедине упражняются в рукоделии, чтении и размышлении, и чрез несколько времени становятся на молитву. Когда стоишь на молитве, ты должен молиться об освобождении себя от ветхаго человека, или произносить: Отче наш, или то и другое вместе, и потом сесть за рукоделие. А о том, сколько продолжать молитву, когда стоишь на ней, скажу: если ты непрестанно молишься по слову Апостола (1 Сол. 5, 17), то не нужна продолжительность.
22. Что касается ночнаго сна, то молись с вечера два часа, считая их от захождения солнца, а кончив славословие, спи шесть часов, потом встань на бдение и бодрствуй остальные четыре часа. И в летнее время также; — но сократи славословие и читай менее псалмов, по мере краткости ночей.
23. Господь научил нас, как стяжать смиренномудрие, говоря; научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Если и ты хочешь приобрести совершенный покой, познай, что претерпел Господь, и ты претерпи, и отсекай во всем волю свою. Сам Спаситель сказал: снисдох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Иоан. 6, 38). Совершенное же смиренномудрие состоит в том, чтобы сносить укоризны и поношения, и прочее, что пострадал Учитель наш Христос Иисус. Сие же служит и признаком того, что человек коснулся совершенной молитвы, — именно то, что он не смущается более, хотя бы и весь мир его оскорблял.
24. Вступлением в совершенную молитву служит то, когда кто освобождается от рассеяния помыслов, и видит, что ум его, просвещенный о Господе, исполняется веселием. Совершенно молящийся есть тот, кто умерщвляет себя миру и покою его; а когда кто Бога ради исполняет прилежно дело свое, это не есть рассеяние, но тщательность Богу — угодная.
25. О мере воздержания в пище и питии отцы говорят, что должно употреблять того и другаго несколько менее надлежащаго, т. — е. не наполнять совершенно желудка. И всякий должен сам себе определить меру как в вареной пище, так и в вине. Впрочем мера воздержания не ограничивается только пищею и питием, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства; во всем этом должна быть своя мера воздержания.
26. Как определять меру пищи и пития, чтоб она была несколько менее надлежащаго? — От всего количества пищи, т. — е. хлеба и других снедей, отделять без малаго одну унцию; а в отношении вина и воды, от обеих отделять менее половины чаши. Если ты внимаешь себе и не трудно тебе пить один только раз, это было бы хорошо; если же не можешь, то пей два раза, но всякий раз менее надлежащаго. А во время смущения и брани помыслов, должно и обыкновенное количество пищи и пития несколько уменьшать, т. е. пищу еще на одну унцию, а все питие еще на одну чашу, — так чтобы вообще уменьшить количество пищи на две унции, а пития на одну чашу.
27. А надлежащую меру как определить, или как узнать, сколько кому нужно есть и пить? — Наблюдая за собою в течении нескольких дней относительно всей пищи, т. — е. хлеба, других

снедей и овощей, человек может из опыта узнать, сколько нужно его телу пищи и пития, (чтоб быть сыту без обременения). От сей меры и пусть отделяет пищи одну унцию и пития — полчаша. А когда брань, и еще пусть отделяет по унции и по полчаше.

28. Что есть воздержание по силе своей? Воздерживаться по силе своей и есть употреблять пищу и питие, как сказано — именно: употреблять их несколько менее надлежащего, — равно и сна. Но если кто по причине труда и утомления прибавит несколько против сего, то это не будет нарушением правила: «по силе своей». — Спросишь: какая должна быть мера сна? — Отцы назначают для сего половину ночи. В отношении к пище переставай принимать ее, когда желаешь съесть еще немного, — и таким образом всегда употребляй ее умеренно.

29. Что значит по прихоти принимать пищу, и что — по требованию естества? — По прихоти — значит хотеть принимать пищу не по потребности тела, а для угождения чреву (и гортани). Если однако же видишь, что тело твое охотнее принимает иную пищу, не по сласти, а по легкости, то принимать ее не будет прихоть. Еще один по естеству своему требуют сладкой пищи, другие — соленой, а иные — кислой: — и это не есть прихоть. — Но любить какую либо пищу особенно и похотливо желать ея, — это есть прихоть — служительница чревоугодия. — Если желаешь узнать, одержим ли ты страстию чревоугодия, вот как узнаешь: если пища обладает помыслом твоим (так что ты не можешь противиться ему), то ты чревоугодник. Если же такого обладания нет, и ты свободно принимаешь всякую пищу, в меру потребности тела, то у тебя нет чревоугодия.

Другой еще признак чревоугодия есть — хотеть есть прежде времени; чего никогда не должно делать, — разве будет какая уважительная причина.

30. Если страсть (чревоугодия) прежде не борет меня, а появляется в самое время принятия пищи, что мне тогда делать, — оставить ли пищу, или нет? — Когда с другим принимаешь пищу, то не оставляй: но призвав на помощь имя Божие, отгони похотение и принимай в малости; приводя себе на память, что пища эта скоро превратится в зловоние. Когда же ты один, и голоден, — ешь хлеб и другую какую пищу, к которой не чувствуешь брани.

31. Должно ли вопрошать старцев о всех помыслах, раждающихся в сердце? — Не о всех возникающих в сердце помыслах должно вопрошать; а только о тех, которые долго остаются в человеке и борют его. Дело сие сходно с тем, когда человек, хотя и многие досаждают ему, пренебрегает неприятностями и не заботится о них. Если же кто возстанет и будет нападать на него, тогда он доносит на него правителю.

32. Должно ли прекословить борющему нас помыслу? — Не прекословь; потому что враги сего желают и (видя прекословие) не перестанут нападать; но помолись на них Господу, повергая пред Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их.

33. Ночные мечтания и осквернения бывают, то от превозношения, то от пресыщения, то по зависти диавола. О последнем следует сказать, что, когда с нашей стороны не содействуют врагу возношение и пресыщение, то он не может часто повторять сего. Как строящий дом, если не найдет потребных материалов, трудится напрасно; подобно сему и диавол.

34. Хочу удержать чрево свое и уменьшить количество пищи, и не могу. Если и уменьшу когда, то спустя немного времени опять возвращаюсь к прежней мере, также и в питии, от чего это? — От этого никто не освобождается, кроме пришедшаго в меру того, кто сказал: забых снести хлеб мой: от гласа въздыхания моего, прильпе кость моя плоти моей (Пс. 101, 5. 6). Такой скоро достигает

уменьшения пищи и пития; ибо слезы служат ему хлебом, — и наконец доходит он до того, что питается Духом Святым. Поверь мне, брат я знаю человека такой меры; в течение недели раз и два, и чаще восхищается он к духовной пище, и от сладости ея забывает чувственную пищу, когда же приходит вкусить хлеба, то как бы пресыщенный не хочет вкушать его, и, вкушая, осуждает себя, говоря: от чего я не всегда в таком состоянии? И желает преуспеть еще более.

35. Как достигнуть такого состояния? — Когда все помыслы человека составляют одно целое по Богу; тогда и плоть сия последует помыслу по Богу, — и является радость Духа в сердце, питая душу и утучняя тело, и укрепляя их обоих. Такой человек уже не ослабеваает и не унывает; ибо Иисус отселе бывает Ходатаем о нем, и поставляет его близ преддверия там, отнюдуже отбеже всяка болезнь, печаль и воздыхание (Ис. 51, 11), — и исполняется на нем слово Писания: идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше (Мф. 6, 21). Приводит же человека в такую меру смирение.

36. Как различить немощь тела (по причине воздержания) естественную от наводимой демоном, и сколько следует вкушать пищи? — О немощи скажу: если тело, принимая пищу повседневную (с обычною мерою воздержания), разслабеваает, — это от демонов; в противном случае (при увлечении меры воздержания), это — немощь естественная. Обычная же мера воздержания есть вставать из-за трапезы немного несатым, как определили старцы новоначальным. — Когда потом утвердится человек в сей, и большей сего мере воздержания, тогда не может укрыться от него, как уже обученного навыком, сколько следует ему есть.

37. «Помолись о мне; очень скорблю». — Совершенно умирающие миру терпением и скорбями приходят в меру возраста. О, возлюбленный брат! — Господь претерпел крест, — и тебе ли не радоваться в скорбях, терпение которых вводит в Царствие небесное? Что скорбишь — добрый знак. Разве не знаешь, что скорби и искушения умножаются, когда кому Господь готовит милость Свою. И вообще не ищи телесного покоя, если не посылает его тебе Господь, ибо мерзок пред Господом покой телесный. И Господь сказал: в мире скорбни будете (Иоан. 16, 33).

38. Какую назначить себе ежедневную пищу? — Если назначишь себе ежедневную пищу в келлии, это введет тебя в попечения и брань. А что посылает Бог, тем и будь доволен. Иже ходит просто, ходит надеясь (Притч. 10, 9).

39. Когда читаю псалмы, должно ли после каждого псалма произносить: Отче наш? — Один раз прочесть: Отче наш — будет достаточно.

40. Идите по тому пути, по коему ходили и мы, последуя Отцам своим. Не помню, чтоб, найдя совершенный покой, мы, когда нибудь воспользовались им; но всячески старались примешивать отовсюду малую тесноту и скорбь, боясь Того, Кто сказал: восприял еси благая твоя в животе твоём (Лк. 16, 25), и памятуя, что многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие (Деян. 14, 22). Так поступали мы и тогда, когда многия стяжания приходили в руки наши, и знает Бог, в какой нищете жили мы, ради Обнищавшаго для нас. — Не хорошо давать себе покой во всем. Кто ищет сего, тот живет для себя, а не для Бога; ибо такой человек не может отсечь волю свою.

41. Господь хочет, чтоб ты почитал всякаго человека превосходнее себя. Старцу своему оказывай послушание во всем, и исполняй все, что он ни говорит тебе, будет ли то относиться к пище, или к питию, или к какой либо другой вещи. Если оклеветают тебя, радуйся; это весьма тебе полезно. Если оскорбят тебя, — претерпи; претерпевый бо до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22). За все благодари Бога; потому что благодарение ходатайствует пред Богом о немощи. Во всем и всегда

осуждай себя, как согрешающего и прельщаемого, — и Бог не осудит тебя; смирись во всем и получишь благодать.

42. Во всех случаях будем прибегать к смирению; ибо смиренный лежит на земле, а лежащий на земле; куда может упасть? Находящемуся же на высоте удобно пасть. Если мы обратились и исправились, — это не от нас, — Божий дар; ибо Господь возводит низверженные и умудряет слепцы (Пс. 145, 8).

43. Болезнь есть вразумление нам Божию, и служит к преспеянию, если будем благодарить Бога. Не был ли Иов верным другом Божиим? Но чего не претерпел он, благодаря и благословляя Бога? — И терпение привело его наконец к безпримерной славе. Потерпи и ты немного (в болезни), и узришь славу Божию (Иоан. 11, 40). — А что поститься не можешь (в болезни), не скорби, Бог ни от кого не требует трудов сверх силы. Ктому же, что такое пост, как не наказание тела для того, чтобы усмирить тело здоровое и сделать его немощным для страстей, по слову Апостола: егда немощствую, тогда силен есмь (2 Кор. 12, 10). А болезнь более сего наказания, и вменяется вместо поста, — и ценится даже более его. Кто переносит ее с терпением, благодаря Бога, тот чрез терпение получает плод спасения своего. Вместо того, чтобы ослаблять силу тела постом, оно бывает уже ослаблено болезнью. Благодарите же Бога, что ты освободился от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься; ты не будешь осужден за то, так как поступаешь так не в поблажку себе.

44. Демоны от зависти (плодам веры) наносят нам неверие; и если мы его принимаем, то делаемся их слугами и сообщниками.

45. (Ежедневныя упражнения). Должен ты несколько упражняться в псалмопении, несколько молиться изустно (молитвы на память), нужно время и на то, чтоб испытывать и блюсти свои помыслы. В псалмопении же и молитве изустной не связывай себя, но делай, сколько Господь тебя укрепит; не оставляй также чтения и внутренней молитвы. Несколько того, несколько другаго, и так проведешь день, угождая Богу. Совершенные отцы наши не имели определенного правила, но в течении целого дня исполняли свое правило: несколько упражнялись в псалмопении, несколько читали устно молитвы, несколько испытывали помыслы, мало, но заботились и о пище, — и все сие делали со страхом Божиим. Ибо сказано: вся, елика аще творите, во славу Божию творите (1 Кор. 10, 31).

46. Да не смущает тебя враг в скорби твоей. Разве искушение или скорбь случается с кем-либо без попущения Божия? Нет. Бог попускает сие для нашей душевной пользы, а диавол иначе показывает нам вещи, как некогда, когда изгнал прародителей из рая. — Но мы не вникаем в сие и, забывая, что Бог посылает нам скорбь для очищения нас от всякой скверны, смущаемся и унываем. — Если хочешь спастись, то не верь своему помыслу; ибо бесы сеют в тебе злое семя и представляют одно вместо другаго. Отнюдь никого и ни в чем не обвиняй, но во всем старайся угодить ближнему. И ни о ком не помышляй зла; ибо чрез это сам делаешься злым, так как злое помышляет злой, а доброе — добрый. Когда приходит тебе мысль: «они про меня говорят», — знай, что это враг нашептывает тебе. Не имей никогда таких подозрений. Терпи же все, радуясь и веселясь; ибо велика награда за терпение. А демонам не верь; ибо нет того в действительности, что они тебе показывают: им бы только смутить тебя какнибудь.

47. («Опять оскорбление»). Удивляюсь простоте твоей, брат. Неужели ты думаешь, что диавол

перестает искушать кого либо? — Ктому же, разве можно обвинять бесноватых, которые падают на землю и источают пену? — Точно также нельзя винить и тех, которых диавол ввергает в противление нам и оскорбление. Не их надо винить, а страсть и разжигателя ея. Тебя смущает враг, — и ты не смотришь на свои грехи, а зорко видишь грехи ближняго; о проступках брата твердишь, а про свои забыл. — Да и кто ты, чтобы смотреть на чужие грехи? — Вспомни Лазаря, — сколько времени терпел он, благодаря Бога?

48. «Я впал в мечтания (срамныя во сне)». — Впадать в мечтания и в другия страсти оставляет нас Бог, чтобы мы познавали немощь свою, и упование свое и надежду возлагали не на себя, а на Него Единого. — Однакож не думай, что мы по воле Божией впадаем в мечтания и другия страсти; но за нерадение наше попускает сие на нас Бог, и по человеколюбию Своему чрез зло (проявляющееся в нас) приводит нас к смирению для нашего спасения. Познай же, кто ты таков, и смиришь не только пред Богом, но и пред людьми, возложив все свои попечения на Того, Кто может сделать несравненно более того, что просим, или о чем помышляем.

49. «Изнемогаю от искушений». — Не изнемогай, брат, Бог не оставлял тебя и не оставит. Знай, что приговор, изреченный Владыкою общему нашему отцу Адаму: в поте лица твоего снеси хлеб твой (Быт. 3, 19), — непреложен. Как золото, разжигаемое в горниле, делается чистым и годным для царскаго венца, так и человек, разжигаемый скорбями, если терпит сие с благодарением, делается сыном царствия. Верь же, что и все с тобою случающееся служит к твоей пользе, чтоб и ты получил дерзновение пред Богом.

50. (Больному унывающему). Облобызай страдания Спасителя нашего, — как бы и ты вместе с Ним терпел поношения, раны, уничижения, оскорбление чрез оплевание, укоризну багряницы, позор терноваго венца, оцет с желчию, боль от вонзения гвоздей, прободение копием, изливание воды и крови, — и заимствуй из сего отраду болезням твоим. Господь не оставит вотще труда твоего. Он попустил тебе потерпеть малую болезнь для того, чтобы ты не чужд был Святым, когда увидишь их в оный час носящими плоды терпения скорбей и прославленными, но был сообщником их и Иисуса, имея дерзновение пред Ним со Святыми. Не печалься же; Бог не забыл тебя, но печется о тебе, как об искреннем Своем сыне, а не как о прелюбодейчище.

51. Да подаст всем нам помощь великий оный Брат наш; разумею Господа нашего Иисуса Христа, благоволившаго соделать нас Своими братьями (Евр. 2, 11). И мы уже соделались ими, и Ангелы ублажают нас. — О, Кого имеем мы своим братом! Сильнаго, чтоб укрепить нас, — Крепкаго, чтоб разделить корысти, — Военачальника, чтоб во время брани поразить врагов, нападающих на нас, — Врача, чтоб уврачевать внутренняго нашего человека, вместе с внешним, покорив его ему, — Питателя, чтоб напитать нас духовною пищею, — Живаго, чтоб живить нас, — Милостиваго, чтоб нас помиловать, — Щедраго, чтоб нас ущедрить, — Царя, чтоб и нас сделать царями, — Бога, чтоб и нас сделать богами. — Итак, зная, что все заключается в Нем, молись Ему, — и Он подаст тебе прошение сердца твоего, если только сам не воспрепятствуешь Ему.

52. Господь Иисус, сказавший: просите и примете (Иоан. 16, 24), да исполнит все прошения твои. Только приготовь дом свой, тщательно очистив его, для принятия Божиих дарований. Оне сохранными пребывают только в очищенном доме, — и только там издают благоухание свое, где нет нечистоты. Кто вкушает их, тот делается чуждым ветхаго человека, распятым для мира, как и мир для него, и живет всегда о Господе. Сколько ни ударяют волны врагии, не разбивают корабля его; и

отселе он делается страшным для врагов своих, — ибо они видят на нем святую печать, — и сколько он становится врагом их, столько делается искренним и любезным другом Великаго Царя.

53. Да не расслабляют тебя тревоги, наносимыя бесовскими страстями и мечтаниями. Веруй, что хотя бесы беспокоят и искушают нас, но не успеют ничего сделать, а еще увеличат добродетель нашу, если только прилежно внимаем себе, чтобы сохранить малое терпение. Не будем же ослаблять усилия, чтобы не потерять обетований, данных нам человеколюбивым и милосердным Богом. От Него зависит подать, а наше дело сохранить. И не удивляйся, что после святых обетований и нераскаянных дарований Божиих бесы снова воздвигают на тебя постыдные страсти свои, надеясь похитить безмерное богатство, но вспоминай, как они были безстыдны, когда после того, как Сам Бог засвидетельствовал о святом Иове, такая искушения и казни воздвигали против него, чтобы низложить сей столп терпения; однакож не преодолели его и не могли расхитить сокровища светлой его веры и благодарения. Золото сделалось чище, пройдя чрез огонь, т. — е. праведник чрез множество искушений. Бог позволил и допустил, чтобы и после особеннаго свидетельства Его о праведнике, раб Его был искушен, для большей чести и славы Владыки и безответности врагов. Не унывай же. Печати обетований целы; но потерпи Господа (Пс. 26, 14); претерпевый бо до конца, той спасен будет (Мф. 24, 13), о Христе Иисусе Господе нашем.

54. (Ответы). — Смущения помыслов случаются с тобою от того, что ты имеешь непостоянное сердце. — Вина (винограднаго) оставлять совершенно ненадобно, но употребляй его по немного. — Спать сидя — в последствии приводит к смирению. — Вообще же всего себя предавай Богу, в страхе Его.

55. Внимай себе; демоны хотят прельстить тебя к тому, что мало полезно, как то: спать сидя, или не класть изголовья, — что есть тоже, что мятва, и кимин и копр, и внушают оставити вящшая закона (Мф. 23, 23), т. — е. чтобы угасить гнев, иссушить раздражительность, и стяжать послушание во всем. Посевают же они в тебе сие для того, чтобы привести в изнеможение тело твоё, от чего ты впадешь в недуг, и поневоле потребуешь мягкой постели и различных снедей; а лучше будь доволен одним изголовьем и упокоивайся на нем со страхом Божиим. Вложи в горшок твой приправу из мысленных снадобьев, каковы: смирение, послушание, вера, надежда, любовь, ибо имеющий их учреждает пир Небесному Царю Христу.

56. «Я увлекся хульным помыслом». — Уже не мало времени тому, как ополчился на тебя бес хульный, погубляющий души, которыя приемлют его. Он уловил тебя за гривну (цепь на шее — страсти), чтоб умертвить тебя. О, да не даст ему Бог мой места исполнить на тебе волю свою (2 Тим. 2, 26). — Но не отчаявайся. Се предстоит тебе Бог, приемлющий покаяние твое. Пробудись от прелести пленения, — и прежде всего угаси гнев и раздражительность, зная, что они приводят человека к пагубному хулению на Бога; приобрети же смирение, опаляющее демонов, послушание, открывающее Сыну Божию вход в человека, веру, спасающую человека, надежду непосрамляющую, любовь, недопускающую человека отпасть от Бога. Ты не позаботился о сих добродетелях, а напротив избрал себе противоположное — гнев, раздражительность и совершенную погубитель — вышеупомянутое хуление. Но потрудись исправиться, взирая на благость Божию и помышляя, сколько благ Господь. — Прошедшее прощено тебе, но исправься отныне. — В течение 40 дней приноси покаяние Богу, делая ежедневно по три поклона и говоря: «прости меня, хулившаго Тебя, Бога моего!» и исповедуй Его злохулившими устами твоими, трижды в день говоря: «Слава Тебе,

Боже мой, и благословен еси во веки, — Аминь!» — И не впадай в то же снова, чтоб не случилось с тобою чего либо худшаго. От нечувствия сердца ты пришел в гнев, а от гнева перешел к тому, что отступил от Святаго Причащения: будучи пленен совершенно, впал и в ров хулы. — И если бы не предварила рука человеколюбиваго Бога и молитвы Святых, то душа твоя впала бы в пагубу отчаяния. Се, чрез меня малейшаго говорит тебе Бог: согрешил ты, — не грехи более. Молись и о прежних грехах твоих. Бог милостив и при желании нашем (исправиться) прощает нам грехи.

57. (Скорблю на Авву за то, что он другим дает предпочтение). Брат! Ты сам себя искушаешь. Разве не знаешь, что кийждо от своея похоти искушается прельщаем (Иак. 1, 14)? — Не внимай никому другому, кроме себя самого, и не любопытствуй о других, потому что это не полезно для тебя ни в каком отношении. — И смотри, чрез какую ничтожную вещь смутил сатана сердце твое. — Возстань же, поддерживаемый рукою Божию, — и не верь помыслам своим, чрез которые демоны показывают тебе вещи, как хотят.

58. (Когда предлагают сделать что либо, означающее почтительность). Сохрани себя от того, чтобы не радоваться, когда тебя почитают за нечто, и покажи послушание, изгоняющее прекословие, ненавидимое Богом и любящими Его. Держись послушания, которое возводит на небо, и приобретших оное делает подобными Сыну Божию.

59. (Как положить начало покаянию)? Если желаешь положить начало покаяния, посмотри, что сделала блудница: слезами своими омыла она ноги Владыки (Лук. 7, 38). Плач омывает всякаго от грехов. Но человек достигает плача трудом, посредством многого поучения в Писании, терпения, размышления о страшном суде и стыде вечном, и чрез самоотвержение, как сказал Господь: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет (Мф. 16, 24).

Отвергнуться же себя и взять крест свой, значит: отсекасть свою волю во всем и почитать себя за ничто.

60. (По немощи телесной не могу подвизаться подобно Отцам). Если ты немощен и не можешь многого понести, то делай по силе своей, вкушая хлеба и пития несколько менее потребнаго для тебя; ибо Бог принял две лепты вдовицы и поразился о них более, нежели о всем прочем. — Обучи себя не обращаться с другими свободно, — и ты спасешься.

61. Возникающие во мне помыслы говорят: иди в чужую сторону, и там спасешься. — Это от врага, который предлагает тебе сие под видом правды, для того, чтобы поругавшись над тобою, сделать тебя предметом соблазна для многих, дабы ты и за них понес осуждение. — Впрочем ты подвергаешься сему за твое нерадение и тщеславие. К нерадению и тщеславию присоединяют свои козни и демоны, чтобы погубить твою душу. Внимай же себе тщательно и подвизайся против помыслов, прогоняя нерадение и тщеславие; не делай ничего по своей воле и не принимай возникающих в тебе помыслов и самооправдания: в противном случае ты подвергнешься сильному падению. Прибери твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними, причину всех зол в человеке; оставь все попечения, — и будешь свободно служить Богу; сделайся мертвым для всякаго человека, — и будешь странником; почитай себя за ничто и мысль твоя не будет смущаться; не думай, чтобы ты сделал что либо доброе, — и награда твоя сохранится тебе в целости. Сверх того помни, что ты не долго пробудешь в теле, и старайся сделать то, чтоб с дерзновением мог ты сказать в оный день: уготовихся и не смутихся (Пс. 118, 60). Брат! Нельзя жить без труда, и никто не венчается без подвига. Понуждай себя подвизаться о своем спасении, — и поможет тебе Бог, Иже

хочет всем человеком спастися и в разум истины приити (1 Тим. 2, 4).

62. Не все живущие в монастырях — монахи, но тот монах, кто исполняет дело монашеское. Господь сказал: не всяк глаголай Ми, Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже на небесех (Мф. 7, 21).

Брат! Зачем ты позволяешь врагу издеваться над тобою и подвергать тебя опасностям падения? — Ты спрашиваешь, — и не стараешься исполнять сказанного тебе. Опять спрашиваешь и тщеславно передаешь то другим из человекоугодия, — и сам препятствуешь себе преуспеть вскоре.

Время нам дано, чтоб, познав свои страсти, трудиться над уврачеванием их, плача и рыдая.

Если пребывая в келлии, рассеиваешься мыслями, укоряй себя за то, повергая немощь свою пред Богом.

63. Кто хочет быть иноком, тот отнюдь ни в чем не должен иметь своей воли. Христос Господь, научая нас сему, сказал: приидох в мир, не да творю волю Мою (Иоан. 6, 38). Если же ты одно будешь исполнять, а от другого отказываться, то тем покажешь, что ты разсудительнее повелевающего тебе, а это тоже есть, что быть поругану от бесов. Итак, ты должен слушаться во всем, хотя бы тебе и казалось, что дело повеленное не безгрешно. Авва, назначающий тебе оное, понесет и грех твой, и с него взыщется ответ за тебя. Если дело крайне для тебя неудобно и опасно, или выше сил твоих, объясни то Авве, и сделай, как он разсудит.

64. (Когда вступлю в разговор, увлекаюсь и себя забываю; а потом стыжусь и скорблю). Чтоб немощному не впасть в это, и в славолубие, ему должно всячески избегать многословия и прекращать разговор, извиняясь чемнибудь и удаляясь от разговаривающих. — Когда разговор приносит пользу и не служит препятствием более нужному делу, то стой, пока разговаривают; если же разговор этот не полезен, скажи: простите, я немощен, — и удались.

65. Как поступать при встрече с другими? При встрече с кем либо, ограничивайся только приветствием; потом скажи: помолись о мне, я иду по делу, — и уйди. А когда спросят тебя о чем либо, и ты знаешь это, то скажи и проходи далее; при незнании же скажи: не знаю, — и проходи далее.

66. Хочу пресечь свидания: сразу ли пресечь их, или мало-по-малу? — Если пресечешь свидания одним разом, то будешь покоен; а иначе и для себя и для других будешь причиною многих смущений.

67. (Больничник спрашивает, читать ли врачебныя книги). Читай, но читая их, или спрашивая кого о врачевствах, не забывай, что без Бога никто не получает исцеления. Кто посвящает себя врачебному искусству, тот должен предать себя имени Божию, и Бог подаст ему помощь. Врачебное искусство не препятствует человеку быть благочестивым; но ты занимайся им, как рукодельем, для братии. Что делаешь, делай со страхом Божиим и сохранишься молитвами Святых.

68. «Целый день нахожусь в занятии, — и оно не допускает меня помнить о Боге». — Бывает, что иной многослышит о каком-либо городе, но когда случится ему войти в него, он не знает, что это тот самый город, о коем он слышал. Так и ты, брат, целый день проводишь в памяти Божией и не знаешь того. Иметь заповедь и стараться сохранить ее, как Божию, в сем заключается и повиновение и память Божия.

69. Мы ежедневно нуждаемся в пище, но не должны вкушать ее с услаждением. Когда мы принимаем ее, благодаря Бога, Который дал ее, и осуждая себя, как недостойных; то Бог делает, что

она служит нам в освящение и благословение.

Также, если нуждаешься в какой вещи и успеваешь получить ее, благодари Бога, помогающего тебе, и осуждай себя, как недостойного; и Бог отвратит от тебя пристрастие.

70. Каждый по своей мере любит ближнего своего; мера же совершенной любви состоит в том, чтобы ради той любви, какую человек имеет к Богу, любить и ближнего своего, как самого себя. — Юные от неразумной любви друг к другу и от того, что собираются вместе для особых бесед, подвергаются падению. — Мера же любви их друг к другу должна быть такова: не клеветать друг на друга, не ненавидеть друг друга, не уничтожать, не искать своего только, не любить один другого ради телесной красоты, или ради какого либо телесного занятия, не сидеть друг с другом без крайней нужды, чтобы не впасть, в дерзость, погубляющую все плоды инока и делающую его подобным сухому дереву.

71. «Хочу спастись, но не знаю пути спасения». — Брат! Бог чрез Божественное Писание и чрез Отцев указал нам путь спасения, сказав: вопроси отца твоего и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе (Втор. 32, 7). — Итак, если хочешь не заблудиться в деле спасения, то не делай ничего без вопроса у отцев духовных, и не заблудишься благодатию Бога, всем хотящаго спастись и в разум истины прийти (1 Тим. 2, 4).

72. «Помысл говорит мне, что если уйду куда нибудь и стану жить один, то достигну совершенного безмолвия». — Владыка наш Иисус Христос, прежде креста, претерпел многия досаждения и поношения, и после сего уже взшел на крест. Подобным образом и никто не может достигнуть совершенного и многоплодного безмолвия и упокоения святого и совершенного, если прежде не спостраждет Христу (живя среди братий) и не претерпит всех страданий Его, вспоминая слова Апостола: аще с Ним страждем, с Ним и прославимся (Рим. 8, 17). Не обольщайся; иного пути спасения нет, кроме сего.

73. (Больному). Болезнь сия постигла, чтоб ты не отошел к Богу бесплодным. Если претерпишь и будешь благодарить Бога, то она вменится тебе вместо подвигов, так как ты недолго пробыл в иноческом образе.

74. Не должно без повеления ходить куда бы то ни было; потому что то, что мы делаем по своим помыслам, не угодно Богу. А когда по повелению идешь, тогда в том, что исполняешь повеление пославшаго, заключается и молитва и угождение Богу, Который сказал: снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя Отца (Иоан. 6, 38).

75. (Преутруждаюсь в послушании. Попросить ли помощника)? Брат! Кто желает прийти ко Иисусу и ходить путем спасительным, тот должен ежечасно ожидать искушений и скорбей. Писание говорит: чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою в искушение (Сир. 2, 1). И Господь сказал: грядый по Мне, да отвержется себе, и возмет крест свой на всякий день, и по Мне грядет (Мф. 16, 24). Итак, желающий быть Его учеником должен до самой смерти исполнять послушание. Быть одному и несколько утруждать себя полезнее для тебя, нежели приглашать другого. Свобода в обращении не столько усиливается тогда, когда брат только помогает тебе; сколько в том случае, когда он будет постоянно находиться вместе с тобою.

76. (Кого спрашивать о помыслах и следует ли, спросив одного, спросить о том же и другого)? — Вопросать надобно того, к кому имеешь веру, и знаешь, что он может понести помыслы, и веруешь ему, как Богу; вопрошать же другого о том же помысле есть дело неверия и пытливости. Если

веришь, что Бог говорит чрез Святаго Своего, то к чему здесь испытание, или какая надобность искушать Бога, вопрошая другаго о том же самом?

77. «Сколько раз надо помолиться, чтобы помысл получил извещение о деле?» — Когда не можешь спросить своего старца, то надо трижды помолиться о всяком деле; и после сего смотреть, куда преклоняется сердце, хотя на волос, — так и поступить; ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу.

78. «Как должно молиться по три раза, — в разное ли время, или тотчас? Бывает, что нельзя отстрочивать». — Если имеешь свободное время, помолись три раза в течение трех дней; если же случится крайняя надобность, как во время предания Спасителя, то прими в образец, что Он отходил трижды для молитвы, и молясь трижды, произносил одни и те же слова (Мф. 26, 44).

79. (О руководстве). Когда корабль обуревается волнами, то, если он имеет кормчаго, тот премудростию, данною ему от Бога, спасает корабль и плывущий на нем радуется, видя его благосостояние. Главным образом больного немало веселит воспоминание о враче, а еще более его искусство; и путника, находящагося в опасности от разбойников, ободряет глас стражей, а тем более их присутствие. Ежели сие действительно так, то не гораздо ли более должен доставить веселия ответ отца, всякому слышащему, особенно когда он соединен с прилежною молитвою к Богу, Сказавшему: молитесь друг за друга, яко да исцелете (Иак. 5, 16).

80. Открывающий свои согрешения оправдывается в них, по словам Писания: глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися (Ис. 43, 26), и еще: рех: исповем беззакония моя Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего (Пс. 31, 5). Будем беречь себя вперед, а прежнее Бог простил нам.

81. Если кто, соблюдая пост, примешивает что либо к нему по своей воле, или постится, ища человеческой славы и приобретения от нея, то пост его бывает мерзок Богу. Так и во всем. Всякое доброе дело, которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает примешана и своя воля, нечисто и неприятно Богу. Сие можно познать и из Божественного закона, который говорит: мешаннаго семени да не сееси на селе твоём, ниже да сотвориши себе ризы от волны и льна (Втор. 22, 9. — 11; Лев. 19, 19).

82. Изучая псалмы на память, не высокоумдрствуй, чтоб не оказалось, что ты наполняешь воздух бесполезными словами, и это не послужило тебе в осуждение. Слово Божие есть семя добра; если оно в тебе бесплодно будет, то ты осудишься вместе со скрывшим в землю серебро, данное ему для приумножения.

83. Какими устами возблагодарить Того, Который сперва создал нас, потом даровал нам помощь на сопротивнаго, — и что всего важнее — даровал место покаянию нашему, и Тело и Кровь Свою во оставление грехов и к утверждению сердца? — Никогда не достигнем мы того, чтобы по достоинству благодарить Его; однако будем приносить Ему посильное благодарение устами и сердцем, — особенно же претерпением всего ради Его до самой смерти, — и Он, по человеколюбию Своему, сравнит все сие с двумя лептами Евангельской вдовицы.

84. Когда тебе представляется какое либо дело по Богу, а противоположный помысл сопротивляется ему; то из этого самаго познается, что дело то действительно есть по Богу. — Но приложи молитву, — и смотри: если в то время, когда будешь молиться, сердце твое утверждается в благом и благо сие возрастает, а не умалется, тогда будет ли оставаться противоположный помысл, докучающий тебе, или нет, знай, что дело то по Богу; ибо благому непременно бывает прискорбное

сопротивление по зависти диавольской, но оно (благое) молитвою берет над этим верх. Если же кажущееся добро будет внушено диаволом, а притом будет и сопротивление от него же происходящее; тогда молитвою и самое мнимое добро умалется, и вместе с ним мнимое сопротивление. В таком случае очевидно, что враг сопротивляется помыслу, влагаемому от него, лишь для того, чтобы чрез это самое обольстить нас принять сей помысл за добро.

85. Когда помысл хвалит тебя, и ты не можешь избежать вреда сего; постарайся призывать имя Божие, и скажи своему помыслу: Писание говорит: людие мои, блажащие вас обольщают вас и стези ног ваших возмущают (Ис. 3, 12). Тоже делай и когда другие хвалят, — припомнив притом, что принимающие похвалу человеческую не получают пользы, как говорит Сам Владыка: как можете веровати в Мя, славу от человек приемлюще (Иоан. 5, 44)? — Вообще же надо держать в уме и сердце, что хваляйся о Господе должен хвалиться (2 Кор. 10, 17); потому что, если и бывает что у нас по Богу, то все с Божиею помощию. Почему Апостол, достигнув и великой меры, не хвалился в себе, но взывал, говоря: благодатию Божиею есмь, еже есмь (1 Кор. 15, 10).

86. Когда во время псалмопения, или молитвы, или чтения, придет худой помысл; пренебреги им, и вникни тщательнее в псалмопение, молитву, или чтение, чтоб заимствовать силу от произносимых тобою слов; если он упорствует, постарайся призывать имя Божие, и Бог поможет тебе и упразднит ухищрение врагов.

87. «Как стяжевать умиление в молитве, чтении и псалмопении?» — Умиление в молитве приходит от воспоминания о грехах своих. Молящийся должен привести себе на память дела свои, и то, как бывают судимы делающие подобное оным, и страшный оный глас: идите от Мене проклятии, во огнь вечный (Мф. 25, 41). — При чтении же и псалмопении умиление приходит, когда кто возбуждает ум свой ко вниманию произносимых им слов и восприимлет в свою душу силу, заключающуюся в них. Если, не смотря на то, нечувствие еще все будет оставаться в тебе, не ослабевай, а все труди себя терпеливо; ибо милостив, и щедр, и долготерпелив Бог, принимающий наше тщание. Вспоминай всегда слова Псалмопевца: терпя потерпех Господа и внят ми (Пс. 39, 1). Поучаясь в сем, уповай, что вскоре посетит тебя милость Божия.

88. Если во время псалмопения, или когда бываешь с людьми, случится тебе призвать Бога; не подумай, будто без устного произношения ты не призываешь Его, но помни, что Он сердцеведец и взирает на сердце, — и призывай Его в сердце твоём. Это и есть сказанное в Писании: затвори двери твоя и помолися Отцу твоему втайне (Мф. 6, 6). — Если же и не произнесешь в сердце имени Божия, а только вспомнишь о Боге, то это еще скорее призывания, — и достаточно в помощь тебе.

89. Истинный плач, соединенный с умилением, заглаживает прежния согрешения и омывает скверны, и постоянно именем Божиим охраняет человека, который приобрел его, изгоняет смех и рассеянность, и поддерживает непрестанное сетование; он есть щит, отражающий все разжженные стрелы диавольския (Еф. 6, 16); имеющий его вовсе не уязвляется бранию, если он будет и среди людей и даже с блудницами.

90. Несовершенный плач то отходит, то приходит, сообразно с тем, как помысл (ревность) о спасении попеременно то разгорячается, то расслабляется. Когда же теплота соделается постоянною, тогда бывает умиление великое и постоянное, а ему последует и истинный плач, о коем должно заботиться, понуждая себя, дабы получить его.

91. Смирение состоит в том, чтобы отсечь во всем свою волю, и не иметь ни о чем попечения. Отсечь

корень страстей (похоти, чревоугодия, сребролюбия), значит то, чтоб отсечь свою волю, огорчать себя, сколько возможно, и понуждать органы чувств, чтоб они сохраняли свой чин, а не злоупотреблять ими; чрез сие отсекается корень не только этих, но и прочих страстей.

92. Предание всего в волю Божию охраняет человека от смущения, что бы ни случилось. Но смущение все же может подступать и препятствовать принять случившееся благодарно и с радостью. В таком случае надо вести брань с сим смущением, оживляя преданность в волю Божию, восстановлением убеждения, что все — от Бога, и что все, бывающее от Бога, благо для нас. — Ничто доброе не совершается одним нашим старанием, но силою и волею Божиею. Однакож и от нас Бог требует старания, сообразного с Его волею, а не на какой либо хитрости и лжи основанного, что происходит от лукаваго.

93. Молчание лучше и удивительнее всяких бесед назидательных. Его почитали и лобызали отцы наши, и им прославились. Но как мы, по причине нашей немощи, еще не достигли того, чтобы ходить путем совершенных, то будем беседовать о том, что служит к назиданию, — и беседовать, ссылаясь на отеческия слова, а не вдаваясь в изъяснение Писаний; ибо дело сие представляет не малую опасность для несведущих. Писание изречено духовно, а человек плотской не может разуметь духовнаго. Лучше будем прибегать в беседе к словам отеческим, и найдем пользу, в них заключающуюся. Но и ими будем пользоваться умеренно, вспоминая сказавшаго: от многословия не избежиши греха (Прит. 10, 19). А чтобы не впасть при сем в высокоумие и самохвальство помыслов, будем держать в мысли, что, не исполнивши делом того, что говорим, говорим то на осуждение самих себе.

94. Если молчание признается полезнейшим добрых бесед, то тем паче оно более полезно бесед о вещах средних (—городах, селах, торговле, мире и войне и подобном). Но когда не можем умолчать, а увлекаемся в разговор, о подобных предметах, то по крайней мере не будем длить беседы, чтоб от многословия не впасть в какую либо сеть вражию.

95. Если ты будешь в обществе с людьми, беседующими о мирском или духовном, то дозволяй и себе сказать что либо, не заключающее в себе вреда, но разсудительно, лишь для избежания от собеседников похвал тебе, как молчаливому. Но и когда так поступаешь, т. — е. говоришь мало, берегись осуждать их, как говорящих много.

96. Когда думаешь что либо сделать, и видишь смущение в помысле и оно после призывания имени Божия все еще будет оставаться, хотя бы на волос; то познай отсюда, что то дело, которое хочешь сделать, внушено тебе лукавым, и не делай онаго; ибо ничто, делаемое с смущением, не угодно Богу. — Но когда кто сопротивляется смущению (когда бывает помысл сопротивляющийся смущению), тогда не должно сразу считать дело вредным, а разсмотреть его, хорошо ли оно или нет, — и если не хорошо, оставить его, если же хорошо, сделать, презирая смущение.

97. Если, начав беседу, спохватишься, что она грешна, пресеки ее, сказав: нет, об этом не будем говорить, или, помолчав немного, скажи: забыл, о чем я начал речь, — и переведи ее на другое — безгрешное.

98. Что есть самооправдание? — Есть то, когда кто отрекается от греха, как видим на Адаме, Еве, Каине и подобных, которые согрешили, но, желая себя оправдать, отрекались от согрешения.

99. Всякий помысл и всякое дело, как сказано, надо разсматривать, хорошо ли оно, или нет, и хорошее делать, а нехорошее отвергать. Однако, чтобы доброе не было сопряжено с смущением,

надобно рассматривать господствующий (при сем) помысл, с какою целию он что либо предпринимлет, — и когда допросишь его по страху Божию, то Бог не попустит тебе впасть в заблуждение. — Но и во всяком случае не забывай призывать имя Божие.

100. (Получившему удар от брата и хотевшему разлучиться с ним). Не возмущайся, чтоб не сделать чего опрометчиво, особенно в отношении к человеку, смущенному помыслами от завистливого диавола. Иные больные, находясь в помрачении смысла от сильной горячки, досаждают здоровым, которые служат им, сами не зная того, потому что болезнь совершенно овладевает ими. Так и искушаемый, хотя и погубляет душу свою, не знает того; ибо упился страстию недуга, по действию сопротивного, который всегда и все извращает пред ним, чтоб ввергнуть в ров пагубы. Не гнева и отмщения достоин он, а сожаления и снисхождения. Через них и нас искушенными быть попускает Бог, — и попускает смотрительно, дабы мы явились пред Ним искусными. Будем же снисходить ближнему во время брани его чувственной и мысленной, ибо сказано: друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов (Гал. 6, 2). — Не покушайся выдти из места своего и разлучиться с братом твоим; ибо это будет не по Богу, а исполнение воли диавола, и если ты решишься на сие, враг не успокоится, но подвигнется еще на худшее. Лучше помолись о брате от всей души, и возлюби его о Христе Иисусе Господе нашем.

101. (Брату, обезпокоиваемому боязливостию). Брат! Ты должен прославить Бога за то, что Он оправдывает на тебе слово Писания, которое говорит: верен Бог, Иже не оставит вас искушиться паче, еже можете (1 Кор. 10, 13). По силе твоей попускает Он тебя обучаться брани духовной; великих же мужей по силе их испытывает Он великими искушениями, и они радуются сему; ибо искушение приводит человека к преуспеянию. Где предстоит благое, там бывает и брань. Не бойся же искушений, но радуйся им, потому что они ведут к преуспеянию. Презри это искушение. Бог помогает тебе, и покрывает тебя.

102. Старайся приобрести смирение и покорность; не настаивай ни в каком случае, чтобы было по воле твоей, ибо от сего раждается гнев; не суди и не унижай никого, потому что от сего изнемогает сердце и ослепляется ум, отсюда же является нерадение и раждается сердечное нечувствие. Непрестанно бодрствуй, поучаясь в законе Божиим, ибо чрез сие согревается сердце небесным огнем, как сказано: и в поучении моем разгорится огонь (Пс. 38, 4). Храни уста твои от праздного слова, и пустословия, и да не навькает сердце твое злым словам. Повергай себя пред Богом, говоря: Боже милостив буди мне грешному (Лук. 18, 13); и Он помирует тебя, и сохранит, и покроет от всякаго зла, чтоб ты от тьмы перешел к истинному свету, от прелести к истине, от смерти к жизни о Христе Иисусе, Господе нашем.

103. Давай телу столько (пищи), сколько ему нужно; и не получишь вреда, хотя бы ты ел и три раза в день. Если человек и один раз ест в день, но безразсудно, то какая ему от того польза? — За многоядением следует брань блуда, — и враг после него отягощает тело сном, чтоб осквернить его.

104. Что иногда чувствуешь сильную слабость при служении (на правиле) и при рукоделии, — не дивись. Таков уж путь сей: иногда чувствует себя человек так, а иногда иначе, подобно тому, как путник, то идет путем гладким, то встречает стремнины и горы, то снова опять выходит на ровную дорогу. Не смотри на слабость; а все делай и делай свое дело.

105. (Больному, вынужденному принимать пищу не по уставу). Кто ест не для услаждения себя, а по немощи телесной, Бог не осуждает того. Снеди возбраняются нам для того, чтобы предохранить нас

от пресыщения и возбуждений телесных, а где немощь, там упраздняются их действия; потому что где немощь, там и призывание Бога.

106. (Больному, просившему молитв в изнеможении). Брат унылый и ропотливый! Зачем скорбишь? Зачем вопиешь? Для чего посылаешь (за помощью) далеко, имея Иисуса, стоящего близ тебя и желающего, чтобы ты призывал Его в помощь! — Воззови к Нему: Наставниче! и Он ответит тебе. Прикоснись краю одежды Его, и Он исцелит тебя не только от одного сего страдания, но и от всех страстей твоих. Если бы ум твой находился там, где бы ему надлежало быть; то и угрызения ядовитых змей и скорпионов не могли бы низвести тебя оттуда к ощущению телесной болезни: забых, говорит, снести хлеб мой от гласа воздыхания моего (Пс. 101, 5). Не скорби; милость Божия близка к тебе.

107. Презри тело, которое будут есть черви; оно нисколько не поможет тебе, когда предастся тлению. Апостол говорит: плоти угодия не творите в похоти (Рим. 13, 14).

108. (Больной: снисходить ли телу по немощи)? Бог дал нам разум, чтобы нам руководиться на путь правый, посредством Божественных Писаний. Апостол говорит: вся искушающе, добрая держите (1 Сол. 5, 20). Человек должен только наблюдать, чтоб не употребить чего, или не сделать чего по страсти; а что он делает по немощи, или по нужде, то не вменяется ему ни в грех, ни в послабление. В состоянии здоровья искать телу покоя побуждает похотение; а когда будем поддерживать тело по нужде, то оно будет помогать нам при исполнении наших дел. Если мы заботимся о животных, которые служат нашим потребностям, тем более должны заботиться о теле, как об орудии души. Когда орудие притупится, сие затрудняет художника, хотя бы он был и быстроумен, и сведущ. Апостол, обращая внимание на болезнь и слабость желудка св. Тимофея, повелел ему употреблять вино (1 Тим. 5, 23), хотя и заповедал ему злопострадати (терпеть лишения), исполняя дела благовестника (2 Тим. 4, 5). И во всем человеку должно держаться разсуждения, — и он не скоро поползнется.

109. «Брани все более и более возстают на меня». — Брат! Время браней есть время делания; не расслабляйся, но делай. Веди брань; и когда она усиливается, укрепляйся и ты, взывая: Господи, Иисусе Христе! Ты видишь немощь мою и скорбь мою, помоги мне и избави мя от гонящих мя, яко к Тебе приидох (Пс. 141, 7; 142, 9); и помолись, чтоб получить тебе силу служить Богу в чистом сердце.

110. Два дарования дал Бог людям, чрез которых могут они спастись и избавиться от всех страстей ветхаго человека: смирение и послушание; а мы не стремимся к ним, не желаем ни пребывать в них, ни руководствоваться ими. — Оставь все уклонения, преклони выю твою к смирению и послушанию, и получишь милость. Если будешь исполнять со смирением и послушанием то, что слышишь от Отцев, то Господь подаст тебе благую помощь Свою не только в том деле, в котором ты упражняешься, но устроит, что и все дела твои будут успешны, ибо Он хранит путь боящихся Его и покрывает шествие их. Зачем негодуешь? Зачем споришь? Милость Божия поможет тебе, если ты пребудешь постоянно в терпении Божиим. Перестань быть гневливым, раздражительным и завистливым. Умри для всякаго человека. Скажи помыслу; кто я? — Земля и пепел (Быт. 18, 27) и пес (Мф. 15, 27). Не разбирай других, унижая их и осмеивая. Понуждай себя не говорить: что это? Зачем то (Сир. 39, 22)? Зачем я не имею равнаго с тем иди другим? Но прилежно трудись в малом рукоделии твоём, со страхом Божиим, и получишь за него не малое воздаяние.

111. Когда от уныния находит дремание и препятствует подлежащему делу, тогда должно встать на молитву и не переставать молиться, — и Господь упразднит дремание молитвою.

112. (Желавшему быть последним, — чтоб только приняли в обитель). — Чтобы быть на последнем месте — не твое дело искать сего. — Это зависит от Аввы твоего; а твое дело приготовить себя к послушанию.

113. Если человек сам не потрудится, по силе своей, и не присоединит собственного труда к молитвам Святых, то никакой не получит пользы от того, что Святые будут за него молиться. Когда они будут поститься и молиться за него, а он будет сластолюбовствовать и вести себя беспорядочно, то какую пользу принесет молитва их о нем? Ибо здесь сбывается сказанное в Писании: един созидай, а другой разоряй, что успеют более, токмо труд (Сир. 34, 23)? И Апостол говорит: много может молитва праведного споспешествуема (Иак. 5, 16), т. — е. когда святой и праведный молится за грешного, то и грешный, по силе своей, должен содействовать молению Святых покаянием.

114. Когда ктонибудь будет просить другаго дать ему что, а он не имеет того, то он не будет осужден за то, что не подаст ему просимаго. И Апостол Петр, когда хромой просил у него милостыни, сказал: сребра и злата несть у мене (Деян. 3, 6), — и не взял в займы, чтобы подать ему. — Также, если кто имеет необходимо нужное для него самого, то и сего не должен издерживать на милостыню, как случится, чтобы после, при собственном недостатке, не стал скорбеть, не в силах будучи понести скудости. А когда просящий будет докучать ему, и он скажет: прости меня, мне нечего дать тебе, то это не будет ложь; потому что тот, у кого есть только необходимо нужное для него самого, не имеет, что дать другому. Пусть скажет просящему: прости меня, я имею только то, что необходимо нужно себе самому. Вспомни пять дев, которыя, когда другия просили их дать им елей для светильников, отвечали им: еда како не достанет нам и вам (Мф. 25, 9). И Апостол Павел, пиша к Коринфянам, говорит: да будет ваше избыточествие во оных лишение (2 Кор. 8, 14), и: не бо да иным убо отрада, вам же скорбь (2 Кор. 8, 13).

115. Когда хочешь подать милостыню, а помысл наводит сомнение, чтобы не подать; тогда испытай свой помысл, и если найдешь, что он делает так по скупости, то дай и еще несколько более против того, чтобы следовало дать.

116. «Кому нечего подать, тот как может сделаться причастником блаженства?» — Блаженство обещано не одним милостыннодателям. — Блажени нищии духом, — блажени плачущие и проч. (Мф. 5, 3 и д.). Итак, если не можешь подавать милостыню, то будь нищ духом, чтобы наследовать со Святыми Царство Небесное. Плачь о грехах своих в сем мире, чтобы утешиться с плачущими. Прибери кротость, чтоб наследовать землю. Будь чист сердцем, чтобы узреть Бога во славе Его. Претерпи Господа ради поношение, гонение и ложныя злословия, чтобы возвеселиться в радости, получив многую мзду на небесах.

117. Если закон Господень повелевает одно, а закон мира сего определяет противное: что должно делать? — Закон Божий важнее; ибо он говорит о спасении души, закон же мирской, будучи плотян, говорит к плотским.

118. Любовь твоя спрашивает меня о том, что тебе случается страстно смотреть на предстоящаго, — и увлекаться душой. Это очевидно относится к браням от диавола. При этом должно тебе вспоминать истление и смрад естества нашего, как изменимся мы, когда будем в гробах. Представляй также себе пред глаза будущий страшный суд Божий, и то, каков будет жребий так поступающих, и как

возможешь ты понести великий оный срам при обнаружении дел наших пред Ангелами и Архангелами, пред всеми людьми и пред праведным Судиею, и как заградятся тогда уста совершающих дела сии. Убоимся Того, Который сказал: не льстите себе, яко ни блудники, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9. 10), — и: всяк воззревый на жену, ко еже вожделети ея и проч. (Мф. 5, 28). Ты должен воспоминать сие, и не бывать часто у тех людей, к которым чувствуешь брань сию; но и не обнаруживай им, почему ты удаляешься от них, чтоб не подать им повода к разным помыслам. — А как скоро нужно будет беседовать с ними, призови святое имя Божие в помощь, говоря: Владыко Иисусе! Покрой меня, и помоги немощи моей. И не бойся; Он сокрушит лук врагов, ибо от имени Его зло становится недействительным. Вместо многого говори мало, и не давай свободы своему слуху и помыслам; но держи себя благочинно и без смущения, дабы никто не мог заметить того, что происходит. Если же чрез сие получишь и силу, то не будь смел в отношении врагов твоих, потому что они безстыдны, и хотя и тысячи раз будут побеждены, снова приступают к борьбе. Но Бог Победитель помогает смирению человека, ради которого Он, по собственной воле Своей, восхотел воплотиться.

119. «Как ум увлекается в блудный помысл?» — Увлечение или отвлечение (и плен) ума бывает не только в отношении блудной страсти, но и в других случаях. Ум подвергается сему от рассеяния, — и когда это случится, человек должен воззвать себя самого, говоря: Господи, прости меня, имени ради Твоего Святаго; за нерадение мое я подвергся сему. Избавь меня от рассеяния и от всякой сети вражией. — А признак, по которому можешь узнать такое увлечение, пусть будет тебе следующий: если кто беседует с другим, а ум его рассеивается туда и сюда, то случается, что когда он говорит об одном, мысль его переносится к другому. Вот это и есть увлечение. — Таким же образом увлекает нас и блудный помысл. Случается, что кто либо беседует с другим, и если враг успеет отвлечь ум от богоугодного трезвения, то вследствие рассеяния, является в уме и блудное вожделение. — И это есть также увлечение, потому что оно случилось не по размышлению, или воспоминанию, но человек увлекся им по забвению. — Пришедши в себя, такой человек должен воззвать себя, по вышесказанному, и прибегнуть к милости Божией, Господь благоутробен и примет его как блудного сына. Когда же и без рассеяния оная брань возникнет в помысле; то должно трезвиться, не услаждаться такими помыслами, не медлить в них, но скорее прибегнуть ко Владыке Богу.

120. Лучше всего избегать всякой беседы с женщинами. Если нужда заставляет входить в обращение с ними, поищем исполнить это чрез других. Если же и этого не возможно, то, вступая в обращение с ними, будем держать себя, как держит себя приближающийся к огню. Этот всячески бережется, чтоб не обжечься огнем: так и мы будем обращаться с женщинами, как бы приступая к огню, — и всемерно утвердим себя в страхе Божиим. Не будем смотреть на женщин, как ни случилось. Не дадим воли глазам своим, не станем медлить в беседе с ними; ибо от сего рождается огонь вожделения, но постараемся вскоре удалиться от них, моля Бога, да спасет Он нас в этот трудный час от сети диавола, разставленной пред нами, и непрестанно будем воспоминать Бога, — и великая сила Его покроет немощь нашу о Христе Иисусе Господе нашем.

121. «Полезно ли мне оставить жену свою с намерением вступить в монастырь?» — Ты не должен оставлять ее сам собою, потому что нарушишь заповедь Апостола, который говорит: привязался ли жене, не ищи разрешения (1 Кор. 7, 27). Если она (после тебя) согрешит и станет жить худо, то грех сей будет на тебе; разве только оставишь ее по согласию, посоветовавшись с нею, и ради пользы. —

Но предоставь сие дело Богу; и как угодно Его человеколюбию, так Он и сотворит.

122. Отнюдь не должно скорбеть о вещах мира сего, но только об одном грехе. Также — радоваться с радующимися, значит сорадоваться тем, которые успевают в добродетели по Богу, и веселятся упованием будущих благ; а плакать с плачущими, значит сострадать согрешающим в их покаянии о грехах.

123. (На блажени миротворцы). Лучше умиротворять собственное свое сердце: сие каждому прилично, — и блажен, кто это делает. А примирять ссорящихся не всем прилично, но только тем, которые могут сие предпринимать без всякаго вреда для себя. Немошный же должен радоваться о мире всех, но не делать себя посредником для примирения каждого человека, а разве только тех, которых он любит по Богу; и то когда не предстоит ему душевнаго вреда.

124. «Терплю оскорбление от некоего: что мне делать?» — Делай ему добро.

125. «Когда приходит ко мне кто из отцев, я не имею нужных вещей, чтоб предложить ему, — и скорблю». — Такой помысл от диавола. Достаточно предложить им то, что у тебя есть, по сказанному: довольни сущими (Евр. 13, 5), — и Бог известит их о твоём усердии. Когда и тебе случится пойти куда либо, не ожидай найдти там покоя, — и ты не смутишься; а когда, возмечтав найдти его, не найдешь, то будешь злословить принявшаго тебя к себе: но злословие есть смерть души. — Благодари за все: ибо в сем состоит духовная и душеполезная пища и покой.

126. Вопрошающий отцев подражает Христу, Который смирил себя, приняв зрак раба (Фил. 2, 7. 8). Муж, живущий без совета, враг себе, ибо Писание говорит: с советом вся сотвори (Сир. 32, 21). Полезнее со смирением вопрошать, нежели идти с своею волею; ибо Сам Господь влагает в уста вопрошаемаго, что сказать, ради смирения и правоты сердца вопрошающаго.

127. Никогда не состязайся о вере: Бог не требует от тебя сего, но лишь того, чтобы веровал право, как принял от святой Церкви при крещении, и чтобы соблюдал заповеди Его. Сохрани сие, — и, спасешься. Если же будешь спрошен, скажи: простите меня, отцы святые, это выше меня.

128. Не изследуй ничего из того, чего Бог не требует от тебя, но будь доволен, как я выше сказал, исповеданием правой веры, и не любопытствуй ни о чем сверх того.

129. Когда случится тебе быть с мирянами, и они начнут празднословить, то, если не имеешь особой нужды, уйди; а когда будет надобность, то обратись умом к молитве своей, не осуждая их, но познавая свою немощь. — Впрочем, если они расположены к тебе и ты знаешь, что они охотно слушают Слово Божие, попытайся переменить эту пустую беседу на полезную, — рассказав им что либо из жития Святых.

130. Когда кто из знаемых твоих держится еретических мудрований, увещай его познать правую веру, но не состязайся с ним, и не желай слышать, как он мудрствует, чтоб не заразиться ядом его. Если он пожелает услышать истину веры, приведи его к святым отцам, которые могут оказать ему пользу во Христе. Таким образом ты поможешь ему по Богу без вреда себе. Но если он по первом и втором увещании не исправится, то такового, по слову Апостола, отрицайся (Тит. 3, 10).

131. «Помысл говорит мне, чтоб я не часто выходил из своего дома, а случается так, что в продолжение недели бывает несколько раз церковная служба: должен ли я ходить к ней, или лучше дома заниматься (молитвою)?» — Если знаешь, что при выходе из дома, встречи наносят тебе вред, то полезно тебе не выходить часто (из дома), даже и по причине церковной службы, но лишь по временам; ибо безмолвие избавляет от многих зол.

132. «Если же представится мне нужда выдти из дома, по собственной потребности, или для отцев, — не послужит ли в отягчение совести — не пойдти (в таком случае) в Церковь?» — Если тебе нужда будет выйти из дома по необходимой потребности, или по повелению отцев, постарайся сделать свое дело со страхом Божиим и не сомневайся касательно того, что не будешь у церковной службы, но возвратись в дом свой, и там вспоминай грехи свои. Если же выйдешь из дома по лености и разсеянию, то полезнее тогда пойдти в церковное собрание и не разсеиваться, а внимать себе.

133. «Хорошо ли ходить в Церковь ночью (на бдение), или дома по силе своей совершать бдение?» — Хорошо совершать бдение дома, ибо в Церкви бывают беседы.

134. «Помысл представляет мне недостаток моих потребных средств, внушая, что я не могу пропитаться с домашними моими, — и от сего нападает на меня печаль». — Это — печаль всяческая. Если бы мы имели надежду на Бога, то Он Сам управлял бы нами по воле Своей. Итак, возверзи на Господа печаль твою (Пс. 54, 23), и Он силен подать тебе и домашним твоим все необходимое без печали и скорби. Скажи Ему: да будет воля Твоя, и Он не оставит тебя в печали и скорби.

135. «Когда делаю что либо несправедливое, и потом исправляюсь в том, помысл мой высокоумудрствует, внушая, будто я сделал нечто благое; что я должен в сем случае говорить ему?» — Скажи ему: без Бога мы не можем сделать ничего благаго, как сказал Он Сам: без Мене не можете творить ничего благаго (Иоан. 15, 5). И Апостол говорит: что имаши, егоже неси приял? Аще же приял еси, что хвалишися, яко не приемь (1 Кор. 4, 7)? А потому, когда мы и в делании благаго не можем высокоумудрствовать, тем более в удалении от злаго. Великое безумие вменять себе в похвалу то, что не согрешаем.

136. «В каждой пище есть естественная сладость: не делает ли она вреда принимающему пищу?» — Владыка Бог каждому роду пищи даровал сладость, и принимающему оную с благодарением нет от сего вреда. Пристрастия же всегда надобно остерегаться: ибо оно составляет вред для души.

137. «Не неприлично ли делать что либо так, чтоб работа выходила чистою, когда, например, случится мне строить здание, или делать что либо другое?» — Делать вещь так, чтобы она выходила чистою и красивою, не неуместно, ради употребления, для котораго эта вещь служит, но без пристрастия, ибо и Господь радуется о всякой чистоте. Если же примечаешь в себе пристрастие к вещи, то вспоминай конец ея, как она подвергается тлению, и успокоишься; ибо нет ни одной вещи, которая бы пребывала постоянно в одном и том же виде, но все тленно и изменчиво.

СВЯТОЙ ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

Краткое сведение о нем.

Родители Св. Иоанна, место рождения и предшествовавшие вступлению его в Синайскую обитель обстоятельства неизвестны. Из его творений видно, что он получил хорошее образование; но влечение к сопребыванию с Богом понудило его оставить мир, и славу его и уединиться в обитель Синайскую, славившуюся тогда мудрыми Отцами. Вступил он в нее 16-ти лет, и вдал себя в научение и руководство старцу Мартирию, который через 4 года, на 20-м году его жизни, постриг его в иноческий образ. Послушание его старцу было так велико, что, казалось, совсем не имел он своей воли; в отношении же к братьям он держал себя просто и смиренно, никакого ни пред кем не выказывая преимущества.

Прожив со старцем своим 19 лет, Св. Иоанн осиротел от него, и по смерти его, стал жить один,

избрав для сего уединенное место, Фола именуемое, отстоявшее от обители на 5 стадий. Здесь прожил он 40 лет. Жизнь его в уединении текла мирно, в строгом подвижничестве, которое он однакож умел скрывать, не выдаваясь ничем особенным. Каждую субботу и воскресенье приходил он в обитель, чтоб в храме слушать Богослужение, — приобщиться Св. Христовых Таин, и потом побеседовать со св. Отцами и проверить их указаниями свое состояние. При таких беседах, в собрании, нередко говаривал и Св. Иоанн и как естественно, речь его не могла не иметь преимущества пред другими. Смиранных это радовало; а некоторые неискусные стали подозревать мудрого беседовника в тщеславии, и не умели скрыть такого подозрения. Тогда Св. Иоанн, чтобы не соблазнять немощных, наложил на себя совершенное молчание, которое строго держал целый год; и разрешил его уже, по усердному молению тех самых, которые принудили его к осуждению себя на такой подвиг.

По сороколетнем житии в безмолвии, Св. Иоанн, общим желанием всех братий, избран был в игумены обители Синайской. Но поуправляв сею паствою духовною четыре года, он опять возвратился в свое уединение, не за долго до своей смерти, которая последовала на 80-м году его жизни, в 563-м году.

По просьбе игумена Раифскаго, соименнаго себе, Св. Иоанн написал лествицу духовную, в которой в 30 словах изображает степени восхождения к совершенству в духе. К Лествице присовокупил он и слово к Пастырю, в коем излагает обязанности духовнаго пастыря.

Из 30 слов Лествицы делаем выборку, под следующими заглавиями;

1) Общия начала подвижничества.

2) О Покаянии.

3) О добродетелях и страстях, и о борьбе с последними вообще.

4) О борьбе в восьмью главными страстями: — а. чревоугодием, б. блудом, в. сребролюбием, г. гневом, д. печалию, е. унынием, ж. тщеславием, з. гордостью.

5) О безстрастии.

1. Общие начала подвижничества.

1. Бог есть жизнь и спасение для всех, одаренных свободою волею.

2. Богу себя посвятивший, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию безплотных, — держится одних только Божиих словес и заповедей, во всяком времени, месте и деле, — всегда неослабно хранит свои чувства и творит насилие или осуждение естеству своему, — всегда помышляет о смерти, скорбя и болезнуя душею, — отвращается от вещественных благ, похваляемых миром, для получения благ премирных.

3. Все усердно оставившие житейское, без сомнения, соделали это или будущего ради Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было неразумно. Впрочем добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения.

4. Когда хотим выдти из Египта и бежать от Фараона, то и мы имеем нужду в некоем Моисее, т. — е. ходатае к Богу и по Богу, который, стоя посреди деяния и ведения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли мы море грехов и победили Амалика страстей.

5. Для всех покусившихся с телом взойти на небо, по истине потребно самонасилие (нуждение себя) и непрестанное самоозлобление (произвольныя лишения), — особенно в самом начале отречения,

доколе сластолюбивый наш нрав не очистится и безчувственное сердце не согреться любовью к Богу. Ибо труд, поистине труд и великое сокровенное болезнование неизбежны в сем подвиге, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, не сделается целомудренным и любительным. — Впрочем, страстные и немоществующие! — будем благодущны. Исповедуем Христу Господу немощь свою, представляя ее Ему несомненную верою, как десною рукою, — и непременно получим помощь Его, — даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренномудрия.

6. Приходящие к сему подвигу должны всего отвергнуться, все презреть, всему посмеяться, все отрясти, чтобы положить твердое основание. Хорошо следующее трехстолпное основание: незлобие, пост и целомудрие.

7. От твердаго начала (решимости) без сомнения будет нам польза, еслиб мы впоследствии и ослабели; ибо душа, бывшая прежде мужественною, если ослабевает, — то воспоминанием прежней ревности, как острым оружием, бывает уязвляема. Некоторые много раз воздвигали себя сим образом, от расслабления.

8. Когда душа, предательски изменяя сама себе, погубит блаженную и вожденную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась; и на эту причину да обратит весь труд свой и всю ревность; ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возратить, как теми же дверьми, которыми она вышла.

9. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, самопринуждением, и прискорбностью исполняем добродетели; но предупевши, перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено огнем ревности, тогда совершаем их уже со всею радостью, вожделием и Божественным пламенем.

10. Спрашивали меня миряне: «как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем коснуться совершеннейшей христианской жизни?» — Я ответил им: «все доброе, что только можете делать, делайте; никого не осуждайте, не окрадывайте, ни кому не лгите, ни пред кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой чести и сохраняйте верность женам вашим. — Если так будете поступать, то не далеко будете от Царствия Небеснаго.

11. С радостью и мужеством приступим к доброму сему подвигу. Не будем бояться врагов наших; ибо они взирают на лице души нашей, хотя сами и невидимы, — и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда яростнее вооружаются против нас, видя, что мы устрашились. Итак смело вооружимся против них; ибо с мужественным борцем никто бороться не может.

12. Желаящие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание — избрать себе, при помощи духовных отцов и собственным разумением, приличные места и образы жизни, пути и обучения; ибо не для всех полезно общежитие, и не все способны к безмолвию. Каждому должно рассмотреть, какой путь соответствует его качествам.

13. Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в безмолвствовании с одним и, много, с двумя; или наконец, в терпеливом пребывании в общежитии.

14. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине водрузил в себе память о суде и о вечном мучении,

кто истинно страшится исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не станет суесться и заботиться ни об имениях и приобретениях, ни о славе и чести мира сего, и ни о чем земном; но отложив всякое о сем попечение, еще же и тело свое возненавидев, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову Святаго сказавшаго: прильпе душа моя по Тебе (Пс. 62, 9), и по слову инаго приснопамятнаго: аз же не утрудихся, последуя Тебе, и дне или покоя человека не пожелах, Господи (Иерем. 17, 16).

15. Стыдно нам оставившим все, опять воспринимать заботу о том же. Сие—то и значит — обратиться вспять и не быть управлену в Царствие Божие.

16. Слушай, что сказал Господь юноше оному, едва не все заповеди исполнившему: «одного тебе не достает — продать имение свое и раздать нищим, и самого себя сделать нищим для принятия милостыни от других» (Лук. 18, 22, Мф. 19, 21).

17. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким путем, в самом деле не блуждать по широкому и пространному. Вот верное начертание узкаго пути: утеснение чрева, всенощное стояние, умеренное питье воды, скудость хлеба, очистительное питье безчестия, укоризны, осмеяния, ругательства, отсечение своей воли, терпение нападков, не роптание при презрениях, перенесение досаждений тяжелых, — чтоб мужественно претерпевать, когда обижают, не негодовать, когда клеветуют, не гневаться, когда осуждают, смиряться, когда унижают. Блаженны ходящие стезями показаннаго здесь пути, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5, 3—12).

18. Кто думает, что не имеет пристрастия к какой либо вещи, а лишившись ея печалится сердцем, тот прельщает сам себя.

19. Сие пристанище (отречение от мира) бывает причиною и спасения и бед; это знают преплывающие сие мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиися в пучине претерпевают потопление в самом пристанище.

20. Устранившись мира, не прикасайся к нему; ибо страсти удобно опять возвращаются.

21. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай как бича, ибо когда мы не видим запрещеннаго плода, то не так сильно его и желаем.

22. Постараемся подражать Лоту, а не жене его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и делается неподвижною. Беги из Египта невозвратно; ибо сердца, обратившиися к нему, не увидели Иерусалима, — т. — е. земли бесстрастия.

23. Да будет отцем твоим тот, кто может и желает помочь тебе в свержении бремени твоих грехов; материю — сокрушение, которое может омыть тебя от скверны; братом — сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; в неразлучную сожительницу возьми — память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечныя въздыхания; рабом да будет тебе тело твое, а друзьями сделай себе небесныя силы, которыя во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут друзьями твоими. Сей есть род ищущих Господа (Пс. 23, 6).

24. Удаляясь от мира, мы должны избрать для жительства места, лишеныя случаев к утешению и тщеславию, — и смиренныя; если же не так, то мы действуем по страсти.

25. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился от всякаго сродства с миром.

26. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом; но можно в одно

мгновение потерять то, что было приобретено долгими усилиями: тлят бо обычаи благи беседы злы (1 Кор. 15, 33).

2. О покаянии.

1. Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть очищение совести. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Покаяние есть примирение с Господом чрез совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть помысл самоосуждения, и попечение о себе, свободное от внешних попечений. Покаяние есть дочь надежды и отвержение отчаяния.

2. Нам, впадшим в ров беззакония, невозможно быть извлеченными из онаго, если не погрузимся в бездну смирения.

3. Иное есть сокрушенное смирение кающихся, а другое угрызение совести еще падающих в свой грех, и иное блаженное богатство смирения, посещающее совершенных чрез воздействие Божие. Признак втораго (рода смирения) — совершенное терпение безчестия. — Превняя привычка тиранит часто и плачущих (о ней). И не дивись сему. От чего и как бывают падения, — темно и совершенно непостижимо для души, какия из них случаются по причине нерадения, какия по причине домостроительнаго оставления, какия по причине отвращения Божия. Некто впрочем поведал мне, что в падениях, случающихся с нами по домостроительству, сподобляемся мы скорого от них возвращения; потому что Предающий нас им не дозволяет долго держать нас демону печали.

4. Когда язва еще нова и горяча, тогда она легко врачуется; но застарелые, оставленные в небрежении, и запущенныя язвы не легко врачуются, и для уврачевания своего требуют многого труда, резания, присыпания и прижигания. Многия раны от времени делаются неисцельными, но у Бога вся возможна суть (Мф. 19, 26).

5. Прежде падения в грех, бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения неприступно строгим.

6. Не внимай врагу, нашептывающему тебе по падении о малости прегрешения, говоря: «лишь бы того — и того тебе не сделать, а это ничего». Часто и малые дары утоляли великий гнев Судии (и наоборот).

7. Кто истинно ищет удостоверения в отпущении грехов своих, тот почитает потерянным всякий день, в который не плачет, хотя бы сделал в оный сколько нибудь добра.

8. Никто из долженствующих плакать о грехах да не ослабляет ревности о сем, обольщая себя таким чаянием: в исходе моем (в час смерти) получу извещение о прощении. Неизвестное не твердо верно. Ослаби ми извещением, да почию, прежде даже не отйду отсюда без сего извещения (Пс. 38, 14). Где Дух Господень, там узы разрешены (2 Кор. 3, 17); где смирение не оцененное, там узы разрешены. А в ком нет сих двух, те пусть не обольщают себя: они связаны.

9. Живущие в мире, и они одни чужды сих извещений. Но некоторые из них, текущие путем милостыни, в час исхода познают, сколько это благоплодно для них.

10. Кто плачет о себе, тот не станет узнавать о плаче, или падении, или укоризне другаго. — Пес, уязвленный зверем, еще более на него разъяряется, неудержимо неистовствуя против него по причине боли от язвы.

11. Вникнем, не от того ли совесть перестала нас обличать, что как бы подавлена злом, а не от того, что стала чиста. Признак разрешения в падении — всегдашнее признание себя должником.

12. Будем внимать все мы, особенно же падшие, да не внидет в сердце наше пагубное учение

безбожного Оригена. Оно, скверное, выставляло преимущественно Божие человеколюбие, очень по сердцу сластолюбцам.

13. В самом начале подвига исповедуем согрешения наши доброму судье нашему (духовному отцу), на едине; если же повелит, то и при всех. Ибо язвы, будучи объявляемы, не развережаются тем, а врачуются.

14. Во время исповеди будь, как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслию, как осужденный преступник, поникши лицом в землю; и если можно, то омочай слезами ноги своего отца духовного, как ноги Самого Христа.

15. Бесы обыкновенно внушают нам, или совсем не исповедывать согрешений отцу своему, или исповедывать, но складывая вину греха своего на других.

16. Не прельщайся духом возношения и возвещай отцу своему согрешения свои, не укрываясь; потому что без самопосрамления невозможно избавиться от вечного стыда. Обнажай струп свой врачу и не стыдись сказать ему: «отче, моя это язва, моя рана; она произошла не от иного когонибудь, но от моей собственной лениности: никто не виновен в ней, ни человек, ни дух, ни тело, ни другое что либо, но только мое нерадение».

17. Иоанн Предтеча от приходивших к нему прежде крещения требовал исповеди, не сам нуждаясь в ней, но ища спасения приходивших.

18. Ничто так не противно кающимся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великаго смирения, а раздражительность есть знак великаго возношения.

19. Луч солнечный, проникнувший чрез скважину в дом, просвещает в нем все, так что видна бывает и тончайшая пыль, носящаяся в воздухе: подобно сему, когда страх Господень приходит в сердце, то показывает ему все грехи.

20. Как вода смывает буквы, так и слеза может очищать согрешения.

21. Как, за неимением воды, изглаждают буквы и другими способами, так и души, лишенные слез, очищают и заглаждают грехи свои печалию, воздыханием и многим сетованием.

22. Как свежая рана скоро излечивается, так напротив многовременныя душевныя язвы неудобно врачуются, хотя и могут исцелиться.

23. Как похоронившему отца своего стыдно, тотчас по возвращении с похорон, идти на брак, так и плачущим о грехах своих неприлично искать в настоящем веке покоя или чести и славы от людей.

24. Как жилища граждан отличны от жилищ осужденных преступников, так и образ жизни плачущих о грехах своих должен быть совершенно отличен от образа жизни неповинных.

25. Чувство души есть естественное ея свойство; но грех оглушает сие чувство. Сознание производит или прекращение зла, или уменьшение онаго. Сознание же есть порождение совести, а совесть есть слово и обличение Ангела — Хранителя, даннаго нам при крещении. Посему—то мы и примечаем, что непросвещенные крещением не столько бывают мучимы в душе за свои злыя дела, сколько верные, но как—то не ясно.

26. Желаящий избавиться от бремени грехов своих, да подражает тем, которые сидят над гробами вне града, и да не престаёт изливать теплыя и горячия слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца, до тех пор, пока и он не увидит Иисуса пришедшим и отвалившим от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, разрешившим от уз греховных, и повелевшим слугам своим — Ангелам: разрешите его от страстей и оставьте идти (Иоан. 11, 44), к блаженному безстрастию.

3. О добродетелях и страстях, — и о борьбе с последними — вообще.

1. Разсуждение есть верное постижение воли Божией во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи; оно бывает только в чистых сердцем.

2. Кто низложил первые три из главных страстей (тщеславие, сребролюбие, чревоугодие), тот низложил вместе и пять последних (блуд, гнев, печаль, уныние, гордость); но кто нерадит о низложении первых, тот ни одной не победит.

3. Все брани бесовския происходят от трех главных причин: или от нерадения нашего, или от гордости, или от зависти диавола.

4. Правилom во всех случаях да поставляем по Богу совесть нашу (просвещенную верою и заповедями Господними), и узнавши, откуда веют ветры, по ея указанию да распростираем и ветрила.

5. Во всех деяниях, коими стараемся мы угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы: во первых борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу: во вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное было не по Богу; когда же и в сем умышлении не получают успеха, тогда уже, тихо подкравшись к душе нашей, ублажают нас, как живущих Богоугодно. — Первому искушению сопротивляется ревность (о спасении) и попечение о смерти; второму — повинование и уничтожение, а третьему — всегдашнее укорение себя самого. Сие труд есть пред нами, дондеже внидет во святилище наше огонь оный Божий (Пс. 78, 16). — Тогда уже не будет в нас насилия злых навыков; ибо Бог наш есть огонь поядаяй (Евр. 12, 29) всякое разжжение и движение похоти, всякий злый навык, ожесточение и омрачение, внутреннее и внешнее, видимое и мысленное.

6. Когда бесы одолеют душу, и свет ума помрачат, тогда не будет более в нас, окаянных, ни трезвенного внимания, ни разсуждения, ни ведения, ни стыда, но место их заступят: жестокосердие, нечувствие, неразсуждение и слепота.

7. Окрадение души есть, когда мы почитаем за добро, в чем нет добра, — оно есть неприметное лишение богатства, есть неведомое пленение души. Убиение души есть умерщвление словеснаго ума, впадением в непотребныя дела (страха Божия, совести и чувства духовнаго подавление смертными грехами). Погибель души есть впадение в отчаяние после совершения беззакония.

8. Да дерзают раболепствовавшие страстям и покаявшиеся! Ибо если они и во все ямы впадали, и во всех сетях увязали, и всяким недугом недуговали; но по выздоровлении будут для всех светилами и врачами, светильниками и наставниками, объявляя свойства и виды каждого недуга, и своею опытностию спасая близких к падению.

9. Превосходнейший алфавит для всех (начинающих) есть следующий: послушание, пост, вретище, пепел, слезы, исповедание, молчание, смирение, бдение, мужество, мраз, труд, злострадание, уничтожение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, кротость, простая и нелюбопытная вера, безпопечение о мире, непорочная ненависть к родителям, безпристрастие, простота с незлобием, произвольная худость.

10. Состояние и признаки преуспевающих суть: нетщеславие, безгневие, благая надежда, безмолвие, разсуждение, твердая память суда, милосердие, страннолюбие, умеренное поучение, непрестанная молитва, несребролюбие.

11. Предел же, состояние и закон душ совершенных по благочестию таковы: непленяемое сердце,

совершенная любовь, источник смиренномудрия, изшествие ума, Христово волнение, неокрадение света и молитвы, изобилие осияния Божия, желание смерти, ненависть жизни, отвращение от тела, молитвенник о мире, как бы насильно преклоняющий Бога на милость, сослужебник Ангелам, бездна разума, дом таинств, хранилище неизреченных откровений, спасатель человеков, бог над бесами, господин страстей, владыка тела, повелитель естества, чуждый греха, дом безстрастия, подражатель Владыки помощью Владыки.

12. Мы должны непрестанно заботиться о духовном чувстве и искать его; ибо когда оно явится, тогда внешния чувства перестанут обольстительно действовать на душу; и зная это, некто из премудрых сказал: и чувство Божие обрящещи (Прит. 2, 5. 3).

13. Жизнь монашеская, в отношении дел, слов, помышлений и движений, должна быть проводима в чувстве сердца. Если же не так, то она не будет монашеская, не говорю уже, Ангельская.

14. Некоторые, так сказать, по природе склонны к воздержности, или к безмолвничеству, или к чистоте, или к скромности, или к кротости, или к умилению; но другие имеют природу почти совершенно противную вышесказанным добрым качествам, но насильно принуждают себя к оным, и хотя иногда и побеждаются, однако их, как понудителей естества, я похваляю больше первых.

15. Свет монахов суть Ангелы, монахи же свет для всех человеков; и потому да подвизаются они быть благим примером во всем, никому ни в чемже претыкание дающе (2 Кор. 6, 3), ни делом, ни словом.

16. С помощью Св. Троицы, вооружимся против трех главных страстей тремя добродетелями. Если не так, то мы сами на себя навлечем множество трудов.

17. Если Бог воскреснет в нас деянием, то расточатся врази Его; и если мы видением приблизимся к Нему, то побежат ненавидящие Его и нас от лица Его и нашего.

18. Потом (трудом) наипаче, а не нагим словом, потщимся научаться познанию Божественных истин; ибо не слова, а дела должны мы показать во время исхода.

19. Услышавшие, что сокровище сокрыто на известном месте, ищут его, и с трудом нашедши, тщательно сохраняют обретенное; без труда же разбогатевшие бывают расточительны.

20. Какие грехи происходят от восьми главных страстных помыслов, и какой из трех главных родителей есть каждому из пяти прочих? — Матерь блуда есть объядение; матерь уныния — тщеславие; печаль и гнев рождаются от всех трех главных страстей; а гордости матерь есть тщеславие. — Какие же грехи происходят от осьми главных, на это скажу, что в неистовых страстях нет толку и порядка, но всякое безчиние и нестроение.

21. Безвременный смех, например, иногда рождается от беса блуда; иногда от тщеславия, когда человек сам себя внутри безстыдно хвалит; иногда же смех рождается и от пресыщения.

22. Многоспание происходит иногда от насыщения: иногда от поста, когда постящиеся возносятся; иногда от уныния, а иногда просто от естества.

23. Многословие происходит иногда от насыщения, а иногда от тщеславия.

24. Хула есть собственно порождение гордыни; но нередко она рождается от осуждения ближняго в том же самом, или от неприязненной зависти бесов.

25. Ожестение сердца бывает иногда от пресыщения, иногда от безчувствия; иногда же от пристрастия к чему либо. А пристрастие опять бывает иногда от блуда, иногда от сребролюбия, иногда от чревоугодия, иногда от тщеславия, — и от многих других причин.

26. Лукавство происходит и от превозношения и от гнева.
27. Лицемерие — от самодовольства и от своечиния.
28. Противоположные же сим добродетели рождаются от противоположных родителей. Но как мне не достало бы времени рассуждать о каждой из них порознь, то вообще кратко скажу, что умерщвление всем означенным страстям есть смиренномудрие, — и кто приобрел сию добродетель, тот победил все страсти.
29. Страх, который чувствуют к начальникам, да будет для нас примером страха Божия; а любовь к телесной красоте, да будет для нас образом любви к Богу: ибо ничто не препятствует нам брать образцы для добродетелей и от противных им действий.
30. Не в трудах одних является Бог, но при них в простоте и смирении. Хотя сила Божия в немощи совершается (2 Кор. 12, 9); но несмиренномудраго делателя отринет Господь.
31. Болезнь посылается иногда для очищения согрешений; а иногда для того, чтобы смирить возношение.
32. Благий наш и всеблагий Владыка и Господь, видя, что ктонибудь весьма ленив к подвигам, смиряет плоть его недугом, как менее трудным подвигом; и иногда этим очищает душу от лукавых помыслов и страстей.
33. Все, случающееся с нами, видимое или невидимое, бывает принимаемо трояко: или с добрым, или с страстным, или с неким средним расположением. Я видел трех братьев потерпевших ущерб: один из них негодовал, другой пребыл без печали, а третий принял это с великою радостью.
34. Видел я земледельцев, которые бросали в землю одинаковыя семена; но при сем каждый из них имел свое особое намерение: один, чтоб долги уплатить, другой, — чтоб обогатиться, третий, — чтоб почтить дарами Владыку своего; но иные имели при этом в виду — заслужить за свое добродетельное похвалу от проходящих путем жизни сей, или досадить завистливому врагу своему, или избежать укоризны от людей за праздность. — Вот наименование семян сих земледельцев: пост, бдение, милостыня, разныя служения, и тому подобное. Намерения же свои братия сами пусть тщательно испытывают о Господе.
35. Как черпая воду из источников, иногда не заметно почерпаем и жабу вместе с водою; так и проходя добродетели, мы часто исполняем тайно сплетенныя с ними страсти. Так — с страннолюбием сплетается чревоугодие; с любовью — блуд, с рассудительностию — излишняя строгость (ригоризм), с благоразумием — лукавство; с кротостию — подозрительность, медлительность, леность, прекословие, своечиние и непослушание; с молчанием — гнет учительства; с радостию — самомнение; с надеждою — леность; с любовью опять — осуждение; с безмолвием — уныние и леность; с чистотою — горечь; с смиренномудрием — дерзновение (без меры); за всеми же ими, как общее врачевство, лучше же сказать, отравы, следует тщеславие.
36. Не будем скорбеть, когда прося чего либо у Господа, долгое время не бываем услышаны. Господь Сам в Себе хотел бы, чтоб все люди в одно мгновение сделались безстрастными (но встречает большия препятствия от нашего произволения).
37. Все просящие чегонибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получают того, по какойнибудь из следующих причин: или потому, что просят прежде времени; или потому, что просят выше меры своей и по тщеславию; или потому, что получив просимое, они возгордились бы, или впади в нерадение.

38. Бывает, что в иных, не только верных, но и неверных, отходят все страсти, оставив только ту одну, которая, как зло первенствующее, одна заменяет все прочия, и которая столь вредоносна, что может свергнуть с самага неба (это гордость).
39. Вещество (страстей) потребляется, будучи снедаемо и искореняемо из души Божественным огнем.
40. Иногда бесы отступают и сами собою, чтобы ввести нас в безопасность. Но потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее, и до такой степени приучают ее к порокам, что она после того уже сама себе наветует и против себя воюет.
41. Известно мне и иное отступление оных зверей, — бывающее тогда, когда душа совершенно утвердится в греховных навыках. Пример этого видим в младенцах, которые от долгой привычки сосут пальцы, когда матери не дают им более сосать груди.
42. Знаю еще и пятое безстрастие, которое бывает в душе от многоты простоты и похвального незлобия. Таковым посылается помощь от Бога, спасающего правых сердцем (Пс. 7, 11), и не приметно для них самих избавляющего их от страстей. Подобно как младенцы, когда с них снимут одежду, вовсе не примечают наготы своей.
43. Греха и страсти, естественно, нет в природе человека. Бог — не творец страстей. Добродетели же многия даровал Он нашей природе, из числа которых суть и следующие: милостыня, — ибо и язычники сострадательны; любовь, ибо часто и безсловесныя животныя проливают слезы, при потере друг друга; вера, — ибо все мы от себя ее порождаем; надежда, — ибо мы и когда взаим даем, или берем, и когда сеем, и когда плаваем, делаем это, надеясь обогатиться. Итак, если, как доказано, любовь и добродетель естественно присущи нашей природе, любовь же есть исполнение закона, то явно, что добродетели не чужды нашему естеству. И да постыдятся те, которые извиняют неделание добродетелей своим безсилием.
44. Но что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста и всегдашняго умиления, то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди своим примером; образцами других были для нас Ангелы; а иных учитель и дарователь есть Сам Бог Слово.
45. Бывает, что когда стоим на молитве, встречается дело благотворения, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы, так как молитва есть добродетель частная, а любовь объемлет все добродетели.
46. Нередко Бог, по распоряжению Своего Промысла, оставляет в духовных людях некоторыя легчайшия страсти, для того, чтобы они, взирая на сии легкия почти безгрешныя немощи, много себя укоряли, и тем приобрели некрадомое богатство смиренномудрия.
47. Кто в начале не жил в повиновении, тому невозможно приобрести смирения, ибо всякий, сам собою научившийся художеству, много о себе мечтает.
48. Двумя преимущественно добродетелями отцы ограничивают деятельную жизнь, — постом и послушанием. И справедливо; ибо первый есть истребитель сластолюбия, а второе ограждает сие истребление смиренномудрием. И плач двоякое имеет действие, так как с одной стороны истребляет грех, а с другой раждает смиренномудрие.
49. Давать всякому просящему свойственно благочестивым, давать и не просящим есть дело благочестивейших; а не требовать взятаго от взяшаго взаим, особенно когда он имеет возможность отдать, принадлежит только одним безстрастным.

50. В отношении ко всем страстям и добродетелям будем непрестанно испытывать, где мы находимся, — в начале, в середине, или в конце.
51. Все бесовския брани против нас происходят от трех следующих причин: самоугодия, гордости и зависти бесов.
52. Иное дело молиться против помыслов; иное противоречить им; и иное — ни во что их вменять и быть выше их, (или властвовать над ними). Средний из них (т. — е. могущий противоречить) часто прибегает к первому способу, по причине своей неготовности; но первый еще не может вторым образом отвергать врагов своих; а третий в конец посмеивается врагам.
53. Как имеющие здравое чувство обоняния могут ощущать ароматы, хотя кто и тайно их при себе имеет: так и душа чистая познает в других и благоухание, которое сама получила от Бога, — и злосмрадие, от котораго совершенно избавлена, хотя другие сего и не примечают.
54. Хотя не все могут быть безстрастны, однако спастися могут все.
55. Не давай возобладать над тобою иноплеменникам оным, которые побуждают тебя испытывать неизреченныя судьбы Промысла и смотрения Божия в отношении к людям, — и тайно внушают, будто Господь лицепрятен. Это суть исчадия самомнения, — и признаются таковыми.
56. Некоторые сказали, что одни бесы сопротивляются другим; а я удостоверился, что все они ищут нашей гибели.
57. Всякому духовному деланию, видимому или умственному, предшествует собственное произволение и искреннейшее желание, которыя, при содействии Божиим приводятся в дело. Ибо если первыя (произволение и желание) не предварят, то не последует и второе (содействие Божие).
58. Время всякой вещи под небесем, говорит Екклезиаст. Итак да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придет в свое время. Не будем искать во время сеяния того, что принадлежит жатве; ибо есть время сеять труды, и есть время пожинать неизреченныя дарования благодати. В противном случае, мы и в свое время не получим того, что оному времени прилично и свойственно.
59. Некоторые, по непостижимым распоряжениям Промысла Божия, получили благодатныя дарования прежде трудов, другие — в самых трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достоино испытания, кто из них смиреннее прочих.
60. Есть отчаяние от множества грехов и тяготы совести; и есть отчаяние от гордости и возношения, когда впадшие в грех думают, что они не были достойны (оставления до) падения. — От первого исцеляет воздержание от грехов и надежда благая; а от последняго — смирение и никого неосуждение.
61. Во всех твоих начинаниях и делах, и наружных и внутренних, испытывай, истинно ли в угодность Богу предпринимаются оне и совершаются. Признаком того, что делание наше благоугодно Богу, в новоначальных служит преуспевание в смирении, в средних — прекращение внутренних браней, а в совершенных — умножение и изобилие Божественнаго света.
62. Когда воздух очищается от облаков, тогда солнце показывается во всем своем сиянии; так и душа, которая сподобилась прощения грехов и освободилась от страстных навыков (и помыслов), без сомнения, видит свет Божественный.
63. Некоторые ублажают больше всего чудотворения и другия видимыя духовныя дарования, не зная того, что есть много превосходнейших дарований, которыя сокровенны и потому безопасны от

падения.

64. Совершенно очистившийся от страстей видит душу ближнего, — не самое существо его, но его устройство, чувства и расположения; преуспевающий же еще судит о душе по телесным его действиям.

65. Немощные душею должны познавать посещение Господне и Его милость к ним из телесных болезней, бед и внешних искушений; совершенные же познают посещение Божие по присутствию в них Духа Святого, и по умножению дарований.

66. Есть между злыми духами бес — предваритель, который тотчас по пробуждении является искушать нас и оскверняет первыя наши мысли. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь их, того они и будут. Один искуснейший делатель сказал мне следующее, достойное внимания, слово: «по началу утра узнаю я все течение дня моего».

67. В случающихся с нами искушениях бесы борют нас — сказать или сделать что либо неразумное; и когда не смогут одолеть нас, то, тихо подступивши, тайно влагают гордое благодарение Богу.

68. Мудрствовавшие горня по смерти восходят на небеса, а прилепляющиеся к земному нисходят в страну преисподнюю; ибо для душ, разлучающихся с телами, нет третьего, среднего места.

69. Как олень, палимый жаждою, желает вод, так иноки да желают постигать благую волю Божию; и не только волю сию, но и то, когда примешивается к ней наша воля собственная, и когда действует даже противная (сила). И то еще должно быть предметом их разсмотрения, какия дела должны быть исполняемы неотложно и без всякаго промедления, и какия — без торопливости и с осмотрительною.

70. Все, хотящие познать волю Господню, должны прежде умертвить в себе собственную волю; и помолившись Богу с верою и не лукавою простотою, вопрошать отцев и братьев, в смирении сердца и без всякаго сомнения в помысле; и принимать советы их, как из уст Божиих, хотя бы они и противны были собственному их разуму. — Много смиренномудрия исполнены те, которые руководствуются сим правилом без сомнения. — И Бог не попускает им прельщенными быть.

71. Некоторые узнавали волю Божию так: отрешали помысл свой от всякаго склонения к тому или другому волеию души, т. — е. и к побуждающему на дело, и к противоречащему тому; и обнажив ум свой от собственной воли, представляли его с горячим молением Господу, в продолжение положеннаго числа дней; и таким образом достигали познания воли Его, — или тем, что мысленный Ум мысленно изрекал ее уму их, или тем, что одно из оных помышлений совершенно исчезало из души.

72. Другие по скорби и затруднениям, какия встречало их начинание, заключали, что оно согласно с Божественною волею. Иные, напротив, по неожиданной помощи, каковую получали в своем деле, ощущали, что оно благоугодно Богу, говоря в себе: Бог содействует только избирающему благое.

73. Кто просвещением свыше стяжал в себе Бога, тот скоро извещается о святой воле Божией, как в делах, скорости требующих, так и в делах, дозволяющих промедление, вторым способом (т. — е. благопоспешением).

74. Праведен Бог, и двери милосердия Своего не заключит для тех, которые стучатся в них со смирением.

75. Во всех случаях должны мы испытывать намерение наше: ибо Господь на оное взирает во всех делах наших. Все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты, и делается единственно для Бога, а не

ради иного чего нибудь, вменится нам в благое, хотя бы оно и не совсем было благо.

76. Есть мужественные души, которые, от сильной любви к Богу и смирения сердца, покушаются на деяния, превосходящая меру их; но есть и гордые сердца, которые отваживаются на такие же начинания (по внушению врагов наших). Ибо враги наши часто нарочно подушают нас на дела превышающая меру нашу, для того, чтоб мы, не получивши успеха в них, впали в уныние и оставили даже и те дела, которые соразмерны нашим силам, — и таким образом сделались бы посмешищем наших врагов.

77. Видел я немощных душею и телом, которые, за множество согрешений своих, покусились на подвиг выше их меры, но не могли понести их. Я сказал им, что Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения, (сопровождаемого плачем, сокрушением и отвращением от греха).

78. Иногда воспитание бывает причиною крайних зол, а иногда худое сообщество; но часто и собственное развращение души достаточно ей к погибели. Кто избавился от первых двух зол, тот избавится, может быть, и от третьяго; а в ком господствует третье, тот непотребен на всяком месте. Нет места безопаснее как небо, однакож и там некоторые погибли от своей развращенной воли.

79. Между нечистыми духами есть такие, которые лукавее других. Они не довольствуются тем, чтобы одних нас ввести в грех, но советуют нам и других иметь сообщниками зла, чтобы навлечь на нас лютейшия муки. — Видел я одного человека, который передал другому свою греховную привычку; потом же пришедши в чувство, начал каяться, и отстал от греха; но так как наученный им не переставал грешить, то покаяние его действительно не было.

80. Слушание повествований о подвигах и добродетелях духовных отцев ум и душу возбуждает к ревности; а слушание поучений их есть светильник во тьме, возвращение заблуждших на правый путь, просвещение слепотствующих.

81. Кто желает представить Господу тело целомудренным и сердце чистым, тот должен сохранять безгневие и воздержание, потому что без сих двух добродетелей весь труд наш будет бесполезен.

82. Между добродетелями есть дочери, и есть матери добродетелей. Разумный подвизается наиболее о приобретении матерей. Сам Бог собственным действием научает матерям, а для научения дочерям наставников много.

83. Будем внимать, чтобы скудость наслаждения (пищею) — не пополнять излишеством сна, и наоборот; ибо так поступать неразумно.

84. Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественныя Писания. Они обыкновенно делают сие в сердцах тщеславных, и еще более, в обученных внешним наукам, чтобы обольщая их мало-по-малу, ввергнуть их наконец в ереси и хулы. Мы можем узнавать сие бесовское богословие или лучше сказать, богоборство, по смущению, по нестройной и безчинной радости, которая бывает в душе, во время сих толкований.

85. Мы никогда не престанем преуспевать в добродетели и любви, ни в сем веке, ни в будущем, светом (просвещением свыше) приемля всегда новый свет разума. И Ангелы, сии умныя существа, не пребывают без преуспеяния, но всегда приемлют славу к славе, и разум к разуму.

86. Не будь строгим судиею тех, которые словами учат о великих добродетелях, тогда как к благому деланию ленивы; ибо недостаток дела часто восполняется пользою онаго учения. Мы не все стяжали все в равной мере: некоторые имеют превосходство более в слове, чем в деле, а в других напротив дело сильнее слова.

87. Бог не есть творец зла; потому заблуждают те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе, не разумея того, что мы сами свои природныя свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, имеем мы семя для чадородия, а мы употребляем оное в незаконное сладострастие; по естеству есть в нас и гнев, но на древняго онаго змия, а мы употребляем оный против ближняго; нам дана ревность для того, чтоб мы ревновали о добродетелях, а мы ревнуем о пороках... и подобное.
88. Неленостная душа воздвигает бесов на брань против себя; с умножением же браней умножаются и венцы. Неузвляемый супостатами не получит никакого венца; а кто от случающихся нападений не унывает духом, того восхвалят Ангелы, как храброго воина.
89. Непрестанно испытывай проявления в тебе страстных движений; и увидишь, что в тебе находятся многия страсти, которых, будучи в недугах душевных, мы и распознать не можем, или по немощи нашей, или по причине глубоко укоренившагося греховнаго навыка.
90. Бесы часто отвлекают нас от легчайшаго и полезнаго, и побуждают предпринять труднейшее.
91. Общежитие, устроенное по Богу, есть белильня духовная, стирающая всякую скверну, и грубость и все безобразие души. Отшельничество же может назваться красильнею для тех, которые сперва очистились от вожделения, памятозлобия и раздражительности, и потом уже удалились на безмолвие.
92. Бес блуда и бес гнева, бес чревонеистовства, бес уныния и сонливости не имеют свойства возгордевать ум наш (а напротив смиряют его), бесы же сребролюбия, любоначала, многословия, и многие другие к злу греха присовокупляют обыкновенно и зло возношения; и бес осуждения подобен им в этом.
93. Если инок, посетив мирских людей, или приняв их у себя, чрез час или чрез день по разлучении с ними уязвится стрелою печали, вместо того, чтобы радоваться о своем избавлении от препятствующей течению его сети, то он служит игралищем страсти тщеславия или блуда.
94. Со многим разсуждением должны мы разсматривать, когда и в каких случаях должно нам стоять против предметов страстей и бороться с ними, и когда отступать; ибо иногда можно, по немощи, предпочесть и бегство, чтоб не умереть душевно.
95. Как ветры, в тихую погоду, колеблют только поверхность моря, а в другое время приводят в движение самую глубину, так должно заключать и о ветрах тьмы; ибо в страстных людях колеблют они самое чувство сердца, а в преуспевших — уже только поверхность ума; потому сии последние скорее возстановляют в себе обычную тишину свою, остававшуюся неприкосновенною.
96. Воздержание есть мать здравия; а мать воздержания есть помышление о смерти и твердая память о желчи смешанной с уксусом, которой вкусил Господь наш, Владыка и Бог.
97. Безмолвие есть причина и споспешник целомудрия; пост погашает разжжения плоти; сокрушение же сердца есть враг лукавых и студных помыслов.
98. Как змея не может совлечь с себя старой кожи, если не пролезет чрез тесную скважину, так и мы не можем отвергнуть прежние злые навыки, и ветхость души, и ризу ветхаго человека, если не пройдем узкаго и теснаго пути поста и безчестия.
99. Как яйца, согреваемые под крыльями, оживотворяются, так и помыслы, скрываемые от духовнаго отца, превращаются в дела.
100. Как добрые кони, когда вместе бегут, горячатся один пред другим, так и в общем житии добрых

братий один другого побуждает к благой ревности.

101. Как облака закрывают солнце, так и лукавые помышления помрачают и погубляют ум.

102. Как убогие, видя царския сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях Св. Отцев, невольно еще более смиряется в своем образе мыслей.

103. Как носящего ароматы, и против воли его обнаруживает благовонный запах, так и имеющий в себе Духа Господня познается по словам своим и по смирению.

104. Как воры не пойдут опрометчиво в такое место, где видят лежащим царское оружие; так и мысленные тати не охотно приступают окрадывать того, кто с сердцем совокупил молитву и утвердил ее в нем.

105. Как корабль, имеющий хорошаго кормчаго, при помощи Божией, безбедно входит в пристань, так и душа, имея добраго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов некогда сделала.

106. Как не имеющий путеводителя удобно заблуждается на своем пути, хотя бы и весьма был умен, так и идущий самовластно путем иночества легко погибает, хотя бы и всю мудрость мира сего знал.

107. Кто слаб телом, и наделал много тяжких беззаконий, тот да шествует путем смирения и родственных с ним добродетелей; ибо иного спасения не найти ему.

108. Умаление злоделания раждает отступление от него; отступление же от него есть начало покаяния. Начало покаяния есть начало спасения, начало же содеяния спасения есть благая решимость (угождать Богу). Сия благая решимость раждает труды, начало же трудов — добродетели. Начало добродетелей — цвет, цвет же добродетели — делание. Порождение добродетели — непрерывность (помышления и ревнования о ней), плод же и порождение непрерывнаго помышления (и ревнования) — навыкновение. Порождение навыкновения — окачествование души добром, окачествование же души есть мать страха. Страх раждает соблюдение заповедей, небесных и земных, соблюдение же заповедей есть знак любви. Начало любви — богатство смирения, богатство смирения — полнота любви, — и затем совершенное вселение Бога в соделавшихся чистыми сердцем чрез безстрастие; ибо таковые узрят Бога (Мф. 5, 8).

4. О борьбе с восьмью главными страстями.

а. Борьба с чревоугодием.

1. Чудно было бы, если бы ктонибудь, прежде сошествия своего во гроб, освободился от нападений со стороны чрева.

2. При страсти многоядения, чрево, и будучи насыщено, вопиет: алчу! и будучи наполнено и разседаясь от излишества, взывает: я голодно. Страсть сия, имея яства пред глазами, подстрекает все пожрать за один раз.

3. Кто ласкает льва, тот часто укрощает его; а кто угождает телу, тот усиливает его свирепость.

4. Раб чрева изыскивает, какими снедами почтить праздник; а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться.

5. Когда пришел гость, чревоугодник подвигается на любовь, подстрекаемый чревонеистовством; и думает, что случай сделать пришедшему утешение есть и для него разрешение на все. Посещение другаго принимает за предлог разрешающий пить вино; и под видом скрытия добродетели, делается рабом страсти.

6. Часто тщеславие враждует против объядения: и сии две страсти воюют между собою за беднаго

монаха, как за купленного раба. Объядение понуждает разрешать, а тщеславие внушает показать свою добродетель; но разумный человек избегает той и другой пучины; и умеет пользоваться удобным временем для отражения одной страсти другою.

7. Если плоть буйствует еще, то должно укрощать ее воздержанием, во всякое время и во всяком месте. Когда же она утихла (чего впрочем не надеюсь дожидаться прежде смерти), тогда можем скрывать пред другими свое воздержание.

8. Если духовный отец тебе — юному разрешит пить вино, на пиршествах, то смотри, каков он сам: если он богобоязнен, то можешь не много разрешить, а если он не совсем радив, то лучше тебе, не обращая внимания на его благословение, хранить воздержание, особенно когда еще борешься с огнем плотской похоти.

9. В укрощении чрева употребим благоразумную постепенность: отседем прежде всего утучняющую пищу, потом, разжигающую, а после и услаждающую. Давай чреву своему пищу мерную и удобоваримую, чтоб умеренным насыщением отделаться от его алчности, а чрез скорое переварение пищи избавиться от разжжения, как от бича.

10. Для не падавших особенное воздержание потребно только при движении похоти; а для падавших оно необходимо даже до смерти; до самой кончины пусть они не дают утешения телу своему и борются с ним без примирения. Первым предлежит только охранять всегда чинное благоустройство ума; а последним надлежит еще умиловать Бога душевным сетованием и истаяванием (от глада и жажды).

11. Будем укрощать чрево помышлением о будущем огне. Повинуясь чреву, некоторые (по причине разжжения от того похоти) отрезали наконец свои члены, — и умерли двоякою смертию.

Присмотрись и увидишь, что объядение есть единственная причина потоплений (в море похоти), с нами случающихся.

12. Ум постыгающегося молится трезвенно, а ум невоздержного исполнен нечистых мечтаний.

Насыщение чрева иссушает источники слез, а чрево изсушенное воздержанием, раждает слезные воды.

13. Кто служит своему чреву, и между тем хочет победить духа блуда; тот подобен угашающему пожар маслом.

14. Когда чрево утесняется, тогда смиряется и сердце; если же оно упокоено пищею, то сердце возносится помыслами.

15. Утесняй чрево воздержанием, — и заградишь тем себе уста; ибо язык берет силу от множества снедей.

16. Наполняющий чрево свое расширяет внутренности; а у того, кто томит его воздержанием, оне мало—по—малу суживаются; суженные же, оне не требуют уже и не принимают много пищи.

17. Знай, что часто бес приседит чреву, и не дает человеку насытиться, хотя бы он пожрал все снеди Египта, и выпил всю воду в Ниле.

18. Если ты обещался Христу идти узким и тесным путем, то утесни утробу свою. Пространен и широк путь чревоугодия, вводящий в пагубу блуда, и многие идут по нему, но узки врата и тесен путь воздержания, вводящий в живот чистоты, и немногие входят им (Мф. 7, 14).

19. Сидя за столом исполненным кушаньев, представляй пред мысленными очами твоими смерть и суд; ибо и таким образом едва можешь хоть немного укротить страсть объядения. Когда пьешь,

всегда воспоминай уксус и желчь Господа твоего; и таким образом, или пребудешь в пределах воздержания, или но крайней мере, возстенав, смиришь помысл свой.

20. Чревообъядение есть причина всех падений и нарушений (обетов) в иноческих общежитиях. Если ты победишь сию госпожу, то всякое место будет тебе способствовать к достижению безстрастия; если же она будет обладать тобою, то до самага гроба везде будешь бедствовать.

21. Живая память смерти пресекает невоздержание в пище; а когда невоздержание в пище пресечено со смирением, то и другия страсти отсекаются в тоже время.

22. Однажды, когда я был еще молод, пришел я в один город или селение, — и там во время обеда напали на меня вдруг помыслы объядения и тщеславия; но, боясь исчадий объядения, я разсудил лучше быть побежденным тщеславием. В мирянах корень всех зол есть сребролюбие, а в монахах — объядение.

23. Видел я мужественных деятелей, которые, по некоторой нужде, давши утробе малое послабление в пище, вслед за тем утомляли сие окаянное тело всенощным стоянием; и тем научали его с радостию отвращаться от насыщения.

24. Невозможное дело — в начале иночества быть совершенно чистыми от объядения и тщеславия. Но против тщеславия не должно нам бороться услаждением чрева.

25. Как преступник, которому объявили приговор, и который идет на казнь, не беседует о народных зрелищах; так и тот, кто истинно оплакивает грехи свои, не будет угождать чреву.

26. Как во множестве навоза рождаются много червей, так и от множества яств происходит много падений, лукавых помыслов и сновидений (срамных).

27. Если крайний предел чревоугодия есть — понуждать себя на принятие пищи, когда и не хочешь есть, то крайний предел воздержания будет — воздерживать естество свое, когда она алчет, не смотря на то, что оно ни чем в это время не провинилось.

28. Как тучныя птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на небо.

29. Изсохшая тина не угодна бывает свиньям, так и плоть, увядшая от подвигов, не упокоевает более бесов.

30. (Исповедь чревоугодия). Как вы хотите отделаться от меня, когда я связана с естеством вашим? — Дверь моя — потребность снедей, ненасытным же делает меня привычка, — которая потом вместе с нечувствием души и непамятованием смерти служит основанием страсти ко мне. — Первородный сын мой есть блуд, второе после него исчадие есть ожесточение сердца, а третье, — сонливость. Море злых помыслов, волны скверн, глубина неименуемых нечистот — также от меня происходят. Дщери мои суть: леность, многословие, дерзость, смехотворство, кошунство, прекословие, жестоковыйность, непослушание, нечувствие, пленение ума, самохвальство, высокомерная и безумная самонадеянность, любовь к миру, за которою следует оскверненная молитва, парение помыслов и часто злоключения нечаянныя; и за всем этим следует отчаяние — самая лютая из всех страстей. — Память согрешений возстает против меня, но не побеждает. Мысль о смерти сильно враждует на меня, но нет ничего в человеках, чтобы могло меня совершенно упразднить. Кто приял Утешителя, тот молитвенно жалуется Ему на меня, и Он умолен будучи, не дает мне действовать в нем страстно. Не вкусившие же Его всячески ищут услаждаться моею сластию.

б. Борьба с блудом.

1. Насыщение чрева есть мать блуда, а утеснение чрева — виновник чистоты.
2. По пресыщении нашем дух чревоугодия отходит, и посылает на нас духа блудного извещая его, в каком состоянии мы находимся, и говоря: «иди и возмути такого—то, чрево его пресыщено, и потому ты немного будешь трудиться». Этот, пришедши, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все что хочет делает с нами, оскверняя душу мечтаниями и тело истечениями.
3. Никто из обучившихся хранению чистоты да не вменяет себе приобретение ея, ибо невозможное дело, чтобы ктонибудь победил свою природу; и где природа побеждена, там познается пришествие Того, Кто выше естества; ибо, без всякаго прекословия, меньшее упраздняется большим.
4. Начало чистоты бывает, когда помысл не слагается с блудными прилогами, и без мечтаний случаются по временам во сне истечения; середина чистоты, когда естественныя движения происходят только от довольства пищею, и бывают свободны от мечтаний и истечений; конец же чистоты — умерщвление тела, предваряемое умерщвлением нечистых помыслов.
5. Отгоняющий сладострастного пса молитвою подобен борющемуся со львом; кто низлагает его сопротивлением, тот подобен обратившему врага своего в бегство и преследующему его; кто же стал совершенно свободен от самого прилога, однажды навсегда сделав для него невозможным всякий доступ к себе, тот хотя и пребывает во плоти, но уже воскрес из гроба.
6. Если признак чистоты — не испытывать похотнаго движения и в сонных мечтаниях, то конечно крайняя степень похотливости будет — терпеть истечения и на яву от одних помыслов и воспоминаний.
7. Кто телесными трудами и потами ведет брань с сим соперником, тот подобен связавшему врага своего веревкою; кто воюет против врага своего воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами; а кто вооружается против него смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке.
8. Ин есть, кто подвигами, ин, — кто смирением, и ин, кто Божиим внутрь присещением имеет связанным сего мучителя. Первый подобен деннице, второй — полной луне, а третий светлосияющему солнцу; но все они имеют жительство на небесах.
9. Лисица притворяется спящею, а бес целомудренным; та, чтоб обмануть птицу, а этот, чтобы погубить душу. Не верь во всю жизнь свою брэнному телу сему; и не полагайся на него, пока не предстанем Христу.
10. С новоначальными падения в плотские грехи случаются обыкновенно от обилия яств; с средними они бывают от высокоумия, и от той же причины, как и с новоначальными; но с приближающимися к совершенству — оне случаются только от осуждения ближних.
11. Некоторые ублажают скопцев по естеству (от рождения), как избавленных от мучительства плоти: а я ублажаю людей, которые повседневно делаются скопцами, и помыслом, как ножом, привыкли себя обрезать.
12. Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами; на его стороне благословные поводы, так как он воюет с нами с помощью нашего естества.
13. Кто надеется бороться с плотию своею, или победить ее своими силами, тот тщетно подвизается. Ибо, если Господь не разорит дома плотской похоти, и не созиждет дома души, то вотще бдит и постится покушающийся успеть в сем сам собою.

14. Повергни пред Господом немощь своего естества, сознав свое во всем безсилie, и не ощутительно получишь дарование целомудрия.
15. Поскользнувшиеся и падшие в ров похоти, далеко отпадают от восходящих и нисходящих по оной (Иаковом виденной) лестнице, и чтоб опять приступить им к такому восхождению, потребны для них многие поты и крайнее пощение.
16. Есть блуд и без познания жены, — который, как противоестественный, большей подвергает муке. Это некая смерть и погибель, которую мы всегда носим в себе, а наиболее в юности. Но погибель сию я не дерзаю объявить писанием, потому что руку мою удерживает сказавший: бываемая отай от них срамно есть и глаголати и писати (Еф. 5, 12).
17. Человеколюбивым представляет Бога безчеловечный враг, наущатель на блуд, внушая, что Он великое оказывает снисхождение к сей страсти, как естественной. Но понаблуди за этим злокозненным, и найдешь, что, по совершении сего греха он уже иным представляет Бога, — только правосудным и не прощательным. Первое внушение делает он для того, чтобы вовлечь нас в грех, а второе — с тем, чтоб ввергнуть нас в отчаяние.
18. Когда, по совершении греха, томит нас туга и нечаяние, тогда снова предавать себя падениям не обычно нам; когда же оне утихнут, тогда злобный враг снова начинает толковать нам о человеколюбии Божиим.
19. Господь, как нетленный и безтелесный, радуется о чистоте и нерастлении нашего тела; бесы же ни о чем другом столько не веселятся, как о блуде злосрамном, и никакой страсти не любят так, как эту, осквернительницу тела.
20. Матерь сладости (плодов, утешение доставляющих) — земля и роса; а матерь чистоты — безмолвие с послушанием. Чистота тела, одним безмолвием достигаемая, сближаясь с миром, часто не оставалась непоколебимою; послушанием же стяжаваемая — везде благоискусна и непоколебима.
21. Кто одним воздержанием пытается пресечь сию брань, тот подобен человеку, который усиливается выплыть из пучины морской, действуя одною рукою. Сопряги с воздержанием смирение; потому что первое без последнего оказывается бесполезным.
22. Какую страсть увидишь в себе господствующую, против той одной напаче и вооружайся, в особенности же против естественного домашняго врага. Ибо если мы с тобою не победим сей страсти, то от победы над другими не будет нам никакой пользы; поразивши же сего Египтянина, конечно, и мы узрим Бога в купине смирения.
23. Находясь в искушении, чувствовал я радость, слезы и утешение, и по младенчеству думал, что это плод духовный, а это была прелесть вражия.
24. Не вдавайся в обман, юноша! Видел я некоторых, молящихся о любимых ими лицах, которые, будучи побуждаемы на то блудною страстию, думали однакож, что исполняют долг святой любви.
25. Когда повергаемся на постель, тогда наиболее должны мы трезвиться; потому что тогда ум без тела борется с бесами; и если он еще не отсек сочувствия сласти похотной, то охотно делается предателем.
26. Память о смерти да засыпает и да возстает с тобою, и вместе Иисусова молитва; ибо ничто не может тебе доставить столь сильное заступление во время сна, как сии делания.
27. Бывают истечения во сне иногда от избытка пищи, и вообще от излишняго покоя плоти; иногда — от гордости, когда мы, долго пребывая свободными от истечений, этим возносимся;

иногда — от того, что осуждаем ближняго; иногда же — и от одной зависти бесовской. Бог попускает сие иному, чтоб безгрешным сим злостью поучить его смирению.

28. Не позволяй себе днем помышлять о бывших во сне мечтаниях; ибо у бесов и то есть в намерении, чтоб сновидениями осквернять нас бодрствующих.

29. Во время бури искушения похотию, хорошою помощию бывают для нас — власяница, пепел, всенощное стояние, голод, жажда палящая, и не многими каплями прохлаждаемая, пребывание в гробищах, а паче всего смирение сердца, и если можно, духовный отец, или усердный брат, скорый на помощь, и старый разумом; ибо я почитаю за чудо, чтобы ктонибудь мог один, сам собою, спасти корабль свой от сей пучины.

30. Некто, увидев необыкновенно красивую женщину, прославил о ней Творца. От воззрения на нее возгорелась в нем любовь к Богу и из очей исторгся источник слез. И дивно было видеть, как то, что для другаго послужило бы в погибель, для него паче естества стало венцем (победы). Если такой человек всегда в подобных случаях имеет такое же чувство и делание, то он восприял нетление прежде общаго воскресения.

31. Таким же правилом должно нам руководствоваться и в отношении к сладкопению и песням. Боголюбивые и мирскими и духовными песнями возбуждаются обыкновенно к святому радованию, Божией любви и слезам, а сластолюбцы — к противоположному.

32. Некоторые говорят, что по вкушении плотскаго греха невозможно называться чистым, а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно дикую маслину чрез прививку превратить в добрую. Еслиб ключи Царствия были вверены девственнику телом, то мнение сказанных лиц, может быть, было бы справедливо. Но да постыдит их тот, кто, имея тещу, стал чист и носит ключи Царствия.

33. Многовиден змий телесной похоти: не вкусившим сласти ея внушает он — однажды только вкусить и перестать, а вкусивших сей коварный побуждает опять к новому вкушению. Многие из первых, по неведению сего зла, бывают свободны от брани; а последние, как испытавшие мерзость сию, терпят брани и подстрекания. Впрочем часто случается и противоположное сему.

34. Когда встаем мы от сна в благом и мирном настроении, то бывает это с нами по сокровенному воздействию Св. Ангелов, особенно если уснули с молитвою и трезвением. Но бывает, что встаем в мрачном и досадливом расположении, подвергаясь сему по причине злых сновидений.

35. Не диво — невещественному бороться с невещественным; но то чудо и чудо воистину дивное, что облеченный веществом обращает в бегство невещественных врагов, в борьбе с этим своим веществом, враждебным и коварным.

36. Разсудительные отцы полагают, что иное есть прилог, иное—сочетание, иное — сосложение, иное — пленение, иное — борьба, а иное — так называемая страсть в душе. Они определяют, что прилог есть простое слово (мысль), или образ какого либо предмета, вновь являющийся уму и вносимый в сердце; сочетание есть собеседование с явившимся образом, со страстию, или безстрастно; сосложение есть склонение души к виденному, соединенное с услаждением; пленение есть насильственное и невольное увлечение сердца увиденным, или совершенное его с ним слитие, разоряющее наше доброе устройство; борьбою называют сильное сопротивление борющему, кончающееся или победою, или поражением, — произвольно; а страстию называют такое похотливое расположение, которое, вгнездившись в душу, соделывается потом чрез долгий навык,

как бы природным ея свойством, так что душа уже произвольно и сама собою стремится к удовлетворению его. Из всех сих первое безгрешно; второе не совсем, третье бывает или грешно или безгрешно, судя по устройению подвизающагося. Борьба бывает виною или венцев, или мучений.

Пленение иному подлежит суду, когда случается во время молитвы, и иному, когда бывает в другое время, — иному при помышлении о вещах безразличных, и иному при помышлении о вещах худых.

Страсть же несомненно во всяком случае осуждается, и, если не будет очищена равносильным покаянием, подлежит вечному мучению. Но кто к первому, т. — е. прилогу, относится безстрастно (отревает его, не останавливаясь на нем вниманием), тот одним разом отсекает все последующее.

37. Просвещеннейшие и разсудительнейшие из отцев приметили еще иной помысл, который утонченнее всех вышесказанных. Его называют набегом мысли, — который без определенного времени, без слова и образа, с быстротою стрелы, внушает искушаемому страсть. Нет ничего скоробежнее в телах, ничего быстрее и мгновеннее в духах — того, как этот помысл одним тонким напоминанием — и безвременным, и несказанным, а для иных даже и неведомым, — вдруг являет свое присутствие в душе, без предварительного собеседования и сосложения с нею. — Кто плачем возмог постигнуть (понять, уразуметь), такую тонкость сего помысла, тот может объяснить нам и то, как бывает, что душа от одного взгляда, или прикосновения руки, или слышания пения страстно блудствует (оскверняется и растлевается похотию) не думавши о том и не замышлявши того.

38. Иной раз похоть, родившись внутри души, переходит и в тело, а иной раз от тела переходит она в душу. Последнее обыкновенно бывает с живущими в мире, а первое — с проходящими монашескую жизнь, по скудости у них вещества (или материала похотнаго).

39. Когда, после долгой борьбы с бесом, — союзником нашей брэнной плоти, изгоним его наконец из сердца своего, камнями поста и мечами смирения, тогда сей окаянный, как червь, пресмыкаясь внутри тела нашего, усиливается осквернить нас неким щекотанием, возбуждая безвременныя и безсловесныя движения.

40. Этот бес тщательнее всех других наблюдает случай, когда мы не можем помолиться против него телесно. И тогда сей непотребный особенно покушается нападать на нас.

41. Тем, которые не приобрели еще истинной сердечной молитвы, помогает (в борьбе с блудною страстию) утомление себя в телесной молитве, — разумею, — воздеяние рук, биение в перси, очей на небо умиленное возведение, воздыхания с стенаниями и частое преклонение колен; — чего однакож часто не могут они делать по причине присутствия других лиц. — Тогда-то особенно демоны и пытаются нападать на них; и они, не имея еще сил противостать им твердостью ума и невидимым действием молитвы, по необходимости может быть уступают иногда борющимся их. Ты же в таком случае отскочи, если можно, поскорее от людей, скройся где нибудь незаметно на короткое время, — и там, возведши горе око, душевное, если можешь, а если нет, хоть телесное, — и руки крестовидно распростерши, на посрамление и побеждение сим образом мысленнаго Амалика, — возопий к Могущему спасти, не преухищренными словесами, а смиренными речениями прежде и паче всего взывая: помилуй мя, яко немощен есмь (Пс. 6, 3). Тогда опытом познаешь силу Всевышняго, и невидимо невидимую помощь обратишь в бегство невидимых. Навыкший сим образом воевать скоро и одною душею станет прогонять врагов: ибо это второе дается от Бога делателям в награду за первое.

42. Как воду жизни, усердно пей поругание от всякаго человека, желающаго напоить тебя сим

врачевством, очищающим от блудной похоти; ибо тогда глубокая чистота возсияет в душе твоей, и свет Божий не оскудеет в сердце твоём.

43. Не преставай воображать и воспоминать бездну темного огня, немилостивых служителей, Судию немилосердаго и неумолимаго, безконечную глубину преисподняго пламени, и тесные сходы в подземныя места, ужасныя пропасти, и другое сему подобное; чтобы страхом, раждающимся от сих воспоминаний, ты мог удалить от себя ощущение блуда, соединиться с нетленною чистотою, и принять в душе своей сияние невещественнаго света, который блистательнее всех огней.

44. Есть бес, который, как только мы возляжем на одр, приходит к нам, и стреляет на нас лукавыми и нечистыми помыслами: чтобы мы, поленившись вооружиться против них молитвою, и уснувши с скверными помыслами, объаты были потом и скверными сновидениями.

45. Чего глаза не видели, того и гортань по одному слуху не сильно желает вкушать; так и чистые телом получают от своего неведения (сласти блудной), большое облегчение в брани против блуда.

46. Как сражающийся со львом, если отвратит от него глаза, тотчас погибает, так и борющийся с плотию своею, — если ее упокоит.

47. Тем, которые борются с телесною похотию, в свое время прилично бывает безмолвие, — но с разрешения хорошо знающаго их наставника.

48. Узнал я, что бес уныния предшествует бесу блуда и уготовляет ему путь; чтобы крепко расслабив и погрузив в сон тело, дать возможность бесу блуда производить в спящем осквернения, как на яву.

49. Как земному царю мерзок предстоящий ему, и в тоже время отвращающий от него лице свое, и с врагами его беседующий, так и Господу мерзок бывает предстоящий на молитве, и принимающий нечистые помыслы.

50. Пса сего (блуднаго беса), когда он приходит к тебе, прогоняй духовным орудием молитвы; и сколько бы он ни продолжал безстыдствовать, не уступай ему.

51. (Исповедь блудной страсти). Душа спрашивает: «скажи мне, супруга моя, — естество мое (ибо я не хочу никого другаго, кроме тебя, спрашивать о том, что тебя касается), — скажи мне, как могу я пребывать неуязвим тобою? Как могу победить твое мучительство?» Она, отвечая душе своей, говорит: «не скажу тебе того, чего и ты не знаешь; но скажу то, о чем мы оба разумеем. Я имею в себе отца своего — самолюбие (самоугодие, и саможаление). Издали подготавливает мое разжжение всякое мне угождение и упокоение; от этого меня упокоения и соответственных ему дел загорается потом внутри жжение похотное. И тогда, зачавши, я раждаю грехопадения; они же, народившись, в свою очередь раждают смерть души чрез отчаяние. — Если сознаешь мою и свою немощь, — явную и глубокую, то свяжешь мне руки. Если умучишь голодом гортань, то свяжешь мне ноги, чтоб я не шла далее. Если сочетаешься с послушанием, то расторгнешь союз со мною. А если стяжешь смирение, то отсечешь мне голову.

в. борьба с сребролюбием.

1. Сребролюбие есть дочь неверия. Оно в предлог к себе выставляет возможные немощи, приближение старости, внезапность голода, по причине бездождия.

2. Сребролюбец есть осмеятель и добровольный нарушитель Евангелия. (Дух Евангелия — любовь). Но кто имеет любовь, тот не убережет денег. Загадывающий ужиться с тем и другим (с любовию и деньгами), сам себя обманывает.

3. Кто оплакивает себя, тот (не только имения, но) и тела своего отвергается; и если время потребует,

не пощадит и его.

4. Не говори, что имеешь нужду собирать для нищих (чтоб чрез помощь им получить Царствие), ибо Царствие можно купить и за две лепты.

5. Страннолюбец и сребролюбец друг с другом встретились; и второй назвал первого нерасчетливым.

6. Кто победил сию страсть (сребролюбия), тот отсекает все заботы; а кто связан ею (того всегда томят заботы) и он никогда не может помолиться чисто.

7. Начинается сребролюбие предположением раздаяния милостыни, а кончается ненавистию к бедным. И он (сребролюбец), пока собирает, милостив бывает, а как скоро набрал, — и руки сжал.

8. Видел я нищих деньгами, которые, живя жизнью нищих духом, обогатились духовно, и забыли о прежней своей нищете.

9. Нестяжательный отложил все заботы (о земном), не печется о жизни и житейском и шествует путем своим без препон. Он — владыка мира, всю печаль свою возвергший на Бога. Не скажет он человеку о своей нужде, но все приходящее приемлет, как от руки Господней.

10. Нестяжательный ни к чему не привязан, и о том, что есть у него, не думает, как бы того не было; так как все уже вменил в уметы, когда решился стать отшельником. Кто печалится о чем либо, тот еще не нестяжателен.

11. Нестяжательный чисто молится, а любостяжательный во время молитвы бывает исполнен вещественных образов, и будто им молится.

12. Пребывающие в послушании чужды сребролюбия; ибо когда они и тело свое предали, то что еще могут иметь, как собственность.

13. Вкусивший горняго ни во что вменяет долнее; не вкусивший же первого услаждается стяжанием (последняго).

14. О монахи! Не будем маловернее птиц, — которые не пекутся и не собирают.

15. Велик благочестно отрешившийся от всякаго имущества; но кто отвергается от своей воли, тот свят. Первый сторицею примет или имуществами, или дарованиями, а второй жизнь вечную наследует.

16. Моря не оставят волны, а сребролюбца — гнев и печаль.

17. Непокколебимая вера пресекает все попечения, а память о смерти научает отрекаться и от тела.

18. В Иове не было и следа сребролюбия; потому—то он, и всего лишившись, пребыл без смущения.

19. Корень всех зол есть и именуется сребролюбие (1 Тим. 6, 10); потому что оно производит ненависть, татьбы, зависть, разлучения, вражды, смятения, памятозлобие, жестокосердие, убийства.

20. Вера и странничество есть смерть сребролюбия; милосердие же и любовь не шадят и самого тела.

21. Как имеющие на ногах оковы не могут удобно ходить, так и те, которые собирают деньги, не могут взойти на небо.

22. Если крайняя степень сребролюбия есть то, когда человек не может перестать собирать богатство, или не насыщается им; то высота нестяжания состоит в том, чтобы не шадить и тела своего.

23. Оставим попечения; ибо мы записались в число свободных от попечений. Нам ничем нельзя извинить себя, если не исполним сего. Вспомним одно, — что тем, которые прияли Господа чрез возрождение Св. крещением, дал Он область чадом Божиим быти (Иоан. 1, 12); почему им говорится: упразднитеся и уразумеете, яко Аз есмь Бог (Пс. 45, 11).

24. Великий стыд нам, оставившим все, после звания, которым Господь, а не человек, позвал нас, заботиться о чем либо, что не может принести нам пользы, во время великой нашей нужды, т. — е. во время исхода души. Сие—то значит, как сказал Господь, обратиться вспять, и не быть управлену в Царствие Небесное.

25. Бес сребролюбия борется с нестяжательными; и когда не может их одолеть, тогда представляет им нищих, и под видом милосердия увещавает их, чтоб они из невещественных опять сделались вещественными.

26. Как променивающие золото на глину делают себе большой убыток, так и те, которые для приобретения телесных выгод объявляют и разглашают о своих духовных успехах, получают один убыток.

г. Борьба с гневом.

1. Гнев есть припоминание сокровенной ненависти, т. — е. памятозлобия. Гнев есть желание сделать зло огорчившему. Вспыльчивость (острожелчие) есть мгновенное возгорение сердца. Огорчение есть неприятное (досадное) чувство, засевшее в душе. Ярость есть низвращение благонастроения и осрамление души.

2. Некоторые, будучи склонны к раздражительности и гневу, не обращают на то внимания и не пекутся об уврачевании сей страсти, не помышляя о том, что сказал Премудрый: устремление ярости его падение ему (Сир. 1, 22).

3. Гнев, подобно быстрому движению жернова, в одно мгновение может истереть и уничтожить душевной пшеницы и плода — больше, нежели что другое в целый день. Посему тщательно надлежит внимать себе. Он, как пламя, раздуваемое сильным ветром, скорее нежели медленный огонь, пополяет и губит душевную ниву.

4. Безгневие есть ненасытное желание безчестий, как в тщеславных есть непомерное желание похвал. Безгневие есть победа над естеством, приобретаемая трудами и потами, при нечувствительности к оскорблениям.

5. Кротость есть неподвижное устройство души, пребывающее одинаковым при безчестиях и похвалах.

6. Начало безгневия есть молчание уст при возмущении сердца; середина — молчание помыслов при тонком смущении души; а конец — незыблемая тишина при дыхании ветров нечистых.

7. Как вода, непрерывно возливаемая на огонь, угашает его совершенно, так и слезы истинного плача обыкновенно угашают всякий пламень гнева и серчания.

8. Как с появлением света удаляется тьма, так от благоухания смирения исчезает всякое огорчение и гнев.

9. Ничто так не есть неуместно для кающихся, как раздражительный гнев; потому что обращение к Богу требует великаго смирения; а раздражительность есть знак высокога о себе мнения.

10. Если предел крайней кротости есть, и в присутствии раздражающего, мирно и любовно в сердце быть к нему расположенным; то без сомнения предел крайней гневливости есть, когда кто находясь один сам с собою, свирепую ведет брань и борьбу с оскорбившим его, показывая это словами и телодвижениями.

11. Если Дух Святой есть мир души, а гнев есть смятение сердца, то ничто не полагает такой преграды пребыванию Его в нас, как раздражительный гнев.

12. Молчание уст — начальное орудие против гнева; но можно, под покровом молчания, скрывать памятозлобие. И это хуже; лучше уже высказаться, хоть и в гневе. Иной в гневе не принимает пищи, — и тем более углубляет страсть сию; а иной много ест: — и от этого приходит в бешенство, — умеренное же утешение нередко подавало помощь к утолению ярости. Потому борьба с сею страстию требует большой осмотрительности. И ей, как змию плотской похоти, содействует естество.

13. Иногда умеренное сладкопение успешно разгоняет раздражение; а иногда, будучи безмерно и неблагоприятно, оно содействует сластолюбию. Почему сим пособием надобно пользоваться, разумно установляя для него и меру и время.

14. Гневливым полезнее жить в братстве, а похотливым лучше проходить безмолвное житие, как врачевство против блуда и смрадной нечистоты. Страждущим же тою и другою болезнию надо отдать себя в руки отца руководителя, чтоб он иногда держал их в безмолвии, а иногда вводил в подвиги общежительнаго послушания.

15. Большой вред — возмущать око сердца раздражением, по слову сказавшаго: смятесе от ярости око мое (Пс. 6, 8); но еще больший — словами изъяслять душевное волнение гнева; пускать же в дело при этом и руки — совсем противно и чуждо житию монашескому, — Ангельскому и Божественному.

16. Присмотримся, — и увидим, что многие из гневливых усердно держат бдение, пост, безмолвие, — и враг не мешает им в этом; ибо он умеет и под подвигами покаяния и плача уготовлять материалы к питанию и возвращению сей страсти.

17. Начало блаженнаго незлобия — терпеливо переносить безчестия, не смотря на горечь и боль души, середина — держать во время их сердце безкорбным и безпечальным, совершенство же, если оно бывает, — вменять их себе в похвалу.

18. Иное дело безгневие в новоначальных, происходящее от покаяннаго плача, а иное — неподвижность на гнев, бывающая в совершенных. В первых гнев связан слезами, как некоею уздою, а в последних этот змий умерщвлен мечем безстрастия.

19. Видел я троих, вместе потерпевших безчестие, монахов. Один из них почувствовал оскорбление, но смолчал; другой порадовался за себя, но опечалился за поносившаго; третий же, напечатлевши в уме вред ближняго, горячия пролил о нем слезы. Тут видны делатели страха, мздовоздаяния и любви.

20. Памятозлобие есть последний предел гнева, хранение в памяти грехов (против нас ближняго), отвращение от образа оправдания (Богом определенного: прости и прощено будет), — сгубление всех прежних добродетелей, яд душегубный, грызущий сердце червь, стыд молиться (как скажешь: остави, якоже и мы?), вонзенный в душу гвоздь, непрестанный грех, неусыпное беззаконие, ежечасное зло.

21. Укротивший гнев пресек зарождение и памятозлобия; ибо чадородие бывает только от живаго отца.

22. Стяжавший любовь стал чужд вражды; а держащий вражду множит в себе не знающие покоя труды.

23. Памятозлобствуя памятозлобствуй на демонов, и враждуя враждуй на тело свое всегда. Плоть — друг неблагодарный и коварный; когда угождают ей, она еще более вредит.

24. Злопамятство — кривой толковник Писания, иносказательно обращающий словеса Духа в угоду себе. Но да посрамит его данная нам Господом Иисусом молитва, которой не можем мы произносить, имея злопамятство в сердце.
25. Если, много потрудившись над собою, не можешь ты исторгнуть сей остен из сердца своего, — поди смиришь покаянно пред тем, на коего враждуешь, хоть на словах; и, устыдясь долгаго своего пред ним лицемерия, воспримешь его в любовь свою, уязвляем будучи совестью за то, как огнем.
26. Не тогда признай себя избавившимся от сей язвы, когда помолишься об оскорбившем, или воздашь ему дарами, или пригласишь его на трапезу; но, когда, услышав, что он подвергся какому либо душевному или телесному злословению, возболезнуешь и восплачешь о нем, как о себе самом.
27. Память страданий Господа Иисуса уврачуеет памятозлобие, — сильно постыжденное Его незлобием.
28. Некоторые для получения прощения предают себя на труды и поты, но незлопамятный опереживает их. Ибо истинно слово: если скоро отпустите, и вам щедро отпустится (Лук. 6, 37).
29. Непамятование зла есть знак истиннаго покаяния; а кто, помня зло, думает что проходит покаяние, тот похож на человека, во сне представляющего себя бегущим.
30. Видел я злопамятных, которые, другим злопамятным подавая совет не быть злопамятными, устыдились собственных своих слов и отстали от сей страсти.
31. От ненависти и памятозлобия раждается злословие, — тонкий недуг, скрытная пьявица, высасывающая кровь любви.
32. Иной прикрывает злословие любовию, желанием исправить. Но если ты любишь ближняго, то не обхаивай его, а молись о нем. Такой только образ действия приятен Господу.
33. Кто хочет избавиться от духа осуждения, тот пусть обращает укор не на падающаго, а на подушающаго беса. Ибо никто не желает грешить против Бога, хотя всякий свободен от насильования (т. — е. грешит сам).
34. Один из самых кратких путей к получению прощения грехов состоит в том, чтобы никого не осуждать; ибо сказано: не судите и не судят вам (Лук. 6, 37).
35. Как огонь противен воде, так кающемуся несвойственно судить других. Еслиб ты увидел когонибудь согрешающим даже при исходе души из тела, — и тогда не осуждай его, ибо суд Божий сокрыт от людей. Иные явно падали великим падением, тайно же совершали еще большия добрыя дела; и любители пересудов впади в ошибку, видя дым, и не усматривая за ним солнца.
36. Опытном дознано, что за какие грехи, телесные или душевные, — осудим ближняго, в те сами впадем.
37. Скорые и строгие истязатели прегрешений ближняго потому сею страстию негодуют, что не имеют совершенной и постоянной памяти и печали о своих собственных согрешениях. Ибо если кто, без покрывала самолюбия, верно взглянет на свои злыя дела, то не будет уже заботиться ни о чем другом, кроме их, справедливо рассуждая, что и на оплакивание себя самого не достанет ему времени всей своей жизни, хотя бы прожил сто лет, и хотя бы видел из очей своих изливающимся целый Иордан.
38. Бесы, убийцы душ, побуждают нас или согрешить, или, если не грешим, осуждать грешащих, чтоб чрез то осквернить нас, — и не грешащих.

39. Знай, что в духе неприязни порицать с удовольствием учение, дела и добродетели ближняго есть признак людей злопамятных и завистливых.

40. Видал я людей, тайно совершающих тяжкия прегрешения, только не оглашающихся, которые в мнении о своей чистоте безжалостно нападали на впадавших в грехи, хотя легкие, но огласившиеся.

41. Судить — есть безстыдное похищение сана Божия; а осуждать есть погубление души своей.

42. Как возношение и без всякой другой страсти может погубить человека, так и осуждение само по себе одно может нас совершенно погубить. Так Фарисей оный за это осужден был.

43. Встретились друг с другом гневливый и лицемер; и в беседе их невозможно было найти ни одного слова правды. Заглянув в сердце перваго, найдешь неистовство; а рассмотрев душу втораго, увидишь лукавство.

44. Как ветры взволновывают бездну, так ярость больше всех страстей возмущает ум.

45. (Исповедь сей страсти). Скажи нам безумная и постыдная страсть, как зовется породивший тебя отец, и как имя зле родившей тебя матери, также, какия имена скверных твоих сынов и дочерей; и не это одно, но и то, кто суть борющиеся с тобою, и кто — убивающие тебя? — «Матерей у меня много, и отец не один. Матери мои суть: тщеславие, сребролюбие, чревоугодие, а иногда и блуд; отец же мой главно — гордость. Дщери мои суть: памятозлобие, ненависть, вражда, самооправдание. Соперники мои суть противоположныя дочерям моим добродетели — безгневие и кротость; наветница же моя смиренномудрие».

д. Борьба с печалию.

1. Кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему либо видимому, то еще не избавился от нея; ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь трезвение, но паче всего должно нам в этом отношении наиболее быть благоразумно внимательными.

2. Когда настоятель искушает нас полезным безчестием досадами и выговорами, тогда представим себе страшное изречение всемирнаго Судии, и всеваемую в нас безразсудную печаль и горечь, без сомнения, посечем кротостию и терпением, как обоюду острым мечем.

3. Если мы пали, то прежде всего против духа печали да ополчимся; ибо он, представ во время молитвы нашей, и вспоминая нам прежнее наше дерзновение к Богу, хочет отторгнуть нас от молитвы.

4. Любление безчестий есть исцеление раздражительности; псалмопение же, милосердие, и нестяжательность суть убийцы печали.

5. Как слишком большое количество дров подавляет и угашает пламень, и производит множество дыма, так и чрезмерная печаль делает душу как бы дымною и темною, и воду слез иссушает.

6. Тесный путь обозначается безчестием, укоризнами, осмеянием, ругательствами, тяготою досад. И он спасителен, если будешь — обижаемый — терпеть мужественно, оклеветаемый — не негодовать, унижаемый — не гневаться, осуждаемый — смиряться. Блаженны ходящие стезями сего пути, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5. 3—12).

7. Добровольное терпение всего скорбнаго есть настоящий спасительный путь покаяния.

8. Почитать себя достойным не только претерпеваемых уже видимых и невидимых скорбей, но еще и больших, есть признак деятельнаго покаяния.

9. Как вода стесняемая поднимается вверх, так и душа, угнетенная бедами, востекает в покаянии к

Богу и спасается.

10. Некого Аввакира в обители всякий день обижали; а служители едва не каждый день выгоняли его из трапезы, так что он часто оставался без еды. Я (св. Иоанн Лествичник) спросил его, как он на это смотрит? Он ответил: «поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах? — И как они делают это не вправду; то и я, зная намерение их, благодушно терплю сие и не скучаю». — При смерти же, через два года, он сказал: «благодарю вас, братие; ибо ради того, что вы искушали меня на спасение мое, я семнадцать лет был свободен от искушений бесовских».

11. Другому некому Македонию, старому, уже по справедливому поводу, в наказание, было определено — быть всегда среди новоначальных; но когда кончился срок, он сам упросил оставить его под эту унижительную епитимиею, будто тяжко согрешившаго. — Потом он исповедал Св. Лествичнику: «никогда не видал я такого облегчения во всякой внутренней брани, и никогда так, как теперь, не чувствовал в себе сладости Божественного света».

12. Будучи уязвляемы обличениями, будем вспоминать грехи свои, пока Господь, видя нашу нужду и насилие, какое мы сами себе делаем, благоволит изгладить грехи наши, — и скорби, угрызающая наше сердце, претворит в радость, как говорит о том Псалмопевец: по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою (Пс. 93, 19).

13. Блажен, кто, будучи ежедневно укоряем и унижаем Бога ради, понуждает себя к терпению; он будет ликовать с мучениками, и дерзновенно беседовать с Ангелами. — Кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения, а кто принимает оное со скорбью или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений.

14. Сын мой! Если ты сначала предашь себя терпению безчестий, то немного будешь трудиться для приобретения блаженного покоя душевного.

15. Как небольшой огонь смягчает много воска, так и малое безчестие нередко вдруг смягчает сердце, услаждает его и истребляет всю свирепость его, все безчувствие и ожесточение.

16. Досады, унижения и все подобные случаи в душе послушника уподобляются полынной горечи, — а похвалы, честь и одобрения — меду. Но полынь очищает всякую внутреннюю нечистоту, а мед обыкновенно умножает желчь.

е. Борьба с духом уныния.

1. Уныние есть расслабление души, небрежение о подвигах, отвращение от обета; ублажательница мирян, клеветница на Бога, яко бы немилосердаго и безчеловечнаго; в псалмопении оно нестройно, в молитве немощно, в телесном же служении крепко, как железо, в рукоделии неленостно, на послушания скоро и охоче.

2. Муж, состоящий в послушливом подчинении, не знает уныния; и посредством чувственного преуспеваает в духовном.

3. Общежитие — враг уныния, а мужу безмолвнику оно всегдашний сожитель; прежде смерти не отступит оно от него, и до кончины его не перестанет бороться с ним. Увидев келлию отшельника, оно улыбаются, и приближась вселяется близ него.

4. Врач посещает больных утром, а уныние — подвижников около полудня.

5. Уныние подущает к странноприимству, и докучает внушениями творить милостыню от рукоделья; усердно тянет посещать больных, приводя на память рекшаго: болен бех и приидосте ко Мне (Мф. 25, 36); неотступно твердит: сходи к скорбящим и малодушествующим, — и, будучи само

малодушно, советует утешать малодушных.

6. Ставшим на молитву напоминает оно о необходимо нужных делах, и всячески ухищряется отвлечь нас от нея какую либо благословностию, как уздою, безсловесная.

7. Каждая из прочих страстей упраздняется одною какую либо добродетелию; уныние же для инока — всеобъемлющая смерть. Из всех осьми предводителей зла дух уныния есть самый тягчайший.

8. Когда нет псалмопения, уныние не является; и по окончании правила (на коем берет дремота), глаза бодро раскрываются.

9. Во время нападков уныния обнаруживаются нудители (естества); и ничто столько не доставляет венцов (внимательному) иноку, как уныние.

10. Плачущий о себе не знает уныния.

11. Монах, любящий деньги, не знает уныния: он ежечасно воспоминает слова Апостола: праздный да не яст (2 Сол. 3, 10), и другое: руже сии послужите мне и сущим со мною (Деян. 20, 34).

12. Уныние происходит иногда от вкушения удовольствий чувственных, а иногда от безстрашия пред Богом.

13. Прилежная молитва — пагуба уныния; память же о последнем суде рождает усердие (к действию по Богу).

14. Благая надежда есть меч, которым инок побеждает и закаляет уныние.

15. (Исповедь уныния). Скажи нам, страсть нерадивая и разслабленная, кто есть зле родивший тебя? Какая твои исчадия? Кто суть воюющие против тебя? И кто убийца твой? — (Ответ). —

Родительницы у меня многия: иногда безчувствие души, иногда забвение небесных благ, а иногда и чрезмерность трудов. Исчадия мои, со мною пребывающия — перемены местопребывания, пренебрежение заповедей отца духовнаго, непамятование о последнем суде, а иногда и оставление монашескаго обета. Противники мои, которые вяжут меня, суть — псалмопение с рукоделием. Враг мой есть помышление о смерти; умерщвляет же меня молитва с твердою надеждою сподобиться вечных благ.

ж. Борьба с тщеславием.

1. Тщеславие есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевнаго сокровища, муравей на гумне жизни, который, хотя мал, однако всегда готов похищать труды и плоды наших подвигов.

2. Тщеславие ко всему льнет: тщеславолюсь, когда пощусь, но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславолюсь, считая себя мудрым; побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошия одежды; но и в худыя одеваясь, также тщеславолюсь; стану говорить, побеждаюсь тщеславием, замолчу, опять им же побежден бываю. Как ни брось сей трезубец, все он станет верх острием.

3. Тщеславный человек есть идолослужитель. Он думает, что почитает Бога, но в самом деле угождает не Богу, а людям.

4. Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславнаго остается без награды, и молитва его бесплодна; ибо он то и другое делает для похвалы человеческой.

5. Тщеславный подвижник сам себе делает двойную обиду, потому что тело свое изнуряет, а награды не получает.

6. Господь часто скрывает от очей наших те добродетели, которыя мы приобрели; а человек

хвалящий нас, или лучше сказать, льстящий нам, похвалою отверзает нам очи, а как скоро отверзлись они, богатство добродетели исчезает (с глаз съедается бывает).

7. Лстец есть слуга бесов, руководитель гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. Блажащие вас льстят вы, и стопы ног ваших возмущают, говорит Пророк (Ис. 3, 12).

8. Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом, и, как то случается в торговле, променяли одну страсть на другую.

9. Когда ближний, или и друг, укорит тебя в отсутствии или присутствии твоём, тогда покажи любовь, — похвали его.

10. Великое дело — отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее — отвратить от себя похвалу бесовскую.

11. Не тот показывает смиренномудрие, кто оуждает сам себя (ибо кто стерпит поношения от себя самого?); но тот, кто, будучи укорен другим человеком, не уменьшает к нему любви.

12. Когда бес тщеславия видит, что подвижник приобрел, хотя малое, умирение сердца, тотчас побуждает его идти в мир, говоря: «иди на спасение погибающих душ».

13. Тщеславие побуждает легкомысленных, при посторонних, облекаться в смирение, и в поступках своих, в лице и голосе, показывать благоговение; за трапезою оно заставляет заметно воздерживаться; на псалмопении — ленивых делает ревностными и безголосых доброгласными.

14. Тщеславие предпочитаемых делает гордыми, и в презираемых посеивает памятозлобие.

15. Тщеславие весьма удобно прививается к естественным дарованиям, и чрез них нередко низвергает в пагубу несчастных рабов своих.

16. Однажды видел я, как бес тщеславия прогнал брата своего беса ярости. Один брат разсердился на другаго; но пришли миряне, и он вдруг стих, перепродав себя тщеславию; ибо не мог зараз работать обоим сим господам.

17. Кто сделался рабом тщеславия, тот ведет двойную жизнь; одну по наружности, а другую — по образу мыслей и чувств, одну наедине с собою, а другую — на людях.

18. Предвкусивший небесную славу, естественно презирает всякую земную славу; и я подивился бы, еслиб кто, не вкусив первой, совершенно презирал последнюю.

19. Видел я, как иные начинали духовное делание по тщеславию; но потом, переменяв намерение в делании, предосудительное начало увенчали похвальным концем.

20. Кто возносится естественными дарованиями, как то: остроумием, понятливостию, искусством в чтении и произношении, быстротою ума, и другими подобными способностями, без труда нами получаемыми, тот никогда не получит выше естественных благ; ибо неверный в малом и во многом неверен будет по своему тщеславию (Лук. 16, 10).

21. Кто просит у Бога даров за труды, тот на опасном основании утверждается; а кто, напротив, смотрит на себя, как на всегдашняго должника пред Богом, тот сверх чаяния своего, вдруг увидит себя обогащенным небесным богатством.

22. Не слушай велятеля сего, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; кая бо польза человеку, если он весь мир будет пользоваться, душу же свою отщегит (Мф. 16, 26)? Ни что не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав, и такое же слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтоб они не возносились; а что иное может быть

полезнее сего?

23. Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, возводит до небес и низводит до бездн.

24. Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет у нас, приводя к обольщению нас слова Спасителя: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша (Мф. 5, 16).

25. Не скрывай стыда своего с тою мыслию, чтобы не подавать ближнему повода к преткновению; хотя может быть и не во всяком случае полезно будет употреблять сей пластырь, но смотря по особенным свойствам грехов.

26. Когда хвалители наши, или, лучше сказать, льстецы, начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество грехов наших (и суд Божий, не сходный с человеческим), — и увидим, что мы недостойны того, что говорят или делают в честь нам.

27. Простые сердцем не очень подвержены отравлению сим ядом; ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство.

28. Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту; так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и завершительницу.

29. Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление безчадия, середина — отсечение всех мысленных приражений тщеславия; а конец (если только есть конец в бездне) — без смущения при других делать то, что служит к безчестию.

30. Утаивай благородство свое, и не величайся своею знатностию, чтоб не быть тебе по словам в одном, а по делам в другом устроении.

31. Видел я неискусного ученика, который в присутствии некоторых людей, хвалился добродетелями своего учителя, и, думая присвоить себе славу, от чужой пшеницы, приобрел вместо того одно безчестие, когда все сказали ему: «как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь».

32. Тщеславие любит торжественно являться на седалище многословия; молчание же уст упраздняет тщеславие.

33. Покаряющиеся бесу тщеславия подвергаются безвременным движениям похоти, когда они, освободившись временно от блудных помыслов, начинают много о себе думать. Возставшия за это блудныя движения приводят его к узрению кроющагося в глубине их сердца тщеславия, и научают прочее не приписывать бывающей иногда чистоты сердца собственному тщанию и усилию, следуя показанию Апостола: что имаши, егоже неси приял (1 Кор. 4, 7), туне, или непосредственно от Бога, или помощью других и посредством их молитвы.

34. Молчание и безмолвие — враги тщеславия; но если ты находишься в общежитии, то переноси безчестия.

35. Если крайнее тщеславие есть, когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, и наедине обнаруживает тщеславные поступки, то признак совершенного нетщеславия есть, чтоб и в присутствии других не окрадываться тщеславною мыслию.

з. Борьба с гордостью.

1. Гордость есть отвержение Бога, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, отгнание помощи Божией, виновница падений, источник гнева, горький истязатель чужих дел, судья безчеловечный, противница Богу, корень хулы.

2. Начало гордости — укоренение тщеславия; середина — унижение ближнего, безстыдное проповедание о своих трудах, самохвальство в сердце, ненавидение обличения; а конец — отвержение Божией помощи, высокомерное упование на свое тщание, бесовский нрав.
3. Видал я людей, устами благодаривших Бога, и велехвалившихся в мыслях своих. Ясное доказательство на сие представляет Фарисей, когда он говорил: Боже, благодарю Тя (Лук. 18, 11).
4. Где совершилось грехопадение, там прежде водворилась гордость, ибо гордость есть предвестница падения.
5. Высокомудрый монах сильно прекословит; а смиренномудрый не только не прекословит, но и очей возвести не смеет.
6. Не преклоняется кипарис и не стелется по земле; так и высокосердый монах не может иметь смиренного послушания.
7. Если Бог гордым противится (Иак. 4, 6), то кто может помиловать их? — И если нечист пред Богом всяк высокосердый (Прит. 16, 5), то кто может очистить его?
8. Отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости; а кто принимает оное, тот разрешился от уз гордости.
9. Один мудрый старец увещавал горделиваго брата; но сей, слепотствуя душою, сказал: «прости меня, отче, я совсем не горд». Тогда мудрый старец возразил: «чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не уверением, что нет в тебе гордости».
10. Людям гордаго нрава полезнее всего быть в повиновении, проводить житие грубейшее и презреннейшее, и прочитывать повествования о пагубных последствиях гордости и сверхъестественных уврачеваниях от оной.
11. Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумие — гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, также как и самое рождение. — Если ты исправлял какия нибудь добродетели без помощи ума, то пусть оне только и будут твоими, потому что и самый ум дарован тебе Богом. — И если ты без тела показал какия нибудь подвиги, то они только и были от твоего тщания; ибо и тело не есть твое, — оно творение Божие.
12. Не надейся на свои добродетели, пока не услышишь последняго о тебе изречения от Судии; ибо в Евангелии видим, что и возлежавший уже на брачной вечери, был связан по рукам и по ногам, и во тьму кромешную извержен (Мф. 22, 13).
13. Да не престанем сами себя испытывать и сравнивать житие наше с житием прежде нас бывших Св. Отцев и светил; и найдем, что мы и шагу еще не сделали, чтобы идти по следам жизни сих великих мужей, — даже обета своего не исполнили как должно, но пребываем еще в мирском устройении.
14. Монах есть бездна смирения, в которую он низринул, и в которой потопил всякаго злаго духа.
15. От гордости происходит забвение согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия.
16. Гордость есть убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что имеет свет.
17. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою.
18. Гордый не имеет нужды в бесе — искусителе; он сам сделался для себя бесом и супостатом.
19. В гордых сердцах рождаются хульные слова, а в смиренных душах — небесныя видения.

20. Не знаю, как это бывает, что весьма многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли безстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество.
21. Кто пленен гордостью, тому необходимо нужна чрезвычайная Божия помощь для избавления; ибо человеческия средства к спасению его безуспешны.
22. Хульные помыслы рождаются от гордости, гордость же не допускает открыть их духовному отцу. Почему часто случается, что сия бедственность повергает иных в отчаяние, истребив всю надежду их, подобно червю, истачивающему дерево.
23. Нет никаких помыслов, которые бы (по причине гордости) столь трудно было исповедать, как помысл хульный; посему нередко он во многих пребывает до самой старости. Но между тем ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим в сердце, — что питает их.
24. Никто не должен думать, что он виновен за хульные помыслы; ибо Господь есть сердцеведец и знает, что такая слова и помышления не наши, но врагов наших.
25. Научимся презирать духа хулы, и, отнюдь не обращая внимания на влагаемые им помыслы, говорить ему: иди за мною сатана; Господу Богу моему поклоняюсь, и Тому единому послужу; болезнь же твоя и слова твои да обратятся на главу твою, и на верх твой да снидет хула твоя, в нынешнем веке, и в будущем (Пс. 7, 17).
26. Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом намерен вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами — подобен старающемуся запереть ветры.
27. Когда начнет в нас процветать святое смирение, тогда начнем мы презирать всякую похвалу и славу человеческую. Когда же оно созреет, тогда не только за ничто станем мы почитать свои добрыя дела, но и вменять их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени грехов своих неведомым для нас расточением добродетелей.
28. Покаяние прилежное и плачь очищенный от всякой скверны, воздвигая храм смирения в сердце, разрушают вознагражденную на песке лачугу гордыни.
29. Признаки исчезновения гордости и водворения смирения суть — радостное подъятие поношений и унижений, утоление ярости, и неверование своим добродетелям.
30. Конец всех страстей — тщеславие и гордость, для всякаго не внимающего себе. Истребитель же их — смиренномудрие хранит сожителя своего неведимым от всякаго смертоносного яда (страстей).
31. Смиренномудрый монах не любопытствует о предметах непостижимых; а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних.
32. К одному из разсудительнейших братьев приступили бесы, и ублажали его. Но сей смиренномудрый сказал им: «если бы вы перестали хвалить меня в душе моей, то из отшествия вашего я заключил бы, что я велик; если же не перестанете хвалить меня, то из похвалы вашей вижу мою нечистоту; ибо нечист пред Господом всяк высокосердый (Прит. 16, 5). Итак или отойдите, чтобы я почел себя за великаго человека; или хвалите, — и я приобрету чрез вас великое смирение». Сим обоюдоострым мечем разсуждения они так были поражены, что тотчас исчезли.
33. Иное дело превозноситься, иное не превозноситься, и иное — смирение. Один целый день судит; другой ни о чем не судит, но и себя не осуждает; а третий, будучи неповинен, всегда сам себя

осуждает.

34. Конь, когда бежит один, то ему кажется, что он скоро бежит; но когда находится в бегу с другими, тогда познает свою медленность. (Сравнивай себя с лучшими и избежишь самомнения).
35. Нечистые бесы тайно влагали похвалу в сердце одному внимательному подвижнику. Но он, будучи наставляем Божественным вдохновением, умел победить лукавство духов такую благочестивою хитростию: написал на стене своей келлии названия высочайших добродетелей, т. — е. совершенной любви, Ангельского смирения, чистой молитвы, нетленной чистоты, и других подобных. Когда потом помыслы начинали хвалить его, он говорил им: «пойдем на обличение», — и, подошедши к стене, прочитывал написанные названия, — и присовокуплял: «когда и все сии добродетели приобретешь, знай, что ты еще далек от Бога».
36. Хочешь ли стяжать неотступную любовь к молитве, прежде приобучи сердце не заирать чужих согрешений, но предтечею сего должна быть ненависть к тщеславию.
37. Если хотим постигнуть себя, да не престанем сами себя испытывать и истязывать; и если в истинном чувстве души будем держать, что каждый ближний наш превосходнее нас, то милость Божия не далека от нас.
38. Многие называют себя грешными, а может быть, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается унижением (от других).
39. Кто говорит, что он ощущает благовоние смирения, — и во время похвал, хотя мало движется сердцем, тот да не прельщается, ибо он обманут.
40. Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу, сказал некто в чувстве души (Пс. 113, 9); ибо он знал, что естество человеческое, будучи столь немощным, не может принимать похвалу безвредно. От Тебе похвала моя в Церкви велицей (Пс. 21, 26), — в будущем веке; а прежде того не могу принимать ее безопасно.
41. Естественное свойство лимонного дерева таково, что оно, будучи бесплодно, вверх принимает ветви; а когда оныя наклонят, то оне скорее бывают плодоносны. — Стяжавший знание понимает это.
42. Если гордость некоторых из Ангелов превратила в бесов, то без сомнения смирение может и из бесов сделать Ангелов. Итак да дерзают падшие, уповая на Бога.
43. Ничто так не смиряет душу, как пребывание в нищете и пропитание подаянием.
44. Кто в беседе упорно желает защищать свое мнение, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом (гордостью); и, если он так поступает в беседе с равными, то может быть обличение старших и исцелит его; если же он обращается так с большими себя и мудрейшими, то люди не могут исцелить сей болезни.
45. Однажды спросил я одного из искуснейших старцев, каким образом послушание имеет смирение? Он ответил: благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит; и избавления от браней достигнет, всегда думает, что это совершает молитва отца его духовного, — и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и может ли он превозноситься тем, что, как сам сознает, сделал помощью другаго, а не собственным старанием.
46. Находясь в общежитии, внимай себе, и отнюдь не старайся в чемнибудь показываться праведнее других братий; иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностию, и себе дашь повод к высокоумию.

47. Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не высказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом каким либо, ни гадательным знаком; во всем будь подобен братьям, чтоб избежать высокоумия.

48. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение.

49. Кто слезами своими внутренне гордится, и осуждает в уме своем не плачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего, и убивающему им самого себя.

50. Если кто замечает, что он легко побеждается превозношением и вспыльчивостию, лукавством и лицемерием, — и захочет извлечь против сих врагов обоюдоострый меч кротости и незлобия, тот пусть поспешит вступить, как бы в белильню спасения, в собор братий, — и притом самых суровых, когда хочет совершенно избавиться от своих порочных навыков; чтобы там, потрясаемый досадами, унижениями и треволениями братий, и ударяемый ими умственно, а иногда и чувственно удручаемый, попираемый и ударяемый пятами, он мог очистить ризу души своей — от сущей в ней скверны.

51. Видел я, что гордость бывает причиною смирения. Ибо плод надмения есть падение в грех; грехопадение же для желающих спастись часто бывает поводом к смиренномудрию.

52. Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самых теней.

53. Блудных могут исправлять люди, лукавых — Ангелы, а гордых исцеляет Сам Бог.

54. Видимую гордость исцеляют скорбные обстоятельства; а невидимую — прежде век Невидимый.

55. Неусыпно наблюдай душевным оком за гордостью; ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти.

56. Если вид погибели, т. — е. гордости, есть то, когда кто возносится и малыми и незначительными делами; то спасительный признак смирения есть — иметь смиренный образ мыслей и при великих предприятиях и исправлениях.

57. Некогда я уловил сию безумную прелестницу в сердце своем, внесенную в оное на раменах ея матери — тщеславия, связав обеих узами послушания, и бив их бичем смирения, я понуждал их сказать мне, как оне вошли в мою душу? Наконец под ударами они говорили: «мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами начальницы и родительницы всех страстей. Не мало враждует на нас один из наших неприятелей — сокрушение сердца, рождаемое повиновением. Но комунибудь быть подчиненными, — сего мы терпеть не можем; посему—то мы и на небе бывши начальниками, отступили оттуда. Кратко сказать: мы родительницы всего противнаго смиренномудрию; а что оному споспешествует, то нам сопротивляется. Впрочем, если мы и на небесах явились в такой силе, то куда ты убежишь от лица нашего? Мы весьма часто следуем за терпением поруганий, за исправлением послушания и безгневия, и непамятозлобия и служения ближним. Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство. Есть одно нечто, чему мы не имеем силы противиться, — будучи сильно биемы тобою, мы скажем тебе и сие: — если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину. Ты видишь, говорила гордость, что конь, на котором я еду, есть тщеславие; преподобное же смирение и самоукорение посмеются коню и всаднику его, и со сладостию воспоют победную оную песнь: поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море (Исх. 15, 1), т. — е. в бездну смирения».

5. О Безстрастии.

1. Великолепие тверди суть звезды, а украшение безстрастия — добродетели.
2. Безстрастным называется и есть тот, кто плоть свою соделал нерастлеваемою страстьми, ум возвысил превыше всякой твари, все чувства покорил уму, душу же свою представил лицу Господа, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих.
3. Некоторые говорят еще, что безстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела, а другие, — что оно есть совершенное познание Бога (спознание с Богом), — второе после Ангелов.
4. Это совершенное и никогда не завершаемое совершенство совершенных о Господе, как сказывал мне некто вкусивший его, так наконец освящает ум и отторгает его от всего вещественного, что, по достижении сего небеснаго пристанища, большую часть жизни во плоти держит его в видении восторженным в небесное.
5. Есть бестрастный, и есть безстрастнаго бестрастнейший. Ибо один сильно ненавидит зло, а другой ненасытно богатится добродетелями.
6. Чистота (целомудрие) также называется безстрастием. И справедливо; ибо она есть предначатие общаго воскресения и нетления тленных.
7. Если знак совершеннаго порабощения страстям состоит в том, что человек скоро повинуется почти всем тайно всеваемым от бесов помыслам, то почитаю за признаки святаго безстрастия, когда кто может не ложно сказать с Давидом: уклоняющагося от мене лукаваго не познах (Пс. 100, 4), и не знаю, как он пришел, и за чем приходил, и как ушел; я ко всему тому стал не чувствителен, будучи весь соединен с Богом, и надеясь всегда быть в таком состоянии.
8. Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще здесь, обложенный брэнною плотию, бывает храмом живаго Бога, Который руководствует его и наставляет во всех словах, делах и помышлениях; и он, по причине внутренняго просвещения, познает волю Господню, как бы слышал некоторый глас, и будучи выше всякаго человеческого учения, говорит: когда прииду и явлюся лицу Божию (Пс. 41, 3)? Ибо не могу более сносить действия вожделения небеснаго, но ищу той безсмертной красоты, какую Ты даровал мне прежде, нежели впал я в тление.
9. Безстрастный, — что много говорить? — не ктому себе живет, но живет в нем Христос (Гал. 2, 20), как сказал подвигом добрым подвизавшийся, течение скончавший, и веру православную соблюдший (2 Тим. 4, 7).
10. Из одного камня не составляется Царский венец, так и безстрастие не совершится, если вознерадим хотя об одной какой либо добродетели.
11. От послушания раждается смирение, от смирения же — безстрастие, которым завершается смирение. Начало смирения послушание; а безстрастие, которое есть дочь смирения, совершает мать свою.
12. Некоторые изнуряют тела свои для получения безстрастия и богатства дарований, чудодействия и силы прозрения; но сии бедные не знают, что не труды, но более всего смирение есть мать этих благ.
13. Кто с добродетелию смирения сочетался браком, тот кроток, тих, удобоумилен, милосерд, наипаче же мирен, радостен, благопокорлив, беспечален, бодр, неленостен, и — что много говорить? — безстрастен, потому что во смирении нашем помяну ны Господь, и избавил ны есть от врагов наших (Пс. 135, 23. 24), — от страстей и скверн наших.
14. Многие скоро получили прощение грехов, — но никто скоро не приобрел безстрастия; ибо для

приобретения его нужно долгое время, многий труд любви и помощь Божия.

ПРЕПОДОБНЫЙ АВВА ДОРОФЕЙ

Краткое сведение о нем.

Процветал Авва Дорофей в конце шестаго и в начале седьмаго века. Раннюю молодость свою провел он в изучении светских наук, — очень прилежном. По окончании образования жил несколько времени на родине, не далеко от обители Аввы Серида, может быть, в Аскалоне или Газе. Состояние его было достаточное. Скоро вступил он в сношение с великими старцами Варсанофием и Иоанном, которых наставления расположили его, оставя все, принять монашество в обители Аввы Серида, где они имели покой. Под их руководством прошел он иноческое свое воспитание, преимущественно впрочем под руководством старца Иоанна, проходя в тоже время и послушания, возлагаемые на него Аввою обители, который сначала вверил его надзору странноприимницу, а потом больницу. Во время этого последнего послушания он был руководителем св. Досифея. По кончине Аввы Серида и старца св. Иоанна, когда общий наставник их великий Варсанофий совершенно заключился в своей келлии, препод. Дорофей удалился из общежития Аввы Серида и был настоятелем другой некоей обители. Вероятно к этому времени относятся его поучения, говоренныя им своим ученикам. Эти поучения в числе двадцати одного и несколько посланий составляют все, что осталось нам в наследии от писаний сего отца, свет учения котораго распространялся не только в обителях иноческих, но и всюду между христианами. Время кончины его полагают около 620 года. Память его июня 5—го.

(Извлекаются под ряд).

1. По благодати Своей Бог дал нам заповеди, очищающия нас, дабы мы, если пожелаем, могли соблюдением заповедей очиститься не только от грехов, но и от самых страстей. Ибо иное суть страсти, и иное грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть самыя действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т. — е. совершает с телом те дела, к которым побуждают его страсти; ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним.
2. Закон (ветхий) имел целию научить нас не делать того, чего сами не хотим пострадать; потому он и останавливал нас только от делания зла. Ныне же (в Новом Завете) требуется изгнать самую страсть, побуждающую делать зло, — самую ненависть, самое сластолюбие, самое славолубие и прочия страсти.
3. Послушайте, что говорит Господь: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Здесь Он показал корень и причину всех зол и врачевство от них, — причину всего добраго; показал именно, что возношение низложило нас, и что помилование получить иначе не возможно, как чрез противоположное ему смиренномудрие. — Отчего подверглись мы всем скорбям? Не от гордости ли? Человек был создан во всяком наслаждении и был в раю. Но ему было повелено не делать одного дела, а он сделал. Видишь гордость? Видишь непокорность (дщерь гордости)? — Тогда Бог сказал: человек не умеет наслаждаться одною радостью; если он не испытает злоключений, то пойдет еще далее и совершенно погибнет; если не узнает, что такое скорбь и труд, то не узнает, и что такое радость и покой; — и изгнал его из рая. — Тут он предан был собственному своему самолюбию и собственной воле, чтобы оне сокрушили кости его, и чтобы чрез то научился он следовать не самому себе, но

заповедям Божиим, и чтобы самое злострадание преслушания научило его блаженству послушания, как сказано у Пророка: накажет (научит) тя отступление твое (Иер. 2, 19). — Вот ныне благодать Божия и призывает: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененнии, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 28). Как бы так: вот вы натрудились и настрадались, испытали злыя последствия непокорности: приидите же теперь и обратитесь; оживите себя смиренномудрием, вместо высокоумия, которым вы себя умертвили. Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29).

4. Авва Марк сказал: без сокрушения сердечнаго невозможно освободиться от зла и приобрести добродетель. Чрез сокрушение сердечное человек делается послушным заповедям, освобождается от зла, приобретает добродетели, — и потом восходит в покой свой.

5. Некоторые боголюбивые люди, пресекши по святом крещении действия страстей, восхотели победить и самыя страсти и стать безстрастными, каковы: св. Антоний, св. Пахомий и прочие Богоносные Отцы. Они восприяли благое намерение очистить себя от всякия скверны плоти и духа (2 Кор. 7, 1). Но зная, что, находясь в мире, не удобно достигнуть сего, они измыслили свой особенный образ жизни, особенный образ действования, т. — е. отрешенную от мира уединенную жизнь, и начали убегать от мира и жить в пустынях, подвизались в постах и бдениях, спали на голой земле, и всякия другия несли лишения, совершенно отрекшись от отечества и сродства, имений и стяжаний.

6. Они не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Заповеди даны всем христианам, и всякий христианин обязан их исполнять. Это есть тоже, что в мире дань, должная царю. Но как в мире есть люди великие и знатные, которые не только дани дают царю, но приносят ему и дары, — за что удостоиваются особой чести, наград и достоинств: так и Отцы не только дань принесли Богу, сохранив заповеди, но принесли Ему и дары — девство и нестяжание, кои не суть заповеди, а дело произволения: ибо о первом сказано: могий вместити, да вместит (Мф. 19, 12), а о втором: аще хочещи совершен быти... продаждь и дай нищим (Мф. 19, 21).

7. Они распяли себе мир, а потом восподвизались и себя распять миру, подражая Апостолу, который говорит: мне мир распялся и аз миру (Гал. 6, 15). Ибо когда человек отрекается от мира и делается иноком, — оставляет родителей, стяжания, и все житейския дела и заботы, тогда он мир распинает себе. Когда же потом освободившись от внешних вещей, подвизается он и против самых услаждений, или против самага вожделения вещей, и против своих пожеланий, и умерщвляет самыя страсти, тогда он и себя распинает миру, — и дерзновенно может сказать с Апостолом: мне мир распялся и аз миру.

8. Отцы наши, распяв себе мир, и себя распяли миру, предавшись подвигам. А мы, хотя, повидимому, распяли себе мир, оставив мир и пришедши в монастырь; но себя распять миру не хотим, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастие к нему, сочувствуем славе его, удерживаем в себе пристрастие к снедам, к одеждам и прочим суетностям. Однако мы не должны так делать, но как отреклись от мира и вещей его, так должны отрешиться и от самага пристрастия к вещам тем.

9. Мы оставили мир, оставим и пристрастие к нему. Ибо пристрастия опять привязывают нас к миру и соединяют с ним, хотя бы оне касались маловажных, обыкновенных и ничего не стоящих вещей. Но если хотим совершенно измениться и освободиться от пристрастий, научимся отсекаать хотения

свои, — каких бы малых вещей они ни касались. Ибо ничто не приносит столько пользы людям, как отсечение своей воли; и поистине, от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели. Между тем, такое отсечение своей воли и своих хотений может быть поминутное. Положим, что кто либо идет; помысл говорит ему: посмотри туда и сюда, но он отсекает свое хотение и не смотрит. Встретил он разговаривающих; помысл говорит ему: скажи и ты с ними слово — другое, но он отсекает свое хотение, — и не говорит. Подошел он к кухне; помысл говорит: зашел бы спросить, что готовит повар, но он отсекает это хотение, и не заходит и проч. и проч. — Отсекая таким образом свое хотение, он приходит в навык отсекать его и, начиная с малаго, достигает того, что и в великом отсекает ее без труда и спокойно; и так начинает наконец вовсе не иметь своей воли, и чтобы ни случилось, бывает спокоен. Так отсечением своей воли приобретаете безпристрастие, а от безпристрастия, с помощью Божию, восходит и к совершенному безстрастию.

10. Некто из старцев сказал: «прежде всего нужно нам смирение». Почему же он так сказал? — Почему не сказал, что прежде всего нужно нам воздержание? Ибо Апостол говорит: подвизайся от всех воздержитя (1 Кор. 9, 25). Или почему не сказал, что прежде всего нужен нам страх Божий? Ибо в Писании сказано: начало Премудрости страх Господень (Прит. 1, 7). Почему также не сказал, что прежде всего нужна нам милостыня, или вера? Ибо сказано: Милостынями и верами очищаются грехи (Прит. 15, 27), и еще: без веры не возможно угодити Богу (Евр. 11, 6). Почему же он, оставя все сие столь нужное, выставляет только смиренномудрие? Старец показывает нам сим, что ни страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая либо добродетель не может быть совершенна без смиренномудрия. Смиренномудрием же сокрушаются и все стрелы врага и противника. Все святые шествовали путем его и трудом. Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя, взывает Псалмопевец; и еще: смирихся и спасе мя Господь (Пс. 24, 18; 114, 6).

11. Тот же старец сказал: смирение ни на кого не гневается, и никого не прогневляет. Смирение привлекает на душу благодать Божию; благодать же Божия, пришедши, избавляет душу от сих двух тяжких страстей. Ибо что может быть более тяжким, как гневаться на ближнего и прогневлять его? — Но что я говорю, будто смирение избавляет от двух только страстей? Оно избавляет душу и от всякой страсти и от всякаго искушения.

12. Когда св. Антоний увидел распростертыми все сети диавола и, вздохнув, спросил Бога: «кто же избегнет их?» то Бог ответил ему: «смирение избегает их»; и, что еще более удивительно, — присовокупил: «оне даже не прикасаются ему». Видишь силу сей добродетели? Поистине нет ничего крепче смиренномудрия, ничего не побеждает его. Если со смиренным случится что скорбное, он тотчас себя осуждает, что достоин того, — и не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину. Таким образом переносит он случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием; а потому и не гневается ни на кого, и никого не прогневляет.

13. Смирения два, так же как и две гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, осуждает его и безчестит, как ничего не значущаго, а себя считает выше его. Таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-по-малу приходит и во вторую гордость, которая гордится против Самого Бога и приписывает себе свои подвиги и добродетели, а не Богу, как будто он сам собою совершил их, своим знанием и умом, а не помощью Божию. Из сего видеть можно, в чем состоят и два смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее и по всему превосходнее себя, — или почитать себя ниже всех. Второе же смирение

состоит в том, чтобы свои подвиги приписывать Богу. И это есть совершенное смирение Святых.

14. Совершенное смирение рождается от исполнения заповедей. Когда на деревьях бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви их к низу и нагибают их; а ветвь, на которой нет плодов, стремится вверх и растет прямо. Есть же такие деревья (лимонные), которые не дают плода, пока их ветви растут вверх; но если кто возмет камень, привесит к ветви и нагнет ее к низу, тогда она дает плод. Так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. От того Святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными. Так Авраам, когда увидел Господа, назвал себя землею и пеплом (Быт. 18, 27); Исаия, увидев Бога превознесенна, воззвал: окаянный и нечистый есмь аз (—6, 5).

15. Никто не может выразить словами, что такое есть смирение, и как оно рождается в душе, если не узнает сего из опыта. Из одних же слов никто не может познать сего. Некогда Авва Зосима говорил о смирении (что чем кто святее, тем смиреннее), и какой-то софист, бывший при том, спросил его: «разве ты не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, что исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?» Старец не находил, какой дать ему ответ, а только говорил: «не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным». И когда софист все еще докучал ему вопросом: как? — старец говорил ему одно: «не знаю как; но я подлинно считаю себя таким. Не смущай меня». Так и когда Авва Агафон приближался к кончине, и братия сказали ему: «и ты ли боишься, отче?» то он ответил: «сколько мог я понуждал себя сохранять заповеди, но я человек, и почему могу знать, угодно ли Богу дело мое? Ибо иной суд Божий, и иной человеческий».

16. Что приводит к смирению, о сем некто из старцев сказал так: путем к смирению служат телесные труды, совершаемые разумно, — и то, чтобы считать себя ниже всех, — и непрестанно молиться Богу». — Телесные труды приводят душу к смирению, потому что душа состраждет телу и соучаствует во всем, что делается в теле. Как труд телесный смиряет тело, то вместе с ним смиряется и душа. То, чтобы считать себя ниже всех, есть отличительная черта смирения, и навыковение и упражнение в сем, само собою укореняет смирение, и искореняет гордость, какую назвали мы первою. Ибо как может кто либо гордиться пред кем либо, или укорить, и уничтожить кого тот, кто почитает себя ниже всех? — Так же и то, чтоб молиться непрестанно, явно противится гордости — второй. Ибо очевидно, что тот наклоняет себя к смирению, кто, зная, что не может совершить никакой добродетели, без помощи Божией, не перестает всегда молиться Богу, чтобы Он совершил с ним милость. Почему непрестанно молящийся, если и сподобится совершить что либо, то зная, почему он совершил сие, не может возгордиться; ибо не может приписать сего своей силе, но все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться таковой помощи. Итак, он со смирением молится и молитвою смиряется; и чем более преуспевает всегда в добродетели, тем более всегда смиряется; а по мере того, как смиряется, получает помощь и преуспевает в смиренномудрии.

17. Сотворив человека, Бог всеял в него нечто Божественное, — некий, подобный искре помысл, имеющий в себе и свет и теплоту, — помысл, просвещающий ум и показующий ему, что добро и что зло. Называется сие совестью, — и она есть естественный закон. Следуя сему закону — совести, Патриархи и все Святые, прежде писанного закона, угодили Богу. Но когда люди чрез грехопадение закрыли и попрали совесть, тогда сделался нужен закон писанный, стали нужны св. Пророки, нужно сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, — чтобы открыть и воздвигнуть ее, —

чтоб засыпанную оную искру снова возжечь хранением Св. Его заповедей.

18. Ныне в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться. Когда совесть наша говорит нам сделать что либо, а мы пренебрегаем сим, — и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попирать ее; тогда мы засыпаем ее, — и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но как светильник, сияющий за совестью, начинает показывать нам вещи все темнее и темнее. Как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы, по преступлении, не разумеем, что говорит нам наша совесть, — так что нам кажется, будто ея вовсе нет у нас.

19. Совесть называется соперником, потому что всегда сопротивляется злой воле нашей и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем, и если что не должны делать, делаем, осуждает нас. Посему Господь и назвал ее соперником, и заповедует нам: буди увещаваяся с соперником твоим, дондеже еси на пути с ним (Мф. 5, 25) т. — е. в мире сем, как говорит св. Василий Великий.

20. Будем же хранить нашу совесть, пока находимся в мире сем, не допустим, чтоб она обличала нас в каком либо деле, не будем попирать ее ни в чем, хотя бы то было самое малое. Знайте, что от пренебрежения сего малаго и в сущности ничтожнаго мы переходим к пренебрежению и великаго. Если кто начнет говорить: «что за важность, если я съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или на эту вещь?» то от этого: «что за важность в том, что за важность в другом» — впадает он в злой навык и начнет пренебрегать великим и важным и попирать свою совесть; а таким образом закосневая во зле, будет он в опасности придти и в совершенное нечувствие.

21. Совесть хранить должно и в отношении к Богу, и в отношении к ближнему, и в отношении к вещам. — В отношении к Богу тот хранит совесть, кто не пренебрегает Его заповедями; и даже в том, чего не видят люди, и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою к Богу втайне. — Хранение совести в отношении к ближнему требует, чтоб отнюдь не делать ничего такого, что, как знаем, оскорбляет или соблазняет ближняго, делом или словом, или видом, или взором. — Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться худо с какою либо вещию, не давать ей портиться, и не бросать ее без нужды. — Во всех этих отношениях должно хранить совесть свою чистою и не запятанною, чтоб не попасть в беду, от которой Сам Господь предостерегает нас (Мф. 5, 26).

22. Св. Иоанн говорит: совершенная любовь вон изгоняет страх (1 Иоан. 4, 18). Как же св. Пророк Давид говорит: бойтесь Господа вси святии Его (Пс. 33, 10)? Сим показывается, что есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, — один свойствен начинающим, а другой свойствен совершенным Святым, достигшим в меру совершенной любви. Кто исполняет волю Божию по страху мук, тот есть еще новоначальный; а кто исполняет волю Божию из любви к Богу, — для того, чтоб угодить Богу, того сия любовь приводит в совершенный страх, по коему он, вкусив сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ея. И сей-то совершенный страх, раждающийся от любви, вон изгоняет страх первоначальный.

23. Страху совершеннаго невозможно достигнуть, если кто прежде не приобретет первоначальнаго страха. Премудрый Сирах говорит: страх Божий есть начало и конец (—1, 15, 18). Началом назван первоначальный страх, за которым следует совершенный страх Святых. Первоначальный страх свойствен душевному состоянию. Он охраняет душу от всякаго падения; ибо сказано: страхом

Господним уклоняется всяк от зла (Прит. 15, 27). Но кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина, тот постепенно приходит к тому, чтоб делать благое добровольно, — сначала, как наемник, надеясь некоего воздаяния за свое благое делание. Если же он таким образом будет постоянно избегать зла, из страха, подобно рабу, и делать благое, в надежде награды, подобно наемнику; то пребывая, по благодати Божией, во благом и соразмерно сему соединяясь с Богом, получает он наконец вкус ко благому, приходит в некоторое ощущение истинно благаго, — и уже не хочет разлучиться с ним. Тогда достигает он в достоинство сына, и любит добро ради самого добра, — и хотя боится, но потому что любит. Сей-то есть великий и совершенный страх.

24. Сию постепенность изображает и св. Пророк Давид в следующих словах: уклонися от зла и сотвори благо; взыщи мира и пожени и (Пс. 33, 15). Уклонися, говорит, от зла, т. — е. избегай всякаго вообще зла, уклоняйся от всякаго дела ведущаго ко греху. Но сказав это, он не остановился на сем, но прибавил: и сотвори благо. Ибо случается, что иной не делает зла, но и добра не творит; и, например, не обижает, но и милосердия не оказывает, или не ненавидит, но и не любит. Сказав же о сем, он последовательно продолжает: взыщи мира и пожени и. Не сказал только — взыщи, но усиленно стремись за ним, чтоб достигнуть его. — Следите внимательно умом своим за сею речью, и примечайте тонкость, наблюдаемую Святым. — Когда кто сподобится уклониться от зла, и потом, с помощью Божиею, будет старательно делать благое; тотчас возстанут на него брани вражеския, — и он подвигается, трудится, сокрушается, то боясь возвратиться опять на злое, как раб, то надеясь награды за благое, как наемник. Но терпя нападения от врага, борясь с ним и сопротивляясь ему; по сим побуждениям, он, хотя делает благое, однакож с большою скорбью, с великим трудом. Когда же получит помощь от Бога и приобретет некоторый навык в добре, тогда видит он покой, тогда ощущает мир, тогда ощущает, что значит прискорбная брань, и что — радость и веселие мира. — И начинает уже потом искать мира, усиленно стремиться к нему, чтоб достигнуть его, приобрести совершенно и водворить его в себе. Достигший же в меру сию вкушает наконец блаженство миротворцев (Мф. 5, 9). — И отселе кто может побудить душу сию делать добро ради чего либо иного, кроме наслаждения тем самым добром? Тогда-то таковой познает и совершенный страх.

25. Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений, — если каждый вечер испытывает себя, как провел день, и каждое утро, — как прошла ночь, — если не будет дерзок, и наконец, если будет находиться в близком общении с человеком боящимся Бога. Ибо говорят, что один брат спросил некоего старца: «что мне делать, отче, чтобы бояться Бога?» Старец отвечал ему: «иди, живи с человеком боящимся Бога, — и он тем самым, что боится Бога, научит и тебя бояться Бога». — Отгоняем же страх Божий от себя тем, что делаем все противное сказанному: не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений, — не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время, — но живем нерадиво и обращаемся с людьми, не имеющими страха Божия, — и бываем дерзки. И сие последнее хуже всего: это совершенная пагуба; ибо ничто так не отгоняет страха Божия от души, как дерзость. Спросили о ней некогда Авву Агафона, — и он сказал: «дерзость подобна сильному жгучему ветру, от котораго, когда он подует, все бегут, и который портит всякий плод на деревьях». — Бог да избавит нас от всегубительной сей страсти — дерзости.

26. Дерзость бывает многообразна: можно быть дерзким и словом и движением и взором. От дерзости иной впадает в празднословие, говорит мирское, делает смешное и побуждает других к

непристойному смеху. Дерзость и то, когда кто коснется другого без нужды, протянет руку на кого смеющегося, толкнет кого, вырвет что у него из рук, безстыдно смотрит на кого: все это делает дерзость, все это происходит от того, что в душе нет страха Божия, — и от сего человек приходит мало по малу и в совершенную небрежность. — Посему то Бог, когда давал заповеди закона, сказал: благоговейны сотворите сыны Израилевы (Лев. 15, 31); ибо без благоговения и скромной стыдливости (несмелости) человек не чтит и Самого Бога и не хранит ни одной заповеди. Потому нет ничего вреднее дерзости, — потому — то она и есть мать всех страстей, что изгоняет благоговение, отгоняет страх Божий от души, и раждает небрежность.

27. Авва Иоанн, ученик Аввы Варсонофия, имел обыкновение повторять следующие четыре изречения, — иногда одно, иногда другое, при отпуске от себя приходивших братий: «чрез сохранение совести в отношении к ближнему раждается смиренномудрие; — никогда не должно предпочитать свою волю воле брата своего; — бегай от всего человеческого и спасешься; — друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов (Гал. 6, 2)». — Каждый раз он предварял сии изречения такими словами: «сказал я однажды, брат, — Бог да сохранит любовь, — отцы сказали», — и после сего прилагал одно из своих изречений.

28. При всяком встречающемся деле, хотя бы оно было крайне нужно и требовало тщания, не хочу, чтоб вы делали его со спорами, или с смущением, но будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, — велико ли оно или мало, — есть осьмая часть искомого, а сохранить свое устройство, если и случится от сего не исполнить дела, есть семь осьмих. Итак, если вы делаете какое дело и хотите совершенно и всецело исполнить его, то старайтесь как самое дело исполнить, что, как я сказал, есть осьмая часть искомого, так вместе с тем сохранить и свое устройство не поврежденным, — что составляет семь осьмих. Если же для того, чтоб исполнить дело вашего служения, настоять будет необходимость увлечься и повредить себе или другому, споря с ним, то не надобно терять семь осьмих для того, чтоб сохранить одну осьмью.

29. Премудрый Соломон говорит в притчах: имже несть управления, падают, якоже листвие; спасение же есть во мнозе совете (Притч. 11, 14). Видите ли, чему учит нас Св. Писание? Оно увещевает нас не полагаться на самих себя, не считать себя все понимающими, не верить тому, что можем сами управлять собою, ибо мы имеем нужду в помощи, нуждаемся в наставляющих нас по Богу. Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божиим. Ибо что значит сказанное: имже несть управления, падают, якоже листвие? — Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ, красив, но потом постепенно засыхает, падает, и наконец попирается ногами. Так и человек, никем не управляемый, сначала всегда, имеет усердие к посту, бдению, безмолвию, послушанию и к другим добродетелям; потом усердие это мало по малу охлаждается и, он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал, и воспламенял в нем это усердие, не чувствительно засыхает, падает и становится наконец подвластным рабом врагов, кои делают уже с ним, что хотят.

30. О тех, которые открывают свои помышления и поступки и делают все с советом, говорит Премудрый: спасение есть во мнозе совете. Не говорит: «в совете многих», — чтоб с каждым совещаться, но что должно совещаться обо всем, — конечно с тем, к кому имеем доверие, и не так, чтоб одно говорить, а другое умалчивать, но все открывать и обо всем советоваться; такому и есть верное спасение во мнозе совете.

31. Когда мы не открываем своих мыслей и намерений и не испрашиваем совета опытных, тогда

держимся своей воли и следуем своим оправданиям (т. — е. тому, что сами считаем праведным). И тогда, делая повидимому доброе дело, мы сами себе разставляем сети, и гибнем, не ведая того. Ибо как можем мы уразуметь волю Божию, или вполне предаться ей, если верим самим себе и держимся своей воли? — Посему-то Авва Пимен и говорил, что «воля наша есть медная стена между человеком и Богом».

32. Тому, кто верит своему уму и предается своей воле, враг, как хочет, устраивает падение. К тому же, кто с совета все творит, ему нет доступа. Оттого он ненавидит и вопрошение и наставление по поводу его, ненавидит самый голос, самый звук таковых слов. И сказать ли, почему? — Потому что знает, что злокозненность его тотчас обнаружится, как только станут спрашивать и говорить о полезном. А он ничего так не боится, как быть узнанным, потому что тогда он уже не может коварствовать, как хочет. Когда кто спрашивает и слышит совет от кого либо опытного: «это делай, а сего не делай, или: «теперь не время сему делу», и иной раз: «теперь время»; тогда диавол не находит, каким образом вредить ему, или как низложить его, потому что он всегда советуется и со всех сторон ограждает себя, — и таким образом исполняется на нем сказанное: спасение есть во мнозе совете.

33. Враг любит полагающихся на свой разум; потому что они помогают ему, и сами себе строят козни. Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того, или от того падает человек; а я не знаю другого падения, кроме того, когда человек следует сам себе. Увидишь ли падшаго, — знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего.

34. Я всегда говорю вам, что от незначительных послаблений себе доходим мы и до значительных грехов. Что тяжелее греха осуждать ближняго? Что столько ненавидит Бог, и от чего столько отвращается? И однакож в такое великое зло приходит человек от ничтожного повидимому, — от того, что дозволяет себе малое зазрение ближняго. Ибо когда это дозволяется, тогда ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближняго. А от сего (от навыка в этом) происходят пересуды, укоры, злословия, — и наконец — пагубное осуждение. Но ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека (от благодати) и не приводит к гибели, как укорение, злословие, и осуждение ближних.

35. Иное дело злословить, а иное осуждать или унижать. Злословить значит сказать о ком либо: такой-то солгал, или соблудил, или погневался, или другое что не доброе сделал. Вот такой позлословил брата, т. — е. сказал страстно о его согрешении. А осуждать значит сказать: такой-то лгун, блудник, гневлив. Вот такой осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей жизни его, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такого: а это тяжкое прегрешение.

36. Фарисей, молясь и благодаря Бога за свои добродетели, не солгал, но говорил истину, и не за то был осужден: ибо мы должны благодарить Бога, когда сподобились сделать что либо доброе, потому что Он помог и содействовал нам в этом. Не за это был он осужден; и не за то, что сказал: несмы, якоже прочии человецы. Но когда, обратясь к мытарю, сказал: или якоже сей мытарь; тогда подвергся осуждению (сам за осуждение другаго). Ибо он осудил самое лицо, самое расположение души его, всю жизнь его. Почему мытарь и вышел оправдан паче онаго (Лук. 18, 11).

37. Одному Богу принадлежит оправдывать или осуждать, поелику Он знает и душевное расположение каждого и силу, стремления и дарования, телосложение и способности, — и сообразно

с этим осуждает или оправдывает каждого — праведно. Ибо кто может верно знать все сие, кроме Единого, сотворившего всех, и всеведущаго.

38. Иногда мы не только осуждаем, но и уничтожаем ближняго; ибо иное есть — осуждать, и иное уничтожать. Уничтожение есть то, когда человек не только осуждает, но и презирает другаго, — гнушается им и отвращается от него, как от некоей мерзости: это хуже осуждения и гораздо пагубнее.

39. Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат согрешил, вздохнул и сказал: «горе мне! как он согрешил сего дня, так я согрешу завтра». Видишь ли мудрое настроение души? Как он тотчас нашел средство избегнуть осуждения брата своего? Ибо сказав: «так и я завтра», он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить, — и так избежал осуждения ближняго. При том не удовлетворился этим, но и себя повергнул под ноги его, сказав: «и сей покается о грехе своем, а я не покаюсь, как должно, не достигну покаяния, не в силах буду покаяться». Видишь просвещение Божественной души?

40. Бывает, что яд осуждения, переполнив нашу душу, ищет излиться и в других. И вот мы, встречая другаго брата, мирнаго ко всем, спешим пересказать ему: то и то случилось, — и причиняем ему вред, внося в сердце его грех осуждения. Не боимся мы рекшаго: горе напаяющему подруга своего развращением мутным (Аввак. 2, 15); но совершаем бесовское дело и нерадим о том. Ибо смущать и вредить чье дело, как не бесовское? И вот мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближняго. Отчего так? Оттого, что нет в нас любви. Ибо любви покрывает множество грехов (1 Петр. 4, 8).

41. Святые не осуждают согрешающаго и не отвращаются от него, но сострадают ему, скорбят о нем, вразумляют, утешают, врачуют его, как больной член, и делают все чтоб спасти его. — Что сделал св. Аммон, когда братия пришли и сказали ему в смущении: «пойди и посмотри, отче, у такогото брата в келлии женщина?» Какое милосердие показал он? Догадавшись, что брат скрыл женщину под кадкою, он пошел и сел на оную, и велел им искать по всей келлии. Когда же они ничего не нашли, он сказал им: «Бог да простит вас». Так он постыдил их, и оказал им великую пользу, научив, не легко верить обвинению на ближняго: и брата того исправил, не только покрыв его по Боге, но и вразумив его, когда нашел удобное к тому время. Ибо выслав всех вон, он взял его за руку и сказал ему: «подумай о душе своей, брат!» — Брат сей тотчас устыдился, пришел в умиление и пресек грех. Так благотворно подействовало на душу его человеколюбие и сострадание старца.

42. Представьте себе круг, средину его — центр, и из центра исходящие радиусы — лучи. Эти радиусы чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга; напротив чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собою. Положите теперь, что круг сей есть мир, самая средину круга — Бог, а прямые линии (радиусы), идущия от центра к окружности, или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут тоже. На сколько Святые входят внутрь круга к средине онаго, желая приблизиться к Богу, на столько по мере вхожденья они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и притом так, что сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу, и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. — Так разумеете и об удалении. Когда удаляются от Бога и обращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они отходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга, — и

сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково и свойство любви: но сколько мы находимся вне и не любим Бога, на столько каждый удален и от ближняго. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними, и сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся и с Богом.

43. Отчего происходит, что иногда кто либо, услышав оскорбительное слово, не обращает на него внимания, а переносит оное без смущения, как будто вовсе не слышал его, иногда же как только услышит, тотчас смущается. Отчего так бывает? Не смущаются вот отчего: во первых, случается, что иной после молитвы, или доброго упражнения, находится в добром расположении духа, и потому снисходит брату своему и не смущается его словами; случается также, что иной имеет большое расположение к кому либо, и потому без огорчения переносит все, от него наносимое; бывает также, что иной презирает желающего оскорбить его, и ни во что вменяет обиды его. — А смущаются от противоположнаго сему, — оттого, что бывают не в добром расположении духа, или оттого, что имеют неприязнь против оскорбившаго, — и от других причин. — Но главную причину всякаго смущения служит то, что мы не укоряем самих себя.

44. Авва Пимен сказал: «куда бы ни пошел укоряющий себя, какой бы ни приключился ему вред, или безчестие, или иная какая скорбь, он уже предварительно считает себя достойным всего неприятнаго и никогда не смущается. Есть ли что безпечальнее такого состояния?...

45. Скажет ктонибудь: если брат оскорбит меня, и я, испытав себя, найду, что не подал ему никакого к тому повода, то как могу укорить себя? — По истине, если кто испытает себя со страхом Божиим, то найдет, что всячески сим подал повод, или делом, или словом, или видом, если же не окажется, чтоб в настоящее время он подал какой либо повод, то всеконечно когданибудь в другое время оскорбил его, или в этом, или в другом деле, или, может быть, оскорбил другаго брата, и должен был пострадать за сие, — или часто за иной какой—либо грех. Потому и говорю я, что если кто рассмотрит себя со страхом Божиим и строго испытает совесть свою, то непременно найдет себя виновным и укорит себя.

46. Случается, что иной, сидя в уединении безмолвном, пребывает в мире. Но вот пришел брат, и между разговорами сказал что либо неприятное, и он тотчас пришел в смущение, — и говорит потом: «еслиб он не пришел ко мне и не смутил меня, то я не согрешил бы». — Какое смешное рассуждение! Разве тот, кто сказал ему слово, вложил ему страсть? Он только вызвал наружу ту, которая была уже в нем; — и теперь предлежит ему не на брата скорбеть, а каяться в страсти, укоряя себя. Такой человек похож на гнилой хлеб, который снаружи хорош, а внутри заплесневел, и когда кто либо разломит его, то обнаруживается его гнилость, — или на чистый сосуд, который внутри полон смрада и зловония, и когда кто откроет его, тотчас становится чувствительным смрад его. Так и этот пребывал, как ему казалось в мире, не замечая, что страсть была внутри его; брат сказал ему одно слово и обнаружил гнилость, сокрытую внутри его. Посему, если он хочет быть помилованным, то пусть покается, укорив себя. Сим только путем он достигнет чистоты и преуспеет. Брата же того ему должно еще благодарить, как доставившаго ему такую пользу.

47. Душа, по мере того, как творит грех, изнемогает от него; ибо грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предается ему; и потому все, приключающееся ему, отягощает его. Если же человек преуспевает в добре, то по мере преуспевания, ему делается более легким то, что некогда было тяжело.

48. Во всяком случае должны мы взирать горе. Добро ли нам кто сделает, или злое потерпим от кого либо, мы должны взирать горе, и благодарить Бога за все, случающееся с нами, всегда укоряя самих себя и говоря, что если случится с нами что доброе, то это дело милостиваго промысления о нас Божия, а если злое, — то это за грехи наши.

49. Окаянные мы, ежедневно согрешающие и страстям своим удовлетворяющие! Оставили мы путь правый, указанный нам отцами, — путь самоукорения, и идем кривым путем укорения ближняго. — И каждый из нас старается во всяком деле сложить вину на брата своего и на него возложить всю тяготу; каждый ленится и не соблюдает ни одной заповеди, а от ближняго требует исполнения всех заповедей.

50. Где тот старец, который, когда его спросили: «что главное из найденнаго тобою на пути сем, отче», — ответил: «то, чтобы во всем укорять себя?» — Так и Авва Пимен сказал со стенанием: «все добродетели вошли в дом сей, но без одной добродетели трудно устоять человеку». Какая же это добродетель», спросили его? Он ответил: «та, чтоб человек укорял себя». И св. Антоний сказал: «велико делание — возлагать пред лицом Бога согрешения свои на себя, — и до последняго издыхания ожидать искушения». И везде находим мы, что отцы наши обретали покой от того, что, возложив на Бога все, даже и самое малое, они всегда соблюдали сие правило — себя во всем укорять.

51. Отцы сказали, что монахам не свойственно гневаться, также и оскорблять кого-либо, и еще: «кто преодолел раздражительность, тот преодолел демонов, а кто побеждается сею страстию, тот вовсе чужд иноческой жизни, и проч. — Что же должны мы сказать о себе, когда не только предаемся раздражению и гневу, но и пребываем в злопамятстве? — Что нам делать, как не оплакивать такое жалкое и не человеческое состояние (душ наших)? — Однакож будем внимать себе, братия, и постараемся с помощью Божиею избавиться от горечи этой губительной страсти.

52. Между братьями нередко происходят смущения и возникают неудовольствия, но они обычно спешат улаживать эти размолвки и умиротворяются. Бывает однакож, что иной и после того, как поклонившись, помирится, продолжает скорбеть на брата и держать мысли против него. Это есть злопамятность, — и она требует многого внимания, чтобы не закоснеть в оной и не погибнуть. Кто помирился тотчас после раздражения, тот исцелил гнев, но против злопамятности еще не подвизался, — и потому продолжает скорбеть на брата. Ибо иное злопамятность, иное гнев, иное раздражительность, и иное смущение. Чтоб вы лучше поняли сие, скажу пример. Кто разводит огонь, тот берет сначала малый уголек: это слово брата, нанесшаго оскорбление. Если ты перенесешь это слово, то ты и погасил уголек. Если же будешь думать: «зачем он это сказал? Когда так, и я ему скажу то и то; еслиб он не хотел оскорбить меня, то не сказал бы этого, — так и я оскорблю его — непременно». — Вот ты и подложил лучинки, или что другое, подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть смущение. Смущение есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. А раздражение есть отмстительное возстание на опечалившаго, которое обращается в дерзость, как сказал бл. Авва Марк: «злоба, питаемая помыслами, раздражает сердце; молитва же убивает ее». Еслиб ты перенес малое слово брата, то погасил бы этот малый уголек прежде, чем произошло смущение. — Однакож и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще ново, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца. — Если же будешь продолжать дымить, т. — е. раздражать и возбуждать сердце помышлениями:

«зачем он... так и я»... то от сего разгорится сердце твое и породится воспаление раздражительности. — Если хочешь, можешь погасить и ее прежде, чем произойдет гнев. Если же будешь продолжать возмущать и раздражать себя, то уподобишься человеку, подкладывающему дрова на огонь, от чего образуется пламень огненный, — и это есть гнев. А гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольет крови своей (потов и трудов над собою).

53. Се слышали вы, что такое начальное смущение, что раздражительность, что гнев, и что злопамятство. Видите ли как от одного слова доходят до такого зла? Ибо если ты сначала укорил себя, терпеливо перенес слово брата твоего, и не хотел бы отомстить ему, и на одно слово сказать два, или пять слов, и воздать злом за зло; то избавился бы от всех зол этих. Посему и говорю вам: всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде нежели они укоренятся, и укрепятся в вас и станут удручать вас: ибо тогда придется вам много пострадать от них. Иное дело вырвать малую былинку, и иное искоренить большое дерево.

54. Воздавать злом за зло можно не только делом, но и словом и видом. Иной думает, что он на деле не воздает злом за зло, но оказывается, что воздает словом, или видом, или движением, или взором; ибо и всем этим можно оскорбить брата своего, — и это также есть воздаяние злом за зло. Другой же не старается мстить за зло ни делом, ни словом, ни видом, ни движением, но в сердце своем имеет неудовольствие на брата своего и скорбит на него. Другой хотя не имеет скорби на брата своего; но если услышит, что кто нибудь оскорбит брата того в чем либо, или что его побранили, или унизили, — и радуется тому, то и он оказывается воздающим злом за зло в сердце своем. Другой не питает злобы в сердце своем, и не радуется, слыша об унижении оскорбившаго его, даже и печалится, если ему нанесут оскорбление, однакож не радуется и благополучию его, — когда, например, видя, как того прославляют и тому угождают, скорбит; и это есть также вид злопамятности, хотя и легчайший.

55. Иной, если случится кому оскорбить его, и они поклонятся друг другу и примирятся между собою, живет в мире с тем и не имеет против него никакой злой мысли в сердце своем; когда же чрез несколько времени тому опять случится сказать что либо скорбное для него, то он начинает вспоминать и прежнее и смущаться не только о втором, но и о прежнем. — Сей подобен человеку имеющему рану и положившему на нее пластырь, и хотя он в настоящее время заживил рану, и она заросла, но место еще болезненно; и если кто бросит в него камень, то место сие повреждается более всего тела и тотчас начинает источать кровь. Тоже самое претерпевает и оный человек: была у него рана, и он приложил пластырь, — т. — е. сделал поклон и исцелил рану, т. е. гнев, примирением; начал также усиливаться и против злопамятности, стараясь не питать ни одной злой мысли в сердце своем. Это значит, что рана зарастает; но она еще не совершенно зажила, — есть еще остаток злопамятности, от которого удобно возобновляется рана, если человек получит хотя легкий ушиб.

56. Надобно подвизаться — совершенно очистить и внутренний гной, дабы больное место совсем заросло, и чтобы не осталось никакого безобразия и вовсе нельзя было узнать, что на этом месте была рана. Как же сего достигнуть? — Молясь от всего сердца об оскорбившем и говоря: Боже, помоги брату моему и мне ради молитв его! — Молясь таким образом за брата своего; являет он сострадание и любовь, прося же помощи себе, ради молитв его, смиряется. А где сострадание, любовь и смирение, там что может успеть раздражительность, или злопамятность, или другая какая

страсть? — И Авва Зосима сказал: «если диавол подвигнет все хитрости злобы своей со всеми демонами своими, то все коварства его упразднятся и сокрушатся от смирения по заповеди Христовой». А другой старец сказал: «молящийся за врага не будет злопамятен».

57. Делом исполняйте советы старцев, и тогда хорошо уразумеете, что говорят они; если не будете исполнять, никогда не можете одними словами научиться делу подвижничества. Какой человек, желая научиться искусству, постигает его из одних слов? Нет; сперва он работает и портит, работает и уничтожает свое изделие; и так мало по малу, трудами и терпением научается искусству, с помощью Бога, взирающего на его труд и произволение. А мы хотим искусству искусств научиться одними словами, не принимаясь за дело. Возможно это?! — Будем же внимать себе, и трудиться со тщанием, пока еще имеем время.

58. Нужно всячески внимать, чтоб не быть окраденными ложью, ибо лжец не соединяется с Богом. Ложь чужда Богу. В Писании сказано, что ложь от диавола, что он есть ложь и отец лжи (Иоан. 8, 44). Се, отцем лжи назван диавол, истина же есть Бог; ибо Он Сам говорит: Аз есмь путь, истина и живот (Иоан. 14, 6). Видите, от Кого мы отлучаем себя и с кем соединяем себя ложью! — Итак, если поистине хотим спастись, то мы должны всю силою и всем усердием любить истину и охранять себя от всякой лжи, чтоб она не отлучила нас от истины и жизни.

59. Есть три различных вида лжи: иной лжет мыслию, другой лжет словом, а иной лжет самую жизнь свою. — Мыслию лжет тот, кто принимает за истину свои предположения, т. — е. пустые подозрения на ближнего; когда, например, видит, что ктонибудь говорит с братом своим, делает свои догадки: это он про меня чтонибудь говорит, — и подоб. — Такой лжет мыслию; ибо он ничего истинного не говорит, но только по одному своему мнению, а от сего происходят злословие, пересуды, враждование и осуждение. — Словом лжет тот, кто, например, поленившись встать на бдение, не говорит: «прости, я поленился встать»; но говорит: «у меня был жар, я был нездоров», и десятки лживых слов придумывает, — чтоб не сделать одного поклона и не смириться. Также если он желает чего, то не скажет прямо: «я этого желаю», но все извращает слова свои, указывая, то на болезнь, то на нужду, — и лжет до тех пор, пока не удовлетворит желания. Такому наконец перестают верить, и когда он говорит правду. — Жизнь свою лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным, или будучи корыстолюбив, выставляет себя милостивым, или будучи надмен, принимает вид смиренного.

60. Позаботимся о себе. Кто нам даст время сие, если мы понапрасну потеряем его? Поистине будет время, когда взыщем дней сих и не обрящем. Авва Арсений всегда говорил себе: «Арсений, для чего вышел ты из мира?»

61. Еслиб мы восхотели поподвизаться не много, то не скорбели бы много и не испытывали бы трудностей. Ибо если кто понуждает себя на подвиги, то продолжая подвизаться, мало по малу преуспевает и потом с покоем совершает добродетели; поелику Бог, видя, что он понуждает себя, подает ему помощь. Будем же понуждать себя; ибо мы хотя не достигли еще совершенства, но если будем подвизаться, то чрез подвиг получим помощь, и с сею помощью стяжем всякия добродетели. Посему—то некто из отцов сказал: «дай кровь и приими дух», т. — е. подвизайся, и получишь навык в добродетели.

62. Как желающий обучиться плотничеству не занимается иным ремеслом; так и те, которые хотят научиться деланию духовному, не должны заботиться ни о чем другом, но день и ночь поучаться в

том, как бы приобрести оное. Однакож всему должна быть мера. Некто из старцев сказал: «ходите путем царским и считайте поприща (версты)». Ибо добродетели суть середина между излишеством и недостатком. Поэтому и сказано в Писании: да не уклонишия ни на десно, ни на шуе, но путем царским ходи (Втор. 5, 32; 17, 11).

63. Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть какое либо существо и не имеет никакого состава. Но душа, уклонившись от добродетели, делается страстною и рождает грех, и потом томится, не находя себе в нем естественного упокоения. И дерево разве имеет по естеству червей внутри себя? Но заводится в нем малая гнилость; от этой гнилости зараждается червь, — и сей самый червь съедает дерево. Так и душа сама производит зло, — и опять сама мучится от зла, как сказал Григорий Богослов: «огнь есть порождение вещества; и поядает вещество, как и злых зло».

64. Тоже самое видим и в телесной болезни: когда кто живет беспорядочно и не бережет здоровья, то происходит избыток или недостаток чего либо в теле, и от этого потом человек делается больным; а прежде этого вовсе не существовало болезни, и она не была никогда чем либо; и опять по исцелении тела, болезнь уже вовсе не существует. Так точно и зло есть недуг души, лишившейся свойственного ей и по естеству ей принадлежащего здравия, которое есть добродетель.

65. Есть три состояния в человеке: он или действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет ее. Действует по страсти тот, кто приводит ее в исполнение, удовлетворяет ей. Сопротивляется ей тот, кто не действует по ней и не отсекает ее, но благоразумно минует как бы страсть, однако имеет ее в себе. А искореняет страсть тот, кто подвизается и действует против страсти.

66. Действующий по страсти подобен человеку, который, будучи поражен от врага своего стрелами, берет их и собственными руками вонзает в свое сердце. Сопротивляющийся страсти подобен осыпаемому стрелами врага своего, но облеченному в броню, и потому не получающему ран. А искореняющий страсть подобен тому, кто, будучи осыпая стрелами врага своего, сокрушает их, или возвращает в сердце врага, как сказано в Псалме: оружие их да внидет в сердце их, и луцы их да сокрушатся.

67. Один брат семь дней пробыл в горячке, и вот прошли другие сорок дней, а он еще не находит в себе крепости. — Семь дней был болен сей смиренный, — а сколько дней прошло, что он все еще не поправился? Так бывает и с душою: иной согрешает не много, а сколько времени проводит потом, проливая кровь свою, пока исправится?

68. Видим, как братия наши похищаются из среды нашей, и не внимаем себе, тогда как знаем, что и мы мало по малу приближаемся к смерти. Будем же внимать себе, и пока есть время, не будем терять его понапрасну. Как не помним мы слова онаго старца, сказавшаго, что если кто потеряет золото или серебро, то он вместо его может найти другое; если же потеряем время, живя в праздности и лени, то не возможем найти другаго взамен потеряннаго. По истине будем искать хотя одного часа сего времени и не найдем его.

69. Один великий старец прохаживался с учениками своими на некотором месте, где были различные кипарисы, большие и малые. Старец сказал одному из учеников своих: вырви этот кипарис. Кипарис был мал, и брат тотчас одною рукою вырвал его. Старец указал ему на другой, больший перваго, и сказал: вырви и этот. Брат раскачал его обеими руками и выдернул. Старец указал ему другой еще больший. Он вырвал и тот, но с великим трудом. Потом указал ему на иной еще больший. Брат с

величайшим трудом, сперва много раскачивал его, трудился и потел, и наконец вырвал и сей. Наконец старец показал ему и еще больший кипарис. Но брат, хотя и много трудился и потел над ним, однако не мог его вырвать. Старец, видя, что он не может сделать этого один, велел другому брату помочь ему. И они оба едва успели вырвать его. — Тогда старец сказал ученикам своим: «вот так и страсти; пока оне малы, то, если пожелаем, легко можем исторгнуть их; если же вознерадим о них, как о малых, то оне укрепляются, и чем более укрепляются, тем большего требуют от нас труда; а когда очень укореняются в нас, тогда даже и с большим трудом мы не можем одни исторгнуть их из себя, если не получим помощи от некоторых Святых, помогающих нам по Бозе».

70. Пророк говорит к дочери вавилонской: блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень (Пс. 136, 9). — Дочь вавилонская — образ всего греховнаго и богопротивнаго. Порождения ея суть страстные помыслы и дела. Блажен, кто не принимает поражающихся в нем лукавых помышлений, и не дает им места возрасть в себе и приводить зло в действие, но пока оне еще малы, и прежде чем укоренятся и возстанут на него, всячески старается сокрушать их о камень непоколебимой решимости, и истреблять их именем Господа Иисуса Христа.

71. Отцы указали нам, как человек должен постепенно очищать себя: каждый вечер должен он испытывать себя, как провел день, и опять утром, как провел ночь, и каяться пред Богом, в чем ему случилось согрешить. Нам же, так как мы много согрешаем, поистине нужно, по забывчивости нашей, и по истечении шести часов испытывать себя, как провели мы время и в чем согрешили.

72. Кто станет таким образом испытывать себя, в том зло начнет мало по малу уменьшаться, — и если он делал девять проступков, будет делать восемь; — и так преуспевая постепенно, с помощью Божиею, не допустит укрепиться в себе страстям. Великое бедствие впасть в навык какой либо страсти.

73. Не тот, кто однажды разгневался, называется уже гневливым, — и не тот, кто однажды впал в блуд, называется уже блудником, — и не тот, кто однажды оказал милость, называется милостивым; но как в добродетели, так и в пороке, от частаго в оных упражнения, душа получает навык, и потом этот навык или мучит или покоит ее. Добродетель покоит: ибо чем более мы делаем добраго, тем больший приобретаем навык в добродетели, и чрез то возвращаем себе свое природное свойство, и восходим к первоначальному своему здравью. А порок мучит: потому что чрез него мы принимаем некоторый чуждый и враждебный естеству нашему навык, который и разрушает его.

74. Орел, если весь будет вне сети, но запутается в оной одним когтем, то чрез эту малость низлагается вся сила его, — и ловец может захватить его, лишь только захочет. Так и душа, если хотя одну только страсть обратит себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает ее, так как она, по причине той страсти, находится в руках его. Не допускайте же, чтобы какая либо страсть обратилась вам в навык, но подвизайтесь и молитесь Богу день и ночь, чтобы не впасть в искушение. Если же мы и будем побеждены, как человеки, и впадем в согрешение; то постараемся тотчас возстать, покаемся в нем, восплачемся пред благостию Божиею, будем бодрствовать и подвизаться. И Бог, видя наше доброе произволение, смирение и сокрушение наше, подаст нам руку помощи и сотворит с нами милость.

75. Все случающееся должно возводить к Богу и говорить: ничего не бывает без воли Божией; знает Бог, что то и то благо и полезно, потому и случается, так. Из всего, что Бог творит, ничего нет такого, что не было бы благо, но вся добра и добра зело (Быт. 1, 31). Итак, никому не должно

скорбеть о случаемся, но возведши то к Богу, успокоиваться. Есть некоторые люди, которые до того изнемогают от случаемся скорбей, что отказываются от самой жизни, и считают сладкою смерть, лишь бы только избавиться от скорбей: но это происходит от малодушия и от многого неразумия. Не знают они той страшной нужды, которая встречается нас на исходе души из тела.

76. Один весьма ревностный брат спросил некоего старца: «отчего душа моя желает смерти?» Старец ответил ему: «оттого, что ты не хочешь терпеть находящая скорби, не зная, что грядущая скорбь гораздо тяжелее здешней». — И другой брат тоже спрашивал старца: «отчего я впадаю в беспечность, пребывая в келлии своей?» И тот сказал ему: «оттого, что ты не узнал еще ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения. Ибо если бы ты достоверно знал это, то хотя бы келлия твоя была полна червей, так что ты стоял бы в них по самую шею, ты терпел бы сие, не расслабевая». Но мы, спя, хотим спастись, и потому изнемогаем в скорбях; тогда как должны бы были благодарить Бога и считать себя блаженными, что сподобляемся не много поскорбеть здесь, дабы там обрести немалый покой.

77. Евагрий говорил: «кто предаётся страстям и молит Бога, чтоб поскорее умереть, тот подобен больному, который упрашивает плотника поскорее изрубить одр его (на котором он все же получал некое утешение в своем страдании). Ибо находясь в теле сем, душа получает облегчение от страстей своих и некое утешение: тут человек ест, пьет, спит, беседует, общается с друзьями своими. Когда же душа выйдет из тела, тогда остается одна с страстями своими, и потому всегда мучима бывает ими; объятая ими, она жегома бывает их горением, — и терзается ими, до того, что и о Боге вспомнить не может. Сие воспоминание о Боге могло бы утешать душу, как говорится во Псалме: помянух Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4); но до сего не допускают ее страсти.

78. По здешним страданиям можете несколько понять, что есть и тамошняя мука. Когда, например, у кого либо делается горячка, то что палит его? Какой огонь производит сие жжение? Так и страстная душа всегда мучится там своим злым навыком, имея горькое воспоминание и томительное впечатление от страстей, непрестанно жгущих и воспаляющих ее.

79. Кто притом без ужаса может вспоминать страшные места мучений, огонь, тьму, безжалостных слуг мучителей, и другие томления, о коих говорится в Писании: сожительство с демонами, для которых одних и уготован тамошний огонь (Мф. 25, 41)? — Да и один стыд осуждения как сокрушитель и убийствен? Св. Златоуст говорит: «если бы и не текла река огненная и не предстояли страшные ангелы, но только бы призывались все человеки на суд, и — одни, получа похвалу, прославлялись бы, другие же отсылались бы с безчестием, чтоб не видеть им славы Божией; то наказание оным стыдом и безчестием и скорбь о лишении толиких благ не была ли бы ужаснее всякой геенны?» —

80. Постараемся же очистить себя, чтоб избавиться от такого бедствия. Потребен конечно труд: и потрудимся, да обрящем милость. Когда кто, имея поле, оставит его в небрежении, не заростет ли оно? — И не тем ли более наполнится оно тернием и волчцами, чем более он будет небрежеть о нем? Когда же потом он захочет очистить свое поле от всякой худой травы, которой дал разрастись во время нерадения своего, то не тем ли более окровавятся руки его, чем более он запустил его? — Ибо ему предлежит не подрезать только траву, но с корнем повыдергать ее; потому что иначе она опять все будет выростать, сколько ни подрезай. Так бывает и с душою нашею. Когда нерадим о ней, она зарастает всяким злым зелием страстей; когда же потом, опомнившись, возьмемся очищать ее,

неизбежен труд болезненный: ибо нам предлежит не отстать только от страстных дел, но искоренить самые навыки страстные. Но нет ничего хуже навыка страстного. «Не малый подвиг, говорит св. Василий Великий, преодолеть злой навык, ибо навык, укоренившись долгим временем, часто получает силу естества.

81. Должно не только отсесть страсти, но и причины их, потом хорошо удобрить устройство нрава своего покаянием и плачем, — и тогда уже начать сеять доброе семя т. — е. добрых дел. Ибо как бывает с полем, — что если по очищению и удобрении его, не посеют на нем доброго семени, то всходит сорная трава и, находя землю рыхлою и мягкою от очищения, глубже укореняется в ней: так бывает и с человеком, что если он покаившись в прежних своих делах и исправив нравы свои, не станет заботиться о приобретении добродетелей, то на нем сбывается сказанное в Евангелии о возвращении нечистаго духа опять в прежнее жительство, теперь очищенное и подметенное, уже с семью другими духами, — от чего человеку тому бывает хуже прежняго (Мф. 12, 44).

82. Каждый, желающий спастись, должен, не только не делать зла, но обязан делать и добро, как сказано в Псалме: уклонися от зла и сотвори благо (Пс. 33). Например, если кто был гневлив, должен не только не гневаться, но и приобрести кротость; если кто гордился, должен не только не гордиться, но и стать смиренным. Ибо каждая страсть имеет противоположную ей добродетель: гордость — смиренномудрие, скупость — милосердие, блуд — целомудрие, малодушие — терпение, гнев — кротость, ненависть — любовь.

83. Как прежде изгнали мы добродетели, и восприяли вместо их страсти; так теперь должны мы потрудиться не только изгнать страсти, но и водворить в себе вместо их добродетели. Мы естественно имеем в себе добродетели, данные нам от Бога. Ибо Бог в самом сотворении человека, всеял в него все добродетели, как и сказал: сотворим человека по образу нашему и по подобию (Быт. 1, 26). Сказано: по образу, — поелику Бог сотворил душу бессмертною и свободною, а по подобию — относится к добродетели, — как бы так: святые будьте, якоже Аз свят есмь (1 Петр. 1, 16). Следовательно добродетели — по естеству нам; а страсти не принадлежат к естеству нашему, но привносятся в него, — именно, когда душа предается самоугодию, тогда уклоняется от добродетели и водворяет в себе страсти.

84. Хорошо сказал Авва Пимен, что преуспеяние монаха обнаруживается в искушениях: ибо монах, истинно приступающий работать Господу, должен уготовать душу свою во искушение (Сир. 2, 1), — чтоб никогда не изумляться и не смущаться ни чем, случающимся с ним, веруя, что ничего не бывает без Промысла Божия. А в чем Промысл Божий, то вполне благо, и служит к пользе душевной; ибо все, что делает Бог, делает Он для нашей пользы, любя и милуя нас. И мы должны, как сказал Апостол, о всем благодарити (Еф. 5, 20; 1 Сол. 5, 18) благодать Его, и никогда не печалиться и не малодушествовать о случившемся с нами, но все, что с нами бывает, принимать без смущения со смиренномудрием и с надеждою на Бога, веруя, что все, что ни делает с нами Бог, делает по благодати Своей, любя нас и во благо нам.

85. Если кто имеет друга и уверен, что он любит его; то и когда потерпит что от него, даже и тяжелое, думает, что тот сделал это любя, и никогда не поверит о своем друге, что он хотел ему повредить: тем более должны мы думать о Боге, Который создал нас, и привел нас из небытия в бытие, вочеловечился нас ради и умер за нас, что Он делает все с нами по благодати Своей, и любя нас. О друге иной может подумать: он все делает любя и жалея меня (и всегда готов так поступать);

но у него нет столько благоразумия, чтобы всегда все касающееся меня устроить хорошо; от того случается, что он не хотя вредит мне. О Боге же мы не можем сего сказать; ибо Он есть источник премудрости, знает все, что нам полезно, и сообразно с сим устрояет все касающееся нас, даже и самое маловажное. Опять о друге можно сказать, что он, хотя любит и жалеет нас и довольно разумен, чтоб устроить относящееся к нам, но не в силах помочь нам в том, в чем он думает принести нам пользу. Но о Боге нельзя сказать и сего; ибо Ему все возможно и для Него нет ничего невозможного. Согласно всему сему, мы должны все, случающееся с нами, принимать с благодарностию, как исходящее от Бога, Благодетеля и благаго Владыки, хотя бы то было и прискорбное.

86. Если кто перенесет искушение с терпением и смирением, то оно пройдет без вреда для него; если же он будет малодушествовать, смущаться, обвинять каждого, то он только отягощает себя и никакой не получает пользы, но лишь вредит себе; тогда как искушения большую приносят пользу тому, кто переносит их без смущения.

87. Мы не должны смущаться даже и тогда, когда смущает нас страсть. Чему дивиться тебе, страстный, и за чем смущаться, когда тревожит тебя страсть? — Ты сам же образовал ее в себе, самоохотно имеешь ее в себе, — и смущаешься? — Принял залогов ее и говоришь: чего ради она смущает меня? — Лучше терпи, подвизайся, и моли Бога помочь тебе; не имей же прискорбных нападений от страстей невозможно тому, кто исполнял страсти. Сосуды их, как сказал Авва Сисой, находятся внутри тебя; отдай им залог их, и оне отойдут от тебя. Так как мы возлюбили их и привели в действие, то и невозможно нам не пленяться страстными помыслами, понуждающими нас, и против воли нашей, исполнять страсти; потому что мы добровольно предали себя в руки их.

88. На кого возстают страстные помыслы прежде, чем станет он действовать по страсти, тот еще в своем городе, он свободен, и имеет себе помощника в Боге. Почему, как только смирится при сем пред Богом и не много поборется, то помощь Божия явится освобождать его от нападения страсти. Если же кто не станет бороться и, поблажив себе, предастся плотскому услаждению; то помощь Божия отступает от него, и страсть увлекает его к делу страстному, а за сим последует то, что он по неволе уже будет служить страсти той.

89. Повествуется, что когда одного ученика великаго некоего старца постигла плотская брань, и старец, видя труды его, сказал ему: «хочешь ли, я помолюсь Богу, чтобы Он облегчил тебе сию брань?» то ученик тот ответил ему: «хотя мне тяжело и притрудно, отче, но вижу в себе плод от труда; почему моли Бога, чтоб Он дал мне терпение». Старец сказал ему на это: «теперь я познал, что ты преуспеваешь и превосходишь меня». Таковы истинно хотящие спастися! И вот что значит нести со смирением иго искушения!

90. Когда Бог послал Моисея извести Израильтян из Египта и рабства Фараонова, тогда Фараон еще более обременил их работою. Так и диавол, когда видит, что Бог умилился над душою, готов се помиловать и облегчить от бремени страстей, тогда еще более отягощает ее страстями и сильнее борет ее. Но отцы, зная сие, укрепляют человека своим учением и не допускают его предаться боязни. Мужайтесь и да крепится сердце ваше, вси уповающие на Господа (Пс. 30, 25).

91. Страх Божий побуждает душу к хранению заповедей и посредством заповедей создается дом душевный. Убоимся же Бога и созиждем себе дома, дабы найти защиту во время зимы, дождей, молний и громов, потому что великое бедствие терпит зимою не имеющий дома.

92. Как должно созидать дом душевный, сему можно научиться из построения дома житейского. Строящий дом возводит стены со всех четырех сторон, а не об одной только стене заботится; иначе по напрасну будет он тратить издержки и труд. Так и человек, желающий создать душевный дом, не должен нерадеть ни об одной стороне своего здания, но ровно и согласно возводить оное. Сие — то значит сказанное Аввою Иоанном: «я хочу, чтоб человек каждый день приобретал по немногу от всякой добродетели», — а не так, как делают некоторые, кои, держась одной добродетели и пребывая в ней, только ее одну и исполняют, а о прочих не заботятся.

93. Возводится же душевный дом ровно и стройно со всех сторон таким образом. — Сперва надлежит положить основание, которое есть вера: ибо без веры невозможно угодить Богу (Евр. 11, 6). И потом на сем основании строить здание равномерно, — именно: случилось ли послушание, должно положить камень послушания, встретилось ли огорчение от брата, должно положить камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должно положить камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по камню, и таким образом возводить оное со всех сторон, полагая в здание то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и т. д. Но при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве: ибо оне суть краеугольные камни, ими связуется здание и соединяется стена с стеною, не давая им наклоняться и отделяться одной от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Почему и сказано: в терпении вашем стяжите души ваша (Лук. 21, 19).

94. Строящий дом на каждый камень кладет известь; ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут и дом обрушится. Известь (в душевном созидании) есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель. О сем сказано и в отечнике: «как корабля нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиренномудрия». — В доме обычном есть кровля. Кровля дома душевного есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, также как и кровля дома есть завершение дома. — Кругом кровли идут перила, чтоб, как говорит закон (Втор. 22, 8), дети не падали с кровли. Перила в здании душевном суть — трезвение, внимание и молитва; а дети — помышления, бывающия в душе, которые хранят трезвение и молитва.

95. Но в деле сего созидания нужно и еще одно, именно, чтоб здатель был искусен. Ибо если он не искусен, то может покривить стену, и дом когда-либо обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели; ибо случается, что иной и подъемлет труд доброделания, но от того, что неразумно совершает труд сей, губит его сам, или постоянно портит дело; и таким образом здания не доводит до конца, но только строит и разрушает.

96. Вот один пример из многих. Если кто постится или по тщеславию, или думая в себе, что совершает особенную некую добродетель, то таковой постится неразумно, и потому начинает после укорять брата своего, почитая себя чем-то великим; и оказывается, что он не только, положив один камень, снял два, но находится в опасности разрушить и всю стену чрез осуждение ближнего. А кто разумно постится, тот не думает, что совершает особенную добродетель, и не хочет, чтоб его хвалили, как постника; но думает, что чрез воздержание приобретет целомудрие, и посредством сего придет в смирение, как говорят отцы: «путь к смирению суть труды телесные, совершаемые разумно», — и проч. — Таковой оказывается искусным здателем, могущим прочно построить свой

дом.

97. Не увлекайся помыслами, будто добродетель превышает твои силы и неисполнима для тебя; но, воодушевляясь верою, дерзновенно положи начало, яви пред Богом доброе произволение и старание, — и увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. — Представь себе две лестницы, — одна возводит на небо, а другая низводит в ад, — ты же стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай и не говори: как могу я взлететь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, т. — е. на верху лестницы. Ты только берегись спуститься вниз, делая худо; вверх же напрягайся подниматься по немногу, делая добро, какое встречается. Каждое дело будет шаг вверх. Так, поднимаясь с помощью Божиею с одной ступени на другую, достигнешь наконец и верха лестницы.

98. Если будем искать, то найдем, и если будем просить, получим; ибо Евангелие говорит: просите, и дастся вам, ищите и обрящете, толцйте и отверзется вам (Мф. 7, 7). Сказано: просите для того, чтоб мы в молитве призывали Бога на помощь; а ищите значит, чтоб мы, увидев, как приходит добродетель и что приносит ее, соответственно сему употребляли и свои усилия на приобретение ея. Толцйте же значит исполнять заповеди; ибо всякий, кто толкает, толкает руками, а руки означают деятельность. Итак, мы должны не только просить, но искать и действовать, стараясь, по Апостолу, быть готовыми на всякое дело благое (2 Кор. 9, 8; 2 Тим. 3, 17), — т. — е. имея полную готовность разумно исполнять волю Божию, как Он хочет, и как Ему угодно.

99. Апостол заповедал искушать, что есть воля Божия, благая и угодная и совершенная (Рим. 12, 2), — чтоб потом и действовать по ней. — Какая же есть воля Божия благая? — Та, чтоб любить друг друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное; вот воля Божия благая. А какая есть воля Божия благоугодная? Не всякий делающий что либо благое, делает это благоугодно Богу. Случается например, что кто нибудь находит сироту убогую и красивую собою; она нравится ему по красоте своей, — и он берет ее и воспитывает, хотя как сироту убогую, но вместе и как красивую собою. Вот это воля Божия и благая, но не благоугодная, А благоугодная та, когда кто делает дело милосердия, не по какому либо побуждению человеческому, но ради Бога, заповедавшего сие, ради самого добра, из одного сострадания: сие благоугодно Богу. — Совершенная наконец воля Божия есть та, когда кто творит дело милосердия, не со скупостию, не с леностию, не с презрением, но всею силою и всем произволением, творя милость так, как будто бы принимал сам, и так благодетельствуя, как будто бы сам принимал благодеяния: тогда исполняется совершенная воля Божия. — Вот как исполняет человек волю Божию благую, и благоугодную, и совершенную.

100. Есть два вида чревоугодия: первый, когда человек ищет приятной пищи, и не всегда хочет есть много, но желает вкуснаго; второй, когда кого борет многоядение, — и он не желает хороших снедей, и не заботится о вкусе их, но хочет только есть и есть, не разбирая, каковы снеди, и заботясь только о том, чтоб наполнить чрево. Первый называется — гортанобесие, а второй — чревобесие. — Кто хочет воспринять пост во очищение грехов своих, тот должен избегать обоих сих видов чревоугодия; ибо ими удовлетворяется не потребность тела, а страсть, и если кто предается им, то это вменяется ему в грех.

101. Не только однакож сказанное пред сим правило о пище должны мы соблюдать постясь, но должны удерживаться и от всякаго другаго греха, чтоб, как постимся чревом, поститься нам и языком, удерживаясь от клеветы, от лжи, от празднословия, от уничижения братий, от гнева, и от

всякаго другаго греха, совершаемаго языком. Должно также и глазами поститься, т. — е. не смотреть на суетныя вещи, не давать глазам свободы, ни на кого не смотреть безстыдно и без страха. Также и руки и ноги должно удерживать от всякаго дела злаго.

102. Какую цель должны мы иметь, когда посещаем друг друга? — Во первых, мы должны посещать друг друга по любви; во вторых, для того, чтоб слышать Слово Божие, потому что во множестве братий лучше познается Слово Божие, когда чего не знает один, то знает другой, и первый, спрашивая его, также узнает это; наконец, для того, чтобы узнавать свое душевное устройство и состояние, — и заимствовать примеры жития от других, как делал св. Антоний, от одного заимствуя кротость, от другаго смирение, от иного — безмолвие, и таким образом собирая в себе добродетели каждаго из посещаемых.

103. При виде других больше всего должно избегать подозрительности, от которой происходит пагубное осуждение. Имею множество опытов, подтверждающих ту истину, что всякий судит о других по своему устройению. Приведу пример. Положим, что кому либо случилось стоять ночью на каком либо месте, — и мимо его идут три человека. Увидев его, один из них думает: он ждет кого либо, чтоб пойти и соделать блуд; другой: это должно быть вор, третий: он сговорился с кем либо из ближайшаго дома вместе пойти куда либо на молитву, — и ждет его. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однакож не одно и то же возымели о нем мнение, но один — одно, другой — другое, третий еще иное, — и очевидно каждый — сообразно с своим душевным состоянием. Как тела черножелчныя и худосочныя каждую пищу, которую принимают, претворяют в худые соки, хотя бы пища была и полезная, так и душа, имеющая худой нрав, получает вред от всякой вещи, хотя бы встречаемыя вещи и хороши были. А имеющий добрый нрав подобен тому, кто имеет тело добросочное, при котором, если он и съест что либо вредноватое, то оно образуется у него в хорошие соки. Так и мы, если имеем добрый нрав, и находимся в хорошем душевном настроении, то можем от каждой вещи получать пользу, хотя бы вещь сия и не была полезна.

104. Слышал я о некоем брате, что, когда он приходил к кому либо из братии и видел келлию его не выметенною и не убранною, то говорил себе: блажен сей брат, что отложил заботу обо всем земном и так весь ум свой устремил горе, что не находит времени и келлию свою привести в порядок. Также если приходил к другому, и видел келлию его убранною и выметенною и чистою, то опять говорил себе: как чиста душа сего брата, так и келлия его чиста, и состояние келлии согласно с состоянием души его. И никогда не говорил он ни о ком: сей нерадив, или горд, но по своему доброму настроению всех видел добрыми, и от всех получал пользу. Благий Бог да подаст и нам такое же доброе настроение, чтоб и мы могли получать пользу от каждаго и никогда не замечать пороков ближняго.

105. Наставления обучаемым иночеству. Если ты пребываешь в послушании, то никогда не верь своему сердцу, ибо оно ослепляется ветхими пристрастиями. Ни в чем не следуй своему суждению, и сам ничего не назначай себе без вопрошения и совета. Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнее своего наставника, и не изследывай дел его. Поступая так, ты будешь повиноваться, спокойно и безопасно идти путем Отцев наших.

Понуждай себя во всем и отсекай волю свою, и благодатию Христовою, чрез обучение, войдешь в навык отсечения своей воли, и потом будешь делать это без принуждения и скорби, так что все у тебя будет происходить, как ты хочешь.

Не желай, чтоб все делалось так, как ты хочешь; но желай, чтоб оно было так, как будет, и таким образом будешь мирен со всеми. И веруй, что все, случающееся с нами, до самого малейшаго, бывает, по Промыслу Божию, и тогда ты без смущения будешь переносить все, находящее на тебя. Веруй, что безчестия и укоризны суть лекарства, врачующия гордость души твоей, и молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах души твоей, будучи уверен, что тот, кто ненавидит безчестие, ненавидит смирение, и кто избегает огорчающих его, тот убегает кротости.

Не желай знать пороков ближняго твоего, и не принимай на него подозрений, внушаемых тебе врагом; если же оне и возникают в тебе, по порочности нашей, то старайся обращать их в добрыя помышления.

Благодари за все, и приобретай благодать и святую любовь.

Паче же всего будем все хранить совесть свою во всем, — в отношении к Богу, к ближнему и к вещам; а прежде чем скажем или сделаем что, будем испытывать, согласно ли оно с волею Божиею; и тогда, помолившись, скажем или сделаем то, повергая немощь свою пред Богом, с испрашиванием помощи Его.

106. Если хочешь, чтоб святые по вере помышления, в нужное время, оказывали свое успокоительное действие на пресечение неправых движений, мыслей и чувств, то поучайся в них всегда, по часту проходя их мысленно, — и верую Богу, что обретишь покой. Также молитву растворяй поучением. Постарайся преуспеть в этом, чтобы, когда случится и скорбь телесная или духовная, ты мог перенести ее без печали, без отягощения и с терпением.

107. Когда услышишь, будто ты сделал то, что не делал, то не дивись сему и не огорчайся, но тотчас со смирением поклонись сказавшему тебе сие, говоря: «прости меня, и помолись о мне», — и потом молчи, как сказали Отцы. А когда он спросит тебя, — «правда ли это, или нет», тогда, поклонясь со смирением, скажи по истине, как было дело, а сказав, опять поклонись со смирением и скажи: «прости меня и помолись за меня».

108. Если при встрече или столкновении с братьями не можешь ты пребыть в неизменном расположении духа, то по крайней мере старайся ни чем не соблазняться, никого не осуждать, не злословить, не подмечать за словами, делами или движениями брата, — что не принесет тебе пользы, но лучше старайся из всего извлекать себе назидание.

109. Знай, что кто бывает борим каким либо помыслом, или скорбит от онаго, и не исповедует его, тот сам укрепляет его против себя, т. — е., подает помыслу сему силу более бороться и мучить его. Если же он исповедует его и станет бороться и сопротивляться помыслу своему, и делать противное ему, то страсть ослабеет и не будет иметь сил бороться и наносить ему печали. А потом, мало по малу, подвизаясь и получая помощь от Бога, он преодолет и самую страсть.

110. Авва Пимен сказал, что бояться Бога, молиться Богу, и делать добро ближнему — суть три главныя добродетели. — Бояться Бога поставил он на первом месте потому, что страх Божий предшествует всякой добродетели, ибо начало премудрости страх Господень (Пс. 110, 10), и что страхом Божиим уклоняется всяк от зла (Прит. 15, 27). Молиться Богу сказал он потом потому, что человек сам собою не может ни сделать что либо благое, ни приобрести добродетели, но во всем нужна ему и помощь Божия при всем его собственном старании, возбуждаемом страхом Божиим. А благотворить ближнему сказал он в конце потому, что это есть дело любви, которая есть верх совершенства христианскаго (Рим. 13, 10).

111. При безчувствии души полезно частое чтение Божественного Писания и умилительных слов Богоносных Отцев, памятование о страшном суде Божиим, об исходе души из тела, и об имеющих встретиться ей страшных темных силах, с которыми она делала зло в сей маловременной и бедственной жизни.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСИХИЙ, ПРЕСВИТЕР ИЕРУСАЛИМСКИЙ

Краткое сведение о нем.

Преподобный Исихий, уроженец Иерусалимский, в молодых годах своих был слушателем и учеником св. Григория Богослова. По кончине великаго наставника своего проводил жизнь подвижническую в одной из пустынь Палестинских, где продолжал изучать дух христианства то в книгах, то из устных бесед с современными подвижниками Палестины, то опытами собственной жизни и своими исследованиями. В 412 году Иерусалимский архиепископ посвятил просвещеннаго подвижника во пресвитера, и с сего времени, соединяя с саном пресвитера и звание проповедника, он является в истории Церкви как один из знаменитых учителей. «Великий Евфимий, как пишет ученик его Кирилл Скифопольский (в житии св. Евфимия), много был утешен тем, что св. Ювеналий Патриарх Иерусалимский, прибыв в 429 году в обитель его на освящение храма, взял с собою и просвещеннаго Исихия, пресвитера и учителя Церкви».

Феофан в хронографе своем кончину его полагает в 26 году царствования Феодосия юнейшаго, который соответствует 432—3 году. В месяцеслове Императора Василия память его указывается 28 Марта. У нас, как и на всем востоке, ныне поминается он со всеми преподобными в сырную субботу. В каноне св. Феодора Студита на сей день в 9 п. он поставляется в сонме великих учителей Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, Афанасия Великаго, двух Кириллов — Иерусалимскаго и Александрийскаго, св. Епифания, Григория Нисскаго, — и именуется другим богословом, разумеется, после Григория Богослова.

По ученым трудам своим преп. Исихий был достойным учеником св. Григория Богослова. Месяцеслов Импер. Василия, отличая в преп. Исихие проповедника и толкователя Св. Писания, говорит: «все Святое Писание изъяснил и изложил он с ясностию и предложил для общей пользы; почему для всех был весьма знаменит и удивителен».

Из многих его творений, подражая Греческому Добротолубию, заимствуем в наш подобный сборник одно на 203 главы разделенное слово к Феодулу, как самое полезное для желающих навикнуть трезвению, вниманию и хранению сердца. Блаж. Фотий в своей филокалии в 198 чтении, именует слово сие «паче всякаго другаго писания пригодным для проводящих подвижническую жизнь ради наследия царства небеснаго. Изложено оно, говорит, ясно и по всему таково, какое требуется для людей, не упражняющихся в глубоких исследованиях, но весь труд и все тщание обращающих на подвиги деятельной жизни».

[При переводе Греческий текст Добротолубия был дополняем в некоторых местах из *Patologiae Graecae Migne t. 93*].

душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве.

1. Трезвение есть духовное художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, с Божиею помощию, совершенно избавляет человека от страстных помыслов, и слов, и худых дел; дарует тому, кто его так проходит, верное познание Бога непостижимаго, сколько сие возможно для нас, и сокровенное разрешение сокровенных Божественных таин; и есть творительница всякой

заповеди Ветхаго и Новаго Завета и всякаго блага будущаго века подательница. — Само же оно есть собственно чистота сердца, которая по величию своему и своим высоким качествам или, истиннее сказать, по нашему невниманию и нерадению, крайне редка ныне у монахов; между тем, как Христос ублажает ее, говоря: блаженни чистии сердцем: яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). Будучи таковым, оно и покупается дорогою ценою. Трезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводительницею к правой и богоугодной жизни. Оно есть и лествица к созерцанию; оно же научает нас право править движениями троичности души (т. — е. трех сил: мыслительной, раздражительной и желательной) и твердо хранить чувства, — и в причастнике своем каждодневно возвращает четыре главныя добродетели (т. — е. мудрость, мужество, воздержание и справедливость).

2. Великий Законодатель Моисей, паче же Дух Святыи, показывая, сколь сия добродетель непорочна, чиста, всеобъемлюща и высокотворна и научая нас, как должно начинать ее и совершать, говорит: внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония (Втор. 15, 9), тайным словом называя одно мысленное воображение какой-либо греховной, Богу ненавистной, вещи: что св. Отцы называют также приводимым в сердце от диавола прилогом, за которым, вслед за появлением его в уме, тотчас последуют наши помыслы и страстно с ним разглагольствуют.

3. Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием, и есть тоже, что хранение ума, в совершенной немечтательности держамаго.

4. Невидит солнечнаго света родившийся слепым: так невидит сияний богато нисходящей свыше благодати тот, кто не живет в трезвении; не освободится он также от греховных, Богу ненавистных дел, слов и помышлений. Таковые во исходе своем не минуют свободно (имеющих сретить их) князей тартара.

5. Внимание есть непрестанное от всякаго помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им Одним всегда, непрерывно и непрестанно дышет, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов, и Ему, имеющему власть оставлять грехи, исповедует свои прегрешения. Такая душа чрез призывание часто объемлет Христа, Единого тайноведа сердец, от людей же всех всячески старается скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтобы враг лукавый как-нибудь не дал удобнаго в нее входа злу и не уничтожил добрейшаго ея делания.

6. Трезвение есть твердое водружение помысла ума и стояние его у двери сердца; так что он видит, как подходят чуждые помыслы, эти воры — окрадыватели, слышит, что говорят и что делают эти губители, и какой демоны начертывают и устанавливают образ, покушаясь, увлекши чрез него в мечтания ум, обольстить его. Коли будем люботрудно проходить такое действовање, то оно, если хотим, очень основательно и внятно, на опыте покажет искусство мысленной брани и доставит опытность в ней.

7. Сугубый страх, с одной стороны от оставлений Божиих, с другой от обучительнаго попушения искушений внешних, обыкновенно рождает частость надзирательнаго внимания в уме человека, старающагося заградить источник худых помыслов и дел. Для этого именно и оставления бывають, и посылаются нечаянныя искушения от Бога, к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра сего (внимания и трезвения), — и вознерадел. — От частости сей рождается навык; от этого — естественная некая непрерывность трезвения; а от сего, по свойству его, мало-по-малу порождается видение брани, за которым последует непрестанная молитва

Иисусова, сладостная без мечтаний тишина ума, и дивное некое состояние, исходящее от сочетания со Иисусом.

8. Ум, стоящий и призывающий Христа на врагов и к Нему прибегающий, подобен зверю какому-нибудь, который быв окружен множеством псов, мужественно стоит против них, укрывшись в некоем ограждении. Издали, приводя мысленно мысленные ковы невидимых врагов, он непрестанно против них молится Миротворцу Иисусу, и чрез то пребывает неуязвимым ими.

9. Если ведаешь, и дано тебе завтра представлять пред Господа, — и не только зриму быть, но и зреть (Пс. 5, 4); то ты разумеешь, о чем я говорю. Если же нет, трезвенствуй, и получишь.

10. Состав морей — множество вод; а состав и твердыня трезвения бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных, и разумного смирения, правоты и любви есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Христу Иисусу без помыслов с воздыханиями молитва, непрестанная, притрудная, но без уныния и скучания (Лук. 18, 1).

11. Не всяк глаголай Ми: Господи Господи, внидет, говорит Господь, в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего (Мф. 7, 21). Воля же Отца Его есть сия: любящие Господа, ненавидите злая (Пс. 96, 10). Итак при молитве к Иисусу Христу возненавидим злые помыслы, — и воля Божия исполнена.

12. Владыка наш и Бог, воплотившись предложил начертание всякой добродетели в пример роду человеческому и в возвание от древняго падения, живописав все добродетельное Свое во плоти житие. В числе многих других показанных Им добрых примеров, Он возшедши по крещении в пустыню, с постом вступил там в мысленную брань с диаволом, приступившим к Нему, как к простому человеку; и образом победы над ним, т. — е. смирением, постом, молитвою и трезвением, кои держал Он, не имея в них нужды, как Бог и Бог богов, научил и нас, неключимых рабов, как держать достолично брань против духов злобы.

13. То, сколько, по моему, есть способов (приемов) трезвения, могущих мало-по-малу очистить ум от страстных помыслов, се, — я не поленюсь означить тебе не красною и не испещренною речью. Ибо я не считаю разумным и в этом слове, как бывает в повествованиях о внешних войнах набором речений закрывать полезное, особенно для людей простых... Ты же, чадо Тимофее, скажу тебе словом Апостола, внемли тому, что будешь читать (1 Тим. 4, 13).

14. Итак один способ (прием) трезвения есть: — смотреть неотступно за мечтанием, или за прилогом; ибо без мечтания сатана не может устраивать помыслы и представлять их уму к его прельщению обманом.

15. Другой: — иметь сердце глубоко всегда молчащим и от всякаго помысла безмолвствующим, и молиться.

16. Иной: — непрестанно в смирении призывать на помощь Господа Иисуса Христа.

17. Иной еще способ, иметь в душе непрестанное памятование о смерти.

18. Все сии делания, возлюбленный, подобно привратникам, возбраняют вход худым помышлениям; о том же, что должно лишь к небу взирать (занимать всегда ум созерцанием вещей небесных), ни во что вмняя землю (и все земное), — что также есть один из действенных способов трезвения, как и прочие, — об этом я с помощью Бога, дающаго слово, изложу обстоятельнее в другом месте.

19. Если отсечем причины страстей (поводы к возбуждению их) и займемся духовными деланиями на короткое лишь время, а не пребудем в сем чине жизни навсегда, это самое имея занятие; то легко

опять возвращаемся к плотским страстям, никакого другого не получив от того (добраго начинания) плода, кроме всеконечного омрачения ума и глубочайшего низпадения в вещественное.

20. Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение, — чтобы, как брань у него идет с соперниками — гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову: ибо Господь ненавидит гордых. Внимание, — чтобы всегда держать сердце свое неимеющим никакого помысла, хотя бы он касался добрым. Противоречие, — дабы, как только уразумеет, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: и отвечаю поношающим ми слово (Пс. 118, 42), — не Богу ли повинется душа моя (Пс. 61, 2)? Молитву, — дабы после противоречия, тотчас из глубин сердца возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанном. И тогда сам подвизающийся увидит, как враг его поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром развеивается и гонится прочь, или как дым исчезает с своим мечтанием.

21. Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, — молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях души, дабы призыванием Господа Иисуса Христа (незримо) был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий.

22. Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтоб узнавать входящих; узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия, с воздыханием возопив в то же время ко Христу. И получишь тогда опыт невидимаго Божескаго заступления. Ясно также увидишь тогда и правость сердца (право ли оно действует, или в чем состоит правое действие сердца).

23. Как держащий в руке зеркало и смотрящий в него, стоя между другими, видит и свое лицо, каково оно, видит и других, смотрящихся в то же самое зеркало: так со всем вниманием смотрящий в сердце свое видит в оном свое собственное состояние, видит и мрачные лица мысленных эфиопов.

24. Не может ум победить демонское мечтание сам токмо собою: да не дерзает на сие никогда. Ибо хитры будучи враги наши, притворяются побежденными, замышляя низложить борца отъинуды, — чрез тщеславие; при призывании же имени Иисусова и минуты постоять и злокознить против тебя не стерпят.

25. Смотри не возмечтай о себе много (и не измысли своих способов к борьбе), подобно древнему Израилю: иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от Египтян Богом всяческих, измыслил потом своего себе помощника — идола слияннаго.

26. Под идолом же слиянным разумей слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно изгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимыя, ратныя силы врага, а коль скоро сам на себя одного безразсудно дерзнет понадеяться, то падает и разбивается, подобно так называемому быстрокрылому. Вот что исповедует уповающий на Господа: Господь, говорит, помощник мой, и защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможе ми и процвете плоть моя (Псал. 27, 7); и кто, кроме Господа, встанет ми на лукавнующыя? или кто спредстанет ми на делающыя беззаконие (Ис. 93, 16) — безчисленные помыслы? На себя же, а не на Бога надеющийся падет падением ужасным.

27. Да будет тебе, возлюбленный, — если хочешь вести борьбу, как следует, — примерным указателем образа и чина сердечнаго безмолвия маленькое животное — паук. Тот хватает и умерщвляет малых мух, а ты, если так же, как он (сидит в своей паутинной норе), притрудно безмолвствуешь в своей душе, не переставай всегда избивать младенцев вавилонских, — за каковое

избивание блаженным назвал бы тебя чрез Давида Дух Святой (Пс. 136, 9).

28. Как невозможно красному морю узреть на тверди небесной между звездами, и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом: так невозможно нам очистить сердце свое от страстных помыслов и изгнать из него мысленных врагов, без частаго призывания имени Иисус–Христова.

29. Если со смиренным мудрованием, памятью о смерти, самоукорением, противоречием (помыслам) и призыванием Иисуса Христа всегда пребываешь ты в сердце своем, и с сими орудиями трезвенно проходишь каждый день мысленный путь, — тесный, но радостотворный и сладостный; то увидишь во святых созерцания святых, и просвещен будешь ведением глубоких таин от Христа, в Немже, вся сокровища премудрости и разума сокровенна (Кол. 2, 3) и в Коем живет всяко исполнение Божества телесне (—9). Ибо во Иисусе восчувствуешь ты, что в душу твою низшел Дух Святой, Коим просвещаясь ум человека зрит откровенным лицом славу Божию — (2 Кор. 3, 18). Никтоже, говорит Апостол, может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1 Кор. 12, 3), Который тайно утверждает ищущаго Его (в истине в Нем).

30. Любящим научение надо знать и то, — что злые демоны, завидуя нам, по причине великой от брани пользы, умудрения ею и к Богу восхождения, часто скрывают от нас и утишают эту мысленную брань, (имея при сем в намерении и то), чтобы, когда мы (забыв об опасностях нападения с их стороны), обеззаботимся, внезапно похитить ум наш (в мечтаниях), и опять сделать нас невнимающими сердцу нерадивцами. Ибо их одна цель и один подвиг непрестанно заботит: — совсем не давать сердцу нашему быть внимательным к себе, зная, какое богатство собирается чрез это в душе. — Но мы тогда–то паче (во время затишья брани) воспростремся с памятованием Господа нашего Иисуса Христа в духовныя созерцания, — и брань опять найдет на ум. Только будем все делать, скажу так, с совета Самого Господа и со смирением великим.

31. Пребывая в общежитии мы должны с самоохотным изволением и готовностью сердца, отсекающую волю свою пред настоятелем, и быть таким образом, при помощи Божией, некако самопроизвольными безвольниками. При сем всячески надлежит нам ухитряться, чтобы не возмущаться раздражительностью и не допускать неразумных и неестественных движений гнева, потому что иначе в час брани духовной мы будем оказываться бездерзновенными (лишенными мужества). Ибо воля наша, если сами самоохотно не отсекаем ее, обыкновенно раздражается на тех, кои покушаются отсекать ее принудительно (без нашего соизволения); а из–за сего подвигнутый гнев, злобно лая, губит разумение брани (уменьше вести ее), которое с большим трудом едва можно было стяжать. Гнев обыкновенно бывает разрушитель. Если он подвигнется против бесовских помыслов, то их разбивает и истребляет; а если воскипит против людей, то истребляет в нас благия относительно их помышления. Таким образом гнев, как очевидно, является разрушительным для всякаго рода помыслов, худых ли то или, если случится, и правых. Он дарован нам от Бога, как щит и лук, и бывает таковым, если не уклоняется от назначения своего. Если же начнет действовать не сообразно с ним, то бывает разрушителем. Видал я, что и пес, в иной раз смело бросающийся на волков, терзает овец.

32. Так надлежит бегать дерзости (безосторожной вольности в обращении с другими), как яда аспидова и уклоняться от частых бесед, как от змий и порождений ехидниных; потому что оне весьма скоро могут привести в совершенное забвение о внутренней брани, и низвести душу долу с

обрадывающей высоты, доставляемой чистотою сердца. Проклятия достойное забвение, как вода огню, противится вниманию, и сильным супостатом ему бывает каждочасно. От забвения приходим в нерадение, от нерадения переходим к пренебрежению (порядков духовной жизни) и унынию, — и к безместным похотениям; и таким образом опять возвращаемся вспять, как пес на свою блевотину (2 Петр. 2, 22). Будем же бегать вольности, как яда смертоносного; а злой недуг забвения будем врачевать крайне строгим хранением ума и непрестанным призыванием Господа нашего Иисуса Христа: ибо без Него не можем мы творити ничесоже (Иоан. 15, 5).

33. Не обычно, да и невозможно, дружитья со змием и носить его в недрах своих; невозможно и тело всячески ласкать, любить его и угождать ему, кроме доставления необходимо потребного, — и вместе с тем пещись о добродетели небесной. Ибо тот (змий) по естеству своему не удержится, чтобы не уязвить пригревшаго, а это (тело), — чтобы не осквернить угождающаго ему движениями похотной сласти. Когда тело в чем-либо погрешит, бичами бить его надобно нещадно до ран, как беглаго раба, исполненного вином, да ведает, что есть над ним господин (ум), готовый наказать его, и да не ищет упивства похотно, будто вином в корчемнице, да не неведает и госпожи своей (души) нетленной эта раба ночная, — прах тленный. До самага исхода своего не доверяй плоти своей. Хотение плоти, говорит Апостол, вражда на Бога; закону бо Божию не покарается (Римл. 8, 7), — и: плоть бо похотствует на духа (Гал. 5, 17), — еще: сущии во плоти, Богу угодили не могут. Вы же несте во плоти, но в душе (Рим, 8, 8—9).

34. Дело благоразумия есть — всегда подвигать раздражительную силу нашу к схваткам во внутренней брани и к самоукорению; дело мудрости, — мысленную силу нашу напрягать к трезвению строгому и непрерывному, и к духовному созерцанию; дело справедливости — желательную силу направлять к добродетели и к Богу; дело мужества — управлять пятью чувствами и удерживать их, чтобы они не оскверняли ни внутренняго нашего человека или сердца, ни внешняго или тела.

35. На Израили велелепота Его, — на уме, зрящем красоту славы Самого Бога, сколько это возможно, и сила Его на облацех (Пс. 67, 35), — на душах светозрачных, во утрии вперяющих взор свой в Седящаго одесную Отца, Который, осиявая их, подобно тому, как солнце озаряет лучами своими чистыя облака, являет достолюбезнейшими.

36. Согрешая един погубит благостыню многу, — говорит Божественное Писание (Екл. 9. 18); и ум, согрешая, погубляет то, о чем написано в предыдущей главе, — эти небесныя пития и брашна.

37. Не сильнее мы Сампсона, не премудрее Соломона, не разумнее Давида блаженнаго, не паче Петра верховнаго любим мы Бога. Да не надеемся же на самих себя; ибо Писание говорит, что надеющийся на себя самого падет падением ужасным.

38. Научимся от Христа смиренномудрию, от Давида — смирению, от Петра — плакать о случающихся падениях, но не отчаиваться подобно Сампсону, Иуде и вельми премудрому Соломону.

39. Дьявол, яко лев рыкая, ходит с своими полчищами, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Да не пресекаются же у нас никогда — сердечное внимание, трезвение, прекословие (помыслам) и молитва ко Христу Иисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою: потому что только Он Один Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства.

40. Дерзновенно убо да уповаает душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не

страшится: ибо не один воюет, но с Страшным Царем Иисусом Христом, Творцем всего сущаго, безтелеснаго и телеснаго, видимаго и невидимаго.

41. Как дождь чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее; так и святое имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия.

42. Неопытным хорошо знать и то, что мы, дебелие и к земле поникшие и телом и мудрованием, врагов своих, безтелесных и невидимых, зложелательных и мудрых на озлобления, скорых и легких, искусившихся в брани, какую ведут от Адама до ныне, не другим каким способом имеем возможность победить, как только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Для неопытных молитва Иисус–Христова да будет возбуждением и руководством к испытанию и познанию добра; для опытных же — самый лучший наставник в добре есть деяние, испытание делом и вкушение добра.

43. Как дитя малое и нелукавое, видя как иной выделяет какая–либо фантазии, утешается тем и, по незлобию своему, последует за этим дивотворцем: так и душа наша, будучи проста и блага, — ибо такую создана от благаго Владыки своего, — услаждается мечтательными прилогами дьявола и, обольщаясь ими, подбегает к нему злокозненному, будто к доброму, как голубица к разставляющему сети для ея птенцов, и смешивает таким образом свои помыслы с мечтанием бесовскаго прилога. Если это будет лице красивой женщины, или другое что заповедями Христовыми совершенно запрещенное; то замышляет, как бы ухитриться и в дело привести то, что внушила представившаяся красота; а потом дошедши до сосложения с помыслом тем, она уже и в дело посредством тела, проводит вообразившееся ей в мысли беззаконие, на осуждение себе.

44. Такова хитрость лукаваго, и такими то стрелами оядотворяет он всякую добычу. Посему, не безопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, — особенно в начале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется в след их; но должно, как только они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекают их. Когда же ум, долгое время пребывая в таком дивном делании, обучится сему подвигу, все в нем разузнает и навык приобретет в ведении такой брани, так что верно будет распознавать помыслы, и, как говорит Пророк, будет в состоянии легко ловить лисы малыя (Песн. 2, 15): тогда можно искусно попускать им входить внутрь, сражаться с ними с помощью Христовою, обличать и извергать вон.

45. Как невозможно по одному каналу вместе проходить огню и воде, так невозможно греху войти в сердце, если он не постучится прежде в дверь сердца мечтанием лукаваго прилога.

46. Первое есть прилог; второе — сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; треть — сосложение, когда обоого рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние или грех. Итак, если ум, трезвенствуя, внимает себе и посредством прекословия и призывания Господа Иисуса прогоняет прилог с самага его приражения, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Ибо лукавый, будучи умом безтелесным, не иначе может прельщать души, как чрез мечтание и помыслы. (Из сих действий) о прилоге говорит Давид: во утрия избивах вся грешныя земли (Пс. 100, 8); великий же Моисей говорит о сосложении: да не смесишия с ними (Исх. 23, 32).

47. Ум с умом невидимо сцепляется на борьбу, — ум демонский с нашим. Поэтому каждую минуту

нужно из глубины души взывать ко Христу, чтобы Он отогнал ум демонский, добычу же победную даровал нам, как Человеколюбец.

48. Образом сердечного безмолвия да будет тебе держащий в руках зеркало и внимательно смотрящий в него; и тогда (когда, т. — е. станешь подражать ему) увидишь ты, как мысленно напишется в сердце твоём и худое и доброе.

49. Блюди присно, чтобы никогда никакого помысла не иметь в сердце своём, ни непотребного, ни благовидного, дабы таким образом удобно было тебе узнавать иноплеменников, т. — е. первородных сынов египетских (разумеются прилоги).

50. Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яснозрачна (веселолица) и прекрасна добродетель трезвения. Тобою, Христе Боже, благоуправляемая и человеческим умом в великом смирении бодренно проходима! Ибо она до моря и глубины созерцаний простирает ветви свои и до рек сладких Божественных таин — отрасли свои (Пс. 79, 12), напаяет (орошает, освежает) ум, с давняго времени палимый нечестием от сланости лукавых помыслов бесовских и неистоваго мудрования плоти, в коем смерть.

51. Трезвение подобно лестнице Иакова, на верху которой возседит Бог, и по которой ходят Ангелы. Оно исторгает из нас всякое зло, отсекает многословие, злословие, оклеветание и весь каталог (список) чувственных страстей, не терпя и на короткое время лишиться собственной своей сладости.

52. Его — то, братия мои, будем проходить всеусердно. Но, чистою во Христе Иисусе мыслию паря в видениях его, будем поддерживать и зрение своих прегрешений и прежней жизни, чтобы, памятью грехов своих будучи сокрушаемы и смиряемы, имели мы в мысленной брани неотступную помощь Иисуса Христа, Бога нашего. Ибо коль скоро за гордость, или тщеславие, или самолюбие, лишимся мы помощи Иисусовой, то лишимся вместе с тем и чистоты сердечной, посредством которой дает познать Себя человеку Бог, так как по обетованию (Мф. 5, 8), первая есть причина второго (чистота сердца — Боговидения).

53. Ум, не нерадящий о своём сокровенном делании, вместе с другими благами, от непрестанного упражнения и хранения себя происходящими, обретает и то, что пять чувств телесных не будут у него споспешниками искушений греховных, приходящих со вне. Внимая всецело своей добродетели — трезвению и добрыми всегда желая услаждаться помышлениями, не попускает он пяти чувствам окрадывать себя, чрез вход к себе путем их вещественных и суетных помыслов; но зная, какия случаются чрез них обольщения, сильным напряжением обуздывает их изнутри.

54. Пребывай во внимании ума и не будешь преутружден искушениями. Отступая же от него, терпи, что найдет.

55. Как для потерявших аппетит и чувствующих отвращение к пище, полезна горькая полынь, так для злонравных полезно терпеть злосключения.

56. Если не хочешь злострадать, не хоти и зло делать, потому что первое неотступно следует за последним. Что кто сеет, то и пожнет. Так, когда мы, добровольно сея зло, против воли пожинаем (скорбное), то должны дивиться в сем правосудию Божию.

57. Ослепляется ум тремя следующими страстями: — сребролюбием, тщеславием и сластолюбием.

58. Ведение и вера, совоспитанники естества нашего, но от другаго чего, как от них отупели.

59. Ярость и гнев, брани и убийства, и весь каталог (список) прочих страстей чрез них сильно утвердились в людях.

60. Не знающий истины не может и верить истинно; потому что знание естественно предшествует вере. Что сказано в Писании, сказано не для того, чтобы мы знали только, но чтобы и делали то.

61. Начнем же делать. Так постепенно преуспевая, найдем, что упование на Бога, твердая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатныя дарования, сердечное исповедание, обильныя слезы доставляются верующим молитвою; и не только это, но и терпение находящих прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разумение духовнаго закона, и обретение правды Божией, и Духа Святаго наитие, и духовных сокровищ подаяние, и все, что обетовал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Одним словом, — невозможно душе иначе являться сущою по образу Божию, как благодатию Божиею и верою человека, в сердце пребывающаго, в глубоком смирении и в неразсеянной молитве.

62. Великое воистину благо из опыта прияли мы, — то, чтобы непрестанно призывать Господа Иисуса на мысленных супостатов, если желает кто очистить сердце свое. И смотри, как сказанное мною из опыта слово согласно с свидетельствами Писания: Уготовися, говорит оно, призывать Господа Бога Твоего, Израилю (Амос. 4, 12). Апостол также говорит: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17). И Господь нам вещает: без Мене не можете творити ничесоже. Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне, не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет (Иоан. 15, 5—6). Великое благо — молитва, все блага в себе совмещающее, поелику очищает сердце, в коем верующими узревается Бог.

63. Поелику сокровище смиренномудрия высокотворно и Богу любезно, имеет силу истреблять всякое зло в нас и все Богу ненавистное; то сего ради не удобно стяжевается. Удобно, может быть, найдешь ты в ином человеке частныя некия деяния многих добродетелей, но, поискав в нем благоухание смирения, едва ли найдешь его. Потому много потребно радения и усилий, чтобы стяжать сие сокровище. Писание и диавола называет нечистым за то, что с самага начала отверг он это благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость. За это одно везде в Писании называется он нечистым духом. Ибо какую телесную нечистоту могло бы учинить существо совершенно невещественное, безплотное и не членосоставное, чтобы ради этого называться нечистым? Явно, что за гордость и назван он нечистым и из чистаго и светлаго Ангела прозван скверным. Нечист пред Богом всяк высокосердый (Прит. 16, 5). Первый грех, по Писанию, есть гордыня (Сирах. 10, 15). Что Фараон говорил: Бога твоего не вем и Израиля не отпущу (Исх. 5, 2), — говорил, яко гордый.

64. Есть много действий ума, могущих снискать нам благий дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своем спасении, как-то: воспоминание согрешений — словом, делом и помышлением, и другое многое, мысленно пересматриваемое, споспешествует к смиренномудрию. Располагает к истинному смирению и то, когда кто вращает в уме непрестанно добродетели ближних, и другия естественныя их преимущества превозносит, сравнивая свое с ихним. Видя таким образом ясно в уме своем свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства других, человек естественно станет считать себя землею и пеплом, и даже не человеком, а псом неким, потому что от всех на земле сущих разумных тварей во всем отстает и всех их скуднее и нищетнее.

65. Уста Христовы, столп Церкви, великий Отец наш Василий говорит: «великое пособие к тому, чтобы не грешить и на другой день не впадать опять в то же, есть — по окончании дня подвергать суду совести себя самих и все свое, чтобы видеть, в чем мы проступились и в чем поступили

правильно. Так поступал и Иов, как в отношении к себе самому, так и в отношении к детям своим». Такое каждодневное разбирательство освещает и то, что бывает у нас каждодневно, (или научает каждодневному разбирательству, чтобы видеть, как должно действовать каждый час).

66. Другой же некто, также из мудрых в Божественных вещах, сказал: «начало плодоносия — цвет; а начало деятельной жизни — воздержание». Восприимем же воздержание и притом мерою и весом, как учат Отцы, и весь день двенадцатичасный будем проходить в хранении ума. Действуя так, мы при помощи Божией, с неким себя нуждением, возможем угасить и умалить в себе зло. Ибо с нуждением себя стяжевается добродетельное житие, за которое дастся царствие небесное.

67. Путь, к ведению есть безстрастие и смирение, без которых никто не узрит Господа.

68. Непрестанно пребывающий во внутреннем своем там всегда вращающийся целомудрствует; и не только это, но еще и созерцательствует, и богословствует, и молится. И сие—то есть, о чем говорит Апостол: духом ходите, и похоти плотския не совершайте (Гал. 5, 16).

69. Неумеющий шествовать духовным путем, не заботится о страстных помышлениях (т. — е. не гонит их от себя), но все занят бывает только телом, или чревоугодничает и распутничает, или опечаливается, гневается и злопамятствует, и чрез то омрачает ум, или начиная чрезмерные подвиги, разстроивает сердце.

70. Отрекшийся от житейского, т. — е. от жены, имения и прочаго, внешнего лишь человека сделал монахом, а не и внутреннего. Но кто отрекся от страстных помыслов обо всем этом, тот сделал монахом и внутреннего человека, который есть ум. И такой есть истинный монах. Внешнего человека легко сделать монахом, если захочешь, но не мал труд — сделать монахом человека внутреннего.

71. Кто есть в роде сем совершенно освободившийся от страстных помыслов и непрестанной сподобившийся молитвы, чистой и невещественной, — что и есть отличительная черта внутреннего человека?

72. Много страстей сокрыто в душах наших; но обличают оне себя только тогда, когда являются на глаза причины их (предметы, поводы).

73. Не все занимайся телесным обучением; но, определив для тела посильный подвиг, весь ум обрати на внутреннее: телесное бо обучение в мале есть полезно: а благочестие на все полезно есть (1 Тим. 4, 8).

74. При бездействии страстей, — потому только, что или причины их (предметы, поводы) устранены, или демоны коварно отступили, — поражается гордость.

75. Смирение и злострадание (подвижническия телесныя лишения) освобождают человека от всякаго греха, — то душевныя отсекая страсти, а это телесныя. Посему Господь говорит: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8), — узрят и Его Самого, и сущия в нем сокровища, когда любовию и воздержанием очистят себя, — и это тем более, чем более будут увеличивать свое очищение.

76. Созерцалище (обсерватория, обзорная башня) словес о всякой добродетели есть хранение ума, как древле страж Давидов обозначал обрезание сердца (2 Цар. 18, 24).

77. Как, на чувственно — вредное смотря, повреждаемся, так бывает и в отношении к умственному.

78. Как повредивший сердцевины растения все оно иссушает, так разумей и о сердце человеческом. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не дремлют.

79. Господь, желая показать, что всякая заповедь обязательна и что сыноположение есть дар, заслуженный людям собственно Его кровию, говорит: егда сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко раби исключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10). Посему царствие небесное не есть награда за дела, а благодатный дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы, как награды; но (получив ее) благодарит, как должник, а (не получив) ожидает, как милости.

80. Христос по Писанию умер за грехи наши и рабам, добре работающим Ему, дарует свободу; ибо говорит: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего (Мф. 25, 21). Но верным раб бывает не тот, который опирается на голом знании (долга рабского), а тот, который показывает верность послушанием Христу, давшему заповедь.

81. Чтущий господина своего, творит повеленное им, погрешив же в чем-либо, или преслушав, терпит, как должное ему то, что за это бывает с ним. Будучи любознателен, будь и трудолюбив (разумеется, — в исполнении заповедей): ибо одно голое знание надмевает человека.

82. Неожиданно случающиеся с нами искушения промыслительно научают нас, быть трудолюбивыми.

83. Принадлежность звезды свет, что около ея; а благочестиваго и богобоязненнаго принадлежность — нищета и смирение, поелику не другому чему положено быть распознательным и показательным признаком учеников Христовых, как смиренному мудрованию и уничиженному виду. Об этом повсюду вопиют четыре Евангелия. Кто же не так, т. — е. не смиренно живет, тот лишается части Того, Кто смирил Себя до креста и смерти и Кто есть деятельный Евангельский законоположитель Божественных заповедей, показавший обязательныя для нас заповеди (делом и жизнью, изображенными во Евангелиях).

84. Жаждаущи идите на воду, говорит Пророк (Ис. 55, 1); жаждающие Бога, ходите в чистоте ума и сердца. Впрочем высоко чрез нее парящему должно обращать взор и на землю своего нищенства. Никого нет выше смиреннаго. Как там, где нет света, все темно и мрачно; так и, когда нет смиренномудрия, все наши тщаливые по Богу труды — суетны и бесплодны.

85. Конец же слова, все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни (Екклес. 12, 13), и мысленно и чувственно. Если мысленно будешь принуждать себя соблюдать их, то редко будешь иметь нужду в чувственных ради их трудах. Давид говорит: еже сотворити волю Твою восхотех, и закон Твой посреде чрева моего (Пс. 39, 9).

86. Если не сотворит человек воли Божией и закона Его посреде чрева, т. — е. посреде сердца, то и вне не может он удобно исполнять его. Не трезвенствующий и равнодушный как бы так говорит Богу: путей Твоих видети не хочу (Иов. 21, 14), — конечно по оскудению Божественнаго просвещения, причастный котораго не только убеждением содержит в сердце закон, но и достаточно силен бывает жить по Божиему.

87. Как чувственная соль услаждает хлеб и всякую пищу, охраняет мясо от порчи и сохраняет его неповрежденным надолго; так разумей и об умном хранении мысленной сладости и дивнаго в сердце делания. Ибо оно Божественно услаждает и внутренняго и внешняго человека, прогоняет зловоние худых помыслов и сохраняет нас постоянными в добре.

88. От прилога — множество помыслов, а от этих — худое дело чувственное. Тотчас погашающий со

Иисусом первое, избег и последующаго. И обогатится он сладостным Божественным ведением, в коем всюду присущим будет зреть Бога, и поставив против Него зеркало ума, освещаться Им, подобно чистому стеклу, поставленному против чувственного солнца. Тогда наконец ум, достигнув последнего предела своих желаний, почит от всякаго другаго в себе созерцания.

89. Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего—либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то Божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения его от всяких помышлений.

90. На сколько бдительно внимлешь уму, на столько с теплым желанием будешь молиться Иисусу: и опять, — насколько небрежно надзираешь за умом, на столько отдалишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее, — уклонение от трезвения и сладостнаго призывания Иисуса, — обыкновенно совсем омрачает его. Естественно сему делу быть так, как мы сказали, — и иначе оно не бывает. Это узнаешь ты из опыта, когда делом испытаешь. Ибо добродетель, и особенно такое светородное сладостное делание, обыкновенно не иначе изучается, как опытом.

91. Непрестанное с теплым неким желанием, полным сладости, и радования, призывание Иисуса производит то, что воздух сердца от крайняго внимания исполняется отрадной тишины. Того же, чтобы сердце совершенно очистилось, виновником бывает Иисус Христос Сын Божий и Бог, всего добраго виновник и Творец. Ибо Он Сам говорит: Аз Господь Бог, творяй мир (Ис. 45, 7).

92. Душа, будучи благодетельствуема и услаждаема Иисусом, с радованием неким и любовию воздает Благодетелю исповеданием, благодаря и с веселием призывая Умиротворившаго ее: ибо внутри себя мысленно видит, как Он развеивает мечтания злых духов.

93. И возре, говорит Давид, умное око мое на мысленных врагов моих, и востающия на мя лукавнующия услышит ухо мое (Пс. 91, 12—13). И воздаяния грешникам зрел я от Бога во мне совершающимся (Пс. 90, 8). Когда же нет никаких мечтаний в сердце, тогда ум стоит в естественном своем чине, готов будучи подвигнуться на всякое сладостное созерцание, духовное и боголюбивое.

94. Таким образом, как я сказал, трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, — крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайняго в уме трезвения и внимания.

95. Добрый педагог и телу и душе есть незабвенная память о смерти, и то, чтобы, минуя все посреде сущее (т. — е. между настоящею минутою и часом смерти), ее всегда пред собою зреть, и тот самый одр, на котором имеем лежать, разлучаясь с телом, и прочее.

96. Нельзя, братия, предаваться сну тому, кто хочет всегда пребывать не уязвленным. Но одно из двух неизбежно — или пасть и погибнуть, обнажившись от добродетелей, или всегда стоять (на страже) с вооруженным умом: так как и враг всегда стоит с своим ополчением (подстерегая).

97. Раждается в уме нашем Божественное некое состояние от непрестаннаго памятования и призывания Господа нашего Иисуса Христа, если не будем нерадеть о всегдашнем к Нему во уме молении, о непрерывном трезвении и о приставническом или привратническом деле (т. — е. своих пропускать, а чужих отгонять); но воистину одно и одинаковым образом совершаемое всегда будем иметь дело призывания Иисуса Христа Господа нашего, с горением сердца взывая к Нему, да даст Он нам причаститься (вкусить) Святаго Имени Своего (чтобы оно в сердце внедрилось). Ибо

учащение (частое повторение одного и того же) есть мать навыка, как в отношении к добродетели, так и в отношении к пороку; а навык потом державствует, как природа. Пришедши в такое состояние, ум сам уже ищет супостатов, как звероловный пес зайца в кустах; но сей ищет для того, чтобы пожрать, а тот, — чтобы поразить и разогнать.

98. Итак, всякий раз как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, — как научил нас опыт. Когда после сего ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение.

99. Как невозможно нагому телом выдти на войну, или переплыть большое море в одеждах, или жить, не дыша: так невозможно без смирения и непрестанного моления ко Христу научиться мысленной и сокровенной брани, и искусно преследовать ее и пресекать.

100. Опытнейший в делах великий Давид говорит ко Господу: державу мою к Тебе сохраню (Пс. 58, 10) — (т. — е. к Тебе обращаясь за помощью). Так и сохранение державы сердечного и мысленного безмолвия, от которого рождаются все добродетели, бывает в нас от содействия Господа, давшего нам заповеди, и отгоняющего от нас, когда непрестанно призываем Его, непотребное забвение, которое паче всего губит сердечное безмолвие, как вода огонь. Посему не предавайся, монах, сну от нерадения на смерть себе; но именем Иисусовым бичуй супостатов, и сие имя сладчайшее, как сказал один мудрый, да прилепится дыханию твоему: и тогда узнаешь ты пользу безмолвия.

101. Когда мы недостойные сподобимся со страхом и трепетом причаститься Божественных и пречистых Таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да огонь сей Божественный, т. — е. Тело Господа нашего Иисуса Христа, потребит грехи наши, и наши, — малыя и большия, — скверны. Ибо, входя в нас, оно тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпускает нам прежде бывшие грехи; и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после сего, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой, то, когда опять будем сподобляться св. Таин, Божественное Тело более и более будет просвещать ум наш и делать его блестящим подобно звезде.

102. Забвение обыкновенно погашает хранение ума, как вода погашает огонь. Но непрестанная молитва Иисусова с неослабным трезвением в конец испаряет его из сердца. Молитва имеет нужду в трезвении, как малая лампадка в свете свечи (может быть, — как лампада в безветрии, чтобы гореть, как свеча).

103. Должно болезненно пещись о сохранении того, что драгоценно; драгоценно же для нас по истине лишь то, что сохраняет нас от всякаго зла, как чувственного, так и мысленного. Это есть хранение ума с призыванием Иисуса Христа, — то, чтобы всегда смотреть во глубину сердца и непрестанно безмолвствовать мыслию — даже, скажу так, и от помыслов, кажущихся десными, и стараться быть пустою от всяких вообще помыслов, дабы не утаились под ними тати. Но, хотя и боледуем мы, с терпением пребывая в сердце, впрочем утешение близко.

104. Сердце, непрестанно хранимое, которому не попускают принимать виды, образы и мечтания темных и лукавых духов, обыкновенно рождает из себя помыслы световидные. Ибо как уголь рождает пламень, так много паче обитающий от святого крещения в сердце нашем Бог, если находит воздух сердца нашего чистым от ветров злобы и охраняемым стражбою ума, возжжет мысленную силу нашу

к созерцанию, как пламень восковую свечу.

105. Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Иисус — Христово, как молния вращается в воздушном пространстве, пред тем, как быть дождем. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту мысленную будем вести в таком порядке: первое дело — внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из сердца; третье за тем дело — помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да развеется этот демонский призрак тотчас, чтобы иначе ум не пошел в след этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким либо искусным фокусником.

106. Потрудим себя, подобно Давиду взывая: Господи Иисусе Христе! — Пусть измолчет (голос потеряет) гортань наша; но умныя очи наши да не престанут устремляться горе в уповании на Господа Бога нашего (Пс. 68, 4).

107. Помня всегда притчу о неправедном суде, которую изрек Господь в научение нас, что должно всегда молиться и не унывать, (и действуя по ней), — и пользу получим, и отмщение.

108. Как невозможно, чтобы у того, кто взирает на солнце, не блистали сильно зрачки: так невозможно не светиться и тому, кто всегда проникает в воздух сердца.

109. Как невозможно жить теперешнюю жизнь без пищи и питья: так без хранения ума и чистоты сердца, — что есть и называется трезвение, — невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угодного, или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и удерживал себя принудительно от грешения делом.

110. Впрочем и те, которые нуждением неким воздерживают себя от греха делом, блаженны пред Богом, Ангелами и человеками: потому что нудящие себя суть восхитители царствия небесного (Мф. 11, 12).

111. Вот что дивно в плодах для ума от безмолвия, что в нем грехи, стучащиеся сначала в ум только помыслами, чтобы, если будут приняты мыслию, сделаться потом грубыми, чувственными грехами, все отсекаются мысленно во внутреннем нашем человеке добродетелию трезвения, которая не позволяет им входить внутрь и известись в злыя дела, мановением и заступлением Господа нашего Иисуса Христа.

112. Образ внешних, чувственно-телесных подвигов есть Ветхий Завет, а св. Евангелие, которое есть Новый Завет, есть образ внимания или чистоты сердечной. И как Ветхий Завет не доводил до совершенства, не удовлетворял и не удостоверял внутренняго человека в деле Богоугождения: ничтоже бо, говорит Апостол, совершил есть закон (Евр. 7, 19), а только грубые преграждал грехи (отсекать от сердца помыслы и пожелания порочныя для сохранения сердечной чистоты, что есть Евангельская заповедь, выше, чем, наприим., запрещение исторгать око или зуб у ближняго): так разумей и о телесной праведности и телесных подвигах, о посте, говорю, и воздержании, спании на голой земле, стоянии, бдении и прочих, кои подъемлются обыкновенно из-за тела и страстную часть тела успокоивают от греховных движений. Хорошо, конечно, и это все, как сказано и о Ветхом Завете (что добр Закон); потому что служит к обучению внешнаго нашего человека и к охранению от страстных дел. Но подвиги эти не суть охранители и от грехов мысленных, или возбранители их, т. — е. не сильны избавить нас от зависти, гнева и прочаго.

113. А чистота сердечная, т. — е. блюдение и охранение ума, коего образом служит Новый Завет, если соблюдается нами, как должно, все страсти и всякое зло отсекает от сердца и, искореняет из

него, и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание себя самих, и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и Божественное рачение сердечное.

114. Как ходящему по земле невозможно не разсекать этого воздуха: так невозможно сердцу человеческому не быть непрестанно бориму от демонов, или не подлежать скрытым от них воздействиям, хотя бы кто и строго проходил телесные подвиги.

115. Если о Господе хочешь не по видимости только быть монахом, благим, кротким и с Богом всегда соединенным, но и по истине быть таковым желаешь; то всеусильно старайся проходить добродетель внимания, которая состоит в блюдении и хранении ума и в установлении сладостного сердечного безмолвия и, свободного от мечтаний, блаженного состояния души: — дело, которое не во многих найдешь.

116. Добродетель внимания именуется мысленным любомудрием. — И проходи ты ее в великом трезвении и теплом усердии с молитвою Иисусовою, со смирением и непрерывностию, с молчанием чувственных и мысленных уст, с воздержанием в ястии и питии и с удалением от всего греховного, проходи ее путем мысленным искусно с разсуждением, и она с Божию помощью раскроет тебе то, чего не чаял, даст тебе знание, просветит, умудрит и научит тому, что прежде и в ум приять не имел ты способности, когда ходил во тьме страстей и темных дел, будучи погружен в бездну забвения и смятения помыслов.

117. Как долины обильно плодят пшеницу, так она обильно наплодит в сердце твоём всякое добро, — или лучше, сие подаст тебе Сам Господь наш Иисус Христос, без Котораго мы ничего творить не можем. И сначала ты найдешь ее лестницею, потом книгою, в коей будешь читать, наконец, более и более преуспевая, найдешь ее градом, Иерусалимом небесным, и Христа Израилева, Царя сил, действительно узришь умом, с Единосущным Его Отцем и спокланяемым Духом Святым.

118. Бесы вводят нас в грех всегда лживым мечтанием. Так мечтанием обогащения и корысти настроили они нечестиваго Иуду предать Господа и Бога всяческих. Ложными мечтами о телесном довольстве, ничтожном по себе, о чести, богатстве, славе, вовлекли они его в богоубийство, а потом ввергли в самоубийство удавлением и вечную исходатайствовали ему смерть, — совершенно противное тому, что представляли ему в мечтании или прилоге своем, воздав ему, коварные.

119. Вот и смотри, как лживыми мечтаниями и пустыми обещаниями ввергают нас в падение враги нашего спасения. И сам сатана таким же образом спал с небесных высот, как молния, возмечтав о равенстве Богу. Так потом Адама отдалил он от Бога, внушив ему мечту о Божеском некоем достоинстве (всезнании); так и всех согрешающих обыкновенно обольщает этот лживый и коварный враг.

120. Горечию от яда худых помыслов исполняется сердце наше, когда, вознерадев по причине забвения, надолго отводимы бываем от внимания и молитвы Иисусовой. Но когда по любви к Божественному, с крепким усердием, прилежно начнем в нашем детелище мысленном (в мысленной мастерской, в сердце) совершать вышереченное (т. — е. внимание и молитву), оно опять исполняется сладости в чувстве услаждения Божественным неким радованием. Тогда то твердыя полагаем мы намерения всегда ходить в безмолвии сердечном и не ради чего другаго, а ради ощущаемой от него в душе приятной сладости и отрадности.

121. Наука наук и искусство искусств есть уменье управляться с злоторными помыслами. Самое

лучшее против них средство и искусство — смотреть с помощью Господа за появлением прилога их и мысль свою всегда хранить чистою, как храним око телесное, им же самым остро-зорко усматривая могущее случайно повредить его и всячески стараясь не допускать до него даже порошинки.

122. Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн — смоков: так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутренняго, не сочетает трезвения с молитвою Иисусовою, не стяжет смирения и душевнаго безмолвия, и не будет со всем усердием тещи, поспешая в предня. Душа, себе не внемлющая, неизбежно бывает бесплодна на благия и совершенныя помышления, подобно бесплодному мулу; потому что и в ней нет разумения духовной мудрости. Воистину призывание имени Иисусова и упразднение страстных помыслов есть сладостное дело, водворяющее мир душевный.

123. Когда душа зле входит с телом в соглашение, когда оне обе вместе созидают град тщеславия и столп гордости, и для обитания в нем (плодят) нечистые помыслы. Но Господь страхом геенны разстроивает согласие их и разделяет их, понуждая госпожу душу мудрствовать и говорить чуждое и противное телу (рабе). От сего страха и разделение между ними происходит: зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покажется (Рим. 8, 7).

124. Каждодневныя дела наши надобно ежечасно взвешивать, внимая им, а вечером необходимо облегчать бремя их покаянием, сколько сил есть, если желаем, с помощью Христовою, препобедить в себе зло. Надобно также смотреть, по Богу ли, пред лицом ли Бога и для единаго ли Бога совершаем мы все свои чувственныя и видимыя дела, чтобы по неразумию не быть окраденными при сем какими-либо не добрыми чувствами.

125. Если мы с Божиею помощью каждый день приобретаем что нибудь чрез наше трезвение, то не следует нам без разбора вступать в сношения с другими, чтобы не понести ущерба от каких-либо соблазнительных бесед; но паче надобно презирать все суетное красоты и благотворности ради этой добродетели (трезвения), прелюбезной и пресладкой.

126. Трем силам души мы должны давать движение правильное, сообразное с их естеством и согласное с намерением создавашаго их — Бога. Именно: силу раздражительную надобно подвигать против внешняго нашего человека и против змия — сатаны. Гневайтесь, сказано, и не согрешайте (Пс. 4, 5). Это значит гневайтесь на грех, т. — е. на самих себя и на диавола, чтобы не согрешить против Бога. Силу желательную надо устремлять к Богу и добродетели, а мысленную поставим госпожею над обеими ими, чтобы с мудростию и благоразумием упорядочивала их, вразумляла, наказывала и начальствовала над ними, как царь начальствует над подданными. И тогда сущий в нас разум по Богу будет управлять ими (т. — е. когда будет господствовать над ними, а не им покараться). Хотя страсти и возстают на разум, но мы не перестанем повелевать, чтобы разум правил ими. Ибо брат Господень говорит: аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело (Иак. 3, 2). Истинно говоря, всякое беззаконие и грех сими тремя силами делаются, и всякая добродетель и правда этими же тремя силами совершаются.

127. Ум омрачается и становится бесплодным, когда монах или поговорит с кем о мирских вещах, или мысленно сам в себе поразглагольствует о них, или когда у него тело с умом суетно займется чем-либо чувственным, или когда он вообще предается суетности (и суетливости). Ибо в таком случае тотчас непосредственно за тем теряет он теплоту, (сокрушение, дерзновение к Богу и ведение (забывает о Боге и порядках Божиих): так что поколику внимаем мы умом, потолику просвещаемся,

и поколику не внимаем, — омрачаемся.

128. Кто повседневно стремится к миру и безмолвию ума и усердно ищет его, тот легко презрит все чувственное, дабы не напрасно трудиться. Если же он какими-либо ложными мудрованиями обманет свою совесть (что не беда быть заняту чем-либо чувственным), то горкою уснет смертью забвения, о неуснутии коею молится Божественный Давид (Пс. 12, 4 — да не когда усну в смерть). Апостол же говорит: ведущему убо добро творити, и не творящему, грех ему есть (Иак. 4, 17).

129. Приходит же ум из нерадения опять в свойственный ему чин и трезвение, если тотчас, как сознаем охлаждение, возгоримся ревностию и с теплым усердием опять возстановим обычное делание ума (трезвение и молитву).

130. Мельничный осел не может подвинуться вперед, шагая по колесу, к которому привязан (шагает, а все на одном месте, пока не остановят колеса): и ум не подвигнется вперед в совершенство-творной добродетели (т. — е. в трезвении, ведущем к совершенству), если не упорядочит своего внутренняго (остановив кружение там помыслов). Ибо таковой слепотствует всегда внутренними очами, не имея возможности видеть добродетель и светозарнаго Иисуса.

131. Конь добрый и сильный весело скачет, приняв седока: ум же веселием возвеселится во свете Господнем, когда завтра предстанет Ему свободным от всяких помышлений (Ис. 5. 4). Сам себя разгорячая, пойдет он от силы деятельнаго любомудрия ума в дивную силу созерцания и таин неизреченных, и добродетелей; а когда восприимет наконец в сердце свое безмерную глубину возвышенных Божественных помышлений, тогда явится ему Бог богов, сколько вместимо это для сердца (Пс. 83, 8). Пораженный сим ум любовно славит тогда Бога, зримаго и зрящаго, Который ради того и этого спасает так устремляющаго к Нему умственный взор свой.

132. Высокую глубину узрит разумно держимое безмолвие сердечное; и дивное услышит ухо убезмолвившагося ума.

133. Путник начав совершать путешествие далекое, неудобопроходимое и трудное, и опасаясь на возвратном пути заблудиться, ставит на дороге знаки, как путеуказателей, которые помогли бы ему удобно возвратиться во свояси: а муж, шествующий путем трезвения, пусть ставит (в качестве примет) словеса (слышанныя от Отцев), опасаясь и себе того же (т. — е. заблудиться в пути или попятиться назад).

134. Но для путника возвращение туда, откуда вышел есть причина радости; а для трезвенника возвращение назад есть пагуба разумной души и знак отступления от богоугодных дел, слов и помышлений. И будет он, во время смертоноснаго сна душевнаго, иметь помыслы, которые, подобно остнам будут будить его (от усыпления), напоминая, в какое глубокое помрачение и расслабление низпал он, по причине вознерадения своего.

135. Впадши в прискорбности, отчаянности и безнадежности (— в крайности безвыходныя, из которых выпутаться нет надежды), надобно нам и себе тоже делать, что делал Давид, — изливать сердце свое и моление свое пред Богом, и печаль свою, как есть, возвещать Господу (Пс. 141, 3). Ибо мы исповедаемся Богу, яко могущему премудро устроить все, нас касающееся, и беду нашу, если полезно, сделать легкою (удобоносною и удобоисходною), и избавить нас от пагубной и разрушительной печали.

136. Гнев на людей, не по естеству движимый, печаль не по Богу и уныние — все равно гибельны для добрых и разумных помыслов; но Господь, расточая их нашего ради исповедания, водворяет

радость.

137. Помыслы, против воли нашей втеснившиеся и стоящие в сердце, обыкновенно изглаждает молитва Иисусова с трезвением из глубин помышления сердечного.

138. Облегчение и радость в скорби от множества безсловесных помыслов обретем мы, когда укорим себя искренно и безпристрастно, — или возвестим все Господу, будто человеку (присущему нам). Всячески этими двумя способами найдем успокоение от всего (смущающего).

139. Образом ума признается Отцами законоположник Моисей, — который Бога видит в купине, лицом прославляется и богом Фараону от Бога богов поставляется; потом казнями поражает Египет, изводит из него Израиля и дает закон. Все сие, будучи принимаемо иносказательно, в смысле духовном, изображает действия и преимущества ума.

140. А образом внешнего человека служит Аарон, брат законодателя. Итак, с гневом возводя на него (внешнего человека) обвинения, будем говорить и мы ему, как Моисей погрешившему Аарону: чем онеправдовал тебя Израиль (ум, зряй Бога), что ты поспешил сделать его отступником от Господа Бога Живаго Вседержителя (помыслами своими отвлек его от созерцания Бога в трезвении) (Исх. 32, 21)?

141. В числе других многих добрых примеров Господь, приступая к воскрешению Лазаря из мертвых (тем, что запрети духу), показал и тот, что нам надобно строгим запрещением обуздывать душу, когда она женоподобно вдается в расслабляющую чувствительность и вообще старается установить в себе жесткий (к себе) нрав, который, — разумею самоукорение, — умеет избавлять душу от самоугодия, тщеславия и гордости.

142. Как без большого корабля нельзя переплыть морской пучины, так без призывания Иисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукаваго.

143. Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание имени Иисус—Христово изгоняет их из сердца. Как только образуется в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как-то: оскорбившаго нас человека, или женской красоты, или серебра и золота, или когда все это одно за другим побывает в мысли нашей; тотчас обличается, что привели в такое мечтание сердце наше духи: — злопамятства, блуда и сребролюбия. Если ум наш опытен, обучен и навык блюсти себя от приражений и видеть ясно, как днем, обольстительныя мечтания и прелести лукавых, то тотчас отпором, прекословием и молитвою Иисус—Христовою легко угашает разжженные стрелы диавола, не позволяя страстному мечтанию увлекать вслед себя и наши помыслы, а помыслам сим согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним и вдаваться в многомыслие, или сосложиться с ним, — за чем с некоторою необходимостью, как ночи за днем, следуют худыя дела.

144. Если же ум наш неопытен в деле бодреннаго трезвения, то тотчас сцепляется пристрастно с представившимся ему прилогом, какой бы он ни был, и начинает с ним беседовать, получая неподобные вопросы и давая такие же ответы. Тогда наши помыслы смешиваются с демонскими мечтаниями, которые вследствие того еще более распложаются и размножаются, чтобы показаться прельщаемому и уловляемому уму более любезными, красивыми и привлекательными. Тогда ум наш страждет нечто подобное тому, как если бы на какой нибудь равнине, где пасутся незлобивые агнцы, появился пес и агнцы, как только он появился, подбегали бы к нему часто, как к матери своей, никакой от приближения к нему не получая пользы, а только разве заимствуя от него нечистоту и

зловоние. Таким же точно образом и наши помыслы подбегают по неопытности ко всем бесовским в уме мечтаниям и, как я сказал, перемешиваются с ними, так что можно положить, что те и другая вместе держат (между собою) совещание, — чтобы такое следовало устроить, чтобы привести в дело посредством тела то, что так красным и сладким показалось им под действием бесовского обольщения. Так то устроятся наконец внутри падения души; после чего, будто по необходимости какой, износится уже и во вне то, что созрело там внутри сердца.

145. Ум наш есть нечто легкодвижное и незлобивое, легко отдающееся мечтам и неудержимо падкое на помыслы греховные, если не имеет в себе такого помысла, который, как самодержец над страстями, удерживал бы его непрестанно и обуздывал.

146. Созерцание и ведение обыкновенно бывают путеводителями и виновниками строгой жизни чрез то, что сердце, ими восхищенное горе, приходит в презрение земных удовольствий и всякой чувственной сласти житейской, как вещей ничтожных.

147. И обратно, жизнь внимательная, во Христе Иисусе совершаемая, бывает отцем созерцания и ведения и родителем Божественных восхождений и мудрейших помышлений, сочетавшись с супругою — смирением, как говорит Божественный Пророк Исаия: терпящий, Господа изменят крепость, окрылатеют аки орлы (Ис. 40, 31).

148. Слишком строгим и тяжелым кажется людям — душевно безмолвствовать от всякого помысла. И воистину это притрудно и приболезненно: ибо не одним только непосвященным в тайны духовной брани — до боли тяжело безтелесное заключать и удерживать в телесном доме, но и тем, которые искусились во внутренней невещественной брани. Но кто непрестанною молитвою содержит в персях Господа Иисуса, тот, по Пророку, не утрудится последуя Ему и дне человека не пожелает (Иер. 17, 16), ради красоты, приятности и сладости Иисуса, и врагов своих — нечистых демонов, ходящих вокруг его, не постыдится, но возглаголет к ним во вратах сердца (Пс. 126, 5), и вспять прогонит их Иисусом.

149. Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним во вратах. Только до самого исхода своего да не скучает он день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ея вскоре, по неложному Божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судие: ей, глаголю вам, сотворит отмщение вскоре (Лк. 18, 8), — и в настоящей жизни и по исходе ея из тела.

150. Плывя по мысленному морю, дерзай о Иисусе; ибо Он Сам внутри тебя — в сердце твоём, таинственно взывает к тебе: не бойся Иакове, малый Израилю, Аз Бог твой, держай десницу твою (Ис. 41, 13. 14). Аще убо Бог по нас, какой лукавый на нас (Рим. 8, 31)? По нас Бог, Который ублажил чистых сердцем и законоположил, чтобы Сладчайший Иисус Единый Чистый Божественно наитствовал чистых сердца и обитал в них. Не престанем же, по Божественному Павлу, обучать ум свой ко благочестию (1 Тим. 4, 7).

151. Насладится, по Давиду, множеством мира (Пс. 36, 11), кто не приемлет лица человеческого, судя неправду в сердце своем, т. — е. кто не приемлет образов лукавых духов и чрез сии образы не умышляет греха, но строго судя и строгий произнося приговор на земле сердца своего, воздаст греху должное. Великие и мудрые Отцы в некоторых писаниях своих и демонов называют человеками, по причине их разумности. Так и в Евангелии Господь говорит: враг человек сие сотвори (Мф. 13. 55),

т. — е. всеял среди пшеницы и плевелы (разумея диавола; ибо потом сказал: всеявый есть диавол). Поелику мы не оказываем тотчас прекословия этим делателям зла, то сего ради и преодолеваемы бываем помыслами.

152. Если, начав жить в внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путем, как со светильником света, с покланяемым и святым именем Иисуса Христа, — как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно свое трезвение или внимание понадемся, то скоро, подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозненники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, — или и совершенному заклятию подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча, — имени Иисус—Христового. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекать, и попалять и поядать, как огонь солому.

153. Дело непрестанного трезвения, душеполезное и многоплодное, есть — тотчас усматривать образующиеся в уме мечтательные помыслы. Дело прекословия — обличать и выставлять на позор помысл, покушающийся войти в воздух ума нашего посредством представления какого-либо чувственного предмета. Тоже, что тотчас погашает и рассеивает всякое умышление сопротивоборцев, всякое слово, всякую мечту, всякого идола и всякий столп злобы, есть призывание Господа. И мы сами видим в уме державное поражение их от Иисуса, великаго Бога нашего и отмщение Им за нас смиренных, бедных и ни к чему не годных.

154. Что помыслы наши ничто иное суть, как одни мечтательные образы вещей чувственных и мирских, этого многие не знают. Когда же побудем мы подолее трезвенно в молитве, тогда молитва освобождает наш ум от всякого вещественного образа лукавых помыслов и дает ему познавать словеса супостатов (м. б. значение помыслов вообще, что они суть, — или планы и виды врагов при всевании помыслов), и ощутить пользу молитвы и трезвения. Обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников мысленных мысленно и сам узриши и уразумеешь (Пс. 90, 8), как говорит блаженный Псалмопевец Давид.

155. Будем, если можно, непрестанно памятовать о смерти: ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, безпристрастие к телу и омерзение ко греху, и почти, если сказать правду, всякая добродетель, живая и деятельная, из него проистекает. Посему будем, если возможно, делать это дело столь же непрерывно, как непрерывно наше дыхание.

156. Сердце, совершенно отчуждившись от мечтаний, станет рождать помышления Божественныя и таинственныя, играющия внутри его, как играют рыбы и скачут дельфины в спокойном море. Море веется тонким ветром, и бездна сердца — Духом Святым. И понеже есте сынове, говорит Апостол, посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща, Авва Отче (Гал. 4. 6)!

157. Усумнится и поколеблется всякий монах взяться за духовное делание прежде отрезвления ума, — потому ли, что не познал еще красоты его, или потому, что познавши, безсилен решиться на это по недостатку ревности. Но это колебание несомненно развеется, коль скоро он вступит в делание хранения ума, которое есть и именуется мысленным любомудрием, или деятельным любомудрием ума. Потому что тогда обретет он путь, Который сказал: Аз есмь путь, и воскресение и

живот (Иоан. 14, 6).

158. Опять восколеблется он, видя бездну помыслов и толпу младенцев вавилонских: но и это колебание рассеивает Христос, если основанием ума непрестанно в Нем утверждаемся и младенцев вавилонских отбрасываем, разбивая о камень сей (Пс. 136, 9), — исполняя, как говорится, желание свое на них (свое против них негодование). Ибо, как говорит Премудрый, — храняй заповедь не увести глагола лукава (Екклес. 8, 5). И Господь говорит: без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 5).

159. Тот подлинно есть истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог).

160. Жизнь человеческая простирается вперед с чередованием годов, месяцев, недель, дней и ночей, часов и минут. Вместе с ними надлежало бы и нам до самага исхода простирать вперед (к совершенству) добродетельныя делания, разумею — трезвение, молитву, сладость сердечную, при неослабном безмолвии.

161. Найдет, наконец, и на нас час смертный, — придет, и избежать его нельзя; и — о, если бы воздушный князь мира, пришедши тогда, нашел беззакония наши малыми и ничтожными, чтобы не мог справедливо обличить нас! — Иначе восплачемся тогда, хотя уже бесполезно. Ибо раб, как говорит Господь, ведевый волю Господина своего, и не сотворив, биен будет много (Лук. 12, 47).

162. Горе погубившим сердце! И что сотворят они, когда посетит Господь (Сир. 2,14)? — Возьмемся же, братия, поревностнее за дело сердца.

163. За простыми и безстрастными помыслами следуют страстные, как узнали мы из долговременнаго опыта и наблюдения; и первыя служат входом для последних, безстрастные для страстных.

164. Воистину надлежит человеку надвое разсечь себя произволением, надобно ему разодрать себя мудрейшим помышлением, воистину врагом самому себе непримиримым подобает стать ему. Какое кто имеет расположение к человеку, крайне его оскорбившему и обидевшему, такое же, или еще худшее, должны мы иметь и к самим себе, если хотим исполнить величайшую и первейшую заповедь, т. — е. блаженное смирение, — Христово жительство, воплощенную жизнь Бога. Посему Апостол говорит: кто мя избавит от тела смерти сея (Рим. 7, 24)? Закону бо Божию не покарается (Рим. 8, 7). Показывая же, что покорять тело под волю Божию есть одно из лежащих на нас дел, сказал: аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же, от Господа наказуемся (1 Кор. 11, 31. 32).

165. Начало плодоносия — цвет; а начало трезвения ума воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие.

166. Когда, возмогая о Христе Иисусе, начнем мы теши в трезвении твердо установившемся, тогда сперва является нам в уме — как бы светильник какой, держимый нами рукою ума и руководящий нас на стези мысленныя, потом, как бы луна в полном свете, вращающаяся на тверди сердечной, наконец, как солнце, — Иисус, подобно солнцу сияющий правдою, т. — е. показующий Себя Самого и Свои всесветлые светлы созерцаний.

167. Сие-то таинственно открывает Он уму, с непрерывным рвением хранящему заповедь Его, которая говорит: обрежьте жестокосердие ваше (Втор. 10, 16). — Да, дивным истинам, как уже сказано, научает человека тщательное трезвение. Божество нелицеприятно. Почему Господь говорит:

слышите Меня и уразумеете; иже бо имать, дастся ему, и преизбудет ему; а иже не имать, и еже имать, возметя от него (Мф. 13, 12. 13); и еще: любящим Бога вся поспешествуют во благое (Рим. 8, 28). Не тем ли паче к этому поспешествуют им сии добродетели (трезвение и молитва)?

168. Не двинется вперед корабль без воды: не преуспеет нисколько и хранение ума без трезвения со смирением и молитвою Иисус—Христовою.

169. Основание дома — камни; а сей добродетели (хранению ума) и основание и кровля — святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро и легко потерпит кораблекрушение во время бури неразумный кормчий, который корабленников распустил, весла и паруса бросит в море, а сам ляжет спать: но еще скорее потоплена будет бесами душа, которая при начинающихся прилогах вознерадит о трезвении и о призывании имени Иисус—Христова.

170. Мы, что знаем, передаем чрез писание и что видели, проходя путем, о том свидетельствуем желающим, если захотите принять сказуемое вам. Се — Сам Господь сказал: аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю, и во огонь влагают, и сгарает. А иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног (Иоан. 15, 5. 6). Как невозможно солнцу сиять без света, так невозможно сердцу очиститься от скверны пагубных помыслов без молитвы именем Иисусовым. Если это истинно, как вижу (на опыте), то будем возглашать сие Имя также часто, как дышем. Ибо оно — свет, а те (помыслы скверные) — тьма; и Он (призываемый Иисус) есть Бог и Владыка, а те — слуги демонские.

171. Хранению ума пристойно и достойно именоваться светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненосным. Ибо, истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего то ради и надлежит называть сию добродетель самыми почетными именами, ради раждающихся из нея светозарных светов. Возлюбившие ее, из грешников непотребных, скверных, невежд, несмысленных, неправедных делаются силою Иисус—Христовою, праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными; и не только это, но и начинают созерцать таинства и богословствовать. Сделавшись созерцателями, они переселяются к оному пречистому безпредельному Свету, прикасаются к Нему неизреченными прикосновениями, с Ним живут и действуют, поелику вкусили, яко благ Господь; так что на этих первоангелах явно исполняется слово Божественнаго Давида: обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим (Пс. 139, 14). И действительно они только одни истинно и призывают Бога, и исповедаются Ему, и с Ним беседовать всегда любят, любя Его.

172. Горе внутреннему от внешнего; ибо внутренний человек много терпит от внешних чувств. Но потерпев что—либо, он должен употребить бичи против этих внешних чувств. Сделавший то, что следует по букве, уже уразумел и то, что следует по умозрению.

173. Если внутренний наш человек трезвится, то, по словам Отцев, он силен сохранить и внешнего. По их же словам, мы и злодеи демоны, обои, сообща совершаем грехи: те в помыслах или мечтательных живописях изображают только пред умом грехи, как хотят, а мы и помыслами внутренно и делами внешне грешим. Демоны, не имея тел дебелых, лишь помыслами, кознями и обольщениями, и себе и нам уготовляют муку. Но еслибы эти непотребнейшие не были лишены дебелаго тела, то грешили бы непрестанно и делами, всегда держа в себе злое произволение, готовое нечестивать.

174. Но молитва сердечная ко Господу разбивает их, и в прах обращает прельщения их. Ибо непрестанно и не леностно призываемый нами Иисус, Бог и Сын Божий, отнюдь не допускает им даже и начать вложение в нас греха, — что называют прилогом, — не допускает ни образ какой либо показать уму в зеркале мысли, ни проговорить какия либо слова сердцу. Но если никакой образ не втеснится в сердце, то оно и от помыслов, как мы сказали, будет пусто; потому что демоны обыкновенно чрез помыслы скрытно беседуют с душею и научают ее злу.

175. Итак, от непрестанной молитвы мысленный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять в нем Божественному свету Иисусову, если только мы не надымема тщеславием, самомнением и хвастливым себя выказыванием, не понесемса к недосыаемому, и не будем за то лишены помощи Иисусовой; потому что Христос ненавидит все таковое, будучи образцом смирения.

176. Емлемса убо за молитву и смирение, — сии два оружия, коими совокупно с трезвением, как мечем огненным, ополчаются мысленные воители против демонов. Если так будем вести жизнь свою, то каждый день и час можем таинственно радостный иметь праздник в сердце.

177. Восемь главных помыслов греховных, коими объемлется вся область таких помыслов, и от коих все они имеют свое рождение. Все они подходят к дверям сердца и, нашедши его не охраняемым умом, один за другим входят в него, каждый в свое время. Когда какой из этих восьми помыслов, поднявшись к сердцу, войдет в него, то вводит с собою целый рой нечистых помыслов и, омрачив таким образом ум и сердце, раздражает тело и влечет его к совершению срамных дел.

178. Но кто блюдет главу змия (прилог) и гневным прекословием, гневныя подобрав слова, как бы пистию бьет в лице врага, тот тем самым пресекает брань. Ибо, стерши главу, он избег и помыслов порочных и дел порочнейших. После сего мысль у него пребывает уже неволненной: потому что Бог приемлет его бодрствование над помыслами и в воздаяние за то дарует ему ведение, как надо преодолевать врагов и как надлежит очищать сердце от помыслов, оскверняющих внутренняго человека, о коих так говорит Господь Иисус: от сердца исходят помышления злая, прелюбодеяния, любодеяния... Сия суть сквернящая человека (Мф. 15, 19. 20).

179. Таким то образом душа может о Господе стать в своем благообразии, красоте и правости, как в начале создана была Богом прекрасною и правою, как говорит великий раб Божий Антоний: «когда в душе ум бывает таким, как следует ему быть по естеству, тогда она бывает вся — добродетель». Он же сказал опять: «быть душе правою есть тоже, что иметь ей ум в естественном состоянии, как создан». И немного ниже опять говорит он: «очистим ум; ибо я верую, что он, будучи всесторонне очищен и пришедши в естественное свое состояние, может сделаться прозорливым и видеть более и далее демонов, имея в себе дающаго откровения Господа». Вот что говорил славный Антоний, как сказывает Афанасий великий в житии Антония.

180. Всякий помысл воспроизводит в уме образ какого либо чувственного предмета: ибо Ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем либо привычным для нас, чувственным.

181. Как невозможно нам, человекам, гоняться по воздуху за пернатыми птицами, или летать подобно им, потому что это не свойственно нашему естеству; так невозможно нам избавиться от нетелесных демонских помыслов и свободно устремлять внимательное око ума к Богу, без трезвенной непрестанной молитвы. Если нет в тебе этого, то ты на земле и за земным охотишься.

182. Если истинно хочешь покрыть стыдом помыслы, достодолжно безмолствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, — и в немного дней увидишь это на деле.
183. Как не следует букв писать на воздухе, а надо их резцом начертывать на каком либо теле твердом; чтобы оне могли надолго сохраниться: так с притрудным трезвением своим должно нам сочетавать молитву Иисусову, дабы прекрасная добродетель трезвения вместе с Ним была в нас всегда целою, и чрез Него во веки сохранилась в нас неотъемлемою.
184. Возложи, как сказано, на Господа дела свои и обрящешь благодать, дабы и к нам с тобою не относились слова Пророка: близ еси Ты, Господи, уст их, далече же от утроб их (Иер. 12, 2). Никто другой прочно не умиротворит сердца твоего от страстей, кроме Самого Иисуса Христа, сочетавшаго в Себе далеко разстоящее (т. — е. Божество и человечество).
185. Равно омрачают душу и мысленные внутри беседы с помыслами, и внешние разговоры и празднословие. Итак тем, которые стараются отвращать от ума своего все вредное, должно без жалости прогонять и тех и других любителей празднословия, и помыслы и людей, по весьма уважительной по Богу причине, — именно: — дабы ум омрачаясь не ослаб в трезвении: ибо будучи омрачаемы забвением (от бесед), мы теряем ум (становимся такими, как бы в нас ума не было совсем).
186. Кто со всем рачением хранит чистоту сердца, тот наставником в ней будет иметь законоположителя ея Христа, Который таинственно будет изрекать ему волю Свою. Услышу что речет о мне Господь Бог (Ис. 84, 9), говорит Давид, указывая на это. Изображая же разглагольствие ума с самим собою о мысленной брани и о заступническом в ней покровительстве Божиим, говорил он: и речет человек: аще убо есть плод праведнику (Пс. 57, 12)? А потом, изъявляя состоявшееся вследствие обоесторонняго рассмотрения решение, говорит: убо есть Бог судья им — злым демонам на земли сердца нашего (там же). И в другом месте говорит он: приступит человек и сердце глубоко, и вознесется Бог; и тогда стрелами младенцев будут сочтены язвы их (Пс. 63, 7. 8).
187. Будем всегда вести себя, как наказанные сердцем в мудрости (Пс. 89, 12), непрестанно дыша Иисус—Христом, Бога Отца силою и Божиею Премудростию. Если же, по какой либо случайности опустившись, вознерадим о сем умном делании, то в следующее утро опять добре препояшем чресла ума нашего и покрепче возьмемся за дело свое, зная, что нет никакого оправдания нам, ведущим добро творити, если не будем творить онаго.
188. Как если, когда вредоносная яства, недавно принятыя, произведут в теле болезненную тревогу, вкусивший их, лишь только почувствует сей вред, поспешит извергнуть их вон, то остается невредимым: так и ум, когда, поглотив принятыя им порочные помыслы и почувствовав душевредную горечь их, поспешит молитвою Иисусовою, из глубин сердца возглашаемою, извергнуть их вон и далеко отбросить их от себя, то чрез это избежит всякаго от них вреда, как по милости Божией научение от других и вместе с ним собственный опыт предали трезвенствующим разуметь настоящее дело.
189. С дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово, или помышление о смерти и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу.
190. Господь сказал: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29).
191. Сказал еще Господь: иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во царствии небеснем

(Мф. 18, 4); возносясь же смирится (Лк. 18, 14). — От Мене, говорит, научитесь. И видишь ли, чему научиться? Смирению. Заповедь Его живот вечный есть; и сия заповедь есть смирение.

Следовательно, кто не смирен, тот отпал от живота, и конечно обрящется там, что противоположно ему.

192. Если всякая добродетель творится душею и телом, душа же и тело, коими, как я сказал, совершается всякая добродетель, суть творение Божие; то не крайне ли сумазбродствуем мы, когда величаемся и тщеславимся чуждыми украшениями души и тела? И не тем ли это паче, что, опираясь на гордость, как на тростниковую трость, мы возставляем против себя безпредельного величием Бога, таким крайним беззаконием своим и безумием привлекая на главу свою страшнейшее Его неблаговоление; ибо Господь гордым противится (Иак. 4, 6). Вместо того, чтобы подражать Господу в смирении, мы своим тщеславным и гордостным мудрованием вступаем в содружество с неистовым врагом Господа, гордым диаволом. Посему—то Апостол говорит: что же имати, егоже неси приял (1 Кор. 4, 7)? Разве ты сам себя создал? Если же тело и душу, из которых, в которых и чрез которых всякая добродетель бывает, получил ты от Бога, то что хвалишия, яко не приемь (там же)? Ибо Господь все сие тебе даровал.

193. Очищение сердца, чрез которое как смирение, так и всякое, свыше сходящее благо имеется в нас, ничто иное есть, как то, чтобы отнюдь не попускать приражающимся помыслам входить в душу.

194. Хранение ума, с Божиею помощью и ради Единого Бога действующее, установившись в душе, доставляет уму мудрость в ведении подвигов по Богу. Не малую также причастнику своему доставляет она способность и к тому, чтобы по Богу устроить и внешния дела и слова, с разсуждением безукоризненным.

195. Отличительное в Ветхом Завете первосвященническое украшение (чистая золотая дщица на груди, с надписью: святыня Господня, Исх. 28, 36) было прообразованием сердечной чистоты, которое внушает нам внимать дщице сердца нашего, не почернела ли она от греха, дабы (если окажется такою) поспешили мы очищать ее слезами, покаянием и молитвою. Ум наш есть нечто легкое (подвижное), и трудно удержать его от греховных воспоминаний; можно, впрочем, сказать, что он с равным удобством последует как за худыми, так и за добрыми мысленными мечтаниями.

196. Блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим, или пламя к свечке. Солнце, проходя над землею, производит день; а святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сия в уме, порождает безчисленное множество солнцевидных помышлений.

197. Когда рассеются облака, воздух показывается чистый; когда же Солнцем правды Иисусом Христом рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидныя и звездовидныя помышления, по причине просвещения Иисусом воздуха сердечного. Ибо Премудрый говорит: надеющиеся на Господа уразумеют истину, и вернии в любви пребудут Ему (Ирем. 3, 9).

198. Сказал некто из Святых: «злопамятствуя злопамятствуй на бесов и враждуя враждуй на тело всегда. Плоть — коварный друг, и, будучи довольствуемо, сильнейшую поднимает брань». И еще: «враждуй против тела и воюй против чрева».

199. В предыдущих главах, составляющих первую и вторую сотню, описали мы труды священного безмолвия ума, представляя не собственного только изыскания плод, но и то, чему Божественные глаголы богомудрых Отцев учат нас относительно чистоты ума. Теперь сказав еще не много в

показание пользы хранения ума, кончим слово.

200. Итак прииди, последуй за мною к достижению блаженного хранения ума, кто бы ты ни был, любящий в духе видети дни благи (Пс. 33, 12), — и я о Господе научу тебя видимому деланию и жительству безплотных сил. Не насытятся Ангелы, воспевая Творца; не насытится и ум, в чистоте им соревнующий. И как не пекутся о пище невещественные (Ангелы на небе): так не пекутся о ней и вещественные невещественники (люди — трезвенники на земле), когда взойдут на небо безмолвия ума.

201. Как горния силы не пекутся о богатстве и стяжаниях, так и душевное око очистившие и стяжавшие навык в добродетели (трезвения) не пекутся о злобствовании злых духов. И как тех отличает богатство преуспевания совершенства в Боге, — так этих отличают вожделение и любовь к Богу, стремление и восхождение к Божественному. И они, с ненасытимым вожделением от вкушения Божественной приводящей в восхищение любви, простираясь в восхождение (горе по степеням совершенства духовнаго), не остановятся, пока не достигнут уподобления Серафимам, — и не починут от трезвения ума и вожделетельнаго возвышения, доколе не сделаются Ангелами о Христе Иисусе Господе нашем.

202. Нет яда, паче яда аспида и василиска; и нет зла, паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия — сии змии летающая, суть сии: самовосхваление в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол гордость, которая не только людей, но и Ангелов свергает с небес и вместо света покрывает мраком.

203. Сие написал тебе, Феодуле, соименник безмолвия (т. — е. Исихий), хотя не безмолвник на деле. Может быть я написал не все, относящееся к нашему предмету, но всячески то, что подал Бог, во Отце, Сыне и Духе Святом хвалимый и славимый от всего разумнаго естества: Ангелов и человеков, и от всякой твари, созданной неизреченною Троицею, Богом Единым, Коего светлое царствие да сподобимся получить и мы, молитвами Пресвятыя Богородицы и Преподобных Отцев наших. Ему, Богу непостижимому, вечная слава. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СИНАЙСКИЙ

Краткое сведение о нем.

Преподобный Нил происходил из богатой и знатной фамилии и, вероятно, еще тогда, как св. Златоуст был проповедником в Антиохии, был слушателем и учеником его. Знатное происхождение и личныя достоинства возвели его на степень префекта столицы. Но стремления его духа не согласовались с должными хлопотами и порядками жизни столичной. Почему, согласившись с супругою, с которою имел уже двух детей, оставил он мир, чтоб в уединении успешнее тещи путем спасения. Он, взяв с собою сына Феодула, поселился на Синае; а супруга его с дочерью нашли себе приют в одной из Египетских женских обителей.

В Синайской пустыне препод. Нил жил крайне строго: своими руками с сыном выкопали они себе пещеру и, живя в ней, питались даже не хлебом, а дикими горькими растениями. Все же время проходило у них в молитве, изучении Писания, Богомыслии и трудах.

Оставляя однакоже мир, препод. Нил не оставил общения с людьми. Из всех мест и всякаго рода лица обращались к нему с своими духовными нуждами, и никто не был оставляем без потребнаго вразумления и назидания. И царь писал к нему, прося молитв, и он писал к царю, укоряя его в несправедливости к св. Златоусту. Другия писания преподобнаго преимущественно нравственнаго и

аскетического содержания. Из всего им написанного видно, как обширны и глубоки были его познания, и как неутомим труд его в сем деле.

Для испытания любви его к Богу было ему особое искушение. Напали на Синай и окрестные его области дикие варвары из Аравии, и все разграбили, многих побили, иных забрали в плен. В числе последних был и Феодул, сын преп. Нила. Беда сия была очень чувствительна для преподобного, — и он не находил себе покоя, особенно когда на второй или третий день после общей беды принесена была к нему весть, что сына его дикари положили принести в жертву утреннице — звезде Венере, не утверждая, исполнено ли было такое определение. Но не долго, попустил Бог томиться его родительскому сердцу. Скоро узнал он, что жертва не состоялась и пленники распроданы в христианския страны. Поиски нашли его потом в городе Елузе, епископ котораго купил его у варваров вместе с другими, и готовил уже к служению Церкви, к которому был упрашиваем и отец прибывший за ним. Любовь к пустынножитию не позволила им согласиться на это; и епископ, посвятив их во священники, благословил им отойти на любимый Синай, где и пребыли они до конца жизни.

Пр. Нил оставил мир в 390 г.; в пустыне Синайской прожил лет 60 и скончался около 450 г. Память его — 12 Ноября и 13 Генваря. Св. Мощи его при Иустине младшем были перенесены в Константинополь, и положены в храме св. Апостолов.

Из писаний преп. Нила в Греческое Добротолюбие, а из него в Славянское, взяты — слово о молитве и слово аскетическое. Слово о молитве берем и в наше Добротолюбие; вместо же слова подвижнического предпочитаем взять слово об осьми духах лукавствия, и два собрания кратких изречений и наставлений, из коих одно озаглавляется: — главы или увещания, — а второе: — мысли, отводящая человека от тленного и прилепляющая к нетленному. — Но как о молитве и о борьбе со страстями множество преблагопотребных советов и наставлений высказано преподобным в других его писаниях, равно как там же всюду в обилии встречаются преназидательныя мысли и вообще о нравственном строе и особенно о жизни отрешенной от всего: то подумав, что было бы несправедливо лишить наше Добротолюбие сих сокровищ, положили мы позаимствовать их из сказанных писаний преподобного, помещая, что к молитве относится, под словом о молитве, — что к борьбе со страстями, — под каждую из осьми страстей, что — к общему назиданию, — под собранием изречений. Подражаем в этом древним. Ибо в *Patrol. graec. Migne t. 79*, где помещены все писания преп. Нила, после мыслей, отводящих от тленного и прилепляющих к нетленному, — стр. 1249—50, — сделана заметка, что в той рукописи, с которой там печатались сии мысли, следуют еще десятка четыре мыслей, заимствованных то из слова о нестяжательности, то из статьи о превосходстве пребывания на безмолвии пред жизнью в городе. Самыя сии заимствования не напечатаны; но пример чрез это ничего не теряет.

Цитаты сих заимствований будем означать в конце статей, указанием тома и страницы, — по изданию творений преподобного в русском переводе. Статьи без цитат находятся на той же, что выше указана, странице.

1. Слово о молитве. (Ч. 1, 170).

Предисловие.

Благовременно возставил ты меня, лежащего в жгучей горячке нечистых страстей, прикосновением боголюбиваго письма твоего, и ум мой, недугующий самыми срамными недугами, ободрил

утешением, блаженно подражая великому Наставнику и Учителю. И не дивно. Долею твоею всегда было искать славного и знаменательного, как и благословенного Иакова. Почему, поработав хорошо ради Рахили и получив Лию, ищешь и возлюбленную, как и за нее исполнивший семилетие (работы) (Быт. 29, 20—28).

А я не отрекаюсь сознаться, что, потрудившись всю ночь, ничего не поймал; но, по слову твоему ввергнув мрежи, извлек множество рыб, не думаю, что — великих, однакоже сто и пятьдесят и три (Иоан. 21, 11). И их — то посылаю к тебе в кошнице любви; и тем исполняю повеление твое, составив равное тому число глав (о молитве). Удивляюсь я тебе и очень ублажаю прекрасное произволение твое, что возжелал ты (не другого чего), а — глав о молитве; и притом не просто возжелал, чтоб оне руками на хартии написаны были, но чтобы внедрены были в уме любовь и незлобием. Поелику вся сугуба, едино противу единого, по слову премудраго Сираха (42, 25), то не по букве только приими их, но и уразумей духом.

За малочисленность глав не брани, как умеющий и насыщаться, и лишаться (Фил. 4, 12). Ей, не брани, помня, что Господь не отверг и двух лепт вдовицы, но принял их благосклоннее, чем богатые вклады многих других. Но паче, умея хранить в отношении к искренним братьям своим благорасположение и любовь, молися о немоществующем, чтобы он стал здоров, и взяв одр свой начал ходить, благодатию Христовою. Аминь.

153 главы о молитве.

1. Если бы кто захотел приготовить благовонный фимиам, то ему надобно по закону сложить по равной части ливана чистаго, кассии, ониха и стакти (Исх. 30, 34). Это — четверица добродетелей. Когда оне все в полном совершенстве и в равной силе присущи в душе, тогда не будет предан ум (изменнически, разумеется, каким либо внутренним предателем).
2. Душа, очистившись полнотою добродетелей, поставляет ум в состояние непоколеблемости, соделывая его способным принять устроение, какое требуется (в молитве).
3. Молитва есть беседа ума к Богу. В каком же устроении имеет нужду ум, чтобы мочь не озаряться вспять (или — сюда и сюда), вознестись к своему Владыке и беседовать с Ним без всякаго посредника)?
4. Если Моисею, намеревавшемуся приблизиться к земной купине горящей, возбранено было это, пока не иззует сапоги от ног (Исх. 3, 5), — то как же тебе не отрешить от себя всякое страстное помышление, когда желаешь видеть Того, Кто выше всякаго чувства и помышления, и быть Ему собеседником?
5. Прежде всего молись о получении слез, чтобы плачем умягчить сущую в душе жестокость и исповедав на себя беззаконие Господеви (Пс. 31, 5), получить от Него оставление грехов.
6. Употребляй слезы, как орудие к получению всякаго прошения; ибо очень радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами.
7. Когда во время молитвы своей изливаешь потоки слез, отнюдь не возносись тем сам в себе, как будто ты выше многих. Это помощь свыше прияла молитва твоя, чтобы ты, усердно исповедав грехи свои, слезами умилоствовал Владыку.
8. Не обращай же в страсть средства против страстей, чтоб еще более не прогневать Даровавшего тебе благодать сию (т. — е. слезы). Многие, проливая слезы о грехах, забывали цель слез и, вознеистовствовав, совратились (с праваго пути, или с ума сошли).

9. Стой терпеливо и молись крепко, отревая приражения житейских попечений и всяких помыслов; ибо они возмущают и тревожат тебя, чтоб разстроить твоё молитвенное устремление.
10. Когда демоны увидят, что кто либо имеет усердие и ревность молиться, как должно, то (во время молитвы) влагают ему мысли о чём либо, будто нужном (и отходят) а спустя не много опять возбуждают воспоминание о том подвигая и ум на рассмотрение того (если это вопрос, — и разрешение, если вещь, — на приобретение); — и он, не находя искомого, досадует и скорбит. Потом, когда станет на молитву (этот усердный ревнитель молитвы), они напоминают ему, о чём он помышлял и чего доискивался, чтобы ум подвигшись опять к узнанию (не решенного прежде), сделал молитву бесплодною.
11. Подвизайся ум свой во время молитвы соделывать глухим и немым; и будешь тогда иметь возможность молиться, как должно.
12. Когда сретит тебя искушение, или раздражит чье-либо прекословие, — так что ты или на гнев подвигнешься против того, кто воспоперечил тебе, или даже произнесешь какое неподобное слово; тогда вспомни о молитве и о суде во время ея (над тобою в совести пред лицом Бога), — и тотчас укротится в тебе безчинное движение.
13. Что ни сделаешь ты в отмщение брату, онеправдовавшему тебя, все то в соблазн будет тебе (смущать будет тебя) во время молитвы.
14. Молитва есть ветвь (от древа) кротости и безгневия.
15. Молитва проявление (проторжение) радости и благодарения.
16. Молитва есть врачевство печали и уныния.
17. Иди, продаждь имение твое, и даждь нищим (Мф. 19, 21), и взяв крест, отвергнись себя (—16, 24), чтоб можно было тебе молиться без развлечения.
18. Если хочешь молиться похвальною молитвою, отвергайся себя во время молитвы и, крайняя озлобления терпя, будь любомудр молитвы ради.
19. Если какую бы ни пришлось тебе терпеть прискорбность, будешь любомудр; то плод сего обретешь во время молитвы.
20. Если желаешь молиться, как должно, не печаль души (или не держи огорчения на душе); иначе всуе течение твое (или молитвенный труд твой).
21. Остави дар твой, говорит Господь, пред алтарем, и шед прежде смирися с братом твоим (Мф. 5. 24), — и тогда, пришедши, станешь молиться без смущения; ибо злопомнение наводит мрак на владычественный ум молящагося и тьмою окружает молитвы его.
22. Собирающие в себе печали (огорчения) и злопомнения, и держащие (в этом состоянии молитву), походят на тех, которые черпают воду и вливают ее в дырявую кадь.
23. Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостью.
24. Когда молишься, как должно, могут встретиться тебе (или придти на ум) какая либо дела, за которая покажется тебе праведным погневаться на ближняго. (Поостерегись). — Нет совсем гнева на ближняго, который был бы праведен. И, если поищешь, то найдешь, что можно и без гнева дело устроить хорошо. Почему всячески ухитрайся — не подвигнуться на гнев.
25. Смотри, как бы, думая уврачевать другаго, самому не остаться неизцеленным, и не дать препинания молитве своей.
26. Щадя других и не гневаясь на них, и себе обретешь пощадение, покажешь себя разумным в

отношении мнения о себе и будешь в числе истинно молящихся.

27. Вооружаясь против гнева, никогда не потерпишь приражения похоти; ибо она дает пищу гневу, а этот возмущает умное око и повреждает молитвенное устройство.

28. Молясь не ограничивайся одними внешними телодвижениями и положениями, но возводи ум свой в чувство духовной молитвы с великим страхом.

29. Иногда лишь станешь на молитву, тотчас начнешь молиться хорошо; а иногда, и много потрудившись, не улучишь этой желанной цели; (и сие попускается тебя для того), чтобы ты еще усерднее взыскал (молитвы) и, получив, имел молитву совершенно исправною, безопасною от окрадения.

30. Когда приблизится к нам Ангел, тотчас удаляются все, стужающие нам (демоны): ум бывает тогда в великой отраде и молится здраво. А иногда во время належания обычной брани, ум бьется борясь и не дается ему возникнуть (к богомыслию и благочувствию). Это за то, что он прежде окачествовался разными страстями (увлекался, вкусил их). Впрочем, если побольше поищет, найдет, и если не поленится толкать, отвернется ему.

31. Не молись, да будет по желаниям твоим; ибо оне не во всем бывают согласны с волею Божиею. Но лучше молись, как научен, говоря: да будет на мне воля Твоя (Мф. 6, 10). И во всяком деле так проси Его: ибо Он всегда желает добраго и полезнаго душе твоей, а ты не всегда этого взыскиваешь.

32. Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прошении, неразумно нудя волю Божиею, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но получив (просимое), бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил, — да будет лучше по воле Божией; ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал.

33. Что благо, кроме Бога? Предадим же Ему все, касающееся нас, и благо нам будет; ибо Благий конечно есть и благих даров податель.

34. Не скорби, не получая тотчас от Бога того, о чем просишь. Он хочет доставить тебе большее благодеяние тем самым, что заставляет тебя с терпением долее предстоять Ему в молитве. Ибо что выше, как простирать беседу к Богу и объяту быть общением с Ним.

35. Не разсеянная молитва есть наивысшее умное деание.

36. Молитва есть восхождение ума к Богу.

37. Если вожделенна для тебя настоящая молитва, отрекись от всего, да все наследуешь.

38. Молись во первых о том, чтоб очиститься от страстей, во вторых о том, чтоб избавиться от неведения и забвения, и в третьих о том, чтоб избавлену быть от всякаго искушения и оставления.

39. Ищи в молитве своей только правды и царствия, т. — е. добродетели и ведения, — и прочее все приложится тебе (Мф. 6, 33).

40. Праведно молится не о своем только очищении, но и об очищении всякаго человека, в подражание Ангельскому чину.

41. Смотри, воистину ли Богу предстоишь ты в молитве своей, или препобеждаешься желанием человеческой похвалы и ее уловить стараешься, прикрывая это (не доброе желание благовидным) протяжением молитвы.

42. С братиею ли молишься, или наедине, подвизайся не обычаю только удовлетворить, но помолиться в чувстве.

43. Свойственно молитве (сей — в чувстве) самоуглубление с благоговением, умилением и

болезнованием душевным, при исповедании с негласными воздыханиями грехопадений.

44. Если ум твой окрадается во время молитвы, то он не как монах молится, но еще мирянин есть, украшающий внешнюю скинию.

45. Когда молишься, всеми силами храни память свою, чтоб она не предлагала тебе своего; но всячески воздвигай себя к разумному предстоянию (с сознанием, кому и для чего предстоишь). Ибо во время молитвы ум обыкновенно очень окрадается памятью (приводит она на мысль вещи, лица, события, и ими отвлекает от молитвы внимание ума).

46. Память приводит тебе на ум во время молитвы или воображения давних дел, или новых заботы, или лице, оскорбившего тебя.

47. Очень завидует демон человеку молящемуся и всякия употребляет хитрости, чтоб разстроивать такое намерение его; поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах, и посредством плоти приводит в движение все страсти, чтоб только помешать как-нибудь прекрасному его течению (т. — е. труду молитвенному) и к Богу преселению (восхождению вниманием).

48. Когда вселукавый демон, многия употребив хитрости, не успеет воспрепятствовать молитве рачительного (молитвенника); тогда не много ослабляет (свои нападки), но за то потом, когда кончит он молитву, отмщает ему. Ибо, или воспламенив его гневом, уничтожает то прекрасное настроение, какое приобретается молитвою, или раздражив какую либо безсловесную сласть (позыв ко вкушению чувственного удовольствия), посмеивается над умом.

49. Помолившись, как должно, ожидай, что не должно, — и стой мужественно, охраняя плод свой. На это с самого начала ты поставлен, — т. — е. чтоб делати и хранить (Быт. 2, 15). Почему поделавши (совершив как должно молитву), не оставляй без охраны того, что стяжал трудом; иначе никакой не останется тебе пользы от молитвы.

50. Вся, ведомая между нами и нечистыми духами, брань: не из-за чего другого ведется, как из-за духовной молитвы, ибо она очень им противоборственна и несносна, а нам спасительна и благоприятна.

51. Для чего демонам желается возбуждать в нас своим воздействием чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, злопамятство и прочия страсти? Для того, чтобы ум, одебелев от них, не мог молиться, как должно; ибо страсти неразумной части нашей, начав действовать (пришедши в движение) не позволяют уму действовать разумно.

52. Добродетели проходим, потому что оне требуются природою; природе покорствуем ради осуществовавшего ее Слова — (Господа). Слово же сие обыкновенно явным для нас делается (в сознании нашем ясно печатлется) в молитвенном состоянии.

53. Молитвенное состояние есть безстрастное устроение, крайнюю любовь восхищающее на высоту любомудрый и духовный ум.

54. Не только над гневом и похотию надобно владычествовать тому, кто хочет истинно молиться, но быть чужду и всякаго страстного помышления.

55. Кто любит Бога, тот всегда беседует с Ним, как с Отцем, отвращаясь от всякаго страстного помышления.

56. Не всякий, улучивший безстрастие, уже и молится истинно; ибо такой может еще занят быть простыми помышлениями (о вещах, без страстных при том движений) и развлекаться историями их

(может быть, картинами их и разными их сочетаниями), — и далеко отстоять от Бога. (Страстных движений нет, но ум мечтает).

57. Но и когда ум не коснит в простых помышлениях, о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы: ибо он, может быть занят (философским) умозрением о сих вещах и углубляться в причинныя их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как оне суть умозрения о вещах, то печатлеют в уме образы их, — и далеко отводят его от Бога. (Страсти не в движении, но ум философствует, а не молится: состояние ученых).

58. Пусть ум будет выше и умозрения о вещественной природе, не следует еще, что он узрел уже настоящее место Божие: ибо он может быть занят познанием мысленных тварей (Ангельского мира), и пестрится ими (быть полным разнообразных о них мыслей и представлений).

59. Если хочешь молиться, как следует, то потребен тебе Бог, дающий молитву молящемуся. Его и призывай в молитве, говоря: да святится имя Твое, да придет царствие Твое (Мф. 6, 9. 10), т. — е. Дух Святой и Единородный Сын Твой. Ибо так научил Сам Господь, говоря, что Отцу духом и истинною достоин кланяться (Иоан. 4. 24).

60. Молящийся в духе и истине не от тварей заимствует мысли к величанию Творца, но из Него Самого почерпает созерцания к воспеванию Его.

61. Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов.

62. Когда ум твой, пламенея желанием к Богу, мало по малу как бы отрешается от плоти и отвращается от всех помышлений, исходящих от чувственных впечатлений, или из памяти, будучи вместе с тем полон благоговения и радования; тогда заключай, что он приблизился к пределам молитвы.

63. Святой Дух, снисходя к нашей немощи, приходит к нам и когда бываем мы еще не чисты; и если только найдет ум наш искренне Ему молящимся, находит на него и разгоняет всю окружающую его толпу помыслов и представлений (делает, что она исчезает), располагая его чрез то к вождению духовной молитвы.

64. Прочие (духи — добрые и злые) чрез воздействие на тело вводят в ум помыслы, представления и воображения; а Господь действует противоположно тому: наитствуя самый ум, влагает ему ведение, о чем Ему угодно, — и посредством ума укрощает невоздержность тела.

65. Достоин всякаго порицания тот, кто любя истинную молитву, гневается или злопамятствует: ибо он похож на того, кто желает остро смотреть, а между тем запорашивает свои глаза.

66. Если желаешь молиться, как должно, не делай ничего сопротивляющагося (враждебнаго) молитве, чтобы Бог приблизившись сшествовал тебе.

67. Когда молишься, не придавай Божеству какого либо облика, и не попускай, чтобы ум твой преобразался в какой либо образ, (или себя представлял под каким либо образом, или, чтоб в уме твоём печатлелся какой либо образ); но невещественно приступи к невещественному, — и сойдешься с ним.

68. Берегись сетей вражеских: ибо бывает, что когда молишься чисто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой либо образ странный и чуждый. Это враги делают, для того, чтобы ввести тебя в сомнение, внушив мысль, что тут Божество (явилось тебе), — а далее и для того, чтоб ты подумал, будто подобно этому, внезапно явившемуся тебе и Божество количественно (занимает место, протяженно, имеет части), тогда как Божество ни количества, ни вида не имеет.

69. Когда завистливый демон не успеет привести в движение память, тогда воздействует на кровь и соки, чтоб чрез них произвести в уме воображение чего либо чуждаго и наполнить его образами; он же, привыкши вращаться в помышлениях, легко увлекается тем, и думая, что востекает к невещественному и безвидному ведению, обманывается, принимая дым вместо света.
70. Стой на страже своей, охраняя ум от помышлений во время молитвы и стараясь стоять в мирном устройении, — чтоб Состраждующий невежествующим (Евр. 5, 2) пришел к тебе и дал тебе приятъ преславный дар молитвы.
71. Невозможно тебе молиться чисто, вплетаясь в вещественныя дела и волнуясь непрестанными попечениями: ибо молитва есть отложение (всяких сторонних) помышлений.
72. Связанный не может бежать, — и ум, работающий какой либо страсти, — видеть место духовной молитвы; к тому же влается он и носится страстным помышлением, и не имеет стояния незыблемаго.
73. Когда ум начнет наконец чисто и безстрастно молиться, тогда демоны наступают на него уже не от шуиих, а от десных: представляют явление будто славы Божией, и какое либо образное представление, чувству приятное, так что ему покажется, будто он совершенно достиг уже цели молитвы. Это как сказал один, знающий дело муж (Евагрий), бывает от страсти тщеславия, и от бесовскаго прикосновения к известному месту мозга и от потрясения (или воспаления) в нем жил.
74. Думаю, что демон, касаясь сказаннаго места, как хочет, превращает свет, который около ума; от этого тщеславие подвигается на помысл, понуждающий ум легкомысленно присвоить себе Божественное и существенное ведение. Так как его не тревожат плотския нечистыя страсти, а он чисто предстоит в молитве, то ему никак не думается, чтобы тут было какое либо вражеское действие, — и он уверяется, что это есть точно Божественное явление, тогда как оно произошло от демона, который, крайнюю употребляя хитрость, чрез мозг, как мы сказали, изменяет сопряженный с умом свет и его самого образует (ему самому дает образ, — или то и то заставляет воображать).
75. Ангел Божий, представ, одним словом прекращает в нас вражеское действие и подвигает свет ума действовать непрелестно.
76. Сказанное в Апокалипсисе об Ангеле, что он приносит фимиам, да даст молитвам святых (Апок. 8, 3), думаю, указывает на сию благодать, чрез Ангела воздействующую, которая сообщает умение истинно молиться; так что ум наконец стоит на молитве без смятения мыслей, без уныния и малодушия.
77. Фиалы с фимиамами суть, как говорится там, молитвы святых, кои приносили двадцать четыре старца (Апок. 5, 8). Под фиалом должно разуметь содружение с Богом, или совершенную, духовную к Нему любовь, в коей молитва действуется духом и истиною.
78. Когда подумаешь, что во время молитвы твоей нет тебе нужды плакать о грехах, тогда посмотри, сколь далеко отстоишь ты от Бога, будучи обязан всегда пребывать в Нем, — и прольешь теплейшия слезы.
79. Истинно так: сознав меру свою (бедность и ничтожество), в сладость поплачешь, окаывая себя подобно Исаии, — как будучи нечист и нечисты устне имый и живя среди такого народа, т. — е. противников (Божиих, — нечистых сил или помыслов), дерзаешь предстоять Господу Саваофу (Ис. 6, 5).
80. Если молишься истинно, то получишь во многом полное удостоверение и Ангелы соберутся к тебе, как и к Даниилу, и просветят тебя ведением причин, почему что бывает.

81. Ведай, что Ангелы возбуждают нас к молитве и стоят с нами на ней, радуясь и вместе молясь о нас. Итак, если нерадим и принимаем противные помыслы, то тем крайне прогневаем их; ибо тогда как они столько подвизаются за нас, мы о самих себе не хотим умолять Бога, но пренебрегая своим Богу служением, и их Бога и Владыку оставляя, ведем беседу с нечистыми бесами (в помыслах).
82. Молись мирно и безмятежно, пой разумно и благонастроено, — и будешь, как птенец орлий, поднимающийся на высоту.
83. Псалмопение усыпляет страсти и укрощает позывы телесной невоздержности; а молитва настроивает ум к свойственному ему умному деланию.
84. Молитва есть приличное достоинству ума делание, или лучше, настоящее его употребление.
85. Псалмопение есть образ многообразной премудрости; а молитва — предначатие невещественного ведения.
86. Ведение есть дело прекрасное; оно содействует молитве, возбуждая мысленную силу ума к созерцанию Божественного ведения.
87. Если не получил еще ты дара молитвы или псалмопения, то проси неотступно и получишь.
88. Глагола же (Господь) и притчу к ним, како подобает всегда молиться, и не стужати си (Лк. 18, 1). Поэтому не горюй и не унывай, что еще не получил; ибо после получишь. К притче приложил Господь и сие: аще и Бога не боюся, и человек не срамляюся: но зане творит ми труды вдовица сия, отмщу ея (—5). Так и Бог сотворит отмщение вопиющих к Нему день и ночь вскоре (—7).
Благодушествуй же с трудолюбным терпением пребывая в молитве.
89. Не желай, чтобы то, что тебя касается, было так, как тебе кажется (лучше), но как Богу угодно; и будешь безмятежен и благодарен в молитве своей.
90. Хотя бы уже и с Богом, повидимому, был ты, берегись демона блуда; ибо он очень обольстителен и коварен, и всячески усиливается превозмочь устремление трезвенного ума твоего, и отвлечь его от Бога, даже когда он предстоит Богу с благоговением и страхом.
91. Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевания их, ибо как дикие звери нападут они на тебя и все твое изъязвят тело.
92. Приготовься, как опытный борец — не колебаться, хотя бы внезапно увидел ты какое привидение, — не смущаться, хотя бы обращен был на тебя меч, или пламяник устремлен был тебе в лицо, — не падать духом (не робеть), хотя бы представился тебе зрак (рожа) какой безобразный и коварный; но стой, исповедуя доброе исповедание, и смело взирай на врагов своих.
93. Кто переносит печальное, тот сподобится и радостного; и кто претерпевает неприятное, тот не будет лишен части и в приятном.
94. Смотри, да не обольстят тебя лукавые бесы каким либо видением. (Если случится что подобное, то) пребывая в себе собранным, обратись к молитве и проси Бога, чтобы, если это от Него (на вразумление), Он Сам просветил тебя, а если нет, то чтобы поскорее отогнал от тебя прелестника. И дерзай; ибо не постоят эти псы, когда ты притечешь к Богу теплым молением, но тотчас невидимо и незримо биемы будучи Божию силою, далеко от тебя убегут.
95. Надлежит тебе знать и следующее коварство демонов. Иногда они разделяют себя на группы. Одни приходят с соблазном. И когда ты взыщешь помощи, входят другие в ангельском виде и прогоняют первых, чтоб прельстился ты мнением, что они настоящие ангелы, и впал в самомнение, что удостоен того.

96. Постарайся быть сколько можно смиренномудрым и мужественным, — и вражеское нападение демонов не коснется души твоей и бич их не приблизится к телу твоему. Ангелом Своим заповесть о тебе (Господь) сохранить тя (Пс. 90, 10. 11); и они незримо отразят от тебя всякое вражеское действие.
97. Хотя и шум, и топот, и вопли, и ругательства услышит от демонов старающийся держать чистую молитву, но не низпадет помыслом и не предаст его им, говоря к Богу: не убоюсь зла, яко Ты со мною еси (Пс. 22, 4), и тому подобное.
98. Во время таких искушений употребляй непрестанно краткую, но напряженную молитву.
99. Если демоны станут угрожать тебе, что внезапно явятся в воздухе, чтоб изумить тебя и похитить ум твой, не бойся их и совсем не заботься о такой угрозе их. Это они страшат тебя, пытая, ставишь ли ты их во чтонибудь, или совсем презрел уже их.
100. Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю предстал ты в молитве, то для чего так неразумно предстоишь Ему, что, оставя страх Его непреборимый, боишься мух и комарей? Или не слышишь, что говорит Пророк: Господа Бога твоего да убоишься (Втор. 10, 20), — и еще: Егоже вся боятся и трепещут от лица силы Его — и прочее (2 Паралип. 36, молитва Манассии).
101. Как хлеб служит пищею телу, а добродетель — душе, так духовная молитва есть пища ума.
102. Не фарисейски, а мытарски молись в священном месте молитвы, чтоб и тебе быть оправданным от Господа.
103. Подвизайся не молиться против кого либо в молитве своей, чтоб не разрушать, что созидаешь, делая омерзительною (пред Богом) молитву свою.
104. Должник твою талантов да научит тебя, что, если не оставишь ты (долга) должнику своему, то и сам не получишь оставления (своего долга); ибо сказано: предаде его мучителем (Мф. 18, 34).
105. Отложи в сторону телесныя потребности во время молитвеннаго предстояния твоего (Богу), чтоб укушение блохи, комара и мухи не лишило тебя величайшаго приобретения, доставляемаго молитвою.
106. Дошло до нас, что одному Святому, когда он становился на молитву, лукавый столько противоборствовал, что лишь только тот воздевал руки, как этот, преобразясь во льва, поднимал вверх передния лапы и, вонзив когти свои в бока подвижника, не отступал, пока тот не опускал руки. Но он никогда не опускал их, пока не доканчивал обычных своих молитв.
107. Таков же был, как знаем и безмолвствовавший во рве, Иоанн малый, или лучше сказать, величайший монах, который неотступно пребыл в умном сопребывании с Богом, когда демон в виде дракона обвился вокруг него, грыз плоть его и изрыгал ее в лице ему.
108. Читал ты конечно жития Тавеннисийских иноков, где говорится, что когда Авва Феодор говорил слово братиям, две ехидны подползли к ногам его, а он, нимало не смутясь, изогнул ступни как бы сводом и, пустив под них ехидн, продолжал слово до конца; и тогда уже показал их братиям, рассказав это дело.
109. Читали мы еще о другом духовном брате, что, когда он молился, ехидна, подползши, коснулась ноги его; но он не прежде опустил руки, как совершив обычную молитву. И никакого вреда не потерпел сей, возлюбивший Бога паче себя.
110. Не развлекающимся держи око свое во время молитвы и, отрешившись от плоти и души, живи умом.

111. Другому некоему Святому, крепкому молитвеннику, безмолвствовавшему в пустыне, явились демоны и в продолжении двух недель играли им, как мячиком, бросая вверх и подхватывая на рогожу; однакож несколько не могли низвести ум его от пламенной молитвы.
112. Иному еще боголюбивому иноку, когда он творил умную молитву, ходя по пустыне, предстали два Ангела и пошли вместе с ним, имея его в середине. Но он ни на минуту не обратился к ним вниманием, чтоб не потерпеть ущерба в лучшем, ибо помнил изречение Апостола, который говорит: ни Ангелы, ни начала, ниже силы возмогут нас разлучити от любви Христовы (Рим. 8, 38. 39).
113. Инок молитвою делается равноангельным, вождевая видеть лице Отца, Иже на небесех (Мф. 18, 10).
114. Отнюдь не желай и не ищи увидеть во время молитвы какой либо лик или образ.
115. Не желай видеть чувственно Ангелов, или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись врагам — демонам.
116. Начало прельщения ума — тщеславие, коим движим будучи ум, покушается описать Божество в каком либо образе и зраке.
117. Я свое буду говорить, что сказал и новоначальным; блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безмолвие.
118. Блажен ум, который, молясь без развлечения, восприимлет все большее и большее вождевание Бога.
119. Блажен ум, который во время молитвы бывает невеществен и нестяжателен.
120. Блажен ум, который во время молитвы держит совершенное ко всему нечувствие.
121. Блажен инок, который всякаго человека почитает как бы богом после Бога.
122. Блажен инок, который на содевание спасения и преспеяние всех взирает, как на свое собственное.
123. Блажен инок, почитающий себя отребием всех.
124. Монах тот, кто, от всех отделясь, со всеми состоит в единении.
125. Монах тот, кто почитает себя сущим со всеми и в каждом видит себя самого.
126. Тот молитву совершает, кто всегда все первомыслие свое плодородит Богу.
127. Всякой лжи и всякой божбы избегай, как монах, сильно желающий молиться; иначе напрасно принимаешь несвойственный тебе вид.
128. Если желаешь молиться в духе, ничего не заимствуй от плоти, — и не будешь иметь облака, мрак простирающаго пред тобою во время молитвы.
129. Вверх Богу телесныя потребности, — и явно будет, что ты Ему же вверяешь и духовныя.
130. Если сподобишься получить обетования, царствовать будешь. Не следует ли же тебе, взирая на это, с удовольствием переносить настоящую нищету?
131. Не отрицайся от нищеты и прискорбности (жизни), — сих орудий (крыльев) легкой молитвы.
132. Телесныя добродетели да будут тебе залогом душевных, душевныя — духовных, а эти — невещественнаго и существеннаго ведения.
133. Если, молясь против какого помысла, заметишь, что он скоро и легко утих, то размотри, от чего это произошло, чтоб не попасть в засаду, и, обманувшись, не сделаться предателем себе самому.
134. Бывает, что иногда демоны, вложив тебе какие либо помыслы, сами же побуждают молиться против них, воспротиворечить им, — и тотчас отбегают; чтоб ты впал в прелесть, возомнив, что

начал уже побеждать помыслы и устрашать демонов.

135. Если молишься против какой либо страсти или какого демона, стужающего тебе, вспомни слова Псалмопевца: пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются: оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима, и так далее (Пс. 17, 38. 39). Но скажи это благовременно, вооружая себя против сопротивоборцев смиренномудрием.

136. Не думай стяжать добродетель, не поборовшись прежде за нее до крови. Надлежит, по Божественному Апостолу, до смерти стоять против греха подвизаясь, чтоб сохраниться непорочными (Евр. 12, 4).

137. Бывает, что, сделав пользу одному, потерпишь вред от другаго (по козням вражеским), чтоб встретив напраслину, сказал ты или сделал что либо неуместное, и таким образом зле расточил, что добре собрал. Та и цель у лукавых демонов. Потому надо разумно внимать себе.

138. Подвергаясь демонским на тебя устремлениям, всячески заботься, как бы не попасть в рабство им.

139. Ночью лукавые бесы сами домогаются смутить духовнаго учителя; а днем — чрез людей, окружая его неприятными от них случайностями, клеветами и бедами.

140. Не отказывайся терпеть этих сукновалов. Пусть колотят и топчат ногами, растягивают и гладят; но чрез это одеяние твое делается более светлым.

141. Пока не отрешился ты совершенно от страстей и ум твой еще обнаруживает сопротивление добродетели и истине, до тех пор не обретешь ты благовоннаго фимиама в недре своем (т. — е. чистой и теплой молитвы).

142. Желает ли молиться (как должно)? Переселясь от здешняго, имей всегда жительство на небесах, не на словах только, но ангельским деланием и Божественнейшим разумением.

143. Если только бедствуя (подвергаясь сильным искушениям, находясь в опасности пасть), воспоминаешь ты о Судие, как Он страшен и неумытен, то не научился еще ты работать Господеви со страхом и радоваться Ему с трепетом (Пс. 2, 11). Знай, что при духовных отрадах и утешениях еще более надлежит служить Ему со страхом и благоговеинством.

144. Мудр тот человек, который прежде совершеннаго покаяния не перестает со скорбию памятовать о грехах своих, и о праведном за них взыскании в вечном огне.

145. Пребывающий во грехах и Бога—прогневлениях, — и безстыдно дерзающий простираться к познанию Божественных вещей и к невещественной молитве, да примет Апостольское запрещение, что не безопасно ему молиться с обнаженною и непокровенною главою. Таковая душа, скажем словами Апостола, должна есть власть имети на главе Ангел предстоящих ради (1 Кор. 11, 10), облекшись в стыд и подобающее смиренномудрие.

146. Как больному глазами не принесет пользы долгое и напряженное смотрение на солнце, при сильнейшем свете в самый полдень, так уму страстному и нечистому не принесет пользы воображение страшной и преестественной молитвы в духе и истине; напротив к негодованию на него воздвигнет Божество.

147. Если пришедшаго к олтарю с даром не приемлет Неимеющий ни в чем нужды и Нелицеприятный, пока он не примирится с скорбящим на него ближним (Мф. 5, 23) то смотри, какое нужно охранение себя и какая разсудительность, чтобы принести благоприятный Богу фимиам на мысленном жертвеннике.

148. Не будь словолюбив, ни славолюбив; в противном случае явно будет, что уже не на хребте, а на лице твоём делают грешницы (Пс. 128, 3). И будешь ты посмешищем для них во время молитвы, влекомый и прельщаемый от них на безместные помыслы.

149. Внимание, ищущее молитвы, молитву обретет. За вниманием не другое что лучшее следует, а молитва, о которой и надлежит возыметь всякое попечение.

150. Как зрение лучше всех чувств, так молитва Божественнее всех добродетелей.

151. Похвала молитве — не одно количество, но и качество. Это показывают вошедшие в Церковь помолитися (Лк. 18, 10), и следующее слово: вы же молящиеся не лишше глаголите, и проч. (Мф. 6, 7).

152. Пока обращаешь ты внимание лишь на приличное молитве положение тела и ум твой печется о внешней лишь красоте скинии (о прочих внешних принадлежностях молитвования... слич. гл. 44), дотоле (знай, что) не узрел еще ты места молитвы, но что далеко еще от тебя блаженный путь ея.

153. Когда, стоя на молитве, будешь выше всякой другой радости, тогда (знай, что) истинно обрел ты молитву.

Прибавление из других писаний преп. Нила — о молитве.

154. Прекрасны молитва и чтение; они прекращают суетное скитание мыслей, связуя помысл, кружащийся над чем не должно, и с пользою удерживая его при себе ни мало не развлекаемым в сем прекрасном занятии (1, 16).

155. Молитва настроивает нас на собеседование с Богом и долговременным навыком в сем вводит с Ним в содружество; с Ним, Который и ничтожных людей приемлет в любовь и не стыдится дружественного сближения с ними, пока пребывающая в них любовь дает им дерзновение (1, 17).

156. Молитва отрешает ум от всякаго помышления о чувственном, возводит к Самому, над всеми сущему Богу, чтобы с Ним собеседовать и у Него с дерзновением испрашивать все, что угодно; и таким образом делает, что человек проводит жизнь в чистоте, как бывший уже в общении с Богом, и вскоре потом снова готовящийся к сему общению (1, 19).

157. Св. Павел учит пребывать в молитве (Рим. 12, 12), продолжительным пребыванием в ней утверждая в себе навык к ней (Кол. 4, 2; Еф. 6, 18). И еще повелевает он творить молитвы на всяком месте (1 Тим. 2, 8), чтоб ни один нерадивый не мог извиняться тем, что живет далеко от молитвенного храма. Всякое место пригодно для молитвы. Бог приемлет призывающих Его с чистым сердцем и праведными делами, и взирая на расположение их, выслушивает моление их, хотя бы место, где призывают Его, по нашему мнению, ничем не отличалось (1, 20).

158. Иногда на бдении надо скоро читать псалом, а иногда предпочитать следует пение псалмов. Нам надлежит изменять образ действованиа, в противоположность козням врагов, которые иногда внушают гнать язык в скорочтении, по причине объятия души унынием, а иногда возбуждают к величавому сладкопению (1, 234).

159. Когда нападет на сердце твое вражеский помысл, — не ищи молитвою того или другого, а меч слез изостри против врага. Выступив против врага в таком сильном, вооружении мы скорее заставим его отступить от нас.

160. Люби упражняться в рукоделии: но паче в молитвенной памяти; потому что то не всегда, а эта непрестанно доставляет плод своего делания. Не пресекай молитвы, пока не воздашь вполне молитвенного долга, и не слушай помысла, будто пора садиться за работу; равно, когда сидишь за

работою, не осучайся сильно делом, чтоб торопясь не возмутить сердца и не сделать его негодным для молитвы.

161. Ум, из которого похищена мысль о Боге и который далек стал от памятования о Нем, равнодушно грешит и внешними чувствами: ибо ни слуха, ни языка не в состоянии уже быть пестуном таковой, потому что из-внутри его отошла приверженность к подвижническому труду над собою (1, 244).

162. Бывает, что усиливаемся творить чистую молитву и не можем; но бывает и то, что не принуждаем себя, а душа пребывает в чистой молитве. Первое происходит от нашей немощи, а последнее — от благодати свыше, призывающей нас чрез то взыскать душевной чистоты, тем же и другим поучающей нас, не себе приписывать, если молимся чисто, но признавать в сем дар Дарующаго сие. О чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы (Рим. 8, 26). Когда усиливаемся сделать молитву чистою и не можем, но омрачаемся; тогда, омочив ланиты слезами, будем умолять Бога, да разсеется ночь брани и возсияет свет в душе (1, 264).

163. Воспоминание о плотских похотях возмутительно; потому что не только не дает беседовать с Богом, но даже ум, повидимому молящийся, оскверняет мечтаниями гнусных представлений. Хорошо пребывать непрестанно в молитве и ум упражнять в собеседовании с Богом. Но так ли это бывает у нас? — Часто отвлекаясь от слов молитвы, следуем за уводящими нас помыслами, не отрекаясь от них и не огорчаясь ими, — что было бы признаком несогласия воли с внушающими не должное. Хотя наружность показывает молитвенный вид, — ибо, преклонив колена, смотрящим на нас кажемся молящимися, — но мыслию представляем что либо приятное, благосклонно разговариваем с друзьями, с гневом злословим врагов, пируем с гостями, строим дома родственникам, садим деревья, путешествуем, занимаемся торговлею, насильно бываем привлекаемы в священный сан, с великою осмотрительностию устроаем дела порученных нам церковей и большую часть всего этого перебираем в мыслях, на все, что ни подскажет помысл, соглашаясь так, как угодно страсти расположить к этому сердце наше (—2, 129—130).

164. Молитва требует, чтобы ум был чист от всякаго помышления и не пускал в себя ничего не молитвеннаго, хотя бы то было и досточестно; но как вдохновенный Богом, отрешившись от всего, совершал свое собеседование с Ним Единым (2, 131).

165. Кто делит свое время между рукоделием и молитвою, тот тело укрощает трудом и беспорядочныя его требования доводит до мерности, а душу, которая, трудясь вместе с телом, вождедевает наконец отдохновения, располагает чрез то к молитве, как к делу более легкому, и приводит к ней усердною и с живыми силами. Ибо она чувствует утешение, при перемене дела и переходе от одного к другому, между тем как скучает долго занимаясь одним и тем же; тяготится она однообразием, разнообразию же занятий радуется; кажется ей, что оставляя одно дело, она как бы слагает с себя всякое утруждение, почему к другому приступает с свежими будто силами, как бы начинающая только трудиться — (2, 231. 232).

166. Кто не любит работать, тот бездействием питает страсти и пожеланиям дает свободу, устремляться ко сродным им предметам, — что наипаче обнаруживается во время молитвы; ибо тогда внимание ума бывает все поглощено тем, чем занято сердце, и он только и делает, что в помыслах перебирает внушаемое пришедшею в движение страстию, вместо того, чтоб беседовать с Богом и просить у Него полезнаго себе. Зная сие, св. Павел с ревностию нападает на праздность и

всех Апостольскою властью обязует к труду (2 Сол. 3, 6—12). Дело есть якорь для мысли и дает ей безопасное направление. Пусть отсюда приближаются бури, и порывы ветров угрожают крушением, мысль стоит неуклонно, удерживаемая делом, как якорем; несколько волнуется она поднимающимися помыслами, но не увлекается в опасность, потому что держащая ее узы крепче гонящих ее ветров (2, 232. 234).

167. Отказывающиеся от рукоделий под предлогом, что должно непрестанно молиться, на самом деле и не молятся. Они тем самым, чем думают в праздности доставить душе свободу от забот, запутывают ее в лабиринте неисходных помыслов и чрез то делают ее неспособною к молитве. Тело, трудящееся над делом, удерживает при себе мысль, которая не меньше глаз должна наблюдать за тем, что делается, и содействовать телу для непогрешительности в действии, а покоящееся тело дает мысли свободу кружиться; потому что во время покоя возбуждаются страсти, и при каждом похотливом воспоминании увлекают мысль и овладевают ею, как пленницею (2, 234. 5).

168. Есть высшая молитва совершенных, — некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда неизглаголаннными воздыханиями духа приближается он к Богу, Который видит расположение сердца, отверстое, подобно исписанной книге, и в безгласных образах выражающее волю свою. Так до третьяго неба восхищен был Павел и не знал, аще в теле был он, аще ли вне тела (2 Кор. 12, 2) (2, 235).

169. После (ниже) первой есть вторая молитва, когда произносятся слова, а ум с умилением следует за оными, и знает, к Кому обращает прошение.

170. Молитва же, прерываемая помыслами (низшая) и соединяемая с телесными заботами, далека от устройства, подобающего молящемуся. Такой не слышит сам себя, туда и сюданосясь мыслию и не помня, какия произносит слова. Но если молящийся таков, то будет ли Божественный слух внимать тому, чему по рассеянности не внемлет сам он? У говоривших: вонми молению моему, внуши молитву мою (Пс. 16, 1), и да будут уши Твои внемлюще гласу моления моего (Пс. 129, 2), весь ум тщательно был собран там, и не разливался, на что обыкновенно разливается и разсеивается не владеющая собою мысль нерадивых (2, 236).

2. Об осьми духах зла.

а. О чревоугодии (Ч. 1, 201).

1. Начало плодоносия — цвет, а начало деятельной жизни — воздержание.

2. Обуздывающий чрево умаляет страсти, а побеждаемый многоядением размножает сластолюбныя похоти.

3. Начало языков — Амалик, а начало страстей — чревоугодие.

4. Пища огню — дрова, а пища чреву — снеди.

5. Множество дров разжигает великий пламень, а множество снедей питает похоть.

6. Пламень исчезает с оскудением вещества, а скудость снедей изсушает похоть.

7. Похотение снеди породило преслушание, а усладное вкушение изгнало из рая.

8. Дорогия яства услаждают гортань, но питают и неусыпнаго червя похотливости.

9. Отощавшее чрево приуготовляет к бдению в молитве, а преисполненное наводит глубокий сон.

10. Трезвенно мудрование при сухоядении, а жизнь сытная в довольстве погружает ум в глубокое усыпление.

11. Молитва постника — парящий в высь орлий птенец, а молитва угостившагося низпадает долу,

тяготимая пресыщением.

12. Ум постника — светлая звезда на чистом небе, а ум угостившагося мрачен как небо в безлунную ночь.
13. Туман скрывает солнечные лучи, а густое испарение потребленных яств омрачает ум.
14. Запятнанное зеркало не передает отдельно черт отразившагося в нем образа; и мысленная сила, отуманенная пресыщением, не приемлет в себя ведения Божия.
15. Не возделываемая долго земля порождает терния; и ум чревоугодника произращает срамные помыслы.
16. Невозможно найти аромат в гное, — и в чревоугоднике — благоуханий созерцания.
17. Око чревоугодника высматривает, где пиршества, и око воздержного, — где собрания мудрых.
18. Душа чревоугодника вычисляет дни памяти мучеников, а душа воздержного подражает жизни их.
19. Боязливый воин трепещет от звука трубы, возвещающей битву, а чревоугодник — от возвещения о начале поста.
20. Чревоугодливый монах — данник своего чрева, и под бичем его выплачивает ежедневный налог.
21. Торопливый путник скоро достигает города, и воздержный монах — мирного устройства сердца.
22. Медлительный путник (не добравшись до жилых мест) ночует в поле под открытым небом; и монах чревоугодливый не достигнет дома безстрастия.
23. Курение фимиама облагоухавает воздух, — и молитва воздержного Божие обоняние.
24. Если предашься похоти насыщения чрева, то ничто не будет достаточно к удовлетворению сластолюбия твоего; потому что чревонеистовство есть огонь, потребляющий горючее вещество, и всегда требующий нового.
25. Достаточная мера (чегонибудь влагаемого в сосуд) наполняет сосуд, а чрево, и разседшись, не скажет: довольно.
26. Воздеяние рук обратило в бегство Амалика, и делания, горе устремленные, побеждают плотския страсти.
27. Истребляй в себе все, оживляющее страсти, и крепко умерщвляй плотские члены свои.
28. Как убитый враг не возбуждает в тебе страха, так умерщвленное тело не возмутит души твоей.
29. Не чувствует боли от огня мертвое тело, — и воздержный — сласти от омертвевшей похоти.
30. Если поразишь египтянина, скрой его в песке, — т. — е. если победишь страсть похотную, не насыщай тела (или держи его на сухоядении); ибо как чрез напоение земли произрастает, что скрыто было в ней, так чрез насыщение тела распускается утаившаяся в нем страсть похотная.
31. Потухший пламень ярко вспыхивает снова, если подложить новых сучьев сухих; и угасшая сласть похотная снова оживает от насыщения чрева снедями.
32. Не сжаливайся над телом, когда оно станет жаловаться на изнеможение, и не насыщай его вдоволь угодными ему снедями; ибо если оно опять придет в силу, то возстанет на тебя и воздвигнет против тебя брань непримиримую, пока не пленит душу твою, и не предаст тебя в рабы страсти блуда.
33. Скучно питаемое тело — добре объезженный конь, который никогда не сбросит всадника. Конь, — уздою удерживаемый, уступает и повинуется руке седока, — и тело, укрощаемое скудноядением и бдением, не рвется из рук восседающего на нем помысла и не ржет, как делает, будучи движимо страстным порывом.

-
34. Пресыщение пищею питает помыслы, и упившийся напоевает сон мечтою (1. 248).
35. Приятность наслаждения умирает, коль скоро пища прошла чрез гортань, но в этом гробе оживает похотливость.
36. Труды обработывания своей части земли имеют концом упокоение; разные же виды удовольствий имеют концом — жжение (или плотское здесь, или наказательное там).
37. Кто подвигами приводит в увядание цвет плоти, тот ежедневно во плоти помышляет о своей кончине (того измождение плоти заставляет непрестанно помышлять о смерти) (1. 249).
38. Благоразумие сердца да соразмеряет с состоянием тела труд воздержания, чтоб, когда расслабнет тело, не страдать и ему самому.
39. Плоть пусть довольствуется усеченным удовлетворением естественных потребностей.
40. Телесное твое подвижничество да устрояется в видах нравственных, чтоб научиться болеть сердцем (о грехах) и соболезновать душею.
41. Матерь сластолюбия (похотнаго), — чревоугодие: ибо оно поражает сластолюбивую похотливость, и многия другия страсти. От него, как от корня стебельки, дают побеги прочия страсти, и в скором времени став деревьями наравне с ним, породившим их, разветвляются в пороки, до небес досягающие. Так сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и произрастания чревоугодия. Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетворение пламенеющего всегда своего вожделения, хотя оно никогда не удовлетворяется; затем на препятствующих приобретению денег необходимо возбуждаться гневу; когда же гнев безсилен бывает перейти в дело, за сим по необходимости следует печаль (2, 73).
42. Чревоугодию паче всего сродственно сладострастное движение. И сама природа, желая показать сродство сих страстей, орудиям соития назначила место под чревом, сею близостию означая тесную их связь. Почему, если ослабевает сия страсть (похоть), то ослабевает от оскудения того, что выше, — т. — е. чрева; и если усиливается и приходит в движение, то оттуда подается ей сила. Но не сей только страсти питательницею и воздоительницею бывает чревоугодие; оно истребляет в человеке все доброе. Коль скоро оно берет верх, обыкновенно падают и вземлются от среды воздержание, целомудрие, мужество, терпение и все прочия добродетели (2, 76).
43. Прекрасно оставаться в пределах потребности и стараться всеми силами не преступать оных. Если кого похоть не много перетянет на сторону житейских сластей, то уже никакое слово не сильно бывает остановить его стремления вперед (в сем направлении). Ибо тому, что сверх потребности, нет предела; но неутолимая забота и нескончаемая суетливость без меры размножают труд (по удовлетворению их), и питают похоть, подобно тому, как пламень питается подкладыванием дров (2, 88).
- б. О блуде (Ч. 1, 204).
1. Воздержание поражает целомудрие; чревоугодие же есть мать блудной похотливости.
 2. Елей питает пламень светильника; обращение же с женщинами разжигает огонь сласти похотной.
 3. Ударами волн бросается туда и сюда не нагруженный корабль, — а блудным помыслом — невоздержный ум.
 4. Блуд берет в соинствование себе пресыщение, становится в ряд противников ума и до конца сражается против него вместе с врагами его.

5. Любящий безмолвие бывает трудноуязвим для стрел сего врага; а вмешивающийся в толпу непрестанно получает от него раны.
6. Взор женщины — ядовитая стрела, ранит душу и вливает в нее яд; и чем более застаревает сия язва, тем большее производит повреждение.
7. Кто охраняет себя от сих стрел, тот не ходит на многолюдныя собрания, не блуждает рассеянно на празднествах. Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать в молитвах, нежели, думая почтить праздники, сделаться скорою добычею врагов.
8. Избегай обращения с женщинами, если хочешь быть целомудренным, и никогда не давай им свободы смело обращаться с тобою; ибо в начале оне, или действительно имеют, или лицемерно оказывают несмелую стыдливость, а в последствии отваживаются на все. — И бывает это для тебя удою, уловляющею в смерть, хитросплетенною сетью, влекущею в погибель. Да не введут оне тебя и в обман скромными речами; потому что и в них тоже сокрыт злой яд звериный (зверя из бездны).
9. Подойди лучше к горящему костру, нежели к юной женщине, когда ты и сам юн: ибо почувствовав боль от огня, когда к нему приблизишься, тотчас отскочишь прочь, а разнежась женскими речами, не вдруг отойдешь.
10. Ботеет трава растущая при воде, и страсть непотребства — в сообществе с женщинами.
11. Кто наполняет чрево и обещается быть целомудренным, тот подобен утверждающему, что соломою остановит действие огня. Как невозможно соломою удержать стремительность разливающегося огня, так невозможно пресыщением остановить жгучее стремление непотребства.
12. Столп опирается на свое основание, — и страсть блудная покоится на пресыщении.
13. Обуреваемый корабль поспешает в пристань, а целомудренная душа ищет пустыни. Корабль убегает от морских волн, угрожающих опасностию, а душа — от женских лиц, причиняющих гибель.
14. Вид нарядной женщины потопляет хуже волн. Из волн по любви к жизни можно еще выплыть; вид же женщины, прельстив, заставляет пренебречь и самую жизнь.
15. Пустынный куст безопасен от пламени огненного, — и целомудренный вдали от женщин безопасен от воспламенения страсти непотребства: ибо как воспоминание об огне не сожигает мысли, так и страсть не имеет силы, когда нет для нея пищи.
16. Если помилуешь противоборца, то будет у тебя враг; и если пощадишь эту страсть, то она возстанет на тебя.
17. Возренье на женщину в невоздержном возбуждает непотребную страсть, а целомудренного располагает к прославлению Бога.
18. Если страсть похотная при обращении с женщинами будет покойна, не верь обещаемому ею безстрастию. Ибо и пес, окруженный толпою, машет хвостом, но, когда выйдет из ней, тотчас оказывает свойственную ему лютость.
19. Когда воспоминание о женщине станет безстрастно, тогда заключай, что вступил ты в пределы целомудрия. Когда же представляемый тобою образ ея за душу тебя берет, тогда знай, что ты еще чужд этой добродетели. Но и в первом случае не останавливайся на таковых помыслах, и долго не беседуй мысленно с женским образом; потому что страсть сия любит возвращаться назад, — и опасность от ней близка.
20. Как соразмерное плавление очищает серебро, а продолженное сверх меры производит в нем утрату; так и целомудренный навык портит долговременное представление в мыслях женщины.

21. Не беседуй долго с представившимся тебе лицом, чтоб оно не зажгло в тебе пламени сластолюбия, и не запалило гумна души твоей.
22. Как искра, на долго оставленная в соломе, производит пламень, так продолжительное памятование о женщине возжигает похоть.
-
23. Если похотствующую на духа плоть усмиришь подвижническими трудами, то за пределами сего века будешь иметь славу, обещаемую изречениями о блаженствах, как победивший в брани того, кто в теле твоём противовоюет закону ума твоего, и пленяет тебя законом греховным, сущим во удех твоих (Рим. 7, 23) (1, 230).
24. Разумей, что отдельные виды блуда бывают совокуплены вместе, — блуд телесный и блуд духовный. Когда блудный помысл срастворяется с духом твоим, тогда душа твоя сочетается с обольстительным в ней впечатлением (1, 247—8).
25. Демон принимает на себя лице женское, чтобы обольстить душу к смешению с ним. Облик образа (жены) принимает на себя безплотный демон, чтобы похотливым помыслом ввести душу в блуд. Не увлекайся же не имеющим существенности призраком, чтоб не сделать чего либо подобного и плотию. Обольщены бывают духом блуда все такие, не отражающие крестом внутренняго прелюбодеяния.
26. Наказывай помыслы скудостью питания, чтоб думали не о блуде, а о голоде.
27. С молитвенным бдением соедини слезы, чтобы получить помощь в настоящей брани.
28. Во время блудной брани отказывайся от приглашения на пиршества.
29. Демон непотребства на ревностнаго борца подвижническаго нападает быстро, внезапно осыпая его стрелами страстной похоти, потому что не может долго сносить жжения огня светоноснаго, исходящаго из подвижнических трудов его; а к тому, кто от обольстительности сласти похотной ослабел в строгости самообуздания, мало по малу подступает на собеседование с сердцем его, чтоб оно, разгоревшись злыми похотениями, предалось беседе с ними, пленилось ими и совершенно отложило ненависть к сему греху (1, 252—3).
30. Всего опаснее, если сердце погрязло в навыке к сластям похоти, и потребно много трудов, чтобы сию пажить (страстную) подсечь под корень.
31. Не приучай помысла входить в собеседование со сластями похоти, потому что в сонме страстных мыслей и движений разгарается огонь (Пс. 105, 18). Они, разгоряча тебя, заставят думать, что трудно удержать огонь естества, что не в силах ты долее делать насилие естеству, — и что хотя сего дня согрешишь по нужде, но завтра покаешься по заповеди. Ибо закон (христианский) человеколюбив, — легко прощает грех кающимся. При этом представят тебе в пример, как некоторые после воздержания пали, и снова покаялись, придавая вероятность обольстительному совету своему, чтоб, сокрушив твердость сопротивления этою надеждою легкаго снова обращения чрез покаяние, храм целомудрия сделать домом блуда (1, 253—4).
32. Смотри, человек воздержания, под предлогом покаяния не обольщайся неизвестными надеждами. Ибо многие, пав, немедленно похищены смертию, а другие не в силах были встать (от падения) привычкою к сластям похотным связанные, как законом. Почему знаешь ты, человек, будешь ли жив, и покаешься ли, что назначаешь себе годы жизни? — Падая от этого, ты поблажаешь плоти своей, тогда как надлежало бы тебе паче предаться памятованию о смерти, чтоб в сердце своем

поживее представить страшное определение суда, и тем угасить мудрование распаленной плоти.

33. Естественный образ жизни один и тот же определен Создателем и нам и животным; се дах вам, говорит Бог человеку, всякую траву в поле, вам и зверем будет в снедь (Быт. 1, 29. 30). Посему, получив общее с безсловесными пропитание, и своими примышлениями превратив оное в более роскошное, не по справедливости ли должны мы быть признаны неразумнейшими безсловесных, если звери остаются в пределах естества, не нарушая постановленного Богом, а мы — люди, одаренные разумом, совершенно отступили от древняго законоположения? Ибо какая лакомства у безсловесных? Какие хлебники и повара тысячею искусств угощают наслаждение их бедному чреву? Не любят ли они древней скудости, питаясь травой, довольствуясь тем, что случилось, и в питье употребляя воду, — и ту иногда редко? Потому и плотским удовольствиям предаются они реже, не воспаляя пожеланий никакою утучняющею пищею, и не всегда зная различие мужского и женского пола. Ибо чувство это дает им одно время в году, в которое естественный закон средством к продолжению рода изобрел совокуплять их для посеяния подобных себе; в другое же время до того они чуждаются друг друга, что совершенно забывают о сем пожелании. А в людях от дорогих яств ненасытимая похоть любодейства всеяла неистовыя пожелания, ни в какое время не позволяя утихнуть страсти (2, 90).

в. О сребролюбии (Ч. 1, 208).

1. Сребролюбие — корень всех зол; как худыя ветви, питает оно все прочия страсти и не дает засыхать тому, что от него процвело.
2. Желаящий истребить страсти, пусть прежде исторгнет сей корень их; пока же остается сребролюбие, не сделаешь себе пользы, отсекая ветви; потому что, если и будут отсечены, скоро опять выростут.
3. Многогостяжательный монах — чрезмерно нагруженный корабль, легко потопляемый в воздымающихся от бури волнах.
4. Монах нестяжательный — легкий путник, на всяком месте находящий себе пристанище.
5. Монах нестяжательный — высокопарящий орел, тогда только спускающийся вниз, когда вынуждает к тому потребность пищи.
6. Таковой выше всякаго искушения, посмеивается над всем настоящим и, воспаряя горе, удаляется от всего земнаго и сожительствует с горними; потому что легки крылья у него, не обремененного заботами.
7. Пришла скорбь и без печали оставляет он место; настала смерть, — благодушно отходит отселе, потому что никакими земными узами не связал душу.
8. А многогостяжательный опутан попечениями, и как пес привязан цепью; если принужден переселиться, то скорбное воспоминание об имуществе несет с собою, как тяжелое и бесполезное бремя.
9. Если пришла смерть, с жалостию оставляет он настоящее; отдает душу, а глаз не спускает с того, что имеет у себя, — и его влекут насильно, как беглаго раба; разлучается с телом, но не разлучается с именем, потому что сильнее влекущих удерживает его страсть.
10. Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и похотение сребролюбца не насыщается собранным уже имуществом; удвоил он его, — и удвоенное снова удвоить желает; и никогда не перестает удвоять, пока смерть не прекратит сего бесполезнаго труда.

11. Монах благоразумный имеет в виду только потребность тела, — и опустелое чрево наполняет одним хлебом и водою.
12. Не станет он ласкательствовать богатым, чтоб доставить усладу чреву, не поработит свободного ума многим властелинам; потому что достаточно одних рук, чтоб послужить телу, удовлетворяя его естественной нужде.
13. Нестяжательный монах — неуловимый борец и легкий течец, скоро достигающий к почести вышнего звания (Фил. 3, 14).
14. Монах многостяжательный радуется многим доходам, а нестяжательный — венцам за преспеяние.
15. Монах любостяжательный усиленно работает, а нестяжательный проводит время в молитвах и чтении.
16. Монах сребролюбивый наполняет сокровищницы серебром, а нестяжательный собирает сокровище на небе.
17. Проклят, кто делает идола и полагает его в сокровении (Втор. 27, 15). Но таков же и питающий страсть сребролюбия. Тот без пользы кланяется ложному богу, а этот мечту о богатстве носит скрытно в сердце, как кумир.
-
18. Нестяжательный живет незаботливою жизнью, а у любостяжательного забота о богатстве — всегдашняя болезнь (1, 237).
19. Тогда отведешь в плен толпу помыслов, когда не вдашь сердца в заботы о вещественном. Тогда и крест понесешь не развлекаясь, когда отречешься от пожелания иметь собственность.
20. Помысл о вещественном стяжании предсказывает тебе старость и болезни, чтобы упование свое на Бога разделил ты с упованием на имущество.
21. Избравший жизнь подвижническую в отречении от мира да осенит себя верою, да укрепит любовью и да утвердит надеждою. Вера не есть оставление ни с чем, но есть непоколебимое убеждение в обладании совершеннейшим, с терпеливым упованием и с живою любовью.
22. Когда отречешься от всех вещей, не внимай темным помыслам, которые станут укорять тебя в обеднении, представляя тебе теперешния — скудость во всем, нищету и безславие, чтоб таким злокозньством привести тебя в раскаяние о такой славной добродетели. Но если вникнешь в разумность такого подвижничества, то найдешь скорее, что за то самое, в чем укоряют тебя, соплетется тебе венец.
23. Оставим дела житейския и обратимся к благам духовным. Долго ли будем, оставаться при детских игрищах, нимало не восприемля мужескаго образа мыслей? В детстве служат забавой кости, шары и подобное, — и дети бывают к тому пристрастны, пока не придут в совершенный возраст. Когда же сделается кто мужем, бросает все сие, и со всем усердием занимается делами важными. А мы все остаемся в младенчестве, дивясь тому, что свойственно детству и не хотя позаботиться о лучшем, — о том, что прилично мужам. Как срамно глядеть, когда совершенный муж сидит на куче золы и чертит на пепле детские забавы; так срамно, или гораздо срамнее, видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей, и несообразностию таких поступков срамят достоинство обета. Причиною же этого у нас, как кажется, то, что мы не представляем себе ничего важнее видимого, не сознаем малоценности настоящих благ и

превосходства благ тамошних, и ослепляясь блеском того, что здесь почитается досточестным, прилепляемся к тому всем желанием (2, 81).

24. Начнем же отрешаться от настоящих благ, пренебрежем имущество и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысл. Обуреваемые выбросим груз, чтоб мог спастись кормчий — ум и с плователями — помыслами. Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают и дорогая вещи в море, имущество ставя ниже жизни, то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему у нас не столько силен страх Божий, сколько у тех страх моря? Те из любви ко временной жизни не высоко ценят утрату того, что везут; а мы, говоря о себе, что возделаем вечной жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть с ничтожным грузом, нежели спастись, лишившись его. — Посему умоляю, совлечемся всего. Борцы не вступают в борьбу одетыми; закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли, — так, они выходят, оставляя одежды вне поприща. Коли же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, не только не совлекаемся одежды (имущества), но, тысячи бремен неся на плечах, вступаем в подвиг, доставляя тем противникам множество удобств схватить нас (2, 82. 83).

25. Как сражаться с духами злобы любоименному, когда чрез это отвсюду удобно наносятся ему удары? Как бороться с духом сребролюбия осыпанному деньгами? Как обогнать обнаженных от всякаго попечения демонов, облекшемся в тысячи забот? Божественное Писание говорит: наг побегнет в той день (Амос. 2, 16). Наг, кто не облечен в безчисленные рубища забот о делах житейских, — наг, коему многосложные помыслы о деньгах и имуществе не препятствуют в скорости бега: потому что нагаго трудно и даже невозможно уловить злоумышляющим (2, 83. 84).

26. Бороться должно нагому, и не только нагому, но и умашенному. Обнажение делает, что борца не за что ухватить противнику, а умашение елеем, если и будет он схвачен, дает ему возможность ускользнуть из рук схватившаго. Почему противники стараются осыпать друг друга землею, чтобы, пылью придав шероховатость гладкости елея, сделать противника удобоудержимым, когда будет схвачен. Но что там — пыль, то в нашем подвиге дела земная, а что там — елей, то здесь неимение попечений (2, 85).

27. Не иметь попечений свойственно душе совершенной, а сокрушать себя заботами — душе нечестивой. О совершенной душе сказано, что она якоже крин в тернии (Пес. пес. 2, 2), а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живет без попечений. Крин и в Евангелии означает душу не имеющую попечений; ибо сказано: не труждается, ни прядет, а паче Соломона облакается славою (Мф. 6, 28). О тех же, которые имеют много забот о телесном, говорится: все житие нечестиваго в попечении (Иов. 15, 20). И подлинно нечестиво распространять попечение о телесном на целую жизнь, — и не оказывать никакой заботы о будущем (2, 86).

28. Мерою приобретения должна служить потребность. Что превышает эту меру, то есть излишество, затрудняющее, не облегчающее. Как соразмерная с телом одежда составляет и потребность и украшение, со всех же сторон обвислая, опутывающая ноги и влекущаяся по земле, при безобразии делается препятствием во всякой работе: так и имение, превышающее телесную потребность, и для добродетели служит препятствием, и подвергается великому порицанию тех, которые в состоянии изследовать природу вещей (2, 87).

29. Нестязательностию называем мы не нищету невольную, которая, приключившись по

необходимости, сокрушает дух, и как произвольная, почитается несносной, но добровольную решимость довольствоваться малым, приобретаемую самовластием помысла, однакож требующую труда, и до того именно времени, пока упражнение, обратившись в навык, не соделает сносным того, что долгое время казалось трудным и нестерпимым. Не одна телесная красота прельщает, но и блеск богатства не менее сильно раздражает вожделение, — и в обоих случаях потребна душа мужественная, чтоб не уступить их обольстительности.

30. По истине великими почесть и мужественными назвать надлежит тех, которые на поприще сем одерживают победу, между тем как помыслы борются и состязаются, убедительными доводами, как бы телодвижениями, стараясь доказать, что должно согласиться с мнением многих, и кажущееся хорошим признать уже действительно хорошим, не отказываться от того, что, по общему мнению, почтено достойным цены, не уклоняться от обладания данным на употребление от Самого Создателя, и не обличать напрасно приобретение того, что приведено в бытие с известною целью, а не даром. Подвижники сии истинно достойны одобрения, как не уступившие места соперникам, не сбившиеся с поприща и не давшие в руки врагам. На правом суждении безопасно утвердив свои колена, не склонились они на принятие земных веществ, жизнь неразвлеченную предпочтя жизни мятущейся и умеренностию в потребах приобретши себе безмятежность (2, 99—101).

31. Древние Святые до такой степени простирали ревность о нестяжательности, что вели жизнь бездомную, неприютную, питались снедию, какую давала природа, находили себе ложе, где и какое случалось. Не было у них ни крота, ни ложа, ни трапезы, одеждою им служили овечьи кожи. Во всей точности ревновали они следовать совету Господню: воззрите на птицы небесныя... смотрите крин сельных... (Мф. 6, 26—28). Они искренне верили, что необходимое для потребности тела само собою последует, когда будешь благоугождать Подающему сие Богу, и преимущественно пещись о приобретении небеснаго царствия (2, 102—3).

32. Нашей же жизни, окруженной полным во всем довольством, куда равняться с жизнью тех блаженных, — которых не тревожили помышления о теле и телесном, но чистое некое вожделение Божественнаго, непрестанно восхищая их в превыспреннее, убеждало забывать о том, что на земле почитается блистательным? Они ничего не имели на земле кроме тела, которое природа удерживала долу; но и его желали бы они иметь с собою там, где пребывали умом, созерцая небесныя блага. И никогда не отрывались бы они от тамошняго наслаждения, еслибы природа не возвращала их, к удовлетворению телесных потребностей, благоговением к Связавшему душу с телом понуждаемых заботиться и о теле, при всем том, что признавали крайне благопотребным отчуждение от онаго (2, 104).

33. Потребность телесная быстро течет и проходит; в прошедшем не имела она промышленности о настоящем, и в настоящем не имеет его о будущем; врачует одно настоящее. А труд добродетеля есть семя, дающее неоскудевающий плод; — и во время самага делания радуется совесть ожиданием наслаждения, и по переселении отсюда оказывается благолепным и споспешествующим вечному веселию (2, 105).

34. Поелику путь, ведущий в царство, имеет столько затруднений, будучи узок и со всех сторон окружен стремнинами, то какой же смысл, обременив себя горами денег и других имуществ, покушаться идти сим путем так, как идти невозможно? Заботы о вещественном, рассеявая и сильно влеча долу, легким делают падение особенно там, где течение дел требует острога и трезвеннаго

внимания. И при таком внимании шествие редко проходит без падений, по причине затруднений на узком пути по стремнинам; а для обременившаго себя не нужною тяжестью стяжаний оно неизбежно. Да и самое стяжание есть уже падение (2, 111).

35. Поведение наше относительно стяжаний тройко: нестяжательность высшая и средняя, — и жизнь овеществившаяся, многостяжательная.

Происхождение их таково.

В раю вот что предписано было первозданному: снеси траву сельную (Быт. 1, 29). Достоинство Повелевшаго ручается за полную приспособленность такого пропитания к жизни, человеку предназначенной. Можем однакоже, в пояснение сей приспособленности прибавить, что оно было гораздо пригоднее всякаго другаго к сохранению в созданных по образу Божию желанной утонченности, чтоб мысленная сила всегда пребывала необремененною и трезвенность ума неомрачаемою. Когда таким образом потребное для жизни тела давалось само собою, ум не праздным оставался, имея все время свободным от трудов телесных, но непрестанно восторгался к духовным созерцаниям, разливавшим в нем неистощимое веселие. Сие делание воспитывал в нем Сам Бог, по Своему благоизволению приходивший к нему каждодневно для собеседования. — Такова норма свойственной человеку жизни! — Существо ея не может быть изменено или отменено; но возможен иной образ видимаго ея ведения, — который и необходимым сделало последовавшее падение.

Преступившему заповедь и изринутому из рая Бог узаконяет другой образ жизни, сообразно с его падшим состоянием, повелев не воспользовавшемуся покоем, как должно, добывать пищу работою и трудом; потому что не умел постоянно пребывать в служении Богу и в собеседовании с Ним, когда имел свободное время и не имел нужды в телесных трудах (в раю). В пищу ему назначен хлеб, добываемый в поте лица, а в одежду кожанья ризы, — чем положен предел любостяжательности и суетности. Первоначальная нестяжательность райская заменена таким скромным стяжанием, которое притом, не смотря на потовый труд, не от одного его зависело, но наипаче от Божия благословения. На деле раскрылись из сего три порядка жизни: одни довольствовались скромным стяжанием, при потовом труде в уповании на Бога; другие, углубившись в упование на Бога, совсем отреклись от всякаго стяжания (ревнуя возстановить райскую нестяжательность) и были питаемы Богом; третьи, углубившись во всякаго рода труд, на нем основали свою надежду иметь нужное, обеспечение же своей жизни основали на многоимении. Бог забыт: богом для них стало любоимание. Вот три сказанные вида отношения нашего к стяжаниям (2, 116—123 — сокращенно).

36. Вторым поставленный здесь вид представляет поведение (преимущественно) приличествующее разумному существу, именно: проводить время в служении Богу, и должное получить из сокровищницы Божия Промысла; надеяться на Божию попечительность и землю иметь данницею; искренно служить Создавшему, и на нужды произвольною данию облагать тварь; здесь быть странником, а жилищем почитать то, которое уготовано на небе. Сию жизнь предписал Создатель в начале, — и сею жизнью, повинувась Ему, жили все Святые, (Примеры — Илия, Елисей, сыны пророческие, Предтеча, лик Апостолов) (2, 124—129).

37. Такова нестяжательность Святых — высшая. Но много имеет полезнаго и средняя после оной нестяжательность, как сообразная со временем и нуждою. Если и невозможно ей состязаться о первенстве и похвалиться равночестием с преимущественным образом жизни, то ей безспорно

принадлежит вторая степень чести. Первые Святые (с совершенною нестяжательностию) жили для одной души и для Создавшего ее Бога, ни во что ставя тело; но они и без попечения о нем имели все потребное, не в житницы предварительно собираемое, но от Божия благоволения, как из сокровищницы, благовременно получаемое. Последовавшие же за ними Святые (с среднею нестяжательностию), заботясь о необходимом утешении тела и промышляя о том, чтобы оставленная в небрежении животная наша часть не разрушилась против воли Сочетавшаго ее с нами, в такой мере употребляли руки свои в дело, в какой по неизбежной необходимости требовалось услуживать телу; большую же часть времени проводили в попечении о душе, в молитвах, богомыслии и должных занятиях, имея в виду преспеяние в добрых делах (2, 137).

38. Последние же, совершенно став плотию, всецело посвятили себя на служение земному кумиру, желая иметь уже не только достаточное для телесной жизни, но и то, что показывало бы их не меньшими пред отличающимися изобилием, чтобы хоть чрез это быть у всех на виду. Этим явно выставляют они на позор свое безумие, предосудительное вменяя себе в похвалу, и думая тем обратить на себя внимание и заслужит удивление, за что достойны они презрения и осмеяния. Ибо как сообразное с каждым званием дает основательные поводы к одобрению, так неприличное званию, хотя в другом отношении оно и недурно, весьма предосудительно там, где оно не свойственно (2, 138).

39. К которым же ближе средние из сопредельных с ними по ту и другую сторону? — Конечно к тем, к которым более приближаются делом, и о сродстве с которыми провозглашают тем, что стараются быть с ними близкими по жизни. Ибо потому что составляют средний чин между теми и другими, не одинаково уже склонны к обоим, и хотя они позади предшествующих, но непосредственно за ними следуя, и юношескою стопою идя по следам их, столько отстоят от последующих за ними, сколько бегущие постепенно удаляются от идущих шагом, или остающихся на одном месте. С первыми же у последних — ничего общего. Кое общение у имеющих много вещественного с нестяжательными? Кое согласие у мудрствующих плотское с мудрствующими духовное? Какая общая часть у опутанных житейскими делами со служащими безпечно Богу? Одни Апостольски оставляют все, что приобрели; другие приобретают то, чего не имели. Одни пребывают в безмолвии, внутренно прилагая попечение о преспеянии духовном, другие ведут все роды борьбы, сражаясь за деньги и имущество. Одни препираются с духами злобы за небесные блага, другие за земные блага нападают на подобных себе. Одним говорит Павел: является, якоже светила в мире (Фил. 2, 15), сияя конечно славою жизни и став для видящих виновниками доброго соревнования, а другим сказано: имя Мое хулится вами (Рим. 2, 24), т. — е. вами, поступающими противно званию и носящими на себе наружность, противоречащую делам (2, 139—40).

40. Какое же слово не возмущается тем, кто говорит, что отрекся от житейского, а на деле предан его развлечениям? Хвалится, что презрел мир, и до неистовства предан мирским делам? Обещался не обращать и внимания на земное, а делами доказывает лживость обещания? Утверждает что простился с суетою, и не разстается с ней? — Изшел ты из Египта, — что же после сего общего у тебя с плинфоделием? Шествуешь пустынею, поспешая к земле обетования, для чего же медлишь, занимаясь суетными работами, став медлительным путником в дальнем странствии? Всякой тщательности требует предлежащий тебе путь, что блуждаешь по распутиям, подвергаясь опасности остаться не достигшим упокоения? Возложил ты руку на рукоять рала, для чего же обращаешься

вспять, делая себя не управляемым в царство небесное? Позади себя оставил ты запаление пятиградия, для чего же озираешься, желая увидеть совершающееся там? Взял ты крест? — последуй же за Христом, оставив все, потому что Христос, с Которым ты сочетался, желает быть любим паче всего (2, 141—2).

41. Не многого утешения требует тело, — попейся о сем утешении; потому что до времени связан ты с телом, чтоб и его иметь содейственным в делании добродетели и чтобы не встретило препятствия преспеяние души. А кто печется о волах, ежедневно пересчитывает стада овец, непрестанно ухаживает за виноградниками, рощами, нивами и садами, так что и продолжения дня недостаточно ему для сих работ; тот — где и когда будет иметь время вспомнить о Боге? Когда ему заняться псалмопением? Когда помолиться? Какое время посвятить упражнению себя в богомысленном созерцании? А если и найдет возможность изредка делать это между многих дел, то как принесет он Владыке чистое моление, когда мысль его не отрешена от того, о чем имеет он много заботы и попечения? Как наблюдает за движениями страстей, чтобы узнать вчерашнюю и сегодняшнюю разность в перемене на лучшее или худшее? Как отыщет сплетения помыслов, которые многообразно одни другими заменяются и самое наблюдение делают трудным? Или не замечаешь, как сокрушают тебя днем дела, а ночью забота о них, время отдыха делая временем мучений? Ибо тогда память, — приводя на мысль, кто нарушил между, кто причинил вред плодам, кто прекратил водотечи для орошения, кто потравил пастбище, кто делает или сделал другую какую либо обиду, и о каждом, как он упорствует и спорит, — приводит тем в неистовство раздражительную силу души, возбуждая ко мщению, не давая времени на сон и покой, и тем паче на молитву, которая требует великаго безмолвия и долгаго свободнаго времени, доставляющаго отчасти и освобождение от всех попечений (2, 142—144).

г). О гневе (Ч. 1, 210 и д.).

1. Гнев — неистовая страсть, легко выводит из себя даже имеющих ведение, зверскою делает душу и заставляет уклоняться от (дружелюбнаго) собеседования.
2. Сильный ветер не колеблет столпа, и душу негневливую не увлечет раздражение.
3. Вода приводится в волнение напором ветров, и раздражительный возмущается безразсудными помыслами.
4. Гневливый монах — вебрь пустынный; увидел кого либо и точит зубы.
5. Увеличение тумана сгущает воздух, и движение раздражения огрубляет ум гневливаго.
6. Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозлбия — ум.
7. Лев в зверинце непрестанно потрясает дверные крюки, а раздражительный в келлии перебирает гневливые помыслы.
8. Приятное зрелище — спокойное море, но не приятнее мирнаго устройства духа.
9. В тихом море играют дельфины, и в мирном устройении духа возникают боголепныя помышления.
10. Долготерпеливый монах — тихий источник, всем доставляющий приятное питье; а ум гневливаго всегда возмущен и не дает воды жаждущему; если же и дает, то мутную и негодную.
11. У гневливаго и глаза мутны и кровавы, и обличают возмущение сердца; а лице долготерпеливаго спокойно, глаза благосклонны и смотрят прямо.
12. Кротость мужа поминается у Бога (Пс. 131, 1), и душа негневливая делается храмом Святаго Духа.

13. Христос приклоняет главу в долготерпеливом духе, и умиранный ум бывает обителю Святых Троицы.

14. Лисицы живут в душе злопамятной, и звери укрываются в возмущенном сердце.

15. Честный муж избегает срамного пристанища, и Бог — злопамятного сердца.

16. Воду возмущает упавший камень, и сердце мужа — худое слово.

17. Удали гневливые помыслы из души своей и не давай раздражению водворяться в сердце твоём, — и не будешь ты возмущаем во время молитвы.

18. Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие — ум во время молитвы.

19. Помыслы гневливого — ехиднины порождения, снедают породившее их сердце.

20. Молитва раздраженного — мерзостное курение, псалмопение гневливого — неприятный звук.

21. Дар злопамятного — червивая жертва, — и да не приближается он к очистительным олтарям.

22. Возмущенные сны видит раздраженный, и нападения зверей мечтаются гневливым.

23. Муж долготерпеливый видит в видении соборы святых Ангелов, и непамятозлюбивый упражняется в духовных словесах, ночью приемля разрешение таин.

24. Когда демоны увидят, что не воспламенились мы в самом пылу оскорбления, тогда напад в безмолвии стараются возбудить владычественное в нас (ум), чтоб заочно возстали мы против тех, с которыми соблюли мир, когда они были с нами лицом к лицу (1, 229).

25. Когда мирно кончится у тебя с братом спор или размолвка по случаю какого либо неудовольствия, себя самого почитай погрешившим, чтобы на безмолвии в сердце своем не найти тебе борьбы помыслов, из которых одни, выставляя ничтожность оскорбления, будут укорять, что не стоило и останавливаться на нем, а другие, выставляя важность его, будут внушать сожаление, что за него не отплачено таким же оскорблением.

26. Когда сильное раздражение преогорчит каких либо братьев в общежитии, тогда помыслы начинают ублажать пред ними живущих в уединении, чтобы, как лишили братьев благодушного терпения, так удалить их и от поприща любви.

27. Кто отражает от себя гнев благодушным терпением, и огорчение — любовью; тот отражает двух зверей злых, гневоборных, двумя доблестями.

28. Коленопреклонно умоляющий огорчившаго прекратить гнев, за раз обоих отводит от раздражения.

29. Кто примиряет гневающихся, тот побеждает самый дух гнева.

30. Кто ради мира терпит сердитаго, тот воистину есть сын мира (1, 230).

31. Приготовь себя быть кротким и браннолюбивым: кротким с людьми, а браннолюбивым с врагом нашим; ибо в том и состоит естественное употребление гнева, чтобы враждебно противоборствовать змию (древнему) (1, 235).

32. В том и состоит кротость кроткаго, чтобы по любви быть великодушным к брату и вести брань с (гневным против него) помыслом.

33. Кроткий да будет и браннолюбив, не распространяя кротости на злохитрые помыслы и не распространяя брани на ближних по естеству.

34. Не обращай естественного употребления гнева в противоестественное, т. — е. не гневайся на брата, уподобляясь змию, и не сослагайся со злобными помыслами, братаясь с сим змием (1, 236).

35. Кроткий, если потерпит что и оскорбительное, не оставляет любви, но ради ея вся покрывает, милосердствует и вся терпит (1 Кор. 13, 4. 7).
 36. Если дело любви — долготерпеть, то гневом воевать против брата — не дело любви.
 37. Гнев возбуждает огорчение и неприязнь, а любовь все их три прогоняет.
 38. Если твердое имеешь основание в любви, то ей паче внимай, нежели тому, что оскорбляет тебя.
 39. Стяжавший добродетель любви пленяет страсти, свойственныя недобрым.
 40. Имеющий от Святыя Троицы сии три добродетели, — веру, надежду и любовь, будет трехстенным градом, укрепленным, как бойницами, башнями добродетелей.
 41. Кто уязвляется злоречием других, не относя его к диаволу, как источнику, тот еще более поощряет врага уготавливать на себя стрелы, — тем, что душа его падает, уязвляема будучи таким злоречием (1, 251).
 42. Терпя самое великое злословие или тяжкую обиду, не будь злопамятен, но благословляй (1, 252).
 43. Кто памятозлобствует на демонов, тот не злопамятен на людей; но тот с демонами состоит в мире, кто памятозлобствует на брата.
 44. Гнев и ненависть — пожар сердца, а души незлопамятных орошаются росой духовною.
 45. Огненные угли отбрасывают от себя искры, так и злопамятные души извергают из себя злобные помыслы.
 46. Как укушение скорпиона производит самую жестокую боль, так и злопамятная душа держит в себе самый горький яд.
 47. Поносимый Давид ничего не говорил против, но остановил даже и мстительность Авессы (2 Цар. 16, 10). И ты, подвергаясь поношению, не только не воздавай поношением, но укроти и того, кто бы стал отомщать за тебя (1, 228).
 48. Переноси терпеливо поношение, и губами заключай дверь гневу: в этом для тебя преспеяние.
 49. Вовсе ничего не отвечай угрожающим, чтоб молчанием заградить уста, дышащая пламенем.
 50. Наложив узду на челюсти свои, ты причинишь чувствительнейшую боль угрожателем и поносителям своим.
 51. Ты, молча, не будешь поглощен поношением; а поноситель твой сильно уязвлен будет твоим молчанием, видя, как великодушно переносишь ты его дерзость.
- д). О печали (Ч. 1, 212).
1. Опечаленный монах не знает духовнаго наслаждения; печаль же есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов; ибо гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль.
 2. Печаль есть львиная пасть, и легко поглощает опечаленнаго.
 3. Печаль есть червь в сердце, — и изъедает родившую его мать.
 4. Мучится мать, рождая чадо, а когда родит, освобождается от мучения; но печаль и во время рождения великую производит боль, и по рождении не меньшею мучит болью.
 5. Опечаленный монах не знает духовной радости, как вкуса в меду — страждущий сильною горячкою.
 6. Опечаленный монах не подвигнет ум к созерцанию и никогда не возлет чистой молитвы; ибо печаль всему доброму полагает препону.
 7. Узы на ногах — помехи скорому шествию, а печаль — препона созерцанию.
 8. Плененный варварами заковывается в железа, а пленник страстей связывается печалию.

9. Не имеет силы печаль, когда нет других страстей, как и узы не вяжут, когда нет связующих.
 10. Связанный печалию побежден страстями, и в обличие своего поражения носит узы; потому что печаль бывает следствием неудовлетворения самолюбиваго пожелания, а пожелание такое сопряжено со всякою страстию.
 11. Кто победил пожелания, тот победил страсти; а кто победил страсти, тем не овладеет печаль.
 12. Не печалится воздержный, что не достал снеди, целомудренный, что не улучил срамнаго непотребства, негневлимый, что не удалось отмстить, смиренномудрый, что лишен человеческой почести, нелюбостязательный, что потерпел неудачу. Они совершенно погасили в себе все такая пожелания, — почему и не испытывают печали; ибо безстрастнаго не уязвляет печаль, как одетаго в броню не пронзает стрела.
 13. Воину доставляет безопасность щит, городу — стена; но большую щита и стены доставляет монаху безопасность безстрастие. Ибо щит нередко пробивает стремительно летящая стрела, и стена разорвется множеством воителей, а бесстрастия не одолеет печаль.
 14. Одолевший страсти одолел печаль; а побеждаемый страстною сластию не избежит ее уз.
 15. Кто часто печалится, и приписывает себе безстрастие, тот подобен больному, притворяющемуся здоровым, ибо как больной виден по цвету лица, так страстнаго изобличает печаль.
 16. Любящий мир много имеет печалей, а презирающий все, что в мире, всегда весел.
 17. Любостязательный, понесши утрату, горько печалится, а презревший имущество безпечален.
 18. Славлюбивый печалится, когда терпит безчестие, а смиренномудрый принимает его, как сотоварища.
 19. Плавильная печь очищает не очищенное серебро; а печаль по Богу — сердце, сущее в грехах.
 20. Частое плавление убавляет свинец, — и мирская печаль ослабляет ум.
 21. Темнота уменьшает энергию глаз, и печаль притупляет созерцательность ума.
 22. В глубину воды не проходит солнечный свет, и сердца в печали не озаряет светлое созерцание ума.
 23. Всякому человеку приятен солнечный восход, но и им не услаждается печальная душа.
 24. Болезнь желтуха пресекает действие вкуса, и печаль отъемлет чувство у души.
 25. Кто презирает мирския удовольствия, того не потревожат печальные помыслы.
-
26. Когда соединишь союзом мира сущую в тебе троицу (т. — е. дух, душу и тело), тогда, как объединившийся в себе по заповеди Божественныя Троицы, услышишь: блаженни миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся (Мф. 5, 9) (1, 230).
 27. Велик сей союз мира, потому что с ним соединяется и радость, просвещающая мысленное око к созерцанию высших благ.
 28. Если приобретем миротворную в тяжелых обстоятельствах радость, то легко будем с благодарением отражать ее находящая прискорбности и не допускать в себя рыкающаго демона печали, который, ища поглотить душу, наипаче нападает на нее в скорбях, уготовляя место и духу уныния, чтобы вдвоем сильнее омрачить душу и погубить труды ея.
 29. Да будет для нас законом, в сердце написанным, радость мира, и печаль прогоняющая, и гнев погашающая, и ненависть отражающая, и мстительность уничтожающая, и уныние рассеивающая, и скорбь в радость претворяющая (1, 231).

30. Укрываясь в мирном благодушии, радость сия есть море добродетелей, крестом потопляющее сопротивное диавольское полчище.
31. Разумей и то, что бывает противная ей радость, — смутная, — и обманувшись тению, не прими одну за другую; потому что демоны поддельваются и под духовныя дарования, чтобы, введя ум в заблуждение призраком, довести его до помешательства. Духовная радость проходит без всякой внешней причины, находя для себя превыспренного вождя в печали по Богу.
32. Печаль по Богу слезами обновляет душу, вселяет заботливое попечение о приближающейся смерти и суде, и мало-по-малу научает ожидать их с желанием (1, 232).
33. Неисполнившиеся желания произращают печали; а молитвы и благодарения заставляют их завянуть.
34. Между гневающимися движется посредствующая печаль. Если тот, кто из них отрезвится первым, встанет от страсти и подаст другому руку извинением, то он прогонит горькую печаль.
35. Печаль бывает болезнию души и тела; душу берет она пленницею, а плоть иссушает, оставляя на месте.
36. Печаль рождается от того, что противно (беды, скорби, огорчения): от печали же происходит мрачное расположение духа (как говорится: он не в духе); а от них обоих поражается бессмысленная бранчивость (ворчание на все).
37. Если хочешь подавить печаль с мрачным расположением духа, то обыми благодушную любовь и облекись в радость незлобивую.
38. В скорбях наипаче будь благодарен: потому что чрез них яснее ощущается благодать заступления. Так благодарением прогоняя печаль от постигающих тебя скорбей, не омрачишь ты блистательной красоты мужественного благодушия.
- е). Об унынии (Ч. 1, 215).
1. Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении, не имея того, что ей свойственно по естеству, не устаивает мужественно и против искушений.
 2. Что пища для здорового тела, то искушение для мужественной души.
 3. Северный ветер питает произрастания, а искушения укрепляют терпеливость души.
 4. Безводное облако уносится ветром, а не имеющий терпения ум — духом уныния.
 5. Весенняя роса прибавляет роста полевому плоду, а духовное слово возвышает устройство души.
 6. Дух уныния гонит монаха из жилища его; а кто имеет терпение, тот всегда пребывает в безмолвии.
 7. Унылый выставляет в предлог к выходу (во вне) посещение больных, на деле же имеет при сем свою цель.
 8. Монах в унынии скор на служение и считает заповедию удовлетворение чрез то своего желания.
 9. Легкий ветерок наклоняет слабое растение и мысль о странствовании легко увлекает унылаго.
 10. Хорошо утвердившееся дерево не преклоняется от напора ветров, и уныние не поражает окрепшия души.
 11. Бродящий монах — изсохшая пустынная ветка; не много посидит в келлии, — и опять несется нехотя куда нибудь.
 12. Переносимое с места на место растение не приносит плода, и бродящий монах не приносит плода добродетели.
 13. Больной не довольствуется одною пищею, и монах унылый одним делом.

14. Слостолюбцу не довольно одной жены, и монаху в унынии недостаточно одной келлии.
15. Глаз унылаго непрестанно обращается на дверь, и мысль его мечтает о посетителях; скрипнула дверь, и он вскакивает; слышался голос и он выглядывает в окно, и не отходит от него, пока не соскучит.
16. Унылый, читая книгу, часто зеваает, и клонится ко сну, потирает лицо, тянется, поднимая руки, и отворотив глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись опять к книге, почитает немного, переверачивая листы, любопытствует видеть конец слова, считает страницы, делает выкладку о числе целых листов, охуждает почерк и украшения, — и наконец, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому что голод начинает уже тревожить его душу, и заставляет позаботиться и о себе.
17. Монах унылый ленив к молитве, и никогда не выговаривает молитвенных речений.
18. Как больной не выносит тяжелаго бремени, так унылый не в состоянии тщательно исполнить Божия дела; ибо у того телесныя силы в разстройстве, а у этого не стало сил душевных.
19. От уныния врачует терпеливость, и то, чтоб делать свое дело, (не смотря на недостаток охоты), со всяким самопринуждением, из страха Божия.
20. Во всяком деле определи себе меру, и не оставляй его прежде, чем кончишь; также молись разумно и усиленно, — и дух уныния бежит от тебя.
-
21. Во всяких трудах твоих да предводительствует всем мужественное терпение; потому что против тебя всю злобою ополченным стоит уныние, и наблюдая за твоими трудами, пытается их все, — и если найдет, что какой нибудь из них не укреплен терпением, то делает его несносно тяжелым (1, 233).
22. Когда во время службы Божией нападет на тебя дух уныния, то нашептай душе, что псалмопение обременительно, усердия же к нему противоборницею выставив леность, — внушает ускорить псалмопение, чтоб дать плоти отдых, потому что она будто по какой-то причине очень утомлена.
23. Когда бываем на бдении ночью, не будем во время службы садиться по унынию; а то придут демоны, и собрав плевелы помыслов, всеют их тотчас в сердце.
24. Проснувшись прежде службы, пред зайдем сердце помыслами светлыми, чтоб, настроившись ими, с бодренною мыслию могли мы стоять потом на псалмопении (1, 234).
25. Как внешний наш человек работает своими руками, чтоб не обременять других, так и внутренний пусть работает (в своей рабочей), чтоб не попустить уму обремениться помыслами; помыслы же тогда задают свою работу душе, когда захватят ее праздною от помышлений, яже по Богу (1. 235).
26. Возделывай, как рукоделие из человеколюбия, так и мысленную силу из любомудрия, чтобы первое служило к пропитанию странных, и к попалению или совершенному прогнанию лености, а другое было вождем к созерцанию и совершенному очищению ума от помыслов.
27. Не будем переноситься с места на место, но лучше покорим в безмолвии над трудами: потому что от лености (и праздности) помыслы берут над нами силу (1, 238).
28. Когда помыслы заставят нас перейти на то место, которое прежде своими внушениями расположили нас полюбить; тогда заставляют раскаяваться в этом, чтоб сделать нас во всем непостоянными и бесплодными.
29. Перемена места пусть предприимется в видах жития, более духовнаго, а не в видах жития, более

покойного (1, 239).

30. Терпение, благодушие и любовь благодарны и в скорбях; а уныние, льготность и самолюбие радуются покойной жизни.

ж). О тщеславии (Ч. 1, 217).

1. Тщеславие есть неразумная страсть и удобно примешивается ко всякому делу добродетели.

2. Сливается (и делается невидимою) черта, проведенная на воде; и труд добродетели — в душе тщеславной.

3. Бела рука, скрытая в недре, — и скрываемое дело сияет блистательнее света.

4. Плющ обвивается около дерева, и когда достигнет вершины, сушит корень; а тщеславие прививается (прирастает) к добродетелям и не отстает от них, пока не отнимет от них всего значения.

5. Грозд винограда, до земли спустившийся, или прилегший к земле, легко загнивает; гибнет и добродетель, ко тщеславию прильнувшая.

6. Тщеславный монах — бесплатный работник, — несет труд, а награды не получит.

7. Дырявый мешок не сохраняет в себе того, что вложено, и тщеславие губит мзду добродетелей.

8. Воздержание тщеславного — дым из печи; и то и другое разсеивается в воздухе.

9. Ветер замечает след человека, и тщеславие (в ничто обращает) милостыню.

10. Камень, как сильно ни брось его, не достигает до неба, — и молитва человекоугодника не взойдет на небо.

11. Тщеславие есть подводный камень; если об него ударишься, погубишь груз.

12. Муж благоразумный скрывает сокровище, а благомысленный монах — труды добродетели.

13. На стогах молиться советует тщеславие; но воюющий с тщеславием молится в клети своей.

14. Человек безразсудный всенародно объявляет о своем богатстве и многих возбуждает к злоумышлению против себя; а ты, идя путем, где есть разбойники, скрывай, что имеешь, пока не придешь в град мира и там не начнешь безопасно пользоваться своим добром.

15. Добродетель тщеславного — жертва сокрушенная, каковой жертвы не следует приносить на олтарь Божий (Лев. 22, 22).

16. Уныние расслабляет душевную силу, а тщеславие болезненного делает здоровым, старика более сильным, чем юноша, если только много свидетелей того, что делается: тогда легки и пост, и бдение, и молитва; потому что похвала многих возбуждает усердие.

17. Не предавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу ничего не стоящую; ибо слава человеческая обращается в прах и молва ее замирает на земле, а слава добродетели пребывает во веки.

18. Истинная добродетель не ищет людской похвалы и не услаждается почестию — этою матерью зол (1, 226).

19. Начало почести — человекоугодие, а конец ея — гордость.

20. Домогающийся почестей сам в себе высится и таковой не имеет переносить унижения.

21. Да будет для тебя честию труд в добродетелях, а безчестием похвала — взысканная (1, 227).

22. Не ищи славы от плоти — ты, возревновавший отрешиться от страстей плоти, но взыскуй лучшего, — и это будет тебе в славу.

23. Желаящий быть в почете завидует тому, кто превосходит его славою, присоединяя к сему завидованию еще и ненависть.
24. Побежденный сильным желанием почета не терпит, чтобы кто либо был ему предпочтен, но себе восхищает первенство, чтоб не показаться низшим кого либо.
25. Не терпит он, чтоб того, кто превосходит его, чтили и в отсутствие его, — и славу трудов его представляет обыкновенно ничего не значущею.
26. Поношение для славолюбиваго — жесточайшая рана, — и не может он избежать ненависти к поносителю.
27. Славолюбивый — в рабстве у жестокой госпожи, — и перепродается многим деспотам — превозношению, зависти, ревности и всем толпам духов; а кто духа честолюбия поражает смирением, тот прогоняет целый полк демонов.
28. Кто по смирению делает себя рабом всякаго, тот уподобляется смирившему Себя и приившему зрак раба (Фил. 2, 7).
29. Если себя самого меряешь малою мерою, то не будешь меряться с другими.
30. Кто слезами обнаруживает душевную немощь, тот не будет высоко думать о трудах своих (1, 228).
31. Демоны нередко наводят на смиренномудрых унижение и поношения, чтоб не стерпя незаслуженнаго презрения оставили они смиренномудрие; но кто в смирении мужественно переносит безчестие, тот сим самым возносится паче на высоту любомудрия.
32. Изгони изнутри даже и мысль о похвале человеческой, чтоб чрез то отразить любопоказательный помысл тщеславия, еще прежде порождения его.
33. Когда, противоборствуя причинам страстей, препобедишь их, недозволяя величать тебя лукавому помыслу, чтоб, поверив ему, не впасть тебе в прелесть; но старайся лучше увидеть недостатки в том, над чем потрудился, чтоб преспеяние твое не было окрадено внутренними врагами (1, 230).
34. Иные, быв восхвалены за преспеяние, современем вознерадели; от чего — и похвала мимоиде, и труды пропали.
35. Иные, ожестев от надмения своими делами, возмечтали о себе, как о великих; между тем совесть более и более оструплялась, болезнь хвалолюбия усиливалась, и помыслы, отвратив взор души от ея язв, под прикрытием похвал расхитили все труды их (1240).
36. Когда приносишь усердное покаяние в грехах, тогда демоны, возвеличивая твои покаянные подвиги, умаляют грехи, и нередко прикрывают их забвением, или наводят на мысль, что они прощены, чтоб, ослабив труды, не почитал ты более нужным горько оплакивать свои падения.
37. Самое острое оружие у змия (древняго) есть тщеславие, побивающее плоды всех трудов наших. Но кто устрояет предварительно противоположный ему маневр тайнаго доброделания, тот близок к тому, чтобы снести голову с самага диавола (1, 241).
38. Ароматы подвижнических трудов своих скрывай под печатю молчания, чтоб, быв выставлены наружу языком, не были они расхищены славою.
39. Скрывай язык свой в деятельном прохождении подвижничества (т. — е. вместо языка пусть говорят подвиги); ибо в таком случае и молча будешь иметь свидетелями о жизни твоей достойных веры сожителей своих — труды. О ком свидетельствуют какие либо наличные труды, тому нет нужды свидетельствовать о себе языком своим.

40. Иные, сложив с себя тяготу трудов, леность свою стараются прикрыть делами прошлого времени, неуверенно и неубедительно представляя, как очевидных свидетелей, дела, не находящиеся на лицо.
41. Как скрываешь от людей грехи свои, так скрывай от них и труды свои. Ты стыдишься открывать о срамных делах своих, чтоб не подвергнуться поношению и унижению, — что полезно было бы для души твоей. Бойся показывать и труды свои, чтобы грех человеколюбия не принес пагубы душе твоей. Если одному Богу открываешь постыдные падения, то не открывай людям своих противоборствий оным, чтоб не сочли их увенчанием победы.
42. Некоторые, ославившись в народе дурным поведением, облакаются в жизнь честную, не для того, чтобы греховныя падения свои оплакивать в подвижнических трудах, но чтоб заглушить укоризненную о себе молву. Но если кто для одного имени только касается дел благочестия, то он работает не Богу, а людям (1. 245. 6).
43. Отличающиеся в подвижнической жизни бледностию лица да отрывают от себя людскую похвалу прежде, чем она придет, — т. — е. когда, еще до встречи с людьми, враг влагает помысл хвалолобивый (1. 249).
44. Когда проведешь много времени, воздерживаясь от вина, елея и прочих излишеств, тогда помыслы с похвалою, высчитывая время, станут внушать тебе мысль ослабить труды ради тела. Сим злонамеренным вычислителям говори напротив все, что может служить к ниспровержению их умысла. Так, один из братий, восхваляемый внутренними помыслами за труды свои в борьбе против демонов, говорил словами Псалма: да возвратятся абие стыдящиеся глаголющие ми: благоже, благоже (Пс. 69. 4).
45. Не наряжайся в красивые одежды, чтобы явственнейше не облечься тебе в демона тщеславия; ибо не лепота одежд указывает, что ты носишь одежду добродетелей, но подвижнические труды, как золотыя украшения, свидетельствуют о лепоте одеяния души твоей (1, 256).
46. Кто, после опытов деятельной и созерцательной жизни, намащает неопытных искусством различать помыслы, тому надлежит смотреть, чтоб не проскользнуло хвастовство таким знанием и желание выставить его на показ для славы.
47. Безжалостнейше к себе трудящийся в несении телесных подвигов, не для похвалы пусть преутруждает себя и славою пусть не превозносится. Иначе демоны, надмя душу его сими трудами и славою возбуждая усилить еще более безжалостность к себе, увлекут его принять еще большие подвиги, чтоб он еще более превознесся. С сею целию они с иным ведут такую внутри посредством помыслов беседу: как такой—то подвизался не щадя себя и такое приобрел себе великое имя, так что о нем говорят и по смерти его; так и ты взойди на самую высоту подвизания, чтобы стяжать себе славу и чтоб имя твое сделалось великим и по смерти твоей произносилось с великою похвалою (1, 268).
48. Иного в мечтах возводят они на кафедру учителя и представляют, будто он говорит слово, — и будто молва отдает ему первенство пред всеми, кои, при подвижнических трудах, прославились и ведением многосторонним. Чрез это они возбуждают в нем не только соревнование, но и зависть ко всем, которых преспеяния прославляются и которых как деяния достойны удивления, так и многознание изумительно (1, 269).
49. Бывает, что они усыпляют разжжение плоти и выводят из—внутри нечистые помыслы с хитрым намерением, чтоб подвизающийся подумал, что строгостию своей жизни совсем победил дух блуда,

что сердце его очистилось и стало близко к святости святых, — и он взошел на самый верх святости. Такого нередко заставляют они рассказывать самому себе о своих подвигах: я сделал то и то, так и так подвизался и истомлял себя, — не давая ему однакож прибавлять при сем: не я, но благодать, яже во мне. Не позволяют же они ему исповедывать Бога помощником в том, чем хвалиться его заставляют, чтобы он, яко собственными трудами совершивший все в своих подвигах, и хвалу за то всю присваивал себе, — и чрез такое невоздавание славы Богу погряз в глубину Богохульства, несмысленно величая себя самопомощным.

50. Когда в сердце слышатся такие славолюбивые помыслы и оно не противоборствует тому, тогда инок (и особенно уединенник) не далеко бывает от повреждения ума; тогда разумок бывает в опасности разстроиться, или от снов бесовских, принимаемых с верою, или от призраков во время бдений, или от явления бесов в каких либо светлых видах. Ибо сам сатана для обольщения нашего преобразуется иногда в Ангела света; причем обещает, что, если пад поклонисься ему, то даст тебе такое и такое дарование, или восхитит тебя, как новаго Илию, на небо, на огненной колеснице. И бывало, что принимавшие это с верою уклонялись от истины и впадали в умоповреждение. Во избежание сего, помня, чего ради с любовию подъемлются подвижнические труды, всяким хранением блюди свое сердце, чтоб, внимая одним внешним подвигам, не быть тебе коварно уловлену внутри (несмысленным) самовозношением (1, 270).

51. Тем, которые упражняются в делании добрых дел, Господь увещательно говорит: егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери, помолися Отцу твоему, Иже в тайне, (Мф. 6, 6), и еще: егда сотвориши милостыню, не воструби пред тобою (—2), повелевая избегать делания чего либо добраго на показ, как дела вреднаго. А Пророк, говоря, что собираяй мзды собра во влагалище дираво (Аг. 1, 6), показывает, что развращенною целию славолюбия уничтожается всякий труд (подвизания и доброделания) — как сквозь дырявое влагалище, проходя чрез сердце, не огражденное смиренным мудрованием. Сердце смиренномудрое воистину есть сокровищница и отвсяду сильно укрепленное ограждение, идеже ни червь, ни тля тлит, идеже татие не подкапывают, ни крадут (Мф. 6, 20). Под червем разумеется раждающееся внутри самомнение, уничтожающее, что в людях бывает добраго; а под татями — отвне привходящая похвалы, которыя, возбуждая неразумную кичливость, поспешно расхищают духовныя сокровища, долгим трудом в доброделании собранныя. Ибо как червь поядает вещество, из котораго получил бытие, и тати подкапывая стену, уносят тщанием накопленное (добро вещественное): так помысл, подвигнутый добрыми делами к превозношению, уничтожает цену сих самых дел, а похвалы людския, подкапывая легкие умы, (вторгаются внутрь) и ничего добраго не оставляют там, — что туда внесено было со вне законным путем (дверьми), а оттуда извергается ими дырою ушей. Но никто да не попустит этой страсти одолеть себя на столько, чтоб, в усыплении от сладкоречия славолюбия, потерпеть совершенную утрату всего, стяженнаго усиленными трудами, да трезвится же всяк и бодрствует, чтоб истребить наветников, когда они еще только подкапывают, прежде нанесения ими вреда, поразив их в самый момент подкапывания, прежде чем возсияет солнце, — и мысль станет делом (2, 106—7).

з). О гордости (Ч. 1, 219).

1. Гордость есть опухоль (надутость) души, наполненная испорченною кровию; если созреет, прорвется и причинит большую неприятность.

2. Блистание молнии предугадывает громовой удар, а о гордости предвещает появление тщеславия.

3. Гордость на великую высоту возносит гордаго, и оттуда низвергает его в бездну.
4. Гордостью болезнует отступивший от Бога, и своим собственным силам приписывающий добрых дела.
5. Как ставший на паутину проваливается и уносится вниз, так падает и полагающийся на собственные свои силы.
6. Обилие плодов нагибает до земли древесныя ветви, и множество добродетелей смиряет мудрование мужа.
7. Сгнивший плод бесполезен земледельцу, и добродетель гордаго непотребна Богу.
8. Жердь поддерживает обремененную плодами ветвь, а страх Божий — добродетельную душу.
9. Как тяжесть плода ломит ветвь, так гордость низвергает добродетельную душу.
10. Не предавай гордости душу свою и не увидишь страшных мечтаний; потому что душа гордаго бывает оставлена Богом, и делается порадованием бесов.
11. Гордый ночью воображает множество нападающих зверей, а днем смущается боязливими помыслами; если спит, часто вскакивает, и когда бодрствует, боится птичьей тени.
12. Шум листа в ужас приводит гордаго, и журчание воды поражает душу его.
13. Так только что Богу себя противопоставлявший и отвергавший Его помощь, пугается теперь ничтожных призраков.
14. Гордость низвергла архангела с неба и сделала, что он, как молния, спал на землю. А смиренномудрие человека возводит на небо и уготовляет к ликованию с Ангелами.
15. Что горе возносишься, человек, и подъемлешься выше облаков, будучи пыль и прах?
16. Посмотри на естество свое, что ты — земля и пепел, и вскоре разрешишься в прах; теперь величав, а спустя немного будешь червь. Что подъемлешь выю, которая вскоре сгниет?
17. Великое нечто человек, когда помогает ему Бог; а коль скоро оставлен он Богом, познает немощь естества своего.
18. Нет у тебя ничего добраго, чего не приял бы ты от Бога. Для чего же величаешься чужим, как своим? Для чего хвалишься данным благодатию Божиею, как собственным своим стяжанием?
19. Признай Даровавшаго и не превозносись много; ты — тварь Божия, не отлагайся от Сотворшаго.
20. Бог помогает тебе, не отрицайся Благодетеля; взошел ты на высоту жития, но путеводил тебя Бог; преуспел в добродетели, но действовал в тебе Бог; исповедуй Возвысившаго, чтобы неколеблемо пребыть тебе на высоте.
21. Признай своего соестественника, что он одной и той же с тобою сущности, и не отрицайся от родства с ним по надменности.
22. Он уничижен, а ты превознесен; но один Зиждитель сотворил обоих.
23. Не пренебрегай смиреннаго; он стоит тверже тебя, по земле ходит, и не скоро падет; а высокий, если падет сокрушится.
24. Гордый монах — древо безкоренное, которое не может выдержать напора ветра; а некичливое мудрование огражденный город, обитающий в коем безопасен.
25. Былинка подъемлется высоко дуновением ветра, а гордаго возносит приражение безумия.
26. Лопнувший пузырь обращается в ничто, — и память гордаго погибнет.
27. Слово смиреннаго мягчительная мазь душе, а слово гордаго исполнено кичения.
28. Молитва смиреннаго преклоняет Бога, а прошение гордаго оскорбляет Его.

29. Смиренномуудрие — венец дому, и вошедшаго блюдет в безопасности.
30. Когда взойдешь на высоту добродетелей, — тогда великая тебе потребность в ограждении: ибо, если упадет стоящий на полу, то скоро встанет, а упавший с высоты подвергается опасности умереть.
31. Драгоценному камню прилична золотая оправа, и смирение мужа блистает многими добродетелями.

-
32. Не забывай своего падения, хотя и покаешься; но поминай о грехе твоём плачем, к смирению твоему, чтоб, смирившись, по необходимости отсечь тебе гордость (1, 240).
33. Не зриай на падших с кичливым помыслом надмевающим тебя, будто судию, но себе самому внимай помыслом трезвенным, — испытателем и оценщиком твоих деяний (1, 245).
34. Падая воздыхай, и преуспевая не надмевайся. Не величайся тем, что ты безукоризнен, чтобы вместо благолепия не облечься тебе в срамоту.
35. Некто из благоискуснейших, ведя речь о смирении, пересказал и следующее: «весьма благоискусный отец ударен был по ланите бесноватым, который был в сильном припадке безумия; и отец, немедленно обернувшись, подставил ему другую ланиту, с готовностью принять удар. Тогда бес, как молниею пораженный смирением, вскричал и тотчас вышел из создания Божия» (1, 259—60).
36. Как опускающиеся в основания земли вырывают там золото, так нисходящие до златоподобного смирения износят из него добродетели (1, 266).
37. Св. Павел заповедует, задняя забывая, в предняя простираться (Фил. 3, 13). Кто так расположен, тот не столько превозносится тем, в чем преуспел, сколько смиряется тем, чем недостает против предположенного, прилагая попечение довершить недоконченное, и не обращаясь к тому, что уже кончено; поелику сделанное нередко надмевает легкомысленных до безразсудства, а требующее делания смиряет мысль неизвестностию, будет ли оно приведено к концу, и прежде, нежели совершено, причиняет печаль. Посему и Господь, предохраняя от посползновения к самомнению возшедших на высоту добродетели, говорит: егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы, яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10). Хотя не препятствует радоваться; что долг исполнен, однакоже не дозволяет думать о себе высоко. Ибо говорит, что отдан долг, а не произвольный принесен дар (2, 112—13).
38. Гордость надмевает мысли до напыщенности, научает пренебрегать всякаго человека и с презрением смотреть на соестественнаго себе, как на нечто ничтожное, до безумия доводит высокопарный помысл, внушает мечтать о равности Богу, не признает Промысла и попечительности Всеблагаго Бога, полагает, что, как должное за дела, получает все милости, какими пользуется, не хочет видеть Божия содействия в том, что делает, и в чем успевае, почитает себя достаточною на всякое доброе дело, по самомнению думает, что на все имеет силы, будучи вовсе безсильною. Она — водяной пузырь, надутый суетным о себе мнением, который, если только дунуть, обращается в ничто (2, 184).

3. Увещательные главы. (Ч. 2, 233 и д.).

1. Имей страх Божий и любовь к Богу и поступай со всеми по чистому свидетельству совести.
2. Веруй, что Сам Бог предстоит тебе при всех делах, какия каждодневно ты делаешь.
3. Бегай похвал, но стыдись и укоризн.

4. Радуйся, когда делаешь добродетель, но не превозносись, чтоб не случилось крушения в пристани.
5. Чем более преуспеваешь в исполнении закона, тем более признавай себя далеким от совершенства.
6. Всякого дела конец изследуй прежде его начинания.
7. Ночью и днем взирай на последний свой день, и никакая любовь к настоящей жизни не привяжет тебя к земле.
8. Не связывайся с тем, кем, как видишь, гнушаются добрые.
9. Делаешь ли что, или говоришь, или любомудрствуешь, старайся никому не быть во вред.
10. Не увеселяйся цветами жизни; это — цвет травный; как только коснешься его, увядает.
11. В скорбях благодари, — и легче станет грехов твоих бремя.
12. В искушениях будь тверд; ибо они многих и из великих обличили (в нетвердости или неблюдении себя).
13. Не порицай Божия долготерпения; ибо оно — общее врачевство.
14. Возненавидь нестроение жизни (людской), но не вини в ней Бога.
15. Будем внимать себе, — тогда не станем осуждать других; ибо в нас самих много такого, за что осуждаем других.
16. Псалом молитвенный да будет всегда в устах твоих; ибо одно произнесение имени Божия в бегство обращает демонов.
17. С трезвением да будет молитва наша, чтоб не просить у Бога того, чем Он недоволен бывает.
18. Памятуй всегда о Боге, — и небом сделается ум твой.
19. Обуздывай око; потому что, если не присмотришь за ним, оно кружится туда и сюда.
20. Береги язык; ибо он часто выносит наружу то, что лучше было бы утаить.
21. Возделывай ум поучением в законе; потому что непрестанное поучение в нем искореняет худые помыслы.
22. Добродетели скрывай, но старайся иметь многих свидетелей жизни своей.
23. Возненавидь услаждения плоти; потому что они с телом и душу делают нечистою.
24. Давай плоти одно то, что потребно, а не то, чего желает она по похоти.
25. Не люби жить в удовольствиях; потому что это привязывает к настоящей жизни, а от того и другаго поражается вражда на Бога.
26. Отвращайся от радостей житейских; потому что от них поскользаются и падают текущие (путем жизни).
27. Богатство, если имеешь, расточай, а если не имеешь, не собирай.
28. Пост почитай оружием, молитвы — стеною, слезы банею.
29. В чем ни согрешил ты, обо всем воспоминай со стенанием; ибо от этого бывает в душе постоянное умиление.
30. Утешай бедных; ибо они милостивым к нам делают Судию.
31. Приобщайся нуждам святых; ибо чрез них бывает общение и с Богом.
32. В Церковь входи, как на небо, и в ней не говори и не помышляй ни о чем земном.
33. Иметь вдоволь потребное для жизни признавай необходимым; но попечение о том предоставь Богу.
34. Изнурай плоть добрыми трудами, но позаботься, чтоб она совсем не пала (под тяжестью их).
35. Вина пей, как можно, меньше; чем более умалется мера его, тем благотворнее бывает оно для

пиющих.

36. Укрощай гнев; потому что, выходя из меры, делается он отцем неистовства.

37. В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою.

38. Иереев всех почитай, к добрым же прибегай.

39. Люби Божие дома, но и себя устрой в дом Божий.

40. Учащай в Церковь; потому что она избавляет нас от бури и треволнений внешних.

41. Что на земле, то временно; не печалься же, если что такое отъемлется у тебя.

42. Когда найдет на тебя помысл сладострастия, противопоставь ему стыд пред людьми и оскорбление Богу.

43. Заграждай слух и очи; потому что чрез них входят все стрелы вражеския.

44. Когда молишься, возводи помысл к Богу; и если он, развлекшись, низойдет долу, опять туда же возводи его.

45. Ум не перестает поражать помыслы; но ты худые изгоняй, а добрые возделывай.

46. Радуйся смирению; ибо поражаемая им высота велика и пасть не может.

47. Подвизайся столько, сколько нужно, чтоб подавить движения плотския; и если изнеможешь, дай льготу телу, не для услаждения, а для здравия.

48. Худые помыслы отгоняй другими — добрыми.

49. Помышляй о благолепии небесных благ и не войдет в тебя никакое пристрастие к земле и к земным наслаждениям.

50. Верь, что худыя помышления суть дьявольское насеяние; от этого оне прекратятся и сеятель посрамится.

51. Берегись наиболее слуха; ибо он делает душу разсеянною и небрежною, а душа небрежная легко свергает с себя узду закона.

52. Душу надо разделить на дела и молитву (т. — е. чтоб она была, то за делом, то на молитве); тогда не много входов найдет к нам диавол.

53. Если простираешь руку к работе, то пусть язык поет, а ум молится; ибо Бог требует, чтобы мы всегда памятовали о Нем.

54. Молитвою осеняй всякое свое дело, а наипаче то, при котором видишь помысл сомнящимся.

55. Если хочешь, чтобы дела рук твоих были Божественны, а не перстны; то приобретаемое ими пусть будет у тебя общим с нуждающимися.

56. Радуйся посещению святых, потому что чрез них является Бог.

57. Истинно святых отличай по делам; потому что всякое дерево познается по плодам.

58. Старайся всегда пользоваться чем либо, видя святых; наблюдай их взгляд и себя держание, потому что весьма полезно то и другое.

59. В сердце подвизайся держать незлобие, а в теле — чистоту; ибо то и другое соделывает тебя храмом Божиим.

60. Так храни храм свой, как храм Создавшего тебя и судить имеющего, и все устрояющего к тому, чтобы ты — образ Его был чист.

61. Беседы с людьми мирскими отлучают помысл от Бога; поэтому не только сам не разговаривай с ними, но и разговаривающих отклоняй от сего.

62. Когда поносят тебя, смотри, не сделано ли тобою что достойное поношения; если не сделано, то

считай это поношение дымом быстро исчезающим.

63. Без сокрушенного сердца невозможно освободиться от страстей; сердце же приводится в сокрушение тройким воздержанием, разумею воздержание от сна, от пищи и от телесного покоя.

64. Если чем обижен, прибегай к терпению, — и вред перейдет на обидивших.

65. Когда увидишь богатство, или славу, или мирскую власть; помысли о непрочности, — и избежишь приманки.

66. Терпи скорби; потому что в них, как розы в тернах, зарождаются и созревают добродетели.

67. Ничего не почитай по достоинству равным добродетели, потому что она есть лик Божий; почему неизменна, как и Он.

68. Плачь о грешнике благоденствующем; потому что меч правосудия висит над ним.

69. Материю зол почитай леность; потому что она блага, какая имеешь, расхищает, а каких не имеешь, приобрести не допускает.

70. Когда делающий худо не стыдится сего, тогда язва утяжеляется, — и падение идет к отчаянию.

71. Всякий раз, как возмалодушествуешь, помысли, какая блага уготованы верным, — и плод духовный (обвеселение) скоро приидет к тебе.

72. Верному надлежит смиряться пред всеми; ибо смиряться только пред некоторыми значит иметь смирение ложное.

73. Ничего не предпочитай любви к ближнему, кроме тех случаев, когда из-за нея презирается любовь к Богу.

74. Ни к кому не привязывайся и не пристращайся вопреки Божию закону; ибо кто предпочитает кого либо Богу, тот ставит Бога менее его достойным.

75. Не защищай злых, потому что чрез это ты их поощряешь на худое и себя оскверняешь, приобщаясь к делам их.

76. Вразуми согрешающего, но не осуждай падающего; ибо последнее есть дело злоречиваго, а первое — желающего исправить.

77. Старайся всегда слышать и говорить о делах святых; потому что сие возбуждает душу к доброму соревнованию.

78. Если сердце для каждого из нас есть домашняя церковь, то в нем должны мы совершать и церковныя службы.

79. Если в Церкви совершается служба, иди на нее; а если не совершается, (по пении) прочти Апостольское благовестие, — и иди (на дело свое).

80. О славе добродетелей суди по святым; потому что слава их и по смерти бывает безсмертна.

81. Зло возненавидишь, когда убедишься, что это демонский против нас сверкающий меч.

82. Если вразумляешь падшаго, то состраданием растворяй слова твои; тогда и уши его умягчатся, и сердце просветится.

83. Когда говоришь со святыми, вопрошай о духовном; а когда не со святыми, не говори об этом.

84. Добрыя дела делать всегда поспешай, чтоб, оставив их, не отойти отсюда полусовершенным.

85. Тако тецыте, да постигнете (1 Кор. 9, 24), т. — е. без остановки; потому что в след добродетели теши должно, пока не сойдем с поприща жизни.

86. Не будь мало заботлив о делании заповедей; потому что у таких бесполезно прилагается труд на труд.

87. В терпении упражняйся и прежде нужды в нем; чтоб и во время нужды найти всеоружие его готовым.
88. Борись с злыми помыслами и говори им, что говорится в законе (т. — е. в Слове Божиим против них).
89. С великим старанием отводи око от жизни сей, потому что злой из нея дым делает душу возмущенною.
90. Если овладела тобою худая какая привычка, отсекай ее понемногу, — и без большого труда терние это извлечешь из души.
91. Бога чистаго люби чисто; и все считай низшим Его, сущаго над всем.
92. Если желаешь быть храмом Божиим, то приноси Богу непрестанную молитву, как жертву непрерывную.
93. Живущаго нерадиво не бери в советники; потому что любя худое, не может он советовать доброе, когда не любит его.
94. Воздерживайся от всего — тленного, — и каждый день причащайся таинственной вечери; ибо таким образом Христово тело бывает нашим.
95. Когда чем либо наказываем бываешь от Бога, не ропщи; потому что Он наказывает, как Отец, и достоин благодарения, как Благодетель.
96. Когда потерпишь безчестие, радуйся; ибо если это несправедливо, то велика тебе награда за то, а если справедливо, то, уцеломудрившись чрез то, избавишься от бича наказания.
97. Тени и колесу уподобляй житейския скорби и радости, потому что оне не стоят, как тень, и вращаются, как колесо.
98. Старайся всегда преуспевать по Богу; ибо прилагающий и малое к малому в короткое время собирает доброе богатство, всеми искомое.
99. Если желаешь избежать болезненного мучения, никого никогда не злословь; ибо сим огорчается Божество.
100. Если желаешь отвратить от дома твоего всякий бич наказания, не злословь человека, — соестественника тебе; ибо Создавший его справедливо сим огорчается.
101. Если хочешь быть выше всякаго греха, то не разведывай о чужих делах; ибо много и в тебе есть такого, в чем повинным предполагаешь другаго.
102. Бегай гордости, человек, хотя ты и богат, чтобы не иметь противником себе Бога.
103. Возлюби смиренномудрие, хотя ты и велик, чтоб вознесену быть в день суда.
104. Не насмехайся над человеком, и во всю жизнь не потерпишь насмешки.
105. Когда ты в Церкви, не пари умом; ибо стоящие пред Царем не смеются и не предаются рассеянности.
106. Твердо на твердо запомни сказанное, — и это соделает тебя славным по жизни.
107. Ревнуй о досточестной жизни, чтобы иметь тебе дерзновение исправлять согрешающих.
108. Обуздывай продерзость, никого не порицай, — чтоб не быть осуждену, как возвысокоумствовавшему.
109. Не смейся над падением другаго, чтоб не быть осмеянным, от кого не желаешь.
110. Соблюдай увещания сии, — и это доставит тебе венец славы.
111. Будь исполнителем сих заповедей, — и они соделают тебя славным пред людьми и

благоугодным Богу; ибо сим благоугодается Бог и такими преспеяниями воздается Ему истинное служение.

112. Старайся преуспевать всегда в добрых делах.

113. И воин, если не будет обучен прежде долговременным упражнением, и испытан в трудах и битвах, показав на опыте, что одерживает победу над врагами, не прославляется.

114. Тем паче у небеснаго истиннаго Царя никто не удостоивается приять небесные дары Святаго Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении св. заповедей, и таким образом не примет небеснаго орудия самой благодати и не вступит в борьбу с духами злобы.

115. В какой мере преуспевает кто в духовном подвиге, в такой восходит на высоту таин Духа и утаенных сокровищ премудрости.

116. И в какой мере обогащается благодатию, в такой преуспевает в познании умыслений злобы, при помощи Владыки.

Ему слава и держава во веки! Аминь.

1. Начало спасения есть — самого себя осуждение.

2. Лучше камень бросить на обум, чем слово.

3. Будь ко всем таков, какими всех желаешь видеть к себе.

4. Правду являй более делом, чем словом.

5. Благочестив не тот, кто многим милость оказывает, но тот, кто никого не обижает.

6. Лучше спать на земле на древесных листьях, с дерзновением (спокойною совестью), чем без сего на золотой постели.

7. Сладок тот друг, который питает душу.

8. Воспевай Бога словами, поклонение Ему воздавай делами, — а мыслию и сердцем благоговеинствуй пред Ним.

9. Иереем делает разумность, добрая жизнь и благородство (чувств).

10. Самое худшее дело есть раболепствовать всему срамному.

11. Словом изучай добродетель, а проповедуй о ней делом.

12. Не иметь только добродетель почитай делом прекрасным, но иметь ее, как должно.

13. Почитая закон, и жить будешь по закону.

14. Странник тот, кому чуждо все мирское.

15. Богатому не льсти, но и не раздражай его.

16. Тело укрепляет вино, а душу Слово Божие.

17. Яства употребляй не сладкия, а здоровыя.

18. Желая угодить толпе, толпе подобен будешь.

19. Паче всего умерщвляй тело свое.

20. Трудюлюбив тот, у кого не бывает лишняго времени.

21. На Бога хулу изрыгать — грех непростительный.

22. От ушей и языка — великая беда.

4. Мысли, отводящая человека от тленнаго и прилепляющия к нетленному. (Ч. 2, 246).

1. Путь к добродетели — бегство от мира, — путь благий и краткий.

2. Вожделевшему нетленнаго надлежит ни во что вменять все тленное.

3. Если желаешь истинной жизни, ожидай всегда человеческой смерти.
4. Возненавидь настоящую жизнь, ибо видишь, как беспорядочно вращается ее колесо.
5. Не вожделевай благ, которыми пользование переходит и обладание утрачивается.
6. Смейся над теми, которым во всем успех, и сострадай тем, которым во всем неудача; ибо это ведет к награде, а то к любомудрию.
7. Подвизайся в терпении, какое, как знаем, показали мученики; потому что и от нас требуется мученичество совести (чтоб устоять в требованиях совести).
8. Всему предпочитай душу, и путь добродетели потечет тогда без труда; ибо все тленно, а душа бессмертна, тленному же надлежит предпочитать бессмертное.
9. Будь готов к скорбям, и большую от этого будешь иметь пользу.
10. Не проси у Бога приятного, но одного полезного; ибо первого, сколько ни проси, Бог не даст, если же и получишь его как нибудь, оно скоро пропадет.
11. Не порицай нищеты; потому что она делает ничем не развлекаемым борца на поприще закона.
12. Не увлекайся богатством; потому что заботы о нем всего чаще отлучают человека от Бога и против воли.
13. Близок конец; готовься, ленивый, к бичам.
14. Не далеко до жатвы; очистим же от терний ниву души.
15. Ничто не сокрыто от Судии; и напрасно усиливаемся мы укрываться, греша.
16. Паче людей стыдись Ангелов, коих при нас много, и удаляйся от всякого срамного деяния.
17. Заботливо помышляй о весах Судии, — и выбросишь из дел жизни твоей все, что не может выдержать настоящего веса (на весах тех, — или что подложным окажется по причине примеси чуждых расположений, как оказывается подложною, например, золотая монета, не выдержав своего нормального веса, по причине примеси других элементов).
18. Почитай для себя ущербом праздность и покой, и спеши делать что либо такое, что имеет быть потребовано от нас.
19. Помышляй всегда о непостоянстве настоящей жизни, и ничто в ней не в состоянии будет развлечь тебя.
20. Да не услаждают тебя земные радости, — временные; ибо это — уда, душу, как рыбу, приманивающая и уловляющая.
21. Против искушений стой, показывая потребное мужество.
22. Никогда не презирай проливающего слезы бедняка, чтоб не были презрены слезы твоей молитвы.
23. Любомудрие есть самое изрядное для людей стяжание; но, будучи единственно, оно и сопребывать хочет с единым стяжавшим его.
24. Добродетель — хитон Божий; его тки, — и будешь облачителем Одевающего всю тварь.
25. Наземное похищается татями; делай небесное, которое недоступно перстам похитителей (неухватимо перстами сими).
26. Отказываться должно от утех; потому что оне вовлекают в дела, от которых после отрезвления бывают стенания.
27. Плотолюбивыми помыслами надобно всячески гнушаться, потому что они растлевают тело и душу оскверняют.
28. И земные блага не без трудов достигаются; почему же из-за трудов уклоняемся мы от благ

небесных?

29. Хочешь ли творить добродетель, не чувствуя труда? Держи в мысли, что труд этот временен, а награда за него вечна.
30. Все, истаявающие по безместным (непотребным) сладостям, подумали бы о краткости наслаждения ими и о длительности наказания за него.
31. Все почитай тленным, — и только добродетель нетленною.
32. Пренебреги всем, что делает человека скотоподобным, — и делай то одно, что может сделать тебя небесным.
33. Ревнуй о добродетели; потому что она чрез любомудрие богом являет Адама.
34. Удерживаешь чрево? удерживай и язык, чтобы не быть одному рабом, а от другого свободником бесполезным.
35. Люби Бога, и к своим не будь привержен более, чем к Нему, чтоб, по Слову Его, не оказаться тебе недостойным Его, хотя и не желаешь ты сего.
36. Терпеливо переноси скорби; потому что в них венец для ратоборцев.
37. Блаженно — терпеть зло, а делать — преокаянно; ибо терпящий его — наследник Христов, а делающий — сонаследник диаволу.
38. Добр хлеб поста; потому что нет в нем кваса сластолюбия.
39. Свят жертвенник молитвы; потому что привлекает к нам Святаго святых.
40. Не считай справедливость приделием добродетели, потому что без нея всякое дело нечисто.
41. Если сеешь в нищих, сей свое; ибо чужое горчае плевел.
42. Слеп милостивый, если он несправедлив; ибо возделывает поле, с котораго не может собрать жатвы.
43. Всегда ожидай смерти, но не бойся (или поставь себя в состояние не бояться); ибо то и другое — истинныя черты любомудрия.
44. Носи образ добродетели, но не для того, чтоб обмануть, а чтоб принести пользу видящим тебя.
45. Говорить надлежит о хорошем и тому, кто не делает хорошаго, чтоб, устыдясь своих слов, начал он и делать.
46. Если истинно желаешь неба, то ничтоже тебе и земле; ибо это не позволяет воспарять к тому.
47. Не желай разбогатеть ради нищелюбия; ибо Бог законоположил праведнику подавать милостыню от сущих (Лк. 11, 41; — из того, что есть у него).
48. Если чаша студеной воды оправдывает милосердаго, то какая награда ожидает расточающаго все на бедных?
49. Чистота и сострадательность — матери добродетелей, потому без той и другой нельзя ввоиниться Христу (или воинствовать под Христом).
50. Не неради о сострадательности; ибо она благаго Владыку низвела с неба.
51. Не пренебрегай чистоты; ибо чрез нее соделавшаяся орудием воплощения (Пресвятая Дева) даровала людям воплотившагося ради нас Бога.
52. Не говори: отмщу врагу; ибо есть у нас на небе праведный Судия (и Отмститель).
53. Не желай ни жить в утехах, ни богатым быть, ни славиться; потому что это — житейская тля, а мы созданы не на истление.
54. Не плачь над умершим, — это — общий путь; и блажен, кто достигает конца его

(безукоризненно).

55. Плачь о грешнике, а не о нищем; ибо этот уготовляет себе венец, а этот — муки.

56. Смейся над колесом жизни, беспорядочно вертящимся; но берегись бездны, в которую низвергает оно засыпающих на нем.

57. С Богом беседуй много, а с людьми мало; но, поучаясь в законе, исправишь то и другое.

58. Благодетельная для души баня — слезы во время молитвы; но после молитвы помни, о чем ты плакал.

59. Не ублажай сильных мира; потому что сильнии сильнее истязаны будут (Прем. 6, 6); почему и Судию будут они иметь строжайшим к себе.

60. Адаму (т. — е. падшему человеку) трудиться положено (телом, невольно и безнаградно); но, трудясь в законе, мы стяжеваем воздаяние.

61. Наследникам Евы необходимо скорбеть; но, когда с благодарением переносим скорби, тогда клятва обращается нам в благословение.

62. В деяниях своих имей светильником совесть; ибо она показывает, какие из них добры, и какие худы.

63. Осудим себя, — и Судия умиловивлен; ибо Он, как благий, радуется, видя, что грешник расточает бремя свое.

64. Если сделано нами что либо нечистое, омоем это покаянием; потому что образ Божий должны мы представить в себе чистым.

65. Уврачуем душевные струпы прежде обнажения их, — чтоб сими врачевствами отвратить бичи наказания.

66. Как связанным неудобно ходить, так и сплетшимся с житейским нельзя чисто совершать течение добродетели.

67. Надлежит ненавидеть грех; ибо при этом, если и впадет кто в него, скорее выйдет из сетей его.

68. Кто не имеет ненависти ко греху, тот, хотя и не делает греха, причисляется к грешникам.

69. Стенай о ближнем грешащем, чтоб и о себе возстенать; ибо мы все повинны грехам.

70. Падшему другу напomini о Судие, — и свою намастишь чрез это греховную рану; ибо такой совет есть общее врачевство.

71. Намереваясь что нибудь сказать или сделать, поимей в виду и ответ, который вскоре потребуется от тебя; и целомудришься под действием страха.

72. Бойся наказания за грех, и цепеней при мысли о посрамлении из-за него; потому что тяжесть того и другаго безмерна.

73. И лепота и множество будущих благ безпредельны, а настоящая — тень, дым, водяной пузырь.

74. Не сей зла, потому что жатва близко, — и возделывателя терний ожидает огонь.

75. Лицемеры, любостыжатели, сластолюбцы — розы мира сего; но пождешь немного и видишь (вместо роз) траву истоптанную.

76. Всякое худое дело оружие против нас дает диаволу; но он, вооруженный им, жестоко обходится с вооружившими.

77. Хочешь ли привести в изнеможение врага? Отсеки грех, и можешь тогда издеваться над ним, как над ощипанным воробьем.

78. Горе нечестивому; ибо, когда все просвещаются, он мраком покрывается.

79. Горе богохульнику; ибо свяжется у него язык пред лицом Судии, — и он ничего не будет в состоянии сказать в оправдание свое.
80. Горе беззаконнику; ибо пойдет он к строгому Судии и праведному Законоположнику.
81. Горе любостязательному! богатство от него отбежит, примет же его огонь.
82. Горе ленивому! Взыщет он времени, зле потраченного.
83. Горе высокомерному! Когда ляжет во гроб, узнает, кто он.
84. Горе блудолюбцу, осквернившему брачную ризу! Со стыдом извержен он будет из брачного чертога царского.
85. Горе бранчивому и с ним пьянице! С убийцами они вчинены будут и с прелюбодееми наказаны.
86. Горе предающемуся утехам в это короткое время! Откармливает он себя, как тельца, определенного на заклание.
87. Блажен, кто идет тесным путем; ибо он внидет на небо венценосцем.
88. Блажен, кто попирает утехи; ибо его трепещут демоны.
89. Блажен, кто чист в душе и нелицемерен в добродетели; ибо он будет судить мир, а не судим вместе с миром.
90. Блажен, кто неусыпен в молитвах, чтении и доброделании; таковой не уснет в смерть.
91. Блажен, кто высокую имеет жизнь и смиренное мудрование; ибо он подражает Христу и со Христом совозсядет.
92. Блажен, у кого закон не сходит с языка; ибо от скинии такового никогда не отступает Бог.
93. Блажен многим благодетельствующий; ибо на суде найдет он многих защитников.
94. Блажен, у кого добродетель не поддельна; ибо лопата Судии безошибочно развеет все.
95. Блажен украшающий дела свои прежде появления огня, коим все искушено будет.
96. Блажен поспешающий к будущей жизни; потому что настоящее издаст воню тления и влечется к смерти.
97. Блажен, кто расточает собранное зло и чистым предстанет чистому Судии.
98. Но глава слова: душа, не будь беспечна! Потому что спустя немного станешь пред весами страшного судилища Христа, Бога нашего.
5. Подобныя предыдущим мысли и увещания, извлеченныя из других писаний преп. Нила. (Из первого слова к Евлогию монаху. Ч. I, 223).
1. Похвально мужество добродетели и во время мира, но еще похвальнее доблесть ея во время наступившей брани.
 2. Добродетель являет себя не только в том, что делает, но и в бедствиях, противоборствующих ей.
 3. Безстрастен, кто одержал победу, перенося страдания во многих бранях; а говорящий, что приобрел добродетель без брани, еще страстен.
 4. Сердце, у котораго нет брани, лишается возможности оказать добродетель; потому что добродетель получила название свое от доблестных подвигов, делом являемых на брани.
 5. Будем решительно отрывать услаждение помыслами, обращая на них весь гнев, чтоб иначе, с услаждением принимая помыслы, не сделаться нам сочувственными и к предметам их.
 6. У человека не безмолвнаго душа борется с впечатлениями чувств, а любитель безмолвия, охраняющий чувства, борется с помыслами.
 7. От благодати приявшие силу на подвижнические труды, да блюдутся от мысли, что имеют ее сами

от себя естественно. Виновник всего добраго в нас есть Давший слово о заповедях, как и виновник всего худаго — лукавый подлагатель прелестей. Поэтому какое ни сделаешь добро, принеси благодарение Виновнику добра; худое же, докучающее тебе позывами, относи к родоначальнику всего худаго.

8. Конец же всякаго труда (затруднения, скорби) — приноси благодарение Богу — Благодателю, чтобы таким искренне принесенным благодарением посрамлена была злоба врага. Кто к делу присовокупил благодарность, тот будет иметь неокрадомым сокровище сердца, соорудив против греха двойную стену с бойницами.

9. Достоин похвалы тот муж, который с деятельною жизнью сочетал умственную, чтоб нива душевная, орошаясь из обоих источников, обильнее произращала добродетели. Ибо умозрение окрыляет умную сущность к созерцанию вещей совершеннейших, а деятельность умерщвляет уды, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую (Кол. 3, 5). Посему препоясавшийся всеоружием деятельности и умозрения удобно уже наступает на демонское лукавство.

10. Демоны воюют с душею помыслами, а им, чувствительнее для них, противоборствует терпение; и они, видя этого мощнаго предводителя битвы, с робостию вступают уже в борьбу.

11. Если хочешь успешно вести брань с полчищем демонов, то врата души своей (чувства) заграждай уединенным безмолвием и ухо свое прилагай к словесам отеческим, чтобы, научившись таким образом лучше распознавать терния помыслов, пожигать их гневом и отвержением.

12. Когда внимаешь советам отцев, будь не судиею их дел, но уразумевателем и изучателем изречений их.

13. У врагов в обычае внимание вопрошающаго отводить на деятельность советующаго, чтоб, настроив тебя быть строго разборчивым его судиею, лишить полезнаго от него совета.

14. Когда предлагается тебе совет, не отвергай его, хотя бы ты был и сам сведущим.

15. Кто не допускает до слуха отеческую заповедь, тот преслушает и заповедь закона.

16. Не в удовольствие только свое беседуй о преспеяниях отцев, но требуй от себя, быть и самым трудолюбивым делателем оных.

17. Трудолюбно старающийся познать, какой помысл какому подвигу противоборствует, будет искусным в борьбе с прелестию вражиею.

18. Ведай, что вместо того подвига, котораго в целой совокупности духовных твоих трудов недостает, вкрался похитивший его, обычно противящийся ему, помысл.

19. Помни, с благоразумием в подвижнических трудах хранить и сердце, чтоб забвение попечения о вещах лучших, похитив его, не предало в плен помыслам. Забвение о сем пленении сговаривается со злобою (врагом), чтоб, как скоро оно окрадет ум, она (злоба — враг) проворнее входила в него и расхищала его, как угодно.

20. Когда один любит выслушивать, как другой кого либо поносит, тогда они оба служат орудиями двум духам, взаимно друг другу содействующим: ибо злослушание разжигает злоречие, и злоречие вызывает злослушание; и обе они на пагубу сердцу любят друг друга.

21. Заграждай слух свой от пересудов, чтоб не грешить двояко, и тем, что себя приучаешь к пагубной страсти, и тем, что других не удерживаешь от языкоболия.

22. Любящий насмехаться разбойнически окрадает душу лучших (его людей), клеветами прокапывая слабый слух.

23. Убегающий от языка, который злословит ближнего, и свое собственное прогонит злословие.
24. С приятностью слушающий злословящего ушами всасывает яд зверя (из бездны).
25. Ухо твое да не вкушает сего горькаго яда, чтоб и тебе не поднести другому такого же снадобья.
26. Не обморочивай слуха своего пересудами, чтобы, продав себя этой страсти, не стать тебе рабом многих страстей; потому что одна страсть, нашедши для себя место в тебе, в то же гнездо (или стойло) введет и другия страсти; делается же рабом многих страстей владычественный ум тогда, когда сопрягшись с какою либо страстию, совсем отбрасывает подвижнические труды.
27. Что достойно в тебе зависти, то скрывай наипаче от завидующаго.
28. Когда друг твой, считая унижением для себя добрую славу о делах твоих, уязвится завистию и даже вздумает некоторым укором омрачать ее, смотри, не уязвись и сам, попустив влиться в душу твою горькому яду огорчения. О том и забота у сатаны, чтоб его завистию разжигать, а тебя огорчением съедать.
29. Но смирися лучше и большею таковых честию почтим (Рим. 12, 10), — стараясь и трапезою укротить озверившийся от ревности дух их.
30. Одного терпеливаго пустынножителя старца некто усиливался вывести из пустыни, по причине глубокой его старости. Но старец сказал ему: «Перестань вынуждать меня к этому; потому что для меня — злодея еще не кончился срок изгнания».
31. Когда я просил его сказать мне слово в назидание, он ответил: «трудолюбно взыщи прежде всего вкоренения страха Божия в сердце, — и тогда внутри себя будешь всегда находить потребное слово, учащее человека разуму».
32. Сей же старец, будучи вопрошен о стяжании страха, сказал так: «кто заботливо блюдет память о смерти, тот руководится сим и к страху суда».
33. Побуждаемый страхом, будь ежедневным собеседником Божественных Писаний; чрез собеседование с ними выживешь ты беседы (приражения) чуждых помыслов.
34. Кто поучением в Божественных Писаниях собирает сокровище духовнаго ведения в сердце, тот легко изгоняет из него помыслы.
35. При ночном чтении на бдениях, слушая Божественныя Писания, не будем оглушать слуха сном, ни предавать душу в плен помыслам; но жалом Писаний будем уязвлять сердца, чтоб, пришедши в сокрушение, воспрять ревность о спасении и пресечь противную нерадивость.
36. Горящий любовью к Богу памятованием о небесном изгоняет из мысли всякое человекоугодие.
37. Свидетельницу дел твоих — совесть свою — не отсылай к помыслу, презирающему падение и сладкоречиво о нем говорящему.
38. Не угасишь телесных страстей, если к плоти своей не приложишь врачевства подвижнических трудов, сокрушающих ея страсти. Не угасишь и душевных страстей, если и не исполнишь прежде сердце твое плодами любви.
39. Страсти телесныя ведут начало свое от естественных потребностей плоти, — и против них нужно воздержание; а страсти душевныя порождаются от потребностей душевных, — и против них потребна молитва.
40. Любовь есть полнота безстрастия, — изглаждение страстей: она приносит долготерпение, охлаждает кипящий гнев, внушает смирение, смиряет гордыню.
41. Любовь собственно ничего не имеет, кроме Бога; потому что Бог есть любовь.

42. Страхом Божиим облекись поверх страха мук вечных, — чтоб страхом огня геенскаго возжечь в себе неугасимую горячность (к делу Богоугождения), и скорее умудриться против злокозненности помыслов; ибо страх — начало премудрости.
43. По опыту изъясняющий обольщения помыслов не всеми познан будет, а только теми, которые сами опытны; потому что путь к ведению сего один для всех опыт.
44. Училище опытного ведения есть жизнь деятельная, которую восприяв трудолюбнейше, и себя узнаем, и помыслы различать научимся, и Бога уведем.
45. Силою для умирения помыслов твоих да будут дела; потому что деятельное премудрее знательного и говорительного, равно как и многотруднее; при деятельности слова сверкают, как молния, а когда нет дел, слова не сверкают силою дел.
46. Помыслы, избодая душевное око, ослепляют нас, чтоб мы и наилучшими из заповедей пользовались наихудшим образом.
47. Лютуют демоны на тех (братий), которые отличаются повиновением своему авве, и скрежещут на них зубами, потому что с повиновением они сопрягли и беспечительное отречение от мира.
48. Тем, которые покорны своему отцу, демоны, всякие изыскивая предлоги, готовят огорчение на него, и в случае движения при сем гнева возбуждают на него сердчание, а потом мало—по—малу возгнетают и ненависть к нему за то, что он будто несправедливо наказывает и лицеприятен; делают это демоны для того, чтобы, разными способами поколебав душу, похитить ее из отеческих объятий.
49. Иногда демоны возвеличивают подвижнические труды в помыслах, а иногда уничижают их, как ни к чему не служащие, чтобы где вложить высокоумие, а где посеять отчаяние. Возвеличивают они труды тех, которых не могут довести до разленения, чтобы ввести их в высокоумие, а тем, которые не соглашаются вдаться в высокоумие, твердят одно то, что подвиги их ни к чему не служат, чтоб, приведя их чрез то в разленение, ввергнуть в отчаяние.
50. Когда помыслы возвеличивают наши подвижнические труды, тогда, отринув их с презрением, будем уничижать душу; а когда уничижают сии труды, как ни к чему не служащие, тогда сколько есть сил будем возвеличивать Христово милосердие.
51. В какой мере удручаешь свое тело, в такой же испытуй свою совесть. Познавай себя самого, ощущая тайныя расхищения помыслов, чтобы, оставаясь нечувствительным к тайным их окрадениям, не придти нам в омрачение от мысли, будто бы добродетели пожинаются одною суровостию жизни.
52. Как не бывшее в деле золото, вложенное в плавильную печь, делается чище; так и новоначальный монах, переплавив нравы свои в обители, делается светлым посредством опытов терпения. Приказаниями братий обучается он послушанию, а наказаниями наказующаго (аввы или старца) уготовляется иметь вкорененным долготерпение. И если он с радостью будет принимать оскорбления и возлюбит смирение в уничижениях, тогда, став выше противоположных тому страстей, начнет далее рязсеивать добродетелями, по мере более и более даруемых ему благодатию сил.
53. Ум тогда ощутит упокоение, когда, отсеки причины страстей, вступит в созерцание, а до отсечения страстей ощущает он и труд и опасности, нетвердою ногою исходя на борьбу с соперниками.
54. Старцы очень одобряют отшельничество, когда оно бывает в свое время, — т. — е., когда кто

приступает к нему, усовершенствовав в добродетелях в общежитии. И такой пусть сначала испытает себя, может ли с успехом жить в отшельничестве; и если найдет сие для себя невозможным, по недостатку сил, пусть возвратится в общежитие, чтоб иначе, не имея сил противостоять ухищрениям помыслов, не лишиться разсудка.

55. Как плачущей вдове утешителями служат сыновья так падшей душе утешение — подвижнические труды, которые рассеивают помыслы отчаяния, углубляют верующее покаяние, провозглашают милосердие Христово и заглаждают содеянные грехи.

56. Как молодой пес покушается унести хлеб у младенца, так лукавый помысл разумение у сердца. Поэтому не как младенцы, будем смотреть на лукавство противных сил, чтоб не предать им душу на расхищение.

57. Как сверкающий сонм звезд светлым делает небо; так истина Божественных словес, как бы светильник внося внутрь, осиявает человека. Посему будем все носить один и тот же образ истины, потому что Господь вселяет единомысленныя в дом (Пс. 67, 7).

58. Как солнце светозарными лучами улыбается всей земле, так любовь светозарными деяниями приветствует всякую душу. Если приобретем ее, то угасим страсти и просияем до небес. Всякий труд совершишь, как скоро улучишь святую любовь; а когда нет ее, ни в чем нет успеха, — тогда и гнев свирепеет, и нравы грубеют, и к трудам по высокоумудрию примешивается тщеславие.

59. Прежде должно побороться со страстями и со многим трезвением предать памяти, что было во время брани, и потом по испытанному на себе сообщать и другим правила борьбы и делать для них победу удобнейшею, сказывая наперед способы, как вести брань. Иные и одолели в себе страсти, может быть, долговременным строгим житием, но не знают способа победы, потому что, как в ночном сражении, не следили они за ходом всего дела, и ум их не познал вражеских злоумышлений.

60. Вкусивший безмолвия и начавший сколько нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от духовнаго ведения, обращать к делам земным, когда он большею частию парит превыспренно.

61. Когда покорены страсти, ни откуда не беспокоят уже враги, и оборонительных оружий не нужно употреблять в дело; тогда можно приступать и к возделыванию душ других. А пока самовластвуют еще страсти, продолжается еще брань с мудрованием плоти, не должно отымать рук от оружия, но непрестанно надлежит иметь их под руками, чтобы злокозненные враги не обратили нашего упокоения в случай к нападению и не пленили нас без пролития крови.

62. Св. Моисей дает Израилю, когда он войдет в землю обетованную и потребит живущие там народы, такой урок: внемли себе, да не взыщете последовати им, по потреблении их (Втор. 12, 30). — Этот урок очень пригоден для тех, которые, по отсечении страстей, не обращают тщательнаго внимания на свое сердце. Ибо в таком случае начинают возникать в них, как некие отпрыски, образы давно бывшаго; и кто дает им свободу часто западать во владычественный ум, невозбраняя им входа туда, тот снова откроет в себе приют страстям, после победы над ними, делая таким образом жизнь не безопасною от борений. Ибо страстям, когда оне даже укрощены и, подобно волам, приобучены есть сено, свойственно, по нерадению укротителя, снова делаться дикими и приходиться в зверскую свирепость.

63. Проклят, иже положит идола в сокровении (Втор, 27, 15). Не одно и тоже навсегда что нибудь сокрыть в земле, — и положить в сокровении. Сокрытое в земле и не являющееся уже чувству

современем изглаждается и из памяти, а положенное в сокровении, хотя утаевается от посторонних, но часто видимое положившим обновляет воспоминание о себе. Таким, положенным в сокровении идолом, бывает всякий срамный помысл, образовавшийся в мысли и не изверженный, но втайне удержанный. Кто так делает, тот подвергается прописанной в законе каре; потому что лелеяние им помысла срамного есть тоже, что поклонение идолу.

64. Не надобно давать доступ к сердцу представлениям, повреждающим помысл; потому что, если сердце ввергнется в омрачение нечистых помыслов, то уже будто насильно и против воли увлекается к страстному делу.

65. Дух Святой написал жития святых, чтобы каждый из проходящих какой либо образ жития возводился к истине подобными примерами.

66. Недавно еще освободившимся от мятежей мирских советовать должно пребывать в безмолвии (внутри стен обители или дома), и частыми выходами не растравлять ран сердца чрез чувственные впечатления, и к старым кумирам греховным не приносить новых изваяний. Трудно это безмолвие для отрекшихся недавно от мира; ибо тогда память приводит в движение всю, хранящуюся в ней, нечистоту, не имев досуга делать это прежде по причине множества дел, непрерывно чередовавшихся. Но так бывает только в начале; современем же безмолвие, вооружившись терпением, совсем освободит ум от смущения скверными помыслами.

67. Ум едва только уклонившихся от греха подобен телу, начавшему возстановляться в силах после долговременного недуга, для котораго, как не укрепившагося еще совершенно, и маловажный повод бывает причиною возвращения болезни. Силы его еще слабы; почему должно бояться, чтоб не возвратилась страсть, если кто даст ей повод раздражиться, дозволяя себе кружиться в толпе народной. Окрепшим и возмужавшим подвижникам можно и сюда смело выходить на брань; а кто не в состоянии еще бороться, тот пусть в безмолвии, оставаясь дома, находит себе безбедную безопасность.

68. Когда бывает истинная внутри тишина и не только движения страстные, но и воспоминания о них утихают; тогда душа, мирно в себе пребывая, имеет возможность усматривать впечатленные прежде и кроющиеся в ней образы, вступать в борьбу с каждым из них и исторгать их из сердца. Когда же образы привходят одни за другими, тогда невозможно изгладить прежних отпечатков; потому что мысль занята новыми образами, которые при непрестанном влечении помрачают душевное зрение. Как желающие ложе реки увидеть сухим никакой не получают пользы, исчерпывая воду на том самом месте, на котором, по их мнению, лежит искомое ими; потому что опустевшее место тотчас вновь наполняется притекающею водою; а когда преградят течение воды сверху, без труда откроется дно, так как оставшаяся вода стечет сама собою и сухою оставит им землю для желаемаго исследования: так удобно бывает истощить впечатленные образы страстей, когда чувства ничего уже не доставляют отвне; когда же подобно потоку дают оне новыя и новыя впечатления, тогда не только трудно, но и невозможно совершенно очистить душу от страстных образов и движений.

69. Пророк повелевает: истребить семя от Вавилона (Иер. 50, 16). Для нас в этом совет — истреблять образы, пока они еще во влагищах чувств, чтобы, пав на землю сердца, не дали ростков и, напоемые дождем частаго с ними собеседования, не принесли плодов зла. Другой же Пророк даже ублажает тех, которые не дожидаются созрения страстей, но истребляют, пока они еще походят на

младенцев, питающихся сосцами, говоря: блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень (Пс. 136, 9). Нечто подобное означает и сказанное Иовом; мраволев погибе, занеже не имеяше брашна (4, 11). Видно, что великий Иов, желая изобразить злокозненность страсти, изобрел для нея сложное наименование: (мравий и лев), составив его из имен самага сильного льва, и ничтожнейшаго всех тварей муравья; потому что приражения страстей начинаются тонкими помыслами, неприметно вкрадываясь на подобие муравьев, но после разрастаются и делаются для подвергающагося сим приражениям не менее опасными, как и нападение льва. Почему подвижнику надлежит поборать страсти, когда оне приступают еще как муравьи, приманкою имея свою ничтожность; ибо если успеют достигнуть силы льва, делаются непреборимыми, и сильно беспокоят. Тут отнюдь не должно давать им пищи; пищею же их, как говорено уже было не однократно, служат посредством чувств входящие образы страстей, которые питают страсти, каждый вооружая против души своего кумира.

70. И в храме Законодатель устроил окна решетчатая (Иез. 41, 16), — означая сим, что вознамерившимся сохранить сердце свое чистым, как храм, подобно тому, как там решетчатыми окнами сделано, что ничто нечистое не могло входить внутрь, должно оградить чувства страхом будущего суда, как решеткою, которая преграждала бы вход вновь рождающимся и вторгающимся внутрь нечистым образам.

71. Кто, во время борьбы с раздражающим (страстными движениями) зрением, в состоянии страхом угрожающих в будущем наказаний привести себя в столь напряженное противоборство, с каким обуреваемый в море борется с волнами; тот без труда одолеет поборяющих его, не чувствуя наносимых ударов, так что скажет: биша мя, и не поболех, — и поругашася ми, аз же не разумех (Прит. 23, 35), т. — е. они били меня, думая наругаться, а я и не чувствовал ударов, потому что стрелы младенцев быша язвы их (Псал. 63, 8); не обратил я внимания и на обольщение их, не показав и вида, что замечаю присутствие их.

72. Отрекаться от мирских дел нет пользы для тех, которые не остаются при своей решимости, но снова увлекаются и уступают помыслу, и часто возвращаются к оставленному, обличая тем пристрастие к тому, как жена Лотова, которая, озревшись вспять, стала столп слан, во вразумление подобных людей. Частыя склонения к тому, от чего мы удалились, без сомнения повлекут вспять от неустановившагося еще добраго навыка, и, ослабляя стремление вперед, всецело опять привлекут к себе и заставят возвратиться к прежним худым делам. Старая недобрая привычка от этого еще более усилится и едвали позволит снова возвратиться к начатому было навыковению в добрых нравах. Ибо от привычки происходит навык, а навык обращается в природу; превратить же и изменить природу трудно. Посмотри на душу, следующую своим привычкам, как она восседает на идолах своих, как пригвожденная к ним: не могу, говорит, востати пред тобою, яко обычная женская ми суть (Быт. 31, 35). И душа, с давняго времени упокоевающаяся делами житейскими, восседает на них, как на идолах и прикована к ним так, что разстаться с ними не может и не хочет.

73. Святые Божии убегали городов, зная, что обращение с людьми развратными гораздо тлетворнее заразной болезни. Илия, оставя Иудею, обитал на пустынной и наполненной зверями горе Кармильской. Учителю сему подражал в пустыннолюбии и ученик его Елисей. И Иоанн жил в пустыне Иорданской, питаясь акридами и диким медом, в показание, как не трудно удовлетворять потребностям телесной жизни. А может быть и Моисей нечто подобное предвозвещал, давая

Израильтянам закон — собирать манну только на один день; чем внушалось, что заботу о человеческом содержании должно ограничивать одним днем. Да и все Святые, ихже не бе достоин мир, оставя обитаемую вселенную, в пустынях скитались (Евр. 11, 37. 38), бегая благовидных человеческих пороков, чтоб силою их стремления, как потоком, не увлечься в общее течение мирской жизни, пагубной.

74. Сотворены мы по образу Божию для того, чтоб сохранять в себе черты онаго, и тем, которые взирают на нас, отличным житием представлять ясные признаки Богоподобия. Я, говорит Бог, щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив (Пс. 102, 8; Иоил. 2, 13), и соблюдаю правду. Вот черты Божескаго лика. По ним узнается и душа, причастившаяся Богоподобия и ставшая сродственною с Божеством. По любви к Богу возревновав о полноте совершенства Богоподобнаго, и воспящаемая узами связующаго ее тела, восприимлет она труды на труды в стремлении к очищению себя, пока преуспеет приобрести то, чем отличается Божеское естество — благодать, долготерпение, доброту и человеколюбие. И является тогда она малым чим умаленною от Ангел (Пс. 8, 6).

75. Кто убегает мирской мятежности, не допускает себя до тревог житейской суетности, уклоняется от сообщества с людьми легкомысленными и необстоятельными, дома большую часть времени проводит безмолвно в молитвах, в изучении Словес Божиих, при редких выходах из дома виден степенным, кротким, нераздражающимся, сострадательным, братолюбивым; такого кто не назовет подлинно Божиим ревнителем, истинным образом и подобием Бога, озаренным Божественными лучами Божией благодати, и свое Богу уподобление светло проявляющим добродетелями, как привлекательнейшими какими цветами.

76. Вот отличительныя черты Бога, — и человека, ревнующаго об уподоблении Богу: тихость, незлобие, негневливость, независтливость, благотворительность, сострадательность, непамятозлобие, добролюбие, доброта, почтительность, блюдение пользы других, общительность, услужливость, нелюбочестие, — коротко сказать, все, в чем обилие благодати являет Бог, Который солнце Свое сияет на злыя и благия, дождит на праведныя и неправедныя (Мф. 5, 45). По сим чертам узнается старающийся быть подражателем Богу.

77. Достаточно было бы и сего указания, чтобы благопокорных научить совершенной жизни; но, зная, как иные с трудом приводятся к тому, св. Павел многими внушениями старается искусно отвлечь нас от суеты, возбуждая ревность нашу разными похвальными наименованиями. То говорит он: храм Божий есте (1 Кор. 3, 16); то: якоже чада света ходите (Еф. 5, 8); то: достойно благовествованию Христову жительствуйте (Фил. 1, 27); то: тела ваша удове Христови суть (1 Кор. 6, 15); в одном месте называет нас святыми и непорочными (Еф. 1, 4), а в другом — невинными и целыми, чадами Божиими непорочными (Фил. 2, 15). Обо всем этом говорит он, как о находящемся в нас, хотя того нет еще в нас, — с тою целию, чтоб, ужаснувшись, как бы такая похвалы не обратились нам в укоризну и посмеяние, если не оказываемся такими, возревновали мы всею ревностию соделаться и пребывать такими. Почему св. Апостол не ограничивается одними сими похвалами, но приписывает и разные способы и меры, как можем мы достигнуть в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13).

78. Прежде всего требует он, чтоб мы умерли и распялись для мира, так чтобы ни мало не ощущать ни наслаждений, ни скорбей мирских. Умросте, говорит, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе (Кол. 3, 3), желая показать, как живут совостающие со Христом, вышних взыскующие и горняя

мудрствующие, умершие от стихий мира, и не живущие уже более по ним. Еще говорит он: представляйте себе Богови, яко от мертвых живых (Рим. 6, 13), желая с одной стороны, чтоб мы умерли именно тому, чем в действие приводятся страсти плоти, похотствующей на духа, с другой же повелевая жить тому, чем совершаются дела добродетели в благоугождение Богу. Посему—то и жертвою живою именует умертвивших уды, яже на земли (Рим. 12, 1; Кол. 3, 5) и ходящих в обновлении жизни (Рим. 6, 4), не к худу движимых, по жертвенном умерщвлении, и не праздными пребывающих для добрых дел; потому что будучи жертвою живою не утратили на то силы, но как цветущею и юною пользуются ею против враждебнаго издавна мудрования плоти, неувлекаемые уже сими неразумными пожеланиями, так как совершенно перешли из телесной жизни в духовную, и живут не плотию, но духом.

79. К тем, которые, быв обложены плотию, перестали уже быть тревожимы ее требованиями беспорядочными, говорит Апостол: несте во плоти, но в душе (Рим. 8, 9). Потому что грех не царствовал уже в мертвенном теле их, и не понуждал их насильственно слушаться собственных повелений, противовоюя закону ума и обычно пленяя их неким законом, сущим во удех; но возцарствовал закон духа жизни о Христе Иисусе, пленяющий их во всецелое послушание заповедям Христовым. В сем устроении они не услаждаются только лучшим по внутреннему человеку, но совершают его, с готовностью отмстить телу всякое преслушание прежнее, допущенное в угодность ему, противоположными тому трудами ради добродетели. — Какое же это отмщение и как совершается, сему так учит Апостол: якоже представите уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие: тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню (Рим. 6, 19). Как велик этот труд, знают те, которые, будучи преобладаемы привычкою, принуждены бывают худой навик преобразовать в добрый. Велик труд, но не жалеющие себя преуспевают в сем благодатию Божию. После многократных отступлений и многократных устремлений вперед, возмогают они наконец совсем отступить от худых влечений, коим преданы были, и все расположение свое вполне обратить от худшаго к лучшему, — чтоб все члены употреблять против враждебных страстей, сделав их из орудий неправды орудиями правды.

80. Прилагайте попечение о движениях мысли, наблюдая как производит она воспоминания о вещах, пристрастно или безпристрастно принимая в себя представления сих вещей. Многие уступают страстям больше в помыслах, чем в действиях, невидимо с ними соглашаясь и ими услаждаясь. Внутренне они падшие, хотя видимых падений за ними не водится. И бывает, что иной по наружности кажется совсем безукоризненным, — сам только сознавая укрываемую внутри гнусность и краснея оттого, что невидимое противоположно видимому, истина противоречит почтенной наружности и заставляет совесть справедливо стыдиться. Такой чем отличается от гроба, когда душа его помышляет о не должном и полна срамных чувств? Не хуже ли даже он гробов. Гробы не долго заключают в себе зловоние, пока в теле остаются еще влаги, но как скоро соки истощаются, пресекается и зловоние; сердце же, исполненное срамных помышлений, всегда внушает омерзение, будучи зловоннее гниющего тела, — и само только наслаждается собственною своею срамотою.

81. Как удовольствие и печаль следуют за пожеланием (то за исполнением его, а эта за неисполнением), а пожелание возбуждается ощущением (впечатлением от внешних вещей, или помыслов о них); то не допустивший сего последняго (впечатления, помысла) не дает места и первым (пожеланию и удовольствию или печали): подобно тому, как сокрушивший голову змеи,

ущемленной во входе, за дверь оставляет все влекущееся за головою тело ея, которое без сомнения вошло бы свободно в дверь, еслиб выставившаяся вперед голова нашла себе свободный вход. Таков закон внимания к себе или трезвения.

82. Если кто вожделевает худое что, то удовлетворит ли он или не удовлетворит свое вожделение, то и другое одинаково вредно для него, — т. — е. как радость в первом случае, так и печаль во втором. Ибо печаль эта не печаль по Бозе, которая, по словам св. Павла, покаяние нераскаянно во спасение содевает (2 Кор. 7, 10); и радость сия не о Господе радость, как радуются веселящиеся с доброю совестью (Фил. 4, 4). Эта радость есть какое-то душевное обольщение, демоном внушаемое, как зависящая не от вкушения существенного блага, а от увлечения призраком его.

83. Вот отличительныя черты того способа, каким добродетель приверженного к ней умудряет идти к возможному преспеянию. Преспеяние представляется не очень отдаленным, чтобы не показалось, будто бы добродетель хочет устрашать великим отдалением, но не стоит оно неподвижно чтоб могло быть уловлено преследующим, и сие для того, чтобы он до смерти не прекращал своего усердия, но во всю жизнь усиливал рачительность, распространяя ее на все.

84. Если и времени целой жизни недостаточно для попечения о добродетели, и подвизающимся, по причине противоборствующих членов, потребна великая трезвенность; то при разсеянии и переменчивости мыслей, как нам успешно совершить путь столь долгий и трудный, и охранить себя от козней противников, которые многочисленны и не видны, и в оружие против нас употребляют наши страсти и чувства, низлагают нас тем самым, чем Божия благодать вооружила нас в защиту против них? Посему необходимо быть внимательными и не увлекаться тем, что противникам нашим споспешествует против нас. Это же очевидно: что не содействует нам к успеху в нашем подвиге, то служит в пользу противникам.

85. Какими помыслами должны водиться намеревающиеся дать правильный ход своим мыслям? — Внимай. — Давид в одном месте сказал: поучение сердца моего разум (Пс. 48, 4); в другом: во оправданиях Твоих поучуся всегда (Пс. 118. 16); и еще: поучуся во всех делах Твоих, и в начинаниях Твоих поглумлюся (76, 13). — Делай так, — и вечно подвижный ум твой не будет иметь времени уноситься к ненадлежащему, но неотступно будет заниматься тем, углубление во что доставляет наслаждение и великую пользу, увеселяя чувство зрением, а душу созерцанием.

6. Увещание к монахам. (Из Patr. gr. Migne — t. 79, стр. 1236).

1. Неумеренность в пище пресекает пост, а блудную похотливость отражает самообуздание с молитвою.

2. Сребролюбие — мать идолослужения подавляет нестяжательность, заботу же о потребках тела отсекает надежда на Бога.

3. Блуждающий ум остепеняет чтение Словес Божиих, и бдение с молитвою.

4. Набег гнева укрощает благодушие и псалмопение.

5. Уныние прогоняют терпение и слезы, печаль же мирскую заставляет молчать отвращение от чувственных удовольствий.

6. Страннолюбие подается смиренномудрием и нелюблением любоначала и преимуществ пред другими. Гордость же, сие древнее зло, мерзость пред Господом, то, чему Бог противится, — усмиряет только безмерное смирение, говорящее: я земля и пепел (Быт. 18, 27), и еще: аще не Господь созиждет дом, всеу трудится зиждущий, всеу бдит стрегущий (Пс. 126, 1).

7. Как невозможно очистить мутную воду, не сделав ее неподвижною, так невозможно монаху узнать свое устроение внутреннее без безмолвия.
8. Как невозможно ратоборцу увенчаться венцом победы, не вступая в ратоборство, так невозможно быть христианином без подвигов.
9. Как невозможно чашам весов стоять ровно, когда одна обременена тяжестью, так невозможно исполнить заповедь Божию, когда преобладает плотское мудрование.
10. Как невозможно научиться искусству, не упражняясь в нем усердно, так невозможно стяжать молитву, не приседа Богу в правости сердца.
11. Не стяжавший чистой молитвы не имеет оружия к брани.
12. Кто ходит нарядно, а между тем пуст от добродетелей Божиих, тот есть жилище демонов.
13. Как не станет жить в доме бедняка царь, так Христос не возобитает в душе, оскверненной грехами.
14. Как запущенное поле воздвывается тщательным трудолюбием, так душа, одичавшая во грехах, укрощается, если станет жить по закону Божию.
15. Как камень, глубоко в море лежащий, недоступен приражению волн, так и преуспевший в добродетелях и в них как бы погруженный, не будет поколеблен от диавола.
16. Как врач искусный тотчас придумывает врачевство для предлежащей болезни, так познание Бога, хранимое (в уме и сердце); научает причастника своего, как соблюсти себя (от падений) и на лучшее подвигнуться.
17. Как поток сам себе пролагает проход, так и грех, будучи воспринят, сам собою ведет стяжавшаго его в пагубу.
18. Как оленю, попавшему в сети, нет удобства убежать, так не избежит греха и тот, кто похоти питает, вращаясь в мире своем; ибо похоти лукавыя и сладкия суть неудоборазрешимые узы.
19. Как виноградную лозу, не дающую добрых плодов, срубают, чтоб не занимала понапрасну места, так и от Господа искоренится всякий, не творящий плодов Духа Святаго.
20. Как невозможно человеку, пораженному стрелою, остаться без вреда, так невозможно монаху, приившему худой помысл, не быть уязвлену от него.
21. Как человек, потерявший прямую дорогу, блуждает на чужой стороне, не зная, куда направиться, так блуждает и человек, не верующий в единосущную Троицу.
22. Как человек, на многое разделяемый, един есть естеством, так и Святая Троица, хотя и именами и ипостасями разделяется, но естеством едина есть. Естества Божия не постигнешь, хотя бы ты и на крыльях воспарял к Нему. Бог непостижим, яко Творец наш.
23. Как уготовляемый сосуд не знает естества того, кто уготовляет его, так и человек не может познать естества Божия.
24. О Троице не испытай, но веруй только и поклоняйся, ибо, кто испытует, тот не верует.
25. Стяжите премудрость, а не серебро, сотворите себе паче светлое одеяние Христа Господа нашего, нежели всякую виссонную одежду, потому что стяжания не принесут пользы в день смерти.
26. Как огонь поядает терние, так пожираем будет всякий грешник вечным огнем, но умереть не может; ибо будет мучиться безсмертно.
27. Нет ничего великаго в том, если мы сделаемся праведными; ибо в таком случае мы станем лишь такими, какими созданы были от Бога в начале, добрыми зело.

28. Живущий не по естеству, не соблюдает заповедей Божиих.
29. Вся мудрость в том, чтоб бояться Господа: всякая же наука, не учащая закону Господню, есть буйство и неразумие.
30. Не избавят от вечного огня вера и крещение, без дел правды. Если ты сочетался со Христом, соблюдай заповеди Его, и если веришь в будущее, старайся заработать вечную славу и бойся меча огненного. Если же ты не соблюдаешь заповедей Божиих, то не называй себя верным.
31. Всякая тварь повинуется воле Божией; один человек дерзает не повиноваться Тому, Имже вся быша.
32. Богу ничего мы не доставим, если соблюдем себя чистыми, себе же самим стяжем жизнь вечную и наслаждение неизреченными вечными благами.
33. Не говори: не могу соблюсти заповедь Божию, по причине препятствия от отца, или от матери, или от жены, или от чад, или от другого кого; ибо они не избавят тебя от гнева грядущаго, и от червя неусыпающаго. Да будет же тебе всякий препятствующий тебе в стяжании Бога и добродетелей мерзостен и ненавистен; с таковым ниже да яси.

СВЯТЫЙ ЕФРЕМ СИРИАНИН

Св. Ефрем родился в первых годах четвертаго столетия в окрестностях Низибии, или в самом городе сем, от родителей не богатых. — Родители воспитали его в страхе Божием; но лета юности увлекли его к некоторым преткновениям нравственным; от чего далее начало помрачаться и его верование в Божие Промышление, и ему стало думаться, что все в нашей жизни происходит случайно.

От этих душевных настроений Божие Провидение уврачевало его очень чувствительным уроком. Его обвинили в покраже овец и посадили в темницу. В одно время с ним посадили туда еще одного, — а там нашли они третьяго. Все они осуждаемы были, в настоящем случае, невинно. Проведя семь дней в этом заключении, св. Ефрем слышал во сне внушение, — что хотя в этом случае он не виноват, но страдает за прежние грехи; равно за прежние же страждут и созаклученники его. Проснувшись, он рассказал сон другим двоим, — и все, пересмотрев прошедшее, нашли, что действительно ими прежде сделаны были не добрые дела подобнаго же рода, — и прошли даром. Судья оправдал св. Ефрема, как это предсказано было ему опять в видении сонном.

Это обстоятельство, возставив в сердце св. Ефрема полную веру в бдящее над нам Око Провидения Божия, так поразило его, что он не медля оставил мир и удалился в окрестныя горы к отшельникам, где стал учеником св. Иакова, в последствии великаго Святителя Низибийскаго. Под его руководством св. Ефрем упражнялся в подвигах благочестия, изучал Слово Божие, и под влиянием того и другаго совсем изменился в нраве. Вместо гневливаго и колеблющагося сомнениями юноши св. Ефрем является здесь смиренным и сокрушенным пустынною, день и ночь оплакивающим свои грехи и совершенно преданным путям Провидения.

Св. Иаков, зная высокия достоинства своего ученика, и когда стал Епископом, пользовался его способностями в деле управления Церкви, поручая ему проповедь Слова Божия, обучение детей в училище, брал его с собою на первый вселенский Собор в Никею, и по возвращении делал соучастником в распоряжениях своих и молитвах об избавлении города от нашествия Сапора Персидскаго (337 г.).

По кончине св. Иакова (338 г.), св. Ефрем вздумал посетить родину матери своей, город Амиду, находившийся тоже в Месопотамии и пробыл у нее несколько времени. Оттуда повлекло его в

Едессу желание поклониться тамошним святыням: ибо там хранилось ответное послание Христа Спасителя к Авгарю; отсюда сделался известен Нерукотворенный Образ Христов; там почивали мощи Ап. Фаддея, просветившаго верою Царя, город и всю страну; а окрест города процветала иноческая жизнь.

Прибыв в сей город, св. Ефрем тут и остался. Не имея чем жить, он нанялся в работники у содержателя бани. Дело это не соответствовало его настроению и целям; но он ждал указания свыше, которое и не замедлило. Свободное от молитвы и лежавших на нем работ время он употреблял на беседы с язычниками. Во время одной из таких бесед случайно слушал его один старец из пустыни, который, судя по высокому достоинству сих бесед, справедливо заключил, что св. Ефрем не на месте. Почему, дождав конца беседы, вступил с ним в разговор, и узнав о его подвижнических стремлениях, предложил ему вступить в какую либо из окрестных обителей, на что св. Ефрем тотчас и согласился.

Удалившись в горы, он нашел здесь все, чего искала душа его. Там много было великих подвижников, которых вся жизнь проходила в молитвах, псалмопении и славословии Богу; они не имели другаго убежища, кроме пещер; не употребляли и обыкновенной пищи, а питались единственно растениями. Видя все это, св. Ефрем со всем усердием восприял и себе такой порядок жизни, к трудам подвижническим и молитвенным приложив только неутомимое занятие изучением Слова Божия. Душа его скоро сблизилась с этими любителями пустыни; но особенно подружился он с подвижником Иулианом, который одинакового с ним был сокрушеннаго духа, и одинаково любил изучение Божественнаго Писания.

Непрестанно занимаясь изучением Слова Божия, св. Ефрем почерпал из него умиление и мудрость. Но сокровища его познания, по большей части, оставались сокрытыми от других, по смирению его, и, может быть, потому, что они были еще плод его собственных усилий умственных, а не особеннаго учительнаго дара, который не любит укрываться, но требует щедрнаго разливания учения на всех. Скоро ниспослан был сей дар, как открыто было тому же прозорливому старцу, который извлек св. Ефрема из города, в видении светлаго Ангела, вложившаго некую таинственную книгу в уста св. Ефрема. С сего времени душа его, напоенная живою водою ведения Бога и Божественных вещей, начала изливаться неудержимым потоком умилительных наставлений. Согретья живым чувством, и исходившия от полноты сердца, освященнаго благодатию Божиею, слова его были исполнены помазания духовнаго. Чудно плодились в устах его самыя убедительныя увещания, трогательныя обличения самому себе и другим, мудрыя правила и советы, и часто вдруг неожиданным полетом благоговейная мысль его возносилась к Богу, чтобы исповедать славу Его любви безпредельной, или просить у Него прощения грехов. Примеры и изречения Библейския, опыты из жизни подвижнической, притчи и сравнения из царства природы, все было готово и являлось само собою в его простых, безыскусственных беседах.

Но не одни только нравственно—духовные и подвижнические уроки составляли предмет его творений. Не мало потрудился он и в истолковании Св. Писания, и еще более в изложении догматов, преимущественно с тех сторон, против которых погрешали современные и предшествовавшие еретики.

В таких трудах прошла вся его жизнь, — и уже приближалась к концу, когда пришло ему желание повидать Египетских подвижников, и посетить великаго Архипастыря Каппадокийскаго Василия

Великаго. Взяв с собою ученика, умевшаго говорить по-гречески, он достиг Средиземнаго моря и сел в корабль. Молитва и упование на Бога избавили его и плывших с ним от потопления. Гора Нитрийская приняла его, как желаннаго гостя, и доставила ему утешение видеться с великим Паисием, с которым провел он в беседе шесть дней, — с Иоанном Коловом и другими старцами. Кроме Нитрии он посетил и другия места, подвижниками населенныя, и везде оставил по себе память сердечную, как о муже Богопросвещенном, и сам вынес оттуда поучительные уроки о жизни и правилах скончавшихся и еще живых подвижников Египетских.

На возвратном пути из Египта св. Ефрем вознамерился посетить Кесарию Каппадокийскую, чтоб видеть св. Василия Великаго. Первое их свидание было в храме. Св. Ефрем вошел в храм, когда св. Василий Великий предлагал поучение народу, и получил удостоверение о высокоблагодатном состоянии его. Извещен был Духом Святым и Василий Великий о св. Ефреме, и пригласил его к себе во святилище. После краткаго здесь объяснения и взаимно приветствия, беседа продолжалась в доме касаясь разных предметов. Кесарийский Святитель хотел облечь св. Ефрема саном Пресвитера; но смиренный Едесский инок ни за что не согласился принять на себя сей сан и св. Василий мог только посвятить его в диакона, в Пресвитера же посвятил ученика его. Впоследствии св. Василий присылал в Едессу двух учеников своих с приглашением св. Ефрема на кафедру Епископа; но св. Ефрем притворным сумасшествием отклонил от себя эту честь, по смирению считая себя недостойным ее. По возвращении в Едесскую свою пустынь, св. Ефрем хотел остаток жизни провести в уединении. Но Промысл Божий еще раз вызвал его на служение ближним. Жители города страдали в это время от голода. Св. Ефрем сильным словом склонил богатых облегчить страдания бедных, взяв на себя труд — распорядиться их пожертвованиями. Это был последний подвиг его для Церкви. По возвращении из города в горы, он скоро заболел, и, написав завещание, мирно скончался в 372 или 373 году. Скончался он на руках своих учеников и любивших его Едесских жителей; при многочисленном стечении народа, клира и пустынников, тело его предано было земле; но несколько времени спустя нетленные останки его перенесены были в храм.

Греческое Добротолюбие ничего не имеет из св. Ефрема. Мы считаем несправедливостию лишить свой сборник сокровищ его учения. Почему решаемся выбрать назидательнейшее из его творений под следующими оглавлениями:

- 1) Увещание к покаянию и содеванию спасения.
- 2) Уроки о покаянии.
- 3) Общее очертание жизни посвятивших себя на угождение Богу и содевание своего спасения.
- 4) О добродетелях и страстях.
- 5) О борьбе с восьмью главными страстями.
- 6) Общие уроки о подвижнической жизни.
- 7) Ко всему сему прибавляется, как перечень всех уроков 50-е слово: советы подвижникам, с присовокуплением подобных же советов и из 55-го слова.

(Выборки делаются по изданию Писаний св. Ефрема, в ряду творений Св. Отцев. Цитаты каждаго отдела указаны после его оглавления).

1. Увещание к покаянию и содеванию спасения. (Т. I, стр. 55—131)

1. Приидите, возлюбленные, займемся куплею, пока еще длится день купли. Приидите, приобретем

вечную жизнь, купим спасение душ наших. Возьмемся за прекрасную мысль, возжелаем Царства и рая.

2. Подвизайтесь в этот единонадесятый час; спешите, чтоб не остаться вне затворенных дверей. Вечер близко и Мздовоздаятель идет с великою славою воздать каждому по делам его. Покаемся, братие, пока есть время.

3. Послушайте, что говорит Господь: радость бывает на небесах о едином грешнице кающемся (Лук. 15, 10). Для чего предаешься нерадению, грешник? Для чего влагаешься в нечаяние? Если на небе бывает радость, когда каешься; то чего тебе страшиться? Ангелы радуются, а ты предаешься нерадению? Архангел возвещает покаяние, — а ты будешь бояться? Нераздельная покланяемая Троица призывает тебя, а ты воздыхаешь!

4. Поплачем не много здесь, чтоб не плакать там, вечно мучась. Пришествие Христово внезапно, как страшная молния. В оный час каждый воспримет по делам своим; каждый пожнет, что посеял. Все непокровенными предстанем судилищу Христову, — и каждый даст Судии ответ за себя. В тот час никто никому не в состоянии помочь. Каждый со страхом и трепетом будет стоять в ожидании услышать Божий приговор.

5. Для чего оставляем в небрежении Святое Писание и Слова Христовы? Слышите, что говорит Господь: слово, еже глаголах, то судит вам в последний день (Иоан. 12, 48). Какое это Слово? Святое Его Евангелие и прочия Святыя Писания Св. Пророков и Апостолов. Не будем же оставлять в небрежении написанного. Ибо небо и земля мимоидут, словеса же Христовы не мимоидут (Мф. 24, 35).

6. Приидите же, возлюбленные, ввергнем себя в море щедрот Божиих, пока не наступил тот страшный день. Сам Бог призывает нас: приидите ко Мне вси... и Аз упокою вы (Мф. 11, 28). Всех приглашает; ибо всем хочет спастись. Не колеблись никто; ибо говорит — грядущаго ко Мне не изжену вон (Иоан. 6, 37). — А грядущий к Нему кто есть? Кто слушает Слово Его и заповеди Его исполняет. Послушаем же и повинемся Ему: ибо страшно впасть в руце Бога живаго (Евр. 10, 31).

7. Покайся, грешник, с дерзновением взирая на безмерное человеколюбие Христа, рекшаго: не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние (Мф. 9, 13). Покайся, пока время есть, чтоб не быть постыждenu на страшном суде, где со страхом будут предстоять тысячи тысяч Ангелов и Святых, — раскроются книги дел, и тайное делается явным, — Судия силен, судилище неумолимо, — дела пред глазами, — и огненная река. Размысли обо всем этом, и поспеши спастись.

8. Чего ждешь? Что у тебя в мысли? Другой разве кто будет отвечать за тебя? Не знаешь разве, что каждый сам за себя даст ответ Богу, — каждый пожнет, что посеял, — каждый понесет собственное свое бремя? Расточи же сие бремя грехов, пока еще есть время.

9. Однажды навсегда отрекся ты от сатаны и всех дел его, и при многих свидетелях вступил в завет со Христом. Помни об этом и не забывай. Ибо ведай, что в тот же час Ангелы записали слова твои, — и обеты твои, и отречение, и хранят то на небесах до страшнаго дня суднаго. В день суда они принесут рукописание твое и слова уст твоих пред страшное судилище. И услышишь тогда: от уст твоих сужду тя, рабе лукавый (Лук. 19, 22). Будь же милостив к себе и пощади душу твою.

10. Посмотри на других, как они подвизаются, как стараются спастись, сколько употребляют усилий на всякое доброе дело, как оберегают себя от всего худаго, как возлюбили путь узкий и тесный — постятся, бодрствуют, злостраждут и плачут, — уста их всегда воспевают и славословят Жениха, очи

их всегда зрят красоту Его, и души их веселятся.

11. Подумай и смотри: се Жених уже приближается. — Он грядет увенчать подвизавшихся законно и возлюбивших узкий и тесный путь; грядет помиловать милостивых, — сделать блаженными обнищавших и исполнить благ алкавших и жаждавших ради Его; грядет во свет привести тайная тмы и объявить советы сердечные (1 Кор. 4, 5), — и воздать каждому по делом его (Рим. 2, 6).

12. Наконец внезапно раздастся вопль; се Жених! (Мф. 25, 6). Се ожидаемая радость, похвала праведных, Солнце правды! Се Жених, — исходите во сретение!

13. Тогда те, у кого светильники светло горят и чиста одежда, пойдут во сретение Его с веселием и дерзновением, радуясь и надеясь, что светильники их не угаснут. А с тобою — что будет? Примечая, что светильник твой угасает, в ужасе и скорби, обратишься ты к первым с прошением, — дать тебе несколько елей, — и услышишь: поди к продающим и купи (Мф. 25, 9).

14. Пойдешь, — и не найдешь, где купить; ибо купля жизни уже кончена. Тогда в крайнем смущении, плача и сетуя скажешь себе: «пойду, ударю в двери милосердия Христова. Может быть, милосердый Господь и отворит мне их?» — Идешь, — ударяешь; но Жених изнутри отвечает тебе: аминь глаголю тебе: не вем тя (—12). Отойди от Меня делатель беззакония. Ты не миловал, и не будешь помилован. Ты питал плоть свою, и запятнал одежду свою нечистотами; как же хочешь взойти сюда и осквернить Царство Мое? Ты выполнял волю диавола, Мою же волю отвергал; нет тебе части со Мною. Иди, от Мене во огонь вечный (Мф. 25, 41).

15. Слыша это, будешь стоять пристыженный. — В то же время дойдет до ушей твоих глас радования и веселия; узнаешь голос каждого из друзей своих, и горько воздохнешь тогда, говоря: увы мне несчастному! Какой славы лишился я, и от какого содружества отлучен за злыя и непотребныя дела свои! — Но воистину праведен суд Божий; воистину праведно терплю я такое лишение. Они жили воздержно, а я гонялся за всякаго рода удовольствиями; — они пели псалмы, а я распевал срамныя песни; они молились, а я лежал в безопасности, или гулял; они плакали, а я смеялся. — За то они теперь радуются, а я сетую; они веселятся, а я плачу; они будут царствовать со Христом в безконечные веки, а я с Антихристом ввержен буду в огонь вечный. Увы мне, несчастному!

16. Это и подобное сему будешь говорить тогда, терзаясь и никакой не получишь от того пользы; потому что нет там пользы и в покаянии. — Восприимем же наконец попечение о спасении души: ибо это есть единое на потребу (Лук. 10, 41).

17. Требует своего попечения и тело, но не много; о душе же попечение должно быть непрестанное; ибо душа всего выше. Состоишь из души и тела; и давай душе — душевныя снеди, а телу — телесныя. Не дай душе умереть, но питай ее Словом Божиим, псалмами, пениями и песнями духовными, чтением душеспасительных Писаний, постом, бдением, молитвами, слезами, надеждою и помышлениями о будущих благах. Все сие и подобное сему есть пища и жизнь для души.

18. По всему пространству Писания ублажаются одни идущие узким путем, вступившим же на путь широкий и пространный везде предсказывается горе. Оставим же путь широкий, ведущий в пагубу, и вступим на узкий, чтоб, потрудившись не много здесь, царствовать в безконечные веки. Потрудимся, всегда имея пред очами Грядущаго судить живых и мертвых, и непрестанно содержа в памяти вечную жизнь, нескончаемое царство, ликостояние с Ангелами, пребывание со Христом.

19. Не увеселяйся цветами жизни. Пусть в устах у тебя будет всегда псалом; потому что произносимое имя Божие обращает в бегство бесов. Если и к работе простираешь руку, пусть язык

твой говорит псалом, а ум молится. Сам Господь убеждает всех здесь готовить себя к другой жизни.

Так и будем делать; и если согрешим преткнувшись, уврачуем то слезами, пока есть время покаянию. Время покаяния коротко; Царствию же небесному нет конца.

20. Мы ублажаем Святых и желаем себе их венцев, но не хотим подражать их подвигам. Или думаете, что они удостоились венцев даром, без трудов и скорбей? Угодно ли послушать, какое упокоение имели Святые в жизни сей? Избиени быша... приидоша в милотех... лишени, скорбяще, озлоблени... и проч. (Евр. 11, 35—38). Хочешь вместе с ними вечно царствовать? — Иди путем их.

21. Отцы наши, как светила, осияли всю землю, пожив на ней среди терний и волчцев, среди еретиков и людей нечестивых, как многоценные камни и дорогая жемчужины. По причине высокого и чистаго их жития самые враги сделались подражателями их. И кто не приходил в сокрушение, видя их смирение? Здесь они подвизались, а там радуются; потому что и Бог прославлялся в них, и люди от них назидались.

22. Нашей же жизни течение, оставив прямые пути, идет по стремнинам и местам не гладким. Не видим человека, который бы ради Бога совсем оставил имение, и для вечной жизни вполне отрекся от мира. Нет ни кроткаго, ни смиреннаго, ни безмолвнаго. Никто не воздерживается от оскорбления, никто не терпит злословия; но все склонны к гневу, любят прекословить, все ленивы и раздражительны, и заботятся о нарядных одеждах, все тщеславны и славолюбивы, все самолюбивы.

23. Слышим, что Сам Бог — Слово за грехи наши пригвожден ко древу и умерщвлен, — и смеемся, предаваясь рассеянию. Солнце, не терпя поругания Владыки, изменило светлость свою во тьму; а мы не хотим выдти из тьмы нашей греховности. Завеса Храма, ни мало не согрешив, раздралась сама собою; а мы не хотим, чтоб сердце наше раздиралось сокрушением о грехах наших. Покаемся же наконец, братие, чтоб умилоствить Бога о грехах своих.

24. Боюсь, чтоб день оный не застал нас внезапно, и чтобы мы, оказавшись нагими, бедными и негодными, не были отвержены. Ибо это самое было с жившими во дни Ноевы: ядяху, пияху, женихуся, посягаху, куповаху, продаяху, пока не прииде потоп, и погуби вся (Лук. 17, 27. 28).

25. Кто хочет спастись, тот ревнуй о спасении, и кто желает войти в Царство, тот не будь нерадив. Кто хочет избавиться огня геенскаго, тот подвизайся законно; кому не желательно, чтоб бросили его червю неусыпающему, тот трезвись. Кому желательно войти в брачный чертог и возвеселиться, тот заготовь светлогорящий светильник и елей в сосуде. Кто ожидает, что пригласят его на оный брак, тот приобрети себе светлую одежду.

26. Град Царя полон веселия и радования, полон света и услаждения, и обитающим в нем, вместе с вечною жизнью, источает всякия утешения. Кому угодно жить в одном городе с Царем, тот ускори свое шествие; ибо день преклонился, и никто не знает, что встретится на пути. Как иной путник, хоть знает, что длинен путь, но прилегши спит до вечера, а потом проснувшись, видит, что день уже преклонился, и едва начинает шествие, вдруг туча, град, громы, молнии и отовсюду беды, и он не в состоянии, ни до ночлега дойти, ни воротиться в прежнее свое место: так и мы потерпим тоже самое, если вознерадим во время покаяния. Мы пресельники и пришельцы (Пс. 38, 13). Постараемся же во время войти в свой град и отечество.

27. Мы, братие, духовные купцы, — ищем многоценную жемчужину, которая есть Христос наш Спаситель, — некрадомое сокровище. Не будем же лениться, ища приобрести сию жемчужину.

Блажен, троекратно блажен, кто поревновал приобрести ее; но крайне жалок и беден, кто вознерадел — и сам приобрести общего нам Творца, и от Него быть приобретенным.

28. Не знаете разве, что мы розга истинной виноградной Лозы, которая есть Господь? Смотрите же, чтоб кто из нас не оказался бесплодным. Отец Истины, возделывая виноградник Свой, с любовью ухаживает за теми, которые приносят плод, чтоб приносили еще больше плода; а кто не творит плода, тех посекает и извергает вон из виноградника, на пожжение огнем. Будьте же внимательны к себе, чтоб, оказавшись бесплодными, не были вы посечены и преданы огню.

29. Мы также — доброе семя, посеянное Зиждителем неба и земли, Домовладыкою — Христом. Вот пришло уже время жатвы, и серпы в руках у жнущих: они ожидают только мановения Владыки. Смотрите же, как бы не оказаться нам плевелами, не быть связанными в снопы и брошенными в огонь на вечное горение (Мф. 13, 30).

30. Не знаете разве, что Царь царствующих призвал нас на брак в чертог Свой? Почему же предаемся нерадению и не стараемся добыть себе светлую одежду, и ясно горящие светильники и елей в сосудах наших? Как не разсудите, что никто не входит туда обнаженным? А если поупорствует кто войти, не имея брачной одежды; то знаете, что таковой потерпит? По повелению Царя, свяжут ему руки и ноги, и бросят его во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов (Мф. 22, 13). Боюсь, чтоб плотские страсти не извергли из брачного чертога нас, приряженных только совне.

31. Какой Отец столько сострадательн? Какой Отец столько милостив? Какой Отец так любит, как наш Владыка, изъявляющий любовь к нам рабам Своим? Всем снабжает, все припасает с избытком, душевные наши язвы врачует, и долготерпит, оставляемый нами, желая, чтоб все сделались наследниками Царства Его; отпускает грехи грешнику, возбуждая его к усердию, скоро внемлет немощному, чтоб не малодушествовал. Он мог бы силою преложить нас на благое, но не хочет сего, чтобы наше произволение не лишилось похвал Его. Мы ли вознерадим о благоугождении Ему, когда Он так любит и милует нас? Он искупил и просветил очи ума нашего; Он даровал нам познание о Себе, дал вкусить сладости Своей, чтобы вполне взыскали мы Его. Блажен, кто вкусил любви Его; он приготовил себя чрез сие к непрестанному ея вкушению.

32. Кто не возлюбит такого Владыку? Кто не исповедует и не поклонится благодати Его? Какое же оправдание будем мы иметь в день суда, если вознерадим? Или что скажем Ему? То ли, что не слышали, или не знали, и не научены? Но во всю землю изыде вещание Его. Что надлежало сделать, и Он не сделал для нас? Не сошел ли Он для нас с безмерной высоты, из благословенного недра Отчаго? Он невидимый не соделался ли для нас видимым? Он — Огнь бессмертный не воплотился ли нас ради? Он бессмертный не умер ли за нас, чтобы нас оживотворить? Не погребен ли, чтобы нас воскресить с Собою? Он освободил нас от врага, связав его и дав нам силу наступать на него. Когда призывали мы Его, — и не услышал нас? Когда ударяли в двери, и не отверз нам? Если же и медлил когда, то чтоб увеличить награду нашу. Приводя все сие на мысль, кто останется в нерадении и безопасности, оскорбляя тем такого Владыку?

33. Вникни и вот во что, брат! Тех братий, которые вчера были и беседовали с нами, сегодня с нами уже нет; они позваны к Господу своему и нашему, чтобы каждый из них показал свою куплю. Видишь, что вчера и что сегодня: как вчера миновалось, подобно утреннему цветку; так пройдет и сегодня, подобно вечерней тени. Разсмотри же куплю свою, успешна ли она по Богу? Подобно скомороху бегут дни наши. Блажен, кто со дня на день приобретает большую прибыль от купли

своей, и собирает в жизнь вечную. Ты же, что нерадишь, возлюбленный? Что ленишься? Что упиваешься унынием (разлениением), как вином?

34. Представь, что два путника, из которых каждый идет к себе в дом, встретившись друг с другом на дороге, когда застиг их вечер, остановились оба в обители (гостиннице), до которой дошли, и по наступлении утра разлучились друг с другом; каждый из них знает, что у него в доме его, — богатство или бедность, покой или скорбь. Тоже и с нами бывает в этом веке; потому что жизнь сия подобна обители (гостиннице), из которой, отходя в свое место, разлучаемся, и знаем, что у нас впереди. Ибо каждому не безызвестно, что предпослал он на небо, например, молитву слезную, или частое бдение, или сокрушенное псалмопение, или воздержание со смиренномудрием, или отречение от земного, или нелицемерную любовь и приверженность ко Христу. Если это предпослал ты, то держай; потому что отходишь в покой.

35. Тебе дается время на покаяние, а ты нерадишь о покаянии. Разве смерти скажешь: «подожди, дай мне покаяться». Отрезвись же, возлюбленный, отрезвись. Как сеть найдет на тебя последний час, и тогда в ужас начнешь вопить: «увы! в рассеянности протекли дни мои. В неуместных помыслах иждил я время свое!» Но какая будет польза помышлять так в час смерти, когда уже не дозволяется тебе оставаться долее в веке сем? Теперь лучше вникни умом своим в слова сии, и соответственно силе их устрой жизнь свою.

36. Кто не станет плакать, кто не будет скорбеть, кто не придет в ужас от того, что Владыка вселенной и Сам и чрез рабов Своих, — Пророков, Апостолов, — проповедует и вопиет, но нет послушающих? — «Брак готов, взывает Он, упитанная Моя исколена (Мф. 22, 4). Жених со славою и великолепием восседает в брачном чертоге, и с радостью принимает приходящих; дверь отверста, слуги изъясляют свое усердие. Пока не затворена дверь, спешите войти; иначе останетесь вне, и некому будет ввести вас». — И нет разумевающего; никто не прилагает старания; леность и заботы века сего, подобно цепям, оковали ум наш. Божественныя Писания исписываем мы правильно, и читаем правильно, а правильно их послушаться не хотим; потому что не угодно нам исполнять то, что в них повелевается.

37. Как среди ночи, когда род человеческий погружен в сон, внезапно бывают иногда с неба великий шум, и ужасные громы, и страшныя молнии с землетрясением, и спящие приходят вдруг в ужас; так в оный час, подобно самой быстрой молнии, внезапно ужасающей всю землю; страшно вострубит с неба труба, пробудит спящих, возставит от сна усопших от века: небеса сии и силы небесные подвижутся (Мф. 24, 29), и вся земля, как вода в море, восколеблется от лица славы Его; потому что страшный огонь предыдет пред лицом Его, очищая землю от оскверняющих ее беззаконий; ад отверзет вечныя врата свои, смерть упразднится, а согнившая персть естества человеческого, услышав трубный глас, оживотворится. Тогда праведные возрадуются и преподобные возвеселятся; совершенные подвижники утешены будут за труд подвига своего; Мученики, Апостолы и Пророки увенчаются. Блажен, кто сподобится в оный час со славою восхищен быть на облацех в сретение бессмертного Жениха (1 Сол. 4, 17). Как здесь каждый возрастил крылья свои, так там воспарит в горня; как здесь очистил каждый ум свой, так там увидит славу Его, и в какой мере возлюбил Его каждый, в такой там насытится любовью Его.

38. Воспомню я об оном часе, и содрогнулся; помыслил об этом страшном суде и пришел в ужас; помыслил о веселии райском и, возстенав, предался плачу и плакал, пока не осталось уже во мне

силы долее плакать; потому что в лености и разсеянии провел дни свои, и в нечистых помыслах изжил годы свои, — и не уразумел, как унеслись, не почувствовал, как протекли они; оскудели дни, а беззакония мои умножились. Увы! что мне делать в оный час, когда окружают меня знакомые мои, которые, видя меня в этом образе благочестия, ублажали меня, между тем как внутренно полон я был беззакония и нечистоты и забывал испытующаго сердца и утробы Господа. — Там действительный стыд, и жалок, кто там постыжден будет. — Щедротами Твоими заклинаю Тебя, о Человеколюбивый и Благий, не поставь меня на левой стороне с преогорчевающими Тебя козлицами, не скажи мне: не вем тя, но по благоутробию Твоему дай мне непрестанныя слезы, дай сокрушение и смирение сердцу моему, и очисти его, чтобы соделалось храмом благодати Твоей.

39. Умоляю единомыслие ваше, возлюбленные мои братия; постарайтесь благоугодить Богу, пока есть время; плачьте пред Ним день и ночь в молитве и псалмопении вашем, чтобы избавил Он нас от онаго нескончаемаго плача, и от скрежета зубов, и от огня геенскаго, и от червя неусыпающаго, и чтоб исполнил нас радостью в Царстве Своем, в жизни вечной, откуда отбеже печаль, болезнь и воздыхание, — где всегда радость, и веселие, и восторг, и трапеза, исполненная духовных снедей, какую уготовал Бог любящим Его. Блажен, кто сподобится ея; и жалок, кто лишится ея.

40. Богатый возглагола, и вси умолчаша, и слово его вознесоша до облак (Сир. 13, 28). А нам глаголет Бог во Св. Писаниях, мы же не хотим умолкнуть и послушать; напротив того, кто говорит, кто дремлет, а иной кружится помыслами где нибудь вне. Но что говорит Писание? Отвращаяй ухо свое не послушати законов Всевышняго, и сам молитву свою осквернил (Притч. 28, 9).

41. Емлись за вечную жизнь, к которой ты призван, пред многими свидетелями, исповедав доброе свое исповедание: еще бо мало елико елико, Грядый приидет и не укуснит (Евр. 10, 37).

42. Бойся Господа всею силою твоею, и не соревнуй делам нечестивых; потому что огонь их не угаснет, и червь их не умрет (Мар. 9, 44).

43. Не верь лукавому, который внушает тебе обманчивые помыслы, говоря: «еще ты молод, еще много лет должно тебе жить; потому теперь веселись и не печаль души своей, — в старости своей должно тебе приносить покаяние». — Ужели ты так неразумен, брат, и не знаешь, что лукавый обманет тебя в этом? Если не каешься ты в молодости и в возрасте полном сил, когда в состоянии перенести всякий труд и выдержать подвиг; то состарившись не будешь ли представлять в предлог безсилия старости? — А если еще в юности твоей похищен будешь отсюда, что тогда делать тебе? Поэтому оставь путь вражеский и послушай голоса истиннаго Владыки, Который сказал: бдите убо и молитесь, яко не весте дне, ни часа (Мф. 25, 13).

44. Приидет, приидет и не замедлит страшный тот час, в который мы истязуемые не будем иметь оправдания. Ибо что будем в состоянии ответить Господу? что еще оставалось Ему сделать для нас, и Он не сделал? — Не видели разве Бога — Слова смирившимся в образе раба, чтоб и мы сделались смиренными? Не видели разве недомыслимое Его Лице оплеванным, чтоб и мы оскорбляемые не ожесточались? Или не видели, как святой хребет Его предан был бичеванию, чтоб и мы покорно несли иго послушания? Или не видели, как Лице Его было заушаемо, чтоб мы, уничижаемые не приходили в ярость? Или не слышали, как говорит Он: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29), чтоб и мы стали кроткими и смиренными, а не завидовали друг другу, не угрызали, и не поядали друг друга? Какое же оправдание дадим мы Ему?

45. Знаю, что помиловал Бог многих покаявшихся; но большая часть из них грешила по неведению.

Знаю, что простил Бог многих; но они многих имели пред Ним за себя предстателей. — Читаю написанное о Коре и Дафане, и прихожу в ужас, видя, как Бог наказал их за Моисея. Разсуждаю о том, что написано о Мариаме, сестре его, как она за одно слово, сказанное Моисею, вся покрылась проказою, — и содрогаюсь. Если такое постигло наказание за святого человека, то какое будет истязание за вечного Бога? Каин, убивший брата, подвергается столь долговременной казни; что же будет с оскорбившими Бога? Строг был приговор во время потопа, и боюсь, чтоб не подпасть одной участи с погибшими тогда. Бог прогневался за построение столпа, который не мог быть совершен, что же сделает за собственное падение? Я покаялся, но не знаю, умилиствовал ли Бога? Умоляю и Святых; но, может быть, не приемлются их молитвы; ибо слышу Иезекииля, который говорит, что ни Ной, ни Иов, ни Даниил не успеют в просимом ими (Иезек. 14, 18).

46. Из Отчаго недра снисшедший и сделавшийся для нас путем спасения, Господь Божественным гласом Своим воодушевляет нас на покаяние, говоря: не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние (Мф. 9, 13). — Еслиб я это говорил, ты мог бы не послушать меня. Но если говорит сие Сам Господь, то почему пренебрегаешь сим, не радя о жизни своей? Если сознаешь в себе, что во внутренности твоей есть язва помыслов и дел, то почему не радишь о сокровенных язвах твоих? Врача ли боишься?! Но Он исполнен благодати и милосердия. Для тебя пришел Он из Отчаго недра. Для тебя воплотился, чтобы приступил ты к Нему без страха; для тебя вочеловечился, чтоб исцелить твои тяжкия язвы. — И Сам призывает тебя к Себе с великою любовию и со всякою благодатию.

47. Отверста дверь покаяния; постарайся же, грешник, войти, пока она не затворена. Не будет она ждать тебя, если срок заключения ея, пришедши, застанет тебя пребывающим в нерадении. Почему возненавидел ты жизнь свою, несчастный? — Что выше души твоей, человек? Но ты, грешник, пренебрег ею. Не знаешь, возлюбленный, в который час небесный Врач велит затворить дверь Своего врачевания. Приступи, умоляю тебя, постарайся исцелиться. Он хочет покаянием твоим обрадовать небесное воинство. Солнце достигло уже вечерняго часа, и для тебя только медлит, чтобы ты достиг обители.

48. Долго ли будешь терпеть нечистаго врага своего, безстыдно исполняя волю его? Он хочет ввергнуть тебя в огонь. Вот о чем его старание! Вот дар его тем, которые любят его! Он всегда воюет со всеми людьми, поражая их худыми и нечистыми пожеланиями, и он же нечистый покорившихся ему доводит опять до отчаяния, ожесточает сердце, изсушает слезы, чтобы грешник не пришел в сокрушение. Всемерно отвращайся от него, человек, питая ненависть и омерзение к тому, что ему любезно.

49. Приступим, будем молиться, пока есть на сие время. Здесь, пока мы в этой жизни, всегда можем умилиловать Бога. Не трудно снискать нам прощение, пока благовременно для нас ударять в дверь Его милосердия. Прольем слезы, пока еще время принятию слез, чтобы, отшедши в тамошний век, не плакать бесполезно; ибо там ни во что не вменяются слезы.

50. Почему небрежем о спасении? Почему не желаем исцелиться, пока есть еще время? Ради не многих слез, пролитых в это время и ради покаяния Бог прощает все грехопадения. Поплачь не много здесь, чтоб не плакать там во век века во тьме кромешной. Будь благораскаян здесь, чтобы там не быть тебе ввергнутому в неугасимый огонь.

51. Многие Святые и Праведные совлеклись сего мира и дел его по доброму произволению свободы, и по благому упованию на заповеди Божии, убедаясь, что наслаются Божиими благами в раю

сладости. Возлюбив Христа, они предпочли Его всему тленному; почему ежедневно ликуют в Боге, просвещаются в Христе, непрестанно радуясь в Духе Святом. Веселится о них Св. Троица, веселятся о них Ангелы и Архангелы, веселится о них рай сладости.

52. Другие же погрязли в тленном и уподобились почти бессмысленным. — Что делаешь ты человек, проводя такую грешную жизнь? Бог создал тебя разумным: но делай же себя сам подобным бессловесным. Отрезвись сколько нибудь и приди в себя. — Ради тебя пришел с неба Всевышний Бог, чтоб вознести тебя с земли на небо. Ты позван на брак небеснаго Жениха: для чего же небрежешь? Для чего медлишь? Скажи мне, как пойдешь на брак, не имея приличной брачному торжеству одежды? А если без нея войдешь; тотчас услышишь: друже, како вошел еси семо, не имый одеяния брачна (Мф. 22, 12). Свяжите его и бросьте в печь огненную. Ужели не боишься сего, не трепещешь и того, что близко время явиться Жениху во славе Своей? — Не знаешь разве, что все уже готово, и небесная труба ждет манования? — И что будешь делать в оный час, если не пригодишься к нему, как должно?

53. Во время смерти великий предстоит страх всем грешникам. Час разлучения доставляет радость всем Святым, всем праведным, всем подвижникам; но тот же час ввергает в печаль неусердных и слабых, приводя им на память их нерадение и беспечность в прошедшее время жизни. Тогда раскаяние ужасно мучит сердце человека, дотоле не имевшаго попечения о своем спасении. Мучительность раскаяния сего превышает самый страх смерти и разлучения. — Напротив того Праведные, Святые и Подвижники веселятся в час смерти и разлучения, имея пред очами своими великий труд своего подвижничества, бдения, молитвы, посты, слезы, возлежания на голой земле, и вретища; душа их ликовствует, потому что по разлучении с телом чае войти в покой. Но страшно явление смерти грешникам, и людям слабым, которые не заботятся о чистоте жизни в суетном мире. И весьма сильно печалит час разлучения человека грешнаго; ему вовсе не дозволяется сказать что либо за себя; повеление о часе том дается со строгостию.

54. Час разлучения не печалит того, кто освободился от всего земнаго; но печалит смерть человека любостластнаго; печалит грешника, печалит лениваго, который ленился делать угодное Богу; печалит многостяжательнаго, связавшаго душу свою попечениями мирскими; печалит богача, потому что невольно разлучает его с богатством его; печалит миролюбца, потому что разлучает его с миром. Все такие печалются в час смертный, потому что связаны мирскими попечениями. Но душе, свободной от мира и отрешившейся от попечений его о чем воздыхать и печалиться? Возжелала она свободы, взыскала ее, стяжала, — и пребыла всегда такою, мужественно шествуя по пути Божию, с готовностию делаю благоугодное Богу. — И ты, если всею душою прилепишься к Богу, то никогда не убоишься смертнаго часа; скорее же смерть и разлучение с телом обратятся для тебя в радость.

55. Благий Бог даровал нам просвещение ведения; а мы день ото дня отвергаем оное. Еслиб исполняли мы волю Божию, то были бы блаженны в час воздаяния, вместе со всеми творившими волю Его. Но, как не исполняли, то не будет нам никакого там оправдания; потому что все грешим имея ведение. Все мы испытываем Божий Промысл и все дары, какими ущедрил нас благий Бог. Благодать Его часто во всякое время посещает сердца наши, и если находит себе упокоение, то, вошедши, постоянно обитает в душе; если же не находит чистаго сердца, тотчас отступает. Но щедроты снова побуждают ее снизить и посетить нас грешных, потому что все мы изменяемы по произволению, но не по природе. Всегда мы рассеянны и слабы, завистливы и лукавы, часто думаем

друг о друге худо, занимаемся лукавыми помышлениями, и всегда, как в ужасной тине, погружены в помыслах. И когда благодать приходит посетить нас, встречает в сердцах наших зловоние нечистых помыслов, и тотчас отступает, не находя себе входа, чтоб вселиться и обитать в нас, как ей угодно. И разве только светоносною своею сладостию производит впечатление на сердце, чтоб ощутил человек, что благодать посещала его, но не нашла себе входа, чтобы таким образом усладившись озарением благодати, взыскал он ея. Впрочем сама благодать не может совершенно отступить от нас; потому что собственным своим милосердием побуждается всех миловать. Видишь ли Промысл Божий? Видишь ли милосердие Христово? Видишь ли, как Святый Бог всегда любит нас, и хочет, чтоб спаслись мы? Блажен человек, который всегда старается уготовать благодати чистое сердце, чтоб, пришедши, нашла она благоухание добродетелей и святыню души и обитала в нем в век века.

56. Блаженны те, которые, попавши в сети врага, успели разорвать его путы, и скрылись, бежав от него, как рыба, спасаемая из мрежи. Рыба, пока в воде, если, будучи поймана, прорвет сеть, и скроется в глубину, то спасется; а когда извлечена на сушу, не может уже помочь себе. Так и мы, пока еще в этой жизни, имеем от Бога власть разорвать на себе узы вражеской воли, и покаянием свергнуть с себя бремя грехов, и спастись в небесное царство. А если застигнет нас страшное оное повеление, и душа выйдет, и тело предано будет земле; то не в силах уже мы помочь себе, как и рыба, извлеченная из воды и заключенная в сосуде, не может уже оказать себе помощи.

57. Не будем ждать, пока придет смерть, чтоб не остаться нам в стыде в воскресение мертвых; когда Святые облечутся в светлую ризу, какую уготовали себе добрыми делами. Если увидим тогда себя не только обнаженными светлой славой, но и очерненными, исполненными зловония, то какой стыд овладеет тогда нами? — Постараемся же о том, чтобы не подвергнуться такой опасности, вступив в подвиг покаяния и очищения себя от страстей.

58. Грех есть тьма, а добродетель — свет. Грех, когда любят его и творят, чернит своих делателей; а добродетель, когда подвизаются в ней, преуспевших в ней делает светлыми.

59. Сотворим плод, благоугодный Богу, прежде нежели изыдет страшное повеление взять душу из тела нашего. Горе тогда оскорбившему Господа Бога нашего, и не покаявшемуся! Станет он искать времени, которое погубил в нерадении, — и не найдет. Восплачем же пред Господом Богом нашим, чтобы обрести у Него щедроты. Пока есть у нас время, побережемся, и снищем благословение Господне. Не о деньгах у нас забота; их если и лишится кто, может вместо них приобрести другия. У нас в опасности душа, если погубим ее, то не можем уже возратить (Мф. 16, 26. 27).

60. Дни наши бегут, и конец приближается. Восплачем пред Господом Богом нашим, пока не заключены во тьму кромешнюю. Тогда и многими слезами не можно будет возратить нам дни сии, если проведем их в нерадении, и ни мало не воспользуемся ими для спасения своего. Се ныне время благоприятно: се ныне день спасения (2 Кор. 6, 2). Блаженны трезвенствующие, потому что увенчаются они в радовании. Блажени плачущии ныне, яко тии утешатся (Мф. 5, 4), вместе с избранными Божиими. Блаженны трудящиеся о Господе, потому что их ожидает райское наслаждение.

61. И мы не оправдаемся делами других, и другие не будут осуждены за наши дела. Когда нас обнаженных и открытых представят Судии дать отчет в том, что нами поделано, тогда не осудят одного за другаго: кийждо бо свое бремя понесет (Гал. 6, 5).

62. Если на кого, сделавшего худое, донесено будет князю, то обвиняемый может еще спастись от

наказания, бежав в другое место; от лица же Божия куда убежим, по слову сказавшаго: камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси: аще возму криле мои рано, и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя (Пс. 138, 7—10).

63. Пойдем путем узким и тесным, любя сокрушение, чтоб пребывало в нас памятование смерти, и чтобы освободиться нам от осуждения. Ибо сказано: горе смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете (Лук. 6, 25). Блажени же плачущии ныне, яко тии утешатся (Мф. 5, 4). Заглянем в могилу, и увидим тайны нашего естества, — кучу лежащих одна на другой костей, черепы, обнаженные от плоти, и прочия кости. Смотри на них, увидим в них себя самих. Где красота настоящего цвета, где добротность ланит? Размышляя о сем, откажемся от плотских вожделений, чтоб не быть нам постыжденными в воскресение.

64. Каждый день ожидай исшествия своего, и готовься к сему пути: ибо в который час не ожидаешь, приидет страшное повеление; и горе не готовому! Прекрасно сокрушение сердечное; оно врачует человеческия души.

65. Как невозможно пловцам навсегда оставаться на корабле, и путнику, остановившемуся в гостиннице, не выдти из ней; так и нам невозможно вечно пребывать в жизни сей. Странники и пришельцы есмы. Будем же, взирая на сие мысленным оком, готовиться к преставлению из сей жизни.

66. Если был ты тружеником, то не скорби о приближении добраго переселения в другую жизнь. Возвращающийся домой с богатством никогда не бывает в печали.

67. Бог сотворил человека свободным; почему и предназначены ему почести и наказания, именно же, хорошо подвижающимся почести и венцы, а преступникам и небрежным — наказания и муки. Есть грех и к смерти (1 Иоан. 5, 16); смерть же готовит себе тот, кто коснеет в грехе, и от запрещенных дел не переходит к лучшей жизни.

68. Велик страх в час смерти, когда душа разлучается с телом; потому что в этот час разлучения предстанут душе дела ея, добрыя и худыя, какія деланы ею днем и ночью. В трепете, смотря на дела свои, говорит она им: отойдите, — дайте мне выдти. Дела же ея, все в один голос, отвечают ей: ты нас наделала, с тобою пойдем мы к Богу на суд.

69. Никому не известны день и час разлучения. Когда беззаботно ходим и веселимся на земле, внезапно застигает нас страшное повеление — взять душу нашу из тела. И отходит грешник в путь тот, в день и час, в который не ожидал, когда душа его, исполнена грехов и не имеет оправдания.

70. Не думай, брат, что проживешь еще много лет на земле, — и не разленивайся, поблажая греховным помыслам и делам. Повеление Господне придет внезапно и застигнет грешника не имеющим уже времени к покаянию и к получению прощения. — И что скажешь, брат, смерти в час разлучения?!

71. Непрестанно ожидай смерти, разлучения и предстания на судилище Господне. И как рачитель о спасении мудрый имей всегда уготованным светильник свой, — и ежечасно еще осматривай его в слезах и молитвах

72. День преклонился к вечеру; время наше на исходе; а мы, по неверию своему, думаем, что еще утро. Время приблизилось уже к жатве, кончается век сей; Ангелы в готовности держат серпы, и ожидают манования. Устрашимся возлюбленные! Уже одиннадцатый час дня, а путь еще далек.

Постараемся, чтоб нас застали в пути. Сделаемся бодренными, отрезвимся от сна.

73. Говори сам себе: «вон, братия наши работают, а мы с тобою проводим время в праздности, они, слушая Божественныя Писания напаяваются, как жаждущая земля дождем, а мы, и внутри затвора находясь, скитаемся помыслами все; они трезвятся, а мы нерадим; они бодрствуют в молитвах, а мы связали себя сном и леностию; они получили венец, а мы остаемся в своей лености; они благоугодны Господу, а мы угождаем миру. Чего ради не отрезвляемся, чтоб и себе получить награду?

74. Се дни, годы и месяцы проходят, как сон и как вечерняя тень, и скоро настанет страшное и великое пришествие Христово. — И воистину страшен день тот для грешников, не хотевших исполнять волю Божию и спастись. — Свергнем же наконец с себя попечение о земном, — и начнем готовиться к сретению дня того.

75. Все преходит, все исчезает, и ничто не принесет нам пользы в час тот, кроме добрых дел, какия здесь имеем. Каждый понесет тогда свои дела и слова к престолу праведнаго Судии. Сердце придет в трепет и внутренности изменятся, когда будет обнаружение дел, строгое исследование помыслов и речей. Кто не вострепещет, кто не будет плакать, кто не прольет слез, когда там обнаружится все, что каждый из нас сделал в тайне и во мраке.

76. В пояснение сего представляю вам в пример плодovitыя дерева, которые во время свое вместе с листьями дают плод. Не извне откуда нибудь облакаются деревья своим благолепием, но извнутри себя каждое дает плод по роду своему. Так и в оный страшный день все тела человеческия изведут из себя все, что сделано добраго и худаго; и каждый принесет к престолу грознаго Судии дела, как добрый и приятный плод, и слова, как листья. Святые принесут плод доброделания — прекрасный и драгоценный; мученики принесут прехвальное терпение в мучениях и озлоблениях; подвижники принесут труды воздержания, бдения и молитв. А люди грешные, нечестивые и оскверненные, со стыдом, плачем и сетованием, принесут туда плод скверны и неправд, — пищу для неусыпающаго червя и огня неугасимаго.

77. Почему же нерадим? Или не знаем, что нас ожидает? Зная же, чего ради не плачем день и ночь, умоляя Бога дать нам покаяние, чтоб избавиться от онаго стыда и вечной тьмы? Там заградятся грешныя уста наши, там вострепещет вся тварь, вострепещут и самые чины Св. Ангелов от славы и грозности пришествия Господня. Что скажем Ему в день тот, если проведем в нерадении все время свое? — Здесь долготерпелив Он, и всех влечет и приемлет милостиво в Царство Свое. А там потребует отчета, и суд без милости произнесет над хотевшими последовать Ему и нерадевшими.

78. Се уготованы — с одной стороны Царство и жизнь, упокоение и радость, с другой — вечное мучение во тьме кромешной. — Иди, куда хочешь; на все дана свобода. — Потому если нерадишь ты, не желая спастись, не ходишь прямыми путями Божиими, и не хочешь исполнять заповедей Его, то сам себя губишь, сам себя извергаешь из небеснаго чертога. — Святый Бог Единороднаго Сына Своего не пощадил ради тебя; а ты, несчастный, не милуешь себя самого. — Отрезвись же наконец не много, и пробудись от сна твоего греховнаго!

79. Взойди на высоту, и увидишь, что все, находящееся внизу, ничтожно; а если сойдешь с высоты, то подивишься и малому выбеленному дому.

80. Позаботимся о своем спасении, позаботимся о часе смертном. Увы, как страшен час смертный, когда душа разлучается с телом! — Тогда будут сопутствовать не отец сыну, не мать дочери, не жена мужу, не брат брату, но только дела каждаго, — то, что он наделал добраго или худаго. Пошлем же

пред собою дела добрыя, чтоб, когда и сами пойдем туда же, они приняли нас во град свой.

81. Если хочешь наследовать Царство, здесь еще снищи дружество Царя. В какой мере будешь чествовать Его здесь, на такую степень и Он возведет тебя; сколько здесь послужишь Ему, столько и тебя почтит Он там. Ибо написано: токмо прославляющия Мя прославлю, и уничижающии Мя безчестни будут (1 Цар. 2, 30). Чти же Его всею душою, чтоб и тебя сподобил Он чести Святых. — Спросишь: Как же снискать благоволение Его? — Принеси Ему золото и серебро чрез попомание нуждающимся, если имеешь. Если же у тебя нет ничего такого, иные дары принеси Ему, — веру, любовь, воздержание, терпение, великодушие, смиренномудрие; удерживайся от осуждения, блюди очи свои, чтоб не видели суеты, — руки свои, чтоб не делали неправды; — ноги свои уклони с худаго пути; утешай малодушных, будь сострадателен к немощным, подай чашу студеной воды жаждущему, дай ломоть хлеба алчущему, что имеешь у себя, и чем Он наделил тебя, то и принеси Ему; ибо и двух лепт вдовицыных не отверг Христос.

82. Будем чаще вспоминать о муках, ожидающих грешника, чтоб возбудить себя к покаянию и пресечению грешной жизни. — Что меньше комара? Но мы и Его укушения не можем стерпеть. Что же будет там от ядовитаго неусыпающаго червя? — При наступлении вечера говорят: зажги светильник, потому что темно; и тьма прогоняется светильником. Что же будем делать там с непроницаемою тьмою — непрестающею? — Здесь кого опаляют солнечные лучи, он бежит под тень. Что же будем делать с неугасимою огненною геенною?

83. Приди в себя и не пренебрегай пламени, никогда неугасимаго. А если пренебрегаешь, то здесь еще испытай себя, можешь ли снести жестокость огня мучительнаго. Зажги светильник и приложи конец перста. Если в состоянии будешь вынести сию боль, то, может быть, и там сможешь помочь себе. Если же, когда все тело твое вне огня, не может выносить боли одного малого члена, то что будешь делать, когда все тело, вместе с душою, ввержено будет в геенну огненную?

84. Странники и пришельцы мы в этой жизни; но не знаем, когда восхищены будем отсюда. Многие, проснувшись утром, не доживали до вечера; другие, уснув вечером, не достигали утра, Человек суете уподобися: дние его, яко сень преходят (Пс. 143, 4). И кто знает, не наступило ли уже время нашего разрешения? — Не будем же нерадеть о своем спасении.

85. Блажен, кто в час смерти окажется жертвою святою, благоугодною Господу, кто с великою радостью разлучается с телом и с суетною жизнью. Ангельския силы, увидев его на небесах, восхвалят его, как подобнаго себе раба, благоискуснаго о Господе.

86. Честна пред Господом смерть преподобных Его (Пс. 115, 6); но смерть грешников люта (Пс. 33, 22), — придет день, непременно придет, и не минует нас, день, в который человек оставит все и всех, и пойдет один, всеми оставленный, обнаженный и беспомощный, не имея ни заступника, ни сопутника, неготовый, безответный, если день сей застигает в нерадении, в день, в онъже не весть, и в час, в онъже не чаает (Мф. 24, 50), — тогда как веселится, собирает сокровища, роскошествует, предается разгулу. — Внезапно придет час тот, — и всему конец. Одна глубокая болезненная ночь, — и человек пойдет, как подсудный, куда поведут поемлющие его. Много тогда тебе, человек, нужно будет помощников, много молитв в тот час разлучения души. Велик тогда страх, велик трепет, великий переворот, при переходе в тамошний мир. Наш это час, — и час страшный, но неминуемый. Это общий для всех конец, — и для всех страшный; трудная стезя, но по которой все должны проходить; путь узкий и тесный, но все на него вступим; это горькая и страшная чаша, но

все испием ее. Страх и ужаса исполнено то, что испытывает тогда душа, но никто из нас не знает того, кроме тех одних, которые предварили нас там, кроме тех одних, которые извели то на опыте.

87. Не видишь ли кончающихся, как бывает тогда страшно? В каком они смятении, как вздыхают, как обращают очи туда и сюда? Как скрежещут иногда зубами? Тогда видят они, чего никогда не видали, и слышат, чего никогда не слыхали, и терпят, чего никогда не терпели; ищут избавителя, и нет спасающего.

88. Иной из кончающихся говорит: «прощайте, братия, прощайте. В дальний иду я путь, — в путь, которым еще не ходил, в новую для меня страну, из которой никто не возвращался, в землю темную, где, не знаю, что встретит меня. Се отхожу, — и не возвращусь уже к вам. Тесен для меня час сей, потому что поемлюсь неготовый; мрачна для меня ночь сия, потому что посекаюсь, как бесплодное дерево; тяжел для меня предстоящий путь, потому что не имею доброго напутствия. — Теперь вижу, как обманывал я сам себя, говоря: «молод я, наслажусь пока жизнью, а там покаюсь, Бог человеколюбив и простит меня конечно. Так разсуждая каждый день, худо иждивал я жизнь свою. Меня учили, а я не внимал; делали мне наставления, а я смеялся; слушал Писания, и кончаю жизнь, как не слыхавший; слышал о суде, и издевался; слышал о смерти, и жил, как бессмертный. И вот поемлюсь теперь совсем неготовый, — и нет у меня помощника; застигнут не покающимся, — и нет избавляющего; подвергаюсь осуждению, — и нет спасающего. — Сколько раз решался я покаяться, и опять делал худшее? Сколько припадал к Богу, и опять отступал от Него? Сколько раз миловал Он меня, а я опять преогорчал Его? — И теперь отхожу в безнадежном положении. — Воздохните, братие, и пролейте о мне слезу!!» — Так кончающийся иногда беседует с нами, — и внезапно язык связывается, глаза изменяются, голос прерывается и уста смолкают.

89. Когда приближается последний час, посылаются Ангелы — изъятели душ, чтоб взять отходящую душу и представить ее судилищу Божию. Увидев их приближающихся, бедный человек, хотя бы был Царь, или властелин, или миродержец, весь приходит в смятение, как от землетрясения, — весь трепещет, как лист колеблемый ветром, — бьется, как птичка в руках ловца; весь оцепеневаet и изумевает, видя страшныя силы, видя новые для себя и великие зраки, видя грозныя и суровыя лица, видя чин вещей, какого не видал прежде. — Все это видит тогда один поемлемый от нас, и на нас уже не обращает внимания. Только сам в себе творит он молитвы, сколько позволяют силы. Из положений его мы заключаем, что он видит вышния силы, и помавая друг другу говорим: молчите и не тревожьте более лежащего, чтоб не приводить его в смятение. Будем лучше молиться, чтоб с миром отошла душа его, и он обрел Судию снисходительным.

90. Се скончался; не стало его; отжил свой век, и лежит недвижим, бездыханен и безмолвен. — Что же есть человек? — Сонное видение и тень. — Ангелы — изъятели, появ душу, восходят по воздуху, где стоят начальства и власти, и миродержители противных сил. Эти злые наши обвинители, — здесь соблазнители и записыватели наших дел худых, а там истязатели. Они встречают возносимую душу на пути, осматривают ее и вычисляют ея грехи по записям своим, — грехи юности и старости, вольные и невольные, делом, словом и помышлением совершенные. О, какой там страх, какой трепет бедной душе! Не описуема нужда, какую терпит тогда она от неисчетнаго множества тьмами окружающих ее врагов, клеветущих на нее, чтоб не дать ей взойти на небо, вступить в страну жизни и поселиться в свете живых.

91. Так Ангелы, взяв душу, отводят ее по пути, им одним ведомому. — Мы же, опрятав тело,

выносим его на кладбище, — и здесь встречаем новое страшное таинство. Малые и великие, цари и простолюдины, господа и рабы, — все стали один прах, одна персть, один пепел, одно зловоние, одна гнилость: каков эфиоп, таков же и благообразный некогда, — каков юноша, таков же и старец, каков разслабленный, таков же и крепкий телом; все стали, как определено в начале — земля и пепел (Быт. 3, 19). — И ничего не различишь. — Великое подлинно и страшное таинство пред нами!

Видим, что всякий возраст там изглажен, всякое телесное благообразие изменилось, всякая красота лица исчезла, всякое приятное око угасло, всякия доброречивыя уста запечатлены, всякое плетение волос сгнило, — все кончилось. Говорим, — и никто не слушает, — плачем, — и никто не внемлет.

92. Спросить бы лежащих: куда отошли вы, братие наши? Где обитаете? Где место вашего пребывания? Подайте нам голос, побеседуйте с нами, как беседовали некогда. А им поучительно было бы ответить нам: «мы, отошедшие от вас, пребывающих еще в жизни на земле, мы, т. — е. душа каждого из нас, — находимся в месте, подобающем каждой душе по достоинству ея. А этот прах, лежащий пред вами, этот пепел, который видите, это зловоние, эти согнившие кости — тела тех юношей и отроковиц, которые были некогда для вас вожделенны. Этот пепел — та самая плоть, которую заключали вы в свои объятия и ненасытно лобызали. Эти оскаленные зубы, те самыя уста, которыя день и ночь покрывали вы несчетными поцелуями. Этот гной и отвратительная влага — та самая плоть, в объятиях которой предавались вы греху. Посему смотрите, и уверьтесь в точности, что, обнимая на ложах своих юных соительниц, обнимаете вы прах и тину. Знайте, что, когда лобзаете члены их, лобзаете вы смрад и гной. Вразумитесь, что когда возгораетесь к ним любовью, предмет вожделения вашего — черви, пепел, смрад. Не предавайтесь заблуждению, неразумные юноши и девы! Не обольщайтесь суетною красотою юности; потому что и мы, лежащие пред вашими глазами, согнившие мертвецы, некогда во время жизни своей, как и вы теперь, были видны, величавы, умащались благовониями, были любимы, наслаждались и благоденствовали; и вот, как видите, все это стало брением, прахом, пеплом и зловонием. Не обманывайте больше себя; но у нас, которые предварили вас, и теперь в могиле, научитесь, и уцеломудритесь, и увертесь, — что есть суд, есть нескончаемое мучение, есть непроницаемая тьма и безотрадная геенна, есть неусыпающий червь, немолчный плач, непрерывный скрежет, неисцельная скорбь».

93. Сему, если же словами, то самым делом, учат нас братия наши, предварившие нас там.

Воспрянем же от усыпления. Перестанем обманывать самих себя пустыми надеждами. Не попустим более издеваться над нами лукавому врагу. Да не вводит нас в обман льстивый помысл обещанием долгой жизни. Многие, замыслив многое, не дожили и до утра, но внезапно похищены смертью, как птичка ястребом, или агнец волком. Одни, с вечера заснув здоровыми, не проснулись; другие, сидя за трапезою, испустили дыхание; иные внезапно умерли во время прогулки и забав; иные, умирая в бане, нашли себе в ней и погребальное омовение; иные внезапно похищены смертью во время брака, в самом брачном чертоге, — и стали брачныя их одежды погребальными, и свиряющих на браке заняли место сетующие, и место пляшущих — плачущие. — Все это мы знаем, — и все же не перестаем обманывать себя. Потому и не найдем себе никакого снисхождения у Бога; ибо не по неведению, но с ведением вдаемся в обман, — Умоляю убо вас, — станьте наконец не слышателями только, но и исполнителями предлагаемого вам учения.

94. Какому страху и какой нужде подвергнемся мы в час исшествия своего из сей жизни, при разлучении души с телом?! Страшное и великое совершается тогда таинство! К душе приступают

добрые Ангелы и множество небесного воинства, а также все сопротивные силы и князь тьмы; те и другие хотят поять душу в свое им место. При сем, если душа приобрела здесь добрыя качества, вела жизнь честную, и была добродетельна; то в день ея исшествия, добродетели, какия приобрела она здесь, делаются добрыми Ангелами, окружают ее, и не попускают прикасаться к ней какой либо сопротивной силе; но в радости и веселии со святыми Ангелами поемлют ее, и относят ко Христу, Владыке и Царю Славы, и поклоняются Ему вместе с нею и со всеми небесными Силами. И наконец отводится душа в место упокоения, в неизглаголанную радость, в вечный свет, где нет ни печали, ни воздыхания, ни слез, ни заботы, но где бессмертная жизнь и вечное веселие в небесном царстве со всеми прочими благоугодившими Богу. — Если же душа в этом мире жила срамно, предаваясь страстям безчестия, и увлекаясь плотскими удовольствиями и суетою мира сего, то в день исшествия ея из этой жизни, те страсти и удовольствия, какия приобрела она в жизни сей, делаются лукавыми демонами, и окружают бедную душу, и не позволяют приблизиться к ней Ангелам Божиим, но вместе с сопротивными силами, князьями тьмы, поемлют ее жалкую, проливающую слезы, унылую и сетующую и отводят в места темныя, мрачныя и печальныя, где блудятся все грешники на день суда и вечнаго мучения, куда низринут диавол со своими ангелами.

95. Итак, пока есть время позаботимся покаянием очистить себя от страстей, и трудами самоумерщвления и доброделания насадить вместо их в сердце добродетели, которыя по исходе нашем заступятся за нас, и вместе с Ангелами Божиими предстанут Владыке нашему и Господу, и благоволение Его привлекут на нас.

2. Уроки о покаянии. (Т. I, 36—38, 155—322, 530—548; II, 96, 213—262; III, 125—297).

1. Увы мне! В каком я стыде! Сокровенное мое не таково, как видимое! Подлинно у меня только образ благочестия, а не сила его. С каким лицом прииду к Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего? Подлежа ответственности за столько худых дел, когда и на молитве стою, боюсь, чтоб не сошел с неба огонь, и не потребил меня. — Но не отчаяваюсь, уповая на щедроты Божии.

2. Ожестело сердце мое, изменился разсудок мой, омрачился ум мой. Как пес возвращаюсь на свою блевотину (2 Петр. 2, 22). Нет у меня чистаго покаяния, нет слез во время молитвы, хотя и воздыхаю я, и бью в перси, — это жилище страстей.

3. Там обнаружится и что сделано во тьме, и что сделано явно. Какой стыд обмет душу мою, когда осужденным увидят меня говорящие теперь, что я неукоризнен! Оставив духовное, покорился я страстям. Учиться не хочу, а учить рад, подчиняться не хочу, а подчинять себе люблю; трудиться не хочу, а других утруждать охочь; не хочу оказывать чести, а чтимым быть желаю; упреков не терплю, а упрекать люблю; не хочу, чтоб уничижали меня, а уничижать люблю. — Мудр я на то, чтоб давать советы, а не на то, чтоб исполнять их самому; что делать должно, то говорю, а чего не должно говорить, то делаю.

4. Не говори: «сегодня согрешу, а завтра покаюсь». Но лучше сегодня покаемся; ибо не знаем, доживем ли до завтра.

5. Согрешили мы? Покаемся, потому что Господь приемлет покаяние кающихся истинно.

6. Если брат согрешит, с удовольствием обличаем его; а если грешим сами, не с приятностию принимаем обличение.

7. Не пререкай противу истины, и о не наказании твоём срамляйся. Не стыдися исповедати грехи

твои (Сир. 4, 29. 30). Не рцы: согреших, и что ми бысть? Господь бо есть долготерпелив. Не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день от дне (Сир. 5, 4. 8). Помяни, яко гнев не замедлит (Сир. 7, 18).

8. Кто даст главе моей воду, и очесем моим источник слез, да плачуся о грехах моих день и ночь (Иер. 9, 1)? Смеху рекох (Екклез. 2, 2): «отойди от меня»; и слезам: «приидите ко мне»; ибо очень велик грех мой пред Господом, и нет числа грехопадениям моим.

9. Знаете ли, что у людей бывают трех различных родов слезы? Бывают слезы о вещах видимых, — и оне очень горьки и суетны. Бывают слезы покаяния, когда душа возжелает вечных благ, и оне очень сладки и полезны. И бывают слезы раскаяния там, где плач и скрежет зубом (Мф. 8, 12), — и эти слезы горьки и бесполезны, потому что вовсе безуспешны, когда уже нет времени покаянию.

10. По наружности мы смиренны, а по нраву жестоки и безчеловечны; по наружности мы благоговейны, а по нраву убийцы; по наружности полны любви, а по нраву враги; по наружности дружелюбны, а по нраву ненавистники; по наружности подвижники, а по нраву — тля для подвижников; по наружности постники, а по нраву морские разбойники; по наружности целомудренны, а в сердце прелюбодеи; по наружности безмолвники, а в сердце бродяги; по наружности кротки, а по нраву высокомерны; по наружности советники, а по нраву совратители; по наружности простодушны, а по нраву опасны. — От чего так? От того, что не имеем страха Божия пред очами своими, и заповедей Господних, или не знаем, или зная перетолковываем в угоду себе.

11. И ныне еще (после долгих лет самоисправления), много во мне нечистых помыслов, — зависти, зложелательства, самоугодия, чревоугодия, гневливости, тщеславия, любоимания. Сам в себе я ничто, а считаю себя за нечто; принадлежу к числу худых людей, а домогаюсь приобрести себе славу святости; живу во грехах, а хочу, чтоб почитали меня праведным. Сам лжец, а на лжецов досажую; оскверняюсь мыслью, а произношу приговор на блудников; осуждаю воров, а делаю обиды бедным; кажусь чистым, тогда как весь нечист; в Церкви становлюсь на первое место, тогда как не достоин и последняго; требую себе чести, когда должен нести безчестие; пред женщинами хочу казаться любезным, пред богатыми — благочестивым. Если оскорблен, мщу; обличаемый изъявляю свое негодование; не видя лести, гневаюсь; выших презираю, а в лице им лицемерю; не хочу отдать чести достойному, а сам, будучи недостоин, требую себе почестей. Не стану описывать ежедневно занимающих меня мыслей, забот о суетности, нерадения о молитве, страсти к пересудам. Но буду описывать хождения в Церковь по одному заведенному порядку и умышленных при сем замедлений, выисканных встреч, лицемерных бесед с благочестивыми женщинами, ненасытность в принятии даров, ласкательств для получения большего. Такова жизнь моя, таковы недостатки мои!

12. Может быть скажет кто, важное ли дело помыслы?! На это скажу вам: и очень важное, и вот доказательства из Писания. Иов приносил жертвы за детей своих, говоря: может быть, в сердцах своих они подумали о чем либо худом (1, 5). Еслиб не подлежали ответственности помыслы, то для чего бы приносить ему единого тельца за грехопадения помыслами? — Осуждены и зломысленные в сонме Кореевом; и поелику имели худые помыслы, то были пожжены. И Господь Спаситель соизволение на прелюбодеяние назвал прелюбодеянием, и вожделение жены — самым делом, и гнев — убийством, и ненависть ценит за одно с человекоубийством. Свидетельствует об ответственности нашей за помыслы и блаженный Павел, когда говорит, что Господь на суде откроет советы сердечные и въявь приведет тайная тмы (1 Кор. 4, 5). — Итак не говорите, что помыслы

ничего не значат, когда соизволение на оные признается за самое дело.

13. Не одни помыслы должны мы брать в рассмотрение, но паче решение произволения признать помыслы приятными и склониться на них. Земледелец сеет на земле, но не все принимается ею: так и ум сеет в произволение, но не все одобряется и приемлется сим последним. Что принято землею, от того земледелец ищет плода: и что одобрило и приняло произволение, в том Бог требует отчета.

14. Апостол людей поступающих естественно назвал душевными, а поступающих противоестественно — плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в дух. Бог знает и природу и произволение и силы каждого, всевает в них Слово Свое, и требует дел по мере их; сверхъестественно проникает Он в душу и дух, в естество и произволение (не насилуя последнего). Если человек довольствуется естественным, то Бог не взыскивает; потому что определил меру естества и положил ему закон. Но если произволение одолевается естеством, то взыскивает за ненасытность и за нарушение устава Божия.

15. Ненавижу грех, но пребываю в страсти; отказываюсь от беззакония, но нехотя покаяюсь удовольствию. Поработил я природу свою греху, и он, купив мое произволение, производит для меня необходимость. Рекою льются на меня страсти; потому что соединил я ум свой с плотию, и разлучение невозможно. Спешу изменить свое произволение, но предшествующее состояние противится мне в этом. Тороплюсь освободить душу свою, но стесняет меня множество долгов.

16. Дьявол, злой заимодавец, не напоминает об отдаче; ссужает щедро, никак не хочет брать назад. Домогается только поработаний, а о долге не спорит; дает в долг, чтоб богатели мы страстями, и данного не взыскивает. Я хочу отдать, а он к прежнему еще прибавляет. Когда же принуждаю его взять, дает что нибудь другое, чтобы видно было, что уплачиваю ему из его же ссуды. Обременяет меня новыми долгами, потому что прежняя страсти истребляет другими дотоле не бывшими. Старое, кажется, уплачено; а он вовлекает меня в новые обязательства страстей, и вводит в меня новые положения. Заставляет меня умалчивать о страстях и не исповедываться, и убеждает стремиться к новым страстям, будто безвредным. Свыкаюсь со страстями дотоле не бывшими, и развлекаемый ими, прихожу в забвение о прежних страстях. Заключаю договор с пришедшими ко мне вновь, и снова оказываюсь должником. Устремляюсь к ним, как к друзьям, и ссудившие меня опять оказываются моими властелинами. Хочу освободиться, и они делают меня продажным рабом. Спешу разорвать их узы, и связываюсь новыми узами; и стараясь избавиться от воинствования под знаменами страстей, по причине преспеяния и даров их, оказываюсь их домоправителем.

17. О, прочь от меня это рабство змия! Прочь эта власть страстей! Прочь этот застарелый грех. Он дал и залого, чтоб купить себе мой ум; льстил плоти, чтоб отдать в услужение ей душу. Предвосхитил юность, чтоб разум не знал происходящего; привязал к себе несовершенный разумок, и чрез него, как медною цепью, держит недалекий ум; и если сей хочет бежать, не пускает, держа на привязи. Грех ограждает ум, и запирает дверь ведения. Страсть непрестанно на страже у разума, чтоб воззвав к Богу, не воспрепятствовал он плоти быть проданною. Клянется, что заниматься плотию ни мало не худо, и что за такую малость не будет взыскания. Приводит в пример множество перепутанных помыслов, и уверяет в невозможности того, чтоб подвергались они исследованию; ссылается на их тонкость (малозначительность), и удостоверяет, что все подобное предано будет забвению. Вот чем удерживает и связывает меня враг, опутывая обманом и лестью.

18. Павел сказал о грешащем, что он плотян (Рим. 7, 14). Грех приводится в дело произволяющими

на оный; но между природою и грехом посредствуют навыки; и страсти суть нечто данное грехом и принятое природою; употребление сего есть подчинение души, смущение ума и рабство. Ибо грех, находясь во плоти, властвует над умом и овладевает душою, подчиняя ее с помощью плоти. Грех употребляет плоть вместо управителя; чрез нее также обременяет и самую душу, и делается как бы домоправителем ее; потому что дает дело, и требует отчета в исполнении. Если нужно наложить на нее удары, то чрез плоть обременяет ее оными. Ибо плоть обратил как бы в собственную свою цепь, и держит на ней душу, как овцу на заклание, и как высокопарящую птицу связал ее этою цепью, и ею же между тем, как у крепкаго исполина мечем, отсек у нея руки и ноги. Не могу ни бежать, ни помочь себе, потому что заживо я мертв; смотрю глазами, но слеп; из человека стал псом, и будучи разумным, веду себя, как бессловесное.

19. Но я желаю освободиться от жалкаго страстного расположения, если поможет мне Господь. Если сотворит Он со мною по множеству милости Своей, то избавит меня от греха, и если излиет на меня благодать Свою, то спасусь. Уверен я, что сие возможно Ему, — и не отчаиваюсь в спасении своем. Знаю, что множество щедрот Его препообедит множество грехов моих. Знаю, что, пришедши, Он всех помиловал, и в крещении даровал отпущение грехов. Исповедую сие, потому что я воспользовался благодатию сею. Имею нужду в уврачевании грехов, содеянных по крещении; но Воскрешавшему мертвых не невозможно уврачевать меня и в этом. Я слеп, но Он исцелил и слепорожденного. Отвержен я, как прокаженный, но если восхощет, может Он и меня очистить. Избыточествую я грехами, но не препообедится ими благодать Его ко мне. Он помиловал Закхея, как достойнаго; меня же помилует, как недостойнаго.

20. Подлежит суду и праздное слово. А что такое праздное слово? Обещание веры, не исполненное на деле. Человек верует и исповедует Христа, но остается праздным, не делая того, что повелел Христос. И в другом случае бывает слово праздным, именно, когда человек исповедует, и не исправляется, когда говорит, что кается, и снова грешит. И худой отзыв о другом есть праздное слово; потому что пересказывает, что не было сделано, и чего не видал.

21. Приступи, грешник, к доброму Врачу, и исцелись без труда. Сбрось с себя бремя грехов, принеси молитву, и смочи слезами загнившие язвы. Ибо сей небесный Врач слезами и воздыханиями исцеляет язвы. Приступи же, принеся слезы, — это наилучшее врачество. Ибо то и угодно небесному Врачу, чтоб каждый собственными своими слезами врачевал себя и спасался. Врачество сие не продолжительно, но действует, и не постоянно затягивает язву, но исцеляет тебя вдруг. Врач ожидает лишь того, чтоб увидеть слезы твои; приступи, не бойся. Покажи Ему язву, принеся вместе и врачество — слезы и воздыхания.

22. Кто не удивится, кто не придет в изумление, кто не благословит великое милосердие Твоей благодости, Спаситель душ наших, когда благоволишь Ты принимать слезы в цену за врачество Твое! О сила слез! До чего простерлась ты! С великим дерзновением невозбранно входишь ты в самое небо. О сила слез! Чины Ангельские и все небесныя силы непрестанно веселятся о твоём дерзновении. О сила слез! Если захочешь, то можешь с радостью предстоять Святому и высокому престолу Пречистаго Владыки. О сила слез! Во мгновение ока воспаряешь ты на небо, и просимое тобою получаешь от Бога; потому что исходит Он в сретение тебе, охотно принося прощение.

23. Как буду умолять Тебя, Спаситель мой, когда уста мои исполнены злоречия? Как буду песнословить Тебя, когда совесть моя осквернена? Как призову Тебя, когда не соблюл заповедей

Твоих? — Но Ты Сам, Всеблагий, не презри меня ничтожного; не отринь меня мерзкого; не оставь меня безнадежного. Ибо врагу моему весьма приятно видеть, что я отчаяваюсь в себе; тем только и увеселяется он, чтоб в следствие отчаяния увидеть меня своим пленником: но Сам Ты милосердием Своим посрами его надежду, исхить меня из зубов его, избавь от злохитраго умысла, и от всех направленных им против меня сетей! — И всех, кого печалит совесть о непотребных делах его, умоляю: не отчаявайтесь в себе, не доставляйте радости своему сопернику. Но без стыда приступите к Богу, плачьте пред Ним, и не теряйте в разсуждении себя надежды. Ибо Господь наш весьма рад кающимся и ждет обращения нашего. Сам зовет всех: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28). Посему никто да не отчаявается в себе, хотя и согрешил. Господь строг только к тем, кто отвергает Его и не кается.

24. Блажен, кто с ведением пожелал плакать, и с сокрушением источает на землю слезы, как драгоценныя жемчужины, пред Господом.

25. Блажен, у кого душа стала, подобною новонасажденному дереву, и всегда, как водное орошение, имеет слезы по Богу.

26. Блажен, кто насаждает в душе своей добрыя растения, т. — е. добродетели, и насажденное в себе орошает, молясь со слезами, чтобы насаждения его были благоугодны и плодоносны Господу.

27. Хочу изобразить вам силу слез. Анна слезною молитвою приобрела Пророка Самуила, восторжение горе и Богохваление в сердце своем. Жена грешница в дому Симона, плача и омывая слезами Святыя ноги Господа, получила от Него прощение грехов. Умиление (сердечный плач пред Богом) есть уврачевание души. Оно вселяет в нас Единороднаго Сына, когда вожделеваем Его, и привлекает в душу Духа Святаго. На земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления. Озарился ли кто из вас этою радостью слез по Богу? Если кто из вас, испытав это и усладившись тем, во время молитвы возносился над землею, то в этот час бывал он весь вне тела своего, вне всего века сего, — и уже не на земле. — Святыя и чистыя слезы по Богу всегда омывают душу от грехов и очищают ее от беззаконий. Слезы по Богу во всякое время дают дерзновение пред Богом, нечистые помыслы никак не могут приблизиться к душе, которая имеет всегдашнее умиление по Богу. Умиление есть не расхищаемое сокровище; умиление же разумею продолжающееся не один день, но непрестанно, день и ночь и до конца жизни. Умиление есть чистый источник, орошающий плодоносныя насаждения души (т. — е. добродетели).

28. Прежде нежели совершено кем беззаконие, враг весьма умаляет его в глазах его; особенно же умаляет похоть сластолюбия, будто бы выполнить ее тоже, что вылить на пол чашу холодной воды. Так лукавый умаляет грех в очах человека прежде совершения его; по совершении же греха, лукавый до крайности увеличивает беззаконие в глазах того, кто впал в оное. Воздвигает при этом на него волны отчаяния; а нередко вооружается против него и притчами, внушая такая мысли: «что сделал ты, напрасный труженик? И на что похоже делание твое? Вот на что; насадил некто виноградных лоз, стерег и берег их — пока дали плод, и собрав виноград, наполнил он бочки виноградным вином; а потом вдруг встал, взял топор и разбил бочки; вино вылилось и погибло; вот чему уподобилось делание твое». Сие внушает лукавый человеку, с намерением низринуть его в глубину отчаяния.

29. Посему, зная наперед козни врага, бегай греха. Если же подвергнешься какому грехопадению, не закосневай во грехе; но восстань и обратись к Господу Богу своему всем сердцем своим, чтобы спаслась душа твоя. Скажи лукавому помыслу: «хотя и бочки разбил я, и вино погубил, но цел у

меня виноградник, а Владыка долготерпелив, многомилостив, милосерд и праведен. И надеюсь, что, при содействии мне благодати Его, снова возделаю и соберу виноград свой, и наполню бочки свои, как и прежде. Ибо чрез Пророка Исаию говорит Он: еще будут греси твои, яко багряное, яко снег убелю: еще же будут, яко червленое, яко волну убелю (Пс. 1, 18).

30. Иному помысл внушает и говорит: «ты молод еще, в старости своей покаешься». А достигшему старости представляет помысл: «состарился ты, — где тебе понести труды покаяния? тебе нужен покой».

31. Не отчаивайся в себе, и не говори: «не могу уже спастись». Напротив, очень еще можешь спастись. Возлюби страх Божий всею душею своею; и он уврачуе раны твои, и впредь сохранит тебя неуязвимым. Пока душа твоя любит страх Господень, не впадешь в сети диавольския, но будешь, как орел, парящий в высоте. — Но если душа, после сего пренебрегши страх Божий, вознерадит о себе, то, низринувшись с высоты, делается игралищем преисподних духов. И они закрыв ей глаза, вторгают ее в страсти безчестия, как вола впряженного в ярмо.

32. Если уязвит тебя стрела лукавого врага, ни мало не впадай в отчаяние; напротив того, сколько бы раз ни был ты одолеваем, не оставайся побежденным, но тотчас встань, и сражайся со врагом: потому что Подвигоположник всегда готов подать тебе Свою десницу, и возставит тебя от падения. Как только ты первый протянешь к Нему десную руку, так и Он подаст тебе Свою десницу, чтобы возставить тебя. У скверного же врага все старание о том чтобы свергнуть тебя в безнадежность, как скоро падешь. Не верь ему; но если будешь и по седми раз в день падать, старайся возставать и умилоствлять Бога покаянием.

33. Хотя и пали мы по увлечению, но постараемся уврачевать себя покаянием. Хотя как человеки подпали страсти, но не отчаемся в себе до конца; а напротив того, внемля Богу, послушаем Его глаголющего: покайтесь, приблизися бо Царство небесное (Мф. 4, 17). Не для некоторых только грехов положил Он покаяние, для других же не положил; напротив того, Врач душ наших дал нам врачевство сие от всякой греховной язвы.

34. Покаяние — поле, во всякое время возделываемое. Оно — обильно плодоносное древо, всякими способами приносящее Богу доблестные плоды. Оно — древо жизни, воскрешающее мертвых грехами. Оно сопричастно Божеству, и Бог увеселяется им, как силою Своего творчества; потому что кого грех губит, тех оно возсоздает к Божией славе. Оно — духовная лихва; потому что жнет, чего не сеяло, и берет, чего не давало.

35. Добрые делатели покаянием удобрили Божию ниву, чрез него обогатили Церковь, им наполнили Божия житницы. Чрез него земля стала небом, потому что наполнилась Святыми, — этими земными Ангелами. Восхваляются добрые служители, покаянием во много крат умножившие посеянное.

36. Бог видел, что род человеческий будет возмущаем врагом, и к низложению его противопоставил покаяние. Враг убеждает согрешить, а покаяние готово принять согрешившаго. Враг побуждает сделать беззаконие, а покаяние советует обратиться. Тот влечет в отчаяние, а это обещает надежду спасения. Грех низлагает совесть, а покаяние служит ей жезлом к возстанию. Господь возводит низверженных (Пс. 145, 7); совершает же сие чрез покаяние.

37. В покаянии закон служит светильником; потому что согрешающие чрез него сретают опять Бога. Беззаконник омрачился, и не видит благодати; потому что враг наполнил душу его отчаянием. Но покаяние, как добрый врач, снимая с души мглу и все, что затрудняет ее, показывает ей свет Божией

благости. Дьявол не дает нечестующим одуматься, представляя им суровость покаяния. А покаяние, видя хитрость его, подходит с лаской и говорит: «приведите только себе на память Бога, — и я потружусь за вас. Представьте в уме Его милосердие, — и я буду ходатайствовать за вас с воздыханиями. Слегка только воздохните, грешники, в сокрушении, — и я сделаю вас Божиими слугами. И Пророк Исаия сказал: егда возвратися воздохнеши, тогда спасешися (Ис. 30, 15). Вот привожу тебе и свидетельство, только покаяйся». Если согрешивший воздохнет, то с воздыханием спадет с него бремя греха, возложенное змием. Тогда и с ума светится мгла неведения, — око душевное делается ясным, и покаяние начнет руководствовать душу ко спасению.

38. Когда кающийся грешник узрит благодать Божию, тогда не только будет воздыхать, но и с великою скорбью проливать слезы. Потому что душа, после долговременного разлучения с Богом, увидев Его, как Отца, возбуждается к пролитию слез. От того, что увидела наконец Создателя своего, проливает она слезы, и преклоняет к себе Бога, ибо любит Отеческое благоволение: и таким образом очищается от всего, до чего доведена была змием. Или не слышал, что сказал Давид: измыю на всяку ночь ложе мое (Пс. 6, 7)? Но сперва он воздыхал, а потом стал плакать. И в природе так: сперва ветер, а потом дождь; сперва гремит гром, потом из облаков образуются капли дождевые.

39. Воздохнувший Давид омочал слезами ложе свое, потому что осквернен был прелюбодеянием. Слезами омыл он постелю свою, которую осквернил беззаконным союзом. Он говорил: утрудихся воздыханием моим (Пс. 6, 7); а труд воздыхания есть плод сердечной болезни, поражающей и множество слез. Так слезы умножаются от предшествующих воздыханий.

40. Совесть имеет естественное к Богу стремление (стоит за Бога и все Божие), и отвергает вкравшуюся прелесть. Часто грех безстыдно вторгается, но совесть, воспользовавшись обстоятельствами времени, берет верх. Приходит ли кто в страх, находясь в темноте, она обличает, что это по причине греха: ибо Писание говорит: бегают нечестивы ни единомуже гонящу (Прит. 28, 1). Или на корабле будет кто приведен в смятение бурным волнением моря, совесть напоминает ему нечестие его. Или при землетрясении приводит она на мысль беззакония. Или когда один кто на пути, обновляет в памяти страстные дела. Наконец, если не обратится грешник, обличает его, когда впадет в немощь и телесную болезнь, — и он по животолению дает обет Богу сокрушить в себе грех. Боясь умереть, и лишиться благ жизни вечной, он, терзаемый совестью, прибегает к покаянию, — этому посреднику Бога и человеков.

41. Упомянутый в Евангелии юноша, взяв у отца наследство, отошел в дальнюю сторону, и расточил его с блудницами; следствием чего было то, что он во всем стал терпеть мучительную скудость. Когда стал он изнемогать под тяготою лишений, тогда покаяние, обратив ему в обличение потерю прежней покойной жизни у отца, возродило в нем желание возвратиться к ней, и надежду умиловать отца раскаянием. И он воззвал: встав иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согреших на небо и пред тобою (Лук. 15, 18). Когда на юношу, поддавшегося обольщению, наскочил враг, и делал из него, что хотел, покаяние оставалось в покое, помянув и совести молчать и до времени не приступать к делу. Когда же настало для него трудное время, тогда оно, как мать, распростерши лоно свое, заключило его в объятия, исторгши его из рук мачихи — сластолюбия, чтоб возвратить матери — благочестию.

42. Юноша воззвал: отче, согреших на небо и пред тобою. Согрешивший сын познал отца, жалуясь, что обольстивший его есть отчим и злоумышленник. Увидел он коварство, увидел обольщение и

притек к покаянию, как к матери. Долгое время питался он рожцами и терпел голод; но покаяние, как сердобольная мать, прияв сего юношу, снова питает его млеком, подавая ему сосцы свои, — млеком питает его, потому что грех истощил его силы чрез срамную жизнь. Еслиб не было сего млека, не мог бы он исцелиться. Но кто не мог возстать, того возставило покаяние, напитав млеком. Оно уврачевало крайне немощного, и отдало на руки отцу.

43. Видишь ли, что покаяние сперва представляется грешникам не суровым, но снисходительным и легким! Не предложило оно поста, не потребовало ни воздержания, ни бдения, но пригласило начать исповеданием: согреших. С легчайшаго начинается, зная, что дальнейшее довершит совесть. Она сотаинница покаянию; берет душу на свое попечение и спешит очистить ее. Ей известна благопокорность души, — и она правит ею, как всадник. Она хочет, чтоб принято было покаяние; желает, чтоб оно утвердилось в грешниках, и как солнце проникло в ум и осветило его. Так она удобно приводит их к Богу и в непродолжительном времени делает стяжанием Его.

44. Не должно нам, братие, отчаяваться в спасении, имея такую мать — покаяние. Не должно терять надежду на спасение, когда утешает нас такая мать. Уловленных лютым врагом вводило оно в рай к Богу; ужели отвратится от нас? Помиловало их, бывших вне Церкви, ужели не умилосердится над нами? Никто не позволит свободно другим расточать то, что сам собрал с трудом. Как же Богу и Отцу уступить врагу обладание нами, которых стяжал кровию Сына Своего? — Мы — стадо Его, и Он — наш Пастырь. Он дал покаяние, как очистительную воду, чтоб, если погрешим в чем, омываться им. У нас есть баня не только пакибытия, но и обновления. Если в чем согрешим, омывшись покаянием, делаемся чистыми.

45. Покаяние есть жертвенник Божий, потому что согрешающие при посредстве его умилоствивляют Бога. Подзаконные, согрешив, должны были приносить жертву вещественную, и для сего идти во Иерусалим; а это исполнить не давала иным скупость, иным бедность, иным леность. В новой благодати все сие совершает одно покаяние, принося жертву в совести. Не требует оно козла, но исповедания. Нет горлицы у тебя, грешник? Воздохни, — и Бог вменит тебе это паче горлицы. Нет у тебя голубя? Возвести грехи свои Богу, — и это будет твоим всесоужением. Нет у тебя и никакой другой птицы? Плачь, — и вменится тебе в жертву. Если помолишься, Бог примет молитву твою вместо тельца. Если припадешь с искренним сердцем, усердие твое поставит выше принесенного в жертву вола. На что готовить тебе благовоние? Покаяние очистит тебя без курения дыма.

46. Покаяние есть и Божия трапеза, потому что чрез него вкушает Бог спасение человеческое. И Спаситель говорит: Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего, Иже на небесех (Иоан. 4, 34). Итак, покаяние есть чудный хлеб Божий; Бог вкушает в нем исповедание совести; Он пьет в покаянии слезы умиления; в нем наслаждается благоуханною вонюю — искренним чувством воздыханий; потому что оне для Бога благоухающее кадило. Вот — многообразныя брашна Божи: воздержание, пост, бдение, прилежная молитва, покорность со смирением; ибо сие благоугоднее Богу многих жертв.

47. Покаяние — праздник Богу; ибо Евангелие говорит, что Бог радуется более о едином грешнике кающемся, нежели о девяностидесяти девяти праведник (Лук. 15, 7). Покаяние, творя праздник Богу, призывает и небо на пир. Ангелы радуются, когда покаяние приглашает их на вечерю. Все небесные чины пиршествуют, возбуждаемые к веселию покаянием.

48. Покаяние в жертву приносит согрешивших, но и опять оживотворяет их; умерщвляет, но и опять

воскрешает из мертвых. Как же это? Слушай: берет оно грешных и делает их праведными. Вчера были мертвы, а сегодня они живы для Бога покаянием; вчера были чужие, а сегодня свои Богу; вчера беззаконны, а сегодня святые. Покаяние есть великое горнило, которое принимает в себя медь, и претворяет ее в золото; берет свинец, и отдает серебро. Если видал ты, как стекло принимает цвет гиацинта, или смарагда, или сапфира; то не усомнишься в таких претворениях силою покаяния. Покаяние, по благоволению Божию, срастворяет кающегося с благодатию Св. Духа, и человека всецело делает сыном Божиим.

49. Закон повелевал священныя вещи устроить все из золота. Законодатель не допустил пустоты в сих драгоценностях, чтоб мы знали, что Святые Божии имеют в себе всецелую святость. Слушай, кающийся! Приступи к Богу от всего сердца, и Он воздаст тебе всецелым тебя переплавлением. Взыскал ты переплавления в огне покаяния; смотри, ничего не оставляй не переплавленным. Вот что я разумею. Приносишь ты, положим, покаяние в блюде. Смотри, отбрось все виды блюда, потому что им порождены всякия распутства. И не только это, но отбрось и все ведущее к осквернению им: смех, шутки, сквернословия, чревоугодия, — сии пути к блюду.

50. Всецело отложи все греховное. Пророк Моисей, когда народ согрешил, повелел распять змия, т. — е. истребить грехи, — и сделал змия не пустаго, но литаго и цельнаго. Для чего же? Показывая сим тебе, что совершенно должен ты отвращаться от всякаго лукавства. Он сделал змия всего из меди, потому что корень всему злу есть сребролюбие. Литым вынул его из горнила, чтобы остановил ты в себе воспламенение, расширяющееся в тебе к растлению ума. На древе же повесил змия, чтоб ты, каясь, распял в себе сии три порока, потому что от них бывает душевная смерть.

51. К тебе слово мое, кающийся; не имей в себе пустаго места; будь тверд в решимости противостоятъ греху и стоять в добре, как камень. Утверди сердце, по Пророку, да не подвижится (Пс. 111, 5. 8). Ты должен принести твердое покаяние, как Петр, потому что твердо грешил. Бог не приемлет покаяния, не оказывающаго в себе твердаго дела. Многие подражают в походке Царям, но за это не чтут их, как Царей. Так и кающиеся, если не твердо принесут покаяние, будут иметь только вид кающихся, без силы, какую дает покаяние. Приносящие покаяние только на показ, творят не один грех, но многие грехи, потому что и других располагают приносить наружное только покаяние. Таковым не только не отпускается, но еще прилагается грех.

52. Приноси же твердое покаяние, согрешивший, чтобы получить тебе прощение. Св. Павел сказал, что назидающий на основании дрова, сено, тростие, не получит награды; сказал же сие не только об учении, но и о покаянии. Если кто не приносит твердаго покаяния, то он — тростие, дрова, которыя плавают по верху воды. Кто не твердо приступает к покаянию, — тот дрова; и таковой не только будет отвержен, но и сожжен, как сказано, огнем. За что же? За то, что думал посмеяться Богу.

53. Принесем покаяние, как Ниневитяне, чтоб и нам уллучить спасение. Истинно покаяться они, истинно и спаслись; как согрешили, так и покаяться, — и были приняты. Не половиною только обратились, потому что равно плакали и цари и простолюдины. Не часть только их исправилась, потому что вместе рыдали и властелины и рабы. Не короткое только время раскаявались, — потому что целые три дня, мужи и жены, младенцы и старцы не переставали приносить исповедание. Поверили приговору, и как бы готовясь к смерти, горько сетовали друг о друге. — Под Ниневиею разумею человека, а под множеством ея жителей представляю части души и движения ума. Как они всенародно приступили к покаянию, так и мы всеми силами в целом составе своем должны

приносить покаяние.

54. В законе повелел Бог не только истребить идолов, алтари и кумирницы, но и пепел сожженных камней и дерев, как нечистый, выбросить вне стана. И ты кающийся, содержи в уме, что на тебе лежит обязанность истребить в себе всякий след греха. Если останется в тебе пепел греховный, то привлечены будут нечистые животные и пресмыкающиеся. Если же извергнешь его из себя, то тебя не будут тревожить даже скнипы греховные и комары. Очисти ум свой вполне от греховных мертвецов, — и самое зловоние их исчезнет в тебе. Греховные же мертвецы суть страстные воспоминания. Если останутся они в тебе, то омрачат твою мысль, и помыслы твои заставят кружиться, которые, как густая мгла, налягут на духовные очи твои.

55. Выжмем себя покаянием, чтоб не утратить нам благодати прощения, как настоящей своей краски. Выжимание есть тщательное отложение противного. Ибо таким образом наведенный на нас цвет (прощения), закалившись в душах наших, не сойдет уже. Тщательно измой себя слезами, как красильщики вымывают волну, предайся смирению, сократи себя во всем; ибо таким образом предпочистив себя, приступишь к Богу готовым уже к принятию благодати.

56. Некоторые из кающихся снова возвращаются ко греху, потому что не знали сокрывающагося в них змия, а если знали, то несовершенно извергли его из себя, но позволили остаться внутри следам его образа; и он вскоре, как бы зачавшись в утробе, снова восстанавливает полный образ своей злобы. Когда видишь кающагося, и снова согрешающаго, то разумей, что он не переменился в уме своем; потому что оставил в себе все позывы греховные. Признак же приносящаго твердое покаяние, — образ жизни собранной и суровой, отложение кичливости, самомнения, а также очи и ум всегда устремленные к возделенному Иисусу Христу с желанием, по благодати Христовой, стать новым человеком.

57. Оградись от того, что противоположно добродетели. Если ты постишься, и безумно смеешься, то легко тебя запнуть. Если на молитве плачешь, а в обществе ведешь себя по мирскому, то скоро уловят тебя в сети. Если при целомудренном поведении ты безпечен, то не умедлишь пасть. Покаяние должно приносить от всего сердца. Кающемуся надлежит быть постоянно одним и тем же, а именно всегда быть тем, чем начал быть. Если у кого будет в чем недостаток, это уже признак несовершеннаго обращения. Если он изменится, то сим обличается, что в сердце его не положено твердое основание жизни по Богу. Такой человек приносит покаяние, как обучающееся дитя, и как битый плачет по нужде, а не по произволению. Мирские законы исправляют страхом поведение, но не переменяют сердечнаго расположения. — Так и покаяние иной приносит с заднею, может быть, мало сознаваемою мыслию, — поблажить иногда греху.

58. Некто из Пророков сказал: в сонме Господни не клеветите слезами (Мих. 2, 5. 6). Сим не отмечает Пророк покаяния, и не исповедание пред Господом смиреннаго сердца называет клеветою, но говорит, что если при худом намерении притворно проливаются слезы, то подобное покаяние непрочно. И еще говорит: расторгните сердца ваши, а не ризы ваша (Иоил. 2, 13). Ибо хочет, чтобы мы не тщеславились покаянием, а действительно каялись. И Давид говорит: слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7). Не в Церкви буду проливать слезы, показывая пред людьми одну только наружность и домогаясь славы, чтобы почли меня праведным, но на ложе моем слезами измыю на всяку ночь постелю мою, чтобы в согласии быть со Христом, Который говорит: затворив клеть твою помолися, и Отец, для Котораго делаешь сие втайне, воздаст тебе и умиловится над тобою яве

(Мф. 6, 6).

59. Многие торгуют исповедию, выставя себя нередко на показ лучшими, нежели каковы они действительно, и тем прикрывают себя. Другие промышляют покаянием, покупая им себе славу. Иные обращают покаяние в повод к гордыне, и вместо прощения пишут на себя новое долговое обязательство. Еще не освободился ты и от прежнего долга, — и входишь в новый? Пришел ты заплатить долг, — и связываешь себя новым обязательством? Стараешься освободиться от долга, и готовишь себе новое рабство? — Вот что значит сказанное: молитва его да будет в грех (Пс. 108, 7). И как такому не возвратиться ко греху? Как снова не предаться страстям? Змий оставит ли его в покое? Перестанут ли тревожить его пресмыкающиеся? — Увы! Исполнится над таким сказанное Христом, что поселится в нем семь других горших духов (Лук. 11, 26).

3. Общее очертание жизни посвятивших себя на угождение Господу и содевание своего спасения.

1. Всем, которые посвятили себя Богу, и всегда стараются представить телеса своя жертву живу, святу, благоугодну Богу (Рим. 12, 1), надлежит, согласно со Священными обетованиями Евангелия и прочих Св. Писаний, веровать, что, предав себя на всякое дело благое и на всякое упражнение в добродетели, они, с благодатию Христовою и силою Божию, могут получить совершенное избавление и очищение от страстей безчестия, возбуждающихся в душе и теле. Невозможное для нас возможно для обетовавшего Бога. Ктому же греховныя страсти впоследствии привзошли в душу и тело вследствие преступления первозданного человека.

2. Мы, верующие, прияли чрез Св. Крещение залог благодати, как талант, для многократного умножения и приращения чрез то обетованного наследия. Божественный и утешительный Дух, данный Апостолам, и чрез них преподанный единой истинной Церкви Божией, с минуты крещения пребывает в каждом приступившем к крещению с чистою верою, — и каждый получает сей мнас для приумножения, возделания и приращения, как сказано в Евангелии.

3. Как младенец, рожденный в веке сем, не остается навсегда в младенческом возрасте, но ежедневно растет, по закону естества, пока не придет в совершенного мужа: так и рожденный свыше водою и Духом не должен оставаться в младенчестве духовном, но, постоянно пребывая в подвиге, труде и многом терпении, обязан чрез борьбу с духовным сопротивником преуспевать и возрастать до полноты духовного возраста, — или в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, как учит Апостол (Еф. 4. 13).

4. Но в телесном рождении родившийся младенец, по необходимому закону природы, достигает мужескаго возраста: ибо так определил Промысл Божий, чтоб телесный возраст приходил в совершенство не по собственному произволению, а по уставу естества; а в духовном рождении свыше Бог установил иной порядок, — именно, — в деле духовного возрастания, предоставил свободному произволению человека труд, подвиг и усиленное с твердым терпением шествие (к сей цели). Подвизайтесь, говорит Господь, внити сквозь тесная врата (Лук. 13, 24); и еще: употребляйте усилие, потому что усиленные искатели восхищают Царствие небесное (Мф. 11, 12); и еще: в терпении вашем стяжите души ваша (Лук. 21, 19). Так домостроительствовала благодать Божия, чтобы каждый, по собственному расположению и по собственной воле, трудом и подвигом достигал духовного возрастания.

5. В какой мере предается кто телесному и душевному подвигу, со всяким услаждением добрыми делами, в такой же мере приобретает он причастие Св. Духа к духовному возрастанию в обновлении

ума, — по благодати и туне получая (силы во) спасение, а по вере, любви и подвигу свободного произволения восходя в преспеяние и меру, чтобы как по благодати, так и правде, стать наследником вечной жизни. Не всецело Божиею силою и благодатию, без собственного человеческого содействия и старания возрастает он в преспеянии и не всецело собственной силою и мощию, без содействия и помощи Духа, имеем возможность придти в совершенную волю Божию и в меру чистоты. Ибо аще не Господь созиждет дом и сохранит град, всеу бде стрегий и трудися зиждущий (Пс. 126, 1).

6. Что есть воля Божия совершенная, которой достигать увещевает и убеждает Апостол каждого (Рим. 12, 2)? — Очищение и освящение сердца причастием Духа Божия, несомненно происходящее в душе, которая с верою и любовию всецело предает себя Богу. Господь сказал: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 7), от тех, которые желают достигнуть такого блаженства, требует совершенного очищения от греха, т. — е. решительного освобождения от страстей безчестия и совершенного водворения в себе самой высшей добродетели. На это указывает и Пророк, когда молясь сказал: сердце чисто созижди во мне Боже, и дух прав обнови во утробе моей (Пс. 50, 12); и еще: когда вопросив: кто взыдет на гору Господню, или кто станет на месте Святем Его, — ответил: неповинен рукама и чист сердцем (Пс. 23, 3. 4). Сим Дух показал, что мы должны собственной своею деятельностью совершенно отсечь от себя грех, совершаемый делом, словом и помышлением, стремясь к совершенной чистоте духа, и надеясь достигнуть оной благодатию Св. Духа. Вот и Апостол, сказывая, какими должны быть души, удаляющиеся от плотского брака и мирских уз и желающие пребывать в девстве, говорит: непосягшая печется о Господних, как угодить Господеви, да будет свята не телом только, но и духом (1 Кор. 7, 34). Он внушает сим, что душе, невесте Христовой, желающей сочетаться с чистым небесным Царем, надлежит стать свободною от деятельной и мысленной грешности, или как от явных грехов, так и от тайных страстей, по сказанному у Иоанна Богослова: всяк имеяй надежду сию нань, очищает себе, якоже Он чист есть (1 Иоан. 3, 3).

7. Не от явных только грехов, — блуда, воровства, чревоугодия, клеветы, празднословия, кличей, смеха, многоимения, — должна быть чистою душа, устранившая себя от мирского общения и возжелавшая пребывать в союзе и общении с нетленным Женихом; но тем паче надобно ей содержать себя в чистоте от сильнейших душевных страстей и тайных грехов, т. — е. от похотливости, тщеславия, человекоугодия, лицемерия, любоначала, лести, злонравия, ненависти, неверия, зависти, превозношения, ревности, самоугодия, самолюбия, кичения и подобных сим невидимых страстей безчестия (Рим. 1, 26). Писание и сокровенные душевные грехи почитает подобными грехам обнаруженным в действии; потому что это — отпрыски одного и того же корня. Так Пророк неких обличает: в сердце беззаконие делаете (Пс. 57, 3). А о себе молится: от тайных моих очисти мя (Пс. 18, 13). Почему сколько стараемся охранять от явных грехов внешнего человека, т. — е. тела, как храм Божий, столько же нужно иметь старательности и подвигов к охранению внутреннего человека, т. — е. души, от всякаго лукаваго помысла, по сказанному: всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота (Притч. 4, 23).

8. В сем очищении сердца преуспеем мы, если всегда будем противоборствовать и противоречить лукавым помыслам, — тщеславия, ненависти, кичения, лести, похоти, соперничества, любоначала и проч., — со всею строгостию испытывая самих себя, и сохраняя ум свой от союза и согласия с тайными душевными страстями, и напротив с усилием предаваясь всякому доброму начинанию,

труду и подвигу, чтобы полагать препятствия врагу своему. Ибо если будем так действовать, то Господь, видя душевный подвиг наш, по человеколюбию Своему, собственною силою Духа, непременно совершит в нас великое исцеление от тайных страстей, отмщая мысленным врагам нашим.

9. В какую духовную меру должно нам стремиться взойти, этому поучимся у св. Павла. Он говорит: вся забота наша к тому обращена, да представим всякого человека совершенна о Христе (Кол. 1, 28). А в чем сие совершенство, это указал он в молитвенном благожелании своем Ефесянам, говоря: да даст вам (Бог), — силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце: вселится Христу верою в сердца, ваша: в любви вкоренены, да возможете... и проч. (Еф. 3, 16—18). Венец всего любовь; что еще разительнее представил он в другом послании, где, перечисляя разные дарования Божии и самопожертвования человека, ко всякому прибавляет, что все сие и подобное ничто, если нет любви. Любовь же потом изображает поядательницею и истребительницею всех страстей (1 Кор. 13, 1—8). Вот предел совершенства. Из сего следует, что сподобившиеся исчисляемых св. Павлом дарований, но не приявшие еще избавления (от страстей), силою совершеннейшей и действенной духовной любви, находятся еще в опасности, борении и страхе, хотя имеют уже дарования духовныя.

10. Это показал Апостол для тех, которые желают верно восходить к христианскому совершенству, чтобы кто из сподобившихся каких либо дарований не подумал о себе, что и при неполном действии благодати, достиг уже совершенства, и чтобы, возмечтав, будто ни в чем не имеет уже нужды, и удовлетворившись одними низшими дарованиями, не остался он не достигшим должного предела совершенства. Указанием же сей цели совершенства Апостол учит, чтобы каждый, признавая себя нищим пред таким богатством любви, непрестанно и неослабно подвизался подвигом добрым, и проходил духовное поприще, пока не достигнет цели, по сказанному: тако тецйте, да постигнете (1 Кор. 9, 24).

11. Так много распространил я рассуждение о цели подвижничества с тою целию, чтоб в хотящих воспрять его верную установить мысль о том, какое у нас упование, и какое предлежит нам поприще, и чтобы каждый и каждая из посвятивших себя Богу, имея, по руководству сей мысли, постоянно в виду, куда мы призваны и какой обязаны достигать меры, всеми способами, из всех сил, и со всяким тщанием, самих себя и все, что имеем в веке сем, всегда усердно посвящали на благое, не допуская однакож сомнения, будто мы нечто, но рассуждая о себе, что мы действительно всегда ничто в сравнении с превосходством совершенной меры звания нашего и неизслежимаго богатства любви Христовой. Терпением убо да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса (Евр. 12, 1), — задняя забывая, в предняя же простираяся (Фил. 3, 14).

12. Как же, братия, должны жить и вести себя друг с другом? Какими трудами, потами и упражнениями любители истины могут достигать сказанной выше цели?

Стремящийся к сей цели, удалившись от мира и от мирских удовольствий, да предаст душу свою братству. Так заповедал Спаситель, когда, перечислив, что должен оставить желающий идти в след Его, присовокупил: еще же и душу свою (Лук. 14, 26). Ибо что значит оставить душу свою, или отречься от нея? — Безусловно и всецело предать себя братству, отнюдь не исполнять собственной своей воли, и решительно ничего не иметь в своей власти, кроме одежды, которую носит, чтобы ему можно было, ни о чем не имея попечения, всегда с радостию исполнять только то, что ему приказано. Отрекшийся от души своей, всех братий, и особенно Настоятелей да почитает как господ

и владык; и со всяким благоразумием да служит им, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко рабы Христовы (Еф. 6, 6). Предав себя Господу, да течет он сим узким и тесным путем (послушания), и охотно да подклоняется под сие благое иго Христово, несомненно веруя, что оно уготовляет ему великое спасение.

13. Братия должны жить между собою в простоте, чистоте, единокорности, мире и сердечной искренности. Никто да не превозносится над другим, и да не почитает себя лучшим, или высшим кого либо, а напротив того всякий, как ученик Христов, да признает себя скуднейшим всех людей; чтоб любовью, простотою, отсутствием соперничества и кичливости, при взаимном подчинении друг другу, в страхе Божиим, мог сохраняться в братстве союз мира, как бы оно было едино тело и един дух о Христе Иисусе.

14. Намереваясь держаться таких правил, каждый прежде всего всеми мерами да старается иметь в сердце своем священную любовь и страх Божий; непрестанно да просит их себе у Бога, и частым, лучше же сказать, непрестанным памятованием о Господе и о небесной любви, всячески да ревнует возвращать их в себе ежедневно, при помощи благодати.

15. В любви же к ближнему (после сего) легко уже можем преуспеть. Поставь первое на первом месте, тогда второе, следуя за первым, совершится по порядку. А если кто вознерадит о первой великой заповеди, — о любви к Богу, которая при Божиим содействии образуется в нас из внутреннего расположения, доброй совести и здравых мыслей о Боге, — вознамерится же иметь попечение о второй подобной ей, то отсюда проистечет одно только внешнее служение братиям, и никогда не будет он в состоянии исполнить сие служение чисто и здраво; потому что козни злобы, находя ум его далеким от памятования о Боге, от любви и стремления к нему, или будут производить в душе роптания и жалобы на служение братии, представляя его трудным и тяжелым, или станут надмевать его и заставляя мечтать о себе, как о досточестном и великом, обольщая мыслью о своем многоделании в пользу всех. Когда человек далек от памятования о Боге и от страха Божия, тогда необходимо ищет он славы, и домогается похвалы от тех, кому служит. А когда самый ум и душевное расположение всегда заняты помышлением о Боге и стремлением к Нему, тогда в сообразность любви Божией, человек, все делая во славу Божию и богатясь чистыми и Богу угодными делами любви к братиям, получает совершенный успех в своем труде, имеющем увенчаться вечным воздаянием от Бога.

16. Всякое предприемлемое нами упражнение в добродетели да совершается во славу Божию, и да не окажется совершаемым к собственной нашей славе. Всякое последование заповедям свято бывает и совершается нами чисто тогда только, когда совершается при памятовании о Господе, со страхом Божиим и по любви к Богу. Таким настроением далеко отгоняется от нас враг, всегда покушающийся осквернить исполнение заповеди, и все повелеваемое в заповедях бывает для нас легко и удобоисполнимо; потому что любовь Божия в нас делает нетрудными заповеди, и всякое затруднение при исполнении их устраняет. Враг всячески усиливается отвлечь ум наш от памятования о Боге, от страха и любви к Господу разными земными приманками, чтобы потом какими либо благовидностями отвратить и сердце наше к благам мнимым от блага истинного, т. — е. от любви к Богу. И все, что ни делает человек добраго, лукавый усиливается омрачить и осквернить, примешивая к исполнению заповеди свои семена тщеславия, или сомнения, или ропота, или чего либо подобного, чтоб делаемое добро не было истинное добро, — которое бывает только тогда,

когда смиренномудренно и усердно совершается для Бога. Вот почему каждому потребно многоведения и рассуждения, чтобы ум мог распознавать козни и ухищрения врага и отрывать от дел своих все греховное. Ибо и хорошее какое дело можно сделать нерадиво или небрежно, или с нечистым намерением, от чего оно окажется не благоугодным Богу, и можно сделать оное по воле Божией, тщательно, трезвенно, для Бога, — так что оно окажется благоугодным пред Богом.

17. Всецело предавшие себя Богу должны по мере сил своих исполнять все заповеди, так как всем очевидно предлежит одна цель благочестия, — именно — чтобы по вере и ревности обо всех добродетелях сподобиться нам исполнения Духом Святым, и приобрести совершенное освобождение от страстей, т. е. очищение сердца, производимое в душах верных и благочестивых освящающим Духом. Посему каждый да посвящает себя добру по той мере, до которой простирается душевная любовь к Богу. — И наконец, если кто желает непрестанно молиться, то да пребывает он постоянно в молитве. (Разумеются Затворники).

18. Итак, если кто из братии желает вступить в молитвенный подвиг из любви к небесным благам, то надлежит его допустить до сего, — и весьма достоин он похвалы пред людьми и пред Богом. Единодушными братьями с радостью да будет дозволено такому пребывать в молитве, чтоб и сами они получили награду от Бога за данное брату соизволение и доброе ему содействие; только бы решающийся на сие решался испытывая неудержимое жаждание пребывать с единым Господом, — и самым делом пребывал в сем подвиге непрестанного стремления к Господу, противясь всем излишним помыслам, чтоб таким образом плоды его, к общему назиданию для всех делались явными ежедневно. Кто имеет любовь к Господу, хотя бы не было еще в нем уязвления и горения любовию Божественною во время молитвы, но если делает он над собою усилия, подвизается и принуждает волю к труду сему, безусловно предавая себя небесной любви, стараясь приобрести истинную духовную молитву; тому с радостью да позволят пребывать в молитве прочие братья, и лучше сказать, да содействуют ему, как помощники, признавая собственным своим приобретением преспеяние брата в совершеннейшем, да не отвлекают от сего, действуя по соперничеству и ревности, да не препятствуют началу прекрасного ревностного подвига, и да не прерывают доброго стремления к Богу. И Бог, видя горячность взаимной любви, исполнит прошения всех, удовлетворяя каждого за правое и доброе изволение касательно друг друга.

19. Вступивший в чин молитвенников, как принял на себя самое великое дело, так и подвиг должен принять самый обширный; потому что к непрестанному пребыванию в молитве много препятствий: сон, уныние, отяжеление тела, кружение помыслов, нетерпение, расслабление; и кроме всего этого возстание лукавых духов, которые ведут брань с душою, самым делом непрестанно взыскующе Бога, противоборствуя ей и всячески возбраняя приблизиться к Богу. Посему ему надлежит постоянно пребывать в трезвенном внимании ко всему внутри происходящему, в борении, терпении и плаче, всеусильно стараясь не допускать ничего неблагоприятного молитве.

20. Если молитву нашу не будут украшать смиренномудрие, любовь, простота и доброта, то нимало не принесет нам пользы такая молитва, или лучше сказать, это будет личина молитвы. Это впрочем должно сказать не об одной молитве, но о всяком вообще подвиге, — девстве ли то, или посте, или бдении, или псалмопении, или служении и о всяком другом труде, совершаемом ради добродетели. Если при них не находим в себе плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, искренности, терпения, независтливости и подобное; то напрасны все такие труды и подвиги. Ибо

для таковых плодов они и подъяются; почему когда не находится в нас сих плодов, то всякое делание наше и все подвиги наши тщетны. Не имеющие сих плодов в день суда окажутся в одном ряду с юродивыми девами.

21. Неспособные еще в совершенстве посвятить себя делу молитвы, с верою и страхом Божиим уготовляйте себя на служение братии, или на прохождение послушаний; и вступив в сей труд, совершайте его, как исполняющие заповедь Господню и делающие духовное дело; будьте внимательны к нему, как к делу Божию, и служите с радостию, как рабы Господни, отнюдь не допуская злобе врага осквернять доброе дело ваше человекоугодием, или ропотом, или высокомерием, или разлением, или небрежностью; и напротив всячески стараясь прекрасное послушание свое освящать благоговением и любовию к Богу, да будет оно благоприятно пред Ним.

22. Итак, поелику всем братьям, ведущим один образ жизни, предлежит одна, сказанная выше цель; то каждый да подвизается по мере сил, и да верует Богу, что при доброй тщательности и при упражнении в добродетели, достигнет он в совершенную меру христианского сыноположения. Простота же, искренность, взаимная любовь, радость и во всем смиренномудрие да будут всегда непоколебимыми в братстве, как основание, чтоб иначе превозносясь, или надмеваясь друг над другом, или предаваясь ропоту, не сделать нам труда своего напрасным. И тот, кто пребывает непрестанно в молитвах, да не превозносится над неспособным еще к такой постоянной молитве, чтоб дело его могло преспевать пред Богом и людьми. И тот, кто посвятил себя служению, или прохождению другого какого послушания, да не ропщет по внушению злобы, и да не клеветает на пребывающего в молитвах и постах, чтоб и ему приобрести благодать у Бога, и чтоб дело его стало благоприятно Богу. —

Будучи членами друг друга, обязаны мы один другого покоить. Как телесные члены, управляемые одною душею, без зависти услуживают друг другу, так и мы, будучи членами друг друга, управляемы единым Духом и питаемы единым живым Словом истины, должны, ко взаимному друг друга упокоению, проводить себя в общее согласие любовию и простотою, добротою и радостию. — Когда будет сохраняемо такое расположение взаимной друг с другом простоты, тогда избыток упражняющихся в молитвах восполнит недостатки в сем деле несущих послушания, и обратно, избыток от трудов несущих послушания восполнит недостатки сего в пребывающих в молитвах, яко да будет, по слову Апостола, равенство (2 Кор. 8, 14). Только бы были утверждены между братьями простота, любовь, смиренномудрие и независтливость. Тогда в какой мере кто верует, любит и трудится, в такой же мере ежедневно преуспевая, сподобится царствия. Вот подлинно Ангельская жизнь! Сие—то и значит: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, когда соединяемся друг с другом независтливостью простотою, любовию, миром и радостию, преспеяние ближнего почитая собственным своим приобретением, а равно немощи, или недостатки и скорби, признавая собственным ущербом, как сказано: не своих си смотряюще, но и дружних кийждо (Фил. 2, 4). Таким образом сострадая друг о друге, и особенно сильные о слабых, и крепкие о немощных, в состоянии будем исполнить закон Христов, как указал св. Павел (Гал. 6, 2).

4. О добродетелях и страстях. (Т. 3, стр. (519—634).

1. Надобно знать, что поелику человек двойствен, т. е. состоит из тела и души, то и чувства имеет двоякия. Есть пять чувств душевных и пять чувств телесных. Душевные у мудрецов называются силами души, и суть следующие: ум, разум (разсудок), мнение (смысл), воображение и

чувствование; телесныя же чувства суть: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Отсюда происходят двоякия добродетели и двоякие пороки. И всякому человеку весьма необходимо знать в ясности, какия есть добродетели душевныя, и какия добродетели телесныя, а также какия душевныя и какия телесныя страсти.

Добродетели душевныя.

2. О душевных добродетелях утверждаем, что главным образом четыре родовыя добродетели, а именно: мужество, благоразумие, целомудрие, справедливость. От них же раждаются следующие душевныя добродетели: вера, надежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, терпение, доброта, негневливость, Боговедение, нераздражительность, простота, невозмущаемость, нелицемерие, правдолюбие, свобода, отвращение от осуждения, от тщеславия, от кичения, от гордости, от зависти, от коварства и от сребролюбия, сострадательность, милосердие, щедрость, почтительность, благоговение, влечение к будущим безсмертным благам, желание Царствия Божия, вожделение всыновления.

Добродетели телесныя.

3. Телесныя же добродетели, о которых вернее можно сказать, что они ведением по Богу обращаются в орудие добродетелей, и если чужды всякаго лицемерия и человекоугодия, возводят человека к преспеянию в смирении и безстрастии, суть следующие: воздержание, пост, голод, жажда, бдение, всенощное стояние, коленопреклонение, постоянное нехождение в баню, удовлетворение себя одним хитоном, сухоядение, позднее и то в малом количестве вкушение пищи, питье одной воды, возлежание на голой земле, нищета, нестяжательность, изможденность, непопечительность об одежде, несамолюбивость, уединение, безмолвие, безвыходное пребывание в келлии, скудость, довольство малым, молчаливость, собственноручное упражнение в рукоделии, всякое злострадание и всякий телесный подвиг. Все сие, когда тело здорово, и тревожат его плотския страсти, весьма нужно и полезно, а когда оно немощно, и при помощи Божией преодолело в себе страсти, не столько необходимо; потому что все исполняет святое смирение и благодарение.

Страсти душевныя.

4. Душевныя страсти суть: забвение, леность и неведение. Сими тремя страстями омрачаемое око душевное, т. — е. ум, подпадает господству прочих страстей, каковы суть: нечестие, неправоверие, т. — е. всякая ересь, хула, раздражительность, гнев, дасада, вспыльчивость, человеконенавистничество, памятозлобие, клевета, осуждение, неразумная печаль, страх, боязнь, раздор, ревность, зависть, тщеславие, гордость, лицемерие, ложь, неверие, неблагоразумие, неразборчивость, недалъновидность, ненасытность, любостяжание, леность, притязательность, пристрастие, привязанность к земному, уныние, малодушие, неблагодарность, ропот, кичение, самомнение, запальчивость, высокомерие, любоначалие, человекоугодие, коварство, безстыдство, нечувствительность, ласкательство, скрытность, насмешливость, двоедушие, соизволение на грех по страсти, непрестанное помышление о грехах, скитание помыслов, самолюбие, — матеръ всего худаго, сребролюбие — корень всех пороков и страстей, злонравие и лукавство.

Телесныя страсти.

5. Телесныя же страсти суть: чревоугодие, прожорство, роскошь, пьянство, ядение в тайне, разные роды сластолюбия, блуд, прелюбодеяние, распутство, нечистота, кровосмешение, детораствление, скотоложство, худыя пожелания и всякия противоестественныя и постыдныя страсти, воровство,

святотатство, разбой, убийство по зависти или в неразумном раздражении, всякое телесное успокоение, удовлетворение хотениям плоти, особенно в здоровом состоянии тела, волшебство, ворожбы, чародеяния, гадания, предвещание, щегольство, легкомыслие, нега, страсть к нарядам, натирания лица, предосудительное распутство, игра в кости, пристрастная преданность мирским удовольствиям, жизнь плотоугодная, одебеляющая ум, делающая его оземленившимся и скотоподобным, и никак не допускающая возвести взор к Богу и к делам добродетелей. Корнем же всех зол и, как сказал бы иной, первую причиную служит сластолюбие, славолубие и сребролюбие, от которых раждается все худое.

6. Но человек не грешит ни одним грехом, если наперед, как говорит мудрый из подвижников Марк, не превозмогут над ним и не возобладают им сильные эти исполины, т. — е. забвение, леность и неведение. Их же раждает сластолюбивая и покойная жизнь, привязанность к людской славе и развлечению. А первоначальная причина, и самая негодная мать всему этому есть самолюбие, т. — е. неразумная привязанность и страстная приверженность к телу, разлиание и расеянность ума, вместе с острословным сквернословием, всякою вольностию в речах и смехом, кои приводят ко многому худому и ко многим падениям.

7. Сверх того надобно знать, что обратившееся в страсть славолубие весьма разнообразно, и много имеет видов, и что много удовольствий, обольщающих душу, когда не трезвенствует она пред Богом, и не объемоте страхом Божиим и любовию Христовою, озабоченная деланием добродетелей. Ибо отовсюду представляются тысячи удовольствий, привлекающих к себе душевныя очи: и телесная красота, и деньги, и роскошь, и слава, и леность, и гнев, и обладание, и любоначание, и любостязательность, на обольщение наше доставляют нам удовольствия, у которых взор светел и любезен, достаточен, чтобы привлечь к себе обвороженных чем либо подобным, и не имеющих в себе сильной любви к добродетели, но испытывающих трудность. Всякая земная связь, всякое пристрастие к чему либо вещественному, как бы ни было оно маловажно, в пристращающемся производит удовольствие и приятное ощущение, хотя неразумное, и в последствии вредное, и вождевательную силу души так сильно в этом поработает, что покорившийся страсти лишением любимого ввергается в раздражительность, в печаль, в гнев, в памятозлобие. А если сверх пристрастия овладевает человеком хотя небольшая привычка, тогда, увы! она делает, что плененный неразумным пристрастием до конца предается ему, по причине сокрытаго в нем удовольствия.

8. Удовольствие похоти, по сказанному выше, многообразно, и находит себе удовлетворение не только в блуде и других телесных наслаждениях, но и в прочих страстях. И целомудрие состоит не в том только, чтоб воздерживаться от блуда и от плотских удовольствий, но чтобы свободным быть, и от прочих страстей. Потому корыстолюбец, сребролюбец, любостязательный — не целомудр. Как один пленяется телесною красотою, так этот деньгами. И последний еще в большей мере не целомудр; потому что не имеет равнаго с первым побуждения, которое бы нудило его требованием самой природы. Ибо не тот всадник, по справедливости, наиболее называется не искусным, который не удерживает упрямаго и рьянаго коня, но тот, который не умеет управиться с конем смиренным и послушным. И из всего видно, что страсть к деньгам выше прочих и не естественна; и побуждения к оной заключаются не в природе нашей, но в превратном произволении; почему, кто преодолевается ею, тот грешит непростительно. Поэтому надлежит нам ясно выразуметь, что сластолюбие не ограничивается одною блудливостию и телесными наслаждениями, но имеет место во всем, что

любим по душевному произволению и пристрастию.

9. Чтоб еще яснее узнать нам страсти, признали мы необходимым присовокупить и следующее.

Душа делится трехсоставно: на силу мысленную, раздражительную и вожделетельную.

И грехи мысленной силы суть следующие: неверие, ересь, неблагоразумие, хула, неразборчивость, неблагодарность, и соизволения на грехи, происходящая от страстной силы в душе. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат — несомненная вера в Бога, истинные и не погрешительные догматы, постоянное изучение словес Духа, чистая молитва, непрестанное благодарение Богу.

Грехи раздражительной силы суть следующие: жестокосердие, ненависть, несострадательность, злопамятство, зависть, убийство и постоянное помышление о подобном сему. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат человеколюбие, любовь, кротость, братолюбие, сострадание, терпеливость и доброта.

Грехи вожделетельной силы суть следующие: чревоугодие, прожорство, пьянство, блуд, прелюбодеяние, нечистота, распутство, корыстолюбие, вожделение пустой славы, золота, богатства и плотских удовольствий. К уврачеванию же и исцелению от оных служат — пост, воздержание, злострадание, нестяжательность, расточение денег на бедных, стремление к будущим благам, желание Царствия Божия, вожделение всыновления.

10. Скажу теперь и о страстных помыслах, которыми приводится в исполнение всякий грех.

Всех порочных помыслов восемь: чревоугодия, блуда, сребролюбия, гнева, печали, уныния, тщеславия, гордости. Чтобы все сии помыслы тревожили или не тревожили нас, это не в нашей воле; но чтобы они пребывали, или не пребывали в нас, и возбуждали или не возбуждали страсти, это в нашей воле.

Но иное дело — приражение, иное — сдружение, иное — страсть, иное — борьба, иное — соизволение, приближающее к делу и уподобляющееся оному, иное — самодеятельность, иное — пленение.

Приражение есть простое напоминание, делаемое врагом, например: сделай то и то, как враг сказал Христу Богу нашему: рцы, да камение сие хлебы будут (Мф. 4, 3). И это, как сказано, не в нашей воле.

Сдружение же есть принятие помысла, внушаемого врагом, и как бы занятие им и с удовольствием соединенное собеседование с ним, происходящее по нашему произволению.

Страсть есть вследствие сдружения образовавшийся навек к помыслу, внушаемому врагом, и как бы постоянное о нем помышление и мечтание.

Борьба есть взаимное противление помысла и ума, клонящееся или к истреблению страсти в помысле, или к соизволению на страстный помысл, как говорит Апостол: плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся (Гал. 5, 17).

Пленение есть принужденное, невольное увлечение сердца, преобладаемого предубеждением и долговременною привычкою.

Соизволение есть изъявление в помысле согласия на страсть; а самодеятельность — самое действие по соизволению страстного помысла.

11. Кто своим противоречием и твердостью в самом начале отражает от себя первое, т. — е.

приражение, тот за один раз пресекает все остальное.

Истребляется же чревоугодие — воздержанием, блуд — Божественною любовью и влечением к

будущему, сребролюбие сострадательностию к бедным, гнев — добросердечием и любовью ко всем, мирская печаль — духовною радостью, уныние — терпением, твердостью и благодарностию пред Богом, тщеславие — тайным деланием добродетелей и постоянною молитвою с сердечным сокрушением, гордость — тем, чтобы никого не осуждать и не уничивать, подобно хвастливому Фарисею, но почитать себя последним из всех.

Таким образом ум, освободившись от всех сказанных страстей и вознесшись к Богу, еще здесь начинает жить жизнью блаженною, прияв залог Св. Духа, и по отшествии отсюда, с безстрашием и истинным ведением, поставляется во свете Святыя и Божественныя Троицы, вместе с Божественными Ангелами, сияя во все безпредельные веки.

12. Душа, как сказано было выше, трехсоставна; потому что в ней три силы: помысл, раздражительность и вожделение. Если в раздражительности есть любовь и человеколюбие, а в вожделении чистота и целомудрие, то помысл светел. А если в раздражительности человеконенавистничество, и в вожделении распутство, то помысл мрачен.

Разум, когда страсти подчинены ему, бывает здрав, целомудрен и светел, духовно созерцает соотношения тварей Божиих, и возводится к Святой и Блаженной Троице.

Также и раздражительность тогда бывает в естественном движении, когда любит всех человеков, ни на кого из них не сетует и не помнит зла.

И вожделение верно природе, когда воздержанием, смиренномудрием и нестяжательностию умертвит страсти, т. — е. плотское удовольствие, влечение к корысти, и к преходящей славе; потому что вожделение имеет тройкое стремление, или к плотским удовольствиям, или к пустой славе, или к прелести богатства, — и по причине сего противнаго разуму стремления, небрежет о Боге и о Божиих заповедях, забывает собственное свое благородство, ожесточается против ближняго, омрачает помысл и не позволяет ему возвести взор к истине.

А кто приобрел высший образ мысли, тот еще здесь, как сказано выше, предвкушает Царство Небесное, начинает жить блаженною жизнью, ожидая себе блаженства, уготованнаго любящим Бога, котораго да сподобимся и мы недостойные, по благодати Христовой.

13. Надобно знать, что в меру совершенства какой бы то ни было добродетели невозможно достигнуть тому, кто в продолжение целой жизни, с неутомимым трудолюбием не стремится приобрести ее деятельною рачительностию. Сие должно сказать о милостыне, о молитве, о любви, или о которой угодно из родовых добродетелей — о мужестве, благоразумии, целомудрии и справедливости. — При непрерывности труда в исполнении добродетелей, надобно остерегаться, чтоб не умалять и совсем не уничтожать их цены и значения, допуская нехорошия при них цели, например — человекоугодие, пустую славу и подобное. И сверх всего этого в добродетелях надобно упражняться всегда с разсудительностию — которая выше всех добродетелей, как бы некая царица, и добродетель добродетелей.

14. Всем желающим преуспевать в добродетели и старающимся уклониться от греха, весьма необходимо знать еще, что поколику душа несравненно выше тела, потолику и душевныя добродетели, особенно же богоименныя и богоподражательныя, выше добродетелей телесных; равно как душевныя пороки тяжелее и пагубнее телесных, как по своим действиям, так и по налагаемым наказаниям, хотя не знаю, почему ускользает сие от разумения многих. Пьянства, блуда, воровства и близких к сим пороков, как таких, которыми видимо многие гнушаются, они остерегаются, боятся и

- избегают; но равнодушно смотрят на пороки, гораздо важнейшие, как душевные, — зависть, злопамятство, высокомерие, лукавство, и корень всех зол — сребролюбие, и подобные сим пороки.
5. О борьбе с осмью главными страстями, вообще. (Сл. 55–е, ч. 2, 599—600)
1. Знай, что есть восемь помыслов, которыми производится все худое: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они—то ведут брань со всяким человеком.
 2. Ты же, если хочешь препобедить чревоугодие, возлюби воздержание, имей страх Божий, — и победишь.
 3. Если хочешь победить блуд, возлюби бдение и жажду, помышляй всегда о смерти и никогда не имей бесед с женщиною, и — победишь.
 4. Если хочешь препобедить сребролюбие, возлюби нестяжательность и нерасточительность.
 5. Если хочешь препобедить гнев, приобрети кротость и великодушие, и содержи в мысли, сколько зла делали Иудеи Господу нашему Иисусу Христу, и однакоже Он, как человеколюбец Бог, не гневался на них, а напротив того молился за них, говоря: Отче, отпусти им, грех сей: не ведают бо, что творят (Лук. 23, 34).
 6. Если хочешь преодолеть безвременную печаль, никогда не печалься о чем—либо временном; но если тебя язвят словом, или беспокоят, или безчестят, не печалься, а напротив того радуйся. Тогда только печалься, когда согрешишь; но и в сем случае соблюдай меру, чтобы не впасть в отчаяние, и не погибнуть.
 7. Если хочешь препобедить уныние, займись, хотя не надолго, каким нибудь рукодельем, или читай, или часто молись.
 8. Если хочешь препобедить тщеславие, не люби похвал, ни почестей, ни хороших одежд, ни первоседания, ни предпочтения, а напротив того люби, чтобы порицали и безчестили, взводя на тебя ложь: и укоряй сам себя, что ты грешнее всякаго грешника.
 9. Если хочешь препобедить гордость, что ни делаешь, не говори, что делается сие собственными твоими трудами, или собственными твоими силами, но постишься ли, проводишь ли время во бдении, спишь ли на голой земле, поешь ли псалмы, или кладешь много поклонов, говори, что при Божией помощи и при Божиим покровительстве делается сие, а не моею силою и не моим старанием.
- а. О борьбе с чревоугодием. (Т. I, 139—598).
10. Не имей монах пожелания мяс, и не пей вина до упоения: иначе огрубеет твой ум, и житейским попечениям не будет у тебя конца.
 11. Признаки доброй жизни в молодом монахе — смиренномудрое воздержание от винопития и многословия. Кто любит их, тот не доведет до конца доброй жизни.
 12. Не принуждай брата своего пить вино до опьянения, хотя бы издавна он употреблял его; ибо корабль строится долгое время, а сокрушается мгновенно от одного удара.
 13. Кто желает плотскаго упокоения, тот готовит себе много напастей; а долготерпеливый спасается.
 14. Лучше есть о Господе, и благодарить Господа, нежели не есть и осуждать ядущих и благодарящих Господа.
 15. Сел ты за трапезу? Ешь хлеб, а не осуждай ближняго, чтоб чрез осуждение не сделаться тебе пожирающим брата своего.
 16. Будь здрав в вере, и ешь все предлагаемое тебе о Господе. Если предложено вам что снадное,

- чего не хочешь ты есть; не отсылай сего с трапезы, когда другие хотят есть и благодарить Господа.
17. Сел ты за трапезу? Ешь, как человек, и не озирайся, как невежда.
18. Один брат сказал: «не по брезгливости какой отказываюсь есть мясо: ибо всякое создание Божие добро и ничтоже отменно (1 Тим. 4, 4); но поелику написано: непользует безумному сладость (Прит. 19, 10), то неразумно монаху есть мясо животных».
19. Когда предложены куски (остатки), не гнушайся и кусками; ибо Господь повелел ученикам Своим собрать избытки укрох, да не погибнет ничтоже (Иоан. 6, 12).
20. Укоризна человеку — упиваться вином; видев многих, никого не нашел я подобным упивающемуся.
21. Воздержание измождает плоть, а многоядение делает грубым ум.
22. Угнетай монах, и порабощай плоть свою, чтоб не быть тебе отверженным.
23. Делай во плоти своей, и принесешь плод Богу.
24. Хочешь ты, монах, достигнуть покоя в обществе братии? Довольствуйся общею трапезою братии; и будет исцеление плоти твоей, и уврачевание костью твоим (Прит. 3, 8), и душа твоя не потерпит вреда. Аще же на чаши и сткляницы вдаси очи твои, последи поболитишь, яко от змия уязвлен (Прит. 23, 31).
25. Лев, гонясь за добычею для своего чрева, делается пленником: и чревоугодник унижается для удовольствия чрева.
26. От множества снедей грубым делается ум, а доброе воздержание очищает его.
27. Человек упивающийся и раздражительный возмущает души братий, и посрамление его постоянно при нем.
28. Человек, выпивающий вечером, делает и говорит, что не должно, и по утру раскаявается; но если опять сыщет вино снова поступает также.
29. Не пей вина до упоения, хотя упрасивают тебя находящиеся с тобою друзья: ибо если одолеет тебя вино, то упрасивавшие тебя прежде всех соблазнятся тобой.
30. Чревоугодник трудится и крушится о том, как наполнить чрево свое яствами, а когда поел, мучится во время пищеварения; воздержание же сопровождается здоровьем и трезвостью.
31. Монах чревоугодник заботится о многом, а воздержный подобен серне в поле.
32. Не заботься, монах, о чреве, и будешь иметь покой.
33. Всех дров в лесу не достаточно для насыщения огня; так ненасытима плоть, как ее ни довольствуй.
34. Упивающийся пастырь не упасет вверенных ему овец, а сонливый и сам делается добычею зверей. Ибо терния прозябают в руце пианицы (Прит. 26, 9), а душа воздержнаго припадает к Богу.
35. Воздержание есть нрав терпения.
36. Не пей вина до упоения в угождение людям; ибо тогда будет тебе великий стыд, когда найдут тебя упившимся.
37. Вкусил ты хлеба и насытился! Воздай славу Богу, напитавшему тебя. А если хочешь довольствовать тело свое малым, воздай славу укрепившему тебя Богу, и не говори перед всеми: «не съел я и такой-то доли хлеба». — Что придаешь этим себе? — Не осуждаешь ли только ядущих и благодарящих?
38. Монах чревоугодник называет пост временем печали, а воздержный и в посте не смотрит

угрюмо.

39. Воздерживаться сверх меры, как думаю, не похвально: и пренебрегать должным воздержанием не полезно. Как долговременное уклонение от установленных снудей производит расслабление и недостаток сил к служению, так пресыщение яствами подвергает осуждению. Сказано: горе вам, насыщенным ныне, яко взалчете (Лук. 6, 25). Сверх того невоздержный от неумеренности впадает в плотския страсти. Посему благочестно и надлежащим образом надобно управлять телом.

40. Встав по приятии утешения (за трапезою), не ходи по келлиям, но безмолвствуй в своей келлии; потому что диавол многих обольстил вином. Посему, по принятии утешения, быть в чужой келлии служит призраком безстрашия и развращения. В подобных собраниях совершается падение душ, особенно когда в бездействии бывает жезл настоятеля. Ибо кто не хочет обуздывать ум свой страхом Божиим, тому нужен человеческий страх, чтоб им удерживался он от бесполезного, подобно тому, как раб бывает целомудренным при строгости господина.

41. Снеди употребляй простыя и необходимыя, чтобы ум твой не огрубел в объядении, пьянстве и печалях житейских (Лук. 21, 34). Ибо одержимые подобною страстию и блуд ставят не в блуд, и прелюбодеяние не в прелюбодеяние, и не отрицаются от всего того, что делают язычники, неведущие Бога; но все это совершают необязненно, ни чем не отличаясь от свиней в грязи; не памятуя ни о Законе, ни о Пророках, ни о Самом Господе, вочеловечившемся на разорение незаконнаго греха. Не будь же пристрастен к мясам и к винопитию, чтоб не сделать тебе ум свой неспособным к принятию духовных дарований.

42. Не услаждайся банями, питиями и множеством мяс, чтоб не впасть тебе в неодолимая опасности, погреша в чем либо важном.

43. Не слушай советов самоугодливых людей, — которые сделали себя рабами чрева и плотских страстей.

44. Многоядение и многопитие в настоящем только имеют приятность, а на следующий день оставляют в помысле неприятность и расслабление.

45. Монах не останется долго на одном месте, и не найдет себе успокоения, если не возлюбит прежде молчания и воздержания. Ибо молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец приобретшаго сие ожидает мирное устройство сердца.

46. Не прельщайся насыщением чрева, и не упивайся вином, в немже есть блуд (Еф. 5, 18). Ни в чем нет тебе пользы, кроме одного исполнить волю Божию.

47. Знай, что в какой мере греет кто, на беду себе, плоть свою, в такой мере умножает в себе страсти, и наконец душа, обремененная худым навыком тела, делается бесплодною. Посему Спаситель говорит: внемлите себе, да не отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими (Лук. 21, 34). Потому и Апостол говорит: умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя, сам неключим буду (1 Кор. 9, 27). — Если же кто принуждает себя к делу Господню, то в такой же мере и тело его делается сильным, и душа просветляется. Как борец постоянно проводит время в телесных упражнениях, чтобы приспособить тело свое к искусству борьбы, так и подвижник благочестия должен упражняться во всяком добром делании, как говорит Апостол: обучай себе ко благочестию (1 Тим. 4, 7. 8).

б. О борьбе с блудною страстию. (Чч. 1. 2 и 3)

48. Сластолюбивый при встрече женщин делается весел и привлекается красотою их; телесная

доброцветность сводит его с ума, восхищает благообразие лица, очаровывает статность стана, и в беседах с женщинами тает он от удовольствия; при воспоминании виденного, похотливо мечтает, живо представляя в уме женския лица, страстные их выражения, обворожительныя улыбки, манования очей, нарядность одежд, льстивыя речи, сжатие губ. С мужчинами ему скучно; а если увидит женщин, просветляется, бежит взад и вперед, чтоб оказать свои услуги; тогда откуда борется у него и голос к пению, умение сказать острое слово, посмеяться и показать себя занимательным и приятным.

49. Не позволяй глазам своим блуждать туда и сюда, и не всматривайся в чужую красоту, чтоб с помощью глаз твоих не низложил тебя противник твой.

50. Укоризна монаху — блуждающее око. Блуждающее око причиняет много скорбей тому, кто следует за ним. Если не воздержишься от скитания очей, то не проложишь прямых стезей целомудрия.

51. Если возлюбишь воздержание, то обуздаешь демона блуда.

52. Кто питает плоть тела своего, тот питает злыя похоти, и срамные помыслы не оскудеют у него.

53. Кто обуздывает очи свои, тот делается легким; а у кого взор блуждает, тот соберет на себя бремя. Ибо сказано: парение похоти пременяет ум незлобив (Ирем. 4, 12).

54. Если по увлечению дашь глазам волю смотреть на суету, то скорее останови их, чтоб не впасть в срамоту плотоугодия.

55. При распалении плоти не касайся тела, чтоб не произвести сильнейшаго распаления.

56. Будь внимателен к себе, монах, будь внимателен, встречаясь с женщинами.

57. Бегаешь змеи, угрызающей тело, паче бегай женщины, которая угрызает душу.

58. Кто занимается красотой женщины, тот в душе своей насаждает пожелание красоты ея, а кто замедляет у дверей дома ея, тот уподобляется идущему по льду; потому что недалеко от него поползновение.

59. Что два борца, то монах в обществе с женщиною. Но трезвенный соберет корысти, а сам не будет окраден.

60. Не склоняй слуха своего к речам срамным, чтоб не осквернился ум твой. Якоже бо дым очима (Прит. 25, 20), так и срамное слово вредно душе.

61. Если беспокоит тебя дух блуда, запрети ему, говоря: «Господь да потребит тебя, исполненный зловония, бес нечистоты». Ибо знаем сказавшаго: мудрование плотское вражда на Бога (Рим. 8, 7).

62. Всякий, кто любит чистоту и целомудрие, делается храмом Божиим.

63. Кто храм Божий растлит, растлит сего Бог (1 Кор. 3, 17), говорит Божественное Писание. Как псу, усиленно противься демону блуда; никак не соглашайся увлечься таким помыслом; потому что от искры много бывает угольев, и от худой мысли умножатся худыя пожелания. Старайся истреблять воспоминание о них паче зловония тиннаго.

64. Как благоухание веселит обоняние, так и Дух Святой увеселяется чистотою и обитает в человеке.

65. Как свинье приятно валяться в грязи, так и бесы находят для себя приятность в блуде и нечистоте.

66. В чистоте обитает великий свет, и радость, и мир, и терпение; а в блуде обитают печаль, уныние, ненасытный сон и густая тьма.

67. Возлюби, монах, чистоту в любви Христовой; она также прилична житию твоему, как плотнику

прилично иметь скобель.

68. Один монах, терпя от блуда, запрещал бесу, говоря: «иди во тьму, сатана! разве не знаешь, что хотя и не достоин я, однакоже ношу члены Христовы?» И тотчас мгновенно прекращалось распаление (как будто кто дунув, погашает светильник); почему он сам в себе дивился этому, и прославлял Господа.

69. Для чего с такою небоязненностию любишь наряжаться? Послушай, что говорит Апостол: похотей юных бегай (2 Тим. 2, 22). Разве не знаешь, с каким врагом борешься? Разве не знаешь, как тяжело быть сетью для другой души? Как не размыслишь, какую гнилость и какое тление наследуют делающие подобныя дела? Желательно мне сделать тебе известным, что если внешний человек и наряден, но жилище души осквернено; то красота его не замедлит повредиться. А если приобретешь душевную красоту, то из этой красоты, и из этого света излиется нечто и на внешнего человека, и такая красота бывает постоянна!

70. Кто украшает одежды свои и наполняет чрево свое, тот потерпит много браней; а трезвенный страшен противникам.

71. Если во время работы потревожит тебя дух блуда, не обленись простереть руки свои на молитву, и молитва веры противостанет за тебя.

72. Подавляй в себе похоть, пока она не подавила тебя, потому что покоряющихся ей приводит она во дно адаво.

73. Люби мир и святыню (чистоту), чтоб сподобиться узреть лице Господа Бога.

74. Удерживайся, брат, от шуток, чтоб не сделали они тебя безстыдным; безстыдство же есть мать непотребства.

75. Не ходи в келлию к упивающимся, чтоб не погубить тебе внезапно богатства целомудрия.

76. При воспламенении в теле похоти, приводи себе на мысль неугасимый огонь и нескончаемого червя, и тотчас угаснет разжжение членов; иначе, разслабев, будешь побежден и станешь раскаяваться, и обьет тебя огонь скорбию раскаяния, и привыкнешь грешить, хотя будешь раскаяваться. В начале постарайся быть строгим ко всякому движению пожелания сего, чтоб не преодолеваться им, — и не привыкнешь уступать над собою победу в брани. Ибо привычка — вторая природа. Привычка к послаблению никогда не даст тебе приобрести строгость. Она всегда созидает и разоряет, грешит и раскаявается. Если привыкнешь разслабевать, когда нападают на тебя, то надписью в рукописании твоём в век века будет: раскаяние. Кто привык уступать над собою победу пожеланию, того всегда обличает совесть его; он во всякое время печален, и хотя при других показывает веселое лицо, но внутренне уныл по причине обличения совести своей. Ибо обыкновенное достояние похоти — сообщать мучительную печаль исполняющим ее. Поэтому внимай всею душею своею, всегда имея в себе Бога.

77. Будь внимателен к себе самому, и старайся до смерти соблюсти себя чистым, чтоб с дерзновением и радостью встретить тебе бессмертного Жениха. Чти девство; и оно введет, тебя в небесный чертог. Посему сказал Апостол: обручих вас единому мужу, деву чисту, представи Христови (2 Кор. 11, 2).

78. Охраняй тело от греха, чтоб не солгать пред Создателем; потому что принесли мы себя в дар Господу, и не имеем уже власти над телом своим, и не можем взять дара назад, по собственной своей воле. Если кто, дав обет Богу, принес дар Господу, и Иерей, взяв дар, положил оный в храме, то хотя

бы принесший дар сей и раскаялся после, не имеет уже он власти взять дар назад по принесении онаго Господу; а если вознамерится похитить оный тайно, то не будет свободен от обвинения, как взявший свою собственность, но понесет наказание как святотатец. Подобно сему и посвятившие души свои Богу не имеют уже власти над собственным своим телом.

79. Берегись худаго совета. Ибо бывает, что отпадшие от добродетели усиливаются запнуть и других, чтоб не одним валяться в непотребной жизни. Говорят они с приятностию, чтоб послушных им, отвлекши от целомудрия, погрузить в грехи. Сами подвергшись падению, не только не хотят они возстать, но и другим намеренно бывают в соблазн, — на падение и растление. И диавол пользуется ими, как приманкою на уде. Гроб отверст гортань их, преданных в страсти безчестия (Рим. 3, 13; 1, 26). Берегись их, чтоб они не сожгли тебя мягкими речами своими.

80. Блаженны соблюдающие святыню (чистоту) в смиренномудрии! — Но никто да не надеется достигнуть покоя (в сем деле), предавая себя в послушание внушениям врага: ибо тогда мучитель сей будет держать их в плену чрез помыслы и услаждения похотных, хотя без дел срамных. В таком положении, поелику они не познали жены, враг внушает им мысль приписывать себе девство, тогда как все тело исполнено у них скверны похотной. Так враг делает, что величаются они, как свободные от греха, тогда как он насыщает их гроздом желчи, и гроздом горести (Втор. 32, 32),

81. О том, чтоб не упиваться вином и не проводить времени с женщинами, излишне и говорить; так как всякий сам ясно видит, сколь чуждо это добродетели. И не в этом только одном необходимо беречься устремления бесов но и с мужчинами не должно вести разговоров изнеженных, могущих возбудить похотную сласть, и повлечь душу в погибель. — От свидания с женщинами отказываемся мы не потому, чтоб почитали женщин лукавыми, но потому, что чрез свидание и беседу с женщинами врагу легко нас низложить и довести до преступления заповеди Божией. Нам же надобно отовсюду беречься приражения лукавых духов, возлагая надежду на всеоружие и силу Святаго Духа. Кто запирает от врага одну дверь, а две отворяет ему, и думает о себе, что он в безопасности, тот обманывается. Нет; отовсюду необходимо себя обезопасить, и не давать предлога ищущему предлогов.

82. Не будь нерадив о добродетели целомудрия, но всеми силами старайся иметь в себе святыню (чистоту), так как для сего оставил ты и мир. Стяжи себе девственность, чтоб вселился в тебя Дух Святой. Не внимай срамным пожеланиям и суетным ласканиям; храни себя чистым, и если начнет в тебе возгораться греховный пламень, угашай его слезами и молитвою к Господу, любящему тех, кои ищут святыни и работают Ему в ней. — Драгоценное стяжание — девственность в правом помысле. Если возлюбишь ее, то будешь прославлен Господом, и во всем благоуспеешь.

83. Если возстанет в тебе плотская брань, не бойся и не упадай духом. Этим придашь против себя смелости врагу, и он начнет всевать в тебя соблазнительныя мысли, внушая: «не возможно прекратиться в тебе разжжению, если не удовлетворишь своей похоти». Но терпя потерпи Господа, с плачем излей молитву свою пред благостию Его, и Он услышит тебя, и возведет тебя от рова страстей, т. — е. нечистых помыслов, и от брения тины, т. — е. срамных мечтаний, и поставит нозе твои на камени святыни (чистоты) (Пс. 39, 1—3), и узришь пришедшую к тебе от Него помощь. Терпи только, не разслабевай помыслом, не приходи в изнеможение, вычерпывая воду из ладьи: потому что пристань жизни близко. Еще глаголющу ти, речет: се приидох (Ис. 58, 9). Но Он выжидает, чтоб увидеть подвиг твой, точно ли даже до смерти готов ты противоборствовать греху.

Итак не малодушествуй; Бог не оставит тебя. Он взирает на твой подвиг; смотрят на оный и лики Св. Ангелов, и толпа бесов. Ангелы готовы подать венец победителю; а бесы — покрыть стыдом побежденного. Будь же внимателен. Не опечаль своих (Ангелов), и не обрадуй чужих (бесов).

84. Для очей Божиих нет скрытного места. Да не обольщает тебя противник, внушая: не узрит. Близ ног Божиих стоишь ты. Не пренебрегай этим. Ибо написано: небо Мне престол, земля же подножие ногама Моима (Деян. 7, 49).

85. Не то беда, что борют нас страсти, и мы должны бороться с ними; но то бедственно, если, поблажив себе, падем пред сопротивниками. Противостой же палящей тебя похоти, чтоб избежать никогда неугасающего пламени. Если раз победит тебя страсть, то не отступит, но еще более будет нападать на тебя. Будь же внимателен к себе, чтоб не лишиться тебе славы Лица Божия.

86. Будем бегать пьянства, будем, сколько можно, бегать встречи с женщинами: ибо слово женщины, как тенета в сердце (Прит. 7, 21), и выслушавшаго оно влечет к скверному смешению.

87. Смотри не будь уловлен кратковременною сластиею, чтоб не лишиться вечной жизни. Призван ты быть купцом; вполне трезвись, чтоб не потерять тебе жемчужины, чтоб враг не похитил твоего сокровища, и не потопил корабля твоего с грузом, и чтоб не возвратиться тебе домой ни с чем. Враг, зная, какую славу приобретает себе у Бога хранящий себя чистым от скверн плоти, сильно борет его помыслами, желая опутать ими человека, чтоб, увлекшись ими, не улучил он будущей славы. И если найдет душу, отвергающую непотребные помыслы, то не часто нападает на нее, но и не вовсе отступает от нея. Скорее же идет туда, где, как только толкнет, тотчас отворяют ему; и оскверняет тело и душу самыми нечистыми пожеланиями у не сопротивляющагося ему; наконец, будто добрый советник, внушает ему такую мысль: «лучше тебе идти в мир, и взять сожительницу, нежели таким образом сокрушать плоть свою». Но ничто подобное не приближается к трезвенному. Посему будь внимателен к себе, чтоб ничто подобное не постигло тебя.

88. Помни, что обещал ты Богу и храни святую (чистоту), чтоб обрести тебе благодать пред Господом. Послушай сказавшего: бегайте блудодеяния (1 Кор. 6, 18). — Желает ли знать какой тяжкий грех — блудодеяние? Вот смотри: кого не могли умертвить змеи в пустыне, тех низложил блуд в земле Мадямской. Если же впал ты в грех, то не оставайся в падении, и не пренебрегай Божиим долготерпением и Божиею пощадою. Помни, яко смерть не замедлит (Сир. 14, 12). Помни, что не возможно тебе избегнуть Божиих рук. Итак не будь нерадив, но кайся, плачь, воздыхай о том, что обольщен ты; ибо если и предадим забвению падение, то создавший нас Бог знает дела каждого.

89. Не будь нерадив, но мужественно противостой врагу, и загради прокоп, которым обыкновенно входит враг разорять тебя, чтобы не нашедши удобнаго входа, ушел он ни с чем. А заградить прокоп значит обезопасить чувства, которыми входит в душу и доброе и лукавое, т. — е. зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, и помыслам не позволять уноситься, куда не должно. Имей в уме исполинов растливших землю владычеством своим, и то, как Господь в одно мгновение с лица земли стер их потопом; и сила их не принесла им пользы. Посуди о земле Содомской и Гоморрской, как потреблена она за грехи обитателей; и не принесли им пользы роскошь и гордыня. Позаботимся же о своем спасении, чтоб и нас не постигла внезапно кончина, и чтоб не пойти нам отсюда в великом осуждении.

90. Скажи внушающему тебе скверныя и нечистыя пожелания: «о, враг истины! Ужели мне стыдить себя для того, чтоб ты выполнил свое желание? Иди к подобным тебе непотребным. Выпросил ты

себе стадо свиней! С ними и утопай. А я не буду больше рабом послушным хотениям своим. Достаточно с меня и прошедшего времени; отныне буду заботиться об истине, и умолять Бога моего, чтобы Он совершенно избавил меня от дел твоих. Он дал мне Духа Святого, а я прогневал Его; дал мне душу и тело чистые, а я осквернил их». Так говори, возлюбленный, внушающему тебе подобная страсти.

91. Некто из Святых сказал: «блуд подобен псу; если будешь ласкать его, не отойдет от тебя, а если погонишь, убежит». Будь внимателен к себе, и не пренебрегай житием своим. Смотри, чтоб за малое удовольствие не погубить тебе плода трудов своих, — ради нечистоты не отдать мзды своего делания, — ради нечистоты не погубить награды за безмолвие, награды за бдение, за воздержание, и за прочия добродетели; не уподобляйся человеку, который полученную им плату кладет в дыравый кошелек. — Огради себя страхом Господним.

92. Если разговариваешь с цветущею красотою, то блюди око, чтоб не возмутило ума твоего вожделение; и тогда начнешь длить речи, полныя страстного движения; и окажется, что краями только уст беседуешь о целомудрии, душою же предаешься похотению и всецело им занят. Потому лучше, когда случится тебе иметь такую встречу, скорее прервав речь, братья тебе за молчание. Ибо Писание говорит: прельсти же его многою беседою (Прит. 7, 21). Частыя такого рода беседы причиняют не маловажный вред душе.

93. Блудник не может любить гнушающегося его страстию, а к подобному себе прилепится муж.

94. Доискивайся, чем преодолеть свое любострастие; потому что это предоставляется твоему деланию.

95. Убежищем от сладострастия служит, — во первых, часто и трезвенно молиться, а потом представлять владычество уму и чистой мысли, не произносить безчинных слов, несообразных с благоговейным устройением духа, в той уверенности, что Господь есть непогрешительный Судия. Внимательность ума и ожидание суда уничтожат внутреннее щекотание и иссушит усиливающуюся похоть; и в таковой душе произойдет тишина (улягутся похотливыя движения).

96. Если ты целомудрен; не превозносись своим воздержанием, но в смиренномудрии моли Господа, чтоб до конца был твоим Хранителем. Ибо нередко внезапное вторжение четвероногих в виноградник вдруг губило плод по нерадению стража.

97. Когда ложишься спать, не подстилай под себя сверх потребности; потому что нега естественным образом может распалить тело твое и сильно разжечь уголь сладострастия.

98. Блажен, кто блюдет тело свое во святыню Спасителю, и не постыдил души своей делами чуждыми, но пребыл благоугодным Господу. Блажен, кто возненавидел дела гнусныя и постыдныя, и принес себя самого в жертву живую благоугодную Господу.

99. Блажен, кто делом обличил мучителя (диавола — тирана душ), и не пришел в страх от пламени сладострастия; потому что душа его орошена будет росой Святого Духа.

100. Если ты мужественно подвизаешься против покушающихся похитить труды делания твоего (тщеславные помыслы); то смотри, чтоб кто ухитрившись не подкрался снизу, и не уронил тебя (блудный помысл). Но приводи в порядок свой помысл (внимай), чтоб не просмотреть тебе попутного ветра и снаряд иметь в готовности, и спасти корабль, введя его в пристань жизни.

101. Кто, посадив у себя смоковничное дерево, оставляет без присмотра плод его? Тем паче должно наблюдать за чистотою и целомудрием. — Или кто, укушенный аспидом, не остерегается

приближаться к норе его? Если же по угрызении вложит он руку в нору его, и в другой раз будет угрызен; кто тогда виноват в смерти? Ядовитое ли животное, или не поберегший себя человек? — А ты выразишь сказанное.

102. Вредно монаху разделять общество с женщиною. А к девственнице вовсе не приближайся, ежели только есть еще в тебе мысль о плотском. Монах, который вместе с женщинами проводит время за вином, ничем не разнится от кидающегося в огонь. Бегай встречи с ними, как серна бежит от тенет.

103. Охраняй непорочность тела своего. Если сохранишь ее по любви ко Христу, то удобно сможешь преуспевать во всякой добродетели. Обитающий в тебе Дух Святой возрадуется о тебе, что ты свой храм Божий наполняешь благоуханием чистоты и праваго изволения, — и укрепит тебя на всякое дело благое. А к преуспеянию в добродетелях и в Божественной чистоте имеешь следующие три пособия: воздержание чрева и языка, и обуздание ока. Все их три надо держать. Если сохранишь, положим, первые два, а глаз не сохранишь от скитания, то не приобретешь прочной чистоты. Как разломанный водопровод не удержит в себе воды, так рассеянное око не удержит целомудренного ума. Не назирай чуждыя красоты (Сир. 9, 8), — и ум твой да будет пригвожден к страху Божию (Ис. 118, 120).

104. Не должно монаху с особенною тщательностию мыть тело или ноги. Как сластолюбцы в изяществе тела и одежд ищут себе удовольствий, так подвижник благочестия противоположным сему ополчается на сопотвников.

105. Не мала борьба между святынею (чистотою) и скверною. Содействующие нам в осквернении внушают такую мысль: «никто тебя не видит; чего боишься?» А содействующие нам во святыне возражают им: «Бог видит, — и Ангелы Его с тобою; как же говоришь: кто тебя видит?» Искуситель продолжает: «где они? Пока никого здесь не видно». На этом содейственники святыни прерывают его: «не видишь?! — Правду сказал ты: ибо написано: ослепи их злоба (Ирем. 2, 21). Создавший око не сматрывает ли (Пс. 93, 9)? Где укроешься от Бога (Пс. 138, 1—12)?» — Вот что вложи себе в помысл, — и грех не будет более властвовать над тобою, и печаль греховная не постигнет тебя, но придут к тебе радость и мир о Духе Святе.

106. Храни чистоту тела своего о Господе, как драгоценную жемчужину; не щеголай одеждami; взор обращай долу, а душу горе; с юношей не доходи до вольнаго обращения, а с женщиною и говорить — лишнее дело; с отроком не дли беседы, и не входи в сообщество с упивающимися и смехотворами, но весь пребывай в страхе Божиим, помня заповедь Апостола: не упивайтесь вином, в немже есть блуд (Еф. 5, 18).

107. Бывает, что лукавый влагает такую соблазнительную мысль: «ежечасно тревожит тебя блудный помысл; долго ли тебе нести это беспокойство и терпеть? удовлетвори плоти, чтоб не быть в борении; после покаешься, — дело это не важное». С трезвенностию отвечай ему: «а кто мне скажет, что, если растлю плоть свою, то найду время к покаянию, и не буду повлечен вместе с делающими беззаконие? Ибо наше житие сень есть на земле (Иов. 8, 9). Если же так случится, то согрешить мне не тоже ли будет, что взять меч и самому себя убить? — Да и как ты говоришь, что дело это не важное? Ибо вижу, как высоко чествуются не поддававшиеся сему влечению, и какими безчестными имеются поблажавшие ему. Иосиф восхваляется из рода в род, и на небе и на земле, а египтянка предается осмеянию; Сусанна целомудренная прославляется, а похотливые старцы на все роды

оставили по себе недоброе имя. — Как еще говоришь ты: удовлетвори однажды и успокоишься? — Не знаешь разве, диавол, что зверь, если привык к плотоядству, чаще удовлетворяет сей страсти? А ты хочешь меня уверить, что если удовлетворю похоти, то она не будет меня более беспокоить. Господь да запретит тебе, лукавый злокозненник, ищущий, подобно льву, поглотить душу мою. Сладкое твое горько, внушение твое — глубина зол, посулы твои исполнены смерти и пагубы. Ты внушаешь мне грех, который обнажит меня от благодати Господней, и оскорбит Духа Святаго. Имже знаменовался я в день избавления (Еф. 4, 30); а говоришь, что это не важное дело. Ты подущаешь меня, да уды Христовы сотворю уды блудничи (1 Кор. 6, 15), чтоб в одно мгновение утратил я бессмертное богатство и сгубил освящение, без котораго никто не узрит Господа. И это, по-твоему, ничего не значит? Ты подущаешь меня прогневить Господа, чтобы в оный страшный день, пред страшным престолом судным, услышать мне от Него, праведнаго Судии: раб лукавый, больше сластолюбивый, нежели боголюбивый, осквернил ты землю своими нечистотами и своими грехами. И это не важно? — Не испытал разве ты сам строгости и неизменности страшнаго суда праведнаго Бога, Который тебя и ангелов согрешивших вместе с тобою не пощаде, но пленицами мрака связав, предаде на суд великаго дня мучимых блусти? И говоришь: не важное дело? — Ложь ты, лесть и пагуба. Ложью и лестью ослепляешь ты очи ума и ухитряешься смануть иных — малое сие наслаждение предпочесть вечной жизни. Но мы, предав себя Господу, не боимся тебя. Господь наша крепость; Господь наше прибежище Господь помощник и защититель наш».

108. Демон блуда приводится в бездействие не только воздержностью от снелей, но и воздержанием очей, еже не видети суеты (Пс. 118. 37). В оке, рассеяннo вращаемом, есть уже блуд, о котором засвидетельствовал Господь: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5. 28). Такое прелюбодеяние искореняет в себе, кто око обращает долу, а душу к Господу; а кто возобладал над чревом, тот возобладал и над взором. Страшный у нас предатель — рассеянное око.

109. Брань, возбужденная рассеянным оком, и в присутствии и в отсутствии предмета разжигает душу похотию. Даже и во сне представляет предмет сердцу; потому что бесы живописуют искусительную вещь в мысли, и занимают ум, возобновляя образ искусительнаго предмета, виденнаго прежде очами человека. Сего-то ради молится Пророк: отврати очи мои, еже не видети суеты.

110. Когда бес начнет начертывать в тебе искусительный предмет, и напишет в уме твоём красоту женщины, некогда виденной тобою; введи внутрь страх Божий, и вспомни о спящих во грехах, — помысли о дне исхода своего, когда душа твоя будет разлучаться с телом, — представь тот страшный и в трепет приводящий глас, который услышат нерадевшие о правде, и несоблюдшие заповедей Христовых: отъидите от Мене проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25, 41), — представь и червя неусыпающаго и муку нескончаемую. О сем помышляй и припоминай, — и рассеется в мысли твоей вожделение наслаждения, как тает воск от лица огня; ибо бесы и мгновения не могут постоять против страха Божия.

111. Кто не противится похоти, но дает очам своим свободно блуждать, тот конечно склонился уже умом пред страстями, и если бы не стыд человеческий, не однократно растлил бы и тело. Почему, если не будет он трезвиться и постоянно иметь страх Божий пред очами своими, то не замедлит растлить и тело свое. Ибо за сим демоном, который учит глаза рассеянности, следует другой демон,

который вещественно соделывает грех во плоти. Если второй увидит, что первый успел развлечь душу и сделать ее рассеянною, тотчас начинает советовать, чтобы совершен был и плотский грех. Победенному оком своим начинает он советовать нечто подобное сему: «вот в намерении ты согрешил и прелюбодействовал сердцем, заповедь уже нарушил, и грех преступления заповеди вменен уже тебе. Поэтому удовлетвори теперь похоти. Ибо и сделать и возделывать одно и то же. Насладись по крайней мере своим возделением». — Но ты не верь его помыслам, по слову Апостольскому: не неразумеваем умыслений его (2 Кор. 2, 11). Ибо сим хочет он уловить душу твою. — Этому демону, советующему совершить незаконный грех, надобно сказать: «хотя пал я оком, и прелюбодействовал сердцем, однакож прелюбодейное сердце свое сокрушаю покаянными вздыханиями, и падшее око омываю слезами. Ибо сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19).

112. Если придет нужда дойти до селения, то не развлекай себя беседою с женщинами, иначе душа твоя увлечена будет подобно поглотившему уду. Трезвись тогда паче; потому что падение от тебя не далеко. Если будешь внимать себе, будешь как в пристани. В благоговении и страхе Божиим борись с искушением. Безстыдство — мать блуда. Женщины, если увидят, что обходишься с ними вольно, и говоришь о пустом, то, побудив еще к худшему, доведут тебя до падения. — Но смотри и за тем, чтоб другия под видом сокрушения и благоговения не разслабили ума твоего речами своими. Некто из Святых сказал: длят они речи, покушаясь преклонить тебя на страсть.

113. Если заметишь, что какойнибудь помысл влечет тебя на свидание с отроком или красивою женщиною, то знай, что приближаешься к вражиим сетям. Если, и по вразумлению (не делать этого), не оставляешь своего намерения, то знай, что ты уже опутан сетями, и не легко тебе преодолеть сластолюбие. Скажешь ли: «я не терплю от сего вреда». Но возможно ли ходить по угольям горячим и не обжечь ног.

114. Если хочешь быть целомудренным, храни воздержание, и прерви вредныя свидания. В какой мере приближается человек к тому, что производит соблазн, в такой мере невозможно сердцу его пребыть без смятения помыслов и воспламенения лукавых пожеланий; потому что видимое лицо и речи возбуждают его к страсти. Как губка, поднесенная к чемунибудь влажному, раздувается и вбирает в себя влагу, так и человек, не твердый помыслом, если сближается или долго беседует с разсуждающими по плотски, вбирает в себя вред; посему, упившись сим, и без вина делается опьяневшим, и от того самаго, что наполнен уже вредным, не принимает духовнаго слова.

115. Желаящему исправиться и утвердиться в чистоте, надобно крепко взяться за целомудренный помысл, плоть изнурять добрыми трудами, и непрестанным памятованием о Боге очистить мысль от всего худаго и срамнаго. Чрез сие ум наш исполняется благодатию; обитающая же в уме и обладающая им благодать Божия заграждает злокозненным врагам доступ к нему, когда они покушаются войти.

116. Когда увидишь женщину благоразумную, которая блистает красотою, имеет светлый взор, сияющия ланиты, и какую-то искусственную выразительность в лице, — и она распаляет твой помысл и усиливает в тебе возжелания, размысли, что приводящее тебя в удивление — земля, что воспламеняющее тебя — пепел; — и душа твоя перестанет неистовствовать. Приинки помыслом на кожу лица ея, и тогда увидишь всю малоценность благообразия; потому что ничего не найдешь, кроме костей, жил и зловония. Представь также, что она стареет, изменяется, умирает, и весь этот

цвет опал. Разсуди, чему дивишься, и устыдись, — и устыдившись принеси покаяние.

117. Блажен человек, который имеет попечение угодить Богу, тело свое хранит чистым, чтоб соделаться святым храмом Христа Царя. По доброй воле стал уже ты храмом человек? Будь внимателен к себе день и ночь, чтобы не растлился храм твой. Если сохранишь его чистым и благопотребным Владыке твоему, то Дух Божий будет обитать в тебе и святить тебя паче и паче.

118. Препояшь себя верою, надеждою и любовию, и как сильный стань на стражу, охраняя храм Божий от всяких нечистых помыслов. Весь сделайся оком, непрестанно наблюдая и высматривая грабителей лукаваго; а грабители сии, как скоро найдут кого разслабленным и рассеянным, всегда кидаются на него, чтобы растлить у сего жалкаго телесный храм его, чтоб он не был уже благопотребен Владыке. Будь же внимателен к себе, чтоб не оказалось, что ты сам принимаешь к себе этих грабителей лукаваго, т. — е. нечистые помыслы и скверныя пожелания.

119. Корень похоти безстыден. Если посекаешь его каждый день, то он прозябает каждый час. Вырви совсем корень похоти из сердца своего, чтоб не прозябала и не выростала она ежечасно. Если тысячу раз посечешь ее, она двукратно большее число раз будет отрождаться, — пока совершенно не вырвешь ее корня.

120. Будь внимателен к себе, чтоб вместо Святаго и Пречистаго Владыки не ввести тебе в храм сквернаго врага, и чтоб не был растлен храм твой безстыдством сего врага, ненавистника добру. Он безстыден и упрям в своем намерении, многократно выгоняешь его вон с упреком, но он безстыдно усиливается войти. Если введешь его в храм свой, Бог оставит тебя. И храм твой преисполнится всякой нечистоты, зловония и мрака.

в. О борьбе с сребролюбием. (Чч. 1, 2 и 3).

121. Не домогайся прибыли, в которой есть вред для души; ибо что дороже души?

122. Бедный монах, который в смиренномудрии безмолвствует, лучше богатаго монаха, который исполнен гордости и надмения.

123. Кто любит золото, тот не будет оправдан; а кто любит Господа, тот будет благословен. Кто возложил упование на золото, тот падет; а кто возложил упование на Господа, тот спасется.

124. Если возлюбишь сребролюбие, пойдешь отселе ни с чем; а если возлюбишь нестяжательность, не лишишься небеснаго богатства.

125. Если возлюбишь нищету, то обратишь в бегство демона блуда.

126. Кто в келлии своей скрывает золото, тот копит в себе страсти высокоумия и неподчинения. А кто собирает в свою сокровищницу молитвы и милостыни, тот богатеет в Бога. Другие копят себе деньги, а ты, монах, копи себе молитвы и милостыни.

127. Будем искать лишь того, что удовлетворяет потребности; ибо излишнее только развлекает, а пользы не приносит.

128. Монах, ищущий наследства от плотских родителей, впадает в искушения, а взыскующий Господа спасется.

129. Не говори: «чем буду питаться, если состареюсь?» Ибо нам не позволено заботиться и об утреннем дне, а ты заботишься уже о старости. Будем искать Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся нам (Мф. 6, 33). Если же не будем искать этого прежде всего, то явно будет, что и не заботимся о том. Итак возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает (Пс. 54, 23).

130. Монах любостыжательный — бесплодная пальма, а нестяжательный — тоже, что подстриженная

пальма, растущая в высоту.

131. Монах, привязанный к вещественному, подобен ястребу, летящему с ремнями на ногах; где ни сядет он, тотчас запутается. А не привязанный к вещественному тоже, что путник, всегда готовый в дорогу.

132. Золото не дает терпения, а вера ставит на прочном основании того, кто приобрел ее.

133. Почему не свергаем с себя всякой бесполезной заботы, и не облегчаем себя от бремени земных вещей? Не знаете разве, что дверь узка и тесна, и что любостыжательный не может войти в нее? Бог любит нестяжательных, добровольно ради Христа подвергших себя лишениям и прискорбностям, в подвиге, во бдении, и во многом злострадании.

134. Не буди рука твоя простерта на взятие, но да простирается лучше для подаяния (Сир. 4, 35).

135. Страсть сребролюбия самая тяжкая, потому что она есть корень всем злым (1 Тим, 6, 10).

Угодно ли знать, чем искореняется сия страсть? — Тем, чтоб всем сердцем и всею душою иметь упование на Бога.

136. Иному брату лукавый дает усердие к рукоделию, сверх надлежащего. Отсюда рождается страсть сребролюбия. Тогда душа, уязвившись сребролюбием, этим корнем всякаго зла, располагает монаха и утром ранее обыкновенного садиться за рукоделие, и вечером позднее должного прекращать его; так что, если можно, не радит о молитве и о службе Божией, и по сребролюбию, занят бывает одною работою. Когда ударяют к службе, брат этот приходит после всех, и выискивает предлога уйти от службы прежде всех. — Зная сие, блюди себя, чтобы тебе, доведенному до уклонения в недозволенное совсем, не потерять своего чина. — Ибо враг на этом не останавливается. Но, нашедши доступ, успеваает иного сбить с пути, внушая: «трудишься ты, трудишься, а все почти ничего не имеешь; поди выучись более прибыльному рукоделию». — Не разобрав дела, иной брат идет за этим в мир; да совсем там и остается уже. Блюдись убо.

137. Целомудрие состоит не в том только, чтобы воздерживаться от блуда и от плотских удовольствий, но чтобы свободным быть и от прочих страстей. Корыстолюбец, сребролюбец, любостыжатель — не целомудренны. Как один пленяется телесною красотою, так этот — деньгами; и последний в большей мере не целомудрен; потому что не имеет равного с первым побуждения, которое бы нудило его требованием самой природы. Страсть к деньгам не естественна, и побуждения к оной заключаются не в природе нашей, но в превратном произволении; потому, кто добровольно преодолевается оною, тот грешит непростительно.

г. О борьбе с гневом. (Чч 1, 2 и 3).

138. Прогоняющий от себя духа гневливости и раздражения далек от войны и мятежа, всегда спокоен духом, весел лицом, здрав умом, — и есть обитель Святаго Духа.

139. Кроткий, если и обижен, радуется; если и оскорблен, благодарит; гневных укрощает любовью; принимая удары, не мятется; когда с ним ссорятся, спокоен; — когда подчиняют, веселится, не уязвляется гордынею (чужою), в унижениях радуется, заслугами не кичится, со всеми мирен, начальству покорен, на всякое дело готов, чужд лукавства, не знает зависти.

140. Независтливый не домогается чести, с радующимися радуется, успевающим помогает, с удовольствием смотрит на тех, которые идут добрым путем, хвалит тех, которые живут, как должно, и вообще независтливый и не имеющий в себе соперничества всякому успеху и всякому доблестному делу другаго радуется.

141. Кто уязвляется завистью и соперничеством, тот жалок; потому что он соучастник диавола, завистью коего смерть вниде в мир (Прем. 2, 24). Сердце его всегда изнемогает от печали, тело сдается бледностью, и силы его истощаются. Зависть и соперничество — страшная трава: от них рождаются оклеветание, ненависть и убийства.
142. Кто не уязвил языка своего злоречием, тот соблюл сердце свое и совесть свою не оскверненными. Кто не уловлен духом злоречия, тот истинно познал, что сам он человек плотяный, и соблюл себя не злопамятным. Кто не в сообществе с злоречивыми, тот водворится с Ангелами. Кто не отравил ушей и языка злоречием, тот исполнен врачеством любви. Кто не оскверняет уст своих злоречием, у того уста благоухают плодами Святаго Духа.
143. Кто злословит другаго, тот сам себя осуждает. В злоречивом есть клеветничество, и ненависть, и наушничество; и справедливо признается он братоубийцею.
144. Ненависть или зависть под покровом благочестия — горькая вода в золотых сосудах. Вложи в нее древо жизни, — и она сделается сладкою. Крестом Спасителя нашего упразднены все наветы коварнаго врага.
145. Любовь просвещает мысленныя очи; а кто любит вражду и ссору, тот подобен человеку, который часто влагает, руку свою в нору к аспидам.
146. Если будешь скрывать в сердце своем страсть памятозлобия, то сделаешься обителюю ярости и неведения, а вместе и печали, — и вид лица в тебе изменится. Ибо сказано: путие злопомнящих в смерть (Прит. 12, 28).
147. Кто скрывает в сердце своем памятозлобие, тот подобен откармливающему змею в груди своей.
148. Человек горячий возмутит души братии, а долготерпеливый в любви побоится Бога.
149. Северный ветер приводит море в волнение, а вспыльчивость волнует мысли в человеке; но великодушие гонит прочь раздражительность, без раздражительности же прекращается и гнев.
150. Необузданный конь предает всадника своего в руки злодеев, и человек ярый впадает в беды.
151. Не слушай, монах, зависти, не строй козни брату своему, и не давай ему укоризненнаго имени. Желая со стыдом согнать его с места его, смотри, сам не подвергнись тому же, что умышляешь другому. Копая яму ближнему впадет в ню (Еккл. 10, 8). Слушай, что написано: падут во мрежу свою грешницы (Пс. 140, 10).
152. Не представляй предлога: «этот брат делает вред товариществу». Но ты не делай зла другому, и не входи в сообщество с делающими зло; потому что Бог испытует сердца и утробы (Пс. 7, 10).
153. Кто нашел путь долготерпения и незлобия, тот нашел путь жизни.
154. Завидующий успехам брата своего отлучает себя от вечной жизни, а содействующий брату будет сообщником его и в вечной жизни. Ибо, если по суду наказываются и делающие худое и соучаствующие с ними, то не тем ли паче Господь наградит того, кто споспешествует исполнению воли Его?
155. Лучше улыбкою пресечь раздражение, нежели свирепствовать неукротимо.
156. Дым прочь гонит пчел, а памятозлобие изгоняет из сердца ведение.
157. Моли Господа, и проливай слезы пред Его благостию: тогда памятозлобие не водворится в душе твоей, и молитва твоя будет, яко кадило пред Ним (Пс. 140, 2).
158. Кто хочет жить мирно на всяком месте, тот пусть ищет не собственного своего успокоения, а успокоения других о Господе, и найдет успокоение себе. А сварливый и злонравный никогда не

успокоится.

159. Если случится ссора между братьями, то первый раскаявшийся получит венец победы, но венчается и другой, если не отвергнет раскаяния, но с готовностью сделает, что нужно для мира.

160. Раздражительность в человеке — ров для него; а кто преодолел в себе раздражительность, тот миновал этот ров.

161. В единомыслии братии обитает Господь а вражда их увеселяет лукаваго.

162. Кто обличаемый в пороке молчит, тот скрывает в сердце своем памятозлобие, а кто защищается (или сознается) с кротостию и мирно, тот не памятозлюбив.

163. Человек раздражительный и шумливый щедр на клятвы, а безмолвствующий разумен.

164. Что такое раздражительность? Страсть наглая и безстыдная, за которою следует и раскаяние; печаль же снедает сердце человека, впадшаго в нее.

165. Кто любит мятежи, того внезапно постигнут погибель, разделение и неисцельное сокрушение; потому что он радуется всему, что ненавистно Господу; а кто любит мир, тот наследует мир; кротость же в человеке предотвращает раздражение.

166. Что яд аспидов, то раздражительность и памятозлобие; потому что они и лице изменяют, и мысль возмущают, и жилы расслабляют, и производят в человеке недостаток сил к совершению дела; а кротость и любовь отдаляют все это.

167. Чем истребляется памятозлобие? Содержанием в душе страха Божия и памяти о дне кончины. Помни последняя и престани враждовати (Сир. 28, 6). Памятуй о смерти, и не возносись; ибо еще немного, и сведен будешь во гроб; и какую пользу принесут тебе злыя дела?

168. Будь миротворцем, чтоб сподобиться наименования сыном Божиим.

169. Пища для огня — дрова; а пища для раздражительности — высокоумие.

170. Хочешь ли укротить раздражительность? Возьмись за смиренномудрие, и ходи путем кротких и смиренных.

171. Если братия в сильном огорчении друг на друга, то блажен миротворец; а кто поджигает их к ссорам, тот не останется ненаказанным.

172. В человеке кротком и смиренном почиет дух премудрости; ходящих же в премудрости любит Господь.

173. Жизнь вечную наследует монах кроткий и безмолвный.

174. Кроткий монах есть страж, наблюдающий за страстями.

175. Прости брата, если согрешил он против тебя, — и Господь простит тебе прегрешения твои.

176. Предускори придти к брату, оскорбившему тебя, и раскайся пред ним от чистаго сердца, по слову Повелевашаго отпускать брату грехи не только до семь крат, но до семьдесят крат седмицею (Мф. 18, 22).

177. Принимай, брат, покаяние от брата, как от посланнаго Богом, чтоб не уничтожить Пославшаго и не подвигнуть Его на гнев против себя.

178. Не нападай на брата своего в день скорби его, и к душевной скорби его не прилагай новой скорби.

179. Не помни зла на брата своего; ибо написано: путие злопомнящих в смерть (Прит. 12, 28).

180. Не можешь ты сносить оскорбления? Молчи и успокоишься.

181. Будь внимателен к себе, чтоб не возобладали тобою вспыльчивость, раздражительность,

памятозлобие, — от чего будешь вести жизнь тревожную, и неустроенную. Но приобрети себе великодушие, кротость, незлобие, и все, что прилично христианам, чтобы вести жизнь покойную и безмятежную.

182. Ни к кому не имей ненависти в сердце своем, и не воздавай злом за зло; но приобрети себе любовь, которую Божественное Писание поставило выше всякой добродетели; потому что уподобило ее Самому Сотворшему все, сказав: Бог любви есть (1 Иоан. 4, 8).

183. Падшаго, но не питающего в себе ненависти и зависти, Господь не оставит в падении; но подаст ему руку помощи к возстанию, — потому что не отринул он любви. Напротив и твердо, повидимому, стоящий, но надмевающийся гордостью, и питающий в себе ненависть, не безопасен; потому что омрачение ненависти ослепило очи его, и не видит он, куда идет.

184. Подвизайся быть не гневливым, чтобы не упиться тебе без вина, отягчив себя страстию гнева.

185. Радоваться и веселиться о преуспейнии ближняго есть черта совершенства; признак же злонравия и лукаваго расположения — скорбеть и быть не довольным, когда одобряют другаго.

186. Невозможное дело — довести до твердости добродетель, не растворив ее любовью (1 Кор. 13, 2). Без любви далеко будем мы отстоять от прямой стези, ведущей к вратам небесным. Будем же проливать слезы, чтоб освободиться нам от уз ненависти, зависти, гордыни и всякой диавольской скверны. Бесовское это дело — оскорбляться доблестями преуспевающих. В бесах внедрилась ненависть; им всего желательнее, чтоб все погибли совершенно. Святые же, подражая Владыке, желают всем человеком спастися и в разум истины прийти (1 Тим. 2, 4); потому что, преисполнившись любви, возлюбили они ближняго, как самого себя.

187. Будь долготерпелив, чтоб стать сильным в благоразумии. Долготерпение — прекрасный дар; оно изгоняет раздражительность, гнев и презрительность, приводит же душу в мирное состояние.

188. Когда кто тебя злословить будет, не воспаменяйся гневом; но тотчас со скромностию, показав улыбку на лице, раздражение перемени в мир. Помни однакож, что улыбка при раздражении возжигает в другом больший гнев. Почему прежде умиротвори сердце, потом веди речь с улыбкою. Огонь не гасится огнем. И ты любовью и благодушием утоли гнев раздраженнаго. Если брат не вразумится сим, другия меры, — всяческия, — постараемся употребить, чтоб уврачевать его, дабы в конец не возобладало им раздражение, и не сделало всякую нашу жертву Богу не богоприятною (Мф. 5, 23. 24). Будем подражать Господу Спасителю, Который укоряем противу не укоряше (1 Петр. 2, 23), и Давиду, который на злословие Семеня, сказал: оставите его проклинати тако, яко Господь рече ему проклинати Давида... негли презрит Господь на смирение мое (2 Цар. 16, 10. 12).

189. Солнце да не зайдет в гневем нашем, но будем прощать все должникам, и утвердим любовь, потому что она покрывает множество грехов. Кто имеет вражду на брата, и думает принести что либо Богу, тот принят будет наравне с приносящим в жертву пса, или цену блудницы. Кто имеет вражду к брату, — и думает, что любит Христа, тот лжец есть, и сам себя прельщает.

190. Если ты имеешь что на брата, или брат на тебя, помирись. Если не сделаешь сего, то все, что ни приносишь Богу, не будет принято (Мар. 11, 25; Мф. 5, 23. 24). Если же исполнишь такое повеление Владыки, тогда с дерзновением молись Ему, говоря: «оставь мне, Владыка, долги мои, как и я оставляю брату моему, исполнив заповедь Твою!» И Человеколюбец скажет в ответ: «если ты оставил, оставляю и Я; если ты простил, прощаю и Я твои долги».

д. О борьбе с печалью. (Чч. 1, 2 и 3).

191. Кто терпеливо переносит, когда его злословят или обижают, тот подобен заключившему льва в зверинце; а кто отражает злословие и обиду, тот походит на человека, который сам себя поражает (оружием).
192. Не будем малодушествовать; потому что нам не вечно жить в этой жизни.
193. Не давай печали сердцу своему; ибо мира сего печаль смерть соделоваает, а печаль, яже по Бозе, доставляет тебе жизнь вечную (2 Кор. 7, 10).
194. Монах, готовый мужественно претерпеть вес, что ни случится, отчасти только будет иметь печали.
195. Не давай печали сердцу своему, но утешай себя о Господе.
196. Если подвергнешься клевете, и после откроется чистота совести твоей, не высокоумствуй, но Господу избавившему тебя от клеветы человеческой, работай в смиренномудрии, чтоб не пасть чрезвычайным падением.
197. Лукавая душа, когда льстят ей, превозносится, а когда оскорбляют ее, приходит в неистовство: а добрая душа и лести не радуется, и на оскорбление не негодует.
198. Нет и меры терпению, если только оно растворено любовью.
199. Потерпи Господа в день скорби, чтоб Он покрыл тебя в день гнева.
200. Не смейся над огорченным, не радуйся видя развращающагося, чтоб не прогневался на тебя Господь, и не остаться тебе без защиты в день скорби.
201. Не думай, что ты один терпишь скорбей больше всякаго. Как живущему на земле невозможно избегнуть этого воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Занятые земным, от земнаго испытывают и скорби; а стремящиеся к духовному, о духовном и болезнуют. Но последние будут, блаженны; потому что плод их обилен о Господе.
202. Если мы узники Спасителя Бога, то не постыдимся носить на себе узы скорбей, но с радостью будем терпеть их, ожидая пришествия Его с небес, когда и нас причислит Он к лику Святых; потому что ставшие общниками страстем Его, такожде и утешению общниками будут (2 Кор. 1, 7).
203. Ныне два есть рода скорбей, которыми окружен всякий человек под солнцем: скорбь по Богу и скорбь мирская; и невозможно пройти настоящую жизнь без которой нибудь из них, — или без скорби по Богу, или без скорби мирской. — Скорбь мирская тяжела, и не обещает вознаграждения; а скорбь по Богу с собою приносит утешение, и еще паче обвеселяет и обетованием жизни вечной. Подвергаясь первой, поспешай превратить ее во вторую, — и прогонишь мучительную скорбность из сердца.
204. Если когда делаешь дело Божие в смиренномудрии и благоговении, и враг, с намерением препнуть тебя в правом житии, вооружит против тебя людей нерадивых; то не бойся, не приходи в робость, и не уклоняйся с прямого пути. Потерпи Господа (Пс. 26, 14), избранник Божий, чтоб оскорбляющие тебя ныне удивились славному твоему спасению, как написано: праведник, аще постигнет скончаться, в покои будет (Премудр. Сол. 4, 7).
205. Как огонь в плавильне испытывает золото и серебро, так в напастях изведываются души смертных, имея помощником Господа.
206. Не убоимся искушений, но смело простремся к почести вышняго звания о Христе. Ибо Господь венчает всех любящих Его.

207. Кто хочет стать монахом, и не переносит оскорбления, унижения и ущерба, тому монахом не бывать.
208. Великодушно переноси оскорбления злословием, — наименование злым принимая за наименование добрым, и наименование негоднейшим — за наименование благоугодным. — И всяко помнить подобает, что рабу Господню не подобает свариться, но тиху быти ко всем (2 Тим. 2, 24).
209. Если случится тебе впасть в болезнь, не прибегай к мертвой помощи и к человеческому покровительству; но лучше будем иметь терпение, ожидая милости от Бога, чтобы Он управил нас во всем; ибо бывает время, когда и плоть имеет нужду во вразумлении. Во всем же будем благоугождать Господу, яко Той печется о нас (1 Петр. 5, 7). Когда человек болен, тогда и душа его паче меры начинает искать Господа. Почему вразумление хорошо, если только вразумляемый благодарит: конечно же, таковой скажет: аще благая прияхом от Господа, злых ли не стерпим? Буди имя Господне благословенно во веки (Иов. 2, 10; 1, 21).
210. Не малодушествовать должно во время искушения, а трезвиться в молитвах и добрых делах, — подражая плывущим по морю, которые, когда подымается буря, внимательно за всем смотрят, бодрствуют и призывают Бога на помощь. Господь не презирает призывающих Его во истине. Поэтому и мы, когда постигнет скорбь, прибегнем к Господу, подобно сказавшему: Господи, в скорби помянухом Тя (Ис. 26, 16). Море не всегда спокойно; и настоящую жизнь невозможно преплыть без искушения. Но если за веру в Господа будем держаться, как за кормило, то она введет нас в пристань жизни; — и тогда, сложив с себя труды, облечемся мы в жизнь и нетление.
211. Если пришла на нас печаль, будем ожидать приближения к себе радости. Возьмем в пример плывущих по морю. Когда поднимется на них ветер и сильная буря, они борются с волнами, ожидая тихой погоды; а когда настанет тишина, ждут бури; и потому всегда бдительны, чтоб возставший внезапно ветер не застал их не готовыми, и не опрокинул в море. Так и нам надо действовать. Когда приключаются скорбь и теснота, будем ожидать себе облегчения и помощи от Бога, чтобы, при продолжении скорби, не причинила нам смерти мысль, что нет уже нам надежды на спасение. А подобным образом, когда у нас радость, будем ждать скорби, чтоб при избытке радости не забыть о слезах.
212. Будь тверд в искушениях и скорбях, и противься распалению тебя сладострастию, чтоб и тебя, как не обожженный кирпич, не размыли дождевые капли, и чтобы не оказаться тебе не имеющим той твердости, какую думаешь иметь.
213. Решившись благоугождать Богу, будь долготерпелив. Посмотри на древние роды, и увидишь, что все Святые достигли обетований постоянным и долгим терпением. Потому будем каждый день побуждать себя, чтобы и нам с ними наследовать Царство Небесное. — По неверию нашему удаляется от нас терпение. Придай себе ревности о Господе, и мужайся, как верный, чтоб от великой печали не утратить тебе душевных сил. Представь себе тех, которые подвергались истязаниям в изгнании, в рудокопнях и горьком рабстве, — и подчинишься о Господе сдвигающим тебя прискорбностям.
214. Если случится с тобою огорчение, — то потерпеть его — не крайнее еще зло; тяжело же и опасно оставаться в огорчении. Если в отсутствие твое злословил тебя ктонибудь, и другой, пришедши, объявит тебе, что такой-то брат злословил тебя; то, как мудрый, разбери, чье это наваждение, и не огорчайся на брата своего. А известившему тебя скажи так: «хотя оскорбил он

меня, но он мне брат, да и я сам заслужил оскорбление; впрочем оскорбил он не сам по себе, но устроил сие враг, чтобы посеять вражду между нами. Господь же да разорит умыслы лукаваго, а брата да помилует, и нас да не оставит». — Если опять и в лице будешь оскорблен, не досадуй на сие, и не приходи в движение умом. — Когда же случится потерпеть оскорбление за худое дело, то не будем жестокосердыми, но исправим лучше свою погрешность.

215. Если утешающий скорбящего человек духовный, то приходит он к нему не на вред, а на великую пользу. А кто имеет плотской образ мыслей, тот не принесет ни мало пользы, но пришедши утешить скорбнаго, еще более разстроит его.

216. Услышал неприятное слово, — и скорбишь. Но если право уязвлен ты словом, радуйся, что уязвлен для вразумления и постарайся исправиться в своем падении. Уязвлен ты напрасно? Тем большая тебе награда, если благодушно перенесешь. И Апостолы, как злодеи, биты были среди города; но не гневались, не пришли в негодование, а радовались, яко сподобился за имя Его безчестие прияти (Деян. 5, 41). Радуйся и ты, что сподобился приять безчестие ради имени Его.

217. Ктонибудь из нерадивых скажет, может быть: «прискорбно мне, что это случилось со мною после стольких трудов?» — Это прискорбно тебе, раб Господень? Не лучше ли из сего познать тебе, что после стольких лет труда, страсти твои все еще остаются непобежденными, и познав это, начать с сего случая побеждать их? Аще бо кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе (Гал. 6, 3). Искусство кормчаго обнаруживается во время бури. Кто хвалится: «столько-то лет я в монашеском образе», а дел сего образа не показывает, тот носит при себе орудия такого искусства, которому еще не научился. — Приключилась тебе малая скорбь, и ты тотчас выступил из чина монашеской жизни, как бы отрекся от монашескаго образа. В одну минуту сгубил ты труд стольких лет. — Нет, брат, не обращай врагам хребта своего; но стой твердо, сражайся, и враги побегут от тебя. Облекись в броню веры, возложи на себя шлем спасения, восприими меч Духа Святаго, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17), — и борись, да возрадуется о доблести твоей живущий в тебе Дух Святой.

218. Если не переносишь малаго искушения, то как перенесешь великое? Если не одолеваешь отрока, то как поборешь совершеннаго мужа? Если не переносишь слова, то как стерпишь удар? Если не терпишь заушения и удара, то как понесешь крест? Если креста не понесешь, то как наследуешь на небесах славу вместе с теми, которые говорят: Тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заколения (Пс. 43, 23)? Ужели мы с тобою, брат, забыли, что претерпел за нас общий наш Владыка? Он был поруган, уничижен, Ему говорили: беса имаши, — и Он не гневался; Его называли льстецом, заушали, били, пригвоздили ко кресту; Он вкушал оцет с желчию, пронзен копием в ребра. Все это претерпел Он нашего ради спасения. А мы, — увы нам бедным! никакого оскорбления, даже слова, не хотим перенести ради Его, столько ради нас потерпевшаго.

219. Кто желает благоугождать Богу и стать наследником Божиим по вере, чтобы ему наречься и сыном Божиим рожденным от Духа Святаго, тот прежде всего, облекшись в благодушие и терпение, должен мужественно переносить встречающиеся ему скорби, беды и нужды, — будут ли то телесныя болезни и страдания, или поношения и обиды от людей, или различныя невидимыя скорби, какия наводят на душу лукавые духи с намерением привести ее в расслабление, нерадение и нетерпеливость, и тем воспрепятствовать ей войти в жизнь. Бывает же все сие по Божию домостроительству, попускающему каждой душе быть искушенною различными скорбями, чтобы

явными стали любящие Бога от всей души, чрез мужественное перенесение всего без терiania упования на Бога, но со всегдашним по благодати, с верою и терпением, ожиданием избавления, — и чтоб, выдержав таким образом всякое искушение, соделывались они достойными Царствия Небеснаго.

220. Которая душа не мужается и не переносит с твердостью всякаго искушения и всякой скорби, но огорчается, унывает, негодует, тревожится, и нерадит о подвиге, или даже отчаявается; как не имеющая уже надежды на избавление, та, не сохранив в себе упования, которое с несомненною верою ожидает милости Божией, конечно не делается достойною жизни; потому что не последовала всем Святым, и не шествовала по стопам Господним. Смотри и наблюдай, как издревле Отцы, Патриархи, Пророки, Апостолы и Мученики, прошедши сей путь искушения и скорбей, возмогли угодить тем Богу, и сподобились великих мздовоздаяний.

221. Бог не допускает душе, уповающей на Него и терпеливой, быть искушаемою в такой мере, чтобы дойти ей до отчаяния, т. — е. впасть в такая искушения и скорби, которых не может она перенести (1 Кор. 10, 13). И лукавый не в такой мере искушает душу и тяготит ее скорбию, в какой хочет, но в какой поупущено ему Богом. Пусть только душа переносит все мужественно, держась упования по вере, и ожидая от Бога помощи и упования; и невозможно, чтобы она была оставлена. Напротив того, чем более подвизается душа, прибегая к Богу с верою, и надеждою, и несомненно ожидая от Него помощи и избавления, тем скорее избавляет ее Господь от всякой обдержавшей ее скорби. Ибо Он знает, сколько душа должна подвергаться испытанию и искушению, — столько и попускает. Если горшечник, сделав сосуды, не положит их в печь, чтобы обожженные отвердели, то не бывают они годными к употреблению людям. Но и, (полагая их в печь), знает он, сколько времени должно держать их в огне, пока не сделаются годными, и не оставляет их в печи сверх надлежащаго времени, чтоб перегорев не истрескались; и опять не вынимает прежде времени, чтоб не остались не доделанными и не годными к употреблению. Итак, если люди в разсуждении тленнаго имеют столько разборчивости и знания, то кольми паче Бог знает, сколько имеют нужды в испытаниях и искушениях души, желающия угодить Ему и вожделевающия улучшить вечную жизнь.

222. Как пенька не бывает годною для пряжи из нея тонких ниток, если не треплют ее много раз, но чем больше треплют ее, тем она делается чище и способнее к пряже: так и боголюбивая душа, подвергаясь многим искушениям и испытаниям, и мужественно претерпевая скорби, делается чище и пригоднее к духовному деланию, и наконец, удостоивается наследовать Небесное Царствие. — Скорби и искушения делают душу благоискусною и твердою, если она мужественно, охотно и с упованием на Бога переносит все случающееся, с несомненною верою ожидая избавления от Господа и милости Его.

223. Души преданныя скорбям для испытания, и различно мучимыя лукавыми духами, как тайно — внутреннею тяготою скорбей или лукавыми помыслами, так и явно — телесными страданиями, если будут мужественно терпеть, сохранять упование и ждать мздовоздаяния от Господа; то сподобятся венцов правды, и в день суда приобретут одинаковое с мучениками дерзновение пред Богом. Ибо одинаково мучение в скорбях, одними претерпеваемое на кресте, другими от лукавых духов, на них действующих.

224. Враг, если не возмог низвести кого на худое и низложить мыслями, наводит после сего на человека того скорби, чтобы омрачить его разум, и потом уже посеять в нем, что угодно. А если и

сим не возможет он навести на худое, то дает ему все удобства жизни; возносит его и вводит в великое обольщение, которое опаснее и хуже всех страстей, ибо делает человека горделивым, увлекает в пучину сластолюбия, изгоняет памятование о Боге, о своей немощи и о часе смертном. К чему склонным выведает в человеке расположение его, против того и ополчается, чтоб противоборствовать ему всеми неправдами.

225. Все от Бога, — и благое и скорбное; но одно — по благоволению, другое — по домостроительству, третье — по попусшению. По благоволению, когда живем добродетельно; ибо угодно Богу, чтоб живущие добродетельно украшались венцами терпения; по домостроительству, когда, впадая в прегрешения, бываем вразумляемы; по попусшению же, когда и вразумляемые не обращаемся. — Опять домостроительно Бог наказует нас согрешающих, чтоб не были мы осуждены с миром, как говорит Апостол: судими от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1 Кор. 11, 32). — В сем разуме — несть зло во граде, еже Господь не сотвори (Амос. 3, 6), таковы: голод, язвы, болезни, поражения, брани; ибо все это служит к очищению от грехов. — Попускает же Бог и совершенно оставляет тех, которые или не хотят жить без греха, или вразумляемые не обращаются, но пребывают во грехе. Тогда Бог предает их в неискусен ум, т. — е. попускает их свободе творити неподобная (Рим. 1, 28).

е. О борьбе с унынием. (Ч. 1 и 2).

226. Ропотливый ни к какому делу не годен, и не имеет расположения. Он ленив и всегда имеет наготове предлог к отговорке от дела. И других развращает он, говоря: «и это на что, и то к чему? И вот в сем нет никакой пользы».

227. Ленивый, когда зовут его на псалмопение, раздражается, когда будят на бдение, отговаривается болью живота и головы. Если делают ему увещание, он говорит: «себя учи»; если, учат чему, кричит: «сам знаю».

228. Человеку, который в силах работать, не хорошо есть чужой хлеб в праздности, когда Апостол говорит: без стужения себе соблюдох и соблюду (2 Кор. 11, 9).

229. Ропотливый монах терпит большой вред; кто же все переносит мужественно, тот наследует радость.

230. Если найдет на тебя дух уныния, не оставляй своего дома, но противостань сему духу с терпением. Да не убедит тебя помысл, внушающий перейти с места на место. Ибо если согласишься на сей помысл, то никогда не будет у тебя терпения.

231. Но говори монах: «здесь брань и теснота, а там (в таком-то месте) покойная и безпечальная жизнь (загадывая перейти туда)». Ибо знаешь ли кто ведет с нами брань? Не враг ли наш диавол? А он обходит всю поднебесную (Иов. 2, 2). Так как, куда бы ни пошел ты, везде будешь в поднебесии; то везде будешь доступен диаволу. Почему лучше, оставаясь на месте, противостать диаволу, и он бежит от тебя; и напротив приблизься к Богу, и Он приблизится к тебе (Иак. 4, 7, 8).

232. Ленивый монах представляет в предлог и говорит: «сегодня здесь живу, а завтра пойду в другое место; для чего-же мне трудиться?»

233. Много предлогов собирает себе ленивый монах, — и сонливый впадет в беды.

234. Кто постоянно переходит из одной келлии в другую, тот приобретает суетные помыслы; кто же пребывает на одном месте, тот более безмолвствует.

235. Бродящий монах не неуязвим, если не будет трезвиться; а пребывающий на том месте, как

призван, скорее найдет покой.

236. Приятна тебе праздность, но горек конец ея; изнемогаешь работая, но возвеселишься впоследствии.

237. Монах ленивый и самолюбивый (саможалетельный), как скоро увидел работу, прячется, а за ужином ставит себя в числе первых.

238. Памятование о смерти и наказаниях есть меч против беса уныния.

239. Из тяжких тяжкое иго — уныние, особенно, если имеет оно споборницею неверие; ибо плоды его исполнены смертоносного яда.

240. Оставил ты, монах, келлию, и ходишь по миру. Ужели не боишься беззакония и пререкания во граде (Пс. 54, 10)?

241. Кто ленивее того жаждущаго, который сидит близ источника, и не протянет рук, чтоб, взяв воду, утолить жажду? — И кто нерадивее человека, который владеет книгою, и нерадит о чтении.

242. Потрудись с тем, кому желательно выучиться грамоте, чтобы, читая о чудных делах Божиих, благословлял он чудное Имя; и Бог будет твоим мздовоздаятелем.

243. На монаха в унынии нападает нерадение; а когда есть у него терпение, нападает высокоумие; но кто действительно любит Господа, тот отклоняет то и другое.

244. Ленивый монах во многом потерпит утрату, а трезвенный не пренебрежет ни одним часом.

245. Не люби переходить с места на место; по лучше терпением извлекай пользу из неудобств, встречаемых на месте твоего жительства. Скажи мне, после того, как мы с тобою обойдем целый мир, не келлия ли ожидает нас, если захотим спастись? А если и в общежитии оставаться нет у нас терпения, и в уединении не находим себе безмолвия, то где же, наконец, будет нам приют? Это походит на то, как если сказать: «и теплоты солнечной переносить не могу, и тень для меня не сносна». Боюсь, чтобы не укрыла нас наконец она пещь.

246. Будем тверды сердцем; потому что слабость сердца противна добродетели. Не станем малодушествовать, если случится с нами небольшое уныние, но будем сами себя приневоливать, подобно доброму путнику. Путник, когда случится ему ослабеть на пути, не отказывается от цели дальнейшего путешествия, но утешает себя словами: «еще не много, и дойдешь до ночлега, и отдохнешь». — И Господь, видя, как мы принуждаем себя, подаст нам силу и облегчит затруднения.

247. Для пропитания себя, будем работать, в уповании на Бога. Не скорби о труде; многие, ничего не делая, тяготились самою беззаботностию. Учись работать, чтоб не учиться просить милостыню. Не будь небрежен к работе. Господь близ (Фил. 4, 6).

248. Не будем унывать, сидя в келлии, припоминая себе, что Святые мученики, после многих истязаний, заключаемы были в железные узы. Посему не будем бегать неудобств келлии, не станем скучать за работою, помня, что многие из Святых ради Господа посылаемы были в рудокопни. Если жили мы в те времена, то ужели бы изменили жизни своей, по причине мучений? Ужели бы, по причине крайне тесных обстоятельств, отреклись от веры своей?

249. Держись того места, на котором живешь, сопротивляясь лености. Ибо не переменою и не разстоянием места, но только внимательностию ума можешь укротить страсти. Нам нужно терпение, чтоб, волю Божию сотворше, сподобиться обетований (Евр. 10, 36). Предающийся унынию далек от терпения, как больной от здоровья. Добродетель познается не в унынии, но в терпении. Терпение же обновляется и укрепляется, когда ум занят созерцанием и Божественным поучением. Сим

утучняемый ум приобретает силы, как тело от питания здоровыми снедами. Если же ум отступит от сей благодати и от сего достоинства, то действительно сделается бедным и немощным. Поэтому свергнув с себя пристрастие к вещественному, упражняй ум свой в оном Божественном делании. И не будет у тебя потребности переносить тело с места на место, и изнурять оное странствованиями без благословных причин. Ибо Царствие Божие внутрь нас есть (Лук. 17, 21).

250. Когда заметишь в себе, что скучно для тебя чтение Божественных Писаний, и не охотно слушаешь духовныя наставления, тогда знай, что душа твоя впала в тяжкую болезнь. Ибо это — начало злоумия, которым болевшие пожали плод смерти.

251. Блажен, кто ежечасно возделывает в себе прекрасныя и добрыя мысли, — и надеждою победил лукавую страсть уныния, с которою борются подвижники Господни.

252. Блажен, кто в деле Господнем стал подобен мужественному воину, возбуждает ленивых и ободряет малодушных на пути Господнем.

253. Блажен, кого не низложила, как не мужественнаго, страсть уныния; но взял он совершенное терпение, за которое все Святые получили венцы.

254. Когда дух уныния беспокоит тебя, не увлекайся помыслами его; но пребывай на том же месте, на котором поставил тебя Бог, разсуждая в себе, какую любовь имел ты к Богу, когда в начале пришел к монастырским дверям. Ту же любовь будем иметь и до конца, терпя Господа, подобно борцу, который терпением побеждает наносящаго ему удары. Ибо претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22).

255. Одному брату пред бдением внушал помысл: «сегодня дай себе отдых, и не вставай на бдение». Но он отвечал помыслу: «кто знает? завтра, может быть, и не встанешь; потому надо встать сегодня». И за работой тоже внушал ему помысл: «дай себе отдых сегодня, а завтра поработай». Он же опять отвечал: «нет, сегодня поработаю, а о завтрашнем дне попечется Господь».

256. Если будет тревожить тебя уныние, не упадай духом, но помолись Господу, да даст тебе терпение. По молитве же сядь, и, собрав помыслы свои, утешай псаломски душу свою: вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего, и Бог мой (Пс. 41, 6). Скажи также: «чего разслабла ты, душа моя? Не всегда ведь жить нам в мире сем? Послушай, что говорит Псаломник: пресельник аз есмь на земли, и пришлец, якоже вси отцы мои (Пс. 38, 13). Преселимся и мы с тобою, когда угодно сие будет Богу. Жизнь праведных начинается по кончине их. Почему и Пророк, возделывая будущей жизни, говорит: имже образом желает елень на источники водныя: сие же желает душа моя к Тебе, Боже: когда прииду и явлюся лицу Твоему (Пс. 41, 2. 3)? Святые настоящую жизнь почитали темницею. Почему один из них с радостью взывал: ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко (Лук. 2, 29); а другой заявлял, что желание имеет разрешиться и со Христом быти (Фил. 1, 23).

257. Когда настанет утро, брат встает, и сотворив молитву, принимается за рукоделие. Тогда ненавистник добра, демон, влагает в него помысл уныния.

258. Если брат при нашедшем на него унынии, продолжает работать и трудиться, то, при содействии благодати, отгоняет тогда от себя уныние. Если же брат, когда найдет на него уныние, не отражает его от себя терпением, то бывает побежден им, и отдается ему в плен. Дав волю помыслу, начинает он говорить сам в себе: «сегодня чувствую себя как бы разстроенным, и недомогаю. Дам себе ныне отдых, а на утро сделаю за два дня. Так брат в этот первый день ничего не делает, мечтая на утро

вознаградить сие опущение. На утро же ненавистник добра демон напускает на него еще сильнейшее уныние, нежели вчерашний день. Тогда уже одолеваемый помыслами брат встает и оставляет рукоделие, — и или совсем не занимается им, или занимается кое-как, не как делом. — Или враг выводит его из келлии, и делает праздношатающимся.

259. Что бы ни делал ты, если враг во время дела наводит на тебя уныние, в противодействие сему супостату укажи на какое либо ремесло подобное (прибавляя: «видишь, как трудятся ради временного? Чего же ради не хочешь трудиться ради вечного?»). И что бы ты ни производил делом, имей свидетелем совесть свою, что совершаемое тобою делается по Богу, — и спасешься (от уныния).

ж. О борьбе с тщеславием. (Ч. I, 150—600).

260. Разумей, монах, что говорю: да не будет у нас с тобою вне — благоговение, а в келлии — беспечная распушенность; чтоб не быть подобными гробам повапленным (Мф. 23, 27). Ибо на всяком месте один и тот же Бог, Коему слава во веки! Аминь.

261. Монах, который хвалится своею крепостию, первый безумец; стыд и укоризна монаху — хвалиться собственно своею силою: хваляйся о Господе да хвалится (1 Кор. 1, 31).

262. Хочешь ли приобрести доброе имя? В кротости дела твоя препровождай (Сир. 3, 17).

263. Это еще не добродетель — быть обезбещену и не чувствовать сего; но вот добродетель — чувствовать сие и переносить ради благочестия. Ибо сказано: поносимь ленивый не усрамляется (Прит. 20, 4).

264. Славолюбие — душевный недуг, лукавая страсть.

265. Написано: да хвалит тя искренний, а не твоя уста, — чуждый, а не твои устне (Прит. 27, 2), И еще: искушение сребру и злату разделение: и человек искушается усты хвалящих его (—21).

266. Всем воздавай честь ради Господа, не требуя чести себе, и обретешь благодать у Господа.

267. Никогда да не приводит тебя в удивление человекоугодник, старающийся угодить многим, но не для Господа.

268. Втайне, возлюбленный, исполняй заповеди Господни, и Господь воздаст тебе явно.

269. Если видишь, что человек на земле достиг великаго достоинства, не дивись сему; но дивись тому, кто возненавидел земную славу.

270. Смотри, чтоб желая себе излишней чести, не навлечь тебе на себя безчестия, в подлинном смысле честь человеку — делать все по Богу: великое же безчестие — преступать заповеди.

271. Не старайся показывать себя искусным во всяком деле, чтоб не впасть тебе в тщеславие, которое приводит к славолюбию, гневу и печали. Более всего старайся сделать себя простым и во всем ровным.

272. Не хвались, величаясь красноречием, но возвещай лучше учение из опыта людей простых и не книжных, чтобы стать тебе учеником Христовых Апостолов; а хвалиться внешнею мудростию запрещено, особенно христианам. Хваляйся же о Господе да хвалится (2 Кор. 10, 17).

273. Которые из человекоугодия упражняются в добродетели, у тех основание спасения положено не на камне, а на песке; почему, как скоро пойдет дождь, потекут реки и подуют ветры (искушения), падают они от помыслов. Они, если ни падают, а живут, как должно, надмеваются великою гордостью; а когда падают, предаются бесполезному отчаянию.

274. Не хваляй себе сей искусен (2 Кор. 10, 18). А ты прежде испытай дела свои, действительно ли

проводил жизнь достожджно, как величаешь себя, — победил ли вожделение, возлюбил ли нищету, возненавидел ли пересуды, отложил ли любовь к тщеславию, возненавидел ли похоть, возгнушался ли сластолюбием, точно ли никому не делал зла, одолел ли страсти, точно ли оскорбляемый не гневался, и слыша себе похвалы, не превозносился, возлюбил ли Господа всею силою и ближняго, как самого себя? — Если же не соблюли мы сего, то для чего велеречим о себе? — Об этом надбно плакать пред благостию Господа, чтобы исцелил нас от окаменения сердца, и сделал сильными проводить достожджное житие.

275. Ничего но должно делать на показ людям, но во всем надбно поступать от чистаго сердца; потому что Бог знает сокровенное и тайное, и от Него одного надеемся получить воздаяние.

276. Человек тщеславный, будучи скуден достоянием, если и примет на себя имя Царя, не будет еще Царем: так не подвижник еще монах, который тайно ест, а за братской трапезой лицемерно выдает себя постником и воздержным. Он готовит паутинную ткань, — и идет не правым путем Святых, но путем человекоугодников.

з. О борьбе с гордостью. (Чч. 1, 2, 3).

277. Гордый не терпит превосходства над собою, — и встречая его, или завидует или соперничает. Соперничество и зависть друг другом держатся, и в ком есть одна из сих страстей, в том оба они.

278. В ком есть они, того мучит успех других; а в ком нет, того не печалит он. Этот, когда другому оказана честь, не смущается; когда другой возвышен, не тревожится, потому что всем отдает преимущество, всех предпочитает себе.

279. Без смиренномудрия напрасны всякий подвиг, всякое воздержание, всякое послушание, всякая нестяжательность, всякая многоученость.

280. Нечистый дух высокоумия изворотлив и многообразен, и все усилия употребляет, чтобы возобладать над всеми: мудраго уловляет мудростью, крепкаго крепостью, богатаго богатством, красиваго красотою, художника искусством.

281. И ведущих духовную жизнь не пропускает он искушать подобным же образом, и ставить свои сети — отрешемуся от мира в отречении, воздержному — в воздержании, безмолвнику в безмолвии, нестяжательному в нестяжании, молитвеннику в молитве. Во всех старается он посеять свои плевелы.

282. Как врачевство против гордости чаще прочитывай следующие и другия подобныя места Писания, направленные против ней:

Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко рабы неключимы есмы (Лук. 17, 10).

Аще кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе (Гал. 6, 3).

Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Господом (Лук. 16, 15).

Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, говорит Господь (Мф. 11, 29).

Во смирении нашем помяну ны Господь: и избавил ны есть от врагов наших (Пс. 135, 23).

Смирихся и спасе мя (Пс. 114, 5).

Нечист пред Господом всяк высокосердый (Прит. 16, 5).

283. Если здоров ты телом, то не превозносись, и бойся.

284. Кто сам себя возвышает, тот готовит себе безчестие; а кто служит ближнему в смиренномудрии, тот прославится.

285. Смири помысл гордыни прежде, нежели гордыня смирит тебя. Низложи помысл высокоумия прежде, нежели он низложит тебя. Сокруши похоть прежде, нежели похоть сокрушит тебя.
286. Не осуждай брата в непостоянстве, чтоб и самому тебе не впасть в туже немощь.
287. Новоначальный, не имеющий смирения, не имеет у себя оружия на сопротивнаго; и таковой потерпит великое поражение.
288. Пусть монах имеет себя из последних последним, — и приобретет себе упование. Ибо смиряя себе вознесется, а возносясь смирится (Лук. 18, 14).
289. Злая укоризна монаху — гордыня, дерзость, безчувственность, безстыдство, безразсудность, вспыльчивость, безумие.
290. Если возлюбишь гордыню, будешь часть бесам; если возлюбишь смиренномудрие, будешь часть Владыке Христу.
291. Высокоумный человек много понесет печалей, а смиренномудрый всегда будет веселиться о Господе.
292. Высокоумие во всякое время домогается чести; а смиренномудрие в славе не превозносится, и в безславии не беспокоится; потому что ожидает награды от Господа.
293. Превозношение ослепляет умныя очи, а смирение просвещает их любовию; ибо Господь научает кротких путем Своим (Пс. 24, 9).
294. Опасно человеку надеяться на самого себя, а надеющийся на Господа спасется.
295. Украшающий одежды свои возгордится; а гордый монах — неоперившийся орел.
296. Смиренномудрый монах — легкий скороход и (как бы) меткий стрелок.
297. Как железо все утончает и покаряет, так и смирение по Богу разрушает козни врага.
298. Что рогатина для зверолова, и оружие для воина, то для монаха смирение.
299. Опасна человеку гордыня, в каком бы то ни было виде. Не люби гордыни; потому что нет в ней пользы. Всякая немощь при попечительности исцеляется, но недуг гордости — с трудом врачуемое зло; потому что она отвергает целительное врачевство и вымышляет для себя смертную отраву. Да не будет ея в рабах Христовых.
300. Хочешь ли быть великим? — Будь меньше всех (Мр. 9, 35).
301. Если выйдет брат из монастыря, не превозносись над ним мыслию, и да не будет он безчестен в глазах твоих: не веси бо, что родит находяй день (Прит. 3, 28).
302. Слушай того, кто говорит: мняйся стояти да блюдется, да не падет (1 Кор. 10, 12), и еще: не хваляй себе искусен, но егоже Бог восхваляет (2 Кор. 10, 18). Ибо многие думали о себе, что одержали они верх и начальствуют; но они стали из кромешных кромешными, а люди отчаянные прияли благодать; потому что Бог гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4, 6).
303. Если видишь человека непослушнаго, гордаго и мудраго о себе, то корень его уже полумертв; потому что не приемлет в себя тука, сообщаемаго страхом Божиим. А если видишь человека безмолвнаго и смиреннаго, то знай, что корень его прочен; потому что напаяется туком страха Божия.
304. Велико преспеяние и велика слава — смиренномудрия, и нет в нем падения. Признак смиренномудрия — обеими руками удовлетворять потребности брата, так как бы и сам ты принимал пособие.
305. Человек гордый и непокорный увидит горькие дни; смиренномудрый же и терпеливый

возвеселится всегда о Господе.

306. Великое дело найти человека смиренномудраго и терпеливаго, доброте его нет меры.

307. Кто превозносится над братом своим, над тем издеваются бесы.

308. Дожди размножают сорные травы, а обращение с людьми мирскими производит страсть высокоумия. Но боящийся Господа не превозносится.

309. Если сподобился ты дарования, не высокоумствуй; ибо не имеешь у себя ни одного совершенства, егоже неси приял от Бога (1 Кор. 4, 7); и если не будешь ходить по Его заповедям и воле, отнимет Он у тебя собственность Свою, и отдаст лучшему: и тогда будешь походить на человека, у которого отнимают перо, только что омоченное в чернилы.

310. Сколько ни превозносится человек в гордыне сердца своего, все же он попирает землю, из которой взят, и в которую пойдет; возвышает же Господь смиренных.

311. Высокоумие низлагает, а смиренномудрие получает победную награду.

312. Если пред братьями своими окажешься чистым, как золото, то и тогда почитай себя сосудом непотребным, и избежишь гордыни, ненавистной Богу и людям.

313. Если видишь, что брат грешит, и на утро свидишься с ним, то не презирай его, признавая грешным в мысли своей: ибо не знаешь, что, может быть, когда ушел ты от него, сделал он, по падении своем, что нибудь доброе, и умилил Господа воздыханиями и горькими слезами.

314. Надобно удерживаться от осуждения других; каждому же из нас подлежит смирять себя, говоря о себе словами Псалма: беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне (Пс. 37, 5).

315. Не дай мне, общий всех Владыка, такого сердца, которое ненавидит подчинение и отеческое вразумление; удали от меня горделивые помыслы; ибо Ты, Господи, запретил еси гордым (Пс. 118, 21).

316. Не только взор пусть будет поникшим долу, но и сердце да не превозносится над другим.

317. Если двое новоначальных живут со старцем, кто из них больше пред Господом? Тот, кто смиряет себя пред братом своим в страхе Божиим. Ибо не лжив Сказавший: смиряйся вознесется (Лук. 18, 14).

318. Кто хочет сдвинуть камень, тот не сверху, а снизу подложит рычаг, — и тогда легко поворотит камень. — Это образец для смиренномудрия!

319. И Богу и людям ненавистна гордыня, а любящих смирение возвышает Господь.

320. Не достоинство, не почесть, не величие вводят в Царство Небесное, но смирение, послушание, любовь, терпение и благодушие вот что спасает человека. Не слышали разве, что диавол за гордыню ниспал с неба? Не слышали разве, какой великой славы лишился он за противление Богу.

321. Смиренный не тщеславится, не гордится, служа Господу из страха пред Ним. Смиренный не устанавливает собственной своей воли, прекословя истине, но повинуетя истине. Смиренный не завидует успеху ближняго, и не радуется его сокрушению (падению), а напротив того радуется с радующимися и плачет с плачущими. Смиренный не унижается в лишениях и бедности, и не оказывается надменным в благоденствии и славе, но постоянно пребывает в той же добродетели. Смиренный почитает не только высших, но и низших себя. Смиренный не впадает в раздражительность, никого не оскорбляет, ни с кем не ссорится. Смиренный не упрямится и не ленится, хотя бы и в полночь позвали его на дело; потому что поставил себя в послушание заповедям

Господним. Смиранный не знает ни досады, ни лукавства, но в простоте служит Господу, мирно живя со всеми. Смиранный, если услышит выговор, не ропщет, и если будет заушен, не выйдет из терпения; потому что он ученик Претерпевшаго за нас крест. Смиранный ненавидит самолюбие, почему не домогается первенства, но почитает себя в мире сем как бы временным пловцем на корабле.

322. Если изучишь и все Божественное Писание, смотри, в противность Писанию, да не надмевает тебя этим помысл; потому что все Богодухновенное Писание учит нас смиренню. А кто думает или делает противное тому, чему учился, тот сим самым показывает, что он преступник.

323. Если тревожит тебя дух гордости, или любоначалия, или богатства, то не увлекайся им, а напротив того стань мужественно против ополчений лукаваго и лъстиваго духа. Представь в мыслях древния здания, обветшавшия изображения, изъеденные ржавчиной столпы, — и размысли сам с собою, и посмотри, где обладатели и соорудители всего этого; и старайся угодить Господу, чтоб сподобиться тебе Царствия Небеснаго: зане всяка плоть яко трава, и всяка слава человека, яко цвет травный (1 Петр. 1, 24). Что выше и славнее Царскаго достоинства и славы? Но и Цари преходят и слава их. А удостоившиися Царства Небеснаго не испытуют ничего подобнаго, в мире и радовании пребывая на небе с Ангелами, без болезни, печали и въздыхания, в радости и веселии, хваля, прославляя и величая Царя Небес и Господа всея земли.

324. Если прежде всех придеши к службе Божией и простоиши до конца, да не надмевает тебя сим помысл; ибо высокоумие подобно норе, в которой гнездится змий и умерщвляет подходящаго.

325. Не будем превозноситься, а станем лучше смирать себя. Да и что у нас за сила, чтобы превозноситься нам, когда и малая затруднительность повергает нас на землю? Посему возлюбим смирение, чтоб Господь не отвратился от нас.

326. Во всяком месте и во всяком деле да будет с тобою смиренномудрие. Ибо как тело имеет нужду в одежде, тепло ли или холодно на дворе; так и душа имеет всегдашнюю нужду в облечении себя смиренномудрием. Предпочти лучше ходить раздетым и разутым, нежели быть обнаженным смиренномудрия; потому что любящих оное покрывает Господь.

327. Имей смиренный образ мыслей, чтоб, превознесшись на высоту, не разбиться в страшном падении.

328. Начало смиренномудрия — покорность. Смиренномудрие да будет у тебя и основанием и облечением ответа; речь же твоя пусть будет проста и приветлива в любви Божией. Высокоумие не подчиняется, непослушно, непокорно, водится собственным своим помыслом. А смиренномудрие послушно, благопокорно, скромно, воздаст честь и малым и большим.

329. Избрав для себя благоговейную жизнь, трезвись, чтоб лукавый под видом благоговения не внушил тебе чуждаго помысла, и именно тщеславия и гордыни, по которым не захочешь трудиться вместе с братиею. Работай, как и другия братия, и охраняй свое благоговение.

330. Если будет тревожить тебя помысл самомнения, скажи борющему тебя: «иди от меня прочь, лукавый помысл. Что такое я сделал, и в какой преуспел добродетели, что внушаешь мне подобныя мысли? Святые камением побиени быша, претрени быша, искушени быша, убийством меча умроша (Евр. 11, 37). Сам Владыка всяческих за нас крест претерпе, о срамоте нерадив (—12, 2). А я, все время жизни своей проведя в грехах, какой дам ответ в день суда?» — И сим отгонишь от себя высокоумие.

331. Один брат сказал: «просил я себе у Господа помысл смиренномудрия, чтобы когда брат мой прикажет мне сделать чтонибудь, говорил я помыслу: «это господин твой, слушай его»; а если прикажет другой брат, опять говорил: «это брат господина твоего». И если прикажет ребенок, и тогда говорил: «слушай сына господина своего». — И таким образом, противясь чуждым помыслам, при содействии благодати, безмятежно делал он дело свое.

332. Безстрашие рождает гордыню; а гордыня — мать непокорности. Смиренномудрие и кротость обладающего ими пригвозждают к страху Божию, как столп, утвержденный в храме Божиим.

333. Блюдись от беса высокоумия, чтоб не впасть в дух гордыни и неподчинения и не сделать себе вреда. Нет тебе стыда пребывать в подчинении о Господе и своими руками делать доброе. Сия небольшая печь — и скорбь претерпеваемая тобою ради Господа — доставит тебе вечную жизнь. Представь, что ктонибудь на драхму выменивает многия тысячи талантов золота; тоже значит и всякая печаль монашеской жизни в сравнении с будущею скорбью, какая сретит делающих худое. Уступаешь ты малое, а тебе дается великое. — Посему отрекайся высокоумия, и часть твоя будет Господь.

334. Отличительныя черты и признаки человека имеющего истинное смирение, суть следующие: почитать себя грешным паче всех грешников, не сделавшим ничего хорошаго пред Богом, укорять себя во всякое время, на всяком месте и за всякое дело, никого не хулить и не находить на земле человека, который был бы грешнее и нерадивее его самого, но всех всегда хвалить и прославлять, никого никогда не осуждать, не унижать, и не оклеветывать, во всякое время молчать, и без приказанья, или крайней нужды ничего не говорить; когда же спросят, и есть намерение, или крайняя нужда заставляет говорить и отвечать, тогда говорить тихо, спокойно, редко, как бы по принуждению и со стыдом; ни в чем не выставлять себя за меру, ни с кем не спорить ни о вере, ни о другом чем; но если говорит кто хорошо, сказать ему: да, а если худо, отвечать: как знаешь; быть в подчинении и гнущаться своею волею, как чем-то пагубным; иметь взор поникший всегда в землю; иметь пред глазами смерть свою, никогда не празднословить, не пустословить, не лгать, не противоречить высшему; с радостию переносить обиды, унижения и утраты, ненавидеть покой и любить труд, никого не огорчать, не уязвлять ничью совесть. Таковы признаки истиннаго смирения; и блажен, кто имеет их; потому что здесь еще начинает быть домом и храмом Бога, и Бог вселяется в нем, — и делается он наследником Царствия.

335. В том нет смиренномудрия, чтобы грешнику почитать себя грешником: но смиренномудрие состоит в том, чтобы сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великаго. Смиренномудр, кто подобен Павлу; но говорит о себе: ничесоже в себе свем (1 Кор. 4, 4), — или: Христос Иисус прииде в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз (1 Тим. 1, 15). Итак быть высоким по заслугам и унижать себя в уме — вот смиренномудрие!

6. Общие уроки о подвижнической жизни. (Ч. I, 28—596; II, 112—466; III, 1—664).

1. Есть воздержание языка — не говорить много, и пустаго, не злословить; не обижать словом, не клясться, не празднословить, не клеветать одному на другаго, не пересуживать, не открывать таин, не заниматься тем, что не наше.

2. Есть воздержание слуха, — владеть слухом и не поражаться пустою молвою.

3. Есть воздержание глаз, — владеть зрением, и не устремлять зрения на грешно-приятное, и неподобающее.

4. Есть воздержание раздражительности, — владеть гневом и не воспламеняться вдруг.
5. Есть воздержание в славе, не желать и не искать прославления и чести, не превозноситься, не надмеваться, не мечтать о себе много.
6. Есть воздержание помыслов, — низлагать помыслы страхом Божиим, не склоняться на помысл обольстительный и воспаляющий, и не услаждаться им.
7. Есть воздержание в пище, — не желать и не искать снедей многих, сладких и дорогих, не есть не в определенный час, не предаваться духу чревоугодия, не возбуждаться к алчности добротой снедей, и не желать то одной, то другой снеди.
8. Есть воздержание в питии, — не употреблять без меры не только вина, но и воды, не гоняться за удовольствием пить искусно приготовленные смеси, не искать разных напитков, не пить вина без нужды, не ходить на пиры.
9. Есть воздержание порочного сладостолбия, — не потакать случайно возбуждившимся движениям похоти, не склоняться на срамные помыслы, не исполнять волю плоти, но обуздывать страсти страхом Божиим.
10. Прекрасное Св. Отцы оставили нам правило для покаянных подвигов и трудов, говоря: «не сегодня только воздерживайся, а завтра заготовляй обеды; не сегодня только пей воду, а завтра добывай вина; не сегодня только носи власяницу, а завтра дорогую ткань; не сегодня только будь кроток и смирен, а завтра высокомерен и горд; не сегодня только тих и послушен, а завтра безчинен и неуступчив; не сегодня только предавайся плачу и рыданию, а завтра смеху и равнодушию; не сегодня только спи на голой земле, а завтра почивай на мягком ложе. Но удержи для себя одно правило, возлюбленный, по которому мог бы ты благоугодить Богу, и принести пользу себе и ближнему.
11. По сороку или по пятидесяти лет Св. Отцы не изменяли своего правила, т. — е. прекрасного и неукоризненного воздержания, соблюдаемого касательно пищи, языка, спания на голой земле, смиренномудрия, кротости, веры и любви, нестяжательности, неусыпной молитвы с плачем и сокрушением, — и таким образом очистили себя. Почему и Бог вселился и прославился в них.
12. Если кто не очистит себя от всякого дела лукаваго, от нечистых помыслов, от порочных пожеланий, от гнева, раздражительности, зависти, гордыни, тщеславия, ненависти, прекословия, осуждения, пустословия, — одним словом, — от всего, что Богу ненавистно, и если, отвратившись от того, не будет держать себя вдали; то не вселится в него Бог. Почему очистим себя, возлюбленные, чтобы Бог вселился в нас, — и мы сподобились обетований Его.
13. Хочешь ли знать, что у тебя в сердце, — внимай! — Хвалолюбие служит знаком, что мы тщеславны; приятность яств показывает, что мы чревоугодники; нерадение обнаруживает, что мы ленивы; любостыжательность — что не любим Христа; зависть возвещает, что нет в нас любви; удовольствие, с каким осуждаем других, означает, что полны мы ненависти. Так невидимая душа по телесным действиям делается видимою, какова она — добра или зла.
14. Но самым неудержимым проповедником о том, что любит и к чему прилепляется сердце, служит язык; устами обличаются тайны нашего сердца. Когда уста отверсты, и нет при них стражи, тогда слово наше исходит без разбора, и с собою выбрасывает наружу все, что в сердце. Почему, если хочешь узнать сердечныя помышления, обрати внимание на уста; от них узнаешь, о чем заботится и старается сердце, — о земном или о небесном, о духовном или о плотском, об удовольствии или

воздержании, о многостязании или нестяжательности, о смирении или высокоумии, о любви или ненависти. Из сокровищ сердца уста предлагают снеди приходящим, и то, чем занят язык, показывает, что любит сердце, — Христа, или что-либо из настоящего.

15. Душа наша по природе добра, но превращается в злую по своему свободному произволению. Страсти неестественны; оне прививаются и развиваются злым произволением, — и привычка делает их сильными, как сильна природа. Природа — рабство, привычка произволение. Произволение, будучи свободно, есть как бы земледельец какой, прививающий к природе нашей и худые и добрые навыки, какие ему угодно. Природа — это земля, нами возделываемая; произволение земледельец; а Божественныя Писания — советники и учителя, научающие нашего земледельца, какие худые навыки ему следует искоренять, и каких благих добродетели насаждать.

16. Сколько бы ни был наш земледельец трезвен и ревностен, однакож без учения Божественных Писаний он и не силен и не сведущ. Законоположение Божественных Писаний дает ему разумение и силу, а вместе от собственных ветвей своих и благих добродетели, чтобы привить их к древу природы, — именно: веру, надежду, любовь, ведение, прилежание и под. А если земледельец наш, по высокоумию своему, вздумает когда оставить учителя и советника своего, т. — е. Божественныя Писания, то начинает действовать погрешительно, и к природе прививает несвойственное ей, разумею же: неверие, неведение, ненависть, зависть, гордыню, тщеславие, славолюбие, чревоугодие, любопрение, прекословие и многое другое подобное; потому что, оставя Законодателя, и сам бывает Им оставлен. Если же, раскаявшись, осудит он сам себя и, припадши к Законодателю, скажет: «согрешил я, что оставил Тебя»; то Законодатель, по свойственному Ему человеколюбию, немедленно приемлет его, подает ему разумение и добрую силу опять снова возделывать ниву природы своей, искоренять в ней худые навыки и вместо их насаждать благих добродетели. Сверх же сего дает еще ему за это и венцы, и осыпает его похвалами.

17. Для чего же отрекся ты от мира, если ищешь еще мирскаго наслаждения, вместо наготы домогаясь одежд, и вместо жажды — винопития? — Призван ты на брань, и хочешь без орудия выдти в битву со врагом, вместо бдения погружаясь в сон, вместо плача и сетования предаваясь смеху, вместо любви питая ненависть к брату. Призван ты к подчинению, а прекословишь. Призван к наследию Царства Божия, а думаешь о земном, вместо смиренномудрия и кротости выказывая высокомерие и гордость.

18. Духовные купцы мы, братия, и подобны купцам мирским. Купец каждый день высчитывает прибыль и убыток; и если потерпел убыток, прилагает старание, как бы вознаградить потерю. Так и ты, возлюбленный, каждый день и вечером и утром, тщательно размысли, до чего доведена купля твоя. — И вечером, войдя в храмину сердца своего, расчисли и спроси сам себя: «не прогневал ли я чемнибудь Бога? Не сказал ли празднаго слова? Не был ли беспечен? Не огорчил ли брата моего? Не осудил ли кого? Когда пел устами псалмы, тогда ум мой не мечтал ли о чем мирском? Не возрождалось ли во мне плотское пожелание, и не с удовольствием ли занимался я им? Не уступил ли я над собою победу земным заботам?» Если потерпел ты в чем либо из сказаннаго ущерб, то постарайся возратить утраченное; потом воздыхай, и плачь, чтоб не впасть опять в то же. А утром опять займись с самим собою и спроси: «как прошла эта ночь? Получил ли я в нее какую прибыль от купли своей? Бодрствовал ли ум мой вместе с телом? Лились ли слезы из очей моих? Не был ли отягчен я сном во время коленапоклонения? Не приходили-ль мне на ум лукавые помыслы, и не

занимался ли я ими с приятностию?» Если побежден ты был чем либо из сего, то постарайся исцелиться, приставь стража к сердцу своему, чтоб не потерпеть опять того же. — Если так будешь попечителен, то сохранишь в целости куплю свою; а таким образом соделаешься благоугодным Господу своему, и принесешь себе пользу.

19. Будь внимателен к себе, чтобы не вдаться тебе когда либо в леность; потому что преобладание лености — начало погибели. Подражай пчеле, и всмотришь в дивную ее тайну, как с рассеянных по земле цветов собирает она свое произведение. Проникни мыслию своею на эту ничтожную тварь. Если собрать всех мудрецов земли, всех философов во вселенной, то не в силах они будут сделать понятною мудрость ея. И всякий разумный человек, видя труды ея, прославляет Создателя Бога, изумляясь, что от такой малой твари выходит столько мудрости. Подобно сему и ты, возлюбленный мой, будь как пчела, и из Божественных Писаний собери себе богатое и некрадомое сокровище, и предпошли оно на небо.

20. Монах подобен воину, идущему на брань, который отовсюду ограждает тело свое полным вооружением, трезвится до самой победы, и беспокоится, чтобы вдруг не напал на него враг, и чтобы ему, если не примет предосторожностей, не попасться в плен. Подобно и монах, если, приводя себя в расслабление, обленится, то удобно уловляется врагом; потому что враг влагает в него нечистые помыслы, которые принимает он с радостью, — разумею же помыслы высокоумия и тщеславия, а также зависть и осуждение, чревоугодие и ненасытный сон, и сверх того доводит его до отчаяния. Если же монах всегда трезвится, то привлекает себе в помощь благодать Божию, научается Богом, как угождать Ему, делается и достохвальным о Боге и хвалителем Бога. Как наблюдающий себя в зеркале бывает вместе и зрителем и зримым, так и благодать, если найдет себе упокоевание в человеке и вселится в нем, то и его прославляет, и сама им прославляется.

21. Без помощи благодати сердце не может иметь в себе достаточных сил и исполниться умиления, чтоб надлежащим образом исповедаться Владыке; напротив того, человек бывает беден и скуден совершенствами, и поселяются в нем мерзкие и нечистые помыслы, яко ночный вран на развалине (Пс. 101, 7). Посему обязанность человека призвать благодать, чтоб она пришедши, просветила его, — обязанность человека, очистив себя, домогаться, чтобы благодать обитала в нем и помогала ему; при благодати же успеет он во всякой добродетели, и просвещенный ею, в состоянии будет уразуметь разнообразие и благолепие благ будущего века. Благодать делается для него стеною и укреплением, и охраняет от века сего для жизни века грядущаго.

22. Старайся приобрести совершенную добродетель, украшенную всем тем, что любит Бог (это — любовь). Называется она одноличною добродетелию и заключает в себе всю красоту и все разнообразие добродетелей. Как Царская диадима не может быть соплетена без драгоценных камней и отборных жемчужин, так и сия одноличная добродетель невозможна без красоты различных добродетелей. Она вполне подобна Царской диадиме. Как последняя, если не достает в ней одного камня или одной жемчужины, не может сиять на царской главе, так и сия одноличная добродетель, если не достает в ней одной какой либо красоты прочих добродетелей, не называется совершенною добродетелию.

23. Еще подобна она дорогим снедам, которыя приготавливаются со всякими изысканными приправами, но не без соли. Как сии дорогия снеди, если не будет в них соли, не гожи к употреблению и не вкусны, так и эта добродетель, украшенная всею лепотою различных

добродетелей, если лишена любви ко Христу и ближнему, нимало не привлекательна.

24. Еще подобна она совершенному и прекрасному составу азбуки, в котором буквы отделаны и украшены, но который весь делается ни к чему не гожим, если отнять у него хоть букву. Так и сия добродетель, если будет лишена одной из прочих добродетелей, вся оказывается бесполезною.

25. И еще подобна она большому и высокопарящему орлу, который, завидев пищу в сетях, со всею стремительностию налетает на нее, но желая похитить добычу, зацепляется концами когтей, и от этой малости вся крепость его делается связанною: и хотя повидимому, все тело его свободно и вне сетей, однакоже вся сила его оковывается сетями. Подобным сему образом и эта добродетель, если связана чем либо земным, умерщвляется, изнемогает и гибнет, и не в состоянии уже воспарить на высоту; потому что пригвождена к земному.

26. Как иной погружается в глубину, чтобы сыскать многоценную и отличную жемчужину, и нашедши ее, всплывает на поверхность вон, и нагой устремляется на сушу с великим богатством. Так и ты обнажи себя от всех житейских нечистот, облекись же в сию добродетель и, украсившись ею, трезвись день и ночь, чтобы не совлекли ее с тебя. Душу, которая имеет ее у себя, не может поколебать никакое бедствие, ни голод, ни нагота, ни уныние, ни болезнь, ни бедность, ни гонения, ни другое какое, диавольское искушение. Если трезвится она, то чрез это еще более возрастает и венчается, непрестанно преуспевая по Богу и просветляясь. Самая смерть не в силах причинить ей зло; напротив того по исшествии из тела, Ангелы приемлют ее ликующую на небо, и приводят к Отцу светов.

27. Радуется о ней Отец и Сын с Духом Святым. Отец радуется о ней, потому что возлюбила Его, и не любила никого, кроме Его. Единородный Сын Его радуется о ней, потому что вожделела Его, и никого не приобрела, кроме Его. Святой Дух радуется о ней, потому что о Нем сделалась Храмом Святым, и Он вселился в ней. Радуются о ней небеса и небесныя силы, и единодушно припадают и прославляют Отца и Сына и Святаго Духа, видя, что она украшена Ангельскою добродетелию во всей лепоте праведности. Радуется о ней рай, потому что она получила его в наследие. Слава и велелепие единому благовому и человеколюбивому Богу, Который, по Своей благодати, дарует нам Царство Свое.

28. Потрезвимся и потрудимся в это короткое время. Вечер близок. Мздовоздаятель идет со славою воздать каждому по делам его. Будьте внимательны, чтоб ктонибудь из вас после успеха не вознерадел, и не погубил безмернаго мздовоздаяния Спасителя. Монах подобен засеянной ниве, которая, разросшись от плодотворных дождей и рос, приносит плод веселия; и достигнув времени плодоношения, приводит земледельца в большую заботу о том, чтоб град и дикие звери не опустошили ниву. Когда же земледелец получит вознаграждение в жатве, собрав пожатые плоды в житницу, тогда радуется и веселится, благодаря Бога. Подобно и монах, пока в теле сем, должен заботиться о вечной жизни, трудясь в подвиге до последняго дня, чтоб по нерадению не сделать бесполезным всего течения своего. Когда же совершив точение, подобно земледельцу, плоды трудов своих перенесет на небо, тогда доставляет радость и веселие Ангелам.

29. Представь, что иной, предстоя Царю и беседа с Ним, по зову подобного ему раба, оставляет дивную и славную беседу с Царем, и начинает беседовать с рабом; подобен сему и тот, кто разговаривает во время псалмопения. Вразумимся, возлюбленные, Кому предстоим. Как Ангелы, предстоя с великим трепетом, совершают песнословие Создателю, так и мы со страхом должны

предстоять во время псалмопения. Да не будет того, чтоб только предстояли тела наши, а ум мечтал.

30. Три рода дел умножают зло, и четвертый не принадлежит к числу добрых: если юные не слушаются; если старцы завидуют успехам младших; если благоговейные склоняются на дела непотребныя и если настоятель по невежеству своему теснит и тяготит братьев.

31. Три рода дел умножают добро, и четвертый род благ пред Господом и пред людьми: если братия единокровны в кротости и в правде; если брат брата поучают страху Господню; если младшие подчинены старшим, как своим владыкам, и если настоятель любит братьев своих, как себя самого, и истинно печется о спасении душ их.

32. Если видишь торгующаго чем нибудь, скажи сам в себе: «этот человек, возделывая временнаго, столько терпит, чтобы собрать скоропреходящая блага. Ужели же ты, душа моя, вознерадишь о непреходящем?» — Если видишь тяжущихся между собою, скажи сам в себе: «эти люди столько прилагают старания и спорят между собою о том, что нимало не полезно. Ужели же ты, душа моя, должна будучи тьму талантов, не припадешь, как следует, к Богу, чтобы прощен был тебе долг твой?» — Если видишь строящих дом из глины, то скажи сам в себе: «эти люди, строя дом из глины, употребляют свое старание совершить дело. Ужели же ты, душа моя, пренебрежешь вечными обителями?» Но чтобы, говоря о том и о другом порознь, не продлить слова, скажу: что ни увидим в жизни, мирские помыслы и житейския разсуждения заменим духовными, и при содействующей нам благодати, непременно получим пользу.

33. Что такое монах? Монах подобен человеку, который, когда несся с высоты, встретив вервь, висящую высоко над землею, ухватился за нее, — виснет на ней и непрестанно вопиет к Господу о помощи, зная, что, если ослабеет, и выпустит вервь из обеих рук, то упадет и умрет.

34. От того, что не хотим ради Господа потерпеть малой скорби, неволью впадаем во многия и тяжкия скорби. От того, что не хотим ради Господа оставить собственную свою волю, сами себе уготовляем душевный вред. От того, что не терпим ради Господа быть в подчинении и унижении, сами себя лишаем утешения праведных. От того, что не слушаемся вразумления, какое делают нам ради Господа, сами себя делаем игрищем бесов. От того, что не принимаем наказания жезлом, ожидает нас коноб, в котором не будет утешающаго.

35. Хитрец — враг разными способами в каждого из нас влил свои отравы, и кознями своими запинаят каждого. Иной соблюл пост, но отдает себя во власть соперничеству и зависти. Иной опять воздержался от срамнаго пожелания, но связан тщеславием. Другой преуспел в бдении, но запутался в сетях осуждения. Иной удаляется от осуждения, но исполнен неподчинения и прекословия. Иной воздерживается от снедей, но тонет в гордости и высокомерии. Иной неутомим в молитвах, но уступает над собой верх раздражительности и гневу. Иной успел в чем нибудь малом и превозносится уже над теми, которые нерадивее его. Каждаго так или иначе связал грех, — и нет разумевающаго.

36. У нас брань не с видимыми людьми, от которых осмотревшись, можно привести себя в безопасность. Воюющие с нами невидимы. Потому велика опасность для нерадивых, а победителям великое воздаяние. — Не без искусства вступим с ними в брань и будем побеждать их. — Если враг, — скажу для примера, — возбуждает к чревоугодию, нападём на него постом; если раздражает в нас похоть к женщине, употребив в дело терпение, преодолеем чувство, и враг тотчас убежит от нас; если побуждает нас к гневу, вооружимся миром; если доводит нас до раздражения, возьмем за

кротость; если воспаляет в нас ненависть, прилепимся к любви; если подстрекает к исканию почести покажем уничижение; если подстрекает к исканию славы, возьмемся за свою незначительность; если мечтательно ведет на высоту, преднапишем пред собою смирение Господа. — Если таким образом будем противиться врагу, он не устоит против нас и побежит, а к нам возвратится благодать.

37. Будь внимателен к себе, возлюбивший подвижничество, чтоб дни твои не протекли в рассеянности. Не допускай в себя лукавых помыслов, чтоб сила твоя не изнемогла в борьбе с врагом твоим. Имей всегда в уме своем сладчайшаго Владыку, чтоб увенчалось течение твоего подвига. Ускоряй борения подвига твоего; ибо внезапно наступит день, когда трудящиеся увенчаются, а ленившиеся раскаются. Приобретай добродетель, пока есть к тому время; приобретай благоговение оку своему, истину слуху своему, глаголы жизни языку своему, посещение немощных стопам своим, образ Господа твоего сердцу своему, преспеяние в целомудрии членам своим, чтоб сподобиться тебе большей чести пред Ангелами и человеками. Чествуется бездушное дерево, если имеет на себе образ смертного царя; кольми паче, в нынешнем и будущем веке, предпочтена будет душа, имеющая в себе Бога.

38. Приидите, други мои, припадем к Господу, да дарует нам просвещение души к уразумению козней врага — противника нашего, которому ненавистно все прекрасное. Ибо он ставит нам на пути преткновения, соблазны, вред, рассеянность века сего, плотское удовольствие, надежду на долговременность настоящей жизни, боязнь во время подвига, леность в молитве, сон и плотское успокоение во время псалмопения. Но сколько он рачителен, столько мы беспечны; и чем больше он злоухитряется, тем более мы небрежем, хотя знаем, что дни наши сокращены, — и Господь славы грядет.

39. Дали мы обет — приносить плод жизни. Но для нашего плода нет слез, которые приводили бы его в зрелость; нет сокрушения, чтоб процвел он от дыхания слез; нет смирения, которое приосенило бы его в великий зной; нет нестяжательности, чтобы не бременило его что либо сопротивное; нет любви Божией, — этого крепкого корня, поддерживающего плод; нет безпопечения о земном; нет бдения, нет бодренного ума, трезвящагося в молитве. Вместо сих прекрасных и благих добродетелей есть у нас противное им: есть ярый гнев и раздражительность, которыми избитый плод делается ни к чему негодным; есть многостяжательность, которая давит его вниз; есть великое уныние. Все сии неблагоприятности для него попустят ли созреть ему, как должно, чтоб годен он был своему Владыке.

40. Для того, чтобы, видя образ жизни каждого, подражать житию их, а именно тому, как кто, вооружившись ревностию, поспешает к почести вышняго звания (Фил. 3, 14), надобно в точности наблюдать у одного совершенную и точную веру, у другаго надежду на Бога, у инаго двоякую любовь к Господу и ближнему, у иного же то, как в страхе Божиим стоит он на страже своей, охраняя себя от всякаго лукаваго дела, ведя жизнь не порицаемую и не предосудительную, а напротив того похваляемую всеми за чистоту и безукоризненность его поведения.

41. Смотри, как иной, боримый от врага различными страстями, прибегает в молитве к Богу и в сокрушении с любовью прилепившись к Нему, получает помощь благодати, и избавляется от непотребных и нечистых помыслов, — с великим плачем, со слезами и воздыханиями каюсь в содеянном, с печалию оплакивая грехи свои, исповедуясь Богу в молитвах и бдениях, злостражда в

посте, воздержании и скорби, и стараясь спасти себя сими оружиеми. Так и себе старайся бороться до смерти, как истинный воин, — содержи в мысли, что подвижничество — не шуточное дело, и что спасение достигается только великою рачительностию.

42. Подражай тем, которые являют совершенное отречение от мира, — и удобно востечешь на высоту добродетелей. Видя в ком-либо совершенную нестяжательность, — как он, оставя все, усиливается сделать ум свой свободным от всяких попечений, чтоб без развлечения прилежать молитвам, и чтобы никакой помысл и никакая забота не прерывали его молитвы, всюю силою посоревнуй ему. Кто чистым сердцем, с любовью и слезами молится Богу, тот Самого Бога, как в зеркале, отражает в уме своем. А это благо неоцененное, приобретается нищетою, бедностью и всячески тесным житием. Узкая врата и тесный путь вводят в живот (Мф. 7, 14).

43. Подражай в образе жизни Святым, — кому в благоговении и страхе Божиим, кому в смиренномудрии, кому в самоуничижении и самоосуждении, кому в безмолвии, кому в кротости, кому в терпении благодушном, кому в уступчивости и миролюбии, кому в дружелюбии и единомыслии, кому в трезвении и разсудительности, кому в приятности обхождения, приветливости и снисходительности, кому в прощении обид, мужестве и великодушии, кому в подвигах и послушании, кому в рукоделии и служении братьям, кому в ревности и горячности духа, кому в совершенном отчуждении от мира и в ежедневном умирании подобно распинаемому, кому в твердости духа и истиннолюбии, кому в целомудрии и девственности. Смотри также — у кого на милосивость и готовность помогать, у кого на тихость нрава и доброту, у кого на сердоболие и милосердие, у кого на безпристрастие и правосудие, у кого на невзыскательность и скромность, у кого на довольство малым и умеренность, у кого на простоту и прямоту, у кого на непрестанную молитву, на псалмопение и потоки слез, — коротко сказать, смотри у всех на черты Богоугодной жизни, — и подражай им.

44. Постараемся на горнее взирать, о горнем помышлять, горнее всегда помнить, к горнему быть всецело прилепленным, с горним быть в непрестанном общении, — и никак не склонять взора своего к дольному, где удовольствия, где похоти века сего лукаваго и мертвящаго. Прекрасно всегда в горнее всматриваться оком сердечным, всячески блюдись, чтоб не запало чего либо в зеницу ока сего, — или помысла лукаваго, или иного чего не благоугоднаго Богу, и не омрачило ума.

45. Надобно нам непрестанно молиться, чтоб Господь избавил нас от бесовских козней. Ибо помыслы, не только когда сидим уединенно в келлии, подавляют нас, но сильно возстают и тогда, как сходимся в дому Господнем; делают, что и на мужския тела смотрим не чисто; и до самага срамнаго дела доводит нас змий мечтательными помыслами. Он всевает какую-то смесь помыслов, чтоб брат пришел в разсеяние, и не мог чистым умом внимать пречистым тайнам Спасителя нашего — Бога. — Впрочем хранением очей и внимательностию ума воздержный преодолевает, при содействии благодати Божией. Посему надобно со всею бдительностию охранять сердце свое и чувства свои; потому что в этой жизни ведем мы великую брань; и враг наш неистов.

46. От борьбы отказываться не должно. Кто в мире со страстями, тому как вести с ними брань, когда он продал уже себя в рабы сластям греховным и с охотою платит дани мучителю? Ибо где только вражда, там и брань; где брань, там и борьба; где борьба, там и венцы. Если кто хочет освободиться от горькаго рабства, то вступи в брань с диаволом. В сей брани сделавшись победителями, Святые удостоились небесных благ.

47. Кто хочет свободиться от вражеского поругания, и избавиться от горького рабства ему, тем надобно противоборствовать воле сего тиранна нашего, и вести с ним брань из любви к Создателю. Ибо тогда покажут они опыты доблестной борьбы, когда не устами только, но и сердечным расположением скажут ему: «не послушаем мы гласа твоего, диавол, и не станем более служить твоим похотям». Но во время борьбы надлежит возсылать молитвенный глас к Богу; да посрамит Он ищущих зла рабам Его. Тогда, пусть свирепеющий мучитель сей седмицею разжжет печь похотей, надеющиеся на Господа скоро узрят печь сию превратившеюся в росу, — и мучитель, внушавший прежде страх, сам вострепещет пред ними.

48. Некто из Святых сказал: «думай о хорошем, чтоб не думать о худом; потому что ум не терпит быть в праздности». — Почему посвятим ум свой поучению в словах Божиих, молитвам и добрым делам. Ибо занятие суетными мыслями раждает и дела суетныя; а занятие добрыми мыслями раждает и добрый плод.

49. Хотя и нет у тебя видимых слез, однакоже пусть будет сердечное сокрушение; потому что и между слезами есть разность. — Но блажен, кто в душе своей, как в зеркале, созерцает Господа, и вместе со слезами изливается в славословии Ему пред лицом Его благости; потому что молитва его будет услышана.

50. Если хочешь стать сосудом избранным, то преуспевай в покорности своему наставнику о Господе и в смиренномудрии. Жизнь Святых стала светлою быв возвеличена послушанием. Иисус Навин за совершенную покорность Моисею, удостоился дара быть преемником ему. Самуил, находясь в послушании у Священника Илия, сподобился слышать глас Божий. Елисей за покорность получил сугубую благодать своего учителя. Сам Бог — Слово, вочеловечившись, проводил жизнь в смирении и повиновении, как говорит Евангелист: и бе повинуюся им (Лук. 2, 51). Апостол же сказал еще: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Фил. 2, 8). Начал ты добрым изволением; стой же твердо, чтоб Господь возвеличил тебя с кроткими и смиренными в Царствии Небесном.

51. Один брат, пребывая в послушании у духовных Отцев, пришел к другому брату и сказал: «хочу отойти от духовных Отцов, и безмолвствовать сам по себе». Тот отвечал ему: у одного человека был сын, котораго отдал он на руки одному мастеру, чтоб он научил его своему мастерству. Мальчик был невнимателен к делу. И чрез несколько дней ребенок этот приходит к отцу своему, и говорит: батюшка, возьми меня от учителя; сам по себе могу лучше выучиться этому мастерству. Но отец его сказал ему; если у других учась, ничему ты не научился, при руководстве их, то как можешь успеть в чем либо один? Вижу, что худо ты учился своему мастерству, и боюсь, что напрасно я старался о тебе. Поэтому примись, как следует, за работу свою, и навькни ей под руководством мастера, чтоб сделавшись искусным в этом мастерстве, мог ты потом жить от него. — Так и мы, брат, не будем усиливаться свергнуть с себя иго подчинения — о Господе, чтоб не остаться неискусными в деле угождения Богу, и не быть беспомощными, когда впадем в искушение.

52. Когда победив страсти, искореним мы в себе всякое житейское пристрастие, тогда благодать Святаго Духа, обретши в нас упокоение, просветит сердца наши, как уготованный светильник, обильный елеем, снабженный светильнею. Но если мы поработены еще страстям и погрязаем в них, то подобны светильнику, лишенному елєя и светильни, — и сидим во тьме. Позаботимся же о приуготовлении себя к приятию умнаго света; взыщем жизни духовной, чтоб освятились в нас и ум,

став под властью Духа Святаго, и тело, став причастным Духа.

53. Притча. Два человека пошли в город, отстоявший на тридцать стадий. Когда совершили они стадии две — три, встретила им на дороге тенистая роща, по которой протекали ручьи воды, и было много приятных местоположений. Когда путники вступили в это место, один, желая поскорее увидеть город, прошел по нему поспешно, а другой остановился посмотреть, и отстал. Посмотревши, и он хотел идти в город, но побоялся зноя, и еще остался под древесною тению. Но между тем, как он медлил, наслаждаясь приятностию места, вышел зверь из леса, схватил его и утащил в свое логовище. Между тем другой, котораго не прельстила эта местность, благополучно достиг города. — Притча сия вот что означает: два человека — это вступившие на путь благочестия, и начавшие подвизаться на оном. Привлекательная местность на пути — это мир с его прелестями. Прошедший мимо означает тех, кои, ни на чем не останавливая внимания, поспевают достигнуть почести вышняго звания о Христе (Фил. 3, 14). А увлекшийся привлекательною местностию означает тех, кои, забыв о своей цели, уклонили ум свой от невидимаго к видимому. Зной — это труд добродетели. То, что человек тот, замедлив на месте, сделался добычею зверя, значит, — что когда кто останавливает помысл на вожделении земнаго, тогда из этого вожделения выходит грех и, овладев человеком, снedaет его подобно лютому зверю, — как написано: похоть заченши раждает грех: грех же содеян раждает смерть (Иак. 1, 15). Будем же бегать мирских похотей, чтоб снова не сделаться нам рабами греха.

54. Избегай бесполезных речей, чтоб не впасть в срамные помыслы. Как добрыя слова полезны душе, так не добрыя речи развращают ее, по сказанному Апостолом: тлят обычаи благи беседы злы (1 Кор. 15, 33).

55. Когда увидишь нерадивыми людей состарившихся в монашестве, тогда нужно тебе много предосторожности, чтобы поревновав им, не пойти тем же путем, и чтобы, став воздержным, не превознестись пред ними, что значит уступить над собою победу высокоумию. Послушай того, кто говорит: внемли, себе, и тщательно охраняй душу свою.

56. Не всякому человеку открывай свои помыслы, а только тем, о коих дознаешь, что они духовны. Ибо много сетей у диавола. От людей духовных ничего не скрывай, чтобы враг, нашедши себе угол, не возгнездился в тебе. Но с людьми плотскими не входи в совет.

57. Надобно избегать бесполезных бесед, и не иметь обращения с небрежущими о страхе Божиим; потому что ничего не говорят они полезнаго, ничего не делают для Господа, не говорят ни о добродетели, ни о благоговении, ни о чистоте. Речи их — сеть смертная; совет их — бездна ада; сообщество их — душевная пагуба.

58. Смотри, чтоб не утратить тебе дерзновения пред Богом ради чести или славы человеческой, или ради пищи, или пития, или одеяния; потому что все это подлежит тлению, дела же каждаго, и добрыя и злыя, записываются. Горняя мудрствуй, а не земная (Кол. 3, 2), чтоб получить тебе обетование Отца небеснаго.

59. Воины Царя земнаго проливают кровь, чтоб угодить Царю своему; но тебе нет нужды проливать кровь, а только не будь побежден грехом, чтоб не сотворить тебе плода смерти (Рим. 7, 5). Трезвись, брат, трезвись и пребывай в трудах. Бог не неправеден и не забудет труда твоего. Но и за ту тесноту, какую терпишь ты, сидя в келлии, возсияет тебе свет истины. Подвизайся добрым подвигом веры (1 Тим. 6, 12), чтоб мог ты, одержав победу над врагом, непостыдно поклониться — Царю Славы.

Ибо Господь венчает не только умерших от меча, и пострадавших от мучителей, но и оказавшихся благоискусными в подвижничестве и в любви. Как первые для Господа терпели поругание, так и последние для Господа же потерпели скорбную жизнь и подвижничество.

60. Будь внимателен к себе, и да не будет слова лукаваго в сердце твоём. Не склоняйся на лукавый помысл. Так пострадал некто от древних, скрыв в куще своей нечто от клятвы (Иис. Нав. 7, 1—26); подобно пострадал и Гиезий, служитель Пророка Елисея. Не укрылись они не только от Бога, но и от людей. Преступление совершили они тайно; но возмездие получили явно. Один побит камнями всенародно, а другой наследовал проказу (4 Цар. 5, 27). Ибо не лжив сказавший: Бог поругаем не бывает; еже бо аще сеет кто тожде и пожнет (Гал. 6, 7).

61. От чего преодолевает нас враг? От чего умножаются в нас страсти? — Не от непокоривости ли нашей? — Когда учат нас, мы не бываем внимательны; когда обличают к исправлению погрешностей, отпираемся. От людей таимся, о Боге небрежем. Страшный змий влагает в нас мудрость побеждать словом тех, кто хочет нас исправить; и от того грех умножается в нас, не имея противника себе.

62. Начало душевного развращения в монахе — смех и вольность. Когда увидишь в себе это, монах, знай, что пришел ты во глубину зол. Не переставай молить Бога, чтоб избавил тебя от этой смерти. Смех и вольность ввергают в постыдные страсти не только юных монахов, но и старцев. О вольности сказал некто из Святых: «вольность подобна знойному ветру; она губит плоды монаха». Слушай же теперь о смехе: смех лишает человека блаженства, обещанного плачущим (Мф. 5, 4), разоряет доброе устройство внутреннее, оскорбляет Духа Святого, вредит душе, растлевает тело. Смех изгоняет добродетели, не имеет памятования о смерти, ни помышления о мучениях.

63. Начало плача — познание самого себя. Да будет же плач нам не по человеку, но по Богу, Который знает сокровенности сердца, чтоб от Него получить нам убажение. Посему будем лицом светлы, радуясь о дарах Господних, о Духе Святом; плакать же и сетовать станем мысленно, умоляя Бога, чтоб простил нам все грехи наши и сохранил нас от них навсегда до кончины нашей. Плач созидает и охраняет; плач омывает слезами душу, и делает ее чистою. Плач раждает целомудрие, отсекает похоти, укрепляет добродетели. Плач убаживает Бога и приемлет утешение от Ангелов.

64. Занимайся духовным, чтобы сохранялось в тебе памятование о Боге; гнушайся же речами бесполезными; потому что зловонию и благовонию быть в согласии — дело невозможное.

65. Пустынник избавлен от трех браней — от зрения, слышания и говорения. И внимательный общежительник избавлен тоже от трех браней — от покупания, продавания и нападения разбойников. Но везде надо внимать себе и хранить совесть свою чистою.

66. Не говори: «я вступил в монастырь, и ношу на себе Ангельский образ». Не только людям, но и Самому Богу приятен не один внешний образ; требуются главно плоды добрых дел. — Итак стой, как цветносное дерево, охраняя плоды добродетелей своих, чтоб не подкрался червь гордыни, и не подточил в тебе плода смиренномудрия, чтоб тщеславие, не омрачило твоего благоговения, чтобы гнев не похитил твоей кротости, раздражение не истощило твоего благодушия, ссора не нарушила твоего мира, вражда не послужила препятствием дружбе, памятозлобие не пресекло взаимной любви, обида не расторгла согласия, чревоугодие не попрепятствовало посту, жадность не истребила воздержания, беспечность не запнула рачительности, сон не усыпил бдительности, уныние не отяготило усердия, леность не помешала служению, ропот не уменьшил подчинения, послушание не

преградило входа послушанию, празднословие не превозмогло над псалмопением, шутовство не взяла верха над славословием, смех не преодолел плача, блуд не растлил целомудрия, сребролюбие не было предпочтено нестяжательности. Блюди, чтоб не возлюбить родителей паче Христа, и не усладиться миром паче Царствия; чтоб страсть к пересудам не подстрекала языка твоего; чтоб не томило тебя завидование кому либо; чтоб обман не очернил в тебе чистоты сердца, лицемерие не лишило тебя вкушения истинных благ, хищение не отлучило тебя от Царства, неправда не заградила тебе рая, человекоугодие не истребило в тебе дерзновения, любовь к удовольствиям не похитила у тебя Боголюбия, похоть не погасила в тебе сердечного сокрушения.

67. В какой мере отсекает и смиряет кто волю свою, в такой же мере идет он к преспеянию. А чем упорнее держится кто своей воли, тем более наносит себе вреда. Поэтому не желай раболепствовать своей воле, но лучше послушен будь воле Божией.

68. Выходя из келлии на служение, или для беседы с кем либо, огради око, сердце же возбуждай благочестивым помыслом, говоря при том: «ты не живописец, и не учиться вышел, как списывать изображения с людей». Будь внимателен к себе. Если внимание твое занято чувственным, то как можно тебе будет в чистом уме, как в зеркале, созерцать небесное, услаждаться и радовать себя памятованием о Боге?

69. Перестань любопытствовать о чужих грехах, чтоб от сего естественным образом не растлился благочестивый помысл твой.

70. Придерживайся молчания; оно избавит тебя от многих скверн. Памятуй непрестанно о тесноте грешников, страшась, чтоб и тебе в скором времени не быть причтенным к числу их.

71. Не будем самолюбивы; ибо от самолюбия, как ветви какия, отражаются все страсти. Истребляется же самолюбие любовью, которая всех влечет к единомыслию, и связывает во едино. Любовь — великое и драгоценное приобретение. Посему старайся не отпадать от любви.

72. Заботясь о своем спасении, представим в себе ближнему образец добродетели в вере, в любви, в терпении, в чистоте, в послушании, в смиренномудрии, в страхе Божиим, не увлекаясь худыми пожеланиями, но подвизаясь в трудах духовных.

73. Для принятия заповедей Божиих имей простоту (голубя), а для отражения козней противника — хитрость (змею).

74. Умно отделяйся от вредных встреч, чтоб добре покоился твой внутренний человек.

75. Не проводи времени с лицедеями, чтобы не растлились мысли твои; потому что речи их весьма вредны. Стариков заставляют они поступать по юношески, а молодых вовлекают в незаконные дела.

76. Когда кто плачет, тогда никак не согрешить; и никто в сердечном сокрушении не замышляет зла. При сердечном сокрушении приходят слезы а за слезами следует умаление зла чрез удержание себя от худых дел.

77. Если ты молод, приучайся к молчанию и труду. Труд сделает тебя необременительным, а молчание сохранит неугасимым душевный свет, не попуская, чтобы он затмился какою либо страстию.

78. Не волосы и не одежда делают человека мирским, а худой нрав и склонность к мирским и нечистым пожеланиям, от которых душа делается мерзкою.

79. Не пострижение и одеяние делают монахом, но небесное желание и Божественное житие, в которых обнаруживается совершенство жизни.

80. Не возвеличивай себя прежде искушения; потому что постигшее искушение нередко пристыждает стоящих, по-видимому, твердо. Почему бодрствовать надлежит, и приводить тем ум в безопасность от падений.
81. Так все делай и так обо всем думай, чтоб угодить Богу; ибо если нет у тебя этой мысли, то теряет цену всякое твое делание.
82. В общежитии ли пребываешь, или безмолвствуешь, уединясь от всех, не оставляй в нерадении искомаго тобою, т. — е. чистаго сердца и сокрушеннаго духа. Кто приобрел сие, тот не будет уничижен Богом; пренебрегать же этим — великая опасность.
83. Божественными водами орошай душу свою (Словом Божиим и таинствами), чтоб и процвела и плод принесла в правде. Надобно нам к душеполезному так же стремиться, как животныя бегут на зеленыя пажити.
84. Когда душа здорова, тогда и тело имеет крепость для благих трудов; а если душа потерялась в скверных помыслах, тогда и тело по необходимости растлится грехом.
85. Лукавый ежедневно ставит скрытныя сети душе нашей, чтоб, соблазнив ее, подвергнуть вечному мучению. Сии сети исполнены сладости, чтоб обольщать и приманивать невнимающия себе души. Не услаждайся, брат, этою смертною сладостию, увлекаясь обольстительными помыслами. Помысл — обольститель, если найдет себе доступ в душу, услаждает ее греховными мыслями, чтоб потом умертвить ее грехом. И делается он сетию для души. Но опомнись и поспеши разорвать сию сеть, изгнав помысл из души молитвою, слезами, воздержанием и бдением. — Прочее же будь бодрствен, и ни на одно мгновение не останавливайся на обольстительном помысле. Прибегай всегда к Богу с молитвою, с постом и слезами, чтоб освободиться тебе от всех сетей, соблазнов и страстей.
86. Будем бодренными воинами, будем ежедневно преодолевать во брани лукаваго. Изучим уставы сей брани: она невидима, и устав ея — обнажить себя от всего земнаго. Если ждем смерти, ежедневно имея ее пред очами, то не будем грешить. Если обнажишь себя от всего земнаго, то не будешь низложен в брани. Поелику земное влечет к себе долу, и страсти омрачают сердечныя очи, то лукавый одолевает нас в брани с ним.
87. Не разсуждай, монах, говоря так: «велики труды подвижничества, а я малосилен и немощен, не в состоянии подвизаться. — Если вознамеришься идти в дальнюю какую страну и землю, то невозможно тебе будет в одно мгновение пройти разстояние целаго пути, но проходя каждый день от ночлега до ночлега, с продолжением времени, достигнешь той страны, какую имеешь в виду. Тоже надобно сказать о Царстве Небесном и о рае сладости. Каждый достигает туда трудами целой жизни, — постом, воздержанием, бдением. Воздержание, слезы, молитва, бдение, любовь — вот ночлеги, ведущие на небо. Проходи их терпеливо, — и радуясь. После каждого ночлега будут укрепляться стопы души твоей, — и не найдешь затруднения в пути твоём, ведущем к небу.
88. Человеку, без дальняго разсуждения вступившему в монашескую жизнь, враг ухитряется вложить вольность. А тому, кто из благоговения пошел в монахи, внушает он подвиги выше сил его. Но истинно боящийся Бога не уловляется ни тем, ни другим помыслом. Страх Божий просвещает сердце его для шествования прямым путем.
89. Брат, по принятии им монашескаго образа, боролся с мыслию выйдти из общежития. — И помыслы представляли ему такой пример: «посмотри на эту зелень в саду; если ухаживающий за этими грядами не повыдержат растений и не пересадит на другое место, то не пойдут они в рост».

Брат же на это отвечал помыслам так: «ужели же садовник до конца выдергает все посеянное на этих грядках? Не оставит ли на гряде, что может она пропитать? — Притом выдернутое не так надежно, как оставшееся на месте. Поэтому и ты будь в числе не выдерживаемых». — И сим, при содействии благодати, преодолел он помысл.

90. Монаху должно быть благоразумным, чтобы распознавать замышленное против него противником, — и иное пропускать со смехом, иное же со смирением, а иное низлагать хорошо приправленным словом.

91. Пока душа мечтает о земном, различные пожелания мира сего и суетные удовольствия, представляющиеся душе в помыслах, расслабляют силы ея; и от этого сидящий в келлии приходит в нерадение. Но когда кто совершенно отрешится от мира, возненавидит его и прелести его, и от всего сердца и от всей души предаст себя в рабы Господу, то нерадение не возьмет над ним власти, и вследствие того он свободно будет делать свое дело. Ему будет предлежать только брань с помыслом тщеславия; но и сей помысл отгонит от себя раб Господень, принимая в разсуждение и свою собственную немощь, и то, чей у него дар, согласно со сказавшим: что имаша, егоже неси приял (1 Кор. 4, 7)? Бывает у него брань также с немощию плоти; но раб Господень не придет от сего в страх, и не отлучит себя от любви Божией, по слову сказавшаго: кто ны разлучит от любве Божия (Рим. 8, 35—39)? За всеми же страстями следует дух блуда; — но бегай срамных слов, и избежишь нечистых помыслов.

92. Мудрые старцы — тук для братии, умащающий и укрепляющий душу.

93. Если отрекся ты от мира, то позаботься о деле своем, чтоб добыть тебе искомую жемчужину. Ибо иные, отрекшись от мира, удалились от мирской жизни, — и одни оставили военную службу, другие расточили свое богатство, — но напоследок, водимые своею волею, пали; так как всего бедственнее управляться своею волею, а не жить по изволению Божию. Они сделали вид, что главными вратами удаляются всего житейского, но опять воротились к житейскому потаенною дверью.

94. Это — благоухание ведения в человеке, если во всяком случае винит он самого себя, и, вина себя, не осуждает другаго, впадшаго в туже погрешность.

95. У кого сердце омрачено бурей помыслов и кто побежден страстями, тот и человека не стыдится, и Бога не боится. Если он властелин, то небоязненно делает зло. Если же немощен и беден, то, предавшись грубости своего нрава, без стыда также поступает дурно.

96. У воинов брань кратковременна, а у ревнителя о спасении продолжается она до отшествия его к Господу. Посему надобно приступать к делу со всем тщанием, трезвенностию и терпением. Если вознамеришься убить льва, то берись за сие с твердостью, чтоб не сокрушил он костей твоих, как сосуд скудельный. Если ввергнешься в море, не теряй бодрости, пока не выйдешь на сушу, чтобы тебе, как камню, не погрузиться в глубину. Если вступаешь в борьбу, будь трезвен, чтобы противник не порадовался, победив тебя, и чтобы тебе вместо венца не получить противнаго тому.

97. Кто хочет быть монахом, тому надо быть готовым к мужественному терпению, чтобы, по вступлении в монашество, не сказать: «не знал я, что будет это со мной». Се делается тебе сие известным. Приведи же в порядок помысл свой, и вооружись терпением, — чтоб, говоря ныне при постриге: «все буду терпеть», на утро не оказаться тебе нарушителем сего, и словом и делом. Ангелы Божии предстоят и слышат все, исходящее из уст твоих. Смотри не солги; потому что Господь погубит вся глаголющая лжу (Пс. 5, 7).

98. Приступающего работать Господу окружают многия покусения. Но во всех их побеждает тот, кто всем сердцем предает себя управлению Божию, и пребывает в воле Божией. Бог требует от нас только решимости, и Сам подает нам силы, и дарует победу: Защититель бо есть уповающим на Него (Пс. 17, 31).

99. Не смотри на нерадивых; но себе внимай, имея пред очами своими Бога, по примеру того, кто написал: презрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. 15, 8).

100. Не будем осуждать кого либо; ибо не знаем, как он ведет себя в келлии своей, или как трудится пред Богом; не будем осуждать, если увидим, что он смеется или разговаривает; ибо не знаем, каковы расположения его в келлии. Каждому из нас надо быть внимательным к себе; потому что каждый из нас за себя даст ответ Богу.

101. Хочешь ли, чтоб не преодолело тебя искушение? Отсеки всякую свою волю. Если дело кажется тебе и хорошим, но настоятель о Господе не признает его хорошим, то покорись ему о Господе. Входить в споры, следовать собственному своему намерению есть уже признак совращения. Да слышит всяк, что говорится в Псалме: работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом. Примите наказание, да не когда прогневается Господь, и погибнете от пути праведнаго (Пс. 2, 11. 12).

102. Не так будем вести себя, чтобы сегодня были у нас воздержание и кротость, а на утро невоздержание и гордость; сегодня — безмолвие, бдение, смирение, а на утро — развлечения, ненасытный сон, неподчинение и тому подобное; сегодня у нас — отречение от мира, отречение от всего земнаго, отречение от отечества, друзей, родителей, по упованию на Господа, а на утро — возжелание видеть родину, родных, наследство, — погружающее во множество зол. Будем помнить, что жена Лотова, озревшись вспять, стала столп слан. И Господь учит: никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствие Божие (Лук. 9, 62).

103. Имей всегда в уме тот день, в который, совлекшись всего, оставил ты мир для Господа, когда воспламенен ты был страхом Божиим, и горел духом ко Господу. И такого расположения держись до конца; ибо претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22).

104. Не расслабевай от приходящих тебе помыслов; ибо это — начало борения. Бери себе урок с дождеваго водоема. Вскоре после дождя, когда благословение дождевное только что собрано в водоем, вода бывает мутна, но потом чем более проходит времени, тем чище она делается. — Потерпи; улягутся и твои помыслы, — и дадут тебе покой.

105. Выслушай притчу о скверных помыслах. Когда виноградная ягода собрана с лоз, вложены в точило, выжаты, дали из себя вино, и оно влито в сосуды, тогда вино сначала кипит, как бы разгорячаемое самым сильным огнем, так что и отличные сосуды, не вынося стремительности его, иногда разрываются от напряжения. Так бывает и с помышлениями человеческими, когда от суетнаго века сего и от забот его переходят к небесному. Бесы, не терпя ревности в человеке, разными способами смущают ум его, с намерением примешать к нему развращение мутно (Аввак. 2, 15); и если найдут сосуд не без недостатка, т. — е. душу неверную и сомнящуюся, то разрывают его. Бесы, как хищные волки, ходят по келлиям монахов, ища отворенной для себя двери, чтобы, ворвавшись внутрь, растлить покорную им душу. Если же найдут дверь запертою, душу, утвержденную в вере, то уходят назад с поникшим лицом.

106. Во всех делах своих держи смиренномудрие, которое есть мать послушания. — Сбрось с себя

двоедушие, и во всем облекись верою, чтобы Господь, видя ревность души твоей, укрепил тебя в делании. — Питай в себе сильную ненависть к лености, к соперничеству, ко всякому злонавию и зависти, так как для Господа оставил ты все. Знай, что если в начале разслабят тебя такие помыслы, то много потом потерпишь труда и вреда.

107. Если на дворе не даешь накопляться нечистотам, то не давай и внутри себя усиливаться пожеланиям плотским.

108. На широком пути бывает следующее: злоумие, развлечения, чревоугодие, пьянство, расточительность, непотребство, раздор, раздражительность, надменность, непостоянство и тому подобное; а за ними следуют: неверие, неповиновение, непокорность, последнее же из всех зол отчаяние. — А на тесном пути и узком бывает следующее: безмолвие, воздержание, целомудрие, любовь, терпение, радость, мир, смиренномудрие и тому подобное. За ними же следует бессмертная жизнь.

109. Особенно блюди себя от вольности, чтоб не поработиться тебе многословию и безстыдству, не сделаться радованием бесов, и напоследок не разстаться с братством. Не столько дикие ослы опустошают хлеб, сколько вольность разоряет труды монахов.

110. Представим себе предстоящих земному Царю и служащих тленному престолу; с каким вниманием и страхом предстоят они Царю своему? Не тем ли паче мы, как верные, должны предстоять Небесному Царю, со страхом и трепетом и со всяким благоговением? Посему не признаю хорошим, взирать безстыдным оком на предлежащая тайны Тела и Крови Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. И да убедит нас в сем Божественное Писание, говоря: трепетен был Моисей, не смеяше смотрети (на купину) (Деян. 7, 32).

111. Как я рассуждаю, три есть рода дреманий, которые смущают человека ночью. Первое случается испытывать брату по действию лукаваго, когда брат начнет петь псалмы. Но если нет в брате лености, оно никакой не имеет силы, сильнее же тревожит, если обременено чрево у брата яствами и питиями. Второе находит на брата среди Божией службы, по собственному его нерадению, когда брат не употребит усилия достоять до окончания правила, посреди службы хочет оставить поющих псалмы, и пойти спать. Третье случается испытывать по требованию природы по окончании правила обычной службы. — Не будь же нерадив. Не слышал ты разве, как Пророк Самуил, неоднократно званный, ни однажды не обленился встать, хотя был еще отрок? Когда стоишь на службе Божией, среди братии или наедине, чтобы славословить Спасителя нашего Иисуса Христа, — и потревожит тебя первый род дремания: заметив его, воспротивься, чтобы по лености своей не лишиться тебе плодов служения Богу; но с твердостью терпи, хотя бы раз и два смежило очи твои дремание; не сходи с места своего, — и обретешь великую пользу. Пристрастие к ненасытному сну подобно страсти чревоугодия. Если кто привык есть много, то и природа требует многого; а если привык кто к воздержанию, то природа не требует многоядения. Примени к себе рыбаков: всю ночь они проводят в бодрствовании, не оставляя своего дела. Если же кто из них, обремененный сном, предавшись нерадению, уснет; то когда встанет от сна, увидит, что ничего им не поймано. И начнет окаывать себя за нерадение. Тоже и с тобою будет, если предашься дреманию и сну, как и Пророк говорит: уснуша сном своим, и ничтоже обретоша (Пс. 75. 6).

112. Как на море корабль, если делается в нем малая скважина, и не будет в скорости приложено старания, от такой малости, при всей своей громадности, затопляется волнами, так тоже бывает и с

душею, допустившею до себя вражеския приражения, если не воспрянет к Создавшему ее. Нужны потому нам с тобою, брате, трезвение и великое смиренномудрие. Все лукавое приводится в бездействие сердечным обращением к Богу.

113. Бывает, что иной берет сосуд, чтоб почерпнуть воды, но не наполнив его водою, опрокидывает и разбивает. Подобен ему и тот, кто вступив в обитель для стяжания совершенства христианского, отместит благодать Божию, и возвращается опять к мирской жизни.

114. Вера есть мать всего добраго, и ею достигает человек исполнения на себе обетований Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа, по написанному: без веры невозможно угодити Богу (Евр. 11, 6). — Но многоплодное приобретение диаволу — неверие, которое есть мать всякаго лукаваго дела. От него рождаются двоедушные, которое есть нестроение. Муж двоедушен, сказано, неустроен во всех путех своих (Иак. 1. 8).

115. Хочешь избежать соблазнов и пересудов? Приложи дверь к устам своим о Господе, и отврати свои очи, еже не видети суеты (Пс. 118, 37), — и избежишь того и другаго, пересудов — молчанием, а соблазнов — хранением очей. Если не препобедим в себе этого, то куда ни пойдем, в себе самих будем носить врагов своих. Победи их, и будешь иметь покой, где бы ни жил.

116. Прекрасны молитва и пост, но их укрепляет милостыня; ибо сказано: милости хочу, а не жертвы (Осии 6, 6). И Спаситель ублажает милостивых: блажени милостивии; яко тии помилованы будут. И Корнилию что говорит Ангел: молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память пред Бога (Деян. 10, 4), — не молитвы только, но и милостыни.

117. Не пренебрегай Церковной службы, под предлогом какого либо поделяя. Как дождь возвращает семя, так Церковная служба укрепляет души в добродетели.

118. Не делай так, чтоб сегодня пребывать в безмолвии и внимании к делу Божию, а на утро ходить из келлии в келлию, или, еще хуже, из селения в селение. Но постоянно безмолвствуй, помня, что в какой мере кто безмолвствует, в такой мере делаются чистыми его помыслы, — и в какой мере удаляется кто от безмолвия, в такой грубеет у него ум.

119. Страх Божий — крепкий столп пред лицом вражеским. Не разорь сего столпа, и не будешь взят в плен. Привергнись к Человеколюбцу, с Пророком вопия к благодати Его: на Тя, Господи, уповах, да не постыжуся во век: правдою Твоею избави мя и изми мя (Пс. 30, 1—6). Тогда и Господь скажет тебе: Аз буду с тобою; и не оставлю тебя ниже презрю тя. Крепись и мужайся (Иис. Нав. 1, 5. 6).

120. Будем великодушны, и понесем тяготы друг за друга, усиливаясь возставить падших и попавшихся в плен врагу. Какой воин, увидев, что товарищ его взят в плен врагами, не вступает в борьбу и не сражается с ними, чтоб исхитить товарища своего из рук взявших его в плен? Когда же не в силах он избавить его, тогда плачет и печалится, вспоминая о друге. Не гораздо ли паче мы должны друг за друга полагать души свои? Ибо Господь и Спаситель наш Иисус Христос сказал: нет больше сей любви, да кто душу свою положит за други своя (Иоан. 15, 13).

121. Человек, проводящий в нерадении дни свои, сам себя обманывает, вовсе не помышляя о благах, какия уготовал Господь праведным, и о наказании уготованном грешникам, без всякаго страха предаваясь утехам. В таковом лукавый приводит в действие всякаго рода плотския похоти; а он не в состоянии заметить сего, как ворота не замечают входящих и выходящих ими; потому что похоть поселившись в уме его, омрачила очи его.

122. Бегай вольности и смеха; чревоугодие обуздывай держанием, сребролюбие —

нестяжательностию, многоглаголанье — молчанием, нетерпение сидеть на месте — пребыванием в келлии, леность — памятованием будущих благ, непокорность — смиренномудрием; паче же бегай вольности, которая по моему разумению, есть начало всех зол. Если не обуздаешь ее, она сделает тебя безстыдным. Обуздав же ее, блажен будешь; ибо говорится: блажен муж, иже боится всех за благоговение (Прит. 28, 14).

123. Будь внимателен к себе, чтоб не потерять тебе времени своего в нерадении и рассеянности. Насадил ты себе виноград; обнеси его оградой. Приобрел ты себе сад; охраняй плоды его, чтоб возвеселиться тебе под конец; и не пускай свиней своих на возделанное трудами твоими, чтобы они не опустошили того. Что пользы, если один день строим, а два разоряем? При таком образе действия как дело придет к концу?

124. Всякого рода приманки греховныя рассеяны во всем человечестве, чтобы человек непрестанно боролся умом. Но иной борется, а иной поддается увлечению, и падает; и падают — один в одном, другой в другом, соответственно предрасположению каждого. Не бывает это без участия врага, но и он соображается с предрасположениями нашими. И он, когда захочет связать какого человека пожеланиями греховными, связывает его теми, которыми он услаждается, чтобы услаждаясь узами, не захотел он когда либо развязать себя. Связывающий нас хитр, и хорошо знает, чем и как кого связать; знает, что если свяжет кого невольными узами, ум тотчас разорвет узы и скоро отбежит прочь. Поэтому связывает каждого, чем он услаждается и прохладается. Оттого мы и связаны будучи, не тужим, а радуемся тому, — и уловлены будучи, кичимся тем; кичимся потому, что связанный, наприим. завистию, коль скоро не связан прелюбодеянием, почитает себя ничем не связанным, и связанный тщеславием, коль скоро не связан явными неправдами, думает о себе, что свободен от низких уз. Каждый из связанных не знает своих уз, и не ведает сетей разложенных ему. Все они страждут неведением упившихся. Связанный как упоенный, не знает, что он связан. От вина забывают об узах, и в упоении не видят около себя сетей.

125. Имей во внимании, что примесью страсти греховной портится и уничтожается всякое добро: уничтожается правда, когда примешивается к ней низкое коварство; повреждается непорочность, если коснется ея похотливость; уничтожается вера, если будет внимать прорицаниям; омрачается благотворительность, если возымеет гордыню; посрамляется пост, если дать при нем место осуждению. Внимай же себе и не допускай таких добро—губительных примешений.

126. Каждый член обязан ты приличным образом оберегать от вреднаго. Если тело твое чисто от блуда, береги уста свои от осуждения других. Уста не могут любодействовать, но могут лгать и клеветать. Если один твой член невинен, а другой виновен, то с осуждением одного этого члена весь ты подлежишь осуждению. Не пренебрегай осуждением, как чем—то малым. Из примера тех, которые бывают добычею ловцев, научись не пренебрегать и самую малостию. Случается, что птица задерживается в сети небольшим ногтем, и концем ничего нестоющего ногтя смиряется и преодолевается могущество крыл; и хотя птица совершенно вне сети, однакоже вся ею уловляется.

127. Будем бегать недобраго помышления; потому что помышление судится наравне с поступками. Приступим к доброму помышлению, которое от Испытующаго советы сердечные получает награду наравне с делами. Намерение есть уже дело; потому что в нем, как все производящем, водружено основание нашей свободы.

128. Милостивый Господь снабдил нас орудиями против всяких нападений вражеских. Только не

ленись действовать ими, и не потерпишь вреда. Если враг пустит в нас своими разжженными стрелами, то мы имеем у себя необоримый щит — молитву; если вознамерится он пленить неправдою, прибегнем к правде, и спасемся; если вознамерится уязвить тебя человеконенавидением, встречай его могуществом человеколюбия; если берет тебя гордостью, сразись с ним смиренномудрием; если возбуждает плотскую похоть, облекись скорее в броню целомудрия; если нападет на нас ненасытностью, сделаем себе крылья — пост. — Так есть стрелы у врагов наших, есть стрелы и у нашей немощи. Поражение в брани бывает не от недостатка орудий, а от невнимания и нехотения употреблять их.

129. Что пользы, если имеет кто все, но не имеет любви спасающей? Если кто сделает большой обед, чтоб позвать Царя и князей, и все приготовит богато, чтоб ни в чем не было у него недостатка, но нет у него соли: можно ли будет вкусить такого обеда? Без сомнения невозможно. Тоже и здесь.

Приобрел ли кто девство, постился ли, совершает ли бдения, молится ли, дает ли приют бедным, думает ли приносить дар, или начатки, или плоды, строит ли Церкви, другое ли что делает, — без любви все это ни во что не вменится у Бога (1 Кор. 13, 1—4).

130. Позаботимся о стяжании вечных обетованных нам благ; приложим о сем старание, пока не стемнело, пока не кончилось торжище; сотворим себе для тамошней жизни друзей из бедных и неимущих. У них купим себе елей и пошлем туда вперед себя; ибо здесь для тамошних светильников продают елей — вдовы, сироты, немощные, увечные, хромые, слепые и все нищие, которые сидят у дверей церковных.

131. Когда станешь пред Богом на молитву, смотри, чтобы прекрасных органов, на которых поешь Богу, т. — е. помыслов твоих, не расхитили враги твои. Как или чем будешь служить Богу, когда отнят у тебя твой орган, т. — е. пленены помыслы? Служение Богу требует, чтобы помыслы, вся крепость и сила души, и весь ум неразсеянно напряжены были к Богу. К золоту своему не примешивай меди или свинца, т. — е. к душе твоей — многих и нечистых помыслов. Как дева, обрученная мужу, если ее обольстят другие, делается мерзкою в очах его: так и душа, увлекаемая нечистыми помыслами и дающая на них согласие, мерзостна небесному жениху своему, Христу. — Она должна всевозможно избегать связи с сими помыслами и не услаждаться согласием на оные, чтоб Господь, увидев ея любовь к Себе, возблаговолил к ней, и, пришедши погубил врагов ея, которые покушаются отвратить мысли ея от Него. Ибо как скоро Господь увидит, что душа усиленно старается быть собранною в себя, непрестанно ища Господа, ожидая Его ношью, и вопия к Нему днем; то не умедлит сотворить за нее отмщение, и очистит ее от порока, какой еще в ней есть, представит ее Себе, как неимущую скверны невесту.

132. Отверзи сердце свое, решишь вождевать Бога, все дни жизни своей. Вождевать Бога всегдашнее услаждение и просвещение, и всегдашняя радость. Если всегда вождеваешь Его, Он всегда будет обитать в тебе. — Он обитает в душе боящихся Его, — и исполняет волю возлюбивших Его.

133. Хочешь ли быть святым и непорочным храмом Божиим? Всегда имей в сердце своем Образ Божий. Под Образом же Божиим разумею не изображение красками, но тот Образ, который живописуется в душе добрыми делами, постами, бдениями, преспеяниями в добре, воздержанием, молитвами; и краски для сего небеснаго Владычняго Образа суть — чистые помыслы, совлечение всего земнаго и чистая всегда жизнь.

134. И в мире и в подвижнической жизни никто не венчается без борьбы; без борьбы потому никто не может получить неувядаемаго венца и вечной жизни. Ибо настоящая жизнь всегда подобна поприщу. Хочешь оказаться в борьбе совершенным? Всегда будь облечен в добродетели, как в орудия — борьбы. Облекся ли в добродетель? Непрестанно употребляй усилия не совлекаться ея.

135. Старайся стать подражателем жизни и добродетели преподобных отцев. Иди путем их жития и подвизайся как и они, — подвизайся умом, подвизайся духом, подвизайся телом, будь подвижником и в одежде, будь подвижником и в пище, будь подвижником и в языке, будь подвижником и во взоре, будь подвижником и в помысле, — чтоб во всем оказаться совершенным.

136. Будь внимателен к себе, чтоб во время молитвы не быть рассеянным. Когда станешь на молитву пред Богом, стой пред Ним со страхом и трепетом. Кругом отсеки от сердца своего помыслы и попечение обо всем земном. В час молитвенный всецело будь небесным Ангелом, и приложи старание, чтобы молитва твоя была свята, чиста и нескверна, чтоб, увидев ее восходящую горе, небесныя врата тотчас отверзлись пред нею, чтоб, видя ее (востекшею туда), Ангелы и Архангелы, все с веселием сретили ее и принесли к святому и превознесенному престолу пречистаго Владыки. Так в час молитвенный повергайся пред Богом всегда, как Херувим и Серафим.

137. Брань твоя не какая нибудь обыкновенная; напротив того все Ангелы и Владыка их смотрят на брань твою, какую ведешь со врагом. — Итак, когда ты сделаешься победителем врага, Бог и Ангелы будут рукоплескать тебе: и Ангелы, радуясь, прославят Бога, даровавшего тебе силу победить лукаваго. Для того и брань усиливается более и более, что и ты стал благоискусным, и Бог прославился, и люди стали тебе подражателями.

138. Не приходи в нерадение от изнеможения, но имей в виду упование. Ибо где подвиги, там и награды, где брани, там и почести, где борьба, там и венец. Взирая на сие, умащай себя уроками терпения. Взывай к себе непрестанно возглашая со Святыми; мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа (Пс. 26, 14).

139. Приготовляй дела твои к изшествию; приведи все в порядок в поле своем; а поле есть жизнь сия: возьми добрый заступ — Новый Завет; огороди владения свои терниями (сделай изгородь из колючих произрастений), — постом, молитвою и учением. Если будет у тебя такая ограда, то не взойдет зверь, т. — е. диавол. Как прекрасный виноградник воздвигай душу свою, — и как стерегущие виноградники бьют в ладоши и громко кричат, и таким шумом останавливают злоумышленников: так делай и ты, — возвысь голос, восклицай в псалмопении, и прогонишь хитраго зверя — лисицу, т. — е. диавола. Непрестанно наблюдай за врагом, если будет пожелание твое устремлять на дела непристойныя. И если в душу твою станет метать, как бы из пращи, скверными помыслами, противопоставь щит веры, и возложи на себя шлем упования. Извлеки меч духовный, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17). И вооружась так на врага, терпи, и не будь нерадивым в брани; напротив того, трезвись во всем, говоря: знаем мы его замыслы!

140. Когда взойдет в тебя лукавая мысль; извлеки меч свой, т. — е. возставь в сердце страх Божий, — и посечешь всю силу вражю. А вместо воинской трубы употребляй Божие Писание. Как труба звуком своим собирает воинов, так и Божие Писание, вызывая к нам, собирает благие помыслы, и приведя их в строй страхом Божиим, составляет из них полк в противоборство врагу: ибо помыслы наши, подобно воинам, сражаются с врагами Царя. И еще, — как труба звуком своим, во время брани, и в юных борцах возбуждает готовность идти на сопотивников, так Божие Писание

возбуждает твою ревность к добру, и укрепляет тебя к борьбе со страстями.

141. По мере сил своих принуждай себя, как можно чаще, читать Писание, чтобы оно собирало твои помыслы, которые враг разсеивает своим злоухищрением, влагая в тебя лукавые мысли, между тем как он наносит тебе или частая скорби, или доставляет тебе много успехов и житейских удобств. Делает же он сие по своей злокозности, с намерением удалить человека от Бога.

142. Будь трезвен, и старайся всегда прилежно заниматься чтением, чтоб оно научало тебя, как избегать сетей вражеских и достигнуть вечной жизни.

143. Чтение Божественных Писаний приводит в собранность блуждающий ум, и дарует ведение о Боге. Ибо написано: упразднитеся и разумеете, яко Аз есмь Бог (Пс. 45, 11). Слышишь, что ведение Бога приобретает тот, кто с чистым сердцем упражняется в чтении Божественных Писаний. Потому не будь нерадив, но упражняйся в сем чтении, — и в молитвах, — чтобы просветился твой ум, и чтобы стать тебе: совершенным и всецелым, и ни в чемже лишенным (Иак. 1, 4).

144. Иные хвалятся беседою с вельможами, князьями и царями; а ты хвались тем, что в Св. Писаниях беседуешь со Св. Духом; потому что чрез них глаголет Дух Святой.

145. Старайся читать Божественныя Писания, и постоянно пребывать в молитвах. Ибо всякий раз, как беседуешь ты с Богом посредством оных, освящаются у тебя тело и душа. Зная сие, старайся чаще упражняться в них.

146. Если не умеешь читать, не отходи оттуда, где можно слушать и получать пользу; ибо написано: аще узриши мужа разумна, утренней к нему, и степени дверей его да трет нога твоя (Сир. 6, 36). Сие полезно не только не умеющим читать, но и умеющим; потому что многие читают и не знают, что читают.

147. Смотри, чтоб, когда хочешь читать, не прерывал тебя враг, наводя уныние, или рассеянность, или говоря: «сделай сперва такое-то дело, так как оно не велико; и потом со спокойным духом будешь читать». Внушая это, он и особое усердие возжигает к рукоделию, чтоб поскорее отвлечь тебя от чтения. Это делает он, когда видит, что брат читает прилежно, и получает от того пользу, стараясь отвлечь его от сего занятия и воспрепятствовать ему сим и другими предложениями. Не верь ему; но будь как олень жаждущий и желающий придти к источникам водным, т. — е. к Божественным Писаниям, чтоб пить из них и утолять жажду свою, палящую тебя страстями.

148. Когда Господь дарует тебе прочесть и узнать какое слово из Писаний, позаботься, чтоб оно не проходило мимо (даром); но поучайся в нем умом своим, напечатлей его в сердце своем, и неизгладимым сохрани в памяти своей. Ибо написано: во оправданиях Твоих поучуся (Пс. 118, 16); и еще: в сердце моем скрых словеса Твоя (—11).

149. Когда читаешь, читай с усердием и прилежно; с великим вниманием останавливайся на каждом слове, и не листы только переворачивать старайся, но если нужно, не поленись и дважды и трижды и несколько раз прочесть стих, чтоб выразуметь силу его.

150. Когда садишься читать или слушать читающего, помолись прежде Богу, говоря: Господи Иисусе Христе! Отверзи уши и очи сердца моего, чтоб услышать мне Словеса Твои, и исполнить волю Твою. Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего (Пс. 118, 18). Уповаю, Боже мой, что Ты просветишь сердце мое». — Всегда так моли Бога, чтобы просветил ум твой, и открыл тебе силу Слов Своих. Многие, понадеявшись на свое разумение, впали в заблуждение, и глаголющися быти мудри обьюродеша (Рим. 1, 22).

151. Приобрети безмолвие, как крепкую стену; потому что безмолвие поставит тебя выше страстей. Ты будешь вести брань сверху, а оне снизу. Приобрети же безмолвие в страхе Божиим, и все стрелы вражия не сделают тебе вреда. Безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, есть огненная колесница, которая приобрети его возносит на небеса.

152. Безмолвие — мать сокрушения, зеркало грехов, кладезь неудержимых слез, училище назирания за помыслами и разсуждения их, утверждение поста, преграда чревоугодию, поприще упражнения в молитве и чтении, умирение помыслов, необуреваемая пристань от забот, благое и легкое иго, упокоивающее и носящее носящих его, родительница благоговения, узилище страстей, узда для очей, языка и слуха, вина нестяжательности, плодоносная нива Христова, приносящая добрые плоды.

153. Приобрети себе эту благую часть, избранную Мариною, которая, сев при ногах Господа и прилепившись к Нему единому, стала образцем безмолвия. За сие и похвалил ее Господь, сказав: Мария же благую часть избра, яже не отъимется от нея (Лук. 10, 42). Видишь, какво безмолвие! Сам Господь хвалит приобретающего оное. Приобрети же безмолвие, и насладишься Господеву (Пс. 36, 4), приседя у ног Его, и прилепившись к Нему единому, так что можно будет тебе сказать с дерзновением: прильпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя (Пс. 62, 9).

154. Болезни не вдруг делаются неизлечимыми, но получив недоброе начало от нерадения, переходят в безмерное повреждение. И страсти в душе возникают от малой причины, но если не бывают истребляемы, производят безмерное разстройство в душе. Видишь, как на меди зеленый рубец делается глубже и глубже? — Разумей посему, что производит в душе страсть при нерадении. Если не очистишь ржавчины, то не выведешь пятна; если не изнуришь естества плоти, то не успеешь прогнать от себя страсть. Ржавчина тесно соединяется с медью: так и страсть укореняется в природе. Кто вычистит медь, пока не заржавела, тому уже о ней нет забот; кто облечет душу добродетелию, тот не будет в опасности, тот не потерпит и скрытного приражения зла. Медь от чищения принимает блеск, как одежду; и если вычищена медь неповрежденная еще ржавчиною, то долго служит в употреблении, в противном же случае наведенный блеск обманчив; сосуд тот бывает непрочен и скоро портится, как сделанный из поврежденной меди. И душа, если растленная уже приступает к добродетели, то впадает в колебание, а от колебания в растление.

155. Как душа от соединения с увлажненным телом делается плотскою, так и тело, при нетлении души в единении с семенем Божиим делается духовным. И св. Павел различает людей духовных и плотских. Он знал, что и плотские имеют душу, и духовные — тело; но по причине преобладания того, чего в человеке больше, именование преобладающего усваивает целому человеку. Если в человеке плоть преобладает над душою, то он — плотской; а если преобладает душа, то он — духовный. И в другом месте, давая тоже разуметь, говорит он: плоть противится духу, дух же — плоти, да не яже хошут, творят (Гал. 5, 17). Евангелие сказало, что Царство Небесное принадлежит усиленным искателям (Мф. 11, 12). Дух усиливается возвести природу к Божественному; потому что природа плотию увлекается к земному. Сие усилие духа над природою есть брань, и производится двояким образом: в новоначальных, чтобы не войти им в единение с плотию, и в совершенных, чтобы и самое тело сделать духовным.

156. Если главное в человеке — бессмертная душа, то нет неправды у Бога, что Он обратил человека к нетлению; не делает Он принуждения сложной человеческой природе, а только побуждает силою

духа самоохотно привлекать к нетлению плоть, как рабу, растленную грехом. Как в огненном горниле и медь принимает вид огня, так и тело одухотворяется, если срастворяется нетлением. Тоже медь, зарытая в землю, съедается ржавчиною и обращается в прах; так бывает и с плотию, погруженною в страсти.

157. Как Святые относятся к плоти? — Природа плоти требует покоя, а они стараются более о сокрушении ее и озлоблении. Природа наша (поврежденная, плотская) услаждается славою, они же хулимые утешаются, и таят дела свои. Природа плоти требует вкушения пищи; они же изнуряют ее постами, истощают подвигами. Природа имеет склонность к брачной жизни; они же обуздывают ее воздержанием, и отсекают все причины к возбуждению похоти. Природа гонится за удобствами жизни; а Святые, когда делают им обиды, терпят: когда окрадают их, переносят великодушно. Вообще совсем отрешаются они от плотской жизни, по Слову Господа: возми крест твой и по Мне гряди (Мф. 16, 24). Тому же учит и Апостол, говоря: умертвите уды ваша, яже на земли (Кол. 3, 5). Не создание Божие осуждает Он на закляние; но желает оживотворить плотское, умертвив неестественное в нем усилием духа. Не сказал Он: умертвите телесные члены, но уды, яже на земли. Какие же это? — Блуд, нечистоту, похоть злую, любостяжание, и все тому подобное. Всем подобным услаждается плотской человек, унижаемый и растлеваемый грехом. Грех делает насилие природе. И тогда природа вместо довольства предается ненасытности, вместо утоления жажды питием — пьянству, вместо брака — блуду, вместо правды — неправде, вместо любви — неприязни. Это все пришло к природе и учит Апостол умертвить, делая принуждение поврежденной природе, чтоб состоя под управлением духа, она не выступала из пределов своих. И Спаситель, когда сказал, что подвижнику лучше хрому или бедну улучшить Царствие (Мф. 18, 8), — не отсекал члены, Им созданные, повелел, а не делать их орудиями греха.

158. Желаящий подвизаться ради Христа должен приобрести себе такое вооружение, чтобы ему быть в состоянии противостать диаволу и благоугодить Спасителю нашему, именно:

159. Вместо брани, восприими подобно горчичному зерну веру в единосущную и нераздельную Троицу. Как горчичное зерно совершенно кругло и как бы самодвижно; так самодвижно да будет и вера твоя. Движение веры — добродетели. Иные имеют веру, но не имеют дел; это — не вера, потому что мертва, — как сказано: вера без дел мертва есть (Иак. 2, 20). Кто имеет веру и делает дела веры, в том вера, как самодвижное горчичное зерно. Ее приобрети, и будь здоров и невредим в вере, горя произволением к заповедям Спасителя нашего, чтоб и тебе услышать от Него: добре, рабе благий и верный: вниди в радость Господа твоего (Мф. 25, 23). Благим наименовал его Господь за дела, а верным за веру.

160. Вместо шлема восприими упование будущих благ, ихже око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, и в няже желают Ангели проникнути (1 Петр. 1, 12; 1 Кор. 2, 9), Упование сие подает тебе крепкое утешение в злостраданиях и скорбях, и памятование онаго возвеселит тебя. Ему внимали блаженные Христовы мученики, кои среди острий, среди страшных и разнообразных мучений, среди жаркаго огня, сию вожделенную надежду имели пред очами своими, а посему охотно и с благодарностию терпели все, чтоб только получить уповаемое. Сие упование всегда непрерывно имей пред очами своими, чтоб желание уповаемаго не позволяло тебе помышлять о чем либо непостоянном, и сверх того возбуждало в тебе готовность ко всякому делу благому.

161. Вместо пояса, препояшьясь совершенною любовию к Богу и ближнему: любовь сделает, что

потечешь и не встретишь препятствий. Препоясанный чрез все удобно и безпрепятственно переходит; тем паче препоясанный любовью удобно проходит всюду. Ибо любви, как сказано, вся покрывает, вся терпит (1 Кор. 13, 7), ею преисполненный, Св. Павел говорил: кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся (2 Кор. 11, 29)? Видишь сострадательность и силу любви!

162. Вместо обуви, восприими смиренномудрие: как обувь попирается ногами, так и приобретший смиренномудрие так себя держит, что когда все попирают его, он почитает сие невыходящим из порядка вещей. И ты, брат, приобрети смирение. Это обувь не телесная, но духовная: она предохранит тебя, да не преткнешь о камень ногу твою (Пс. 90, 12). Блаженный Давид, приобретши смирение, сказал: аз есмь червь, а не человек (Пс. 21, 7). Посмотри, как Бог любит смирение, как много приближается к приобретаемому оное и всегда призирает на него. Ибо написано: на высоких живой и на смиренныя призирай (Пс. 112. 5. 6), и еще: очи Его на нищия призирает (Пс. 9, 29). Слыша о нищем, разумей не обнищавшаго имением; потому что многие Цари благоугодили Богу, и многие бедные погибли. Но нищим называет нищаго духом, по сказанному: блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5, 3).

163. Вместо щита, ограждай себя крестом честным, запечатлевая им свои члены и сердце. И не рукою только полагай на себе крестное знамение, но и в мыслях запечатлевай оным всякое свое занятие: вхождение и исхождение свое, седение и возстание свое, и одр свой, — и какое ни проходишь служение, прежде всего, во благословение, знаменай себя крестом во имя Отца и Сына и Св. Духа. Весьма мощно орудие сие, — и никто никогда не может сделать тебе вреда, если огражден ты сим оружием. Если и тому, кто носит печать Царя земнаго, никто не может сделать зла; то кольми паче никто не в силах состязаться с нами, когда носим на себе такую печать великаго небеснаго Царя. Сим орудием всего чаще действуй, брат; потому что сильно противостоит оно стрелам врага. Никогда не забывай ограждать себя крестом; и расторгнешь сети, какия скрыл для тебя диавол; ибо написано: на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне (Пс. 141, 4). Запечатлевай всегда себя крестом; и зло не прикоснется к духу твоему.

164. Вместо лука, простри руки свои на молитву, как написано: и положил еси лук медян мышца моя (Пс. 17, 35). Ибо действительно лук медян на врагов — руки, простертые в молитве, приносимой в ведении; это стрела, метко пущенная натянувшим лук. Если позволишь скитаться помыслу, то уподобишься человеку, который держит в руках лук, но не умеет наметить стрелу в противника, и пускает ее на град. Испугает ли когда врага твоего этот удар, если держишь в руках лук, и не в него, а на угад пускаешь стрелу? — Нимало. Только когда молится кто с ведением, не позволяет скитаться помыслам, и понимает, кто он, и Кому предстоит, и с Кем беседует, молитва приближается к Богу, и враг сильно страждет, как пораженный стрелою в сердце. Тогда душа, по благодати Божией, более и более преуспевает, а враг бежит, как прах пред лицом ветра, гонимый Ангелом Божиим. Вот почему заставляет страдать врага, кто молится с ведением, и мужественно подвизается, пленяя свой помысл.

165. Молись с ведением (с сознанием Кому и о чем молишься). И если во время молитвы что нибудь, или посредством очей, иди по другой какой причине, рассеивает ум твой, то знай, что это дело врага, и не спеши оканчивать молитву свою, но осудив самого себя, снова собери ум свой, и тогда уже молись с ведением, чтобы знать тебе, о чем просишь ты Бога, и для чего просишь Его, и чтоб не говорить тебе напрасно лишняго и не многословить. — И это дело сатаны, что устремляет помысл,

как стрелу, пущенную на угад, и не дает человеку удержаться в том, чем он озабочен. Ибо знает, что, если человек продолжит молитву свою, то Сотворивший его услышит его, хотя бы он был тмочисленно грешен. Посему—то враг вводит его в многодумание, чтобы помысл летел, как стрела, пущенная на град. И бывает, что руки его простерты на молитву, но язык говорит одно, а ум помышляет и воображает иное, — на посмеяние врагу. Поэтому, брат мой, проси Бога всегда о том, что особенно потребно и в чем особенная есть нужда, и по чувству сей нужды. Посмотри на двух слепцев Иерихонских. Вопияли они к Господу: помилуй ны, Сыне Давидов. И когда Господь спросил их: что хотите, да сотворю вама? — Они с болезнию и стенанием сердца своего просили, да отверзутся очи их (Мф. 20, 30). Не сказали: дай то и то; ибо мало ли у них было нужд? Но просили то одно, в чем крайняя настояла нужда. — Посмотри на Хананеянку, — что вопиет она в след Господа? — Помилуй мя Господи! дщи моя зле беснуется (Мф. 15, 22). Не сказала ничего другого, кроме болезни сердца своего. Подобно и все приходившие к Нему не болезни ли сердца своего высказывали пред Ним? Если больной приходит к врачу, то не показывает ли, что болит у него. И ты, брат мой, представь Богу болезнь души своей. — Взирай же на Него, при помощи веры, мысленными очами, чтобы, по написанному видеть Седящего на престоле висоце и превознесенне (Ис. 6, 1), и предстоящая Ему воинства Ангелов и Архангелов, и повергшись пред благодтию Его излей пред Ним прошение свое. Сперва исповедуй грехи свои, а потом уже возвещай пред Ним глаголы свои, или скорбь свою, да умилосердится по благодти Своей, и излиет на тебя щедроты Свои: О душа! велия вера твоя, буди тебе, якоже хочещи (Мф. 15, 28).

166. У кого просвещены и всегда отверсты умныя очи, те в точности знают, что не собственною своею крепостию, но непобедимую силою Божию избавляются они от соблазнов лукаваго. Свобода, возможная человеку, состоит только в решимости или нерешимости противостоятъ диаволу; при возможности же такой противиться, не имеет он совершенной власти над страстями. Еслиб человеческая природа и без всеоружия Духа Святаго могла противостать козням диавольским, то Господь не заповедал бы говорить в молитве: не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Итак, кто хочет избавиться от разжженных стрел лукаваго, сподобиться безстрастия и стать причастником Божественной славы, тот с ненасытным расположением, всем сердцем и всею силою да взывает всегда помощи свыше, чтоб с ея пособием побеждать страсти, и чрез такое не опустительное побеждение достигнуть в область чистоты, еяже кроме никтоже узрит Господа.

167. Старайся быть неукоризненным чадом Божиим, и войти в тот покой, идеже предтеча о нас вниде Христос (Евр. 6, 20); старайся быть написанным в небесной Церкви вместе с первородными; старайся взойти в горний Иерусалим, где и рай сладости. — Но ведай, что не сподобишься сих чудных достояний, если не будешь день и ночь проливать слезы, как потоки, подобно Святому, который говорит: измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 67, 7).

Разве не знаешь, что сеющими слезами, радостию пожнут (Пс. 125, 5)? Посему Пророк говорит: слез моих не премолчи (Пс. 38, 13); и еще: положил еси, слезы моя пред Тобою, яко и в обетовании Твоем (Пс. 55, 9); и еще: быша слезы моя мне хлеб день и ночь (Пс. 41, 4); и питье мое с плачем растворях (Пс. 101, 10). Слезы, проливаемая в ведении, с великою скорбию, при чистом воспламенении сердечных внутренностей, суть душевная пища, небесный хлеб питающий души для вечной жизни.

168. Как есть это видимое небо, называемое твердию, так превыше его есть другое невидимое телесным очам светозарное небо, где полки Ангелов. Там нерукотворенная скиния, в коей Св.

Ангелы совершают свою службу. Все сие Божественно, неизреченно, светоносно, и принадлежит не сему веку, но иному миру, где нет ни ночи, ни лукавых духов, ни браней. Но поелику не всякому, кто бы то ни был, позволяется внутренним оком видеть небесное; то для сего, подобно некоей завесе, поставлена твердь, чтобы и им оттуда можно было не просто всех созерцать, но только тех, которые чисты сердцем и освящены в уме, одних сограждан и сотаинников своих. А когда завеса будет снята, тогда открыто будет праведным, что ожидает праведных.

169. Молитва, совершаемая протяженно, с болезнующею душою, с напряженным умом, восходит к небу. Как вода, пока течет по ровному месту и пользуется большим простором, не поднимается на высоту, а когда руки водопроводов, преградив ей течение внизу, сгнетут ее, тогда стесненная, скорее всякой стрелы стремится вверх: так и ум человеческий разливается и рассеивается, пока пользуется большою вольностию; когда же сокрушение и болезнование сердечныя стесняют его, тогда в прекрасном этом угнетении воспаряет он горе и возсылает чистыя к Богу и усиленные молитвы. Что молитвы, со скорбию воссылаемыя, особенно бывают услышаны, о сем свидетельствует Пророк, говоря: вегда скорбети ми возвах, и услыша мя (Пс. 119, 1). Итак будем раздражать совесть, и возбуждать в душе скорбь памятью о грехах, чтобы сделать ее достойною услышания, трезвенною, бодрственною, способною воплями своими досягнуть до небес. Ничто не отгоняет так от нас леность и нерадение, как болезненное чувство и скорбь, которыя собирают ум во едино, и возвращают его в себя самого. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы в состоянии будет водворить в душе своей великую отрадность. Как стечение облаков сначала делает воздух мрачным, а когда пойдет из них дождь, и облака утратят одно за другим скопившиися в них пары, тогда снова воздух делается чистым и ясным: так и душевная скорбь, пока заключена внутри, омрачает наш помысл, а когда истощит себя в молитвенных словах слезами, и выйдет наружу, тогда производит в душе большую ясность, низведя в ум молящагося, подобно некоему лучу, мысль о Божией помощи.

170. Хочешь ли молиться неразсеянно? — Сделай, чтоб молитва твоя исходила из глубины души. Как дерева, пустившия корни в глубь, если принимают в себя и тысячекратныя приражения ветров, не ломаются и не могут быть вырваны, потому что корни твердо укреплены в земной глубине, так и молитвы, возсылаемыя из самой глубины души, как надежно укорененныя, простираются в высоту, и никакое приражение помысла не может совратить их. Пример сему подает нам Пророк, говорящий о себе: из глубины возвах к Тебе, Господи (Пс. 129, 1).

171. Осматривал я оружейную победоносцев, вникая, какое оружие облекшемся в оное доставляет решительную победу. — Много оружий представилось там взору моему, — и каждым из них можно одержать блистательную победу. Во первых видел я чистый пост, — этот меч, который никогда не притупляется. Потом видел девство, чистоту и святость, — этот лук, с котораго острия стрелы пронзают сердце лукавому. Видел и нищету, с пренебрежением отвергающую серебро и всякое имущество, — эту броню, которая не допускает до сердца изощренных стрел диавольских. Заметил там любовь — этот щит; и мир — это твердое копьё, от которых трепещет сатана, и обращается в бегство. Видел бдение — этот панцырь; молитву — эти латы; и праведность — эту легкую военную колесницу. — Но разсматривая все сии вооружения, и домышляясь, какое из них всех тверже, увидел я оплот смирения и нашел, что ничего нет тверже его; потому что никакое вражеское оружие не может пробить его, и лукавый не в силах взять его приступом. Посему, если желаешь одержать победу в брани, которую ведешь ты, то ищи себе убежища за оплотом смирения; там укройся и не

оставляй сей ограды, — и не уловит тебя в плен хищник; не полагайся вполне на другия свои оружия, чтоб не поразил тебя лукавый.

7. Советы подвижникам. (Сл. 50, т. 2, стр. 570—584, 600—60).

1. Начало монашеского отречения — бояться Бога; не Богобоязненный же монах водворится вне врат Божия Царства. Начало доброй жизни монаху — ведение Бога; неведение же Бога омрачает душу монаха.

2. Доброе наследие монаху — целомудрие и святыня; лишается же наследства отцов монах, у которого нет их.

3. Подвиг для монаха — изучение Писаний и исполнение заповедей Божиих, монах же, не занимающийся сим — не подвижник.

4. Пища монаху — творить волю Божию, пища же чувственная не поставит монаха пред Христом, но в чрево вмещается и афедром исходит (Мф. 15, 17).

5. Стопа монаха, движась чинно, да стирает собою Церковныя ступени; но да не переходит она из дома в дом, безчинствуя.

6. Совет у монаха пусть будет с разумными, совет же неразумного да не вселяется в сердце его.

7. Монах, бодрствующий в псалмах и пениях и песнях духовных, отгоняет от себя ночныя мечтания; монах же, который, надмеваясь своими добрыми делами, спит, плетет паутинную ткань.

8. Мужественный монах крестом Христовым избегает диавольских сетей.

9. Монах оземлевившийся и к земле склонившийся во всем поступает по сатанински (противлением заповедям, лукавством и самоугодием).

10. Мысль у монаха да будет всегда занята добрыми делами. Упражнение монаха — благочинные помыслы. Бодрственность монаха укрощает нечистые помыслы.

11. Возделывание монаха — добрая душа, приносящая плод по Евангельски. Возделывающий ее монах первый вкушает от плода ея.

12. Безсмертная сила в монахе — нестяжательность, несущая крест; сребролюбие же пагубно для них; ибо заграждает для них Царство Небесное.

13. Добрый дар монаху — девство, которое с Илиею на колеснице возносит его на небо. Сила девства — воздержание в пище; монах же упивающийся сквернит плоть свою.

14. Слезы, проливаемые из очей — древо жизни возвращаемое в высоту смиренномудрия.

Приобретший сие монах соберет добрые плоды.

15. Монах, который всем разглашает о даре своем, возбуждает омерзение, — и услышит от Господа: ты уже восприял мзду свою (Мф. 6, 2). А кто стыдится рассказывать, тот получит мзду от Господа, ведущаго тайное.

16. Воздавая Божия Богови, не превозносись, монах; но, молясь Господу, говори: Твоя от Твоих приношу Тебе, Владыка, и у Тебя только ищу избавления души.

17. Монаха, который с чистым сердцем совершает ночныя молитвы, слышит Господь; днем же содевает его светлым, как день, и ежедневно все более и более являет его светлым.

18. В гордыне монаха не почиет Господь, в смиренномудрии же его почиет Дух Святый.

19. Хитон монаха (не тканый, а духовный) во всякое время да будет не очернен. Такой монах в полунощи с Женихом внидет в чертог.

20. В сретение Жениху припаси, монах, елея; ибо если тогда нечего тебе будет подлить в светильник,

чтоб горел ясно, то останешься вне чертога с юродивыми девами.

21. Жизнь монаха в подражание Ангелам да будет пополающею грехи; она должна быть непрестанным благоплодием кающагося.

22. Жизнь монаха да полагает печать умерщвления похоти на все члены его: образец для него жизнь Иоанна Предтечи.

23. Буря бесовская да бежит от монахов; тишина же Ангельская да ликует у них. Когда находит буря бесовская, держи, монах, раздражительность свою; потому что жизнь монаха всегда должна носить одежду кротости и терпения.

24. Монах, горящий духом (ревности по Богу), прогоняет бесов; а монах из соперничества (гордостнаго), соревнующий брату, привлекает к себе диавола.

25. Солнце да не зайдет во гневе твоём, и беспорядочный крик, исходящий из раздраженной гортани твоей, да не возмущает братьев.

26. От слышания песнопения не отказывайся, потому что это Ангельское песнословие; шума же бесовских зрелищ бегай, потому что это бесовская прелесть.

27. На челе твоём всегда да будет крест Христов, в сердце же страх Божий.

28. Безмолвие с чистым сердцем намащает монаха елеем Духа Святаго.

29. Добрый нрав поражает братолюбие, и гонит прочь ссору.

30. Сочетавшийся с Господом не предаст себя диаволу, чтоб не быть постыженным в брачном чертоге.

31. Необоримый щит монаху — Ангельское пение в устах его; смерть же ему — сон, любезный паче пения.

32. Сокровище монаху — произвольная нищета; облеченный в нее монах Божественен. На небе собирай себе сокровище; потому что нескончаемы веки наслаждения.

33. Ум твой да будет всегда занят Божественными Писаниями. Дверь твоя пусть будет заперта не железными запорами, но заграждена краеугольным камнем (в трезвении возглашаемым именем Господа Иисуса).

34. Чудным делается лице монаха в молитве, и следы бывшего у него от сего веселия духовнаго приводят в веселие все множество монахов.

35. Монах, небрегающий о чреве и не любящий винопития, делается равно — Ангельным.

36. Неописанная красота — сияющее в душе монаха девство, самое же гнусное лицо у него по осквернению девства.

37. Всего хуже для монаха — падение в грех; он у него поядает все добро, как огонь солому.

38. Монах, поправший мир, делается собеседником Христу; а опутавшийся мирскими делами не угоден бывает Воеводе — Христу.

39. Монах не сребролюбивый — самый верный проповедник Царствия Небеснаго, а недугующий сребролюбием — человек злосчастно погибший.

40. Украшение молодому монаху целомудрие, обладающее неомраченным девством.

41. Драгоценность для монаха — послушание: кто приобрел его, тот услышан будет Господом.

42. Слово благо да отрыгает монах, и устами своими да глаголет Слова Вышняго.

43. Монах да восприимет на себя произвольный голод, чтобы смирить земное тело, и возвысить небожительницу — душу.

44. Монах да вещает словеса истины, и ложь да будет изгнана из уст его.
45. Слыша жесткое слово, не приходи в запальчивость, но смиришь; потому что, став посредником мира, примешь верную награду за мир, и наречешься сыном Вышняго.
46. Лев страшен диким ослам; таков да будет и монах для похотных помыслов.
47. Монах, разрешающий не во время пост, тоже что подкапывающий основание столпа (в котором живет).
48. Что вихорь, поднимающий пыль на равнине, то и горделивый монах, возбуждающий страстные движения в монастыре.
49. Ангел на земле — добрый монах, не уязвленный стрелами сластолюбия.
50. Не вдавайся в гордыню, чтоб не пасть страшным падением. Подражай смиренномудрию Павла, чтоб сделаться и сонаследником ему.
51. Избери себе в образец Моисееву кротость, чтоб Бог претворил каменное сердце твое в езеро водное, и ты, испытав благодетельность сего, мог хвалебно возглашать: на воде покойне воспита мя Господь (Пс. 22, 2).
52. Познай, как прекрасно смиренномудрие, и его избери себе; потому что оно возводит к небу. Добрая награда предложена тебе за смиренномудрие — Царство Небесное: не вознеради о нем.
53. Юный монах, презирая тщеславие, да утверждается в целомудрии. Монах, напоеваемый целомудрием — новонасаждение освященное Богом.
54. Пост — узда монаху; кто свергает с себя сию узду, тот делается конем женонеистовым (Иер. 5, 8). Юный монах, не обуздывающий чрево, не удержится от греха плотского.
55. День и ночь прилежно пребывает в молитвах бодренный монах; ударяя в сердце себе, проливает он слезы и низводит на себя елей с неба.
56. Дерево жизни на земле — монах не преданный страстям, и восприявший Ангельскую жизнь.
57. Самый острый меч на диавола — псалом в устах монаха.
58. Сухое дерево у Елисея извлекло из глубины железо; тело же, сделавшееся у монаха сухим, извлекает душу из глубины (страстей). Пост монаха изсушает токи сластолюбия. Пределом поста монаху смерть; и прежде кончины да не оставляет его.
59. Меч на страсти — бодрствование монаха в молитвах. Предел молитвы монаху не назначен; потому во всякое время да благословляет он Господа.
60. Монаху, не удерживающему языка своего в день гнева, не легко совладеть и со страстями. Монах гневающийся убивает душу свою, и острыми стрелами уязвляет ближнего своего.
61. Вооружай себя прежде искушения; это поможет тебе в искушении оказаться благоискусным.
62. Не стяживай богатства, и не удобряй плоти: путь узкий и тесный требует отложить в сторону все, что не пользует на нем. Подражай Павлу, вменяя вся уметы, да Христа приобрящешь (Фил. 3, 8). Богатство и удобрение плоти не будут допущены во врата небесныя. Возлюби же нестяжательность и воздержание; — и не останешься вне сих врат.
63. Огонь палящий в монахе — сластолюбие, возожженное винопитием. Христос — приснотекущий источник; из Него почерпая угаси смрадный костер.
64. Не произноси слова худаго; иначе сделаешься виноградником произращающим терния. Самые приятныя слова употребляй в разговоре с ближним, подражая пчеле, которая всегда приносит мед, не имеющий горечи.

65. Легкомысленный монах волнуется бурею помыслов; владеющий же собою подкрепляет себя Евангельскими глаголами. А нерадивый монах подавляем бывает помыслами, как пшеница тернием.
66. Не держи в сердце своем злаго слова на брата своего, чтоб можно было тебе возглашать в молитве: остави... якоже и мы оставляем (Мф. 6, 12).
67. Венец похвалы для монаха — мир и святыня; кто приобрел их, тот узрит Господа (Евр. 12, 14).
68. Мудрость монаха не в знании, какие нести должно труды, а в разумном их несении. Кто таков, тот не словом учит, а делом вразумляет.
69. Мудрый монах, ратуя с полчищем бесов, не бывает уязвлен их стрелами; укрепляясь крестом Христовым, сокрушает он главу змию.
70. Драгоценное достояние монаху — девство, озаряемое светом милостыни. Стяжавший его и сохранивший несомненно войдет в брачный чертог.
71. Соблуди заповеди Вышняго, храни и правила Отцев; и будешь наследником Царства Небеснаго.
72. Монах вольный и продерзый впадет в искушение и в сеть диавольскую; а кроткаго сретит мир и венец святыни.
73. Монах пространно питающийся впадет в обольщения и ночныя мечтания; у постящагося же ложе не скверно, и сон безмятежен.
74. Монах, Бога боящийся, не потерпит ничего зловреднаго, потому что такого хранит Господь, и в день смерти будет у него примирительная жертва.
75. Покорность монаха не в великих подвигах познается, а испытывается в искушениях. Терпение монаха в скорбях, соблюдаемое верно, приобретает ему непостыдную надежду. И да хранит он его до последняго издыхания, потому что претерпевый до конца спасен будет (Мф. 10, 22). Терпи, монах; ибо время терпения коротко, а века наслаждения нескончаемы.
76. Песнословие у монаха да будет неумолкающим; потому что Серафимы славословят немолчно. В устах твоих, монах, да будет духовная песнь, облегчающая бремя постигающих тебя искушений.
77. Послушливый монах с благим дерзновением будет стоять при кресте; потому что на кресте — Господь, бывший послушливым до смерти, смерти же крестныя.
78. Голос монаха в молитвенной кротости искренно да возносится к Богу из недвижимых уст.
79. Истинное светило на земле — монах, не поползнувшийся языком своим. Кто таков, и не осквернял тела своего грехами, тот друг Христов.
80. Если страх Божий объемлет монаха, то он, как столп непреборимый. Монах, который не приобрел страха Божия, удобно будет пленен противниками.
81. Чистый свет на земле монах, у котораго нет ничего; потому что сребролюбие, будучи корнем всего злаго (1 Тим. 6, 10), не приносит добрых плодов.
82. Лучше монаху есть мясо и пить вино, чем в пересудах поядать плоти братий своих.
83. Золото испытывается в огненной печи, и монах познается во множестве монашествующих.
84. Руки монаха да будут преподобно простираемы к Богу на поражение врага, подражая Моисею, который руками предъизобразив крест, преборол Амалика.
85. Обильная благодать на монахе распятом и ежедневно умирающем; о нем радуются Ангелы, приемля его в Небесное Царство.
86. Узда для страстей — пост, а умерщвление страстей — молитва с милостынею.
87. Белее снега монах, который выше плотских страстей; единаго возжелав Христа, узрит он, как

Христос увенчает его в день благостыни.

88. Монах шепотник разгонит множество монахов и рассеет друзей. Змий шепотничеством изгнал Еву из рая; и монах шепотник ему подобен, потому что душу ближняго губит и своей не спасает.

89. Кто разумно поет в сердце своем, тот услышан будет Богом. Душа монаха неразсеянным оком да взирает к Богу; потому что ей, отрекшейся от мира и сочетавшейся со Христом, свойственно пренебрегать всем земным.

90. Душа монаха, благоухая духовно, свято заграждает обоняние свое от змия, чтоб не обонять в нем скверны похотения. — Также у кого в сердце страх Божий, того не коснется скверна сладострастия.

91. Старайся всегда быть простосердечным и искренним, и не держи одно на сердце, а другое в устах; потому что это лукавство.

92. Будь правдолюбив и не лжив, потому что ложь от диавола.

93. Не воздавай злом за зло; но если кто сделает тебе зло, прости ему, чтоб и тебе простил Бог.

94. Если борет тебя злопамятство, от всей души помолись о том брате, и злопамятство отступит от тебя.

95. Смотри не допускай в себя страсть зависти, чтоб диавол не поглотил тебя живаго, но скорее исповедуйся, и моли Бога, чтобы избавил тебя от таковой опасности.

96. Если видишь согрешающаго, не разглашай его греха, не осуждай его, не питай к нему ненависти, чтобы и тебе не впасть в тот же грех; а лучше скажи: «я хуже его; и сегодня согрешил он, а на утро согрешу я».

97. Знай же и то, что бесы боятся молчания, поста, бдения, воздержания, смирения, молитв, слез и прочих добродетелей подвижнических.

98. Если хочешь, чтоб Бог даровал тебе слезы, сокрушение и безстрастие, непрестанно приводи себе на память смерть и гроб свой.

99. Если обольщен будешь диаволом, и впадешь в малый или великий грех, не приходи в отчаяние и не обрекай себя на пагубу, но прибегни к исповеди и покаянию, и Бог не отвратится от тебя.

100. Не люби ходить в города; ибо если не будешь видеть греховнаго, то останешься чистым.

101. Не пей вина до опьянения; иначе сделаешь, что сердце твое с неистовством устремится к удовольствиям.

102. Не ешь по два раза в день, чтобы не огрубело тело твое, а с ним не окрепли и страсти.

103. Не много спи, но неотступно проси помощи Божией, да избежиши яко птица от сети (Прит. 6, 5).

104. Не много говори, чтоб не впасть в ложь.

105. Ничего не приобретаай себе сверх потребности своей, и живи с умеренным достатком.

106. Безмолвствуй, и делай свое дело.

107. Всею силою держи язык и чрево.

108. Имей смиренномудрие; будь как незнающий и невежда.

109. Будь кроток со всеми людьми.

110. Много вреда от говорливости и смеха; и муж благоразумный соблюдает безмолвие.

111. Имей всегда пред очами своими смерть, и искушение никогда не доведет тебя до падения.

112. Вечером и утром испытывай сам себя, как провел ты время; но этого невозможно сделать без труда (постояннаго к себе внимания и наблюдения за сердцем).

113. Бойся Бога, как обязанный дать Ему ответ обо всех делах своих.

114. Ежедневно спрашивай себя, какую страсть победил ты?

115. Кто верует, что будет суд, тот не судит ни одного человека, но себя паче блюдет и охраняет даже от малаго и неважного худа.

116. Кто верует, что тело его воскреснет, тот заботится очистить его от осквернения.

117. Утвердись в страхе Божиим, храни и исполняй все, что должно тебе делать, — и не полагай преткновения совести своей; но будь к ней внимателен, чтоб и она была стражем твоим, и тотчас показывала, во что впадаешь, не оставляя тебя, и не попуская впасть в руки врагов твоих.

118. Знай, что когда ум монаха начнет убегать своей воли и прибегать к Богу, сперва нападает на него уныние. К истреблению такого уныния служат: молитва и непрестанное размышление о Боге; размышление же сие поддерживается воздержанием, а воздержание охраняется телесным трудом.

Таков тесный путь, вводяй в живот (Мф. 7, 14).

119. Если истинно возлюбил ты Господа и прилагаешь старание улучшить будущее Царствие, и дал обет трудиться по причине своих грехопадений, то помни суд и вечное мучение, со страхом ожидая исшествия своего из сего мира.

120. Не имей пристрастия ни к деньгам, ни к имению, ни к родителям, ни к мирской славе, ни к друзьям, ни к родным, ни к братьям, и вовсе ни к чему земному. Не имей ни заботы, ни попечения о сем; но прервав всякую связь, отложив заботу, и возненавидев сие, даже собственную плоть свою обнажив от всего этого, безпечально и неленостно иди в след за Христом, взирая всегда на небо, и оттуда ожидая себе помощи. Ибо смерть внезапна, суд близок. И горе неготовому!

СВЯТЫЙ ИОАНН КАССИАН РИМЛЯНИН

Краткое сведение о нем.

Св. Иоанн Кассиан Римлянин родился (в 350 — 360 г.), вероятно, в Галльской области, там, где Марсель, — от знатных и богатых родителей и получил хорошее научное образование. С юных лет возлюбил он Богоугодную жизнь и, горя желанием достигнуть совершенства в ней, отправился на Восток, где вступил в Вифлеемский монастырь и принял монашество. Здесь слыша о славной подвижнической жизни Египетских отцев, он пожелал видеть их и поучиться у них. Для сего, согласившись с другом своим Германом, отправился туда, около 390 г., после двухлетнего пребывания в обители Вифлеемской.

Семь целых лет провели они там, жилали и в скитах, и в келлиях, и в монастырях, и среди отшельников, в уединении, все замечали, изучали, и самим делом проходили; и ознакомились подробно с тамошнею подвижническою жизнью, во всех ея оттенках. В свой монастырь возвратились они в 397 г.; но в том же году опять отправились в те же пустынные египетския страны и пробыли там еще до 400 года.

Оставив Египет в этот раз, св. Кассиан с другом своим отправился в Константинополь, где они были благосклонно приняты св. Златоустом, который св. Кассиана посвятил в диакона, а друга его, как старшаго, во священника (в 400 г.). Когда св. Златоуст присужден был к заточению, лица ему преданныя послали (в 405 г.) по этому делу в Рим к папе Иннокентию некоторых ходатаев, в числе которых был и св. Кассиан с другом своим. Посольство это кончилось ничем.

Св. Кассиан, после сего, не возвращался уже на Восток, но отправился на родину и там продолжал свою подвижническую жизнь, по египетским образцам; прославился и святостию жизни, и

учительскою мудростию, и был посвящен во священника. Стали собираться к нему ученики один за другим и скоро составилась из них целый монастырь. По примеру их недалеко устроился и женский монастырь. В том и другом монастыре устав был введен тот, по которому монахи жили и спасались в восточных и особенно в египетских монастырях.

Благоустройство этих монастырей в новом духе и по новым правилам и явные успехи подвизавшихся там обратили на себя внимание многих иерархов и настоятелей монастырей Галльской области. Желая завести и у себя такие порядки, они просили св. Кассиана написать им иноческие уставы восточные с изображением и самого духа подвижничества. Он исполнил с охотою это прошение, описав все в 12 книгах постановлений и в 24 беседах.

Почил св. Кассиан в 435 г. Память его совершается 29 февраля.

Из сих аскетических Писаний св. Кассиана в прежнее Добротолюбие взяты восемь книг (5–12) о борьбе с восемью главными страстями и одно (2–е) беседа о разсуждении, — то и другое в сокращенном извлечении.

Сему подражаем и мы. Главным заимствованием будут восемь книг о борьбе со страстями, в наиболее полном переводе, с присовокуплением в некоторых местах статей и из бесед, где это подходит. Но кроме того сочтено нужным впереди их поместить несколько извлечений из бесед, в коих показывается значение борьбы со страстями в духовной жизни, или место ее в течении подвижничества, выясняется необходимость сей борьбы и представляется общее очертание страстей и борьбы с ними; а после них приложить еще извлечения, в коих описываются другия две брани, — именно с помыслами, и скорбями от бед и напастей, как приложение к предыдущему изображению борьбы с восемью помыслами. В конце же всего прилагаются в виде прибавления нужныя наставления о нескольких предметах, которые, хотя говорят о духовной жизни вообще, но близко касаются и духовной брани, таковы: о благодати и произволении, как деятелях в производстве духовной жизни, — о молитве, в коей оне сходятся, — о степенях совершенства духовной жизни, по побуждениям к ней, — и конце покаянных трудов. — Почему эти прибавления не мешают нам все извлекаемое из Писаний св. Кассиана озаглавить так: обозрение духовной брани. Таким образом извлечения из св. Кассиана будут идти под следующими оглавлениями:

- 1) Цель и конец подвижничества.
- 2) Смотря на сию цель, надлежит определить и то, каково должно быть наше отречение от мира.
- 3) Борьба плоти и духа.
- 4) Общее очертание страстей и борьбы с ними.
- 5) Борьба с восемью главными страстями:
 - а. с чревоугодием.
 - б. с духом блуда.
 - в. с духом сребролюбия.
 - г. с духом гнева.
 - д. с духом печали.
 - е. с духом уныния.
 - ж. с духом тщеславия.
 - з. с духом гордости.
- б) Борьба с помыслами и чрез них с злыми духами.

- 7) Борьба со всякого рода скорбями.
- 8) О Божественной благодати и свободном произволении, как производителях духовной жизни.
- 9) О молитве.
- 10) О руководстве в духовной жизни.
- 11) О степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней.
- 12) О конце покаянных трудов.

обозрение духовной брани.

1. Цель и конец подвижничества (Соб. 1–е).

1. Все науки и искусства имеют свою цель (scopon) и свой конец (telos), — смотря на которые, рачительный любитель искусства охотно переносит все труды и издержки. Так земледelec, терпя то зной, то холод, неутомимо распахивает и разрыхляет землю, имея целию, — очистив ее от всякого сторонняго сора, сделать плодороднейшею; убежден будучи, что иначе не достигнет конца, т. — е. получения обильной жатвы, для содержания себя и умножения своего достояния. Так и подвижничество наше имеет свою цель и свой конец, ради котораго неутомимо и с удовольствием подъемлем мы все труды, — ради котораго не тяготит нас скудость питания постническаго, веселит изнеможение от бдений, всегдашнее чтение Писаний с размышлением не знает сытости, и не страшат ни непрестанный труд, ни обнажение от всего и скудость во всем, ни даже ужасы этой безмерной пустыни.

2. Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель — чистота сердца, без которой не возможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от ней, тотчас возвращаясь к созерцанию ея, исправлять его, как по норме какой.

3. Так учит св. Павел, когда к приившим благое иго Христово говорит: имате плод ваш во святые, кончину же — жизнь вечную (Рим. 6, 22), Этим он сказал как-бы: цель ваша — в чистоте сердца, а конец — жизнь вечная. Итак, что может нас направить к сей цели, т. — е. к чистоте сердца, тому мы следовать должны всею силою, а что отвлекает от ней, того избегать, как гибельнаго и вреднаго. Ибо для ней все подъемлем мы и делаем; для ней оставляются родители, отечество, чины, богатство, утехи мира сего и все удовольствия, — чтобы т. — е. сохранно удерживать постоянную чистоту сердца. Если посему будем мы всегда иметь во внимании эту цель, то все действия наши и помышления будут направляться прямо к достижению ея. Если же она не будет не отходно стоять пред очами нашими, то все труды наши и силы, не будучи направляемы на одно это, напрасно будут иждиваемы.

4. Итак, для этой чистоты должно нам все делать и всего желать; для ней в пустыню следовать, для ней держать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и прочия добродетели, — чтоб, т. — е. соделать сердце свое не болезнующим никакими пагубными страстями и сохранить его таковым. Посты, бдения, отшельничество, поучение в Писании для этой главной цели, т. — е. чистоты сердца, подобает нам поднимать; и из-за них не должно позволять себе возмущать сия главную добродетель. Ибо когда пребудет у нас сохранною и невредимою сия главная добродетель, то никакой не будет беды, если какой нибудь из сказанных подвигов придется в каком либо случае по необходимости опустить: когда же мы все их выдержим, а ее одну нарушим, то никакой не будет от этого пользы; потому что все должно быть делаемо для нея. Они (подвиги) не суть совершенство, а

суть средства к совершенству. Почему напрасно будет трудиться, кто, удовольствовавшись ими одними, будто верховным благом, на них остановит стремление своего сердца, а не будет простираť его до достижения конца, для котораго они сами желательны.

2. Смотри на сию цель надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира (Соб. 3–е).

5. Есть три вида отречения от мира: первое то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе то, в коем оставляем прежние нравы, пороки и страсти, как душевныя, так и телесныя; третье то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимаго, только будущее созерцаем и вожделеваем того, что невидимо, Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего (Быт. 12, 1): от земли твоя, т. — е. от богатства мирскаго и земных стяжаний; от рода твоего, т. — е. от прежняго образа жизни, прежних нравов и пороков, которые, прицепившись к нам с самаго рождения, близко родственны нам, как бы единокровныя; от дому отца твоего, т. — е. от всякаго воспоминания о мире и обо всем, что встречается в нем взорам нашим. Это бывает, когда, умерши со Христом от стихий мира, смотрим, по Апостолу, уже не на то, что видимо, но на то, что невидимо; видимая бо временна, невидимая же вечна (2 Кор. 4, 18), — и, исшедши сердцем из сего временнаго и видимаго дома, свои очи и ум обращаем к тому дому, в коем имеем пребывать вечно; — когда во плоти ходяще, не по плоти воинствовать начнем в Господе (2 Кор. 10, 3), оное блаженнаго Апостола изречение делом и жизнью возглашая: наше житие на небесех есть (Фил. 3, 20).

6. Не много будет для нас пользы, если, со всею теплою веры совершив первое отречение, не исполним с таким же рвением и жаром и втораго, — чтоб, успев таким образом стяжать и это, могли мы достигнуть и того третьяго, в коем, исшедши из дома прежняго отца нашего по ветхому человеку, всецело устремляем взор ума нашего к небесному. Посему, если желаем достигнуть истиннаго совершенства, то должны стремиться к тому чтоб, как телесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствия мирския, так оставит все то и сердцем, и никогда уже не возвращаться похотением к тому, что с презрением отвергли: подобно Израильтянам, изведенным из Египта, которые, по вкушении небесной манны, желали нечистых и скверных яств Египетских, говоря: хорошо нам было в Египте, когда сидели мы над котлами (Исх. 16, 3; Чис. 11, 5). И всякий, кто, по отречении от мира, возвращается к прежним заботам, и прежними увлекается пожеланиями, делом и мыслию говорит тоже, что и те: хорошо мне было в Египте (мира). Телом только оставление мира, и местом только переселение из сего Египта никакой не принесет нам пользы, если мы равным образом не сможем стяжать и отречение сердцем, которое выше и полезнее. О том отречении, которое мы назвали телесным, вот что провозгласил Апостол: аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любви же не имам, никакая польза ми есть (1 Кор. 13, 3). То—есть, если так отрекусь, что ничего не оставлю себе, и к сему всеразданию присовокуплю еще мученичество и сожжение своей плоти, так что тело мое предам за Христа; и однакоже буду нетерпелив, гневлив, завистлив, или горд, буду воспламеняться обидами других, или взыскивать своего, буду помышлять о том, что худо, или нетерпеливо и не охотно переносить все, чтобы ни было мне причинено: то никакой не принесет мне пользы отречение и сожжение внешняго человека, когда внутреннй притом обложен еще прежними страстями.

7. Итак со всем настоянием надобно нам спешить к тому, чтоб и внутреннй наш человек сбросил с

себя и расточил все, собранное им в прежней жизни, богатство страстей, которыя, прицепляясь к телу и душе, собственно наши суть, и если, пока еще мы в теле сем, не будут отсечены и отброшены, то и по исходе не перестанут сопровождать нас. Ибо как добродетели, или самая любовь, которая есть источник их, будучи приобретены в сем веке, и по кончине сей жизни делают любителя своего прекрасным и светлосиянным: так и пороки, покрыв некако душу отвратительными красками, запятнанною же ими препровождают ее и в оное непрестающее пребывание. Красота или отвратительность души поражаются качеством добродетелей или пороков, из коих извлекаемая некая краска делает ее или столь светлосиянною и прекрасною, что она достойна бывает слышать слово пророческое: и возжелает Царь доброты твоя (Пс. 44, 11), — или крайне черною, смрадною и безобразною, так что она сама, исповедуя смрадность своей скверноты, скажет: возмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего (Пс. 37, 6). Посему оне—то (добродетели и страсти) суть собственно наше богатство, которое неразлучно пребывает с душою, и котораго ни один царь нам дать, и ни один враг отнять у нас не может, Оне—то суть собственно наше богатство, котораго и самая смерть не сильна отторгнуть от души.

(Расточать злое богатство страстей значит умертвить их, — чего нельзя достигнуть без борьбы с ними. Почему отрекшимся от мира неизбежно предлежит борьба со страстями, за которую они и должны браться с первых же пор. У св. Кассиана о сей борьбе идут и общия рассуждения в беседах — 4-м о борьбе плоти и духа, и 5-м об восьми главных страстях, — предлагается и в частности подробное описание борьбы с каждою из восьми главных страстей в книгах постановлений. — Заимствуем из всего существеннейшее).

3. Борьба плоти и духа (Соб. 4-е).

8. Есть брань в членах наших, как читаем у Апостола: плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите (Гал, 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию, она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностью человеческого естества после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Надлежит однакож верить, что она имеется в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем природна. Она оставлена в нас для возбуждения в нас ревнования о высшем совершенстве.

9. Слово плоть в сем месте должно принять не в смысле человека, как существа, а в смысле воли плотской, или худых пожеланий: равно и под словом дух разуметь надо не какое либо существо личное, а пожелания души добрыя и святыя. Такой смысл определил сам же Апостол, говоря так: духом ходите, и похоти плотския не совершайте: плоть бо похотствует на духа, и проч. (там же, ст. 16. 17). Так как те и другия пожелания находятся в одном и том же человеке, то и ведется внутри нас непрерывная междоусобная брань. Тогда как похоть плоти, главным образом стремящаяся к греховному, находит удовольствие в одном том, что относится к удовлетворению потребностей настоящей жизни; дух, напротив, весь желает прилепиться к делам духовным, оставляя даже самыя необходимыя потребности плоти, и желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы тленной плоти сей. Плоть услаждается изобилием и всякими удовольствиями; духу не приятно попечение даже о предметах естественных потребностей. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею; этому так питательны бдения и посты, что он не хотел бы допускать сна и пищи даже и сколько нужно для жизни. Та желает изобиловать всякими богатствами; этот не доволен даже

тем, что имеет малое количество хлеба на каждодневное употребление. Та желает нежиться и окруженною быть толпою ласкателей; этому отраднее жестокое житие и просторность неприступной пустыни, и не приятно присутствие смертных. Та пленяется почестями и похвалами человеческими; этому радостны гонения и обиды.

10. Когда воля наша водится самолюбием, и земною мудростию; то загадывает держать некую, достойную всякаго осуждения средину между сими двумя стремлениями, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы при этом нисколь не терпеть прискорбностей, неизбежных при исполнении требований духа, — без казнения плоти желая достигнуть телесной чистоты, без труда бдений стяжать чистоту сердечную, с упокоением плоти обиловать духовными добродетелями, без ожесточенных злословий получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерб в чести мирской, следовать простоте благочестия с высокомерием века сего, служить Христу с людскою славою и благоволением, говорить решительную правду, не встречая никакого, даже малаго оскорбления, — вообще достигнуть благ будущих, не теряя настоящих. Такая воля не ведет к истинному совершенству, но, поставляя в состояние противной теплоты, делает такими, каковы те, о коих с укором говорит Господь в Апокалипсисе: вем твоя дела, яко ни студен еси, ни горячь, — о дабы студен был еси, или горяч. Тако, понеже тепл еси, изблевати тя имам от уст Моих (Апок. 3, 15. 16). Но благодать, пришедши, возбуждает энергию духа и восстанавливает в нем высшия стремления, отрешающия от всего земнаго. Подвергаясь влиянию их, воля не может уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но восприимлет ревность о лучшем и ему приносит в жертву все низшее. Между тем однакож тяготение к прежнему покою равнодушия остается в ней, и она бывает очень готова опять ниспасть в него. Чтоб этого не случилось, во плоти оставляются движения, враждебныя высшим стремлениям, к которым воля, вкусившая высших благ, благовольт не может, и лишь только ощутит их, тотчас оживляется всею ревностию и мужественно охраняет высшия свои блага. И бывает, что коль скоро воля ниспадет в Богопротивную теплохладность, возстает брань плоти и пробуждает ее к энергии. Из сего явно, что мы навсегда оставались бы в состоянии помянутой выше Богопротивной теплоты, еслиб из него не выводила нас возстающая в нас брань. Ибо при ней, когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас возстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает стоять в отрадной чистоте, желаемой, и увлекает к охлаждающему удовольствию, — не благоволимому, — увлекает как бы на путь, заросший тернием. Но это раздражает заснувшую ревность по Богу; она возстает и прогоняет подступивших врагов. Ежедневно действуя в нас, брань сия приводит нас к благодетельной решимости, — отвергши пространную и беспечную жизнь, стяжевать чистоту сердца с многим потом и сокрушением духа, — хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и неспанием, — восходить в доброе настроение духа чрез чтение, размышление и непрестанныя молитвы.

11. Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божиим касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: сия языки остави Господь, да искусит ими Израиля... еже научити я брани (Суд. 3, 1. 2). — Таковую брань устроил Господь не потому, чтобы не хотел покоя Израилю, или не имел попечения о его благе, но потому что видел, как много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянно нужды в помощи Божией, и потому должен был пребывать во всегдашнем уповательном обращении

к Нему, и в молитве. Не имея возможности оставить дело брани, не имел он времени предаться и безопасности, или расслабеть от лености и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

12. И от чего иного у скопцов по плоти мы находим душу усыпленную, как не от того, что, по заблуждению, освободив себя от этой плотской потребности, думают, что не имеют, нужды ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца. Расслабленные такою безопасностью, не заботятся они о стяжании истинного совершенства, или об очищении сердца от душевных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое словом Самого Господа названо достойным отвержения, — за то, что от холодного перешедши к теплomu, остановилось на сей противной теплоте.

13. Итак, в самом начале отречения, переставая быть плотскими, т. — е. начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться тотчас усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись от мира по внешнему человеку, или прекратили осквернение себя плотским любодейством, мечтая о себе, как о достигших уже совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в истреблении причин страстей и, таким образом остановясь посредине между плотью и духом, не остаться не достигшими степени совершенства духовного, полагая, что для сего совершенства достаточно по одному внешнему состоянию отделится от жизни и удовольствий мира, и быть только не причастными разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в сем состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то будем изbleваны из уст Господа, как Он говорит: понеже тепл еси... изbleвати тя имам от уст Моих (Апок. 3, 16). Справедливо Господь объявил о тех, кои, быв восприняты Им во утробу любви, потом охладели, что они будут Им изbleваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается ко спасению и восходит на верх духовного совершенства человек плотской, т. — е. мирской или язычник, нежели тот, кто, восприняв иго Христово, не вступил на путь к совершенству, и попустил охладеть первому огню ревности духовной. Ибо когда тот, будучи смиряем чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты и совершенства, то гнушаясь тем холодным состоянием неверия и беспечности, в коем находился, горя же духом, удобнее взойдет к совершенству. Напротив кто с холодностию принимается за дело Божие и без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот однажды будучи поражен этою бедственною заразою, не может уже ни сам собою умудриться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: богат есмь, обогатихся, и ничтоже требую; тогда как к нему приличнее приложить то, что следует далее: и не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп и наг (Апок. 3, 17). Таким образом он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других, почему не принимает никакого спасительного слова, не разумея, что в будущем веке будет подлежать неизбежно строжайшему суду и наказанию.

4. Общее очертание страстей и борьбы с ними (Соб. 5—е).

14. Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

15. Страсти бывают двух родов: естественные, выходящие из естественных потребностей, как напр. чревоугодие и блуд, и не естественные, не коренящиеся в естестве, как напр. сребролюбие. Действия же их проявляются четверою: некоторые действуют только в теле и чрез тело, как чревоугодие и блуд, — а некоторые проявляются и без содействия тела, как тщеславие и гордость; далее, иные возбуждаются со вне, как сребролюбие и гнев, — а иные исходят из внутренних причин, как уныние и печаль. Такого рода обнаружение действия страстей подает повод допустить в них еще два рода, — деля их на плотские и душевные: плотские в теле зарождаются и тело питают и услаждают; а душевные из душевных склонностей исходят и душу питают, на тело же нередко действуют разрушительно. Эти последние врачуются простым врачеванием сердца внутренним; а плотские двояким лекарством врачуются, — и внешним и внутренним.

16. Поясним нечто из сказанного более пространным рассуждением. Страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, по одному раздражению потребностей, из коих исходят; но влекут и душу по ее связи с телом. Для обуздания их недостаточно одного напряжения душевного против них вооружения, но надо при сем укрощать и самое тело постом, бдением, истомлением посредством труда; нужно бывает и временное уединение, а нередко и совсем отшельничество. Ибо как они происходят от порочности души и тела, то и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих. — Тщеславие и гордость зараждаются в душе без посредства тела. Ибо какую нужду имеет тщеславие в телесном чем, когда из-за одного желания похвал и славы доводит до падения плененную им душу? Или какое телесное действие имело место в возгордении люцифера, когда он зачал его в одной душе и помышлении, как говорит Пророк: ты говорил в сердце своем: възду на небо... и буду подобен Всевышнему (Ис. 14. 13. 14). Не имел он в такой гордости подстрекателя совне; она и зародилась и созрела вся внутри его.

17. Эти восемь страстей, хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, т. — е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние соединены между собою особым неким сродством, по коему излишество предыдущей дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние. Потому против них надо сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующим: чтоб победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтоб прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтоб погасить гнев, нужно попать сребролюбие; чтоб исторгнуть сребролюбие, надо укротить блудную похоть; чтоб подавить блудную похоть, надо обуздать страсть чревоугодия. И остальные две страсти, тщеславие и гордость, — таким же способом соединяются между собою, т. — е. усиление первой из них дает начало другой, от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости; таким же порядком и победа над ними приобретается, т. — е., чтоб истребить гордость надобно подавить тщеславие. Но с теми шестью страстями они не соединяются родовым образом; ибо не от них рождаются, а напротив по истреблении их. В эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования над прочими страстями. — Впрочем, хотя эти восемь страстей в таком между собою находятся отношении, как теперь показано однакож частнее они разделяются на четыре союза: блудная похоть особым союзом соединяется с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалью, гордость с тщеславием.

18. Каждая из страстей не в одном виде проявляется. Так, чревоугодие бывает трех видов: или

пораждает пожелание есть прежде установленного часа, — или ищет многоястия до объядения, не разбирая качеств пищи, или требует лакомой пищи. Отсюда беспорядочное ястие, похоть, обжорство и сластолюбие. От этих трех происходят разные злые недуги в душе: от первого рождается досадование на монастырский устав, — от этого досадования возрастает недовольство жизнью в монастыре до несносности, за которую скоро следует обычно и бегство из монастыря; от второго возбуждается плотская похоть и сладострастие; а третье ввергает в сребролюбие и не дает места нищете Христовой.

Блудной страсти три вида: первый совершается чрез смешение одного пола с другим; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, сын Патриарха Иуды (Быт. 38, 9. 10), и который в Писании называется нечистотою; третий производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Мф. 5, 28). Эти три вида бл. Апостол указал в след. стихе: умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, похоть и проч. (Кол. 3, 5).

Сребролюбия три вида: в первом оно не дает отрекающемуся от мира обнажиться от всякаго имущества; во втором оно заставляет того, кто все уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретениям и того, кто ничего прежде не имел. Три вида и гнева: первый тот, который пылает внутри; второй тот, который прорывается в слово и дело; третий тот, который горит долгое время, и называется злопамятством.

Печали два вида: первый — что посещает по прекращении гнева, или причиняется нанесенными убытками и потерями, и не исполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь, или от неразумных забот.

Уныния два вида: один ввергает в сон, — а другой гонит из келлии.

Тщеславие хотя многовидно, однакож главных у него два вида: в первом превозносимся плотскими преимуществами и видимыми вещами; а во втором воспламеняемся желанием суетной славы из—за духовных предметов.

Гордости два вида: первый плотской, второй — духовный, который гибельнее первого. Он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

19. Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий; впрочем не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует: так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

20. Посему нам надобно вести брань с этими страстями так, чтобы всякий, открыв, какая страсть особенно вредит ему, против нея главно направлял и борьбу, употребляя всякое старание и заботу для наблюдения за нею и подавления ея, против нее направляя копья ежедневных постов, в нее бросая ежеминутно стрелы сердечных стенаний и воздыханий, и непрестанно проливая слезы в молитве к Богу о прекращении мятущей его брани. Ибо никто не может восторжествовать над какою либо страстию, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу над нею; хотя при том ему, чтоб очиститься от нея, и самому необходимо день и ночь пребывать во всяком труде и всякой заботе о том.

21. Когда такой борец почувствует, что освобожден от первой своей страсти, тогда опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, чтоб увидев, какая за тем еще есть в нем

сильнейшая сравнительно с остальными страсть, против нея в особенности подвигнуть все духовныя оружия. Побеждая таким образом всякий раз первейшая в себе страсти, он скорее и легче будет одерживать победу над остальными, низшими их.

22. Когда одержишь победу над одною или несколькими страстями, не должно тебе превозноситься сею победою. Иначе Господь, увидев надмение сердца твоего, перестанет ограждать и защищать его, — и ты, оставленный Им, опять начнешь быть возмущаем тою же страстию, какую победил — было при помощи Благодати Божией. И Пророк не стал бы молиться: не предай Господи, зверям душу, исповедающуюся Тебе (Ис. 73, 19), — если б не знал, что возносящиеся сердцем опять предаются страстям, которые победили, чтоб смирились.

5. Борьба с восемью главнейшими страстями.

23. Изображая борьбу с восемью главными страстями, будем описывать свойства их, указывать причины, и предлагать пригодныя против них врачества.

а. Борьба с чревоугодием (Кн. 5).

24. Первая, в какую следует нам вступить, борьба есть — борьба с чревоугодием, или со страстию пресыщения.

25. Касательно образа воздержания в пище, или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило; потому что не у всех тел одинакова крепость, добродетель же сия соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пробыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи, или зеляя, или сухой хлеб. Еще — иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь.

26. Какими бы яствами ни было насыщаемо чрево, от этого зараждаются семена похоти плотской, и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силен добре править кормилом разсуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся, и лишает чистых и непорочных помышлений. Для Содомлян причиною их развращения и погибели было не одно пьянство, но и пресыщение чрева. Слушай, как Господь чрез Пророка укоряет Иерусалим (Иез. 16, 49). От чего согрешила сестра твоя, Содома, если не от того, что ела хлеб свой до сыта и пресыщения? Поелику чрез такое насыщение хлебом они разжены были неугасимым жаром похоти плотской, то по суду Божию были с неба пожжены серным огнем. Если таким образом их одна чрезмерность в употреблении хлеба по страсти пресыщения низвергла в стремнинную пропасть развращения, то что сказать о тех, которые, при цветущем здоровьи тела, позволяют себе есть мяса и пить вино в непомерном количестве, употребляя их, не сколько требует немощь, а сколько внушает самоугодливое похотение.

27. Св. Отцы мерою воздержания в пище положили то, — чтоб пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда еще хочется есть. Судя по сему и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве, наравне с крепкими и здоровыми, если силою воли будет обуздывать пожелания яств, когда сего не требует бренность плоти. Ибо и Апостол говорит: плоти угодия не творите в похоти (Рим. 13, 14). Он не

совсем запретил иметь попечение о теле, а не велел только, чтоб это делалось по похоти, — похотливую заботу о плоти отъял, а разумнаго, необходимаго для жизни, содержания ея не исключил; запретил первое, чтоб чрез поблажку плоти не низпали мы до пагубных дел похотливых, а дозволил второе, чтоб тело, будучи разстроено неразумною строгостию, не оказалось бессильным к исполнению духовных наших занятий и трудов.

28. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Всякий должен назначить себе — настолько воздерживаться, сколько требует сего брань плотскаго возстания. — Посты, уставом определенные всеконечно должно соблюдать; но если после них не будет соблюдаема воздержность в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до совершенной чистоты. Голодание в продолжительные посты будет иметь плодом только временное в ту пору изнеможение и истомление тела, а не и чистоту целомудрия, если в след за тем пойдет насыщение тела в доволь: так как чистота души неразрывно связана с голоданием чрева. Не имеют постоянной чистоты целомудрия, кто не довольствуется тем, чтобы держать постоянную ровность воздержания, Строгие посты, если за ними последует излишнее послабление себе в пище, бывают ни во что, и плод их, скоро вытесняется страстию чревоугодия. Почему лучше разумное с умеренностию подкрепление себя пищею каждый день, нежели по временам долгий и крайне строгий пост. Неумеренное неядение умеет не только колебать постоянство и твердость души, но и совершение молитв делать безжизненным, по причине изнеможения тела.

29. Для сохранения чистоты души и тела не достаточно одного воздержания в пище, если к сему не будут присоединены и прочия добродетели душевныя. Так перво—на—перво надо научиться смирению чрез добродетель послушания, сокрушение сердца и утомление тела. Денег не только имения должно избегать, но и самое желание их с корнем исторгать. Ибо не довольно не иметь их, — что большею частию бывает и по необходимости, но не должно допускать самага желания иметь их, еслиб случайно оне были предложены. Надобно ярость гнева подавлять, отяжеление печали преодолевать, суетную славу презирать, высокомерие гордости попирать, а также и ума не постоянныя и шатательныя туда и сюда отбегания обуздывать непрестанным памятованием о Боге. Всякий раз надобно нам возвращать сердце наше от парительнаго блуждания к созерцанию Бога, как только лукавый враг, покушаясь отвлечь ум наш от сего созерцания, вкрадется в тайники сердца.

30. Тот никогда не может подавить возбуждений похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздать позывов чревоугодия. Чистота внутренняго человека распознается по совершенству сей добродетели. Ибо никак не поверишь, чтобы мог поспорить в борьбе с сильнейшими соперниками тот, кого видишь преодолеваемым слабейшими в легкой схватке.

31. Итак первую нам надо попать похоть чревоугодия, — и ум свой утончить не только постами, но и бдениями, а также чтением и непрестанным сокрушением сердца, при воспоминании обо всем, чем прельщены или побеждены были, то стенья при чувстве ужаса от множества грехов, то горя желанием совершенства и чистоты. И до того надо его довести, чтобы он, будучи занят, и как бы поглощен такими подвижническими трудами и помышлениями, самое подкрепление себя пищею почитал не столько дозволенным предметом удовольствия, сколько бременем наложенным в виде наказания, и приступал к нему более как к неизбежно необходимому для тела, нежели сколько как к желательному для души. Если будем себя постоянно держать в таком духовном попечении и сокрушении, то скоро укротим похотливость плоти, доходящую до крайняго неистовства при

подогревании ея яствами, и притупим пагубныя жала ея. Так можем мы, при обилии слез и непрерывности плача сердечнаго угашать печь тела нашего, царем вавилонским, т. — е. диаволом, в нас возжигаемую, чрез подстроение нам случаев ко грехам и возбуждению страстей, коими тогда мы, подобно прибавке нефти и смолы в печь, сильнее разгораемся (на непотребное); пока благодатию Божию, чрез веяние ея духа роснаго в сердцах наших совсем не будут потушены в нас пламы похоти плотской. И вот наше первое состязание — желанием совершенства погашать похоть пространнопитания и чревоугодия! Чего ради не только излишних яств желание надо подавлять созерцанием добродетелей, но и необходимую для естества нашего пищу, как неблагоприятную целомудрию, принимать не без заботливой осторожности сердечной. И течение нашей жизни должно установить таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побудит снизойти к необходимому о нем попечению. Но и когда, более удовлетворяя потребности жизни, нежели рабствуя вожделению души, подчиняемся этой необходимости, должны как можно скорее спешить оставлять то, как дело, отвлекающее нас от спасительных занятий. И во время самага принятия пищи не надо отставать от сих занятий. Ибо мы никак не можем отклониться от услаждения предлагающимися яствами, если душа, приковав внимание к Божественному созерцанию, не будет услаждаться в то же время паче любовью к добродетелям и красотою вещей необходимых. Да и вообще все настоящее начинает быть презираемо, как тленное, когда кто держит взор ума неотлучно прикованным к благам нетленным и вечным, еще во время пребывания в теле вкушая уже сердцем блаженство жизни будущей.

32. Победив таким настроением похоть чревоугодия и пространнопитания, как не рабы уже плоти, мы будем признаны достойными вступить и в высшия противоборства, — сразиться с нечистыми силами, которые обыкновенно вступают лично в борьбу только уже с победителями. Таким образом подавление плотских вожделений оказывается неким солиднейшим основанием всех браней. Не победив своей плоти, никто не может законно сражаться; а кто не законно сражается, не венчается.

33. Хочешь ли слышать истиннаго борца Христова, сражающагося по законному правилу ратоборства? — Внимай. — Аз, говорит он, тако теку, не яко на неверное, тако подвигаюсь, не яко воздух бияй; но умерщвляю и поработаю тело мое, да не како проповедуя другим сам неключим буду (1 Кор. 9, 26. 27). Видишь, как он в себе самом, т. — е. в плоти своей, как на твердейшем некоем основании, установил главное дело ратоборства, и весь успех борьбы совместил в одном измождении плоти и покорении тела своего? Аз, говорит, тако теку, не яко на неверное. Не течет на неверное тот, кто, созерцая небесный Иерусалим, имеет в нем неподвижную мету, к коей ему должно неуклонно направлять скорое течение сердца своего. Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь к предназначенной почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе (Фил. 3, 13. 14), куда устремляя всегда взор ума своего, и куда спеша со всею готовностію сердца своего, с уверенностію взывает: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох (2 Тим. 4, 7). И поелику сознавал, как неутомимо, с живейшим по всей совести рвением, тек в след воних мастей Христовых (Пес. Пес. 1, 3), и умерщвлением плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве; то с несомненным упованием наводит, говоря: прочее соблюдается мне венец, правды, егоже воздаст ми Господь в день он, Праведный Судия (2 Тим, 4, 8). А чтобы и нам открыть подобную надежду воздаяния, если в подвиге того же течения будем подражать ему, прибавил: не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его [—18], провозглашая, что в день

суда и мы соделаемся причастными его венцу, если, любя пришествие Христово, — не только, в коем Он явится и для не желающих, но особенно то, в коем Он всегда сшествует святым душам, — одержим победу в ратоборстве чрез умерщвление плоти. О сем последнем пришествии Господь говорит в Евангелии: Аз и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим (Иоан. 14, 23). И еще: се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною (Апок. 3, 20).

34. Впрочем Апостол не один только подвиг течения, совершенный им, описывает, говоря: Аз тако теку, не яко на неверное: [что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром последовал Христу, с Невестю воспевая: в след Тебе в воню мира Твоего течем (Пес. Песн. 1, 3); и еще: прильпе душа моя по Тебе (Пс. 62, 9)]; но свидетельствует, что он и в другом еще роде ратоборства одержал победу, когда говорит: тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабощаю: что собственно относится к преболезненным трудам воздержания, к телесному пощению и измождению плоти. Тут он представляет себя бодренным неким борцом со своею плотию, обозначая, что не напрасно давал ей удары воздержания, но что чрез умерщвление своего тела успел стяжать торжество победы, — когда укротив его бичами воздержания и измодив ударами пощения, доставил духу победителю венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства, усматриваешь исход духовных состязаний, — как борец Христов, одержав победу над бунтовщицею — плотию, и повергши ее некакo под ноги свои, как великий триумфатор, везется на победной колеснице?! — Не на неверное течет он, так как уверен, что скоро внидет во святыи град, небесный Иерусалим. Тако подвизается в постах, т. — е. и умерщвлении плоти, не яко воздух бияй, т. — е. не яко напрасно дающий удары воздержания, потому что он ими не пустой воздух, но духов злобы вращающихся в нем, поражал чрез умерщвление своего тела. Ибо кто говорит: не яко воздух бияй, тот дает разуметь, что не пустой и не порожний воздух поражает, но вместе и неких сущих в нем. Поелику он, преодолев эти роды браней (т. — е. с телом), снова выступал теперь украшенный многими победными венцами: то естественно стал подвергаться нападениям сильнейших врагов, и, восторжествовав над первыми из них завистниками, в благонадежии начал возглашать: несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

35. Для борца Христова, пока он в теле, никогда не оскудевают случаи к получению пальм за ратоборство; но чем более возвышается он успехами своих побед, тем более сильный ряд ратоборств предлежит ему. Ибо после того, как победит он и покорит себе плоть свою, какия толпы супостатов, какия полчища врагов возстают против сего победоносного воина Христова, быв раздражены его победами! Это, — чтоб воин Христов, нежась покоем мира, не стал забывать о славных боях своего ратоборства, и, опустившись от бездействия, в чувстве безопасности от врагов, не потерял охоты и мужества оказывать победныя доблести, достойныя высших наград. Итак, если не умаляясь, а возрастая в силе и мужестве, желаем достигнуть высших победных триумфов, то и нам следует в том же порядке проходить бранные подвиги, — и сначала совершить то, в силу чего можем с Апостолом говорить: тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю, — а потом, когда возьмем верх в этом бое, вступить и в такой, по успехе в коем могли бы мы опять с Апостолом говорить: несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным. Ибо с этими мы никаким образом иначе вступить в

работорство не можем, как после победы над плотью, — и никогда не удостоимся мы испытать борьбу с духами, если все будем низлагаемы в борьбе с плотью и поражаемы в состязании с чревом. И по справедливости будет нам сказано от Апостола с укором: искушение вас не постиже, точию человеческое (1 Кор. 10, 13).

36. Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтоб, прежде уставом определенного и для всех общего часа подкрепления себя пищею, и при том вне трапезы, отнюдь не позволять себе принять чтонибудь из пищи или питья, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом положено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекают, с каким должны мы отсекают движения блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишних пожеланий чрева, тот как сможет погасить разжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явныя и малыя, тот как возможет победить тайныя, проторгающияся без всяких свидетелей?

37. Не внешнего врага надобно нам бояться; враг наш заключен в нас самих. Почему и ведется в нас непрестанно внутренняя война. Одержимы мы в ней победу, — и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно, и все ему покорно. Нечего будет нам бояться врага со вне, когда-то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу. Не должны мы верить, что нам, для совершенства сердца и чистоты тела, может быть достаточен один тот пост, который состоит в воздержании от видимых яств. Нет, к сему должно присовокупить еще и пост души. Ибо и она имеет свои вредные яства, от коих, отучнев, впадает в обрывы сладострастия, и без обилия телесного питания. — Осуждение ее есть пища, и притом преприятная. Гнев также ее есть пища, хотя не так легкая, а под час вредная, и даже смертоносная. Зависть есть пища души, ядовито повреждающая ее соки и непрестанно мучающая ее — несчастную счастливыми успехами других. Тщеславие ее есть пища, которая на время услаждает ее приятным вкушением, а после делает пустою, обнаженною и лишенною всякой добродетели, и оставляет бесплодную и не способною приносить плоды духовные, — и след. не только лишает воздаяния за безмерные труды, но и привлекает большие наказания. Всякое похотствование и блуждание сердца непостоянного есть некое пасение души на своего рода пастбище, питающее ее вредными яствами, небесного же хлеба и твердой пищи делающее непричастною. Почему в святом пощении нашем удерживаясь от всего этого, сколько сил есть, мы соделаем целесообразным и благоплодным соблюдение телесного поста. Ибо утруднение плоти, быв соединено с сокрушением духа, представит приятнейшую Богу жертву и устроит достойное Его святости обиталище в чистых и благоукрашенных сокровенностях сердца. Но если, постясь телесно, мы будем опутываться пагубнейшими страстями душевными, то никакой не принесет нам пользы измождение плоти, когда при этом оскверненными остаемся в драгоценнейшей нашей части, когда т. — е. мы бываем неисправны тою частию нашего естества, которая собственно соделывается жилищем Св. Духа. Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделывается обиталищем Богу и храмом Духа Святаго. Итак надлежит нам, когда постится внешний наш человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений. Его особенно представлять чистым Богу, чтоб сподобиться принять в себя посетителем Христа, увещевает св. Апостол, когда говорит: во внутреннем человеце вселится Христу верою в сердца ваша (Еф. 3, 16. 17).

38. Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской, и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братий.

Чревоугодие проявляется в трех видах: один побуждает упреждать уставом определенный час принятия пищи; другой любит насыщать и переполнять чрево пищею, какого бы рода она ни была; третий удовлетворяется лишь приятнейшими и изысканнейшими яствами. Почему против него монах должен соблюдать тройкое правило: во-первых ожидать уставного времени разрешения на пищу; потом не полагаться пресыщению; в третьих, довольствоваться простою какою-нибудь и дешевою пищею. А что в сем отношении допускается не сообразного с общим обычаем и употреблением, того древнейшее предание отцов не одобряет, как оскверненного суетностию, тщеславию и хвастливостию. И мы никого не видели из тех, кои отличались даром ведения и разсуждения, и никого не знали из тех, коих благодать Божия выставила вперед, как блистательнейшия светила, для подражания, которые бы воздерживались от вкушения хлеба, почитаемого простым и не ценным. И наоборот никогда не видали мы, чтоб кто-нибудь из тех, которые употребляли только зелень, овощи и древесные плоды, имелся в числе опытнейших мужей, или сподоблялся благодати разсуждения и ведения.

39. Дела любви должно предпочитать посту. Этому научились мы у Египетских Отцов. Ибо когда мы, желая узнать правила сих старцев, пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым радушием сердечным, — и куда бы мы не проходили, нигде для успокоения нас, не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, — но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них, так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. Притом хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть не отложимое требование заповеди. Итак принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Его снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. Ибо не могут сыны брачнии поститься, дондеже жених с ними есть. Приидут же дние, егда отымется от них жених, и тогда постятся (Лук. 5. 34. 35).

40. Крайности, как говорят св. Отцы, с той и другой стороны равно вредны, — и излишество поста и пресыщение чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом, и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

41. Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принимать пищи прежде назначенного времени, или сверх меры, так и о том, чтоб употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия и отвращение от пищи возбуждаются врагом нашим. Притом не умеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действию, а от первого нельзя.

42. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние Отцы наши часто разсуждали, и всем родам пищи предпочли хлеб, и мерою употребления его постановили — два небольшие хлебца весом около фунта.

43. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами,

состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Кто не соблюдает одинаковой меры, — но, то постится чрезмерно, то пресыщается; тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве, — потому что от неядения не может быть бодрым в молитве, клонясь от бессилия ко сну; а целомудрию, — потому что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжает действовать и во время строгого поста.

44. Мерное употребление пищи, по мнению Отцев, состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения ее еще чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии, и не попустит человека вдаваться, ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, — ни в пресыщение, подавляющее дух.

45. Предлагаем еще одно спасительное наставление блаженного Макария, чтоб книгу нашу о постах и воздержании назидательно заключить мнением такого мужа. Он говорит, что монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пребыть в теле сто лет; и так обуздывать душевныя движения, — забывать обиды, отравать печаль, ни во что ставить скорби и потери, — как могущий умереть каждый день. Этим советуется — в отношении к первому, т. — е. посту, душеполезное благоразумие, которое бы заставляло монаха шествовать всегда путем ровной строгости в воздержании, не позволяя ему, в случае даже изнеможения тела, переходить от строгости к излишеству; а в отношении ко второму, т. — е. обузданию движений душевных, — спасительное великодушие, которое было бы сильно не только презирать то, что кажется благополучным в мире сем, но и пребывать несокрушимым несчастиями и скорбями, и пренебрегать ими, как ничтожными, туда имея постоянно устремленным взор ума своего, куда каждый день и каждую минуту чаёт быть позванным.

б. Борьба с духом блуда (Кн. 6).

46. Вторая у нас, по преданию Отцев, борьба есть — с духом блуда, — борьба паче других долгая, всегдашняя, и весьма не многими начисто препобежденная, — брань лютая, которая начинает бороться с первого возраста зрелости, — и не престаёт прежде препобеждения прочих страстей. Поелику возстание здесь бывает двоякое, двояким вооруженное оружием к борьбе, то и противостоят ему надобно тоже с двояким оружием в руках. Не достаточно одного телесного поста к стяжанию совершенной чистоты целомудрия; его превосходить должны покаянное сокрушение духа и неотступная молитва против этого нечистейшаго духа; потом непрестанное поучение в Писаниях в соединении с умным деланием, также труд телесный и рукоделие, удерживающее сердце от блуждания и возвращающее его в себя, паче же всего глубокое истинное смирение, без которого ни над какую страстию ни когда не может быть приобретена победа.

47. Преображение этой страсти условливается совершенным очищением сердца, из которого, по слову Господа, источается яд этой болести. От сердца бо, говорит Он, исходят помышления злая... прелюбодеяния, любодеяния и проч. (Мф. 15, 19). Итак прежде надо очистить то, откуда исходит источник жизни и смерти, как говорит Соломон: всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходяще живота (Прит. 4, 23); ибо плоть покорствуеет его произволению и власти. Закону постнического скуднопитания всеконечно должно следовать со всем усердием, чтоб обилием яств насыщенная плоть, воспротивясь велениям души, в буйстве не низвергла долу правителя своего — духа. Но, если мы всю суть своего дела совместим в одном измождении тела, не постничествуя в то

же время душою от прочих страстей, и не занимая ее ни поучением в Божественном, ни другими духовными деланиями; то никак не возможем востечь на самый верх истинной чистоты; потому что в таком случае то, что в нас есть господственное, будет осквернять наше тело, хотя бы оно было чисто. Итак нам должно, по указанию Господа, прежде очистить внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто (Мф. 23, 26).

48. Прочия страсти обыкновенно очищаются, кроме прочаго, и обращением с людьми и каждодневными с ними занятиями и делами, и некакo врачуются самою неприятностию и досадою по причине падения в них. Так, например, порывы гнева, оскорбления, нетерпеливости, кроме сердечнаго поучения и бодреннаго внимания, врачуются и посещением братий и частым взыванием сих страстей. Так как оне, будучи при сем раздражаемы, чаще обнаруживаются, то чаще и обличаются, и скорее потому уврачевываются. Но эта болезнь, при измождении тела и сокрушении сердца, имеет нужду также в уединении и удалении от людей, чтоб, имея таким образом отклоненными поводы к пагубному лихорадочному разжению ея, придти скорее в состояние совершеннаго оздоровления. Как для больных какою либо болезнью полезно бывает, чтоб вредная для них яства и на глаза им не были приносимы, дабы при взгляде на них не родилось у них смертоносное желание: так и к прогнанию этой особенно болезни (похотливости) много очень способствуют безмолвие и уединение, чтобы больная душа, не будучи вызываема вне разными лицами и вещами, свободнее восходила к чистейшему умному созерцанию, и чрез то удобнее могла с корнем исторгать заразительное возбуждение похотения.

49. Иное дело быть воздержным, и иное — чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом, какими признаются например, в Новом Завете оба Иоанна (Предтеча и Евангелист), а в Ветхом — Илия, Иеремия, Даниил. На их степени стоящими не несправедливо почестъ и тех, кои, по падении, долгими подвижническими трудами и ревностным взысканием потеряннаго, достигли до подобнаго им состояния чистоты и непорочности душевной и телесной, и жало плоти чувствуют не столько по нападению срамной похотливости, сколько по движению лишь естества. И вот такого-то состояния, говорим мы, крайне трудно достигнуть среди многолюдства, — даже и не невозможно ли? — Что впрочем всякий пусть не чаёт узнать из нашего разсуждения, а сам пусть доищется до сего чрез испытание своей совести. — Мы не сомневаемся, что есть очень много воздержных, которые нападение плоти, редко ли или каждодневно ими испытываемое, прогоняют и подавляют, то страхом геенны, то желанием царства небеснаго. Относительно их старцы полагают, что хотя они могут не быть совсем разстроены и побеждены страстными раздражениями, нельзя однакож им быть безопасными от нападений и совсем неуязвимыми. Ибо тому, кто находится в положении борющагося, хотя он и часто побеждает и одолевает противника, неизбежно иногда и самому испытывать тревогу и уязвление.

50. Если по сердцу нам с Апостолом законно подвизаться подвигом духовным (2 Тим, 2, 5); то не на свои силы (потому что человеческия усилия не сильны это совершить), но на помощь Господа надеясь, положим со всем рвением побеждать этого нечистейшаго духа. Ибо до тех пор эта страсть не перестанет оспаривать у души победу, пока она (душа) не сознает, что успешно вести такую борьбу выше ея сил, и что она своими трудами и своим усилием никак не может одержать победу, если не будет подкреплена помощию и заступлением Господа.

51. И действительно, если всякий успех в добродетели есть дело благодати Господа, и преодоление всякой страсти есть Его победа, то преимущественно это дело (т. — е. стяжание чистоты и преодоление похотной страсти), есть особенная благодать и дар, как подтверждается мнениями Св. Отцев и опытами очищения от сей страсти, по свидетельству тех, кои сподобились стяжать его. Ибо не чувствовать жала плоти есть некоторым образом тоже, что пребывая в теле выйти из плоти, облекаясь плотию быть вне естества. И потому невозможно человеку на своих, так скажу крыльях взлететь на такую небесную высоту совершенства, если благодать Господня даром чистоты не извлечет его из тины земной. Ибо люди плотяные ни какую добродетелию так близко не уподобляются небесным Ангелам, в подражании их жизни, как стяжанием благодати чистоты, чрез которую они, еще продолжая жить на земле, имеют, по Апостолу, жительство на небесех (Фил. 3, 20), и здесь, в брэнной плоти, обладают уже тем, что обещается Святым в будущей жизни, по отложении тленной плоти.

52. Слушай, что говорит Апостол: всяк подвизаяйся от всех воздержится (1 Кор. 9, 25). Он выставляет подвизающагося на ристалищах в образец нам в духовном нашем подвижничестве. Тот, для успеха в состязаниях, не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и нетрезвости воздерживается, но и от бездействия, праздности и лени, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело, и силы свои развить, и уменье приобрести; он оставляет всякую заботу и печаль о делах житейских и супружеских, одною томя себя заботою, как бы возыметь успех и получить победный венец; особенно же он заботится хранить себя чистым от осквернения плотскаго, чтоб даже и во сне как нибудь не обольститься срамными грезами, и чрез то не умалить силы, приобретенной долгим временем и не малою заботою. Тут видишь ты все, что надлежит делать и духовному подвижнику; видишь и то, что для успеха в духовном твоём делании, и тебе предлежит преимущественно хранить чистоту и целомудрие. Ибо если там в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотскаго греха, или невольнаго осквернения, но наипаче и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением чистыми блюсти самую сокровенность сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести, в коей подвигоположник наш Господь зрит до малейших черт все движения нашего произволения. Надлежит убо нам тому, что боимся сделать открыто, не допускать возникнуть внутри неосторожным помышлением, и что стыдимся обнаружить пред людьми, тем не оскверняться и тайным в сердце согласиём. Ибо хотя это и может укрыться от людей, но не может утаиться от Ангелов и Самого всемогущаго Бога, от Котораго не сокрыты никакия тайны.

53. Признаком и мерою совершенства стяжанной чистоты можно поставить то, если у нас, когда отдыхаем, или разнеживаемся в глубоком сне, не возникает никакого обольстительнаго образа, или если возникает какой, то не силен бывает возбудить никаких движений похотных. Ибо такое движение, хотя не вменяется в полную вину в грехе, однакож служит верным признаком, что душа еще не достигла совершенства, и показывает, что страсть еще не до чиста исторгнута, когда мечтательные образы успевают производить такого рода наругание.

54. Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно охраняется, обнаруживается во время ночнаго покоя; и потому, когда случилось сказанное наругание, то в этом

не сон должно почитать виновным, а не хранение внимания в предшествующее время, и видеть в сем обнаружение скрывающейся внутри болести, которую ночной час не породил впервые (как не бывшую прежде), а только скрытую во внутренних фибрах души вывел на поверхность кожи, во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возожгли, питаясь в продолжение всего дня не добрыми помыслами. Так и телесныя болезни не в то время поражаются, в какое видимо обнаруживаются, но наживаются в предшествующее тому время, когда кто без осторожности питаясь всякою вредною для здоровья пищею, собирает в себя болезнеродные соки.

55. Се и Сам Бог, Творец и Создатель всего рода человеческого, зная лучше всех природу творения Своего, туда направляет врачевание, откуда главным образом исходят причины страстной болести сей, когда говорит: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28). Делая замечание о сладострастии глаз, Он не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется их услугою в смотреии. Это сердце, больное и уязвленное стрелою похотения, смотрит с вожделением, — благодеяние зрения, дарованное Творцем на добро, обращая по своей страстности на служение худым делам и скрытую в нем самом болезнь сладострастия изводя в явь по поводу воззрения. Почему и спасительная заповедь предписывается тому, по чьей страстности происходит злое уязвление чрез зрение. Ибо не говорится: всяким хранением блюди очи твои, но: всяким хранением блюди свое сердце (Прит. 4, 23).

56. Первым и главным действием хранения чистоты сердца да будет у нас то, чтоб, когда по тонкой подсаде диавольской злокозненности, прокрадется в ум наш воспоминание о каком либо лице женскаго пола, хотя бы то матери, сестер, родных и даже святых жен, — мы, как можно скорее, спешили изгнать его из наших мыслей; дабы, если долго промедлим в таких помышлениях, враг наш обольститель, от этих жен не перевел не заметно ума нашего и к таким, чрез которых мог бы всеять душевредныя мысли. Почему стараясь исполнить заповедь: всяцем хранением блюди свое сердце, мы должны, по первоначальному Божию повелению, заботливо блюсти ядоносную главу змия (Быт. 3), т. — е. начатки злых помышлений, чрез которыя диавол покушается вползти в нашу душу; чтобы, если глава его по нашему небрежению проникнет в наше сердце, не вползло туда и все тело его, т. — е. не породилось из нечистых помышлений и согласие на греховное услаждение. Когда же враг будет впущен внутрь, то, пленив душу, всеконечно убьет ее ядовитым угрызением своим. Возникающих на земле нашей грешников, т. — е. плотския чувства также должны мы избивать во утрия их рождения (Пс. 100, 8), и разбивать о камень сынов Вавилона, пока еще они младенцы (—136, 9). Ибо если не будут они избиты, пока еще нежны и слабы, то выросши, по нашему потворству, они с большою силою возстанут на нас, и — или погубят нас, или, если будут побеждены, то конечно не без больших воздыханий и трудов. Ибо когда крепкий т. — е. дух наш, вооружився хранит дом свой, т. — е. охраняет покой сердца нашего Страхом Божиим, тогда в мире суть имения его (Лук. 11, 21), т. — е., плоды трудов его и добродетели, долгим временем стяжанныя. Когда же крепльший его нашед победит его, т. — е. диавол чрез согласие с внушенными от него помыслами, тогда все оружие его возмет, на неже упова, т. — е. памятование Писаний, или Страх Божий, — и корысть его раздаст (Лук. 11, 22), т. — е. навыки в добродетелях развеет всякими противоположными им пороками.

57. Сия есть, говорить св. Павел, воля Божия — святость ваша (1 Сол. 4, 3). И чтоб не оставить в нас сомнения, или темнаго непонимания, что именно называет он святостию, — правду ли, или любовь,

или смирение, или терпение, — ибо всеми сими добродетелями приобретает святость, — он далее прямо обозначает, что собственно хотел назвать святостью: сия есть воля Божия святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжевати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы неведущии Бога (1 Сол. 4, 3—5). Смотри, какими похвалами превозносит он целомудрие, называя его честию сосуда, т. — е. тела нашего, и святынею.

Следовательно напротив, кто пребывает в страсти похотной, тот находится в состоянии безчестия и нечистоты и живет чуждо святости. — Немного ниже св. Павел еще прибавляет, опять называя целомудрие святостию: не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отметаай (презираай сие), не человека отметаает, но Бога давшаго Духа Своего Святаго в нас (там же — ст. 7. 8). Ненарушимую силу и важность придал он заповеди своей, когда сказал, — что кто отметаает сие, т. — е., то, что я сказал, тот не человека презирает, т. — е. меня заповедающаго сие, но Бога, во мне говорящаго, Который и Духу Своему Святому назначил в обиталище сердце наше. Видишь ли, какими в простых словах похвалами превознес он сию добродетель! Во первых, ей собственно приписывает святость, потом утверждает, что ею сосуд тела нашего освобождается от всякой нечистоты; в третьих, что, извергши срамную нечистоту, сосуд сей будет пребывать в чести, как святыня; наконец, что есть самое высшее ея преимущество, чрез нее обитателем сердца нашего будет Дух Святый.

58. Приведу и другое подобное сему свидетельство тогоже Апостола. — Пиша к Евреям, он говорит: мир имейте со всеми и святыню, еяже кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14). И здесь также он ясно утверждает, что без святости, которую обыкновенно называет непорочностию и чистотою души и тела, совершенно невозможно видеть Бога.

59. Чем выше и небеснее есть достоинство целомудрия, тем сильнейшие вызывает оно наветы вражеские. Почему тем усиленнее должны мы соблюдать не только воздержание тела, но и сокрушение сердца, с непрестанными молитвенными воздыханиями, чтоб пещь плоти нашей, которую Царь Вавилонский непрестанно покушается поджечь поджожами плотских подсад, непрестанно же угашать и охлаждать нисходящею в сердца наши роскою Духа Святаго.

60. Такое настроение можно нам удерживать постоянно, если будем всегда помнить, что Бог есть нощной и дневной зритель и знатель не только тайных дел наших, но и всех помышлений, — и веровать, что мы имеем дать Ему ответ и за все, что вращается в сердце нашем, как за все дела и поступки наши.

61. Чтоб даже во время сна нечистыя грезы не оскверняли нас, для этого всегда надобно держать равномерно умеренный пост. Ибо кто нарушит разумную меру строгости в воздержании от пищи, тот потом непременно пойдет и за должную меру послабления себя в сем. С изменением же меры подкрепления себя пищею, неизбежно должно изменяться и качество нашей чистоты. — Но при сем должно иметь постоянное смирение сердца и терпение, равно как внимательное предохранение себя в течение дня от гнева и прочих страстей. Ибо коль скоро западет в нас огонь гнева, то после легко проникнет к нам и жар похоти. Паче же всего необходимо бодренное блюдение себя ночью. Ибо как чистота и охранение себя днем предуготовляют чистоту ночную, так и ночная бодренность предпосылает сердцу равно как и вниманию к себе силу и крепость противостоять всему нечистому днем.

62. Можно ли совсем погасить огонь похоти, коея жар как-бы врожденным чувствует в себе плоть

наша? — Поищем наперед, что полагает о сем блаженный Павел. Умертвите, говорит он, уды ваша, яже на земли (Кол. 3, 5). Какие же это уды заповедует он умерщвлять? — Конечно не руки и ноги или другия какия части отсекасть; а истреблять тело греховное, о коем в другом месте говорит он: да упразднится тело греховное плоти (Римл. 6, 6), — и которое, как всякое другое тело, имеет и свои члены. Их-то и заповедует Апостол умертвить. А какие это именно, он тут же и перечисляет. — Ибо сказав: умертвите уды ваша, яже на земли, продолжает: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоимание, еже есть идолослужение. Первый член — блуд: это грех плотскаго незаконнаго совокупления; второй член — нечистота, которая без всякаго прикосновения к женщине иногда случается во время сна, или и во время бодрствования; третий член — страсть, которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и не по действию похотения в теле; четвертый член — похоть злая, которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям, и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховнаго тела ставит Апостол лихоимание, внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои надобно великодушно презирать, как действительно и поступало упоминаемое в книге Деяний первое общество верующих (Деян. 4, 32. 35). Из всего сказаннаго делаю такое заключение: если многие ради Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их от сердец своих отсекали, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжение. Ибо Апостол не соединил бы невозможнаго дела с возможным. Но признавая то и другое возможным, заповедал равно то и другое умертвить. — И настолько блаженный Павел уверен был в возможности искоренить блудную страсть из членов наших, что не только заповедал умертвить ее, но повелел, чтоб даже и имя ея не было произносимо между нами, говоря: блуд же и всякая нечистота и лихоимство ниже да именуются в вас, якоже подобает святым: и сквернословие, и буесловие, или кощунны, яже не подобная (Еф. 5, 3. 4). Потому не может быть сомнения, что страсть блуда может быть истреблена из членов наших, — так как Апостол повелел отсекасть их так же, как и любостяжание, суесловие, смехотворство, которых отсечение удобно.

63. Впрочем мы должны знать, что хотя бы мы соблюли всю строгость воздержания, и именно, — голод, жажду, бдение, постоянный труд, — и с неослабным усердием занимались чтением душеспасительных книг; не можем однакож сами, посредством этих подвигов, приобрести непрерывную чистоту целомудрия, если не придет к нам на помощь особенная благодать Божия. Да ведает всяк, что он должен неутомимо упражняться в сказанных подвигах только для того, чтобы терпеливо переносимою прискорбною от них, приклонив к себе милосердие Божие, сподобиться Божественнаго дара освобождения от брани плоти и от господства преобладающих страстей, а не в той надежде, будто он сам собою посредством их может достигнуть несокрушимой чистоты целомудрия телеснаго, котораго так желает и ищет.

64. Желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо них не будут восприняты другия спасительныя. Потому если желаем истребить плотския вожделения из сердец наших, то на место их должны поскорее насадить желания духовныя, чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных. И когда дух наш каждодневыми упражнениями в духовном делании установится в таком настроении отрешения от всего, тогда опытно уразумеет и силу следущаго стишка, который и все мы не редко повторяем, но силу котораго ведают лишь не многие опытные: предзрех

Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. 15, 8). Только тот действительно постигает силу и смысл сего стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о коей говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклонился на прежнее, и что десница его, т. — е. святые действия постоянно ограждаются Им. Ибо Господь всегда присущ Святым Своим не по левую сторону, — потому что Святой муж не имеет ничего левого, т. — е. худаго, — но по правую. А для грешников и нечистых Он бывает невидимым, потому что они не имеют правой стороны, на которой Он обыкновенно бывает присущ.

65. Много степеней целомудрия, по которым восходят к непоколебимой чистоте. Лестницу такого усовершенствования целомудрия я разделю на шесть степеней, которые однакож в действительности проходятся незаметно, по подобию наших тел, которыя в каждый день не чувствительно получают себе приращение и без нашего ведома вырастают до совершенного своего вида. — Первая степень целомудрия есть, — если монах не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии; — вторая, — если ум не замедляет в сладострастных помыслах; третья, — если при виде женщины ни мало не тревожится вожделением; четвертая, — если в бодрственном состоянии не допускает и простаго движения плотскаго, пятая, — если и самое тонкое согласие на плотское действие не ранит ума, когда разсуждение, или чтение приведет на память человеческое рождение; шестая, — если даже и во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтами о женщинах.

66. Полная целомудренная чистота от начатков воздержания от похотных мыслей и движений отличается совершенным успокоением плотских возбуждений и покоем от них. Совершенно созревшее целомудрие всегда хранит невозмутимую, и неколебимую чистоту тела и души, и есть ничто иное, как святость. Это бывает, когда плоть, перестав похотствовать на духа, начинает согласоваться с его желаниями и добродетелию, и когда они оба соединятся между собою твердым миром, и, по изречению Псалмопевца, как братья станут жить вкупе (Пс. 132, 1). — Тогда и Бог с ними бывает; ибо говорится, что в мире место Его (Пс. 75, 3), — т. — е. не в шуме брани и борьбы со страстями, а в мире целомудрия и в постоянном покое сердца. Почему когда кто, чрез погашение плотских страстей, сподобится стяжать это место мира, то в то же время сделается и жилищем Божиим.

в. Борьба с духом сребролюбия (Кн. 7).

67. Третья борьба предстоит нам с духом сребролюбия, — со страстию чуждою и не свойственною нашей природе, и в монахе порождающеюся не от чего другаго, как от малодушия слабо-энергичной души и не как следует настроенной, и большею частию от худо положеннаго начала отречения от мира, в основе коего не лежала горячая любовь к Богу. Прочия движения страстей, кажется, в нас самих имеют начало, будто насажденные в человеческой природе и некако внедренныя в плоть. Они, будучи современны нашему рождению, движением своим предваряют проявление в нас способности различать добро и зло, — и препобеждаются не иначе, как долгим трудом. А эта болесь (сребролюбие) позднее их привходит и со вне навязывается душе; почему легче может быть предотвращена и извергнута. Но если по безопасности она будет пренебрежена и однажды впущена в сердце, то бывает более всех гибельна и труднее всех изгоняема: ибо соделывается корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), служа источником возбуждения разных страстей.

68. Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душею монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторыя, будто

справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо, или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно, и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескудно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. — Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу чрез море, то не сможешь, когда захочешь, переселиться оттуда, и таким образом будучи стеснен крайнею бедностию, постоянно будешь влечь жизнь работническую и жалкую без всякого успеха. — Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий; и с этою целию приискивает какую либо частную работу, которую и исполняет со всею заботливостию, без ведома Аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить, или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, — и он напряженно строит важные планы, чтобы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему, по его желанию, когда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство отрасти к ним. В поджошку ей приходят далее и другия заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительныя, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранния лета не заготовишь побольше денег. — Так несчастная душа, связана будучи узами сей змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется, в желании с непотребною заботою умножать не добре начатое собрание имущества, сама в себе поражая заразу, которая все жесточае и жесточае пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечнаго воззрения, кроме того, откуда могла бы достать денег, чтоб с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая либо надежда на получение денег, — тут она ничем уже не дорожит: из-за нея она не погнушается ни ложью, ни клятвопреступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, — золото и чаяние корысти во всем бывает для нея богом, как для иных чрево. Почему блаж. Апостол, провидя пагубный яд сей болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: и любостяжание (—умертвите), еже есть идолослужение (Кол. 3, 5).

69. Есть три вида этого недуга, которые всеми Отцами с одинаковым отвращением осуждаются: один тот, гибельность котораго мы выше описали, — который, обольщая некоторых несчастных, убеждает их собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире; второй тот, который побуждает опять возжелать и возвратить то, что оставили в начале своего отречения от мира; третий тот, который, зарождаясь при самом не добре полагаемом начале иночества, приемлемаго с несовершенным от всего отречением, не допускает тех, которых успеет заразить этою холодностию душевною, совершенно обнажить себя от всех достояний мирских, устранив их скудистию всего вперед, и расслабив неверием: им потом, за удержание при себе денег и другаго имущества, которыя

должны были оставить, отрекаясь от мира, никак не дает уже оно достигнуть Евангельского совершенства, — И в Святом Писании находим мы примеры осуждения этих трех видов падения с нелегкими для них наказаниями. Так Гиезий, желая получить то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую имел получить от учителя своего, как бы по наследственному преемству, но и поражается проказою по проклятию Елисею (4 Цар. 5, 21. 27). Иуда же, желая возвратить себе деньги, которые прежде, последовав за Христом, отверг, не только впал, в предательство Господа, и потерял сан Апостольства, но и жизнь свою общим исходом окончить не удостоился, заключив ее самонасильственной смертию (Мф. 27, 5); а Анания и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владели, из уст Апостольских наказываются смертию (Деян. 5, 1—11).

70. Об этих, которые отреклись от мира, но потом быв побеждены неверием, бояться оставаться обнаженными от всякаго земнаго имущества, таинственно предписывается во Второзаконии: кий человек страшлив и слаб сердцем (да не исходит на войну) да идет и возвратится в дом свой; да не утратит сердца брата своего, яко сердце свое (Втор. 20, 8). Что, спрашивается, очевиднее этого пророчества? Не явно ли желает Св. Писание, чтоб они лучше и начала не полагали такому званию, и имени его не принимали на себя, чем и других своим словом и худым примером расслаблять неверным страхом своим, и отклонять от Евангельского совершенства. Итак им повелевается, чтобы уходили с брани и возвращались в дом свой, потому что с раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней. Ибо муж двоедушен не устроен во всех путех своих (Иак. 1, 8). И вникая в смысл той Евангельской притчи, — в коей говорится, что царь, вышедший с десятью тысячами против другаго, шедшаго на него с двадцатью тысячами, не надеясь иметь успех в сражении с ним, пока еще тот далече был от него, послал просить мира (не желая очевидно и начинать сражения), приходим к тому же заключению, что и означенным выше лицам лучше совсем не полагать начала отречению от мира, чем, начавши, после выдерживать его не усердно и не во всей точности, подвергая себя чрез то большой опасности. Ибо, как говорит Премудрый, благо тебе еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати (Екл. 5, 4). Хорошо здесь говорится, что этот с десятью тысячами идет, а тот с двадцатью. Ибо число страстей, нападающих на нас, больше числа добрых расположений сражающихся за нас. Но никтоже может... Богу работати и мамоне (Мф. 6, 24), и: никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии (Лук. 9, 62).

71. Такие обыкновенно позволительность для себя подобнаго прежнему любостыжания стараются оправдать авторитетом Св. Писания. Истолковывая его в неправом смысле, они с радостию готовы извратить и по своему желанию изменить мысль Апостола и даже Господа, не свою жизнь или разумение приспособляя к смыслу Писания, по Писанию делая насилие по желанию своего самоугодия. Желая и в настоящем случае показать, что Писание согласно с их мнением, они говорят: — написано: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати (Деян. 20, 35). Превратнейшим образом понимая сии слова, они полагают, что ими совершенно уничтожается сила того изречения, в коем говорится: аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди в след Мене (Мф. 19, 21). Думают они, что по такой благовидности им не должно оставлять свое богатство, и провозглашают себя блаженнейшими паче оставивших его, когда, будучи сами обеспечены прежним имуществом, от избытка его уделяют и

другим; между тем как стыдятся воспринять со Апостолом славную нищету ради Христа, и не хотят довольствоваться трудами рук своих и монастырским скудноватым содержанием. Им остается одно из двух: или сознать себя самопрельщенными и никогда не отрекавшимися от мира, когда так пристрастны к прежнему богатству; или, если хотят самым делом и трудами испытать монашеское звание, все отвергнуть и расточить, чтоб, ничего не удерживая при себе из того, от чего отреклись, хвалиться со Апостолом голодом и жаждою, холодом и наготою (2 Кор. 11, 27).

72. Ходит изречение св. Василия, Епископа Кесарийского, которое он сказал одному сенатору, цепеневшему такою, о коей у нас речь, холодностью, — который, говоря, что отрекся от мира, удержал при себе нечто из своего имущества, не хотя содержать себя трудами рук своих, и обучаться истинному смирению скудостью во всем, прискорбным трудом и монастырскою подчиненностью. — «И сенатора, сказал он ему, ты потерял и монахом не сделался».

73. Итак, если хотим законно подвизаться духовным подвигом, то изгоним из сердец наших и этого губительного врага, — которого сколько победить не велико, столько быть от него побежденным безчестно и безобразно. Ибо быть поражену сильным хотя больно, по причине повержения долу, и сожалеательно, по причине потери победы; но в таком случае для побежденных некое исходит утешение из сознания сильности противника. Если же придется это испытать, когда и противник плохенькой, и род ратоборства не труден; тогда гораздо больнейшей боли повержения долу будет причинен унижительный стыд, и гораздо тяжелейший урона срам.

74. Окончательной победы и совершенного торжества над этим врагом можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монеты. Для того же, кто увлекшись хотя бы то маленьким денежным подарком, однажды воспринял в сердце свое корень любостязательной похоти, невозможно тотчас же не загореться огнем желания большего. И воин Христов до тех пор будет победителем, будет находиться вне всякой опасности, недоступным нападению сей страсти, пока сей непотребнейший дух не посеет в сердце его начатков своей похоти. Почему, как во всех родах страстей главным образом надобно блюсти главу змия, так особенно в отношении к этой надлежит тщательнейшия держать предосторожности, чтоб какнибудь не проникла внутрь глава ея. Ибо если она будет впущена внутрь, то своею же материею питаюсь и приходя в силу, сама по себе разожжет чрезмернейший пожар. И потому не только обладания деньгами надобно опасаться, но и самое желание их совсем надлежит исторгнуть из души; и не столько избегать дел сребролюбия, сколько отсекать с корнем страсть его: ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если в нас будет желание иметь их.

75. Возможно и не имеющему денег не быть свободну от болезни сребролюбия; и никакой пользы не принесет действие обнажения себя от всего тому, кто не смог отсечь страсти любостязания, усладившись делом обнищания, а не самую добродетелию нищеты, и не без туги сердца помирясь с тяжелою необходимостью (так поступить). Ибо как иных телом не оскверненных Евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (Мф. 5, 28), так и нисколько не обремененным тяжестию денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по сердцу и уму. Им не доставало только случая к стяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Почему нам надобно всячески заботиться, чтобы плоды трудов наших не пропали даром: ибо достойно сожаления — последствия обнажения себя от всего и обнищания терпеть, а плоды сего терять по причине бесплодного грешного пожелания воли.

76. Хочешь ли знать, какие пагубные плоды приносит и какия разветвления других страстей пускает из себя эта, страсть, на пагубу того, кто ее воспримет, — если не будет тщательно истреблена? Посмотри на Иуду, причисленного к сонму Апостолов! Как она его, — не похотевшаго стереть смертоносную главу сего змия, — сгубила ядом своим, — опутав сетями вожделения своего, в какую стремнистую пропасть преступления низвергла, когда научила за тридцать сребренников продать Искупителя мира и Виновника человеческого спасения? Он никак не был бы доведен до такого безбожного дела предательства, еслиб не был заражен болезью сребролюбия, и не сделался бы святотатственным виновником убиения Господа, еслиб прежде не привык окрадывать вверенный ему ковчежец.

77. Вот разительнейший пример тиранства этой страсти, которая как мы сказали, однажды плененной его душе не попускает уже соблюдать никакого правила честности, и никаким увлечением прибытка не дает насытиться. Ибо конец неистовству ее полагается не разбогатением, а обнажением себя от всего. Вот и этот самый Иуда, получив в свое распоряжение назначенные для раздаяния бедным влагалища, с тем, чтобы насытившись обилием этих денег, по крайней мере умерил свою страсть, таким напротив непомерным разгорелся возбуждением страсти, что не только окрадывал тайно влагалища, но и Самого Господа продать восхотел. Ибо неистовство сей страсти не насыщается никакою громадностью богатства.

78. Посему—то св. Апостол Петр, зная, что имеющему что—либо по страсти невозможно уже удержать в должных пределах любостяжание, и что конец сей страсти полагает не сумма малая или большая, а совершенное от всего обнажение себя, смертию наказал Анания и Сапфиру за то, что они нечто удержали для себя из своего имения. И погибли они за ложь по любостяжанию, как Иуда сам себя погубил по вине предания Господа. Какое между ними сходство в преступлении и в наказании! Там сребролюбие привело к предательству, а здесь ко лжи. Там истина предается, а здесь совершается грех лжи. Хотя действие греха там и здесь по—видимому не сходно, но они оба сходятся в одинаковой цели. Тот, чтоб избавиться от бедности, воспохотствовал снова поиметь то, что было отверг; а эти, чтоб не сделаться бедными, покусились удержать для себя нечто из имения своего, которое должны были, или Апостолам все верно принести, или все раздать братьям. От того—то в том и другом случае и последовало одинаковое наказание смертию, что тот и другой грех произрос из одинаковаго корня сребролюбия. — Если теперь (сделаем дальнейшее наведение) на тех, которые не чужих стяжаний воспохотели, но свои собственные покусились приберечь и не имели вожделения стяжевать, а только желание уберечь, изшел такой строгий приговор; то что сказать о тех, которые вожделевают собирать деньги, которых никогда не имели, и выказывая пред людьми нищету, пред Богом оказываются богатыми по страсти любостяжания.

79. Любостяжателей должно признавать прокаженными духом и душею, подобно Гиезию, который, вожделев тленных денег мира сего, поражен был заразительною нечистою проказою. Ею—то он и оставил нам очевидное указание на то, что душа, оскверненная преступною страстию к любостяжанию, поражаема бывает духовною заразою страстей, и имеется пред очами Господа нечистою с вечным проклятием.

80. Итак, если, стремясь к совершенству, оставил ты все и последовал Христу, вняв слову Его: иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имати сокровище на небеси: и гряди в след Мене (Мф. 19, 21), то зачем, возложив уже руку на рало, озираешься вспять, чтоб словом тогоже Господа

провозглашену быть не гожим для Царствия Небеснаго (Лук, 9, 62)? Поставленный на кровле, — высоте Евангельскаго совершенства, — для чего сходишь опять в дом свой, чтоб взять оттуда что-либо из того, что прежде того так охотно презрено тобою (Лук. 17, 31)? Поставленный на поле делания добродетелей, зачем опять усиливаешься облечь себя бременем мирскаго стяжания, от котораго ты обнажил себя при отречении от мира? — Если же ты тогда, бедностию предупрежденный, не имел что оставить; то тем менее следует тебе теперь приобретать то, чем прежде не владел. Это, по особенному Божию благоволению к тебе, ты так приготовлен был (бедностию к отречению от мира), — для того, чтоб не воспящаемый никакими путами стяжаний, тем поспешнее ты притек к Нему. Впрочем да не унижается никто из бедных за это (что не имеет что оставить); ибо никого нет, кто бы не имел, что оставить. От всех стяжаний мира отрекся тот, кто с корнем отсек самую страсть к приобретению их.

81. Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по Апостолу, имея пищу и одежду, сими довольны будем (1 Тим. 6, 8).

82. Итак, держа в памяти осуждение Анании и Сапфиры, убоимся удерживать что-либо из того, что совершенно оставить дали обет, намереваясь отречься от мира. Страшась также примера Гиезия, который за грех сребролюбия наказан неисцельною проказою, поопасемся стяжевать то, чем прежде не владели. Равно ужасаясь как злодеяния Иудина, так и исхода его, будем всеми силами избегать собирания снова денег, от которых отказались однажды навсегда. — Сверх же всего этого, помышляя о смертности нашего естества и неизвестности часа смертнаго, поопасемся, чтобы день Господень, наступив, как тать в нощи, не застал нашей совести запятнанною стяжанием, хотя бы и одного овола; ибо он и один, упразднив все плоды нашего мироотречения, сделает, что сказанное в Евангелии богачу гласом Господа, будет обращено и к нам: безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут (Лук. 12, 20)?

И нимало не думая о завтрашнем дне, никак не попустим себе уклониться от устава общежития. Чего без сомнения мы никак не сможем исполнить, не сможем также мирно прожить под правилами монастырскаго устава, если в нас не будет прежде на прочном основании утверждена добродетель терпения, источником коего служит не другое что, как смирение.

г. Борьба с духом гнева (Кн. 8–я).

83. В четвертой брани предлежит нам с корнем исторгнуть из глубины нашей души смертоносный яд гнева. Ибо доколе он гнездится в сердцах наших, и ослепляет око ума нашего пагубным мраком, дотоле мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла, и остроты досточестнаго созерцания, ни обладать зрелостию совета, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свет; ибо сказано: смятется от ярости око мое (Пс. 6, 8); не можем соделаться причастниками мудрости, хотя бы мнением всех были провозглашаемы премудрыми, так как ярость почивает в недре безумных (Еклез. 7, 10); не можем достигнуть и жизни долговечной, хотя бы по определению людей почитаемы были разумными, потому что гнев губит и разумных (Прит. 15, 1); не сможем всегда добре держать весы правды по указанию сердца, ибо гнев мужа правды Божией не соделоваает (Иак, 1, 20); ни коим образом не можем обладать и важною почтенностию, так обычною даже и между людьми века сего, хотя бы по преимуществам рождения почитаемы были знатными и почтенными, так как муж ярый не благообразен (Прит. 11, 25), никак не можем обладать и зрелостию совета, хотя бы казались стяжавшими обширные познания, ибо

острояростный без совета все творит (Прит. 14, 17); не можем быть покойны от тревог и смущений, и свободны от грехов, хотя бы от других вовсе не было нам причиняемо безпокойств, так как муж гневливый (сам после) воздвигает свар: муж же ярый открывает (обнаруживает не стыдась) грехи (Прит. 29, 22).

84. Некоторые, усиливаясь извинить эту пагубную болезнь души, покушаются умалить ея (непотребность) при помощи непотребнейшаго толкования Писаний, говоря: не беда, если гневаемся на братьев погрешающих, так как и Сам Бог воспаляется гневом и яростию против тех, которые или не хотят знать Его, или зная не чтут как должно, — как например: и разгневался яростию Господь на люди Своя (Пс. 105, 40), или как в другом месте, где Пророк молится, говоря: Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене (Пс. 6, 2). — И не понимают они, что вместе с тем, как чрез это дают людям свободу действовать по сей страсти на пагубу себе, еще и Богу безпредельному, источнику всякой чистоты, нечестиво приписывают нечистую плотскую страсть.

85. Если эти и подобные места Писания понимать буквально, в грубом чувственном значении; то выйдет, что Бог спит и пробуждается, сидит и ходит, обращается к кому и отвращается от него, приближается и удаляется, — и члены телесные имеет — главу, очи, руки, ноги и под. — Как этого всего без крайняго святотатства нельзя буквально разуметь о Том, Кто, по свидетельству Писания же, невидим, неопишум, вездесущ: так без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростию. Под названием телесных членов и движений обозначаются Божественныя свойства и промыслительныя о нас действия, которые мы удобнее можем понять под сими уподобительными названиями: очи означают Божие всевидение и всеведение; руки и ноги — Его творчество и промышление, мышцы — силу и вседержительство и проч. Так и о гневе или ярости Божией, когда читаем, должны разуметь то не человекообразно, но достойно Бога, чуждаго всякаго возмущения, — именно под этим понимать, что Он есть Судия и праведный воздаятель за все, не право делаемое в мире сем, и устрашаясь, при чтении такого рода изречений, праведнаго наказания Божия, всячески остерегаться делать что либо противное воле Его.

86. Да будет убо монах, стремящийся к совершенству и подвигом духовным законно подвизаться желающий, чужд всякаго движения страсти гнева и ярости, слыша, что заповедует ему избранный сосуд: всякая горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас со всякою злобою (Еф. 4, 31), — который, говоря: всякий гнев да возмется от вас, не изъял из-под такого приговора никакого движения гнева, будто необходимаго или полезнаго. Почему монах и поспешая, если необходимо, врачевать согрешающаго брата, пусть делает это так, чтоб, когда заботится подать лекарство страждущему очень легкою, может быть, лихорадкою, разгневавшись, не ввергнуть себя самого в худшую того болезнь ослепления. Ибо тому, кто хочет залечить рану другаго, надо самому быть здорову и свободну от всякой болезни, чтоб не сказано было ему оное Евангельское слово: врачу, исцелися сам (Лук. 4, 23), — также: что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоём, не чуеши? Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего, и се бервно во оце твоём (Мф. 7, 3. 4)!

87. От какой бы причины ни возгаралось движение гнева, оно ослепляет очи сердца, и налагая покров на остроту умнаго зрения, не дает видеть Солнца правды. Все равно, золотой ли лист, или свинцовый, или из другаго какого металла наложен будет на глаза, ценность металлов не делает

разности в ослеплении. — Бывает впрочем от гнева и услуга нам очень пригодная, когда разсерживаемся, досадуя на сладострастные движения нашего сердца и негодуем, что в тайниках нашей груди поднимается то, что делать, или о чем даже говорить, стыдимся пред людьми, трепеща от страха при мысли о присутствии Ангелов и Самого Бога, везде и все пронизающего, и о всевидящем Оке Божиим, от Котораго никак не могут укрыться никакия тайны нашей совести. Или когда против этого самого гнева разсерживаемся, за чем он вкрался, возбуждая нас против брата, и с гневом извергаем пагубныя его внушения, не давая ему на зло нам укрываться в тайниках груди нашей. Так гневаться научает нас и Пророк, который столь решительно отривал от своих чувств эту страсть, что и врагам своим явным, даже от Бога преданным в руки его, не хотел воздавать воздаяние. Так, когда Семей, бросая камни в Царя Давида, в слух ему злословил его пред всеми, и Авесса, сын Саруин, в отмщение за такое оскорбление Царя, хотел отъять его голову, блаженный Давид, подвигшись благочестивым негодованием против такого его внушения, сохранил непоколебимую свою кротость, и показал образец смирения и твердаго терпения, говоря: что мне и вам, сынове Саруины? Оставьте его, и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида: и кто речет: почто сотворил еси тако? Се сын мой, изшедший из чрева моего, ищет души моя, а кольми паче сын Иеминиев; оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь. Негли призрит Господь на смирение мое, и возвратит ми благая, вместо клятвы его в днешний день (2 Цар. 16, 10—12).

88. Таким образом нам разрешается гневаться, но спасительно, т. — е. на себя самих, и на привходящие худые помыслы, — гневаться на них, и не согрешать, т. — е. не приводит их в дело на пагубу себе. Этот же самый смысл яснее выражает и следующий стишок: яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитесь (Пс. 4, 5), т. — е. что помышляете вы в сердцах своих, по причине вторжения внезапных удобосмутительных внушений, то, после того, как мирным разсуждением успеете утишить всякий шум и бурность гнева, и как бы на покойное возлечь ложе, исправляйте и заглаждайте спасительным сокрушением. И блаженный Павел, воспользовавшись указанием этого стишка, после того как сказал: гневайтесь и не согрешайте, прибавил: солнце да не зайдет во гневѣ вашем: ниже дадите место диаволу (Еф. 4, 26. 27). Если пагубно допускать, чтоб солнце правды заходило во гневѣ нашем, и если мы, разгневавшись, тотчас даем место диаволу в сердце своем, то как пред этим повелел гневаться, говоря: гневайтесь и не согрешайте? Не явно ли он выражает сим следующее: гневайтесь на свои страсти и на самый гнев ваш, чтоб иначе, при вашем потворстве, не начало в омраченных гневом умах ваших заходить Солнце правды — Христос, и с отхождением Его не дали вы места в сердцах ваших диаволу.

89. В иносказательном смысле, под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем, ради того, что освещает все помышления и стремления сердца нашего, — и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать сего светила страстию гнева; чтоб, с захождением его, не занял всего сердца нашего мрак бурнаго смятения с производителем его диаволом, и мы, объятые тьмою гнева, не остались, как бы в темную ночь, в неведении, что нам делать. В таком смысле понимать это место Апостола предано нам в наставлениях старцев, которые не позволяют нам допускать даже на один момент вкрадываться в сердце наше гневу, всевозможно блюдаясь попасть под кару, изреченную на это в Евангелии: всяк гневаяйся на брата своего, повинен есть суду (Мф. 5, 22). — Притом, еслиб позволительно было продолжать гневаться до захождения солнца,

страсть гнева, пользуясь таким разрешением, всегда спешила бы удовлетворять своему мщению, будто законно, прежде, чем солнце познает запад свой.

90. Что же сказать о тех, коих неумолимости не полагает предела даже само — заходящее солнце; но которые многие дни держат злобу на тех, против коих разсердились? Пусть они на словах иногда говорят что не гневаются, но дела нередко явно обличают в них сильное негодование, когда, например, они не обращаются к ним с приличною речью и не разговаривают с обычною ласковостию. Им думается, что они при этом не грешат, потому что не ищут отмщения своему раздражению. Но они только не смеют, или не могут обнаружить его, в сердце же кипят им, и молча переживают его, и чрез то обращают яд гнева в свою пагубу; они не изгоняют тотчас силою души горечь досады, но переваривают ее в течение многих дней, и кое-как современем не много укрощают.

91. Как будто не удовлетворяет уже своему мщению и досаде тот, кто из внушаемого гневом исполняет только что может! Так и делают те, которые сдерживают гневныя движения не по желанию миролюбия, а по немощи мщения, срывая его однакож чем могут. Ибо не имея возможности причинить тем, на коих разсердились, ничего более, как чтоб не говорить с ними с обычною ласковостию, этим и срывают свое на них сердце. Как будто довольно умерять гнев в обнаружении его делом, а исторгать его из тайников сердца нет нужды, — чтоб, омрачившись его тьмою, не лишиться здравой разсудительности и света ведения, и не перестать быть храмом Духа Святаго, при обитании в нас духа гнева. Ибо затаенный в сердце гнев, хотя людей предстоящих не оскорбляет, но светлейшее сияние Духа Святаго выживает все равно как и гнев обнаруженный.

92. И как можно думать, что Бог послабляет нам хоть одну минуту держать гнев, когда Он не дозволяет приносить жертвы духовных молитв наших, если сознаем не то, что мы гневаемся на другаго, а что другой имеет нечто на нас, говоря: аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим и тогда пришед принеси дар твой (Мф. 5, 23. 24)? — Как же думать, что нам дозволяется держать скорбь на брата, не говорю, многие дни, но хоть бы до заката солнца, если, даже тогда как он имеет нечто на нас, не дозволяется нам приносить молитвы свои Богу, — нам, которым от Апостола заповедуется: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17), и: хочу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления (1 Тим. 2, 8)? — Итак, если будем держать такой яд в сердцах своих, то нам остается — или никогда не молиться, и таким образом быть виновными пред Апостольскою и Евангельскою заповедию, коею повелевается нам непрестанно и на всяком месте молиться, — или, — если какнибудь обморочивая себя дерзнем изливать молитву свою, не смотря на запрещение ея, — знать, что в таком случае не молитву Господу приносим, а изъявляем гордую непокорность, в духе бунта против Него.

93. Но что нам долее останавливаться на Евангельских и Апостольских заповедях, когда и ветхий закон, который, кажется, несколько послабляет немощам нашим, тоже предостерегает от него, говоря: да не возненавидиши брата твоего во уме твоём (Лев. 19, 17), — и опять: путие злопомнящих в смерть (Притч. 12, 28), — и еще: да не отмщает рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей твоих (Лев. 19, 18)? — Видишь, что и там не благорасположенность к братьям отсекается не в деле только, но и в тайных помышлениях, когда повелевается с корнем извергать из сердца ненависть, и за обиду не только не воздавать, но даже и не помнить о ней.

94. Иногда побежденные гордостью или нетерпением, когда чувствуем особое внутреннее понуждение исправить свой нестройный и беспорядочный нрав, жалуемся в себе, что не достает нам пустыни, в том, подразумевается, чаянии, что там, не будучи никем тревожимы, тотчас приобрели бы мы добродетель терпения, извиняя очевидно тем свое нерадение (об укрощении порывов гнева), и причину возбуждения их не своему приписывая нетерпению, а слагая на братий. Но если мы будем таким образом на других слагать причины нашей в сем неисправности, то никогда не возможем придти в должную меру терпения и совершенства. Дело исправления и умирения сердца нашего не помещай в руках произволения другого, нашей власти ни мало не подлежащего, но соблюдай его в благонастроении нашего произволения. Чтобы нам не приходило в гнев, это должно зависеть не от совершенства другого, но от нашей добродетели, стяжеваемой не чужим терпением, а собственным великодушием.

95. Ктому же искать пустыни следует совершенным и очищенным от всякой страсти, или по выварении на чисто всех страстей в обществе братий, и вступать в нее не по малодушному бегству, а по желанию достигнуть высоты Божественного созерцания, которая и совершенными не может быть иначе приобретена, как в пустыне. Ибо какая страсти перенесем мы в пустынь не уврачеванными, те будут чувствоваться скрытыми в нас, а не истребленными. И пустынь как для очищенных сердцем берегает чистейшее созерцание и в приискреннейшем видении открывает ведение духовных таин, так обыкновенно и страсти тех, кои не очистились от них, не только сохраняет, но еще усиливает. В таком случае иной дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока ни с каким человеком не видается и не входит в сношение; но тотчас возвращается к прежнему своему нраву, как только какой либо случай вызовет его к движению: тогда тотчас выникают из него страсти, которые скрывались и, как необузданные кони, откормленные в долгом бездействии, с большим стремлением и неистовством вырываются из своих затворов на погибель своего всадника. Ибо страсти, не будучи наперед очищены, более неистовыми делаются в нас, когда пресекаются случаи обнаружения и обуздания их среди людей. И самую тень терпения, которым, как воображалось, мы, живя в смешении с братьями, повидимому обладали, и которое проявляли, по крайней мере из уважения к ним и стыда показаться пред всеми малодушными, теряем мы в беззаботной пустыне безопасности.

96. Подобно это тому, как все роды ядовитых змей или зверей, пока укрываются в пустыне и в своих норах и логовищах, не вредят, — и однакож не провозглашаются из-за того безвредными, что никому в таких случаях не вредят: ибо это бывает тогда не по доброкачественности их, а потому что такими быть необходимо вынуждает их пустыня; как же скоро улучат они возможность вредить, тотчас изнасят и обнаруживают скрывающиеся в них яд и зверство. — Так-то и ищущим совершенства не довольно не гневаться на людей (когда нет с ними сношений и столкновений. Гнев при этом жив, только притаился, и готов тотчас обрушиться на что ни попало). Припоминаю, как, живя в пустыни, разсерживался я иногда на пичую трость, если не нравилась толстота или тонкость ее, — иногда на ножичек, если, когда режешь им, он затупившись, не скоро резал, — иногда на камень, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтению; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь, или уж непременно на диавола: чем и испарялось смущение, — и душа успокаивалась. Таким образом в деле совершенства мало принесет пользы отсутствие людей, на

которых возбуждался бы гнев, когда, если наперед не будет приобретено терпение, страсть гнева может упражнять свои силы и на вещах немых и на безделицах; ибо оставаясь в сердце нашем она не дает нам ни достигнуть мирного устроения, ни освободиться от прочих страстей.

97. Почему, если желаем достигнуть того высшего Божественного блага, о коем говорится: блажен чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8); то не только из действий наших должны отторгнуть сию страсть, но и с корнем исторгнуть ее из глубин души. Ибо не слишком — то много будет пользы подавлять неистовство гнева в слове и не обнаруживать его в действии, если Бог, от Котораго не укрываются тайны сердечныя, будет видеть его в сокровенностях сердца. Евангельское слово и заповедует отсекачь паче корни страстей, чем плоды их, которые по исторжении корней конечно не будут уже более распложаться, — а душа получит таким образом возможность постоянно пребывать во всяком терпении и святости, когда гнев не только будет устранен с поверхности нашей деятельности и наших поступков, но и исторгнут из сокровенностей помышлений. И потому надо убивать гнев и ненависть, чтоб не впасть в грех человекоубийства, которое без них не может быть допущено. Ибо всяк гневаясь на брата своего всеу, повинен ест суду (Мф. 5, 22); и — всяк ненавидяй брата своего человекоубийца ест (1 Иоан. 3, 15). Поелику он в сердце желает погибнуть тому, на кого серчает; то, хотя у людей но признается он пролившим кровь собственною рукою или мечем, но страсти же гнева провозглашается убийцею от Господа, Который не за производство только действия, но и за намерение воли воздаст каждому или наградою, или наказанием, как Сам Он говорит чрез Пророка: Аз дела их и помышления вем, и гряду собрати вся народы... (Ис. 66, 18). И Апостол: между собою помыслом осуждающим или отвещавающим в день, егда судит Бог тайная человеком (Римл. 2, 15. 16).

98. Итак подвижнику Христову, законно подвижающемуся надлежит с корнем вырвать из себя страсть гнева. Для совершеннаго же уврачевания этой болести потребно такое лечение: прежде всего уверовать, что гневаться не подобает ни под каким видом, ни по праведным ни по неправедным причинам, — зная, что коль скоро источник наш свет, свет нашего сердца будет помрачен тьмою его, то мы тотчас потеряем и свет различения вещей, и твердость благоразумия и благопристойность, и мерило правды; потом держать убеждение, что если дух гнева замедлит в нас, то вследствие того неизбежно помутится чистота духа нашего, и он никак уже не может быть храмом Духа Святаго; наконец помышлять и о том, что нам, пока пребываем в гневе, никак нельзя будет молиться и изливать пред Богом прошения свои. Паче же всего, имея пред очами неизвестность предела человеческой жизни, будем постоянно думать, что мы можем преселиться из тела каждый день, и что нам нимало не помогут там ни соблюдение чистоты целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды постов и бдений, когда за один гнев и ненависть Судия вселенной угрожает вечными муками.

д. Борьба с духом печали — (Кн. 9–я).

99. В пятой брани предлежит нам отбивать остны всепожирающей печали, — которая, если как нибудь получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение Божественнаго созерцания, и душу всю низвергши с высот святаго благонастроения, расслабляет в конец и подавляет: ни молитв не дает ей совершать с обычною сердечною живостию, ни чтению Священных книг, — сему духовному орудию и врачеству, — не допускает прилежать, ни мирною и тихою с братьями быть не оставляет, — ко всем также обязательным делам послушания делает нетерпеливою

и ропотливою, и отняв всякое здоровое рассуждение и возмутив сердце, делает ее как—бы обезумевшею и опьянелою, и сокрушает и подавляет пагубным отчаянием.

100. Почему, если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с не меньшим вниманием должны врачевать и эту болезнь. Ибо якоже молие в ризе, и червие в древе: тако печаль мужу вредит сердце (Притч. 25, 21), — как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление, — и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какогонибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем: так и душа, пожираемая угрызениями всесокрушительнейшей печали, не гожа уже бывает ни для того первосвященнического облачения, которое миро Духа Святаго, с неба сходящее прежде на браду Аарона, принимает потом на ометы свои, как это изображается в пророчестве святаго Давида, — в следующих словах: яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его (132, 2), — ни для построения и украшения того духовнаго храма, которого основания положил Павел, премудрый Архитектор, говоря: вы есте храм Божий и Дух Божий живет в вас (1 Кор. 3, 16), и на который какия идут деревья, то описывает Невеста в Песни Песней, говоря: преклади дому нашего кедровыя, дски наши кипарисныя (Пес. Пес. 1, 16). И вот такие—то роды дерев избираются для храма Божия, и благовонныя и негниющия, которыя не подлежали бы ни порче от ветхости, ни точению червей.

101. Иногда болезнь эта имеет обычай поражаться от предшествовавшей страсти, или гнева, или похотения, или любостязания, когда кто испытывает потерю предвзятой в уме надежды удовлетворения их делами или вещами по роду их; иногда же без всяких наличных причин, могших свергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукаваго врага, внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветливостию посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и что бы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятнаго ответа, по причине преисполнения всех изгибов сердца нашего желчною горечию.

102. Этим наияснейше доказывается, что не всегда по вине других возбуждаются в нас остны прискорбностей, но паче по собственной нашей; потому что мы сами в себе носим причины всех возскорбений, именно в семенах страстей, которыя, как только оросит душу нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Никто никогда не понуждается ко греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своем материи того греха. И никак нельзя верить, чтобы, например, кто тогда только внезапно воспринял страсть срамнаго похотения (не зная ея прежде), когда, взглянув на красивую женщину, поражен был ея красотою; но надо паче полагать, что если он при этом воделел ея, то это потому, что воззрение на нее вывело наружу скрывающуюся внутри болезнь. Почему нам надо на то преимущественно обратить все попечение, чтоб свои очистить страсти, и свои исправить чувства и расположения.

103. Есть еще и иной род печали — непотребнейший, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она—то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его, чрез внушенное ею отчаяние, к удавлению.

104. Полезною для нас должны мы почитать печаль только в таком случае, когда мы восприемлем ее,

быв подвигнуты или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства. О ней и блаженный Павел говорит: печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовае: а сего мира печаль, смерть соделовае (2 Кор. 7, 10).

105. Но та печаль, которая соделовае покаяние ко спасению несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива; так как она, исходя из любви к Богу, хотя по желанию совершенства неумоимо простирается к телесному самоозлоблению и сокрушению духа, но в тоже время некако бывает обрадываема и оживляема надеждою преуспейания, и потому удерживает всю приятность приветливости и благодушия, имея в себе все плоды Духа Святого, которые исчисляет тот же Апостол: плод духовный есть: любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 22). А эта, — мира сего печаль, — крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния; того, кого обьет, разстроивает и отвлекает от всякаго занятия и спасительнаго о себе болезнования, и не только пресекает действие молитвы, но и опустошает все сказанные выше плоды духовные, которые обыкновенно доставляет та печаль, яже по Бозе.

106. Почему кроме той печали, которая восприимлетя или по спасительному покаянию, или по ревности о совершенстве, или по возжеланию будущих благ, всякая другая, как мирская и смерть приносящая, должна быть отреваема и совсем извергаема, наравне с духом блуда, сребролюбия и гнева.

107. Эту пагубнейшую страсть можем мы изгонять из себя, если занимая непрестанно душу свою духовным поучением будем оживлять и возставлять ее надеждою и созерцанием будущего блаженства. Этим способом можем мы преодолеть все роды печалей, и те, которые исходят от предшествовавшего гнева, и те, которые приходят от потери прибыли и понесения убытка, и те, которые рождаются от нанесенной нам обиды, и те, которые происходят от неразумнаго разстройства душевнаго, и те, которые ввергают нас в смертное отчаяние: ибо при сем всегда обрадываемы бывая созерцанием вечных будущих благ и пребывая неподвижно в таком настроении, мы не будем ни падать духом в обстоятельствах несчастных, ни возноситься в счастливых, смотря на те и другия как на ничтожныя и скоро преходящия.

(К утолению духа печали читай еще 7-е отделение выписок из св. Кассиана, — о борьбе с бедствиями и скорбями).

е. Борьба с духом уныния (Кн. 10-я).

108. Шестая борьба предлежит нам со страстию, которую греки называют *αχθία*, и которую мы можем назвать унынием, скукою или тоскою сердечною. Она сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыням иноками, и есть неприязненный враг пребывающих в уединении, и всякаго монаха беспокоит, особенно около шестаго часа, (по нашему 12 часа в полдень), как лихорадка какая, в определенные часы нападающая на больную душу со своими всеразтраивающими действиями. Некоторые старцы (Евагрий в I томе, стр. 631), называют ее бесом полуденным, о котором поминается в 90 Псалме.

109. Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келлии и презрение к братиям, с ним живущим, или на некотором от него разстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякаго дела, каким обычно ни занимается он в своем обиталище. И в келлии сидеть отбивает оно у него охоту, и к

чтению приступить не допускает, и заставляет вздыхать и жаловаться, что столько времени проживши здесь нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовнаго, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту и, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал, и никого своим наставлением и учением не породил духовно. За тем оно расхваливает ему отдаленные монастыри, и места те описывает, как более полезныя к преуспеваю духовному, и более могущия способствовать к спасению, и общение там с братьями рисует преприятным и исполненным духовнаго назидания; напротив что тут у него, то представляет несносным, напоминая, что от братий, здесь пребывающих, никакого нет назидания, а все нужное для содержания тела добывается только с безмерным трудом. Наконец внушает оно уединеннику, что, пребывая в этом месте, не может он спастись, если, оставя келлию, в которой ему, если еще долее будет медлить в ней, придется погибнуть, как можно скорее переселится отсюда в другое место. После сего часу в пятом и шестом оно в такое изнеможение приводит тело его, и такой возбуждает голод, что он чувствует себя как бы долгим путем и самым тяжелым трудом утомленным и изможденным, или как бы перенесшим двухдневный и трехдневный пост без подкрепления себя пищею. И вот озирается он в беспокойстве туда и сюда, вздыхает, что нейдет к нему никто из братий, по часту выходит из келлии и входит в нее, и на солнце посматривает, будто оно не так скоро спешит к закату. В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он не способным ни к какому духовному деланию, и начинает думать, что против такой напасти не может найтись никакое другое средство, кроме посещения какого либо брата, или утешения себя сном. Тут начинает этот раззорительный дух подносить боримому им, что надобно сделать необходимыя поздравления братьям, или посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также, как долг, какой, что надо бы найти здесь таких—то и таких—то родственников или родственниц, и почаще ходить к ним с визитами, — что такую—то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную однакож всякаго пособия от родных, было бы великим делом благочестия почаще посещать и доставлять ей все, в чем она имеет нужду, так как свои родные небрегут о ней, — и что больше в такого рода делах благочестия надо трудиться, чем бесплодно и без всякаго преуспеяния сидеть в келье.

110. Так волнуется бедная душа, запнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок, или в постель попробует броситься, или оставя келейный затвор попытает поискать избавления от такой напасти в посещении какого либо брата. Но это последнее, чем он пользуется в настоящее время, как врачевством, спустя не много, обратится в руках врага в средство еще к большему его разстроению. Ибо враг чаще и ожесточеннее будет нападать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только завяжется борьба, и спасения себе чает не от победы и не от противоборства, но от бегства; пока он мало по малу отбившись от келлии, начнет забывать о главном деле своего звания, состоящем в стремлении к Божественной, всепревосходящей чистоте, которая нигде не может быт достигнута, как только в безмолвном всегда пребывании в келлии и непрестанном Божественном поучении. Так воин Христов наконец убегает из своего воинства, впутывается в житейския дела и становится уже не угодным Воеводе (2 Тим. 2, 4), под Которым служить обещался.

111. Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубныя последствия от этой болести в следующем стихе: воздрема душа моя от уныния (Пс. 118, 28). И подлинно, не тело, а душа дремлет

в это время. Ибо душа, уязвленная стрелой этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами.

112. Итак истинный воин Христов, желающий законно подвизаться в борьбе за совершенство, и эту также болезнь должен стараться изгонять из тайников души своей, и против этого непотребнейшего духа уныния смело вооружаться противоборством, — чтоб ни от уязвления стрелой сна не пасть, ни беглецом не выступить из затвора своего уединища, хотя бы то под благовидным предлогом благочестия.

113. Ибо кого начнет он преодолевать с какой либо стороны, того или оставит пребывать в келье без всякого успеха, как лениваго и беспечнаго, — или выгнав оттуда, сделает прочее праздношатающимся и ленивым на всякое дело, заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри, и ни о чем другом не промышлять, как только, где бы и под каким бы предлогом найти себе случай пообедать в следующий раз. Ибо ум празднолюбца ни о чем другом не помышляет, как о пище и чреве, пока встретив где либо содружество в каком либо мужчине или женщине, цепенеющих в такой же холодности, ввяжется в их дела и нужды. Опутавшись же мало по малу такими пагубными для души его занятиями, как бы в змеиных кольцах стиснутый, никогда уже потом не сможет он развязаться с ними, чтоб обратиться к брошенным делам прежняго звания.

114. Итак главное, что производит в нас дух уныния есть то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает. Почему и противодействие ему главное будет: — не уступай, сиди за делом. В сем отношении мы можем принять, как врачевательный рецепт от уныния то, что св. Павел писал к Солунянам о труде: — молю вы, братие... любезно прилежати, еже безмолвствовати, и деяти своя и делати своими руками (1 Сол. 4, 10, 11). — Говорит: любезно прилежати, еже безмолвствовати, — т. — е. пребывайте безмолвно в своих келлиях, чтоб от разных молв, которых нельзя миновать праздноходящему туда и сюда, не потерять своего покоя внутренняго, и не начать потом причинять такое же беспокойство и другим; делати своя, — т. — е. увлекаясь любопытством, не старайтесь узнавать о делах мира и разведывать о поведении разных братий, — чтоб вместо попечения об исправлении себя самих и ревнования о стяжании добродетелей, не навикнуть иждивать время свое на осуждение и оклеветание братий; и делати своими руками, т. — е. сидя в келлии, прилежите рукоделию. Этим отсекает он самую возможность того, от чего пред сим отклонял. Кто любит сидеть за работою, тому некогда ходить туда и сюда, разведывать чужия дела, вмешиваться в них и пересуждать их. Во втором же послании к тем же Солунянам он к сему прибавляет: повелеваем вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас (2 Сол. 3, 6). Здесь уже не молит, а повелевает, и не голым словом, а именем Господа нашего Иисуса Христа, давая разуметь, что это неотложная заповедь. Из дальнейшей речи видно, что это есть заповедь о труде, чуждающийся котораго не должен быть терпим в обществе христианском. — Итак он повелевает удаляться от тех, которые не хотят трудиться, и отсекает их, как члены поврежденные растлевающею праздностию, чтоб болезнь ничего не делания, как смертоносная зараза, не прилипла и к здоровым членам тела. И в этом уже было сильное побуждение к трудолюбию, но он еще более усиливает его, ставя им себя в пример, которому они подражать должны (там же ст. 7). Мы, говорит, живя у вас ни у кого не ели хлеба даром (—ст. 8), хотя Господь проповедующим Евангелие повелел ясти от благовестия (1 Кор. 9, 14). Когда таким образом и тот, кто проповедывал Евангелие и совершал столь высокое духовное дело,

даром не принимал пищи; то что скажем в оправдание своей лени мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой другой заботы не заповедано, кроме попечения об одной душе своей? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязанный заботами о проповеди Евангелия, не позволял себе есть не от труда рук своих? — Чтоб не показалось впрочем, что его собственный пример — исключительный, и предлагается не как образец для подражания всем, Апостол внушает, что не он один так поступал, но и все бывшие с ним, т. — е. Сила и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались тоже трудами рук. — Чтоб не вздумал кто уклоняться от подражания его примеру, представляя, что они все работали молча, не имея намерения дать пример, обязывающий и нас к труду, он рассказывает, что они имели власть не работать, и работали, да себе образ дамы вам, во еже уподобишися нам (2 Сол. 3, 9), — чтоб, если словесное учение, часто влагаемое во уши ваши, забудете, по крайней мере примеры наши, представленные очам вашим, вы удержали в памяти. Наконец, после стольких убеждений, Апостол употребляет в отношении к ним уже не совет учителя или врача, но авторитет Апостольской власти, говоря: аще кто не хочет делати, ниже да яст (—10)! Это приговор на предполагаемых или предвидимых презрителей сей заповеди, изрекаемый с седалища Апостольского суда.

115. И в послании к Ефесеям Апостол об этом самом труде предписывал, говоря: крадый к тому да не крадет, но паче да труждается, делая своими руками благое, да имать подаяти требующему (Еф. 4, 28). — Также в Деяниях Апостольских находим, что он не только учил этому, но и сам действовал так. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался, — с очевидным намерением работать с ними вместе (Деян. 18, 1—3). — Потом, когда плывя в Иерусалим, останавливался он в Милете, то, послав оттуда в Ефес, призвал к себе пресвитеров Ефесской Церкви, и, давая им наставления, как в его отсутствие управлять Церковью Божиею, говорил, что ни денег, ни одежды он от них не искал, что нуждам его и сущим с ним послужили собственные его руки, — и что делал это он для того, чтоб показать, что так трудясь надлежит помогать неимущим, помня заповедь Самого Господа, — что блаженнее есть паче даяти, нежели приимати (Деян. 20, 33—35). Так давая пример трудолюбия, он вместе научает, что помогать нуждающимся лучше из приобретенного потовым трудом, нежели из того, что иным каким путем попадает в руки. Если же так действует и монах, то он тогда украшен бывает двоякою добродетелию: отвержением всех вещей стяжевает совершенную нищету Христову, — и своим трудом и расположением показывает щедрость богатаго, — почитая Бога от своих праведных трудов, и принося Ему жертву от плодов своей правды.

116. Египетские Отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым, рачительностию к труду измеряя состояние сердца и меру преуспевания в терпении и смирении. Они не только ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов питают приходящих братьев и странников, и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют большое количество пищи всякого рода, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят приятную Господу жертву. — На сей предмет у древних Отцов Египта составила еще и такая поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает безчисленное множество бесов.

117. Когда я, начав жить в пустыне, сказал Авве Моисею (Ливийскому; его 1 и 2 собеседования), что вчера был я крайне разслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходявши к Авве Павлу: — Нет, ты не освободил себя от него, сказал он мне, но паче показал себя ему преданным и покорным. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя, как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля брани, если только не решишься ты в другие раза вступить в борьбу с этим врагом, не начав отражать его жаркия нападения оставлением келлии или погружением в сон, но побеждать его терпением и противоборством. Так опытом доказалось, что не бежать надобно от натиска уныния, уклоняясь от борьбы с ним, а побеждать мужественно сопротивляясь ему.

ж. Борьба с духом тщеславия (Кн. 11-я).

118. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия, — разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочия страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна, и отовсюду и со всех сторон встречает воина, и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностию, и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостмю, и повиновением, и смирением, и благодушием, — и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причинят внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре.

119. Итак желающему идти Царским путем с оружиеми правды десными и шуими, должно по Апостольскому учению ровно проходить славою и безчестием, гаждением и благохвалением (2 Кор. 6, 7. 8), и с крайнею осторожностью направлять свое шествие путем добродетели, среди вздымающихся волн искушений, под управлением разсуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся на право или на лево, то тотчас разобьемся о гибельныя подводныя скалы. Почему и слышим от премудраго Соломона увещание: не уклонися ни на десно, ни на шуе (Притч. 4, 27), — т. — е. не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами своими не превозносись, равно как и уклоняясь на шуюю стезю страстей, не ищи по Апостолу себе от них славы в срамоте твоей (Фил, 3, 19). — Дьявол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог свергнуть в сию страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе, станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгия молитвы на виду у братий; но начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болести, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми.

120. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыни от всякаго общения с смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее оно нападает на него. Из живущих же в обителях инога покушается оно свергнуть в превозношение тем, что он более всех

терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается сим по причине обширности познаний, иной — по причине долгаго сидения за чтением, иной — по причине длительности бдений. И всякаго эта болезнь усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устроая преткания в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги—наветники не инде скрывают сети прелести, как на том же пути, по коему они шествуют, по изречению блаженного Давида: на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне (Пс. 141, 4), — чтобы мы, на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести вышняго звания, превознесшись своими успехами, спотыкались, и запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что тогда как остаемся мы не побежденными нападением противника бываем побеждаемы высотой нашего над ним торжества.

121. Все другия страсти, будучи преодолеваемы, увядают, и будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени, истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта, будучи поражена, с большим ожесточением возстает на брань, и когда почитается испутившею дух, чрез смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочия страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще ожесточеннее теснит, и чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношения по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того, как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями.

122. Прочия страсти, как мы сказали, успокоиваются под влиянием иной местности, также стихают и истощаются при удалении предмета греха, или удобства к нему и повода; а эта проникает в пустыню с убегающим туда от нея, и никакой местности не боится, равно как не изнемогает и от удаления с глаз предмета; потому что она почерпает мужество не инде где, как из успехов в добродетели того самаго, на кого нападает. — Прочия страсти, как мы сказали там впереди, с продолжением времени иногда смягчаются и исчезают; а этой долговременность не только не вредит, но еще больше собирает пищи для ея суетности.

123. Наконец прочия страсти, как состоящая в раздоре с противоположными им добродетелями и воюющая открыто, как в ясный день, легче побеждать, и удобнее предостерегаться от них; а эта протеснившись между добродетелями и смешавшись с нашим войском, сражается, как бы в темную ночь, и тем жестокае прельщает, что не ожидают и не опасаются ея нападения.

124. Читаем, что Езекия, Царь Иудейский, муж совершенной праведности во всем, одною стрелою возношения был низложен, и — кто одною молитвою мог испросить избиение 185 тысяч Ассирийскаго войска, тот побежден суетным славолубием, — кто, после определением Божиим назначеннаго предела жизни и дня смерти, по своей молитве удостоен продления жизни еще на 15 лет, с удостоверением в том чрез возвращение солнца на 10 степеней, тот, после такого свидетельства о своей добродетели и такого знамения Божия к нему благоволения, за одно превозношение и возмечтание о себе, все потерял, и не только себя, но и весь народ свой подверг гневу Божию, и такому гневу, что, когда смирившись стал умолять Бога со всем народом своим, то

мог испросить только то, чтоб гнев тот не пришел во дни его (4 Цар. гл. 20. 2 Парал. гл. 32). Так гибельна и тяжело грешна страсть превозношения!

125. Озия, прадед упомянутого Царя, также восхваленный свидетельством Св. Писания, когда после многих добродетелей и многих первохвальных дел и учреждений ко благу народа, превознесся тщеславным высокоумием и обиде Господа Бога своего не угодным Ему делом, тотчас ниспал с высоты славы своей и казнен проказою (2 Парал. гл. 26). Вот и другой пример тяжкого падения! Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения, и как в таком случае такие себе не внемлющие и не блюдущиеся, не бывая сокрушены в трудных обстоятельствах, жестокае поражаются по поводу преодоления их, и избегая опасности смерти во время брани, падают по поводу торжества и побед.

126. Почему Апостол увещевает: не бываем тщеславни (Гал. 5, 26). И Господь, обличая Фарисеев, говорит: как можете вы веровать, когда славу друг от друга принимаете, а славы, которая от единого Бога, не ищите (Иоан. 5, 44). О таких и блаженный Давид с угрозою говорит: Бог разсыпает кости человекоугодников (Пс. 52, 6).

127. Тщеславие новоначальных и тех, которые мало еще преуспели в добродетелях и в ведении духовном, обыкновенно превозносит или за тон голоса, т. — е. что приятнее других поют, или за то, что они тощи плотию, или красивы телом, или что имеют родителей богатых и благородных, или что презрели военную службу и почести. Иному оно внушает, что еслиб остался он в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, — надывая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел.

128. На иного напускает оно желание священства или диаконства, рисуя ему в мысли, что он с такою святостию и строгостию исполнял бы тогда свое дело, что и прочим священникам мог бы послужить примером святости, а кроме того, многим доставил бы пользу и своим поведением и сказыванием поучений. Иногда и того, кто живет в пустыни, или уединенничает в келлии, заставляя его мечтать в уме своем, будто он обходит дома разных лиц и монастыри и действием своих воображаемых убеждений многих обращает на путь должной жизни. И водится таким образом бедная душа туда и сюда такую суетностию, бредя как бы в глубоком сне, и, увлеченная сладостию таких помышлений и такими мечтами исполненная, большею частию бывает не в состоянии замечать ни своих действий, ни присутствия братий, еслиб они в самом деле были пред глазами, будучи вся сладостно погружена, как в истинно происходящее, в то, чем, не спя, бредит, как во сне, в блуждании помыслов своих.

129. Помню, что, когда я жил в пустыне Скитской, один старец, придя в келлию одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает он из Св. Писания, или на память что прочитывает, как там есть обычай делать это за работою. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в Церкви, предлагает поучение народу: это значило, что он духом тщеславия обольщенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем дело. Подождав еще не много, старец услышал, что брат кончил поучение, и, переменяв должность, будто уж в сане диакона, начал возглашать: оглашени изыдите. Старец постучал в дверь. Брат вышедши, встретил его с обычною почтительностию, и вводя внутрь, спрашивал, давно ли он пришел, делая вид, что беспокоится, не долго ли пришлось ему стоять вне, и не потерпел ли он от сего чего неприятного, — на деле же

совестию угрызаемый за свои мечты и за то, что делал вследствие их. Старец ласково ответил: я только что пришел, как ты возглашал: оглашении изыдите.

130. Это здесь поместить я потому счел нужным, чтоб мы, имея пред очами полное изображение, с какою силою и в каком порядке нападают на нас страсти, которыми бедная душа бывает терзаема, могли быть более внимательны к себе, и чрез то удобнее избегать сетей и западней вражеских. Так и Египетские Отцы поступают. Они не колеблясь все подобное износят на среду, и рассказами своими о других и о себе, — как-бы и они все еще испытывали то, о чем рассказывают, — раскрывают и обнажают пред юными монахами борения всех страстей, и такая, какия уже претерпевают сии юные, и такая, какия еще имеют претерпевать, чтоб, чрез такое изложение ими оболещения всех страстей, горящие духом новоначальные познали секреты настоящих своих браней, и видя их как в зеркале, уразумевали, как причины борющихся их страстей, так и средства против них, относительно же будущих бранных схваток, прежде чем они придут, наперед знали, как предостерегаться от них, как выступать против нападающих и как сражаться с ними. Как искуснейшие из врачей имеют обыкновение не только настоящие болезни врачевать, но и будущим по своей прозорливой опытности противодействовать, предупреждая их предостерегательными наставлениями или целительными питьями: так и эти истиннейшие врачи душ, духовным своим наставлением, как-бы неким противоядием (антидотом), наперед убивая болезни сердец, какия имели-бы возникнуть, не дают им юнеть в душах юных иноков, открывая им и причины нападения страстей, и целительная против них средства.

131. Воин Христов, желающий законно подвизаться истинным духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного и разнovidного зверя. И во-первых, мы можем избежать самой встречи с этою многочастною, отовсюду против нас готовою выбежать непотребностию, если, держа в мысли оное Давидское изречение: Господь разсыпает кости человекоугодников (Пс. 52, 6), ничего не будем позволять себе делать или предпринимать с тщеславным намерением стяжать суетную славу. Потом сделанное с добрым начинанием надобно нам усиливаться и сохранить с подобным же — добрым блюдением, чтоб после того не прокрасалась болость тщеславия и не опустошила плодов всех трудов наших. Также что в поведении братий не принято в общий обычай, и не делается всеми, то со всем старанием надо отклонять, как дело хвастливое, и того, что может сделать нас заметными среди других, и что, поелику мы одни то делаем, может стяжать нам славу у людей, всячески избегать. Этими себя выказываниями наипаче и обнаружится, что к нам пристала смертельная зараза тщеславия: чего однакож мы могли бы избежать, еслиб содержали в мысли, что не только совсем потеряем плод трудов наших, какия поднимаем с тщеславным намерением, но и виновными сделаемся в большем преступлении и, как святотатцы, должны будем понести вечныя муки; так как к оскорблению Бога восхотели для людей делать дело, которое должны были делать для Него, и чрез то людей предпочли Богу, и славу мира — славе Божией, — как обличит нас тогда ведущий сокровенная Бог.

з. Борьба с духом гордости (Кн. 12-я).

132. Осьмая и последняя брань предлежит нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстями полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей.

133. Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальных и плотских. И хотя оба эти рода гордости воздымает пагубное возношение как пред Богом, так и пред людьми, однакож тот первый прямо относится к Богу, а второй собственно касается людей. Начало сей последней и средства против нея мы изследуем, если Бог даст, в последних главах сей книги, а теперь о той первой, которою искушаются, как мы выше сказали, преимущественно совершенные, намерение у нас есть не много поразсудить.

134. Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели, и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого члена, или одной части, но все тело повреждает смертельным разстройством, и стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть крайне тяжким падением и сгубить. Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своею целию, и хотя тревожит и другия добродетели, однакоже против одной главным образом направляется, ее преимущественно теснит и на нее нападает. Так — чревоугодие, т. — е. страсть к многоядению или сладкоядению портит строгое воздержание, похоть оскверняет чистоту, гнев прогоняет терпение. Так что иногда преданный одной какой либо страсти не совсем бывает чужд других добродетелей, но по сгублении той одной добродетели, которая падает от ревниво вооружившейся против ней противоположной ей страсти, прочия может хотя отчасти удерживать: а эта, коль скоро овладеет бедною душою, то как какойнибудь свирепейший тиранн, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения), весь их город до основания разрушает и разоряет. Высокия некогда стены святости сравняв и смешав с землею пороков, никакому уже потом знаку свободы в душе, ему покоренной, не попускает он остаться. Чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением.

135. Желаете ли точнее узнать меру силы этого жесточайшаго тиранна, приведем себе на память, как такой ангел, котораго за чрезмерность его блеска и красоты называли люцифером, низвергнут с неба не за другое что, как за эту страсть, и как он, уязвленный стрелою гордости, из такого высшего чина блаженных Ангелов ниспал в преисподнюю. Итак, если такую безплотную силу, украшенную столь значительными преимуществами, одно возношение сердца могло низринуть с неба на землю, то с какою бдительностию надобно остерегаться сего нам, облеченным брэнною плотию, это показывает великость того разрушительнаго падения. — А как нам избежать пагубнейшей заразы этою страстию, сему можем научиться, проследив начало и причины сказаннаго падения. Ибо нельзя врачевать какую либо немочь, или определять лекарства против каких либо болезней, если наперед внимательным изысканием не будут изследованы их начала и причины. — Этот (Архангел) одетый Божественною светлостию, сияя паче других высших сил по щедродательности Создателя, возмнил, что этим блеском премудрости и этою красотою добродетели, какими украшался по благодати Творца, обладает он естественными своими силами, а не по великодаровитости Божией. И вознесшись по сей причине почел себя равным Богу, как ни в чем не имеющий нужды подобно Богу, — как будто для пребывания в такой чистоте не имел он нужды в Божественной помощи. Так всецело положился он на силу своего свободного произволения, веря, что ею одною будет ему в избытке доставляемо все, потребное для полного совершенства в добродетелях и для непрерывности верховнаго блаженства. Это одно помышление сделалось для него первую причину пагубнаго

падения. За нее будучи оставлен Богом, в Котором почел себя неимеющим нужды, и тотчас сделавшись от того неустойчивым и влающим, он и немощность собственной своей природы почувствовал, и блаженство, которым по дару Божию наслаждался, потерял. Так, поелику возлюбил он глаголы потопные, в коих величаясь говорил: възду на небо (Ис. 14, 13), и язык льстив, коим, себя обманывая, говорил: и буду подобен Вышнему, как потом обманул Адама и Еву, внушая им: будите яко бози: то вот ему приговор: сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего. Узрят праведнии, и убоятся, и о нем возсмеются, и рекут: се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею (Пс. 51, 6—9). Последняя слова (се человек) весьма справедливо могут быть обращаемы и к тем, которые надеются достигнуть высшего блага без Божия покрова и помощи.

136. Вот причина первого падения и начало главной страсти, — которая потом чрез того, кто первый был ею уязвлен, вкравшись в первозданного, произрастила всемножество страстей. И он, — первозданный, — поверив, что одною силою своего свободного произволения и своими усилиями может достигнуть славы Божества, потерял и ту, которую получил по благодати Создателя.

137. Так примерами и свидетельствами Св. Писания наияснейше доказывается, что страсть гордости, не смотря на то, что в порядке духовных браней есть самая последняя, по началу однакож есть самая первая, и есть источник всех грехов и преступлений. Она, не как прочия страсти, не одну только противоположную себе добродетель губит, т. — е. смирение, но есть губительница и всех вместе добродетелей, и искушает не какихнибудь посредственных и ничтожных, а особенно таких, которые стоят на высоте могущества. Ибо так упоминает о сем духе Пророк: пищи его избранныя (Авв. 1, 16). Посему и блаженный Давид, хотя с таким вниманием оберегал тайники своего сердца, что к Тому, от Кого не сокрыты были тайны его совести, с дерзновением возглашал: Господи, не вознесися сердце мое, ниже вознесостися очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене (Пс. 130, 1), — и еще: не живяше посреде дому моего творяй гордыню (Пс. 100, 7); однакож зная, как трудно даже и для совершенных, уберечься от всякаго движения сей страсти, не полагался в сем на одни свои усилия, но в молитве испрашивал помощи у Господа, да даст ему избежать уязвления стрелою сего врага, говоря: да не приидет мне нога гордыни (По. 35, 12), (т. — е. не дай мне, Господи, сделать какой шаг по внушению гордости), — боясь и страшась, как бы не подвергнуться тому, что говорится о гордых: Бог гордым противится (Иак. 4, 6), — и еще: не чист пред Богом всяк высокосердый (Притч. 16, 5).

138. Сколь великое зло есть гордость, когда для противостояния ей мало Ангелов и других противных ей сил, но для сего воздвигается Сам Бог! Заметить надобно, что Апостол не сказал о тех, которые опутаны прочими страстями, что они имеют, противящимся им Бога, т. — е. не сказал: Бог чревоугодникам, блудникам, гневливым, или сребролюбцам противится, но одним гордым. Ибо те страсти, или обращаются только на каждого из погрешающих ими, или повидимому пускаются на соучастников их, т. — е. других людей; а эта собственно направляется против Бога, и потому Его особенно и заслуживает иметь противником себе.

139. Сетей этого непотребнейшаго духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с Апостолом: не аз, но благодать Божия яже со мною, — и: благодатию Божиею есмь, еже есмь (1 Кор. 15, 10), — и: Бог есть действующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении (Фил. 2, 13), — как говорит и Сам Совершитель нашего

спасения: иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 5), — и припевает Псаломник: аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий (Пс. 126, 1). И ни чья из хотящих и текущих воля не достаточна к тому, чтобы облеченный воюющею против духа плотию мог без особенного покровя Божественного милосердия достигнуть совершенной чистоты и непорочности, и за то удостоиться получить то, чего так сильно желает и к чему так течет. Ибо всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Отца Светов (Иак. 1, 17). Что бо имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь (1 Кор. 4, 7).

140. Я говорю это не с тем, чтоб, уничижая человеческия усилия, хотел отклонить кого либо от заботливаго и напряженнаго труда. Напротив я решительно утверждаю, — не моим мнением, но старцев, — что совершенство без них ни как не может быть получено, и ими одними без благодати Божией оно никем не может быть доведено до надлежащей степени. Ибо мы как говорим, что усилия человеческия сами по себе без помощи Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать Божия сообщается только трудящимся в поте лица, или, говоря словами Апостола, даруется только хотящим и текущим, судя и потому, что в 88-м Псалме поется от лица Божия: положих помощь на сильнаго, вознесох избраннаго от людей (ст. 20). Хотя по слову Господа говорим мы, что просящим дается, толкующим отверзается и ищущими обретается; но прошение, искание и толкание сами по себе не дозветельны к тому, если милосердие Божие не даст того, чего просим, не отверзет того, во что толкаем, и не даст найти то, что ищем. Оно готово даровать нам все это, как только мы дадим ему к тому случай, привнесением своей доброй воли: ибо гораздо более, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаж. Давид так глубоко сознавал невозможность получить успех в своем деле и труде собственными только усилиями, что удвоенным прошением просил сподобиться, да Господь Сам исправит дела его, говоря: и дела рук наших исправи на нас, и дела рук наших исправи (Пс. 89, 17), — и опять: укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас (Пс. 67, 29).

141. Итак надлежит нам так стремиться к совершенству, прилежа постам, бдениям, молитвам, сокрушению сердца и тела, чтоб, надымаясь гордостью, не делать всего этого напрасным. Мы должны веровать, что не только самага совершенства не можем достигнуть собственными усилиями и трудами, но и то самое, в чем упражняемся для достижения его, т. — е. подвиги и разныя духовныя делания, не можем как должно совершить без помощи благодати Божией.

142. Мы должны всегда возносить благодарение Богу не только за то, что Он создал нас разумными, одарил способностью свободаго произволения, даровал благодать крещения, дал в помощь ведение закона, но и за то, что Он подает нам каждодневым Своим о нас промышлением, именно: освобождает от наветов вражеских, содействует нам преодолевать плотския страсти, покрывает нас без ведома нашего от опасностей, ограждает от впадения в грех, помогает, нам и просвещает в познании и уразумении требований закона Его, тайно вдыхает сокрушение о нерадении и прегрешениях наших, спасительно исправляет нас, удостоивая особеннаго присещения, иногда даже против воли влечет нас ко спасению. — Наконец самое свободное произволение наше, более склонное к страстям, направляет к лучшему душеполезному действованию, и обращает на путь добродетели присещением Своего воздействия на него.

143. Вот в чем собственно состоит смирение пред Богом, вот в чем — вера древнейших Отцев,

пробывающая даже доселе не запятнанною и у их преемников. Об этой их вере дают несомненное свидетельство Апостольския силы, проявленные ими не только у нас, но и между неверными и маловерными.

144. Иоас Царь Иудейский сначала был похвальной жизни; но потом возгордившись предан был безчестным и нечистым страстям, или по Апостолу: в неискусен ум творити неподобная (Рим. 1, 26. 28). Таков закон правды Божией, что кто нераскаянно надымается гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтоб, будучи унижен таким образом, он восчувствовал, что если он оказывается теперь так оскверненным, то это потому, что прежде не хотел сознать глубочайшей и важнейшей нечистоты от гордостнаго превозношения, и чтоб, сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти.

145. Итак очевидно, что никто не может достигнуть последняго предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братьями, изъявляет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак не может он достигнуть совершенства, котораго желает и к которому с усилием течет.

146. Доселе, сколько дозволяла скудость нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которую, как сказано, искушаются совершенные. Этот род гордости не многим известен, и не многими испытывается, потому что не многие стараются стяжать совершенную чистоту сердца, чтоб дойти до таких браней. Она обыкновенно борет только тех, которые, победив все другия страсти, находятся уже почти на самом верху добродетелей. Хитрейший враг наш, поелику не мог одолеть их, влеча к плотскому грехопадению, то теперь покушается запнуть их и низринуть падением духовным, замышляя чрез него лишить их всех прежних плодов, стяжанных с большим трудом. Впрочем нас, которые еще опутаны плотскими страстями, он вовсе не удостоивает искушать таким образом, но запинаят грубою, и, так сказать плотскою надменностию. И потому об этой, в которую впадать подвергаемся опасности наипаче мы, или люди нашей меры, и особенно души юных или новоначальных иноков, необходимым почитаю не много потолковать по нашему обещанию.

147. Эта плотская, как мы сказали, гордость, если, после не добре, и без должной ревности, положеннаго начала отречения от мира, останется в душе монаха, то не попуская ему от прежней мирской надменности низойти до истиннаго смирения Христова, сначала делает его непокорливым и упрямым; потом не дает ему быть кротким и обходительным, равно как вести себя в уровень со всеми братьями и жить как все, не выдаваясь; особенно не уступает, чтоб он, по заповеди Бога и Спаса нашего, обнажился от всякаго земнаго стяжания; и между тем, как отречение от мира ничто иное есть, как показание умертвия всему и креста, и не может в истинном виде быть начато и созидаться на других основаниях, как чтоб сознавать себя не только всем делам мира сего духовно умершим, но веровать, что и телесно имеет умереть каждый день, — она напротив наущает ему чаять долговечной жизни, представляет впереди разныя продолжительныя болезни, колеблет стыдом и смущением, если, оставшись безо всего, начнет содержание иметь из чужих, а не из своих источников, и внушает, что пищу и одежду гораздо лучше доставать себе на свои, чем на чужия средства, напоминая, в подтверждение сего следующее изречение: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати (Деян. 20, 35), — которое в каком смысле сказано, никогда не могут уразуметь эти,

одебелевшие и охладевшие сердцем.

148. Инок, так не добре начавший свое мироотречение, никогда не может вместить истинного простаго смирения Христова. Он не перестанет или хвалиться знатностью рода, или надмеваться прежним мирским чином, который оставил только телом, а не сердцем, или возноситься деньгами, удержанными при себе на свою пагубу, потому что из-за них не может уже он, ни спокойно нести иго монастырских порядков, ни подчиняться наставлениям какого либо старца. Кем овладеет гордость, тот унижительным для себя считает соблюдать каких либо правила подчинения или послушания, даже не охотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же и полное питает к нему отвращение, особенно, когда обличаемый совестью примет подозрение, что оно намеренно направлено против него. В последнем случае сердце его еще более ожесточается, и возгорается гневом. После чего бывает у него громкий голос, грубая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка, неудержимая говорливость. Таким образом бывает, что духовное собеседование не только никакой не приносит ему пользы, но напротив оказывается вредным, делаясь для него поводом к большему греху.

149. Слышал я, что один из юных иноков, когда Авва укорял его «зачем он, оставя смирение, которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться диавольскою гордостью, с крайним высокомерием ответил ему: разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчиненным? — При этом столь необузданном и преступном ответе, старец так остолбенел от изумления, что речь его порвалась, как будто он услышал таких слова не от человека, а от самага древняго люцифера, и он ни одного звука не мог испустить из уст своих против такой дерзости, а только одни выпускал из сердца воздыхания и стенания, молча повторяя в уме сказанное о Спасителе нашем: иже во образе Божии сый... смирил Себе послушлив быв не на время (как говорит этот, одержимый диавольским духом надмения), но даже до смерти (Фил. 2, 6. 8).

150. Эта плотская гордость вот в каких действиях проявляется: в говорении ея бывает крикливость, в молчании — досадливость, при веселости громкий, разливающийся смех, в печали — бессмысленная пасмурность, при отвечании колкость, в речи легкость, слова как попало вырывающиеся без всякаго участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна — в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его ея собственное желание и воля, на увещания непреклонна, к отречению от своих волений не способна, к подчинению чужим крайне упорна, всегда усиливается поставить на своем решении, уступить же другому никогда согласна не бывает; и таким образом бывает, что сделавшись не способною принимать спасительные советы, она более верит своему мнению, чем разсуждению старцев.

151. По таким степеням ниспадения тот, кем овладевает однажды гордость, спустившись долу, с ужасом отвращается уже от строгаго общежительнаго благочиния, и, — полагая, что, если он мало подвигается на пути к совершенству, — то это потому, что его замедляет в этом сообщении с братьями, и что, если он мало успеваеет в стяжании терпения и смирения, то это по вине других, по препонам с их стороны, — принимает желание жить в уединенной келлии, или даже предприимлет устроить особый монастырь, в видах привлечения многих к строгой жизни, и спешит собрать долженствующих последовать его учению и наставлению, делаясь таким образом из непотребнаго ученика непотребнейшим учителем.

152. Итак, если хотим, чтобы здание наше поднялось до самага верха и было угодно Богу, то

постараемся положить основание ему не по самоугодливой воле нашей, а по точному Евангельскому учению, по коему таким основанием может быть не что другое, как страх Божий и смирение, поражаемое кротостию и простосердечием. Смирение же не может быть приобретено без обнажения от всего, без коего никак нельзя утвердиться ни в добром повиновении, ни в твердом терпении, ни в невозмутимой кротости, ни в совершенной любви; а без этих сердце наше отнюдь не может быть жилищем Св. Духа, как возглашает о сем Господь чрез Пророка: на ком воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих (Пс, 66, 2).

153 Почему воин Христов, который, законно подвизаясь подвигом духовным, желает быть увенчанным от Господа, должен всячески постараться истребить и этого лютейшаго зверя, как поглотителя всех добродетелей, будучи уверен, что пока он будет в его сердце, то ему не только нельзя будет освободиться от всех страстей, но что если возымеет он скольконибудь добродетели, и та погибнет от его яда. Ибо в душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истиннаго смирения, которое будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви. Для сего надлежит нам, во-первых пред братьями нашими с искренним расположением изъявлять истинное смирение, ни чем не позволяя себе опечалить их, или оскорбить, — чего никак не можем мы исполнить, если по любви ко Христу не будет в нас глубоко укоренено истинное от всего отречение, состоящее в полном обнажении себя от всякаго стяжания; во вторых надлежит в простоте сердца и без всякаго притворства воспринять иго послушания и подчинения, так, чтоб кроме заповеди Аввы, никакая другая воля отнюдь не жила в нас; что ни кем не может быть соблюдаемо, кроме того, кто не только возымел себя мертвым для мира сего, но и почитает неразумным и глупым, и без всякаго размышления исполняет все, что ни прикажут старцы, по вере, что все то священо и от Самого Бога возвещается.

154. Когда будем мы держаться в таком настроении, тогда за этим без всякаго сомнения последует такое невозмутимое и неизменное состояние смирения, что, почитая себя низшими всех, самым терпеливым образом будем мы переносить все, нам причиняемое, сколь бы оно ни было напрасленно, оскорбительно, или даже вредно, — так как бы то налагаемо было на нас от наших начальственных отцев (как послушание или испытание). И не только легко все такое будет нами переносимо, но и почитаемо малым и ничтожным, если притом постоянно будем содержать в памяти и чувстве страдания Господа нашего и всех Святых, потому что тогда напраслины, нами испытываемыя, будут казаться нам на столько легче, на сколь далеко отстоим мы от их великих дел и многоплодной жизни. Воодушевление к терпению, отсюда исходящее, еще будет сильнее, если при этом будем помышлять, что скоро переселимся и мы из сего мира и по скором конце нашей жизни тотчас станем соучастниками их блаженства и славы. Такое помышление губительно не только для гордости, но и для всех страстей. После этого следует нам крепко-накрепко держать такое смирение и пред Богом: что будет нами исполнено, если будем питать убеждение, что мы сами собою, без Его помощи и благодати, ничего не можем сделать, что относится к совершенству добродетели, и будем искренно верить, что и то самое, что успели мы уразуметь, есть Его дар.

6. Борьба с помыслами, и чрез них со злыми духами, сопровождающая всякие другие борьбы, и переживающая их все.

155. Вопрос. Никакого не видим успеха в установлении внимания, при всем старании. Ума никак не

удержишь от блужданий. Даже и тогда, как чувствуешь, что сердце сочувственно устремляется к определенному созерцанию, ум нечувствительно оттуда спустившись, с безмерною быстротою падает в обычные свои скитания. Так несчетное число раз каждый день отводится он в плен своими парениями туда и сюда. Потому берет даже отчаяние достигнуть когда-либо желаемого исправления сей немочи, и думается, что напряжение внимания на сие дело есть напрасный труд, когда видишь, что душа, не смотря на то, все же каждую минуту быстрыми полетами пускается блуждать.

Привлечешь ее страхом Божиим к духовному созерцанию, но она, прежде чем установится в нем, опять мгновенно исчезает из вида. И тогда, как упредив ее намерение бежать, схватишь ее в самом начале и опять повлечешь к созерцанию, от которого стала отступать, намереваясь, как бы какими узами связать ее папряженнейшим вниманием сердца, — она во время этого самого труда над нею успевает ускользнуть из внутреннего святилища быстрее, чем угорь из рук рыбака. Трудясь таким образом каждый день со всем усердием над хранением мыслей, и не видя никакого в том успеха, невольно приходишь к заключению, что такая блуждания мыслей не от нас, а верно такова уж природа наша (—Соб. 7, 3).

156. Так скоро делать заключения, не исследовав дела, как должно, не безопасно. По своему бессилию или неумению успеть в чем-либо, полагать, что такой успех и ни для кого не возможен, не справедливо. Это похоже на то, как если бы кто, не умея плавать и искусственно держаться на воде, заключил, что, как его тело по тяжести своей не может держаться на воде, тела же у всех такая же как и его тело, то и ничье тело не может держаться на воде, и никто следовательно не может плавать, — такова уж природа тел, что плавать нельзя. Как бы ни казалось ему правым такое заключение, но опыт его не оправдывает. Таково и ваше суждение. Ум наш по природе своей не может оставаться праздным; почему неизбежно ему, если не имеет в себе наперед предусмотрительно заготовленных предметов, над которыми упражнял бы он свои движения, и которыми бы постоянно занимался, — по своей подвижности убежать туда и сюда, и повсюду летать, пока долговременным упражнением и постоянным навыком, — что вы называете напрасным трудом, — из опыта узнает, какие надлежит ему заготовить в своей памяти материалы, чтоб около их вращаться в своих неутомимых полетах, и чрез неотступное пребывание в сем труде стяжать силу отражать противоположные им внушения врага, которыми развлекаем был прежде, и таким образом непоколебимо пребывать в том состоянии (невозмутимости и внутреннего покоя), которого желает. Итак не следует нам непостоянство беспорядочного блуждания помыслов приписывать человеческой природе, или Богу — Творцу ея. Ибо истинно слово Писания, что Бог сотворил человека правым, а сии (люди) взыскали помыслов многих (Екклес. 7, 30). Следовательно качество помыслов от нас зависит. И Псалмопевец говорит: блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе: восхождения в сердце своем положи (Пс. 83, 6). Видите, что в нашей состоит власти полагать в сердцах своих или восхождения, т. — е. до Бога достигающия помышления, или низхождения, т. — е. помыслы, ниспадающия долу, к вещам земным и плотским. Если бы помыслы не в нашей состояли власти, то Господь не упрекнул бы Фарисеев: вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих (Мф. 9, 4)? И чрез Пророков не повелевал бы: удалите худые помыслы ваши от очей Моих (Ис. 1, 16), — и: доколе будут медлить в тебе порочные мысли твои (Иерем. 4, 14). (—Соб. 7, 4).

157. То правда, что многие суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведения обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем

воспрепятствовать их входу, но и с великим трудом узреем их; но принимать их, или отвергать, возможно всякому, кто при помощи Божией употребит на то свое старание и усилие. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или принятие их состоит в нашей воле. Впрочем и в самом приращении помыслов не все надобно приписывать набегу помыслов, или тем духам, которые стараются всеять их: но от нас зависит исправить качество помыслов, и сделать, чтоб в сердцах наших возникали духовные—святые помыслы вместо плотских—земных, если не всегда, то наиболею частью. Когда кто разумно и тщательно поучается в Св. Писании, упражняется в псалмах и пении, пребывает в посте и бдении, непрестанно помнит о будущем, — о Царстве небесном, о геенне огненной, — и обо всех делах Божиих; тогда худые помыслы уменьшаются и появляются реже. Когда же кто напротив занимается мирскими заботами и плотскими делами, и вдается в суетныя и праздныя беседы, тогда худые помыслы умножаются в нас (—Соб. 1, 16. 17).

158. Деятельность ума нашего хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного течения воды быстро вертится кругом. Он никак не может перестать вертеться, движим будучи водою; но во власти приставника состоит, пшеницу ли молоть, или жито, или куколь растирать. Так и ум наш в течении настоящей жизни, будучи непрестанно приводим в движение устремляющимися на него отовсюду потоками впечатлений, не может быть праздным от волнения помыслов; но какие из них принимать или усвоить себе, это зависит от нашей воли и усмотрения. Если мы, как сказано, постоянно будем заниматься поучением в Св. Писании, память наполнять духовными предметами, питать желание совершенства и надежду на получение будущего блаженства; то от этого будут возникать духовные помыслы, и ум наш держать в непрестанном помышлении о тех предметах, в которые мы углублялись. Если же, по беспечности и нерадению будем заниматься предметами страстей и праздными беседами, или вдаваться в мирския попечения и суетныя заботы; то по роду их будут потом рождаться и помыслы, как плевелы, и давать сердцу нашему работу зловердную, по изречению Господа Спасителя: где будет сокровище дел ваших и вашего внимания, там необходимо пребудет и сердце ваше (Мф. 6, 21). (Соб. 1. 18).

159. Ведать подобает, что есть три начала наших помыслов: от Бога, от диавола и от нас. От Бога, — когда Он удостоивает нас посетить просвещением Св. Духа, возбуждая в нас или рвение к высшему преуспеянию, или сокрушение о малоуспешности и поблажках лени и беспечности; или когда открывает нам небесныя тайны, и намерения наши обращает к лучшим делам. Так Господь внушил Артаксерксу спросить памятные книги; и он, узнав по ним о благодеяниях Мардохея, тотчас отменил прежнее свое жестокое определение об избииении народа Иудейскаго (Есф. 6 гл.). Так и Апостолам обетовано: не вы будете глаголющими, но Дух Отца вашего глаголай в вас (Мф. 10, 20). — От диавола происходят помыслы, когда он покушается преткнуть нас, возбуждая чрез них страстное услаждение, или с лукавейшею хитростию представляет зло под видом добра, преобразуясь пред нами в ангела света (2 Кор. 11, 14). Так он вложил в сердце Иуде Искаротскому предать Господа (Иоан. 13, 2), — и Анании, — солгать Духу Святому (Деян. 5, 3). — От нас самих рождаются помыслы, когда естественно воспоминаем, что видели, слышали, или делали (—Соб. 1.19).

160. Эту тройкую причину помыслов надлежит нам всегда иметь во внимании, чтоб по ним не обсуждать возникающие в сердце нашем помыслы и соответственно тому относиться к ним. В сем отношении нам надобно подражать искусным монетчикам (менялам), — которые умеют верно узнавать, — золото ли, и чистое ли золото в монете, или медь, похожая блеском на золото, —

царское ли на ней изображение, и если царское, законно ли оно представлено, — имеет ли также монета и законный вес. Все подобное духовно должны мы делать относительно помыслов. Во первых обсудить, — истинно ли то, что вошло в сердца наши, или нет. Например, если предложено какое либо учение, надобно рассмотреть, очищено ли оно Божественным огнем Святаго Духа, или принадлежит к Иудейскому суеверию, или исходит от надменной философии мирской и носит только личину благочестия. Поступив так, мы исполним Апостольское наставление: не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть (1 Иоан. 4, 1); и будем безопасны от уклонения от истины. А которые не заботились исполнять это предостережение, те подвергались бедственному отпадению от веры. Сладкоречивые обольстители сначала привлекли их к себе некоторыми благочестивыми чувствами и умствованиями, согласными с св. Верою, как бы блесками золота; а потом научили и противным вере мудрованиям, которых они, обманувшись первою благовидностию, не подумали подвергнуть обсуждению, и, приняв таким образом медную ложную монету за золотую, впали в еретическая заблуждения. — Во вторых, надобно нам заботливо выяснять, не слышится ли нами ложное толкование Св. Писания, которое, поддельваясь под чистое золото вернаго понимания Божественных словес, покушается видимостию сего драгоценнаго металла обмануть нас — принять его с смесью меди ложно придаваемого им смысла. Так сатана покушался искушить Самого Христа Спасителя. Так и всех нас искушает он, уже не безуспешно, как Господа нашего. — В третьих, — всячески надобно всматриваться, как бы враг, извращая драгоценныя изречения Св. Писания лукавым толкованием, не успел склонить нас сделать им не правое приложение и употребление, обманно прикрывая сие преданием, будто бы от старцев исходящим, как бы незаконно прилагая царскую печать к фальшивой монете. Это успеваеет он сделать, когда прельщает к неумеренному и непосильному нам труду, к чрезмерным бдениям, беспорядочным молитвам, к несообразному чтению, и, маня добром, приводит к душевредному концу; или когда советует делать не нужныя посещения, чтоб, изгнав из уединилища, лишить блаженнаго безмолвия; или когда внушаеет взять на себя попечение о благочестивых беспомощных женщинах, чтоб опутать гибельными заботами; или когда подстрекаеет желать священнаго чина, под предлогом назидания многих, отвлекая чрез то от смиреннаго нашего звания. Все такія внушения, прикрытые покровом милосердия, благочестия и высшаго преуспевания, вводят в обман неопытных. С виду оне похожи на монеты истиннаго Царя; но оне отчеканены не настоящими монетчиками духовными, — не православными опытными Отцами, а коварством бесов искованы на вред и пагубу. К ним совершенно приложимо изречение Приточника: суть путие мнящиися прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово (Притч. 16, 25). — Последнее (4—е) наблюдение опытнаго монетчика, относящееся к изследованию веса тяжести, в духовном нашем делании будет исполняемо нами, если когда помысл внушаеет нам что—либо сделать, мы, положив то на весы совести, со всею строгостию будем изследовать, имеет ли оно настоящий вес, — тяжело ли страхом Божиим, все ли в нем есть — по его смыслу и значению, не делает ли его легким показность и новизна, не уменьшило бы потом его веса тщеславие и не расхитила бы людская слава. Взвесив все это и определив свидетельствами Апостолов и Пророков, мы должны потом или принимать то, как согласное с ними, или со всею строгостию отвергать, как им противное и для нас пагубное (—Соб. 1. 20. 21).

161. Так непрестанно должно нам осматривать все тайники нашего сердца, и с зоркою наблюдательностию замечать следы входящих, чтоб не прокрался туда же и какой либо мысленный

зверь, или сам лев и дракон, и, тайком напечатлев там пагубные следы свои, не проложил и другим пути для входа в изгибы сердца нашего, при нашем невнимании к помыслам. Воздвывая таким образом ежечасно и ежеминутно землю сердца нашего Евангельским оралом т. — е. непрерывным памятованием о кресте Господа, мы удобно возможем разорить логовища пагубных зверей, и норы ядовитых змей, — и выгнать их из себя (—Соб. 1, 22).

162. Образ совершенного ума (властвующаго над своими помыслами) прекрасно представляется в лице Евангельскаго Сотника. В сказании о нем, нравственная сила, — дающая возможность не всякими приходящими помышлениями увлекаться, но по своему разсуждению добряя принимать, а противныя тому без всякаго затруднения прогонять, — описана в следующих словах его, если их понимать иносказательно: ибо и я человек подвластный, но имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет, и другому — прииди, и приходит, и слуге моему: сделай то, и делает (Мф. 8, 9). Еслиб и мы мужественно сражаясь против беспорядочных внутренних движений и страстей, взяли силу подчинять их своей власти и своему разсуждению, воюющия в нашей плоти похоти погашать, беспорядочную толпу помыслов наших держать под игом власти разума, и спасительным знаменем креста Господня прогонять от пределов сердца нашего скопища злейших вражеских сил, то за такая торжества и победы были бы мы возведены в чин сотника в духовном его значении. А таким образом и мы, поднявшись на высоту такого достоинства, будем иметь такую-же, как и тот, повелительную власть и силу, при коей не будем уже, какими не хотим, помыслами увлекаемы, но в тех, которыми духовно услаждаемся, получим возможность пребывать и к ним прилепляться, властно повелевая злым наущениям: отойдите, — и отойдут, а добряя помышления приглашая: приидите, и приидут, рабе же нашей — плоти — что потребно для целомудрия и воздержания, прикажем, и она без всякаго прекословия исполнит то, не возбуждая уже противных духу вожделий порочных, но всякую ему изъявляя покорность (—Соб. 7, 5).

163. Но как сего достигнуть? Это придет само собою, когда так преискренне соединимся с Богом, что Он будет действовать в нас. В этом удостоверяет Апостол, когда говорит: оружия воинства нашего не плотская, не сильна Богом, на разорение твердем, помышления низлагающе (2 Кор. 10, 4). Чтобы мы ни предпринимали с целию преодоления помыслов, не будет действенно, пока не станет чрез то действовать Сам Бог по соединении с нами. Тогда же и наши немощныя средства станут сильны и всепобедительны, — разорят твердыни вражеския и всякия помышления поразят и изгонят. И исполнится в нас слово пророческое: немощный да глаголет: яко могу аз (силен я), и кроткий да будет храбр (Иоил. 3, 10, 11), — и то, что говорит о себе св. Павел: егда немоществую, тогда силен есмь (2 Кор. 12, 10). Ибо тогда сила Божия будет совершаться в нашей немощи (—9). Итак всем желанием сердца да устремимся к соединению с Господом, пока и в нас совершится, что испытал блаж. Давид: прильпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя (Пс. 62, 9), — и каждый из нас вместе с ним начнет петь: мне же прилепятися Богови благо есть (Пс. 72, 28). Конечно это требует постоянного усилия и труда; но без этого ни в каком деле успеха не бывает. Тем же паче нельзя его ожидать в таком важном деле. Никакая добродетель не достигает совершенства без труда, — и до умирения помыслов никому нельзя достигнуть без крайняго преутруждения сердечнаго. Сюда прямо относится слово Господа: Царствие Божие с усилием возьмется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12). Чтобы духу нашему придти в мужа совершенна, в меру полного возраста Христова (Еф. 4, 13), — и стать един дух с Господом (1 Кор. 6, 17), необходимо ему с

большим напряжением всегда бодрствовать и с непрерывным рвением потеть над этим. Достигши же сего он может уже с Апостолом торжественно взывать: вся могу о Укрепляющем мя (Фил. 4, 13). (— Перифраз из Соб. 7, гл. 5. 6).

164. Почему все внимание наше должно быть всегда устремлено на то одно, — чтоб живо возвращать к памятованию о Боге помыслы от их блуждания и круговращения. Как тот, кто хочет верно возвесть и вверху свесть свод купола, шнуром из центра постоянно обводит кругом постройку, и таким образом дает одинаковое всюду направление округлению ея; кто же без этого посредства покусится совершить такое дело, тот, хотя бы обладал большим искусством, не может соблюсти непогрешительно правильность округлости, и одним взглядом не может определить, на сколько отступил от нея, не прибегая к сказанному указателю правильности: так и дух наш, если, утвердив в себе любительную память Божию, как некий неподвижный центр, не будет потом, из нея исходя, и с нею обходя в каждый момент все свои делания и труды, ею как пробую, определять качество помыслов и начинаний, чтоб одни принимать, а другия отвергать, и ею же, как верным циркулем, давать направление всему делаемому; то никак не построит, как следует, того духовнаго здания, коего архитектор есть Павел (1 Кор. 3, 10), и не сообщит ему красоты того дома, какой, желая устроить Господу в сердце своем, блаженный Давид взывал: Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоя (Пс. 25, 8), но не смысленно возведет в сердце своем дом некрасивый, Духа Святаго недостойный и всегда готовый разрушиться, долженствуя не славу за то получить от чаемаго, но не удостоившаго зайти в такое жилище посетителя (т. — е. Духа Святаго), а плачевно быть подавленным под развалинами своего построения (—Собес. 24, 6).

165. Чрез помыслы преимущественно действуют на нас темные силы, и конечно нам легче было бы управляться с ними, еслиб нас непрестанно и не в малом количестве не окружали эти недоброжелательные нам враги, — но этого нечего ужасаться. Враги сии точно постоянно наветуют нам, но они только посевают и возбуждают злое в нас, а не принуждают к нему. Еслиб им дана была власть не внушать только худое, но и насильственно влечь к нему, то какое бы ни захотели они возжечь в сердцах наших греховное желание, ни один человек не смог бы избежать греха по нему. Но видим, что как им дано позволение подстрекать нас, так и нам дарованы и сила отревать такие подстрекания, и свобода соглашаться на них. Чего же бояться? — Впрочем, если кто боится их насилия и нападков, тому мы, с противной стороны, предлагаем Божий покров и Божию помощь, которая могущественнее тех, как говорится: болий есть Иже в вас, нежели Иже в мире (1 Иоан. 4, 4), — Коего заступление с несравненно большею силою побораает по нас, нежели с какою возстает против нас вражеская сторона. Ибо Бог не только внушает добрая дела, но и покровительствует им и до конца доводит их; так что иногда без нашей воли и нашего ведома привлекает нас ко спасению. Итак решено, — что никто не может быть прельщен диаволом, кроме того, кто сам восхощет дать ему своей воли согласие. Что Екклезиаст ясно выразил такими словами: яко несть пререкания бывающаго творящим лукавое вскоре: сего ради уверися сердце сынов человеческих в них, еже сотворити лукавое (Екклез. 8, 11). Очевидно посему, что всякий согрешает потому, что когда нападают на него худые помыслы, он не дает им тотчас отпора противоречием. Ибо сказано: противтесь диаволу и бежит от вас (Иак. 4, 7). (—Собес. 7, 8).

166. У иного может родиться недоумение, как эти злые духи входят в общение с душою, — не чувствительно разговаривают с нею, всевают в нее, что ни захотят, видят ея помышления и движения

и пользуются ими к ея вреду. — Но в этом нет ничего дивнаго. Дух может входить в общение с духом, и сокровенно влиять на него, внушая, что ему желательно. Ибо между ними, как и между людьми, есть некое подобие и сродство по природе. Но чтоб они взаимно друг в друга входили и друг другом овладевали, это совершенно не возможно. Это может быть истиннейше приписываемо только Божеству (—Соб. 7, 9. 10).

167. Сказанному пред сим нисколько не противоречит то, что бывает с бесноватыми, когда они, одержимые духами нечистыми, говорят и делают, чего не хотят, и вынуждены бывают произносить слова, которых не понимают. Известно, что не все одинаковым образом подвергаются при этом влиянию духов. Некоторые так бывают ими овладеваемы, что нисколько не сознают, что делают или говорят, а другие сознают и после воспоминают. То и другое бывает от привтечения нечистаго духа, — не так однакож, чтоб он проникал самую субстанцию души, и, как бы слившись с нею и ею некако облекшись, произносил слова и речи устами страждущаго. Никак этого делать они не могут. Это бывает так, что дух нечистый заседа в тех членах, чрез которые душа действует, и налагая на них невыносимую тяготу, страшным омрачением закрывает разуметьельныя чувства души и пресекает их деятельность (чрез такое подавление органов сей деятельности). Что, как видим, иногда приключается и от вина, также от лихорадки, от чрезмернаго холода, и других болезней, привходящих со вне. Чтоб и блаженному Иову не замыслил это же причинить диавол, получивший власть над его плотию, Господь особым повелением запретил ему это, говоря: вот я предаю его в твои руки, только душу его сбереги (Иов. 2, 6), т. — е. только не делай его безумным, разстроив седалище души, сделав нашествие на его разумок и повредив орган разума, посредством котораго ему (Иову) необходимо противиться тебе (—Соб. 7, 12).

168. Впрочем, хотя дух таким образом некако срастворяется с этим грубым и твердым веществом, т. — е. с плотию, — что может быть очень удобно; из этого однакож не следует, что он и с душею, которая есть также дух, может соединяться так, чтоб и ее, подобно телу, делать вместилищем своего существа. Это возможно для единой Троицы, Которая всякое разумное существо не объемлет только, но и проникает. Один Бог весь есть везде, и во всем, так что видит и все помышления наши, и все движения внутренния, и все сокровенности душевныя. Нет твари сокровенной от Него; но все обнажено и открыто пред очами Его (Евр. 4, 13), — И Он праведно испытует сердца и утробы (Пс. 7, 10). (—Соб. 7,13).

169. Но как же духи нечистые знают наши мысли? — Они не прямо их в душе читают, а познают из обнаружения их во внешних чувственных признаках, т. — е. из наших слов и действий. Но они никак не могут проникнуть в те мысли, которыя еще не вышли из внутрь души. Даже и то, приняты ли, и как приняты внушаемая ими самыми мысли, узнают они не из самой души, и не по внутреннейшим, в ней вследствие того сокровенно происходящим движениям, а по обнаружениям того во вне души. Так, например, если, всеяв помысл чревоугодия, видят, что монах стал посматривать в окно и на солнце, или осведомляться, который час, то узнают из того, что им воспринято чревоугодливое похотение. И не удивительно, что воздушныя силы так узнают сие и подобное сему, когда видим, что и людям умным тоже удается по глазам, лицу и другим внешним признакам узнавать состояние внутренняго человека. Тем конечно вернее могут узнавать это те, которые, как духи, без сомнения гораздо тоньше и проницательнее людей (—Соб. 7, 15).

170. Знать надлежит, что не все демоны все страсти возжигают в людях, но о каждой страсти

прилежат известные духи; ибо одни из них услаждаются нечистыми и срамными похотьми, иные любят богохульство, иные гнев и ярость, иные утешаются печалию, иные — тщеславием и гордостью, — и каждый ту страсть в сердца человеческия всеваает, какою сам особенно услаждается; но не все вместе возбуждают свои страсти, а попеременно, смотря по тому, как требует время, место и приемлемость искушаемого (—Соб. 7, 17).

171. И то ведать должно, что не все они в одинаковой мере злы и одинаково сильны. На новоначальных и немощных нападать пускаются слабейшие духи, а когда эти побеждены будут, тогда посылаются сильнейшие, — и таким образом постепенно все более и более сильную брань должен бывает выдерживать воин Христов, по мере собственного его преуспеяния и умножения духовных его сил. И никто из Святых никак не мог бы выдержать злость таких и стольких врагов, или устоять против их наветов и свирепой ярости, еслибы при нашем ратоборстве не был всегда присущ нам милостивейший заступник и подвигоположник Христос, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал беспорядочные набегии врагов, и не творил со искушением и избытия, яко возмощи нам понести (1 Кор. 10, 13). (—Соб. 7, 20).

172. Что бесы не имеют власти вредить всякому человеку, это яснейшим образом доказывает пример блаженнаго Иова, котораго враг не смел искушать больше, нежели сколько попущено ему было волею Божию, — свидетельствует об этом также и исповедание злых духов, внесенное в Евангельския сказания: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней (Мф. 8, 31). Тем более надобно верить, что они не могут по своему произволу войти ни в какого человека, созданнаго по образу Божию, когда без дозволения Божия не имели они власти войти даже в нечистых и бессловесных животных. Да еслиб дана им была власть искушать и озлоблять всякаго человека по своему произволу, то никто, не говорю, из юных иноков, но и из мужей совершенных не мог бы ужиться в пустыне, будучи окружен таким полчищем и таких злых врагов (—Соб. 7, 22).

173. Известно также, что нечистые духи не иначе проникают в тела одержимых ими, как завладев наперед их умами и помышлениями. Обнажив их наперед от страха Божия, Божией памяти и духовнаго поучения, они потом смело нападают на них, как на обезоруженных и лишенных Божией помощи и Божия ограждения, и потому удобно побеждаемых, и наконец устрояют себе в них жилище, как в предоставленном им владении. — Впрочем и то верно, что тягчае этих и чрезмернее бывают ими мучимы те, которые, не будучи одержимы ими телесно, пагубнейше бывают обладаемы ими в душе, — и именно те, которые опутались их страстями и похотьми; ибо, по слову Апостола, кто кем побежден, тот тому и раб (2 Петр. 2, 19), (—Соб. 7, 24, 25).

174. Св. Писание свидетельствует, что при каждом из нас не отлучно присущи два Ангела, — добрый и злой. О добрых Спаситель говорит: блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небеснаго (Мф. 18, 10), — и блаж. Давид: ополчится Ангел Господень окрест боящихся его и избавит их (Пс. 33, 8); свидетельствует о них и то, что в книге Деяний говорится о Петре: Ангел его есть (—12, 15). Об обоих Ангелах пространно говорится в книге: Пастырь. — Если разсудим и о том, кто испрашивал себе доступа к блаж. Иову, то ясно уразумеем, что это был тот, кто всегда ему наветовал, но никогда не мог склонить его к греху, почему и просил у Господа власти над ним, — исповедуя, что дотолле был побеждаем не добродетелию его, а заступлением Господа, всегда ограждавшим его Своим покровом. И об Иуде говорится также: и диавол да станет одесную его (Пс. 108, 6). (—Соб. 8, 17).

7. Борьба со всякого рода скорбями от бед и напастей (Соб. 6–е).

175. В Палестине, в пустынях между Иерусалимом и Мертвым морем, внезапно напали на иноков варвары, — и очень многих избили. Как Бог попустил совершиться над Своими рабами такому злодейству? — Этот вопрос обыкновенно возмущает души тех, которые имея мало веры и ведения, думают, что добродетели и подвиги Святых вознаграждаются в краткое продолжение сей жизни — временной. Мы же, которые не в животе сем точию уповающе есмы во Христа, чтоб по Апостолу, не быть окаяннейшими всех человек (1 Кор. 15, 19), не должны быть вводимы в заблуждение такими мнениями; чтоб, по неведению верного определения истины относительно таких событий, приходя в ужас и смятение от искушений, которым и себя увидим преданными, не подвигнуться нам ногами своими с пути правды (Пс. 72, 2), — или, что и сказать страшно, не приписать Богу неправосудия и непечения о делах человеческих, за то, что яко бы, Он людей Святых и праведно живущих не избавляет от искушения, и добрым — добром, а злым — злом не воздает в настоящей жизни, — и за то не заслужить осуждения с теми, которым угрожает Пророк Софония от лица Господа, говоря: отмщу на глаголющая в сердцах своих: не имать блага сотворити Господь, ниже имать озлобити (Соф. 1, 12), или не подвергнуться одинаковой участи с теми, которые такими жалобами изрекают хулу на Бога: всяк творяй зло, добр пред Господем, и в них сам благоволи; и где есть Бог правды (Мал. 2, 17)? Присовокупляя к сему и то богохуление, которое у Пророка описывается после того: суетен работаяй Богу, и что более, яко сохранихом храненияя Его, и яко ходихом молитвенницы пред лицем Господа Вседержителя? И ныне мы блажим чуждых, и созидаются вси творящии беззаконная: сопротивишася Богу и спасошася (Мал. 3, 14. 15). — Посему, чтоб нам избежать неведения, которое есть корень и причина этого непотребнейшаго заблуждения, надобно нам наперед определительно узнать, что есть воистину добро, и что зло. Содержа же потом не ложное о сем мнение толпы, а истинное определение Писаний, мы никак уже не прельстимся заблуждением людей неверующих.

176. Все сущее и бывающее в мире, тройко есть, именно, — добро, зло и среднее. Итак нам надо узнать, что собственно есть добро, что зло, и что среднее, чтоб наша вера, будучи ограждена верным ведением, во всех искушениях пребыла непоколебимою. В делах человеческих ничего не должно почитать существенным добром, кроме одной душевной добродетели, которая, искреннею верою приводя нас к Богу, понуждает непрестанно прилепляться к сему неизменному добру. И напротив, ничего не должно почитать злом, кроме одного греха, который, отделяя нас от благаго Бога, связывает с злым диаволом. Среднее есть то, что может быть относимо к той или другой стороне, судя по качеству и расположению пользующагося тем, как-то: богатство, власть, почесть, телесная сила, здоровье, красота, самая жизнь или смерть, бедность, немощность плоти, напраслины и прочее сему подобное, что по качеству и расположению пользующагося тем может служить или к добру или ко злу. Ибо и богатство часто может служить к добру, по Апостолу, который богатым в нынешнем веке заповедует богатиться в добрых делах, благоподатливым быти, общительным сокровиществующе себе основание добро в будущее, да примут вечную жизнь (1 Тим. 6, 17—19): но опять оно же обращается во зло, когда собирают его, чтоб только копить и зарывать в землю, как делают скупые, или расточать на роскошь и утехи, а не в пользу нуждающихся. Также, что власть и почесть, телесная сила и здоровье суть средняя, я для той и для другой стороны пригожая, тем уже легко доказывается, что многие из Святых в Ветхом Завете, обладая всем этим, и Богу были очень благоугодны, как напротив те, которые худо пользовались сими благами, обращая их на служение

своим наклонностям не добрым, не несправедливо были или наказываемы или предаваемы смерти, как часто сказывают о сем книги Царств. Так и о прочих средних вещах разумеи, что оне не суть настоящее добро, которое состоит в одних добродетелях, а суть нечто среднее; потому что как для праведных, на праведныя и нужныя дела их употребляющих, оне полезны и благотворны, — яко дающая им возможность плоды добры сокровиществовать для вечной жизни, — так для тех, которые худо ими пользуются, не полезны и пагубны, доводят их только до греха и смерти.

177. Твердо содержа в мысли такое различие вещей и дел, и зная, что нет настоящего добра, кроме одной добродетели, происходящей из страха Божия и любви к Богу, и что нет настоящего зла, кроме одного греха и отделения от Бога, разследуем теперь со всем вниманием, было ли когда нибудь, чтоб Бог, или Сам Собою или чрез другаго кого причинил кому-либо из Святых Своих такое зло? Этого ты без сомнения нигде не найдешь. Ибо никогда не бывало, чтоб другой мог свергнуть кого-либо в грех, когда он не хочет этого зла и противится ему; и если случалось, что ввергал, то одного того, кто сам в себе зачинал сей грех, по нетрезвости сердца и развращенной воле. Так, когда диавол хотел ввергнуть в это зло — в грех праведнаго Иова, то, употребив против него все козни злобы своей, — лишив его всего богатства, поразив смертью детей, и самого его с головы до ног покрыв ранами, причинявшими нестерпимую боль, — ни как не мог запятнать его грехом; потому что во всех сих приключшихся Иов пребыл непоколебим и не даде безумия Богу (Иов. 1, 22), — не склонился на богохуление.

178. Но как же и Сам Бог о Себе говорит: Аз есмь... творяй мир и жиждяй злая (Ис. 45, 7), — и Пророк о Нем свидетельствует: или будет зло во граде, еже Господь не сотвори (Амос. 3, 6)? — Св. Писание словом зло иногда означает прискорбныя случайности не потому, чтоб оне в существе своем были зло, но потому что чувствуются как зло теми, которым на пользу посылаются. Ибо Слово Божие, говоря с людьми, по необходимости говорит человеческими словами и с человеческими чувствами. Так сечение и прижигание спасительное, которья врач благотельно делает страждущим опасными вередями, почитаются злом от тех, кому приходится выдерживать их; также коню шпоры и погрешающему исправление — не сладость; и все дисциплинарныя строгости тем, кои проходят курс образования, кажутся горькими, как говорит Апостол: всякое наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздает правды, — и еще: егоже любит Господь, наказует: бьет же всякаго сына, егоже приемлет. Который бо есть сын, егоже не наказует отец (Евр. 12, 6. 7. 11)? — Таким образом слово зло полагается иногда в значении прискорбных случайностей, как в след. изречении: и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им, и не сотвори (Ион. 3, 10). И еще: яко милостив Ты еси Господи, щедр, долготерпелив и многомилостив и каяйся о злобах человеческих (Ион. 4, 2), т. — е. о прискорбных лишениях и бедствиях, которья вынужден бывает, наводить на нас за грехи наши. Об них другой Пророк, зная, как оне полезны для некоторых, не из враждебнаго к ним чувства, но по желанию им спасения, так молится: приложи им зла Господи, приложи зла славным земли (Ис. 26, 15). И Сам Господь говорит: се Аз наведу на тя злая (Иер. 11, 11), т. — е. скорби и разорения, которыми будучи в настоящее время спасительно наказан, вынужден будешь наконец обратиться и поспешить ко Мне, Котораго в дни счастья своего забывал. Почему мы не можем признать их существенным злом, когда оне многим служат во благо и ведут их к восприятию вечных радостей. Итак, — возвратимся к предложенному вопросу, — все считающееся обычно злом, причиняемое нам врагами, или другим

каким образом нас поражающее, не должно быть почитаемо нами злом, но нечим средним. И тогда оно не будет уже таково, каким почитает его нанесший его в яростном духе, а таково, каким восчувствует его претерпевающий его. Почему, когда Святому мужу будет причинена смерть, не должно думать, что ему причинено зло, а нечто среднее; потому что, тогда как для грешника она есть зло, для праведника бывает успокоением и освобождением от зол. Смерть бо мужу праведному покой, егоже путь сокровен есть (Иов. 3, 23). Муж праведный от такой смерти не претерпевает никакого ущерба, — так как ничего новаго — небывалаго не случилось с ним, — но что имело случиться с ним по естественной необходимости, то принял он по злобе врага, не без пользы для вечной жизни, и долг смерти человеческой, который надлежало ему отдать по неизбежному закону настоящего нашего существования, уплатил с богатым плодом страдания в залог великаго за него воздаяния.

179. Это однакоже не обезвиняет злодеев. Нечестивый беззаконник не останется без наказания оттого, что злодеянием своим не мог причинить существеннаго вреда праведнику. Ибо терпение — добродетель праведника, и не нанесшему смерть или страдания, а терпеливо перенесшему их заслуживает награду. Почему как тот заслуженно понесет наказание за зверскую жестокость, так этот не смотря на то не потерпел никакого существеннаго зла; потому что мужеством духа своего терпеливо перенесши искушения и страдания, он все, нанесенное ему со злым намерением, обратил себе во благо, в преумножение блаженства своего в будущей жизни.

180. Так терпение Иова не диаволу, сделавшему его более славным своими искушениями, стяжало доброе воздаяние, а ему самому, мужественно их перенесшему; и Иуде не даровано будет освобождение от вечных мук, ради того, что предательство его послужило ко спасению рода человеческого. Ибо не на последствие дела надо смотреть, а на расположение делающаго. Почему нам должно неизменным сохранять твердое убеждение в том, что никому от другаго не может быть нанесено зло, если только кто сам не привлечет его к себе слабостию своего сердца и малодушием, когда и блаженный Апостол в одном стихе такое же утверждает положение: *вемы, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8. 28). Ибо говоря: *вся поспешествуют во благое*, Он обнял этим все вместе, не только такое, что считается счастьем, но и такое, что почитается несчастьем; как в другом месте о себе говорит тот же Апостол, что Он прошел чрез то и другое: *оружии правды десными и шуими*, — т. е. славою и безчестием, гаждением и благохвалением: *яко лестцы и истинни: яко скорбяще присно же радующесе: яко нищи, а многи богатыще*, — и проч. (2 Кор. 6, 7—10). Итак все, — как-то, что почитается счастьем и что Апостол относит к десной стороне, означая то словами: *слава и благохваление*, так и то, что почитается несчастьем и что выразил Он словами: *безчестие и гаждение*, относя то к левой стороне, — соделывается у мужа совершеннаго оружием правды: если он нанесенное ему (прискорбное) великодушно переносит, сражаясь этим самым, т. — е. как оружием пользуясь тем самым, чем на него нападают, и им, как луком, мечем и крепчайшим щитом будучи вооружен против тех, кои ему то наносят, в совершенстве проявляет свое терпение и мужество, восхищая славнейшее торжество своей непоколебимости теми самыми вражескими стрелами, которыя поражают его на смерть; и если таким образом ни счастьем не возносясь, ни в несчастьи не падая духом, но шествуя прямою дорогою и царским путем, не будет он с такого мирнаго устройства сердца, ни нахождением радости сдвигаем как бы на десно, ни опять нападением несчастья и приливом печали сталкиваем как бы на шуе. — Мир мног любящим закон Твой,

Господи, и несть им соблазна, свидетельствует св. Давид (Пс. 118, 165); о тех же, которые при каждом находящих случайностях изменяются, соответственно их свойствам и различиям, так говорится: безумный, яко луна, изменяется (Сир. 27, 11). Также, о совершенных и премудрых говорится: любящим Бога вся поспешествуют во благое; а о слабых и неразумных возглашается: вся противна суть мужеви безумну (Притч. 14, 7), потому что он ни счастьем не пользуется во благо себе, ни несчастьем не исправляется. Такая же нравственная сила требуется для того, чтоб мужественно переносить прискорбности, какая для того, чтоб сохранять должную меру в радостях; и то несомненно, что кого выбивает из своей колеи одна из сих случайностей, тот не силен ни против какой из них. Впрочем счастье более вредит человеку, чем несчастье. Ибо последнее иногда против воли сдерживает и смиряет, и приводя в спасительное сокрушение, или менее грешить располагает, или понуждает совсем исправиться; а первое, надмевая душу пагубными хотя приятными лестями, в страшном разорении повергает в прах тех, кои по причине успехов счастья считают себя безопасными.

181. Такие совершенные мужи в Св. Писании иносказательно называются обоедесноручными, каким был, как в книге Судей пишется, Аод, который обеими руками пользовался, как десными (—3, 15). Духовно таким совершенством и мы можем обладать, если и счастье, почитаемое десным и несчастье, называемое шуим, добрым и правым употреблением будем обращать к правой стороне, чтоб все, чтобы ни случилось с нами, было для нас, по Апостолу, оружием правды. Во внутреннем нашем человеке мы усматриваем две стороны и, так сказать, две руки. И ни один из Святых не может не иметь, как той, которую мы называем правою, так и той, какую мы называем шуею; но совершенство его добродетели познается из того, что он ту и другую обращает в десницу, добре пользуясь ими. Чтоб яснее можно было уразуметь, о чем у нас речь, говорю: имеет муж Святой десную, когда являет духовные успехи, — когда, горя духом, господствует над всеми своими пожеланиями и похотениями, когда будучи свободен от всякаго диавольскаго нападения, без всякаго труда и неудобства отрывает и отсекает плотския страсти, когда вознесшись от земли горе, на все настоящее и земное смотрит, как на неустойчивый дым и тень пустую, и презирает то, как имеющее тотчас прейти, когда в восхищении ума, не только пламенно желает будущаго, но и яснейше видит его, когда действнейше питается духовными созерцаниями, когда ясно усматривает, как в отверстую для него дверь, небесныя таинства, когда чисто и пламенно возсылает молитвы к Господу, когда разгоревшись огнем духа, всем устремлением души так преселяется к невидимому и вечному, что думает, — что он уже не находится во плоти; имеет он также и шуую, — когда объемлется бурями искушений, когда к плотским вожделениям воспламеняется приливами похотных возбуждений, когда к неистовому гневу поджигается огнем раздражительных смущений, когда самовозношением подстрекается к гордости или тщеславию, когда угнетается печалию, смерть содевающею (2 Кор. 7, 10), когда разстроивается в конец нападками злокозненнаго уныния, и когда, по уходе всего духовнаго жара, цепенеет от охлаждения и некоей безотчетной тоски, так что не только добрыя, внутренний жар возгревающия, помышления отходят от него, но и псалом, и молитва, и чтение, и келейное уединение вместе с тем становятся для него ужасно скучными, и все орудия добродетелей встречаются с нестерпимым некоторым отвращением и нехотением, — чем всем, когда поражаем бывает монах, да ведает, что его теснит шуяя сторона.

Итак, кто ни по поводу того, что, как мы сказали, принадлежит к десной стороне, не будет надмен

привходящим тщеславием, ни против того, что принадлежит шуйей части, мужественно ратоборствуя, не впадет в отчаяние; тот тою и другою рукою будет пользоваться, как правою, и в том и другом действовании оказавшись победителем, получит пальму победы, как с шуйего, так и с деснаго своего состояния. Таковую пальму, как читаем, заслужил блаженный Иов, который за действие деснаго венчался венцем, когда, будучи богатым и знатным отцем седми сынов, каждодневно приносил Господу жертвы за очищение их, желая сделать их не столько себе, сколько Богу благоугодными и родственными, когда дверь его была отверста для всякаго приходящаго, когда был он ногою хромых и оком слепых, когда овчинами с овец его были согреваемы рамена немощных, когда был он отцем сирот и мужем вдовиц, когда даже в сердце своем не радовался о погибели врага своего. Тот же опять Иов, действуя шуею, с неподражаемо высоким мужеством торжествовал над бедствиями, когда, в одно мгновение лишившись седми сынов, не как отец убивался жестоким горем, но как раб Божий упокоевался в воле Творца своего, когда из богатаго сделавшись беднейшим, из избыточнаго нагим, из здраваго прокаженным, из знатнаго и славнаго униженным и презренным, сохранил мужество духа не поврежденным, когда наконец, лишившись всего своего достояния и всех имуществ, сделался обитателем гноища, и как бы некий тела своего истязатель — жесточайший, чрепицею оскребал сочившийся гной и погружал персты в глубь ран, покрывавших все части тела его, извлекал оттуда червей. При всем этом он ни в малейшее не впал похуление Бога, и ни в чем не пороптал на Творца своего; даже что? — нимало не усташась такого бремени наичувствительнейших искушений, он самую одежду, покрывавшую тело его, которая одна могла быть сохранена от диавольскаго расхищения, потому что была на нем разодрав и отбросив от себя, приложил еще и произвольную наготу к той, которою поразил его этот лютейший грабитель. Также и волоса главы своей, которые одни оставались еще не прикосновенными из прежних знаков славы, обрезав бросил своему терзателю и, отсекая таким образом то, что оставил ему свирепствующий враг, таким небесным гласом изъявил радость о торжестве своем над ним: аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим? наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду тамо: Господь даде, Господь отъят, яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно (Иов. 2, 10; 1, 21). — Обоедесноручным по праву назову я и Иосифа, который в счастии был любезен отцу, почтителен к братьям, благоугоден Богу, — в злосчастии целомудр, верен господину своему, в заключении темничном наикротчайш, об обидах не памятозлюбив, врагам благодотворителен, к завистливым, и почти убийцам своим, братьям не только нежно благорасположен, но и богато щедродателен. Сии и сим подобные праведно называются обоедесноручными; так как они тою и другою рукою пользуются, как десницею и, проходя сквозь исчисленныя Апостолом искушения, подобно Ему могут говорить: оружию правды, десными и шуими, славою и безчестием, гаждением и благохвалением и проч. — Будем и мы обоедесноручны, когда и нас не будут изменять ни обилие, ни скудость временных благ, и ни то не будет увлекать к удовольствиям пагубной распущенности, ни это ввергать в отчаяние и ропотливость, но когда в том и другом случае равно воздавая благодарение Богу, равный извлекать будем плод и из счастия и из несчастия; когда будем такими, каким был истинный обоедесноручник, Учитель языков, засвидетельствовавший о себе: аз навыхох, в нихже есмь, доволен быти. Вем и смирятися, вем и избыточествовати: во всем и во всех навыхох, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися. Вся могу о укрепляющем мя (Фил. 4, 11—13).

182. Испытание, как мы сказали, бывает двоякое, — т. — е. чрез счастье и несчастье; причина же, по

коей искушаются люди, тройка: по большей части это бывает для испытания, иногда для исправления, а нередко и для наказания за грехи.

Так для испытания, как читаем, перенесли, подобно Иову, бесчисленные скорби блаженный Авраам и многие Святые; для него же и народ Иудейский подвергается был искушениям в пустыни, как во Второзаконии говорится Моисеем: и да помянешь весь путь, имже проведе тебе Господь Бог твой, сие сороклетнее лето в пустыни, да искушит тя, и озлобит тя, и уразумеются, яже в сердце твоём, аще сохраниши заповеди Его, или ни (Втор. 8, 2), — и как напоминает о сем же в Псалме: искуших тя на воде пререкания (Пс. 80. 8). А что Иов для этого именно подвергся всему, что перенес, о сем прямо свидетельствует Сам Бог, говоря: мниши ли Мя инако тебе сотворивша, разве да явишия прав (Иов. 40, 3)?

Для исправления же это бывает, когда Господь, смиря Своих праведных за малые какие нибудь и легкие грехи, или за превозношение своєю праведностию, предаёт их разным искушениям, чтоб в настоящее время очистив их от всякой скверны помыслов, и выжегши всякую, какую видит укрывшеюся во внутреннем их, нечистоту (Ис. 1, 25), представить будущему испытанию подобными золоту чистому, не позволяя остаться в них ничему, что, после сего испытав огнем суда, нашел бы необходимым очистить наказательным жжением. В этом смысле сказано: многи скорби праведным (Пс. 33, 20); также: сыне, не пренемагай наказанием Господним, ниже ослабевай от Него обличаем. Егоже бо любит Господь наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог: который бо есть сын, егоже не наказует Отец? Аще же без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове (Евр. 12, 5—9); и в Апокалипсисе: Аз ихже аще люблю обличаю и наказую (—3, 19). К таковым под образом Иерусалима от лица Божия Пророком Иеремиєю еще такая обращается речь: сотворю скончание во всех языцех (покончу их), в няже распях тя: тебе же не сотворю в скончание, но накажу тя в суде, (Иер. 30, 11). О каковом спасительном исправлении молит св. Давид, говоря: искуси мя Господи и испытай мя, разжи утробы моя и сердце мое (Пс. 25, 2). Также и Пророк Иеремиа, разумея спасительность такого искушения, взывает: накажи нас Господи, обаче в суде, а не в ярости (—10, 24). Равно и Исаия: благословлю тя Господи, яко разгневался еси на мя, и отвратил еси ярость Твою, и помиловал мя еси (—12, 1).

Посылаются удары искушений и по грехам. Так Господь угрожает послать такие удары народу Израильскому, говоря: зубы зверей пошлю на тя, с яростию пресмыкающихся по земли (Втор. 32, 24); и в Псалмах о них говорится: многи раны грешному (—31, 10); также и в Евангелии: се здрав был еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет (Иоан. 5, 14).

Есть еще и четвертая причина, по которой иным посылаются некоторые страдания, как знаем из Писания, — именно, — да явятся чрез то слава и дела Божии. Так в Евангелии говорится о слепорожденном: ни сей согрешил, ни родителей его, но да явятся дела Божия на нем (Иоан. 9, 3), — и о болезни Лазаря: сия болезнь не к смерти, но о славе Божией, да прославится Сын Божий ея ради (Иоан. 11, 4).

Есть и другие роды отмщений Божиих, которыми поражаются некоторые, превзошедшие самую высшую степень зла, и на которыхы были осуждены, как читаем, Дафан, Авирон и Корей, и наипаче те, о которых говорит Апостол: сего ради предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная (Римл. 1, 26, 28), — что надобно почитать более всех других наказаний тяжким. Об них—то говорит

Псалмопевец в трудах человеческих не суть, и с человеки не примут мук (Пс. 72, 5); ибо не заслуживают быть спасенными посещением Господним и получить уврачевание посредством временных наказаний, как в нечаяние вложившиеся и предавшие себя студадеянию в делание всякия нечистоты (Еф. 4, 19), — и по причине ожесточения сердца своего от долговременного пребывания в непрестанном грешении превышающие все меры очищения и отмщения в весьма короткий срок жизни в веке сем. Таковых Божеское Слово укоряет и чрез Пророка Амоса: разорих вы, яко разори Бог Содому и Гоморру; и бысте, яко главния исторжена из огня, и ниже тако обратитесь ко Мне, глаголет Господь (Ам. 4, 11), и чрез Пророка Иеремию: убих, погубих людей Моих, и не обратишася от стезь своих (Иер. 15, 7), — и в другом месте: бил еси их и не поболеша, сокрушил еси их, и не восхотеша прияти наказания; ожесточиши лица свои, паче камене, и не хотеша обратитися (—5, 3). Так наконец Господь, как искуснейший Врач, истощив все спасительныя врачества, и видя, что не остается уже ни одного спасительнаго средства, которое можно было бы приложить к ранам их, некоторым образом как бы препобеждается великостию неправд их и вынужден быв отступить от милостиваго своего их наказания, возглашает им, говоря: отъимется рвение Мое от тебе и почию, и ктому не попекуся (Иезек. 16, 42). О других же, которых сердце не ожесточилось еще частостию грешения, которые не заслужили еще такого жесточайшаго и истребительнаго казнения, но способны принять вразумительное наказание во спасение, говорится: накажу я в слух оскорбления их (вразумлю, дав услышать об угрожающей их скорби) (Осии 7, 12).

183. Как приобрести и сохранить терпение и благодушие? — Истиннаго терпения и благодушия ни приобрести ни сохранить нельзя без сердечнаго смирения. Когда терпение будет исходить из этого источника, тогда для избежания скорби от неприятностей не нужно будет ни запираяться в келлии, ни укрываться в пустыни. Утверждаясь в глубине души на добродетели смирения, своей родительницы и охранительницы, оно не имеет уже нужды во внешних пособиях. Почему, если по причине какой-либо напраслины мы растревоживаемся, то явно, что в нас не прочно утверждены основы смирения, и здание наше внутреннее при набеге даже маленькой бурьки, подвергается разрушительному потрясению. Не тогда терпение похвально и достойно удивления, когда внутреннее спокойствие хранится, не будучи потрясаемо никакими стрелами врагов; но тогда величественно оно и славно, когда пребывает непоколебимым, во время устремления на него бури искушений. И оно чем, по-видимому, сокрушается и потрясается, тем более укрепляется; и тем более изощряется, что повидимому притупляет его. Ибо никому не неведомо, что терпение получило свое имя от перенесения прискорбностей, и потому никто не может быть провозглашаем терпеливым, кроме того, кто все, причиняемое ему, переносит без тревоги. И за это именно не незаслуженно так похваляется он Соломоном: лучше муж долготерпелив, паче крепкаго, удерживаяй же гнев, паче вземлющаго град (Притч. 16, 32). Еще: долготерпелив муж мног в разуме, малодушный же крепко безумен (Притч. 14, 29). Итак, когда кто потерпев напраслину, возгорается огнем гнева, то нанесенное ему оскорбление должно почитать не причиною такого греха его, но лишь поводом к обнаружению сокрытой в нем болести (гневной), по смыслу притчи Спасителя о двух домах, — одном, построенном на камне, и другом, построенном на песке, на которые оба с одинаковою силою напали устремления вод и бури ветренныя, с неодинаковыми однакож последствиями; ибо при сем тот дом, который построен на твердом камне, никакого совсем вреда не потерпел от такого сильнаго напора, а который был построен на подвижном песке, тотчас разрушился, — и разрушился очевидно

не потому, что подвергся удару волн, наводнением на него устремленных, но потому что был по неразумию построен на песке. Так и Святой человек не тем разнится от грешника, что не столь же сильным, как он, искушением искушается, но тем, что он не бывает побеждаем и великими искушениями, а тот падает и под малыми. И не было бы, как мы сказали, похвально мужество какого либо праведника, если бы он являлся победителем не будучи искушаем: да и места не могла бы иметь победа, если бы не было вражеского нападения. Ибо блажен муж, иже претерпит искушение зане искусен быв, примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его (Иак. 1, 12). И по Апостолу Павлу сила Божия, не в покое и утехах, а в немощи совершается (2 Кор. 12, 9). Ибо так говорил Господь Иеремии: се положих тя днесь аки град тверд, и в столп железный, и аки стену медяну, крепку, всем царем Иудиным, и князем его, и священником его, и людем земли, и ратовати будут на тя, и не премогут, понеже с тобою Аз есмь (Иерем. 1, 18. 19). (—Соб. 18. 13).

184. Такого терпения я хочу представить вам два по крайней мере примера, — из коих один показала одна благочестивая женщина, которая, желая усовершиться в добродетели терпения, не только не бегала искушений, но еще искала, чтоб ее огорчали, и сколь ни часто была оскорбляема, не падала от искушений. Женщина эта жила в Александрии, происходила от знатного рода, и в доме, оставленном ей родителями, благочестно работала Богу. Однажды пришедши к блаженной памяти Архиепископу Афанасию, она просила дать ей на содержание и упокоение какую либо вдову из призираемых на церковном иждивении. Дай мне, говорила она, одну из сестр, которую бы я успокоила.

Первосвятитель, похвалив такое доброе намерение женщины и ея усердие к делу милосердия, приказал выбрать из всех такую вдовицу, которая бы превосходила всех честностию нравов, степенностию и обходительностию, чтоб желание являть такую щедрость не было подавлено худостию имевшей пользоваться ею, и чтоб имеющая являть ее, быв оскорблена злонравием сей последней, не потерпела вреда в вере. Итак приняв такую избранницу, она привела ее в дом, и стала ей услуживать во всем. Но видя ее скромность и тихость, и получая от нее каждую минуту почет в благодарность за дело своего человеколюбия, она чрез несколько дней опять пришла к помянутому Первосвятителю и сказала: я просила, чтоб ты приказал дать мне такую, которую бы я упокоивала, и которой служила бы с полным послушанием. Он сначала не понял, чего ради такая речь и чего желает эта женщина, и подумав, что ея прошение по безопасности зрителя за вдовицами было пренебрежено, не без душевнаго смущения спросил о причинах такого промедления. Ему сказали, что к ней отправлена честнейшая паче всех других вдовица. Тогда он, догадавшись, чего искала та мудрая жена, велел дать ей вдовицу непотребнейшую из всех, которая всех превосходила бы гневливостию, сварливостию, буйством, болтливостию и суетностию. Когда нашли и дали ей такую, она, взявши ее в свой дом, с таким же или еще с большим усердием стала служить и этой, как служила первой; в благодарность же за такая услуги получала от нея только то, что та оскорбляла ее недостойною бранью, злословием, поношением и, укоряя ее, с язвительным ругательством роптала, что она выпросила ее у Архиепископа не на успокоение, а на мучение, и перевела более от жизни покойной к тяжелой, чем от тяжелой к покойной. Такая оскорбления прoderзая эта женщина простирала иногда до того, что не удерживала даже и рук, а та — госпожа усугубляла за это смиренныя ей услужения, научаясь побеждать ея разъярение не сопротивлением, но более смиренным себя ей подчинением, и укрощать ея неистовство человеколюбивою кротостию. Такими опытами утвердившись вполне в терпении и достигши совершенства в сей желаемой добродетели,

она отправилась к помянутому Святителю поблагодарить его и за мудрый Его выбор и за собственное благодетельное обучение, за то, что он наконец совершенно согласно ея желанию назначил ей такую достойнейшую учительницу, непрестанными оскорблениями которой укрепляясь каждодневно в терпении, она достигла самого верха сей добродетели. Наконец ты дал мне, Владыко, для успокоения такую, какую именно я желала иметь; а та первая своим почтительным ко мне отношением скорее меня упокоевала и утешала, чем я ее. — Этого достаточно сказать о женском поле, чтоб воспоминанием о таком деле не только назидать, но и пристыжать себя; так как мы, если не запрячемся в келлии, то терпения сохранить не можем (—Соб. 18. 14).

185. Теперь представим другой пример терпения Аввы Пафнутия, жившаго в совершенном уединении в знаменитой Скитской пустыне, в которой он теперь пресвитерствует. Он еще будучи юным иноком просиял такую благодатною святостию, что сами великие мужи того времени дивились его преспеянию, и, не смотря на то, что он моложе всех, сравнивали его со старцами, и положили иметь его в сем сонме. Когда это огласилось, то зависть, возбуждившая некогда против Иосифа души братьев его, разожгла и против него ядовитым огнем своим одного из числа скитских братьев, который злоумыслил обезобразить красоту его каким-либо пятном безславия. Для сего, выждав время, когда Пафнутий отправился в воскресный день в Церковь, вошел воровски в его келлию и, спрятав между плетеницами, какия там обыкновенно плетут из пальмовых ветвей, свою книгу, пришел и себе в Церковь, довольный своею хитростию; а по окончании воскресной службы пред всеми братьями принес св. Исидору, бывшему тогда пресвитером, жалобу, что у него из келлии украдена книга. Эта жалоба так смутила всех, и особенно пресвитера, что не знали, что подумать, и что предпринять, быв поражены таким новым и неслыханным там преступлением. Тогда донесший о сем обвинитель потребовал, чтоб удержав всех братьев в Церкви, избранных из них нескольких послать обыскать все келлии. Когда три, назначенные для сего пресвитером, старца, осмотревши все другия келлии, пришли в келлию Пафнутия, то нашли в ней скрытую между пальмовыми плетеницами книгу, как спрятал ее там наветник, и взяв ее, принесли тотчас в Церковь и положили пред всеми. Пафнутий, хотя по чистой совести уверен был в своей непричастности никакому в сем греху; но как бы виновный в воровстве, предал себя суду старцев, изъявляя готовность понести, что будет присуждено в удовлетворение и прося дать место его покаянию. Он ничего не говорил в свое оправдание, по стыдливой скромности опасаясь, как бы, стараясь словами смыть пятно воровства, не подпасть сверх того еще осуждению и во лжи, когда никто не подозревал ничего другаго, кроме того, что найдено. По окончании разбирательства и составлении о нем определения, вышел он из Церкви, не упадши духом, а вверяя себя суду Самого Бога, и начал нести покаяние, усугубив молитвы с обильными слезами, утроив пост, и в крайнем смирении духа простираясь пред лицом людей. Когда в продолжение почти двух недель подвергал он себя таким образом всякому сокрушению плоти и духа, и потом в день субботний или воскресный рано утром пришел к Церкви не для того, чтоб принять Святое Причастие, а для того, чтоб простершись у дверей ея смиренно просить себе прощения;—тогда Бог, свидетель и венец всего сокровеннаго, не терпя, чтоб он долее и сам себя сокрушал и был безславим другими, диавола наставил опубликовать то, что тот изобретатель зла, вещи своей вор безчестный, славы чужой хитрый обезславитель, учинил без всяких свидетелей. Ибо объятый лютейшим демоном он сам раскрыл все хитрости скрытной своей проделки, и таким образом, кто был внушителем преступления и козней, тот же сделался и предательским

разглашателем. Потом этот нечистый дух сильно и долго мучил несчастного сего брата, так что его не могли очистить от него не только молитвы бывших там прочих Святых, которые имели Божественный дар власти над бесами, но и особая благодать Исидора Пресвитера не изгнала этого лютейшаго мучителя, хотя по щедродательности Господа ему дарована была такая над ними сила, что бесноватые и до дверей его не были доводимы, как получали исцеление. Это потому было так, что Христос Господь славу сию сберегал для Пафнутия, чтоб обидчик исцелен был только молитвами того, против кого строил козни, и получил прощение в грехе своем и освобождение от настоящего наказания, провозглашая имя того, чью славу надеялся затмить, как завистливый враг (—Соб. 18,15).

186. Две причины побудили меня рассказать это дело: первая, чтоб помышляя о непоколебимой твердости этого мужа, тем более являли мы невозмутимости и терпения, чем меньшим подвергаемся наветам врага; вторая, чтоб воспринять из него твердое убеждение, что мы не можем быть безопасны от бури искушений и нападений диавола, если всю охрану нашего терпения и всю надежду на то будем полагать не в силах внутренняго нашего человека, а в запорах келлии, или в уединении пустынном, или в сообществе Святых, или вообще в чем-либо вне нас сущем. Ибо если Господь, сказавший в Евангелии: Царствие Божие внутри вас есть (Лук. 17, 21), не укрепит нашего духа силою Своего заступления, то напрасно будем мы надеяться — наветы врага воздушнаго или победить помощью живущих с нами людей, или отклонить от себя местным разстоянием (т. — е. удалившись в пустыню), или не допустить до себя закрывшись стенами и кровлею (т. — е. заключившись в келлию). Ибо все это имелось у св. Пафнутия, и однакож искуситель нашел доступ к нападению на него, — и этого злейшаго духа не отразили от него ни оплот стен, ни уединение пустыни, ни заступление стольких Святых в том сообществе. Но как сей Божий раб Святой не на внешнее что-либо возлагал надежду сердца своего, а на Самого всех сокровенностей Судию, то никак не мог быть разстроен кознями такого нападения. Также и тот, кого зависть ввергла в такое преступление, не пользовался ли благодеянием пустыни, ограждением отдаленнаго жилища и сообществом блаженнаго Исидора Аввы и Пресвитера и прочих Святых? И однакож, когда буря диавольская нашла его самого устроенным на песке, то не только сильный удар нанесла его жилищу (внутреннему устроению), но и совсем его разрушила. Перестанем же искать основ своего невозмутимаго мира внутренняго вне себя, и ожидать, что немощам нашего терпения может помочь чужое терпение. Ибо как Царствие Божие внутри нас есть, так и враги человеку домашние его (Мф. 10, 36). И никто не сопротивляется мне более моего же чувства, которое есть самый близкий мне домашний. Будем же внимать себе паче, чтоб наши домашние враги не могли нас уязвлять. Ибо когда наши домашние не возстают против нас, тогда и Царствие Божие пребывает в нас в невозмутимом мире душевном. И если взвесить тщательно причины происходящаго в нас, то найдешь, что я не могу быть уязвлен никаким, даже самым зложелательным, человеком, если сам не буду возставать против себя немирностию своего сердца. Почему если бываю уязвляем, то причина этому не в нападении со вне, а в моем нетерпении. Так твердая пища для здороваго полезна, а для больнаго вредна. Не может она повредить приемлющему ее, если ей к нанесению ему вреда не придаст силы немощь его (—Соб. 18, 16).

8. О Божественной благодати и свободном произволении, как производителей духовной жизни.

187. Мы всегда должны быть твердо уверены, что никак не можем достигнуть совершенства своими

трусами и подвигами, хотя бы со всею неутомимостию упражнялись во всякой добродетели. Одни человеческия усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет притом содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для нас полезно. Потому в каждое мгновение мы должны взывать к Богу с Давидом: соверши стопы моя во стезях Твоих, да не подвижутся стопы моя (Пс. 16, 5), — дабы сей невидимый правитель духа человеческого обращал произволение наше к добродетели, так как оно более склонно к пороку, то по неведению добра, то по обольщению страстей. Это очень ясно выражено Пророком в одном стихе песни: отриновен превратихся пасти: и Господь прият мя (Пс. 117, 13). Первым полустушием означаетя нетвердость нашего произволения; а вторым — всегда готовая нам помощь от Господа, Который всякий раз, как начинаем колебаться, простирает к нам руки Свои, поддерживает и утверждает, чтоб иначе с одним своим произволением не пали мы совершенным падением. — Так ни один праведник не имеет в себе достаточно сил стяжать праведность; непрестанно колеблется он и в каждое мгновение готов пасть. Потому милость Господня подкрепляет его рукою Своею, чтобы иначе, подвергшись падению по слабости произволения, совершенно не погиб он в падении своем (Собес. 3, 12). И кто будет столько самонадеян и слеп, чтоб думать, что не имеет нужды в непрестанном содействии Божиим, когда Сам Господь в Евангелии ясно научает: якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете: без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 4. 5)? Как же неразумно, даже святотатственно, присвоять какия нибудь добрыя дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию, когда Господне изречение свидетельствует, что без Его содействия никто не может приносить духовных плодов (—Соб. 3, 16)?

188. Веруем потому, что как начало благаго расположения полагается в нас особым внушением Божиим, так равно совершение добродетелей подается Им же; наше же дело с большею или меньшею готовностию покоряться внушению Божию и принимать Его помощь. Мы заслуживаем награду, или достойное наказание, судя по тому, нерадим ли, или с благоговейною покорностию заботимся соображаться с распоряжениями и промышлением Божиим, простертым на нас благостынным благоволением Его. Это ясно выразилось в исцелении Иерихонских слепых. Что Господь проходил мимо их, это есть благодать Божественнаго Промышления и снисхождения. Но что они взывали: помилуй ны, Господи, Сыне Давидов (Мф. 20, 31), это дело их веры и упования; самое же прозрение опять от милосердия Божия (—Соб. 3, 19).

189. Земледелец, хотя много трудится над возделыванием земли, но не может ожидать обильнаго плода, если на обработанную землю не падет благовременный дождь и не будет благоприятной погоды. Итак, как ленивым земледельцам, которые не стараются обрабатывать свою землю, Бог не дает плода, так и трудолюбивым не принесет пользы повсечасная забота, если не поблагопоспешит им милосердие Божие. Так и в деле жизни по Богу и свои труды нужны, но если благодать Божия не поблагопоспешит, ни в чем не успеем. Исповедуй же, что Бог есть начальный виновник не только дел, но и помышлений благих: Он внушает нам и Свою волю Святую, и дает силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаем; ибо всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов (Иак. 1, 17). (—Соб. 13, 3).

190. Воля Божия всегда желает, чтобы созданный Им человек не погиб, но во веки жил. Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не даст ей

угаснуть; но желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует к тому, чтобы она обратилась в пламя. Благодать Божия близка ко всем; она всех без изъятия призывает ко спасению и к тому, чтобы все пришли в познание истины, ибо говорит: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы (Мф. 11, 28). (—Собес. 13, 7).

191. Уму человеческому не понятно, как это спасение принадлежит и нашему произволению, ибо говорится: аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесите (Ис. 1, 19), и вместе оно есть дело ни хотящего, ни текущего, но милующаго Бога (Рим. 9, 16), — как это Бог имеет воздать каждому по делам его, и вместе Он же есть — и еже хотети, и еже деяти о благоволении (Фил. 2, 13), — почему это нам повелевается сотворить себе сердце ново и дух нов (Иез. 18, 31), и вместе говорится: и дам вам сердце ново и дух нов дам вам (Иез. 11, 19). Не трудно будет решить сии сомнения, если мы будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия и свободное произволение наше, и что человек, хотя может иногда желать добродетели, но чтобы исполнить желания сии, всегда нуждается в помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, но нужно, чтобы податель жизни — Бог дал силы к восстановлению здоровья. Чтобы совершенно увериться в том, что и от природной способности, данной милосердным Творцом, возникающая добрая желания можно исполнить только при помощи Божией, для того довольно вспомнить слова Апостола: еже хотети, прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю (Рим. 7, 18). (—Соб. 13, 9).

192. Многие спрашивают, когда в нас действует благодать, — тогда ли, когда обнаруживается в нас доброе желание, или доброе желание тогда в нас обнаруживается, когда посетит нас благодать Божия? Опыт и то и другое оправдывает: Савл и Матфей мытарь не сами возжелали, но пожелали по призванию; Закхей и разбойник на кресте своим желанием предварили дело благодати. Так и положить надлежит: когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность; но если мы не хотим добра, или охладели к нему, то делает нам спасительныя внушения, чрез кои доброе расположение образуется, или возобновляется (—Соб. 13, 11).

193. Не должно думать, что природа человеческая способна к одному только злу. Творец всеял в души наши семена всех добродетелей, но для возрастания их нужны воздействия со стороны Бога; так однакож, что в человеке всегда пребывает свободное произволение принимать или не принимать сии благодатныя воздействия. Еслиб совсем не зависело от нас устройство нашего спасения, то Апостол не сказал бы: со страхом и трепетом свое спасение содевайте; но еслиб все зависело от нас одних, то Он не присовокупил бы: Бог бо есть действующий в вас и еже хотети и еже деяти о благоволении (Фил. 2. 12. 13). Благодать Божия и предваряет нас, ибо Пророк говорит: Бог мой, милость Его предварит мя (Псал. 58. 11), — и последует за нашею волею, почему и говорится: и утро молитва моя предварит Тя (Пс. 87, 14). (—Соб. 13, 12).

194. Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону так однакож, что и от нас требует или ожидает соответственных усилий. Чтобы не дать даров своих безпечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной безпечности; чтобы щедрое сообщение даров ея не казалось безпричинным, сообщает их после нашего возжелания и труда. При всем том однакож благодать всегда дается даром, потому что за малыя наши усилия воздает с безмерною щедростию. Посему, сколько бы ни были велики труды человеческие, все они не могут сделать благодать не туне—даемою. Апостол языков, хотя говорил, — что он потрудился паче всех

Апостолов; впрочем присовокупляет, что труды эти не ему принадлежат, а благодати Божией, которая с ним (1 Кор. 15. 10). Таким образом словом: потрудились, он выражает усилия своей воли; словами: не аз, но благодать Божия — Божественное содействие, а словом: со мною — показывает то, что благодать содействовала ему, не в праздности и безопасности пребывающему, а тогда, как он трудился (—Соб, 13, 13).

195. Бог многообразными и непостижимыми способами устрояет спасение наше: в желающих и ищущих спасения Он усиливает желание, а в не имеющих желания возбуждает оное; помогает исполнению спасительных желаний наших, — и вдыхает святые желания, или утверждает их. Почему в молитвах своих мы именуем Его и Покровителем и Спасителем и Помощником. Он подобно нежнейшему Отцу и сострадательному Врачу, во всех нас все производит: у иных Он производит начало спасения и воспламеняет усердие к Нему, у других приводит к концу дела, и добродетели к совершенству, — иных удерживает от близкого падения, а другим подает случаи и удобства ко спасению, — иным, хотящим и текущим, вспомоществует, других, не хотящих и противящихся, привлекает и склоняет к доброму расположению: всюду производит все — возбуждая, содействуя и утверждая, — но без нарушения данной Им же свободы (—Соб, 13, 18).

9. О молитве (Соб. 9).

196. Надобно поставить для себя первую целию и верхом совершенства непрестанную молитву, опирающуюся на умирении души и чистоте сердца, для достижения коих подымается нами утруднение тела и держится сокрушение сердца. Связь между всеми сими деланиями и молитвою неразрывна и взаимна. Ибо как строй добродетелей (сих) ведет к совершенству в молитве; так оне, — если молитва не завершит и не увенчает собою их всех, не могут пребыть твердыми и постоянными. Как без них не может быт приобретена и взойти к совершенству эта, о коей у нас речь, непрестанная, чистая и невозмутимая молитва; так и эти добродетели, в устроении жизни по Богу идущия впереди ея, не могут быть явлены в совершенстве без неусыпной молитвы. Посему мы не могли бы войти прямо в разсуждение о силе молитвы, завершающей собою здание всех добродетелей, еслиб наперед не было нами по порядку означено и рассмотрено все, что должно быть отсечено или приготовлено, в видах стяжания ея, — или еслиб, — по смыслу Евангельской притчи (Лук. 14, 28—30), не было нами наперед разчислено и собрано все, что потребно для построения сего возвышеннейшаго духовнаго столпа; что однакож и будучи приготовлено, не пойдет в дело как следует, и не допустит правильно возложить над собою последних верхов совершенства, если прежде, по вынесении всякой нечистоты пороков, и выброшении обломков и мертваго мусора страстей, на живой и твердой земле сердца нашего, как бы на оном Евангельском камне (Лук. 6, 48), не будет положен прочнейший фундамент простоты и смирения, на котором мог бы быть воздвигнут этот столп чрез назидание на нем духовных добродетелей, непоколебимо стоять и главу свою возносить до последних высот неба, надеясь на свою прочность. Когда же он будет утвержден на таковом фундаменте, тогда пусть снидет проливной дождь страстей, пусть подобно стенобитным машинам нападут стремительныя реки гонений, пусть наляжет свирепая буря враждебных духов, он не только разрушением не разрушится, но не почувствует даже их приражения.

197. Посему, чтоб молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, вот что следует всячески соблюдать: во-первых, всякая забота о вещах плотских всеконечно должна быть отсечена; потом — не только, хлопотание о каком либо деле или случае, но даже и память о том

отнодь не должны быть допускаемы, равно как развлечение, пустословие, или многословие, и шутки должны быть пресечены, паче же всего смятение от гнева или скорби совсем подавлено, пагубное возбуждение плотской похоти и влечения сребролюбия — с корнем исторгнуты. По совершенном же извержении и отсечении этих и подобных пороков, открытых и для взоров человеческих, и по таком предварительном вычищении всего, завершающемся чистотою и непорочностию, должно далее во-первых положить непоколебимый глубокого смирения фундамент, который был бы силен сдержать имеющий проникнуть в самую небеса столп; потом должно быть на сем основании возведено здание духовных добродетелей, и дух удерживаем от всякаго парения и блуждания непостоянного, чтоб таким образом духовный взор мало по малу начал подниматься к созерцанию Бога. Ибо что прежде молитвенного часа восприняла в себя душа наша, то необходимо приходит нам на мысль и во время молитвы, бывая вносимо туда рукою воспоминания. Почему какими желаем быть во время молитвы, такими должны мы себя уготовать прежде времени молитвы; и чего не желали бы мы видеть теснящимся в нас, когда молимся, то поспешим прежде того изгнать из сокровенностей сердца нашего, да возможем исполнить Апостольскую заповедь: непрестанно молитесь (1 Сол. 5. 17).

198. Ум наш не неприлично сравнивают с крайне легким перышком, или пухом, который не будучи омочен никакою стороннею жидкостию, при самом слабом дыхании ветра, обыкновенно возносится, по своей легкости, на большую высоту; а бывая отягчен какою либо влагою, вместо того, чтобы подниматься на воздух, от тяжести принятой им влаги, падает долу и прилипает к земле. Так и ум наш, если не будет обременен пришлыми ему страстями и заботами мирскими, и поврежден влагою пагубной похоти; то будучи легок, в силу естественной своей чистоты, при самом легком веянии духовного размышления, возвышается горе, и, оставляя долнее и земное, уносится к небесному и невидимому. Поэтому—то собственно и внушают нам Господни заповеди: внемлите себе, да не отягчают сердца ваша объядением и пьянством, и печальми житейскими (Лук. 21, 34). Итак, если хотим, чтобы молитвы наши не только до небес, но и превыше небес проникали; то постараемся ум свой возвесть к естественной его легкости, очистив его от всех земных пороков и от всякой влаги мирских страстей, чтоб таким образом молитва его не отягчаясь более никаким бременем чуждым легко воспаряла к Богу.

199. Обратите внимание на причины, на кои, как на отяжеляющие ум наш, указал Господь. Не на прелюбодеяние, не на блуд, не на убийство, не на богохульство, не на хищение, которые все признают грехами смертными и достойными осуждения, указал Он, а на многоядение, винопитие и попечения или заботы века сего, которых не только из людей мира сего никто не бережется и не считает зазорными, но, стыдно сказать, некоторые и из отрекшихся от мира позволяют себе теже прохлаждения, не видя в них для себя ни вреда, ни беды. Впрочем этих трех неправостей, отяжеляющих душу, от Бога ее отделяющих и к земле пригнетающих, если разуместь их, как гласит буква, легко избежать, особенно нам, так далеко удаленным от всякаго сношения с миром и никакого совершенно не имеющим случая вмешиваться в эти видимыя попечения, пьянства и пресыщения. Но есть иное некое пресыщение и пьянство духовное, труднее избегаемое, и есть иное некое попечение и печаль века сего, которые и нас охватывают, после совершенного отречения нашего от всех стяжаний, при воздержности нашей от вина и всякаго пресыщения, при нашем пребывании в пустынном уединении. Я разумею поблажки плоти, привязанности и страсти, от которых если не

очистим себя, то и без опьянения от вина и без обилия яств, сердце наше будет отяжеляемо пьянством и пресыщением еще более вредным. И только тот, чей ум, отрешившись от уз всех страстей, глубоко умиротворится, и чье сердце всем устремлением накрепчайше прилепится к Богу, как верховному благу, может в совершенстве исполнить Апостольскую заповедь: непрестанно молитесь.

200. Все виды молитв, без особенного сокрушения сердца, чистоты души и просвещения от Духа Святаго, думаю, невозможно объять. Их столько, сколько в одной душе, или и во всех душах может поражаться разных состояний и настроений. По мере преуспеяния ума в чистоте и по качеству состояния, в какое он или случайностями вводится, или в силу своих внутренних деланий, обновленно восходит, и она в каждые такие моменты преобразуется; и потому очевидно, никем не могут быть возсылаемы всегда однообразныя молитвы. Всякий иначе молится, когда весел, иначе, когда обременен печалию или нечаянием; иначе, когда процветает в духовных преспеяниях; иначе, когда угнетается множеством вражеских нападений; иначе, когда испрашивает отпущение грехов; иначе, когда молит о приращении благодати, или о стяжании какой либо добродетели, или о погашении какой либо страсти; иначе, когда поражен бывает страхом при размышлении о геенне и будущем суде; иначе, когда воспламеняется надеждою и желанием будущих благ; иначе, когда бывает в нуждах и опасностях; иначе, когда наслаждается безопасностью и миром; иначе, когда осиявается откровениями небесных таин; иначе, когда скорбит о бесплодии в добродетелях и сухости чувств.

201. По предметам Апостол различает четыре вида молитв, говоря так: молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения (1 Тим. 2, 1). — Молитва, — δεησις, — есть моление или умаливание о грехах, когда кто, пришедши в сокрушение о содеянных им, настоящих или прошедших грехах, испрашивает прощения в них; — моление, — προσευχη, — бывает, когда, молясь, что либо приносим или обещаем Богу (говоря: я то и то сделаю, только ущедри Господи); прошение, — εντεξις, — бывает, когда, находясь в горячности духа, возсылаем молитвы за других, о тех, кого любим, или о мире всего мира; благодарение, — ευχαρισια, — когда ум приносит Богу благодарение (и славословие), вспоминая прошедшия благодеяния Божии, или видя настоящия, или прозревая, какия в будущем уготовал Бог блага любящим Его.

202. За сими четырьмя видами молитв следует молитвенное возвышеннейшее некое состояние, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый сею любовию, беседует с Богом ближайшим образом и с особенною искренностию. Что мы должны тщательно искать сего состояния, сие внушает нам молитва Господня: Отче наш и проч. (Мф. 6, 9—13).

Мы говорим: Отче наш! и тем исповедуя Бога — Владыку вселенной своим Отцем, исповедуем вместе, что изъяты из состояния рабства и присвоены Богу в качестве усыновленных чад Его. — Присовокупляя же потом: Иже еси на небесех, изъявляем готовность всем отвращением отвращаться от привязанности к настоящей жизни земной, как страннической, и далеко отдаляющей нас от Отца нашего, а напротив с величайшим желанием стремиться к той области, в коей обитает Отец наш, и не позволять себе ничего такого, что делая нас недостойными высокаго усыновления, лишало бы нас, как незаконных детей, Отческаго наследия и подвергало всей строгости праведнаго суда Божия. Достигши столь высокой степени сынов Божиих, мы должны гореть такою сыновнею к Богу

любовию, чтоб уже не своих польз искать, но всем желанием желать славы Его — Отца своего, говоря Ему: да святится Имя Твое, чем свидетельствуем, что все наше желание и вся радость есть слава Отца нашего, — да славится, благоговейно читится и покланяемо бывает преславное имя Отца нашего.

Второе прошение очищенного ума есть прошение, да придет Царствие Отца его, — или то, коим Христос царствует во Святых, когда по отнятии власти над нами у диавола и изгнании из сердец наших страстей, Бог начинает господствовать в нас чрез благоухание добродетелей, — или то, которое в predetermined время обещано всем вообще совершенным и чадам Божиим, когда скажет им Христос: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира (Мф. 25. 34).

Третье прошение, свойственное сынам: да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли, — что означает: да будут люди подобны Ангелам, — и как сия исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле, да творят не свою, а Его волю; означает еще: да будет с нами в жизни все по воле Твоей; Тебе предаем участь нашу, веруя, что Ты все, — и счастье и несчастье — устрояешь во благо нам, и более печешься о нашем спасении, нежели мы сами.

Далее: Хлеб наш насущный даждь нам днесь. Насущный — над-сущный, — высший всех сущностей, — (каковым может быть только хлеб, сшедший с небес). Когда говорится: днесь, показывается, что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он также не будет преподан нам и ныне, в убеждение нас такую каждодневную нужностью его во всякое время изливать сию молитву, так как нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннѣго нашего человека принятием и вкушением сего хлеба.

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим. Милостивый Господь обещает нам прощение грехов наших, если сами мы покажем пример прощения братьям нашим: остави нам, якоже и мы оставляем. Очевидно, что в надежде на сию молитву, с дерзновением может просить себе прощения только тот, кто сам простил должникам своим. Кто же от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату своему, тот сею молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение. Ибо если эта молитва его будет услышана, то в соответствие примеру его что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и неперменное определение наказания. Суд без милости не сотворшему милости (Иак, 2. 13).

И не введи нас во искушение. Приводя на память слова Ап. Иакова: блажен муж, иже претерпит искушение (Иак. 1, 12); — сии слова молитвы мы должны разуметь не так: «не попусти нам когда либо искуситься», — но так: «не допусти нам быть побежденными в искушении». Искушаем был Иов, но не введен в искушение; ибо, при помощи Божией, не даде безумия Богу (Иов. 1, 22), и не осквернил уст своих Богохульным ропотом, к чему хотел привлечь его искуситель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой не введен был во искушение; ибо ни один не исполнил воли искусителя.

Но избави нас от лукаваго, — т. — е. не попусти искуситься от диавола сверх нашей силы, но сотвори со искушением и избытие, яко возможи нам понести (1 Кор. 10, 13).

203. Хотя предложенная молитва, будучи изречена Самим Господом, заключает в себе всю полноту совершенства (молитвеннаго); однакож Господь присных Своих проводит еще далее — к возвышеннейшему некоему, как мы выше поминали, состоянию, — к той пламенной весьма не

многими дознанной или испытанной, даже, скажу, неизреченной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не звуком голоса, не движением языка, и произнесением каких либо слов, обозначается, и которую ум, изливанием небесного онаго света озаренный, не слабою человеческою речью выражает, но собрав чувства, как бы из обильнейшаго некоего источника изливает из себя неудержимо, и неизреченно некак отрыгает прямо к Господу, то изъясняя в этот кратчайший момент времени, чего, в себя пришедши, не в силах бывает он ни словом изречь, ни проследить мысленно.

204. Такого рода молитвенное состояние есть Божий дар; обычно же благодатное молитвенное настроение характеризуется умилением, посещением которого объятый ум возбуждается к чистой и пламенной молитве. Умиление сие находит при разных случаях, как показал опыт. Иногда, во время пения псалмов, слова какого либо стиха подавали повод к пламенной молитве, иногда благозвучная мелодия братняго голоса возбуждала души изумленных к напряженному молению. Знаем также, что иногда внятное и благоговейное пение много вливало горячности в предстоящих; а нередко увещание мужа совершеннаго и духовное собеседование возбуждали в лежащих, когда преклоняли колена, чувство к обильному изливанию молитв. Бывало, что мы не менее сильно были восхищаемы к полному умилению погибелию брата или дорогаго какого человека. Также воспоминание о нашей холодности и лености иногда наводило на нас спасительный жар духовный. И вообще, случаи, в которых Божия благодать пробуждает наши души от безчувствия и сонливости, безчисленны.

205. Как при разных случаях находит умиление, так разно и выражается оно: иногда обнаруживается оно неизреченною некою радостью духовною; иногда погружает в глубокое молчание все силы и движения души; иногда изводит более или менее обильныя слезы. Слезы или плачевное некое настроение есть более обычное его выражение. Оно бывает при сем или от уязвления сердца сознанием своих грехов, или от созерцания вечных благ и от желания вечной славы, или от сознания великих к себе благодеяний Божиих, при чувстве своего непотребства и недостойнства, или от чувства многобедственного странствования нашего на земле.

206. Какой знак услышания молитвы? — Когда во время молитвы не смущает нас никакое сомнение, и ничто надежды нашего прошения не низлагает нечаянием, если в самом изливании молитвы чувствуем, что мы получили то, чего просили, то да не сомневаемся, что молитвы действительно услышаны. Ибо на столько молящийся удостоится услышан быть и получить просимое, на сколько будет верить, что Бог на него взирает и может исполнить его прошение. Ибо непреложно изречение нашего Господа: вся, елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам (Мар. 11, 24). При сем Слово Божие указывает не мало причин способствующих услышанию молитвы. Так бывает слышиваема молитва, когда двое соглашаются молиться (Мф. 18, 19), — или когда кто молится с верою, хотя бы сия вера равнялась зерну горчичному (Мф. 17, 20), — или когда кто неотступно молится (Лук. 11, 8), — или когда с молитвою соединяют милостыню (Сир. 29, 15), — и другия дела милосердия (Пс. 58, 6—9). Видите, сколькими способами снискивается благодать услышания молитвы; потому никто не падай в нечаяние при испрошении себе спасительных благ. Ибо положим, что у тебя не достанет многого из того, чрез что слышывается молитва; но неужели не можешь ты иметь неотступности в молитве, которая в руках всякаго желающаго. Ради ея одной Господь обещал дать все, что будет прошено. Потому без колебания неверием будем неотступны в молитве, и получим просимое. Так обетовал Господь: просите, и дастся вам, ищите и обрящете,

толцые и отверзется вам (Лук. 11, 9. 10). Но всякий молящийся должен знать, что он наверно не будет услышан, когда будет сомневаться в услышании.

207. Паче всего относительно молитвы надлежит нам исполнять Евангельскую заповедь, чтоб мы молились Отцу небесному, вошедши в свою клеть и затворив двери. Это и буквально исполнять следует, а паче духовно. Внутри своей клетки молимся, когда сердце свое совершенно отвлекая от всех помыслов и забот, приносим молитвы свои Господу некоторым тайным образом и с дерзновением. При запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами, молча молимся испытующему не слова, а сердца. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения Богу единому, так что и самыя противныя власти не могут узнать, о чем молимся. Почему надобно молиться с глубоким молчанием не для того только, чтоб предстоящих братий не отклонять от молитвы и не возмущать из молитвенных чувств своим шопотом или возгласами, но и для того, чтоб, от самых врагов наших, наветующих нам, особенно когда молимся, укрылось намерение (предмет) нашей молитвы.

208. Молитва наша взойдет в свойственное ей совершенство, когда в нас совершится то, о чем молился Господь к Отцу Своему: да любы, еюже Мя возлюбил еси, в них будет (Иоан. 17, 26); и еще: якоже Ты Отче во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут (там-же ст. 21). Это будет тогда, когда вся наша любовь, все желание, вся ревность, все стремление, вся мысль наша, все, что видим, о чем говорим, чего чаем, будет Бог, — и когда то единение, которое есть у Отца с Сыном, у Сына с Отцем, излиется в наши сердца и умы, — чтоб как Он искреннею чистотою и неразрывною любит нас любовию, так и мы соединены были с Ним чистою и неразделимою любовию. Достигший сего вступает в состояние, в коем не может не теплиться в сердце его непрестанная молитва; тогда всякое движение жизни его, и всякое устремление сердца его будет единая непрерывная молитва, предвкушение и залог вечноблаженной жизни.

209. Для достижения последнего совершенства в молитве надлежит утвердиться в памятовании о Боге неотходном, — к чему средством служит краткая, часто повторяемая молитва (Собеседов. 9, 36). Отцы наши нашли, что стремящийся к всегдашнему памятованию о Боге должен приобрести навык непрестанно повторять следующую молитву: Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися (Пс. 69, 2). — Стишок сей не недостойно избран из всего Писания: он выражает все расположения требуемая в молитве, и отвечает всем потребностям молящагося. Он содержит смиренное исповедание своей беспомощности, исповедание Бога единым помощником, всегда готовым помочь, — веру и чаяние, что и ему, произносящему сию молитву, поможет, и от всякой беды его избавит. Кто непрестанно призывает Бога сими словами, тот умно видит и сердцем ощущает Бога присущим себе, и к Нему обращается как к Отцу с сыновнелюбящим сердцем, — и чрез то привлекает на себя Божий покров, осенение и ограждение. И соделывается таким образом сия краткая молитва непреодолимою стеною против нападения бесов, — разогнательницею шума мыслей, отразительницею помыслов худых, укротительницею страстных движений, и воспитательницею всяких добрых насаждений в сердце. Отцы и заповедали нам: докучает ли страсть чревобесия в разнообразных своих проявлениях, — взывай: Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися; — или чувствуешь нужду в более строгом посте для укрощения плоти, и не надеешься совладеть с собою, молись: Боже, в помощь мою вонми, и проч. Томит ли дух уныния, и снедает печаль, отбивая от всякаго должнаго дела, говори: Боже, в помощь мою вонми; — или

посетит душу некое обвеселение духовное, и тебе желательно сохранить его, и возвысить, тоже слово рцы: Боже, в помощь мою вонми. Подымется ли щекотание плоти со своею обольстительною сластию, — и боишься, как бы сей огонь не опалил благовонного цвета целомудрия, взывай: Боже, в помощь мою вонми и проч.; или вошла безтревожность и прохлада в члены твои, и ты желаешь, чтобы это доброе состояние продолжилось, или навсегда пребыло в тебе, усерднее тверди: Боже, в помощь мою вонми и проч. Так и при всякой духовной нужде эту одну тверди молитовку; и будет она для тебя избавлением от всего худого, и охраною в тебе всего добраго. Почему пусть она непрестанно обращается в груди твоей; при всяком деле и служении, на пути и за столом, при отходе ко сну и пробуждении непреставай воспевать стихок сей и поучаться в ней, пока чрез постоянное упражнение в сем навикнешь воспевать его и во сне.

210. Плодом сего будет первее всего то, что ты отвергнешь все богатство своих помыслов, и удерживаемый единостию сего стихка, будешь все более и более навикать объединению ума помышлением о едином Помощнике, зря Его всегда присущим тебе, всевидящим и всесодержащим. Отсюда потом, восходя к живейшему общению с Богом, начнешь насыщаться все более и более возвышенными тайнами, погружаясь в Бога, с Ним единым пребывая, и Им единым удовлетворяясь. Так наконец достигнешь ты и той помянутой выше чистой молитвы, которая не допускает уже во внимание никакого образа, и не проявляется никаким звуком голоса, или произнесением каких либо слов, но с неудержимою живостию исторгается из сердца, неизреченно восторженнаго пламенным устремлением ума к Богу, и изливается пред Ним неизъяснимыми воздыханиями и стенаниями.

10. О руководстве в духовной жизни — разсуждении с советом опытнейших (Соб. 2).

211. Некогда собрались старцы к св. Антонию Великому и с вечера до утра разсуждали о разных духовных предметах, — и особенно о том, какая добродетель больше всех, которая могла бы сохранять нас неуловимыми для сетей обольщения диавольскаго, и прямым путем вести наверх совершенства. Предлагались разные мнения: одни выставляли пост и бдение; другие — нестяжательность и презрение всех вещей; иные отшельничество, или удаление в пустынь; иные — человеколюбие. Когда таким образом все высказались, стал говорить бл. Антоний. «Все сказанное вами спасительно и необходимо для ищущих Бога и желающих придти к Нему. Но дать первенство какой либо из указанных вами добродетелей не позволяют опыты падения преуспевавших в них. Ибо и отличавшиеся строгими постами и бдениями, и пребывавшие неисходно в пустынном уединении, и доходившие до крайней степени нестяжательности, и щедрые милостыно—давцы попадались в сети врага и падали. И причина этому, думаю, не другая какая была, как недостаток разсудительности. Ибо она научает человека идти царским путем, избегая опасных крайностей: в отношении к пощению, например, она не допускает ни до чрезмернаго изнурения тела, ни до поблажек ему. В Евангелии она называется оком и светильником души: светильник телу, говорит Господь, есть око: аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет: аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет (Мф. 6, 22. 23). Как свет все освещает и око все видит, так и она все помышления и дела человека пересматривая и обсуждая, выясняет и определяет, что должно делать, как и от чего следует удержаться. Когда же у кого не достает такой разсудительности, тогда дела его и помышления, не будучи строго обсуждаемы, текут, как течется, и тут враг успеваает подставить ему кажущееся добро вместо истиннаго, и, прикрывая им ров или сеть, ввергает в них, и погубляет его».

212. Решение св. Антония подтверждается безчисленными примерами. Вспомним о жалком падении

старца Ирона. Он вдался в крайне строгий пост и глубокое уединение, и чтоб какнибудь не нарушить их, по внушению врага, не стал приходить в обычные собрания пустынников по субботам и воскресеньям, где во взаимном собеседовании выяснялись разные пути и распутия жизни строгой. Обольстившись этим, будто добрым советом врага, он поддался ему еще в большем прельщении, — принял его за Ангела, когда он явился ему в сем виде, и согласился, по его слову, броситься в высохший колодезь, — разшибся и на третий день скончался. — Вот и еще пример: два брата, вознамерясь идти в глубочайшую пустыню, положили не принимать иной пищи, кроме той, которую подаст Сам Господь. Когда, блуждая по пустыни, они изнемогли до того, что уже и двигаться не могли, напали на них мазики — дикий и жестокий народ; но видя их в таком жалком положении сжалились над ними и предложили им хлеба. Один одумался, и согласился принять хлеб, хоть и от человеков, но как от Господа посланных; подкрепился и остался жив. А другой упорно остался при своем решении, — и умер от голода. Вот и еще: некто из строгих постников и уединенников счел себя достойным общения с небесными силами, — и враг не замедлил воспользоваться сим; стал являться ему, как ангел, давать откровения о делах и мыслях человеческих, производить в келлии свет без светильника. Достигши сим путем полного к себе доверия, он велел ему наконец принести в жертву Богу сына своего, подобясь Аврааму. И это конечно было бы исполнено, если бы сын, видя необыкновенные приготовления, не догадался убежать. — Еще: в Месопотамии одного воздержника и уединенника враг довел до безпрекословной веры снам, представив ему в сновидении два народа: христианский с Апостолами и Мучениками во мраке, безславии, скорби и плаче, — и Иудейский с Моисеем, Патриархами и Пророками в лучезарном сиянии, в славе и радовании, — склонил перейти во иудейство и принять обрезание. — Довольно и этих примеров, чтоб убедиться, что неразумительность есть открытая дверь к падениям и пагубе.

213. Разсудительность есть дар Божий, который однакож надлежит развивать и воспитывать. Как? Отдавая все свое — на разсуждение опытейших Отцев. Это самая мудрая школа разсудительности, в которой научаются добре разсуждать о достождном даже и такие, которые не имеют особой к тому способности. Так решается вопрос, — как приобретается разсудительность. Приобретается истинная разсудительность истинным смирением, коею первым оказательством служит — открывать Отцам не только то, что делаем, но и то, о чем думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев, и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым. Такое действование и способствует безопасно пребывать на правом пути и охраняет от всех сетей диавольских. Тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших, не возможно пасть от прельщения бесовскаго. Так предание разсуждению Отцев своих помыслов заменяет свою разсудительность и научает ей. Враг не любит света; почему откровение злых помыслов тотчас, как они открываемы бывають, разгоняет их и истребляет. Как змея, извлеченная из темной норы на свет, старается убежать и скрыться: так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедию, стараются бежать от человека. Это подтверждается многими и премногими примерами и опытами.

214. Авва Серапион рассказывает о себе: когда был я в новоначалии, то тайком от Аввы брал себе сухой хлебец и съедал. Я делал это очень долгое время, и страсть овладела мною так, что я не мог одолеть ее. Совесть осуждала меня; я же стыдился сказать об этом Авве. — Но по смотрению человеколюбиваго Бога случилось зайти к старцу некоторым братьям, которые стали открывать ему

свои помыслы и просить на них разрешения. Старец отвечал им, что требовалось, при чем пришлось говорить и о воздержании в пище. Потом он прибавил: ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных Отцев своих. Слова эти сильно поразили меня; мне думалось, что Бог открыл старцу мои согрешения, и, пришедши в сокрушение, я начал плакать, — потом вынул из-за пазухи хлебец, который обыкновенно крал, и, повергшись на землю, просил простить прошедшее и молиться о сохранении меня от сего в будущем. Тогда старец сказал: признание твое освободило тебя от плена твоего; открывши свои грехи, ты поразили беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании. Доселе ты попускал ему обладать тобою, не противореча ему, и не обличая его, а теперь будучи изведен из сердца твоего и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старец не окончил еще речи, как показалось, будто горящий факел вышел из недр моих и наполнил всю келлию зловонием, так что присутствующие думали, что горит сера. Старец прибавил: вот Господь явно подтвердил истину слов моих и твоего освобождения. Так действием признания отступила от меня страсть чревоугодия, и с тех пор даже на мысль мне не приходило прежнее пожелание.

215. Что видим в Самуиле? — Он, с младенчества, будучи посвящен Богу и удостоясь беседы с Ним, не поверил своему помыслу, но дважды возванный Богом, спешит к старцу Илии, и от него получает наставление, как должно отвечать Богу. Таким образом Бог Сам и того, кого удостоил собеседования с Собою, восхотел руководить наставлением старца, чтоб чрез то путеводить его к смирению. — Не то же ли видим и в св. Павле? Господь Сам призвал его; но тут же отсылает его к Анании, чтоб у него научиться пути истины. — И сам св. Павел, после нескольких опытов проповеди Евангельской идет в Иерусалим проверить свое благовестие, да не како вотще течет (Гал. 1, 13—2, 2), — хотя ему осязательно сопутствовала благодать Святаго Духа. Так очевидно, что Господь никому не открывает пути к совершенству, кроме руководимых к оному духовными Отцами, как и чрез Пророка говорит: спроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя и рекут тебе (Второз. 32, 7).

11. О степенях совершенства духовной жизни, по побуждениям к ней (Соб. 11—е).

216. Три побуждения заставляют людей подавлять страсти, именно: страх геенского мучения в будущем, или боязнь строгости законов в настоящем; надежда и желание получить царство небесное; наконец любовь к добродетели или добролюбие. Что страх заставляет гнушаться скверны зла, о сем говорится в Притчах: страх Господень ненавидит неправды (—8. 13). Что надежда также удерживает от увлечения страстями, — о сем сказано: не прегрешат вси уповающие на Него (Пс. 33, 23). О любви же сказано, что она даже не боится падения греховного: любви николиже отпадает (1 Кор. 13. 8). Посему Апостол все дело спасения заключил в стяжании этих трех добродетелей, говоря: ныне пребывают вера, надежда, любовь, — три сия (1 Кор. 13, 13). Вера, внушая страх будущего суда и мучений, отклоняет нас от скверны страстей; надежда, отторгая ум наш от настоящего ожиданием небесных воздаяний, заставляя презирать все плотския удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в нас любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенною ненавистью отвращаться от всего, что противно им. Хотя эти три добродетели все ведут нас к одному концу, т. — е. побуждают воздерживаться от всего недозволенного; но степенями своего достоинства оне много разнятся между собою. Две первые свойственныя тем людям, которые, стремясь к преспеянию, не восприняли еще сердечного их

возлюбления; третья же исключительно принадлежит Богу, и тем людям, которые возстановили в себе образ и подобие Божие. Ибо один Бог творит все благое не из побуждений страха или воздаяния, но по единому благолюбию. Вся содела Господь Себе ради, говорит Соломон (Прит. 16, 4), т. — е. по благодати Своей Он обильно изливает всякия блага на достойных и недостойных; поелику не может быть ни огорчен обидами, ни раздражен беззакониями людей, как вечно совершенная и по природе Своей неизменная благодать.

217. Посему, кто стремится к совершенству, тот с первой степени страха, собственно называемого рабским, должен постепенно восходить на стезю надежды. Здесь человек уподобляется уже не рабу, а наемнику; ибо действует в ожидании будущего воздаяния. Хотя он, уверенный в прощении грехов своих, уже не страшится наказания за них, а сознавая в себе добрыя дела чает получить за них добрую награду; но не мог еще дойти до расположения свойственного сыну, который в полной уверенности в отеческом всещедром к себе благоволении, не колеблясь почитает своим все принадлежащее Отцу.

218. Итак мы должны ускорять свое шествие, чтоб, посредством николиже отпадающей любви, востекши на третью степень сынов, почитающих своим все принадлежащее Отцу, удостоиться воспринять образ и подобие небеснаго Отца и, следуя примеру истиннаго Сына Его, взывать: вся, елика имать Отец, моя суть (Иоан. 16, 15): что и блаж. Павел исповедует о нас, говоря: вся ваша суть, аще Павел, или Аполлос, или Кифа, или мир, или живот, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть (1 Кор. 3, 21. 22). К таковому Богоподобию призывает нас и заповедь Спасителя: будите убо вы совершенни, говорит Он, якоже Отец ваш небесный совершен есть (Мф. 5, 48). У тех, которые находятся еще в состоянии рабов и наемников, расположение к добру иногда прерывается, именно, когда душа по причине некоего охлаждения ея чувства, или по причине развлечения мирскими удовольствиями и радостями, перестает поражаться страхом геенны или желанием будущих благ. Итак мы не иначе можем достигнуть истиннаго совершенства, как возлюбивши Бога не по другому чему, как по одному влечению любви к Нему; потому что и Он прежде возлюбил нас не для другаго чего, как для нашего спасения. Для сего надобно нам стараться с пламенною ревностию восходить от страха к надежде, от надежды на степень любви к Богу, или любви к самым добродетелям с полною горячностью душевною, чтобы восприняв такую приверженность к добру, могли мы, сколько это доступно для человеческой природы, неуклонно пребывать в нем.

219. Великое находится различие между тем, кто страхом геенны или надеждою будущаго воздаяния погашает в себе пламень страстей, — и тем, кто по чувству Божественной любви с омерзением отвращается от самой порочности и нечистоты, и блюдет в сердце благо чистоты по любви и приверженности к чистоте, и все делает, не мук страшась, а добродетель любя, и не на воздаяние в будущем обетованное взирая, а насыщен бывая сознательным вкушением настоящаго блага. В таком состоянии человек, хотяб не имел никого свидетелем своих дел, не даст себе воспользоваться случаем ко греху, ни даже осквернится тайно в мыслях услаждением греховным; ибо питая в сердце истинную любовь к добродетели, он не только не приемлет в чувство ничего противнаго ей, но и с омерзением отвращается от того. А кто страхом удерживается от увлечения обольщением страстей, тот, по отнятии полагаемой страхом препоны, снова обратится к тому, что любит, и потому не всегда будет тверд в своей добродетели, и никогда не будет покоен от борения страстей; так как никак не возможен стяжать твердаго и непрерывнаго мира внутренняго, подаемаго водворением чистоты. Где

же нет покоя от браней, там нельзя время от времени не получать и ран. Ибо сколь бы кто искусен ни был в деле брани, сколь бы мужественно ни сражался, хотя бы часто наносил противникам смертельные раны, однакож нельзя, чтоб и его не коснулось иногда вражеское острие. Напротив кто подавив всякое возстание страстей, наслаждается уже безопасным миром, и вошел в приверженность к самой добродетели; тот постоянно сохранять будет это состояние добраго настроения, которым весь объят и которому весь предан, так как уверен, что ничего нет пагубнее погубления чистоты. Ему нисколько не прибавит честности уважение к присутствующим людям, и нимало не уменьшит ея у него уединение; но всегда и всюду нося с собою судию не только дел, но и помышлений своих — совесть, он преимущественно старается угодить Тому, Кого, как убежден, нельзя ни обойти, ни обмануть, от Коего и укрыться нельзя.

220. Кто надеясь на Божию помощь, а не на свой ревностный труд, сподобится достигнуть сей степени совершенства, тот из рабскаго состояния, в котором действует страх, и из состояния наемническаго, в котором двигателем служит не внутренняя доброта действующаго, а чаяние воздаяния, переходит в состояние усыновления, в котором не имеют места ни страх, ни желание награды, но непрерывно действует одна николиже отпадающая любовь. Кто чрез такую любовь возстановит в себе образ и подобие Божии, тот будет услаждаться добром уже по сердечному расположению к самому добру; и стяжав терпение и кротость, некако подобныя Божиим, не будет потом гневаться ни на какие пороки согрешающих, но паче, соболезнуя и сострадая их немощам, молиться будет о помиловании их, вспоминая, что и сам дотоле был одолеваем подобными страстями, пока не спасло его милосердие Господа, и что не своими усилиями исторгся он из уз жизни плотской, а благодать Божия избавила его от нея; — чтоб уразумел, что не гнев, а сострадание должно изъявлять к согрешающим, в мирном устроении сердца поя Богу: растерзал еси узы моя: Тебе пожру жертву хвалы (Пс. 115, 7), — и еще: аще не Господь помогл бы ми, во ад душа моя (Пс. 93, 17); и чтобы находясь в таком смиренном настроении духа мог исполнить и следующую заповедь Евангельскаго совершенства: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы (Мф. 5, 44); и таким образом удостоился получить и прилагаемую к сей заповеди награду, по коей не образ только и подобие Божии носить сподобляемся, но нарицаемся сынами Божиими: да будете, говорится там, сынове Отца вашего, Иже есть на небесех: яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведные и неправедные (—ст. 45). Каковую любовь сознавая себя достигшим, блаж. Иоанн говорит: да дерзновение имамы в день судный, зане якоже Он есть, и мы есмы в мире сем (1 Иоан. 4, 17). Ибо человек по природе своей немощный и слабый, чем другим может быть, якоже Он есть, если не простертием благожелательной любви сердца своего, по подражанию Богу, на добрых и злых, праведных и неправедных? — Так чтоб творил добро по приверженности к самому добру являя в себе истинно всыновленнаго Богу, о коем тот же блаженный Апостол так возглашает: всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть (1 Иоан. 3, 9), и еще: вемы, яко всяк рожденный от Бога греха не творит; но рожденный от Бога блюдет себя, и лукавый не прикасается ему (1 Иоан. 5, 18). — (Это впрочем должно разуметь не о всяком роде грехов, а только о грехах смертных. — По истине, невозможно и самым Святым не впасть в те малыя прегрешения, которыя бывають в слове, в мысли, в желании, по неведению, по забвению, по какой либо крайности, по нечаянному случаю, — которыя, хотя различны от греха,

называемого грехом к смерти, однакож не могут не иметь некоей виновности и укоризны). Итак кто, как мы сказали, приобретет любовь к добру и сделается подражателем Богу, тот облекшись в милосердие и долготерпение Господни (Кол. 3, 12), будет молиться и за самых гонителей своих, взывая подобно своему Господу: Отче, отпусти им, не ведят бо что творят (Лук. 23, 34). Очевидный же признак души, не очищенной еще от скверных страстей, состоит в том, когда кто не имеет чувства соболезнования к чужим прегрешениям, но произносит на них строгий суд.

12. О конце покаянных трудов (Соб. 20–с).

221. Совершенное покаяние состоит в том, чтоб не делать более тех грехов, в коих каемся, и в коих обличает нас совесть; доказательством же удовлетворения за них с нашей стороны и их нам прощения служит изгнание из сердец наших и самого сочувствия к ним. Да ведает всяк, что он еще не разрешен от прежних грехов, коль скоро в то время, как подымлет труды и вздыхания в удовлетворение за них, пред очами ума его играют образы грешных дел, или тех, кои сам делал, или подобных им, и чрез это, не говорю услаждением предметами непотребными, но даже воспоминанием об них разоряется внутреннее доброе настроение души. Итак бодрственно трудящийся над таким удовлетворением тогда лишь пусть признает себя разрешенным от своих грехов, и во всем, что прежде наделал, получившим прощение, когда почувствует, что сердце его нисколько уже не трогается их приманками, а не только воображением. Почему испытатель покаяния и прощения заседает в совести нашей, который прежде дня суднаго, пока еще медлим мы пребыванием во плоти сей, открывает нам отпущение вины нашей и объявляет об окончании удовлетворения возвещением о прощении. И чтоб определеннее выразить сказанное нами, — говорю: тогда наконец поверить должно, что отпущены нам все скверны прежних грехов, когда из сердца нашего будут изгнаны как сластолюбивыя вожделения, так и страсти.

222. Вопрос: но откуда же после сего может породиться в нас то святое и спасительное сокрушение и смирение, которыя так описываются от лица кающагося: беззаконие мое познах и греха моего не покрых; рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, чтоб по истине и заслуженно могло быть приложено к нам и следующее за сим: и Ты оставил еси нечестие сердца моего (Пс. 31, 5)? Или как, простершись в молитве, возмогли бы мы возбуждать в себе такая покаянная слезы, которыя сильны бы были привлечь нам прощение грехов, как это делал св. Давид: измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7), если изгоним из сердец наших всякую память о грехах наших, которую напротив повелевается нам крепко хранить словом Самого Господа: Аз есмь заглаждай беззакония твоя, и грехи твоя, и не помяну: ты же помяни (Ис. 43, 25)? Почему не только за рукоделием, но и на молитве, я нарочно стараюсь вызывать в душе своей воспоминание прежних грехов, чтоб действительнее расположившись к истинному смирению и сокрушению сердца, возыметь дерзновение сказать с Пророком: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя (Пс. 24, 18).

223. Ответ: сказанное сказано о конце покаяния и о признаке удовлетворения совести и правды. Что же касается до воспоминания грехов, то это конечно довольно полезно и нужно; но только для тех, которые еще проходят подвиг покаяния, — чтобы они, бия в перси своя, непрестанно взывали: яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну (Пс. 50, 5), — и еще: яко беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем (Пс. 37, 19). Итак, когда совершаем мы покаяние, и воспоминание о прежних греховных делах еще уязвляет нас, тогда оно необходимо, чтоб раждающийся при сем от

сознания своей виновности дождь слезный угасал огонь совестнаго жжения. Когда же у кого действием углубленного смирения сердца и сокрушения духа, при неутомимом покаянном труде и воздыхании, воспоминание о них будет усыплено и жало совести благодатию милосердаго Бога будет изъято из глубины души, тогда явно будет, что он достиг конца удовлетворения, заслуженно получил всепрощение и очистился от скверны всех грехов своих. До такого однакож забвения не иначе доходят, как чрез заглаживание прежних грехов и страстных увлечений, и совершенно — полное очищение сердца; и его без смирения никто не может достигнуть из тех, которые по нерадению или презорству небрегут об очищении своих страстей, а только тот, кто горьким плачем и непрестанными воздыханиями измоет всю скверну прежних нечистот, и может, по трудах, всею крепостию души взывать к Богу: беззаконие мое познах и греха моего не покрых (Пс. 31, 5), — и: быша слезы моя мне хлеб день и ночь (Пс. 41, 4), — чтоб, вследствие того, заслуженно услышать от лица Господа: отях яко облако беззакония твоя, и яко примрак грехи твоя (Ис. 44, 22).

224. Ты сказал пред сим, что нарочно вызываешь воспоминание о прежних грехах. Этого не следует делать; даже если против воли вторгнется такое воспоминание, то его надо тотчас изгонять, потому что оно отвлекает ум от чистаго созерцания, особенно у того, кто пребывает в уединении, впутывая его в нечистоты мира сего и задушая зловонием страстей. Ибо когда ты возобновляешь воспоминание о том, что по неведению или по похоти наделал прежде по князю века сего, оттуда, — уступлю тебе, что при таком помышлении не подкрадывается к тебе никакое тем соуслаждение, — тогда всеконечно и одно это мысленное соприкосновение с прежнею гнилью испортит воздух ума отвратительным зловонием и изгонит духовный запах, или сладость благоухания добродетелей. Почему, когда память о прежних страстных делах толкнет в чувство, то от него должно отскакивать так же, как отбегает муж честный и степенный от безстыжей и дерзкой женщины, при всех обращающейся к нему с объятиями или разговорами. Ибо если он не отклонит от себя тотчас ея прикосновение и допустит хоть самое короткое промедление в нечестном с нею разговоре; то пусть и оттолкнет согласие на срамное удовольствие, никак однакож не избежит осуждения всех проходящих, как допустивший нечто безславное и укоризненное. Так и мы, если будем введены в такого рода помышления заразительным воспоминанием, то ни мало не должны промедлять в них, но тотчас оступить от воображения их, — чтоб Ангелам, когда, мимоходя, увидят они нас опутанными такими нечистыми и срамными помыслами, не попрепятствовать сказать о нас: благословение Господне на вас, благословихом вы во имя Господне (Пс. 128, 8). Но бывает часто и то, что иной из неопытных, в чувстве сокрушения перебирая падения свои, или других людей, незаметно уязвляется тончайшею стрелою похоти и с согласием на нее, — и таким образом начатое под видом благочестия заканчивает срамным и пагубным для себя концем. Ибо суть путие мнящихся нравы быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово (Притч. 16, 25).

СВЯТЫЙ ИСААК СИРИАНИН

Краткое сведение о нем.

Св. Исаак отечеством имел Ниневию. О родителях его ничего не известно. В цветущей юности, удалившись от мира и от всего мирскаго, вместе с братом своим, поступил он в монастырь Святаго Матфия, и там принял образ и чин монашескаго жития.

Усовершенствовав в сей обители в подвижничестве и в достаточной мере преуспев в добродетелях, уязвился он желанием безмолвия. Почему удалившись на большое разстояние от киновии,

водворился в пустынной келлии и начал проводить жизнь совершенно уединенную, ни с кем не имея общения и внимая только себе и Богу. Родной брат его, вступив в управление вышеупомянутою киновиею, сильно убеждал его и умолял, оставя пустынь, возвратиться в прежнюю обитель; но он так привязан был к пустыни, что не соглашался оставить ее и на короткое время. Но чего не сделала братская просьба, то совершило Божественное откровение. Св. Исаак, не послушавшийся единокровного, покорился Отцу, свыше призывавшему его управлять Ниневийскою Церковию. Поэтому оставляет он пустынь, — и рукополагается в Епископа великаго града Ниневии. Ибо светильнику и надлежало не скрываться под спудом пустыни, но быть поставлену на свещнице Пастырства, и далеко разливать светлые лучи светозарной добродетели. Но сие продолжалось весьма не долго: едва возсиял сей свет, как скоро снова сокрылся. Святитель оставил Святительскую кафедру по следующему обстоятельству.

Пришли к нему в епископский дом два человека, заимодавец и должник, из коих первый требовал от второго неотложной уплаты долга, а второй, признавая за собою долг, просил первого дать ему небольшую отсрочку. Но заимодавец говорил на это; «если он не уплатит мне долга теперь же, то сей-час представлю его судье». Св. Исаак заметил ему: «если по заповеди Евангельской не должно тебе и совсем взыскивать от взявшего твое, то кольми паче должен ты оказать великодушие тому, кто обещается заплатить тебе долг скоро». А этот жестокий человек ответил на это: «Евангельскую заповедь оставь теперь в стороне». — И не хотел более слушать.

Тогда Святитель Божий сказал в себе: «если они не повинуются Евангельским повелениям Господа, то что остается мне делать здесь?» — Видя же притом, как много безмолвие и безмятежие, к коим привык он в пустыне, разстроиваются неизбежными по управлению делами, он решился оставить престол и возвратиться в любимый им пустынный скит.

Пребывая здесь до смерти, какие св. Исаак совершил подвиги в борьбе с демонами и плотию, сколько преуспел в добродетели, требуемой как деятельною жизнью, так и жизнью созерцательною, какого достиг духовнаго совершенства, и какой, еще в жизни сей, сподобился благодати, — о сем излишне говорить: об этом без труда можно узнать из его писаний.

Св. Исаак писал много, и все, что писал, писал с опыта. Он прежде деятельно проходил все то, что в последствии предал писанию, и собственною деятельностью обучал руководимых им. Так и из пустыни продолжал он источать и неизсякаемо изливать чистую и живительную струю, которою обильно напаявал души братий.

Писания св. Исаака дошли до нас на сирском и арабском языках, из коих до половины переведено на греческий язык, — а с греческаго на русский, в ряду творений св. Отцев, в числе 91—слова.

Переселился в небесныя обители св. Исаак в конце VI века. Память его, по месяцеслову архиеп. Сергия, 28-го января.

(Извлекаются краткими статьями).

1. Страх Божий есть начало добродетели; она есть порождение веры и посеваается в сердце, когда ум устранен от мирской рассеянности, чтобы кружащиеся от парения мысли свои собрать ему в размышлении о будущем возстановлении.
2. Для того, чтоб положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устраниении от дел житейских и пребывать в законе, освещающем правыя и святыя стези, как указал Дух Святый чрез Псалмопевца (Пс. 22, 3; 118, 35).

3. Начало пути жизни — поучаться всегда умом в Словах Божиих и проводить жизнь в нищете. Напоение себя одним содействует усовершению в другом. Если напоеваешь себя изучением Слова Божиих, это помогает преспеянию в нищете; а преспеяние в нестяжательности доставляет тебе досуг преспевать в изучении Слова Божиих. Посobie же того и другаго содействует к скорому возведению целаго здания добродетелей.
4. Без удаления от мира никто не может приблизиться к Богу. Удалением же называю я не переселение телом, но устранение от мирских дел. Добродетель удаления от мира состоит в том, чтоб не занимать ума своего миром.
5. Когда умножится в человеке благодать, тогда ничтожным делается для него страх смерти, на пути к праведности вожденной (или пред лицом препятствий на сем пути), — и много причин находит он в душе своей, по которым, ради страха Божия, готов бывает он терпеть скорби, как нечто должное; тогда все, неприятное телу и могущее причинить ему страдание, ни во что вменяется в очах его в сравнении с тем, чего надеется он в будущем. Но когда увеличится в человеке оскудение благодати, тогда бывающее в нем и с ним бывает противоположно сказанному: тогда ведение, по причине исследования (могущаго опираться только на осязаемое), становится у него больше веры, упование на Бога имеется не во всяком деле, и Промысл Божий о человеке понимается иначе. Такой человек постоянно подвергается страхам, по козням подстерегающих во мраке состреляти его стрелами своими (Пс. 10, 2).
6. Сомнение сердца приводит в душу боязнь; а вера может делать произволение твердым и при отсечении членов. В какой мере превозмогает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь ты быть дерзновенным и безтрепетным при многих противоборствнях, окружающих любимое тобою.
7. Целомудр не тот, в ком, во время борьбы, труда и подвига, прекращаются срамные помыслы, но тот, кто истинностию сердца своего уцеломудривает зрение ума своего, не позволяя ему простираться к непотребным помыслам. — И тогда как честность совести его взором очей свидетельствует о верности его (закону чистоты), стыд, как завеса висит в сокровенном вместилище помыслов, и непорочность его, как целомудренная дева, соблюдается Христу верою.
8. Для отвращения предзанятых душею расположений к непотребству, ничто не бывает так помощно, как погружение себя в любовь к изучению Божественнаго Писания, и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словах премудрости; тогда человек, в какой мере извлекает из них просвещение, в такой же оставляет позади себя мир и забывает все, что в мире. — Но и когда ум плавает лишь на поверхности вод моря Божественных Писаний, и не может проникнуть мыслей Писания до самой глубины; и тогда сего самаго, что он занят рвением к уразумению Писания достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном крепко связать свои помыслы, и воспрепятствовать им стремиться к вещественному и плотскому.
9. Во всем, что встретится тебе в Писании, доискивайся цели слова, чтобы проникнуть тебе в глубину мысли Святых, и с большею точностию выразуметь оную. Божественною благодатию путеводимые в жизни своей к просвещению всегда ощущают, что как бы умный какой луч проходит по стихам написаннаго, и отличает уму голая слова от того, что душевному ведению сказано с великою мыслию.
10. Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце его остается бедным

(ничего не вкушает), и угасает в нем святая сила, которая при чудном уразумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение.

11. Всякая вещь обыкновенно стремится к сродному ей. И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речение, заключающее в себе сокровенную духовную силу, пламенно влечет к себе содержание сего речения. Не всякого человека пробуждает к удивлению то, что сказано духовно и имеет в себе сокровенную великую духовную силу. Слово о добродетели требует сердца, не занятого землею; в человеке же, которого ум обременен заботою о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к возлюблению ея и взысканию обладания ею.

12. Отрешение от вещества бытием своим предваряет союз с Богом, хотя нередко, по домостроительству благодати, в иных оказывается последний предшествующим первому. Чин обычный домостроительству инаков от чина, общего для людей. — Ты же сохраняя общий чин. Если предваряет в тебе благодать, это — ея дело; и если не предваряет, то путем всех людей восходи и ты на высоту духовного столпа.

13. Ненасытность души в приобретении добродетели обращает в свою пользу часть видимых (чувственных) вожделий сопряженного с него тела. Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным.

14. Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом? — Послужи милостыне. К духовной любви, которая отпечатлевает невидимый образ (Бога в себе), нет иной стези, если человек не начнет прежде всего быть щедролюбивым в такой же мере, в какой совершен Отец наш небесный, как сказал Господь (Лук. 6, 36).

15. Что художник, который живописует на стенах воду, однакож не может тою водою утолить своей жажды; то же и слово не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели, что сам испытал на деле, тот так же передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим. И кто из собственного стяжания посеваает учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста своя, говоря духовным чадам своим, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: аз же даю ти единую часть свыше братии твоея, юже взях у Амореев мечем моим и луком моим (Быт. 48, 22).

16. Прекрасно сказал некто, что страх смертный печалит мужа, осуждаемого своею совестью; а кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни.

17. Если что либо глубоко сочеталось с душою твоею, то почитай сие своим стяжанием не на этот только век, но верь, что оно пойдет с тобою и в век будущий. И если это — что либо доброе, веселись и благодари Бога в уме своем; если же это — нечто худое, то печалься и воздыхай и старайся освободиться от сего, пока ты в теле.

18. Содержи всегда в уме тягчайшия скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малыя и ничтожныя скорби, бывающия с тобою, и быть в состоянии переносить их с радостью.

19. Во время охлаждения и разленения, представляй в сердце своем прежнее время рачительности своей, как был ты заботлив о всем, даже до малости; какой показал подвиг, с какою ревностью сопротивлялся тем, кои хотели положить препону шествию твоему. Таким воспоминанием душа твоя опять пробудится, как бы от глубокого сна, облечется снова пламенем ревности, как бы из мертвых возстанет, и горячим противоборством диаволу и греху возвратится в прежний свой чин.

20. Деятельность крестная двояка: одна состоит в терпении плотских скорбей (телесных лишений, неизбежных в борьбе со страстями), и называется деятельностью собственно; а другая заключается в тонком делании ума, в Божественном размышлении, и в пребывании в молитве, и т. д. и называется созерцанием. Первая очищает страстную часть души, а другая просветляет умную часть души. Всякого человека, который, прежде совершенного обучения в первой части, переходит к сей второй, привлекаемый ея сладостию, не говорю уже — своею лениностию, постигает гнев за то, что не умертвив прежде уды своя, яже на земли (Кол. 3, 5), — т. — е. не уврачевав немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестнаго поношения, дерзнул в уме своем возмечтать о славе креста. Сие то и значит сказанное древними Святыми, что, если ум вознамерится взойти на крест прежде, нежели чувствовалища его, исцелясь от немощи, придут в безмятежие, то его постигает Божий гнев. У кого ум осквернен постыдными страстями, и кто скор на исполнение ума своего мечтательными помыслами, тому заграждаются уста запрещением за то, что, не очистив прежде ума скорбями, и не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед, идти путем, исполненным мраков, когда слеп очами.

21. Представь себе, что добродетель есть тело, созерцание — душа, а то и другое — один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей, из чувственного и разумнаго. И как невозможно, чтоб душа пришла в состояние проявлять свое бытие без совершения образования тела с его членами, так невозможно душе придти в созерцание без совершения дела добродетели.

22. Слыша, что должно удалиться от мира, оставить мир, очиститься от всего, что есть в мире, надлежит тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование — мир, из каких различий слагается сие имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира, и что примешено к ней от мира. — Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями.

23. Когда дознаешь, что такое мир, тогда из различения всего, под ним разумеваемаго, дознаешь и то, чем связан ты с миром, и чем отрешился от него. И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что изшел он из мира.

24. Страх за тело бывает в людях столько силен, что вследствие онаго нередко остаются они неспособными совершить что либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело приникнет страх за душу, тогда страх телесный изнемогает пред страхом душевным, как воск от силы пожигающаго огня.

25. Душа по природе безстрастна. Страсти суть нечто придаточное, — и в них виновна сама душа. — Если некогда естество души было светло и чисто, по причине приятия им в себя Божественнаго света, а подобно сему таковым же оказывается оно, когда возвращается в первобытный чин; то несомненно уже, что душа бывает вне своего естества, как скоро приходит в страстное движение, как утверждают питомцы Церкви.

26. Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, — чувственных и мысленных. Сверхъестественное состояние ея есть движение (или действие и состояние) созерцания

пресущественного Божества. Противоестественное же ее состояние есть движение души или настроение ее и житие такое, какое бывает в людях страстных, страстям работающих. Итак явствует, что страсти душевные не суть душевные по естеству.

27. Если желаешь знать человеческия тайны и не достиг еще до того, чтоб узнавать по духу, дознаешь по речам, образу жизни, и расположениям каждого. Кто чист в душе и непорочен в образе жизни, тот всегда с целомудрием произносит словеса Духа, и сообразно с мерою своего разумения разсуждает и о Божественном, и о том, что в нем самом. А у кого сердце наполнено страстями, у того имиже и язык приводится в движение. Если станет он говорить и о духовном, то будет разсуждать под влиянием страсти. Мудрый замечает такого человека при первой встрече, и чистый обоняет его зловоние.

28. Дела инока суть следующие: свобода от телеснаго, в молитвах телесный труд, и непрестанное сердечное памятование о Боге.

29. Иное дело молитва, а иное — созерцание в молитве, хотя молитва и созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, созерцание — собрание рукоятей, при котором жнуший приводится в изумление неизглаголаннм видением, как из малых и голых посеянных им зерен, вдруг произрасли пред ним такие красивые класы.

30. Спаситель постом начал дело устройства нашего спасения. Подобно и все исходящие во след Спасителя на сем основании утверждают начало своего подвига, потому что пост есть оружие, уготованное Богом. — И кто, если вознерадит о нем, не будет укорен за сие? — Если постится Сам Законоположник, то как не поститься кому либо из обязанных соблюдать закон? Посему—то до поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал поражения своего от нашего естества: но от сего оружия изнемог в самом деле. И Господь наш был вождем и первенцем сей победы, чтоб на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как скоро диавол видит сие оружие на ком нибудь из людей, тотчас приходит в страх сей противник и мучитель, помышляя и вспоминая о поражении своем в пустыне Спасителем, — и сила его немедленно сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началовождем нашим попяляет его. — Облеченный во оружие поста во всякое время распаляется ревностию. — Кто пребывает в нем, у того ум непоколебим и готов сретить и отразить все лютыя страсти.

31. Дела и труды тогда доставляют душе безстрастие, умерщвляют уды, яже на земли, и даруют упокоение помыслов, когда приобщимся безмолвия, когда прекратится в душе смятение, производимое впечатлениями от внешних чувств. Иначе успеху в этом быть нельзя. Ибо если древо ежедневно поливается, то засохнет ли когда нибудь корень его? Убывает ли когда вода в сосуде, в который ежедневно прибавляют ее? — Когда же придет человек в безмолвие, тогда душа удобно различает страсти, и внутренний человек, возбудившись на духовное дело, побеждает их, и день ото дня возводит душу к чистоте.

32. Когда можно сказать, что достиг кто чистоты? — Когда всех людей видит кто хорошими и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда подлинно чист он сердцем.

33. Что свойственно делать подвижнику, пребывающему на безмолвии, в келлии своей? — Разве человек рачительный и трезвенный душею имеет нужду спрашивать, как ему вести себя, когда он бывает один с собою? — Какое иное занятие у монаха в келлии его, кроме плача? И какое другое занятие лучше этого? Самое пребывание монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванию во

гробе, далекому от радости человеческой, учат его, что деятельность его плач. И все Святые в плаче переселялись из жизни сей. — Будем же молить Господа даровать нам плач. Ибо если получим сию благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то при помощи ея, достигнем чистоты, А как скоро достигнем , ея, то не отнимется уже она от нас до самого исхода нашего из жизни сей.

34. Блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не услаждались они сладостию слез, — в коей всегда зрят они и Господа. Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются зрению откровений Его на высоте молитвы своей, и нет у них молитвы без слез. Сие—то и значит сказанное Господом: блажени плачущии, яко тии утешатся (Мф. 5, 4). Ибо когда монах сподобился с помощью слез прейти область страстей и вступить в равнину душевной чистоты, тогда сретает его утешение, какое плачущим дает Бог за чистоту их. Проливать слезы и плакать — дарование безстрастных. И если слезы плачущаго и сетующаго временно могут не только путеводить его к безстрастию, но и совершенно очистить и освободить ум его от памятования страстей, что сказать о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в сем делании?

35. Некто из Святых сказал, что другом греха делается тело, которое боится искушений, чтоб не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему Дух Святой понуждает его умереть (внушает подвижнику обречь себя на смерть). Ибо знает, что если не умрет, не победит греха. Если кто хочет, чтоб вселился в нем Господь, то принуждает тело свое служить Господу, работать в заповедях Духа, написанных у Апостола, и хранить душу свою от дел плотских, описанных Апостолом (Гал. 5, 19). Тело же, приобщившееся греху, упокоевается в делах плотских, и Дух Божий не упокоевается в плодах его. Ибо когда тело изнемогает в посте и смирении, тогда душа укрепляется молитвою.

36. Телу, когда оно много угнетается скорбями безмолвия, терпит лишения и недостатки и приближается к тому, чтобы лишиться жизни своей, обычно умолять тебя и говорить: «дай мне немного свободы пожить прилично; хожу я теперь право, потому что испытано всякими злостраданиями». И как скоро из сострадания успокоишь ты его от скорбей, и доставишь ему несколько отдохновения; оно мало по малу станет нашептывать тебе с ласкательством (а ласкательства его весьма сильны): «можем и близ мира жить хорошо, по тем же правилам, по каким водимся теперь; потому что испытаны во многом. Искуси меня только, и если не буду таким, как тебе угодно, можем возвратиться. Пустыня не убежит от нас». — Не верь ему, хотя и сильно будет умолять, и даст много обещаний. Оно не исполнит того, что говорит. Когда склонишься на просьбу его, ввергнет тебя в великия падения, из которых не будешь в состоянии востать и выдти.

37. Когда придешь от искушений в уныние и пресытишься ими, скажи сам себе: «снова вожделеваешь ты нечистой и срамной жизни». — И если тело скажет тебе: «великий грех самому себя убивать»; то ответь ему: «сам себя убиваю, потому что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтоб не увидеть истинной смерти души моей, — смерти для Бога. Лучше мне умереть здесь ради непорочности и не жить худою жизнью в мире. Произвольно избрал я смерть сию за грехи свои. Сам себя умерщвляю, потому что согрешил я Господу; не буду более прогневлять Его. Что мне в жизни далекой от Бога? Буду терпеть озлобления сии, чтобы не быть отчужденным от небесной надежды. Что Богу в жизни моей в этом мире, если живу в нем худо, и прогневляю Бога».

38. Монаху вредно видеть мир и мирское. И какое изменение происходит в уме того, кто долгое время безмолвствовал с самим собою вдруг снова впадает в водоворот мира, видит и слышит, что

для него не привычно! — Да не обольщают нас утверждающие, будто никакого вреда нет для нас от того, что слышим и видим нечто, будто одинаковы мы по мыслям своим и в уединении и в мире, будто и в келлии и вне ея не возмущается скромность наша, не происходит с нею худой перемены, и при встрече с лицами и вещами не чувствуем мы тревоги страстей. Утверждать сие могут только такие крепкие духом, кои, если и раны приемлют, не чувствуют того. Но мы не достигли еще такого здравия, еще имеем на себе смердящая раны, которыя воскипят червями, если и один день не будет о них попечения, и оне останутся не перевязанными, не будут обложены пластырем и стянуты перевязями.

39. Душа, однажды с верою предавшая себя Богу и многократным опытом изведавшая Его содействие, не заботится уже о себе, но связуется изумлением и молчанием, и не имеет возможности снова возвратиться к способам своего ведения и употребить их в дело, чтоб иначе не лишиться Божия Промышления, которое в тайне неусыпно назирает над душою, печется о ней, и непрестанно следит за нею, — не лишится же потому, что в таком случае она окажется самонадеянно мечтающею, будто сама достаточно может промышлять о себе, по силе своего ведения.

40. Те, в коих возсиявает свет веры, не доходят уже до такого безстыдства, чтобы снова им испрашивать у Бога в молитвах: «дай нам это», или: «возьми у нас то,» — и ни мало не заботятся о себе самих; потому что духовными очами веры ежечасно видят Отеческий Промысл, каким приосеняет их тот истинный Отец, Который безмерно великою любовью Своею превосходит всякую отеческую любовь, паче всех может и имеет силу содействовать нам до преизбытка в большей мере, нежели как мы просим, помышляем и представляем себе.

41. Кто сподобился вкусить сладости веры, и снова обратился к ведению душевному, тот уподобляется нашедшему многоценную жемчужину, и обменявшему ее на медный овал; и еще — оставившему полновластную свободу и возвратившемуся в состояние нищеты, исполненное страха и рабства.

42. Есть три мысленные способа, по коим ведение восходит и нисходит. Способы сии суть: тело, душа, дух. Ведение есть Божие даяние естеству разумных тварей, данное в начале при их создании, — и оно по природе своей просто и неделимо, как свет солнечный, но сообразно с деланием своим приобретает изменения и деления. — Послушай, какой порядок сего делания.

43. Первая степень ведения. Когда ведение следует плотскому вожделению, тогда сводит во едино следующие способы: богатство, тщеславие, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости, годной к управлению в мире сем и источающей обновление в изобретениях, искусствах, и науках, и все прочее, чем увенчивается тело в этом видимом мире. — А по сим отличительным чертам ведение делается противным вере. — И оно именуется голым ведением; потому что исключает всякое Божественное попечение, и по причине преобладания тела вносит в ум неразумное безсилие и все попечение его совершенно о сем только мире.

Вот понятие о себе этого ведения: будто оно есть мысленная сила, тайно правящая человеком, божественная попечительность, назирающая над ним, и совершенно о нем пекущаяся. Посему не Промыслу Божию приписывает оно управление миром, но все доброе в человеке, спасение его от вредоносного для него, и естественное его остережение от затруднительного и от многих противностей, тайно и явно сопровождающих естество наше, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов.

Таково понятие о себе глумящегося ведения. Оно мечтает, что все бывает по его промыслению; и в этом согласно с утверждающими, что нет управления сим миром. Впрочем не может оно пребыть без непрестанного попечения и без страха за тело, а потому овладевает им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость в болезни, попечительность в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей, и все прочее, сходное с сим, — делающее ведение похожим на море, в котором ежечасно день и ночь мнутся и устремляются на пловцов волны.

Так как ведение сие не умеет попечения о себе возвергать на Бога в уповании веры в Него, то непрестанно бывает занято ухищрениями и придумыванием средств относительно всего, что касается до него самого. Когда же способы его изобретения в одном каком либо случае окажутся недействительными, — таинственного же в сем Промысла оно не усмотрит, тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся ему. В сем отношении, в ведении сем насаждено древо познания добра и зла, искореняющее любовь. — В нем качествует надмение и гордыня. — Кичится оно, а между тем ходит во тьме, — и ценит достояние свое по сравнению с тем, что на земле, и не знает, что есть нечто лучшее его.

44. Вторая степень ведения. Когда человек, оставя первую степень, бывает занят душевными помышлениями и пожеланиями; тогда, во свете естества души, совершает следующие превосходные дела: пост, молитву, милостыню, чтение Божественных Писаний, добродетельную жизнь, борьбу со страстями, и прочее. Ибо все добрые дела, все прекрасные отличия, усматриваемые в душе, и чудные способы, употребляемые на служение во дворе Христовом, на сей второй степени ведения, в делании силы его, совершает Дух Святой. И оно—то указывает сердцу стези, ведущая нас к вере, в нем собирает напутствие к истинному веку.

Но и здесь ведение еще телесно и сложно. В нем только путь ведущий и препровождающий нас к вере. Есть еще высшая степень ведения. И если кто преуспеет, то найдет возможность, при помощи Христовой, возведенным быть и на оную, когда основание своего делания положит в безмолвном удалении от людей, в чтении Писаний, в молитве, и в прочих добрых делах, которыми совершается все относящееся ко второму ведению. И им—то совершается все прекрасное; оно и называется ведением дел; потому что чувственными делами, при посредстве телесных чувств, совершает дело свое на внешней степени.

45. Третья степень ведения, — степень совершенства. Послушай теперь, как человек утончается, приобретает духовное, и уподобляется в житии невидимым силам, которые служение свое отправляют не чувственно производимыми делами, но совершаемыми заботливостью ума. Когда ведение вознесется над земным и над попечениями о делании земного, и начнет испытывать свои помышления в том, что сокрыто от очей внутри, и прострется горе и последует вере в попечении о будущем веке, и в вожделении обетованного нам, и в изыскании сокровенных таин; тогда сама вера поглощает сие ведение, и обращается, и раждает оное снова, так что всецело делается оно духом. Тогда может оно воспарять на крыльях в области безплотных, касаться глубин неосязаемого моря, представляя в уме Божественные и чудные действия правления в естествах существ мысленных и чувственных, и разыскивает духовные тайны, постигаемые умом простым и тонким. Тогда внутренняя чувства пробуждаются для духовного делания по тому чину, какой будет в оной жизни безсмертия и нетления; потому что еще в здешнем, как бы в тайне прияло мысленное воскресение, в

истинное свидетельство о всеобщем воскресении.

46. Вот три способа ведения. — С того времени, как начинает человек различать зло от добра, и пока не изыдет он из мира сего, ведение души его пребывает в сих трех мерах. И полноту всякой неправды и нечестия, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всех таин духа, производит единое ведение в трех сказанных мерах, и в нем заключено всякое движение ума, когда восходит, или нисходит он, в добре, или в зле, или в среднем между добром и злом. Сии — же меры у Отцев называются: естественное, противоестественное и сверхъестественное. И это суть три направления, по которым возводится и низводится памятование разумной души, когда, по сказанному, или по естеству делает кто правду, или превыше естества восхищается ея памятованием, в созерцании Бога вне естества, или исходит пасти свиней, как расточивший богатство своей разсудительности, работая со множеством демонов.

47. Первая степень ведения охлаждает душу для дел шествия по Богу. Вторая согревает душу для скорого течения к тому, что на степени веры. Третья же есть упокоевание от делания, в едином упражнении ума наслаждающееся тайнами будущего. Но как естество наше не может еще совершенно возвыситься над состоянием омертвления и тяготой плоти, то, пока человек живет во плоти, остается в переходном состоянии от одного к другому. То, как убогий нищий, душа его начинает совершать служение во второй, средней степени добродетели; то, подобно приившим духа сыноположения, в таинстве свободы, наслаждается духовною благодатию, по достоинству Дающего оную; и опять снова возвращается к смирению дел своих, совершаемых с помощью тела. Ибо в веке несовершенном нет совершенной свободы.

48. Дело ведения на второй степени состоит в делании и продолжительном упражнении; дело же его на третьей степени есть делание веры, которое не делами производится, но исполняется духовными умопредставлениями, в чисто душевном делании; и оно превыше чувств. — Веру же разумеем не ту, какую человек имеет в разсуждении разнствия достопоклоняемых Божественных Ипостасей, и чудного домостроительства в воплощении восприятием нашего естества, — хотя и сия вера крайне высока; — но веру, возсиявающую в душе от света благодати, умным свидетельством подкрепляющую сердце, чтоб не поколебалось оно в несомненности надежды, далекой от всякого сомнения. И вера сия обнаруживается не в приращении слуха ушей, но в духовных очах, которые видят сокрытая в душе тайны, невидимое Божественное богатство, сокровенное от очей сынов плоти, и Духом открываемое тем, кои питаются с трапезы Христовой, в поучении законом Христовым, как сказал Господь: если заповеди Мои соблюдаете, пошлю вам Утешителя Духа, Духа истины, Егоже мир не может прияти, и Той вы научит всякой истине (Иоан. 14, 17. 26).

49. Еще иное различие ведений. Ведение, которое занимается видимым, или чувствами приемлет, что передается от видимаго, называется естественным. Ведение же, которое занимается силою мысленнаго и внутри себя природами существ безплотных, именуется духовным; потому что ощущение приемлется духом, а не чувствами. И по причине сих двух рождений (ощущения вещей видимых и духовных), то и другое ведение бывает в душе отвне. А ведение, подаваемое Божественною силою, именуется сверхъестественным; и оно паче неведомо, и выше ведения. И созерцание сего ведения душа приемлет не от вещества, которое вне ея, как в первых двух ведениях; но внутри ея самой невещественно, туне, скоро и сверх чаяния обнаруживается и открывается оно из самой внутренности; потому что по слову Христову, Царствие небесное внутрь вас есть (Лук. 17,

21), — не прообразованием питает надежду, не с соблюдением приходит, но внутри образа, запечатленного в сокровенном уме, открывается само собою, без помышления о нем. Первое ведение бывает следствием непрестанного занятия и рачительности обучения; второе — следствием доброго жития и разумной веры; а третье дано в жребий одной вере, которую упраздняется ведение и дела приемлют конец.

50. Не сомневайся в силе молитв нашего стихословия, когда во время молитв, или ежечасного чтения, не последует за ними сильного возбуждения и непрестанного сокрушения.

51. Сказанное из опыта слово необходимо принимай, хотя изрекший оное и не книжный человек; потому что и царския сокровища хотя больше всех на земле, но не пренебрегают тем, чтоб принять в добавок себе овол, взятый у нищаго; и из малых потоков наводняются реки и делаются великими в течении своем.

52. Воспоминание о добром и воспоминание о худом, как бы перстом, указывают нам, или на срамоту наших помыслов, или на высоту нашего жития, и каждое по роду своему укрепляет в нас помыслы и движения или десных или шуих. Мы бываем заняты ими в тайне ума нашего; но в этом мысленном занятии изображается удел нашего жития, и в нем мы можем увидеть себя самих.

53. Есть любовь, подобная малому светильнику, питаемому елеем, с истощанием котораго светильник угасает, — или дождевому потоку, котораго течение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но есть любовь, подобная бьющему из земли источнику, никогда не оскудевающему. Первая есть любовь человеческая; а вторая Божеская, Бога имеющая своим виновником.

54. Хочешь ли насладиться стихословием, во время службы своей, и постигнуть смысл произносимых тобою словес Духа? — Отложи совершенно в сторону количество стихословий, не принимай в расчет знания меры в стихах, оставь обычное громогласие; но углубляйся умом твоим в изучение словес Духа, пока душа твоя не возбудится к высоким разумениям, и чрез то не подвигнется к славословию, или к полезной печали. — В рабском же делании (в вычитывании только положеннаго) нет мира уму; а смущение отнимает обыкновенно вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли. Смущение прилично назвать колесницею дьявола, потому что сатана имеет обычай, подобно ездоку, восседать на ум, брать с собою кучу страстей, с ними входить и несчастную душу, и погружать ее в смущение.

55. Не прекословь помыслам, всеваемым в тебя врагом, но лучше молитвою к Богу прерывай беседу с ними. Не во всякое время имеем мы силу так воспрекословить сопротивным помыслам, чтоб прекратить их; напротив того, в таковом случае, нередко получаем от них язву, которой долгое время не уврачуешь. Не смотря на всю твою мудрость и на все твое благоразумие враги успеют поразить тебя. Но когда и победишь ты их; и тогда нечистота помыслов осквернит ум твой, и зловоние смрада их на долго останется в обонянии твоём. Употребив же первый способ, будешь свободен от всего этого и от страха; потому что нет иной помощи, кроме Бога.

56. Когда во время пребывания твоего в келейном безмолвии, обращаешься к рукоделию; не обращай отеческой заповеди в покрывало своему сребролюбию. Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума; но не забывай, что молитва в чине своем выше всего.

57. Будь уверен, что Хранитель твой всегда с тобою, — и что вместе с другими тварями и ты стоишь под единым Владыкою, Который единым мановением приводит все в движение, и все устрояет. Стой

же мужественно и благодушествуй. Ни демоны, ни губительные звери, ни порочные люди не могут исполнить воли своей на вред тебе и пагубу, если не попустит сего изволение Правящаго, и не даст сему места в определенной мере. Посему говори душе своей: «есть у меня оберегающий меня Хранитель; и ни одна из тварей не может явиться предо мною, разве только будет повеление свыше. Если же есть на то воля Владыки моего, чтоб лукавые возобладали над созданием, то принимаю сие не огорчаясь, как не желающий, чтоб воля Господа моего осталась без исполнения». Таким образом в искушениях твоих будешь исполнен радости, как уведавший и в точности сознавший, что управляет и распоряжает тобою Владычнее мановение. Так подкрепляй сердце свое упованием на Господа.

58. Хранение языка не только заставляет ум воспрянуть к Богу, но и делам явным, совершаемым с помощью тела, втайне доставляет великую силу к их совершению, и также просвещает и в тайном делании, как говаривали отцы, потому что хранение уст заставляет совесть воспрянуть к Богу, если только соблюдает кто молчание с ведением.

59. За всякую мыслию добраго желания последует ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненным углям; и она обыкновенно ограждает сию мысль, и не допускает, чтобы приближалось к ней какое либо сопротивление, препятствие и преграда. Это есть добродетель, без которой не производится доброе. Некто, облеченный во Христа, ревность сию назвал псом и стражем закона Божия.

Эта сила ревности двумя способами пробуждается, укрепляется и воспаляется, на хранение дома (души), — и также двумя способами приводится в изнеможение, дремоту и леность.

Пробуждение и воспламенение ея бывает (во 1-х), когда человеку приходит на мысль какойнибудь страх, заставляющий его бояться за то благо, которое он приобрел, или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено, или уничтожено. Когда возбужден этот страх, тогда ревность день и ночь разгорается, как пылающая печь, — и, подобно Херувиму, непрестанно внимает тому, что окрест, и всеусердно блюдет свое благо, от всяких вражеских искушений совне и совнутрь.

И другой есть способ воспламенения сей ревности, — когда в душе наиболее возрастает вожделение добродетели. И в какой мере возрастает в душе сие вожделение, в такой же воспаляется и ревность к добродетели.

Первый повод к охлаждению ея есть, — когда в душе уменьшится, или прекратится самое вожделение добра; а второй повод, — когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности и утвердится в ней, — и человек станет надеяться, думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться потерпеть вред от какойлибо силы; потому слагает с себя орудие ревности, и бывает дом без стража, пес засыпает, и надолго оставляет стражу.

То и другое бывает от того, что вошел в душу какой-либо самый тонкий помысл гордыни, и возгнездился там; или человек стал более предаваться попечению о преходящем, или частому обольстительному для него сообщению с миром. Или бывает сие от чрева, этой госпожи всего худаго. Всякий раз как подвижник вступает в общение с миром, душа его тотчас изнемогает. Тоже бывает, когда сходится он с многими, которые по тщеславию неизбежно сокрушают душу его. Ум подвижника, входящаго в общение с миром, уподобляется кормчому, который спокойно идет по морю, и внезапно попадает в средину подводных камней и терпит крушение.

60. Предпочитать доброе изволение есть дело желающаго; довершать же выбор добраго изволения — дело Божие. Для сего человек имеет нужду в Божией помощи. Будем же делать так,

чтоб за появляющимся в нас добрым желанием следовали частыя молитвы, с прошением не только оказать нам помощь, но и показать, благоугодно ли желание сие воле Божией, или нет. Ибо не всякое доброе желание входит в сердце от Бога, но только то, которое полезно.

61. Иногда человек желает добраго, но Бог не помогает ему; потому что иногда подобное сему желание входит и от диавола, не на пользу нам, а во вред, — или потому, что дело желаемое не в меру нам, так как мы не достигли еще соответствующаго тому жития, — или потому, что оно чуждо принятому нами на себя образу, — или потому, что не пришло еще время, когда можно исполнить оное, или начать его исполнение, — или потому, что не имеем ни ведения, ни телесных сил достаточных для него, — или потому, что обстоятельства времени не способствуют нам в том. Диавол, между тем всячески ухищряется прикрасить такое дело благовидностию, чтоб склонив на него разстроить душевный покой, или причинить вред телу. Посему надлежит тщательно обсуждать и добрыя желанья. Лучше же с советом все твори.

62. Добродетель есть мать печали; от печали рождается смирение; смирению дается благодать. И воздаяние потом бывает уже не добродетели, и не труду ради ея, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первыя будут напрасны.

63. Господь требует не одного делания заповедей, но паче исправления души, для котораго узаконил заповеди. — Тело равно действует и в десных и в шуих делах; ум же при сем правым является или погрешает, судя по настроению своему.

64. Дарование без искушений — погибель для приемлющих оное. Если делаешь доброе пред Богом, и Он дает тебе дарование; умоли Его дать тебе умение смириться, сколько для тебя прилично, или приставить к тебе стража над дарованием, или взять у тебя оное, чтоб оно не было для тебя причиною погибели. Ибо не для всех полезно хранить богатство.

65. Добродетели сопряжены со скорбями. Кто уходит от скорбей, тот несомненно разлучается и с добродетелию. Если желаешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождют смирение. Пока не достигнем истиннаго ведения, дотоле посредством искушений приблизимся к смирению. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости.

66. Когда человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, Который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. Когда же человек оскорбит сего Ангела, и он удалится от него, тогда приближается к нему чуждый (дух тьмы), — и с того времени нет уже у него попечения о праведности.

67. Бог нередко попускает, чтобы добродетельные искушаемы были чем либо, — дозволяет, чтобы отсюду возставали против них искушения, поражает их в теле их, как Иова, ввергает в нищету, делает, что отступает от них человечество, поражает их в том, что приобретено ими; только к душам их не приближается вред. — И невозможно, чтобы, когда идем путем правды, не встретила с нами печаль, тело не изнемогло в болезнях и трудах, — и пребывало неизменным, если только возлюбим жить в добродетели. — Когда человек совершает шествие свое по Богу, — и встретится с ним что либо подобное; тогда не прилично ему уклоняться от стези своей, но должен он с радостию, без пытливости принимать это и благодарить Бога, что послал ему благодать сию, и сподобился он ради Бога впасть в искушение, и соделаться сообщником в страданиях с Пророками, Апостолами и прочими Святыми, ради пути сего претерпевшими скорби. От людей ли, от демонов ли, от тела ли приидут на него искушения, да будет сие для него поводом к благодарению. Ибо невозможно, чтобы

Бог возжелавшему пребывать с Ним иначе как оказал благодеяние, а не послав на него искушения за истину; как и человеку соделаться достойным того, чтобы сподобиться сего величия, — т. — е. войти в искушения и возрадоваться, — невозможно без благодати Христовой.

Дело сие столь велико, что св. Павел явно называет дарованием, когда человек сподобляется пострадать ради надежды на Бога, говоря Филиппийцам: от Бога даровася вам не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати (Филип. 1, 29). Также и св. Петр написал в послании своем: когда страждете правды ради, блажени есте (1 Петр. 3, 14), — потому что сделались общниками страстей Христовых.

Не надлежит тебе, тогда как живешь пространно, радоваться, в скорбях же посуплять лице, и почитать их чуждыми пути Божию. Ибо стезя его от века и от родов крестом и смертию пролагается. А у тебя откуда такая мысль (прохладно идти путем Божиим)? — Дознай из этого, что ты вне пути Божия и удаляешься от него, не хочешь идти по следам Святых, или намереваешься устроить себе иный особенный путь, и по нем идти не страдая. Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно. — О пути же прохладном знаем, где он оканчивается.

68. Истинные праведники всегда помышляют в себе, что недостойны они Бога, — и самое то, что они истинные праведники, дознается из того, что они признают себя окаянными и недостойными попечения Божия, и исповедуют сие тайно и явно, и умудряются на сие Святым Духом, чтоб пребывать в труде и тесноте, пока находятся в жизни сей. Время же упокоения Бог соблюл им в будущем веке. И имеющие в себе живущаго Господа, посему самому не желают быть в покое и освободиться от скорби, хотя по временам и дается им таинственно утешение в духовном.

69. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах. Не Дух Божий пребывает в тех, кои пребывают в покое. Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях; а мир гордится роскошью и покоем. Не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в нужде, в унижении, в оскорблениях, в утружденном теле, в печальных мыслях, чтоб исполнялось на них сказанное: в мире скорбни будете (Иоан. 16, 33). Господь знает, что живущим в покое невозможно пребывать в любви Его, и потому отказывает им в покое и услаждении оным.

70. По любви, какую Святые показали к Богу, страдая за Имя Его, сердце их приобретает дерзновение взирать на Бога непокровенным лицом, и просить Его с упованием. — Велика сила дерзновенной молитвы. Потому, попускает Бог, чтобы Святые Его искушаемы были всякою печалию, и также опытно изведывали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог. Вследствие искушений приобретают они мудрость, и из опыта почерпают ведение о всем, чтоб не потерпеть осмеяния от демонов. Еслиб Бог упражнял их в одном добром, то не доставало бы им обучения в другой части, и во бранях бывали бы оне слепы.

71. Если человек не бывает сперва искушен испытанием худаго, то он не имеет вкуса в добром, чтоб когда встретится в худом доброе, воспользоваться тем с ведением, как своею собственностью. Как приятно знание, заимствованное самым делом из опыта и из упражнения, и какую силу доставляет оно тому, кто долговременным опытом своим приобрел оное в себе самом, — сие познается теми, которые изведали содействие сего знания, равно как немощь естества и помощь Божественной силы, — и уверились в этом. Ибо тогда только познают они сие, когда Бог, удержав сперва силу Свою от содействия им, приводит их в сознание немощи естества, трудности искушений, лукавства

вражеского, и того, с кем у них борьба, каким облечены они естеством, и как были охраняемы Божескою силою, сколько совершили пути, сколько возвысила их Божия сила, и сколько бывают они немощны в борьбе со всякою страстию, если удаляется от них эта Божия сила, — так что из всего этого приобретают они смирение, приближаются к Богу, начинают ожидать Его помощи и пребывать в молитве. И откуда бы заняли они все это, если бы не приобрели опыта о многом худом, впад в сие худое по Божию попущению, как говорит Апостол: за премногая откровения да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, аггел сатанин (2 Кор. 12, 7)? Но в искушениях, многократно испытывая Божию помощь, человек приобретает и твердую веру; от чего делается небоязненным и приобретает благодушие в искушениях.

72. Искушение полезно всякому человеку. Подвижники бывают искушаемы, чтоб присовокупить нечто к богатству своему; расслабленные, чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон, чтобы приуготовляться им к пробуждению; далеко стоящие, чтоб приблизиться им к Богу; свои Богу, чтоб веселиться им с дерзновением. — Всякий необученный сын приемлет богатство из дома Отца своего не в пользу себе. Поэтому—то Бог сперва искушает и томит, а потом показывает и дарование.

73. Человек, пока в нерадении, боится часа смертного; а когда приблизится к Богу, боится сретения суда, когда же всецело поступит в предняя, тогда любовь поглотается тот и другой страх. — Почему же это? — Потому что пока человек остается в ведении и житии телесном, ужасается он смерти. Когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, тогда ум его всякий час занят памятованием будущего суда; так как право стоит он по своему естеству, движется в душевном чине, занимается своим ведением и житием, и благоустроен для того, чтобы приближаться к Богу. Но когда достигнет онаго ведения истины, по возбуждении в нем ведения таин Божиих и по утверждении надежды будущего; тогда любовь поглотается и оный телесный человек, подобно животному боящийся заклания, и человек разумный, боящийся суда Божия; соделавшийся же сыном украшается любовью, а не устрашающим вразумляется жезлом, говоря: Аз же и дом отца моего служити будем Господеви (Нав. 24, 15).

74. Блажен, у кого помышление всегда о Боге, и кто с Ним одним пребывает в беседе ведения своего. Радость о Боге крепче здешней жизни; и кто обрел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою. Любовь сладостнее жизни, и разумение по Богу, от котораго рождается любовь, еще сладоснее паче меда и сота. Любви — не печаль, принять тяжкую смерть за любящих. Любовь есть порождение ведения; а ведение есть порождение душевнаго здравия, здравие же душевное есть сила, происшедшая от продолжительнаго терпения.

75. Жизнь вечная есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение мирское.

Приял ли кто мудрость от Духа, познает он из самой мудрости, которая в сокровенности его и в чувствах учит его смиренным нравам.

Достиг ли кто смирения, узнает он из того, если находит для себя гнусным угождать миру своим общением с ним, или словом; и если в глазах его ненавистна слава мира сего.

76. Страсти (в действии) суть приращения, которья, бывая производимы вещами мира сего, увлекают под предлогом необходимости, удовлетворять потребностям жизни; и приращения сии не прекращаются, пока стоит мир сей. Но человек, который сподобился Божественной благодати, вкусил и ощутил нечто высшее сего, не попускает приращениям сим входить в сердце его; потому

что вместо их возобладало в нем другое, лучшее их вожделение, — и к сердцу его не приближаются ни самыя сии приражения, ни порождаемое ими, но остаются они вне бездейственными, — не потому, что нет уже страстных приражений, но потому, что приемлющее их сердце мертво для них и живет чем то иным; не потому, что человек успокоился в следствие хранения разсудительности и дел, но потому, что в уме его нет ни от чего тревоги, сознание его насыщено, насладившись чем-то иным.

77. Если будем хранить закон трезвения и дело разсудительности в ведении, то борьба с страстными приражениями совсем не приблизится к уму. Воспрещается же войти им в сердце в следствие не борьбы, но пресыщения сознания и ведения, каким наполнена душа, и желания чудных, находимых в душе, созерцаний.

Пока человек живет, имеет нужду в трезвенности, попечительности и бодренности, чтобы охранять свое сокровище. Но если оставит он назначенный ему предел (пост), то сделается немощным и будет ограден.

Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод; но надо подвизаться до самого исхода. Ибо нередко и созревший плод побивает внезапно град.

78. Если приобучим себя к доброму размышлению (поучению в сердце); то будем стыдиться страстей, как скоро встретимся с ними. Но будем стыдиться приближения к страстям и по причине их виновности.

79. Когда из любви к Богу желаешь совершить какое дело, пределом желания сего поставь смерть; и таким образом на самом деле сподобишься взойти на степень мученичества в борьбе с каждою страстию, и не понесешь никакого вреда от того, что встретится с тобою внутри онаго предела, если претерпишь до конца, и не разслабеешь. Помышление немощнаго разсудка немощною делает и силу терпения: а твердый ум и тому, кто следует помышлению его, сообщает силу, какой не имеет природа.

80. Житие мира сего подобно начертанию букв на таблицах; и когда кто захочет и пожелает, прибавляет к ним и убавляет, и делает перемену в буквах. А жизнь будущая подобна рукописаниям, начертанным на чистых свитках, запечатанным царскою печатю, в которых не допускается уже ни прибавление, ни убавление. Поэтому, пока мы среди изменения, будем внимательны к себе и пока имеем власть над рукописанием жизни своей, какое пишем своими руками, постараемся делать в нем дополнения добрым житием, и изглаждать в нем недостатки прежняго жития. Ибо пока мы в мире сем, Бог не прилагает печати ни к доброму, ни к худому, до самого часа исшествия из сей жизни.

81. Молитва имеет нужду в упражнении, чтобы ум умудрился долговременным пребыванием в оной. Молитву предваряет отшельничество (уединение, отвлечение мыслей от всего сторонняго).

Отшельничество нужно ради молитвы, а молитва — для того, чтоб приобрести нам любовь Божию; потому что вследствие молитвы сыскиваются причины любить Бога.

82. Надлежит знать нам, что всякая беседа к Богу, совершаемая втайне, всякое попечение добраго ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою, и нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится во едино, — будешь ли разуметь различныя чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы, от которой раждается любовь Божия; потому что любовь от молитвы, а молитва от пребывания в уединении; в уединении имеем

мы нужду для того, чтобы нам была возможность удобнее беседовать с Богом.

83. Храни себя от самомнения во время добрых в тебе изменений. Немошь свою и невежество свое в разсуждении тонкости сего самомнения рачительно открывай Господу в молитве, чтоб не быть тебе оставлену и не искуиться в чем либо срамном; потому что за гордостью следует блуд, а за самомнением обольщение.

84. Когда на одну сторону положишь все прочия дела подвижническия, а на другую — молчание, то найдешь, что оно перевешивает на весах. Много советов у людей; но когда сблизится кто с молчанием, излишним будет для него делание хранения их, и излишними окажутся прежния дела, и сам он окажется превзошедшим сии делания; потому что приблизился к совершенству.

85. Пусть у тебя всегда берет перевес милостыня. Наше милосердие пусть будет зеркалом, чтобы видеть в себе самих то подобие, и тот истинный образ, какой есть в Божием естестве и в сущности Божией. Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится. Человек милостивый — врач своей души; потому что как бы сильным ветром из внутренности своей разгоняет он омрачение страстей. Это, по Евангельскому слову жизни, добрый долг, данный нами в заем Богу.

86. Когда приближаешься к постели своей, скажи ей: «в эту ночь, может быть, ты будешь мне гробом, постеляя; и не знаю, не придет ли на меня в эту ночь, вместо сна временнаго, вечный будущий сон». Поэтому, пока есть у тебя ноги, иди вслед делания, прежде нежели связан ты узами, которых невозможно будет разрешить. Пока есть у тебя персты; распни себя в молитве, прежде нежели пришла смерть. Пока есть у тебя глаза; наполняй их слезами, прежде нежели покрыты они прахом. Как роза, едва подует на нее ветер, увядает; так если внутри тебя дохнуть на одну из стихий, входящих в состав твой, ты умрешь. Положи, человек, на сердце своем, что предстоит тебе тотчас отшествие, и непрестанно говори себе: — «вот у дверей уже пришедший за мною посланник. Что же я сию? — Переселение мое вечно; возврата уже не будет.

87. Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединенным. А кто любит оставаться со многими, тот друг мира сего. Если любишь покаяние, люби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства. Если любишь безмолвие — мать покаяния, то с удовольствием возлюби и малый телесный вред, и укоризны, и обиды, какия польются на тебя за безмолвие. Приверженность к безмолвию есть непрестанное ожидание смерти. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что неизбежно сопряжено с сим образом жития.

88. Будем любить безмолвие, пока мир не умерщвлен в сердцах наших. Будем всегда памятовать о смерти, и в сем помышлении приближаться к Богу сердцем своим, — и презренными соделаются для нас мирския удовольствия.

89. Один из безмолвников говорил: «я подвизаюсь в безмолвии для того, чтобы услаждались для меня стихи при чтении и молитве. И когда от удовольствия при уразумении их умолкнет язык мой; тогда, как бы во сне каком, прихожу в состояние сжатия чувств и мыслей моих. И тогда, когда при продолжительности сего безмолвия утихнет сердце мое от мятежа воспоминаний, тогда посылаются мне непрестанно волны радости внутренними помышлениями, сверх чаяния внезапно приходящими к услаждению сердца моего».

90. Другой же говорил: «Безмолвие отсекает предлоги и причины к новым помыслам, и внутри стен своих доводит до обветшания и увядания воспоминания о предзанятом нами. И когда обветшают в

мысли старья вещества, тогда ум, исправляя их, возвращается в свой чин».

91. Иной еще говорит: «избери себе делание усладительное — непрестанное бдение по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхаго человека, и сподобились обновления ума. В сии часы душа ощущает оную бессмертную жизнь, и ощущением ея совлекается одеяния тьмы и приемлет в себя Духа Святаго».

92. И еще: «чувства сии (внешняя) подчинить власти души невозможно без безмолвия и отчуждения от людей; потому что разумная душа, быв существенно соединена и сопряжена с сими чувствами, ими и своими, под впечатлением их, помыслами невольно увлекается, если человек не будет бодрствен в сокровенной молитве».

93. Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости — похотное жжение, а от пресыщения — нечистота. При алчущем и смиренном чреве никак не проникают в душу срамные помыслы.

94. Как просветляется красота твоя, целомудрие, возлежанием на голой земле, трудом алкания, отъемлющего сон, злостраданием плоти, которая, при воздержании от яств, между ребрами и чревом делается подобною глубокому рву! Всякая снедь, приемлемая нами внутрь и всякое упокоение плоти образуют в нас срамныя представления и безобразныя мечтания; и оне, пораждаясь, раздражают нас к тайному склонению к делам срамным. А пустота чрева и мысли наши делает страну пустынною, не тревожимую помыслами, и безмолвствующею от всех мятежных помыслов.

95. Некоторые нужны указания безмолвствующему: Если во время разных служб, бываешь, по возможности, далеким от парения ума, и внезапно пресекается стих на языке твоём, и на душу твою налагает оковы молчания, без участия твоей свободы, и последует сие за долговременным пребыванием на безмолвии; то знай, что ты в безмолвии своем простираешься вперед, и что кротость начала в тебе углубляется. Ибо простое безмолвие в правду достойно осуждения.

Если примечаешь в душе своей, что при каждом возникающем в ней помысле, при каждом припамятовании, и во время созерцаний, какия бывают в безмолвии твоём, глаза твои наполняются слезами, и слезы без принуждения текут по ланитам твоим; то знай, что начало совершаться пред тобою отверстие преграды на разорение сопротивных.

Если находишь в себе, что по временам мысль твоя, без предварительнаго о том примышления, вне обычного порядка, погружается внутрь тебя, и пребывает в этом состоянии около часа, или скольконибудь времени, а потом примечаешь, что мир царствует в помыслах твоих, — и тоже самое повторяется с тобою всегда; то знай, что облако начало приосенять скинию твою.

Если же, когда вступишь в дело сие, не обретаешь мира от тревожащих себя страстей; то не дивись.

Если недро мира, по удалении от него лучей солнечных, надолго остается темным, также запах врачевств и аромат мира, разливающийся в воздухе, пребывают не малое время, прежде нежели рассеются и исчезнут; то тем паче страсти, подобно псам, привыкшим лизать кровь в мясной лавке, когда не дают им обычной пищи, стоят и лают, пока не сокрушена будет сила прежняго их навыка.

Когда же простираешься ты вперед, то следующие явственные признаки найдешь близкими в душе своей: будешь укрепляться во всем надеждою и обогащаться молитвою, — не оскудеет никогда в уме твоём служащее к пользе всякий раз, когда встречаешься с людьми и ощущаешь немощь естества человеческого (каждый такой случай будет охранять тебя от гордыни), — недостатки ближняго сделаются недостойными внимания в очах твоих, — вожделеешь ты выдти из тела сего с таким же

желанием, с каким стал бы пребывать в будущем веке, — о всяком скорбном приключении, встречающемся с тобою явно и тайно, найдешь, что по справедливости и по суду приблизилось к тебе все сие, и принесешь за то благодарение Богу.

96. Страсти приводятся в движение или какими-нибудь образами, или чувством без образов, и памятью сначала без страстных движений и помышлений, которая потом производит раздражение.

97. Всегдашнее бдение с чтением, и в след за оным частые поклоны не замедлят рачительным подать благомирного устройства сердца. И кто обрел его, тот обрел сими именно средствами. Желаящие снова приобрести его имеют нужду пребывать в безмолвии, а вместе и в делании сказанного; прежде же всего им надо ни к чему кроме души своей не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннем делании, да и в разсуждении самых дел, упражняться в тех именно, в которых особенно находим близким к себе определенное ощущение, утверждающее нас в добром настроении.

98. Во всяком разумном естестве без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. Разсудительный может умудриться в уразумении сего, производя испытания над собою; если будет трезвиться, и наблюдать за собою в уме своем, то легко дознает, какое когда изменение принимает мысль его и как внезапно из мирного состояния приходит в смущение и по каким причинам.

О сем и св. Макарий написал в наставление братьям, чтоб, во время изменения в противное, не впадали в отчаяние; потому что и с стоящими на степени чистоты, как с воздухом охлаждение, приключаются всегда низпадения из лучшаго в худшее состояние, между тем, как нет в них нерадения или послабления себе; напротив же того, даже когда соблюдают они чин свой, случаются с ними подобныя низпадения, противныя намерению собственной воли.

Тоже утверждает и блаж. Марк, говоря: «Изменения в каждом бывают, как в воздухе». В каждом, т. — е., не в низших только и худших, но и в совершенных. Как в природе бывает холод и вскоре потом зной, — также град и не много спустя ведро: так бывает и в нашем упражнении, то брань, то помощь от благодати; иногда душа бывает в обуревании и возстают на нее жестокия волны, — и снова происходит изменение, потому что посещает благодать и наполняет сердце человека радостью и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами.

99. Итак и когда обуреваем бываешь, не отчаявайся, — и когда бываешь миром осеняем, не превозносись. Напротив того, разсмотри лучше в себе нечистые помыслы и те не благоприличные образы, какие утвердились в уме твоём во время обуревания, в час смятения и беспорядочности помыслов; — подумай и о том, с какою скоростью уклонился ты в страсти, и беседовал с ними в омрачении ума; и знай, что все это к смирению нашему навел на нас Божий Промысл, который о каждом из нас промышляет и устрояет, что кому полезно.

100. Смирение и без подвигов многия прегрешения делает простительными; без смирения же и подвиги бесполезны, даже уготовляют нам много худаго. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели. Для приобретения его потребно непрестанно печалиться мыслию с унижением и разсудительным болезнованием. И если приобретем его, то оно соделает нас сынами Божиими.

101. Господь наш опору нашей немощи указал в молитве, говоря: пробудитесь, бдите и молитесь, да не внидете в напасть (Мф. 26, 41). Молитесь и будьте не ленивы, во всякое время бодрствующе и молящися (Кол. 4, 2. 3). Просите, и примете: ищите и обрящете: толщете и отверзется вам. Всяк бо

просьба приемлет, и ищай обретает, и толкущему отвержется (Мф. 7, 7. 8), Особенно же подтвердил, Он сие слово Свое, и к большей рачительности подвиг нас притчею о друге, который в полночь пришел к другу своему, и просил у него хлеба. Господь говорит: аминь глаголю вам, аще не даст ему, зане друг ему есть, но за безочтство его, встав даст ему, елико требует (Лук. 11, 8). И вы молитесь, и не будьте нерадивы. Какое несказанное побуждение к дерзновению!

102. Господь знает, что прежде смерти не отъемлет Он у нас возможности к уклонению, что весьма близко к нам это изменение, и именно, переход от добродетели к пороку, что человек и естество его приемлют в себя противное; почему повелел нам быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитве. И не ради только охранения самих себя от явнаго изменения повелел Он нам молиться; но и по причине тонкости и непостижимости того, что всегда с нами встречается, и не объемлется ведением ума нашего в тех состояниях, в каких нередко находимся не произвольно. Ибо, хотя мысли и весьма тверды и прилеплены к добру; однакоже Промысл Его неоднократно оставляет нас в пределе искушений, и ввергает в оныя, как сказал блаженный Павел: дадеся ми пакостник плоти (2 Кор. 12, 7—9).

103. Мир сей есть состязание и поприще для состязаний. Время это есть время борьбы. А во время борьбы, и во время состязания, закона не полагается, т. — е. Царь не полагает воинам своим предела, пока не будет кончено состязание, и всякий человек приведен к дверям Царя Царствующих и там испытан, одержал ли в состязании победу, или обратил хребет свой. Тут один закон — бодрствовать, и противостоять. — Не будем же нерадеть о молитве, и не поленимся просить помощи у Господа, без Коего не можем творить ничего, Ему благоугоднаго. — Твердо будем держать в мысли, что пока мы в мире сем, и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небеснаго свода, но можем оставаться без дел и труда, и быть без попечения.

104. Совершенство сего поприща заключается в следующем: в покаянии, чистоте и в усовершеннии себя. (Покаявшийся вступает в борьбу со страстями, — и борется, пока очистится от них сердце; очищение сердца — предел борьбы, и дверь в область совершенства).

105. Некто был спрошен: «что есть покаяние?» И ответил: «оставление прежняго и печаль о нем»; также: «сердце сокрушенное и смиренное».

106. И еще был спрошен: «как может человек приобрести смирение?» И сказал: «непрестанным памятованием своих прегрешений и близости смерти, бедным одеянием, — тем, чтобы во всякое время предпочитать последнее место, и во всяком случае охотно принимать на себя дела самая последняя и униженные, — не быть непослушным, — сохранять молчание, — не любить ходить в собрания, желать оставаться неизвестным и ни во что не избираемым, — не удерживать никакой вещи в полном собственном распоряжении, — ненавидеть беседу с многими лицами, — не любить прибытков, и сверх сего умом своим быть выше того, чтоб как ни есть порицать и обвинять всякаго человека, и выше зависти, — не быть таким человеком, котораго руки были бы на всех, и на котором были бы руки всех, но одному в уединении заниматься своим делом, и не брать на себя попечения о чем либо в мире, кроме себя самого. Короче сказать: странническая жизнь, нищета и пребывание в уединении — вот от чего рождается смирение и очищается сердце».

107. Признак достигших совершенства таков: если десятикратно в день преданы они будут на сожжение за любовь к ближним, то не удовлетворятся сим, как показали Моисей (Исх. 32, 32), и блаж. Павел (Римл. 9, 3), и прочие Апостолы. — Бог Сына Своего предал на крестную смерть, по

любви к твари. А если бы у Него было что более драгоценное, и то дал бы нам, чтобы сим приобрести Себе род наш. — Подражая сему, и все Святые, стремясь к совершенству, домогаются уподобиться Богу совершенством любви к ближнему.

108. Никто не может взойти на степень этой любви, если не возчувствует втайне надежды своей. Не могут приобрести любви к человекам те, которые любят мир сей. Когда приобретет кто любовь, вместе с любовью облачается в Самого Бога. А тому, кто стяжал Бога, необходимо не только не соглашаться на приобретение с Ним чего либо инаго, но и совлечься тела своего. Если же любовь к миру облечется кто в этот мир и в эту жизнь; то не облечется он в Бога, пока не оставит сего. Ибо Сам Бог засвидетельствовал сие, говоря: аще кто не оставит сего, и не возненавидит душу свою, не может Мой быти ученик (Лук. 14, 26). Должно не только оставить, но и возненавидеть это.

109. Почему так сладостна надежда, и всякия дела при ней бывают легки? — Потому что в этот час пробуждается в душе Святых естественное пожелание (благобытия), надежда же дает им пить сие в обители из своей чаши, и упоевает их. Оттого не чувствуют уже они труда, но делаются нечувствительными к трудам, к скорбям, и во все продолжение своего шествия думают, что шествие их совершается как по воздуху, а не человеческими идут они стопами; потому что невидима ими трудность пути, пред ними нет холмов и потоков, и бывают им острая в пути гладки (Ис. 40, 4). Внимание их обращено в лоно Отца их, — и самая надежда, как бы перстом, в каждое мгновение указывает им отдаленное и невидимое, зримое однакож сокровенным оком веры, и желанием сего отдаленнаго, как бы огнем, разжигает все части души. Туда простирается все устремление их помыслов, и туда всегда поспешествуют они достигнуть. — Так надежда разжигает их как огнем, и не могут они дать себе отдыха в стремительном и непрестанном течении, совершаемом с радостью.

110. Безстрастие не в том одном состоит, чтобы не ощущать страстей, но и в том, чтобы не принимать их в себя. В следствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных Святими, страсти изнемогли в них, и не легко могут возстать на душу и ум их не имеет нужды непрестанно быть в разсуждении их внимательным; потому что во всякое время исполнен мыслями, какия с сознанием возбуждаются в разуме помышлением и беседою о превосходнейших нравах. И как скоро начинают возбуждаться страсти, ум внезапно восхищается от сближения с ними каким то уразумением, проникшим в ум; и страсти, как сказал блаж. Марк, остаются в них, как бы праздными.

111. Ум, по благодати Божией, исполняя добродетельныя деяния, и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что составляет худую и неразумную часть души. Ибо ведение восхищает его в высоту, и отчуждает от всего, что в мире. И по причине непорочности Святых, и тонкости, удобоподвижности, и остроте ума их, а также по причине их подвига, очищается ум их, и оказывается просветленным, по сухости их плоти. И, вследствие обучения их безмолвию и продолжительнаго пребывания в оном, легко и скоро дается каждое внутреннее созерцание, и в изумление приводит их созерцаемым. При сем обыкновенно изобилуют они созерцаниями, и ум их никогда не имеет недостатка в предметах разумения, и никогда не бывают они без того, что производит в них плод духа. Долговременным навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в сердце страсти, и ослабляется сила дьявольской власти. Ибо когда душа не дружится со страстями помышлением о них, тогда, поелику непрестанно занята она другою заботою, сила страстей не может в когтях своих удержатъ духовных чувств ея.

112. Как самомнение уносит душу выспрь и дает ей свободу парить в облаках своих помыслов и кружиться по всей твари, так смирение собирает душу во едино безмолвием, — и сосредоточивается она в себе самой. Как душа внутри тела сокрыта от зрения и от общения со всеми людьми, так и истинно смиренномудрый человек не только не желает быть видим и знаем людьми, но даже такова его воля, — погрузиться от себя самого в себя, сделаться нечим, как бы не существующим, не пришедшим еще в бытие. — И пока таковой человек бывает сокровен, заключен в себе и отлучен от мира, — всецело пребывает он у своего Владыки.

113. Смиренномудрый никогда не останавливается посмотреть на собрания, народное стечение, волнение, шум, разгул, — не обращает внимания на слова, беседы, клики и рассеяние чувств, — ему желательно не то, чтоб иметь у себя многое и быть в непрестанных делах, но чтобы во всякое время быть свободным, не иметь забот, чтобы помыслы его не исходили вне его. Ибо уверен он, что если вдастся во многое, то не возможет пребыть без смущения помыслов; потому что при многих делах бывает много забот и сборище помыслов многосложных; а чрез это отверзается дверь страстям, удаляется тишина разсудительности и заключается дверь мира. Поэтому смиренномудрый охраняет себя от всего многого; и чрез это во всякое время бывает в тишине, в покое, в мире, в скромности, в благоговении.

114. В смиренномудром никогда не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Ничего нет, что могло бы его изумить, смутить, привести в ужас; потому что ни в печалях не ужасается он и не изменяется, ни в веселии не приходит в удивление и не ширится. Но все его веселие и радование о том, что угодно Владыке его.

115. Смиренномудрый не смеет и Богу помолиться, или просить чего либо, и не знает, о чем молиться; но только молчит всеми своими чувствами, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от лица достопоклоняемого Величия, — когда преклоняет он лице свое на землю, и внутреннее зрение сердца его вознесено к вратам во Святое Святых, где Тот, Коего селение — мрак, пред Кем смежаются очи Серафимов, — и осмеливается только так говорить и молиться: «по воле Твоей, Господи, да будет со мною».

116. Ходи пред Богом в простоте, а не в мудровании ума. За простотою следует вера; а за утонченностию и изворотливостию мудрования — самомнение; за самомнением же — удаление от Бога.

117. Когда предстанешь в молитве пред Бога, сделайся в помысле своем, как бы немощствующим младенцем. Не говори пред Богом чего либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему, и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческаго промышления, какое отцы имеют о детях своих младенцах. Сказано: храняй младенцы Господь (Пс. 114, 5), — не только сих малых телом, но и тех мудрых в мире, которые, оставя ведение свое, волею своею уподобились младенцам, и стали учиться оной вседовлеющей Премудрости, которая, не достигается трудами обучения (книжнаго). Проси у Бога, чтобы Он дал тебе придти в меру сей веры. О сем молись не леностно, сего испрашивай с горячностью, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь.

Сподобишься же этого, ежели прежде с верою понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность заменить Его промышлением. И когда Бог усмотрит в тебе сию волю, что со всею чистою мыслию вверился ты Самому Богу более, нежели самому себе, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою: тогда вселится в тебя оная неведомая сила, и ошутительно

почувствуешь ты, что с тобою несомненно сила, — та сила, которую ощутив в себе многие идут в огонь и не боятся, и ходя по водам, не колеблются в помысле своем опасением, что потонут.

118. Не кажется ли тебе, что всячески это духовное ведение может иной приять ведением душевным? — Не только невозможно сим душевным ведением приять оное духовное, но даже нет возможности ощутить его и чувством кому либо из ревностно упражняющихся в ведении душевном. И если некоторые из них желают приблизиться к иному духовному ведению, то пока не отрекутся от сего душевного, и от всяких изворотов его тонкости, и многосложных его способов, и не поставят себя во младенческий образ мыслей, дотоле не возмогут приблизиться, хотя мало, к ведению духовному. Напротив того, великим препятствием бывают для них навык и понятия душевного ведения, пока не изгладят сего мало-по-малу. Оное духовное ведение просто и не просияет в помыслах душевных. Пока разум не освободится от помыслов многих и не придет в единую простоту чистоты, дотоле не возможет ощутить духовного ведения.

119. Если ты однажды вверил себя Господу, вседовлеющему для охранения твоего, и смотрения о тебе, то не заботься опять о чем-либо таковом, но скажи душе своей: «на всякое дело довлеет для меня Того, Кому единожды предал я душу свою. Меня здесь нет; Он это знает». — Тогда на деле увидишь чудеса Божии, — увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, и как Его Промысл окружает, хотя и невидим. Но потому что невидим телесными очами Хранитель, пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться о Нем, будто бы Его нет; ибо нередко открывается Он и телесным очам, чтобы тебе благодушествовать.

120. Как скоро человек отринет от себя всякую видимую помощь и человеческую надежду, и с верою и чистым сердцем пойдет вслед Богу; тотчас последует за ним благодать, и открывает ему силу свою в различных вспоможениях. Сперва открывает — в этом видимом касающемся тела, и оказывает ему помощь промыслием о нем, чтобы в этом всего более мог он восчувствовать силу о нем Божию Промысла. Уразумением же помощи в явном, уверяется он в помощи и в сокровенном, — в разсуждении коего благодать открывает пред ним хитросплетение мыслей и помыслов трудных, вследствие чего легко сыскивается человеком значение их, взаимная их связь, и прелесть их, и как они рождаются один от другаго, — и губят душу. В тоже время благодать посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов, и как бы перстом указывает ему, что потерпел бы он, если бы не дознал сего. Тогда рождается у него мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего.

121. Когда благодать Божия утвердит мысли его, чтобы во всем этом уповал он на Бога, тогда мало по малу начинает он входить в искушения. И благодать попускает, чтобы посылаемы были на него искушения, соответственные мере его, чтобы понести человеку силу их. И в сих искушениях ощутительно приближается к нему помощь, чтобы благодушествовал он, пока обучится постепенно и приобретет мудрость, и в уповании на Бога станет презирать врагов своих. Ибо умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него, невозможно иначе, как только по силе выдержаннаго им испытания.

122. Благодать, коль скоро усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько сомнения, и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтоб усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь и опять в смирении не емлется за Бога.

123. Не дивись, что когда приступаешь к добродетели, отвсюду источаются на тебя жестокия и

сильная скорби; потому что и добродетелию не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела. Посему—то св. Иоанн (Колов или Пророк) сказал: «добродетели обычно встречать затруднения; она достойна порицания, когда привязана к покою». И блаж. Марк говорит: «всякая совершенная добродетель именуется крестом, когда исполняет заповедь Духа». Это Апостольское учение, что вси, хотящие жити в страхе Господнем и о Христе Иисусе, гоними будут (2 Тим. 3, 12). Господь же говорит: только кто погубит душу свою Мене ради, обрящет ю (Мф. 16, 25). Для того на первых порах предлагает Он тебе крест, чтоб ты прежде определил себя на крест, и потом уже послал душу свою идти вслед Его.

124. Ничто так не сильно, как отчаяние. Оно не знает, чтобы кто победил его десными ли—то, или шуими. Когда человек в мысли своей лишит жизнь свою надежды, тогда нет ничего дерзостнее его. Никто из врагов не может противостать ему, и нет скорби, слух о которой привел бы в изнеможение мудрование его; потому что всякая приключаящаяся скорбь легче смерти, а он подклонил главу, чтоб принять на себя смерть.

125. Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродетели. И прежде нас и до ныне, не от иного чего, но от сего именно, люди изнемогают, и не только не одерживают победы, но даже лишаются наилучшаго. Посему скажем короче, что, если человек небрежет о Царстве Небесном, то разве по надежде малаго здешняго утешения. Кто не знает, что птицы приближаются к сети, имея в виду покой?

126. Когда ум возревнует о добродетели, тогда и внешния чувства не уступают над собою победы никаким трудностям. Когда сердце возревнует духом, тогда тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха; ибо тогда ум, как адамант, своею твердостью противостоит в нем всем искушениям. Возревнуем же, — и отбежит от нас нерадение, поражающее леность. Ревность поражает отважность и придает душе победоносную силу. Какая сила демонов может устоять, когда душа подвигнет против них свою природную ревность.

127. Древние отцы наши, зная, что ум наш не во всякое время в состоянии бывает стоять на одном и блюсти стражу свою, в иное же время не может и усмотреть того, что вредит ему, облакались в нестяжательность, как в оружие, и уходили в пустыню, где нет житейских занятий, служащих причиною страстей, чтоб не иметь поводов к раздражению, пожеланиям, злопамятству. Против всего этого и подобнаго ею укрепляли и ограждали они себя, как не преборимым столпом.

128. Когда человек пребывает в нестяжательности, непрестанно приходит ему на мысль переселение из сей жизни, — и всегдашнее прилагает он попечение о приготовлении к тому, — бегае всякаго покоя, помысл о пренебрежении мира животрепещет в уме его, крепкое стяжевает он сердце для встречи опасностей без страха, не боится смерти, потому что ежечасно устремляет на нее взор, скорби, если встретятся, принимает с веселием и радованием, зная, что они доставляют венцы. Если же случится ему приобрести что либо преходящее, то в сейже самый час в душе его начинает пробуждаться любовь к телу, возникают помыслы о плотском покое, и о способах достать все служащее к тому; от сего далее отъемлется у него та твердость сердца, какую имел он, когда в своей нестяжательности был выше мира, и душу его начинают обуревать мысли, наводящая страх за жизнь, потому отходит от него крепкое упование на Бога.

129. Разныя изречения. — Как тому, у кого голова в воде, невозможно вдыхать в себя тонкаго воздуха, так и тому, кто погружает мысль свою в здешния заботы, невозможно вдыхать в себя

ощущения онаго новаго мира.

Как смертоносная воня разстроивает телесный состав, так и непристойное зрелище мир ума.

Как стекло не может оставаться целым при столкновении с находящимся по близости камнем, так и Святой, когда надолго остается вместе и беседует с женою, не может пребыть в чистоте своей и не оскверниться.

Как с корнем исторгаются деревья сильным и постоянным притоком вод, так искореняется и любовь к миру в сердце притоком искушений устремленных на тело.

Как горькия лекарства истребляют нечистоту худых соков в теле, так и жестокость скорбей очищает сердце от лукавых страстей.

Как невозможно остаться невредимым тому, кто щадит своего врага на поле битвы, так невозможно и подвижнику душу свою избавить от погибели, если щадит он тело свое.

Как юная дева, пораженная видом чего либо страшнаго, прибегши к родителям, емлется за одежду их и взывает о помощи, так и душа, в какой мере утесняется и сокрушается страхом искушений, в такой спешит прилепиться к Богу, призывая Его в непрестанной молитве. И пока искушения продолжают одно за другим нападать на нее, она умножает моление; а как скоро получает освобождение, предается парению мыслей.

Как иной, принеши великий дар Царю, награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, великий Царь веков, Бог, прощает всякую меру грехопадений, и награждает его благоволительным взором.

Как человек имеющий при себе драгоценную жемчужину, проходя путем, на котором водятся разбойники, в непрестанном бывает страхе, что подвергнется нападению и будет ограблен, так и тот, кто несет бисер целомудрия и шествует в мире, — этом полном врагов пути, — не может быть свободен от страха сих разбойников, пока не придет в обитель гроба, т. — е. в страну упокоения.

Как человек, который пьет вино в день плача, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божиею, в сем мире, т. — е., в доме рыдания, забывает все свои труды и печали, и по причине своего упоения делается безчувственным ко всем греховным страстям, сердце его подкрепляется надеждою на Бога, душа его легка, как пернатая птица, ум его ежечасно возносится от земли, превыше всего человеческого парит он своими помыслами и наслаждается безсмертием у Всевышняго.

130. Смиренномудрие есть риза Божества. В него облеклось вочеловечившееся Слово, и чрез него беседовало с нами в теле нашем, прикрыв доблесть величия Своего и славу Свою сим смиренномудрием, чтобы тварь не была попалена воззрением на Него. Тварь не могла бы взирать на Него, если бы не восприял Он части от нея, и таким образом стал беседовать с нею. Поэтому всякий, кто облачается в сию ризу смирения, облачается в Самого Христа; потому что в то подобие, в каком видим был твари Своей и пожил с нею Христос, и он пожелал облечься по внутреннему своему человеку.

131. Смирение есть некая таинственная сила, которую, по совершении всего жития, восприемлют совершенные Святые. Сила сия не иначе как только одним совершенным в добродетели дается силою благодати, потому что добродетель сия заключает в себе все.

132. Не всякий кто скромн, молчалив, кроток, — достиг уже степени смиренномудрия. Да и того, кто смиренномудрствует при воспоминании грехопадений, сокрушаясь о них, не назовем

смиренномудрым, хотя и это похвально; потому что он не обладает еще смирением, но ухищренно приближает его к себе, — он желает только смирения, но смирения нет еще у него. Совершенно смиренномудрый не имеет нужды мудрованием своим изобретать причины к смиренномудрию, но во всем являет смирение без труда и самопринуждения.

133. Если спросит кто, как приобрести смирение, — ответим ему: довлеет ученику соделаться подобным учителю своему, — рабу подобным господину своему (Мф. 10, 25). Смотри, как являл смирение Тот, Кто заповедал оное и дарует сие дарование, — подражай Ему и приобретешь его.

134. Всячески должно избегать всего, что раздражает в нас злыя страсти, особенно же отсекай в себе причины страстей и то, чем страсти, хотя бы то самыя малыя, приводятся в действие; когда же не смотря на то страсти придут в движение, надо противостоят им и бороться с ними. Для того и другого самое лучшее — погружаться во внутренняго своего человека, и там уединенно пребывать, непрестанно возделывая виноградник сердца своего. Когда ум наш пребывает там уединенно и отшельнически, тогда не он уже ведет брань со страстьми, но благодать.

135. Целию пришествия Спасителя, когда Он дал нам животворящая заповеди Свои, как очистительныя врачевства в нашем страстном состоянии, было то, чтобы очистить душу от повреждения, произведеннаго первым преступлением, и возстановить ее в первобытное ея состояния. Что врачевства для больнаго тела, то заповеди для страстной души. И явно, что заповеди постановлены вопреки страстям, для уврачевания преступной души.

136. Повреждение привзошло к нам от преступления заповедей. Из сего явствует уже, что здравие возвращается снова их хранением. А без делания заповедей; пока прежде всего не пойдем оным путем, ведущим к душевной чистоте, не должно нам и желать или надеяться душевнаго очищения. И не говори, что Бог и без делания заповедей может по благодати даровать нам душевное очищение. Это Господни суды, и Церковь не повелевает нам просить чего либо такого. Иудеи, во время возвращения своего из Вавилона в Иерусалим, шествовали путем естественным; но Иезекииль сверхъестественно прибыл в Иерусалим и в Божественном откровении соделался зрителем будущаго обновления. Подобное сему бывает и в разсуждении душевной чистоты. Иные путем протоптаным, чрез хранение заповедей в многотрудном житии, кровию своею приходят в душевную чистоту; а другие удостоиваются ея по дару благодати. И чудно то, что не позволено просить в молитве чистоты, даруемой нам по благодати, и отказываться от жития препровождаемаго в делании заповедей. Ибо богатому, вопросившему Господа, что сотворив живот вечный наследую, Господь ясно сказал: соблюди заповеди (Лук. 10, 25), Когда же богатый домогался узнать еще больше, тогда сказал: аще хочещи совершен быти, иди продаждь имение твое и даждь нищим, и возми крест свой и гряди в след Мене (Мф. 19, 21). А это значит: умри для всего, что имеешь у себя, потом живи во Мне; изыди из ветхаго мира страстей, и потом вступи в новый мир духа. Ибо Господь, сказав: возми крест свой (Мф. 16, 24), научил тем человека умереть для всего в мире. И когда умертвил он в себе ветхаго человека, или страсти, тогда сказал ему: гряди в след Мене. Ветхому человеку невозможно ходить путем Христовым.

137. Блаженный Василий Великий, и блаженные Григории, которые были любителями пустыни и восхваляли бозмолвие, пришли на безмолвие не тогда, как не упражнялись в делании заповедей, но жили сперва в мире, и хранили заповеди, какия должно было хранить живущим в обществе, и потом пришли в душевную чистоту, и сподобились духовнаго созерцания. И после сего уже поспешили они

и вышли на пустынное безмолвие; и с сего времени пребывали со внутренним своим человеком; посему соделались умозрителями, и пребыли в духовном созерцании, пока не призваны благодатию сделаться пастырями Церкви Христовой.

138. Пустыня усыпляет страсти. Но от человека требуется на это одно — усыпить страсти свои, а и то, чтоб искоренить их, т. — е. преодолеть, когда будут против нас упорствовать. Страсти же усыпленные пробуждаются, как скоро встречается причина придти им в действительность. Будем же желать пустыни не потому только, что она усыпляет страсти, но пожелаем, чтобы при недостатке чувственного и в удалении от всех, умудриться нам в ней, и чтоб обновился в нас внутренний, духовный о Христе человек; чтобы на всякий час быть нам наблюдателями над самими собою, и чтобы ум наш соделался бодрственным и охранял себя ежечасно и не похищалось у него памятование надежды его.

139. Господь наш, для уподобления нашего величию Отца небеснаго, назначил нам милосердие, иноки же предпочитают милосердию безмолвие. Как это примиряется?

Господь для уподобления нашего Отцу Небесному назначил милосердие, потому что оно милосердых приближает к Богу. И мы, иноки, чтим безмолвие, не исключая милосердия, а стараясь сколько возможно удалиться от суетнаго попечения и мятежа; — мы не имеем в намерении противостать долгу (относительно ближних), но заботимся о безмолвии, чтоб (вернее исполнить другой высший долг) пребывать в Богомыслии, которым всего более можем возратить себе чистоту и приблизиться к Богу. Если же когда на известное время будет необходимая какая потребность в нас братьям, не должно нерадеть об оной. Посему будем непрестанно понуждать себя, во всякое время внутренно быть милосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо так внушает нам учение Господне, и в этом, а не в чем либо пустом состоит отличие нашего безмолвия. И надобно не только это внутреннее наше милосердие хранить, но, когда призывают обстоятельства, не вознерадеть и о том, чтобы доказать любовь свою явно.

140. Жизнодавец полноту заповедей заключил в двух заповедях, объемлющих собою все прочия, — в любви к Богу, и в подобной же любви к образу Божию. И первая удовлетворяет цели духовнаго созерцания; а вторая созерцанию и деятельности. Ибо естество Божие просто, невидимо, и естественно ни в чем не имеет нужды, и сознание при самоуглублении своем естественно не имеет нужды, в отношении к Богу, в телесной деятельности, деятельность его при сем проста, и обнаруживается в единой части ума, сообразно той простоте достопоклоняемой Вины, Которая выше плотскаго чувства. А вторая заповедь, т. — е. человеколюбие, по двойственности естества, требует, чтобы мы то, что исполняем невидимо в сознании, подобным образом желали исполнить и телесно. Поелику деятельность везде предшествует созерцанию, то невозможно кому либо возвыситься до области этого высшаго, если самым делом не исполнит прежде нисшаго. И ни один человек не смеет сказать относительно любви к ближнему, что преуспевает в ней душею своею, если оставлена им та часть, которая, по мере сил, сообразно с временем и местом, исполняется телесно. Ибо при сем только исполнении делается достоверным, что есть в человеке совершенная любовь. И когда бываем в этом, по возможности, верны и истинны, тогда дается душе сила, в простых и ни с чем несравнимых понятиях простираться до великой области высокаго и Божественнаго созерцания. А где нет возможности, любовь к ближнему совершить в делах видимых телесно, там достаточно пред Богом любви нашей к ближним, совершаемой только душею.

141. Желаящий возлюбить Бога паче всего должен иметь попечение о чистоте души своей; чистота же души стяжевается препобеждением и истреблением страстей. Страсти суть дверь заключенная пред лицом чистоты. Если не отворит кто этой заключенной двери, то не войдет он в непорочную и чистую область сердца. А без этого душа не может иметь и дерзновения в час молитвы; ибо дерзновение сие есть плод чистоты и трудов над стяжанием ея. Вот в каком все сие совершается порядке: терпение с принуждением себе борется со страстьми за чистоту; если душа препобедит страсти, то приобретает чистоту; а истинная чистота делает, что ум приобретает дерзновение в час молитвы.

142. Отречемся от того, чтобы просить у Бога чего либо высокоаго; но паче всего приобретем терпение для всего, что ни бывает с нами, — и в великом смирении и сокрушении о том, что в нас, и о помыслах наших, будем просить отпущения грехов наших и душевнаго умирения. Одним из Отцев написано: «кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом». Написано, — что не приидет Царствие Божие с соблюдением (т. — е. приметным образом) — (Лук. 17, 20). Мы с своей стороны будем всячески стараться привести область сердца своего в благоустроение делами покаяния и житием благоугодным Богу; Господне же приидет само собою, если место в сердце будет чисто и не оскверненно. Чего же ищем с соблюдением, разумею высокия дарования Божии, то не одобряется Церковию Божиею; и приемшии это приобретали себе гордость и падение. И это не признак того, что человек любит Бога, но душевная болезнь. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда Павел хвалится скорбями, и высоким Божиим даром почитает общение в страданиях Христовых.

143. Пока душа болезнует страстями, она не ощущает чувством своим духовнаго, и не умеет вожделевать онаго, вожделевает же то только по слуху ушей и по писаниям. Врачует от сих болезней душевную силу сокровенное делание заповедей, с приобщением Христовым страстям.

Первоначально естество наше в вочеловечении Христовом прияло обновление, приобщилось Христову страданию и смерти; и потом по обновлении изливанием крови освятилось и сделалось способным к принятию заповедей новых и совершенных. А если бы заповеди сии даны были людям до изливания крови, до обновления и освящения естества нашего; то, может быть, и самыя новыя заповеди, подобно заповедям древним, отсекали бы только порок в душе, но не могли бы истребить в душе самый корень пороков. Ныне же не так: но сокровенное делание и заповеди новыя и духовныя, которыя душа хранит, имея страх Божий, обновляют и освящают душу, и сокровенно врачуют все члены ея. Ибо явно для всех, какую страсть безмолвно в душе исцеляет каждая заповедь, и действенность их ощутительна и врачующему и врачуемому, как было и с кровоточивой женою.

144. Исцеление страстной части души может совершиться и по благодати, как было с блаженными Апостолами. Но это дело особеннаго Божия избрания; обыкновенно же душа приобретает здравие законным путем. Именно: кто деланием заповедей и трудными делами истиннаго жития препобедил страсти, тот законным — общим путем приобрел душевное здравие, и отдоен млеком вне овещствления мира сего, и отсек в себе прежний свой нрав и возрожден, как и первоначально, в духовном, и по благодати, как приобретший понятия внутренняго человека, стал видим в области духа, и приял ея в себя мир новый несложный.

145. Когда ум обновлен и сердце освящено; тогда все возникающия в нем понятия возбуждаются сообразно с естеством того мира, в который вступает он. Сперва возбуждается в нем любовь к

Божественному, и вожделевает он общения с Ангелами и откровения таин духовнаго ведения; ум его очищает духовное ведение тварей, и возсиявает в нем созерцание таин Святыя Троицы, также и таин достопокланяемаго ради нас домостроительства; и потом всецело входит в единение с ведением надежды будущаго.

146. Если бы душа, когда заключена в области страстей, могла истинно уразумевать духовное, то не имела бы нужды спрашивать и дознавать о таинствах мира духовнаго. Но явно, что обучение и ведение при страстях не приносят пользы, и не достаточны к тому, чтобы отверзть дверь, заключенную пред лицом чистоты. Когда же отъяты будут от души страсти, тогда ум просвещается и поставляется в чистом месте естества, и не имеет нужды в вопросах; потому что ясно видит блага, обретаемая на своем месте. Ибо как внешняя чувства не в следствие обучения ощущают соприкосновенныя им естества и вещи, но каждое чувство естественно ощущает встречающуюся ему вещь: так, подобным сему образом, представляй себе о созерцании духовном. Ибо ум, прозирающий в сокровенныя тайны духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову, и не спрашивает и не учится, но наслаждается тайнами новаго мира, превыше свободы воли, соразмерно горячности веры и надежды на Христа.

147. Если желательно тебе, чтобы сердце твое сделалось обителю таин новаго мира, то обогатись сперва делами телесными, постом, бдением, службою, подвижничеством, терпением, низложением помыслов, и прочим. Связывать ум свой чтением Писаний и углублением в оныя, напиши пред очами у себя заповеди, и непрестанным собеседованием молитвенным и самоуглублением в молитвословии искороняй в сердце своем всякий образ и всякое подобие, предварительно тобою воспринятое.

Приучай ум свой углубляться всегда в тайны Спасителя домостроительства; перестань просить себе ведения и созерцания, которыя в своем месте и в свое время превышают словесное описание, и продолжай делание заповедей и труды в приобретении чистоты, и проси себе у Господа сподобиться умнаго жития. Начало, средину и конец жития сего составляет следующее: отсечение всего единением со Христом. Если же вожделеваешь созерцания таин, самым делом воздělывай в себе заповеди, а не одним стремлением к их ведению. Духовное созерцание действует в нас в области чистоты.

148. Созерцание у сынов таинства веры сопряжено с верою, и пасется на лугах Писания. Слова, непостижимыя ведением, делаются понятными для нас при помощи веры, и ведение о них получаем в созерцании, какое бывает по очищении. Для духовных таин, которыя выше ведения, и которых не ощущают ни телесныя чувства, ни разумная сила ума, Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны сии существуют. И от этой веры раждается у нас надежда о них (т. — е. надежда уразуметь их). Верою исповедуем, что Бог есть Господь, Владыка, Творец и Устроитель всяческих. От сего потом совестию понуждаемые решаем, что должно нам хранить заповеди Его, и разуметь, что ветхия заповеди хранит страх, а животворныя заповеди Христовы хранит любовь, как говорит Господь: аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте. И Аз умолю Отца, и инаго Утешителя даст вам (Иоан. 14, 15, 16). Пришествием Утешителя называет дарование откровения духовных таин; посему в приятии Духа, Котораго прияли Апостолы, — все совершенство духовнаго ведения. И Господь обещал, умолив Отца Своего, дать им Утешителя, чтобы Он при делании ими заповедей и очищении самих себя, пребыл с ними во веки. Видишь ли, что за сохранение заповедей ум сподобляется благодати таинственнаго созерцания и откровений духовнаго ведения.

149. Хранение заповедей такую силу являет, когда совершается из любви к Даровавшему их, а не по страху. Поэтому законная дверь вводящая в созерцание есть любовь. На всех восхождениях откровений ведения и таинственных созерцаний Божественная любовь вводит и низводит стяжавших ее. Потому сперва должно приобрести любовь; а после того созерцание духовного будет у нас естественно. И уразумей мудрость блаженного Павла, как он оставил все дарования, сообщаемая благодатию, и просил самого существенного, — того, чем приемлются и хранятся дарования, т. — е. любви (1 Кор. гл. 13). Она место откровений; и на сем месте созерцание показывает нам себя само собою. Как по мере естественного возраста душа приемлет в себя новое и новое ведение о существующем в мире, и день ото дня обучается этому более и более, так и в духовном человек приемлет в себя духовное созерцание и Божественное ощущение, и обучается этому в той мере, в какой ум возрастает в разумном житии. Когда же придет он в область любви, тогда созерцает духовное на своем месте.

150. Пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покарется. И если дерзновенно возмечтает он, и возведет взор к духовному, и будет доходить до него разумением не во время, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы. Как скоро постигнешь ты это разсудительным умом своим, то не будешь домогаться созерцания не во время. Если же кажется тебе, что и теперь (прежде вступления в область чистоты и любви) видишь созерцание, то созерцание сие есть тень призрака, а не созерцание; потому что у всего мысленного бывает подобие и мечтательный образ, а бывает также и истинное созерцание. И в естественном порядке иногда видится действительное, а иногда противное тому; глаз вместо действительности видит тень, видит воду, где нет воды, видит здания, висящая на воздухе, между тем, как они стоят на земле. По такому явлению телесного тоже представь себе и о мысленном.

151. Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет в совершенстве света любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом, то не сможет сделаться истинным зрителем Божественного созерцания. Все же те подобия духовного, какая думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностью. И это, что ум видит одно вместо другого, происходит от того, что он не очистился. Это было и с философами внешними, которые почли духовным то, о чем не прияли истинного учения от Бога, — и разглагольствовали об этом в не надлежащем самомнении, единого Бога разделили в многобожии, говорили и соглашались между собою в глумлении помыслов, и эту мечту безумия помыслов своих назвали умозрением естеств.

152. Истинное созерцание естеств чувственных и сверхчувственных и самой Святой Троицы уделяется в Откровении Христовом. Ему научил и его указал человекам Христос, когда первоначально Своею Ипостасию совершил обновление естества человеческого, возвратил и дал ему первую свободу, и Сам проложил нам путь животворящими Его заповедями восходить к Истине. И естество наше тогда только способно соделаться зрителем истинного, а не мечтательного, созерцания, когда человек первоначально претерпением страданий, деланием и скорбию совлечется ветхаго человека страстного, как новорожденный младенец совлекается одежды, выносимой из матерних ложесн. Тогда ум, возродившись духовно, делается способным приять созерцание отечества своего.

153. И созерцание сие бывает пищею ума, пока не придет он в состояние приять созерцание высшее

перваго созерцания; потому что одно созерцание передает человека другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви. Любовь есть обитель духовнаго, и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание, и делается зрителем сокровеннаго.

154. Двумя способами, как я говорил уже, дается дарование откровений умнаго созерцания. Иногда дается по благодати за горячую веру; а иногда за делание заповедей и за чистоту. По благодати, как блаженным Апостолам, которые не деланием заповедей очистили ум, а горячею верою; потому что в простоте уверовали во Христа, и несомненно с воспламененным сердцем, последовали за Ним. И когда Христос совершил достопоклоняемое Свое домостроительство, Он послал им Духа Утешителя, Который очистил и усовершил ум их, и действительно умертвил внутри их ветхаго страстного человека, и действительно оживотворил в них человека новаго духовнаго. — Так и блаженный Павел обновлен был таинственно, и потом приял созерцание откровения таин. Не написано, о чем Иисус беседовал с ним явно, но пишется, что сказал ему Анания: Савле брате, Господь наш Иисус Христос, явлейтися на пути, посла мя к тебе да прозрят очи твои, и исполнишися Духа Свята (Деян. 9, 17). — И когда крестил его, исполнился он Духа Святаго; и ощутил сокровенныя тайны откровений, как совершилось сие и с св. Апостолами, к коим Господь Иисус говорил: много имам глаголати вам, но не можете носити ныне: егда же приидет Дух Святыи, Он наставит вы на всяку истину, и грядущая возвестит вам (Иоан. 16, 12, 13).

155. И блаженный Павел тогда именно, как приял Духа Святаго, и обновился Им, сподобился и таин откровения, стал созерцать духом откровений, и услаждался созерцанием, слышал неизреченные глаголы, зрел созерцание высшее естества, восторгался созерцаниями небесных сил, и услаждался духовным. И да не будет того, что в безумии своем утверждают еретики (евктиты), будто бы сего восхождения достиг он по своему желанию! Ум вовсе не может восходить туда. Напротив того Павел восхищен был духом откровений, как сам написал в послании к Коринфянам (2 Кор. 12, 2, 4), вопреки этим суетным людям, которые уподобили себя св. Апостолам и мечты своих помыслов назвали духовными созерцаниями.

156. В разсуждении людей, которые исполнены страстей и входят в исследование о законах телеснаго и безтелеснаго, а потому не отличаются от больных, преподающих правила о сохранении здравия, одним из Святых написано: «Блаж. Павел, когда узнал об учениках, которые пренебрегали заповедями и не препобедили страстей, однакож вожделевали блаженства в созерцании таин, возможном лишь по очищении от них, сказал им: совлекитесь сперва ветхаго человека страстей, и тогда вожделевайте облечься в человека новаго, обновленнаго познанием таин в подобие Творцу, и не вожделевайте моего и прочих Апостолов блаженства, действительно совершеннаго благодатию; потому что Бог егоже хочет милует: и егоже хочет ожесточает (Рим. 9, 18). Ибо кто противостанет лицу Его, или воспротивится воле Его? — Бог дарует иногда туне; иногда же требует дел и очищения, и потом уже посылает дар, а иногда и после дел и очищения не дает здесь, но хранит, чтобы даровать созерцание на своем месте».

157. Находим, что так поступает Он и в разсуждении меньшаго в сравнении с сим дара, разумею прощение грехов. Ибо вот крещение дарует туне, и совершенно ничего не требует, кроме веры; при покаянии же во грехах по крещении не туне прощает, но требует трудов, скорбей, печалей, сокрушения, слез, долговременнаго плача, — и потом уже прощает. Разбойника туне простил за одно

исповедание словом на кресте, и обетовал ему царство; а у грешницы потребовал также веры и слез.

158. Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем едином обретает себе упокоение.

Разреши прежде всякий в себе внешний союз, и тогда сможешь быть сердцем в союзе с Богом; потому что единению с Богом предшествует отрешение от вещества.

Хлеб дается в пищу младенцу после того, как откормлен он молоком: и человек, который намерен преуспевать в Божественном, желает прежде устранить себя от мира, как младенец от объятий и сосцев матерних.

Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама.

Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного; потому что последнее рождается от первого, как волос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований.

159. Как за сеянием в слезах следуют рукояти радования, так и за злостраданием ради Бога последует радость.

Сладок кажется земледельцу хлеб, добытый потом: сладки делания правды сердцу, приившему ведение Христово.

С благою волею претерпи и уничижение и смирение, чтоб иметь тебе дерзновение пред Богом.

Человек с ведением терпящий всякое жестокое слово, когда сам не сделал предварительно неправды изрекшему оное, хотя возлагает при этом на главу свою терновый венец, однакож блажен, потому что нетленно увенчивается, тогда как и сам того не знает.

160. Кто с ведением убегает суетной славы, тот ощутил в душе своей будущий век.

Кто бежит покоя в настоящей жизни, у того ум соглядал уже будущий век. А кто связан любостыжательностью, тот раб страстей.

Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостыжательность; она есть приобретение чего бы то ни было — такого, к чему привязана воля твоя.

Не хвали того, кто злостраждет телесно, но при этом дает волю чувствам, разумею же слух, зияющая и неудержимая уста, и блуждающая очи.

161. Знай, что оставлять грехи должникам принадлежит к делам правды. Тогда увидишь тишину и светлость повсюду в уме твоём.

Если милостивый не бывает выше своей правды, то он не милостив, — т. — е., настоящий милостивый не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду, и милует их.

Кто душу полагает за брата, тот милостив, а не тот, кто подаянием только оказывает милость брату своему.

И тот милостив, кто если заушен братом своим, не возымеет столько безстыдства, чтоб ответить и опечалить сердце его.

162. Возлюби делание бдения, чтобы найти тебе утешение близким к душе твоей.

Занимайся чтением в безмолвии, чтобы ум твой всегда возводим был к чудесам Божиим.

Возлюби с терпением нищету, чтобы собрать во едино ум свой от парения. Возненавидь жизнь пространную, чтобы помышления свои сохранить безмятежными. Удерживайся от многого, и заботься об одной душе своей, чтобы спасти ее от расточения внутренней тишины.

163. Возлюби целомудрие, чтоб не постыдиться во время молитвы своей пред Богом.

Стяжи чистоту в делах своих, чтоб озарялась душа твоя в молитве, и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём.

Не будь ленив в делании своём, чтоб не постыдиться, когда станешь среди друзей своих.

Не связывай свободы своей тем, что служит к наслаждению, чтоб не сделаться тебе рабом рабов.

В одеянии своём люби бедныя одежды, чтоб уничтожить раждающияся в тебе помышления, т. — е., высокоумие сердца. Кто любит блеск, тот не может приобрести свободных мыслей; потому что сердце внутренно настраивается по подобию внешних образов.

164. За смиренномудрием следует воздержность и во всем ограниченность.

Смиренномудрие, по причине постоянного самоограничения, приходит в созерцание, и душу украшает целомудрием; а тщеславие, по причине непрестанного мятежа и смущения помышлений своих, из всего встречающагося собирает нечистыя сокровища, и оскверняет сердце. Оно непотребным взором смотрит на природу вещей, и занимает ум срамными представлениями, а смиренномудрие духовно благоустраивает себя созерцанием, и приобретаемаго оно возбуждает к славословию.

165. Лучше тебе самого себя разрешить от уз греха, нежели рабов освободить от рабства.

Лучше тебе умириться с душою своею в единомыслии тройственного в тебе состава, т. — е. тела, души и духа, нежели учением своим умиротворять разномыслящих.

Григорий говорит: «хорошо богословствовать ради Бога, но лучше сего для человека сделать себя чистым для Бога».

Полезнее для тебя позаботиться о том, чтобы падшее в душе твоей от страстей возставить возбуждением помышлений своих к Божественному, нежели воскрешать мертвых.

166. Все дни жизни своей, куда бы ты ни пришел, почитай себя странником, чтоб в состоянии быть тебе избавиться от вреда, порождаемаго вольностию в обращении.

Благословляй всегда устами, и не будут тебя злословить, потому что от злословия раждается злословие, а от благословения благословение.

Во всяком деле почитай себя скудным, чтобы учить, — и во всю жизнь свою будешь оказываться мудрым.

Не сообщай другому, чего сам не испытал, чтоб не было тебе стыдно себя самого, и по сличении жития твоего не открылась ложь твоя.

167. Остерегайся читать еретическия учения, потому что сие всего чаще может вооружать на тебя духа хулы.

Часто и не зная сытости, читай в книгах учителей о Промысле Божиим, потому что оне руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих, укрепляют его собою, своею тонкостию приуготовляют его к приобретению светозарных мыслей, и делают, что в чистоте идет он к уразумению тварей Божиих.

Читай Евангелие, завещанное Богом к познанию целой вселенной, чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии.

Чтение твое да будет в невозмущаемой ничем тишине, и будь свободен от многопопечительности о теле и от житейскаго мятежа, чтобы ощутить в душе своей, при сладостном уразумении, самый сладостный вкус, превосходящий всякое ощущение, и чтобы душа ощущала это по пребыванию своему в том.

168. Очищай душу свою, свергни с себя попечение о том, что вне твоего естества, на понятия и движения свои повесь завесу целомудрия и смирения, и чрез это найдешь, что внутри твоей природы, потому что смиренным дается откровение таин.

169. Если намерен ты предать душу свою на дело молитвы, очищающей ум, и на пребывание в бодрствовании ночью, чтобы приобрести светлый разум, то удаляйся от зрания мира, прекрати свидания с людьми, не принимай в келлию свою, по обычаю, друзей, даже под видом пользы, кроме единомравных, единомысленных с тобою и сотаинников твоих; бойся смущения душевной беседы, и по отсечении внешней беседы, с молитвою твоею соприяги милостыню, и душа твоя узрит свет истины. Ибо в какой мере сердце перестает тревожиться внешними предметами, в такой же ум может от уразумения мыслей и дел Божественных доходить до постижения и изумления. Ибо душе обычно скоро заменят одну беседу другою, если постараемся показать малую рачительность.

170. Чтобы заменить одно собеседование другим (суетное, — душеспасительным), занимайся чтением Писания и житиями Святых. И когда станешь на молитву и на правило свое, то вместо размышления о том, что видел и слышал в мире, найдешь в себе размышление о Божественных Писаниях, какя прочел, и сим размышлением приведется в забвение, что памятовал о мирском; а таким образом приходит ум в чистоту. И сие значит написанное, — что чтение помогает душе, когда станет на молитву; и также: душа молитвою просвещается в чтении. И чтение опять, вместо внешней примеси, доставляет пищу разным видам молитвы, а потому чтением душа просвещается, чтобы всегда молиться неленостно и несмущенно.

171. Плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование предметов духовных также не прилично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии.

Тело крайне болезненное не терпит тучнаго в снedah: и ум, занятый мирским, не может приблизиться к исследованию Божественнаго.

Огонь не возгарается в сырых дровах: и Божественная горячность не возжигается в сердце любящем покой.

Как тот, кто не видит своими глазами солнца, не может кому либо списать его света по одному слуху, даже и не ощущает сего света: так и не вкусивший душею своею сладости духовных дел.

172. Если имеешь что лишнее для дневной потребности, раздай то нищим, и иди с дерзновением приносить молитвы свои, т. — е. беседуй с Богом, как сын с Отцем.

Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня; и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета.

Когда подаешь, подавай с великодушием, с ласковостию на лице, и снабди в большей мере, нежели сколько просят.

Не старайся распознать достойнаго от недостойнаго; пусть все люди будут у тебя равны для добраго дела. Ибо сим способом можешь и недостойных привлечь к добру, потому что душа посредством телеснаго скоро привлекается в страх Божий.

173. Очисти келлию свою от излишеств, потому что сие поведет тебя к воздержанию, хотя бы ты и не хотел. Скучность во всем учит человека воздержанию.

Одержавшие победу в брани внешней, — разумею брань, воздвигаемую на душу чувствами, — слухом, зрением и проч., — могут не бояться и брани внутренней.

Когда человек затворит врата градския, т. — е. чувства; тогда ратует внутри, и не боится

злоумышляющих вне града.

Блажен, кто, зная это, не тревожит себя множеством дел, но всю телесную деятельность свою обратил на молитвенный труд.

174. В то время, как Бог внутренне приводит сердце твое в умиление, непрестанно твори поклоны и коленопреклонения.

Не попускай сердцу своему заботиться о чем-нибудь, если, в это время, демоны начнут убеждать тебя заняться другими делами, и тогда смотри, и дивись, что произойдет у тебя из этого.

Ничто другое в подвижнических борениях не бывает так важно и трудно, и не возбуждает такой зависти в бесах, как если повергает кто себя пред крестом Христовым, молясь день и ночь, и бывает как бы с связанными назади руками.

Хочешь ли не охладеть в своей горячности, и не обнищать слезами, займись этим, и блажен ты, если о сказанном тебе будешь заботиться день и ночь, и не станешь домогаться ничего другого.

Если не будешь подвизаться, то не обретишь, и если не будешь с горячностью ударять в двери и непрестанно пребывать при них в бдении, то не будешь услышан.

175. Пока внешний человек не умрет для всего мирского, не только для греха, но и для всякого делания, и также и внутренний человек — для лукавых мыслей, и неизнеможет естественное движение тела до того, чтобы не возбуждалась в сердце греховная сладость, дотоле и сладость Духа Божия не возбудится в человеке, члены его не примут чистоты в жизни сей, Божественныя мысли не войдут в душу его и пребудут неощутимыми и незримыми. — И пока человек в сердце своем не приведет в бездействие попечения о житейском, кроме необходимых потребностей естества, и не предоставит заботиться о сем Богу; дотоле не возбудится в нем духовное упоение.

176. Кто с убеждением и чувством держит в уме, к какому равенству ведет общий всех конец, тот для отречения от житейского не имеет нужды в ином Учителе.

Кто не удаляется добровольно от причин страстей, тот невольно увлекается в грех. Причины же греха суть следующие: вино, женщины, богатство, телесное здравие; впрочем не потому, что это суть грехи по самому естеству, но потому, что природа удобно склоняется сим в греховныя страсти, и поэтому человек должен тщательно остерегаться сего.

Людям гнусна нищета, а Богу гораздо более гнусны душа высокосердная и ум парящий. У людей почетно богатство; а у Бога досточестна душа смиренная.

177. Если хочешь положить начало доброму деланию; приуготовься сперва к постигающим тебя искушениям. Ибо у врага в обычае, — когда увидит, что с горячею верою начал кто либо доброе житие, — встречать его разными страшными искушениями, чтобы пришедши от сего в страх, охладел он в добром произволении, и не имел бы уже горячности приближаться к Богоугодному деланию. Потому уготовься мужественно встретить искушения, какия насылаются на добродетели, и потом уже начинай их делание.

178. Заповеди Божии выше всех сокровищ мира. Кто стяжал их, тот внутри себя обретает Бога.

Кто упокоевается всегда в Божием попечении, тот Бога обрел домоприставником.

Кто возделевает исполнения воли Божией, тот небесных Ангелов будет иметь путеводителями.

Кто боится грехов, тот безпреткновенно совершит страшное шествие, и во время мрака пред собою и внутри себя обретет свет.

Стопы боящагося грехов охраняет Господь, и во время поползновения предваряет его милость

Божия.

Кто прегрешения свои почитает малыми, тот впадает в худшее прежнего и несет седмикратное наказание.

179. В смирении посевай милостыню, и пожнешь милость на суде.

Чем погубил ты доброе, тем снова приобретай оное. Погубил ты целомудрие; Бог не примет от тебя милостыни, если пребываешь в блуде; потому что хочет от тебя святыни тела.

И всякий недуг врачуется свойственными ему лекарствами. Ты побежден завистию; для чего усиливаешься бороться со сном (а не против зависти)?

180. Пока проступок еще мал и не созрел, истреби его, прежде нежели пустил он ветви в ширину и стал созревать. Не предавайся нерадению, пока недостаток кажется тебе малым; потому что впоследствии найдешь в нем безчеловечного властелина и побежишь пред ним, как раб, узник. А кто в начале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею.

181. Кто может с радостью перенести обиду, даже имея в руках средство отразить ее, тот приял утешение от Бога по вере в Него. И кто со смиренномудрием терпит взводимыя на него обвинения, тот достиг совершенства, и ему удивляются Святые Ангелы. Ибо никакая иная добродетель не будет столько высока и неудобоисполнима.

182. Не верь себе, чтобы ты силен, пока не будешь искушен, — и найдешь себя неизменным.

Не полагайся на силу свою, чтобы не попустило тебе пасть по немощи; и тогда по собственному своему падению дознаешь немощь свою.

Не доверяй своему знанию, чтобы враг, вошедши в посредство, не уловил тебя своею хитростию.

Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть постыженным.

Во всем, чем ни хвалится человек. Бог попускает ему изменяться, чтобы он был уничижен, и научился смирению.

183. Возводи непрестанно око свое к Богу; потому что Покров и Промысл Божий объемлет всех людей, но Он невидим, а открывается разве только очистившим себя от грехов, и помышляющим всегда о Боге, и притом о Нем едином. Преимущественно же открывается им Промысл Божий, когда ради Бога входят они в искушение. Ибо тогда ощущают они Промысл Божий, как бы усматривая Его телесными очами, сообразно с мерою и причиною искушения, какое постигает каждого из них, чтобы подвижников сих возбудить к мужеству, как было с Иаковом, Иисусом Навином, тремя отроками, Петром и прочими Святыми, которым Промысл являлся в человеческом некоем виде, ободряя и утверждая их в благочестии.

184. Нужно ли говорить что о подвижниках, чуждых для мира и об отшельниках? Они пустыню сделали градом, обратили в селение и обитель Ангелов. К ним по благоустройству жития их всегда приходили Ангелы, и как ратники единого Владыки, по временам соратовали они друг другу. Они все дни жизни своей любили пустыню, и из любви к Богу имели жилища свои в горах, вертепах и пропастях земных. Как они, оставя земное, возлюбили небесное, и соделались подражателями Ангелов, то и самые святые Ангелы по справедливости не скрывали за это от них зрака своего, и исполняли всякое желание их, и во всем являли им всякую помощь.

185. Кто однажды навсегда посвятил себя Богу, тот проводит жизнь в упокоении ума.

Без нестяжательности душа не может освободиться от мятежа помыслов, — и не приведя в безмолвие чувств, не ошутит мира в мысли.

Не входя в искушения, никто не приобретет духовной мудрости.

Без прилежного чтения не узнаешь тонкости помыслов.

Без тишины помыслов ум не подвигнется в сокровенные тайны.

Без упования по вере душа не может отважиться смело на искушения.

Не испытав явственного покровительства Божия, сердце не в состоянии надеяться на Бога.

Если душа с ведением не вкусит страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом.

186. Кто милует нищаго, тот попечителем о себе имеет Бога, и кто ради Бога обнищает, тот обретет неоскудевающая сокровища. Бог ни в чем не имеет нужды, но увеселяется, когда видит, что человек упокоевает образ Его, и чтит оный ради Него. Когда просит кто у тебя того, что имеешь ты, не говори в сердце своем: «оставлю это душе моей, чтоб упокоиться в этом, а этому подаст Бог из другого места потребное для него». Такие мысли приличны людям неправедным и не знающим Бога. Человек справедливый и добрый не даст чести своей иному, и не попустит, чтоб время благодати проходило без дела. Человек нищий и нуждающийся снабжается от Бога, потому что Господь никого не оставляет; но ты, отослав от себя убогаго, уклонился от чести, данной тебе Богом, и удалил от себя благодать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: «слава Тебе, Боже, что сподобил меня найти, кого упокоить». Если же нечего тебе дать, паче радуйся и, благодаря Бога, говори: «благодарю Тебя, Боже мой, что Ты дал мне благодать эту и честь — обнищать ради имени Твоего, и сподобил меня вкусить скорби, положенной на пути заповедей Твоих, в недуге и нищете, как вкушали Святые Твои, шествовавшие путем сим».

187. Естество наше стало удобоприемлющим в себя страсти; много искушений в настоящем мире, не далеко от тебя зло, оно исходит внутри тебя и есть под ногами твоими. Как близки между собою веки на глазах, так искушения близки к людям, и Бог предусмотрел сие премудро для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударял в двери Его, чтобы страхом скорбного всевалось памятование о Нем в уме твоём, чтобы приближался ты к Нему в молитвах и сердце твое освящалось непрерывным памятованием о Нем. Бог не сотворил тебя недоступным прискорбному, чтоб и тебе, возжелав быть богом, не наследовать того же, что наследовал бывший первоначально денницею, и впоследствии за превозношение сделавшийся сатаною; а также не сотворил тебя неуклонным и неподвижным, чтоб не соделаться тебе подобным естеству неодушевленных тварей.

188. Непрестанно очищай себя пред Богом, имея в сердце своем памятование о Нем, чтобы пробыв долго без памятования о Нем, не оказался ты не имеющим дерзновения, когда приходишь к Нему. Ибо дерзновение пред Богом бывает следствием частаго с Ним собеседования и многой молитвы. Сношение с людьми бывает посредством тела, а сношение с Богом посредством душевнаго памятования о Нем, внимания к Нему в молитвах и всецелаго Ему себя предания.

Долговременным сохранением памятования о Боге душа по временам приводится в изумление и удивление.

Да возвеселится сердце ищущих Господа. Взыщите Господа, осужденные, и утвердитесь надеждою; взыщите лица Его покаянием (Пс. 104, 3. 4), — и освятитесь святынею лица Его и очиститесь от грехов своих.

189. Когда на неправеднаго находит искушение, не имеет он упования, чтобы призвать Бога, и ожидать от Него спасения; потому что во дни упокоения своего удалялся от воли Божией.

Прежде нежели найдет на тебя скорбь, молись Богу; и во время горести найдешь Его, — и Он

услышит тебя.

Ковчег Ноев приготовлен был во время мира; и древа его обделаны за сто лет, а во время гнева неправедные погибли, праведнику же стал он покровом.

190. В ком мир мертв, те с радостью терпят обиды; а в ком мир жив, те не могут терпеть обиды, но движимые тщеславием, гневаятся, и от неразумного движения приходят в смятение, или объемлются печалию.

Кто хочет преуспеть в добродетели терпения обид и великодушии, тому нужно удалиться от своих родных и сделаться странником; потому что в отечестве своем невозможно преуспеть в этой добродетели.

Одним великим и сильным свойственно переносить такие страдания среди своих родных, — и могут сие только те, в ком умер этот мир; потому что они уже не чают никакого утешения в настоящем веке.

191. Как благодать близка к смиренномудрию, так болезненные приключения близки к гордыне. Очи Господни на смиренномудрых, чтобы возвеселить их; лице же Господне противу гордых, чтобы смирить их.

Будь удобопренебрегаем в великости твоей, а не величающимся в малости своей.

Кто стремится за честию, от того бежит она вперед; а кто убегает от чести, за тем гонится она сзади.

Кто алчет и жаждет ради Бога, того упоит Бог благами Своими.

Кто терпит наготу ради Бога, тот одевается Им в ризу нетления и славы.

Кто унижает ради Бога, тот бывает утешен истинным Его богатством.

Всю жизнь свою признавай себя грешником, чтобы во всей жизни своей быть тебе оправданным.

Обращайся с имеющими смирение, и научись их нравам.

Пусть всегда будет у тебя в нраве — ко всем быть благоприветливым и почтительным.

192. На пользу душе Бог попустил, чтоб она была доступна страстям, не усмотрел же полезным поставить ее выше страстей прежде втораго паки бытия. — И душе быть доступною страстям полезно для уязвления совести; пребывать же в страстях — нагло и безстыдно.

Как от чревоугодия рождаются мятеж помыслов, так от многословия и безчинных бесед — бессмыслие и выступление ума из своего чина.

Попечение о вещах житейских приводит в смятение душу, и смущение ими смущает и лишает тишины ум.

Иноку, посвятившему себя небесному деланию, подобает всегда быть вне всякой житейской заботы, чтобы, погрузившись в себя самого, отнюдь ничего не находил он принадлежащаго веку настоящему. Став упраздненным от всего такого, может он уже без развлечения поучаться в законе Господнем день и ночь.

193. Телесные труды без чистоты ума, тоже, что бесплодная утроба и изсохшие сосцы; потому что не могут приблизиться к ведению Божию. Тело они утомляют но не заботятся искоренять страсти в уме; а потому ничего и не пожинают.

Как сеющий в тернии ничего не может пожать, так губящий себя злопамятностью и любостыжанием ни в чем не может успеть, но стелет на ложе своем от бессония по причине гнетущей его заботы о делах.

194. Если душа просияла памятованием о Боге и неусыпным бдением день и ночь, то Господь

устраивает там (внутри) к ограждению ее облако, осеняющее ее днем и светом огненным озаряет ее ночь; во мраке ее просияет свет.

195. Как облако закрывает свет луны, так испарения наполненного чрева изгоняют из души Божию Премудрость.

Что пламень огненный в сухих дровах, то и тело при наполненном чреве.

Как одно горючее вещество, приложенное к другому, увеличивает огненный пламень, так разнообразие брашен увеличивает похотное движение в теле.

В сластолюбивом теле не обитает ведение Божие; и кто любит свое тело, тот не улучит Божией благодати.

Как в болезнях рождения происходит на свет плод, веселящий родившую, так при томлении гортани раждается в душе плод ведения таин Божиих.

Как отец заботится о чадах, так и Христос печется о теле, злострадающем ради Его, — и всегда бывает близ уст Его.

196. Тот странник, кто мыслию своею стал вне всего житейского.

Тот монах, кто пребывает вне мира, и всегда молит Бога, чтоб улучить ему будущия блага.

Богатство монаха утешение, находимое в плаче, и радость от веры, возсиявающая в таинниках ума.

Тот девственник, кто не только сохранил тело неоскверненное плотским совокуплением, но стыдится даже малейшаго о том напоминания.

Если любишь целомудрие, отгоняй срамные помыслы упражнением в чтении и продолжительною молитвою; и тогда будешь иметь оружие против естественных к тому побуждений; а без сего невозможно увидеть в душе чистоту.

197. Если ты истинно милосерд, то, когда отнято у тебя свое несправедно, не скорби внутренно, и не рассказывай об ущербе посторонним.

Пусть ущерб, нанесенный обидевшими тебя, поглощается милосердием твоим, как терпкость вина поглощается множеством воды.

Докажи множество милосердия своего теми благами, какия воздаешь обидевшим тебя, как и блаженный Елисей поступил с врагами своими, намеревавшимися взять его в плен (4 Цар. 6, 13–23).

198. Кто истинно смиренномудр, тот, будучи онеправдован, не возмущается, и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем онеправдован, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что оклеветан, а просит прощения. Иные добровольно навлекали на себя название непотребных, не будучи таковыми; другие же терпели именование прелюбодеев, будучи далеки от прелюбодения, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, котораго не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, котораго не совершали, когда душа их была увенчана всякою чистотою и непорочною. Иные же, чтоб не прославляли их за превосходныя правила жизни, соблюдаемая ими втайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены Божественною солию, я непоколебимы в своей тишине, так что на высоте совершенства своего Св. Ангелов имели провозвестниками своих доблестей.

199. Спаситель многими обителями у Отца назвал различныя меры ума водворяемых в оной стране, т. — е., отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере ума. Ибо не по разности мест, но по степени дарований назвал обители многими. Как чувственным солнцем наслаждается каждый, сообразно чистоте и приемлемости силы зрения, и как от одного светильника

в одном доме освещение бывает различно, хотя свет не делится на многия светения, так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется одним мысленным Солнцем, и по достоинству своему привлекает к себе, радость и веселие, как бы из одного воздуха, от одного места, престола, зрелища и образа. — И никто не видит меры друга своего, как высшаго, так и нисшаго, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби. Там всякий, по данной ему благодати, веселится внутренно в своей мере. Вне же всех одно зрелище и страна, — и кроме сих двух степеней, разумею же одну страну горную, другую дольную, посреди же их разнообразие в разности воздаяний.

200. Когда диавол захочет осквернить ум блудным воспоминанием, тогда испытывает сперва терпение их любовь к тщеславию, и предначатие сего помысла не представляется страстию. Так обыкновенно поступает он с теми, которые охраняют ум свой, и в которых невозможно скоро вложить какое либо неприличное помышление. Когда же исторгнет человека из твердыни его и начнет он беседовать с первым помыслом и удаляться от своей твердыни, тогда сретает его чем либо напоминающим о блуде, и совращает ум на предметы непотребные. Ум сперва смущается внезапным их приражением, — а потом примиряется с ними, — и далее от мыслей доходит до дела. Но если ум отступит назад и предупредит первое приражение помыслов, тогда при помощи Божией, удобно может преодолеть страсть.

201. Страсти отвращать лучше памятованием добродетелей, нежели сопротивлением, потому что страсти, когда выступают из области своей и воздвигаются на брань, отпечатлевают в уме свои образы и подобия. Брань сия приобретает великую власть над умом, сильно возмущая и приводя в смятение помышления. А если поступить по первому, сказанному нами правилу, то не оказывается в уме и следа страстей по отгнании их.

202. Пока человек не примет Утешителя, потребны ему Божественныя Писания для того, чтобы памятование добраго напечатлевалось в мысли его, и непрестанным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей: потому что не приобрел еще он силы Духа, которая удаляет заблуждение и берет в плен душеполезныя памятования. Когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа, и тогда втайне учится он у Духа, и не имеет нужды в пособии вещества чувственного; потому что, пока сердце учится от вещества, непосредственно за учением следует заблуждение и забвение; а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым.

203. Неоперившаяся птица — тот ум, который, при покаянии, недавно вышел из пут страстей, и во время молитвы усиливается возвыситься над земным, но не может, а напротив того пресмыкается еще по лицу земли, не имея сил летать. Однакож, с помощию чтения, делания, страха и попечения о множестве добродетелей, собирает во едино помышления свои; потому что не способен знать что либо кроме сего. И это на краткое время сохраняет ум не оскверненным; но впоследствии приходят воспоминания, и возмущают и оскверняют сердце; потому что человек не ощутил еще того спокойнаго воздуха свободы, в который по долгом только времени, забвением о земном вводит он ум, ибо приобрел телесныя только крыла, т. — е., добродетели, которыя совершаются наружно, но не видел еще добродетелей созерцательных, и не сподобился ощущения их; а оне суть те крыла ума, на

которых человек приближается к небесному, и удаляется от земного.

204. Пока человек служит Господу чем либо чувственным, дотоле образы сего чувственного отпечатлеваются в помышлениях его, и Божественное представляет он в образах телесных. Когда же получит он ощущение внутренняго, тогда, по мере ощущения его, и ум, от времени до времени, будет возвышаться над образами вещей.

205. Когда душа твоя приблизится к тому, чтобы выдти из тьмы, тогда вот что будет для тебя признаком: сердце у тебя горит и как огонь распалется день и ночь; а потому целый мир вменяешь ты в уметы и пепел, не желаешь даже и пищи, от сладости новых, пламенеющих помыслов, непрестанно возбуждающихся в душе твоей. Внезапно дается тебе источник слез, как поток текущий без принуждения, и примешивающийся ко всякому делу твоему, т. — е., во время чтения твоего, молитвы твоей и размышления твоего, когда принимаешь пищу и питье, и во всяком деле твоём. И когда увидишь ты это в душе твоей, будь благонадежен, потому что преплыл ты море; и столько будь прилежен к делам своим, так тщательно содержи стражбу, чтоб благодать умножалась в тебе со дня на день. А пока не встретишь в себе этого, ты не совершил еще пути своего, и не вступил в гору Божию. Если же и после того, как обрел и приял ты благодать слез, оне прекратятся, и горячность твоя охладет без изменения в чем либо другом, т. — е. без телесной немощи; то горе тебе! Что погубил ты, впав или в самомнение, или в нерадение, или в разленение?! — Но что последует за слезами, о том напишем впоследствии.

206. Если не имеешь дел, не говори о добродетелях.

Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Богом скорби за Него и ради Его; и паче всех благоуханий воня пота их.

Всякую добродетель, совершенную без телеснаго труда, почитай преждевременным и неодушевленным плодом чрева.

Приношения праведных — слезы очей их, и приятная Богу жертва — воздыхания их во время бдений.

Воззовут ко Господу праведные и угнетаемые тяжестью тела, и в болезни возшлют моления к Богу, и на вопль гласа их приидут на помощь к ним Святые Чины ободрить и утешить их надеждою; потому что Св. Ангелы, по близости своей к Святым мужам, имеют общение в их страданиях и скорбях.

207. Вино согревает тело, а Слово Божие ум.

Распалемые горячностью бывают восхищаемы размышлением об уповаемом и уготовляют мысль свою к будущему веку.

Упившиеся вином не видят пред собою преград: так упоенные надеждою не знают ни скорби, ни чего либо мирскаго.

Блаженны те, которые для моря скорбей, ради любви к Богу, препоясали чресла свои простотою и непытливим нравом, и не обращают хребта.

С надеждою вступившие на путь стропотный, не возвращаются назад, и не останавливаются, чтобы входить в исследования о сем. Но когда преплывут море, тогда, взирая на стропотность пути, приносят благодарение Богу, что избавил их от теснот, стремнин и от такой негладкости пути, — тогда как они и не знали того.

Надежда, пускаясь в плавание, преплывает с первою горячностью, нималой не прилагая заботы о теле, и не разсуждая сама с собою, будет или нет какой успех от начинаемаго труда.

Когда хочешь положить начало Божью делу, сделай прежде завещание, как человек, которому уже не жить в этом мире, как приготовившийся к смерти, и отчаявшийся в настоящей жизни, как достигший времени срока своего.

С мужеством начинай всякое доброе дело, а не с двоедушием приступай к таким делам, не колеблись сердцем твоим в уповании на Бога, чтобы труд твой не стал бесполезен, и делание твое обременительно.

208. Деяния жительствовавших по Богу суть следующие:

Один целый день ударяет своею головою в землю, и делает это вместо совершения службы, т. — е. часов.

Иной с постоянным и продолжительным коленопреклонением соединяет число молитв.

Другой множеством слез своих заменяет для себя Божии службы и довольствуется тем.

Иной старается вникнуть в смысл читаемого, и совокупляет с тем определенное правило.

Другой томит душу свою голодом, так что не в состоянии бывает совершать Божиих служб.

Иной, пребывая в горячем поучении в Псалмах, службу свою делает непрерывною.

Иной проводит время в чтении и согревается сердце его.

Иной отдается в плен, домышляясь Божественного смысла в Божественных Писаниях.

Иной, приводимый в изумление чудесами, поражающими его в стихах, удерживается от обычного чтения, и овладевается молчанием.

Другой, вкусив всего этого и насытившись, возвратился вспять и стал бездейственным.

Иной, вкусив только малое нечто, и надмившись, вдался в заблуждение.

Иному воспрепятствовали хранить правило свое тяжкая болезнь и бессилие; а другому — преобладание какой-либо привычки, или какого либо пожелания, или любоначалия, или тщеславия, или любостыжательности, или пристрастия к тому, чтобы собирать вещественное.

Иной преткнулся, но встал, и не обратил хребта своего, пока не получил многоценную жемчужину.

209. Начало всему — благое пред Богом преднамерение (решимость благоугождать Богу).

За тем по удалении от дел житейских следуют: алкание, чтение, всенощное и трезвенное бдение — по мере сил каждого, — и множество поклонов, которые полезно совершать в часы дневные, а нередко и ночью.

Пусть самую малую мерю будет для тебя положить тридцать поклонов, — потом поклониться честному кресту и тем кончить.

Но есть и такие, которые по мере сил своих увеличивают сие число поклонов. Иные же в единой молитве проводят три часа, имея ум трезвенный, и повергшись лицом на землю без принуждения и парения помыслов, (т. е. — одни часто, но по немногу молятся; а другие раз становятся на молитву, но стоят долго).

210. У соперника нашего диавола есть древний обычай со вступающими в подвиг хитро разнообразить борьбу свою. Употребляя против них разныя оружия, и соображаясь с намерением лица, изменяет он способ ратоборства.

Первый прием вражеской брани. — Которые ленивы произволением и немощны помыслами, на тех с самага начала сильно нападает, возставляя против них сильныя искушения, чтоб с перваго подвига объяла их боязнь, путь их показался бы им жестоким и неудобопроходимым, — и сказали они: «если начало пути так тяжело и трудно, то может ли кто до самага конца его выдержать многия,

предстоящая в нем борения?»

И диавол не долго ведет с ними брань, — но скоро обращает их в бегство. Это оттого, что с сомнением и холодностию вступили они в подвиг Господень. А Бог повелевает вступать в подвиг сей с готовностию умереть ради угождения Ему, обещая увенчать верного труженика честию мученичества.

Как они в начале не решились предать себя на смерть, то и оказываются столь слабыми. За тем и во всех бранях не бывают уже они устойчивы, будучи самолюбивы, и более всего щадя свое тело. И враг гонит их, как бурю, не видя в них душевной силы, какую обык видеть во Святых.

По произволению человека стремиться к Богу, и Бог содействует, помогает, и являет ему Свое о нем промышление. И диавол не может приближаться к человеку, или наводить на него искушения, если человек не вознерадит, или Бог не попустит ему.

211. Второй прием. — Которые же, как видит диавол, мужественны, ни во что вменяют смерть и исходят на дело с великою ревностию; на встречу таким не вдруг выходит диавол, и при первом их устремлении не вступает с ними в брань, зная, что ревностные воители не легко побеждаемы бывают.

Посему пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним до тех пор, как увидит, что охладели они в ревности своей, и, какая уготовали себе в мыслях своих оружия, сложили с себя изменением Божественных словес и памятований, содействующих и вспомошествоющих им.

Как же скоро начнут они уклоняться от первых помыслов своих, и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их, в них же самих истощающимися ласкательствами мудрования их, и сами от себя станут искапывать душам своим ров погибели от лености происходящим парением помыслов, от которых в мыслях и сердцах воцаряется холодность, — тогда он нещадно устремляется на них.

Удерживается же диавол от нападения на них до сих пор, потому что некая сила окружает тех, которые с пламенною ревностию стремятся к Богу, надеются на Него и веруют Ему. Бог отражает от них, по сей причине, лютость диавольской злобы, и она не приближается к ним. Враг обуздывается, видя Хранителя, всегда их охраняющего. Ибо пока они не отринут от себя причин помощи, молитв, трудов смиренномудрия, дотоле Заступник и Помощник никогда не удаляется от них.

212. Помни же, исходящий во след Бога, во всякое время подвига своего, начало и первую ревность при вступлении на путь сей, и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты в первый раз из дома своего и стал в воинские ряды. Каждый день испытывай себя, чтоб горячность души твоей не охладела ни в одном из орудий, в какия облекся ты, ни в ревности, какия пламенела в тебе в начале подвига твоего. И непрестанно возвышай голос свой среди воинского стана, ободряя и поощряя к мужеству чад десной страны, стороне же противника показывай, что трезвенствуешь. Вместе же с тем призывай благонадежно Бога, плачь пред благостию Его, проливай слезы и трудись, пока Он пошлет тебе Помощника. И тогда не будешь уже побежден.

213. Третий прием вражеской брани. — Когда враг увидит силу, какою приемлет человек от Бога за ревность свою и призывание Его с верою, тогда старается отыскать какой либо способ — отдалить от него помогающего ему Ангела, — именно, покушается возбудить в нем помыслы гордыни, чтобы подумал он в себе, будто бы вся крепость его зависит от его собственной силы, и сам он свою силу хранит себя от своего противника, и убийцы. Кто поверит таким, всеваемым от врага мыслям,

от того отходит Божия помощь, — и он попадает в руки врага. А кто не поддается сим внушениям, но крепко держит память о Содействующем ему, и око сердца своего не перестает устремлять к небу; против того враг изобретает новые способы брани.

214. Четвертый прием вражеской брани — состоит в том, что он начинает угнетать человека, естественными его потребностями (особенно потребностью жены, и потребностью иметь, чем жить). (Относительно жены). Хотя не может он заставить человека совершить что либо такое делом, потому что человек огражден безмолвием, и жилище его далеко от поводов, и причин ко греху, однакож усиливается сделать, чтоб ум у подвижников видел это в призраке, и старается образовать в них под личиною истины ложные мечты. При этом, чтоб пришли они в вожделение мечтаемого, производит в них щекотания и побуждает останавливаться мыслию на срамных помыслах, соглашаться на оныя, и соделываться в них виновными. Ибо враг знает, что у подвижника победа и одоление его производится помыслом его и совершается в короткое мгновение, — лишь только помысл подвижется с места своего и с высоты своей низойдет на землю, и произволением на одно мгновение покажет свое согласие, — как и случалось это со многими при мечтательном представлении женской красоты. Если же приближались они к миру на одно или на два поприща, то враг нередко прибегал к тому, что действительно приводил к ним женщин. Сим и подобным сему враг иногда одерживал победу над беспечными и не крепкими сердцем. Но другие оказывались крепче сих искушений, и, благодатию Божиею вспомоществуемые, побеждали врага и мечтания его.

(Относительно второй потребности). Часто также делал враг, что видели они мечтательно золото, драгоценные вещи и другия сокровища, а иногда и самым делом показывал он им это в той надежде, что, может быть, и успеет такими мечтаниями остановить кого либо из них в течении его, и запнуть одну из сетей и мреж своих. Попускается сие для того, чтоб изведалось, действительно ли они, при удалении сих вещей в отшельничестве, при лишении и скудости своей, боголюбивы, и встречая сии вещи, стараются, по любви к Богу, пренебрегать ими, и обольщаемые ими, не уступают им над собою победы, вменяя их ни во что в сравнении с любовию Божиею. Истинные подвижники не поддаются, и по испытании являются очищенными, как золото в горниле; а нерадивые и слабые и малою нуждою в случае недостатка преодолеваются и возвращаются вспять, отрекаясь от подвига.

215. Коль скоро сознает кто немощь свою и действительно ощутит ее; тотчас воздвигает душу свою от расслабления и запасается осторожностью. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малаго искушения, телеснаго ли или душевнаго, и не будет даровано ему избавление от него. Ибо тогда ясно увидит он бесплодность собственных усилий и мер, — увидит, что его осторожность, воздержание и ограждение души, в коих он надеялся найти безопасность, никакой не принесли пользы, и что избавление пришло помимо всего этого. Отсюда получается им удостоверение, что сам он ничто, и что спасает только помощь Божия.

Кто же познал, что имеет нужду в помощи Божией, тот совершает множество молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце его. Ибо всякий молящийся и просящий не может не смириться. Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19).

Как же скоро смирится человек, немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь, и обретает возбуждающуюся в нем некую силу уверенности (в Боге). А когда ощутит человек, что помощь Божия действительно вспомоществует ему, тогда сердце его действительно исполняется веры.

Из сего уразумеает он, что молитва есть прибежище ищущим помощи, источник спасения, сокровище упования, пристань спасающая от треволения, опора немощным, покров во время искушений, щит избавления в брани, стрела изошренная на врагов, — и ему открывается, что все множество духовных благ делается для него доступным молитвою. Отселе начинает уже он услаждаться молитвою веры; не с трудом и утомлением молится уже он, но с радостью сердечною и удивлением, непрестанно источая благодарственные движения, при неисчетных коленопреклонениях.

216. По великому желанию помощи Божией, приближается человек к Богу, пребывая в молитве. Но в какой мере приближается он к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими, и не отъемлет у него благодати за великое его смирение.

Иногда однакож щедролюбивый Бог удерживает от него дары благодати, чтоб сие служило для него побуждением приближаться к Богу, и чтобы ради потребности своей человек неотлучно пребывал пред Богом, готовым источать служащее на пользу.

Некоторые прошения Бог исполняет скоро, именно же те, без которых никто не может спастись, а другие медлит исполнить. В иных обстоятельствах отражает от него и разсеивает палящую силу врага, а в других попускает впасть в искушения, чтобы это испытание служило для него причиною приближаться к Богу, — и чтоб научился он опытности в искушениях, и, имея пред глазами удостоверение в своей немощи, более и более утверждался в смирении.

У праведника, не познавшего своей немощи, дела его как бы на острие бритвы, — и он не далек от падения и от тлетворного льва гордыни. Кто не знает своей немощи, тому не достает смирения; а кому не достает его, тот не достиг еще совершенства; не достигший же онаго всегда пребывает в страхе; потому что град его не утвержден на столпах железных и на прагах медных, т. — е. на смирении. Без смирения не может быть совершено дело человека (искомое), и к рукописанию свободы его не приложена еще печать Духа, — доселе он еще все раб, и дело его не свободно от страха.

217. Посему Господь оставляет Святым Своим причины к смирению и к сокрушению сердца в усиленной молитве, чтобы любящие Его приближались к Нему посредством смирения. И нередко устрашает их страстями их естества и поползновениями срамных и нечистых помышлений, а часто укоризнами, оскорблениями и заушениями от людей, иногда же болезнями и недугами телесными, в другое время, нищетою и скудостью необходимых потребностей, то мучительностию сильного страха, оставлением, явною бранию диавола, и разными страшными происшествиями. И все это для того чтоб иметь им причины к смирению и чтобы не впасть в усыпление нерадения.

218. Когда случится, что душа твоя внутренно исполняется тьмою, и подобно тому, как солнечные лучи закрываются на земле мглою облаков, душа на несколько времени лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает, по причине осеняющего душу облака страстей, и потому что умалена в тебе несколько радостотворная сила, и ум приосенила необычная мгла; ты не смущайся мыслию, но терпи, — читай книги учителей, принуждай себя к молитве, — и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты. Ибо как лице земли открывается солнечными лучами от объемлющей землю воздушной тьмы, так молитва может истреблять и разсеивать в душе облака страстей, и озарять ум светом веселия и утешения.

219. Пока не достиг ты в область слез, дотоле сокровенное твое служит еще миру, — т. — е. ты

ведешь еще жизнь мирскую, и Божие дело делаешь еще внешним человеком, а внутренний человек твой бесплоден; потому что плод его начинается слезами.

Когда достигнешь в область слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю новаго века, и начал обонять воню чуднаго новаго воздуха. Слезы начинают источаться, потому что приблизилось рождение духовнаго младенца. Общая всех матерь, благодать, вожделевает таинственно на свет будущаго века произвести Божественный образ.

Но сей чин слез не тот, какой с промежутками бывает у безмолвствующих (иногда при созерцании, иногда при чтении, иногда во время молитвы). Я говорю не о сем чине слез, но о том, какой бывает непрерывно день и ночь.

Очи достигшаго в сию меру уподобляются водному источнику до двух и более лет, а потом приходит он в умирение помыслов.

А по умирении помыслов, сколько вмещает отчасти естество, входит в тот покой, о котором сказал св. Павел (Евр. 4, 3).

И по сем мирном упокоении ум начинает созерцать тайны.

Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное, — и вселяется в нем Бог, и воскрешает в нем плод Духа.

Но послушай еще: когдаходишь в область умирения помыслов, тогда отъемлется у тебя множество слез, — и приходят к тебе слезы в меру, и в надлежащее время.

220. Есть три чина, в которых человек преуспевает: чин новоначальных, чин средний и чин совершенных.

Кто в первом чине, у того хотя образ мыслей наклонен к добру, однакоже движение ума бывает в страстях.

Второй чин есть нечто среднее между состоянием страстным и безстрастием, и десные и шуии помыслы возбуждаются в человеке одинаково, и не перестает он источать и свет и тьму.

При сем, если прекратит он не на долго частое чтение Божественных Писаний и воображение в уме Божественных умопредставлений, с осторожностью во внешнем, от которой раждается и внутреннее хранение, то увлекается человек в страсти.

Если же будет он горячность свою к духовному питать сказанным образом, — ища, стремясь, чтением Писаний питая благие помыслы и удерживая их от уклонения на страну шуюю, с любовию храня душу свою, и к Богу прилепляясь с терпением в неутомимой молитве, то Бог отверзет ему наконец дверь Свою, особенно за смирение его; потому что откровение таин бывает смиронномудрым (и се третий чин).

221. Надежду на Бога предваряет труд для Бога и пролитый в делании пот.

Если веруешь в Бога, то хорошо делаешь. Но вера требует дел, и надежда на Бога обнаруживается в злострадании за добродетели.

Веруешь ли, что Бог помышляет о тварях Своих и всемогущ? Да сопровождает же веру твою приличное делание; и тогда услышит тебя Бог. Не старайся в горсти своей удержать ветер, т. — е. веру без дел.

Нередко, иной, не зная, идет путем, где есть дикий зверь, или убийцы, или что либо подобное; и вот общий Промысл Божий спасает его от вреда, или замедля чемнибудь шествие путника, пока не отойдет в сторону дикий зверь, или заставляя его уклониться с пути какою либо встречей.

Иногда злой змий лежит на пути и невидим; но Бог, не хотя предать человека тому искушению, делает, что змий начинает вдруг шипеть, — трогается с места и ползет впереди путника, который, увидев его, принимает предосторожности и спасается.

Случается нередко, что падают дом, или стена, или камень, — а там сидит кто нибудь, — и Бог человеколюбиво повелевает Ангелу удержать падающее, пока не отойдут или не отозованы будут сидящие там; и едва отойдут они, тотчас попускает пасть, что падало.

Все это и подобное сему есть дело Божия Промысла общаго и повсюднаго; праведник же имеет над собою особенное неотлучное промышление.

Прочим людям Бог повелел разсудительно распорядиться делами своими, и при Божиим промышлении пользоваться и своим ведением, но праведник вместо ведения стяжал веру, по коей ничего не страшится, но яко лев уповая ходит (Притч. 28, 1).

И как его постоянное попечение посвящено Богу, так и Бог говорит о нем: с ним есмь в скорби его, изму его и прославлю его; долгою дней исполню его и явлю ему спасение Мое (Пс. 90, 15. 16).

Разслабленный и ленивый к делу своему не может иметь такой надежды. Но кто во всем пребывает с Богом, к Нему приближается добротою дел своих, и очи сердца своего неусыпно устремляет к благодати Его; тот может сказать о себе, что сказал Божественный Давид: исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего (Пс. 68, 4).

222. Когда взыщем бегства от мира, тогда ничто столько не отделяет нас от него, не умерщвляет в нас страстей, и не оживотворяет нас для духовнаго, как плач и сердечное с разсуждением болезнование. Но также ничто не делает нас столько сообщниками мира и не удаляет столько от сокровищ Премудрости и познания таин Божиих, как смехотворство, и, при вольности в обращении, парение мыслей. — И это есть дело блуднаго беса.

Умоляю убо тебя любовию, остерегаться злобы врага, чтоб тебе буесловием не устудить в душе своей горячности любви ко Христу, ради тебя вкусившему желчь на древе крестном, и чтобы враг вместо сладостнаго онаго упражнения и дерзновения пред Богом, не стал во время бодрствования твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна твоего пленять ее нелепыми грезами, зловония которых не терпят Ангелы.

Понуждай себя подражать смирению Христову, чтобы возгорелся скорее огонь, им в тебя вложенный, которым искореняются все движения мира, убивающия новаго человека и оскверняющия дворы Святаго и всемогущаго Господа. Ибо осмеливаюсь сказать с св. Павлом, что мы Храм Божий (1 Кор. 3, 16). Посему, как чист Сам Бог, очистим храм Его, чтоб Он возжелал вселиться в нем. И как Сам Он Свят, освятим и храм Его; украсим его всякими добрыми и честными делами, благоухаем его благоуханием покоя воли Божией, чистою и сердечною молитвою. Тогда облако славы Его приосенит душу, и свет величия Его возсияет внутри сердца.

223. Человек многопопечительный не может быть безмолвным; потому что множество дел расточают его тишину и безмолвие, хотя бы и не хотел.

Инокю должно поставить себя пред лицом Божиим и всегда возводить око свое к Богу, если он истинно хочет охранять ум свой, отклонять вкрадывающияся в него чуждые движения, и в тишине помышлений различать входящее и исходящее.

Без освобождения от забот не ищи света в душе своей, ни тишины и безмолвия при распушенности чувств твоих. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу. После же труда

молитвенного возложение на ум новаго попечения производит расточение мыслей.

Слезы, ударение себя в грудь во время молитвы и пламенное усердие к продолжению молитвы, пробуждают в сердце горячность сладости слез, и сердце с похвальною восторженностью воспаряет к Богу, взывая: возжада душа моя к Тебе, Богу крепкому и живому: когда прииду и явлюся лицу Твоему (Пс. 41, 3). — Кто пил от вина сего, и потом лишился онаго, тот один знает, в каком жалком состоянии оставлен он, и что отнято у него по причине расслабления его.

224. Как вредны для живущих на безмолвии встреча с людьми и беседа с ними! — Как сильный град, внезапно ниспадши на древесные плоды, обивает их и уничтожает, так свидания с людьми, хотя бы кратковременныя, обивают цветы добродетелей, только что разцветшие и роскошно увенчавшие собою стебель души, насажденный при исходищах вод покаяния (Пс. 1, 3).

Как сильный иней, покрыв собою едва изникшую из земли зелень, пожигает ее, так и свидание с людьми пожигает корень ума, начавший производить из себя злак добродетелей.

Как человек благородный и почтенный, когда упиется, забывает свое благородство и подвергается осмеянию за чуждые помыслы, входящие от вина, так и целомудрие души возмущается лицемерием людей и беседою с ними: — человек забывает свою осторожность, в мысли у него изглаждается намерение воли его, и искореняется основание к похвальному устройству жизни.

225. Не думай, человек, чтобы во всем иноческом житии было какое либо делание важнее ночного бдения. Чрез него, если у подвижника не будет развлечения делами телесными и попечением о преходящем, ум его в короткое время воспарит горе, как бы на крыльях, и возвысится до услаждения Богом. Если монах с разсудительностию пребывает во бдении ума, то увидишь в нем, как бы не плотоносеца. Невозможно, чтобы те, которые всю жизнь проводят в этом занятии, оставлены были Богом без всяких дарований за их трезвенность, бодренность сердца и попечительное устремление к Нему помыслов их. Душа, трудящаяся над пребыванием в бдении, будет иметь Херувимския очи, чтобы непрестанно возводить ей взор и созерцать небесное зрелище.

226. Избравший сей Божественный труд должен всячески охранять себя днем от мятежа сходбищ и от попечения о делах: иначе труд воздержания от сна он понесет, а плода от того не получит; потому что уму, в таком случае невозможно будет, как следует, участвовать в псалмопении и молитве. Но когда кто вместо забот днем упражняется в чтении Божественных Писаний, которое укрепляет ум, особенно же служит орошением молитве, и помогает бдению, тесно соединенному с молитвою; тогда в сем чтении обретает вождя на стезю правую, обретает то, в чем семя всего питающаго молитвенное созерцание, что удерживает помышления от парения, непрестанно посеивает в душе памятование о Боге.

227. Всегдашнее безмолвие вместе с чтением, умеренное вкушение снедей и бдение скоро возбуждают мысль к изумлению, если не будет какой причины, нарушающей безмолвие. Мысли возбуждающиеся в безмолвствующих, сами собою, без преднамереннаго усилия, делают, что оба ока лиюшимися из них слезами, обилием своим омывающими ланиты, уподобляются купели крещения.

228. Пока не возненавидит кто причины греха, в правду, от сердца, не освобождается он от того услаждения, производимаго действенностию греха. Это есть самое жестокое борение (с соуслаждением греху), не уступающее человеку даже до крови. В нем искушается его свобода в единстве (в исключительной) любви его к добродетели.

В сем борении — сила греха, коею враг обыкновенно приводит в смущение души целомудренных;

принуждая их испытывать то, что никогда они вовсе не принимали в себя. И это есть время незримого подвига, который крайне тяжел бывает, когда брань сия от снисканного навыка приобретает великую силу над теми, которые сами себя предавали на поражение соизволением на собственные свои помыслы.

229. Остерегайтесь праздности; потому что в ней сокрыта верная смерть, — и без нея невозможно впасть в руки домогающихся пленить нас. В день оный Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что опущением сего дается вход бесам. А когда, нашедши себе место, они войдут и заключат двери очей наших, тогда мучительно исполняют на нас то, что подвергает Божиему осуждению и жесточайшему наказанию.

Совершение сего (чина псалмопения и молитв) внутри келлии установлено мудрыми, по духу откровения, для охранения нашей жизни, а у немудрых опущение сего признается маловажным. Поелику сии последние не берут во внимание происходящего от того вреда, то и начало и середина пути их — невежественная свобода, которая есть матерь страстей.

230. Мы не можем сделать, чтоб не было у нас причин к страстям; поэтому искушаемся и не хотя. Грехов себе не желаем, — но бывает, что приводящая нас к ним причины принимаем с удовольствием; и тогда эти последние делаются виною действительности первых. Кто любит поводы к страстям, тот невольно порабощается страстям.

Кто ненавидит свои грехи, тот перестанет грешить: и кто исповедует их, тот получит отпущение. Невозможно же человеку оставить навык греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение прежде исповедания прегрешений.

231. Пока человек носит в себе яд упоения грехами своими, благоприличным кажется ему все, что ни делает он. И коль скоро природа выходит из своего чина, все равно, упоена ли она вином, или похотями: потому что и то и другое выводит из настоящего состояния, — и тем и другим одинаковое распаление производится в теле; хотя способы различны, но растворение одно.

232. Если пребываешь наедине в келлии своей, и не приобрел еще силы истинного созерцания, то занимай себя всегда чтением тропарей и кафизм, памятованием о смерти и надеждою будущего. Все это собирает ум во едино, и не дает ему кружиться, пока не придет истинное созерцание; потому что сила духа могущественнее страстей.

В надежде же будущего занимай себя памятованием о Боге, старайся выразуметь хорошо смысл тропарей, и остерегайся всего внешнего, что побуждает тебя к вожделениям; а вместе с тем будь осторожен и в малом, что совершается тобою в келлии твоей.

Испытывай помыслы свои, и молись, чтобы во всяком занятии своем иметь тебе очи: от сего начнет источаться тебе радость; и тогда найдешь такая скорби, которыхя сладостнее меда.

233. Никто не может победить страсти, разве только видимыми и осязательными добродетелями; и парения ума никто не может преодолеть, разве только изучением духовного ведения.

Ум наш легок, и если не связан каким либо размышлением, не прекращает парения. А без усовершенания в сказанных выше добродетелях невозможно приобрести сего хранения; потому что если не победит кто врагов, не может быть в мире.

Страсти служат преградою сокровенным добродетелям души; и если не будут оне низложены прежде добродетелями явными, то за ними не видны добродетели внутренния.

234. Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападает на кого без меры, делает душу ту

восторженною. В ощутившем любовь сию усматривается необычайное изменение: лице его делается огненным и радостным, и тело его согревается, страх и стыд отступают от него; страшную смерть почитает радостью; созерцание ума его не допускает какого либо пресечения в помышлении о небесном; не ощущает он движения возбуждаемого предметами, потому что хотя и делает что, но совершенно того не чувствует, — так как ум его парит в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем-то.

Сим духовным упоением упоевались некогда Апостолы и мученики. И одни мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие в ужасных страданиях не малодушествовали, но терпели их доблестно. — Иные же скитались в пустынях, горах и вертепах, — и в нестроениях были самые благоустроенные; их почитали несмысленными, а они были из мудрых мудрыми.

235. Подвижничество есть мать святыни; от него происходит первое изведение ощущения таин Христовых, — что называется первою степеню духовнаго познания.

Душа оскверненная не входит в чистое царство, и не сочетается с духами Святых.

Доброту целомудрия твоего угладь слезами, постами и уединенным безмолвием.

Малая скорбь ради Бога лучше великаго дела, совершаемаго без скорби. Что без труда творится, т. — е. правда мирских людей, творящих милостыню от внешнего, сами же в себе ничего не приобретающих. Но ты подвижайся сам в себе, и спостражди Христу, чтобы сподобиться тебе вкусить и славы Христовой. Ум не прославится с Иисусом, если тело не страждет за Христа.

236. Два есть способа взойти на крест: один — распятие тела, а другой — восхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй — следствием действенности дел духа.

Ум не покоряется, если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела: и ум Богу не покарается, если свобода не покорена разуму. Кто покорит себя Богу, тот близок к тому, чтобы покорилось ему все.

237. Основание всего добраго, возвращение души из вражьего плена, путь ведущий к свету и жизни, — все это заключено в следующих двух способах: собрать себя во едино и всегда поститься, т. — е. премудро и благоразумно поставить себе правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием.

Отсюда покорность чувств, трезвенность ума, укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле, светлая движения мысли, рачительность в делах добродетели, слезы и память смертная, чистое целомудрие, далекое от всякаго мечтания, искушающаго мысль, короче сказать, отсюда свобода истиннаго человека, духовная радость и воскресение со Христом в Царствии.

Кто же вознерадит о сих двух способах, тот пусть ведает, что не только повредит он себе во всем, что пред сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей, — и придет к следующим двум, противоположным тому порокам, разумею — телесное скитание, и безчестное чревоугодие. Это суть начала противнаго сказанному, — и они дают место в душе всем страстям.

238. Враг, зная времена наших естественных потребностей, побуждающих природу удовлетворять себя, — зная, что от скитания очей и упокоения чрева, ум приходит в кружение, старается в такая именно времена побуждать нас, чтоб увеличивали мы свои естественныя потребности, и посеять в нас образы лукавых помыслов, чтобы страсти в усиленной борьбе взяли верх над природою, и человек погряз в грехопадениях. Потому, как враг наблюдает такая времена, так и нам надлежит, в

сии же особенно времена, умудряться, и не позволять себя опрометчиво исполнять волю навеваемых помыслов, не уступать над собою победу алчбе, паче же не двигаться с места своего безмолвия и не ходить туда, где это удобно случается с нами, чтоб не заготовить чрез то предлогов к тому, чтоб и совсем уйти из пустыни.

239. Враг днем и ночью стоит у нас пред глазами, примечает, выжидает и высматривает, каким бы отверстием входом наших чувств войти ему. И когда допущено нами нерадение в чем либо одном, тогда этот хитрый и безстыдный пес пускает в нас стрелы свои.

Иногда природа сама собою начинает любить покой, вольность, смех, парение мыслей, леность, — и делается источником страстей и пучиною мятежа; а иногда противник внушает это душе.

Блюдись поблажить себе в малом, чтоб не дойти до поблажек в большом и до великих падений. И малая небрежность, как сказал некто, нередко ведет к великим опасностям. И в малом и незначительном быть всегда трезвым, — вот мудрость.

240. Не унывай, когда дело о том, чтоб доставить тебе жизнь, и не поленись за это умереть; потому что малодушие признак уныния, а небрежение — мать того и другаго.

Человек боязливый дает о себе знать, что страдает двумя недугами, т. е. животолюбием и маловерием.

Животолюбие — признак неверия. Но кто пренебрегает сим, тот удостоверяет о себе, что всею душею верует Богу, и ожидает будущего.

Сердечная бодрость и пренебрежение опасностей бывают по одной из следующих двух причин, или по великой вере в Бога, или по жестокосердию. За жестокосердием следует гордость, а за верою смиренномудрие сердца.

241. Человек не может приобрести надежды на Бога, если прежде, по своей мере, не исполнил воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются от свидетельства совести, и только при истинном свидетельстве ума нашего, имеем мы упование на Бога.

Свидетельство же ума состоит в том, что человека ни мало не осуждает совесть, будто бы вознерадел о чем либо таком, к чему обязан он по мере сил своих. Если не осудит нас сердце наше, дерзновение имамы, к Богу (1 Иоан. 3, 21). Посему дерзновение бывает следствием преспеяния в добродетелях и доброй совести.

242. Всегдашнее молчание и хранение безмолвия бывают у человека по следующим трем причинам: или ради славы человеческой, или по горячей ревности к добродетели, или потому, что человек внутри себя имеет некое Божественное собеседование, и ум его влечется к оному.

Добродетель есть не обнаруживание многих и различных дел, совершаемых телесно, но самое мудрое в надежде сердце; потому что правильная цель привязывает его к Богу.

Ум без дел телесных может совершать доброе; а тело без сердечной мудрости, если и делает что, не может извлечь из него пользы.

Впрочем человек Божий, когда находит удобство к совершению добраго дела, не утерпит, чтобы не доказать любви к Богу трудом делания своего.

243. В борьбе с движениями похоти плотской почитай для себя крепким оружием — удаление от лицемерия женщин; потому что противник не может произвести в нас того, что в состоянии сделать природа силою своею. Не думай, что природа забывает о том, что естественно всеяно в нее Богом для чадородия и для испытания пребывающих в сем подвиге. Но удаление от предметов вожделения

умерщвляет в членах похоть, производит забвение о ней и истребляет ее.

Предметы, когда их не видят, производят легкое и едва ощутительное движение; а предметы, когда их видят, возбуждают страсти близостию, питают их, как елей питает горение светильника, — и страсть, уже омертвевшую и угасшую, воспламеняют снова.

Естественное движение, без присовокупления чего либо отвне, не может возмутить чистоты произволения и потревожить целомудрие; потому что Бог не дал природе силы преодолевать доброе произволение устремляться к Нему.

Если же произвольно увлекаемся иногда чувственным, и предаемся или ядению и питию в превосходящем меру количестве, или сближению с женщинами, смотрению на них и беседе о них, — чем воспламеняется и быстро распространяется в теле огонь похотения; то естественно кроткое движение в теле изменяем при сем в свирепое и неукротимое, — этими прибавлениями к естеству по побуждениям воли своей.

Что ни сотворил Бог, все сотворил прекрасно и соразмерно. И пока правильно сохраняется в нас мера ответственности естеству, движения естественныя не могут понудить нас уклониться с пути: но в теле возбуждаются одни стройныя движения, которыя дают только знать, что есть в нас естественная страсть, не производя однакож щекотания и смятений, сильных воспрепятствовать целомудрию.

244. Бывает иногда движение в членах и по Божию поущению за наше самомнение. О сей брани знаем, что когда долгое время бываем внимательны к себе и порядком утрудимся, даже почитаем себя преуспевшими несколько, попускается нам терпеть ее, чтобы научиться смирению.

Другия еще брани происходят от нашего разленения, и излишняго упокоения плоти, чрез оставление всего прискорбнаго и притруднаго в порядках жизни нашей, — наипаче же неисходнаго пребывания в келлии, и тяготы телеснаго труда. Прискорбность, притрудность и теснота жизни вяжут и умерщвляют сладострастие; а льгота, доволь и покой плоти развязывают, питают и возвращают его.

Бог и Ангелы Его радуются, когда мы в нуждах, а диавол и делатели его, — когда мы в покое.

Прискорбность и теснота расширяют и успособляют делание заповедей; а покой дает место страстям, и чрез то стесняет и пресекает делание заповедей.

В утесняемом теле помыслы не могут предаваться опасным парениям. Когда кто с радостию несет на себе труды и прискорбности, тогда легко может обуздывать помыслы, потому что трудами они приводятся в бездействие.

Когда человек, памятуя прежние грехи свои, наказывает себя, тогда Бог благоволительно взирает на него. Бог радуется, что, за уклонение от пути Его, сам он наложил на себя наказание, — что служит знаком покаяния. И чем более делает принуждения душе своей, тем паче приумножается Богом благоволение к нему.

Всякая же радость, причина которой не в добродетели, в обретшем оную возбуждает немедленно похотливыя движения.

245. Добродетели одна другой преемственны, чтобы путь добродетели не был трудным и тяжким, чтоб можно было преуспевать в них по порядку, и находить в этом для себя облегчение, и чтобы таким образом самыя трудности, переносимыя ради добродетели, соделались любезными, как нечто доброе.

Так, никто не может приобрести нестяжательности действительной, если не уготовит себя к тому, чтобы с радостию переносить искушения.

И никто не может переносить искушения, кроме уверившагося, что за скорби, к участию в которых уготовил он себя, можно приять нечто превосходящее телесный покой.

Кто лишает себя вещественного, но не отнял у себя действительности чувств, — разумею зрение и слух, — тот уготовил себе сугубую скорбь, и будет сугубо бедствовать и скорбеть. Ибо если мысленныя представления вещей без самых вещей производят в человеке болезненное чувство, — что скажем, когда при нас и близко к нам самая вещи? — В этом случае от ощущений, производимых этими вещами, человек терпит тоже самое, что прежде терпел при совершении дела; потому что памятование о привычке к ним не выходит у него из мысли.

Как прекрасно в сем отношении отшельничество! В нем остаются искусителями только помыслы; но и к укрощению помыслов оно много и сильно содействует.

246. Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинаковаго с тобою образа жизни, хотя он и крайне мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который разсуждает по своим изследованиям, не испытав на деле.

Приобрести опыт значит — не подойти только человеку к каким либо вещам и посмотреть на них, не прияв в себя ведения о них, но по долгом обращении с ними ясно ощутить на опыте их пользу и вред.

Нередко вещь наружно кажется вредною, но внутри ея все оказывается исполненным пользы; и наоборот, — нередко вещь кажется имеющею пользу, но внутренно исполнена вреда.

Потому пользуйся таким советником, который, все испытав сам, умеет в терпении обсудить, что требует разсуждения и в твоём деле, — и верно может указать истинно тебе полезное.

247. Когда на пути своем находишь неизменный мир, бойся; потому что далеко отстоишь от прямой стези, протоптанной утружденными стопами Святых.

Пока ты еще на пути ко граду царствия, признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: сретают тебя сильныя искушения; — и чем более приближаешься и преспеваешь, тем паче предстоящая тебе искушения умножаются.

Потому, коль скоро на пути своем ощутишь в душе своей наибольшия и сильнейшия искушения; знай, что в это время душа твоя действительно втайне вступила на новую высшую степень, и что приумножена ей благодать в том состоянии, в каком она поставлена; потому что соответственно величию благодати, в такой же именно мере и в скорбь искушений вводит Бог душу.

Если душа немощна и нет у ней достаточных сил для великих искушений, а потому просит, чтобы не войти ей в оныя, и Бог послушает ее; то наврное знай, что в какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований; и как возбранен к ней доступ великим искушениям, так возбраняются ей и великия дарования. Потому что Бог не дает великаго дарования без великаго искушения; соразмерно с искушениями определены Богом и дарования, по Его премудрости, которой не постигают созданные Им.

248. Искушения при вступлении в доброе житие и при возрастании онаго отличаются от искушений, попускаемых для вразумления за гордыню сердца.

Искушения, какия бывают душе от духовнаго жезла к ея преспеянию и возрастанию, и которыми она обучается, испытывается и вводится в подвиг, суть следующие: леность, тяжесть в теле, расслабление членов, уныние, смущение мыслей, мнительность от изнеможения тела, временное

пресечение надежды, омрачение помыслов, недостаток человеческой помощи, скудость в потребном для тела, и тому подобное.

От сих искушений в душе бывает чувство одиночества и незащитности, омрачение сердца и смирение. Промыслитель впрочем соразмеряет искушения с силами и потребностями приемлющих оныя. В них сорастворяются и утешение и поражение, свет и тьма, брани и помощь, короче сказать, теснота и пространство. И это служит знаком, что человек при помощи Божией преуспевает.

249. Искушения, бывающия по попущению Божию на людей, превозносящихся пред благостию Божиею и оскорбляющих своею гордостью Бога, суть следующие: отъятия силы мудрости, какую имеют люди, покоя не дающее ощущение в себе блудной мысли, попускаемой на них для смирения их превозношения, скорая раздражительность, желание поставить все по своей воле, препираться на словах, делать выговоры, пренебрегающее всеми сердце, совершенное заблуждение ума, хулы на имя Божие, юродивыя, достойныя смеха мысли, будто—бы пренебрегают ими люди, в ничто обращается их честь, и тайно и явно, разными способами наносится им стыд и поругание от бесов, наконец желание быть в общении и обращении с миром, непрестанно говорить и безразсудно пустословить, всегда отыскивать себе новости и даже лжепророчества, обещать много сверх сил своих. И это суть искушения духовныя.

К числу искушений телесных принадлежит: болезненные, многосложные, продолжительные, неудобоизлечимые припадки, всегдашняя встречи с людьми худыми и безбожными, впадение в руки оскорбителей, нечаянныя претквания и опасныя падения, разорительныя случаи для них и их родных.

Все сие, нами изложенное, принадлежит к числу искушений гордости. Начало оных появляется в человеке, когда начинает он в собственных глазах своих казаться себе мудрым. И он проходит все сии бедствия по мере усвоения им себе таковых помыслов гордости: сколько имеешь ты оных, столько же проникает в тебя и гордыня.

250. Есть иной род искушения — малодушием по недостатку терпения. Всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению; потому что терпение в человеке отражает бедствия, а малодушие есть мать мучения. Терпение есть мать утешения, — и некая сила, обыкновенно поражаемая широтою сердца. Человеку трудно найти такую силу в скорбях своих без Божественнаго дарования, обретаемаго неотступною молитвою и изливанием слез.

Когда угодно Богу подвергнуть человека большим скорбениям, то Он попускает впасть ему в руки малодушия. И оно поражает одолевающую его силу уныния, в котором ощущает он подавление души, — и это есть вкушение геенны; потому что отсюда источаются тысячи искушений: смущение, раздражение, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселение из одной страны в другую и тому подобное.

Причиною всего этого твое нерадение. Сам ты не позаботился взыскать врачевства от этого. Врачевство же от всего этого одно, — смиренномудрие сердца. Без него никто не может разорить преграду сих зол. По мере смиренномудрия дается терпение в бедствиях; по мере терпения облегчается тяжесть скорбей, и приемлется утешение; по мере утешения увеличивается любовь к Богу; а по мере любви увеличивается радость о Духе Святом. Бог не отъемлет искушений у рабов Своих, но дает им терпение в искушениях, за их веру и предание себя в Его волю.

251. Телесное житие по Богу составляют дела телесныя, — телесные подвиги для очищения тела от страстей в добродетельной деятельности.

Житие умное есть дело сердца, неослабно продолжаемое с заботливою мыслию о суде, также непрестанная молитва сердца, мысль о Промысле и попечении Божиим, как частном, так и общем, усматриваемом в целом мире, и охранение себя от страстей тайных, чтоб не встречалось ничего страстного в области сокровенной и духовной.

252. Как благодать на благодать людям по крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение от Бога.

Покаяние есть дверь милости; сею дверью входим в Божию милость, и кроме этого входа не обретешь милости.

Покаяние есть вторая благодать, и рождается от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовнаго рая благ: после чего он отходит от нас.

Рай есть любовь Божия, в коей — наслаждение всеми блаженствами. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам; и с тех пор не встречала уже его радость; но работал и трудился он на земле терний.

Лишенные любви Божией, если по правоте ходят, едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено есть первозданному по падении его.

Живущий в любви плодопринесит жизнь от Бога, и в этом еще мире обоняет оный воздух воскресения. Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обетовал Апостолам, что вкусят ее в царстве Его. Ибо сказанное: да ясте и пиете на трапезе царствия Моего (Лук. 22, 30), что иное означает, как не любовь? — Вот вино веселящее сердце человека (Пс. 103, 15). Блажен, кто испиет вина сего!

253. Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладии, так никто не может без страха достигнуть любви.

Смрадное море между нами и мысленным раем можем мы перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего переходим к Богу, то утопаем в этом смрадном море.

Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Страх вводит нас в корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни, и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь.

К сей пристани приходят все трудящиеся и обремененные — покаянием. И когда достигнем мы любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш совершен, и пришли мы к острову тамошняго мира, где Отец и Сын и Дух Святой.

254. Есть ведение, предшествующее вере, и есть ведение, поражаемое верою. Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное, а поражаемое верою есть ведение духовное.

Ведение естественное различает добро от зла, и оно именуется естественною разсудительностию, которою естественно без науки распознаем добро от зла.

Сию разсудительность Бог вложил в разумную природу; при помощи же науки она получает приращение и пополнение.

Нет человека, который бы не имел ея. Это есть сила естественнаго ведения в разумной душе, которая (сила) непрестанно приводится в ней (душе) в действие.

Честь разумной природы — рассудительность, различающая добро от зла, и утративших оную Пророк справедливо уподобил скотам несмысленным (Пс. 48, 13).

255. Естественное ведение, предшествующее вере, есть путь к вере и к Богу. Будучи вложено в природу нашу Богом, оно само убеждает нас в том, что должно верить Богу, приведшему все в бытие.

Сия вера производит в нас страх, страх же понуждает нас к покаянию и деланию (т. — е. за делание) дается человеку духовное ведение, или ощущение таин, которое рождает веру истинного созерцания. Не просто от одной голой веры рождается духовное ведение; но вера рождает страх Божий, и при Божиим страхе, когда начнем в нем действовать, от действия сего страха рождается духовное ведение, как сказал св. Златоуст:

«Когда приобретет кто волю, соответствующую страху Божию и правильному образу мыслей, тогда скоро приемлет он откровение сокровенного». Откровением же сокровенного называет он духовное ведение.

256. Но и не страх Божий рождает сие духовное ведение; а ведение сие дается в дар деланию страха Божия. Дело страха Божия есть покаяние; покаяние же, прошедши все свое течение и завершившись, приводит туда, где дается духовное ведение.

Духовное ведение есть ощущение сокровенного. И когда ощутит кто сие невидимое, тогда в ощущении его рождается иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру. Называют же ее верою созерцательною. Дотоле был слух, а теперь созерцание, созерцание же несомненное слуха.

257. Все сие рождается от онаго естественного ведения, различающего доброе и злое. Оно есть доброе семя добродетели.

За сим естественным ведением в человеке последует — всегдашнее уязвление совести, — непрестанное памятование смерти и некая мучительная забота, продолжающаяся до самого его исхода, — а после сего печаль, унылость, страх Божий, естественная стыдливость, — печаль о прежних грехах своих, надлежащая рачительность, памятование об общем пути, забота о напутствовании себя к оному, — слезное испрашивание у Бога добраго вшествия в сии врата, которыми должно проходить всякому естеству, — пренебрежение к миру и сильная борьба из-за добродетели.

Все сие приобретается естественным ведением, — и с этим пусть всякий сличает свои дела.

Когда окажется, что человек приобрел это, тогда значит, что идет он путем естественным; а когда превзойдет это, и входит в любовь, тогда становится выше естества, — и оканчиваются для него борьба, страх, труд и утомление во всем.

Вот последствия ведения естественного. — И это находим в себе самих, когда не помрачаем сего ведения сластолюбивою своею волею. — И на этой остаемся степени, пока не приидем в любовь, которая освобождает нас от всего этого.

Пусть всякий, на основании всего сказанного нами, сличает и испытывает сам себя, где его шествие: в том ли, что противоестественно, или в том, что естественно, или в том, что превышеестественно.

258. Добрая мысль западает в сердце только от Божественной благодати; помысл лукавый приближается к человеку только для искушения и испытания.

Человек достигший того, чтобы познать меру своей немощи, достиг совершенства смирения.

Дарования Божии привлекает сердце, возбуждаемое к непрестанному благодарению.

Господь сносит всякия немощи человеческия, не терпит же человека, всегда ропщущаго и не оставляет без вразумления.

Благодати предшествует смирение; а наказанию предшествует самомнение.

Горделивому попускается впадать в хулу, — превозносящемуся деятельною добродетелию попускается впадать в блуд, — а превозносящемуся своею мудростию попускается впадать в темныя сети неведения.

259. Кто при памятовании о Боге чтит всякаго человека, тот, по мановению Божию втайне, обретает себе помощь от всякаго человека.

Кто защищает обиженнаго, тот поборником себе обретает Бога; кто руку свою простирает на помощь ближнему, тот в помощь себе приемлет Божию мышцу.

Кто обвиняет брата своего в пороке его, тот обвинителя себе обретает в Боге.

Кто исправляет брата своего в клети своей, тот исцеляет собственный порок; а кто обвиняет кого либо пред собранием, тот увеличивает болезненность собственных своих язв.

Друг обличающий тайно — мудрый врач, а врачующий пред глазами многих есть ругатель.

260. Бог вразумляет с любовью, а не отмщает (да не будет)! Он ищет лишь исцелить образ Свой, и не хранит гнева.

Кто делает добро ради воздаяния, тот скоро изменяется.

Сколько бы в сей жизни ни совершенствовался человек в своем стремлении к Богу, все идет позади Его; в будущем же веке Бог показывает ему лице Свое, — не то однакож, что Он есть.

Праведные здесь сколько ни входят в созерцание Бога, созерцают только образ как в зеркале, а там узревают явление истины.

261. Огонь, возгоревшийся в сухих дровах, с трудом угашается: и если в сердце отрешагося — от мира западает Божия теплота, то воспламенение ея не угашается, — и она стремительнее огня.

Когда сила вина войдет в члены, ум забывает строгость во всем: и памятование о Боге, когда овладеет пажитию в душе, истребляет в сердце памятование о всем видимом.

Ощущение будущаго века в мире сем есть тоже, что малый остров в море; и приближающийся к нему не утруждается уже в волнах видений века сего.

Монах, пока видит нужду во времени, чтоб еще потрудиться, скорбит о разлучении с телом; а когда ощутит в душе своей, что искупил время, и получил залог свой, вожделевает будущаго века.

Пока купец в море, в членах у него страх, чтобы не возстали на него волны, и не потонула надежда делания его: пока и монах в мире, страх овладевает житием его, чтоб не пробудилась в нем буря, и не погребло дело его, над которым трудился от юности и до старости своей.

262. Мореходец, пока плавает среди моря, смотрит на звезды, и по звездам исправляет корабль, пока не достигнет пристани: а монах взирает на молитву, потому что она исправляет его самого, и направляет шествие его к той пристани, к которой житие его направлено в ежечасной молитве.

Пловец без одежды погружается в море, чтоб найти жемчужину; и монах, совлекшись всего, проходит жизнь свою, чтобы обрести в себе бисер — Иисуса Христа, — и когда обретет Его, не ищет уже при Нем ничего из существующаго.

263. Деве вредно быть в народных собраниях и при многолюдстве, а уму инока в беседе со многими.

Птица, где бы ни была, стремится в гнездо свое, выводить там детей: и разсудительный монах

поспешает в место свое, сотворить в себе плод жизни.

Облака закрывают солнце; а многоглаголение потемняет душу, которая начала просвещаться молитвенным созерцанием.

Разказывают о птице, называемой сирена, что всякий, слыша сладкозвучие ея голоса, так пленяется, что идя за нею по пустыне, от сладости пения забывает самую жизнь свою, падает и умирает. Сему подобно то, что бывает с душою. Когда впадет в нее небесная сладость, тогда от сладкозвучия словес Божиих, с чувством печатлюющихся в уме, она вся устремляется в след его, так что забывает свою телесную жизнь; и тело лишается своих пожеланий, а душа возносится из этой жизни к Богу.

264. Дерево, если сперва не скинет о себя прежних листьев, не произрастает новых ветвей; и монах, пока не изринет из своего сердца памятования о прежних своих делах, не приносит новых плодов и ветвей о Христе Иисусе.

В раковине, в которой зараждается жемчужина, как говорят, молниєю производится некоторое подобие искры, и из воздуха приемлет она в себя вещество, а дотоле остается простою плотию: и сердце инока, пока не примет в себя разумением небеснаго вещества, дело его есть нечто обыкновенное, и в раковинах своих не заключает плода утешения.

Пес, лижущий ноздри свои, пьет собственную кровь свою, и, по причине сладости крови своей, не чувствует вреда своего: и инок, который склонен бывает упиваться тщеславием, пьет жизнь свою, и от сладости, ощущаемой на час, не сознает вреда своего.

265. К словам таинств, заключенных в Божественном Писании, не приступай без молитвы и испрошения помощи у Бога, но говори: «дай мне, Господи, приять ощущение заключающейся в них силы». Молитву почитай ключем к истинному смыслу сказаннаго в Божественных Писаниях.

Когда желаешь приблизиться сердцем своим к Богу, докажи Ему прежде любовь свою телесными трудами. В них полагается начало жития. — И Господь положил их в основание совершенства.

Праздность почитай началом омрачения души, омрачением же на омрачение — сходбища для бесед.

Если и полезные речи, когда нет им меры, производят омрачение, то кольми паче речи суетныя.

Душа делается ничтожною от множества продолжительных бесед.

266. Мера и известное правило в житии просвещают ум и не допускают до смущения.

Смущение ума от беспорядочности (от неимения постоянных правил) производит в душе омрачение, а омрачением производится опять смущение.

Мир (душевный) бывает следствием добраго порядка, а от мира рождается свет; от света же и мира просиявает в уме чистый воздух.

267. Душа корыстная лишается премудрости, а душа милосердая умудрена будет Духом.

Ключ сердцу к Божественным дарованиям дается любовью к ближнему, и, по мере отрешения сердца от уз телесных, отверзается также пред ним дверь ведения.

Как прекрасна и похвальна любовь к ближнему, если только попечение ея не отвлекает нас от любви Божией!

268. Как приятна беседа с духовными нашими братьями, если только можно сохранить при ней и собеседование с Богом!

Хорошо заботиться и о собеседованиях с братьями духовными, пока соблюдается в этом соразмерность, т. — е. пока под этим предлогом можно не утратить сокровеннаго делания и жития, и непрестаннаго собеседования с Богом.

Это последнее приходит в смущение при самом начале первой; ибо ум не достаточен к тому, чтобы вести два собеседования.

Вредна бывает неумеренная беседа и с духовными братьями; а на людей мирских вредно посмотреть только и издали; даже и без видения одни звуки голоса их приводят в смятение покой сердца.

269. Как душа по природе лучше тела, так и тело душевное лучше телесного.

Но как первоначально создание тела предшествовало вдохновению в него жизни, так и дела телесные предшествуют делу душевному.

И не высокое житие, неизменно продолжаемое, — великая сила. Слабая капля, постоянно капая, пробивает жесткий камень.

Когда приблизится время воскреснуть в тебе духовному человеку, тогда возгревается радость в душе твоей, и помыслы твои заключаются внутри тебя тою сладостию, какая в сердце твоём. А пока мир покушается снова возстать в тебе, тогда умножается в тебе парение мыслей.

Миром называю страсти, которые поражаются от парения ума.

Когда оне рождаются и достигнут зрелости, — делаются грехами и умерщвляют человека.

Как дети не рождаются без матери, так страсти не рождаются без парения мысли, и совершение греха не бывает без собеседования со страстями.

270. Если терпение возрастает в душах наших, это признак, что прияли мы втайне благодать утешения.

Когда душа упоена радостью надежды своей и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя и немощно. Тогда оно бывает в силах поднять сугубую тяготу, не являя оскудения в силах.

Так бывает, когда душа входит в оную духовную радость.

Если сохранишь язык свой, то от Бога дастся тебе благодать сердечного умиления, чтобы в нем увидеть тебе душу свою, и им войти в духовную радость.

В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение в молитве его; и в какой мере человек развлечен многим, в такой лишается Божией помощи.

271. Первая мысль, которая по Божию человеколюбию входит в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За сим помыслом естественно следует пренебрежение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. Это же и Божественная сила, сопутствующая человеку, полагает в основание, когда восхощет обнаружить в нем жизнь. — И если человек эту, сказанную нами, мысль не угасит в себе житейскими заботами и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и остановится на ней созерцанием, и займется ею; то она поведет его к глубокому созерцанию, котораго никто не в состоянии изобразить словом. Сатана ненавидит сей помысл, и всеми силами нападает, чтоб истребить его в человеке. И если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысл. Ибо знает коварный, что если помысл сей пребывает в человеке, то ум его состоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются.

272. Другое после сего бывает делание, когда человек хорошо проходит добрую жизнь, и приблизится ко вкушению созерцания и делания его, когда свыше примет он благодать вкусить сладость духовного ведения.

Начало сего делания состоит в следующем: предварительно удостоверяется человек в промышленности

Божием о человеке, просвещается любовью своею к Творцу, и удивляется вместе и устроению существ разумных и великому о них попечению Божию.

С сего начинается в нем сладость Божественная и воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и попадающей душевныя и телесныя страсти.

Любовь сия, при сильной рачительности и доброй совести, начинает потом воспламеняться вдруг, — и человек упоевается ею, как вином, и сердце его отводится в плен к Богу.

За тем в какой мере человек старается о добром житии, о хранении себя, о том, чтобы проводить время в чтении и в молитвах, в такой же утверждается и упрочивается в нем сила сия.

273. Не будем смущаться, когда бываем в омрачении. Разумею же то особенное омрачение, в котором в иное время душа томится, и бывает, как бы среди волн; и читает ли человек Писание, или совершает службу, во всяком деле, за какое ни примется, омрачение у него за омрачением.

Таковий оставляет дело, и часто не попускается ему даже приблизиться к оному. Этот час исполнен отчаяния и страха; надежда на Бога и утешение веры в Него совершенно отменяются душею, — и вся она всецело исполняется сомнения и страха.

Но Бог не оставляет души в таком состоянии на долго, но вскоре творит и избытие (1 Кор. 10, 13).

А я замечу тебе, и дам совет: если не имеешь силы совладеть с собою, и пасть на лице свое в молитве; то облеки голову свою мантиею, и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения, но не выходи из келлии.

Сему искушению подвергаются наипаче желающие проводить жизнь умственную, и в шествии своем ищущие утешения веры. Поэтому, всего более мучит и утомляет их этот час колебанием ума; следует же за сим часто хула, а иногда приходит на человека сомнение в воскресении, и иное нечто, о чем не должно нам говорить.

Занимающиеся делами телесными совершенно свободны от сих искушений. На них приходит иное уныние, известное всякому, которое в образе действия своего отлично от сих и подобных им искушений.

Блажен, кто претерпит это, не выходя за дверь. Впрочем не в один час оканчивается борьба сия; и благодать не вдруг приходит снова и вселяется в душе, но постепенно. И одно сменяется другим, временем искушение, и временем утешение.

274. Человек ревнитель не по разуму никогда не приходит в мир ума; а чуждый мира, чужд и радости. Если мир ума называется совершенным здравием, а ревность не по разуму противна миру, то значит уже, что тяжкою болезнью страждет тот, в ком есть лукавая ревность.

Сердце, исполненное печали о немощи и безсилии в делах телесных явных, заменяет собою все сии телесныя дела. Дела телесныя без печали ума — тоже, что тело не одушевленное.

Кто скорбит сердцем и дает свободу чувствам своим, тот подобен человеку, который страждет телесно, и у котораго уста отверсты для всякой вредной ему снеди, или тому, у котораго есть едиnorodный сын, — и который мало-по-малу закаляет его собственными руками.

275. Целомудрие и беседа с женщиною — тоже, что львица с овцою в одном доме.

Дела без милосердия пред Богом — тоже, что человек, который закаляет сына в присутствии отца его.

Что горсть песку, брошенная в море, тоже — грехопадения всякой плоти в сравнении с Божиим Промыслом и Божиею милостию. И как обильный водою источник не заграждается горстиею пыли,

так милосердие Создателя не препобеждается пороками тварей.

Быть злопамятным и молиться, значит тоже, что сеять на море и ждать жатвы.

Как пламени огня нельзя не восходить вверх, так молитвам милосердых — восходить на небо.

Каково течение воды на покато́м месте, такова сила раздражительности, когда она найдет себе доступ в сердце наше.

276. Бывает смирение по страху Божию, бывает из любви к Богу, и бывает по радости.

Смирённого по страху Божию сопровождает во всякое время скромность во всех членах, благочиние чувств и сокрушённое сердце.

Собрание смиренных возлюбленно Богом, как собор Серафимов.

Драгоценно пред Богом тело целомудренное паче чистой жертвы.

Сии две добродетели — смирение и целомудрие уготовляют в душе для Святыя Троицы обручальный залог.

277. Наблюдай за чревом, но не как за зрением; потому что домашняя брань, без сомнения, легче внешней.

Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть остановлены без приведения тела в доброе и чинное состояние.

Бойся привычек более, чем врагов. Питающий в себе привычку — тоже что человек, дающий пищу огню.

Если привычка потребу́ет чего однажды, и требование ея не будет исполнено, то в другой раз ты найдешь ее слабою. А если однажды исполнишь ея волю, то во второй раз найдешь ее нападающею на тебя с гораздо большею силою.

278. Кто любит смех и любит выставлять себя на показ людям, тому не будь другом; иначе он научит тебя привычке предаваться расслаблению.

Когда начинает кто при тебе пересуждать брата своего, потупь лице свое. Как скоро сделаешь это, и пред Богом и пред ним окажешься осторожным.

Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет даяние твое и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда твоя ласковость будет в уме его дороже и такого даяния твоего, которое превышало бы даже потребности его.

Во всех делах твоих да предваряют у тебя телесное целомудрие и чистота совести; ибо без них суетно пред Богом всякое дело.

279. Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай; пусть на тебя клеветают, ты не клеветай.

Судиться не христианского жития дело; об этом нет и намека в учении Христовом.

Веселись с веселящимися, и плач с плачущими; ибо это признак чистоты.

С больными болезнью; с грешными проливай слезы; с кающимися радуйся.

Будь дружен со всеми людьми, а мыслию своею пребывай один.

280. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распрости одежду твою над падающим и покрой его.

Знай, что для того нам и надобно не выходить из дверей келлии, чтобы не знать худых дел человеческих; и тогда в неведении ума своего во всех увидим людей святых и добрых.

Если не можешь потрудиться телом, поскорби хотя мысленно.

Если не можешь поститься в продолжение двух дней, постись по крайней мере до вечера; если же не можешь и до вечера, то остерегайся пресыщения.

Если ты не миротворец, то не будь хотя любителем мятежа.

Если ты не в состоянии заградить уста осуждающему друга своего, то по крайней мере, остерегись вступить с ним в общение.

281. Знай, что если от тебя выйдет огонь, и пожжет других, то Бог от руки твоей взыщет души, жегомья огнем твоим. И если не ты ввергаешь огонь, но соглашаешься с повергающим, и услаждаешься тем, то на суде будешь в числе сообщников его.

На всех путях, какими ходят люди в мире, не находят они мира; пока не приблизятся к надежде на Бога.

Сердце не умиряется от труда и преткновений, пока не приидет в него надежда, не умиротворит его, и не прольет в него радости. О ней—то и изрекли достопокланяемые уста: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28).

Свет ума пораждает веру; вера пораждает утешение надежды; надежда же подкрепляет сердце.

282. Сын Божий претерпел крест; потому мы грешные смело полагаемся на покаяние.

Скорби ума достаточно к тому, чтобы заменить всякое телесное делание.

Св. Григорий говорит: «тот — храм благодати, кто в единении с Богом, — и всегда озабочен мыслию о суде Его».

Блаженный Василий сказал: «непрестанная молитва производит в душе ясную мысль о Боге; и водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога». Так соделываемся мы храмом Божиим. Сердце сокрушенное служит уготовлением упокоения в Боге.

283. Что приобретаем мы во время нерадения своего, то и посрамляет нас во время молитвы нашей. Трезвение помогает человеку больше, чем дело; а разрешение (распущение помыслов) вредит ему больше, чем покой (телесный).

От покоя происходят и тревожат человека домашния брани, но он имеет возможность прекратить их. Ибо как скоро человек оставит покой, и возвратится на место дел, брани сии отъемлются от него, и удаляются. Но не таково пораждаемое разрешением, каково пораждаемое покоем. Пока человек во время покоя пребывает в области свободы своей, может он снова возвратиться и управить собою по установлению правила своего; потому что он еще в области свободы своей. Но давая себе разрешение (на помыслы с услаждением) выходит из области свободы своей. Если бы человек не отринул совершенно наблюдения над собою, то не был бы с насилием и невольно вынужден покориться тому, что не доставляет ему покоя.

284. Не давай, человек, свободы которому либо из чувств своих, чтоб не дойти до невозможности снова возвратиться к свободе. Покой вредит только молодым, а разрешение — и старым и совершенным. Вследствие покоя доходящие до худых помыслов могут снова возвратиться к наблюдению над собою и утвердиться в высоком своем житии. А которые, по надежде на дело, вознерадели о наблюдении над собою, те от высокога жития отведены пленниками в жизнь распутную.

285. Не тогда только будем печалиться, когда поползнемся в чем либо, но особенно, когда закосневаем в том же; потому что поползновение бывает часто и с совершенными, а закосневать в том—же есть совершенное омрачение.

Печаль, которую чувствуем при своих поползновениях, вменяется нам благодатию вместо чистаго делания.

Кто, в надежде на покаяние, умышленно поползнется вторично, тот лукаво поступает с Богом; неведомо нападает на него смерть, и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели.

286. Каждый, давший волю чувствам, дал волю и сердцу: ибо делание сердца служит узами для внешних чувств.

Если кто с разсудительностию занимается сим деланием, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям, а именно: не связан он телесными выгодами, не любит чревоугодия, и отнюдь не допускает раздражительности. Где имеют место сии три; там нет настоящего устройства внутри, хотя бы внешнее было безукоризненно.

Разсудительное пренебрежение телесным поражает ничем несвязанность, пренебрежение покоем и людскою приверженностию.

Если кто с готовностию, радуясь, приемлет ущерб ради Бога, то чист он внутренно.

Кто не смотрит с приятностию на оказавшаго ему честь, и не негодует на того, кто его безчестит, тот в этой жизни мертв стал для мира.

287. Не питай ненависти к грешнику; потому что все мы подлежим ответственности. Если возстаешь на него ради Бога, то плачь о нем.

И для чего тебе ненавидеть его? Ненавидь грех его, и молись о нем, чтобы уподобиться Христу, Который не гневался на грешников, а молился о них.

Будь проповедником Божией благодати; потому что Бог правит тобою недостойным; потому что много ты должен Ему, а взыскания Его не видно на тебе, и за малые дела, тобою сделанные, воздаст Он тебе великим.

288. Бойся Бога из любви к Нему, а не по грозному имени, Ему приданному.

Возлюби Его, как обязан ты любить Его и не за то, что даст Он тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем, и за этот один мир, который сотворил Он для нас.

Кто убедил Его вначале привести нас в бытие?

Кто умоляет Его о нас, когда мы не воспоминаем о Нем?

Когда нас еще не было, кто возбудил к жизни это тело наше?

Откуда мысль ведения западает в персть?

Какая безмерная благодать естество наше в нас грешных снова возводит к возсозданию!

Приидите, разсудительные, и удивляйтесь. Кто имея ум мудрый и чудный, достойно подивится милости Создателя нашего?

289. В какой мере человек будет пренебрегать миром сим и ревновать о страхе Божиим, в такой приближается к нему Промысл Божий, — и втайне ощущает человек содействие Промысла, и к уразумению онаго даются ему чистые помыслы.

Если кто добровольно лишает себя мирских благ, то в какой мере лишается он их, в такой же сопровождает его Божие милосердие, и поддерживает человеколюбие Божие.

Души же тех, которые не сильны стяжать себе жизнь истинную добровольным от всего отрешением, невольными скорбями приводит Он к добродетели, как видим на нищем Лазаре.

Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби. Если и подвергает иногда в

телесном лишении и иным скорбям; но к душе скорбящего являет Господь великое человеколюбие, соразмерно с жестокостью страданий в скорби его.

290. Когда вождение любви Христовой не препобеждает в тебе до того, чтобы от радости о Христе быть тебе безстрастным во всякой скорби своей; то знай, что мир живет в тебе более, нежели Христос.

Когда болезнь, скудость, истощание тела, боязнь вредного телу возмущает мысль твою до того, что отторгает тебя от радости упования твоего и от попечения об угождении Господу; то знай, что живет в тебе тело, а не Христос.

Просто сказать, — к чему приверженность в тебе преобладает над всем, то и живет в тебе.

Если нет у тебя недостатка в потребном тебе, и тело здорово, и не боишься чего либо сопротивного, — и говоришь, что ты можешь при сем чисто шествовать ко Христу; то знай, что ты болен умом, и лишен вкушения славы Божией.

291. Чтобы не сказал ты, что не было человека, у которого ум совершенно возвышался бы над немощию, когда тело терпело крушение в искушениях и скорбях, и у которого любовь ко Христу препобеждалась бы печалью ума, — приведу тебе на память мучеников, и смотри, как терпение их, подкрепляемое силою любви Христовой, препобеждало великую скорбь и болезнь телесную.

И не они только являли такую твердость; были философы, язычники, не знавшие истинного Бога, которые показали удивительную силу мужества. Один из них положил себе законом хранить молчание, — и не отступил от сего решения, не смотря на явную опасность смерти. Иные же совершенно попрали естественное похотение; другие легко переносили злословие; иные без скорби претерпевали жестокия болезни; а иные показали свое терпение в скорбях и великих бедствиях.

Если они терпели это ради пустой славы и надежды; то не гораздо ли паче должны терпеть мы, монахи, призванные к общению с Богом?

ТОМ ТРЕТИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагается третий том русского Добротолюбия. Все почти статьи входящая в него заимствованы из греческого Добротолюбия. Прибавляется только собеседование Аввы Зосимы, напутствовавшего Св. Марию Египетскую, и из писаний Св. Максима Исповедника — подвижническое слово. Все сие следует в таком порядке:

- 1) Блаженного Диадоба, Епископа Фотики слово подвижническое в ста главах, с предшествующими — им десятью определениями последних степеней главнейших добродетелей.
- 2) Преподобного Иоанна Карпафского — сотня глав, — утешительных и увещательных.
- 3) Аввы Зосимы собеседования.
- 4) Святого Максима Исповедника —
 - а) Подвижническое слово, в вопросах и ответах.
 - б) 4 сотни глав — о любви.
 - в) Умозрительные и деятельные главы, выбранные из его семи сотен глав.
- 5) Преподобного Фалассия четыре сотни глав — о любви, воздержании и духовной жизни.
- 6) Св. феодора, Епископа Едесского — душеполезные главы 100.
- 7) Другого некоего феодора — назидательное слово созерцательное.
- 8) Многополезное сказание об Авве Филимоне.

9) Преподобного феогноста—о жизни деятельной и созерцательной, 75 глав.

10) Преподобного Филофея Синайского 40 глав о трезвении.

11) Илии пресвитера—Цветник.

БЛАЖЕННЫЙ ДИАДОХ ЕПИСКОП ФОТИКИ В ЕПИРЕ ИЛЛИРИЙСКОМ КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ О БЛАЖЕННОМ ДИАДОХЕ

О происхождении и ранней жизни Св. Диадوخа до епископства ничего неизвестно. На епископстве же он славился и жизнью святою и учением премудрым, Виктор, Епископ Утики, что в Африке, в предисловии к своей Истории о мучительствах Вандалов (Migne Patrol. Lat. t. 58), писанной им ок. 490 г., называя себя учеником его, в честь себя ставит такое название, и прибавляет, что «Сей блаженный Диадох достоин быть превознесенным всякими, похвалами, так как он оставил весьма много памятников православного учения о догматах и жизни христианской.» — Почему надо заключить, что он процветал во второй половине 5-го века, и может быть, не много не дожил до конца его, как можно догадываться из того, что в послании Епирских епископов к Императору Льву (457 — 473) значится и его подпись. Другие обстоятельства его жизни неизвестны.

Из его писаний до ныне известны: а) два слова, — одно на Вознесение Господне, с изложением православного учения о воплощении Бога Слова, другое—против Ариан; б) 100 глав подвижнических о жизни духовной, с 10-ю предшествующими указаниями последних пределов совершенства главнейших добродетелей.

Из сих писаний его приводят свидетельства Софроний, Патриарх Иерусалимский, в своем окружном послании про-тив Монофелитов (Библ. П. Фотия—чт. 231); не раз ссылался на него и Пр. Максим Исповедник.

О подвижнических его главах, которые мы берем в свой сборник, блаженный Фотий отзывается так: «слово сие (т. е. 100 глав) премного полезно подвизающимся, и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего не яснаго; потому что в таком случае знание, опытом приобретенное, легко нападает на след учения, предлагаемого словом.» Собиратели же греческаго Добротолюбия, в предисловии к сему слову говорят: «что Св. Отец наш Диадох был муж, мудрый в деянии и светлый в созерцании, это всякому желающему можно узнать из дошедшаго до нас в сохранности слова сего, которое он прекрасно составил, почерпая духовную мудрость из долговременнаго опыта своего и из божественных восхождений сердца своего. Разделив его на сто глав, он со всем тщанием раскрывает в них самыя глубочайшия тайны желанной добродетели, преисполняя их притом частыми свидетельствами Божественнаго Писания и созерцаниями просвещеннаго верою разума. Можно сказать, что в сем слове он оставил для всех, следовавших за ним трезвенников и Богоносных Отцев, образцовое учение о священном трезвении совместно со всеми добродетелями. Почему найдешь, что очень многие из них обращаются к сим главам, как к самым верным указателям истины, и приводят из них дословныя свидетельства в своих писаниях о трезвении. Так делали после бывшаго при Андронике Палеологе Собора, Григорий и Симеон Солунские, Григорий Синаит, Святейший Каллист, и многие другие, свидетельствуя тем о безукоризненности его учения.

Св. Церковь чтит память Св. Диадуха, вместе со всеми Святыми, просиявшими подвижнически, в сырную субботу. На службе в сей день во 2-й песни поется: «пою и Диадуха, купно с Евстафием и Ювеналием отцевеверховными.»

БЛАЖЕННОГО ДИАДОХА, ЕПИСКОПА ФОТИКИ.

Указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей.

- 1) Предел, или верх совершенства веры, есть безстрастное погружение ума в Бога.
- 2) Предел упования — преселение ума к чаемым благам.
- 3) Предел терпения — невидимаго, яко видимаго зря умными очами, неуклонно стоять в терпении.
- 4) Предел нестяжательности — так желать не иметь, как иной желает иметь.
- 5) Предел разумения — не ведать себя в изступлении (или всецелом устремлении) к Богу.
- 6) Предел смиренномудрия — решительное забвение своих добрых дел.
- 7) Предел безгневия — великое желание не гневаться.
- 8) Предел чистоты — чувство, непрестанно прилепленное к Богу.
- 9) Предел любви — умножение дружескаго расположения к тем, которые оскорбляют и поносят.
- 10) Предел совершеннаго изменения в сладостном вкушении Бога — вменять в радость прискорбность смерти.

ТОГОЖЕ БЛАЖЕННОГО ДИАДОХА, ЕПИСКОПА ФОТИКИ, ЧТО В ДРЕВНЕМ ЕПИРЕ ИЛЛИРИЙСКОМ,

подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и разсуждения духовнаго.

1.

О трех добродетелях, которыя, как вожди, должны предшествовать духовному созерцанию ума [48].

Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь — и наипаче любовь; ибо те (две — вера и надежда) научают только презирать видимыя блага, а любовь самую душу чрез добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимаго.

2.

Когда и как человек делается добрым.

По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает благим чрез ревностное тщание о благих нравах, будучи изменяем в то, чем не есть по естеству, Тем, Кто существенно благ, когда душа чрез ревностное тщание о добре на столько соделается сущею в Боге, на сколько она по силе своей возжелает того, и деятельно взыщет; ибо сказано: будьте благи и милосерды, как и Отец ваш, Который на небесах (Лук. 6, 36; Мф. 5, 48).

3.

Когда и как зачинается грех.

Зла нет в естестве, и нет никого, злаго по естеству: ибо Бог не сотворил ничего злаго. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, не смотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добре, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающаго в естество со вне чрез навик, — так как то есть, а этого нет, — разве только когда содевается.

4.

Когда и как достигаем мы того, чтоб быть по подобию Божию.

Все мы люди по образу Божию есьмы [49]; быть же по подобию Божию есть принадлежность одних тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими

самим себя, отвергаемса себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви своей примирил нас с собою; — чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

5.

Как сделать, чтобы воля только на добро была всегда готова.

Самовластие есть произволение разумной души, с готовностию устремляющееся к чему ни захочет. Таковое произволение мы будем иметь готовым на одно толко добро, если всегда благими помышлениями будем истреблять всякой злой помысл.

6.

Что есть свет истиннаго видения, и что производит в уме пользование сим светом.

Свет истиннаго ведения есть — непогрешительно различать добре от зла. И тогда (когда т. е. такое различение есть и по нему устрояется самая жизнь) путь правый, возводя ум к солнцу правды, Богу, вводит его в безпредельное оное мысленное просвещение, — как с дерзновением (верою и упованием) взыскавшего наконец единой любви. То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих, с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением (гневным), а обличением и убеждением (любовным).

7.

О том, что производит духовное слово, — и о том, что движение любви беседу о Боге, делает легкою и обильною.

Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство; потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом состоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Доброе убо дело есть — для беседы о Боге всегда с верою ожидать воздействуемаго любовию умнаго просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется любомудрствовать о Боге.

8.

Когда подобает приступать к беседе о божественных вещах.

Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богато осиявается благодатию Святаго Духа, не подобает приступать к беседе о них: ибо там скудость светлых помышлений облакает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа упиваясь любовию Божию, желает безмолвно наслаждаться славою Господа, Итак к богоглаголевым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы), между тем как в то же время возделанное осияние духовное питает веру говорящаго в вере, чтоб учащий первым вкусил от плода ведения, источаемаго любовию. Трудящемуся делателю прежде подобает от плода вкусити (2 Тим. 2, 6).

9.

О даре ведения и даре премудрости, как каждый из них просвещает, и как приобретается.

Единаго Духа Святаго есть дар и премудрость и ведение, как и все божественныя дарования; но каждый и из сих даров, как и из всех других, свое особое имеет действо (энергию). Почему Апостол

и свидетельствует, что иному дается премудрость, а иному видение (1 Кор. 12, 8). Видение опытно (ощутительно) сочетает душу с Богом, на беседование же о сем и других вещах духовных не подвигает души; почему некоторые из любомудро проходящих уединенническую жизнь хотя просвещаются в чувстве ведением, но к словесам о вещах божественных не приступают.

Премудрость же, если она дается кому вместе с ведением страха ради Божия (что редко бывает), с любовью раскрывает самые внутренни воздействия (энергии) видения; поелику то (видение) обычно просвещает воздействием внутренним, а эта (премудрость) словом. Достигаются же оне так: ведение приносят молитва и великое безмолвие при совершенном безопечении; а премудрость — нетщеславное изучение словес Духа, наипаче же — благодать всеподающего Бога.

10.

Когда душа в борьбе, молчать должно; а когда успокоится, тогда простирать беседу, обуздывая однакож ум смиренномудрием.

Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть час брани. Когда же увидит кто, что это возмущение, молитвою ли, или милостынею, улеглось, тогда пусть уступает влечению любви к изречению божественных словес, сдерживая однакож крылья ума узами смирения; ибо если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божиим.

11.

Слово духовное не ведет к тщеславию, а слово мирской мудрости — ведет. От чего — то и другое? Слово духовное хранит душу не тщеславною; ибо, исполняя все части ея ощущением богатства света духовнаго, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда позывает человека к славолубию; потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце) и в замен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Таковое свойство духовнаго Слова Божия мы и сами не погрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией, при безопечительном молчании.

12.

О самолюбии и боголюбии, — и что свойственно себялюбивому и боголюбивому.

Кто себя любит, тот Бога любит не может; а кто себя не любит по причине преизобильнаго богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда — одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы; так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно, в исполнении всех творимых ею заповедей, искать единой славы Божией, относительно же себя — услаждаться смирением. Ибо Богу, ради величия Его, подобает слава, а человеку — смирение, чтоб чрез него соделываться нам своими Богу: что если хотим творить и мы, то, по примеру Св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: оному подобает расти, а нам малиться (Ин. 3, 30).

13.

Когда и от чего бывает, что иной кажется себе нелюбящим Бога, как бы желал, в то время, как

очень сильно любит Его.

Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанное носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковой не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения, он не понимает своего достоинства, но служа Богу, как закон повелевает иереям, сильным неким расположением к боголюбию окрадает память о своем достоинстве, негде во глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою неким неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести, и славы. ради приизобильного богатства любви к Господу, столько нас возлюбившему.

14.

О том, кто в чувстве сердца любит Бога, и как он, совершенно отрешаясь от любви к себе, приходит в восхищенную любовь к Богу.

Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприимлет любовь к Богу, потолику и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремится к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощание самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменешь и поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу — и странно приемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви. Аще бо, говорит, изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам (2 Кор. 5, 13).

15.

Когда начинает кто любить ближнего, и почему любовь плотская скоро истощается, а любовь духовная — никогда.

Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престаёт: такова любовь, о коей говорят все Святыя Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгравши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью восприимлет любовь к ближнему, хотя бы и не малое от него получено было оскорбление, или понесен большой вред; потому что тогда сладостию Божиею совершенно поглащается горечь разлада.

16.

О любви к Богу в чувстве сердца, как она приобретається; также о совершенной любви, чуждой очистительного страха Божия, и о другой любви несовершенной, соединенной, с очистительным страхом.

Никто не может возлюбить Бога от всего сердца. не возграв прежде в чувстве сердца страха Божия;

ибо душа в действенную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может придти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда, как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебели. чтоб таким образом возвесть его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих качеству средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как совершенная любовь вон изгоняет страх (1 Ин. 4, 18). Тоже и другое бывает только у праведных, действием Духа Святаго проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: бойтесь Бога вся святии Его (33, 10), а где: возлюбите Господа вси преподобнии Его (Пс. 30, 24). — давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам, с среднюю, как сказано, мерою любви, праведникам же очистившимся свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышления, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святаго, как говорит Пророк: прильне душа моя по Тебе, мене же приятъ десница Твоя (Пс. 62, 9).

17.

Как душа больная начинает, исцеляться действием страха Божия, и как мало по малу доводится до совершенного здравия любовью.

Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить, как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление: так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неужытном судилище Божиим; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное некое врачество, страх Божий, пережигающий ее, как в огне некоем, действием обличений, и таким образом мало по малу очищаясь, достигает наконец совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умягчается страх, пока придет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное безстрастие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную во первых страх Божий, а наконец любовь, — полнота закона совершенства во Христе.

18.

Душа, попечениями мирскими опутанная, не может любить Бога и даже правильно судить о своем положении.

Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в себе своего о сем судилища, чтоб у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести). Почему всячески потребно удаление от мира.

19.

Что свойственно чистой душе.

Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее. Тогда (когда душа чиста) и ум верно устанавливает свои чаши (как устанавливаются на

весах чаши весовья), и трезвенным пребывает в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище.

20.

Необходимо с верою соединять дела, и с делами веру.

Вера без дел, и дела без веры одинаково не могут быть одобрены. Верующему, чтоб доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вера не была бы вменена в правду, если б он не привел плода ея — сына своего на жертву Богу.

21.

Какова вера без дел, и какова, любовью действующая.

Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкотою ума, не нося в себе действенного (устанавливающего его на едином) отвеса преславной любви. Только вера, любовью действующая (Гал. 5, 6) есть великая главизна добродетелей.

22.

Не следует любопытно исследовать глубину веры.

Исследующий глубину веры обуреваются волнами помышлений; а созерцающий ее в престоичесердном расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною.

Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели, или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом dospеть в пристань воли Божией.

23.

Когда душа не может чувством сердца или вкусом ощущать вони благ небесных, хотя бы и сильно того желала.

Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает своими обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премирных благ, но он тотчас же раздвояется сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вожделенно устремляется он к ним, но уже не может любовно воспринять их в чувстве сердца, по причине, как я сказал, частых угрызений обличающей совести. Впрочем если мы очистим себя теплейшею молитвою и вниманием, то опять улучим сие вожделенное благо, еще с большим опытным в Боге вкушением его.

24.

О двояком чувстве телесном и духовном, и как надлежит возбуждать духовное чувство ко вкушению небесного.

Как к видимым нам благам невольню некако влекут нас телесныя чувства: так к благам невидимым обыкновенно руководит нас чувство умное — духовное, когда вкусит божественной благодати. Все вожделевает сродного себе: душа, как безтелесная, — небесных благ, а тело как переть от земли, — земных сластей. Итак в состояние опытно вкушать невещественное незаблудно достигнем мы, если трудами утончим черствое тело свое.

25.

Чувство душевное в действовании своем было едино в состоянии невинности; грехопадением оно раздвоилось, а благодать Святаго Духа опять возводит его в простоту единства.

Что чувство естественное одно, сему научает нас самое действо (энергия) святого ведения (просвещенный благодатию разум). Преступлением Адамииим оно разделилось на два действия (энергии); но Святым Духом оно опять соделывается единым и простым. Этого однакож никто не может увидеть в себе, кроме тех одних, которые, в чаянии будущих благ, охотно отрешаются от благ жизни сей, и воздержанием иссушают всякое вожделение телесных чувств. Ибо только в таковых ум, по причине полного безпопечения, здраво и бодренно совершая свои движения, может чувством неизреченно вкушать божественную благодать, и в тоже время по мере своего преспеяния сообщать свои радости и телу, безмерным неким словом в любви извляя свое обрадование исповеданием, говоря: на Тою упова сердце мое, и поможе ми: и процвете плоть моя, и волею исповемся Ему (Пс. 27, 7). Такое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле есть нелестное напоминание о вечно нетленном житии.

26.

Надобно блюсти ум несмущенным, чтоб различать верно помыслы, от Бога ли они, или от диавола. Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующуюся, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и различая, добрые и богопосланные влагая в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергая вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; от чего в ту пору искусство рыболовныя хитрости устроющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным.

27.

Почему мало вполне знающих падения свои, и что нужно для достижения сего.

Очень не много таких, которые точно знают все свои падения, и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесныя наши очи, когда здоровы, могут все хорошо видеть до малейших комарей и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены, или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда и малыя свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, — как сказано: праведнии исповедятся имени Твоему (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда если совершит убийство, или другое что достойное наказания, чувствует еще не много, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели, и не стыдится с жаром защищать их, несчастная.

28.

Как Святой Дух очищает душу, и что должны мы делать для сего.

Очистить ум только Духа Святого есть дело. Ибо если не приидет Креплиший Сей, не поймает и не свяжет хищника онаго (Лук. 11, 22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подобаает убо всякими добродетелями, наипаче же миром душевным упокоевать в себе Духа Святого, чтоб иметь в себе светильник разума всегда светящим; потому что, когда он непрестанно

светит в сокровенностях души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Оветом. Почему Апостол и говорит: Духа не угашайте (И Сол. 5, 19), т. е. не оскорбляйте (Еф. 4, 30) благостыни Святаго Духа злыми делами или помышлениями, чтоб не лишиться всепобедительнаго онаго светильника. Ибо не присносушяый и животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление или лучше отвращение оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения.

29.

О единости чувства душевнаго прежде греха и разделении его по причине греха, — и о том, когда желание неразумное соединяется и бывает согласно с разумным.

Едино есть, как я сказал, естественное в душе чувство [ибо известныя пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас всесвятый и человеколюбивый Дух Божий]; но оно ныне в проявлениях движений души разделяется на двое, по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму чрез преслушание. Почему, то оно влечется страстную часть души, — от чего мы сладостно сочувствуем благам житейским; то соуслаждается разумному мысленному ея движению, — поколику ум наш, когда мы целомудрствуем, с вожделием устремляется тещи к небесным красотам. Если потому мы придем в навик презирать блага мира сего, то сможем наконец и земное вожделие души привести в согласие с разумным ея настроением, в силу общения Духа Святаго, сие в нас домостроительствующаго. Ибо если Его Божество действенно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души вкусить небеснаго блага.

30.

Когда и как чувством ума различаются истинныя утешения от ложных.

Чувство ума есть вкус его, верно различающий духовныя вещи. Как телесным нашим чувством вкуса в здоровом состоянии не погрешительно различая хорошее от нехорошаго, приятнаго желаем (от неприятнаго же отвращаемся): так и ум наш, когда начинает действовать в добром настроении и в полном безпечении о преходящем, может богато ощущать божественное утешение и нимало не быть увлекаемым ничем противным тому. Ибо как тело, земных вкушая сластей, приобретаем опытность в чувстве сем безошибочную: так и ум, когда поднимается выше плотскаго мудревания, может нелестно вкушать и различать утешение Святаго Духа, как говорится: вкусите и видите, яко благ Господь (Пс. 33, 9), и имея память о сем вкушении по действию любви не забвенною, не погрешительно различать лучшее, по слову Св. Апостола: и о сем молюся, да любовь ваша паче и паче избыточествует в разуме, и во всяком чувстве, во еже искушати вам лучшая (Фил. 1, 9).

31.

О ложном утешении сатаны, напускаемом во время упокоения сном, и как ум разсеивает его теплым призыванием имени Иисуса и самага сатану обращает в бегство.

Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святаго Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время нощных успокоений, в момент тончайшаго некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести, воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый оболъстителъ оный тотчас удаляется, но за то возгарается наконец бранию против души своим лицеом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивыя

прелести лукаваго более и более преуспеваает в различении духовных вещей.

32.

О добром утешении души, в бодрственном ли состоянии или во время успокоения сном бывающем, и как сатана покушается во время сна прельстить душу ложным утешением. Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге, как бы прилеплен бывает любовью к Нему; а утешение обманчивое, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия в любви Божией в сильном излипании душевных чувств; а это обыкновенно обвеваает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телеснаго покушается похитить чувство вкушением чего-то приятнаго, не смотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. — Итак если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе. то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостью выступает на борьбу с ним имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной.

33.

Как радость о Духе Святом распознается от лживой бесовской, и когда диавол приступает к обольщению лживым утешением.

Если душа неколеблущимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некако в глубину сей неизреченной любви и самое тело, — в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействию святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом ни помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; — то ведать надлежит, что это есть действие Святаго Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неисто щимую некоею радостью. Если же при таком возбуждении, ум восприимет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; — то ведать надлежит, что утешение это — от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая со вне навевается, и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать дупгу, в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною макротною сластию не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать духа истины и духа лстча (1 Ин. 4, 6). — Никому впрочем невозможно ни божественной благодати чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтоб люди как нибудь удостоверились в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятию о Боге.

34.

О двоякой любви — естественной и духовной (благодатной) и об отличиях каждой.

Есть любовь в душе естественная, и есть от Святаго Духа в нее изливаемая. Та, если захотим,

приходит в соразмерное движение и от нашей воли; почему удобно разхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действия (энергии) источает обильный некий поток любви и радования.

35. О благодати Божией, как она одна умиряет волненья движения души.

Как море волнуемое, когда возливают на него еля, обыкновенно стихает, потому что тучность еля, препобеждает силу воздымающей волны бури: так и душа наша, умащаемая благодатию Святаго Духа, сладостно исполняется тишиною; потому что, — по слову Пророка: обаче Богови повинися душе моя (Пс. 61, 6), — тогда к обрадованию ея пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ея благостыни Духа, и пораждаемому тем безстрастию. Почему какия бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующею в себе и всякого полную радования. Но в такое состояние никто не может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвизающимся некий вид непорочности и чистоты. Страх Господен чист, говорит Пророк, пребывая в век века (Пс. 18, 10).

36.

Как и когда душа может ощутить славу Божию; и о лживости диавола, показывающего иногда свет, или нечто похожее на свет.

Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно.

Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным неким вкусом ощущает божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что либо из невидимаго; ибо ныне мы верою ходим, а не видением, как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому либо из подвизающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, — и многие, с которыми это случалось, по неведению, сбивались с пути истиннаго. Мы же знаем, что пока живем страннически в тленном теле сем, устраняемся от Бога (2 Кор. 5, 6), — т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных.

37.

О снах, Богом посылаемых, и диаволом навеваемых и о разности их.

Сны являющиеся душе по любви Божией, суть необманчивые указатели здравия душевнаго. Они не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха, или внезапнаго опечаления, но приступают к душе со всею тихостию, и преисполняют ее духовнаго радования; почему душа, и по пробуждении тела, со всем вожделением ищет этого испытаннаго во сне обрадования. У бесовских мечтаний все бывает противно сему, — не пребывают они в одном и том же образе, и вида своего не показывают долго не смятенным; потому что тем, чего нет в их произволении, но что заимствуют они из своей только лживости, долго довольствоваться они не могут. При этом они много говорят и обещают великаго, а еще больше угрозами страшат принимая на себя нередко вид воинов; иногда припевают душе и что нибудь льстивое с шумным криком. Ум, когда чист бывает, скоро распознает их, и — иногда мысленным напряжением пробуждает тело, а

иногда охотнее остается в том же положении, радуясь, что возмог распознать их лукавство и в том же сне обличая их, и тем подвигая их на великий против себя гнев. — Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную, и слезу неболезненную. Это случается с теми, которые преуспели уже в великом смиренномудрии.

38.

О добродетели неверования никаким снам.

Мы изложили, как различать сны хорошие и худые, основываясь на том, что сами слышали от опытных старцев. Да довлеет однакож нам паче, как великая добродетель, то правило, чтоб отнюдь не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшею частию бывают ничто иное, как идолы помыслов, игра воображения или еще, как я уже говорил, бесовския над нами наругания и забавы. Если, держась сего правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневаемся за это на нас любвеобильный Господь Иисус, ведая, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней. Ибо хотя предреченный способ различения снов верен; случается однакож, что душа, по некоему восхищению вражьему нечувствительно, и непроизвольно будучи осквернена, — без чего, как думаю, никто не обходится, — теряет след верного различения и верит снам не добрым, как добрым.

39.

Пример в доказательство того, что Бог никому не ставит в вину неверия посылаемым от Него снам. Да послужит нам в доказательство сказанного следующий случай: господин после долгого отсутствия, возвратясь домой, стоит ночью у ворот и зовет раба, чтоб отворил; раб, не распознавая точно, господин ли это, решительно отказывает ему в этом, боясь, чтоб, обманувшись сходством голоса, не впустить злодея, и не сделаться, предателем вверенного ему господином имущества; и господин, когда настал день, не только не разгневался за это на него, но напротив великими превознес его похвалами. что голос его самого счел обманом, не желая утратить что либо из его имущества.

40.

О видении душею духовнаго в себе света, о светах вражеских и о том, как сделать, чтоб, живя в мире быть чужду мира.

Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать божественный свет, соделывается весь светлым, так что сам богато видит сей, сущий в нем, свет, в этом не должно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно возгосподствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозненности вражеской, то как свет, то как огонь. как учит божественный Павел, говоря, что и сатана иногда преобразуется в Ангела светла (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде, (т. е. в надежде видеть свет в себе) приступать к прохождению подвижнического жития, чтоб сатана не нашел поэтому души предуготованною к восхищению ея в прелесть и не восхитил в самом деле. Но должно то одно иметь при сем в виду, чтоб достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, — что и есть любить Бога всею душею, всем сердцем и всем помышлением (Лк. 10, 27). В ком действуется сие благодатию Божиею, тот, живя в мире, чужд бывает мира.

41.

О послушании, — что оно есть величайшая из добродетелей, есть дверь любви и предводительница

всех добродетелей.

Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо оно отсекает кичение, и порождает в нас смиренномудрие. Почему бывает входною дверью любви ко Христу — Богу для тех, кои с сердечным расположением держатся его. Отложив его Адам низпал во глубину ада. Господь же возлюбив его, в силу домостроительства нашего спасения, послушлив был Отцу Своему даже до креста и смерти (Фил. 2, 8), — и это тогда, как ни в чем не меньше был величества Его, — чтоб, своим послушанием загладив вину преслушания человеческого, тех, кои поживут в послушании, возвесть к блаженной и вечнующей жизни. Итак, тем, кои восприемлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, — и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добродетелей.

42.

О том, что воздержание должно держать во всем, чтоб не одни телесныя стяжать добродетели, но и те, кои очищают внутреннего человека.

Воздержание есть принадлежность всех добродетелей; почему подвизающийся должен от всего воздерживаться (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какойнибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, какнибудь мало то, чего в нем не достает: так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесныя люботрудно проходить добродетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолубии не брежет, не стерпевая даже и малейшаго оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесит чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения?

43.

О пользе и образе хранения воздержания в нище.

Все бессловесныя похоти подвизающимся так должно возненавидеть, чтоб эта ненависть к ним обратилась у них в навык. Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил до почитания мерзким какоголибо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы, — да не будет! — но для того, чтоб воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтоб остающаяся у нас от потребления пища, была обращена в удовлетворение насущной нужды бедных, — что есть признак искренней любви.

44.

Как сделать, чтоб легко было отказываться от сласти яств и других удовольствий.

От всего предлагаемого для ястия и пития есть и пить со благодарением Богу, нисколько не противно закону видения; ибо вся в созданиях Божиих добра зело (Быт. 1, 31). Но самоохотно воздерживаться от многоядения и сладкоядения весьма благоразумно и премудро. — Только отказываться так самоохотно от предлежащих сластей мы не можем, если сажым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством.

45.

Об изгнании излишнего воздержания, чтоб тело оставалось крепким для подвигов духовных.

Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким—то безпечным и неподвижным: так и будучи измождено чрезмерным воздержанием соделывает созерцательную часть души унылою и несловолубивою (м. б. не охочео рассуждать). Подобаает убо образ питания телеснаго соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять ему несколько. Подвизающемся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтоб хотя телесными трудами очищалась надлежаще и душа.

46.

Об умалении обычной строгости воздержания по случаю прихода братий или других странников. Когда, при приходе каких либо братий, или какого либо странника, тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надывая нас своим ядом, станет подстрекать ненарушать своего о пище — устава; тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обычного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего чрез послабление его сохраним невыказанною.

47.

О посте и других телесных добродетелях, — что они одни без сердечного благонастроения не имеют цены пред Богом.

Пост, хотя как орудие, благоустраивающее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностию своих орудий, но терпеливо заканчивают какое либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве,

48.

О пользе умеренности в питии для духовного в душе плодоношения.

Как земля умеренно напаяемая, с большим приплодом изращает вметаемое в нее чистое семя, а упоемая слишком обильными дождями приносит только терния и волчцы: так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественныя свои семена, являет чистыми, а всеваемая в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; когда же чрез меру одождим ее многопитием, износит только терния и волчцы всеми помыслами своими.

49.

О неумеренности в питии, как она вызывает срамныя похотения.

Когда ум наш плавает в волнах многопития, тогда не только на образы во сне представляемые ему бесами смотрит страстно, но и сам в себе рисуя некия красивыя лица, такими мечтаниями своими, как какими живыми существами, услаждается с раждежением. Ибо когда похотныя части тела разогреются от винной теплоты, тогда нуждение некое налегает на ум представлять в себе сластолюбно такия тени страсти. Почему надлежит нам, соблюдая мерность, избегать вреда от излишества бывающаго. Тогда ум, не имея подвигающей его на живописание греха сласти, пребывает весь не мечтательным и, что еще лучше, безсластным.

50.

Об избегании употребления раздражающих аппетит напитков, искусственно приготовляемых. Желаящим укротить воздымающиеся члены тела не должно касаться искусственно приготовляемых

напитков, которые хитрецами такого изобретения называются предпитием по той причине, что они обыкновенно пролагают в чрево путь множеству яств. Ибо не только качество их бывает во вред подвизающимся телам, но и самое безмысленное смешение входящих в их состав веществ, сильно поражает богобоязненную совесть. Ибо чего такого не достает в естестве вина, чтоб нужда належала примешением разных сластей смягчать его крепость?

51.

Чему хотел научить Господь, прияв на Кресте оцта из губки, надетой на трость.

Господь наш, и сего священнаго (подвижническаго) жития учитель, Иисус Христос оцтом был напоен во время страдания своего от тех, кои служили повелениям диавола, чтоб оставить нам, как мне кажется, ясный образец, с каким расположением должны мы проходить священные подвиги. Сим он как бы сказал: подвизающимся против греха не должно употреблять сладких яств или питий; но паче должно терпеливо переносить горечь брани. Можно приложить и значение иссопа к губке, чтоб чрез тот и другую совершеннее представить образ нашего очищения. Тот, как вещь жесткая, представляеть свойство подвигов, а эта, как вещь, употребляемая при омовениях. напоминает о полном совершенстве очищения.

52.

Духовным не следует ходить в баню; и почему.

Ходить в баню никто не сочтет грешным, или неразумным; но воздержания ради удаляться и от этого, я называю делом и мужественным и целомудреннейшим., Ибо в таком случае ни тело наше не разблажается сладным оным омовением, ни в душе не возбуждается воспоминание о безславном обнажении Адама, чтоб подобно ему заботиться о листовях для прикрытия второй срамоты обнажения. Особенно это необходимо для нас, которые не давно высвободясь из пагубного растления жизни сей должны всячески стараться пребывать в неразлучном единении с красотою целомудрия непорочною чистотою своего тела.

53.

Почему в киновиях надо приглашать врача для излечения болезни; и что в таких случаях должно делать живущим уединенно в пустыни.

Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном искусстве и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачествам в ряду творений. Впрочем не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истиннаго нашего врача и Спасителя, Иисуса Христа. Это однако ж я говорю тем, которые жизнь подвижническую проводят в киновиях или в городах, по той причине, что они, судя по течению приключаящихся с ними обстоятельств, не всегда могут иметь непрестающим действо веры, будучи окружены любовию, — а то — и по той, чтоб не впадали они в тщеславие и в искушение диавола, по которым некоторые из них при многих объявляют, что не имеют нужды во врачах. Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единоправными братьями, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, целителю всякой нашей болезни и немощи. По Господе он в самой пустыни имеет довольное утешение в болезнях, К тому же, как действо веры может у него неоскудеть никогда, так и выставить напоказ свою добродетель терпения не имеет он возможности, будучи прикрыт доброю завесою пустыни. Для сего то Господь и вселяет единомысленныя в дом (Пс, 67, 7).

54.

Что показывает малодушие в болезнях, и что благодушие.

Когда мы крайне тяготимся приключаящимися нам расстройствами телесного здоровья, ведать должно, что душа нагая еще поработана телолобью. Почему как вещественных вожделевая услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготою — не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. — Если же она с благодарностью переносит прискорбности из за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. Почему с радостью ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь.

55.

Что потребно, чтобы душа не услаждалась благами сего мира, а паче желала разрешиться от тела. Душа не возжелает разрешиться от тела, если не сделается совершенно равнодушною к воздуху сему (— т. е. ко всему житейскому и мирскому). — Все чувства телесныя сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только настоящего — присущаго, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвизающемуся никогда не подобает помышлять ни о деревьях ветвистых и тенистых, ни об источниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родными приятных, — равно как вспоминать и о богатых приношениях, если случилось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо пользоваться с благодарностию, жизнь же сию почитать неким странническим путем, чуждым всякаго плотскаго утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обратить ее всю на стезю, ведущую в живот вечный.

56.

Как не мирное пользование телесными чувствами затрудняет памятование о Боге и заповедях Его, и как избежать сего зла.

Что зрение, вкус и прочия чувства рассеивают память сердца, когда пользуемся ими без меры, об этом, первая возвещает нам Ева. Ибо пока не взглянула она на заповеданное древо сластолюбно, дотоле тщательно помнила заповедь Божию: чего ради как бы покрываемая крылами любви Божией, неведала она и наготы своей. Когда же воззрела на то древо сластолюбно, коснулась его с великим похотением и наконец вкусила от плода его с неудержимым вожделением; тотчас восприяла склонность к плотскому самоуслаждению и как обнаженная сочетавшись с сею страстию, все свое вожделение предала взысканию вкушения настоящих утех, примесивши по действию видимой привлекательности плода, к своему падению и падение Адама; вследствие чего уму человеческому стало затруднительно памятовать о Боге, или о заповедях Его. Мы же, всегда с непрестанною памятью о Боге взирая во глубину сердца своего, будем проводить сию, падкую на прелести жизни, как слепые очами; ибо любомудрию воистину духовному свойственно сохранять не парительным присущий в нас позыв видеть красное еже видити. Этому и многоопытнейший Иов научает нас, говоря: аще и в след ока моего иде сердце мое (Иова 31, 7). Такое действие есть верный признак крайнего воздержания.

57.

Как бывает, что ходящий духом не вдает вожделений плотских, и диавол тщетно искушает его чистоту.

Всегда пребывающий в сердце своем, далек от всех красных жизни сей вещей; и ходя духом похотей

плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении добродетельми, сии самыя добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества.

58.

Об унынии, нападающем иногда по отгнании похотений плотских, — каково оно и как его прогонять.

Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который ни охотно потрудится в служении слова не допускает ее, ни твердаго желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели и самое ведение уничижает, как дарованное и другим многим, или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разнеляющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение может отгнать от себя неразумное оно разделение.

59.

Коль велика помощь в духовном подвиге от непрестанного теплаго поминания имени Иисусова во глубине сердца.

Ум наш, когда памятью Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное Имя Господа Иисуса, Которым и пуст всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но видать надлежит, что, как Апостол говорит, никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение (Господи Иисусе Христе и проч.) умом в себе утесняющимся непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонния мечтания. Которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи с напряженною заботливостию содержиимо мыслию, очень ощутительно попадает всякую скверну, появляющуюся в душе. Ибо Бог наш огонь поядаяй есть всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовождевленное Имя, укосневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благодатьню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие то—есть бисер оный многоценный, который стяжевают, предав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его.

60.

О двоякой радости, — начальной и совершенной, и о слезах средних между ними.

Иная есть радость началовводная, и иная завершительная: та не непричастна мечтаний (о себе), а эта сильна смиренномудрием; посреде же их — печаль боголюбивая и неболезненный плачь. Яко во множестве мудрости множество разума, и приложивый разум, приложит печаль (Екклис. 1, 18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостию призвать душу к подвигам; потом предать ее

обличению и искушению истиною Духа Святаго, как о прежде содеянных грехах, так и о содеваемых еще поползновениях в самозабвении. Во обличении—их бо о беззаконии наказал еси человека, и истаял еси, яко паучину душу его (Пс. 38, 12). Чтоб после того как обличение Божие искусит ее, как в горниле, она восприяла действие немечтательной радости в теплом памятовании о Боге.

61.

О забвении Бога и восстановлении памятования о Нем, о причинах первого, и средствах ко второму, и о высшем его проявлении.

Когда душа возмущается гневом, или отягчается много—ядением, или сильною печалию омрачается, тогда ум не может держать памятования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому какнибудь. Ибо весь будучи омрачен лютостию сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб чрез то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает по причине суровства страстей. — Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприяв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлется за многовожделенную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама благодать и сбогоммысльствует душе и совзывает: Господи Иисусе Христе! подобно тому, как мать, уча дитя свое многократно повторяет вместе с ним Имя — Отец, пока не доведет его до навыка, вместо всякого другого, подильного дитяти слова, ясно произносить — Отец, даже и во сне. Посему Апостол говорит, — что Сам Дух способствует нам в немощах наших; о чем бо помолимся, якоже подобает не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас, воздыхании неизглаголанными (Римл. 8, 26). Ибо, так как мы младенчествуем пред совершенством сей молитвенной добродетели; то всеконечно имеем нужду в Его помощи; чтоб, когда неизреченная Его сладость обмыет и усладит все наши помыслы, мы всем расположением подвиглись памятовать о Боге и Отце нашем и любить Его. Почему, как тот же дивный Павел говорит, о Нем вопием: Авва Отче (Рим. 8, 15), когда Им благонастроены бываем призывать Бога Отца.

62.

О гневе, — когда и как можно допускать его.

Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу; но есть случаи когда он крайне для нее полезен, Так, когда несмущенно гневаемся на нечестующих, или другим каким образом бесстыдствующих, да спасутся, или по крайней мере устыдятся, тогда душе нашей доставляем тоже что кротость; потому что в таком случае всячески споспешествуем целям Божией правды и благодати. Также когда поднимаются в душе женолюбивыя движения, тогда, разгневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко душу и придаем ей мужескую силу противостать ему. А что, находясь в крайнем расстройстве духа, можем мы, запретив гневно самому духу расстроителю, возвышаться мудреванием даже над ужасами, коими хвалится подавлять нас смерть, в этом не должно сомневаться: что желая показать нам, Господь, при воскрешении Лазаря, сначала запретил в духе аду и ободрил себя и потом уже несмятенною водою как и всегда делал все, что ни делал, возвратил телу Лазареву душу. Так что, как мне кажется, целомудрый гнев дан естеству нашему Создавшим нас Богом более как орудие правды; и если бы Ева воспользовалась им против змия, то не подпала бы пагубному действию страстного одного похотения. Почему полагаю, что пользующийся целомудро гневом по ревности к благочестию, более одобрительным

окажется на весах праведного воздаяния, нежели тот, кто по неподвижности ума, никогда не подвигается на гнев; так как у этого, его правитель человеческих мыслей и чувств остается необученным, а тот, на конях добродетели возседя, всегда в борьбе пребывает, и носится среди полчищ бесовских, непрестанно обучая в страхе Божиим четвероконницу воздержания, которую Св. Писание назвало колесницею Израилевою, как находим в описании взятия на небо божественного Илии (4 Цар. 2, 12). Иудеев первых Бог многообразно обучал четырем добродетелям; почему и взят был на небо таковой и толикий питомец мудрости (мужества, правды и воздержания), [50]*) конями имея, как мне кажется, сии добредетели свои, когда взял его дух в веянии огня.

63.

Совершенному в духовной жизни не подобает судиться.

Сподобившийся святого ведения и вкусивший сладости Божией ни тягаться никогда не должен (когда кто на него жалобу подает), ни сам поднимать против кого тяжбу, хотя бы кто стянул с него одежду, в которую одет; ибо правда властей века сего ниже правды Божией, — или лучше, она ничто пред правдою Божиею; да и какое различие между чадами Божиими, и людьми века сего, если не то, что правда этих последних нейдет в сравнение с правдою тех первых; почему и называется та правдою человеческою, а эта правдою Божиею. Так и Господь наш укоряем противу не укоряше, и стражда не прещаше (1 Петр. 2, 23); а напротив не только снятие одежды перенес в молчании, но, что несравненно выше, молился Отцу о спасении злодейски действовавших против Него. Люди же мира не перестанут тягаться, пока с лихвою не получают искомага от тех, с коими тягаются, особенно когда ищут роста на долг: так что их правда бывает часто началом великой неправды.

64.

Лучше предав терпимую неправду Суду Божию, внимать молитве и хранению сердца, чем судиться. Слышал я, как некие благочестивые говорят, что не должно всякому позволять расхищать то, что имеем для своего содержания и для упокоения бедных; чтобы, снисходя такому злу, не сделаться нам виновными во грехе обижающих нас, и особенно, когда терпим это от христиан, — Но так поступать ничто другое есть, как желать спасать больше свое, чем себя самих. Ибо, если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое гораздо дороже собственного моего спасения, чтоб не сказать, и самой спасительной заповеди. И как явлюсь я последователем евангельской заповеди, повелевающей мне: и от взымающаго твоя не истязуй (Лк. 6, 30), если, по слову Апостольскому, не стану с радостью принимать разграбление имений своих (Евр, 10, 34), когда она (заповедь) и того, кто по суду обратно получает, в чем насилуван, не освобождает от греха лихоимания? Тленные (временныя, или тленными о тленных вещах производимыя судилища) не могут отменить нетленнаго Божия Суда; и виновный тем законам удовлетворять должен, которым подлежит его дело, и по которым ему следует защищаться. Доброе убо есть дело перетерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас, и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хочет, чтоб мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им, некогда прияли свободным от греха чрез покаяние.

65.

Продай все и раздай бедным; к сему паче всего располагает смирение.

Очень пригодно и паче всего душеполезно, познав истинный путь благочестия, тотчас все свое

распродать и раздать полученное от того нищим, по заповеди Господа, и не попускать себе, под видом желания всегда иметь возможность исполнять заповедь (о помощи бедным) преслушать сие спасительное повеление (о раздании за раз всего). От сего будет у нас, во первых, добрее безопечение, а отсюда потом не подлежащая наветам нищета, которая сама горняя мудрствует, и другим не подает повода к неправым искам на нас, когда у нас ничего уже не будет, чем мог бы воспламениться огонь лихоимания у лихоимцев. Согреет же нас тогда, паче всех других добродетелей, смиренномудрие и в своих недрах упокоит, как нагих; подобно тому, как мать взяв на руки дитя свое, упокоивает и согревает его в объятиях своих, когда оно, по младенческой простоте своей, скинув одеяние свое, далеко отбрасывает его от себя, по великому незлобию своему находя более для себя приятную наготу, чем пестротную красоту одеяния своего. Ибо сказано: храняй младенцы Господь: смирихся и спасе мя (Пс. 114, 5).

66.

Все раздать—путь к смирению.

Господь потребует от нас отчета в милостыне подавании, поколику кто имеет, а не поколику не имеет (1 Кор. 8, 12). Посему если я, в страхе Божиим с горячим благорасположением, покорствуя повелению Господа, все, что имел бы раздавать многие годы, раздам в короткое время, в чем еще буду укоряем, когда уже ничего не имею? — Но скажет кто: (если все раздадим), откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаваний? — Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога примышлять, для прикрытия своего любоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроить создание свое, как делал сие от начала. И прежде, чем сей или оный были возбуждены к милостыне подаванию, оставались ли бедные без пищи, или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше, тотчас по познании истины, благостно иждить все на послушение бедным, отринув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и горделивость, и возненавидев свои похотения, — что и значит — возненавидеть душу свою: чтобы потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго не делающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаянием его, когда бывает на то охота, как с радостью исполняющие божественное повеление; когда же иждивим все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведнаго не творящие. Вследствие сего душа в великом смирении возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостыне раздаянием. того сподобляться прилежною молитвою, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: нищ и убог восхвалита имя Твое Господи (Пс. 73, 21). К тому же и дар богословствования никому не уготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отречься ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете благовествовать о богатстве Царствия Божия. Сие дает разумет рекший: уготовал еси благостию твоею нищему Боже, и присовокупивший к сему: Господь даст глагол благовествующему силою многою (Пс. 77, 11, 12).

67.

О даре богословствования, — сколько и каких блага от него происходят.

Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагоподательны; но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благости, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благости Божией, первейшие и дары подает душе: во первых, оно

располагает нас с радостью презирать всякия приятныя утехы житейския, так как в нем мы имеем вместо преходящих утех неизреченное богатство словес Божиих; а потом оно огненным неким изменением ум наш озаряет и чрез то делает его общником служебных духов. Достодолжно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ум питающей словесами Божиими, и, — чтоб не говорить много, — словесную — разумную душу к нераздельному общению с Богом — Словом благоустрояющей чрез св. Пророков. Да и в душах человек, — о дивное чудо! — устроив богогласныя песни, сия божественная невестоводительница поет громко величия Божии.

68.

Почему ум наш не так скор на молитву, как на богословское созерцание: и сколь необходима молитва для преуспения в таком созерцании.

Ум наш большею частию мало расположен бывает к молитве, по причине утеснения его и ограничения молитвенною добродетелию; в богословствовании же он охотнее вдается, по причине простора и неограничения божественных созерцаний. Итак, чтоб не давать хода его свободному в себе разглагольствованию и не поблажат его охоте безмерно предаваться выпренним парениям, будем упражняться наиболее в молитве, псалмопении и чтении Писаний, не презирая притом и толкования любомудрых мужей, коих словеса преисполнены истинным ведением веры. Действуя так, мы не только не дадим ему свои речения примешивать к благодатным словесам и не попустим ему, увлекаясь тщеславием, рассеиваться в парениях под действием самодовольства и словоохотливости; но и научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания и все почти помышления его сделаем слезоточными. Упокоеваясь в себе в часы безмолвия, наипаче же упоеваясь сладостями молитвы, он не только делается свободным от указанных пред сим страстных движений, но и, паче обновляясь, силы восприимлет легко и безтрудно пребывать в божественных созерцаниях, преуспевая вместе с тем и в зрячем рассуждении (практической мудрости) с великим смирением. Ведать впрочем подобает, что молитва выше всякой широты созерцаний; сама же она свойственна только тем, кои во всяком чувстве и извещении преисполнены святою благодатию.

69.

Благодать вначале ощутительнейше действует на душу, а потом сокращает свое действие и даже совсем сокрывает.

Как это благотворно для души.

Благодать вначале обыкновенно озаряет душу своим светом с сильным того ощущением; а когда успехи в духовно-христианской жизни подвинутся вперед, тогда она большею частию неведомо для боголюбивой души свои совершает в ней таинства: чтобы после того (по умиротворении души) ввести нас в радование на стезю божественных созерцаний, как будто бы мы только что призываемы были из неведения в ведение, посреди же подвигов (об умирении души от страстей) блюсти наш помысл не тщеславным. Подобает нам в меру быть ввергаемыми в печаль, как бы мы были оставлены благодатию, да паче смиримся и научимся покоретвовать Господним о нас определениям, а потом благовременно входить в радость, благою окрыляясь надеждою: ибо как безмерная печаль вводит душу в нечаяние и безнадежие, так и чрезмерная радость приводит ее к сомнению и кичению. Говорю — о младенчеству еще жизни и разумом. Между пресвещением благодати и оставлением средина — искушение; а между печалию и радостью средина — надежда. Ибо

говорится: — терпя потерпех Господа и внять ми (Пс. 39, 2), — и еще: по множеству болезней моих, утешения Твоя возвеселиша душу мою (Пс. 93, 19).

70.

Коль душевредно многословие и благотворно молчание.

Как двери в бане часто отворяемые скорее выпускают внутреннюю теплоту во вне: так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорешее, испускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверью. От сего ум лишается наконец чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святаго, хранящаго нашу мысль в немечтании: ибо сей Дух благий, как чуждый всякаго мятежа и мечтания, бегаёт многословия. — Молчание же напротив благотворно, будучи матерью премудрых помышлений.

71.

Как подобает боголюбивой душе управлять чувством правды.

Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу (вступившую на путь богоугождения) многия толпою нападают страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злых духов, сколько по порядку преуспеяния ея в духовной жизни. Ибо пока душа мирским водится мудрованием, дотоле хотя и видит правду как нибудь попираемую иными, равнодушно к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне правду Божию оставляемую, но гневается и возмущается на злотворцев, пока не увидит этих самых оскорбителей правды защищающими ея достоинство, по действию благочестиваго помысла (пришедши в страх Божий и покаявшись). Таким образом она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит; потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправое воззрение), когда ея завеса, — тело, — бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их: ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтоб боголюбивая душа была возмущаема ненавистию, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно.

72.

Ум богослов и ум — знатель.

Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер безстрастия в достаточной широте. Ибо словеса Господия, как говорится, словеса чиста, серебро разжжено, искушено земли (Пс. 11, 7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатных воздействий, бывает выше страстей. Вкушает и богослов опыта знательнаго, если смиреннейшия водворит в себе расположения, причащается и знатель в некоей мере созерцательной добродетели, если не погрешительною имеет рассудительную часть души. Ибо оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтоб каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностию оправданной жизни. Почему Апостол и говорит: овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе (1 Кор. 12, 8).

73.

О молитве гласной и в одном сердце творимой.

Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейше совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействуема бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостию поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства); а за вторым — слеза духовная, и потом радование некое безмолве — любовное: ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настроивает сердце производить слезотворныя некия и в себя углубляющия помышления. В этом во истину можно видеть семена молитвы, со слезами, радостно однакож, сеемая на земле сердца, в верной надежде обильной жатвы (Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываем подавляемы большею печалию, тогда надо немного — громче совершать свое псалмопение, радостию надежды подавляя скорбныя вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветром псаломской мелодии.

74.

О естественном и благодатном Боголюбии.

Когда душа придет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое: ибо, не будучи возмущаема заботами житейскими, она любовь некую (к Богу) отражает из себя в мире, соразмерно взыскуя Бога мира; но это памятование (о Боге взыскуемом) скоро разсеивается, или потому, что впечатления чувств окрадают сию память, или потому что естество по скудости своей скоро иждивает свое собственное добро. Почему эллинские мудрецы, чего хотели достигнуть чрез воздержание, того не имели как должно; потому что ум их не был воздействуем от вечной и всеистинной премудрости. Духом же Святым подаемая сердцу боголюбивая теплота, во первых, мирна вся и непрестающа; потом она все части души призывает к возлюблению Бога и во вне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяет любовью некою безмерною и радостию. Ея то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признак того, что естество никако здравствует чрез воздержание; но она не может возвесть ума в безстрастие, как делает любовь духовная (— благодатная).

75.

О светоносном воздействии на душу благодати, — и об омрачении ея под действием темных сил.

Как окружающий нас воздух, когда дует северный ветер, бывает чист по причине тонкости некоей и освежающего действия сего ветра; а когда дует ветер южный, тогда он как бы сгущается по причине какого-то отяжеления его от сего ветра, из своих ему стран износящаго ж на всю вселенную наносящаго некий сухой туман: так и душа, когда приемлет воздействие от веяний истиннаго и Святаго Духа, тогда вся бывает вне бесовскаго омрачения; а когда сильнообвеивается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святаго, т. е. к тому духу, которого Пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с Севера (—1, 4): чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть души нашей, и мы сподоблялись неместно входить в божественныя видения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет истиннаго ведения.

76.

Как действует в душе Дух истины и дух прелести прежде крещения и по крещении.

Некоторые придумали, будто благодать и грех, т. е. Дух истины и дух прелести, вместе укрываются в

уме крещаемых: почему, говорят, одно лице призывает ум к добру, а другое — к противоположному тому. Я же из божественных Писаний и из самого чувства (опытно) ума постиг, что прежде крещения благодать со вне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ея, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возраждаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует поеле сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсущий благодати: да не будет! а дымя как бы пред умом чрез мокротность тела, приятностию безсловесных сластей. Бывает же сие по поущению Божию, чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя чрез бурю, огонь и искушение. Ибо говоритея: проидохом сквозе, огонь и воду, и извел ны еси в покой (Пс. 65, 12).

77.

Образ действия благодати Вожией в душе.

Благодать, как я сказал, с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глубине ума (духа), утаевая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произволения (сердца) своего; тогда она неизреченным неким словом беседует к душе чрез чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхощет навсегда крепко удержать в себе сие обречение, тот приходит к желанию отрещись с великою радостью от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокровытым сокровище жизни (Мф. 12, 44).

Ибо когда кто отречется от всего житейского богатства. тогда обретает в себе то место, в коем укрылась благодать Божия. За тем, по мере преуспеяния души, и божественный дар (благодати) обнаруживает в уме свою благостыню (благотворность); но тогда же и бесам поущает Господ более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различению добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушениям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов.

78.

Чрез крещение Святой Дух вселяется в сердце, а дух злый извергается; но этим не в конец пресекаются покушения на грех.

Мы по образу Божию есьмы, умным (духовным) движением души; тело же как бы дом ея есть, Но так как преступлением Адамовым не только характеристическая черта души осквернилась, но и тело наше подпало тлению: то всесвятый Бог — Слово воплотился и, как Бог, чрез собственное Свое крещение, даровал нам воду спасения в возрождение: ибо мы возрождаемся в воде действием Святаго и Животворящего Духа, вследствие чего тотчас очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святой вселяется в нас, а грех (или отец греха) изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте, — характеристических свойствах души, — в ней сопребывали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда божественная благодать чрез святое крещение сочетавает себя в безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукаваго, — так как нет никакого общения света со тьмою? (2 Кор. 6, 14). Итак мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что банею паки бытия (Тим. 3, 5) сквернообразный змий извергается из глубин ума; при всем том не удивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения, хотя

отемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает, и бесам воевать против нас и обольстительныя слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприяв орудия правды.

79.

Благодать действует чрез чувство ума, а сатана чрез плотския чувства и влечения.

Сатана, как сказал я, святым крещением извергается из души; но ему попускается, по указаньям выше причинам действовать на нее чрез тело. Благодать Божия вселяется в самую глубину души, т. е. в ум. Ибо, как говорится, вся слава дочери царицы внутрь, невидимая для бесов (Пс. 44, 14).

Почему, когда тепле воспоминаем о Боге, то чувствуем, что божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины сердца нашего; духи же злые на чувства телесныя нападают и в них гнездятся, удобно действуя, чрез подручную им плоть, на тех, кои младенчествуют еще душею.

Таким образом, ум наш, по божественному Апостолу, всегда соуслаждается закону Духа; чувства же плотския охотно увлекаются сластолюбивыми склонностями (Рим, 7, 18). От того в тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать чрез чувства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и безпечно течем путем благочестия, то бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу чрез чувства телесныя, насильственно влеча ее к тому, чего она не хочет, убийцы.

80.

Против тех, кои говорят, что благодать и грех вместе обитают в сердце крещенных.

Говорящие, что два лица, т. е. дух благодати и дух греха, вместе сопребывают в сердцах верующих, в подтверждение сего мнения своего, из слов Евангелиста: свет во тьме светится и тьма его не объяте (Ин. 1, 5), выводят, что светлость божественная нисколько не оскверняется от сопребывания с лукавым, хотя бы свет божественный некак и приближался ко тьме бесовской. Но тоже Евангельское слово обличает таковых, что они мудрствуют не согласно с святыми Писаниями. Ибо так как Бог — Слово, сей свет истинный, благоволив явиться твари во плоти Своей, по безмерному человеколюбию Своему возжег в нас свет святаго ведения Своего, мудрование же мира не объяло т. е. непознало сего совета Божия, поелику мудрование плотское вражда на Бога (Рим. 8, 7): то по сей причине Богослов и употребил такое слово; и за тем, сказав еще несколько слов, наводит сей дивный муж: — бо свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир, — вместо: руководит и животворит. В мире бо, и мир тьм бысть, и мир Его непозна. Во своя прииде и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующимъ во Имя Его (Ин. 1, 9—12). И премудрый Павел в объяснение сего же речения: не прияша (8 *χατέλθον* — не познали), говорит: не зане уже достигох, или уже совершихся, гоню же агие и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса (Фил. 3, 12). Итак, не о сатане говорит Евангелист, что он не познал света истиннаго, — потому что он от начала был чужд его, — но достойно порицает сим словом людей, которые слыша о силах и чудесах Божиих, не хотят однако ж приступить к свету ведения его, по причине омрачения сердца их.

81.

Два рода злых духов: тончайшие, на душу воюющие, и грубейшие, на тело паче действующие.

Слово ведения научает нас, что есть два рода злых духов: одни более тонки, другие более грубовещественны. Тончайшие воют на душу, а грубейшие плоть обыкновенно пленяют

посредством срамных неких сладких движений; почему всегда друг другу противятся духи, на душу нападающие и духи нападающие на тело, хотя к тому, чтобы вредить людям равное имеют рвение. Когда благодать не обитает в человеке, духи злые, на подобие змий, гнездятся во глубине сердца, не давая душе воззреть к возжеланию добра. Когда же благодать сокровенно возобитает в уме, тогда они, как облака некия темные, промелькают по частям сердца, преобразуясь в страсти греховные и в призрачные мечтания разнообразные, чтобы через воспоминание развлекающая мечтаниями ум, отторгнуть его от собеседования с благодатию. Итак, когда мы духами, на душу нападающими, к душевным разжигаем страстям, наипаче же к самомнению и гордыне, сей матери всех зол; тогда приводя на память разложение тела своего, устыдим это надмение славолюбиваго самовозношения. Тоже должно делать, и когда бесы, на тело воюющие, готовят сердце наше к воскипению срамными похотями: ибо это одно воспоминание сильно расстроит всякия покусения злых духов, в связи с памятию Божиею. В случае же, если, по поводу такого воспоминания, душевные бесы начнут влагать мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства неимеющего, по причине разложения плоти (ибо так любят они действовать, когда кто начнет их самих мучить таким помышлением), — приведем на память честь и славу Небесного Царствия, не забывая при сем держать в мысли и грозность нелицемерного суда Божия; чтобы тем младодушное нечаяние предотвратить, а этим легкому и скорому на похоти сердцу нашему придать твердости и силы к противостоянию.

82.

В сердце тех, кои во благодати суть, не может быть диавол; воюет же он против них посредством тела.

Господь научает нас во св. Евангелии Своем, что когда сатана, возвратясь, найдет дом свой выметенным и пустым, найдет, т. е. сердце бесплодным, тогда берет других семь духов, злейших его, входит в него и гнездится там, делая последнее состояние человека того хуже первого (Лк. 11, 25). Отсюда надлежит уразуметь, что пока Дух Святой обитает в нас, дотоле сатана не может, войти в глубину души, и обитает там. Но и божественный Павел учит такому же пониманию сего воззрения на это дело, — когда из подвижническаго (опытнаго) сведения увидев существо дела сего, (каково т. е. оно и как есть во истину), так говорит он: соусплаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удих моих, против воюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удих моих (Рим. 7, 22, 23). О преуспевших же в жизни по духу, говорит далее: ни едино убо ныне осуждение сущим во Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу. Закон бо духа жизни о Христе Иисусе, свободил мя есть от закона греховнаго и смерти (Рим. 8, 1, 2). И в другом месте опять, чтоб показать, что из тела воюет сатана на душу, соделавшуюся причастицею Святаго Духа, говорит он: станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшесь в броня правды и обувиие нози во уготование благовествования мира: над всеми же восприемше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити: и шлем спасения восприемите, и мечь духовный иже есть глагол Божий (Еф. 6, 14–17). Но иное дело есть пленение, и иное—борьба; так как то означает насильственное некое взятие в свою власть, а эта указывает на равносильное противоборство. Почему Апостол и говорит, что диавол огненными стрелами нападает на души, Христа Господа в себе носящая. Ибо и обыкновенно так бывает, — что кто не может руками достать своего противника, тот употребляет против него стрелы, чтоб издали ведущего с ним брань врага

уязвить полетом стрел, так и сатана, поелику не может, как прежде гнездиться в уме подвижающихся, по причине присутствия в нем благодати, то как гнездящийся в теле, налетает на похотную мокротность, чтоб ея влечением прельстить душу. Почему надлежит иссушать тело, чтоб ум похотную мокроту влекомый, не поскользнулся на приманки сладострастия и не падал. Из самага речения Апостольскаго легко убедиться, что ум подвижающихся состоит под действием божественнаго света, почему рабствует закону Божию и соуслаждается ему; а плоть, по своей падкости на зло, злым подчиняется духам, почему влечется раболепствовать их злым внушениям. Из сего само собою видно, что ум не есть некое общее обиталище ддя Бога и диавола: иначе, как бы я умом моим работал закону Божию, а плотию закону греховному, еслибы ум мой со всею свободою не противоборствовал демонам, охотно покорствуя благому действию на него благодати, тогда как тело в тоже время увлекается приятною вонейю безсловесных сластей, по причине, как я сказал, попущения гнездиться в нем уподвижающихся злым духам? Апостол и говорит: вем, яко не живет во мне сиргъчь во плоти моей, благое (Рим. 7, 13). Таким образом у тех, кои посредством подвигов противостоят греху (ибо Апостол говорит это не о себе), демоны с умом борются, а плоть разнеживающими приятными движениями стараются расслабить и увлечь к похотствованию; ибо им, по праведному суду, попускается укрываться во глубине тела и у тех, кои крепко подвижутся претив греха, потому что произволение человеческого мудрования всегда состоит под искусом. Если же кто возможет еще в сей жизни посредством подвижнических трудов умереть, тогда он весь наконец делается домом Святаго Духа; ибо таковой прежде смерти уже воскрес, — каковым был и сам блаженный Павел и каковыми были и бывают все совершенным подвигом подвизавшиеся и подвижающиеся против греха.

83.

Как и помыслы, сатаню всеваемые почитаются исходящими из сердца.

Износит сердце и само из себя помышления добрыя и не добрыя: впрочем помышления не добрыя произращает оно не из естества своего, но иныя из них имеет оно потому, что память о не добром обратилась в ней в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и при том наиболее злых, зачинает оно от злодейства демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца; почему некия подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: а исходящее из уст из сердца исходит, и это оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния и проч. (Мф. 15, 18, 20). Не знают же они, что ум наш, по действию тончайшаго некоего чувства, и тех злых помыслов кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как, по действию плоти, тело, падкое на угождение себе, на это паче, незнаем как, увлекает душу, по причине срастворения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвояем же мы их себе, когда вожделеваем соуслаждаться ими: что укоряя Господь, как само божественное являет слово, и изрек вышеприведенныя глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатаню в него всеваемыми и память о них как бы напишет в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произращает их мысли?

84.

Пример из Писания в объяснении, что благодать и диавол не могут вместе пребывать в сердце.

Господь говорит в Евангелии, что сильный не может быть извергнут из дома своего, если сильнейший его не свяжет его, не расхитит всего, что у него, и не выбросит его вон (Мф. 12, 29). Как же может, после такого посрамления, этот изверженный опять войти внутрь и пребывать там вместе с истинным домовладыкою, в своем доме упокоивающимся, как ему благоугодно? И какой царь, победив возставшаго против него тиранна, захочет, чтоб он вместе с ним вращался в его царских покоях? Не паче ли тотчас заколет его, или связав, предаст своим воинам на должайшее мучеше и жалчайшую смерть?

85.

Доказательство того же из опытов духовной жизни, или того, как благодать и грехе действуют в преуспевающем.

Если кто на том основании, что мы совместно помышляем и о худом и о добром, заключает что Дух Святой и диавол вместе обитают в уме, да ведает таковой, что сие случается с нами от того, что мы не вкусили еще и не увидели, яко благ Господь (Пс. 33, 9). Ибо на первых порах, как я и выше уж говорил, благодать сокрывает свое присутствие у крещаемых, ожидая произволения души; когда же всецело обратится человек к Богу, тогда она неизреченным неким чувством открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем бесовским стрелам достигать до самой глубины ея чувства, чтоб она с теплейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога. Если вследствие сего начнет наконец человек с твердою решимостию подвигаться вперед в соблюдении заповедей и непрестанно призывать Господа Иисуса; тогда огонь святой благодати простирается и на внешния чувства сердца, ощутительно поядая терния человеческой земли; от чего и бесовские советы и внушения далеко негде останавливаются от того места (где сердце с благодатию), лишь слегка затрогивая страстную часть души. Когда же человек подвигами во все облечется добродетели, и особенно в совершенную нестяжательность, тогда благодать все естество его озаряет в глубочайшем некоем чувстве, возгревая в нем теплейшую любовь к Богу; тогда и стрелы бесовския угасают еще вне телеснаго чувства, так как веяние Духа Святаго, сердце пополняет глубоким миром, огненные же стрелы бесовския погашает еще когда оне несутся по воздуху. Впрочем и в сию меру достигшаго попускает иногда Бог подвергаться злomu действию бесов, оставляя тогда ум его неосвещенным, чтоб самовластие наше не было совершенно связано узами благодати, не только того ради, что грех должен быть побежден подвигами, но и того, что человеку еще и еще надлежит преуспевать в духовной опытности: ибо что почитается совершенным в обучаемом, то несовершенно в сравнении с богатством обучающаго Бога в ревнующей о преуспейнии любви. хотя бы кто, трудясь над сим преуспейнием, взошел на самый верх показанной Иакову лествицы.

86.

Попущение Божие обучительное, и Божие отвращение наказательное.

Сам Господь говорит, что сатана спал с неба (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ Святых Ангелов: как же он, недостойиваемый общения с добрыми рабами Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению; то этим не представят ничего доказательнаго. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу божественнаго света, бывает же присем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтобы горечию бесовскою подвигнут душу со всем страхом и великим смирением

взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие врага. Так мать дитя свое, безчинствующее по нехотению подчиняется уставам млекопитания, на краткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей, или зверей каких либо, в страхе великом и слезах, в матерния опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попускание души, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам, как бы связанною. Но мы — не подметныя чада, нокак веруем, есьмы истинныя детища Божией благодати, редкими попусканиями и частыми утешеньями ею млекопитаемая, да под действием таковой ея к нам благостыни доспеем приидти в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13).

87.

О действиях на душу попускания Божия обучающего и оставления Божия наказательного; и о том, как надо действовать при том и другом.

Попускание обучающее сначала поражает душу великою скорбию, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия. чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшаго молчания. А оставление по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое попускание и оставление, во время их приступат к Богу сообразно со свойствами каждаго из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Ему, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худаго; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большее уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем должно, что когда, при обучающем попускании, бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ея, что победа над ними есть дело одной души,

88.

Примером объясняется, от чего помышляют доброе и худое при благодати. И кто сподобляется помышлять об одном духовном.

Как, когда кто в зимнюю пору, стоя на открытом где нибудь месте, обратится лицом к востоку в начале дня, передняя его части все обогриваются солнцем, а задняя части его все остаются не причастными солнечной теплоты, потому что солнце тогда бывает не над головою его: так бывает и с теми, кои находятся еще в начале духовной деятельности, именно: сердце их отчасти согревается иногдасвятою благодатию, почему ум их начинает тогда плодоносить духовныя мудрования; но внешняя части сердца их все еще остаются мудрствующими по плоти, потому что не все еще части сердца в глубоком чувстве озаряются святым светом благодати, — (чего некие не понимая, придумали, будто в умеподвизающихся находятся два лица, взаимно друг другу противоборствующия). Вот от чего и случается, что душа в одно и тоже время помышляет и доброе и худое, подобно тому как в предложенном выше примере, человек в одно и тоже мгновение ощущает прикосновение и холода и теплоты. Ибо ум наш с тех пор, как соскользнул в двойственность ведения, нуждение некое имеет, хотя бы и не хотел, в одно и тоже мгновение помышлять худое и

доброе, особенно у тех, кои достигают тонкости разсуждения. Почему как ни старается он всегда помышлять доброе, тотчас припоминается ему и худое, потому что память человеческая от преступления Адамова некако разделилась на двоякое помышление. Но если мы с горячею ревностью начнем исполнять заповеди Божии, тогда благодать освещая все наши чувства в глубоком некоем ощущении, будет попалят все наши греховныя воспоминания, сердце же наше услаждая неким миром любви непрестающей, будет приучать нас к тому, чтоб помышлять духовное, а не плотское. Сие очень часто случается с приближающимися к совершенству, кои непрестанную имеют в сердце своем память о Господе.

89.

Чрез крещение благодать возстановляет образ Божий, подобие же Божие она потом живописует вместе с трудами человека в стяжании добродетелей, верх коих любовь—высшая черта богоподобия. Два блага подает нам Святая благодать чрез возраждающее нас крещение, из которых одно безмерно превосходит другое. Но одно подает оно тотчас; именно, — в самой воде обновляет и все черты души, составляющия образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другоф ожидает произвест в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. — Итак, когда ум начнет с великим чувством вкушать блага всесвятаго Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия, черты богоподобия. Ибо как живописцы сначала одною какою краскою начертывают образ человека, а потом мало по малу краску за краскою накладая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до волос: так и святая благодать Божия сначала чрез крещение возстановляет в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан; а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия, и стоим нагие и небоязненные в ея детелище (мастерской), тогда добродетель за добродетелию разцветивая в душе, и от славы в славу лик ея возводя, придает ей черты подобия Божия: причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатнаго. Ум, преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармонии, чувством восприимлет все добродетели; но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом, во всей полноте ощутительно. Ибо если ум не примет от божественнаго света совершеннаго богоподобия; то хотя он все другия добродетели возиметь может, по совершенной любви остается еще непричастным; потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели (говорю о востимом для человека подобии Богу), носит он и подобие божественной любви. Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт — черта будучи приложены к нарисованному лику делают его, даже до улыбки, совершенно похожим на того, кого живописуют: так и когда божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия. И безстрастия (очищения и свободы от страстей) никакая добродетель не может доставить душе, кроме единой любви: ибо исполнение закона любви (Рим. 13, 10): так что хотя внутренний наш человек каждодневно обновляется вкушением любви, в полноту же возраста приходит только вместе с полным совершенством любви.

90.

Сначала дается вполне вкусить утешения благодатныя, а потом

оне скрываются; первое, чтоб поддерживать ревность к подвигам, а второе, чтобы подвизающийся смирялся. Полное проявление благодати в любви... и как это бывает.

Дух Святой в самом начале преуспеяния, если горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что бес нелюбия иногда с такою силою налегает на души подвизающихся, что оне неприязненно относятся даже к тем, кои любят их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действие неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви) не может возиметь ее в чувстве, по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставляя себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех Святых, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания, — чего достигший совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого божественною любовию какое еще может быть похотение благ мира сего? Сего ради премудрый Павел, сие великое вместилище ведения, благовествуя нам о будущих утешениях праведных, по собственному в том удостоверению, говорит: несть царствие небесное брашно и питье, но правда, мир и радость о Дусе Святе (Рим. 14, 17), кои суть плод совершенной любви. Таким образом часто здесь вкушать действие любви могут преуспевающие в духовной жизни, в полном же совершенстве стяжать ее никто не может, если у него наперед не будет совершенно пожертво мертвенное животом (2 Кор. 5, 4).

91.

О действе благодатной любви к Богу.

Поведал мне некто из ненасытимо любящих Бога: когда я возжелал ощутительно изведать любовь Божию, даровал мне это в полном чувстве и удовлетворительности благий Господь; и я в такой силе чувствовал действие сие, что душа моя тогда желала с неизреченною некою радостью и стремительностию изыти из тела и отыдти ко Господу и совсем забыть чин сей привременной жизни. И всякий, испытавший действие такой любви, хотя бы тысячи обид и лишений потерпел от кого, не гневается на него, но остается душевно прилепленным к оскорбляющему и обижающему его; возгарается же он ревностию только против тех, кои на бедных нападают, или на Бога глаголют неправду, как говорит Писание (Пс. 73, 6), или иначе как живут недобре. Ибо любящий Бога много паче себя, или совсем нелюбящий себя, а одного только Бога, уже не заступает за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Почтившаго его честию вечного. И этого желает он не легким каким и скоропреходящим желанием, но имеет такое расположение в качестве неизменного нрава, по причине полного вкушения любви к Богу. Ктому же ведать надлежит, что Богом возбуждаемый к такой любви бывает выше самой веры во время такого действия в нем любви, как уже в чувстве сердца полною любовию держащий Читимого верою. Это ясно указывает нам Св. Павел, когда говорит: ныне пребывают вера, надежда, любви, три сия: больши же сих любви (1 Кор. 13, 13). Ибо кто держит, как я сказал, Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше

своей веры, как сущий весь в любви.

92.

Сколь необходимо для успеха в богословствовании восстанавливать нарушающийся с другими мир. Действо святого ведения, по свойству своему, немало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению досадив кому либо, соделываем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира сего прогневляется на нас, хотя бы то и несправедно. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы посдужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию; потому что ведение, по существу своему, сущи всецело любовью, не попускает мысли нашей расширяться в порождении божественных созерцаний, если наперед не восприимем опять в любовь и несправедно гневающегося на нас. В случае, если тот не хочет этого, или удалился от наших мест, надлежит нам, прияв начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым изливанием души, так во глубине сердца исполнит закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лица неправо гневающихся представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзновением возвысится, как бы восходя со второй степени на первую.

93.

Путь добродетели сначала бывает труден и горек, а потом удобным и приятным делается. Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и призрашным, не потому чтоб он был сам по себе таков, но потому что человеческое естество с самого исхода из чрева матерня привыкает жить престранно в удовольствиях; а для тех, которые успели пройти уже до середины его, он является весь благим и отрадным: ибо когда недобрыя стремлешя наши бывают подавлены добрыми навыками, тогда вместе с сим исчезает и самая память о бессловесных удовольствиях; вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения говорит, что тесен и прискорбен путь, вводящий в живот, и мало тех, кои идут им (Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: иго Мое благо и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего, насилуемую некоею волею исполнять святые заповеди Божии, чтоб благий Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю, с удовольствием прочее покорствовать преславному Его волениям: от Господа бо уготовляется хотение (Прит. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостью совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что Бог есть действуя в нас и еже хотети,, и еже деяти о благоволении (Фил. 2, 13).

94.

Внешние и внутренние искушения делают подвижающихся способными отпечатлеть в себе божеския красоты.

Как не разогретый и неумягченный воск не может добре отпечатлеть налагаемую на него печать: так и человек. если не будет искушен трудами и немощами, не может вместить печати добродетели Божией. Посему Господь говорит божественному Павлу: довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в

немощи совершается (2 Кор. 12, 9). Сам же Апостол так хвалится говоря: сладце убо похваляюся паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова (— там же). Так же и в Притчах написано: егоже любит Господь, наказует; бьет же всякаго сына, егоже приемлет (Прит. 3, 12). Апостол немощами называет восстания врагов Креста, которые часто тогда случались и с ним и со всеми Святыми, чтоб не превозносились, как говорит он, преизбытком откровений (2 Кор. 12, 7); но паче пребывали чрез смирение в образе совершенства, преподобно сохраняя божественный дар чрез частые унижения. Мы же немощами называем лукавые помыслы и телесныя стропотности. Ибо тогда тела святых, подвизавшихся против греха, будучи предаваемы смертоносным уязвлениям и разным другим прискорбностям, были много выше страстей, чрез грех прившедших в естество человеческое; ныне же, когда о Господе множится мир церковей, необходимо тело подвижников благочестия искушать частыми стропотностями, а душу лукавыми помыслами. особенно тех из них, у коих ведение сильнодейственно со всяким чувством и удостоверением, чтоб они и тщеславию с высокоумием не подпали, и могли, ради великого смирения, вместить, как я сказал, в сердца своих печать божественной красоты, по слову Святаго Пророка: знаменася на нас свет лица Твоего, Господи (Пс. 4, 7). Подобаает убо с благодарением претерпевать таковой о нас совет Господень; и тогда как болезни, так и борьба с демонскими помыслами вменится нам во второе мученичество. Ибо говоривший в те времена устами беззаконных начальников святым мученикам: отрекитесь Христа и возлюбите славу века сего, тоже и ныне сам говорит рабам Божиим; мучивший тогда тела праведных и крайне поносивший честных учителей чрез служивших диавольским оным мудрованиям, он же и ныне наводит разныя страдания на исповедников благочестия с великими поношениями и унижениями, особенно когда они, славы ради Господа с великою силою помогают угнетаемым бедным. Сего ради надлежит нам со всем опасством и терпением созидать в себе такое свидетельство совести пред лицом Бога: терпя потерпех Господа и внят ми (Пс. 39, 2).

95.

О двояком смирении, — смирении средних и смирении совершенных.

Не легко приобретаемое дело есть смирение: ибо чем выше оно, тем больших трудов требует стяжание его. Приходит же оно к причастникам святаго ведения двумя способами: когда подвижник благочестия находится в середине духовнаго преуспевания, тогда смиреннейшее о себе мудрование держится у него, или ради немощи телесной, или ради неприятностей со стороны враждующих на ревнителей о праведной жизни, или ради лукавых помыслов; когда же ум в полном чувстве, и удостоверительно озарится святою благодатию, тогда душа начинает иметь смиренномудрие как бы естественным своим расположением. Ибо, будучи напаяема и насыщаема божественною благодатию по благодати Божией, не может уже она надыматься и напыщаться славолубием, хотя бы непрестанно исполняла заповеди Божии, но почитает себя ничтожнейшею паче всех, в чувстве общения божественной благодати, (т. е. что она такова по милости Божией). То смиренномудрие сопровождается большею частию печалию и упадком духа, а это радостью со стыдением всемудрым; то, как я сказал, приходит к тем, кои находятся по середине подвигов, а это ниспосылается приближающимся уже к совершенству. Почему то нередко от житейских благопоспешений некого подавляется, а это, хотя бы кто предложил ему все царства мира, неколеблется, и самых страшных стрел греха не только не боится, но даже и совсем не чувствует; потому что будучи вседуховно, не имеет уже оно чувства для внешней славы. Доходит однакож до сего — последнего подвижник не

иначе как прошедши чрез то первое всяким образом: ибо благодать не даст нам богатства второго, если наперед не умягчит произволения нашего испытаниями, чрез обучающее попущение приражения страстей, в период первого.

96.

О хранении себя от пустых худых помыслов и речей.

Любители удовольствий настоящего века от помыслов переходят к падениям. Носимы будучи безразсудным парением, они все почти свои страстные замыслы с вожделением выражают, или в словах неподобных, или в делах беззаконных. А решающиеся исправно вести подвижническую жизнь от падений переходят к злым помыслам, или к злым и вредоносным речам (от худых дел отстали, но еще остаются в области помыслов и речей не добрых). И бесы, если увидят таковых или вдающимися в пересуды и поношения, или ведущими пустая и неуместные беседы, или смеющимися, как недолжно, или гневающимися безмерно, или вожделевающими тщетной и пустой славы, тотчас толпою нападают на них. Взяв в повод к своему злодейству тщеславие, и чрез него, как чрез дверь какую темную, вскочив, они расхищают души их. Подобаает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого либо, хотя бы кто и достоин был поношения, ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее; ибо многословие безмерно рассеивает ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и передает в руки беса уныния, который, мало по малу расслабив его, передает потом его бесу безмерной печали, а наконец и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа. Ибо храний заповеди, говорит Писание, не увесь глагола лукава (Еккл. 8, 5) т. е. не уклонится к непотребным помыслам, или словам.

97.

Непрестанная память о Господе и молитва не престающая с блюдением ума — единое средство к очищению сердца.

Когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, — это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ея. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха. то невозможен потом богато порадоваться и о благотворности правды. После сего, желающий очистить сердце свое, да разогревает его непрестанно памятию о Господе Иисусе, имея это одно предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает: так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что кажется приобретает молитвою, то теряет пресечением ея. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнюю памятию о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования, душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светлостности.

98.

В чем состоит бесстрастие, или чистота сердца?

Бесстрашие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, изыти из мира (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб когда они борют нас, пребывать не боримыми; подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самыя стрелы, на них испускаемая, неуязвляемы однако ж бывают ими, по причине твердости воинской одежды своей. Но эти железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел—облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностию о добре в конец потребить в себя злое.

99.

О двух бесах, долже всех, борющихся — бес чрезмерной ревности и похоти плотской. И как бороться против них.

Когда человек Божий все почти победит в себе страсти, два беса остаются еще ратующими против него, из коих один душу томит, возбуждая его по великому боголюбию к непомерной ревности, так что он не хочет допустить, чтоб другой кто угодил Богу паче его, а другой—тело, возбуждая его огненным неким движением к похотению плотскому. Бывает же сие с телом во—первых потому, что такая сласть похотная свойственна естеству нашему, как вложенная в него чадородия ради, почему она и неудобь побеждаема; а потом и по поущению Божию. Ибо когда Господь увидит кого из подвижников слишком высоко восходящим в преумножении добродетелей; тогда попускает ему иной раз быть возмущаему сим скверным бесом, чтоб он почитал себя худейшим всех живых людей. Такое нападение страсти, сей иногда бывает после совершения добрых дел, а иногда прежде того, чтоб движение сей страсти, предшествует ли оно делам или последует, заставляло душу казаться пред собою непотребнейшею, как бы ни были велики Совершенные его дела. — Но против первого (беса, чрезмерную ревность возбуждающего) будем бороться усугублением смирения и любви, а против второго (беса похоти плотской)—воздержанием, безгневием и углубленною памятью о смерти, чтоб чрез это, чувствуя в себе непрестанно действо Святаго Духа, соделаться нам в Господе высшими и этих страстей.

100.

Должно исповедать Богу и все невольные и неведомые грехи: иначе в час смерти тяжело будет. Те из нас, которые соделались причастниками святого ведения, всеконечно должны будем отдать отчет и в невольных парениях ума, как говорит Иов: назнамтовал же еси, аще что неволею преступих (Иов. 14, 17), — и праведно. Ибо если кто будет всегда занят памятованием о Боге и не будет небрежеть о святых Его заповедях, тот ни в невольный ни в вольный грех не впадет. Надлежит убо нам тотчас и о невольных падениях сокрушенное исповедание приносить Владыке, прилагая его к совершению обычного нашего молитвенного правила. Так как человеку нельзя не падать в человеческия погрешения, (то и следует всегда исповедание о них приносить Владыке), пока совесть в слезах любви не удостоверится в прощении их: ибо, как говорит Св. Иоанн: аще исповедуем грехи наши, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наши, и очистит нас от всякой неправды (1 Ин. 1, 9). Почему надобно непрестанно внимать чувству сокрушеннаго исповедания (питать сие чувство), чтоб совесть наша как нибудь не обманула себя, подумав, что уже довольно сокрушалась и исповедывалась Богу. Ибо суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не

знал за собою худаго с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел, говоря: но ни сам себе востязую: ничто же бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть (1 Кор. 4, 3. 4). Если же мы не будем достодожно и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедываться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ея в их зле, как это в них самих есть. Обрадованная же любовью Божиею душа в час разрешения от тела, с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ, потому что такая душа некако окрылена бывает духовною любовью, имея в сей любви полное без всякаго недостатка исполнение закона. Почему исходящие из сей жизни с таким дерзновением и во второе пришествие Господне восхищены будут со всеми Святыми. Те же которые во время смерти хотя мало поражаемы бывают страхом, будут оставлены тогда в толпе всех других людей, как состоящие под судом, чтоб, испытаны быв огнем суда, должный им по делам их удел получили они от благаго Бога нашего, и Царя Иисуса Христа. Ибо Он есть Бог правды, и Его есть на нас любящих Его богатство благ Царствия Его, в век и во все веки веков. Аминь.

Св. Максима истолкование, по вопросу неких, следующих слов настоящей сотой главы: «чтоб испытаны быв огнем суда...» и проч.

«Стяжавшие совершенную любовь к Богу и крылья души чрез добродетели соделавшие легко парителными, восхищаемы бывают, по Апостолу, на облаках, и на суд не приходят; не достигшие же такого совершенства, и при делах добрых не чуждые и грехов, — эти приходят в судилище суда, и там чрез исследование их добрых и худых дел, как бы огнем испытуются; если чаша добрых дел перетянет, они избавляются от наказания».

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ НАШ ИОАНН КАРПАФСКИЙ КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ О СВ. ИОАННЕ КАРПАФСКОМ.

О Св. Отце нашем Иоанне Карпафском, кто он был, в какое время процветал, где совершал течение подвижничества, и все прочее, касающееся его, ничего неизвестно. Вот только что свидетельствует о нем блаженный Фотий, в 201-м чтении: «Прочитал книгу, в коей, после десяти определений главных добродетелей и ста глав Диадокха, Епископа Фотики, что в Епире, и нескольких писаний Нила Преподобнаго содержится и писание Иоанна Карпафскаго, которому он дает такое оглавление: утешительное слово к монахам, обратившимся к нему за утешением из Индии. И это слово состоит также из ста глав». — Судя по сему сопоставлению Св. Иоанна с Диадокхом и Пилом, можно заключить, что он почитался современником их и жил в пятом веке. Карпаф — большой остров между Родоссом и Критом. Св. Иоанн был или родом оттуда или там подвизался. — Сим словом Св. Отец отечески намащает читающих мужеством к перенесению скорбей и претерпению находящих искушений.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА КАРПАФСКАГО

К монахам, находившимся в Индии, писавшим к нему, сто увещательных глав.

Земным царям весенние цветы преподнося, некие из просителей не только не бывали отвергаемы, но иной раз сподоблялись и особенных даров. Так и я, по вашему желанию, заимствованную негде

сотницу благих словес принося вам, жительство на небесах имущим, да буду благосклонно принят и дара молитв от вас да сподоблюсь.

- 1) Поколикую присносущен есть Царь всяческих, не имея ни начала ни конца царствию Своему: потоликую сердечнейшему подобает быть тщанию у тех, кои положили поработать ради Его и ради добродетелей, — благоугодных Ему. Ибо почести настоящей жизни, как не будь оне блестящи, пресекаются вместе с настоящею жизнью, те же, какия Бог разделяет достойным, пребывают во веки, так как даются вместе с безсмертием.
- 2) Блаженный Давид, песнь творя Богу от лица всей твари, помянув Ангелов и все небесныя силы, снизошел даже и до земли, и не пропустил ни зверей, ни скотов, ни пернатых, ни пресмыкающихся, почитая такую песнь от лица их поклонением Сотворшему их, и как бы желая, чтобы всякая тварь имела в сем подобающий ей вклад. Как же монаху, сравниваемому с золотом Сапфирским, можно позволить себе ослабеть когда либо в псалмопении или полениться на него.
- 3) Как огонь обнимал купину, но не опалял, так и жар тела не беспокоит и не сквернит ни плоти ни ума в тех, кои получили дар безстрастия, хотя бы они носили тело очень тяжелое и горячее: ибо глас Господень пресекает пламень (Пс. 28, 7) естества, и хотение Божие и слово Его разделяют соединенное по естеству.
- 4) Луна, то увеличиваясь, то умаляясь, изображает состояние человека, то добре действующаго, то грешащаго, и опять чрез покаяние вступающаго на путь добродетели. Ум у согрешившаго не погиб, — как некие из вас думают, так же как и у луны не тело умалилось, а свет. Так чрез покаяние человек опять возвращает себе свойственную ему светлость, как и луна, после умаления, опять облекается обычным светом. Веруяй во Христа аще и умрет, оживет (Ин. 11, 25). И увесте, яко Аз Господь: глаголах и сотворю (Иезек. 37, 14).
- 5) Когда возстанет на тебя мысленно рой вражеских воображений, и ты поддавшись им, побежден будешь, ведай, что ты на время отделился от божественной благодати; почему по праведному суду и предан в руки падения своего. Подвизайся же, чтоб благодать никогда, даже на мгновение времени, неоставляла тебя за нерадение твое. Когда же, став выше поскользновения, возможешь ты прейти стену страстных помыслов и друг за другом толпящихся скверных прилогов вражеской злокозненности, не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебе даннаго; но исповедуй с Апостолом говоря: не аз, но благодать Божия, яже со мною (1 Кор. 15, 10), соделала во мне сию победу, поставила меня выше возставших на меня нечистых помышлений, и от мужа неправеднаго, т. е. от диавола и от ветхаго человека избавила меня (Пс. 17, 49). Почему крылами Духа поднятый горе, и отрешившись как бы от тела, силен я был парить выше охотящихся за мною бесов, обычно уловляющих ум человеческий сетью сластолюбия, избавление от котораго вымоливший себе, взывает: изведший меня из земли Египетской, т. е. из душегубительнаго мира, сей рукою тайною ратую за меня, поразил Амалика и обнадежил меня что и прочия непотребных страстей нареды истребит Господь от лица нашего (Исх. 17, 14—16). Сей Бог наш даст премудрость и силу: ибо некие премудрость получили, но не и силу Духа на побеждение врагов. Сей вознесет главу твою над врагами твоими, и даст тебе крыло, яко голубино, и полетишь и почиешь у Бога (Пс. 54, 7). Положит Господь лук мидяне мышцы твои, показывая тебя твердым, скорым и сильным противостоят сопротивоборцу, и под ноги твои повергая всех восставших на тебя (Пс. 17—35—40). Воздай убо благодарение Господу за сохранение чистоты твоей, что не затворил Он тебя в руках похотей плоти

твоей и крови и действующих чрез них нечистых и тлетворных духов, но как стеною, оградил тебя десницею Своею. Созижди Ему алтарь, как Моисей по обращении в бегство Амалика (Исх. 17, 15), и воспой Ему: сего ради исповимся Тебе и восхваляю Тя Господи, и имени Твоему пою, величая силы Твои (Пс. 17, 50), что избавил Ты от тли живот мой и похитил меня из сетей и уловлений удобообстоятельной, многообразной и многоискусной злобы.

6) Возжигают в нас нечистые страсти, обновляют их, возвышают и размножают злые бесы; а размышления о божественном слове, особенно с изливанием слез бывающия, умерщвляют их и истребляют, хотя бы оне были закоренелы, и мало по малу как бы не сущими делают пагубныя греховные действия, душевныя и телесныя: только не поленимся молитвою и упованием, неослабными и безстудными, присесть Господу.

7) Для чего Христос из уст младенчествующих злобою верных совершает хвалу? Конечно для того, чтоб псалмопением сокрушить врага и мстителя, тиранствующаго без меры, — врага добродетелей, мстителя злобнаго, диавола. Ибо, говорится, множеством славы Твоя стери еси сопротивных (Исх. 15, 7) и супостатов, ратующих против нас.

8) Всякой от плодов своего пути вкушает, — одну половину ныне, а другую в будущем веке.

9) Монах должен держаться всегда добрейшаго пощения, не прельщаться страстями и великое возделывать безмолвие.

10) Ненавистники душ наших, бесы внушают неким воздать нам какую либо ничтожную похвалу, а потом и нас подущают порадоваться о том. Если после сего расслабев от самомнения, дадим место и тщеславию, то врагам нашим не много уже будет труда совсем забрать нас в плен.

11) Принимай лучше поносящего тебя, чем хвалящего, который, по Писанию, ничем не разнится от кленущего (Прит. 27, 14).

12) Когда ревностно проходя подвиг пощения; по немощи послабишь себя в нем; тогда сокрушив сердце, обратись с благодарением к Промыслителю и Судии всех. Если так будешь всегда смиренным являть себя пред Господом, то никогда ни пред одним человеком невознесешь.

13) Враг зная, что молитва есть самое победоносное для нас оружие, и для него сокрушительное, и стараясь всячески отторгнуть нас от нея, влагает в нас иногда желание заняться эллинскими писаниями, от которых мы отстали. Но не будем слушаться его внушений; чтоб не уклониться от законов и порядков нашего делания духовнаго, и не собрать, вместо смокв и гроздий виноградных терний и волчцев. Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть (1 Кор. 3, 19).

14) Радость велию, говорит Ангел, благовествую вам, яже будет всем людям (Лк. 2, 10), а не части некоей. И еще: вся земля да поклонится тебе и поет тебе (Пс. 65, 4), а не часть земли. Петь же свойственно не слезно молящимся получить что, а радующимся о получении желаемаго. Если это так, то не будем отчаиваться, но, радуясь, будем проводить настоящую жизнь, из сказаннаго заимствуя побуждение к такой радости и благодущию. Однако ж страхом Божиим растворим сие радование, как говорится в другом месте: радуйтесь Господу с трепетом (Пс. 2, 11). Так жены, бывшия с Мариною со страхом и радостию великою бежали от гроба (Ме. 28, 8). Может быть и мы когда нибудь со страхом и радостию от мысленнаго устремимся гроба. И дивно будет, если без страха; потому что никто не безгрешен, хоть будь Моисей, хотя Петр Апостол. Однакож в таковых божественная любовь, победив, вон изгоняет страх в час исхода.

15) О том, что страстный, уверовав от всего сердца и со всем смирением, получает дар бесстрастия,

имеешь свидетельство в Писании. Днесь говорит Господь благоразумному разбойнику, со Мною будешь в рай (Лк. 23, 43); жене кровоточивой: вера твоя спасе тя; иди в мире блаженнейшего бесстрастия (Мр. 5, 34). Есть и других подобных мест не мало, как: по вере вашей буди вам (Мф. 9, 29).

16) Когда, строго относясь к страстям, сильнее от бесов бываем стужаемы срамными помышлениями; тогда наипаче да утверждаемся в вере Господу, и крепчайшее да восставляем в себе упование обетованных вечных благ, которых лишить, и от которых отчуждить нас стараются враги наши по зависти. Ибо если бы блага сии не были крайне велики, то бесы не горели бы такою к нам завистию и не устреляли бы нас так часто скверными помыслами, чая хотя этим удовлетворить злобе своей, и думая вогнать нас в отчаяние многократным этим и несносным стужанием.

17) Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действование (по истине узнанной). И так старайтесь паче делами показывать и веру и знание; ибо кичащийся одним знанием услышит: Бога исповедают видити, а дела отместся Его (Тит. 1, 16).

18) Большую часть во время празднеств и святых собраний, особенно же когда кто намеревается приступить к таинственной трапезе, бесы стараются осквернить подвижника срамными мечтаниями и истечением семени. Но и этим не успевают они сокрушить или расслабить навывающего все переносить терпеливо и мужественно. И пусть не хвастают на наш счет эти в дуту сгибающиеся (подобно змиям), будто прямые.

19) За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями, Но мужайся! Этими скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец. К тому же в немощах совершается сила Христова (2 Кор. 12, 9), и в печальнейших состояниях обykle процветать благодать Духа, как уверяет слово пророческое: возсия бо говорит, во тьме свет правым (Ес. 111, 4); конечно, если только дерзновеете и упование, которым хвалимся твердо сохраним до конца (Евр. 3, 6).

20) Ничто так не расстроивает обычно доброго настроения, как смехи, шутки и празднословие. И опять ничто так не обновляет обветшавшую душу и не уготавливает к сближению с Богом, как страх Божий, доброе внимание, непрестанное поучение в словесах Божиих, вооружение себя молитвою и взыскание доброплодного бдения.

21) И удобно и вместе душеполезно твердо переносить всякую скорбь, людьми ли она причиняется или бесами, зная, что мы заслуженно подлежим всякой тяготе и никого притом кроме себя самих за то не укоряя. Другого укоряющий в своих прискорбностях уклоняется от правого подобающего суждения.

22) Бывает, что человек сдвигается с правого стояния, хотя он и старателен, выступая из своего чина по причине умножившихся искушений, которыми, как говорит Писание, поглащается вся мудрость его и все искусство (Пс. 106, 27). Попускается сие, да не надеюшесь будем на ся (2 Кор. 1, 9), и да не похвалится израиль, говоря: рука моя спасла меня (Суд. 7, 2). Но уповай, что опять восстановлен будешь в прежнее прекрасное состояние, когда повелением Божиим отпадет от тебя и отогнан будет лукавый, который заставляет все и видеть и слышать страстно и на грех подвигает; одебелив же ум, как бы облаком густым, и плоти дает чувствовать неизреченную тяготу и бремя; и врожденный помысл, который сам по себе прост и не лукав, подобно новорожденным младенцам, делает многосоставным и очень искусным во всяком грехе, растлив его и извратив склонением то туда, то

сюда.

23) Великое нечто есть человек, возрастающий внутри и величаемый за добродетели. И однако ж сей великий боится греха, как слон мыши, да не како, иным проповедуя, сам неключим будет (1 Кор. 9, 27).

24) Не только пред скончанием мира диавол возглаголет словеса на Вышняго, как говорит Даниил (7, 25); но и ныне бывает, что он чрез наши помыслы; тяжкия возсылает хулы на самое небо, и Самого Вышнего бесславит, и создания Его и Святыя Христовы таинства. Мы же, твердо стоящие на камне ведения, не должны бояться сего и дивиться дерзости этого нечестивца, но верою и теплейшею молитвою вооружась и вышнего сподобясь пособия, смело отвечать врагу.

25) С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что изшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ея. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильною в Господе, окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающия ее небесныя силы и как стеною ограждающий ее свет веры, и с великим дерзновением взывает против злого диавола: что тебе и нам, чуждый Богу? Что тебе и нам, сверженный с неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами; власть над нами и над всем имеет Христос, Сын Божий; Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим, имея ручательством милосердия Его к нам и спасения в Нем честный Его Крест. Ты же беги дальше от нас, окаянный. Ничтоже тебе и рабам Христовым. — От таких дерзновенных слов души хребет наконец даст диавол, раздирающий испуская крик, в безсилии устоять против имени Христова; душа же превыше его сущи и паря над врагом, заушает его, как так называемый быстрокрыл ворону. — После сего она в радовании переносится божественными Ангелами в определенное ей по ее состоянию место.

26) Что и малое некое искушение иногда по попущению полагает препону в преуспянии ревнителю, да удостоверит тебя в сем Ехениис, малейшая рыбица, одним прикосновением своим останавливающая тьмами вещей нагруженный корабль и не дающая ему подвигаться вперед; припомни при том и того. кто говорит о себе: я Павел, — толикий, однажды и дважды хотех прийти к вам, и возбранил мне сатана (1 Сол. 2, 18). Однако ж не приходи от сего в смятение, но паче подвизайся против сего с терпением и получишь благодать.

27) Когда богатый добродетелями по разленению уклонится от достодолжного, тогда восстают на него, сыны злых востоков от Амалика, наиначе же Мадиаи (Суд. гл. 6), — блудолюбивая сила, — с верблюдами их, т. е. страстными воспоминаниями, коим нет числа, и растлевают все плоды земли, т. е. плоды добрейшего действованиа и обычая; вследствие чего обнищает наконец Израиль, впадает в малодушие и понуждается воззвать к Господу. Тогда посылается ему свыше благий помысл, подражатель Гедену в великой вере и смиренномудрии [ибо он говорил: тысяча моя хуждша в Манасии (Суд. 6, 15)]; и он ополчается против такого множества нападающих с тремястами человек немощных, и при споборстве благодати преславно воздвигает трофей победы над врагами.

28) Не можешь ты на аспида и василиска наступить и попрасть льва и змея (Пс. 90, 13), если, долгим молением умолив Бога, не получишь в споборники себе Ангелов, чтоб они подъяв тебя на своих руках, соделали тебя высшим всякаго веществолюбиваго мудрования.

29) Когда кто из крепко подвизающихся будет побежден, да не падает он духом и да не

расслабляется нравом, но под действием слов Исаии выпрямься, да благодушествует, такую воспевая песнь: могущи покаряйтесь, о лукавые бесы! Аще бо и паки возможете, паки побеждени будете: и иже аще совет совещаете, разорит Господь, яко с нами Бог (Ис. 8, 9. 10), — Бог, восставляющий низверженных и заставляющий врагов наших раздираться скорбию и досадою коль скоро покаемся.

30) Невозможно миновать печали тому, кто обучается искушениями; но после сего великой сподобляются радости таковые, и слез сладких и помышлений божественных, за то, что болезнование и сокрушение возделали в сердцах своих.

31) Если ни хотящий Исаак, ни текущий Исав к желанному благословию, не получили чаемого (Рим. 9, 16), — так как Богъ милует, благословляет и Духом помазует не того, кого мы восхотели, но того, кого Он Сам, прежде создания, предопределил в служение Себе; то отнюдь не будем смущаться или завидовать, когда увидим каких либо братий, жалких и последних, преуспевающими в добродетели. Слышал ты конечно и то, что говорит Господь в притче: даждь сему место (Лк. 14, 9), — чтоб возлег тут тот, кто выше тебя. Подивимся же паче при сем Судии, премудро и неизреченно присудившему, чтобы тот, малейший и последний первенствовал и предводительствовал, а мы были последними, хотя первенствуем над ним и подвигами и летами. Какую меру Господь дал каждому человеку, с тою и да соображаемся. Аще живем Духом, Духом и да ходим, как написано (Гал. 5, 25).

32) Никак не соглашайся, когда находящийся у тебя на послушании, скажет тебе: дай мне власть некоторое время, для добродетели, попытать то или другое дело, и совершать его так и так. Ибо говорящий так, явно, свою волю исполнять хочет, а заветы добрейшего послушания отменяет.

33) Страсти плотские и душевные, как увидишь, временем и Божиим мановением, истребятся, хотя бы их и много было; милость же Христова никогда не пресечется. Ибо милость Господня от века сего и до века грядущего на боящихся Его (Пс. 102, 17).

34) Сокровищницы царские наполнятся златом; а умы истинных монахов исполнятся ведения.

35) Бывает иной раз, что учитель предается бесчестию, и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу. Ибо, говорит, мы бесчестны, — бесчестимы будучи пакостником плоти, — и немощны; вы же славны и крепки во Христе (1 Кор. 4, 10).

36) Источник и опора растления чрез плот — страстный помысл. Но отрезвившийся после падения изгоняет его из души покаянием. Ибо говорится, — лучше бы было, если б вы поплакали, да изменится из среды вас, настроивший вас сделать дело сие, злой и непотребный помысл (1 Кор. 5, 2). Так плач противостоит духу растления.

37) Кто возвестит угнетенному бесславию и бессилию к добродетелям, что он узрит Иисуса, не только в будущем, но еще здесь, с силою и славою мною грядущего к нему чрез бесстрашие? Так что, подобно Сарре, душа его, состаревшаяся в бесплодии и по обетованию родившая наконец сына правды, скажет: смех мне сотворил Бог, т. е. великую даровал радость, столь много лет в печали пребывшую по причине многострастия; или по другому переводу: младость сотворил мне Бог, — и обновилась, как орля, юность моя (Пс. 102, 5). Ибо состаревшись прежде во грехах и страстях бесчестных, ныне снова родилась я, и стала юною и нежною, прежде бывши огрубелою от вещества, и легко уже ныне смотрю на мирския вещи, восприяв свойственную мне по естеству простоту и безразличность, после того, как по многоблагоутребию Божию здравым соделался ум мой, и плоть моя стала, как у Неемана Сирианина, подобною плоти младенцев, чрез омытие мое в Иордане

ведения; теперь я единоправна, по благодати Божией избавившись от мудрования змиева, и от полчища злых помыслов, многоискусных во зле и многовещественных (погруженных в чувственность).

38) Предположи, что Сам Господь говорит тебе: «в одно время Я отнял у тебя такой-то и такой-то дар, в которых ты удовлетворялся умом и упокоевался; и дал тебе вместо их другое равносильное им дарование такое и такое. Ты же думая об отнятом и не обращая внимания на данное вместо того, стенаешь, болезнуешь и печалию уязвляешься; но радуешь Меня, приемля скорбь от Меня (2 Кор. 2, 2), ибо Я скорбь причиняю на пользу, спасти паче, а не погубить заботясь почитаемого сыном Мне.»

39) Наложил на себя заповедь не есть рыбы, и смотри, как враг после того начнет неустанно гнать тебя к похотению рыбы, и как равно и ты сам неистово начнешь устремляться ко вкушению того, чего и желать тебе не следует, да испытаешь примерно случившееся с Адамом; ибо и он услышав: вот от этого древа не ешь, на это одно запрещенное и устремился со всем похотением.

40) Иного Бог спасает разумностию, а иного простотою и незлобием; ибо ведать тебе надлежит, что Бог не отринет незлобиваго.

41) Которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям.

42) Если облещись в безстрастие предизбран ты, не предавайся беспечности, но сколько сил есть старайся достигнуть ее. Ибо воздыхаем в жилище наше небесное обмщися желающе; да пожертво будет мертвенное животом (2 Кор. 5, 2. 4), не только телесно вместе со скончанием мира, но и еще здесь духовно, как залог. Ибо пожертва бысть смерть победою (1 Кор. 15, 54). И жертвы будут волнами с небес посланной нам силы все египтяне, которые гонясь в след нас, оскорбляют нас.

43) Если забыл ты сказавшаго: боюся, да не како иным проповедуя сам неключим буду (1 Кор. 9, 27), и: мняйся стояти, да блюдется, да не падеть (1 Кор. 10, 12), — еще: блюдый себе (слово к духовным), да не и ты искушен будешь (Гал. 6, 1), — если забыл ты об уклонении с правого пути и беззакониях Соломона, после толикой благодати, — если предал ты забвению неожиданное отречение великого Петра: то понадейся на свой разум, повеличайся образом жизни своей, похвались длительностию твоего подвижничества великого, и дай место гордыне. — Но, о брате, — отнюдь не разленивайся (развалившись навзничь), и не предавайся беспечности, — но паче бойся, пока есть дыхание в ноздрях твоих, хотя ты достиг числа лет Моисеевых, и молись говоря: Господи, неотвержи мене во время старости моей: внегда оскудевати крепости моей, не остави мене Боже, Спасителю мой! О Тебе, ныне мое выну (Пс. 70, 9, 6).

44) Говорит тебе Господь, как Матфею: по Мне гряди (Мф. 9, 9). — Если теперь ты, усердно теча в след своего многовожделенного Владыки по пути жизни, преткнешся о камень страсти ногою своею и внезапно падешь в грех, или встречая тинистыя места, по часту и не хотя будешь поскользаться и упадать; то сколько раз случится тебе пасть и боль мучительную причинить телу своему, столько же вставши опять с прежнею ревностию теки в след Господа своего, пока не достигнешь Его. Тако во святым помышлении явихся Тебе, видити спасающую меня силу Твою и славу Твою, и о имени Твоем воздежу руки мои, и возмню себя от тука и масти исполненным быть и возрадуются уста мои поя песнь Тебе (Пс. 62, 3—6). Великое для меня достоинство в том, что я получил имя Христианина, как говорит мне Господь устами Исаии: велие ти есть, еже назваться теби рабом Моим (Ис. 49, 6).

45) Где говорится, что Отец даст блага просящим у Него (Мф. 7, 11), а где, что даст Духа Святаго

просящим у Него (Лк. 11, 13): каковыми речениями внушается, что не только оставления грехов, но и подаяния небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал Господь такая блага. Итак проси неотступно и с несомненным расположением, хотя не совершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего не достоин, — и получишь великое.

46) Да помыслит невер или маловвер, как муравей окрыляется и еще, как червь некий делается пернатым, и много других дивных явлений совершается среди тварей; чтоб хоть таким образом отложив недуг неверия и нечаяния, окрылить наконец и прорасти, как древо, преславное ведение. Ибо Аз есмь, говорит Господь, древо сухое прорицающий и кости изсохшия оживотворяющий (Иезек. 17, 24; 37, 4и 9).

47) Отнюдь да невосхожем ради потребностей телесных истаявать в заботах; но всею душою будем веровать Богу, как некий некогда говорил благий муж: вверьтесь Господу и Он вверится вам, — и как пишет блаженный Петр Апостол: уцеломудритесь и трезвитесь в молитвах (1 Петр. 4, 7), — всю печаль вашу возверзше на Бога, яко той печется о вас (1 Петр. 5, 7). Если еще сомневаешься и не веришь, что Он печется о тебе, чтоб препитать тебя, посмотри на паука и рассуди, сколько разнится человек от паука, паука, говорю, которого слабее и бессильнее ничего нет. А он ни стяжаний не имеет, ни повсюдных хождений не совершает, не судится и не гневается, и кладовых не имеет, в совершенной кротости и целомудрии и крайнем безмолвии проводит жизнь свою, о том, что касается ближних не любопытствует, одно свое делает и своим делом тихо и безмятежно занимается, чем и не говоря говорит любителям бездействия, что нехотящий трудиться не должен и есть, молчалив же он столько, что много превзошел самого Пифагора, которому больше всех философов эллины дивятся, за его подвиг воздержания языка, Пифагор не со всеми говорил, но с приятелями своими говаривал по временам тайком, также к быкам и орлам обращал иногда речь, делая нечто смеха достойное и бессмысленное; вина совсем он не употреблял, и пил одну воду. Такое Пифагорово воздержание языка паука превзошел совершенным своим безгласием; воздержание же его от винопития тем, что чуждается и водопития. В таком безмолвном состоянии пребывает слабый и смиренный паук, не любя выходить наружу и блуждать там и сям, ни безмерно предаваться труду и утомлению; и в вышних живый и на смиренныя призирая (а ничего нет смиреннее паука), простирая даже до него свое промышление, посылает ему каждодневно питаньице некое, по близости скиниицы его, давая попадаться в сети его для potreбы его малым насекомым.

48) Может быть, кто из порабощенных гортанабесию скажет: я много ем, и как много потому трачусь, то мне нельзя не вплетаться во многия житейския хлопоты и сделки. Но и этот пусть посмотрит на китов великих, пасомых в Атлантическом океане, как изобильно питаемы они бывают от Бога и никогда голода не испытывают, хотя каждый из этих зверей столько поедает рыб, сколько даже самый многолюдный город в день потребить не может. Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время, поет св. Пророк (Псал. 107, 27). Почему много ли кто седает, или мало, того и другого питает Бог. Слыша сие и ты, широкое и пространное чрево имеющий, всего себя возложи на Бога и веру, отряси всякую мирскую заботу и ум многопопечительный, и не будь неверен, но верен.

49) Если желаем во истину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовию, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе, ни искусства, ни знания, ни софистического мудрования, хотя бы мы изучили всю премудрость мирскую. Ибо Бог

отвращается от того, кто приступает с самомнительным нравом, упитан тщеславием и надмен. Добро некоторые истолкователи назвали суетное самомнение упитанием себя собою и дмением.

50) Как можем мы преодолеть укоренившийся прежде грех? Нужно самопринуждение (или насилие делать желаниям воли своей). Ибо говорится: муж в трудах трудится собою, и изнуждает (насильно прогоняет) погибель свою (Прит. 16, 26), всегда любопрясь возводить помыслы свои, горе к святыне. Насилие насилием разрушат невоспрещено законами (т. е. насилие греха насилием добрых стремлений). Когда вносим самопринуждение к какому либо доброму тщанию (т. е. сами себя насилино заставляем в дело произвести доброе стремление), тогда ожидаем прочее имеющую прийти к нам с высоты силу, сидя во Иерусалиме (Лук. 24, 49), т. е. в непрестанной пребывая молитве и в прочих добродетелях, пока придет к нам сия сила державная, действующая не как наши немощныя усилия, но такая, которой нельзя выразить телесными устами, мощно побеждающая и одолевающая и греховный нрав и злобу бесов, побеждающая и склонность наших душ к худому, побеждающая и все непотребные движения телесныя. Бысть, говорит, шум с неба. яко носиму дыханию бурну (Деян. 3, 2), чтоб нудительно изгнать из нас зло, всегда нудительно нас влекущее к худому.

51) Приседит враг в ловитве, яко лев во ограде, своей (Пс. 9, 30), скрывая для нас сети и мрежи помыслов нечистых и нечестивых, Но и мы, если не сиим, можем еще большия и опаснейшия для него поставить сети, тенета и засады. Ибо молитва и псалом, бдение и смиренномудрие, послушение ближним и милость, благодарение и божественных словес слушание — вот засада врагу; и сеть, и яма, и бичи, и тенета, и удушение.

52) Исполненный лет многих, божественный Давид, благодаря Бога, избравшаго его, говорит к концу своего исповедания благословений Божиих: ныне обрел раб Твой сердце свое помолитися Тебе молитвою сею. Это сказано, чтоб дать нам уразуметь, что требуется великий подвиг и много потребно времени провести в молитвах, чтоб достигнуть начатков безмятежного устройства сердца, сего другого некоего неба сердечного, — где обитает Христос, как говорит Апостол: или не, знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть (2 Кор. 13, 5)?

53) Если Христос бысть нам премудрость от Бога, правда же, и освящение и избавление (1 Кор. 1, 30); то явно, что и упокоение. Ибо говорит: приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и аз упокою вы (Мф. 11, 28). Добре потому говорить можно, что Он соделался для человека субботою, т. е. упокоением. Ибо род человеческий только в едином Христе покой обрести может.

54) Как есть чаша падения и чаша гнева, так есть и чаша немощи, которую прияв от нас Господь, в подобающее время дает в руки врагов наших, чтобы прочее не мы, а бесы немоществовали и падали.

55) Как во внешних делах есть менялы, ткачи, птицеловы, воины, строители: так разумей и о внутренних делах, что есть и в помыслах азартные игроки, отравители, морские разбойники, звероловы, блудники, убийцы, и подобные; каковых надлежит тотчас изгонять вон благочестивым противоречием и молитвою, особенно блудных сквернителей. чтоб не сквернили святого места и не делали мерзким человека Божия.

56) Не только словом преклоняется Господь на дарование спасения, как было с разбойником, вопившим к Нему со Креста, но и помыслом. Так кровоточивая оказала в себе (т. е. помыслила с верою): аще точию прикоснуса воскрилию риз Его, спасена буду (Мф. 9, 21); и раб Авраамов в уме своем глаголал к Богу о Ревекке (Быт. 24, 15).

57) Содеянный грех почти тотчас сам гонит кающегося к Богу, как только он примет в чувство

зловоние, тяготу и неистовство греха. Кто же не хочет преклониться на покаяние, того не гонит он к Богу, а удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими пагубные пожелания.

58) Блуди себя от чар Иезавелиных (4 Цар. 9, 22), из коих лютейшие суть помыслы кичения и суетной славы. Избавиться же от них можешь ты, благодатию Божиею, если будешь уничтожать и охуждать душу свою, и повергать себя пред Господом, призывая Его помочь тебе и исповедуя, что искомое тобою избавление есть небесное дарование. Почему и говорится: не может человек принимать ничесоже, аще не будет дано ему с небесе (Ин. 3, 27).

59) Бывает иногда, что во время учреждения братии, прорывается тщеславный помысл сказать что-либо не во время; Ангельские же помыслы внушают тебе прогнать этот болтливый безвременный помысл. — Итак если ты не прогонишь его добрым молчанием, а позволишь ему прейти наружу, напыщен быв кичением; то должен будешь понести худые от того последствия, — праведно предан будучи или большему еще греху, или внешним каким прискорбностям, или тяжелым неприятностям со стороны братий, или мучению в будущем веке: ибо и о праздном и тщеславном слове, произнесенном по необученности языка, отдадим мы отчет; почему тщательно должно блюсти язык свой.

60) Которые искушаются чувственными утехами, гневом, славолубием и другими страстями, о тех говорится, что они днем жегомы бывают солнцем, а ночью луною (Пс. 120, 6). Итак молись, да осенит тебя божественное росоиспускательное облако, чтоб избежать вражескаго жжения.

61) Отнюдь не давай смелого к себе доступа любителям пьянства и рабам бесчинных трапез, ни тем, кои охочи говорить бесстыдные речи, хотя бы они были убелены сединами, и хотя бы долгое время вели монашескую жизнь; чтоб их гнилость непокрыла и тебя, и ты не причтен был к нечистым и необрезанным сердцем.

62) Прежде Петру вручаются ключи а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа, чтоб падением таким целомудрить его о себе мудрование. Так и ты, если, получив ключ разумения, поддаешься разным искушениям, не удивись сему; но прославляй единого премудрого Господа, падениями обуздывающаго самомнение, находящее в след за божественнейшим ведением: ибо искушения суть узды, по Божию промыслению, могущая обуздать человеческое надмение.

63) Если Господь часто отнимает у нас блага, как, например, богатство у Иова; ибо Господь его дал, Господь и взял (Иов. 1, 21): то конечно взято будет из рук наших и зло, которое навел на нас Вечный; ибо, как говорит премудрый, благая и злая от Господа суть (Сир. 11, 14). И наводящий на нас злое, Он же дарует нам и вечную радость со славою вечною. Как я бдел, говорит Господь, чтоб разорить вас, и зло сотворить вам, так и возсозижду, и уже не разорю, насажду и уже не исторгну. Да умолкнет же народное присловие, гласящее: коль скоро стало не добре, не будет уже добре. Ибо изменивший дела наши на худшее, конечно может опять неожиданно предложить их в светлейшее состояние.

64) Сильнее и победолюбнее нападающий на бесов воздержанием, или молитвою, иди другою какою добродетелию, и сам от них получит глубочайшия раны, до того, что даже в безнадежие придет, подозревая, не лежит ли на душе его осуждение мысленной смерти, и вынужден бывая звать: кто мя избавит от сего тела смерти (Рим. 8, 24); потому что враг против воли заставляет меня повиноваться законам своим.

65) Не просто написано прежде, как некоторые говорили друг к другу: встаните, пойдем к народу живущему со упованием, и в покое, пребывающему (Суд. 18, 9. 10); и еще: приидите взыдем во Иудею, и беседовавшие с ними языком лукавым, отвратим я к нам от истины (Ис. 7, 5. 6). Так обыкновенно и злые бесы против тех, кои избрали безмолвное пребывание во всю жизнь их точат мечи искушений, и на тех, кои более благоговейны, и богобоязненны, с большим неистовством нападают, увлекая их на грех по поводу самых дел благочестия, бранями неизреченными; чтоб хоть таким образом отклонит их от веры во Христа, от молитвы и благоупования, препобедив их. Но мы, Господи, говоря с Давидом (Пс. 79, 19), неотступим от Тебя, дондеже ущедришь нас, и удалятся от нас поглощающие нас; неотступим от Тебя, пока не повелишь отойти от нас искушающим нас, и мы не оживотворимся терпением и твердым бесстрашием. Ибо искушение есть житие человеческое и часто, во время определенное, от самого подвигоположника попускается нам падать под ноги чуждых; но душе великой и доблестной свойственно не отчаиваться в прискорбных случайностях.

66) Если столько силен бес, что может, и когда не хочет человек, преклонять его и перетягивать на свою волю, по причине выступления его из истинного своего по естеству чина; то сколь более силен Ангел в определенное время прияв повеление от Бога, все расположение человека перевести на лучшее? И если север всехладный столько силен, что мягчайшее естество воды превращает в твердость каменную, то чего не может сделать теплейший юг. Если воздух, крайне охлажденный, все себе подчиняет и своим холодом исполняет: ибо кто постоит против лица мраза (Цс. 147, 6)? То как теплоте непреложить всего по свойству своему? Ибо и против лица теплоты кто постоит? Будем же веровать, что и хладный и черный уголь ума нашего позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения божественного огня.

67) Есть и в настоящем веке с верным свидетельством и признаками, проявляющееся в сокровенном нашем Иосифе, состояние безстрастия, в коем ум наш, изшедши из Египта, отстаёт от страстных влечений и скрытного срамнейшаго рабства, и слышит язык, которого не знал, не язык бесов, нечистый и растлевающий здравое разумение, но Святыи язык Ангелов, преобразующих ум, из телеснаго в безтелесный, — язык, просветительный для приемлющей его души.

68) Слышал я некоторых братий тяжело болящих телом и немогущих держать пощенья, обратившихся ко мне с вопросом: как можем мы без пощения избавиться от диавола и страстей? Таковым надобно отвечать, что не одним воздержанием от яств, но и воплем к Богу из сердца можете вы истреблять и прогонять недобрые движения и тех, кои возбуждают их. Ибо говорится: воззваша к Господу, внегда скорбити им, и от нужд их избави я (Пс. 106, 6); и еще написано: из чрева адова вопль мой, услышал еси глас мой: и да взыдет из истления живот мой (Ионы 2. 3. 7). Почему дондеже преидет, говорит, беззаконие т. е. стужение греха, воззову к Богу вышнему (Пс. 56, 23), да подая мне величайшее благодеяние, истребит Он самый прилог греха властью Своею и изгладит идолов страстнаго ума и безидольным покажет наши полные идолов немощи. Итак, если ты не получил дара воздержания, то ведай, что Господь ради молитвы твоей и упования хочет услышать тебя, когда воззовешь к Нему. Узнав теперь такое Господне о тебе присуждение не тужи о своем бессилии к подъятию подвига пощенья, но паче потщися избавиться от врага молитвою и благодушным терпением. Если помыслы немощи и злострадания гонят вас из града пощенья, бегите в другой (Мф. 10, 23) т. е. в град молитвы и благодарения.

69) Говорит Фараон моляся: да отымет Бог от меня смерть сию, — и был услышан; также и бесы,

просившие Господа, да не повелит им идти в бездну, получили просимое. Не тем ли паче услышан будет человек христианин, молящийся об избавлении от мысленной смерти.

70) Время некое просвещаемый и упокоиваемый божественною благодатию, по умалении же ея впадающий в парения ума и влечения неподобныя, и ропщущий за то, или, бесполезному унынию предающийся, а не ревнующий мужественно молитвою опять возстановить в себе спасительное то настроение; подобен бедному, который получив милостыню из палаты Царской, негодует, что не введен был внутрь, чтоб возлежать за Царскою трапезою.

71) Блажени не видевшии, и веровавшие (Ин. 20, 29), как блаженны и те, которые, по умалении действия благодати, не находя утешения в себе самих, а напротив встречая чередование скорбей и тьму глубокую, не падают в нечаяние, но верою укрепляясь, доблестно терпят, в уверенности, что видят невидимаго.

72) Смирение, благодатию Божиею, в свое время, после многих подвигов, борений и слез, свыше подаемое ищущим его, несравненно сильнее и выше смирения, бывающего у отпадавших от добродетели. Сподобившиеся его суть воистину мужи совершенные.

73) Когда диавол оставил Господа, тогда приступили к Нему Ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11). И так, как не написано, что во время искушения Господа присущи были Ангелы, так, и когда мы бываем искушаемы в какое либо время, отступают недалеко Ангелы, потом по удалении искушающих, приходят к нам и служат нам, подавая божественныя помышления, утверждение, просвещение, сокрушение, утешение, терпение, услаждение, и все, что спасает, укрепляет и возсозидает душу потрудившуюся в борьбе. Нафанаилу сказано было: отселе, узрите Ангелов, восходящих и нисходящих над Сына человеческого (Ин. 1, 51), т. е. отселе на род человеческий богато изольется служение и помощь Ангелов.

74) Помни Архиерея онаго одесную коего стал диавол, чтоб сопротивляться ему (Зах. 3, 1) т. е. всякому правому помышлению, слову и делу, — да не изумишься, когда случится что подобное.

75) Ведать надлежит иноку, что есть немощь, как в словах: помилуй мя, Господи, яко немощен есмь (Пс. 6, 3), и что есть отступление от Бога, — сия болезнь диавола и ангелов его.

76) Как железо делается неприкосновенным от проникновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим делают ум на брань с врагом; почему бесы всеми силами и стараются леностию расслаблять нас на терпеливое пребывание в молитве, зная, что она к ним враждебна, и уму споборательна в брани.

77) Давид принял усердие вышедших вместе с ним из Секелага против иноплеменников, хотя они, изнемогши и остались на потоке Восорове [51]). Почему возвратившись с победы над варварами, и услышав, как иные говорили, что не следует давать части из добычи этим, сидевшим от изнеможения при потоке, — и видя, что они устыдились, не имея что сказать, — благостнейший Давид защитил их говоря: они были посажены при вещах, чтоб беречь их и отделил на них часть, равную той, какую дал ратникам мужественно и благодушно воевавшим (1 Цар. 30, 21). Разсуди теперь, что, если в брате каком либо, в начале показывавшем горячую ревность [к подвигам поста, бдения и проч.] и потом немного ослабевшем в них, предположить сохраненными вещи его (внутренние добрые расположения), — веру, раскаяние, смирение, плач, терпение, упование, великодушие и проч.; то этот, приседящий им и терпеливо в них пребывающий в чаянии о Христе Иисусе Господе, хотя и слаб в подвигах явных, уличит, как подобает некий вечный дар.

78) Левитами и иереями названы те, кои всех себя всецело посвятили Богу, и деятельностию и созерцанием; а скотами левитскими (Числ. гл. 3) называются те, которые, хотя бессильны неуклонно шествовать путем добродетелей, однако ж соуслаждаются добродетели, желают ея непрестанно и ревнуют о ней посильно, хотя не всегда успевают в том, по причине худа, отнимающего у них силы. Но во время подобающее и они, — можно надеяться, — получают дарование безстрастия, по одному человеколюбию Божию. Ибо говорится: желание убогих услышал еси, Господи (Пс. 9, 38).

79) Удары, какие наносит нам враг, явно и не явно, мы часто замечаем и видим; мучения же и досаждения, какие он от нас терпит, когда мы или преуспеваем в добродетели, или каемся в прегрешениях, или переносим оскорбления, или благодушествуем в несчастиях, или пребываем в молитвах, или другие какие совершаем дела благочестия, от которых он раздирается, мучится, плачет и разседается, — этого всего мы, по смотрению Божию не видим, чтоб не надмиться. Ибо праведно у Бога, как говорит Апостол, воздати скорбь оскорбляющим вас (1 Сод. 1, 6).

80) Если устаревший на земле или на камне пень, от водной влаги дает отростки, как новонасажденное, то возможно и нам, когда бываем оживляемы силою Духа Святаго, произращать нетление, которое прияли мы по естеству, и давать плод, как дает новонасажденное, хотя мы низпадали в ветхаго человека.

81) К душе, отчаявающейся по причине обилия искушений и множества грехов, и говорящей: погибла надежда, убиты мы, сказано неотчаявающимся во спасении нашем Богом? Оживете, и увисте, яко Аз есмь Господь (Иезек. 37, 6). К душе же, недоумевающей, как и силою каких добродетелей возможен она снова родиться о Христе, сказано: Дух Святой найдет на тебя (Лк. 1, 35). Где же присущ Дух Святой, там не ищи закона естества и обычного последования причин и действий. Ибо всемогущ покланяемый Святой Дух и не могущее сбытися по естеству, произведет в тебе силою Своего, так что ты изумишься. Кроме того, еще и победителем явит Он теперь ум твой, который прежде был побеждаем. Ибо свыше нисходящий на нас Утешитель выше всего есть; и тебя поставит выше всех естественных движений и бесовских страстей.

82) Подвизайся сохранить невредимым светозарность ума твоего владычественнаго. Если начнешь страстно смотреть на все, значит, Господь омрачил тебя, наложил покров на лице твое, — и свита очей твоих неть с тобою (Пс. 37, 11). Однако ж, если и так у тебя это есть, не знай утомления и не ослабевай, моляся со Святым Давидом: послы свет Твой, и истину Твою мне омраченному унынием, спасение лица моего и Бог мой (Пс. 42, 3. 5); послыши бо Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли (Пс. 103, 30).

83) Блажен, кто ненасытно яст и пиет молитвы и псалмы здесь день и ночь, и укрепляет себя славным чтением Писания; ибо такое причащение доставит душе в будущем веке неистощимое радование.

84) Всеми силами крепись не падать; ибо крепкому борцу не подобает падать; если же случится пасть, скорее вставай, и стой опять в добром подвиге. Хотя бы тмократно случилось с тобою первое, по отступлению благодати, тмократно да будет у тебя и второе т.е, возстание. Так до конца жизни твоей. Ибо написано, что, если седмерицею падет праведный, седмерицею и возстанет (Прит. 24, 16). Пока держишь оружие святой схимы (т. е. решимость служить Богу), со слезами и умаливанием Бога, дотоле считаешься ты в ряду стоящих, хотя бы и часто падал. Пока пребываешь с иноками, как мужественный воин, получаешь раны спереди, — за которые и похвален будешь, что и будучи

уязвляем не уступил, не поддался и не отступил. Если же отступишь от иноков, то будешь получать раны уже сзади, как беглец и трус, растерявшийся и оставивший строй.

85) Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани; почему впал в отчаяние; и враг, набежав, набросил на него петлю. Петр же, — сей камень твердый, — подвергшись страшному падению, как искусный в брани, не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но вскочив, излил горчайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного; и супостат наш, видя сие, как сильнейшим пламенем палимый в лице, тотчас отскочил и убежал далеко, лютыя испуская вопли.

86) Претив следующих трех страстей монах должен до конца непримиримую вести брань: против чревоугодия, против тщеславия и против деньголюбия, которое есть идолослужение.

87) Царь некий Израильский победил народ троглодитов и других с ними варваров при псалмах, и пениях и песнях духовных, петых на органах Давида и словами его (2 Парал. 12, 3; 20, 22). Имеешь и ты варваров троглодитов, бесов, в чувства твои и члены претесняющихся, и плоть томящих разжением, и настраивающих тебя страстно смотреть, слушать и обонять, говорить непотребные речи, очи иметь полные блуда, и быть смятенну и внутри и во вне, по-вавилонски. Позаботься же и ты в конец истребить этих злодействующих в тебе троглодитов, верою великою, и псалмами, песнями и пениями духовными.

88) Как Господь хочет, чтоб человек чрез человека спасаем был, так диавол усиливается, чтоб человек чрез человека погубляем был. Почему не должно прилепляться к мужу презорливому, злоумному, и болтливому, чтоб вместе с ним не попасть в ад. Ибо и с праведным кто сближаясь, едва улучает спасение. Если же кто с лукавным станет общиться без опасения, то, как заразу и проказу, сретит кораблекрушение. И кто будет жалеть с веселым лицом подступающего к дракону? Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров, и мятущихся внутри и во вне.

89) Кто хочет, чтоб его прозвали мудрым и разумным и другом Божиим, тот да печется усердно душу свою представить Господу такую, какою от Него приял ее, чистою, неуязвленною, и всю непорочною. За это увенчан будет он на небесах и ублажен Ангелами.

90) Одно доброе слово сделало некогда непотребного онаго разбойника чистым и святым и в рай ввело его. И одно недоброе слово заградило Моисею вход в землю обетованную. Не будем же почитать языкоболие малою болезнию; ибо злоречевые и суесловые заключают для себя Царствие Небесное. — Муж язычный хотя здесь и может еще какой либо успех иметь, там же — никакого, но злая уловят его в истление (Пс. 139, 12). Добре сказал некий мудрый муж, что лучше упасть с высоты на землю, нежели от языка. Надлежит нам потому послушаться Св. Иакова, который пишет: да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати (Иаков. 1, 19).

91) Чтобы не ларить нам и не разсеиваться, прельщаясь суетностию, хорошо внимать Пророку, который говорит: идите людие мои, внидите в храмину вашу, — в храмину сердца вашего, сокрытую от всякаго чувственного впечатления, в оное обиталище безобразное, осияваемое безстрастием и осенением святой благодати, — затворите двери своя от всего видимаго, укрыйтесь мало елико елико — ибо и вся жизнь человеческая мала, — и после сего прилагает: дондеже мимо — идет гнев Господен (Ис. 26, 20), как другой некто сказал: дондеже преидет беззаконие (Пс. 56, 2). Ибо и беззаконие, а следовательно и бесы, и страсти, и грехи суть гнев Божий, как говорит к Богу Исаия: се Ты разгневался еси, и мы согрешихом (64, 5). Избегает же сего гнева человек, непрестанно внимая

сердцу в молитве, и усердно борясь быть внутри, во внутренней своей неприступной храмине. Ибо привлеки, говорит некто, премудрость во внутреннейшая твоя (слич.~ Прит. 8,12; Сирах. 45; 31; 51, 18); потому что вся слава дочери царицы внутри (Пс. 44, 14), говорит другой, прилагая: сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие (Пс. 72, 17), и в гору достояния (Пс. 67, 17), в готовое жилище (Пс. 32, 14), которое соделал Ты, Господи, во святыню, которую уготовали руки Твои (Пс. 77, 54).

92) Желаящий истинно отрещися от мира, да подражает блаженному Пророку Елисею, ни одной вещи из имений своих с собою не взявшему, по великой, как пламенем распалывшей его любви к Богу. Все, что есть у него пусть раздаст он нуждающимся, и подъяв таким образом Крест Господен, да течет произволением на вольную смерть, — виновницу вечнаго царствия.

93) Когда возчувствуешь, что Аморрей возмозгает в тебе, как дуб, прилежно молись Господу, да изсушит Он плод его сверху, т. е. делом совершаемый грех, и корни его снизу т. е. нечистые помыслы. И да отженет Господь Аморрея от лица твоего!

94) Не следует чудиться, когда увидите посмевающихся безмолвию нашему, потому что сами не могут безмолвствовать; лучше пением отразите дурное от них впечатление, однакож без злопамятства, возставляя в себе вящее Богу повиновение ваше, и взывая в пении: обаче Богови повинися душе моя (Пс. 61, 6); ибо вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся (Пс. 108, 4), об исцелении и меня самага и их.

95) Если не дхнет на море сильный ветер, не появится волнение; и если не нападет на нас бес, не взволнуется страстьми ни душа ни тело.

96) Если ты всегда бываешь согреваем молитвою и божественною благодатию, то, как говорит божественное Писание, ты облечен во оружие света. Твое одеяние тепло, враги твои облечены, как в двойную одежду, в стыд и дрожание от холода.

97) Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и смягчить окаменелое сердце, как камешки разбивают металлоносную почву; и обретешь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище.

98) Огонь желания высших благ и святаго богомыслия о словесах Духа да горит непрестанно на жертвеннике души твоей.

99) Если всегда будешь стараться обувать ноги в готовность благовествовать миру (Еф. 6. 15), то всеконечно устроишь добре и свой собственный дом и дом ближняго твоего. Если же возмалодушествуешь (при встрече неприятностей), то оплеван будешь невидимо, и по закону наследуешь имя иззутаго из сапога (Второз. 25, 9. 10).

100) Если, по Иоанну, Бог любви есть, то любящий в Боге пребывает и Богъ в нем. Кто же ненавидит ближняго в разрыве союза любви, тот очевидно вместо любви восприял ненависть. Ненавидящий убо однороднаго себе далеко отстоит от Бога, если Бог любви есть, и пребывающий в любви в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает (1 Ин. 4, 16). Ему слава и держава во веки. Аминь.

БЛАЖЕННЫЙ АВВА ЗОСИМА (ПАЛЕСТИНСКИЙ)

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ

О ПРЕПОДОБНОМ ЗОСИМЕ ПАЛЕСТИНСКОМ.

Древний латинский переводчик собеседований преподобнаго Зосимы такое предисловие предпосылает им:

«Высоко ставлю и ценю собеседования сии, по причине ясно излагаемого в них истинного свойства аскетических подвигов, по причине обильного помазания духовного, коим оне пропитаны, и сладчайшего благоухания святости, ими издаваемого. Ничего так охотно я не списывал, ничего не переводил я с таким услаждением сердечным. Что и заставило меня исследовать, кто такой был автор их и в какое время процветал, так как то и другое не было определено известно.

«Собеседований всех не слишком много сохранилось. Их, как видно, записывал некий усердный слушатель, как принимал из уст преклонного летами старца, во время многолетнего своего пребывания в иночестве прошедшего все степени христианского совершенства и востекшего на самый верх святости, доступной смертному человечеству, при помощи божественной благодати. Автор собеседований именуется блаженным Аввою Зосимою. О записывателе намекается только, что он был один из всегдашних его слушателей, и вероятно брат той обители, в коей жил Авва Зосима, при Иордане.

«Но кто же сей блаженный Авва Зосима? После долгаго и старательного о сем изыскания, вот на чем наконец остановилось мое мнение, — что автор наших собеседований есть тот самый славный Зосима, который свыше избран был для услышания об образе жизни св. покаяницы Марии Египетской из уст ея самой и для напутствования и погребения сей преподобной матери». Подтверждает он такое мнение свое тем, что некоторые обстоятельства жизни Аввы Зосимы, изрекающего настоящих наставлений, сходны с обстоятельствами жизни Аввы Зосимы, видевшего св. Марию Египетскую и рассказавшего о ней.

1) В сказании о жизни св. Марии Египетской говорится, что Авва Зосима, с юных лет поступив в некий монастырь, прожил в нем 53 года; потом, по особому внушению свыше, перешел в один из монастырей прииорданских; и оттуда уже исходя видел св. Марию. И в настоящих собеседованиях поминается, что изрекавший их Авва Зосима прежде жил в некоем монастыре в Тире (соб. 24); потом собеседования сии дают видеть его в Неаполе (в Самарии, соб. 14) проходом; и наконец в обители св. Герасима (соб. 2). Последняя указания очевидно истолковывают первья.

2) В сказании о св. Марии, об Авве Зосиме говорится, что он был богат опытностию духовною и что потому к нему обращались за советом многие нетолько из своего монастыря, но и из других ближних и дальних (п. 2—в Греч.). Видно, что он не любил писать, а только говорил. И о св. Марии сказание не написал он, а передал устно, как оно осталось среди братий, пока св. Софроний не предал его письмени. Что таков же был и изрекатель настоящих наставлений, доказывает самый образ изложения их: его спрашивали и он говорил. Двадцать девятое собеседование его ведется в обители св. Герасима. Можно допустить, что и другия все слышаны тут же и записаны каким—либо из ближайших его учеников.

3) Авва Зосима, изрекатель наставлений, любящий приводить отеческия изречения, приводит все древнейших старцев, и притом так, что память о них тогда была еще свежа. Это указывает на конец четвертаго и начало пятаго века. Находят, что Мария Египетская почилa около 430 года. Авва Зосима перешел в обитель прииорданскую, можно положить, лет семидесяти. В обители сей ему пришлось прожить, лет 30; ибо он почил ста лет. Для того, кто жил в первой половине пятаго века, изречения старцев века четвертаго могли быть свежи.

Такия наведения, с коими следует согласиться, определяя автора собеседований, определяют и время их происхождения, и то, как они произошли. Авва говорил; любящий духовное назидание ученик

записывал. Так все собеседования и начинаются: «говорил, или сказал, или рассказывал Авва Зосима». Можно не сомневаться, что собеседований как было много держано, так много было и записано. Настоящие собеседования представляются отрывком, который виден был и читан Иоанном Мосхом, составителем Луга духовного (лимонара). Его сказание — 211 взято из 30 собеседования; 212—из 24; 216— из 15; 218—из 25; 219—из 29.

Память преподобного Зосимы—четвертаго апреля.

В Патрологии, изд. Migne, собеседования сии помещены в 78 т. Есть они и в рукописном Патерике, из обители св. Саввы Палестинскаго, и помещены в конце первой главы, в виде прибавления. В рукописи собеседования идут без всякаго разделения. В печати их означено 14; но так, что в некоторых из сих отделений содержится не одна беседа. При переводе сочтено более целесообразным каждое наставление и каждое сказание означать особым пунктом. Это тем более нужно было сделать, что в печати не все беседы помещены, и некоторыя из помещенных не вполне помещены. Вышло таким образом 31 отделение.

БЛАЖЕННОГО АВВЫ ЗОСИМЫ

СОБЕСЕДОВАНИЯ

1) Положив крестное знамение на уста, блаженный Зосима начал говорить так: Бог — Слово, воплотившись, великую даровал благодать уверовавшим и верующим в Него. Можно и в наше время уверовать и начать это отныне, если желаем. Ибо если произволение наше возжелает и благодать повоздействует, то всякому желающему можно ни вочто вменить весь мир.

Потом он взял, что попало под руку, кажется, соломенку, или щепочку, или другое что ничтожное, и прибавил: кто из-за этого станет браниться или спорить, злопамятствовать или убиваться скорбию, кроме разве того, кто по истине потерял ум? Человек ли Божий, преуспевающий и в предняя простирающийся в жизни по Богу, не будет всего мира иметь наравне с этою соломенкою, хотя бы действительно он обладал всем? Ибо, как я всегда говорю, не иметь вредно, а иметь с пристратием. Кто не знает, что из всего, что имеем, ничего нет дороже для нас тела? Итак, если когда время потребует, мы имеем повеление пренебречь даже телом, не тем ли паче тем, что есть у нас кроме его? Впрочем, не следует просто и как ни попало разбрасывать свои вещи, как не следует и самого себя без разбора бросать на смерть: ибо так действовать свойственно только потерявшему ум; но надобно ожидать, когда потребует того время, чтобы тогда быть готовыми на такое дело.

При сем припоминал он о брате, имевшем овощи, и говорил: не сеял ли он? не трудился ли? не возвращал ли? не удобрял? Но не вырывал их без разбора и не бросал; а только имел их так, как бы не имел. Почему, когда пришел к нему один старец с намерением испытать его, и начал истреблять их, он даже не показавшись ему, а спрятавшись; и когда уже оставался один корень, сказал ему: если желаешь, отче, оставь это и сделаем из того угощение. Из сего старец Святой узнал, что он есть истинный раб Божий, а не раб овощей, и говорит ему: Дух Божий почил в тебе, брате. — Если бы он имел овощи с пристратием, то тотчас и обнаружил бы сие скорбию и смущением; но он показал, что имел их так, как бы не имел.

И заключил Авва Зосима: бесы замечают такие случаи; и если видят, что кто-нибудь безстрастно относится к вещам, не тревожась потерей их, то уразумевают из сего, что он ходит по земле, но не имеет в себе мудрования земнаго.

2) В устремлениях произволений вся сила. Горячее произволение в один час может принести Богу

более благоугодного Ему, нежели труды долгаго времени без него. Произволение вялое и ленивое бездейственно.

3) Бесы боятся, если увидят, что кто — нибудь, будучи подвергаем оскорблению, безчестию, ущербам и всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что подвергся сему, но о том, что, подвергшись, не перенес того мужественно: ибо уразумевают из сего, что он вступил на истинный путь и имеет твердое желание ходить в совершенстве по заповедям Божиим. — При сем Авва Зосима вспомнил о св. Пахомии, как поступил он, когда старший брат его укорил его, говоря: перестань, увлекаясь тщеславием, расширять монастырь. Св. Пахомий делал это по данному свыше повелению. Почему, когда услышал это, то как за доброе дело стоя, почувствовал движение негодования; однакож ничего не сказал брату против в то время. Когда же настала ночь и неприятное движение сердца улеглось, он, вошедши в малую молитвенницу свою, начал плакать и молиться, говоря: «О Боже! во мне все еще мудрование плотское, все еще живу я по плоти. Увы мне! Как таковой, умрети имамь, по Писанию (Рим. 8, 13). После таких подвигов, после такого уготования сердца, опять гневом увлекаюсь, хоть и за добро. Помилуй мя, Господи, да не погибну до конца! Ибо если Ты не утвердишь меня совершенно в добре, и враг найдет во мне свою часть, хоть самую малую, я буду пленником его: и иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всеми повинен (Иак. 2. 10). Но верую, что если Ты, по великим щедротам Своим, поможешь мне, то я научусь наконец шествовать путем Святых Твоих, всегда в предняя простираясь (Фил. 3, 13), и посрамлю, как следует, самага врага. Иначе как же, Господи, буду я учить тех, кого призовешь Ты вместе со мною проводить жизнь сию, если сам прежде не победю себя и врага?» В такой молитве пробыл он всю ночь, такия с плачем говорил слова, пока настал день; и от пота его под ногами его образовалось блато, потому что время было жатвенное, и место то очень знойно. — Удивляюсь сему, сказал блаженный Зосима: «его слезы не знали меры. Как же Бог не дарует такому горячему произволению всяких благ, у Него испрашиваемых, когда оно для всего, мертво кроме сего?»

4) Говорил еще Авва Зосима: когда кто приведши на мысль оскорбившаго его, или вред ему причинившаго, или поносившаго и оклеветавшаго, или другое какое зло ему сделавшаго, сплетает замыслы против него, то он сам на себя наветует подобно бесам; и тогда для навета на него достаточно его самого. И что я говорю: когда сплетает замыслы? — Если не воспоминает о нем, как о благодетеле и враче, то крайне не право к нему относится. Ибо он вызывает наружу ту страсть, какою ты болишь, чтоб уврачевать ее; и ты должен потому вспоминать о нем, как о враче, посланном тебе от Христа. Ради Христа должно тебе перенести все, в благодарность Ему за такое благодеяние. Если же ты не воспользуешься сим как должно и не отстанешь от злой страсти своей, не Господь Бог виновен в этом. То самое, что ты страдаешь, есть признак, что душа твоя больна; еслиб ты не был болен, то и не страдал бы. Посему должен ты благодарен быть ту за то, что чрез него узнал ты ход болезни своей, и то, что ты от него потерпел, с любовью принять, как целительное врачество, посланное от Самого Господа Иисуса. Если же ты не только не благодаришь, но оскорбляешься, встаешь против, жалуешься и сплетаешь замыслы против него; то ты чрез то говоришь как бы Господу Иисусу: «не хочу быть уврачеван Тобою; не хочу принимать врачевства Твои; хочу изгнать в ранах моих, хочу быть послушен бесам. Не знаю Господа; и кто Он есть, чтоб мне послушаться гласа Его (Исх. 5, 2)? И что наконец сделает Господь?» — Господь, будучи благ к

нашим худостям, дал нам заповеди к уврачеванию их, как прижигания и очистительныя. Почему, кто хочет и ищет уврачеваться, тому необходимо перетерпеть, что налагает на него врач, с молчанием, хотя и болезненным. Ведь и больной телом не сладким почитает терпеть сечения и прижигания, или принимать очистительное; но убежден будучи, что без этого невозможно избавиться от болезни, отдает себя в руки врача, с уверенностью, что чрез эту малую подлежащую ему боль избавится от сильного внутреннего разстройства и додговременной болезни. Прижигатель же Иисус — Христов есть тот, кто причиняет обиды и вред.

5) Сказал он сверх того: уничтожь искушения и помыслы, — и не будет ни одного святого. Бегущий от искушения спасительнаго, бежит от вечной жизни. Никто из Святыя и говорит: «кто доставил Св. мученикам венцы оные, если не мучители их? Кто даровал Св. Стефану такую. окружающую его, славу, если не те, кои побиди его камнями?» — прилагая к сему изречение и другаго Святаго, который говорил: «я не виню поносящих меня, а напротив называю их и почитаю своими благодетелями; и не отреваю Врача душ, подающаго тщеславной душе моей врачевство безчестия, боясь, как бы Он некогда не сказал и моей душе: врачевахом Вавилона и не исцеле (Иер. 51, 9); и опять: колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже кокошь гнездо свое под крыле, и не восхотисте? се оставляется вам дом ваш пуст (Лк. 13, 34. 35).

6) Говорил еще: Евагрий боялся, чтобы Господь, укоряя его, не сказал ему: «ты болел тщеславием, и я навел на тебя врачевство безчестия, чтоб ты чрез то очистился; но ты не уврачевался.» — Да ведаем же, что никто не говорит о нас прямой истины, кроме того, кто укоряет нас. Господь, испытующий сердца и утробы, ведает, что хотя бы все люди хвалили и ублажали нас, наше все тем не менее достойно укора и студа оплеваний. Если скажут: ты то и то сделал; я отвечу: но что же из всего моего хорошо? — Никто не говорит о мне лжи, кроме хвалящих и ублажающих меня, и никто не говорит о мне истины, кроме укоряющих и уничижающих меня; и они не всю еще обо мне истину говорят. Еслиб пришлось им узнать не говорю все море моих злых дел, но часть некую, то они отвратились бы от смрада и зловония души моей. Еслиб все члены тел человеческих превратились в языки, чтоб укорять нас, я убежден, что и тогда не смогли бы они вполне выразить наше безчестие. Всякий укоритель часть только некую укоряет, всего же знать он не может. Если Иов говорит: исполнен есмь безчестия (Иов. 10, 15), а что полно, то не вмещает уже ничего более; что скажем мы, бездною суще зол? Всяким грехом смирил нас диавол, — и мы должны быть благодарны тем, кои смиряют нас уничижением: ибо те, которые бывают благодарны за свое уничижение, стирают главу диавола. Святыя же Отцы сказали, что если смирение низведено будет до ада, оно вознесется до небес; и напротив, если гордость возвысится до небес, она низведена будет до ада. Кто заставит уничиженнаго сплетать помыслы против кого-либо, или хоть похулить кого, или возложит вину на другаго? Ибо чтобы ни потерпел смиренный, или ни услышал, он берет от сего повод к тому, чтоб себя самого похулить и уничижить. При сем блаженный Зосима припомнил, как Авва Моисей, когда клирики выслали его из алтаря, говоря: поди вон Ефиоп, начал себя самага уничижать, говоря: добре они с тобою поступили, чернокожий! Не будучи человеком, не ходи в среду людей. Хорошо они сделали.

7) Говорил также: что удобнее к исполнению того, что слышим от Святаго и деятельнаго наставника нашего Аввы Аммона, который говорит: внимай тщательно себе, чего ради вышел ты из мира и зачем ты здесь, — и всячески старайся, когда кто скорбь какую причинит тебе, молчать и отнюдь ни

одного слова не произносить, пока непрестанною молитвою не укротится сердце твое; и потом уже умолай брата о прощении. Ибо кто любит истинный и прямой путь, тот, когда смутится чем, всегда сильно укоряет и обличает самого себя, говоря: что беснуешься, душа моя, и что мятешься, как помешанная? Этим самым показываешь, что ты больна. Ибо если бы не была больна, то не страдала бы. Для чего же, оставя укорять саму себя, упрекаешь ты брата, который показал тебе болезнь твою? Делом и истиною научайся заповедям Христа Господа, Который укоряем противу не укоряше, стражда не прещаше (1 Петр. 2, 23). Слышишь, что говорит Он, и что делом показывает: плечи моя вдах на раны, и ланити на заушение, лица же моего не отвратих от студа заплеваний (Ис. 50, 6). Ты же, бедная душа, за малое похуление тебя и непочтение, за некое презрение и отвращение, осуждение и оклеветание, сидишь сплетая безчисленные неприязненные помыслы, чем наветуешь сама на себя, как демоны. Что сам демон может сделать такой душе больше того, что она сама себе делает? Крест Христов видим, о страданиях Его, какия претерпел Он ради нас, читаем каждый день; а сами ни одного оскорбления не переносим. По истине мы уклонились от праваго пути.

8) Еще сказал: если кто Мафусаловы проживет лета, а не будет шествовать тем прямым путем, каким шествовали все Святые, — говорю о пути обезчещивания и несправедливых уронов и мужественнаго их претерпевания, — тот не преуспеет ни много ни мало и не обретет сокровища в заповедях сокровища, а только напрасно потратит все лета жизни своей. При сем прибавил он: когда был я у блаженной Дионисии, один брат просил у ней что нибудь в благословение, и она дала ему что и сколько могла. Но как ему дано было не столько, сколько он ожидал, то он начал ее поносить и говорить на нее и на меня нелепые речи. Услышав это она разсердилась и хотела отплатить ему чем нибудь. Поняв это я сказал ей: «что ты это делаешь? Этим ты наветуешь сама на себя и отъемлешь всю добродетель у души своей. И что по достоинству терпишь ты такого, что Христос потерпел ради тебя? Знаю госпожа, что ты разсорила все имущество свое, как сор, но если не взыщешь кротости, то будешь тоже, что кузнец, который бьет кусок железа, а нужной вещи не выделяет. Послушай, что говорит Игнатий Богоносец: «взыщи кротости, коею разрушается вся сила князя века сего. Приznak того, что мир совершенно оставлен, есть не встревоживаться ни из-за чего. Бывает, что иной презрев многия сокровища, пристращается к игле и сие пристрастие причиняет ему смущение и тревоги. Тогда игла заступает у него место сокровищ. Вот как бывает иной рабом иглы, или кукуля, или мантии, или книги, переставая уже быть рабом Божиим. Хорошо сказал некто из мудрых, что «сколько страстей в душе, столько и господ. И Господь говорит: идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф. 6, 21). И Апостол также: имже кто побежден бывает сему и работен есть (2 Петра 2, 19). Выслушав сие она посмотрела на меня с удивлением и сказала: да обретешь ты Бога, Коего вожделеваешь.

9) Говорил также блаженный: душа желает спастись, но вожделевая благ суетных и об них заботясь, бегае трудов по делу спасения. Хотя по истине не заповеди тяжки, а злыя пожелания наши. Бывает же, что мы иной раз, боясь утонуть в море, или попасться в руки разбойников, все презираем и охотно бросаем вещи свои, когда видим, что спустя немного предлежит нам смерть, Но если для того, чтобы еще немного пожить на земле, мы все презираем, и за счастье считаем, если все потеряв спасем самих себя от разбойников ли, или от моря, — причем не задолго пред сим бесновавшийся из-за о вала спешно бросает все, чтобы только сохранить привременную жизнь, то почему не держим мы такого расчета и относительно жизни вечной? Почему не силен у нас столько страх

Божий, сколько силен страх моря, как сказал некто из Святых.

10) В подтверждение сего Авва рассказал следующий случай, слышанный им от неких. Некогда один торговец камнями сел на корабль с детьми своими, имея с собою множество драгоценных камней и маргаритов, которые надеялся выгодно продать в той стране, куда направлялся. Случилось ему по смотрению Божию особенно полюбить одного отрока, прислуживавшего ему на корабле; и он утешал его, как и сам утешался им и давал ему есть тоже, что сам ел. В один день слышит отрок сей, как корабельщики шепчутся между собою и прислушавшись узнает, что они порешили торговца того бросить в море из-за камней его драгоценных. Это очень его опечалило. Когда потом с лицом печальным пришел он к тому торговцу камнями, чтобы по обычаю послужить ему, тот спросил его: чего ты ныне так печален? Ничего, ответил отрок, не смея сказать истину. Тот опять спросил: есть что-то у тебя, скажи мне по правде, что такое? Отрок зарыдал и сказал ему: так и так умыслили против тебя корабельщики. Точно так? спросил купец. Да, ответил отрок, — так они положили между собою. Тогда купец призвал детей своих и сказал: что ни скажу вам сделайте то, не упираясь. Потом разостлав полотно сказал им: принесите сюда ящики. Они принесли. И он начал выкладывать камни. Выложив же все проговорил он: такова жизнь! Из-за этих вещей я подвергаюсь опасности быть брошенным в море и спустя немного умереть, ничего не взявши с собою. Затем приказал детям: выбросьте все это в море; и они вместе с словом его тотчас выбросили все в море. Изумились корабельщики и разорился умысел их злой.

Кончив этот рассказ, блаженный Авва Зосима прибавил: видите куда вдруг устремился помысл его; как тотчас сделался он любомудрым, — и в словах и в делах? И это для сохранения сей кратковременной жизни. И справедливо поступил, рассуждая, что если умрет, какая ему польза от камней сих. А мы и малой потери, или лишения не хотим равнодушно перенести заповеди ради Христовой. Но если уже не можем не печалиться, то следует печалиться о погибели причинившего нам вред, а не о потере имущества, ибо тот, онеправдовавший, себя изверг из царствия: так как неправедницы царствия Божия не наследуют (1 Кор. 6, У); а тебе, онеправданному, доставил живот вечный, как говорит Господь таковым: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на не-беспх (Матф. 5, 12). Мы же оставя печаль о погибели члена Христова, сидим и сплетаем помыслы о вещах тленных и ничтожных. погибедьных и ничего не стоящих. Поистине достойны мы всякаго наказания. Бог возвел нас в чин членов тела, имеющаго главою Христа Бога нашего, как сказал Апостол: все члены тела, мнози суще едино суть тело (1 Кор. 12, 12). Глава же всех есть Христос (Еф. 1, 22). Потому когда брат причиняет тебе скорбь, то это подобно тому, как страждущая рука или болящий глаз заставляет страдать другой член. Ведь руки мы не отсекаем и не отбрасываем, и глаза не выкалываем, когда они причиняют нам боль, почитая большим для себя вредом отъятие того или другаго из сих членов; а напротив и крестное знамение, сию честнейшую печать Христову на них полагаем и Святых помолиться призываем, и свои прилежния о них приносим Богу молитвы, и вместе с сим приготавливаем коллурии (глазные мази) и пластыри, чтобы помощью их излечить болящий член. Итак, как молишься ты о глазе или руке, чтоб оне уврачевались и не причиняли тебе более боли, так молись и о брате своем. Мы же видя, как члены Христовы такой терпят душевный вред, не только не скорбим о них, но даже молимся претив них. Это поистине свойственно тем, кои не имеют милосердаго сердца.

11) Говорил еще блаженный: стяжавший утробы щедрот, — любовь и сострадание прежде себя

самого радует, и пользует, а потом и ближнего, как напротив злость ранит и уязвляет прежде того, кто имеет ее. Хотя и кажется, что он вред причиняет ближнему, в имени, или в чести, или в самом даже теле, но в самом деле он себя самого лишает живота вечного. К сему приложил Авва изречение: что не вредно для души, то не вредно и для человека.

12) Еще говорил он: некто сказал мне: Авва слишком много того, что заповедано нам и помрачается ум, когда станешь разсматривать, что соблюдаешь и чего не соблюдаешь. Я ответил ему: это пусть не смущает тебя; но вот что содержи в мысли, что если будешь не пристрастен к вещам, то удобно исполнишь всякую добродетель. Не ссорясь из-за них ты не будешь злопамятовать, и тогда какой труд будет для тебя молиться за врагов? Тоже ли что копать землю? — Но иди путем терпения, переноси благодушно неправые потери в имуществе, благодари за обезщещение, — и вот ты ученик Св. Апостолов, которые возвращаясь из судилища после побоев, радовались, что сподобились за имя Христово безчестие приять (Деян. 5, 41). И они, как чистые и Святые, за имя Христово прияли безчестие; мы же должны подвергаться безчестию за грехи свои. Мы безчестны, хотя бы никто не безчестил нас, — и прокляты: ибо прокляты, говорит Пророк, уклоняющееся от заповедей Твоих (Пс. 118, 21). Не всем принадлежит терпеть безчестие за имя Христово, не всем, но только Святым и чистым, как я сказал; дело же подобных нам людей есть с благодарностию принимать безчестие, исповедуя, что справедливо терпим за худые дела наши. Окаянна та душа, которая зная свои нечистые дела и видя, что достойно терпит то, что терпит, сидит и обманывая совесть свою, сплетает помыслы, говоря: он мне то и то сказал, безчестил меня и поносил, — наветуя сама на себя и сама заменяя для себя место демонов. Ибо что бывает у художников, тоже случается и с душою. Как там главный мастер преподав искусство ученику оставляет его потом работать самого по себе и не имеет более нужды сидеть подле него, а только по временам надсматривает за ним не разленился ли, или не испортил ли дела: так и демоны, если увидят душу покорною и легко принимающею злые помыслы, предают ее сему сатанинскому искусству, и не считают уже нужным сидеть подле нея, в уверенности, что ея самой одной достаточшкк навету против себя, только по временам приходят посмотреть, не разженилась ли она.

13) Говорил также Авва, что удобнее как любить всех, и что приятнее, как быть любиму всеми? И какого утешения не имеют заповеди Христовы? — По произволению не устремляется к исполнению их; ибо если бы устремлялось, то при помощи благодати Божией, все было бы для него легко, Малое влечение воли нашей на добро привлекает Бога на помощь, как я часто говорил, и как говорит божественный Антоний: для добродетели нужно только наше желание и опыт: не нужно нам отправляться вдаль для стяжания царствия небесного, ни преходит моря для добродетели. — Какое упоение вкушает кроткий и смиренный?! По истине кроткие наследят землю и наслаются во множестве мира (Пс. 36, 11).

14) Сказывал еще блаженный: шли мы однажды, — я, один брат и из мирян несколько, — по Неапольской дороге (в Самарии) и пришли на то место, где была таможня. Миряне знавшие, что по обычаю тут требовалось, отдали пошлину ничего не говоря; но брат, бывший со мною, начал противоречить, говоря им: смеете вы требовать с монахов?! — Услышав это, я сказал ему, что ты делаешь брат? Ты не другое что говоришь ему, как, хотя и нехотя, чти меня как святого. Другое дело, еслиб он сам видя твою добрую волю и смирение, устыдился и сказал: прости, не возьму. И так ты поступил не как ученик кроткого и смиренного. Отдай, что должно, и проходи далее с миром.

15) В другой раз, когда был я во святом граде, пришел ко мне некто из христороубцев и говорил: возимели мы, — я и брат мой небольшое друг на друга неудовольствие; и брат не хочет помириться со мною. Умилостивись, поговори ему. Я с радостью согласился на то, и призвав брата того, говорил ему, что может склонить к любви и к миру. Он казалось убедился, но потом говорит мне: нет не могу помириться с ним, потому что крестом поклялся не мириться. Тогда улыбнувшись я сказал ему: клятва твоя имеет такой смысл: клянусь честным крестом Твоим, что не буду соблюдать заповеди Твои, но буду творить волю врага Твоего дьявола. Ведай же, что не только не обязаны мы стоять в своем слове сделать какое либо злое дело, но паче должны каяться и сокрушаться о том, что положили сами с собою поступать так, — как говорил Богоносный Василий; еслибы Ирод опомнился и не исполнил клятвы своей, то не впал бы в великий грех обезглавления Предтечи Христова. Наконец я ему привел сказание св. Евангелия о том, как когда Господь хотел умыть ноги Св. Петра, сей последний с ретивостию свойственною клянущимся говорил: неумыеши, — а потом не только согласился на это, но и возжелал большего (Иоан. гл. 13).

16) Говорил опять блаженный: спросили меня, как следует обуздывать гнев, — и я сказал в ответ: начало обуздания гнева есть — не говорить, пока продолжается гневное раздражение. Пример сему видим на Авве Моисее, который, когда отцы, желая испытать его, говорили в собрании между собою: зачем этот эфиоп входит в наше собрание? — слыша то молчал; и когда после собрания некоторые спросили его, смутился ли он, отвечал: смутихся и не глаголах (Пс. 76, 5). Но так было в начале. — Когда же потом усовершенился он, — и был посвящен в диаконы, то не только молчал, но и не смущался. Вот что было: Архиепископ желая испытать его сказал клирикам: когда войдет Авва Моисей в алтарь, вышлите его вон, и, идя за ним, подслушайте, что он будет говорить. Когда пришел он в алтарь, клирики сказали ему: поди вон чернокожий эфиоп. И он вышел говоря себе: хорошо поступили с тобою; не будучи человеком зачем входишь в собрание людей (Дост. сказ. об Авве Моисее, п. 3, 4). Теперь уже он не только промолчал на осмеяние, но и не смутился и не только не смутился, но еще и укорил сам себя. Смущаться и не говорить свойственно несовершенным и новоначальным; а даже и не смущаться есть дело совершенных, как говорит Пророк: уготовихся и не смутихся (Пс. 118, 60). И это ест великая добродетель. — Мы же большею частию оказываемся стоящими ниже самых новоначальных, когда не стараемся одолеть себя и заставить себя смолчать, когда зародится гнев, думая по великому нерадению своему, что добродетель сия высока и недоступна для нас. Даже желания не показываем, чтобы положить начало сему над собою труду, и тем привлечь благодать Божию в помощь себе, или если повидимому и показываем желание, но вялое, не твердое и недостойное того, чтобы получить от Бога какое либо благо.

17) К сему присовокупил блаженный: дело жизни нашей идет так: привносит кто в дело от себя труд произволения, и получает, что потребно для него от благодати. Как земледелец пусть и не много посеет, но если Бог благословит труд его, приобретает много, как написано об Исааке: сея Исаак в земли той, и приобретете в то лето стократный плод ячменя: благослови же его Господь (Быт. 26, 12): так если благословит Господь и труд произволения нашего, мы станем все творить без труда, не принужденно и с сладостию, — и от всего получать пользу. Молитва с самопринуждением и терпением раждает молитву легкую, чистую и сладостную. И та, с самопринуждением бывающая, есть дело произволения, а эта, совершаемая с услаждением есть дело благодати. Не тоже ли видим и в деле навыкновения искусствам? Приступающий к искусству пусть и с твердым желанием

выучиться приступает, сначала работает с трудом, не добре слаживает одну часть с другою, и часто портит. Но не падает духом, а опять берется за дело и хоть опять испортит, не покидает дела, показывая учителю твердость своего произволения. Если он упадет духом и покинет труд, то ничему не научивается, а если не смотря на то, что часто портит не покинет труда, но будет с терпением продолжать трудиться и работать, то наконец при содействии Божиим навькает искусству и начинает все изделия понемногу производить, не тяготясь, с удовольствием, и с таким успехом, что добываемаго чрез то бывает, достаточно к полному его содержанию. Так и в деле духовной жизни решающийся творит добродетели, не должен думать, что тотчас преуспеет в них, потому что это невозможно, но пусть употребляет усилие и, хотя вначале дело его будет идти не совсем исправно, пусть не отступает от начатаго, иначе не достигнет успеха, но пусть новья и новья употребляет усилия, подобно тому, как делает желающий научиться какому либо искусству. Когда он таким образом будет с терпением трудиться не теряя духа, Бог призрит на труд его произволения, и подаст ему силу все творить без принуждения. И вот это именно и значит сказанное Аввою Моисеем: сила для желающих стяжать добродетели заключается в том, чтоб не малодушествовать, когда случится пасть, но снова воспринимать ревность и труд о том же.

18) Говорил еще: для всякой добродетели потребны и труд и время, и то чтобы желать ее искренно, особенно же потребно для нея содействие Божие. Ибо если Бог не посодествует произволению нашему, все будет труд наш, так же как и труд земледельца, обработавшаго и засеявшаго свои земли, если не одождит Бог на семя его. Содействие же Божие требует наших молитв и молений; ибо ими только привлекаем мы помощь Божию в заступление нас. Если вознерадим о молитве, то как Бог призрит на труд наш? Тоже если и будем молиться но лениво, и рассеянно, или скоро скучать за молитвою, ничего получит не сподобимся, как я всегда говорил вам: ибо Бог смотрит на наше произволение и судя по нему подает дары. Не был ли прежде Авва Моисей начальником разбойников? Не наделал ли он тьмы преступлений, так что должен был укрываться от господина своего, по причине злонравия своего. Но так как он мужественно и с таким теплым произволением приступил к делу; то знают все, в какую достиг меру, так что сопричислен был к избранным Божиим, как говорит писатель жития его. Мы же, хотя в начале отречения показываем теплоту усердия, но со-временем по нерадению своему теряем ее, пристращаясь к вещам охлаждающим, пустым и ничего не стоящим. в замен любви к Богу и ближним; и притом, если успеем что сделать доброе, приписываем то себе, как будто своими то сделали силами, а не от Бога прияли их; тогда как истина говорит: что имаши егоже неси приял. Аще же, приял еси, что хвалишися, яко не прием (1 Кор. 4, 7).

19) Говорил также: не обеднел Господь Иисус и необезсилел, чтоб даровать и нам такая же блага, какими обогатил Он святых патриархов, если бы видел, что мы во благо себе и славу Его пользуемся тем, что уже даровал Он нам. Но как видит, что мы по своей неустроенности во вред себе обращаем данные уже Им нам невеликие и немногие дары; то, как человеколюбивый, и не вверяет нам больших, чтобы мы не погубили в конец. Если бы Он видел, что мы во благо себе обращаем не многое данное уже; то конечно не был бы безсилен даровать нам и большее, как я сказал впереди. Бог, как я всегда говорю, будучи благ, дал нам свободу и возможность от всего получать пользу, но мы чрез пристрастие и злоупотребление губим дары Божии и лишаем себя их, когда дарованныя уже нам блага по своему злоумию и злонравию обращаем во вред себе.

20) Часто говорил также блаженный: никто не может причинить вред верной душе; но все, что ни

постраждет она, вменится ей во благо. Работник, хотя и отягчен бывает трудом, но благодушно продолжает трудиться в уверенности, что после труда получит мзду; а неверный, встречая что тягостное, мучится как в аду, по причине неверия своего. Верный при всех тягостностях своих, пребывающий верным и с уверенностью чающий воздаяний за терпение свое, — великое из того почерпает утешение; а неверный, не имеющий веры получит что от Господа, какое может иметь утешение? Сидит и тлеет в помыслах, хотя малое встретит что скорбное, разглагольствуя в себе: он мне сказал, но и я имею нечто сказать ему, — злопамятствует и замышляет вещи невозможныя, которых он совсем безсилен произвести в дело. Ибо не все, что замышляют люди, могут уже и сделать. Нет; но только то, что попускается им от Бога, — и это имиже один Он вестъ судьбами. Часто замышляет иной сделать зло другому; но, если не попускает сего Бог, тщетны бывают усилия Его и только испытываются чрез то произволения человеческия. Сколько замышляли сделать зло святым патриархам, но как не попустил сего Бог, то никто никакого не мог сделать им вреда, как написано: не остави человека обидити их и обличи о них цари; не прикасайтесь помазанным моим и во пророцех моих не лукавуйте (Пс. 104, 14. 15). Когда же Бог восхощет показать преизбыточество силы Своея, тогда сердца даже самых немилостивых подвигает на милость, как написано в книге Даниила: и вваде Бог Даниила в милость и щедроты пред старейшиною евнухов (Дан. 1, 9). Блаженна душа, чрез жаждание Бога истинно уготовившая себя к принятию даров Его; потому что Он ни в чем не оставляет такой души, но во всем покровительствует ей, даже и в том, о чем она по неведению не просит его. Хорошо сказал Премудрый: муж мудрый пребывает под кровом Бога (Пс. 30, 21). Сколько раз Саул покушался умертвить блаженнаго Давида? Что не делал? Как не ухитрялся? Но, как Давида покрывал Господь, то всякий умысел Саула оставался тщетным; и не только это, но и сам он часто был предаваем в руки Святаго, который однакож щадил его, не имея против него ожесточенной и мстительной злобы.

21) Однажды спросили Авву: Как достигнуть того, чтоб не гневаться, когда унижают и злословят другие? Он ответил: кто в сердце своем имеет себя ничтожнейшим, тот никаким унижением не возмущается, как сказал Авва Пимен: если уничижишь себя, будешь иметь покой (Дост. сказания о Пижене, п. 81).

22) Сказывал еще Авва: один брат из числа живших со мною и схиму от меня получивших, котораго я старался обучить всякой добродетели, и которому снисходил иногда, по причине немощи его, так как он был нежнаго сложения, сказал мне в один день: Авва мой! я сильно люблю тебя. Я ответил ему: я еще не встречал человека, который бы любил меня так, как я его люблю. Вот ныне ты говоришь, что любишь меня, — и я верю тому, но если случится тебе что либо неприятное от меня, ты не останешься таким же. Я же, что бы ни потерпел от тебя, всегда останусь одинаково расположен к тебе, и ничто не может отторгнуть меня от любви к тебе. Прошло не много после того времени, — и он, не знаю что с ним сделалось, начал говорить на меня многое, даже до срамных речей; и я все то слышал. Тогда сказал я в себе: он прижигатель Иисусов, и послан вылечить [52]) тщеславную душу мою. От таковых внимающий себе может снова приобрести то, что теряет чрез ублажающих его. Он истинный мой благодетель. И я всегда поминал его как врача и благодетеля своего. Тем же, которые извещали меня о его речах, говорил: он узнал только явныя мои худости, и то не все, а часть некую; сокровенные же мои недостатки безчисленны. По времени, встречается он со мною в Кесарии (Палестинской). подходит и, по обычаю, обнимает и целует меня и я его, так как

бы между нами ничего не было. После таких наговоров, он так обнимал меня, встретясь со мною, без сомнения потому, что я не показывал ему никакого подозрения и ни малаго вида оскорбления, хотя все слышал. По он сам пал в ноги мне и обняв их сказал: прости мне, отче мой, ради Господа, что я так много говорил на тебя нехорошаго. Я же, облобызав его ласково сказал ему: помнит ли твое боголюбие, как, когда ты сказал мне: сильно люблю тебя, я ответил тебе, что еще не встречал человека, который бы любил меня так, как я люблю его, и что если случится тебе что неприятное, ты не останешься таким же, я же что бы ни пострадал от тебя, всегда буду к тебе одинаков и ничто не может отторгнуть меня от любви к тебе? — Да удостоверится же сердце твое, что ничто не утаилось от меня из того, что говорил ты; но и где, и кому, все слышал, и никогда не сказал, что это не так, и никто не мог склонить меня сказать чтонибудь худое; но я говорил еще: что говорит он, говорит истинно, и говорит из любви; и, считая тебя своим, никогда не пропускал я поминать тебя в молитвах моих, и чтобы дать тебе еще большее свидетельство любви моей к тебе, открою тебе, что, как некогда сильно заболел глаз мой я, вспомнив о тебе, положил на нем знамение честнаго Креста и сказал: Господи, Иисусе Христе! ради молитв его исцели меня! — И я исцелился тотчас.

23) Часто говорил еще блаженный: не знаем мы люди, как сделать, чтобы нас любили и почитали, но потеряли всякий смысл. Если мало потерпит кто на брате своем, когда он гневается, или скорбит на него; то он скоро придет в себя, и, узнав, как тот потерпел на нем, самую душу свою положит за него. При сем однажды припомнил блаженный о некоем брате, рассказавшем ему, что он имел Авву весьма кроткаго, котораго за великую его добродетель и чудеса им творимыя вся страна почитала, как ангела Божия. В один день брат сей, движимый врагом, подошел к нему и начал, до последней меры, злословить его при всех. Старец спокойно стоял при сем, смотря на уста его, и потом сказал: благодать Божия во устах твоих, брате мой! Он же еще более вознеистовствовав, закричал: знаю я, ты это говоришь, бессмысленный и чревонеистовый старик, для того, чтобы показать себя кротким. Старец сказал на это: истинно так брате мой; то, что ты говоришь, справедливо. — После сего некто спросил старца: неужели ты не смутился старец Божий? Нет, ответил он; но чувствовал в душе моей, что она была как бы покрываша Христом. — К сему блаженный присовокупил: по истине должно благодарить таковых и почитать их, если кто страстен врачами, врачующими раны души его, а кто безстрастен, благодетелями, доставляющими ему царство небесное.

24) Сказывал еще блаженный: когда был я еще в Тирском монастыре, прежде перехода моего оттуда, пришел к нам один, славный добродетелями старец. Когда стали мы читать книгу достопамятных сказаний и премудрых изречений святых старцев (ибо блаженный любил их прочитывать и как бы дышал ими и почерпал из них научение всякой добродетели) и дошли до сказания о том старце, который когда пришли к нему разбойники и сказали, что они положили взять все, что есть в келлии его, спокойно ответил им: возьмите, дети, все, что вам покажется; и когда они все забрали и ушли, оставя одну сумку, он, взяв ее, погнался за ними, крича: дети! возьмите от меня, что забыли вы в келлии нашей; они же пораженные незлобием старца, возвратили ему все в келлию его, в раскаянии говоря друг-другу: истинно, это человек Божий; — как только прочитали мы это, говорит мне старец: «знаешь Авва мой, это сказание большую мне принесло пользу. Говорю ему: как так, отче? Он ответил: некогда во время пребывания моего в местах прилежащих Иордану, прочитав это, подивился я старцу и сказал: Господи, сподоби меня и по стопам тех шествовать, которых образ (схиму) принять сподобил Ты меня. Так это желание и удержалось у меня. И вот спустя два дня,

подошли разбойники и постучались в дверь. Я тотчас узнал, что это разбойники и сказал в себе: благодарение Богу! се время показать плод желания моего. Потом отворив дверь, принял их радушно, и зажегши светильник, начал показывать им вещи, говоря им: не мятитесь; как верую Господу, ничего не скрою от вас. Они говорят мне: есть ли у тебя золото? Есть ответил я, вот 3 монеты, и открыл пред ними сосуд. Они взяли, и пошли с миром. — Я же, сказал с улыбкою блаженный, спросил его: а возвратились—ли они к тебе, как те к тому старцу. Не дай Бог, тотчас ответил он; у меня и помышлений не было, чтоб возвратились. — К сему приложил блаженный: вот какова была ревность старца и вот что доставила ему готовность подражать святым, — то, что не только не скорбел, но еще радовался, как сподобившийся особенного некоего блага.

25) Как беседа с вами пред сим, сказал блаженный, я помянул, что если мало потерпим брату нашему, гневающемуся, приобретем душу его: то теперь хочу рассказать вам на сие, что слышал от блаженного Сергия игумена Педиадского. Он сказывал мне: некогда были мы в дороге с одним святым старцем и заблудились. Не зная куда идти, попали мы на засеянное поле, и потоптали не много зелени. Увидев это земледелец, случившийся тогда там на работе, начал крепко бранить нас, крича с гневом: вы монахи! боитесь вы Бога? Если бы вы имели страх Божий пред очами своими, не сделали бы этого. — Старец тот Святой тотчас, сказал нам: Господа ради никто не говори; к земледельцу же кротко обратился с такою речью: правду ты говоришь, чадо, что если бы мы имели страх Божий, то не сделали бы этого. Тот опять забранился с гневом. Старец снова сказал ему: правду говоришь, что если бы мы были монахи, то не сделали бы этого. Но, Господа ради, прости нам; винимся, что погрешили против тебя. Это так поразило земледельца, что он, подошедши, бросился в ноги старцу и сказал: прости меня, ради Господа, Отче, и возьми меня с собою. И действительно он пошел за нами, сказал блаженный Сергий, и пришедши в обитель, принял схиму. Вот что, прибавил Авва Зосима, кротость и доброта святого старца могли сделать с Божиею помощию, — созданную по образу Божию душу, которая вожделенна Богу паче, нежели тьмы миров с богатствами их.

26) Говорил еще Авва Зосима: однажды, когда был я у блаженного Сергия, он сказал мне: почитай нам что нибудь из Писания. Я начал читать Притчи и, когда дошел до места, где говорится: во мнзех древех растет огонь: а идеже несть разгневною, умолкает свар (Прит. 26, 20), — спросил его: что значит это изречение? Он сказал мне в ответ: как древа суть (матерьяльная) причина пламени огненного, и если их недостаточно будет, огонь скоро угасает: так есть свои причины и страстей; и если кто отсечет сии причины, страсти остаются бездейственными. Именно: причины блуда, как сказал Авва Моисей, суть: есть и пить невождержно, спать вдоволь, сидеть без дела, забавляться, празднословить, и любить наряжаться. Если кто отсечет все это, страсть блуда будет безсильна. Опять причины гнева, как он же сказал, суть: давать и брать (хлопотливья сделки иметь), творить волю свою, любить учительство, почитать себя разумным. Кто отсечет это, у того страсть гнева не будет иметь силы. Так и относительно всех страстей. И это то значат слова Аввы Сисоя, какия сказал он, когда брат спросил его: почему страсти не отступают от меня? Он сказал ему в ответ так: потому что сосуды их т. е. причины суть внутри тебя, отдай им залог их, — и оне отойдут (Дост. сказ. о Сисое, п. 5).

27) В другой раз говорил: двоегневен, в ком неумолкает брань, есть тот, кто недовождержается первым раздражением, но сам еще разжигает себя ко второму гневу. Кто воспламенившись гневом,

тотчас придет в себя, и, сознав вину свою, испросит прощение у брата, на которого разсердился, этот не называется двоегневным; в нем утихает брань; потому что, как только он, сознав вину свою, помирится с братом, брань не имеет уже в нем места. Но кто разгневавшись не сознается в вине своей, но еще более раздражает себя на гнев, и жалеет не о том, что разгневался, а что не наговорил еще больше того, что сказал в раздражении своем, — этот называется двоегневным; и в нем брань не утихает, потому что после гнева берут его в свою власть злопамятство, неприязнь и злоба. — Господь Иисус Христос да избавит нас от части таковых, и да сподобит части кротких и смиренных.

28) Часто говорил он также, что великое внимание и не малая мудрость потребны против злокозненности диавола; ибо бывает, что он иногда из-за ничего возбуждает тревоги и неудовольствия, внушая и благословные к тому предлоги, чтоб казалось, что гневаться в предлежащем случае справедливо, и есть основательная причина. Но что бы ни внушал он, да ведает желающий во истине шествовать путем святых монахов, что никакое раздражение, как бы оно ни казалось правым не должно им быть допускаемо, как говорит Макарий: монахам не следует гневаться; и еще: не следует причинять скорбь ближнему. При этом он рассказал нам следующее: некогда заказал я писать для меня некоторыя книги одному искусному писцу. Кончив писать, он прислал сказать мне: се кончил я; пришли что разсудится тебе и возьми. Один брат услышав о сем, пришел к тому писцу от моего имени, и, дав известную плату, взял книги. Между тем и я не зная о случившемся, послал нашего брата с письмом и платою взять их. Писец, узнав из этого, что осмеян взявшим книги братом, сильно раздражился и сказал: пойду непременно и досажу ему, — и за то, что насмеялся надо мною, и за то, что взял не свое. Я же, услышав о сем, послал сказать ему: ведомо конечно тебе, брате мой, что мы за тем приобретаем книги, чтоб научиться из них любви, смирению, кротости; если же самое начало приобретения книг ведет к ссорам, то и не хочу иметь их, чтоб не ссориться: ибо рабу Божию не подобает свариться (2 Тим. 2, 24). Таким образом, отказавшись от книг, я сделал, что брату тому не причинено было преднамеренное досаждение.

29) Однажды сидя с нами и беседуя о душеспасительных вещах, блаженный начал приводить изречения св. старцев и, дошедши до изречения, сказанного Аввою Пименом, что осуждающий себя находит покой всюду (Дост. ск. о св. Пимене, п. 85), и до того, которое сказал Авва Нитрийской горы, на вопрос: что более всего обрел ты, отче на пути сем? — Обвинять и укорять себя самого всегда, ответил он, при чем вопрошавший прибавил: и нет другаго пути кроме сего, — сии изречения припомнив, сказал блаженный: какую силу имеют слова святых! и поистине, что ни говорили они, говорили от опыта и истины, как свидетельствует божественный Антоний. От того слова их и сильны, что изречены деятелями, как и всем делать заповедует некто из мудрых: слова твои да подтверждает жизнь твоя. При сем Авва рассказал нам следующий случай: когда я еще не много времени пребывал в Лавре Аввы Герасима, сидели мы однажды с возлюбленным мне братом и беседовали о душеспасительных вещах. Я припомнил вышесказанныя слова Аввы Пимена и того другаго старца Нитрийскаго, и брат сказал мне при сем: я опытом узнал истину сих слов, и вкусил покоя, доставляемого исполнением их. Жил я в искренней дружбе с одним диаконом Лавры сей. Не знаю от чего, возимел на меня подозрение в одном деле, оскорбился тем и стал смотреть на меня мрачно. Заметив эту мрачность, я просил объяснить мне причину того, и он мне сказал: ты сделал такое и такое дело. Не сознавая за собою такого дела, я начал удостоверять его в своей невинности; но он сказал на это: прости, не удостоверяюсь. Удалясь в келлию свою, я начал испытывать сердце

свое, сделано ли мною когда либо такое дело, — и не находил. Когда после того случилось, что он взяв потир, подавал, я побожился ему на нем, что не помню, чтоб сделал то дело; но он и тут не удостоверился и этим. Тогда снова вошедши в себя, вспомнил я о сих словах старцев, и в полной вере в истину их, обратил помысл свой на себя и сказал: диакон искренно любит меня, и сею любовью движимый, открыл мне, что имеет сердце его на меня, чтоб я трезвенно блюл себя, как бы не сделать того. Впрочем бедная душа моя, как говоришь ты, что не сделала дела того? Тысячи худых дел наделано тобою, и ты забыла о них. Где то, что сделано тобою вчера, или за десять дней назад? Помнишь ли о том? Итак не сделала ли ты и этого, как сделала то, — и забыла, как забыла прежде? Таким образом, я положил в сердце своем, что я истинно сделал это; но как забыл прежде, так забыл и это. И начал я благодарить Господа и диакона, что чрез него сподобил меня Господь познать грех свой и покаяться в нем. Потом встал, и в таких помышлениях пошел к брату сознаться пред диаконом, и поблагодарить его. Но лишь только постучал я в дверь, как он, отворив ее первый, делает мне поклон, говоря: прости мне, я поруган бесами, заподозрив тебя в деле том; ибо истинно удостоверил меня Бог, что ты неповинен в нем; и не допустил меня более уверять его, говоря: в этом нет уже нужды. Пересказав это, блаженный Зосима, прибавил: вот к чему искреннее смирение расположило сердце брата, возлюбившаго его, что он не только не возмутился поступком диакона, и не оскорбился на него, — во первых за то, что тот заподозрил его, во вторых за то, что не поверил его уверениям в своей невинности, — но еще принял на себя не сделанный грех, и не только это, но и возблагодарил диакона. Видите, что творит добродетель сия? На каких степени преуспеваний возводит любящих ее? Ибо, если бы захотел брат, то тысячи поводов возимел бы к тому, чтоб сделаться чрез диакона демоном. Но как он устремился к добродетели, то не только не оскорбился на него, но еще поблагодарил его, так как добродетель объяла сердце его. Так еслиб и мы предварительно посекали в себе семена кротости и смирения и располагали к ним сердце свое; то враг не имел бы места сеять в нем злыя семена свои. Но как он находит нас пустыми без добрых помыслов, или даже более того, самих себя разжигающими на худое, то берет отсюда поводы наполнять нас своим злом. При любви же к добродетели бывает совершенно противное сему: ибо тогда Господь, видя, как душа жаждет спастись, и как усердно возделывает в себе добрыя семена, ради сего благаго произволения ея, исполняет ее своими дарами.

30) Однажды блаженный Авва, вспомнив о старце, которого окрадывал живший по соседству с ним брат, — что он, зная то, никогда не обличал этого брата, но еще более работал, говоря: может быть, нужду имеет брат, — дивился благосердию святых, и рассказал при этом Следующий случай. Во время пребывания моего в Педиаде, вот что рассказывал мне один игумен: близь обители нашей жил один старец и был он преблагой души. Живший по соседству с ним брат, однажды в отсутствие старца, по вражескому искушению, отворив келлию его, вошел внутрь и забрал себе вещи его и книги. Когда старец по возвращении, отворив келлию, не нашел своих вещей, то пошел к брату тому, сказать ему о сем. Но вошедши в его келлию, увидел вещи свои посреди ея, потому что брат не успел еще прибрать их. Не желая однакож пристыдить брата и обличить его, показал вид, что будто схватил его живот, и вышел вон, — где пробыл довольно времени, как бы для нужды, чтоб брат между тем успел убраться вещи. Возвратясь же к нему после сего, начал он говорить о другом; и не обличил брата. Чрез несколько дней узнаны были у него вещи старцевы, и его взяли и посадили под стражу. Старец ничего о том не знал; но услышав, что брат в темнице и не зная, за что он в темнице,

пришел ко мне, — говорит игумен, ибо он учащал к нам, — и просил: сделай милость, дай мне несколько яиц, и не много чистых хлебцев. Я говорю ему: верно у тебя ныне есть кто? — Да, ответил старец; взял же это он для того, чтобы пойти в темницу и утешить брата. Лишь только вошел он в темницу, как брат падает ему в ноги и говорит: за тебя я здесь, Авва, потому что это я украл твои вещи; — но книга твоя у того-то, одежда же у того-то. Старец говорит ему: да удостоверится сердце твое, сын мой, что я не ради того пришел сюда; я даже не знал, что ты здесь за меня; но услышав, что ты здесь, я опечалился, и пришел утешить тебя; вот смотри яйца и чистые хлебцы. Теперь же пойду и сделаю все, пока извлеку тебя отсюда. Пошел и попросил некоторых из начальственных лиц, кои знали его ради добродетели его; и они послали выпустить брата из темницы.

31) Рассказывали еще о том же старце, что однажды пошел он на рынок купить себе одежду. Купил и отдал одну златицу. Оставалось ему приплатить еще несколько мелкими монетами. Он взял одежду и положил под себя, и стал отсчитывать мелочь на дощечку. Тут кто-то подошел и пробовал вытащить из-под него одежду. Ощувив это, старец понял, что это значило, и жалея о трудящемся, стал по немногу приподниматься, как бы потягиваясь с монетою, пока тот вытащил одежду, и ушел; — и старец не обличил его. — После сего блаженный Зосима сказал: чего стоила эта одежда его, или те, украденные у него вещи? Но сколь высокоценно произволение его! Он показал, что, имея их, он был таков, как бы ничего не имел. Когда их похищали, он оставался таким же, не скорбя о том и не раздражаясь за то; ибо как я всегда говорю, не то вредит, чтоб иметь, но иметь с пристрастием. Старец сей хотя бы весь мир имел, был бы таков, как бы ничего не имел: ибо тем, что он сделал, показал, что свободен от всего.

Восподвизаемся же, братие, и мы подражать примерам святых отцев, и ревностно исполнять словеса их, чтоб исполнясь здесь плодов благих, сподобиться и вечных благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СВЯТОЙ МАКСИМ ИСПОВЕДНИК

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ О

СВЯТОМ МАКСИМЕ ИСПОВЕДНИКЕ.

Св. Максим, Цареградец, рода знатнаго. Получив полное образование, и богословское, и философское, и всякое другое, какое требовалось в то время, он был взят Императором Ираклием в придворные и исправлял дела перваго секретаря с успехом и достойною похвалою.

Когда поднялась монофелитская ересь, в порождении которой виновен был и царь с патриархом, и начались смуты, и во дворце, и в городе, и в других областях царства, Св. Максим почел это благословным поводом к удовлетворению всегдашняго своего желания оставить мир и поступить в какую либо обитель. Уволившись от дел, поступил он в Хрисопольскую обитель (641 г.), и со всею ревностию предался аскетическим подвигам, по строгим отеческим уставам, являя в себе для всех и во всех отношениях пример достойный подражания. Почему, когда потребовался новый настоятель в обители, он единодушно всеми избран был на сие служение, которое и исправлял достодожно, не поблажая себе и не человекоугодничая.

Между тем ересь монофелитская все росла и росла, поддерживаемая двором и патриархом; росли вместе с нею и смуты. Не терпя смут, Св. Максим оставил обитель и направился в Рим. Мимоходом, он останавливался на время в Картагене, в Африке, где, на бывшем там соборе, обличил не состоятельность монофелитства в лице случившагося там патриарха Константинопольскаго Пирра,

бывшаго не у дел. За тем переплыл в Рим, где также скоро принял участие в соборе против монофелитов, собранном Св. папою Мартином, по случаю повеления царева — принять и подписать типик, или составленное им изложение исповедания веры, куда внесено было и монофелитское зломудрие. На сем соборе осудили и прокляли монофелитство, и типик царский, и всех приемлющих это еретическое учение. За тем такое соборное определение разослали всюду, по Западу и Востоку. Разгневанный тем царь распорядился схватить и папу Св. Мартина, и Св. Максима, и привезти в Царьград. По доставлении их сюда, Св. Мартина, после невероятных истязаний сослали в заточение в Херсонес, где он и скончался (655 г.). А Св. Максима принялись склонять на свою сторону, что и делали очень усердно: сначала в царских палатах; потом в узилище в Цареграде; далее в Фракийском городке, Визие, месте первого заточения Св. страдальца; затем, повывозе оттуда, опять в Цареграде, в обители Св. феодора, где он был помещен, — в более торжественной и грозной обстановке. Дело производили сенаторы, присутствовали присем иной раз и архиереи. Целью имелось убедить Св. Максима согласиться на их учение, или хоть подписать типик, или хоть молчать. Ничто не удалось. Истина православия в устах Св. Максима являлась всякой раз победоносною, и заставляла не молчать только, но и преклоняться противников. Мужество поборника истины покушались поколебать, и обещаниями, и угрозами, и указаниями, как обойти истину не заметно для других, наконец на последнем собрании и побоями. Ничто не помогло; и Св. Максима сослали во второе место заточения чрез Селимврию в Перверу, в прибрежиях Мраморного моря к западной стороне. Но врагам истины не спалось; и Св. Максим снова вызван был в Царьград для увещаний, окончательных, кои и велись с большею настойчивостию, но также безуспешно, в трех приемах: в царских палатах, в узилище, и опять в палатах, где постановлено было и последнее решение: оставить страдотерпца в живых, но наложит ему муки, тягчайшая смерти. И предали его с сею целью в руки градскаго епарха.

Этот — же безчеловечный мучитель, взяв преподобнаго, ввел его в претор, повелел обнажить и, простерши на земле, бить острейшими жилами. И били старца Божия столь безчеловечно, что неосталось ни одного целаго места на теле его, и кровию обагрилась вся земля под ним. — За тем едва дышащаго ввергли его в темницу.

На утро взяли Святаго опять в претор, — и еще жесточайшей подвергли казни: отрезали ему язык, богоглаголивый и ересеобличительный, и отсекли руку правую ножом и млатом за писание учительных и обличительных книг. Потом, извлекиши из претора, раздетаго и разутаго, влачили по тор-жищу на поругание, показывая народу отрезанные — язык и руку.

Наконец после таких безчеловечных мучений и поруганий отослали Святаго в далекое изгнание, в Мингрелию; и там заключили в Схемарскую темницу, где, протрадав три года, всякую терпя нужду. Св. Максим отошел ко Господу, утешен быв пред смертию неким известительным видением. Это было в 662 году. Память Святаго Максима совершается 21 января.

Св. Максим оставил много писаний, и догматических и обличительных, более же нравоучительных и аскетических. В Греческом Добротолубии помещены из них: главы о любви, числом четыреста; семсот глав о Пресвятой Троице, и о воплощении Бога—Слова, — более же о добродетелях и страстях; и толкование о молитве Господней.

Мы заимствуем из сего в свой сборник: — главы о молитве все, как есть; из семи же сот глав делаем выборку более удобопонятных, и более нравоучительных и аскетических глав. — В замен

опускаемого здесь, вносим, по изданию Migne: подвижническое слово.

ТАКИМ ОБРАЗОМ

ИЗ СВ. МАКСИМА ПРЕДЛАГАЮТСЯ:

- 1) Подвижническое слово, в вопросах ученика и ответах старца.
 - 2) Четыреста глав о любви (в новом переводе).
 - 3) Умозрительные и деятельные главы, выбранные из семисот глав Греческого Добротолюбия.
- Слово подвижническое, в вопросах и ответах.

БРАТ И СТАРЕЦ.

1) Брат спросил старца: прошу тебя, отче, скажи мне, какая была цель воплощения Господня? — Старец сказал ему в ответ: удивляюсь тебе, брате, что каждый день слушая символ веры, ты спрашиваешь меня о сем. — Скажу впрочем тебе, что целью воплощения Господня было наше спасение.

Брат сказал: объясни мне, отче, как это? — Старец ответил: поелику человек в начале сотворенный от Бога и помещенный в рай, преступив заповедь, подвергся тлению и смерти; потом не смотря на то, что многообразным промыслом Божиим во всяком роде и роде был направляем на добро, постоянно преуспевал только в худшем, множеством страстей плотских влекомый в отчаяние: того ради, едиnorodный Сын Божий, предвечное Слово, еже из Бога Отца, источник жизни и бессмертия явился нам, во тьме и сени смертной сидящим (Ис. 9, 2. Матф. 4, 16), воплотившись от Духа Святаго и пресвятыя Девы, — и показал нам образ Богоподобной жизни, дав св. заповеди с обетованием царства небеснаго тем, кои будут жить по ним, и угрозою вечными муками тем, кои будут преступать их; потерпев же спасительные страсти и из мертвых воскресши, даровал нам надежду воскресения и жизни вечной, послушанием разрешив вину прародительскаго греха и смертью уничтожив власть смерти, да якоже во Адаме вси умирают, такожде о Нем все оживут (1 Кор. 15, 22); а наконец вознесшись на небо и сядши одесную Отца, ниспослал Св. Духа, в залог жизни, — в просвещение и освящение душ наших, и в помощь подвизающимся спасения ради исполнять заповеди Его.

Вот, говоря кратко, какая была цель воплощения Господня!

2) Брат сказал: желал бы я, отче, вкратце услышать, какия заповеди должен я исполнять, чтобы спастись? — Старец ответил: Сам Господь сказал Апостолам по воскресении: шедши, научите вся языки крестяще их во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 19. 20). Так, что все, заповеданное Им, должно соблюдать всякому человеку, крещенному во имя Животворящая и Богоначальная Троицы. Господь неразрывным союзом сочетал с правою верою и соблюдение всех заповедей, зная, что при разделении одного от другой, невозможно спастись человеку. Почему и Давид, имея правую веру (недовольствовался ею одною), но говорил к Богу: ко всем заповедям Твоим направлялся; всяк путь неправды возненавидех (Пс. 118, 128). Против всякаго пути неправеднаго даны нам от Господа противоположные тому заповеди; — и если кто оставляет какую нибудь из них, то вместе с тем вступает на противоположный ей путь неправды.

3) Брат сказал: кто же, отче, может исполнить все заповеди, — когда их столько?! — Старец ответил на это: тот, кто подражает Господу, и последует Ему шаг за шагом. Брат сказал: а Господу кто может подражать? Господь был Бог, хотя и соделался человеком, а я человек грешный, поработанный безчисленными страстями. Как же могу я подражать Господу? Старец ответил: из тех, которые

порабощены миру и суетностям его, никто не может подражать Господу, те же, которые могут сказать: се мы оставихом вся и влечь Тебе идохом (Мф. 19, 27), получают силу подражать Господу, и по всем заповедям Его направляться. Брат говорит: какую силу? — Старец ответил: Его самого послушай, что говорит: се даю вам власть наступати на змею и на скорпию и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит (Лк. 10, 19).

4) Таковую силу и власть получив Ап. Павел говорил: подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу (Фил. 3, 17). И опять: ни едино убо ныне осуждение, сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу (Рим. 8, 1). И еще: а иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24). Также: мне мир распяся и аз миру (Гал. 6, 14).

5) Об этой же власти и помощи, пророчествуя, Давид говорил: живой в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится. Речет Господеви: заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него (Пс. 90, 1. 2). И немного ниже: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия... Ангелом своим заповесть о тебе сохранить тя во всех путех твоих (11—13). Те же, которые к плоти пристрастились и любят суетность мира, послушай, что слышат от Господа: иже любит отца или мать паче мене, несть мене достоин (Мф. 10, 37). И еще: иже не носит креста своего и в след мене грядет, не может мой быти ученик (Лук. 14, 27). Также: иже не отречется всего своего имени, не может мой быти ученик (33). И так желающий быть Его учеником, и явиться достойным Его, и силу от Него получить против духов злобы, отстает от всякаго пдотугодливаго обычая и обнажает себя от всякаго пристрастия к вещественному; и таким образом подвизается против невидимых врагов за заповеди Господни, — как Сам Господь подал нам образец тому в Себе, и тогда, как был искушаем в пустыне от начальника их, и тогда, когда явьясь в мир (во время всенароднаго служения), был искушаем от тех, кои действовали под влиянием их.

6) Брат сказал: но, отче, заповедей Господних много; и кто может все их иметь в уме, чтобы подвизаться за все, особенно я, человек небольшого ума? — Почему желал бы я услышать краткое слово (немногосложное правило), чтобы содержа его, содевать мне свое спасение. Старец ответил: хотя и много заповедей, брат; но все оне совмещаются в одном слове, — следующем: возлюбиши Господа Бога твоего... всюю крепостию твоею, всем помышлением твоим; и ближняго своего, яко сам себе (Лк. 10, 27). Подвизающийся соблюдать сие слово, исправляет все зараз заповеди. Но кто не отрешится, как сказано впереди, от всякаго пристрастия к вещественному, тот не может настоящим образом любить ни Бога, ни ближняго. Вместе — и к веществу быть пристрастну, и Бога любить — невозможно. И это внушал Господь, когда говорил: никтоже может двема господинома работати (Мф. 6, 24). И: не можете Богу работати и мамоне (Лк. 16, 13). Ибо на сколько ум прилепляется к вещам мира сего, на столько порабощается им и презирает заповедь Божию, преступая ее не боязненно.

7) Брат сказал: к каким это вещам пристрастие разумеешь ты, отче? Старец ответил: к яствам, к деньгам, к имуществу, всякаго рода, к славе, к родным, и другим подобным. — Брат сказал: да, не Бог ли создал все сие, отче, и дал людям на употребление? Как же Он теперь не велит и касаться этого! Старец ответил: точно — Бог создал все это и дал людям на употребление, — и все от Бога произшедшее, хорошо (Быт. 1, 31) (и затем нам дано), чтобы мы хорошо тем пользуясь, угождали Богу. Но мы, будучи немощны и оземленены помышлением, предпочли вещественное заповеди о любви, и пристрастившись к тому, ведем из за того брань с людьми. Надлежит всему видимому и

даже самому телу предпочитать любовь ко всякому человеку, которое служит признаком и любви к Богу, как, Сам Господь показывает в Евангелии, говоря: аще любите мя, заповеди мол соблюдайте (Иоан. 14, 15). Какая же это заповедь, соблюди которую мы окажемся любящими Его, послушай, что говорит Он опять: сия есть заповедь моя, да любите, друг друга (Ин. 15, 12). Видишь — взаимная друг к другу любовь составляет любовь к Богу, которая есть исполнение всякой Божией заповеди (Рим. 13, 10)? Вот почему и повелевает Господь не только не пристращаться к вещам мира, но отречься и от всякого имущества своего тому, кто искренно желает быть Его учеником.

8) Брат сказал: ты сказал, отче, что, всему видимому и даже самому телу надлежит предпочитать любовь ко всякому человеку; но как могу я любить того, кто меня ненавидит отвращается от меня? Кто завидует мне, сплетает клеветы, строит козни, покушается сделать зло, — как могу я любить такого? — По естеству судя, мне кажется, отче, что это невозможно; ибо чувство скорби естественно заставляет отвращаться от того, кто причинил скорбь. — Старец ответил: для пресмыкающихся и зверей, водящихся естеством, точно невозможно не отмщать, сколько силы есть, за причиненное им озлобление; но для созданных по образу Божию, водящихся разумом, удостоенных познания Бога, и закон от Него принявших, возможно не отвращаться от оскорбляющих и любить ненавидящих. Почему и Господь, говоря: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и прочее (Мф. 5, 44), заповедует сие, конечно, не как не возможное, но как возможное; иначе не полагал бы Он наказания преступающему эту заповедь. Что такая любовь возможна, самым делом показали то Господ и ученики Его, которые за любовь к ближнему подвизались даже до смерти, и тепло молились за тех, которые убивали их. А мы, поелику вещьлюбивы и сдаснолюбивы и предпочитаем (вещи и удовольствия) заповеди; то потому самому не можем любить ненавидящих нас, и не только это, но часто из за них отвращаемся даже от любящих нас, оказываясь по нраву худшими зверей, и пресмыкающихся. Не могли же таким образом последовать стопам Божиим, не можем мы познать и цель Его, чтоб отсюда заимствовать силу себе.

9) Брат сказал: вот, отче, я оставил все, родство, имение, утехи и славу мира, так что у меня ничего нет кроме — этого тела; и однакож брата, ненавидящего меня и отвращающегося от меня, любить не могу, хотя и нужу себя на деле не воздать ему злом за зло. Скажи мне, что должно мне сделать, чтоб я возмог от сердца любить такого, — да и всякого, каким либо образом оскорбляющего меня и наветующаго на меня. — Старец ответил: невозможно любить оскорбляющего даже тому, кто отрекся от мира и всего что в мире, если он истинно не познает цель Господню. Когда же даст ему Господь познать ее, и он возревнует ходить по указанию ея, тогда возможет он от сердца любить ненавидящего и оскорбляющего, как любили и Апостолы, знавшие ее.

10) Брат сказал: какая это цел Господня, растолкуй мне, прошу тебя, отче. — Старец ответил: если хочешь познать цель Господню, слушай разумно. Господь наш Иисус Христос, естеством Бог сый и человеком соделаться благоволивший по человеколюбию, родившись от жены, был под законом, по божественному Апостолу, чтобы соблюди заповеди, как человек, уничтожит древнюю Адамову клятву. Зная, что весь закон и пророки висят на двух заповедях: — возлюбиши Господа Бот твоего от всего сердца твоего и ближняго, как самага себя — Он так положил действовать от начала до конца, чтоб в совершенстве, по человечески однакож, соблюсти сии заповеди. Но, прельстивший в начале человека и чрез то возмевший державу смерти, диавол, видя, как во время крещения свидетельствовал о Нем Отец, и как Он, приняв с небес, яко человек сороднаго Духа Святаго, изшел

потом в пустыню искушиться от него — диавола, всю брань обратил на него, не успеет-ли сделать, чтобы и Он блага мира предпочел любви к Богу. Зная же что есть три вещи, около которых кружатся все человеческия (желания и утехи), т. е. яства, деньги и слава, которыми он всегда и отвергает людей в бездну погибели, этими тремя покушался он обольстить и Господа; но Господь, являсь выше всего этого, грозно повелел: иди за мною, сатана.

11) Это и есть признак любви к Богу (т. е. чтоб стоять выше тех вещей) и сатана, не могли склонить Христа Иисуса Господа преступить ее из за того. что обещал, всячески покушался потом, когда выступил Господь для всенародного действия, доведя Его до нарушения заповеди о любви к ближнему, действуя чрез беззаконных иудеев. Для сего, когда Господь учил путям жизни и делом показывал образец небеснаго жития, возвещал воскресение мертвых и верующим обещал жизнь вечную и царство небесное, а не верующим угрожал вечным мучением, в подтверждение же истины словес Своих творил дивныя божественныя знаменья, призывая народ к вере, — он возбуждал беззаконных фарисеев и книжников к разным против Него наветам, чтоб не стерпевши, как им чаялось, искушений, подвигся Он ненавистию к наветникам, — и он злокозненник, достиг бы таким образом своей цели, показав Его нарушителем заповеди о любви к ближнему.

12) Но Господь, яко Бог, зная его замыслы, не воспринимал ненависти к возбуждаемым от Него фарисеям (ибо как это возможно, когда Он естеством благ), а напротив любовию к ним поражал его самого, возбудителя их. Так, как они, подвергаясь вражескому возбуждению, могли не принимать Его, и если принимали, то потому, что произвольно, по не вниманию и безопасности, склонялись на внушения возбудителя; то Господь вразумлял их, обличал, укорял, оплакивал и в тоже время не переставал всячески им благодетельствовать, злословимый благодушно сносил, страдая терпел, — показывал в отношении к ним всякия дела любви. Таким чедовеколюбием к возбуждаемым против Него Он поражал возбудителя. Дивная брань! Вместо ненависти показывает Он любовь, и благостию низвергает отца злобы. Претерпев, от них столько зол, истинне же сказать, ради их, до смерти по человечески подвизавшись за заповедь любви, и одержав совершенную над диаволом победу, восприял Он наконец ради нас венец воскресенья; — и таким образом новый Адам обновил ветхаго. — Вот что значит слово, изреченное божественным Апостолом: сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, и проч. (Филип. 2, 5).

13) Такова была цель у Господа, чтоб Отцу быть послушну даже до смерти, как человеку ради нас, храня заповедь любви, а диавола поражать, страдая от него чрез возбуждаемых им книжников и фарисеев. Так свободно, давая будто над собою победу, победил Он чаявшаго победить Его и исторг мир из его тиранства. Так Христос распят был от немощи (2 Кор. 13, 4), но сею немощию умертвил Он смерть и упразднил имущаго державу смерти (Евр. 2, 14). Так и Павел немоществовал сам в себе, и хвалился в немощах, да вселится в него сила Христова (2 Кор. 12, 9).

14) Изучив образ сей победы, Св. Павел говорил, пиша к Ефесеям: несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и проч. (Еф. 6, 12). И тем, которые имеют брань с невидимыми врагами заповедал взять броню правды, шлем упования, щит веры и меч духовный, да возмогут все стрелы лукаваго разжженныя угасити (—11—14). Делом же показывая образ сей брани, говорил: аз убо тако теку, не яко безвестно: тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабошаю, да не како иным проповедуя, сам неключимь буду (1 Кор. 9, 26. 27), и опять: до нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем (1 Кор. 4, 11), еще: в труде, и подвиге, в бдениих

множицею, в зиме и нагоде (2 Кор. 11, 27).

15) Такою же бранию воевал он и с демонами, возбуждающими похоти плотския, отгоняя их измождением своего тела. Показывая же нам, самым делом, образ победы над теми демонами, которые борют на ненависть, и для того нерадивейших воздвигают против благочестивых, чтобы будучи ими искушаемы, они возненавидели их и тем преступили заповедь любви, — говорил: укоряеми благословляем, гоними терпим, хулими утешаемся: якоже отребия миру быхом, всем поправление доселе, (1 Кор. 4, 12. 13). Демоны для того внушали укорять, злословит и гнать Апостола, чтоб подвигнуть его на ненависть к укоряющему, злословящему и гонящему, — имея в цели довести его до преступления заповеди о любви. А Апостол, не неведая умыслений их, укоряющих благословлял, гонящих терпел, хулящих умолял отстать от возбуждающих на это демонов и присвоиться благому Богу; и сим образом брани демонов, научающих злу, поражал он всегда, благим побеждая злое, по подражанию Спасителю, Сим образом он и прочие Апостолы весь мир отторгли от демонов и присвоили Богу своим поражением побеждая тех, которые думали, что одержали победу. И так, брат, если и ты будешь держать ту же цель, то можешь и ты любить ненавидящих тебя; а если не будешь, то не можешь; ибо иначе это не возможно.

16) Брат сказал: по истине, отче, так есть, а не иначе. — И для этого то Господь, поносимый, по ланитам ударяемый и другим подвергаясь страданиям от Иудеев, — все сносил, — об этих, как творящих по неведению и прельщенных, сожалел, как и на кресте говорил: отче, отпусти им, неведят бо что творят (Лк. 23, 34), над вселукавством же и прелестию диавола и князей его торжествуя на кресте по беду; так как даже до смерти выдержал против них подвиг за заповедь любви, как сказал ты. Сию над ними по беду Он нам подарил; и разрушив державу смерти, воскресение Свое всему миру даровал в живот. Но помолись обо мне, отче, чтоб я мог совершенно познать цель Господа и Апостолов Его, и потом трезвиться во время искушений, не неразумевая умыслов диавола и демонов его.

17) Старец сказал ему на это: если будешь всегда иметь в мысли сказанное, то можешь не неразумевать (умыслений лукаваго). Но когда уразумеешь, что как ты искушаем бываешь, так и брат твой искушается; то искушаемому брату прощай, а искушающему диаволу, желающему ввести тебя в ненависть к брату искушаемому, противостой, не поддаваясь его козням. Это самое внушает и Иаков, брат Божий, когда говорит в послании: повинитесь Богу, противитесь же Диаволу и бежит от вас (4, 7). И так, если, как сказано, будешь ты всегда содержать в трезвенной мысли изложенное выше, то можешь познать цель Господа и Апостолов Его, и людей любить, сострадая им, когда они неправо действуют, а лукавым демонам всегда противоборствовать посредством любви. Если же мы с тобою будем распущенны, беспечны, нерадивы, и помысл свой предадим плотским удовольствиям; то не против демонов будем вести брань, а против себя и братий, демонам же угождать будем, ради их воюя с людьми.

18) Брат сказал: так, отче; всегда от нерадения моего берут демоны случай против меня возставать. Но прошу тебя, отче, скажи мне, как должен я стяжать трезвение. Старец ответил: совершенное безпопечение о земном и всегдашнее поучение в Божественном Писании приводит душу в страх Божий, страх же Божий приводит трезвение. Итогда душа начинает видеть, как демоны воюют против ней посредством помыслов, и отражать их: о чем говорил и Давид: и на враги моя воззре око мое (Пс. 53, 9). К такому противоборству демонам, возбуждая учеников своих и верховный Апостол

Петр, сказал: трезвитесь и бодрствуйте, зене супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити, ему же противитесь тверди верою (1 Петр. 5, 8). И Господь сказал: бдите и молитесь, да не внидите в напасть (Мф. 26, 41). Также и Екклезиаст говорит: аще дух владеющаго найдет на тя, места твоего не остави — (Ю, 4). Место же ума есть добродетель, ведение и страх Божий. Дивный наконец Апостол, очень трезвенно и мужественно подвизавшийся, говорил: во плоти ходяще, не по плоти воинствуем: оружия бо воинства нашего не плотская но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово, и в готовности имуще отмстити всяко преслушание (2 Кор. 10, 3—6). — Так если и ты будешь подражать святым и притрудно упразднишься от всего для Бога, то будешь трезвен.

19) Брат сказал: что должно делать, отче, чтоб возмочь непрестанно быть с Богом? Старец ответил: невозможно уму всегда быт с единым Богом, если не стяжет он следующих трех добродетелей: любви, воздержания и молитвы. Любовь укрощает гнев, воздержание изсушает похоть, а молитва, отрешая ум от всех помышлений, нагим представляет его самому Богу. Эти три добродетели совмещают в себе все правды, и без них ум не может пребывать с единым Богом.

20) Брат сказал: прошу тебя, отче, научи меня, как любовь укрощает гнев? Старец ответил: дело любви — миловать ближняго и благодетельствовать ему, долготерпеть на нем и сносить все, причиняемое им, как часто было говорено. Имея такая свойства, любовь естественно укрощает гнев в том, кто стяжал ее. Брат сказал: не малы дела ея; но блажен тот, кто возмог стяжать ее. Я же но истине далек от нея. Однакож прошу тебя, отче, скажи мне, что значит долго терпеть?

21) Старец ответил: быть твердо духом в несчастиях, сносить всякое зло и ждать конца искушению, не позволяя проторгаться гневу, или сказать неразумное слово, или заподозрить что, или подумать что не приличное благочестивому человеку, как говорит Писание: до времени стерпит долготерпеливый, и последи воздаст ему веселие: до времени скрывает словеса своя и устне верных исповедях разум его (Сирах. 1, 23. 24).

22) Таковы свойства долготерпения! — И не это только но еще и то, чтобы себя самого считать причиною искушения есть свойство долготерпения. А может быть и в самом деле так есть (т. е. что причина в нас). Ибо много из случающагося с нами случается в научение нас, или во очищение прошедших грехов, или в исправление настоящего нерадения, или в предотвращение будущих падений. Кто помышляет, что искушение случилось с ним для чего либо одного из показаннаго, тот не станет гневаться, будучи бием, — особенно, когда сознает при сем за собою грехи; не станет обвинять того, чрез кого искушение: ибо чрез него или чрез другаго, всячески он должен был пить чашу судов Божиих;—но к Богу воззрит умом и возблагодарит Его, попустившаго искушение, обвиняя себя одного и охотно принимая вразумление, как поступил Давид, в отношении к Семею и Иов в отношении к жене. А неразумный часто просит у Бога милости, когда же приходит милость, не принимает, потому что пришла не так, как ему хотелось, а как судил полезным Врач души. Почему малодушествует, мятется, — и то на людей гневается, то на Бога изрыгает хулу; и таким образом и неблагодарность обнаруживает, и врачевства от вразумительнаго жезла не получает.

23) Брат сказал: хорошо истолковал ты, отче. Но прошу тебя, скажи мне и о том, как воздержание изсушает похоть. Старец ответил: воздержание учит воздерживаться от всего, что не необходимой потребности удовлетворяет, а только доставляет удовольствие, не позволяет касаться ничего, кроме

необходимаго для жизни, не дает гоняться за приятным, а велит искать лишь полезного, и пищу и питье соразмерять с нуждою, не допускать в теле собираться излишней мокротности, и только жизнь тела поддерживать, соблюдая его свободным от похотных стремлений. Вот как воздержание изсушает похоть. — Напротив удовольствия, обилие пищи и питья разгорячают чрево и возжигают сильнейший позыв срамной похоти, и влекут человека, как неразумное животное к незаконному смещению. Тогда глаза бывают безстыжи, руки не обузданы, язык говорит только то, что чешет слух и ухо охотно слушает только суетное; ум не брежет о Боге, и душа, не только мысленно содевает блуд, но и тело увлекает к неподобному деянию.

24) Брат сказал: истинно так, отче. Но прошу тебя научить меня и молитве, как она отрешает ум от всяких помышлений. Старец отвечал: помышления наши суть мысли о предметах, из которых одни чувственны, а другие — умственны. Занят будучи ими, ум носит в себе и перебирает мысли о них. Благодать же молитвы, с Богом сочетавает ум, и — сочетавая с Богом, отрешает от всех помышлений. Тогда ум, нагим беседа с Богом, содевается боговидным. Ставши же таковым, он просит у Бога боголепного, и никогда не погрешает в прощении своем (всегда получает просимое). Апостол потому и заповедует непрестанно молиться (1 Сол. 5, 17), чтобы чаще сочетывая ум свой с Богом, мало по малу отбросили мы пристрастие к вещественному.

25) Брат сказал: но как ум может непрестанно молиться? Ибо когда поем или читаем, когда беседуем с кем, или служим кому, тогда естественно развлекаем его многими помышлениями и представлениями. Старец ответил: Божественное Писание не повелевает ничего невозможного. Сам Апостол, чрез коего изречено сие, и пел, и читал, и исправлял дела служения своего (апостольскаго), — и однакож непрестанно молился. — Непрестанно молиться значит — содержать ум прилепленным к Богу с великим благоговением и теплым желанием, висеть на уповании на Него, и о Нем дерзать во всем, — в делах и приключениях. Так расположен будучи Апостол, говорит: кто ны разлучит от любви Божия; скорбь ли, или теснота, — и прочее (Рим. 8, 35). И не много спустя: известихся, яко ни смерть, ни живот, ни Ангелы (38). И опять: во всем скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми: гоними, но не погибающе: всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов в теле нашем явится (2 Кор. 4, 8—10).

26) Так расположен будучи, Апостол непрестанно молился: ибо во всех, как сказано, делах и приключениях своих, висел на надежде Божьей. Да и все святые всегда радовались скорбям, в чаянии чрез них притти в навыкновение божественной любви. Посему-то Апостол и говорил: слажду, убо похвалюся — в немощах моих, да вселится в мя сила Христова (2 Кор. 12, 9). И не много ниже: егда немоществую, тогда силен есмь (—10). Но горе нам бедным, что оставили путь святых Отцев, и от того пусты от всякаго духовнаго дела.

27) Брат сказал: от чего это, отче, не имею я сокрушения? Старец ответил: от того, что у нас с тобою нет страха Божия пред очами нашими. От того, что сделались мы убежищем всякаго зла, и страшныя Божии прещения презираем, как пустыя представления. Иначе как не сокрушаться бы, слушая, как напр. Моисей говорит от лица Божия о грешниках: яко огонь возгорится от ярости моя, разжеться до ада преисподняго: снесите землю и жита ея, попалит основания гор (Втор. 32, 22—23). И еще: поострю, якоже молнию меч мой, и примет суд рука моя, и воздам месть врагам моим, и ненавиждающим мя воздам (— 41). Или как вопиет Исаия: отступиша, иже в Сионе беззаконницы, примет трепет нечестивыя: тщетна будет крепость духа вашего; огонь вы пояст. Кто, возвестит вам,

яко огонь горит? Кто возвестит вам место вечное (Ис.33,14)? И опять: и изыдут и узрят трупы человеков преступивших мне: червь бо их не скончается, и огонь их не угаснет и будут в позоре всякой плоти (Ис.66,24). Или как говорит Иеремия: дадите Господу Богу вашему славу прежде даже не смеркнется, и прежде даже не преткнутся нозе ваша к горам темным: и пождете света, и тамо сень смертная, и положени будете во мрак (Иерем. 13, 16). И опять: слытите сия, люде буии и неимеющи сердца: иже имиюще очи, не видите, и уши, и не слышите. Мене ли не убоитесь, рече Господь, или от лица Моего не устыдитесь? (Иерем.5,21.22). И еще: накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя: и увеждь, и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити мя, глаголеть Господь... Аз насадих тя виноград плодоносен, весь истинен: како превратился еси в горесть виноград чуждый (Иер.2,19—21)? И опять: не седох в сонме их играющих, но бояхся от лица руки Твоея: на едине, седех, яко горести исполнихся (Иерем.15,17). Кто также не ужаснется, слыша, что говорит Иезекииль: пришел есть конец тебе, и испущу ярость мою на тя, и отмщу тебе по путем твоим, и дам на тя вся мерзости твоя. Не пощадит око мое и не помилую... и познаеши, яко аз Господь бияй (Иезек.7,3.9). Кто не сокрушится слыша, как Даниил описывает день страшного суда, говоря: зрях, дондеже престолы поставишася, и Ветхий деньмиже седе, и одежда Его бела аки снег, и власы главы Его аки волна чиста, престол Его пламень огненный, колеса его огонь палящ. Река огненна течаше исходящи пред Ним: тысяща тысящ служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему: судище седе, и книги отверзоишися (Дан. 7, 9, 10), т. е. дела каждаго. И опять: во снх ношю, и се на облацех небесных, яко сын человек идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и пред него приведесе: и тому дадесе власть и честь и царство, и вси людие, племена, и языцы тому поработают: власть Его, власть вечная, яже не преидет, и царство Его не разсыплется. Вострепета дух мой в состоянии моем, аз Даниил, и видения главы моя смущаху мя (Дан. 7, 13—15).

28) Кто не убоится, слыша что говорит Давид: единою глагола Бог, двоя сия слышах: зане держава Божья, и Твоя Господи милость: яко Ты воздаси комуждо по делом его (Пс. 61, 12, 13)? — И опять что говорит Екклесиаст: конец слова, все слушай Бога бойся, и заповеди Его храни, яко сие всяк человек: яко все творение приведет Бог на суд о всяком погрешит, аще благо и аще лукаво (Екл. 12, 13, 14)?

29) Кто не вострепещет, слыша подобное же и от Апостола, который говорит: подобает всем явиться пред судищем Христовым, да восприимет кийждо, яже с телом содела или блага или зла? (2 Кор. 5, 10; Рим. 14, 10). Кто же не восплачет после сего о неверии нашем и об ослеплении душ наших, — что слыша все это, не каемся и горьких не проливаем слез о таком нерадении и таковой беспечности своей, которую предзря Иеремия, говорил: проклят всяк творяй дело Божие с небрежением (48, 10). Еслиб мы имели заботу о спасении душ своих, то вострепетали бы от слова Господня и поспешили со всем старанием исполнить заповеди Его, от коих спасение наше. Но мы, не смотря на то, что слышим от Самого Господа: внидите тесными враты, вводящими в живот (Мф. 7, 13, 14), предпочли пут широкий и пространный, ведущий в пагубу. За то, когда придет Он судить живых и мертвых, услышим от Него: отидите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (Мф. 25, 41).

30) И это услышим мы, не только когда наделаем худых дел, но если понерадим о добрых, и ближняго своего не будем любить. Если же и худых при том наделаем дел, то как стерпим день тот при таком худом состоянии души? Ведать ктому же надобно, что — не прелюбы сотвори, не укради,

не убей, — и прочее, — древним сказано было чрез Моисея (Мф. 5, 28). Господь же, зная, что христианину, для совершенства в жизни, соблюдение этого только недостаточно, сказал: аминь глаголю вам, аще неизбежит правда ваша паче книжник и фарисей, не увидите в царствие небесное. Почему прежде и после тех слов. всегда требовал совершенной святости душевной, ради коей и тело освящается, и законоположил искреннюю любовь ко всем людям, чрез коих можем мы стяжать любовь и к Нему Самому. Образец этому подал Он нам в Себе Самом и в учениках Своих, как не раз говорено было.

31) Какое оправдание можем мы иметь в день оный, имея такой пред собой образец, и в таком оставаясь нерадении? Нас оплакивая, говорит Иеремия: кто даст главе, моей воду, и очесем моим источник слез да плачуся—день и ночь о народе сем (Иер. 9, 1), — что сподобясь такой благодати, пребываем в таком нерадении, или паче, исполнены всякаго зла. О нас, слышу говорит и Моисей: яде Иаков и насытися, и отвержеся возлюбленный: уты, утолсте, расшире: и остави Бога сотворшаго его } и отступи от Бога Спаса своего (Втор. 32, 15). Об нас плачет и Михей, говоря: у, люте мне душе, яко погибе благочестивый от земли, и исправляющаго несть в человецех; кийждо ближняго своего озлобляет озлоблением, на зло руки своя уготовляют (Мих. 7, 2. 3). Равным образом и Псалмопевец об нас говорил, моляся: спаси мя Господи, яко оскуди преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих (Пс. 11, 2).

32) Нас оплакивая и Апостол говорит пророчески: вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть даже до единаго. Гроб отверст гортань их, языки своими льщаху: яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Сокрушение и озлобление на путех их, и пути мирнаго не позната. Несть страха Божия пред очими их (Рим. 3, 12—18). И опять в пророческом предзрении, о нынешней же нашей злой жизни пишет он к Тимофею: сие же веждь, яко в последния дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителем противящияся, неблагодарни, неправедии, нелюбовны, непримирительны, клеветницы, воздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предадетеле, нагли, — и прочее (2 Тим. 3, 1—4). Потому горе нам, что до последней дошли мы крайности во зле. Ибо скажи кто из нас не причастен исчисленным видам злонравия? Не на нас ли исполнилось это пророчество? Не всели мы чревоугодники? Не все ли сластолюбцы? Не все ли веществолюбивы до неистовства? Не все ли гневливы? Не все ли злопамятны? Не все ли предатели всякой добродетели? Не все ли злословны? Не все ли пересудливы? Не все ли неуважительны? Не все ли братоненавистливы? Не все ли напыщены? Не все ли высокомерны? Не все ли горды? Не все ли тщеславны? Не все ли лицемерны? Не все ли лукавы? Не все ли завистливы? Не все ли не послушливы? Не все ли ленивы? Не все ли обманчивы? Не все ли беспечны? Не все ли нерадивы о заповедях Спасителя? Не все ли исполнены всякаго зла? Не стали—ль мы вместо храмов Божиих капищами идольскими? Вместо Духа Святаго, злых духов убежищем? Не притворно—ли называем Бога Отцем? Не сделались ли мы вместо сынов Божиих сынами геенны? Не сталиль хуже иудеев мы, ныне великое имя Христово носящие? И никто неприходи в негодование, слыша такую истину. И те (иудеи), пребеззаконными будучи, говорили: единаго Отца имамы Бога; но от Спасителя услышали: вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хотите творити (Иоан. 8, 41. 44).

33) Не справедливо ли и нам, преступникам заповедей Его, слышать подобное от Него? Вот Апостол сынами Божиими назвал водящихся Духом. Елицы, говорит, Духом Божиим водятся сии суть сынове

(Рим. 8, 14). Мы же как можем называться сынами Божиими, когда водимся мудрованием плотским? Которые водятся Духом, говорит, это явно бывает от плодов Духа. Плод духовный есть, говорит Апостол, любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 22), Имеем ли мы что либо из этого? Не скорее ли все противное тому? По тому не сынами Божиими надлежит нам называться, а противным тому. Рожденное от кого либо бывает подобно родившему. Но Господь говорит: рожденное от Духа, дух есть (Ин. 3, 6). Мы же соделались плотью, похотствующею на дух, и к нам потому справедливо идет следующий приговор: не имать Духъ мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть (Быт. 6, 3). Как можем мы называться даже христианами, когда не имеем в себе ничего Христова?

34) Скажет кто, может быть: я имею веру во Христа, довольно для меня одной этой веры в Него ко спасению? Но противоотвечает таковому Ап. Иаков, говоря: и бесы веруют и трепещут (Иак. 2, 19). И еще: впра без дел мертва есть о себе (17, 26). — Да веруем лимы в Него?! Как можно сказать, что верим Ему относительно будущего, когда не веруем относительно временного и настоящего? А не веруем: ибо пристрастны к вещественному, живем плотски и воюем против Духа. Истинно же во Христа верующие и чрез исполнение заповедей в себя Его вселившие, так говорят: живу не ктому аз, но живет во мне Христос. А еже ныне живу во плоти, верую живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себя по мне (Гал. 2, 20). Почему страдая за Него для спасения других, как верные Ему подражатели, и заповедей Его истинные исполнители, говорили: укоряеми благословляем, гоними терпим, хулими утешаемся (1 Кор. 4, 12). Ибо слышали слово Его, заповедавшее: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите клянущих вы, и молитесь за творящих вам напасть (Мф. 5,44). Так и словами их и делами обнаруживался действующий в них Христос. Мы же поелику всяким Его заповедям противно действуем, оказываемся исполненными всякой нечистоты. Почему и стали мы вместо храма Божия домом купли, вместо дома молитвы — вертепом разбойников, вместо рода святого — родом грешным. вместо народа Божия — народом исполненным грехов, вместо семени святого — семенем злым, вместо сынов Божиих — сынами беззакония; поелику оставя заповеди Господа, работаем мы злым духам чрез нечистыя страсти, — и прогневали Святого Израилева.

35) Посему — то великий Исаия, оплакивая нас и вместе желая помочь нам в падении нашем, взывает, говоря: что еще уязвляется, прилагающе беззаконие? Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль: от ног даже до главы, несть в нем целости: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложити, ниже елея, тже обязания? (1, 5. 6). Что же потом за этим? Оставится дочь Сионя, яко куща в винограде, и яко овощное хранилище в вертограде, яко град воюемый (—8). Таковое опустошение души нашей показывая и Апостол, сказал: и якоже не искусиша имети Бога в разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная исполненных всякия неправды блужения, лукавства, лихоимания, злобы: исполненных зависти, убийства, рвеня, лести, злонравия: шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обретатели злых, родителем непокоривы, неразумны, непримирительны: нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивыи, Нецыя же и оправдание Божие разумеюще, яко таковая творящии достойни смерти суть, не точию сами творят, но и соизволяют творящим. Сего ради предаде их Бог в страсти безчестия сквернитися телесем их в себе самех (Рим. 1, 28—32, 26, 24). И что же за этим? Открывается, говорит, гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду

человеков (–18).

36) Такое опустошение души означая и Господь говорил: Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камнем побиваяй посланная к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, яко же собирает кокош птенцы своя под криле, и не восхотиша? Се оставляется вам дом ваш пуст (Мф. 23, 37. 38). Исаия опять прозря, как мы, монахи, совершаем свои службы только телесно, о духовном же служении Богу нерадим, несмотря однакож на то надымаемся, говорил: услышите слово Господне, князи содомстии внимлите закону Божию, людие Гаморрстии. Что ми множество жертв ваших, глаголет Господь; исполнен есмь всесожжений овних, и тука агнцов, и крове юнцов и козлов не хощу. Кто бо изыска сия от рук ваших ходити по двору моему не приложите: и аще принесете ми семидаль, всуе: кадило, мерзость ми есть: новомесячгй ваших, и суббот, и дне великаго не потерплю: поста, и праздности, и праздников ваших ненавидит душа моя: бысте ми в сытость, ктому не стерплю грехов ваших. Егда прострете руки ваша ко мне, отвращу очи мои от вас: и аще умножите моление, не услышу вас. Почему же? Руки бо, говорит, ваша исполнены крове—(Исаии 1, 10—15), так как ненавидяй брата человекоубийца есть (1 Ин. 3, 15). Потому всякий подвижнический труд, чуждый любви, негоден Богу.

37) И лицемерство наше издали обличая Бог говорит: людие сии устами чтут мя: сердце же их далече отстоит от мене, всуе же чтут мя, — так далее (Исаии 29, 13). Да и что Господь наш говорил, укоряя фарисеев, очень приложимо к нам, нынешним лицемерам, которые сподобясь такой благодати, оказываемся по нраву еще худшими тех. Не связываем ли и мы бремена тяжкия и неудобноносимыя, и их возлагаем на рамена людей, а сами и перстом не хотим коснуться их (Лк. 11, 46)? — Не делаем—ли и мы все дела свои, да видимы будем человеки (Мф. 6, 5)? Не любим—ли и мы прежде — возлежания на вечерях, и преждеседания на сонмищах? Не любим—ли и мы зватися от человек: учителю, учителю, — и тех, которые не слишком отдают нам такую честь, не преследуем ли даже да смерти? Не взяли—ль и мы ключ разумения, но не отворяем им, а затворяем царствие небесное пред человеки, — так что и сами не входим и тех не пускаем войти? Не слепые—ли и мы вожди, комаря оцеждающие, а верблюда пожирающие? — Не очищаем—ли и мы внешняя сткляницы и блюда, тогда как внутреннее наше полно хищений, лихоимства и невоздержания? Не одесятствуем—ли и мы мятву и копр, и кимен, и оставляем суд и любовь Божию? Не уподобляемся — ли и мы закрытым гробам, внешне показываясь людям праведными, а внутри будучи исполнены лицемерия, беззаконий и всякой нечистоты? Не зиждем—ли и мы гробы мучеников и не украшаем—ли раки Апостолов, будучи по нраву подобны тем, которые убивали их (Мф. 23, 3—32)? Кто же не восплачет о нас в таком состоянии находящихся? Ето не пожалеет о таком пленении нашем? Ибо за это мы, сыны Божии, честные, вменились в сосуды глиняны. За это потемнело злато наше, изменилось серебро наше доброе (Плачь Иерем. 4, 1.2). За это мы, назореи Сиона, блиставшие паче снега, стали как Ефиопы, бывши белы паче млека, стали черны паче чернил. За это паче сажии почернел вид наш; увеличилось беззаконие наше паче беззаконий содомских; за это мы, сыны дня и света, стали сынами ночи и тьмы (1 Сол. 5, 5). За это мы, сыны царствия, стали сынами геенны. За это мы, сыны Вышняго, яко человеки умираем, и яко един от князей падаем (Псал. 80, 7). За это мы преданы в руки врагов беззаконных, т. е. злых и свирепых бесов, и царю неправедному и лукавейшему паче всея земли, т. е. начальнику их сатане, ибо согрешали и беззаконновали, преступивши заповедн Господа Бога нашего (Дан. 3, 29—32), Сына Божия поправши и кровь завета ни во что вменивши (Евр. 10, 29). Но

Господи, не предаждь нас до конца, имене Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас (Дан. 3, 34. 35), щедрот ради Твоих, Отче наш, Иже еси на небесех, благоутробия ради Единороднаго Сына Твоего и милости ради Святаго Духа Твоего. Не помяни наших беззаконий первых: скоро да предварят ны щедроты Твоя Господи, яко обнищавом зело. Помози нам Боже, Спасителю наш славы ради имене Твоего, Господи, избави ны, и очисти грехи наши имене ради Твоего (Пс. 78, 8. 9), помянув начаток наш, который от нас по человеколюбию взяв, Единородный Сын Твой, за нас имеет на небесах, подавая нам твердую надежду спасения, чтоб чрез отчаяние не сделались мы худшими. Помози, избави, ради честныя крови Его, которую излил Он за живот мира, ради святых Его Апостолов и мучеников, за имя Его кровь свою проливших, ради св. Пророков, Отцев и Патриархов, которые подвизались благоугодить святому имени Твоему. Не презри молений наших Господи, и не остави нас в конец. Ибо не на правды наши уповаем, но на милость Твою, по коей снабдеваешь Ты род наш. Молимся Тебе и просим Твою благодать, да не будет нам в осуждение, устроенное для нас Единородным Сыном Твоим ко спасению таинство; не отвержи нас от лица Твоего. Не погнушайся нашим недостойнством, но помилуй нас по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония наши, да неосужденно приступив пред лице славы Твоея, сподобимся покровя Единороднаго Сына Твоего, а не окажемся рабами лукавыми и неключимыми по грехам своим. Ей, Владыко всеильне, Господи, услыши моление наше, инаго бо разве Тебе Бога не знаем; имя Твое именуем. Ты еси действуй вся во всех и от Тебя ищем мы всякой помощи. Призри с небесе Боже, и виждь из жилища святыя славы Твоея. Где, есть ревность Твоя и крепость Твоя? Где есть множество милости Твоея, и щедрот Твоих, яко терпел еси нам? Ты бо еси отец наш, понеже Авраам не уведет нас, и Йзраиль не позна нас, но Ты, Господи, отец наш, избави ны, ибо от начала на нас есть имя святое Твое и Единороднаго Сына Твоего и Святаго Духа Твоего. Что уклонил еси, нас, Господи, от пути Твоего, и ожесточил еси сердца наша, еже не бояться Тебе? Возврати Господи рабов Твоих, ради святыя церкви Твоея и ради всех от века Святых Твоих; да поне мало наследим горы святыя Твоея: противницы наши попраша святыню Твою. Быхом, яко исперва, егда не владел еси нами, ниже бе нареченно имя Твое на нас (Исаии 63, 15—19).

38) Аще отверзети небо, трепет примут от Тебе горы, и растают, яко тает воск от лица огня, и попалят огонь супостаты, и страшно будет имя Твое в сопротивных Твоих. Егда сотвориши славная; трепет примут от Тебе горы. От века не слышахом, ниже очи наша видеша Бога, разве Тебе, и дела Твоя, яже сотвориши ждущим милости. Милость бо срящет творящих правду и пути Твоя помянутся: се Ты разгневался еси, и мы согрешихом. — Лучше же сказать: мы согрешили и Ты разгневался. Сего ради заблудихом, и быхом яко нечисти вси мы, якоже порт нечистыя, вся правда наша: и отпадохом, яко листовие, беззаконий ради наших: тако ветр восхитит нас, и несть призывая имя Твое, и помянувый удержати Тя: яко отвратил еси лице Твое от нас, и предал ны еси беззаконий ради наших. И ныне Господи, Отец наш еси Ты, мы же брение, дела, руку Твоею вси. Не прогневайся на ны зело, и не помяни во время беззаконий наших: и ныне призри, яко людие Твои вси мы. Град святилища Твоего бысть пуст, Сион яко пустыня бысть, Иерусалим на проклятие. Дом святой наш, и слава, юже благословиша отцы наши, бысть огнем пожжен, и вся славная наша купно падоша. И о всех сих терпел еси Господи, и молчал и смирил еси ны зело (Исаии 64,1—12).

39) Случилось это с древним народом Твоим прообразовательно, а ныне в нас исполнилось истинно. И быхом поношение соседом нашим, демонам, подражание и поругание сущим окрест нас (Пс. 78,

4). Но призри с небесе и виждь, и спаси нас имене ради Твоего святого. Дай нам узнавать обходы противников наших и избавь нас от козней их. Не отдали помощь Твою от нас, ибо сами мы недовольны к тому, чтобы победить нападающих на нас; Ты же силен спасти нас от всех врагов. Спаси нас, Господи, от всех прискорбностей мира сего, по благодсти Своей, чтобы с чистою совестью преплыв море жизни, чистыми и непорочными предстали мы страшному престолу Твоему и сподобились жизни вечной.

40) Выслушав все это и в великое пришедши сокрушение, брат со слезами сказал старцу: сколько вижу, отец мой, нет мне надежды спасения. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою (Пс. 37, 5). Чтоже мне делать скажи мне, прошу тебя? Старец сказал ему в ответ: спастися людям самим невозможно; но для Бога все возможно, как сказал сам Господь (Мф. 19, 26), и так предварим лице Его во исповедании... поклонимся и припадем Ему, и восплачемся пред Господем, сотворившим нас: яко Той есть Бог наш (Пс. 94, 2. 6), ибо слышим слово Его, чрез Пророка Исаии изрекаемое: егда возвратився воздохнеша, тогда спасешися (Ис. 30, 15). И опять: еда не может рука Господня спасти? Или отягчил есть слух Свой, еже не услышати? Но грехи ваши разлучают между вами и между Богом, и грех ради ваших отврати лице Свое от вас, еже не помиловати (Ис. 59, 1. 2). Почему говорит: измыйтеся, и чисти будите, отымите лукавства от душ ваших пред очима Моима, престаните от лукавств ваших; научитесь добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу и приидите, и истяжемся, глаголет Господь, и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю. И аще хотите, и послушаете мене, благая земли снесите: уста бо Господня глаголаша сия (Ис. 1, 16 — 20); также и чрез Иоиля говорит Он: обратится ко Мне всем сердцем вашим, в пост, и в плачи, и в рыдании, и расторгните сердца ваша, а не ризы ваша и обратится ко Господу Богу вашему, яко милостив и щедр есть, и раскаяваяся о злобах (Иоил. 2, 12. 13). И Иезекиилю велел Он сказать: сыне человеце, рцы дому Израилеву, сице ресте глаголюще: прелести наша и беззакония наша в нас суть, и мы в них таем, и како нам живым быти; Рцы им: живу Аз глаголет Адонаи Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему: обращением обратится от пути вашего злаго: и вскую умираете доме Израилев (Иезек. 33, 10. 11). Третья же книга Царств показывая преизбыточество благодсти Божией, так говорит: когда услышал Ахав, — бывши в винограднике Навуфея, который принял он в наследие чрез убиение Навуфея Иезавелию, — слова Илии, сказавшаго: сия глаголет Господь, понеже убил ты, и наследовал, — на месте идеже пси полизаша кровь его, тамо полижут и кровь твою... И Иезавель пси снесят в предградии Иезраеля. Егда услыша Ахав словеса сия, умилися от лица Господня, и идяше плачяся, и раздра ризы своя и препоясая вретischem по телу своему, и постися, и бе оболчен во вретиче день и ночь. И бысть глагол Господень ко Илии, глаголя: видел ли еси, яко умилися Ахаав от лица Моего? — сего ради не наведу зла во днех его (3 Цар. 21, 19. 23. 27. 29). И Пророк Давид говорит: беззаконие мое познах и греха моего не покрых. Рех, исповем на мя беззаконие мое Господеви: и Ты оставил еси нечестие сердца моего. За то помолитися к Тебе всяк преподобный во время благопотребно (Пс. 31, 5. 6). В Евангелии же Господь говорит: покайтеся, приближися бо царствие небесное (Мф. 4, 17). А когда Петр спросил Его: коль краты, аще согрешит в мя брат мой, и отпущу ли ему до седмь крат? Естеством благий и неизреченный в благодстии ответил ему: не глаголю тебе, до седмь крат, но до седмьдесят крат седмерицею (Мф. 18, 21. 22). Что может сравниться с такою благодстиною? Чему уподобим такое

человеколюбие?

41) Познавши таким образом страх Божий, равно как благодать Его и человеколюбие, как из Ветхаго, так и из Новаго Завета, обратимся к Нему от всего сердца нашего. И чего ради гибнуть нам, братие? Очистим руки наши грешные, исправим сердца наши двоедушные, возскорбим, сокрушимся, и восплачем о грехах своих. Престанем от злых дел своих; поверим благоутробию Господню, убоимся прещений Его, и положим соблюдать заповеди Его. Возлюбим друг друга от всего сердца; скажем: братие наши вы, — и тем, которые ненавидят и поносят нас, да прославится имя Господа. Будем прощать друг друга, когда друг другом искушаемы бываем, ибо всех нас борет общий враг наш. Станем противиться худым помыслам своим, призывая в совоинствование нам Бога и изгоним чрез то из себя злых и нечистых духов. Подчиним плоть духу, умерщвляя ее и порабацая всякими злостраданием. Очистим себя от всякия скверны плоти и духа. Будем возбуждать друг друга в поощрении любви и добрых дел. Не будем завидовать другим, и не станем раздражаться против тех, которые нам завидуют. Будем оказывать взаимное сострадание, и смиренномудрием врачевать друг друга. Не будем осуждать и осмеивать друг друга, яко уды есмы друг другу. Отбросим от себя нерадение и беспечность, и станем мужественно подвизаться против лукавых духов, Имеем ходатаем ко Отцу Иисуса Христа Праведника; и Той есть очищение о гресех наших: помолимся же Ему от чистаго сердца, от всей дуи, и Он оставит нам грехи наши. Ибо близ Господь всем призывающим Его во истине (Пс. 144, 18). Почему говорится: пожри Господеву жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя в день скорби твоея, и изму тя и прославиши Мя (Пс. 49, 14. 15). Исаия же опять что говорит? разрешай всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, отпусти сокрушенныя в свободу, и всякое писание неправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой и нищия безкровныя введи в дом твой, аще видиши нага одеи, и от свойственных племени твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, исцеления твоя скоро возсияет и предыдет пред тобою правда твоя, и слава Божия обьимет тя. А за этим что? — Тогда воззовеши, и Бог услышит тя, и еще глаголющу ти, речет: се приидох. Тогда возсгяет во тьме свет твой, и тьма твоя будет, яко полудне, и будет Бог твой с тобою присно: и насытишися, якоже желает душа твоя (Исаии 58, 6—10). Видишь ли, что когда разрешим всякий союз неправды, и расположимся благодетельствовать ближнему от всей души, тогда облистаемся светом ведения, освободимся от страстей безчестия, исполнимся всякою добродетелию, светом славы Божией осветимся, и от всякаго неведения избавимся; — молясь же Христу, услышаны будем, и Бога всегда будем иметь с собою и божественных исполнимся желаний.

42) Возлюбим друг друга и возлюблены будем от Бога. Будем долготерпеть друг другу, и Он подолготерпит грехам нашим. Не будем воздавать злом за зло, и Он не воздаст нам по грехам нашим. Оставление прегрешений наших обречем в прощении братиям; ибо милость Божия к нам сокрыта в милостивости нашей к ближним. Почему и сказал Господь: отпускайте и отпустят вам (Лук. 6, 37). И: аще бо отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам, Отец ваш небесный (Мф. 6, 14). И опять: блажени милостивии: яко тии помилованы будут (Мф. 5, 7). И: в нюже меру мерите, возмерится вам (Мф. 7, 2). Се устроил нам Господь образ спасения, и дал область чадами Божиими быти (Ин. 1, 12). После сего спасение наше уже в нашей воле.

43) Предадим же себя всецело Господу, да и Его восприимем всецело, и соделаемся чрез Него богами. Ибо для того Он и человеком соделался, естеством сый Бог и Владыка. Покоримся Ему

вседушно, и Он недремленно будет отражать врагов наших. Аще быша людие мои послушали Мене, говорит Он, Израиль, аще бы в пути Моя ходил, пн о чесемже убо враги, его смирил бых; и на оскорбляющыя их возложил бых руку Мою (Пс. 80, 14. 15). Все упование наше на Него единого возложим, на Него возвергнем всю печаль нашу, — и от всякой скорби Он избавит нас и во всю жизнь препитает нас. Всякаго человека возлюбим от души; но ни на какого человека не будем возлагать упования своего. Только поколику Господь хранит нас, потолику и друзья споспешествуют нам и враги немоществуют пред нами. Когда же Господь оставляет нас, тогда оставляют нас и друзья наши (в беспомощности), а враги преодолевают нас. Но и на себя самого надеющийся падет падением дивным, а боящийся Господа возвышен будет. Почему и говорил Давид: не на лук мой уповаю, и меч мой не спасет мене; спасл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси (Пс. 43, 7. 8).

44) Не будем принимать помыслов, умаляющих грехи наши и обманом уверяющих нас, что они уже прощены нам. Это от них предостерегая нас, сказал Господь: внемлите же от живых пророков, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть овцы хищницы (Мф. 7, 15). Пока ум наш стужаем бывает от греха, дотолы, знай, не улучили еще мы оставления его; ибо верно не сотворили еще мы плодов достойных покаяния, Плод покаяния есть безстрастие души; безстрастие же есть изглаждение греха. Не имеем еще мы совершенного безстрастия, если иногда стужаемы бываем от страстей, а иногда нет. Не улучили мы, значит, и совершенного оставления грехов. От прародительскаго греха освободились мы чрез святое крещение, от тех же грехов, на которые дерзали мы по крещении, освобождаемся не иначе, как посредством покаяния.

45) Покаемся же искренно, чтоб, освободившись от страстей, улучить нам оставление грехов. Презрим временныя блага, чтоб ссорясь из — за них с людьми, не нарушить заповеди любви и не отпасть от любви Божией. Будем ходить духом и похотей плоти совершать не станем (Гал. 5, 16). Возборствуем и вострезвимся, и отрясем сон безпечности; поревнуем святым подвижникам Спасовым, и восподражаем подвигам их, задняя забывая, в предняя же простираяся. Восподражаем не утомимому их течению, горячему усердию, постоянству в воздержании, святыне целомудрия, твердости терпения, непоколебимости благодушия, искренности сострадания, невозмутимой кротости, теплоте ревнования, непритворной любви, высокому смиренномудрию, совершенному нестяжанию, мужеству, благостыне, тихонравию. Не будем поблажать—влечению к удовольствиям, не допустим разслабления в помыслах, не оскверним совести. Будем иметь мир со всеми и святыню, без которых никто не узрит Господа (Евр. 12, 14). Ко всему же этому, убежим от мира, братие, и от миродержца. Оставим плоть и плотское. Потечем на небеса и там, станем иметь свое жительство, подражая божественному Апостолу, да достигнем началовождя жизни и вкусим от источника живота. Составим хор с Ангелами и Архангелами, и воспеснословим Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

2.

ЧЕТЫРЕ СОТНИ ГЛАВ О ЛЮБВИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭЛПИДИЮ.

Се к слову о подвижнической жизни посылаю твоей честности, отче Элпидие, и слово о любви в равночисленных четырех Евангелиям сотницах глав, — которое нимало, может быть, не соответствует ожиданию твоему; но не ниже наших сил. Впрочем да ведает святыня твоя, что и это

не моего ума плод. Но прочитав писания Святых Отцев, и набрав оттуда, что обращает внимание ума к моему предмету, и в виде изречений или глав в немногом совместив многое, для удобнейшаго запоминания и мысленнаго обозрения, — препровождаю то к твоему Преподобию, прося читать с благою мыслию, ища одной пользы, и не обращая внимания на не красоту речи, и молиться о моем недостоинстве, чуждом всякаго плода духовнаго. Прошу также не вменить в отягощение написаннаго (будто я возлагаю бремена тяжкая на совесть); ибо я исполняю заповедь послушания. Говорю же сие потому, что ныне нас, отягчающих совести словами наставительными много, а учащих делами, или учащихся из дел очень мало.

Потрудись потщательнее вникать в каждую главу. Ибо не все, как думаю, для всех удобопонятно; но многое от многих потребуе многоаго изыскания, хотя по видимому, и очень просто изречено. Быть может, что открытое в них таким образом окажется и душеполезным. Но конечно и окажется по благодати Божией, если кто будет читать не с пытливым духом, а со страхом Божиим и любовию. Кто же сию или другую какую книгу станет читать не для духовной пользы, а для уловления речений на укор писавшему, дабы тщеславно показать себя более знающим, нежели он, тому нигде, никогда, ничто полезное не откроется.

ПЕРВАЯ СОТНИЦА

О ЛЮБВИ.

- 1) Любовь есть благое расположение души, по которому она ничего из существующаго не предпочитает познанию Бога. Но в такое любительное настроение невозможно придти тому, кто имеет пристрастие к чему либо земному.
- 2) Любовь рождается от безстрастия; безстрастие от упования на Бога; упование от терпения и великодушия, сии последния от воздержания во всем; воздержание от страха Божия, страх от веры в Господа.
- 3) Верующий Господу боится адских мук. Страшащийся мук воздерживается от страстей. Воздерживающийся от страстей терпеливо переносит скорби. Претерпевающий скорби возымеет упование на Бога. Упование на Бога отрешает ум от всякаго земнаго пристрастия. Отрешенный от сего ум возымеет любовь к Богу.
- 4) Любящий Бога предпочитает познание Бога всему от Него сотворенному, и непрестанно прилежит к тому с вожделением.
- 5) Если все сущее существует чрез Бога и для Бога; Бог же лучше всего чрез Него получившаго бытие: то Бога оставляющий и занимающийся низшими предметами, показывает тем, что он предпочитает Богу то, что стало быть чрез Него.
- 6) Чей ум прилеплен к Богу любовию, тот ни во что ставит все видимое, даже самое тело свое как бы чужое.
- 7) Если душа лучше тела, и несравненно лучше мира создавший его Бог: то предпочитающий душе тело, и Богу созданный от Него мир, ничем не разнится от идолослужительствующих.
- 8) Отторгший ум свой от любви к Богу и пребывания в присутствия Его и привязавшийся оным к чему — либо чувственному, предпочитает душе тело, и Богу Создателю то, что стало быть от Него.
- 9) Если жизнь ума есть просвещение познания, а сей свет рождается от любви к Богу: то хорошо сказано, что нет ничего выше Божественной любви.
- 10) Когда по влечению любви, ум возносится к Богу: тогда он ни самага себя и ничего из сущаго

совсем не чувствует. Озаряемый Божественным безмерным светом, он безчувствен бывает ко всему сотворенному, подобно как и чувственное око к звездам по возсиянии солнца.

11) Все добродетели споспешествуют уму в возлюблении Бога, но всех более чистая молитва. Ею воскриляемый к Богу, он бывает вне всего сущаго.

12) Когда чрез любовь ум восхитится от Божественного познания, и, став вне сущаго, возчувствует Божескую безпредельность: тогда по примеру Божественного Исаии, от изумления пришед в чувство своего ничтожества, искренно возглашает слова сего Пророка: о окаянный аз, яко умилился, яко человек сый, и нечисты устны имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима (Ис. 6, 5).

13) Любящий Бога не может не любить и всякаго человека как самого себя, хотя не благоволит к страстям тех, кои еще не очистились. Почему—когда видит их обращение и исправление, радуется радостью безмерною и неизреченною.

14) Нечиста страстная душа, наполненная помыслами похотными и ненавистливыми.

15) Видящий в сердце своем след ненависти к какому либо человеку, за какое либо падение, совершенно чужд любви к Богу. Ибо любовь к Богу никак не терпит ненависти к человеку.

16) Любящий Меня, говорит Господь, заповеди Мои соблюдет (Ин. 14, 15). Заповедь же Моя сия есть, да любите друг друга (Ин. 15, 12). Итак не любящий ближняго не соблюдает заповеди: а не соблюдающий заповеди не может любить и Господа.

17) Блажен человек, который всякаго равно любить может.

18) Блажен человек не привязанный ни к какой вещи тленной или временной.

19) Блажен ум, который, минуя все твари, непрестанно услаждается Божественною красотою.

20) Кто, попечение о плоти простирая до похотей, за что либо временное злопамятствует на ближняго: тот служит твари паче Творца.

21) Охраняющий тело свое от сластей и от болезней имеет в нем соработника в служении лучшему.

22) Бегающий всех мирских похотей поставляет себя выше всякой мирской печали.

23) Любящий Бога непременно и ближняго любит. А таковой не может беречь имение, но Боголепно распоряжается им, подавая каждому требующему.

24) Творящий милостыню, подражая Богу, не делает различия между злым и благим, между праведным и неправедным в потребностях телесных. Но всем равно разделяет, соразмерно с нуждою; хотя добродетельнаго, за благое расположение воли его, предпочитает порочному.

25) Как Бог по естеству благий и безстрастный, хотя всех равно любит, как Свои создания, но добродетельнаго прославляет, как родственнаго Ему и нравом, а порочнаго милует по благодати Своей, и, наказуя в веке сем, обращает его: так и человек благомыслящий и нестрастный любит равно всех человеков, — добродетельнаго по естеству, и за благое расположение воли, а порочнаго, как по естеству, так еще из сострадания, милуя его, как несмысленнаго и во тьме ходящаго.

26) Не раздаянием только имения оказывается расположение любви, но еще более преподаванием слова Божия и телесным служением.

27) Искренно отрехшийся мирских вещей, и нелицемерно из любви служащий ближнему, скорее освобождается от всякой страсти, и становится причастным Божественной любви и Божественнаго ведения.

28) Стяжавший в себе любовь Божественную, подобно Божественному Иеремии, не

утруждается, последуя Господу Богу своему (Иер. 7, 16); но мужественно переносит всякий труд, оскорбление и поношение, не мысля зла совершенно ни против кого.

29) Когда ты оскорблен кемнибудь, или в чем уничижен: берегись помыслов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти.

30) Когда тяжело тебе от укоризны или безчестия: то знай, что ты великую получил от того пользу, ибо чрез уничижение промыслительно изгнано из тебя тщеславие.

31) Как воспоминание об огне не согревает тела: так вера без любви не производит в душе света ведения.

32) Как свет солнца влечет к себе здоровое око: так познание Бога естественно восхищает к себе чрез любовь чистый ум.

33) Чист ум есть, вышедший из неведения, и просвещаемый Божественным светом.

34) Чиста душа освободившаяся от страстей, и непрестанно возвеселяемая Божественною любовью.

35) Страсть достойна порицания, как не естественное движение души.

36) Безстрастие есть мирное состояние души, в котором она неудободвижна на зло.

37) Кто тщанием своим стяжал плоды любви: тот не отлагается от нея, хотя бы претерпевал тысячи зол. В сем да удостоверит тебя ученик Христов Стефан, и подобные ему, и Сам Христос, за убийц Своих молившийся Отцу, и просивший им у Пего прощения, как по неведению творящим то (Лук. 23, 34).

38) Ежели свойство любви есть долготерпеть и милосердовать (1 Кор. 13, 4): то очевидно, что гневающийся и злобствующий чужд любви. Но чуждый любви, чужд Бога: поелику Бог есть любовь (1 Ин. 4, 8).

39) Не говорите, что вы есте храм Божий. говорит Божественный Иеремия (7, 4). Не говори и ты: одна вера в Господа нашего Иисуса Христа может спасти меня. Ибо это невозможно, если не стяжешь и любви к Нему, делами свидетельствуемой. Что же касается до голой веры: то и беси веруют и трепещут (Иак. 2, 19).

40) Дело любви составляют: усердное благодетельство ближнему, великодушие, терпение и благоразумное пользование вещами.

41) Любящий Бога никого не огорчает, и ни на кого не огорчается из за временного: огорчает же и огорчается одною спасительною печалию, каковою блаженный Павел и сам огорчился и огорчил Коринфян (2 Кор. 2, 4).

42) Любящий Бога Ангельскою жизнью на земле живет, постясь и бдение совершая, поя и моляся, и о всяком человеке всегда доброе помышляя.

43) Если всякий чего желает, того и достигнуть домогается; всех же благ и желаемых вещей несравненно добретнее и вожделеннее — Бог: то какое рвение должны мы показать, чтобы достигнуть Его по естеству благаго и вожделеннаго.

44) Не растлевай плоти твоей срамными делами; не оскверняй души помыслами злыми: и мир Божий снидет на тебя, принося с собою любовь.

45) Изнуряй плоть свою голодом и бдением; и не леностно упражняйся в псалмопении и молитве; и освящение целомудрия снидет на тебя, нося с собою любовь.

46) Сподобившийся Божественнаго ведения и любовью стяжавший его просвещение, никогда не надмевается духом тщеславия; а не сподобившийся онаго весьма легко им кружим бывает. Впрочем

если таковой во всем, что ни делает, будет воззреть Е Богу, делая все ради Его, то с Богом легко избежит сего недуга.

47) Не достигший еще ведения Божественного, любовью вдохновляемого, много думает о том, что им делается бывает по Богу; а сподобившийся получить таковое от сердца повторяет слова Патриарха Авраама, которых сказал он, когда удостоен был Божия явления: аз есмь земля и пепел (Быт. 18, 27).

48) Боящийся Господа имеет смиренномудрие всегдашним своим собеседником, и по его напоминаниям восходит к любви и благодарению Бога. Он, вспоминая первое свое житие по духу мира, свои разнообразныя прегрешения, случившыяся с ним от юности искушения, и то как Господь от всех их избавил его, и от жизни страстной перевел к жизни по Богу, со страхом восприимлет и любовь; и непрестанно с глубоким смиренномудрием благодарит Бога, благодетеля и правителя жизни нашея.

49) Не оскверняй ума твоего удержанием в себе помыслов похоти и гнева, дабы, отпадши от чистой молитвы, не впасть в дух уныния.

50) Ум тогда лишается дерзновения к Богу, когда бывает собеседником с помыслами злыми и нечистыми.

51) Неразумный, водимый страстями, когда, будучи движим гневом, растревоживается, спешит без разсуждения бежать от братий: когда же похотию разжигается, тогда, раскаяваясь, паки прибегает, и вступает с ними в беседу. Благоразумный же в том и другом случае поступает иначе. В случае разсерчания, отсеки причины возмущения освобождает себя от огорчения на братий; в случае похотливости воздерживается от безсловесных позывов и праздных бесед.

52) Во время искушений не оставляй монастыря своего; но мужественно переноси волнование помыслов, особенно наводящих печаль и уныние: ибо таким образом, благопромыслительно быв искушен скорбями, возымеешь твердую надежду на Бога. Если же оставишь оный, то окажешься не искусным, не мужественным и не постоянным.

53) Если желаешь не отпасть от любви Божественной; то ни брата своего не допусти уснуть в огорчении на тебя, ни сам не усни в огорчении на него: но иди, примирился с братом твоим, и, возвратясь (Матф. 5. 24) с чистою совестью, принеси Христу дар любви в прилежной молитве.

54) Если, по словам Божественного Апостола, все дары Духа имеющий, любви же не имеющий никакой не получает пользы: то какое должны мы употребить тщание, дабы стяжать ее (1 Кор. 13—3).

55) Если любовь искреннему злу не творит (Рим. 13, 10); то завидующий брату, приводимый в печаль его доброю славою, помрачающий злоречием имя его, или по злонаравию наветующий на него, не делает ли себя чуждым любви, и повинным вечному осуждению?

56) Если любовь есть исполнение закона (Рим. 13, 10): то памятозлбствующий на брата, уготовляющий ковы ему, проклинаящий его, и радующийся падению его не есть ли законопреступник, и не достоин ли вечной муки?

57) Ежели оклеветающий брата, и осуждающий брата оклеветает закон, и осуждает закон (Иак. 4, 11); закон же Христов есть любви (Иоан. 13, 34): то клеветник не отпадает ли от любви Христовой, и не делается ли сам для себя виновником муки вечной?

58) Не предавай слуха твоего языку клеветника, ниже языка твоего слуху любящаго злоречие, с удовольствием говоря, или слушая речи против ближняго: да не отпадешь от любви Божественной, и

окажешься чуждым вечной жизни.

59) Не принимай укоризны на отца твоего, и не поощряй того, кто его безчестит; да не прогневаются на дела твои Господь, и потребит тебя от земли живых.

60) Загради уста клеветнику — в уши твои, да не согрешишь с ним двойным грехом, и сам приучась к сей страсти пагубной, и ему не препятствуя поносить ближнего.

61) Аз же глаголю вам, говорит Господь, любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, молитесь за творящих вам напасть (Мат. 5, 44). Для чего заповедал Он сие? — Для того, чтобы освободить тебя от ненависти, огорчения, гнева, памятозлобия, и сподобить величайшаго стяжания совершенной любви; которой не возможно иметь тому, кто не всех человеков равно любит, по примеру Бога, всех человеков равно любящаго, и хотящаго всем спастися, и в познание истины прийти (1 Тим. 2, 4).

62) Аз же глаголю вам, не противитесь злу: но аще, кто тя ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую, и хотящему с тобою судитися, и ризу твою взяти отпусти ему и срачицу: и аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два (Матф. 5, 39—41). Для чего? дабы и тебя сохранить безгневным, безтревожным и неогорченным, — и его твоим незлобием научить, и обоих вас подвести под иго любви, яко благ Господ.

63) К каким вещам были мы когданибудь пристрастны, о тех носим и страстныя воображения. Почему побеждающий страстныя воображения конечно презирает и вещи воображаемыя. Потому что брань с воспоминаниями о вещах, столько же труднее брани с самими вещами, сколько грешить мыслию удобнее, нежели самым делом.

64) Из страстей иныя суть телесныя, иныя душевныя. Телесныя от тела получают повод, а душевныя от внешних предметов. Но и те и другия отсекает любовь, и воздержание: та — душевныя, а это телесныя.

65) Иныя страсти принадлежат к раздражительной силе души, а иныя к вождевательной. Те и другия возбуждаются чувствами: возбуждаются же тогда, когда душа находится вне любви и воздержания.

66) Труднее преодолевать страсти раздражительной силы души, нежели вождевательной: потому—то против них от Господа и врачевство дано сильнейшее—заповедь о любви.

67) Все другия страсти касаются только или раздражительной части души, или вождевательной, или же мыслительной, как например, забвение и неведение: а уныние охватывая все силы души, вдруг, за одним духом, приводит в движение почти все страсти, почему оно и тяжелее всех других страстей. Добре убо Господь, подав противу онаго врачевство, говорит: в терпении вашем стяжите души ваша (Лк. 21, 19).

68) Не бей никогда никого из братьий, особливо безвинно, дабы он, не снесши скорби, не удалился; и тогда ты никогда не убежишь от обличения совести, которое всегда будет причинять тебе печаль во время молитвы, и отгонять ум от дерзновения к Богу.

69) Не терпи приносящих тебе соблазны подозрений, на какого бы то ни было человека, Ибо допускающие до себя какимнибудь образом соблазны от приключений, произвольно или не произвольно случающихся, не ведают пути мирнаго (Рим. 3, 17), который чрез любовь ведет к познанию Бога любителей своих.

70) Тот еще не имеет совершенной любви, кто располагает к людям смотря по нравам их, одного любя, другого ненавидя за то или другое, или одного и того же человека иногда любя, иногда ненавидя по тем же причинам.

71) Совершенная любовь не разделяет единого естества человек по различным их нравам; но всегда смотря на оное, всех человек равно любит: добрых любит, как друзей, а недобрых, как врагов, благодетельствуя им, долготерпя, перенося ими причиняемое, отнюдь не отплачивая им зла, но даже страдая за них, когда случай востребует, дабы, если возможно, соделать и их себе друзьями; но если и невозможно, она все же не отступает от своего расположения к ним, всегда равно являя плоды любви всем человекам. Так и Господь наш и Бог Иисус Христос, являя Свою к нам любовь, пострадал за все человечество, и всем равномерно даровал надежду воскресения, хотя впрочем каждый сам себя делает достойным или славы, или мучения адского.

72) Неравно ни во что вмещающий славу и безславие богатство и убожество, утехи и горести, не достиг еще совершенной любви. Совершенная любовь не только сие все ни во что вмещает, но и самую временную жизнь и смерть.

73) Послушай достигших совершенной любви, что говорят они: кто ны разлучит от любве Божия? скорбь, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? якоже есть писано, яко Тебе, ради умерщляемы есмы весь день; вменихомся, яко овцы заколения. Но во всех сих препобиждаем за Возлюбльшаго ны. Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе, Иисусе, Господе нашем (Рим. 8, 35—39).

74) О любви к ближнему послушай опять, что они говорят: истину глаголю о Христе, не лгу, послушествовающей ми совести моей Духом Святым: яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему: молилбхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть Израилите, — и т. д. (Рим. 9, 1 — 4). Также говорил и Моисей, и другие Святые.

75) Кто не вмещает ни во что честолюбия и сластолюбия, и их возвращающаго, и ради их поражающагося сребролюбия; тот не может отсець причин гневнаго раздражения: а не отсекающий их, не может достигнуть совершенной любви.

76) Смирение и злострадание (телесныя лишения) освобождают человека от всякаго греха; потому что то отсекает страсти душевныя; а это — телесныя. Так поступал блаженный Давид, как видно из следующей молитвы его к Богу: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя (Пс.24, 18).

77) Чрез заповеди Господь исполняющих оныя делает безстрастными: а чрез Божественные догматы дарует им свет ведения.

78) Все догматы или о Боге говорят, или о видимых и невидимых творениях, или о явленном в них промысле и суде.

79) Милостыня врачует раздражительную часть души; пост—изсушает похоть; молитва очищает ум, и уготовляет его к созерцанию сущаго. Ибо по силам души Господь дал нам и заповеди.

80) Научитесь от Мене, глаголет Господь, яко кроток есмь и смиренъ сердцем (Матф. 11, 29).

Кротость предохраняет раздражительность от возмущения, а смирение освобождает ум от надмения и тщеславия.

- 81) Страх Божий двояк. Один рождается от угроз наказанием, от которого поражаются в нас по порядку воздержание, терпение, упование на Бога и безстрастие, из коего любовь. Другой сопряжен с самою любовию, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения Бога.
- 82) Первый страх любовь совершенная изгоняет вон (1 Иоан. 4, 18), из души ее стяжавшая, и не боящейся уже муки; а второй, как сказано, она всегда имеет сопряженным с собою. Первому приличествуют следующие слова Писания: страхом Господним уклоняется всяк от зла (Притч. 15, 27); и: начало премудрости страх—Господень (Прит. 1, 7); ко второму: страх Господень чист пребывая в век века (Пс. 18, 10); и: несть лишения боящимся Его (Пс. 33, 10).
- 83) Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание и проч. (Колос. 3, 5). Землею назвал здесь Апостол плотское мудрование; блудом, грех делом совершаемый; нечистотою, соизволение на оный; страстию, страстный помысл; похотию злую, простое принятие помысла похотнаго; лихоиманием, вещество поражающее и возвращающее страсть. Все сие, как члены мудрования плотскаго, повелел умертвить Божественный Апостол.
- 84) Сперва память вносит в ум простой помысл; и если он замедлит в нем, то от сего приходит в движение страсть; если не истребишь страсти, она преклоняет ум к соизволению; а когда и сие произойдет, тогда доходят уже до греха и делом. Посему—то премудрый Апостол, пища к христианам обратившимся из язычников, во первых повелевает прекратить совершение греха делом, а потом подвигаясь обратно прежнему порядку доходить и до причины онаго. Причина, поражающая и возвращающая страсти, как выше сказано, есть лихоимание, которое, по моему мнению, здесь означает пресыщение, яко мать и питательницу блуда. Ибо лихоимание, не только в отношении к имению, но и в отношении к пище, зло; как и воздержание не только в отношении к пище, но и в отношении к имению, — добро.
- 85) Как птица, привязанная за ногу, начавши подниматься вверх, стягивается опять на землю, влекомая за вервь: так ум, не достигший еще безстрастия, хотя и воспаряет к познанию небесных вещей, но влекомый страстями, стягивается опять на землю.
- 86) Когда ум совершенно от страстей освободится: тогда он и к созерцанию сущаго непреткновенно шествует, направляя путь к познанию Святыя Троицы.
- 87) Когда ум чист, то, получая понятия о вещах, возбуждается к духовному созерцанию оных; сделавшись же нечист по разленению, помышления о других вещах воображает просто, а воспринимая что либо человеческое, превращает то в срамные и злые помыслы.
- 88) Если никогда во время молитвы не осаждает ума твоего никакое помышление мирское: то знай, что ты не вне области безстрастия.
- 89) Когда душа начнет чувствовать себя здоровою: тогда начнет и сновидения иметь чистыя и безмятежныя.
- 90) Как чувственное око привлекается красотою вещей видимых: так чистый ум, познанием невидимых. Невидимым я называю безтелесное.
- 91) Великое дело не пристращаться к вещам, но гораздо более — быть безстрастну к воображениям их: ибо чрез помыслы брань с нами злых духов, жесточае брани чрез самыя вещи.
- 92) Преуспевший в добродетелях и обогатившийся ведением, как, видящий уже вещи. как оне по естеству суть, всегда все и делает и говорит по здравому разуму, отнюдь не уклоняясь от него. Ибо

судя потому, благоумно, или неумно пользуемся мы вещами, бываем мы или добродетельны, или порочны.

93) Признак совершенного безстрастия есть тот, когда и во время бодрствования, и во сне представления вещей всегда всходят на сердце простыми.

94) Исполнением заповедей ум совлекается страстей; духовным созерцанием видимаго совлекается страстных о вещах помыслов; познанием невидимаго отрешается от созерцания видимых вещей; наконец познанием Святыя Троицы, и от самага ведения вещей невидимых.

95) Как солнце восходя и освещая мир, являет и себя и освещаемые им предметы: так Солнце правды, возсиявая в чистом уме, являет и Себя, и разумение всего от Него бывшего, и быть имеющаго.

96) Бога знаем мы не по существу Его, но по великолепию творений Его, и Его о них промыслу. В них как в зеркале видим мы безпредельную Его благодать, премудрость и силу.

97) Чистый ум пребывает или в простых помышлениях, о вещах человеческих, или в естественном созерцании видимаго, или в созерцании невидимаго, или во свете Святыя Троицы.

98) Бывая в созерцании вещей видимых, ум изследывает или естественныя их свойства, или то, что знаменуется ими, или же ищет самую их причину.

99) Упражняясь же в созерцании вещей невидимых, Он ищет узнать естественныя свойства оных. причину бытия их, и что из сего следует, и какой о них промысл и суд Божий.

100) Когда же бывает в Боге: то сперва от пламенной любви ищет уразумения естества Его, но утешение находит при сем не из познания того, что есть в Нем: ибо сие невозможно и неместительно равно для всякаго сотвореннаго естества, а утешается познанием того, что окрест Его, как то: вечности, безпредельности, неописанности, благодати, премудрости и силы вседетельной, всепромыслительной и всесудительной. И то только в Нем всякому постижимо, что Он безпределен; и самое познание неведомости Его есть ведение превосходящее ум, как сказали мужи сильные в богословии — Григорий и Дионисий.

О Л Ю Б В И

ВТОРАЯ СОТНИЦА.

1) Искренно любящий Бога молится без всякаго развлеченія, равно и молящийся без всякаго развлеченія любит Бога искренно. Но не может молиться без развлеченія тот, чей ум пригвожден к чему либо земному. И так не любит Бога тот, чей ум привязан к чему либо земному.

2) Ум, долго занимающийся помышлением о чем либо чувственном, конечно имеет страсть к тому, именно вожделение или сетование, или гнев, или злопамятство, и, если не вменит ни во-что той вещи, то не может освободиться от страсти.

3) Страсти обладая умом привязывают его к вещественным предметам; и, отлучив от Бога, заставляют заниматься ими: напротив любовь Божия, возобладав им, разрешает его узы, убеждая его не дорожит не только чувственными предметами, но и самую жизнь временную.

4) Дело заповедей есть делать помышление о вещах простыми, чтения же и созерцания—соделывать ум безвещественным и безвидным. А следствием этого бывает молитва без развлеченія.

5) Для совершеннаго освобождения ума от страстей так, чтобы он мог молиться без развлеченія, не довольно деятельнаго способа: если его не сопровождают различныя духовныя созерцания. Тот освобождает ум от невоздержания и ненависти; а эти от забвенія и неведения

его избавляют и он таким образом получает возможность молиться, как надлежит.

6) Два есть высочайших состояний чистой молитвы. Одно случается, с людьми жизни деятельной, другое с людьми жизни созерцательной. Одно бывает в душе от страха Божия и благой надежды; другое от Божественной любви и крайней чистоты. Признак первой меры есть тот, когда собирают ум от всех мирских помыслов творя молитвы без развлечения и смятения, и как бы сам Бог предстоял ему, как и предстоит действительно. Признак второй, — когда в самом устремлении молитвы ум бывает восхищаем Божественным и безмерным светом, и совсем не чувствует ни себя, и ничего инаго из сущих, кроме Единого, любовью содевающего в нем таковое озарение. В сем состоянии, подвигаемый к уразумению словес о Боге, получает он чистыя и светлыя о Нем познания.

7) Кто что любит, тот то и объять всячески желает; и все препятствующее ему в этом, отстраняет, дабы сего не лишиться. Так и Бога любящий печется о чистой молитве, и всякую страсть, полагающую ему в том препону, из себя извергает.

8) Кто мать страстей самолюбие отвергнет, тот, при помощи Божией, удобно отложит и все другия страсти, как—то: гнев, печаль, злопамятство, и прочия. Кто же одержим первым: тот, хотя бы не хотел уязвляться и последними. Самолюбие же есть страстная любовь к телу.

9) Человеки похвально или предосудительно любят друг друга по следующим пяти причинам: или для Бога, — как добродетельный любит всех, а добродетельного любит даже и недобродетельный; или по естеству, — как родители любят детей, и на оборот; или по тщеславию, — как хвалимый хвалящего; или из корысти, как богатаго за полочки; или по сластолюбию, — как работающий чреву, и тому, что под чревом, устрояющего пиры. Первая из сих похвальна, вторая обоюдна, прочия страстны.

10) Если одних ненавидишь, а других ни любишь, ни ненавидишь; иных любишь, но посредственно, а иных любишь очень сильно; то из сего неравенства, познай, что ты далек еще от совершенной любви, которая внушает любить равно всякаго человека.

11) Уклонися от зла, и сотвори благо (Пс. 36, 27), то есть борись со врагами, чтоб умалит страсти, а затем, бодрствуй, чтоб не умножились оне; и опять борись, чтоб стяжать добродетели. а после того бодрствуй, дабы сохранить их. И сие—то было бы делати и хранити (Быт. 2, 15).

12) По Божию попущению искушающие нас или разгорячают вождевательную силу души, или растревоживают раздражительную, или омрачают мыслительную, или тело облагают страданиями, или телесныя потребности похищают.

13) Демоны или сами нас искушают, или вооружают против нас людей не боящихся Господа: сами искушают, когда уединяемся от людей, как искушаем был Господь в пустыне; искушают чрез людей, когда обращаемся с людьми, как опять искушали Господа чрез фарисеев. Но мы взирая на образец наш, то есть Господа, отразим их в том и другом случае.

14) Когда начинает ум успевать в любви Божией: тогда начинает искушать его и дух хуления, и внушает ему такие помыслы, каких ни один человек изобрести не может, а токмо один диавол отец их. И сие делает он завидуя Боголюбцу, дабы, как измысливший такие помыслы, пришед в отчаяние, не дерзал он более воспарять к Богу обычною молитвою. Но от этого не получает лукавец ничего благоприятнаго для его цели; но делает нас более твердыми. Ибо будучи боримы и противоборствуя мы становимся опытнее и искреннее в любви к Богу. Меч же их да внидет в сердца их, и луцы их да

сокрушатся (Пс. 36, 15).

15) Ум, обращаясь к видимому, естественно понимает вещи при посредстве чувств. Ни ум, ни естественное понимание вещей, ни вещи, ни чувства не суть зло: ибо то суть все Божии создания. Что же тут злое? Очевидно, что страсть, прицепляющаяся к пониманию вещей естественному. И она может не иметь места при употреблении естественных понятий о вещах, ежели ум бодрствует.

16) Страсть есть не естественное движение души, или по несмысленной любви, или по безразсудной ненависти к чемунибудь чувственному, или за чтонибудь чувственное: по несмысленной любви, или к явствам, или к женам, или к имению, или к преходящей славе, или к иному чему ни будь чувственному, или ради сего: — по ненависти несмысленной, когда ненавидят, как выше сказано, без разсуждения что—либо из вышесказаннаго, или когонибудь по причине того.

17) Или опять — зло есть погрешительное суждение о познанных вещах сопровождаемое неправильным их употреблением. Так в отношении к вещам, правильное суждение осовокуплении целию его поставляет деторождение, Но кто имеет при этом в виду одну сласть похотную, тот погрешает в суждении, недоброе почитая добрым. И таковой, совокупляясь с женою, злоупотребляет сим. Подобным образом должно разсуждать о понимании и употреблении других вещей.

18) Когда демоны, отторгнув ум твой от целомудрия, окружают его блудными помыслами; тогда со слезами воззови ко Владыке: изгоняющий мя ныне обыдоша мя: радости моя, избави мя от обышедших мя (Пс. 16, 11; 31, 7). И избавишься.

19) Тяжел демон блуда и сильно налегает на подвизающихся против сей страсти, наипаче при небрежении об умеренности в пище, и при встречах и беседах с женским полом. Он сначала незаметно уловляет ум поползновенностию на сласть похотную, а потом дверью памяти привходит к безмолвствующему, и как тело разжигает, так и представляет уму различныя срамныя образы; и тем вызывает его к соизволению на грех. Если не хочешь, чтобы сие длилось в тебе, восприими пост, труд, бдение, и доброе безмолвие с прилежною молитвою.

20) Непрестанно ищущие души нашей, ищут посредством страстных помыслов ввергнуть ее в мысленный, или действительный грех. Но когда сретят ум, неприемлющий их, тогда постыдятся и посрамятся; когда же найдут ум занятым духовным созерцанием, тогда возвратятся вспять и устыдятся зело вскоре (Пс. 34, 4; 6, 11).

21) Дело диакона исправляет тот, кто намащает ум на священные подвиги, и отгоняет от него страстные помыслы; дело пресвитера—кто просвещает ум познанием сушаго, и уничтожает лжеименное знание; дело Епископа кто завершает усовершение его святым помазанием ведения поклоняемая Святыя Троицы.

22) Изнемогают демоны, когда чрез исполнение заповедей уменьшаются в нас страсти: погибают, когда в силу безстрастия души совершенно исчезают из ней, не находя в ней того, чем держались в ней, и чем воевали против ней. Сие—то значит: изнемогут и погибнут от лица Твоего (Пс. 9, 4).

23) Одни из людей воздерживаются от страстей из страха человеческого, другие из тщеславия, иные по воздержанию; а иные освобождаются от страстей судьбами Божиими.

24) Все слова Господни содержат следующие четыре предмета: заповеди, догматы, угрозы, и обетования; и мы ради их претерпеваем всякую строгость жития, как—то: посты, бдения, спание на

голой земле, лишения и труды в послушаниях, обиды, безчестие, мучение, смерть, и тому подобное. За словеса устен Твоих, говорит Пророк, аз сохраних пути жестоки (Пс. 16, 4).

25) За воздержание награда — безстрастие; за веру—ведение. Безстрастие раждает разсудительность, а ведение — любовь к Богу.

26) Ум, проходя исправно деятельную жизнь, преуспевает в благоразумии; а проходя исправно созерцательную, — в ведении. Первая приводит подвизающагося в ней к различению добродетели от порока; вторая причастника своего вводит в познание свойств безтелесных и телесных существ. Дара же богословскаго сподобляется ум тогда уже, когда на крыльях любви, прелетев, все вышесказанное, и достигши пребывания в Боге, духом созерцает свойства Его, сколько уму человеческому то возможно.

27) Желая богословствовать, не ищи, что есть Боге в себе самом; ибо этого не найдет не только человеческий ум, но ни ум кого либо другаго из сущих после Бога. Но разсматривай по возможности облакающая Его свойства, как-то: присносущность, безпредельность, неописанность, благость, премудрость и силу всегодетельную, всепромыслительную и судящую все сущее. Ибо между человеками тот уже великий Богослов, кто хотя несколько раскрывает сии свойства Божии.

28) Силен муж, ведение соединивший с деятельностью: ибо тогда он этою изсушает похоть и укрощает раздражение; а тем воскрыляет ум, и к Богу преселяется.

29) Когда говорит Господь: Аз и Отец едино есмы: то сим означает единство естества; когда же паки глаголет: Аз во Отце, и Отец во Мне, то показывает нераздельность Ипостасей. И так

Тривейты: (Троебожники), разделяя Сына от Отца, падают в пропасть с той и другой стороны: или, признавая Сына соприсносущным Отцу, но разделяя Его от Отца, принуждены говорить, что Он не рожден от Отца, и таким образом впасть в ересь признающую трех богов и три начала: или, признавая Сына рожденным от Отца, но разделяя Его с Ним, по необходимости должны допустить, что Он не соприсносущен Отцу, и Владыку времен подчинить времени. Надлежит, по учению великаго Григория, и сохранить единаго Бога и исповедывать три Тпостаси, каждую с собственным ей свойством. Ибо, по его же учению, Троица разделяется, но нераздельно; и соединяется, но раздельно. Дивное разделение и единение! Но какая была бы дивность, если бы Отец с Сыном также соединялся и разделялся, как соединяется и разделяется человек с человеком, и ничего более?

30) Совершенный в любви и достигший верха безстрастия не знает разности между своим и чужим, или своею и чужею, или между верным и неверным, или между рабом и свободным, или даже между мужеским полом и женским. Но став выше тиранства страстей, и взирая на одно естество человеческое, на всех равно смотрит, и ко всем равно расположен бывает. Нет в нем ни Иудея, ни Еллина, нет мужескаго пола, ни женскаго, нет раба, ни свободнаго, но все и во всех Христос (Галат. 3, 28).

31) От лежащих в душе страстей демоны заимствуют поводы воздвигать в нас страстные помыслы. Потом ими поборая ум понуждают его снизить к соизволению на грех; победив его в этом, вводят его во грех мысленный; а по совершении сего, как пленника, ведут его на самое дело греховное. После сего наконец чрез помыслы соделав душу запустелою, отходят вместе с оными. Остается только в уме идол (мысленный образ) греха, о котором говорит Господь: егда убо узрите мерзость запустения, стоящу на месте святе (Матф. 24, 15). Читающий да понимает, что место святое и храм Божий есть ум человеческий, в коем демоны, опустошив душу страстными

помыслами, поставили идола греховного. В том же, что сказанное Господом, сбылось и исторически никто из читавших Иосифа Флавия, думаю, не сомневается. Некоторые впрочем говорят, что тоже будет и при антихристе.

32) Три начала побуждают нас к добру: семена (добра в нас) от природы, святые Силы, и доброе произволение. Семена природы, — когда, например, как желаем, чтобы с нами поступали люди, так и мы поступаем с ними; или когда видим человека в тесноте и нужде, и естественно милосердуем о нем, Святые Силы, когда чувствуя побуждение к добром делу, обретаем (в себе) благое содействие, и успеваем. Наконец доброе произволение, когда различая добре от зла, избираем доброе.

33) Равномерно три же есть начала, побуждающих нас на зло: страсти, демоны и злое произволение. Страсти, когда желаем чего безразсудно; как-то, или пищи не вовремя и без нужды, или жены без намерения деторождения и незаконной; также когда гневаемся или огорчаемся, на кого не должно, как-то на безчестившаго, или вред нам причинившаго. Демоны: когда они, во время вознрадения нашего, усмотрев удобное время, внезапно налегают на нас, и с великою силою возбуждают вышесказанныя страсти и подобныя им. Наконец злое произволение: когда, зная добро, избираем зло.

34) Мзду за подвиги в добродетели составляют безстрастие и ведение. Ибо оне виновниками бывают для нас Царствия Небеснаго, как, страсти и неведение—муки вечной. И потому ищущий их ради славы человеческой, а не ради того, что оне добро суть, слышит от Писания: просите и не приемлете, зане зле просите (Иак. 4, 3).

35) Между человеческими действиями многия добры сами по себе, но бывают недобрыми по какой-либо причине. Например — пост и бдение, молитва и псалмопение, милостыня и странноприимство сами по себе суть дела добрыя; но когда делаются из тщеславия, тогда оне уже не добры.

36) Во всех наших делах Бог смотрит на намерение, для Него ли мы делаем их, или ради иной причины.

37) Когда услышишь слово Писания: иже воздаст комуждо по делом его (Рим. 2, 6); помни, что Бог воздает добром не за то, что делается без праваго намерения, хотя то кажется и добрым; но именно за делаемое с правым намерением. Ибо суд Божий взирает не на одно то, что делается, но на намерения, с какими делается.

38) Демон гордости двоякое имеет лукавство: или убеждает монаха исправныя дела свои приписывать себе, а не Богу, подателю благих и помощнику в исправности, или, когда он не соглашается на сие, подушает уничижать менее совершенных братьев. Но не ведает он, что и при таком действии на него, демон наущает его отвергаться Божией помощи. Ибо уничижая тех, как не могших подобно ему оказаться исправными, он выставляет себя именно показавшим особенную исправность собственною силою. Что не возможно, как сказал Господь: без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 5). Ибо наша немощь такова, что и возжелав добра, она не может довести его до конца без Подателя благих.

39) Кто познал немощ естества человеческого, тот получил опытное познание и Божией силы помогающей. И таковой при помощи ея иное уже совершив, а другое стараясь совершить, никогда не уничижает никого из людей. Ибо знает, что как ему помогла она и избавила его, от многих

страстей, и бед; так сильна помочь и всем когда восхощет, и наипаче подвизающимся Его ради; хотя по неким судьбам всех вдруг от страстей не освобождает, но, яко благий и человеколюбивый Врач, каждого притекающего к Нему исцеляет в свое время.

40) При бездействии страстей привходит гордость, когда, или причины оных скрываются, или демоны коварно отбегают.

41) Всякий почти грех бывает ради услаждения самоугодия, и потому истребляется злостраданием и печалованием, — вольным, или невольным—по действию покаяния, или по действию беды какой, смотнительно Божиим о нас Промыслом наводимой. Аще бо быхом себе разсуждали, говорит Писание, не быхом осуждены были: судими же от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1 Кор. 11, 31. 32).

42) Если приидет на тебя нечаянное искушение, не вини того, чрез кого оно пришло, а ищи, для чего оно пришло; и обретешь исправление. Ибо чрез него ли, или чрез другого кого, но ты имел испить горечь из чаши судеб Божиих.

43) Чем ты злонравнее, тем менее отрицайся от злострадания, дабы, смирен быв им, изрыгнул ты гордость.

44) Испытания приводят к человекам, иныя удовольствия — иныя печали, а иныя телесныя страдания. Ибо Врач душ, по судьбам Своим, прикладывает врачевство, смотря на причину страстей, в душе лежащую.

45) Испытания наводятся на одних для изглаждения грехов прежде бывших, на других для прекращения теперь деемых, а на иных для предотвращения имеющих быть содеянными; кроме тех, кои бывают для испытания человека, как-то было со Иовом.

46) Благоразумный помышляя о врачевности судеб Божиих, с благодарением сносит приключаящиеся ему по ним бедствия, никого другого не почитая виновным в них, кроме грехов своих; а неразумный когда грешит и наказываем за то бывает виновниками зол своих почитает или Бога, или людей, неумея премудраго о сем Божия промышления.

47) Есть средства, которыя останавливают движение страстей, и не дают им возрастать; и есть другия, которыя умаляют их, и ведут к истощанию. Так пост, труд и бдение не дают возрастать похоти; а уединение, созерцание, молитва и возлюбление Бога — умаляют ее и ведут к исчезновению. Так и в разсуждении раздражимости: великодушие, незлопамятность и кротость останавливают ее, и не дают ей возрастать; а любовь, милостыня, доброхотство и человеколюбие умаляют ее.

48) Чей ум непрестанно устремлен к Богу, того и вожеление превозрастает в желании Бога, и раздражительность вся превращается в Божественную любовь. Ибо чрез долговременное приобщение Божественному озарению ум, соделавшись весь светловидным, и вожелательную свою часть утеснив и подавив в себе, превращает в непрестанное, как сказано, желание Бога и неослабную к Нему любовь, — всецело переводя ее от земнаго к Божественному.

49) Не всяко — не завидующий, не гневающийся, не памятозлбствующий на оскорбившаго, имеет уже и любовь к нему: ибо он может и не любя, не воздавать злом за зло, по заповеди; но не так легко добром воздавать за зло, не нудя себя на то; потому что с расположением делать добро ненавидящим свойственно одной духовной совершенной любви.

50) Не любящий другого не есть уже ненавидящий его; равно и не ненавидящий не есть уже

любящий. Но он может быть в середине в отношении к нему, то есть ни любить, ни ненавидеть. Ибо любительное расположение в душе производят обыкновенно показанные в 9 статье сей второй сотни пять побуждений: одно похвальное, другое обоюдное, и три укорных.

51) Когда заметишь, что ум твой с услаждением занимается предметами вещественными, и любезно пребывает в помышлениях о них: то знай, что ты любишь их более, нежели Бога. Ибо идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше, глаголет Господь (Мф. 6. 21).

52) Ум прилепляющийся к Богу, и в Нем пребывающий молитвою и любовию, бывает мудр, благ, силен, человеколюбив, милостив, великодушен, и, просто сказать, почти все Божественныя свойства в себе носит. А удаляющийся от Него, и с вещественными предметами сдружающийся, предавшись сластолюбю, бывает или скотен или зверск, воюя с людьми из-за этого.

53) Миром называет Писание чувственные вещи, и те, которые занимают ими свой ум суть лица мирския, к которым к большему их пристыжению оно говорит: не любите мира, ни яже в мире. Яко все еже в мире, похоть плотская и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть (1 Ин. 2, 15. 16).

54) Монах тот, кто ум свой отдал от чувственных вещей, и воздержанием, любовию, псалмопением и молитвою непрестанно приседит Богу.

55) Скотопитателем в духовном смысле называется деятельный муж, ибо нравственные, право творимыя дела, в духовной жизни, имеют значение рабочато скота. Потому и говорит Иаков: мужие скотопитатели суть раби твои. Пастырь же овец, есть муж созерцательный, ибо значение овец имеют помыслы на горах созерцаний умом пасомые. Посему-то и мерзость есть Египтянам, то есть, сопротивным силам, всяк пастух овчий (Быт. 46, 34).

56) Ум порочный, когда тело возбуждаемо бывает чувствами к свойственным ему похотям и сладостям, последует за ним, и сослагается с его мечтаниями и стремлениями. Но ум добродетельный; воздерживается и отвлекает себя от страстных мечтаний и стремлений, и паче любомудрствует сделывать свои движения лучшими.

57) Из добродетелей иныя суть телесныя, а иныя душевныя. Телесныя суть: пост, бдение, спание на голой земле, служение, рукоделие, чтобы не быт в тягость другим, или для подаваний и проч. А душевныя суть: любовь, великодушие, кротость, воздержание, молитва и проч. И так если случится, что по какой-либо нужде, или состоянию телесному, например, по болезни или по другой подобной причине, мы не сможем исполнить выше показанных телесных добродетелей: то имеем снисходительное прощение от Господа, вешаго и причины тому; не исполняя же добродетелей душевных, никакого не будет иметь извинения, ибо оне не подлежат таковым препятствиям.

58) Любовь к Богу располагает причастника своего презирать всякую преходящую сласть, всякое телесное страдание и печаль. Да удостоверят тебя в сем все Святые, столь много пострадавшие за Христа.

59) Берегись матери зол, самолюбия, которое есть не разумная любовь к телу. Ибо от него, с кажущеюся благословностию рождаются три первые и родовые страстные и неистовые помыслы, а именно: чревоугодие, сребрелюбие и тщеславие, заимствуя поводы от необходимой потребности телесной; а от этих рождается все племя страстей. Вот почему и надлежит, как сказано, весьма остерегаться самолюбия, и противоборствовать ему с великою бдительностию. Ибо с истреблением его истребляются и все его порождения.

- 60) Страсть самолюбия внушает монаху щадить тело, и снисходнить ему в пище под видом сохранения здоровья, и разумного управления телом, чтобы мало помалу уклоняясь на его сторону впал он в бездну сластолюбия: мирянина же тем самым, что он мирянин, подущает попечение о плоти творить в похоти (Рим. 13, 14).
- 61) Высочайшее состояние молитвы есть, говорят то, когда ум во время молитвы бывает вне плоти и мира совершенно безвеществен и безвиден. Кто сохраняет такое состояние ненарушимым, тот воистину непрестанно молится.
- 62) Как тело, умирая совершенно отделяется от всех житейских вещей: так и ум, умирая в действии совершеннейшей молитвы, отторгается от всех мирских помышлений. И если не умирает он таковою смертию, то с Богом быть и жить с Ним не может.
- 63) Никто да не обольстит тебя, смиренный монах, тако вою мыслию, будто тебе можно спастись, работал сластолюбию и тщеславию.
- 64) Как тело грешит делами, и для пестунства своего имеет добродетели телесныя, да целомудрствует: так ум грешит страстными помыслами, и для пестунства своего имеет добродетели душевныя, да чисто и безпристрастно взирая на вещи целомудрствует.
- 65) Как дни преемяются ночами лета зимами: так тщеславие и сластолюбие печальми и болезненными страданиями, или в настоящем веке или в будущем.
- 66) Согрешившему не возможно избежать грядущаго суда без добровольных в сей жизни болезненных трудов, или без страданий от невольных бед.
- 67) Пяти ради причин, говорят, от Бога попускается нам быть боримыми от демонов: первая причина сего та, чтобы мы будучи боримы и противоборствуя, дошли до умения различать добродетель от греха; вторая та, чтобы мы борьбою и трудом снискав добродетель, имели ее твердою и неизменною; третья, чтобы преуспевая в добродетели, мы не высоко о себе мудрствовали, но научились смирениомудрию; четвертая, чтобы испытав делом, сколь зол грех, — совершенною возненавидели его ненавистию; наконец пятая и важнейшая та, чтобы сделавшись безстрастными. не забывали мы своей немощи, и силы Помогшаго нам.
- 68) Как ум алчущаго мечтает о хлебе, а жаждущаго о воде: так ум чревоугодника—о разнообразных яствах; любострастнаго — о женских лицах; тщеславнаго — о почетах людских; сребролюбиваго — о прибитках; злопамятнаго — о мщении оскорбившему; завистливаго — об ухудшении того, кому завидует. Тоже бывает и в прочих страстях. Ибо страстями осаждаемый ум приемлет страстныя помышления, и во время бодрствования тела и во сне.
- 69) Когда похоть возрастает, тогда ум мечтает во сне о вещах доставляющих услаждение, а когда —раздражение, тогда видит он вещи, страх наводящия; усиливают страсти нечистые духи, приемля в содейственницы себе наше нерадение и подстрекая их; а умаляют—святые Ангелы, побуждая нас к деланию добродетелей.
- 70) Частое возбуждение вождевательной силы души влагает в душу непреодолимую привычку к делам сластолюбным, а частое возмущение раздражительности делает ум робким и лишает мужества. Первую исцеляет продолжительный подвиг поста, бдения и молитвы; вторую, благостыня, человеколюбие, любовь и милосердие.
- 71) Злые духи воюют против нас или вещами, или страстными о вещах помыслами: вещами против тех, кои среди их вращаются, а помыслами против тех, кои удалились от вещей.

- 72) Сколь удобнее грешить мыслию, нежели делом: столь же брань чрез помыслы тяжелее брани чрез вещи.
- 73) Вещи вне ума, а помышления о них внутри его. Почему в его власти пользоваться ими хорошо или худо. Ибо за погрешительным употреблением мыслей следует злоупотребление вещей.
- 74) Ум получает страстные помыслы следующими тремя путями: чрез чувства, чрез состояние тела, чрез воспоминание. Чрез чувства, — когда производящая на них впечатление вещи, как такая, к которым мы имеем страсть, возбуждают в уме страстные помыслы; чрез состояние тела, — когда несоблюдением воздержания в питании, или действием демонов, или какоюнибудь болезнью изменившееся состояние тела побуждает его к страстным помыслам. или к востанию на Промысл; чрез воспоминание, — когда память возобновляет помышления о вещах, к коим мы пристрастны и возбуждает в уме сим образом страстные помыслы.
- 75) Из данных нам от Бога в употребление вещей, одни находятся в душе, другия—в теле, а иныя окрест тела. В душе—силы ея; в теле — чувства и прочие члены; окрест тела, — пища, имение, деньги и проч. Доброе или худое пользование сими вещами и бывающими из за них случайностями, являет нас или добродетельными или порочными.
- 76) Из сказанных случайностей иныя бывают в том, что в душе, иныя в том, что в теле, и иныя в том, что окрест тела: в душе — ведение и неведение, памятование и забвение, любовь и ненависть, страх и дерзновение, радость и печаль, и прочее; в теле, — наслаждение и утомление, чувствительность и притупление чувства, здравие и болезнь, жизни смерть. и тому подобное; в том, что окрест тела, — многочадие и безчадие. богатство и бедность, слава и безчестие, и проч. Из сих иное у людей почитается добром, иное злом; тогда как, в собственном смысле ничто из сего не зло, а бывает злом или добром по употреблению.
- 77) Знание по естеству есть добро, подобно тому и здравие. Но многим более пользы принесло противное, Ибо для злых знание бывает не на добро, хотя оно по естеству, как сказано, и добре. Подобно не на добро бывает для них и здравие, и богатство, и радость, ибо не на полезное себе они употребляют их; для таковых полезнее противное сему: а следовательно и это (т. е. противное) не зло в собственном смысле, хотя и кажется злом.
- 78) Не злоупотребляй мыслями, чтоб по необходимости не злоупотребить и вещами: ибо если прежде не согрешишь мысленно, то никогда не согрешишь делом.
- 79) Образ перстнаго (Адама) суть главные пороки, как то: неразумие, малодушие, невоздержание, неправда. Образ небеснаго суть главныя добродетели, как—то: благоразумие, мужество, целомудрие, справедливость. Но яко же облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго (1 Кор. 15, 49).
- 80) Если хочешь найти путь, вводящий в живот; то ищи его в том Пути, Который рек: Аз есмь путь и дверь, и истина и живот (Иоан. 14, 6; 10, 9); и там найдешь его. Но ищи прилежно, потому что мало их есть иже обретают его (Мф. 7, 14); чтоб иначе, оставлен будучи сими не многими, не оказался ты в числе многих.
- 81) Душа отстает от грехов по следующим пяти побуждениям: или страха ради человеческого, или из страха суда, или для будущего мздовоздаяния, или по любви к Богу, или наконец ради угрызений совести.
- 82) Некоторые говорят, что не было—бы зла в тварях, если бы не было посторонней некоей силы,

увлекающей нас к оному. Но сила сия не иное что есть, как наше нерадение о естественной деятельности ума. Почему те, которые радуют о нем, всегда делают добро, а зла никогда. И так если и ты сего же хочешь, то отжени нерадение, и с тем вместе отженешь и зло, которое есть погрешительное употребление мыслей, сопровождаемое злоупотреблением и вещами.

83) По естеству разумной в нас части следует покаяясь божественному слову, начальствовать над неразумною в нас частию. Да будет соблюдаем во всем сей порядок, — и ни зла не будет в тварях, ни того, что бы влекло к нему не окажется.

84) Одни из помыслов просты, а другие сложны. Просты — безстрастные, а сложны—страстные, как из страсти и помышления сложенные. При всем том можно видеть, что многие из простых идут в след за сложными, когда начинают подвигаться к тому, чтобы согрешить мыслию. Возьмем в пример золото. Пришел кому нибудь на память страстный помысл о золоте, и он устремился мысленно украсть его: и вот он в уме уже совершил грех. За воспоминанием о золоте, последовало воспоминание о кошельке, сундуке, кладовой и проч. Здесь воспоминание о золоте было сложное, ибо соединено было со страстию; а о кошельке, сундуке и проч. простое, ибо ум не имел к ним страсти. Тоже бывает и со всяким другим помыслом, с помыслом тщеславным, с помыслом о жене, и о прочем. Ибо не все помыслы, последующие за помыслом страстным, бывают также страстны, как показано в примере. Из сего можем познавать, какия помышления страстны и какия нет.

85) Некоторые говорят, что демоны касаясь во время сна срамных членов нашего тела, возбуждают страсть блуда; за тем возбужденная страсть памятью приводит на ум образ женщины. Другие же думают, что сами демоны представляются уму в образе жен; потом касаясь срамных членов тела, возбуждают похотение жен; и бывают мечтания в этом роде. Иные еще думают, что страсть, преобладающая в приближающемся демоне, возбуждает таковую же и в человеке, и таким образом душа воспламеняется к помыслам, и привносит образы посредством памяти. Так и о других страстных мечтаниях одни говорят, что в них бывает дело так, а другие, что этак. Впрочем ни одним из вышесказанных способов демоны несильны возбудить какую либо страсть, ни во время бодрствования тела, ни во время сна, если в душе присущи любовь и воздержание.

86) Иныя из заповедей закона должно соблюдать и телесно и духовно, а иныя только духовно. Например: не прелюбодействуй, не убий, не укради, и подобныя сим надобно соблюдать и телесно и духовно; и духовно трояким образом. Напротив того обрезываться, хранить субботу, закалать агнца, снестать опресноки с горьким зелием, и подобное, только духовно.

87) Три главнейших нравственных состояний бывает у монахов: первое, когда кто ни в чем не грешит делом; второе, когда кто не дает замедлять в душе страстным помыслам; третье, когда кто безстрастно взирает в мыслях на образы жен и обидящих.

88) Пелюбостязателен тот, кто отрекся от всякой собственности, и на земли совсем не имеет ничего кроме тела, да и к нему отторгнув всякое расположение, Богу и благочестивым людям вверил все о себе попечение.

89) Из приобретающих имение, некоторые приобретают оное безстрастно: почему и лишаясь его не скорбят, как разграбление имений своих некогда с радостию принимавшие (Евр. 10. 34). Другие же стяжевают его страстно: почему когда предлежит им лишиться стяжаний печалются, как и упоминаемый в Евангелии богач, отъиде скорбя (Мф. 19, 22); если же в самом деле лишатся, то скорбят смертельно. Таким образом лишение имения обличает расположение безстрастного, или

страстного стяжателя.

90) На высоких молитвенников нападают демоны, ввергая в их ум простыя помышления о вещах чувственных, и тем отвлекая их от молитвы; на прилежащих познаниям, на должайшее время задерживая в них страстные помыслы; на подвизающихся в деятельной жизни — склоняя их грешит делом. — Всяким способом со всеми борятся окаянные, чтоб отдалит людей от Бога.

91) Божиим Премыслом упражняемые в благочестии в сей жизни, испытуются следующими тремя искушениями: или подаением приятного, как-то, здравия, красоты, многочадия, богатства, славы, и тому подобнаго; или насланием скорбнаго, как-то, лишения детей, имени, славы; или тем, что телу причиняет страдания, как-то, болезнями, мучениями и проч. К первым говорит Господь: иже не отречется всего своего имени не может быти Мой ученик (Лук. 14, 33); ко вторым же и третим: в терпении вашем стяжите души ваша (Лук. 21, 19).

92) Говорят, что состояние тела изменяют, и чрез то подают уму страстные или безстрастные помыслы, следующие четыре причины: Ангелы, демоны, воздух, пища. Ангелы, говорят, изменяют словом; демоны — прикосновением; воздух — переменами своими; пища качеством яств и питий, их излишеством и скудостью. Кроме сего сказаннаго изменения производимы бывают еще памятью, слухом, и зрением, когда душа наперед постраждет под действием печальных или радостных обстоятельств. Пострадав от них, — душа производит перемену в телесном состоянии; а измененное состояние тела, по преждереченному, подает уму и соответственные помыслы.

93) Смерть собственно есть отдаление от Бога; жало же смерти грех, которое Адам, приравнв себя, стал в одно время изгнан и от древа жизни, и от рая, и от Бога, зачем необходимо следовала и телесная смерть. Жизнь же собственно есть Тот, Кто сказал: Аз есмь живот (Иоан. 14, 6). Сей, быв в смерти паки возвел в жизнь мертвеннаго.

94) Когда что пишется, пишется или для себя на память, или для пользы других, или для того и другаго, или ко вреду некоторых, или на показ, или по нужде.

95) Место злачно (Пс. 22, 2) есть деятельная добродетель: вода же покойная есть ведение сотвореннаго.

96) Сень смертная есть человеческая жизнь. И тот, кто с Богом и с кем Бог, может смело сказать: аще и пойду посреди, сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси (Пс. 22, 4).

97) Чистый ум право смотрит на вещи; образованное упражнением слово, виденное полагает как бы пред очами других; а открытый слух приемлет то: но лишенный сих трех порицает сказавшаго.

98) Тот с Богом, кто знает Святую Троицу, Ея творение и промышление; и кто страстоприемную часть души содержит безстрастною.

99) Жезл означает говорят суд Божий, а палица, Промысл, Кто приял познание о сем, тот может говорить: жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста (Пс. 22, 4).

100) Когда ум обнажится от страстей, и просветится созерцанием сущаго; тогда может он и в Боге быть и молиться, как должно.

О Л Ю Б В И

ТРЕТЬЯ СОТНИЦА.

1) Разумное употребление помышлений и вещей доставляет целомудрие, любовь и ведение; а неразумное — невоздержание, ненависть и неведение.

2) Уготовал еси предо мною трапезу, и проч. Трапеза здесь означает деятельную добродетель:

ибо она Иисусе Христом уготована противу стужающих нам; Елей умащающий ум означает созерцание тварей; чаша Божия — познание Бога, милость Его есть Его Слово и Бог: ибо Он вочеловечением Своим женет в след нас вся дни, доколе не постигнет всех спасаемых, как Павла. Дом означает царствие, в которое вселятся все святые; долгота же дней — жизнь вечную (Пс. 21, 5. 6).

3) Грехи случаются с нами от неправого употребления душевных сил, то есть силы вожделевательной, раздражительной и мыслительной. Неправое употребление силы мыслящей — невежество и безразсудность силы раздражительной и вожделевательной - ненависть и невоздержность. Доброе же употребление их есть ведение, благоразумие, любовь и целомудрие. А когда так, то ничто из созданного и получившаго бытие от Бога — не зло.

4) Не пища зло, но чревоугодие, не деторождение, а блуд, не деньги, но сребролюбие, не слава, а тщеславие: а когда так, то в сущем нет ничего злаго, кроме злоупотребления, которое случается от нерадения ума о возделании естества (душевных сил, и их добром направлении).

5) Зло в демонах вот что есть, говорит блаженный Дионисий, раздражительность безразсудная, вожделевательность безумная, фантазия опрометчивая. Но безразсудность, безумие и опрометчивость в разумных существах суть лишения разсудка, ума и осмотрительности; лишение же бывает после имения, или обладания чем. Следственно было время, когда был в них и разсудок, и ум, и благоговейная осмотрительность. А если так; то и демоны не по естеству злы; но от злоупотребления сил естественных сделались они злыми.

6) Иныя страсти пораждают невоздержание, иныя — ненависть, а иныя—и невоздержание и ненависть.

7) Многоядение и сластоядение бывают причиною нецеломудрия; сребролюбие и тщеславие — ненависти к ближнему; мать их самолюбие есть причина обоих.

8) Самолюбие есть страстное и безразсудное любление тела, Противоположны ему любовь и воздержание. Очевидно, что имеющий самолюбие имеет все страсти.

9) Никто же, говорит Апостол, свою плоть возненавиде, (Ефес. 5, 29): однако тем не менее умерщвляет ее и порабощает (1 Кор. 9, 27), не давая ей ничего кроме пищи и одеяния (1 Тим. 6, 8); и их одних, только потому что они необходимы для жизни. Так безстрастно любят ее, и, яко служительницу Божественнаго, питают и греют, единственно тем, что восполняет ее оскудение.

10) Кого кто любит, тому всячески и угождать старается. И так кто любит Бога, тот конечно и удобное Ему творить старается; а кто любит плоть, тот творит ее удовлетворяющее.

11) Богу угодны — любовь, целомудрие, созерцание и молитва; а плоти угодны — чревоугодие, невоздержность, и все их возвращающее. Посему—то сущие во плоти, Богу угодили не могут (Рим. 8, 8); а иже Христовы суть, распяли плоть со страстьми и похотьми (Галат. 5, 24).

12) Когда ум к Богу клонится; тогда имеет тело рабом, и ничего более не дает ему, кроме необходимаго, для жизни: а когда клонится к плоти, то порабощается ея страстям, и попечение о ней всегда творит в похоти (Рим. 13, 14).

13) Если хочешь избавиться от помыслов, уврачуй страсти: и тогда удобно изгонишь их из ума. Именно в отношении к блудной страсти — постись, совершай бдение, трудись и уединяйся; относительно гнева и печали, ни во что вменяй славу, и безславие, и прочия вещи земныя; относительно злопамятства, молись за оскорбившаго, — и избавишься.

- 14) Не примеряй себя к слабейшим из людей, а лучше расширай себя в меру заповеди о любви. Примеряясь к людям, впадешь в пропасть высокомерия; а расширяя себя в меру любви, достигнешь высоты смиренномудрия.
- 15) Если точно ты хранишь заповедь о любви к ближнему; то из-за чего внедряешь в себя горечь досады на него? Не явно ли, что ты предпочитаешь любви временное, и за него заступаясь, войну поднимаешь на брата?
- 16) Не столько по нужде золото стало столь желательно людям, сколько потому, что чрез него многие удовлетворяют сластолюбие.
- 17) Три причины любви к богатству: сластолюбие, тщеславие и неверие; сильнее же двух первых неверие.
- 18) Сластолюбивый любит серебро, чтобы с помощью его наслаждаться; тщеславный, чтобы прославиться; а неверующий, чтоб скрыть и хранить его, боясь голода, или старости, или болезни, или изгнания, и на него, более надеясь, нежели на Бога, Создателя и Промыслителя всякой твари, даже до последних и малейших животных.
- 19) Четыре рода людей собирают богатство: три выше именованные, и четвертый, домовитый человек; очевидно, что один последний правильно собирает, дабы никогда не оскудевала рука его подавать каждому потребное.
- 20) Все страстные помыслы или возбуждают вождевательную силу души, или возмущают раздражительную, или омрачают мыслительную: от чего случается, что ум слеп бывает, для духовного созерцания и молитвенного восхождения. Почему монах, особливо безмолвствующий, долженствует тщательно внимать помыслам, и причины их познавать и отсекают. Познавать же таким образом: вождевательную силу души возбуждают страстные воспоминания о женщинах, а их причиною бывает невоздержность в пище и питии, и частое неразумное обращение с женщинами. Отсекают же их — глад, жажда, бдение и уединение. — Раздражительную силу возмущают страстные воспоминания о людях, нас огорчивших; причиною сего служат сластолюбие, тщеславие и любовещность из-за коих огорчается страстный, или что их лишился, или что не получил. Отсекает их ни во что — вменение и унижение сих вещей из любви к Богу.
- 21) Бог знает Себя и знает создания Свои и Святыя силы знают Бога, и знают создания Божии. Но Святыя силы знают Бога и создания Его, не так, как знает Себя и создания Свои Бог.
- 22) Бог знает Себя из блаженного естества Своего, а создания Свои из Своей премудрости, с которою и в которой все сотворил: Святыя же силы знают Бога, сущаго превыше всякаго причастия, по причастию (Его ведения), а творения Его чрез восприятие сущих в них умных созерцаний.
- 23) Твари суть вне ума; а созерцание их он приемлет внутрь себя. Но не так это в Боге присносущном, безпредельном и неописанном, даровавшем всему сущему от Него и бытие, и благобытие, и приснобытие.
- 24) Святаго Бога, — разумею, Его благодати и премудрости, причащается разумное и мысленное естество и самым бытием, и способностью к благобытию и благодатию приснобытия. Сею благодатию познает оно Бога; Создания же Его познает, как выше сказано, восприятием созерцаемой в тварях все устроительной премудрости, которая тонка, и слагается мысленно в уме.
- 25) Бог, приводя в бытие разумное и умное существо по высочайшей благодати Своей, сообщил сим тварям четыре Божественныя свойства, их содержащая, охраняющая и спасающая: бытие,

приснобытие, благодать и премудрость. Из них два первых даровал существу, а два последние нравственной способности: существу — бытие и приснобытие, а нравственной способности—благодать и премудрость, дабы тварь соделывалась тем по причастию, что Он Сам есть по существу. По сему и сказано, что человек сотворен по образу и по подобию Божию: сотворен по образу, — яко сущий — сущаго, — яко присносущий — присносущаго, хотя и не безначально, впрочем бесконечно; сотворен по подобию, яко благий — благаго, яко премудрый—премудраго, тем бывая по благодати, чем Бог есть по естеству. По образу Божию есть всякое существо разумное, по подобию же одни добрые и мудрые.

26) Все разумное и умное бытие разделено на двое, — то есть, на Ангельское и человеческое естество; и все естество Ангельское разделено опять на два главные нравственные союзы и общества, на святое и проклятое, то есть, на Святыя силы и нечестивых демонов; и весь род человеческий разделяется только на два союза, то есть, на благочестивых и нечестивых.

27) Бог, яко самобытие, самоблагодать, самопремудрость, или точнее сказать, яко сущий превыше всего сего, совершенно ничего не имеет Себе противоположнаго. По твари, как все по причастию токмо и благодати имеющая бытие, — разумныя же и умныя сверх того и способность благодати и премудрости, — имеют противоположное, а именно — бытию не бытие, способности к благодати и премудрости—зло и неведение. Приснобытие или небытие их состоит во власти Сотворшаго их, а причастие или не причастие благодати Его и премудрости, состоит в воле разумных тварей.

28) Эллины, полагая, что естество тварей от вечности было с Богом, и что оне от Него приняли только качества свои, говорят, что и их естеству нет ничего противоположнаго, а противоположность находится в одних их качествах. Но мы утверждаем, что противоположнаго не имеет единое Божеское естество, яко вечное, безпредельное, и дарующее вечность всем прочим естествам; естеству же тварей противоположно небытие, и приснобытие или небытие их состоит во власти собственно Сущаго. Но как дары Его не раскаянны и непреложны, то тварь как есть всегда, так и будет, содержима будучи вседержительною силою, хотя и имеет, как сказано, противоположное себе небытие, яко из небытия в бытие приведенная и имеющая в Его воле, то, чтоб быть или не быть.

29) Как зло есть лишение добра, и неведение есть лишение ведения: так и несуществование (небытие) есть лишение существования (бытия), — несобственно сущаго, ибо сие не имеет противоположнаго;—но сущаго по причастию собственно сущаго. Лишение первых двух зависит от воли твари: а лишение втораго состоит в воле Сотворшаго. Который по благодати всегда хочет, чтобы существа были, и всегда были Им благодетельствуемы.

30) Все твари суть или разумныя и умныя, допускающия в себе противоположности, то есть, добродетель и порок ведение и неведение; или различныя тела, из противоположностей состоящая, как—то: из земли, воздуха, огня, воды. Одне совершенно безплотны и невещественны, хотя некоторыя из них и сопряжены с телами; другия же состоят токмо из вещества и вида (формы).

31) Все тела по естеству неподвижны; движутся же душею, одне разумною, другия не разумною, а иныя безчувственною.

32) Из душевных сил иная питательная и растительная, иная воображательная и побуждательная, иная наконец разумная и мыслительная. Одной первой причастны растения; второй вместе с первую безсловесныя животныя; третьей же вместе с двумя первыми люди. Первые две силы

тленны, а третья усматривается нетленною и бессмертною.

33) Святыя силы, передавая между собою друг другу просвещение, передают и человеческой природе и сущую в них добродетель и сущее в них ведение: добродетель, то есть, Богоподражательную благодать, по которой благодетельствуют и сами себе и между собою друг другу, и низшим их существам соделывая их Боговидными; — ведение, как-то, или о Боге нечто высшее; ибо, Ты, говорит Пророк, вышний во век Господи (Псал. 91, 9); или о существах телесных нечто глубочайшее, или о безтелесных точнеее, или о провидении яснеее, или о суде определеннеее.

34) Нечистота ума состоит во первых, в ложном знании; во вторых, в неведении чего-либо всеобщаго; говорю сие относительно к человеческому уму, ибо Ангелу несвойственно не знать даже что нибудь и из частнаго; в третьих, в страстных помыслах; в четвертых, в соизволении на грех.

35) Нечистота души состоит в том, что она не действует по естеству; ибо от сего рождаются в уме страстные помыслы. Действует же душа по естеству тогда, когда страстныя силы ея, то есть, раздражительная и вожделевательная, во время воздействия на них вещей и помышлений по поводу их, остаются безстрастными.

36) Нечистота тела есть грех делом содеянный.

37) Тот любит безмолвие, кто непристрастен к мирскому; тот любит всех человеков, кто не любит ничего человеческого; и тот имеет ведение о Боге и о Божественном, кто не соблазняется никем, ни по причине падений его, ни по причине подозрением порождаемых помыслов на счет его.

38) Великое дело не быть пристрастну к вещам, но гораздо еще большее пребывать безстрастным при помышлениях о них.

39) Любовь и воздержание сохраняют ум безстрастным и к вещам и помышлениям о них.

40) Ум Боголюбиваго вооружается не против вещей и упомышлений о них, но против страстей, сопряженных с помышлениями сими. То есть, он не против востает женщины, ни против обидевшаго, ни претив воображения их: но против страстей, сопряженных с сими воображениями.

41) Вся брань монаха против демонов состоит в том, чтобы отделить страсти от мыслей; ибо иначе невозможно ему безстрастно смотреть на вещи.

42) Иное есть вещь, иное помышление, иное страсть: вещь например — муж, жена, золото и проч.; помышление—простое воспоминание о чем либо из сказаннаго; страсть — или безсловесная любовь, или безразсудная ненависть к чему либо из того. — С такою-то страстию брань у монаха.

43) Помышление страстное, есть помысл сложенный из страсти и помышления. Отделим страсть от помышления, и останется чистый помысл. Отделяем же, если хотим, посредством духовной любви и воздержания.

44) Добродетели отрешают ум от страстей; а духовныя созерцания от простых мыслей; чистая же молитва представляет его самому Богу.

45) Добродетели для познания созданий, познание же для познающаго, а познающий для неведомо познаваемаго, и превыше познания ведущаго.

46) Бог вседовольный произвел твари из небытия в бытие не потому, чтобы в чем либо имел нужду: но чтоб оне, соответственно приемлемости своей, причащаясь Его блаженства, наслаждались; Сам же Он веселился о делах Своих, видя их веселящимися и всегда ненасытимо насыщающимися ненасытимым.

47) Мир имеет много нищих духом, но не по надлежащему; много плачущих, но или об утрате имени, или о потере детей; много кротких, но к нечистым страстям; много алчущих и жаждущих, но того, чтобы похищать чужое несправедливо и собирать корысти; много милостивых, но к телу и телесному; и чистых сердцем но по тщеславию; и миротворцев, но подчиняющих душу плоти: много изгоняемых, но за свое безчиние; много поносимых, но за срамные грехи. Блаженны же одни те, которые и действуют и страдают за Христа и о Христе. Почему? яко тех есть Царствие небесное; и: яко тии Бога узрят (Матф. 5, 3. 8); и так далее. Не потому они блаженны, что так действуют и страдают. ибо и выше сказанные тоже делают; но потому что действуют и страдают ради Христа и о Христе.

48) Во всем, что мы делаем, как многократно говорено, Бог взирает на цель, для Него ли, или для чего другого мы то делаем. Почему, когда хотим сделать что доброе, будем иметь целию не человекоугодие, но Богуугождение, чтоб на Него всегда взирая, все делать для Него, иначе мы и труд понесем и мзду погубим.

49) И простыя мысли о вещах человеческих и созерцания всего сотвореннаго отревай от ума во время молитвы: чтоб мечтая о меньшем не отпасть от Того, Кто несравнено лучше всего сущаго.

50) Если истинно возлюбим Бога, то сею самую любовию отженем страсти. Любить же Его есть предпочитать Его миру, а душу плоти, — с презрением всех мирских вещей, с всегдашним посвящением себя Ему—воздержанием, любовию, молитвою и псалмопением, и проч.

51) Если долгое время Богу внимая, — будем тщательно пещися о страстной части души; то уже не бываем уклоняемы с праваго пути приражениями помыслов, но точнее понимая причины оных и отсекая их, делаемся предусмотрительными, так, что сбывается с нами пророческое слово: возвре око мое на враги моя и возстающыя на меня лукавнующыя услышит ухо мое (Псал. 91, 12).

52) Когда видишь, что ум твой благочестно и праведно вращается в помышлениях мирских: то ведай, что и тело твоё пребывает чисто и безгрешно. Когда же видишь ум мысленно занимающимся грехами, и не пресекаешь сего: то знай, что и тело твоё не замедлит впасть в них же.

53) Как для тела миром служат вещи, так для ума миром служат помышления; и как тело любодействует с телом женщины, так—и ум любодействует с помышлениями о женах воображением своего тела: ибо он зрит мысленно образ своего тела совокупляющимся с образом женщины. Равно в мыслях отмщает он образом своего тела образу обидевшаго. Тоже бывает и с другими грехами: ибо что тело в мире вещей делом производит, то производит и ум мысленно в мире мыслей.

54) Не должно ли ужаснуться, вострепетать и придти в изступление умом, что, когда Бог Отец, не судя никому, Сам, весь суд даде Сынови (Иоан. 5, 22); — Сын же вопиет: не судите, да не судими будете (Матф. 7, 1), не осуждайте, да не осуждени будете (Лук. 6, 37); подобно и Апостол: прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь (1 Кор. 6, 5): и еще: имже судом судиши друга, себе осуждаеши (Рим. 2, 1); когда, говорю, это так есть; люди, оставя плакаться о своих грехах, взяли суд из рук Сына, и сами, как бы безгрешные, судят и осуждают друг друга? Небо ужасается сему и земля трепещет; а они не стыдятся безчувственные!

55) Кто любопытствует о чужих грехах, или по подозрению судит брата: тот не положил еще начала покаяния, и не принимал заботы узнать собственные грехи, поистине тяжчайшие многопудовой свинцовой тяжести, и не знает, от чего человек бывает тяжкосердым, любящим суету и ищущим лжи

(Пс. 4, 3); и потому как безумный и бродящий во тьме, оставя свои грехи, мечтает о чужих истинных или мнимых, по одному подозрению.

56) Самолюбие, как, неоднократно говорилось состоит причиною всех страстных помыслов; ибо от него рождаются три главнейшия помысла вожделевательной части души: чревоугодия, сребролюбия и тщеславия. Потом от чревоугодия рождается помысл

блудный; от сребролюбия любостыжательный; от тщеславия гордостный; прочие же все следуют за каждым из сих трех, как — то: помысл гневный, печальный, злопамятный, унывный, завистливый, клеветливый и прочие. Сии страсти связуют ум предметами вещественными, и клонят его к земле, налегая на него, подобно тягчайшему камню, тогда как он по природе легче и тонее огня.

57) Начало всех страстей есть самолюбие, а конец гордость. Самолюбие есть безразсудное любление тела. Отсекший его, отсекает и все страсти, кои из него.

58) Как родители плотские пристрастны бывают к тем, кои родились от них, так и ум естественно привержен к своим мыслям, и как наиболее пристрастным из родителей свои дети кажутся более всех скромными и благообразными, хотя бы оне по всему более всех посмеяния были достойны: так неразумному уму свои мысли кажутся более всех разумными, хотя бы более всех были нелепы.

Мудрому же не важутся такими свои мысли: но когда даже удостоверение имеет он, что оне истинны и добры, и тогда тем больше не доверяет своему суду, а других мудрых поставляет судиями своих мыслей и разсуждений, да не вотще течет или тек (Гал. 2, 2); и от них приемлет утверждение.

59) Когда победишь какую — либо из безчестнейших страстей, например, пресыщение, или блуд, или гнев, или любостыжание, тотчас нападет на тебя тщеславный помысл; а когда его победишь, тогда переймет тебя помысл гордостный.

60) Все безчестныя страсти, владея душею, изгоняют из нея помысл тщеславия: а быв побеждены, отверзают оному вход в нее.

61) Тщеславие рождает гордость, иногда быв изгоняемо, а иногда оставаясь. Но быв изгоняемо она приводит самомнение, а оставаясь — надменность.

62) Тщеславие истребляется скрытным действием, а гордость приписыванием Богу исправно делаемых дел.

63) Сподобившийся познания Бога, и подлинно вкусивший сладости онаго, презирает все удовольствия, рождающиеся от вожделетельной силы.

64) Водящийся земными пожеланиями, желает или яств, или удовлетворения подчревных движений, или славы человеческой, или богатства, или чего другаго, за сим последующаго; и если ум не найдет ничего лучшаго сих вещей, на что бы перенести свое вожделение, то не решится до конца жизни презреть их. Лучше же их несравненно ведение Бога и вещей Божественных.

65) Презирающие удовольствия, презирают их из страха, или в надежде, или в силу познания их ничтожности; или же по любви к Богу.

66) Познание Божественных вещей без приверженности к ним не убеждает ума совершенно презреть вещественное, но бывает подобно простому помыслу о чувственной вещи. Потому много можно найти людей, имеющих много познаний и в плотских страстях валяющихся, подобно свиньям в тпне (2 Петр. 2, 22). Ибо очистившись несколько во время ревнования о добре и получив в известной мере познание о сем, потом же обленившись, они уподобились Саулу, который удостоившись царскаго престола, но недостойно его начав жить, с страшным гневом был с него свержен.

67) Как простой помысл о вещах человеческих заставляет ума презирать Божественное, так и простое знание Божественного не убеждает его совершенно презирать человеческое; потому что здесь истина пребывает еще в тенях и гаданиях; и потому имеет нужду в блаженной приверженности святой любви, связующей ум с духовными созерцаниями, и убеждающей предпочитать вещественному невещественное, чувственному мысленное и Божественное.

68) Не всяк отсекий страсти, и помыслы соделавший простыми, уже тем обратил их и на Божественное; но он может не быть приверженным ни к человеческому, ни к Божественному, что случается с деятельными только людьми, не сподобившимися еще ведения, которые воздерживаются от страстей или по страху мук, или в надежде Царствия Небесного.

69) Верую ходим, а не видением и познанием имеем еще как в зеркалах и гаданиях (2 Кор. 2, 7). А посему имеем нужду в долгом в нем упражнении, чтоб долговременным в нем поучением и прилежанием к нему, приобрести неотторжимый навык к созерцаниям непресекаемым.

70) Если, отсеки на время причины страстей, займемся мы духовными созерцаниями, но не всегда в них будем проводить время, имея это одно себе дело: то легко опять обращаемся на плотские страсти, не получив от того другого плода, кроме простаго знания с самонимением, коего конец есть самого познания мало по малу помрачение, и всеконечное ума к предметам вещественным уклонение.

71) Страсть любви, предосудительная. занимает ум предметами вещественными: а страсть любви, похвальная, прилепляет его к Божественному. Ибо ум обыкновенно, на каких предметах замедляет вниманием, к тем и располагает; а к каким располагается, к тем обращает и вожделение и илюбовь, или к предметам Божественным, ему свойственным, мысленным, или к вещам плотским и страстям.

72) Бог создал невидимый мир и видимый; и душу и тело также Он сотворил. И если мир видимый столь прекрасен, то каков же невидимый? Если же тот лучше этого, то сколь превыше их обоих создавший их Бог? Если теперь Творец всех доброт лучше всего сотворенного; то по какой причине ум оставил лучшее всего, занимается всего худшим, то есть, плотскими страстями? Не явно ли от того, что к этому привык, от рождения обращаясь с ним, а того, что лучше и выше всего, совсем еще не испытал? Таким образом если долговременным воздержанием от чувственных удовольствий и поучением в Божественном, мало по малу мы отторгнем его от такой привычки; то он, понемногу преуспевая в сем, расположится к Божественному и собственное свое познает достоинство, а наконец и всю приверженность свою перенесет к Богу.

73) Безстрастно говорящий о грехе брата, говорит по двум причинам: или чтоб его исправить, или чтоб принести пользу другому. Если же он говорит самому ли ему, или другому без сих целей: то говорит, осуждая или оклеветывая брата, и таковой не избежит оставления от Бога, но непременно впадет или в то же, или в другое прегрешение, и быв обличен и укорен другими, посрамится.

74) Не одинаково должно судить о согрешающих тем же, по действию, грехом, но различно (судя по причине согрешения): ибо иное грешить по навыку, а иное по внезапному, неудержимому увлечению. В последнем случае человек ни прежде греха не имел мысли о нем, ни после греха не имеет влечения к нему, а напротив весьма скорбит и мучится о случившемся. Совсем не то бывает с тем, кто, грешит по навыку: ибо он и до греха не переставал грешить мысленно, и по совершении его в том же остается расположении.

75) Кто творит добродетели из тщеславия, тот и познания ищет из тщеславия же. Но таковой ничего

уже не делает и не говорит для назидания, но во всем ищет уловить славу от видящих дело его или слышащих слово его. Обличается же страсть сия тем, если когда некоторые из таковых станут хулить слова или дела его, он крайне огорчается тем, не потому, что те не получили назидания, ибо сей цели он и не имел; но потому, что он унижен, или унижен ими.

76) Страсть сребролюбия обнаруживается тем, если кто принимает всегда с радостью, а подает с печалию. Таковой не может быть истинно экономным (см. п. 19).

77) Страждущий переносит страдания по следующим причинам: — или из любви к Богу, или в надежде мздовоздаяния, или из страха мучения, или из страха человеческого, или по природной сносливости, или для удовольствия впереди, или из корысти, или из тщеславия, или по необходимости.

78) Иное избавиться от помыслов, а иное освободиться от страстей. Часто избавляются от помыслов, когда нет на глазах тех предметов, к которым страсть кто имел: но страсти между тем скрываются в душе, и при появлении предметов обличаются. И потому должно наблюдать за умом при тех вещах, и узнавать, к какой он имеет страсть.

79) Искренний друг тот, кто во время искушения ближнего, вместе с ним, без смятения и тревоги, переносит, как собственные случившиеся с ним скорби, нужды, несчастья и беды.

80) Не презирай совести, всегда лучшее тебе советующей; ибо она предлагает тебе Божеский и Ангельский совет, освобождает тебя от тайных осквернений сердца, и при исходи из мира дарует тебе дерзновение к Богу.

81) Если хочешь быть мудр и вместе скромн, а не рабствовать страсти самомнения; то всегда ищи в вещах, что скрыто от твоего разума, и, найдя, что многое и различное неизвестно тебе, ты подивишься своему невежеству, и смиришь свое мудрование. А познав свое ничтожество, познаешь многия, великия и дивныя вещи. Мечтание же о своих знаниях не дает успевать в познаниях.

82) Спастися искренно желает тот, кто не противится врачевательным лекарствам; — лекарства же сии суть скорби и печали, разными несчастьями наводимыя. Противящийся же бедам не знает, ни того, какой торг идет у нас здесь — на земле, ни того, с какою прибылью отидет он от — zde.

83) Тщеславие и сребролюбие суть взаимныя друг друга породительницы. Ибо иные богатеют из тщеславия, а иные обогатятся тщеславятся. Но так в мире водится. Монах же более тщеславится, когда бывает нестяжателен; а имея серебре прячет оно, стыдясь, что имеет вещь, его званию неподобающую.

84) Тщеславию монаха свойственно тщеславиться добродетелию, и ея последствиями; гордости же его свойственно гордиться успехами, унижать других, и приписывать то себе, а не Богу.

Тщеславию же и гордости мирянина свойственно тщеславиться и гордиться красотого, богатством, силою и разсудительностию, или житейским благоразумием.

85) Успехи мирских людей суть падения в монахах, а успехи монахов суть падения в мирских людях. Успехи мирян состоят в богатстве, славе, силе, утехах, в благоплотии, многочислстве и тому подобных вещах, в которыя вступя монах погибает. Успехи же монаха суть нестяжание, безславие, безсилие, воздержание, злострадание, лишения и сим подобное; чему невольню подвергшись, миролюбец почитает то великим несчастьем, и часто близок бывает к опасности накинуть петлю на шею, а некоторые и делали так.

86) Пища создана для двух причин, — для питания и врачевания. Посему приемлющие оную не в

том намерении, и не как следует, употребляющие данное Богом на пользу, осуждаются яко сластолюбцы. И в отношении ко всем вещам неправильное их употребление есть грех.

87) Смиренномудрие рождается от чистой молитвы, со слезами и болезнованием. Ибо она призывая всегда на помощь Бога, не попускает безумно полагаться на свою силу и мудрость, и превозноситься над другими, — две лютыя болести горделивой страсти.

88) Иное сражаться с простым помыслом, чтобы он не возбудил страсти, иное с помыслом страстным, чтобы не произошло соизволения нашего на грех. Оба же эти вида борьбы не дают замедлять в нас помыслам.

89) С злопамятством не разлучна печаль. И так, когда ум с огорчением видит в себе как в зеркале лице оскорбившаго брата; то очевидно, что он имеет памятозлобие. Путие злопомнящих в смерть (Прит. 12, 28); ибо иже памятозлобствует беззаконен (Притч. 21, 24).

90) Если злопамятствуешь на кого, молись о нем; и, молитвою отделяя печаль от воспоминания о зле, какое он причинил тебе, остановишь движение страсти; став же дружелюбным и человеколюбивым совершенно изгонишь страсть из души. Когда же другой злобится на тебя, будь к нему ласков, смирен и живи с ним добре, и избавишь его от страсти.

91) Печаль завидующаго трудно остановить. Ибо он почитает для себя несчастьем то, чему завидует в тебе. И не иначе можно успокоить его, разве скрывая то от него. Если же то для многих полезно, а ему печаль причиняет: то которую пренебечь сторону? Надобно стать на стороне полезнаго для многих; но по возможности не понебечь и о нем и не давать себе увлекаться коварством страсти, подавая помощь не страсти, а страждующему от оной; но по смиренномудрию почитать его превосходящим тебя, и давать ему предпочтение над собою во всякое время, во всяком месте и во всяком деле. А свою зависть остановить можешь, если станешь сорадоваться радости того, кому завидуешь и вместе с ним печалиться о том; о чем он печалится, исполняя заповедь Апостола: радоваться с радующимися и плакати с плачущими (Рим. 12, 15).

92) Ум наш находится посреди двух неких, из которых каждый внушает свойственное ему: один добродетель, а другой — порок: то есть, между Ангелом и демоном. Но ум имеет власть и силу последовать или противится кому хочет.

93) Святыя Силы направляют нас к добру; а естественныя семена добра и добрая воля помогают нам; приражениям же демонов придают силы страсти и злая воля.

94) Чистый ум иногда сам Бог учит, нисходя на него; иногда же внушают ему доброе Святыя Силы, а иногда созерцаемое им естество вещей.

95) Уму сподобившемуся ведения, надлежит соблюдать мысли свои безстрастными к вещам, созерцания не погрешительными, молитвенное состояние безмятежным. Но этого неможет он всегда соблюдать, проторжениями плотских движений, как дымом, омрачаясь по навету демонов.

96) Не на все то мы гневаемся, чем огорчаемся; ибо опечаливающих случаев более, нежели прогневающих. Например: то—то изломалось, то—то потерялось, такой—то умер. В таких случаях мы печалимся только, а в других и печалимся и гневаемся, не в любомудром находясь настроении.

97) Ум приемля помышления о вещах, обыкновенно соответственно каждому помышлению вновь изменять вид свой; созерцая же оныя духовно, различно преобразается соответственно каждому созерцанию. Но быв в Боге бывает совершенно безобразен и безвиден. Ибо созерцая единовиднаго, и

сам единовиден и весь световиден делается.

98) Совершенная душа есть та, коея вожделетельная сила вся совершенно устремилась к Богу.

99) Совершенный ум есть тот, который, истинною верою неведомо познав Неведомага обозрел все вообще Его творения и от Бога получил всеобъемлющее познание о Его в них промысле и суде, сколько то доступно человекам.

100) Время делится на три части: и вера простирается на все сии три отдела; надежда на один, а любовь на два. Вера и надежда имеют предел: любовь же соединяясь с пребезконечным и всегда возрастающая, пребывает в безконечные веки. И потому—то больше всех любви (1 Корин. 1.3, 13).

О Л Ю Б В И

ЧЕТВЕРТАЯ СОТНИЦА.

1) Во первых, ум удивляется помышляя о Божественной по всему безпредельности, — о неизследимой оной и много вожделенной пучине; во вторых, поражается тем, как Бог из ничего привел в бытие все существующее. Но как величию Его несть конца (Пс. 141, 3), так и премудрости Его несть изобретения (Вар. 3, 18).

2) Ибо как ему не удивляться, созерцая неприступную оную и преизумительную причину благодати? Или как не приидти в изступление, помышляя, как и откуда произошло словесное и умное естество, и четыре стихии, из коих тела, когда никакого вещества, предсуществовавшего их порождению, не было? Какая это сила она, которая, подвигшись к действию, привела их в бытие? Но сыны Эллинов не приемлют сего, не ведая всемогущей благодати и живодейственной Ея и ум превышающей премудрости и разума.

3) Творцем сущи от вечности Бог по безпредельной Своей благодати творит, когда восхощет, единосущным Своим Словом и Духом. Не вопрошай: как же так, будучи благ всегда, Творец явился Он токмо ныне? Ибо и я тебе говорю, что неизследимая премудрость безконечнаго Существа не подходит под человеческое ведение.

4) Творец от вечности предсуществовавшее в Нем ведение о всем сущем, осуществил и произвел в дело, когда восхощет. Ибо неуместно сомневаться о Боге всемогущем, может ли Он осуществить что, когда восхощет.

5) Для чего Бог что сотворил — изследуй; ибо сие можно познать; но как и почему не так давно, сего не испытывай: потому что это не подлежит твоему разуму. Ибо из Божественных вещей иныя постижимы, другия же непостижимы для человека. Умозрение, если его необуздывать, может в пропасть низвергнуть, как сказал некто из Святых (Григорий Богосл.).

6) Некоторые говорят, что твари от вечности сосуществовали Богу; но это невозможно. Ибо как могут от вечности сопребывать во всем безконечному, существа по всему конечныя, и как они собственно твари, если совечны Творцу? Но это речь Эллинов, которые вводят Бога, Творца отнюдь не естества, а качеств токмо. Мы же, признавая Бога всемогущим, говорим, что Он Творец не качеств токмо, но и естеств окачествованных. Если же так; то твари от вечности не сосуществовали Богу.

7) Божество и Божественное в некотором отношении познаваемо, а в некотором непознаваемо. Познаваемо созерцаниями о том, что есть окрест Его; непознаваемо — в том, что Оно есть само в себе.

8) В простом и безконечном естестве Святыя Троицы, не ищи какой либо склонности и способности,

дабы не сделать Ее сложною, подобно тварям: что не лепо и к Богу не приложимо.

9) Просто, единовидно, безкачественно, мирно, невозмутимо, покойно, — одно естество безпредельное, всемогущее, и вседержительное. Тварь же всякая, сложена из существа и случайностей и всегда имеет нужду в Божием Промысле, как несвободная от превратности.

10) Каждое мысленное и чувственное естество, когда приведено было в бытие, получило от Бога силы принимать впечатления от вещей; — мысленное получило силу помышлять, чувственное — чувствовать.

11) Бог сообщает только, а тварь и приемлет и сообщает: приемлет бытие и благобытие. сообщает же только благобытие; но иначе телесное и иначе безтелесное естество.

12) Существо безтелесное сообщает благобытие и говоря и действуя и будучи созерцаемо: а телесное токмо будучи созерцаемо.

13) Приснобытие или небытие разумного и мысленного естества состоит в воле Создавшего вся добра зело; но бытие благими или злыми по произволению, состоит в воле созданий сих.

14) Зло созерцается не в естестве созданий, но в погрешительном и неразумном их движении.

15) Душа благоумно движется когда ея сила вождевательная окачествована воздержанием, раздражительная ревнует о любви, отвращаясь от ненависти, мысленная пребывает в Боге, молитвою и духовным созерцанием.

16) Не имеет еще совершенной любви, и глубокого ведения о Божием Промысле тот, кто, во время искушения, не великодушествует при печальных приключениях, но отсекает себя от любви к духовным братьям.

17) Цель Божия Промысла есть, разнообразно разорванных злом соединить опять посредством правой веры и духовной любви. Спаситель и пострадал для того, да чада Божия расточенная соберет во едино (Иоан. 11, 52). Итак, кто не хочет случайностей тяжелых подъять, печальных перенести, болезненных перетерпеть, тот шествует вне Божией любви и цели провидения.

18) Если любовь домотерпит и милосердует (1 Кор. 13, 4): то малодушествующий при печальных приключениях, злобствующий на опечаливших его, и отсекающий себя от любви к ним не отступает ли от цели Божия Промысла?

19) Внемли себе, не в тебе ли самом, а не в брате, кроется зло, разлучающее тебя с братом; и поспеши примириться с ним, дабы не отпасть от заповеди любви.

20) Не неради о заповеди любви; ибо чрез нее будешь ты сыном Божиим, а преступая ее, окажешься сыном геенны.

21) Любовь между друзьями разрушается: если завидуешь, или делаешься предметом зависти; если причиняешь или терпишь урон; если безчестишь или терпишь безчестие, и наконец если питаешь и держишь подозрительныя на брата мысли. Итак не сделал ли ты, или не пострадал ли чего такого, и за то отступаешь ты от любви дружней?

22) Случилось тебе искушение со стороны брата, и огорчение довело тебя до ненависти, не будь побежден ненавистию, но победи ненависть любовию. Победить же ее можешь так: искренно молясь о нем Богу, приемля приносимое от брата извинение, или сам себя врачуя извинением его, поставив самого себя виновником искушения и положив терпеть, пока пройдет облако.

23) Долготерпелив тот, кто ждет до конца искушения, и получает похвалу за претерпенное.

24) Муж долготерпелив мног в разуме (Прит. 14, 29); ибо все случающееся относит к последнему

концу, и в ожидании его переносит все скорбное. Конец же, по словам Апостола, есть жизнь вечная (Рим. 6, 22). Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и Его же послал еси Иисус Христа (Иоан. 17, 3).

25) Не будь скор на отвержение духовной любви; ибо инаго пути ко спасению не осталось человекам.

26) Кого вчера почитал за духовнаго брата, и за добродетельнаго, не считай сего дня порочным и злым, по ненависти к нему, породившейся в тебе от навождения лукаваго; но долготерпящею любовию, помышляя о вчерашнем добром, отбрось от души сегодняшнюю ненависть.

27) Кого вчера хвалил, как добраго, и превозносил, как добродетельнаго, не поноси ныне, как порочнаго и злаго, по причине превращения твоей любви в ненависть, хулу на брата выставляя в извинение этой злой в тебе ненависти к нему; но оставайся при тех же ему похвалах, хотя бы все еще владело тобою огорчение, и удобно возвратишься к спасительной любви.

28) Ради кроющейся еще в тебе на брата твоего досады, не изменяй обычной твоей ему похвалы в беседах с другими братьями, вмешивая в слова свои неприметно порицание; но говори о нем в беседе с чистосердечною похвалою и искренно молись о нем, как о себе самом, — и вскоре избавишься от губительной ненависти.

29) Не говори: я не ненавижу брата, когда отвращаешься от воспоминания о нем, но внемли что говорит Моисей: не возненавидиши брата твоего во уме твоём: обличением обличиши ближняго твоего, и не примешь ради его греха (Левит. 19, 17).

30) Пусть по какому либо искушению, брат продолжительно будет злословить тебя: но ты не выносишься из любительнаго состояния и не попусти тому же злому духу возмутить твою мысль. Ты и не вынесешься из него, если поносимый и наветуемый благословлять и благожелательствовать будешь ему. Таков путь любомудрия по Христе, и шествующий сим путем соводворится с Ним.

31) Не почитай благомыслящими тех, которые переносят тебе слова порождающая в тебе досаду, или неприязнь к брату, хотя бы казалось, что они говорят правду; но отвращайся от таковых, как от смертоносных змий, чтоб и их злословие пресечь, и свою душу избавить от озлобления.

32) Не уязвляй брата намеками, чтобы и от него взаимно не получить подобнаго, и тем из обоих не изгнать расположения любви: но с любительным дерзновением иди и обличи его (Матф. 18, 15), чтобы устранить причины огорчения, и себя и его избавить от тревоги и досады.

33) Испытай совесть свою со всего точноию, не по твоей ли вине не примиряется с тобою брат и ложными умствованиями не отклоняй обличения ея, — ведающей сокровенное твое и имеющей обличить тебя во время исхода из мира, и во время молитвы быть тебе претыканием.

34) Во время мира не воспоминай, что сказано было братом во время досады, в лице ли тебе неприятное что изречено было, или заочно о тебе сказано другому, и ты после того услышал о том; чтоб приняв помыслы злопомнения, невозвратиться опять к пагубному ненавидению брата.

35) Душа разумная, питающая к человеку ненависть, не может быть мирна в отношении к Богу, давшему нам такую заповедь: аще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших (Матф. 6, 15). Пусть брат не хочет мира, но ты сохрани себя от неприязни, искренно моляся за него, и не злословя его ни пред кем.

36) Невыразимый мир святых Ангелов держится на следующих двух расположениях: на любви к Богу, и любви друг к другу; подобным образом и мир всех от века Святых. И так предобре сказано

Спасителем нашим: на сию обою заповедию весь закон и пророцы висят (Матф. 22, 40).

37) Не будь самоугодник; не будешь и братоненавистником. Не будь самолюбив; и будешь Боголюбив.

38) Восхотев жить с духовными братьями, у дверей их отрекись от своих хотений: ибо другим способом не можешь ты быть в мире ни с Богом, ни с живущими с тобою.

39) Стяжавший совершенную любовь и всю жизнь свою по ней устроивший, Духом Святым именуется Господом Иисуса (1 Корин. 12, 3). Из противного же сему бывает противное.

40) Любовь к Богу любит всегда воскрылять ум к собеседованию о Боге и о Божественном; любовь же к ближнему располагает всегда доброе о Нем помышлять.

41) Любящему суетную славу, или привязанному к чему либо вещественному, свойственно досадовать на людей за временное, или злопамятствовать на них, или ненависть иметь к ним, или рабствовать срамным помыслам; Боголюбивой же душе все сие чуждо.

42) Когда мысленно не говоришь и не делаешь ничего срамного, когда не злопамятствуешь на причинившаго тебе вред, или злословившаго на тебя, и когда во время молитвы имеешь ум постоянно отрешенный от вещества и образов: то знай, что ты достиг в меру безстрастия и совершенной любви.

43) Не малый подвиг освободиться от тщеславия; освобождаются же от него тайным творением добродетелей и частою молитвою; а признак освобождения, не злопамятствовать на злословившаго, или злословящаго.

44) Если хочешь быть праведен, доставляй, что достоин, каждой в тебе части, то есть, душе и телу: мыслительной части души — чтение, духовныя созерцания и молитву; раздражительной — духовную любовь, противоположную ненависти; вожделевательной, — целомудрие и воздержание; а плоти пищу и одеяние, кои одне необходимы.

45) Ум действует по естеству своему; — когда содержит страсти в покорности, созерцает значение всего сущаго, и пребывает с Богом.

46) Как здоровье и болезнь видятся в теле животного, свет и тьма в оке: так добродетель и порок в душе, ведение же и неведение в уме.

47) Христианин умудряется сими тремя путями: заповедями, догматами и верою. Заповеди отрешают ум от страстей, догматы вводят его в познание Сущаго, а вера в созерцание Святыя Троицы.

48) Иные из подвижников отгоняют только страстные помыслы, а другие отсекают и самыя страсти. Отгоняются страстные помыслы или псалмопением, или молитвою, или Богомыслием, или иным каким уместным занятием; отсекаются же страсти презрением тех вещей, к которым кто страстен.

49) Страстны бываем мы к женщине, к имению, к славе и проч. До равнодушия и презрения к женщине, можно дойти, если кто, по отречении от мира, нудится будет, как должно, изсушать тело воздержанием; к имению, — если он убедит помысл свой быть довольну тем, что есть; к славе, — если возлюбит тайное творение добродетелей являемое Богу единому. Так и во отношении к прочим страстям. Кто же презирает все сие, тот не доходит никогда до неприязни какой — либо.

50) Отрекшийся от вещей мирских, как то: жены, имения, и проч., соделал монахом человека внешнего. а еще не внутреннего: отрешившийся же от страстных помыслов, соделал таковым и внутреннего человека, то есть, ум. Внешняго человека легко сделать монахом, если только захотет; но не мал подвиг сделать монахом внутренняго человека.

- 51) Кто же в роде сем есть всецело освободившийся от страстных помыслов и сподобившийся достигнуть чистой и от всего отрешенной молитвы: что и есть признак внутреннего монаха?
- 52) Много страстей кроется в душах наших; обнаруживаются же оне, когда появляются предметы их.
- 53) Может иной не возмущаться страстями в отсутствие предметов их, достигши малой части безстрастия; но едва появятся предметы, страсти тотчас начинают влещи ум.
- 54) В отсутствие предмета страсти, не почитай себя имеющим совершенное безстрастие. Но когда и предмет появится, а ты остаешься нетронут ни им, ни после воспоминанием о нем: тогда знай, что ты вступил в пределы ея. Однакож и тогда не будь безпечен: ибо хотя долговременная добродетель умерщвляет страсти, но если понебрежешь о ней, то оне опять возбуждятся.
- 55) Любящий Христа, без сомнения и подражает Ему по возможности. Христос же не переставал благотворить людям; встречая не благодарность и поносим будучи, долготерпел; будучи от них бием и убиваем, претерпел то, никому отнюдь не вменяя зла. Сии три действия суть дела любви к ближнему; без которых говорящий что любит Христа, или что получит Царствие Его, обманывает себя. Ибо Господь сказал: не всяк глаголяет Ми, Господи, Господи, внидет в Царствие небесное, но творяй волю Отца Моего (Матф. 7, 21). И опять: любяй Мя, и заповеди Моя соблюдет (Иоан. 14, 15. 21), и проч.
- 56) Вся цель заповедей Спасителя та, чтобы освободить ум от невоздержания и ненависти, и возвести его в любовь к Нему и ближнему, от которой раждается свет святого деятельного ведения.
- 57) Сподобившись от Бога некоего ведения не неради о любви и воздержании: ибо оне, очищая страстную часть души, устрояют тебе путь к ведению удобным.
- 58) Путь к ведению есть безстрастие и смирение; их же кроме никто же узрит Господа (Евр. 12, 14).
- 59) Поелику разум кичит, а любви созидает (1 Кор. 8, 1); то с разумом сопряги любовь, и будешь чужд надмения, будешь духовным домостроителем (экономом), и себя назидующим и всех, приближающихся к тебе.
- 60) От того бывает, что любовь созидает, что она не завидует и не огорчается на завидующих и, не разглашает о себе всенародно того, что достойно завидования; (она) не почитает себя уже достигшею совершения (Фил. 3, 12), и чего не знает, о том не стыдится признавать свое неведение. Таким образом она предохраняет ум от кичения и всегда располагает его преуспевать в познании.
- 61) Обыкновенно за познанием следует самомнение и зависть, особенно в начале. Самомнение проявляется внутри только; а зависть и внутри и во вне: внутри (моя) к имеющим ведение, во вне (ко мне) от имеющих неведение. Любовь сии три неправости отвращает: самомнение, поелику не гордится; зависть внутреннюю, поелику не завидует; внешнюю, поелику домотерпит и милосердствует (1 Кор. 13, 4). — Итак имеющему ведение нужно приобрести и любовь, дабы она сохраняла ум во всем невредимым.
- 62) Сподобившийся дара ведения, но питающий огорчение, зюпомнение или ненависть к человеку, подобен колющему глаза свои тернием и волчцами. И так знание необходимо имеет нужду в любви.
- 63) Не все пекись о плоти, но определив ей подвиг по силе ея, весь ум свой обрати на внутреннее. Ибо телесное обучение в мале есть полезно а благочестие на все полезно есть (1 Тим. 4, 8), и проч.
- 64) Пребывающий внутри — и заботящийся непрестанно о внутреннем, целомудрствует, долготерпит, милосердствует, смиренномудрствует; и не это только, но и созерцает, богословствует и молится. Сие то и есть то, что разумеет Апостол говоря: Духом ходите (Галат. 5. 16), и проч.

- 65) Не умеющий ходить путем духовным, не заботится о страстных помыслах, но все попечение имеет о плоти, — и или чревоугодничает, распутничает, досадует, гневается и злопамятствует, и таким образом омрачает ум: или чрез меру вдается в подвиги и тем подавляет мысль.
- 66) Писание не отнимает у нас ничего данного нам от Бога для употребления, но обуздывает неумеренность, и исправляет безразсудность. То есть, оно не запрещает ни есть, ни раждать детей, ни иметь деньги и правильно их расходовать; но запрещает чревоугодничать, прелюбодействовать и проч. Не запрещает даже и думать об оном, ибо для того оно и сотворено; но запрещает думать страстно.
- 67) Иное совершаемое нами для Бога, делается по заповеди, иное не по заповеди, но так сказать, по вольному приношению. По заповеди, — когда мы любим Бога и ближняго, любим врагов, не прелюбодействуем, не убиваем, и прочее: за что, если мы то нарушаем, подвергаемся осуждению. Не по заповеди, когда храним девство, и ведем безбрачную жизнь, отчуждаемся от всякой собственности, отшельничаем, и проч. Сии действия имеют значение даров, чтобы, если по немощи не исполним какой заповеди, сими дарами умиловить благаго Владыку нашего.
- 68) Избравший себе жизнь безбрачную или девство, должен иметь чресла препоясана и светильник горящий (Луки 12, 35): чресла препоясана воздержанием; и свчтьильник горящий — молитвою, Богомыслием и духовною любовью.
- 69) Некоторые из братьий думают, что они не могут иметь даров Духа Святаго: ибо, по нерадению об исполнении заповедей, не знают, что имеющий истинную веру во Христа, имеет в себе сокращенно все дары Божии. Но поелику мы, по безделию нашему далеко отстоим от деятельной к Нему любви, которая показала бы нам Божественныя в нас сокровища: то справедливо почитаем себя чуждыми даров Божиих.
- 70) Если, по словам Божественнаго Апостола, в сердца наших верою живет Иисус Христос (Ефес. 3,17), а в Нем все сокровища премудрости и ведения сокровенны суть (Колос. 2, 3): то в сердцах наших находятся все сокровища премудрости и ведения. Открываются же оне сердцу по мере очищения каждаго заповедями.
- 71) Се сокровище, скрытое на селе (Матф. 13, 44) сердца твоего, котораго ты еще не обрел по безделию. Ибо если бы обрел, то продал бы все, и купил бы село сие. Но ты, оставя это село, работаешь около его, где нет ничего кроме терния и волчцев.
- 72) Посему—то говорит Спаситель: Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Матф. 5, 8). Узрят же Его, и сущия в Нем сокровища тогда, когда очистят себя любовью и воздержанием, и тем более, чем более очистятся.
- 73) Посему—то говорит еще: продадите имения ваша и дадите милостыню (Лук. 12, 33), и се вся чиста вам будут (Лук. 11, 41), как уже не занимающимся вещами до тела касающимися, а старающимся очистить от ненависти и невоздержания ум свой, который Господь называет сердцем (Матф. 15, 19). Ибо все оное, оскверняющее ум, не дает ему видеть живущаго в нем Христа благодатию святаго крещения.
- 74) Писание именует добродетели Путями: больше же всех добредетелей любовь; почему Апостол сказал: и еще по превосхождению (превосходнейший) путь вам показую (1 Кор. 12, 31), как располагающий презирать все вещественное, и ничего временнаго не предпочитать вечному.
- 75) Любовь к Богу противоборствует похоти; ибо склоняет ум воздерживаться от услаждений

чувственных; любовь же к ближнему противоборствует гневу, ибо заставляет презирать славу и богатство. И они—то суть два пенязя, которые Спаситель дал содержателю гостинницы (Лук. 10, 35), чтобы он поимел о тебе попечение. Но не явись неблагодарным, приставши к разбойникам, чтобы опять не быть изранену, и уже не еле живым, но мертвым не остаться.

76) Очищай ум твой от гнева, злопамятства, и срамных помыслов; и тогда сможешь узнать Христово в тебе вселение.

77) Кто просветил тебя верою во Святую, единосущную и покланяемую Троицу? Или кто дал тебе знать о воплощенном домостроительстве единого от Святыя Троицы? Кто научил тебя познанию о безплотных, о происхождении и скончании видимаго мира, или о воскресении из мертвых и вечной жизни, или о славе Царствия Небеснаго и о страшном суде? Не благодать ли Христова, живущая в тебе, которая есть залог Святаго Духа? Что более сея благодати? Или что лучше такой мудрости и ведения? Что выше таких обетований? Если же и после сего остаемся мы праздны и нерадивы, и не очищаем себя от страстей, ослепляющих ум наш и мешающих нам зреть такая истины яснее самага солнца: то должны винить себя, а не отрицать обитание в нас благодати.

78) Бог, обетовавший тебе вечныя блага, и давший в сердце твоём залог Духа, заповедал тебе пещися о своём житии, чтоб внутренний человек, освобождаясь от страстей, ещё в настоящей жизни начал вкушать те блага.

79) Сподобясь высоких Божественных созерцаний, наипаче пекись о любви и воздержании, чтобы, сохраняя страстную часть безмятежною, иметь в душе непрестающий свет.

80) Раздражительную силу души обуздывай любовию; вождевательную умерщвляй воздержанием; мыслительную воскрыляй молитвою: и свет ума никогда не помрачится в тебе.

81) Расторгающая любовь причины суть следующие: безчестие, причиненный урон, оклеветание или веры или жития, побои, удары, раны и проч.; и притом, когда сие случается или с самим кем, или с кем из родственников его и друзей. Разрывающий любовь по какой либо из таковых причин, не познал ещё какая цель заповедей Христовых.

82) Старайся сколько можешь, любить всякаго человека. Если же сего ещё не можешь, то по крайней мере не ненавидь никого. Но и сего не в состоянии будешь сделать, если не презришь всего земнаго.

83) Такой—то похулил тебя: не ненавидь его, но хулу, и подувившаго к тому его демона. Если же ненавидишь похудившаго тебя: то ты возненавидел человека и преступил заповедь, и что он сделал словом, то ты совершаешь делом. А если хранишь заповедь: то покажи к нему дело любви, и если в чем можешь, помоги ему, да отвратишь его от зла.

84) Христос не хочет, чтобы ты имел на человека ненависть и досаду, или гнев и злобу на кого, каким бы то ни было образом, и за что бы то ни было временное. Сие всякому проповедуют четыре Евангелия.

85) Много нас говорящих, но мало делающих. Но никто не должен исказить слово Божие в угоду своей безпечности, а лучше исповедать свою немощь, не скрывая истины Божией, дабы вместе с преступлением заповедей не сделаться повинными ещё в перетолковании слова Божия.

86) Любовь и воздержание освобождают душу от страстей; чтение же и Богомыслие избавляют ум от невежества; а стояние на молитве поставляет молящагося пред самага Бога.

87) Когда демоны увидят, что мы презираем вещи мира сего, не желая за них ненавидеть людей и отпасть от любви: тогда воздвигают на нас клеветы, дабы мы, не перенося огорчения, возненавидели

клеветников.

88) Нет для души тяготы тягостнее клеветы; веру ли оклеветают, или поведение: и никто не может презреть сего, кроме того, кто, как Сусанна, на Бога взирает, единого сильного и от бед избавить, как ее избавил и людям показать удостоверительно истину; как и о ней показал, и душу утешить надеждою.

89) Соответственно тому, как будешь молиться за оклеветавшего, Бог удостоверительно открывать будет истину о тебе соблазвившимся.

90) Но существу благ Един Бог; по настроению же души один Богу подражатель: ибо главная у него цель злых совокупить с благим по существу, чтобы и они сделались добрыми. Для сего будучи поносим благословляет; гонимый, терпит; хулимый, утешает; убиваемый, молится за убивающих (1 Кор. 4, 12. 13). Все делает он, чтобы не отпасть от главной цели своей — любви.

91) Заповеди Господни научают нас благословно пользоваться вещами средними. Благословное же пользование средними вещами чистым делает состояние души; чистое состояние души рождает рассудительность; рассудительность же рождает безстрастие, от которого рождается совершенная любовь.

92) Тот еще не имеет безстрастия, кто в случае искушения, не может оставить без внимания погрешность друга, в самом ли деле она есть за ним, или только кажется, что есть. Ибо скрывающиеся в душе такого страсти возбуждаясь ослепляют ум и не дают усмотреть лучи истины и различить доброе от худого. Не следует ли положить, что таковой не стяжал еще и совершенной любви, изгоняющей вон страх суда (1 Ин. 4, 18).

93) Верну другу несть измены (замены) (Сир. 6, 15): он несчастья друга почитает своими и подымлет их вместе с ним, страдая даже до смерти.

94) Много друзей, но во время благоденствия; во время же искушений едва найдешь и одного.

95) Всякого человека от души любить должно, упование же возлагать на одного Бога, и Ему единому служить всю крепостию. Ибо пока Он хранит нас: то и друзья все нам благоприятствуют, и враги все сделать нам зла не сильны. А когда Он нас оставит: то и друзья все от нас отвращаются и враги все берут силу над нами.

96) Есть четыре главных вида оставления Божия: иное оставление промыслительное, как то было с Самим Господом, дабы кажушимся оставлением спасти оставляемых; иное оставление испытательное, как было с Иовом и Иосифом, дабы явить одного столпом мужества, другого столпом целомудрия. Иное оставление духовно-воспитательное, как то было с Апостолом Петром, дабы смиренномудрием сохранить в нем преизбыток благодати. Иное наконец оставление по отвращению, как то было с Иудеями, дабы наказанием обратить их к покаянию. Все сии виды оставления спасительны и исполнены Божией благодати и человеколюбия.

97) Одни верные блюстители заповедей и истинные таинники судеб Божиих не оставляют друзей по Божию попущению искушаемых: но презрители заповедей и неиосвященные в таинства судеб Божиих, когда друг благоденствует, наслаждаются с ним; а когда искушаемый злостраждет, оставляют его. Бывает, что они становятся на стороне противников.

98) Други Христовы всех любят искренно, но не всеми бывают любимы. Друзья же мирские и не всех любят, и не всеми любимы бывают. Други Христовы до конца сохраняют союз любви; а друзья мирские, пока не встретится у них друг с другом столкновения за что-либо мирское.

99) Друг верен, кров крепок (Сир. 6, 14). Ибо он и при благоденствии друга, бывает добрым советником и единокровным сотрудником, и при злострадании — заступником искреннейшим и поборником сострадательнейшим.

100) Многие многое сказали о любви, а найдешь ее у одних учеников Христовых, если поищешь; ибо одни они имели истинную Любовь учительницею любви, о которой сказано: аще имам пророчество, и вем тайны вся, и весь разум, любве же не имам: никакая польза ми есть (1 Кор. 13, 2. 3). Стяжавший убо любовь, стяжал Самого Бога; ибо Бог есть любви (1 Иоан. 6, 16): Ему слава во веки. Аминь.

3.

Умозрительныя и деятельныя главы, выбранныя из семисот глав Греческаго Добротолюбия

1) Един есть Бог, — безначальный, непостижимый, всю всецело имеющий силу быть (сый), всякую совершенно мысль исключаящий о когда и как есть, как для всех недоступный и никакую тварью непознаваемый в естестве Своем [1,1] [53]).

2) Все сущее называется домыслимым, познаваемым, — таким, — познанию о чем имеются доказательныя начала. Бог же именуется недомыслимым, но из домыслимаго, познаваемаго веруется, что Он есть [1, 8].

3) Познания сотворенных вещей имеют в доказательство свое, собственныя основания естественным путем получаема, которыми естественно и определяются. Бог же по основаниям в сих вещах находящимся, только веруется, что Он есть, давая благочестивым исповедание и веру в то, что Он есть, твердейшую всякаго доказательства. Вера есть истинное познание, имеющее недоказываемыя начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово [1, 9],

4) Бог есть начало, середина и конец всего сущаго: начало, как Творец, середина, как Промыслитель, конец, как Завершитель, ибо, как говорит Писание, из Того, и Тем и в Нем всяческая (Рим. 11, 36) [1, 10].

5) Нет души, боле досточестной, чем та, которая по естеству разумна. Бог, яко благий, создавая всякую душу по образу Своему, приводит ее в бытие самодвижную, — (свободною). — Потом каждая по произволению своему или честь избирает, или безчестие наживает, произвольно, делами своими [1, 11].

6) Бог, как написано, есть солнце правды (Малах. 4, 2), всех равно осиявающее лучами благодати Своей. Душа же, по настроению своему, обыкновенно бывает или воском, как Боголюбивая, или грязью, как веществолюбивая. Как грязь по естеству своему солнцем иссушается, а воск естественно им умягчается: так и всякая душа веществолюбивая и миролюбивая, приемля от Бога внушения вразумительныя и по настроению своему отрывая их, жестеет, как грязь, и сама себя подобно Фараону, ввергает в пагубу; всякая же Боголюбивая душа при этом умягчается, как воск и восприемля отпечатления образов Божественных вещей делается в духе жилищем Бога [1, 12].

7) Осиявший ум свой Божественными разумениями, слово приучивший Божественными песньми непрестанно чтить Творца, и чувство освятивший непорочными на все взираниями, — сей к естественному добру бытия по образу приложил и благобытие по подобию произвольным благонастроением [1, 13].

8) Хранит душу свою не оскверненною тот, кто ум свой понуждает помышлять о едином Боге и Его совершенствах, слово поставляет правым истолкователем и изяснителем сих совершенств, а чувство научил благочестно взирать на видимый мир и на все, что в нем, и душе возвещать о величии

сокрытого в том разума [1, 14].

9) Бог, освободив нас от горького рабства тиранам — демонам, даровал нам человеколюбное иго Богочестия, — смирение, коим вся сила дьявольская укрощается, всякое же добро благоустроится приявшим его иго, и сохраняется некрадомым [1, 15].

10) Верующий боится Бога; боящийся Бога смиряется; смиряющийся кротким делается, прияв настроение, недоступное для неестественных движений гнева и похоти; кроткий соблюдает заповеди; соблюдающий заповеди очищается; очистившийся озаряется; озарившийся сподобляется совозлежать с женихом. — Словом — в сокровищнице тайн [1, 16].

11) Как земледелец, обозревая поле, пригодное к пересаживанию на него дерев, неожиданно нападает иногда на сокровище: так и всякий подвижник, смиренный и непритворный, и ровный по душевному настроению, чуждому зарослей земных страстей, подобно блаженнейшему Иакову, на вопрос отца о способе благоуспешности: что сие, еже скоро обрел еси, о чадо? может ответить, говоря: еже даде Господь Бог твой предо мною (Быт. 27, 20). Ибо, когда Бог без труда с нашей стороны подает премудрыя созерцания Своей премудрости нам, неожиданным того, то мы думаем, что внезапно обрели духовное сокровище. Искусный и опытный подвижник есть духовный земледелец, узреваемое посредством чувств в видимых вещах, как дикое дерево, пересаживающий на духовное поле и обретающий при сем сокровище, — благодатное узрение проявления Божией премудрости в сотворенных вещах [1, 17].

12) Ищущий ведения для показности и не достигающий его, пусть не завидует ближнему, и не убивается скорбью; а лучше пусть пройдет приготовительный к ведению труд, как установлено, — труд деятельной добродетели. Люботрудно совершая сие наперед телом, он уготовит душу к приятию ведения [1, 20].

13) Те, которые право с благочестивым намерением пекутся о познании вещей, никаких не держа в мысли видов на показность пред другими, встретят пресветлыя о них созерцания и найдут указания к вернейшему познанию самих себя. К таковым говорит закон: вошедши в землю обетования, наследуете грады велжи и добры, которых не создавали, дома полны всяких благ, которых не строили, потоки ископаны, которых не ископывали, винограды и маслины, которых не насаждали (Вт. 6, 10. 11). Ибо живущий не для себя, а для Бога, бывает исполняем Божественных даров, которые не всегда явны бывают по причине угрежающего нападения страстей [1, 21].

14) Лицемер, пока думает, что не разгадан, покоен бывает и молчит, довольствуясь славою, какую имеет от того, что кажется праведным; когда же бывает открыт, то язвительныя изрыгает слова, поношением других думая прикрыть собственную срамоту. Такому слово Писания, уподобив его порождению ехидны, как лукаваго, повелевает творить достойные плоды покаяния, т. е. сообразно с тем, чем он кажется, переделать и свое сокровенное настроение сердца [1, 23].

15) С целью повредить ближнему притворяющийся другом есть волк, овчею одеждою прикрывающий свое злодейство. Такой, встретив простой нрав, или что-нибудь по христиански простосердечно сказанное или сделанное, схватывает и пожирает, и потом безчисленными обдаёт поношениями тех, на слова и нравы коих нападает, яко соглядатай свободы братий, яже о Христе (Гал. 2, 4) [1, 25].

16) Притворяющийся с злою целию молчаливым, устрояет кознь против ближняго; не успев же в этом, отходит к страсти своей приложив терзание сердца. Но молчащий пользы ради умножает

дружбу, и отходит радуясь, как получивший просвещение разогнавшее тьму [1, 26].

17) В собрании братьев стремительно пресекающий слушание беседы, не скрывает (т. е. обнаруживает), что болит славолубием, которым будучи уловлен предлагает он многия прямые и непрямы мысли о предмете речи, желая разстроить течение ея [1, 27].

18) Мудрый, и уча и участь, желает учиться и учить одному полезному; а кажущийся мудрец, и вопрошая и вопрошаемый, предлагает одно то, что питает любопытство [1, 28].

19) Каких благ благодати делается кто причастным по Божиему благоволению, те и другим независимо долженствует он передавать, по слову Господню: туне приясте, туне дадите (Мф. 10, 8). Скрывающий под землею дар оклеветывает даровавшего, будто он жесток (Мф, 25, 24), и отрицается от добродетели, ради щадения плоти. Кто же врагам продает истину, тот потом будучи осужден и как славолубивый, не перенося безславия, удушение приемлет [1, 29].

20) Тем, которые еще боятся брани против страстей и страшатся нападения невидимых врагов надлежит молчать, т. е. в борьбе за добродетель не следует употреблять способ противоречия, но обращаться к молитве, предав Богу попечение о себе и защиту свою: каковым говорится в книге Исхода: Господь поборет за вас, вы же умолкните (Исх. 14, 14). Тем же, кои по поражении гонящих их врагов, възвещают, в чувствах благодарения, уразуметь какой бы им начать образ добродетели, следует иметь только открытым сердечное ухо и внимать что речет Господь, как повелено было Израилю: слыши Израилю (Втор. 6, 4)! А кто по очищении сердца неудержно вожделевает Божественного ведения, тому благоприлично благоговейное дерзновение, в следствие коего ему речется: что вопиеш ко Мне (Исх. 14, 15)? И так кому, ради страха, положено молчание, тому прилично только прибегание к Богу; кому же повелевается слушать, тому приличествует готовность к услышанию и исполнению заповедей Божественных; а достигшему духовного разумения, пригодно непрестанное в молитве вопиание, как с испрашиванием отвращения зол, так с изъявлением благодарения за полученные блага [1, 30].

21) Душа никогда не может простерться к познанию Бога, если Сам Бог, по благоснисхождению к ней, не коснется ея и не возведет ее к Себе. И ум человеческий никогда не мог бы настолько востечь горе, чтобы приять некое Божественное озарение, если бы Сам Бог не восторгал его, сколько возможно уму человеческому восторжену быть, и не просвещал Божественными осияниями [1, 31].

22) Верующий только, по Евангелию, сдвигает гору (Мф. 17, 19) греха деятельною в добре жизнью, исторгая из себя прежнее пристрастие к чувственным вещам, непостоянным и изменчивым. Кто же возмог сделаться учеником, тот приемля от Слова руками преломления (ломти) хлебов духовного ведения, насыщется ими тысячи, делами показывая размножающую силу Слова (Мф. 15, 32 и д.). А возмогший быть и Апостолом, врачует всяк недуг и всяку болезнь и бисов изгоняет (Мф. 10, 1): изгоняет бесов т. е. прогоняет действие страстей; болезни исцеляет, т. е. упованием возводит к благочестивому настроению лишившихся онаго; недуги врачует, т. е. разслабевших от лености возбуждает и укрепляет словом о суде. Но получивший власть наступать на змию и скорпию (Лук. 10, 19) истребляет начало и конец греха [1, 33].

23) Апостол и ученик, конечно есть и верующий; но ученик не всегда Апостол, а всегда верующий; только же верующий не есть уже ученик и Апостол. Впрочем возможно, жизнью и созерцанием, и этому третьему (верующему) взойти в чин и достоинство второго (ученика), и сему второму — в чин и достоинство первого (Апостола) [1, 34].

- 24) Что во времени по временному порядку производится, то, достигши совершенства, останавливается, потому что тогда прекращается естественное его возрастание. Но что благодать Божия производит по порядку добродетельной жизни, то и достигши совершенства опять подвигается к возрастанию: ибо здесь так бывает, что конец одного служит началом другого. Кто пресек в себе живущия в нем тленные страсти деятельною добродетелию, тот вместе с сим начал другия Божественнейшия преобразования от славы в славу (2 Кор. 3, 18): поколику и Бог, в нем действующий, не престаёт творить добро, как и не начинал, потому что, как свойство света есть — светить, так Божие свойство есть творить благое. Почему, по закону, — соответствующему состоянию вещей временных, раждающихся и умирающих, чтится суббота пресечением дел; а по Евангелию, соответствующему состоянию вещей духовных и мысленных, она празднуется благоделанием добрых дел, хотя не разумеющие, что суббота ради человека, а не человек субботы ради, — и что Сын человеческий Господь есть и субботы, негодуют на это (Мр. 2, 27. 28) [1, 35].
- 25) Для вкушения духовнаго радования душе недостаточно одного покорения страстей, если не стяжет и добродетелей чрез исполнение заповедей. Не радуйтесь, говорит Господь, яко бесы вам повинуются, — т. е. действия страстей, радуйтесь же, яко имена ваша суть написаны на небесах т. е. что по благодати сыноположения ради добродетели переписаны вы в место (в графу) безстрастия [1, 77].
- 26) Пока не исторглись мы умом до чистоты из природы своей и всего, что есть после Бога, дотоле не можем считать себя стяжавшими неизменный навык к добродетели. Ибо только, когда любовь установится в нас такое настроение, познаем мы силу Божественнаго обетования; потому что совершенная непревратность достойных водружена, как должно верить, там, где предварительно ум любовь свою укоренил силу. И не изшедший из себя и всего, о чем можно какнибудь помышлять, и не утвердвшийся в превышающем, всякое помышление молчания (умолкнутии всех умовых движений) никак не может быть свободен от превратности [1, 81].
- 27) Великий Моисей, после того уже, как поставил скинию свою вне стана, — т. е. после того, как сердце свое и ум твердо установил вне всего видимаго, — начинает поклоняться Богу; и после того, как вступил во мрак, т. е. в безвидное и безвещное место ведения, там пребывает, священнейшия совершая таинства (или посвящается на то) (Исх. 33, 7; 20, 21) [1, 84].
- 28) Во Святом Писании различать можно плот и дух, как бы оно было некийж духовным человеком. И кто сказал бы, что буква Писания есть плоть, а смысл его — дух или душа, тот не погрешил бы против истины. Явно же, что тот премудр, кто оставя плоть, как тленное нечто, весь прилепляется к духу, как нетленному [1, 91].
- 29) Исполняющий закон жизнь и поведением воздерживается от одних дел страстных, принося Богу в жертву действие безсловесных страстей. И этого для него достаточно ко спасению по духовному детству его [1, 94].
- 30) Пестунствуемый пророческим словом к отвержению дил страстных, прилагает и отложение сочувствия им и сосложения с ними, составляющихся в душе, чтобы, показывая себя воздерживающимся от греха худшею частию т. е. плотию, частию лучшею, т. е. душою, не быть скрытно грешащим с неудержимостию [1, 95].
- 31) Евангельскую искренно восприявший жизнь и начало и конец греха отсекает в себе, и всякую совершает добродетель и делом и умом, принося Богу жертву хвалы и исповедания, как избавленный

от действительного нападения страстей, и свободный от мысленной с ними брани, и одно имеющий ненасытное услаждение, питающее душу надеждою будущих благ [1, 96].

32) Чувство, или ощущение впечатлений чувственных, сопровождает деятельного, — трудящегося над совершением добродетелей; а нечувствие, или неколебание чувственными впечатлениями присуще созерцательному, ум свой сосредоточивающему в Боге, отторгая его от плоти и мира, Тот, подвизаясь разделить душу от естественных уз сочувствия плоти, деятельным на добром пути трудом, часто чувствует себя утомленным и благонастроение свое ослабевающим; а этот, исторгнув занозы сего сочувствия упражнением и пребыванием в созерцании, ничем уже совершенно не может быть пленяем и удерживаем, сделавшись чистым от того, чем обыкновенно уязвляли и удерживали его желавшие овладеть им [1, 99].

33) Как плод непослушания есть грех, так плод послушания есть добродетель, и как за непослушанием следует преступление заповедей и расторжение союза с Тем, Кто дал заповеди, так за послушанием следует исполнение заповедей и теснейшее соединение с Заповедавшим. Соблюдший убо чрез послушание заповедь, и правду исполнил, и единение любви к Заповедавшему сохранил неразрывным. А преступивший чрез непослушание заповедь, и грех соделал и отторг себя от единения любви с Заповедавшим [2, 7].

34) Кто после расторжения союза по причине преступления опять идет к воссоединению, тот впервых удаляется от страстей, потом от страстных помыслов, потом от природы и всего природного (т. е. от вещественного мира), потом от вещей мысленных и ведения о них (т. е. от мира духовного), наконец претекши разнообразие планов Провидения (течение событий), неведомо как приближается к самой Единице: в коей единой узрев свою непревратность, радуется радостью неизглаголанною (1 Пет. 1, 8), как обретший мир Бо-жгй, превосходящий всякий разум (Филип. 4, 7), и того, кто сподобляется его, непрестанно охраняющий от падения [2, 8].

35) Страх геенны понуждает вводимых в сказанный путь (новоначальных) избегать греха; желание воздаяния благ придает готовности преуспевающим в делании добродетелей; а таинство любви восторгает ум превыше всего тварного, соделывая его слепым для всего, что после Бога. Ибо только тех, кои соделались слепыми для всего, что после Бога. Господь умудряет, показывая ему Божественнейшее (Пс. 145, 8) [2, 9].

36) На Господе, как на некоем основании веры, возсозидавая высокое здание благ, будем полагать (на сем основании) золото, серебро и камень честное, т. е. чистое и неподмесное Богословие, жизнь светлую и славную, Божественные помыслы, и маргаритовидныя созерцания; а не дрова, сено и тростие (1 Кор. 3, 12), т. е. не идолослужение или пристрастие к чувственному, не жизнь неразумную, не помыслы страстные, лишены, как зредых колосьев, премудрых разумений [2, 12].

37) Посвящающий себя ведению да утвердит стопы души своей пред Господом неподвижно, как сказал Бог Моисею: ты же здесь стань со мною (Исх. 33, 2 и д.). Ведать однакож подобает, что и между стоящими пред Господом есть различие, если не мимоходом читается любомудрыми следующее: суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие пришедше в силе (Мар. 9, 1). Ибо Господь стоящим пред Ним не всем всегда является во славе; но к тем, которые только вводятся на путь к Нему (новоначальным) приходит Он в виде раба, а тем, кои сильны следовать за Ним в восхождении на высокую гору Его Преображения, является в образе Божиим, в коем Он был прежде бытия мира. Итак возможно, чтобы один и тот же

Господь неодинаково являлся приступающим к Нему, но одним так, а другим иначе, сообразно с верою каждого разнообразия видение [2, 13].

38) О проходящем деятельную жизнь говорится, что он, временно проживает во плоти, как пришлец имеющий целью деланием добродетелей отсечь от души своей сочувствие к плоти и отторгнуть себя от вещественных прелестей. А о том, кто проходит жизнь созерцательную, говорится, что он в самой добродетели пришельствует, как в зеркалах еще и гаданиях созерцающий истину. Ибо еще неузнаны им, чрез вкушение как бы лицом к лицу, подлинны виды чаемых благ, как оне есть.

И всякий Святой в отношении к будущим благам образом ходит, вопия: пресельник аз есмь и пришлец, якоже вси отцы мои (Пс. 38, 7, 13) [2, 17].

39) Хорошо всегда, от всего упраздняясь, искать Бога, как нам повелено (Пс. 45, 11; 104, 4). Ибо хотя по свойству настоящей жизни, ища Его, мы не можем дойти до предела глубины Божией, но, может быть, и малость некую глубины Его достигнув, узрим Святых святейшее, и духовных духовнейшее. Это образно показывает и Архиерей, когда от Святаго (первая часть скинии), которое святее двора, входит во Святое святых, которое святее святаго [2, 19].

40) Если Сын Бога и Отца, Бог — Слово того ради соделался Сыном человеческим и человеком, да человеков соделает богами и сынами Божиими: то да веруем, что будем там, где ныне есть Сам Христос, как глава всего тела (Кор. 1, 18), соделавшийся Предтечею о нас к Отцу по человечеству. Ибо в сонме богов, т. е. спасаемых, будет стоящим посреде Бог, разделяя удостоения (сколько кто достоин) тамошняго блаженства, без местнаго однакож отстояния достойных одних от других [2, 25].

41) Кто исполняет еще страстные вожделения плоти, тот живет в земле халдейской, как служитель и делатель идолов. Когда же, разсудив здраво, придет он несколько в познание подобающаго ему по естеству образа жизни (и возимет к нему сочувствие); тогда, оставя землю Халдейскую, идет в Харран Месопотамский (Быт. 11, 28—31), — т. е. в состояние, сопредельное добродетели и греху, не чистое еще от чувственной прелести. А когда он пройдет за пределы этаго средняго чувственного разумения добра; тогда вступает в землю благую, т. е. в состояние, свободное от всякаго греха и неведения, которое не ложный Бог показывает и дать обещает, как награду добродетели, любящим Его [2, 26].

42) Ревнующий обрести любомудрие в духе благочестия и в боевой ставши порядок против невидимых сил, да молится, чтоб с ним пребыли и естественное различие (добра и зла), свет коего не велик, и просветительная благодать Духа; из коих первое детоводит плоть к деятельной добродетели, а вторая световодит ум всему предпочитать сожительство с премудростию (Прем. Сол. 8, 2), коею разоряются твердыни зла и всякое возношение, взимающееся на разум Божий (2 Кор, 10, 4). Это показывает и Иисус Навин, просящий в молитве, да станет солнце прямо Гаваону, — т. е. да сохранится в нем незаходимым свет ведения Бога на горе мысленнаго созерцания, — и луна прямо дебри — (Иис. Нав. 10, 12), — т. е. да естественное различие добра и зла, лежащее над плотскою немощию, пребудет неизменным относительно добродетели [2, 33].

43) Гаваон есть высокий ум; а дебрь—плоть, смиренная смертию. Солнце есть Слово, просвещающее ум, дающее ему силу к созерцаниям, и от всякаго неведения его избавляющее; а луна— естественный закон, обязующий плоть законно покориться духу к приятию ига заповедей. Естества же символом принимается луна, по причине изменчивости. Впрочем во Святых естество бывает неизменным, по причине неизменнаго навыкновения в добродетели [2, 34].

- 44) Не вне самих ищущих должен быть иском Господь, но в себе самих ищущие должны искать Его верою, в делах свидетельствуемою, Близ ти глагол есть, говорит Апостол; во устех твоих и в сердце твоём, сиречь глагол веры (Рим. 10, 8); ибо искание и глагола веры есть искание Самого Христа [2, 35].
- 45) Ни помышляя о высоте Божеской безпредельности, да неотчаяваемся в Божием человеколюбии, как бы оно, по такой высоте, не могло достигь до нас; ни воспоминаая о безмерной глубине нашего чрез грехи падения, да не неверуем в возможность возстания умерщвленной в нас добродетели. То и другое возможно для Бога, — как низойти и просветить ум наш ведением, так и возставить опять добродетель в нас, и нас совозвысить с Собою, посредством дел правды. Да неречеши в сердца твоём, говорит Апостол, кто взыдет на небо? сиречь Христа свести: или кто снидет в бездну? сиречь Христа от мертвых возвести (Рим. 10. 6. 7) [2, 36].
- 46) Подобно животным, живущие для одних чувств, злеупотребляют творения Божии на угождение страстям. Не внемля всем явному слову премудрости, да познают и прославят Бога из творений Его, и да уразумеют, откуда мы, что мы, на какой конец, и куда стремиться посредством видимаго созданы, они во тьме блуждают весь век свой, и одно неведение о Боге осязают обеими руками [2, 41].
- 47) Одной букве Св. Писания внимающие и телесным по закону служением связующие достоинство души, думают жертвами безсловесных животных благоугодить Богу. У них много попечения о теле и внешних его очищениях, о красоте же души, искаженной ранами страстей они нерадят, тогда как ея ради произведено все множество видимых вещей и изданы весь закон и все Божественное слово [2, 42].
- 48) То, что Господь лежит на падение и возстание многим во Израили (Лк. 2, 34), если то и другое взять в добрую сторону, будет означать: на падение в каждом из верующих страстей и злых помыслов, и на возстание добродетелей и всякаго Боголюбиваго помысла [2, 44].
- 49) Страха ради Иудейска сидящие в горнице дверем заключенным (Ин. 20, 19), — т. е. страха ради духов злобы, в стране откровений, на высоте Божественных созерцаний твердо установившиеся, заключив подобно дверям, чувства, — приемлют не ведомо приходящаго Бога — Слова, Который, являсь им, не по чину чувственных явлений, дарует чрез: мир вам безстрастие, а чрез дуновение — причастие Духа Святаго, сообщает власть над злыми духами и показывает символы своих таинств [2, 46].
- 50) Земля Халдейская есть страстная жизнь, в которой устрояют идолов греховных и поклоняются им. Месопотамия есть образ жизни, то на одну то на другую из противоположных сторон склоняющийся. А земля обетования есть состояние (духа) исполненное всяких благ (духовных). Всякий подобно древнему Израилю нерадящий о сем благонастроении, опять низпадает в рабство страстей, и лишается дарованной свободы [2, 48].
- 51) Заметить надо, что никто из Святых добровольно не отходил в Вавилон: ибо неуместно и неразумно любящим Бога вместо того, что благо, избрать то, что худо. Если жене которые из них невольно были отведены туда вместе с народом, то под ними разумеем мы тех, кои не сами от себя, а по особому обстоятельству, ради спасения нуждающихся в руководстве, оставя высокое слово ведения, переходят к учению о страстях: по каковому обстоятельству и великий Апостол почел более нужным пребыть во плоти, т. е. продолжать преподавание нравственного учения, для учеников, тогда

как все желание имел отрешиться от нравственного учения, и со Христом быть чрез премирное и простое духовное созерцание (Филип. 1, 29) [2, 49].

52) Как блаженный Давид, играя на гуслях, успокаивал давимага злым духом Саула (1 Цар. 16, 23): так всякое слово духовное, сладостное по проникающим его мысленным созерцаниям, успокаивает страждущий эпилепсиею ум, освобождая его от давящей его злой совести [2, 50].

53) Чермен с добрыми очами, подобно великому Давиду (1 Цар. 16, 12), есть тот, кто при светлости жизни по Богу, имеет светозарное подобно ей и слово ведения. В таких добрая деятельность сочетается с созерцанием; — и первая блестит разными видами добродетелей, а вторая светит Божественными помышлениями [2, 51].

54) Молящийся получить насущный хлеб, конечно не весь приемлет его, как он есть сам в себе хлеб, но как может приять приемлющий. Всем просящим дает Себя Хлеб — животный — (Ин. 6, 35), как человеколюбивый, не всем однакож поровну; но соделавшим великия дела правды больше, а тем, кои скудны такими делами, меньше: каждому сколько может приять достоинство (или благонастроение) его ума [2, 56].

55) Тому, кто деятельно проходит жизнь, Господь присущ посредством добродетелей, а от того, кто ни во что ставит добродетель Он отсутствует. И опять, мужу созерцательному Он присущ чрез истинное ведение вещей; от того же, кто в какой либо мере в сем погрешает, отсутствует [2, 58].

56) В начале обучения людей ко благочестию дело обыкновенно идет так, как бы оно относилось только к телу. И беседуем мы на первых порах приступления к Богочестию более по букве, нежели по духу. Потом мало по малу приступая ближе к духу, и плотность речений утончая духовными созерцаниями, в чистом чисто бываем уже мы Христе, сколь ко это возможно людям; так что можем говорить по Апостолу: аще и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому неразумением (2 Кор. 5, 16). Это по причине простаго (или чистаго) приступания ума к Слову без покровов на Нем, так как мы преуспели уже от плотскаго разумения Слова взойти к узрению славы Его, яко Единороднаго от Отца (Ин. 1, 14) [2, 61].

57) Кто начал жить жизнью во Христе, тот превзошел правду и подзаконную и естественную: что давая разуметь Божественный Апостол говорит: во Христе Иисусе ни обрезание что может, ни необрезание (Гал. 6, 15), — словом — обрезание обозначая подзаконную правду, а словом: необезание—намекая на подобную же праведность по закону естества [2, 62].

58) Слово Божие есть путь (Ин. 14, 6) для тех, кои, проводя деятельную жизнь, верно и твердо текут поприщем добродетели, не уклоняясь ни на десно по тщеславию, ни на шуе поползновением на страсти, — и по Богу направляя стопы свои: чего до конца не соблюдши Аса, царь Иудейский (3 Цар. 15, 23), заболел, как о нем говорится, под старость ногами, как разслабевший и обезсилевший теши далее путем жизни по Богу [2, 68].

59) Аз есмь дверь, сказал Господь (Ин. 10, 9). Ибо Он тех, кои добре совершили весь путь добродетелей, в непорочном течении деятельной жизни своей, вводит в область ведения и как свет, показывает им пресветлыя сокровища премудрости. Один и тот же Он есть и путь, и дверь, и ключ, и царствие: путь, как путеводитель; ключ, как отпирающий достойным вход к Божественным сокровищам; дверь, как вводитель; царствие, как наследуемый, и по причастию во всех сущий [2, 69].

60) Господь называется светом, жизнью, воскресением, истиною: Светом, и как озаритель душ, и как

отгнатель тьмы неведения, и как просветитель ума к уразумению недоуменных вещей, и показатель таинств, доступных одним чистым; жизнию, как податель, душам, возлюбившим Его, подобающего движения в области Божественных вещей; воскресением, как возбуждающий ум от мертвого пристрастия к вещественному и делающий его чистым от всякого тления и мертвости; истиною, как дающий достойным неизменное расположение к делам благим [2, 70].

61) Прославляет Бога себе, не тот, кто словами только благоговейно чтит Бога, но кто ради Бога из-за заповедей терпеливо переносит страдания и труды. Таковой взаимно Богом прославляется славою сущюю в Боге, как награду за добродетель по причастию нося в себе благодать безстрастия. Ибо всякий, прославляющий Бога в себе страданиями из-за добродетели в деятельной своей жизни, и сам в Боге прославляется чрез безстрастное озарение Божественными лучами в состоянии созерцания. И Господь, грядущи на вольную страсть говорит: ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем. Аще Бог прославися о Нем, и Бог прославит Его в Себе, и абие прославит Его (Ин. 13, 31. 32). Отсюда явно, что за страданиями ради добродетели последуют Божественные дары благодати [2, 72].

62) Пока душа совершает свое от силы в силу и от славы в славу прехождение, т. е. от добродетели преуспеяние в большей добродетели, и от ведения восхождение к высшему ведению, дотоле она неперестает быть пришельцею, по сказанному: много пришельствова душа моя (Пс. 119, 6). Ибо велико разстояние, и множество должно пройти ей степеней ведения, пока пройдеши в место селения дивна даже до дома Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующаго (Пс. 41, 5), — всегда к гласам глас, к духовным гласам духовный глас прилагая в преуспеянии в духовных созерцаниях, с радованием об умноузренных вещах, — с радованием и соответственным благодарением. Такия празднества совершают все, получившие благодать Духа, вопиющаго в сердцах их: Авва Отче (Галат. 4, 6) [2, 77].

63) Место селения дивна есть безстрастное и непоколебимое благонастроение к добродетелям, по коему Бог — Слово, пришедши, благоукрашает душу разными красотами добродетелей, как скинию. Дом Божий есть из многих и разных созерцаний составившееся ведение, по коему Бог, посетив душу, исполняет ее множеством мудрости. Глас радования есть възгвание души при взоре на множество добродетелей. Исповедание есть благодарение за славное насыщение или исполнение премудростию. Шум есть непрестанное таинственное славословие, из смешения обоих, т. е. радования и исповедания, слагающееся [2, 78].

64) Мужественно преодолевший плотския страсти, и довольно побед одержавший над нечистыми духами, и помышления их изгнавший из своей душевной области, да молится, чтоб ему дано было сердце чистое и дух правый обновился во утробе его, т. е. чтоб благодатию Божиею совершенно очиститься ему от помыслов худых и исполниться помышлений Божественных [2, 79].

65) Соделавший сердце свое чистым не только познает смысл и значение вещей второстепенных и после Бога сущих, но, прошедши все их, зрит некакo и самаго Бога: в чем — крайнейший предел благ. Посетив такое сердце, Бог удостоивает Духом начертывать на нем Свои письмена, как на скрижалях Моисеевых, в такой мере, в какой оно само себя возрастило доброю деятельностью и созерцанием, по заповеди, таинственно повелевающей: расти и множиться (Быт. 35, 11) [2, 80].

66) Ум Христов, который приемлют Святые, — по сказавшему: мы же ум Христов имамы (1 Кор. 2, 16), — приходит не по лишению собственной нашей умственной силы, и не как существенно и

лично переходящий в наш ум (на его место): но как своим качеством освещающий силу нашего ума и к одному с собою уносящий его действию. Ум Христов, по моему, имеет тот, кто о всем помышляет в Его духе, и чрез все приводится к мысли о Нем [2, 83].

67) Мы называемся телом Христовым, по слову Апостола: вы есте тело Христово, и уди от части (1 Кор. 12, 27), — не по лишению наших тел, Его телом бывая, и не потому, чтобы Он лично переходил в нас, или разделялся по членам; а потому, что, подобно плоти Христовой, и наша освобождается от греховной тли. Ибо как Христос по естеству был безгрешен и плотию и душею, как человек; так и мы, верующие в Него и в Него облекшиеся Духом можем произволением быть в Нем без греха [2, 84].

68) Пока кто в этой жизни находится, дотоле, сколько бы ни был совершен, по здешнему состоянию, в деятельности и умозрении, отчасти только имеет и ведение, и пророчество, и залог Святаго Духа, но не во всей полноте, — имея некогда придти в совершенное состояние, которое достойным показывает истину лицом к лицу, как она есть сама в себе: так что он не часть только полноты будет иметь, но самую полноту всю будет носить в себе по причастию. Ибо Апостол говорит, что тогда все (т. е. спасаемые) достигнут в миру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13); в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна (Кол. 2, 3); по проявлении чего еже отчасти упразднится (1 Кор. 13, 10) [2, 87].

69) Некоторые ищут, каково будет состояние удостоиваемых совершенства в Царствии Божиим? Будет ли там преуспеяние и прехождение (к лучшему и лучшему) или будет одно, установившееся до неизменности положение? Как будут тогда тела и души, и как об этом думать? На это, подумавши, ктонибудь может сказать, что как в отношении к телесной жизни, пища имеет двоякое значение, — то она служит к возрастанию, то к сохранению питаемых, — именно, — пока достигнем совершенной меры возрастания телесного, питаемся для возрастания, а когда тело остановится в прибавлении увеличения, тогда питается оно не для возрастания, а для сохранения: так и в отношении к душе пища двоякое имеет значение. Питается она добродетелями и умозрениями, когда преуспевает, пока, прешедши все сущее, достигнет в меру возраста исполнения Христова: но достигши сего, останавливается в преуспеянии или прибавлении себе возрастания положенными средствами, и будучи питаема, непосредственно пищею нетленною, способом превышающим разумение, а, может быть, по тому самому и высшим возрастания, приемлет ее уже только для сохранения данного ей Боговидного совершенства и для изъявления безмерных усладений от пищи оной, по коей приемля присещающее ее всегда одинаково благобытие, она бывает богом по причастию Божественной благодати, и сама преставши от всех по уму и чувству действий, и вместе с собою заставив престать и естественныя действия тела, собоженнаго вместе с нею в мере доступнаго ему обожения; так что чрез душу и тело просиявает един Бог, с препобеждением естественных их признаков преизбытком славы [2, 88].

70) Ищут некоторые из любящих до всего доходить, в чем будет состоять различие вечных обителей и обетованных наследий, — местом ли оно будет определяться, или количеством и качеством духовных совершенств каждаго? И одним кажется первое, а другим — второе. Кто познал, что есть: царствие Божие внутри вас есть (Лук, 17, 21) и что: в дому Отца Моего обители многи суть (Ин. 14, 2), тот станет на сторону втораго [2, 89].

71) Царство Бога и Отца по вседержительству есть во всех верующих, по благодати же в тех,

которые всецело отложили всякое расположение к естественной жизни, — душевной и телесной и стяжали жизнь духовную; так что могут говорить: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20) [2, 92].

72) Возмогший трудами доброделания умертвить уды, сущия на земле (Кол. 3, 5) и чрез исполнение заповедей Слова победит сущий в нем мир, никакой не будет иметь скорби, как оставивший уже мир и начавший пребывать во Христе, победителе мира страстного и всякого мира подателя. Ибо неоставивший пристрастия к вещественному, конечно будет иметь скорбь, изменяясь в чувствах вместе с изменением того, что изменчиво по природе; а начавший быть во Христе, ни под каким видом не почувствует уже изменения в вещественном, каково бы оно ни было.

Почему Господь говорит: сия глаголах вам, да во Мне мир имате: в мире скорбни будет, но держайте, яко Аз победих мир (Ин. 16, 33). То есть во Мне, Слове, вы имете мир, будучи избавлены от превратности и смятения земных вещей и страстей в мире же, т. е. в пристрастии к вещественному будете иметь скорбь, по причине непрестанного в нем одного в другое изменения. Скорбь будут иметь оба, и действующий добродетельно, по причине соединенного с тем труда, и любящий мир, по причине потерь и лишений в вещественном; но у одного она спасительна, а у другого разорительна и пагубна. Для того же и другого покой есть Господь: для первого тем, что по трудах доброделания дает ему покой безстрастия в состоянии созерцания; а для второго тем, что чрез покаяние отнимает у него обычное пристрастие к тленному [2, 95].

73) Нам надлежит быть не только телесных страстей убивателями, но и душевных страстных помыслов истребителями, подражая тому Святому, который говорит: во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззакония (Пс. 100, 8); т. е. телесныя страсти душевныя беззаконующия помыслы [2, 97].

74) Кто с благочестивым и правым ведением сохранит путь добродетели непокривленным чрез уклонения на противную ей сторону: тот будет уразумевать бывающее ему ради безстрастия посещение Божие, как уверяет тот же Святой Пророк, говоря: пою, и разумею, в пути непорочни, когда приидети ко мне (Пс. 100, 2) [2, 98].

75) Вводимому на путь благочестия не должно руководствоваться одною благодатию к исполнению заповедей, но и памятованием о строгости судов Божественной правды почаще быть возбуждаему на подвиги; чтоб как любовию вожделевать Божественное, так страхом воздерживаться от худаго.

Почему говорит: милость и суд воспою тебе, Господи (Пс. 100, 1), свидетельствуя, что как любовию услаждаемый молитвенно с Богом беседует, так страхом укрепляемый песнь к Нему возсылает [2, 99].

76) Едино есть пребезначальное и пресущественное благое Существо, Триипостасная Единица, Отец, Сын и Дух Святой, трех безпредельных безпредельное сосущие; относительно бытия Коего, как Он есть, что есть и каков есть, для сотворенных умов недоступно всякое разумение. От всякого убегает оно уразумений умствующих, отнюдь не исходя из естественной своей внутри сокровенности, и всякое всех ведений безмерно превосходит ведение [3, 1].

77) Един Бог Отец, Единаго Сына Родитель, и Единаго Духа Святаго Изводитель; Единица неслиянная, и Троица нераздельная; Ум безначальный, Единый Родитель Единаго, существенно безначального Слова, и Единой присносущной Жизни, т. е. Духа Святаго, Источник [3, 4].

78) Един Бог, Единица безначальная и пресущная, частей неимеющая и нераздельная; один и тот же

и Единица и Троица [3, 5.]

79) Раждается Христос Бог, и, с приятием плоти, имеющей разумную душу, соделывается человеком, — Он даровавший бытие всему сущему из несущаго, Котораго Дева родив преестественно, не лишилась никакого знамения девства. Ибо как Он человеком соделался, не изменив естества, и не преложив силы; так и родившую Его и материю содевает и сохраняет Девою, в одном и том же на чудо чудом указывая и вместе каждым из них прикрывая другое. Бог Сам по Себе, по естеству Своему, всегда таинственно сокровен, и если выводит иногда Себя из естественной Своей сокровенности, то так, что самым проявлением ея делает ее еще более сокровеннейшею. Так (и в Своем рождении человеком) Он делает Деву раждающею материю, так, что само рождение содевало неразрешимыми узы девства [3, 9].

80) Будем с верою смотреть на таинство Божественнаго воплощения, и, только прославлять без пытливости Того, Кто благоволил быть сему для нас. Ибо кто, надеясь на силу изследования своего разума, может изречь, как Богъ — Слово зачинается? Как без семени образуется для Него плоть? Как раждается без исления? Как Мать та, которая и по рождении пребыла Девою? Как превыше всякаго совершенства Сущий преуспеваает возрастом (Лук. 2, 52)? Как чистый крещение приял? Как насыщал Сам алчущий? Как Сам утруждающийся подавал силу? Как Сам страждущий подавал исцеления? Как Сам умирающий оживотворял? И, — изрекая первое последним, — как Бог человек бывает, и — что еще паче таинственнейше есть, как Слово, по ипостаси существенно есть во плоти, по естеству ипостасно все пребывая во Отце? Как один и тот же и Бог есть по естеству, и стал естественнo человеком, отнюдь не отрехшись ни от какого естества, ни от Божескаго, по коему Бог есть, ни от нашего, по коему стал человеком? — Все сии таинства вмещает одна вера, исповедающая сущими вещи, кои суть выше слова и разума (Евр. 11, 1) [3, 13].

81) Адам преслушав заповедь, узнал, что рождение естества нашего имеет начало от чувственной сласти. Господь, изгоняя сию из естества, не признал уместным для Себя зачатие от семени. Жена, преступившая заповедь, показала, что рождение естества нашего начинается муками. Господь, отрехая сии от естества, родившись, не попустил редившей потерпеть исление; чтобы вместе и произвольную сласть и по причине ея произвольныя муки изять из естества, соделавшись истребителем того, чего не был Творцем, — и чтобы научить, что в духе таинственнo должна зачинаться другая жизнь, начинающаяся, может быть, муками и болезнями, но оканчивающаяся всячески услаждением Божественным и обрадованием безконечным. Для сего бывает человеком и раждается, как человек, Создавший человека, да спасет человека, и страсти страстьми уврачевав, явится умертвителем наших страстей, паче естества Своими по плоти лишениями человеколюбно обновляя наши духовныя благорасположения [3, 14].

82) Для добродетели благотворно подвизаться среди болезненных трудов; ибо в таком случае она благодушно все претерпевающим в награду приносит безстрастие души, по коему душа любовью соединяясь с Богом отторгается расположением от плоти и мира. Измождение тела есть укрепление души [3, 17].

83) Увлеченные обольщением чувственной сласти, предпочли мы истинной жизни смерть. Понесем же благодарно убивающий сию сласть труд телесный, чтобы, когда смертию ея уничтожится вместе с нею чрез нее произшедшая смерть, воспрять возвращающуюся к нам жизнь, прежде проданную за сласть, а теперь опять купленную за не многие труды плоти [3, 18].

- 84) Если, когда плоть здорова и в довольстве, обычно возрастает сила греха; то явно, что когда она в скудости, юнеть следует силе добродетели. Будем же нести мужественно измождение плоти, — сию очистительницу душевных скверн, и виновницу будущей славы. Недостойни бо страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8, 18) [3, 19].
- 85) Как врачи, тело врачующие, не одно и то же для всех предлагают лекарство; так и Бог, врачуя душевныя болезни, не один, для всех пригодный, знает способ врачевания; но каждой душе, подавая благопотребное, совершает исцеления. Возблагодарим же Его, будучи врачуемы, хотя бы бывающее с нами и муку имело: ибо конец блажен [3, 20].
- 86) Ничто так не обличает настроения души, как возстания плоти изможденной: ибо если она поддастся им, то покажет, что любит плоть паче Бога; а если пребудет непоколебленною такими приражениями, то обнаружит, что чтит добродетель паче плоти; ради чего Бога сожителем в себя восприимет, благоволившаго ради ея страдать нашим естеством, и, как древле ученикам, взывающаго: дерзайте, яко Аз победих мир (Ин, 16, 33) [3, 21].
- 87) Если все Святые были причастны обучительному наказанию; то будем вместе с ними благодарны и мы, когда обучительно наказуемы бываем, чтоб сподобиться быть причастными и славы их. Егоже любит Господь наказует, бьет же всякаго сына, егоже приемлет (Прит. 3, 12; Евр. 12, 6) [3, 22].
- 88) Адам прияв ребро (жену из ребра), предлагавшее ему сласть, изверг человечество из рая. А Господь, благоволивший пронзенным быть копием в ребро, ввел в рай разбойника. Возлюбим же болезненное преутруждение плоти и возненавидим ея сласти: ибо то вводит в рай и делает причастными благ его; а те изгоняют из него и лишают благ его [3, 23].
- 89) Если Бог страждет плотию, быв человек; то кто не порадуется, когда страдает, имея Бога соучастником в страдании? Ибо спострадание Ему виновно бывает царствия. И стинен сказавший: с Ним страждем, да и с Ним прославимся (Рим. 8, 17) [3, 24].
- 90) Если всячески необходимо болезновать, по причине срастворенной прародителем с нашим естеством сласти; то будем доблестно переносить временныя болезненности, притупляющия в нас жало сласти, и избавляющаго нас вечных за нее мучений [3, 25].
- 91) Конец всех благ есть любовь, так как она всех ходящих в ней ведет, приводит и приближает к верховнейшему из благ Богу, виновнику всякаго блага, как всегда верная, никогда неотпадающая и всегда неизменною пребывающая. Вера есть основание, за нею следующих — надежды и любви, как твердо устанавливающая истину. Надежда есть крепость, — стоящих по краям ея, справа и слева, — любви и веры, как собою самую обеим им показующая верность (веруемаго) и достолюбезность (любимаго), и путь к тому творить собою научающая. Любовь есть исполнение их, как вся все последнее желательное обемлющая, и упокоение в нем подающая, вместо веры в то, что есть, и надежды того, что будет, вводя собою (и в себе) обладание сим, как настоящим и вкушение того, как присущаго [3, 26].
- 92) Есть три зла, величаишия и злоначальныя, и всякаго, сказать просто, зла породители: неведение, самолюбие и ненависть, друг с другом родственно сочетанныя и взаимно друг друга поддерживающия. Ибо от неведения Бога — самолюбие, а от этого — ненависть в отношении к соестественному. И никто не противоречит тому, что лукавый производит и возбуждает их в нас, научая нас злоупотреблять своими силами — разумом, вожделением и энергиею [3, 31].
- 93) Надлежит разумом, вместо неведения, к Богу возноситься чрез познание Его взысканием, —

вождедением, очистив его от страсти самолюбия, только к Богу устремляться всем желанием, — энергиею, отрешив ее от ненависти, усидиваться улучшить единого Бога и создать в себе Божественную и блаженную любовь, с Богом соединяющую и Богом являющую Боголюбца, — любовь, которая из них (т. е. Боговедения и Богожелания) и ради которой они [3, 32].

94) Когда отвергнем самолюбие, — это, как я сказал, начало и мать всех зол, тогда вместе с ним отторгнется и все, что из него: ибо когда его не будет, тогда никакой вид или след зла не может уже никак устоять в нас [3, 33].

95) Надлежит нам так себя самих и друг друга чтить и любить, как Сам Христос первый Своим примером показал, благоволив пострадать за нас [3, 34].

96) Действо и доказательство совершенной любви к Богу есть искреннее и благожелательное расположение к ближнему. Ибо не любяй брата, егоже виде, Бога, Егоже невиде, как может любить, говорит Божественный Иоанн (1 Ин. 4, 20)? [3, 36].

97) Вот дверь, коею входящий вступает во Свята Святы и сподобляется быть достойным зрителем неприступной красоты Святыя и царственныя Троицы [3, 38].

98) Не возможно содружится с Богом нам, бунтующим против Него страстьми и охотно платящим дань греха злomu тиранну и губителю душ, диаволу, если прежде не возстанем решительною войною против этого лукаваго. Ибо дотолe мы состоим врагами и противоборцами Богу, не смотря на то, что прилагаем к себе имя верных, пока самоохотно рабствуем страстям безчестия. И никакой нам не будет пользы от мира мирскаго, когда душа наша худа по своему настроению, возстает против своего Творца и не хочет быть под Его царскою властью; между тем, как продает себя безчисленным злым господам, ввергающим ее в грехи, и льстиво научающим вместо спасительнаго пути избирать паче путь, ведущий в пагубу [3, 41].

99) Бог на то создал нас, чтоб мы соделывались общниками божескаго естества (2 Пет. 1, 4), и причастниками Его присносущности, и подобными Ему являлись (1 Иоан. 3, 2) по благодатному обожению, ради коего все сущее устроено и пребывает, и не сущее еще приводится в бытие и поражается [3, 42].

100) Если хотим именоваться и быть Божиими, то восприимем подвиг — не предавать страстям Слова, подобно Иуде, или не отречься от Него, подобно Петру. Отречение же от Слова есть отказывание делать добро из-за какого-либо страха, а предательство есть преднамеренное согрешение делом и самоохотный порыв к согрешению [3, 43].

101) Самолюбие и плотское мудрование людей, отторгши их друг от друга, и криво истолковав закон, разрекло единое естество (едино-естественных) на многия части, и введши в силу ныне всех обдержашее жестокосердие, таким настроением вооружило природу саму против себя (т. е. людей друг против друга). Почему всяк кто здравым смыслом и благородным мудрованием успеет уничтожить такое настроение природы, самому себе прежде других, оказывает милость, настроив сердце свое, как следует по природе, и к Богу по такому настроению естественно приближась и показав на себе, что значит быть по образу, и как благолепно Бог в начале создав нашу природу подобною Себе и прясно отображающею в себе Его собственную благость, устроил ее во всем себе самой равною, не буйною, мирною, не возмутительною, с Богом и с самой собою тесно любовию связанною, — такую, по коей мы Бога обемлем вождеденно (т. е. как вождеденное благо), а друг друга сочувственно (как одного сущих естества) [3, 46].

102) Человеколюбивый Бог для того соделался человеком, чтобы человеческое естество (т. е. всех людей), собрать к Себе, и остановить его от падкости на зло; по коей оно само на себя разделяется, и само против себя возстает, никакой не имея остановки, по причине непостоянной подвижности (изменчивости) расположения в отношении к другим [3, 47].

103) Отречемся, сколько силы есть от удовольствий настоящей жизни и от страха прискорбностей ея, и всеконечно избавимся от всякаго страстного помысла и от всякой злокозненности демонской. Ибо ради удовольствия любим мы страсти, и по причине прискорбностей бегаем добродетели [3, 52].

104) Прелесть и сласть греха обыкновенно исчезает вместе с приведением в исполнение способов, коими он совершается; почему человек, находя по указанию самага опыта, что за всякою сластию греховною преемственнно всегда следует скорбное неудовольствие, к сласти возимел все стремление, а к неудовольствию и прискорбности — все отвращение, — первую изыскивая всею силою, а вторья предотвратить всячески стараясь, полагая, — что впрочем совсем невозможно, — сим способом отделить их друг от друга, и только одним удовольствием усладить свое злое самолюбие, не терпя совершенно никакой прискорбности, забыв, как обычно в ослеплении страстию, что сласть греховная никогда не бывает без горечи неудовольствия. Ибо с сластию греховною срастворена естественно горечь скорби, хотя вкушающие и забывают об этом по причине возобладания над ними страстной сласти: так как обладающее всегда так занимает внимание, что совсем закрывает от чувства, что предлежит потом. Таким-то образом за сластями по самолюбию гоняясь, всякой горечи же, по той же причине стараясь всячески избегать, мы безчисленные в себе поражаем тлетворныя страсти [3, 53].

105) Не испытывает никто такого чувства сласти и горечи, когда освободившись от всякой плотской склонности соединяется или наче прилепляется умом к Богу, во истину достолюбезному, дражайшему и превознесенному благу [3, 54].

106) Как Богу никто не может чисто служить иначе, как совершенно очистив душу: так и твари не может он служить не лелея тела самоугодливо. Совершая это тлетворное телесное служение, и потому самому сластолюбив сущи, человек непрестанно имел в силе и действии сласть и горечь, вкушая всегда от древа преслушания, в коем в одно и то же время растворено познание добра и зла, чувством испытываемое на самом деле [3, 55].

107) Где разум не властвует, там обыкновенно присуща власть чувственная, с коею некако срастворена сила греха, чрез сласть влекущая душу к жалению сродной с нею по естеству плоти: в следствие коего она на себя прияв, как бы естественное ей дело, страстное и сластолюбное попечение о плоти, отводит человека от настоящей естественной жизни, и склоняет его сделаться для себя устроителем неимеющаго самостоятельнаго существования зла [3, 56].

108) Зло для разумной души есть забвение естественных своих благ, происходящее от страстного отношения к плоти и миру, которое ум, став руководителем, уничтожает по своему ведению духовных порядков, истолковывая, как следует, происхождение и природу мира и плоти, и гоня душу в сродную ей область духовную, куда отнюдь не переступает закон греха, не имея чувства, которое могло бы послужить ему, как бы мостози для препровождения его к уму (или в, умную духовную область); так как прежния отношения сего чувства к душе уже разрушились и все чувственные зрелища пройдены мимо, так что ум перешед их, уже совсем не чувствует их, став чужд им по настроению, как и по природе [3, 57].

109) Как ум, держа страсти в своей власти, делает чувства орудиями добродетели; так и страсти, когда держат ум в своих руках, настраивают чувства ко греху. И надобно трезвенно смотреть и обсуждать, как следует душе блюсти подобающий добрый образ действия, пользуясь тем же к порождению и утверждению добродетелей, чем прежде пользовалась при совершении грехов [3, 58].

110) Святое Евангелие вводит отречение от плотской жизни и восприятие жизни духовной. Я говорю о тех, кои всегда умирают (1 Кор. 15, 31) по человеку, т. е. по человеческой во плоти в мире сем жизни, живут же только для Бога Духом, по Божественному Апостолу, — живут никак уже не своею жизнью, но живущим в себе имеют Христа (Гал. 2, 20). Таким же образом мертвыми плотию почитаются и те, которые имеют в мире сем великия скорби, мучения и притеснения, и с радостию терпят гонения и всякаго рода искушения [3, 59].

111) Всякая страсть слагается и поражается от сочетания чего либо чувственного с чувством, при уклонении естественных деятельных сил, — разумею, — раздражения, или похотения, или разума, — от праваго естественнаго своего образа действия. Если теперь ум, усмотрев цель этого их друг с другом сложения, т. е. чувственного предмета, чувства и естественной деятельной силы в сем участвующей, возможет своим разсуждением каждое из сих воззвать в свойственный им по природе чин, и каждое созерцать само по себе, т. е. чувственный предмет без отношения к нему чувства, чувство без сродства с ним чувственного предмета, и деятельную силу в сем участвующую, вожделение, к примеру сказать, или другую какую, без страстнаго к предмету чувственному и чувству расположения, не давая самой страсти направлять его умозрение — если, говорю, успеет ум это сделать; то он измельчит и разсеет подобно тельцу, слиянному древле Израилем (Исх. 32, 20), это сложение страсти, какая бы там она ни случилась, и разсыплет ее по воде ведения, совершенно уничтожив и самое тонкое помышление о страсти, чрез возвращение производящих ее вещей, к тому чину, какой свойствен им по природе [3, 60].

112) Жизнь, запятнанная многими грехопадениями от плотских страстей есть оскверненная одежда (Иуды — 23). Ибо образом своей жизни, как одеждою какою, всякий человек обыкновенно проявляет каков он, праведен, или неправеден: один имеет одежду чистую, т. е. жизнь добродетельную, а у другаго жизнь вся испачкана злыми делами. — Или лучше оскверненная от плоти одежда есть внутреннее настроение и расположение, которое дает образ душе, какой имеет она по со-вести (или пред совестью), в силу воспоминания об исходящих от плоти худых днужений и действий, —каковую одежду непрестанно видя на себе, она (душа) поражается зловонием страстей. Ибо как от духа чрез разумное сочетание добродетелей одной с другою, в душе делается одежда нетленная, — коею облекшись, она является доброю и преславною: так от плоти чрез сплетение разных страстей, по сродству их одной с другою, производится для ней некая одежда нечистая и испачканная, являющая собою, какова душа, налагая на нее другой образ и подобие вместо Божественнаго [3, 61].

113) Твердое и верное основание надежды на обожение для естества человеческого есть вочеловечение Бога, в такой мере делающее человека богом, в какой Сам Бог соделался человеком. Ибо явно, что соделавшийся без греха человеком, может обожить и естество без преложения его в Божество в такой мере возвысив его до Себя, в какой Сам смирил Себя человека ради. — Чему таинственно поучая, великий Апостол говорит, что в вещех грядущих явится на нас презельное богатство благости Божией (Еф. 2, 7) [3, 62].

114) Нечистотою сластей, как ржавчиною, покрытую душу очищает болезненный труд, и совсем истребляет в ней всякую склонность к вещественному, когда она делом познает вред от любления его; чего ради Бог попускает диаволу, по праведному суду, угнетать людей мучительными скорбями [3, 64].

115) Удовольствие и скорбь, и следующие за ними пожелание и страх, не были первоначально созданы вместе с естеством человеческим: иначе они принадлежали бы к числу черт, определяющих сие естество; но говоря согласно с учением великаго Григория Нисскаго, они введены после потери свойственного нашей природе совершенства, быв привиты к неразумнейшей части нашего естества; и чрез них тотчас по преступлении заповеди обнаружилось явно и ясно наше подобие безсловесным животным, вместо блаженного образа Божия. Ибо надлежало, чтоб по омрачении достоинства разумности, человеческое естество праведно несло наказание от того самого, чем оно усвоило себе черты неразумности. Так премудро устроил Бог, чтоб человек приходил чрез то в чувство превосходства разумности [3, 65].

116) Хороши бывают и страсти в руках ревнителей о добром и спасительном житии, когда, мудро отторгши их от плотскаго, употребляем к стяжанию небеснаго; именно: когда возжеление соделываем стремительным движением духовнаго возжелания Божественных благ; сластолюбие — живительным радованием под действием восхищения ума Божественными дарами; страх — предостерегательным тщанием о том, как бы не подвергнуться будущему мучению за прегрешения; печаль — раскаянием направленным на исправление настоящего зла; и коротко сказать, когда страстями этими будем пользоваться к уничтожению или предотвращению настоящего или ожидаемаго зла, равно как к стяжанию и сохранению добродетели и ведения, подобно тому, как мудрые врачи уничтожают или предотвращают сущее уже в теле повреждение от яда или имеющее проявиться телом ядовитаго зверька ехидны [3, 66].

117) Закон перваго Завета деятельным любомудрием очищает естество наше от всякой скверны; а закон Завета Новаго созерцательным тайноводством мысленно возводит ум от телеснаго к сродным ему зрелищам вещей мысленных [3, 67].

118) Св. Писание лишь только вводимых (новоначальных) и еще в предвратиях Божественнаго двора добродетелей находящихся, называет боящимися (руководящимися страхом); стяжавших же соразмерный навык в разумении и в образе совершения добродетелей, обыкновенно называет преуспевающими; а тех, кои духовным разумением взошли на самый верх истиннаго ведения добродетелей, называет совершенными. Итак отвратившийся от ветхаго вращания в страстях, и все свое расположение, по действию страха, предавший Божественным заповедям, никакого из благ, подобающих новоначальным, не лишается, хотя не стяжал еще навыка в добродетелях и не сделался причастником премудрости, глаголемой в среде совершенных (1 Кор. 2, 6). Равно и преуспевающий не лишается ни одного из благ, принадлежащих его степени, хотя не стяжал еще такого же презельнаго ведения Божественных вещей, какое свойственно совершенным. А совершенные, таинственно сподобившиеся уже созерцательнаго богословия и ум свой соделавшие чистым от всякаго вещественнаго мечтания, являются внедрившими в себя и Божественную любовь, носящую полное без всякаго недостатка подобие образа Божественной красоты [3, 68].

119) Страх двояк: один чистый, а другой нечистый. Тот страх, который поражается по причине прегрешений под действием ожидания мук, нечист; так как причиною имеет сознаваемый за собою

грех, и не пребудет навсегда, потому что вместе с отъятием чрез покаяние греха исчезает. А тот, который и без этого боязливого беспокойства из за грехов всегда стоит в душе, этот страх чист, и никогда не отойдет; потому что он некако соприсущ Богу, как дань от лица тварей, проявляя собою естественное всем благоговеинство пред Его величием, превышим всякаго царства и силы [3, 69].

120) Дух Святыи во всех вообще есть, как всех объемлющий и о всех промышляющий, и во всех приводящий в движение естественныя семена (добра). Но в сущих под законом Он определительно есть, как указатель преступления заповедей и просветитель предсказаннаго относительно Христа обетования. Во всех же, сущих по Христе, кроме сказаннаго, и как сыноположитель, или усыновления производитель. А как премудрости податель, ни в ком из сказанных лиц не есть Он просто или безусловно, но только в тех, кои разумея дело соделали себя достойными Его Божескаго вселения своею Богоподобною жизнью. Ибо всякий, не творящий Божиих волений, пусть он и верный, неразумное имеет сердце, как детелище злых помыслов, и тело грехам (т. е. во грехах виновное) повинное, как всегда полное нечистыми страстными похотями [3, 73].

121) Желаящий всем человеком спастися и алчущий обожения их, Бог, их кичение и тщеславие, как бесплодную смоковницу изсушает проклятием (Мф. 21, 19), чтоб они, предпочетши действительную праведность тому, чтоб только казаться праведными, и сбросив с себя лицемерный хитон добронравной показанности, неподдельно приступали к добродетели, как сего хочет Божественное слово, и благочестно прочее проводили жизнь, стараясь паче пред Богом держать доброе расположение души, нежели пред людьми выставляя внешне добронравную показность [3, 74].

122) Дьявол и враг есть Божий и мститель. Враг, — когда из ненависти к Нему, являя притворную, ко пагубную, любовь к нам человекам, при возбуждении разных страстей, сластию от них чаемою прельщает произволение наше предпочитат вечным благам временныя, и ими похищая все расположение души, совсем отторгает нас от любви Божественной и делает произвольными врагами Сотворшаго нас. Мститель, — когда излив всю к нам ненависть требует казни в наказание нам, чрез грех соделавшимся, как бы подчиненными ему. Ибо ничто так не любезно дьяволу, как видеть человека казимым. Когда же это бывает ему попущено, он, подобно бури, налетает на тех, на коих по попущению Божию получил власть, придумывая одне за другими наведения им произвольных страданий (за произвольныя страсти), не повеление Божие исполнить хотя, но желая насытить свою к нам страстную ненависть; чтоб душа, изнемогши под тяжестию скорбей и бед отбросила всякую надежду на Божественную помощь, и наведение прискорбных случайностей, вместо вразумления, соделала причиною потери веры в самое бытие Бога [3, 80].

123) Без Божия попущения и сами демоны ни в чем не могут служить дьяволу. Ибо Бог ведает, как с подобающим человеколюбным и благим промыслением попускать дьяволу чрез слуг своих совершать разныя наказания за то, в чем мы согрешили. Явно сие показывает Писание в сказании об Иове, в коем пишется, что дьявол совершенно ничего не мог сделать Иову без Божественнаго соизволения [3. 83].

124) Благ сущи Бог и желая совершенно исторгнуть из нас семя зла т. е. похотение сластолюбное, лишаящее ум Божественной любви, попускает дьяволу наводить на нас прискорбности и страдания: чтоб чрез прискорбности и очистить душу от яда предшествовавших похотений и внедрить в нее ненависть и совершенное отвращение от настоящих, лстящих одной чувственности, — как ничего полезнаго кроме мучительных последствий недоставивших при прежнем, удовлетворении их: и

чтобы таким образом самую мучительную и человеконенавистную силу врага сделать обстоятельством причиной возвращения к добродетели тех, кои произвольно погрешили против нея [3, 86].

125) Страждущий за попрание Божией благодати, если познает цель врачующаго его Божественнаго промысления, то и случившуюся прискорбность с благодарностию приемлет радуясь, и грех за который наказуется охотно исправляет; а кто нечувствительным остается к таким врачевательным намерениям, тот и данной ему благодати праведно лишается и предается смятению страстей, оставлен будучи в дело приводить то, к чему внутри имел расположение и стремление [3, 89].

126) Кто по Божию попущению к исправлению его наводимую на него чрез невольныя искушения скорбную беду, с благодарностию не приемлет и самомнение, по коему кажется себе праведным, раскаявшись не отлагает; тот как противящийся Божественным определениям праведных судов и произвольно не соглашающийся быть по Божественному повелению под игом вавилонскаго царя, предается в плен, терпит цепи и узы, голод, смерть и мечь, и совсем изводится из своей земли. Все это и многое другое подобное терпит и тот, кто, как из земли своей изводится из благонастроения и навыка в духе добродетели и ведения, по причине нехотения своего, из гордости и суетнаго о себе мнения в очищение своих грехов, благоволительно побыть, по Божественному Апостолу, в скорбях, нуждах и теснотах (2 Кор. 12, 10; 6, 4). Ведал великий Апостол, что уничтожение внешнее чрез тягостныя телесныя положения имеет свойство сохранять в душе Божественныя сокровища; почему благоволительно претерпевал их, и для себя и для тех, которым должен был явить в себе образ веры и добродетели; чтоб они, хотя бы по своей вине пострадали что либо, подобно оному, подвергшемуся епитимии, Коринфянину (1 Кор. 5, 5), имели пред собою невинно страждущаго в утешение себе и в подражание его терпению [3, 91].

127) Божественный Апостол разныя действия Святаго Духа называет разными дарами, одним и тем же Духом сообщаемыми (1 Кор. 12, 4). Такое явление Духа подается по мере сущей в каждом веры, в причастии известнаго дара; именно каждый из верующих, соответственно вере и сущему в нем душевному настроению, соразмерное приемлет действие Духа, дающее ему достаточное к исполнению такой или другой заповеди расположение и силу [3, 96].

128) Как один получает слово премудрости, другой — слово разума, иной — веру, а иной — иное какое из исчисленных великим Апостолом дарований (1 Кор. 12, 8—12): так один получает чрез Духа дар совершенной, непосредственной и ничего вещественнаго неимеющей любви к Богу, по мере веры; другой чрез того же Духа получает дар совершенной любви к ближнему; иной — другой какой дар, по тому же Духу как я сказал; так как каждый имеет свой действующий в нем дар. Ибо всякое действительное и сильное к исполнению заповеди расположение Апостол называет даром Духа [3, 97].

129) Вера есть сила, все внутри в благонастроении содержащая, или есть самое благонастроение. подающее преестественное, непосредственное, совершенное единение верующаго с веруемым Богом [4, 8].

130) Поелику человек, состоя из души и тела подлежит действию двух законов т. е. закону плоти и закону духа, из коих закон плоти имеет действие чувственное, а закон духа — мысленное или духовное; при чем закон плоти, чувственно действуя, обыкновенно связует с веществом, а закон духа, мысленно или духовно действуя, непосредственное производит единение с Богом: то

совершенно в порядке бывает, что кто не размыслит в сердце своем (Лук. 11, 23) — то есть — не пресечет совершившагося чрез веру непосредственного единения с Богом; тот, как безстрастный, паче же как богом соделавшийся в силу единения с Богом чрез веру, речет горе, сей: преиди отсюда тамо, и преидет (Мф, 17, 20): каковым изречением, как перстом указывается, что мудрование и закон плоти во истину тяжел и неудободвижим, для естественных же наших сил и совсем недвижим и не колеблем [4, 9].

131) В естество человеческое чрез чувственность так укоренилась сила неразумного животолюбия, или животности, что многие ничем иным почитают человека, как плотию, имеющую способность только к наслаждению настоящею жизнью [4,10].

132) Господь, — сказав: ищите прежде царствия Божия и правды его (Мат. 6, 33), т. е. прежде всего познания истины, и потом деятельного упражнения в стяжании преподобных нравов, — ясно показал, что верующим должно искать единого Божественного ведения и, украшающей его делами, добродетели [4, 16].

133) Поелику многое потребно, чего верующие должны искать для Богопознания и добродетели. каковы: освобождение от страстей, терпение искушений, разумение добродетелей, и видов соответственных им деяний, изгнание пристрастия души к плоти, отчуждение расположения чувства к чувственному, совершенное отстранение ума от всего тварного, — и обще сказать, — безчисленное есть множество вещей, кои потребны для удаления от греха и неведения и стяжание ведения и добродетели: то Господь и сказал: вся, елика аще воспросите в молитве, верующее примете (Мат. 21, 22), — выражая тем, что вообще всего, что способствует к Богопознанию и добродетели и притом этого одного благочестивые с разумом и верою должны искать и испрашивать: ибо это все душеспасительно для нас и Господь всегда подает сие просящим у Него [4, 17].

134) Вонею животною в живот (2 Кор. 2. 16) был Апостол, как своим примером располагающий верных деятельно стремиться к стяжанию благоухания добродетелей, — или как проповедник, послушных слову благодати переводящий от жизни чувственной к жизни духовной; вонею же смертною в смерть был он для тех, которые от смерти неведения низринулись в смерть неверия, дав им возчувствовать ожидающее их осуждение [4, 24].

135) Три есть силы в душе, — разумная, раздражительная (энергическая) и похотная. Разумною силою ищем мы знать что благо; похотную — вожделеваем познанного блага, а раздражительною подвигаемся и боремся из-за него. Любящие Бога, стремясь этими силами к Божественной добродетели и ведению, и одною ища, другою вожделеваая, третьею подвизаясь, приемлют нетленную пищу и утучнающее ум ведение Божественных вещей [4, 25].

136) Бог, создавший человеческое естество, вместе с дарованием ему, по воле Своей, бытия, сочетал с ним и силу исполнять достодолжное; под силою же сею разумею существенно в естество наше вложенное движение (влечение) к совершению добродетелей, которое сознательно проявляется на деле по воле того, кто имеет его [4, 27].

137) Человек, если будет держаться одного чувственного, свойственного телу, различения вещей по приятности и неприятности их; то, преступив Божественную заповедь, вкушает от древа познания добра и зла, т. е. от чувственного безсловесия, или неразумности, одно умея добре различать, что служит к сохранению целостности тела, и вследствие того приятное принимать, как доброе, а неприятного избегать, как злаго. Если же он будет всецело держаться одного умного разсуждения,

доброе различающего временное от вечного, то сохранив Божественную заповедь, вкушает от древа жизни, т. е. премудрости, в уме созидающейся, одно умея добре различать, что служит ко спасению души, и вследствие того славу вечных благ принимать, как добро, а тленность благ временных отвергать, как зло [4, 34].

138) Добро для ума есть безстрастное расположение к духовному, а злострастная склонность к чувственному. Для чувства же добро есть страстное движение к телу, по вкушению сластолюбивой похоти, а зло—неприятное состояние вследствие лишения сего [4, 35].

139) Виноград дает вино; вино причиняет опьянение; опьянение — изступление (злое, — временную потерю смысла). Не так ли и живодейственный ум, — который можно уподобить винограду, — будучи возделываем добродетелями, поражает ведение, а ведение поражает доброе изступление, исторгающее ум из уз чувственных [4, 37].

140) Вместе с помышлениями о чувственных вещах лукавый злокозненно влагает и воображения их внешних видов и форм, чрез кои обыкновенно возбуждаются страстные вожелания тех вещей по одной их наружности, когда разумная наша деятельность останавливается в своем прехождении к мысленному и духовному через (или сквозь) посреде сущее чувство. Тут то враг и успевает растлить душу, ввергнув ее в страстное волнение [4, 38].

141) Слово Божие есть свет и огонь, поколику освещает естественные помыслы, и попадает неестественные; равно как поколику разгоняет мрак чувственной жизни для тех, кои чрез исполнение заповедей стремятся к чаемой лучшей жизни, а тех, которые самоохотно по любви к плоти держатся этой темной ночи жизни (чувственной) казнит огнем суда и осуждения [4, 39].

142) Сила ума нашего по естеству способна к познанию телесных и безтелесных существ; о святой же Троице ведение приемлет она по единой благодати, веруя только, что она есть, но отнюд не дерзая пытаться, что она есть по естеству, как (это делает) демонский ум.

143) Чистым оком веры узревший благолепие будущих благ охотно повинуется повелению изыти из земли своей, от сродства своего, и из дома отчаго, оставляя всякое сочувствие и пристрастие к плоти, чувству и всему чувственному, и бывая, если случится какое с сей стороны искушение, выше естества, как предпочетший естеству причину его, подобно великому Аврааму, предпочетшему Исааку Бога (Быт. 22 и 1 и д.) [4, 50].

144) Кто не славы ради, ни в видах лихоимания, ни из лести и человекоугодия, ни для показности (1 Сол. 2, 3— 5) старается проходить добродетель и изучать Божественныя Писания, но все для Бога и делает, и говорит, и помышляет, сей с разумом шествует путем истины [4, 51].

145) Кто постится и воздерживается от всякой страстевоспалительной пищи и другаго много делает такого, что может способствовать к избавлению души от греховных влечений, тот уготовляет путь, о коем говорится — (Лук. 3, 4): уготовайте путь Господеви. А кто по тщеславию, или лихоиманию, или из лести и человекоугодия, или для другаго чего либо, а не для Богоугождения берет на себя такой образ жизни, тот не творит правыми стезей Божиих: труд для уготовления пути подымлет, а Бога шествующим путем сим иметь не сподобляется [4, 52].

146) Посвятивший себя истинной жизни, зная, что всякая прискорбность, произвольная ли или невольная, бывает смертию для породительницы смерти — похоти (Иак. 1, 15), всякия сретения острых невольных искушений принимает с радостью и веселием, терпением соделывая сии прискорбности путями удобными и гладкими, — к почести вышняго звания (Фил. 3, 14), незаблудно

препровожающими его, благочестно по ним Божественное течение совершающего. Ибо смерти породительница есть похоть; а смерть похоти есть црискорбность, произвольная, или помимо воли находящая [4, 55].

147) Всяк много—изгибистую и многосоставную, со всем чувственным многообразно сплетшуюся похоть подавивший воздержанием, пути стропотные соделал правыми, а сретенныя несносныя и жестокия прискорбности поправший терпением, пути острые соделал гладкими. Почему Он в награду за добродетель и за труды ради ея, как добре и законно их подявший, и похоть победивший вожделением добродетели, а болезненность скорбей подавивший возлюблением истины, тем же и другим мужественно совершивший Божественные подвиги, узрит, по писанному, спасение Божие (Ис. 40, 5) [4, 56].

148) Стропотности (т. е. кривости и извилины) произвольных страстей, т. е. движения похоти, воздержанием выпрямивший, и острия случайности произвольных искушений, т. е. разные виды прискорбностей, терпением угладивший, и сделавший путями ровными, — сей по правде узрит спасение Божие, как соделавшийся чист сердцем, коим, в силу добродетелей и благоговейных созерцаний, узревает Бога в конце борений и подвигов, по слову Господа: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 3), приемля за труды в совершении добродетелей, благодать безстрастия, кроме которого никто не узрит Бога [4, 58].

149) Ум, пока имеет в себе живущим памятование о Боге, взывает Господа чрез созерцание (Пс. 26, 4. 8), но непросто, а в страхе Господни (2 Парал. 26, 5), т. е. с исполнением заповедей. Ибо ищущий Господа без сего исполнения, не находит Его, потому что не в страхе Господнем взывал Господа. И благопоспешит ему Господь (там же); ибо всякому с ведением делающему должное благопоспешает Господь, и научая его разным добродетелям, и открывая ему истинное значение вещей сотворенных [4, 62].

150) Без веры, надежды и любви, как из худаго ничто в конец не истребляется, так и из добраго ничто совершенно не устанавливается в нас. Вера убеждает боримый ум прибегать к Богу и возбуждает его к дерзновению уверением в готовности для него всяких духовных орудий; надежда бывает для него необманчивою поручительницею за Божественную помощь, обещая истребление противных сил, а любовь соделывает его неудоботторжимым, лучше же совсем неотторжимым от родственнаго сочетания с Божественным, даже и во время самой брани, прилепляя всю силу его расположения к вожделению Божественнаго [4, 68].

151) Вера утешает боримый ум, воодушевляя его несомненностию в помощи; надежда, пред очи представляя уверованную помощь, отражает нападение сопротивоборцев; а любовь делает мертвым (или бездейственным) для Боголюбиваго ума приражение врагов, совершенно обезсиливая его вожделенным устремлением к Богу [4, 69].

152) Обращение к Богу само собою ясно свидетельствует о полнейшем сердечном восприятии Божественной надежды, без коей никогда, ни у кого, ни по чему, не бывает устремления к Богу: ибо надежде свойственно представляти, пред очи будущее, как настоящее и удостоверять боримых супостатскою силою, что от них отнюдь не отступает покровительствующий им Бог, за Коего и ради Коего святым предлежит брань. Ибо без какого либо чаяния трудно или удобно—исполнимаго, никогда ни у кого не бывает обращения к добру [4, 71 \].

153) Всякий ум, Божественною силою препоясанный, как бы старейшинами какими и князьями

имеет: — силу мыслительную, в коей поражается разумная вера, научающая всегда созерцать неизреченно присущим Бога и будущими благами надеждою наслаждаться, как настоящими, — силу вождельную, в коей устанавливается Божественная любовь, прилепляющая произволение к вожделению чистейшаго Божества и неотторжимым держащая расположение к вожделенному; — и силу раздражительную, в коей сильно водворяется Божественный мир, все движение вожделений устремляющий к возлюблению Божества. Сии силы всякий ум имеет содейственницами своими в искоренении зла и в насаждении и хранении добродетели [4, 73].

154) Тому, кто не очистился прежде от страстей, не должно касаться разсматривания естественных вещей, потому что образы чувственных вещей могут вовлечь в страсть ум, не совершенно освободившийся от страстей. Ибо ум, из угождения чувственности долго останавливающийся в мечтаниях своих на видимостях чувственных вещей, бывает производителем нечистых страстей и чрез созерцание к сродным ему мысленным вещам перейти не имеет силы [4, 75].

155) Кто во время возстания страстей мужественно заключит чувство, совершенно изгонит мечтание и память о чувственных вещах, и совсем подавит естественныя движения ума к изследованию того, что вне его: тот победоносно посрамит, с помощью Божественной благодати, возставшее на него злое и тиранское насилдование страсти и дьявола [4, 76].

156) Когда бывают ум безумен, гнев неудержим, похотение скотско, и вследствие того неведение, своеволие, и срамныя движения овладевают душою: тогда греховный навык с силою выступает, сплетшись с разными чувственными сластями [4, 77].

157) Уму, научившемуся разумно избегать невидимых схваток или столкновений (с невидимыми врагами), не следует ни приступать к естественному разсуждению, ни что либо другое делать во время нападения злых сил, но только молиться, утомлять трудами тело, пресекать со всем тщанием вещественное мудрование, и блюсти стены града, — разумею, — сторожевыя душевныя добродетели, или способы хранения добродетелей, т. е. воздержание и терпение; чтобы как нибудь враг, прельстив душу десными и похитив ея склонение на свою сторону, не отдалил ея от Бога, напаяя ея развращением мутным (Аввак. 2, 15), и мнимым добром не увлек сердца, ищущаго лучшаго, к худшему [4, 78].

158) Кто разсудительным и всеобъемлющим воздержанием и терпением мужественно заключил чувства, и чрез душевныя силы входы к уму чувственных образов преградил; тот удобно разстроивает все злыя козни дьявола, обращая его вспять со стыдом тем же путем, каким пришел (4 Цар. 19, 33) [4, 79].

159) Кто во время возстания искушений воздерживается от помышлений о вещах, прилежит же молитве с собранием ума от всего к себе самому и к Богу, тот убивает грехотворную склонность, и тем со стыдом обращает вспять дьявола, возставляющаго сказанную склонность, в надежде на которую он и подступил к душе с обычною ему дерзостию, гордостными возставая против истины помыслами: что, и познав, и пострадав, и сделав великий Давид, по опыту очень хорошо знавший порядок всех мысленных браней, сказал: внегода востати грешному предо мною, онемех и смирихся, и умолчах от благ (Пс. 38, 2. 3): и после него Божественный Иеремия, повелевающий народу не исходить на нивы, и на пути не ходить, понеже мечь вражий обитает окрест (Иер. 6, 25) [4, 82].

160) Естественныя пожелания и удовольствия не подвергают укору тех, кои испытывают их, так как

оне суть необходимыя следствия устроения нашего естества. Ибо естественное доставляют нам, и помимо воли нашей, удовольствие, — и прилучившаяся пища, удовлетворяющая предшествовавший голод, — и питье, утоляющее томление жажды, — и сон, обновляющий силы, истощенныя бодрствованием, — и все другое, что бывает у нас, по естественным потребностям, необходимом для благосостояния нашего естества, и благопотребное к стяжанию добродетели для ревнителей о том. Все такое уместно и во всяком избегающем греховнаго посползновения в разумных однакож пределах, недопускающих, чтоб он подвергся чрез то рабству, произвольно образующихся в нас, укоризненных и противоестественных страстей, не имеющих другаго в нас начала, кроме неуправляемаго разума движения естественных потребностей и пожеланий, которыя и прирождены не с тем, чтоб сшествовать нам в безсмертную ж долговековую жизнь [4, 90].

161) Высочайшей благодати дело есть, что она не толко божественныя и безтелесныя естества мысленных тварей соделала отображениями неизреченной Божеской славы, как способныя сообразно с своею приемлемостию воспринимать все недомыслимое благолепие непреступной красоты; но и в тварях чувственных, во многом недостаточествующих пред существами мысленными, отпечатлела явные следы своего величия, могущие ум человеческий, в них углубляющийся, переносить прямо к Богу, восторгая его выше всего видимаго, как бы вводя в область верховнаго блаженства [4, 96].

162) Деятельное любомудрие деятеля делает высшим страстей, а созерцательное знателя ставит выше всего видимаго, возводя ум его к сродным ему предметам [4, 100].

163) С деянием соединяющий ведение, и с ведением деяние есть престол Божий и подножие ног Его: престол по ведению, подножие по деянию. Если же кто назвал бы небом такой человеческий ум очищенный от всякаго мечтания о вещественном и всегда занятый, или паче украшенный отрешенными помышлениями о Божественном, тот, мне кажется, не зашел бы за пределы истины [5, 1].

164) Началом движения всякой страсти служит обыкновенно сродный с нею чувственный предмет. Ибо без такого предмета, который бы чрез посредство какого либо чувства привлекал к себе силы души, страстное движение никогда не порадилося бы; так как страсть без чувственного предмета не бывает. Не будь жены, не будет блуда; не будь яств, не будет чревообесия; не будь злата, не будет златолюбия. Так вся каго страстнаго движения естественных наших сил началом служит чувственный предмет, или бес, чрез него разжигающий душу на грех [5, 3].

165) Между Богом и человеком стоят предметы чувственные и умно созерцаемые. Ум человеческий, желая пройти до Бога, не должен быть порабощен вещам чувственным в деятельной жизни, и отнюдь не задерживаем предметами мысленными в жизни созерцательной [5, 5].

166) Гнев Божий есть болезненное чувство обучаемых; причиняется же сие чувство болезненное наведением невольных неприятностей в жизни, коими Бог часто приводит к скромности и смирению ум, надмевающийся добродетелию и знанием, давая ему чрез них познать самага себя и сознать свою немощь, возчувствовав которую он отлагает суетное надмение сердца [5, 9].

167) Гнев Господа есть сокращение или пресечение подаяния Божественных даров, которое (пресечение) бывает на пользу всякому уму, высоко и много о себе думающему, и хвлящемуся от Бога данными ему благами, как бы оне были плодом его собственных добродетелей [5, 10].

168) Божественный, яко воистину, предел и закон Промышления в течении событий есть наказывать так, чтобы несчастиями научить благодарности тех, которые в лучшем состоянии оказались неблагодарными, испытание настоящих прискорбностей соделывая путем к признанию Божественной силы, действовавшей в предыдущем благобытии: дабы иначе, если бы Провидением попущено было нам безпрепятственно надмеваться тем, что в нас есть хорошаго, совсем не впасть нам в Богопротивную гордыню, возмечтав, что стяжание добродетели и ведения достигается собственными нашими естественными силами, а не благодатию [5, 12].

169) Мнящий о себе, что достиг уже верха добродетелей, никак не станет уже искать источной причины благ, одному себе приписывая силу преуспевать в добре, и сам себя за то лишая утверждения и ограждения спасения, — т. е. Бога. А кто чувствует в себе естественную скудость сил на добро, тот не перестает спешно тещи к Могущему восполнить недостающее ему [5, 14].

170) Праведно гнев посещает высокоумудрствующий о себе ум, т. е. оставление его, или попущение ему потерпеть нападки от демонов, и в деятельности и в умствовании; чтоб он пришел чрез это в чувство естественной своей немощности и в сознание покрывающей его и все доброе в нем совершающей Божией силы и благодати и смирил себя далеко отревая от себя неестественную и чуждую ему высимость, дабы иначе не нашел на него другой гнев, — гнев отятия ниспосланных прежде даров [5, 16].

171) Не образумившийся первым видом гнева, т. е. оставлением, и не смирившийся, признав его добрым научителем благодарности, встречает другой находящий на него гнев отъемлющий у него действие прежних дарований, и лишаящий его охранявшей доселе силы. Ибо так говорит Бог о неблагодарном Израиле, представляя его под видом винограда: отыму ограждение его, и будет в разграблении; и разорю стену его, и будет в поспание; и оставлю виноград мой, и ктому не обрежется, ниже покопается и взыдет на нем, якоже на лядине, терние; и облаком заповем, еже неодождити на него дождя (Ис. 5, 5. 6) [5, 17].

172) Еще другой есть ведущий к нечестию путь, — нечувствие к потере добродетелей. Ибо привыкший оказывать неповиновение Богу (преслушанием заповедей) и Самого отречется Бога, когда позовет на то какое обстоятельство (угрожая за верность заповеди смертью): так как он плотскую жизнь предпочитает Богу и плотския удовольствия в чувствах сердца имеет лучшими всяких Божеских повелений [5, 18].

173) Боголюбивый и добродетельный человек, подобно Езекии, разумно препоясавшийся силою, против демонов, если когда случится ему испытать приражение злых духов, завязывающих с ним невидимо в уме брань, и он, молитвы ради, примет свыше от Бога посылаемого ему Ангела, т. е. большее слово премудрости, и, сокрушив, рассеет всю эту дьявольскую фалангу, — и однакож не припишет Богу причину такой победы и спасения, но одному самому себе;—то таковой не воздает Богу по воздаянию Его (2 Пар.32, 25), не уравнив с великостию спасения множество благодарения, и с благодеянием спасаемого не соразмерив свое к Нему благорасположение [5, 20].

174) Просветим ум Божественными разумениями, а тело благоукрасим соответственными сим разумением, образами его держания, соделав его, чрез отвержение страстей, разумным детелищем добродетели. Ибо прирожденныя телу страсти, разумом управляемыя, не имеют ничего укорнаго, но когда допускается их движение без этого ограничения, тогда оне наводят укор. Почему говорится, что отвержение должно быть таких страстей, коих движение естественно, но коих употребление

бывает часто не по естеству, не бывая управляемо разумом [5, 21].

175) Вознесшийся сердцем по причине полученных им дарований и возвысокоумствовавший, яко не прием (1 Кор. 4, 7), праведно испытывает находящий на него гнев, когда Бог попускает дьяволу сплестись с ним мысленно, и как поколебать деятельные его порядки добродетели, так и помрачить умственные его светлые разумения, чтобы он, возчувствовав свою немощь, сознал где та сила, которая одна побеждает в нас страсти, и покаявшись смирился, отвергая мнение самомнения, и тем умилоствил Бога отратить от него обыкновенно находящий на нераскаянных гнев, отъемлющий благодать, охраняющую душу и оставляющий пустым неблагодарный ум [5, 22].

176) Никто не может истинно благословлять Бога, если он не освятил тело добродетелями, и душу не просветил истинными познаниями. Благорасположение к добродетели есть лице умозрительствующаго ума, как на небо, подъемлемое на высоту истиннаго ведения [5, 27].

177) Блажен, кто воистинну сознал, что Бог в нас, как в органах, совершает всякое дело и созерцание, добродетель и ведение, победу и мудрость, доброту и истину, так что мы совершенно ничего к сему от себя не привносим, кроме одного, желающаго добра, расположения; каковое имея, великий Зоровавель говорит, обращая речь свою к Богу: благословен еси, иже дал еси мне, премудрость и Тебе исповеся Господи Боже Отец наших. От Тебе победа, и от Тебе премудрость, и Твоя слава, и аз раб Твой [2 Езд. 4, 60. 59]. Как истинно благодарный раб все отнес он к Богу, все даровавшему, от Коего прияв, имел он премудрость; и Ему в исповедании приписав всю силу дарованных благ, кои суть, как сказано, сочетание победы и мудрости, добродетели и ведения, деяния и созерцания, доброты и истины: ибо оне друг с другом сочетаваеся, испускают лучи единой славы и светозарности Божией [5, 28].

178) Все совершенства святых явно были дарами Божиими, так что никто совершенно ничего не имея, кроме дарованнаго блага, которое само Богом, как Владыкою всяческих бывает соразмеряемо со степнью благодарности и благорасположения приемлющаго, одного того обладателем остающагося, что посвящает Богу [5, 29].

179) Всякий из нас по мере сущей в нем веры, стяжевает явное действие Духа: так что всякий сам для себя бывает раздаятелем благодати. Почему никто из благоумудрствующих никогда не станет завидовать другому, обилующему благодатями, так как на нем самом лежит стяжать расположение, условливающее приятие Божественных благ [5, 34].

180) Причиною различия в раздаянии Божественных благ служит мера веры каждаго (Рим. 12, 6); соответственно же тому, как веруем, имеем мы и ревностную готовность действовать в духе веры. Итак делающий (дела в духе веры) мерою своей деятельности показывает меру веры приемля и благодать в такой мере, в какой поверовал. А не делающий так мерою своего неделания показывает меру неверия, претерпевая и лишение благодати в такой мере, в какой вдался в неверие. Почему не хорошо делает завидующий добре действующим, когда явно в его, а не в чужих руках находятся приумножение веры и дел, и затем приятие благодати, приходящей по мере веры (и сообразных с нею дел) [5, 35].

181) И почитет на Нем, говорит Исаия, Дух Божий, Дух премудрости и разума, дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия: исполнит Его Дух страха Божия (Ис. 11, 3. 4). Свойственны же сим духовным дарам: — страху — воздержание от злых дел; крепости — делание дел благих; совету — различение противоположнаго долгу; благочестию [54] безошибочное видение должнаго; ведению —

самим делом постижение сокрытой в добродетелях разумности; разуму — совершенное душе расположение к познанному (вкушение его); премудрости — неведомое единение с Богом, делающее по причастию богом того, кто его причастен бывает [5, 38].

182) Дух страха Божия есть воздержание от злых дел; дух крепости есть усердное стремление и движение к энергичному исполнению заповедей; дух совета есть навык различения (добра и зла), по коему разумно исполняем заповеди, отрывая от лучшего худшее; дух благочестия есть непогрешительное видение образов творения добродетелей, по коему действуя, никогда не отступаем от здравого суждения разума; дух ведения есть верное понимание заповедей и разумных оснований их, на коих стоят и образы добродетелей; дух разума есть сосложение с образами и основаниями добродетелей (решимость исполнить первые и действовать по вторым) или лучше сказать, претворение (себя по ним), по коему совершается срастворение естественных сил с образами и основаниями заповедей; дух премудрости есть восторжение к Причине сущих в заповедях духовнейших разумений, и соединение с Нею, в силу коего, неведомо как, посвящаемы бывая, сколько это доступно людям, в сущее в Боге разумение вещей, сообщаем его другим людям речью, бющею из сердца, как из некоего источника [5, 39].

183) Слепую имеет веру тот, кто по вере не исполняет заповедей Божиих. Ибо, если Божии заповеди суть свет (Притчи 6, 23); то явно, что без Божественного света остается тот, кто не исполняет Божиих заповедей, нося голословное, а не истинное Божественное звание [5, 45].

184) Никто, согрешая, не может представлять в извинение греха немощь плоти. Ибо единение с Богом—Словом, разрешением клятвы возстановило в силе все естество, сделав таким образом неизвинительным для нас склонение произволения на страсти. Божество Слова, будучи всегда по благодати соприсуще верующим в Него, заглушает закон греха сущий во плоти (Рим. 8, 2) [5, 46].

185) Знание, необуздываемое Божественным страхом, производит надмение, внушая надмившемуся из-за него почитать собственным то, что даровано. Деятельность же, вместе с Божественною любовью множащаяся, не получая знания выше того, что следует делать, делает делателя смиренномудрым [5, 48].

186) Небесное жилище есть безстрастный добродетельный навык, и знание, никакого заблуждения не имеющее, которое могло бы смущать мысли [5, 49].

187) Первое безстрастие есть совершенное воздержание от злых дел, видимое в новоначальных; второе — совершенное отвержение помыслов о мысленном сосложении на зло, бывающее в тех, кои с разумом проходят путь добродетели; третье—совершенная неподвижность страстного пожелания, имеющее место в тех, кои от видимых вещей восходят к мысленным созерцаниям; четвертое безстрастие есть совершенное очищение даже от самого простаго и голаго мечтания, образующееся в тех, кои чрез ведение и созерцание соделали ум свой чистым и ясным зеркалом Бога. Итак очистивший себя от страстных дел, и освободившийся от мысленного на них сосложения, и пресекший похотное к ним движение, и соделавший ум свой чистым даже от простаго о них помышления, имея сии четыре главныя безстрастия, исходит из области тварей вещественных и вступает в чин существ мысленных, Божественный и мирный [5, 51].

188) Первым безстрастием называется нетрогающее с места движение тела к действительному греху (побуждение есть, но ему не дают хода); вторым — совершенное отвержение душевных страстных помыслов, коим заморяется возможное по первому безстрастию движение, не

имея возбуждающих его к действию страстных помыслов; третьим — совершенная неподвижность похотения к страстям, ради коей и второе бывает, состоящее в чистоте помыслов; четвертым безстрастием называется совершенное отложение в мыслях всех чувственных мечтаний, покоему получает начало и третье, неимея чувственных мечтаний, живописующих картины страстей [5, 52].

189) Начало и конец спасения каждого есть премудрость, которая начиная прежде поражает страх, а потом усовершенствовав к концу поражает любовь. Или лучше, по началу она сама смотрительно бывает страхом, чтоб удерживать любителя своего от худа, а потом к концу сама собою естественно оказывается любовью, исполняя духовным обрадованием тех, которые сожителем с нею заменили обладание всеми видимыми благами [5, 60].

190) Всякое исповедание смиряет душу, то научая ее признать, что она оправдана благодатию, то заставляя сознаться, что в прегрешениях своих она сама виновна, по причине нерадения своего [5, 62].

191) Исповедание бывает двояко по содержанию: одно бывает в чувствах благодарения за дарованные блага; а другое в чувствах самообличения и сознания в том, что наделано худого. Ибо исповеданием называется и благодарное припоминание Божиих благодеяний, добре возчувствованных, и откровенное сознание худых дел виновными в них. Тоже и другое бывает породительницею смирения. Ибо смиряется обычно и тот, кто благодарит за блага, и тот, кто истязует себя за прегрешения: тот, считая себя недостойным дарованных благ; а этот, умоляя о получении прощения прегрешений [5, 63].

192) Страсть гордыни состоит из двух неведений, или несознаний, кои сошедшись во едино производят одно сливанное мудрование (гордостное). Ибо один тот горд, кто не признает ни Божеской помощи, ни человеческой немощности. Таким образом гордость есть Божественного и человеческого знания лишение [5, 64].

193) Тщеславие есть отступление от цели, которая по Богу, и переступление к другой цели, которая не по Богу. Ибо тщеславен тот, кто для своей, а не для Божией славы заботится о добродетели, и трудами своими имеет в виду накопить лишь человеческих непостоянных похвал [5, 65].

194) Человекоугодливый об одном том печется, чтобы внешнее его поведение быдо показно, и чтобы заслужить доброе слово льстеца, первым зрением, а вторым слух подкупая в свою пользу у тех, кои услаждаются или в удивление приводятся только видимым и слышимым, и добродетель определяют только тем, что показывают чувства. Человекоугодие таким образом будет добрых нравов и слов показывание пред людьми и для людей [5, 66].

195) Лицемерие есть притворение дружбы или ненависти прикрываемая видом дружбы, или вражда под прикрытием благоволения действующая. или зависть подражающая характеру любви, или жизнь красная притворным видом добродетели, а не действительною добродетелью, или притворение праведности, показанием только, будто она есть, соблюдаемое, или обман, имеющий вид истины; — что все ухитряются устроить в нравственной испорченности подражающие змию [5, 67].

196) Причина всех тварей и всех сущих в них благ есть Бог. Почему возносящийся добродетелю или знанием, и с мерою добродетели, т. е. преуспеяния в ней при помощи благодати, не сопостирающий сознание своей немощности, очевидно не избег зла духа гордыни; ради собственной славы делающий добро, себя предпочел Богу, пронзен будучи остном тщеславия; творящий добродетель или говорящий о ней, только да видим будет человеки (Мф. 23, 5), человеческое одобрение поставил

выше Божеского, боля страстию человекоугодия; а подкрасивший свое поведение только честною представительностию добродетели злонамеренно для обмана и видимостию благоговеинства прикрывающий недоброе настроение сердца, торгует добродетелию по лукавству лицемерия. Не очевидно ли, что всякий из сих на другое нечто, а не к Причине всего направил цель свою [5, 68].

197) Демоны ни целомудрия не ненавидят, ни постом не гнушаются, равно как ни раздаянием имений, ни странноприимством, ни псалмопением, ни прилежанием к чтению, ни уединением, ни высокими умозрениями, ни санием на голой земле, ни бдением, ни всем другим, чем характеризуется жизнь по Богу. — пока целию таких дел поставляется чтонибудь им угодное [5, 70].

198) Демоны, борющиеся при недостатке добродетели, суть те, которые научают блуду и пьянству, сребролюбии и зависти; а при добродетелях борющиеся суть те, которые научают самомнению, тщеславию и гордости, и таким образом чрез десное скрытно засевают в нас шее [5, 77].

199) О когда бы и нам этим духам злобы, которые невидимо приступают к нам с притворным видом духовной дружбы, и, в намерении благим нам соделать смерть греховную (Рим. 7, 3), говорят: будем и мы строить вместе с вами (2 Ездр. 5, 65), — отвечать: несть вам и нам созидати дом Господу Богу нашему. Мы одни созиждем его Господу Богу Израилеву (2 Ездр. 5, 68). Одни, — потому что, освободившись от духов борющихся по недостатку добродетели, которых мы уже избежали, не хотим опять быть искушенными и от вас, вознесшись избытком ея, и пасть падением, столько гибельнейшим первого, сколько в том была легче надежда возстания, потому что мы тогда были в числе снисходительно прощаемых по причине немощи, а в этом или совсем ея нет, или она очень затруднительна, потому что мы будем в состоянии ненавидимых за гордость. — И мы не одни, потому что имеем святых Ангелов помощниками себе в добром, паче же самага Бога, нам Себя являющаго делами правды и нас Себе созидающаго во святыи храм, свободный от всякой страсти [5, 78].

200) Много может молитва праведнаго поспешествуема, как сказано (Иак. 5, 16). Поспешествуема же она бывает двояко: первое (когда молящийся сам праведен), и возносит к Богу молитву при делах по заповедям, как такую, которая не в одном только слове состоит, и не пустым звуком голоса произносится, и предлежит праздною и ничего твердаго под собою неимеющею, но есть действена и жива, воодушевляема будучи делами по заповедям. Ибо сила и состоятельность молитвы зависят от исполнения заповедей чрез творение добродетелей; в следствие чего праведный имеет сильную и многомогущую молитву, поспешествуемую заповедями. Второе, когда кто, прося молитвы у праведнаго, сам творит дела молитвы, обещая исправить и действительно исправляя прежнюю жизнь, и таким добрым своим обращением делая молитву праведнаго сильною и многомогущею [5, 80].

201) Никакой нет пользы от молитвы праведнаго для прибегающаго к ней, когда он более услаждается грешными делами, чем добродетелями. Так некогда и великий Самуил оплакивал Саула грешащаго, но умилоствити за него Бога не был силен, не прияв в поспешество плачу своему подобающаго исправления грешащаго. Почему Бог, останавливая раба Своего от бесполезнаго плача, говорит ему: доколе ты плачети о Сауле. Аз же уничижих его, не царствовати во Израили (1 Цар. 16, 1) [5, 81].

202) Опять и Иеремия сострадательнейший, молясь о народе иудейском, до безумия прилепившемся к прелести демонской, не слышивается, потому что молитва его не была подкрепляема обращением

безбожных иудеев от этой прелести. Почему останавливая и его от непрестанного умаливания без пользы, Бог говорит: не молгися о людех сих, и не проси, еже помиловатым быти им, и не моли, ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя (Иерем. 7, 16) [5, 82].

203) Знак великаго невежества, чтоб не сказать безумия, искать спасения молитвами Святых тому, кто в сердце услаждается пагубными делами, и просить прощения в том, чем с самохвальством в то же время действительно сквернится он в мыслях и чувствах. Просящему молитвы праведнаго не должно позволять самому себе делать ее бесплодною и недействительною, если воистину ненавидит зло; но окрыляя ее своими добродетелями, делать ее действительною и сильною востечь до Могущаго давать оставление прегрешений [5, 83].

204) Много может молитва праведнаго поспешествуема будучи или праведным творящим ее, или тем, кто просит праведнаго творить ее. Со стороны праведнаго споспешествуется она тем, что дает ему дерзновение пред лицом Того, Кто мощен исполнять прошения праведных; а со стороны того, кто просит о ней праведнаго, тем, если он оставляет прежнее свое худонравие и всем сердцем обращается к добродетели [5, 84].

205) Слово истины двоякую ведает печаль, из коих первая в душе составляется невидимо, а вторая видимо устрояется в чувственном порядке: та всю глубь души обемлет, будучи причиняема бичами совести, а эта чувственность облагает, удерживая ее от естественнаго ему разливания тяжестию бедствий прискорбных [5, 86].

206) Как две печали ведает слово истины, так знает оно и два рода искушений, из коих одни внутри в области произволения устрояются возбуждением худых пожеланий, а другия помимо произволения со вне находят, в виде невольных неприятностей, скорбей и бед. Первое бывает причиною печали душевной, а второе — печали чувственной [5, 90].

207) Искушение в области произволения устрояющееся, душе печаль причиняет, а чувственности доставляет удовольствие; напротив искушение непроизвольное душу (разумно его встречающую) утешает, а плоть тяготит печалью [5, 91].

208) Думаю, что, когда Господь и Бог наш научал учеников Своих, как должно молиться, то, словами: не введи нас во искушение (Мф. 6. 13), внушал отмаливаться от искушений, в области произволения устрояющихся, т. е. от возбуждений похоти, колеблющих добрыя расположения и намерения; а великий Иаков, братом Господа именуемый, научая подвизающихся за истину не поражаться находящими искушениями, имел в виду искушения непроизвольныя, говоря: всякую радость имийте братие моя, егда во искушения впадаете различна (Иак. 1, 2), т. е. непроизвольныя, помимо воли нашей находящия, и причиняющия скорби и тяготы. — Это ясно показывают следующие за тем и другим изречением слова: ибо там Господь присовокупляет: но избави нас от лукаваго; а здесь великий Иаков наводит: видяще, яко искушаете ваша веры соделывает терпение: терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели ни в чем же лишени (Иак. 1, 3. 4) [5, 92].

209) Совершен тот, кто с произвольными искушениями борется воздержанием, и непроизвольныя переносит терпением; а всецел тот, кто деяния совершает с ведением, и умозрение не оставляет бездейственным [5, 94].

210) Ум и чувство противоположное одно другому имеют естественное действие, по крайнему несходству и разности предметов их. Тот предметами своими имеет мысленныя и безтелесныя

сущности, которая воспринимлет безтелесно; а это — чувственные и телесные естества, которые и воспринимлет чувственно [6, 2].

211) Ум, как только начнет считать чувство своею собственною естественною силою, то оплетшись видимостями чувственных вещей, делается изобретателем плотских удовольствий, не имея силы возвысится над естеством видимых вещей по причине пристрастного расположения к чувству [6, 5].

212) Спасительным удовольствием называется обрадование души по причине добродетели; а душеполезным неудовольствием — скорбение плоти из-за добродетели. Почему страстно предающийся чувственным благам, не на должное обращает свое стремление; и отвращающийся от случайностей, причиняющих лишение сих благ, бежит от того, от чего не следует убегать [6, 11].

213) Как без солнечного света глаз не может воспринимать чувственное, так без духовного света ум человеческий никогда не может воспринять духовного созерцания. Ибо чувственный свет естественно освещает чувство к восприятию видения вещей чувственных; а свет духовный осиявает ум к созерцательному постижению сверхчувственного [6, 17].

214) Придумание произвольных притрудностей, и наведение непроизвольных, хотя заморяют похотение, пресекая действительное его движение; не уничтожают однакож силы или способности к рождению, лежащей в естестве нашем, как закон. — Ибо добродетельное любомудрие обыкновенно поражает безстрастие воли, а не естества: по каковому безстрастию воли посещает ум благодать Божественного услаждения [6, 36].

215) Невозможно, чтобы Господь, — по естеству суще мудр, праведен и всемогущ, — как мудрый, не ведал способа уврачевания (нашего заболевшаго грехом естества), как праведный, восхотел некак властительно содеват спасение человека, волею подпавшаго под иго (и вину) греха, как всемогущий не силен был совершить, что требовалось к уврачеванию нашему [6, 40].

216) Премудрость Божия обнаруживается в том, что Он воистину сущестственно содевается человеком; правда в том, что Он чрез рождение воспринял способное подобно нам страдать естество; всемогущество — в том, что Он страданиями и смертию устроил для нашего естества непрестающую жизнь, и неизменное безстрастие [6, 41].

217) Завидуя Богу и нам, диавол обманно внушил человеку будто Бог завидует ему, и тем склонил его к преступлению заповеди. Завидует же он Богу, чтоб не сделалась явною действительно всепетая сила Его, боготворящая человека; а человеку, — чтоб он за добродетель не стал видимо причастником Божеской славы. Так этот, пакостнейший, завидует не только нам из — за славы нашей у Бога ради добродетели; но и Богу из — за проявления всепетой любви Его во спасении нашем [6, 48].

218) Бог, по единому безпредельно мощному хотению благодати Своей, обемлет и держит всех, и Ангелов и человеков, благих и злых. Они же все не равно причастны бывают Богу, не задержанно проходящаго чрез всех, но сообразно с их настроением [6, 53].

219) Мы не признаем во Христе различия лиц, потому что Троица пребыла Троицею, и после того, как Слово воплотилось, чрез сие воплощение не приложилось новое лице к Святой Троице. Но признаем в Нем различие естеств, чтоб не исповедать плоти по естеству единосущною Слову [6, 57].

220) Клятвопреступник есть, т. е. ложно клянется именем Господним тот, кто обещает Богу жить добродетельно, а потом все попечение свое обращает на иное, чуждое обету, собственными устами изреченному, и чрез неисполнение заповедей преступает заветный обет благочестной жизни. И

коротко сказать, предизбравший жизнь по Богу, и для настоящей жизни неставший совершенно мертвым, лжец есть и клятвопреступник; как поклявшийся Богу, т. е. обещавший теши непорочно путем Богоугодных подвигов, и не исполнивший того [6, 67].

221) Кто приращение невольных искушений, подобно блаженному Иову и доблестным мученикам, переносит с непоколебимым мудрованием, тот есть светильник сильный, и сам хранящий неугасимым свет спасения, силою от Господа приемлемою. Но и тот, кто знает козни лукаваго, и сражения (столкновения. схватки) в невидимых бранях ведает, — и этот, осияваемый светом введения, другим является светильником, который подобно великому Апостолу, достойно может говорить: не неразумеваем умыслений его (2 Кор. 2, 11) [6, 78].

222) Как без елея, невозможно светильнику соблюстись неугасимым, так без обратившагося в навык благонастроения, питающего внутреннюю доброту соответственными тому словами, делами и нравами, равно как чувствами и помышлениями с ним сообразными, невозможно сохраниться свету даров духовных. Ибо всякий духовный дар соответственного себе требует и навыка (или настроения) непрестанно подливающего ему, как елей, некое мысленное вещество, чтоб он по благонастроению получившаго его пребыл цело сохранным [6, 81].

223) Бог именуется и бывает Отцем по благодати только тех, которые о своем благодатном от Бога в духе рождении свидетельствуют добродетельными нравами. В сих нравах видится как бы лице души, отображающее в добродетелях явныя черты родившаго ее Бога; и имеющие их располагают взирающих на них прославлять Бога, представляя свою жизнь для подражания, как изряднейший образец добродетели. Ибо не голыми словами прославляется обыкновенно Бог, но делами правды, много паче слов провозглашающими о Божеском велелепии [6, 86].

224) Кто показывает в себе ведение отелесеяемым деятельностью, и деятельность одушевляемою ведением, тот обрел точный способ истиннаго в нас Богодействия. Кто же имеет какую либо из сих черт разединенною с другою, тот или ведение сделал пустою фантазиею (не утвержденною, влающеюся), или деятельность превратил в бездушнаго идола. Ибо ведение недеятельное (apraftoz), ни чем не разнится от мечтаний фантазии, не имея в подтверждение свое деятельности, и деятельность неосмысленная (alogistoz) есть тоже, что идол, не имея одушевляющего ее ведения [6, 88].

225) Проклятая во истину страсть — надменность, состоящая из сочетания двух зол, гордости и тщеславия: из коих гордость отрицается от Творца добродетели и природы, а тщеславие, как природу, так и самую добродетель подделывает; ибо у гордаго ничего не делается по Богу, а у тщеславнаго ничто не происходит по природе [7, 5].

226) Писанный закон, страхом удерживая от неправды, приучает к правде; современем же навык — в сем пораждает правдолюбивое расположение, от коего пребывает твердое к добру настроение, наводящее забвение предшествовавшей порочности [7, 11].

227) Обрезание есть в духовном значении — совершенное отсечение склонности к похотениям плотским [7, 41].

228) Суббота есть упокоение движения страстей, или совершенное бездействие их [7, 43].

229) Бог повелел чтить субботу, новомесячия и праздники, не потому что хотел, чтобы дни, как дни, были почитаемы от людей: ибо это значило—бы узаконит служение твари паче Творца (Рим. 1, 25), в той мысли, будто дни сами по себе естественно досточтимы, а потому и поклонения достойны.

Но чрез постановление чтить дни, Он Себя самого символически повелел чтить. Ибо Он Сам есть и Суббота, как упокоение от потов и забот житейских и от трудов по делам правды; есть Он и Пасха, как освободитель держимых в горькой работе греха; и Пятидесятница есть Он, как начало и конец всего [7, 46].

230) Жертвами духовными признаем не только умерщвление страстей, закалаемых мечем духовным, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17); но и всех естественных сил посвящение Богу и огнем благадати Духа принесение их во всеожжение Богу [7, 51].

231) Власть греха, или плотское мудрование, пресекается благадатию святого крещения, а деятельное повиновение Божественным заповедям совсем умерщвляет его мечем Духа [7, 56].

232) Страсть чревоугодия сластолюбивым помыслом, как мечем, многия добродетели обезчадствовала: семена целомудрия убивает она невоздержанием; равнозаконие правды растлевет любоиманием; естественные союзы человеколюбия отсекает самолюбием; и коротко сказать, страсть чревоугодия бывает истребительницею всех порождений добродетели [7, 57].

233) Всякий ревнитель спасения прилежит и делам добродетелей и святым помышлениям: ибо без добродетели и ведения никогда никто не успевал еще улучшить спасение: дело добродетели есть приводит в чин движения телесныя, здравым разсуждением, как уздою искусно удерживая их от неуместных поползновений; а дело ведения есть добре обдумывать и разумно обсуждать, как следует действовать и потом располагать к исполнению того [7, 62].

234) Всякий умертвивший уды, яже на земли (Колос. 3, 5), и все свое плотское мудрование угасивший, и всякое к нему сочувствие отсекавший, — так что мог бы с блаженным Павлом Апостолом говорить: кто ны разлучит от любве Христовы (Рим. 8, 32)? — всякой таковой стал без отца и без матери и без причта рода, подобно великому Мелхиседеку (Евр. 7, 3), не имея, чем бы удерживали его плоть и естество по причине совершившагося в нем полного сочетания с духом [7, 75].

235) Конец настоящей жизни не справедливо, думаю, называть смертию, а скорее избавлением от смерти, удалением из области тления, освобождением от рабства, прекращением тревог, пресечением браней, выходом из тмы, отдохновением от трудов, утишением кипячения, укрытием от стыда, убежанием от страстей, и, обще сказать, пределом всех зол: в которых Святые, исправившись чрез свободное самоумерщвление, соделали себя чуждыми и странниками в этой жизни. Ибо доблестно борясь с миром, и с плотью, и с исходящими от них возстаниями, и подавив из обоих их, по сочувствию чувства с чувственным, поражающеся прельщению, они не поработанным сохранили в самих себе достоинство души [7, 76].

236) Святые были благи и человеколюбивы, благоутробны и милосерды, оказавшись одинаковое имеющими ко всему роду расположение любви, силою коей чрез всю жизнь верно сохраняя наилучшее из всех благ, разумею, смирение, сию хранительницу благ и разрушительницу противоположнаго им зла, они пребыли неуловимыми для всех, тяготящих нас искушений, как произвольных, кои от нас, так и непроизвольных, кои не от нас, возстания первых подавляя воздержанием, а приращения вторых отражая терпением.

БЛАЖЕННЫЙ АВВА ФАЛАССИЙ

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ

об

АВВЕ ФАЛАССИИ.

Преподобный Отец наш фалассий процветал в первой половине седьмого века и был Пресвитером и настоятелем одного монастыря в пустынях Ливийских. С любовью к благочестию блаженный Авва сей соединял и любовь к духовному просвещению и много занимался изучением Св. Писания. Он был современником Св. Максиму Исповеднику, с которым, состоял в духовном общении. Есть к нему несколько писем Св. Максима; и ему посвящена им целая книга, содержащая изяснение трудных мест Св. Писания. Св. Максим высоко чтит сего Авву, и в одном иисьме называет его даже своим наставником. Блаженная кончина его последовала вероятно не позже 660 г.

Предлагаемыя четыре сотни изречений его о любви, воздержании и духовной жизни преисполнены назидания. Они все преимущественно нравственно — аскетического содержания, но есть и такая, которая содержит догматическия мысли, коими пользовался Св. Дамаскин в своем изложении веры. Если читать под ряд только начальныя буквы изречений по подлиннику; то получится определенная мысль, — которая и ставится в начале каждой сотницы.

АВВЫ ФАЛАССИЯ

о любви, воздержании и духовной жизни к Пресвитеру Павлу,

СОТНЯ ПЕРВАЯ,

коей акростих таков:

Духовному брату и возлюбленному Господину Павлу Фалассий, по видимости безмолвник, по истине же торгаш тщеславный.

- 1) Любовь, всецело к Богу устремленная, связует любящих с Богом и друг с другом.
- 2) Ум, стяжавший духовную любовь ничего такого не думает о ближнем, что не приличествует любви.
- 3) Под видом любви скрывает лицемерие тот, кто устами благословляет, а сердцем унижает.
- 4) Стяжавший любовь невозмущенно переносит все печальное и прискорбное, что причиняют ему враги.
- 5) Одна любовь сочетавает твари с Богом и между собою в единомыслие.
- 6) Истинную любовь стяжал тот, кто ни подозрений ни слова не допускает против ближняго.
- 7) Досточестен пред Богом и людьми, кто ничего не предпринимает, что могло бы разстроить любовь.
- 8) Нелицемерной любви свойственно слово истинное от совести благия (1 Тим. 1, 5).
- 9) Под видом благорасположения скрывает зависть, кто передает брату укорныя слова от других слышанныя.
- 10) Как телесныя добродетели привлекают славу от людей, так духовныя от Бога.
- 11) Любовь и воздержание очищают душу, ум же (дух) осиявает чистая молитва.
- 12) Силен муж тот, который деянием и разумом отгоняет зло.
- 13) Обрел благодать у Бога, кто стяжал безстрастие и разумение духовное.
- 14) Если хочешь избавиться от страстных помыслов, стяжи воздержание и любовь к ближнему.
- 15) Сохрани себя от невоздержания и ненависти, и не встретишь преткновения во время молитвы.
- 16) Как в помойной яме нельзя найдти ароматов, так — в злопамятной душе — благоухания любви.
- 17) Обуздывай мужественно гнев и похоть, и скоро избавишься от худых помыслов.
- 18) Тщеславие истребляет укрывание добрых дел, а гордость прогоняет никого неуничижение.

- 19) Тщеславию свойственны лицемерие и ложь, а гордости самомнение и зависть.
- 20) Властелин тот, кто над собою возвластвовал, и душу и тело подчинил уму (духу).
- 21) Искренность друга познается в искушении, когда бывает он общником нам в нужде нашей.
- 22) Заклучи чувства посредством безмолвнаго уединения, и подвергай строгому суду помыслы возстающие в сердце.
- 23) Опечальных оскорблениях помыслы встречай не злопамятно, а к любосластным относись враждебно.
- 24) Безмолвное уединение, молитва, любовь и воздержание, — се четвероконная колесница, возводящая ум на небеса.
- 25) Изможди плоть пощением ибдением, и отгонишь мучительный сластолюбный помысл.
- 26) Как тает воск от лица огня (Пс. 67, 3), так нечистый помысл от страха Божия.
- 27) Большое зло для разумной души — долго пребывать в срамной страсти.
- 28) Переноси терпеливо удары печальных и душераздираательных случайностей; ибо таковыми очистить тебя хочет Божие промышление.
- 29) Бросив имущество и отрекшись от мира, отрекись наконец и от худых помыслов.
- 30) Подобающее уму дело — всегда поучаться в словесах Божиих.
- 31) Как дело Божие управлять мирем, так дело души править телом.
- 32) С какою надеждою сретим Христа мы, даже до ныне рабствующие плотским сластям.
- 33) Истребляют похоть злострадание и печаль, произвольныя ли или Промыслом посылаемыя.
- 34) Сребролюбие есть пища страстей, поколику оно поддерживает и рстит всеобемлющую самоугодливую похоть.
- 35) Печаль раждает оскудение удовольствия, (или удовлетворения сластолюбия); удовольствие же соплетено со всякою страстию.
- 36) Какою мерою отмеряешь ты телу своему, соразмерно с тою возмерится тебе и от Бога (Мф. 7, 2).
- 37) Дела Божественных судеб бывают воздаянием за дела, содеянныя посредством тела.
- 38) Добродетель и ведение раждают безсмертие; оскудение же их соделалось материю смерти.
- 39) Печаль по Богу отъемлет похоть; похоти же отъятие есть воскресение души.
- 40) Безстрастие есть неподвижность души на худое; но ея невозможно улучшить, без благодати Христовой.
- 41) Христос есть Спаситель души и тела, и последующий стопам Его освобождается от всего худаго.
- 42) Если хочешь улучшить спасение, отрекись от плотских сластей, и восприими воздержание, любовь и молитву.
- 43) Безстрастию свойственно истинное разсуждение, по коему все делается правою мерою.
- 44) Господь наш и Бог есть Иисус Христос; и ум последующий Ему во тьме не пребудет.
- 45) Собери ум твой и наблюдай за помыслами, и которые найдешь страстными воюй против них.
- 46) Есть три источника, из которых получаютя помыслы: чувства, память и полносочие тела; докучливее же из них те, которые исходят из памяти.
- 47) Кому дарована премудрость, тот делается причастным разумения безплотных, и знает какое начало мира и какой конец его.
- 48) Не неради о подобающей деятельности, и просветится ум твой; ибо таковым обетовано: сокровища сокровенна и невидимая отверзу тебе (Ис. 45, 3).

- 49) Обрел благодать у Бога, кто освободился от страстей, и великой милости сподобился, кто удостоен ведения.
- 50) Ум, освободившийся от страстей делается световидным, будучи непрестанно осияваем созерцаниями всего сущаго.
- 51) Свет души — ведение, котораго будучи лишен неразумный во тьме ходит.
- 52) Неразумный во тьме проводит жизнь; и его объемлет тьма неведения.
- 53) Любящий Иисуса избавится от зла; и последующий Ему узрит свет истинный.
- 54) Ум, освободившийся от страстей, видит тонкия помышления, и когда бодрствует тело и когда в сон погружается.
- 55) Ум, достигший высшей степени чистоты, чувствует себя утесняемым тварями и желает быть вне всего сотвореннаго.
- 56) Блажен кто достиг в беспредельную беспредельность; достигшим же сего может быть только тот, кто прешел все предельное.
- 57) Испытывает словеса Божии чтущий Его; обретает же (смысл) их истины любитель.
- 58) Ум, правотою движимый, находит истину; движимый же какою либо страстию не улучит ея.
- 59) Как в существе своем неведом Бог, так в величии неопределим.
- 60) Какое существо не имеет ни начала ни конца, того и премудрость неизследима.
- 61) Спасение всякой твари есть всеблагое оней промышление Создавшаго ее.
- 62) Поддерживает Господь всех падающих, и возставляет всех поверженных долу, по милосердию Своему.
- 63) Христос есть Судия живых и мертвых, и всякаго деяния праведный Мздовоздаятель (Деян. 10, 42; Пс. 61, 13).
- 64) Если хочешь начальствовать над душою и телом, то упреждай отсекаль причины страстей.
- 65) Сцепи силы души с добродетелями, и всякое стремление страстей отцепится от них.
- 66) Стремления похоти обуздывай воздержанием, а стремления гнева — духовною любовию.
- 67) Безмолвное уединение и молитва суть самыя могущественныя орудия добродетели; ибо оне, очищая ум, делают его зрительным.
- 68) Собеседование полезно только духовное, всем же другим предпочтительнее безмолвие.
- 69) Из пяти видов собеседования, три держи, четвертаго не учащай, от пятаго же воздержись.
- 70) Безмолвие дубит не имеющий пристрастия ни к чему мирскому; всех же людей любит, кто не любит ничего человеческого.
- 71) Учитель истинный есть совесть, которой слушающийся пребывает непреткновен.
- 72) Тех только одних не обижает совесть, которые или достигли верха добродетели, или низпали в самую глубь зла.
- 73) Совершенное безстрастие пораждает чистыя помышления; а совершенное ведение ставит пред лице Непостижимаго.
- 74) Печалится непохвальною печалию не улучивший плотских утех; презревший же их безпечален пребывает.
- 75) Печаль вообще есть лишение желаемаго удовольствия, того ли, которое бывает по Богу, или того, которое бывает в духе мира.
- 76) Царствие Божие — доброта и мудрость, коих улучивший жительствует на небесах.

- 77) Окаянен человек, душе тело, а Богу мир делами предпочетший.
- 78) Равную ко всем любовь стяжал, кто преуспевающим в добре не завидует, а о нерадящих о том жалеет.
- 79) Начальствовать по надлежащему следовало бы тому, кто для души и тела положил законом требования добродетели.
- 80) Добрый купец духовный есть, кто для будущего равно отрекся и от утех и от прискорбностей жизни сей.
- 81) Душу укрепляют любовь и воздержание, а ум (дух) — молитва чистая и созерцание духовное.
- 82) Слушая слово полезное, не суди говорящего, чтоб не лишит себя душеспасительной назидательности.
- 83) Злое сердце злое помышляет, и исправности ближняго превращает в неисправности кривым истолкованием дел его.
- 84) Не верь помыслу, осуждающему ближняго, потому что имеющий злое сокровище злое и помышляет.
- 85) Благое сердце и помышления износит благая; ибо по сокровищу его бывают и помышления у него.
- 86) Блюди помыслы и бегай зла; чтоб не омрачился ум твой и не стал превратно видеть вещи.
- 87) Помышляй об Иудеях и огради себя от дел их. Они, будучи ослеплены завистию, Господа и Бога хульно признавали за Веельзевула.
- 88) Злая подозрительность помрачает ум и заставляет его непутное видеть путным.
- 89) Близ всех добродетелей источаются и страсти; почему люди страстные и перетолковывают добродетели в страсти.
- 90) Если ум долго остается в утехе или печали, то скоро очень впадает в страсть уныния.
- 91) Чистая совесть восторгает душу, нечистый же помысл ннзвергает ее долу в преисподнюю.
- 92) В движение приходя страсти прогоняют тщеславие; а когда их прогонят оно опять возвращается.
- 93) Если хочешь избавиться от всех вместе страстей, восприими воздержание, любовь и молитву.
- 94) Ум, молитвенно пребывающий в Боге, и страстную часть души освобождает от страстей.
- 95) Бог дав бытие тварям, промыслиением Своим объемлет их все вместе.
- 96) Будучи Владыкою всего, благоволил Он соделаться рабом, и тем показал высшую степень Промыслиения Своего о твари (Филип. 2, 7).
- 97) Бог — Слово непреложно воплотившись, чрез плоть соединился со всею тварию.
- 98) Дивное чудо на небе и на земле то, что Бог на земде, и человек на небе; чтоб, соединив человек с Ангелами, вместе и всей твари даровать обожение.
- 99) Освящение и обожение Ангелов и человекоев есть познание Святыя и Единосущныя Троицы.
- 100) Прощение грехов есть освобождение от страстей, от которых неизбавившийся благодатию, еще неуллучил прощения.

АВВЫ ФАЛАССИЯ

СОТНЯ ВТОРАЯ,

коей акростих следующий:

Молись о мнѣ, брате честнейший; ибо я великих бед ожидаю достойно по делам моего произволения, — печалей душевных и прискорбностей телесных.

- 1) Хочешь ли за раз избавиться от страстей? — Отрешись от матери страстей — самолюбия.
- 2) Здравие душ — безстрастие и ведение, и улучшить его невозможно тому, кто поработен плотским сластям.
- 3) Изсушают сластолюбие, и телесное и душевное, воздержание с терпением и любовь с великодушием.
- 4) Началом порочных страстей для души служит самолюбие; самолюбие же есть телолюбие (или саможаление).
- 5) Отличительная черта разумности есть подчинять себя уму, и в тоже время подчинять себе и поработать тело.
- 6) Укор для разумного подчиняться неразумному, и промышлять только об удовлетворении срамных похотей.
- 7) Для души разумной пагубно оставлять Создавшего ее и раболепствовать телу.
- 8) Тебе повелено тело имет рабом, а не поработаться сластям его противоестественно.
- 9) Разорви узы содружества с телом, и не давай сему рабу ничего, кроме крайне необходимаго.
- 10) Заклучи чувства в крепость безмолвнаго уединения, чтоб оне не увлекали ума к свойственным им похотям.
- 11) Наисильнейшия оружия для безмолвствующаго с терпением суть воздержание, любовь, молитва и чтение.
- 12) Ум не перестает кружиться по предметам плотских сластей, пока, поработив себе плоть, не предастся созерцаниям.
- 13) О соблюдении заповедей подвизаемся, чтоб освободиться от страстей, а о хранении Божественных догматах, — чтоб сподобиться ведения.
- 14) Безмятежие души — от безстрастия и ведения, и улучшить его невозможно поработенному плотским сластям.
- 15) Поработай тело, отсекая его сластолюбныя пожелания, и избавишь его от тяжелаго рабства им.
- 16) Свободным создан, и на свободу призван будучи, не позволяй себе раболепствовать нечистым страстям.
- 17) Печальми и утехами, желаниями и страхами привязывают демоны ум к чувственному.
- 18) Страх Божий удерживает похотения, а печаль по Бозе отгоняет сластолюбие.
- 19) Вожделение мудрости презирает страх, а сладость ведения прогоняет печаль.
- 20) Писание содержит следующие четыре предмета: заповеди, догматы, угрозы и обетования.
- 21) Останавливают похотение воздержание и труд, а изсушают безмолвное уединение и Божественная любовь.
- 22) Не уязвляй брата загадочными подозрительными словами; ибо и сам ты, если случится, не перенесешь подобнаго.
- 23) Останавливают гнев великодушие и незлобие, а уничтожают его любовь и сострадание (снисхождение).
- 24) Кому дано ведение, дан свет умный; но кто, получив, обезчестит его, тот увидит тьму.
- 25) Соблюдение заповедей раждает безстрастие; безстрастие же души блюдет ведение.
- 26) Переведи чувственное на умное созерцание, и возведешь чувство выше чувственнаго.
- 27) Чувственная (видимая) жена означает душу деятельную, с которою сочетаываясь ум раждает

добродетель.

28) Изследование словес Божиих научает разуму Божию того, кто взыскивает сего истинно, благоговейно и ревностно.

29) Что есть свет для зрящих и для зримаго, то Бог для мыслящих и для мысленнаго.

30) Чувственная твердь означает твердь веры, на которой, подобно светилам, сияют все Святые.

31) Иерусалим есть над — небесный ведение безтелеснаго; ибо в нем созерцается видение мира.

32) Не неради о деятельной жизни; иначе умалится и ведение; и тогда, по причине наставшаго чрез то глада, спустишься в Египет (Быт. 26, 1. 2).

33) Свобода духовная есть освобождение от страстей: чего никто не улучает без благодати Христовой.

34) Земля обетованная есть Царство Небесное, котораго достойными нас делают безстрастие и ведение.

35) Египет духовный есть омрачение страстей, в которое никто не спускается, если прежде не подпадет гладу.

36) Наполняй ухо свое духовными словесами, и ум свой отдалишь от нечистых помыслов.

37) Благ и премудр по естеству один Бог; но бывает таковым по причастию и ум, если поревнует о том.

38) Удерживай чрево, сон, гнев и язык; — и не преткнеть о камень ногу твою (Пс. 90, 12).

39) Подвизайся полюбить одинаково всякаго человека, и за раз отгонишь все страсти.

40) Зрение чувственнаго обще уму и чувству; ведение же умнаго (духовнаго) есть принадлежность одного ума.

41) Невозможно уму заняться духовными предметами, если наперед не отсечет склонности к чувствам и чувственному.

42) Чувство естественное имеет пристрастие к чувственному, и будучи развлекаемо им, развлекает и ум.

43) Отдай чувство в служение уму, и не давай ему времени развлекать его.

44) Когда случится уму заняться чувственным, предупреди развлечение его чувствами, возводя его к духовному разумению предлежащаго.

45) Знак, что ум предался занятию духовными вещами есть презрение всего, услаждающаго чувства.

46) Ум, устремляясь к созерцанию духовных предметов, имеет от того неотступную сладость.

47) Когда ум обогатится ведением Единого, тогда все конечно поработанное себе имеет и чувство.

48) Не давай уму своему кружиться по вещам чувственным, чтоб не набрался и свойственных им утех и печалей.

49) Которых ум всегда занят духовными предметами, у тех и желательная часть души становится Божественным оружием.

50) Невозможно уму преисполниться ведением, если прежде и желательная часть души не украсится свойственными ей добродетелями.

51) Ум тогда делается чуждым мира, когда совершенно отсечет всякое к чувственному чувство.

52) Отличительною чертою разумной части души должно служить упражнение в познании Бога, а желательной — любовь и воздержание.

53) Ум не может всегда занят быть чем либо чувственным, если никакого к тому не имеется

пристрастия.

54) Совершен ум тот, который преисполнен ведения; душа же совершенна та, которая в добродетелях утвердилась.

55) Склонность ума к чувственному делает его рабом телесных влечений.

56) Подвигается и ум с места ведения, когда желательная часть отодвигается от своих добродетелей.

57) Мы прияли власть чадами Божиими быть (Иоан. 1, 12) — , но не бываем ими, если не совлечемся страстей.

58) Никто пусть не думает, что он действительно сделался чадом Божиим, если не стяжал еще в себе Божеских черт.

59) Усвоение нравов добрых или худых делает сынами Бога, или сатаны.

60) Мудр муж тот, кто внимает себе и спешит очиститься от всякой скверны.

61) Ожесточенная душа, и когда бичуют ее, нечувствует, и к благодетелю никакого чувства воспринять не может.

62) В нечистую облеченный одежду извергается из брачных чертогов Божественных, и делается причастником тьмы кромешной (Мф. 22, 12. 13).

63) Боящийся Бога радеет о своей душе, и от злой участи избавляет себя.

64) Невозможно улучшить милость от Бога тому, кто, оставя Его, раболепствует плотским влечениям.

65) Иисус — Христово есть слово, что никто не может двум господам работать (Мф. 6, 24), хотя мы не хотим верить тому.

66) Душа осквернившаяся ожесточается страстями, и без сечений и прижиганий, уверовать не способна.

67) Огрубелым потребны страшные испытания; ибо без сильных болей они умягчиться не могут.

68) Разумный муж печется о душе своей, и посредством произвольных себя умучений избегает произвольных мук.

69) Попечение о душе — злострадание (подвиги самоумерщвления) и смирение, ради коих Бог прощает все грехи.

70) Как похоть и гнев умножают грехи; так воздержание и смирение изглаждают их.

71) Печаль по Бозе сокрушает сердце; ее же рождает страх адских мук.

72) Печаль по Бозе очищает сердце, и от нечистых влечений отдаляет его.

73) Терпение есть трудолюбие души, (желание преутруждать душу); где же есть такое трудолюбие, там изгнано сластолюбие.

74) Всякой грех делается для сласти; всякое же прощение бывает ради злострадания и печали.

75) Произвольным болям Промышлением Божиим подвергается тот, кто не берется совершить покаяние с болями произвольными.

76) Христос есть Спаситель всего мира; и Он даровал людям покаяние во спасение (Мф. 4, 17).

77) Покаяние порождает соблюдение заповедей; а заповедей соблюдение очищает душу.

78) Очищение души есть освобождение ее от страстей; освобождение же от страстей рождает любовь к Богу.

79) Душа чиста та, которая любит Бога, а ум чист тот, который освободился от неведения.

80) За заповеди Божии подвизайся даже до смерти; ибо очистившись чрез них, увидишь ты в живот.

81) Пользуйся телом, как слугою заповедей, сколько возможно сохраняя его не сластолюбивым и

безболезненным (здоровым).

82) Возстание плоти бывает от нерадения о молитве, диете и безмолвии.

83) Доброе безмолвие добрых раждает чад — любовь, воздержание и молитву чистую.

84) Чтение и молитва очищают ум; любовь же и воздержание — желательную часть души.

85) Соблюдай всегда одинаковое воздержание; чтоб чрез неравность не впасть в противное ему.

86) Наложив на себя законы, не изменяй себе, софистически криво, истолковывая их потом; ибо кто сим образом отводит себя от них, тот сам себя прельщает (сам себе диавол).

87) Страстные души суть мысленные запады; ибо в таковых зашло солнце правды.

88) Сын есть Божий тот, кто уподобился Богу в благодати, в мудрости, силе и правде.

89) Болезнь души есть злая склонность; смерть же ея есть грех, делом совершенный (Рим. 5, 12).

90) Нестыжательность духовная есть совершенное безстрастие, при коем ум удаляется от всего здешняго.

91) Соблюдай все согласно добродетели душевныя; потому что от сего раждается плод правды.

92) Созерцание мысленных предметов есть, говорят, безтелесно, как совершенно чуждое вещества и вида.

93) Как четыре стихии не чужды вещества и вида; так не чужды их и составленные из них тела.

94) Слово, соделавшееся по человеколюбию плотию (Ин. 1, 14), ни того, чем было, не преложило, ни того, чем соделалось, не изменило.

95) Мы говорим о Боге — Сыне воплотившемся, как то, что Он есть из Божества и человечества, и в Божестве и человечестве, так и то, что Он есть из двух естеств, и в двух естествах.

96) Одно лице исповедуем во Христе при двух естествах, соединенных нераздельно.

97) Единое нераздельное лице во Христе славим, и неслиянное единение двух естеств в Нем исповедуем.

98) Триипостасному единому Божеству естеству поклоняемся, и единосущную Святую Троицу богословим.

99) Собственны каждой из трех ипостасей отчество, сыновство, исхождение; а общи трем ипостасям существо, естество, Божество, благодать.

СОТНЯ ТРЕТЬЯ,

коей акростих таков:

Злом собственно должно почитать не то, что тяготит плоть, а душу очищает; но то, что оскорбляет совесть, а плоть услаждает.

1) О Том, Кто благ по естеству, благо умствуй; и о всяком человеке доброе помышляй.

2) В день суда должны будем дать ответ пред Богом о словах, делах и помышлениях.

3) Навык к доброму или худому заставляет нас думать, говорить и делать доброе или худое.

4) Ум, одержимый страстями, помышляет неподобающее; обнаруживаются же его мысли словами и делами.

5) Худой мысли предшествует страсть, страсти причина чувства, а худаго употребления их причина, явно, есть ум.

6) Заклучай чувства, поборай помыслы и оружием заповедей потребляй свои страсти.

7) Зло устаревшее и подвига требует продолжительнаго; ибо укоренившаяся привычка скоро не сдвигается с места.

- 8) Продолжительный подвиг воздержания и любви, при терпении и безмолвии потребляют належашую страсть.
- 9) Чаще воздвигай ум на молитву, и разгонишь помыслы, вращающиеся в сердце.
- 10) Подвижничество требует терпения и мужества; потому что сластолюбие изгоняется не иначе, как долговременным и охотным самоутруждением.
- 11) Удобно совершишь подвиги подвижничества, если все будешь делать в меру и по правилу.
- 12) Держи всегда одинаковую меру в подвигах, и без крайней нужды не нарушай положенного правила.
- 13) Как любовь и воздержание очищают помыслы; так созерцание и молитва — всяко возношение воздымающееся (2 Кор. 10, 5).
- 14) Совесть чистою соделывают труды подвижнические, именно: пост, бдение, терпение, великодушие.
- 15) Кто благодушно претерпевает удары невольных искушений, тот делается смиренномудрым, искусным (в духовном) и благонадежным.
- 16) Терпение стоит на душевном желании самоутруждения; состоит же оно в подъятии производных трудов и невольных искушений.
- 17) Благодушное перенесение страшных напраслин рождает незлобие; терпение же до конца искореняет из души все худое.
- 18) Удары тяжелых случайностей раздирают сердце, и поражаемая тем печаль прогоняет сластолюбие.
- 19) Есть четыре страсти главнейших, из которых одною против другой премудро пользуется Провидение.
- 20) Ибо сластолюбие уничтожается наведением печали, а похоть увянуть понуждает страх адских мук.
- 21) Ум благоразумный душу научает духовным деланиям, а тело приучает ко всякому телесному подвигу.
- 22) Ревнуй показать монахом не внешнего только человека, но и внутреннего, — чрез очищение их от страстей.
- 23) Первое отречение есть освобождение от вещей (имущества), второе и третье есть освобождение от страстей и неведения.
- 24) Кто захочет, удобно отрешится от вещей; но не малый потребен труд для отрешения от пристрастия к ним.
- 25) Держащий в руках похоть и с гневом управится; ибо в той причина раздражения гнева.
- 26) Что же? Очистились ли мы от страстных помыслов и вкусили в следствие того чистой и невещественной молитвы, или еще нет?
- 27) Ум велик, если он освободился от страстей, отрешился от всего тварного, и в Боге пребывает.
- 28) Преуспевающий любомудрствует о следующих трех предметах, — об исполнении заповедей, о познании догматов и о вере во Святую Троицу.
- 29) Ум, освободившийся от страстей вот в чем вращается, — в тонких помышлениях, в созерцании тварей, и в вечном Свете.
- 30) В душах наших скрываются худейшия страсти; явными же оне делаются, когда обличатся дела

их.

- 31) Бывает, что ум невозмущенным себя имеет, и малость некую улучив безстрастия; но остается не искусным, по причине отсутствия вещей (или предметов для деятельного упражнения).
- 32) Страсти приходят в движение от следующих трех вещей, — от воспоминания о предметах их, от удовольствия и покоя плоти, и от чувств, как сказано.
- 33) Ум, чувствами добре правящий и плоть в порядке установивший, одну только имеет брань, — брань с памятью.
- 34) Чрез чувства тогда приходят в движение страсти, когда нет воздержания и любви духовной.
- 35) Умеренный пост, бдение и псалмопение обыкновенно упорядочивают устройство тела.
- 36) Следующия три вещи явно изменяют на худшее устройство тела, беспорядочность диеты, изменение воздуш, и приражение бесов.
- 37) Страстные памятования умягаются следующим, — молитвою, чтением, воздержанием и любовью.
- 38) Прежде чувства заключи безмолвием, и потом поборнай воспоминания оружиями добродетелей.
- 39) Грех мысленный есть употребление на зло помыслов, — а грех деятельный есть употребление на зло вещей.
- 40) Помыслами и вещами злоупотребление есть нечестивое и неправедное обоих их употребление — на зло.
- 41) Предосудительныя страсти суть узы, держащая ум в чувственности.
- 42) Тот имеет совершенное безстрастие, у кого нет пристрастия ни к делам и вещам, ни к воспоминанию о них.
- 43) Душа благая благотворит ближнему, и, если встретит неблагодарность, великодушною является к нему, и терпеливо сносит, есди что постраждет от него.
- 44) Помыслы злые суть сущее зло, и неочистившийся от них не научится истинному ведению.
- 45) Слушающий Христа световодит себя, и подражающий Ему исправляет себя.
- 46) Злопамятство есть проказа души; случается же оно по поводу или безчестий, или потерь, или подозрительных помыслов.
- 47) Господь ослепляет ум завистливаго за то, что он не праведно печалится о благах ближняго.
- 48) Душа клеветливая имеет трех-лезвийный язык, ибо уязвляет и себя, и слышащаго, а бывает, что и оклеветываемаго.
- 49) Незлобив, кто искренно молится об оскорбившем; и избавляется от злопамятства, кто нещадит даров ему.
- 50) Ненависть к ближнему есть смерть души; и вот что имеет и что причиняет себе душа клеветника.
- 51) Разленение от вознерадения души; нерадит же душа сластолюбием болящая.
- 52) Любящий Господа Иисуса предается трудам подвижническим; постоянно же в сих трудах прогоняет леность.
- 53) Душа крепнет от подвижнических трудов, — и делая все в меру отгоняет леность.
- 54) Властвующий над чревом иссушает похоть, и блудным помыслам не раболепствует ум его.
- 55) Ум воздержнаго Храм есть Святаго Духа; а ум чревоугодника жилище вранов (Ис. 34, 11).
- 56) Пресыщение раждает похотение разных яств, а голодание сладким делает и один хлеб.
- 57) Избавляется от зависти скрытно сорадующийся тому, кому завидуют; и избавляет от зависти

укрывающий то, чему завидовать можно.

58) Удаляйся от живущаго нерадиво, хотя имя его велико у многих.

59) Возимей другом мужа трудолюбиваго, и найдешь в нем покров своих погрешений.

60) Нерадивый продал себя многим господам; и как они ведут его, так он и живет.

61) Нерадение, как друг, благоволит к тебе во время мира; а во время искушения, как враг, возстает на тебя.

62) Душу свою полагает оно за тебя, прежде возстания страстей, а когда возстанут, твою душу берет себе.

63) Земля заброшенная зарастает терниями, а душа нерадивая наполняется страстями нечистыми.

64) Ум разумный обуздывает душу свою, измождает тело и поработает себе страсти.

65) Видимыя движения суть указания невидимых внутренних, как приносимые плоды указывают, какое древо приносит их.

66) Слова и дела обличают лицемера, как они же обнаруживают и скрытнаго лжепророка.

67) Ум обезумевший необучает души своей, и удаляет ее от любви и воздержания.

68) Причиною непотребных помыслов бывает худой нрав, поддерживаемый тщеславием, гордостью и надмением.

69) Обладаемому указанными страстями свойственны лицемерие и лукавство, равно как злохитрость, насмешливость и непотребнейшая ложь.

70) Такие лица раболепствуют также зависти и рвению, гневу и ярости, печали и злопамятству.

71) Таков путь живущих в нерадении, и таковы сокровища сокрытыя во мне.

72) Злострадание (строгие подвиги телесные) и смирение спасают душу, и от указанных выше страстей избавляют ее.

73) Разумнаго ума признак слово полезное, доброй же души признак дело доброе.

74) Ум просвещенный износит мудрыя слова, а душа чистая воздвывает Божественные помыслы.

75) Помыслы ревностнаго поучаются премудрости, и слова его просвещают слышущих.

76) Когда в душу заложены добрыя расположения, тогда она воздвывает благие помыслы, а когда в ней заложены худыя склонности, тогда она поражает помыслы непотребные.

77) Страстная душа есть детелище худых помышлений и из сокровищницы своей износит она худое (Мф, 12, 35).

78) Благое сокровище — добродетельный навык, и ум благий износит из него благое.

79) Ум, Божественною любовью движимый, воздвывает благия о Боге мысли, движимый же самолюбием поражает противное тому.

80) Ум, движимый любовью к ближнему, непрестанно доброе о нем помышляет (1 Кор. 13, 5); движимый же противным тому, предполагает в нем худое.

81) Благих помышлений причина добродетели, добродетелей заповеди, а их исполнения—произволение благое.

82) Добродетели и пороки, — бывая в душе, и отбывая из нея, — добре или зле настроивают душу, подвигая ее на помышления, враждебныя одне другим.

83) Злых помышлений причина страсти, страстей — преслушание заповедей, преслушания прельщение чувствами, прельщения — небрежение ума о хранении чувств.

84) В преуспевающих добрыя расположения могут еще удобно предлагаться на противоположное; а в

совершенных расположения сии бывают неудобопредложны.

85) Сила души — навык в добродетели неудобопредложный, котораго достигший говорил: кто ны разлучит от любве Божия? (Рим. 8, 35).

86) Предшествует всем страстям самолюбие; после же всех их следует гордость.

87) Три главнейшия страсти греховныя порождение свое имеют из страсти самолюбия.

88) Эти три суть — чревоугодие, тщеславие и сребролюбие, из которых исходят все другия страсти.

89) За чревоугодием следует блуд, за тщеславием — гордость, прочия же — за всеми тремя.

90) За всеми тремя последуют — печаль, гнев, злопамятство, зависть, леность и прочия....

МОЛИТВА

91) Владыко всех Христе! от всего сего избави нас, — как от пагубных страстей, так и от поражаемых ими помыслов.

92) Тебя ради созданы мы, да в Тебе блаженствуем, быв помещены в Раю, Тобою насажденном.

93) Нынепшее же безчестие сами мы навлекли на себя, блаженному услаждению предпочетши пагубное.

94) За что сами в себе восприяли мы воздаяние, вместо жизни вечной наследовав смерть.

95) Ныне убо, Владыко, как всегда приизирал Ты на нас, и до конца приизрителем нашим буди, — как воплотиться ради нас благоволил, так и спаси всех нас.

96) Ибо спасти, нас погибших пришел Ты; не отлучай же нас от части спасаемых.

97) Воскреси души, и спаси телеса, очищая нас от всякой скверны.

98) Сокруши узы обдержавших нас страстей, как сокрушил полчища нечистых бесов.

99) И избави нас от тиранства их, да послужим Тебе Единому, Свету вечному.

100) Когда, по воскресении из мертвых, с Ангелами составим единый блаженный и вечно неразрывный хор.

СОТНЯ ЧЕТВЕРТАЯ,

коей акростих такой:

Но молгись прилежно Богу нашему да избавимся от зол и настоящих и ненастоящих, а только почитаемых такими.

1) Кто ум свой отрешил от любления и ласкания плоти, тот Животворящим Духомь умертвил деяния плотския (Рим. 8, 13).

2) Не думай отрешиться от склонности к плотскому, если ум твой еще занимается тем, что свойственно плоти.

3) Как плоти свойственно чувство и чувственное, так душе свойствен ум и мысленное!

4) Отвлеки душу от чувств и чувственного, и ум твой пребывать станет в Боге и заниматься предметами духовными.

5) Родственны Божеству умныя естества, одним умом познаваемыя; чувства же и вещи чувственныя созданы на служение уму.

6) Да служат тебе чувства и вещи чувственныя к духовному созерцанию, а не к удовлетворению похоти плоти.

7) Повелено тебе умертвить деяния плотская, чтоб трудными подвигами воскресить душу умерщвленную сластями плотскими.

8) Буди господствуем от Бога. и господствуй над чувствами, и, будучи лучшим, не давай власти над

собою тому, что хуже тебя.

9) Бог вечен, безпределен и неограничен, и блага вечныя, безпредельныя и неизреченныя обетовал слушающимся Его.

10) Уму свойственно пребывать в Боге, и о Нем умствовать, равно как о Его промышленности и о страшных судах Его.

11) Имеешь власть склониться на то или другое, но будь на стороне лучшего, и подчинишь себе худшее.

12) Хороши чувства и хорошо чувственное, как творения благаго Бога, ни как однакож не могут идти в сравнение с умом и умовым.

13) Разумное и мысленное естество создал Бог способным к познанию всего и Его самага, а чувства и чувственное произвел на полезное сему употребление.

14) Как неуместно неключимому рабу подчинять себе благаго господина, так неуместно ум разумный подчинять телу тленному.

15) Ум невластвующий над чувствами, чрез них падает в грехи: ибо, прельщен бывая чувственными сладостми, он обычно поражает непотребство.

16) Держа во власти своей чувства, крепко запирай и память; ибо прежде чрез чувства полученные впечатления, потом чрез воспоминание о них снова приводят в движение страсти.

17) Преутруждай тело и чаще молись, — и скоро избавишься от предвзятых помыслов.

18) Поучайся непрестанно в словесах Божественных; ибо трудолюбное в сем упражнении истребляет страсти.

19) Избавляют ум от блуждания по вещам страстным чтение, бдение, молитва и псалмопение.

20) Как весна возбуждает растения к оживлению, так и безстрастие подвигает ум к познанию Сущаго.

21) Соблюди заповеди, и найдешь покой; возлюби Бога, и улучишь ведение.

22) В приболезненном труде и поте лица осужден ты снедать хлеб ведения.

23) Нерадение довело праотца до падения, и вместо утешений райских осудило на смерть.

24) Повелевай и ты своей Еве блюстис змия; чтоб прельщена быв от него, не подала она тебе плода запрещеннаго.

25) Как по естеству душа животворит тело, так душу — добродетель и ведение.

26) Мнящийся быти мудрым ум есть облако безводное, носимое ветрами тщеславия и гордости.

27) Воздерживаясь от тщеславия, берегись и от блуда, чтоб избегая почестей не впасть в безчестие.

28) Избегая тщеславия, к Богу воззревай, чтоб иначе не впасть в самомнение, или блуд.

29) Тщеславию свойственно действовать на показ; а гордости — уничижат других и гневаться.

30) Избегая чревоугодия, блюдись от человекоугодия, желтизну лица своего притворно показать ухитряющагося.

31) Прекрасно пощение, радующееся малоястиею, и довольствующееся скудоястием, избегая притом и человекоугодия.

32) Постясь до вечера, не наедайся до сыта, чтоб не оказаться созидающим опять то, что только что разорил.

33) Воздерживаясь от вина, не пей много и воды; ибо иначе все же ты доставишь материал для блуда.

34) Гордость заставляет отступаться от Божественной помощи, на себя надеяться и воздыматься над

людьми.

- 35) Два предлежат врачевные средства против гордости, которыми если кто не воспользуется, встретит, и нехотя третье очень жестокое.
- 36) Гордость прогоняют молитва со слезами, никого не унижение, и невольная скорби.
- 37) Вразумление чрез искушения есть жезл духовный, научающий смиренномудрию того, кто надымается в неразумии своем.
- 38) Умное дело не подчиняться помыслу того, кто тайно наговаривает на ближнего.
- 39) Как огородник, невыполывающий сорных трав заглушает чрез них овощи, так ум, неочищающий помыслов губит подвижнические труды.
- 40) Разумен муж, который слушается совета, особенно когда совет предлагается по Богу духовным отцем.
- 41) Умерщвленный страстьми совета и понять не может, и подчинится духовному наставлению совсем не способен.
- 42) Неприемлющий совета не правыми путями шествует, но всегда носится по стремнинам и пропастям.
- 43) Монах — ум, отрешившийся от чувственного, и помысла сластолюбного даже и видеть не попускающий.
- 44) Врач — ум себя уврачевавший, и тем, чем сам уврачевался, других врачующий.
- 45) Взыщи добродетели, и затем, ревнуй не потерять ее, чтоб не жить срамно, и не умереть немилосердо.
- 46) Господь наш Иисус Христос всем даровал Свет, но не верующие Ему сами себя держат во тьме.
- 47) Не почитай малым лишение добродетели; чрез это смерть вошла в мир.
- 48) Послушное исполнение заповедей есть воскресение мертвых; ибо жизнь есть естественное следствие добродетели.
- 49) За умерщвлением ума чрез преступление заповеди необходимо следует и смерть тела.
- 50) Как Адам, преступив заповедь, подпал смерти: так Спаситель, послушлив быв, умертвил смерть.
- 51) Умертви грех, чтобы не воскреснуть мертвым и от смерти малой не перейти в великую.
- 52) По причине преступления Адамова Спаситель воплотился, чтобы разрешив клятву, всех воскресить.
- 53) Из жизни сей в живот вечный переходит тот, кто умертвил страсти и освободился от неведения.
- 54) Изследовав Писания, найдешь заповеди; а исполнив сказанное, освободишься от страстей.
- 55) Исполнение заповедей очищает душу, очищение же души, делает ее причастною света.
- 56) Древо жизни есть познание Бога, Котораго причастным сделавшись чистый, пребывает безсмертным.
- 57) Начало жизни деятельной есть вера во Христа, конец же ея любовь к Богу.
- 58) Иисус Христос есть Господь и Бог наш, даровавший нам веру в Него для получения жизни вечной.
- 59) Он явился нам, соединив Божество с душою и телом, чтобы, как Богу, избавить от смерти и душу и тело.
- 60) Стяжем веру, чтоб придти в любовь, из коей рождается свет ведения.
- 61) За стяжанием веры вот что последует: страх Божий, воздержание от сластей, терпение трудов,

надежда на Бога, безстрастие, любовь.

62) Из искренней любви рождается ведение естества; после же него наступит исполнение верха желаний, т. е. благодать богословия.

63) Ум, обуздывающий страсти, всеконечно обуздывает их силою страха Божия, веруя в Бога и в то, чем Он угрожал, и что обетовал.

64) Кому дарована вера, от того требуется воздержание, которое утвердившись, рождает терпение, поддерживающее трудолюбивый навык.

65) Признак терпения есть любовь к трудам, на которых опираясь ум, восприимлет упование, что улучит, что обетовано и избегнет, чем угрожается.

66) Чаение будущих благ соединяет ум с чаемым; пребывая же в сем сочетании он забывает о благах настоящих.

67) Бросает настоящее вкусивший чаемого; ибо тогда он все свое желание предает сему последнему.

68) Будущия блага обетовал сам Бог, Которому поверивший воделеваает будущего, как настоящего.

69) Знак того, что ум живет в чаемых благах есть то, если он старается утвердить в себе совершенное забвение здешних вещей и расширяется в познании благ будущих.

70) Добра истина, коей научает Бог истины, отовсюду удостоверяя в ней Боголюбивую душу.

71) Превечны суть, и прежде всех веков, и паче ума и слова, блага уготованныя наследникам обетования.

72) Соделаем себя сообразными с правилами благочестия, чтоб, уклонившись в страсти, не отпасть от упования.

73) Иисус Христос Един есть от Святыя Троицы, и Его—то сонаследником имеешь быть ты.

74) Наученный от Бога ведению сущаго, не станет затрудняться в веровании Писанию о том, что в нем предсказано.

75) Дух Святой, находя ум, обнаженным от страстей, сообразно с тем тайно вводит его в познание уповаемого.

76) Сообразно с очищением ума, душа руководится и к познанию словес Божественных.

77) Установивший тело свое в должном чине, и в Божественном ведении упражняющийся, самым сим ведением все более и более очищается.

78) Ум, начинающий любомудрствовать о Божественных вещах, от веры начинает, и потом среди сих вещей вращаясь и шествуя, опять в веру же достигает, но высшую.

79) Созерцается, что за началом сего любомудрия последует страх, а концу его предшествует любовь.

80) Ум, начиная любомудрствовать от веры внимающей (или понимающей во что верить) достигает в богословие, простирающееся за пределы всякаго ума, которое определяют верою незабываемую (всегда присущую сознанию, неподвижно в нем пребывающую) и созерцанием сокровеннаго.

81) Слова о Боге Святыми и блаженными Отцами нашими созерцаются не такими, чтоб они были по Нему (соответствовали сущности и величию Его), но такими, кои суть о Нем (о Нем открывают нам, сколько то вместимо для ума нашего).

82) Разумеются же о Нем, т. е. о Боге, все слова, или положительно, или отрицательно.

83) Так, — существо, Божество, благодать, и другое подобное, говорятся положительно; а —безначальное, безпредельное, невидимое, и подобное отрицательно.

- 84) Поелику едино есть естество, превыше сущее всякаго ума и слова, и едино сокровенное Божество Святыя Троицы; то все, о Ней изрекаемое и созерцаемое, говорится и созерцается обще.
- 85) Как едино Божество Святыя Троицы веруется; так и три лица едиаго Божества исповедуются.
- 86) Означенныя выше положительныя и отрицательныя свойства обще прилагаются ко всей Святой и единосущной Троице, кроме личных свойств, из коих также иныя положительны, а иныя отрицательны.
- 87) Личныя свойства Божественных ипостасей суть — отчество, сыновство, исхождение — и другия собственно к лицам прилагаемыя.
- 88) Ипостась определяют естество с личными свойствами; так что каждая ипостась имеет и то, что едино обще естеству, и то, что собственно ипостаси.
- 89) Из общих ко всей Святой Троице прилагаемых свойств отрицательныя почитаются главнейшими; но не так сие относительно свойств личных. Ибо и из них, как уже сказано, иныя суть положительныя, а иныя отрицательныя, как например, нерожденность и рожденность, и подобныя. Нерожденность от рожденности отличаются по своему значению: ибо нерожденность означает Отца, а рожденность Сына.
- 90) Речения и наименования употребляются для уяснения того, что созерцается окрест естества Святыя Троицы, как сказано (см. гл. 81); но не в сущности естества: ибо к ней относящееся неведомо для ума и неизреченно для слова, а ведомо единой Троице.
- 91) Как единое естество Божества именуется Триипостасным; так Святая Троица исповедуется единосущною.
- 92) Отец созерцается и безначальным и началом, — безначальным, яко нерожденный, а началом, яко родитель Сына и изводитель Духа Святаго, Кои вечно из Него и в Нем суть.
- 93) Единица, до Троицы движась, пребывает единицею и Троица, до единицы сводясь, пребывает Троицею. Сие и дивно есть!
- 94) Сын и Дух Святой исповедуются не безначальными, однакож вечными: не безначальными, яко к началу и источнику, относимые к Отцу; а вечными, яко от вечности один рожденно, а другой исходно, сущие с Отцем.
- 95) Нераздельным едино Божество Троицы всегда верно созерцается и неслиянными три ипостаси едиаго Божества всегда верно исповедуются.
- 96) Личныя свойства суть — Отца — нерожденность, Сына — рожденность, Духа Святаго —исходность. Начало Сына и Духа Святаго исповедуется безвременным. Ибо, как из Солнца и в Солнце свет, так и Они из Вечнаго и в Вечном вечное имеют существование.
- 97) Личныя свойства ипостасей неподвижными и неизменными всегда созерцаются, а общее естество или Божество — нераздельным.
- 98) Единицу в Троице, и Троицу в единице исповедуем, как нераздельно разделяемую, и отдельно соединяемую.
- 99) Едино начало в Божестве созерцается — Отец, — начало Сына и Духа, яко родитель и: источник Их вечный совечных, безпределный собезпределных; и три сии единосущны суть и нераздельны. Тварей же всех Творец, — Промыслитель и Судия есть Триипостасный Бог, — Отец чрез Сына во Святом Духе. Ибо говорится, что из Того, и Тем, и в Нем всяческая: Тому слава во веки. Аминь (Рим. 11, 36).

100) Совечными Отцу исповедуем Сына и Духа Святаго и собезначальными, яко вечное и безначальное имеющие из Него и в Нем свое существование — и начало. Они вечно со Отцем и в Отце, и Отец вечно с Ними. Не было момента, когда бы Отец был без Них, и Они без Него. Таков образ бытия Единого естеством и Триипостасного в лицах — Бога, — Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

СВЯТОЙ ФЕОДОР ЕПИСКОП ЕДЕССКИЙ

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ

О

СВ. ФЕОДОРЕ ЕДЕССКОМ.

Сын молитв и видения родителей, жителей Едессы, Феодор, когда стал учиться, не показывал способности к учению, но молился Богу об открытии смысла. Раз скрылся он под святою трапезою во время Литургии, и некий юноша, напитав его сотом, внушил ему сладость уединения.

Священнодействовавший — Епископ, узнав о том, посвятил Феодора в чтеца, и он остался в обители, где легко и свободно изучал тогдашний круг наук у общаго наставника Софрония. На 18-м году, лишись родителей, раздал он имение, отделив только часть сестре, и на 20-м году удалился в обитель св. Саввы, что близ Иерусалима, где 12 лет пробыл в общежитии и 24 года в затворе. Из сего затвора изведен он был, по определению Патриархов Антиохийскаго и Иерусалимскаго и рукоположен в Епископа Едесскаго, куда и отправился. Прибыв в Едессу, он все силы свои обратил на благоустройство Церкви и верующих; но труды его встречали большия препятствия со стороны магометан, владетелей города, и еретиков, наполнявших его. Видя неуспешность своих усилий и даже опасность для своей жизни, св. феодор отправился в Богдад к калифу Мавие просит милостей. Исцелив калифа от болезни, он расположил его дать повеления правителям Киликии, Сирии и Месопотамии возвратить Церкви Едесской достояние Ея, и не пренятствовать обращаться в Православие. Возвратясь в Едессу он радостно принят был православною паствою, которая множилась потом обращением еретиков, и благотворно была правима ревностным сим, свыше руководимым пастырем. Предвидя приближение смерти, и желая почить в прежней своей уединенной келлии, отправился св. Феодор в Палестину, где на месте пустынных подвигов своих вскоре и скончался в 9-й день Июля, когда и память ему положена. В Царьграде тогда царствовал Михаил с матерью Феодорею, — век 9.

Предлагаемая здесь сто душеспасительных глав составлены им, по просьбе старцев обители, когда он был еще в затворе. Об них составители Греческаго Добротолюбия пишут: «Оставил ли св. феодор другия какия писания, с достоверностию сказать не можем. Настоящия же сто глав, им трудолюбно составленныя, помещаем в ряду других отеческих писаний о трезвении; потому что оне добре изображают дело священнаго трезвения, и потому богатую могут принести духовную пользу тем, кои с достодолжным вниманием будут читать его.»

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

ФЕОДОРА,

ВЕЛИКАГО ПОДВИЖНИКА И ЕПИСКОПА ЕДЕССКАГО,

сто душеполезнейших глав.

1) Поелику Бога благаго благодатию, отрекшись от сатаны и дел его, сочетались мы Христу, как вначале в бане паки бытия, так теперь снова в иноческих обетах, то будем соблюдать Его заповеди.

Сего требует от нас не сугубый только обет наш, но и естественный долг; потому что будучи, исперва созданы Богом добрыми зело, мы и должны быть таковыми. Хотя грех, привзошедший от нашего невнимания, произвел в нас и то, что неестественно нам; но, по множеству милости великаго Бога нашего, мы опять воззваны, обновлены страстию Безстрастнаго, и искуплены ценою крови Христа Господа, избавясь таким образом от древняго праотческаго преступления. Судя посему, если мы соделаемся праведными, то в этом не будет ничего великаго; но тем паче будет достойно жалости и осуждения, если отпадем от правды.

2) Как доброе дело, без правой веры бывающее, мертво есть всецело, и бездейственно; так и вера одна, без дел праведных, не избавляет нас от огня вечнаго. Ибо любяй Мя, говорит Господь, заповеди Моя соблюдет (Ин. 14, 23). Итак, если любим Господа и веруем в Него, засвидетельствуем о том исполнением заповедей Его, чтоб улучшить жизнь вечную. Если же в презрении у нас соблюдение повелений — Его, коим покорствуует вся тварь, то как назовемсебя верными, мы, — почтенные паче всякой твари, и одни из всех их непокорные повелениям Сотворшаго и неблагодарными оказывающиеся благодетелю?

3) Заповеди Христовы соблюдая, мы ничего тем не доставляем Ему, ни в чем не нуждающемуся, и всех благ подателю, но самим себе благодетельствуем, заслуживая себе жизнь вечную и наслаждение неизреченных благ.

4) Всяк противящийся нам в исполнении заповедей Божиих, будь то отец, или мать, или кто бы то ни был, мерзок нам и ненавистен, чтоб не услышать нам: любящий паче Мене отца или матер, или другаго кого из людей, несть Мене достоин (Мф. 10, 37).

5) Свяжем же себя всеусильно исполнением заповедей Господа, чтоб не быть связанными неразрешимыми узами злых похотей и душетлительных сластей: в каком случае изречется и о нас присуждение о бесплодной смоковнице, гласящее: посецы ю, вскую и землю упражняет (Лк. 13, 7)? Ибо всяк, говорит, нетворящий плода добра, посекается и в огонь вметається (Лк. 3, 9).

6) Побеждаемый похотями и сластями, и в мире обращающийся, скоро впадет в сети греха; грех же, содеянный однажды, есть что огонь в тростнике, что камень катящийся с горы, что водотечь, расширяющаяся от прибавления притоков. Так это бывает; и всяко грех губит того, кто творит его.

7) Душа чрез грех выступает из своего естественнаго чина, и, дичая от сего и исполняясь терниями сластей греховных, делается жилищем страшных зверей, по сказанному: там почиют онокентавры, там вгнездится еж и бесы встретятся с онокентаврами (Ис. 34, 14. 15), — кои суть различныя страсти греховныя. Когда же она воззовет себя в естественный свой чин (ибо может, если захочет, пока связана с плотию), укротит себя старательными над собою трудами и станет жить по закону Божию; тогда вгнездившиися преждев нее звери убогут, а хранители жизни нашей Ангелы придут, днем веселия и радования соделывая день ея обращения; тогда и благодать Святаго Духа найдет на нее, научая ее ведению, как не только сохранить себя в добре, — но и преуспеть еще более в нем.

8) Молитву Отцы называют оплотом духовным, без котораго нельзя выходить нам на брань, чтоб не быть уязвленными копьями вражескими и отведенными в страну их. Но молитву действнную, чистую стяжать нельзя никому, если не приседит он Богу в правоте сердца: ибо Бог есть даяй молитву молящему, и научаяй человека разуму.

9) То, что душу беспокоят страсти, и приступают к ней с бранию, не в нашей власти; но что замедляют в нас страстныя помыслы и приводят в движение страсти, это в нашей власти. Первое

безгрешно, как не в нашей власти состоящее; а второе, если мужественно восиротивясь, победим, доставляет венцы, а если, послабив, побеждены будем, подвергает мучениям.

10) Есть три главнейших страсти: сластолюбие, сребролюбие и славолубие. За ними следуют другие пять духов злобы; а от этих наконец поражается многое множество страстей и все виды разнообразных склонностей греховных. Почему победивший трех первых начальников страстей и вождей, вместе с тем низлагает и следующих за ним пять страстей, а потом покоряет и все страсти.

11) Что по страсти сделано нами, о том и воспоминания страстями возмущают душу. Но когда страстные воспоминания совсем изгладятся из сердца, до того, что и не приближаются к нему; тогда это служит признаком отпущения прежних грехов. Ибо пока душа страстно к чему либо греховному относится, дотоле надо признавать присущим в ней владычество греха.

12) Страсти телесныя и веществолюбивыя обыкновенно умаляются и увядают от телесных злостраданий (произвольных лишений и подвигов телесных); а душевныя и невидимыя уничтожаются смиренномудрием, кротостию и любовью.

13) Похоть страстную увядает воздержание с смиренномудрием; гнев пламенеющий укрощает любовь; помысл влающийя сосредоточивает прилежная молитва, с памятию Божиею. Так очищаются все три части души. Их—то желая исправить, Божественный Апостол говорил: мир имейте и святыню, их же кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14).

14) Некоторые недоумевают, как сказать, — помысл ли приводит в движение страсти, или страсти — помысл; так как одни говорят то, а другие — это. Я же говорю, что помыслы приходят в движение от страстей: ибо еслиб не было в душе страстей; то страстные помыслы не беспокоили бы ее.

15) Обычай есть у всегда воюющих против нас бесов, посильным для нас и удобоисполнимым добродетелям полагать преграды, а к непосильным и безвременным (за которые не время еще нам браться) сильное влагать стремление, именно: преуспевающих в общежительном послушании они заставляют делать дела безмолвников; а безмолвникам и отшельникам внушают держаться правила общежительнаго. Таким же образом, они поступают и в отношении к каждой добродетели. Но мы да не неразумеем умыслений их (2 Кор. 2, 11), ведая, что все в свое время и в своей мере делаемое, хорошо, все же безмерное и безвременное вредно.

16) Тех, кои вращаются в мире и встречаются с предметами страстей, бесы борют, увлекая их на дела страстныя, а тех, которые в пустынях живут, где нет таких предметов, возмущают помыслами страстными. В этом втором виде брани гораздо труднее одержать победу, чем в первом. Там для дела требуются время, место и прочее удобство; ум же в помыслах своих удободвижен и неудержим. В противоборство сей невидимой брани дана нам чистая молитва, в коей и заповедали нам пребывать непрестанно. Она делает ум сильным в брани и всегда готовым к ней, так как может быть совершаема и без участия тела.

17) Указывая на совершенное умерщвление страстей, Апостол говорит: а иже Христовы суть плоть распяша со страстями и похотями (Гал. 5, 24). Ибо когда умертвим страсти, уничтожим похоти и мудрование плоти подчиним духу; тогда только берем на себя крест, и последуем Христу. И удаление от мира есть ничто иное, как это умерщвление страстей и проявление сокровенной во Христе жизни.

18) Бедствующие от возстаний сего смертнаго тела и каждою частью почти войною его утомляемые,

пусть не плоть за это осуждают, а самих себя; ибо если бы они не давали ей силы, попечения о ней простирая до похоти, то не бедствовали бы столько от нея. Или не видят они распявших плоть свою со страстями и похотями и мертвость Иисусову в мертвенной плоти своей носящих, как они имеют ее содейственницею паче в добром, — не противоборствующею, но покорною и ведомою законом Божиим? Пусть и они также сделают, и тогда такого же вкусят покоя.

19) Всякое сосложение помысла с какою либо запрещенною похотию, или склонение на сласть похотную, грешно для инока. Ибо сначала помысл начинает омрачать ум вождедельною частию, потом душа склоняется на сласть греховную, невыдерживая брани, а наконец происходит сосложение, которое, как сказано, есть грех. Если продлится это, то отсюда поражается страстное влечение, которое мало по малу приводит и к самому делу греховному, По сей-то причине Пророк и ублажает тех, кои избивают о камень младенцев вавилонских (Пс. 136, 9). Значение сего ясно для мудрых и разумных.

20) Ангелы, будучи служителями любви и мира, радуются о нашем покаянии и преуспейнии в добродетели; почему стараются наполнять нас духовными созерцаниями и содействуют нам во всяком добре. Напротив бесы, слуги гнева и злобы, радуются, когда умаляется добродетель, и весь труд свой обращают на то, чтоб увлекать души наши в срамные мечтания.

21) Вера есть благонастроительное благо; она рождает в нас страх Божий; страх же Божий научает соблюдению заповедей, или устройению доброй деятельной жизни; из деятельной жизни произрастает честное безстрастие; а отрощение безстрастия — любовь, которая есть исполнение всех заповедей, всех их в себе связующая и держащая

22) Как чувство тела, когда здорово, чувствует, какой схватывает его недуг; не распознающий же сего болит нечувствием: так и ум, поколику хранит целую свойственную ему деятельность, потоплику сознает силы свои, и видит, откуда находят на него страсти, более тиранския, и на ту часть направляет более настоятельное противоборство. Но положение его бедственно, если он в нечувствии иждивает дни свои, подобясь бьющемуся со врагом ночью, так как не видит вражеских помыслов.

23) Когда мысленная наша сила неослабно прилежит созерцанию добродетелей, и когда к нему же одному и к подателю его Христу Господу устремляется сила вождедельная, а раздражительная вооружается против бесов; тогда силы наши действуют по естеству своему.

24) По св. Григорию Богослову, разумная душа тречастна, И он добродетель мысленной силы назвал благоразумием, ведением и мудростию; добродетель силы раздражительной — мужеством и терпением; а добродетель силы вождедельной — любовью, целомудрием и воздержанием; правда же во всех их имеет свою часть, научая действовать благообразно. Благоразумием воюет она с ангелами вражескими, защищая добродетели; целомудрием безстрастно смотрит на вещи; любовью всех людей, как себя, любить заставляет; воздержанием отсекает всякую сласть; мужеством и терпением вооружается против невидимых браней. Такова благозвучная гармония органа душевнаго.

25) Тщасьи о целомудрии и вождедевающей блаженной чистоты, которую, непогрешил бы кто, назвав безстрастием, да бьет нещадно и порабощает плоть, с смиренномудрым помыслом Божественную призывая благодать, — и получит желаемое. Откармливающий же тело без воздержания в ястии и питии, измучен будет духом блуда. Ибо как вода в большом количестве

угашает пламень, так алчба и жажда, или вообще всякое воздержание со смирением душевным уничтожают разжжение плоти и срамныя мечтания.

26) Да отступит совсем от души твоей страсть злопамятства; и отнюдь не давай места в себе вражде. Ибо что огонь скрытый в соломе, то злопамятство гнездящееся в сердце. Но паче молись тепле об оскорбившем тебя и поблагодетельствуй ему, сколько и чем можешь, чтоб избавить душу свою от смерти и не быть бездерзновенну во время молитвы своей.

27) В душе смиренных упокоевается Господь, в сердце же гордых — страсти безчестия: ибо ничто так не усиливает их против нас, как высокоумдые помыслы; и напротив ничто так действенно не исторгает с корнем из души эти былия злыя, как блаженное смирение, которое справедливо потому названо страстеубийцею.

28) Да очищается паче и паче душа твоя от злых воспоминаний, и да просвещается добрейшими помышлениями, держа всегда в уме сказанное, — что во время исхода сластолюбивое сердце, — темница и узы, а трудолюбивое — дверь отверстая. Ибо воистину чистым душам, по исходе их из тела, сопутствуют Ангелы, руководя их к блаженной жизни; души же, осквернившиеся и неочистившиеся покаянием, перехватывают, — увы мне! — бесы.

29) Прекрасна глава, украшенная драгоценною диадимою, бдестящею камнями индийскими и маргаритами; но несравненно краше ея душа, богатая ведением Бога, светящаяся светозарными созерцаниями, и имеющая обитающим в себе всесвятаго Духа. И кто может достойно изобразить в слове такую блаженную душу!

30) Гневу и ярости не позволяй водворяться в душе твоей: ибо муж ярый неблагообразен (Притч. 11, 25); в сердце же кротких почиет премудрость (Слич. Прит. 14, 33). Если страсть гнева возгосподствует над душею твоею, то лучшими тебя найдены будут живущие в мире, и ты покроешься стыдом, оказавшись негодным монахом.

31) Во всяком искушении, и во всякой брани молитву имей непобедимым оружием, — и победишь благодатию Христовою. Но да будет она чиста, как заповедует нам премудрый учитель наш, говоря: хошу да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления (1 Тим. 2, 8). — Кто не радит о такой молитве, тот предан будет искушениям и страстям.

32) Написано, что вино веселит сердце человека (Пс. 103, 15). Но ты, давший обет плакать и рыдать, отклони от себя такое веселье, — и будешь обрадован дарами духовными. Увеселяясь же вином, будешь проводить жизнь в сожительстве с срамными помыслами, и много переиспытаешь печалей.

33) Праздники проводи не в винопитиях, но в обновлении ума и душевной чистоте. Наполняя же чрево яствами и винопитиями, прогневишь паче того, кому посвящается празднество.

34) Бодрствовать в псалмопениях, молитвах и чтениях, повелено нам и всегда, но тем паче в праздники. Бодрствующий монах утончает ум свой для душеполезных созерцаний, а многоспание одебелевает ум. Но смотри, не вдавайся во время бдения в пустыя воспоминания и в помыслы греховные: ибо лучше спать, чем бодрствовать ради таких суетностей и осквернений себя не подобающими занятиями.

35) Питающий змею в лоне своем и лукавый помысл в сердце, оба умерщвлены будут: тот в теле поражен будучи ядовитым жалом, а этот, в душу вложив смертоносный яд (помысла). Но как поспешно побиваем мы порождения ехидн, так и помыслам злым не дадим поражаться в сердце,

чтоб потом не страдать от них горько.

36) Душа чистая, — сосуд избранный, справедливо может быть названа еще и вертоградом заключенным, источником запечатленным (Пес. Пес. 4, 12) и престолом чувств (Прит. 12, 23). Но душа, оскверненная нечистыми страстями, преисполнена смрадом зловония греховного.

37) Слышал я от опытных и деятельных старцев, что помыслы греховные в душе рождаются от щеголеватости в одеждах, пресыщения чрева и вредных бесед.

38) Похотение имений да неводворяется в душах подвижников. Многогостяжательный монах — корабль с течью, взбрасываемый волнами многозаботливости, и погружаемый в глубину печали. Болезнь любоимания многих страстей бывает родителницею и справедливо названа корнем всех зол (1 Тим. 6, 10).

39) Нестыжателность и молчание—сокровище, сокрытое на поле монашеского жительства. Поди же продай все, что есть у тебя и раздай бедным, и этим купишь поле то, которое покопав и обретши сокровище, блюди его в себе тщательно от похищения, чтоб обогатиться богатством некрадомым.

40) Начав жить вместе с духовным отцом и возчувствовав пользу от него, не допускай, чтоб кто либо отдалил тебя от любви к нему и от сожителства с ним; не осуждай его ни в чем; не говори о нем худо, хотя будешь им обличаем и даже бием; уха своего не открывай, когда кто другой станет злословить его; и отнюдь не сдружайся с тем, кто поносит его, чтоб не прогневался на тебя Господь и не изгладил тебя из книги живых.

41) Подвиг послушания утверждается на отречении от себя и от всего, как мы извели. Проходящий его да оградит себя тремя оплотами: верою, надеждою и любовью всечестною и Божественною, чтобы ими будучи огражден, успешно мог подвигом добрым подвизаться, и получить венец правды.

42) Не будь судьей дел отца твоего, но исполнителем заповедей его. Демоны, как обычно им, начнут указывать тебе на недостатки его, чтоб оглушить уши твои для уроков его, и тебя чрез то или сделать немощным и страшливым воином на брани, или одними помыслами неверия расслабить тебя и разленишь ко всякому виду добродетели.

43) Неслушающий отеческих заповедей, оказывается преступником наилучших пунктов обета своего. Кто же внедрил в себя послушание, и волю свою отсекает мечем послушания, тот исполнил подобающее ему, что при многих свидетелях обещал он Христу Господу.

44) Наблюдая над иноками, видели мы ясно и затвердили, что на подвизающихся в послушании отцам сильно злобствуют враги нашей жизни, бесы, скрежеща на них зубами своими и всякия против них злоумышляя козни. И чего они не делают, чего не внушают, чтоб отторгнуть их от отеческих недр? Выставляют предлоги к непослушанию, будто благословные, устрояют неудовольствия, возбуждают неприязнь к отцу, его наставления представляют обличениями, а обличения, как стрелы изощренные вонзают в сердце. И для чего ты, говорят они, будучи свободным сделался рабом, и рабом безсердечного деспота? Доколе будешь ты тереть лямку рабства, не видя света свободы? — После сего внушают: лучше бы тебе заняться странно—приимством, ходить за больными, пещись о бедных. Потом расхваливают подвиг совершенного уединения и безмолвия; и всякого рода злые плевелы насевают в сердце подвижника благочестия, только бы извергнуть его из духовной ограды отеческой и, извлекиши из благоотышной пристани, отбросить в неистовствующее душетленную бурю море. Если наконец успеют в этом, то забрав его в свою власть, как пленника заставляют его действовать по их злым хотениям.

45) Не выпускай же из памяти этой злокозненности врагов и противоборцев твоих, находясь в послушании отца своего духовного и не забывай обетов звания твоего пред Богом: ни руганиями не будь побеждаем, ни обличений и поношений, или насмешек не бойся, ни прилогами греховных помыслов не увлекайся, ни отческой строгости не бегай, ни дерзким самоугодием и самоволием не безчести благаго ига смирения; но в сердце вложив Господнее слово, что претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22). С терпением теки на предлежащий тебе подвиг, взирая на Начальника веры и совершителя Иисуса (Евр. 12, 1. 2).

46) Золотарь, влагая в горнило золото, делает его чистейшим, и новоначальный монах, предающий себя подвигам подчинения воле отцев, и всеми прискорбностями жизни по Богу жегомый, с трудом же и терпением великим изучающий послушание, выплавив из себя все недобрые нравы, преисполняется смирением, весь светлым соделывается, и достойным небесных сокровищ, бескорбной жизни и блаженного пребывания, откуда отбежали печаль и воздыхание и где насаждены непрестанная радость и веселие.

47) Вера правая и глубоко внедренная раждает страх Божий; страх же Божий научает нас соблюдению заповедей: ибо, говорит, где страх, там соблюдение заповедей; в соблюдении же заповедей состоит деятельная добродетель, которая есть начало созерцания; плод же всего сего — безстрастие; чрез безстрастие же водворяется в нас любовь; а о любви говорит возлюбленный ученик: Бог любви есть, и пребывая в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает (1 Ин. 4. 16).

48) Как прекрасна воистину, и добра жизнь монашеская! Как прекрасна она воистину и добра, когда течет в пределах и по законам, какие положили для нея начало вожди и предводители ея, Духом Святым наученные. Ибо воину Христову надлежит быть безвещну (ничего не имущу), неозабочиваему никакими замыслами и делами мирскими, как говорит Апостол: никтоже, воин бывая, обязуется куплями житийскими, да воеводе, угодне будет (2 Тим. 2. 4).

49) Подобае убо монаху быть безвещну, безстрастну, чужду всякаго греховнаго похотения, не сладкоястливу, не винопийце, не мешкотну, не лениву, не сребролюбиву, не сластолюбиву, не славолюбиву: ибо если кто от всего такого не отрешится, то он не может исправно вести эту ангельскую жизнь; для тех же, кои так именно поступают, она есть иго благое и бремя легкое, так как, в таком случае, Божественная надежда все делает для них легким. Приятна жизнь сия, усладительны дела ея, блага часть ея, которая не отимется от стяжавшей ее души.

50) Отрекшись от житейских забот, и восприяв иноческий подвиг, не возжелай богатства для раздаяния бедным: ибо и это есть одно из прельщений лукаваго, ведущее к тщеславию, чтоб ввергать ум в многоделие хлопотливое. Пусть только хлеб имеешь ты и воду, и ими одними можешь стяжать мзду странноприимства. Пусть даже и их не имея, с одним благим расположением примешь странника и дашь ему слово утешения, и таким образом можешь заслужить мзду странноприимства. Имеешь пример сему в бедной вдове, о которой Господь засвидетельствовал в Евангелии, что она своими двумя лептами, в силу благаго произволения своего, превзошла подаяния богатых.

51) Это сказано тем, кои живут в безмолвии. Находящиеся же в послушании отца, одно да имеют в уме, ни в чем не отступать от заповеди отца; ибо исполняя это, как следует, они исполняют все, требуемое от них; как наоборот, отступающие от точнаго исполнения этого долга, останутся неискусными во всяком виде добродетели и духовнаго жительствова.

52) Вот и еще совет мой тебе, Христоролюбче: возлюби странничество, т. е. будь как странник, чуждый

для событий своей страны; не увлекайся заботами родительскими и любвами родственными; бегай бевания в городе и с терпением сиди неисходно в пустыни, говоря с Пророком: се удалихся бегая и водворихся в пустыни (Пс. 54, 8).

53) Ищи мест уединенных и удаленных от мира, и хотя будет утеснять тебя там скудость необходимых потреб, не бойся; если и враги окружают тебя, как пчелы или злыя осы, всякаго рода воздвига на тебя брани, и всячески возмущая тебя помыслами, не утешайся, не приклоняй к ним послушливаго уха, и не убегай с поприща состязания, но паче мужественно перетерпевай все, припевая себе и говоря: терпя потерпех Господа, и вняте ми, и услыша молитву мою (Пс. 39, 2). И узришь величия Божия, Божие заступление, попечение и всякое спасительное о тебе промышление.

54) Друзьями должно тебе иметь такая лица, которая были бы назидательны для тебя и сходились с тобою в образе жизни; ибо говорит Писание, мужи мирные да будут други тебе, братия духовные, отцы святые, о коих и Господь наш сказал: мати моя и братья мои те суть, кои творят волю Отца, Моего, Который на небесах (Мф. 12, 49).

55) Не будь пристрастен к разнообразным и дорогим яствам и не питайся ими пространно; ибо питающаяся пространно, говорит Писание, жива умерла (1 Тим. 5, 6). Да и не дорогими яствами, если можно. избегай насыщения. Ибо написано: не прельщайся насыщением чрева (Прит. 24, 15).

56) Часто бывать вне келлии не позволяй себе, если ты избрал себе безмолвное житие; потому что это очень вредно, — отъемлет благодать, омрачает мысли, ослабляет ревность. Почему и сказано: парение похоти пременяет ум незлобив (Прем. Сол. 4, 13). Пресеки же сношения с внешними, чтоб ум твой не сделался парительным и не возмущал порядков безмолвия твоего.

57) Сидя в келлии не совершай деланий своих бессмысленно, и времени не иждивай в праздности: ибо безцельно, говорят, путешествующий — все протрудится. Но стяжи себе благое делание, собери ум свой. пред очами имей всегда последний час смертный, помни о суетности мирской, как она обольстительна, и вместе как не тверда, и ничтожна, помышляй об обстоятельствах страшнаго на суде испытания, как наши горькие обличители будут видимо представлять тогда наши деда, слова и помышления, которая они влагали, а мы принимали, приводи себе на мысль и адския мучилища, и то, как в них заключены будут души, представляй также великий оный и страшный день, — разумею, день общаго воскресения, предстания пред Богом, и окончательнаго определения Судии неложнаго, воображай имеющие объять грешных мучения, стыд и обличение совести, и то, как будут они отвержены Богом и ввержены в огонь вечный, к червю неусыпающему, во тьму непроницаемую, где плач и скрежет зубовъ, обозревая же все другия мучилища, не переставай, стена, обливать слезами лице свое, одеяние свое и место, на котором сидишь. Такими помышлениями, как я видал, многие стяжевали себе обилие слез, и дивно очищали все силы души своей.

58) Помышляй также о благах отложенных праведным, поставление их одесную Христа, благословенными их нарицающий глас Владыки — Господа, наследие Царства Небеснаго, превышающие ум дары им, свет оный сладчайший, радость, конца не имеющую, и никакую печалию не пресекаемую, обители оныя небесныя, сожителство Ангелов, и все другое обетованное боящимся Господа.

59) Такая помышления да пребывают с тобою за столом, да сопровождают тебя ко сну и да встают с тобою. Смотри, никогда не забывай их, но где бы ты ни был, не отводи ума своего от памятования о них, чтоб худые помыслы бежали от тебя, Божественныя же утешения преисполняли душу твою.

Душа, не будучи ограждена и вооружена сими помышлениями, не может исправно держать безмолвие: ибо источник, воды не содержащий, напрасно носит это имя.

60) И вот какой образ жития законоположено вести безмолвствующим: пост, сколько сил достанет, бдение, спание на голой земле, и всякия другия произвольныя лишения, ради будущего упокоения; ибо как говорит Писание, недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе, явитися нам (Рим. 8, 18); особенно же молитва чистая, непрестанная и непрерывная: она есть стена крепкая, пристанище благоотитное, добродетелей охрана, страстей истребление, души благоустроение, ума очищение, страждущим упокоение, плачущим утешение; молитва есть беседа с Богом, созерцание вещей невидимых, и тех, кои вожделевают их удостоверение в истине их, соображение с Ангелами, преуспеяние в добром, подтверждение уповаемого. Сию царицу добродетелей восприими, подвижниче, и всеми силами удержать в себе старайся, молись день и ночь, в благонастроении и разстройстве, молись со страхом и трепетом, бодренным и трезвенным умом, чтоб благоприятна была Господу молитва твоя: ибо Писание говорит: очи Господни на праведныя и уши Его в молитву их (Пс. 33, 15).

61) Некиим из древних очень верно и с делом сообразно сказано, что из противоборствующих нам демонов первыми вступают в брань те, коим вверены чревоугодливыя желания, кои внушают сребролюбие и склоняют к тщеславию; другие же все, идя позади их, забирают пораненных ими.

62) И воистину, присматриваясь узнали мы, что не бывает, чтоб человек впал в грех какой, или в какую либо страсть, если прежде не уязвлен он чем нибудь из сих трех. Почему на эти три помысла наводил тогда диавол и Спасителя; но Господь, явясь недоступным для них, велел диаволу удалиться назад Себя, даровав и нам победу над ним, как благий и Человеколюбивый Владыка, облекшийся в подобное нам во всем тело, кроме греха, и показавший нам неложный путь к несогрешанию, по коему идя, мы созидаем в себе новаго человека, обновляемого по образу создавшего его (Кол. 3, 10).

63) Совершенною ненавистию ненавидеть бесов, как врагов нашего спасения, Давидское научает нас слово. И это очень пригодно в деле преуспеяния в добродетелях. Но кто же будет этот, совершенною ненавистию ненавидящий врагов спасения? Тот, кто не грешит не только делом, но и мыслию. Коль же скоро сосуды любления их, т. е. причины страстей будут в нас, то как установиться в нас ненависти к ним? Ибо сластолюбивое сердце безсильно питать в себе ненависть к ним.

64) Брачное одеяние есть безстрастие разумной души, отделившейся от мирских сладостей, отрешившейся от всех непотребных похотей, и всецело посвящающей себя Боголюбивым помышлениям и чистейшим созерцаниям. Коль же скоро она поблажает страстям безчестия и в них закосневает, то совлекается сей одежды целомудрия и облекается в рванья и оскверненныя рубища, как и в Евангелиях, показывается, что связанный оный по рукам и ногам и брошенный во тьму кромешную (Мф. 22, 13), имел из таких помыслов и деяний сотканное одеяние, которое Словом Господним сочтено недостойным Божественнаго и нетленнаго чертога брачнаго.

65) О самолюбии, всех ненавидящем, верно сказал некто из премудрых: лютая брань самолюбия, как тиран некий, стоит во главе всех помыслов, коими три оные и пять восхищают ум наш.

66) Дивно будет, если кто насыщаясь всегда вдоволь яствами, возможет стяжать безстрастие. Безстрастием же я называю не удаление от греха делом: ибо это есть воздержание; но то, если кто пресек совершенно исхождение из сердца самых помышлений страстных, — что называется и чистотою сердца.

67) Удобнее очистить душу нечистую, нежели очистившуюся и снова уязвившуюся ранами страстей, опять возвесть к здравью: ибо только что отрешившимся от мирских уз, в какие бы грехи ни случилось им впадать, доступнее достижение безстрастия; а тем, которые вкусили добрых глаголов Божиих (Евр. 6. 5) и текли уже путем спасения, и потом опять уклонились к греху, доступ к безстрастию загражден едва преодолимыми препонами. Это по причине установившагося греховного навыка и укоренившейся склонности к греху, не меньше же и от того, что тогда бес привычного греха, вертясь пред очами ума, непрестанно приподносит ему образы сего греха. Впрочем душа ревностная и трудолюбивая и это труднейшее дело удобно исполнит, содействием благодати Божией, человеколюбно долготерпеливой к нам, к покаянию нас призывающей и возвращающихся с неизреченными утробами щедрот приемлющей, как научаемся мы в Евангелиях притчею о блудном сыне.

68) Никто из нас собственными силами не может избежать обходов и козней лукаваго, но только непобедимую силою Христовою. Потому опасно заблуждаются, мечтающие совершаемыми ими подвигами и силою воли своей упразднить грех, упраздняемый одною благодатию Божиею. Чего ради светило церкви, Иоанн Златоуст говорит, что недостаточно одного усилия человеческого, если не получится и помощь свыше; и опять, никакой не будет пользы от помощи свыше, если не будет собственного усилия. То и другое показывают на себе Иуда и Петр: тот, столь много прияв от благодати, не получил от того никакой пользы, потому что не приложил своего хотения и не привнес своего усилия; а Петр, хотя и ревностную изъявил готовность, но как не получил помощи свыше, пал. И так очевидно, что из того и другаго соплетается добродетель. Посему прошу, как, все возложив на Бога, и самим не спать, так и ревностию ревнуя, не думать все исправить собственными усилиями.

69) Бог ни ничего не делающими нас видеть не хочет, почему не все Сам содевает, — ни опять не хочет, чтоб мы много о себе думали, почему не все предал нашей воле и нашим усилиям; но с той и другой стороны отъемля вредное, оставил полезное. Добре и Псалмопевец научает нас, говоря: аще не Господь созиждет град, всуе трудишася зиждущии (Пс. 126, 1). Невозможно также наступить на аспида и василиска и попать льва и змия (Пс. 90, 13), если кто прежде очистив себя сколько доступно то для сил человеческих, не получит на это сил от Рекшаго Апостолам: се даю вам власть наступа/ти на змию и скорпию и на всю силу вражю (Лк. 10, 19). Почему и повелено нам в молитве умолять Отца Небеснаго: не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго (Мф. 6, 13). Ибо если мы силою и помощью Христовою не избавимся от разжженных стрел лукаваго и не сподобимся улучшить безстрастия; то тщетно трудимся, чая собственными силами, или рвением, исправить что диво подобающее. Итак желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, и сделаться причатным Божественной славы, должен со слезами и воздыханиями, с ненасытимым желанием и пламенною душою, ночь и день Божией искать помощи и Божественнаго заступления. Желающий же получить таковыя, должен соделать душу свою чистою от всякаго сладострастия мирскаго и от всех страстей и похотей. Ибо о таких именно душах говорит Бог: вселюся в них и похожду (2 Кор. 6, 16), и Господь говорил ученикам: любяй Мя, заповеди Моя соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и к Нему приидем и обитель у Него сотворим (Ин. 14, 23).

70) Весьма разумное и благоприятное слово изрек некто из древних относительно помыслов, говоря: истязуй помыслы на пороге сердца (при входе в него), наши ли они, или от сопротивных; и родные

нам и благие вводи во внутреннейшее хранилище души и храни их там, как в некрадомой сокровищнице, а противнические бичами разумного разсуждения помучив, тотчас изгоняй, не давая им покоища и места даже в окрестностях души своей, или лучше совсем избивай их мечем молитвы и Божественнейшаго поучения, чтобы от такого истребления татей страх напал и на самого начальника их. Ведай, что кто так тщательно истязует помыслы, тот бывает истинным ревнителем и об исполнении запо

71) Усиливающийся отсечь борющиеся его и смущающие помыслы и движения, пусть побольше ополчит своинников и споборников и приблизит их к себе на совместное противоборство, — таковы — смирение душевное, труд телесный и всякое другое подвижническое самоумерщвление, и особенно молитва из сокрушеннаго сердца со множеством слез, как поет Давид: виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя (Пс. 24, 18) и: слез моих не премолчи Господи (Пс. 38, 13), еще: быша слезы моя мне, хлеб день и ночь (Пс. 41, 4). Опять: питие мое с плачем растворях (Пс. 101, 10).

72) Соперник нашей жизни диавол разными помыслами умаляет грехи наши и часто покрывает их забвением, чтоб мы послабили себе в трудах и не думали более оплакивать свои падения. Мы же, братие, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы казалось, оне прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем, чтобы, стяжав себе, яко добрую сожительницу, смирение, избежать нам сетей тщеславия и гордости.

73) Никто не думай своими силами понести труды и преуспеть в добродетели: ибо виновник всего добраго для нас есть Бог, как всего худаго — оболститель душ наших — диавол. Почему когда сделаешь что доброе, приноси благодарение виновнику его; и когда стужает тебе что худое, относись то к начальнику таких вещей.

74) Сочетавший с ведением соответственную деятельность есть похвальный возделыватель духовный, из двух приятнейших источников напаяющий ниву душевную. При сем ведение окрыляет ум созерцанием наилучшаго, а соответственная ему деятельность умерщвляет уды, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую (Кол. 3, 5). Когда же эти умертвятся, тогда распускаются прекрасные цветы добродетелей, приносящие обильные плоды духовные — любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22, 23).

Тогда наконец целомудрый сей делатель, распеньши плоть со страстями и похотьми, речет с Богоносным проповедником: живу не ктому аз, но живет во мне Христос, а еже ныне живу во плоти, верую, живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшо Себе по мне (Гал. 2, 20).

75) И вот еще что да неутаится от тебя, Христолюбче, что одна страсть, нашедши в тебе себе место и укоренившись до навыка, в тот же дом приводит и прочия страсти: ибо хотя страсти соперничают одна против другой, равно как и виновники их, бесы, но погибели нашей все согласно ищут.

76) Цвет плоти заставляющий увянуть подвигами и всякую волю ея отсекающий, — вот кто язвы Христа Господа носит на мертвенной плоти своей (Гал. 6, 17).

77) Подвижнических трудов конец — покой безстрастия, — а разнообразных утешений плоти—страсти безчестия.

78) Не позволяй себе делом стоящим считать многолетие твоей монашеской жизни, и не будь уловлен самовосхвалением из-за долгаго пребывания в пустыне и терпеливаго подъятия там жестоких подвитов, но Господнее слово держи в уме, что ты все еще раб неключимый, и все еще не

исполнил заповеди Владыки своего. И в самом деле, пока находимся мы в настоящей жизни, — дотоле состоим невозванными из изгнания, но еще сидим на реках вавилонских, еще страждем под гнетом плинфоделия египетского, еще не увидели земли обетованной: так как не совлеклись еще ветхаго человека, тлеющего в похотях прелестных, еще не облеклись в образ небеснаго, еще носим образ перстнаго. Итак нет нам дороги к самопохвальбе, но плакать долженствуем мы, моляся к Могущему спасти нас от рабства горькаго Фараона, изторгнуть из лютаго тиранства его, и ввести в благую землю обетования, да обретем наконец покой во Святилище Божиим, удостоясь поставленными быт ьодесную величества Вышняго. Благ же сих, паче ума великих, сподобится мы можемне от дел, которыя успеем наделать в правде, но по безмерной милости Божией. Не перестанем же проливать слезы день и ночь, подражая рекшему: утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7). Ибо сеющи слезами, радостию пожнут (Пс. 125, 5).

79) Далеко отгони от себя многоречиваго духа, потому что в нем кроются всезлобныя страсти: от него ложь, от него дерзость, от него смехотворство, срамословие, буесловие и многое другое; так что по нем верно оправдывается сказанное от многословия не избежиши греха (Прит. 10, 19). — Муж же молчаливый престол чувства (Прит. 12, 23). Но и Господь сказал, что мы должны будем дать ответ за всякое праздное слово (Мф. 12, 36).

80) Тем, которые злословят и укоряют нас, или другим каким образом нападают на нас, не тем же отвечат получили мы заловедь, т. е. не противозлословить, и не противоукорять, а напротив добрыя о них говорить речи и благословлять их. Ибо когда мы мирствуем с людьми не мирными, тогда в брани, или битве, состоим с демонами; когда же с братьями состоим в неприязни и брани, тогда мирствуем с демонами, — которых научены мы совершенно ненавидеть ненавистию, и непрерывную вести с ними брань.

81) Избегай словом лукавым претыкание полагать ближнему, чтоб самому не быть преткнута от вселукаваго диавола. Ибо слушай, что вопиет Пророк: мужа кровей и льстива гнушается Господь (Пс. 5, 7) и еще: потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый (Пс. 11, 4). Равным образом избегай и осуждать брата при падении его, чтоб не отпасть от благодати и любви. Ибо кто благодати и любви к брату не имеет, тот не познал Бога; ибо Бог есть любовь, как взывает Иоанн, сын громов и возлюбленный ученик Христов (1 Ин. 4, 8). — Если Христос и Спаситель всех душу Свою положил за нас, то и мы должны полагать души за братий (1 Ин. 3, 16).

82) Любовь справедливо названа материю добродетелей, главою закона и пророков. Подыдем же всякий труд, пока уллучим преподобную любовь, и чрез нее исторгнемся из тиранства страстей, и на небеса взыдем, возносясь на крыльях добродетелей, и Бога узрим, сколько это доступно для человеческого естества.

83) Если Бог любовь есть, то имеющий любовь, Бога имеет в себе. Когда же ея нет, то нет нам совершенно никакой пользы и совсем невозможно говорит, что мы любим Бога. Ибо Св. Иоанн говорит: аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть (1 Ин. 4, 20), и опять: Бога никтоже виде, нигдеже: аще друг друга любим, Бог в нас пребывает, и любви Его совершенна есть в нас (1 Ин. 4, 12): отсюда явно, что любовь есть благо высшее всех благ, указанных в Писании святом; — и нет ни одного вида добродетели человека с Богом соводворяющей и сочетавающей, которая не была бы связана с любовию и от нея не исходила, неизреченно некако ею бывая обемлема

и охраняема.

84) Принимая приходящих к нам братьев, — не будем отягощаться тем, или почитать то пресечением безмолвия, чтоб не нарушить устава любви, не будем также приглашать их, как добро им делающие, но паче как сами от них приемлющие добре, и странноприимем их, как обязанные им, с мольбою и лицом радостным, как показал нам пример Патриарх Авраам, Почему и Богослов учит говоря: чадца моя, не любим словом, ниже языком, но делом и истиною; и о сем разумею, яко от истины есьмы (1 Ин. 3, 18. 19).

85) Патриарх, избрав в постоянное себе делание странноприимство, сидел пред своею скиниею и приглашал мимоходящих, всем потом без различия, нечестивым и варварам, предлагая трапезу, нераздумывая. Почему, сподобился и дивнаго онаго сотрапезования, странноприяв Ангелов, и всех Владыку. Будем и мы прилежат странноприимству со всем усердием и готовностью, чтоб принять не только Ангелов, но и Самаго Бога. Ибо Господь говорит: понеже сотвористе единому сих братьев моих меньших, Мне, сотвористе (Мф. 25. 40). Всем хорошо благодетельствовать, но наипаче тем, кои не имеют чем воздать (Лк. 14, 14).

86) Кого сердце не зазрит в нарушении заповеди Божией, или в нерадении, или в принятии вражеской мысли, тот чист сердцем и достоин услышать: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8).

87) Постараемся достигнуть того, чтоб разумно управлять чувствами, особенно зрением, слухом и языком, поставляя себе законом ничего ни видеть, ни слышать, ни говорить страстно, а все для пользы нашей душевной. Ибо ничто так не поползновенно на грех, как эти органы, когда они не управляются разумом; и напротив ничто паче их не благоприятно делу спасения, когда ими правит разум, держит их в строе и ведет, куда должно, и куда хочет. Ибо когда они безчинствуют, тогда и обоняние изнеживается, — и осязание с неистовством простирается на недолжное, и безчисленное множество страстей привходит; когда же они разумом держатся в своем чине, тогда повсюду в нас проявляются великий мир и невозмутимая тишина.

88) Как драгоценное миро, хотя заключено бывает в сосуде, но намастив благоуханием воздух жилища, не только близко к нему, но и вдали от него стоящих исполняет приятным ощущением: так и благоухание добродетельной и Боголюбивой души, всеми чувствами телесными будучи издаваемо, всем видящим сие показывает внутрь сокрытую добродетель. Ибо кто видя, что язык не произносит ничего неуместнаго и неблагопристойнаго, а все такое, что полезно для слышащих, что глаза смотрят скромно, слух не принимает никаких неподобающих мелодий и речений, ноги ступают благообразно, лице неискажается смехом, а скорее указывает на готовые излития слезы и плачь. — Кто видя все сие, не познает, какое обильное благоухание добродетелей заложено внутри. Почему и Спаситель говорит: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша, и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех (Мф. 5, 16).

89) Который путь Христос и Бог наш в Евангелии наименовал тесным и прискорбным, тот потом назвал игом благим и бременем легким (Мф. 7, 13. 14; 11, 30). Как же то и другое, кажущееся противоположным, видится в одном и том же? — Так: по свойству своему путь сей жесток и труден; а по произволению совершающих его и по надеждам благим, он вожделенен, возлюбленн, и сладостен паче, нежели скорбен для душ добролюбивых. Вот почему ты и видишь, что избравшие сей путь тесный и прискорбный, с большею готовностью идут по нему, чем по пространному и

широкому. Послушай что говорит блаженный Лука об Апостолах, как они, после биения бичами, возвратились от лица собора радуясь (Деян. 5, 40. 41). Но ведь не таково свойство бичей, не сладость и радость, а скорбь и болезнь причиняют они. Если же бичи сладостны были Христа ради, что дивнаго, если Его ради и другие виды злостраданий и озлоблений плоти таковыми же бывают?

90) Мучимые и в плену держимые страстями, нередко в недоумении вопрошаем мы в себе самих, от чего претерпеваем мы это? — Ведать надлежит, что такие пленения бывают с нами, по причине отступления нашего от созерцания Бога. Если же кто прилепится умом своим к Богу нашему и Владыке, то, — верен Бог, — Сам Спаситель всех избавит такую душу от всякаго пленения, как говорит Пророк: презрих Господа предо Мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. 15, 8). Что же сладостнее, как иметь всегда одесную себя Господа, покрывающаго, ограждающаго, и не дающаго подвигнуться? Но сподобиться сего от нас зависит.

91) Добре и безспорно верно сказали отцы, что не найдет человек покоя иначе, как стяжав и утвердив в себе такое внутреннейшее расположение, что в мире только и есть, что Бог, да он, отнюдь ни к чему необращаясь умом своим, но Его единого вождевая, и к Нему единому прилепленным пребывая. Такой воистину найдет покой и свободу от тиранства страстей. Прильеп, говорит Псалмопевец, душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя (Пс. 62, 9).

92) Самолюбие, сластолюбие, и славолубие изгоняют из души память Божию; когда же пресекается память Божия, тогда поселяется в нас мятеж страстей.

93) Самолюбие бывает родительницею неисчетных страстей. Почему, когда кто исторгнет из сердца своего самолюбие; тогда легко возмет силу и над другими страстями, при содействии Господа. Ибо из него обыкновенно рождаются гнев, печаль, злопамятство, сластолюбие и необузданная дерзость; и побежденный им неизбежно побеждается и прочими страстями. Самолюбием же называем мы страстное расположение и любовь к телу с исполнением плотских пожеланий.

94) Кто что любит, тот с тем непрестанно и быть желает, и отвращается от всего, что препятствует соводворяться и соображаться с любимым предметом. Явно потому, что и Бога любящий вождевает всегда с Ним пребывать и беседовать. Достигается же сие нами чистою молитвою. Об ней и следует нам пещись, сколько сил есть; ибо она присвоет нас Владыке нашему. Таков был тот, кто изрек: Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю, возжада Тебе душа моя (Пс. 62, 2). Ибо утреннует к Богу тот, кто удалив ум свой от всего худаго, непрерывно уязвленным бывает Божественною любовью.

95) От воздержания и смирения, как научились мы, рождается безстрастие; а от веры ведение; чрез них же душа преуспевает в разсудительности и любви. Божественную же в недра свои вселившие любовь, на крыльях чистой молитвы, непрестанно востекают на самую высоту ея, дондеже достигнут в познание Сына Божия, в мужа совершенна, в миру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13).

96) Деятельною добродетелию порабощается похоть и обуздывается гнев; а ведением и созерцанием окрыляется ум, и вознесшись над всем вещественным, к Богу преселяется, и истинное в Нем улучшает блаженство.

97) Первый наш подвиг — умалить страсти и по силе победить их; а второй подвиг — стяжать добродетели и не оставлять души своей пустою и недейтельною; третий же — трезвенно блюсти плоды наших добродетелей и трудов: ибо нам заповедано не только делати трудолюбно, но и хранити бодренно.

98) Да будут чресла ваша препоясана и светильницы горяща, говорит Господь (Лк. 12, 35). Доброе препоясание чресл наших, посредством которого мы делаемся хорошо приспособленными и легкими на делание, есть воздержание со смирением сердца; под воздержанием же я разумею отсечение всех страстей. А духовнаго светильника световодитель есть чистая молитва и совершенная любовь. Сим образом благонастроенные во истину подобни суть человекам, чающим Господа своего, которые, когда придет Он и постучит, тотчас отворят Ему, и Он пришедши со Отцем и Овятым Духом, обитель у них сотворит. И блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет творящих тако (Лк. 12, 36. 37).

99) Должно монаху, как сыну от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу, благоговеинствовать пред Ним и повиноваться Ему, и со страхом и трепетом заповеди Его исполнять: духом гореть, во всеоружие Духа Святаго облечену быть, на уповании получения жизни вечной упокоеватся, все заповеданное неопустительно творить, трезвенствовать, блюсти сердце свое от помыслов худых, в помышлениях благих непрестанно совершать святое Богомыслие, каждодневно суд над собою производить относительно домыслов и дел, недостающее восполнять, а соделанным невозноситься, называя себя рабом неключимым, должника неисполнившим, как следует, о всем Бога всесвятаго благодарить и Ему восписывать все исправное в жизни своей, ничего совершенно не делать по тщеславию, или человекоугодию, но все тайно делать от единого Бога чая похвалы; прежде же всего и паче всего в душе своей ограждену быт православною верою во все догматы вселенской церкви, преданных ей от Апостолов Богопроповедников и от Святых Отцев: ибо тем, которые так жительствуют, воздаяние велико — жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая, у Отца и Сына и Святаго Духа, единосущнаго и Триипостаснаго Бога.

100) Конец слова, все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни, яко сие всяк человек, говорит Екклесиаст (—12, 20). Я, говорит, тебе в кратких словах показываю, в чем состоит путь Божий: бойся Бога, и заповеди Его храни. Страх же разумеется здесь невводный, страх мучений, но совершенный и совершенство созидающий, который обязаны мы иметь по любви к Давшему заповеди. Ибо если мы из страха наказания не делаем грехов, явно, что еслиб не предлежало подвергнуться этим ужасам, то мы, имея грехолюбивое расположение, конечно делали бы их, неостанавливаясь. Если же не по страху наказания, но по отвращению к самым грехам воздерживаемся от них, то действуем по любви к Владыке своему, боясь прогневать Его. Когда боимся, чтоб не опустить чего из заповеданнаго; то такой страх чист, потому что бывает из—за самого добра; и он очищает души наши, равносителен сущи совершенной любви. Имеющий сей страх и по нему заповеди соблюдающий, — се всяк человек, т. е. человек настоящий, как следует быть ему.

Сие ведая, будем таким страхом бояться Бога и заповеди Его блюсти, да будем совершенни и всецели, и ни в чем же лишени из добродетелей (Иак. 1. 4), имея мудрование смиренное и сердце сокрушенное, и непрестанно вознося к Господу молитву Божественнаго Арсения великаго: «Боже мой! не остави мене; ничего не сделал я пред Тобою добраго, но дай мне по благодати Твоей положить тому начало». Ибо все спасение наше в благоутробии и человеколюбии Бога. Ему слава и держава и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОР

Предлежащее умозрительное слово достойно занять место в ряду других аскетических писаний, по мудрому истолкованию внутренних явлений в нашей духовной жизни. и выводу изт, того

подобающих уроков для подвижающихся.

Кто был автор сего слова неизвестно. В заглавии он именуется преподобным Феодором. По кто он был, не видно. Собиратели Греческаго Добротолюбия, видя в сем слове мысли, сходныя с теми, кои содержатся в ста главах св. Феодора Едесскаго, приписали его сему последнему и поместили в след за его ста главами. Но Преосв. Филарет Черниговский пишет (об отцах § 277, нота 10), что св. феодору Едесскому можно приписывать слово сие только гадательно. И действительно само слово не дает на то решительнаго указания.

Почему оставляя на свободу каждому признавать, или не признавать принадлежность сего слова св. Феодору Едесскому, чтение же его почитая полезным для всех, ищущих пользы от чтения, помещаем его по примеру Греческаго Добротолюбия, в след за сто главами св. Феодора Едесскаго.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

Феодора

Слово умозрительное.

- 1) Сколь велик подвиг расторгнуть эти крепкия узы веществолюбия, освободиться от работы ему, и стяжать навык в доброделании! Воистину доблестная и мужественная потребна душа, чтоб отрешится от всего вещественнаго.
- 2) Чего же после сего искать следует, есть не очищение только от страстей: ибо это не есть еще само по себе добродетель, а только приготовление к добродетели; но к очищению недобрых навыков должно приложить и стяжание добродетелей.
- 3) Очищение же души есть: по части мысленной, — пременение и совершенное оставление дольных прелестных нравов, т. е. житейских забот и попечений, худых склонностей и неуместных гаданий, и загадываний; по части вождедельной — не стремиться ни к чему вещественному, и не смотреть на чувство, но быть покорным разуму, по части раздражительной, — ни чем из приключющагося не возмущаться.
- 4) А после такого очищения и истребления всего, делающаго силы наши не чистыми, и благоустроения их, требуется и восхождение к духовным совершенствам и обожение: ибо уклонившемуся от зла надлежит делать благое (Пс. 33, 15). При сем отвергнуться себя должно прежде всего, и таким образом взяв крест, последовать Владыке, для достижения высшаго состояния обожения.
- 5) Какое же это восхождение к совершенству и обожение? По части ума, это — совершеннейшее ведение сущаго и Того, Кто выше всего сущаго, сколько это доступно для человеческого естества; по части вождедельной — всеконечное и непрестанное вождедельное и стремление к первому добру; по части раздражения энергичнейшее и деятельнейшее движение к вождеделенному, непрестающее и неослабное, никакими из встречающихся прискорбностей непресекаемое в своем поступании вперед; но неударимо, и вспять не обращаясь, шествующее.
- 6) Движение души к доброду должно быть столько сильнее движения ея к худому, сколько мысленныя красоты превосходят чувственныя? так что и попечение ея о плоти должно быть допускаемо лишь на столько, сколько это необходимо для удовлетворения ея потребностей и поддержания жизни, чтоб иначе не довести животный организм наш до насильственнаго разстройства. Но это установить для себя легко; в дело же произвести весьма трудно; ибо нельзя без труда искоренить устаревшия привычки души.

- 7) Как обучение какому либо искусству не приобретается без пота: так и к блаженному естеству, — Богу, — напряженное воззрение и простираемое вниманием достигается многими трудами и в долгое время, пока возделательная сила освоится с последствиями такого стремления, и вкусит от плодов его. При этом многое ум наш должен проявлять сопротивление чувственности, влекущей к дольному, от чего брань у нас и борьба с плотью непрекращающаяся до смерти: хотя иногда и кажется она умаляющеюся, вследствие укрощения гнева и похоти, и подклонения чувства под иго обогатившагося опытным ведением и искусством в брани ума.
- 8) Надлежит однакож заметить, что душа непросвещенная, как непользующаяся обыкновенно помощью от Бога, ни очиститься не может подлинно, ни к Божественному вознестись свету как сказано: ибо сказанное должно считать сказанным о верных. К большему же сего уяснению надобно вкратце объяснить, какое различие есть в познаниях наших. Из здешних наземных познаний, одно бывает по естеству, а другое сверх естества. Что есть это второе явно будет из первого.
- 9) Знанием естественным называем мы то, которое душа может получить, чрез исследование и изыскание, естественными пользуясь способами и силами, о творении и Виновнике творения, — разумеется, — сколько это доступно для связанной с веществом души. Ибо энергия ума ослабляется от соприкосновения его и срастворения с телом, и от сего не может он быть в непосредственном прикосновении с мысленными вещами, но имеет нужду для помышления о них в фантазии, которой природа — творить образы протяженные и дебелие. Итак ум, поколику во плоти есть, имеет нужду в соответственных образах вещей, чтобы судить об них и понимать их. Какое теперь познание — ум, таков сущи получит сим естественным способом познание, такое мы называем естественным.
- 10) А сверхестественное знание есть то, которое привходит в ум путем, превышающим его естественные способы и силы, или в котором познаваемое сравнительно превышает ум, связанный с плотью, так что, такое познание очевидно свойственно уму безтелесному. Бывает же оно от единого Бога, когда найдет Он ум очищенным от всякого вещественного пристрастия и объятим Божественною любовью.
- 11) Не одно впрочем знание так разделяется, но и добродетель: ибо иная добродетель такова, что не превышает естества и справедливо называется естественною; иная же воздействуется от первого источника добра, и как превышающая естественныя наши силы и состояние, должна прилично именоваться сверхестественною.
- 12) Объяснив это полагаем, что естественное познание и естественную добродетель может иметь и непросвещенный, сверхестественных же никак. Ибо как бы мог он возиметь их, не причастен сущи действующаго здесь верховнаго Виновника? А просвещенный может иметь их обеи.
- 13) Прибавлю только при сем еще одно различие; сверхестественной добродетели нельзя стяжать, не стяжав прежде добродетели естественной; знание же сверхестественнаго сделаться причастным и без естественнаго ничто не препятствует. Ведать однакож надлежит, что как чувство и фантазию имеют и животные, имеет их и человек, только у него сии силы гораздо лучше и выше: так и в отношении к естественным добродетелям и познаниям бывает, что их оба, и просвещенный и непросвещенный имеют, но у просвещеннаго оне в гораздо лучшем и высшем состоянии находятся, нежели у непросвещеннаго.
- 14) Приложу и еще: — из познаний, называемых естественными, то, которое занимается

добродетелями и противоположными им склонностями, бывает тоже двоякое: одно голое, когда философствующий о таких расположениях, не испытал их на деле, — каковое познание иной раз колеблется сомнениями; а другое деятельное, и как бы сказать, задушевное, когда познание подтверждается испытанием на деле таких расположений, — каковое познание бывает очевидно и верно, никогда не колеблется и не допускает сомнений.

15) Между тем, как сие так бывает, узнаем, что есть четыре вещи, противодействующие уму в стяжании добродетели: первое — предрасположение к противным ей навыкам, которое в силу долговременного навыка влечет склониться на земное; второе, — действие чувства, которое увлекаясь чувственными красотами, вместе с собою увлекает и ум; третье, — ослабление энергии ума, которому подвергается он по причине соплетения своего с телом. Ибо не в таком отношении состоят зрение к зримому, и вообще чувство к чувственному, как ум к мысленному. — Говорю об уме души еще сущей в теле. — Ибо безвещественные умы действительнее соприкасаются с мысленным, нежели зрение с зримым. — Но как когда зрение заволокло — оно не ясно, не точно и паче слиянно отображает в себе формы видимых им вещей: так и ум наш хотя сознает мысленное, однакож не может действительно зреть мысленных красот; а вместе с тем и воздерживать из того ничего он не может, так как мера расположения бывает по мере познания, — и он тотчас опять низвлекается к чувственным красотам, яснее ему представляющимся; ибо он по необходимости устремляется к тому, что является пред ним добром, истинным ли, или не истинным. — Кроме же всего этого еще и (четвертое) — нападения безчеловечных нечистых духов. И сказать нельзя, сколько и каких сетей для уловления душ разставляют они, увы! — всюду по пути многовидно и многообразно, в чувствах, в слове, в уме, во всем можно сказать сущем, — которых никак не избегла бы ни одна душа, еслиб Восприявший на рамо свое заблуждшее овца — тех, которые на Него очи свои устремляют, безмерным попечением Своим не делал высшими их.

16) Во избежание всего сего три следующие потребны нам средства, из коих первое и величайшее есть к Богу очей своих вседушное обращение и от Него руки помощи испрашивание, все упование на Него возлагая, по искреннему убеждению, что если Он не заступится, то неизбежно попадет в плен тех, кои влекут нас к себе. Второе же, которое как я полагаю служит причиною и первого, есть непрестанное ума питание ведением. Под ведением же сим, я разумею ведение всего сущаго, чувственного и мысленнаго, как оно есть само по себе, и какое отношение имеет к первой причине, яко от Нея и для Нея сущее, — и доступное для нас созерцание Виновника всего сущаго, по наведению из того, что от Него. Ибо исследование естества тварей очищает от страстнаго к ним расположения, избавляет от предъциения ими и возводит к началу их, давая, как в зеркале, видеть в прекрасном, чудесном и великом, прекраснейшее, чудеснейшее и величайшее, лучше же сказать то, что выше всякой красоты, чудесности и величия. Вращаясь всегда в таких помышлениях, ум может ли не возжелать сущаго блага? Ибо если он иной раз устремляется к чуждому для него, не тем ли паче устремится к своему? Пленившись же сим душа, к чему из сущаго долу позволит себе прилепиться, когда оно обыкновеня отвлекает ее от Любящаго ее и любимаго ею? Да она даже и жизнь во плоти станет недовольна, как такою, которая полагает ей препоны к стяжанию и вкушению истинных благ. Ибо если ж неясно, как сказано, ум узревает в вещественном мысленную красоту, но мысленныя блага таковы и толики, что и малое отечение из моря оной красоты и слабое лучей ея появление может убедит ум — перелететь чрез все неммысленное, и к тем одним благам

устремиться, отнюдь не попуская себе отступать от сладости оной, хотя бы из за сего случилось подпасть чему либо и горькому. А третье, что должно быть при сем, есть умерщвление супружницы нашей плоти; ибо иначе невозможно ясно и раздельно узреть сказанныя появления небесных оных доброт. Умерщвляется же плоть постом, бдением, санием на голой земле, суровою одеждою необходимою и утомительными трудами. Так умерщвляется или лучше сораспинается Христу, плоть. Сделавшись же таким образом утонченною и очищенною, легкою и благоустроенною, она удобно без сопротивления следует за движеньми ума и вместе с ним возвышается горе. — Без сего же всякое наше старание о том оказывается тщетным.

17) Сия честная троица, когда бывает согласною сама в себе, порождает в душе лик блаженных добродетелей. И невозможно, чтоб в украшенных сею троцею или след греха какого оказался, или не доставало какой либо добродетели. В таких не смущают уже ума ни стяжание, как уже брошенное, ни слава, как уже оплеванная, от которых душа, пока привязана к ним бывает, уязвляется многими страстьми. И как утверждаю, что невозможно воспарить горе душе, приверженной к богатству и славе, так не говорю, чтоб было возможно заботиться о них душе, которая довольно долго подвизалась в сказанных трех духовных деланиях, так что и до навыка в них дошла. Ибо если она при таком настроении, не считает истинным благом ничего, кроме блага Верховнаго, из прочих же благ —лучшим то, которое, как убеждена, более подобно первому; то как может она любить и благоволительно принимать злато и серебро, или другое что из дольних вещей? — Сие же да будет сказано и относительно славы.

18) Даже и эта ненасытнейшая вещь, — разумею, — забота, не делает тогда нападений на разум с противной стороны. — Ибо о чем стал бы заботиться, ни к чему из здешняго не пристрастный, и ничем из того не занимающийся? Облако забот составляется из испарений от главнейших страстей, — сластолюбия, сребролюбия и славолубия: так что свободный от этих, чужд и заботы.

19) У сказанных лиц, — навыкших трем оным духовным деланиям, — нет недостатка и в благоразумии, которое почитается другинею мудрости, и есть наисильнейшее из ведущих горе средств. Ибо в науке добродетелям заключается точное распознаение и блага и того, что противно тому; а для этого требуется благоразумие. Под его же руководством опыт и борение с плотию научают, как наилучше делать добро и противиться злу.

20) И страх присущ им. Ибо по мере того, как увеличивается любовь, возрастает и страх; и колика надежда получить благо, толико страх не получить. И это гораздо более угрызает душу уязвленных любовию, ежели угрозы безчисленными муками; ибо как получить блаженнейше, так не получить окаяннейше.

21) Чтоб по пути нам слово и иным образом предтекло, надобно начать с конца: ибо все бывающее от конца своего получает как различие частей, так и их чинное соотношение. Конец нашей жизни есть блаженство, или, что то же, царство небесное, или царство Божие. А оно само есть не зрение только царственнейшей Троицы, но при этом приятие и Божественнаго привтечения, и как бы восприятие обожения, и сим привтечением восполнение недостающаго в нас и усовершение несовершеннаго. И это—то служит пищею мысленных существ, — это восполнение недостающаго чрез Божественное оное привтечение. Здесь совершается круг некий непрестанный, от того же начинающийся и тем же кончающийся. Ибо чем более кто разумеает, тем более вожделевает, чем более вожделевает, тем более вкушает, чем более вкушает, тем более возбуждается к большему

опять уразумеванию; и тотчас начинает это недвижимое движение, или, пожалуй, недвижимую неподвижность.

22) Итак конец жизни, нашей сколько доступно это нашему постижению таков. Теперь следует рассмотреть, как к нему должно идти. Для разумных душ, - кои суть умные сущности и малым чем отстоят от умов Ангельских, здешняя жизнь есть борение, и жизнь во плоти дана им на подвиг. Воздаяние же за подвиг и борение — - есть сказанное состояние, — дар достойный вместе и Божественной благодати и Божественной правды: правды, — потому что блага оныя достигаются не без собственных трудов и потов; благодати, потому что дар безмерно—превосходит всякий собственный труд, и еще потому, что самое то, чтоб возмочь делать доброе, есть дар Божий.

23) Но в чем же здешний подвиг? — разумная душа сопряжена с животным телом из земли имеющим бытие, и к дольному тяготеющим. Срастворена же она с сим телом так, что из сих двух, — души и тела, — совершенно друг другу противоположных, состоялось одно существо без превращения однакож, или смешения сих частей, — да не будет! — но так, что из сих двух, носящих свойственное им по природе их, состоялось одно лице в двух совершенных естествах. Так двуестественным неким существом состоявшееся сие составное животное — человек проявляет и в действии свойственное каждому в частности естеству. — И телу естественно желать подобного ему—телесного. Такое желание подобного естественно всем существам, так как само существование их обуславливается всуществлением в себя подобного себе. Телу естественно и наслаждаться подобным в чувстве; еще же любезен ему отдых при утомлении. Вот что естественно и желательно животному нашему естеству. — Разумной же душе как естеству умному, естественно и желательно такое же умное, и наслаждение тем свойственным тому образом. Прежде же и паче всего естественно вкоренена в ней любовь к Богу. И она естественно желает наслаждаться им и другими мысленными вещами, но не может этого делать безпрепятственно.

24) Первый человек безпрепятственно мог как чувством чувственное, так умом умное воспринимать и наслаждаться тем. Но ему следовало преимущественно заняту быть не худшим, а лучшим; хотя сам по себе мог он входить в общение и с мысленным чрез ум и с чувственным чрез чувство.

Я не говорю, что Адаму не следовало пользоваться чувством: ибо не напрасно был он обложен телом; но что не следовало ему преимущественно услаждаться чувственным, и ради чувственного; а следовало, усматривая чрез чувственные впечатления красоту тварей, востекать к Виновнику ея, и Им услаждаться с изумлением, сугубая имея причины изумляться Создавшему, а не к чувственному прилепляться и тому дивиться, оставя мысленную красоту Создателя. Так должен был действовать Адам.

25) Но как он худо пользуясь чувством, чувственной стал дивиться красоте, и, увидев плод прекрасным для видения и добрым в снедь, вкусил его, оставив наслаждение мысленными вещами; то праведный Судия, почетши его недостойным созерцания Бога и всего сущаго, — вещей презренных им, изгнал его, положив тму за кров свой и всех не вещественных предметов (Пс. 17, 12). Ибо не должно было нечистому предоставлять святое; но что возлюбил он, наслаждение тем и попустил ему Бог, оставя его жить чувством с малыми следами жизни умной.

26) Вот от чего подвиг к достижению общения с мысленными вещами соделался для нас тягчайшим: ибо не в нашей власти умом наслаждаться мысленным также, как чувством наслаждаемся

чувственным, хотя и великую к тому получаем помощь чрез крещение, будучи им очищаемы и возвышаемы. Впрочем сколько доступно нам, мы все же должны упражняться в мысленном, а не в чувственном; тому дивиться и того желать, из чувственного же ничему не дивиться, и ничем не желать услаждаться самим по себе (как чувственным и в удовлетворение чувственности): ибо по истине она никакого сравнения не может иметь с мысленным. Видим, что как сущность сущности, так и красота красоты бывает удивительнее. Но каковы оне есть, так и относиться к ним должны мы. Возлюбить же срамное паче благолепнейшаго и низкое паче досточестнаго, всякое превосходит безумие? И это еще когда так относятся к тварям, мысленным ли то, или чувственным. Но что сказать, если так относимся и к Тому, Кто выше всего, когда и Ему предпочитаем вещество безобразное и ничтожное?

27) И вот в чем теперь наш подвиг — внимать себе со тщанием, чтобы мысленным всегда наслаждаться, к тому и ум и желание простирая, и отнюдь не позволять себе окраденными быть чувственным, увлекаясь к тому чувством до удивления ему ради его самого. Но если нужно и чувством пользоваться, надлежит пользоваться им для того, чтобы от тварей Творца познавать, в них видя Его, как в водах видим солнце, так как в сущем отображается первый Виновник всего, поколику это вместиимо для него.

28) Таково лежащее на нас дело: но как его исполнить, об этом следует подумать. Ибо как сказано, тело желает наслаждаться свойственными ему вещами посредством чувства, и чем более удовлетворено бывает, тем более желает. А это противно стремлению души. Почему первую заботою души да будет — всем чувствам наложить узду, чтоб не услаждаться чувственным, как сказано. Поелику же тело чем сильнее бывает, тем сильнее стремится к своему; чем же сильнее к сему стремится, тем неудержимее бывает, то душе надлежит усиленно стараться умерщвлять плоть постом, бдениями, стояниями, сном на голой земле, и всякими другими лишениями, чтоб, истощив силы ея, иметь ее смиренною и благопокорливою при своих духовных деяниях: в этом и есть главное, что предлежит ей исполнить. Но как желать сего легко, а исполнять трудно, и много при сем допускается опущений против должнаго, по причине окрадения чувством при всем внимании: то третье благоразумно придумано врачество — молитва и слезы. Молитва благодарит за дарованная блага, и испрашивает отпущение прегрешений и ниспослания сил на дальнейшее преуспеяние; так как без Божественной помощи душа, как сказано уже прежде, ничего не может исправно делать одна. Еще же она доставляет единение с Тем, Кого взыскала душа, и услаждение Им, и желательной силы всецелое к Нему устремление: что наиважнейшее есть дело в достодолжной жизни, — т. е. это склонение воли желать сего сколько возможно сильнее. — И слезы великую имеют силу: умилоствивляют Господа о прегрешениях наших, очищают причиняемое нам чувственною сластию осквернение и окрыляют вожделение горняго.

29) Так вот в чем все дело: главное — созерцание мысленных или духовных благ и всецелое их возжелание; в силу сего поработение плоти, коего части суть: пост, целомудрие и прочее, — все одно для другаго подъемлемое; для сего же, и вместе с сим, молитва. Каждое из сих деланий разлагается на многия части, кои однакож все состоят в связи, так что одно другим требуется, и одно без другаго не бывает.

30) Никто пусть не думает, что славолубие и сребролюбие принадлежат к телесным страстям. Телесная страсть, — одно сластолюбие, которое находит подобающее врачество в умерщвлении

плоти. Сказанные же две страсти суть порождения неведения. Не испытав и не познав истинных благ, мысленных или духовных, душа придумала блага ложные, богатством думая утешиться в оскудении духовными благами; о богатстве печется она вместе с сим и для удовлетворения сластолюбия и славолубия, и для него самого, почитая его неким благом. О чем скажем, что все это есть порождение неведения истинных благ. Славолубие не по причине скудости потреб телесных бывает: ибо им не телесное что либо удовлетворяется; но по причине неиспытания и неведения первого блага и истинной славы.

31) И не славолубия только, но, коротко сказать, и всех зол корнем служит неведение. Ибо невозможно, чтобы тот, кто, как должно, познал природу вещей, и то, откуда каждая из них и какое имеет назначение, забыв потом о своем последнем конце, устремился к земному. Душа не пожелает такого блага, о коем знает наверное, что оно только кажется благом. Пусть даже тирански влечет ее к чему либо привычка, она, в силу точного и ясного познания дела, может победить и самую привычку. Но и когда еще не было привычки она по причине неведения прельщаема была. Так что паче всего, и пораньше надобно стараться приобрести верные о всем сущем познания, и потом в соответствие тому и волю свою окрылить стремлением к Первому Благу. Презреть же все настоящие блага не трудно тому, кто верно познал полную их суетность.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ СВ. АВВА ФИЛИМОН

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ

об АВВЕ ФИЛИМОНЕ.

В какое время жил преподобнейший отец наш Филимон, из богоносных отцов наших трезвеннейший и слезно—сокрушеннейший, достопамятности отеческия не сказали нам. Но что он был муж благоговейнейший, и многоопытный, и любил безмолвие, паче, нежели кто другой из старцев, как точнейший подражатель великаго Арсения, это желающим предлежит увидеть из настоящего слова. Ибо в молитвах и молениях день и ночь терпеливо пребывая в пустынной своей пещерке и приснотекущими источниками слез и сладчайшаго плача омывая себя, и над всем чувственным и мысленным Боголюбно вознесшись, как глухой и немой всегда предстоял он Богу, и сподобился предивнаго просвещения Божественной Его благодати, от котораго как от солнечнаго сияния, сей приснопамятный, в своем крайнем безмолвии и молчании обогатился даром не только возсуждать и разсуждать, но и прозревать и предвидеть. Свидетель сему верный предлежащее здесь сказание о нем, в котором предлагается разсудительнейшее его учение о священном трезвении, как с деятельной его стороны, так и созерцательной, основанное на долговременном собственном его опыте. Итак кому желательно сбросить с себя скверную и мерзкую одежду страстей, или что тоже совлещись ветхаго человека, и облещись в светлое одеяние безстрастия и благодати, или в новаго во Христе Иисусе человека, тот часто поучаясь в сем учении старца и узнаваемое по силе исполняя делом, удобно достигнет желаемаго.

МНОГОПОЛЕЗНОЕ СКАЗАНИЕ

ОБ АВВЕ ФИЛИМОНЕ.

1) Говорили об Авве Филимоне отшельнике, что он заключил себя в некоей пещере, недалеко отстоявшей от Лавры, называемой Ромиевою, и предался подвижническим трудам, мысленно повторяя себе тоже, что, как передают, говорил себе великий Арсений: Филимон, зачем изшел ты сюда? Довольное время пребыл он в этой пещере. Делом его было — вить верви и

сплетать копиницы, которые отдавал он эконому, а от него получал не большие хлебцы, коими и питался. Он ничего не ел, кроме хлеба с солию, и то не каждый день. О теле, как видно, совсем не имел он попечения, но, упражняясь в созерцании, был осеняем Божественным просвещением, и, сподобляясь оттоле неизреченного тайноводства, пребывал в духовном радовании. Идя в Церковь по субботам и воскресеньям, он шел всегда один в самоуглублении, не позволяя никому приближаться к себе, чтоб ум не отторгался от делания своего. В Церкви же, став в углу и лицеем поникши долу, испускал источники слез, непрестанное имея сетование, и в уме вращая память смерти и образ св. отцев. особенно Арсения великаго, по следам котораго и шествовать всячески старался.

2) Когда в Александрии и окрестностях ея появилась ересь, он удалился оттуда и отошел в Лавру Никанорову. Прияв, его Боголюбивейший Павлин отдал ему свое уединенное место и устроил для него совершенное безмолвие. Целый год никому не попустил он повидаться с ним, и сам нимало не докучал ему, разве только в то время, когда подавал потребный хлеб. Настало святое Христово Воскресение. Когда при свидании зашла у них между собою беседа, и речь коснулась пустынножительства; тогда, уразумев Филимон, что и благоговейнейший сей брат Павлин тоже питает прекрасное намерение (пустынничество), богато всевает в него подвижническия словеса, — из Святаго Писания, и отеческия, — всем показывая, что без совершеннаго уединения невозможно угодить Богу, как негде любомудрствует и Моисей, Богопросвещенный отец, — что, безмолвие рождает подвиг, а подвиг рождает плач, плач — страх, страх — смирение, смирение — прозрение, прозрение — любовь, любовь же делает душу здоровою и безстрашною, и тогда человек познает, что он недалек от Бога.

3) Он (Филимон) говорил ему: надлежит тебе посредством безмолвия совершенно очистить ум и дать ему непрестанное делание духовное. Как глаз, обращаясь на чувственное, всматривается в видимое, так чистый ум, обращаясь к мысленному, восхищается духовно созерцаемым, так что и не отторгнешь его от того. И на сколько посредством безмолвия обнажается он от страстей и очищается, на столько сподобляется и ведения (оных духовных вещей). Совершенным же ум бывает тогда, когда вступит в область существеннаго ведения и соединится с Богом. Тогда он, царское имея достоинство, не чувствует уже бедности и неувлекается ложными пожеланиями, хотя бы ты предлагал ему все царства. Итак, если хочешь достигнуть таких доброт, бегом беги от мира и со усердием теки путем святых, брось заботу о внешнем своем виде, одежду имей бедную и убранство смиренное. Нрав держи простой, речь нехитростную, ступание нетщеславное, голос непритворный. Полюби жить в скудости и быть всеми небрегомим. Паче же всего попекись о хранении ума и трезвении, будь терпелив при всяких теснотах и всячески сохраняй приобретенныя уже блага духовныя неповрежденными и неизменными. Внимай себе тщательно и не принимай ни одной из тайно прокрадывающихся сластей. Ибо, хотя безмолвие укрощает душевныя страсти, но если давать им возгораться и изостряться, то они обыкновенно еще паче разсвирепевают, и допускающих сие еще с большею силою влекут ко греху. Так и телесныя раны, будучи растираемы и раздраемы, бывают неисцелимы. Может и одно слово отдалить ум от памяти Божией, когда бесы нудят на то, и чувства соглашаются с ними. Велик подвиг и страх — хранить душу. Итак надлежит тебе совсем удалиться от мира и отторгнув душу, от всякаго сострастия телу, стать безградным, бездомным, безсобственником, безсребренником, безстяжательником, безхлопотником, безсообщником, невеждою в делах человеческих, смиренным, сострадательным, благим, кротким, тихонравным,

готовым принимать от Божественного ведения вразумительныя напечатления в сердце. Ибо и на воске невозможно писать, не изгладив наперед прежде начертанных на нем букв, как научает нас сему великий Василий. Таков был лик Святых, которые, совсем удалившись от всех обычаев мирских и храня в себе невозмущаемым небесное мудрование, просветились Божественными законами и возблистали благочестивыми делами и словами, умертвив уды, яже на земли (Кол. 3, 5) воздержанием, Божиим страхом и любовию. Ибо непрестанною молитвою и поучением в Божественных Писаниях отверзаются умныя очи сердечныя и зрят Царя сил, — и бывает радость великая, и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержное, причем совосхищается туда же и плоть действием Духа, и человек весь соделывается духовным. Вот чего сподобляются делатели блаженного безмолвия и теснейшаго подвижническаго жития, которые, удалив себя от всякаго утешения человеческого, одни с единым, на небесах сущижд Владыкою непрестанно беседуют!

4) Выслушав сие тот боголюбивый брат и Божественною в душе уязвившись любовию, (оставляет свое место) и вместе с оным (Филимоном) достигает скита, где величайшее из отцев совершили путь благочестия. Жить они поселились в Лавре св. Иоанна Колова, передав попечение о себе эконому Лавры, так как желали пребывать в безмолвии. И пребывали они тут благодатию Божиею в совершенном безмолвии, по субботам и воскресеньям исхождения творя на общия собрания церковныя, а прочие дни пребывая у себя; причем каждый совершал молитвы и служения особо.

5) У старца святаго (Филимона) было такое правило служения: ночью пропевал он всю Псалтирь и песни (9-ть, помещаемых в псалтири), не спешно, без суетливости, прочитывал одно зачало Евангелия, потом садился и сидел, говоря в себе: Господи помилуй! со всем вниманием и довольно долго, пока не мог уже возглашать сего воззвания; и наконец давал себе соснуть. Потом опять на разсвете пропевал первый час, и седши на свое седалище лицом к востоку, попеременно, то пел (псалмы), то читал, по произволению, из Апостола и Евангелия. Так проводил он весь день непрестанно поя, молясь и услаждаясь созерцанием небеснаго; ум его часто так уводим был в созерцание, что он не знал, на земле ли он находится.

6) Брат, видя, что он так всеусердно прилежит молитвенным служениям и иногда совсем изменяется от Божественных помышлений, сказал ему: трудно, тебе, отче, в такой старости так умерщвлять и порабощать тело свое? Он ответил ему: «поверь мне, Бог такое усердие и такую любовь к молитвенному служению вложил в душу мою, что я не в силах вполне удовлетворять ей к тому стремления; немощь же телесную побеждает любовь к Богу и надежда будущих бдаг». Так все желание его было умно воскриляемо в небеса, и это даже во время трапезования, а не только в другия времена.

7) Однажды спросил его живший с ним брат некий: какия бывают тайны созерцания? И он, видя его неотступность и то, что он искренно ищет назидания, сказал ему: говорю тебе, чадо, что тому, чей ум совершенно очистился, Бог открывает видения самых служебных сил и чинов (ангельских).

8) Спросил он его и о следующем: чего ради, отче, паче всякаго Божественнаго Писания услаждаешься ты Псалтирию, и чего ради, поя тихо, ты представляешься будто разговаривающим с кем то? На это он сказал ему: «Бог так напечатлел в душе моей силу псалмов, как в самом Пророке Давиде, и я не могу оторваться от услаждеия сокрытыми в них всяческими созерцаниями; ибо они объемлют все Божественное Писание». Это исповедал он вопрошавшему с великим смирением,

пользы ради, и после долгаго неотступнаго упрашивания.

9) Брат некий по имени Иоанн, от приморья устремившись пришел к святому сему и великому отцу Филимону, и обняв ноги его, сказал ему: что сотворю отче, да спасуся? Ибо ум мой носится и парит туда и сюда, где не следует. И он, помолчав не много, сказал: сия болезнь (душевная) есть принадлежность тех, кои внешни суть, и в них она пребывает. И в тебе она есть, потому что ты не возимел еще совершенной любви к Богу, еще не пришла в тебя теплота любви и познания Его. Говорит ему брат: что же мне делать отче? Тот сказал ему: поди возымай сокровенное поучение в сердце своем, и оно очистит ум твой от сего. Брат, не будучи посвящен в то, что этим сказывалось, говорит старцу: что же это за сокровенное поучение, отче? И он сказал ему: поди трезвися в сердце своем, и в мысли своей трезвенно со страхом и трепетом говори: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя! Так преподает новоначальным и блаженный Диадокх.

10) Брат пошел и, содействием Божиим по молитвам отца успокоившись, усладился таким поучением не много. Но потом это услаждение отошло от него, и он не мог уже трезвенно совершать такое делание и молиться. Почему он опять пошел к старцу и сказал ему о случившемся. Старец говорит ему: теперь узнал уже ты путь безмолвия и умнаго делания и вкусил происходящей от того сладости. Имей же сие всегда в сердце своем, — ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, в пути ли находшпсья, или в келлии сидишь, не преставай трезвенною мыслию и неблуждающим умом молиться такую молитвою, петь и поучаться в молитвах и псалмах; даже при исправлении самых необходимых потребностей своих не давай уму своему быть праздным, но заставляй его сокровенно поучаться и молиться. Так можешь ты уразуметь глубины Божественнаго Писания и сокрытую в нем силу и дать уму непрестанное делание, да исполнишь Апостольское слово, заповедующее: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17). Внимай же себе тщательно и блюди сердце свое от прития худых помыслов, или каких нибудь суетных и неполезных; но всегда, и когда спишь, и когда встаешь, и когда ешь, и когда пьешь, и когда ведешь беседу, пусть сердце твое втайне мысленно, то поучается в псалмах, то молится: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя! Также когда поешь псалмы языком, внимай, чтоб не говорить одного устами, а в другом парить мыслию.

11) Брат спросил его еще: много суетных мечтаний вижу я во время сна. Старец сказал ему: не ленись и не малодушествуй; но прежде чем заснешь, многия сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслами покусениям диавола водить тебя по воле своей, да восприимет тебя Бог. Сколько сил есть заботься о том. чтобы засыпать с псалмами в устах и умным поучением, и никак не позволяй по нерадению уму своему принимать чуждые помыслы, но с какими помышлениями молился ты, в тех поучаясь склонись и на одр, чтобы и когда будешь спать, оне пребывали в тебе, и когда пробудишься, собеседовали с тобою. Проговаривай также и святой символ православной веры, прежде чем заснешь; ибо православствовать о Боге есть источник и охрана всех благ.

12) Еще спросил его брат: сотвори любовь, отче, скажи мне, какое делание имеет твой ум? Научи меня, чтобы и мне спастися. Он сказал ему: зачем это любопытствуешь ты знать? Тот встал, обняв ноги святаго, и, лобызая их, умолял его сказать ему это. Старец довольно времени спустя, сказал: не можешь еще ты понести сего. Давать каждому чувству пригодное дело свойственно мужу, обыкшему вращаться в благах правды; и невозможно дара сего сподобиться тому, кто не стал совершенно чист от суетных помышлений мира. Потому, если ты истинно желаешь сего, держи сокровенное поучение

в чистом сердце. Ибо если пребудет в тебе непрестанно молитва и поучение в Писаниях; то отверзутся очи души твоей и будет в ней радость великая, и чувство некое неизреченное и горячее, при согреании от Духа и плоти, так что весь человек станет духовным. Итак ночью ли, или днем сподобит тебя Бог неразсеянно помолиться чистым умом, оставь свое молитвенное правило, и, сколько сил есть, простирайся умносердечно прилепляться к Богу. И Он просветит сердце твое в духовном делании, за которое ты принялся.

К сему присовокупил он: некогда пришел ко мне один старец, и когда я спросил его об устройении его ума, сказал мне: два года пребыл я в молитве пред Богом, от всего сердца умоляя Его прилежно, да дарует Он мне, чтобы непрестанно и неразсеянно печатлелась в сердце моем молитва, которую предал Он ученикам Своим, и великодаровитый Господь, видя труд мой и терпение, подал мне просимое.

И вот еще что он говорил ему: помыслы, о вещах суетных, бывающие в душе, суть недуг празднолюбивой и предавшейся нерадению души; почему нам надлежит, по Писанию, всяким хранением блюсти ум свой, разумно петь без разсеяния и молиться чистым умом. Итак, брате, Бог хочет, чтоб мы являли к Нему свое усердие во первых трудами (подвижничества и доброделания), потом любовию и непрестанною молитвою, — и Он подаст нам путь спасения. Явно же, что нет другого пути, возводящего на небо, кроме совершенного удаления от всего злаго, стяжания всего благаго совершенной к Богу любви и сопребывания с Ним в преподобии и правде, так что когда у кого будет сие, то он скоро востечет к небесному лику. Но при сем всякому, желающему взыти на высоту, неотложно надлежит умертвить уды, сущие на земли. Ибо когда душа наша усладится созерцанием истиннаго блага, то уже не возвращается ни к одной из страстей, возбуждаемых сластию греховною; но от всякаго отвратившись телеснаго сладострастия, чистою и нескверною мыслию приемлет явление Бога. Итак нам потребно великое себя хранение, много телесных трудов и очищения души, да вселим Бога в сердца наши, чтобы прочее безгрешно исполнять Божественныя Его заповеди, и чтобы сам Он учил нас блюсти твердо Его законы, испуская, как солнечные лучи, Свои на нас воздействия, вложенною в нас благодатию Духа. Трудями и искушениями должны мы очистить образ, по коему были мы созданы разумными и способными воспринимать всякое разумение и Богу уподобление, нося чувства, чистыя от всякой скверны чрез переплавление их некако в вещи искушений, и претворяемы бывая в царское достоинство. Бог и человеческое естество создал причастным всякаго блага, могущим мысленно созерцать ликования Ангелов славы, господств, силы, начала, власти, свет неприступный, славу пресветлую. Но когда исправишь ты какую добродетель, смотри да непревознесется помысл твой над братом, потому что ты исправил ее, а он понерадел; ибо это начало гордости. Когда борешься с какою страстию, смотри не унывай и не малодушествуй от того, что брань стоит упорно; но возстав, повергни себя пред лицом Бога, от всего сердца говоря с Пророком: суди Господи обидящая мя (Пс. 34, 1), ибо я не силен против них. И Он, видя смирение твое, скоро пошлет тебе помощь Свою. Когда идешь с кем в пути, не принимай суетной беседы, но дай уму духовное делание, которое Он имел, чтобы пребыло в нем сие благое навыкновение и забвение мирских сластей, и он не исходил из пристани безстрастия.

Таковыми и многими другими словесами огласив брата, старец отпустил его.

13) Но спустя не много времени, он опять пришел и, начав речь, спросил: что мне делать, отче? В ночном моем служении отягчает меня сон и не дает мне трезвенно молиться и побдеть побольше; и я

хочу брать в руки работу, когда пою. На это старец сказал: когда можешь молиться трезвенно, не касайся рукоделия; когда же объят будешь дреманием, тогда, подвигшись немного против помысла, претя ему, коснись рукоделия. Тот опять спросил: ты сам, отче, не отягчаешься сном во время служения своего? Старец сказал: не так то легко; однакоже, когда нападает иной раз дремание, немного подвигнусь; но начинаю читать с начала Евангелие от Иоанна, возводя к Богу око ума, и оно тотчас же исчезает. Похоже на это поступаю я и в отношении к помыслам, именно когда найдет какой из них, я встречаю его как огонь со слезами, и он исчезает. Ты же еще не можешь так вооружаться против них; но паче держи сокровенное поучение и усердствуй совершать установленные святыми отцами как дневные молитвословия, как то—часы: третий, шестой, девятый и вечерню, так и ночные службы. И всеми силами старайся ничего не делать по человекоугодию, и берегись иметь вражду с кем либо из братий, чтоб не отдалить себя от Бога своего. Старайся также хранить мысль свою неразсеянною, всеусердно внимающею внутренним помыслам. Когда бывая в Церкви, имеешь намерение причаститься Святых Христовых Тайн, не исходи из нея пока не получишь совершенного мира. Став на одном месте, не отступай оттуда до самого отпуста; в себе же помышляй, что находишься на небе, и со святыми Ангелами Богу предстоишь, имея воспринять Его в сердце свое; готовься же к сему со страхом и трепетом, чтоб не недостойно сопричастником быть Святых сил.

Добре таким образом вооружив брата, и предав Господу и Духу благодати Его, старец отпустил его. 14) К сему рассказывал еще и живший с ним брат следующее. Сидя однажды подле него, я спросил его: был ли он искушаем наветами демонскими, живя в пустыне. Он же сказал: прости, брат, — если попустит Бог придти на тебя искушениям от диавола, каким я подлежал, то не думай, чтоб ты мог вынести горечь их. Мне семидесятый год, или и с прибавком, много терпел я искушений, живя в разных пустынях в совершенном безмолвии; что же испытал я и вытерпел от этих демонов, о горечи того не полезно повествовать тем, кои не искусили еще безмолвия. В таких искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога, Коему давал и обеты отречения, и Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого уже о себе промышления и не творю; но зная, что Он печется обо мне, очень легко переношу находящая на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтоб непрестанно молиться. Не мало помогает при сем и то упование, что чем большия нападают скорби и беды, тем большия они готовят венцы терпящему: ибо у праведнаго Судии те и другия уравнивают себя взаимно. Ведая сие, брате, не поддавайся малодушию. Вступил ты в среду брани, чтоб бороться, и борись, воодушевляясь и тем, что тех, кои за нас ратуют против врага Божия, очень много, больше вражеских полчищ. Да и как можно бы было нам осмелиться противостать такому страшному супостату рода нашего, если бы державная десница Бога Слова не обымала нас, не ограждала и не покрывала? Как бы выдержало человеческое естество наветы его? Ибо как говорит Иов, кто откроет лице облечения его? В согбение же персей его кто внидет? Из уст его исходит аки свечи горящая, и размещутся аки искры огненнии. Из ноздрей его исходит дым печи горящая огнем угля. Душа же его яко углие и яко пламы из уст его исходят. На выи его водворяется сила, пред ним течет пагуба. Сердце его ожесте аки камень, стоит же аки наковальня неподвижно. Возжизает бездну, якоже печь медную, мнит же море яко мироварницу, и тартар бездны, якоже пленника. Все высокое зрит, сам же царь всем сущим в водах (Иов. 41, 4 — 25). Вот против кого у нас брань, брате! Вот каким и коликим изобразило слово этого тиранна! При всем

том однакож победа над ним бывает удобна для тех, которые, как следует, проходят уединенническую жизнь, по причине неимения ими в себе ничего, ему принадлежащего, по причине отречения их от мира, по причине их высоких добродетелей, и по причине того, что мы имеем Поборающего по нас. Ибо кто, скажи мне, приступив к Господу и страх Его приявши в ум, не претворился естеством и осияв себя Божественными законами и делами, не соделал душу свою светлою и способною сиять Божественными разумениями и помыслами? Праздную же быть он никогда не дозволяет ей имея в себе Бога, Который возбуждает ум ненасытно стремиться к свету. И душе таким образом непрерывно воздеваемой, дух не попускает разблагаться страстями; но как царь какой, дыша страшным гневом и прещением нещадно посекает их. Такой никогда не возвращается уже вспять, но практикою (добродетелей) с воздеянием рук на небо и умною молитвою одерживает победу в брани.

15) Рассказывал еще брат тот, что при других добродетелях имел Авва Филимон и таково: терпеть не мог слышать, праздное слово, и если кто забывшись рассказывал что либо, не относящееся к пользе душевной, то он совсем не отзывался на это. Также когда я уходил по какому либо делу, он не спрашивал: чего ради уходил? И когда возвращался, не говорил: где ты был? или что и как делал? Так однажды сплыл я в Александрию по необходимой потребности а оттуда по одному церковному делу, отправился в Царьград не дав о том знать рабу Божию; потом, пробыв там довольно времени, посетив тамошних благоговейных братий, возвратился наконец к нему в скит. Увидев меня, старец обрадовался, и по обычном приветствии, сотворив молитву, сел; но ни о чем совершенно не спросил меня, а пребыл занятым обычным своим умным деланием.

16) Некогда, желая испытать его, я несколько дней неподавал ему хлеба поесть. Он же ни хлеба не попросил и ничего на это не сказал. Тогда сотворив поклон, я спросил: сотвори любовь, отче, и скажи мне, не оскорбился ли ты, что я не приносил тебе по обычаю поесть. Он сказал: прости брате! Если двадцать дней не дашь ты мне поесть хлеба, я не попрошу его у тебя; ибо доколе терплю душею, терплю также и телом. Так был он занят созерцанием истинного блага.

17) Говорил он: с тех пор как пришел в скит, не попускал я помыслу своему выходить за стены келлии; но и в мысль свою не принимал я никакого другого помысла, кроме страха Божия и судилиц будущего века, держа в памяти угрожающий грешным суд и огонь вечный и кромешную тьму, и то, как живут души грешников и праведников, и какия блага уготованы праведным и как каждый получает свою награду по труду своему: один за труды подвижничества, другой — за милостыню и любовь нелицемерную, иной — за нестяжательность и полное отречение от мира, другой за смиренномудрие и совершенное безмолвие, тот за крайнее послушание, этот за странничество. Все сие содержа в мысли, не попускаю я иному помыслу действовать во мне и не могу уже быть с людьми, или ими занимать ум свой, чтоб не неотдалиться от Божественных помышлений.

18) К сему присоединил он и сказание о некоем уединеннике, говоря, что он уже и безстрастия достиг, и от руки Ангела принимал хлеб в пищу, но по причине разлечения (ослабления внимания) лишился такой чести. Ибо когда душа ослабит разсмотрительное и напряженное внимание ума, тогда душу ту объемлет ночь. Где не сияет Бог, там все разливается, как во мраке; и не может тогда душа воззреть к единому Богу и трепетать словес Его. Бог приближаясь Аз есмь, говорит Господь, а не Бог издалеча. Или утаится человек в сокровенных, и Аз не узрю ли его? Еда небо и землю не Аз наполняю? (Иер. 23, 23. 24). И о многих других, подобное пострадавших, припоминал он. Привел и

падение Соломона, который, говорит, такую получил премудрость и так будучи всеми славим — потому что как денница, утром восходящая, всех осиявал светлостью премудрости, за малую сласть потерял такую славу. Итак страшно поблажать разленению; но надобно непрестанно молиться, чтоб другой какой помысл нашедши не отлучил нас от Бога, и вместо Его не приподставилось уму нашему иное что. Только чистое сердце, став вместилищем Духа Святаго, чисто зрит в себе, как в зеркале, самага Бога всего сущаго.

19) Слыша сие, говорит живший с Аввою Филимоном брат, и на дела его смотря, я уразумел, что в нем совсем перестали уже действовать телесныя страсти, и что он был усердный любитель всякаго совершенства, так что всегда виделся преображаемым Божественным Духом (от славы в славу) и воздыхающим воздыханиями неизглаголанными, в себе с собою соображающимся и себя взвешивающим (или себя держащим ровно, как на весах), и всячески подвизающимся, чтоб что нибудь пришедши не возмутило чистоты ума его и скверна какая нибудь тайно не приразилась к нему.

Видя, говорит, сие и ревностию к подобному образу жизни возбуждаемый, я с усердным обращался к нему прошением говоря: как и я мог бы стяжать чистоту ума подобно тебе? Он же говорил: поди—трудись; ибо для этого труд потребен и болезнование сердца. Блага духовныя, достойныя усерднаго искания и труда не достанутся нам, если будем возлежать на одрах и спать. И земныя блага никому не достаются без труда. Тому, кто желает придти в преспеяние, надобно прежде всего отрешиться от своих хотений и стяжать непрестанный плач и нестяжательность, не внимая согрешениям других, а своим только, и об них одних плача день и ночь, и не имея суетной дружбы ни с кем из людей: ибо душа, скорбящая о своем бедственном положении и уязвляемая памятью о прежних согрешениях, бывает мертва миру, как и мир умирает для нея, т. е. тогда недействительны бывают плотския страсти и человек недействен сим страстям. К тому же отрешившись от мира и со Христом сочетавшийся, и в безмолвии пребывающий любит Бога, хранит образ Его и подобием Ему богатится; ибо свыше приемлет от Него подаяние Духа и бывает домом Бога, а не демонов, и дела праведныя представляет Богу. Так душа, став чистою по жизни, свободною от осквернений плоти и не имеющею скверны или порока, облечется наконец венцом правды и возсияет красотою добродетелей.

В ком же в начале отречения не поселяется в сердце плач, ни слезы духовныя, ни память о не имеющих конца муках, ни безмолвие истинное, ни молитва непрестанная, ни псалмопение и поучение в Божественных Писаниях, в ком не обратилось сие в навык, так чтоб, по причине непрерывности приседения сему, он понуждаем был и нехотя делать то от ума, — и страх Божий не господствует в душе его: тот еще почивает на содружестве с миром и не может иметь ума чистым в молитве; ибо только благочестие и страх Божий очищают душу от страстей и соделывая ум свободным, вводят его в естественное ему созерцание и дают ему коснуться богословия, которое приемлет он в образе блаженства (блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят), — что для сподобляющихся сего еще отселе служит залогом (будущаго), и хранит (духовное их устройство) непоколебимым.

Итак всеми силами потщимся о практическом делании (добродетелей и подвигов), которым возводимся к благочестию, то есть к мысленной (духовной) чистоте, плод которой — богословское созерцание естественное (уму). Ибо деяние есть восхождение к созерцанию, как

(говорит) проницательный и богословнейший ум (Григория Богослова). Почему если вознерадим о делании том, то будем чужды всякаго любомудрия; ибо хотя бы кто достиг самага верха добродетели, все ему необходимы труд подвижничества, обуздывающаго безчинныя стремления тела, и строгое хранение помыслов. И этим способом едва можем мы улучшить вселение Христа. Ибо чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и наконец ум, в совершенство пришедши, весь прилепляется к Богу, и осиявается Божественным светом, — и ему открываются неизреченности таинств. Тогда истинно познает он, где мудрость, где сила, где разум для познания всего, где долголетие и жизнь, где свет очей и мир. Ибо пока занят он борьбою со страстями, дотоле не имеет, возможности насладиться сим; так как и добродетели и пороки слепым делают ум: те, чтоб не видел добродетелей, а эти, чтоб не видел пороков. Но когда восприимет он покой от брани, и сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействуем благодатию весь соделывается световидным, и становится не отклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему; но прешел от смерти в живот. Тому, кто восприимлет достоподрожательную жизнь и к Богу приблизиться ревнует, надлежит иметь непорочное сердце и уста чистыя, чтоб слово, исходя из чистых уст чистым, могло достойно воспеть Бога, так как душа, к Богу прилепившаяся, непрестанно с Ним беседует. Возжелаем же, братие, достигнуть до такой высоты добродетелей и перестанем пресмыкаться по земле, прилепившись к страстям. Подвизающийся и достигший близости к Богу, причастившийся святаго света Его и уязвившийся любовию к Нему, наслаждается Господним неким и непостижимым веселием духовным, как говорит Божественный псалом: насладися Господеви, и даст ти прошение сердца твоего: и изведет яко свет правду твою, и судьбу твою яко полудне (Псал. 36, 4. 6). И какая любовь так сильна и так неудержима, как та, которая от Бога вливается в душу, очистившуюся от всякаго зла? Такая душа от истиннаго расположения сердца говорит: уязвлена, есмь любовию аз (Песн. Песн. 2, 5). Неизреченны и неизъяснимы блистания Божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместит. На блистание ли денницы укажешь, на свет—лость ли луны, на свет ли солнца, все это неуважительно в сравнении со славою оною, и больше скудно пред лицом истиннаго света, чем глубочайшая ночь, или мрачнейшая мгла, пред чистейшим полуднем. Так предал наш и Василий, дивный между учителями, из опыта познав сие и научившись сему.

20) Сие и большее сего рассказывал живший с Аввою брат. Но кто не подивится в нем еще и следующему, как доказательству великаго смирения его? Удостоен будучи пресвитерства давно — давно, и так приискренно коснувшись небеснаго и жизньню и разумом, он всячески избегал Божественных священнодействий, как бремени, так что в продолжении многих лет своего подвижничества он очень редко соглашался приступать к святой трапезе (для священнодействия). Но и Божественных Тайн, причащаться, не смотря на такую постоянно опасливую жизнь, не причащался, когда случалось ему входить в общение и беседовать с людьми; хотя при этом не говорилось им ничего земнаго, но одно душеполезное для искавших беседы с ним. А когда намеревался причаститься Божественных Тайн, то пред этим долго докучал Богу, умиловляя Его молитвами, псалмопениями и исповеданиями. Ужасался он гласа Иереева, который возглашает при сем, говоря: святая святым. Ибо в это время, говорил он, вся Церковь полна бывает святых Ангелов, и сам Царь сил таинственно священнодействовав, и хлеб и вино претворив в Свое тело и кровь, чрез св. причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокупляя он, надлежит нам лишь непорочно

и чисто, и как бы вне плоти бывая, без всякаго сомнения и колебания, дерзать на святое причастие пречистых Христовых Тайн, чтоб сделаться причастными бывающаго от них просвещения. Многие из св. отцев видели св. Ангелов, которые остерегали их (от всего неподобнаго); почему и сами они держали себя в глубоком молчании, не говоря ни с кем.

21) И вот еще что говорил (брат тот), что, когда бывала старцу нужда самому продавать свое рукоделие, то чтоб не привзошла какнибудь ложь какая, или божба, или лишнее слово, или другой какой вид греха, елиб разговаривать и торговаться, он стоял притворясь на вид юродивым; и всякой, желавший купить его рукоделие, брал его у него и давал за то, что хотел. Работал он малыя корзинки; и—даваемое за них принимал с благодарностию, отнюд ничего не говоря, сей любомудрый муж.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ ФЕОГНОСТ

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ

О

ПРЕПОДОБНОМ ОТЦЕ НАШЕМ ФЕОГНОСТЕ.

Преподобный Феогност, отец предлежащих глав, был ли тот Александриец — толковник, о котором поминается у Фотия в 106 чтении, или другой кто, и в какое время жил, навверное сказать не можем. Но, сколько из плода познается древо, и он был из числа добре поживших деянием и разумом и за чистоту жизни сподобившихся иметь живущим в себе Святаго Духа, Коего озарениями просвещаемый в уме, и живительными веяниями вдохновляемый, как песнь некую священную воспел, изрекши настоящая главы, коими, ради сокрытой в них благодати и духовных созерцаний, услаждает и слух и ум читающих и живую в них возбуждает ревность к жизни по их наставлению, так как в них и верный излагается образ жизни деятельной и незаблудное указывается восхождение к жизни созерцательной. Сверх сего в них желающий может поучиться и тому, каков должен быть и как действовать почтенный саном священства. И вообще тем, кои трудолюбно будут прочитывать их, они доставят богатое нравственное назидание и верное руководство к спасительному трезвению.

ПРЕПОДОБПАГО ОТЦА НАШЕГО

ФЕОГНОСТА

о жизни деятельной и созерцательной, и о священстве главы, коих акростих такой:

Преподобнейшим отцам, Лазарю и Варлааму

скудный всем Феогност, недостойный

более всех живущих в мире настоящем.

1) Тогда думай, что имеешь истинную добродетель, когда совершенно ни во что поставишь все, сущее на земли, всегда имея в сердце с чистою совестью готовность преселиться к Господу. Если же хочешь познанным быть от Бога, будь не знаем людьми, сколько можно.

2) Остерегайся излишних утешений телесных, и воздерживайся от них, чтобы они не отняли чего либо из цены трудов твоих. Почитай ущербом не лишение себя чувственных услаждений, а отпадение чрез вкушение их от лучшаго.

3) Всем чувством почитай себя муравьем и червем, чтоб соделаться человеком Богосозидаемым: ибо если не будет того прежде, не последует и сие. Сколко спустишься вниз в чувстве о себе, столько подымешься вверх в действительности. Когда в ничто вменяешь себя пред лицом Господа, подобно

Псалмопевцу (38, 6), тогда бываешь сокровенно велик из малаго; и когда сознаешь себя ничего неимеющим и незнающим, тогда ты богат и деянием и разумом, похвальными у Господа.

4) Сотри хребет грешника и лукаваго, — сластолюбия, говорю, и лукавства, от которых раждается всякое зло; сотри же воздержанием и смиренным незлобием: чтобы, если и строго изыскиваема была в тебе грешность, во время суда, ничего такого не нашлось в содеянном тобою; ибо прегрешения изглаждаются, когда мы, возненавидев причины их, по коим они были совершены, воевать начнем против них, и первое поражение вознаградим последнею победою.

5) Ничего нет лучше чистой молитвы, из которой, как из источника, истекают все добродетели, — благоразумие и кротость, любовь и воздержание, и слез ради свыше нисходящее заступление и утешение. Доброту же ея составляют держание внимания ума в том, что произносится языком, и помышляется при сем умом, и ненасытное всегдашнее вожделение собеседования с Богом, когда ум, чрез рассмотрение Суцаго устремляясь в след своего Владыки и с пламенную любовь жадательно ища обрести невидимаго, и встречая тму, закрывающую Его, опять возвращается в себя, со всеблагоевным смирением, довольствуясь тем, что ныне на пользу открывается созерцанием, и тем утешаясь; в благой однакож пребывая надежде всеконечно достигнуть желаемого тогда, когда кончится видение якоже зеркалом в гадании, и настанет чистое лицом к лицу зрение Его непрестанное (1 Кор. 13, 12).

6) Воздержись от высших созерцаний, если ты недостиг еще крайняго безстрастия, не гонись за тем, чего догнать нельзя, и не ищи того, что выше сил твоих. Если желаешь, говорит некто, сделаться богословом и созерцателем путем жизни взойди до сего и чистотою стяжи чистое (Боговедение). Помянув о богословии, напоминаю тебе, — смотри. непростирайся в высоту его до безмерности, и ведай, что не пристало нам, еще млеко добродетелей напаяемым, покушаться воспарять туда, чтоб понапрасну не растерять перьев, как бывает с молодыми птенцами, хотя сладость ведения и сильно влечет наше желание. Когда же, по очищении целомудрием и слезами, восторгнемся отземли, как Илия или Аввакум, предначиная или предизображая имеющее некогда быть восхищение на облацех, и молитвою созерцательною, чистою и непарительною, став вне чувств, взыщем Бога, тогда, может быть, коснемся сколько нибудь и богословия.

7) Равным образом желая сподобиться Божественнаго видения и озарения ума, прежде возлюби мирную и безмолвную жизнь, и упразднясь от всего, познай и себя и Бога. Если будет это; то ничто уже не воспрепятствует тебе, как в тонком веянии ветра (глазе хлада тонка) при внутреннем устроении твоём, чистом и никакою страстию невозмущаемом, умно узреть для всех Невидимаго, благовествующаго тебе спасение, чрез впечатлительнейшее познание Его.

8) Как после блеснутия молнии, тотчас ожидается и гром; так и там, где возсияло Божественное очищение, утихает буря страстей. А где это, там вместе с сим водворяется в стяжавшем сие залог тамошняго (будущаго) блаженства. Но не бывает ни чувства милости Божественной, ни надежды безстрастия в душе, любящей мир паче Создавашаго, питающей пристрастия к видимому и всем желанием вожделевающей плотских удовольствий и наслаждений.

9) Божества, что оно есть и где, не ищи умом; ибо оно преестественно и местом не объёмлется, яко превыше всего сущее. Но только описуемаго (по воплощению) Бога — Слово показуй в себе, как в зеркале, сколько сие доступно, который в сем случае, светлые испуская лучи Божественным естеством своим, в определенном месте мысленно полагается, пребывая вездесущим, по

неописанности Божества. Впрочем на сколько очищаться будешь, на столько будешь сподобляться и озарения Божественного.

10) Возжелав истинного ведения и удостоверения в спасении несомненного, умудрись прежде расторгнуть страстные союзы души с телом, и обнажившись от пристрастия к вещественному, низойди в бездну смирения, — и обретешь многоценный бисер спасения, как в раковине, в Божественном ведении сокрытый, и светлость Царствия Божия тебе предобручающий.

11) Для того, кто добре совершил духовное послушание, плоть подчинив духу, не требуется послушание человеческое; ибо таковой в послушании состоит Слову Божию и Закону, как благодарный раб. Но для тех, у коих идет борение и война тела против души, необходимо иметь вождя и правителя и слушаться его, яко умеющего с знанием дела править рулем жизни нашей и снаряжать нас во время благопотребными оружиями, чтоб не захватили нас в плен невидимые супостаты, и страсти не потопили по неопытности нашей.

12) Когда не станет возмущать тебя никакая страсть, Божественное же желание будет возрастать внутри тебя, в сердце твоём; когда при том не станешь ты бояться смерти, почитая ее сном, а паче вожделевать будешь разрешения с телом: тогда стяжешь ты, как должно залог спасения, и Царствие Небесное будешь носить внутри себя, радуясь радостью неизреченною.

О С В Я Щ Е Н С Т В Е.

13) Сподобившись Божественного и честного священства, прежде всего себя самого обязан ты всегда иметь принесенным в жертву умерщвлением страстей и сластей плотских, и таким образом дерзать приступать к животворной и страшной жертве, если не желаешь быть сожжен Божественным огнем, как какое либо легко сгорающее вещество. Ибо если Серафим не дерзнул без клещей прикоснуться к углям (Исаии 6, 6); как ты коснешься без безстрастия? Через него же ты будешь иметь и язык освященным, и уста очищенными, и душу непорочною вместе и с телом, и самыя руки паче всякого злата блестящими, как слуг, преестественного огня и жертвы.

14) Сознай поглубже силу сказанного, потому что каждодневно зришь оное спасительное Божие таинство, которое однажды увидев Симеон старец, изумился и просил смерти; и если не имеешь извещения от Духа Святаго, что ты благоприятный посредник между Богом и человеками, как равноангельный, то на пагубу себе не держай на всесвятое и страшное священнодействие Божественных Таин, пред коим Ангелы благоговеют и от коего всеблагоговеино воздерживались многие из Святых, чтобы, подобно Зану оному, не быть изыту из среды живых, по Суду Всевышняго.

15) Внемли себе, как сказал Апостол (1 Тим. 7, 16). Внемли себе и всегда совершай приношение о своих наперед грехах, чтоб, если что было в тебе или, может быть, есть еще, нечистаго по немощи, потребляемо было Божественным огнем. Таким образом возможешь ты, как бы сосуд избранный, благопотребный, чистый и для такой жертвы достойный, предлагать себя в серебрянаго или даже златаго, хотя был каким то деревянным, или глиняным если только ради дерзновеннаго упования твоего будешь иметь Бога преклоняющимся на милость к тебе. Ибо где Бог готов услышать, там нет препон к преложению одного в другое.

16) Внимай, какой удостоен ты равноангельной чести, и старайся со всякою добродетелию и чистотою пребывать непорочным на сей степени, на какую призван. Видишь, из какого каким стал падший Люцифер за превозношение. Не пострадай того же и ты, возмечтав о себе великое, но почитая себя землею, пеплом и сором, плачь всегда, что не смотря на то допускаем бываешь к

Божественному причастию и к совершению страшного священнодействия Святых Таин, побезмерному человеколюбию и неизреченной благодати Божией.

17) Приявшему священство и от всех страстей надлежит быть чисту, особенно же от блуда и злопамятства, о коих даже легких помышлений иметь не следует; если не хочешь подвергнуться гневу и проклятию, подобно прокаженному или сажею испачканному, когда он дерзнет коснуться царева тела.

18) Потоками слез паче снега убеленный, со светлюю в чистоте совестию, касайся Святых Таин, как Святой, внешним ангелоподобным благообразием являя внутреннюю души красоту. Но смотри, в совершении Божественных Таин, не удовлетворяйся человеческими только преданиями, но да будет с тобою и благодать, сокровенно и таинственно дающая тебе уразумевать при сем и высшее.

19) Возжелав нетления и бессмертия, благочестно и благоговейно совершай животворныя и нетленные тайны, желая вместе и преселения отсюда, как совершенным ставший чрез веру. Если же боишься смерти, то ты еще не сорастворился любовию со Христом, Котораго собственноручно жрети удостоен, и Котораго плотию насыщаешься. Ибо если бы было так, ты спешил бы отойти туда, где Любимый тобою, ни во что вменяя и жизн и плоть.

20) Плоти Божией и жрецом и общником чрез Причащение соделавшись, срасленным быть обязан стал ты и подобию смерти Его, не ктому себе живя, но, по Апостолу, Распеньшемуся и Умершему за тебя (2 Кор. 5, 15). Если же для плоти и мира страстно живешь ты, то уготовляешь себя после смерти на вечное мучение; если прежде кончины произвольно не перестанешь совершать безкровную жертву. Кому неизвестно, что многие из недостойно Священнодействующих восхищены быв отселе внезапною смертию, пересланы прямо в тамошня мучилища.

21) Один иерей и вместе монах, славившийся благочестием и многими по внешней видимости почитаемый досточестным, внутри же скрытно ласкосердствовавший и осквернявшийся, когда, совершая Божественную и Священную Литургию, дошел до херувимской песни, и преклонив, как обычно, выю пред святою трапезою, начал читать: никтоже достоин... внезапно оказался мертвым, потому что душа оставила его в этом положении.

22) Праваго разума и ведения ничего нет предпочтительнее. Ибо от сего поражается страх Божий и любовь к Богу: и тот очищает чрез благоговейство и самообуздания, а эта совершенствует, чрез светлое благонастроение и разсудительность, и ум соделывает свободно парящим в высоких созерцаниях и восхождениях горе. Но без страха невозможно прямо перенестись к Божественной любви и, минуя любовь, взлететь к уповаемому и почить в нем.

23) Поиди же ты мне, возжелавший спасения, теки с жаром и не зная утомления, пока достигнешь, —ищи притрудно, проси непрестанно, толцы терпеливо, пока уллучишь, водрузив на верху лествицы, как знамя, твердую веру и смирение. Достигшим же желаемаго почитай себя не тогда, когда получишь отпущение грехов, но когда перестанешь бояться возстания всяких страстей, без страха и с дерзновением готов бывая изыти из тела.

24) Со многими слезами взыщи приять удостоверение в спасении, однакож не прежде кончины, если ты смиренномудр, чтоб иначе потом, обеззаботившись, не вознерадеть о деле спасения; но тогда близ исхода обрести его, молись, — несомненное впрочем, — чтоб, дерзновенно на посмеяние себе возмечтав, что имеешь его, неокзаться не попавшим туда, куда мечтал метить, когда придет наконец

чаемое время. Куда же пойдешь ты тогда, окаянный, без залога и спасительного несомненного удостоверения, подаемого Духом Святым?!

25) Возжелав Боготворного безстрастия, прежде послушанием и смирением взыщи сего желаемого, чтобы, пошедши к нему другою дорогою, не причинить себе напрасных трудов. Безстрастие же стяжавшим должно почитать не того, кто иногда осаждаем бывает страстями, а иногда мирен и покоен бывает от них, но того, кто непрестанно наслаждается безстрастием, и когда присущи причины страстей, недвижимым от них пребывает, и когда помышления о них приходят, ничего от того не претерпевает.

26) С бранию и укорами, дерзко приступает враг к душе, изшедшей из тела, как горький и страшный обличитель падений ея. Но можно увидеть тогда, как Боголюбивая душа, хотя прежде часто многими уязвляема была грехами, нисколько не поражается его нападениями и угрозами, но утверждаясь в Господе, окрыляется радостью, исполняется дерзновением, видя сопровождающая ее Святыя силы, и, ограждаема будучи светом веры, с великою небоязненностию, взывает к лукавому: «что тебе и мне, беглец с неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами. Над нами, как над всем, власть имеет Христос, Сын Божий. Ему мы согрешили, Ему и отчет дадим, поручителем имея Его к нам милосердия и нашего в Нем спасения Крест Его честный. Ты же беги дальше от нас, окаянный; ничтоже тебе и рабам Христовым». От таких дерзновенных речей души, хребет наконец дает Дьявол, воплями раздираемый, не могши устоять пред именем Христовым. Душа же после сего, миновав область князей воздушных, обрадованная относится Божественными Ангелами в определенное ей, по ея устройению, место.

27) Любовь к вещам текучим да не увлекает к земле тебя, горняя мудрствующаго. Если же какое пристрастие к земным благам вяжет тебя, то ты подобен орлу, уловленному сетью за коготь, и не могущему взлететь в высь. Имей же и почитай все уметами (Фил. 3, 8), в надежде лучшаго; и, когда время потребует, сбросив самую плоть, свободно последуешь ты за ведущим тебя Ангелом.

28) Как не возможно монету, не имеющую царской печати, внести вместе с обыкновенными в царскую сокровищницу; так не возможно без праваго ведения и безстрастия приять залог тамошняго блаженства, и с дерзновением и уверенностию выдти от — zde к уповаемому и сочетаться с избранными. Ведением же называю не мудрость, но неложное познание Бога и Божественнаго, коим Боголюбивый, не влекомый долу страстьми, возвышается к обожению, благодатию Святаго Духа.

29) Хотя бы ты, все относящееся к деятельной жизни, прошел, не надейся на себя и при этом, будто достиг уже безстрастия и можешь беззаботно вращаться в мире; чтобы в таком случае, набрав страстных видов, до возвращении к себе, не встретил ты в этом чего либо не благоприятнаго порядкам жизни своей. Но всегда, под пестунством страха, усердно пекись о своем изменчивом и превратном естестве, благоразумно удаляясь от причин страстей. Ибо безстрастие в высшей степени неизменное, бывает лишь в достигших совершенной любви и непрестанным созерцанием держимых выше всего чувственнаго и возшедших на верх смирения, которых уже не касается пламя страстей, пресекаемое гласом Господа, ради преложения их в нетление.

30) Безстрастия не желай прежде времени, чтоб не пострадать тогоже, что пострадал первозданный, не зрелаго вкусивший древа познания; но трудясь с терпением во всестороннем воздержании и непрестанной молитве, и храня с самопрезрением и крайним смирением деятельные навыки и порядки, примешь после сего во время благоприятное, и благодать безстрастия, сие пристанище

упокоения, после бурь и тревог. Ибо не обидлив Бог, чтоб для право шествующих отворить, когда должно, дверь безстрастия.

31) Иди ко мравию, о лениве (Притч. 6, 6), — и научись от него трудолюбному деланию. Но при этом не забывай, что во благих наших не имеет нужды Бог, ни в чем не имеющий недостатка и всем преисполненный; но Сам благодворит богато даровито, и спасает по благодати благоумных, и верных Ему произволением и благодарных; хотя человеколюбно приемлет посильныя их делания. Итак, если ты трудишься, как должник Ему за прежния Его тебе блага, добре творишь, — и близка к тебе милость Божия; если же должником думаешь иметь Бога за делаемое тобою по видимому добро, то ты заблудил, уклонясь от прямого пути: ибо как благодетель — должник? — Впрочем теки и так, как наемник; и мало помалу преуспевая, достигнешь, по милости Божией, искомаго.

32) Хочешь ли, я покажу тебе и другой путь ко спасению, или лучше, к безстрастию? Докучай Создателю своему, сколько сил есть, молитвами, чтоб не уклониться от подлежащей цели твоей, ходатаями пред Ним всегда предлагая всенебесныя силы и всех Святых, и со Пресвятою Богородицею; и безстрастия не ищи, как недостойный такого дара, но проси притрудно спасения, и с ним подучишь и безстрастие, из коих одно подобно серебру, а другое золоту чистому; имей и сокровенное наипаче делание, сию Божию рабу, и некоторых сокровенных таин словеса к Богу, боготворящая тебя, коими Он благоугождается и преклоняется.

33) Подвизайся залог спасения приять внутрь, в сердце твоём, несомненным удостоверением; чтоб иначе во время исхода неожиданно не встретить страха и трепета. Почитай же себя получившим сей залог, когда возмеешь сердце свое незазирающим тебя ни в каком прегрешении и совесть, небиющею в прогневаниях; когда дикость зверских страстей подчинилась тебе, благодатию Божиею; когда слезы утешения сами собою льются у тебя и ум чисто и без мечтаний молится; и когда радостно с готовностью сердца ожидаешь смерти, для многих страшной, которой желали бы они избежать.

34) Глаголы живота вечнаго, которые, как засвидетельствовал Апостол Петр (Ин. 6, 68), имеет Бог — Слово, суть глаголы о том, что им совершено, которыми тайноводствуемый к Нему еще от — где стяжевает и вечную жизнь и залог Духа и непостыдную надежду спасения. Но сего не сподобляется тот, кто предпочитает душе плоть, и имеет пристрастие к земным благам и услаждается ими.

35) Словесен (logicos — разумен) не тот, кто имеет произносимое слово (имеет способность говорить членораздельно): ибо таков всякой человек; но тот, кто словесною (разумною) силою ищет и изследует, как обрести Бога. Впрочем никогда не найдет он, что есть по естеству Преестественный. Это невозможно ни для какого естества; но в премудром благоустроении всего сущаго, в промышленности о нем, его сохранении, направлении и управлении, как бы созерцается и осязается красоты сей хитрец рододелатель и родоначальник (Прем. Сол. 13, 1. 4, 5), как домостроитель познается из дела рук Своих.

36) Нестяжательности не стяжешь, как должно, без безстрастия, ни безстрастия без любви, ни любви без страха Божия и чистой молитвы, ни этих без веры и безпопечения, коими окрыляемый ум бросает долуплежущее мудрование, воспаряет в горнее и обозревает его, ища Владыку своего.

37) Лобызай чистоту, как зеницу ока своего, да будешь храм Божий и дом Ему желанный: ибо без целомудрия невозможно соделаться своим Богу. Пораждает же сие любовь к Богу, безпристрастие к миру и удаление от него, а сохраняет смиренномудрие, воздержание, молитва непрестанная,

созерцание духовное (Богомыслие), плачь и рассуждение, — доброты коего не улучишь ты без безстрастия.

38) Никто да не введет тебя в заблуждение, будто без святыни (чистоты), в противность слову Апостола (Евр. 12, 14) можно узреть Бога. Ибо Господь, всеблагий и всякой чистоты превыше сущий, неблаговолит внутренно являться нечистому. Как недостойн Его, паче Его любящий отца и мать, или дочь и сына; так недостойн Его и тот, кто любви к Нему предпочитает чтонибудь временное и вещественное и тем паче этот мерзкий и смрадный грех. От того, кто не отвращается от сей нечистоты, отвращается Бог, так как ниже тление нетления наследствует (1 Корин. 15, 50).

39) Божественной любви без ведения не сподобишься, и ведения без веры, Веру же разумею, не просто нагую, но пораждаемую деланием добродетелей. Истинное же сокрушение тогда улучишь, когда воздержанием, бдением, молитвою и смирением иссушив срасленную с плотию твою сласть похотную, сораспнешься Господу Иисусу, и не будешь уже жить страстно, а начнешь жить Духом, сообразуясь с надеждою вышняго звания и избрания (2 Петр, 1, 10).

40) В сем познах, яко восхотел мя еси, вопиет к Богу Пророк, яко невозрадуется враг мой о мне (Пс. 40, 12), до конца тираня и безчестя меня страстьми. Но прежде конца исхити меня из рук его, и, дав мне пожить духовно, поблагоугодному Тебе, благоволи по блаженной кончине, спасенным представить меня Твоему престолу, и от — zde несущим залог спасения, по милости Твоей, и несомненное в нем удостоверение; так как обрестись в час исхода неготовым и трепещущим, я почитаю бедствием невыносимым, горчайшим и злейшим самой смерти и ада.

41) Не простое и не случайное какое дело — вера и надежда; но вера требует души твердой, а надежда нрава и сердца праваго. Ктому же, кто легко поверит невидимому без благодати? И кто возимет надежду о будущем неясном, если не имел какого либо праваго опыта дарований Господа, из которых мог бы он получить удостоверение и о будущем как о настоящем? В обеих сих добродетелях требуется и сила нашей воли, и манование и помощь Божия, коих когда нет, тщетен труд наш.

42) Порождением истинной добродетели бывает, или ведение, или безстрастие, или то и другое вместе. Почему если бы кто тщетно стал искать в нас этого; то было бы неложно, что добродетель наша есть только кажущаяся добродетель, а не истинная. Ибо еслиб она не была такою, то была бы богата и плодами, а не одними листьями. Таким образом побуждаемый на добро, или человекоугодием, или самоугодием, или другим чем, неугодным Богу, лжив и не Боголюбив. Но если мы исправим побудительную причину, то несомненно достигнем совершенства в истинной добродетели, которая в свое время и в должной мере, принесет нам и ведение и безстрастие благодатию всеблагаго Бога нашего.

43) Уразумевай умышления врага (2 Кор. 2, 11) просвещением благодати, и повергая себя пред лицом Бога со слезами, исповедуй немощность свою, ни во что вменяя себя, хотя обольстител наш и внушает думать, что мы нечто. Не ищи преподания тебе дарований, если оне не способствуют спасению и сохранению смиренномудрия; ищи же ненадымающаго знания, как причины Боговедения, и того, чтоб не быть до конца насилуему страстьми, как тираннами. и разрешиться от плоти в безстрастии, или, по крайней мере, в болезновании о прегрешениях.

44) Как нельзя взлететь в высь, без крыльев, так нельзя улучшить и уповаемаго, без несомненнаго удостоверения в том еще от — zde; удостоверение же сие пораждается из смирения, или от благодати

Святаго Духа в тех, кои совершенно благоугодили Богу, которым конечно свойственно и безстрастие, или отчасти или совершенно, смотря по мере их Богоугождения и очищения. Те же, которые в ином виде исходят из тела, как в зиму страстей или в субботу (т. е. без дел добродетели) (Мф. 24, 20), подлежат суду и истязанию, во время воздаяния.

45) Спасаемый туне, благодари Спасителя Бога. Если же желаешь и дары принести Ему, принеси благодарно от вдовствующей души своей две лепты, — смирение, разумею, и любовь. И Он примет их, — что добре ведаю, — паче многого богатства добрых дел, ввергаемых многими в газофилакию спасения. Если же ты, как Лазарь, имеешь нужду в оживлении, умерши от страстей, эти же самыя добродетели, как родных сестер, предпосли ходатаицами пред Ним, — и всеконечно получишь искомое.

46) Исправляя, как должно, деятельную сторожу добродетельной жизни, чрез это одно не можешь ты достигнуть пристани безстрастия, так чтобы чисто и непарительно мог молиться; если в то же время ума твоего не будут обымать духовныя созерцания просветительнаго ведения и познания сущаго, коими окрыляясь и просвещаясь, стремительно возвышался бы он горе, в истинной, всецело любовию дышащей, молитве, к родственным ему светам вышних невестственных чинов, а от них, сколько доступно, к великому возносился бы свету, к тресолнечной Богоначальной Троице.

47) Не будем мы наказаны в будущем веке за то, что грешили, и не будем осуждены по сей причине, получив естество изменчивое и непостоянное, но за то, что, согрешив, не покаялись, и не обратились от злаго пути к Господу, получив власть и время имея на покаяние. Бог благ и милосерд к кающимся хотя изображается Он угрожающим и гневающимся, но это на зло и грех, а не на нас, которых всегда готов принять, коль скоро увидит слезу сокрушения на лице нашем. Да и вообще Он бывает таков к нам, каковы дела и расположения наши, каждому воздавая по достоинству его жизни.

48) Когда случайно пошатнешься в добром стоянии, не трепещи, а, выпрямясь поскорее, спеши возвратиться к прежнему благоустроению, печалию, жалением, самоукорением, и слез довольным излиянием, в сокрушении духа; в силу коих, изшедши из случившагося падения, внидешь в лоно спасительнаго радования, полагая в сердце, вперед твердо стоять, чтоб опять, прогневив Судию, не иметь нужды в слезах и сокрушении в очищение: ибо если здесь этого не будет, то всеконечно в будущем не миновать нам мук достойных.

О С В Я Щ Е Н С Т В Е.

49) Опять у нас слово о пречестном священстве, какого ангельскаго устрения и какой чистоты требует оно, а попринятии его еще большей, чем прежде, твердости и целомудрия: ибо если нечистое скольконибудь следует очищать, то чистое как допускать до осквернения? Иначе, если свету попустим омрачиться, и к масти благовонной примешаем что зловонное, то имеем наследовать увы, — и пагубу, как святотатцы, подобно Анании и Сапфире.

50) Если и кажется тебе, что ты, из сосуда погибельнаго и непотребнаго, достойно вступил в Ангельский и Божественный чин священства, ради малой некоей чистоты, став сосудом избрания благоприятным Господу, по Апостолу; то все же всеусердно блюди незапятнанною честь, которой ты сподобился. Храни Божественный дар, яко зеницу ока, чтоб причастившись без должнаго внимания, не быть с высоты низринуту в бездну, из которой трудно будет тебе найти выход.

51) Как муж разумный разумеи, что когда Бог есть оправдаяй, то кто будет осуждаяй (Рим. 8, 34)? И если, быв призван, вступил ты в благодатный премирный чин Божественнаго священства, нечего

тебе беспокоиться о прошедшей жизни, если тебе и запятнаться случилось, но тотчас же с Божиею помощью и очиститься и исправиться, Но после сего первую заботою, внимательною и трезвенною да будет у тебя — не омрачать благодати сей; чтоб если кто неразумно и будет осуждать рукоположение твое в священство, по причине прежних твоих дел, услышал он во вразумление Божественный глас, взывающий: яже Бог очистил есть, ты не скверни (Деян. 10, 15).

52) Легок чин священства и благо иго его; но если кто, вместе с тем, как приемлет его, начинает и исправлять его, как должно, и если не было покушения получить благодать Божественного Духа куплею. Если же человеческим исканием и тленным даром мнится купленным непокупное и непродажное; то как звание при сем было не свыше, так и бремя это будет очень тяжело, как носимое не по достоинству и выше сил, и иго это жестко, стирать будет выю и сокрушать силу влекущего его, пока не истощит и не измождит его в конец, если не сложит.

53) Дерзновенно подшедши под иго священства, право твори пути свои и право правь слово истины, со страхом и трепетом содеяв чрез то свое спасение. Ибо Бог наш есть огонь поядаяй: и если ты коснешься Его, как золото, или и серебро, то не бойся пожжения, как вавилонские отроки в печи; если же ты травяной и тростниковой, из удобно возгорающагося вещества, как земная мудрствующий, то бойся, чтоб не быть пожжею небесным огнем, если не убежишь от гнева, как Лот, воздержанием от страшных тайн, или не поспешишь омыться в слезах покаяния. Только осырившись водою слезною ты станешь не опалим и не уязвим для огня правды, как некогда слабое растение купины. В таком случае я не знаю, есть ли какой из грехов, на кои мы так скоры по немощи своей, который не был бы изглаждаем Божественным огнем в служении, совершаемом с полною чистотою, или действительным очищением.

54) Не осилив же отстать и очиститься от страстного расположения, по причине долговременной привычки, как дерзаешь ты, окаянный, касаться того, что и для Ангелов неприкосновенно? Итак или вострепещи и воздержись от Божественного священнодействия, и тем умилистави правду Божию, или как безчувственный и неисправимый, попускай себя впасть в руки Бога живаго, Который не пощадит тебя человеколюбно, но накажет немилосердо за то, что ты безстыдно дерзаешь приступать к царской брачной вечери, с душею оскверненною и в рубищах, когда ты недостойн даже входа в царский чертог, а не только возлежания на его вечери.

55) Знал я одного из освященных, который дерзал приступать к Божественному тайнодействию недостойно, по причине блудной, владевшей им страсти. Впал он за это в тяжкую и неизлечимую болезнь и приближался уже к смерти. Поелику таким образом, все сделав для уврачевания своей болезни, не успел он ни мало, и болезнь не только продолжалась, но еще усиливалась; то пришедши в чувство и сознав, что умирает по причине недостойнаго литургисания, дал он с клятвою обет, что не приступит более никогда к священнодействию. За словом сим тотчас последовало и уврачевание болезни, так что и следа ея никакого не осталось.

56) Блистателен чин священства и священное облачение, но если посвященный имеет при сем внутри и душу блестящую чистотою. Когда же он сквернится с беспечною, и совесть, свидетельствующая о срамоте сей, презирается; тогда свет становится тьмою, виновницею и вечнаго мрака и огня, если, оставя путь сей, стремнинистый по обе стороны, не избрет он другаго, — жизни добродетельной со смирением, безбедно ведущей в Царствие Божие.

57) Получение спасения достигается добродетелию и в низком состоянии, а не досточестным

священством, требующим и жития равноангельного. Итак или будь безстрастен по ангельски, как бы вне мира и плоти сущи мудрованием, и таким образом вступи на эту небесную лестницу, или, сознав свою немощь, утрашись высоты, угрожающей и падшием великим для неисправных, и емлись за жизнь, общую большинству, не меньше однакож той особой приводящей к Богу и присвояющей Ему, в которой, если и пасть тебе случится, удобнее для тебя возстать покаянием, благодатию всемилостиваго Бога нашего.

58) Плоть и кровь Царствия Божия не наследует (1 Кор. 15, 50). Но ты, причащаясь плоти и крови Бога, и бываешь сотелесен Ему и сорастворен с кровию Его; почему имеешь уже внутри себя Царство Небесное: как же осаждаем бываешь ты страстями плоти и крови? Боюсь, что не пребудет в тебе Дух Божий, как в плотяном (Быт. 6, 3), и в час Суда разсечен ты будешь полма: тогда возьмут от тебя всечестное священство, как от недостойнаго такой благодати и отошлют тебя на вечное мучение во ад.

59) Будто страха Божия нет пред очами твоими, что ты, кажется, маловажным нечим считаешь недостойное священнодействие, прельщаем бывая самолюбием, подлагающим тебе, что Божество благо. На этом почивали некогда Дафан и Авиррон, пока не поглотила их земля. — Ужаснись того же и ты, и истинно убоясь страха, идеже есть страх (Пс. 13, 5), держи в мысли, коль велико дело есть Священнодействие: и, или достойно и чисто, — чтоб не сказать, — равноангельно, пользуйся властью Божественнаго священства, или отступи от сего страшнаго служения, как человек разумный; чтоб иначе, небрежничая ныне в сем деле, и совесть свою, обличающую тебя, обманывая, софизмами некогда, когда все будет право разсуждено и осуждено, не возопил ты со стенанием: страх, егоже ужасался, прииде ми, и егоже бояхся, сplete, мя (Иов. 3, 25)!

60) Трезвенно и болезненно, во первых о себе самом приноси с сокрушением и слезами миропасительную Священную жертву во очищение: ибо кто так, как ты, поболезнует о тебе и станет приносить о тебе жертву, когда умрешь? Почему прозревая имеющее быть, как бы уже похороненнаго поминай себя, в ходатайство о спасении твоём предлагая Богу сии святыя дары на трапезе, воспоминай Его вольное здесь и человеколюбивое заступление.

61) Какое несказанное и невыразимое утешение, когда душа с уверенностию во спасении отделяется от тела, слагая его, как одежду! Ибо, как бы во обладании сущи уповаемых благ, она оставляет его безпечально, с миром идя к Ангелу, свыше сходящему к ней с радостию и веселием, и вместе с ним безпрепятственно проходя воздушное пространство, никакому не подвергаясь нападению со стороны духов злобы, но в радости восходя с дерзновением и благодарными возгласами, пока достигнет поклонения Творцу, и там получит определение быть помещенною в сонме подобных ей и равных в добродетели, до общаго воскресения.

62) Страшное скажу тебе слово; но не дивись. — Если и не достигнешь безстрастия, по причине, может быть, тиранских предрасположений, но находясь во время исхода в глубоких чувствах смирения, ни чем не меньше безстрастнаго, вознесешься на облаках. Ибо пусть сокровище безстрастных составлено бывает из всякой добродетели; но драгоценный камень смирения, паче всех их досточестен и высок, и стяжавшему его доставляет не только умилоствление пред Богом, но и вход вместе с избранными в брачный чертог Царствия Его.

63) Приемля от Бога оставление прегрешений, славь Его, что непомня твоего зла, не отмщает тебе за

него, и всеусильно охраняй себя от произвольных падений. Ибо хотя и в них возможно получать прощение всякой день до самой смерти; но ты оказываешься неблагодарным, если так легко и в ведении согрешаешь. Впрочем, если, камнем благонадежия отгнав пса отчаяния будешь неотступно и терпеливо умолять благодать Божию, то простятся тебе многие грехи, чтоб и ты возлюбил Многоблагодатного и Преплагаго, в веке грядущем.

64) Когда, по действию Божественной благодати, предстанешь ты пред Богом в молитве со слезами, пади ниц, крестообразно престершись на земле и, ударяя главою, проси отпущения от — зде, как освобождения от тления, и избавления от искушений; но не как тебе желательно, но как, когда и где, благоизволит Бог, желай изыти, и даже с любовию готовность изъясляй соизыти вместе с сими слезами ко Господу в глубоком смирении, чтоб утолить пламень желания своего и искания; но соглашайся потерпеть и отсрочку в настоящее время, если Бог прозревает нечто лучшее. Одного только настоятельно и неотступно ищи, — чтоб не отпасть от Бога; — чего для сего не деля, чего не говоря. чего не намеревая, и чего не предпринимая.

65) Будучи плотоносцем, не покушайся исследовать мысленного и духовного, как оно есть, хотя умность души твоей и располагает тебя к сему, когда бывает чиста. Ибо пока не телесная душа, держимая в узах плоти и крови, не отрешится от сей дебелости, и не станет быть с умными силами, дотоле не может, как должно, помышлять о них и понимать их. Итак предуготовляясь изыти из своей связи вещественной, как из второй матерней утробы — мрачной, в невещественное оное и светлое существование, благодушествуй, славя благодетеля своего, переводящаго нас чрез смерть к чаемому нами лучшему бытию, — непрестанно трезвенствуй и бодрствуй, по причине окрест нас ходящих нечистых демонов, всегда наветующих против нашего благобытия и пята нашу коварно блюдущих до самага конца жизни, — и до самага исхода своего трепещи за себя, по причине безвестности будущаго, как созданный превратным и изменчивым по самовластию своему.

66) Враг тогда встречает нас жестокими и страшными искушениями, когда почует, что душа вступила в высшия меры добродетели. Свидетельствуется же это словами молитвы и возвышением ея над вещественною двоицею плоти и чувств. И тогда человеконенавистник так злобно искушает, что нам приходится даже в жизни отчаяваться. Но не знает он, суетный, каких благ бывает для нас виновником, деля нас чрез терпение более опытными и светлые нам сплетая венцы.

67) Нет другаго столь великаго подвига, как подвиг целомудрия и девственности. Честно хранящий безбрачие составляет предмет удивления для Ангелов и увенчивается не менее мучеников. Ибо от того, кто будучи связан плотию и кровию, всегда старается подражать безвещественности безплотных посредством чистоты, сколько требуется трудов и потов? И воистину, столь велико и высоко это дело, что было бы невозможным, как выше—естественное, если бы Бог свыше не являл Своего заступления, укрепляя и утверждая немощное и бренное естество, и неким образом от земли возставляя его Божественною любовию и упованием обетованных воздаяний.

68) Усыренная многопитанием и многоспанием плоть, — великая препона целомудрию. Истинное же целомудрие и в сонных мечтаниях пребывает неподнижным. Ибо если ум во сне услаждается ими, то это служит признаком, что он носит во глубине болезнь сей страсти. Если же благодатию Божиею сподобится он во сне беседовать с Богом, то явно, что он пребывает для сей страсти неприкосновен; почему и во всякое время бывает души и тела бодренным стражем, держа их в мирном между собою устроении, и как пес некий бодрствуя над ними по причине злокозненных

волков, и чрез то избегая хищничества.

69) Странное скажу тебе слово; но не дивись. Есть некое сокровенное таинство, между Богом и душою совершающееся. Бывает же сие с теми, которые достигают высших мер совершенной чистоты, любви и веры, когда человек, совершенно изменившись, соединяется с Богом, как свой Ему, непрестанною молитвою и созерцанием. На сей находясь степени, Илия заключает небо на бездожде, и небесным огнем посылает жертву; Моисей пресекает море и воздеянием рук обращает в бегство Амалика; Иона избавляется от кита и глубины морской. Ибо нуждение некое бывает при сем для человеколюбивейшаго Бога, в меру однакож того, как сие с Его волею согласно. Сподобившийся сего, хотя и плотию обложен, но превзошел меру тления и смертности, как обыкновенный, сон приемля смерть, к его утешению пересылающую его к тому, чего всегда чаял он.

О С В Я Щ Е Н С Т В Е.

70) Благоговей пред Владычными страстями, и пред истощанием за нас Бога — Слова, а таже и пред жертвою и срастворением в нас животворящаго и Божественнаго Тела и Крови, коих не только причастия, но и Священносовершения сподобляемся мы, смиряя себя, как овча заколения, почитая всех воистину превосходящими тебя, и всячески блюдишь, как бы не уязвить чей либо совести. Без очищения же себя не дерзай прикасаться Святым Тайн, чтоб не пожжену быть как сено, Божественным огнем, и как воск растаяв, не разлиться?

71) И воистину, если будешь, как должно, совершать сие Божественное, всечестное, и страшное священнодействие, и совесть ни в чем не будет укорять тебя; то ни в чем другом не обрешь ты столь удостоверительнаго упования спасения, как в нем. Ибо от него получится тобою благо, паче всякаго другаго делания и созерцания. — Если же не так, то сам смотри, что сие значит. — И всеконечно лучше, по сознанию своей немощи отказаться от высокаго чина священства, нежели с сознанием своего недостойнства и нечистоты принять его, и носить, и кажась для многих высоким, быть на деле по недостойнству, подобным трупу, достойным плача.

72) Служение честнаго священства и его умилоствление Бога и неотступное за всех пред Ним ходатайство столько превосходит всякое псалмопение и молитву, сколько солнце звезды. Ибо самага Единороднаго приносим мы в жертву, — Его, по человеколюбию туне заклавашагося за грешников, предлагаем и приводим в умоление не только об оставлении грехов, но и о даровании всего, в чем имеем нужду, и о чем молимся: и Тело, с Божеством соединенное, как некий уголь посылает всякое беззаконие и сердца просвещает с верою приступающих; равным образом и Божественная и всечестная Кровь паче всякаго иссопа, омывает и очищает всякую нечистоту и скверну тех, кои дерзают приступать к Святым Тайнам со всевозможным сокрушением и уповательным умилением. Где можно получить что либо такое?!

73) Не вознесшееся на небеса тело Бога Слова, как сказал некто из Святых, с небес сошедши жрется, но самый хлеб и самое вино предлагаются в Тело и Кровь Христовы, при совершении с верою, страхом, любовию и благоговением Божественнаго таинства удостоенными честнаго священства, в коем таинстве совершается сие пременение одного в другое, действием и наитием всесвятаго Духа. Какая же чистота и святость требуется от Иерея, касающагося Божественнаго Тела, и какое дерзновение, когда он должен являться посредником между Богом и людьми, имея смолитвенниками себе, со Пресвятою Богоматерию, небесныя Ангельския чины, и всех от века Святых? Мне кажется, Ангельския, или Архангельския: ибо по сану следует быть и качествам.

74) Заметить тебе надлежит, брате, что Святыя дары, имеющие быть освященными, для того предлежат открытыми после Символа веры, что они неким образом как бы молятся о приносящих, и вопиют неизрекаемыми гласами к Живущему на небесах, да не презрит их, но да призрит на них, вспоминая вольное за грешников истощание Сына своего, Его неизреченное схождение и человеколюбивое заклание, Ибо не праведным нам даровал Он чрез Свои страдания искупление и спасение, но падших нас помиловал и возставил, яко благий и незлобивый.

75) Хотя тщаяся о чистой, с Богом невещественно соединяющей невещественный ум, молитве, и достиг ты уже того, что, как в зеркале, видишь имеющую сретить тебя после конца здешней жизни, участь, как принявший залог Духа и Царствие Небесное внутри стяжавший всем чувством с полным удостоверением; при всем том недопусти себя разрешиться от плоти без предузнания смерти, но и усердно молись об этом и внутренно благонадежен будь улучшить сие, если будет благоугодно Богу и полезно тебе, пред исходом, — к коему и уготовляй себя денно—ночно, отревая всякую боязливость, как бы, прошедши воздушныя пространства и избежав духов злобы, дерзновенно и небоязненно быд ты уже в небесных областях, споставляемый с Ангельскими чинами и сопричисляемый к избранным от века праведникам, и Бога зря, сколько сие доступно, или всячески зря блага, от Него нам уготованныя, и Бога — Слово созерцая, лучами своими освещающего все пренебесное, поклоняемаго единым с пречистою плотию своего поклонением, купно со Отцем и Святым Духом, от всех небесных сил и Святыя всех. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФИЛОФЕЙ СИНАЙСКИЙ

КРАТКОЕ СВЕДЕНИЕ

ПРЕПОДОБНОМ ФИЛОФЕЕ СИНАЙСКОМ.

Преподобный отец наш Филофей был Игуменом словеснаго монашескаго стада, что на Синае, и получил от того прозвание Синайскаго. В какое время он жил и когда скончался, неизвестно.

Настоящее, разделенное на 40 глав его слово, прекрасно составленное, исполнено, и сказать нельзя, коль великой духовной мудрости и душеспасительности. Почему сочтено несправедливым отделить его от состава пречих отеческих писаний о трезвении. — И оно требует большаго внимания: ибо еслиб кто назвал его точным истолкованием и верным правилом трезвения, хранения ума и чистоты сердца, не погрешил бы против истины.

ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФИЛОФЕЯ

СИНАЙСКАГО

40 глав о трезвении.

1) Есть в нас мысленная брань, более тяжелая, чем чувственная. Делателю благочестия надобно тако теши и ту цель преследовать умом, чтоб, как маргарит какой, или камень многоценный, в совершенстве усокровиществовать в сердце память о Боге. Надобно оставить все, даже тело, и презреть самую жизнь настоящую, чтобы Бога единого стяжать в сердце своем. Ибо св. Златоуст сказал, что умнаго Боговидения од—ного достаточно к тому, чтоб истребить лукавых.

2) Ведущие мысленную брань должны со всем усердием избрать себе, по указанию Божественных Писаний, духовныя делания и возложить их на ум, как целительныя пластыри. Так с утра, говорит некто, должно мужественно и неотступно стоять у двери сердца, с крепкою памятию о Боге и непрестанною в душе Иисусе Христовою молитвою, и сею мысленною стражею убивать всех

грешников земли, т. — е. верною, усиленною и горе восхищающею памятию о Боге посекать, ради Господа, главы сильных и начала брань воздвигающих помыслов: ибо как знаем, и в мысленных подвижнических трудах есть свой некоторый Божественный чин и порядок действия. — Так должно делать нудящим себя (царствия ради), пока настанет положенное время вкушения пищи. После сего, благодарение воздав Господу, по единому человеколюбию своему питающему нас двоякою пищею и духовною и телесною, должно томить себя памятованием и размышлением о смерти. А на следующий день опять надо самодержавно браться за утреннее дело. Ибо и при таком каждодневном образе действия, едва — едва возымеем мы в Господе избегнуть сетей мысленного врага. Такое делание впрочем, утвердившись в нас, раждает следующие три добродетели: Веру, Надежду и Любовь, из коих Вера располагает нас к истинному страху Божию, а Надежда, преодолев рабский страх, приводит человека к любви Божией. Если Надежда не посрамляет, порождая обыкновенно двоякую любовь, на которой висят закон и пророки; то с своей стороны и Любовь николиже отпадает, ни в сем веке, потому что здесь в причастнике своем она бывает причиною исполнения Божественных законоположений, ни в будущем.

3) Редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтоб привлечь к себе Божественную благодать и исполниться истекающим от ней духовным утешением. — И так если, подобно им, хотим проходить умное делание, сию философию Христову, в хранении ума и в трезвении, начнем путь сей воздержанием от многих яств, положив принимать пищу и питье, сколько возможно, малою мерою. Трезвение справедливо называется путем, потому что оно ведет в Царствие, — и то, которое внутри нас, и в будущее, — и умным детелищем (мысленною мастерскою), потому что оно выделяет и убеляет (полирует) нравы ума и страстное переделывает в безстрастное. Оно подобно также световому оконцу, чрез которое Бог приидиши является уму.

4) Где смирение, память о Боге с трезвением и вниманием и частая против врагов устремляемая молитва, — там место Божие, или сердечное небо, в котором полчище бесовское боится стоять ради того, что в месте сем обитает Бог.

5) Нет ничего разорительнее многословия и зловреднее невоздержного языка; и ничто столько не сильно разстроивать и истреблять богатство душевное. Ибо, что каждый день созидаем в себе, то многословие снова разоряет и, что трудом собираем, то чрез языкоболие душа снова расточает. Что хуже сего (языка невоздержного)? Он — неудержимое зло. Надобно положить ему предел, обуздать его и стеснить, и, скажу так, заставить его служить только нужде. — И кто может высказать весь душевный вред, происходящий от (невоздержного) языка?

6) Первая дверь, вводящая в мысленный Иерусалим, во внимание ума, есть разумное молчание уст, хотя ум еще и не безмолвствует; вторая — мерное (малою мерою определенное) воздержание в пище и питии; третья, очищающая ум и тело, — непрестанная память и размышление о смерти. Узрев однажды красоту сей последней, и, духом, а не оком, уязвившись и усладившись ею, я возжелал стяжать ее себе в сожительницу на целую жизнь, возлюбив ее благообразием и благолепием. Как она смиренна, радостопечальна, задумчива, как страшится будущего праведного истязания и как боится продления (случайностей) жизни! Из чувственных очей своих она обычно источает целительную живую воду, а из очей мысленных — обильный источник премудрых помышлений, который теча и скача веселит разум. Эту-то, как я сказал, дочь Адамову, т. — е. память о смерти, жаждал я всегда

иметь сожительницею себе, с нею спать, с нею беседовать и вместе с нею исследовать, что имеет быть со мною, по отложении тела сего; но часто не позволяло мне этого пагубное забвение — сия омраченная дочь диавола.

7) Есть брань, в которой духи злобы в тайне сражаются с душою посредством помыслов. Ибо как душа невидима, то зложелательныя оныя силы, сообразно с ея существом, и нападают на нее невидимую бранию. И можно видеть, как у тех, так и у ней, и оружия, и планы (расположения войск и ведения брани), и обманчивыя ухищрения и устрашительныя нападения (стремительный натиск, чтоб устрашить), и обоюдныя рукопашныя схватки и победы и поражения с той и другой стороны. Одного только недостает в этой мысленной, описываемой нами брани, сравнительно с бранию чувственною, определеннаго времени объявления войны. Для чувственной брани обыкновенно определяется время и свои в отношении к ней соблюдаются, порядки; а эта (мысленная) без предъявления внезапно приражается окрест самых глубин сердца, и получив жребий (избирательный; иначе: взяв перевес чрез согласие сердца на внушаемое), убивает душу посредством греха. Чего ради и для чего воздвигается против нас это, ратование и борьба? Того ради, да не будет исполняема нами воля Божия, о коей молимся, говоря: да будет в нас воля Твоя (Лук. 11, 2), т. — е. заповеди Божии. И если кто, установив ум свой, от блуждания в совершенной трезвенности в Господе, станет тщательно наблюдать за их (врагов невидимых) вторжениями (в сердце), и соплетениями (схватками с трезвящимся умом), происходящими в мечтаниях фантазии, тот узнает это из опыта. Посему и Господь, цель Свою направляя против злобных демонов, и, как Бог провидя их замыслы, в противность их цели постановил Свои заповеди, с угрозою нарушителям их.

8) Когда приобретем некоторый навык в воздержании и удалении от видимых зол, производимых пятью чувствами; то после сего возможем и сердце свое блюсти с Иисусом и просвещаться в нем от Него, и с теплым некоторым расположением вкушать умом благодати Его. Ибо не для другаго чего приняли мы закон очищать сердце, как для того, чтоб, когда облака злых помыслов изгнаны будут из атмосферы сердца и разогнаны непрерывным вниманием, мы могли как в ясный день, чисто видеть Солнце правды — Иисуса, и сколько нибудь просветиться в уме словами величества Его; ибо обыкновенно они открываются не всем, а только тем, кои очищают смысл свой.

9) Мы должны каждодневно держать себя в таком настроении, в каком надлежит являться пред лицом Бога. Ибо Пророк Осия говорит: милость и суд храни, и приближайся к Богу твоему выну (Осии 12, 6). Опять и Пророк Малахия от лица Божия говорит: сын славит Отца и раб господина своего убоится: а аще Отец есмь Аз, то где, слава Моя? и аще Господь, есмь Аз, то где есть страх мой, глаголет Бог Вседержитель (1, 6). Тоже и Апостол пишет: очистим себе от всякия скверны, плоти и духа (2 Кор. 7, 11). И премудрость внушает: всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходище живота (Прит. 4, 23). И Сам Господь Иисус Христос заповедует: очисти внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 26).

10) Плодом неуместных пустых бесед бывает иногда ненависть к нам от тех, кои слушают; иногда же укор и осмеяние, когда зазрят они неразумие речей наших; иногда осквернение совести, а иногда осуждение от Бога и опечаление Духа Святаго: что ужаснее всего другаго.

11) Тому, кто очищая сердце свое и с корнем исторгая из него грех о Господе, труд прилагает ко стяжанию Божественнаго ведения и успевает узреть умом незримое для многих, не должно возноситься из-за того над кем либо. Что между тварями чище безтелеснаго, и что многоведущее

Ангела? Однакож и он вознесшись низвержен с неба, как молния. Его высокоумие вменено ему Богом, в нечистоту. — Известно, как действуют выкапывающие из земли золото (т. — е. будь под всеми, как они под землею, чтоб достать золото ведения).

12) Апостол говорит: подвизаясь от всех воздержитесь (1 Кор. 9, 25). Ибо невозможно с насыщенным пищею чревом ополчатся против начал, против невидимых зложелательных сил, тем, кои связаны сею плотию, тяжелою и всегда похотствующею на духа. Несть бо царствие Божие брашно и питие (Римл. 14, 17). Мудрование плотское вражда есть на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может (Рим. 8, 7). Не может, очевидно, ради того, что будучи земно, составлено из соков, крови и мокрот, к земному всегда имеет пристрастие и услаждается погибельными удовольствиями настоящего века. Мудрование бо плотское смерть есть: сущии же во плоти Богу угодили не могут (Рим. 8, 8).

13) Потребно нам ведикое смирение, если искреннее имеем попечение о хранении ума в Господе, во первых, в отношении к Богу, и (во вторых), в отношении к людям. Всячески всегда должны мы сокрушать свое сердце, изыскивая и в дело вводя все, могущее смирать его. Сокрушает же и смиряет сердце, как известно, память о прежней нашей в мире жизни, если она припоминается нами, как следует. Также память о всех грехах от юности, когда кто пересматривает их умом по частям, обыкновенно и смиряет, и слезы раждает, и ко всесердечному благодарению Бога подвигает нас, как и всегдашняя действенная (до чувства доводимая) память о смерти, которая при том раждает и плач радостный со сладостию и трезвение ума. Преимущественно же смиряет мудрование наше и располагает потуплять очи в землю воспоминание о страстях Господа нашего Иисуса Христа, когда кто проходит их в памяти и все подробно воспоминает. Это подает также и слезы. Сверх того истинно смиряют душу великия Божия благодеяния, именно к нам, когда кто подробно перечисляет их и пересматривает: ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу) демонами.

14) Не чуждайся из самолюбия этих спасительных врачевств душевных, если ты таков, что имеешь в них нужду. Ибо иначе ты уже не ученик Христов, и не подражатель Павла, который говорит о себе: несмы достоин нарецися Апостол (1 Кор. 15, 9); а в другом месте сознается, что был прежде хульником, гонителем, и досадителем (1 Тим. 1,13). — Видишь ли, горделивец, вот и Святой, а не забывал прежней своей жизни? Да и все Святые, от начала создания до ныне, облачались в это последнее святое одеяние Божие (т. — е. в смирение). Сам Господь наш Иисус Христос, будучи Бог непостижимый, неведомый и неизглаголаный, в продолжение всей Своей во плоти жизни, облечен был в смирение; так что св. смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелию, и Владычнею заповедию и облачением. Также Ангелы, и все оныя светлыя Божественныя силы, проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордевшийся сатана, и как он в пример того, как надлежит страшится падения (в сей грех) Ангелам и людям, лежит, лукавый в бездне, за гордость свою явленный безчестнейшим пред Богом паче всякой другой твари. Знаем мы и то, каким падением пал Адам из-за гордости. Имея, пред очами такие примеры сей высокотворной добродетели, будем всегда смирать себя всячески, сколько сил есть, пользуясь указанными выше врачевствами. Смирим себя душою и телом, и в мудровании, и в желании, и в речах, и в помышлениях, и во внешнем виде, и внешне и внутренно. О чем особенно надобно заботиться, это — чтоб сущий за нас Иисус Христос, Сын Божий и Бог, не стал против нас. Ибо Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Прит. 3, 34). Не чист пред Господом

всяк высокосердый (Прит. 16, 5); смираяй же себе вознесется (Лк. 18, 14). Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, говорит Спаситель (Мф. 11; 29). — Внимати убо подобает.

15) Внемлите себе, говорит Господь, да не когда отягчают сердца ваши объядением, и проч. (Лк. 21, 34). Подвизаясь же от всех воздержитесь, по слову Апостола (1 Кор. 9, 25). Ведая все такая изречения, к нам обращенная в Божественном Писании, будем проводить жизнь свою в воздержании. Прежде всего, оставя многообразие яств, приучим тело свое к обычаю и чину добродетельному, давая ему пищи в меру. Ибо таким образом легко укрощаются и подчиняются разуму възгнания похоти, а если полную, по всему убеждению, говорит правду, то и движения гнева. Но и от других прегрешений удобнее при этом воздержаться, так как и добродетелию—то почитается у тех, кои самим делом и опытом проходят добродетели, всестороннее воздержание, т. — е., чтоб удаляться от всякаго вида зла. Так—то причина чистоты, после Бога, всех благ источника и подателя, есть равное на всякий день и мерою определенное воздержание от многоястия.

16) Как сатана, сопротивляясь Богу, в желании, чтоб не была; исполняема воля Божия, т. — е. заповеди, чрез нас воюет против Бога тем, что покушается воспрепятствовать исполнению ея: так опять Бог желая, чтоб нами была исполняема святая воля Его, то есть, как я сказал, Божественная и животворная заповеди, чрез нас при своем мановении, разоряет пагубное намерение лукаваго. Безумное желание врага, сопротивляться Богу тем, чтоб увлекать к преступлению заповедей Его. Бог сам низвращает чрез человеческую немощь. И посмотри, не так ли это бывает? — Все Божественная заповеди полагают законы для троичности души, и делают ее здоровою посредством того, что повелевают. Кто строго следует им, у того сия троичность соделывается истинно здоровою. Но против этой же троичности души день и ночь ведет войну и диавол. Если же сатана ведет войну против троичности; ясно, что он воюет чрез то против заповедей Христовых; ибо Христос чрез заповеди облагает законом троичность души, т. — е. раздражительную, пожелательную и мыслительную силы души. — И смотри: угроза, что гневающийся на брата своего всеу, повинен ест суду (Мф. 5, 22), и следующие за тем Его заповедания, — се врачевания раздражительной части. Эту заповедь, и прочия положенная вместе с нею, враг покушается низвратить внутри посредством помыслов любопытства, злопамятства и зависти. Знает этот противоборец (наш и Божий), что правитель раздражительной части есть сила мысленная. Почему в нее пгрежде и пускает стрелы посредством помыслов, как я сказал уже, подозрения, зависти, любопрения, сварливости, лукавства, тщеславия, и склоняет мысленную силу сложить с себя свойственную ей власть, и отдав бразды самому раздражению, оставит его без всякаго управления. Тогда раздражение, отбросив своего управителя, без удержки износит чрез уста в словах все, что прежде вложено было в сердце, что усокровиществовано было в нем дотоле посредством вражеских помыслов, при нерадении ума. Сердце является тогда исполненным не Духа Божия и не Божественных помышлений, а злобы (неукротимой): ибо как говорит Господь, уста говорят от избытка сердца (Лк. 6, 45). Когда же таким образом, лукавый доведет человека до того, что он изгрыгать начнет в словах то, что прежде скрытно, замышлялось внутри; тогда этот пленник (вражий) не рака только, или юрод скажет брату своему, но наговорит самых досадительных слов, а дальше дойдет и до убийства. — Вот какия козни употребляет лукавый, в отношении к данной нам Богом заповеди не гневаться всеу. — А ведь можно бы и не дойти до досадительных слов, а далее и до того, что за ними следует, еслиб тотчас по приращении раздражения, молитвою и вниманием к тому, что происходит внутри, были изгнаны из

сердца (разжигающая его мысли). Так то душегубец достигает злой цели своей только тогда, как найдет кого, по воздействию вложенных им в сердце помыслов, готовым нарушить Божественную заповедь.

17) А пожелательной части что предписано Божественною Владычною заповедию? Возревший на жену, ко еже вожделити ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 24). — И какую же против сей заповеди сеть сплетает в уме злодей, видя, что дана такая заповедь? Так как предметы, могущие раздражить вожделение отдалены, то он подступает внутрь, и там поднимает похотную брань против сказанной заповеди. — Это производит он тем, что живописует и печатлеет в душе блудные образы; бывает, что даже и слова слышатся, возбуждающая на страсть; бывает и другое многое, что знают искусившиеся в мысленных бранях.

18) Какая наконец заповедь дает руководительные правила силе умственной? Аз же глаголю вам: не клятися всяко. Буди же слово ваше: ей и ни (Мф. 5, 34). Еще: иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик (Лк. 14, 33). И: внидите узкими врата (Мф. 7, 13). Таковы заповеди для мысленной части? —Противоборец наш, желая и эту мысленную силу, как доблестнаго какого воеводу, сделать подручною себе, сначала отнимает у ней здравомыслие, посредством помыслов чревоугодия и нерадения; лишив же ее таким образом свойственной ей власти над другими силами. и посмеявшись над нею, как над пьяным вождем, заставляет исполнять свои внушения и хотения, употребив пособниками себе в этом раздражительность и похотение. Силы же эти, похотная. т. — е., и раздражительная, оставлены будучи силою мысленною, начинают все пять чувств наших обращать, как слуг покорных, в орудие к явным грехам. И вот какая вследствие того бывают согрешения и падения! Когда ум извнутри не обуздывает и не вяжет чувств; тогда глаза всюду разбегаются из любопытства, уши любят слушать суетное, обоняние изнеживается, уста становятся неуправляемыми, и руки простираются осязать то, что не должно. За этим последуют вместо правды неправда, вместо мудрости — неразумие, вместо целомудрия — блудничество, вместо мужества — боязливость. А эти четыре главныя добродетели, т. — е., правда, мудрость, целомудрие и мужество такого суть рода, что если оне здравы и в силе в душе, то добре управляют тричастностию души; добре же управляемая тричастность удерживает чувства от всего безместнаго. И тогда ум пребывая в тишине, при управлении прочих сил по Божьему и при послушности их, удобно одерживает верх в мысленной брани. Когда же по невниманию допустит он придти в смятение прочим силам, тогда, будучи преодолеваем прилогами лукаваго, преступает он Божественныя заповеди. За преступлением же заповедей всячески следует, или соответственное покаяние, или мука в будущем веке. И так доброе есть очень дело, чтобы ум всегда трезвенствовал; ибо чрез это, установившись так, как свойственно ему стоять по естеству, соделывается он истинным хранителем Божественных заповедей.

19) Душа (грехолюбивая), как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого окружающую ее мрака не может молиться как следовало бы: ибо связуется им втайне (в сокровенностях и глубинах своих, или сама не ведая как), и слепотствует внутренними очамй, Но когда она (пришедши в себя) положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвенствовать в молитве; тогда мало по малу начинает она разрешаться силою молитвы и от тьмы: иначе же разрешиться от ней нет никакой возможности. В это время познает она, что есть внутри в сердце иное борение, иное сокровенное противоборство,

иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Святое Писание, когда говорит: аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави (Екл. 10, 4). Место же ума есть твердое стояние его в добродетели и трезвении. — Есть стояние и в добродетельной и в грешной жизни. Ибо Писание говорит: Блажен муж иже не, иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста (Пс. 1, 1). И Апостол учит: станите препоясаны чресла ваша истиною (Еф. 6, 14).

20) Крепко накрепко да держим Христа; ибо не мало таких, кои всячески покушаются поять его из души. И сами не допустим до того, чтоб Иисус уклонился, народу (толпе) помыслов сущу на месте души (Ин. 5, 13). Но удержать Его невозможно без болезненного труда душевного. Потрудимся осязать следы жития Его во плоти, чтобы и свою жизнь проводить нам смиренно. Восприимем в чувство страсти Его, чтоб соревнуя Ему, терпеливо переносить все скорбное. Вкусим неизреченного Его смотрительного о нас снисхождения, чтобы от сладкаго вкушения сего душею, познать нам, сколь благ Господь. Над всем же сим, или прежде всего сего, да веруем Ему несомненно во всем, что говорит Он, и каждодневно да чаем промышления Его, на нас обращенного, и что ни случится, что ни встретим, будем принимать то с благодарностию, любовью и радостным довольством, да научимся смотреть на Единого Бога, Который всем управляет по Божественным законам премудрости Своей. Когда сделаем все это, тогда не далеко будем от Бога. (Да ведаем при том, что) благочестие есть конца не имеющее совершенство, как сказал некто из Богоносных и совершенных в духе мужей.

21) Кто добре искупая время жизни своей, непрестанно бывает занят помышлением и памятию о смерти, и чрез это самое мудро исхищает ум из страстей; тот обыкновенно острее зрит повсечастныя приращения бесовских прилогов, нежели тот, кто проводит жизнь без памяти смертной, надеясь очистить сердце действием одного разума, а не тем, чтобы всегда хранить печальную и плачевную мысль. Таковой, мнясь своим быстроумием держать в руках все пагубныя страсти, не ведая, как связуется одною, худшею всех, — падает в высокоумие (как чающий преуспеть в чем либо) без Бога. Ему надлежит сильно трезвиться, чтобы за надмение не лишиться смысла. Ибо как говорит Апостол Павел (1 Кор. 8, 1), души отсюда и оттуда набирающиеся знания, обыкновенно надываются пред теми, которые, как им кажется, меньше их знают, по той причине, как я думаю, что в них нет искры назидательной любви. А кто имеет непрестанное помышление о смерти, тот острозорче, чем тот, кто же имеет его, замечая приращения демонов, удобно прогоняет их и попирает.

22) Сладостная память о Боге, т. — е. Иисусе, с гневом сердечным и огорчением спасительным, обыкновенно разрушает все обаяния помыслов, разныя внушения, слова, мечтания, мрачныя воображения, и кратко сказать, все, чем вооружается, и с чем дерзостно выступает всегубительный враг, ища поглотить души наши. Иисус, будучи призываем, все попадает легко. Ибо ни в ком другом нет нам спасения, кроме Христа Иисуса. Это сказал и Сам Спаситель говоря: без Мене не можете творите ничесоже (Ин. 15, 5).

23) И так всякий час и всякое мгновение будем всяким хранением блюсти сердце свое от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу, Который есть премудрость и сила Бога Отца. Будем непрестанно искать Царствия Небеснаго внутрь сердца; и конечно таинственно обретем внутрь себя самих и зерно, и бисер, и квас, и все другое, если очистим око ума своего. Сего—то ради и Господь наш Иисус Христос сказал; царствие Божие внутрь вас есть (Лк. 17, 21), разумая чрез то пребывающее внутрь сердца Божество.

24) Трезвение до блистания очищает совесть. Совесть же, будучи так очищена, изгоняет из внутрь всякую тьму, подобно свету вдруг возсияющему по снятии лежащего на нем покрывала. А по изгнании тьмы, совесть, при непрерывно продолжающемся истинном трезвении, снова показывает то, что было забыто, или что скрывалось не будучи сознаваемо. В то же время, она, посредством трезвения же, научает невидимому состязанию с врагами, ведомому умом, и войне в мыслях, — научает как метать копьё в этом единоборстве, как искусно бросать (во врагов) стрелы помышлений благих, не допуская, чтоб их стрелы поражали ум, подобно стреле устремляя его укрываться у Христа, сего, вместо пагубной тьмы, желанного света. Кто вкусил сего света, тот понимает о чем я говорю. Вкусение сего света гладом паче томит душу, которая им питается, но никогда ненасыщается, и чем более его вкушает, тем более алчет. Сей свет, влекущий к себе ум, как солнце очи, свет неизяснимый сам в себе, соделывающийся однакож истолковываемым, только не словом, а опытом того, кто приемлет воздействие его, или точнее сказать, кто уязвляется им, — заповедует мне молчать, хотя ум все еще хотел бы наслаждаться беседою о том, о чем идет теперь речь.

25) Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14), ради стяжания любви и чистоты: ибо оне—то и суть мир и святыня. Гневом же надобно вооружаться против одних демонов, мысленно враждующих против нас и ярящихся. Но послушай, как должно вести каждочасно действующую в нас брань, и поступай так: с трезвением сочетавай молитву, — и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение. Трезвение, непрестанно назирая за всем внутри, замечает, как враги покушаются войти туда, и заграждая им по силе своей вход, призывает в то же время на помощь Господа Иисуса Христа, чтобы Он прогнал этих лукавых воителей. При этом внимание заграждает вход посредством противоречия; а призываемый Иисус прогоняет демонов с мечтаниями их.

26) С крайним напряжением внимания блюди свой ум. Как только заметишь (вражий) помысл, тотчас воспротивись ему, но вместе с тем спешి призвать Христа Господа на отмщение. Сладчайший же Иисус, когда ты еще будешь говорить, скажет: се с тобою Я, чтоб подать тебе заступление. Но ты, и после того как, по молитве твоей, все эти враги усмирены будут, опять продолжай усердно внимать уму. Вот снова волны (помыслов), множащиеся прежних, одне за другими устремятся на тебя, так что от них будто уже погружается душа, как в пучину, и готова погибнуть. Но и Иисус опять, возбуждаемый учеником, яко Бог запрещает злым ветрам (помыслов и они утихают). Ты же улучив свободу от вражеских нападений, на час или минуту, прослав спасшаго тебя, и углубись в помышление о смерти.

27) Со всяким сердечным вниманием в чувстве душевном будем совершать путь свой. Внимание и молитва, будучи на всякий день сочетаваемы вместе, совершают нечто подобное огненной Илииной колеснице, подъемля на высоту небесную того, кто им причастен. И что я говорю? У того, кто установился в трезвении или старается установиться в нем, чистое сердце соделывается мысленным небом, с своим солнцем, луною и звездами, и бывает вместилищем невместимаго Бога, по таинственному видению и восхождению (восторжению ума). У кого есть любовь к Божественной добродетели, пусть старается во всякое мгновение произносить имя Господа и со всем усердием слова производить в дела. Кто с некоторым насилием удерживает пять своих чувств, коими обычно повреждается душа, тот всячески соделывает для ума легчайшими сердечный подвиг и брань. И так ухитрайся предотвращать все внешния (вредныя для души приращения и впечатления), а с

раждающимися от них внутри помыслами борись Богодарованными средствами, духовным, руководясь искусством: трудом бдений обуздывай позывы к чувственным удовольствиям, будь воздержен в ястии и питии, и довольно истончи тело свое, чтоб заблаговременно соделать для себя легкою брань сердечную. Этим всем себе будешь благодетельствовать, а не другому. Помышлением о смерти мучь душу свою и памятию о Христе Иисусе собирай расточенный ум свой; особенно ночью, когда ум обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога и все Божественное.

28) Не будем отрицаться и от трудов телеснаго подвижничества: ибо как из земли пшеница, так от них произрастает духовная радость и опытность в добре. Не будем ложными умствованиями отклонять требование совести, потому что она внушает нам спасительное и деятельное, и всегда изрекает, в чем долг наш и к чему мы обязаны, особенно когда бывает очищаема живым, деятельным и тонким трезвением ума. В этом случае она, по причине чистоты своей, обычно износит ясный суд (о всем встречающемся), — суд достодолжный и решительный), — исключаящий всякое колебание. Ради всего этого не должно сбиваться с пути ложными умствованиями; ибо она внутри возвещает нам жизнь, угодную Богу, и строго обличая душу, если она осквернила смысл грехами, показывает способ исправления прегрешений, внушая сердцу падшему покаяться, и указывая ему врачевство с сладостным убеждением.

29) Дым, выходящий из дров, тяжел бывает для очей; но потом показывает им свет и улаждает тех, кому прежде причинял неприятность. И внимание, держа непрестанно в напряжении умныя очи, утомляет и тяготит голову. Но Иисус призываемый в молитве, пришедши просвещает сердце. Память о Нем, вместе с осиянием (внутреннаго нашего) доставляет и высочайшее из благ (т. е. Самаго Господа).

30) Враг, навывки возмущать ум наш, желает склонять нас и к тому, чтоб мы вместе с ним питались перстию, и, быв созданы по образу Божию, ходили на чреве. Но Бог сказал: вражду положу между тобою и тем (Быт. 3, 15). По сей причине надлежит нам всегда воздыхать к Богу, дабы чрез то могли мы каждый день проводить, не быв уязвлены разженными стрелами диавола. Покрыю и, говорит (у Псалмопевца Бог), яко позна имя Мое (Пс. 90, 14). И еще: обаче близ боящихся Его спасение Его (Пс. 84, 10).

31) Блаженный Апостол, избранный сосуд, говорящий во Христе, имея многую опытность во внутренней в нас происходящей, невидимой, мысленной брани, сказал в послании к Ефесеям: несть наша брань к плоти и крови но к началом и ко властем, и к миродержителям тмы века, духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12). Апостол Петр также говорит: трезвитесь и бодрствуйте, зане супостат наш диавол, яко лев рыкая ходит иский кого поглотити, ему же противитесь тверди верою (1 Пет. 5, 8—9). Сам Господь наш Иисус Христос, беседуя о разности расположений, с какими слушаются слова Евангелия, сказал: потом же приходит диавол, и возьмет слово от сердца, — каковую кражу совершает он, наводя злое забвение, да неверовавшие спасутся (Лк. 8, 12). — И опять Апостол (Павел) говорит: соулаждаются закону Божию, по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удох моих противовоуюющ закону ума моего, и пленяющ мя (Рим. 7, 22. 23). — Все сие сказали они научая нас, и давая нам знать сокровенное от нас.

32) Разум, когда потеряет самоукорение и смирение, обычно кичится, помышляя, что он стоит выше многих. Желая стяжать сознание своей немощи, будем мудрствовать так, как мудрствовал тот, кто

сказал: братие, аз себе, не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания Христова (Фил. 3, 13. 14). Опять: Аз тако теку, не яко безвестно, тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело и порабощаю, да не како иным проповедуя сам не ключим буду (1 Кор. 9. 26. 27). Видишь ли, каково смирение и каково вместе с тем стремление к добродетели? Видишь ли, каково смирение и св. Павла, такового и толикаго мужа? (Но послушай, что еще говорит он). — Христос говорит, прииде в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз (1 Тим. 1, 15). — Да и можно ли не смиряться нам, имея такую худость естества? Ибо что хуже персти? И о Боге памятовать нам должно, потому что для того мы и сотворены; и как подвигам воздержания приучать себя надлежит нам, чтобы легче было тещи в след Господа нашего.

33) Невозможно тому, кто предается злым помыслам, быть чисту от грехов по внешнему человеку. Тем, кои не искореняют из сердца злых помыслов, невозможно не обнаруживать их в соответственных злых делах. Причина того, что иной блудно смотрит, заключается в том, что прежде внутреннее око соблудило и омрачилось. Также причина желания слышать срамное заключается в охотном слушании душевными ушами всего, что скверные демоны нашептывают внутри в пагубу нам. Должны мы очищать себя в Господе внутри и во вне; каждый из нас должен хранить свои чувства и каждодневно очищать себя от страстных воздействий и прегрешений. Как прежде в дни неразумия нашего, когда вращались мы в мире в суете ума, всем умом и всеми чувствами работали мы прелести греховной, так теперь преложившись на жизнь по Богу, надлежит нам всем умом и всеми чувствами работать Богу живому и истинному, Божией правде и воле.

34) Наперед бывает прилог (prosbolh— приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом сочетание (sunduasmoz—содвоение, внимание сковано предметом, так что только и есть что душа да предмет приразившийся и ее занявший); далее сосложение (предмет приразившийся и внимание занявший возбудил желание, — и душа согласилась на то—сложилась); за сим пленение (предмет взял в плен душу, возжелавшую его и как рабу связанную ведет к делу); наконец страсть (paqoz — болезнь души), частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкою (к делам, коими оно удовлетворяется) вкачествившаяся в душе (ставшая чертою характера). Вот поприще для одержания победы в происходящей в нас брани! Так определяется и Святыми отцами.

35) И— прилог, говорят, есть голый помысл, или образ какой либо вещи только что родившийся в сердце и представившийся уму; сочетание есть собеседование с представившимся (предметом или образом) страстное или безстрастное; сосложение есть склонение души к зримому оком ума предмету со услаждением; пленение есть насильственное и невольное отведение сердца (в плен), удержание в нем и слияние будто в одну жизнь (sunousia) с предметом пленившим, от коего (слияния) исчезает доброе наше состояние (теряется покой); страсть же вообще, говорят, внедряется в душе долговременным пристрастием (к предмету какому либо). Из всех этих (действий или состояний) первое безгрешно, второе — не совсем; третье—по состоянию подвизающагося (м. б. по мере подвига и противоборства); брань же бывает причиною или венцов (когда кто устоит), или мучений (когда падет).

36) Пленение иначе бывает во время молитвы, и иначе не во время молитвы. Страсть несомненно подлежит или равносильному (противовесному) покаянию, или будущей муке. Кто противостоит,

или безстрастно относится к первому, т. е. прилогу, тот за один раз отсекает все срамное. — Такова брань злых демонов против монахов и не монахов, в коей бывает и побеждение и победа, как мы сказали. Побеждающих ожидают венцы, а падающих и некающихся — муки. Будем же подвизаться против них мысленно чтоб злых советов их не осуществлять в видимых греховных делах. Возревнуем обрести внутрь себя самих небесное царствие, отсекая от сердца всякий грех. Посредством такого прекрасного делания сохраним мы чистоту сердца и непрестанное пред Богом сокрушение.

37) Многие из монахов не знают прелести ума, которую претерпевает он от демонов. Они прилежат тому, чтоб быть исправными в делах, не заботясь об уме, и проводят жизнь в простоте и безхитростности. Думаю, что не вкушивши сердечной чистоты, они совсем не знают тьмы внутренних страстей. Те, которые не знают брани, о коей говорит св. Павел, неокачествовались может быть опытно и добром, и только делом совершаемые грехи почитают падениями, не беря в счет мысленных победений и побед, которых не видит чувственное око, потому что оне сокровенны и ведомы только единому подвигоположнику Богу, и совести подвизающагося. К такому же кажется, сказано следующее слово Писания: говорят: мир, мир, и не бяше мира (Иезек. 13, 10). О тех братьях, которые от простоты находятся в таком состоянии, молиться надобно, и научать их сколько можно, чтоб удалялись не от видимых только худых дел, но и от того зла, которое действует в сердце. У тех же, кои имеют Божественное желание — очистить душевное око (собственно зрительность души), иное есть делание Христово, и иное таинство.

38) Много по истине добродетели совмещает в себе углубленная память о смерти. Она есть родительница плача, руководительница ко всестороннему воздержанию, напоминательница о геене, мать молитвы и слез, страж сердца, источник самоуглубления и разсудительности, которых чада сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов — объемлют много владычных заповедей. В таком сердце зрится тогда борение и подвиг, выдерживаемые с крайним трудом. И об этом — то вся забота у многих из борцов Христовых.

39) Нечаянное какое приключение, или напасть, разстраивают обычно мысленное внимание и исторгши ум из спасительнаго благонастроения, с погашением и желания лучшаго, увлекают его к грешным любопрениям и распрям. Причиною же такого для нас пагубнаго бедствия бывает то, что не имеем никакого попечения об искушениях (поминутно готовых напасть на нас, не зная с какой стороны).

40) Не разстроит и не опечалит нас никакое из повсечасно готовых сретить нас прискорбностей, коль скоро, сознав неизбежность того, будем всегда держать то в мысли. Почему Божественный Апостол Павел и говорит: Благоволю в немощах, в досаждениях, в нуждах (2 Кор. 12, 10). И еще: вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут (2 Тим. 8, 12). Тому слава во веки веков. Аминь.

ИЛИЯ ПРЕСВИТЕР И ЕКДИК

Краткое сведение об Илие Екдике.

Сей Илия пресвитер, называемый также и Екдиком, есть ли Илия Критский, истолкователь богословских слов св. Григория Богослова, или другой какой, неизвестно. Но, судя по предлежащим главам видно, что он был муж в высшей степени мудрый, и внешнею мудростию, и особенно нашею духовною; и слово его выразительно и сильно, хоть инде темновато. Почему не думаем, что будет

преувеличенно назвать настоящее цветособрание, как названы главы мудраго Илии, неким садом духовным, преисполненным не цветных только знаков, но и плодовых дерев, и не стыдимся пригласить в сей рай ищущих духовных утешений, в полной уверенности, что все их духовныя чувства, и зрение и обоняние и вкус, найдут здесь богатое удовлетворение (кратко — из предисловия Греч. Доброт.).

Название глав Илии пресвитера—Анфологион, цветословие или цветособрание, наводит на мысль, что они были составлены при чтении св. Отцев, мысли которых, усвоя себе старец Божий и желая сохранить для себя, записывал, выражая их иногда отеческим словом, а иногда своим. Отчего читающие их могли видеть в них отражение то одного, то другаго из Отцев, или даже и приписывать их кому либо из них, как это и случилось на западе. Там, в Ватиканском кадексе творений св. Максима, они приписаны сему Отцу; и недавний издатель творений св. Отцев — Migne, — поместил их в числе творений св. Максима, после его семисот глав, умозрительных и деятельных, под заглавием; иныя главы, взятые из Ватиканскаго кодекса творений св. Максима (Patrologiae graecae t. XC).

Думаем, что собирателям Греч. Добротолюбия удобнее было узнать, к кому отнести главы сии, и следуем им, признавая сии главы произведением некоего Илии пресвитера.

Замечаем к сведению, что в Греч. Доброт. главы разделены на две половины (109—140). В издании Migne главы имеют один счет от начала до конца. Следуем в сем этому последнему.

Читатель заметит, что в переводе нашем номерация глав инде идет не под ряд, с пропусками. Эти пропуски означают, что и главы, соответствующия им пропущены, по неудобопонятности их. Таких впрочем очень не много; и десятка нет.

ЦВЕТСОБРАНИЕ

излюбомудрствованное Илиею, малейшим пресвитером и Екдиком.

1) Христианину, право верующему в Бога, не следует беззаботно предаваться безопасности, но всегда ожидать искушения и быть готову встретить его, чтоб, когда придет, не изумляться и не смущаться, но благодарно претерпевать тяготу скорби, содержа в мысли, что во Псалмопении говорит с Пророком: искуси мя Господи и испытай мя (Пс. 25, 2), — и то, что, в другом Псалме, Пророк не сказал: наказание Твое извратит меня, но, — исправит мя в конец (Пс. 17, 36).

2) Начало добра страх Божий, а конец— любовь к Богу. Начало всякаго блага разум деятельный и делание осмысленное. Почему ни делание без разума не благо, ни разум без дела неуспешен (προεγχόμενος—непрогрессивен).

3) Делание тела есть пост и бдение, а делание уст— псалмопение. Но молитва лучше псалмопения, и молчание драгоценнее слова. Рук делание есть то, что ими безропотно делается; а ног то, что ими по первому мановению исполняется. Делание души есть воздержание с простотою и простота воздержно действующая; а ума— молитва в созерцании, и в молитве созерцание Бога.

4) Предводительствует всеми добродетелями милость и истина, коих порождение есть смирение, и из нея происходящая, по святым Отцам, разсудительность, без коей ни одна (из сказанных добродетелей) не может увидеть (или достигнуть) конца своего.

5) Делание презирающее иго разума, оказывается, подобно юнице, бесполезно блуждающим там и сям; а разум, сбрасывающий честный хитон делания, не благообразным видится, хотя всячески ухитряется казаться таким.

- 6) Мужественная душа, подобно жене, держащая два горящих светильника, — деятельный и созерцательный, — всю жизнь делает свое должное. Противное сему бывает с душою, изнеженною удовольствиями.
- 7) Недостаточно для души к совершенному освобождению от греха произвольное злострадание, если кроме того, она не будет переплавлена и в раскаленной печи произвольного.
- 8) Душа, если для совершенного очищения от греха не пройдет, подобно мечу, сквозь огонь и воду, т. е. сквоз произвольные и произвольные труды и тяготы, не может оставаться неуязвленною при встрече неприятных случайностей.
- 9) Как для искушений произвольных три бывают главных причины: здоровье, богатство и слава, так и для произвольных искушений тоже три причины: потери, болезни и клеветы. Бывает же все сие иным на созидание, а другим на разорение.
- 11) Истинно добродетельный имеет добро внутри насажденным; у тщеславного же оно только в мыслях. Зло же ревнитель добродетели имеет на поверхности, а самоугодливый сластолюбец — в глубине сердца.
- 12) Не часто и не намеренно бывает не в добром чине тот, кто ненавидит зло; с тем же, кто еще лелеет причины зла, случается это часто и самоохотно.
- 13) Которые не имеют расположения приносить покаяние, те чаще и грешат; а которые не по расположению грешат, тем удобоисполнимее покаяние, в котором ктому же редко и потребность бывает.
- 14) Чувство и совесть да сшествуют произносимому слову, чтобы Божественному Слову, рекшему, что ту будет посреде их (Мф. 18, 20), не стыдно было по причине продерзости или безчинности того, что говорится или делается.
- 15) Кто душу свою не делает неправою делами, о том нельзя еще утверждать, чтоб он хранил ее неоскверненною словами; и о том, кто хранит ее чистою от слов, нельзя еще утверждать, чтоб он не осквернял ее помыслами. Ибо согрешающий трояко это делает (т. е. делом, словом и помышлением).
- 16) Не можешь ты добре видеть лик добродетели, пока с услаждением еще представляешь вид греха. Этот последний тогда покажется тебе ненавистным, когда возжелаешь вкусить первой, и лице свое отчужишь от такой образины.
- 17) Помыслами, а не делами сначала борют душу демоны; но, главное, конечно у них в виду дела. Дел причина — слух и зрение, а помыслов — привычка и демоны.
- 18) Трояко грешительная часть души, обнаруживаясь в делах, словах и помышлениях. А благо негрешения шестерою: ибо для него надо блюсти непадательными пять чувств и произносимое слово. Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати все тело, говорит св. Иаков (— 3, 2). Это же можно приложить и к пяти чувствам.
- 19) На шесть доль делится безсловесная часть души: на пять чувств и говорящее слово, которое, когда безстрастно, отрезвляет все другия части, нераздельно разделяясь по ним, а когда страстно оскверняет собою все их.
- 20) Ни тело не может очиститься без поста и бдения, ни душа — без милости и истины; а также ни ум — без созерцания и собеседования с Богом (т. е. без молитвы). В ряду этих двоих сия последняя есть самая значительная.
- 21) Вращаясь в кругу сказанных добродетелей, душа делает недосызаемым для стрел искушений свое

охранилище, которое есть терпение. В терпении вашем стяжите души ваша, говорит Господь (Лк. 21, 19). Если же она в ином находится положении; то, подобно граду, неогражденному стенами, еще при издали слышном треске и шуме, бывает сильно потрясаема ударами страха.

22) Не все разумные в слове, разумны и в духовных деланиях; но все разумные в духовном, разумны и во внешнем. Ибо это внешнее (тело, чувства, положение), хотя всех держит на оброке (— со всех берет подать); не все однакож одинаковые платят ему оброки; иные же и совсем отказываются от сего.

23) Разумность, по природе неразделимая, делится однакож на разныя доли: ибо одному дается большая а другому меньшая ея доля; пока деятельная добродетель, множась и разрастаясь, с помощью родовых добродетелей, исполнит по каждой из них все возможное добро. Ибо так бывает всегда, что, соответственно недостаточности деятельной жизни, и разумности получается меньшая мера.

25) Благоразумного молчания сотрапезники суть время и мера; трапезу же его составляет истина; в силу коей отец лжи, пришедши к душе, страннице (от всего устранившейся), не находит в ней ничего из того, что обычно ищет.

26) Истинно милостив не тот, кто произвольно раздает излишнее; но кто охотно уступает необходимое похитителям.

27) Одни вещественным богатством стяжевают невещественное, чрез постоянство в милостыне—подаянии; а другие невещественным отчуждаются от вещественного; тем что пребывают в чувстве (или вкушении) неоскудевающего блага.

28) Всякому приятно богату быть благами, но прискорбно, если тому, кто по Божию устройению получил богатство, не попускается подолже наслаждаться им.

30) Не оскорбляйся на того, кто против твоей воли, хирургисал (оперировал) тебя (т. е. обличением вывел наружу кроющееся в тебе зло); но, взирая на выброшенную нечистоту, себя окаявай, а Бога, бывшего причиною такого о тебе устройства, благословляй.

31) Не падай духом, взирая на трудность (душевной) болезни своей; но употребляя действеннейшия против нея врачевства притрудных подвигов, удаляй себя от нея, если искреннее имеешь попечение о здравии души своей.

33) Чем больше чувствуешь душевныя болезни свои, тем более будь благодарен тому, кто указал тебе их своими обличениями. Ибо чрез это он стал виновником для тебя совершенного очищения, без коего ум не может войти в чистую область молитвы.

34) Когда обличают, или молчать надо, или кротко защищаться, если обличение клеветливо; не для того, чтоб поставить на своем, а чтоб поправить ошибку обличителя, соблаздившагося, может быть, по неведению дела.

36) Как высокоумудрый не знает своих недостатков, так смиренномудрый своих добрых качеств: ибо у того скрывает все неведение себя укорное, а у этого — Богоугодное.

38) Укор возбуждает энергию в душе, а похвала расслабляет ее и делает ленивою на добро.

39) Опора богатства — золото, а добродетели — смиренномудрие. И как тот, у кого золото не спорится, беден бывает, хотя со вне не кажется таким: так и без смирения добродетельный не бывает благоплоден.

40) Как без злата торговец не торговец, хотя бы очень способен был к тому: так без смиренномудрия

подвизающийся не увидит благих плодов добродетели, хотя бы очень много полагался на свое благоразумие.

43) Как в исполнении всех заповедей надобно преуспевать, так и в смиренномудрии глубже и глубже должно погружаться тому, кто боится, как бы не оказаться чуждым среди возлежащих на брачной вечери.

44) Смешай с простотою воздержание, и с смиренномудрием сочитай истину, — и окажешься сотрапезником правды, вслед коей любит соприводима быть, как на трапезу, всякая другая добродетель.

46) Нрав благий свидетельствует о красоте добродетели, а благопристойность членов о мире души.

47) Первое добро есть ни в чем не погрешать; второе — не стыдиться открывать свое погрешение; но и небезстыдствовать в нем, а паче смиряться, и когда укоряют, укорять и самому себя, и охотно принимать епитимию; чего если не бывает, не имеет цены все приносимое Богу.

48) При произвольном злострадании (подвигах самоумерщвления) должно покорно принимать и произвольное, состоящее в клеветах, потерях и болезнях. Не приемлющий покорно сих последних, но бывающий недоволен ими и ропотлив, подобен тому, кто желает всегда вкушать хлеб свой без соли.

49) Господином будучи, зрак раба приемлющим является тот, кто Божественными словесами одежду (души) ближнего запятнанную оmyвает, а раздранную починяет, приложением заплат. Да блюдетсЯ однакож делающий сие, как бы чрез тщеславие, но поводу того, что он так делает, вместе с наградою за то, не лишиться и присущаго ему достоинства власти.

51) Господь сохранит вхождение и исхождение твое (Пс. 120, 8), — воздержанием относительно яств и языка. Ибо кто воздержен в пище — входящей, и употреблении слова — исходящаго, тот избегает похоти очес и неразумный гнев укрощает, о которых паче всего должна быть забота у подвизающагося, чтоб они не прорывались. От этого деятельность получает силу, а созерцание твердость.

52) Иные же о входе яств внимательную блюдут осторожность, а об исходе словес нерадят. Таковые не умеют, по Еклезиасту, исторгать гнев из сердца и похоть из плоти (Екл, 11, 10): чем сердце чисто созидается от обновляющаго нас Духа Святаго.

54) Пусть чрево твое горит от скудости яств, и сердце утесняется воздержанием языка; и твои силы — вожделетельная и раздражительная всегда будут у тебя находиться в услужении добру.

56) Подвизающемуся необходимо знать когда и какими яствами следует питать тело, как врага и когда следует утешать его и подкреплять, как друга изнемогшаго: чтоб по ошибке не предложить ему дружескаго питания, когда оно враг и вражескаго, когда оно друг, и, раздражив его тем и другим, не найти его, во время искушения, на стороне борющихся врагов.

57) Когда приемлющий пищу, питание предпочитает услаждению гортани, тогда посещает его благодать слез и начинает утешать его с такою силою, что он забывает о всякой другой сласти, будучи вполне насыщен несравненною сладостию сих слез.

58) У расширяющаго путь свой слезы изсякают, а у возлюбившаго путь тесный, оне бьют большим ключем.

59) Не бывают без печали ни грешный, ни праведный; но первый печалится о том, что еще не совсем отстал от греха, а второй о том, что еще не овладел всем добром.

- 60) Молитва и молчание суть из числа добродетелей, в нашей власти состоящих; а пост и бдение суть из числа не вполне в нашей власти состоящих добродетелей; так как они зависят и от сложения тела. Подвижнику предлежит потому избирать, что наиболее для него исполнимо и полезно.
- 61) Дом молитвы — терпение: ибо им она поддерживается; потребности же ее — смирение: ибо им она питается.
- 63) Не связывай себя малым, и большим не будешь поработан: ибо не бывает так, чтобы большее зло образовалось прежде меньшего.
- 66) В ком царствуют милость и истина, в том качествует и все Богоугодное; ибо та никого не судит без милости, а эта ни к кому не человеколюбуется не по истине.
- 67) Растворивший воздержание простотою причастником будет тамошняго блаженства.
- 68) Не отсечешь борющихся тебя страстей, если наперед не перестанешь возделывать землю, из которой они заимствуют себе пищу.
- 69) Одни только тело стараются очистить, а другие — и душу: ибо одни получили силу воздерживаться только от дел греховных, а другие — и от страстей; которые же и от похотения (получили силу воздерживаться), тех весьма не много.
- 72) Страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он и не грешит еще; сладострастен тот, у кого действие (энергия) греха слабее помысла, хотя им овладевает страсть внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше раболепно, привязан к тому и другому; безстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния греховные (кто не испытывает их).
- 73) Изгоняется из души страстность постом и молитвою, сладострастие бдением и молчанием, пристрастие — безмолвием и вниманием. Безстрастие же устанавливается памятью Божию.
- 74) Из уст безстрастия, как соты меда, каплют словеса вечной жизни. Кто убо сподобится к устам онаго прикоснуться своими устами, и посреде сосцев его водвориться, и сладкою вонюю одежд его облагодухається? — т. е. насладиться плодами добродетелей, коих воня паче всех аромат, известных нам чрез чувства (Песн. песн. 4, 10. 11)?!
- 75) От видимого обнажится всякая душа; от тела же греха, не многие из тех, кои насладились сладостями здешней жизни.
- 76) Из живых телесно мертвыми бывают все; греху же мертвыми только те, кои возненавидели его от всей души.
- 78) [55] Душа разумная, находясь в сопределии света чувственного и мысленного, при помощи одного имеет возможность видеть и делать телесное, а при помощи другого — духовное. Но поелику в ней свет мысленный помрачился, а чувственный стал более ясным, по причине навыка к нему из начала установившагося: то она не может всецело простерться зрением к Божественным вещам, если во время молитвы не будет вся со светом мысленным; но по неволе ей приходится оставаться в промежутке между тьмою и светом, во тьме (чувственной), вращаясь по привычке и склонности, во свете же (мысленном) одним мечтанием.
- 79) Да сопребывает с умом, как луч в солнце, молитва, без коей чувственные попечения, как облава безводная, вокруг носясь, лишают ум свойственной ему светлости.
- 80) Ум страстный не может войти в тесную молитвенную дверь, если прежде не оставит сластолюбивых попечений своих о чувственном; но всегда будет лишь мучиться бесплодно, вращаясь в тени его (попечения).

- 82) Если ум не отбросит всякое излишнее попечение о чувственном, то легко возносящимся горе сделаться не может; не может понять и своего чина.
- 83) Молитва, подкрепляемая слезами, извергает из души во вне все враждебные ей помыслы; но их возвращает опять блуждание ума, усиливаемое празднословием, которое изгнавший изгоняет вместе и всегубительное зло дерзости (не сдержанности во взорах, речах и движениях).
- 84) Пост есть образ дня по причине явности его, а молитва образ ночи, по причине неявиности ея и сокровенности. Кто же то и другое проходит, как должно, сочетавая каждое из них с другим, тот достигнет града преднамеренного, откуда отбеже болезнь, и печаль, и воздыхание (Ис. 54, 11).
- 85) Духовное делание может состояться и стоять без телесного соответствующаго ему дела. И блажен кто вещественному делу (т. е. телесному) предпочел лучшее, невещественное (т. е. духовное) делание. Кто имеет его, тот им восполняет и отсутствие дела внешнего, живя жизнью молитвы, сокровенною для других, но явною для Бога.
- 86) Апостол призывает нас верою терпеть, упованием радоваться, в молитве пребывать, чтоб пребыло в нас и благо радования. Если так, то следует, что не имеющий терпения, и веры не имеет; нерадующийся, не имеет надежды; ибо отверг причину радости молитву и не пребывает в ней (Рим. 12, 12; Кол. 4, 2; Евр. 12, 1).
- 88) Как древле, низпав из своей области, ум забыл о ея преславной светлости: так тепер, забыв о всем здешнем, должно ему опять востекать туда молитвою.
- 89) Что для дитяти изсохшие сосцы матери, то для ума молитва, недающая ему утешения. Когда же она инаковою бывает (т. е. исполняет ум утешением); тогда он уподобляется дитяти, от удовольствия засыпающему в объятиях матери.
- 91) Не может содружиться с молитвою тот, кто не отрекся от всего вещественнаго, кроме пищи и одежды (1 Тим. 6, 8). Стань вне всего другаго, если желаешь быть в молитве с единым умом.
- 94) Не все одну и ту же имеют цель в молитве; но одни одну, а другие другую. Иной молится, чтоб, если возможно, сердце его всегда было с молитвою, и чтоб все выше и выше восходить в ней; другой, — чтобы (стяжать навик) не быть пресекаемому в молитве помыслами; все же молятся (— говоря обще), или чтобы сохранену быть в добре, или чтоб не быть увлечену во зло.
- 95) Если от молитвы никто не отходит не смиренным: ибо всякой, когда молится, сокрушается во смирении; то очевидно, что не молится во смирении тот, кто во вне обнаруживает горделивую продерзость.
- 96) Если пребывая в молитве, будешь смотреть на вдову, подвижную жестокосердаго судью оказать ей справедливость; то не станешь стужати си (Лк. 18, 3), при нескорости получения благ, испрашиваемых молитвою.
- 97) Не пребудет с тобою молитва, если замедляешь в суетных помыслах внутри, и в пустых беседах вне; но она скоро возвращающену видится к тому, кто ради ея многое отсекает в себе.
- 98) Если в лоно души не внидут словеса молитвы; то слезы не омоют ланит души.
- 100) Ключ в Царство Небесное — молитва. Держащий ее, как следует, зрит отложенныя (обетованныя) друзьям ея блага, Кто же только настоящее видит, тот, не возимел еще дерзновения в ней.
- 101) Не может ум во время молитвы с дерзновением говорить пред Богом: растерзал еси узы моя, Теби пожру жертву хвалы (Пс. 115, 7); если он вожделением лучшаго не отторгся от боязливости

(страха за жизнь от утеснения плоти) и разленения, многоспания и многоядения, от коих падение.

102) Стоит вне первой завесы (вне скинии на дворе) тот, кто властается мыслями во время молитвы; за сею завесою внутри скинии (передней ея части, именуемой святая) находится тот, кто молится неразвлеченною молитвою; во святая же святых проникает один тот, кто по умиротворении естественных помыслов и движений, с единым Тем пребывает, Кто есть превыше всякаго естества, получая от Него и потребное просвещение.

103) Когда душа упразднившись от всего внешнего, сочетается с молитвою; тогда как бы пламя некое окружает ее и делает ее всю, как железо, огнем проникнутою. И тогда душа — все таже душа, только бывает неприкосновенною, подобно раскаленному железу, для всего сторонняго.

106) [56] У добре проходящих деятельную жизнь, молитва иногда, подобно облаку, осеняя их, укрощает палящие их помыслы, а иногда как бы каплями дождевыми орошая их, показывает им духовныя созерцания.

114) [57] Ум устремляясь горе, не тотчас востекает туда, но после того, как совершенно презрит все долнее посвятив себя Божественным деланиям.

117) Когда освободишь ты ум свой от всякаго пристрастия к телам, яствам и деньгам; тогда что ни будешь делать, все то вменится в чистый дар Богу от тебя. И воздано тебе будет за то тем, что откроются очи сердца твоего и ты будешь ясно поучаться в нем законам Божиим, кои слаще меда и сота покажутся умной гортани твоей, по причине издаваемой ими приятности.

118) Не можешь ты сделать ума своего высшим похотения тел, денег и яств, если не введешь его в чистую страну праведных, в коей (или под действием коей), внедрившись в сердце память о смерти и Боге, уничтожит в нем всякое возстание земных похотений.

119) Ничего нет страшнее памяти смертной, и дивнее памяти Божией; та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием. Ибо Пророк Давид поет: помянух Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4); а Премудрый учит: поминай последняя твоя и во веки не согрешишь (Сир. 7, 39).

120) Пока ум не узрит славы Божией откровенным лицом (2 Кор. 3, 18), дотоле душа не может возглашать в чувстве своем: аз же возвеселюся о Господь (Пс. 103, 34), возрадуюся о спасении Его (Пс. 19, 6). Потому что покрывало самолюбия лежит на сердце ея, которое не снимается с нея без произвольных и невольных скорбей и лишений; оставаясь же на ней, не дает ей видеть, как все есть и бывает.

121) Не после бегства из Египта, т. — е. не после пресечения греха делом, и не после прехождения моря, т. — е., не после отсечения сочувствия и склонности ко греху; но после пребывания в пустыне, т. — е., после претерпения всяких бед, лишений и скорбей, вождь Израиля сподобляется узреть землю обетованную, т. — е. безстрастие, обладающее сильным созерцанием умным (Второз. 34, 1).

122) По пустыне шествующие, — т. е., те, у которых грех в бездействии, — по одному слуху знают о благах блаженной оной земли; соглядатаи своими глазами видят их, т. — е. пребывающие в трудах добродетели и послушания упованием объемяют их; войти же в нее сподобившиеся всем чувством насыщаются ими, как медом и млеко.

123) Не сораспялся еще Христу тот, кто имеет естественныя движения плотския, и не спогребся еще Ему тот, кто носит помышления и сочувствия плотския: как же совозстать такому с Ним, чтобы ходить во обновлении жизни (Рим. 6, 4)?

138) Древледревним заповедано было приносить в храм начатки от гумна и точила (Исх. 22, 29).

Ныне же нам должно приносить Богу, как начатки деятельной добродетели, воздержание и истину, а как начатки добродетели созерцательной — любовь и молитву: теми отсекая стремления похоти и гнева, а этими — суетные помышления, и порождаемые ими прилоги.

139) Начало деятельной добродетели — воздержание и смирение, истина и целомудрие; конец же ее — мир помыслов и святая чистота тела.

140) Истинно доброе действование требует не только того, чтобы добре (т. е. с добрым духом) делать добро, но и того, чтобы делать, как следует, т. е., чтобы делающий соблюдал в отношении к делаемому и время и меру.

142) Как действование без созерцания не бывает твердо: так созерцание без соответственного действования не бывает истинно. Надлежит, как действованию быть проникнуто созерцанием, так созерцанию утверждаему действованием: чтоб с одной стороны обезсиливать зло, а с другой мощно являть добродетель в исполнении благонамерений благостынных.

143) Конец деятельной жизни — умерщвление страстей, а конец жизни созерцательной — видение добродетелей.

145) На поприще деятельной добродетели многие текут, един же приемлет почеть (1 Кор. 9, 24), — именно тот, кто конца ее старается достигнуть с участием созерцания.

147) Деятельному не удастся на долго пребывать в созерцании. Ибо он, в отношении к созерцанию, похож на странника, страннопринятого кем либо в дом свой, из которого однакож он скоро должен выйти.

148) Деятельные вратами заповедей Божиих входят в молитву; а созерцатели пребывают во дворе добродетелей в пениях и песнях духовных: и те благодарят что избавились от уз; а эти, — что взяли в плен возстававших на них бранию.

150) Гребцами мысленного корабля почитай помыслы, веслами — живителныя силы души — раздражение (энергию) и похотение, воля и произволение (избирание решимость). В этих деятельный всегда имеет нужду, а созерцатель не всегда.

155) У деятеля, по причине множества представлений вещей чувственных, во время молитвы, лежит на сердце покрывало, не могущее открыться при сочувствии к ним. Один созерцатель, неимеющий такого сочувствия, может откровенным лицом отчасти видеть славу Божию.

158) Двор разумной души есть чувство; храм разсуждение; архиерей — ум. И так на дворе стоит ум, развлекающийся безвременными помыслами; в храме — занимающийся домышлениями благовременными; сподобившийся же внити в Божественное святилище — не касается ни того ни другого.

159) В доме души деятельной пребывают рыдание, жалость и горе (Иез. 2, 10), по причине тяготы трудов; а в душе созерцательной слышится глас радования и исповедывания (Пс. 41, 5), по отрадности ведения.

162) Созерцание мысленных вещей есть рай. Муж духовный входит в него в молитве, как в дом; а муж деятельный в отношении к нему, походит на прехожаго, который хотел бы заглянуть туда, но не может, потому что ограда того дома выше его духовнаго роста.

164) Деятель не может украситься совершенным благообразием нравственным, если, подобно патриарху Аврааму, и он не изыдет из дома своего, — естественнаго закона, и от сродства своего, — сравнившейся с ним самоугодливой жизни. Ибо только таким образом и он, как печать, получит

образизание родительной похоти (Быт. 17, 11; Рим. 4, 11), по причине коей от рождения лежит на нас покрывало. не дающее нам воспринять совершенную свободу.

166) Для жизни деятельной пост и бдение суть препоясание чресл; а для жизни созерцательной молчание и молитва суть светильники горящие (Лк. 12, 35).

167) Уму несовершенному не попускается внити в плодоносящий вертоград молитвы; ему достаются как бедному останки от обранья винограда (Второз. 24, 21), одни псалмопения.

168) Как не все, удостоивающиеся говорить с Царем, приглашаются и к столу его: так не все и из приступающих к молитвенному собеседованию с Богом, вводятся в состояние молитвенного созерцания.

169) Узда гневу благовременное молчание; безсловесному похотению — воздержное питание; а неудержимому помыслу — однословная молитва.

170) Ни желающий спустится вглубь, чтоб достать оттуда маргарит чувственный, ни желающий вознестись горе, чтоб обрести там маргарит духовный, не достигнут желаемого и искомого, если первый не обнажится от одежд, а второй от всего чувственного.

171) Ум, внутрь сердца сосредоточивающийся во время молитвы, бывает как жених беседующий с невестою своею; а не входящий внутрь себя, как стоящий вне брачного чертога, стена вопиет: кто введет мя во град ограждения (Пс. 59. 11)? или кто будет мне вождем, чтоб во время молитвы не призывать в суеты и неистовления ложна (Пс. 39. 5)?

172) Что пища без соли для гортани; то молитва, без сокрушения проходима, для ума.

173) Душа, еще ищущая молитвы, подобна жене мучающейся родами; а душа, обретшая молитву, подобна жене родившей, и радости исполненной по причине рождения (Иоан. 16, 21).

174) Некогда Аморрей, обитавший на горе, поразил понудившихся взйти на верх горы той (Числ 14, 44. 45; Второз. 1, 44). Ныне же злое забвение отгоняет тех, которые, прежде достижения сердечной чистоты, покушаются взойти на самый верх молитвы чистой.

176) Молитва, как молитва, бывает хлебом, укрепляющим новоначальных; молитва, с каким либо созерцанием соединенная, бывает елеем умащающим; а молитва безвидная (без воображений), — вином благоуханным, которое ненасытно пьющие приходят в изступление (Пс. 103, 15).

178) Подвизающемуся надобно тело свое ограничить одним видом пищи, — а ум однословною молитвою. И тогда, став неудерживаемым страстями, будет он в состоянии восторгаться к Господу во время молитвы.

179) Грозный палкою на собак раздражает их против себя; а демонов раздражает тот, кто нудит себя чисто молиться.

182) Когда непрерывным упражнением в молитве напечатлеются в сердце молящегося слова псалмов; тогда он, как добрая земля, и сам от себя начинает произращать, то розы созерцаний в области духовной, то лилии, уразумения красоты и стройности мира вещественного, то фиалки постижения неудобозримых разнообразных судов Божиих.

184) Душа, совершенно отрекшаяся от себя самой и всецело предавшаяся молитве, сходит долу из области, в коей витает выше тварей, не когда сама хочет, но когда благоволит Тот, Кто мерою и весом располагает все наше.

191) Воин слагает оружие, когда кончится брань; а созерцатель — помыслы, когда отрешено возносится ко Господу.

192) Воевода печалится, не получив добычи на войне; а проходящий деятельную жизнь скорбит, когда не сподобляется духовного созерцания в молитве.

193) Олень бежит на источники вод вещественных (Пс. 41, 2), как ураненный зверем; а душа, уязвленная сладчайшею стрелою молитвы, стремится к духовным озарениям.

195) Звезды скрываются с восходом солнца; а помыслы престают с возвращением ума в свое царство.

197) И созерцательный ум, когда, влекомый потребностями естества, сходит с неба долу, может возгласить тоже, что и тот, кто изрек: есть ли что дивнее Божественной красоты? И какая мысль обрадованнее помышления о Божеском велелепии? И какое чувство так живо и неудержимо, как любовь, Богом возжигаемая в очищенной от всего худого душе, которая от полноты сердца говорит тогда: уязвлена есмь любовию аз (Песнь песней — 2, 5; 5, 8)?

198) Говорить: согреться сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огонь (Пс. 38, 4), прилично тому, кто не утомляется теши вслед Бога молитвою, и дне человека видеть не пожелал (Иер. 17, 16).

199) Да глаголет и деятельная душа, подобно невесте в Песнях песней, когда, по отложению ею всех своих худостей, злые демоны и помыслы лукавые, начнут понуждать ее снова воззреть на суеты и неистовления ложна (Пс. 39, 5): совлекохся ризы моя, како облекуся в ню? Умых нозе мои, како оскверню их (Пес. пес. 5, 3)?

200) Сколь блаженна ты, Боголюбивая душа, если с дерзновением можешь взывать к Богу: возвести ми, Пастырю добрый, где пасеши овец Твоих, и где в полудне даешь почитие овнам Твоим, чтобы, последуя им, не быть мне блуждающею по стадам друзей Твоих (Пес. пес. 1, 6)?

201) Деятельная душа, ища удержать слово молитвы, и не возмогоши, подобно невесте песней, вопиет: на ложи моем в ноцех, исках, его же возлюби душа моя: исках Его, и не обретох Его: возвах Его, и не послуша мене. Встану убо притруднейшею молитвою, и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и поищу, Его же возлюби душа моя (Пес. пес. 3, 1, 2). Может быть я найду Его, во всем и вне всего сущаго; и насыщуся, вегда явитимися славе, Его (Пс. 16, 15).

204) Если принявший в дом свой Царя, чрез это самое становится преславным, и этую преисполняется радостью паче всякой другой радости: то что должна чувствовать душа, по очищении своем, приявшая в себя Царя Царей по неложному Его обетованию (Ин. 14, 23)? И оставит ли она в себе что либо не выброшенным вон такое, что казалось бы не к упокоению Его служащим? Или что не позаботится она приять внутрь себя такое, что явно благоугодно Ему?

205) Ожидающий быть на утро позванным пред Царя, о чем другом будет заботиться, как не о придумании слов, имеющих быть благоугодными Царю? — И всякая душа, сие в отношении к Богу соблюдающая, не окажется неготовою к тамошнему судилищу.

206) Блаженна душа, которая, в ожидании, что ныне приидет Господь ея, ни во что совершенно ставит труд целого дня, — а за тем и ночи, помышляя, что как только настанет утро, он тотчас явится ей.

207) Бог всех видит; Бога же видят одни те, кои во время молитвы ничего другаго кроме Бога не видят. И которые видят таким образом Бога, те и услышаны бывают от Него; которые же не бывают услышаны, те и не видят Его. Блажен, кто верует, что видям есть от Бога: ибо таковой не подвигнется с пути благоугождения Ему (Пс. 15, 8).

208) Благ царствия, сущаго внутри нас, миролюбивое око не видело, и честолюбивое ухо не

слышало, и на сердце, лишенное Духа Святаго, не восходило то. Оне суть залогов благ, какия имеют быгь дарованы праведным в будущем Царстве Христовом. Кто не наслаждается здесь сими плодами Духа, тот не может сподобиться наслаждения ими и там.

209) Помыслы мужей деятельных походят на еленей. Ибо как эти то витают на вершинах гор, страха ради от звероловов, то спускаются в долины, по желанию насладиться тем, что на них: так и эти, — ни в духовном созерцании всегда быть не могут, по бесилию своему на то, ни всегда вращаться в естественном порядке дел, по потребности упокоения от них, котораго они не дают.

212) Не столько трудно пресечь путь реке, чтоб она не неслась вниз, сколько остановить стремление ума, чтоб не влялся по видимым вещам, а устремлялся горе к сродному ему, сосредоточиваясь в молитве; хотя это последнее по естеству ему, а то не по естеству.

217) Не так быстро течет во свояси освободившийся, после долгаго плена, пленник, как ум, освободившись от вещественных пристрастий, обрадованною ногою устремляется к сродным ему вещам небесным.

218) Кто не со вниманием молится, но рассеивается в молитве, тому псалом кажется иноязычным, и он сам для псалма бывает, как иноязычный (1 Кор. 14, 17). Посмешище из такого устроят бесы.

219) Не одно и то же — кому мир распался, и кто сам миру распинается. Ибо для одних гвоздями служат пост и бдение, а для других — нестяжание и самоуничижение. Ктому же без вторых, труды первых бесполезны.

220) Не может чисто молиться тот, кто одержим красотолобивою и честолюбивою страстию. Ибо пристрастие к сим вещам и суетные помыслы опутывают такого, как вервями, и во время молитвы совлекают его долу, как бывает с привязанною птицею, когда она покушается подняться на воздух.

221) Невозможно уму быть мирну в молитви, если не стяжет он наперед содружества с воздержанием и любовию; из коих первое подвизается уничтожить вражду тела против души, а второе вражду души к ближнему, Бога ради: от чего приходит наконец мир, превосходящий всяк ум (Фил. 4, 7), и творит себе обитель у того, кто так умиротворяется (Ип. 14, 23).

222) Делу правды того, кто подвизается внити в Царствие Божие, необходимо преизбыточествовать во благих: в милостынях чрез подаяние от лишения своего (Мр. 12, 44; Лк. 21, 4); и в трудах, подъемлемых ради мира, чрез истощание, терпения, еже о Господе.

226) Иныя страсти суть телесныя, и иныя душевныя. Кто первыя из них отрывает, а о вторых никакой заботы не имеет: тот подобен человеку, для защиты от зверей построившему себе высокую и прочную ограду, а птицам охотно попускающему клевать славные грозды мысленнаго винограда.

230) Нельзя не открывать чувств, как и не отворять городских ворот. Но необходимо блюсти, чтоб, когда открываются оне на нужное, не вошло что либо чрез них, благоприятное для врагов наших, и не сделалось причиною брани.

234) Многие восходят на крест злострадания (произвольных телесных лишений); но немногие приемлют гвозди его (пригвождают себя на нем на всегда). Многие бывают рабами произвольнаго послушания; на посрамление же произвольно предают себя, только те, которые отрешились от честолюбия.

240) В ком всему не предшествует страх Божий, в тех помыслы бывают в смятении, как овцы, неимущия пастыря; а кому он сшествует или предшествует, в тех помыслы пребывают в благопокорности и в благочинии, как овцы в овчарне.

241) Страх Божий есть сын веры; сам же он есть блюститель исполнения заповедей, как пастырь держащий овец на тучном пастбище. Кто не стяжал матери его, тот не сподобится быть узренным овцею паствы Господней.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Четвертый том Добротолюбия нашего весь состоит из одних наставлений инокам святого Феодора Студита. Сначала имелось в виду сделать извлечение иноческих уроков сего святого отца только из известного дотоле его малаго Катихизиса. Но прежде чем приступлено было к сему делу, старцам русскаго на Афоне Пантелеимонова монастыря дал Бог найти и большой его Катихизис на острове Патмосе в тамошней обители святого Иоанна Богослова, в трех томах, и списать его. — Тогда пришла мысль сделать извлечение наставлений св. Феодора инокам не из малаго только; но и из большого Катихизиса. Что и исполнено.

Количество сих уроков иноческих заставило отрядить для них целый том нашего Добротолюбия: что не в ущерб нашему сборнику. Ибо этим заполнится большой пробел в уроках об иноческой жизни, именно — недостаток указаний на то, как обычный видимый строй иноческой жизни обращать в содействователя главной цели иночества. Все аскетическия Писания и предыдущих трех томов и последняго пятого имеют в виду жизнь внутреннюю, — и она раскрыта в них всесторонне. Но монастырский строй в его отношении к целям иночества никем не был брат во внимание, кроме святого Феодора Студита. Уроки о внутренней жизни тут же идут и у него, но только как руководительныя начала. Главное же у него всегда что нибудь монастырское, и именно с той стороны, какою стоять должно к главной цели иночества. Всякое самое последнее послушание представляется им не менее ценным пред Богом, как и самое высокое, если оно совершается в должном духе. И он всех постоянно воодушевляет уверением, что всякой труд их есть шаг в царствие небесное, к венцу мученическому.

Для монастырских братий это неоцененная книга. Но и для мирян найдется здесь не мало полезнаго. У святого Феодора редкое поучение проходит без того, чтоб он как нибудь не коснулся смерти, суда, ада и царствия небеснаго. Для внимательно читающаго их картина сих событий неизгладимо напечатлется в уме, — и для всякаго послужит источником побуждения к покаянию и воодушевления к исправной жизни. — Вот почему тогда как Греческое Добротолюбие ничего не взяло из святого Феодора, мы сочли себя обязанными дать его наставления в назидание иночеству братству.

Счет извлечений идет воловой от начала до конца, а не по томам. Из какого тома поучение, и какое оно по числу тамошнему значится в конце оглавления извлекаемаго наставления. При сем поучения малаго Катихизиса стоят под именем четвертаго тома.

Поучения святого Феодора имеют не всегда один предмет, но многие, и касаются иногда сторонних вещей, судя по текущим потребностям иноческой жизни. Между тем оглавления поучений в рукописях указывают один какой, более выдающейся предмет: от чего содержание поучений не все видно в оглавлениях. Это заставило составить новыя более подробныя оглавления, которыя и предлагаются.

Не излишним считаем приложить малую заметку о рукописях поучений св. Феодора, находящихся в библиотеке русскаго на Афоне монастыря св. Пантелеймона, и тех отчасти, кои есть у нас в России. В обители св. Пантелеймона на Афоне:

1) Большой Катихизис недавно списанный, простым письмом и на простой бумаге, в трех томах, из коих в первом 87 поучений, во втором—124, в третьем—60. Всего 271 поучение. В сем числе и несохранившиеся. Рукопись, с коей список сделан 11 века на пергамене. Потрудился в деле списывания бывший Пелусиотский митрополит Амфилохий, пребывающий на покое.

2) Малый Катихизис в одном томе в рукописи 11 века на пергамене. В нем 134 поучения.

Примеч. 1) В библиотеке С.П.Б. Духовной Академии есть рукопись малаго Катихизиса на пергамене, раньше 11 века, может быть даже — 9 в. — Это дар обители св. Саввы, что близ Иерусалима, руками блаженной памяти тамошняго настоятеля, Архимандрита Иоасафа.

2) В Московской Синодальной библиотеке, есть три древния пергаменные рукописи поучений св. Феодора 10, 11 и 12 вв. В первой 126 поучений; во 2 — 123; в 3 — 76. Как видно из оглавления их, обязательно сообщеннаго достопочтеннейшим Синодальным Ризничим о. Архимандритом Владимиром, оне взяты из входящих в состав малаго Катихизиса.

Из сих Катихизисов, — издавна сделаны были выборники поучений для церковнаго употребления в обителях. Таковых в употреблении есть два, имеющиеся в обители св. Пантелеймона:

3) Один в 105 поучений, заимствованных исключительно из малаго Катихизиса.

4) Другой в 95 поучений, заимствованных из 1 и 2 том. большаго Катихизиса и из малаго, почти в равном количестве.

Только сии последния имеются у нас в переводе, сделанном и изданном Оптинскою пустынею. Оне только и у Греков имеются в печатном издании.

В западных изданиях св. Отцев, прежних и недавнем Аббата Migne, имеются только малый Катихизис, и при том только в Латинском переводе.

Может родиться вопрос: чего ради извлечения из поучений предлагаются, а не полныя поучения? — Отвечаем, что у нас цель не книжная, т. е. не книгу дать, а то, что в ней есть назидательнаго. Сей же цели лучше удовлетворяет извлечение. Впрочем и извлечения сии, как не трудно заметить, суть почти полныя поучения, с небольшими сокращениями, иногда в начале, иногда в конце, а инде и в середине. Но все, что предлагается, суть собственные слова святаго отца.

Сверх того, некоторыя поучения не вполне сохранились, некоторыя совсем не сохранились, иных содержание непонятно. Все такая опущены. Потому подождать надо, пока где нибудь найдутся цельныя рукописи. Тогда ужь все за раз и перевесть поучения в полном их составе.

СВЯТЫЙ ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОР СТУДИТ

ОЧЕРК ЖИЗНИ СВ. ФЕОДОРА СТУДИТА

Жизнь написана монахом Михаилом. См. в *patrologiae graecae Migne* — t. 99. — Здесь — извлечение Св. Феодор, сын высокородных и сановитых родителей (отец его заведывал сбором царских податей), воспитан был в добром наказании хрисианском, научился всей премудрости Еллинской, явился ритором прекрасным, и философом изрядным, и вместе с тем богословом просвещенным. Когда при Константине Копрониме, особенно усилились гонения иконоборческаго, родители его, оставя мир, прияли иноческое житие; а св. Феодор оставался в Константинополе, заканчивать свое образование. После Копронима царил сын его Лев, также еретик, а после него супруга его Ирина с сыном своим Константином.

Ирина хранила православие, как и сын ея; и со св. Патриархом Тарасием собрала собор св. отцев, вселенский седьмой, на коем осуждена и проклята иконоборческаго ересь. На сем соборе был Платон,

дядя Прен. Феодора по матери, который, по окончании собора, взял с собою в пустынь св. Феодора, и братьев его Иосифа и Евфимия, решившихся принять иночество, и поселился с ними в Саккудионе, прекрасном месте, возвышенном, окруженном лесом и богатом водою. Место было уединенно, и вход туда пролегал одною тропею. Оно полюбилось им, и они устроили там монастырь и Церковь святую во имя св. Иоанна Богослова. К ним стали собираться братия, и монашеская жизнь пошла добрым порядком, под руководством мудраго Платона.

Св. Феодор, всех превосходивший образованием и дарованиями, по пострижении паче всех преуспевал и в подвижничестве, измождая плоть свою пощениями, бдениями и трудами по монастырю, самыми низкими и тяжелыми: ибо рубил дрова, носил воду, копал землю в саду и огороде и уваживал ее, обучая себя смирению. Наипаче же заботился он о благоустроении нрава благочестнаго и Богу любезнаго. Для того законом имел каждый день исповедывать старцу своему Платону все помышления и движения сердца, и одобренное усовершенствовать старался, а неодобренное исправлять. Каждый также день определял он некое время на богомыслие и умную молитву, да един единому предстоя Богу умом невозмущенным, тайное некое приносит Ему служение. Любил он прочитывать Божественное Писание Ветхаго и Новаго Завета, и творения св. отцев, особенно св. Василия Великаго, и из него, его правила и уставы иноческаго жития, которые чтит так высоко, и так почитал необходимыми, что того, кто не исполняет их, монахом не признавал.

Блаженный старец Платон, видя такое преуспевание в подвижничестве св. Феодора, положил облечь его в сан священства: что и совершил св. Тарасий Патриарх, по его представлению и ходатайству. Святой же Феодор приняв таким образом рукоположение не столько волею, сколько нуждею, не только ни в чем не ослабил себе, но еще на вящие простерся подвиги, и был для всех примером добраго иночествования, и имел многих себе подражателей, и в своей обители и в других.

По довольном времени блаженный старец Платон, чувствуя старческакия немощи увеличивающимися, восхотел устранился от дел и последние годы прожить на безмолвии, оставив преемником своим св. Феодора. Случилось ему заболеть, и он, призвав братию, сказал им, что болеет, и кто знает, чем кончится болезнь; почему желал бы избрать себе, преемника, — и спросил: кого—бы желали они? Они все в один голос сказали: Феодора. — Ему блаж. Платон и передал власть и все заботы настоятельства, а сам устранился на покой.

С первых же дней в сем чине, св. Феодор как свои увеличил подвиги, так и от всех требовал строгаго исполнения уставов иноческаго жития; особенно же вооружался против беспечности или внешней только исправности, и любостязания. Братия иные роптали, однакож по немногу исправлялись. И обще говоря, подвижничество в обители приподнялось.

Так хорошо дела шли у св. Феодора внутри обители. Со вне же скоро начались скорби и утеснения. Первым поводом к тому послужил незаконный брак юнаго царя Константина, нещадно обличаемый св. Феодором. Он был женат на дочери Филарета милостиваго Марии. Но потом полюбилась ему другая, и он женился на ней, оставя первую. Брак совершил некий Иосиф, экононом церковный, помимо воли Патриарха Тарасия, который после того всячески старался расторгнуть сей брак, но не успел; и, боясь большаго зла: ибо царь грозил поднять иконоборство, — перестал докучать ему об этом.

Но блаж. Феодор не молчал; особенно потому, что и вельможи с сановниками тоже начали делать. Боясь потому, чтоб такое беззаконие не превратилось в закон, св. Феодор писал ко всем монахам,

чтоб они царя почитали отлученным от церкви, или самоотлученным, как делом своим себя подклонившаго под кару отлучения. Это разгласилось; дошло и до царя.

Царь сначала скорбел об этом; потому что новая его жена Феодотия была с родни блаж. Феодору по матери. Надеясь впрочем ласканием помирить его с собою, велел прелюбодейной супруге своей послать ему побольше подарков с прошением молитв его за себя и за род свой.

Но блаженный не только подарков, но и посланных с ними не принял на глаза. — Царь задумал какнибудь самому повидать святого и поговорить с ним. Для того устроил проезд мимо обители его, как будто по делам куда ехал, в надежде, что св. Феодор выйдет к нему с братиею для царственного приветствия и пригласит в обитель. Но святой, узнав о том, велел запереть ворота и не отпирать, сколько бы ни стучали. — Те постучали — постучали и отошли ни с чем.

За это воспытал гневом царь на преподобного и послал избить его и послать в заточение. —

Прибыли, избивали так, что плоть раздроблялась от ран, и земля обагрилась кровию, — и отослали, в Солунь. В тоже время разослали в заточенье и всех начальнойших отцев обители, числом до одиннадцати. Св. Феодор благодушно терпел все; и к братьям страждущим писал, утешая их и убеждая переносить постигшее их горе благопокорливо. «Богу так угодно, а что от Бога, то все во благо нам, если смиренно благопокорствуем.» — Писал он и к Папе, и от него получил утешительный ответ, с похвалою за ревность по Богу и мужество непоколебимое.

Царь между тем жил дурно, а царством правил еще хуже. За что свергнут с престола и скоро умер. Царство перешло опять в руки матери его, Ирины, возстановившей иконопочитание. Она тотчас возвратила всех, заточенных сыном ея к своим местам. Св. Феодор опять собрал расточенных чад своих; и жизнь иноческая снова потекла у них в добром порядке.

Но спустя несколько лет нашло другое горе, не столько тяжелое, сколько хлопотливое: Агаряне подходили к Царю—граду. Не желая подвергать себя бедам от их рук, св. Феодор оставил свой Саккудион, и переселился в Царь—град, — где царица и св. Патриарх отдали ему Студийский монастырь, из которого иноки были разогнаны Копронином иконоборцем, а новые еще не набрались: было там в это время только человек двенадцать.

Приняв обитель сию, св. Феодор требовавшее исправления обновил, недостающее пристроил, разместил, свою братию, и иноческое житие пошло в нем обычным чередом. Братство множилось, и скоро возрасло до тысячи. Не имея возможности за всем присмотреть своим глазом, святой разделит труд сей с другими достойнейшими старцами, коим поручил блюдение должного порядка по разным частям монастырских послушаний, и для каждого из них написал подобающия правила. Особенно заботился преподобный, чтобы братия не имели нужды выходить в город по каким либо потребам. Для чего завел в монастыре всякого рода поделия: свои у них были портные, сапожники, столяры, стекольщики, кузнецы, каменьщики, и проч. и проч. Братия определялись к сим занятиям по своим способностям и склонностям, имея во главе особаго распорядителя и блюстителя. Все делалось, как и в мире, но не по мирски. Повсюду царствовали благочиние и благоговение: руки на дело простирались, а в устах всегда имелись молитва Иисусова и Давидские псалмы. — Всякое, большое и малое нарушение порядка наказывалось определению епитимиею. Чтоб в этом реже настояла необходимость, преподобный всегда в поучениях своих, излагая общие христианские и иноческие законы, касался и тех правил, коими определялись порядки жизни у него в монастыре. Этим освежалась память о достоудном и оживлялась у каждого ревность являть себя исправным во

всем, даже малейшем.

Между тем Никифор тиранн низверг с престола царицу Ирину, и первым делом его было возмущение церкви восстановлением своею властью Иосифа, придворного иерея, венчавшего Константина с Феодотию и за то лишенного сана, — в противность канонам св. церкви. Патриарх Никифор, бывший по св. Тарасии, муж достойнейший, сопротивлялся этому, сколько мог; но потом, видя ярость царя и опасаясь от него худшаго чего для церкви, принял в общение Иосифа.

Но св. Феодор не уступал; и явно обличал неправость царя. Разгневанный тем царь послал св. Феодора в заточение. Тоже сделал он брату его Иосифу, и старцу Платону, и другим многим инокам Студийским.

В то время напали на Фракию соседние варвары; и царю надо было идти против них. Пред выходом посылал он к св. Феодору, ласканием и угрозами склонить его к единомыслию с собою. Но св. Феодор, Духом Божиим движимый, ответил ему так: «надлежало тебе, царь, идя на брань, покаяние принести и исправить то, что разорил ты в Церкви Божией. Но как ты этого не сделал; то ведая ведай, что не возвратишься ты с брани живым. Таково о тебе праведное определение Божие.»

И действительно царь убит был на брани. По нем приял царство сын его Ставрикий; но и он скоро умер от раны, полученной на войне. На царство избран был некто Михаил Киропалат, муж, воистину царской власти достойный, благой и правоверный. — Он возвратил из заточения св. Феодора, и всех, которые вместе с ним подвергались ему; почтил их честию и разделение церковное уничтожил. Иосиф же, как непотребный член, опять отсечен был от церкви.

В это время священный оный и достохвальный старец Платон отошел ко Господу, и погребен был честно самим Патриархом, в Студийской обители.

По преставлении духовного отца своего Платона, св. Феодор с братиею два только года прожили в мире и спокойе. Потом возстала опять иконоборческая буря и возмутила всю церковь. Произвел ее новый царь Лев Армянин. Он был военачальником в восточных странах и возмутился против благоверного царя Михаила, который, во избежание междоусобной войны, сам сложил с себя царскую багряницу и облекся в иноческую власяницу, предоставив царство взбунтовавшемуся тиранну.

Этот Лев сначала показывал себя благоверным и кротким; а когда укрепился на царстве, начал хулить св. иконы и порицать иконопочитание. Св. Патриарх Никифор, раскрывая пред царем истинный смысл иконопочитания, убеждал его ненарушать мира Церкви противлением ея учению о сем предмете. Но царь ничему не внимал, а напротив своим авторитетом царским думал всех заставить подчиниться его мудрованию. Для чего собрал всех нарочитых священников и иноков, и св. Патриарха с ними, равно как и св. Феодора, явно пред всеми открыл свое зловерие, похваляя нечтущих св. икон и укоряя почитающих их. В основание такого мудрования выставлял он преимущественно вторую заповедь: не сотвори себе кумира, ни всякаго подобия, и проч. Прилагал и такая соображения: как можно описать неопищенного, и на иконе в лакоть поместить невместимаго? Как именовать богом изображенного красками?

Отцы духовные почтительно объясняли царю, что ветхозаветныя законоположения обязательны для христиан не безусловно, что иконы изображают Бога, не яко неопищуемаго и невместимаго, а как Он благоволил являть Себя святым и особенно как Он открыл Себя в воплощении, и что Богом именуют они не деки и краски, а Того, Кто изображен на иконах, к Нему возносясь мысленно, при воззрении

на изображение Его. Они разнообразно предлагали такие мысли; Святой же Феодор, как бы сочетавая все их во едино, пространную сказал речь, в вразумление царя.

«Откуда тебе, о царю, пришло недоброе умышление — внести еретическое повеление в св. церковь и разодрать благолепную ризу ея, вышнюю благодатию и Апостольским и отеческим учением сотканную? — От ветхаго ли закона мудрствуешь? Мудрствуй разумно. Разсмотри все места Ветхаго Завета, в коих запрещается творить образы и подобие и почитать их, — о чем они говорят? — О том, что, сделав какой либо образ и подобие, не следует почитать его богом, и божеское ему воздавать поклонение, а не о том, будто не должно делать и иметь образа и подобия и чтить их. Святая же Церковь не боготворит сделанные руками образа и подобия, а только чтит их, как изображения того, что досточестно. Следовательно, как заповедь вторая, так и все места ветхозаветных писаний, подобныя сей заповеди, которых многое множество, не относятся к иконам св. Церкви. К ним относятся, — скажу например, — повеление Божие сотворить подобия херувимов и поставить их на самом почетном месте, над кивотом, и поведете еще сделать змия, и благоговейно воззреть на него во избавление от ужаления змиинаго, и подобное...

Итак ветхий закон не отменяет деление икон и почитания их, когда то и другое совершается с разумом. А в Новой Благодати что видим? Сам Господь и Спаситель наш изобразил Себя на убрусе и послал к Авгарю, который от прикосновения к нему получил исцеление; св. Лука написал подобие Матери Божией с Предвечным Младенцем на руках, и когда представил Ей, Она изрекла на него благословение Сына Своего и Бога; после сего, в Церкви Божией не переставали быть иконы святых, из коих многия являлись чудодейственными и доселе пребывают такими. Не светлее ли солнца все сие показывает, что иконописание и иконопочитание не человеческого, а божеского суть происхождения? — А что ты говоришь: не хочу, чтобы невидимое и неописанное Божество было изображаемо красками; то и мы также веруем, что Божество невидимо и неописанно, изображаем же на иконах Божество не как Оно есть в существе, но как благоволило явить Себя нам особенно в воплощенном домостроительстве. Порицающий икону Христа Спасителя порицает самое воплощение Владычнее. "

Выслушав все сие, царь разгневался и сказал преподобному Феодору: «я давно знаю, как ты сварлив и горд, думая, что умнее тебя никого нет; и ныне так дерзко говоришь со мною, как с простым человеком, что тебя сейчас следовало бы наказать. Но щажу тебя, пока точнее раскроется и сознается правость нашего мудрования; и если тогда не покоришься, не жди милости.»

После сего, бывшие тогда в палате царской, отцы положили: не говорить более ничего. Что говорить тому, кто не вразумления ищет, а хочет властительски насиловать веру? Блаженный же Феодор сказал: разумей, о царю, и внемли! Дело веры св. церкви разбирать и устроить — не твое дело. Твое дело мирские порядки блюсти. Веру же и св. Церковь держать в должном чине, есть дело Пастырей и учителей церковных. Послушай Апостола, который говорит: положи Бог в церкви, первее Апостолов, второе Пророков, третье учителей, и проч. (1 Кор. 12, 28). Видишь? — Учителей, а не царей. — И другия места Писания повелевают церковныя дела править пастырям и учителям Церкви, а не царям.

Царь сказал: уж не ты ли изгонишь меня из церкви? — Святой ответил: «нет, не я. Изгоняют из Церкви законы божественных Апостолов и Святых Отцев. Им следуя, и мы утверждаем, что если и Ангел с неба станет благовестить нам что либо противное вере, анафема да будет. Итак, если хочешь

быть внутри Церкви Христовой с нами, поклоняющимися иконе Христовой, то последуй во всем Патриарху и с ним сущему священному Собору.»

От этих речей царь пришел в ярость и всех изгнал от себя. — Вслед за сим начало разглашаться по городу чрез греческаго епарха царское повеление, чтоб никто не смел толковать или споры заводить о вере, но чтоб все следовали воле царя. Дошло это до слуха и св. Феодора. И он сказал передававшим сие: праведно ли есть вас послушати паче, неже Бога, судите (Деян. 4, 19)? Лучше дать себе язык урезать, нежели молчать и не защищать истинной веры, когда покушаются извратить ее. — С сих пор стал он небоязненно всех учить и убеждать крепко держаться правой веры Отцами преданной: одних к себе призывал, к другим сам ходил, к третьим писал послания; ходил нередко и к Патриарху, и чтоб соутешиться общею верою, и чтоб воодушевлять его к благодушному претерпению предлежащих скорбей и гонений.

Эти гонения и скорби скоро настали: Патриарх был низложен, и изгнан из Царя—града, и все другие православные Архиереи осуждены на заточение; иконы же были поносимы, повергаемы на землю и попираемы ногами, и огню предаваемы; и общее по городу поднялось смятение. Видя сие, преподобный Феодор глубоко болезновал душею, и противопоставляя явному поношению икон явное их почитание, положил в наступивший праздник Ваий совершить крестный ход вокруг обители, в коем братия взяв иконы и подняв их вверх, пели на ходу: «Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий, « и другия подобныя песни.

Узнал об этом царь, и послал к нему грозныя прещения, что, если не перестанет защищать иконопочитания, то встретит заточения, раны и смерть. Как святой не мог перестать делать это и словом и писанием; то был осужден на заточение, отправлен в Аполлонию (Асийскую или Вифинскую) и заключен в темницу, в крепости Метоба называемой.

Однакож он и отсюда всюду разсылал послания, убеждая строго держаться, держамаго Церковию, иконопочитания. Дошли и до царя послания его; и он тотчас послал некоего Никиту, сына Алексева, перевести Преподобнаго дальше оттуда, в место, Вонита называемое, и заключить там в темницу, с строгим запрещением беседовать, или писать об иконопочитании! Когда посланный передал ему волю царя, он отвечал: перемену места с радостью принимаю, ибо Бог везде есть; но не говорить и не писать не могу; и, по переводе в другое место, действительно говорил и писал.

Узнав об этом, царь в гневе послал к Преподобному опять того же Никиту — наложить на него лютыя раны. Когда посланный сказал об этом св. Феодору, он с радостью сам скинул одеяния и подставил тело свое на биение. Но у Никиты, когда увидел он, как измождена плоть Преподобнаго, рука неподнялась уязвить ее. И он возвратился не коснувшись святаго.

Святой же, оставшись, опять небоязненно распространял истину относительно св. икон, пространно беседуя с теми, кои приходили к нему, и пиша всюду. Писал он и к Патриархам Иерусалимскому, Александрийскому, Антиохийскому и Римскому, описывая, что деется в Царе—граде, и прося их помочь Православию и молитвами, и делом.

Случилось зайти к нему некоему клирику Асийской церкви, который, послушав бесед Святаго, отверг иконоборную ересь и обратился к Православию, — возвратившись же в свое место, обратил и другаго клирика. Узнав об этом епископ, пожаловался на Преподобнаго царю; и царь предписал Асийскому воеводе обложить лютыми ранами св. Феодора. Воевода послал одного из своих дать Преподобному 50 ран. Но посланный, и этот, возрев на обнаженное тело Преподобнаго, устыдился

поднять руку, и поклонившись ему, возвратился, не исполнив злой воли царя.

Не успел этот посланный возвратиться к пославшему его, как к св. Феодору явился новый посланец от самого царя, именем Анастасий, лютый и безсердечный, который своими руками избил Святаго, дав ему до 100 ран; тоже сделал и ученику его Николаю; и заключив затем обоих в темное и тесное место, повелел крепко держать их во всякой нужде, — и удалился. Приказ этот жестокий исполняем был строго: темно, смрадно, сыро; в малое оконце бросали им по небольшому ломтю хлеба, недостаточному и для одного, и подавали кружку воды, иногда чрез день и более, как будто имелось в виду голодом уморить их; болезнь от ран и грубости от прислужников увеличивали тесноту сию. В такой нужде св. Феодор положил, воодушевляясь верою, питаться только Пречистым Телом Господа, от запасных даров, которые имел с собою, — все же подаваемое отдавал ученику своему.

По довольном времени, проезжал тем местом какой-то царский вельможа, и узнав об участи Преподобнаго с учеником, велел облегчить их страдания; давать побольше пищи и пития и обходиться с ними помилостивее. Так прошло более трех лет. Тут попало в руки царя одно из посланий св. Феодора, в котором обличалось нечестие царя и давалось наставление крепко держаться Православия и мужественно претерпевать за него гонения и муки. Разозлился царь и послал какого-то зверонравнаго вельможу — показать Преподобному послание, и удостоверившись, что оно его, избить его до последняго издыхания. Преподобный признал послание своим, — и был избит безжалостно, и оставлен еле дышущим. Также поступлено и с учеником его. Насытив свое злонаравие, посланец возвратился к пославшему; а страдальцы, благодушно пострадав за истину, начали пещись друг о друге. Св. Феодор не мог двигаться и лежал в изнеможении еле дыша, ни пищи не принимая ни пития. Ученик был не много крепче, и забыв о себе, всю заботу обратил на Святаго, и питая и напоая его ячменным отваром с какою то травою. Когда Святой несколько оправился, тогда в свою очередь помогал и он ученику, особенно в уходе за ранами. Они очищали друг у друга раны и обрезывали висевшие клоки тела, омывали нагноения и намащали язвины, чем могли. Так промучились они девяносто дней, и еще не совсем поправились, как прибыл от царя еще посланец, жестокий и безчеловечный, с повелением отвезть стратотерпцев в Смирну. Это совершено под немилостивою стражею, с лишениями, озлоблениями, нуждами и всяким изнеможением. Только особенная помощь Божия дала стратотерпцам силу дойти до назначеннаго места. Здесь они отданы были в руки епископу, человеку злому, зловерия наставнику, и заключены в низкую, тесную и темную хижину, где претерпевали всякия лишения и нужды.

Не много спустя, прибыл от царя прежний немилостивый Анастасий, и нанеши Преподобному сто ран, опять отправился назад. Преподобный же все сие претерпевал благодушно, Бога благодаря. Смирнскою областью управлял тогда племянник и единомышленник царев. Он заболел и приближался к смерти. Некто из прислуживавших ему, правоверный помянул ему о св. Феодоре, имеющем дар целить болезни. Больной послал к Преподобному с прошением молитв. Преподобный, исчислив все его зверства над православными, за которыя не миновать ему вечных мук, предложил ему покаяться, хоть под конец. Ужаснулся воевода того, что его ожидало и обратился к Преподобному, прося прощения и обещаясь принять Православие, если получит исцеление. Св. Феодор послал ему икону Пресвятыя Богородицы, заповедуя ему чествовать ее до конца жизни своей. Приняв икону, воевода тотчас почувствовал облегчение и стал оправляться. Оздравление его подходило уже к концу, как он опять отпал в прежнее зловерие, увлечен будучи Смирнским

епископом, еретиком. Потом больной принял от этого епископа елей в благословение. Но лишь только помазался им, как впал в прежнюю болезнь, — и зле изверг душу свою.

Более полутора года претерпел Преподобный в Смирне. И еще бы страдал, но царя злочестиваго убили, а поступивший на место его Михаил (Травлий или Валвос) был равнодушен к вере и оставлял всякаго веровать, как хочет. При нем все изгнанные и заточенные в прежнее царствование получили свободу. Пришло повеление отпустить и св. Феодора с учениками его. (В этих заточениях при Льве Армянине пробыл св. Феодор около семи лет; да прежде при Константине за обличение его в неправости брака пять лет).

Собрались тогда к Преподобному все, бывшие в изгнании ученики его; и он вместе с ними возвращение совершал во свояси, всюду встречаемый радостно с любовию; ибо вся церковь радовалась о возвращении его. Достигши до Халкидона, виделся он со св. Патриархом Никифором; и утешились взаимно оба они, яко сострадальцы за единое правое дело веры. С ним вместе доходили они до царя и убеждали его принять Православие. Но он сказал: «иконам поклоняться не хочу, — и не хочу, чтоб оне видны были в Константинополе; имейте их, где хотите, и чтите, как знаете.»

Отсюда св. Феодор перешел с учениками своими в Крискентиевы места, и там поселившись, чаял наконец обрасти покой. Но по случаю возстания некоего Фомы, искавшаго восхитить царский престол, должен был укрыться в Царьград, на время, пока кончится мятеж: ибо на всегда не хотел жить в городе, исполненном еретического иконоборства. По утишении же бури сей, перешел он не в Крискентиевы места, а в Акритов Херонис, к Церкви св. Трифона, где и провел до конца жизнь свою в подвигах, окруженный учениками своими.

Наконец приспело время блаженной кончины его, на 67 году от рождения. Когда весть об этом распространилась, начали отовсюду стекаться к Преподобному, всякаго чина и звания, и ближние и дальние. Все желали слышать слова, и Преподобный говорил; но от изнеможения так слабо, что и близь стоящие едва могли слышать. Почему посадили скорописцев, чтоб не лишиться назидания не могших слышать слов Святаго. Желаящий может прочесть их в кодексе поучений Преподобнаго. Болезнь впрочем отлегла немного, и Святой мог ходить, бывал в Церкви и в следующее Воскресенье служил, сказал поучение братии и за трапезою с ними был. Также и в наутрие, 6-го Ноября, на память св. Павла Исповедника, совершил Божественную Литургию, и братию поучил, и на вечернем тогоже дня пения был. Но возвратясь в келлию, опять слег и начал болеть. Четыре дня проболел, и на пятый отошел к Господу, к неболезненной жизни.

Когда приближался час преставления его, собрались к нему братия и плакали как об отце и учителе своем. Смотря на них, прослезился немного и он, и сказал: «се отцы и братия, приспел конец жизни моей! Все мы должны испивать чашу сию, одни пораньше, другие попозже, но миновать ея никому нельзя. Я отхожу путем, коим отошли отцы наши, отхожу туда, где живот вечный, где Бог и Господь наш, Котораго возлюбила душа моя, Котораго возжелало сердце мое, Которому я рабом нарекся, хотя работы достождно не совершил. — Вы же братия и чада любимыя, пребудьте в словесах моих, которыя я предал вам, и держите веру правую и житие благочестное. Вы знаете, что я не переставал возвещать — вам Слово Божие и в Церкви, и наедине. Ныне же усердно молю вас, имейте то в умах ваших и сохраняйте. Печаль у меня лежит на сердце из-за вас: ибо предлежит мне слово воздать о вас. Попекитесь же так отойти отсюда, чтоб неповинными предстать пред лице Господа.» Сказав это и простившись, велел он ученикам своим взять свечи, зажечь их и петь исходную песнь.

Ученики, стоя вокруг, начали петь: блажен непорочный (Псал. 118); и когда, поя порядку, пропели: в век не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси (ст. 93), — Преподобный с этими словами предал душу свою (826 г.).

Ее приняли Ангелы Божии и понесли к престолу Божию, как не ложно засвидетельствовал о сем преподобный Иларион Далматский, видевший то в видении. В этот День, 11-го Ноября, на память св. Мины, ходя уединенно в вертограде своем и поя псалмы, услышал он пречудные некие гласы и обонял неизреченное благоухание. Дивясь, чтобы такое было, воззрел он на небо и увидел многое множество белоризцев, с светлыми радостными лицами, сходящих с высоты с песнями, в сретение некоему честному лицу. Увидев это, блаженный в ужасе пал на землю, и услышал, как кто-то проговорил: «это душа Феодора, игумена Студийскаго, за иконы до крови пострадавшего, в сей час скончавшагося, торжественно восходит горе, в сретение же ей нисходят небесныя силы.» — Это видение блаженный Иларион пересказал другим добродетельным отцам: заметили день и час сего события, и по времени узнали, что тогда именно преставился достохвальный Феодор Студийский. Кончина св. Феодора сопровождалась многими чудесами, которых не мало было от него как прежде сей кончины, так и после — от гроба и св. его мощей.

Святаго отца нашего Феодора Студита.

Подвижническия монахам наставления.

1*).

*) Цифра над оглавлением указывает число извлекаемаго наставления, а цифры после оглавления в такой скобке [] указывают — первая том, вторая — поучение того тома. — Пунктам оглавления соответствуют отделения, следующие за ними, на каждый пункт особое.

1) Сколь высоко служение иноческое. — 2) Всякое послушание, по богу исполняемое, ведет в рай, хотя оно и очень просто. — 3) Перечень добродетелей ведущих в рай. [1, 2].

1) Бог для того ввел нас в мир, чтоб мы, благоугождая Ему добрыми делами, соделывались наследниками Царствия Небеснаго. Нам же монахам Он, по введении в мир, даровал и особенно великую благодать, состоящую в том, что, избрав нас из среди всех, поставил пред лицом Своим на служение державе Его. Смотри же теперь всякой тщательно, сообразно ли с званием, к коему призван, ходит он, и точно ли ни о чем другом не заботится, как только о том, чтоб угождать Богу.

2) Исполняя послушания, должны мы так действовать, как бы прямо от Самого Бога получили на то повеление. От здравствующих Бог требует посильнаго дела. И будем делать, одного того всячески стараясь избегать, чтоб не окрадать самих себя тщеславием пред другими и сомнением пред собою, якобы делающие нечто великое. У Господа готова всякому трудящемуся своя награда: трапезарь радоваться будет с первомучеником Стефаном; хлебопек сам будет для Господа чистым хлебом; овощехранитель насладится благоплодиями рая, обитателем его удостоясь быть; и всякой другой, — смотрящий за виноградником, древоделатель, доброписец, привратник, и вообще, какое бы ни нес кто послушание, если несет его, как работу для Господа, получит достойное воздаяние.

Господь все видит, ничто от Него не укрывается; и за все воздаст по божески.

3) Стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь: вся вам любовию да бывают (1 Кор. 16, 13. 14); каждодневно умирайте, чтоб жить во веки; бегайте помышлений злых, как самых дел; почитай многоречие многогрешением, смех — блудодеянием, многоястие и насыщение — рабством похоти; горе мысли, долу очи; будьте чисты телом и душею; воодушевляйтесь благонадежием; ни к чему на

земле непривязывайтесь; Единого Бога бойтесь. Если так будем вести себя, если так будем благонастроены, то ликовствовать будем с Ангелами и радоваться со всеми святыми во веки.

2.

1) Не мудрствовать о себе высокая. — 2) Жить для всех братий, как всякий член тела для всего тела. — 3) Послушания наши не тяжелы, но чрез отречение от своей воли заслуживают венцы мученические. [1, 3].

1) Вы мудро поступили, богозванные мужи, что оставили мир и к Богу устремленными имеете очи сердца вашего. Старайтесь же жить богоугодно, и живя так, не мудрствуйте о себе высокая (Римл. 12, 16), ни по духовным добродетелям, ни по телесным преимуществам, чтоб не услышать: что имаша, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь? (1 Кор. 4, 7). Кто много делает, благодатию Христовою делает, прияв свыше от Бога силу не для себя, а для ближнего.

2) Все вы друг для друга послушники, друг другу помощники, как живые члены одного тела. Если глаз не станет руководить руки, если одна рука не станет поддерживать другую, если нога не станет ступать также как сего требует благо всего тела, если вообще каждый член начнет действовать по своей воле; то они не только своей крепости не сохранят, но с разстроением себя самих, разстроят и все тело. Потому да радуется всяк, когда ему придется поболее потрудиться для других, терпя холод, дождь и жар; да плачет же и сокрушается сидящий без дела, как непотребный член, в теле не для тела живущий и достойный одного отсечения.

3) Да не отягчится слух ваш, слыша сие. Напротив вникните, какими малыми и сколь не многими трудами дано нам стяжать Царствие Небесное. Мы не проливаем, как мученики, кровь; членов наших не отсекают, костей не сокрушают; но если мы прилагаем к своим легким и не многим трудам отречение от своей воли, с желанием Богу угодить и братиям с любовью послужить, то чрез это делаемся подобными многострадальным мученикам, и даже Самому Господу, за нас распятие и смерть подъявшему. Бдагодушействуйте же, трудясь! Вас ждут венцы мученические.

3.

1) Бодрствуйте: ибо враг не дремлет, — в утешение и пастырю. — 2) Не отставайте в труде ибо за каждый труд тотчас отлагается на небе и воздаяние. — 3) Наставления: канонарху;—4) лампадчику; — 5) больничнику;—6) вольным. [1, 4].

1) Знаю я из св. отцев, наипаче же от праведнаго старца моего, что диавол никогда не спит и не послабляет себе в трудах о погублении душ наших; но всегда бодр и скор на посеяние плевел своих, спящим человеком (Мф. 13, 25). Бодрствуйте же и вы, богозванные чада мои, и трезвитесь, чтоб кто из вас не попал в сети диавола. Люблю я слышать о преуспевании каждого из вас, утешаюсь послушанием одного, смиренномудрием другаго, трудолюбием третьяго. Сына же преслушания, ропотливаго и горделиваго, празднолюбца и недвигу, шепотника и говоруна ненавидит душа моя. — Но кто я, говорящий так? — Я пастырь ваш, хотя и недостойный, вы же овцы мои, за которых я отдам отчет Господу, вверившему их мне.

2) Паситесь же все, паситесь добре, паситесь единокорно и совокупленно. Никто не отставай. Отставшаго враг заведет в распутья и сгубит; как отставшую овцу похищает волк и уносит в лес или в горы. Дело спасения нелегко; путь к нему многопотен, утомителен, требует напряженного труда, бдения, довольства малым, — малою пищею, малым отдыхом, плохую одеждою, наипаче же требует неимения своей воли. С трудами каждого соразмеряет Господь и воздаяние; и на долю каждого из

трудящихся отлагаются венцы каждодневно.

3) Службы церковныя надлежит нам исполнять со всем благочинием, благоговением и теплосердечностию. И ты, чадо мое, канонарх (уставщик), как приставленный смотреть за этим первым и великим нашим делом, будь бдителен, буди клирошан, точно наблюдай времена, назначенныя для всякаго песнопения, и все другое исполняй, как тебе приказано, относительно псалмов и стихир, по чистой совести. Кто способен петь, пусть поет; а кто более пригож к чтению, к чтению и приставляй его. Не неради и будь внимателен, и праведно распределяй каждому из братьев, что в один день читать кому, или петь и что в другой, — кому в простые дни, кому в праздники, судя по голосу, произношению и скорости чтения, чтоб и сторонние, если случатся, получали пользу. Да будет у тебя все благообразно и по чину (1 Кор. 14, 40), чтоб удостоиться услышать от Господа: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю (Мф. 25, 21), и быть вчинену на небесах в лик святых.

4) И ты, лампадовжигатель, будь пристрашен и тщателен в исправлении даннаго тебе послушания: ибо оно от Бога и божественно. Блюди освещение храма, как два свои ока: ибо оно пред лицом Бога совершается. Если возжигающий свечи пред царем бывает весь впимание, чтоб угодить пред очами его; не тем ли паче тебе, чадо мое, со страхом и любовию должно совершать возжжение лампад всецарю Богу, от всей твари дориносимому, равно как очищать лампы, исправлять светильни, и поддерживать соразмерный свет. И за чистотою Церкви смотри, выметай ее по крайней мере два раза в неделю, смахивай пыль и с икон, чтоб непортились, и все прочее держи в порядке и убирай, всячески остерегаясь, как бы чего не повредить из церковнаго.

5) Третий ты у меня на уме, чадо больничниче. Шествуй по заповеданному тебе. Не малых венцов достоин ты в сем труднейшем, отдыха не знающем, мученическом, за то высоком и высокаго достойном воздаяния служении. Не жди и не ищи покоя здесь, чтоб получить его там. Если здесь добре потрудишься, то несомненно получишь успокоение там. Одни читают, другие молятся, третьи безмолвие водят, иные иное что похвальное делают; но и ты на равне с ними течешь, — или даже упреждаешь их. — Как только ободняется, обходи одного за другим больных, узнавай положение болезни каждаго и назначай, что кому потребно и полезно. Если пребудешь в таких трудах, то венценосцем войдешь в Царствие Небесное.

6) Вы же чада мои, болящия, с благодарностию принимайте все, случающееся с вами, довольствуясь тем, что вам дают. Если же кроме того чего пожелаете, то только помяните о том, и что потом сделает для вас приставленный к вам брат, будьте благодарны с любовию. Не ропщите: довольно, что брат служит вам, как раб, по любви к Богу, и доставляет пригодное каждому, по силе монастырских средств. Если же не будете так себя держать, то великих мук достойны будете.

4.

1) Помните смерть и отчет и ревнуйте об обетах. — 2) Храните уста. — 3) Какие братия для настоятеля руки, очи, ноги. — 4) У нас и телесный труд духовен; трудитесь друг друга поощряя.... Христос с вами. — 5) Повару урок и воодушевление. [1, 5].

1) Обозрим высоту небесную и глубину земную, и естество наше, что мы, яко человеки, умираем, переносимы бывая отселе в области премирныя, за пределы мира сего. Без всякаго прикрытия предстанем мы тогда пред лице праведнаго Судии, чтобы дать отчет о делах своих; после чего примет нас или царство небесное, если мы добре действовали, или огонь неугасимый, если

пребывали в грехах. Будем же непрестанно возгревать ту ревность о богоугодной жизни, с какою вступили мы в обитель, припоминая, какия слова изрекали и какия обеты давали мы тогда, и сознавая долг свой всегда быть верными тому: ибо от словес сих и судимы будем.

2) Храните уста свои чистыми, всегда говоря одно Богу угодное. Ни лести не допускайте, ни неправых укоризн. И слово гнило да неисходит из уст ваших (Еф. 4, 29).

3) Те из вас, которые трудятся, руки мои суть. Трудитесь же, руки мои, и не утомляйтесь, простираясь на должное: ибо мышца Господня укрепит вас (Пс. 88, 22). Очи мои вы есте, которые приставлены смотреть за другими. Смотрите же право, предусматривая и предостерегая от падения тех, кои могут подвергнуться ему, чтоб и вам самим соделаться достойными призрения божественнаго. Имею я и ноги. Ноги мои, стойте на правом пути заповедей Божиих. Это те, кои мужественно и благодушно носят тяготы прочих братий, за что, если пребудут в сем добром расположении, отнесены будут на вечное упокоение. Этими словами я хочу опустившихся возставить, разленившихся возбудить к ревности и впавшим в малодушие придать мужества.

4) Радуйтесь, утешайтесь, окрыляйтесь ревностию. Ни от чего не отвращайтесь, — ни от душевных, ни от телесных трудов, потому что и телесное наше, будучи посвящаемо Богу, духовно есть. Ктому же кто рачителен в телесном, тот рачителен бывает и в духовном. Друг друга понуждайте и поощряйте и в молитвах, и в послушаниях, и в смирении. Возбуждайте себя взаимно ко всякому добру, во всем поступая благопристойно и чинно. Следуйте друг за другом, и помогайте друг другу; и будете таким образом чада Христова и уди отчасти (1 Кор. 12, 27). Я так и верую, что глава ваша Христос есть. Егоже имея главою, кого вам бояться. И чего не получите вы с Ним? Неба и земли владыками будете, и все обетованное наследуете.

5) И к тебе слово, чадо мое, поваре, — каждодневно борющийся в огне, колющий дрова, варящий яства, воду носящий, очищающий и омывающий овощи, коптящий лице свое, загрязняющий одежды, потеющий и жарящийся, усиливаясь всячески успеть предложить братиям потребныя яства, — ты со святыми честь иметь будешь и лоно Авраамово тепле упокоит тебя. Только терпя терпи, в радости проводя день свой, и столько будь усерден и рачителен о деле своем, чтоб послушание твое снилось тебе даже и во сне. С самага утра, как огонь, устремляйся на послушание свое, и выйдешь победителем, добре исполнив дело свое.

5.

1) Соревновать друг другу в добром, но не в худом. — 2) Живем, как по морю плывем; духовное знаменование для нас всех случайностей плаванья. — 8) Благотворительность для братства примрнаго брата, и злотворность худаго. — 4) Безмерно воздаяние; не напрасно течем; радуйтесь. [1, 6].

1) Се ныне дни благи, время делания, лето взыскания Бога. Не попустим же себе напрасно потратить не только лето, но и день; да будут у нас подвиг и рачение о спасении не препобедимые, взаимное соревнование благое, и ревность к подражанию добродетелям, друг друга правая. Если увидим в ком либо выдающуюся добродетель, — — тихость, например, благоговение, послушание, смирение, или другое что похвальное, да уязвляется благим возжеланием быть ему в этом сшественниками. Отсюда породится между нами и союз мира, и любовное расположение. Тому же, что противоположно сему, не будем научиться из соревнования, — и, видя безпечнаго, не будем безпечничать, видя чревоугодливаго, не будем чревоугодничать, видя многословливаго, не будем многословничать. Но

как мудрые и Богом наученные сами по себе, вся искушающе, доброе да держим (1 Сол. 5, 21).

2) Емлемся за якорь веры нашей, подыдем парус надежды, и со всею энергиею будем переплывать великое море здешней жизни: ибо, во время плавания сего, неизбежно будут налегать на нас ветры, — разумею возстания плоти, — подниматься треволнения плотских похотений, встречаться водовороты из глубины сердца возникающих, порочных помышлений и другое многое, подобное тому, что случается при плавании морем: пираты — всезлюбные бесы, отмели — ослепления от неведения, подводные камни — непредвидимыя козни против души нашей, опасное наполнение трюма водой — неоткровение грехов и греховных помыслов, от коего гибнет душа, как гибнут плователи, нерадящие о наводнении трюма, сонными погружаясь во глубину моря вместе с кораблем. Мы же, честнейшие братия, будем оберегать себя от всего такого и бдительно шествовать путем Божиим; наипаче же будем открывать все, что бывает в сердце нашем, чтобы вода помыслов худых не переполнила душ наших и необъяла нас бездна последняя, по некоему слову пророческому (Ионы 2, 6).

3) На все стремительно готовый в братстве, и по душевным подвигам и по телесным трудам, как звезда небесная светит и световодит многих. Рачительный по делам благочестия, неба достойным нелицемерный, несмехотворный и молчаливый есть Ангел, на земле, как пред троном херувимским служащий Богу и Владыке твари. Пользующий своими добродетелями других и возбуждающий в них стремительность к духовному деланию, есть солнце лучезарное, златоблестящее и согревающее всю полноту братства. А кто мрачен, темен и ночеобразен, который омрачает и сущих под ним, и подобными себе их делает? Кто, если не тот, кто высокоумием, сластолюбием, смехотворством, ничего не деланием, срамными делами, наговорами, дерзостию и нечистою чрез сосложение с худыми помыслами уподобляется с небес спадшему сатане? Влиянию таковых не должны мы подчиняться.

4) Труд ваш не долог, а воздаяние вечно; злострадание коротко, а радование присно; тягота привременна, а упокоение безконечно. Там будете вы веселиться, где, всех веселящихся жилище (Пс. 86, 7), откуда отбеже болезнь, печаль и въздыхание (Ис. 35, 10), где нет плача, а одна радость. Так напрасно ли вы течете? Всуе ли трудитесь? Отнюдь нет! Напротив и разумно, и возвышенно, и дивно, и блаженно, и Апостольски, и мученически, и отчески, и Ангельски, и небесно, и Богоприятно — и вышли вы (из мира), и пришли (к нам), и родились у нас рождением духовным, и возрасли и воинились, и вооружились оружиями духовными, и поражаете амалекигов, аммореев, хананеев с другими племенами страстей. Вы оставили позади себя море мира (чрез отречение от него), перешли Иордан чрез просветительное и очистительное второе крещение в принятии схимы (ибо оно есть действительное покаяние), и отселе начинаете вступать в часть наследия своего, в землю, которую показали вам чрез обетование свое неложный Бог наш, — в землю текущую медом и млеко безмерия и присноживотия. Радуйтесь о сем, ликуйте и веселитесь, видя такое человеколюбие Божие. Пред очами нашими живот, пред лицом радость, у ног блаженство; приотворена дверь, — тецйте, да постигнете (1 Кор. 9, 24). Кто при этом может стоять в нерешимости? Кто не устремится и не станет стремиться все с большею и большею ревностию, стараясь упредить других в получении предлагающих сокровищ?

6.

1) Против похоти; ибо этим огнем огонь вечный возжигается; и смерть может застать на деле. — 2)

Поткнувшись, вставайте, возненавидев грех, и возлюбив благое. — 3) Бегать малых грехов, особенно празднословия; указуются предметы для бесед. [1, 7].

1) Мужайтесь и стойте доблестно против обходов диавольских, зная, что брань у нас не с плотию и кровию, а с невидимым и горьким гонителем нашим, сатаною, и под ним сущими отступническими силами. Итак, если на кого нападет помысл похотный, да немятется он и несмущается; но молитвою, стенанием и слез излиянием да обращает его вспять и отбивается от него, вспоминая огонь оный (вечный), и то, что ныне возгорающееся в нашем жжение служит причиною возжжения и онаго (вечнаго) пламени. Итак сколько бы раз в день ни напал такой помысл, истребляйте его вконец, — и не будет нам осуждения. Если с похотию сею вместе совпадет и омрачение помыслов, с чувством тяготы подвижничества, горе возведи око сердца своего, и разреши эту сеть диавола помышлением о возможности умереть каждый час. 2) Да крепится же всяк труждающийся, помышляя об упокоении в нескончаемой жизни.

2) Да осенит вас благодать Господа нашего, и да дарует вам твердость претерпеть настоящая притрудности. Подвизайтесь в борьбе и бое, и всячески напрягайтесь совершить путь, не поскользнувшись. Если же что будет такое, — чему случиться с вами однакож не желаю, — поспешнее восставайте. Посмотрите, каково видимое. Небо высоко, как написано, земля же глубока (Прит. 25, 3). И кто взойдет на него из низверженных в грех? Потому возмерзните им, возненавидьте его, отвратитесь от него; емлитесь же за благое и делайте Богу любезное.

3) Умоляю вас, избегая великих грехов, будем избегать и так называемых малых, разумею, празднословия и смехотворства. — Тихо и кротко относитесь к каждому; и когда ведете беседу только для разогнания скуки, — и тогда да будет она у вас блага. Да будет у вас речь или о подлежащем рукоделию вашему, или о решении недоумения относительно какого либо места Писания, или о чтении по уставу, или о житии какого либо Святаго, или о разрешении нашем от тела, пришествии к нам Ангелов, и нашем ответе пред Господом и Богом за всю нашу во плоти жизнь; как Святые отыдут к неизреченной радости, а грешные пойдут в муку безутешную; и как, вопрошайте друг друга, избежать нам этой страсти (пусторечия) и стяжать противоположную ей добродетель (мудроречия); слеза как прорывается и источается, и от чего иссыхает? и что послушанием нелицемерным, смирением и молчанием уст орошаются произрастения души и распускаются, как древо жизни, посреде рая; а иссушаются многословием, смехами, неуместными и безвременными воззрениями очей, ропотливостию, жесткоречием, долгоспанием, мягоядением и всякою другою страстию, какой произвольно предаемся.

7.

1) Высоко звание; благодарить хранением обетов. — 2) Главное — Бога стяжать. — 3) Верность званию гражданами неба делает; дела сей верности. — 4) Дары Богу на Богоявление. — 5) Слова писания о величии обетованных благ. [1, 8].

1) Се, Господь и Бог наш являет людям благость Свою, сияя лучами человеколюбия, чтобы всех привести к Себе; нас же монахов особенно некако извел Он из тьмы в свет. Какое же благодарение воздадим избравшему нас и призвавшему Богу? — Такое, — чтобы жить нам с целию преуспевания в благочестии, отложив жизнь страстную и сластолюбивую. — Сознаем же, братие, звание свое, будем пред очами иметь, чего требует монашество, и те обеты, которые изрекли мы пред лицом Ангелов, и так станем жить, как готовые, как только позовет Бог, с полною радостью перейти отсюда, как из

пришельствия в собственное жилище.

2) Видите ли ничтожность настоящей жизни? Видите ли, как непостоянна и скоротечна жизнь человеческая? — Одна есть благая часть, одно благоживотие и благодать ненасытимая — стяжать Бога чрез соблюдение заповедей Его. Но это требует труда и понуждения себя напряженного.

3) Вы—граждане Иерусалима, жители рая, сопричастники хора Ангелов Святых, если стоите в звании своем, пребываете верными ему, любите его всм сердцем, понуждаете себя на дела его, от всего же противного ему воздерживаетесь, — и всячески утесняете себя. Радуйтесь же в страхе Господнем и очищайте себя от всякаго нечистаго расположения; убелитесь и возблестайте, как сыны света; старшим оказывайте уважение, послушание и благопокорливость; друг—другалюбие богато да множится в вас; своему же нраву следование и самосоветие ненавистны да будут вам.

4) Се, настал день Богоявления! Господь с небес: сретим Его чистыми. Приготовим святых благорасположения и в дар от всей твари Дориносимому принесем жизнь обновленную, боговидных созерцания и боголюбивое горение сердца; принесем еще кто любовь к безмолвию, кто неусыпную бодренность, кто многомолитвие, воздержание, благопокорливость и безропотность, — все все, так, чтоб ни в чем не оказалось у вас недостатка.

5) Бог чрез Святых Своих возвещает, какая в будущем ожидает нас слава. Св. Павел взывает: недостойны страсти к хотящей славе явятся нам (Римл. 8, 18); Св. Давид поет: лучше день един во дворах Твоих, паче тысяч (Псал. 83, 11), — и: насыщуся внегда явитимися славе Твоей (Пс. 16, 15); и из других Пророков некто вопиет, что оттуда отбеже болезнь, печаль и воздыхание (Ис. 35, 10). И сколько еще желающий может найти в Писании подобных свидетельств, которыя показывают нам недомыслимое наслаждение, предала неимеющее веселье и неописанность благ обетованных Богом тем, кои благоугождают Ему. Будем же стоять в этом, утверждаться, созидаться и совершенствоваться во Христе Боге нашем.

8.

1) Не ослабевайте: труд мал; воздаяние безмерно. — 2) Не поблажай телу, воображая, будто ужь проходишь путь смерти. — 3) Всякую жертву — за заповедь... ничего не боясь. [1, 9].

1) Не останавливайтесь и не предавайтесь лени в служении Богу, и, смотря на притрудность в настоящее время, не лишите себя наслаждения, которое в веке будущем. Но все, — и слова и дела, — благодушно переносите, и так располагайте свою жизнь, чтоб принимать друг друга в любви Божией, и вспомоществовать взаимно друг другу в трудных делах. Проживите вы целое столетие в подвиге, — и это не может идти в сравнение с одним часом безмерной полноты вековечнаго безсмертия. Ктому же и блаженно и, скажем по человечески, очень выгодно — малое толико как бы в сновидении, позлострадать, а в воздаяние получить безконечно блаженную жизнь.

2) Не будем поблажать телу, которое Святые почитали врагом и смиряли его всячески воздержанием, так как угождение ему противно духовной жизни. Еще немного, и отойдем из сей жизни. Примеры тому видим на братиях наших, которые один за другим сходят во гроб. — А мы разве останемся здесь? Конечно нет. — Но о! о, братие! Коль страшно дело смерти! Почему следует нам, как бы свыше вдохновляясь, постоянно держать себя в состоянии созерцания, помышляя, что мы как бы уже умираем, — что вот — вот совершится отделение души от тела, придут Ангелы (не буди же мне сказать: набегут и бесы; потому что это бывает с теми, кои поработены страстям), и услышится: время, душа, выходи! Какой труд и какая болезнь расторжения союза будет тогда! — Тогда

доброделание и неосуждение совести будут великою помощью, утешением и ходатайством за отходящих. Тогда послушание примет дерзновение, смирение привлечет благоволение, слеза преклонит на милость, обилие дел возмет силу над бесами, терпите за всякое дело заступится, — и враги вспять возвратятся ни с чем, а душа с Ангелами в великой радости пойдет к Спасителю. Тогда — страх, если как нибудь душа, в страстном навыке состоящая, найдется обладаемою грехом: ибо тогда возмут верх бесы, и низринут ее бедную вместе с собою в бездну ада, во тьму и тартар мучительный. Вот и польза душе той (от поблажки страстям)!

3) Очистим же себя еще здесь. Прольем кровь в подвигах, и да не будет у нас ничего, чтобы отторгало нас от заповеди Божией: ни труд, ни болезнь, ни наслаждение, ни покой, ни всякое довольство. Хотя бы и умирать нам приходилось каждый день, претерпим то с радостью, стараясь жить выше мирских мудрований. Кроме страшного Судии Бога ничего не будем бояться: ни человека, ни зверя, ни огня, ни меча, ни моря и ничего инаго, что кажется страшным; ибо человек, созданный по образу Божию, есть господин и владыка земных тварей.

9.

1) Поле души очищать, засеивать, орошать, чтоб плоды духовные приносила. — 2) Воздержание в пище и сне, и плоды сего. — 3) Переносить скудость в одеянии и обуви. — 4) Охотно злострадать ради будущего. [1, 10].

1) Как земля благая, напаяемая дождем из богоблагодатных токов Духа Святаго, приносите плод и произращайте добродетели, как полные жизни класы. Как поновляете вы поля, так и землю души вашей очищайте от терний мысленных огнем страха Божия и мечем истины. Сейте же, по заповеди Апостольской, не в плоть, чтоб от плоти не пожать истления; но сейте в дух, чтоб от Духа пожать плоды духовные [Гал. 6, 8], — научаясь терпению, постоянству, великодушию, смиренномудрию, взаимной друг к другу любви, ненавидя же зависть, лукавство, обольщение, поношение и оклеветание.

2) Стяжите также воздержание. Воздержание же есть, когда телу дают пищу, сообразно с потребностью ея, ни слишком обременяя ею тело, ни слишком облегчая от него, как поступают и при нагружении судна, ибо когда оно слишком наполнено, то может пойти ко дну, а когда слишком легко, то подлежит опасности перевернуться кверху дном. Так же и в отношении ко сну: надо принимать его сколько полезно. За соразмерною диетой следуют легкие сны, а затем и другим — бодренность на псалмопении, внимательное слушание чтений, разумное понимание каждого слова из поемых божественных песней. Будучи же услаждаема всем этим душа, благонастраивается, согревается и просвещается, вкушая плоды умеренности во всем. А от многоястия — сны тяжелые; от того же и другаго омрачение мыслей, неразумение песенных речений, сжатие уст, потемнение очей, души и тела: ибо с внешним сообразуется и внутреннее. Тогда вор душевный, набежав, крадет, что хочет. Посему то и Господь сказал: бдите (Мф. 26, 41).

3) Бог любит задушевное слово, благопокорливый ответ, благое — неразстроенное лицо, тихий нрав, смиренную беседу. — Кто благодушно переносит паче других злострадания, кто благодарит, когда недостает ему потребной одежды, или обуви, или наглавника, — тот настоящий делатель Божий, на будущия великия блага меняющий временныя и ничтожныя. Я забочусь всех всем довольствовать, говорю же так для того, чтобы, когда неостанет каких вещей, никто не огорчался, не раздражался и не роптал. Бывают же и такие, которые, горя любовию к Богу, и произвольно инаго лишают себя. Но

конечно добре творит всякий, кто с благодарностию принимает даемое ему, когда бы то, и каково бы то ни было.

4) Царствие небесное предлежит, вечно блаженной жизни воздаяние ждет угождающих Богу. Кто же не потечет? Кто не поспешит восхитить такая подаемья сокровища? Кто самоохотно не решится и злострадать, и обнаженным быть, и терпеть холод и мороз, и самого себя умерщвлять подвигами, ради таких и толиких благ? — Но вы не непричастны таких трудов и подвигов; ибо чрез отсечение своих хотений, чрез отречение от всего, чрез всякаго рода терпение, вы умираете каждодневно, имея между тем жизнь вашу сокровенною во Христе Иисусе, Господе нашем. Когда же явится живот наш, Христос Господь, — тогда и вы начнете радоваться с Ним вечно (Кол. 3, 4). Не ищите же здесь покоя, но удостоверением в тамошнем вечном упокоении почитайте здешнее злострадание.

10.

1) Господь шествует, — терпите; — и чем подкрепляться. — 2) Вот — ваш конец, — и рай: там забудем все тяготы. — 3) Там в чертогах Господа ликование за злострадание: кто же охотно не изберет их? — 4) Радуйтесь, что живете в теснотах и скудости: се инок. — 5) Друг другу помогайте во всем, — и господь близь. [1, 11].

1) Путем Божиим шествуйте, каждодневно имея Господа, по обетованию Его, шествующим вам. Ибо Он сам в лице Апостолов своих сказал всем, взыскающим завета Его и свидения Его (Пс. 24, 10), что Он с ними будет до скончания века (Мф. 28, 20). На пути Его и стези неведомы. Невидимо соприсутствует Он очам ума и безгласно беседует с теми, кои чисты сердцем. Держитесь пути своего праваго, минуя козни завистливаго диавола. Восприимите крылья любви Божией, чтоб парить наравне с облаками, превыше всяких наземных сетей. Умастите ноги ваша елеем радования и целомудрия, не ужасаясь ступания по скорбному пути Господню. Если жаждете от малодушия, пейте воду терпения; если алчете от изнеможения душевнаго, вкушайте хлеб, питающий и укрепляющий сердце человека, — слово премудрости, подающее благу силу и мужество. Добре препоясаны вы и бодры; взирая убо горе, не возлагайте на себя не удобоносных бремен: разумею недобрья пожелания вражеския. Довольно для шествующаго путем, ведущим от земли на небо, без малодушия идти путем сим, не налагая на себя никакой ноши.

2) Добре разсудили вы, премудро поступили, что вышли из мира, и теперь преподобно приметаетесь к дому Божию, работаете Господу и служите Ему каждодневно, отвращаясь от всего привременнаго, и рода, и отечества, и всяких похотений плоти. Дело наше — дело Ангельское. Еще не много потерпим, не много позлопостраждем. Приходит уже конец и предел жизни нашей; взяты будем святыми Ангелами, и начнем радоваться во веки, наследниками став обетованных благ со всеми святыми. И тогда никакого не будет у нас жаления, — ни о том, что победствовали, ни о том, что измождились подвижничествуя, ни о том, что испостились, или лишали себя сна, или терпели холод и стужу, или иным каким образом лишали себя удовлетворения пожеланий своих. Напротив будем благословлять и ублажать тот день и час, когда благоволил Бог, чтоб мы убежали из мира и приняли монашескую схиму. Там каждому за всякое здесь злострадание воздано будет сторицею, и вместо печальнаго обретаем там всерадостное и присноживотное. Почему никто из нас да неотказывается потерпеть находящее; ибо в замен этого получим радование неизглаголанное и вечное. Да не будет же услышать кому либо из нас: помяни: яко восприял еси благая твоя в животе, твоём; и: между нами и вами пропасть велика утвердися (Лк. 18, 26). Се страшный глас, отделяющей грешника от

праведника, страшный и когда помышляешь о нем. Каково же будет услышать его!

3) Сколько отстоит небо от земли, на столько отдалены будут сущие во грехах от Господа Бога нашего. Други же Его, и истинные рабы внидут к Нему, в царство Его небесное, в вышний Иерусалим, град великий, где сокровища недомыслимая, слава безпредельная и радование вечное. Там узрим друг друга и познаем себя; и я верую, что если будем всегда исполнять волю Божию, вместе будем там в радости нескончаемой. Если же это так, не потрудимся ли, не позлопостраждем ли самоохотно? Не испием ли с радостию осмеяния и поругания, как млека? Не пожелаем ли на последнем быть месте и степени, или даже быть попираемыми паче всех? Не изберем ли умирать каждый день произволением, как агнцы Христовы незлобивые? Да, братия мои! да отцы мои! Таким расположением угодили Богу святые.

4) Не будем искать здесь вседозволенной жизни, чуждой всякой неприятности и тяготы. Но паче будем радоваться, когда бедствуем и веселиться, когда в трудных находимся обстоятельствах, когда бываем обижаемы, теснимы, терпим недостатки в нужных вещах, в жилище, в пище и питии, в обуви и одежде, или в других каких потребах. В этом свидетельство наше, и за это ублажается инок, как непрерывно состоящий в борьбе и подвиге. Если же вы не таковы, то явно, что вы не стоите на иноческом поприще, хотя и именуется так подложно, притворно и лицемерно. Впрочем о вас я знаю, что вы искренно подчиняетесь уставу иночества, искусно шествуете путем его и живете Ангельски, имея десницу Божию, поддерживающую вас, утешение Духа Святаго, укрепляющее вас, святых Ангелов и всех богоблаженных мучеников и преподобных, помогающими вам.

2) Восходите на гору Божию и в дом Его святыи, по слову Исаии, велегласнейшаго Пророка (Пс. 2, 3). Никто не отставай, никто не приседай, друг другу помогайте, состоя в крепкой между собою любви, друг друга поощряйте, друг другу соревнуйте, друг другу подражайте. — Да не будет у вас ни смеха неприличнаго, ни развлечения разсеивающаго и разнеживающаго, ни долгих праздных бесед; раздор же и непослушание ниже да именуется в вас. Желательно, чтоб вы говорили степенно и честно, имели друг к другу радушноe расположение; и обращались друг с другом тихо и приветливо. Вся искушающе, добрая держите, от всякия вещи злыя отгребайтесь (1 Сол. 5, 21, 22). Господь же мира да даст силу и крепость душам вашим и Сам да пасет, Сам да питает вас на воде покойне (Пс. 22, 2), возвращая вас на стези правды, сохраняя от козней всезлобнаго змия, обвеселяя, услаждая, утешая удостоивая вас Своего царства небеснаго.

11.

1) Враг воздымает страсти; но противьтесь и одолеете; Господь помощник. — 2) Несите труды и на работах и в богослужении безукоризненно; не губите их. — 3) Потрудимся, уготовимся, чтоб не встретить ужасов в час смерти и после;— а увидеть одно радостное. [1, 12].

1) Приидите восприимем обще все готовность и ревность еще и еще служить Богу и угождать Ему. И ничто да неполагает нам к тому препон и не удерживает от того; но и от мира отречемся пополнеe, и плоть препобедим, и от родства устранимся, и удовольствия презрим, и труд изберем, и все другия дела добродетели сотворим и будем творить, чтобы оказавшись непреткновенными по своему званию, наследовать нам царство небесное. Змий страшный, всезлобный диавол неотступно ползает около, желая погибели нашей, тайком прокрадывается, входит в сердце наше и всевает в каждого семена зла: в кого сласть греховную, чтоб за это удовольствие и одночасное наслаждение лишить его вкушения вечных благ и послать во огонь неугасающий; в кого равную убийству страсть зависти, по

причине доброй славы брата, коею (завистию) омрачает ум его и, как в темноте ночной ходящему, не дает ему видеть славу Божию, чтоб явить в нем новаго Каина погибельнаго; кого к чревоугодию увлекает, чтоб, победив подчревными услаждениями, отдалить его от Бога; на кого напускает уныние; в ком поражает отвращение к своему званию, или к сподвижникам, или к монастырю; кого заставляет тяготиться псалмопением, чтением и уединением, — а против иного невообразимую поднимает пыль страстных помыслов и движений, чтоб сбить его с праваго пути и погубить. Но мужайтесь, и да крепится сердце ваше (Пс. 30, 25): ибо мы уповаем на Господа, сокрушившаго державу смерти, и даровавшаго нам силу наступать на змию и на скорпию и на всю силу вражью (Лк. 10, 19). Видим примр сему во св. Антонии Великом, который так сокрушил и истнил силу врага, что тот не мог переносить даже тени святыни его. Да и все богоносные Отцы побеждали его, и все, в настоящем роде, вседушно работающие Богу, побеждают его.

2) Вижу, что вы усердно трудитесь, в жертву Богу принося труды свои. Но да будут труды ваши всесторонне безукоризненны и достойны воздаяния. — Как же это? — Работайте тихо и безмолвно; слова не во время да неисходят из уст ваших; бегайте превозношения; гнушайтесь продерзости; облекитесь в смирение; нудьте себя на всякое послушание. Смотрите, не навлеките на себя смерти каким либо грехом, и не приближайтесь друг к другу во время страсти; не дерзайте в двоим быть на едине, ибо тут огонь греха; не касайтесь членов своих, каких бы то ни было, особенно же одного, ибо тут гнев, огонь, смерть. Внимайте чтению; бодренно совершайте псалмопение; не дремите, предстоя Богу, и получите от Него дар, ибо Он всегда раздает дары бодренным. Жалости достойно, когда от лица Царя отходят одни получив дары, а другие отсылаются ни с чем. Хотя те и другие были за одну работою, но как одни работали лениво и сонливо, а другие — искренно и со всем усердием; то так различною оказалась участь их.

3) Спешите, подвизайтесь, теките, достигайте, да не затворится для нас дверь, да не пресечется время жизни нашей, да не снидем в гроб неготовыми, да не разрешимся от союза с телом виновными, да не узрим во время разлучения души св. Ангелов без дерзновения, да не схватит нас за грехи Ефиоп оный, длинный до небес, который показан был Антонию Великому, да не поглотит нас хаос, преисподняя, тартар, огонь шумящий нескончаемый, или другия мучилища, где плачь и скрежет зубов. Но да обретаем там мирное и блаженное долгоживотие, да припадем ко Христу, Владыке нашему и Богу, и узрим безмерную оную красоту, оную неприступную славу лица Его, хороводствуя со Святыми Ангелами и со всеми святыми, веселясь там, откуда отбеже болезнь, печаль и воздыхание (Ис. 35, 10).

12.

1) Идем отсюда... т. е. из области страстей, чрез воздержание чрева, очей, языка, слуха, рук и ног. —

2) Уроки эконому, смотрителю за работами, келларю, огороднику и садовнику, смотрителю за конным двором и мельничнику. [1, 13].

1) Провозглашаю вам, как никогда Господь ученикам: встаните, идем отсюда (Ин. 14, 31). Говорю же сие не в том смысле, чтоб исторгнуться из тела, прежде чем позовет Бог, связавший нас с ним, для испытания добродетели нашей, но в том, чтоб и суще в теле, мудрствовать о том, что выше тела, и, — как о себе написал Божественный Павел (Гал. 6, 14), — распять себя миру; ибо, как он же воззвал, иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24). Переносите же мужественно все тяжелое и прискорбное, и будьте во всем воздержны. Ибо, если бы праотец наш

был в сем отношении благопокорлив богопреданной заповеди, то не облобызал бы смерти вместо жизни чрез невоздержные. Поститесь же, и не вкушайте от преогорчевающего древа греха, если возможно, даже и мыслию; но всячески берегите себя от него делом. Жадными очами не делайте страстных воззрений и сами себя не подвергайте очарованию. Затыкайте ухо от слышания неразумных речей и бесполезных сказаний. Уста приучайте пить только Боголюбезное, и пребывать не праздноглаголивыми. Руки, ноги, и все члены ваши да будут защищены от всего страстного.

2) Ты, получивший послушание по экономии, старайся безукоризненно и непреткновенно ходить среди братий твоих, всем распоряжаясь со смиренным мудрованием.

Ты, кому поручено смотреть за полевыми работами, с свойственною тебе мудростию и твердостию внимай делу сему, все подобающее по нему верно исполняя и все держа в своем порядке. Снисходи и спостражди преутомляющимся, особенно из новичков. Слово ваше да будет солию растворено, да даст благодать слышащим (Кол. 4, 6; Еф. 4, 29). Будьте любочестивы (почтенны), благоглаголивы, утешительны, учительны, благочинны, руководительны в деле своем.

Ты—келларь (кажется—палатный, или расходчик), уповай на Бога и возмогай в державе, крепости Его (Еф. 1, 19). Преиждивай в попечении о братиях. Стяжевая их, Бога стяжешь: ибо не людей питаешь, но если хочешь, Апостолов Божиих. Приготовляй и давай им и яства и пития, — лучшая из того, что имеешь; но ни приправ, ни сластей, и ничего, чем живущие для чрева — набивают его, да не будет. Это не идет для благочестивых. Но овощи, хлеб и вода — вот все учреждение для них. В этом Отцы наши находили великое утешение.

И ты, чадо мое, повар добрый, попекись о братстве, приготовляя ему съедомое в утешение, да возсияешь в царствии небесном, как солнце.

Вы — огородники и садовники, работайте, и старайтесь довольствоваться братий, доставляя им всякаго рода овощи; да угождая им, Богу угодите, и удостоитесь насладиться вечным покоем.

Вы, при келларе состоящие, со всем усердием и добрым изволением, отдавайте силы свои на дело свое, даже до крови и добре относитесь к перво—келларю, потому что от него зависите.

Вы, исправляющие дела по конному двору, благоприятное Богу и нам несете послушание, и вдвойне против других служите братству; почему двоякими венцами украшены будете. Всякой из вас, кто больше о других печется, делает для них и трудится, несомненно большее получит я воздаяние.

Приидите ко мне и вы, приставленные к мельницам, и вам, говорю, надлежит иметь великое попечение о деле своем; но ничего недопускайте лишняго против того, что положено, ни в пище, ни в питии, ни в другом чем. Относительно же того, что приходится не быть на правиле, псалмопении и других службах, и нам не желательно, чтоб так было, но по причине крайней нужды, не имем, как иначе распорядиться. Однакож не унывайте, вместо вас мы восполним недостающее у вас в сем отношении, хотя мы и грешны. Будьте только бодренно внимательны к себе, имейте страх Божий, и уклоняйтесь от мирских бесед.

13.

1) Вставание; утренняя; первый час; работы. — 2) Предметы речей; соревнование; нелюбие покоя; теплота к Богу и сносливость в трудах. — 3) Потерпим, как господь, ... и милости его сретим. — 4) Бегать дел самоугодия и нелюбия к братиям. — 5) Довольный распоряжениями настоятеля досточестен; пересуждать эти распоряжения не следует; господь да устроит нестройных. [1, 14].

1) Будем жить по установленным для нас правилам и порядкам, понуждая себя быть исправными во

всем и большом и малом.

Как только ударят в било, спешите все благодушно собраться в Церковь, как бы Ангелом позванные, побеседовать с Богом и послужить Ему песнопением, и в воздаяние за то получить не скоропреходящее что и привременное, но дары от Бога душеживительные.

Пришедши во храм, единым воззванием согласно вострубите славословие Господу Богу, и затем вслушивайтесь в псалмопение и бодренно следите за чтением, чтоб, тем и другим просвещаясь, в радовании благоплодно пребыть на Богослужении и посрамить диавола. Но при этом не забывайте внутренне в трезвении совершать молитву, дабы, быв зримы чистыми чистым, освещенными паче, а не помраченными выдти из храма.

Кончилось правило; тихо и мирно исходите из дома молитвы. Затем, один берись за учение, стараясь не погубить при сем собранное от псалмопения сокровище чрез празднословие, а напротив к тому благу присоединить и то, что теперь изучится. Другой, если хочет и нужду имеет, может отдохнуть, прилегли на постели; только и тут, осенив себя крестным знамением и благочинно возлегли, пусть мысленно прочитывает он какой либо псалом с размышлением, чтоб не подвергнуться искушению от искушителя — врага. Ибо любят демоны после Богослужения возмущать души наши недобрыми движениями, чтоб отмстить за поражение, причиненное им внимательным и благоговейным пребыванием в храме, и сделать, чтоб мы зле расточили то, что добре собрали из церковных песнопений и чтений. Для чего омрачают помыслы, непокоривым делают тело, по причине утомления его на псалмопении, и производят непотребныя сочувствия и сосложения. Но, конечно, лучше делает тот, кто воздерживается от сна и занимается или мысленным углублением в псалмы, или другим каким делом, а небросается тотчас в постель, если не клонит его к тому сон непреодолимо: ибо в таком случае он остается свободным от искушения.

Проведши так это время, надлежит всем нам быть скорыми и друг от друга неотстающими, спеша на совершение первого часа: ибо из-за чего терять нам мзду свою, и обременять совесть?

После сего, молясь Богу, да исправится дело рук наших (Пс. 89, 17), и весь день да совершится добродетельно, приступайте к делам, как будет распределено, каждый ли особо к своему, или все вместе к одному, когда случится в этом надобность. Да будет же ваш труд и работа с стихословием, молитвою и добромыслием, будет ли это работа на поле, или в винограднике, или по кухне, или другое что по обычному порядку делаемое в определенные часы;—и это все да будет исполняемо добросовестно со стихословием.

2) Слово ваше всегда да будет о предметах подобающих, телесной ли то жизни касается или духовной, какого либо, например, тропаря, или какого либо делания. — Соревнуйте друг другу в добром. Всякий из вас имеет свое доброе качество, но какого у него недостает, тем обладает другой: у него он пусть и позаимствует его, как добрая пчела, трудолюбно собирающая мед с цветов. — Покоелюбие да будет далеко от нас и леность да будет изгнана. — Теплы будем к Богу и сносливы в подвиге; и ничто да нестановится как средостение между нами и любовью к Богу: ни пост, ни бдение, ни холод, ни зной, ни поношение, ни скудость в потребном; но, все почитая второстепенным, всему предпочитать будем спасение наше.

3) Будем все благодушно переносить, вспоминая, какия страшныя претерпел Господь страсти — нас ради. — Какое же сравнение раба с Владыкою? — Почему, что бы мы ни потерпели, ничтоже есть. Но, благ сый, Господь по благости Своей принимает и малое наше благоизволение, близь есть

терпящим Его, как написано (Пс. 144, 18), и обретается ищущим Его; если потолцем, отверзет нам, — если понастоим, примет нас и введет в радость Свою пренебесную и в нерукотворенный брачный чертог царствия небеснаго.

4) Вопию к вам, призывая во свидетели небо, землю и Ангелов Святых, — не нерадите о спасении своем, не презирайте ни единой заповеди, не ходите во тьме неоткровения (помыслов), бегайте тайноядения, не соплетайтесь со сладостми, не пронзайте мечами душ ваших, т. е. не ввергайте в них огня дерзости, даже в отношении к собственным членам вашим, помня, что они Христовы суть и потому досточестны, не злословьте и не воспаляйтесь гневом друг на друга, не держите зависти в себе, не воздавайте злом за зло, не ищите началствования, не вожделевайте безвременно клирических степеней и не соусплаждайтесь тем в помыслах своих; но благоохотно открывая все (отцам своим духовным), тем врачуйтесь, чрез то в здравии пребывайте, и будьте от сердца во всем послушны. Вот и священство, и священнодействие, и обожение!

5) Чистосердечно открывающий пред моим смирением все свое, смиренное о себе имеющий мудрование, почитающий себя нисшим всякаго дыхания, и неищущий ничего выше того, что получил от моего смирения, — вот, по моему, высокое и досточестное лице! А посматривать на мои распоряжения и обсуждать их по своему, или решать, почему я одному дал такое послушание, а другому — другое, — почему одного ввел в клир, а другаго к другому приставил, не полезно для вас и не прилично. — Господь и Бог наш, изводящий достойное от недостойнаго и от гноища возвышаяя убога (Пс. 112, 7), дающий смиренным благодать и разум и препоясующий силою немощных (Пс. 17, 33), да благоустроит вас, да умирит, да примет вас в жребий Свой, да даст вам благую жизнь, да укрепит вас во всем на дело совершенное, на исполнение заповедей, на благоугождение Богу, на подражание Ангелам для наследия царства небеснаго.

14.

1) К богу устремитесь, и все другое ни во что вмените. — 2) Всяким трудом трудящийся по монастырю добре шествует ко граду вышнему для вкушения благ. — 3) Внешнее ваше хорошо; но смотрите, нет ли среди вас по внутреннему строю иуды, гиезия и подобных. — 4) Не говори: то и то сделаю, и того-то достигну; но трудись, все последующее предав господу. [1, 16].

1) Приидите, чада, послушайте меня, внемлите словам моим и внушите смиренные глаголы мои! Ко всем простираю вопль мой, всем возвещаю, вознеситесь к Богу, отрешитесь от пристрастий. Се вопиет к вам пророческое слово: приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога Иаковля (Ис. 2, 3), — в дом безстрастия, и узрим умными очами нашими уготованную нам радость, но обетованиям небесных благ. Воисприимите рвение, восприимите крылья огненные, как голуби и летите, и воспарите отселе туда, где десная часть добродетели, восприимите радость и духовное возлюбление вожделения Бога, вкусите любви Его сладчайшей, и в ней все другое почетши второстепенным, поприте и славу тщетную, и похоть плотскую, и гнев зверский; и ничто из того, что кажется здесь утешным, не возможет пленить вас, но, как добре препоясанные, мы будем и легки, и острозорки, и быстротечны в шествии путем, ведущим в царство небесное.

2) Путешествующим неизбежно терпеть и бедствовать, тоже и с нами. Ибо, как видите, дела наши требуют труда, подвига и утомления: работаете, изнемогаете, потеете, терпите алчбу и жажду, — кто на пашне, кто в винограднике, кто при точилах елейных, кто на кухне, кто на постройках, кто по келларне и просто каждый над тем, к чему приставлен. Все сии шествуют путем Божиим,

приближаются к граду великому и чрез смерть введены будут в радость вкушения благ, отложенных любящим Бога.

3) В том, что, явно видя добре шествующих, мы утешаемся, видя же беспорядочествующих, негодуем и скорбим, и исправляем их по возможности; сокровенное же ваше вам одним видно и Богу. — Но да не будет между вами никого, кто бы скрытно, будто во тьме, делал что неподобное: ибо от ока всевидящаго ничто не ускользнет, хотя и ускользает от нашего. Я всегда помышляю о вас лучшее. Но кто знает, — нет ли среди вас между двенадцатью и Иуды? Нет ли при добром наставнике Гиезия лукаваго, носящаго вечную в душе своей проказу? Не найдутся ли и среди вас самих подобные сынам иерея Илия, тайно ядущие и Бога прогневляющие, коих конец жалчайший будет бедствен и для меня, паче Илия грешнаго? — Да не постраждем что либо и мы, — пощади Господи! — Что либо подобное Анании и Сапфире, кои покусившись сказать ложь Апостолам, пали падением горьким: ибо бывает, может быть, и между вами, что иной, имея ложь в сердце, не поистине дает слово в отвечании на вопрос, или в случайном собеседовании. Боюсь я и падения Симона волхва, который со св. Петром, верховным из Апостолов, хотел быть ради чести и славы человеческой, хотя наружно показывал, что хочет быть его учеником. Да не озирается же никто из вас вспять, и да не отпадает от первоначального намерения своего!

4) Не говори никто: то и то сделаю, и в столько-то лет того и того достигну. Ты, говорящий сие, а между тем не знающий, проживешь ли нынешний день, не помышляешь разве услышать: безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а я же уготовал еси, кому будут (Лк. 12, 20). Будем подражать неразрывному единению Апостолов с Учи-телем своим и Богом всяческих и, как пред очами Господа всегда суще, ускорим течение свое ко спасению своему, все последующее предав в руки Божии, с готовностию потерпеть мало нечто здесь и поскорбеть, чтоб вечно радоваться. На сие призывает Бог, сему содействует Дух Святой, в сем подкрепляет Господь Иисус Христос. Не бойтесь! Долу низвержен диавол; Христос воскрес, и смерть Уже не царствует.

15.

1) Убежали от мира; но не убежали от волнений страстных, врагами воздымаемых: внимать надо и противостоять. — 2) Примеры верою явивших чудеса послушания: Досифей, Ананий, Захарий и др. — 3) Идите путем заповедей, несите послушание безропотно, и спасетесь. [1, 17].

1) Хотя убежали мы от всего житейского, и как в пристань вступили, прияв священную схиму нашу: но все же мы пребываем в мире сем, как на море, не зная, когда подымется против нас бурный ветр диавольский, покушаясь погрузить во глубину ладьи души нашей, — где и как встретим пиратов мысленных, — на какие подводные камни страстей набежим незаметно, и как во все время жизни своей, без крушения совершим наше от земли на небо плавание. Посему внимать надлежит, чада мои, и беречься, бодрствовать и наблюдать, и прозревать приражения бесовскаго вселукавства, чтоб не неготовыми противостать внушению страсти, отвратить ея нападение и безбедно продолжать свое плавание, держа руль веры нашей.

2) Добрыми примерами отцев просвещаются обучающиеся подвижническому житию, — и непоколебимою верою крепки бывают в трудах своих. — Верою св. Досифей совершил течение послушания, без исследования, верно исполняя всякое повеление руководителя своего и безропотно перенося при этом иногда ударения в ланиту, а иногда осмеяния. Верою блаженный Авва Кир пятнадцать лет мужественно и юношески переносил побои, насмешки и гонения, как бы не чувствуя

гнета неприятностей, и не только не жаловался, но сильно защищал и оправдывал падавших пред святым отцем, когда он спрашивал его. Верую Феодор освященный, за помысл о предстоятельстве, три года нес отлучение от Великаго Пахомия, без противления и ропота. Верую собрал зрелый плод послушания тот, что три года терпеливо с усердием поливал жезл отчий. Верую Акакий, присноживой, иногда синяки имел под очами, иногда следы ударов на ланитах, иногда тот или другой член пораженный, смиренно все терпя и без ропота; и за то сподобился безсмертия. Верую Захария приснопамятный, хотя и Духом Божественным был преисполнен, благодушно терпел раны, но от отца не отлучался. Верую дивный некто реку переплыл несомый крокодиллом. И всякой из чтимых отцев и мужей совершенных оружием веры прошел сквозь огонь и воду искушений лукаваго и вышел в область вечнаго упокоения.

3) Если хотите спастись, никакого нет к тому препятствия или преграды. Имеете пред очами неложные примеры спасшихся и спасающихся. На меня не смотрите, но слушайте слово мое: ибо хотя я и грешен, но истину вам говорю, и прямой путь показую. Трудитесь же, чада мои, отложив непокорливость и отбросив неверие. Шествуйте со страхом путем заповедей Господних. Ищите и обрящете, толцуйте и отверзется (Мф. 7, 7). Это верно знаю, и совершенно убежден в сем. Несите послушания свои безропотно. Трудитесь над повеленным вам без лености. Не будьте не удовлетворительны, скоры на противоречия и отмщение, и продерзны на разорение и пагубу души. Не ищите славы, и найдете ее не только в будущем веке, но и здесь, тотчас, блестяще. Не воюйте между собою и не раздражайте друг друга колкими и оскорбительными словами, по поводу назначения послушаний одному более честных, а другому низших, — и первейшими будете признаны и первейшее получите место в вечных божественных обителях. А если противно сему будем поступать, противное и найдем, — и придет на всякую душу, творящую зло, ярость и гнев, и посрамление (Рим. 2, 8, 9) и ныне, и в будущем. Не буди сего с вами!

16.

1) Видя преуспевание ваше, радуюсь; но боясь, не остановились бы, молю, не пресекайте течения, уклоняясь от всего неподобающего, и ревнуя о всем должном. — 2) Видя смерть пред собою, благонастроимся в сердце; большие телесные подвиги нам нести неудобно; но если сохраним доброе в сердце настроение, то и при мерном воздержании во всем по уставу и руководству, не отстанем от великих мужей. — 3) Дивно общежительное братство и по составу, и по чудесам: ибо всякое одоление страсти есть изгнание беса. [1, 18].

1) Вожделевает смиренная душа моя и исчезает в сильном желании спастись вам, шествуя истинным путем и каждый день подвигаясь вперед в преуспевании. Видя ваше от всего отречение и самоотверженное удаление от мира, ваше безвозвратное отчуждение от своих, расточение всякаго имени и самой воли вашей распятие, и то, что вы все единодушно и единомудренно стремитесь к единому, — утешаюсь тем. Но и опасение меня объемлет, как бы кто из вас не лишился каким, либо образом уповаемых благ. Почему прошу и молю: не пресекайте течения вашего, но паче и паче ревнуйте делать благое в созидание себя и назидание ближняго, непреткновенными и неблазненными являя себя каждый день пред Богом и братством, и неподдаваясь ни рвению завистливому, ни ропотливости пагубной, ни гордости богопротивной, ни пристрастию рабскому, но действуя благопослушливо, тихо и мирно, — без тщеславия и честолюбия, разумно и добросовестно, ради самаго добра, ради святаго сообщества нашего, ради заповеди Божией и нашего

настоятельскаго повеления, и, обще сказать, ради собственнаго своего спасения, день от дня ища одного боголюбезнаго и к нему единому стремясь, пока придет преставление настоящей жизни.

2) Не стоит последний час, но быстро приближается, а для иных уже при дверях есть. Почему, как бы пред очами нашими и у ног наших стоя, да устрашает он нас, да смиряет, да очищает, и да отклоняет от виновности в каком либо худе и каком либо поскользновении с пути праваго, научая проводить жизнь взаимную, в благоговении, безмятежии и благом единомыслии, а также в изучении божественных Писаний, в молитве чистой и труде посильном. И пост есть орудие к духовной жизни, хотя и телесное, впрочем, если им предводительствует святое смирение. Больших подвигов свято-отеческих нам касаться не под силу, да и бесполезно. Но будем соблюдать сказанное пред сим (т. е. память смертную, благоговейство, безмятежие, единомыслие, поучение в Писании, молитву чистую, труд и пост посильный), и в подчиненном нашем состоянии избирать подобающее нам, строго держась общежительнаго устава, как законоположено, — в пище и питии, — причащаясь не только хлеба и овощей, но и вина и елея, и же раз рыбы и сыра, с подобающим воздержанием, не по своему однакож разсуждению: ибо это неуместно, а как нами установлено, — и во всем прочем действуя мудро и разумно, — и когда спим, и когда отдыхаем, и когда ходим, и когда сидим, и когда вместе сходимся и беседуем, и когда празднуем, — равно как и когда насаждаем, сеем, строим, плотничаем, — будем так вести себя, и, уверяю вас, нисколько не отстанем от великости оных отцев.

3) Одно из великих зрелищ и чудес есть и наше во имя Господа нашего Иисуса Христа собрание и сочетание мужей из разных стран и родов, разных возрастов и образов жизни, в единое тело, сгармонированное и направленное к единодействию и единослужению, так что оно, будучи много-душно, много-сердечно, и много-умно пребывает единомысленным и единосердечным, не для чего либо худаго, а для Богоугождения и работания во славу Пресвятыя Троицы. Так наше собрание (братство) и само по себе велико и досточтимо, наравне с великими чудесами; но в нем и самым делом совершаются чудеса, если мы живем, как следует. Ибо не изгоняются ли и здесь бесы? — Изгоняются, и не в тот или другой день, а каждый день и даже час, — изгоняются и опаляются. Каждый из нас, побеждая страсть, беса той страсти опаляет и изгоняет: побеждающий блуд беса блуда изгоняет, побеждающий леность духа лености изгоняет, побеждающий гнев и злопамятство духа гнева и злопамятства изгоняет, побеждающий осуждение и ропотливость духа осуждения и ропота изгоняет. Так и о побеждении других страстей разуметь надлежит. Так не чудотворцы ли вы, если хотите? — И Господь приемлет ваше своинствование в жизни, как подвиги пустынников и столпников, совершавших такая дивныя чудеса.

17.

1) За чем вышли из мира? Чтоб очиститься; и блажен, кто живет в духе сей жизни, особенно в вере настоятелю. — 2) Поступают к нам в обитель, чтоб спастись: представьте же пример жизни иноческой и благочиния монастырскаго. [1, 19].

1) Будем внимать себе, трезвенствовать, бодрствовать и возноситься помышлениями своими к Богу. Будем почаще обращать и к себе приснопамятное оное воззвание Великаго Арсения: Арсение, за чем ты вышел сюда? Ибо и мы вышли из мира. — За чем же? — Не для покоя плоти, не для вкушения удовольствий, но и не для того только, чтоб выучиться грамоте и каллиграфии, или приобрести познания, или сделаться хорошими чтецами, не для того также, чтоб самоугодничать в произвольном служении себе, искать славы, величаться, превозноситься над другими и любоначальничать, — ни

для чего такого и сему подобнаго; а для чего? — Для того, чтоб очиститься от грехов, чтоб облещися в божественный страх, чтоб смирить себя даже до смерти, смерти же крестныя, т. е. до отречения от душевных своих хотений и умерщвления похотей плотских, чтоб воевать с соперником своим диаволом, и биться с началами и властями, и миродержителями тмы века сего (Еф. 6, 12), чтоб не поддаваться многообразным искушениям плоти, и наконец, чтоб стяжать сильную веру в предстательство руководителя своего игумена, чем воистину возможем все стрелы лукаваго разжженных угасити (Еф. 6, 16). Теперь скажите, как это дело у вас? — Разсмотрите, разсудите, разследуйте. И блажен тот из вас и в вас, кто соблюдает заповеди, кто не предал себя в добычу продавцам греха, кто точен в послушании, кто просвещается совершенным исповеданием, кто осиявается богоданным смиренномудрием, и златоблестящим и Хриstopодражательным повиновением, и кто как в порфирную мантию облечен в несомненную веру к своему руководителю игумену, не колеблясь в делах, им указанных, ничего не предрешая прежде решений его и ничего не почитая спасительнейшим для себя на земле кроме того, что тот почитает для него таковым. Замечу, что я не себя здесь разумею, но тех, кои заповеди Божии строго исполняют.

2) Приходят к нам души, воистину Богом посылаемая, чтобы спастися в нашей киновии. Почему исполнение заповедей у нас должно быть самое полное и строгое. Пришли оне, чтоб просветиться, а не помрачиться. Сияйте же, братия мои, хотя я темен, осоляйтесь благодатными добродетелями, хотя я порчею исполняюсь. — В чем должна быть похвала ваша? В том, чтоб уступать брату в слове, чтоб никогда не противоречить, чтоб ни на что не роптать, чтоб быть агнцами незлобивыми, не бодливыми, бла-гопокорливыми Пастыреначальнику нашему Христу, чтоб избегать непотребных смехов и срамных бесед, чтоб бодрствовать в псалмопениях и трезвенствовать в молитвах. Умудряйтесь же, чада мои, паче и паче, очищайтесь, уцеломудривайтесь, совершенствуйтесь и освящайтесь, соделовайтесь богами, — хотя и дерзновенно слово сие, — как обетовал чрез Писнописца Спаситель, говоря: Аз рех бози есте, и сынове Вышняго (Пс. 81, 6; Ин.. 10, 34).
18.

1) Прехвально общежитие; и блажен кто живет в дух его. — 2) Паче и паче преуспевать надлежит, не иждивая всеу дней своих. — 3) Слава отцам! Они, внимая слову истины, образцово жили по иночески: подражайте им. [1, 20].

1) Не леностно убеждаю вас — ревновать о спасении честных душ ваших. Ибо не думаю, чтобы чем либо другим более мог быть для вас полезен, как напоминанием: о досточестном нашем жительстве. И не поскучайте, что речь у меня все об одном и том же. — О чем же другом нам и разсуждать? — Разве изменили мы образ жизни, начатой нами, чтоб перейти нам и беседою на другое? — Нет; не следует нам переставать говорить одно и то же много раз, и об одном и том же многожды; и никогда не перестанем мы восхвалять доброе и укорять худое, — возвещая, сколь добро и блаженно полное удаление от мира и единокорное общежитие братий; и удостоверая, что воистину миро есть, сходящее на браду, браду Аарону (Пс. 132, 2), если кто, вступив в сие общежитие, облекся в смиренномудрие, одеялся в послушание и взыскал отсечения своей воли, восприял бездну любви к Богу, в духе восходит от силы в силу, все любит и все терпеливо исполняет, что требуется уставом общежития, ни в чем не лукавнуя, не питая подозрительных мыслей и замыслов, отлучающих смиренного послушника от Бога и игумена. Облобызаем же, братие, с любовию все сущее и бывающее в общежитии, как святое и спасительное, хотя иное и неприятным покажется: ибо чрез это

стираются угловатости наши, и мы округляемся, чтоб удобнее катиться к цели нашей.

2) Старайтесь один другому приносить пользу и не своего искать, а того, что благопотребно обществу по всякому образу; и все, паче и паче укрепляясь и благоустроаясь в душах ваших, держите себя в непрестающем повиновении, каждодневно обновляясь и с прехождением дней, месяцев и лет, переходя все к лучшему и лучшему, пока есть время преуспевать и богатиться. Не ленитесь, не предавайтесь сну и беспечности и не иждивайте все дни жизни сей. Когда придет время отчета, тогда ясно увидим плоды трудов и бесплодие нерадения, увидим, что, внимая себе и делу своему, плодотворили, и что, невнимая сему, погубили.

3) Слава блаженным душам святых и преподобных отцев наших, воистину мудрых и разумных! Они не все слушали слово истины, не повергали его долу, и не попирали ногами своими: но искренно трудились в поте лица, смирялись, отсекали волну свою, любили быть последними, любили скудость во всем и нищету, и бегали противоречия, и все благодушно переносили в терпении, благоохотно подчинялись повелениям отческим, горели верою, любили молчание, носили немощи немощных, готовые и кровь свою за них пролить, подобно мученикам. И что много говорить? Сами вы знаете предшественников своих и предводителей; подражайте же им, теките в след их, да и славу их сподобитесь улучшить.

19.

1) Паче и паче преуспевай каждый в своей добродетели; послушливый в послушании; смиренный в смирении; трудолюбивый в трудах. — 2) К какому послушанию приставлен, в том и будь исправен. — 3) Если будете так поступать, утешит вас господь и здесь, и в будущем веке. [1, 21].

1) Как начали, так и продолжайте, и не только не пресекайте делания добрых дел, но более и более прилагайте их, паче и паче разгорайтесь духом и спешите к высоте небеснаго жития. Послушный паче и паче послушничай, чтоб собрать плод послушания, покорствуя не предержавшим только, но и простым лицам, без шума и сопротивления, что бы ни приказывали. Смиренный более и более смиряйся, во всем уступая, и со всем соглашаясь, в уничиженном о себе мудровании, при бедной наружности, тихоречии и малословии, не держа в мысли, что, может быть, некогда был из благородных, или что долго уже в схиме пребывает, или что занимает чин какой высокий и многия исполняет поручения, — прибавлю к сему, — не поднимая очей и не принимая суровых взглядов и особой некоей походки из-за того, что умен, статен, имеет приятный говор, на все способен, или другим каким похвальным обладает качеством. Трудолюбивый и старательный в исполнении даннаго ему послушания, яко Господу, а не человекам работая, паче и паче да являет себя делателем непостыдным, принимая на себя труднейшия работы и радуясь о преутруждении себя ради ближняго, в убеждении, что сим великое ему воздаяние сокроуиществуется на небесах.

2) Будем все вообще, — келларь, больничник, каллиграф, вертоградарь, огородник, сапожник, повар, эконом, учитель, сторож, будильщик, уставщик, кандиложигатель, хлебопек, плотник, и всякой к чему бы то ни было, большему или малому, приставленный, — будем, в непресекаемом течении в предняя, с неугасимым вожделением вечных благ, мужественно нести свои труды, перетерпевать все охотно, делать все Богоугодно, и себе самим доставляя благо, и собою жертвуя друг за друга в такой мере, чтоб каждый готов был и душу свою положить за брата.

3) Если так будете действовать, то утешит вас Единородный Сын Божий, послушания ради Богу—Отцу истощивший Себя до безмерной меры смирения, так что соделался рабом, Владыка сый

всяческих, и вкусил смерть, смерть же крестную, — Радость будет и веселие неизяснимое и мне грешному и вам, исполнителям заповедей, не только здесь прославляемым всяким, видящим ваши дела, ваши борения со врагом и отражения его приражений и обходов, но и в будущем веке имеющим ликовать пред лицом славы Христа Бога вместе с хорами Ангельскими, там, где всех веселящихся жилище.

20.

1) Радуют меня ваши успехи... в ком смирение, в ком... (перечисляет иноческие добродетели). — 2) В том же — все дальше и выше отгоняя мысль: еще долго жить,... успем. — 3) Не возноситься ни естественными дарами, ни приобретенным чем, и бог большее даст; от противного — потери. [1, 22].

1) Земледельца радует доброплодное поле; а настоятелей еще паче восхищает духовное плодоносие вверенных их руководству душ. Радуете и вы меня, чада мои, мое насаждение, Божие же возвращение (1 Кор. 3, 6). Радуюсь, видя ваше старание, ревность и рвение о всем, что требуется для спасения.

Радуют меня, — в ком кротость, в ком неутомимость, в ком стыдение и почтительность, в ком отражение и препобеждение прилогов вражеских, в ком безропотность в исполнении возложенного на него послушания, в ком мирность и тихость душевная, в ком простота нрава, в ком вера к моему смирению паче моего достоинства, в ком безстрашие и не миролюбивый нрав, — всех же вас духовное преуспеяние и совершенствование и любовное во едино тело, сочетание, Божиим мановением свыше, и молитвою отца моего и вашего. Радуюсь сему, и дивлюсь, ибо сие всякаго удивления достойно.

2) Боюсь, как бы Господь, за мое невниманье и преогорчение Его грехами, не принял простертую над нами промыслительную десницу Свою, — и в среду нас не вошло что либо такое, о чем не только говорить, но и думать не подобно — разленение и разстроение какой либо души, или даже падение, не явное или явное. Внемлите убо себе, не сдвигайтесь с направления вашего течения, но, пребывая в том же, преобразуйтесь от светлости в светлость и от боголепия в боголепие. Неподвижны будьте, и не выходите из круга дел, какия обещали вы пред Богом и Ангелами, и пред моим смирением; но паче прилагайте труды к трудам. Блюдитесь, да не разстроит вас мысль о долголетии, и да не разслабит крепости решения вашего жить в самопротивлении и самопринуждении. Мысль эта ложна: ибо что жизнь наша? Сон и тень. Ложна мысль сия, но обольстительна: ибо располагает вместо того, чтоб прилагать смирение к смирению и послушание к послушанию, давать себе послабление за послаблением, которое нередко приводит к совершенному разстройству жизни Богоугодной.

3) Блюдитесь, да не превратится в остен греховный кажущееся в вас совершенством, — ни ваша способность скоро всему научиться, ни ваши познания, ни опытность некая в духовной жизни, ни благосоветие иной раз, ни трудолюбие, ни искусство в рукоделиях, ни стройное пение, ни голос приятный, ни статность и ничто другое, сему подобное. Все сие — дары Божии, кои должны служить вам к умножению страха и смирения пред Богом дарователем. Так располагаясь, соделаем Его еще паче милостивым к себе и еще более щедродаровательным, — и всяким добром обогатимся и соделаемся храмом Богу святым, дарованием на дарование украшаемы будучи. Если же, напротив, подыдем голову свою пред Богом, и возгордимся пред братьями, возвышая брови, вздергивая плечи, принимая гордую походку, и пересуждая к чему это, за чем то, почему это так сделано, а то иначе, от чего не мне поручен надзор за таким-то послушанием, а тот чего ради заведывает такую-то работою, вон та же работа совсем лишняя, только напрасно тратится на нее труд и время, — если будем так

делать, то мы превратим время плодородия в неурожайное, время стяжания прибыли в потерпение ущерба, время благаго труда в пагубное бездействие и злодейство, — и вместо того, чтоб восходить на гору добродетели, будем ниспускаться все глубже и глубже в бездну греха.

21.

Будьте в добром, — и врага не пускайте к себе, чтоб он завопил: все злы стали. [1, 28].

Чистою держите стезю заповедей пред очами души вашей, смиренно сознавая и исправляя всякое преткновенение, — преслушание ли то какое, достойное осуждения, или противоречие, покрывающее стыдом; правым путем шествуйте, и обряцете покой душам вашим. Враг наш всяким предлогом пользуется, чтоб протесниться в братство наше и возмутить его. Не принимайте его, ограждаясь щитом веры и мечем Слова Божия отражайте его, — и этот губитель никогда не найдет места себе в вас и не похвалится, что довел вас до поскользновения. Покажите себя отрядом воинства Божия, неприступным для него, и пусть он, вместо похвальбы, жалуется, как некогда св. Макарию: все злы стали ко мне. Имеете воеводою Христа Господа, помощниками же и покровителями Ангелов. Не давайте во смятение ног ваших, — и се не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля (Пс. 120, 3).

22.

1) Все от бога; однакож требуется и наше усилие, чтоб хранить и подвигаться вперед. — 2) Доселе добре хранил вас господь, — и вы преуспели; будьте в томже — в молитве, молчании и прочем. — 3) Терпите тяжелое и скорбное; вся жизнь — день один, но им можно стяжать блаженство вечное. [1, 24].

1) Благодарение Господу о всяком преуспейнии нашем; ибо от Его многодаровитой благодати все доброе в людях: яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая (Римл. 11, 36). И еслиб кто дерзнул похвалиться, что он есть нечто, то услышит слово Апостола: что имаши, егоже неси приял? Аще же приял еси, что хвалишися, яко не прием? (1 Кор. 4, 7). — При всем том однакож подвиг требуется и усиленное течение и тщание непрерывное со смирением, ум наш в благочестной божественной жизни утверждающим, ограждающим и сосредоточивающим, чтоб не отступить нам от добраго начинания нашего, не посрамить предшествующих трудов последующим разлениением, и от добродетельной жизни не возвратиться к худой, но добрым изменяясь изменением паче и паче очищаться, просвещаться и каждодневно восходить гор, из светлых светлейшими делаясь, из звезд прелагаясь в солнца, и от силы в доблестнейшую облакаясь силу. Отбросьте же, умоляю вас, всякое плотское мудрование и наивеличайшее препятие добродетели — мирскую славишку, и мечем духовным отсекайте всякое пристрате и всякое любосластие плоти, к Богу прилепляясь и по духовной лестнице к Нему восходя, каждодневно полагая боговидныя начала и духовныя основания углубляя, плотския же продерзости низлагая чрез отсечение пожеланий, возгорающихся разжжения угашая возлиянием слез, томительныя похотения ястий и питий, или другой какой суетности прогоняя созерцанием будущих благ.

2) Доселе молитвами отца моего и вашего, добре храня, хранил вас Господь; преуспели вы, шествуя дарским путем добродетели, облистались красотою безстрастия, увидели, что нет ничего столь добраго и достолюбезнаго, как избавиться от страстей и, выше их став, царски властвовать над всем земным и как бы соцарствовать Богу. Не забудьте сего и не воздремите, пресекаши преданное вам и добре вами проходимое, жительство, но более и более входите во врата его во исповедании и во дворы его в пениих (Пс. 99, 4); обогащайтесь плодами послушания вашего и в них напайтесь вином

умиления, веселящим священныя сердца ваши; не прекращайте и других боголепных деланий ваших, держите молчание уст, не бейте совести брата показною лживаго и самовольнаго воздержания от какой либо пищи, не принимайте суроваго лица, не многоречьте и не пусторечте, своего покоя не предпочитайте пользе ближняго, будьте все одна душа, одно сердце, одна воля во Христе Иисусе Господе нашем, Его имея главою своею.

3) Возмогайте во Господе, и в державех крепости Его (Еф. 6, 10), и доблестно претерпевайте все неприятное, скорбное и притрудное, держа пред очами ума таинство смерти нашей и кратким почитая все продолжение жизни нашей. И вся жизнь, по св. Григорию Богослову, день один для тех, кои усердно заняты своим главным делом спасения. Но в этот день, в это скоротечное и как сон промелькающее, время, можем мы стяжать Царствие Небесное, царство нескончаемаго веселия и радования.

23.

1) Противтесь врагу, страсти воздвигающему. — 2) Старшие помогайте младшим. — 3) Сколько раз было... подымется страсть, но воспротивитесь с молитвою и все утихнет. — 4) не унывайте же: господь близъ. [1, 25].

1) Подвизайтесь, чада мои возлюбленныя, подвизайтесь господие мои и владыки, подвизайтесь против обходов диавольских, против направляемых на вас каждодневно нападений его, против огня похоти, против омрачения унынием, против бедственного переходения с места на место, против змия зависти, против необузданности безвременнаго говорения и смехотворства, против всякой страсти противостоящей и противоборствующей вам.

2) Первые последним, сильные немощным, искусившиеся искушенным, обогатившиеся плодами духовными бедным ими, преуспевшие новоначальным, давнишние недавним — помогайте, руку подавайте, словом вразумляйте, указывайте лучшее, воодушевляйте на полезное, да тако все спасемся.

3) Припомните, сколько лет подвизания вашего, сколько и каких искушений прошло до ныне! Припомни всякий, сколько раз охватываем был искушением, изнемогал, малодушествовал; потом вдруг воспринимал силу, благонастроение, крепость, дух живительный и воодушевление, чрез слово ли вразумления или братскую молитву; потом опять подвиг, — и опять укрепление державною силою Божию. Так будет в последующее время жизни вашей подвижнической, и даже паче, — пройдем сквозь огонь и воду и внидем в покой безстрасия (Пс. 65, 12).

4) Итак, никто да не унывает, никто да не падает духом! Друг другу будем помогать, друг друга утишать и воодушевлять на любовь, терпение и ревность об исполнении заповедей Божиих. И Господь наш Иисус Христос, истинный Бог наш, надежда ненадежных, поддержание падающих, врач болящих, готовый сшествователь шествующих и облегчитель труда их, и обще сказать — упование всех концов земли и сущих в море далече — да успособит и да уравниет путь ваш, и да благопоспешит вам во всяком деянии и движении, в прямом шествии вашем к совершенному спасению и достижению града обиталища Его.

24.

Против распаления страстей слово Божие, блюдение чувств, паче зрения, недание покоя плоти: блюдишь; пал ты после крещения, не пади и после обетов схимы. [1, 27].

Время здешнее жаркое и огнепальное, — не стихийным, разумею, огнем, но неким невидимым,

душу жгущим, который исходит от углей греховных, возгорающихся от ввержения вражескими духами в сердца наши искр страстей. Но вы имеете из божественных уст отрыгаемая рекою излияния Духа (Слово Божие), чтоб погашать его, и, подобно трем отрокам в печи огненной, пребывать не опаленными и неприкосновенными для огня (сего). Присем надлежит блюсти чувства, особенно зрите, чрез которое, при неосмотрительном его употреблении, наипаче обык враг наш ввергать в душу страстный огонь. Надо блюсти себя и от других подсад со стороны плоти, к коим подают повод не умеренность в пище, питии, сне и во всяком другом упокоении тела. Ибо как от всесторонняго воздержания поражается крепость пребывания в добродетели: так от небрежности в сем отношении всякое тиранство греха. Смотрите же, не возвращайтесь опять к сему рабству, освободившись от него чрез вступление в настоящее звание ваше с подобающими обетами и не навлекайте на свою голову двойкой муки — за падения после крещения и после принятия схимы.

25.

1) Побеждающим страсти — венцы, поддающимся им — муки; если вы в первом ряду, — добре, если во втором, поспешите исправиться. 2) Устремитесь к заповедям; никто не будь ленив, двоесердечен, высокомудр. — 3) Всякий свою внеси лепту, от своего послушания; Господь примет, как бы оно мало ни было. — 4) Не останавливаясь пред трудностями, идите, помогая друг другу. 5) Внешняя и внутренняя тяготы переменчивы; потерпи, придет и легкость. — 6) Кто без трудов венчался? — но вот — вот смерть, и трудам конец; вступишь в лики святых. [1, 28].

1) Се поприще состязания! Се борьба! — Подвижно борющийся, добре текущий и ум свой держащий отрешенным от всего чувственного и страстного одерживает, настоящую победу, венчается венцем бессмертной славы, сыном Божиим провозглашается, и наследником вечных благ еще от — zde. Кто же увлекается сладостями греховными и сам себя ввергает в сети диавольския, тот терпит истинное поражение, покрывается стыдом грехов ради, сыном диавола делается и наследником огня геенскаго и разных других вечных мук. Войдите же в себя, испытайте веру свою и познайте, каково и где стояние ваше и хождение. И если на правом пути находитесь и царским путем шествуете, добре и предобре! — Если же погрешили в шествии своем и попали на стремнины греховныя, поспешите возвратиться, прежде, чем свечерет век сей седьмый и настанет оный осьмый, несущий с собою суд и воздаяние.

2) Устремитесь к заповедям Божиим, сейте семена добродетелей в сердца ваши, чтоб, в свое время, пожать плоды правды. Никто не будь лежебоком, чтоб не услышать от Приточника: иди ко мравию лениве, или иди ко пчеле трудолюбивой (Прич. 6, 6. 8). Никто не будь лукав и двоесердечен, одно имеющ в сердце, а другое говорящ, чтоб не быть поражену грозным приговором священнопевца Давида, который говорит: потребит Господь вся усты лъстивыя, язык» велеречивый (Пс. 11, 4). Никто не оставайся без дела и не будь празден, чтоб не подпасть присуждению св. Павла, говорящаго: аще не хочет кто делати, ниже да яст (2 Сол. 3, 10). Никто не будь велемудр, чтоб не испытать того, чем грозит св. Иаков, говоря: Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4, 6).

3) Все бодренно шествуйте в Господе, и заповеди Его творите, привнося каждый в общность жизни нашей, как в сокровищное хранилище наше (Мр. 12, 43) то, что ему под силу и что ему подручно, — кто экономство, кто священнослужене, кто смотрите за больными, кто песнопение, кто чтение, кто вертоградство, кто краснопись, — и вообще никто да не будет ничего не приносящим и да не

является пред Господа тощ. Приемлет Господь приношения не только великия, но и малейшия, приемлет даже того, кто проговорит стих в напоминание о смерти, если, может быть, ничего другого сделать он не силен, как две лепты вдовицы. Бог определяет цену дел, смотря на произволение делающего. Имея убо Бога благаго и многомилостиваго, и паче нас самих хотящаго спастися нам, будем шествовать путями Его правыми, и обретем покой душам нашим.

4) Ничто из случайных затруднений на Евангельском пути нашем да не пресекает ничьего течения; но пусть стропотен и притруден путь, скоро да течем, да благодушествуем, да мужествуем, да проходим и переходим с холма на холм, с пригорка на пригорок, пока взыдем на гору Господню и станем на святом Его месте безстрастия. Шествующие вместе облегчают друг другу путь. Друг друга тяготы, по Апостолу, носите и вы (Гал. 6, 2).

5) Всегда так бывает, что ныне малодушие, а завтра мужество, теперь печальное расположение, а вдруг воодушевление, сию минуту страстей возстание, а в следующую Божия помощь и их пресечение; не таким, как вчера, явишься ты и после завтра, и не на всегда одинаковым пребудешь ты, возлюбленный; но придет к тебе благодать Божия и поборет по тебе Господь. Речешь тогда: где был еси доселе, Господи? и Он скажет тебе на это: смотрел, как ты борешься, и ждал. Будем же терпеливы, возвеликодушествуем немного; стесним себя и тело свое придавим, порабощая его и далеко от себя отбрасывая страсти.

6) Кто не подвизавшись венчается? Кто не злопострадав упокоевается? Кто собирает плоды жизни, не насадив и не возрадив добродетелей в душе своей? Насаждайте, прививайте, трудитесь, потейте, чада мои, делатели Божии, подражатели Ангелов, сорекователи безплотных! Не видите разве конца подвигов? Не часто разве умирают братия? Не каждый ли день совершаем надгробныя над почившими пения? Зачем же убиваешься скорбию ты — малодушный? Придет и к тебе смерть. Не ныне, — завтра умрешь. С какою и коликою радостию изыдешь ты из мира сего и взыдешь на небеса, к Богу, во свет неприступный, в радость неизглаголанную, в славу недомыслимую, в скинии Ангельския, во дворы Господни, в церковь первородных, в лоно Авраамово? И кого узришь ты там? Господа Бога Спасителя нашего, Матерь Божию, Владычицу мира, безплотныя силы, Херувимов и Серафимов и все чины Святых Апостолов, Пророков, іерархов мучеников, преподобных и всех Святых, им же несть числа. Ужели это не восхищает тебя, не воодушевляет и не ставит выше всякаго труда, всякой скорби и неприятности?

26.

1) С высоты иноческаго жития воззрев на мир, видите море суеты волнующееся; радуйтесь же, что избавились от сего. — 2) Затем, на себя обращая взор, видите теже предметы (родителей, родных, имение и прочее), только в божественном ублажающем качестве; теките же добре, да постигнете. — 3) Переечень возводящих горе — доброт, и низводящих долу — худостей. — 4) Сетование о монашеских неисправностях. [1, 29].

1) Начну ныне мое вам наставление Апостольским возглашением: радуйтесь всегда о Господе (Фил. 4, 4). И как не радоваться вам и не ходить в веселии, когда вы, от предведательнаго и предопределительнаго призвания вся в премудрости своей устрояющаго Бога, сподобились быть приняты в сию Евангельскую схиму и теперь сидя на возвышенном некоем обзорище высокаго жительства, смотрите па ничтожныя и долу преклонныя человеческия суеты, волнующияся как на море и с места на место переносимыя туда и сюда носящимся непостоянным движением вещей.

Ничего там, как видите, нет твердаго, ничто не держится в одном положении; но и цари пременяются, и князи падают, и властители земли, как люди, умирают, брачущиеся мало — мало что и разводятся, оставляя и оставляемы будучи; красота увядает, юность быстро пролетает, наслаждение скоро преходит, всякое стяжание исчезает, как тень и сон; плач и биение в грудь при разставании с умершими, уныние и отчаяние при разлучении с любимыми, мука невыносимая при неудачах в искании желаемого или брака, или чина, или стяжания, или утех и наслаждений терзание от зависти и ревности, от случайных унижений и посрамлений, — и проч. и проч.

2) Вы же к чему призваны и, взошед на гору Господню, что видите? — Се предлежат вам — вместо земли небо, вместо родителей — Бог, Отец истинный и верховный, вместо сродников — сподвижники и однородные по духу братья, вместо друзей — безплотные и боговидные Ангелы, вместо сокровищ — богатство добродетелей, вместо высоких чинов — неизреченно великое и нескончаемое царство небесное, вместо сласти блуднической — сладкое и ненасытимое безстрастие, вместо всякаго довольства — недомыслимая и неизреченная блага. Сие ведая, убойтесь единого Бога живаго, оградите себя духовно, облекитесь в броню и во всеоружие заповедями, воспримите меч духовный, иже есть глагол Божий и низриньте долу миродержителей тьмы века сего, и духов злобы, чтоб могли вы с божественным Павлом воззвать: подвигом добрым подвизався, течение, скончах, веру соблюдах: прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст нам Господь в день он, праведный Судия (2 Тим. 4, 7).

3) Восходят до небес, и низходят до бездн, поет св. Давид. Принимая это духовно, получаем следующий урок: кто по малу исправляет должное должным образом, тот восходит на высшие степени добродетели: а кто предается нерадению, тот низходит в бездну пагубы. Теперь посмотрим, что возводит горе и что низводит долу. Горе возводят: Христоподрожательное послушание, с Богом сочетавающее смиренномудрие, отчуждение от самовозвеличивания, от всяких притязаний, от первенстволюбия, от желания выказываться, от лукавства, от злорадства, от честолюбия, от смехотворства и насмешек, от кичения и гордения чемнибудь из прежней своей жизни (как бывает, что иной говорит: я был тем-то и тем-то, то и то имел, такие и такие дела делал. — О, срам! Что бы укрывать следовало, он этим величается, забыв богоподрожательный чин свой). Приложу еще: собранность, любообщительность с братством скорость на извинения, склонение выи и главы, очей и веждей опущение к земле, скромное держание рук и ног, незабочивание себя, чем и как одет, прежде же и после всего — откровенное сказывание о всяком движении душевном, — и, чтоб не растягивать более слова, — всякое другое доброе чувство, расположение и деяние, равносильное указанным. — Долу же низводят: безстрашие Божие, где же нет страха Божия, там всякая горесть, и гнев, и хула (Еф. 4, 31), по Апостолу, и последствия их, гордыя мудрования, надмение лица, извращение очей (или подъятие), расширение ноздрей, прижмурение век, вздымание волос (волоса дыбом).

4) По грехам моим вижу я некоторых в среде братства развратившихся и забывших свои с Богом заветы и страшныя обещания, — и то, что в будущем имем мы стать пред страшным судилищем. О несмысленные и косные сердцем (Лк. 24, 25), чтоб содержать в мысли, на что согласились и решились мы вначале! Не дали-ль мы обета — жаждать, алкать, наготствовать, терпеть осмеяния, брани, раны и даже смерть? Но где у нас ныне такие, когда мало-мало случится с кем что либо неприятное, и он в конец разстроивается? — Придите же все в раздумье о себе, и воспримите страх

Божий. Да не дерзает никто из нас возвращаться опять на то, от чего отказались. Не допустим, чтоб, жалея о мирянах, по причине осушения их, сами были ими горько оплакиваемы и в сем и в будущем веке, по причине греховности нашей. Что из того, что тебе говорят: отче святой?! Что из того, что люди просят благословения у нас, когда сами мы остаемся неблагословенными и необузданными, как дикие звери?! — Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа да сохранит право ходящих путем Его, а поскользнувшихся опять да введет на стези заповедей Своих!

27.

1) Много трудов и терпения требуют дневныя службы церковныя, скудость в содержании, исполнение правил общежития, штрафы и епитимии; но как это ко спасению, и за это венцы; то мужайтесь. — 2) Преуспевайте, чтоб быть мудрыми на добро и неразумными на зло; особенно слово ваше да будет благоустроено. [1, 31].

1) Молитесь и просите Господа, да даст мне слово в отвержение смиренных уст моих для утешения и воодушевления душ ваших: ибо вижу, братие мои, какой великий труд проходите вы каждодневно — в совершении бдения и исполнении правила молитвеннаго, просыпаясь на то в полночь и прежде полночи, и потом в определенные часы, седмижды в день становясь исповедаться Господеви о судьбах правды Его, с коленопреклонениями и множеством поклонов, при отражении злых помыслов и откровении их отцам, понесении стыда от того и исполнение епитимии за то, чрез что отражаются разжженные стрелы лукаваго; приложу к сему преодоление дремания, воздержание с отсечением пожелания яств и питий, отдыхов и прогулок, до коих так охоча плоть, столкновение с братьями, покорное ношение одежды, иногда нечистой, неопрятной, нестатной и диравой; и еще: того не говори, на то не смотри, того не касайся, туда—то не ходи, в том—то утесни себя, при том—то не малодушествуй, на то—то будь готов всегда, от того—то не отрывайся... все сие и подобное сему притрудно, тяжело, горько. Но как все то направляется ко спасению душ наших, то оно должно быть для нас сладко, легко и удобно, да возможем с Апостолом говорить о себе: во всех сих препобеждаем за Возлюбившаго ны Господа и Бога (Рим. 8, 37). Венец небесный уготован нам венец мученичества, и радость неизреченная, и наслаждение вечными благами. Мужайтесь убо и да крепится сердце ваше, вси уповающи на Господа (Пс. 30, 35).

2) Еще и еще поупражняйтесь в подвижническом и блаженном житии вашем, чтоб долговременным в нем пребыванием и стяжать богатство добродетелей и при возрастании телом преуспеть и возрастом духовным, сделавшись мудрыми и искусными в смирении, послушании и отсечении своей воли, немудрыми же и неразумными в превозношении, в противоречии и лукавстве: зане лукавнующии по трелятся: терпящии же Господа, тии наследят землю (Пс. 36, 9). Не допускайте себя до того, чтоб быть преткновением друг другу в самовольных служениях, но всякой старайся избирать и делать то, что безвредно для ближняго. Слово ваше, чада мои, да бывает всегда во благодати солию растворено (Кол. 4, 5), — не показно, не грубо, не гордостно, не тяжело, не болезненно, не дышаще страстию злобы или тщеславия, не зазорно, не противоречиво, не спорливо, не многоречиво, не смехотворно, не небрежно и не праздно; но почтительно, кротко, благорасположенно, простосердечно, мирно, уступчиво, полно сокрушеннаго и смиреннаго мудрования, благопокорливо, тихо, мерно, благочинно, да послужим чрез него ко спасению друг друга и взаимному назиданию. — Подавляйте прорывы диавольских похотений, и прогоняйте толпы вражеских помыслов; ибо от сего наше душевное здравие и благобытие, наше преуспеяние и доброе

течение жизни и наша готовность и пригодность на все доброе.

28.

1) Вы, как добрая земля, кто такой, кто другой добродетели плод приносите. — Утешаюсь тем; но дивлюсь, как некие из вас после довольной и видной жизни помирились с нашею скудною и безвестною. а также и тому, как все вы отрешились от тиранства родственных расположений и других пристрастий: во истину, это мученичество. — 2) Воздаяние велико; ради его—то снослива бывает и болезненность жизни нашей, близкая к пролитию крови. [1, 32].

1) Вы, как некая земля тучная и добрая, приемля слово моего смирения, всегда произращаете и приносите благие плоды, как рай, преукрашенный разными красотоми добродетелей. Ибо вижу и распознаю, что в вас делается и о чем вы ревнуете, и утешаюсь кротостию нрава одного, теплотою усердия другаго, того безмолвием, этого стихословием, иного трудолюбием, а иного бдением, других — другим чем, всех же непобедимым, неослабным и непреодолимым постоянством пребывания в порядках общежития нашего, — и дивлюсь, как те из вас, которые прежде жили счастливо и в довольстве, начав жить для Господа, мало по малу забыли о том, и став совсем другими, мужественно переносят теперешния неудобства и лишения, уравнивая тем и возмещая прежние грехи свои. Но воистину вся может любовь Христова, склоняя и увлекая высоких смиряться, пространно живущих довольствоваться малым, многостыжательных делаться бедными и скудными. И не этими только удивлен я, но и всеми, ради Евангелия Господня все оставившими: родителей, братьев, жен, родных, отечество, дома, обычаи. У всякаго есть что либо дорогое оставленное; и нередко тот, кто по видимости малым чем пожертвовал, и не может идти в сравнение с неким из великих, оказывается понесшим множайший и больший труд; ибо есди не другое что, то одно уже то, что он отторгся от властительства расположений родственных, или от произвольных каких пристрастий, достаточно для того, чтоб приписать ему мученичество и дать ему дерзновение, подобно верховному из Апостолов, воззвать ко Христу Господу: се мы оставихом вся и в след Тебе идохом: что убо будет намъ? и сподобить чести услышать в ответ: в пакибытие... сядете и вы на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом Израилевома (Мф. 19, 27. 28).

2) Когда такая и толика уготованы нам воздаяния, как всем нам не понуждать себя паче и паче делать и совершать преподобное? Как не переносить нам всего скорбнаго и тяжелаго в жизни по Господу? трудов воздержания, бдения, укорения, послушания, поучения, исповедания, и всего другаго, по причине чего к нам приложимо оное пророческое слово: яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день: вменихомся, яко овцы заколения? (Пс. 43, 23). И по истине, вы не далеки от этого. Ибо не бываете ли и вы закалаемы отсечениями пожеланий своих, язвинами обличений и друг другу взаимно послушным образом жития; и кровь, хотя нечувственно, но душевно, не течет ли из сердец ваших, в таких случаях? Но радуйтесь; потому что не бесплодно страждете, но уготовляете тем себе неувыдаемый венец славы, как говорить Апостол (1 Петр. 5, 4). Да возсияет в вас свет ведения неложнаго, любовь к Богу, отрешающая от мира, и вожделение жизни вечной, умерщвляющее похоти. Да ведет вас Бог и да возведет всех на высшую степень, до цели благочестия нашего, в крепости сердца и неколеблемой твердости помысла.

29.

1) Мало мало, н исход отселе; но да будет он у нас с добрым напутием. — 2) Целый день вы в трудах послушания и молитвах, но не ослабевайте, ибо в этом спасение ваше. — 3) Живи терпеливо в

киновии среди лишений, в отсечении своей воли и желаний, в унижении и прочем чувствительно скорбном... вот мученичество. — 4) До конца надо терпеть, в чаянии бычь общниками радости со всеми святыми, и зреть владычицу богородицу и самого господа. [1, 33].

1) Ни я, как думаю, не напрасно тружусь, оглашая вас словом смирения моего, ни вы не все тратите время на слушание его. — Но не все — тут; ибо конечно придет время полного молчания. Не вечно жить нам, но мало елико — елико, как определил Бог, или я, или вы изыдем из жизни сей. Но искомое наше в том, чтоб исход отселе был с благими напутиями, с исполнением заповедей и с благоугождением Господу нашему Иисусу Христу.

2) Вижу, как всегда усердны вы в исполнении своих послушаний: одни в приготовлении и печении хлебов, другие в возделывании виноградников, те на посылках, эти за рукодельями, — шитьем, перепискою, мытьем, печением, варением, приготовлением трапезы, в кузнице, по келарне, в больнице, — при этом неопустительно ходите на все службы церковныя: на часы — первый, третий, шестой, девятый, на вечерню и повечерие, и собираясь благоговеино стоите, поете, молитесь, — и все это без лености и опущений. Весь этот труд ваш, эту тесноту и тяготу всегда имею я в мысли; но не поддавайтесь малодушию: ибо во всех сих препобеждаем, говорит Апостол, за возлюбльшаго ны Господа (Рим. 8, 37): так что, хотя труд сей очень велик, но, так как чрез него возсиявает нам спасение вечное и радость безмерная, то радоваться и веселиться надлежит нам при нем, и вдавать себя еще в большие подвиги, и твердо стоять в борении в мученическом житии нашем по уставу общежительному, ни под какую тяжесть не падая, не обращаясь вспять, и не отступая ни пред чем скорбным и притрудным.

3) Молю вас: стойте, приналегайте на всякое добро и на всякую добродетель, и, по слову Господню, в терпении вашем стяжевайте души ваши. Взирая на час смертный, обновляйтесь каждодневно, и все почитая второстепенным, храните себя в благочинии, в разумности и в любви духовной, и всячески удаляйтесь от пагубной продерзости так, чтоб быть вам взаимно друг другу послушными, неропотливими, несоперничными, независтливыми, незадорными, почитая благо каждого ближняго своим, перенося иной раз братнее к себе по какому либо случаю невнимание, приемля благоумно и прилучающиеся укоры и поношения, как врачевства душевныя, и все кротко и искренно, все откровенно, без лукавства и смятения совершая и делая, пред лицом всегда живаго Владыки нашего. Вот это и есть мученичество наше! — И за чем это нередко иной ревнитель ищет пострадать за Христа от внешних мучителей. — Переноси мужественно и законно здесь (т. е. в Киновии) муки, подвиги и исповедания, не преклоняя колен пред Ваалом, не принося души в жертву страстям, не отрицаясь того, что обещал, не соскакивая до конца с поприща, по коему течешь, ни с места, на коем стоишь: и ты будешь иметь равный с теми вес, которые пролили кровь свою в мученичестве, как велегласно свидетельствуют св. отцы.

4) Не помышляйте, что кто только однажды, или несколько раз что нибудь потерпел, уже и спасен; но кто все, что ни случится, благодушно переносит и переносить будет; до конца, тот спасен будет. Если же кто посреди или под конец ослабеет и откажется от блаженнаго послушничества, тот потерпит жалости и рыдания достойнейшее крушение, и потому что погубит чрез то все прежние труды, и особенно потому, что неизбежно подпадет осуждению в день праведнаго суда Божия. Почему блюдите себя чистыми и не-порочными во всем и во все дни жизни вашей, славы ради Божией, спасения ради душ своих и ради благаго жребия с отцами нашими на небесах; да

сподобимся там ликовать и там радоваться, где Антоний Великий, сие светило светил, где Евфимий Богоносец и Пахомий Христоносец, где Савва многопетый, Феодосий всеблаженный, и Дорофей Богопросвещенный, где Дометиан равноангельный, Акакий всесвятой, и Досифей Богоугодный, где Василий присноживый, — разумею послушливаго *), — Захария Духом одеянный, и Афре — раб Божий; и что о прочих говорить? — где Петр и Павел, верховные из Апостольской двенадцатницы, где скинии иерархов, иереев и св. мучеников. Ибо если и недостигнем мы того, чтоб стать на ряду с ними, но всяко не будем лишены видения их, беседы и предстательства. Уповаем же увидеть присутствие и самой Госпожи, Всецарицы и Владычицы нашей Богоматери и припасть к стопам Ея. Но и Самого Владыку всяческих и Господа нашего чаем узреть, хотя это и дерзновенно. Ибо божественный Павел сказал, что мы в пакибътие, по восхищении нашем на облаках в сретение Господу, всегда с Ним будем (1 Сол. 4, 17). Итак, когда нам предлежат такая славы, такая радости и такая жизни, то кто не възиграет, кто не возревнует, кто не возгорится и не окрылится любовию к Богу, и не воодушевится делать все подобающее, чего бы это ему ни стоило?

30.

1) Во избежание переменчивости подчиняться уставу общежития, исключаящему всякую от особленность в братиях, ровно всех держащему в деланиях, и тем обезопасивающему от падений. —

2) Бывали и прежде искушения с вами, но господь помог: вы преодолели их; не поддавайтесь и теперь, и пройдет. — 3) Стоя как на суде пред Господом, держите себя в добродетелях иноческих, и все паче и паче преуспевайте в них. [1, 341

1) Видя ваше преуспеяние, прославляю Бога и радуюсь о Господе; но боюсь переменчивости и непостоянства человеческих решимостей по причине немощности воли и по легкомыслию. Ибо не начавший только доброе дело блажен, но тот, кто окачествовался им, пришедши в навыкновение и достигши совершенства в нем. Но как трудно быть всегда в одинаковом настроении и не подпасть превратностям всезлобнаго греха; то прошу и молю, будем шествовать истинным путем Божиим, путем царским — срединным, не уклоняясь ни на десно, ни на шую, но по уставу, заповеди и закону общежития, будем всегда совершать то, что предлежит нам в каждый момент жизни. Общежитие же требует, чтоб все на все одинаково смотрели, и все всего одинаково желали: нет в нем особых желаний и единичных стремлений, нет самоумничаний и особно-избираний, нет скрытных ухищрений и многолукавствия, нет любопытных подсматриваний и всеразведываний, нет увлечения многим и на многое устремлений, доводящих до изнеможения и истощания сил; любит оно воздержание, молитву, сокрушение, спание на голой земле с приложением и других деланий, но во всем держится одного правила блаженнаго послушания, им все обнимая и во всем руководствуясь, как заповедают отцы.

2) Молю вас, стойте бодренно на камне веры и непреткновенно шествуйте стезею добродетели; и да не узрят очи мои кого либо из вас добычею диавола по причине какого нибудь греха, по похоти ли плоти, или по болести любоначалаия или по надмению гордыни, или по тщеславию, или по другой какой страсти. Потрудились вы и собрали в сокровищницы душ ваших богатство добродетелей. Помнит каждый из вас, каким и коликим подпадал искушениям, со времени поступлетя в монашество, как изнемогал, падал духом, нечаял остаться живым, уловляемый и уязвляемый сатанинскими помыслами, или общежительскими трудностями и тяготами; и как благий Бог наш, как чрез волнения некия, одно на другое устремляющихся, перенес вас чрез все сие, избавил от

угрожавшаго вам крушения и дал вам стяжать подобающее терпению воздаяние. На подвиги оные взирая, — и на все претерпенное и стяжанное, — не забудем обращать очи свои и па подлежащее в настоящем, и чаемое в будущем, — и да не отторгнет нас от благаго намерения нашего никакая случайность скорбная, от человеков ли она, или от лукавых бесов.

3) Умоляю вас, всегда к Богу взирая и представляя себя находящимися при последнем издыхании, видящими сонм Ангелов, дающими отчет Судие всеправедному и получающими должное за добро и зло воздаяние, подвизайтесь добре, пересекайте искушения, отбрасывайте с пути вашего всякия камни и преткновения, и бодро восходите на гору небснаго жития, пока приидет чаемый день. Стяжите всеоткровенность, не первенстволюбие, взаимопочитание, единодушие, усердие к послужениям, к рукоделиям, к псалмопениям, к бдениям и ко всем добрым и преподобным делам. Вы уже имеете это, но я говорю о сем, чтобы вы ревновали паче и паче богатиться сим; уже стяжали, но я напоминаю о сем, чтоб вы устремлялись все к большему и большему стяжанию, во Христе Иисусе Господе нашем.

31.

1) Что ни потерпим здесь, там будет воздаяние неописанное; будем же тещи не леностно трудным путем нашим, в след святых, прошедших им, кои такие же были люди, как и мы. — 2) Перечисляет подробно всех, несущих разныя службы по монастырю, и дает всем заповедь: делайте дела свои, как пред богом, как дела Божии, во славу Божию. [1, 35].

1) Так как вы так усердно и внимательно слушаете смиренное слово мое, то и я полон усердия к оглашению вас, и как бы ненасытен бываю, сея в священный души ваши словеса смиренных уст моих. В настоящее время труд подъемлем мы — оба, я — говоря, вы т— слушая, и в дело производя и исполняя говоримое и слышимое; когда же придет время жатвы и собирания плодов; тогда в радости и веселии будем о том, из—за чего трудились, воздыхали, бедствовали, утомлялись, печальни бывали, покоя не знали, поникали главою, падали духом, не зная как бы, прискажу еще, — алкали, жаждали, оставили родителей, друзей, братьев, родных, родину, и всякое земное благо мира сего, — будем в веселии, приемля воздаяния от праведнаго мздовоздаятеля — Бога, во веки веков. — И какия воздаяния?! — Слава и честь не увядаемая и вечныя, радость и веселие и жизнь неизяснимыя и неугасимыя, насыщение ненасытимое, и наслаждение на наслаждение оными благами, невиданными, неслышанными и неговоренными, царство небесное, сыноположение и наследие Господа нашего Иисуса Христа, истиннаго Бога и Царя веков. Взирая на сие, не будем разленивиться и малодушествовать, какия бы ни случились с нами (здесь) прискорбности в наших занятиях и трудах, когда заставляют нас делать то одно, то другое, и когда при послушании и подчинении приходится испытывать остны в сердце; но, по Апостольскому слову, задняя забывая, в предняя простираться будем, по намеренному теча к почести вышняго звания (Фил. 3, 13), и соревнуя в любви божественной тем святым, которые совершились или чрез мученичество, или чрез чистое житие. Что же? — Они разве не были люди такие же, как и мы и одинаковым с нами причастные страстям? — Но поелику восхотели, и возлюбили преизбыточно: так что и нам можно, поколику восхощем, и приблизиться к Богу и жить жизнью высокою.

2) Молю вас, будьте внимательны к послужениям вашим и прилежно трудитесь в них: писец в доброписании стройном и одинаковом с любовию и терпением; келларь в келларствовании, в неутомимом удовлетворении телесных потреб, в давании и принимании нелепостном, с подобающею

мирностию, благопристойностию и извинениями, когда требуется; землекоп, в раскопывании виноградника; и что бы другое кто ни делал, по земледелию, переноске тяжестей и под., без роптания, не забывая стихословия (повторения какого либо стиха из Псалтири), храня молчание и бегая празднословия. Садовник и огородник трудись в возделывании сада и огорода, и доставлении братству вдоволь овощей и плодов; повар в приготовлении яств, перенося жжение огня и хлопотливость всякую по своему делу безропотно; больничник — во всеусильном попечении об упокоении немощствующих братий, кому пищу более пригодную доставляя, а кому — слово утчнения и умиротворения, во уврачевание душевных и телесных болестей; канонарх — в устройении и блюдении стройнаго и благочиннаго пения и внятнаго чтения. Таким же образом лампадо-вжигатель, приготовитель пергамена, хлебопек, ножещик, трапезарь, золотарь, медник, кровельщик, портной, а также привратники, будильщики, сторожа, попечители, учителя, — наконец эконоом и помощник эконома, — и все — делайте дела свои, как пред богом, как дела Божии во славу Божию.

32.

1) Путь царский — все делать по уставу; отступающий уклоняется или в излишество, или в умаление; позволительно и отступление но с ведома игумена, без чего оно не кончается добром. —
2) Подвиг новоначального отвыкнуть от душевнаго и плотскаго, и привыкнуть к духовному; но когда он вкусит духовной сладости, подымаются иныя трудности от бесов, тягчайшия; кто отдает себя руководству игумена безопасен и здесь.[1, 36].

1) Как при каком либо путешествии, сначала непривычность к такому труду делает шествование тяжелым и притрудным, с продолжением же его, когда мускулы поразомнутся и плоть поразмякнет, оно бывает менее трудно и тяжело, и более споро: так бывает и когда мы шествуем путем Господним. Дал уже нам Бог, по испытании трудностей и искушений, познать и увидеть, какой путь прямой и какой заблудный и как мало по малу достигнуть конца его. Будем же шествовать путем царским, измеряя версты его, как сказали отцы и избегая обоюдосторонних стремнин, т. е. как недостаточества, так и излишества, что бывают, когда кто начинает действовать не по уставному правилу, или по положенной заповди, в пище, питии, бдении, стихословии, в чтании на память (псалмов и молитв), в молитве, в молчании и в сокровенном делании сердца. Позволительны и отступления от обычнаго во всем этом порядка, но надобно, чтоб это делалось с совета и ведома. И скажу вам, что хотя я грешник, но все с ведома моего делаемое и все мне открываемое свет есть; укрывающийся же от меня во тьме ходит и не видит, как несется в стремнины пагубы, и, думая угодить Богу, прогневляет Его, бывая и для других виновником преткновения. Итак, чада мои, идите тою дорогою, которой держаться призывает вас закон послушания, не беритесь понять неудобопонятное для вас и не пытайте не поддающихся пытливости дел послушания и моих разнообразных игуменских распоряжений.

2) Подвиг для новоначального — отбросить мирские обычаи и нравы и оставить прежде образовавшиеся стремления сердца, и как от бури и треволнения, от непостоянных забот и страстных дел вступить в пристань безпопечительности и боголюбия. Но не меньший, лучше же сказать, гораздо больший и труднейший подвиг есть, — по вкушении покоя чрез убежание от мирскаго мятежа, соблюсти себя неуязвленным: ибо здесь иныя в нас возстают помыслы, иныя на нас нападают пираты на море жития сего — демоны, покушающиеся потопить ладью души нашей и со

всяким несомым ею добром. Но если мы будем усердно пользоваться благоприятными ветрами смиренномудрия и не уничтожим достоинства нашего кормчаго чрез самовольное согласие (на иное направление ладьи своей), то несомненно достигнем в пристань Царствия Небеснаго. Будем же, чада мои, мудры, как змии и цели, как голуби (Мф. 10, 16), делая дела добрыя и преподобныя и трудолюбие прилежати к рукодлию своему. Блаженны терпящие и смиряющие себя, а не кружащиеся, как облака, и все иждивающие час за часом и день за днем, кои ни нам, ни Господу не угодны.

33.

1) При ведении из слова Божия, как жить, надо вспоминать жития святых, кои делом то исполнили, — начиная страхом Божиим и кончая глубоким смирением. — 2) Не следует величаться естественными дарами — голосом, пением и под., но всем украшаться смиренномудрием, из коего всякое добро, и ради коего все дары благодати. — 3) Смиренномудрствуя преуспевайте во всех добродетелях; паче же в борьб с похотию, отражая первые прилоги, и ограждая себя даже от них. [1, 37].

1) Слова к вам моего смирения не суть ни законодательская, ни властительская, ни пусторечивая, как думаю, но увещательная и утешительная, приводящая на память учение и жизнь божественных отцев наших. Уже открыла нам божественная благодать, что преподобно и праведно и благочестно; и вы точно знаете, куда и как должно направлять свое шествие, чтоб улучшить Царствие Небесное. Воспоминайте же и помните изо дня в день, в чем спасение Божие, и каковы были божественныя деяния преподобных отцев, и по их образцу живо расписуя души свои красками благовоинства, представьте в себе подражание жизни их. Они началом и концем подвижничества своего имели страх Господень, глубокосердечный. От сего возсияло в них высокое пред Богом смиренномудрие, силою коего они не только ни во что вменяли все сатанинския сети, но связав самого сплетателя их, положили его в подножие ног своих, попираемое и посмеваемое, по слову Евангелия (Лк. 10, 19). Из многих святых приведу вам в пример того, о ком было вчерашнее утреннее чтение. Читалось о преподобном Сильване, и уши ваши внимали слову сему. Знаете, каким прекрасным показал он себя, после вступительнаго изречения обетов, и как поразил диавола оружием смирения и потопил в море слез и, возшедши на высоту нашего добрейшаго жительства, один показал в себе совершенный образ великаго отца нашего Пахомия. Почему, не смотря на то, что жил не долго, явлен предпочтенным Феодору освященному, Петронию треблаженному, и Орсисию всепетому, и всему оному священному братству, так как перенесен был от зде на небеса при Ангельских песнословиях.

2) Так велик божественный дар смиренномудрия! И нет никого из святых, который бы угодил Богу не этим достоинством. В него и вы облекитесь; и отвлекшись вниманием от доброгласия, мелодий, приятнаго чтения, и прочих естественных даров и способностей, все усилия устремим на достижение сей цели. Я не то хочу сказать, что следует совсем забросить сказанныя добрыя качества, но что их надо почитать второстепенными, и так их поставить, чтоб они шли позади госпожи добродетелей. Ибо если мы, по причине сказанных добрых качеств, или пред худогласными величаемся, или пред неучеными гордимся, или пред нехорошо и неучено читающими превозносимся, или пред безголосыми и худо поющими поднимаем брови; то всеу весь труд наш, не в цель пускаем мы стрелы, а против себя самих и, по такой оплошности, делаем сами себя добычею зверя из бездны, диавола. Не так, чада мои, не так; но будем со смирением и беседовать, со смирением и работать, со

смирением и читать, со смирением и петь, со смирением и ходить, со смирением и пищу вкушать, со смирением и ответы давать, — и все — со смирением; и увидим, коль сладок, коль достолюбезен, коль пресветл плод сей добродетели, делающий нас подражателями Богу, Который говорит: научитесь от Мене, яко кроток есм и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Ибо в ней — во истину обитает покой, ради нея волны благодати в душах воздымаются, чрез нее чистота сердечная возсиявает, от нея бывает обильное излияние слез, из ней ключем бьет сокрушение, в ней — мудрость, разум, благоговение, воздержание, безмолвие, и всякое другое добро и есть, и видится, и славится.

3) Таково слово мое о преподобном смиренномудрии. Вы, чада Божии и чада моего смирения, прияв его, как семя, плодоприносите, яко земля добрая, кто тридцать, кто шестьдесят, кто сто, в соответственных дарам Божиим доброделаниях, и храните себя от всякаго злаго и лукаваго дела, бегая продерзости, ища братолюбия, отвращаясь от злоухищрений, любя безпечение; ибо говорится: незлобивии и правии прилеплюхуся мне (Пс. 24, 21). Да не любит кто одного кого паче других, да не держит смелаго обращения безбородый с безбородым, да не остаются они в местах скрытных невидных. Но стойте все против обходов диавола непобежденными, угашая пожар похотей божественными молитвами и возваниями. Что страсти приходят, — дело обычное; но наш долг отталкивать их с перваго их появления. Пришел враг, устрлил и убежал. Смежи очи души своей, когда искуситель наведет какое воображение непотребное. Отбрось подальше удицу сласти, когда горький ловец во грех введет в сердце приманку к нему. Заткни уши свои, когда начнет простирать к тебе льстивую речь нашептавший смерть в уши Евы. Не коснися, ниже вкуси, ни осяжи (Кол. 2, 21), когда приготовитель и подноситель греховных сластей приступит к тебе, сидишь ли ты или ходишь (дома ли ты, или в пути). Не принимай; затвори себя со всех сторон; будь град огражден; будь стеною медною и камнем неподвижным, чтоб, сколько бы ни устремлялись на тебя ветры, пребыл ты непоколеблемым. Мужественно отражай демонов, да явишься добрым воином Господним, носителем язв Христовых, мучеником благодати, и возымеешь дерзновение сказать с Апостолом: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее соблюдается мне венец правды (2 Тим. 4, 8).

34.

1) Для предупреждения возмущений против порядков, надо давать знать настоятелю, как только заметит кто замыслы и стачки. — 2) Обычно же делай всяк свое дело, терпя и борясь со страстями и похотьми. [1, 38].

1) Будем пребывать в том, к чему приставлены, не будем замышлять ничего, что превышает меру нашу, и если случится что такое, не будем упорствовать в том. Чадо! если увидишь частыя содружества и партии, отворачись от них; и если кто приступит к тебе с подобным предложением, отскочи от него, и даже выслушать его не соглашайся. Беги, как от огня, когда услышишь какия речи, могущия поколебать веру твою к настоятелю и ослабить любовь твою к нему. Ибо вред от сего, мало по малу входя в сердце, дойдет до самых основ спасения. Кроме меня не имейте тайника и тайноводителя, если хотите быть настоящими моими послушниками, и не презирайте злых речей, как ничтожных, говоря: велико ли то и то, чтоб заниматься тем. Не так, дети мои, не так; но когда кто уклонится в неверие к общему вреду, прибегите и все расскажите. Может быть, иной невежественно и неразумно возразит: но за это братия осудят меня и возненавидят! — И это не так:

ибо если это будут не истинные мои чада, то что тебе похвала их? Истинные же всеконечно последуют тебе и похвалят тебя. Одним словом, умоляя вас, напоминаю, — всецело и во всем положитесь на меня; и никто ничего не имей утаенного и неоткрытого мне: иначе это превратится в жестокую язвину.

2) Продолжая прежние ваши добрые дела, сподвизайтесь и единодушно доводите до конца ваше в Господе течение, и все переносите доблестно и поношения, и труды, и утеснения, и разжжение плоти, и омрачение помыслов, и прилив лености и уныния, и все другое, обыкновенно с нами бывающее, единую во всем имея помощь от непостыждающего упования на Бога и строгого исполнения заповедей Господних с пребыванием в памяти смертной и отсечением своих хотений. Так удостоитесь вы венца мученического и ликовствовать будете с Ангелами в Царствии Небесном. 35.

Проявления действий в нас духа Божия, и духа лестца, указываемые с тем, чтоб зная то, о первых ревновали, а от вторых отвращались. [1, 39].

Всегда с неистовством устремляется против нас враг; но всегда обращается вспять божественными силами и молитвами отца моего и отца вашего; и лишь тогда находит себе добычу, когда кто даст ему место, отгоняя от себя Духа Божия и вселяя духа чуждаго, который и научает его делать и говорить, что сам любит. Чтоб научиться нам распознавать оба сии воздействия, укажу вам отличительные черты того и другаго. Имеющий Духа Святаго являет радость, мир, долготерпение, любовь, — и слова произносит, сладчайшие паче меда и сота; ибо они, как сказал Господь, исходят от избытка сердца, в просвещение и утешение приемлющих оныя. Непрестанно слышится от них: «прости, или благослови, отче, неразумен я, один грешник, недостойн соприсчисляться к братству, ниже я всякой твари.» Говорить так и чувствовать есть признак, что мы имеем Духа Святаго. Желаете ли слышать, какие признаки духа противнаго? Вот: кто имеет его, сердце того изрыгает ярость, гнев, осуждение, оклеветание, неверие, отвращение, ненависть, дерзость, непослушание, противоречие, упорство. От такой души отбежали свет, святость и преподобие, отступили смирение, сокрушение и терпение, изсыкли слезы, плач, и болезнование сердечное, отлетели созерцание небесное, память о смерти и об имеющих сопровождать ее по смерти Ангелам, скрылись во мраке забвения мысли о всемирном предстоянии пред страшным судилищем Христовым, о грозном суде и своей безответности во всем, что думано, говорено и делано, с самого рождения, а не со времени только поступления в монашество. Все сие излагаю вам, чтоб вы видели, чего держаться и чего избегать должно. Ибо у меня одно желание и одна молитва, чтоб все вы соделались сынами света и дня, наследниками Божиими, сонаследниками же Христовыми, сосудами избранными и освященными, единым Духом во едино сочетанными, да делом познаете, и сердцем испытаете сказанное Св. Давидом: се что добро, или что красно, но еже жити (братии вкупе, мирно и единодушно (Пс. 132, 1).

36.

1) Подвиги необходимы; но как за всякий есть свое воздаяние, то они не удерживают мудрых от преуспевания. — 2) К моему руководству, прилагайте и свое уразумение добраго и взаимно — поощрение: ибо у нас дело общее. — 3) Пребывайте в добром; храните ревность; держите язык; берегите орудия и вещи, и молитесь. [1, 40].

1) Потребны нам труд, пот духовный, подвиг обоженный, ревность правая, течение душевное, чтоб,

вступив в поприще состязания, добре достигнуть конца его, и, по смерти преподобной, увенчаться венцами победы. Вы и сами по себе знаете, что труды отраждают упокоение, скорби вознаграждаются радованиями, стенания напаяют душевными утешениями, тесноты стяжевают простор, алкания и пощения воздвывают безсмертныя ликования, жаждания и гортани изсушение источают воду оную текущую в живот, о коей сказал Господь (Ин. 4, 14), — и что вообще сеющие слезами, радостию пожнут (Пс. 125, 5), как уверяет Псалмопевец Св. Давид. Сия весте, но блаженни есте, аще творите я, как написано (Ин. 3, 17). Муж безумен не познает, и неразумив неразует сих (Пс. 91, 7). Вы же умны, добросердечны, благоразумны, внимательны и разсудительны. Почему иныя из добродетелей вы достигли, иныя достигаете, — приложу же, что и еще достигать будете: ибо заповедь не имеет меры; но чем более кто познает Бога, тем более сознает себя далеким от заповеди.

2) Я даю вам законы, и руковожу вас, от одного удерживая, в другом утверждая, и указывая, куда направлять шествие свое. Вы верите мне во всем, и, как железо в руках ковача, повинуетесь, чего ни желаю я от вас по заповеди. — От сего безпопечительно плавание ваше и жизнь ваша безбедственна. Но вы и сами между собою, уразумевая, что добро и полезно, делайте то и напоминайте о том друг другу. Ибо все мы имеем в виду одно то, что обще всем полезно, как бы на корабле, по морю плывущем, находясь, где и кормчий и корабельник делом общим заняты бывають. В таком отношении состоим мы между собою, я и вы. Мое дело держать в руках кормило и бодренно вести корабль и очи имея обращенными на небо, присматриваться к звездам правды и по ним направлять плавание. Но и вам надлежит и бодрствовать, и делать всякому свое дело, и озираться кругом туда и сюда, чтоб не набежать на что либо кораблекрушительное, на отмель или подводный камень, и снасти держать в порядке, где ослаблять, где подтягивать, и все потребное делать, чтобы корабль наш благополучно достиг пристанища спасения душ наших. Для сего оставили мы мир, обычаи его и все плотския удовольствия и утехы.

3) Пребудем братия в подвигах, терпеливо упражняясь в должном; и я уверен, что получим венцы, сделаемся гражданами неба и будем блаженствовать там, откуда отбеже всякая болезнь, печаль и въздыхание (Ис. 35, 10). Тверды будьте, воспримите силу, — и светильник ревности вашей да горит в елее постоянного прилежания, чтоб не погас, и нам не пострадать нежеланной участи юродивых дев. Стяжите, отцы честнейшие, безмолвие; не говорю, чтоб вы совсем ничего не говорили, потому что это несовместно с нашею жизнью, но чтоб не говорили о неподобающих вещах и не возбуждали (тем) смеха: ибо от многословия не избжиши греха, уверяет премудрость: щадяй же устне, разумен будещи (Прит. 10, 19). Будьте внимательны в исполнении послушаний ваших и небрежно действуя не портьте необходимых вещей, телеги, например, или сохи, или топора, или чаши и блюда, или другаго чего, — от чего случится остановка и время, которое можно бы употребить на духовное какое делание, истратится по пустякам. Молитесь также всегда, да послется вам помощь свыше против невидимых и видимых врагов, во Христе Иисусе, Господе нашем.

37.

1) При вере и любви ко мне будьте работающи; распорядители работ распоряжайтесь разумно и подчиненные исполняйте то верно. — 2) Будьте чужды смехов и взаимно огорчений; друг ко кругу благи, и почтительны, и бегайте всего укорнаго и соблазнительнаго. [1, 41].

1) Молю Бога, да не оскудеет вера ваша и не охладееет духовная любовь ваша ко мне смиренному; но да будем все утверждены в том же разумении (1 Кор. 1,10) и в одинаковой ревности к исполнению

заповедей Господа нашего Иисуса Христа. Знаю, что вы злостраждете, испытываете лишения, подымаете тяжелые труды, проливаете поты. Но не ослабевайте, умоляю вас, любви ради Господней, и продолжайте терпеливо подвигом добрым подвизаться, да в ликовании увенчаны будете на небесах. Желал бы и я трудиться вместе с вами, если бы не болезнь ног моих, желал бы и я вместе с вами исходить на дела и смирять работою тело свое. Ибо блаженно по силе трудиться вместе с братиею, и преподобно участвовать в полевых работах их. Вы такими трудами освящаете тела свои и души свои делаете безстрастнейшими, как поистине делатели Господни, если только в надлежащем разуме соблюдаете повеленное, — т. е. если преимуществе и распорядители со страхом Божиим и с состраданием к братии делают распоряжения, а подчиненные сохраняют к преимуществам покорность и послушание. — Смотрите же вы, распорядители, не налагайте труд на труд, и распорядитесь не безсострадательно и не безпопечительно, но праведно, благосердно, братолюбно и разсудительно: ибо не все братия равны нравом, возрастом и силами. С этим только условием получили вы начальствование над братьями. И блаженны вы, если будете так действовать; ибо великие дары и блага будут вашим достоянием в вечности. Смотрите и вы, подчиненные, смиренно принимайте распоряжения первенствующих и действуйте благопокорливо от сердца.

2) Да не будет у вас смеха в преогорчение Господа, да не будет празднословия в опечаление Духа Святаго, да не будет между вами и неприязненной друг к другу горечи. Ибо Апостол сказал: всяка горесть, ярость и гнев да возмется от вас со всякою злобою (Еф. 4, 31); и еще: всяка слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созиданию, да даст благодать слышавшим (Еф. 4, 29). Бывайте же друг к другу благи (Еф. 4, 32), тихи, братолюбны, терпяще друг друга любовию (Еф. 4, 2), друг друга тяготы носяще (Гал. 6, 2), снисходяще, прощающе, почитающе друг друга и уступкою преимущества, в благоговении и страхе Божиим. Если вы так ходите, и если такую ведете жизнь, то вы святые мои, паче же Божии, вы Ангелы Его на земле, поклонники державы и служители славы Его, наследники Царства Небеснаго, сожители святых и жителя рая, коим дано наслаждаться отложенными для них недомыслимыми благами. Почему о том молюся, прошу и умоляю, да направляются стопы ваши всегда по Богу, да возмагаете в державе крепости Его, да не будет среди вас соблазна, или преткновения, ни смертельнаго преслушания, ни бедственного роптания, ни мертвительной продерзости, ни укорнаго какого желания злаго, ни другаго чего запрещеннаго и преступнаго. Свет разума Божия да предшествует вам во всяком движении и деле, мирное устроение да руководит вами, и тишина братолюбия да господствует в вас. — Господь Бог да приставит к вам Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес ваших, в денноночное отгоняние от вас злых демонов, и в руководство вас в благожизнии!

38.

1) Образ жизни в послушничестве выше всех: его и Господь избрал. — 2) Теките же добре сим путем, терпя и не зная утомления: ибо вот смерть, и всему конец; но при сем и других добродетелей не забывают, паче же любви. [1, 42].

1) Прошу и молю, стойте, терпите доблестно, благодушествуйте, мужайтесь, помышляя, какой славы сподобятся треблаженные и святые послушники. Всеконечно, каждый в каком чине жизни благоугодил Богу, сообразно с тем получит и благая своя в будущем веке. Но какой чин лучше? — Вонмите! — Велики служащие Богу в горах, вертепах и пропастях земных (Евр. 11, 38), отшельники, столпники, затворники, и другим каким образом жизни прославляющие Бога. Но, как вам известно,

Господь наш Иисус Христос, раздаятель недомыслимых благ, сошедши на землю, не пустынный, не столпнический и не другой какой возлюбил образ жизни, но благоволил состоять в послушании. Ибо Сам сказал о Себе: снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Ин. 6, 38). И еще: яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю: но пославый Мя Отеи, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю (Ин. 14, 10; 12, 49). Также лентием препоясался Он и, рабий зрак прияв, умыл ноги учеников, отирая их лентием, и сказал об этом негде в другом месте: Аз посреде вас есть, яко служай (Лк. 22, 27). Если же, как видите, Он, владыка сый всяческих, благоволил, паче всех других, восприячь наш послушнический образ жизни; то как вам не радоваться, как не ликовать, как не восторгаться от того, что вы жительствуете — подобно Господу? После сего, есть ли для вас что другое, более достойное ублажания? И можно ли вам большее иметь расположение к другим видам жительствова? Итак, не ублажайте другаго образа жизни паче вашего, если добре его проходите. Почему и в Герондике, или в сказаниях о св. старцах из трех тружеников чрез откровение явлен был более славным послушник, паче пустытника и больнаго, благодушно с благодарностию переносящаго болезнь. Ей, говорю вам, велик наш образ жизни и всесвят; и вы, добре совершив течение ваше, прославлены будете с Авраамом, с мучениками возликовствуете и водворитесь с праведными.

2) Теките же добре, не останавливаясь, и да не обуморит вас завистливое око диавола. Помажьте ноги ваши елеем терпения, чтоб, разогревшись душевными стремлениями, были вы довольны к совершению своего пути. Облекитесь в одежду правды и радования, пейте воду чистоты и целомудрия, и не говорите: доколе же? Это слово ленивых. Мы не тысячелетни: ныне — завтра смерть. Каждодневно полагая сие пред очи ума, мы добре творим, шествуя законом отеческим. С сим законом сообразовались отцы наши в немногие дни жизни сей. Да будет же в вас, по святой молитве отца моего, милость, мир, любовь, незавидование, независтность, степенность, добрая послушность, слово благо, сотрудничество, взаимное сочувствие, смиренномудрие. Так живите, и так действуйте!

39.

Предзрите Господа пред собою, да не подвигнетесь ни на что худое; нудьте свбя на добро, поминая об исходе, и паче о страшном суде и его решении. [1, 43].

Храните между собою любовь в союзе мира, и имейте Господа, яко одесную вас сущаго, да не подвигнетесь ни к похоти, ни к гневу, ни к зависти, ни к смеху, ни к празднословию, ни к другому чему, чрез что можете попасть в какую либо петлю пленки адской, которая как бы ни была мала удержать вас во власти ада. Помните, что говорит св. Дорофей?! Орел, говорит, пусть весь свободен и только одним когтем зацепился, все же в сти есть, и ловец без труда или берет его или подстреливает. Внимайте же себе, и нудьте себя; ибо нудящих себя есть царствие небесное. — Какой страх и трепет имеем мы сретить во исходе своем, если будем нерадиво проводить жизнь свою, особенно же в тот страшный день, когда Архангелова труба возбудит всех людей, — всяый народ, всяко колена и всяк язык?! Помыслите, что будет тогда? Небо раздерется; стихии сгорят; вся тварь изменится. Судия всех возсядет на престол суда, и несметныя тмы св. Ангелов станут окрест Его, потом пред всеми обличая дела, слова и помышления каждого, по роду их, по лицу, по месту, по веремени и по образу совершения, — и все сие в одно мгновение; наконец отыдут, говорит Писание, сотворшие благая в жизнь вечную, а сотворшие злая в муку вечную, где плач и скрежет зубов, огонь неугасающий и червь неусыпающий, и сообщество страшных, безобразных и всезлых

демонов. — Куда же мы пойдём? — В жизнь вечную, для вечного пребывания с Господом, ели до конца жизни сохраним страх Божий и любовь к Богу, — такую, чтоб из сердца нашего взывалось: кто ни разлучит от любви Божия? (Рим. 8,35).

40.

1) Страх Божий отвращает мечи врага нашего. — 2) Переносите оскорбления. — 3) Не хвастайте внешними преимуществами, но будьте смиренны и покорны. — 4) За это будете с мучениками. [1, 44].

1) Из долговременного опыта вы вполне познали богоугодный образ жизни в иночестве. Не колеблитесь же отнюдь и не выступайте из доброго разумения вашего. Любите заповеданное вам и соблюдайте то во всем; пребывайте и в любви ко мне, как я люблю вас паче всего на свете. Но у врага много обходов, и он удобно сеет между нами и в нас зло. И те только, которые проникнуты страхом Божиим, далеко от себя отвращают мечи его ослабевшие в конец, по священноглаголивому Давиду (Пс. 75, 4; 88, 44), бодренно предаются подвигам благочестия и всеусердно прилежат небесным созерцаниям и деланиям.

2) Вот я, как бы вместе с вами суще, вижу и слышу, как исторглось жестокое слово против кого либо из братий, — укор, поношение, или другое что. Но ты, брате мой, прияв такое оскорбление, не превращайся в зверя лютаго, и не малодушествуй; будь тверд и непоколебим. Ибо поношение и посрамление падают на того, кто изрыгает их, а кто безстрастно принимает их, тому принадлежит победа; он является человеком Божиим, а тот — рабом неключимым, губящим себя в час оный.

3) Прошу вас настоятельно, — не бранитесь, не оскорбляйте друг друга, не поднимайте высоко бровей, не великоречьте, и не хвастайте, как лучше поющие, как более трудящиеся, как более благоговейные, или иной раз, как по мирски более благородные, и более благообразные лицом. Об этом не леть есть и глаголати. Но во всем облакайтесь в смиренномудрие, чрез подчинение и послушание повергая себя пред Господом и пред начальствующими по обители.

4) Шествуйте путем сим, — и не все будет труд ваш, и не безуспешны подвиги. Се благовествую вам пред лицом Господа Бога нашего, Святых Его Ангелов и всей твари, что вы, совершив добре течение свое, станете ликовать с мучениками, лоно Авраама будет лелеять вас вечные веки и хор праведных примет вас в среду свою.

41.

1) Относясь к эконому, как к самостоятельной власти, вы вводите двоевластие и разделение; а при разделении власти царство не станет. — 2) Я весь принадлежу братству; другаго и не требуется. 3) Единовластный Господь благоволил, чтоб и в человеческих обществах было единовластие. [1, 45].

1) Не знаю, по невежеству или по невниманию, или по зломудрию, славите вы эконома к безчестию моему, и выставляете лице его к посрамлению моему, говоря часто: «еслиб был тут эконом, то такое—то дело не было—бы так сделано, а гораздо лучше. И где этот эконом? Как бы он на это взглянул?» — И это говорится в уши мне. Иные же прибавляют: «подожди—подожди! вот эконом все это исправит и уладит.» — Но так ли сему подобает быть? И хорошо ли это для него, для меня и для вас? Себя вы показали исчадиями непокорливости, его — способным выступить за пределы своего чина и власти, меня — поступившим не по намерению Божию, а по плотскому влечению, т. е. по пристрастию и излишнему благоволению к брату. Не видите ли, что таким образом вы вводите двух господ, двух владык, два начала. Глас же Господа нашего Иисуса Христа изрек, что царство,

разделившееся на ся, не станет (Мф. 12, 25). Двоевластие уже и многовластие есть; многовластие же порождает партии; а партии — причина разделения и разложения. Зачем же сами на себя навлекаете беду, не стоя в мере своей и в чине своем, как подобает, и того отклоняя от должного?

2) Грешен я и неключим, но, от всего отрешившись и обнажившись, благодержно пребываю на месте сем святом, — в безумии моем дерзаю говорить так, — ни в чем не уклоняясь от должного ни ради брата, ни ради дяди ни ради отца или матери, ни ради родства или вообще ради чего либо плотского, но, еслиб даже мне надлежало предать тело мое или кровь мою пролить, готов бывая не отказаться от сего, с помощью Божиею и по молитве отца моего, чтоб только не сделать чего либо бесполезного для вас и для меня.

3) Един есть Господь и Законоположник, как написано, одна власть и одно Богоначалие над всем. Это единоначалие, источник всякой премудрости, благодати и благочиния, простираясь на все, от благодати Божией получившая начало, твари, без произволения их, дано по подобию Божию устроить, в порядках жизни своей, произвольно, только одному человеку. Ибо божественный Моисей, в описании происхождения мира, из уст Божиих изшедшее приводит слово: сотворим человека по образу нашему и по подобию (Быт. 1, 26). Отсюда учреждение между людьми всякого начальства и всякой власти, особенно в церквах Божиих: один Патриарх в Патриархате, один Митрополит в Митрополии, один епископ в епископии, один игумен в монастыре, и в мирской жизни, если хочешь послушать, один царь, один полководец, один капитан на корабле. И еслиб во всем этом не управляла всем воля одного, то ни в чем не было бы строя и порядка, и не на добро бы это было: ибо разноволие разрушает все.

42.

1) Четырдесятница требует воздержания не телесного только, но и душевного. — 2) Мера поста для общежития средняя, — каждый день по немногу. — 3) Убоимся Бога судии грозного; и да не застанет нас смерть неготовыми. — 4) Я крайне боюсь смерти и всего с нею сопряженного. — 5) Возстанем, и устремимся на дела; богоугодныя. [1, 46].

1) Всем управляющий в премудрости своей, Бог, и веремениами и летами распоряжающийся предобре и премудро, определил нам в продолжении года и некоторые спасительные и душеполезные дни пощения, для посвящения их исключительно Ему и для очищения случающихся с нами греховных осквернений. И благодарение установившему таковые дни, и давшему нам теперь дожить до них. Нам и всегда должно чисто и непорочно жить и соблюдать всякую заповедь Божию, особенно же это лежит на нас ныне. Ныне веремья очищения, очистим же себя; ныне веремья воздержания, будем же держать воздержание, — и не только в ястии и питии: ибо этого недостаточно, но будем воздерживаться и от сластолюбия в сердце, от срамных воображений, от завидования доброй славе брата, от гнева и неудовольствия на ближнего, от необузданности языка, не позволяя ему вращаться по своей воле, но назначая ему предел, время и меру для беседования только о подобающем, от блудных воззрений ока, от слушания речей недобрых и Богу не любезных. Да, чада мои, да; — умоляю вас, настройте себя, как орган и сладостный псалтирь Духа Святаго; руки ваши охраняйте от движений неразумных и от прикосновений похотных, чтоб не разблагиться, и мирны будьте друг к другу.

2) Пусть всечестная четырдесятница не много стеснительна для тела, но не падайте от этого духом; потерпите немного и по привычке перестанете чувствовать обременение, особенно по прошествии

первой недели; для нас довольно хлеба и воды и еще чего нибудь к пропитанию себя. Отцы наши трезвенные, как знаете, совсем почти без пищи проживали, иные всю четырехдесятницу, иные постились по неделе, иные по три дня, а иные каждый день вкушали по малости. Мы каждый день принимаем пищу и неоднородную, но во смирении нашем да помянет нас Господь (Пс. 135, 23), и сие малое наше да примет, как дело Великаго Антония. Ибо мы живем общежительно и царским шествуем путем, который отцы предпочли всему. Храните только себя всегда чистыми в сокровенном детелище души и не позволяйте себе сделать что либо пагубное для душ ваших.

3) Убоимся Бога, имеющего открыть тайная тмы, и объявить советы сердечные (2 Кор. 4, 5), и воздать каждому не по делам только, но и по словам и помышлениям (Рим. 2, 6), и даже, что еще более страшно, по грехам неведения. И кто постоит пред яростию гнева Его? Кто доволен неповинным явиться пред лицом Его? — Кто же после сего не возревнует тщи путем правым? Кто не напряжется отбросить беспечность и сонливую леность свою? — Горе воздвигнитесь; ночь прешла, и возсиял уже день будущего воздаяния. Да не застанет нас неготовыми смерть и да не оставит на нас какой язвы неисцелимой и вечной.

4) Я бедный и паче всякаго человека, лучше же сказать, — один достойный всякаго мучения, страшусь, ужасаюсь и трепещу при мысли о разрешении от тела, пришествии по душу Ангелов Святых и о том, как преиду воздушное пространство и как простру слово к миродержителю, как написано в житии св. Антония? О немощность моя! Что ожидает меня? И как непотребствую я каждодневно, предаваясь дреманию и сну во грехах своих? Каково будет мое предстание пред Богом, Судиею всех и Господом! Какими очами воззрю на Него, взором своим изсушающаго бездны и грозным словом разрушающаго горы? Что скажу там в оправдание свое? Какого найду защитника? Как умолю уже неумолимаго? Какими горькими слезами, какими умиловительными словами и воздыханиями сердечными преклоню на милость непреступнаго по правде Своей?! — Увы мне, увy мне, братия мои! Я от-зде уже вижу участь свою. Одна у меня надежда—молитвы отца нашего святаго и ваше блаженное заступление.

5) Впрочем, возстанем еще и еще и понудим себя на всякия Богоугодные дела, перенося мужественно настоящее и утишаясь надеждами будущими. Презрим тело, не будем смотреть ни на труды, ни на прискорбности, ни на поношения, ни на голодание и ни на что другое, кроме своего дела. — Если будем так жить, то несомненно спасемся, и на небесах приняты будем в лик святых, для радования со всеми святыми, от века благоугодившими Христу Господу.

43.

1) Ублажаются общежительные труженики: радуйтесь! — 2) Тесно живем; но и древние подвижники так жили, и нынешние так живут: не унывайте же. — 3) Исполняйте заповди и уставы, друг другу помогайте, чтению внимайте, со страхом спасение содтевайте; соображения с женщинами бегайте. [1, 47].

1) Благословен Бог, по преизбыточеству милости человеколюбия Своего, призвавший нас званием святым, по предвдательному совету Своему, во святой схиме сей, предаться Ему всецело, и всецело себя посвятить на ближайшее и приискреннейшее работание Ему и Ангело—подражательное славословие, — и тако сердца наши расположивший отрещися от родителей, родных, отечества, и всего такого другаго и взять на себя благое и спасительное иго Его, — и наше смирение сподобивший соединиться с вами в сожизние и сожительство, не с тем конечно, чтоб руководить и

пасти вас, о чем я и думать не дерзал, хотя так случилось. Радуйтесь же всегда о Господе, чада возлюбленные, радуйтесь граждане небесные и изгнанники земные, жители вышнего Иерусалима и пресельники от-зде, наследники Царства Небесного и безнаследные лишенники земных благ. Радуйтесь скорые шественники путем изгнания и страннического злострадания ради заповеди Божией. Радуйтесь последние по мирски, но обладатели блага паче ума. Радуйтесь, доброе и Богособранное содружество, единокорный и единосердечный, отцелюбивый и братолюбивый собор, другой на земле Ангельский лик, обновители древнего жительства всепреподобных отцев наших. Радуйтесь, работники Божии, трудники, день и ночь делающие своими руками, чтоб не отягчить кого, и не только себя самих довольствовать, но и немощнейших из братий, и нуждающихся из внешних. Радуйтесь, неразрывное передовое соинство, Богоначертанный лик, которого не разстроили ни угроза царя, ни страх князей, ни чаемая смерть. Радуйтесь, друг другу сорадователи, из коих каждый благоприятное брату своим почитает, и между коими нет ни зависти, ни рвения, ни соперничества, но господствуют мир, любовь и единокорность. Говорю так не потому, чтоб мы не испытывали браней: ибо кто венчается, если не боримый и противоборствующий, если неприемлющий стрелы и ранящий бросающего оныя, — но потому, что не падаем под сатанинскими ударами. Воистину, чада мои Богособранные! Вы питаетесь дарованием Духа, пьете воду, Господом подаемую, коея причастником соделавшийся не вжаждется во веки, но будет она ему источником воды текущая в живот вечный (Ин. 4, 14. 15).

2) Зима настала, а обиталищ у нас немного, и те плохи и тесны. Но не падайте духом; ибо не смотря на то, вы просторны в добродетели и в сем отношении досточудны, ни во что вмения прискорбное, хотя оно прискорбно, и об одном том заботясь, чтоб всегда делать угодное Богу. Ктому же, если воспомянем древних св. отцев, или даже и ныне подвизающихся, то найдем, что живем в палатах. Не видите ли, что и ныне рабы Божии одни живут на открытом воздухе, другие затворяются в пещерах и гробницах, иные носят вериги и едят очень мало, довольствуясь одним хлебом, а то и от него воздерживаясь, и удовлетворяя потребность эту древесными плодами через день? Так воистину делается и ныне. Но и вы не печальтесь; ибо никак не окажетесь позади их, а равными им будете признаны, или даже высшими их, как уверяют отцы, только будьте всегда неленостны и доброхотны на всякое дело. Разгорайтесь ревностию еще и еще, крепитесь и мужайтесь паче и паче. Повергайте врага долу, попирая его смирением вашим, мечем исповедания, ножом послушания. Солнце правды всегда да сияет в сердцах ваших, отгоняя тему страстей; ибо когда оно взойдет, звери уберутся к себе и в ложах своих лягут: понимайте слова сии духовно. Мы же изыдем на дело Господне от утра жизни до вечера смерти, исполняя делание свое (Пс. 103, 22. 23). Еще немного и победим.

3) Соблюдайте правила, заповеди и постановления. Кто упал, поднимите его; кто ослабел, подкрепите; и во всем вообще помогайте друг другу, да исполнится и в вас слово Премудраго: братъ, от брата помогаем, яко град твердь и высок (Притч. 18, 19). Внимайте чтению, и замечайте изречения, какия кому более благопотребны. Делай всякий свое дело со тщанием, яко дело Божие; и все со страхом и трепетом свое спасение содевайте (Фил. 2, 12). Не вонзайте меча в сердце свое и не небрегите о деле душевном. Открыто мне о вас, братия, некоторыми из братий, что вы не добре себя держите в некоторых случаях: ибо засматриваетесь на женщин и в беседу вступаете с ними, изгоняющими нас из рая. Или не слышите, что сделала Ева Адаму? Бегите же, бегите от них, как Великий Мартиниан, если не телом, то всячески духом. — А это еще что за речь: „от чего тот-то,

или такая—то не пришли сюда в Воскресение?! Но всяко в следующее не забудут придти.“— Прошу и молю, дайте мне всегда слышать добрых свидетельств о вашем обращении! Богъ и Отец Господа нашего Иисуса Христа, каждодневно изъемящий меня из глубины прегрешений мышцею силы Своея, по заступлению св. отца моего и вашей молитве, да даст вам тоже мудрствовать и темже правилом житьствовать (Фил. 3, 16), да будет в вас един дух, едино разумение, и едино хотение; да пожив преподобно и праведно, сподобитесь получить обетованная блага, со всеми святыми, от века благоугодившими Богу!

44.

1) Страх за себя по поводу настоятельства. — 2) Будем преуспевать в отрешении от всего, помня суд; понудим себя на добро, — и легко станет. — 3) Бегай воззрени на лица, и страстных прикосновений к другим и своим членам. [1, 48].

1) Неленостно мне говорить вам и утверждать вас словами истины, сколько можно, чаще, дабы по неведению или нерадению не подвергся кто из вас уязвлению жалом смерти, т. е. грехом, преступив заповедь и сделав что неподобающее, — если, и когда делаю это, находим, что злохудожный сатана успеваеет действовать на некоторых из вас, о коих великий мне плач и печаль сокрушительная. Ибо за все, каким либо образом согрешенное вами, я, непотребный, буду подлежать ответу в день праведнаго суда и откровения всего, содеяннаго людьми, пред Господом Богом, если наперед не возвещу вам, если наперед не утвержду вас и не научу. Горе мне есть аще не благовествую вам! (1 Кор. 9, 16). Особенно же за то горе мне, что, не будучи достоин именоваться даже овцею, занимаю чин пастыря! Какое мне оправдание, какое извинение, просвещать других, когда сам я тьма, и врачевать немоществующих страстями, когда сам ведом есмь и увлекаем ими?! Но, из любви к вам и из послушания повелению отчеу, соглашаюсь лучше быть пищею огня геенскаго, нежели повередить вам. Я каждодневно привожу на мысль и обсуждаю, какво судилище Божие, и как строго требует Бог от всякаго человека, чтоб он был совершен во всем и преисполнен всякою добродетелию, особенно же если он предстоятель слова. Чтоже мне делать? К чему обратиться? Кого взять в сподвижники? Одно остается — положиться на ваши молитвы, вместе с молитвами отца моего, да ими утверждаемый возмогу и вас добре руководить, и против собственных страстей подвизаться, соображаясь во всем с волею Господа.

2) Царство Небесное предлежит нам. Восхитим его деланием заповедей божественных. Не будем сластолюбствовать, не будем разлениваться; будем паче и паче усугублять наше отрешение от мира и всего, что в мире, и препобеждать духов лукавствия, пока спасительно укроемся в необуреваемом пристанище вечной жизни. Какое горькое мучение ожидает нерадивых! Какой гнев и ярость на всякую душу человека, творящую злое, — на душу всякаго Христианина, паче же монаха! (Рим. 2, 8.9). Ибо чем больше мы почтены, тем большая требуется от нас чистота жизни. Кратковременна прискорбность от самопринуждения, но вечно отсюда истекающее услаждение, если постоянное благонастроение стяжем этим недолгим себя принуждением на всякое добро: это и в отношении к пище, и в отношении ко сну, и в отношении к раздражительности, и в отношении к помыслам злым, и в отношении ко всему другому. — Ибо если возлюбим доброе и будем нудить себя на него, то Бог подаст нам силу к деланию его; и станет тогда для нас путь добродетели легок и покат. Грех же для тех, кои предаются ему, исполнен затруднений, стремнин, скорбей, мрака, мерзостей и пагубы. Приидите же, чада мои, потечем путем Божиим, прискорбным и безскорбным, тесным и

просторным. В бдениях ваших держите крепкое благонастроение, добре пойте, добре молитесь, к братьям имейте любовь и некую бездерзновенную несмелость.

3) Великое зло продержая на все смелость и вещь убийственная; и многоискусный диавол, если кто не внимает себе, быстро при ней нападает, воровски прокрадывается внутрь и уязвляет души наши стрелю злобы своея, увлекая очи на красивыя лица юных, и сладкими улыбками в тех и других возбуждая возгорение страсти. Когда же успеет он одного обольстить и склонить к нечистой любви, тогда покушается и того, к кому у него страсть, пристрастить и любострастно расположить к нему; потом пойдут взаимныя даяния и воздаяния воззрений и обозрений, душевныя излияния, и сладострастныя горения; а наконец, если не особая Божия помощь, покров отческий и сознание искушения самими пострадавшими сие, там пагуба, — содомское сгорение и гоморское потребление. Но бежим от сего все! Я первый, предъискушен будучи, простираю руку к вам искушаемым. Великое против сего подкрепление и ограждение — хранение очей и искреннее исповидание. — Но и в отношении к себе самим не следует допускать подобной неосторожной смелости: ибо и тут кроется смерть, — о чем незнающим лучше не открывать. Пострадавшие, знаете, о чем говорю; однакож и всем подобает блюстись. Не коснися, ниже осяжи, — и не смотри на наготу свою, чтоб не подпасть под клятву Ханаанову. Ибо не другим падением пал столп оный пустынный, о коем говорил Антоний Великий, как этим, хотя премудрый Отец и не высказал сего. Блюдайте убо како опасно ходите, да не смерть обьмете. Бедный человек! Знаешь, что говорит Апостол: кто мя избавит от тела смерти сея? (Рим. 7, 24). Как со зверем диким, как со львом, живешь ты с этою плотию. Если не прострешь на него меча, он тебя похитит, сотрет и убьет.

45.

1) Бесы увлекают чрез возбуждение страстей, и губят: бороться надо. — 2) Пал? встань, оплавав и покаявшись: Господь исцелит. — 3) Послушаем гласа его; не будем малодушны, вооружимся. — 4) Всего укорнаго в общежитии бегайте, а во всем требуемом преуспевайте. [1, 49].

1) В чем исправим мы путь наш? В чем, если не в том, чтоб соблюсти словеса Божии и судьбы оправданий Его (Пс. 118, 9). Но кроме того имеем мы воистину непрестанную брань с миродержителями тьмы века сего; и велика и непресекаема их горечь против нас, как написано в лестнице (сл. 4, 35; 26, 126): они нападают, возмущают, мучат похотениями, щекочат подчревными движениями, возжигают пещь похоти, множат и разнообразят зло, — и напоения их смертоносны. Чемнибудь из сего всяко уловляется бедный человек, если не внемлет себе: или завистию, — которая равняется убийству, — или тщеславию, или тайноядением, или сосложением с злыми помыслами: ибо и за это одно может пойдти во ад пострадавшая сие душа. Но чем бы вообще из сказаннаго ни был кто уловлен, он уже не имеет Бога, не имеет и Царства Небеснаго, лишается жизни вечной, теряет радование безконечное, наследует же огонь неугасимый, червя неусыпающаго, тьму кромешную и сводворение с бесами. — Нам же, братие, да не будет пострадать что либо такое; постараемся избегнуть сетей вражеских, будем крепко бороться, перетерпим огонь похоти, — и он всеконечно угаснет. Ибо всеильное мановение Божие не попускает сгорать нам в огни сем, если боремся, — и мы исходим в прохлаждение росю чистоты, слава Бога со св. отроками. Пусть зависть нападет, но вооружимся против сей страсти, и она, немного подержавшись, пройдет; продержится час или три, или, может быть, и весь день, но на ложе, нашем исчезает; и ты, поборовшись таким образом, сопричислишься к воинам Христовым, имеющим получить не мучения, а венцы.

2) Ты был уязвлен, но и сам уранил; ты пал, — чего однакож да не будет, — встань поскорее; ты увлечен был словом к тому, что неподобно, искушен был воззрениями очей, пленен в мечтания по бездействию ума, смехом разразился? Опять возвратись к должному, опять возстанови себя в чин свой, стань покаянником, даждь славу Богу, дай исповедание, пролей теплые слезы из среды души твоей, возли воздыхания из глубины сердца твоего, возстени, поникни главою, сокрушись, возсмиреномудрствуй. Таково врачевство души! Ибо написано: егда возвратився воздохнешь, тогда спасешия и уразумеши, где еси был (Ис. 30, 15); и: еще глаголющу ти, речет ти, се приидох (Ис. 58, 9); и еще: опечалися и пойде дряхл, и исцелих пути его (Ис. 57, 17). Смотри, какого благаго имеем мы Бога, какого умилоствительнаго, какого утешительнаго, какого скороуслышительнаго! Той бо есть очищение грехов наших (1 Ин. 2, 2); нас ради обнищал, нашего ради спасения истощил Себя, принял раны, оскорбления, поношения, поругания и излил всесвятую кровь Свою, — и язвою Его мы исцелехом, как написано (Ис. 53, 5). Приидите же приступим и припадем Ему, и восплачемся пред Ним, яко Той есть Бог наш, и мы людие пажити Его, и овцы рук Его (Пс. 94, 7).

3) Днесь послушаемся гласа Его, и не станем более преогорчевать Его, не поползнемся, как древние (Евреи в пустыне) на ропот по причине неверия, и потечем не лентясь в землю обетованную, в которую доходят путем тесным и прискорбным. Если бы тогдашние послушали Иисуса Навина, вождя своего и Халева Иефониева, то имели бы наследовать обетованное Богом. Но как они тяготились и малодушествовали идти тем путем трудным, и убоялись сопротивления встречаемых народов, не смотря на помощь непобедимой силы Божией, то преданы были истреблению, — и погибла память их с шумом. Тоже самое сбудется и с нами ныне. Ибо если вы будете слушаться нас недостойных и не дадите хребта, не засядите также за котлы плотоугодия, помышляя о рабстве Египетском, и о рабстве страстям Мира сего, от коего освобождены вы благодатию и благоволением Божиим, но воодушевитесь вместе с нами и возстанете бодренно, с сердцем пламенеющим ревностию, обувше нозе во уготование благовествования мира, оболкшесь в броня веры несомненной, и всякою молитвою молящесь на всяко веремья духом (Еф. 6, 14 — 18): то мы с вами и путь духовный совершим благоуспешно, попирая и препобеждая встречающихся инородных и варварских страсти, и Иордан преидем мысленно чрез слезы, и наследуем землю оную, на которой произрастает бессмертная жизнь и плодородие ум превышающих благ.

4) Не многими и недостойными словами обсеваю я вас и ныне как всегда, для упражнения душ ваших. Приимите впрочем и это скудное, и вашим доброделием сию малость слова размножьте в тридцать, шестьдесят и сто. Ей, умоляю вас, переносите благодушно притрудности жизни вашей, и всеусердно исполняйте порученные вам послушания. Радуйтесь и сорадуйтесь мне все и все благоуспешны будьте. Никто не ропщи, никто не желай другаго (послушания), никто не гордись пред ближним, — ибо мерзость есть Господу и людям таковой, — никто не делай срамных дел, ни душею ни телом, никто не ешь тайно, никто не лги, никто не осуждай, никто не укоряй, не будь без дела, не придумывай извинение в грехах, никто не будь двоязычным, шепотником, фанфароном, велеречивым, притворщиком, братоненавистным, недвигою, упрямым; напротив все будьте благодетельны путем Божиим и благодвижны, ровны (не выдавайтесь), благосдержливы, неутомимы, долу—преклонны выею, благопослушливы, приветливы, ненавистники, продерзкой смелости, друг—друголюбивы, безхитростны; дабы так жительствуя и так себя держа, благоуспешно совершить предлежащий нам подвиг, и благоугодив Богу обрести обетованные блага.

46.

1) Призваны мы к высокой жизни: но так ли живем, как вознамерились сами, и как другие ожидают? — 2) Будем неизменны в добре и не станем увлекаться страстями не только делом, но и в мечтаниях. — 3) Зачем ушли мы из Мира? Чтоб жить в лишениях, — в надежде.[1, 50].

1) Явися благодать Божия, по слову дивнаго Павла, спасительная всем, да отвергшеся мирских похотей, особенно мы, монашескую жизнь возлюбившие, целомудренно, преподобно и праведно проживем, ждуще блаженнаго упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. 2, 11. 12), Который одним, по терпению дел благих, воздаст Царство Небесное, а другим, по рвению и воли плоти, отказавшимся от благих рачений и дел, — гнев и непрестающую муку в огне вечном (Рим. 2, 7. 8). — Смотрите же, так ли живем мы? По тому ли намерению, какое было в нас в начале? Итак, прияв имя и прозвание: святые, подвижники, — не посрадим первоначальными последующими делами, и неуподобимся фимиаму, который сначала распространяет благоухание, а под конец изгарью поражает обоняние, ни светильнику, светлогорящему в начале, и всех в доме освещающему, а потом под спуд полагаемому, или угасающему.

2) Отличительная черта истинной добродетели есть во все веремя хранить характер свой; и в этом — труд наш. Ибо мы человекн некако поскользновенны и удобопреложны на неподобающее, по изреченному негде божественным гласом, прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его (Быт. 8, 21). Отрекшись убо от мира, да не явимся опять общниками его и страстными; поправши славу, да не емлемся ея опять по злоумию; исповедав здесь о себе, что мы обнажились от всего, да не приступаем опять к пожеланиям и благам, чуждым для нас. Зачем, забыв об обете своем, данном при свидетельстве Ангелов и человеков, ищем — кто первенства, кто учительства, кто покоя? А иные изьявляют крайнее неудовольствие, если в чем либо окажут им некое невнимание, или не почтут их, яко преподобнейших мужей, зря пред собою не смерть, не страшный суд и осуждение помышлений их и дел, и не тяготящее их бремя грехов, но то, к чему влечет и чего вождедевает сердце, и что рисует долу преклонная мысль, которая в мечтах своих одного вводит в клир, другаго возводит в настоятели, того облакает словом премудрости, этому поручает строение и попечение о монастырских потребах. Не сатанинская ли эта прелесть и обман?! Не всех укоряем в этом, но есть некоторые такие; слово же наше обще простирается на всех в утверждение их в добрых помышлениях и чувствах.

3) Все почетши второстепенным и со всем земным распроставшись, к чему вместо того приступили мы, о том и будем подвизаться. Чего же ради вышли мы из мира? — Вышли мы — нищенствовать, плакать, алкать, жаждать, быть чистыми сердцем и миротворными, быть поносимыми, гонимыми, если случится, оклеветаемыми, — быть отрбием мира, и наконец, если настанет веремя гонения, предать себя на смерть, за нас ради умершаго: ибо решившиеся на то и всегда на то готовые, причитаются к тем, кои действительно то пострадали, и с ними вместе прославятся; и соцарствовать будут единому Богу нашему и Всецарю Христу.

47.

1) Будь тверд в воспринятой жизни, и сам себя не лишай радостей, подлежащих тебе. — 2) Что можешь ты пострадать, чего бы Господь не пострадал прежде тебя за тебя. — 3) Скорбь о бежавшем из обители, и увещание набольшим. — 4) Приглашение молиться об убежавшем. [1, 51].

1) Умоляю вас любовьию Господа нашего Иисуса Христа, давшего Себя за грехи наши, тверды будьте

и неподвижны в верном исполнении святых и животворных заповедей Господних. Никто не дреми, чтоб не поскользнуться на грех; никто не поддавайся искушению искушающего нас диавола; никто злохитро не укрывай от нас греха, одно нам объявляя, а другим являясь пред Богом, назирающим пути человеков и прозирающим в сокровенное. Не лишайте сами себя подлежащей вам радости в жизни вечной, спаситесь от рода сего строптиваго и развращеннаго, возненавидьте мир и что в мире, всякия пристрастия, сладкия утехы, свои воли и самоугодия. Се раздружились мы с миром, се приступили к страху Божию. Умерли мы греху, и не должны допускать ничего отвергнутаго нами, ни тещи опять в след того, ни принимать то. Пришел ты сюда, убежав от мира и мирских, — восприими доброе и дивное решение предать себя в рабы послушанию, и все охотно претерпевать ради Христа, даже до крови. Это уже и обещал ты в самом отречении своем, пред лицом Бога и Ангелов Его. Таков ли ты, тебе то ведомо. Но смотри, человече, Бог поругаем не бывает (Гал. 6, 7). Отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или трех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, чрез нарушение обетов своих, и кровь заветную скверну возмнив (Евр. 10, 28. 29).

2) Господь за нас пострадал; что ты, раб, можешь спострадать равно Господу твоему? Что же ты, любимиче, раздражаешься? Что выходишь из себя? Что возмущаешься? Что? — Обругали тебя? Это и Господь твой потерпел. Ударили в ланиту? Он же разве не предавал лица Своего биющему? Насмеялись над тобою? Тоже было и с Владыкою твоим: ибо Он говорил чрез Пророка: поношения поносящих Тя нападоша на мя (Пс. 68, 10); и еще: ископаша руце Мои, — и нозе Мои: исчетоша вся кости Моя (Пс. 21, 17, 18). Какое каменное сердце не умягчится, помышляя о животворных страстях Христа Господа и о Его за нас смерти! Но вы разве не решились произвольно приносить себя в жертву за Него каждодневно? Это впрочем так и есть на самом деле, и как я думаю, вы не чужды ревнования о сказанном, но подражаете Снасителю и спострадать Ему ищите, яко имеющие и прославиться вместе с Ним в Царствии Небесном. Конечно, один из вас является лучшим другаго и превосходит его, соответственно присущей в нем добродетели. Но да дарует Господь Бог силу и крепость всем вам достигнуть в меру возраста исполнения Христова!

3) Когда радуюсь я чему, хочу, чтоб и вы радовались, и когда печалюсь, хочу, чтоб и вы печалились со мною. — Се ныне скорбь у меня не малая из-за брата Орсисия. Исчез он с глаз наших вчерашний день. И причина сему не другая, как грехи мои, яко пастыря худаго, который не предьусмотрел, не предостерег, и не предупредил немощнаго. Увы мне! Праведно имею подвергнуться суду и осуждению и предан быть на муки и истязания. Пожалейте меня; но и сами себя поберегите, да не соделается мое над вами настоятельство причиною моей погибели вечной. Да утвердит себя каждый из вас в должных правилах; и положите непременно все открывать мне на исповеди. Каждый да пребывает в том, к чему призван. Смотрите вы, набольшие, прежде других отрекшиеся мира, как бы не случилось и еще что подобное по вашему безсоветию, так как вы позволяете себе выступать за пределы должнаго и не держать во всем порядков, как я хочу и как я желаю, чему быть относительно каждого подчиненнаго. Ибо слышу, что вы бьете; я же этого не приказывал, как запрещеннаго Божественным Писанием, хотя оно допускалось св. отцами, по нужде в некоторых случаях и для неких, без шума впрочем и чрез другаго, не яко страсти удовлетворяя; браните, и притом неприлично, у некоторых же это обратилось в привычку. — Убеждением, кротостию и показанием добродетели надобно приводить братий к должному: ибо у нас не тиранническая власть, а

уважающая свободу и охотное вызывающая подчинение. Слова же бранные, как то: несмысленные Галаты, дураки, порождения ехидны и подобныя да не слышатся среди нас, хотя слово строгое, не со смущением и страстию, а щадетельно и с любовию сказанное, бывает спасительным врачевством. Ибо и врач пользуется ланцетом и прижигателем, когда это пригодно к уврачеванию подлежащей болезни. И у нас есть свои ланцеты и прижигатели, каковы епитимии и слова обличительныя: ими и пользоваться нам должно, имея одно в виду, — чтобы падший возстал и опять ялся пути своего, и являя утробы щедрот, особенно относительно несовершенных. Ни в отношении ко сну, ни в отношении к пище, ни в отношении к отдыху и прочему нельзя наравне ставить привыкших с теми, кои не таковы. Почему я желаю, чтоб новоначальным делалось послабление, пока привыкнут и сами начнут все ретиво делать. Разве мы имеем братий только для работ, для виноградных лоз и маслиц? Никак; но для усопобления им содевать свое спасение. Об этом перваки на первом месте должны заботиться, а на втором уже и о вещественном. Всякая душа смиренная и сокрушенная, по Евангелию, из благаго сокровища сердца своего износит слова благаго, и такой души обличение и укор сладки приемлющему их, паче сладости сладкаго пития; сердце же гордаго плодоприносит — брань, горькия и грубыя слова, сопровождаемая ярыми взорами очей, расширением ноздрей, зверскими вращениями лица. Каким же образом от этого уврачуется погрешивший брат?

4) Молитесь, да умилюститися Господь и откроет нам, где брат; потому что это навело на меня тяжелую печаль и стало причиною горьких слез. Не думайте, что убежание Орсиция ничего, дело невеликое, так как он из последних. Но для меня это велико; ибо Христос за него умер.

48.

1) Вот — вот смерть: готовьтесь очищая себя от страстей. — 2) Преуспевать надо. 3) Бегайте празднословия и смеха, любите же молчание; и если говорите, говорите о полезном вам. [1, 52].

1) Спешат дни за днями, текут, как быстро стремящаяся вперед и не стоящая река. А там и смерть. И кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти? (Пс. 88, 49). Человек цветущему сельному уподобился, дни его как сень проходят (Пс. 101, 12; 102, 15). Не дадим же себе быть в посмеяние, явившись неготовыми в час пришествия по нас Св. Ангелов; но как каждое мгновение имеющие быть взятыми отсели, так будем внимательнейши к каждому поступку, к каждому движению и слову, — и будем стоять добре готовыми, в нетерпеливом ожидании приять мановение к исходу от Бога всех и Владыки преставления нашего. Если так будем держать себя, то никакое зло не привзойдет в нас, и забвение не будет закрывать от нас судов Божиих; не будем уже воевать друг с другом, или ссоры затевать; не будем один пред другим большей искать чести, или печалиться, что тому и тому не научились, того и того не выучили на память, в том-то и том-то не умудрились. Но все сие вменив уметы быти (Фил. 3, 8), одного только взыщем, — того, чтоб очистить душу от страстей и своими соделаться Богу. — Говорю же вам сие не потому, чтоб повелевал вам не учиться: ибо и этого требую, и сам же дал вам подробныя правила, чему и как учиться; но чтоб показать, что первым должно быть то, а это после того, и то должно считать делом, а это приделком. Господь Бог наш, препоясующий силою немощных, от гноища возвышающий убогаго (Пс. 12, 7) и нас новорожденных в благочестии день за днем преобразующий в мужа совершенна, и нас да преисполнит мужескою к тому силою и совершенными да явит, паче нашего достоинства.

2) Апостол учит нас искать все большаго и большаго совершенства (Кол. 3, 1). Не перестанем же искать, чего еще недостает в нас, но позаботимся паче и паче преуспевать и богатиться всяким

добром. Если ты звезда, старайся сделаться солнцем; если ты уже внутри двора Божия находишься и причислен к спасаемым, старайся достигнуть того, чтоб тебе быть поставленным над пятью или десятью городами. Умножь талант свой, чтоб стать над многими; возлюби много, да много и дастся тебе; будь верным рабом Господа, да над всеми, кои в доме, первенствуешь. Таковы божественные гласы, страшные, — и когда слышишь их, и когда помышляешь о них, — славу из славы предъуказующие нам.

3) Возмогайте против диавола и отражайте его на вас устремления. Слышал я, что многие из вас вдаются в празднословие и в вечерних сходках без смущения предаются смехотворству; а это пагубно и для делающего сие и для участвующего в сем. Ктонибудь из вас привносит слово смехотворное, и безсловесный смех тотчас от одного раздражается у всех. И диавол радуется: ибо он тут командир и ему угождение доставляется тем; а Господь со Св. Ангелами Своими устыжается при таком худодействовании вашем. Побойтесь Бога и остепенитесь. Если это не правда, докажите мне, что лгу, и я замолчу; если же правда, начните блюстись от сего. Почему не обуздываете вы словоохотливости и не храните молчания, не говоря ничего, пока не спросят вас? Верно не знаете сладости молчания, которое душу молчащего исполняет радованием паче всякой радости: ибо таковой имеет собеседником Духа Святаго. Вы думаете, что это малость, и не знаете, что тут совмещается всякое зло. Ибо, как изрек божественный Иаков, язык — неудержимо зло, исполнь яда смертоносна, и обуздывающий его совершен муж (Иак. 3, 2. 8). Не огорчайтесь же на меня, хотя я и огорчаю вас. Я отец вам; и скажу вам словами Св. Павла: кто есть веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене? (2 Кор. 2, 2). Взялись вы разговаривать? — хорошо; но говорите о тропарях и стихирах, рассказывайте святыя истории, разсуждайте о вещах полезных и о делах, вам предлежащих. Говорить же о какомнибудь поле или огороде, о быке или стойле, или о другом чем к чему вам? Кому нужно об этом спрашивать, и кто может дать на это настоящий ответ? — Но один спросил ни с того, ни с сего, другой повторил вопрос, — и пошли пусторечить, что и удержи нет. Лучше ужь сидите в келлии и молчите. Молчащий, повторю еще, имеет Духа Божия сожителем себе, противное же сему, явно.

49.

1) Картина страданий ради нас спасителя: слава и благодарение Ему! — 2) По случаю перемены послушаний, слово к ропшущим на это и непокоривым. — 3) На словах, все все готовы делать, а на деле не все: — укор. [1, 53].

1) Се вводимся мы паки во святую и великоименитую седмицу действенного воспоминания страстей Христовых, и снова научаемся, что и сколько, и чего ради благоволил потерпеть за нас Господь славы, Бог и Создатель наш. И какая окаменелая душа не сокрушится и не содрогнется, представляя, как Господь предается учеником, отдается в руки незаконных, связуется воинскою рукою, ведется в судилище, обвиняется истина сый, слышит: льстец и злодей. Спаситель всех — ударяется в ланиту и сносит, оплевывается и не противится, терновым венцем облагается преболезненно и не опалает дерзких, в багряницу одевается, как царь и как злодей биется тростию, наконец распинается, копьем прободается, смерти вкушает жизнь всех; но вскоре за тем возстает, возставляя и нас от падения нашего и поставляя в непресекаемое безсмертие. О, Господи Боже наш и Создателю! Что равное принесем Тебе мы — прах и пепел?! По безмерно богатой благости Своей, не презрел Ты погибающего создания Своего, но благоволил придти и спасти нас образом крайнего и

неизглаголаннаго смирения. И се, в чувстве спасения и силы, от Тебя приятой, грешными устами и недостойными приносим Тебе хвалу и благодарение, преисполняющее нас.

2) Произошла у нас перемена послушаний: один к одному, другой к другому переведен послушанию, новому для него. Сделано так по отцепреданному правилу: ибо сим образом наилучше сохраняется и укрепляется братолюбие, единодушие и единомыслие. — Но некоторые из вас приняли это без обременения, а другим это показалось тяжело; потому что те привыкли отсекасть свою волю, а эти оказались неприготовленными к сему, — те не пристращались к послушанию, и им все равно, к чему ни приставь их, а этим одно послушание нравится, а другое нет, и одно считают они почетным, а другое унижительным. Из этих впрочем последних одни, поскорбев немного, преодолели себя и помирились с новым для них назначением, а другие все еще упорничают и стоят на своем нехотении подчиниться новому порядку. — Ко всем вам вот мое смиренное слово! Те, которые приняли наше распоряжение, как бы оно исходило от Бога и, отсекаши волю свою, с готовностью приступили к тому, что кому назначено, блаженны, благоприятны и нам и Господу, и равны мученикам — настояще, а не мнимо только. Те, которые, приняв его сначала с неудовольствием и скорбью, скоро потом со смирением обратились на лучшее, и эти добрыми явили себя борцами, принесшими Богу кровеизлияние. Третьи же, все еще остающиеся в непокоривости и сплетающие оправдания себе, внушаемая им страстями их, отпадшие суть, о коих праведно сказать, что они не суть и не были от нас.

3) Господь сказал: не всяк, глаголяй Ми, Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех (Мф. 7, 21). И еще: аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте (Ин. 14, 15). Применительно к сему и я говорю вам, что не всяк, говорящей мне: отче — отче, ученик мой есть, и что только тот любит меня, кто исполняет мои распоряжения. Не будем любомудры на словах, а когда дойдет до дела, оказываться чуждыми того, что говорим. Сколько раз приходилось мне слышать от вас: кровь свою прольем, умрем за тебя, если хочешь, в море бросимся, если хочешь, нагими будем ходить, если хочешь, камни будем есть, если хочешь, члены свои отдадим на отсечение. Слушая это, радуюсь бывало и благодарю Бога; но потом, когда пришедши, находил вас несхожими с словами, плакал и рыдал, приговаривая: люди эти устами благословляют меня, сердце же их далеко отстоит от меня. Не про всех вас говорю так: ибо испытал благопокорливость многих, как Ангелов Божиих, но про тех других; но и они не все и не всегда бывают упорны в своих желаниях. Говорю же обще, чтоб наперед быть нам всем во всем правыми. Взыщите же праотческих пределов, коим всегда верными пребывали отцы наши пред Богом. Им подражайте. Если не будете так действовать, то по исходе своем не сподобитесь сопровождения Ангелов святых и не будете вселены посреди отцев ваших: ибо каков кто здесь, таким явится и там. Знаю, что вы все желаете спастися и состоите в числе спасаемых. Будем же тещи добре, и подпадая искушению, не дадим себе падать; если же поткнемся, встанем поскорее, и если задремим, пробудимся. Не осуждаю вас; но почитаю рабами Божиими и ношу в сердце моем.

50.

Урок при виде умершаго: не о теле, а о небе пещись. [1, 54].

Что сие, еже о нас, таинство? Какое всех ожидает обиталище? Трех–аршинный гроб. От земли взяты, в землю опять пойдем: тело остается здесь, душа же воспаряет горе. Что были мы прежде и чем стали теперь по преступлении заповеди? Оно породило смерть, и за него стали мы тленны. Такими

же увидим себя и мы; ибо также умрем. Что ожидает нас? Куда пойдем? Что встретим? — Чего же ради так лелеем мы плоть сию — нашу и не нашу, другиню и враждебницу, наветницу и попечительницу, пагубную и спасительную? Сколько ни корми ее, сколько ни покой, сколько ни услаждай, — не превратится ли она все же в червей и в смрадную грязь? Какая же польза мне заботиться о пепле и бороться из-за праха? Плоть и кровь царствия Божия наследить не могут, говорит Писание (1 Кор. 15, 50). Сего ради позаботимся о себе добре и не допустим себе жить, как скоты живут. Неразумным животным свойственно любить плоть, растолщать чрево, питать плотские стремления, кипеть кровию, ботеть телом и все чувства услаждать; человеку же, во истину Образом Божиим почтенному и хотящему жить, как создан, ничто из этого несвойственно. Дло его — дело Ангельское, — созерцать небесныя блага, обозревать картины миротворения, пламенеть любовно к истинному Богу, ненавидеть бесов, немного пещись и о теле, самое необходимое давая ему мерно и по малости. Ей, молю вас, будем право мудрствовать, и познаем, что не погрешили так действуя, в будущем веке, когда всем, воздастся по делам и начинаниям их, — праведным — вечный, а грешным — огонь неугасимый.

51.

1) Все в обители трудятся, привнося свою жертву в общее; почему делаемое от монастыря всякому присвоается. — 2) Пища, питье и вино обще всем пределяется; но всякой имеет свободу воздерживаться. — 3) В каком смысле хорошо умножать братий; с какими мыслями настоятелю принимать; и братия имеют в сем часть; принимать престарелых и увечных долг есть. [1, 55].

1) Представьте уды ваша, по слову Апостола, рабы правде во святыню (Рим. 6, 19). Восприимите божественное мудрование еще преизобильнее, познайте истинно Ангельское достоинство честнаго вашего образа жизни. Впрочем вы уже и познали то и предали себя Богу совершенно со смирением, и благодушно несете каждодневно чувствительные труды в духовных и телесных деланиях ваших: ибо оба они равно благоприятны и одни другими восполняются. Один занимается чтением, другой молится, тот дома сидя рукодльствует, этот работает где нибудь на открытом воздухе, иной виноградник раскапывает, другой гряды проводит, тот по делам хлопочет, этот плотничает; и никто — без дела, никто не сидит сложивши руки, но все привносят труд по силе своей. По моему ни привратника, смотрящаго за входящими, ни огороднаго сторожа, спугивающаго птиц не должно презирать: ибо и из них каждый содействует целому телу, занимая незначительное мсто ноги или пальца. — Все мы — одна душа, одна воля. Так и проявлять себя будем всегда; и никто не отсекай себя от сотрудничества и спострадания вместе с братством. Руки ваши освящаются, жертва Богу и приношение приносится трудом вашим. И разве неправ я, говоря сие? Не питаете ли вы престарелых? Не довольствуете ли странных хлебом, овощами, чашею студены воды или и вина, и всем другим, что имеется в монастыре? Не угощаете ли приходящих друзей? Не содержите ли себя самих? Не питаете ли и нас? — Что все сие, если не приношение Богу? Ибо написано: милости хочу, а не жертвы (Мф. 9, 13). Это вы милостивыми являетесь, когда дается что от монастыря. Ибо когда делается это, не я один податель, но все мы подаем, деньги ли, одежду ли, или другое что. Вы — чада мои и соучастники во всем моем, и душевном и телесном. И сердце мое горит к вам, и не тесно вмещаетесь вы в утробах моих (2 Кор. 6, 12). Каждаго из вас объемяю я духовною любовию, каждому состражду, каждаго стараюсь согреть и упокоить. Почему знайте, что если кто против кого либо, то и против меня; ибо он — я. Почему мир да будет между вами и любовь духовная, и друг —

друга почитание, и друг — другу помогание. Последние почитайте набольших и первейших, как меня самого, и слушайтесь их во всем со страхом и любовью; кто же не послушается, тот не чадо мое.

2) Подкрепляйте себя наперед душевными питаниями, совершая трезвенно и бодренно уставныя службы и священные молитвы, а потом, по причине трудности работ, и телесными, — хлебом, вареными овощами и вином в мере положенной. Это для не крепко здоровых. У кого же есть желание воздерживаться, — благодарение Господу! — пусть воздерживается. Но ни пиющий да не смущается, будто падающий; ни не пиющий да не надмевается, будто великое что делающий: ибо брашно нас не поставит пред Богом (1 Кор. 8, 8), особенно если при этом тщеславимся. Что юным пригодн не винопитие, кто станет противоречить? Но и для всехо полезно не пить вина, особенно для крепких телом. Я впрочем намеренно неким попускаю пить вино, по уставу, для смирения помысла их, — не на всегда, а на веремя.

3) Известно вам, что почти каждый день приходят к нам желающие поступить в обитель нашу. Но я не всех принимаю: ибо не о том забочусь, чтоб вас было здесь более числом, чем в других монастырях, и не хочу этим хвастаться, хотя и тщеславен. Мы хотим, чтоб вы множились, но множились во славу Божию и по воле Его. Множайших собравшие во едино, конечно, большую возсылают хвалу Богу, но когда собрали их во имя Его. Не безвестно мне, что если о едином грешнике кающемся радуется Бог, не тем ли паче о многих таковых? И если посреди двоих и троих, сошедшихся во имя Его, присущ бывает Он (Мф. 18, 20), не тем ли паче посреди множества их? Но сознавая себя немощным и многострастным, не благоволю начальствовать над многими, когда и с собою самим не умею управиться. И только заповеди ради, повелевающей всякаго приходящаго не изгонять вон (Ин. 6, 37), — и другой: оставите детей приходити ко Мне, таковых бо есть царствие небесное (Лк. 18, 16), я преклоняю себя, и принимаю и детей маловозрастных, и юношей, и устаревших, и женатых, и не женатых, и здоровых всем телом, и увечных, и одноруких и хромых. Делаю же это не по своему произволению, как делающий нечто великое, но как подчиненный, обязанный так делать, по божественным отцам, так что, если не буду так делать, окажусь преступником заповеди. Вы же что скажете? Согласны ли со мною и готовы ли сами участвовать в этом? — Да, или нет? — Отвечай мне каждый, чтоб мне усерднейшим быть в сем деле: ибо ваших трудов плод есть то, чем их кормить и содержать; или лучше дар Бога, исполняющаго всякое животное благоволения (Пс. 144, 17), дающаго пищу скотом и птенцем врановым, призывающим Его (Пс. 146, 9), и рекшаго: воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, и Отец небесный питает их (Мф. 6, 26). Впрочем, я полагаюсь на ваше добромыслие я надеюсь, что мы сообща всегда усердно будем исполнять все заповеди и ни в чем не окажемся достойными осуждения. Ибо, если я не приму престарелаго и не упокою увечнаго, то окажусь преступником закона не по одной только какой заповеди; потому что заповеди составляют неразрывную цепь и одна за другую держатся, и сему соответствует как исполнение их, так и нарушение. Почему, если нарушим и одну заповедь, меньшими наречемса в Царствии Небесном (Мф. 5, 19); меньшими же нарещись, по св. Златоусту, не другое что значит, как подпасть вечному мучению. — Будем же принимать и детей, и престарелых, и увечных; и благий Бог не презреть нас, но будет подавать нам все потребное и но душе и по телу, как мы и получали уже от Него с перваго дня и доселе.

1) Братолюбие да пребывает; спаситесь все, очищая себя; бегайте многоречия и смехов; больно мне слышать, когда что неисправно у вас. — 2) Не передавайте друг другу съестного без разрешения набольших; это соблазн: кто не исполнит, эпитимия, не по гневу, а по любви. — 3) Хотите ли быть всегда во всем исправны? Помните смерть. [1, 56].

1) Не позволяйте себе зле относиться один к другому, но показывайте взаимно между собою благое соревнование и подобающее братолюбие. Говорю сие в желании, да все спасемся. Ибо Господь наш Иисус Христос говорит: несть воля пред Отцем Моим небесным, да кто погибнет (Мф. 18, 14). Итак спаситесь все; для сего все понудьтесь и поревнуйте представить себя Богу чистыми, как и созданы были в начале, нося подобие божественного образа. Не будьте задорливы и не вдавайтесь в рассеянную многоречивость; когда сходитесь вместе по вечерам, не заводите смехов, и когда работаете вместе, не делайте этого, увлекая друг друга в падение. Чрево мое болит мне и чувства сердца моего неудержимо мнутся, говорит негде в богонаученных словесах своих велегласнейший Иеремия (4, 19). Здесь же я, нечистый и окаянный, вопию к вам: болезнь смертная объемлет меня, и стрелы помыслов уязвляют, когда слышу, что вы худо ведете себя.

Страшного убо Бога убойтесь, чада мои, и долгаго вашего подвига, и блаженнаго труда не губите каким либо нерадением. Большое совершили мы плавание: ужели у пристани потерпим крушение? Долгий прошли мы путь: ужели в преддверии божественных обителей воздремлем? Уразумейте, что говорю: ибо вам дано от Бога разумение. Мужайтесь и да крепится сердце ваше (Пс. 30, 25). Подвизайтесь, — и облакайтесь в смиренномудрие. Не будьте поблажливы своей воле, и не оказывайтесь чрез то не с радостию исполняющими мои распоряжения. Ибо если кто умертвит свою волю, тот, как бы ни было ему тяжело возлагаемое на него, не отказывается, не небрежет, не тяготится, но охотно покаряется и слушается, соглашается и не противоречит, как и неразумное животное вяжущему его, по слову Писания (Пс. 72, 22). Да познает же каждый из вас сам себя, каков он в отношении к послушанию. Впрочем и я, по внешним движениям могу замечать, что лежит внутри. По св. Дорофею, не имеющий своей воли, чтобы ни делалось в монастыре, все то считает своим делом, — и такой всегда покоен. А кто не таков, тот кажется утомленным и разстроенным, влеком будучи своим хотением то туда, то сюда, прельщаясь то тем, то другим, и принимая то тот, то другой вид. Да не будет у нас ни одного такого; но все чистосердечно будем служить Богу, в едином духе. Если же я одно, а вы другое; то вот и война, и разделение. Но если то, что я говорю вам, хорошо, что вы воюете против меня? Что даете мне труд и заботу?

2) Имею нечто напомнить вам, братия мои, — почему не исполняете вы одной заповеди моей, как прочия? хотя она кажется, может быть малою; но нарушение ея губит все великия ваши исправности. И зачем говорить нам: великая я малая заповедь? Всякая заповедь Божия должна быть исполняема, и всякое преслушание справедливо имеет свое наказание. Многократно я говорил со строгим прещением, что непозволительно, чтоб каждый из вас передавал другому что либо из пищи и пития. Это принадлежит только мне, эконому, подъ-эконому, или и келларю, или другим набольшим, которым я дал и даю приказания на сей предмет. Итак снова подтверждаю, чтоб от нынешняго дня никто этого не делал: за это подлежит всякой эпитимии, как за тайно-ядение. Смотрите же, не впадайте в этот грех, по маломыслию. Вы не к добру стыдитесь один другаго и там устрашаетесь страхом, где нет страха. Говорите, что не желаете оскорбить брата, а между тем Бога оскорбляете и меня недостойнаго. Увы — такой совестливости вашей! Это знак легкоты ума, Богонелюбия,

самочиния и плотского дружества. Дерзаю сказать, что, хоть бы ангелом кто был, не принимай от него ничего. Ведь, вы часто получаете овощи благословенно: их и пусть ест каждый; если же кому нельзя их есть, тот пусть возвратит их келларю, или, желая передать кому, скажет об этом ему. Поступающий так, не подлежит осуждению. Или не знаете, что от этого зараждается непотребная дружба? А может быть, вы тем и передаете, к которым имеете нечистое расположение. Но пусть ничего такого нет; не соблазнительно ли само действие? и не поражает ли оно шепоты и огорчения, когда тот получает, а этот только смотрит? Всячески сей последний может подумать о себе, что его не любят. Если же скажете, что даете не пред лицом другаго, то вам нужно для сего искать особое время и место; а таким образом вы устраиваете скрытныя содружества и совещания. — Но что говорит св. Василий Великий? — Что помизания очес и шептания на ухо подают повод ближнему подумать, что тут затевается какое либо недоброе дело *).[*]Ч. 5-я. Сл. 3 о подвижничестве, стр. 82.] Итак отнюдь не позволяется вам делать это (т. е. передавать что съестное другим), помимо и без ведома тех лиц, кои к сему приставлены. Кто же окажется в сем виновным, тот подлежит эпитимии. Не думайте, однакож, что это будет от гнева и раздражения. Нет, и делал и буду делать сие, движимый любовью к вам. Я забочусь в сем подражать Господу, о Коем свидетельствует Апостол: егоже любит Господь, наказует, бьет же сына, егоже приемлет (Евр. 12, 6), — и сему самому Апостолу, который говорит о себе: и кто есть веселяй мя, точию скорбь приемляй от мене? (2 Кор. 2, 2).

3) Хотите ли всегда и во всем быть исправными? — Помните о смерти, об отрешении души от тела, о предстании Ангелов (в час смерти), о долгом оном шествии и странствовании (по мытарствам), о сретении Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, о страшном ответе во всех делах наших, о вечных мучилищах, о царствии небесном и об обетованных в нем благах неизглаголаных.

53.

1) Отлучаюсь, но душу оставляю с вами; будьте и без меня, как были при мне. — 2) Наставления эконому. — 3) Уроки братьям по сему случаю. [1, 57].

1) Отлучаясь от вас на время, душу свою оставляю с вами, и предаю вас молитвам отца моего и вашего, могущим твердыми и непоколебимыми соблюсти вас навсегда. Имеете заповеди Господа и Бога нашего, предания св. отцев наших и мои смиренныя наставления и внушения. Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри (Еф. 5, 45), так, как бы я не отлучался от вас, а был с вами. Отсутствие учителя ложным ученикам радость доставляет, а истинным прискорбие. Вы, достойны суще Бога, живете преподобно и праведно, и пребудьте таковыми. Господь приточно говорит в Евангелии: блажен раб той, егоже, пришед господин его, обрящет тако творяща, как ему приказано (Мф. 24, 46). Мы недостойны того, чтобы к вам приложить такая слова; но для вашего утверждения в добром житии понуждаемся присказывать нечто такое, что выше нас. Да обрету убо вас также ищущими Бога, как оставляю, и соединенными в единомудушии, в тождемыслии и единосердечии.

2) Ведаете, что у сатаны много искушений, время же теперь весеннее, дни приятные. Смотрите, как бы не влетала в кого из вас стрела греха. И во первых, ты, чадо мое, приемлющий вместо меня начальство над братьями, будь им во всем полезен, снисходя им, удовлетворяя вместо меня их потребности духовныя, строго держа правила о псалмопениях и молитвах, одно позволяя, когда можно, другое запрещаая, когда требуется; не будь ни слишком благ, ни чрез меру строг, но от того и

другаго примешивая во всем, тем и другим действуй во благо; болящим сболезнуй, скорбным споскорби, трудящимся спомоществуй. Слышишь, что говорит Павел, великий вселенная учитель: кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся? (2 Кор. 11, 29). Разумеешь, что говорю? Да даст тебе Господь разум во всем. Но имеешь и общаго нашего отца; его святым советам и повелениям следуй во всем. Изводяй достойное из недостойнаго, как уста Мои будет, говорит Господь в божественном Слове Своем. Настоятельствующий над братством великим наречется на небесах, если достойно будет управлять подчиненными ему. Что говорит Господь святому и великому Петру? Если лю-биш Меня паче сих, паси овцы Моя (Ин. 21, 15 и 9).

3) Вы — овцы Христовы, чада мои, и братия. Умоляю вас именем Господа нашего Иисуса Христа, давашаго Себя за грехи наши, покаряйтесь старшему над вами; не противься никто приказаниям его: ибо противляйся ему, Божию повелению противляется. С ним будет подь-эконом: слушайтесь и его, и никто не презирай его ради юности его: ибо старость не в числе лет состоит, говорит божественное Писание (Прем. 4, 8). Но кто стяжал старческую мудрость тот и стар. Будьте же все мудры, все старцы разумением никто не будь младенец ведением, но разумевайте, что есть воля Божия благая, и угодная, и совершенная (Рим. 12, 2), и по ея указаниям, жительствуйте.

54.

1) Благоугождайте Богу; друг о друге пекитесь, не себе угождая; не будьте мудры о себе; единомудушны будьте. — 2) Труда требует монашество, особенно же смирения; покой в будущем, но и здсь есть плод труда; и все монастыри трудом живут; смиренно покаяясь сему мирно живите, дондеже преидете. — 3) Пахомий брат почил; поминайте добродетели его бездерзновение, воздержание, смех до улыбки, и то иногда только... трезвение... и подражайте ему. Благодарю Бога, являющаго среди нас достойных людей. [1, 59].

1) Ведаете, что это Бог требует от нас, чтоб мы жили благоугодно Ему, нудя себя в нынешнем веке к подвижническому самоутеснению, в чаянии получить жизнь вечную. Убойтесь же Единаго страшнаго в судах Своих, и добре ведите себя друг ко другу; не предпочитайте всему плотския пожелания ваши, один другаго увлекаая в свои страсти. — Се узнаю, что вы спорливы в беседах между собою, не о том разсуждая и не то изыскивая, что обще всем полезно, но к чему каждаго влечет свое расположение к угождению себе. И в этом не исполняете вы Апостольской заповеди заботиться друг о друге, как о членах одного тела (1 Кор. 12, 25. 26). Если вы согласны в чем добром все, то благоприятно дело ваше; если же разномысленны, и следовательно самолюбивы и мудры в себе самих, то подпадаете под пророческое горе! Ибо велегласнейший Исаия говорит: горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни (Ис. 5, 21). Тот добре жительствует, кто не упорствует ни в чем, и, не по своему особному смышлению и решению, говорит или делает что, но как требует подлежащая нужда. Если вы будете таковы, то не станете воевать один против другаго, и не допустите ни столкновений между собою и возгордения, ни осмеяний. Сколько было верующих в Иерусалиме в начале; но у всех, как написано, была одна душа, и никто ничего не имел своего, ни желания, ни стяжания.

2) Чада мои! Многодельна жизнь монаха и многотрудна, требует пота и терпения, главнейше же смирения. Отличающийся сею добродетелию, безопасен от падения, по св. отцам, и, как злато очищенно, пригоден будучи ко всякому делу, многоценным является. Трудитесь вы до утомления в делах ваших, — знаю. Да дарует вам Господь милость и благоживотие, по отжитии здешней жизни, в

жизни другой. Но и здесь находим мы плоды труда к утешению и упокоению нашему по телу. Будьте при том удостоверены, что не мы одни добываем трудами благопотребное для жизни; но и каждый монастырь трудом и потом хранит жизнь свою. Ибо можем ли мы делать ложным Слово неложного Бога нашего, рекшаго праотцу: в поте лица твоего снеси хлеб твой? (Быт. 3, 19). Никак. Смирненно покаяющийся сему закону жизни, добре шествует путем Божиим. Имеете в утешение себе и укрепление благословение отца нашего. Имеете и моего смирения усердную молитву, коею, хотя и недостойн, каждодневно умоляю Бога милосердаго, сохранитися вам во взаимном мире, друг–друга щадении, миловании и люблении, дабы, когда придет веремья разрешиться каждому из вас от тела, он при неосуждающей совести, с благою надеждою перешел из сей жизни в другую и получил там вечно блаженное себе воздаяние.

3) Вчера почил брат наш Пахомий. Вспомните о добродетели сего мужа, как он был бездерзновен, и в какой мере имел воздержание: ибо отец наш говорил, что когда был он садовником, то кроме того, что давалось на трапезе, не позволял себе коснуться самого даже ничтожного плода; а как от других я слышал, он даже и того, что давалось для снедения вне трапезы, не снедал в саду, чтоб кто не возымел подозрения на него во вред себе. Всем нам известно также, что он никогда не смеялся и никогда не заходил далее улыбки, всегда сохраняя строгое к себе внимание и трезвенное настроение. И делатель Божий был он воистину неутомимый, трудясь, как знаете, день и ночь, — отошел блаженным. Не переставайте чтить его самым полным чествованием. Но и добродетелям его подражать поревнуйте, чтоб и из вас каждый, отходя от — зде, оставил по себе добрыя воспоминания и назидательный пример всему братству, так что в вашей власти лежит, каким кто желает быть признан по преставлении. Блаженным ли, или святым, или преподобным, или другим каким именем желает кто почтен быть тогда, возможно это для него, если от — зде уже будет он сообразно с сим настроиваться; и никакой нет к тому непреодолимой препоны, никакой невозможности, как показывают примеры восхотевших сего и явивших себя такими. Вы же захотите быть названы блаженными, равно–ангельными, богоугодными; и это будет нам, если будем воздержны от пожеланий своих, если возлюбим понуждать себя на всякое добро, если изберем смиренномудрствовать во всем. Уверен я, что вы таковы есте и таковыми пребудете, — и что многие из вас приносятся нашею обителию, как честныя Богу приношения. Восхищаюсь и всяким утешением преисполняюсь, что Бог, не смотря на превеликое мое недостойнство, даровал мне таких братьев, — дерзаю сказать, — ни в чем неотступающих от древних, но в равной им мере и от мира отрешившихся, и послушанию себя подчинивших, и предавших себя за имя Божие даже до смерти. Благодарение Богу, и в последние дни сии, призвавшему и явившему таких избранников Своих! Ибо везде и по всей земле много угождающих Ему. Работайте же Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2, 11). Взыщите Его, и постигнете — дающа вам царство небесное.

55.

1) Выражает свое благоволение к ревностным труженикам и просит ревновать и о духовных делах, и о монастырских послушаниях. — 2) Спешите на дела, поощряя друг друга и не дожидаясь другого зова; преобладайте страсти, и хоть будете в ранах от них, не лишитесь награды добрых воинов. — 3) Будьте милостивы не к людям только, но и к скотам. — 4) Берегите вещи, — даже обноски, и чурбаки. — 5) Всегда ждите смерти; подняв паруса плывите, наблюдая, как бы где вода не просочилась... Это искушение чрез чувства. [1, 63].

1) Св. Василий Великий сказал: что всеблагий Бог для того дал нам дар слова, чтоб мы открывали друг другу советы и помышления сердец своих. И се я открываю вам, что есть в сердце смирения моего, — что хотя сам я окаян, по множеству грехов моих, но оставляя свою немощь и опасность своего положения, всю заботу мою обращаю на вас, за вас страшусь и трепещу, и по вас подвигаюсь во всем. Почему кто из вас печется паче всего о спасении своем, тот не чадо мое, но господин, владыка и отец, — и я мысленно повергаюсь к ногам его; кто скор и ретив в делании дела своего, тот сила моя и крепость; кто молчалив, смиренномудр и трепещет словес Божиих, тот душа моя, сердце мое, ум мой. Но раздражаюсь на ничего не делающего, как даже ни ясти достойного по божественному Павлу (2 Сол. 3, 10); также на мешкатного, на лениваго, на ропотливаго, на сонливаго и на дремлющего за делом. Прошу убо вас, возстаните, — чада мои и братия, сподвижники и шестственники мне на пути, ведущем на небеса. И во первых, емлитесь за духовныя делания тепло и крепко, возгараясь, как огонь и спеша к ночным псалмопениям и дневным молитвам; а потом обращайтесь и к телесным делам, кои у вас на руках, вставая, как можно, раньше, и не допуская до того, чтоб солнце застало кого на ложе, как заповедал Василий Великий; в жаркие же часы дня можно соснуть, но довольно одного часа, и скорее вставайте. — Слышишь, что написано в божественных Евангелиях: утру глубоку приидоша жены на гроб (Лк. 24, 1); зело рано течаста Петр и Иоанн (Ин. 20, 24); в полунощи возстали Павел и Сила на молитву (Деян. 16, 25), подражая тому, что поется в Псалмах (118, 62)? И что еще говорит о себе Павел? — Ночь и день делающе, да не отягчим кого от вас (1 Сол. 2, 9). Видишь? — вот Апостол, проповедник Евангелия, ловец вселенных, после такого служения словом, обращался к занятию и ручными работами, подавая нам образец жизни по Богу.

2) Будьте но забывчивыми слушателями слова (Иак. 1, 25), но творцами закона и исполнителями того, что возвещено нам, по божественному Совету. — Соревнуйте друг другу, и друг друга возбуждайте. Кто скорее других к послушанию? Тот, кто не дожидается втораго слова от повелевающего. Кто выше в смирении? Тот, кто с перваго слова падает ниц, испрашивая прощение, и принимает на себя всякую клевету. Если вы таковы, то добре ведаю, что радуетесь и веселитесь, вземлетесь надеждами к безстрастию, и возносите чаяниями к блаженству небесному, пребывая чистыми душею, независтливыми и неподатливыми на страсти: ибо хотя получаете уколы и щекотания страстей, но, быв вооружены такими духовными доблестями, вы отражаете борющихся вас демонов. Впрочем, кто из воюющих не получает уязвлений, хотя и победу одерживает? И такого как не увенчать Царю небесному, хотя бы он был весь в ранах, только бы не был он умерщвлен грехом?

3) Будьте милосерды, якоже и Отец ваш небесный милосерд есть (Мар. 6, 36). Утробы нечестивых, как написано, не милостивны; праведник же милует души скотов своих (Прит. 12, 10). Во первых являйте милость взаимно к себе самим, а потом и к животным, но оставляйте их не накормленными и не напоенными, но в свое веремя и корму им задавайте и на водопой водите. То и служит очевиднейшим признаком, что подъяремныя животныя принадлежат монахам, когда они откормлены и сильны; если же они не таковы, то это не монастырския, а мирян или злых или неразумных.

4) Покажите вы себя точными исполнителями правил жизни вашей, даже до малейших черт. И как в другом ревнуете вы быть верными сим правилам, так соблюдайте их в отношении к вещам: ни овощей не бросайте, как попало, ни плодам не давайте преть; даже лоскутами какими старыми или

обрезками в пядень не брезгуйте, тем паче одеждою; ибо если монах должен носить, как написано в Герондике, такую одежду *)[*] Дост. сказ. 1846. стр. 272.], которой никто не взял бы, еслиб бросить ее на три дни за ворота, то какую еще одеждою можно брезговать, пока она держится на плечах? И не об этом только говорю так, но и поленом каким не пренебрегайте и не сжигайте его попусту, ни отрезком доски, может быть, гожим еще на что нибудь; не разливайте также вина и не проливайте еля. Уа! с чем это сообразно?

5) Каждодневно ожидайте разрешения вашего от тела. — Тогда узрены будем страшным лицом Господа. — Сего ради да будут вам слезы хлеб день и ночь (Пс. 41, 4), и, вспоминая сие, изливайте пред Ним сердца свои. И я уповаю, что вы пройдете в место селения дивна даже до дому Божия, во гласе, радования, в духобряцательном эхе празднующих на небесах (Пс. 41, 5). И так не вдавайтесь в печаль и не смущайтесь по причине страстей, хотя бы оне сильно волновали вас; но, подняв парус души, благодушно продолжайте плавание и старайтесь переплыть великое и многобедственное море жизни сей, управляемы будучи молитвами отца нашего. Если при этом войдет внутрь злая вода, как чрез малья трещины, чрез чувства, чрез зрение ли, когда воззришь страстно, хоть бы то и ненамеренно, — или чрез слух, когда он приемлет приятную речь или мелодию, — или чрез обоняние благоухания от тела ли намащенного, или от какой масти благовонной, — или чрез вкус, когда он усладится каким либо яством, или чрез осязание, отводящее в плен, когда коснешься своего ли тела, или тела ближняго, намеренно, или случайно как, — если случится что такое, поскорее выкачивай это вон, чрез исповедание и слезы. Если страсть слишком сильно подует, надо спустить парус, т. е. воспрять истинное смирение; если порвется вервь, т. е. крепость терпения, поскорее исправляйте это чрез восстановление силы ума. Действуя так, вы безопасно войдете с грузом добродетелей в небурное пристанище жизни вечной.

56.

1) Новоначальным сильны искушения, по причине остатка грешных пристрастий и привычек. — 2) Велик образ жизни нашей, и потому что теперь имеем, и по тому, чего чаем, если сравнить его с мирскою жизнью. — 3) Когда возстают искушения со вне, или от плоти и страстей, стойте и боритесь, пока победите. — 4) Перечисляются помыслы десной и шуей стороны, и предлагается последним противиться, а к первым прилепляться. [1, 64].

1) Не дивитесь, что случается иным из вас поскользнуться, а иным и совсем отпасть от нас, особенно из тех, которые еще проходят срок испытания, недавно вступив в обитель. Не выносят они благаго ига Христова, по причине оставшихся в них недобрых расположений и склонностей, — нетрудолюбия, миролюбия и греховных привычек, почему возвращаются вспять, как псы на свою блевотину (1 Петр. 2, 22). Не ложно слово Господа, что мало стадо, к коему благоволит Отец Его (Лк. 12, 32), — что мало таких, кои тесными вратами и скорбным путем идут в царствие небесное (Мф. 7, 13. 14), что... аще кто не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 25).

2) Велик и премирнен образ Ангельской жизни нашей; я блажен, кого избрал для нея Господь из пошлаго ничтожества мира, и кто, притекши по гласу Господню, ялся сего высшаго чина жизни, чая отселе еще узреть созерцанием ума царство небесное. Ибо в дольнем мире тма и мрак; и всякой человек, избирающий суетное, тленное, скоропреходящее и только здешнюю жизнь услаждающее, вместо благ вечных и нетленных, неизреченных и недомыслимых, как в ночной брани, не знает и не

видит, откуда и как получает удары, от чего и как стекаются неблагоприятные обстоятельства и бьют его, как волны. Кто, узрев это и уразумев, исторгается из сей толпы плененных сетями дьявольскими, тот, как птица, воспаряет горе и подымется на мысленную гору богоугодной жизни, имея под собою долу ловца — сатану посмеваемым и попираемым, по слову Господа, рекшаго: се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию (Лк. 10, 19). Наступайте же, и попирайте многообразныя главы его и всю его горделивую борительную силу, облекшись во всеоружие подвижническое. Вот что свидетельствует о вашем сыноположении Духом Святым и что содлывает вас сынами Богу.

3) Отнюдь не колеблитесь ничем из случающагося с вами, во испытание боголюбиваго расположения вашего. Не разстройвайтесь, когда подымется брань, внутренняя ли или внешняя, держась в своем чине до крови, в чаянии несомненном чрез терпение свое сподобиться и венцов. Мужайтесь, противоборствуя борящему вас змию лукавому. Знаете возстания плоти; знаете эти домашния воспламенения против дома святаго, т. е. против честной души вашей; знаете страхи, этих волков аравийских, кои, совне представляясь в одеждах овчих, внутрь суть злобные всегубители: от плодов их познавайте их, по Святому Евангелию, и стойте твердо на своем.

4) Когда возникают в вас помыслы боголюбия, целомудрия, благоговеинства, сокрушения, терпения, памятования о смерти, исходе, сретении Ангелов, предстании Господу, ответе пред судом Его, — приложу к сему, ставя первое на последнем месте, — и помыслы послушания, смирения, отсечения своей воли, перенесения осмеяний и сему подобное, тогда выдайте, что это помыслы десной части, помыслы царствия небеснаго, пролагающие путь восхождения к нему и сопровождающие его. Противоположные же сим помыслы суть, — миролюбие, грехолюбие, сластолюбие, продерзость, празднословие, многоспание, тщеславие, непослушливость, неверие, самовольное служение, — и что пересказывать каждую из страстей? — Изочту их, и паче песка умножатся (Пс. 138, 18). Зная таким образом, что десной принадлежит части и что шуей, от последняго бегите дальше и его обращайтесь в бегство, противясь тому, как учит св. Апостол Иаков: противитесь дьяволу, и бежит от вас (Иак. 4, 7); с первым же сочетавайтесь, соображайтесь, сосуществляйтесь и получите обетованное тем же Апостолом: приблизитесь Богу, и приблизится вам (Иак. 4, 8). Отнюдь не допускайте самолюбия, саморазсуда, своеумия, ибо слово отеческое все такое почитает источником всяких прелестей для послушника. Напротив, всегда держитесь братолюбия, простоты, безлукавности, нелюбия мира, безпритворства, уступчивости, послушности, богоразумия, богочестия и совершенной Богу преданности.

57.

1) В войне состоим: я, как военачальник, речью возбуждаю вас: стойте. — 2) Не малы подвиги наши; но не смотрите на видимое, а на невидимое, и радуйтесь: ибо воздаяние велико. — 3) Господь предал себя за нас, предадим и мы себя за него, твердо пребывая в своем чине. [1, 65].

1) В войне состоим мы, и в войне трудной и неудобно-победной. Ибо что говорит божественный Апостол? несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12). Почему, как начальник воинскаго отряда пред схваткою с неприятелем воодушевляет словом состоящих под ним воинов и возбуждает их храбро устремиться к одолению врага: так и я, хотя сам немощен, долженствую, обязан и желаю вас, воинство Господне, не в одно какое веремя, а всегда возбуждать и ободрять к отражению демонских

полчищ и многообразных страстей безчесия.

2) Немал труд и немал пот в духовных подвигах ваших, но крайне напряжен, воинствен, борителен, дивен и вышеестествен. Ибо вы каждодневно несете, как изливание кровей, отсечения своих хотений, — как язвы глубокия, укоры и поношения, — как состязательныя упражнения, наложение послушаний. И никому из вас непозволительно выступить за границу должного и повеленного; но все совместно вступаете в борьбу и злостраждете до изнеможения, стремясь и всячески понуждая себя ко всему, что свойственно подвизающимся, в алчбе и жажде, в зиме и наготe, в славе и безчестии, и во всем прочем, чем хвалился Апостол (2 Кор. 6, 4—8; 11, 27). Но радуйтесь, чада мои, радуйтесь, не видимое имея в виду, а невидимое, ибо видимое верременно, а невидимое вечно (2 Кор. 4, 18), и помня, что живот ваш сокровен есть со Христом в Боге и что когда живот ваш Христос явится в пакибытие тогда и вы явитесь (Кол. 3, 4), каковы вы, — и станете веселиться вечно; ибо воздаст вам подвигоположник ваш Владыка за ваши во плоти подвиги воздаяниями вечными и бездонными.

3) Пребудьте, господие мои и владыки, пребудьте в любви Божией! И как Он возлюбил нас и предал Себя за нас на осуждение смерти, смерти же крестныя, так и мы, за Него предавая, предадим себя, благодарение тем воздавая человеколюбивому Владыке за то, что Он так сподобил нас — о имени Его отрещися всяких мирских дел и занятий, всякаго плотиугодия и всего, что есть от века сего. Какое же воздаяние воздадим мы укрепившему нас на сие Богу? Какое другое, как не то, чтоб ни сделанного уже не губить по нерадению и нечувствию, ни пред лицом настоящего не малодушествовать, ни будущего отнюдь не страшиться, но еслиб надлежало даже кровь пролить, да будет сие для нас любезно и крайне желательно. Будьте же тверды и утверждайтесь еще и еще, паче и паче, действуя усерднее, живее, Богоподобнее и друг—друго—любнее, отныне и до века.

58.

1) Поминаю смерть и все бывающее тогда, и молюсь, чтоб дано было мне очиститься и не испытать огня, вы же радуйтесь, взирая на воздаяние, хотя настоящее ваше и скорбно. — 2) Се чetyредесятница: встртим ее радуясь, как веремя очищения и покоя душевнаго; не забудем также, что это есть веремя и сеятвы духовной, и займемся благотворным сеянием сим; царским однакож шествуя путем мерности во всем, заботясь более о преуспейнии в смирении. [1, 66].

1) Помянув о смерти некоего из чтимых братий, возстенал я и возскорбел душею моею, помышляя, каково будет это преставление и это разединение и разделение души и тела, это взятие нас в иную землю, это вступление в другой некий путь, это прехождение в иной мир, необычный, неиспытанный, неведомый, неизъяснимый и неизглаголаный. Ибо кто может сказать, какия там испытаем встречи, какия шествия, какия зрелища и происшествия? Какие посланы будут к нам от Бога слуги Его взять нас отселе на небеса? И не будет ли состоять сие посольство из злых ангелов? Убоимся такого случая! Кто будет шествовать нам и сопровождать нас в страну оную? И куда внидем, — в страну ли упокоения, в место ли селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, и в шуме празднующих? (Пс. 41, 5). Или напротив в огонь, тьму, к червям и в другия безчисленныя мучилища? Помышляя о сем, я изумляюсь, ужасаюсь, трепещу и молюсь, да дано будет мне здесь омыть слезами безчисленные грехи мои и очистить себя немного, прежде чем испытаю огонь оный всепожирающий и нескончаемый. Вы же, поелику находитесь в подвигах и борениях за добродетели и слыша и помышляя о сем, радуйтесь, утреннуйте, разцветайте, — и

живите в Господе. Хотя окружающее вас прискорбно, но взирая на вечное воздаяние, ревнуйте без лености и малодушия до конца довести течение свое.

2) Се настает св. четырехдесятница, просветительный и очистительный период честных дней! Никто не страшись, никто не разленивайся. Сладостны в сие веремья умиление, восприятие священных помыслов, изображение небесных созерцаний, очищение сердца и тела, отторжение скверны страстей, слезное в сокрушении пред Богом омовение. Расположимся же принять дни сии, как веремья упокоения и утешения телесного и душевного, и паче последнего, чем первого. — Время это есть и время сеяты. В плоть сколько ни сей, все то обращается во истление; и от сего остается разве только подождение похотений, производящее воскипение крови, животное и безсловесное. И как заблуждаемся мы люди, заботясь о текущем и прилежа непостоянному! В душевном же сеянии ничто из приемлемаго не пропадает, ничто не истрачивается даром, ничто не гибнет, но все сохранным удерживается и питает пищу, воистину безсмертною, честныя души ваши: в сем радость, мир, вера, надежда, любовь, просвещение, очищение, освящение и, наконец, обожение. Не позволим однакож себе вдаваться в чрезмерности относительно тела и уклоняться от заведенных порядков, шествуя царским путем и в принятии пищи и пития, в бдении, в уединении, в спании на голой земле и в прочем. Поревнуем же паче о том, чтоб смиряться смирением божественным, и для того нелицемерно слушаться и отсекаать волю свою лукавую с корнем, как вы и отсекаете. Действуя так, вы в тишости и любви, и во исполнении Духом Святым внидете в светлые дни Святаго воскресения Христова. Сие вам, как должник, напомнил я и буду напоминать. Исполните же сию заповедь и смиренное слово мое;— и да запечатлеет вас печатью Своею Дух Святыи!

59.

1) Побыв среди суеты мирской, возблагодарил я Бога, что мы с вами убежали оттуда. — 2) Нет ничего блаженнее нашего состояния, и потому, что имеется в цели, и потому, что дается тотчас. — 3) Возлюбим Бога: ибо кто достойнее любви? И что блаженнее сей любви? Вы приступили к сему и начали, но конец далеко. — 4) Плоть надо умертвить, особенно похоть ея, избеганием всего, что может возбуждать ее. [1, 67].

1) Завчера, по повелению владыки нашего, вышел я из монастыря, вошел в патриархию, а оттуда к царской литургии. Весь день провел я там, и видя видел виды и лица, кружение мирских дел и хлопотливость, туда и сюда гоняющую людей, их многоглаголанье, многозаботливость и мирские сговоры: и это во дни честныя и св. четырехдесятницы. Отстранило это меня от обычного настроения, уши мои оглашались странными глаголаньями и очи мои развлекались многими и разнообразными фантазиями. И теперь еще чувствуется это во мне; и я пользуюсь настоящим благовремением, чтоб высказать это вам. Как из облака сгустившагося низпадают капли дождевныя; так при стесненном сердце капали слезы из очей моих, и я, испустив вздох из глубины сердца моего и утишив волнение помыслов моих, молитвенным горе восхождением возблагодарил Господа и ублажил вас, что вышли вы из среды таковых и отлучились от них, и отреклись от самага даже прикосновения к нечистоте мирской, пребывая на поприще подчинения, каждодневно борясь с искушениями терпения, и в духе восходя на высоту добродетелей Богоугодным благонастроением и благоповедением.

2) Что блаженнее, что вождленнее, что благолепнее вашего положения и состояния? — Вы воистину чада Христа, слуги Бога и Отца, отрекшиеся от плоти и крови. Цели людей житейских — в земном, цели ваши — в небесном; для них главное — мир, для вас — небо. Им свойственно здешнему

радоваться без радости, здешним богатиться без чувства богатства, здешним наслаждаться, без утоления глада наслаждения. Иначе не могу говорить о них. — А у вас — веселие, источаемое надеждою, — радование о том, что обещается в будущем веке, — при бедности во временном, обогащение в вечном, — при скорбном воздержании, вкушение недомыслимо сладких благ духовных. — Не будем же ничего другого ублажать, ни на что другое обращать взоры и внимание, ничего другого вожделевать, кроме того, что даровано нам по вышнему жребию и чем облагодатил нас Дух Святой.

3) Приидите, дадим славу призвавшему нас. Приидите, возлюбим так возлюбившаго нас. Приидите, рабски послужим Ему, да сподобимся господства над всем. Приидите, убоимся Его, да убоится нас мир, и возлюбят лики Ангельские. Приидите, очистим себя от злых дел и помышлений, да Он, свет воистину суще непреступный, облистает нас молниею Духа и возведет на высокую гору божественного жительство, и покажет нас людям, яко град божественный. Слышали, что говорит некто из святых отцев в Герондике: если почтим Единого, т. е. Бога, то все станут почитать нас, а если обезчестим Его грехами своими, то встретим противное тому? — Да и кто не возлюбит Господа? Кто не прилепится к сему Свету великому и непрестоящему? Кто не потечет к сему великому Подвигоположнику и Венцедателю? Кто не восхощет сцарствовать сему Всецарю веков? Кто не предпочтет всему всыновления Тому, из Негоже всякое отчество на небе и на земле. Отцу щедрот и Владыке всяческих? Кто не возревнует сонаследовать с Господом нашим Иисусом Христом Отческое оное общение, которое неизвестно для слова, невместимо для слуха, и неизследуемо для мысли? Вы избрали сие и возлюбили, вышли на зов и пришли, начали совершать и совершаете. Но еще не конец подвигам (ристалищным состязаниям), еще не предел бегу; еще потребно теши и теши усиленно, еще не истек час состязаний, как изрекли великия оныя и златыя уста Духа. Не слышим разве, что говорит Павел, сей свет мира, Апостол вселенский: тако теку, не яко безвестно: тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя, сам неключим буду? (1 Кор. 9, 26. 27).

4) Видишь, что изрек человек Божий? Потребно умерщвление и властное порабощение этого неукротимаго коня плоти. Утесним же его и обуздаем. Прошу вас об этом я многострастный и многогрешный, чтоб он не закусил удила, не сбросил седока — ум, и не сделал нас посмешищем для врагов наших. Будем избегать стремнистых мест, чтоб теши безопаснее. — Понимаете конечно, о чем я говорю. — Горе лукавому зрению, потому что оно впускает в душу яд греха! Горе окаянной дерзости, потому что она быстро сожигает дом добродетелей! Горе юношеским друг другу улыбкам безбородых или и бородатых, потому что оне в одно мгновение низвергают нас в дольнейшия страны страстей! Горе насыщению чрева и вдоволь спанию, потому что они пораждают и множат злоплодныя семена похотения! Горе сдружающимся два — два, заводящим тайныя вместе — сидения и беседы, и особенно дерзающим при сем открывать друг другу срамныя помыслы, будто для взаимной пользы и пользования, потому что посреде их не Христос, а сатана! Но оградите себя страхом Божиим, и паче и паче возвышайтесь в небесном восхождении своем.

60.

1) Встаньте и взыщите исцеления у всеврача Господа. — 2) Жизнь наша высока, — Ангельская, а мы плотяны и земны; потому, для успеха в жизни от нас требуется большой подвиг. [1,69].

1) Возстаньте и, исправясь, теките путем вашим добре. Кто дремлет в нерадении, пробудись к

радению. У кого руки опустились и ноги храмлют на обе плесне, начни право ходить по стезям заповедей Господних. Кто слепотствует в страстных помышлениях, омой зраки очей своих в купели слез и, прозрев безстрастием, славь Господа. Кто, как прокаженный, покрыт струпями греховными, тепле приступи к Господу, и услышишь: хошу, очистишься (Мф. 8, 3), и очистившись, берегись прочее этой проказы. Кто глух душею и слеп умом, взыщи слышания и глаголения, — и обретешь: ибо всех, кои худы по внутреннему человеку, весть исцелять божественное Слово. Такую речь обращаю я к вам ради немощных из вас: ибо не требуют здравии врача, но болящии (Мф. 9, 12).

2) Чин жизни нашей, великий и преславный, не кое-как приходит в совершенство, а многими потами и подвигами; но сколько он высок, божествен и Ангелоподражателен, настолько требует трудов и усилий, так как мы, плотяны будучи, безплотным уподобиться ищем, в мире суще, как на небесах жизнь проводить ревнуем, с плотию и кровию связанными безплотно и безкровно нудим себя жительствовать: ибо, по Апостолу, плоть и кровь царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует (1 Кор. 15, 50). Почему много нам надо иметь твердости, много внимания и усиленного тщания: плоть бо, похотствует на духа, дух же на плоть; сия же друг другу противятся, Апостольски сказать (Гал. 5, 17). Смотрите же, не дадим лучшему в нас подчинену быть худшему, и того, что должно быть господственно в нас, не поработим раболепным страстям плоти, чтоб не оказаться ходящими на голове, держа ноги кверху.

61.

1) Преполовление Великаго поста; потрудились, видим плоды: милость Божия; возблагодарив устремимся далее. — 2) Бог и Ангелы и все святые смотрят на бег наш; потщимся, препобеждая препоны и зря горе. [1, 69].

1) Благодать Святаго Духа добре довела нас до среды честныя четыредесятницы в крепости и доблестности немалой. Верую, что она и в предняя будет шествовать нам и до самага животворнаго и светодательнаго дня Воскресения доведет нас, в оставление грехов и в вьшшее улучшение добрейшаго вашего преуспения. Обратитесь вспять и посмотрите, каково некогда было состояние ваше и до чего поднялось оно теперь. Душа, однажды восприяв рвение о спасении, нечувствительно подвигается вперед в деле сем и восходит на высоту добродетелей, воспаряя в небесная. Так и мы, братия, с рвением вступив вместе в дни сии и отстранив все затруднения и препятствия, добре и право шествовали доселе и соделались другими, возлюбив благочиние и точное исполнение заповедей; из стяжаннаго прежде ничего не потеряли, новым же обогатились; и возвеселилось сердце мое, и возрадовался дух мой, что упреумножились плоды божественнаго дела вашего и лучшей части сподобилось священное рвение ваше. Все же сие, Апостольски сказать, есть ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Рим. 9, 16). Коим немощные мощны бывают, и безсильные препоясуются силою (Пс. 17, 33). Однакож не удовольствуемся одним тем, что уже достигнуто, но юношески устремимся в предняя, и да обновится, яко орля, юность наша (Пс. 102, 5), всегда да будем подвигающимися вперед и преуспевающими, не почитая чем нибудь меру стяжаннаго добра и степени, до коей достигли, пока вратами смерти не преждем от временнаго к вечному. И блаженны воистину будем мы, братия, и блаженных Ангелов удел получим.

2) Какая слава и честь, когда мы жительствоуем, как должно, по нашему образу жизни. Смотри на нас, радуется Владыка всяческих, срадуются и свеселятся святые все. Как мы телесными очами смотрим на текущих в ристалище: так Бог и весь Ангельский лик и всех святых собор смотрят на нас и

определяют достоинство делаемого нами. Будем же тещи, братия мои, будем тещи на этом великом беге по пути от земли на небо, будем препобеждать противоборца нашего, поражать, когда он покусится схватиться с нами, и далеко отбрасывать доблестною возбужденностию нашею против него. Он трус, безсилен и презренн; почему Божий брат, Иаков взывает: противитесь диаволу, и бежит от вас; приблизитесь Богу, и приблизится вам (Иак. 4, 7. 8). Не дадим себе возвратиться вспять ни в чем; ибо это несвойственно усиленно текущим. Не будем вяло выступать; ибо это неуместно спешащим одержать победу. Но обнажившись и от дел и от желаний своих, и горе к небесам устремив взор, так будем довершать течение свое, чтоб и нам можно было сказать с Павлом: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох прочее соблюдается мне венец правды (2 Тим. 4. 7).

62.

1) Положение ваше благоустроено: блюдите его. — 2) Исполняй каждый свое дело, — наипаче ты, экономе, потом и все, кои после тебя: наибольшие распоряжайтесь добре, а подчиненные слушайте охотно. — 3) Любите эпитимии и перемены послушаний. Страхования св. Феодора относительно разрешений. [1, 70].

1) Слава и благодарение Господу, собравшему нас и благоустроившему в единомыслии и единоволлии. Почему дерзаю сказать, что глава наша есть Христос, к Коему, как к Началовождю и будем все относить и все во славу Его обращать. И кто блаженнее вас, если до конца не отпадете от такого благонастроения? — Да даст же вам Господь всегда добре сообращаться между собою, паче и паче очищаться и просвещаться и непрестанно подвигаться вперед, хотя малыми приложениями доброделания. Положение ваше благоустроено: блюдите его.

2) Исполняй каждое послушание, как приказано. Внимай каждый себе и не высьтесь один над другим, соблюдая всячески и в сем благочиние. — Внимай наипаче ты, чадо экономе, лежащей на тебе заботе, с кротостию наказующе противныя (т. е. непослушных) (2 Тим. 2, 25), и ничего не делая, по пристрастию или гневу. Настой, говорит Апостол, благовременне и безвременне (2 Тим. 4, 2). Безвременне разумей в смысле: во всякое веремья; во всякое веремья будь настоятелен и бдителен. — Впрочем будь таков, как видишь меня, хотя я и скуден всем. Насколько допускаю что, допускай и ты, и что оставляю, оставляй и ты: если бью, бей; если щажу, щади; если милосердную, милосердуй; если милую, милуй; если люблю, люби, — да имаши услышать: добре рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вни ди в радость Господа твоего Мф. 25, 21). Подобно сему пусть поступает и тот, кто после тебя следует, — а далее и те, кои после него. Вот прекрасный закон, чтоб подначальные образовались по начальствуемым, и чтоб, сколько в начальствующих преизбыточествует разумное о всех попечении, столько в подначальных преизбыточествовали благопокорность, непротиворечие, смиренная послушливость и поспешное исполнение повелеваемого.

3) Любите эпитимии и пременения послушаний и рукоделий, в уверенности, что распоряжающиеся сим имеют в виду вашу пользу. — Но впадая в погрешения, по моему безсоветию и по грехам моим, не ищите у меня разрешений безвременно; я, — хотя и грешник, — блюстителъ есмь сих вязаний пред Господом, Который, в лице великаго и верховнаго Апостола Петра сказал и мне: еже аще свяжеша на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех (Мф. 16, 19). Как же я, — помилуйте меня, чада мои, — как попало, разрешу неразрешимое

и разорву связанное? Не видите ли, с каким страхом должен я делать это, чтоб всегда содействующим мне иметь божественное извинение в таковых вязаниях и разрешениях? Где же узреть нам оный свет разсуждения, чтоб наше канонисание (наложение епитимии) и осуждение делалось как бы совместно с Богом? Хотя и дерзновенно так сказать; однакож, по существу дела, так воистину должно быть и бывает. Поражаюсь страхом и покрываюсь стыдом, говоря так, и молюсь, да не разступится земля и не пожрет меня, или да не подвигнутся горы и не покроют меня. Увы мне! Увы мне! К какому делу приставлен! Ведая сие, не нудьте меня: ибо может случиться, что я разрешу, а Бог не разрешит, отвергнуши молитву мою, так как пречистое Естество не станет служить моим неразумным порывам и разрешениям, но не одобрит моего действия и даже возмет из среды живых, как Илия. Бог да удостоверит вас, братия мои, что не опечалит вас желая, говорю так, и не для того, чтоб сжать вас и стеснить властно, или пасти стадо Христово неволею и нуждею (1 Петр. 5, 2). Да не будет мне сие, Господи! Какая мне от этого была бы польза? Вся забота моя о том, чтоб всякими способами спасти вас, агнцев Христовых и овец Божиих. Ибо это положил Господь признаком любви к Нему, первым и величайшим, в Его вопрошениях к божественному Петру (Ин. 21, 15 и д.). Такие словеса слагая в сердцах своих и соблюдая их верно в созидание свое, добре теките, радуясь о Христе Иисусе, Господе нашем.

63.

1) Отпраздновав, пасху, пойдем далее в духе четырехдесятничнаго времени, чтоб не растратить стяженного, в продолжении его, а умножить. — 2) Представляя, куда течем, и чего достигнем, не будем поблажать сластолюбию, и прилепляться к красоте телесной. — 3) Столько получили мы в пасху и прежде: не разумно теперь бросаться на противное тому. — 4) Братия один за другим отходят, не останемся и мы: будем же внимать делу нашему. [1, 71]

1) Се отпраздновали мы царицу дней Св. Пасху, просветились божественными таинствами, прияли освящение Духа в союзе мира и любви духовной. Теперь опять полагаем начало входа в другие дни года. Будем же и в них изменяться добрым изменением, соделываясь лучшими паче прежняго, и ни в чем не попустим себе податься назад, безчестя подвиг и духовный труд предыдущего четырехдесятничнаго времени, но паче восхождения на восхождения положим и на прежних добродетелях надустроим другия; и добре приобретенное нами и стяжанное в благоговеинстве ли или в безмолвии, в целомудрии ли или в чистосердечии, в посте ли или в другом каком рачении, каждодневно будем, таким образом, не только пребывать в целости, но умножаться и усовершаться добрыми придатками.

2) К Богу течем мы, в Царство Небесное простираемся, в свет, в живот, в радость неизглаголанную, в сладостный оный и блаженный рай, в вечныя обители, в дивныя места славы, в Ангельския хоростояния, в ликования Святых, в пребывающее выну наследие. Не дадим же себе забыть предлежащую нам цель, не позволим себе ослабить напряжения в течении, ни увлечься неуместными помышлениями. Не будем сластолюбовать, ни миролюбовать, ни плотолюбовать, ни пленяться красотою лица, поступи, улыбки. В себя самих будем смотреть, как взывает богослов Григорий. Видите, что пострадала Ева, пленившись красотою греховнаго плода? Да не :будет нам пострадать что либо подобное! — Да и что же получаем мы от поблажки похотям и страстным влечениям? Добро бы ничего; а то, кроме разстройства внутренняго, еще стыд и срам пред Богом и людьми.

3) Ввел тебя Бог, после великих постных дней, во св. Пасху, оживотворив тебя причастием св. Тела Своего и Крови: как же ты, окаянный, дерзаешь воздавать Господу противное? как позволяешь себе обращаться вспять к делам неподобным? Не дал ли тебе Бог ума? Не создал ли Он тебя разумным? Не имеешь ли ты мысленных очей? За чем же тебе безсловесничать? Зачем не смотреть одесную на недомыслимую красоту Господню и к ней не устремляться душою своею, но к ошуйным вещам обращать зрак свой, к срамотам греха, к нечистотам скверных страстей? Будем же трезвенствовать, будем тем занимать ум, что ведет к блаженству вечному и к тому обращать намерения свои и труды.

4) Не за тем простираю я к вам непрестанно слово мое, чтобы чесать слух ваш, не с тем, чтоб только отбыть труд оглашения, или услышать треск похвалы; но за тем, что, страхом объемлясь по причине настоятельства моего, трепещу за спасение ваше. Богу живому работаем, и судилище неумытное и неподкупное готовится нам и воздаяние нескончаемое: ибо там огонь не угасает и червь не умирает (Мр. 9, 44). Посему—то и вопию к вам, и как бы к стонам вашим припадая, умоляю вас, — не допустим, чтобы последний час застал нас неготовыми, и конец жизни нашей заключило нерадение. Непрестанно видим действо таинства смерти, и пред лицом нашим, как видите переходят братия наши. Видя сие, говорите себе в помысле своем: «мы же что? не так ли и с нами будет? Останемся ли еще? И если останемся, долго ли проживем? Не ждет ли и нас могила? Не видится ли и наш гроб, — последнее ложе и покоище наше, полное червей и несносного зловония?» Ибо кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти? (Пс. 88, 49).

64.

1) Высокаго сподобились мы звания; будем радоваться, благодарить, и действовать, всякой труд ради его подъемля, и все претерпевая. — 2) Пусть лишений много; но нам предлежит жизнь вечная и царство небесное: возлюбим же сии лишения, и будем тещи воодушевленно. — 3) Смотрите на примеры св. отцев руководителей. — 4) Смотрите на примеры прославльшихся в послушании. — 5) И подражайте им, чтоб сподобиться и части их. [1, 72]

1) Радоваться должны мы, что призваны Богом и избраны для такой святой жизни, — и радоваться столько, чтоб забывать труды подвижничества и легким почитать все скорбное встречающееся на пути добродетельной жизни, в чаянии будущих наслаждений. Не воинское звание, не гражданский чин, не военачальническое достоинство, не столь желанное многим царское владычество получили мы и имеем, но гораздо большее всего этого и высшее небесное жительство, — истинное не на словах, а самым делом. Ибо если с Ним страждем, с Ним и воцаримся, говорит Апостол (Рим. 8, 14; 2 Тим. 2, 12). Такое убо получив от Бога преимущество и получив даром, а не по своему усилию, сколь должны мы радоваться и веселиться, благодарить и молиться, все делать и говорить, чтоб сохранить его и соблюсти некрадомым от многовидных, против нас направленных, наветов преисподняго миродержителя? По чему, братия мои, да будет нам, в деле исполнения лежащего на нас долга, всякая скорбность приятна и всякий труд сладок и желателен, и ради сего да приемлется нами всякое подвижническое лишение, как наслаждение, — удаление от мира, как к Богу приближение, — отчуждение от удовольствий, как причастие благ небесных, — утеснение воздержания, как пространное питание.

2) Пусть мы пьем воду и питаемся сухарями, преутруждаемся, делая своими руками, изнемогаем в помыслах, жегомы бываем искушениями плоти, раздираемы желаниями, умерщвляемы лишениями, и без друзей и приятелей, без рода, без отца и матери пребываем в жизни сей: что до того? нам

предлежит жизнь вечная, уготовляется Царство Небесное, наслаждение многими недомыслимыми благами, всеблаженное бессмертие, богатство славы и чести, и множество других великих благ, коих изобразить не может язык человеческий. Будем же тещи бодренно и усиленно; возлюбим подвиги самоотвержения, и поты доброделания, да восхитим венцы и стяжем сокровища, каких око не видело, о коих ухо не слышало, какия и на сердце человеку не восходили (1 Кор. 2, 9).

3) Нам надлежит сообразиться с жизнью древних отцев наших, идти по следам их добродетелей, возлюбить их делания и отобразить в себе образ их жизни. Таков великий началовождь наш Антоний великий, первый поборовший противоборца нашего и путь нам проложивший к подвижническим победам. Таков блаженный и равноангельный Арсений, достигший высших степеней подвижнических добродетелей и предлежащий в славу нашу. Таков священный и божественный Пахомий, именующийся праотцем нашим. Таков божественнейший Иларион, возблеставший добродетелями, на подобие зарницы, возсиявающей каждое утро. Таков благославный и всесвятый Евфимий, соименный благословию, и с ним преподобнейший Савва освященный, священнейший и равноангельнейший Феодосий и прочия светлейшия светила вселенныя.

4) Но перейдем словом и к тем, кои показали совершеннейшие образцы послушания; ибо и вышесказанные прославились, быв наперед предуготованы благодатию послушания. Увещавает нас к неразмышляющему послушанию сын Света Досифей Богоданный отец наш; подкрепляет любовь нашу к отцам руководителям Дометиан 1), Богопросвещенный отец наш; утверждает нас в терпении поношений и обид Аввакир 2), Богоизбранный отец наш; располагает нас к смиренномудрию Захария 3), всечестный отец наш; изменяет нас добрым изменением Сильван е), многоплачевный и многосмиранный отец наш; возбуждает наше к рукодельям усердие Иона 5) трудолюбивый, образец исполнения заповедей Господних. Можно ли без соревнования вспоминать боголюбие блаженнаго Петрония 6), скоропослушность божественнаго Афре 7), и св. Марка 8), простоту Павла 9) всечестнаго и всех подобных добродетели смиренныя?

[1) Препод. ученик св. Саввы. Служба в суб. сыропустную.

2) Егип. преп. 6 век. Сырн. суб.3) Егип. преп. 5 Дек. 4)Преп. Палестин Суб. сыр.5) М. б. отец

Феодора и Феофана начерт. 22 Сент. 6) Учен. Антония вел. Сыр. суб.7)Преп Нитр. Суб. сырн. 8)

Егип 5 Марта. 9) 4 Октября]

5) Но и часа не достанет, чтоб перечислить всех их. Достаточно и этих, чтоб возбудить нас к соревнованию им и к подражанию деяниям их. Станем же действовать, как действовали они, трудиться, как бы на ряду с ними и содействуемы будучи ими. И обогатимся, таким образом, подобно им делами преподобными и праведными; а затем сподобимся причастными явиться славы и венцев их, в небесном царствии Господа нашего Иисуса Христа.

65.

1) Помышляя, что претерпели Пророки, Апостолы и другие Святые Царствия ради Небеснаго, возревнуем. — 2) Чего не подъямлет иной ради плотской любви? Нам ли Господа ради не понести всего? [1, 73].

1) Не подумайте, что не велико дело достигнуть Царствия Небеснаго. Его ради, как написано, святыя все приидоша въ милотях, в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблении, в пустынях скитающесе, и в горах, и в вертепах и пропастьех земных, ихже не бе достоин весь мир (Евр. 11, 37. 38): Исаия претрен пилою; Иеремия спущен в ров тинный; Иона погружен в море и поглощен китом; Даниил

предан львам на снадение; три отрока в пещь огненную ввержены; Захария, отец Предтечи, убийством меча умер; сам Предтеча обезглавлен тоже мечем. И не достанет мне веремени, повествуя о божественном Павле, говорящем о себе, что он бывал в алчбе и жажде, в зиме и нагоде, в труде и подвиге, (2 Кор. 11, 27) и в других безчисленных лишениях, — о св. Стефане, побитом камнями, — о брате Божиим Иакове, убитом у храма. И где мне перечислить страсти прочих Апостолов, страдания св. мучеников и подвиги преподобных отцев? Им нет числа. Вот как сподобились они получить обетованные неизглаголанная блага на безконечные веки! Будем же и мы, смиренные, также подвизаться. Ибо, по божественному Василию великому, тех почести, коих и труды, и венцы — достояние победителей. Пребудем борцами, обнажимся, как всегда готовые к состязанию, воспротивоборствуем супостату; не отступим пред трудностями, не поддадимся от ударов и не обратимся вспять, Ревность, как огонь, да горит в утробах наших, и ничто, не устоит пред очами нашими, но побегут даже и бесы: ибо они, как написано, тают, как воск, от лица огня сего духовнаго (Пс. 67, 3); убоятся и люди, или, по крайней мере, устыдятся; и мы, все прешедши, взыдем туда где жизнь наша и наше успокоение неизреченное.

2) Видим нередко, как иной, объят будучи плотскою любовию, все претерпевает и всякий труд подъемлет, одно имея в виду сближение с лицом, которое зле вожделевает; ни пищею не насыщается он, ни питием не удовлетворяется, ни сном не упокоивается и ничего другого приятнаго и утешительнаго не желает, но готов бывает бедный на всякие другие труды и лишения даже до крови, если случится, — чтобы что стяжать и что усокровиществовать? — Чтоб погубить душу свою в геенне огня нескончаемаго. Нам ли, теплой ради любви нашей к доброму, прекрасному, неизреченному и превозделенному Христу, Богу нашему, не пребыть покорно под игом сего блаженнаго и святаго послушания даже до старости, перенося всякую скорбь и всякую стрелу помысла ли, или страсти, оскорбления ли, или нападков, искушения ли, или лишения, поношения ли, или презрения, унижения ли, или очернения, или чего либо другаго от таковых? — Мы, существа разумныя, и не должны прилагаться скотам несмысленным и уподобляться им. Но как начали и, шествуя доселе с успехом, достигли никоей меры, так и далее бодренно будем тещи, чтоб благоуспешно кончить путь свой в Господе.

66.

1) Богом поручены вы мне; почему ревную учить вас. — 2) Умоляю вас спасите; себя сами, и спасши себя, меня спасите. [1, 74].

1) Для меня грешнаго какое другое может быть более важным дело, как благоустроить вас, мое стадо, мою часть, мое наследие? Ибо если тот, кому царь смертный вверяет народо—правление или военачальство, об этом каждодневно и все попечение имеет, как бы, допустив что—либо неблагоугодное царю, не подпасть какому штрафу или наказанию: как же я, бедный, прияв начальство над вами, воистину воинами Христовыми, мог бы предаваться беспечности, не говорю, год или месяц, но хоть бы день и час, и не показывать всей заботы о вас и словом и делом, хотя скуден и тем и другим? Вот почему я, хоть и не достойно некако и малолепно, напоминаю, возвещаю, внушаю, настою, умоляю вас, мое сердце, мой свет, мою хвалу, достойно ходити звания вашего.

2) Сколь великую радость испытываю, когда помышляю о спасении всех вас и о великом за то мздовоздаянии, столь же великим страхом и трепетом объемлюсь, представляя, какой ответ

предлежит мне дать о каждом из вас. Помогите же мне, чада мои, и, не смотря на худость и слепоту руководителя, спаситесь, чтоб вместе с собою спасти и меня, беднаго, — снаситесь, ревнуя точно исполнять все повеленное вам и лежащее на вас: храните неразсуждающее послушание, богоподражательное смирение, крепкую веру, просветительное откровение, ровное прилежание в делах, благоговейное внимание в псалмопениях, не тяготящееся воздержание, скромность в одеянии, бездерзность, удаление от смехов и споров, нелюбие к показности и взаимную любовь.

67.

1) Любя вас, радуюсь, когда преуспеваете, и скорблю, когда вижу какое настроение. — 2) Великаго сподобились вы звания и ради его все оставили; сего ради каждый из вас имеет услышать: вниди в радость. — 3) Сколько есть желающих быть как вы, но не могут: воздайте же славу Богу и будьте исправны. [1, 75].

1) Когда нибудь должен я буду замолчать совершенным молчанием. Но пока есть дыхание в ноздрях моих, не перестану напоминать вам о достодолжном, по долгу моему, с теплою однакож любовию к вам. Вы — чада мои, по изволевнию и благодати Божией. Почему великая обемлет меня Радость, когда вижу ваше благочиние и благообразие и ваше спасительное житие. Тогда окрыляюсь я благими надеждами и хожу, как царь какой, славя Бога, и тогда ничто другое уже не веселит меня. Когда же вижу какое нестроение среди вас, тогда как гора какая налегает на душу мою, и я, как убитый, хожу поникши главою, скорбя и себя укоряя в худом настоятельстве над вами и говоря себе: от такого настоятеля может ли что добро быти, как некогда говорилось о Назарете. Пожалейте же меня, чада мои, и давайте мне всегда радоваться и славословить Бога за вас, за ваше преуспяние и благой ваш жребий.

2) В святое воистину вступили вы звание, облеклись в преподобное жителство, причислены к чину Ангельскому, вняв и последовав божественному оному гласу: аще хощеша совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим... и гряди в след Мене (Мф. 19, 21). Так распялись вы миру и уже несте от Мира. Аще бо от мира бысте были, мир убо любил бы вас; но как вы не от мира, сего ради, может быть, ненавидит вас мир, по слову Господа (Ин. 15, 19). В день оный вы имеете похвалиться, со святыми Апостолами, говоря Господу: се мы оставихом вся и в след Тебе идохом (Мф. 19, 27); и паче Тебе не возлюбили ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестр, но вся уметы быти вменили (Фил. 3, 8), большим почитая богатством стяжать Тебя единаго. — Лгу ли я? Не правду ли говорю? Не так ли вы в самом деле поступили? — Сего ради имеете услышать: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (Мф. 25, 34); или: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа своего (Мф. 25, 21), или другое сему подобное.

3) Такого великаго сподобясь блага и в такую дивную и небогражданственную вступив жизнь, не радуетесь ли вы? Не ликуете ли? Не поете ли с Давидом: что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми? (Пс. 115, 3). — Да; но приложите и следующее: — чашу спасения прииму (Тамже); а это означает готовность пролить мученически кровь, когда потребуется. — Истинно, истинно, сколько есть лиц, кои желают видеть, что вы видите, и слышать, что вы слышите, и улучшить, что вы улучили; но или ради сопряжения с женою, или детей ради, или плотскаго ради дружества, или ради славы мирской, или богатства ради, или ради житейских обычаев, или других разных установившихся порядков жизни внешней, не имеют силы оторваться от земнаго и устремиться к небесному, — и

пребывают, по внешней видимости, будто счастливыми, а, по внутреннему состоянию, обремененными многими печальми. Дадим же славу Богу и возревнуем всегда прилагать доброе к доброму и богоугодное к богоугодному, чтобы, преуспевая таким образом и совершенствуясь, пребывали мы, при взаимном мире и согласии, в добром устроении во всем до малаго слова, легкаго движения, взгляда, поступи и являлись всегда готовыми к блаженному исходу вратами смерти во блаженное наследие наше на небесах.

68.

1) Мир в суетах ничтожных; наши же цели высоки, и труды многоплодны. — 2) Кто дал нам силу отрешиться? Бог, благословив желание наше. Будем же верны избранному пути. [1, 77].

1) Слава Богу, избравшему нас от чрева матери нашей во святое звание сие и призвавшему к дивной и блаженной высоте иноческаго жития. Нам, — хотя дерзновенно сие сказать, но не чуждо целям иночества, — воистину дано разуметь тайны Царствия Небеснаго паче, нежели живущим в мире, из которых многие видя не видят, слепотствуя умом, по причине увлекающих их дел земных. Ибо что у них? Ублажают богатство и мимолетную славу, радуются утехам и удовольствиям, услаждаются мирами и благовониями, винопитием, мягкими одеждами, красивыми лошадьми, множеством рабов, великолепными домами, блеском камней драгоценных и другими разнообразными суетностями, смеются, пляшут и скачут, как козлы и козы, пресыщаются и тучнеют, как уготовляемые на заклание. Не касаюсь множества других грехопитательных обычаев их, и то, что от этого поражается и к чему это приводит, да преминет слово наше. Для них в этом — похвальба, гордость и утеха; но не для тех, кои распяли плоть свою со страстьми и похотями, каковы и мы, иже Христовы есмы, по Апостолу (Гал. 5, 24), Господа нашего Иисуса Христа слуги и чада. Другия у нас желания и к другим вещам расположение. Мы ищем утешений и сладостей, первоначально человеку назначенных в раю, которых древле лишило нас безсоветие; а для сего восприемлем образ жизни древних святых отцев, иже проидоша в милотех и в козиях кожах, ихже не бе достоин весь мир (Евр. 11, 37), удаляемся от мира прелестнаго и приступаем к Богу, горе взирая и туда устремляясь. Но от всего устремляясь, над всм владыками становимся. Таково величие нашего звания!

2) Кто же отторг нас от плоти и крови, от родителей, родных и знаемых, от родины, городов и сел и от всего, с чем сроднились с детства? Кто расположил нас отдать себя в рабы духовным отцам и игуменам и вступить в подвижнические труды в воздержании, бдении и спании на голой земле, каждодневно проходимые? Кто просветил нас и научил ни во что вменять злато и серебро, пышность и великолепие, даже самую царскую диадиму и порфиру, и почитать более достойным и более честным облекаться в эти рубищныя и многошвенныя (с заплатами) одежды, чем в блестящия хламиды? Кто дал нам силу отрешиться от всего чувственного и плотскаго, начать сообразоваться с горними чрез девство и пребывать чистыми и нерастленными подобно Ангелам? Бог даровал нам все сие за то, что мы возлюбили Его единаго и возжелали будущих благ, славы вечной, радости неизреченной, веселия непрестающаго, богатства неизживаемаго, и всего, что от века обетовано блаженным отцам нашим и уготовано для всех, Единому Богу угождать ревнующих. Но если на это мы решились, это избрали и к сему себя определили, то позаботимся всеусильно и стоять на этом, строго внимая себе, чтоб как нибудь не возвратиться вспять и в день нужный не оказаться позади мирян. Позаботимся пребыть чистыми, паче и паче утверждаться в девственности и не допускать себя до растления ни умом, ни оком, ни сердцем, ни телом.

69.

1) Надо терпеть все, что приходится встретить неприятного; и будем достойны стать в сонме страстотерпцев. — 2) Взыщите бога, довольствуясь униженным на земле состоянием, подобно снасителю. [1, 78].

1) Бодрствовать должен я о душах ваших, день и ночь пецись о вас, назидая вас и словом и делом, чтоб возвесть вас в должную меру совершенства. Но и вы не опускайте рук: ибо если я, недостойно именующийся учителем вашим, претерпеваю что либо ради вас, — то и вы тоже должны потерпеть ради меня и ради друг друга, созлопострадать и собедствовать, не как чуждое нечто для себя приемля то, не ужасаясь, не убегая и не падая духом при находящих скорбях. Мы еще не до крове противостояли греху (Евр. 12, 4), еще не прошли сквозе огонь и воду (Пс. 65, 12), как святые мученики, еще не изранены мы и не изьявлены, как каждый из преподобных и праведных. Как же похвалиться нам в будущем веке, что и мы страдали за Христа, когда не переносим мужественно и благодушно даже малых, встречающихся с нами, неприятностей: какого либо укора, пристыжения, посрамления, обезчещения, презрения, — прибавлю еще, — сухоядения, малопития, рубищнаго одеяния, труда послушания, раняго пробуждения на службу, стояния на псалмопении, исполнения наложенной епитимии. — Ей, чада мои, будем переноса переносить благодушно все трудное и неприятное, чтоб по правде петь с Давидом: терпя потерпех Господа, и за то, по милости Божией, сподобиться: и внят ми и услыша молитву мою (Пс. 39, 2). В будущем веке другие иныя плодоприношения предьявят: треблаженные мученики — кровь; преподобные отцы — величайшие свои подвиги и добродетели; а мы — смиренное претерпение сказаннаго выше. И я верно знаю, что не будем лишены части оных, как удостоверяет божественный Антоний.

2) Взыщите паче всего Бога, и жива будет душа ваша, (Пс. 68, 33). Взыщите лица Его выну, да отражается оно в чистом сердце вашем (Пс. 104, 4). Помяните чудеса Его, яже сотвори (Пс. 104, 5) в нас в прежния лета и теперь творит, умножая братство наше, питая и ничего не лишая потребнаго в настоящей жизни. И за все, что Он творит нам, воздадим Ему должное. Ищет же Он от нас не что другое, как чтоб мы боялись Его и любили Его всем сердцем и всею мыслию своею и по силе подражали Его воплощенному жительству? Низшед с небес, странником был Он на земле, чтоб и мы устранились помыслами своими от своих похотений. Послушался Он Отца, чтоб и вы безропотно слушались меня недостойнаго. Смирил Он Себя даже до смерти, чтоб и вы умудрялись тоже делать, унижая себя и смиряя в мыслях, словах, делах и движениях. — В чем истинная и божественная слава, если не в том, чтоб быть безславимым среди людей Бога ради? В чем честь и доброе имя и монаха, если не в том, чтоб его безчестили ради Бога и с безчестными вменяли? И Спаситель наш и Бог, плоть нося, смиренное и униженное избрал, чтоб посрамить славное и богатое у людей. Сего ради в вертепе раждается, в яслях полагается, сыном тектона именуется, назореем прозывается, одевается в хитон с простою накидкою, ходит пешком, утруждается, камнепобитием от Иудеев угрожается, поносим бывает, поемлется, распинается, копием прободается, во гробе полагается, — и потом воскресает, — чтоб нас подвигнуть подобно Ему переносить все пред лицом Ангелов Его, и потом увенчать нас в Царствии Небесном.

70.

Чего требует от вас Бог? Отречения от своей воли и покорности единой воле настоятеля; потому не держайте особиться от других ни в чем, даже добром. [1, 79].

Чего ищю я, или паче чего ищет и что требует от вас Владыка всех и Бог наш? Ничего другого, как чтоб вы добре покорствовали и неразмышляющее являли послушание даже до крови и отнюдь не уклонялись от того, как пред лицом св. Ангелов обещались и располагались жить и действовать. Сами знаете, что изрекали уста ваши и какие обеты давали, когда я постригал каждого из вас и облекал в одежду веселия и радования, разрешив оставшиеся неразрешенными падения ваши, в несомненной надежде, что моим смиренным разрешением здесь — долу горе разрешает их Бог. Откуда же у вас несмысленные помыслы, безразсудные суды, безсловесныя слова и неуместныя пожелания чего либо кроме заповеданнаго и установленнаго во имя Господа нашего Иисуса Христа, чрез посредство отца моего и вашего, с согласия и предшественников ваших? — Один поститься желает, как хочет, другой — безмолвствовать, как ему угодно, этот — учиться тому, что ему нравится, тот — должность занимать, какой домогается, — потом — эти планы самовольные, далее — эти предприятия особныя, — и отсюда общее разложение? За этим разве соединились вы вместе? — Еда разделися Христос? Или во имя Павлово креститесь? (1 Кор. 1, 13). — Слова сии добре приложимы к тем, кои, увлекаясь особными своими вожделениями, не смотрят и внимания не обращают на то единое, что заявляется моим смирением с полным разсмотрением дела. Не великаго чего и дивнаго ища ищет и желая желает от вас Бог, а одного того, чтоб вы соблюдали общежитие, к коему Он вас призвал — не дерзаю сказать, по моему недостоинству и многогрешности, — и того, чтоб вы жили и действовали согласно с волею и руководством даннаго вам от Него пастыря, во славу покланяемаго имени Его. Вот поприще для проявления особой вашей великости и дивности, — лучше же сказать, — мученическаго подвига честных душ ваших! — Если подвергаетесь искушению, что дивнаго? Но отнюдь не допускайте, чтоб оно возобладало над вами, в угоду диаволу, и не внимайте коварным и злым внушениям сего врага вашего и Божия, но тому одному, чтоб все терпеть до конца, богатиться смирением и преуспевать в любви, не показничать, не поднимать бровей, не первенстволобствовать, не быть суровыми, не заводить ссор и словопрений, на разорение слышащих. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшесь в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира (Еф. 6, 14. 15). — И да будет благопоспешствующ и спасающ вас Господь Бог!

71.

1) Причины греха — гордость и непослушание; и от них всякое горе: напротив от смирения и послушания — всякое благо. — 2) Вы, пришедшие к нам из знатных и богатых, не высътесь, но смиряйтесь, подражайте Господу, смирившему себя, ради нас. — 3) Емлемся и все за богоподражательную жизнь. [1, 80].

1) Блюдемся, да не заболим душею, удаляясь от причин, порождающих сии болезни и избегая таким образом зла, сопровождающаго их. Первая причина душевной болезни — гордость, по причине которой низпал денница, возсиявающая заутро; вторая — преслушание, за которое изгнан был из рая сладости первозданный; и из обеих их произошли тьмы родов и видов ненавистнаго греха. Хочет ли кто потому и любит ли наслаждаться благобытием? Будь подальше от гордости и облекись в смиренномудрие, при неразсуждающем послушании; и радость и веселие пребудут на главе твоей. Ибо сколько благ привлечет сия благая риза? — Мир, кротость, почтительность, доверие, безпрекословную уступчивость, — и все доброе, приятное и вожделенное, чем характеризуется истинный человек Божий.

2) Вы, пришедшие к нам из горделивой жизни, не мудрствуйте высоко, став смиренными в жизни по Богу, не величайтесь, что устремились к нам из знатного рода, и не велехвалитесь, что то и то было у вас прежде: ибо, может быть, вы бедны и скудны божественною благодатию. Но взирая на Христа, Господа нашего и Бога, истинно богатаго Владыки всяческих, смиренными водитесь (Рим. 12, 16) домыслами и чувствами, подражая тому, как Он поступал: Он был беден по видимости, слушался родителей, ходил пешком, часто утомлялся, укаряем противу неукоряше, стражда не прещаше (1 Петр. 2, 23), сносил ударение в ланиту, одеждами не отличался, довольствуясь одним хитоном с накидкою, спал на траве или на голой земле, один хлеб и протекающая вода удовлетворяли Его потребность пищи. Если теперь мы, имея всего этого много больше, тяготимся и изнемогаем; то какие же мы подражатели Господу?

3) Почему умоляю: емлемся мужественно за Богоподражательную жизнь. Нам же, кои из незнатной (по мирски) и не богатой доли, тяготиться и скорбеть из-за пищи, или одежды, или других потреб, когда всем этим удовлетворяемы бываем одинаково с другими, какое может быть извинение? — Да воспоминает каждый из таковых, чем был и чем стал. — Говоря впрочем сие, я ни первых, ни вторых не хочу разделять и отличать: ибо все вы — едино есте. Но того ради говорю, чтобы все равно охотно исполняли, что приказывается, и не разсуждали о распоряжениях моих, как, от чего и для чего бывает то и то.

72.

1) Как спасительны эпитимии, и другия меры исправления? Они путь в рай. — 2) Да вообще наша послушническая в общежитии жизнь спасительнее всех. [1, 81].

1) Сколь лучше здесь немного попечалиться нам, а там радоваться, здесь побыть под наказанием, а там в веселии, здесь в тесноте пожить, а там пространно?! Нам должно охотно подчиняться наказаниям и любить исправляющих нас: ибо когда уклоняемся мы от пути Божия, то не должны ли принимать спасительныя врачевства от причиненнаго тем зла? По сей-то причине, как мне кажется, святые и человеколюбивые отцы наши, движимые божественным сердоболием, употребляли то такая, то другия, строгия меры, во спасение питомцев своих: налагали эпитимии, отлучения и даже телесныя наказания, — что имея в виду? спасение не только подвергавшихся сему, но и тех, кои бывали свидетелями сего, и современные и последующие; потому что многие и из-за человеческого страха возвращаются на лучшее. Почему, если перетерпите тяжесть мою, уверяю вас пред лицом живаго Бога, что спасетесь в царстве; небесном, откуда отбеже болезнь, печаль и воздыхание; если перенесете иго подчинения, то освободитесь от греховных страстей и востечете к усыновлению Божию, — угасите жжение похоти и сподобитесь пить прохлаждающую и животворящую воду в животе вечном, — добре совершите путь послушания и получите победные венцы от всликаго Царя.

2) Так велико и славно общежитие наше. Иго его тяжело и легко, как и Христово иго, которое таково же, по слову Его. Об этом свидетельствует самое дело, сама истина показывает сие. И никто не ублажай и не называй истинным послушником ни столпника, ни затворника, ни пустытника. Я сказал истинным, потому что истинный послушник есть только тот, кто душу свою предал настоятелю и пребывает в воле его даже до крови. Улучив же такое благо, должны мы радоваться и торжествовать; ибо оно очень дивно. — Тому же, кто особно живет, нечего дивиться, хотя он и исправно живет. Будем же чтить наше жительство и блюсти искреннее послушание до смерти. На то, как другие хвалят нас или поносят, смотреть не будем. Если боимся Бога, людей бояться не станем и

их нападками побеждены не будем. Имея в виду свою высокую цель, будем теши к ней путем Господним, и Он управит течение наше.

73.

1) Тяжек и прискорбен путь; но за то ожидают утешения безмерныя: потерпим. — 2) Так терпели все отцы; и теперь утешаются забыв о том: будем подражать им. — 3) Услышал слово жесткое? Снеси; и Господь сносил, почитая себя послдним, и сие, и все другое скорбное перенесешь. [1, 82].

1) Стойте в борении, в вашем подвиге подчиненности и в мученическом послушании вашем, и день изо дня проходя веремя жизни здешней, обогащайте души ваши добродетелями, как залога Царствия Небеснаго, и сокровиществуите себе обетованныя нам неизреченныя блага. Тесен и прискорбен путь Божий; но широко и пространно ожидающее нас упокоение. Разжженныя стрелы демонския, одне за другими падают на дом души нашей, но роса Духа, погашая их, направляет на нас воду текущую в живот вечный. Теснота и скорбь, уныние и малодушие, труд и пот, утомление и изнеможение, и при них нередко обличения и укоры. — Удел наш; но за все это радость нам неизреченная сокровиществуется и веселие безмерное. — Приидите же, претерпим мужественно сии немнгие борительные дни наши, и увенчаемся за то венцем правды.

2) Какие труды подъяли треблаженные отцы наши в постах, бдениях, слезах, молитвах и всяком злострадании проводя дни свои? А теперь никакой уже у них нет печали о прошедшем: восприяли они радование неизреченное и упокоение всеблаженное. Так и мы будем благоумно смотреть на, находящия иной раз на нас, скорби, почитая их ничтожными, или лучше как сон и тень преходящими; и не допустим себе падать от них духом, но не смотря на них с юношескою бодростию будем исполнять заповеди Господни. Да не печалит вас брань, не пристыжает поношение, не возмущает обличение, не крушит огорчение, не надымает гордость; но долу потупляя очи, горе же устремляя душу, будьте друг к другу благи, тихи, терпеливы, уступчивы.

3) Случилось, что сказал иной жесткое слово, — что из того? Зачем страдаешь от этого оскорбления? Христос и Бог наш услышал: беса имаши (Ин. 7, 20), — и промолчал; укорен был, что о вельзевуле изгонит бесов (Мф. 12, 24), — и не смутился. А мы, и по естеству ничтожные, и по жизни всякаго укора достойные, при мало–мало оскорбительном слове щетинимся, как ежи. Почему не вкушаем паче сладости смиренномудрия? Почему не научаемся опытом добраго подчинения? Почему не беремся при сем за оружия истинных монахов? Оружия же сии — не чистописание, не сладкопение, не белоручество, не высота роста, не нарядность, не изнеженность, не величавое выступание по мирски, не велеречивость, не смелая речь и противоотвечание, или другое что, подобное сему; но то, чтоб в чувстве иметь себя последним, и всех почитать высшими себя, чтоб не быть скору на слова, особенно жесткия, — не быть легкомысленну, но осмотрительну, чтоб за тем, что смиренно, как говорится, гнаться, и тем, что смиренно, водиться, быть сговорчивым, любительным, наипаче же независтливым. — Вы впрочем все знаете, как наученные Богом, и угодное Богу всегда творите. Пребудьте же таковыми, всем будьте довольны, всегда искренно радостны, окрыляясь единым упованием звания нашего.

74.

1) Когда царь зовет на вечерю, все спешат. Нас позвал царь небесный; как не спешить, все перенося: не будем же малодушествовать, а бодро бороться со всем. — 2) Припоминай все, претерпенное Господом в жизни на земле; и радуйся, если что подобное придется тебе потерпеть. [1, 83].

1) Если люди, царем призываемые к славе, благоденствию, богатству, утехам и удовольствиям, стремятся к сему неленостно, всеусердно и радостно: не тем ли паче мы, призываемые Богом всяческих и Царем не к указанным тленным и ничтожным вещам, но к Царствию Небесному, к свету непрестающему, к жизни нескончаемой, к блаженству неизреченному, к всыновлению и наследию вечных благ, должны с радостью и неутомимым рвением, ежедневно и ежечасно, теши на глас сей и стремиться, по указанию его, преодолевая все преграды, ничего не утрашаясь и ни пред чем не останавливаясь, ни пред скорбию и теснотою, ни пред гладом и жаждою, ни пред смертными опасностями и мечем, но мужественно, бодренно и вседушно шествуя подвижническим путем и все перенося, как легкое, ради предлежащего нам всеблаженного упования. Падать духом и малодушествовать пред подвигами случается от того, что душа заснула. Почему умоляю вас, взирая на конец совершения дела вашего, воодушевляйтесь терпеливо переживать подчиненное трудническое положение свое, проявляя и доблести его: отречение от своих желаний, скоропослушное действие, молчаливое перенесение скорбных столкновений в многочисленном братстве, и иной раз поношения низших и выговоров высших, — чтоб и к вам по истине могли быть приложимы Апостольския слова: до нынешняго часа и алчем, и жаждем, и паготуем, покоя не знаем, изнемогаем; но во всех сих препобеждаем, за возлюбльшаго нас Бога (1 Кор. 4, 11; см. Рим. 8, 34).

2) Возмогайте же о Господе и в державе крепости Его (Еф. 6, 10), и к прежним вашим подвигам и перенесениям искушений приложите настоящие и будущие, за великую радость почитая, что сподобились благоохотно потерпеть сие за Христа Спасителя и соделаться подражателями страстей Его: в чем одном разумеющие дело должны видеть величайшее себе воздаяние. Вспомните, сколько Он пострадал за нас? Не младенчествовал ли по плоти? Не убежал ли от убийственного лукавства Иродова? Не подчинялся ли родителям? Двенадцати лет не обличал ли собравшихся в храме, не учившись? — Это сделал Он для не проходивших наук, чтоб не скорбели. Не ходил ли пешком, не утомлялся ли, не искал ли пищи на смоковнице? Не был ли поносим Евреями? Не слышал ли: беса имаши, и: о веельзевуле, князе бесовском изгоняет бесов? Не хотели-ль забросать Его камнями, и Он укрылся от их? И прежде этого во веремя сорокодневнаго поста не был ли Он искушаем от диавола, как человек? И после того, — не умыл ли ноги ученикам, я ко служай? Не был ли предан предателем? Не был ли схвачен Иудеями? Не был ли осмеян Анною и Каиафою? Не был ли ударен в ланиту рукою слуги? Не был ли бичеван руками тех, коих создал? Не был ли увенчан терновым венцем на поругание? Не взошел ли на крест? Не были-ль пригвождены гвоздьми святыя руки и ноги Его? Не слышал ли Он много поносительных слов на кресте? Не прободены ли были копьем ребра Его? Не был ли в жажду напоен желчию? Не был ли погребен, и, как Бог, не воскрес ли в третей день? — Мы же можем ли о себе сказать, что пострадали что либо подобное? Покажи мне брате, избичеван ли хребет твой, как у Христа твоего? Видны ли удары на ланитах твоих? Уши твои были-ль поражены безчисленными осмеяниями, поношениями и поруганиями? Все члены твои освящены ли страданиями? — Конечно, ничего такого нет у тебя. Принимай же, по крайней мере, благодушно и с любовию встречаемая тобою малыя прискорбности, и человеколюбец Господь, по безмерной благодати Своей, прославит тебя за то в паки-бытие. Делай так ради схимы своей: ибо схима ничто иное есть, как обет потерпеть крест и смерть, Господа ради.

75.

1) Видя плоды добраго, по нашему чину, жития, строже держитесь его: и соделаетесь селением бога

триипостаснаго. — 2) Словом писания руководясь, будьте во всем исправны и богоугодны, удаляясь от всего укорнаго. [1. 84].

1) Смотрите, в какое состояние возвело вас ваше единомыслие и единосердечие, и то, что вы по немногу нудили себя на всякое добро? И каких плодов не принесло вам это? — Отсюда мир и тишина, отсюда искреннее друг другу доверие и единение неразрывное, отсюда печаль спасительная и исповедание благоприятное, отсюда сокрушение глубокое и смирение с тем соразмерное, отсюда братская любовь и отцелюбивое расположение. Во всем, говоря Апостольским словом, представите себе чисти быти в подобающих вещах (2 Кор. 7, 11). Благословен Господь, яко посети и сотвори избавление людем Своим (Лк. 1,68): ибо вы люди Его, и люди избранные;- и Он воздвиже рог спасения вам (Лк. 1, 69), чрез новостыжанное благонастроение ваше. В том для вас радость и веселие, честь и добрая слава, премудрость, разумность и ведение совершенное, чтоб иметь жизнь похвальную и чистую пред лицом Бога: о чем и никто из внешних (ибо их суждения иной раз приложимы к нашему быту) говорит: „того называю я мудрым, кто ведет не запятнанную и безукоризненную жизнь, хотя бы он не знал грамоте и не умел рассуждать о том, чем любят заниматься греки». — Если и тем, у коих все дело в том только, чтоб говорить и слышать, так это кажется; нам ли придумывать что-либо другое, кроме установленного святыми? Умудритесь же бояться и трепетать Господа Бога и соблюдать заповеди Его; и благодать явит вас избранными Ею сосудами на всякое дело благое уготованными (2 Тим. 2, 21). Ибо где вселение Отца и Сына и Святаго Духа, ради чистоты душевной, там какого нет добра, какой нет мудрости, какого горения духа, какого вразумления, назидания и руководства? А где этого нет, там одни холодныя слова, одна показность и себя выставление, а нередко прелесть и заблуждение, и всегда бесполезность.

2) Внимайте чтению, и слово Писания да не испадет из вас долу (да не забудется). Удержите язык свой от зла, особенно вы, юнейшие, не привыкшие обуздывать сей язык, непостоянный, исполненный яда смертоноснаго, от котораго мы в большом числе падаем всегда в грехи. Да не будет у вас лукавых соседаний; да не будет два из вас сдружающихся на одно что лукавно и по Иудейски; да не будет у вас лжесловесия и укрывательства, по Ананиевски и Сапфировски; да не будет у вас скрытных замыслов и козней злых, по фарисейски и саддукейски; да не будет у вас: мое, твое, исполненное безчисленных зол, как вопиет св. Златоуст. Древняя мимоидоша, се быша вся нова (2 Кор. 5, 17). Почему о древнем (о прежней жизни) будем вспоминать сами в себе только для того, чтобы избегать тех же страстей, а не за тем, чтоб возжигать друг в друге огонь помыслов. Надеюсь и вас лучших быти и придерживающихся спасения (Евр. 6, 9). Может быть, для того и впали мы в то, что было прежде, чтобы, как от пучины и бури, и от многих треволнений, устремиться в мирное наше и тихое пристанище, и не любить более пускаться в опасное среди волн плавание, но неволненно безмолвствовать в смиренной пристани сей о Христе Иисусе Господе нашем.

76.

1) Кто свято живет, у того всегда праздник. Хотите ли сего? Будьте ревностны о богоугождении, и все терпите за него. — 2) Помните, зачем мы вышли из мира, и то имейте целию; особенно блюдите чистоту, удаляясь общения с тем, кто погршает против сего. [1, 85].

1) Кто свято живет, у того всегда праздник, тот никогда не перестает празднично проводить дни, будучи всегда просвещаем, очищаем, возводим горе, всегда Богоносным и обоженным. Хотите ли быть таковыми, — будьте, прошу и молю вас, самодвижны, самоохотны, самовозбудительны на

всякое добро и всякое угождение Богу, возводя очи свои к созерцанию благ вечных, и для сего приемля приемлите, подъемля подъемлите, и перенося переносите все встречаемое: скорби, тесноты, насилия, нужды, досаждения, злословия, труды, поты, и все другое подобное, чтоб обрести, чего желаем, и улучшить то, для чего вышли из мира. О, как блаженно, отцы мои, жить право, целесообразно, уверенно! И сколь преподобно проводить дни в сокрушении, смирении и благоговеинстве, готовясь к исходу, к сретению страшного Судии всех Бога и ответу пред Ним!

2) Арсение, чего ради вышел ты из мира? говорил обыкновенно сей преподобный в спасительное себе напоминание. Ведая да ведаем и мы, для чего вышли из мира и к достижению того да напрягаемся всеусильно, украшая жизнь свою красотой добродетелей, и готовя души свои в невесты Владыке — Богу чрез соблюдение благолепия пресветлаго девства, и сохранение себя чистыми, непорочными и неоскверненными: ибо мы храмами Божиими именуемся; а кто храм Божий растлит, растлит того Бог, говорит Писание (1 Кор. 3, 17). Сего—то ради я плачу и рыдаю о неких, что как они не искусиша имети Бога в разуме, спасительном, то Он предаде их в неискусен ум творити неподобная (Рим. 1, 28). Щажду же сказать, что и вы возгордесте, и не паче плакасте, да изменится от среды вас содеявый дело сие (1 Кор. 5, 2). От сего нападает небрежность, а далее и тождестрастие: ибо вы не отвращаетесь от него, как должно. Вы сходитесь с ним и смеетесь вместе, уподобляясь тому, о ком обличительно говорить Пророк: аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси (Пс. 49, 18). Не гневайтесь впрочем на меня за такое обличение: ибо горе мне, если я не стану обличать вас и стоять пред вами за праведное действие; горе и вам, если не будете устраняться от худо живущих..

77.

1) Многоволненна жизнь; но во 1—х молитесь, чтобы кормчий ваш был бодрен и мудр; потом веселите себя упованием достигнуть благаго конца. — 2) Слышу, что у вас много речей бывает из—за малостей, — по недостатку смирения. — 3) Свв. Дорофей, Досифей, Акакий и другие, молча, смиренно все принимали и были покойны. — 4) Нас тревожат свои желания, и неудовлетворение их беспокоит: ибо забыли о воздаянии за отречение от них. — 5) Многие у нас болевают: терпите болящие, и больничники потрудитесь смиренно. Смотрите, чтоб не было беспорядков при приеме врача. И по выздоровлении не оставайтесь праздными, — и не вольничайте. [1, 86].

1) Еще и еще пребудьте благодушны, потерпите, помужайтесь, перенося находящая напасти невидимая и видимая, от демонов и людей. Кто не видит, как многоборительна жизнь ваша? Кто не засвидетельствует, как многоскорбен путь ваш? Отсюда каждодневно возстают на вас брани, оттуда поражают мучительныя беды, то столкновения с братьями, то по исполнению послушаний неприятности и непрестанные толчки, со всех сторон натиски, как по пучине носимы бываем, преплывая это великое и многобедственное море мира, подняв парус надежды и направляясь к небесам. Но молитесь во первых, чтобы ваш правчий, божественную силу и отеческими молитвами, всегда отверстыми имел очи своего ума, и видя видел, и бодрствуя бодрствовал как добре править кораблем вашим и верою направлять его к пристанищу живота, потом радуйтесь и веселитесь, что, с такими трудами проплывая море жизни сей, вы наследуете жизнь вечную. Ни за что не должны вы позволять себе колебаться, останавливаться или задержанными быть чем, но благодушно, живо, усиленно выступать, проходить и браться за все, чем можно попрасть древняго змия — диавола и исполнить заповеди Господни. Юн ты и в новоначалии состоишь? Восприими

смирение и послушание и держись их, чтобы, по добром начале, мало—по—малу востечь и к совершенству. Долго уже носишь схиму? Дай признать себя таковым по превосходству добродетели, а не по летам.

2) Говорю это я вам, потому что слышу, что у вас бывают пустоболтания и споры, смуты, раздражения и неистовства, брани, ругательства и раздоры, хотя и не у всех. Спрашиваю вас, братия, откуда это? От каких причин породилось это? Ни от чего другого, думаю, как от недостатка смирения. Молю убо вас словами Апостола: не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте (1 Кор. 14, 20), не болтайте попусту без всякой пользы, и желая поставить на своем, не риторствуйте и не буетсловьте, изнася то и то, и разная выставляя причины. Кто, вопрошает Пророк, есть человек хотяй живот, любяй дни видети благи! И сам же отвечает: удержи язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати лъсти: уклонися от зла, и сотвори благо, взыщи мира и пожени и (Пс. 33, 13–15).

3) От чего видел дни благи и безмятежную проводил жизнь св. Дорофей? От чего тем же наслаждались дивный Досифей, приснопамятный Акакий и весь таковых собор? Или, — да не сочтено будет сие дерзостию, — от чего некоторые и из нашего братства, — из теперь еще живых и из преставльшихся прожили здесь блаженно без смятений и тревог? Но от этого ли? — Не от того ли, что всякий из них считал себя за ничто, и готовь был покаряться каждому и во всяком деле.

4) Мне же, — чтоб не сказать: вам, — тщеславие, своя воля и сластолюбие не дают ни жить покойно, ни мирствовать, ни в простоте и незлобии проходить немногие дни века сего. Итак, кто тревожится и тяготится, себя пусть укоряет, а не ближняго. Кто хочет право шествовать и мирствовать, пусть не настаивает на своих желаниях, — и — прекратятся печали, умолкнут споры, и звери дикие, по Иову, будут мирны с ним. Кроме того, ведайте и верьте, что за ношение одежды, какой не хотим, за починенную обувь, за мантию нежеланную, за перемену послушания, за претерпение брани, за снесение клеветы, за то и это из сих малых вещей предлежит вам Царствие Небесное. Будем же подвизаться, сколько сил есть, будем подвизаться угодить Господу! И блажен, кто служение свое так держит, совершает и исполняет, как бы Бог назирал его.

5) Ныне веремья у нас болезненное, и многие из братий заболели. Мужайся больничник; пришло для тебя веремья делания; не упустит случая собрать побольше воздаяний за упокоение болящих, паче злата и камней многоценных. Вы же болящие соберите плоды терпения, не требуйте больше того, что дается, чтоб вместе с плотию не заболеть и душею. — И для чего вы еще так невежливы, что, когда приходит врач, все бежите к нему, все спрашиваете, все показываете члены свои, называете болезни? — Не стыдно вам пред мирским человеком? Пожалуй, в другой раз, он совсем не придет сюда. Потому—то особенно я понуждаюсь заметить вам это и поправить вас. Зачем не соблюдаете вы порядка? Можете порядку все сказать о себе и своей болезни, в случай же нужды можете передать чрез больничника или его помощника. А это безчиние — только зло. Не так, дети мои; и вперед чтоб этого не было. — Опять, не берите также болезни в повод быть без дела, и по выздоровлении не ходите туда и сюда попусту, и невоздержны не будьте, чтоб не заболеть опять, отягощая собою здоровых. Но и вы, здравствующие, Господа ради и любви ради братской, терпеливо послужите и понесите немощи немощных.

78.

1) Как при приближении арабов всячески заботимся, как бы не попасть им в руки так будем блюстись от мысленных врагов, облекшись в оружия духовныя. — 2) Не будем поддаваться, но

мужественно бороться и достигнем мира безстрастия. [1, 87].

1) В нынешнее время страх наводят на нас Арабы, — которые нападают внезапно и не имущества только расхищают, но пленяют и людей; а которых не забирают, тех безжалостно истребляют убивая мужей и жен, старых и малых. Но если осмотримся внимательно, то увидим, что и мы не менее страшным нападениям и тиранствам подвергаемся, только не от людей, а от демонов. Непрестанную они ведут с нами и ожесточенную войну, не знающую ни покоя, ни определенного времени: одного поражают стрелою греха, другого вяжут узами страстей и отводят в плен в мысленный египет; у того каждый член душевный и телесный наполняют ядом похотений греховных; у этого похищают семя спасительного слова Божия и томят его голодом; и разнообразны делают сии хищники и тираны наругания над нами и истязания. — Блажен между вами такой воин Христов, который, вооружась духовным мечем веры, поражает, а не поражается, наносит раны, а не получает их, берет, а не отводится в плен. Но воодушевимся и все мы, и подняв оружия воинствования нашего не плотския, а духовныя, будем побороть борющихся нас, держась в строю и помогая взаимно друг другу. Никто не оставайся без брони, которою, по Апостолу, служить добрая вера; никто не будь без щита, который есть смирение; никто без меча, который есть божественная молитва; никто без шлема, который есть послушание; никто без душевного коня, который есть живая готовность на всякое доброе дело; никто и без прочаго вооружения, коим охраняется внутренний наш человек. Не допустим врагов наносить нам раны, поражать нас и повергать к ногам своим. Крепкий во бранех Господь, оружием креста поразивший начала и власти миродержителя века сего, дал нам власть наступать на змию и скорпию и на всю силу вражию (Лк. 10,19).

2) Смотрите же, не будьте продерзны; ибо те, которые пускаются в продерзость, бывают поражаемы как копьем, — и умирают. Смотрите, не действуйте по страстям, ибо, действующие по страстям, умирают вечною смертию. Также не вращайте в уме лукавых помыслов, — ибо таковые попадают в плен; не впадайте в преслушание, ибо преслушливые обнажают себя для стрел врага; не гордитесь, потому что чрез гордость вы находитесь под мечем греха; не лепитесь и не оставляйте псалмопения и рукодельнаго труда, потому что, делая так, предаете себя в руки диавола; особенно это бывает, если скрытно действуете худо, а вне являетесь иными некими, нежели каковы вы внутри. Про все такое говорит Апостол: блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукавы суть (Еф. 5, 16). Поелику мы уже устарели, то должны иметь и достаточную воинскую опытность; а, научившийся воевать, не боится врагов. Почему прошу и молю вас, честное воинство Господа, священный Его народ, избранных Его борцов, не будем робеть и поддаваться. Но если получили раны, исцелим их покаянием; если закланы, оживимся посредством слез и эпитимий; если отведены в мысленный Вавилон, освободимся чрез причащение честнаго Тела Господа нашего Иисуса Христа. Если таким образом пребудем терпеливо в борении, то брань мало—по—малу отстранится, враги убежат, мир безстрасия возсияет в нас, и мы наречемся Сынами Божиими: ибо говорит: блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся (Мф. 5, 9). 79.

1) Время бежит: надо внимать, как вы и делаете, особенно заботясь о смирении и кротости, Христу подражая. — 2) Ангелы и святые смотрят; стыдно не жить как должно: что хотя и трудно, но готовить воздаяние великое. — 3) И рай и ад пред нами: что кто изберет, то и получит. — 4) Кто действует по страстям, того дело — дрова и сено; будет он вечно гореть не сгорая. [2, 1].

1) Время бежит, увлекая нас к концу настоящей жизни. Но кто есть разумеваый сие и взыскуый — не иждит времени в жизни равнодушной к делу спасения, по коварству козней диавольских? Кто шествует, внимая себе, не поддаваясь беспечности, но в каждодневном приготовлении к смерти, всякое дело свое, духовное и телесное, представляя пред лице Вседержителя Бога? Кто, взяв око души своей горе в небеса и рассматривая красоты тамошних видений, всю любовь свою переносит к вожделению тамошняго, паря вместе с горными силами, и ни во что вменя всякия тяжелья неприятности, но благодушно перенося и поношение, и унижение, и злострадание, — алчбу и жажду, холод и зной, и вращаясь в среде братства, как камень честное, по написанному? — Из вас впрочем я вижу не одного или двух, но многих, кои с искреннею верою и рвением ищут достодолжнаго, и притом внимательны к внушениям, послушны, сносливы, откровенны, доверчивы и верны, не смотря на то, что не получили научнаго образования, и не восполняли сего ущербом ни многочтением, ни размышлением, ни заучиванием на память; одно же только имеют, что наипаче и требуется, и чем уподобляют они себя Христу, именно — смирение и кротость, — внимая слову Господа: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29). Призрите же вниманием вашим на свет и истину, на правоту и кротость, смирение и благодать. Удерживайте себя, прошу вас, от всякаго раздражения и негодования. Сынове человечести, взывает св. Давид, доколе, тяжкосердии? Вскую любите суету и ищите лжи? (Пс. 4, 3). Доколе, поносит враг, и раздражит противный? (Пс. 73, 10).

2) Простите мне, стыжусь Ангелов Святых, потому что они видят, что у нас, как хранители наши; стыжусь святых и прендобных отцев, коих образ жизни мы взяли на себя и жизнь которых проводим. Будем же, братие, преподобное совершать преподобно и святое исполнять свято. Не будьте, прошу вас, жестокосерды, непокорливы и противоречивы; не будьте грубы в словах, гневливы и велеречивы; не будьте насмешниками, клеветниками и поносителями; не будьте многоречивы, смехотворны и дерзостны. Будьте Боголюбивы, а не блудолюбивы, молчаливы, а не празднословливы; довольны будьте бедным одеянием, и не любите щеголять; долу очи, горе же ум имейте; осматривайтесь кругом, чтоб как нибудь не уранила вас стрела греха, по небрежности вашей. Чтоже из этого потом? — Вместо трудов покой уготовится, вместо подвигов — венцы, вместо поношений — честь и слава, вместо унижений — благохваления, вместо пронзений — радостныя приветствия, вместо рабства — власть над десятью городами, вместо лишения родителей и родных — наследие и сонаследие Господа нашего Иисуса Христа, за отсечение своей воли — с первомучеником Стефаном водворение; и то верременно, текуче и как тень переходяще, а это вечно, безсмертно и конца неимуше.

3) Если желаете улучшить Царствие Небесное, если желаете вкусить жизни вечной, если желаете получить всыновление, если желаете быть обитателями Рая, если желаете в лоне Авраама упокоиться, если желаете допущены быть в нерукотворенный невестник, или другое что подобное получить, все сие возможно для вас, доступно, подручно и готово. — Но если желаете и противоположной сему части — огня не скончаемаго, червя не усыпающаго, пламени геенскаго, скрежета, части козлиц, участи проклятых, — и это все встретите, — чего однако да не будет с вами! Но не не будет, если не будем жить хорошо, если не стяжем благонастроения, не установимся в своем чине. Кто таков, тот стяжевает и душу свою, стяжевает и братьев своих, и меня беднаго. Добре действующий и Богочестно шествующий честен пред лицем Господа, честно слово его и лице его; блажен он и блаженную оставит по себе память.

4) Какую пользу приносить жестокосердому жестокосердие, непокоривому непокоривость, непослушливому непослушание, гордому гордость? Не сокровиществует ли он себе гнева в день гнева и откровения праведного суда Божия? И не уподобляется ли дело его дровам, сену и тростию, и не исполнится ли на нем: егоже дело сгорит, отщелтится: сам же спасется, такожде якоже из огня? (1 Кор. 3, 12. 15). То есть, в будущем веке он будет телесно адским огнем жегом; душою же будет терзаться и раздираться сердцем, безмерно и безконечно, взирая на славу Святых, вожделеваяся и лишенным себя оной видя на вечные веки. Да не постигнет кого либо и из вас такая часть и такое состояние! Почему, пока еще мы здесь будем очищать себя огнем страха Божия, чтоб не испытать будущего пламени.

80.

1) Хвалю послушливость вашу: и пребудьте таковы; и раздаятели потреб и послушаний, — и получатели их действуйте богобоязненно. — 2) Богатитесь делами милости, подражая Богу, не гордясь, если успеем, что сделать, и не унывая, если не успеем. [2, 2].

1) Смотрите, как вы возрастаете, как возвышаетесь, как совершенствуетесь, какие плоды приносите Богу и нам, и как благоустрояясь в добром жительстве вашем, послушанием стяживаете души ваши. Во смирении своем вы возвысили рог жития вашего, в послушании вашем показали свидетельство совести вашей, что без лукавства и лицемерия проходите послушание. И всегда пребудьте таковыми. — Когда назначается, например, один на одну, другой на другую потребу, да совершается сие, прошу, ни пристрастно, ни враждебно, ни небрежно; но как пред лицом Бога всевидящего, один пусть дает назначение, а другой приемлет благоразумно, добросовестно, и достохвально, чтоб услышать в день оный: добре,, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего (Мф. 25, 21). Такого гласа, простите мне, недостойны те, которые не Богобоязненно, а пристрастно, или выдают потребное братиям, — одежду, обувь, — или раздают послушания; но вот какого: проклят всяк творяй дело Божие с небрежением (Иер. 48, 10). Ибо отсюда сколько порождается зла? С одной стороны раболепство, с другой ропот и разстройство мирных отношений. Говорю сие не с тем, чтоб получающие возставали на раздающих, но чтоб вы, раздаятели, в страхе Божиим и по любви братской, наилучшим образом действовали в порученной вам части управления. Если будете так действовать, то благоустроение, мир и тишина паче и паче будут крепнуть и укореняться в достолюбезном братстве нашем.

2) Прошу и молю вас, исполните сердца ваши всякаго рода благими начинаниями, предайте себя взаимной друг к другу любви, радуйтесь о преуспейнии друг друга и скорбите о преткновении ближняго. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацыи и небеснии, говорит Апостол (1 Кор. 15, 48). Бог же небесный любит милостыню и суд (Пс. 32, 5), и милости Его исполнь вся земля (118, 64), поет св. Давид. Будем подражать Ему и мы, и ныне это совершим, завтра же простремся к другому чему, причем ни от неуспешности не будем малодушествовать, ни успехом тщеславиться. Но за последнее возблагодарим Господа: ибо сие есть ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Рим.9, 16); при первом же потерпим, и будет нам: ибо Господь уверяет, что всяк ищай обретает и, толкующему отверзется (Мф. 7, 8). Таким образом, день ото дня будете вы совершать спасение душ ваших, восходя все к высшему и высшему. Ныне — время купли истинной, не гибнущей, — веремья бега (состязания), но духовнаго, — обогащения веремья, но благами вечными. Блажен текущий; трблажен терпящий; всеблажен огонь огнем вожделения Бога и любовию к Нему

возжигающий в себе каждодневно.

81.

1) Страшнее меча возстание страсти будем внимать, ограждая себя заповедями и вооружаясь отвращением ко греху. — 2) Ныне один, завтра другой демон возстает: всех надо отражать именем Господа и нуждением себя на добро; и не малодушествуйте, когда налагают епитимию. [2, 4].

1) Пусть мечи на меня оттачивают, пусть раны налагают, пусть изгоняют, пусть смертно угрожают; не боюсь я этого столько, сколько боюсь поднимающегося в смиренной душе моей диавольскаго нападения, когда, царствующий в теле моем, грех, как воинство какое вооруженное, высылает против добродетели множество неистовых страстей. Тогда страшна мне стрела сласти греховной, которая не плоть, а сердце уязвляет; тогда страшна мне кровь, которая не на землю изливается, а на душу от невидимаго меча. Вот чего я боюсь и вот пред чем трепещу. Будем же внимать себе, братия мои, и смотреть, как бы не вторгся в град души нашей какой либо наветник, или помысл гордый, или сласть греха, — хищница, или непослушание возмутительное, или самочиние губительное, или ожестечение нераскаянное, или упорство несклонимое, или самооправдание неубедимое, или другое что, могущее возмутить душу. Но, как окопами какими, оградим себя божественными заповедями; и будем всегда целы и безонасны. Если же случится когда какому либо такому хищнику войти; то как только заметим его, поскорее схватим его, свяжем и отбросим подальше куданибудь от себя.

Вооружимся наипаче против страстей, восприяв недоступность сердца и крепость духа, чтоб, когда будем боримы, не падать, но отражать и далеко отбрасывать, возстающих на нас, невидимых врагов.

2) Ныне такой демон борет, завтра нападет другой, а там еще иной какой, — блуда например, чревоугодия, высокоумия, гордости, продерзости, самочиния и других безчисленных страстей. Против всех должны мы выступать, со всеми воевать и всех поражать, именем Господа нашего Иисуса Христа, имеющаго украсить нас венцем победы в день воздаяния. Блажен, брате, слышащий сие, разумеющий и соблюдающий, прибавлю, и нудящий себя каждодневно к мысленной брани. Ибо нужно есть дело спасения, и царство небесное только нудящие себя восхищают. Почему не должно вам дивиться, когда случится вам быть в искушении; потому что оно бывает с вами для испытания вас и обучения брани. Не малодушествуйте, когда вразумляют, обличают, налагают епитимию и, если нужно, отлучают; но благодушны будьте, бодренны, и с большим рвением беритесь за дело; ибо в этом ваше спасение, в этом — преуспеяние, в этом — мученичество, за это венцы.

82.

1) Брат ушел. от чего? Себе не внимал и помыслам прельстительным поддался; еслиб внимал себе, псаломския внушения вразумили бы его; и воля не тверда была. — 2) Воины царя земного из-за земных выгод верными ему бывают: нам ли не пребывать верными Царю небесному царства ради небеснаго? Будем же таковы, подражая отцам. [2, 5].

1) Внушал я вам внимать себе против наветов вражеских. Ныне укажу на худой плод невнимания себе: бедный брат Аввакум убежал от нас. Конечно, это потому, что не внимал себе и не имел мысленнаго охранения себя. Не верные Богу и благочестные помыслы, могшие воевать за него, держал он, но прельстительные, Бога и правду его закрывающие от души; почему и пострадал, что пострадал: сам себя отлучил из среды нас и пошел в след диавола. И где он теперь блуждает, как овца зверохищная, без руководства и пасения? — Как может он теперь воспевать хвалу Богу, от Коего отпал нарушением своих обетов? Как может он петь: блажен муж, иже не иде на совет

нечестивых, вступив на такой путь? Или как может он говорить: сей покой мой во век века, zde вселюся, яко изволих и (Пс. 131, 14)? И слова: терпя потерпех Господа и внят ми и услыша молитву мою (Пс. 39, 2), далеки от него. Более приличными себе найдет он следующие псаломския слова: прокляти уклоняющиеся от заповедей Твоих (Пс. 118, 21). Проклят он и есть и будет, если Господь Бог, молитвами отца моего и вашего, с содействием и ваших, не приведет его к обращению. Но зачем так бывает с нами? Зачем сатана находит нас подручными себе и похищает? Зачем позволяем мы себе быть не пригвожденными страхом Божиим, и не оболченными в броня любви ко Христу Богу нашему? Зачем попускаем мы быть преодоленными своими похотями и оказываться таким образом хладными, прелюбодейчищами, неустойчивыми и, скажу прямо, — бесплодными? Где вера к отцам? Где любовь к братьям? И как вам спастись от чувственных и мысленных искушений, когда чуть коснулись вас прискорбности, вы совсем изнемогаете и, еще не вступив на попрание состязания, обращаетесь вспять?

2) Видите ли воинов царя земнаго, — как они хранят верность свою к нему, дерутся за него и кровь свою проливают? И это из-за чего? — Чтоб получить какие нибудь почести или чины. Не таковы наши подвиги. Они — ради единого вечнаго и невидимаго Царя всяческих, Бога, — и не из-за чего либо земнаго, но для получения Царствия Небеснаго, чтоб соделаться сонаследниками Христа — Господа, чтоб вкушать то, чего око не видало, о чем ухо не слыхало, что и на сердце человеку не всходило. И однакож мы не все и не всегда остаемся Ему верными; нас можно смануть, прельстить и увлечь. Но нам ли не трезвенствовать? Нам ли не крепиться? Нам ли не стоять до крови? Не слыше ли наше рождение? Не сыны ли мы Света? Как же нам не являть себя чадами послушания? Как не показывать, что мы семья святое? Как не пленять всякое помышление в послушание Христово? Как не простираться превыше мирских мудрований? Как не умирать за Христа, хотя бы не раз в день надлежало умереть за Него? — Ей, чада мои! Будем сынами силы, воинами Христовыми, истинно Божиим народом, хором Ангельским, полком непоколебимым, по примеру св. отцев наших и тех блаженных, кои жили под руководством их, да имеем сатану под ногами нашими попираемым и поругаемым, как имели его Сильван святой, Досифей преподобный, Захарий приснопамятный, и все всех преподобных питомцы. Ибо прославлен не один Досифей, не один Сильван, не один Захарий, но и все верные ученики их и последователи бывают причастными славы их. Будем и мы, умоляю вас, как они. Не дадим одолеть себя наветам вражеским, не убоимся страха их, не допустим умертвить себя смертию греховною; но все остальные дни и часы жизни нашей проживем, благоугождая Господу Богу нашему.

83.

1) Ничто да не отлучает нас от любви Божией; но пребудем в подвигах и добродетелях, пока достигнем в меру Христову. — 2) Отрекшись от мира, великое сделали мы дело; непосрамим же начинания сего нерадением и себе угождением, подражая отцам. [2, 6].

1) Когда народная какая случается беда, и все в смятении, нам денноночно надлежит припадать к Богу, со слезами и воздыханиями моля Его преложить гнев на милость, и возстановить мир в мире, имиже весть судьбами Его неизследимая премудрость, — не оставляя однакож при сем и своего духовнаго делания, но в его пользу обращая и то, чем нас коснется общее бедствие. Ибо любящим Бога, как сказал Апостол, вся поспешествуют во благое (Рим. 8, 28); так что ни настоящая беда, ни другая какая более страшная, или, выражаясь Апостольским словом, ни смерть, ни живот, ни

Ангели, ни Начала, ни Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая
возможен нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем (Рим. 8, 38. 39).
Посему к Богу возносясь и на отложенныя там блага воззревая, будем совершать предлежащий нам
подвиг с радостью, твердостью и рвением, ни унынием не разслабляясь, ни от поста не изнемогая,
ни бдением не утомляясь, ни за молитвою не скучая, ни от трудов в исполнении других заповедей не
цепenea; но ко всему этому теча и спеша, как на праздник какой и веселие, или лучше, как к свету,
как к Самому Богу; и взыдем таким образом от силы в силу в исполнении заповедей, и от славы в
славу в украшении себя добродетелями, все более и более богатясь божественными совершенствами,
дондеже достигнем вси в соединение веры, в меру возраста исполнения Господа нашего Иисуса
Христа (Еф. 4, 13), для Котораго мы миру распялись, а мир распялся нам (Гал. 6, 14), для Котораго
мы все оставили и все вменили уметы, да Его единого приобретаем (Фил. 3, 8).

2) Видите, чада мои, каковое и коликое дело совершили мы убежав от мира и отрекшись от всего
житейскаго, от родства и родины, от родителей, братьев и сестр, от городов и домов и от всего
вообще, чем утешается плоть и кровь? — Не посраим же такого дела своего разлением,
небрежностью и невниманием; а это будет, если начнем исполнять пожелания плоти и действовать
по страстям душевным. Не таковы были святые и преподобные Отцы наши, оставившие нам
примеры Богоподражательнаго смирения, не разсуждающаго послушания, искренней веры,
отвращения к миру, любовь к Богу, дивных подвигов и преподобных дел. Им будем подражать и мы,
нудя себя шествовать по следам их, да сподобимся и части их.

84.

1) Кто не тако нечестивии? Все, дурно живущие; особенно же недовольные скудным содержанием
монастырским, в противность обетам. — 2) Надо довольствоваться предлагаемым на трапезе, всякое
утешение почитая умалением вечнаго утешения, как я сам всегда чувствую. — 3) У нас трапеза не
худая; а в больнице и трапеза и все другое очень хорошо. — 4) Прибавлю: сами ничего не принесли в
обитель, а подай то и то; между тем ни к чему почти не способны, другие же получше вас всячески
трудятся, и терпят. праведен гнев Божий на вас. [2, 7].

1) Делайте не брашно гиблющее, говорит Господь, но брашно, пребывающее в живот вечный (Ин. 6,
27), т. е. исполняйте заповеди, в законе Господни поучаясь день и ночь, чтобы быть вам, как древо,
насажденное при исходящих вод, по слову божественнаго Давида; и плод вами дан да будет во время
свое, и лист снесения вашего да не отпадет в будущем веке. Не тако нечестивии; не тако, но яко прах,
егоже возметает ветер от лица земли (Пс. 1, 3.4). Нечестивыми же пусть будут у нас не только те, кои
неправо веруют, но и и все, преступающие заповеди Господа; в применении же к нашему чину, кто
это будут, как непослушливые, горделивые, хитроглаголивые, тщеславные, дерзостные, также
тайноядущие, ропотливые, любящие украшаться, любопытные (все высматривающие и
выпытывающие), празднолюбцы, беспечные, шепотники, своенравные, клеветливые, паче же
неблагодарные и требовательные более надлежащаго? — Они не довольствуются дарами, от Бога
даемыми (т. е. тем, что всем предлагается в обители), но оставя попечение о душе и телу поблажая,
ищут и требуют яств и питий, которых недостойны, и воюют из-за них, выставляя в извинение свое
телосложение, привычки и немощи. И хорошо было бы, когда-б они в самом деле заболели; может
быть, чрез это они избавились от наибольшей из болезней, — неблагодарности. — Как будто забыли,
окаянные, что при вступлении своем к нам обещали Богу и что исповедали пред лицом многих

свидетелей невидимых и видимых! Не в алчбе ли и жажде пребывать, не всякую ли прискорбность и тесноту, голод, гонение, муки и смерти переносить обещались? А теперь войну ведут из-за вина и яств! — Но как они наругались над обетом, так и сами поруганы будут; и как не искусились памятовать, что Бога имели зрителем и слышателем их обещаний; то боюсь, как бы Он не предал их в неискусен ум творити неподобное и пагубное (Рим. 1, 28).

2) Отрезвитесь же, кто таков; наипаче же пробудите души ваши от дремания, от небрежения о божественном, от долупреклонности, от „ни тепло, ни холодно.» Возгоритесь божественною любовию и страхом. Примите наказание и облекитесь в оружия правды. Трепещите и бойтесь, и из-за того, что предлагается на трапезе, не воюйте. Не говорю, когда бывает варево, рыба и сыр, но и когда предлагается один хлеб с промасленными овощами, разваренный боб, или другое что подобное, то и это почитайте за великое утешение. И кто из смиренномудрых не побоится при сем, помышляя, как бы и из-за такого утешения не лишиться вечных благ? О себе скажу, что считаю дорожным коштом по пути в ад всякое ястие и питье, и особенно то, которое давалось мне во время моей немощи. Поверьте мне, хотя и в безумии говорю, что еслиб не обымал меня великий страх непослушания общему отцу нашему и не обеждало ваше разсудительное слово, то я никак не переменял бы обычной меры пищеприятия до самой смерти? Только по сей причине ел и пил я разное: но, скажу и еще в безумии, делал это с болезнью сердца, стенанием и огорчением, с одной стороны по причине; недостойности моего, с другой по заботливости о вас немощствующих и по скудости в обители.

3) Впрочем, по благодати Христа Господа, у нас есть потребное: воздайте славу Богу, неблагодарные! Мы и вино пьем, и масло и рыбу вкушаем, и в больнице упокоиваемся и врачуемся, — и это не раз или два, а всякий день. — Избранный брат, приобретший опытность в лечении болезней, у нас главный больничник; при нем помощника три, четыре и пять; особый повар, особый расходчик, особый приготовитель мазей, пластырей, бинтов и корпий; и занятия там не прекращаются ни на минуту. И расходов не мало: каждый день дается рыба, которая берется или у приговоренных, трех-четырех рыболовов, или на рынке; сколько вина, — и какого — расходувано и расходуется; сколько маслин, мед, чистые хлебы, и многое другое. — За все это как не благодарить нам, неблагодарные? Как не воздать славу Богу? Как не воспеть хвалу Ему?

4) Прибавлю еще: сами мы ничего не принесли в монастырь, и от работы нашей никакой нет прибыли; а подай нам то, подай другое. — А между тем негожи бываем ни к чему, ни при вратах стоять, ни в трапезе служить. Но и того не чувствуем, безчувственные и бессмысленные, что мы, может быть, последние, и что другие, честные паче нас, братия и отцы, одни вне, другие внутри обители, то на холоде и ветре, то на жару и зное, как рабы какие, копают, пашут, обрезают виноград, моют, шьют, куют, пешие ходят по делам в город, на поля, на горы, — преутруждают и утомляются; но все терпят спокойно. — Воистину таковых есть Царствие Небесное! Ты же, о слепой, о жестокосердый, о лукавый, о отчаянный! Смотри, не услышать бы тебе в день он: связавше ему рuce и нозе, вверзите во тму крошечную (Мф. 22, 13). Горе вам! Вы небрежете о гневe Божием, видя, что Он не тотчас наказует. По истине о вас сказано: рече безумен в сердце своем, несть Бог (Пс. 52, 2). Почему? Потому что вы растлились и омерзались в начинаниях своих и несте творящи благое. Но Господь с небесе приникает на всяк день, и смотрит, кто есть разумеваый и взыскаый Его (Пс. 13, 1. 2) и таковых напишет в книге живота, а прочих пропускает. Боюсь, не пришел бы Святой Давид, не пропел бы про вас, — и не сбылось бы на вас поемое: раздели я в животе их (Пс. 16, 14).

Кого? — этих злых от добре шествующих. — Но разумеете сия, забывающий Бога, да не когда похитить, и не будет избавляяй (Пс. 49, 22). И мне неразумному простите, чада мои возлюбленные, потому что щадя вас, из любви со слезами высказал это, думая, что лучше мне ныне побичевать вас словом, нежели как подвергнуться после вечным бичеваниям, от коих да избавимся все благодатию Господа нашего Иисуса Христа.

85.

1) Горько, что еще двое ушли. — 2) Так-то нельзя полагаться ни на себя, ни на других. — 3) Мы же мало-мало что сделаем, — и уж не знать как высимся, — от чего и падаем. — 4) Внимайте же себе; а о тех молитесь. [2, 8].

1) Опять искушение, опять соблазн; опять я, бедный, в плаче и сетовании, что отторглись возлюбленные (два брата убежали), что низверглись долу высокожителствовавшие, что мнящиеся быти мудри омрачились, что понесшие великий и многолетний подвиг и пот благочестия в одно мгновение все потеряли, и сделались для меня вместо винограда тернием, вместо обвеселения огорчением, вместо ожидаемого счастья несчастьем. И не вем, что реку и что возглаголю о падении и сокрушении братий наших; разве только сесть и плакать, говоря: если сие тако есть, то кто может спасен быти, Господи.

2) Так-то нельзя хвалить мужа до самого исхода его. Так-то трудно совершителен путь спасения нашего. И кто избежит толиких обходов диавола. И кто не будет озабочен собою до самого исхода своего? Добре ведая сие святой оный отец, уже при вратах суще смерти, когда сказал ему диавол: «избег ты от меня», ответил: не знаю. Так он был опаслив за себя, что даже в этот последний час свой, казалось, не смел иметь твердой уверенности во спасении своем, не смотря на высокую меру благочестивых трудов своих.

3) А мы, если проживем пять или десять лет в монастыре и навикнем чину монастырскому, или заучим на память несколько изречений Писания, или сделаем столько и столько коленопреклонений, или помолимся подолже и попостимся, то считаем ужь себя все совершившими и начинаем высокоумствовать. По сей причине падаем яко листовие (Прит. 11. 14); сокрушаются кости наши при аде, (Пс. 140, 7), и мы прежде восторжения изсыхаем (Пс. 128, 6). Почитаем мы себя мудрыми, будучи неучами, словесными, будучи безсловесны: сами себя рукополагаем в учителя, в ревнители благочестия и верные его представители; и признаем, что в нас одних только и осталась еще истина. Потому и случился с нами такой случай; потому тьму принимаем мы за свет; потому, как из рая, изгнанниками сделались мы из двора Христова и из стада Его.

4) Внимайте убо себе, братия мои, прошу вас, и не иждивайте мало по малу добродетели вашей и вашего благоверия, чтоб не оскудеть совсем и не впасть в руки падения. Об отшедших же заблуждших помолимся всеусердно, да вразумит их Господь и да возвратит к нам.

86.

1) Утешаюсь твердостью вашею и постоянством; преуспевайте и еще, нудя себя, — и благословение Божие; будет на вас; те же, кои не таковы — не Божии. — 2) Совсм изменились мы и стали новы, в крещении, покаянии, и в нашем обете: не будем же снова созидать, что разорили, и снова к миру обращаться из коего вышли, подобно израильтянам по выходе из Египта воздыхавшим по нем; да возбудит вас к сему мое слово, и Господь да поможет вам. [2, 9].

1) Каждый день благословляю я Бога Отца моего, дающего вам силу и крепость твердо стоять в

подвижническом послушании вашем, и смиренно молюсь, да паче и паче открывает Господь мысленныя очи ваши, видеть все пути Его, в восприятие вожделения божественной любви к Нему, в усыпление всякой похоти плотской и в возвышение над властью страстей так чтоб, вы были совершенны и исполнены во всяком деле благом (Кол. 4, 12). — А это, как знаете не без напряженных усилий бывает, и не без злострадания, и не вдруг, но под тем условием, если, с великим трудом и самоизнурением, день и ночь, нудим и насилуем естество свое, и переносим все случающаяся с нами прискорбности в общежитии нашем, от людей ли то, или от демонов. Ибо кто под тяжестию сего не изнемогает, но с помощью Божию все переносит и перетерпевает: тот примет благословение от Господа и милостыню от Бога Спаса своего (Пс. 23, 5), и царствия небеснаго сподобится. Потому хорошо и блаженно нести такие страдания, быть страстоносцем Христовым и не отвращаться от таких страстей, вляясь в шуиих вещах, т. е. вдаваясь в гнев и брани, предерзость и надмение, противоречия и вражды, неподчинение и споры, огорчения и оглаголения, оклеветания, лжесловия и смехотворство. Таковые как могут быть и именоваться Христовыми? Не паче ли они суть сыны противления, чада гнева и наследники не вечных благ, а нескончаемых мучений.

2) Не Ангельский ли вам чин братия? Не свято ли житие ваше? Не Богоизбранно ли течение ваше? — Но что говорит Апостол? — Аще бо яже разорих, сия паки созидаю, преступника себе представляю (Гал. 2, 18). Совлеклись мы ветхаго человека, тлеющаго в следствие прельщения многообразнаго змия; отверглись того, что было плодом перваго горькаго вкушения и достойнаго изгнания преслушания, и чрез что вошла в мир многострадательная смерть; сложили виновность нашего в болезнях рождения, сперва в крещении водою и Духом, потом, по великому человеколюбию Божию, во втором крещении покаяния и отречения от мира, и обеты ваши у Бога написаны по свидетельствам Ангелов Святых; записаны и у меня беднаго. — Так омылись вы, освятились, разрешились от уз греха, облеклись в новаго человека, созданнаго по Богу в преподобии и правде: зачем опять бежите назад? Зачем опять возвращаетесь на свою блевотину? Зачем неуправленными являетесь в Царствие Небесное, когда, по слову Господа, возложив руку свою на рало, зрите вспять? (Лк. 9, 62)). — Свидетель Господь, что говорю сие, любя вас, щадя, мучась болезненно. Что говорит Писание в Ветхом Завете об Израильтянах? Что они обратились сердцем своим в Египет, так как вспоминали о луке, мясе и котлах Египетских и о своей там бедной жизни (Исх. 16, 3). Так и мы обратились к миру и к тому, что в мире, и что там делали прежде, делаем теперь здесь. — Увы мне! Как это мы, которым надлежало бы быть равными Ангелам, не являемся равными даже мирянам благочестивым, когда по нерадению мало по малу доходим и до настоящих падений? — Да будет же, умоляю вас, мое смиренное к вам поучение для непадших утверждением, для падших врачевством, для нерадивых устрашением, для ревностных поощрением, для унывающих возбуждением, для боримых помощью, и вообще — всем вся, да спасетесь (1 Кор. 9, 22). Ибо ради вас и слово и дыхание; сам же по себе я и безсловесен и даже не человек. Бог же и Отец Господа нашего Иисуса Христа и погрешительное наше да исправит, и исправное да утвердит, и недостающее да восполнит; и как вывел Он нас из мирскаго Египта и провел чрез греховную пустыню, да. переведет и чрез лукавое море страстей, разсекши оное и изсушив, и сделав проходным для нас путь добродетели; и как нарек, да наречет и еще родом своим избранным и языком святым (1 Петр. 2, 9); и да вселит нас в благовую землю добродетелей, паче же чрез смерть в страну кротких.

87.

Отрекшись от мира, и опять к нему воззревая, — и неразумно и пагубно поступаете вы: отрезвитесь же, прошу. [2, 10].

Как люди разумные, оставив для Бога все, — и родных и братьев, и мир и все что в мире, — и взяв на себя легкое иго Христово, зачем осуечаетесь, омиряетесь, паче же осатаняетесь делами своими?

Отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или трех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобитесь муки вы (Евр. 10, 28. 29), разрывающие завет Духа, по св. Василию, чрез нарушение послушания, и кровь завета, которою помазались в день отречения от врага и мира и сочетания со Христом, скверну возмнившие? Так ли подобает? Тако ли не возмогли вы оджого часа жизни сей (—которая такова, если сравнить ее с безконечными веками—) побдеть с Господом? Таковы—то ваши обеты, пред свидетелем Богом, с заслушанием Ангелов Святых? Это ли означали вашими руками данныя мне ножнички, как от руки Господней? Таковы—то ваши, по дей—ствию тогдашних вам внушений, слезныя, смиренныя и уничижения манования и воззрения? О, чада, чада! Как забылись вы и отступаете от прежних ваших решений? Но прошу и молю вас, чада мои, утробы мои, члены мои, отрезвитесь все, все обновитесь духом, все сочетайтесь в едином мудровании, в единой надежде, в едином сердце, вы со мною, я с вами, пред лицом Господа, и станем так жить и так шествовать, чтоб стяжать Царствие Небесное.

88.

1) Радуюсь, что вы благоустроились; но это не мое дело, а дар Божий; радуюсь же я, потому что мы едино с вами: Господь да хранет вас, и да поможет вам преуспевать. — 2) Предпочли мы худшему и ничтожному лучшее и многоценное: не будем же унывать. — 3) Венцы мученические впереди: будем мужаться; перенесем иго послушания, и измождения плоти, взирая на почести Вышняго звания. [2, 11].

1) Добро есть не скрывать благодеяния Божия, но возвещать о нем, когда требует веремя, чтоб чрез то мы делались еще более ревностными в деле своем. Вижу такое благодеяние на вас. Ибо вы, благодатию Христовою, чрез частыя поучения и напоминания все о том же и о том же деле нашем, и чрез каждодневныя, так сказать, уговаривания, вступили на путь преуспевания духовнаго, с добрым благонастроением и Боголюбивым рвением. Что я говорю истину, об этом и вы свидетельствуете сами собою, свидетельствую и я, получив облегчение в притрудных болезнованиях о вас, и после многих забот, как в тихое пристанище, вступив в безмятежие благочиния вашего, и душевно радуясь тому. По истине не ложно слово, что всяко наказание в настоящее веремя не мнится радость быти, но печаль последи же плод мирен воздает правды (Евр. 12, 11) тем, кои были под таким обучением. Но это плод не моего действованья, не моего попечения и болезнованья, но дар Божий при вашем рвении и отческой помощи. И чтоже я неключимый, входя в чужие труды, веселюсь и радуюсь? То, что мы всецело одно есмы, вы во мне, и я в вас, и особныя дела обоих обоим вменяются. Господь же, страшный в силе и державный в крепости, отныне и впредь, и мне да дарует быть ревностным и сильным к достодолжному изследованию, изысканию и изъяснению святых заповедей, и вас храня да хранет в подчинении неразрывном в послушании нелицемерном и в вере непреложной, являя вас все более и более добродетельными, более и более ревностными и готовыми мужественно и со рвением ко всякому духовному подвигу — к перенесению скорби и тесноты, алчбы и жажды, к подъятию всякаго труда и к перетерпению всего тягостнаго и прискорбнаго, да явьясь непобедимыми

восприимете венцы терпения в день воздаяния праведного Судии.

2) Воистину добра купля ваша, ибо оставив тленное, вы получили нетленное, лишившись родителей, Отцем стяжали Господа; от братий отчуждившись, сожителями стали иметь Святых; вы род избран, царское священство (1 Петр. 2, 9); вместо породившаго и воспитавшаго вас отечества, отечеством вашим соделался вышний град, коего художник и содетель есть Бог (Евр. 11, 10); вместо дома непрочнаго и разрушимаго — у вас теперь скинии преподобных и праведных, вместо славы тщетной и чести гибнущей — Божественное и равноангельское достоинство, вместо довольства и счастья вещественнаго — наслаждение благами вечными, вместо подчиненности и отсечения своих желаний — ликование с мучениками, вместо уединения и безроднаго странничества — ближайшее родство со всеми Святými. Что же нам унывать? Что падать духом и печалиться? Да взывает каждый с божественным Давидом: вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповеся Ему (Пс. 41, 12). Аще бо с Ним страждем в подвижничестве, с Ним и воцаримся (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2, 12).

3) Венцы мученичества и здесь стяжеваются; и образ жительства киновийнаго справедливо называется поприщем борений. Как потому блажен послушливый? Как дивен исповедник (все о себе открывающий)? Как преподобен терпеливый? Как Богоблажен верный и неизменный в исполнении заповедей? Почему не будем отвращаться и уклоняться от начатаго, не будем разстроиваться в установленных порядках, не дадим себе обратиться вспять, или остановиться, не дадим своего хребта врагам нашим, о своинники, о сшественники, о споборники! Не будем щадить плоти: кратко веремя, маловременна жизнь; хотя бы до семидесяти или осмидесяти лет протянулась жизнь, это ничто в сравнении с бесконечными веками. Предпошлем овол, и получим тмы золотых; предпошлем момент веремени, и стяжем бесконечные веки; перенесем часовой труд, и получим бесконечное упокоеие; поплачем, чтоб вечно радоваться блаженным радованием; порыдаем любви ради Христовой, чтоб ликовать в нескончаемых веселиях. Так взирая на почести вышняго звания, подвизайтесь, радуясь, подвигом добрым, пока достигнете веремени скончания вашего, и перейдете из сей жизни в вечную, о Христе Иисусе, Господе нашем.

89.

1) Вняв званию Божию, подобно Аврааму, оставили вы все: не тужите же, но надеждою воодушевляясь, переносите все: впереди венцы. — 2) Не делайте ничего неподобающего, — и не воруйте: что ни с чем не сообразно, и не останется без наказания. — 3) Мясопуст: не делайте Богом чрево, но паче преисполняйтесь добродетелями. [2, 12].

1) Что сказать мне достойное вас, чад Божиих, повинующихся слову Евангельскому и оставивших весь мир, и взявших на себя великое сие, блаженное и превозделнное дело послушания? — Но утешающий смиренных Бог, да утешит и вас присещением Духа Святаго, да направит верно теши путем заповедей Своих, и да соделает наследниками Царствия Своего. Ей, братия мои! какое доброе совершили вы дело, какое мудрое приняли решение, когда, быв позваны Богом, вышли вы, по примеру праотца Авраама, из земли своей, от рода своего, из дома отца своего, и пришли в сие место подвижничества, которое показал вам и дойти до коего поруководил вас Сам Господь? Вы победили плотския мудрования и стали выше их. Ради Бога не дали вы ни родственной любви удержатъ себя, ни привычной жизни остановить, ни праотческому наследству связать, ни другому чему положить вам препону. Почему блаженны вы и преблаженны. Не унывайте же, не тужите, и не падайте духом.

Но надеждою отложенных вам благ воспаряя выше настоящих прискорбностей и подвижнических теснот, веселяся и радуясь, совершайте путь свой, и в терпении мужественно и бодренно переживайте дни за днями, недели за неделями, месяцы за месяцами и годы за годами. — И что же наконец? — Венцем славы нетленным украшены будете, когда Господь призовет небо и землю судить народ Свой.

2) Не предавайтесь лени, не дремите, не будьте теплохладны, не бранитесь, не ссорьтесь, не злословьте, не празднословьте, не чревоугодничайте, — приложу нечто слуха недостойное, — и только для неких, — не воруйте. — Начавший красть орехи дойдет и до большего, и привыкший похищать писала (перья писчих), потянется и за одежду. — Так у нас бывают воровства — одежды, поясов, обуви и другого кое-чего. Хорошо ли это? Это ли рабы Христовы? Это ли чуждые мира? Это ли не земного, но небесного ищущие наследия? Это ли именуемые святыми и благословенными, и почетные поклоны принимающие от людей? Таково-то ваше тщание, ваше преуспеяние, ваше совершенствование? — Это впрочем далеко не общий грех; и не дивитесь, если я от похвал перехожу к укорам: для одних одно, а для других другое произносится слово. — И это если и было, то от-ныне да не будет, — прошу, молю, повелеваю, угрожаю. Если кто после сего внушения сделает что такое, чужд да будет Церкви Христовой, если раскаянием и исповедием не умилоstit Бога. Но и пред сим кривший не иначе уврачеваться может, как признанием и обнаружением своего греха. Как некогда похищение и скрытие некоторых вещей довело Ахара до Побийения его камнями (Иис. Нав. 7, 21. 25): так плененного сею страстию и не признающего побьют камни невидимые; посему да возстанет падший и да живет о Господе.

3) Вот и мясопуст. Не обращайтесь же мыслей своих к тому, чем иной раз осуждались, и не уподобляйтесь тем, кои питают себя, будто на день заклания. Кто чреву поработен, для того чрево — Бог и слава в стуже, его (Фил. 3, 19). Возьми когонибудь из таких и посмотри, каков он по душе и телу. — Это ли желательно, скажи мне? Это ли достойно подражания? — Конечно нет; напротив достойно всякого отвращения и презрения. Ты же, довольствуйся скромным удовлетворением потребности питания, без мяса и вина. Не тело заботься наполнять, а душу преисполнять плодами Духа Святого — миром, любовью, надеждою, верою, молитвою, псалмопением, стихословием, послушанием, смирением, бдением, ранним пробуждением, незлобием, простотою, чистыми помышлениями, сокрушением, очистительными слезами, — и это да будет у тебя всегдашним заговением.

90.

1) Как на мне долг — всегда воодушевлять вас на брань: так на вас — всегда стоять во всеоружии духовном и бороться. — 2) Жаловаться, что борьба долго длится, не уместно; приводятся примеры борцов и советуется мужаться. — 3) Не страшитесь привидений: небоязненность и молитва — лучшие средства против них. [2, 13].

1) Неотложно необходимо мне всегда простирать слово утешения и увещания к вам, трудящимся до утомления в деле Божием, в вашем блаженном и многотрудном послушании. Еслиб ваш подвиг и ваше брение с обходами супостата пресекалось в какое либо определенное время; пресекалось бы и мое вам утешение и увещание. Но как те никогда не престают и ни днем ни ночью не дают покоя, то, по всей справедливости, и на мне лежит долг соразмерно с тем привносить в души и утешение, и возбуждение, и обнадежение, придавая вам силы, бодренности и рвения к истреблению невидимых

против вас ополчений. Воину, как знаете, всегда должно действовать по воински, и строго держаться всего, что требуется сим званием. Почему и вам, истинным воинам Христовым, должно всегда смотреть, в порядке ли оружия ваши, имеет ли каждый из вас меч послушания, броню веры, шлем упования спасения, щит смирения, лук молитвы, и все другое, потребное в воинствовании нашем духовном. Не так прекрасно и изумления достойно видеть плотского воина в своем всеоружии, сколько воина Христова, имеющего все сказанное. Посему, чада мои, вооружайтесь, ограждайтесь, стройтесь, воюйте, и побеждайте борющего вас диавола, и не дивитесь ничему случающемуся с вами, ни тому, что удары получаете и устреления, ни тому, что поскользаетесь и падаете; только скорее вставайте.

2) Иные досадуют, изумляются, или даже в отчаяние впадают, что их тиранит или срамная похоть, или серчание, или хула, или зависть, или переменчивость, или другое что подобное. Я же напротив удивляюсь им самим. Скажи мне, брате, или так без трудов и бедствований, без борений и побед ожидаешь ты получить себе венцы? — Но говорит: „я имею уже столько и столько лет, сколько раз говел, исповедался и причащался, показал то и то, преизобиловал слезами и воздыханиями, был полезен и братиям, жившим со мною, в немощи их.» Увы какая мудрость?! Скажи—ка ты мне, сколько лет имеешь в брани? три, пять, десять? Но блаженная Амма Сарра сорок лет доблестно боролась с демоном блуда, и мужественно перенесла сие. Смеею помянуть об Авве Пахоме, и о том, что сам себя обнажил в Церкви, и о другом, кого подкрепил Авва Аполлос. Да и зачем мне приводить безчисленные примеры, с какими подвигами и борениями искренние борцы выходили победителями, один так, другой иначе, но нигде огорчения, нигде малодушия, нигде потери мужества, пока не возмогали в немощах своих, мановением свыше отрывая нападки вражеския. Мы же, малодушные малодушно, безпечно и необученно говорим и делаем. — Я напоминаю об этом для того, чтоб возникнуть нам от упадка духа и стать бодренно и неподвижно, в уповании на Бога, поя каждый в себе: аще ополчится на мя полк, но убоится сердце мое: аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю (Пс. 26, 3).

3) Не бойтесь страхований и страшилищ, какая иногда демон производит мечтательно ночью, показывая то или другое, преобразуясь и видоизменяясь, как вздумает; бывает, что он звук издает, и по имени зовет, вид льва принимает. Но ты смело уязви его небоязненностию, и увидишь, что он как прах разлетится. Если покажется он тебе высоким, равно с кровлею, и великим, обратись к молитве и, подобно великому Антонию, увидишь, как его не станет. Пусть покажется он идущим на тебя и нападающим, или жилище твое потрясающим и валящим на тебя, не страшись, и все пройдет, как самое мечтание. Случается же это с теми, кои подвергаются сему, от того что они боятся страха, где нет страха (Пс. 13, 5). Внимайте же и не устрашайтесь того, что совсем нестрашно. Пусть паче от вас устрашается наводящий страхи, силою вашею упования на Бога и молитвы к Нему.

91.

1) Весна настала: блюдитесь, советую воздерживаться от вина, не есть до сыта, и в город ходя быть осторожными, и оттуда не заносить в обитель мирских речей. — 2) Кстати замечается о ходящих в огород, и требующих овощей против правила. [2, 14]

1) Стойте твердо и неподвижно в уповании на Бога, и расторгши многосплетенныя козни диавольския, будьте выше страстей, попирая сласти и похотения плоти, девство же и чистоту ограждая и душевно и телесно. Видите, теперь время весеннее, в которое всякое одушевленное

естество подвигается к живорождению. Сообразуясь с этим надо нам устанавливать сон свой и пищу. Добро, говорит Апостол, не ясти мяс, ниже пити вина, ни о немже брат твой соблазняется (Рим. 14, 21). Говорю и я, братия мои, советовательно, а не узаконительно, честных ради душ ваших, и притом не больным из вас, а здоровым: хорошо не пить вина, особенно вам юнейшие; потому что от него возгораются страсти. Мы и без того имеем в себе волнение свойственных естеству нашему сластей, для чего вводить нам в себя еще и винных возбудителей? Вкусите и увидите, как благо воздержание от вина. Воздерживающийся от него увидит себя не носимым помыслом, не возгораемым душевно, но всегда трезвенствующим в любви к Богу и ревностным ко всему лучшему и содействующему спасению. Воздерживающийся от вина Духа Святаго носит в себе. Пиющий воду облачается в одежду умиления. — И относительно пищи тоже совтую вам, чада. Бегайте безсловеснаго пресыщения и всегдашняго насыщения вдоволь, от коих — семена блуда и содомства; но так употребляйте пищу и питье, — при всех других осторожностях, — чтоб начальствовать над сластями, а не быть у них под началом, чтоб властвовать над плотию, а не быть во власти ея. Наилучший порядок в отношениях души и тела и есть тот, чтоб низшее не насилвало высшего. Относительно выходов из обители, твердо держитесь правила — не вносить в обитель мирских бесед могущих смущать братий.

2) Узнаю, что некие из вас, заходя в огород требуют от огородника овощей, и, не получая по правилу, воют с ним. Это сатанинское дело и ему не следует быть. Таковые будут подвергаемы епитимиям. Разве недостаточно пределагаемого? Как же ты преодолеешь страстность, когда тебя побеждает овощ? Легче пера будешь, смиренный брат мой, если не укрепишь себя в помысле воздержанием. Уповаю, что как бывали и бывают из невоздержных воздержными, из страстных безстрастными, так будем и мы если не поленимся строго держать себя во всем. Господь да укрепит вас и утвердит.

92.

1) Отсечение своей воли наша первейшая добродетель. — 2) Время течет;— вот — вот смерть, а там суд, на коем одобрены будут только добрые: будем же таковы, избегая всего худого. — 3) Неразумие ропота, что дети воспитываются в монастыре. [2,15].

1) В Царство Небесное путей много и один путь: один, потому что, одна сущи, добродетель исполняется и в дело приходит разными добрыми делами. Воспримем сию единую, всемогущую: и один да течет путем Богоподражательнаго послушания, — путем бозпрепятственным и непресекаемым; другой — путем Христоноснаго смирения, — путем гладким и кратчайшим; тот же и другой да лобызает отсечение своей воли, как жертву непорочную. Кто есть человек, хотяй живот, любяй дни видети благи? спрошу и я с Пророком, — и отвечу: тот, кто истинно отсекает волю свою. Сей есть, иже поживет и не узрит смерти (Пс. 88, 49) падения, избавляя душу свою из руки адовы. Сей есть сын Света, имеющий душу, очищенную от всякой страстности: ибо он с корнем исторгает всякую страсть. Откуда у нас огорчения, неприятности, брани, споры, завидования? Не от того ли, что домогаемся стоять на своем, и защищать свои решения и пожелания? Да, так есть воистину. И нет другаго способа — избавить нас от козней диавола, кроме этого отсечения своей воли.

2) Дни за днями текут, приходят и отходят; как поток речной спешит вперед жизнь наша и приближается к смерти. Блаженны вы, что ничтожным и временным стяжеваете себе вечное и небесное. И придет день, когда возсядет Бог на престоле славы Своея с предстоянием Ему Святых

Ангелов, призовет вас и вчинит в селении праведных. — Но каких? послушливых, покорных, благоговейных, добротолубивых, чистых сердцем, сокрушенных, плачелубивых, трудолюбивых, отцелубивых, братолубивых, безмолвьелубивых, молитволубивых, — и всякое другое Божественное делание усердно проходящих. Есть между вами такие, которые не одною, а многими добродетелями преукрашены; и таковые красны добротою паче сынов человеческих, сияя многими благодатными дарами Духа. Не дадим же себе приближаться к безобразным и тлетворным срамотам греховным; но бегая да бежим прочь от пагубной дерзости, злаго друг друга обозревания, разнузданных улыбаний, сатанинских роптаний, злобных огорчений, — принимая все добросердечно — пищу, питье, одежду, послушание — какия бы то ни было. Это и есть добрый для вас подвиг, это и есть свидетельство добросовестности вашей, это и есть ваше в воинствовании духовном преспеяние, и это наконец ваше венценошение.

3) Слышу, что некие неразумные, видя детей, воспитывающихся у нас, говорят: „вот от чего имеем мы погибнуть! вот от чего разорение монастырей!“ — Какое безумие? Это ничто иное, как осуждение самого Господа, Который говорит: оставите детей приходи ко Мне: тацех бо есть царствие Божие (Мр. 10, 14). Не был ли младенцем Христос? Не отдоен ли Он был млеком? Не был ли дитятем? Не был ли отроком двоюнадесяти лет? (Лк. 2, 42). Не был ли мужем совершенным яко лет тридесяти, начиная чудодействовать? (Лк. 3, 23). Зачем же безсловеснствует сей, и почему на себя самого паче не жалуется, что пагуба его от него самаго? — Такие — премудрее и разумнее игумена, текут путем, который деснее деснаго, и спорят, что любят Бога паче, а не сколько должно, блуждая между тем вне определенных правил. — Приложу впрочем: если никого нет, кто говорил так, пусть слово сие пройдет, как порыв ветра, и я никого не буду обличать; если же есть, пусть исправит себя, да не впадет в сеть диавольскую. Святой старец оный что сказал? «Что повелит мне дитя, то приму как бы Сын Господа моего повелел мне.» — Или вы неразумее, что читаете?! — 93.

1) В добре подвизаетесь во всем; велик труд, но воздаяние больше; преуспевайте же паче и паче. —

2) Много вам искушений; но не малодушествуйте: Господь близь. Держите также в памяти будущее упокоение, и никогда не потеряете мужества. [2, 16].

1) По слову Господа: в терпении вашем стяжите души ваша (Лк. 21, 19); переносите вы труд и зной подвижнической жизни вашей без малодушия, и в законе Господни поучаетесь день и ночь, да будете яко древо насажденное при исходищах вод (Пс. 1, 3). Много у вас трудов, но даров Божиих больше, много потов, но стяжание вечно. Знаю, что подвизаетесь, всячески нудите себя, мученически живете, копьем прободаемы бываете, распинаетесь отсечениями своих хотений; но радуйтесь, потому что вам готовится Царствие Небесное, — блаженное безсмертие, всыновление, сонаследие Христу, благоживотие, блаженство, радование, покой конца не имеющий. Когда такия и толикия блага предлежат, кто может унывать? Кто может останавливаться пред каким либо трудом и подвигом, пока чрез смерть не перейдет к уповаемому? — Зная, что недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явится нам (Рим. 8, 18), не понесли ли и вы — и зной похотения, и тяготу уныния, и утомление от трудов, и гладь воздержания, и во всем другом тесноту и скудость; так что можете сказать с Апостолом: Тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вменихомся, яко овцы заколения? (Рим. 8, 36). Вы не страшитесь демонских мечтаний и похотных возстаний, преуспевая и восходя на высоту добродетели. — Но слово о сем нужно не для одних разлзняющихся,

колеблющихся и развояющихся, а и для вас, к утверждению и намащению вас, да добре совершите свое течение благочестия. Приидите же все, страх к страху приложим, и будем друг к другу благи, тихи, любительны, покорны, радушны, не завистливы, не притязательны, не горды, не тщеславны, не смутительны, не ропотливы, имеющими основанием добраго вашего жития терпение.

2) Много каждодневно бывает у вас прискорбностей, — не отрицаю, но не для спасения ли это вашего, не для наследования ли вечных благ? Если же для этого труд и утомление, усилие и течение, пот и глад, теснота и стенание, смятение помыслов и волны искушений, невидимыми врагами нагоняемых на нас на море жизни сей; то отнюдь не попустим себе возмолodusествовать, или устрашиться, или впасть в безнадежие. Христос с нами; Он простирает руку, скажет морю сему: молчи, престани (Мр. 4, 39), и будет тишина велия. Только и мы понапряжемся еще и еще тещи, еще и еще спешить, еще и еще подвигаться вперед. И я уверен добре, что успешно совершим плавание, спасемся от бед и благополучно войдем в пристань Царствия Небеснаго. А там, — отбеже болезнь, печаль и въздыхание (Ис. 35, 10). — Что же блаженнее такого дела и толикаго труда, из коего возсиявает свет, жизнь, радость, мир, утешение и упокоение безмерное? Кто с такою верою и таким упованием течет путем добродетели, тот никогда не изнемогает, не останавливается и обращается вспять, ни по причине подъемлемой уже тяготы и скорби, ни по причине предстоящей еще, хотя бы то была смерть, прободение ребр и пролитие крови. От сего мученики предавали себя на мучения, и претерпевали всякие виды терзаний; от сего преподобные взыскивали преподобие, и поднимали всякий труд подвижнический; от сего и я приглашаю вас и убеждаю вступить в подвиг, чтоб и увенчаться, за блаженное подчинение ваше и мученическое послушание. Ей, умоляю вас, не допустим себя лишенными быть неизреченных оных и недомыслимых благ, наименования сынами и наследниками Царствия Небеснаго, радостей невестника Христова, стояния одесную, где все Святые в безмерном веселии, ликуя ликуют, наслаждаясь наслаждаются неописанными оными божественными благами.

94.

1) Зачем пришли мы в обитель, знаете: не допускайте же ничего противнаго тому. Вы так и делаете; но не допустите, чтоб напрасно пропали труды ваши. — 2) Я пекусь о вас и указываю вам лучшее: зачем же вы самовольно придумываете себе подвиги, — вериги, пустынь? не на добро это. Наше общежитие самое есть пригодное для подвижничества. — 3) Кто хочет выше быть других, старайся всех превзойти в подвижнических добродетелях, и телесных и душевных, преуспеть в коих нигде так не удобно, как в общежитии. — 4) Перечисляется, в каких добродетелях есть преуспевающие в обители; и ревнители приглашаются подражать им. [2, 17].

1) Зачем пришли мы сюда, вышедши из мира и отчуждившись от родителей, родственников и друзей по плоти, городов, родины, сел и домов? Не за тем ли, чтобы спасти души свои? Не за тем ли, чтоб сподобиться отпущения грехов, прежде содеянных? Не за тем ли, чтоб благоугодить Богу? Не за тем ли, чтоб стяжать вечныя блага? Не за тем ли, чтоб пожить ангельски, соревнуя безплотным умам, святым и треблаженным отцам нашим? — Как же после сего делать нам противное тому. Вместо плакания смеяться, вместо сокрушения веселиться, вместо благоговеинства нечествовать, вместо молитвы суетиться, вместо покоя кружиться, вместо безмолвия хлопотать, вместо очищения загрязняться, вместо тихости дерзкими бывать, вместо пощения предаваться невоздержности, вместо псалмопения пересуды творить, вместо послушания самовольничать, вместо смирения

превозноситься? Так, противоборец наш обыкновенно увлекает забывающих обеты свои на несообразныя с ними дела. Но вы добре ведаете, зачем собрались здесь и ревнуя ревнуете о достижении целей своих: и грехи свои очищаете, и освящаетесь. Прошу же вас, чада, и молю, не допустите, чтоб оказался тщетным труд ваш. — Как и сколько терпите вы? Сколько постились и поститесь? Сколько усердствовали и усердствуете к бдению? Сколько перенесли и переносите поношений, оскорблений и лишений? И вообще сколько уже совершили и совершаете в благоустроении жизни своей? — Не допустите же охлаждению и какомунибудь минутному услаждению погубить эти многоплодныя и многожеланныя делания ваши; но к прежним трудам приложите новые, чтоб добре совершив течение сей жизни краткой, благонадежно вступить в тихую пристань жизни нескончаемой.

2) Весть Господь, как забочусь я об успокоении каждого из вас, и душу свою располагаю сообразно с тем, каково вам: с скорбящими скорблю, с изнемогающими изнемогаю, яко немощный душою, с малодушествующими малодушествую, с борющимися борюсь, с бедствующими бедствую, с искушаемыми разжизаюсь. Если так, то почему мешаєте вы мне в этом и не сообразуетесь с тем, что вам приказывают, а противетесь и приводите свои желания, или лучше, свои зловередныя похотения, и свои горделивыя воли, в противность закону послушания и общежительному строю жизни, изобретаете, по своенравию какие-то свои новыя правила, и доказываете, что оне-то и суть самыя святыя и божественныя, — тогда как это нечестивства и беззаконства? Одни по самовластию, или паче по повелению диавола, скрытно, без моего ведома веригами облагаются и других к тому же располагают, при содействии им в этом грехе диавола; другие восхваляют пустынную жизнь, покаяясь диаволу, хотящему сделать их пустыми; иные то и то выдумывают и предлагают, по внушению конечно душегубительнаго супостата нашего, — чего и обнаруживать не хочу. Зачем это делается, не обращая внимания на свое настоящее жительство, целесообразное, богоугодное и спасительное? — Кто из преподобных делал так? Если же и делал кто, то решался на это вследствие какого либо указания свыше, или по благословению духовнаго отца своего. Вы же, не очистившись еще от прежних грехов, или и очистившись, но не умиротворившись еще внутри и не вкусив сладости различения вещей, слепотствуя безсоветием и самоволием, несетесь на это, как шар по стремнине, толкнуты будучи туда прельщением змия. Не так, чада мои, отнюдь не так следует. Но верьте, что для вас мудрейшее из премудрых, святейшее из святейших и благотворнейшее из благотворных дел есть пребывать в том звании, в кое призвал вас Господь, в общежитии, под руководством отца, в сообществе с братьями, в сем богопасомом питомнике духовном. Исходящий из него уловляется зверем; а водворяющийся в нем приемлет отличительныя его свойства — единомушие, единомыслие, споборничество, сотрудничество, спострадание, прославление Бога. И не следует вам придумывать ничего, чем бы особиться от других.

3) Кто желает превзойти других в добродетели, да повергает себя таковой в помышлении своем ниже всех, никому да не противоречит, да не обретается лезть в устах его и ропотливость; да будет он косен на гнев, скор же на послушание, и еще скорейш на то, чтоб говорить: прости, при встрече упорства в слове; да будет светло радостен лицом, по причине внутренняго его благонастроения и молитвеннаго к Богу обращения, очи долу преклоняя, ум же к Богу устремляя; да воздерживается всегда от смеха, не простираясь далее кроткой улыбки; да будет воздержен и в слове, ни единого не допуская слова гнилаго, и никакого, которое не служило бы к назиданию; да довольствуется тем, что

предлагается на общей трапезе, и того не до сыта вкушая; да довольствуется определенным временем сна, на службе—же трезвенно и бодренно да предстоит, стараясь ни одного стиха не пропустить без внимания; да полагает каждодневно начало, и даже до вечера да не простирает предела жизни своей, в готовности всегда состоя к исходу души из тела; реки слез да источает каждодневно, особенно вечером да орошает ланиты свои со стенанием, при помышлении о содеянных в нерадении делах, и разлучении души с телом в час смерти, как возмут и поведут ее Ангелы, как пройдет она мытарства демонския, и как будет давать ответ о всем содеянном в жизни, словом, делом и помышлением, где потом определено будет быть бедной душе, одесную ли стоять, в недрах Авраама упокоеваться и в невестнике Христовом блаженствовать, или отойти к козлицам и вместе с ними услышать: отыдите от Мене проклятии в огонь вечный уготованный диаволу и аггелам его (Мф. 25, 41). — Вот чем превосходить других да ревнует каждый из вас неленостно. Но успеть в этом нигде вы так не можете, как в общежитии, которое, по св. Василию Великому, есть детелище всяких добродетелей.

4) Хочу объявить добродетели некоторых из вас, не называя их, чтоб возбудить соревнование в тех, кои не живут надлежащим образом. Есть между вами такие, которые в некие дни, по искренней вере и пламенной любви к Богу, совсем не вкушают сна; есть такие делатели плача, у которых ни один день не проходит без горячих слез; есть такие, которые и не приступают к Св. Причастию, если наперед не оросятся обильно водою слез; есть такие любители чистоты, что совсем не смотрят на лица, да не повредятся; есть такие, которые потребность сна исполняют сидя; есть такие, которые вне трапезы ничего не пьют и не едят; есть такие, которые никогда не обращались ко мне с прошением одежды, или обуви, или другаго чего такого, а только того, чтоб назначить им меру поста, бдения или другаго какого себя преутруждения во спасение. — Вот правые сердцем; вот искренно вышних взыскующие; вот с ревностию о собственном спасении пекущиеся и о том, чтоб безвредными быть для ближних, и не об этом только, но и о том, чтоб всячески пользоваться их, самыми делами своими напоминая о достодолжном и тем возбуждая ленивых к прилежанию, а падших к возстанию. Таковым подражайте, кто желает. Если же нет такого желания, довольствуйтесь обще установленными добрыми деланиями: ибо мерность спасительна, и ея одной держащиеся добросовестно, несомненно получают венцы от милосердаго и щедродаровитаго Бога.

95.

1) Мы — воинство христово: смотрите, наготове ли всеоружия ваши; ибо враг не дремлет, — и боритесь. 2) Неси всякой послушание свое; жизнь наша — мгновение, но мы можем в сие мгновение стяжать блаженство вечное. Трудитесь же, не ленитесь. [2, 18].

1) Мы, — воинство Христово, от всего мира избранная Господу дань, Богу посвященное приношение, — брань имеем не с кровяными и плотяными врагами, но с началами и властями и миродержителями тмы века сего, духами злобы (Еф. 6, 12). Почему дело, для нас необходимое, собираться во едино, совещаться и рассуждать не однажды, не дважды, не трижды в год, но непрестанно, потому что и брань у нас с врагами непрерывна и непрестанным подвергаемся мы искушениям. Смотрите же, воины Христовы, обведены ли окопами души ваши, имеете ли броню веры, есть ли у вас щит смирения, держите ли наготове копье послушания, покрывает ли вас шлем упования спасения, в руках ли ваших меч мужества, и, прежде всего, благопокорно ли честное тело ваше и добротечно ли, обученно ли и удобоудержимо, чтоб иначе, закусив удила, не сбросило седока — ум пред лицом врагов? — Да, вы все это имеете, отвечу за вас я сам. Но еще и еще

поймейте, потому что много борющихся нас с высоты (Пс. 55, 3), потому что разжжены стрелы лукаваго, который притом ни на одно мгновение не отстает, не ест, не пьет и не спит, а день и ночь борет, как сам негде сказал одному из Святых Отцев. В том и жизнь его безжизненная и действие пагубное, чтоб низлагать нища и убога и закалать правых сердцем (Пс. 36, 14). Но мечь его да внидет в сердце его и луцы его да сокрушатся (Пс. 36, 15). Как? если указанными оружиями будем отражать его. Его, как сам сей всегубитель сознался, сокрушает смиренномудрие, побивает послушание, обращает в бегство молитва, морит голодом пост, низлагает братолюбие и всех прочих добродетелей делание.

2) Молю вас я, узник грехов, да шествуем достойно звания, в которое призваны. Держитесь терпения, подъемля всякий труд в делах рук ваших, в обработывании полей, во вскапывании гряд, в приготовлении одежд, в списывании книг, в плотничестве, в хлебопечении, и во всяком другом мастерстве и послушании. За все сие уготовляется вам на небесах великая награда. Се, как скороход, бежит жизнь наша, и летит, как парение птиц. Между тем однакож добрую куплю можем совершить мы, братие. В одно мгновение времени можем наследниками сделаться блаженства всех веков. Ибо воистину всей жизни нашей прожитие есть одно мгновение, в сравнении с бесконечною вечностию. Блаженны умудрившиеся в семь едином на потребу, треблаженны возненавидевшие мир, всеблаженны Господа ради оставившие родителей, родных, друзей, братий, и все, что в мире. — Как же и вам не быть прославленными, когда вы это сделали? Ибо Господь Сам сказал: прославляющих Меня прославлю, и уничижающий Меня обезчестится. — Вы воистину прославляете Бога в членах ваших, и члены Христовы есте освященные, приносите себя в жертву и непрестанно плоды приносите чрез послушание ваше. Никто убо да не пресекает добрейшаго течения своего, никто да не поддается унынию, и не разленивается, никто да не дремлет и не предается сну. Будьте все сшественниками, все связаны союзом любви, все единовольны, все единосердечны, будьте добрыми по Богу течцами, благодвижными и приснодвижными.

96.

1) Будем поминать, что были мы прежде, как позваны и каковы теперь;— и благодарить Бога и словом, паче же исправностию жития. — 2) Изшедши из Египта мира, будем терпеливо проходить пустыню жизни сей, под Божиим охранением и руководством, чая внити в обетованную землю. [2, 19].

1) Имея в себе светильником горящим чувство к Господу и вожделение вечных благ, должны мы непрестанно подливать елей помазания, чтоб светильник сей не погас и не оставил нас во тме, и мы вследствие того, блуждая туда и сюда во тме, не попали в пагубный ров страстей. Елей же сей что есть? Воспоминание, помышление и разсуждение о том, что прежде было, что есть теперь и что будет после. — Воспомянем же оные дни юности нашей, когда мы или ходили в неведении, как во тме, или вляялись в течении дел суетных, как в волнах морских, или погружались в плотския удовольствия, как в бездну водную; затем помянем, как оттуда вызвал нас благий Бог, и, простерши руку исторг, и путь мирный показал, внушив нам притещи к сему светлому и святому образу жития; присовокупим и то, что между тем, как столько и толиких родных наших, знаемых, друзей и приятелей остались в том же горьком положении, мы одни, как от Египскаго рабства, избавлены от него, и возведены на высокую гору жительства сего, и отсюда взирая долу, видим, как люди, вращаясь как в глубочайшем некоем рве, всеу мятутся, друг друга толкают, друг друга сбивают с

ног, в поте лица, как чего-то великаго, земных благ непостоянных, скоро преходящих и тленных, и что еще сожалетельнее, имея в воздаяние за то попасть в ад на вечное мучение. За это одно толикое избавление, какое благодарение должны мы чувствовать и воздавать благодателю нашему Богу? — Будем же непрестанно благодарны к Богу возсылать хвалы, громче Израиля поя и воспевая: поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море (Исх. 15, 1). Но такое благодарение будет неполно, если мы не будем надлежащим образом пользоваться благодеянием, т. е. строго держать себя в отвращении от мира, в отчуждении от своих, во вменении ни во что благ земных и в блаженной покорности уставам нашей жизни.

2) Освободившись от мира, прелестей и похотей его, надлежит добре проходить пустыню жизни сей, — быть благопокорливыми, послушливыми, терпеливыми, великодушными, любителями чистоты и заповедей Господних, но отнюдь не ропотливыми, как древний оный народ, не упорными, не плотолюбивыми, не сластолюбивыми, не продерзыми, не противоречивыми, против самого Законодателя возстающими, при воспоминании о котлах Египетских, от коих мы благодатию Божию отстали и отреклись. Да не будет так, умоляю вас. Но, как народ Божий святой, будем благопослушливы, охотно переноситься, куда и когда повелит мановение свыше, всегда шествовать по воле Божией, и благодушно переносить прискорбности путевыя — недостаточность пищи, скудость питья и всего подобнаго. Если будем так благопокорливы, Ангел Божий будет предшествовать нам, и Господь за нас поборет страсти, как чуждые народы, и мы внидем не в землю Аммореев, Хананеев, Ферезеев и Еввеев, но в землю кротких и праведных, в землю, текущую медом и млеко святым и наследуем все обетованныя блага, соцарствуя Владыки Христу. Видите, братия, предлежащая нам воздаяния, знаете уготованныя нам утешения, равно как противоположныя им казни и муки, ожидающия нерадиво живущих. Будем же тещи предлежащим нам путем, со всею радостию, со всем рвением и с непоколебимым терпением, ревностно исполняя каждый, лежащее на нем послушание, как дело священное, подобно как сыны Каафа и Мерария (Числ. 4, 15) воздвигали некогда священные сосуды. Никто не будь непослушен, никто ропотлив, никто продерз, никто лжесловесен, никто смехотворен, никто завистлив, никто клеветлив, никто нерадив, никто ленив, никто ни в чем не посрамляй нашего святаго жительствова, но все всеусильно старайтесь делать одно угодное Богу, да скончав добре добрый наш подвиг, примем, наконец, венец правды о Христе Иисусе Господе нашем.

97.

Вы несомненно наследуете блаженство вечное за ваше от мира отречение, мученическое послушание и борьбу со страстями и врагами невидимыми: стойте же. [2, 20].

Буди вам, дверию смерти, всем воспарить в небесныя и пренебесныя области, — туда, откуда отбеже болезнь, печаль и въздыхание (Пс. 35, 10). Так чаю я, недостойный, что туда отойдете вы, и там обрететесь, где есть всех веселящихся жилище, где лики радующихся и глас празднующих, получив обетованное всем святым, от века Христу благоугодившим, за доброе течение ваше, за достохвальное и блаженное житие ваше, за убежание от мира, за отчуждение от родства плотскаго, за отсечение своих хотений, за каждодневное в борьбе устояние и претерпение мученическаго послушания, в коем вы воистину исповедуете Господа и отрицаетесь началозлобнаго диавола, принимая и отражая удары, наносимые вам непрестанно, мысленно и чувственно, то от плотских похотей, то от наветов демонских, то от столкновений с братьями, то от укоров и выговоров со

стороны экономов, начальников над мастерскими, и распорядителей всякими другими послушаниями — и никогда ни в чем не нарушая обетов своих пред Господом, но дерзновенно и мужественно шествуя путем спасения, с посрамлением и обращением вспятьвы, ставляемых против вас, демонских полчищ. Таков подвиг ваш, — и вам можно со Апостолом взывать: кто ны разлучит от любви Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь? якоже есть писано, яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся, яко овцы заколения (Рим. 8, 35. 36). Блаженны убо вы и троблаженны, — не забываете однакож, — если до конца будете держать толикий подвиг неизменно пред лицом Бога: так как каждодневно предлежит вам борение, хотя вместе с тем и каждодневные венцы.

98.

1) Мы бедны; но Бог питает нас; благодарение Ему; но и нам не следует лежать; но да работает каждый по своему послушанию: тогда и Бог умножит малое наше. — 2) У нас все обще; и труд одного переходит на всех и обратно; и всех ожидает от Бога воздаяние по труду и усердию; и работающие вне и телесно, не меньше получают работающих внутри и духовно. — Больные же получают за благодушную безропотность. [2, 21].

1) Первый предмет моих забот и молитв есть, да вы сохранены будете чистыми, делателями усердными и непреткновенными, в святом и добродетельном жительстве вашем, так чтоб никто не поскользнулся от наветов диавольских, но все вы пребывали трезвенными и бодренными в делании достодолжных и досточтимых дел блаженнаго послушания. Ибо, когда это есть в надлежащем виде, о всем прочем нет мне печали, хотя и печалюсь обычно, — разумею тесноту телесной жизни, как она доселе ведется, почитая впрочем тесноту эту простором, бедность богатством, скудость довольством, при руководстве в сем надежды, дающей уверенность, что Господь не уморит голодом души праведных и не оставит преподобных Своих, каковыми вы есте благодатию Христовою, вышним промыслием питаемые, напаяемые, покрываемые и согреваемые, не душевно только, но и телесно. И кто же может такое множество, состоящее большею частию из бедных, никакого человеческого пособия неимеющих, пропитывать, как следует, и все потребное ему доставлять, если перст Божий не пособствует? — Поднижите очи ваши и посмотрите, — сколько нас вошло в царственный град сей и между нами сколько старцев, немощных, больных, отроков и детей, — и всех удовлетворяет Господь потребами: не дивно ли сие? Не достойно ли ублажения? Ей, братия мои и чада. — Однако и нам с вами не должно лежать на боку, но и с своей стороны приносить труд и пот в удовлетворение потреб братства. Ибо тогда и Бог преклоняется на милость, когда видит заповеди Его исполняемыми всем взаимно братством, — и из невидимых источников посылает способы довольства. Посему умоляя молю и напоминая напоминаю, всякий, к какому делу ни приставлен, да тщится всеусильно поработать и мног плод принести, и духовно и чувственно; так как тут одно из другаго познается, и заботливый о телесном таким же бывает и в отношении к душевному, как напротив бесплодный душевно нерадит и о внешнем.

2) У нас все обще, не только плотское и чувственное, но и духовное и мысленное, — и как добродетели и доброделания одних общи бывают всем другим, и обратно, так и труды, как можно сие видеть на примере тела, по указанию св. Апостола Павла: тело едино есть, и уды имать мнози, вси же уди единаго тела, мнози суще, едино суть тело: и аще страждет един уд, с ним страждут вси уди, аще ли же славится один уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 12. 27). И как в теле от головы

до ног, справа и слева чувствуется в каждом члене возбуждающаяся потребность и удовлетворение ея: так разумей и в отношении к душе. Отец мой и ваш — первый член, я — второй, — потом — порядку все до последнего, — все обще в день воздаяния будем иметь похвалу или укор. Ведая сие, чада мои, все будем тещи, все подвизаться будем, всякий привноси в общее дело свою часть туда, и никто да не будет умален в сем пред другими, в принадлежащем ему служении и мере силы. Но конечно вы ведаете, что не как мы впредь определяем здесь степени, так определит их и Бог в день оный: ибо ин есть суд Божий и ин — человеческий. Может быть, Он трехсотого поставит третьим или четвертым, десятого низведет в средину, а последнего возведет на первое место, — всякаго, по его тщанию и добродетели. И хотя страшно сказать, но возможно, что иного Он, может быть, совсем исключит из нашего состава и пошлет в ад, конечно такого, который и здесь был иного духа, иного мудрования и настроения. Но дерзаю уверить вас, что никто из трудящихся у нас не трудится всуе, — ни пашущий не всуе пашет, ни копающий гряды не всуе копает, ни повар не всуе поварствует, ни хлебопек не всуе печет хлебы, ни келларь не всуе келларствует, и проч. и проч. И эти все, меньше других уединенно упражняющиеся в псалмопении и стихословии, не меньше сидящих в келлиях за своим делом награждены будут, если не с меньшим усердием работают, и притом Господа ради. В какой мере кто отмеряет на братство своего труда и усердия, в такой и отмерится ему. Ведая сие, работающие внутри не унижайте трудящихся вне, и трудящиеся вне не унывайте, будто умаленные. Мера каждому — труд и усердие. А у болящаго какая мера? скажет кто: ибо он работать не может. Ему мера — благодарение, безропотность и терпение.

99.

1) Поучения не бесполезны: оне пробуждают спящих, а бодрствующих укрепляют и руководят. Так мы все подвигаемся по немногу вперед. — 2) Исповедуем в сем милость Божию, худое среди нас умаляется, а доброе укрепляется. Есть, кои падают; но они возстают и исправляются. Блюдите же свое благое настроение и ревность. [2, 22].

1) Скажут иные, какая польза от поучений, когда мы не приводим в дело того, что в них говорится? Ибо часто слыша, что не должно смеяться, не исправляемся в этом; часто поучаемые, что не должно празднословить, все еще празднословим; часто получая внушения, что не должно завидовать ближнему, все еще одолеваемы бываем этою страстию; частыя приемля напоминания, что не должно небрежно и сонливо стоять на денных и ноцных псалмопениях и молитвах, все еще блуждаем мыслями и дремлем на них, — и словом: ни в чем почти не исправляемся. — Но говорящие так, говорят несправедливо. Во первых, быть не может, чтоб никто ни в чем не исправлялся, и невозможно, чтоб все во всем вдруг исправилось, но ныне один, завтра другой начинает и продолжает свой труд над собою; во вторых, как при восходе на лестницу, нельзя вдруг шагнуть с первой ступени на последнюю, но переступая по порядку с одной на другую восходим наверх: так и в деле добродетели, мало по малу преуспевая достигаем высоты ея. В том же и другом катихизическое напоминание много полезно, возбуждая и поддерживая рвение к успешности и предлагая способы и приемы к тому, и тем способствуя честным душам вашим мало по малу восходить от силы в силу и от земли к небесам. И вот еще что можно сказать: если когда так часто говорится и слышится о том, чему быть должно и что должно быть исправлено, во славу Божию, не видится обуздание страстей; то что должно бы случиться и как были бы мы хуже, еслиб у нас царствовало молчание, и не было указываемо и изъясняемо достодолжное? Я же научен от отцев, что

слова суть путь к делам, благия к благим, худыя к худым. И я добре ведаю, что так есть, — что говорить о лучшем образе жизни всегда располагает к лучшему, я свидетельствую вам о вас же, чада мои, что от чтения Богодухновенных Писаний, мало же несколько и от слушания моих смиренных поучений вы все поднимаетесь и все простираетесь вперед: страстные пробуждаются от усыпления и приступают к исправлению себя, а текущие добре воодушевляются к большему и большему преуспеянию.

2) Исповедуем в сем благодать Божию и не скрываем милости Его. Ибо посмотрите, у нас почти не бывает ссор, равно оклеветаний, осуждений, поношений, ослушаний, тайноядений; если же и случается что такое, — так как носим, поползновенную на худое, плоть, то погрешающие тотчас сознаются, каются и исправляются положенными эпитимиями; отлучением от трапезы, сухоядением, стоянием и поклонами, смотря потому, что пригожее к уврачеванию допущенной немощи. Почему никто не говори, что нет пользы от поучений. И пользу получаем, и преуспеваем чрез них, благодатию Христовою и содействием молитв отца моего и вашего, и восходя восходим добрыми восхождениями на гору добродетелей, будучи просвещаемы, освящаемы и обожаемы, что впрочем достигается с большим трудом и потом. Прошу же вас и молю, пребудем в добром нашем произволении и благонастроении, всякое двоедушие отсечем, малодушие навсегда изгоним, воодушевить же себя благими надеждами и чаянием будущих воздаяний и вечных благ, — и это пока есть дыхание в ноздрях наших, дабы после настоящих прискорбностей и притрудностей, сподобиться по смерти быть наследниками Царствия Небеснаго во Христе Иисусе Господе нашем.

100.

1) Тяжело управлять; но ради Господа, ради нас пострадавшего до смерти крестной, терплю; терпите и вы. — 2) Посмотрите мысленно, как терпели древние. 3) Будем же подражать им. [2, 23].

1) Еслиб я чувственными очами смотрел на случающиеся с нами почти каждый день, скорбныя неприятности; то давно бы изнемог и другому отдал бразды настоятельства; но как при сем к Богу воззревает смиренный ум мой, ради Коего и вы сюда призваны, и я предал себя вам, то не отказываюсь и не отчаяваюсь, и готов все терпеть укрепляем будучи Христом Господом, по молитве отца моего и вашего, за вас, возлюбленных моих и ради Господа моего и Владыки. Ибо если Он, создавший всяческая, благоволил ради меня, в силу таинства воплощенного домостроительства, искушен быти, поруган, уничижен, осмеян, распят, прободен копием, погребен; то чего мне не перенести? Или лучше, чему нам с вами охотно не подвергнуться? Пусть находят скорби, тесноты, раны, лишения, смерти. Что все сие, при несомненной вере, что если добре будем воинствовать, если бодренно будем стоять и доблестно противостоять, то стяжем в воздаяние вечныя блага? Когда немощная плоть начнет изнемогать, напомним себе, что поблажая ей, усокровиществуем себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия, и воспрянем к воодушевленному мужеству.

2) О, где ныне древния оныя святыя души! Как оскудело ныне, воодушевлявшее их, рвение! Радость для них и веселие была телесная скорбь, слава и величие — крайнее уничижение. Их исполняла пламенная любовь к Господу; их снедало ненасытимое вожделение не того, чтоб исполнять волю свою, а того, чтоб отнюдь не исполнять ея; они искали не того, чтоб начальствовать, а чтоб быть под началом и в послушании до самой старости. Где блаженная она престарелая глава, смиренно простоявшая до окончания трапезы? Где многоискушенный оный маргарит послушания в продолжении тридцати лет? Где тот, где этот? — Ибо се, как хор звезд, предстоит уму моему все

оное священное соборище святых, просиявших всякого рода добродетелями. — Протечем мысленно святых их обители. Вот учреждения великаго Пахомия. — Воззрим там на приснопамятнаго Иону, на Петропия преславнаго, на Феодора освященнаго. Перейдем за тем к обители Феодосия великаго, посмотрим и там на Василия присноживущаго, на Аеция дивнаго, — на того–то и того–то. Отсюда перенесем в священныя подвизалища Феоктиста блаженнаго, Евфимия великаго, Саввы освященнаго; и сокращая слово, скажу: пробежим мысленно все, бывшее в древних, средних и последних обителях, как и сколько каждый в них подвизался добре совершить течение свое.

3) Подобным образом и мы должны шествовать, если хотим обрести живот и свет истинный, все перенося, все терпя, ни едино ни в чем же дающе претыкание, да служение дела нашего безпорочно будет (2 Кор. 6, 3); над всем же сим восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити (Еф. 6, 16), пребывая непобедимыми, радуясь и сорадуясь друг другу во благоволении, сгармонируемы будучи единым дыханием Духа, как единое тело Христово.

101.

Призваны мы трудами, лишениями и прискорбностями очиститься от грехов. Трудно; но за это жизнь вечно–блаженная обещана. Будем же радоваться всему таковому. [2, 24].

Хочу кратко напомнить вам о подвижничестве, к коему мы призваны, коим очищаем прежние грехи свои и из–за коего злострадаем каждодневно. Ибо тесен воистину есть путь наш и прискорбен, по слову Господа; но как он имеет обетование жизни вечной, то будем радоваться, и ревновать об успешном совершении его, доброю ревностию соревнуя друг другу, теча, как на расталище, и побеждая своего противника, да получим венец правды в день воздаяния. Сего ради тяжелое да будет у нас почитаемо легким, неблагоприятное благоприятным, прискорбное радостным, сопровождаемое лишениями выгодным, безчестие честью, поношение похвалою, скудость в потребах довольством, водопитие винопитием, поздняястие раноястием. В этом мученическая черта жизни нашей и на этом утверждается чаяние и надежда будущих благ. Не будем, молю вас, плакаться и малодушествовать, смотря на то, что жизнь наша печалит и томить сердце; но паче, — взирая на то, что она сокровиществует нам сыноположение, Царство Небесное и блаженное безсмертие, — ревностнее да емлемся ея и непрестанно да обновляемся в ней, прилагая труды к трудам, подвиги к подвигам, тщания к тщаниям, послушания к послушаниям, отсечения воли своей к отсечениям, молитвы к молитвам, бдения к бдениям, Богомыслия к Богомыслиям, слезы к слезам, любовь к любви. Такова и толика жизнь наша, отличная от скоропреходящего и высшая его, странная некая и чуждая для мирская мудрствующих, плотию управляемых и настоящее предпочитающих будущему. Таковы вы, оставившие мир и то, что в мире: родителей, братьев, чад и все житейское, и всегда готовыми пребывающие по любви к Господу бедствовать, страдать, быть поносимыми, мучимыми и умерщвляемыми. За то великая и награда вам на небесах сокровиществуется: из мира перенесетесь вы к Богу, и временную жизнь оставляя, перейдете к жизни безконечной, если до конца будете являть опыты вернаго послушания.

102.

1) Ублажаю вас за ваше искренное и успешное пребывание в подвигах общежития. — 2) Не верьте внушающим, что и везде есть не мало таких. — 3) Первейшее оружие наше — откровение помыслов. — 4) Им удобряется всякое наше подвижническое делание. [2, 25].

1) Ублажаю вас, что вы, в роде сем и в дни сии, ища ищете Господа, бодрствуете над сердцами

своими и веруете, что дух ваш с Богом есть; ублажаю и за то, что жизнь свою проводите не поддельно и безпримесно, воистину отрекшись и не ложно исторгшись из мира, и на самом деле являясь тем, чем называют вас: ибо истинно разъединились со всем, с единым Богом сопребывая я Ему единому служа в прекрасном жительстве вашем. 101.

Призваны мы трудами, лишениями и прискорбностями очиститься от грехов. Трудно; но за это жизнь вечно—блаженная обещана. Будем же радоваться всему таковому. [2, 24].

Хочу кратко напомнить вам о подвижничестве, к коему мы призваны, коим очищаем прежние грехи свои и из—за коего злостраждем каждодневно. Ибо тесен воистину есть путь наш и прискорбен, по слову Господа; но как он имеет обетование жизни вечной, то будем радоваться, и ревновать об успешном совершении его, доброю ревностью соревнуя друг другу, теча, как на расталище, и побеждая своего противника, да получим венец правды в день воздаяния. Сего ради тяжелое да будет у нас почитаемо легким, неблагоприятное благоприятным, прискорбное радостным, сопровождаемое лишениями выгодным, безчестие честию, поношение похвалою, скудость в потребах довольством, водопитие винопитием, позднястие раноястием. В этом мученическая черта жизни нашей и на этом утверждается чаяние и надежда будущих благ. Не будем, молю вас, плакаться и малодушествовать, смотря на то, что жизнь наша печалит и томить сердце; но паче, — взирая на то, что она сокровиществует нам сыноположение, Царство Небесное и блаженное бессмертие, — ревностнее да емлемся ея и непрестанно да обновляемся в ней, прилагая труды к трудам, подвиги к подвигам, тщания к тщаниям, послушания к послушаниям, отсечения воли своей к отсечениям, молитвы к молитвам, бдения к бдениям, Богомыслия к Богомыслиям, слезы к слезам, любовь к любви. Такова и толика жизнь наша, отличная от скоропреходящего и высшая его, странная некая и чуждая для мирская мудрствующих, плотию управляемых и настоящее предпочитающих будущему. Таковы вы, оставившие мир и то, что в мире: родителей, братьев, чад и все житейское, и всегда готовыми пребывающие по любви к Господу бедствовать, страдать, быть поносимыми, мучимыми и умерщвляемыми. За то великая и награда вам на небесах сокровиществуется: из мира перенесетесь вы к Богу, и временную жизнь оставляя, перейдете к жизни безконечной, если до конца будете являть опыты верного послушания.

102.

1) Ублажаю вас за ваше искреннее и успешное пребывание в подвигах общежития. — 2) Не верьте внушающим, что и везде есть не мало таких. — 3) Первейшее оружие наше — откровение помыслов. — 4) Им удобряется всякое наше подвижническое делание. [2, 25].

1) Ублажаю вас, что вы, в роде сем и в дни сии, ища ищите Господа, бодрствуете над сердцами своими и веруете, что дух ваш с Богом есть; ублажаю и за то, что жизнь свою проводите не поддельно и безпримесно, воистину отрекшись и не ложно исторгшись из мира, и на самом деле являясь тем, чем называют вас: ибо истинно разъединились со всем, с единым Богом сопребывая я Ему единому служа в прекрасном жительстве вашем. Отсюда — общежительность ваша, по коей ничто между вами не называется чьею либо собственностью; отсюда невозвратное отчуждение ваше от родителей и родственников по плоти; отсюда не ложная вера к моему смирению является чрез откровение мне сокровенных сердечных волений ваших; отсюда у вас в тесноте простор, в бедности довольство, в лишении телесных потреб утешение и веселие; и что много говорить? — Отсюда слава жизни вашей и то, что вы на языке у всех.

2) Не лъстя вам говорю это, но для того напоминаю, чтоб вы пребывали твердыми и крепкими, и всячески заботились, как бы не упасть с такого возвышения и как бы не ослабнуть в добром решении произволения своего, отказываясь от послушнических борений или разстроиваясь развращенными софизмами и напеваниями людскими, внушающими с убеждением, что де и везде есть много боящихся Бога и служащих Ему еще лучше нас. — Таковы соблазны, — и для чего? да искуснии явлени будут в вас (1 Кор. 11, 19). Итак, держась добраго решения воли своей, не нерадите любить Господа, являя то добрыми делами, — и изыскивать благопотребное для спасения нашего; ибо многое не видно для нас, и мы падаем, не зная как, или даже не зная того, как уверяет Давидово слово: грехопадение кто разумеет? (Пс. 18, 13).

3) Хощу же, да ведаете, что нет другаго более действенного во спасение врачевства, как откровение помыслов: что и сами вы испытываете. — Зачем же иные из вас, когда Господь подал вам дар сей, когда такое врачевство у вас под руками, медлят приступать к исповеданию и откровению и душат себя молчанием, увлекаясь и как червьми наполняясь не открываемыми помыслами. Жалею о вас, кто бы вы ни были, и соболезную вашей немощи. Зачем, когда присуще вам средство оздоровить, просветиться и обвеселиться, вы подвергаете себя противному? Бог все видит; ибо несть тварь не явлена пред Ним, вся же нага и объявлена пред очима Его (Евр. 4, 13). — Ктому же, я должен выдать вас; почему имею нужду в откровенности чад моих, чтоб я познал их, а они меня.

4) И вот это—то и есть подлинное духовное родство неподложное послушание, беспечальное шествование, сладкая молитва, непрерывное преуспеяние и восхождение к совершенству. Добра слеза сокрушения, точащаяся из очей, добра чистая молитва, ночная и дневная, добро терпение прискорбностей, добро занятие рукодельем, добро бденное слушание чтений, добры не скорость на слова и беседа без смеха, добро мерное воздержание, добро памятование о смерти и житии святых посильное подражание, добро бегание страстной продерзости и блюдение Божественнаго смиренномудрия; но добрее всего сего — безжалостное к себе откровение и исповедание помыслов. — Вся же искушающе, добрая держите (1 Сол. 5, 21).

103.

1) Мысли и чувства, слова и дела в мир, совсем иныя от тех, кои у нас: мы все это держим так, как бы находились в раю. — 2) Это Бог дал нам, что у нас, и внутри и вне, все ино, чем в мире. — 3) Однакож будем блюстись, чтоб не оказаться худшими мирян. [2, 26].

1) Слава Богу, избравшему нас от чрева матери нашей в священное звание сие! Благодарение Господу, призвавшему нас к блаженному и дивному образу жизни монашеской! — Нам, — хотя и дерзновенно так сказать, но не далеко от истины, — воистину дано разуместь тайны Царствия Небеснаго паче тех, кои в мире, из коих многие видя не видят, как дело есть. Ибо посмотрите, какия у них суждения и стремления: они ублажают богатство и преходящую славу, радуются утехам и наслаждениям, восхищаются мастями благовонными, одеждами мягкими, камнями драгоценными, жилищами красивыми, садами, рощами и всякими другими суетностями; смеются, пляшут, тучнеют, как готовимья на заклание, животныя, и многое другое делают, о чем лучше не говорить, равно как и о том, какия отсюда порождаются последствия, — не добрыя, однако хвалимья ими. Вот что они хвалят, чем хвалятся и чему радуются! — Но все сие ничтожно и презрения достойно в очах тех, кои плоть свою распяли со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24);— каковы и вы есте о Господе Иисусе Христе, по св. Апостолу, распеньшие плоть свою. Другое у нас вожделение и к другим вещам

расположение. Мы ищем и домогаемся такого благобытия, которое было в раю сладости, откуда мы изгнаны: для чего и образ жизни восприемлем, близкий к первоначальному, удаляемся от мира прелестного и приходим к Богу, совлекаемся тмы житейской и облакаемся во свет умный, и от всего отрекаясь, над всем господами делаемся.

2) О, дивно великое звание! Кто разлучил нас с плотию и кровию, с родителями, родными, родиною, с обычаями житейскими и со всем мирским? Кто убедил нас в рабы себя предать игуменам и духовным отцам, и восприять аскетический подвиг воздержания, бдения и спания на голой земле? Кто просветил нас смотреть на вещи, не развлекаясь и не увлекаясь, и не почитать чем либо великим золота, серебра, красоты, мирской помпы, и даже самой Царской диадимы и порфирного облачения, а напротив более досточестным и более великим почитать облекаться в эти рубищныя и многозаплатныя одежды и ими величаться, паче блестящих хламид? Кто дал нам силу убежать от всего вещественнаго и плотскаго и сочетаться с высшим порядком жизни, подобно Ангелам чрез девство пребывая чистыми и не растленными? Вот наши восхваления! Их Бог даровал нам, возлюбившим Его и вожделевшим будущих благ — света неприступнаго, славы вечной, радости неизреченной, веселия непрестающаго, наследия вечнаго, Царства Небеснаго, богатства неистошимаго и всех чрез Ангелов и Отцев изреченных обетований.

3) Поелику это так есть, то будем смотреть и внимать добре, как бы опять не обратиться на противоположное и впоследствии не оказаться позади живущих по житейски. Почему будем очищать себя еще и еще, еще и еще утверждаться в девстве, — и попечемся умом и сердцем отнюдь не давать поблажки демону. Слово словом вызывается, взор взором привлекается, нерадение нерадением благоприятствуется, и мало по малу сродняясь и освоюясь с сим, оказываемся мы в положении нощных вранов, и поражаем греховную смерть. Не так, чада, не так, прошу и молю. Блюдайте себя друг от друга, ибо от ближняго жизнь и смерть. Малое нерадение, небрежность безохранная ввергает в бездну греха. Внимайте и смотрите, меньшие и большие, передовые и последующие, начальствующие и начальствуемые. Выше мы ублажены были, здесь безчествуемся; выше представлены Ангельски живущими, здесь сатане уподобляемся. О некоем сказано, что лучше—б было ему не родиться (Мф. 26, 24). Тоже самое и об этом пригодно сказать. — Но довольно об этом. — И сказанное сказал я не за тем, чтоб хотел опечалить вас, но чтоб предуведомлением отвратить грядущий меч греха.

104.

1) На мне долг говорить, на вас — слушать. — 2) Устами вы чтите меня, а сердце ваше далеко от этого: когда я сказал вам о тесноте в потребах и указал причины того, вы помирились с нашим положением; а потом роптать стали, особенно на то, Зачем многие приемлются. — 3) Вот это и объясню вам: Бог питатель и поможет. — 4) Не ропщите: иначе подобно израильтянам роптавшим в пустыни, и за то не вошедшим в обетованную землю, и вы не войдете в Царствие Божие. — 5) Где когда было подобное у отцев наших? Напротив все и нужду терпели, а другим все же не отказывали. — 6) Вы сами, как были содержимы здесь, пришедши сюда ни с чем: почему же не хотите теперь оказать милость другим? Псов, умирающих с голоду не отгоняют, а вы прогонять хотите тех, за коих Христос умер. — 7) Не обещались ли вы все со мною терпеть; а теперь что? Или забыли что страдать есть удел наш? — 8) Покайтесь; я же не изменюсь; ктому же в делах сих и вы участники: ибо мы одно. — 9) Припомните, сколько раз Бог избавлял нас от нужды: чего же бояться

действуя по заповедям? [2, 30].

1) Мое дело и мой подвиг неутомимый в том, чтоб всегда простирать к вам слово, напоминать вам о достоюдолжном и утешать в терпении благой жизни вашей по Богу. Ибо если пастыри безсловеснаго стада, по необходимости, подъемлют труд не спания и заботы блюдения, вверенных им, овец, изводя их на пажити и вода по ним: то сколь большая належит нужда мне грешному, недостойно получившему начальство над вами, овцами Христовыми, иметь неусыпным око душевное и возглашением слова, как никоею свирелию, оглашать вас, указывая должно и полезное, и предостерегая от недолжнаго и пагубнаго. Но когда на мне лежит такое требование, то и вам не позволительно, кое—как относиться к слову моему, но внимательно слушаться пастырскаго гласа моего. Овцы Мои, говорит Господь, гласа Моего слушают, и по Мне грядут. По чуждем же не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа (Ин. 10, 27. 5). Это и ко мне с вами приложимо.

2) Но зачем предложил я вам такое предисловие? — Наперед скажу, — да не будет тяжело для вас слово сие, — что некоторые из вас устами чтут меня, сердце же их далеко отстоит от меня. Теперь объясню, — зачем? — Привзошла к нам теснота в телесных потребах, по причине плохаго урожая в предъидущие годы, равно как по причине наплыва лиц, посылаемых Богом из пучины мира в пристань обители нашей во спасение, а также и по причине прибавки странноприимниц и других приютов, так как мы находимся в этом царственном городе. Я огласил об этом всех, и, изъясняя глубокую скорбь и, тяготящую меня, заботу о способах удовлетворения потреб на текущий год, просил и умолял воодушевиться усердием на увеличение наших рукодельных произведений, больше чем положено у нас, напомянув при том, что нам, ищущим Царствия Небеснаго, всячески пристойно тещи путем тесным и прискорбным, на коем скорби и тесноты, алчбы и жажды, труды и поты, нагота и бедность, и другое подобное, и присовокупив, что Бог нередко попускает нам подвергаться небольшим искушениям, чтоб испытать, какова любовь наша к Нему, и охотно ли мы переносим, ради Его встречающаяся, прискорбности. — Вы тогда показали себя, как подобает и оправдали мои ожидания. Но как вы не имели истиннаго к Богу сердца и отблагодарили Его тогда только устами, то вскоре потом возроптали, тяготясь случившимся, и возстали не на Моисея какого нибудь, а на меня грешнаго, приговаривая: зачем он столько набирает этих, когда не может пропитать? И каковая в этом нужда? И кто принуждает его набирать такое множество?

3) Вот сии—то слова надлежит мне оговорить и возвестить правду Божию, и указать меч Божий, грядущий на таковых, да не взыщется от рук моих грешных кровь погибели их. — И во первых, они, как не настоящие сыны мои, сказали не обще со мною: зачем мы принимаем; но, как детища чужия и недобрыя, сказали: зачем он принимает, — и тем исключили себя из общения со мною. — Потом, хоть они и так сказали, все же они виновны и достойны осуждения, потому что, как поется в псалмах, клеветаша на Бога и реша еда возможет Бог уготовати трапезу людем сим (Пс. 77, 19. 20), — такому множеству? Разве я доставитель пищи, или разве я приношу плоды, или наполняю житницы? И опять разве я самопроизвольно и самовластно принимаю приходящих и умножаю братство? — Не Сам ли Господь и Бог питатель есть мира, отверзающий руку Свою и исполняющий всякое животное благоволения? (Пс. 144, 16). Не Сам ли Он говорит: ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам? (Мф. 6, 33). Не Сам ли воодушевлял малодушествующих говоря: воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы и Отец ваш небесный питает их: кольми паче вас маловери? (Мф. 6, 26; Лк. 12,28). Потом, чрез некоего

премудраго, не Он ли внушает: кто верова Господеви, и постыдесе? или кто пребысть в страхе Его, и оставися? или кто призва Его, и презре и? (Сир. 2, 10). И опять чрез Евангелие не Он ли обещает: грядущаго ко Мне, не иждену вон? (Ин. 6, 37). И не Он ли повелевает: оставите детей приходити ко Мне и не браните им: таковых бо есть Царствие Божие? (Лк. 13, 16). Много и других мест Писания есть согласных с сим. Что же вы возстае на меня беднаго и, в языкоболии своем, буесловите?

4) Вы, как видится, некие Израилиты есте, избавленные от руки Фараона невидимаго, от горькаго плинфо—делания в рабстве страстям, и от темнаго Египта мирской суеты, — вторые потом, при прохождении пустыни подвижнической прискорбной жизни, когда встретились тяжелья прискорбности, не возблагодарили Бога и не воздали славу Ему, чтоб, ради такого добраго расположения, пришло потребное по Божию промыслению, но возроптали на Бога, говоря как бы: лучше бы нам умереть в Египте, припоминая котлы Египетские и разумя под ними каждый, что наиболее услаждало его в мире. — Но вы знаете, что тогда пострадали такие ропотники: никто из них не сподобился внити в землю обетованную, и кости всех их пали в пустыне. Боюсь, чада, не пострадать бы и нам тогоже, сделавши тоже, что и они. Но тогда было детство скинии и закона, ныне же — совершенство благодати и истины Христовой. И сделали это не миряне, но из числа нас, востекших на высоту Ангельской жизни.

5) Где когда при преподобных отцах наших обнаружен был такой ропот? Или кого, из желающих спастися в их киновиях, отказывались они принять по причине скудости в телесных потребах? Не паче ли всегда отворена была дверь их, не говорю, для желающаго отрещися от мира, но для всякаго нуждающагося беднаго? Не оставляли—ль они относительно сего и особых завещаний, по смерти своей? Знаете, какия были о сем распоряжения великаго светила нашего Евфимия; читаете, как это было у приснопамятных отцев наших Саввы и Феодосия великаго, и у преблаженнаго Пахомия. Случалось ли у них оскудение? — Не однократно и при том не малое. У одного, например, на Пасху не было потребнаго даже для совершения Литургии; у других другим образом тоже бывало. Так многократно и многообразно иногда избыточествовали они, иногда оскудевали; но в том и другом случае благодарили Бога и благодушно терпели. Им спострадали и чада их истинныя, в радости и веселии. Теже, которые не таковы, как тогда, так и теперь, подпадают под клятву и гибнут. Почему внимать надлежит, чада мои и братия.

6) И вы сами ропчущие помяните, что не от своих трудов содержание имеете и что, когда пришли сюда, ничего с собою не принесли. Тогда за то, что не пришлось вам возвратиться вспять, вы благодарили и славили Бога и нас. Как же, неразумные, не хотите вы теперь оказывать другим то, что тогда сами получили, и дар, полученный вами, скупитесь передать другим? Недружелюбные, несострадательные, безжалостные! Псов безсловесных, умирающих с голода, еслиб мы приняли, и то достойны были—б одобрения. Ибо написано, что праведник милует души скотов своих (Притч. 12, 10), Людей ли разумных не принять, общников одного с нами естества, братий наших, умоляющих ввести их в нашу пристань по кораблекрушению и спасти от крайней нужды тех, за коих Христос умер? Но ничего такого не помышляется неразумными.

7) Не обещались ли вы умирать со мною за имя Господне? а теперь при малом стеснении в трудах и потребах, отрицаетесь и пятитесь назад. Почему не паче понуждаете вы меня, чтоб ни один из приходящих бедных не отходил не накормленным, не напоенным и не получившим искомаго пособия? Но вы только сами любите насыщаться и даже пресыщаться, есть рыбу, пить вино, не по

две или по три красовули, а и с прибавком, что запрещено отцами. И сбывается на вас, что никто не может двум господам работать, — чревоугодию, разумею, и Боголюбю. Но, о несмысленные и косные сердцем, чтоб уразуметь, что — по всему заповеданному Святыми Отцами, и мною грешным непрестанно напоминаемому, — так подобает нам страдать и многими скорбми внити в Царство Небесное.

8) Итак покайтесь, что много и премного согрешили пред Господом. — Я же не откажусь и не изменю; но как начал, так и продолжать буду, со всем радушием и горячим сердцем принимать всякаго приходящаго; или не я только, но и заповедавший сие, Бог, а потом и вы сами со мною: ибо мы едино есмы все. Все вы делаете со мною, когда я нагаго одеваю, озябшаго согреваю, босаго обуваю, безкровнаго ввожу в дом, голоднаго кормлю, жаждущаго напою, — и все сие во имя Иисуса Христа, истиннаго Бога нашего, давшего Себя в искупление грехов наших, веруя в неложность обетования Его, что не убьет гладом душу праведную (Притч. 10, 3): каковы ваши души, не роптавшие, — ибо я не всех обвиняю, — радующиеся об исполнении заповедей Божиих и об умножении братства, терпеливые при искушениях Божиих, от всего отказавшиеся и даже до смерти готовые стоять в деле Божиим.

9) Посмотрите, — к вам опять обращаюсь ненаказанные, — только раз Бог избавлял нас от крайних нужд? И каких благадеяний сподоблял, по молитвам отца моего и Вашего? — Не подавал ли Он нам жита и вина во время оскудения? Не подвигал ли Он добрых людей и не отверзал ли их житниц на прокормление наше? Не посылаются ли нам доселе из сел, островов и городов — мед, маслины, сыр, покровы, одеяния, золото от епископов, начальников, и от самых, в порфиру облеченных? — Да простит вам Господь и да соделает вас на будущее время более крепкими, дабы, все перенося и перетерпевая с прочими братьями, с ними вместе удостоились вы получить и венец правды.

105.

1) Время теперь льстивое (весна); держите тело в руках. — 2) Мера винопития и питания. — 3) За воздержание блага небесныя, пред коими здешния — не блага. — 4) Смотрите на дружину добродетелей, вас окружающих, взирайте на небо: и все сносно будет.[2, 31].

1) Добро с трудом приобретается, но у невнимательных легко похищается; и что долгим временем стяжано, может быть потеряно от кратковременной небрежности. Почему внимайте себе особенно в настоящее весеннее время, когда тело бывает подвижно и плоть, земля суши, ищет действовать по земному. Земля, унавоживаемая и утучняемая, дает из себя произрастения по роду своему: то же и плоть, утучняемая разными яствами и питиями, сама собою воскипает сокрытыми в ней страстями. Возмите же ее в руки и утесните, и по слову Апостола, угодия ей не творите в похоти (Рим. 13, 14), но, доставляя ей потребное в мере разумной, пребывайте так, чтоб жить в духе.

2) Мера да будет и для яств, и для вина. Вино да приемлется по малому утешению, и то в дни праздничные, при утомительных крайне трудах, при болезнях и когда сходить, куда предлежит, не близко; в другое же время следует довольствоваться одною чашею, и много — много двумя: ибо знаете, что говорится о сем в герондике. Относительно же брашен говорю вам следующие слова Апостола: да упразднятся брашна (1 Кор. 16, 13). Не с тем говорю, чтоб совсем отвратить вас от них, но желая, чтоб вы ели и пили благообразно, боголепно, спасительно для души и укрепительно для тела к совершению належащих дел.

3) Разве не знаете, что за такое воздержание и лишение себя мирских удовольствий, мясоястий,

винопитий, бань, теплиц и прочаго такого, уготовляется вам божественный оный рай, имеющий древо жизни и воду бессмертия, услаждение Духа и неизреченную красоту вечных благ? Для вас сокроиществуется там упокоение и всякое утешение. Еще мало елико—елико туда достигнете вратами смерти и начнете ненасытно и вечно вкушать то и пить. Здесь же, если возьмем блага даже такая, какия в царских чертогах, они не сладость (трофí), а пища (трофí) червей, — вкушение их не благоживотие, а безживотие, — услаждение ими не радость, а печаль, — обрадование ими, не обладание, а лишение, — наследие их подлинно суета суетствий, как изрек мудрейший Соломон, полно насладившийся утехами мира.

4) Вы имеете другинею воздержание, супружницею послушание, дочерями непорочность, девство и милостыню, священными отроковицами сокрушение и смирение. Воззрите на небо гор и увидите, где жилище наше, где глава наша и общий всех Отец — Христос Господь, где град наш — вышний Иерусалим. Воистину, если все претерпите, победите; если всем довольны будете, увенчаетесь; если так скончаетесь, отверзутся вам двери Царствия Небеснаго.

106.

1) Будем все терпеть в надежде блаженства вечнаго, по слову и примеру св. Павла. — 2) Ибо и мы, как он, поминутно встречаем, что потерпеть. 3) Если будем это претерпевать, Божие благоволение будет на нас. [2, 32].

1) Трудитесь и подвизайтесь, и на находящая на вас прискорбности в жизни вашей по Христе, не смотрите как на нечто чуждое — странное и против чаяния с вами случающееся. Разве пришедши сюда из мира, не исповедали вы пред Богом и избранными Его Ангелами, что будете благодушно претерпевать всякую скорбь и тесноту, царствия ради небеснаго, — в алчбе и жажде, хладе и наготе, в оскорблениях и поношениях, и в других подвижнических тяготах. Лучше совсем на это не смотрите, а только терпите и терпите, взирая на блаженный конец сего. Конец же какой? — Наследие Царства Небеснаго, обрадование вечными благами, вкушение бессмертия, блаженство жизни непрестающей, сыноположение, сладость райская и всякое другое утешение. Воистину достойно и праведно воззвал о сем великий Апостол, что недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8, 18). Он. тогда ходил по всей вселенной, как среди львов и тигров, влачимый и разрываемый неверными, в алчбе и жажде и в денночных трудах, работая своими руками, чтоб не отягчить собою никого, но самому своим трудом добывать потребное и себе, и сущим с ним.

2) Если и мы в тех обстоятельствах, в каких находимся, будем благодарно и терпеливо переносить все, — благо нам, — мы не будем лишены части его. Если же окажемся малодушными, недовольными и ропотливыми, то какое нам общение с теми, кои даже до крови подвизались против греха? И не окажемся ли мы в день оный достойными всякаго посрамления, когда и малейших вещей не можем исполнить спокойно и как следует? — разумею, непротиворечиваго послушания, неропотливаго работания, негорделиваго услужения, благоверемнаго молчания, разумнаго говорения, случайнаго перевода на другое послушание, соответствующаго делу внимания и усилия, отсечения своей воли, благодарнаго подъятия наложенной епитимии, неослабнаго стояния на псалмопении и молитве, ношней и дневной, и терпеливаго стихословия, положенных на день, псалмов.

3) Все сие и многое другое, чего и перечислить нельзя, если будем благопокорливо, благодушно и

охотно принимать, претерпевать и исполнять, то прекрасно будет житие наше и благоугождаемый тем Бог будет благоволительно взирать на нас и благословлять нас. — Не дадим же себе отступать от такого образа жизни; и хотя бы каждый день надлежало нам умирать от того, примем то радостно, ни едино ни в чемже дающе претыкание, да служение наше безпорочно будет (2 Кор. 6, 3).

107.

1) Ныне čtyредесятница: благоустройся же каждый, как она требует. — 2) Не одно внешнее умерщвление плоти и телесные подвиги требуются, но паче отсечение всего худаго и своей воли, — смирение и послушание. [2, 33].

1) Ныне, как ведаете, святая čtyредесятница, требующая от нас духовных подвигов, гораздо больше, чем в обыкновенное время, именно: усерднейшей готовности на все доброе, благодушия, мужества, трудолюбия терпения, небошественной молитвы, слезоноснаго умиления, сердцесокрушеннаго смирения, соразмернаго воздержания не только от яств и питий, но и от зависти, ненависти, гнева, задорности, ропотливости, гордости, доброненавистнейшей страсти. Осмотрите же себя повнимательнее, очистите себя по указанию связаннаго пред сим и благоустройте себя в сосуды избранны, в органы богогласные, Духом Святым движимые. К сему призывает время; это собственно и есть пост.

2) Не говори мне никто: я столько—то пою и стихословлю, столько—то молюсь, мало очень ем, мало пью, сидя — немного принимаю сна, столько—то делаю коленопреклонений, воздеваю Руки мои на небо на мног — час. Благоприятно конечно и это все. Но вот что скажи ты мне, уничиженно ли твое мудрование, сокрушен ли дух, отсечена ли своя воля, чтоб всегда бдагопослушну быть, никогда не противоречить, отнюдь не роптать, совсем не спорить, не завидовать брату, не суемыслить и не суесловить, зачем то, зачем это? От чего тот в таком положении, а этот в таком? — И от сего изменяться сердцем, озверяться лицом и износить не из благаго, а из злаго сокровища сердца своего слова неверия, безстрашия и нестроения, которыя не только его, но и слушающих могут низринуть в ров падения. Не таковы дела поста и не таковы упражнениа воздержания. Но если кто имеет в себе действие смирения и послушания, то сими двумя добродетелями, как двумя крылами воспаряет он на небеса и собеседником Богу бывает.

108.

1) Не допустим разлнения помня, что Богу работаем, который и воздаст по усердию и ревности. — 2) При сем будем блюсти и прочий весь строй жизни, внутри и во вне, в совершенстве. — 3) Мужайтесь: Бога имеем помощником, и пресвятую богородицу, и святых Божиих, особенно наших — св. Предтечу и Богослова, коих монастырь есть. — 4) Будем воздерживаться от бесед неподобных и беседовать только о душеполезном. [2, 84].

1) Внимайте, да не отягчают сердца наши от уныния, расслабления и неуместных помыслов, чтоб не случилась от сего беда внутренняго в душе падения. Но с юношескою бодрностию и рвением постараемся прожить вместе и остальное время недолговечной и непрестанно умаляющей жизни нашей, чтоб, по совершении подвигов добрых, священных упражнений и досточестных добродетелей, прешедши в будущий век из сей жизни, сподобиться получить нетленный венец правды от мздовоздаятеля Бога. Да смотрит потому каждый, как проходит служение свое, и до старости так проходить, как бы служил Господу присущему, не нерадиво, не вяло, не лениво, не притворно, зная, что чрез это не человека оскорбляет, но Бога, Кому посвящается служение. Мы же

что здесь, как не сорабы только, напоминающие о заповедях Владыки? — так что и исполняющие их, и нарушающее не пред нами провиняются, и не нам благоугождают, но давшему заповеди благому Владыке и Богу. И так, книги ли кто переписывает, или служит, или пашет, или гряды копает, или другое что делает, да делает всяк свое дело, как пред лицом Бога, а не человек; и чисто будет дело его, измеряемо будучи сердцеведцем Богом, по употребленному на него напряжению сил и усердию.

2) Язык надо блюсти от суесловия, око ограждать от неподобных зрелищ, сердце хранить от помыслов нечистых и все чувства остепенять страхом Божиим; друг ко другу должно относиться смиренномудро, обращаться взаимно с любовью бездерзостною, беседы вести приличные, смотреть на полезное, слушать подобающее, соприкасаться с скромностию, помышлять о вещах божественных, да тако, радуясь и срадуясь, заповеди Божии исполним и душеспасительно дни пришельствия своего на земли окончим.

3) Мужайтесь: Бога имеем помощником и заступником в таком препровождении жизни, а крепким покровом ходатайство Пресвятыя Богородицы и молитвы Владык наших, великих святых Предтечи и Богослова, коих и монастыри занимаем. Но аще Бог по нас, кто против нас? (Рим. 8, 31). Если Господь Защититель живота нашего, от кого устршимся? (Пс. 26, 1). Если имеем помощь Богородицы и Святых, кто одолеет нас? Никто никогда. Но и демоны далеко от нас будут держаться, и люди будут хвалить; враги изумятся, и никто против лица нашего не постоит. Если же мы не будем таковы, то с нами случится все иначе.

4) Почему будем блюсти себя в подобающем благоустроении, особенно живя в таком городе. Будем воздерживаться от разговоров о предметах чуждых нам. Чуждо же нам и о царях вести беседы, и о начальниках разговаривать, и о том или другом разведывать. Яже ти повелена сия разумевай (Сир. 3, 22), говорит премудрый. Иная у нас забота, иныя и беседы. Мирские о мирском, житейские о житейском речи ведут: мы же о Боге Спасителе нашем, и о том, что душеполезно: о добродетелях, о житии преподобных отцев наших, о смерти, о преставлении, о сретении Ангелов святых, об ответе пред престолом Христовым, о праведном воздаянии, о Царствии Небесном. Беседуя так, мы Ангельски просвещаемся и мирян просвещаем, если случатся; если же впадаем в суетныя беседы, то и сами себе вредим, и от других осмеянию и осуждению подвергаемся. — Внемлите убо отселе себе и блюдите уста свои от бесед неподобных, распространяйтесь же о наших благих деяниях, еще теплейшую тем воспламеняя ревность к возлюбленю Бога, и за истину Его избирая даже умереть. И решения ваши такая, Бог, приемля как дела, мученическими венцами вас украсит в день оный.

109.

1) Ревностно и всесильно ищите не земнаго: Бог благословит. Если пребудете так, преуспеете; ибо так все отцы жили. — 2) Опять укор хищникам вещиц. [2, 35].

1) Одни одно, другие другое избирают себе в предмет искания: один ищет господства, другой славы от внешнего чиновничества, иной довольства и многоимения в домах, слугах, полях: многообразны похотения мирския. Вы же, оставя все сие и в иной мир душевно перенесшись, премирнаго и небеснаго желаете и ищите, и сердцем своим в том пребываете; об этом одном у вас все попечение и труд. Ничто не заботит вас и не занимает, кроме совершеннаго очищения страстей и стяжания сердца сокрушеннаго и смиреннаго, молитвы неленостной, тщания непрестающаго, слезнаго сокрушения, полного безпопечения, не говорю о друзьях и знаемых, но и о самых родителях и о всякой суетности. — Ей, таково Божие о вас благоволение! И я вижу, как каждый из вас настоит,

подвизается и нудит себя отторгнуться от томящей его страсти и пребывать расположением своим с единым Богом. Если потому пребудете вы в таком мученическом подвиге, то Христос Бог наш подаст вам силу и крепость отразить всякое страстное и сатанинское вам сопротивление и благоуспешно совершить предлежащий вам треблаженный подвиг, как прежде жившим святым мужам и богоносным Отцам. Разве они, будучи облечены телом и подобострастны нам, без трудов и подвигов прошли жизнь свою? Никак нет; но многое многообразно перестрадавши и преодолевши, путем всякаго послушания и смирения, равно как воздержания и всяких других добродетелей, подчинив плоть духу, востекли на высоту св. жизни и стяжали то, что стяжали и чем прославились. Воспомянем добродетели всепреподобнаго отца нашего Саввы *) [*] Поучение сие — в день памяти его.] в назидание душ наших. Будучи послушником, как знаете, был он крайне послушен, скор, услужлив, и принимая самыя послѣдняя послушания, радовался как нечто славное совершающий; день и ночь был он в трудах, носил воду, дрова, первый приходил на псалмопение и послѣдний выходил. Многое и другое о нем написано, что нет ныне времени перечислять. Будем же подражать ему и мы, чада; ибо это не невозможно: один в одном, другой в другом, друг другу помогая, друг другу соревнуя, но при этом паче всего блюдысь, чтоб ничего не делать по своей воле, даже того, что кажется хорошим, без подобающаго вопрошения.

2) Не могу умолчать об одном деле, второе, не знаю как, делается среди вас некими невеждами, презрителями всякаго порядка, хотя это очень укорно, — разумею — частыя у нас пропажи, или лучше, покражи. Когда, например, кто оставляет у себя в келлии сандалии или писала, или другия орудия рукодельныя, выходя не надолго, или на долго по делу, то возвращаясь не находит, что оставил. Это совершенно диавольское дело, досадное и возмутительное в братстве: и пойдут подозрения, наговоры, огорчения и даже враждования, вероятно больше на невинных, чем на виновных. — Послушайте вы, воры, грозное определение блаженнаго Ап. Павла: ταιε... и хищницы — царствія Божія не наследят (1 Кор. 6, 10). Сказав хищницы, не прибавил: сребра или злата, или одежд драгоценных, но общее изрек определение;— чего бы ни касалось хищничество, хоть бы самадлейшей вещи, хищник не наследит Царствія. Слышите ли сие вы, тати и хищники? — И прошу вас, перестаньте воровать и похищать — нитки, иголки, шила, писала, кувшинчики, чаши, ножички, пояски, — и подобное: ибо и такое все делающіе, повторю вам, Царствія Божія не наследят. — Или не боитесь Апостольскаго приговора? Разве это я, бедный, изрекаю такую угрозу? — Посему еще прошу, будем ходить достойно звания, в которое призваны, чисто, преподобно и праведно, удаляясь от сказаннаго порока, да наследники будем вечных благ.

110.

1) По общению вашему добро каждаго переходит на всех, и добро всех на каждаго. — 2) Не будем же ни лениться, ни своеобразничать; но общею живя жизнью, постараемся от худа воздерживаться, а о доброхвальном ревновать. — 3) Что делаем и испытываем, бывает и проходит, — и не чувствуется более; но остается внутри, и в день суда приидет в явь на оправдание, или осуждение. [2, 87].

1) Каждый свое дарование имеет, как написано: один—такое, другой — другое. Но вы, братія, союзом любви связанныя, в силу сей любви, взаимно собственными делаете труды и добродетели друг друга. Ты, например, благодушно переносишь безчестіе; другой отличается трудолюбіем, иной избыточествует молчанием, а иной — благопокорностію, и по общению каждый из вас кроме своего имеет и то, что есть у других: добро ваше переходит взаимно от одного на всех, и обратно. Почему

радуйтесь и сорадуйтесь друг другу; и какое кто имеет дарование, в том и да преуспеваает, бегая тщеславия, и добродетель брата почитая большею. Если же мы таковы, и так слиты друг с другом и сочетаны единением любви; то потщимся паче и паче преуспевать, и Бог прославится в деле нашем, и в большей части вселенной слышным сделается образ жизни нашей.

2) Но никто не будь своеволен и своеобразен. Горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни (Ис. 5, 21). Никто не будь нерадив и ленив, да не услышит: иди ко мравью, о лениве (Притч. 6, 6). Никто также не будь раздвоен в суждениях, да не услышит и он: муж двоедушен, неустроен во всех путях своих (Иак. 1, 8). Но всегда будьте подвижны и скоры на делание заповедей, искренни, непреткновенны по причине исповедания сокровенностей своих, не одержимы тщеславием и не увлекаемы своею похотию. Ибо таковой подобен волнению морскому ветры возметаему и развеваему (Иак. 1, 6), как не установившийся и основы не имеющий в сердце своем. Но да будет все такое далеко от вас всех, елика же честна и доброхвальна, то старайтесь приобретать, тем богатиться и то сокровиществовать в сокровищницах душ ваших, к улучению Царствия Небеснаго.

3) Что делает кто из вас каждый день, похвальное ли то, или укорное, все то преходит, уносится, как поток водный, и так, что даже в чувстве ничего почти не остается от вчерашняго дня к нынешнему. Страждет кто из—за заповеди, трудится, плачет, терпит, потеет, раздирается сердцем, утесняется, изнемогает, оскорблению подвергается, — или другое что страждет, — сей час чувствуется это, и тотчас же пробегает; но в испытанном то все остается и пребывает сохранным во веки веков для получения воздаяния. Напротив, утешничает кто, смеется, наслаждается, безчинствует, играет, праздности предается, никого не слушается, легкомысленничает, завидует, гневается, неистовствует, строит ковы, высокоумдрствует, и подобное, — тот не только ныне никакой от того пользы не получает, но еще сокровиществует себе не оправдимое осуждение в день воздаяния и праведнаго суда Божия. Подумаем о сем, братия мои, и емлемся за добродетель, греха же всячески избегать постараемся, как бедственнаго и всегубительнаго зла, да Богоугодно кончим дни жизни нашей и сподобимся обетованных благ со всеми, благоугодившими Богу.

111.

Поучения говорятся, чтоб вы, слушая их, исправлялись, а вы все такими же остаетесь: перестаньте же быть так мало внимательны, и деятельны. [2, 38].

Спрашиваю вас, для чего говорится поучение? Для того ли, чтоб оно только прочитано было в определенный час и почесало слухи ваши, или для того, чтоб вы похвалили меня, или так без определенной цели? Ни для чего такого; но для того, чтоб вы вникли в говоримое, всею душою прияли силу слова и плод принесли благодатию Христовою, при споспешествовании вам и молитвы отца моего и вашего. — Таково мое намерение и долг; но что я вижу? — Вижу, что как только кончится поучение, тотчас исчезает у вас из памяти все, не оставляя следа, как будто ничего и говорено не было. Оттого, как только выйдем вон, по окончании службы, тотчас впадаем в те же погрешения, как обычно. Один начинает безверемно разговаривать, другой роптать, тот пересуды сплетать, этот прячется в угол, чтоб соснуть и просыпает рукодельный час, а когда является, руки у него оказываются немощными и колена расслабленными (Сирах. 25,26). Оставляю говорить о прочем. Не так, чада мои, не так следует сему быть; чтоб иначе не услышать вам: люди сии устами благословляют меня, сердце же их далеко отстоит от меня. Но когда услышите спасительное слово, из поучения ли моего, или из Божественнаго Писания, которое читалось, как только случится, да

породится в сердце вашем движение страха Божия, искра любви к Нему, желание преуспеяния, намерение исполнять верно святые заповеди Его, да сподобимся Царствия Его.

112.

1) Духовный у нас бег: кто зрители? На что должно быть обращено внимание бегущих? Кто образцово бежит? — 2) Не должно завидовать обычным отличиям монастырским; неразумно все, что в таких случаях говорят недовольные: исправьтесь же, за кем это водится. [2, 39].

1) Вы скороходы Владыки Бога, и бег ваш не по земле, но от земли до неба; зрители не люди, а сонмы Ангелов и Святых; раздаятель венцов — Сам Господь, и венцы неувядаемы. Блаженны вы, что вступили в сие поприще состязания, приняв схиму. Но тут вами положено только начало; венцы же даются только совершившим бег. Да смотрит же каждый из вас добре, как течет; да замечает знаки на поприще, определяющие успех бега, т. е. преуспеяние в добродетелях; зорко да смотрит на препятствия, — и напрягается преодолеть их, — т. е. на искушения плоти, мира и диавола, приемля силу на то от Духа Святаго; никто не смотри по сторонам, а на одну точку вперив взор, где конец бега, туда да устремляет все силы свои. Бег еще не кончен. Доселе текли вы добре; теките и отседайте не с меньшим рвением и напряжением, соревнуя друг другу, и друг другу вспомоществуя. Кто перегнать может? Кто смиреннейшим паче всех будет. Кто образцово бежит? Кто бывает послушнейшим, благоговейнейшим, безропотливейшим, псалмопевнейшим, безмолвнейшим, трудолюбивейшим, молитвеннейшим, откровеннейшим, бездерзостнейшим, незлобивейшим, независтливейшим, вернейшим, отцелюбивейшим и всяким другим, чем обнаруживается действие совершенной добродетели и по душе, и по телу. Вот в чем да будет бег ваш, и вот чем восходим мы от силы в силу, и от мира на небеса.

2) Любовь да будет отличительною чертою вашею, характеризующею вас, как учеников Господних. Пребывая же в любви, любовно принимайте всякое отличие братий, их предпочтение и повышения в служениях, рукоделиях, местах стояния и в рядах. Да отступит зависть, рвение, гнев. Благоприятное братиям принимай каждый, как благоприятное себе самому, и радуйся успехам их. Так благоугождается Бог и стяжается полная над всем победа. Любовь есть венец добродетелей. А огорчаться тем, что тот-то предпочтен в таком-то деле и в таком-то служении, есть дело гнилое и вредное и признак противоположной стороны. Не так, чада мои, не так. Несправедливо говорить: меня бы следовало успокоить паче того-то, или: я старее такого-то, — мне и высшее место. Бегайте, молю вас, таких сетей диавольских. Но что добро, что честно, что подобает святым, елика братолюбна, елика смиренномудра, елика последнейша, сия помышляйте, сия гоните, сия стяжать пекитесь, действуя во всем детски, незлобиво, искренно, как избранный народ Господень, ничего кроме повеленнаго не допуская. Если же и случится какое поскользновение, спешите исправить то и загладить понесением епитимии, да в день воздаяния услышите оный превозделенный глас: приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (Мф. 25, 34).

113.

1) Доброе положили вы намерение; но это не избавляет вас от искушений врага, кои и испытываете. Но будьте верны обету своему, и Бог поможет устоять. — 2) Отбросьте же дела тьмы и преуспевайте в делах света: ибо первыя привлекают гнев Божий, а вторыя — благословение. — 3) Ныне много у нас больных: здоровые — послужим болящим; болящие — будьте терпеливы и всем довольны. У нас

нет слуг: братия служат по любви и послушанию. Воодушевитесь трудящиеся: Бог все видит. [2, 40].

1) По благоволению Божию, все вы в числе спасаемых есте, все вступили на путь спасения, и у всех вас нет другого искания, кроме как улучшить спасение; но как есть диавол, противник всякому добру, то многие из нас подвергаются от него искушениям, не желаемым: одних разжигает он сластями похотными, принимая в пособие себе вожделения юности, — других низлагает любоначалием, из-за которого и сам низпал с неба, а иных расслабляет нерадением, вяжет унынием, и ведет, как хочет и куда хочет, разстроивает неверием и, пленив своенравием, научает неуместным делам. И что одно за другим перечислять все, чем он проткнуть нас покушается каждодневно, на этом одном стоя и выжидая лишь, когда мы дозволим себе послабления и впадимся в распущенность? Но да запретит ему Господь Бог, сказавший морю: молчи, престани (Марк. 4, 39), и да отженет его от нас подалее куданибудь. Это и бывает, когда мы в самих себе сосредоточиваемся и непрестанно имеем во внимании первую цель нашего в обитель вступления: ибо мы, пред свидетелем Богом, обещали переносить всякую скорбь и тесноту даже до смерти.

2) Потому отбросьте все все, противное исканию спасения: малодушествующие малодушие, любоначалствующие любоначалие, лентящиеся леность, сластолюбствующие сластолюбие, гордящиеся гордость, тщеславящиеся тщеславие, дерзостные дерзость, безчинствующие безчиние, многословящие многословие, миролюбивые миролюбие, плотолюбивые плотолюбие, печалющиеся неразумную печаль; кто завидует зависть, кто задорничает задорность, кто бранчив бранчивость, кто празднотлюбив празднотлюбие. Таковы дела тмы и виды зла — изобретения и внушения лукаваго! Богу же благому угодны — мир, кротость, смирение, послушание, независтность, трудолюбие, тщание, бодренность, любовь, надежда, благочиние, молитва. Таковы дела света, таковы оружия правды и доблести святых! Умоляю вас, любви ради к Господу, пробудитесь усыпленные страстями, восприимите бодренность дремлющие под обаянием прелести вражией. Если желаем жить доброю жизнью и если любим видеть дни благие, послушаемся того, кто говорит: уклонися от зла и сотвори благо: взыщи мира и пожени и (Пс. 33, 15). Где очи Господни благоволительные? Очи Господни на праведные и боящиеся Его (Пс. 32, 18). А где лице Господне разгневанное? Лице же Господне — на творящия злая, еже потребити от земли память их (Пс. 33, 14). И все следующие слова псалма сего представляют прекрасныя внушения, если пожелаем вникнуть.

3) Во дни сии много у нас больных братий: время такое нездоровое. Здоровые, — поможем болящим. Болящие, примем сие наказание Господне, как спасительное, и, благодушно перенося болезнь, будем благодарны за все, подаемое нам. Когда же избавимся от болезни, не будем носиться попусту туда и сюда, но приступим опять к делам своим. Ибо у нас нет наемных рабов, на одно то определенных, чтобы прислуживать, — как это бывает у мирских людей; но мы сами себе и рабы и господа, услуживающие и приемлющие услуги, — при чем каждый смотреть должен, чтоб больше услуживать, чем принимать услуги безвременно. Бог видит каждого из вас и дело его, и служение; видит, чем был прежде и чем стал теперь, как жил в мире и как живет в обители, как нудит себя и все терпит, во что одевается и обувается, и какой труд подъемлет при исполнении дел своих; — и в свое время каждому воздаст по делам его. Итак, никто не малодушествуй. Богу мы явлены, и предстанем пред страшным судилищем Его, когда дав отчет о прожитой жизни, получим должное.

114.

1) Будем воздвигать души свои, делая в духовном смысле все, что делает земледелец, воздвигая

поле свое. — 2) Как воины держат себя и воюют, так будем воевать и держать себя и мы; как воины, на войне все терпят в чаянии наград, так будем все терпеть в послушаниях наших и мы, царства ради небеснаго. [2, 41].

1) Земледелец, обрабатывая поле свое, на тяжесть труда не смотрит, чтоб рук не опустить, не разлентиться, но будущия выгоды имеет в виду и ради их предает себя на труды и поты и на утомительныя лишения. Поелику и из нас каждый, как поле какое, получил душу свою для возделания в веке сем; то надлежит и нам возделывать в ней делания духовныя; и в этом в день суда потребует у нас отчета, создавший нас, Бог. Почему прошу вас и молю, будем все обще усердно возделывать поля душ своих, обновим их по законам благочестия, чтоб не сеять в терниях страстей; но очистив наперед пашни свои от всяких сорных зарослей греха, бросим в них семена, оросим их потом дождями духовными Богосокрушенных слез, обложим крепкими изгородями страха Божия, чтоб не истребляли всхода мысленные звери, осветим их и согреем солнечными лучами любви, чтоб потом наполнить умныя руки наши рукоятями и собрать множество жита дел святых по заповедям Христовым. Для сего призвал Господь Бог всякую душу в эту жизнь, нас же особенно к Ангельскому образу жительства. Да покажет же, прошу, каждый из вас, в добром поведении своем, поля свои цветущими, благоплодными, издающими vonю благоухания благоприятную Господу, то чрез совершенное изменение плотских нравов и соотношений, и это чрез благопокорливое послушание и Хриstopодражательное смирение, изо дня в день усовершенная и от славы в славу преобразуясь, чрез блестящее одеяние благими делами, всякое ослушание отрешая, и всякое помышление ума пленяя в послушание Христово, сообразуясь с общим уставом братства, всегда объемля самоукорение, коим возможен легко многоглаваго дракона гордости и своенравия попать и умертвить.

2) На какое дело особенно призваны мы, братие? На войну и брань, — на брань, не какуюнибудь легкую и с лицами ничтожными, но на брань жестокою с страшными силами невидимых духов, как говорит Божественный Апостол: несть наша брань к плоти и крови, но к началам и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12). Итак, никто не оставайся не приготовленным к брани, никто не выходи не вооруженным, и не чуждайся воинских знаков; но и не дивись, когда получаешь раны и уязвления, или когда встречаешь столкновения. Все сие подобное неразлучно с воющими. Умирает же при этом не тот, кто однажды получил рану или пал под ударом, даже не тот, кто многократно или и безчисленное множество раз подвергался сему, но тот, кто сам себя добровольно предает врагам своим на заклание. Посему, братия и отцы, будем внимать и крепко стоять в брани, яко воины Христовы. Всякий воин, как знаете, когда отходит в поход на брань, много очень встречает неудобств, трудов и неприятностей, или от вара солнечнаго, или от дождей, а то и от холода, — не изнеженную проводит он там жизнь, иной же раз желал бы съесть хлеба кусок, или стакан холодной воды выпить, и того нет; весь день, или и ночь он в движении, в переходах с места на место, в пыли и грязи, в утомлении и изнеможении, — для чего? чтоб угодить военачальнику, записавшему его в воинство, чтоб не попасть в список дезертиров, чтоб во время раздачи наград безпрекословно быть признану достойным их. — Это же бывает и у нас; только в другом роде: у тех награды временныя, и скоропреходящая, а у нас вечныя и нетленныя, и даются от царствующаго над всем Бога. — Почему потерпим еще и еще; будем подвизаться и подвизаться, каждый, по лежащему на нем служению, чисто и безукоризненно работая Господу: распоряжающийся в распоряжениях разумных и осмотрительных, а служащий в служении

безропотном и усердном. Будем переносить и мы время алчбы и жажды, поношения и унижения, столкновения и оскорбления; особенно изнеможения и расслабления во время ночных псалмопений и молитв, и всякого рода неприятности, видимо и невидимо нападающая на нас и сокрушающая каждодневно во время производства рукоделий и исполнения других послушаний; да тако молитвами отца нашего, добрым подвигом проподвизавшись и течение совершивши, венец правды сподобимся получить в день он, о Христе Иисусе Господе нашем.

115.

Отвергнув все похотное и гневное, прилепимся к Господу, работая Ему не ложно в делах нашего послушнического звания. [2, 42].

Слушая слушайте, и разумея разумеете, что говорят нам и что заповедают св. отцы. Ибо это же самое и я, хотя недостойно, предлагаю вам в поучениях моих. Что же именно они говорят и влагают в души наши, то в настоящий раз совмещу в двух следующих уроках Слова Божия: один угрожает: не льстите себе, ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернителю, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, Царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9), — и опять в другом месте: всяка горесть, и гнев, и ярость, и кличь, и хула да возмется от вас, со всякою злобою: бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам (Еф. 4, 31. 32); другой призывает: приидите поклонимся и припадем Ему, и восплачемся пред Господом, сотворшим нас (Пс. 94, 6), — и еще: внидите во врата Его во исповедании, во двory Его в пениих (Пс. 99, 4). Итак, и угрозами утвердившись, и призывание прияв к сердцу, приидите все вместе, покланяясь, поклонимся Господу и восплачемся пред Ним о пройденной жизни нашей, о каждодневных прегрешениях наших в ведении и неведении, делами, словами и помышлениями, и внидем во двory Его в песнях и славословиях, но не в сквернословиях, неистовствах, преслушаниях и высокоумудриях. Ропщет кто, грех ему есть: не будем же роптать, ни выходить из себя, ни своенравничать, ни суемудренничать, ибо мы земля и пепел, пыль и прах, особенно те, которые в неразумии думают о себе, что они славны по телесным или духовным деланиям. Я вижу, что образ мира прешел от нас (1 Кор. 7, 31); ибо мы иное есмы, чем миряне, странною некоею облеченные одеждою, и странно некако живущие: безбрачные, безименные, безнаследные, неуловимые, паче же безплотные; ибо сущие во плоти Богу угодити не могут (Римл. 8, 8), — распятые миру. Поелику же такова, взятая нами на себя, жизнь, то мы должны носить на себе явные признаки ея, чтоб истинно, а не лжеименно быть тем, чем назвались. Почему будем послушливы, скоры, Богобоязненны, благи, благоговейны, друг–друго–любивы, трудолюбивы, терпеливы, благодарны за все, что ни дается нам, да добре поживше, наследницы будем вожделеннаго и искомаго нами Царствия Небеснаго.

116.

По случаю убежания неких: стойте и совершенствуйтесь, всячески опасаясь действовать по своей воле, даже и в добром. [2, 43].

(Убегли некие из обители: изъяснив жаление об этом, святыи Отец прибавляет...) Вы же уцеломудритесь примером их и познайте, что удивил на вас милость свою Господь в том, что вы не увлеклись кознями диавола и твердостью веры вашей устояли неподвижными и не отступили от преданной вам святой заповеди послушания. Не уподобьтесь же им, прошу вас, и будучи сынами Света, не сделайте чадомы тмы и непокоривости, и блаженных трудов ваших многих не расточите

всуге, предав вместе с тем и души ваши на вечное осуждение. Ибо сказано: отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или трех свидетелех умирает; колико мните горшия сподобятся муки (Евр. 10, 28. 29) — поправшии обеты, исповедания и заветы святого звания нашего и посмеявшиися над таинством нашего совершенства. Почему внимайте себе, прошу, и право шествуйте путем Божиим, молясь, да дано будет и тем возникнуть и возвратиться от душетленной и смертоносной прелести диавольской. Впрочем, известно, что каждый из вас показывает, чем он имеет быть, из сущаго в нем настроения, сосудом ли избрания, или сосудом погибели. Ибо когда не по общему уставу, и не для общей пользы, и но по повелению настоятеля, бывает что из бывающаго у вас, или в чтении, или в псалмопении, или в воздержании, или в бдении, или в другом чем, кажущемся добрым и подобающим, но по самочинной воле действующаго, — отчего и во всем братстве обычно происходит смущение: — то явно, что таковой есть орган злаго врага, разрывает узы подчинения и послушания и шествует во тме в след похотений своих. Опять и то надо иметь во внимании, что праведным судом отлучаются нечестивые от благочестивых, подложные от настоящих, криводушные от праводушных, лукавые от искренно благоговейных, злонравные от благонравных. Ибо кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром? (2 Кор. 6, 14. 15). — Так что когда мы, по снисхождению и ожиданию исправления, не отсекаем таковых, они сами себя отсекают и отлучают своим бегством. Если хочет кто, припомни и то, что написано в Герондике, что, «место само изгоняет тех, кои не делают дел места.»

117.

1) Опять убежавшие. — Как избежать такого падения? Надо не внимать внушениям врага и речам соблазненных им. — 2) Иные вечером в беспорядке требуют хлеба и вина: я сделаю об этом общее распоряжение; перестаньте своевольничать. — 3) Иные самовольно переходят с послушания на послушание: чтоб этого не было; своя воля пагуба. [2, 44].

(Опять по поводу убежавших). 1) Как избавиться от подобнаго падения? — Не надо принимать совета змия, и змия самага укрывать в сердце своем, но надо поскорее обличить его, — и он убежит, как от огня. Еслиб наши беглецы соблюли сии правила, то не доведены были бы до того, что пострадали. Но вы, чада мои, блюдитесь, и соблюдайте сие. Будучи овцами стада Христова, не отдавайтесь самоохотно в добычу диаволу. Будучи введены в рай заповедей Христовых, не обольщайтесь приманками змия злаго, ни по коему же образу, да не будете низвержены в мрачную тму греха. Живя Ангельски, не допустите, чтоб вас покрыл мрак самочиннаго бегства; но терпя терпите, и исполняя исполняйте заповеди. Никто не общись с сонмом лукавнующих и с нечестивыми не садись (Пс. 25, 5). Нечестив и лукав, кто связывается с кем и сговаривается о бегстве, или об удовлетворении другой какой страсти, на пагубу свою и того, кто согласится последовать ему. Итак, когда о телучит тебя от других таковой и начнет вливать в тебя яд зла с языка своего, отскочи и стань подальше от него; заткни уши свои, чтоб снасти и себя, и его. Даже когда он увидит тебя опечалившимся от случившагося искушения, ты не принимай его, лукаво подступающаго снова к тебе, праведно печалящемуся и негодующему: ибо это змий, ухитряющийся привлечь тебя на свою сторону. Когда начнет он осуждать рай твой, т. е. общежитие, или обвинять живущих с тобою, кои суть братия твои, говоря, — что тот–то такой, а этот вот какой, или то–то у нас нехорошо, и это худо, оттолкни его и обличи, как следует, чтоб и его уцеломудрить и себя снасти. — Но чтоже говорят такие? — «Разойдемся с здешними: Игумен тяжел; начальник над мастерствами нестрожателен; каллиграф

безразсуден; работы много, а содержание ничтожное; все повелевают, все приказывают; сил нет переносить тяготу труда, и спастись тут нет возможности. Убежим отсюда. — Куда? Куда глаза глядят; лишь бы только выдти.» — И если-б кому либо из здраво-мыслящих можно было увидеть таковых, каковы они по душе, — то увидел бы их мрачными, ужасными, демонскими, не имеющими ничего здравого — ни воли, ни ума, туда и сюда вращающимися, как овцы заблуждшия. — И не думайте, что я говорю так, желая только их посрамить. Нет, — нет: напротив, у них еще гораздо больше худого, — столько, что и пересказать нельзя. Впрочем молитесь, молитесь всеусердно, чтоб они нашлись и возвратились, или сами собою, или нашими руками. — Наше же с вами дело, — да будете тверды, избегая причин подобнаго падения, добрым подвигом подвизаясь, для увенчания небеснаго. — Но дошел до меня слух, что некоторые из вас неосторожно защищают ускользнувших, между тем, как они не только защиты, но и поминания простаго недостойны. Вам уместно одно простое поименование их с сожалением. Ибо вот и Апостолы предателя не называют уже апостолом, но только Иудою, предателем, татем.

2) Слышу, что у вас опять бывают нестроения в вечерние часы: требуют кто хлеба, кто вина, — и это в дни Четырдесятницы. Вам известно, что вошедши в град сей, мы уже немного изменили наш образ жизни, какой держали вне его, говорю об употреблении елея, вина и варева в дни Четырдесятницы, а также и по средам и пятницам. — И довольно бы. — Но как я сострадаю вам, и по моей собственной немощи, и по трудности воздержания в городе; то определяю, чтоб отныне, в показанные выше дни, вечером, все желающие получали по чаше вина и ломтю хлеба. И да не будет, наконец, отнюдь ни нестроений, ни задоров, — ни таких вздорных речей: „я бы должен был получить то и то: я больше других потрудился.» Нарушители порядков не избегут должных епитимий и отлучений. Возмите предосторожности и вы, смотрящие за мастерами, блюстители порядка, домостроители с прочими начальниками других частей, чтоб не пострадать опять тогоже.

3) Напомяну и еще об одном. — Некоторые не остаются на тех послушаниях, к каким приставлены, но переходят с одного на другое без толку, по одному легкомыслию и непостоянству; от чего бывают и сами себе во вред и тем, кои держатся порядка; да и самым зрителям за мастерскими и рукодельными причиняют излишнее беспокойство и труд. — И этого да не будет впредь. — Но всякой будь терпелив на том, к чему приставлен, и как установлено, так пусть и работает. Потому что самому себе придумывать занятия и свои прихоти исполнить домогаться есть признак беспорядочности, невежества и непослушности. Теперь как такое зло указано и запрещено, никто больше так не поступай, чтоб не подпасть под епитимию за безчиние. Не знаете разве, что говорит св. Дорофей? Что достигший отсечения воли своей достиг полной меры внутренняго покоя. Почему, кто хочет насладиться внутренним покоем, тот для достижения сего пусть держится сего пути, т. е. отсечения своей воли; и получит покой и на время пребывания здесь, и на вечные веки в будущем. — Бог же и Отец Господа нашего Иисуса Христа да даст вам всем тожде мудрствовать и в одном всем согласоваться, — чтоб терпеливо выдерживать всяческия подвижническия борения в напутствие к жизни вечной и в наследие Царства Небеснаго.

118.

Подвиги кратки, но блага за них вечны; сласти греховныя мимолетны, но муки за них безконечны: их не миновать нерадивым. [2, 45].

Настоящая жизнь есть время подвигов, время скорбей и потов, — не таких подвигов, скорбей и

потов, которые назвал бы кто часовыми и вообще кратковременными, а денно—ночных, долговременных и до конца жизни не престающих. Но не будем забывать, что не из—за каких либо ничтожных, последних и человеческих целей идет этот у нас бой, но Божественных ради и небесных благ. Ибо если мы, постоянным терпением и всеуслышанным хранением святых заповедей, будем иметь успех в нем, то наследуем царствие небесное, блаженство нескончаемое и неизреченных, неслышанных и недомыслимых вечных благ вкушение. Если же, чего да не будет, по нерадению и лени, по пристрастию и люблению тлетворных удовольствий века сего, не будем иметь в нем успеха, то получим вечное мучение, безмерное посрамление, и стояние ошуюю, слыша страшный оный глас: отыдите от Мене проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (Мф. 25, 41). Но да не будет нам услышать этот страшный глас и испытать бедственнейшее оное отделение от святых и праведных, — когда они взяты будут в радость несказанную, в свет невыразимый, к наслаждению ненасытимому, а мы отведены будем с демонами в огонь вечный, к червю неусыпающему, на скрежет зубов, в тартаре мрачнейшем, в узах неразрешимых, — и это не на краткое время, не на несколько лет, не на сотни, тысячи и тмы, но бесконечно, — на всегда и все также, по определению Господа. Где тогда, как говорят святые, брат, или отец, или мать, чтоб избавить и защитить? — Но брат не избавит: избавит ли человек? Не даст человек измены за ся, и цену избавления души своя (Пс. 48, 8). Я же вопрошу иначе некак: где тогда безпечность безпечных и нерадение нерадивых? Где тогда противоречие противоречивых, ненаслушание непослушливых? Где тогда гордость горделивых и дерзость своенравников? Где чревоугодие чревоугодников, предлоги лжесловесников, отречение отрекшихся от обетов, данных пред Богом? — Кои попрали Сына Божия и кровь Завета вменили ни во что, подумав, что нет ни смерти, ни воскресения, — ни суда, ни воздаяния, отторглись от братскаго во Святом Духе общения, лишились самого Духа Святаго и блуждают туда и сюда, по стремнинам и пропастям своих сластолюбивых похотей.

119.

Вышли мы из мира: что дивнаго, если страждем в мире? Но это не вред для нас, а способствование. Будем же терпеть время быстро течет, и скоро всему конец; Господь же все видит, и за все воздаст. [2, 46].

По плоти вы стали без рода и без города. Единаго все имеете Отца Бога всяческих; один у вас город — вышний Иерусалим, и сограждане — все от века святые. Чтоже дивнаго, что здесь мы злостраждем в подвижнических лишениях и бедствованиях, иной раз бывая оскорбляемы и поносимы? Не смущайтесь; ибо это не препятствует, а способствует тому, чтоб возсиявала в нас правда и множество мира, свет, живот, радость неизреченная и Ангельское веселие. Почему прошу и молю, укрепите души ваши в терпении, утвердите мудрования ваши в Господе, всеблагодушно перенося и переживая все в чаянии получения великих уповаемых благ. Время быстро течет, и мы приближаемся к смерти, — или не к смерти, а к жизни не стареющей: ибо над вами смерть не будет иметь власти, когда вы умерли наперед произволением, чрез отречение от мира. Емлемся же за дело свое со всею заботливостью, и всякой напрягайся исполнять лежащее на нем послушание, чисто и преподобно, представляя его с доброю совестью мздовоздаятелю Богу. Ибо видя видит Господь каждого, и дело его, и усердие его, или леность и оттягивание Все назирает Он и .всем воздаст, по достоинству, в Царствии Небесном.

120.

В жизни нашей духовной будем отображать черты жизни Господа на земле во плоти. [2, 47].
Что воздадим Господу о всех, яже воздаде нам (Пс. 115, 3), кроме как памятовать о том и благодарить. Ибо смотрите, что было? С какой высоты и в какую меру унижения ради нас низвел Он себя? Будучи Бог и Владыка всего, зрак раба приял, носим был во чреве Пресвятыя Богородицы, и родившись, приял пеленами повитие, как младенец, и положен в яслях; был отдоен, как дитя, мало по малу рос и из дитяти стал мальчиком, потом отроком, затем мужем совершенным, когда благоволил приять крещение, источая нам баню пакибытия; наконец совершил служение Свое, прошедши предательство, животворныя страдания, распятие, смерть, тридневное воскресение. Все это нас ради было, чтоб и мы духовно проходили тот же путь. Поелику Он, безтелесно от Отца прежде век рожденный, ради нас потом родился телесно от Пресвятыя Девы; то и мы, рожденные сначала телесно, раждаемся потом духовно, обще все во святом Крещении, особенно же некако, — монашествующие чрез св. схиму? Почему мы должны младенчествовать, особенно недавно приявшие схиму, и подражать простоте детей, чтоб, когда кто оскорбит и обидит, не раздражаться, подобно диким зверям, но будто не замечать, как бывает у детей. Христос Господь повиновался во всем родителям своим, и нам должно повиноваться духовным родителям своим, — отцам. Христос Господь, когда выступил на дело Свое, был поносим и оскорбляем, слыша от неистовых книжников и фарисеев: беса имаши (Ин. 8, 48), — о веельзевуле князе бесовском изгоняеши бесы (Мф. 9, 34), — не сей ли есть сын тектона (Мф. 13, 55), и другия подобныя укорныя слова; потом терпел оплевания, зашения, бичевание. И ни слова не испустил против, а только благодарил и молился: Отче, остави им, не ведят бо, что творят (Лк. 23, 34). Сему да подражают желающие спастись и быть сонаследниками святых. Внимайте же себе все, от первых до последних; ничего да не будет у вас, по рвению, или своенравию, или непокорности; но все во всем Божественно и тепло совершайте дело свое, да благоугождается и славится Христос. Да даст вам Господь силу и крепость паче и паче очищаться, совершенствоваться и просвещаться, да сияете, яко светила в мире.

121.

1) Никто ни особься, и веры к отцу своему не теряй; врага же, искуснаго изобретателя зла, не слушайте. — 2) Этого достигнем вы открыванием помыслов, — о коем умоляю вас спасением вашим. [2, 49].

1) Радуюсь и веселюсь, смотря на ваше преуспяние; но сколько радуюсь, столько же, с другой стороны, объемлет меня страх и трепет, как бы не привзошло какое либо нестроение, и не низвратило всего, что многими трудами и потами вами приобретено. Почему общее ко всем вам обращаю слово: блюдитесь, бдите и молитесь! Никто не замышляй особиться и сам о себе теши, никто не сдвигай ног своих с твердаго камня веры отцу своему духовному, не ослабевай в своих подвижнических трудах, ни другим каким образом не принимай к себе многоглаваго змия, вселукаваго и изворотливаго в прельщении на грех — такой или такой, таким—то или таким—то способом, под таким—то или таким—то благовидным предлогом. Он — многоискусный изобретатель греха, сеятель зла, сверженный с небес и на землю, как молния низпадший, пролез, как тать, в Рай и праотца нашего Адама прельстил, и с того времени и доселе людей научает всяким нечестиям и грехам. Он и христианский народ научил ересям и делам непотребным, и нас покушается ранить стрелами греха и умерщвлять.

2) Почему прошу и молю, твердо шествуйте путем своим, облекшись во всеоружие свое, и никак не давайте входа ему и даже подступа к себе. Этого вы достигнете благою, как я сказал, верою отцу, неуклончивым ему исповеданием и полным откровением своих сокровенностей, потом смирением и послушанием нелицемерным и терпением благодушным. Ей, братие, молю и прошу вас, ради Бога, ради воздаяния, ради вечной жизни и радостей ея, и страха ради противного тому, — огня неугасимаго и других безмерных мучений, еще и еще потрудимся, бодренно теча, право шествуя, борясь и слясь безбедно преплыть великое море жизни сей, чтоб по смерти получить венцы правды и блаженное безсмертие.

122.

1) Путники, смотря на конец пути, охотно переносят все трудности, встречаемыя на пути: как и нам надо все терпеть царствия ради небеснаго. 2) И все прославленные святые терпели: ибо иначе нельзя. [2, 50].

1) Как долгий совершающие путь, с места на место переходят, по пути иногда ровному и укатанному, а иногда по пересекаемому оврагами или топкому от дождей: так и мы настоящую жизнь переживая, переходим со дня на день, с года на год, встречая иногда неприятное и тяжелое, а иногда приятное и радостное. И как те ни долготою пути не тяготятся, ни из-за встречаемых на нем трудностей не останавливаются, взирая лишь на один конец пути: так и нам, добрым подвизающимся подвигом послушническаго и постническаго жительства, и доброю шествующим стезею, ведущею в Царство Небесное, не должно ни унывать, ни возвращаться вспять, ни изнемогать от встречаемых неприятностей, препятствий и прискорбностей, нам на пользу попускаемых благопопечительным о нас промыслием Божиим. Ибо если те ради небольших и неважных выгод привременной жизни не останавливаются пред подлежащими им трудами путешествия; не тем ли паче нам, ради благ вечных и неизмеримо великих, подобает все терпеть, все благодушно принимать и переносить, чтоб только сподобиться улучшить уповаемое. Ей, братия мои и чада, будем доблестнейше и благодушнейше переносить все, случающееся и все неразлучно связанное с нашим образом жизни: труды, тяготы, посты, бдения, коленопреклонения, спание на голой земле, зной и холод, алчбу и жажду, бедность одежды и обуви, некую неопрятность по причине трудов, неотложность послушания и молитвословий и все другое с этим связанное в подвижнической жизни нашей. Блаженны вы и преблаженны, преутруждаясь в духовных подвигах своих и с любовью встречая случающияся искушения мысленныя и чувственныя.

2) Да и есть ли кто в числе от века просиявших святых, который бы без потов и трудов, без искушений и скорбей провел настоящую жизнь? Назовешь ли Авраама, великаго в патриархах, и после него бывших Патриархов, Пророков и учителей, или хвалу Апостолов, Павла с прочими Апостолами, или потом прославившихся отцев — Стефана первомученика и всех других, с ним и после него замученных Христа ради, — Антония великаго и всех преподобных, с ним и после него подвизавшихся; у всех их найдем непомерные труды, поты, борения, утомления, скорби, гонения, нападки, клеветы и всякаго рода искушения. Проидоша, говорит св. Павел, в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающесе и в горах и в вертепах и в пропастях земных (Евр. 11, 37. 38). И все они так. Иначе и нельзя угодить Богу, нельзя без трудов совершить путь спасения, ни без подвигов одержать желанную победу. Как же нам, взявшись за одинаковое с ними дело, иначе успеть в нем, как не таким же образом жизни,

каким они жили и прожили свой скоротечный век?

123.

О чем друг пред другом ревновать должно, чем друг друга превосходить, и в чем друг с другом согласоваться. [2, 51].

Приидите, отбросим уныние и леность и восприимем тщание и рвение к исполнению всех заповедей Господних. Приидите, подвигнемся на то, чтобы превосходить друг друга — не словом, а делом, не тем, чтоб настаивать на своем: ибо это свойственно противной нам стороне, — но чтоб уступать, переносить оскорбления, поношения и насмешки. — Приидите, вступим в соревнование друг другу, — не в том, чтоб возмущать и возмущаться, ни в том, чтоб, поднимать брови пред низшими, и гордо закидывать голову пред высшими: ибо такова, вознесшаяся против Бога Вседержителя, гордыня, с высоты небесной на дольную землю низверженная;— но в том, чтоб мирну быть и умирать, кротку быть и укрощать, смиренные иметь правы и уничиженное мудрование: ибо таков Сын Божий, по послушанию и смирению вочеловечившийся и крестом и смертию спасший человечество. Приидите, станем подражать друг другу, не в том, чтоб лениться и оставлять Божественныя дневныя службы и ночныя псалмопения: ибо это свойственно лентяям и младенчеству, — но в том, чтоб быть скорыми на дело Божие, упреждающими других приходом в храм Божий до начала псалмопения: ибо таковы ревнители благочестия и добродетели. Но, чтоб не перечислять все — одно за другим, скажу обще: будем все подражать друг другу в добром, ссоюзимся бездерзостною любовью, мирным благонастроением и благоживотным смиренномудрием; будем избегать лукавства и взаимных подозрений, утвердим души во взаимном доверии духовным сочетанием; никто не будь Иудою предателем, ни двоедушным и непостоянным, ни не воздержным и блудолюбивым, ни суровым и жестоковым; никто отнюдь да не делает так и не поступает, но да преуспеваает всяк в одном преподобном, праведном и благоугодном Богу, день изо дня ожидая часа скончания своего и чая дня явления пришествия Господа нашего Иисуса Христа, в который все претворится и преобразится, и мы станем пред страшным престолом Судии, в присутствии всех безплотных чинов Ангелских, дать отчет во всех делах, словах и помышлениях.

124.

1) Будьте во всем исправны, и внутреннем и внешнем. — 2) В обитель принимайте не одних горожан, но и селян. [2, 52].

1) (Письменно из заточения). Радуйтесь, как истинные рабы и слуги Христа Господа. Вам Он уготовал венец и Царствие Свое, если тоже будете хранить сердечное благонастроение и тот же держать образ жизни, мирствуя, соблюдая заведенные порядки, пребывая непорочными и чистыми, благопокорливыми, смиренномудрыми, прилежа рукодельям, псалмопениям, стихословиям, открывая помыслы, и все другое, что лежит на вас, исполняя.

2) Что касается до принятия новых братий, то я желаю чтоб братство наше было наполняемо не одними горожанами, но и селянами, которые более пригожи и привычны к трудам и работам, у нас заведенным. Умножение горожан, как я думаю, не будет для нас здорово и благотворно, как в телесном, так и в душевном отношении.

125.

Держитесь заповедей Божиих и порядков наших, подражая древним, — все как один человек. [2, 53]. (Также). Бог да укрепит вас, братия мои честнейшие, в делах рук ваших и в подвигах ваших

душевных, и во всем да сохранит вас непорочными и неузвзленными, подаемою вам, силою Духа Святаго, готовыми сущих на исполнение всех заповедей Его и на всякаго рода послушание, зря пред собою блага, отложенныя возлюбившим явление Господа, и ни во что вменяя все здешнее, — славу, удовольствия, утехи, и покой плоти, но распявши себя миру и вперяя ум в созерцание небеснаго. Так жили и все древние отцы наши, отрехшись от мира и всего, что в мире, и работая Господу в священном и Ангельском чине нашем. Держите же, чада мои, предания, как приняли их, пламя страстей угашайте рососою целомудрия и чистоты, влечения своих пожеланий отсекайте мечем послушания, и делателями искусными бывайте и заповедей Господних, и дел рук ваших, какия назначает теперь управляющий вами. — Все братство ваше, как одна душа, и как бы один некий муж, бодренно, благодушно и единомушно да творите дела свои все и духовныя, и телесныя, как пред лицом Господа.

126.

1) Оставя земное, устремляйтесь к небесному, борясь особенно против гнева и похоти. — 2) Наставления подчиненным и начальствующим. [2, 54].

1) (Тоже). Вы распялись миру и мир вам: отторгнитесь же от земнаго и возвысьтесь к небесному жительству, и единому Богу живите, умерши всему другому. Где вера ваша, туда да будут обращены и очи ваши; чем пленены вы, там да бодрствует и сердце ваше, как и Господь сказал: идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф. 6, 21). Видите, каких благ сподобились вы, и какого жительства удостоились? Ангельскаго. Как Ангелы и ходите, не подчиняясь влиянию случайностей: против гнева стойте кротостию; против похоти целомудрием. Да не победит тебя малая сласть, каждый день и час тревожащая тебя. Оружие против нея указал сказавший: терпя потерпех Господа, и внять ми, и услыша молитву мою (Пс. 39, 2), и избавил от страсти хотя спустя довольно времени.

2) Известны вам законы послушания, подчиненные; а вам начальствующим — законы первенствования, именно чтобы быть произволением последними, — потому что вы первые, — располагаясь к тому состраданием и любовию. Надобно снисходить, но опять и восходить; поговорить, но и помолчать; весело и приветливо улыбнуться в утешение духовное, и опять принять строгий вид, здравомысленно не допуская излишества ни с той, ни с другой стороны. Очи ваши да будут неусыпны к соблюдению правил, приветливы при отвечаниях; ноздри да не расширяются гневливо, брови да не подымаются горделиво, язык да не извращается тщеславно, всякое чувство да держится смиренно, и всякий член благоустроено, уста да будут органом псалмопения; ум да помышляет только о небесном, руки да делают только дела благочестия и любви. Никто не будь преслушлив, никто своенравен, никто тяжелосерд; сойдитесь все друг с другом в единомушнии, возлюбите друг друга бездерзостно, дайте десницы друг другу на Богоспасаемое ваше жительство.

127.

1) Радуюсь, что опять собрались вы от разсеяния и благоустроились, как должно. Пребудьте же верны своему чину и внутренно, и внешне. 2) Наставление Софронию наместнику — особо; и всем другим начальствующим и подначальным—обще. [2, 55].

1) (Тоже). Известил меня пришедший сюда эконоом, — что вы все опять собрались вместе и начальствующее, и подначальные, и возстановили у себя обычный порядок: начальствующие начали распорядиться, как следует и раздавать всякому подобающее послушание, подначальные приняли их благопокорно и смиренно, и приступили к делу; что при этом все вы соединены любовию, любя друг

друга братскою о Христе любовью, так что у вас всех одна душа, одно помышление и желание при посредстве мирной и благоустроенной жизни. Как обрадовалась этому смиренная душа моя, и как возблагодарила Господа, об этом и говорить нечего. Ибо для меня ничего нет столь приятного и утешительного под небесем, как чтоб вы жили хорошо, исполняя заповеди Божии и пребывая верными уставам Ангельского вашего чина. Поелику все такое у вас теперь восстановлено, то прошу и молю, да пребывает каждый в благодушном терпении, душеспасительно переживая день за днем в нелицемерном послушании. Да не будет среди вас ни разножелания, или своеумия, своеуравия и своей воле поклонения, ни ропотливости, или шепотничества, и скопов, ни изнеженности, или дерзости и смехотворства, также ни праздности, или малодушия и горделивости, и ничего другого неугодного Господу. Ибо для того мы и оставили мир и все что в Мире: родителей, братьев, друзей, знаемых, села, города, торжища, зрелища и все другое страстное и сластолюбное, да Христа приобретаем и по небесному жительствуем, да страсти истребим, а добродетелями обогатимся, да преподобно и праведно поживши в нынешнем веке, по подражанию преподобным отцам нашим, сподобимся получить обетованные нам блага. Поелику таково звание и чаяние наше, таковым да является и дело ваше, и ваше обращение, и поведение, да по имени и житие ваше будет и да блистает оно благими деяниями, давая благодать приближающимся к вам лицам тогоже с вами чина, и мирянам, дабы прославилось имя Отца нашего, Иже есть на небесах, дабы и нам смиренным радостно было видеть то, или знать о том.

2) Чадо мое, Софроние! Из многих я избрал тебя вместо себя начальствовать над братьями. Смотри, не покажись неискусным на посрамление и пристыжение меня; но свет добродетелей твоих так да светится, чтоб имя твое славилось не между братьями только, но и во вне. Ибо кто Бога имеет в себе чрез исполнение святых Его заповедей, тот именитым делается и на небе, и на земле. Будь внимателен к братьям, благ, учителен, разумно напоминай о должном любезно обличай безобразящих, праведно налагай епитимии погрешающим, врачуй отечески немощных, вразумляй неведущих и все делай на пользу братству: ибо для этого я и дал тебе власть, которую сам я смиренный имею от Бога, по Его промыслению. — И все другие, — и начальники и подначальные, — верно делайте свои дела, в страхе Божиим, да радуется о вас Бог со всеми Святыми Ангелами. Трудитесь усердно, ходите в незлобии, обращайтесь между собою в простоте; не прерывайте откровения сокровенных помыслов и пожеланий: ибо в этом — спасение души и избавление от страстей; соблюдайте, как положено псалмопение, стихословие, бдения, чтения — все по уставу, также изучение псалмов и тропарей на память, по указанию духовных отцев. — И наконец, молитесь о моем смирении, да даст мне Господь утешение и крепость перетерпеть подлежащая прискорбности.

128.

Вы живете добре; и да не будет среди вас ни одного худонравного. Как делатели в винограднике трудитесь, чтоб получить мзду от домовладыки; как воины воинствуйте, чтоб сподобиться венцев от Подвигоположника. [2, 56].

(Тоже). Все вы живете о Господе и сокровиществуете себе обильные плоды спасения, удаляясь от всякаго лукавства и всяких покушений на безчиние. — И да не будет в вас никто бедственно дерзостен, нерадив, сластолюбив, грехолюбив, плотоугодлив, срамен душею, ненавистлив, хищник, хотя бы и ничтожных вещей, завистлив, спорлив, задорен, ропотлив, недвига, безделен,

непослушлив, горд, неуважителен, лжесловесник, скопотворец, раздоролубец, объяслив, соня, раб плоти и мира, Иуда, замышляющий предательство души своей и отторжение какого либо брата от братства. Такovy сами себя похищающие у Бога, отбегающие от Него и блуждающие по распутиям греха. Не хотят потерпеть вара дневнаго; потому не получают и награды от вертоградаря. Или не хотят, как воины всецаря Бога, нести трудов бранных, чтоб, доблестно повоинствовав, благоугодить Владыке; потому не получают и наград, а заносятся в список дезертиров, и вместо их получают казнь, когда уловляются. — Итак добрые воины, своинники, сподвижники, сшественники! Потечем, погонимся, будем толкать и претерпевать все. Господь близ, — чтоб увенчать. Он Сам с неба смотрит на каждого текущаго и сплетает венцы претерпевающим до конца. Почему все будьте чисты чрез исповедание, все мирны чрез смирение, все благоподвижны по любви к деятельности. Глава, как глава, смотри, что благопотребно каждому члену, и определив, что кому делать, приводи все и всех в движение.

129.

1) Всех приглашает Бога благодарить, что изведен из темницы. — 2) Искушение наше, говорит, разделило братьий подлинных от неподлинных. — 3) Жалеет о последних и молится о них, в чаянии их исправления; а первым внушает быть твердыми, благодаря Бога за то, в чем успели и стараясь преуспеть в том, чего недостает. [2, 57].

1) (Тоже). Всеблагий Бог наш, скорый на милость и богатый в щедротах, умолен быв ходатайством Владычицы нашей Богородицы и молитвами покровителей наших св. Предтечи и Богослова, вместе с вашими прошениями, отвел искушение и извел нас из заключения темничнаго. Итак, благодарственную обще все возснем песнь Богу благодателю, что преложил скорбь в радость и разрушил козни лукаваго, на нас подвигнутые. Впрочем, что я пострадал, пострадал по грехам моим, а не почему либо другому: при какой мысли я благодушествую, веруя, что претерпенное мною будет мне в очищение грехов моих.

2) В нашем искушении мы все уже искушены, как золото в горниле, и особенно здешние. Ибо которые прежде жили в Духе Святом и с верою несомненною, те остались такиимиже, ни сколько не изменившись, напротив еще более укрепившись и утвердившись случившимся бедствием. Которые же пребывали в хладности сердца, в двоедушии, в плотолубии и нерадении, те как только коснулся их удар зла, отпали как листья, и, как отруби из решета, сами по себе выскочили из монастыря, чтоб обнаружилось, которые были подобны чистой пшенице. Сие разумея, Божественный Давид говорил в псалме: раздели я в животе их (Пс. 16,14), т. е. грешников и нерадивых от добродетельных и преподобных. Но — о падения! что так от собственной небрежности расточишася кости их при аде пагубы (Пс. 140, 7).

3) Впрочем, я болезную о них и плачу и не перестану взывать о возвращении их, пока будет дыхание во мне. Может быть, какие нибудь из них, от малой искры Боговедения возгоревшись и обратившись к покаянию, высвободятся от уз греха, и, как овцы заблуждения, возвратятся с пути лукаваго. Вы же, по поводу падения их, не бывайте пристрашны, но еще с большим дерзновением стойте в подвиге благочестия, в аскетических упражнениях, в труде рукодельном, в поте от борений, в мужественном сретении каждодневно случающихся прискорбностей и навождений, и это даже до крови и даже до смерти: ибо так обещались мы, как знаете, когда принимали святую схиму. Теперь пусть каждый осмотрится и обсудит, что из того, что обещал, им исполнено и что нет еще. И за первое пусть

воздаст благодарение давшему силу подъять все то; ко второму же пусть направит соответственное усилие, чтоб привести недостающее в дело: дабы таким образом вы достойно были украшены венцем мученичества; так как Господь говорит: не говорящий Мне: Господи Господи! но творящий волю Мою, сей есть верный раб Мой (Мф. 7,21; Лк. 6, 46).

130.

1) За тем оставили мы все, чтоб благоугождать Богу. Это и будем делать, подражая святым и царским идя путем, на коем все множатся добродетели, страсти же все отгоняются. — 2) Если вы таковы, то Бог в вас, а с Ним и всякое благо, и всякая помощь и защита. [2, 58].

1) (Тоже). Здравствуйтесь о Господе, и благую жизнь вашу продолжайте обычным порядком совершать, исполняя заповеди Господни и ходя в оправданиях Его, ничего другого не имея в виду, и ничего другого не желая, как благоугодить Богу, чрез умерщвление страстей и восприятие добродетелей. За тем вышли мы из мира и вступили в монастырь, оставя всю житейскую суету, всякое пристрастие, всякую дружбу и любовь — родительскую, братскую, сыновнюю, родственную, равно как всякия плотския сласти, житейскую славу и все другое преходящее и суетное. Поелику же так мы решили и так возжелали жить, то следует нам и действовать соответственно такой цели и такому желанию, идя по следам жития святых, последуя их наставлениям и сообразуясь с примерами их, не озираясь туда и сюда, но Царским шествуя путем, на коем качествуют неразсуждающее послушание, Богоподражательное смирение, небесное безпристрастие, Божественная чистота, равноангельное безстрастие, кротость, правота, любовь, мир, рвение, терпение, трудолюбие и всякое другое Богоугодное расположение и дело; а преслушание, ропотливость, гордость, тщеславие, безделие, продерзость, пристрастие, плотолюбие и другия злыя деяния стоят напротив тех добродетелей.

2) Добродетели порождает Бог, а страсти и грехи — сатана: и нет никакого общения света со тьмою, и никакого согласия Христа с велиаром. Будьте же сынами Божиими, сынами благопокорности и послушания, а не сынами гнева, противления и пагубы. — Никто не особься от других желаними и мыслями, никто не любите безделия, никто не ропщи, никто не будь подделен (лицемерен); но все будьте скоры на добро, все благодарны, благодвижны, благосокрушенны, благоприступны, сорадостливы, дружелюбны, независтливы, не соперничны, да тако признан будет сущим среди вас Господь: ибо если Он есть там, где два или три собраны во имя Его (Мф. 18, 23); как не быть Ему среди вас, которых так много, если вы неотступно ревнуете всегда исполнять заповеди Его? Но если Бог в вас, то что может опечалить вас, или стеснить, или обездушить? Ничто; но все будет сносно, хотя и притрудно, душевное ли то, или телесное: ибо аще Бог по нас, кто на ны? (Рим. 8, 31)? — И если Он Сына Своего не пощаде, но за нас всех предал есть Его: како убо но и с Ним все нам дарствует? (Рим. 8, 32)? Потому стойте не колеблясь в уверенности, что если сохраните неизменную добрую жизнь вашу, то несомненно будете наследниками Царствия Небеснаго. — Ей, чада, усердно прошу и молю вас, зажгите в себе огонь любви Божественной, воодушевитесь ревностно, укрепитесь мужеством, установитесь в чистоте и непорочности, осветите себя молитвами, молениями, псалмопениями, бдениями, сокрушениями, исповеданиями, слезами, воздыханиями.

131.

1) На пути в обитель молитв о себе просить, и им помощи Божией желает в трудах их: ибо жатва. — 2) Афанасию и Ефрему напоминает править добре братиею, сообразуясь с нравоме и немощами

каждого. 3) Всем внушает верно преследовать цель свою. — 4) Будем блюсти заповеди отеческия, понуждая себя к тому страхом суда и смерти: присем рассказывается, как умирал некий логофет, с назидательными уроками из того. [2, 59].

1) (Тоже). Идем к вам, спеша в обитель, и во первых, просим молитв ваших, да благопоспешествует нам Господь в пути нашем и на суше и на море, и да поможет нам благоугодными пред Ним явить себя и душевно и телесно; во вторых, напоминаем вам, что мы не были беззаботны о вас и равнодушны к вашему положению, но во все время имели вас в смиренной душе своей с благожеланиями вам, особенно ныне, когда, по случаю жатвы, вы в больших хлопотах и трудах. Да укрепит вас Господь Бог и по внутреннему, и по внешнему человеку и да подаст вам силы мужественно перенести и внешния, и внутренния тяготы. Ктому же, кто уразумеет козни диавола, его сети и соблазны?

2) Внимайте убо бодренно, чада мои, Афанасие и Ефреме, и правьте братиею Богоугодно, всем и каждому доставляя потребное — и духовно и телесно, и в обращении с ними применяйтесь к характеру и нраву каждого: ибо не всем одно бывает нужно: одному нужен остен, другому узда, тому епитимия, этому прощение, третьему обличение и увещание; у всякого своя страсть, свои навыки: с ними надобно согласовать и врачевательные приемы.

3) Все же вы, прочие братие, чада Божии есте. Ради Его оставили вы мир и пришли сюда, ради Его разорвали всякое общение с плотию и кровию, ради Его взяли вы на рамена свои крест Его, из любви к Нему все вменили вы в уметы и обетованным от Него благам в будущем веке ничего не предпочли из временнаго. Как странники и пришельцы, пришли вы в обитель и приняли образ монашескаго жития. Благословен выбор ваш, и свято решение ваше. Но, братие, прошу и молю и жизнь вести достойную сего великаго чина, чтоб вам, находясь вне мира, не оказаться действующими по мирски, и чтоб, убежав от плоти, не жить по плоти, как это бывает и есть, вы знаете, хотя бы я и не говорил. Ибо если мы сластолюбствуем, если страстолюбствуем, если настаиваем, на своих желаниях, если домогаемся первенства, если спорим о мантиях и других одеждах, о месте стояния, о писале и других ничтожных вещах, — то не плотские ли мы? Не мирское ли наше борение? Не попустим же, братия, никак не допустим, чтоб наше святейшее звание ниспадало до смешных детских споров? Слава монаха — быть безславиму, поносиму и оклеветаему, Бога ради, не делая ничего достойнаго осуждения и поношения. Украшение монаха одеваться в самую некрасивую одежду. Не буду более распространяться о сем.

4) Блюдите отеческия заповеди, не преслушайте словес святых, и ради мгновенной сласти не презирайте вечнаго блаженства. Придет, наконец, придет и не замедлит имеющий судить всех; а, может быть, прежде еще Его пришествия, придет страшный Ангел, имеющий отделить душу от тела, — придет это время изнеможения и последняго издыхания. Страшно и это, и столь потрясающе, что не вынося того умираем. Что же будет по исходе души, когда придут за нею Ангелы? Какая страна победит и возмет нас? — На это расскажу вам небольшое событие, бывшее хотя с лицом из не нашего чина, но очень полезное. Говорят, что, когда пришло время умереть знаменитому оному логофету Ставрикию, он, будучи при самых последних воздыханиях, потя, трясясь и скрежеща зубами, взывал сильным гласом: «помогите, спасите, Господи помилуй! Какая толпа бесов черных и безобразных выходит из моря и идет ко мне». — Он жил на прибрежии морском. — Хотя из присутствующих никто ничего не видел; но он видел и горько жаловался,

безжалостным ко многим бывший, логофет. — Так и при нашей с вами смерти, кто победит, Ангельский хор или демонский? Те облобызают нас тогда тотчас, которых мы здесь любили. Если мы любили чистоту, послушание, смирение и другия добродетели, то Ангелы; а если любили тщеславие, непокоривость, противоречия, роскошь, смехи, зрелища, то демоны. Ибо страсти демоны суть, как добродетели — Ангелы. Так ктоже победит? Кто возмет душу мою? — Помилуйте меня, помилуйте меня, братия мои! — Но возлюбим обще все мы добродетели, чтоб Ангелы победили и взяли нас; а — не страсти, чтоб демоны победили и взяли нас. И увы! лучше бы тогда не родиться нам. Ибо сильные сильнее, истязаны будут (Прем. 6, 6), и особенно из тех, кои в нашей схиме, иереи, игумены и другия начальственные у нас лица. Не браните меня за такие слова: ибо я привожу их не за тем, чтоб — постращать вас несправедно; но долг мой исполняя, любя вас, и желая вам добра, провозглашаю должное.

132.

1) Софронию внушает — смотреть за исполнением отеческих уставов: ибо от этого всякое добро, а от противного всякое зло. — 2) Держаться середины в мере трудов душевных и телесных. — 3) Не оставлять никакой неисправности без взыскания. — 4) Строгости сии — дело любви, а не гнева. [2, 60].

1) (Тоже). Чадо и брате, Софроние! Возмись за служение свое не небрежно, но со всем тщанием и усилием. — Нахожу необходимым всегда писать тебе о том же, чтоб возбуждать усердие твое. — Внимай убо бодренно, во всем руководя братий своих, помощником и советником себе имея Авву Акакия, чадо мое. Назирай и наблюдай исходы каждого, как обращаются они, как действуют, как пребывают, чтобы все у вас обращалось во славу Божию, и жизнь ваша Устоялась по пределам и уставам святых отцев наших, и по заповедям моего смирения. Ибо где так живут и действуют, там благоугождается Бог, там свет возсиявает, там мир господствует, там не имеет места сатана, оттуда далеко отстоят страсти. А где об этом нерадят и в этом духе не действуют, там все, противное сему гнездится, — вместо добра зло, вместо света тма, вместо Христа велиар. Посему бодрствуй и внимай, назирая сердца братий при посредстве исповдания и направляя их на всякое дело благое.

2) Держись середины: и как безмолвию, молитве и чтению не допускай разстроивать дела по телесной жизни, так опять непомерным трудом по сей последней части не давай низводить ум от памятования о Боге и от созерцания Божественных вещей долу и погружать его в вещественное. Таков закон истинного благочестия. И еслиб ты сам так жил, то и братия, последуя тебе, тоже восприяли бы и делать начали. Ибо не за тем оставили мы мир, чтоб здесь спокойно есть, пить и одеваться; или в этом спасение наше? — И не за тем опять облеклись мы в эту схиму, чтоб сидеть без дела и движения, без пищи и одежды. Но чтоб то и другое, каждое в свое время, разумно совершать, по Апостольскому слову говорящему: вся благообразно и по чину да бывают (1 Кор. 14, 40). Потом и о себе самом говорит сей великий Апостол, что никогда туне не вкушал хлеба, но что для потреб его и сущих с ним достаточно было того, что приобреталось трудами рук его святых (2 Сол. 3, 8; Деян. 20, 34). Сия твори, и в сем пребывай. Никтоже о юности твоей да нерадит (1 Тим. 4, 12).

3) Не оставляй без внимания того, что требует взыскания, чтоб чрез такую кажущуюся доброту, малое какое опущение, оставаясь нетронутым, не привело братий к большим неисправностям. Тайно яст кто? Под епитимию его. Имеет что особно без благословения, хотя бы то самое ничтожное? Под епитимию его. Передает другому что съедобное, не имея на то власти, меняется с кем какою либо

вещию, или другое что подобное делает? Под епитимию его. Ропщет? Тоже. Оказал непослушание? Под епитимию. Не хочет работать? Ниже да яст (2 Кор. 3, 10). Заводит скоп или крадет? Отлучен да будет. И прочее... Как положено у нас об епитимиях.

4) Слыша сие, чада мои и братия, не считайте тяжкими слов моих и не думайте, что все такое устанавливается от безжалостности. Напротив, это делается по отеческой любви я от болезнования о душах ваших, о коих мы должны дать отчет, и суд тяжело ляжет на главу нашу, если не будем возвещать вам должного, отвращать от недобраго и утверждать в добром. Ктому же дело добраго отца не оставлять чад своих ненаказанными, но малыми угрозами и штрафами пролагать им путь к получению вечной жизни. Достойный осуждения и укора отец, Илий, за то, что не обличал и не наказывал сыновей своих, когда они нарушали закон, вместе с этими сынами лишился жизни, по одной этой причине.

133.

Труды наши не велики, а награды безмерны. Будем же ревновать, возбуждая себя к тому памятию о смерти и о всем, что бывает при том. [2, 61].

(Тоже). Блаженны мы, чада, что добре действуя и добре живя, стяжаваем себе утешения Царства Небеснаго, чрез малое наше и ничтожное злострадание в монашеской жизни; потому что весь труд монашеский легок, как говорят отцы, и поминания не стоит пред нескончаемым блаженным радованием. Если теперь вы терпя потерпите сей труд, то радуйтесь, яко мзда ваша многа на небесех. Но потребно внимание и непрестанное помышление ума о том, где мы и куда имеем преселиться, и каковы будут для нас исход из мира, сретение Ангелов, предстание пред Бога, присуждение Судии и вследствие того отослание одесную или ошуюю. Вот в чем утреннуйте, вот о чем размышляйте, вот чем занимайте себя. Се свидетельствую вам пред лицом Бога и избранными Его Ангелами, чтоб вы, достойно звания своего шествуя, не уклонялись ошуюю, не увлекались в грех, не попадались в сети дерзости. О сем вопию и не престану вопиять. Откройте же уши ваши, возгоритесь сердцем и уразумейте, что говорю, и соблюдайте себя непорочными, да, как делатели вертограда Божия, получите воздаяние многое и безмерное.

134.

Будьте во всем исправны, чтоб послужить доброю закваскою для имеющих поступить в обитель после вас; имейте Бога пред очами, смерть и решение Суда Божия: отыдите, или приидите. Пред этим все ничто. [2, 64].

(Тоже). Будьте строгими исполнителями заветов моих, кои приняли вы от меня, при вступлении в иночество с обетом хранить их пока живы, и употребите все старание о благоустроении вашем под руководством Игумена, чтоб, благоустроившись, быть вам доброю закваскою для имеющих поступить к вам братий, оквашивая их собою, своим устройением, испекая огнем любви и представляя из них благоугодный Богу хлеб к трапезе небесной. Не иждивайте времени на телесное упокоение и исполнение волей своих, но ищите утешения небеснаго и упокоения душевнаго, после котораго уместно бывать и мерному утешению телесному: ибо когда такому утешению предшествует утешение духовное, тогда оно неукорно. Ходите в преподобии и правде, мирствуя между собою, все, всегда Бога имея пред очами своими, помня и о смерти непрестанно, о сложении одежды плоти, об исходе из мира, о предстании пред Бога и о подлежащем вам выслушании окончательнаго решения Суда Его, которое конечно будет одно из двух, — или: отыдите от Мене

проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его; или: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира (Мф. 25 гл.). Пред этим ничто — мир? ничто — земныя блага, ничто — человеческая слава, красивыя одеяния, благоухания ароматов, пиры, гулянья, утехи и все. — Вы же насыщайтесь Богом и Божественными вещами, упивайтесь благодатию Духа Святого, наслаждайтесь сладкими паче меда и сота словесами Писания, украшайтесь целомудрием, правдою и воздержанием, богатитесь благими деяниями, славьтесь смиренномудрием, восходите на небеса безстрастием, величайте Бога с Ангелами, устреляйте супостата страхом Божиим и святою молитвою вашею. Паче и паче просвещайтесь, паче и паче очищайтесь, паче и паче делайтесь небесными, да речено будет и к вам, как бы из уст Господа: несте от мира сего (Ин. 15, 19).

135.

Подвизайтесь, помня об исходе и суде: причем указываются благопотребныя деяния и особенно, что потребно для борьбы с похотию плотскою. [2, 65].

(Тоже). Подвизайтесь, чада мои, и теките путем духовным, горе воздевая очи ума, зря небесное, воззревая на вечное и взыскивая, когда и как, — в зиму или в жатву, днем или ночью, теперь или под старость, в этом или будущем году, в сей день или час, — придет последнее мое издыхание: ибо смерть всеконечно придет; придут имеющие понять душу, придет соперник — враг; и определится победа или потеря всего. Возбуждая себя такими помышлениями, вы не будете скоры на грех, не впадете в бездну зла, но узрите наконец благая вышняго Иерусалима и будете зреть их все дни вечной жизни вашей (Пс. 127, 6). Делайте и телесныя делания, старайтесь о тех и других, устами Бога хвалите, языком говорите истину, руками работайте по силе своей, ногами шествуйте путем мира. Все тело ваше свято и все члены ваши — члены Христовы. Возьмь ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи да не будет, — говорит Апостол (1 Кор. 6, 15). Бегайте продерзости; никто никого не уязвляй; никто ни на кого не злословь. От Бога ничто укрыться не может: ибо очи Господни тмами тем крат светлейшии солнца суть, прозирающии вся пути человеческия и разсмотряющии в тайных местех (Сирах. 23, 27. 28). Не смейтесь безчинно. Не садитесь близко друг к другу, когда разговариваете. Не разгорячайте крови насыщением чрева. Не пейте вина, — предлагаю, как добрый совет здоровым. Довольно с нас внутренних волн, довольно естественнаго огня; если же подложить со вне огня виннаго, то возжжешь бедственный пожар: плоть не выдержит, воскипит и потребует своего. Се предупреждаю вас, предуказывая пагубныя последствия. Бог оставил день испытания, осудит и предаст невообразимым мукам с демонами делающих такая дела. Предварите Господа в исповедании, открывая подлагаемая диаволом внушения. Все благообразно делайте, мерно принимайте сна и, поскорее пробудившись, совершайте положенный чин бдения. И блаженны будете, если Господь обрящет вас тако творящими.

136.

1) Вопросами о том, в каком положении у них достодолжное, и не уклоняется ли кто на недолжное, приводить на память весь строй обязательной жизни. — 2) За тем внушает: трудились, — еще трудитесь; боролись, — еще боритесь; недопустите, чтоб даром пропали труды ваши, воодушевляя обещанием благоплодия и Божия одобрения на суде. [2, 66].

1) (Тоже). Приветствую вас все еще письменно, — и вопрошаю, как идут дела ваши? Как мир Божий ограждает вас? Как страх Господень очищает? Как оправдания Его веселят сердца ваши? Как

стройность благочиния сочетавает вас? Как искренняя вера утверждает? Как благоутвержденный обет подчинения связует вас? Как нелицемерное послушание возвышает? Каково Христоподражательное смиренномудрие ваше? Каковы входы и исходы ваши? И как идет исповедание сокровенностей? — Потом, как идут и дела рук ваших? Начата ли жатва?... Возвестите нам сие и прочее все, и порадайте нас. — Мы надеемся на вас, но и боимся; и с беспокойством иной раз помышляем, не безчинничает ли кто у вас там? Не ропщет ли? Не плотоугодничает ли? Не вдается ли в продерзость? Не сдружаются ли иные с диаволом, тоже замышляя, что и собравшееся вкупе на Господа и Христа Его, говоря: расторгнем узы их и отвергнем от нас иго их. Но живой на небесех посмеется им и Господь поругается им. Тогда возглаголет к ним гневом Своим и яростию Своею смятет их (Пс. 2). Ибо я поставлен над вами, по свободному вашему согласию, и вы сами самоохотно отдали себя мне в послушание. Почему и говорю к вам так, возвещая вам повеление Господне.

2) Потрудились вы и еще трудитесь, боролись и еще боритесь, терпя Господа в подвижничестве вашем, в послушности вашей, в отсечении волей ваших, в подавлении пожеланий ваших. Не губите же содеянного вами прежде. Но как сеяли и сеете в слезах, воздыханиях и всяких лишениях, так да пожнете в радовании тогда, когда Судия всех будет воздавать каждому по делам его. Слыши небо и внуши земле, яко Господь возглагола. — О, да не будет, братие, для нас с вами таково слово сие: сыны родих и возвысих, мии же отвергошася Мене. Познавал стяжавшаго его и осел ясли Господина своего: Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша! (Ис. 1, 2. 3). Но таково да будет оно: сынове твои, яко новонасаждения масличная окрест трапезы твоя, — духовно понимаемое. Се тако благословится человек, бояйся Господа (Пс. 127, 4. 5). — Слушайте же, прошу вас. Тоже мудруйте, в томже согласуетесь все, последуя путеводству вашего Игумена. Живите, как каждодневно умирающие; из-за пищи и пития не мятитесь, не преогорчайтесь и не ропщите. Что говорит Апостол? — Аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки, да не соблазну брата моего (1 Кор. 8, 13). Не будьте же вы сынами противления, ни сынами блуда, ни чадами гнева и греха, прогневя Бога срамными делами. — Горе сердца ваши! Горе око ума вашего! — Бог —отмщений Господь! (Пс. 93, 1). Несть тварь не явлена пред Ним, вся же нага и объявлена пред очима Его (Евр. 4, 13). Кто не ужаснется? Кто не вострепещет? Кто не предаст себя на благоугождение Богу до пролития крови?

137.

Наставления, как, во время жатвы, службы совершать, подкреплять себя пищею и отдыхать, как ночь проводить и как вообще вести себя. [2, 67].

(Тоже). Ведая ведаю, что вы теперь в больших трудах, — будучи и солнечными лучами палимы и потом обливаемы, по причине жатвы и собирания винограда. Почему я счел благовременным сказать вам подобающее именно о сих трудах ваших. — Благословение Господне буди на вас, чада мои, и да благословит вас Господь Бог ваш с высоты святяя своя, оживляя вас и укрепляя души ваши и телеса, чтобы вы имели достаточно силы как для духовных служений, так и для телесных работ, и совершали то и другое без крайняго утомления. Я знаю, каковы и как жгучи летние в жатву дни, и какое причиняют они утомление, что еслиб особенное усердие трудящихся не придавало силы, едва ли бы кто смог перенести их. Прошу убо вас, любви ради Христовой, стойте и в том и другом подвиге. Благообразно и в благонастроении совершив рано утром обычное псалмопение и молитву

Богу, приступайте к предлежащему делу и работайте, мысленно прочитывая псалмы, пока наступит третий час. Тут прекратите работу и пропойте Господу с разумом третий час, воздевая руки свои к небесам с испрашиванием благодати Святаго Духа, на укрепление душ ваших и телес; за тем совершив три и четыре, или больше, коленопреклонений с внимательною молитвою, вкусите, что Господь послал, кроме среды и пятка, как у нас положено. — Наблюдайте однакожь, чтоб во время этих вкушений пищи не было шума и толкотни. — И во время работы жатвенной не должно быть ни споров, ни самочиния, от коих брани и крики, также ни разговоров, ни смехов, ни прекословий, — ничего такого и подобного да не будет между вами. Но да благословенно будет дело ваше, как пред лицем Бога совершаемое. И помогать надо друг другу. Когда близ тебя работающий отстанет, по бесилию, или по затруднению какому, остановись и ты — и помоги ему, чтоб жатва ровно шла и у всех поддерживалось соревнование одинаковое. Когда, по распоряжению смотрящих за работою, будете отдыхать в полдень, или спать ночью под деревьями, или под навесом, смотрите, чтоб тела ваши не были близко одно к другому и тем паче не соприкасались, и чтоб иные по двое не отделялись от других в какия либо скрытныя места. За этим должны наблюдать заправители работ. Сеятель плевел тут же невидимо; как бы он не подкрался скрытно и не влил в кого яда своего пагубнаго, и мы не прогневали чрез то Владыку нашего Бога. Сего ради бдите. На службе, так как псалмопения не много, надо смотреть, чтоб и этого не исполняли спешно и смятенно, но со вниманием, чтоб мы могли входить в настроение на всякое дело благое. Все на ней бывайте, чтоб никто не оставался отсутствующим. Такой, хотя бы потом за десять рук работал один, недостойн ястия в тот день. Говорю это, заботаюсь о спасении вашем и напоминая, чтоб не уклонился кто от пути Божия. Если у кого будет печаль какая, пусть не скрывает ее, но объявит первенствующим: они разсудят и уврачуют требующее врачевства. Никто не должен оставаться праздным: такой не имеет части с братьями и не есть из числа ищущих Господа. — Рубить не силен, или не умеешь, брате? бери рукоятя; рукоятей брать не можешь? собирай виноград, носи воду, или другое что потребное исполняй, на открытом воздухе, или в доме. И Бог примет то, по усердию твоему, как две лепты вдовицы.

138.

Услышав добрыя о братьях вести, радуется, и внушает паче преуспевать, изображая, как должны действовать начальствующие; и каковы быть все братия. [2 68].

(Тоже). Пришли братия, сказали, как у вас идут дела, и тем обрадовали меня несказанно. Ибо доля меня не малая радость слышать, что все вы благодатию Христовою спасаетесь, удерживая доброе настроение свое и исполняя заповеди Божественныя, коими просвещаясь соделываетесь сынами Света и наследниками Царствия Небеснаго. Ей, чада мои! Так мудрствуйте, так ограждайте себя, так проводите день за днем, будучи возгреваемы Божественною любовию и обновляемы обитающим в вас Духом Святым, умерщвляя всякую сласть и всякую похоть растленной плоти, и на место их насаждая и возвращая, как рай Божий, присноживотныя добродетели, все покрывая, все терпя в подчинении, послушании, благотворении, любви, сострадании, бывая друг ко другу благими, друг о друге радующимися, друг друга тяготы носящими. И во первых, ты, чадо мое, Варсануфие, служение, мною тебе преданное, соблюдай безукоризненно, пред лицем все оживляющаго Бога, действуя не по пристрастию, ни по презорству, ни по негодованию, ни по неразумному смиренничанью, ни по парению ума, но так мудро и благоутробно, как доилица греет чад своих,

благоволи и душу свою предать за братьев своих и чад моих. Великое дело пасти стадо Христово. Что сказал Господь Апостолу Петру? Если любишь Меня, паси овцы Моя. Так и ты, чадо мое, если любишь Христа Господа и меня грешного, добре паси чад моих, или лучше агнцев Христовых. Если же некие из них прыгают, как козлища, — ибо слышу нечто и такое, — укрощай прыткость их, растолкуй им, что если они останутся козлищами, то в день суда будут поставлены ошуюю Христа Господа, на стороне погибающих, в части сатаны; устраши сим сердца их и порази их грозным словом сим, чтоб и они соделались агнцами: ибо агнцы кротки, незлобивы, смиренны, послушны, некрикливы, а козлища прытки, неуправимы, строптивы и злонаправны. Горе таковым; ибо их ожидает осуждение в вечный огонь. Никто из вас, чада мои, да не будет таков, никто, прошу вас; так как иначе пастырю належать будет нужда или голодом морить их, или отлучить от своего стада. Но уразумеете, что говорю, и волю Божию творите. — Смотри и ты, чадо мое, Данииле, как следует обращаться в среде братьев твоих: просвещай их, осоляй, вразумляй; не допускай безчиний, новшеств, крикливостей; люби благонравных, благоговейнолицых, не смелых, степенных, трудолюбивых, послушливых, смиренных, не ропотливых, не смешливых; противных же им не терпи без ненависти и исправляй, указывая им примеры лучшего; да никто не будет среди вас чужд Бога и неугоден Ему. Чужд же Бога и неугоден Ему безчинник, шепотник, ропотник, смехотвор, тайноходец. Никто таков да не будет среди вас; но будьте все боголепны, богодвижны и боготечны. Господь да сохранить вас, чада мои!

139.

1) Страх Божий и любовь возжигают ревность и держат на добром пути; не имеющие же; их предаются нерадению и падают. — 2) О возвращении таковых на путь правый заботиться надо и молиться, а самим между тем строже держать себя. [2, 69].

1) (Тоже). Благодать вам и мир, в добром устройении вашем, в послушливости, смиренномудрии, благоговейности, благостности, в денноночных песнопениях ваших и стихословиях. Смотрите, чтоб все так и пребывало у вас неопустительно. Это же не иначе может быть, как когда будете иметь страх Божий и не погаснет огонь любви Его в сердцах ваших. Ибо когда он погаснет в какой душе, тогда начнут в ней проявляться малодушие и разлечение и другия терния и волчцы страстей, расслабление и распущенность телесная, леность и уныние, сон непомерный, ядение ненасытное и всякой другой вид греха, особенно жгущия похотения, омрачительные помыслы, расположения и дела пагубной жизни. Признак же того, что не угас огонь оный святой и невещественный, тот, что душа всегда ревнует о добром и усердно делает все должное, не ослабевая и не малодушествуя, послушания, работы, стихословия, исповедания, рукоделья, молитвы, воздержания положенные и всякия другия дела, которыя разумеются под блаженным послушанием. Блажен таковой, Богу угоден и всем любезен, из блага сокровища сердца своего, как цветы, износя проявления Божественных благодатей, отражающихся и на боголепном лице его, и во всех движениях и словах. Обладаемые же неуместными помыслами мало по малу уклоняются от должного, а потом и совсем отпадают от своего исповедания (обета) и делаются добычею диавола.

2) Но будем молиться, чтоб каждодневно призывающий всех, уклонившихся с правого пути, возвратил и их в свое им стадо, чтоб грех не истощил их в конец. Однакожь о должном взыскании погибшаго не понерадите и сами. Ибо если потерявшие какое либо из неразумных животных не легко переносят ущерб этот; не паче ли тем, насению которых вверены разумныя овцы, должно

всеусердно пещись о взыскании погибающих из них. — Так как эти подверглись падению, то прочие тем крепче пусть стоят и держатся должного; ибо написано: праведнии, когда падают нечестивии, устрашаеми бывают (Притч. 29, 16). Восприимите же страх и продолжайте шествовать осторожнее; потому что по ту и другую сторону вас диавол устрояет вам стремнины. Потому никто не оставайся с не исповеданными помыслами и не действуй по своей воле. Никто не будь ни сластолюбив, ни самолюбив; потому что те, будучи обладавши этими худыми расположениями, поскользнулись в ров пагубы и убежали; и теперь в состоянии малости достойном блуждают туда и сюда, как заблуждшия овцы. Молитва отступила от них: ибо к кому станут они воздевать руки, отбежав от Бога. Псалмы и песни замирают в устах их. Кому воспоют они: терпя потерпех Господа, когда по малодушию сгубили себя? Поэтому вы молитесь за них о возвращении их; но вместе молитесь и о своей твердости, говоря: аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю (Пс. 26, 3). Множицею брашася со мною от юности моя, и непремогоша мя (Пс. 128, 2). Сей покой мой во век века, zde вселюся, яко изволих и (Пс. 131, 14), — чтоб, как воины Христовы, борясь, но не падая, получить сподобились вы за терпение венец правды.

140.

Скорбит о нарушающих обеты и оставляющих обитель, и всячески убеждает их возвратиться на добрый путь и пребывать твердыми в иночествовании. [2, 70].

Узнав ныне о том, что у вас делается, и порадовался я, и поскорбел: порадовался о здравии и благоденствии ваших проигуменов, и о правошествоующих и правошествовавших братиях, в благочестной покорности, в благом терпении и Богоугодном житии; поскорбел об уклонившихся с пути и убежавших, хотя они и опять воззваны. Вас Господь паче и паче храня да хранит и утверждая да утверждает к совершению течения истинной жизни вашей; к уклонившимся же с пути обращусь с следующим словом Пророка: сынове человечестии? вскую любите суету и ищите лжи? (Пс. 4, 3), — ища исполнения волей своих, по возбуждению страстей ваших, не полагая пред очами страха Божия, ни суда не умытнаго, ни огня неугасимаго, ни тмы кромешной, ни скрежета зубов и тартара невообразимо страшнаго, но так безстрашно и дерзко, так лживо и легкомысленно судя о Боге при безпутных начинаниях ваших. Доколе будете вы забывать суды Его? Доколе будете не приходите в чувство раскаяния? Доколе будете полагать лукавые советы в душах своих, придумывая извинения во грехах и предаваясь суетным чаяниям? — Возставьте себя, наконец, от падения, разгоните окружающую вас тму, пресеките безумныя стремления ваши. От кого бежите вы? От кого отрицаетесь? Не от Духа ли Святаго, Коего прияли в день избавления? — Но довольно доселе. — Не прилагайте еще, не давайте диаволу еще радоваться о вас, перестаньте угождать супостату своему. Возлюбите возлюбившаго нас Господа, восприимите в себя благаго Владыку; а прошедшее Он яко всеблагий, простит вам ради смирения вашего. Исправьте же, прошу вас и молю, неисправности душ ваших утвердите основания сердец ваших, соберите разсеяния мыслей ваших. Вспомните обеты ваши. После них, хотя бы огонь и меч угрожали вам, хотя бы муки и истязания предлежали, вам отнюдь не следовало уклоняться от них; а вы из-за ничтожной вещи злаго желания своего, поправ Божественный Завет и священные обеты, вскочили, как тельцы ужаленные и устремились в места безводныя и непроходныя, поселились в деревне, обращались с мирскими женами и мужами, ели и пили, как на заклятие. — Из таких семян какая получаютя плоды?! Увы мне несчастному! Лучше бы земля поглотила меня. — Ныне время сказать мне с Пророком: падите на меня горы, и холмы

покройте, меня, незаконного и грешного (Осии 10, 8). Потому что те, которых я родил, оставили законы Божии, осквернили плоти свои, предали девство, отказались от послушания, сделались посмешищем демонов. Ибо не водит ли сатана туда и сюда послушных ему и не пожирает ли их потом устами греха? — Но приидите хоть отселе отрезвимся, опомнимся, осмотримся, рассмотрим прелесть вражью и наше безсоветие, укорим себя, смиримся, сокрушимся, припадем в исповедании, и восприимем мало по малу прежнее наше прекрасное житие. Ей! прошу всех вас, стоящие в доме Господни, во дворах Бога нашего! стойте доблестно, шествуйте неуклонно, и покорны будьте предстоятелю вашему и другим начальственным у вас лицам. Отметающийся их, меня отметається, а приемлющий их, меня приемлет, или не меня, — но Бога, ради Коего я есмь, что есмь, и вы есте, что есте.

141.

Убеждает оставить свое мудрование и свою волю, и с верою предаться руководству, для прочного преуспеяния в должной жизни. [2, 71].

Смотря на возжигаемая против нас брани оттуда и отсюда, могу сказать словом Апостола: «истинно дадеся нам пакостник плоти, ангел сатанин, да не превозносимся, но паче да смиряемся, наказуеми, и под крепкую руку Божию да прибегаем, как не могущие иначе спастися. Когда со всем тщанием покорим непокорное мудрование наше и познаем самих себя, что мы всецело окаянны, ничего не могущие сделать, как должно, без помощи Божией, при посредстве руководящего нас, кто-бы он ни был: тогда снидет в пещь страстей наших Ангел, как никогда в пещь вавилонскую, исторгнет из сердца пламя похоти и произведет в душах, — яко дух росный веющий, — дар чистоты. Потому смиримся; долу мудрование наше, долу и очи наши; да преклонит выю свою разум; и се близ милость Человеколюбиваго Бога. — Не будь никто неверен, никто лукав, никто криводушен, который бы устами благословлял, сердцем же далеко отстоял, каковым бывает следующий только своему нраву и своему разуму. Никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо (1 Кор. 10, 24). Всецело будьте световы, всецело искренни, всецело истинные сыны; будем шествовать, как чада, как братия, как сонаследники; не будем принимать ничего, чем могли бы послужить во вред друг другу и не допустим никаких новых безчинств.

142.

Приглашает радоваться, что проходят жизнь нищенскую, полную лишений и скорбей, при подвижнических трудах, с оставлением всего мирскаго; потому что это верный путь к наследию Царства Небеснаго. [2, 72].

Хоть несколько дерзновенно, но скажу вам Апостольским словом: радуйтесь всегда о Господе, и паки реку радуйтесь (Фил. 4, 4). Чего ради? Того ради, что дело Божие совершаете, что в монашескую схиму облеклись, что состоите под законом послушания и исполняете его каждодневно, скорбя, тесноту терпя, бедствуя, печалясь, — то в пощениях, бдениях, спаниях на голой земле, то в трудах и утомлениях, по делам послушания вашего, в отсечениях волей, в нечаянностях приказаний, в немытии плоти, в ношении рубищ, неопрятных одежд и обуви; приложу, — в епитимиях и отлучениях, и еще паче, — в непрестанных приражениях, толчках, уколах, как бы ужалениях п устреляниях, видимо и невидимо поражающих нас, от демонов — то блуда, то лености, то объядения, то непостояния мыслей и желаний, и других неисчислимых страстей. — Судите же сами, не справедливо ли я сказал: всегда радуйтесь. Ей, братия мои! блаженны вы и треблаженны,

претерпевая все сие ради Бога, сие избрав и сие лобызая. А отсюда что? — Возсияет в сердцах ваших в будущем веке правда и множество мира, живот, радование и упокоение вечное, всыновление и наследие Царства Небеснаго: что так благоумно, так доброхвально и так Богоблаженно взыскали вы и ищите, — мир возненавидев и все что в мире, от родителей, братий, родных, друзей и знаемых отторгшись, города, села, поля, дома и родины свои оставив, и к единому Богу Господу и Царю Славы прилепившись, благому и преблагому Владыке, Ему работая, Ему предстоя, Ему служа, Ему поя непрестанно; и у вас не об отце и матери слово, не о жене и детях забота, не о рабах и рабынях попечение, не о стяжаниях и имениях безпокойство, не о чинах и отличиях борьба, не о яствах и винах искрящихся, и не о других плотских удовольствиях хлопоты, — и ни о чем земном и тленном, но единой Богоугодной жизни и наследовании обетованных на небе, вечных благ. Не достойно ли потому возлюбит вас Бог? Не достойно ли наречет вас чадами? Не праведно ли в день оный скажет вам: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам от сложения мира? Таковы подвиги ваши, таковы ваши искания, таковы надежды! — Потому и опять скажу: радуйтесь всегда.

143.

Сравнивает подвижническую жизнь с бегом на ристалищах, и подробныя дает наставления, как успешно кончить сей бег и награду получить. [2, 76].

Наш подвиг подобен бегу на ристалищах, как указал св. Павел (1 Кор. 9, 24) Но здесь для бега определяется небольшое пространство и назначается недолгое время. А в нашем подвиге путь простирается от земли до неба, и время определяется целою жизнью, после которой раздаются и венцы победителям. Зрителями наше состязание имеет тысячи и тмы Святых Ангелов, — подвигоположником самого Владыку всяческих, на неприступном престоле славы Своея возседающаго, — противниками злокозненных демонов, всячески покушающихся положить нам препоны, сбить с ног и погубить. — Судя по сему, сами видите, сколько надлежит нам быть внимательными и осторожными, заботливыми и неутомимыми, чтоб не только добре начать течение, но и совершить его. Начать только никакой не принесет нам пользы, если с юношескою живостию и с мужеским постоянством, не будем простираяться в предняя; но и это не означает еще победы, если с тем же рвением и напряжением не будем теши до самой смерти, хотя бы жизнь наша протянулась и очень долго. Будем же, братие и отцы, теши еще и еще, будем стремиться в предняя дальше и дальше, испрашивая помощи и силы свыше от человеколюбиваго Бога чтоб и добре теши и успешно достигнуть предназначенной черты или меты. Страшнейший подвиг указало нам Слово Божие, добре текущим и побеждающим обещающее неизреченную радость и славу, а нерадивым и беспечным, которые или с места не движутся, или останавливаются пред препятствиями и самовольно уклоняются с пути, угрожающий бедственнейшею и ужасающею участию. — Имеяй уши слышати, да слышит, говорит Господь. Слушайте же сие, чада, и внимайте: теките бодренно, и осматривайтесь зорко, зная, что лукавые демоны всегда готовы стать нам поперег дороги и устроить нам преткновение. Ведайте, что никто не может добре теши, если не обнажится от всего облекающаго, удержав только нагрудник веры, — разумею не только оставление всякаго внешнегого имущества, но отстранение и внутреннего разнообразия помыслов и пожеланий земных. В нашем состязании никто не может иметь успеха, если не обучить тела довольствоваться малою пищею и питием; если вместо елея не намастится твердостию и неутомимым терпением; если не пройдет, как некий гимнастический курс, испытательныя упражнения пред приятием схимы. Во время же течения, никто

не должен мешать другим сподвижникам, ни завидовать им, ни наветовать; но ум и очи устремленными иметь на то, как бы достигнуть благоуспешно предела течения, прилагая усилие к усилию, рвение к рвению, воодушевление к воодушевлению, не озираясь ни на десно, ни на шуе, не внемля похвалам, не увлекаясь тщеславием, не малодушествуя при утомлении, препонах и столкновениях, не падая духом от преткновений, чтоб таким образом все исполнив преподобно, смиренномудро, братолюбно и искренно, по успешном окончании течения сподобиться нам получить обетованное воздаяние от Господа нашего.

144.

1) Возревнуем о всякой добродетели, от всего же недобраго будем блюстись, особенно такого, какое кажется добрым. — 2) Много засад у врага. Лучшее средство к избранию их есть откровение помыслов. — 3) Против всякой страсти надо вооружаться своим противострастным борением. В пример выставляется способ борения с завистию. — 4) Внушается во всем соблюдать благочиние. [2, 77].

1) Приидите, движимые желанием обще всем полезного, восприимем теплейшее рвение о спасении, станем все делать подобающее, желать должного, искать благотворного, малые и великие, начинающие и старцы; очистим себя от всякой скверны плоти и духа, сделаем из себя сосуды избрания, творяще святыню в духе, бегая случаев ко греху, не допуская гордости, преслушания, сластолюбия, плотолубия, стремясь обогатиться добродетелями, — смирением, послушанием, чистотою, братолюбием; отвергнем далеко от сердца нашего плотския и сластолюбныя склонности, пресечем поблажающия сему сношения, не только со внешними, но и с своими внутренними, — разумею то, чтоб не иметь к одному брату большую любовь, чем к другому: ибо такая любовь лукава и Богу ненавистна, по видимости будто братская, по существу же сатанинская.

2) Знаете, как много засад у диавола и как хитросплетенны сети его, — и что никто не избавится от них иначе как чрез исповедание помыслов и желаний, с верою к руководителю своему, сопровождаемою смирением и послушанием. Те, которые шествуют не сим путем, падают, падали и прежде, как читаем; сему же последующие закону явились блестящими в мире светилами, избегши тмы греха и диавола, поправши умерщвлением своих желаний.

3) Умоляю убо вас любовию Господа нашего Иисуса Христа, умудритесь во спасение свое. Каждый какую страстию томим бывает, против той должен и подвиг воспринимать, — против зависти, например, противозавистный подвиг, — именно — ненависть к здешней мгновенной славе, — потомучто эта страсть зарождается от желания показаться лучшим ближняго чем либо: или живостию ума, или мелодичным псалмопением, или приятным чтением, или другою какою способностью, духовною или телесною, и зародившись сожигает медленным огнем, истощает и снедает. Но будучи друг другу членами, так как одно тело есмы все, будем сорадоваться друг другу, почитая своим все, чем отличаются другие; ибо когда один одним, другой другим, третий еще иным чем отличается, все же суть одно тело братства, то всем этим братство все отличается и является всесовершенным, честь чего и на каждого переходит: тот мелодичен, а ты громогласен; тот читает внятно, а ты понимаешь читаемое скоро; иной сообразительнее умом, а ты способнее ходить по делам; иной еще полезнее в распоряжении работами, а ты более охотен на послушания; и последнее гораздо лучше перваго, потому что кажущееся быть чем-то пред тем, что действительно есть таково, ничтоже есть. Что мелодия, или доброгласие, или чтение, или быстроделие, или каллиграфия, или

музыка пред блаженным и прелюбезным смирением и послушанием, пред благостию и простотою, пред кротостию и тихостию, пред незлобием и безропотностию, пред Боголюбием и действенною молитвою и пред другими добродетелями, которых стяжание есть дело произволения и искания, хотя бы кто был без голоса, не умел петь, дурно читал, был косноязычен, косоглаз, дурен лицом, хромоног. Так благий Бог наш для всех нас сделал удободостижимым и удободоступным благо добродетели, поставив его в зависимость не от телесных преимуществ, а от душевных расположений, в коих оно и засеменяется, и возрастает, и достигает совершенства.

4) Будем довольны тем, что есть в нас, радуясь и тому, что есть у каждого из братий, единясь между собою и оставаясь в жизни по Богу со всяким благоустроением. Видите, братие, что мы множимся; и надобно, чтоб все у нас было благочинно: ибо если и малое что выступит из своего чина, весь состав братства приходит в движение и колеблется, теряя свою красоту добродетели, как бывает и со всяким другим обществом. Для нас, собравшихся во едино о имени Господа нашего Иисуса Христа и состоящих в чине Ангельского жительства, неотложно обязательно полное во всем благочиние, — разумею то, чтоб без шума и смятения петь и молиться, стоять и перемещать место, сидеть и вставать, спать и просыпаться, нисходить и восходить, молчать и говорить, есть и пить, входить и выходить, спрашивать и отвечать, сходиться и расходиться, искать и давать, услуживать и принимать услугу, полагать и держать, одеваться и раздеваться, обуваться и разуваться, все это видимо деется у нас каждодневно. Когда во всем этом соблюдается благочиние, тогда все братство наше, как море некое покойное, представляется, хотя движущееся, но кроткими волнами движения, как Духом Святым производимыми. Когда же, по невниманию, привидет какое либо нестроение, тогда оно, как бы сильными ветрами и ураганами воздымаемое, мятется и кипит волнами. Не это ли видится у нас, когда между вами поднимается шум, крик, смех и говор, — как недавно при раздавании св. агиазмы и во время выхода из трапезы, когда четыре благочинных едва успели возстановить должный между вами порядок. — Не так, чада мои и братия, не так. Ведомо вам, что сказано о воле Божией, что она есть не благая только, но и совершенная и благоугодная (Рим. 12, 2), по благоустроению многих. — Это впрочем сказал я вам не в укор, а в напоминание о прежде бывшем, чтоб вперед избегались подобные случаи. Господь же мира и Бог всякаго утешения, содержащий в чине все небесное и земное, да дарует вам силу и крепость ко всякому благому делу и движению, ко всякому миру и единомыслию, ко всякому благочинию и тихости, в искренней друг к другу любви, да обрящемся и в день откровения Его ликом Святых и сонмом освященных, со всеми Святыми, от века Ему благоугодившими.

145.

Жизнь терпеливая в общежительном послушничестве; есть настоящее мученичество. [2, 78].

Блюдитесь от лукаваго сообщничества, самомнителнаго самочиния и пагубнаго нарушения законоположений обительских, сообразуясь во всем с преданным нам св. Отцами уставом; ибо что у нас положено, то положено не как попало, но по испытании всего с давних времен, со многими трудами и потами, и что уставлено, уставлено по требованию и существу нашего Ангельского образа жизни, и в обличение инако мудрствующих о заповедях Господа. Продолжайте же вашу добрую куплю и ведите до конца ваш о Господе путь, намащая себя елеем кротости и терпения и перенося всякаго рода подвижническия тесноты, за кои уготовляется пространное наслаждение вечными благами. Какая же это тесноты? Те самыя, которыя вы каждый день на самом деле имаете: бдения и

псалмопения, труды рук, малоястие, малопитие, последовательное одного за другим прохождение послушаний, благочиние в стоянии в Церкви и в порядке при шествии, в поступи, в одежде, в обуви, в покровах, — скорби от лишений, от предпочтений, от презрения и всего подобного. И справедливо свидетельствуют многие св. отцы, прежде же всех свидетельствует св. Василий Великий, что состояние послушания есть настоящее мученичество. — Но смотрите, какое нам от этого благо? и какое за то воздаяние? — Неувядаемые венцы правды, наследие Царства Небесного, всыновление, нетление, бессмертие и всякое другое не домыслимое блаженство. Таковыя имея обетования, братия мои, еще и еще переносите предлежащий вам труд подвижничества, не утрущаясь прилучающимися поскользновениями неких, ни падая духом от встречаемых трудностей и печалей, ради нашей по Богу жизни: ибо если здесь не попечалимся, то и в день оный не будем обрадованы, — если здесь не потерпим тесноты и не постенаем, то не встретим простора и веселия и в будущем веке. Но чем более здесь попечалимся и поскорбим, победствуем и поугнетаемся, тем большия там встретим утешения: вместо печалей получим радования, вместо бедности богатство; вместо малых стяжаний земных — многия стяжания сокровищ небесных, вместо телесных болезней душевное благоустроение, вместо оставления мира, Господнее призвание к Нему Самому: ибо каково и колико будет нам, когда услышим блаженный оный глас, зовущий и глаголющий: приидите, благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам от сложения мира (Мф. 25, 25). Почему, еслиб надлежало нам каждодневно умирать любви ради Христовой, предпочтем сие и предадим себя бить, жечь, разсекать и всякия муки терпеть, как терпели св. мученики. Ибо не одно им подобало любить и лобызать, а другое нам; но один у нас подвиг и одно стремление, так как и по естеству мы одно есмы, — Божии создания, в мир вводимыя для одной цели — прославлять Бога, чрез исполнение святых заповедей Его: членов же отсечение, кровей изливания и муки тираннов не всегда и всюду имели место. Мы сподобились вступить в настоящий подвиг высокого жителства в послушании, и подъемлем мученичество иным образом: вместо отсечения членов отсекаем волю свою; вместо изливания крови извергаем греховныя помыслы и пожелания; вместо тираннических мук терпим нападения бесов и неприязни со стороны мира; почему не суетною надеждою надеемся в будущем веке получить часть вместе со св. мучениками.

146.

По случаю землетрясения напоминаете о потрясении неба и земли в последний день и дает соответственное тому наставление [2, 79].

После землетрясения, бывшего у нас вчера, ни о чем другом неуместнее нам беседовать, как о нем, и именно: от чего оно и для чего бывает? Из еллинов одни одно, другие другое говорят; нам же Божественный Давид изъясняет сие, когда говорит о Боге: призираяя на землю и творяя ю трястися: прикасаяся горам и дымятся (Пс. 103, 32). Как, когда господин обращает гневный взор на раба, раб приходит в трепет: так истинный Владыка всего и Творец, пред Коим все твари предстоят, как рабы и рабыни, когда восхощет показать праведное негодование Свое на нас за грехи наши, всевидящим оком силы Своея грозно воззревает на тварь и творить ю трястися, чтоб мы, устрашившись и вострепетав, как рабы, навлекшие на себя гнев, уцеломудрились и обратились к исполнению Его заповедей. — Вот, братия мои, коль страшна сила Его! каково проявление негодования Его, и ярость гнева Его! И если настоящее таково и толико, то каково будет будущее во время скончания всего? Ибо Сам Он говорить с угрозою: еще Аз единою потрясу небом и землею (Аггея 2, 7), показывая

необычайность того. Какой страх узрится, и какой трепет будет тогда, когда земля отдаст всех от века умерших, когда небо совется как свиток, спадут звезды, изменятся светила, и звук трубы Архангельской пронесется над всеми, живущими на земле, когда и Сам Бог наш явно придет, с тысячами тысяч и тмами тем Ангелов и Архангелов и вышних Сил, шествующих пред лицом Его, когда престолы поставятся, сядет судилище и неподкупный Судия и Владыка обнажит все сокровенное, пережитое нами. Когда по совершении всего сего во мгновение ока, произнесется великое и страшное решение, призывающее праведных в Царство Небесное и жизнь вечную, а грешных отсылающее в огонь вечный, в тму кромешную, в страшную бездну ада, в тартар мрачный, к червям неусыпающим, на скрежет зубов и все другия грозныя муки? Кто снесет все такое, братие? Кто стерпит такие страхи и ужасы! Кто устоит пред этим подавляющим и в изступление приводящим событием! Видеть небо раздираемое, землю потрясаемую, множество Ангелов и Самого Господа и Бога, грядущаго на облаках судить всю землю!!! — Но ведь не в далеке, а близ есть сие ожидаемое: Судия при дверях! — Се Жених! исходите во сретение! — Но если имеем светлые светильники чистоты и елей милостивости и любви в достаточной мере, благо нам; мы сретим Жениха радостно и внидем в чертог Его. Если же нет, то отосланы будем от дверей оных, которыя на стук наш не отверзутся нам, зле мудрствовавшим, дремавшим и спавшим и оказавшимся неготовыми. — Почему, чтоб этого не случилось с нами, пробудимся спящие от сна безопасности, возстанем разслабшие от уныния, отрезвимся пьянеющие от срамных помыслов, очистим души, оскверняемые нами неуместными похотениями, утвердим сердца крепкою верою, у кого они поколеблены двоедушием, изменчивостию и плотолюбием. Добре же текущие будем тещи и еще также, светлые еще просветимся, чистые еще паче очистимся, ревностные еще паче возревнуем, добродетельные еще более возлюбим делание добра, смиренно мудрые еще более возсмиреномудрствуем, послушливые еще более станем послушны; все все доброе будем творить и всякую заповедь исполнять, да достойными окажемся внити в чертог Жениха душ наших на нескончаемую радость.

147.

Паче и паче преуспевать будем, во всякой добродетели, ревнуя и всего недобраго избегая, и подвигами Ангельскаго общежителства украшаясь, по примеру св. отцев и в чаянии великих обетований. [2, 80].

Не посрамим пройденных уже нами подвигов настоящими деяниями; как бы положившие только начало, будем ревностно исполнять всякий долг и всякую добродетель, свет к свету воспринимая и от славы в славу восходя: что и достигается добрым вашим во всем поведением, когда будете облечены во одежду смирения, будете украшаться послушанием, являть деятельную любовь и кротость, бегать своеволия и самоугодия, от коих смерть, лукавства, первенствлюбия и славолубия, в коих скорая погибель и от коих пали все падшие от века до ныне, на сем поприще послушания. Ныне, как уже очистившиеся от всяких терний, плевел и волчцев, будьте доброплодны и новую покажите жизнь, ничего в нее не внося от мудрования преткнувшихся, чтоб иначе и вам не пострадать тогоже. Все будьте искренни и чисты; все переносите благодушно поношение, унижение и брань; все являйте твердость в борьбе за добро, воздержание и постоянство: ибо в этом мученичество жизни в послушании; и все, потерпевшие его, получают венец правды. Как горящие любовию ко Христу и искушенные напастьми и бедами, переносите доблестно все, каждодневно случающееся, и теките оною воистину златою жизнию отцев наших, в коей не встретим

преслушания, гордости, противоречия, продерзости, поношения, смуты, по где владычествует мирное Ангельское состояние, покоящееся под веянием Духа. Вы знаете, что то, что я говорю, истинно благо; если благо, то и достолюбезно; если достолюбезно, почему и нам не полюбить того, не возжелать и не постараться приобрести?

148.

1) Доброе трудно прививается к нам, а худое удобоприемлее. — 2) Путь добрый тоже, что восход на гору, а путь грешный то же, что спуск с горы. — 3) Горе смотреть нам надо, и не нисходить к земным помышлениям. — 4) У нас разные дарования, разные и помышления; но воздаяние получим по усердию и труду. — 5) Будем благодушно переносить всякия лишения, неудобства, тяготы и скорби; ибо на это уж мы пошли. Но это верный путь ко спасению. [2, 31].

1) Обыкновенно бывает так, что когда кто говорит о чем грешном; то сказав однажды и дважды о том, располагает слышащих к худому. В отношении же к добру, и много раз сказавши спасительное, едва успевают чье либо привлечь к тому внимание и расположение. Так трудно прививается доброе к естеству человеческому; напротив злое очень удобоприемлемо для него.

2) Идти путем добрым тоже что восходить на гору: сколько тут трудов, неудобств и неприятностей? Напротив путь грешный тоже что спуск с горы: легок и преград не видно по быстроте хода. Потому на добром пути потребны и особенное тщание, и руководство, и предосторожности.

3) Тут ничего не следует иметь в виду земного и тленного, а только одно небесное и вечное, если желаем восходить, а не нисходить. Ибо как у восходящего на высоту, если он посмотрит вниз, происходит некое омрачение: так и у того, кто, восходя путем добродетели, прилепится вниманием к утехам земным, омрачается око душевное. Горе смотреть нам надлежит, потому что там глава наша — Христос Господь, там сокровище наше и жизнь вечная. Не будем ослабевать восходя, ни падать духом, видя высоту восхождения. Достигнуть конца нам самим не по силам, но близ есть помощь Божия и Его заступление.

4) Мы вступили на путь сей и преуспели, и каждый из нас, соответственно своему рвению и труду, стоит теперь на такой или такой степени добродетели. И мы душевными расположениями разнимся между собою более, нежели видом тела: ибо один более, а другой менее тепле возлюбяет смирение и послушание; или один отличается даром любви к ближнему, а другой — усердным присмотром за многими, или по рукодельным послушаниям, или по работам полевым и домашним, или по удовлетворению потреб, каковы например, эконоом, келларь, трапезарь, сапожник, портной, и другие. Всякой у нас путем Господним идет, и всякого путь сей приводит к венцам нетленным.

5) Будем только терпеливо и смиренно переносить труды, поты и тяготы делания, бдения поста, псалмопения, равно как холод, худобу одежд и обуви и прочия неудобства. Свидетель Бог, что я неравнодушно смотрю на это, жалею вас, состражду вам, и сколько сил есть, забочусь доставить покой всем вам. Но сами видите, что дело немалое столько одеть, обути и упокоить. — Впрочем на то ведь мы и пошли, чтоб голодать, жаждать, наготствовать, нищетствовать любви ради Христовой, по коей и Божественный Апостол жил в голоде и жажде, в холоде и наготе и в других лишениях (2 Кор. 11, 27); и не он только, но и все святые проидоша в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблены... в пустынях скитающиеся, и в горах и в вертепах и в пропастях земных (Евр. 11, 37. 38). Если же они так, как же мы, иначе живя, одинаковой с ними чести сподобиться можем? Никак. Но если кто видит себя в каком либо из исчисленных лишений, да радуется, что приобщился

части святого. Так должно смотреть на все каждому и все принимать с благодарностию, как от Бога подаемое чрез распорядителей, без всякаго ропота или оуждения. Если так будем действовать, блаженны мы, братия, ибо за это сподобимся упокоения там, где нет болезней, труда, лишений и печали.

149.

Обличает уступающих внушениям врага и падающих, и убеждает противостоять им, обнадеживая помощью Господа. [2, 82].

Нерадение, зародившись, мало по малу увлекает не внемлющего себе в ров погибели. Когда начнет кто тяжел быть на подъем для дел своих, противоречив при назначении послушания, уклончив от исполнения их, — тогда враг снабжает его внушениями и возбуждениями к совершению преступных дел, и он, склонившись на то, не только сам падает, но и других сбивает на то же. Увы! что это делается? — Как побеждает демон? Как пристыжаем мы хранителей наших, святых Ангелов? Как прелагаемся мы на сторону супостата, к постыждению великаго Бога нашего, добраго Пастыря, давашаго Себя за нас в искупление крестом и смертью? Как воззрим мы на лице Его? Как стерпим гнев Его? Не найдется мука, соразмерная с нечестием нашим. — Другие восхищают Царствие Небесное, а мы похищаемся душегубителем нашим. Другие являют твердость мучеников, а мы подвергаемся падению отверженных. Другие возвышаются до небес, а мы низводимся до преисподних земли. Другие полагают в сердцах своих восхождения по степеням добродетелей, а мы устроаем себе нисхождения по степеням пагубы. Ужели не отрезвимся когда либо? Ужели не очувствуемся? Ей, умоляю вас, поспешим к делу, возьмемся за подвиги, потечем путем Божиим, избегая причин, приводящих к падению и совершая все боголепное и преподобное: неразсуждающее послушание, неослабный труд в рукодельях, смиренномудрую веру, чтоб все — и делаемое и мыслимое — открывать на исповеди, скорое запрещение непотребным помыслам, в самом начале нападения демона говоря: отойди с глаз моих, сатана, — к сласти ли похотной влечет он, или к отступлению возбуждает, или к лености клонит, или нетерпеливость наводит, или возставляет против веры. Ибо он всегда и всюду устроает засады, сети ставит, ямы роет; не спит, и празден не бывает, ни пищи, ни пития, ни другаго чего не ищет; одно у него и дело, и ночью и днем, — губить души наши. Против него же первое и главное у нас орудие — откровение помыслов с Божиею помощью и заступлением. Не будем же расслабляться и предавать себя падению. Пусть велик он силою греха, пусть хитр в способах влечения ко злу, пусть злобен по естеству и один изобретатель и делатель нашей пагубы, — но не убоимся его: ибо после того, как Христос Бог наш восприял плоть нашу и вочеловечился, он обезсилел, и мы поем: врагу оскудеша оружия в конец (Пс. 9, 7), потому что победивший его Господь дал нам власть наступать на главу его. Дерзая верою, будем считать его равным безсильному воробью, или ничтожному какому пресмыкающемуся, попираемому ногами.

150.

Определив, что мы, зачем мы, где мы и куда отойдем, изображает решение страшнаго суда и участь десных и шуих, и выводит назидательный урок. [2, 83].

Напоминаю вам, будем помышлять, рассуждать и рассматривать, — что мы, зачем мы, где мы и куда отойдем? — Мы творение Божие, дело рук Его, по образу и подобию Его созданные, имеющие власть над всем, сущим под небесем; ибо как написано, Он все покорил под ноги наши (Пс. 8, 7). Мы вторые после Ангелов, как они первые, по естеству. — Зачем мы? — Не за чем, как чтоб быть во

славу державы Его, подобно Ангелам, чрез верное исполнение всех заповедей Его, — так как мы умалены малым чем от Ангелов (Пс. 8, 6), и еще менее будем таковы, когда совлечемся тления и облечемся в нетление. — Где мы? В месте изгнания, по прародительскому безсоветию, преслушанию и сластолюбию, перешедшему и к нам, потомкам его: о чем плакать подобает и рыдать, печалиться и стенать, помышляя о том, из какого благолепного извержены мы жилища, из какого Ангельского пребывания, какого блаженного утешения райсаго. — Куда отойдем? — В тамошний мир, в треблаженное Ангельское пребывалище, в светелую страну, в невечернюю жизнь, поели того, как на страшном всемирном суде, Судия всех и Бог, возседши на престоле славы, во мгновение ока разсудит все и восдаст каждому по делам его: соблювшим заповеди Его даст стояние одесную, радость неизреченную, вкушение вечных благ, Царство Небесное, а преслушавших Его и по нерадению и сластолюбию учинивших зло — блуд, прелюбодеяние, хищение, зависть, убийство, распуство, нечистоту, отступничество, гордость, тщеславие и всякия другия виды зла, предаст вечным мукам: огню кромешному, червю ядовитому, тме тмущей, в тартар бездонный, — каждого сообразно с собственными его грехами. Кто в премудрости, добре понудив естество, все претерпит мужественно, а если потребуется, то и умрет за добро, — тот в день оный просветится, как солнце, будет в части святых, в ликостоянии Ангелов, в веселии мучеников, в наслаждении Пророков и Апостолов. Но горе тому, кто за мгновенную сласть плотскую, за миролюбивый нрав, за скоропреходящая и ничтожныя удовольствия попадет там в оную бедственную часть стояния ошуюю, под немилосердое отвержение и невозвратное отсание на нескончаемыя муки, в неразрешимых узах, где только и слышится, что — увы и горе! — Нет избавления, нет изменения, нет человеколюбия, ни от Бога, ни от Ангелов, ни от Святых, во веки веков! О сем, чада мои, да помышляют все: и добре текущие и претыкающиеся, и сильные духом, и малодушные, и первенствующие и вторствующие, и теплые и хладные, и богатые и бедные добродетелями, и вообще всякой человек, всякое колено и всяк язык. Позаботимся и мы о сем, примем добрыя решения и потечем путем Божиим бодренно и напряженно, отвергши всякую страсть, как заразу; возденем руки наши к Богу спасающему, изъявляя готовность каждодневно претерпевать мученичество: кровоизлияние, членов отсечение, плоти строгание, костей сокрушение, а не только лишение какой либо пищи, или пития сладкаго, одежды тонкой, обуви хорошо сшитой, чести стояния и многоаго другаго подобнаго, о чем смешно и говорить; чтоб, добре поживши здесь, по чину нашего звания, в смирении и послушании, и верно соблюди обеты свои, изыти нам из здешней темницы радуясь, и с дерзновением предстать пред лице Бога, в благой надежде получить, обетованныя живущим во славу Его, блага.

151.

Из того, как приготовляются к состязаниям на мирских зрелищах выводить наставления и для подвизающихся в духовной невидимой брани. [2, 84].

Посмотрим, как приготовляются к состязаниям на мирских зрелищах, — нельзя ли из их примера поучиться нам чему либо и для наших подвигов. Когда наступает время народного зрелища, большею же частью еще гораздо прежде того, имеющие выступить на состязание, не праздно проводят время, но наперед упражняются в том, что и как следует им делать на зрелище, делают опыты всего предлежащаго, соответственную тому и диету держат, не до пускающую яств, не могущих способствовать успеху, и речей у них в это время не бывает других, как все о предлежащих

состязаниях, как выступить и сделать первый шаг, куда потом направиться и кому на кого нападать. Столько у них занятий и забот: из за чего? Чтоб победою стяжать венцы тленные и получить положенныя награды; вместе с сим и для того, чтоб доставить удовольствие зрителям и приятелям, при посрамлении побежденных. Если у этих предварительно бывает так много труда и обсуждения, какой, полагаете вы, должно нам и вам иметь подвиг, какое тщание и осмотрительность, и какую неусыпную заботу то о том, то о другом? Ибо враг наш, противник и супостат, не неопытен, не невежда, не небрежен; но стоя насупротив, кажется, и он не мало обдумывает, какие против нас устроить ковы, как подойти, как напасть, как отразить, как подстрелить и повергнуть долу беднаго монаха? Не великий ли потому предлежит нам подвиг? Не великую ли заботу и тщание должны мы иметь? Не следует ли нам, воздев руки горе взывать: призри Господи от Святаго жилища Своего (Пс. 32, 14). Воздвигни силу Твою, м прииди, во еже спасти нас? (Пс. 79, 3). Истинно так; и это со смирением и сокрушением сердца, с упованием и мужеством, с искреннею верою и послушанием испытанным. Не оставит Господь подвижника добродетели, если он призывает Его на помощь себе, говоря: на Него упова сердце мое, и поможе ми; и процвете плоть моя (Пс. 27, 7). А когда Он помогает, кто может противостать? Кто силен низложить? Никто. Пусть будут тысячи и тмы врагов, не убоится таковой. Именем Господним отразит он их и разгонит. Мужайтесь убо.

152.

Примером земледельца, пловца, купца, путешественника возбуждает ревновать о стяжании благ духовных; и помянув о препонах со стороны врага, обнадеживает в успехе помощью Господа Спасителя, все устроившаго и устрояющаго во спасение наше, если окажем себя достойными Его помощи. [2, 85].

Земледелец, пловец, купец, путешественник, все трудятся, заботятся день и ночь, утомляются и из сил выбиваются, желанием желая достигнуть своей цели, — и достигают. Но наше воздвигание, наше плавание, наша купля, наше путешествие отстоят от того, как восток от запада, или лучше как небо от земли. Потому наши труды, подвиги и поты сколько должны быть превосходнее, ревностнее и неусыпнее тех? — Чего ради и Св. Давид с изумлением взывает: кто взыдет на гору Господню, и кто станет на месте святем Его? (Пс. 23, 3). и опять: кто даст ми криле яко голубине? и полещу и почию (Пс. 54, 7). Мы и трудимся, мало вкушаем пищи, мало сна, простаиваем службы и в келлиях молитвословим, читаем, слушаем, поем, рукодельствуем, смиряемся, слушаемся и все терпим. Но от чего же не достигаем мы желаемого и не видим успеха? — Ни от чего другаго, как от препон нашему спасению, полагаемых супостатом нашим диаволом. Он от дней века сего до ныне возстает на род наш, чтоб не допускать нас на небо, с котораго он низринут за превозношение. Не будем однакожь, братие, унывать и не падем духом пред трудностями жизни нашей. — Ибо Бога имеем помощником и заступником, Бога воздвигающаго от земли нища и от гноища возвышающаго убога (Пс. 112, 7), препоясующаго силою немощь естества нашего (Пс. 17, 33) и побеждающаго искусителя нашего врага. Потому не будем малодушествовать, смотря на то, как мало можем мы сделать своими силами. Не так любит жених невесту свою, не так родители радеют о детищах своих, как любит нас и радеет о нас Владыка всяческих Бог. Он заботится о спасении нашем, радуется доброму поведению нашему, отверзает очи ума нашего, показывает ему светлую красоту свою и вожденное благолепие свое, и возводит его под Ангельским световодством к созерцанию неба и всего, что на небе, и охраняет его от врагов невидимых под кровом крыл Божественнаго промышления Своего. И что

много говорить? — Он таков в любви к нам грешным, что благоволил, не оставляя недр Отчих, преклонить небеса, и в унижении снiti к нам, и соделаться человеком, будучи Господом всяческих. Содержа все словом, препрославленный и превознесенный соделался Он младенцем, рожденным от бедной Матери, когда обогащает все. Верх же таинства то, что Он приял за нас крестную смерть после страшных страстей и тридневно воскрес, исхитив нас из рук змия, и дав нам силу попить его, как пресмыкающуюся скнипу. Какой отец так возлюбил сына, или мать — дочь, или муж — жену, или друг — друга, как Он, за нас любимых столько потерпевший и пострадавший? Но и нельзя словом высказать и умом измерить презельную любовь и благостыню Его к нам. Возлюбивши же нас так и столь ко пострадавши за нас, как может Он не быть помощником нашим на всяк день и час? Заступником и прибежищем нашим, если мы сами не отступим от Него, увлекаемые страстями своими? Зная сие, попечемся быть верными Господу, подьемлем всякой подвиг, мужественно перенося все прискорбное и творя все заповеданное Им; — и Он соделает нас победителями в борьбе с врагом и даст нам безпрепятственно достигнуть возжеланного нами конца.

153.

Указывает, как блаженно работать Господу; и помянув, что и братия для этого вступили в обитель, оставя все, воодушевляет их словом Господа: ищите и обрящете... трудясь смиренно в обительских послушаниях, кои по виду только будто житейски, по духу же духовны. [2, 85].

Что прекраснее и блаженнее, как работать Богу живому в преподобии и правде, очищать душу и тело, сохранять от всякаго греха, влещись вожделением будущих благ, всегда переноситься от мира к небесному, иметь душу неуловленную никакою страстию, подобно птице, перелетающую все сети дьявола и парящую в превыспренних. Кто таков, тот веселится всегда и радуется, услаждается и восхищается, от-зде начиная вкушать начатки будущего всеблаженства. — Так как и вы для этого вышли из мира и пришли сюда, для этого отреклись от мира и всего, что в мире, для этого сделались странниками и пришельцами, отчуждились от родины, рода и родных, для этого стали иными по виду и образу жизни, и простились со всеми заботами и попечениями житейскими: то благий восприяв подвиг, ищите и обрящете, стремитесь и достигнете, чего возжелала душа ваша. Ибо ищай обретает и толкущему отверзется (Мф. 7, 8), говорит Господь. Ищите, ни о чем другом не заботясь и ничем другим не занимаясь. Хотя вы занимаетесь обычными своими послушаниями, но у вас это не мирския и не житейския занятия, потому что занимаетесь не по страсти, не по своей воле, не в угоду плоти, а для святаго братства духовнаго, по послушанию и заповеди, паче же все для Богоугождения. Бог приемлет сей труд ваш, как жертву и всесожжение. И блаженны вы, братие, что избрали сей Ангельский образ жизни, ведущий в небесный Иерусалим, Егоже содетель и Зиждитель есть Бог. Теките же добре, укрепляемые благодатию, и украшаясь добродетелями: сокрушением, послушанием, смирением, готовностью на всякое дело, безропотностию, бдением, трезвением и молитвою.

154.

1) Помянув, как тяготит его бремя настоятельства, особенно при мысли об ответе за каждого, просит помочь ему. Чем? Преуспеянием в жизни иноческой. — 2) За тем определяет, что должно считать преуспеянием. — 3) Наконец приглашает рассмотреть, преуспевают ли они, указывая и признаки преуспевающих и непреуспевающих. [2, 87].

1) Как, думаете вы, смиренная душа моя относится к моему над вами настоятельству? Может быть,

вам кажется, что я величаюсь небольшими своими к вам по учениями, и этим одним надеюсь вполне исполнить долг настоятельства. Отнюдь нет. Но скажу вам по истине, что в томительном и мучительном беспокойстве провожу дни бедной жизни моей, не успокоиваясь тем, что скажу вам о достодождной жизни, но желая видеть в вас самое дело жизни. Посему, когда вхожу в среду вас, каждодневно всматриваюсь в ваше поведение, как обращаетесь друг с другом, как себя держите, как вопрошаете и отвечаете, и из всего этого, а также по взору очей и виду лица, познаю, каково у каждого настроение души: в ком нахожу его правым, радуюсь и утешаюсь, и надеждами воодушевляюсь; а в ком нахожу противное, печалюсь, скорблю и воздыхаю, полагая наверное, что тут взяла силу страсть. И не могу иначе. Ибо разве я не должен отдать отчет о каждом из вас? — При мысли же о сем, кто может оставаться равнодушным? Кто не восплачет, не устрасится и не вострепещет? — Велико и страшно стать человеку пред Богом, неумытым Судиею и давать отчет о всей пастве, соблюлось ли оно в чистоте и непорочности и исправно ли ходило во всех оправданиях Божиих, и во всем достодождном и в отношении к Богу, и в отношении к ближнему? — Сие сказал я вам для того, чтоб вы, узнав скорбь души моей, пожалели меня и помогли мне? Чем же? — Все большим и большим стремлением к преуспеянию в равноангельной жизни вашей.

2) Нам нельзя довольствоваться тем, что отличаемся от мирян, но должно в совершенстве следовать в жизни по стопам отцев; нельзя довольствоваться и тем, если превосходим неких из одного с нами чина, но должно ревновать сравниться с совершеннейшими. Ибо много званых, мало же избранных (Мф. 22, 14). Нельзя также мерять свое преуспеяние длительностью времени, думая, столько и столько лет уже монашествуем мы; но смотреть, соответствуют ли длительности времени число и степени добродетелей наших? — И не то опять надо иметь во внимании, что вот и еще день прошел, но то, отложено ли и в этот день какое либо доброе дело в сокровищницу небесную на содержание души в будущей жизни, и то, прибавлено ли еще хоть малое что к очищению души и к препобеждению томящей нас страсти. Так монах по имени доходит до того, чтоб быть монахом и самым делом, освобождаясь от тмы страстей и от уз злых навыков, и давая чрез то душе и уму свободно стремиться к Господу, к Нему единому воспарять любовию и с Ним единым вождедевать общения.

3) Размотри же себя каждый из вас, имеет ли в себе сие искомое, или все еще состоит рабом страстей, узником грехов, пленником помыслов, — от чего является он не устроенным в словах, делах и помышлениях, обнаруживая сие непослушанием, гордостью, ропотливостью, спорливостью, самооправданием, своеволием и первейшим из зол неверием. Но между тем как этот таков, в том, кто подвигается к искомому и преуспевает в борьбе со страстями, проявляется всякое даяние благо и всяк дар совершен: кротость, мир, любовь, сострадание, безропотность, смиренномудрие, беззавистность, благодарение, терпение, молитва, псалмопение, бдение, сокрушение, слезолитие и всякое другое похвальное деяние и расположение; он не ищет первенства, но бежит от него, — не желает рукоделья нравящегося, а такого, какое назначит отец, с отсечением своей воли, будь дело кухонное, или садовое, или полевое, или другое подобное, — не воюет из-за одежды, обуви, пищи и пития, но терпеливо переносит все, хоть одет в рубища, зябнет и голодает, на одно устремляя взор, — на стяжание тамошняго упокоения.

155.

1) Как гражданин доблестный, будучи позван царем для получения награды, радуется: так радуется и

брат наш Харитон, позванный отселе Господом, вкушая теперь неописанныя блага небесныя за понесенныя им подвиги и труды обительские. — 2) Помышляя о семь, кто и из нас не воодушевится на подобное, не внимая диаволу, который обычно своими внушениями или отклоняет нас от добрых дел, или делаемое добро омрачает не добрыми помышлениями и чувствами, какое бы послушание мы ни проходили. — 3) Не забудем при том, что добродетель и в сей еще жизни получает воздаяние, иной раз видимое, и всегда — невидимое, как предначатие и предвкушение будущей славы и блаженства. [2, 88].

1) Подобно тому, как в гражданском быту, человек, обвиненный в больших преступлениях и осужденный на смерть, страхом и трепетом поражаем бывает, когда возвестят ему: время пришло; выходи: так и для грешника весть о переселении отселе в другую жизнь обыкновенно бывает страшна и трепетна. Напротив, как тот, кто ожидает наград и венцов от царя, за содеянныя им доблестныя дела, радостно радуется, когда услышит глас, призывающий его к получению их: так радуется праведник, когда Ангел смерти возвестит ему о переселении отселе, в уверенности, что отходит к принятию благих воздаяний. — Это дерзаем мы сказать ныне о брате нашем Харитоне, что он, соименно себе, с радостию и веселием вышел из тела и отошел в место упокоения. — Вот как, братие, хорошо подвизаться; вот как благоплодно насиловать естество; как благотворно терпеливо проходить подвижничество; как блаженно вести борьбу в подчинении до последняго издыхания. Потому что это в немногие годы, лучше бы сказать, в один почти день (ибо что другое значит здешняя жизнь в сравнении с бесконечною?) доставило брату нашему неизживаемое богатство, славу недомыслимую, веселие несравненное, царство нескончаемое. И ныне он радуется и торжествует, никакого не имея чувства скорби о подъятых им здесь трудах ради такого блага, но вселяясь в хорах преподобных, в скиниях праведных, во дворах мучеников, в вышнем Иерусалиме, матери всех святых, созерцает неизъяснимыя и несказанныя блага: свет оный непрестающий, жизнь бессмертную, блаженство невыразимое.

2) Помышляя о сем, как нам, находящимся еще на поприще состязания, не восподвизаться, не воодушевиться дерзновенною надеждою, не возревновать, не возгореться сердцем, не воспарить умом, не преложиться расположением от мира к небесному и не дать обета все сделать и все претерпеть из любви к Господу? Не пост только и бдение, не спание только на голой земле, не холод только и зной, не труд только и утомление, не унижение только и безчестие; но, еслиб потребовалось, излияние крови, членов отсечение, плоти оскобление, костей сокрушение, — только бы достигнуть иско-мага. — Ей, братие, хорошо так мудрствовать, мудро так расположиться действовать. Диавол хищник есть, всегда около вертится, чтоб похищать у ума нашего прекрасныя помышления и увлекать его в суетныя помышления мирския. Но не дадим ему прельстить себя, а напротив, содержа в уме Божественныя обетования, каждодневно чтомыя, в песнях восхваляемыя и в молитвах изображаемыя, будем проводить день за днем, неделю за неделю, месяц за месяцем, год за годом, стараясь всячески представить дела наши Богу все чистыми, все мирными, все любительными, не оскверненными гордостию или тщеславием и человекоугодием. Пашем ли, копаем, поварствуем, плотничаем, сторожим, келлерствуем, садовничаем, переписываем, или каким рукодельем занимаемся— шьем, корзины плетем, или другое что делаем, — будем стараться так делать, чтоб дело наше Самим Богом было почтено совершенным и внесено в сокровищницу небесную для получения вечной награды. Портить же дела свои ропотом, дерзостию, тщеславием,

смуту и противоречием есть дело неразумное и даже не человеческое, т. е. несвойственное человеку истинному. Ибо настоящий человек есть нечто великое, подобно приснопамятному Иову, он истинен есть, и благочестив, и удаляется от всякия злыя вещи (Иов. 1, 8).

3) Да обратит каждый внимание и на то, как человек тщливый и добродетельный, любим бывает всеми, у всех почетен и славен, не только между своими братьями, но и вне между слышащими о нем. Ибо добродетель, и в сокровенности пребывающая и не видным человеком совершаемая, такова по природе, что непременно проявится, и слово о ней прозвучит и проповестся по всюду, по слову Господа, Который говорит: не может град укрыться верху горы стоя (Мф. 5, 14). Если мы немного потерпим в делах благих, немного поподвизаемся, то придет время упокоения, не только в час смерти, но и прежде того, в то время, когда утвердится в нас безстрастие. Ибо душа, всецело возлюбившая Господа и умертвившая свои желанья чрез послушание, по словам св. отцев, достигла упокоения, и уже отселе начинает вкушать будущее благобытие.

156.

В Далматскую обитель избрали новаго настоятеля, не за что другое, а за одно смирение. Такова цена смирения; оно всякое добро вмещает в себе и хранит; и не ища известности, сама собою делается известною и славится. [2, 89].

Думаю, что ныне хорошо побеседовать мне к вам о вчерашнем событии. По повелению Владыки нашего, должен был я отправиться в Далматскую обитель на избрание новаго для ней игумена. Там надлежало спросить, кого хочет братия обители и собравшиеся туда игумены. И все единодушно в один голос указали на авву Илариона. Почему же это? по каким его отличиям? Не потому, что он многознающ, не потому, что доброречив, не потому, что известен по жизни; но потому только, что смиренномудр, Боголюбив и славы человеческой не ищет, послушанием прикрывая свои добродетели. Хотя был некто другой, более его знающий и превосходящий его летами; но как он в означенных добродетелях был слабее, то авва Иларион и признан более угодным Богу и способным разумно руководить братию. — Видите ли, братие, как достолюбезен дар смиренномудрия. Это всеобъемлющая добродетель, коею пресекается всякое внутри смирение, отгоняется гордость, попирается славолубие, поражается своенравие, умерщвляется сластолюбие, — вводится же вместо всего сего кротость, мир, любовь, сострадание, терпение, любомудрие; — и что много говорить, оно есть источник добродетелей, источающий всякую благодать, или лучше — рай богонасажденный, произрашающий всеплодие бессмертия. Но не может град укрыться, верху горы стоя (Мф. 5, 14), по слову Господа: так не может на всегда оставаться в сокровенности и стяжавший сию добродетель, хотя бы в обычном порядке он был последним, хотя бы под землею укрывался, хотя бы некие по зависти клеветали на него: ибо тут он более и узнается, как свет на горе возсиявающий и на себя обращающий очи всех зрящих. Это именно и случилось к теперешним избранником, потому что многие и из внешних изъявили братству свое одобрение избрания.

157.

1) Пришел пост; и упорядочил и внешнее и внутреннее. Смотри на сие не могу удержаться, чтоб не сказать вам: обратите в постоянный навык такой образ жизни; ибо иначе и спастись нельзя. — 2) Враг непрерывно хлопочет, как бы погубить нас; а нам непрерывно надо противодействовать ему, силу на что даровал нам Господь. — 3) Лучший способ препобеждения врага есть подражание Господу в том, к чему Он приглашает: яко кроток есмь и смирен сердцем. Вся земная жизнь Его есть

поприще смирения Его ради нас. [2, 90].

1) Сколь прекрасно воздержание, и чрез него проявляемое благочиние в действовании по Божественным заповедям. Мы вошли в сии честные дни Святой Четыредесятницы, как в тихую пристань, избегши от волнения предшествовавших дней, и теперь мирствуем, безмолвствуем, безмятежествуем, тщательно благочинствуем в храме, благовеинствуем в Псалмопении, трезвенствуем в молитве, в столе соблюдаем не разнообразие яств и безизлишество их, делаем и все другое во спасение душ: нет теперь входа к нам мирских лиц, и от нас выхода к ним. — Здесь не могу удержаться от желания, чтоб вы, взяв в содействие себе здоровое понимание добра, такой образ жизни обратили во всегдашний навык, чтоб и после сего удаляться от всех стезей, ведущих к греху, а не так жить, чтоб пять или десять дней держать добрую жизнь, а потом, вознерадев о добре, оказываться опять разоряющими то, что прежде созидали, как говорит Апостол (Гал. 2, 18). — Не буди так с вами, братие; не будем удопреложны, чтоб так легко вращаться по навету искусителя; но возжелаем пребыть в стяжанных добродетелях, все большия и большия делая приложения добрых дел в нашем добром действовании, зная, что не короткое время хорошо жить достаточно для спасения, а в продолжении всей жизни напряженно держаться дела спасения.

2) Таков Ведь и искуситель, который ни днем, ни ночью не оставляет нас без набегов своих и устроения коварных засад на пагубу нам, много повсюду разставляет сетей, безчисленные посылает на душу нашу стрелы: щекотание сласти, возгорение похоти, треволнение и противоветрие помыслов и пожеланий, возмущает ложе ума нашего как на море некоем, так что всякий вынужден бывает исповедать: аще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя (Пс. 93, 17); потом стихает на время, прячет страду похоти и впускает яд тщеславия, или ослабив с одной стороны острожелчие, с другой поражает стрелою зависти, иной же раз со всех сторон возбуждает пыль на смирение наше: ибо у него ненасытное желание сгубить нас. Он идет против Владыки нашего Бога и неистовствует, видя нас восходящими на высоту небесную, откуда сам он ниспал за гордость. — Какая потому и коликая забота и настойчивость потребны, какое тщание и какой усиленный подвиг, чтоб победить такого и толикаго змия? — Но дерзайте, говорит Господь, яко Аз победих мир (Ин. 16, 33); а после Его побеждения, мы, в силу святого воплощения, восприяли силу на врага, как опять Господь взывает: се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию (Лк. 10, 19): так что мы можем попирать все его на нас устремления, все многообразныя греховныя сласти.

3) Как же это? В силу подражания Тому, Кто победил его. Подражателями же Ему мы явимся, когда облечемся в смирение и кротость, как Сам Он говорит: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29). Если Он Царь и Владыка всяческих, естеством един препрославленный и всеблагий, восприял смирение, послушлив быв Богу и Отцу даже до смерти, смерти же крестныя (Фид. 2, 8); то что скажем мы? или сколько смирившись, уподобимся Ему мы, по естеству бедные и ничтожные? Если Он, устранившись от небес, сошел на землю, сколько нам надлежит устраниваться от всего своего, чтоб хоть тень некая была подражания Ему? Если Он соделался младенцем и млекою отдален был, и исполнял все законное, повинуюсь родителям, как написано, сколько нам надо младенчествовать злобою, и повиноваться игуменам, чтоб хоть малою чертою казаться подобными Ему? Если Он алкал и жаждал, ходил пешком и утомлялся, сколько подобного нам следует потерпеть, чтоб подумалось, что переживаем нечто равное Ему? И наконец, если Он поношение

приял и заушение, осмеяние и поругание, предательство и на суде стояние, бичевание и распятие, хуление и в ребра прободение, что и сколько подобного должно нам перенести, чтоб сказать, что подражаем Ему? Должно это всегда, братие, припоминать нам, и на Него взирая, смиряться безмерно, и если встретим что, в чем можем явить подражание Ему, примем то благодарно, если не встретим, взыщем того, именно — алчбы, жажды, осмеяния, поругания, уничижения, бедствования, нищества в одеянии, в обуви и во всем другом: чтоб таким образом мало по малу подвигаясь вперед и восходя, созидаясь и назидаясь, высясь и превозвышаясь, достигнуть в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова.

158.

1) Ублажив иноков, что чрез отречение от мира, отстали они от наслаждений и утех, подобных мясопустным и призваны служить Богу в преподобии и правде, в чем истинное веселие и непрестающий праздник. — 2) Приглашает их не возвращаться более мыслию и желанием к тем котлам египетским, удостоверая, что наша доля есть наиболаженнейшая. — 3) При коей ничего нельзя еще пожелать, разве только того одного, чтобы нам дал Бог благодушно переносить все скорбное и тяжелое в жительстве нашем, [2, 91].

1) Ныне мясопуст, для житейских день ястия и пития, гуляния, игр и всякаго веселия. Что же? окаивать ли нам себя, что не имеем ничего такого? Нет; но о себе возблагодарим Господа, что исторг нас из такой жизни, как из тины и пропасти, и ввел в настоящее наше святое звание, — служить Ему в преподобии и правде, а над теми посмеемся, или лучше поплачем о них, что этими ничтожными утешениями увлекаясь, лишают себя неизреченных радостей небесных. — Приидите же, братие, возрадуемся Господеви, воскликнем Богу, Спасителю нашему: предварим лице Его во исповедании, и во псалмах воскликнем Ему (Пс. 94, 1. 2). Вот добрый пир, вот похвальное веселие, вот радостный праздник! и нам можно не однажды или дважды, но всегда так праздновать и веселиться в доме Божиим. Такое веселие есть предтеча тамошней блаженнейшей доли и ея предвозвестница. Аз же, говорит Божественный Давид, правдою явлюся лицу твоему: насыщуся, внемгда явитимися славе твоей (Пс. 16, 15).

2) Не будем же, прошу вас, возвращаться сердцами нашими, как в Египет некий, к обычаям общей жизни, ни воспоминать о мясах и котлах тамошних; но на нас самих обратим взоры наши, на прекрасную, нами проходимую и совершаемую жизнь: ибо здесь наипаче заповедал Господь благословение и живот (Пс. 132, 3), истинное радование, неложную надежду, спасительное празднование. И если вопрос о преуспейнии, то мы паче преуспеваем; если вопрос об участи, то мы избрали благуя часть; если вопрос о блаженстве, то мы облаженствовались. Убегши из мира и от всего, что в мире, отвергши все срамныя и суетныя утехи, отказавшись от брака, деторождения и стяжаний, восприяли мы девство, ничего — неимение и своей воли отречение, в коих и подвизаемся, каждодневно распиная плоть свою и распинаясь миру и всему, что в мире. Почему праведно можем к себе приложить сказанное Апостолом: иже Христовы суть, плоть распята со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24).

3) Кто же теперь блаженнее нас? Или чего другаго еще искать нам в жизни, что было бы более приятно и более утешительно, чем это? Ничего, кроме того одного, чтоб все остальные дни нашего здесь пришельствия терпеливо и мужественно переносить все трудное и неприятное и, сохранив себя от падений при встрече видимых и невидимых искушений, благонадежно улучшить отложенныя нам

обетования. Сего ради мужайтесь, укрепляйтесь, утверждайтесь, и все благообразно и по чину делайте, разумея, какво и колико таинство схимы нашей и какой жизни она требует, и как проходили ее приснопамятные святые отцы наши, с примерами коих и соображайтесь, и по ним образуйте и преобразуйте себя, чтоб неложно называться сынами их и их потом радости причастниками соделаться.

159.

1) Бдите над собою; ибо внезапно может напасть враг и сгубить вас. — 2) А из вас некоторые держат себя распушенно. — 3) Чтоб этого не было вперед. Учители внушайте сие, ... чтоб вместо руководителей не оказаться вам развратителями. [2, 92].

1) Каждый смотри и замечай, твердо ли и неподвижно стоит на камне веры, в исполнении своего обета, на мученическом пути общежительства, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, но царским шествуя путем, не дремля душою, чтоб не поткнуться о камень падения ногою своею, и ничего не делая по самоугодию или пристрастию. Я вижу вас, но не всегда и не везде: ибо это свойственно только единому Богу. И не знаю, может быть, кто из вас, действуя скрытно по своей воле, или лучше по страстолюбию, ринулся в пасть греха, на пагубу души. Бойтесь и страшитесь сего, и пока плывете под благоприятным ветром, поминайте, по поговорке, о кораблекрушении. Ибо в одно мгновение может случиться — ветер, буря, ураган, бедствие, погибель, смерть. Иной раз кажется мир и утверждение, но внезапно — тревога, брань, война, заклятие не тела, а души, что наиболее горько. Лукавый притихает на время, чтоб ввести в беззаботность, и потом, нечаянно наскочив, превратить помысл и погубить. Нет у нас места беззаботности, нет времени покоя. Многих, до самой пристани спасения достигших, пустил на дно враг лукавый. Некоторых, до самага свода небеснаго поднявшихся, по причине малаго нерадения, низвел он на землю греха. Многие сокровищницы добродетелей опустошил он, много духовных подвигов похитил и соделавших их оставил бедными. Ведая сие, бдите и не давайте очам ума своего дремания.

2) Но слышу, что иные из вас, по самонадеянности, держат себя небрежно: смотрят безстыдно друг на друга, пустословят и смеются; иные же сплетают руки с руками, и прикасаются устами к устам и щеками к щекам. Плача сие достойно. Вяжет ли кто огонь в недра, риз же не сожжет ли? Или ходити кто будет на углях огненных, ног же не сожжет ли? (Прит. 6, 27). Так и такая делающий не останется без падения. Худо также и то, что иные охорашивают лице свое, щеголяют, прикрашивают веки и брови и рисуются как блудницы; вышитые имеют пояса, уборно приправляют одежду, в походке принимают модныя движения и слова произносят манерно.

3) Всем таковым сказываю, чтоб вперед этого не делали: иначе броздами и уздою челюсти их возстыгнет слово (Пс. 31, 9): ибо нас поставил Бог не на разорение, а на созидание людей сих. Потому соблюдайте законы. Учители, внушайте должное учимым вами и исправляйте их. Не потому говорю сие, будто бы подозреваем был кто из вас, что он вместо врача бывает отравителем, вместо просветителя омрачителем, вместо путеводителя сбивателем с пути правого, вместо спасителя губителем. Ибо учителя предлежат ученикам, как изображение благочестия, пример спасения, картина всякаго доброделания. Для того и отдаются им ученики, чтоб они позаимствовались от добраго примера учителей. Если же выходит противное, то да возмутся таковые и устроятся, чтоб они не передали своей шелудивости здоровым. — Всего этого я не хотел бы говорить, но нужда заставляет. — Желаю одного, да право шествуем все, дабы и Бог порадовался нашему доброму

житию.

160.

Радуюсь благочинно братий, и тому, что у них все идет по уставу и все довольны монастырским содержанием, — прибавляет; но это не первое; главное — так жить, чтоб по смерти внити в покой Божий: к чему и направлять надо все. [2, 93].

Как земледелец, видя зеленеющим поле свое, которое трудами своими возделал и засеял, радуется и веселится: так и я, хоть не как о плоде трудов моих, веселюсь однакож и радуюсь о вашем духовном плодоносии, потому что нахожу праведным исповедать истину, видя, что вы, благодатию Божию, все более и более преуспеваете и делаетесь лучшими. Да вы и сами можете засвидетельствовать о том. Не видите ли, какое у нас благочиние, какой мир и тишина? Не сочетаны ли вы все, как одна душа и одно сердце, верою твердою и союзом неразрывным? Не ревнуете ли все о более и более полном исполнении животворящих заповедей Христовых? Нет между вами частных содружеству разделяющих и раздробляющих единое братство, в угоду врагу диаволу, нет у вас самоугодничанья и самочиния, чтоб каждый жил и действовал, как хочет, а напротив владычествует однообразная по Богу жизнь; нет у вас того, чтоб каждый равнодушно носился туда и сюда, на разорение и разстройство всего тела братства, но, по благоволению Божию, все во всем идет у вас по уставу, в ястии и питии, в бдении и спании, в труде и отдыхе, во входах и выходах, в беседе и молчании, в чтении и псалмопении, в молитве и безмолвии, в одежде и обуви. Не всем, конечно, все одинаковое и поровну раздается, ибо не все равны, по возрасту, воспитанию, состоянию, способностям, добродетелям и мере здоровья; но всякому оказывается должное внимание и доставляет удовлетворение потребного: ибо все вы члены единого тела, хотя не все одинаковой чести сподобляются (1 Кор. 12, 23. 24). Но все это не первое; главное, чего ищем, есть, да добре совершив дело свое, чрез смерть внидем в покой Божий после потов и трудов здешней жизни и вкусим радости неизреченной и вечных благ не описанных. Сие имея в чаянии, паче и паче потщимся преуспевать, внимать себе, трезвенствовать, бодрствовать, яко во дни благообразно ходить, упованием радоваться, скорби терпеть, нудить себя на все доброе, плоть подчинять духу, в честь вменяя безчестие за Христа, первенством почитая быть последним и радуюсь уничижению Господа ради, да, тако совершив путь, с мучениками вселимся и с преподобными радоваться сподобимся безконечные веки.

161.

Поем мы: чашу спасения прииму. Сия чаша есть приятие мученичества, которое для нас состоит в мучительной борьбе со страстями. На сем пути стоим мы. — Воинствуйте же добре чтоб и подобных венцов сподобиться. [2, 94].

Что воздадим Господу о всех, яже воздаде нам? Что как не песнь Давидскую с истинною решимостию и на то, что поется в ней: чашу спасения приимем, и имя Господне призовем (Пс. 115, 3. 4). Чаша сия есть приятие мученичества. Но мученичество наше не в пролитии крови, а во внутренней добросовестной борьбе, когда, например, не преклоняем колен пред ваалом, т. е. не поддаемся похоти плотской, преодолеваем все, видимо и невидимо наводимыя на нас, искушения, волнение помыслов, жжение похотей и пожеланий, прискорбность лишений, бед, унижений. Вот добрые мученики! Вот воины Христовы! Вот нуждницы и восхитители Царствия Небесного! Радуйтесь, благодушествуйте, мужайтесь теките добре, восходите от силы в силу, возвышайтесь на

самый верх добродетелей, витайте в превыспренних созерцаниях и делайте так непрерывно, пока придет конец жизни вашей и переведет вас к уготованным вам от сложения мира веселиям и радованиям. Блажен и преблагословен, кто, слыша сие внимательно и в дело приводя, и огонь к огню прилагая в сердце своем, возжигает в себе до небес восходящий пламень любви Божественной. Но окаянен, кто замыкает уши свои, любя суету и ища мимолетных услаждений плотских. Однакож никто не ищи только своих — си, но и яже ближних смотри, своим собственным то считая: ибо мы члены в отношении друг к другу. Сим всяк радуется Господа, а себя лучшим и совершеннейшим соделывает.

162.

1) Описав вид усопшаго и помянув о том, что видится в усыпальнице; и 2) поместив краткий очерк доброй жизни почившаго, — 3) выводит урок о хранении чистоты тела и души, чтоб соделаться достойною Христа невестою. [2, 95].

1) Память о смерти всегда спасительно действует и тем паче, когда стоим пред лицом умершаго брата, как в настоящем случае. Се опять видим пред собою странное таинство! За минуту пред сим бывший с нами, не с нами уже теперь духом; говоривший с нами своими устами, умолк совершенным молчаньем, когда звук гласа его еще отзывается в ушах наших. Какое изумительное это зрелище! Видим его и не видим: телом он здесь видится, духом же отступил от нас. Лежит недвижим и бездействен, нет дыхания, нет зрения и слова, все чувства видны, — и ни в одном — никакого нет живаго действия; он как камень, или другая какая бездушная вещь. — Взглянем в место покоища прежде почивших: что увидим там, братие? Зрите и поучайтесь. Не прах ли это и пепел? Не истлевшая ли тела? Не изсохшие ли черепы? Не обнаженные ли кости? — И все это неприятное безобразие, жалкая и отвратительная куча. — Можно ли тут различить брата от брата, благообразнаго от безобразнаго, юнаго от престарелаго? Никак: все истлело, все потеряло свой вид. Изволь теперь рассмотреть, кто хочет, где тут похотная сласть, где наслаждение явствами, где упокоение сном и все другое, что делается в угодие плоти? — где пожатие рук, объятия, лобызания? — Все прешло отсюда и взято с собою тем, кто, как богач приточный, предпослал то в ад на поджигание себе огня неугасимаго.

2) Чего да не постраждет ни один из братий наших! И особенно ныне преподобно почивший и перешедший в жизнь нескончаемую, добре проведши здешнюю, в безукоризненном повиновении, — послушании, — юный летами, но седый мудрованием, — малый возрастом, но великий духом, коего внутреннее благонастроение ведомо мне, внешнее же поведение известно и вам, что в нем вся добра зело и всякой похвалы достойна, — Рафаил — добрый и воистину благородный, яко сохранивший Богоподражательный образ и, дерзаю сказать, достойно соименный одному из первостоятелей Ангельских. — Такую я имею уверенность о сем чаде моем; имейте и вы, ибо он того достоин. — Но обратимся к начатой речи.

3) Так и мы, спустя немного преидем отсюда: умрем, нас опрятают, отпоют и похоронят. — Поелику же это так есть, и несть человек, иже поживет и не узрит смерти (Пс. 88, 49); то прошу и молю вас, будем жить преподобно и непорочно и вести себя неповинно и безукоризненно, не только плоть, но и душу сохраняя чистыми: первую порабощая духу, чтоб не развирепевала и не возставала подчревными движениями, и обуздывая страхом Божиим, чтоб покорно и смиренно довольствовалась мерою пищи, пития, сна и отдыха, определенною уставом и особым повелением;

над второю же наблюдая, чтоб не слагалась с скверными помыслами и движениями и, вся воспаряя к Богу, Его красоту созерцала единую, потому что она одна во истину прекрасна и достолюбезна, все же другия красоты — призрак и ничто; ограждая также ее молитвою и псалмопением, чтоб чрез то и другое представить ее благоугодною благостному Жениху, Христу Богу. Если так совершим течение наше, благо нам: мы не умрем, а живи будем, сопровождаемые утешительною напутственною песнию: блажен путь, коимь идете вы днесь; ибо уготовано вам место упокоения.

163.

1) Наша брань к духам злобы с вождем их диаволом. — 2) Они непрестанно строят козни на пагубу нам: следует и нам неусыпно блюсти себя и противодействовать им на радость Господу и Ангелам Его. — 3) Так действовать неизбежно, если желаем достигнуть безстрастия и за борьбу стяжать венец мученический. — 4) Для успеха в сем нужны — смирение с послушанием, молитва неусыпная, внимание себе, все подвиги самоумерщвления и откровение помыслов. [2, 96].

1) Несть наша брань к плоти и крови, но к началом и властем и миродержителем тмы века сего (Еф. 6, 12), — и к началозлобному супостату нашему диаволу, который в самом начале миробытия, прокравшись в рай, прельстил праотца нашего к преступному вкушению от запрещенного плода, и чрез то был причиною изгнания его из рая сладости на землю сию. С тех пор из рода в род преследует он род человеческий, научая его всякому злу. Он ныне и нам всячески наветует, ползает шипя, и виляя хвостом ластится, чтоб удобнее прельстить, воровски входит и выходит, и уловляет души не утвержденные и себе не внемлющая. Почему нам против него нужны большое трезвение, большая бдительность, большая осмотрительность и тщание, чтоб он не напал на нас и не уранил.

2) Зная его замыслы и козни, вооружимся всячески и станем противовоевать и отражать его, не лентясь и не послабляя ни себе, ни ему; как и он не отступает и не делает послабления, ища погибели нашей. Хотя бы многократно нападал он в день и терпел неудачу, все стоит на своем, как бы не начинал еще борения, и снова нападает еще сильнее, взяв с собою и других духов злобы. Так и нам не должно отступать или послаблять себе при таких ежедневных и ежечасных на нас нападениях. Хотя бы мы показали уже много внимания и напряженного усилия и с успехом, не будем изменять сего; но всегда будем держать равное против него рвение, возбуждение и сопротивление, чтоб, видя такое наше сильное врагу противодействие, Бог радовался и веселился о нас, и св. Ангелы Его, помогающие нам по Его внушению и мановению.

3) Ибо мы не достигли еще в меру безстрастия и вместе с ним свободы от браней, чтоб ум наш безмолвствовал в себе, не подвергаясь борениям. Это многими трудами, потами и подвигами наследовали и наследуют неутомимые ревнители. Нам же, коих обдержит еще страстность, необходимо настойчиво пребывать в подвиге и утомлении непрестанном, не унывая и не опуская рук, при виде своей изменчивости и при переменах в тактике врага, по причине коих каждодневно и каждочасно приходится будто снова начинать. Таково дело подвизающихся искренно: за то и венец каков? — Свято — достигнуть высот безстрастия; но блаженно и второе — не быть побеждену в бранях, и всегда противостоять, подвигаясь постепенно к той высоте и совершенствуясь.

Мученическую корону получит и таковой, как и воин, по возвращении с поля сражения, показывающий царю раны свои и язвы, не бывает презираем или осуждаем, а напротив получает похвалы, дары и отличия.

4) Будем же подвизаться, как воины Христовы, и время свое будем почитать не иным чем, как

временем схватки с врагами, когда только и слышно, что жужжание стрел и удары мечей: ибо мнози борюции нас с высоты (Пс. 55, 3), как написано, кои весь день делают нападения и ведут борьбу, ставят сети, роют ямы, устрояют засады и всякие другие ковы. Кто же избежит их, кто укроется от них, кто не поткнется ногою и не попадет в сети их? Кто другой, как не имеющий смиренномудрие в содружестве с послушанием, неленостную молитву, усердие к делу, непротиворечивую покорность, безропотную подвижность, неусыпно трезвенное внимание к отражению срамных помыслов и к восприятию благих созерцаний, бдение, псалмопение, поклоны, над всем же сим, или со всем сим исповедание сокровенностей своих, бежание дерзости, мерность слова? Всем этим и подобным сему внутренний наш человек запирается, как в крепости и враг, не имея силы действовать против него, отходит.

164.

Описание внешнего вида человека Божия, истинного инока. [2,97].

Будем внимать себе, братие, и не будем иждивать дней своих и времени своего напрасно. Вот этот день уже прошел, и не видать нам его больше; но дела, нами в продолжении его сделанныя, записаны. Если они хороши, благо нам; а если нет, увы! Будем блюсти чувства свои не окрадаемыми, держа голову большею частию преклоненною: око да будет внимательно, неразсеянно, неповлачаемо туда и сюда; ибо что видится в глазе, то видится и в душе, потому что внешний человек срисовывает то для нея; лицо да будет не сумрачное, ни разсеянное, но степенно и кротко, и большею частию печально и орошено слезами сокрушения; поступь да будет смиренна, невычурна, не горда, без подъятия плеч, хмурения бровей, шумнаго ступания и потрясания всем станом; речь также да будет приятная, не слишком громкая, и не слишком тихая, с степенностию в очах и других членах, без разширения ноздрей, махания рук и вращения лица. Ибо человек Божий благоустроен во всем, органом некако будучи, обитающаго в нем, Духа, направляющаго его и в говорении, и в смотреии, и в ястии, и в питии. И нам надлежит поступать благообразно и по чину во всем: и в одеянии, и в обуви, помышляя, что с нами всегда и во всех случаях и при всех делах присущ Господь Бог наш.

165.

1)Приведши слово Апостола: се ныне время благоприятно, сказывает, что сим Апостол возбуждает ревность нашу о содевании спасения. — 2) Потом прилагает: вы так и делаете, благо вам. [2, 98].

1) Чему учит нас Св. Павел и что внушает, когда говорит: се ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2 Кор. 6, 2). Отложим убо дела темная и облечемся во оружие света (Рим. 13, 12). — Это — он, как благий отец и учитель, возбуждает нас от лености и отгоняет дремание душевное от мысленных очей наших, добре направляет наши по Богу шаги, наводя их на стезю доброделания. Послушаемся его Божественнаго учения, возстанем живо, отрезвимся и потечем еще и еще усерднее, потому что день жизни каждаго из нас уже преклонился. Потщимся же приготовиться, да благо будет нам и вечные веки проживем, наслаждаясь неизреченною радостью. Ибо если неготовыми и не благоустроенными в душе застанет нас конец жизни нашей, — увы! на — увы! воистину. И кто исхитит нас из рук душегубительнаго змия? — или в чем найдем облегчение, когда мучимы будем за нерадение, в коем зле провели здешнюю жизнь? Почему — оставляющее нас пусть оставляют, и незаконнующие пусть незаконнуют, — говорю об отбегших от нас. — Или лучше, помолимся о них и постараемся воззвать их обратно: ибо не хочет Бог смерти грешника, но еже обратится ему и живу быти (Иез. 33, 11).

2) Вы же, благодатию Христовою пребывающие в подвиге послушания и неложными сохраняющие обеты свои пред Богом и человеками, радуйтесь и веселитесь: ибо многая сокровиществуется вам награда на небесах, если до конца будете внимать себе и верно исполнять все, заповеданное вам о Христе Иисусе, Господе нашем, как воины Его, Им набранные: ибо Ему ввоинились вы и Ему служите день и ночь, помня слово Его: не говорящий Мне: Господи, Господи, но творящий волю Отца Моего Небеснаго, Мой есть, — и внушение Апостола: хочещи ли не бояться власти? благое твори, и имети будещи похвалу от Него (Рим. 13, 3).

166.

1) Будьте тверды в жизни и все терпите: ибо за то вечное блаженство, котораго когда сподобитесь, еще пожалеете, что не потерпели больше. — 2) Поминайте и в чувстве имейте день суда и воздаяния; — и никогда не впадете в разленение и ропотливость. — 3) Кто иначе себя имеет, тот поработен страстям и зверонравен; а кто таков, тот ангел есть. [2, 99].

1) К вам не надо ныне говорить так, как говорится у древних Пророков: слухом услышите, и не уразумеете: и видевше узрите, и не увидите: одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша (Ис. 6, 9. 10). Ибо вы трезвитесь и бодрствуете, откровенным лицом славу Господню взирающе (2 Кор. 3, 18), после того, вак отрясли тину пристрастия к миру от очес душевных, чрез послушливое священное жительство ваше и стали чисто видеть вещи, т. е. житейскую суету и непрестающее волнение человеческих дел в разных направлениях, и уразумели, что одно только есть твердое, достолюбезное и превожделенное благо — Бог, и то, чтоб к Нему стремиться добродетельною жизнью. Благословен убо Господь и Бог Отцев, сподобивший нас быть причастными части сей и вести такую любомудрую жизнь. Горе потому будем взирать, где Глава наша — Христос, умопредставляя не какия либо тленные и скоропреходящая, но небесныя и пренебесныя красоты, и тамошних неописанных и неизреченных благ вкушание и утешение, о которых ни ум никогда не помышлял, ни ухо не слыхало, ни сердце не мечтало, по причине недомыслимаго превосходства их, которых, как я могу уверить вас, достигнете и вы, если Господь подаст вам силу до конца терпеливо понести подлежащий вам подвиг, и упокоитесь там, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Тогда вы велегласно возблагодарите Господа, призвавшаго вас к сему священному образу жизни; о претерпенных же скорбях не только никакого помина не будет, напротив жалеть будете, что не пришлось вам понести гораздо больших подвигов, скорбей и теснот, чем понесли.

2) И что увидим в оный страшный день явления Господа нашего Иисуса Христа, когда явно приидет Он с безчисленными мириадами Ангелов и Архангелов и сядет на престоле страшнаго судилища, собирая с четырех концов земли все языки и всякое дыхание, открывая дела тьмы и объявляя советы сердечные, вследствие чего одни возьмутся к радости одесную страну Господа, а другие отъидут со стыдом ошуюю, и те введены будут в светлыя обители, в рай сладости, в Царство Небесное, а эти отосланы в огонь неугасимый, в пищу червям, на скрежет зубов, в тмущую тму, в глубь тартара, в узы неразрешимыя и всякия мучения, сообразно с грехами каждаго. Тогда те просветятся, как солнце, и начнут радоваться и веселиться полным сердцем, и немолчными песнями прославлять Господа, уразумев, какому благому добре поработали Владыке. — Это мученики, за исповедание Его пролившие кровь, Апостолы, Пророки, исповедники, преподобные и праведные; за ними, душевное мученичество показавшие, архиереи, иереи, монахи и миряне, — все в добрых делах, начинаниях и

подвигах пожившие. А эти начнут стенать и рыдать, увы! к — увы! прилагая, и проклятие за проклятием призывая на свое безсоветие, вяжемые, биемые и поносимые отверженными духами, паче же сами себя осуждая и клеймя, и отчаянием терзаясь, конца не чая нестерпимым мукам, определенным на вечные веки, как изречено в слух их: идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный (Мф. 25, 46). Принимая все сказанное в чувство, можем ли мы разлениваться в наших трудах и потах? Можем ли малодушествовать от притрудности теперешней жизни? Не паче ли воодушевимся сердцем и пламеннее огня возгоримся рвением — до конца пребыть верными уставам нашей самоотверженной послушнической жизни, чего бы это нам ни стоило?

3) Восприимем же все сие в чувство и пребудем в нем, усердно делая все, к чему это побуждать будет нас. Ибо кто равнодушен к этому, будьте уверены, что он уловлен страстями, дремлет в безопасности, тьяжкосердствует, сластолюбуется, завидует, легкомысленничает, ленится, уткнувшись, вак медведь в лапы, того только ищет, чтобы поест и попить, рыкает, как лев, не получив удовлетворения своих злых пожеланий, прыгает, как леопард от одного удовольствия к другому, ухитряется, как лисица, достигать искомого по своему сердцу, злится, вак верблюд, в отмщении ближнему за какое либо случайное опечаление, ржет, как конь, женеистовствуя на тела человеческия и скотския, безстыдствует, как волк, в продерзости на погубление души своей и братней. И что много говорить о разных страстях, коими иные не уподобляются только зверям, но и гораздо превосходят их в зверонравии своем. — Стоящий же на стороне благих помышлений, как Ангел светл, как Херувим молниеносен, как Серафим многоочит, чтоб, воспользовавшись каким либо случаем не наскочил на него душепагубный дракон, мужествен, как воин, огненный меч разительнаго помысла наносящий на грех, и демонов опаляющий возжжением благих помышлений, как источник приснотекущий источает чистыя струи слез сокрушения, как храм Божий создается из златых камней добродетелей, как агнец нездобивый, по подражанию Владыке своему, не преречет и не возопиет, но, хотя бы предлежала смерть, идет, повинуюсь отцу и братиям. Но се показана вам жизнь и смерть; избирай себе каждый, что хочет.

167.

1) Брань наша с духами злыми. Почему надо блюстись, облекшись во всеоружие указанных Апостолом добродетелей, коим дана сила отражать и поражать врагов их. — 2) Брань эта мысленна и отражается противоположными мыслями с молитвою к Господу. — 3) Она подымается внезапно и делает наше внутреннее состояние изменчивым, как изменчиво состояние воздуха; но это не страшно для внемлющих себе и украшающихся добродетелями с упованием на Бога. [2, 100].

1) Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, по Апостолу (Еф. 6, 12). Посему нам нужно иметь трезвение, бодренность, заботливое тщание, напряженное усилие и ограждение себя духовными оружиями, — как-то: верою несомненною, как шлемом, послушанием непритворным и смирением нелицемерным, как щитом, и всякою другою добродетелию, кои все в своем случае могут служить оружием против обольстителей наших, и имеют силу обращать вспять невидимых супостатов наших.

2) Эта брань великая и страшная, как знаете, всегда в действии, не преставаая даже во время молитвы и Святаго Причастия; она приводит в движение и воздымает иногда такие помыслы, о коих не леть есть и глаголати. Но душа смиренная, уязвляемая помыслами, отражает их с ненавистию, противореча им святыми помыслами и в тоже время обращаясь с молитвою к Господу. Помощь от

Господа тотчас приходит, и восток с высоты поражает и прогоняет дракона. Почему не следует нам малодушествовать или уступать при таких нападениях: ибо, при безстрашии сердца, ум пребывает недоступным для приражения таких нападений, и это не только во время Причащения, но и во всякое другое время. 3) Враги во всякое время нападают, и когда не ожидаем; но когда мы в добром и мирном бываем устроении в духе, или от обьявшаго нас сокрушения, или от чистой молитвы, или от чтения, или другаго какого священнословия, он нападает, возмущая и колебля сердце, и как бы из пристани выбрасывая на волны, или из света дня вводя в ночную тму помыслов. В сем отношении с нами бывает тоже, что и с состоянием атмосферы в продолжении дня: то она бывает ясна при сиянии солнца, то мрачна при набегах облаков, потом опять просветляется, и опять омрачается, по причине разных изменений в воздухе. Не так ли бывает и с нами? То мы светлосияем, подобно светлomu дню от благих помышлений, то омрачаемся злыми помыслами, и опять возвращаемся в область света, предавшись молитве, или другому какому доброму упражнению? И это не раз в день. Но в воздухе изменения бывают иначе, чем у нас: там это случается естественно, и как премудрость Творца всяческих Бога законоположила; а у нас оно произвольно, есть отчасти и дело нашего произволения. Ибо хотя диавол и покушается посредством прилогов лишить нас света доброго состояния; но мы имеем силу отражать его, и всегда имеем Солнце правды осиявающим ум наш, каке имели святые, и как имеют все добре жительствующие. Ибо и ныне много святых, кои, как камение честное, вращаются по земле, отличаясь не творением знамений и чудес: ибо не в этом только святость: но хранением правой веры и заповедей Божиих точным исполнением, искреннею любовию к братьям, чуждою зависти, сорадованием благоденствию ближняго, стоянием выше славы человеческой, и всякою другою добродетелию. Так проявляется святость во всяком человеке. Вы же, изшедшие из мира и ему распявшиеся, должны сверх того отличаться нестяжательностию и девством, отречением от своей воли и благодушным претерпеванием всех лишений и скорбей, неразлучных с образом жизни нашей. Так живя, вы святые и со Святыми вчинены будете, и сонм преподобных примет вас в среду свою, — и вы вечно будете радоваться в скиниях мучеников.

168.

1) Теча путем своим не будем смотреть на земное и скоропреходящее; но на небесном и вечном утвердим взор свой: ибо то расслабляет, а это исполняет мужеством. — 2) Так текли все отцы; так следует и нам тещи, украшаяся всякою добротою, от всего же худаго отрешаясь и очищаясь. По имени нашему да будет житие наше. [2, 102].

1) Путь некий есть жизнь наша, и путь не в один, два или многие дни совершаемый, но простирающийся на всю нашу жизнь, пока переселимся из здешняго в будущий век. Какое потребно напряжение, какая сила, какое внимание и усердие, чтоб не потерять мужества и не отказаться от шествия по сему пути, смотря на его толикое разстояние, имея притом противником врага, который всякия препоны и преткновения устрояет для наших по Богу шагов? Но ничего; ибо с другой стороны мы имеем и заступником, и руководителем в подвигах, и шествователем по пути, не какого либо там, но Господа и Владыку всяческих, хранителями же и попечителями Святых Ангелов. Се не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля (Пс. 120, 4). Почему емлемся усердию пути нашего, с напряженным усердием, с пламенным желанием, не долу смотря, но горе устремляя очи: ибо если будем смотреть долу, то всеконечно заболит ленистию, малодушием и расслаблением, по причине устремления нашей мысли то туда, то сюда, и прилепления сердца к суетностям и сластям жизни

сей: к блуду, чревоугодию, любостяжанию, к зрелищам, к празднествам, украшениям, фантазиям и ко всему другому из вещей скоропреходящих и гибнущих. Но когда взор свой утвердим в небесном и вечном; то, хотя скорбно и приболезненно наше настоящее, хотя тут труд и утомление, хотя пост и бдение, отсечение воли и лишения, хотя то и другое, неизбежное по роду жизни нашей подвижнической и аскетическому послушанию, — не станем унывать, не будем малодушествовать, не будем изнемогать под тяжестью находящихся скорбей, не будем уступать возстающим страстям; но с дерзновенным мудрованием и духом теча, теши будем, и шествуя шествовать, взирая на небо, в Бога вперив взор, к Царствию Небесному стремясь, к утешению райскому, к сладости нетленной славы оной, к свету невечернему, к блаженству Ангельскому.

2) Так все отцы теча текли, и побеждая победили: мученики, преподобные, праведные, благочестивые, Боголюбивые, монахи, миряне, мужи, жены, юноши, старцы, почитая обучением неким бывающее здесь. Так и мы, если желаем славы их и блаженства, должны тоже охотно пострадать в сем боголюбезном нашем образе жительства. Возлюбим же сие, братие, решимся все претерпевать и переносить с мужественным мудрованием и с неослабным рвением, очи во главе имея, как повелевает Премудрый (Еккл. 2, 14), а не устремляя их к ногам. Ибо помышляющие о небесном и им занимающиеся, во истину очи имеют во главе, а те, которые преклоняются к суетному и им заняты, очи к ногам спускают. Было бы жалко и чудовищно, еслиб у какого человека ноги были вверху? а голова внизу; но гораздо более жалко и безчеловечно пострадать это душевно. Будем же ходить так, как подобает мудрым, во главе имеющим очи, о Боге и Божественных вещах помышляя и соответственно тому действуя. Очи во главе суть вера, надежда и любовь; из них — терпение крепкое, чистота, братолюбие, мир, кротость, скромность, мужество, благостояние, воздержание, всякая благостыня, всякое добродетелей цветоносие и плодоносие у тех же, кои противно сказанному помышляют и действуют, бывает противное: неверие, безнадежие, ненависть, из коих — нетерпеливость, малодушие, блуды и прелюбодеяния, продерзости, сластолюбия, чревоугодия, легкомыслия, украшения себя, смехи, брани, зависти, убийства и всякое другое сатанинское деяние и действие. Божии будем гнаться за Божиим, чистые — за святым, непорочные — за девственным, благочестные — за преподобным, мирные — за братолюбным, не тщеславные за небесным, отрeksiеся от мира — за премирным. Да не превращается порядок в беспорядок, чтоб нам, сущим от света, гнаться за тем, что темно, сущим от чистоты — за блудным, сущим от благочестия — за беспорядочным, сущим от славоненавидения — за тщеславным; потому что это жалко, это лукаво, это богоборно, это беслюбно, это поджошка к огню адскому. Будем же Божияго искать, как Божии, как по званию нашему именуемся. Мы монахи, странники, анахореты, девственники, рабами Божиими и Ангелами именуемся; и все подразумевают, что и действительно таковы. Да не будет же никто из нас не Божиим, не чуждым миру, не девственником; никто да не будет ропотником, блудолюбцем, бранчивым, унывливым, малодушным: ибо гнев Божий великий близ есть, — и воздаст. Не столько гневается Бог, хотя и гневается, на тех, кои в мирском чину худы бывают по душе, сколько на нас, всецело Ему принадлежать долженствующих; как и господин больше негодует на тех слуг, кои у него на глазах в чем либо погрешают, чем на тех, кои, вдали от него находясь, оказываются такими. Гнев Божий однако не на всех нас одинаково простирается, а проявляется разнообразно: инаково на тех, кои постоянно пребывают во зле, инаково на тех, кои то исправляются, то опять падают; инаково на только что приивших схиму, и инаково на устаревших в

схиме: так как чем больше кто пребывает в схиме, тем очевиднее должна являться отличность его жизни; почему, если старость ничего не пользует, она бывает причиною осуждения, и посмешищем: подобно как смешно видеть седовласаго мужа учащимся в школе с детьми.

169.

1) Вы воины Христовы; и вам непрестанно надо быть во всеоружии — вот каком. — 2) Корень всего зла — гордость; но воевать следует против того, что борет в сей час: ибо это не у всех всегда одно. — 3—16) Разныя мысли о духовной брани. [2, 103].

1) Вы воины Христовы; воину же должно обдумывать, что потребно для брани, и держать в порядке всеоружие свое, чтоб во всякое время быть готову к схватке с врагом. — Посмотрите же, готовы ли вы, и в каковом состоянии оружия ваши духовныя, — отточены ли, вычищены ли и отполированы? — именно — меч послушания, броня веры, шлем спасительной надежды, щит смирения, колчан добрых помыслов, и наконец колесница, т. е. честное тело ваше, которое есть вместе и конь, добре всему долженствующий обученным быть, — и быть ни слишком тучным, иначе негож будет для бега, ни слишком тощим, иначе безсилен будет для требуемаго движения, добре сносящим узду страха Божия, когда ее употребляют, чтоб он не выносился вне должнаго направления пути и не сбросил всадника—ум необузданными скачками своими. Вот каковыми всегда быть вам желает Слово Божие;— так как война у вас непрерывна, каждочасные схватки, каждое мгновение стрельба.

2) Кто же между вами доблестен, кто силач, кто воитель, — посекающий сопротивные помыслы тысячами и тьмами, низвергну наперед гордый ум, как никогда Божественный Давид Голиафа онаго? — Ибо из этого что бывает? — Обращение в бегство духов злобы, т. е. многочисленных и разнообразных страстей греховных. Гордыня ума — первое из зол и последнее. Чрез нее низпал с небесных высот и Ангельской светлости, ныне искушающий всех нас, дракон, и из нея, как из какого корня, произрали мириады лоз греховных. Но нам надо подвизаться и воевать против того, что сейчас нападает: так как в каждый час один одною борим бывает страстию, а другой — другою: тот болит блудною страстию, а этот — чревоугодием, — тот ленистию, а этот завистию, тот гневом, а этот неверием, тот непокоривостию, а этот самолюбием, тот бездействием, а этот неистовством. Все же сие действует один и тот же дух сатанинский.

3) Велик и разнообразен подвиг наш: всюду должен быть глаз, с каждой стороны надзирание, вокруг ограждение, — чтоб не ворвался враг, не ранил и не взял в плен, чтоб не наложил рук, не стал бить и не убил.

4) И предусматривать надо; и с своей стороны начинать схватки и воевать против. Случается получить один удар и дать десяток, — получить малую рану и отплатить поражением на смерть.

5) У кого ранено тело, тот ищет врачевства; таким же образом и у кого ранен дух, тот должен искать соответственнаго врачевства для духа. Врачевство сие — исповедаие с епитимиею. Совершив это, опять надо выходить на брань.

6) Победивший в телесной брани получает одну награду; а победивший в духовной брани — тмы венцов: так что каждодневно брань, каждодневно и венцы, каждодневно награды.

7) И блаженны вы, если одерживаете верх и не поддаетесь, крепитесь и не малодушествуете, пока кончится война чрез ваше отсюда переселение.

8) Дерзайте убо, чада мои возлюбленные и братия, дерзайте, ибо Бога имеете помощником,

попечителем о жизни вашей — Ангела, заступлением — святых, имена коих призываете, непобедимым оружием — знамение Креста Христова.

9) Не убоимся от тем окрест нападающих на нас невидимых врагов чрез худые помыслы; не преклоним колен пред ваалом плотских сластей, не предадим врагам целомудрия нашего, которое уневестил себе Христос в святыни, не сотворим удами блуда и сосудами нечистоты удов наших, сущих удами Христа, пречистаго и бессмертнаго Жениха.

10) Не примем в советники змия, замышляющаго изгнать нас из райской киновии нашей, не отворим дверей ворам — демонам и не дадим им украсть сокровище души нашей.

11) Как благо пребывать нам во граде, который устроил Господь Бог наш для нас из разнообразных добродетелей? Как блаженно сохранить достоинство души нашей не порабощенным от греха! Душа, не порабощенная страстями, вся свободна, вся Боговидна, вся господственна, вся световидна, вся образованна, Богособранна, Богорастворенна, небесна.

12) Не такова душа, порабощенная и возобладанная страстями — тираннами. Она видится многое и ужасное страждущею, влекомую туда и сюда на работу каждой страсти и всякаго дела укорнаго. Приемля поведение от демона, она безпрекословно делает повеленное. Господствует над нею бес сласти плотской, бес зависти, бес ненависти, бес задорности, бес чревонеистовства, бес лености, бес неверия, бес хулы, бес гнева, бес гордости, бес лжи, бес хищения, и всех других страстей бесы, которых имена кто исчислить может?

13) Какими кто бесами прельщен, тем и подручен. Бедная душа его томится под игом их; окаянна жизнь ея. Она вся бедна, вся невзрачна, мрачна, безсветна, безбожна, безобразна, отвратительна на вид для всех благомыслящих.

14) Не унизим достоинства нашего, чада, не продадим свободы нашей. Сделавшись господами, не будем рабами (1 Кор. 7, 22. 23). Не преложим света нашего в тму, не превратим красоты нашей в безобразие, не отвратим лица вашего от Бога, чтоб обратить его на срамную образину греха, не совлечемся светлых одежд добродетелей, чтоб облечься в мрачныя рубища беззаконий, будучи Сынами Божиими, не превратим себя в порождения диавола.

15) Кто, в здравом уме находясь, решится предать себя в рабство, будучи господином? — Кто, обладая всыновлением Богу, согласится называться порождою диавола? Кто, отбросив неизреченное благородство добродетели, избрет причислиться к низкородной страстной жизни? Кто от богатства духовнаго възыщет перейти в бедноту и оскудение в душе? Кто предпочтет потерять Царство Небесное, чтоб приобрести огонь и тму, и другая страшныя муки вечныя? Не здравоумных это дело, и не не потерявших смысла шаг, но неких безумных и безчувственных, — чтобы созданные по образу и подобию Божию для наследия вечных благ произвольно чрез безсловесное сластолюбие низошли в глубины ада на вечное осуждение.

16) Пробудимся дремлющие, откроем очи смежившие их, послушаем не слышашие, восприимем силы разслабленные, воспрянем к мужеству, воодушевимся и вступим на спасительный путь. Возопием ко Господу, — и Той сотворит. Ибо близь Господь всем призывающим Его во истине, и смиренныя Духом спасет (Пс. 144, 18; 33, 19).

170.

1) Сравнивает с уходом за виноградом уход за душею. — 2) Приглашает к такому уходу на радость виноградарю нашему Господу. — 3) Одобряет, что уже довольно потрудились в сем роде; но

говорит, — еще и еще потрудимся, ходя непорочно в порядках обительских и трудах подвижнических. [2, 104].

1) Вчера собирая виноград, вы благословляли розги, которые имели мног плод и скорбели о тех, на коих не было гроздов. Что этим означается? — То, что и вы, соделавшись виноградом Господа, когда имеете плоды духовные и как бы многогроздны бываете, то являетесь достойными удивления для Возделывателя душ наших; когда же нет, то—достойными клятвы и отсечения: ибо, как говорит Господь всякая розга, не творящая плода посекается и в огонь бросается (Ин. 15, 6). Видите, что виноград, не как случится, плодоносен бывает; но сначала со многим трудом насаждается, возвращается, достигает зрелости, и тогда уже начинает приносить плоды; когда же принесет плод, тогда обрезается, окапывается, ограждается, отребляется от сухих ветвей и очищается от всего, что может мешать плодоносию, как это знают виноградари по опыту, — и таким образом вновь дает плод. — Не то же ли можно видеть и на нас? Ибо кто когда принесет плод, не переживши подобнаго сему, т. е., не будучи насажден и возвращен, и не возмужав до полного во Христе духовнаго возраста, и для того не будучи окапываем, отребляем и ограждаем заповедями Христовыми? — Кто же не проходит всего этого, всегда оказывается недозрелым и бесплодным; и его обгладывают все, мимоходящие путем, всегубительные демоны.

2) Почему примемся, прошу, за возделание души и тщательный за нею уход; т. е. за подвижническия делания и обычные порядки аскетической жизни: тяготу воздержания, труд бдения, стыд исповедания внутренних худостей, раны епитимий, хранение уст, не мечтательное сердце, непоколебимую веру, невозмутимое установление помыслов. Кто всего этого не делает, тот плода приносить не может; и такому розгою Христовою именоваться не следует. — За чем мы пришли сюда, братие? Не за тем ли, чтоб приносить плод мног, и Господа питать своим духовным благоплодием? Алчет нашего спасения благий Владыка, и если найдет нас спасающимися, радуется, вкушая от плода сего, а если нет, то, как бесплодную смоковницу ставит под проклятие. Каждодневно приходит Он сюда, и надзирает, каковы мы. Потому потребны: подвиг, тщание, горячая душа, забота, смирение, послушание, внимание, песнословие, кротость, разумность, делолюбие, братолюбие, терпение, твердость, упование, да уготовим себя в сосуды избранные, в Духе Святом усовершенствованные.

3) Потрудились вы, признаю то, победствовали в прошедшем времени, перенесли многое, совершили довольно пути, посрамили лукаваго, отразили брани, отрешились от пристрастий, обнажились от мира, распялись похотениям, соблюли заповеди, сохранили веру отческую, стали не страшливы страхами человеческими, от сердца приготовились на смерть любви ради к Господу; все у вас Богоугодно и похвально, все священо и небесно. — Но еще немного, елико, елико потерпим, умоляю вас, братия честнейшие, постоим неуклонно в вере, постоим небоязненно при нападении искушений невидимых и видимых, не уступим велиару в каждодневной брани его, поя: Господь мне помощник и аз воззрю на враги моя (Пс. 117, 7). Господь защититель живота моего, от кого утрашуся? Внегда приблизятся на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющая мя и врази мои, тии изнемогоша и падоша (Пс. 26, 1. 2). Мы же востяхом и исправихомся (Пс. 19, 9). Так будем петь мысленно, так будем мужествовать душевно; усердно будем проходить наши послушания, во всем соблюдая благочестие, не произнося слова гнилаго, ропотливаго, бранчиваго, осудительнаго, бунтовщицкаго, прoderзаго, будем охотно сходитья на работы, на бдения и

псалмопения, будем друг с другом согласоваться в кротости и смирении, в добромъислии, в устранении от мира, в стремлении к небу, в малоречии, в безсмешии, в побеждении уступчивостию, когда услышим: прости, — что есть великое против диавола оружие, — в незлобии и миролюбии. 171.

1) Внимать надобно, чтоб не сосупить с пути заповедей, с котораго столкнуть нас всячески старается враг; для успеха же в сем будем блюсти чувства. — 2) Если будем так охранять себя, враг отступит побежденный, и терзаться будет, а душа радоваться; в противном же случае, противное и последует. — 3) Но да не будет сего с нами; а если случится, поспешим врачевать себя покаянием, блюдясь потом от падений. [2, 105].

1) Необходимо всегда внимать себе, и во всяком случае сохранять себя в законе Божиим, не уклоняясь от заповедей ни на десно, ни на шуе, но царский средний совершая путь, где пребывает спасение, незаблудность и благопоспешество. Сие надлежит иметь в виду, сему внимать и сие ведать; так как змий прелестный, похититель душ, диавол, всегда бдительно смотрит, как бы свести нас с сего пути, и, сбросив в стремнину какой либо страсти, взять как добычу окаяннейшую. Победим же мы его и останемся не заблудными, если будем бодрствовать и трезвиться, и хранить чувства свои: глаз от видения того, на что смотреть не должно; ухо от приятия обольстительных слов и нашептываний дракона; руки от прикосновения, как к своим членам, так и к членам других, по страсти, или движению похоти; ноги от вступления на пути стропотныя, и в места скрытныя, и мысленно и чувственно.

2) Если будем мы так поступать и так себя блюсти, с подобающим исповеданием, потребным смиренномудрием и с должным благонастроением; то дракон побежден, отогнан от сердца лукавый; и скрежет зубами, вдали стоя, потому что никогда не унывает всезлобный, сколько бы раз ни был побеждаем и прогоняем. Душа же радуется и мужается, и к Богу паче восхождения творит, находясь во свете, в высочайших и превыспренних созерцаниях, будучи обожаема и небошественна. Если же она противна тому как сказано, держит себя; то противное тому и претерпевает, т е бывает завладена и поработана тою страстию, какою побеждена, и омрачаясь злыми помышлениями, спускается во глубину некую зол, будучи мучима и терзаема, нигде и ни в чем не находя покоя, и еще здесь вкушая плод горести, ожидающей ее в будущем веке.

3) Но да не будет нам когда либо потерпеть что подобное. Не дадим себе увлекаться прельщениями греха, и если случится что такое, наискорейше будем отсекаать то, и как стрелу, нанесшую рану, отбрасывать, место же уязвленное врачевать врачевством покаяния, глаз ли погрешил, или ухо, или рука; и затем тщательно блюстись. Ибо и неразумныя животныя, поскользнувшись однажды и дважды в каком либо месте, избегают его, или осторожно обходят, чтоб не впасть в туже беду. Мы же, образом Божиим почтенные и словом премудрости научаемые, ужели попустим себя оказаться хуждшими неразумнаго естества, любя туже страсть от коей случился грех и ища той же стремнины и того же рва, где совершилось падение? Ужасно это будет и пребедственно. Нет, но, как мудрые, мудро будем ходить, как чистые, девственно проживем, чтоб и против внешних искушений оказаться более сильными и крепкими. Душа, всячески себя охраняющая и непобедимую чрез то пребывающая пред нападением страстей, не боится ни огня, ни меча, ни зверя, ни Царей, ни властей, ни скорби, ни тесноты, ни гонения, но всегда готова воззвать: не убоюся, внегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская (Пс. 45, 3). Будем блюстись от внутренних наветов, и внешних бояться не

станем.

172.

1) Нашим брашном должно быть творить волю Отца небеснаго, живя по правилам подвижничества и порядкам послушания обительскаго. — 2) Враг досадует, видя такую вашу добropорядочность и тишину, и не находя доступа к вам. — 3) Мужайтесь же, противодействуя врагу и не слушайте его шептаний; внимайте же паче Ангелу Хранителю вашему. [2, 107].

1) Говорит Господь: Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя Отца, и совершу дело Его (Ин. 4, 34). О братие! Он даровал и нам власть называть Бога Отцем. Почему и нашим брашном должно быть творить волю Отца нашего небеснаго. Что же именно следует нам творить? И что делать? — Вы уже показали это предыдущую жизнь, живя по данному вами обету; и я могу ответить вам: живите, как жили, продолжайте с благодушным терпением переносить труды воздержания, тяготу послушания, изнеможение от бдения, невидимыя стрелы помыслов, огонь похоти, омрачение унынием, уязвление от зависти и всего прочаго, чем покушается низринуть нас во глубину ада губитель душ наших, диавол.

2) Дерзайте: ибо он нападает; но и отражается силою Божиею в вас, а не вас низлагает; скрежещет зубами, видя, какую мирную и постоянную проводите жизнь, но вред вам причинить не успеваает; усиливается вторгнуться в вас и восхитить душу вашу в пагубу, но места не находит, откуда войти к вам, видя, что вы, как стеною, ограждены законом Господним; ставит сети и звероловныя засады устраивает, стараясь навесить вас на них, но не достигая сего, раздрается злобною досадою, видя, как вы разстроиваете все его ковы исповеданием. И вообще ему нет места там, где силен страх Божий, где блюдетсЯ исполнение заповедей, где в действии все обычные уставы нашей жизни, и охотно приемлются и исполняются епитимии.

3) Посему радуйтесь и воодушевленны пребудьте, благодушествуйте и мужайтесь, крепитесь и возмогайте, отнюдь не давая входа неистовому демону, отнюдь не допуская шептать в ухо души вашей этому лукавому змию, и если подойдет, отгоняйте его и отражайте. Знаете, как он прельстил перваго человека, и как успеваает прельщать и ныне поддающихся его прельщениям. Он внушает одно худое, какою бы благовидностью то ни прикрывалось, — только то, что ведет или к гордости, или к зависти, или к похоти плотской, или невоздержанию и ко всему тому, что оскверняет душу. Но вы прислушивайтесь паче к тому, что добре напоминает вам Хранитель жизни вашей, внушая мысли целомудренныя, мужественныя, общеподражательныя, помышления о смерти, о переходе в другую жизнь, о будущих благах вечных, равно как и о противоположных тому мучениях нескончаемых, как и каким образом первых можно сподобиться, а вторых избежать, чтоб, занимаясь постоянно этим, паче и паче утверждались вы в доброделании и ревностнее текли путем Господа Бога нашего, пока придет определенный нам конец жизни; и добре благоугождаемый нами Владыко переведет нас отсюда к вечному упокоению.

173.

1) Возделание души не требует особаго времени и сборов, как возделание земли: оно во всякое время удобно, и сборы все здесь состоят в желании и решимости все недоброе подавлять, а всему доброму благоприятствовать. — 2) Возмемся же за это, подражая отцам, которые искали и обрели, толкали и отверзлось им. [2, 110].

1) Для возделания души всякое время удобно, не как для возделывания земли. Тут не нужны также

ни волы, ни плуги, ни другия земледельческия орудия; а нужно только одно произволение и всеусердное желание, коим и в коем посеваются добрыя семена, и пожинаются благие плоды для вечнаго наслаждения и упокоения; и это не днем только, но и ночью, утром и в полдень, в ястии и питии, в сидении и вставании, в беседе и молчании, в хождении и стоянии, в делании и бездействии, если, как следует, трезвимся и бодрствуем. Этим требуется, чтобы мы не блуждали и не прельщались помыслами своими, носясь туда и сюда умом, или и телом, не искали удовлетворения своих плотских пожеланий, не заводили друг с другом споров и ссор из-за того, не впадали в преслушание и ропотливость, в тщеславие и гордость, и в искушение поставить на своем и взять верх, ни на что не взирая. Ибо все такое не дает уму нашему пребывать с Господом, помышлять о достоудолжном, быть смиренными и сокрушенными, и все встречающееся прискорбное принимать благопокорно и с радостию.

2) Не дадим же себе, братие, дни спасения нашего иждивать в бездействии, лености и нерадении, и время жизни нашей проводить без пользы; но вступим в куплю добродетелей, и притяжем богатство небесных благ, умудряясь мудростию, какою умудрялись св. отцы наши, ни дня, ни часа не губившие даром, но твердо и напряженно устремлявшиеся к очищению души, к прогнанию страстей и восприятию благих расположений, и не щадя ни трудов, ни потов, единого Бога искавшие от всего сердца. Искали они и обрели, толкали и отверзлось им: — отверзлись им двери любви, врата правды и вход ко Христу путем безстрастия, вошли и обрели радость и веселие неувыдаемые и вечныя. — Приидите же, спасаемые, потечем путем отцев наших, соблюдаем заветы их нам, сохраним сердца свои чистыми и непорочными. Не поревнуем лукавнующим, и не позавидуем творящим беззаконие; зане яко трава скоро исшут, и яко цвет травный скоро отпадут (Пс. 36, 1. 2). Не будем смотреть на тех, которых больше, которые однакож живут нерадиво, но на тех, которые редки, но ревностию ревнуют о спасении и Богоугодии. Таким будем подражать, следами их добродетелей пойдем, их очами станем на все смотреть, их умом о всем рассуждать, их языком говорить, — да и их части сподобимся, блаженной и всерадостной.

174.

1) Получив, ради оставления мира и вступления в обитель с обетами, силу на Богоугодное жительство, возблагодарите призвавшего на сие вас Господа, не словом, а делом избранной вами жизни: в сем победа над миром. — 2) Господь победил страданиями, крестом и смертию, путь нам указав к полной победе: в след за Ним победили сим образом мир Апостолы, потом мученики, потом преподобные. — 3) Таков ужь путь к Богу; и не найдется никого, кто бы не им шел. — 4) Почему не дивитесь, что встречаете прискорбности; но паче радуйтесь, и мужайтесь. [2, 111].

1) Ничего нет для меня желательнее и радостнее, как слышать и видеть, что вы благочестно ходите и Боголепно ведете себя, исполняя все заповеди Господни и нелицемерно соблюдая монашеское жительство, в котором вы снова родились духом и чрез которое освободились от прежних прегрешений; и не только это, но и получили духа силы против видимых и невидимых врагов, и для небызненнаго сретения всего находящего при служении Богу живому и соблюдении святых Его заповедей. Возблагодарите же, прославьте, воспойте призвавшего вас Господа, воздающе воздаяние не другое какое, как терпеливое пребывание в вашем подвижничестве и то, чтоб, как доселе подвизались вы добре, так и далее еще паче стояли в этом, разгараясь любовью к Богу. От Господа же венцы вам соплетаются каждодневно, если в благом произволении своем держите твердую

решимость скорее все претерпеть, нежели изменить чему либо из заповеданного нам. Ибо заповедь Господня жизнь вечная есть, нарушение же ея — смерть; почему необходимо нам исповедать истину и не согласоваться с теми, кои противятся ей, жертвуя за сие всякими житейскими преимуществами, славою и честью у царей, архиереев и у других. Ибо что пользы, как написано, если кто мир весь приобретает, а душу свою отщтит (Мф. 16, 26). Для того наша твердость и наши подвиги.

2) Но дерзайте, говорит Господь, яко Аз победих мир (Ин. 16, 33). Победил же Он для того, чтоб и мы, в след Его идя, побеждали его. Как Бог, Он всегда есть победитель мира; говорит же Он особо теперь, что победил, это как человек. И тотчас в след за Ним победили мир Апостолы, после них — мученики, потом — преподобные, и все благочестно и Боголепно пожившие. Но как одержана эта победа как самим Господом, так и святыми Его? — Без борьбы? без мучений? без пролития крови? без изгнаний? — Нет; не только не без этого, но еще крестом и смертью. Знаете об оскорблениях Господа, Его поношениях и осмеяниях, — что Он предан был, осужден, заушен, оплеван, распят, — но воскресши, спас мир. Равным образом и Апостолы тоже пострадали. Мучеников же страдания и мучения кто изречет? также и преподобных подвиги и лишения?

3) Слово Божие говорит, что вси хотящие благочестно жити гоними будут; лукавии же человецы преуспеют на горшее, прельщающе и прельщаемы (2 Тим. 3, 12). Тесен и прискорбен путь, ведущий в царствие; пространен и углажен путь пагубы (Мф. 7, 14). На сем последнем — радость мирская, утехи и сласти плотския, презрение законов Божиих, беззаботность о смерти, страх человеческий; а на первом — скорби от мира, произвольные труды и всякаго рода лишения, как говорит Апостол о шествующих по нему: лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных (Евр. 11, 37). И не найдется никто из святых, который прошел бы по нему без страданий.

4) Почему не дивитесь, встречая прискорбности; но паче радуйтесь, что и вас не миновали они, и разгорайтесь любовью к Богу сильнее и сильнее, чтоб чрез то и похоти заморить и демонов прогнать. Ибо любящий Единаго, всех других оставляет позади; и боящийся Единаго никого другаго бояться не может. Имеющий Бога стал выше всех. Мудрствуйте здраво, блюдите благочестие, творите молитвы и моления за всех. Христос посреде вас: ибо если Он присущ, где два или три, то как не быть Ему среди вас, исполняющих заповеди Его, когда вас столько?

175.

1) Отлучаясь на время, просит начальствующих и подчиненных действовать и жить по уставу, указывая и как именно. — 2) В побуждение же к сему выставляет то особенно, что Бог все видит, и за все взыщет. [2, 112].

1) Отлучаясь на время, прошу вас, любовь Господа нашего Иисуса Христа, в немногие дни моего отсутствия соблюдать обычные порядки общежительские, в послушании и смирении: начальствующие, распоряжайтесь не самовластно, не дерзко, не по купечески и не каким либо другим человеческим образом, но Боголепно, благотворно, спасительно, как Богом зримые и судимы быть имеющие, и ответ Ему дать долженствующие во всем, что говорите и делаете; подчиненные и послушники, благопокорно и безпрекословно исполняйте поведываемое вам, как от наместника моего, так и от прочих начальников. Вы — чада Божии, яко чада света ходите; вы — агнцы Христовы, паситесь, как агнцы Его, тихо и смиренно. Никто не безчинствуй и не прыгай, как козлище, питаясь терниями страстей; никто не поступай, как Иуда, с братьями бывая будто брат, вне же

замышляя предательство на пагубу души своей; никто не будь, как Исав, презирая свое спасение и преимущества его продавая за краденную какую либо пищу и питье. Никто не оставайся без дела, слоняясь туда и сюда, и не губи дня попусту, когда другие братия трудятся усиленно, претерпевая зной дня и хлад ночи, в привратницкой ли кто находится, или в больнице служит, или в сапожнической, или в столярне, или в другом каком послушании. Страшное это преступление, когда, по Апостолу, ниже ясти достойни суть таковые (2 Сол. 3, 10).

2) Все по стезям Божиим ходите, в скрытныя же места на злыя совещания и суетныя замыслы да не ступают ноги ваши; ибо очи Господни, тмами тем светлейшии солнца прозирают все пути ваши; и рассмотряют в тайных местех (Сир. 23, 27). Итак, хотя бы ты в прикрытом был месте, и там видит тебя неусыпающее око, с кем стоишь о чем говоришь и что делаешь. Смотри же, не узрело бы оно тебя беседующим с сатаною, замышляющим студныя дела или делающим что срамное. И хотя Господь не воздаст тебе должнаго воздания в тот же момент, но всячески повелит записать грех твой и означить падение твое, — безсловно и незримо возглашая тебе: сия сотворил еси, и умолчах, вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе, подобен: обличу тя, и представлю пред лицом твоим грехи твоя (Пс. 49, 21). Это в день суда. — Куда же убежим от рук Властвующаго над всем? Можем ли сделать что худое, которое не узналось бы? Не заходите—же ошуюю даже мыслями; но действуйте во всем спасительно и Богоугодно, да видя вас, радуется и веселится Господь, и в книгу животную да внесет благия дела ваши, в день же откровения всяческих да увенчает вас неувядаемым и вечным венцем правды.

176.

1) Стойте доблестно, взирая горе, и Божественными созерцаниями, как стрелами, отражая врагов спасения. — 2) Кого возмущает страсть, не поддавайся, помышляя о срамоте, коей подвергнешься поддавшись, и о том, что это враг прельщает тебя, представляя худое хорошим. — 3) И вообще по движениям внутренняя угадывай, какой дух близь тебя, добрый или худой, и одного слушай, а другаго отгоняй [2, 114].

1) Стойте доблестно, препоясани чресла ваша истиною, обувше нозе во уготовање благовествования мира (Еф. 6, 14.15), горе взирая, к горнему устремляясь, горняго ища, небесным занимая ум, об исходе из тела заботясь, и о сретении потом Судии и ответе пред Ним, — изследуя Божественныя Писания и жития святых, и найденное душеполезное и спасительное обращая против врага, вак стрелы.

2) Кого беспокоит страсть, пусть не унывает и не поддается ей: ибо близ Господь всем призывающим Его (Пс. 144, 18), и душа ищущая обрящет Его (подоб. Сир. 6, 16); только да стоит она твердо, да въздыхает и стенет, да проливает слезы, воздая руки свои к небесам, да бьет себя в грудь, помышляя о срамоте, какую покрывает греховное деяние, не говорю пред страшным престолом Божиим, но пред самим собою и пред людьми, и тем да отвращает себя от греха и да утверждает в добре. Ибо что написано? сыне не пренебрегай наказанием Господним, ниже ослабший от него обличаем. Егоже бо любит Господь наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет (Прит. 3, 11. 12). И в другом опять месте? Не скор буди во время наведения (Сир. 2, 2). Это Господь испытывает нашу любовь, тверды ли мы в ней, не предпочитаем ли Его любви срамной сласти, бедственной и убийственной, сладкой на вкус и страшно горькой, когда проглотишь, а не так, как показывает это душегубитель наш: свет показывает, а он тма; любовь духовную, по видимости, подвсевает, а она

есть ненависть ненавистнейшая. Ты же, воин Христов, не неведай умыслений его, ни его злокозненностей. Если жизни желаешь, взыщи света, потому что Бог и заповедь Его свет есть.

3) По состоянию души твоей, узнавай, кто подошел к тебе, — наш, или из супостатов? Если душа твоя сохраняется безмятежною, неколеблемою, не небрегущею о небесных созерцаниях и полна вожделения отложенных нам благ, добре, отвори ему двери сердца, прими его и свечеряй с ним, да напитает он тебя паче к большему возлюблению Бога и божественных вещей. Если же близость его смущает душу твою, наполняет ее толпою помыслов, обращает очитвои к плоти и крови, к мирским связям и пристрастиям, и к предлежащему удовольствию, до неистовства возбуждая душу твою и как бы вскипячая ее разжжением сластей похотных: увы! — стань подальше и дракона этого отгони. Он пришел, чтоб в одно мгновение времени уничтожить многолетние труды твои, твои подвижническая усилия, многия слезы, молитвы и доблестныя борения и преодоления врагов, пришел, чтоб тебя, воина Христова, показать добычею мгновенной сласти похотной, пришел, чтоб такого доблестного мужа, напоив чашею ядом пропитанной сласти греховной, умертвить на веки. — Пишу сие, не как безстрастный, но как искушенный, паче же как многострастный; иное узнал я из того, что приходилось читать, иное из наставлений отца моего и из того, что слышал от других многих.

177.

1) Многия нападают на нас страсти по действию врага. Бороться надо, держа себя облеченными во всеоружие духовное. 2) Между сими оружиями не последнее есть познание божественных истин, чрез слушание поучений, которым к сожалению мы так плохо пользуемся. 3) От этого мы неисправны и прилепляемся к недоброму, хотя стоит только возжелать, и весь день можем мы делать одно достодолжное. 4) Начните же так поступать. [2, 115].

1) Стойте доблестно в многотрудной жизни вашей, претерпевая и зной дневной, и хлад ночной, мысленно и чувственно; но мысленно паче, потому что присущ нам огонь похоти, паче халдейской печи разжигаемый невидимым Навуходоносором; нападают на нас и другия страсти, одна против другой увлекаая душу бедную: гнев, ярость, памятозлобие, гордость, леность, расслабление, пристрастие, самолюбие и наибольшее из зол, неверие. Много потребно нам мужества и великодушия, много неленостной крепости и силы, терпения, благодушия, трезвения и бодренности, чтобы тем могли мы отражать воздымаемыя против нас искушения и лукавства диавола, чтоб преклонить колена пред ваалом похоти, чтоб не поклониться образу страстей, чтоб не погубить, что добре собрали, чтоб не разорить, что с Божию помощью создали. Как иначе и избегнуть нам сказанных страстей, как не всесердечно возложившись на Господа и облекшись во все духовныя оружия к поражению враждебных нам сил?

2) Оружия же сии духовныя суть: молитва и упование, смирение и послушание, любовь и вера, безпристрастие и совершенное ума предложение от всего мирскаго, всегдашнее поучение и беседование о спасении, не безразличное и не безразборчивое на все смотрение и всего слышание, равно как употребление уст и рук, всегдашнее себя ограждение страхом Божиим и помышлением о Боге, с неудержимым вожделением будущих благ: ибо если сего не будет в нас, то как не внасть нам в пагубу греховную? как не попасть в руки ненавидящих нас врагов? — Увы! Сколько слышим мы? Сколько внушают нам Писания? Сколько учат богоносные отцы? Но мы все забываем и нисколько не заботимся о том. Как семя, посеянное поверх земли земледельцем, прежде чем плуг скроет его под землю, расхищается птицами: так лукавыя птицы вражеския похищают у нас божественное

слово, как бы из уст; и духовныя семена остаются бездейственными в нас, остаемся и мы бесплодными, не принося произрастений добродетели. Что другое можно подумать, как не это, если когда отцы разглагольствуют с нами о целомудрии, о мужестве, о правде, или о другой какой добродетели, мы тотчас после слушания, как бы ничего не слышавшие, оказываемся совершенно противными тому. Повествуют нам о суде и слезах, а мы, выходя, начинаем смеяться и хохотать. Обузывают души наши строгими о чистоте словами, а мы тотчас, по выслушании того, похотствуем, блуднически посматривая друг на друга, издавая и принимая слова, самая продерзья. Убеждают нас к смирению и благопокорливости, а мы, прямо после беседы о том, надываемся, зверствуем и оказываем непослушание. Убеждают к пощению, а мы чревонеистовствуем; к бдению, а мы тотчас предаемся сну; к кротости, а мы тотчас яримся; к молчанию, а мы празднословим; к усилению работ, а мы уклоняемся; и просто сказать, мы, как будто нарочно, обращаемся на путь противоположный тому, какой нам указывало наставление. И это я говорю не о новичках только, но и мнящихся быти нечто, и призванных к начальствованию по какой либо части, и вчиненных в священнодействователи. — Увы! Что страждем мы от сатаны обольстителя?

3) За чем отвращаем мы лице свое от Бога живаго, от оной недосяземо высокой красоты, и обращаемся к суетному и скорогиблющему? За чем любим и лобызаем горькое и привременное, оставляя сладчайшее и вечное? Верно, не очищены наши душевныя очи и слух, что мы плохо видим истинное благо и лишаем себя вкушения их. Приидите же, опять приступим к делу, хотя уже совсем разслабели, опять оживем, хотя уже совсем омертвели, опять станем бодрствовать, хоть уже совсем почти уснули. Одного бы только нам — пожелать, — и все сделалось бы. — В той самый день, как положим благое намерение, но крепкое, достигнем мы и меры спасения. Ибо мы не связаны житейскими делами, чтоб нам трудно было взяться за доброе действовање. Но для нас удобно целый день заниматься делами спасения, если только захотим: утром разумно петь оную давидскую песнь: завтра услыши глас мой, завтра — предстану ти и узриши мя (Пс. 5, 6); в трей час: Духа Твоего Святаго не отними от мене (Пс. 50, 13); в час шестой: Избави мя от нападения беса полуденнаго и от стрелы, летящая во дни (Пс. 90, 5); в девятый: приклони Господи ухо твое и услыши мя (Пс. 85, 1); вечером: благослови душе моя Господа... и следующие за сим (Пс. 103, — 1). Если мы каждодневно так будем поступать, и друг друга возбуждать, и просвещать благими словесами и делами, а не разслаблять и омрачать беспечным равнодушием и пусторечием; то можем сим образом спастися, потому что от утра до вечера можем совершать одно достодолжное. Конечно нельзя не уклониться и очень внимательному или к слову неразумному, или к пожеланию неуместному, или к другому какому страстному движению; но это всякий раз, как случится, чрез сокрушительное к Богу моление, заглаждается. Так проходя день за днем, будем шествовать путем Божиим, ожидая времени разрешения от тела, за которым венцы, радость и веселие для всех, так подвизающихся и себя нудящих для Господа.

4) Внимайте убо труду вашему, вашим подвигам и борениям, отгоняя беспечность и воспринимая усердное рвение, в уверенности, что всякому желающему возможно жить доброю жизнью, восходить к совершенству и явиться украшенным всякою добродетелию. Если Бог есть свет, жизнь и истина, то как не вожделенно стремиться к Нему, искать общения с Ним живаго и достигнуть его? и если сатана воистину смерть есть, ложь и пагуба; то склонение на его внушение как не будет смертию, тмою и пагубою? Таким образом пред каждым из нас лежат жизнь и смерть. Емлемся за

жизнь, емлемся за свет, емлемся за безсмерие; от тмы же, мрака и пагубы отбежим, да сподобимся царствия небеснаго во Христе Иисусе Господе нашем.

178.

1) Добре совершили вы ныне св. Четырдесятницу и обогатились плодами духовными. 2) Храните же их, строго внимая себе, особенно во дни Пасхальные, когда и по уставу разрешаются некия утешения. [2, 116].

1) Добрыми подвигами подвизались вы в продолжении Св. Четырдесятницы: постились по силе и паче силы, бдения совершали подобающе, поучались трезвенно, работали не леностно, ум блюли в чистоте, язык хранили от осуждения, уста от празднословия и все члены свои от всякого греха, представив их орудиями правды, органами благообразной и богоугодной жизни. Вы так хорошо и благоприятно ныне совершили течение поста, как никогда, кажется, прежде. От чего же так? От строгого внимания вашего к себе и к делу жизни своей, паче же по привлеченной тем особой милости Божией, от коей исходит всякое даяние благо и всяк дар совершен, как написано (Иак. 1, 17). Таким образом вы преуспели в жизни и обогатились плодами духовными.

2) Да будет же богатство ваше сохранно, и ваши сокровищницы духовных благ недоступны для хищнических наветов врага. Да даруется вам благодать на благодать и богатство на богатство, до конца жизни вашей. — И будет так, — но как? — Если не ослабите строгости внимания вашего и не допустите нерадения и небрежности в последующее время, особенно как придет Святая Пасха, когда, по уставу, оставляются псалмопения, часы обычные, коленопреклонныя молитвы, усиленные ночныя бдения, и в трапезе разрешается вино, елей, варева и прочее, полуденный сон, двух—разовое принятие пищи, проходка и другое нечто: так что если ум не будет трезвенствовать и все делать по чину с соблюдением строгого внимания, то он в опасности погубить что добре стяжал и человека из богатого сделать бедным и с высоты славы низринуть в ров безславнаго падения. Почему прошу и молю, держите себя строго как в заперти, пока не избежим от здешних врагов и скользких случайностей и не переселимся туда, где будем безопасны от падений и окрадения.

179.

1) Не будем внимать внушениям врага: праотец наш внял, и изгнан из рая. — 2) Враг и нам при всяком случае подносит свои снадобья: будем всегда готовы к отвержению. [2, 117]

1) Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог (Пс. 45, 11). Итак требуется от нас упразднение от всего и упражнение единым на потребу. Нам в деле жизни нашей, потребны: вожделение доброненасытное, трезвение неослабное терпение крепкое, противостояние врагам нашим супостатам непрерывное: ибо всегда близь суть сим мысленные звери, похитители душ наших, демоны, от коих грехи, беззакония и всякия непотребства. Никто потому да не ослабляет, по нерадению, подвигов, никто своевольно да не блуждает туда и сюда, влекомый сластолюбием и самолюбием, но во всем да покорствует заповедям Господа, а не чуждым внушениям. Ибо Господь сам говорит: овцы моя гласа моего слушают. По чуждем же не идут, яко не знают чуждаго гласа (Ин. 10, 27. 5). Где Христос, там диавол места неимеет. Где глас Его созывает овец, там шипение змия не слышится. И праотец наш Адам, пока сохранял здоровыми слушалища души своей, до тех пор, слушая Божественный глас, водворялся внутрь рая и получал высокия созерцания. Когда же принял нашептывания змия и вкусил от древа греха, тотчас почувствовал срамность наготы и скрылся от Бога. Спрошен будучи: где ты? Глас твой, говорит, услышал и скрылся, потому что я наг. Кто же

вложил в тебя этот страх, о Адам? и кто указал, что ты наг? — Лукавое слышание и от заповеди Божией отступление. Затем последовало изгнание из блаженного места того и осуждение на труды, скорби и лишения в жизни сей. — Далее потому будем держаться от советов змия.

2) Не будем принимать внушения страстей, его злокозненностию приготовленные. Сосудцы с разными снадобьями приготовив, этот отвратительный устроитель всякаго беззакония ходит, как видел некто из святых (Св. Макарий Вел.), и к какой страсти видит каждого из нас более готовыми, соответственное тому и снадобье всякому подносит и дает съест; вкусив, тот воспаляется страстию: одному дает он снадобье блуда, другому зависти, третьему чревоугодия, иному самодурства, другому устроения скопов, и словом сказать, тому то, этому—это и каждому свое. Внимать убо надлежит, братия, и всегда быть готовыми к отражению таких нападений неистоваго врага, а для того неизменно быть вооруженными духовно, нося броню веры, щит смирения, шлем послушания и всеоружие всех прочих добродетелей. Каждый, зная свою степень, пусть и действует по своей степени с чистою совестью. Будем любить друг друга по душе, а не по телу. Очи долу, ум горе.

180.

Пост Богу приятен, когда воздерживаемся и душевно и телесно; если же только телесно, то он неугоден Ему. Потщитесь оказаться исправными в сем. [2, 120].

Уже к концу приходит время поста: рассмотрите же в себе, исполнено ли вами все подобающее и должное: стяжали—ль мы с вами послушание непрекословное, смирение нелицемерное, благоговеинство сокрушенное, молитву непрестанную, плач Богу приятный, стенание глубокое, веру непереткновенную, надежду непостыждающую, безропотность благодушную, воздержание всестороннее — и от слова сопротивительнаго, и от речений оскорбительных, от задорности, брани и самочинья. — Всего этого требует воздержание, и воздерживаясь от сего, мы в самом деле течем путем благочестия и подвигом добрым подвизаемся в чаянии вечных неизреченных благ. Если же найдется что противное сему: преслушание, гордость, ропот, шепотничество, самочиние, распущенность, спорливость, жестокосердие, ненависть, гнев и прочих скверных страстей непотребства, — то хотя и постимся мы телесно, не приносим однакоже Богу приятнаго поста, но нечистый — не угодный Богу, отвергаемый им. Познав сие, потрудитесь соблюдать все заповеди Господни попорочно, отвергните все укорное, стыдное и срамное, и все благообразно и по чину делайте: ибо и доброе недобро, если недобре говорится и делается. Не бывайте немысленны, но понимайте, что есть воля Божия (Еф. 5, 17) — благая, угодная и совершенная (Рим. 12, 2).

181.

1) Трудитесь в исполнении заповедей Божиих и обетов общежительных, и будете обрадованы от Господа радованием неописанным. — 2) Такова сущность звания нашего и надежд его: не понерадим же об исполнении послушаний. — 3) Послушания сии несуетны; и никто у нас не служит человекам, но Богу, Который приемлет то, — и воздаст: трудитесь же в сем духе, и исполните в совершенстве дело звания своего. — 4) Так сделаемся подражателями отцев и самого Господа. — 5) Да утвердит вас в сем Господь и да сохранит. [2, 123].

1) Прошу и молю, стойте во святом звании, в которое призваны вы, непоколебимо и неподвижно, исполняя заповеди Божии и оправдания Его; пребывайте всегда в ревностнейшей и теплейшей любви ко Господу, изгоняя всякую чуждую страсть из сердец ваших, возмогайте в крепости подвижничества вашего, каждый день все усерднее и трезвеннее проходя, в бдении и псалмопении, в

послушании и смирении, в служении и пощении, и во всем прочем, принимая, как доказательство успешности вашей в содевании своего спасения эту настойчивость в труде и борении, и эту многопотность жизни вашей. Крепитесь: возсияет, наконец, для вас вечный покой вместо теперешняго злострадания и непрестающее радование вместо настоящих прискорбностей. Этим и Апостол одушевляет нас, внушая не смотреть на настоящее, потому что оно временно и тленно, но на будущее, потому что оно вечно, блаженно (2 Кор. 4, 18).

2) Итак, поелику мы удостоились этого дара Ангельской схимы, поелику возжелали жизни вечной и венцов нетленных, поелику возлюбили вожделенно всыновление и царствие небесное; то вот под руками имеете и время, и поприще. — Не понерадим, не пощадим сил; но паче ищущих злата и сребра, камней многоценных и прочих тленных драгостей, вседушно и с рвением устремимся к восхищению царствия небеснаго и небесных благ. Успех же в сем не иначе будет, как если непрестанно будем внимать себе и, непрестанно поучаясь в Божественном, заботиться и о том, чтоб наилучшим образом совершить лежащее на нас послушание, потому что оно не плотское и не человеческое, но святое и спасительное, если благолепно исполняется.

3) Ибо у нас никто не служит плоти и крови, но Господу Богу, что Он и принимает, как жертву благоприятную, и достойным воздаянием воздать обещает в будущем веке. Никто не думай, что человеку служит, хотябы последнее какое получил послушание, но самому Господу, чрез братий Себе то приемлющему. Почему со страхом и трепетом исполняй то, имея надзирателем Самого Его, видящаго тайная тмы и открывающему советы сердец ваших (1 Кор. 4, 5). Если каждый из нас так будет помышлять, — как оно и воистину есть таково, — и взаимную друг на друга работу будет совершать как божественное служение; то мы в совершенстве исполняем все дело нашего звания.

4) Отсюда возсияют в нас лучи всех добродетелей, — любовь, мир, кротость, тихость, благопокорливость, и познаем тогда, что мы воистину следуем по стопам преподобных отцев наших, являясь соревнователями их житию. Воспоминайте же блаженные оныя жития, их течения путем покорности и послушания, изрядное превосходство их смирения и подчиненности, — и как ревнуя поревновали они Господу, Который Сам сказал: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29), хотя, по Апостолу, не восхищением непщева быти равен Богу, но смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. 2, 6. 8). И обозрите, кто в числе спасенных, или ублаженных? Только тот, кто подражал Ему, кто смирился, кто послушлив был и покорен, кто претерпел все находившия прискорбности, унижения, поругания, осмеяния, или даже заушения, изгнания и темницу, — как и некоторые из вас, или даже все, потому что в одном члене и все тело или славится, или безчестие приемлет.

5) Да хранит вас Господь паче и паче, как воинов своих доблестных, как рабов своих верных, как мужей желаний, как народ избранный, как священный собор, чтоб, явясь в роде сем, воистину прелюбодейном и грешном, делателями заповедей Божиих непостыдными, сподобились вы быть и снаследниками Христа Господа во Царствии Небесном.

182.

1) Ни моих поучений, ни наставлений отеческих, ни слова Божия не слушаете, и остаетесь неисправными: чему причиною ваше плоти угодие и нерадение о спасении. — 2) Следовало бы нам с вами быть ревнителями о всем добром, а мы каковы? — 3) Что же нерадим и так опустились? Поправимся хоть отныне. [2, 124].

1) Для чего другого сеет земледелец, как не для того, чтоб потом и пожать? Для чего трудится торговец, как не для того, чтоб получить прибыль? Так и слово учения раздавать поставленный для чего другого это делает, как не в надежде преуспевания и усовершенствования слышащих? — В отношении же к вам, по грехам моим, слово мое остается совершенно бездейственным. Сею много и много тружусь, но никакого плода не вижу. Говорю, оглашаю, напоминаю — и иногда на час сила слова моего доходит до слуха вашего душевного, но вы тотчас скорее того опять все забываете и остаетесь в тех же прегрешениях. Плачу об этом и раздираюсь сердцем, не имея сил пресечь вашу беспорядочность. Конечно, такая безуспешность зависит от бессилия смиренных слов моих. Пусть впрочем в этом на моей стороне вина. Но разве вы не слышите словес Божественного Писания? Не оглашают ли они каждодневно слуха вашего спасительными догматами? — Что вопиют, кроме того и св. отцы? Что возвещают? О чем свидетельствуют? Чем угрожают? — Не приводят ли они пред очи ваши страшного онаго и неумытного судилища, потрясающего онаго окончательного решения Божия, онаго поражающего отвержения и мук безконечных, огня неугасимаго, червя ядовитаго не умирающего, тмы тмущей, тартарской преисподней и прочаго, что при этом помышляется? — Не показывают ли они, насупротив этого, царства небеснаго, — Жизни нескончаемой, славы неприступной, света неизреченнаго, недомыслемых красот рая, лона Авраамова, скинии святых, дворов праведных, чинов Ангельских, радований неизъяснимых? — И при всем том никакого не видно у вас исправления, ни даже раскаяния. — Какого впрочем слова можем мы послушать, когда только и ищем, чтоб удовлетворить свои плотския страсти и пристрастия, когда совсем опустились, только и на уме держим, как бы что поесть и попить, какое бы слово смешное выпустить на разорение своей души и души слышащаго, чтобы придумать, чтобы прикрыть вину свою, или свалить ее на другого, — и обще скажу, когда мы души свои сделали не детелищем преподобия и правды, а всякаго беззакония и неправды?

2) Следовало бы нам горе взирать, горняя мудрствовать, вышних искать и видеть, в какое и коликое звание облеклись мы, кому и чем обязались мы чрез то, коликих и каких грехов прежней жизни получили чрез то прощение, и в каких винах нерадивости, после принятия схимы, сподоблялись разрешения? — Следовало бы трепетать, стенать, смиряться и сокрушаться, ходить с сердцем отягченным и взором поникшим, поминая о смерти, всегда готовой; о предстании пред Судию по выходе из тела и сретении страшных Ангелов. — Следовало бы нам подражать св. отцам нашим, кои во всем до случайнаго слова были крайне строги к себе и во всем осторожны, искренни, благоустроены, незлобивы, кротки, мирны, не задорны, не плотолюбивы, не миролюбивы, безмолвны, песнословны, благодарны, благопослушны, смиренномудры, сосуды воистинну избранные, на всякое благое дело уготованные, — имея живущим в себе Святаго Духа.

3) Что же нерадим мы, несчастные? Что ленимся? за чем так опустились? Почто слово Божие не касается душ наших? Почто не изводим мы слез? Почто не умягчаем окаменелых сердец своих? Почто не изменяемся совершенным изменением? Почему каждодневно не подвигаемся на лучшее, чтоб видно было, что мы убежали из мира и стали выше всех обычных мудрований человеческих? — Придет, придет и не замедлит страшный и в трепет приводящий день и час преставления. Тогда возстенем горько, болезненно и безутешно, не имея дерзновения сказать: готово сердце мое, Боже, готово сердце мое (Ис. 107, 2). Но приидите, если слушаете меня, поклонимся и припадем к Самому Христу Царю нашему; возстенаем и возболзуем пред Ним от всего сердца, — и близъ Суший всем

призывающим Его воистине, подаст нам помощь и силу отбросить греховные навыки и вступить в порядки добродетельной, не щадя никаких жертв. Не говорю: не ешь, не пей; не говорю: не ложись отдохнуть; не говорю: не принимай утешение и не сходишь с братьями на беседу; но требую, чтоб все это было делаемо благообразно, мерно, в подобающее время и в приличном месте, чтоб добродетель к добродетели прилагая и преуспеяние к преуспеянию принимая, пожить нам жизнью мирною и Ангеловидною.

183.

Многие из вас таковы, как следует быть: от чего же не все? Но приидите, воспрянем все, пока есть время. [31/, 2]. (Третий том поучений имеет две части, каждый с особым счетом поучений. В цитатах 31/ означает первую половину, — а 32/ вторую. Следующая при сем цифра указывает число поучения.)

Некоторые из вас таковы, как требует слово Божие; но их не большее число. Почему же не возстать нам всем и, от глубокого сна безпечности пробудившись, не потещи к свету ведения и не возжелать вечнаго блаженства? Почему не умертвить нам уды, яже на земли, блуд, нечистоту всякую страсть и похоть злую (Кол. 3, 5), чтобы сделаться храмами Божиими, в коих благоволил бы вселиться Отец, Сын и Дух Святой? Почему не хранить монашескаго чина и словом и делом, со всем строгим вниманием, чтоб отнюдь не дерзать ни на смех, ни на лукавство, ни на ропот, ни на возгордение пред ближним, ни на велеречие, по коему говорят: «я был тем—то и тем—то; у меня было то и то?» — Доколе демон празднословия будет обладать нами? Доколе будем мы орудиями льстиваго духа преслушания? Доколе будет надыматься сердце наше, тщеславясь малыми и ничтожными вещами и порицая братьий за неимение таковых. — Но приидите, чада, послушайте меня: восприимем страх Господень и дадим друга другу десницы на содевание спасения общими силами. Пока во плоти мы, пока продолжается еще время нашего пришельствия, пока уместны еще молитвы и моления, слезы и покаяние, потечем, да постигнем того, чтоб весь мир презревши и всякое плотское мудрование отбросивши, и всякия земныя желания умертвивши, все наше расположение перенести на святое, доброе, и божественное.

184.

Образ подвижничества в общежительном послушничестве выше всякаго другаго: он Христо—подражателен. Теките же сим путем добре. [31/, 9].

Стойте доблестно, мужайтесь и претерпевайте все в порядке жизни вашей. Вознеситесь мыслию горе и небошественно созерцайте небесное. Там с Исаиею узрите вы Господа на престоле высоком и превознесенном сидящего, окруженнаго предстоящими Ему Херувимами и Серафимами и всеми сонмами Ангелов. Так узрим мы Его в страшный день втораго пришествия Его. — Тогда услышат преблагословенный оный Его глас добре совершившие подлежащий им подвиг в отвержении телесных удовольствий и в недопущении сластям века сего овладеть собою. Тогда праведники просветятся, как солнце в неизреченной радости, когда подвигоположник наш Господь и Бог раздаст дары по достоянию всем и каждому. Ей, браия мои, какого блаженства вкусят все святые, получив тамошня блага, по тому чину, в каком благоугодили здесь!

Велики конечно, ради Бога укрывавшиеся в горах, вертепах и пропастях земных, — столпники, пещерники, затворники. — (Я не имею в мысли говорить здесь о высших чжнах — св. Апостолов, судей вселенной, также о всеблаженных мучениках, божественных Пророках и о некоторых других

родах праведников). Но и наш чин ничем ни меньше их. — Ведомо вам, что Сам раздаятель даров, сошедши на землю, не пустынный избрал себе род жизни, не столпничесий и не другой какой, но благоволил пожить в послушании, как Сам негде говорит в Евангелии: — снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго мя Отца (Ин. 6, 38). И опять: яже Аз глаголю, о себе не глаголю; но пославый Мя Отец, той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю (Ин. 14, 10; 12, 49). Потом на тайной вечери, препоясавшись лентием и прияв служительское дело, омыл ноги учеников, и спустя немного сказал: Аз посреде вас есмь, яко служай (Лк. 22, 28). Так Господь, воплотившись, не другой какой, а наш послушнический образ жизни благоволил приять. Не утешительно ли и не радостно ли должно быть для нас, что мы проводим жизнь в подражании Ему? Уместно ли потому нам ублажать другие виды подвижнической жизни предпочтительно пред нашим? Да вы, если, как следует, в точности проходите сию жизнь, и сами не захотите ублажать другую какую.

Почему и в Геронтике читается сказание, в коем из трех подвижников состоящий в послушании по откровению предпочтен пустыннику и больному, с радостью переносящему болезнь. Ей, братия мои, воистину велика жизнь наша и проходящие ее, без сомнения, прославлены будут с Авраамом, с мучениками и праведниками.

Теките же добре. Да не остановит вас завидующий вам диавол, и сами не останавливайтесь по разлениению. Помажьте ноги елеем терпения, облекитесь в хитон радования, пейте воду чистоты и целомудрия. Не говори никто: доколе же? — Это слово лентягагося.

185.

1) Сравнением подвизающихся с виноградными лозами доброплодными, возбуждает ревность к плодоношению добродетели, и заключает. 2) Желал бы я сим одних обрадовать, а других образумить. — [31/, 13].

1) Радуется виноградарь, видя, как развалиется лоза виноградная. Радуюсь и я, когда вижу кого из вас приносящим плоды духовные. Благословенна ветвь, богатая гроздьями духовными, дающими вино сокрушения и веселящими Бога и людей. Но да не будет ни о ком из нас сказано, что от лица Божия сказал о неких Пророк Моисей: розга их от Гоморры, гроздь их, гроздь желчи, гроздь горести их (Второз. 32, 32). Ибо страшная угроза возглашается в Евангелии, что всякая розга, не творящая плода добраго, отсекается и в огонь бросается (Ин. 15, 2—6), конечно не скончаемый. Благодатию Христовою в нашем Богонасажденном винограде есть различные розги. Один, например, при сладости деяния имеет и слово, солию Духа Святаго приправленное; другой украшается глубоким смирением. Иной при многоплодности расширяется разветвлениями. Разумей под сим того, кто крепнет и растет духовно, прилагая подвиги на подвиги. Иной глубоко и многими корнями врос в землю, много и высоковетвист и тучен, так что от него производятся рассадки и других доз. Таков тот, кто, при своей утвержденности в добрых путях, пользуется и других братий, когда видит кого падающим, или опечаливаемыми вражескими нападениями. Но виноградные ветви, не имея чувства, не соревнуют друг другу; вы же, как воодушевленные и Богонасажденные, соревнуете друг другу, вместе возрастаете и вместе плоды приносите, чтобы никто из вас не оставался бесплодным, но все были исполнены плодов от божественного возделывания и достолюбезны ради множества гроздов на вас духовных т. е. добродетелей.

2) Такими уподоблениями желал бы я одних обрадовать, других образумить. Для всех желал бы я

воздвигнуть лестницу от земли до неба смиренным моим словом, чтобы вы восходили до высших созерцаний, и нисходили до глубин сердца, до уразумения непостоянства и скоротечности жизни человеческой, суетности и непрочности человеческих дел. Желал бы, словом, перенести вас в тамошний мир и показать вам тамошние неизреченные и неисчислимые блага. Желал бы представить вас пред лице Бога живаго, Творца всяческих и Владыки, — и дать вам уразуметь, какова тамошняя страна, — каково там вечное упокоение, какое радование неописанное, веселие ненасытимое, сопребывание с Ангелами и всеми Святыми всеблаженное, чтоб вы, восхищены быв тем и просвещены, отвратились от всего суетного, истинным почитая только то вечное, отложенное вам, благо, здешнее же все, получаемое и тот час исчезающее, вменяли ни во что.

186.

Помня, зачем вышли мы из мира, и вступили в обитель, будем ревновать достигнуть того, избегая предткновений опытом указанных. [31/,15].

Ныне возглашаю слово блаженного Арсения: Арсение, зачем вышел ты сюда? и приглашаю вас спросить вместе со мною себя самих, зачем вышли мы из мира и пришли сюда? — Отвечу за всех: конечно для того, чтобы стяжать Бога, чтоб, соделавшись сынами Божиими, наследовать царство небесное, и для того перестать быть плотию и кровию, кои царствия Божия наследовать не могут (1 Кор. 15, 50). Званием святым призвал нас на сие Господь. Взявше убо возьмите крест Христов, и нелицемерно идите во след Его, не раздвоя себя между Им и миром, но все всецело Ему одному предайте и посвятите. Подвизайтесь подвигом добрым, подвизайтесь и совершайте путь свой, доблестно перенося все встречающееся трудное и прискорбное, облегчение почерпая себе из упования наследия чрез то обетованных благ.

Множество злых духов приражаются и нападают на нас и изнутри, и со вне. Извнутри бо от сердца, говорит Господь, исходят помышления злая, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, и под. (Мар. 7, 21). Против ветра духов сих подыдем ветрила души, чтоб плыть своим путем, с опасливостию, чтоб тотчас не попасть в беду, наткнувшись на отмель, или подводный камень, — кои суть: неведение, особенно же несказывание помыслов и прикрытие себя. Предуказанных опытами опасных мест надо всеусильно остерегаться, чтоб не погибнуть, попав на них. Ни на право, ни на лево не должно уклоняться, а теши царским путем средним.

Потому ни мешкатны не будем на добро, как будто оцепенелые, — ни слишком стремительны по кровяному жару, отбегая в сторону с среднего пути, как бы деснее деснаго. Что бывает, когда любим казаться лучше других, разгорячаясь самомнением, и наследуя за то пророческое увы! И горе! — За мудрость в себе самих, и пред собою разумность (Исаии 5, 21).

187.

Все вместе стройно будем теши, преуспевая всякой в своей добродетели, не ища однакож своего, и не отказываясь ни от каких трудов, в уверенности, что за сие несомненно получим царствие небесное [31/, 15].

Приидите, потечем вместе; потечем же так: кто не разсуждающим послушанием, кто не колеблющимся терпением, кто Христоподражательным смирением, кто хранением помыслов, кто болезненным сокрушением, кто очистительными слезами, кто не завистливым братолюбием, кто по дару благодати от Бога, учительным словом или назидательным псалмопением, или показанием, как что делать. Делай всяк, кто что может: могущий учиться, учись, — стихословить, стихословь, —

молиться, молись, — класть поклоны, клади, — только все благоговейно и с терпением. Никто не ищи своего си точно и не следуй только своему расположению; ибо таким образом он отчуждит себя от добрейшего послушания. Да не слышится между нами: не могу, не по душе, не здоровится, хоть бы и в правду мог кто сказать сие. Даю вам слово верное, пред невидимым Богом и избранными Его Ангелами, что, нудя себя, — по слову Господа, что царствие Божие нудится, — нудя себя и утесняя во всем, как вы себя утесняете, по причине тесноты и прискорбности пути вашего, перейдете вы от смерти в живот, от тления в нетление, от тмы во свет, от рабства к всыновлению Богу, из юдоли плача в царство небесное пресветлое и всерадостное.

188.

Как праотца нашего прельстил враг: так и нас прельщает, обманно представляя благом, что зло. Послушав его праотец обманулся; обманемся и мы, если послушаем его. Не станем же слушать, но от всякаго внушения его будем затыкать уши. [31/, 16].

О первом ли нашем пребывании в раю и изгнании оттуда вспомняем, — или о возустроении всего в будущем веке: то и другое — важнейшие суть для нас предметы ведения. Как изгнан праотец наш Адам, не безъизвестно вам. Но какая тому причина? Гордость и дерзостная непокорность пред Богом, давшим ему самое бытие и жизнь. Не пребыл он верен данной заповеди, обуморен будучи в душе вожделевшими чувственного удовольствия очами и помышляя только о том, что плод добр в снедь и красен на вид, по наущению жены, паче же по обольщению змия, вкусил от запрещенного и чрез то низпал от света во тьму. Итак, горькое вкушение сладкаго по видимости пресушания изгнало его из рая и низвело его в жизнь, полную трудов и прискорбий.

Но что он пострадал, того позаботимся избегнуть мы, внимая, да не попадемся в те же сети. — Не позволим себе увлечься, влекущими к чувственному удовольствию, прелестями и красотами, ни внутренно мысленными воображениями, ни внешне случайными впечатлениями на тело и чувства. Ибо хотя увиденное иной раз кажется прекрасным и добрым, но на деле оно не таково; и если вкушаем того, то оно, что произвело в Адаме, тоже порождает и в нас — смерть, тление, осуждение. Тот поверил шептавшему ему змию: в он же еще день снесете от древа познания добра и зла, отверзутся очи ваши и будете яко бози (Быт. 3, 5). Тоже и нам нашептывает дракон, — что, если такое и такое похотение исполним, то получим безмерное обрадование и полную свободу от всего тяготящего. Но тот, послушав его, не только обманулся в ожидаемом, но потерял совсем и то, что было у него, бедственно отпадши от Бога. Нам же как? Ужели послушать его? — Или не разумеем умыслений его (2 Кор. 2, 11) и обманных приманок?

Потому сколько бы ни манил он нас, сколько бы ни звал, сколько бы ни производил движений в душах наших, да будет он далеко отталкиваем от нас. Ибо он покушается лишить нас Божественного и блаженнейшаго девства, изгнать из рая заповедей Господних и совлечь с нас Богом данную Ангельскую схиму, чтоб потом засадить в преисподняя земли. Заградим же затворы помышлений наших, запрем им двери и разговоров с ними заводить не станем. Но внегда возстати грешному диаволу пред нами, онемеем и смиримся (Пс. 38, 2. 3) пред Богом, и не помышляя даже, что враг подступил, запечатлеем себя непобедимым оружием креста, и словесами Богодухновенных Писаний укрепим себя в содевании спасения своего.

Постараемся преуспевать каждодневно, сытости не зная в доброделании и подвижничестве, не успокаиваясь тем, что успеваем сделать, не почитая того значущим что либо и не думая, что

превосходим в чем либо того—то и того—то; но все заповеди Божия поревнуем исполнить в совершенстве, по всякому образу. Вот в чем добрый подвиг наш. Вот в чем блаженное восхождение наше, похвальная купля, не гибнущее сокровище, залог будущего наследования вечных благ.

189.

1) Если опыты худых последствий от удовлетворения пожеланий самоугодия не научают нас воздержанию от сего. — 2) То да научит память о смерти всегда готовой: она воодушевляя мучеников, и преподобных отцев укрепляла в строгостях самоумерщвления. [31/, 17].

1) Радуйтесь и веселитесь; теките добре, и будьте выше обманчивых приманок мира, держа горе к небесам стремящуюся мысль, и тамошнюю зря неизреченную славу. Ведомо вам, что весь наш в подвижничестве труд ничто есть сравнительно с царствием небесным, что скорбь и нужда здешняя пред вечным упокоением подобны неприятному сонному мечтанию. Добре убо рассудили мы, и добре сделали, что вышли из мира силою позвавшего нас в Свое небесное царствие. Но будем и жить добре, мало по малу преуспевая в доброделании, и из того, что испытываем, научаясь не допускать, чтобы преодолевали нас суетности. — Сколько раз предавались мы удовольствиям? — и ничего из того не осталось? Сколько раз насыщали мы чрево? — Но пожелание чревное удовлетворяли, а ничего из насыщения в запас не отложили, кроме отяжеления тела. Если поблажали срамным помыслам, то потом проклинали себя, пожиная скорбь вместо отрады; если насыщались сном, то потом окаявали себя как безсловесных; если оказали грубость, то потом упрекали себя; если предавались смеху, то потом оплакивали то; и вообще никакого добра нет человеку от удовольствий чувственных. Если желаем всегда вкушать утешение и отраду, будем соблюдать заповеди: это будет для нас неистощимым удовольствием, принося обильный плод правды со свидетельством совести.

2) Послушайте, братие, — не будем предаваться сну и нерадению, и тратить понапрасну время свое. Грядет час преставления; или не пришел ли уже? — и Ангел посылается за нами от Бога, который тотчас возьмет душу нашу и отведет. — Но куда? — Не ужасаемся ли, слыша сие? Не трепещем ли, помышляя о сем? Помня сие, св. мученики радуясь предавали тело свое на терзание, на отсечение членов, на сокрушение костей, воистину позор бывше миру, Ангелам и человекам (1 Кор. 4, 9); но за то потом увенчаны были. Преподобные же отцы наши, монахи святые, подвизались так, как бы тело было враг их, — голодая услаждались, терпя холод, находились как в тепле, терпя лишения, были как имеющие всего вдоволь; не вязала их любовь родителей; не отклоняла от намерения привязанность детей; не отвлекало расположение братьев; ни золото, ни серебро не было им вожделенно, ни хорошия одеяния, ни пища, тело разгорячающая, но и ели, и одевались они, чтобы только жить, и всякия лишения переносили, как бесплотные. Возревнуем подражать им и мы, злопостраждем всячески, перенося и голод, и холод, и поношения, и посмеяния, и всякие другие прискорбности, только бы не лишиться нам царствия небеснаго.

190.

1) Трудно нам: враг всюду строит козни на прельщение нас; но зная сие будем внимать себе и противодействовать. — 2) Воодушевляясь тем, что еще немного, — и внидем в покой. — 3) И вразумление почерпая из слова Божия и отеческих писаний. [31/, 19].

1) Велик у нас подвиг, трудно одолим враг наш, сильна его против нас злоба, ни ночью не спит он, ни днем не дремлет, и никакими сторонними заботами не развлекается, только все рыщет вокруг Богом собраннаго стада нашего, чтоб похитить какую неосторожную и неутвержденную душу и

поглотить ее. Вам ведомы козни его; блюдитесь убо. — Он возбудитель греха: вбрасывает помысл как удицу, прикрытую приманкою сласти. Вы же не будьте несмысленны, — как рыбы, по Апостольски сказать, не неразумей умышлений его (2 Кор. 2, 11), не прельщайтесь наружным видом, и обличив его коварство, отгоните его; и он, лишась успеха, с горечью возвратится во своя. Вот его искусительныя внушения: одному он так подлагает зависть, другому леность; тому переходение в другое место, этому гордость, или то и другое одному и тому же, всяким образом влеча в сеть смерти. Будем же внимать себе, и — Господа имея одесную души, Единого возлюбленного и вожделенного избежим его уловления. Да не тиранит вас гнев, данный только против врага — змия; и огонь похоти да не имеет у вас свободы разжигать сердца ваши на срамныя и неподобныя дела; но кротостию украсившись и облекшись в прекрасное безстрашие, любите друг друга.

2) Еще немного понудьте себя и блаженными наречетесь; еще мало елико — елико напрягитесь скоро тещи, — и достигнете града онаго небеснаго, пресветлаго и преукрашеннаго, где неописанный брачный храм девственных душ, где лоно Авраамово, божественный рай, царство небесное. Сей град содержа в мысли, будем воодушевлять себя к скорейшему течению по пути к нему, не обращая внимания на труд и утомление.

3) Внимайте Богодухновенным глаголам Евангелий, Апостолов, Пророков и душеспасительным писаниям Отцев, и ими питайте, и насыщайте души ваши. В делах же и трудах, кои каждому даны, благодушно пребывайте с терпением, братолюбием, взаимным помоганием и состраданием, да во всех и всем славится имя Бога нашего, Ему же служим и покланяемся.

191.

1) Терпением победим врага и сподобимся неизреченных благ ради коих мученики предавали себя на муки, а преподобные на всякия строгости самоумерщвления. — 2) Будем подражать им, удаляясь от всего худаго и ревнуя о всем добром и тем восходя к совершенству. [31/, 24].

1) В борьбе непрестанной состоите вы на поприще послушания, принимаете удары в лишениях и бичевания в приражениях прискорбностей, проливаете кровь в отсечениях воли своей. — Но мужайтесь, потому что этим вы уготовляете себе венцы, почести и награды за добрую победу. Противьтесь же диаволу, и бежит от вас; приблизитесь к Богу и приблизитесь к вам (Иак. 4, 7. 8.); облечитесь, как повелевает великий вселенныя учитель Павел, во всеоружие Духа Святаго, яко возмощи вам стати неподвижно противу козней диавола (Еф. 6, 11). Терпением вашим он и отражается, и побеждается, и долу повергается яко безсильный, и ногами вашими попирается: так что на вас исполняется обетование: наступати на змию и скорпию и на всю силу вражию. Ей, ей чада мои! Если еще немного поподвигаемся, то какия блага улучим какую славу, какое радование? — Уста не могут изрещи сие и ум постигнуть. Ради сего мученики, как овцы, предавали себя на заклание; ради сего преподобные облекались в строжайшие подвиги и совершили их.

2) Будемъ подражать им и мы, друг друга возбуждая на сие, и друга другу помогая. Да не будет среди нас, прошу вас смиренно, преслушания изгнавшего Адама из рая, ни возгордения пред вседержителем Богом, низвергшаго с неба денницу возсиявающую утром, ни чревоугодия, заставившаго Исава продать свое первородство, ни сластолюбия, чрез лукавую Далиду сделавшаго непобедимаго Сампсона посмешищем пред инородными, ни зависти, сделавшей Каина братоубийцею. Восприимем же паче добродетели, заимствуя примеры — у одного — кротости, у другаго — рвенія, у того — терпения, у этого — непобедимости, у инаго — братолюбия, у другаго

смирения, послушания и Боголюбия, да, будете сынами света и дня, и сонаследниками тех, коих жизни соревновали. Восходите, братья мои, восходите же высокую гору добродетелей, полагайте в сердцах своих восхождения Духа, будьте лестницами небесными, высьтесь, как кедров ливанские, вышних ища, горняя мудрствуя и там собирая ум свой, чтоб, застигши вас в таком настроении, конец здешней жизни прямо перевел вас в блаженный рай на жизнь нескончаемую.

192.

1) Воззовем и Господь избавит нас от рабства греху и врагам. — 2) Но избавлен быв, держись;— иначе опять попадешь в рабство: чего чтобы не пострадать, страх Божий имей и любовь к Господу, поддерживая их созерцанием дивных дел Божиих, творения, промышления и искупления. — 3) Если живо напечатлеешь, что пострадал Господь нас ради, то никакия прискорбности и лишния не поколеблют тебя и не отклонят от пути Божия. [31/, 25].

1) Еще и еще взыщем Бога и жива будет душа наша (Ис 68, 33). Прилежно воззовем к Нему и Он призрит на нас, как на древняго Израиля, и услышит вопль и стенание душ наших скорбящих. И хотя Моисея не пошлет, но Сам Собою всеконечно измет нас из рук мысленнаго Фараона и горькой работы страстям его. Пока мы состоим под греховным Египтом, дотоле неизбежно гонят нас и преследуют работные ему помыслы. Когда же призрит на терпение наше благий Бог знаменами и чудесами своего в нас присутствия, тогда иными нашими десятичисленными язвами изводит нас в землю безстрасия: и мы во вседовольном радовании поем Ему тогда победную песнь о своем освобождении.

2) Но ведайте и то, что иной опять предается врагам его, если вознерадит и не удержится твердо в первом благонастроении, господствовавшем в нем во время и после обращения: чего да не случится ни с кем из вас. — Начало и производитель внутренняго добраго изменения и твердости в нем есть вселение страха Божия в сердца, от познания и созерцания дивных дел и судеб Божиих, — именно того, как он из не сущих все привел в бытие, и притом единым словом, как свет устроил, как простер небо, яко свод, как собрал яко мех воды морския по написанному (Пс. 32, 7), как розлил воздух для дыхания всего живущаго, как солнце и луну, как два некия ока светлыя со множеством разнообразных звезд установил на тверди небесной, как извел из земли всякое древо плодовое, всякую траву и цвет, как повелел из земли явиться всем зверям, а из моря всем рыбам и птицам, как собственными руками сотворил праотца нашего Адама и поместил его в раю сладости, как определил восходить и заходить солнцу, — от чего у нас день и ночь, коими измеряется течение жизни нашей, — особенно от созерцания того, каково величие его, и какова бездна премудрости Его! Его единаго да боимся и пред Ним единым да трепещем. Но и возлюбим Его за то, что ради нас соделался Он человеком и во всем уподобился нам кроме греха, за нас предан был и отведен в судилище, за нас потерпел заушение, оплевание, осмеяние, бичевание, наконец распятие и смерть. Все сие потерпел Он, как человек, но и воскрес, как Бог, победив душегубца диавола и спасши свое любимое создание.

3) Кто после сего, помышляя, что Бог был поругаем, не примет всякое поругание не только без смущения, но и с радостию? Кто, поминая, как поносим и оклеветаем был Господь, не стерпит охотно всякое злословие? Кто, видя Господа, ударяемым в ланиту, не пожелает и сам с радостию потерпеть тоже и приняв удар в правую ланиту, не обратит для удара и левой? Кто, мысленно представляя Бога распинаемым, копием прободаемым, желчи и оцта вкушающим, не будет держать

себя готовым на всякую смерть? — Ей, чада мои! Ей, молю вас, распнем себя миру и страстям, и если нужда будет налегать, предадимь себя и на биение, а если не то, перенесем кротко хоть раны, словами причиняемая прободения от нареканий и напраслин и кровеизлияние от отсечения своих волей; и будем подобно Христу пострадавшими по человеколюбию Его. Возбудитесь все к нелепостному исполнению послужений своих; окрылитесь к молитвам, воспламеняясь в них огнем Духа, с изливанием слез, и со стенаниями смирения.

193.

1) Помня, чем кончится жизнь наша, будем ревновать об угождении Богу, подражая отцам нашим. 2) Хоть на деле сие мало в ком видно; но мы общим советом, при взаимном содействии, не отстанем от них, хоть не в полной мере. 3) К чему, если хотите, нет непреодолимых препятствий, потому что зависит от нашего произволения. [3/1, 28].

1) Познаем чада, что есть жизнь наша, кому служим во плоти сей, и к чему приводит таинство разрешения нашего с телом. Содержа же сие в уме, тщаливы будем в исполнении заповедей Божиих, и в содевании спасения своего неутомимы. Явим себя в роде сем безопасном ревнителями Богоугодной жизни, как в древния времена отцы наши, кои цвели здесь, как крин сельный, и как рай Богонасажденный, орошаемы будучи водами Духа, приносили плоды всяких добродетелей и друзьями Господними именоваться сподобились. Они угодили Богу, и чистыми пребывая в жизни и высокими питаясь созерцаниями, стяжали небо, и мудро пользуясь пришельствием своим на земле, с Ангелами составили единый хор и с Богом соводворились. 2) Кто ныне так шествует? Кто восходит на гору Господню, как написано? (Пс. 23, 3). Кто, взяв криле, яко голубине, летит Духом и почивает на горе совершенства? (Пс. 54, 7). Кто таков, что возсиявает во днех его правда? (Пс. 71, 7). — Но мы, общим советом и общим взаимным увещанием, восприимем труд и не отстанем от них.

Не допустим, чтоб и нас называли родом строптивым и преогорчевающим (Пс. 77, 8), родом, который не управил сердце свое; но напротив родом правых благословенным (Пс. 101, 2). Покажем в себе достойныя воздаяния добродетели, пойдем святым путем отцев наших, по ступеням их будем шагать, стадии их течения измеривать и житие их изслеживать, делам их соревновать и образу действия их подражать, хотя мало некако и малоподобно, на столько однакож, сколько достаточно ученику являть опыты подражания учителю своему. Они живописцы Богоподобного образа, художники добродетелей, мы же хотя тень их отобразим; они странники, станем странниками и мы; отечество их небо, — да будет и нашим отечеством вышний Иерусалим; стяжания их — заповеди Господни, тоже взыщем и мы; не связаны они были любовью к плоти и крови (родственной), не услаждались сластями века сего, того же пожелаем и мы. Они постарались и стали таковыми, употребим труд, и мы сделаемся такими же; чтобы, как в древния времена о том или другом разглашалось всюду, по причине дивной их жизни и до нас дошло, возбуждая нас на тоже, так и наше имя стало известно последующим родам для порождения благаго соревнования. А этого что блаженнее и что утешительнее?

3) И если хотите, никакого нет препятствия к тому. Тогдашний Бог и ныне тойжде есть: и Евангелие не устарело, и заповеди не изменились, и время не переделалось. Промышлявший тогда и ныне печется о всех. Ночь и день, сеятва и жатва не те же ли и ныне? — Сей Бог наш неизменный и непреложный, всегда такожде сый, как от начала, так и ныне хранит создание Свое, теми же лучами любви осиявая всех людей и не хотя смерти грешника во веки. — Не одинаковость же

изменчивость имеют причиною наше произволение; т. е. от нас зависит, — и это как в добрую сторону, так и не в добрую. Потому что препятствует и нам, ревностию к подражанию отцам возревновав, воспринять их подвиги и просиять их жизнью? Можно и нам, общежительно живущим, возблестать сим образом, если вместе с другими и мы явим жизнь нашу одинаковою с жизнью отцев. И будет сие, если паче всего понудим себя всяким хранением блюсти свои сердца от малейшаго уклонения от заповедей Господних.

194.

1) Вы как сад добрый, произращаете разные плоды добродетелей: смотрите же, не дайте себе завянуть. — 2) Теперь дни святые (пост), и все способствует к оживлению вашему духовному, и воздержание и службы, и чтения, и соревнование. — 3) Пользуйтесь всем; паче же мирны будьте.[31/, 29].

1) Для доброй земли весьма полезно благовременное орошение дождем, способствуя ей принести обильные плоды, потребные для питания живых тварей. Когда бы и наши недельныя поучения из смиренных уст моих исходят; также были полезны для умножения и возвращения хранящих честныя души ваши добродетелей, как там дождь для произращаения питательных плодов. Вы и в самом деле кажетесь мне похожими на рай, исполненный разнообразными произрастениями: один услаждает меня смирением и послушанием, другой питает меня прилежанием к делам своим; тот облагоухавает благоговейным нравом, этот восхищает высокими добродетелями, как кипарис, горе в высоту поднимая ветви свои; словом, каждый из вас отличается какою либо добродетелию, производя и соответственныя ей дела. Смотрите же, чада, никто не оставайся ничего не произращающим, не давай себе заглохнуть от жжения похоти, не будь и бесплодным от гордости съедающей всякий плод. Возревнуем и друг друга согревая, единодушно устроим себе столп от земли до неба, или стяжем небодосигающую добродетель.

2) Теперь дни святые, — и вы освящаетесь; пост и малоястие, — и вы очищаетесь и в душах и телесах; псалмопения стройныя и чтения, — и вы бываете лирою благозвучною, ударяемою Духом; собираетесь скоро на службы, — и хор Ангельский составляете; любовью объемлетесь, вон извергая зависть, и единым желанием движетесь всем совокупно записанными быть на небесах; не воюя друг с другом и искренно мирствуя между собою, вы подражаете единомыслию безплотных; об одном у вас забота, и в одном боретесь с другими, чтоб наилучше исполнить повеленное, — и есте потому сыны послушания; не стяжанием вещественнаго добра богатитесь, все имея и ничего не имея, как владыки мира и царствия небеснаго наследники.

3) Главное же то, что делам являете верность Пророческаго приговора: се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе? Почему я называю вас и миром благовонным, сходящим на браду Аарону, и росую Аермонскою, сходящею на горы Сионския (Пс. 132,1, 2. 3). Видите, какими именами украшаетесь и какими похвалами увенчиваетесь. Смотрите же, покажите, что не чужия имена носите, и жительствуете не недостойно похвал. И ныне получаете это от меня на словах, а тогда, — в будущем веке, — получите делом праведное воздаяние от праведнаго Судии и всещедраго Воздаятеля.

195.

1) Именоваться вам должно по имени духовных отцев ваших, и жить в едином духе иноческом по установленным правилам. — 2) Помните обеты при постриге; и будьте таковы и внешне и

внутренно: и это единое да будет отличием вашим от мирян. — 3) За сие Бог упокоит вас в Своих селениях дивных.[31/, 30].

1) Оставив родителей, братьев, родных и весь мир, пришли вы сюда, и соделались мне духовно чадами, преображая себя по Богоугодной жизни. Почему не следует уже называть и вам по имени того-то и того-то, родившаго вас телесно, но по имени духовных отцев и праотцев наших, показывая тем, что вы совсем отделились от естества и иное приняли рождение — духовное, — по произволению. Потом здесь никто своей води по своему мудрованию не имеет, но обще все мы едино мудствуем, все единомысленно к Богу устремляясь. И исполняется ныне и в нас повествуемое в Деяниях, что народу веровавшу бе сердце и душа едина: и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща (Деян. 4, 32). Понятно для вас, что слышите? — Испытайте же себя, тверды ли вы и непоступны (1 Кор. 15, 58). Говорю это за тем, чтоб внушить, что вам и мысли не следует допускать об отступлении в чем либо от порядков иноческих: это вражеское нашептывание. Напомню вам и еще одно: аще и подвизается кто, не венчается, аще незаконно подвизаться будет (2 Тим. 2, 5). И монах не достигнет совершенства и венца не получит, если будет поднимать подвиги не по установленным правилам.

2) Вы знаете и слышали часто, как оглашаются братия, приемлющие схиму. Смысл всего таков, что тут обет дается и завет полагается между Богом и человеком — алкать, жаждать, наготствовать, терпеть напраслины, поношения и оскорбления, а если потребуется, то и кровь пролить за Христа. Потому не чуждитесь, когда придется потерпеть что подобное, потому что подвергаетесь лишь тому, что терпеть обет дали. Разве детская шутка было то, что тогда говорилось? Да не будет. То священные слова, коим Бог свидетель и избранные Его Ангелы. Напротив, встречая то, радоваться должны мы, что представился случай исполнить частичку обещанного. Как для внешних красны похвалы, удовольствия и довольство: так для нас желательно и радостно противное тому. Это и схима нам показывает. Они о мирском радуются, а мы о Божеском; они о плотском, а мы о духовном; они о наслаждениях, а мы о воздержании. Что разделяет и отличает нас от них? Ужели вы думаете, что черная ряса и длинная борода делают монахом? — Никак. — Но вот кто есть настоящий монах, — тот, у кого со внешним видом согласуется внутреннее настроение и расположение, так что может говорить: я есть именно это, и не изменяюсь. Ей, ей, прошу вас, так мудруйте, — и восприимите воздержание, безмолвие, стихословие, взаимно друг друга почитание, исповедание, трудолюбие и всякое другое похвальное качество. Таковыя черты умножим в себе, — и будет, что принесем добрые плоды. Веякий соревнуй брату в добром и подражай ему без зависти. И — живу Аз, говорит Господь, — что прославляющих Меня прослаблю, — и уготовлю им место упокоения, страну живых, место селения дивна, (Пс. 41, 5). Буди вам услышать сие и увидеть свет мира, — и узреть Солнце правды, и насладиться неизреченною радостью Его: ибо Он весь есть сладость и желание. Помолимся же молитвою, и ревность к ревности приложим, да достигнем дня онаго светлаго на радость. Блаженна душа, стяжавшая Господа добрым житием своим и благоволительнаго благодетеля в Нем возымевшая, ибо Он примет и ее вечныя обители.

196.

1) Поучения говорят о главнейшем деле, — спасении души; потому слушать их должно со всем вниманием и желанием. — 2) Иначе внушения их не подействуют на душу; а если и подействуют, то на короткое время; потом совсем улечиваются. — 3) Будем же и слушать и хранить, и исполнять; и

пожнем благие плоды и здесь и паче в будущем веке. [3/1, 32].

1) Слово Божие проповедуемое, если войдет в душу трезвенствующую и бодренно заботящуюся о спасении, тотчас согревает ее и возбуждает к большему и совершеннейшему тщанию об исполнении заповедей; если же войдет в душу, как у меня, спящую, безопасно в зле пребывающую, то остается бесплодным, бездейственно в воздухе разливающимся. Почему, прошу вас, не смотрите на меня ничтожного, но на досточестность поучения церковного, потому что оно предлагает общепользные напоминания, не о чем либо малом, но о главнейшем деле, — деле нашего спасения: Как спастись нам? Как идти путем Божиим? Как избежать сетей вражиих? Как очистить себя от страстей? Как преуспеть в добродетелях, чтобы чрез то востечи на верх совершенства? Какия и сколькия добрыя дела должно сделать, чтобы улучшить Царствие небесное? — Такие содержа предметы, поучение наше должно быть желательно для вас и чтимо вами.

2) Ктому же, и так относясь к нему, едва можете вы какнибудь найти в таких беседах наших искомую пользу и получить ее. Ибо есть супостат, противодействующий нам во всем и отвлекающий нас от должного, если не к добру прислушиваемся к его худым внушениям. От сего бывает, что, поползновенное нанедолжное, естество наше не сохраняет поучений в одинаком к ним расположении или дорожении ими. Но выслушав какое либо назидательное сказание, или размышление об исходе отсюда вратами смерти в другую жизнь, или о предстании на суд, или о выслушании окончательного решения участи на вечные веки, как воздаяния за всю жизнь, тотчас приходит в сокрушение, вздыхает, плачет и стенает, а потом, лишь пройдет немного времени, как опять все забыто, и оно вместо сокрушения является ожестелым, вместо пролития слез предается смеху, вместо стенания рассеивается, вращая лицом и очами туда и сюда. И остается только взывать с Апостолом: окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея? (Рим. 7, 24).

3) О, не так, братия мои, не так. Но и слушать будем, и сокрушаться, и устремляться на лучшее, и огонь к огню прилагая, воспалять души свои любовью к Богу и друга к другу, взаимно друг друга возбуждая и поощряя к послушанию, смирению, трудолюбию, и ко всякому другому доброму деланию Ангельскаго нашего жительствова. Теперь мы только сеем и вследствие того трудимся, утомляемся и плачем; но спустя немного станем радоваться, потому что с радостию пожнем посеянное со слезами и сцарствовать начнем Владыке всяческих и Богу, если только усердно спостраждем в нашем самоотверженном послушничестве. — Почему я не престану взывать к вам, будем подвизаться, пока есть время, потрудимся еще немного, потерпим елико — елико, пока преидет эта сну подобная жизнь. И я дерзаю уверить вас именем Бога, что вы увенчаны будете, вступите в хоры небожителей и там начнете веселиться и радоваться в безконечные веки.

197.

1) Во время войны войны покоя не имеют, воюя; и успокоиваются, когда уже домой воротятся. И у нас война духовная, война на всю жизнь: покой от нея в другой жизни. — 2) Будем же воевать бодренно, ни в чем не уступая врагу, и не боясь его призрачных страхований. [31/, 33].

1) Для воюющих во все время, как ведется война, никакого почти не бывает отдыха, кроме схваток с врагами больших и малых: они то орудия приготавливают к делу, то сторожевые посты отбивают, то на разведки отправляются, а между тем мало спят, мало едят, всегда наготове, всегда под страхом внезапнаго нападения. Когда же, по окончании войны, воротятся во свояси, тогда только настанет для них время покоя, мира и радости, тогда и награды им за воинския доблести и дары царские

раздаются.

Тоже самое и у нас видеть можно: ибо разве мы не состоим в постоянной войне, и не держим воинских порядков? — Ей, говорю вам, и еще паче, чем те; ибо у нас все особенное: и оружия особенная, — не плотская, но сильна Богом, на разорение твердем (2 Кор. 10, 4); и враг особый, — падший дух — диавол, коего воинство составляют все отпадшие вместе с ним и чрез него, и с неба низверженные силы. Итак, не время покоя и беззаботной безопасности настоящее время наше, но время борьбы. Надлежит потому нам оградить себя всеоружием мысленным, и, восприяв меч духовный, вести бой. Когда потом пройдет определенное время борения, более или менее успешного, тогда подвигоположник наш и Бог полагает конец брани и воззывает нас из здешнего странствия и пришельствия в истинное наше местопребывание и отечество. О сем Закон, о сем Пророки, Апостолы и Учители пишут и сие описывают.

2) Известно вам теперь, братие, поприще, известна и брань. Будем же стоять мужественно и воевать доблестно. У нас со всеми неправостями — своими же — война: война с унынием, война с чревоугодием, война с многоспанием, война с похотию нечистою, война с празднословием, легкомыслием, смехом, продерзостию и со всякою другою нечистою страстию. Кто стоит не уступая борется и противостоит — отражением, непрестанною молитвою и откровением, — и, наконец, преодолевает врага и побеждает, — тот, как борец Господень, удостоится неувядаемого венца славы в Царствии Небесном. Прошу же вас, братие, своинники духовные, не дадим хребта, не дадимся в обман, не будем знать утомления, низлагая сопротивных, не убоимся его безсильных пугалищ и страшилищ.

Великое нечто и ужасное представляется он иногда готовящимся сделать, но для внемлющих это — воздушные призраки и тени. Не таковым ли оказался возставший некогда против Антония великого, иногда как змий пресмыкающийся, иногда как лев или волк, или другое какое опасное животное? Оказался он пред сим мужественным юношею тмою и прелестию, и отброшен молитвами его далеко. Когда по тому и против нас напустит враг что подобное, воздвигнет горы помыслов и стремнины страстей представит, не следует бояться; но осеним себя знамением животворящаго креста в мирном устроении, и он отбежит. В настоящее время, братие, терпения потреба, как сказано, будем же терпеть и подвизаться. Всякий из вас, смотри, как и куда направлять шаги: если делает что он по моей смиренной заповеди, или по уставу общежительному и притом с отсечением своей воли, благо ему; он вкушая не вкушает, пия не пьет, спя не спит, в мире сущи, выше мира есть, и в городе, как в пустыне, пребывает. Но об этом довольно.

198.

1) Мы на ристалищном состязании: надо усиливаться; иначе ничего не получим. 2) Не надо дремать: видите, один за другим отходят; спешите заготовить нужное для той жизни. 3) Великого дела ищите: быть в общении с Богом; и найдете. Как? Верностию обетам. 4) В пустыни это было легко: теперь вы перешли в город, и вам предлежит испытание. Не посрамитесь же. 5) Се сказываю вам, как вы должны держаться. [31/, 34].

1) Зная, что нам предлежит купля, цены не имеющая, — наследие царствия небеснаго и жизни нескончаемой, не будем нерадеть, не будем предаваться сну лености, пока живы будем в веке сем. Ристалище открыто; стадию очищены и размерены; награды разложены, и оценщики на местах. — Выступайте, борцы для состязания. — Тщаливый, рвеня исполненный, берет верх и венчается. А

ленивый не только лишается венцов, но и душу свою безценную губит и, отходя из сей жизни ни с чем, отсылается в муку вечную.

2) Не видите разве и не замечаете, как каждодневно то один, то другой возьмются отсюда и, послужив в жизни сей, отходят к Владыке своему: — и стар и мдад, — и царь и раб, — и Архиерей и иерей, — и настоятель и послушник? Кто искал здесь, обретает там; кто предпослал отселе сокровища, встречает их там; кто отрекся от всего здешняго, получает с избытком тамошнее. — Вам дана благодать убежать от мира и уединиться с Богом.

3) Вам предлежит близость к Богу и искреннейшее Ему служение в радости и веселии. Дело же ваше и ваш подвиг — пребыть верными обету своему. Почему, в каком состоите вы чине и какую проходите добродетель, в тех и пребывайте, не сдаваясь паче и паче, и души свои в храмы претворяя Владыке и всецарю Богу.

4) Что Бог приемлет вас в вашем благонастроении, заключаю из того, что вы такими же пребываете и переселившись из мест безмолвнейших (между горами) в шумные и многолюдные (в Царьград), из пустыни в город. И в самом деле, добродетель как жертву Богу приносящий, везде почитается, как золото, — и слава от него и ради его восходит к Богу. Взошла она и отселе. — Некоторые, — доброжелательно или недоброжелательно, — тоже самое говорили: а вот увидим, сохранятся ли они в своем настроении? — Но я надеюсь, что вы сохранитесь и удержитесь в нем, — и, среди города находясь, будете вести себя, как в пустыни, и среди городского шума хранить мир и безмятежие в душах ваших. И тут — то вам настоящее испытание; и вы воистину будете достойны удивления, если выдержите. Говорит негде св. Богослов: что дивнаго, что зима морозит и солнце светит? Они делают это произвольно. Так и в нас, не велика похвала безмолвствовать в пустыне, и в уединении блюсти безмятежие. Но другое дело в городе жить, как в уединении и, среди шумной толпы, быть как в пустыне. Благодарение Богу, по молитвам отца моего и отца вашего, сохраняющему вас неповрежденными и твердо пребывающими в своем чине.

5) Ваша слава и похвала в вас самих. — Поелику это так есть, то постарайтесь, выходя по делам обители, исполнять их в благоговейном настроении, являя богобоязненность и в походке, и в держании себя, и во взоре, и в обхождении, и в разговоре, и во всем. Ей, чада мои, ей, прошу вас. Не допустите, чтоб о вас сказали что неодобрительное. Много очей смотрят на нас, много уст говорят о нас и против нас. «Да не рекут же, где есть Бог их? (Пс. 78, 10)? Где добродетель их? И кто там руководит их? — Как они безстыдно держат себя, вращаясь туда и сюда очами и разливаясь смехом, будто блудница какая?» Смотрите, не причините беды всему братству, побойтесь Бога безсмертнаго! Но всякое слово говорите так, как бы оно самим Господом слышимо было, и всякое дело делайте так, как бы совершали его пред очами Его, на вас смотрящаго. Таким образом и состояние ваше будет достаточно; и сами вы, как светила, будете среди царствующаго града.

199.

В изречениях указываются добродетели и подвиги иноческие с внушением преуспевать в них. [31/, 35].

Великое для монаха оружие — воздержание: оно есть дверь ко всякой другой добродетели. Но послушание стяжавший есть подражатель Христов; смиренномудрый — Ангедоподобен; открывающий все свое духовному отцу чист, как солнце. Почему никто не скрытничай, чтоб не сделаться неисцелимым.

Ищите же полезного и такого, что располагало бы вас к смирению. Противного же сему ничего не допускайте.

Знаете, где мы и куда немного спустя преселимся, и чем будем по разлучении с телом. Потому будем внимать и трезвенствовать; ум наш всегда к Богу да отходит и созерцает там блага вечныя и блаженное наслаждение ими удостоенных того, равно как горькость участи попавших в ад, где страшныя и безмерныя муки.

Жив Господь и благословен Бог, — что мы не раскаемся, приняв святую схиму сию, оплевав все мирское и, как мечем, все отсеки плотское; ибо если пребудем в добром подвиге нашем, то будем торжествовать и веселиться вечные веки. Подвиг сей — пост, бдение, мужественная готовность на все, что требуется аскетическою жизнью; прибавлю к сему — благодушное терпение всех прискорбностей и напраслин, — поношения, заушения, изгнания и предания любви ради Божией. Подвизайтесь все, большие и малые, новые и старые, все теките добре, все всегда с готовностію спешите на бдения, на послушания и работы. Да изгнаны будут от вас леность, гнев, задорность, зависть, противоречие, подозрительность и все другия страсти. Преуспевайте же паче во взаимной друг к другу любви, духом горяще, Господеви работающе: упованием радующесея, скорби терпяще, в молитве пребывающе (Рим. 12, 11. 12).

200.

1) Ублажив братий за строгую иноческую жизнь и указав в этом черты мученичества, убеждает продолжать так, обнадеживая, что в будущем станут вместе с мучениками. 2) Уверая, что в будущем все, что лишаем мы себя здесь произвольно, получим в совершеннейшем виде, убеждает радоваться всем лишениям, и крепко держаться пути своего. 3) Помянув о смертности, приглашает готовиться к смерти; и просить молиться об умершем брате, не очистившем совести своей от любоимания (так как в келлии его нашли два сребренника), — назначив поклоны. [31/, 36].

1) Благодарю вас, — чада, что, по теплейшей любви к Богу, день от дня преуспеваете вы в угождении Господу, непрестанно благоговеинствуя, благожелательствуя, подвизаясь, воздерживаясь, довольствуясь тем, что дается, хлебом в меру и малостию вина, между тем не отставая от других в подъятии труда по работе, в неоставлении правила, в скорейшем пробуждении и приходе в собрание, в терпеливом стоянии до конца службы, — являя кротость, незлобие, безропотность: ибо ропшет ли кто, грех ему есть. Таковы подвиги проводящих послушническую жизнь в отсечении своей воли: в их мученичестве, вместо огня, котлов с смолою, стрел, когтей, мечей и крестов служат выше названные подвиги и еще следующие: поношения, безчестие, сухоядение, измождение плоти чрез воздержание, нуждение себя, терпение скудости во всем, в одежде, в обуви, в крове и во всем прочем, потребном для жизни. Поелику венцы нам предлежат за претерпение прискорбностей и страданий, то будем мужественно проходить наш мученический подвиг о имени Господа нашего Иисуса Христа, чтобы там обрестись в одном чине со святыми мучениками, где вместо здешних скорбей, лишений и стенаний воздано будет нам: вечною жизнью, радостию неизглаголанною и веселием неописанным.

2) Нет у нас здесь града, по причине нашего отречения и от родины, но там мы будем гражданами вышняго Иерусалима; называть кого либо отцем по плоти не следует нам, но за то в веке оном обретем Отца в Боге; безнаследны мы на земле, но там дастся нам наследие со Христом; в утешениях плоти пищею, питием и всеми другими чувственными удовольствиями мы отказываем себе, но вам

известно, что там будете наслаждаться тем, чего око не видало, о чем ухо не слышало и что на сердце человеку не восходило. Почему радуйтесь и, взирая на сие, не падайте духом, не разленивайтесь, не бойтесь ни настоящих, ни будущих трудностей, будь она еще тяжелее. — Но что я говорю? Хоть огонь, хоть меч, хоть смерть, все это ни во что вменяя, держитесь крепко пути своего.

3) По успению братьев наших видите, что и к смерти каждый час приближаемся мы: вчера один отошел, другой за несколько дней прежде, — при дверях уже и еще кто нибудь есть; а после него кто? — Может быть, я, да скажет всяк, — и начинай готовиться. — Поведать вам хочу и печаль души моей о брате Василии скончавшемся, что он отошел, не очистив совести своей, так как у него нашли два сребренника. Увы! какое ослепление! На чем удержал его диавол? Два сребренника почел ценными более царствия небеснаго. Не раз говорил я ему, что овол ли, или иглу, или писало, или другое что возмет кто и припрятет у себя, этим одним наполняет он все место греха. Вы конечно видели это и сами у св. Кассиана, который говорит, что, по св. Марку, один грех наполняет место одиннадцати (измеряя полноту грешности двенадцатью). Почитая нечто своим и имея то, он душу и сердце свое туда вложил: ибо где сокровище, там и душа. Где же отречение? — Помолимся убо о нем, и одну неделю будем каждодневно класть за него по три поклона и творить тридцать молитв, да простит ему Господь прегрешение его.

201.

Изобразив братьев совершенными во всех иноческих подвигах, прибавляет: будем на всегда таковы, делая каждый свое дело в свое ему время. [3/1, 37].

Призрением да призрит Бог на насаждение ваше и Сам Он, насадивший сей истинный виноградник ваш, да напоет вас водами Духа Святаго, и да возвращает в меру совершенства до всякаго истиннаго плодоносия. Меня же выше дело сие, выше немощи моей покусение на то. И кто есм аз, Господи, прилично мне взывать, и что дом Отца моего, что Ты так возвысил меня, сквернаго и нечистаго, недостойнаго быть и в ряду овец? — Но Он приемлет меня и долготерпит на мне ища и ожидая обращения моего и исправления. Ибо кто станет пред Ним и умилюстит Его о грехе? Кто упасет стадо Его в крепости? Кто так близок к Богу, чтоб приводить к Нему и других? — Я далек от этого, в мере расстояния неба от земли. — Но радуюсь, что вы право течете, и по заповедям Божиим шествуете, и, друг другу подражая в добром, все вкупе возвышаетесь в совершенстве. Во истину в вас пребывает Бог, благословляемый и служимый вами, и Дух Святыи почивает на собрании вашем. Хоростояние ваше — хорование Ангельское, псалмопение — пение безплотных, и все поведение ваше — поведение воистину небесное, в коем нет и тени плоти и крови, ни желания самовольнаго, ни попечения погибающаго, ни заботы суетной, ни утешения отверженнаго и ничего прельщающаго, и никого прельщаемаго; но все полно тишины и мира, одно у вас желание, одна воля, одна душа и сердце, одно течение, одно стремление — Бога достигнуть, одна жизнь, во истину вы — Богозванное братство, Ангелоподобное, которое во плоти суще, выше плоти есть и в мире суще, вне мира есть, по безстрастию. Вы достигли в добрыя меры и, шествуя царским средним путем, избегаете стремнин, кои по ту и другую сторону. Богоприятны ваши подвиги и ваше воздержание, ваш сон и бодрствование, молчание и говорение, труд и отдых, молитвы и моления. Если когда несколько поумереннее и понисходительнее к немощи своей действуем, но скоро опять беремся за строгость; если настоящий час немного разстроит нас, то следующий опять все поправит: настает утренняя, потом литургия, чтение жития святаго, поучение и опять приходит в свой чин, кто несколько отстранился

от него. И друг другу мы в помощь, друг другу — ограда; и диаволу нет места среди нас, при помощи Божией и молитвах отца нашего. Приидите же, емлемся каждый за свое служение; никто не твори дела Господня с небрежением, страшась кары, изреченной на пренебрегателя и ропотника. Все действуйте, наблюдая свое для каждого дела время. Когда время труда, трудитесь, а когда время отдыха, отдыхайте; когда время сна, спите; когда время молитвы, молитесь чисто, плачьте, проливайте слезы, ибо на плачь призваны мы; когда же время подкрепиться пищею, вкушайте с благодарностию предлагаемое; когда время говорения говорите разумно: ибо есть свое время каждой вещи, по слову Божию. Так проводящий дни, свои, шествует, добре шагая. В таковых делах и расположениях да утверждает, да укрепляет и да держит вас Господь Бог наш, во славу имени Своего Святаго.

202

1) Отсечением своей воли в жертву себя приносите Богу: будьте всегда таковы и во всем, и милость Божия выну будет с вами. 2) Только делайте все чисто, смиренно и благообразно. 3) Богатитесь добродетелями каждый по дару своему: ибо не всем все дается, но плодов от всего у нас причащаются все, потому что мы все — одно тело. [31/, 38].

1) Желая вам улучшить чаемые блага, и быть благоплодною и благоприятною Богу жертвою чрез послушание ваше: ибо вы, чрез отсечение воли своей, всегда закалаете себя в жертву и приносите ее на духовном жертвеннике в воню благоухания Владыке Богу. Почему божескою ревную ревностью, да будет непорочное ваше приношение и служение неотметно и не лишено благостынного благоволения Божия. — Будет же сие, если пребудете ревностны, терпеливы и постоянны в молитве, смирении, сокрушении, богомыслии, воздержании, в борьбе с сопротивными и преодолении их. — Молю убо вас, будьте таковы и терпите, теките и проходите стезями добродетелей, боритесь и побеждайте, — и получите венцы небесные.

2) Не вотще течете и не всуе трудитесь, но смотрите, не поткнитесь, и малыми какими поущениями нерадения и небольшими поскользновениями не низриньте с высоты упование ваше, и в конец не разорите духовнаго дома добродетелей ваших. Потому, как чистые все чисто делайте для чистаго Господа; все смиренно приносите, гордым противящемуся, Господу; все невинное и непорочное посвящайте жениху Христу. Слово ваше да бывает всегда, во благодати, солею растворено, ведети, как подобает вам единому комуждо отвещавати (Кол. 4, 6); нрав ваш да будет благостынею украшен, да даст благодать приближающимся; движение ваше, поступь и беседа да будут, как Богом управляемая, назидательны для видящих. Желая, чтоб все вы были, не как я, ибо я нечист и неразумен, но как святые отцы наши, как Акакий, как Досифей, как Авва Кир, как Антиох, как Петроний, а потом, как Евфимий и Савва, — приложу уж, — и как Антоний великий.

3) Итак, богатитесь добродетелями, наполняйте сокровищницу свою слезами, сокрушениями, долготерпениями, трудами, скорбями, по данной вам благодати: ибо один одно, другой другое имеет естественно и богодарованно. И если ты в одном превосходя, в другом уступаешь ближнему, не печалься и не завидуй: коемуждо бо якоже Бог разделил есть меру веры, так и есть. Впрочем никто не лишается ничего: ибо все вы едино есте многочисленное тело, и добродетели ваши взаимно переходят от одного к другому и обратно, по безмерной благости Бога, Который каждого из нас мыслит как всех, и всех, как каждого.

203.

1) Хвалю вас, что все оставльше, охотно течете тесным путем. 2) Радуйтесь сему; ибо воздаяние велико. 3) Ведая сие, мужайтесь все смиренно претерпевать, что прилучается терпеть, по порядкам жизни нашей. [31/, 39].

1) Хвалю вас пред Богом и людьми за вашу верность правилам нашим и ваше терпеливое следование по стопам древних отцев наших. Силою Божиею и содействием молитв отца нашего, вы возмogli воспринять наилучшую жизнь, и собравшись во едино, отчужденную от всех и всего проводите жизнь, отторгшись от плоти и крови и свыше от Бога родившись. — Так, еще живи суще, умерли вы произволением, и еще во плоти пребывая, к тому стремитесь, что выше плоти. Любовь к родителям не удержала вас и не держит, дом и родина не занимают более вас, и исполняется на вас слово Апостола: наше житие на небесех есть (Филип. 3, 20). Также опять, — вы скорби терпите, злостраждете день и ночь, поститесь, бдения совершаете, чистыми себя блюдете, плоть истощаете, боретесь с отсечением своих желаний. Это и есть тесный путь, вводящий в живот, по которому немногие ходят, между тем как по пути широкому и пространному, ведущему в пагубу, очень многие текут.

2) Радуйтесь же, радуйтесь и веселитесь, что великая сокровиществуется вам награда на небесах. Потому, если терпеливо пребыв до конца в послушании, улучите вы свет неизреченный, что сего вожделеннее? Если сподобитесь быть сожителями Ангелов, что сего блаженнее? Если соделаетесь обитателями рая, где нетление и всякое обилие вечных благ, где вода, текущая в живот нескончаемый, что сего дивнее и чудеснее? Если со всеми праведными явитесь сияющими, как солнце, сонаследниками Христа, что сего великолепнее? Если, при собрании всей твари пред страшным престолом Христа Бога нашего, когда Он явно приидет во славе, с безчисленными воинствами Ангелов, и когда одни услышат: приидите благословеннии, а другие: отыдите проклятые, вы окажетесь в числе первых, — что может сравниться с тогдашнею вашею радостью и изумленным восторгом?

3) Сего ради взываю к вам: будем доблестно переносить все настоящия прискорбности; будем мужественно противостоять брани плотской, и угашать огонь похоти, когда он возгарается в членах наших; будем терпеливо нести труды бдения, поста, послушания и работ ручных; будем охотно отсекаать воли свои, и смиренно переносить оскорбления братий; будем благоговейно выстаивать в церковных собраниях псалмопения и молитвы; будем терпеть нищенскую одежду и обувь; не будем любить славы человеческой; будем погашать гнев, прогонять уныние и леность, умерять порывы души, закрывать многоречивыя уста, приучая их говорить только нужное и полезное, — и все прочее делать, как подобает делать пред лицом Бога всевидящаго. — Над всем же сим да дарует нам Господь Бог наш, сильный и державный, и дивный во святых Своих, по молитвам отца нашего, единую душу и единое сердце, единым Духом сохраняя нас непреткновенными пред Ним.

204.

1) Удаляйтесь от всего, что может раздражать нечистую похоть, и терпите все неприятное: за что воздаяние велико. — 2) Сколько миряне терпят, служа суете? Мы же Богу служим царствия ради: как же нам не терпеть всего, случающагося с нами на пути сем. [32/, 1].

1) Хотел—бы я каждого из вас лично видеть, и по возможности с каждым побеседовать, болезнуя о спасении вашем. Но как гонение настоящее не позволяет делать это, то письменно прошу всех вас, — и вместе еще находящихся, и особенно рассеянных, — внимать себе тщательнее, ничего не

дозволяя себе кроме повеленного, особенно продерзости во взаимных отношениях; не размножайте слов с детьми, и тем паче с женщинами; если же нужда будет видеть их, или говорить с ними, делайте это со всевозможною осторожностью: горе ум, очи долу. Ибо Писание говорит: Девы не назирай. К спеевающей не примешайся (Сир. 9, 5. 4). Но как сознающие Бога присущим и назирающим всякое ваше движение и действие, — и телесное и душевное, — так держите себя и ведите, в какое место ни направились бы вы, благодарно перенося и все прискорбности по случаю гонения, в чаянии отложенного вам за терпение воздаяния. Ибо не обидлив Бог, забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его (Евр. 6, 10), с первого дня отречения вашего, когда оставили вы мир и все мирское: родителей, детей и братьев, род и отечество, и самое тело предали на несение тяготы послушания. — Как велико звание ваше! Как еще большее того готово вам воздаяние!

2) Не видите ли живущих в мире, как они крушатся и бедствуют: одни, сельским хозяйством занимаясь и подлежа народным налогам и требованиям, так что самим им едва остается что на содержание; другие, в военную службу поступая сухопутную или морскую, где нападают и подвергаются нападениям, поражают и поражаемы бывают. Мы же, свободны будучи от всего этого, сподобляемся служить Единому Богу живому и истинному. Не достаточно ли для нас этого к утешению, благодарению и радованию нашему? — Ибо, если будем жить внимательно, все делая благообразно и по чину, воздерживаясь от плотских пожеланий, кои воюют на душу, тотчас отражая приращения их и блюдя чистоту души, то несомненно сподобимся вечных благ.

205.

В Мясопуст надо не невоздержанию предаваться, а углубляться в чтенное Евангелия, и соответственное тому полагать намерение жить святее, да наследуем царствие небесное. [32/, 2].
Общий у верующих закон, в нынешний день (Мясопуст) людям житейским заговляться на мясо. Видим же мы что? Видим, что они ныне предаются неудержимому мясодействию и винопитию, а при этом и разным, игрищам и забавам о коих не леть есть и глаголати. Надлежало бы вкушать умеренно, что предлагается с благодарением Господу, приготавливаясь к предлежащему скоро более строгому воздержанию во всем; а они, повинуясь внушениям диавола, делают совершенно противное тому. — Вам же я скажу, что нам монахам не следует заходить туда даже помышлением, и желать вожделеваемого ими, что не желания достойно, а всякаго порицания и отвращения. — Напротив, владимся паче вниманием и размышлением в читаемое ныне Евангелие о великом и страшном дне второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, когда Он, яко Судия праведнейший, овец поставит одесную Себя и козлищ ошуюю; и к сущим одесную возгласит блаженное оное и желанное воззвание: приидите длагословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира; а к сущим ошуюю изречет горькое оное и поражающее решение: отъидите от Мене проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его (Мф. 25, 34. 41). О сем, страха, трепета и изступления исполняющем, решении помышляя, надлежит нам и им, припадая со слезами милостивлять милостиваго Бога, прежде, чем придет час испытать слышимое на самом деле. — Почему, между тем как те, так по своему проводят дни сии, мы, пришедши в чувство от слышанных евангельских проповеданий, положим в сердце с большим страхом и трепетом служить Господу нашему, всякое из души изгоняя зло, и всякое вместо того вводя доброе расположение, утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, и все другое доброе и достохвальное,

да, достойно Евангелия Христова поживши, наследниками быть удостоимся царствия небеснаго, во Христе Иисусе, Господе нашем.

206.

Хоть у нас всегда пост; однакож всякой да приложит что либо и еще в наступающий пост. Над всем же все восприимите щит веры и шлем спасения. [32/, 3].

Не будем отлагать день от дня исправления своего, как научает нас враг: не веси бо, что породит находящий день (Прит. 3, 28). — Се уже при дверех и вожделеннейшие дни св. Четырехдесятницы, дар поста вводящие. — Такое количество времени постился Господь наш, сим оружием победив искушавшаго Его искушителя. Мы же не так; но все дни жизни нашей проводим в посте: ибо у нас нет роскошных мясных яств, не спешим мы завтра выпить сикера, не ищем, где пиры бывают, не спим на слоновых одрах, не едим еще отдоеваемых молоком козлят, не пьем искрящихся вин, — что велегласный Исаия приписывает мудрствующим земная. Далеко все такое от благочестующих, и тем паче от честнаго нашего общежительнаго иночества. У нас и простых блюд немного и ничего при этом не бывает другаго, раздражающаго до безумия душу: но хлеб, и тот в меру, и некоторыя растительныя яства, и тех по немногу. Нас потому не устрасит всечестная четырехдесятница, так как диета ея почти что одинакова у нас с диэтою прочих дней. Впрочем и из нас каждый да прибавляет малое нечто в той или другой из наших постнических добродетелей: в пощении уединение с рукодельем, в послушании — несмущенность, в молчании уступчивость, в псалмопении тихую стройность. Тот с большим усердием пусть займется работою; этот да украшает молчание благовременностию; иной да будет в радость и утешение печальным братьям: ибо велика похвала говорящему, если он смягчает сердечную печаль брата; иной еще пусть умножит поклоны, или услужение, или нужныя распоряжения; и вообще никто не будь празден и без дела. Хоть и малое что приложит кто, благоприятно будет то Богу, если делаться будет с усердием, как показали то две лепты вдовицы; возмогайте также в бдении, в песнословии и во всяком благочинии. Над всем же сим восприимите щит веры, чтобы возмочь вам устоять против козней диавола и все лукаваго стрелы разжженные угасить, — и шлемом спасения покройте главу, утверждаясь во Христе Иисусе Господе нашем.

207.

Один одно, другой другое прилагает, по уставу, обще же всем да будет: ничего не делать по своей воле, и внимать себе, чтоб чрез помыслы не дать входа в себя врагу, и беспрепятственно преуспевать во всем добром. [32/, 4].

Благий Бог наш, дающий нам жизнь, и из года в год ведущий нас путем сей жизни, ввел нас по Своему человеколюбию и в настоящее время поста, в которое каждый из ревностных, как сказано, умножает подвиги свои, по своему произволению: ревнующий о воздержании постится по два и по три дня; ревнующй о бдении, столько и столько проводит времени в бдении; упражняющийся в коленопреклонении, совершает их теперь в большем количестве; иной с другими подвижническими деланиями делает тоже самое; и просто сказать, великую в дни сии можно видеть у всех ревность и усердность к подвигам. Но истинный послушник, всегда действующий по закону послушания, не в какое либо только время, но всегда имеет одинаковый образ подвижничества. Какой же это? Тот, чтоб не по своей воле шествовать, но управляему быть в своем действовании начертанием руководителя своего: что есть самый высший из всех ревностно проходимых деланий, и имееете за

собою мученическую диадиму. Так делают ревнители. Впрочем, кому неизвестно, что на этот пост, по изначальному преданию, уставом определено и для всех изменение яств, прибавление поклонов и увеличение псалмопения. Почему, прошу, примем с радостью дар поста, и не хмурясь, но с лицом веселым будем проходить его, в незлобии, в неосуждении, в безгневии, в безлукавствии, в беззавистности, наипаче же в мире и любви друг ко другу, в кротости, в послушности, в приумножении милости и плодов благих. Паче же всего будем держать бодренное внимание к прилогам помыслов, чтоб не отворить дверь страстям и не дать входа диаволу, как учит Писание, говоря: аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави (Еккл. 10, 4): ибо враг имеет власть подлагать помыслы, но не имеет власти входить. Мы сами себе господа; не отворим двери, и не войдет. Оградим же душу свою, как невесту Христову, и сохраним ее не уязвленную стрелянием помыслов; ибо чрез то можем мы соделаться жилищем Духа Святаго, и сподобимся услышать: блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). И вообще, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала сия, — говорю Апостольским словом, — и помышляйте и творите: и Бог мира будет с вами (Фил. 4, 8. 9).

208.

Постнические труды облегчаются навыком, при терпении и постоянстве; наипаче же богомыслием коего и предметы указуются. [32/, 5].

Как всякое начало трудно, так и начало поста, по случаю изменения в пище, и в предметах нашего действия, встречает некое неудобство и затруднение; но терпением и неотступностию в держании его они облегчаются и смягчаются, как и написано: всякое наказание (обучение) в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздаст правды (Евр. 12, 11). Почему и мы, удостоившись пройти одну неделю поста, как уже приобретшие некую опытность в нем, усерднейшими должны быть на продолжение его, ведая, что усердие сие мощными делает и душу и тело, как напротив разлечение легкое делает тяжелым и удобное затруднительным. Однакож и чрез меру напрягаться в подвигах своих не будем, чтоб с успехом в духовном соблюсти и здравие телесное. Ибо какая польза сначала быстро тещи, потом совсем ослабеть и остановиться? Но лучше тещи с расчетом и сдержанностию, имея в виду разстояние до конца течения. Поелику же целодневное напряжение усилия в труде и внимания обыкновенно поражает потребность в некоей льготе; то будем (и между делом, и в конце его) питать душу благим Богомыслием и духовными созерцаниями, помышлениями не о мирском чем и суетномъ, — смутительном и горьком, — но о небесном, улаждающем и обвеселяющем. Помянух, поется в Псалме, Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4). К Богу убо ум наш, к небесным созерцаниям, к красотам рая, к вечным обителям, к Ангельским ликостояниям, и нашему туда переселению, — к тому, где ныне души праведных и грешных, — как совершится явление Господа нашего Иисуса Христа, когда, по слову Божию, небеса прейдут, стихии разорятся, земля и яже на ней дела сторгят, — как душа восприимет опять тело свое, — каково будет оное собрание людей от Адама до скончания века, каково будет паче солнца блистающее, превожделенное и страшное лице Христа Господа, — какой глас Его услышим, — наконец, каково будет окончательное решение, праведных призывающее в царство небесное, а грешных отсылающее на вечныя муки. — Вот о чем надлежит нам помышлять и пещись, и в чем вращаться умом, яко вне мира сущим и ничего общего с живущими по плоти не

имеющим, — и от сих помышлений приходит в сокрушение и слезы, и просвещаться, научаясь проводить здешнюю жизнь мирно и безмятежно, в надежде сподобиться будущих вечных благ. 209.

1) Прежде всего благодарить Бога надо — за бытие, за усыновление через св. крещение, за монашество, за исповедничество пред иконоборцами. 2) И за веру, от которой все, и которая в разных степенях является, но для всех доступна, не смотря на худородие и невежество. [32/, 6].

1) Много добродетелей указал нам Бог, содействующих нам в деле спасения; одна из первейших среди них есть благодарение. Апостол Павел говорит: первое убо благодарю Бога моего Иисусом Христом о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире (Рим. 1, 8). И везде является он за все благодарящим Бога. Но как сам благодарил за все, так и всем заповедал: о всем благодарите; и чтоб не подумал кто, что это есть только его собственный добрый совет, присовокупил: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе (1 Сол. 5, 18). Говорится и в Лествице, что в молитве всему должно предшествовать благодарение: „ прежде всего изобразим, говорит, на хартии нашего моления искреннее благодарение Богу.» Сказав, что за сим должно следовать в молитве, св. Лествичник заключает: „сей образ молитвы одному из братий от Ангела Господня был показан» (Сл. 28, гл. 7). Возблагодарим же Бога, во первых за то, что привел нас из небытия в бытие, создав нас на дела благая, яже прежде уготова, да в них ходим (Еф. 2, 10). Возблагодарим Его за то, что Он ввел нас в усыновление через Святое Крещение, как говорит Евангелие: Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася (Ин. 1, 12. 13). Возблагодарим и за то, что даровал нам войти в монашескую совершеннейшую жизнь, предуказав ее в слове Своем некоему юноше: аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое ,и даждь нищим; и прииди (и) ходи в след Мене, взем крест (Мф. 19, 21; Мр. 10, 21). Возблагодарим и за то, что ввел нас в предлежащее исповедничество (по случаю иконоборства), не дав нам прельститься и впасть в еретическое заблуждение: ибо мы ведали и исповедали, что едиnorodный Сын Божий, прияв плоть, является описуемым по плоти, и имеет образ, и в образе сем поклонение приемлет. Сколько людей находится вне Евангелия в заблуждении и неверии? Сколько других, в числе Евангелие приемлющих, есть таких, кои заблудились о вере и потерпели крушение, как и иконоборцы, не исповедующие, что Христос описуется по плоти и имеет образ, и что образу Его поклоняться следует, и через то сами себя лишают спасительности Его воплощеннаго домостроительства? — Помышляя о сем, имеем мы, за что сердечно благодарить Господа, в благодарности в сокрушение приходит, в сокрушение слезы источать, в слезах просвещаться, в просвещении преуспевать в деле спасения нашего.

2) Возблагодарим Бога за веру, и за ту меру веры, какую имеем. Ибо вера едина есть сама по себе, но, по мере нашего объятія ея, бывает то велика, то мала. Так Господь говорит Петру: маловере, почто усумнелся? (Мф. 14, 31). В другом месте: о жено, велия вера твоя: буди тебе, якоже хочещи (Мф. 15, 28). И опять: ни во Израили толики веры обретох (Мф. 8, 10). Так вера то великою, то малой является. Но никто не говори: я простец, как мне возможно постигнуть веру? Всеблагий Бог на всех простирает лучи благодати Своей. — Что говорит Апостол? Видите звание ваше, братие, яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильны, не мнози благородны: но буяя мира избра Бог, да мудрыя посрамит: и немощныя мира избра Бог, да посрамит крепкая: и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит (1 Кор. 1, 27. 28). Не видите ли, как и к вам

приложимо сказанное? Не помните разве блаженного брата нашего Фаддея, не говоря о других? Не Скиф ли был он? Не рабом ли служил у людей? И в монашество поступил, не по освобождении ли от рабства? — А между тем каким явил он себя и в предыдущем, и в настоящем исповедничестве? — Поэлику он объял веру свою и объят был ею, и вместилище ее достолично, мужем совершенным явился, то сподобился и венцем мученичества украситься, переселясь отсюда в другую жизнь, три дня спустя после страдания. — Будем и мы таковыми же, не станем выставлять в предлог неучености своей, но будем искать познавать и увеличивать веру свою. И будет так, если добрая жизнь будет сопутствовать вере. Ибо вера, любовью споспешествуемая, совершает спасение наше. От обеих их — спасение души; и ни вера одна сама по себе, ни любовь одна сама по себе не спасают; но обе вместе, будучи соблюдаемы и сочетаваемы. Буди и нам так благонастроиться, да достигнем в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, и сподобимся со всеми святыми обетованных вечных благ.

210.

Воодушевлением к подъятию тяготы поста да служат: благотворность его, — при хранении впрочем мирнаго и любительнаго настроения; и великия обетования несущим труды его.[32/, 7].

Хорош пост, если при нем сохраняется настроение духа—мирное, кроткое, благостынное, благопослушное, смиренное, сострадательное, и всякое другое доброе расположение. Но диавол всячески ухитряется вложить в постящихся противное тому, явить их дерзкими, гневливыми, яростными, надутыми, и сделать, чтоб от поста было для них больше вреда, чем пользы... Но мы, не неразумевая умышлений его (2 Кор. 2, 11), будем вести себя мирно, тихо, кротко и благоустроено, терпяще друг друга любовью. Еф. 4, 2), ведая, что сие благоприятно Богу. Если же не будет в тебе таких расположений, то хотя бы ты в дугу сгибал выю твою, облакался во вретнице и пеплом посыпал главу, не будешь благоугоден Ему. Пост конечно утесняет и иссушает тело; но душу расширяет и разращает; темже не стужаем си; аще внешний наш человек и тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни. Еже бо ныне легкое печали нашея, по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделоваает нам (2 Кор. 4, 16. 17): так что, взирая на воздаяние, мы можем благодушно переносить трудности добродетели, благодаряще Бога и Отца, призвавшаго нас в прачастие наследия святых во свете: иже избави нас от власти темныя и престави в царство Сына любви Своея (Кол. 1, 12. 13). — Не причащаемся ли мы часто пречистаго Тела Его и Крови? А сего что может быть приятнее и усладительнее, когда в этом для причащающихся с чистою совестью жизнь вечная? Не беседуем ли мы каждодневно с божественным Давидом и с прочими святыми отцами чрез слушание чтений; а сего что утешительнее для души? Не расторгли—ли мы всякое сношение с миром и с сродниками по плоти; а этого что опять блаженнее и выше? Наше бо житие на небесех есть, отонуду же и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти ему сообразну телу славы Его, по действию, еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая (Филип. 3, 20. 21). Посему будем радоваться и веселиться, презирая всякое плотское удовольствие: всяка бо плоть, яко трава, и всякая слава человека, яко цвет травный: изше трава и цвет ея отпаде; дело же добродетели пребывает во веки. Злостраждет ли кто в вас? да молитву деет, как говорит брат Божий: благодушествует ли? да поет (Иак. 5, 13). Искушается ли кто злою страстию? — (так как искушитель никогда не перестает искушать нас, —) да терпит, слушаясь того, кто говорит: блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его (Иак.

1, 12). Аще сия весте, блажени есте, аще творите я (Ин. 13, 17).

211.

Наставление о мире и согласии; о любви к Богу горячей; о ретивом труде в содевании спасения; и вообще о подобающем иноческом житии. [3 2/, 8].

Радуюсь о вас, что в единомыслии шестуете, мирно живете и терпеливо переживаете время поста. Это во спасение вам, и в утверждение упования вашего. Коль великое благо в братстве мир и единомыслие? — Таковые, по удалении зла безчиния и непостоянства, противоречия и осуждения, непослушания и гордости, и всякаго другаго лукавства, во первых сами себе доставляют благо, а потом другим, подавая им пример добродетели, и чрез это стяжая еще более того: ибо как виновники соблазнов наследуют «увы,» так побуждающие к добродетели наследуют благословение. И да не будет нам когда либо отпасть от такого добраго настроения и от столь похвальнаго поведения, или престать от любления Бога.

Ибо написано: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всюю крепостию твоею, и всем помышлением твоим (Лк. 10, 27). Любящий таким образом не знает сытости, ни утомления, ни изнеможения; но паче огонь к огню прилагает, рвение рвением разгорячает, восхождение от добродетели к добродетели полагая в сердце своем, и от силы в силу духовную приходя, — и это непрестанно.

Не видите ли трудящихся по плоти, как трудятся они о преходящем и тленном? Не видите ли здесь пред очами вашими строящих судна, как они за этим проводят целые дни, и малаго не давая себе отдыха? Из-за чего? Чтоб заработать немного денег и домашним своим достать, что нужно для удовлетворения потреб их. Мы ли, ищущие обогатиться тем, что божественно, улучшить царствие небесное, насладиться вечными благами и избегнуть вечных мук, — мы ли не восхощем подъять для сего все с готовностию и рвением, охотно жертвуя и кровию, еслиб неизбежно было пролить ее за Господа.

Ей, братия мои, будем стоять бодренно, упованием радуящиеся, скорби терпяще, в молитве пребывающе, рукоделиям нашим внимающе, псалмопениям, стихословиям и чтениям, удерживая такими занятиями ум от скитания по предметам суетным: ибо безделие есть мать зла, а делание — охрана ума. Не дадим себе выступить из своего благонастроения, предпочитая послушание, благочиние, упокоение ближняго и все другое, что способствует к нашему спасению, моляся всегда и о здесь пребывающих и разсеянных в разныя места братиях наших: так как болит сердце мое и о них, не видя во очию, как каждый из них спасается.

212.

Говорю поучения по долгу; но чтобы плод был, помогите мне вашим преуспеванием при содействии поучений. — Ваше преуспеяние и мое есть: ибо мы одно. — Вы показали его исповедничеством пред иконоборцами и претерпением мук от них. Не посрамите же сей доблести своей. [3 2/, 9].

Иное требуется для содержания вас по плоти, и иное для содержания по духу: то дается экономом и состоит в пище, питии и одежде, а это мною смиренным, и состоит в слове и учении. И как то дается не по произволу, так и это исполняется по долгу: так что я ничего великаго не делаю, говоря вам эти краткия и скудныя поучения; напротив боюсь и трепещу, имея дать отчет о душах ваших, не царю, или игемону и архонду, но всех Судие и Богу, пред Коим поклонится всяко колено небесных, земных и преисподних, и всяк язык исповестся.

Но помогите, прошу вас, и себе самим и мне, как братолюбивые: самим себе преуспеянием во всякой добродетели, а мне вашими молитвами. Впрочем ваше преуспеяние и мое есть преуспеяние; и наоборот: так как мы одно тело есмы все, и уди от части (1 Кор. 12, 27); и аще страждет един уд, с ним страдают вси уди; аще ли же славится один уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 26). И как я пекусь о вашем, так вам надлежит пещись о моем: ибо я в вас, и вы во мне, в силу взаимной нашей любви. Таков закон благоустроения истинного братства.

Сохраните ко мне доброе послушание ваше не поддельным и не подложным, в коем вы родились для новой сей жизни, возрасли, усовершились и достигли, благодатию Христовою в меру исповедания Его. (—Это по случаю иконоборства). Не убоялись вы царей, не устрашились архондов, не отступили пред страданиями, ранами, изгнаниями, темницами, смертию и сделались чрез то именитыми, как известно всем. Не предайте же добродетели вашей, не постыдите похвалы вашей, и доброе имя да не преложится на худое прозвание, но на предыдущем похвальном называйте и последующее, всегда охраняя себя и внутри и со вне, и ограждая соблюдением заповедей, всякое искушение препобеждая, и всякую скорбь перенося терпеливо. Ведайте и то, что мы еще в подвиге и гонении состоим и не ведаем, что породит наступающий день. Впрочем, аще Бог по нас, кто на ны? Иже Сына Своего не пощаде, но за нас всех предал есть Его, како не и с Ним вся нам дарствует? (Рим. 8, 31. 32). Так уповайте, так уверены будьте; и жительствуя в сем уповании и в сей уверенности, получите, уверяю вас, наследие и часть со всеми святыми.

213.

Смерть близ: надо готовиться. Как? Все во славу Божию творить; быть единомудренными и взаимно—почтительными; хранить чувства; мысли обуздывать; ревновать о всем добром, в чаянии безстрастия. [32/, 10].

День за днем жизнь наша сокращается, и мы приближаемся к смерти. Нам предлежит преселиться от здешних и приложиться к братьям и отцам нашим; почему требуется от нас большое трезвение, внимание и приготовление сердечное. Слышим библейское сказание о потопе, и то, как Господь бывшее тогда применяет к имеющему быть в обстоятельствах Его втораго пришествия, говоря: как во дни Ноя ели, пили, женились, продавали, покупали, — и внезапно пришел потоп: так будет и в пришествие Сына человеческого (Мф. 24, 37—39; Лк. 17, 26—28). Дивимся, как тогдашние так безучастно и беззаботно относились к приближавшемуся потопу, а не паче призрашны и притрепетны были. Но посмотрим лучше, не находимся ли сами мы в такой—же беззаботности, в какой осуждаем тех. — У нас не готовится ковчег, строившийся сто лет; но мы каждодневно видим наполняемую усыпальницу, в которую сокроют и нас; почти каждодневно смерть похищает кого либо из братьев наших, и он отходит. Но бывающее при сем у нас гораздо страшнее бывшего тогда (во время потопа). Почему надлежит быть внимательными.

И я не говорю: не ешьте, не пейте, не одевайтесь, — не это говорю я, но аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите; безпреткновени бываете Иудеям и Еллинам и Церкви Божией, как учит Апостол (1 Кор. 10, 31. 32). Ей, братие, — прошу и молю, исполните мою радость, как опять говорит блаженный Павел, да тожде мудрствуете, туже любовь имуще, единомудушни, единомудренни, ничтоже по рвению, или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больше себе творяще (Филип. 2, 2. 3). Оградим охраною чувства свои: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, чрез кои входит смерть; обуздаем ум, чтоб не заносился, куда не следует,

не входил в неуместное, не живописал в себе образов худых, не зарождал пожеланий греховных от которых ни пользы, ни удовольствия. Напротив будем паче болезновать и сокрушаться, одно имея в виду и в одном находя утешение и удовольствие, чтоб очищать душу и преуспевать в безстрастии. Не будем унывать, имея надежду вкусить безстрастия и обрадования о стяжании ея; но поспешим, будем гнаться в след ея усиленно и непрерывно; ибо ревность исправляет и восполняет недостающее, и Бог помощником ея бывает. Близ Господь терпящим Его, и душа ищущая Его обрящет Его. — Так проводя жизнь, мы несомненно улучим царствие небесное.

214.

Помня о Боге, помни и о смерти. — Не привязывайся к жизни сей, и ни к чему, что ценится в ней. Сие наипаче требуется от нас отрекшихся от мира. [3 2/, 11].

Благотворно поучение, как спасительное напоминание, располагающее нас трезвиться и бодрствовать при совершении обязательных для нас дел, и никогда не переставать этого делать, и не отступать от помышления о Боге, ни от любления Его, ни от памяти о разрешении нашем от тела. Ибо вот–вот отрешимся от него и умрем, как все отцы наши, и переселимся в другой мир, в другую вступим жизнь, конца не имеющую. Здешняя жизнь тени и сну подобна, и ограничивается несколькими годами. Я разумею не время от сложения мира до конца века, но жизнь каждого человека, которая редко ныне доходит даже до Давидскаго предела, за сей–же предел еще реже заходит, как необычайное нечто... Все святые всю жизнь помышляли о сем. По вере умроша, как свидетельствует Апостол, не приемше обетований, но издалеча видевшие я, и целовавшие, и исповедавшие, яко страннии и пришелцы суть на земли. Ибо таковая глаголющии, являются, яко отечествия взыскуют. И аще бы оно помнили, из негоже изыдоша, имели–бы время возвратитися: ныне же лучшаго желают, сиречь небеснаго. Темже не стыдитесь сими Бог, Бог нарицатися их: уготова бо им град (Евр. 11, 13—16). Вот град наш! Вот отечество наше! В нем отцы и братия наши, и по плоти и по духу. Что–же мы еще считаем достойною целования здешнюю привременную жизнь? Что привязываемся к обычаям ея? Что не желанным находим исход из нея? — Неразумно не желать возвращения с чужбины во свояси, или от войны обратиться к миру. Мы же, братия возлюбленные, как разумные, как на это именно отрекшиися от мира и всего, что в мире, и ушедшие от них, будем всю жизнь держать помышление о смерти, и помышлением сим отражать всякое похотение, всякое нерадение, всякое расслабление, всякое уныние, всякое зло, дабы, делая таким образом богоугодное Господу, соделаться нам наследниками небесных благ.

215.

Мир дал нам Господь, обязующий нас внешне со всеми быть в мире, а внутренне мирствовать в себе от страстей и угрызений совести. [3 2/ 12].

День воскресный — день мира; ибо в него Господь победив врага, сказал ученикам: мир вам! (Ин. 20, 20). Сказав же сие, Он не им только дал в наследие мир и не на один день; но всем всегда возглашает такой же мир, как и нам смиренным. Будем же иметь мир, и мирствовать в себе. — По внешнему человеку, не дадим себе иметь неприязнь к кому либо из братий, но во всем любительно расположимся: ибо говорит Господь: о сем разумеют вси, яко Мои есте ученицы, аще, любовь имате между собою (Ин. 13, 35); по внутреннему–же человеку, будем хранить мир и покой от пагубных страстей. Тогда и мы можем говорить с Апостолом: мир имама к Богу Господем нашим Иисус Христом. Имже и приведение обретохом во благодать сию, в ней же стоим: и хвалимся упованием

Славы Божия (Рим. 5, 1. 2). Поелику же мы изменчиваго есмы естества, то случается нам подвергаться бедственным и прискорбным колебаниям и волнениям. Тогда тотчас поспешим войти в прежнее наше состояние, мир имея к Богу: Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино, и средостение ограды разоривый: вражду плотию своею, закон заповедей ученми упразднив: да оба созиждет во единого новаго человека, творя мир: и примирит обоих во едином теле Божови крестом убив вражду на нем (Еф. 2, 14—15). Так говорит Апостол. И сие—то есть то дело, которое совершил Господь, как говорит к Отцу Своему: Дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю (Ин. 17, 4). То есть, я примирил земное и небесное, — соделывая и нас сынами мира и любви. Если кто скажет: как—же это; разве мы не в непрестанной войне? как говорит Апостол: несть наша брань к плоти, и крови но к началом, и властем, и миродержителем тмы века сего, к духовом злобы, поднебесным (Еф. 5,12). Такому имеем сказать, что слова сии указывают на брань, какова и колика она есть, а не на то, что мы ведем ее: ибо он—же говорит в другом месте: оружия воинства нашего сильна Богом на разорение твердем, помышления низлагающа, и всяко возношение взымающеся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово и в готовности имуще отмстити всяко преслушание (2 Кор. 10, 4. 5). В таком—же находящийся настроении, явно, подавил брань, и мир водит.

216.

Слушать надо поучения, и, поверив им, исполнять то, что они внушают. [3 2/, 13].

Обязательное для меня предношу вам и ныне житомерие слова, краткое и скудное, но не отложное, чтоб и мне не быть осуждену за молчание, и вам не лишиться никакого назидания. Ибо хотя вы большею частию назидаетесь бываете чрез чтение святых отцов, однако имеете нужду и в моем смиренном научении, — дерзаю даже сказать, что в нем более, чем в том: ибо там идут общия разсуждения, а здесь говорится нечто прямо к лицу относящееся, обличительное и исправительное. Обличу, говорит, ты, и представлю пред лицом твоим грехи твоя (Пс. 49, 21). И Господь: аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели: ныне—же извинения не имут о гресе своем (Ин. 15, 22) Да не будет, чтоб это можно было отнести и к вам: ибо я беседую с вами, не как с непокорными и повинными в грехах, но как с сынами послушания, как с возлюбленными чадами, как с единомышленными сотелесниками и споборцами, — да благодумствуете, да преуспеваете, да будете чисти и непреткновенни в день Христов, исполнени плодов правды Иисус Христом, в славу и похвалу Божию (Филип. 1, 10. 11). И слово мое — для вас. Уповаю, что древле источивший воду из камня для Израиля и из моего каменнаго сердца источает краткое слово, коим бывая орошаемы, благодарим Господа, питающаго, напоющаго и направляющаго жизнь нашу в настоящем жительстве, как в пустыне. Но как вспомнилась нам древняя история, то остановим немного внимание на случившемся тогда с непокорными, о коих Апостол говорит: Но не во множайших их благоволи Бог; поражены бо быша в пустыни. Сия же образы нам быша, яко не быти нам похотником злых, яко же и они похотеша. Ни идолослужители бывайте, якоже нецыи от них: якоже есть писано: седоша людие ясти и пити и восташа играти. Ниже соблудим, якоже нецыи от них соблудиша, и падоша во един день двадесять три тысящи. Ни да искушаем Христа, якоже нецыи от них искусиша, и от змий погибоша. Ни ропщите, якоже нецыи от них ропташа, и погибоша от всегубителя (1 Кор. 10, 5—10). О сем помышляя, братие, будем бегать причин гнева Божия, будем бегать злой похоти, будем бегать ропота, будем остерегаться искушать Христа. — Но как можно Его искушать? — Впадая в помыслы неверия и говоря: достанет—ли нам нужнаго для наших потреб? —

Снесем ли брань от врага? Перетерпим ли то и то? — Не так, братия мои, не так. Это слова неверия и сомнения, которым не следует давать место. Ибо уверовав твердою верою, мы все можем перенести. Так Ной уверовал, и избег пагубы потопной; так Авраам сделался отцем многих народов; так :Моисей перешел чрез Чермное море, как по суху; так три отрока и Даниил пророк остались невредимыми; и одним словом сказать, — так все святые оправдались. Так и мы, веруя, все перенесем и со Христом победим, и венцев правды сподобимся.

217.

1) Освободившись от уз житейских, мирских и греховных не допустим себе опять возвратиться к ним. — 2) И никто не думай совместить работание Богу с рабством греху и страстям. [3 1/, 14].

1) Нерадение наше отгоняя и ревность возбуждая, Апостол сказал: Господь близ; ни о чемже печетесь, но во всем молитвою и молением, со благодарением прошения ваша да сказуются Богу (Фил. 4, 5. 6). Не будем-же нерадеть, но да крепимся и мужаемся на делание дела, к коему призвал нас Господь. Ибо это Он призвал нас из обще народного пребывания к монашеской жизни, это Он облек нас в ризу спасения и одеждою веселия одел; это Он искупил нас от клятвы законныя, быв по нас клятва. В свободе убо, еюже Христос нас свободи, будем стоять и опять под иго работы не отдадим себя (Гал.5, 1). Не допустим себя опять стать добровольными рабами страстей. Раб, златом искупленный, никак не согласится опять поступить в рабство; но куда нибудь подальше удалившись от места своего рабства, радуется там, что сподобился освободиться от рабскаго тиранства; хотя рабство не есть уже что либо особенно злое. Ибо Апостол говорит: раб ли призван был еси? да не печалишия; но аще и можеша свободен быти, больше поработи себе. Призванный бо о Господе раб, свободник Господен есть; такожде и призванный свободник, раб есть Христов (1 Кор. 7, 21. 22). И однако все-же верно, что освободившемуся не желательно опять жить под игом рабства. — Кольми паче мы, освобождены будучи от греха, должны, как можно, дальше держать себя от него. Или не знаем, что он нам наделал? Не он ли изгнал нас из рая? Не сделал-ли он нас смертными вместо бессмертных? Не ввел ли в эту многоплачевную жизнь? Не чрез него-ли было и бывает всякое зло? Будем-же избегать его, как злейшаго врага; возненавидим его, как достойнаго ненависти. Возлюбим-же паче добродетель, как делающую людей Ангелами, и даже более того, — богами, как написано: Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси (Пс. 81, 6).

2) Но в чем существо добродетели? — В отвращении от мира и в прилеплении к Богу. Никто-же может, говорит Господь, двема господинома работати... Не можете Богу работати и мамоне (Мф. 6, 24). Не можем мы добродетели прилежать и греху: ибо кое общение свету ко тме? (2 Кор. 6, 14). Ктому-же заповеди Христовы легки и облегчающи; а грехи тяжелы и отяжеляющи. Тяжко-же паче то, что мы напрягаемся совместить противоположности и полагаем возможным и к плотским похотениям благоволять, и духовными деланиями заниматься с успехом. Но обратимся к себе: если мы достигли в миру совершенства, благодарение Богу, от Коего всякое даяние благо и всяк дар совершен; и позаботимся пребыть твердыми, страхом Божиим себя соблюдая неизменными и непреложными в добрейшем благонастроении нашем; если-же нет, и во многом недостаточны, то поспешим и напряжемся достигнуть совершенства, пока есть еще время для делания, — верою утверждаясь, надеждою окрыляясь, любовью связуясь, смиренномудрием украшаясь, послушанием обвеселяясь, терпением испытываясь, исповеданием просвещаясь и всеми другими деланиями свидетельствуя о себе, что есмы истинные монахи, неложные послушники и искусные во Христе

рабы Господни.

218.

1) Внимательно надо слушать слово Божие: ибо отсюда всякия духовные расположения. — 2) Так поступали все святые, и дали свидетельство о благих плодах сего. — 3) Будем и мы так поступать помня, как облагодетельствовал нас Господь.[3 2/, 15].

1) Все люди имеют и очи, и уши, но не все слышат и видят, а только те, у коих есть ухо слышащее и око видящее. Почему и Господь сказал: имей уши слышати, да слышит (Мф. 11, 15). О тугих на ухо и пророк говорит: даде им Бог дух умиления, очи еже не видети, и уши еже не слышати (Ис. 6, 9; Рим. 11, 8). Итак внимательно, а не просто, как попало, будем слушать, что читается нам, чтоб не подпасть угрозе, но паче, чтоб мы могли сказать: наказание Господне отверзает уши мои (Ис. 50, 5). Так слушающий внимает, сокрушается, очищается, просвещается, радуется, все здешнее почитает тению, все уметы, да Христа приобрящет, когда слышит Его говорящим к ученикам: не оставлю вас сиры, прииду к вам (Ин. 14, 18). И опять: вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам (Ин. 15, 14). И опять: еще мало и мир ктому не увидит Мене, вы же увидите Мене: яко Аз живу и вы живи будете (Ин. 14, 19). И опять: вы есте пребывше со мною в напастех моих: и Аз завещаю вам, яко же завеща Мне Отец Мой Царство, да ясте и пиете на трапезе Моей в Царствии Моем (Лк. 22, 28—30). Такое и толикое слыша, боголюбец готов бывает каждый день охотно умирать за Христа.

2) Так жительствоваши все святые, и такими решимостями торжественно изъявляли любовь свою к Господу. Иеремия говорит: аз же не утрудихся, Тебе последуяй, и дне человека не возжелах (Иер. 17, 16). Св. Давид говорит: что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми? (Пс. 115, 3). Апостол: говорит: яко вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати (Фил. 1, 29). Таким же образом и все Апостолы радовались, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти, говорят Деяния (Деян. 5, 41). Словом, каждый яз святых такими воззваниями изъявлял зельную любовь свою ко Христу Господу.

3) Будем—же и мы, братие, внимательно слушать читаемое, и любовию возлюбим возлюбленного Бога нашего, всегда благодаря Его за все, содеянная Им для нас, блага, — что избрал нас от начала во спасение во святине настоящего звания нашего, — что даровал нам служить Ему в православной вере, — что нам предано, как некая трапеза обильная, учение святых. Благовременно убо нам Апостольски сказать: аще Бог по нас, кто на ны? Иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его: како убо не и с Ним вся нам дарствует? Кто поемлет на избранныя Божия? Бог оправдаяй, кто осуждаяй? Христос Иисус умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствует о нас (Рим. 8, 31—34). Ходатайствует пред Богом и Отцем, Который и дарует нам вечное Царствие.

219.

1) Будем поминовения совершать, не внешне только, но и духовно;— 2) поминая при сем, что и мы отойдем; и—3) воодушевляясь тем готовиться к отходу. [3 2/, 16].

1) Вчера совершали мы поминовение отца нашего, и совершили достодолжно; ибо дети духовныя должны воздавать должное отцу своему. Однакож не должно думать, что в деле поминовения достаточно, совершив поминальня службы, утешиться телесно, но надлежит и духовныя пораждать утешения. Телесное утешение, приведши в движение чувства на короткое время, отлетает, а духовное ненасытимо и неотходно. Если кто из вас поплакал, если кто умилился, если кто

сокрушился сердцем, тот сумел добре совершить память отца или брата. Вспомните прежние дни, когда мы имели отца присущим нам, беседующим и соображающимся с нами, потом представим себе, где он ныне, с кем пребывает и с кем соображается, — он и каждый из братьев наших почивших. — Не это-ли, и помышляемое и слышимое, приводит всегда душу в восхищение?

2) Обратимся после того и к себе самим, и помыслим, не отойдем-ли, спустя немного времени, и мы отсюда, и от других будем поминаемы, как теперь поминаем сами предшественников своих? Ей, так есть. Такова участь наша: человеки есмы смертные, — не ведающие, что будет завтра. Ибо что есть жизнь наша? — Пар, на мало являющийся, потом исчезающий; цвет весенний, утром раскрывающийся, а к вечеру увядающий. Человек, яко трава дние его, яко цвет селный, тако оцветет (Пс. 102, 15). Человек суете уподобися: дние его яко сень преходят (Пс. 143, 4). Всяка плоть сено, и всяка слава человека, яко цвет травный (Ис. 40, 6); возсия солнце со зном, и изсуши траву, и цвет ея отпаде, и благолепие лица ея погибе (Иак. 1, 11). Так увянем, так преидем отселе, как сказали святые. Это их уподобления, сказанныя пред сим.

3) Но блажен разумевай; блажен взыскуй Бога (Пс. 13, 2). Блажен каждодневно нудящий себя на труды и поты послушания, — не противоречивый, не ропотливый, благопокорный, скорый в делах, не нерадивый в служении, сокрушенный сердцем, и всегда готовящийся к исходу. Приидет бо, приидет конец и не закоснит. Приидет страшный день смерти; приидет и царский вестник, с небес снизшед, — и речет душе: „ну, теперь выходи, требует тебя Царь и Бог всяческих.» Но буди нам, молитвами отца нашего, обрестися в готовности в час тот и без страха взятися отселе и прейти в жизнь вечную.

220.

1) Конец четырехдесятницы поставляет нас пред лице Пасхи; но и вся жизнь наша стоит пред лицом Пасхи, не временной, а вечной, неизмеримо лучшей. — 2) Взирайте на нее, припоминая, что сказано ней Господом, и воодушевляясь на подвижнические труды, подражая святым. — 3) Змию-же лукавому, покушающемуся обманом смануть нас на красное и сладкое для плоти, не внимайте. [3 2/, 17].

1) Четырехдесятница приходит к концу, и душа радуется о приближении Пасхи, как о времени отдохновения и вкушения плода от подъятых трудов. Но зачем провозгласилось у меня такое слово? — Затем, чтоб напомнить, что и вся жизнь наша обращена лицом к вечной Пасхе и ждет приближения ея. Здешняя Пасха, хотя велика и досточтима, но она, как рассуждают отцы наши, есть только образ той Пасхи. Здешняя Пасха побудет день один, — и проходит; а та непрестанная есть Пасха, откуда отбеже болезнь, печаль и воздыхание, где радость, веселие и утешение вечное, где глас празднующих и лики торжествующих, и света присносущаго видение, где блаженный пир Христов, полная вечных благ трапеза и питание новое, о коем сказал Христос: глаголю вам, яко не имам пити от сего плода лознаго, до дне того, егда е пию с вами ново во царствии Отца Моего (Мф. 26, 29).

2) О царствии же сем, имея взятися на небо, сказал Он ученикам Своим: иду уготовати место вам; и аще пойду и уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе, да идеже есм Аз, и вы будете. И аможе Аз иду, весте, и путь весте (Ин. 14, 2–4). И в другом месте опять говорит: в той день уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне и Аз в вас (Ин. 14, 20). И в ином месте опять: Отче, ихже дал еси Мне, хошу, да идеже есм Аз, и тии будут со Мною; да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира (Ин. 17, 24). А чтобы дать разуметь, что не об

Апостолах только были слова сии, но и о всех верующих, сказал Он опять: не о сих—же моллю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут (Ин. 17, 20. 21). Что утешительнее сих слов? И что убедительнее? Какую не может умягчить сие душу? Какое сердце не сокрушит? Каменным справедливо назвал—бы иной такое сердце, а не человеческим. — Помышля о сем, святые благодушно претерпели все, что терпели, почитая скорби радостями, тесноты — простором, страдания — наслаждениями, труды подвижнические — утешениями, смерть — жизнью. Почему и мы, так как к одной с ними стремимся цели и той—же ищем Пасхи, будем переносить мужественно все находящее неприятное, но падая под тяжестью его и не малодушествуя, но паче возбуждаясь к пламеннейшей ревности.

3) Змию—же лукавому, разнообразныя устрояющему против нас козни с помощью наших страстей, преобразующемуся в Ангела света и вещи преобразующему в то, чем они не суть, показуя тму светом и горькое сладким, не внимайте. Так прельстил он прародителя нашего, обворожив его зрение и показав ему прекрасным не прекрасное, и затем чрез вкушение извергши его из рая. Но мы, зная, по опыту, что он лстивый обманщик, не дадим себе выступить из рая заповедей, и когда покажет он нам плод красивым, не остановим на нем ока души нашей и тела нашего, но всячески будем избегать воззрений на него, чтоб не прельститься. Что—же это за плод, кажущийся красным? Плотская любовь, злое похотение каждой из пагубных страстей, чего избежав, спасени будем и сподобимся со всеми святыми праздновать вечную пасху.

221.

1) Как после зимы разцветает и плоды дает царство растительное: так душа, после лишений, скорбей и притрудностей духовно разцветает и приносит плоды духовные, коими услаждается и питается Господь. — 2) Будем—же переносить все прискорбности и тяготы жизни нашей подвижнической, чтоб принести плоды, Господа усладить ими и напитать Его: ибо сего ничто не может быть блаженнее. — 3) А что это так бывает, Сам Господь удостоверил: как же не переносить всякую прискорбность жительства нашего со всякою радостию [32/, 18].

1) Зима прошла; наступила весна, и видим тварь Божию оживающею: растения разцветают, земля покрывается зеленью, пернатая распевают, все прочее обновляется, — и мы тем наслаждаемся и славим премудраго Художника вездеских — Бога, каждое лето как—бы пересозидающего и преобразующаго тварь свою, осязательно удостоверяясь чрез сие как невидимая Его от создания мира творенми помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество (Рим. 1, 20). Нам впрочем не следует на этом одном останавливаться, но далее простирать мысленный взор свой, и в самих себе увидеть отображение происходящего в тварях. — Как? Чрез следующее сравнение: как этой видимой твари обновление причиною имеет зиму, в которую земля и все, что на ней, подвергается неприятному влиянию снегов, дождей и бурь; так бывает и с душою; что если она, прежде не перетерпит зимы скорбей, лишений и бедствий, то не даст цветов, не даст и плодов, а если претерпит все такое, то приносит ожидаемые плоды и получает за то благословение от Бога, как написано: земля пившая сходящий на ню множицею дождь, и раждающая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога (Евр. 6, 7).

2) Будем—же и мы переносить всякую скорбь, всякое лишение и всякое искушение, видимо и невидимо нападающее на нас в этот проходимый нами пост, в алчбе и жажде, и во всех прочих злостраданиях, чтоб явиться плодоносными и получить благословение от Бога; и не это только, но и

чтоб напитать и странноприятъ Господа Иисуса: ибо как мы услаждаемся видением твари зеленеющей, цветущей и плодоносящей, так Он — видением души нашей, духовно цветущей и плодоносной. — Какие-же это плоды? Любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 22. 23). Вот чем Он питается, чем услаждается. И блажен так питающий Его, потому он и Им за то будет питаем вечными благами. Блажен так странноприемлющий Его, потому что он и Им странноприят будет в царствии небесном. Земного Царя если кто примет в дом свой, как много радуется и веселится? — Не тем-ли паче, приемлющий к себе Царя царствующих и Господа господствующих?

3) А что Он действительно приемлется, сие видно из Им Самим сказанных слов: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к Нему приидем и обитель у Него сотворим (Ин. 14, 23). И опять: имей заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам (Ин. 14, 21). — Если таковы обетования, то будем не переносить только все, но и с радостью сие делать, слыша, что говорит Апостол: ныне радуюся во страданиях моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти Моей за тело Его, еже есть церковь (Кол. 1, 24); и что говорит Св. Иаков: всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение ваша веры соделовае терпение; терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершени и всецели, ни в чем же лишени (Иак. 1, 2—4). Видите-ли что в искушениях — радость и в скорбях — веселие? — Так жили святые; так понудим себя жить и мы, чтоб, понудясь по следам их шествовать, за то вместе с ними царствие небесное наследовать.

222.

Перечислив подвижническия добродетели, в коих кто особенно преуспевал в пост, — прилагает: пребудьте таковыми на всегда не изменяясь с переменою времени. [3/2, 19].

Се уже на самых последних пределах поста находимся: ибо, как видите, кончается он. Из древних времен дошедшия до нас письменныя свидетельства удостоверяют нас, что в это время возвращались обратно в свои обители блаженные отцы, в пределах св. града Иерусалима, в пустынях проводивши св. четыредсятицу, и как начатки теперь приносившия в дар великодаровитому Владыке и Богу высокия добродетели, в каких кто преуспел, наипаче в сих пустынных подвигах. Немалое что и не недостойное приносите и вы, каждый по силе своей: один приносит госпожу всех добродетелей — любовь, другой Богосветлое смиренномудрие, тот христоподражательное послушание, этот неусыпное трезвение в молитве и псалмопении на бдениях, иной особенное усердие в исполнении рукодельных трудов; не недостойны похвалы и — пресечение рассеянности, удержание неблагоприятных взираний, скромность в походке, благоразумие в ответах и взаимнообращении; не стану говорить об обуздании дерзости, об отложении многословия, о воздержании в пище, об отгнании многоспаяния, о внимании к стихословиям, и, наконец, что следовало-бы поставить на первом месте, о блаженном и мученическом отсечении своей воли, которое, как единую истинную жертву, паче всего требует от нас Господь. Каждое из исчисленных качеств есть доброе и преподобное приношение; и дерзаю сказать, что из вас никто не явится тощ пред лице Бога, но всякой свое добро принесет. Наздали вы, таким образом, на основании своего подвижничества, золото, серебро и камень честное, — дела несгораемыя на огне будущего испытания, а не такая, которыя Апостол уподобляет сему, дровам и тростию (1 Кор. 3, 12), каковы — грехолюбие, рабство

страстям, срамословие, срамомыслие, тайноядение, лжесловесие, враждолюбие и другое все, подобное сему. Так как вы, в немногие постнические дни, соделались обладателями таких духовных сокровищ, то не попустим себе сгубить их, с переменою, или по причине перемены времени, не поддадимся супостату и противоборцу нашему. Но пусть изменяется время и дни настанут ины; но вы в своей покорности воле Божией и в своей к Нему любви пребудьте неизменны. Или, пожалуй, будьте изменчивы, только изменением благим, меньшее совершенство заменяя большим, из искры делаясь светильником горящим, из звезды изменяясь в луну, из луны преобразуясь в солнце. Только не стойте и назад не обращайтесь к утехам мира, преходящим как сон, но подвергающим вечному горению в огне. Итак прошу, как доселе пребывали вы в богоугодном благонастроении, так спразднуем и праздник Ваий, и совершим отверстие врат монастырских, приемлем имеющих войти к нам, и свидание, и беседу с нами устроим так, чтобы все послужило во славу Божию, и чтобы видящие вас сказали, что Бог есть в вас, как в Храме Своем, по божественному Апостолу (1 Кор. 3, 16). — Так действуя, мы и Святую великую Пасху спразднуем Богоугодно, сообразуясь страстем Христовым и светом воскресения осияваемы бывая.

223.

1) Напоминает о каком-то событии, яко искушении для всех, добре всеми пережитом. — 2) Указывает как идет искушение на грех, и как сообразно с тем надо противодействовать греху: прилог отгоняя и прочее. — 3) Чтобы и прилога не было не надо возвращаться на прежнее даже и мыслию, а внешне строго держаться порядка доброго поведения. — 4) Паче всего берегитесь оставлять обитель. — 5) Обще-же, все у вас благообразно и по чину да бывает, — делайте все как пред Господом. — 6) Кончился пост; возблагодарим Господа; но не перестанем улучшаться. [3 2/, 20].

1) Сказал Господь в Евангелии: Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя (Лк. 22,31. 32). Таковое нечто и над нами смиренными случилось. Но всеблагий Бог не оставил нас опечаленными быти паче нежели можем, но сотворил с искушением и избытие, яко возможи нам понести (1 Кор. 10, 13). Вы знаете, о чем я говорю. Принял я ваше братолюбное спострадание, как богоугодное, спасительное и похвальное, по сказанному от Апостола: Се сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание? Но ответ, но негодование, но страх, но вожделение, но ревность, но отмщение; во всем представисте себе чисты быти в вещи (2 Кор. 7, 11). Такое ваше расположение есть истинно братское, какого требует и слово истины; ибо говорит: аще страждет един уд, с ним страждут вси уди; аще-ли славится един уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 26).

2) Ты же посмотри мне, какво тщание и рачение у диавола; как он, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8), кого схватить, как ловитву, отчасти, или всецело. Ибо он, когда ухватит кого отчасти, не довольствуется тем, но все простирается на худшее, пока не причинит смерти греховной, — именно: во первых покушается он сделать, чтоб мы приняли прилог, потом чтоб в сердце замыслили что либо худое; осквернив же и заразив таким образом душу, он соблазняет ее выступить из пределов естества, и делает ее безумною, безсловесною и слепую, стремящуюся к недолжному: вместо света ко тме, вместо сладости к горести, вместо жизни к смерти. Такова беда от искусителя. — Мы же, братие, всяким хранением будем блюсти свои души, не давая места диаволу, но тотчас отгоняя самый прилог; если будем побеждены в этом, по крайней мере, не осквернимся

сочувствием; если и тут потерпим неудачу, то не дадим себе долго пробыть в этом настроении, чтоб не склониться на грех.

3) Случается—же сие с нами от прежних пристрастий и от воспоминаний. Но будем бегать пристрастий, будем бегать юношеских воспоминаний: ибо заходить туда и там бывать воображением, что другое есть, как не возвращение сердцем в Египет, чего берещись нам надлежит по внутреннему человеку; относительно—же внешнего делать то, чему учит Апостол: всяко слово гнило да неисходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышашим. И неоскорбляйте Духа Святаго Божия, имже знаменастеся в день избавления. Всяка горечь и гнев ,и ярость, и кличь, и хула, да возмется от вас со всякою злобою. Бывай—те же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам (Еф. 4, 29—32).

4) При этом будем избегать оставления обители, как причины падения. Увы! Братья твои внутри двора, а ты вне? Братья твои в безмолвии, а ты в суесловии? Братья твои покоятся, а ты переходишь с места на место, туда и сюда? Отсюда соблазны; отсюда падения. Овца оторвавшаяся от стада, чему подвергается? Не добычею ли зверей бывает она? Так и отбегающий от братства. Но да не будет сего братия, отнюдь да не будет.

5) Все же благообразно и по чину да бывает у вас; все со вниманием и осторожностью; все как пред лицом Господа, видящаго и сокровенное наше и явное, и что днем и что ночью, и все что бывает по всякому движению нашему телесному и мысленному; да будем таким образом не преткновенны и Иудеям, и Еллинам, и церкви Божией. — И об этом довольно.

6) Поелику—же четырёхдесятница кончается, то дадим славу Богу, сподобившему нас совершить ее и давшему нам силу подъять обычные в продолжении ея подвиги. Се труд прешел, а награда пребывает; тело утончилось, но потучнел дух. Тучнейте и освящайтесь паче и паче, и всесовершен ваш дух, душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится (1 Сол. 5, 23).

224.

1) Не перестанем вспоминать о страстях и воскресении Господа, чтоб не быть уловленными от страстей. — 2) Теперь весна, оживляющая все плотское: будем—же осторожны и строги к телу. — 3) Постом потрудились; но когда прошел пост, — не конец трудам: надо всю жизнь трудиться над собой. — 4) Будем же так делать. [4, 1].

1) Сподобившись благодатию Христовою совершить Св.Пасху, возьмемся опять за дела свои, так однакож, чтоб и работать, и вместе вспоминать о животворящих страстях Спасителя нашего Иисуса Христа и славном воскресении Его: ибо никак не следует допускать, чтобы, с минованием Пасхи, миновала вместе и память о сем. Но всегда будем приводить пред очи ума спасительныя страсти Господа, Его распятие, погребение и воскресение, дабы, непрестанно занимая ум такими предметами, были мы неуловимы для страстей. Если же когда, по не вниманию, и уловлены будем, то поскорее воззрим на распятого Иисуса, Господа славы, и тотчас возсияет исцеление душам нашим. Так и Израиль древле, когда ужалием был змеями, воззрев на меднаго змия, и тотчас исцелялся (Числ. 21, 11—19). Известно же вам, что злые помыслы ужаливают подобно змиям, вливая в душу яд, который со всем тщанием надлежит поскорее изъять, как только это случится, чтобы промедлением не сделать раны трудно излечимою.

2) Видите, теперь весна. Она есть родительница крови (а кровь—плоти). Плоть же похотствует на духа, как и дух на плоть (Гал. 5, 17); так что усиление плоти ослабляет дух, а усиление духа ослабляет плоть. — Будем же осмотрительны и, в употреблении пищи, питья, сна и всего другого, станем держать строгую меру, чтоб иначе тело не взяло верха над душою, а напротив, чтоб душа одерживала победу над телом.

3) Бегущий на ристалище, не когда одну или две стадии пробежит, провозглашается победителем, а когда пробежит все (и первым прибежит к назначенной черте). Так и мы, не когда сороклетнюю, или пятидесятую (проведем как должно, уже победители есмы); но, говорю вам, что, если всю жизнь свою не пребудем в бдительном подвиге, то не избежим сетей диавола и победной награды не получим.

4) Почему еще и еще добрым подвигом подвизаться будем, еще и еще будем проливать пот для стяжания добродетелей, еще и еще утесним плоть, еще и еще поработим тело, еще и еще будем прогонять страсти, всегда мертвость Господа Иисуса на теле своем носяще (2 Кор. 4, 10), всегда осуждение смерти сами в себе имея (2 Кор. 3, 7). Ибо, конечно, и мы умрем так же, как отцы наши и братья, и преставимся отселе, — и отыдем в места странные, и увидим виды, которых не видали. Страшно слово о сем и в изступление приводит имеющего ум. — Почему в страхе и трепете пребывая, будем в строгом порядке держать свои чувства, и всячески оберегать себя от суетного слышания, от вредного видения, от изнеживающего запаха, и от всякого опасного шага, всех себя всецело посвящая Богу Святому, да благоугодив Ему, наследниками соделаемся вечных благ.

225.

1) Пасха прошла, и страстная прошла; но радование пасхальное и память о страстях Господа должны быть живы в нас; чтоб, живя, мы не себе жили, но умершему за нас и воскресшему Господу. — 2) Посему и после пасхи надо пребывать в подвигах духовных не придумывая никаких к уклонению от того оправданий. — 3) Укоряет что, говорил им, чтоб не сходились особно в тайных местах, а некоторые все же делали это; и указывает, как себя вести; когда сходятся вместе открыто для беседы; и как держать себя во всякое другое время. — 4) Внушает поминать добрых братий отшедших, и подражать им, приводя в пример брата Дометиана [4, 2].

1) Пасха прошла, и праздник кончился; но радование или празднование, если хотите, не прошло: ибо духовно нам должно всегда радоваться и праздновать, по слову Апостола: радуйтесь всегда о Господе; и паки реку радуйтесь (Филип. 4, 4). И страстная седмица прошла, но память о страданиях Христа Спасителя нашего да будет у нас всегда нова и жива, т. е. память о том, что Господь славы за нас распялся и погребен и воскрес в третий день, совокресив и соживотворив и нас с Собою, да мы живущи, не ктому себе живем, но умершему за нас и воскресшему (2 Кор. 5, 15), так, чтоб с дерзновением могли говорить словами Апостола: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос: а еже ныне живу во плоти, верую живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне (Гал. 2, 20. 21). И вот какой вывод из сего Таинства: надлежит нам быть мертвыми для мира и жить для Единого Бога.

2) Посему и после Пасхи должны мы трезвиться и бодрствовать, молиться и сокрушаться, слезы источать и просвещаться, всегда мертвость Господа Иисуса на теле носить, каждодневно умирать произволением, всегда разлучаться мысленно с телом и отходить ко Господу, чрез удаление от мудрости плоти. — Не говори: теперь не сороклетница: для трезвенствующаго всегда

четыредесятница. Не говори: ужь я давно подвизаюсь, и имею нужду в упокоении: здесь на земле нет покоя. Не говори: я устарел в добродетели, и не боюсь: страх изменения и падения никогда не должен отходить, ибо многих устаревших в добродетели низвергал сатана в ров греха в одно мгновние времени; так что мняйся стояти, да блюдетсЯ, да не падет (1 Кор. 10, 12), и мняйся добре охраненным быть, да блюдетсЯ, не оставлен ли без всякой охраны. Да будет же у нас всегда охранение, и внимание, строгая мера и во сне, и в пище, и в питии, и во всем другом, чтоб тело всегда было под гнетом и в порабощении, дабы иначе оно, как юное жребя, взыграв, не низвергло нас в стремнину греха.

3) Я наказывал вам в недавнем поучении не отособляться и не оставаться на едина в скрытных местах, а некоторые из вас все же были в них опять. Что хотите? с палицею ли прииду к вам, или с любовью и духом кротости? (1 Кор. 4, 21). Всяко я говорил, и вы не послушались; всяко видели вы, что брат ваш понес за это епитимию, и вы не удержали себя. Внимайте, чтоб кто не впал в тот же род греха. Не напрасно и не везде говорятсЯ поучения. Несть бо нестроения Бог, но мира (1 Кор. 14, 33). Вся убо благообразно и по чину да бывають (1 Кор. 14, 40), да о всем славится в нас Господь. Оттуда и отсюда сходящиеся братия, внимайте себе, где и как сесть, и как сообращаться, не как получившие разрешние на вся, но как связанные Духом, не как никем не назираемые, но как назираемые Господом, видящим всякое движние и всякое действие ваше; не кружитесь туда и сюда, как влекомые, но будьте как отдыхающие в странствиях своих; внимайте рукоделию, молитвам и псалмопениям вашим; ничего не сокровиществуйте себе здесь сребролюбно, но довольствуйтесь тем, что есть. Ибо Господь Сам сказал: неоставлю тебе ниже презрю тя (Иис. Нав. 1, 5); так что у нас всякой с дерзновением может говорить: Господь мне помощник и не убоюсь что сотворит мне человек (Пс. 117, 6).

4) Поминайте о братиях ваших, ихже взирающе на скончание жительство подражайте вере их (Евр. 13, 7). Таков блаженный Дометиан, котораго мы воспели, и память котораго со святыми. Какую куплю совершил он? какую жизнь провел? — Не многими трудами и подвигами какое стяжал он вечное наследие? Был он человек бедный и незначительный по плоти; но поелику избрал он себе добродетель и возлюбил Бога; то Бог и возвысил его, по слову Писания: токмо прославляющия Мя прославлю; и уничижаяй Мя безчестен будет (1 Цар. 2, 30). Радоваться и веселиться надлежит о таких братиях. Но какая от этого польза, если мы не привнесем к сему нечто и с своей стороны? Привнесши же по силе своей, будем иметь часть со святыми, во Христе Иисусе, Господе нашем. 226.

1) Будем держать себя, в мире бывая, так, чтоб заграждать уста тех, кои охочи хулить наш образ жизни. — 2) Воодушевлением к сему да будет любовь к Господу, воодушевлявшая всех святых. — 3) Если мы поддаемся иногда увлечениям, то это бывает по хладности любви нашей к Господу, которую потому и следует нам подновить и усилить. [4, 3].

1) Радостию радуемсЯ, смиренные мы, видя вас каждогодно приходящими сюда и, как бы вторую Пасху, празднуем пришествие ваше. Но как вы приносите нам плотское, каждый — что рука его обрела у себя; так и мы, как—бы в некое уравнение, предложим вам духовное. — Итак прошу вас именем Господа нашего Иисуса Христа, ходите достойно звания монашескаго, достойно исповедания, исповеданнаго нами, и гонения, претерпеннаго за Господа, житие ваше имуще добро в мире, да о немже клеветуют вас, аки злодеев, усрамятсЯ видя на деле ваше доброе поведение (1 Петр.

2, 12). Постараемся как для себя самих, так и для противящихся истине, твердо благоустроенною представить жизнь нашу, благое во взаимнообращеньях соблюдая поведение и в добрых начинаниях руководясь добрыми правилами. В церковь ли собрались, будем соблюдать правило Апостольское. Кийждо вас, говорит Апостол, псалом имать, учение имать, язык имать... вся же к созиданию да бывают (1 Кор. 14, 26); или проходим куда по нужде, — будем проходить благоговейно, чтобы на лице нашем как-бы благодать некая просиявала в назидание видящих; или с женщиною случится вести беседу, будем говорить с нею с полным вниманием, скромно сдерживая очи от воззрений, чтоб не приять остна и стрелы в сердце.

2) Одним словом, все должно делать во славу Бога, возлюбившаго нас и предавшего Себе по нас (Гал. 2, 20). Коего любовь в изступление приводит любителя, не попуская ему принадлежать себе, но одному тому, кого любит он: что можно видеть и на любящих себя душевно, или плотски. — Когда муж любит жену, то всего себя предает любимой, ею одною как-бы дыша, о ней непрестанно мечтая. Хоть на солнце ему укажи, не захочет смотреть на него, а только на свою вожденную, хоть трапезу предложи, не захочет принять в ней участия, от желания быть с одною любимицею. — Но что краше Владыки Христа? Что сладостнее блаженной любви Его? Не есть ли Он щюсет добротою, паче сы-по& челотческих? (Не. 44, 3). Не есть ли Он сладость, и весь желание? (Пес. пес. 5, 16).

Показывая сие, т. е. теплоту любви своей к Нему, святые зывают — кто: имже образом желает елень на источники водные: еще желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41, 2); Кто опять: люби Божия одержит нас суждших сие: яко аще един за всех умре, то убо вси умроша: Христос же за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему (2 Кор. 5, 14, 15). Вот какую любовь возлюбил Бог мир! И вот как сильно и неудержимо Сам возлюблен был святыми!

3) Мы же, поелику любим Его не горячо, то бываем пленяемы помыслами злыми и пожеланиями плотскими, встречая потом скорбь вместо удовольствия, горечь вместо сладости, тревоги вместо мира. — Но пробудиться и отрезвиться надо нам, братие, и очистить душу от таких пагубных пожеланий, чтоб возметь обитателем своим Христа: ибо где чистота, там Христос. Такова блаженная и вожденная жизнь; и, так жительствуя, наследуем мы Царствие Небесное о Христе Иисусе, Господе нашем.

227.

1) Постом собрали вы духовных благ; теперь постарайтесь хранить их. — 2) Для сего не надо предаваться беспечности, а строго внимать себе, и действовать с бодренною осторожностью. — 3) Бегать греховозбудительных случаев, хранить чувства и особенно украшать помыслы. — 4) Если не будете так делать, впадете в грех; грех-же сколько наделал и сколько делает нам зла? [4, 4].

1) Время призывает нас после Праздника опять к собеседованиям и обычным поучениям; и я приступаю к сему с усердием, ведая, что на сие учинен есмь, и что горе мне, если не буду возвещать вам слова истины, сколько сил есть. — Чтоже сказать мне вам в настоящее время? Скажу, что как, пред сим, во св. Четыредесятницу, каждый из вас, собрав духовное богатство, как в некую пристань, вступил во Св. Пасху, неся с собою многия и добрыя приобретения добродетелей, как то: пост, бдение, молитву, трудолюбие и другия подобныя рачения преподобныя: так теперь предметом заботы и попечения вашего, — не кое-какого, — должно быть, сохранение всего того.

2) Ибо не следует предполагать, что как бывает в видимой чувственной пристани, так и в духовной. Там, как только вступил кто в пристань и установился, предается бездействию и беззаботности на

счет морских волнений и других бедственных случайностей: здесь же напротив, от покоя плоти сильнее разсвирепевают страсти и духи злобы нападают неукротимее, как бури какия: дух блуда, дух чревоугодия, дух любостязания, дух лености, дух печали, дух гордости. А при этом очень уместен страх, как бы и в пристани не пойти ко дну. Взглянул некогда Св. Давид неосторожно на жену Урии, и что пострадал, знают читающие (2 Цар. 11, 1 и 4); яде Иаков и насытится, и отвержеся возлюбленный, говорит Писание Втор. 32, 15); осызал некто безсоветно, возгорался похотию, и родил беззаконие.

3) Слыша сие, внимай; бегай мест и видов опасных по греховозбуждению; свяжи строгими правилами и глаза, и слух, и обоняние, и вкус, и осязание, ястие и питание, и сон, чтоб не потопили тебя волны страстей. Ведать также надлежит, что плывущий по чувственному морю, невольно подвергается бурям и треволнениям; переплывающий же мысленное море есть господин и бури, и тишины. Ибо если он мужественно отгоняет неуместные помыслы, то исполняется тишины, соплавателем имея Святаго Духа, как повествуется о св. Арсении. Но у кого чувства распущены, и кто не мешает подниматься в себе похотям на подобие волн, — тот сам для себя возбуждает злейшую бурю; и если он скоро не укротит взволновавшихся помыслов, то дойдет до того, чтоб жалобным гласом взывать: приидох во глубины морския, и буря потопи мя (Пс. 64, 3). Я хочу сим сказать, — да господствует добрый помысл и лучшее да не препобеждается худшим; да властвует дух и да ведется он к лучшему.

4) Или не знаете, что наделал грех? Не ввел ли он в мир смерти? Не растлил ли землю? Не наполнил ли вселенныя гробами, от начала мира доселе? — Ибо человек был нетленен до преступления заповеди? и ничего из сказаннаго еще не было на деле, пока первозданный пребывал неуклонно верным данной ему заповеди. Он и вечных мук есть виновник; он и неугасимаго огня геенскаго есть поджожка; он и червя нескоячаемаго есть пища; он человека в чести сущаго сделал подобным скотам несмысленным. Поелику он так многобедствен и смертоносен, то надо бегать его, сколько сил есть; и избрать добродетель, которая людей являет Ангелами, сопротивляется демонам, прогоняет все страсти, и наконец царствие небесное получает в награду, которое достигнуть буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего.

228.

1) Не предавайтесь беспечности: ибо смерть всегда близка; а по смерти суд и воздаяние. — 2) Если земному царю служащие со страхом усиливаются исполнять все, и большое, и малое; не тем ли паче так поступать должны служащие Царю Небесному? — 3) Будем же усердно исполнять все, и по богослужениям, и по послушаниям; особенно же мирны будьте между собою, и притом искренно. [4, 5].

1) Длительность настоящей жизни не скуку, или разлечение и нерадение должно пораждать в нас, но паче рвение, и ревностнейшее тщание о благоугождении Богу, так как мы всегда близки к смерти. Никакой раб, приближаясь к господину своему, или посланник к пославшему его дать отчет не предается беспечности, но столько бывает озабочен, что кажется вышедшим из себя. — Что другое и мы? И мы приближаемся к Господу нашему, лучше же сказать, Господь приближается к нам, и страшное судилище Его, на которое все предстанем нагими и открытыми, чтобы дать отчет о пережитом нами, и получить за то или царство вечное, или муку вечную. Помышляя о сем, кто может предаваться беспечности? и не паче ли сильнее огня возгорится всяк рвением творить волю

Господа своего, чтоб не оказаться таким же, как оный раб, что связанный по рукам и ногам извержен был из брачного чертога? (Мф. 22, 13).

2) Если эти примеры не страшат нас, то постараемся живее представить себе будущее чрез сравнение его с тем, что бывает в настоящем. Не видим ли, как враги Царя, одни в темницах мучатся, друпе бичами истязуются, те в ссылку ссылаются, эти очей лишаются, иные бывают в опасности лишиться самой жизни? — Но и те, которые ничем не провинились, с каким страхом и трепетом предстоят и служат, туда и сюда посылаются на войну и на другия тяжелыя дела? И нет противоречащего, нет не повинующагося. Если так бывает у Царя смертнаго, не тем ли паче у бессмертнаго и единого Царя царствующих и Господа господствующих со страхом и трепетом должно сие совершаться и ничего кроме повеленнаго не делаться? Слышите, что говорит Слово Божие? — Или о богатстве благодати Его, и кротости и долготерпения нерадиши, не ведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведет? Но жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго Суда Божия: иже воздаст коемуждо по делом его (Рим. 2, 4—6).

3) Да устрашает нас сие; и всякий день станем проводить со всем вниманием и бдительным самоохранением, рано утром, по знаку, тотчас живо вставая и сон прогоняя, и по трезвенной молитве в келлии и в общем собрании, принимаясь всякий за свое дело, — келларь в келларне, повар в поварне, и прочие все всякий на своем месте: нигде ропот, нигде преслушание, нигде крик, нигде противоречие, — ниже злость, скрытно держимая, чтоб по наружности только казаться мирным, внутри же питать злобу и, как только, случай, ужалить подобно змию, или отмстить подобно мстительному верблюду. — Случилось оскорбление и прошло. Но искренно ли совершилось раскаяние или прощение? Не распалитесь опять помыслами, и не покуситесь воздать злом за зло, или досаждением за досаждение, напротив благословите, ведяще, яко на се звани бысте, да благословение наследите. Хотяй бо живот любити и видети дни благи, да удержит язык свой от зла, и устне свои, еже не глаголити лъсти. Да уклонится от зла и сотворит благо, да възыщет мира и да держится его. Зане очи Господни на праведныя, и уши Его в молитву их: лице же Господне на творящыя злая (1 Петр. 3, 9—12).

229.

1) Вся тварь празднует Воскресение Христово, покрываясь цветами и распространяя благоухание: и нам надлежит праздновать сей праздников праздник, распространяя от себя духовное благоухание, уготовав его в себе сочетанием всяких добродетелей. — 2) Но в дни сии нам предлежит благоухать паче православием, по случаю иконоборства, посрамляемаго Самим Господом. — 3) Будем же и веру правую держать и жизнь добродетельною благоухать. [4, 6].

1) К празднику Воскресения Христова и вся тварь, как бы мертвость некую, зимний печальный покров отложив, разцветает опять и как-бы оживает: земля покрывается зелению, дерева листьями, животныя скачут играя, море успокоилось, и все преобразилось в лучшее состояние. — Но чего ради это сказалось у меня? — Вот чего ради, — что если бездушныя и безсловесныя твари так срадуются пресветлому Воскресению, и такой праздничный принимают видь; не темли паче мы, разумом и образом Божиим почтенные, должны благоукрашать себя доброю жизнью и благоухать духом? — Ибо воистину благоухание Христово есть тот, кто украшен добродетелию, как свидетельствует Апостол, говоря: яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих: овем убо воня смертная в смерть; овем же воня животная в живот (2 Кор. 2, 15.16). При сем и то еще пригодно

сказать, что и Адам, прежде преступления заповеди, был благоуханием Богови, украшен будучи бессмертием и нетлением и объят небесными созерцаниями. Почему, как дерево никое цветистое и благоуханное по достоинству, водворен был в раю, ухая добродетельми. Можно здесь помянуть и то, что Исаак Патриарх, ощутив приятное ухание в сыне своем Иакове, сказал именно: се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь (Быт. 27, 24), конечно понимая сию воню духовно. — Будем же, братие, и мы благоухать благоуханием духовным, которые и уготовим в себе сочетанием всяких добродетелей, как некий искусный мироварец. Таковое миро благословенно; таковое миро Богу приятно; таковое миро привлекает Ангелов и отгоняет бесов; сим миром привлеченныя чистыя души текли в след Христа Господа, как поется в песнях песней (1, 2, 3). Так всегда должно быть.

2) Но в нынешнее время предлежит нам благоухать преимущественно православием, по случаю иконоборческаго нечестия. Иконоборцы кричат: Бог безтелесен; Его изображать невозможно. — И думают, что изрекают, не зная, какую мудрость. — О несмысленные! Исповедуете ли вы Богом Господа Иисуса? Полагаю, что скажете: да. — Слушайте же что Сам Он говорит, являясь по воскресении Апостолам святым и посвящая их в сокровеннейшия и изумительнейшия таинства спасительной веры по неизреченному Своему снисхождению, касался Он пищи, для удостоверения в истине Своего воскресения, хотя плоть Его святая по воскресении не имела в том нужды, — вкушал и пил, и был осязаем, и думавшим, что Он дух есть, сказал: видите руце, мои и нозе мои, яко Сам аз есмь: осяжите Мя и видите: яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща (Лк. 24, 39). — Что скажет на это иконоборческий Христорец? — Ямеет ли Господь плоть и кости? И может ли потому быть изображаем на иконе? — Если сего последняго нельзя, то и перваго не было. Но, говоря, что имеет плоть, Он, — молча или подразумеваемо, — свидетельствует Сам, что и изображаем на иконе может быть: ибо сии две черты одна другую предполичают. Почему эти иконоборцы одинаковую с Манихеями муку примут, погибель вечную, как написано (2 Сол. 1, 9).

3) Мы же, братие, в православном мудровнии, веруя, что и видеть можно Господа нашего Иисуса Христа на иконе и поклоняться Ему на ней, и упокоеваясь на сем, всю ревность обратим на то, чтоб достойную веры нашей и жизнь показывать чистую, безукоризненную, непорочную, чтоб ни на ту, ни на другую плесну не храмля, но и тою и другою благоискусно ступая, достигнуть нам царствия небеснаго.

230.

Помышляя, до чего возвышено естество наше вознесшимся Господом не допустим и помрачить его недостойною жизнью. [4, 7].

Праздников праздник для нас и при дверех сущее Вознесение Спасителя нашего, Иисуса Христа, — таинство великое и преестественное: ибо естество наше вземлетя за пределы видимаго неба, как написано: Бог, богатый в милости... нас мертвых прегрешенми сооживи Христом... и с Ним воскреси, и спосади на небесных во Христе Иисусе (Еф. 2, 4—6), одесную Себе на небесных, превыше всякаго начальства и власти и силы, и всякаго имене именуемаго не точию в веще сем, но и в грядущем: и вся покори под нозе Его: и Того даде главу выше всех церкви, яже есть тело Его, исполняющего исполняющаго всяческая во всех (Еф. 1, 20—23). Видите, на какую высоту славы подъято человеческое естество? Не от земли ли на небо? Не от тления ли к нетлению? Сколько иной трудится, чтоб сделаться другом царю земному и смертному? Мы же, и притом суще отчуждени и

враги помышленми в делах лукавых (Кол. 1, 21), даром не только примирены Богу и Отцу Господом нашим Иисусом Христом, но и до всыновления возвышены. И ныне естество наше на небесах, от всякой видимой и невидимой твари поклоняемое. Таково велячие неизреченного человеколюбия благаго Бога нашего! Помыслив о нем, и зная недомыслимость его для нашего ума, блаженный Павел, молится, да Бог Господа нашего Иисуса Христа даст верующим духа премудрости в познание Его.... Яко уведети нам, кое есть упование звания Его, и кое богатство славы достояния его во святых, и кое преспеющее величество силы Его в нас, верующих по действию державы крепости Его, юже содея о Христе (Еф. 1, 17—21). — Но что ведь и было! — Пришел Он к нам всеблагий чрез девственное рождение, поработился подобающим законам естества, взошел на крест, пригвоздив на нем еже на нас рукописание (Кол. 2, 14), низшел в преисподняя земли, разрешив болезни смертныя, воскрес, совозставив в Себе человеческое естество, наконец, вознесся во славе, явив Себя Ходатаем за нас Богу и Отцу, — Таково, в кратце сказать, значение сего св. Праздника! — Созерцая его и уразумев, что мы тело Христово есмы, благоговейно почтим дар, будем хранить свое благородство, не предадим благодати, не сотворим удов Христовых удами блудничими (1 Кор. 6, 15), но еще паче очистим себя и в помыслах и в действиях, еще паче отрешимся от плотских похотей, воюющих на душу, житие наше имуще добро в себе самих (1 Петр. 2, 12), мирное, благопокорное, послушливое, смиренное, благоустроенное, — каковое житие и есть житие блаженное. Утехи же и забавы, смехи и невоздержание предоставить надо плотолюбцам и животолюбцам, кои видяще не видят и слышаще не слышат, окамененное имея сердце, и отягченныя ушеса, чтоб не различать добро от зла, свет от тмы, жизнь от смерти. Мы же, братие, будем держаться исповедания, в коем стоим, и хвалимся упованием славы Божию (Рим. 5, 2), емлемся за труды подвижнические, в коих подвизались святые, — в числе их и ныне песнословимый Пахомий блаженный, — здраво смотреть будем, здраво слушать, здраво осязать, всеми членами здраво будем пользоваться, да наследницы будем по обетованию жизни вечныя.

231.

1) В вознесении Господа вознесено естество наше: почтим величие дара, и будем благоукрашаться всякими добродетелями. — 2) Кто не таков, тот не член Христов: почему кто поработен какой либо страсти, покайся и упреподобься; кто по временам подвергается движениям страстей, спеш и всегда возстановлять духовное благонастроение. — 3) Спеш; ибо смерть всегда близ есть, а по смерти осуждение не покаявшимся. [4, 8].

1) Празднуем Вознесение Господне, конец воплощенного домостроительства Господа нашего Иисуса Христа. Все совершив по воле отчей, вознесся Он во славе, и нас, совоскресив, спосадил и на небесных во святой плоти Своей. Какое богатство славы Его, и кое преспеющее величество силы Его (Еф. 1, 18. 19), что смиренное и ничтожное наше естество возвел на божеский Царский Престол, и всякая небесная сила Ему поклоняется. Помышляя о сем, страха и трепета исполнимся, благоговейно почтим величие дара, и достойно Главы нашей будем житьствовать, как уды Христа, как стелесники Его и сонаследники, в чистоте, в ведении, в долготерпении в благости, в Духе святе, в любви нелицемерной, в слове истины, в силе Божией (2 Кор. 6, 6. 7), со всяким послушанием и смиренномудрием, со всяким тщанием и вниманием, ничего не произнося неуместнаго, и ничего не делая против заповеди.

2) Итак, оскверняющий тело уже не Христов член, злопамятствующий уже не Христов член, другою

какою страстию обладаемый уже не Христов член; и потому уже недостойн причащаться Святых Таин. Ибо Апостол говорит: да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет: ядый бо и пийй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают довольно. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1 Кор. 11, 28—32). Потому упреподобимся и очистимся, да достойно членами Христовыми наименованы будем, и св. таин достойно причащаться будем. — Если же случается нам от невнимания возгореться похотию злою, или гневом, или завистию, или ненавистию, или другим чем ненавистным Богу, да не дивимся. Но поскорее возстановим себя в прежнее доброе настроение, отрезвимся и не замедлим во зле сем; ибо произвольное замедление в сем приносит неизвинительное осуждение.

3) Ктому же разве смерть не может нечаянно придти? — Вот вчера посетили мы епископа болящего и нашли его в большой нужде, всего истощенным огневицею, туда и сюда обращающим взор и нигде помощи не находящим. Разве мы не можем тотчас тому же подвергнуться? — А эти муки сравнительно с будущими что суть? Сон и тень. Тот огонь не угасает, и червь тот не умирает, мрак не рассеивается, узы не разрешаются, скрежет зубов не пресекается, и все другия мучения вечны. Действенно помышляя о сем, братие, перестанем страстолюбствовать, завидовать, гневаться, осуждать, клеветать, и ничего другаго худаго делать не будем; а напротив станем мирствовать, доброе держать настроение, сокрушаться, благостыньствовать, боголюбезно любить друг друга, и все повеленное усердно и охотно делать, чтоб и вечных мук избегнуть и жизнь вечную улучить.

232.

1) Обетовал Господь послать иного утешителя: что и исполнилось в Пятдесятницу; велико сие. — 2) Чтоже воздадим? Исповедуем величие царя: воодушевимся на всякое добро, и против всего страстного и плотскаго; в чем одна горечь, утшение же всякое в едином Боге. — 3) Бежим же всего не подобнаго. [4, 9].

1) Пятдесятницу празднуем и Духа Святаго сошествие, о коем говорит Господь: уне есть вам, да Аз иду; аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам, аще ли же иду, пошлю Его к вам. И пришед Он наставит вы на всяку истину (Ин. 16, 7. 13). Какое это обетование! Какое нас удостоение! Не Ангела, не человека послать обещал, но самого соестественнаго Духа. Итак Сын Божий Единородный, исполнив отеческое дело, восходит на небеса, а Дух Святыи нисходит, — не иной Бог, — да не будет! — но иной Утешитель, как написано. И, — о, неизреченное человеколюбие! Утешением нам Бог бывает. И утешает Он скорбную и умученную душу не падать духом в тяжелых обстоятельствах, как свидетельствует святыи Апостол, говоря: внеуду брани, внутрьуду боязни; но утешай смиренныя утеши нас Бог.... (2 Кор. 7, 5). Утешает Он, утешенное демонскими страхованиями, сердце, возводя его чрез дерзновенное упование к непобедимому мужеству, как свидетельствует святыи Давид: Ты, Господи, помог ми и утешил мя еси (Пс. 85, 17). — Утешает, воодушевляя смущенный ум, что ему дан мир с Богом возыметь и покой, как свидетельствует Апостол, говоря: по Христе молим, яко Богу молящу нами: молим по Христе, примиритесь с Богом (2 Кор. 5, 20). — Видишь неизследимое снисхождение? Видишь дар несравненный? Горе Единородный Сын о нас ходатайствует пред Отцем, как написано: иже есть одесную Бога, иже и ходатайствует о нас (Рим. 8, 34). Долу Дух Святыи утешает многообразно.

2) Что-же воздадим мы за сие Господу? — Нам остается только воспрять песнь псаломскую и

взывать: вся кости моя рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе? Избавляй нища ош руки креплших его, и нища и убога от расхищающих Его (Пс. 34, 10). И опять: помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю (Пс. 123, 8). И еще: аще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во адь душа моя (Пс. 93, 7). И: Господь мне, помощник не убоюся, что сотворит мне человек (Пс. 117, 6).

Имея убо такого Утешителя, Духа Святаго, непобедимую силу, Великаго Защитника — Бога и споборника, не убоимся страха вражия и не устрашимся сопротивных сил, но, яко Его имущие помощником и способником нам, мужественно и твердо поспешим на подвижническия и исповедническия борения, переживая в них дни за днями, не прельщаясь обольщениями змия, и не изнемогая под непрестанными его нападаниями; угасим плотскую любовь, как наполняющую огнем дом души нашей.

Уверю вас, что это не удовольствие, а опасная болезнь, не сласть, а ума изступлние и злое омрачние. Знают сие укротившие неистовство плоти, омывшие скверны ея, и к единому Богу прилепившиеся всем сердцем, Коего что сладчайше, и что вожденнейше? — Кто возымел, сие, тот во плоти и выше плоти, в мире и выше мира, здесь пребывает и превыше видимаго живет; в том волны благодати, тихими веяниями Духа воздвигаемые, тишиною исполняют душу, сколько это возможно.

3) Зачем же попускаем мы, чтоб сластолюбие, победив нас, до того извращало и таким изменением изменяло, что мы, долу поникши к земле, к плоти и крови, совсем отчуждаемся от всеблагаго Бога нашего. — Бежим же от всякой страсти: бежим сребролюбия, источника предательства; бежим неверия, как отторгающаго нас от общения с Господом; бежим всякой другой страсти, какая бы ни отаковывала душу нашу, — гнева, зависти, ненависти, самолюбия, своеумия, отъособления: чтоб не застала нас неготовыми смерть и не отчуждила от Бога; отчуждение же от Бога есть отчуждение и от царствия небснаго. Этого никто не избежит из нетворящих благоугоднаго Богу. Да возможем убо избежать грядущаго на сынов противления гнева, начнем неотступно благоугождать Богу, очистим себя и обновим души своя. Дерзайте! близ Господь всем призывающим Его.

233.

1) Праздник всех Святых. — Кто они? все мученики: одни мученики крови, а другие — подвигов самоумерщвления. — 2) К сим и мы причисляемся: тиранны наши (—страсти, люди страстные и бесы —) требуют, чтоб мы отступили от Бога и перешли на их сторону; как мы не соглашаемся, то и несем прискорбности внешних лишений и внутренних борений. — 3) Но пребудем тверды до конца; и сподобимся части мучеников. [4, 10].

1) Праздник праздников, св. Пятдесятницу, сподобились мы отпраздновать: се предлежит нам и праздник всех Святых. — Сколько и коликие поминаются ныне святыя? Кто сочтет звезды небесныя и песок вскрай моря? — Так безчисленны святыя Божии, свидетели истины Божией и мученики, кои верно сопротивлялись враждебной ей силе тираннов и всякаго рода мучения претерпели мужественно и с радостию — огонь, мечи, зверей, колеса, когти железные и все другое, что могла придумать злоба, почитая муки утешением, и пролияние крови радостию, — и в сем убеждении ходя по разжженным углям, кровию угашая костры горящие, и многое совершая в своем естестве, что превышало естество, и поражая тем тираннов и царей, — во свидетельство чего? — Того, что Иисус Христос есть Сын Божий, и что о имени Его даруется жизнь вечная, как написано. Но одни ли только

те суть свидетели истины, кои кровь пролили? — Нет; таковы и все божественною жизнью пожившие, о коих св. Апостол говорит, что они проидоша в милотех, и в козиях кожах лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающесе и в горах и в вертепах и в пропастях земных. И немного ниже: толик имуще облажащ нас облак свидетелей, гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грехъ, терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса (Евр. 11, 37—38; 12, 1. 2). Видишь, как он называет мучениками и всех любителей преподобия, прискорбную произвольно проводящих жизнь с терпением?

2) Таким образом, братие, и мы причисляемся к мученическому сонму: ибо и мы тем, что любим и терпеливо проходим многоскорбный путь крестоносной жизни, тем, что храним обет девства и не отрицаемся многих борений нам стоящаго послушания, свидетельствуем, что Иисус есть Христос Сын Божий, свидетельствуем, что есть суд и воздаяние, свидетельствуем, что должны пред страшным судилищем Христовым дать отчет о том, как жили, противостоя диаволу, Христову врагу, который мучит и бичует нас приражениями худых помыслов и смертоносных похотей, понуждая отрещися Бога. И во истину те, кои, растлившись в беззаконных помышлениях своих и чувствах, повинуются и следуют супостату, самыми делами и самым настроением своим говорят, что для них нет Бога, по Св. Давиду рекшему: рече безумен в сердце своем несть Бог (Пс. 52, 2). Ибо враг, если прежде не произведет в душах людей забвения Бога, и как бы отречения от него, то не может склонить ум к похотениям плоти, к разрешению на грех, к винопитию, к непотребствам, к пирам, к любостыжанию, к идолопоклонству и ко всяким другим неуместностям; успев же в этом, завладевает душою, и отторгши ее от Бога, ввергает в огонь неугасимый на вечное мучение с собою. Сколь бедственно такое обольщение, и какой страшный конец его!

3) Но мы, как свидетели Христовы, еще будем давать доброе свидетельство, еще продолжим доброе исповедание исповедывать, радуясь со всеми святыми, что сподобились свидетельствовать о Христе, не преклоняя колен пред ваалом, т. е. не склоняясь на похоти плоти и другия греховныя сласти; не будем верить врагу, когда он будет подлагать нам помыслы отречения от послушания, но будем доблестно противостоять ему, будучи поражаемы, но не побеждаемы. — Какой плод такого мученическаго свидетельства вы знаете; знайте, что свидетели Христовы, свидетельствовавшие о Нем всем, и за истинное свидетельство неимоверныя муки понесшие, в будущем веке сонаследниками Его объявлены будут, как говорит Апостол: егда-же Христос явится, живот наш, тогда и вы с Ним явитесь во славе (Кол. 3, 4). С ними и мы, до конца жизни продолжив свидетельство свое, да сподобимся получить вечныя воздаяния и со Христом во веки пребывать в веселии и радовнии.

234.

1) В воскресенье поучением для нас да служит воспоминание о благах, кои стяжал нам Господь своим воскресением. — 2) Помянув их не можем не восприть побуждения — возлюбить столь возлюбившаго нас Господа, являя ее исполнением заповедей Его и удалением от всего неугоднаго Ему. — 3) К усилению же такого побуждения приложим память смертную; к чему подает нам ныне повод смерть брата Евдокима. [4, 12].

1) Самый день воскресный, который празднуем мы ныне, достаточное подает нам поучение (Κατήχησις), если внемлем. Ибо в сей день Господь наш Иисус Христос совозставил нас, долу

поверженных грехам; в сей день соожжвил Он нас умерщвленных прегрешениями и необрезанием плоти нашей; в сей день, паки отверз нам рай для вкушения от древа жизни, которое есть животворящее тело Его и кровь; в сей день, яко возставленные от смерти, можем мы пророческим словом взывать: где, ти, смерти, жало? где, ти, аде победа? (1 Кор. 15, 55). Побеждена ты Тем, Кто сказал: держайте, яко Аз победих (Ин. 16, 33); в сей день, говоря Апостольском словом, Бог и Отец совоскресил и спосадил нас на небесных во Христе Иисусе, да явит в вещех грядущих презельное богатство благодати свояя благодатью на нас о Христе Иисусе (Еф. 2, 6. 7). О дар неизъяснимый! От чего и к чему привел Он нас? От смерти в живот, из тмы в свет, из рабства на свободу, от вражды в искреннее содружество, и до того простер милость, что соделал нас сообразными образу Сына своего (Рим. 8, 29). Какая неизреченная благодать сия! Какая преизбыточествующая великость любви Его к нам! Что Он Единороднаго Сына своего дал в искупление всех нас. И как нам не взывать при сем: Кто возглаголет силы Господни? Слышаны сотворить вся хвалы Его? (Пс. 105, 2).

2) Возлюбим же так возлюбившаго нас, умрем за умершаго за нас, не возвращаясь к плоти и крови, не обольщаясь прельщениями змия, не увлекаясь сластями житейскими, и не допуская себя вкусить плода греха, от коего смерть: ибо написано: волю согрешающим нам по приятию разума истины, ктому о гресех не обретается жертва: страшно же некое чаяние суда, и огня ревность поести хотящаго сопротивныя (Евр. 10, 26. 27). Почему с опасством и благоговением будем работать Господу, с разумом и добрым устроением будем проводить жизнь, с благоразумным терпением будем исполнять возлагаемая на нас служения, в точности держась повеленнаго, не в духовных только, но и в телесных делах, даже до возжигания дров и налития воды.

3) Над всем же сим помнить будем, что нам предлежит неизбежно смерть. — Се и ныне брат наш Евдоким отошел ко Господу. — Если смерть брата не вразумляет нас, то что наконец обратит нас? Если таинство смерти не убеждает нас, то что еще может удержать нас от пагубных страстей? Разве неизвестно, что, еще когда говорим и совещаемся о том или другом, внезапно может постигнуть нас страшный час смерти? — час страшный и нестерпимый для одержимых грехами, для имевших неочищенные покаяньем падения, для живущих беспорядочно, безчинствующих я своенравных, — но сладостный и многожеланный для Боголюбивых, благочестивых и добродетельных, бдагопокорливых и смиренных. Почему прошу и напоминаю вам, братие, приемля к сердцу таковыя помышления, будем удаляться от страстей, сколько сил есть, и, любовью объемля Христа, преуспевать в добродетелях, чтоб, совершив так все течение жизни, наследовать Царствие Небесное, во Христе Иисусе, Господе нашем.

235.

1) Помянув, как некто, умирая, воззвал: «в расплох застигнут я,» и испустил дух, не успев докончить речи своей, — выводит урок: так жить, чтоб всегда готову быть к смерти, — 2) За тем, намекнув, что в общежитии всего удобнее этого достигнуть, — жалеет и живущих в одиночку, и хвалит тех, кои живут вдвоем или троим, но паче тех, кои живут в общежитии. [4, 13].

1) Ныне день воскресный; мне же предлежит говорить вам о смерти. Видите, как часто братия и отцы, один за другим, отходят от нас. Для нас это ничто иное есть, как напоминание, что и мы скоро перейдем отсюда, преидем—же не в какия либо земныя и тленныя места, но в невещественныя и вечныя обиталища, из которых нет уже возврата тому, кто однажды туда зашел. — Воистину страшна смерть, когда слышишь о ней; но несравненно страшнее она, когда видишь ее очами, как за

шесть дней пред сим испытали мы при смерти Халкитскаго Игумена. Мы застали его при последнем издыхании, и изумлены были случившимся, как он с нами был и в одно мгновение отшел от нас, предан будучи смерти. Страшное воистину слышание и трепетное видение! Еще дыша, блаженный издал такой глас: «упрежден я» (захвачен в расплох; и с словом сим, потрясши мало головою и рукою, замолк, не успев сказать, что такое было. — Но мы чувствовали, что значило сие изумительное событие. Сие сказал я вам не с тем, чтоб тень некую навесить на почившаго; да не будет! — но чтоб себя утратить, и вас воодушевить — позаботиться о том, как бы и нас не застал в расплох последний час, и из гортани нашей не исторглось такое же воззвание в момент исхода; но да будем всегда готовы на час сей, и не смущенно сретим его. Ибо написано: уготовихся и не смутимся (Пс. 118, 60). Но этого мы не достигнем, если не будем всегда внимать себе, и если не будем крепко хранить то, что делаем добраго, и исправлять покаянием того, в чем погрешаем, всегда так благоустроая себя, как-бы имели тотчас взяты быть на небо. — Ибо кому там должны мы предстать? Не Судии ли всех и Богу, Ему же поклонится всяко колено небесных, земных и преисподних, и всяк язык исповестся?» (Фил. 2, 10). А в чем ответ имеем мы дать? Не во всем ли, что совершено нами в жизни делом, словом и помышлением?

2) Во мне это всякой раз, как вспоминается, производит ужас, и едва не лишает чувства. Вам же можно помышлять о сем и без страха, вам, говорю, бдагопослушным, и все попечние возложившим на силу послушания: ибо такова действительно жизнь в истинном послушании. Но какое оправдание пред страшным Престолом Христовым уготовят себе те, кои отвращаются от послушания и живут в одиночку, кружатся туда и сюда и не находят, где твердо стать ногами своими? Увы, какая горесть! Как зло увлекательно! Как обратились вспять право шествовавшие путем монашескаго жития? Лучше бо бы им не познати пути правды, нежели познавшим возвратиться вспять от преданных им святых заповедей. Случися бо им истинная притча, пес возвращая на свою блевотину, и свиния омывшись, в кал тинный (2 Петр. 2, 21, 22). Что ты, друже, что ты? Ярмо раба тянешь?! Так оправдываются, оставляющие обитель, чтобы жить в одиночку, говоря, что в обители рабство. Ты, сбросивший иго мира, бежавший от него и освободившийся от всех обычаев плотских? Ужь не взять ли тебе и жену!! ибо эти две вещи неразлучны суть принадлежности мира и того, что мире. — Для тех же, кои ведут крестоносную жизнь, чуждо то и другое. — Но причина сему, как обычно, грех. Поелику мы страстолюбивы и сребролюбивы; то само собою прилагается к нам и женолюбие. За тем, чтоб не было свидетеля и обличителя того, что бывает отай, брата иметь сожителем не хотим, а избираем одиночество, или прямее, рабство любостыжательности, как совсем уже продавшие себя греху и ставшие рабами плоти и крови. Отсюда разложение внутренняго строя; отсюда соблазны; отсюда падения. Мне же отсюда плач и сетования. Обличаю, запрещаю; но не слушают. Да внемлют однакожь таковые, что говорит Господь: аще не бых пришел и глаголах им, греха не быша имели: ныне же извинения не имут о гресе своем (Ин. 15, 22). Чист я от крови таковых. Можно бы совсем отсечь их от нашего общества, по заповеди (буди тебе, яко язычник); но, так как теперь гонение, то отлагаю; еда како возникнут от даивольския сети, живи уловлени от него в свою его волю (2 Тим. 2, 26). Вы же благословенны от Господа, — живущие друг с другом вместе вдвоем или втроем, и что еще более достойно похвалы, живущие по уставу кинувийному, дома сидящие и неделающие безвременных выходов, кроме крайне нужных, особенно на торжища и празднества, служащие друг другу, и тем господствующие над миром, все делающие Боголюбно и благообразно, — вам

благодать и мир да умножится, и да узрите благая вышняго Иерусалима, во Христе Иисусе, Господе нашем.

236.

1) Будем в бодренности, оживляя ее словом Божиим, и ожиданием внезапного пришествия Господа, когда бодренные восхищены будут в сретение его. — 2) Кто это такие? Те, кои украшены добродетелями, указанными в слове Господа о блаженствах. Будем же заботливо совершать свое спасение сим образом, не боясь наступающего гонения, чем бы оно ни сопровождалось. [4, 14].

1) Говорить нам должно, и никак не молчать долго. Ибо молчание сон наводит на душу, а сон такой причина есть смерти, об избавлении от коего молясь, Святой Давид говорит: просвети очи мои, да не когда усну в смерть (Пс. 12). Слово же движущееся в сердце есть источник воды, текущая в живот вечный: сего что может быть полезнее? и что ведая блаженный Апостол говорил: Слово Христово да вселяется в вас богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех (Кол. 3, 16).

Видишь, как он повелевает нам самих себя взаимно учить и вразумлять, а не довольствоваться одними своими собственными напоминаниями. Я, смиренный, исповедую, что всякий раз, как беседую к вам, большую от того получаю пользу: возываю себя от мятежа жизни сей, делаюсь более трезвенным и прихожу в чувство своих прегрешений. Ибо во истину жизнь здешняя многмятежна, каждодневно влагаются в уши злыя речи и слухи суетные, кроме того и диавол нападает противными добру помыслами. Все сие должно отгонять словом, и чистою блюсти совесть, внимая тому, на что лежим. На что же мы лежим? — На то, чтоб служить нам Богу живу и истинну (Евр. 9, 14), и ждати Сына Его с небес, Егоже воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющаго нас от гнева грядущаго как написано (1 Сол. 1, 10). Но никакой раб не дремлет, не покоится и не спит, ожидая господина своего, и суду его повинный, но трезвится и бодрствует, и беспокоится о сретении его, о коем опять Апостол ясно говорит: яко Сам Господь в повелении, во гласе Архангелове, и в трубе Божии снидет с небесе, и мертвии о Христе, воскреснут первее: потом же мы живущии оставшии, купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем (1 Сол. 4, 16. 17).

2) Но кто это такие? Нищие духом, плачущие, чистые сердцем, кроткие, миротворные, милостивые, иго послушания понесшие, исповедание не нарушимым соблювшие, — сии с Ним будут; худых же дел наделавшие, непослушные, непокорные, отступники от исповедания, отказывающиеся от послушаний, и всяких других зол делатели, — эти ни на облацех взяты не будут, ни с Господом не будут, но, — что есть самое бедственное, — муку примут, погибель вечную от лица Господня и от славы крепости Его (2 Сол. 1, 9): чего ни помыслить, ни сказать о нас да не будет! — Почему надлежит нам всячески заботиться о деле спасения нашего, зная, что и гонение пред лицом нашим, и что искушения приближаются к нам. Но не устрашимся и не убоимся от возстающих на нас искушений. Аще Бог по нас, кто на ны (Рим. 8, 31). Если в прешедших гонениях Он был с нами, почему не быть Ему с нами смиренными и в настоящих, подавая нам крепость и силу на все, по обетованию Своему. Да и что сделают нам противники наши? — Опять изгонят? Но Господня земля и исполнение ея (Пс. 23, 1). Опять заключат в темницу? Но ничего нет сладчае темницы, когда попадаешь туда за Христа. Опять бичевать станут? Но тем больше доставят нам венцов. Что если и умертвят? Ибо и Господь наш умерщвлен был. Почему Апостол и говорит: аще с Ним умрохом, то с Ним и оживем: аще терпим, с Ним и воцаримся (2 Тим. 2, 11. 12). Таков был блаженный Феодор, величайший свидетель Христов, коего и память ныне совершаем. Все с радостью претерпел он за

Христа. С такую же верою и мы смиренные еще послужим Господу; с таким же упованием претерпим всякую скорбь и тесноту находящихся бед, да как за послушание, так и за исповедание удостоимся быть наследниками царствия небеснаго, во Христе Иисусе, Господе нашем.

237.

1) Разсеяны. Внушает радоваться о сем. — 2) Обличает нелепость иконоборческих суждений. — 3) Оправдывает, что говорит против них. — 4) И приглашает служить истине не словом только, но и делом, или достойною жизнью. [4, 15].

1) Вчера праздновали мы память св. Предтечи Господня, и вспомянули при том о нашем монашеском жительстве. Но тогда были мы все вместе, и в дому Божии ходихом в единомышлении (Пс. 54, 5). Ныне же мы разсеяны, — кто куда, — по разным местам и селениям. Однакожь, поелику ради Бога разсеяние сие, то радоваться должны мы, по данной заповеди; ибо Господь сказал: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша много, на небесех (Мф. 5, 12). Ктому же чрез это мы уподобляемся и Господу, рекшему: аще Мене изгнаша, и вас ижденут: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдут. Но сия вся творят вам за имя Мое, яко не ведят Пославшаго Мя (Ин. 15, 20. 21).

2) И по истине, как Иудеи, не приемля Сына, показали, что не ведают Отца; так и иконоборцы, не приемля иконы Христовой, показывают, что не знают Христа. Истина явна; ведает же ее один из тысячи. Посмотрите, как двоится у них их злое мудрование: то говорят, что никак нельзя ставить икону Христову, то, — что можно, — только в равном значении с знаками, употребляемыми на войне, и на охоте; поклоняться же им, утверждают, не должно, как не кланяются изображению лошади, быка, льва, тигра, змеи, рыбы, птицы. Слыша сие, кто не возстает, кто не источить слез, что икону Христову, пред коею благоговеют Ангелы и трепещут демоны, не стыдятся сопоставлять с изображениями четвероногих, пресмыкающихся, рыб и птиц, и подобно им не считают долгом чтить. — Какое страшное измышление, и какая еще страшнейшая дерзость! — Потом что еще? — Изображение человека именуют человеком, быка — быком, верблюда — верблюдом, и вообще по имени изображаемого именуют изображение, — икону же Христа Господа, Богоматери, или кого либо из святых никак не допускают называть их именами, ни даже в переносном смысле, а просто говорят: икона, не прибавляя, чья, чтоб, как им думается, не погрешить. Такого неразумия и такого хуления преисполнены они! Вы же, братие, внемлите сказанному от св. отцев наших и ведайте, что если места, где Христос родился святы и поклоняемы суть и именуются, и всякий, песок ли оттуда получит или камень, — приемлет, блюдет и чтит то, как священное сокровище; не тем ли паче достойна чествования и поклонения икона Христова, на коей Он, как в зеркале, явно видится и вызывает подобающия к Нему чувства, как бы к присущему: ибо таково свойство изображения, что оно представляет лице изображеннаго.

3) Почему, я смиренный, скорбя о заблуждении иконоборческом сердцем, и боясь наказания за молчание, по необходимости говорю то, что говорю, хотя мало и кратко. Если инославные не перестают на едине и публично, письменно и неписменно подвигать хульный язык свой на Христа; почему же нам, сидя дома, не побеседовать между собою о подобающем в настоящих обстоятельствах? — И как стерпим гнев Господа, если будем поступать иначе? И какие подражатели будем мы отцам нашим, кои молчать в подобном случае и прятаться называли справедливо предательством истины.

4) Итак, говорить надлежит и слушать, служа истине и словом и делом. И святые Апостолы не

проповедию только божественною, но и жизнью непорочною покорили вселенную, просвещая омраченных и солию премудрости осоля обуявших, нося с собою только пиру и жезл. Подражая им, братие, одобрение заслужим и мы, довольствуясь тем, что есть, не сребролюбствуя, но являясь не стяжательными, не делая безвременных выходов, не знакомясь с женщинами, от коих смерть. Если так будем вести себя, то прославится Бог в нас, возвеличится предлежащее исповедание, и противники наши хоть мало усрамятся, и расположатся к обращению. Если же не так; то есть опасность, как бы вместо улаживания не заслужить вечного осуждения. Сам же Бог мира, все претворяющий и прелагающий на лучшее, да умиротворит Церковь Свою; нас же да сохранить верными истине, и да введет в царствие Свое небесное.

238.

1) Теперь время жатвы. Похожа на нее и наша жатва духовная. — 2) Плоды у нас — добродетели. — 3) Житница — смирение. — 4) Время — вся жизнь. — 5) Способы — все наши подвиги и послушания. [4, 16].

1) Настоящее время есть время жатвы, время трудов и потов, когда псаломское исполняется слово: изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера (Пс. 103, 23), не давая себе покоя, пока не кончит жатвы, не обмолотит сжатого, и не внесет в житницу полученных семян. — Что сказать на это? — Если для плотского стяжания потребен такой труд, не тем ли паче необходим он для духовного? Предлежит и нам жатва, как говорится у Апостола: сеяй скудостью, скудостью и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет (2 Кор. 9, 6). Опять и Господь говорил ученикам Своим: не вы ли глаголете, яко еще четыре месяцы суть, и жатва приидет? — Се глаголю вам, возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже. И жнй, мзду приемлет, и собирает плод в живот вечный: да и сеяй вкупе радуется и жней (Ин. 4, 35. 36). Вот указана нам жатва.

2) Изыдем же с полным усердием на жатву, соберет плоды, не плотские и текучие, но духовные и пребывающие в живот вечный: освящение и мир, любовь и радость, благодушие и терпение, милосердие и кротость, и всякую другую добродетель. Сии суть плоды духовные, которые должно собирать с разсудительностию, — так, чтоб к добру не примешивалось худое что; т. е. любить, но без пристрастия, соревновать добру, но без зависти, говорить о брате, но не враждебно, и вообще искренно творить волю Божию, благую, угодную и совершенную (Рим. 12, 2).

3) В житницу же внесение плодов будет у нас крепкое их спрятие в сокровищницу смиренномудрия, как указал Сам Господь говоря: егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10); и как к сему же руководит и Апостол, говоря: что имаше его же неси приял? аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь? (1 Кор. 4, 7).

4) Вот какая у нас жатва, и каков труд, не два или три месяца продолжающийся, но простирающийся до самого конца жизни нашей, который однакожь, если сопоставить его с будущим веком вменится в один день: ибо там нет конца, там каждый во веки будет питаться от плодов труда своего, и вечно будет радоваться о сем.

5) Только умертвим уды, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоимание (Кол. 3, 5); только смиренно понесем иго послушания, друг друга поддерживая, и друг друга тяготы нося, и тако исполняя закон Христов, как написано (Гал. 6, 2). И блажен, кто всему благоговеино подклоняет главу; блажен, наиболее потрудившийся: ибо чем боле труда, тем большая награда; и последнее

берущий на себя послужение, первенством почтен будет, как говорит Господь: иже аще хочет в вас старей быти, да будет всех меньший, и всем слуга. Ибо и Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, но да послужит и даст душу Свою избавление за многи (Мар. 9, 35; 10, 44. 45). О сем, братие, помыслим, и так действовать понудимся, да достойны будем услышать оный глас: добре, рабе, благий и верный о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего (Мф. 25, 21).

239.

1) Жатва. Все трудятся, не зная утомления: так и нам надо, — всякому в своем деле трудиться. — 2) Там могут ссылаться на немощи, а нам нельзя; ибо требуется только: восхоти и взыщи. — 3) Так действовали отцы, и теперь вкушают плоды того. [4, 17].

1). Время жатвы, как видите, и каждый земледелец поднимается на собрание семян. Ни труд усиленный, ни солнце палящее не утомляют делателя, но с утра до вечера трудится он, то сгибаясь, то выпрямляясь, пока не кончит предлежащего ему дела. — А мы, рабами Христовыми именующиеся, и монашескую проводящее жизнь, имеем ли также жатву? — Да имем, — и такую жатву, какую Господь наш Иисус Христос указал ученикам Своим, говоря: не, вы, ли глаголете, яко еще четыре месяцы суть и жатва приидет? Се глаголю вам, возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть к жатве, уже. И жнй, мзду приемлет, и собирает плод в живот вечный: да и сеяй вкупе радуется и жнй (Ин. 4, 35. 36). Очевидно, таким образом, что у нас есть и сеятва и жатва, и притом не определенное какое время продолжающаяся, но непрерывно нам предлежащая и на всегда. Будем же, братие, жать усердно, именно учащий учение, предстоятельствующий попечение о всем, эконом экономии, служащий служению, послушник послушание, безмолвствующий безмолвие, молящийся терпеливое пребывание в молитве, все все во всем, сколько сил есть. Ни с чем несообразно было-бы, когда плотски действующие так усердно прилежат к своим делам, нам к духовным деланиям нашим приступать лениво и небрежно; когда те, потом обливаясь, не отступают от трудов, нам отвращение иметь к аскетическим рачениям. Не царствие ли небесное предлежит нам? не жизнь ли вечная? не радость ли неизреченная? — Да и возможно ли, предаваясь лености, стяжать что либо великое и вожденное? Никак. Итак воспрянуть надо от сна лености и нерадения, и со всем рвением взяться за дело: ибо ищется не что либо тленное и скоропреходящее, но нетленное и вечное; так что и о нас можно будет говорить: труды рук твоих снеси, блажен еси и добро тебе будет (Пс. 127, 2).

2) Не говори никто: немощен я, не могу жать. Немощный телом не может подъять телесных трудов; в духовном же делании восхоти, и будешь силен творить благое: слезу имеешь, сокрушение имеешь, хранение ума имеешь, мир имеешь и святыню, кои паче всего любезны Богу (Евр. 12, 14). Не говори никто: разбился я в падении, не могу подняться и право ходить. Ты только восхоти и взыщи, — и воздвигнет тебя воздвизаяй от земли нища, и от гноища возвышаяй убога (Пс. 112, 7). Еда падай не встает? Или отвращаясь не обратится? (Иер. 8, 4). Живу Аз, глаголет Господь, не хошу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему (Иезек. 33, 11). Какой же благословный предлог можем мы иметь, какое благовидное извинение в том, что не со всем рвением приступаем к деланию заповедей, чтоб улучшить таким образом обетованная блага?

3) Смотри, как потрудились св. отцы, сеяли, жали, собирали в житницы свои, и ныне радуются, ожидая явления последнего дня, в который возсияют они, как солнце. Не допустим же, братие, себя отчужденными быть от блаженных оных, и за немногия ничтожныя и маловременныя удовольствия

не продадим спасения нашего, имея за то безсмертно мучимы быть; но, сколько сил есть, будем напрягаться теши вслед их, все перенося и все претерпевая, да наследуем царствие небесное во Христе Иисусе, Господе нашем.

240.

1) Миряне, умирая, оставляют завещание; и от иноков бывает завещание; какое? — Что мы странники и пришельцы здесь, и должны искать не здешняго. — 2) Послушаемся сего завещания и возьмемся исполнять его, — 3) подражая отцам, которые все так поступали. [4, 18].

1) Время жатвы расслабляет тело, тяжелым делает бдение, а иной раз разленивает и к слушанию поучений. Но поелику, мы, по законоположению Апостола, должны быть, как ежедневно умирающие; умирающий же обыкновенно говорит последния свои слова, надгробныя и отходныя, и тем внимательными делает слушающих; то не будем лениться слушать и мы, но будем внимать тому, что говорится, как бы присутствовали при чтении завещания. — Завещание живущих плотски, как плотское, и говорить о плотском, именно, какое наследство оставляется жене, детям, братьям, сродникам, и какия еще делаются распоряжения, как обычно бывает. В нашем же быту завещание ничего такого не заявляет; но что? — То, что мы странники и пришельцы есмы на земле и что как ничтоже внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем (1 Тим. 6, 7), переходя из тления в нетление, из безчестия в славу, из смертности в безсмертие; так что не погрешил бы, кто такое завещание назвал Евангелием: поелику и Апостол признавал, что разрешиться и со Христом быти много паче лучше (Филип. 1, 23). И в другом месте опять: аз уже жрен бываю, и время моего отшествия наста: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь в день он, праведный Судия: не точию же мне, но и всем возлюблшим явление Его (2 Тим. 4, 6 — 8).

2) Видите, что он о нашем отсюда преставлении говорить, как-бы Евангелие благовествуя. Итак, поелику нашеньское завещание есть Евангелие, то в сладость слушаем, что говорится в нем и в силу его, и ревностно емлемся за подвиги, не обращаясь вниманием и сердцем ни к чему житейскому, ни к родителям, ни к братьям, ни к сродникам и ни к чему вообще тварному, подражая некоему из святых отцев, который, когда выходил из келлии, клал покрывало на главу свою, чтоб не смотреть на солнечное сияние, и который, когда спросили его о причине того, ответил: «для чего мне желать видеть этот временный свет?» Сей боголюбивый муж, выступив за пределы всего тварнаго, емлется единой любви к Богу и созерцания вещей божественных. Он рассматривает и поднебесную тварь, удивляясь и хваля высочайшаго художника — Бога; но скоро, миновав все чувственное, погружается в созерцание вещей невидимых, почерпая из сего радование и веселье духовное, упоительнейшее.

3) Таков был и Патриарх Авраам, ибо написано: верою прииде Авраам на землю обетования, якоже на чужду, в кровы вселися, со Исааком и Иаковом, снаследникама обетования тогожде: ждаше бо основания имущаго града, ему же художник и содетель Бог (Евр. 11, 9. 10). Таков и великий Моисей, который верою остави Египет, не убоаяся ярости царевы: невидимаго бо яко видя, терпяше (Евр. 11, 27). Таковы и все святые, не смотревшие на видимое, но на невидимое, и стремившиеся не к временному, но к вечному и тем образовавшие себя по божественному подражанию, сколько оно доступно. — Таковое стремление восприимем и мы, и никогда не позволим себе вожделевать красная века сего, или дивиться живущим плотски; но паче постенем об них, что, прияв благовестие

о наследии обетованных благ, они суетятся о стяжании злата и серебра, и о тленных удовольствиях. Мы же, братие, говоря Апостольски, откровенным лицом славу Господню взирающе (2 Кор. 3, 18), вышняя взыщем, вышняя мудрствовать станем, идеже есть Христос одесную Бога сядя (Кол. 3, 1. 2), чтоб и о нас можно было сказать: вы не от мира сего (Ин. 15, 19), и ваше житие на небесех есть (Филип. 3, 20), где и да будет нам предстать неосужденными в день воздаяния праведного суда Божия, пред страшным престолом Христовым, и услышать вожделенный глас призвания к наследию царствия небеснаго.

241.

1) Терпение — величайшая добродетель; она — путь святых; будем и мы преуспевать в ней. — 2) Хочешь ли преуспеть? — отсеки свою волю, — и все легко будешь перетерпевать, и еще, — будь завистен в терпении; ибо чем больше потерпишь, тем лучше и выше будешь. — 3) Извещает, — что хотя они в изгнании, но живут по монастырски, и принимают желающих поступить к ним; — и прибавляет: старшие и наибольшие подавайте во всем пример младшим. [4, 19].

1) Будем радостно переносить все трудное и прискорбное Бога ради, в уповании воздаяния. Упование же видимое, несть упование как говорит Апостол: еже бо видит кто, что и уповаает? аще ли егоже не видим, надеемся, терпением ждем (Рим. 8, 24. 25). Таким образом, терпение есть величайшая из добродетелей добродетель; за терпение мученики украшены небесными диадами; терпением преподобные стяжали венцы правды. Будем и мы являть терпение в послушании, в смирении, в безгневи, в исполнении послужений, во всем, что требует подвига терпения; и равное с ними и мы получим мздовоздаяние.

2) Знаю я послушническое иго, знаю болезненность отсечения воли; но опять ведаю и сладость такой жизни. Ибо когда воля своя бывает отсечена, тогда путь легок, и спасение удобно; так что стоит только отсечь волю, как вместе с тем явится покойная и блаженная жизнь. В общежитии бывают труды, но бывают и утешения. Трудится кто больше брата? — но и воздаяние большее будет иметь он. Кийждо свою мзду приимет, по своему труду, говорит Апостол (1 Кор. 3, 8). Подчиняется кто по любви другому? Но и первенством будет он почтен в свое время. Ибо Господь сказал: иже аще хочет в вас быти первый, буди вами раб (Мф. 20, 27). Не силен кто взяться за слишком тяжелыя дела? Пусть не небрежет о тех, кои под силу ему; да во всех славится Бог, и никто да не будет негож к чему либо полезному для братства. Сие хотя часто говорено было, но и ныне не без нужды напоминает: ибо не мал предлежащий нам подвиг. Вот я положили пред лицом твоим живот и смерть, говорится в Писании (Втор. 30, 19). Чтоб мы держались жизни и избегали вечной смерти, для того слово наше и утешение, наше учение и увещание. И я знаю и убежден, что не бесполезно ни для меня смиреннаго, ни для вас слышащих бывает говоримое.

3) Не хочу же, чтоб вы не ведали, что хотя мы в изгнании за Слово Божие, но живем, как в монастыре: приходящих с желанием отрещись от мира, не отсылаем прочь. Совершаем же сие чрез рассеянных всюду братий наших, коим заповедано принимать таковых, по возможности, и сопричислять к братству. Правда, многие отошли от нас, но многие и вступили к нам: и братство наше увеличивается. Бог славится в нас; Он прославит и нас в Себе, по обетованию. Но как какво начальство, таковы и подначальные, — то прошу вас, стоящие во главе в пример другим, преподобно, праведно и благочестно поживем, самими собою (т. е. своею жизнию) направляя других к правости и в слове и в жизни. Да не будет же у нас ни крика неподобающаго, ни разговоров

спорливых; и слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созиданию веры (Еф. 4, 29), чтоб не осквернилось чрез то дело ваше в них, но чтоб, благоугодив во всем Господу, благому Богу нашему, сподобились мы получить обетованныя блага.

242.

1) Преображение — образ будущего века. К такой светлости и красоте мы предназначены, как и созданы первоначально. — 2) Поелику так есть; то возлюбим сию светлость и красоту, отвращаясь от всего безобразного, страстного и нечистаго. — 3) Если же случится что такое, поспешим очиститься; — и никто не говори не могу: ибо Бог обетовал сделать сие для ищущих; и примеров имеем множество. — 4) Почему, если кто чуждым сего остается, то по одному произвольному равнодушию и безпечности. [4, 20].

1) Предпразднество божественнаго Преображения сподобясь ныне совершать, составили мы из него и поучение, не долгим словом исполняя долг свой. Все Господские праздники напоминают таинства явления во плоти Спасителя нашего Иисуса Христа, именно, что Он родился, что окрестился, что распялся, что был погребен, что воскрес в третий день, что вознесся во славе; праздник же Преображения живописует состояние будущего века. Ибо каким образом в Преображении лице Господа просияло, как солнце, ризы же Его стали белы, как свет: таким же образом придет Он опять с небес, как молния, в силе и славе многой судить всех; и как на горе с Ним были святой Петр, Иаков и Иоанн: так тогда будут с Ним избранные в царствии небесном, наслаждаясь неизреченным Богоявлением и неизяснимым радованием. — И к силе кто доволен? Кто достоин внити в радость оную? Кто другой, как не имеющий жизнь чистую и непорочную. Чист бо будучи Бог наш, как свет светлейший, и к Себе приемлет только чистых; и чистую вложив в нас душу, чистою и потребует ее от нас. Ибо если она создана по образу Божию и подобию, то явно, что, будучи отображением богоначальной красоты, и она причастна красоты сей. И сие—то ведая, Псалмопевец, говорит: Господи, волею Твоею подаждь доброте (τῷ Κηάλλει — красоте) моей силу (Пс. 29, 8), т. е. красоте души, чтоб, иначе склонившись на безобразныя страсти греховныя и сделавшись безобразною, не отпала она от Бога и Божественных воздаяний не лишилась.

2) Поелику таким образом исповедуется, что такую имеем мы душу, прекрасную и добрую, и такую, как залог, должны будем представить ее Богу в последний день воскресения; то прошу и молю, возлюбим сию красоту ея, и такую доброту ея сохраним, не обращая внимания и сердца на красоты века сего, и на доброты плоти и крови: ибо это не красоты, а истуканы красоты, лучше же: тление и прах. Что видим мы и на бывающем у нас пред глазами: ибо ныне добротнейший и краснейший завтра полагается во гроб, издает зловоние и всех от себя отвращает. Так ничего нет здесь добротнаго и достолюбезнаго, кроме одной дивной добродетели, к которой наипаче и стремиться должно нам.

3) Если—же, как, исповедуемо, часто случается, душа нетвердая осквернится нечестивыми помыслами, — ибо кто похвалится чисто имети сердце? (Притч. 20, 9), — то поскорее надобно ее очистить и возвесть в прежнее доброе настроение, — чтоб иначе, замедлив во зле, не привлекла она смерти. — И никто не говори: не могу очиститься, будучи многими обременен грехами, слыша, что говорит Господь: аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут, яко червленое, яко волну убелю (Ис. 1, 18). Видите неизреченное человеколюбие Божие, по коему Он обещается не только очистить кающагося, но и возвесть на верх благообразной красоты? — И примеры этому пред

очами. Давид пророк был, но впал в грех блуда и убийства, однакожь не отчаялся, но, скоро прибегши к покаянию, опять получил пророческий дар . — Манассия царь пятьдесят пять лет отклонял Израиля от истиннаго Бога; но покался, — и уллучил спасение. Верховный из Апостолов, по отречении от Господа, употребив врачевство слез, опять восприял бремя Апостольства. Мария Египетская, — прохожу молчанием многие другие безчисленные примеры, — дошедшая до последнего предела нечистоты похотной, поелику покалася достождолжно, востекла потом на самый верх добродетели.

4) Таким образом ни единого предлога нет сослаться на безсилie и невозможность, коль скоро кто искренно возжелал спастися и с рвением приступить к делу сему. Только тому это невозможно, кто совершенно безчувствен, и произвольно предает себя в руки смерти. — Почему слышим: вскую умираете доме израилев, глаголет Господь (Иезек. 18, 31). Чего ради, когда предлежит нам бессмертная жизнь, мы избираем вечную смерть? Благий Владыка наш каждодневно вопиет: приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28). Но мы бремя грехов своих сбросить с себя не хотим. Он взывает: Аз есмь свет миру: ходяй по Мне не имать ходити во тме, но имать свет животный (Ин. 8, 12). А мы обращаемся в противоположную сторону, самыми делами изрыгая хульную речь: отступи от нас; путей Твоих видети не хожем (Иов. 21, 14). — После сего нам остается только выслушать приговор осуждения и отвержения: ходите светом огня вашего и пламенем, егоже разжегосте (Ис. 50, 11). Да ведаем однакожь, что таковая творящии царствия Божия не наследят (Гал. 5, 21), как говорит Апостол. — Но да не будет, чтоб это и о нас справедливо могло быть сказано. — Вы други мои есте, аще творите елика Аз заповедаю вам, говорит Господь (Ин. 15, 14). Будем же творить все заповеданное, да сподобимся друзьями Господу быть и наследовать царствие небесное.

243.

1) Преставился блаженный Михаил, Митрополит Синадский: почтим память его, ибо это и еще молитвенник о нас. — 2) Но и урок возмем от кончины его — всегда держать себя готовым к исходу; ибо смерть может вдруг застать, как видим безчисленные примеры. — 3) Не говори никто: не могу; ибо это в нашей воле. [4, 21].

1) Отец наш духовный Святейший Митрополит Синадский, Михаил, переселился ко Господу. Жизнь его была похвальна, и слово сильно; и мы веруем, что в предстоящем исповедании, вместе с другими отцами и исповедниками будем и его иметь ходатаем о нас пред Господом. Почему пусть не высятся сами в себе злоименные иконоборцы, говоря, что исповедники Христовы опечалены (смертию св. Михаила); но паче да познают, что преставление таковых лиц для Церкви Божией непоколебимая твердыня, для нас же оставшихся утверждение истины, а их омраченной прелести оплевание.

2) Но поелику спасает человека вера любовью споспешествуема (Гал. 5, 6), то прошу вас и ныне, как всегда, будем верно исполнять Божественныя заповеди, и всегда готовыми себя имать к исходу, по причине безвестности часа смертнаго. Ибо ведаете, что и названный пред сим отец наш, вдруг схваченный сильными болями и палящею огневицею, в следующий день стал безгласен, а на третий предал дух свой Господу. Но и прежде его Афанасий, знаменитый Игумен Павло–Петрский и одного дня не пролежал в болезни, но почти тотчас восхищен был из среды людей. Слышим, что иные, бывая поражаемы молниею, умирают; другие в море утопают; и словом, много есть нечаянных случайностей, по причини коих внимать себе и бояться должно, как–бы диавол, обманывая нас день

ото дня забвением смерти, вдруг не привел нас к последнему часу в крайнем изумлении, по коему мы неспособны будем сделать что либо по делу покаяния. — Не страшат же ли нас приведенные примеры? Не приводит ли нас в трепет, когда помышляем о том, что в час тот связанный язык и гласа издать не может? и о том, как изыдет душа, отторженная от тела, когда много, может быть, будет присутствующих и плачущих, но никого помогающего, кроме благой совести? Почему, прошу и молю, позаботимся всегда пребывать в исповедании, в слезах, в молитвах, в послушании, в смиренномудрии, в усиленном послушании, и во всяком добром делании, чтоб в час последний, быв застигнуты им в нерадении и беспечности, и мы не уснули в смерть вечную, об избавлении от чего молится святой Давид (Пс. 12, 4).

3) Но, может быть, иной скажет: желать желаю, но не могу. — Что за речь? — Если дело идет о том, что выходит из естественного порядка, и я согласен, что нельзя, например, нам летать по воздуху, ходить по морю, также нельзя говорить носом, а обонять языком; все такое невозможно и не естественно. Если же дело идет о том, что естественно и зависит от произволения, то такое слово ложно; ибо мы как можем разсеянно держать себя и смеяться, так можем быть степенными и проливать слезы; как можем осквернять себя грешными пожеланиями и сплетениями неуместных помыслов, так можем хранить себя непорочными и чистыми от страстей; и как можем ожесточаться и упорствовать во зле, так можем умиляться и сокрушаться. Пусть злая похоть, обратившись в нас в навык, сделала нас бессильными на добро и сильными на зло; однакожь не следует отчаяваться, — да не будет, — но опять охотно браться за дело, и всячески стараться ни одного не только дня, но и часа, не проводить беспечно, а всегда трезвиться и бодрствовать, быть непорочными и чистыми, и к Богу прилепленными, так, чтоб и нам можно было говорить: прилеп душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя (Пс. 62, 9); и таким образом, добре прошедши здешнее пребывание, переселиться отсюда с благою надеждою, и там получить Царство Небесное.

244.

1) Возвратившись с похорон Святителя Халкидонскаго Иоанна, хвалит братий, что нашел их в обычном добром порядке, и желает, чтоб они всегда были таковыми. — 2) Потом обличает неразумность неких слышанных им толков. Первый толк: святитель был святой и по вере и по жизни, как же он умер так? (от поноса). Второй толк, будто мы по воскресении не будем узнавать друг друга: ибо эти тела истлевают и разносятся не зная куда. — 3) В конце прилагается увещание: хранить веру: ибо видите сколько уклонений бывает, — равно как и жить свято: ибо ведаете, какими и великими ветрами веет на нас враг. [4, 22].

1) Не надолго отлучившись от вас в предыдущие дни, и теперь опять возвратившись, я нашел вас мирствующими между собою и в добром находящимися настроении, и возблагодарил Господа за благочиние ваше, — которое свойственно искусным и утвержденным в добре послушникам, в коем еще и еще утверждайтесь благодатию Господа нашего Иисуса Христа, чтобы, как в смиренном присутствии моем, так и в отсутствии, всегда сохраняться вам здоровыми и не поврежденными. Причиною отлучения моего была, как знаете, смерть блаженнаго Митрополита Халкидонскаго Иоанна, который, добрым подвигом подвизавшись, течение скончав, и веру соблюдши, отошел к Господу воспрять венец исповедничества с предшествовавшими святыми отцами и братьями нашими.

2) Но как он умер от изнурительнаго поноса, то некие, изумляясь сему, говорят: если он добр, то как

недобре скончался? — Таковые болят неведением дела: ибо добрая или недобрая смерть не тем определяется, что так или так кто скончался, но тем, если кто веру соблюл православную и жизнь имел безупречную; скончавшийся же именно таков был. Хоть от водяной болезни кто скончается, хоть от поноса, хоть от другаго чего разрушительнаго, — на суше или на море, ничего это не имеет укорнаго: ибо это не от нас зависит, но лежит в сокровенных судах Божиих. Бог знает, что для кого полезнее, так и устрояет, относительно ли продления жизни, или ея скончания.

Другие другое нечто словопрятая утверждают на разорение слышащих, — именно, что в пакибытие, когда Сын Божий приидет судить всех, мы не будем узнавать друг друга; ибо, говорят, как это возможно, когда мы из тленных, каковы есмы, сделаемся нетленными и бессмертными, и когда не будет еллина, иудея, варвара, скифа, раба, свободаго, мужчины и женщины, но все будут Ангеловидны? — Я же утверждаю, что возможно будет узнавать нам друг друга, и во первых припомните, что невозможная у человек, возможна суть у Бога (Лк. 18, 27); так как мы и самое воскресение исповедуем, не на человеческих мудрованиях основываясь. Ибо для сего мудрования совершенно непонятно, как телу истлевшему и всюду разнесенному, зверьми съеденному, или птицами склеванному, или рыбами поглощенному, возможно в последний день собраться во едино и воскреснуть; и однакожь неизреченною силою Божиею каждое тело и соберется во едино, и воскреснет, и всякая душа узнает свое собственное тело, с коим прожила на земле; если же свое тело узнает, то нет сомнения, что узнает и тело брата своего.

Потом, такое мудрование ведет к отрицанию будущаго Суда: ибо суд бывает над лицами знаемыми; никто и не приводит в суд людей, себя не знающих и не знаемых, но знаемых, как и написано: обличу тя и представлю пред лщем твоим грехи твоя (Пс. 49, 21). Так что, если мы не будем узнавать друг друга, то и судимы не будем; если же не будем судимы, то не получим и достойнаго воздаяния за дела свои. Ктому же опять, как исполнится сказанное Господом Апостолам: сядете на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленама Израилевома (Мф. 19, 28), если они не будут знать тех, кого судить будут?

Таким образом, отвсюду доказывается, сколь неуместно такое предположение, и по нечестию равно баснословию Оригену. Мы же, братие, веруя веровать будем, что и воскреснем, и друг друга узнавать будем не в свойствах тления, каковы мы теперь, но в красотах нетления, по неизреченному Божию хотению, как и прародители наши в раю, и прежде преступления знали друг друга, будучи нетленны, и после преступления, подвергшись тлению, также знали себя. Почему веровать должно, что в будущем веке брат будет узнавать брата, отец чадо, жена мужа, друг друга, — приложу еще, — подвижник подвижника, исповедник исповедника, мученик сострадальца своего, Апостол соапостола, — все всех, да будет всех веселящихся жилище в Боге, со всеми другими благами дающему и узнавание друг друга.

3) Прошу же вас, будем крепко хранить веру святую: ибо видите сколько уклонений бывает от нея, и сколько должны мы благодарить Бога, что не попали в какое либо заблуждение, но получили и держим веру православную. Равным образом и житие будем вести непорочное: ибо ведаете, каким ветром веет на нас диавол день и ночь; но ничего не сможет он сделать нам, всегда находя нас огражденными верою и любовию ко Христу Господу. Почему будем стоять еще, и убежит от нас дракон сей; будем плакать и угасим разжженные стрелы похотей; смиримся под крепкую руку Божию, и Он возвысит нас;—пребудем в совершенном терпении, и диавол исчезнет, а мы

спасенными внидем в царствие небесное.

245.

1) Празднество обычное, — и духовное; купля обычная и духовная. — 2) И мы купцы; маргариты для нас — добродетели; бисер многоценный — Христос Господь. Да будет же каждый из нас мудрым купцем. — 3) Торжище наше — послушания, кои все суть и маргариты, и покупание, и цена. [4, 23].

1) Там и здесь по временам совершаются празднества, как и ныне в Никомидии. На эти праздники стекаются люди, продают и покупают. Но это не надолго; ибо скоро все расходятся. Но душевный праздник один есть и непрерывный, на всю жизнь каждого простирающейся, в который предметами купли и продажи служат не золото, не серебро, не одежды и не другое что из вещей преходящих и тленных, но спасение души, жизнь вечная, царство небесное, о коих люди, все тщание должствующие иметь, мало однакожь и при том немногие заботятся, все же попечение и все усилия обращают на вещи суетныя и тленные.

2) Мы же, братие, не попустим себе уклониться от главной цели нашей, и от доброй купли, но слыша Господа говорящего: царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 21), всеусердно всякий день будем домогаться стяжать Его, не золото и серебро сокровиществуя, но веру правую и жизнь непорочную, послушание, терпите, смиренномудрие, великодушие и любовь, яже есть союз совершенства (Еол. 3, 14). Сие и Господь показал в Евангелии, сказав: подобно есть царствие небесное человеку купцу, ищущу добрых бисерей: иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его (Мф. 13, 45. 46). Вы—добрые купцы, все оставившие и вместо всего купившие добрый, предобрый, и предорогой маргарит — Христа, когда решились взять крест и идти вслед Его, в преподобии и правде. — Но как празднество есть время радования и недремлющего бодрствования, будем и мы радостны и бодренны, купуя на здешнем празднестве спасение свое. Добр продавец, который во всем действует с благоговейным вниманием и никогда не выходит из себя; добр покупатель, который безчестия принимает радостно; добр меняльщик, который дает кровь и получает Дух? чрез терпение, с коим исполняет послушание.

3) Но как слово наше коснулось послушания, то почтим в кухне исполняющих череды свои, как более трудящихся, друг друга тяготы носящих и тако исполняющих закон Христов любовью; почтим и пекущихся о необходимых потребах братий, как добрых и опытных экономов о Господе; почтим и на псалмопениях радушно и благоговейно поющих, как достойных большого воздаяния. И смотри, какова жизнь наша, каково действование, какова блаженная купля, которую деяли святые отцы наши с полным усердием, которую и мы, добре совершив и успешно окрнчив, с радостию возвратимся домой, по реченному святым Давидом: обратися душе моя в покой твой, яко Господь благодействова тя (Пс. 114, 7). И буди всем нам в час смерти испустить таковой глас, как отходную молитву, и улучшить за тем жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем.

246.

1) Бог Сына Своего едиnorodного послал в мир целителем всех недугов наших духовных и телесных и подателем всех благ: что и когда был на земле, делал Он, и теперь делает, как всякий по себе знает. — 2) Такого благодетеля как не любить вседушно; врага же нашего злотворца и губителя как не ненавидеть. [4, 24].

1) Наступило начало новаго лета, когда в Евангелии на сей день читаются такая слова: Дух

Господень на Мне: Его же ради помаза мя благовпстити нищим, посла Мя исцелити сокрушенные сердцем: проповедати плененным отпущение, и слепым прозрение: отпустить сокрушенных в отраду: проповедати лето Господне приятно (Лк. 4, 18. 19). Итак, поелику Единородный Сын Божий послан Отцем в мир, как целитель, то взыщем у Него просвещения очес как слепые, освобождения как пленные, отрады как сокрушенные. — Но кто слеп? Кто ослепляется пристрастием? Кто пленник? Кто уводится не уместными помыслами? Кто сокрушен? Кто обременен грехами? — Всех таких врачует Господь: ибо не телес только есть врач, но и душ; не тогда только жившим присущ Он был телесно, но и ныне присущ есть всем невидимо, тоже благовествуя, взяв грех мира, и врачую всяку болезнь и всяк недуг. Никто потому не оставайся не просвещенным и не уврачеванным; но да приступает с верою, и примет благословение от Господа, и милостыню от Бога Спаса своего (Пс. 23, 5). О, неизреченное человеколюбие! Он из несущих привел нас в бытие, падших опять возставил, и третью даровал нам благодать — монашеское совершенство. Но если и еще согрешаем, не отвращается, а приемлет приступающих: когда сокрушены, подает отраду; когда плачем, утешает; когда течем, намащует; когда изнемогаем, укрепляет; когда уранены, врачует, и когда на самое дно ада готовы бываем низринуться, простирает руку и человеколюбно изъемот из беды такой; так что по справедливости каждому прилично было бы говорить: аще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя (Пс. 93, 17). Отриновен превратихся пасти, и Господь прият мя (Пс. 117, 13). И всякий знает, в какия впадал искушения, и как тотчас обретал Бога помощником себе в скорбях своих. Ктому же, нас алчущих питает Всеблагий телесно каждогодными плодоносиями, духовно пречистыми тайнами, паче матери и доилицы, желая нас и объемля любительно. Мать млеко питает чадо свое до времени; истинный же Владыка наш и Отец собственное тело Свое дает нам в пищу и питие, и это всегда О, неизследованная благостыня! О, непревосходимый дар!

2) Такого же Благодетеля как не любить? Как не возделевать? И как не прилепляться к Нему до неразрывности? — И подлинно, если не будем к Нему так расположены, небо возопиет и земля возстенает на нас, и самые камни обличать будут нас в безчувственности. Посему, чтоб сего не было, крепко емлемся за возлюбление Его, крайне ненавидя диавола и отвращаясь от него. Ибо как благодетеля следует любить и возделевать в миру благодеяний Его; так в миру злодейств должно ненавидеть лукаваго и отвращаться от него. Ибо он есть губитель жизни нашей; он — человекоубийца искони, по слову Господа (Ин. 8, 44); он на безчисленное множество сект разсек род наш, по мудрованиям их, многими стрелами греховными уязвляет его и ищет совсем поглотить его. Такого его если мы не будем ненавидеть, то не найдется мука, которая, как заслуживаем, мучила бы нас за это, — за то, что мы к врагу своему душегубителю прелагаемся. Но побегим от него, братие, побегим, сколько сил есть. Бежание же сие что есть? Есть воздержание от злых дел и помышлений, равно как и к Богу прилепление, и на добрыя дела себя посвящение. Почему емлемся за добро, со всем смирением, кротостию и благопокорностию работая Господу, в уверенности, что всякое добро, не огражденное смирением, незрело и непрочно. Если же есть такие, кои надменное имеют о себе мудрование, смиримся под крепкую руку Божию, да не вотще течем, но наследия да сподобимся царствия небеснаго.

247.

1) Ныне время собрания винограда: от сего и урок нам, ибо и мы виноград. — Как Божий виноград, приносить должны грозды добродетелей, всецело посвящая себя Господу. — 2) Не будем

возвращаться вспять, ни ходить двумя стезями. — 3) Когда же враг начнет искушать, вступим в борьбу, и поборем его. [4, 25].

1) Ныне коснемся словом того, что у нас пред очами. Что-же это? Настало собрание винограда; и видим, что где ветви обременены гроздами, там радость и благословение, а где их скудно, там печаль и горевание. — Нам же что до того? Скажет кто из слышащих. — И очень много, потому что иносказательно и мы называемся виноградником Господним. Или не знаете, какую песнь поют во время совершения схимы? И не все ли мы подпеваем ее? — Господи, Господи! Призри с небесе и виждь и посети виноград сей, его-же насади десница Твоя (Пс. 79, 15. 16). И Господь в Евангелии не говорит ли? Аз есмь лоза, вы же родие; и иже во Мне и Аз в нем, той сотворить плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5). Будем же во благом Владыке нашем, яко от Него насажденные — виноградоподобно, и принесем Ему грозды добродетелей, да сподобимся благословения от Него. И да не будет нам, терния и волчцы страстей принося, подпасть под такой осудительный приговор: всяко древо не приносящее плода, добра, посекается и во огонь вметається (Лк. 3, 9). В отношении к нам это будет — посекается, чрез смерть, а во огонь вметається, разумеется — в огонь вечный, в который ввержены будут все, худыя творящие дела, отступающие от исповедания, тела свои растлевающие пороками, облацы безводни, от ветр преносими: дресеса есенна, бесплодна, дважды умерша, искорененна: волны свирепыя моря, воспевающе своя стыдения: звезды прелестныя, имже мрак тмы во веки блюдется (Иуды ст. 12, 13). Почему Апостол Павел вопиет: бегайте блудодеяния; всяк бо грех, его же аще сотворить человек, кроме тела есть: а блудяй, во свое тело согрешает. Или не весте, яко телеса ваша храм живушаго в вас святаго Духа суть, его же имате от Бога, и несте свои? Куплени бо есте ценою (1 Кор. 6, 18—20).

2) Как же не стыдимся неба и земли мы, купленные честною кровию Христовою, опять возвращаться вспять? Как не краснеем пред самими собою, со вне являясь святолепными, внутри же будучи исполнены всякой нечистоты? Доколе будем хромать на обе плесне? Когда наконец установимся на одном пути? Ибо, говорит премудрый: горе грешнику ходящу на две стези (Сир. 2, 12), греха, т. е. и добродетели; потому что они ничего не имеют дружественного между собою. Нельзя назвать благоумным домочадца, который то господину своему служит, то врагу его. Всецело надлежит нам посвятить себя Богу: ибо только таким образом можем мы сделаться причастными жизни по Богу. Почему не будем останавливаться на чувственном, как безсловесныя животныя, но душевными силами взыдем к созерцанию небеснаго, обращая чувства от тленнаго к нетленному, от скорогиблющаго к негиблющему.

3) Не попустим также, чтобы наш софистический сплетатель зла растлевал сердца наши ядом злых помыслов; но как только всеет он сласть похотную, или другое какое зло, поспешим поскорее оттолкнуть от себя лукаваго льстителю. Как? молитвами и молениями, слезами и воздыханиями, и сердечными сокрушениями. Такова невидимая брань наша, таково не провозглашаемое борение и подвиг. Будем же, подражая телесным воинам, горя духом, прогонять невидимых врагов своих, — и как те в надежде воздаяния и раны приемля не отступают, так и мы, хотя бы бесчисленными покрыты были ранами, не обратимся вспять, но все будем стоять и стоять, воевать и воевать, Божию будучи укрепляемы помощию. Молю вас об этом: ибо для этого и тружусь я, говоря вам свои краткия наставления. — И за тем радуюсь о добре шествующих и воздыхаю о тех, кои поскользаются. Но да будем все правошествующи, благодействующи, смиреннотерпящи, в

псалмопениях, молитвах, в службах, в послушаниях, в смирениях: и Бог мира будет с нами.

248.

1) Получив дар освящения, будем хранить его, бегая наипаче похоти плотской: ибо она противна состоянию во благодати; низвергает в рабство; исполняет страшливостию. Умерщвление же ее дает все противоположное сему. [4, 26].

1) Радостию радуемся, когда приходит какой-либо Господский праздник. И праведно: ибо мы при сем просвещаемся, входя в созерцание таинства, ради коего установлен праздник. Так сие есть и ныне, в день Воздвижения честнаго и животворящаго Креста. Ибо какая радость, и какое восхищение, что древо, — на коем стояли ноги Господа нашего Иисуса Христа, на коем Он распятый истощил животворящую кровь Свою, — что сие древо мы сподобились не только видеть, но и лобызать и обнимать? Сколько иной трудится, чтоб собрать себе побольше злата гиблющаго? А нам, — тотчас и дар: ибо вместе с тем, как мы облобызали крест, прияли просвещение, освящение и избавление. Так скоро благодать, так безтруден дар! — Но для сохранения такой благодати неотложно потребен труд молитвы и бодреннаго внимания, особенно потому, что на легко стяжанное обыкновенно легко смотрят и, не как следует, берегут то. Вот почему и взываю к вам: будем блюстись от такой погрешности, и станем тщательно блюсти дар.

Освященных уст наших не оскверним словами ложными и беседами суетными; освященных очей наших не омрачим блудными воззрениями; облистаннаго сердца нашего не очерним скверными воспоминаниями. И да не царствует, как вопиет Апостол, грех в мертвенном вашем теле, во еже послушати его в похотех его: ниже представляйте уды ваши оружия неправды греху: но представляйте себе Богови яко от мертвых живых, и уды ваша оружия правды Богови. Грех вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию (Рим. 6, 12—14). Видишь ли, что в законе был царствующим грех, в благодати же правда, воцарившись, избавляет нас от всякаго греха? — как написано: но омыстесь, но освятитесь, но оправдистесь именем Господа нашего Иисуса Христа, и Духом Бога нашего (1 Кор. 6, 11).

Почтим, прошу, очищение, сохраним освящение. Что мы сами себя низводим в безчестие, соделавшись почетными? Что более надлежащаго печемся о теле, которое спустя немного оставим во гробе? Что приятно считаем похотную сласть, когда она воистину есть смертоносная болезнь? Похотная сласть есть удочка диаволова; она есть поджошка огня неугасимаго; и однакожь мы, люди влечемся к ней, как рабы, сами отдавшие себя в плен.

Я слышал, как никто из одержимых сею страстию говорил, что лучше петлю на шею, нежели раболепствовать сему греху; ибо он, как жестокий деспот, повелевает рабу своему: ступай, — и отходит; приди, — и приходит; сделай то-то, — и делает; таким-же образом нечто и еще гораздо худшее своему подчиненному повелевает грех сей, именно: говори срамное, — и говорит, сделай дурное, — и делает.

Обыкновенно подобно Каину стенет и трясется таковой: плывет ли на море, подозревает кораблекрушение; проходит ли по пустыне, — боится, что впадет в руки разбойников; ударит гром, — и ему кажется, что он именно для него случился; блеснет молния, — и он боится, как бы она его не опалила; он видя не видит, и слыша не слышит, разстроенныя имея чувства. Что ужаснее такой жизни? Мне кажется, что лучше отдану быть зверям, чем пагубным страстям, потому что там только тело гибнет, а здесь и душа и тело.

Но совсем не то бывает у добродетельного. Будучи свободен от греха (говорю это не об одной сласти похотной, но и о всякой другой страсти), он радуется и вкушает удовольствие сам в себе: царствует правдою; не страшно ему ни на море, ни на суше: ибо имеет живущим в себ Бога, к Коему и взывает в опасных случаях: не убоюся зла, яко Ты со мною еси (Пс. 22, 4); не убоюся от тем людей, окрест нападающих на мя (Пс. 3, 7); не убоюся, вегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская (Пс. 45, 3). Видишь, что значить добрая жизнь? Она—то и есть настоящая блаженная жизнь. Ее и мы восприяли по милости Божией; о ней теперь и вся забота наша и попечение. Возревнуем же паче и паче преуспевать в ней, всему подчиняясь с благоговением, делом являя всякое послушание, всякое смиренномудрие, всякую чистоту душевную.

249.

1) Смотря на то, как засевают поля, возьмем урок засевать себя семенами духовных расположений. —

2) Ночи увеличились: попейтесь воздерживаться от многоспания, равно как и от всякаго излишняго удовлетворения других потреб телесных. — 3) Царь воротился с похода; но не падайте духом: возверзим на Господа печаль свою. [4, 27].

1) Время ныне у нас сеяты семян вещественных, — пшеницы и других; и видим, как люди с раннего утра спешат на дело сие и до ночи трудятся неутомимо, всячески стараясь и хорошо посеять, и достаточно на свои годовыя потребности телесныя. Что—же мы, духовной сеяты делатели, спим и остаемся не засеянными, чем должно? И как потом стерпим глад вечный? И какое оправдание представим своему бездействию? — Пробудимся лучше от сна, и начнем работать еще усерднее тех, кои сеют вещественное. Ибо сеяй скудостью, скудостью пожнет, а сеяй о благословении, о благословении и пожнет (2 Кор. 9, 3). — Но что нам сеять? — Молитвы, моления, прошения, благодарения, веру, надежду, любовь. Вот семена благочестия; вот чем питается душа. Но в вещественной сеявке долготерпит земледелец, ожидая дождя, когда придет, утром или вечером. В нашем же духовном сеянии мы сами господа того, чтоб дождить и орошать, т. е. плакать и сокрушаться, когда хотим, и сколько угодно. Если же таким образом дело это в нашей власти, то прошу, будем засевать, как можно, больше и орошать обильнее, и умножать порождения правды нашей, чтоб, когда настанет духовная жатва, могли мы и руки и лоно наполнить духовными рукоятями, и сподобиться услышать: благословение Господне на вас (Пс. 128, 8). Благословихом вы из дому Господня (Пс. 117, 26). Труды рук твоих снеси, блажен еси, и добро тебе будет (Пс. 127, 2). — И об этом таково слово наше.

2) Но хочу напомнить вам, братие, что ночи у нас ныне стали увеличиваться, по мере умаления дней. Известно же вам, что как бдение изсушает тело, так многоспание утучняет плоть; а вместе с утучнением плоти питаются и страсти. — По сему случаю имею вам нечто сказать. Что же? Кийждо вас псалом имать, учение имать, молитву имать: все же соразмерно да совершается, вся к созиданию души да бывают (1 Кор. 14, 26), к благоустроению духа, да не искушает вас сатана невоздержанием (1 Кор. 7, 5). Говорю это не в отношении только ко сну; но и в отношении к пище и питию, и ко всему другому: ибо все, в меру бывающее, прекрасно, потому что соблюдает нас безопасными от уклонения на ту или другую сторону и от преткновений.

3) Теперь одно слово вот о чем: так как державный (царь) возвратился с похода, то, может быть, в сердцах ваших поднимаются помыслы, как после сего пойдут дела церкви, и в частности наши. — На это имеем мы руководство в Писании: возверзи на Господа печаль твою (Пс. 54, 23), и той сотворить;

и еще Бог по нас, кто на? (Рим. 8, 31). Как в предшествовавшие года сохранял Он жизнь нашу, избавляя нас от разных искушений и скорбей; так и после сего будет, как уповаем, хранить нас. Только достойно Евангелия будем житьствовать, небесное имея житие, как странники и пришельцы на земле. Ибо кто из вошедших от века в жизнь здешнюю, остался в ней на всегда? Не все ли, приходившие, опять вышли, как из страны чуждой? Так что здешнее пребывание есть для нас пришельствие, истинное же наше обитание и наследие в другой жизни, — в которую переселившись, да сподобимся со всеми святыми наследниками быть царствия небеснаго.

250.

1) Указывает, коль велико благо нам во Христе Иисусе — обновление жизни. — 2) Какое назначение трех сил душевных, и какъ извратило их падение. — 3) Приглашает право действовать всеми силами и хранить благородство, коим облагорожены мы в Господе. — 4) Заключая: так действовали отцы; так будем действовать и мы. [4, 30].

1) Велико и неизреченно человеколюбие к нам Господа нашего Иисуса Христа, что Он не только пришед благовести мир наш далним и ближним, как написано (Еф. 2, 17); но и возшед на небеса, оставил нам святых Апостолов тоже самое благовествовать, — как пишет блаженный Павел: по Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе, примирится с Богом: не ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем (2 Кор. 5, 20. 21). Какое безмерное о нас попечение! Какое неизреченное человеколюбие! Не ведевшаго греха по нас грех сотвори. Как и каким образом? — Не о грехе, как справедливо осуждаемом, беззаконном действии говорит Он. Да не будетъ! — Ибо греха Он не сотвори, ми обретесе лесь во устех Его (1 Петр. 2, 22). Но о том, что Он облекся в наше, поврежденное грехом, естество, что недуги наши прият и болезни понесе (Мф. 8, 17), что за нас распят был и безчестнейшей подвергся смерти. Вот что значит: по нас грех Его сотвори! Для чего? да мы будем правда Божия о Нем. Как? Избавившись от греха, осуждения достойнаго, и в Нем живя и движась. Почему и наводит, говоря: споспешествующе же и молим, не вотще благодать Божию прияти вам (2 Кор. 6, 1). Видите, как уговаривает и убеждает? — Что значит: не вотще благодать Божию прияти вам? То, чтобы мы не возвращались вспять, чтоб не поддавались тем же страстям, от коих отказались и не были нарушителями обетов, какие дали пред лицом Бога и св. Ангелов. — Но что? но да вообновлении жизни ходити начнем (Рим. 6, 4), — жизни чистой и непорочной, добродетельной небесной.

2) Дошедши до сего, хочу показать вам некую сокровеннейшую силу слова. Чтоже именно это такое? — Душа человеческая имеет три силы, — мыслительную, раздражительную и желательную. Дело мыслительной силы — веровать во Святую Троицу; дело раздражительной — гневаться на змия искусителя, отнюдь не подпуская его к себе; дело желательной — вождевать и любить сотворшаго нас Бога. Но диавол, изменив и извратив сии душевныя силы, начал устроить нам чрез них пагубу. Как? — Силу желательную в праотце нашем Адаме соблазнив ко вкушению запрещеннаго; силу раздражительную в Каине возбудив к убиению брата его Авеля; силою мыслительною уклонив человечество к идолопоклонству. Вот каков образ действия завистливаго врага нашего!

3) Мы же пребудем в том, к чему созданы: всеми тремя силами утверждаясь в добре, и украшаясь Духом, не попустим себе погубить благородство, коим облагородил нас Господь, усыновив нас Богу и Отцу. Елицы же прияша Его, говорит Евангелие, даде им область чадом Божиим быти (Ин. 1, 12).

Поелику, таким образом, мы соделались чадами Божиими, не дадим себ стать чадами гнева; поелику наименованы наследниками Божиими, не попустим себе сделаться наследниками огня неугасимаго, поелику признаны членами Христовыми, да не сотворим себя удами блудничими; не будем озираться на мир и на то, что в мире, не будем обращать очей на красная здешней жизни, кои суетны и скорогиблющи. Пусть, говорю предположительно, насытимся мы удовлетворением похоти плоти и крови: кая польза в крови, внегда сходити нам во истление? (Пс. 29, 10). Взглянем во гробы, и увидим, чем кончается похотная сласть. Пусть обложены мы стяжаниями и деньгами; что же? Не нагими ли мы вошли в мир сей? — Нагими и выйдем из него, ничего не унося с собою, кроме дел правых или неправых. Почему св. Давид и вопиет: едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святой Его (Пс. 26, 4).

4) Вот блаженная жизнь! Вот благая часть, которую избрали святые отцы наши, как и ныне воспоминаемый Павел, блаженный исповедник, котораго каковы и колики борения и подвиги, мы немного слышали, и которому подражая, будем усердно продолжать труды нашего подвижничества, и переносить тяготу гонения, коего удостоились, не отступая и от обычных у нас деланий; будем неутомимо тещи путем своим; и если поткнемся, поспешим скорее встать, побеждая супостата своего диавола, да и мы получим венец правды со всеми святыми, во Христе Иисусе, Господе нашем. 251.

1) От бользни своей — переходить к мысли о смерти и от страданий в бользни — к мукам вечным. — 2) Сказывает, как в тогдашнем гонении одни прославились, а другие посрамились и совсем потерялись. — 3) К последним — слово сожаления, обличения и устрашения последствиями. [4, 31].

1) Болел я, и молитвами вашими оздоровел опять. Но доколе будем мы опять таким образом возвращаться к здравью? — Придет всеконечно смертный час, когда не будет иметь места это возвращение; придет и отдалит меня от вас и перешлет отсюда во иную сторону. Однако поэтому вам не следует помышлять о сиротстве: ибо не ложен сказавший: не оставлю вас сирых (Ин. 14, 18), — и: се аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Мф. 28, 20). Кроме того, — увидим друг друга в день оный; но — когда бы можно было сказать: в радости неизреченной и в жизни нескончаемой! — А что перестрадал я во время болезни, знаете; как, будучи схвачен ознобом, подвергся я нестерпимому трясению, как скоро потом был объят палящим жаром целый день. — Страдая так, я подумал тогда в себе самом, — не так ли и в будущем веке от мук в тартаре будут переводить в геенну огненную, так что двум, или и больше того, мукам будет повинен бедный человек? Но одной или двум подвергнется кто там мукам; из здешних страданий можно заключать, сколь нестерпим гнев Божий на грешников, и от сего объявшись страхом и трепетом, принять решение всячески попещись не впасть в нестерпимыя оныя муки.

2) Вот и настоящее гонение для одних послужило поводом к проявлению добродетели, и они просияли яко же светила в мире, слово животное придержаще, в похвалу мне, если можно так сказать, в день Христов (Филип. 2, 15. 16). Сколько добра они сделали? И какого усовершенания достигли? Что и себя самих спасли и спасают, став опытными чрез подъятие искушений и очистившись, как злато в горниле, чрез перегорение в огне скорбей и страданий, — и других привлекают к тому же, явсь таким образом спасителями многих и своих, и чужих. Для других же,

впрочем очень немногих, гонение было поводом к делам злым, по причине их самопроизвольной жизни, не стесняемой законом послушания и оставляющей им свободу совершать свои стыдения. Почему очень уместно сказать о них словами Писания: потемне паче сажи вид их (Плачь Иерм. 4, 8).

3) К таковым и я возопию: сыны беззаконные, вы оставили Господа, изменили законы монашеского жития, право ступать не умеете, но как хромые шатаетесь туда и сюда; отстали вы от спутников своих и стали женолюбивы; иные из вас живут одни; другие же рабов нанимают, и даже в торги пускаются, побуждаемые сребролюбием. Не страшит вас ни кара пророческая, ни угроза Апостольская, ни увещания моего смирения. Один же из таковых, пленившись красотой, поползнул на хищение, и даже на отречение от Бога. — Что делаешь ты, несчастный сын погибели? — Сколько раз пел ты: камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бегу? (Пс. 138, 7). Или увлекшись совсем хочешь ты сдружиться со змием, прельстившим Еву и вместе с нею изгнавшим из рая праотца нашего Адама? Не думаешь ли еще отречься от Христа, с коим сочетался чрез обет девства и сочетаться с грехом, чрез который смерть вошла в мир? Не слышишь разве, что вопиет Евангелие о действующих сим образом: червь их не умирает и огонь не угасает? (Мр. 9, 44)? Не внемлешь тому, что говорит Апостол: блудником и прелюбодеем судит Бог? (Евр. 13, 4)? Что приобретаешь ты чрез совершение греха? Не мрак ли и пронзение сердца, как мечем? Не низвержение ли в глубину отчаяния? Не самого ли, прельстившаго тебя сатану, который теперь понуждает тебя ухватиться за петлю, как некогда Иуду? Отрезвись, омраченне; беги от сети смертной, погибельне; не давай себя запутаться в пленке адской, чтоб потом здесь жить жизнью Каина, стняя, трясясь и бегая всякаго знакомаго лица, и в будущем веке быть осуждену в геенну огненную; когда придет Господь прославится во святых своих, и дивен быти во всех (2 Сол. 1, 10), верно ходивших по заповедям Его, — им воздавая достойныя награды, а противоположных им отсылая в уготованныя им нескончаемыя муки.

252.

1) Богоявление приводит на ум величие благ от пришествия Господня на землю во плоти. — 2) Что воздадим? — мы воздаем свою крестоносную в подвигах жизнь, и настоящее исповедничество пред иконоборцами: только постоим твердо в том и другом. [4, 32].

1) Се приближается праздник Богоявления, — и день радости при дверех, радости воистину великой, какой не было от века. Ибо Сын Божий грядет к нам, не в гаданиях и символах, как видим бывал Он ветхозаветными отцами: чрез рождение от Девы нисходя и самолично являясь нам, чего ничего не было блаженнее в родах родов, и ничего предивнее во всех чудесах, какия сотворил Бог от века. Посему Ангелы благовествуют о совершившемся таинстве; звезда указывает, что на земле родился пренебесный; пастыри спешат увидеть благовещенное им спасение; маги несут царственные дары, и поется необычайно новая песнь о необычайно новом деле Божиим, коим в вышних Бог прославляется, на земле же мир водворяется, как свидетельствует и Апостол говоря: Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино, и средостение ограды разоривый: вражду плотию Своею, закон заповедей ученими упразднил: да оба созиждет во единого новаго человека, творя мир: и примирит обоих во едином теле Божови крестом, убив вражду на нем (Еф. 2, 14—16). Сие желали видеть от века пророки и праведники, но не видели, как только верою. Мы же и видели и руками своими осязали Его, как написано, — видели и возвещаем о сем Слове животном: живот явился, и мы прияли сыноположение (1 Ин. 1, 1. 2).

2) Но что воздадим Господу о всех, яже воздаде нам? В ответ на это возгласил предварительно уже св. Давид: чашу спасения прииму и имя Господне призову (Пс. 115, 3). Но будем, братие, радоваться, — что и мы сподобились воздать воздаяние Господу о всех, яже воздаде нам. — Какое же это воздаяние? Крестonosная жизнь, воспринятая нами, и исповедание, в коем стоим и хвалимся упованием Славы Божией (Рим. 5, 2). — И это надлежит нам праздновать не один день, но чрез всю жизнь. Те, которые управляются плотию и в плену находятся у страстей, ни праздновать не могут, хотя кажутся празднующими, ни свободными быть, будучи рабами страстей, проданными под грех, о чем и написано: всяк творяй грех, раб есть греха. Раб же не пребывает в доме во век: Сын пребывает во век (Ин. 8, 34). Так как и мы сподобились названными быть сынами по благодати, то и в доме пребудем во век, аще точию начаток состава даже до конца известен удержим (Евр. 3, 14). Почему Духом Святым будучи укрепляемы, будем стоять в монашеском нашем устройении и да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел (Евр. 10, 24), — в послушании, смирении, кротости, и во всех других прекрасных рачениях, не ослабевая в своей доброй решимости, но усилия к усилиям прилагая, и это тем паче, чем более приближающимся видим день Господень. Ибо приближается день сей великий и славный, в который Судия всех открыто явится, и узрен будет во славе, в коей виден был Апостолами в божественном Преображении, — и воздаст каждому по делам его. — Буди и нам со всеми святыми узреть Его благоволительным лицом воззревающим на нас и приемлющим в царство Свое небесное.

253.

1) Странствующему в пустыне Израилю был обещан покой; но не все вошли в него. И нам обещан покой; и мы можем не все войти в него. — 2) Как сделать, чтоб войти? — Не надо поступать так, как те поступали. [4, 34].

1) Се переходим из года в год, из одного времени года в другой, от праздника к празднику, и остановки нет никакой в течении жизни сей. — Всяко однако должны же мы дойти до конца ея и войти в покой свой. Вшедый бо в покой Его, и той почи от дел своих, якоже от своих Бог, как написано (Евр. 4, 10). Какой же это покой? — Царствие небесное, в которое подвигая нас, Апостол говорит: Потщимся убо внити в покой оный, да не кто в туже притчу противления впадет (Евр. 4, 11). — Что он хочет сказать? То, что как Израильтянам обещал Бог, что введет их в землю обетования; — за то же, что они потом оказались непокоривыми и преогорчали Его, не пришлось им войти: — так и мы, если будем непокорны заповедям Его, никак не войдем в царство небесное. Четыредесят лет, говорит Господь, негодовах ради того, и рех: присно заблуждают сердцем, тии же не познаша путей моих: яко кляхся во гневе Моем, аще внидут в покой Мой (Пс. 94, 10. 11). Так было у них; у нас же ни четыредeсять лет, но в продолжение всей жизни каждого ожидается покорность. Почему если не постараемся исполнить все заповеди Божии, то Он и о нас скажет: не внидут в покой Мой. Но тех не вошедших кости пали в пустыни; если же мы не войдем, то и тела, и души наши ввержены будут в геенну огненную; а это наказание несравненно тяжелее того, ибо написано: отвергся кто закона Моисеева; без милосердия при двоих или трех свидетелех умирает; колико горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, ею же освятися, и Духа благодати укоривый (Евр. 10, 28. 29).

2) Какая же причина преградила тем вход? Неверие, ропот, хула, противоречие, ожесточение, гордость, блуд. Вот что погубило тех. — Бежим же от сих страстей, как от лица огня, не неверуя

обетованиям Божиим, но веруя, что Он силе и исполнить, что обетовал; и роптать не будем (1 Кор. 10, 10), ни хулить, ни ожесточаться, ни противоречить; будем же друг другу блази, милосерди, прощающе друг другу, яко же и Бог во Христе, простил есть нам (Еф. 4, 32), всегда мертвость Господа Иисуса на теле носяще (2 Кор. 4, 10), всегда готовы будучи на смерть за Христа, всегда обновляясь молитвами, молениями, слезами, созерцаниями небесных видений. Так жительствуя, внидем мы не в землю, текущую медом и млеко, как древние, но в землю кротких, туда, где источник жизни и безсмертия, где красота небеснаго Иерусалима, где радость и веселие, где блистание блаженных и живоначальная Троицы!..

254.

1) Девство выше брачной жизни. — 2) Благодаря Бога за удостоение нас сего звания, будем внимать, чтоб не пасть. — 3) Какое к тому средство? Борьба и преодоление низшаго высшим, к чему направлены все наши подвиги. — 4) Приложу еще одно слово: брат Мемнон возвратился: примите его с братскою любовию, как в притче отец принял сына, отходившаго от него. [4, 35].

1) В беге состязающееся на ристалищах однажды в год делают это, — и то на короткое очень время; за тем состязание прекращается: и победители, и побежденные, и зрители расходятся. Но совершающие поприще девства текут не один день, а всю жизнь; и путь их, и течение по нему невидимы, как невидима и брань, какую имеют они с невидимыми врагами. Девство есть величайшая добродетель, досягающая самага верха небес. — Люди по образу жизни на двое делятся: одни живут брачно, а другие безбрачно. Брачно живущие составляют низший мир, и безбрачные наполняют мир высший. Те подлежат работе тлению, а эти сподобляются блистать нетлением. И как если бы кто увидел человека окрыленным, справедливо удивился бы, как он имеет вид то человека, то Ангела: так и хранящий подвижнически девство странное некое зрелище представляет и для Ангелов, и для людей: во плоти он и выше плоти; в мире и выше мира; почему когда кто отрекается от мира, говорят, что он избрал образ жизни премирный: и Господь в Евангелии сказав: суть скопцы, иже из чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася от человек: и суть скопцы, иже исказиша сами себе, Царствия ради небеснаго, приложил: могий вместити, да вместит (Мф. 19, 12). Видите, что для многих дар сей невместим, и отложен только для тех, кои распинают себя образом жизни своей.

2) Будем же радоваться и срадоваться друг другу, — будем благодарить, безмерно благодарить, что, по человеколюбию Божию, призваны мы в такое достойное звание, коим Бог прославляется и коему люди удивляются. И не только это, но и жизнь будем вести, сколько можно, внимательнейшую, потому что многие падали с такой высоты, как в давния времена, так и ныне, одни надмившись превозношением, другие поражены быв беспечною и нерадением, из коих то и другое пагубу душе причиняет.

3) Какое же средство избавления от сего? — Птица в полете своем имеет средство избавления от беды; ибо когда почует близость ловца, расправляет крылья, перелетает в другое место, — и избегает уловления. Так и мы, когда ловец душ наших диавол приступит, тогда, как окрыленные духом, воспарив созерцанием горе, взыщем вышних и горняя возмудствуем (Кол. 3, 1. 2). Подлагает ли он сласть похотную? Мы возставим чувство благородства души. Выдвигает ли действие греха? Мы всею мыслию обьемем строгость суда. Так противопоставляя одно другому, и помыслы помыслами отражая, спасемся от всегубителя. Какой же потом конец подвигов? Для плотских борцов — венец

тленный, а для нас нетленный; для тех — радость временная, а для нас веселие вечное. И блаженны мы, аще дерзновение и похвалу упования даже до конца известно удержим (Евр. 3, 6). Почему, прошу, пребудем в молитвах и молениях, в сокрушении и слезах, в смиренномудрии, послушании, исповедании, и в других подвижнических деланиях, и с Божиею помощью одержим победу над врагом. Но об этом довольно.

4) Теперь о брате Мемноне. Так как он, хоть какнибудь, опомнился и возвратился; то нам надо приять его, да не како мною скорбию пожрен будет таковой (2 Кор. 2, 7). — Имею однакожь сказать вам при сем — что всяк творяй грех не только раб есть греха (Ин. 8, 34), по слову Господа, но и мерзок для любителей добродетели и, может быть, иной устыдился бы облобызать его, чтоб не запятнаться грехом его. Но поелику Господь наш Иисус Христос, расточившаго все свое с блудницами, блудного сына не отверг, когда он возвратился, — то и мы не оттолкнем от себя, но приимем брата сего дружелюбно, и возвеселимся о возвращении его с благодарностию и помолимся о спасении его. — Так исполняя заповедь, как ученики Господа Спаса нашего, достойны будем наследовать царствие небесное.

255.

1) Сколько у нас скончалось братий в изгнании за иконопочитание и от мук? Это свидетели истины православия. Еретики ничего такого не представляют: ибо чувствуют, как нетверды основы их. Мы же назданы на основании Апостолов и пророков. — 2) Для спасения нам остается только наздавать на сем основании злато и серебро и камень честное, т. е. святую и непорочную жизнь, очищая ее покаянием, коль скоро случится согрешить в чем. [4, 36].

1) Почил брат наш Феодор, — один из лучших, и по послушанию искусный, и по исповеданию надежный, раны приявший за Христа, в темнице и в изгнании окончивший жизнь. Что может быть радостнее сего? Столько братий наших (до сотни и с прибавком простирается число их) в каких местах заброшены были, там, возсияв подобно звездам, оставили и священные тела свои во свидетельство православия ныне живущим и последующим родам. Я говорю не о нашем только братстве, но о братиях и из других монастырей, в изгнании окончивших жизнь свою. Вот величайшее утверждение церкви Божией! Такой облак имеет она свидетелей о поклонении иконе Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Богородицы и всех святых Его: так что, еслиб ничего другаго не имели мы в руках, этого одного достаточно — б было в доказательство истины для тех, кои имеют здравый ум. Да постыдятся же противники православия! Ибо кто из них, борясь за свою веру, подъял когда либо такая страдания? Никто и никогда; но они, подобно ночным животным, в ночи своей ереси парят и смелы бывают; когда же появится свет дня и православие возсияет, как денница, они укрываются в норы своего лукаваго мудрования. — И пусть их плуτούν при свете своего огня, ими самими зажженнаго. Мы же, Господом назданные на основании Апостолов и Пророков и Богоносных отцев наших, пребудем твердо укорененными и на последующее время, ни мало не колеблясь от человеческих устрашений.

2) К получению спасения нам предлежит еще только, по Апостольской заповеди, наздавать, на основании веры своей правой, злато, серебро и камень честное, а не дрова, сено и хврасие (1 Кор. 3, 12) — сию пищу огня. Кто так утвержден, того ничто не может поколебать в его вере в Господа. Христос ны искупил есть от клятвы законным, бывъ по нас клятва, как написано (Гал. 3, 13). Не попустим же себе опять попасть под клятву. Христос омыл нас в крови Своей, банею пакибытия и

обновлением Духа Святаго; не дадим же себе отнюдь опять возвратиться к срамным делам, от которых отказались. Если же не сделаем так, то, в день откровения своего, Он может сказать нам: Я сделал вас Своими стелесниками, вы же уды Мои сотворили удами блудничими; Я омыл вас от грехов ваших, так что вы не имели скверны, или порока, или нечто от таковых (Еф. 5, 27), — вы же опять обложили себя зловонием страстей и очернили себя скверною грехов; Я исполнил вас обильно умным светом чрез Духа Святаго, а вы ум свой сделали жилищем неистовых страстей; Я сделал вас сонаследниками вечных благ, вы же избрали быть лучше сонаследниками противника Моего: отыдите же от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25, 41). Но да не будет нам никогда услышать такой страшный глас и испытать такой нестерпимый гнев. Почему со всяким рвением возревнуем стяжать чистоту, слезы, сокрушение сердечное, исполняя свои послушания безропотно, бодрствуя в деле Божиим день и ночь, чтоб враг, прокравшись, не поглотил невнимательной души. Когда бы нам и при бдении избежать козней змия! При дремании же как достигнуть сего! Но скажет кто: немощно и поползновенно естество наше. Согласен с этим и я, — в том же естестве состоя. Но прошу вот о чем: как только случится что такое, тотчас да будут — раскаяние, исповедание, сокрушение сердца, и живое стремление к восстановлению прежнего доброго состояния. Так действуя каждодневно, достигнем искомаго; достигши искомаго, и желанный глас: приидите — услышать сподобимся, и царствия небеснаго наследниками соделаемся.

256.

1) Праздновать праздники в духовных утешениях должно. — 2) Праздники проходят и жизнь вся пройдет: не будем забвать о сем, и всегда быть готовыми к исходу. — 3) Благоустроая для сего жизнь свою, по внешнему и паче еще по внутреннему человеку. — 4) И ни от чего не отступая, что для сего потребно. [4, 37].

1) Праздники прошли, как Рождества, так и Крещения Господня, которые мы сподобились спраздновать в честь Господа Бога нашего, и в такой крайности нашей. Не печалимся однакожь об этом, но радуемся очень, что за Того, Кто нас ради себе умалил, зрак раба приим (Фил. 2, 7), мы изгнание терпим и живем в чужой стороне. И что другое значит праздновать, как не прилепляться к Богу, чрез удаление от вещественнаго и безпристрастие к миру и всему мирскому. Ибо что скажем о тех, кои живут в пустынях, горах и пропастях земных? — Не празднуют они? — Да они еще лучше других празднуют в безмолвии своем, — возвышеннее и Боголепнее, чем те, которые имеют возможность проводить праздники в утехах, пирах, ястьях и питиях, забывая, что сами себя прельщают, — которых потому и Писание окаявает, говоря: возвеселистесь на земли, и насладистесь: упитаете сердца ваша аки в день заколения (Иак. 5, 5): ибо таковые уподобились свиньям, готовым на заклание; имже бог чрево и слава в студе, их (Фил. 3, 19); так что у нас лучше праздники празднуются, если внимаем себе, и достойную нашего звания и исповедания Христа проводим жизнь.

2) Не будем однакожь выпускать из виду, что дни наши бетут, как на конях, и время, как некое кружащееся колесо, одних вводит в жизнь чрез рождение, а других выводит отсюда чрез смерть, не в одном однакожь возрасте и не в одинаковом благовремении, но и старцев прежде юнейших, и юнейших прежде старцев, отца прежде чада, и чада прежде отцев, иной раз многих вместе всякаго возраста людей. Так благоволил установить Бог, чтобы мы, по причине безвестности часа смертнаго, каждочасно уготовляли себя к исходу. Будем же трезвиться и бодрствовать, чтобы смерть, нечаянно

настав, не застала нас неготовыми; раскаемся тогда, но без пользы и плода. Не знаете разве, как в предыдущие дни нечаянно впал я в болезнь? и вмале не вселилась во ад душа моя? И хотя в настоящее время я поправился, но это конечно не навсегда. Должно же будет мне, уже состаревшемуся, наконец, оставить вас и переселиться к отцам и братьям моим: только молитесь, чтоб это случилось в полном моем во Христе сознании, и с совершенным очищением совести за всю мою жизнь. Тогда объятый мучениями от болезни, я помышлял, и говорил сам себе: если эта мука такова, то какова же будет в будущем веке? Если в эти три или четыре дня невыносим мы страданий, как стерпеть вечныя муки?

3) О сем и вам советую размыслить, и всегда о сем помышляя жить внимательно, — по внешнему человеку, — со всяким благоговеинством и смиренномудрием, трудолюбием и терпением, — а по внутреннему, — со всяким хранением сердца, не попуская нашептывать нам и нападать на нас змию великому, лукавому и злому, и не делая храма Божия обиталищем страстей, но всячески стараясь чистыми себя представить Господу, и еще здесь, прежде будущаго века, начать жить блаженною жизнью. Ибо что блаженнее, как жить в мире с Богом чистым сердцем. Чему однакожь невозможно быть, если не предшествуют труды, молитва, слезы, сокрушение, рвение, горение духа; хотя и при них враг не перестает нападать и возжигать в нас брань, без предьявления, нечаянную и невидимую. Делает же он сие, поелику видит, что мы стремимся взйти на небеса и сподобиться там радости неизглаголанной. — Но как во истину недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8, 18); то всеусильно, всею крепостию веры и надежды будем подвизаться так вести брань, чтоб разстроивать все козни демонския, подражая состязающимся на ристалищах, которые так усиливаются бежать, что в конце бега задыхаются и близки бывают к обмороку. Но у них бег часовой и венец тленный; а у нас брань на всю жизнь, почему и венец нетленный, и все другия награды вечныя, кои получить и буди нам благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

257.

1) Подражать надо св. отцам; но подражай тем, кои одного с тобою рода жизни: иначе вред выйдет. — 2) Вот примеры... кои и приводятся. — 3) Не берись не за свое: киновит ты? — Киновитам и подражай... указываются лица. — 4) Пустыня пустынным; а ты терпи общежительския тяготы, как и я. [4, 38].

1) Читая жития отцев наших и обозревая их, изумляемся им. И справедливо. Ибо воистину дивны отцы наши, потому что, во плоти сей Ангелоподобно жительствуя со всем безстрастием, угодили Господу. Но должно не дивиться только им, но и подражать, сколько возможно; и подражать с разсуждением, т. е. киновит подражай киновиту, безмолвник безмолвнику, пустынный пустыннику, игумен игумену. Ибо какая польза подражать тому, кто не одинаковаго с нами чина жизнь проходит, а другаго. От этого не только никакой пользы не получим, но встретим и явный вред. Многие, по Боголюбию, оставив свой чин жизни, и устремясь к другому, свой потеряли, а того желаемого не достигли.

2) В доказательство чего, оставя древния о сем сказания, вспомняем то, что в нашем роде случалось. Какую пользу принес так называемому псаломщику восход на столп? Не снесли ли его оттуда в изступлении? — И ныне он ни киновит, ни столпник. Какую пользу принес тот же столп и некоему Саприту? Не сошел ли он с него ради православия, но потом не впал ли в ересь, сделавшись

предателем, и теперь не самый ли он жестокий в ряду гонителей? — Но взглянем и на наше братство: наш Петр, устаревший в послушничестве и добре в нем преуспевши, не ушел ли в пустынь, благочестием влекомый? Но как оттуда воротился, и какой имел конец, знаете, видев то своими глазами. Также Амфилохий, еще и теперь живущий, не стал ли сначала столпником, потом затворником, а теперь срамничает, шатаясь туда и сюда.

3) Все сие было и бывает, по искушению от диавола, который внушает братья за не свое, чтоб довести до потери и своего. Чего ради Апостол вопиет: кийждо в немже призван бысть, братие, в том да пребывает пред Богом (1 Кор. 7, 24). Безмолвником ли призван? — нечего тебе думать об общежитии; киновитом ли призван? Нечего тебе гадать о безмолвничестве. Каждый в своем чине угождай Господу. Каждый в своем чине, имеет примеры, по которым и должен благоустроить свою жизнь. Ты подражай просиявшим в общежитии. Каким же это? Не древним только святым, но и тем, кои в нашем братстве и были и есть. Поревнуй блаженному Домитиану, коего вера огненна. Поревнуй блаженному Зосиме, коего послушание нелицемерно. Поревнуй блаженному Марку, который, принимая оскорбления и обезчещение, как добрый почет, умел хранить свое устройство не поколебимым. Поревнуй Терентию, который, многие годы служа больным в кухне, никогда не поддавался малодушию и не уклонялся от труда, но даже, когда предлагали ему перейти на другое послушание, не соглашался, желая лучше злострадать в обычном своем послушании. Поревнуй и другим братьям, многим, отличавшимся в своих послушаниях, коих имена в книге живых. Вот кому подражай, а не пустынным.

4) Пусть пустыня и горы останутся для Аввы Иоанникия и подобных ему; ты же возлюби послушание и своей воли отсечение. Тот в настоящее время не терпит гонения, а ты гоним за правду. Тот не заключен в темницу, ты же в темнице пребываешь Господа ради. Тот не бит, а ты потерпел побои за Христа. Все такое, тобою претерпенное несравненно выше покойного пустынного пребывания. — Скажу нечто и о себе самом я смиренный. — Поелику я недостойно поставлен во главу вас; то оставить ли мне настоятельство и удалиться в пустынь, или начать другой, какой представится, род жизни? Но так поступать несвойственно ни главе, ни пастырю, который душу свою должен положить за овец своих. Да и вам не подобает ни замышлять, ни делать что либо, иное от того, что вы теперь есте. Ибо от сего безплодие и нестроение предлежащей жизни, а от терпеливаго пребывания в порядках заведенной послушнической жизни всякое благоплодие духовное. Почему всякий, как Бог ущедрил его и как Господь позвал, — так пусть ходит, так жительствоует, так благоугождает Господу, да сподобится услышать: Добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего (Мф. 25, 21). 258.

1) Указав, что есть монах, — 2) изображает, в чем нынешние монахи отстали от прежних, — 3) напоминает, что это противно слову Божию, и — 4) как удобно оказаться в сем исправными, — с побуждениями к тому. [4, 39].

1) Ничего нет блаженнее нашей жизни, ничего нет возвышеннее нашего жительства; если только как называемся, так и живем, а непротивное имени имеем жительство. Монах есть тот, кто на единого взирает Бога, Бога единого желает, Богу единому прилежит, Богу единому угодить старается, мир имеет к Богу, и мира между другими виновником бывает. У кого же этого нет, а напротив есть рвение, зависть, разделение, тот слеп есть, мжай, забвение прием очищения древних своих грехов,

как написано (2 Петр. 1, 9).

2) По какой же причине я это сказал, знаете вы, виновные. И говорю, что не для того сделаю это, чтоб опять огорчить вас, но чтоб утвердить вас на будущее время не впадать в те же погрешности. При отцах наших не принималось оглавление, но услышавший оглавление или уши затыкал, или оглавленное обращал в добрую сторону. Ныне же мы легко открываем слух оклеветавшему и слушаем его с таким желанием, с каким никогда не слушали возглашаемых в церкви чтений. При отцах наших ничто не говорилось не преподобно, но всегда тихо и чинно; ныне же говорят с гнѣвом, криком и искажением лица: чего что может быть безобразнее? При отцах наших не было ропота, но каждый принимал с благодарением, что давалось, и от этого горькое было сладко и неприятное приятно; ныне же мы ропщем, осуждая то и это, не только сами в себе, но и при всех, чтоб побольше наделать ропотников, и побольше Бога лреогорчить.

3) Не подобает сему так быть, братия мои, не подобает. Не монашеское это дело, и не мал грех, грех осуждения и досаждения: ибо сказано, что досадители царствия наследити не могут (1 Кор. 6, 9). Но и роптать не малый грех, — как написано: ни ропщите, якоже нецыи от них (Израильтян в пустыне) ропташа, и погибоша от всегубителя (1 Кор. 10, 10). И буетсловие немалый порок; ибо написано: всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созиданию веры, да даст благодать слышашим: и не оскорбляйте Духа Святого Божия, имже знаменаетеся в день избавления (Еф. 4, 29. 30). Не видите, чем угрожает Апостол? — тем, что, буетслова, мы Духа Святаго прогневаем. Или не боимся, что в день суда должны будем дать отчет во всяком слове праздном, как Сам Господь сказал?

4) Почему же после сего не вникаем себе? Почему не готовимся быть в добром порядке пред тем, что имеет постигнуть нас? Тебя разбранили? перенеси великодушно досаждение, подавив в себе огорчение, — как делал св. Давид: смятохся, говорит, и не глаголах (Пс. 76, 5). Оскорбление таким образом пройдет, а добродетель твоя пребудет во веки. Пища предложена не такая, какой тебе хочется? — Благодарю и за ту, какая есть; ибо что ты осуждаешь, почитая нехорошим, того другие желали бы хоть отведать. При том, если не будет встречаться с нами что подобное, то чем же докажем мы свою послушливость? Что и хвалиться ею? Ибо ни воздержанием, ни бдением, ни спанием на голой земле, ни другим каким подвигом не можем мы оказаться так благоискусными в житии, как отсечением своей воли, этим мученичеством, неразлучным с киновийною жизнью. Отложите убо всяку злобу и всяку лесть и лицемерие и зависть и вся клеветы, как заповедал св. Петр Апостол, яко новорождени младенцы, словесное и не лестное млеко возлюбим, яко да о нем возраstem во спасение (1 Петр. 2, 1—3), если вкусили, что благ Христос Господь, если желаем жизни вечной, если не отказываемся следовать добрым внушениям, если не утомляемся и не падаем в духе, всегда возвращая себя от погрешений и падений. Ибо таким образом бывая благоискусными, сподобимся несомненно жизни вечной во Христе Иисусе.

259.

1) Помня, что даровано нам воплощенным домостроительством, — 2) будем жить в обновлении жизни, по духу его, — 3) бегая ветхости, именно — сласти похотной и зависти, от коих все зло, — и — 4) ревнуя о всяком добре, любя и скорби из-за него. [4, 40].

1) Как жаждущие хотят пить и алчущие есть, так должны мы возделывать слышания слова Божия. Ибо от слышания его, мы приобретаем весьма многое: из беспечных становимся ревностными, из

ревностных ревностнейшими. Какое же ныне слышится к нам слово? — так, говорит, возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного далъ есть, да всяк веруяй в он не погибнет, но имат живот вечный (Ин. 3, 16). И не просто — дал, но даже до смерти, смерти же крестныя (Фил. 2, 8). Как? мы были порабощены диаволу преслушанием Адамим, обладаемы смертию, проданы под грех, повинны тлению. Пришел Единородный Сын Божий, давший Себя в искупление всех, и не только избавил нас от власти смерти, но, омыв нас от грехов наших кровию Своею (Апок. 1, 5), соделал наследниками царствия Своего, как написано. Видишь крепкую и сильную любовь Его? Видишь безмерную милость человеколюбия Его? Как непостижимы милости Его, и как неизследованны щедроты Его, которыя богато излил Он на нас чрез Иисуса Христа Спасителя нашего!

2) Что же скажем на это мы бедные, и что подумаем? Возвратимся ли опять на грех? Возжелаем ли рабства? Изберем ли безчестие, тление и осуждение? — Да не будет. — Иже бо умрохом греху, как еще будем жити в нем? Или не разумеете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть: да якоже воста Христос от мертвых славою отчею, тако ими во обповлениии жизни ходити начнем (Рим. 6, 2—4). — Будем же, братие, ходить во обновлении жизни, как и обещались снова и при приятии схимы, будем жить в правде и преподобии, как подобает святым (Еф. 5, 3), в мире и единомыслиии, в честности, в благородстве и благоговении, во святине и безстрастии, не увлекаясь прежними в неведении нашем похотениями (1 Петр. 1, 14), но как от огня убегая от прежних пристрастий, утверждены быв на камне веры нашей.

3) Вот что есть обновление! Что же ветхость? — Слать греховная, коею быв уловлен праотец наш Адам, сделался изгнанником из Рая, и подпал под иго настоящей многоплачевной жизни нашей, — зависть, коею возгордевшись, Каин убил брата своего Авеля, за предпочтение даров его, после чего стеньшим и трясушимся был он всю жизнь свою. От сих двух страстей неисчетное число зол вошло в мир: отсюда потоп, истребивший все живое на земле; отсюда горькая участь Содомы и Гоморры, огнем и жупелом (серою) в пепел обращенных, в показание нечестия их. Видите, что наделал грех, и похоть очес с гордостью житейскою?

4) Но как сказано уже, милостию Божиею мы возваны, улучили свободу, востекли к всыновлению. Будем же стоять в свободе, к коей освободил нас Христос, и в славе, коею Он прославил нас, сохраним себя, от всего суетнаго отвращаясь, и все ради Христа ни во что вменяя, — безчестие почитая честию, скорбь радостию, раны наслаждением, гонение блаженством, смерть жизнью, как почитали и ныне поминаемые святые отцы наши и братия, коих имена в книге живых. Так жительствуя, и мы здесь явимся, яко светила в мире слово животное придержаще (Фил. 2, 15), в будущем же веке царствия Божия наследниками быть сподобимся.

260.

1) Указав, как обозрение житий святых отцев оживляет в нас все доброе, и отрывает от всего недобраго, — 2) приглашает подражать им всякаго, по роду послушания своего, — 3) да не будет у нас непослушания, лености и ропотливости. [4, 41].

1) В дни сии, когда прочитываются жития святых отцев наших, какую великую почерпаем мы от того пользу, и какого радования причастны бываем, и сказать нельзя. Ибо что, скажи мне, сладчае, как обозревать безсмертныя их деяния, чудеса и победы над басами! Мне кажется, что даже камни чувствуют эту пользу, а не только разумный человек. От этого просвещается ум человека, отлагая омрачительное мударование плоти; от этого душа умиляется, воспаряя к божественной любви.

Истиннейше можно сказать, что это (т. е. собор святых) Божий рай Едемский, не вещественными растениями, а духовными разнообразными плодами наполненный и красящийся, где благоухает дыхание жизни, где змий не уязвляет, а язвы получает, не изгоняет, а изгнан бывает, как и подобает. И если царствие Божие внутри нас есть, то не погрешит, думаю, кто назовет царством небесным святых, на коих почив, всеблагий Бог, как какой царь щедролюбивый, раздаст дары рабам своим. Что мне после сего царства земныя? Что суетная славишка и чрево, обреченное на упразднение? Что золото и серебро, и светлые одеяния, и всякая другая суетность? — И сравнения никакого не стоит все сие, как сопоставление света со тмою, жизни со смертью, истины со сном.

2) Если же все сие так есть, будем радоваться радостью неизглаголанною и прославленною (1 Петр. 1, 8), что улучили лучшую часть и что стали принадлежать к роду избранному, сияющему небесным благодородством; и не только радоваться будем сему, но и поревнуем подражать их добродетелям, на сколько сил достанет, чтоб явно было, что не пустое имя носим, образ только благочестия имея, силы же его отвергаяся (2 Тим. 3, 5). Как в аптеку приходя, всякий по своей болезни избирает врачество; таким же образом и мы, желая добре подражать святым, будем избирать примеры, какие каждому сродны по его жизни и таким образом почерпать из их жития пользу себе. Я недостойный буду смотреть на достойно пасторствовавших; экононом — на верно и разумно экономствовавших; келларь — на разсудительно и добросовестно келларствовавших. Тоже самое пусть думает канонарх, гостинник, повар, трапезарь и все прочие, к какому бы посудушанию кто ни был приставлен. Примеры добрые на всех найдутся, если захотим видеть их и подражать им.

3) Да не будет же ни у кого никакого непослушания. Как только позван, тотчас являйся. А говорить: немного подожди — и явлюсь, особенно эконому, небезгрешное и не недостойное осуждения дело. Никто также не отказывайся от своего послушания, но благопокорно исполняй его, хоть бы смерть: это будет настоящее монашеское совершенство. И ропотлив никто не будь, осуждая наше место, яко не имеющее того и этого. Таковой повинен суду возроптавших в пустыне, коих пагуба изумительна (Чис. гл. 16-я). — Но кто это такие? — Невежды, нетерпеливые, младенцы умом, — недостойные даже того, чтоб дышать воздухом, а не только получить столько утешений. — Впрочем всеблагий Бог наш неразумных да вразумит, разумных да умудрит паче, и всех да спасет в царствии Своем, во Христе Иисусе, Господе нашем.

261.

1) Все желаемое по духу мира непрочно; одна добродетель вечно блаженна. — 2) Она ублажается даже и здесь, как видим из каждодневнаго воспоминания в церкви святых. — 3) Чтожь будет там? Там Святые будут как солнце, и будут со Христом. — 4) Сего сподобиться поревнуем, как и избежать противоположнаго сему. [4, 42].

1) Из людей одни ублажают богатство, другие — власть, те — успехи, эти — наслаждения. Но из этого ничто недостойно ублажения, потому что ничто не пребывает на всегда, но гибнет вместе с настоящим веком. Но и здесь это многих не долго утешает; но лишь показывается и тотчас исчезает, как сон. Одна добродетель достойна ублажения, как вечно пребывающее обладание, соделывающее обладателей своих блаженными. — Вспомним, сколько от века было властителей, и утешников, — и ни единого из них память не есть с похвалою; а добродетельных слава неугасима.

2) И это видно из того, что мы делаем. Вчера мы ублажали святого Златоуста, ныне ублажаем приснопамятнаго Ефрема, завтра будем ублажать другаго святого. Таким образом они, как светила, в

продолжении года один за другим возсиявают на тверди Церкви, в памятях о них, отверзают уста наши к прославлению их и освещают наши по Богу стопы. Верно потому священное слово: ихже предуведе, тех и предустави, сообразных быти образу Сына Своего, яко быти Ему первородну во многих братиях: а ихже предустави, тех и призва; а ихже призва, сих и оправда: а ихже оправда, сих и прослави (Рим. 8, 29. 30). Что скажем на это? Мы разве непричастны такого звания и славы?

Конечно причастны. И нам смиренным не чужды и жизнь крестоносная и цена блаженства; так как мы до нынешняго часа терпим гонение, кроме предшествовавших подвигов доброго исповедания. И о, коль дивна сила добродетели! И. что дарует она тем, кои строго держатся ея!

3) Но это здесь; что же в будущем веке? О, кто может изобразить оное блаженство и славу оную!

Господь так говорит о сем: тогда праведницы просветятся, яко солнце (Мф. 13, 43). Как Он Сам есть солнце правды, то обетовал, что и праведники, как сообразные с Ним, возблистают солнцевидно, как утверждает Апостол: понеже с Ним страждем, то с Ним и прославимся (Рим. 8, 17). И как вымолил у Отца Сам Господь: Отче, ихже дал еси Мне, хошу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною: да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира (Ин. 17, 24). Видите, куда мы отыдем? — Идеже есть Христос одесную Бога сидя (Кол. 3, 1), где радость и веселие, где хоростояние Ангелов, и церковь первородных на небесех написанных, — где одного с нами чина сущие братия и отцы, туда отыдем мы спустя немного, и там начнем веселиться с Тем, Кто владычеством своим владычествует над веком, как поет блаженный Давид (Пс. 65, 7), — не над веком в тысячу или десять тысяч лет, но над веком, нестареющим и конца не имеющим.

4) И к сим кто доволен? — Тот, кто столько ревностен, что весь день и всяк час трезвится и бодрствует, чтоб не воздремать душею: ибо, при таком дремании, страсти, как звери, нападают на нас и овладевают душею. Пока же мы пребываем на страже и бдим над собою, дотоле не окрадет хищник, не похитит змий. — Итак, бдеть надобно и обозревать умом сказанное пред сим, равно как и противоположное сему, — муки, кои угрожают противящимся воле Божией: огонь неугасимый, тму кромешнюю, червя неусыпающаго, и все другия; чтобы, бывая исполнены и объаты такими помышлениями, могли мы миновать сети вражеския, и безукоризненными прейти отсюда и улучшить царство небесное.

262.

1) Много благодяний от Господа было нам при перехода из пустыни сюда: благодарить должны не словами только, но и делом. — 2) Что же воздадим? — Будем жить во славу Божию, — будем благоуханием Христовым, взыдем на гору, да видят. — 3) Для сего оставим дольня и горним благоукрашимся. — 4) Что не далеко от нас; ибо в нас есть. [4, 43].

1) Всегда наслаждаясь благодеяниями Божиими, всегда и благодарить Его должны мы от сердца теплаго в молитве напряженной. Ибо посмотрите, какое и ныне благодеяние! Когда вынуждены были мы убежать, боясь Агарян, не препитал ли Он нас, как в пустыне, в том месте, куда мы были отброшены; и это в продолжении многих дней? Не отверз ли Он нам потом дверь упокоения здесь, где и храм прекрасный и обителища благоприличны; тот же, кто приял нас — единомушнный наш брат? — Сколь велико попечение о нас Божие! Что бы надлежало сделать и Он не сделал? — В продолжении самага бегства нашего доставил Он нам хлеба, вина, рыбы и прочаго потребнаго, сколько требовалось, и даже более, чем требовалось, так что изумлялись видящие то. За все такое не просто благодарить, но и души свои до крови положить долженствуем мы бедные. Почему прошу,

возжжем в себе любовь к Нему крепчайшую, прилепимся к Нему всецело и воздадим любезнейшее Ему воздаяние.

2) Какое же воздадим Ему воздаяние? — Будем жить и здесь во славу поклоняемого имени Его, чтоб и на нас исполнилось сказанное Им: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела: и прославят Отца вашего, иже на небесах (Мф. 5, 16). Негде говорит и Апостол: Богу благодарение всегда победители нас творящему о Христе Иисусе, и воню разума Его являющую нами во всяком месте. Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих. (2 Кор. 14, 15). Видишь, что добродетельный есть благоухание Христово, где бы он ни жил? Добродетель и по естеству своему не такова, чтоб укрываться; но проходящий ее всем делается явен: так как и написано: не может град укрытись верху горы стоя (Мф. 5, 14). Град есть душа человеческая, гора — высота добродетелей, на которую востекшие сияют, яко светила в мире, слово животно придержаще в похвалу себе самим в день Христов (Филип. 2, 15). Взойдем—же, братие, и мы на святую гору сию.

3) Но взойти туда мы не можем, если наперед не оставим дольняго, — т. е. пожеланий плоти и помышлений, и погибельныя удовольствия здешней жизни, от коих удаление есть восхождение к добродетели. Итак, да очистится сердце от скверных помышлений, да уцеломудрится око смотреть право, да затворится ухо от слышания злаго, — да запретится языку говорить суетное, да удерживается рука от прикосновений не подобающих, да направится нога на путь мирен, все члены да обучаются соответственному добру и да освящаются благообразием Христовым. Царь земный благосклонно приветствует того, кто прекрасен и украшен телесно; Царь же Небесный благоволит к тому, кто благоукрашен в духе, хотя, по видимости, он нищ, слеп, хром, и другие имеет видимые недостатки, почитающиеся у людей презренными. В сем разуме неблагородные бывают благородны, безславные славны, нищие богаты; по сей же причине блаженные Апостолы из рыбаей явились лицами начальственными по всей земле; отсюда св. Антоний, не проходивши наук, был премудрее мудрецов; отсюда, — заимствую пример ближе к нам, — наш Фаддей, скиф и раб, как знаете, востек на высоту исповедания Христа и славным сделался в мире.

4) И о, неизреченное к нам человеколюбие благаго Бога нашего! Какой удобный даровал Он нам вход к Себе! Ибо для сего не требуется ни посредник ни деньги, ни ожидание благоприятнаго какого либо случая; но только восхотеть надобно, — и все сделано. — Итак желаешь ли быть великим на небесах? Избери здесь быть последним. Желаешь ли сыном Божиим нарещися? Умиротвори душу от страстей. Желаешь ли очами Божиими быть зримым? Емлись за правду. — Но к сим кто доволен? — Охотно приемлющий учение, любящий делать правду, стремящийся обогатиться небесными благами. — Но буди и нам, исполняя в таком настроении животворныя заповеди, улучшить царствие небесное со всеми святыми, во Христе Иисусе, Господе нашем.

263.
1) Всякий исполняй свое послушание, всеусердно, как пред Богом. — 2) Я свое, вы свое: и будем друг другу удове, общее устрояя благобытие. [4, 44].

1) Как исполняющие послушание, так и распоряжающиеся послушаниями должны со всем вниманием и усердием, — подвижнически, — исправлять свое дело, — и эконоом и подъэконом, и келларь, и повар, и трапезарь, и всякий другое вакое делающий дело, — чтобы не подпасть грозной клятве, гласящей: проклят человек, творяй дело Господне с небрежением (Иерем. 48, 10); а напротив, чтоб наипаче достойными соделаться благоволения Господа, Который сказал: кто есть верный раб и

мудрый, его же поставит господин его надь домом своим? Блажен раб той, его же, пришед господин его, обрящет тако творяща. Аминь глаголю вам, яко над всем имением своим поставит его (Мф. 24, 45—47). Видишь, какую и коликую честь дает Он добре служащему? Явно же, что не добре служащему противоположный сему выпадает жребий. Почему прошу вас, исполняй каждый добросовестно вверенное ему послушание, и тем прославляй Бога и стяжавай свое спасение. Эконом экономски удовлетворяй телесныя потребности, давая каждому подобающее не по лицеприятию и не по пристрастию делая что либо, но все по благорасположению и братской любви. Келларь, смотри, как удовлетвлять братство пищею, делая свое дело искренно с одним желанием упокоить их, и в келларне ничего не держа попорченного. Повар, блюди совесть в варении пищи и в приправе ея, как бы Самому Богу принося служение свое. Трапезарь, содержи чистою трапезу и все потребные в ней сосуды, служа братьям, как Господу. Также пусть действуют и другие в своих им послушаниях.

2) Говорю же сие не затем, чтобы одних из вас возстановить против других, но чтоб каждый, в чем призван, тем и старался удовлетворить своему долгу служить другим, имея пред умными очами своими Бога, от Коего и мздовоздаяние все ожидать надлежит. — И мне, смиренному, разве не вверено свое домостроение? — Да, и еще самое большое. — Итак, как на мне лежит пещись и бдеть о душах ваших, умолять и вразумлять каждого, и на едине и обще со всеми возвещать вам правду Божию и грядущий мечь: так и вам без лености следует исполнять свои послушания. — И будем таким образом одно тело и один дух, как и призваны в едином уповании звания нашего — друг друга любя, как члены одни относительно других, друг друга терпя, друг о друге заботясь, друг друга тяготы нося; чтоб во время исхода поздно не пожалеть о напрасно потраченном времени в нерадении; но да будем всегда добре приготовлены к сему исходу, и искренно благонадежны, прешедши отселе с доброю совестию, улучшить царствие небесное.

264.

1) Подрались: обличает. — 2) Указывает причину в гордости, которая наперед научает: тронька; я ему, — а потом и делом то являет. — 3) Средство против сего — укоренять в сердце благия преднамерения. [4, 45].

1) Не надолго я отлучался от вас; но воротившись, нашел среди вас безчиние, о котором нахожу нужным объявить всем, и такое безчиние, что некие, руки простерши, схватили друг друга неистово, с гневом и криком. — Что касается до одного из них, это не совсем странно, потому что он еще мирянин и не принят в число братства; чтоже касается до другаго, то это крайне странно, потому что он сделал это, будучи уже монахом, который должен быть распявшимся миру, и плоть иметь пригвожденною ко кресту. Как же это ты, брат, сошел со креста, как освободясь от гвоздей, возложил руки свои по Иудейски на Христа Иисуса: ибо Он сам сказал: сотворивший единому сих братьий Моих меньших Мне сотвори (Мф. 25, 40). И ты не убоялся от лица сказавшаго сие? Не устыдился Ангела, хранителя жизни твоей? Не утратил смятения смотрящих на тебя братьий и сторонних лиц? Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваши, и прославят Отца вашего, иже на небесех, заповедал Господь (Мф. 5, 16). Тебя же твое худое дело таким напротив покрыло мраком, что тобою имя Божие похулилось. Увы мне грешному! На какую высоту жизни позваны мы, и куда низверглись, срамничая подобно злонравным мирянам. Ты говоришь, что тот начал брань; но разве ты не слышал как кротко Господь сказал слуге, ударившему Его в ланиту: аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеша? (Ин. 18, 23). И опять на кресте:

Отче, отпусти им: не ведят бо что творят? (Лк. 23, 34). Ведая сие, тебе должно было и, когда укоряют, благословлять и, когда бьют, молиться о них и, когда хулят, молчать (1 Кор. 4, 12. 13). Ты же, не подражая благому, чьим подражателем сделался? — Смотри, какова заповедь, заповеданная Апостолом: всяка горесть, и гнев, и ярость, и кличь и хула, да возмется от вас, со всякою злобою (Еф. 4, 31); а вы дошли до рукопашной, дрались за волосы, друг друга душили? — Так презрен закон Божий. Всуе ковачь сребро кует, говоря пророческим словом (Иер. 6, 29). Напрасно и я смиренный тружусь до утомления. Впрочем и при этом я не перестану деждать свое дело, тем паче, что иной раз имею много внимательных слушателей.

2) Но где же причина такого безчестия? Ибо должно не обличить только грех, но указать и врачевство. Злая совесть изобрела эту злую новость, гордостное о себе мудрование, злаго сердца замысл. „Если он мне скажет то-то, говорит в сердце своем задорный, я отвечу ему вот что; если он меня хватит так-то, я отплачу ему тем-же.» — Потом когда случится раздражение, по какому либо поводу, тогда, что гадали в сокровенности, выносим мы и наружу. Ибо неложен рекший: от избытка сердца уста глаголют. Благий человек от благаго сокровища износит благая: и лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая (Мф. 12, 34. 35).

3) Сделаем же сердце наше сокровищем благих преднамерений. И тогда не только не изнесем мы ничего лукаваго, и не станем драться; но и если кто ударит вас в десную ланиту, мы обратим к нему и другую (Мф. 5, 39), и что бы другое ни случилось, поступим по Евангельской заповеди. — И вскую умираете, доме Израилев? (Иезек. 33, 11). Прилично здесь сказать и нам. Вскую день изо дня попусту и всуе иждиваем жизнь свою, в яствах и винопитиях знатоками являясь, а в деланиях заповедей Божиих бывая невеждами? Не лучше ли будет укрепиться нам в себе чтоб вперед: не огорчаться, не серчать, не яриться и не кричать, от чего, как некия стрелы, вырываются оскорбительныя слова, а то и этого еще что нибудь худшее. — Се завещаваю вам пред Богом оживляющим всяческая, и Христом Иисусом свидетельствовавшим при Понтийстем Пилате доброе исповедание: соблюсти вам заповедь нескверну, и незазорну (1 Тим. 6, 13. 14), чтоб не принудить меня подвергнуть вас тягчайшим епитимиям, но чтоб паче действуя всегда и во всем благообразно и по чину, и меня грешного успокоить, и Богу благоугодить, и вечных благ сподобиться.

265.

1) Еще обличает подравшихся; и— 2) приглашает всех к миру, заимствуя побуждение к тому из св. Причащения. — 3) К сему незаметно прицепляет слово о девстве, которое хвалит, и— 4) для коего средством ставит раскаяние в огне страха Божия и заколение в слезах, [4, 46].

1) Ни я не должен чувствовать насыщения спасительным беседованием, ни вы — душеполезным слушанием. Но оба мы того и другаго должны иметь ненасытимое вожделение, как жаждущие почерпнуть воды. И это есть признак преуспевания, условие и действие спасения. Ибо слова путеводят к делам — добрыя к добрым и противныя тому к противным. Поелику же мы желаем делать доброе, то должны пользоваться добрыми поучениями и благими собеседованиями, чтоб не погрешить в должном. Сему самому научая, Апостол вот что говорит: всяко слово гнило да не исходит из уст ваших: но точию еже есть благо к созиданию веры, да даст благодать слышашим. И не оскорбляйте Духа Святаго Божия, имже знаменастесь в день избавления. И далее: всяка горесть, и гнев, и ярость, и кличь, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою. Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам (Еф. 4, 29—32). Видите, что

заповедует Он? Какова точность в определении заповеди? — Вот что у него говорится еще строже в другом месте: иже Христови суть, плоть распяша со страстми и похотми (Гал. 5, 24), т. е. как бы неподвижными пребывают к греховному действию. Если же это так, то разсуди, какого осуждения достойны подравшиеся наши? Они не только побранились, но и руки возложили друг на друга. И ты, мирянин еще, только причисленный к нам, простираешь руки на монашествующаго? — А ты, монах, дерзаешь палкою бить приготавлиаемаго к обетам послушания? — Нет; ты уже не монах, а мономех (единоборец), не аскет, а разбойник, не сын мира, а чадо гнева. Не от бранных ли слов пошли удары, за ударами же не следуют ли иной раз смертоубийства? — Почему поступившие так подвержены будут подобающей епитимии, чтоб не дошли до чего худшаго.

2) Вы же, возлюбленные, как ученики кроткаго и миротворнаго Владыки, кротко и мирно между собою живите, — мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14). Устыждайтесь Владычняго тела и крови, коих причащаются сподобляемся. Душа, приемлющая пречистые дары, не должна допускать в себе смятения, неистовства и неуместных пожеланий. Уста, черплющая из бессмертнаго источника, не должны произносить нечистых смрадных слов. Очи, освященные честною кровию, не должны смотреть зверски и позволять печатлеться в себе блудническим видам. Рука, принимавшая божественное сокровище, не должна касаться ничего не подобающаго.

3) Но и все члены, как уды Христовы, должны быть содержимы и блюдомы в чистоте. Конечно и всякая добродетель велика и возжеленна, но не столько, сколько девство. Девство первейше возсияло в раю, прежде чем змий обманул прародителей своими софизмами;— девство сподобилось быть Материю Христа; девство людей соделывает Ангелами; девство возводит мир к нетлению.

4) При сем спросит кто, как же нам стяжать его? — Как иначе, как не безчисленными трудами и потами? — Ибо где предлежит великое дело, там должно быть и тщание велико и труды немалы. Как меч острый добре рубит нападающих, так и душа, в страхе Божиим, как в огне выкованная и в слезной воде закаленная должна рубить демонские помыслы, ловя их, как добычу. Если затупится, опять надо оттачивать ее, чтоб побивала не тысячами, а тмами, как поется о Давиде; потому что много борющихся нас с высоты (Пс. 55, 3), и безчисленны духи злобы, против нас воинствующие, сопротивление коим до конца показывает истиннаго воина Христова и соделывает его венценосцем. Буди же милостию Божию согрвшившим прощение, вам же добре текущим, усиление рвения, чтоб еще и еще совершать всякую заповедь Божию, и за то улучшить царствие небесное.

266.

1) Ревностный не от дел только худых воздерживается, но и от помыслов: чрез что стяжавает мир Божий, в коем упоевается божественными созерцаниями. — 2) Будем же внимать себе, и не дадим помыслам замедлять в душе, — особенно блудным и гневливым. [4, 47].

1) Нерадивые и обезпечившиеся почитают грехом самым делом совершать беззакония, как—то: прелюбодеяние, блуд, студодеяние, нечистоту и всякое другое дело злое, против которых и закон тяжел. Но ревностный и желающий во всей точности сообразоваться с заповедями не считает неповинными и неподобных мечтаний мысленных, от коих происходят в теле непотребныя движения, и всячески старается и это все уничтожить в себе, и пребывать в покое от пагубных страстей: что и есть мир иметь к Богу чрез Господа нашего Иисуса Христа, как говорить Апостол (Рим. 5, 1), в коем установившись, душа радуется радостью великою и услаждается сладостию

ненасытимою, любя входить в помышления о Боге и углубляться в созерцания неизреченных Его величий, до забвения себя самой. Когда же случится ей выдти из такого состояния, и быть тронутой бессловесными похотениями; тогда она возмущается и волнуется, как корабль бедствующий от взволновавшегося моря; и если Господь не придет на помощь, бывает в опасности потерпеть и кораблекрушение.

2) Посему внимать надлежит, не позволяя порочным помыслам замедлять в нас, но тотчас с корнем исторгая их. Ибо если змий найдет место проникнуть внутрь, и мало по малу протесниться туда, то уже не отстанет, пока не породит смерти. Почему Писание говорит, что змий будет блюсти пяту человека, т. е. конец действия, а человек будет блюсти главу змия, т. е. первое ввержение в душу помысла греховнаго (Быт. 3, 15). Будем же стоять доблестно против приражения помыслов, уничтожая их прежде возгорания от них похоти, и тем пресекая сланое море греха, чтоб и нам можно было говорить с Св. Давидом: проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ни в покой (65,12). — Впрочем не эта одна страсть (т. е. похоть) возмущает и изменяет душу; но и еще более гнев; ибо говорится: смятеса от ярости око мое (Пс. 6, 8), еще: ярость их по подобию змиину (Пс. 57, 5); и еще: ярость в недре безумных почиет (Еккл. 7, 10); наконец: устремление ярости падение ему (Сир. 1, 22). От чего же рождается такая страсть? От горделиваго о себе и презрительнаго о других мудрования, мнящее себе быти нечто (Гал. 6, 3), высящееся над низшим. Поелику смиренный сердцем, подражая Господу, кроток есть и тих, неспорлив и некриклив; и если случится, то скорее терпит обиду, чем причиняет, — принимает удар, но не воздает ударом.

267.

1) Послушания связаны одно с другим; почему надо друг другу помогать, и всегда, не отрицаясь и не медля, слушаться распорядителей послушаниями. — 2) Не поддавайтесь возмутительным помыслам: ибо они от лукаваго. — 3) Для сего восприимите терпение, во всем потребное. [4, 48].

1) О чем ныне поговорить? Поговорю о внешнем образе нашей жизни, или жизни по уставу: ибо хотя мы в изгнании, но живем, как в кинонии, не один или два, а многие вместе. И хотя довольства киновийнаго не имеем, но необходимое достаем хотя с трудом, — и не только для себя, но и для других. Ибо непрестанно заходят к нам братия и отцы, а также странники и бедные. Всех принять и удовлетворить немалого требует духа и немалого труда. Почему эконому надлежит быть разсудительну и бдительну, как приставнику Божию. Но это ни к чему не послужит, если эконом не будет иметь согласнаго с ним и подобно ему бдительнаго подъэконома. Но и подъэконом также ни в чем не успеет, если не будет иметь келларя, во всем ему последующаго. Но и у келларя дело не будет идти, как бы желалось, если не будет иметь хорошаго помощника в поваре. Но и у повара, а за ним у прочих, за сими прочими у всех остальных дело не будет спориться, если каждый из них не будет иметь в других сотрудинок себе. Как в едином теле много членов; все же члены пекутся друг о друге, так что если страждет один член, с ним страждут все члены, и если славится один член, в нем радуются все члены: так и в братстве, если не будет соблюдаться такой-же порядок, то в нем не будет общежития, не будет мира и единомыслия, но будут парии, разделения и разложения. — Если же это так есть, то как смеет кто делать что либо по своему частному желанию, или, когда уже ободнялось заниматься своим частным делом, или рукодельем, а не выходить на общее и общепольное дело? Или как смеет кто, зовомый на какое либо дело, отказываться и не подчиняться имеющим власть над ним? Такой уже не послушник, а ослушник, не брат, а чужой. Но если так и

бывало, вперед остерегайтесь этого, чтоб попавшемуся в такой вине не пришлось нести положенной за безчестие епитимии. — Не слышите разве, что повелевает Апостол? Бывайте друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам (Еф. 4, 32). Будемъ—же и мы таковы друг ко другу, друг друга тяготы нося и тако исполняя закон Христов, как написано (Гал. 6,2).

2) Просил я вас прежде и теперь прошу, не дадим себе изнемогать под тяжестью помыслов, но с радостию Духа Святаго будем совершать предлежащий нам подвиг борения, взирая на начальника веры и совершителя Иисуса, Который дает молитву молящемуся и победу желающему победить. Не помните ли, как недавно вдруг поднялась непогода, а потом тотчас опять воздух очистился? Так бывает и с помыслами: немного потревожат, а потом опять отходят. О, когда бы они совсем не беспокоили нас? И почему бы нам не иметь всегда мира в душах своих? Но это невозможно, потому что мы превратны, и даже одного дня не пребываем одинаковыми, тем паче нельзя сему быть всегда. Но ты посмотри мне, какая упорная злоба у диавола, что и отгоняемый опять пристаёт, и будучи тма в Ангела светла преобразуется, покушаясь взять нас обманом. Но да отступит от нас змий, и да глаголем всегда: не отречемся от Тебя, Христе, и не сделаем ложным исповедания своего. Или не знаете, из какого состояния в какое перешли мы? Не из невиднаго ли в видное? Не из невежества ли в знание? Не из безчестия ли в честь? И слово у нас есть, и знание, и хвала; и вы сыны есте, яко воистину честные, облеченные в злато, по златому вашему послушанию.

3) Чего же еще недостает? — Терпения, терпения бо, говорит Апостол, имате потребу, да волю Божию сотворше, примете обетование (Евр. 10, 36). Какое же это обетование? — Сам Господь сказал: иду уготовити место вам. И аще уготовлю место вам, паки прииду, и пойму вы к Себе; да идеже есмь Аз, и вы будете. И аможе Аз иду, весте, и путь весте (Ин. 14, 2—4). И радости ваша никтоже возмет от вас (Ин. 16, 22). Помышляя о сем и, имеющую открыться во святых, славу, неизреченную и недомыслимую, прозревая, будем все переносить великодушно: придется ли голодать, будем голодать; придется вдоволь всего иметь, будем довольствоваться; умирать ли будем, необходимо умрем, чтоб жизнь вечную наследовать во Христе, Иисусе Господе нашем.

268.

1) На маслянице разгул чувствственных удовольствий противен духу Христианства. — 2) Возблагодарим Господа, что вывел нас из мира и ввел в наше тихое жительство, из коего прошло столько святых, коим подражаем и мы. — 3) Будем же верны ему, готовясь и к предлежащим подвигам исповедания. [4, 49].

1) Наступающие дни (масляницы) обыкновенно считаются у людей какими—то праздничными, по причине бывающих тут пиров и гуляний, не разумея, что дни сии чрез воздержание от мясоестия возвещают об общем воздержании, а не о пресыщении и пьянстве. Ибо это принадлежность еллинскаго празднества. Христианам же хотя всего можно употреблять вдоволь, но попечения о плоти никак не творить в похоти, как учит Апостол (Рим. 13, 14). Зло однакожь, перешедши в житейский закон, ведет мир, куда хочет. Мы же будем избегать невоздержания даже и в том, употребление чего разрешено нам, зная, что невоздержание есть мать греха. Так праотец наш Адам, пока воздерживался от вкушения того, что было запрещено, в раю радовался и веселился, исполняясь божественными озарениями и наитиями. Когда же нарушил воздержание и вкусил от древа преслушания, тотчас изгнан был из рая сладости. И соделалось для него невоздержание

родительницею смерти. Так Содомиты, от пресыщения хлебами неистовствуя срамными страстями, навлекли на себя гнев Божий и поглощены огнем и жупелом. Так Исав ненавистный, жадными увлеченный очами за одно яство отдал первородство свое. Так и народ Божий...седоша людие ясти и пити и восташа играти (Исх. 32, 6). Тоже дается и в настоящие дни: пиры и пьянство, вопли и демонския пляски, не только днем, но и до поздней ночи. Так зло невоздержание; чрез него и смерть вошла в мир.

2) Мы же благодарить должны Бога, что Он избавил нас от таких суетностей и ввел в жизнь блаженную, где не невоздержание, а умеренность, не пьянство, а трезвенность, не буйство, а мир, не шумность, а безмолвие, не срамословие, а благодарение, не непотребство, а чистота, святыня и целомудрие. Из сейто жизни возсияли все божественные отцы наши, которые, с Божиею помощию, попрали страсти, прогнали демонов, сделались равноангельными, содевали чудеса, улучили славу небесную, стали предметом удивления в мире — из коих одним был и блаженный Антоний, котораго жизнь читали мы ныне и видели, как Бог прославил его в поднебесной, — так, что цари земные за великое почитали писать к нему и от него написанное прочитывать слово. Сих блаженных жизнь проходим и мы смиренные; а что и делом соревнуем ей, о том свидетельствует совершенство наших монахов, отречение от мира, отчуждение от родины, от рода своего и всех знаемых, покорность послушание, — сие, предлежащее нам исповедание, за которое и в гонении состоим.

3) Будем же радоваться и сорадоваться друг другу, что Бог даровал нам все такое, и что мы проводим жизнь духовную, в которой, если хотим, можно нам праздновать каждый день и радоваться радостию неувядаемою. Почему прошу, еще крепче емлемся за подвиг наш и предстоящее нам исповедание: ибо уже и слух прошел, что державный разсматривает дело наше, и как бы скоро не явился и посол царский. Но не убоимся ходящих речей: аще Бог по нас, кто на ны? (Рим. 8, 31). Если Он помог нам в предыдущих обстоятельствах, то поможет конечно и вперед: только будем стоять мужественно, только себе да внемлем, и Он даст нам силу во всем, благоугодно Ему пожить до конца и уллучить царство небесное.

269.

1) Гонение при дверях: встретим его благодушно, уповая на помощь Божию и воодушевляясь обетованиями за претерпение гонений — за веру. — 2) С еретиками не надо общение иметь, и особенно бегать тех, кои на словах верны, а в сердце еретики. — 3) Иконоборство воюет против догмата о воплощении Бога Слова и против заповеди — чтить Бога и поклоняться ему. [4, 51].

1) Ныне предлежало бы нам беседовать о воздержании: так как при дверях Святая Четырдесятница. Но распространяющиеся везде слухи недают нам это сделать и на другое переносят и мысль нашу и слово. Я уже прежде сказал вам, что державный разсматривает дело наше; и ныне, как говорят, угрожает угрозами чрез Никомидийскаго, — на которыя если мы ответим боголепно, он этого не снесет и поспешит сделать, что задумал. На это нечего сказать, но приготовиться к новому гонению в уверенности, что, где умножаются страдания, там умножаются и утешения Святаго Духа, как говорит Апостол: зане якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше. Аще ли же скорбим о вашем утешении и спасены, действующемся в терпении техже страданий, яже и мы страждем: и упование наше известно о вас: аще ли утешаемся о вашем утешении и спасении: ведяще, зане якоже общницы есте страстем нашим, такожде и утешению (2 Кор. 1, 5—7). В этих словах Апостол показал нам, что мы взаимно друг с другом

общимся в страданиях и утешениях, как сущие одно тело и один дух, якоже и призваны во едином уповании звания нашего (Еф. 4, 4). Не падем же духом и не возмалодушествуем, но решимся крепко стоять за Дело Божие все вместе, как добрые воины Христовы, нося оружия свои, не плотская, но сильна Богом на разорение твердем (2 Кор. 10, 4), т. е. разсудительность, мужество, целомудрие, правду — и тем исполняя сказанное Господом: егда гонят вы во граде сем, бегайте в другой (Мф. 10, 23) — и туда отходя, не будем пещись, что ямы, или что пием, или чим одеждемся (Мф. 6, 31). Ибо Он сам сказал: не оставлю тебе, ниже презрю тя (Иис. Нав. 1, 5): так что Он и там отворит нам двери милости, и во всем помощником нам будет. Как же нам не радоваться, имея такие обетования? Как не веселиться, что состоим учениками Господа? Так гнали и св. Апостолов, к коим говорил Господь: блажене есте, егда поносят вам, и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех (Мф. 5, 11. 12). Итак, настоящее радостно и обвеселительно: ибо доставляет нам радость неизглаголанную, жизнь, вечную и царствие нескончаемое.

2) На путь язык не идите, и во град Самарянский не внидите (Мф. 10, 5). Нам это надо понимать в отношении к еретикам: итак не войдем в церкви их, ни в жилища их. Но где будет сын мира, семя благочестивое, там и пристанем, там и пищу принимать будем, как и в предыдущие годы. Будем беречься от притворяющихся держащими истину, которые говорят, что они правые руководители, но не суть таковы, а заблуждаются, прельщающе и прельщаеми (2 Тим. 3, 13), ихже суд праведен есть (Рим. 3, 8). Будем хранить веру неуклонною и жизнь непорочною, не умаляя и не оскорбляя одной другою, но в той и другой пребывая целыми и совершенными.

3) Предмет подлежащего исповедания есть догмата о воплощении Господа нашего Иисуса Христа. Кто не исповедует, что Господа нашего Иисуса Христа можно изображать живописью, тот не исповедует, что Он был видим во плоти: ибо быть видиму во плоти и быть предметом доступными для иконного изображения есть одно и то же. Далее, — кто не покланяется святой иконе Господа, тот не покланяется и самому Господу. Ибо для того, что изображено на иконе, есть первообраз, и смотрящий на икону видит пред собою первообраз. Почему, почитание или непочитание иконного изображения, поклонение или непоклонение образу падает и на первообраз и, если иконою изображен Господь, на Господа. Таким образом, кто чтит икону Господа и поклоняется образу Его, тот Господа чтит и Ему поклоняется, а кто не чтит сей иконы и не кланяется образу, тот Господа не чтит и не поклоняется Ему. — Иконоборцы хотя и говорят, что поклоняются Господу, но лгут. К ним можно отнести слова Писания: Бога исповедуют ведети, дела же отмещутся Его (Тим. 1, 16). Мы же поклоняемся Христу и иконе Его, — поклоняемся Богородице и иконе ея, — святым и иконам их. И это есть апостольское учение, которое прияли мы от святых отцев наших. Сей—то залог веры предлагаю я вам, чада и братия, чрез Духа Святаго, живущаго в нас, сохранить целым и неповрежденным. — Молитесь же о нас смиренных, да даст нам Господь слово во отвержение уст наших (Еф. 6, 19), с дерзновением сказать истину, чтоб не посрамить упования нашего, и вместе с вами безукоризненно совершить подлежащий нам подвиг, и всем нам улучшить царствие небесное. 270.

1) Опять укор разгулу масличному, и вообще мирской жизни, и благодарение, что Бог избавил от сего иночествующих. — 2) Скорбеть надо о мирянах, по духу мира живущих, подражая Апостолам, Пророкам и всем святым. [4, 52].

1) Часто ублажаю жизнь вашу; но делаю это не из лести, а по истине, жаление о живущих по мирски выразить желая, а вас сделать еще более ревностными в виду имея. Что там ныне деется, вы и сами знаете: пиры и пьянства, песни и пляски и все другия такая изобретения вражьего в мире действия, — ихже суд праведен, как написано. Наше же жительство не таково: день и ночь хвалим мы Господа, по преданному нам от святых отцев законоположению; псалмопение следует у нас за псалмопением, чтение за чтением, молитва за молитвою; затем — в мыслях бдение над помыслами, в сердце поучение в божественных словесах, также безмолвие благовременное, беседа приличная; еще — друг другу служение, все у нас весом и мерою узаконяется, хотя в праздник обычно некое предлагается утешение. Ибо послушай, что говорит Господь к Иуде: еже твориши, сотвори скоро. Сего же никтоже разуме от возлежащих, к чесому рече ему. Нецыи же мняху, понеже ковчежец имяше Иуда, яко глаголет ему Иисус: купи, еже требуем на праздник: или нищим да нечто даст. Видишь, что у них и о празднике, и о нищих была забота? Что и мы смиренные, как видите, стараемся исполнять. Но благословен Бог, сподобивший нас приобщиться такой жизни; не от дел праведных, ихже сотворихом мы, — ибо мы ничего добраго не сотворили на земле, — но по своей милости (Тит. 3, 5), призвал Он нас к ней. Почему каждый из нас с сокрушенным сердцем должен всегда говорить: что есть аз, Господи, Господи, и что дом отца моего, что Ты так возлюбил меня.

2) И наше дело таково; в мире же редко найдешь ты что такое. Ибо там за ночью день следует в заботах и делах века сего, в самообольщении богатством и в других хлопотах; так что человеку и вздохнуть некогда: то сговариваются один с другим, то сталкиваются неприязненно; клятва и лжа, и убийство, и татьба, и любоддеяние разлился по земле, говоря пророческим словом (Осии — 4, 2), и многое другое, что и пересказать нелегко. Что все приведши на память, блаженный Златоуст сказал, что едвали и какая нибудь частичка спасется из мира. Слово страшное, однакожь истинное. И человеку, доброе чувство имеющему, нельзя об этом не печалиться и не скорбеть. Ибо разве не братья все мы друг другу? Не одной ли все крови? Не из одной ли персти? — Если, видя скотину, по стремнине несущуюся в пропасть, неволью всякий чувствует жалость к ней; не тем ли паче жалостно видеть погибель братий и единовверных? По сей причине блаженный Апостол оплакивал врагов креста Христова с непрестающею болезнию сердца моляся о них (Рим. 9, 2. 3). Пророк Иеремия плакал об Израиле, и плач свой оставил описанным всесторонне в писании. Великий Моисей вопиял к Богу: и ныне, аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги твоя (Исх. 32, 32); да и каждый из святых, таким же объят будучи состраданием, не забывая молиться о людях, в подобном же состоянии находящихся. — Так и мы, если хотим в след их шествовать, не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите (Фил. 2, 4), но и о мире молиться, жалея и сердцем боля о живущих развратною жизнью, об одержимых ересью, об омраченных язычеством, и кратко: за вся человеки творити молитвы и моления, как поведено нам от Апостола (1 Тим. 2, 1). Так действуя, мы прежде других самим себе принесем пользу, сокрушаясь и очищаясь от страстных навыков, от коих избавившись, сподобимся улучшить жизнь вечную о Христе Иисусе, Господе нашем.

271.

1) Четырдесятница пресекала шум и молву, и мирян призвала к порядку благочестному. — 2) Пост обновляет душу, и делает ее жилищем Божиим; надо сретить его с радостью, и держать. — 3) Но постясь телесно, надо поститься и душевно, от страстей и похотей, кои враг представляет

привлекательными по видимости, тогда как на деле оне и безобразны и горьки. — 4) Будем при том прилежать постническим порядкам и церковным и вне церковным. [4, 54].

1) Время четырехдесятницы, в сравнении со временем всего года, подобно никоему пристанищу неволненному, в которое стекаясь, все люди получают тишину духовную. Ибо не для монахов только, но и для мирян, для малых и великих, для начальников и подначальных, для царей и иереев, для всякого рода и всякого возраста спасительно предлежащее время. Города и села успокоиваются от шума и молвы; вместо того, всюду возглашаются псалмопения и славословия, молитвы и моления, коими умилоствляемый благий наш Бог умиротворяет дух наш, если от искренняго сердца со страхом и трепетом припадаем и плачемся пред Ним, обещая впредь исправление и улучшение. — Но к мирянам пусть простирают беседы предстоятели церковные; я же, как над вами честнейшими поставленный главою, к вам обращаю речь, чтоб высказать коротко подобающее.

2) Пост обновление есть души; ибо Апостол говорит: сколько внешний наш человек тлеет, столько внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Если же обновляется, то и благообразие приемлет по образцу первозданной красоты; благообразясь же привлекает к себе любительно Того, Кто сказал: Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23). Если таково обычно благотворное действие поста, что он соделывает нас жилищем Божиим; то нам надлежит приять его с радостью, не тяготясь простотою и милостию диеты: ибо видим, что Господь, сильный доставить разнообразную и богатую пищу, одним хдебом и водою напитал тысячи людей в пустыне; ктому—же непривычность к такой диете, облеченная ревностию, перестанет быть неприятною.

3) Впрочем пост не ограничивается одною скудостью питания, но требует воздержания и от всего худаго, как изрекли святые отцы наши. Будем же воздерживаться от уныния, беспечности, лености, зависти, рвеня, злонравия, самоугодия, своенравия; воздержимся и от похоти плотской, потому что и на постящихся нападает этот многообразный змий. Красен был для видения и добр для вкушения, умертвивший меня, плод, как слышим о нем из Писания. Но обрати внимание, что он красным назван по виду, а не по естеству. Как если бы кто, взяв гранату наружно приятнаго краснаго цвета, нашел ее гнилою внутри, такова и сласть похотная: притворно обещает она сладость неслыханную, а, быв удовлетворена, оказывается горчайшею желчею, — изощренною паче меча, обоюду остраго, поядающаго уловленную душу: что пострадал прародитель наш Адам прельщенный змием, который, коснувшись запрещенной пищи, вместо жизни нашел смерть. То же пострадали и все, с того времени до ныне подобным же образом прельщенные. Ибо как он сам, сущи тма, преобразуется в Ангела светла, так умеет преображать и зло в добро, горькое в сладкое, безобразное в благообразное, смертоносное в живительное, — и сим способом всезлобный он не перестает всегда прельщать мир. Мы же не дадим себе прельститься такими его приманками и недопустим себя пострадать ничто подобное тому, что страждут пернатя, кои бросясь с жадностию на видимую пищу, попадают в сети ловца; но снимем разсуждением прелестные покровы со зла, будем воззреть на него голое, как есть, и таким удобно избегать его.

4) Будем при том бодренны на псалмопениях, усердны к песнословиям, внимательны к чтениям; будем преклонять колена в определенной на каждый час мере и работать своими руками, потому что работать хорошо, и не работающий сочтен недостойным вкушения пищи; будем друг друга тяготы носить, наипаче же постараемся быть друг ко другу блази, милосерди, кротки, благопокорливы, исполнены милости и плодов благих (Еф. 4, 32; Иак. 3, 17). И мир Божий, превосходяй всяк ум, да

соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе (Фил. 4, 7); и здесь да сподобитесь безукоризненно достигнуть светлаго дня воскресения Господа, в будущем же веке, по воскресении мертвых, улучшить царствие небесное.

272.

1) Дом души созидать должно с большим рачением, чем житейский. — 2) Материалы для дома душевного — добродетели — страх Божий и другия, между коими значительно и воздержание. — 3) Постническое вкушение пищи каждодневное лучше двух — и трех-дневного, как свидетельствуют и Божеския указания и примеры отцев. [4, 55].

1) Житейские мужи, когда воздвигают себе дом дорогой, не дают себе покоя ни днем, ни ночью, работая, соображая, заботясь, пока не доведут до конца желанного дела; и такое у них к этому рвение, что ум их весь там (на постройках) и живет, и все придумывает, как бы получше устроить потолок и кровлю, как бы разукрасить пол разными мраморами, и как придать подобающее благолепие всему прочему, чтоб все представляло приятный вид любителям таких вещей; и если кто захотел отвлечь их от таких хлопот и занятий, они встретили бы то с неудовольствием, как великую какую обиду. — Мы же, устрояющие жилище не тленное, а нетленное, и не из камней и дерев слагаемое, но из духовных совершенств и благодатей искусно сочетаваемое, ужели будем разлениваться и в рвении к делу сему останемся далеко позади тех? Не будет ли это из всех неправостей самую большою? То здание, по принятии стольких и стольких плотолюбивых людей, и по перемене стольких господ, наконец, быв оставлено, запустеет и разорится; а это странноприимлет Духа Святаго, так как если мы есмь храм Бога жива и Дух Божий живет в нас, как говорит Божественный Апостол (1 Кор. 3, 16; 2 Кор. 6, 16); и, когда имеющие Его возьмутся отселе, Он сшествует им и пребывает неразручно с ними во веки.

2) Но из какого материала устрояется такое здание? — Из добродетелей, восприемлемых и водружаемых в сердце. — Возьми ты мне, во первых, страх Божий, положив его, как некое основание, так как начало премудрости страх Божий есть (Пс. 110, 10); потом благоразумие, мужество, целомудрие и правду, кои, держась одна другой и союзом любви будучи составляемы и счисляемы приличне (Еф. 4, 16,) растут в Церковь святую о Господе (Еф. 2, 21), как написано. Таковой — то храм будем всегда созидать в себе, братие, и всякою красотою добродетелей украшать его не перестанем, чтоб сподобиться иметь обитателем его Духа Святаго, и обратить на себя очи Ангелов и святых привлекательною красотою жизни. — Но как одна из добродетелей есть и воздержание, и в ней мы теперь более других упражняемся; то дадим славу Богу, что одно поприще его мы уже совершили. Пусть при сем лица наши изменились против прежняго; но это — благим изменением, сия бледностию от воздержания. Пусть уста наши наполнились горечию от желчи, по причине поздняго вкушения пищи; за то дух наш богато услажден, окрылен будучи упованием. Итак будем радоваться, избрав лучшее и расположившись к нему.

3) Скажет, может быть, кто, что каждодневное приятие пищи есть ущерб для совершенства поста. — Никак; ибо если-б было так, то Господь не повелел бы нам каждодневно просить себе хлеба насущнаго; то пророк Илия не был-бы каждодневно питаем враном в пустыне; то св. Павел, прежде божественнаго Антония начавший жить в пустыне, не получал бы каждодневно хлеба свыше; то и сам Антоний великий не предпочел бы каждодневнаго вкушения пищи посту более одного дня или недельному. И мне думается, что это вот по какой причине. — Так как тело наше, трудясь в

продолжении целого дня, утомляется и изнемогает, и требует отдыха и подкрепления; то Создатель так и устроил, чтоб оно подкрепляемо было каждодневным приятием пищи, и было опять способно к дальнейшему труду, — а не изможденно и расслабленно, как бывает у тех, кои по два, по три, и более дней не принимают пищи, — от чего они ни поклонов класть бывают не в силах на ряду с другими, ни петь громко, как следует, ни других исполнять дел послушания. Итак, каждодневное вкушение пищи не немощным только допускается, но дается и для совершенных, по преданному нам правилу отеческому. Видите теперь, что у нас все установлено отечески. И да даруется нам еще и еще и здравие тела и крепость духа, чтоб поработать Богу живому и истинному, в ожидании последняго дня, в который да возсияете вы со всеми святыми, как солнце и да наследуете царство небесное.

273.

1) Неделя поста прошла. Смирив плоть, душе придали мы добротности, да благоугодна будет Жениху Христу. — 2) Душа — невеста Христова: будем же блюсти ее чистою для Жениха ея. — 3) А для сего утеснять плоть. — 4) Скорбно сие, но воздаяние велико. [4, 57].

1) Попостившись первую неделю, мы теперь другими несколько кажемся друг другу, чем были прежде, потонели, побледнели. Но аще и внешний наш человек тлеет, как говорит Апостол, обаче внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Ибо каким обычно видится тело пространно питаемое, — цветущим и полным: таковою духовно делается душа чрез воздержание, так что, смилив тело, мы придали красоту душе, — ту красоту, которой желая, святой Давид молился: Господи волею Твоею подаждь доброте, (*χαλλει* — добротности, красоте) моей силу (Пс. 29, 8). Сею же красотою и блаженный Павел утверждает, что обручил нас Христу: обручих бо вас единому мужу деу чисту представить Христови: боюся же, да не како, якоже змий Еву прелести лукавством своим, тако истлеют разумы ваша от простоты, яже о Христе, (2 Кор, 11, 2. 3). Видишь величие дара, что мы сподобились иметь Христа женихом? Видишь, как обручатель боится за нашу твердость?

2) Итак, душа наша походит на обрученную девицу. Почему, как такая девица воздерживается от видения мужей, все старание употребляя сохранить себя чистою, пока придет время обвенчания: так и душа со всем тщанием должна хранить себя чистою от тлетворных страстей греха до самого исхода своего, в который она, из невестнической храмины тела своего исшедши, если благообразна будет, сияя благими деяниями, обрадует св. Ангелов; если же будет обезображена грехами, порадует демонов в оскорбление Христа, — о чем и думать, и говорить жалостно.

3) По сей причине мы утесняем свое тело и строго до жестокости к нему относимся, чем, как уздою какою, сдерживаем порыв плоти, чтоб она не свергла долу правчаго — ум, не в настоящее только постное время, но и во всю жизнь. Ибо что есть подвижническая жизнь, как не обуздание страстей, властвование над помыслами и непрестанная борьба с невидимыми врагами.

4) Прискорбно это для плоти; но еже ныне легкое печали, наша, по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделоваете нам, не смотряющим нам видимых, но невидимых (2 Кор. 4, 17. 18). Итак невидимых ради благ, в няже желают Ангели приинкнути (1 Петр. 1, 12), ради Жениха Христа, Коему обручены мы, прошу и молю, сохраним чистою душу свою от злых дел и от нечистых помыслов, оскверняющих нас, как сказал Господь, отнюдь не помышляя ни о чем худом: ибо от помышлений, как огонь, возгорается похоть. Но далее будем держать себя от страстей, при самом начале приращения их отревая искушителя, благими же делами осиявать душу, всеусердно емлясь

предлежащего нам воздержания, чтоб, чистыми пресеясь отселе, в неизреченной радости взыти на небеса и там сподобиться насладиться радостями брачного небесного чертога Христова.

274.

1) Был натиск от иконоборцев. Устояли. Ободряет, уверяя, что Бог сию готовность все потерпеть примет, как самое дело. — 2) О посте. Продолжим охотно, но не по своей воле. — 3) Хвалит постнические труды, и — 4) приглашает всякое дело делать в свое ему время. [4, 61].

1) Вчера бурность, ныне тишина; вчера волнение, ныне покой. Но бдагословен Бог, и искушение отгнавший, и нас укрепивший пребыть непреложными, даже при ожидании того, чем нам угрожали. Таковы истинные Христиане! Таковы неложные монахи! Всегда готовыми они себя имеют к бедствиям за добродетель и ничего не предпочитают заповеди Божией. Ее (враги-гонители), пришедши свазали, что сказали, — и ушли, не столько нас поразивши страхом, сколько сами устыдившись своего поступка. Вам же Господь, за то, что вы избрали быть за Него гонимыми, полную воздаст награду. Ибо, богат будучи в милости, Он обычно венчает избравшаго благое и за одно решительное намерение. Искушение еще не рассеялось, но все еще грозит; потому что повсюду — повеления от державных, чтоб никто не оставался непричастным еретического мудрования. Потому послушаем, что говорит Апостол: в премудрости ходите ко, внешним, время искупующе. Слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено, ведети, како подобает вам единому камуждо отвещавати (Кол. 4, 5. 6). Здсь он поучает нас и в искушения не ввергать себя, как ни попало, ни опять слова Божия не умалчивать; ибо аще обинется, говорить Господь, не благоволит душа моя о нем (Евр. 10, 38). Но об этом довольно.

2) Пост уже достаточно подвинулся вперед, и побуждает нас все с большим и большим усердием стремиться далее, как кто произволяет, ни от скорби, ни от нужды, доброхотна бо постника любит Бог (2 Кор. 9, 7). Впрочем общежительский закон не позволяет каждому вести себя, как хочешь; но вот общий предел воздержания послушливым — отсечение своей воли.

3) Добр убо пост, потому что укрощает страсти и плоть подчиняет духу; добры слезы, потому что омывают сердце от грехов и чистым его представляют Богу; добра молитва, потому что окрыляет ум и соделывает его собеседником с Богом; добра любовь, потому что всюду презирает свое в пользу ближняго; добра ревность, потому что облегчает труды и юным делает дух, и старца располагает с юношескою быстротою действовать.

4) Будем — же благодушны и ревностны: когда время псалмопения, усердно поспешим на него; когда время работы, будем работать усильно; когда время молчания, помолчим разумно; когда время беседования, поговорим в меру; одним словом, будем все делать благообразно и по чину, как нам заповедано, удерживая себя от всякой смуты и задора. Поклонов столько да творится, и обычное стихословие да исполняется, как и сколько силы дозвоят, с сохранением и здоровья телеснаго. — И Бог мира да доведет вас до царицы дней, Светлаго Воскресения Христова, и да сподобит царствия небеснаго, где не брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святое (Рим. 14, 17), коими и да обогатит нас Бог о Христе Иисусе, Господе нашем.

275.

1) Не надо общиться с еретиками. Хоть за это теснят нас; но переносим с помощью Божиею. — 2) Блаженно сделаться общниками Христовых страстей. — 3) Воодушевимся же. [4, 62].

1) Находясь вне монастыря, мы здесь устроились как могли и как позволили обстоятельства.

Ныне — же, когда гонители не продолжают гонения за Христа, нам надлежит пророческаго послушаться слова: изыдите из среды их и отлучитесь глаголет Господь (Ис. 52, 11; 2 Кор. 6, 17). Если иные иначе действуют в сем отношении, они сами за себя и ответ дадут Господу в день суда. Мне же кажется, что идти вместе с ними есть тоже, что безразличничать в отношениях своих к еретикам. Видите, как непоследование за ними отдаляет нас от мира, и вместе с тем ведет к скорби, к тесноте, к голоду, к тюрьме, к смерти. Но во всех сих преобладаем за возлюблшаго ны Бога (Рим. 8, 37), Который, когда увидит душу, жаждущую Его, подает ей силу, чтоб она могла перенести за Него страдания, как свидетельствуют вместе с другими и сорок мучеников, коих память совершаем мы ныне: ибо не можем сказать, чтоб они имели другое естество, чем мы; но поелику возлюбили Бога от истиннаго сердца, то облечены стали силою в своей немощной плоти победить невидимаго врага, и совершить такой и толикий подвиг, который воспевают все хрисиане.

2) И воистину блажен, кто сподобился сделаться общником Христовых страстей, хоть сколько нибудь: гонимый, как Он был гоним; ятый, как и Он ят был; бичевание потерпевши, как и Он потерпел; поруганный, как и Он был поруган; в темницу заключенный, как и Он заключен был. Смотри теперь, почему написано: аще с Ним умрохом, с Ним и оживем: аще терпим, с Ним и воцаримся: аще отвержемся, и Той отвержется нас: аще не веруем, Он верен пребывает: отрещися бо Себе не может (2 Тим. 2, 11—13). Видите, каковы и колики обетования и угрозы.

3) Воодушевимся же и подвигнемся—не посрамить претерпеннаго уже нами благодатию Христовою: изгнания, темницы, бича; и что говорить? Не все ли мы сидели в темнице? Но такое общение жизни бывает общением и страданий. Ибо аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли славится един уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 26). Будем — же и на всегда едино тело и един дух, якоже и звани во едином уповании звания нашего (Еф. 4, 4), главою имея Христа, чтоб угодить Богу и улучшить царствие небесное.

276.

Передаёт сказание, как в Болгарии верные хрисиане скорее согласились смерть претерпеть, чем во св. четырёхдесятницу есть мясо; и отсюда берет урок — стоять до смерти против иконоборства. [4, 63].

В настоящем поучении неким сказанием хочу расположить вас к утешению. Сказание сие таково. В Болгарии, как сказывают верно то знающие, вышло злое повеление от державствующаго там, чтоб находящиеся в плену хрисиане и: братия наши, во дни святых четырёхдесятниц, ели мясо, затем, — которые покорятся сему, тех оставлять жить, а которые не покорятся, тех убивать. Слово нечестиваго взяло силу; собрался народ с женами и детьми; плачь и вопль мног: здесь в защиту хрисианскаго закона, там от страха смерти телесной; наконец — увы! жалостная вест! — побеждены, — и преклонились пред нечестивым повелением. — Но четырнадцать из них, отделившись от них, стали напротив их, и начали убеждать их не уступать и не покоряться, — и в противность хрисианскому закону не соглашаться есть мясо. При сих словах пошли возгласы и убеждения от народа уступить необходимости и потом покаянием загладить сию вину, но не отдавать себя на смерть так просто. Но тех это ни мало не убедило и не умягчило: они стояли на своем, взирая на Бога и на обетованное блаженство. Скиф, видя непоколебимую твердость сих мужей, вздумал чрез одного поколебать и преклонить на свою сторону прочих. И убив одного, жену его и детей роздал скифам в рабство, надеясь, что другие, видя это, поколеблются и уступят... Но те еще более стали непреклонными,

взывая; христиане есмы и держимся части умершаго брата нашего. В сем исповедании они перебиты все, и скончались в Господе.

Видите, как и ныне в силе Евангелие Царствия Божия? — Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин, говорит Господь; и иже не примет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин... И опять: не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубить в геенне, (Мф. 10, 37. 38. 28). Послушались они евангельских заповедей, пребыли покорными Господу и увенчались венцем мученичества, подражая святым Маккавеям, в двойном против них числе, так как тех было семь, а этих четырнадцать; и те за то пострадали, что не хотели есть свиного мяса, а эти за то, что не хотели вкусить постом какого-бы то ни было мяса в противность закону христианскому. — О, блаженные мужи! О блаженная купля! В одно мгновение времени стяжать вечное упокоение!

Что скажут на это те, которые общение с еретиками не считают отречением. Если там совершилось отречение народа, по причине согласия есть простое мясо в пост, то тем паче здесь общение в нечестиво приносимой жертве. Где те, которые говорят, что страдание за икону Христову не есть мученичество? Если там за несогласие нарушить закон церкви Христовой пострадавшие подъяли мученический подвиг; не тем ли светлейший мученический подвиг совершается здесь, когда не соглашаемся отречься от Самого Христа в иконе Его? — Но так говорят люди темные, омраченные смыслом по причине еретических мудрований своих, которые своими падениями покушаются и другим положить препону в правоверии и правошествии. — Мы же прославим благаго Бога нашего, прославляющаго прославляющих Его, Который и в роде сем являет мучеников, — помышляя при сем, что, если люди, бедные по видимости, малоученые, жену и детей имеющие, все оставили из любви ко Христу, не тем ли паче мы, не женатые и мир оставившие, долженствуем, когда потребует время, явить себя подобными святым ревнителям веры и благочестия.

Но это в свое время, когда Христос потребует. Ныне же будем твердо стоять в мученичестве, что бывает в совести непрестанно; не преклоним колен пред Ваалом; не уступим, бывая поражаемы помыслами, но будем угашать разжженные стрелы лукаваго слезами, молитвами, сокрушениями и подобающими озлоблениями плоти, чтоб и нам можно было с Апостолом говорить: по вся дни умираю, тако ми ваша похвала братие, юже имам о Христе Иисусе, Господе нашем (1 Кор. 15, 31); и со святым Давидом: Тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вменихомся, яко овцы заколения (Пс. 43, 22), с коими да сподобимся и наследниками быть царствия небеснаго.

277.

1) Благовещение начало воплощеннаго домостроительства обязывает нас духовно его праздновать; — 2) и при сем молиться и скорбеть о не приемлющих его и не пользующихся им; — 3) подражая св. Апостолу Павлу и Пророку Моисею. [4, 64].

1) Благовещение настало, — начало Господских праздников; и мы должны его праздновать, не просто, как многие, но с разумением таинства, ради коего празднуем и благоговеинствуем пред ним. Какое это таинство? — То, что Сын Божий сын человекъ бывает, посредницею к тому избрав Пресвятую Деву, вселившись в Нее и из Нея устроив Себе храм, и совершенным соделавшись человеком. — Для чего? Да подзаконныя искупит, да всыновление восприимем (Гал. 4, 5), как написано; чтоб мы не были более рабами, но свободными, чтоб не были более страстными, но безстрастными; чтоб не были более миролюбцами, но Боголюбцами; чтоб не по плоти уже ходили,

но по духу. Ибо ходящие по плоти, плотская мудрствуют, а сущие по духу, духовная. Мудрование бо плотское, смерть есть: а мудрование духовное, живот и мир. Зане мудрование плотское, вражда на Бога: закону бо Божию не покарается, ниже бо можешь: сущии же во плоти, Богу угодити не могут (Рим. 8, 5 — 8). Такова, сокращенно сказать, сила таинства! И потому мы должны духовно праздновать в честь его, и духовно вести себя в продолжении его, — в правде и преподобии, в любви, в кротости, в мире, в долготерпении, в благодати, в Духе Святе, чтоб не показать бесплодным и бездейственным в отношении к нам воплощенное домостроительство Господа нашего.

2) И не только это; но должны еще молиться и сокрушаться о Мире. Чего ради? Ради того, что Сын Божий пришел спасти мир, а мир отвергает Его: отвергают Его племена и языки; отвергают Его варварские народы; отвергают Его и святое имя Его призывающие, — одни неправостию веры своей, другие худостию жития своего. — Что надлежало сделать, и Он не сделал? — Бог сый, человек бысть; смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя; дал нам вкушать тело Свое и пить кровь Свою; удостоил нас называться Отцем нашим, братом, главою, учителем, женихом, сонаследником, и другое многое сделал, о чем подробно здесь нет нужды поминать. — И однакожь Он отвергается; отвергается, и однакожь терпит это: не приидох, говорит, да сужду мир, но да спасу мир (Ин. 12, 47). — Что же нам при сем следует сказать? То, что истинные ученики скорбят об отречениях соучеников, являя тем любовь свою и к Учителю, и к ученикам: таким образом и истинные рабы страдают сердцем при неверностях собратов своих.

3) Посему повелевает великий Апостол творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть (1 Тим. 2, 1. 2). Он же о себе самом в другом месте вот что говорит: истину глаголю о Христе, не лгу, послушествовающей ми совести моей Духом Святым: яко скорбь ми есть велия, и непрестающая болезнь сердцу моему; молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти (Рим. 9, 1 — 3). Видишь ли силу любви? Видишь ли высоту человеколюбия? — Тоже самое и Моисей говорить к Богу: аще оставиши им грех их, остави: аще же ни, изгладя мя из книги Твоя, в нюже вписал еси (Исх. 32, 32). — Так и мы, как истинные, а не лживые ученики, должны не о себе только самих заботиться, но и о братиях, и о всемъ мире, скорбеть о них и молиться. Ибо, таким образом угодное творя Господу, соделаемся мы наследниками жизни вечной.

278.

1) В день благовещения восхваляет девство и — 2) помянув, как враждует против него враг, убеждает блюсти его усиленно. [4, 65].

1) В день благовещения, попытаюсь сказать вам нечто небольшое по поводу благовещения, — именно, показать, сколь велик обет девства, который сподобились мы приять на себя. Ибо кому Архангел Гавриил сказал: радуйся, благодатная Господь с тобою? (Лк. 1, 28). — Не Пресвятой ли Деве Марии? — И от кого воплотившись, вочеловечился Сам Бог и Слово? — Не от сея ли же блаженныя Девы? — Итак, это девство израстило Жизнь всех. Это девство есть Царица добродетелей. Это девство есть Невеста и невестоводительница Христова. И если желаете, послушаем, что говорит блаженный Павел: не оживыйся печется о Господних, како угодити Господеви: а оживыйся печется о мирских, како угодити жене. Разделися жена и дева: непосягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом: а посягшая печется о мирских, како угодити мужу (1 Кор. 7, 32 — 34). Видите ли силу слова, — что брак не дает времени пещися о деле

угождения Господу, а о мирском? — таким образом девству, как наследие, вверяется благая часть. — Но и в царствии небесном девству отдается первенство. Ибо в Апокалипсисе святого Иоанна написано: сии суть иже с женами не осквернишася: зане девственницы суть: сии последуют Агнцу, аможе аще пойдет (Апок. 14, 4).

2) Вот какого преимущества сподобляются избравшие и сохранившие девство! — Они споследуют Христу и сорадуются с Ним. — Но не забудем, что чем выше и преестественнее дело сие, тем сильнее губитель жизни нашей, диавол, напрягается низложить нас, паче других страстей, противоположно ему страстию. И сколько уже от века низложил он, кто исчислит? — И этого что может быть жалостнее? — Мы же будем хранить душу свою, как зеницу ока, чистою для Жениха Христа, не предавая вверенное нам сокровище девства, и не дадим себе пострадать, что страждут рыбы, кои, обмануты быв затравою, проглатывают удицу и находят смерть. Ибо сласть плотская удица есть, растлевающая, а не питающая, — смертоносная, а не живительная, от коей да избавимся мы силою Божиею, и на будущее время чистыми и непреткновенными да пребудем, пока дыхание будет в ноздрях наших, дабы, победоносными преселясь отселе, улучшить нам царствие небесное во Христе Иисусе, Господе нашемъ.

279.

1) Вождеденна пасха — праздник; но пасха духовная — очищение от грехов и страстей вождеденнее. — 2) У кого нет сего, тот не может и праздновать пасхи. — 3) Но вы не таковы; у нас хорошие порядки, кои к Богу ведуць — 4) Будем же ревновать о пасхе духовной, чтоб и в будущем веке сподобиться ея. [4, 67].

Переступивши средину поста с Божиею помощию пасху зрим приближающеюся. — Но что так напряженно вождедеваем мы достигнуть этой пасхи, которая приходит и проходить? Не делаем ли мы это уже много лет? Пройдет и настоящая пасха. Ибо ничто не стоит неподвижно в веке сем; но дни наши проходят, как тень (Иов. 8, 9) и житие наше бежит легчае скоротечца (Иов. 9, 25), пока достигнет предела своего. Что же, скажешь, разве не вождеденна пасха? Конечно вождеденна, — и очень; и как этому иначе быть? Но та, которая каждодневно совершаться может еще вождеденнее. Какая же это? Очищение грехов, сокрушение сердца, слезы умиления, чистота совести, умерщвление сущих на земле удов блуда, нечистоты, страсти, похоти злой и всякаго греха, делом совершаемаго. Сподобившийся быть в таком благонастроении, не однажды в год, а каждый день совершает Господу пасху, праздник многожеланный.

2) Кто же не имеет сказаннаго, но страстьми одержим есть, тому как праздновать пасху? Как может праздновать чрево имеющий богом, или похотию плоти жегомый, или завистию грызмый, или в сребролюбие погруженный, или тщеславием порабощенный, или другими объятый страстьми? Станет ли кто утверждать о жегомом огневицею, что он покойно почивает — и о потерпевшем кораблекрушение, что он благополучное совершает плавание? Такие речи недопустимы. Потому, как во тме сущий не есть во свете, так в греховных делах пребывающий не празднует пасхи.

3) Впрочем о вас, возлюбленные, надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения (Евр. 6, 9). Ибо наша жизнь не иное что есть, как приготовление к празднику; ибо смотри, что у нас делается? — Псалмопение за псалмопением, чтение за чтением, поучение за поучением, молитва за молитвою, как круг какой, ведущий нас к Богу и сочетавающий с Ним. Как хорош такой образ жительства! Как блаженна и треблаженна жизнь такая!

4) Итак, как указана нам теперь желанная пасха, к такой и устремимся, и таковую, сколько сил есть, постараемся праздновать каждодневно, именно: умерщвление страстей, воскрешение добродетелей, по подражанию Господу; ибо и Он пострадал за нас, нам оставил образ, да последуем стопам Его (1 Петр. 2, 21). Сие же говорю, не как судьей становящийся других: кийждо бо свое бремя понесет (Гал. 6, 5); но, да яко чувствующие данную нам от Бога благодать, благодарение воздадим даровавшему, и прославим благодетеля, который не только в настоящем все потребное подает, но усердно работающим ему до конца подаст и все обетованные блага, вечную оную на небесах пасху, которую буди и всем нам улучшить благодатию и чедовеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

280.

Блаженно спострадать Христу, воодушевимся же и уготовимся на страдания. [4, 70].

Четырдесятница уже на конце; и приближается, как корона ея добрая, воспоминание животворящих страстей Христовых, из коих мы можем почерпнуть себе превеликое утешение. Ибо если Господь и Бог наш ят был за грехи наши, велико ли, если яты будем за Него и мы, непотребные рабы? Если Он связан был, и связанный отведен и заключен в темницу, что дивнаго, если и мы тоже постраждем за Господа и Владыку? Но даже еслиб нас подвергли бичеванию, перенесем бичевание; еслиб надлежало потерпеть заушения, потерпим; еслиб надлежало быть оплеванными, снесемъ оплевания; наконец, еслиб и умереть надлежало, предадим себя на такую присноблаженную смерть.

И благо тому, кто сподобится в чем либо из сказаннаго соделаться общником страстей Христовых! Вот блаженство! Вот бессмертие! Не слышим разве, что говорит Апостол: — прочее труды да никтоже ми дает: аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу? (Гал. 6, 17), — как бы так: никто не презирай меня, ибо я на теле моем ношу украшения всецаря Христа. Таков был святой Игнатий, назвавший себя Богоносцем, потому что носил на себе страдания Христовы. Таков был святой Евстратий, который во время самых страданий вопиял: ныне познал я, что во мне живет Христос. О блаженныя воззвания! О треблаженныя души! — Ибо чьи мы совершаем памяти? Чьи празднуем дни рождения и кончины? В честь кого воздвигаем священные храмы? Чьим мощам поклоняемся? — Не мучеников ли? Не исповедников ли? Не преподобных ли? — И если здесь они сподобились от Господа такой славы, то какое блестящее прославление получают они в веке будущем? Недомыслимо сие и неизреченно. — Вот добрая купля! Вот блаженная мена! — малыми трудами и подвигами стяжать вечныя и нескончаемыя блага.

Будем же подражать им и мы; смесим нашу кровь с святейшею кровию Господа. Ибо это и теперь возможно, так как ни естество не изменилось не изменился и Рекший: Аз есмь Господь Бог ваш, и не изменяюся (Малах. 3, 6). Он всех равно любит, за всех умер, всем предлежит, яко сладость неисчерпаемая, всем желает спастися, — и это для Него богатство: ибо Он, как говорит Апостол, есть богатей во всех призывающих Его (Рим. 10, 12).

Итак, призовем Его в настоящих обстоятельствах, и Он даст силу и крепость душам нашим; обыдем Его, и Он уничтожит врагов наших видимых и невидимых; потерпим Его, и Он увенчает нас в день воскресения мертвых, в день явления Его во славе, в который да сподобимся и мы неосужденно предстать престолу Его, и, дав добрый ответ, получить царство небесное!

281.

1) Обозрев страдания Господа, возбудимся на спострадание. — 2) Вы уже спострадали, но и после пребудете и в спострадании и во всех других добродетелях. — 3) Воодушевляясь надеждою, что с

ним и прославимся: ибо какая тогда будет радость спострадавшим, и какая туга уклонившимся от сего?! — 4) О сем помышляя будем хранить себя чистыми и преуспевать во всем добром. [4, 72].

1) Настоящий день (страстная среда) свят и поклоняем: ибо в него Господь начинает принимать крестные за нас страдания, по слову Давида рекшаго: вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным? предсташа Царие земстии и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его (Пс. 2, 1).

2). Собрались, злый совет составляя против Владыки своего, на коем лукавый Иуда отрицается от Учителя своего и продает Его. За этим потом последовали — предательское лобзание, связание и ведение Господа всяческих коео врагам на суд, представ на который, Суадия всехи вопрошается и отвечает, и ответив, — о страшное слышание, — рабом ударяется в ланиту и долготерпеливо переносит то, говоря: аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеша (Ин. 18, 23); потом оклеветывается и осуждается; затем приемлет наругания, осмеяния, издевания, оплевания, заушения, удары тростию по голове, бичевание, пригвождение до Кресту, на который возшедши молится за убийц Своих: Отче, отпусти им: неведят бо что творят (Лк. 23, 34); наконец, напояется желчию с уксусом, и умирает безсмертный, предав дух Свой Богу и Отцу, и мертвый прободается в ребра. Таковы, в кратце пересказанныя, страдания Господа! — И кто разумно слушает Евангельския о них сказания, тот не станет уже ни гневаться, ни огорчаться, ни неистовствовать, ни гордиться, ни выситься над братом, ни завидовать, ни славолубствовать; но всячески стараться будет смиряться, сокрушаться, считать себя землею и пеплом, желать общения Христовым страстям, быть сообразну смерти Его, чтоб причастну быть и славы в воскресении Его.

2) Дерзайте, скажу вам, и вы; ибо вы уже приобщились Владычным страстям и пребываете в сем общении им. Посмотрите, где вы? Не за слово ли Его и не засвидетельство ли Его вы в изгнании и в гонении? Но и прежде сего не испытали-ль вы заключения в темницу? Не пролили-ль крови среди поношений и оскорблений? Не скончались ли некоторые из братьий наших среди страданий доблестно? — Вот в чем похвала наша в Господе! И вот каков дар наш! — Но как твердость наша ненадежна по причине нашей измѣнчивости, и мы не можем наверное утверждать, что породит находящий день; то прошу вас, стойте о Господе непреклонно и непреложно, единодушно и единомудренно сподвизаясь за веру Евангельскую, не колеблющеся ни о едином-же от сопротивных (Фил. 1, 28), и ни едино ни в чемже дающе претыкание (2 Кор. 6, 3), но во всем представляюще себе, яко Божии слуги (2 Кор. 6, 4) в послушании, в смиренномудрии, в кротости, в великодушии, в терпении мнозе: терпения бо имате потребу, да волю Божию сотворше, примете обетование. Еще бо мало елико елико грядый приидет и не укоснит (Евр. 10, 36. 37).

3) Если же приидет и не укоснит; то что нам стужати си в скорбех (Еф. 3, 13), а не паче готовыми быть умирать за Господа всякий день? — Ибо написано: аще с Ним умрохом, то с Ним и оживем: аще терпим, с Ним и воцаримся: аще отвержемся, и Той отвержется нас: аще не веруем, Он верен пребывает: отрещися бо себе не можете (2 Тим. 2, 11 — 13). Какую радость будут иметь святые, когда узрят Господа грядущаго с небес со Ангелами силы Своя, призывающаго их к радости неизглаголанной, венчающаго и с Ними соводворяющагося на все веки? И какое напротив терзание будут испытывать тогда не уверовавшие Евангелию и преступившие заповеди Его, кои, как написано, муку примут погибель вечную от лица Его, и от славы крепости Его: егда приидет прославится во святых Своих, и дивен быти во всех веровавших (2 Сол. 1, 9. 10).

4) Сие созерцая умом и о сем помышляя, очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще

святыню в страхе Божии (2 Кор. 7, 1), к лучшему стремясь, на совершеннейшее возводясь (Евр. 11, 16; 6, 1), ненавидяще злое, прилепляюща же к благому: братолюбием друг другу любезни: честию друг друга больша творяще: тщанием нелениви, духом горяще, Господеви работающе: упованием радуящися, скорби терпяще, в молитве пребывающе (Рим. 12, 9 — 12); чтобы в такой непорочности искренно пребывая, и наступающую Пасху отпраздновать нам достойным образом, и удостоиться вечно вкушать небесныя блага.

282.

1) Предивно, что Господь — таковой, так страждет? — 2) Вся тварь содрогнулась; мы ли останемся безучастны? — 3) За толикую к нам любовь воздадим любовию и готовностно все переносить и в порядках нашей жизни, и в гонении. [4, 73].

1) И всегда воспоминание о страданиях Господа нашего Иисуса Христа приводит душу в сокрушение и умиление, особенно же в настоящие дни (страстная неделя — пяток), в которые каждое из них и совершалось. Какия же это страдания? — Убийственный против Господа совет, взятие Его Иудеями, ведение на смерть, предстание судищу Пилатову, суждение, разспросы, заушения, оплевания, поношения, осмеяния, на крест подъятие, рук и ног пригвождение, желчи вкушение, ребра прободание и другое прочее, бывшее между сим, чего ни мир не может вместить, ни достойно изобразить не силен не только человеческий язык, но и все Ангельские языки. Ибо вообразим себе, коль великое и неизъяснимое это есть таинство! — Открыто видящий советы сердечные, Господь, и ведущий всякое помышление человеческое, — Сей самый ведется в совет, где присуждают Его к смерти; носящий всяческая глаголом силы своя (Евр. 1, 3), Сей самый предается в руки человеков грешников; связующий воду в облаках и благовременно орошающий ею землю, Сей самый ведется связанным; измеривший небо пядею, и всю землю горстию и поставивший горы в мериле (Ис. 40, 12), — Сей самый ударяется рукою раба; украсивший землю разнообразными цветами, Сей самый венцем из терния венчается в посрамление; насадивший древо жизни посреде рая, — Сей самый пригвождается на древе в поругание. О, коль страшны и преестественны сии видения.

2) Увидело сие солнце, и померкло; увидела луна, — и затмилась; почувствовала земля, — и потряслась; почувствовали камни, — и распались; вся тварь содрогнулась при виде поношений Господа. — Так стихии бездушныя и безчувственныя, как бы одушевленныя и чувствующия, от страха Божия и от видения видений сих, из чина своего вышли и изменились: мы ли разумом почтенныя, за которых умер Христос, не сокрушимся и не восплачемся во дни сии? И не будем ли мы, после сего, безсловесных безсловеснейши и камней безчувственнейши? Да не будет же так с нами, да не будет; но паче в изумление пришедши боголепное, и добрым изменением изменившись, прольем слезы, предадим закланию страсти, за поношения Господни воздадим перенесением поношения, за раны Его раны претерпим, — иное в деле послушания, а иное в предстоящем исповедании.

3) Не видим разве сколько во всем этом побуждений к божественной любви? Кто когда темничное понес заключение? Кто за возлюбленного отдавал себя на заклание? Но се всеблагий Бог наш не одно и не два, а безчисленныя подъял страдания за нас осужденных. Праведно, потому, блаженный Апостол, помышляя о сем и быв в сильном чувстве любви к Богу, сказал: известихся, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина

кая тварь возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе, нашем (Рим. 8, 38. 39). Ибо и Бог такую возымвл к нам любовь, яко и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруай в Он, не погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3, 16. 17). В замен такой любви не имея ничего принести достойнаго из дел своих, святые самих себя, свои тела и кровь свою принесли, и в трудах подвижничества, и в злостраданиях поя с блаженным Давидом песнь сию: что воздам Господеву о всех яже воздаде ми? (Пс. 115, 12). — Таковым гласом будем и мы вопиять к Господу всегда, ненасытным расположением к Нему души работая Ему непрестанно и все более и более стремясь к лучшему, да со всеми святыми наследники будем вечных благ.

283.

1) Радуюсь о ваших преуспеяниях в добром. — 2) Но не останавливайтесь, а простирайтесь в предняя, подражая святым, и воодушевляясь обетованиями. [4, 81].

1) По желанию, я веду с вами беседу, а не по принуждению, хотя и нужда мне належит беседовать к вам. Ибо ревную о вас Божию ревностию, хотя и грешен есмь, и радуюсь о вашем преуспеянии великою радостию. Если мне и случается нередко оскорблять вас, как было и не задолго пред сим, то и это бывает, да познаете любовь, какую имею к вам преизлиха, [потому что любящий, тщательно детоводствуя, не небрежет и о наказаниях. Который бо есть сын, его же не наказует Отец? (Евр. 12, 7)], — да будете совершенни и всецели, и ни в чемже лишени (Иак. 1, 4). Ибо исповедую, что вы послушны и бдагопокорливы и строго исполняете отеческия заповеди, как, может быть, никто в роде сем из состоящих в послушничестве. Говорю сие без лести, а как истинно есть. И кто так единодушен с Отцем и так последует игумену во всем, согласном с заповедьми Господа, как вы, благоискусные в том и другом? Доказательством этого служат гонения, изгнания, темницы, озлобления, стояние до крови в подвиге против греха (Евр. 12, 4). — И сие не от вас, Божий дар, от Коего вам буди и похвала. Иные пусть имеют деньги и стяжания, монастыри и другия обезпечения, мне же довольно к доброй славе вас только иметь и вами украшаться: ибо вы радость моя и венец славы, жизнь и всякое другое добро.

2) Только прошу не отступать от добраго вашего произволения, не полагать предела добру и восхождению по степеням совершенства, но как в вещественных стяжаниях, гонящиеся за оными сытости не находят в увеличении богатства, так вы в духовных лучшествах не переставайте простираяться в предняя, до последняго своего издыхания. Ибо недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас (Рим. 8, 8). Не видите разве в житиях святых, с какими трудами и потами совершили они течение жизни своей? Не видите разве, с каким пролитием крови и среди каких страданий св. мученики кончили жизнь свою. Из-за чего? да Христа приобретут. Видимая временна, невидимая же вечна (2 Кор. 4, 18). Не хорошо ли солнце? Но и оно наконец померкнет. Не хороша ли луна? Но и она не даст света. Не хороши ли звезды? Но и они спадут. Не хорошо ли небо? Но и оно обветшает, как одежда, и все изменится, — и будет небо новое и земля новая, как написано, — и начнется неизреченно блаженная жизнь во Христе и со Христом. Таковы нам обетования. И такими-то напоминаниями будем сами себ помогать в том, чтоб сверхчувственным побеждать чувственное, Божественною любовию подавлять любовь плотскую, и, как учит Апостол, вышних искать, идеже есть Христос одесную Бога сидя, горняя мудрствовать, а не земная (Кол. 3, 1), не валяясь в тине похотений, не утопая в блате страстей, имже кончина — гибель. Наше бо житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Господа нашего Иисуса

Христа (Фил. 3, 19. 20).

284.

1) Получив рану, я прибегнул к врачевству, и — се беседую с вами. — Беру отсюда урок: как только получит кто рану греховную, спешит к врачевству покаяния. — 2) Не отлагай; ибо смерть может застигнуть, а умереть не очистившись и на суд так предстать страшно. — 3) Внимай себе, и не слушай врага, который учит отлагательству. [4, 82].

1) Опечалила вась рана ноги моей, и праведно. Ибо вы сочувствуете мни и в радости и в печали, какъ братолюбцы и отцелюбцы. Я же отсюда беру и предметъ для поучения вам. Каким же это образом? Когда по грехам моим получил я рану, потребовались тотчас врачевство и соответственный покой; почему в продолжении трех дней я не мог иметь сношения с вами. Когда же теперъ, по милости Божией, болезнь уврачевана, я опять с вами, — и се, беседую к вам. — Так бывает и при душевных поранениях. — Получил кто рану в сердце от видения или слышания? Или увлекся помыслом бесовским и загорелся похотию злою, гневом, яростию, ненавистию, завистию, противоречием, преслушанием, иди другою какою пагубною страстию? — Тотчас должен приступить к врачеванию, т. е. к покаянию, сокрушению, плачу, воздыханию и болезнованию сердечному, и другим врачевствам покаяния, и, уврачевавшись достожджно, войти опять в прежнее благонастроение. Если же не будет так сделано, то у насъ пойдут грех на грех и рана на рану, страсть делается неизлечимою, и мы заболим грехом в смерти.

2) Но да не будет так у нас с вами, братия мои. Но во первых, надо блюсти себя, чтоб не согрешить: ибо что сладостнее, и что блаженнее, как иметь душу чистою и ум не ураненным страстьми? Когда же случится согрешить, по причине поползновенности естества нашего, поскорее должно исправиться, не оставляя и на один час в себе что либо не уврачеванным: ибо смерть тать есть, и не знаешь, в какой час тать сей приидет, в полночь, или петлоглашение; изыдти же из тела не приготовленным очень бедственно, и так предстать судищу Христову крайне страшно. Ибо, как говорит Апостол, живо слово Божие, и действенно, и острейше всякого меча обоюду остра, и проходящее даже, до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным, и несть тварь неявлена пред Ним, вся же нага объявлена пред очима Его: к Нему же нам слово (Евр. 4, 12. 13). И аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится? (1 Петр. 4, 18). Если Данил Пророк, увидев в видении Суд Божий, пришел в ужас и изумление, что постраждем мы, когда самым делом приидем на судище сие? Река огненная, говорит, течаше исходящи пред Ним: тысячи тысяч служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему: судище седе, и книги отверзошася (Дан. 7, 10). Когда будет сие, кто устоит и кто сохранит дерзновение? Никто, кроме имеющаго веру правую и добрыя дела и кроме стяжавшаго мужество, правду, и целомудрие, сына послушания.

3) Посему внимать себе надлежит со всяким хранением, и всякий час со страхом ожидать исхода. И не укроется человекоубийственный враг наш, окрадающий нас, который всегда наушает настоящее время проводить в безопасности и нерадении, действие же по заповедям отлагать на будущее. Таков змий сей, прельщающий нас привлекательными видами греха. Но будем всегда отталкивать его и обращать вспять силою Божиею. Для чего и я смиренный в настоящий час обращаюсь к вам с словом, чтоб, хоть пять словъ услышав из уст моих, вы утешились и соутешились взаимно предложенным вам напоминанием. Ибо напоминание благо тем, что всегда обновляет душу. И делая

сие по подражанию отцам нашим, я знаю и уверен, что мы преуспеем в содевании спасения своего, Бога умилостивим и царствие Его улучшить сподобимся.

285.

1) Приглашает благодарить Бога, что и на чужой стороне ущедряет их всяким довольством. — 2) А чтоб не лишиться такой милости, убеждает не оскудевать в ревности угождать Богу, равно как в вере и уповании. [4, 83].

1) Благодарить должны мы Господа за делаемыя Им для нас благодеяния, особенно в нашем пребывании на чужой стороне, что мы, и находясь в изгнании, проводим жизнь, как в монастыре, и не только свои удовлетворяем потребности, но довольствуем и приходящих к нам. Ибо видите, сколько наших братьев приходят к нам непрестанно оттуда и отсюда? — Куда же им обратиться более, как не к Богу и к нашему смирению? Видите также, сколько иных странствующих отцев и братьев заходят к нам, терпящих во всем бедность и недостаток? — Почти ни одного дня не бывает без принятая кого либо; при всем том однакожь у нас не было недостатка в потребном, напротив всего было вдоволь с преизбытком. При этом что другое можем мы сказать, кроме как — что воистину неложен изрекший обетование: ищите прежде царствия Божия и правды его; и сия вся приложатся вам? (Мф. 6, 33). — И действительно приложилось нам от плода пшеницы, вина и елея (Пс. 4, 8) и других потреб, — все сверх ожидания; как что и сил не имеем достойный отрыгнуть глас к возблагодарению благодати Божией. Если и бываем немного стесняемы и обременяемы такими приемами; то посмотри, какая и награда? — и какая хвала за то восходит к Богу? — Сами настоятельствующие над монастырями дивятся, что чего им не достало сил делать, то нам дал Бог совершать. Для чего? Да сила Божия познается в сем, по вере и упованию нашему. И мне кажется, что совершающееся теперь у нас очень похоже на то, что было во время пребывания Израиля в пустыни. Четвертый год ныне, как мы не сеем, не жнем, и Бог во все сие время доставлял нам пищу телесную не оскудевавшую. Не манну дождал Он нам с неба, но отверзал для нас житницы имевших с излишком, что потребно для питания алчущих. Не воду источал из камня, но истошал для нас винные сосуды благочестивых ихже руками. И многим другим ущедрял Он нас, о чем неудобно теперь говорить. Не дивно ли сие, не изумительно ли, не прехвально ли? — Скажу нечто и другое словом Апостольским, что мы, яко нищи, а многих богатым, яко ничтоже имуще, а вся содержим (2 Кор. 6, 10).

2) Таковы благаго Бога нашего дары, и толики Его благодеяния! И страх берет, как бы нам, нечувствием того, как Он почтил нас сим, не оскорбить своего Благодетеля — Но внимая да внимаем себе, братие, — все вместе: и кои здесь, и кои в отлучке, — всеусердно да исправляем заповеди Господни, и да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел (Евр. 10, 24), не позволяя себе жить безпечно, не творя волю плоти и помышлений, не вдаваясь в ропотливость, подобно древним ропотникам, не искушая Господа подобно тогдашним искуителям, — может ли Он и на будущее время то и то сделать для нас. Вся возможна верующему (Мр. 9, 22), как написано. Почему, если будем искренно верить, то Господь по прошениям нашим подаст нам все потребное и для спасения нашего, и для жизни телесной. И мы благоуспешно преидем пустыню жизни сей, светом истины просвещаемы будучи, обратим в бегство амалика невидимаго, вооружены будучи сильными орудиями духовными, и внидем не в землю обетованную, — потому что не временнаго и преходящаго ищем, — но царство небесное; ибо верен изрекший обетование: блажени изгнани

правды ради: яко тех есть царствие небесное (Мф. 5, 10).

286.

1) Внешния искушения человеческия суть, и легки. — 2) Демонския тяжелее; но и их преповедим с помощью Господа, если не оскудеем в ревности противостоят им. — 3) Се брань и мученичество непрестающее. [4, 84].

1) При постигших нас прискорбностях благовременно нам со Апостолом сказать: искушение нас не постиже точию человеческое (1 Кор. 10, 13). Говорим же это ради Феоктиста, добраго старца, сущаго нашим по всему. Какое же искушение? То, что он заточен на острове, именуемом Халкит, а старец его, оклеветанный от соподчиненных ему, будто не поминает державных, был бит жесточайшим биением. Искушения разгараются; и нас большею частию находят виновниками таких искушений: ибо как допустить, чтоб тот, кому поручено управление монастырем, не поминал державных сам по себе? или как допустить, чтоб, спасшиися от заключения, братия и отцы пребывали в городе и не смущали еретичествующих? — Изыдите от среды их, и отлучитесь, глаголет Господь, — и нечистоте их не прикасайтесь (2 Кор. 6, 17). Противно сему поступающие испытывают противности прискорбныя. Почему мы смиренные удалились от живущих внутри города, и живем в окрестностях его, чтоб не дать вины хотящим вины (2 Кор. 11, 12); и Господь хранил нас доселе не тронутыми. Но и еще сохранить, если будем внимать себе, не говорить без разбору и то и это, и не подставлять ушей своих речам суетным и неодобрительным. Что говорит Апостол: слово ваше да будет во благодати солию растворено, ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати (Кол. 4, 6). — И что опять брат Божий говорит: тако глаголите, и тако творите, яко законом свободными имущии суд прияти? (Иак. 2, 12). Так что можем быть уверены, что не впадем в искушение неблагоприятно, но избавимся от настоящих зол, как от сети.

2) И вот это и есть человеческое искушение, т. е. легкое. Демонское же о! — это очень тяжело и скрытно. Враг каждый день, каждый час и каждую минуту приседит, чтоб искушать нас, и тем делает противостояние ему очень трудным, и победу трудноодержимою. Но поелику тщание и ревность все успевают сделать должное и искомое, то будем ревностно противостоят и победим с помощью Христовою: ибо Он вместе с нами переносит искушения; почему и сказал: без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5). Поревнуем же не пасть в искушении сем и не быть под рукою диавола. Здешнее заточение на острове и притом на короткое время, по настоящему, не есть заточение. Настоящее заточение есть — быть отвержену от Бога и ввержену во тму кромешнюю. Также и бичевание здешнее в столько—то и столько—то ударов что за бичевание? — Настоящее бичевание там, где удары безчисленны и страдания от того безконечны. И изыдут, говорит Господь, сотворшии благая, в воскрешение живота: а сотворшии злая, в воскрешение суда (Ин. 5, 29). Сего убоимся и вострепещем, всякою силою возмогая в державе крепости сущаго в нас Духа, помышления низлагающе, как написано, и всякое возношение взимающеся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово; и в готовности имуще отмстити всяко преслушание (2 Кор. 10, 4 — 6); и это непрестанно.

3) И вот брань непресекаемая! вот мученичество многострадальное! Ибо кто, биемый всегда помыслами, не поддается им и не преклоняет колена пред ваалом, но противоборствует и преодолевает страсти — похоти, гнева, ярости, страха, — тот каждодневно мучение претерпевает и может с Апостолом говорить: по вся дни умираю, тако ми похвала, юже имам о Христе, Иисусе

Господе нашем (1 Кор. 15, 31); в конце же подвигов к сему дерзновенно приложить: подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее убо соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь в день он, праведный Судия (2 Тим. 4, 7. 8). — Буди же праведно и всем нам так сказать, и потом самым делом украситься венцем правды, и внити в царствие небесное.

287.

1) Естество наше сонливо и лениво. Слово об оветованиях возбуждает его. — 2) на деле это показали преподобные и мученики. — 3) Мы же что спим? Встанем и изыдем на свободу от похоти и страстей — 4) и вкусим радости и сладостей райских. [4, 85].

1) Какой подвиг должен иметь учитель об учениках своих, сие показывает Апостол, говоря к Тимофею: настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли, со всяким долготерпением и учением: будет бо время, егда здраваго учения не послушают (2 Тим. 4, 2. 3). Ибо как естество наше обуморенно, долуничуще и забывчиво об учении, то всегда имеет нужду быть возбуждаемым, как бы остном каким, ударом слова, чтоб, пробудившись как от сна, видело предлежащую ему радость. Ибо что? — не царство ли небесное обетовано нам? не жизнь ли безсмертная? не веселие ли неизреченное? не сладость ли райская? не равноангельская ли честь? не упокоение ли вечное?

2) Чего ради узы и темницы? чего ради изгнания и озлобления? чего ради муки и смерти? Не того ли, чтоб сподобиться обетованных благ, избежать страшных мук? Смотри, с какою радостью мученики проливают кровь, с какою готовностью идут под меч, в огонь, к зверям и на всякаго рода другия страдания. Смотри также, с каким удовольствием преподобные умерщвляют и порабащают плоть свою, ничего не почитая вожделеннейшим паче добродетели.

3) Мы же что дремлем? Что разливаемся в пагубных и тлетворных страстях, острие стрел уязвляющих сердце. Изыдите от среды их, и отлучитесь, глаголет Господь (2 Кор. 6, 17). Изыдем—же от них, как из Содомы и Гоморры, сгоревших в огни и жупеле; отложим мудрование плоти, духу противящейся и противовоюющей; освободимся от работворных пристрастий, — и обретем покой душам нашим. Что может быть покойнее души, не возмущаемой страстями и мир имеющей к Богу?

4) Вот это и есть радость и веселие? вот это и есть блаженное утешение и сладость? Желаем—ли вкусить сей сладости? — да бежим от сласти плотской, рождающей тление и смерть. Ибо сеяй, говорит Апостол, в плоть свою, от плоти пожнет исление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный (Гал. 6, 8). Желаем ли явиться славными? — Презрим тщетную человеческую славу, облекшись в смиренномудре и украсившись всяким добродланием. Сим образом мы и настоящую, добре совершим жизнь, и будущих сподобимся благ, благодатию и чедовеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

288.

1) Нынешнее гонение слабее; но все же терпеть надо; и нынешний род имеет похвалу в сем. — 2) Будем однакожь всегда готовы, небоязненно встретить нападки за православие. — 3) С невидимым же нашим гонителем будем бороться непрерывно. — 4) Будем крепки в уповании на Бога, и Он подаст нам силу. [4, 26].

1) В эти три года новую некую переживаем мы жизнь: мы и не совсем гонимы, и нельзя сказать, чтоб не были гонимы; мы и видим друг друга, и бываем друг у друга. И это есть дело човеколюбия Божия. Так как видел Он, что мы изнемогаем в продолжении предъидущаго гонения; то теперь темницы затворил, а гонение за православие не прекратил, по неведанным судьбам своим. — и это

так есть. — Впрочем, смотря обще на дело, я думаю, что мало гонимых за Господа. И видя сколько каждодневно наших братий приходит сюда, никое чувствую облегчение в сердце, что столько есть таких, кои не преклонили колена пред ваалом, но сохранили себя Господу, как светлыя звезды, на всяком месте владычества Его. — Так имеет похвалу и настоящий род для последующих; потому что Бог воистину есть в нас, и Церковь не потеряла силы своей, по неложному обетованию Господа. Нападавшие на нее от века, все, как пена морская, развеялись, она же, как камень несокрушимый, в той же пребывает вере и в том же исповедании.

2) Радоваться сему должны мы и ликовать; но вместе трезвиться и бодрствовать, и готовыми быть, как бы опять внезапно не настало искушение: ибо не при одном только, не при двух и даже не при многих искушениях надлежит сохранять исповедание, но и во всю жизнь до самого конца ея, — не убогаясь от слухов злых, и не утрашаясь бичей, готовых, кажется, разодрать тело, ни темниц, сокрушительных для плоти, и никаких других нападок человеческих; но почитая воистину страшным Единаго Бога, по мановению Коего все движется, и боясь одних вечных мук, испытание коих несказанно мучительно; настоящее же все: и радостное, и прискорбное скоро, подобно снам, преходяще; почему и написано: стрелы младенец быша язвы их (Пс. 63, 8).

3) С ними все же однакожь надо бороться, наипаче же с невидимым гонителем нашим, каждодневно нападающим на нас, — который не чувственными бичами, но невидимыми помыслами не перестает нас поражать, и жечь не вещественным огнем, но злыми похотями, и всякими другими страстями искушать души наши и осаждать. — Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшесь в броня правды, и обувше нозе в уготование благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 14—17). Таковы Апостольския заповеди! Их и мы смиренные изрекаем, и просим не малодушествовать в скорбях и не изнемогать в искушениях, зная, что, чем больше претерпитя искушений, тем больше получится венцев.

4) Бог же да подаст нам силу: ибо Он силен и совершить то, что обетовал; силен укрепить нас, не только раны понести, но и огонь, и меч, и зверей, и все другое таковое. Убежден будучи в сем, Апостол говорит: во всех сих препобеждаем за возлюблшаго ны. Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни, Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе, Господа нашем (Рим. 8, 37—39). Если так расположимся действовать, то будем состоять в непрестанном мученическом подвиге, — и с мучениками будет часть наша.

289.

1) Гонение — дар: надо жить в гонении достойно сего дара; указывается, как именно. — 2) Из противнаго сему особенно укоряется жизнь особняком, по худым от сего последствиям — любоиманию, нерадению, падениям. — 3) Убеждаются все к трезвенной и рачительной жизни. [4, 87].

1) Величайший дар дал нам Бог в этом гонении, как Сам сказал в Евангелии: блажени изгнани правды ради: яко тех есть царствие небесное (Мф. 5, 10). Будем же смотреть, как-бы живя недостойно такого ублажения, не обратить сие гонение в осуждение себе. Гонимому, во первых, не следует иметь жизнь уединенную, но жить вместе с другими братьями. Ибо говорит Господь: идеже еста два или три собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф. 18, 20). Потом не должно ему делать

выходов, кроме самых необходимых, но пребывать там, где принят, как странник, и заниматься молитвою, молением, чтением, псалмопением, рукоделием и другими добрыми деланиями, обычными у нас; избегать видения женщины, удаляться от всякого брата безчинно ходяща (2 Сол. 3, 11), быть благодушно, благодарну, благонадежно, довольну тем, что есть, готову к принятию страданий за Христа: ибо где гонение, там обычно бывают и страдания.

2) Особняком живущие наследием имеют горе: ибо премудрый говорит: горе единому! потому что егда падет, не будет втораго воздвигнути его (Екл. 4, 10); те из них, кои имеют слуг, свободу монашескую погубляют, — кои покупают поля, виноградники, волов, мулов, проказу Гиезиеву на себя навлекают. Отсюда поражаются сребролюбие, любостязание, непостоянство, не желание жить с другими братьями, навык вести себя особым образом и по своей воле, хуление чрез нас имени Божия во языцех, якоже есть написано (Рим. 2, 24), и падение душевное: ибо как не пасть тому, кто живет нерадиво. Не весте ли, говорит Апостол, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас»? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог (1 Кор. 3, 16. 17). И опять он же говорит: не льстите себе: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы, царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9. 10). Можно ли допускать до сего себя тем, о коих говорится: иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24); еще: от мира несте (Ин. 15, 19); и еще: наше житие на небесех есть? (Фил. 3, 20).

3) За чем же погубляем мы свое блаженство? За чем унижаем так благородство звания нашего? За чем не подражаем добре живущим братьям нашим; коих жизнь славна и похвальна пред Богом и людьми? Не пора ли отрезвиться нам наконец? Не пора ли воззвать себя к своему чину? Не пора ли озаботиться спасением своим, положив пред очами своими исход свой и то, как предстанем пред судилищем Христовым? Имея дать ответ о каждом праздном слове, какой ответ дадим о великих и тяжких грехах? — Но отрезвимся, хотя к вечеру жизни своей, отбросим страсти, отложим дела темныя и облечемся во оружия света (Рим. 13, 12), всяким хранением блюдя сердца свои, и всячески благоугодить Господу стараясь, да, спасшись таким образом, наследниками соделаемся вечных благ. 290.

1) Отошел виденный мною умирающим, и с нами тоже будет; чтожь лелеем плоть? — 2) Он был в тревоге на одре смертном: ибо тогда нападают помыслы, какие кто любил, — и добрые утешают, а злые томят. — 3) Не будем же опутывать себя, ни страстями, ни помыслами страстными. [4, 88].

1) Что столько благотворно и спасительно для души, как память о смерти? Об этом и беседовать к вам ныне побуждаюсь, по поводу смерти епископа Енейскаго, котораго вы не видели, как он умирал, а мы видели и многую от того получили пользу, и умилились сердцем, видя в себе тоже, что было в нем. — Так изшел он и отошел, и уже не возвратится более в эту жизнь. Не потребны для него более ни небо, ни земля, ни море, ни солнце, ни луна, ни звезды; не дышать ему более этим воздухом, не испускать гласа гортанию, не смотреть очами, не слышать ушами, не обонять ноздрями, не осязать руками, не ходить ногами и ничего другаго не делать, свойственного жизни сей, ни большего, ни малаго; заключены двери ея для него навсегда, и он ждет теперь суда и воздаяния. Воздаяние еще в сокровищах есть, сокровиществуется, как написано: и сии вси послушествовани бывше верою не прияша обетования, Богу лучшее что о нас предзревшу, да не без нас совершенство примут (Евр. 11, 39. 40). — Что же нам? — ничего другаго. Разве не подвергнемся мы тому же самому? Не таким

же ли образом обратимся в землю, из коей взяты? Не таким же ли образом умрем, и станем прахом и пеплом? Приникнем во гробы и посмотрим, чем кончается теперь живой состав наш. — Что же так лелеем мы это бедное тело, которое спустя немного предадим земле и червям? Зачем облагаемся страстями, с коими встретимся при исходе?

2) Умиравший, еще дыша, говорил, что явились ему два некия лица, женщина и мужчина, и обличали его безжалостно, от чего он стенал, взывал о помощи и трясся, ужасаясь исхода из тела. Видите, каков приговор смерти? — Демоны выступают нашими обличителями и осудителями. И бывает это так, что какие помыслы любезно принимаем мы и в дело приводим, те узрим и во время исхода: если предзрим Господа пред собою выну (Пс. 15, 8), если представляем, яко близ суца, хранителя жизни нашей, Ангела, если воображаем таких и таких святых, то их и увидим при последнем издыхании; если же напротив рисуем в себе греховные образы и бесовидные помыслы сокровиществуем, то их и встретим тогда, что жалостно и пагубно.

3) Почему восподвизаемся о том, чтоб не быть объатыми такими идолами в час исхода, но обрестись тогда с чистым сердцем, чтоб с дерзновением можно было и нам сказать: в мире вкупе усну и почию (Пс. 4, 9). Ибо для добродетельнаго смерть есть сон, как и Господь сказал: Лазарь друг наш успе: но иду, да возбужду его (Ин. 11, 11). Если же она сон есть, то явно, что есть для него и виновница упокоения, и становится началом жизни вечной, как говорит св. Апостол: ныне же Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть; и опять немного ниже: пожерта бысть смерть победою. Где ти смерти жало? где ти аде победа? — Жало же смерти, грех: сила же греха, закон. Богу же благодарение, давшему нам победу Господем нашим Иисус Христом (1 Кор. 15, 20. 54 — 57). — Се, поглощена смерть! Се, дарована победа! Ибо Господь говорит: побеждающему дам ясти от древа жизни, еже есть посреде рая Божия (Апок. 2, 7). Се открыто поприще царствия небеснаго? Се, предлежит треблаженный подвиг! Побеждающему венец и вкушение жизни вечной. Потщимся и мы победить диавола, попать страсти, очистить себя вполне от всякаго зла и стяжать добродетели, чтоб и обитателями рая соделаться и удостоиться вкушать от древа жнзни.

291.

1) Спасение содевать надо непрерывно и с охотным рвением. — 2) Воины усердствуют служить царю земному ради земнаго; нам ли лениться работать царю небесному ради небеснаго? — 3) Смотрите на святых: какого рода людей нет в числе их, но нет ни одного лениваго и нерадиваго. Есть падшие между ними, но такие, кои покаившись, ревностно и трудолюбно благоугождали Богу. — 4) Встань же нерадивый, внемли Апостолу и возревнуй. [4, 89].

1) Время всякой вещи под небесем, говорит Премудрый (Еккл. 3, 1). Время же содеванию спасения нашего всегда и везде. Ибо Апостол говорит: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите (1 Кор. 5, 16). Сими тремя добродетелями определяется спасение наше: ибо радость есть признак совершения всякой правды; непрестанная молитва не даст места диаволу напасть на нас; благо дарение есть свидетельство о возлюблении Бога. Отвсюду убо оградившись сими деланиями, будем ревностно благоугождать Богу, не малодушествуя ни в каком случае, и не расслабляясь нерадением ни в исполнении послушаний, ни в псалмопениях, ни в рукоделиях, но все совершая с охотным расположением, яко добрии строителие различныя благодати Божией (1 Петр. 4, 1).

2) Разве не видим, с каким усердием воины спешат вместе с царем на дело свое? и на какое?! На войну, на заклания, на смерть. И вот они для преходящей славы, для скоротечнаго богатства с

готовностию устремляются на все. Мы же, зовомые в царствие небесное, к радости неизглаголанной, к жизни вечной, ужели лениво и небрежно, а не со всем рвением и бодрностию представим себя добрыми воинами Христовыми?

3) Читайте книгу, которую я держу в руках, — и увидите, и познаете изображенные в ней доблести святых отцев. Сколь велика в них ревность! Какое сильное горение духа! Какие подвиги! И как прославил их всеблагий Бог, показав их как бы богами какими, чрез совершенныя ими знамения и чудеса. Тут просияли не только такие, которые от начала были добры и не познали греха, — но и такие, кои сбивались с праваго пути и падали в тяжкие грехи, но добрейшим покаянием исправлялись, так что никому никакого нет оправдания в беспечности и небрежении о спасении; они ни от чего другаго, как от безчувственного и окаменелаго сердца, нераскаянную жизньию ими в себ созданнаго.

4) К таковому взывает Апостол: востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос (Еф. 5, 14). Или о богатстве, благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же своей и непокаянному сердцу, собираеши себе, гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия: Иже воздаст коемуждо по делом его (Рим. 2, 4 — 6). Зри сие беспечный, убойся угрозы, и возстань от сна беспечности! — Се отшел преподобно и брат Кандид, прежде же его это было с другим, а за ним последует еще кто нибудь. И никого нет, кто бы навсегда остался здесь. Все преидем. Но благо добре пожившему, потому что он успешно совершив куплю свою, и прибыль получить вечную, ревностию и тщанием стяжав лучшее. Но поелику торжище еще стоит, и мена царствия небеснаго еще предлежит; то приидите, прошу вас, братие и отцы, все возбодрствуем, все возтрезвенствуем, все поспешим на куплю Божественных и нетленных благ, да вместе со всеми братьями нашими соделаемся наследниками царствия небеснаго.

292.

1) Всем заповедую ревновать о спасении неопустительно. — 2) Причем воздерживаться надо от суждения о других по видимости: ибо главное — внутренней строй. — 3) Да ревнует же всяк о сем внутреннем, не приемля помыслов дурных, и не поблажая движениям страстей ибо это разстроивает все внутри. [4, 90].

1) Ревнующих о спасении прошу паче и паче ревновать; а нерадивых молю возстать от нерадения и беспечности. Ибо се ныне (жизнь сия) время благоприятно, се ныне день спасения (2 Кор. 6, 2), — которое, если потеряем, то уже не найдем в другой раз. Да не пройдет же у нас даже и один день в нерадении и беспечности, но всячески позаботимся в продолжении его усокровиществовать нечто из сокровищ вечных, молитву, моление, прошение, благодарение, слезы, сокрушение, просвещение ума, небесныя созерцания.

2) При чем, по тому, что в нас есть, не будем судить о том, что есть в братьях; но будем лучше думать, что каждый спасение свое совершает в себе самом сокровенно, хотя со вне кажется он инаковым. Разве не бывало при отцах наших, что многие, не казавшиеся быти что, несравненно светлее просияли, чем казавшиеся такими? И в нашем братстве много раз бывало, что паче других просиявали такие, которые были из незнатных и неславных, особенно во время исповедничества. — И от чего так? Это, как мне кажется, не столько от вне и со вне виднаго тщания и ревности, сколько от внутренняго устройства. Ибо где есть мирное устройство и чистота сердца, кротость и безмолвие, там царство добродетели; и туда-то призывает Господь, как написано: на кого воззрю, токмо на

кроткого и молчаливого, и трепещущаго словес Моих? (Ис. 66, 2)?

3) Да возревнует же всяк чистым себя по совести представить Господу, не отворяя двери диаволу чрез приятие греховных помышлений. Ибо когда их принимаем, знаете, что страждем, как дичаем, как изменяемся, какую горечь собираем под видом удовольствия; когда же отрезвляемся и опять возвращаемся к должному, какой опять мир вкушаем, и какую сладчайшую меда тишину, как бы в пристань укрывшись после бури. Почему и удивления достойно, как мы, — когда добродетель так сладка, любезна и вожделенна, а грех так горек, пагубен и отвратителен, — грехом пленяемся, а не паче прилепляемся к добродетели. Большею частию это бывает от немощи естества нашего, и от того, что прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его (Быт. 8, 21). Однакожь не будем медлить и не пожалеем усилий — возвратить себя на добрый путь; и Господь, видя труд наш, сотворит отмщение за нас, и за болезненные усилия наши воздаст нам воздаяниями вечными, и за терпение при сем прискорбностей увенчает венцем правды, со святыми вчинит, и царствия Своего сподобит.

293.

1) Будем внимать и бодренно воевать: ибо врагов много, и не усыпных. — Но бояться их нечего: ибо у нас есть помощники сильные и оружия побидительныя. — 2) В брани видимой — венцы за победу; а в нашей невидимой, кто не поддается врагу, уже победитель есть и венцы получает. — 3) Покажем же доблесть в противоборстве, и ублажены будем. [4, 91].

1) Будем внимать себе напряженно и непрерывно: ибо день и ночь не отступают ведущие войну против нас. Кто же это такие? Духи злобы, миродержители тмы века сего, коих число безмерно и неистовство против нас неописанно. — Однакожь не будем бояться, ни ужасаться их. Имем и мы споборника и заступника, Духа Святаго и Господа нашего Иисуса Христа, Который недуги наша прият, и болезни понесе (Мф. 8, 17), Который, в немже пострадал сам искушен быв, может и искушаемым помощи (Евр. 2, 18), к коему и взываем с дерзновением: суди Господи обидящая мя: побори борющая мя. Приими оружие и щит, и востани в помощь мою: изсуни меч, и заключи сопротив гонящих мя (Пс. 34, 1 — 3). — Ибо воистину гонят нас враги наши и жаждут погибели нашей, полагая соблазны на путях наших и всячески покушаясь низринуть нас в ров греха. Но и мы, как воины, противоборствуем им, оболкшеся в броню веры и любве, и шлем упования спасения (1 Сол. 5, 8): ибо этими оружиями вспять обращается враг.

2) И вот что дивно, что для нас в самой этой брани и венцы. В телесном борении на зрелищах, если борющийся не низложит противоборца своего, то не венчается. Здесь же, если боримый не бывает низложен противоборцем, тем самым уже и увенчан бывает. Это явно из того, что открыто было некоему из святых отцев наших, о некоем ученике, который семь раз борим был отойти на покой без благословения старца, и семь раз победил сие борение; и за такое терпение стяжал семь венцов. — Итак, если в самом противоборстве и венцы, то будем, прошу вас, мужественно противостоять борющим, не изнемогая от длительности борения. Не была ли святая Сарра сорок лет сильно борима от беса блуда? И однакожь не изнемогла и не возмалодушествовала. Не известно ли также и то, как один послушник, таким же образом боримый, когда игумен его спросил: хочешь ли, я помолюсь о пресечении сей брани, не согласился на это, видя, что за претерпение таких борений уготовляются победные венцы.

3) К преодолению же сей брани ничто так не сильно, как молитва, слезы и сокрушение сердца. Итак,

когда нападет враг, или и уранит, по невниманию нашему, впустив стрелу похоти в сердце, тотчас употребим против него молитву, — и он убежит не медля; прольем слезы, и угаснет уголь сласти прелестной; смиримся, и подымет нас Господь. — И блажен непрестанно нудящий себя на дело Божие, претерпевающий прискорбности послушания и соблюдающий непорочность свою неповрежденною. Достигши конца подвигов, с полною отрадою и удовольствием неизреченным, преидет он отсюда, и от слуха зла не убоится, как поет святой Давид (Пс. III, 7). Не видим ли, как воины, доблесть свою показавшие на войне, с торжеством и радостью возвращаются во свояси, показывая знаки борьбы и победы? — Так думаем и о том, кто в невидимой брани показал доблесть свою и подвигом добрым подвизался в ней, — что он славно прославится в великом граде, коего художник и содетель есть Бог, и Ангелами восхвален будет, и Господом увенчается, и вечныя утешения наследует. Кои достигнуть да сподобимся и мы благодатию Господа нашего Иисуса Христа.

294.

Скорби и гонения посылает Бог для испытания; по испытании же пресекает их. Наше гонение длится, потому что мы еще не у до крове постояли. [4, 92].

Желание сердца нашего и молитва к Богу есть о мире Церкви Божией. Ибо что благотворнее мира, да тихое и безмолвное житие поживем в обителях наших? — Но и продление гонения может быть не бесполезным в том отношении, что оно дает случай проявиться искуснейшим в вере. Почему Апостол говорит: благоволю в немощех, в досаждениях, в бедах, во изгнаниях, в теснотах по Христе: егда бо немоществую, тогда силен семь (2 Кор. 12, 10). Так что оставя вопросы: доколе же и до чего? — всю о сем печаль возложим на Бога, Который знает, как благотворно устроить длительность тех или других обстоятельств. Слушай, что говорит Писание: Бог искушаше Авраама (Быт. 22, 1). Скажешь: искушал, но немного? Нет напротив: и в продолжении многих лет, и многими искушениями; и когда увидел, что он совершен стал в вере, тогда сказал ему: ныне познах, яко боишися ты Бога, и не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради (Быт. 22, 12). Искушал Он и Иова еще большими искушениями, и в множайшие годы. И когда увидел, что он совершен в терпении, сказал ему: мниши ли мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив (Иов. 40, 3). Таким же образом и прочих пророков, и Святых Апостолов, блаженных мучеников, и всех преподобных и праведных, многими скорбми и в продолжении многих лет, и испытывал, и засвидетельствовал о них, и приял их. Тоже самое и относительно нас надо предположить. Не у до крове стояли мы, противу греха подвизающесея (Евр. 12, 4); еще не довольно горели мы в огне скорбей; еще не довольно показали мы опытов искренности веры нашей. — Вот почему все еще и продолжается гонение!

295.

1) Как ни будь кто грешен, покаяться может: примеры — Давид разбойник, Мария Египетская и другие. — 2) Не подумай, что вот они и тут грехом насладились, и в будущем вкусят райских благ. У грешников нет радости: одна добродетель радостотворна. [4, 93].

1) Нет непреодолимого препятствия спастись тому, кто искренно возжелает сего; и нет невозможности раскаяться и к Богу обратиться даже и дошедшему до поседняго предела зла. А что такое слово неложно, на это есть множество свидетельств. Одно из многих таких свидетельств — покаяние Давида, начальника разбойников, — сказание о коем читалось недавно в церковном

чтении. Тут видно, каков был прежде этот человекоубийца, всякаго зла исполненный, и как раскаявшись и к Богу приступив, такого достиг совершенства, что исцелял даже одержимых бесами. Ибо Ангел сказал ему: «Давиде, Давиде! простил тебе Бог грехи твои, и отныне будешь ты творить знамения.» В чем видно и безмерное человеколюбие Божие, что Он не только простил ему человекоубийства, но и знамениеносцем показал его. — Желает ли видеть и другое свидетельство? Возри на Манассию, который в продолжении пятидесяти двух лет отклонял Израиля от Бога и заставлял его служить бездушным идолам; но и он, покаявшись искренно, спасся, и в радости духовной песнь Богу воспел, которую до сих дней Церковь Божия поет. — Что касается до увлекавшихся плотскою любовью и потом раскаявшихся, то таких так много, что их не перечесть. В числе их и Божественный Давид, после прелюбодеяния и убийства, опять получивший дар пророчества; потом Мария Египетская после ненасытного грешения сего рода грехами, востекшая до Ангелоподобия и дара прозорливости сподобившаяся, и проч. и проч. Так что никому никакого не остается повода думать и говорить, будто кому либо из нагрешивших нельзя чрез покаяние востечи ко спасению.

2) Содержа в мысли такие примеры, восприимем и мы еще большую ревность о спасении, и большее благонадежие в достижении его, веруя, что если Бог, в такую глубину зла низпадших, по неизреченной милости Своей, возывал и спасал; тем паче спасет нас, служащих Ему день и ночь. — Слыша впрочем об обращении грешника, никто не говори: «стало быть, таковой, насладившись здешних благ, насладится и тамошних»? — Ни здешних, ни тамошних сладостей не вкушает обладаемый грехами. Какая сладость, скажи мне, — блудничать, чревонеистовствовать, сребролюбствовать, похищать и другим порабощену быть страстям? Не горят ли, как в огне, такие похотники, подобно больным горячкою? так что вернее будет сказать, что такие и здесь несут наказание, и в будущем веке будут преданы вечным мукам, за здешния пагубныя и тлетворныя утехи. Стенать и раздираться, а не вкушать сласти — участь грешащих и развращенных. Добродетель же возлюбивший и живущий добродетельно всегда обладает теми и другими благами, неизреченную вкушая сладость чрез безстрастие, как и все святые, всегда радующиеся о Господе, и все второстепенным почитающие сравнительно с любовью к Богу. — Им и мы подражая будем радоваться и сорадоваться друг другу, ревнуя о спасении своем, и ради того прилежа подвигам: терпению, послушанию, отсечению своей воли и другим радениям, да, совершившись в них, наследниками соделаемся жизни вечной.

296.

1) Житейские много терпят ради ничтожных благ: нам ли не терпеть ради благ вечных. — 2) Ктому же что у нас за скорби?! А ожидается что?! — 3) Будем же благодушно все переносить, в неложных надеждах. [4, 94].

1) Что жизнь монашеская тесна и прискорбна, явно из того, что сказал Господь: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет (Мф 16, 24). А что и житейская жизнь мучительна, об этом гласно свидетельствует то, что видим в ней. Но оставим житейских управляться с своею прискорбною; будем смотреть, как следует, на свою. — Наша скорбь с радостью Духа Святаго бывает, так что у нас и кажущееся прискорбным радости причастно, по упованию, отложенному нам на небесах. Потому не стыдно ли нам, если, когда те, ради какойнибудь славышки и наградишки, так много терпят, не будем благодушно переносить прилучающиеся ничтожныя

прискорбности, ради столь великих небесных благ?

2) Да и что у нас за прискорбности? — Какоенибудь дело, против воли нашей назначенное, какое либо приказание не нравящееся, чтонибудь неприятное в пище, питии, одежде, обуви, в месте и образе послушания, и другое что подобное, тяготящее нас. Но все такое, хоть и скорбно бывает, не таково однакожь, чтоб могло уклонять нас от достодожного: ибо недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явится нам (Рим. 8, 18), за которую, еслиб даже нас каждый день жгли на огне, надлежало бы все переносить, а не только такая легкия и сносныя искушения. Говорю же сие я не за тем, чтоб раздражить чувства скорбныя, но да познаем любовь, коею возлюбил нас благий Бог наш, изывший нас из житейской жизни и вчинивший в это священное и небесное звание, который и то, что требует от нас, не для Себя требует; ибо ни в чем не имеет нужды, всем богат Сый, но для нас же самих, да, быв тем благодетельствованы, спасемся.

3) Посему, отложив всякое двоедушье, в терпении нашем будем стяжевать души наши, держа себя выше всякаго находящаго искушения и не давая никакому помыслу возобладать над нами, когда, для испытания нас и обучения, попущено будет чему либо скорбному приразится к нам и опечалить жизнь нашу; чтоб и нам можно было возыметь дерзновение говорить с Апостолом: во всем скорбяще, но не стужающе си: нечаеми, но неотчаяваеми: гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе: всегда мертвость Господа Иисуса на теле носяще (2 Кор. 4, 8 — 10); и чтоб таким благонастроением и такою благоустроенною жизнью благоугодив Богу, соделаться наследниками царствия небеснаго, во Христе Иисусе Господе нашем.

297.

1) Путешественники все терпят в надежде на покой: будем и мы все терпеть в надежде на покой вечный, да прославляется нами Бог. — 2) Но когда прославляется нами Бог? — Когда видят добрыя дела наши. — И будем таковы. — 3) А для сего будем подражать св. отцам, Апостолам и самому Господу. — 4) Господь все терпел ради нас: будем и мы терпеть; иначе нет нам спасения. — 5) Я терпел: смиритесь и вы под крепкую руку Божию. [4, 95].

1) Всякий, кто долгий и тяжелый совершает путь, трудясь трудится и терпя терпит, подвергаясь разным неприятностям путешествия, но, в надежде на покойное пристанище, переносит скорбное и преодолевает трудное, все подвигаясь в предняя, со всем усердием и усилием. — На что наводит нас такая притча? На то, что и мы путь совершаем в жизни сей, путь тесный и прискорбный, долгий и тяжелый. И инаковым пути сему быть нельзя, так как всю жизнь должно нам сохранять девство и целомудрие, и соблюдать подчиненность и послушание; и при этом помышления низлагать и всякое возношение взимающееся на разум Божий и пленять всяк разум в послушание Христово (2 Кор. 10, 4. 5), и все другое делать, что с сим неразрывно связано, по порядкам монашеской жизни. Но и здесь есть конец благий. Что же это? Жизнь вечная, которую обетовал неложный Бог терпящим Его. Будем же, ради сей вечной жизни, с благодарностию и терпением переносить все прискорбности настоящей жизни, прославляя Бога и в теле нашем, и в духе.

2) А как прославляется нами Бог, скажу, по одному судя случаю. За два дня пред сим пришли сюда миряне посмотреть на нас, и, видя, как мы пребываем в единомыслии, руками труд послушания исполняя и устами песни Давидския повторяя, прославили Бога и возблагодарили, получив назидание. — Так исполнилось в нас сказанное Господом: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех (Мф. 5,

16). — И вот вы прославили Бога в теле вашем и в духе, в сем случае. Но и еще старайтесь прославлять Его всегда, во всех обстоятельствах, держа себя боголепно и удаляясь неподобающего, как внушает св. Давид: не ревнуй лукавствующим, ниже завиди творящим беззаконие; зане яко трава скоро изсхнут, и яко зелие злака скоро отпадут (Пс. 36, 1. 2) Но ревнуй благостынным и добродееющим.

3) В житейском быту посвятившие себя какому либо искусству, не от худших, а от наилучших мастеров ревнуют заимствовать правила излюбленного искусства своего: плотник от искусно плотничающего, живописец от совершеннейшего живописца, и вообще никто ни в чем не станет подражать неискусным и невеждам, но если берется подражать, то искуснейшим и знатокам. Если теперь в отношении к вещественному и тленному таково правило и закон, не тем ли паче в искусстве искусств, и в науке наук должны мы по примерам мужей святых упорядочивать свою жизнь, а не противоположными им руководствоваться. Будем же подражать тем, кои от юности до старости пребыли в послушании, не говорю древним святым, но и тем, кои просияли в нашем братстве; будем подражать тем, кои простотою разстроивали вселукавства диавола; будем подражать тем, кои в неразсуждающем послушании добре направляли подвижнический путь свой; если же хотите, будем подражать тому, кто заповедал: подражатели мне бывайте, якоже аз Христу (1 Кор. 11, 1); и в другом месте: бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная: и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны приношение и жертву Богу в воню благоухания (Еф. 5, 1. 2).

4) Так Христос в жертву и приношение за нас дал Себя Богу; нам ли с благодарением не перенести ради Его незначительной скорби? Христос всякое поношение приял, по сказанному: поношения носящих ти нападоша на мя (Пс. 68, 10); нам ли не перенести малаго какого укорнаго и оскорбительнаго слова? Как же после сего вселиться нам со святыми, когда не последуем стопам их? Как нам царствовать со Христом, когда не сообразуемся смерти Его и не приобщаемся страстям Его пречистым? — И аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится? (1 Петр. 4, 18). — Смотрите, как определенно говорится, что праведник едва спасется. А тот даже и праведным не может нарещися, кто нетерпелив, неснослив, помнить давния оскорбления, и тем разгорается и мятется, и с Богом мира не имеет. — Где же ему спастися? — Не являемся ли потому мы, так действующие, по необходимости отторгнутыми от общения киновийнаго? И, по переселении отсюда, не подпадем ли необходимо вечному осуждению?

5) В безумии говорю: не был ли и я послушником? Не имел ли игумена, эконома, духовнаго и плотскаго отца? Не имел ли духовных и плотских братьев? Среди их вращался я, как в огне, туда и сюда бросаемый и в бою состоя с двумя противоположными жизнями. Но не мог иначе спастися, как терпением, подобающим исповеданием, и самому себе приписыванием всякой вины: — ибо иначе и невозможно мирною иметь душу в скорбях. Смиритесь и вы под крепкую руку Божию (1 Петр. 5, 6); и обретете покой и безначалие. Написано: се ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2 Кор. 6, 2). Отымем же лукавства от душ наших, научимся добро творити, представим себя чистыми облагодеевшему нас, прежде чем придет день оный страшный, в который должны будем дать ответ за всякое праздное слово, чтобы, с доброю, сколько возможно, совестию прешедши из сей жизни, оказаться достойными наследия вечной жизни.

298.

1) Сколько ни толкую, у неких из вас все прорывается немирность. — 2) Это от недостатка любви; а

без ней какие же мы ученики Христовы? — 3) Взыщем же мира, ревность благую восприяв. [4, 96].

1) Казалось бы, что, как я часто беседую к вам, нет уже необходимости еще поучать вас, полагая, что вы довольно настроены к должному действию и не имеете нужды в напоминании о том.

Однакожь ныне вижу, что это все еще крайне необходимо; потому что, не смотря на частыя мои вам внушения, в неких из вас не перестает действовать немирность и упорство. И я дивлюсь, как те, коим следовало бы быть учителями, судя по времени, все еще младенчают, бессмысленствуя и безумствуя по пусту.

2) Причина же сему оскудние любви. Ибо если по Апостолу, любви долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся покрываешь, всему веру емлет, всяуповает, вся терпим (1 Кор. 13, 4 — 7): то явно, что когда ея нет, то в нас берет силу противное тому, — неверие, безнадежие, нетерпение, раздор, дерзость. — Но как, находясь в таком настроении, можем мы достойно именоваться учениками Господа, когда Сам Он говорит решительным словом Своим: о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35); И опять в другом месте: аще вы пребудете во словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеете истину, и истина свободит вы? (Ин. 8, 31. 32). Итак, если мы не имеем любви истинной, но ведем вражды, брани и раздоры; то мы не Христовы ученики, а врага Христова, хотя и тяжко слово сие. После сего зачем и жить нам бедным? Зачем дышать этим воздухом, если мы делаем не то, чем благоугождается Господь?

3) Смущаяй вас, понесет грех, кто бы ни был (Гал. 5, 10). Почему прошу, мира взыщите со всеми и святыни, ихже кроме никтоже узрит Господа. Смотряюще, да не кто лишится благодати Божия: да не кий корень горести выпсрь прозябаяй, пакость сотворит, и тем осквернятся мнози (Евр. 12, 14. 15). Что же это такое? — Ревность благую предложит вам показать в отношени к лукавнующим, зло ненавидя и отвращаясь от него, их же самих не как врагов имея, но как братьий вразумляя (2 Сол. 3, 15), да будете достойны одобрения Апостольскаго, выраженного негде так: во всем представисте себе чисты быти в вещи (2 Кор. 7, 11). — Я же говорю вам это, любя и щадя вас, и вместе боясь участи Илия. Если же вы не так разсуждаете, то, спустя немного, придут дни, когда возмется от вас язык сей, и тогда уразумеете, что истинно было, что говорил я вам смиренный. — Бог же мира, хотящий всем спастися, да сохранит всех нас в мире на пути заповедей Его и да введет в царство Свое вечное.

299.

Св. Феодор не принял, что прислано было в обитель теми кои покаялись в еретичестве иконоборном, а потом опять отпали. Некие из православных укоряли его, что он этим возбуждает неприязнь к православным и гонение. Св. Феодор оправдывает свое поведение. [4, 97].

Опять говорят, поднялась война, — и война иконоборческая — междоусобная, которой бывает ли что бедственнее, когда Христиане друг друга истребляют? Но нам должно молить Бога всегда умиротворять сограждан наших, как в мирском отношении, так и в отношении к вере. Ради этого мы и сидим здесь, смиренные. Сидя же должны не просто, как попало, сидеть, но с великим вниманием и верностию своей цели, чтоб, иначе иным проповедуя, самим не оказаться неключимыми (1 Кор. 9, 27).

Говорим же это, имея в виду тех, кои, понесши епитимию, опять перешли на сторону инославных.

Мы отказались недавно принять посланное ими, как вредное и опасное для души; о чем узнав, некие из сущих с нами отцев, вознегодовали, как будто от этого загорелась смута. Мы же от зажжения смуты отрицаемся; но не можем, ради того, что некие мнут, умалять что либо от истины и осквернять исповедание Христа, — боясь греха безразличия в вере, которое один из Пророков обличает так: между Святым и скверным не разлучаху, и между нечистым и чистым не разделяху (Иезек. 22, 26). Согласно с сим и св. Апостол говорит: кое причастие правде к беззаконию? или кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром? или кая часть верну с неверным? или кое сложение Церкви Божией со идола? (2 Кор. 6, 14 — 16). И опять: повелеваем вам о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияха от нас (2 Сол. 3, 6). И еще: аще некий брат именуемь будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пьяница, или хищник, с таковым ниже ясти (1 Сол. 5, 11).

Все сие устрашает и утесняет сердце наше, и ради сего судили мы паче перенести всякую скорбь и тесноту, нежели изменить своей верности и спасению. Но поелику написано: аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли славится един уд, с ним радуются еси уди (1 Кор. 12, 26), — вы же члены наши есте искренние и утробы сердечныя: — то мы нашли в необходимости известить вас о происходящем, да ведаете, и ведая спостраждете, помышляя о случившемся здесь.

Разсудите и вы сами по себе о том, что говорится: праведно ли изгнанных за истину из собственных монастырей и завладевших монастырями чрез предательство истины почитать равными, и равно с теми и другими общение иметь? — Итак изгнанные напрасно терпят изгнание?! Напрасно и мы подвизались за нее в прежнее время?! И сверх того, оказываемся еще обманщиками, одним говоря одно, а другим другое. Праведно возстают против нас верно держащиеся исповедания, если увидят, что мы общимся с теми, кои были в соблазн Церкви Божией. Но да не будет нам обольститься ими и вместе с ними погубить себя.

В прежнее время мы держали себя твердо, как требовало время; и теперь следует также держать себя, не изменяясь; ибо Апостол говорит: аще обинется (праведник), не благоволит душа моя о нем. Мы же несмы обинования в погибель, но веры в снабдение (Евр. 10, 38. 39). Видишь, как он обинование назвал погибелию? — Почему в другом месте и говорит: чист аз от крове вспех; не обинухся бо сказати вам всю волю Божию (Деян. 20, 26. 27).

Так и мы, утверждаясь на Апостольском учении, и учении св. отцев наших, согласном с Апостольским, удерживаемся от общения с еретиками, с увлеченными ими изменниками, и защищаем точное исповдание, в коем стоим и хвалимся упованием славы Божией (Рим. 5, 2), стараясь право ходить и во всех других добродетелях, да будем совершени и всецели, и ни в чем же лишени (Иак. 1, 4), и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца наша и помышления наши о Христе Иисусе (Фил. 4, 7).

300.

1) Будем претерпевать все скорбное, и во вне и внутри, пользуясь обычными нам к тому средствами, наипаче молитвою с несомненною верою. — 2) Оскудело было содержание наше; но Господь скоро помог. Будем надеяться, что и впредь поможет, как Иакову, Или и др. [4, 98].

1) Мучеником никто не бывает, не потерпев мучений, и венцем никто не венчается, если надлежащим образом не выдержит успешно борения (2 Тим. 2, 5). Не будем же изнемогать, все

переноса благодушно: выговоры и укоры, как удары бичами, — отсечения своих желаний, как пролития крови, — вторжения помыслов, как, возжигаемые диаволом, пожары. Огонь погасает от заливания его водою, и пламя похоти от пролития слез. Утомление от труда проходит от покойного возлежания на одре; и обременение ума помыслами врачуетсЯ доверчивым исповеданием их. Вот спасительныя врачевства. Разумно пользуясь ими, паче и паче оздравляйтесь о Господе. Аще же кто от вас лишен есть премудрости, да просит, как взывает брат Божий, от дающаго Бога всем нелицеприемне, и непоношающаго, и дастся ему. Да просит же с верою, ничтоже сумняся: сумняйся бо уподобися волнению морскому ветры возметаему и развеваему. Да не мнит человек он, яко примет что от Бога. Муж двоедушен, неустроен во всех путех своих (Иак. 1, 5 — 8). Не будем же двоедушны и не станем колебаться сомнениями в прошениях своих. Но со благодарением и искреннею верою да будут прошения наши к Богу (Фил. 4, 6), и всеконечно получим просимое: угаснет чуждый огонь; неистовые помыслы развеются, и мы с Божию помощию успешно совершим предлежащий нам подвиг послушания.

2) При сем желаю, чтоб вы ведали, что ковчежец наш немного имет вметаемаго (Ин. 12, 6); между тем расходы прибывают, а доходы не прибавляются; ныне же и вина не достало, о чем конечно скорбят немощнейшие. Но дерзайте: скорое Господь призрение сотворил от плода пшеницы и вина, и других потреб, и еще сотворит, если всецело возложим на Него упование, и угодное Ему будем всегда творить, не отступая от своей в Нем уверенности. Ибо Он сам сказал: не оставлю тебе, ниже презрю тя (Иис. Нав. 1, 5); и опять: ищите прежде царствия Божия и правды Его, — и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 33). Если же и недостаточествуем когда, не дивно: испытание это и проба добродетели. Патриарх Иаков не был ли праведен? И однакожь теснимый голодом, послал отцев наших в Египет купить пшеницы. Проро Илия не был ли праведен? Однакожь и он, пришедши в Сарепту Сидонскую, возопи во след вдовицы: принеси ныне ми мало воды, и испию... и укрух хлеба, да ям (3 Цар. 17, 10. 11). Не другаго чего попросил, но самой подручной и необходимой пищи. И кто же это? Илия, небо языком заключивший не давать дождя, и опять молитвою разрешившей сию епитимию. — Мы же, ничтожные и по внешнему состоянию, и по внутреннему устройению, если и постраждем что такое, ничего не будет неподобающаго; и не следует нам тем тяготиться, но всегда быть благодарными, как при изобилии всего, так и при оскудении; ибо в этом признак учеников Христовых, и так располагаясь, мы как прискорбности настоящей жизни легко переносить будем, так и будущих благ сподобимся.

301.

1) Враги окружают нас, и нападают всегда и везде нечаянно: охранять себя надо. — 2) Как? Страхом Божиим и упованием на Бога, слезами и поучением в слове Божиим; хранением ума и отражением помыслов. — 3) Вчера пели вы безчинно. Этим Дух Святой оскорбляется, и вместо пользы вред душе причиняется. Вперед пойте благообразно. [4, 99].

1) При недавних набегах агарян, в какой все пришли мы ужас, опасаясь, как бы не попасть в убийственныя руки этих безбожных. И это было не понапрасну. Но что есть и набеги на нас демонов, об этом мы и не думаем, и не опасаемся, как бы, по невниманию нашему, не попасть в плен к духам злобы; хотя знаем, что нападение видимых врагов бывает в одно какое время, и молва о том, заранее приходя, дает желающим свободы, убежать куда либо; в отношении же к невидимым врагам ничто такое неуместно, потому что они день и ночь, и всякий час тем только и заняты, чтоб нападать на

нас, и вздохнуть почти не давая нам, так что здесь больше страха, и большее потому требуется самоохранение, чтоб не сделаться добычею сих врагов и избежать душепагубных их наветов.

2) Куда же убежать? Конечно к Богу, как поет Св. Давид: Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело (Пс. 45, 2); и: ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их (Пс. 33, 8); и еще: надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижутся в век живый во Иерусалиме (Пс. 124, 1). Итак если будем иметь страх Божий и уверенность в Боге, то не убоимся от лица враг наших.

Но поймеем во внимании, что крепости берутся врагами наибольшую частью по причине оскудения хлеба и воды. В нас же это что? — слезы и слово Божие, коими и в коих питается и спасается душа, а их оскудением растлевается и предается в плен. Да вселяется убо в нас слово Божие богато, как написано (Кол. 3, 16), и слезы да не оскудевают.

Бывает впрочем и внутреннее предательство, как говорят. И это опять что такое? — Живущия в нас страсти и, мудрованием плоти возбуждаемые, помыслы, кои изменнически отворяют дверь враждебным демонам. Их надо изгонять тотчас, и всяким хранением блюстись, чтоб не был взят град наш, т. е. душа, и мы не были увлечены грехом, и не сделались пленниками пагубных страстей, но пребывали в добродетели, в коей созданы, во славу Создавшего нас, в похвалу и мне грешному.

3) Вчера разсердили вы меня вашим псалмопением. Прошу же и молю вас петь благообразно и почину, а не просто, как попало, и смятенно, и тем оскорблять не меня грешного, а Духа Святаго: ибо это Его заповедь: пойте разумно (Пс. 46, 8). Разумно же петь нельзя, если не будет соблюдаем такой порядок, чтоб не начинать хором новаго стиха, прежде, чем кончится пение прежняго; громогласно ли или тихо идет псалмопение, протяжно ли или скоро, паче всего да блюдется бдагочиние; ибо если во всяком деле соблюдение бдагочиния есть наилучшая черта, не тем ли паче в беседе с Богом, — так как при неблагочинии бывают нелепая фантазии и расхищение ума, а при благочинии сохраняются внимание, трезвение и сладость, о коей свидетельствует св. Давид, говоря: коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устом моим (Пс. 118, 103).

Почему прошу и молю, будем со всем тщанием совершать сию добродетель, друг друга остерегая и друг друга исправляя в пении. Так разумно поя, обретем мы покой душам нашим, друг другу подадим добрый пример и, при всем другом и этим благоугождая Богу, достойными соделаемся наследия Царства Небеснаго.

302.

1) Чтоб ум не осуечался и не вляялся в греховных помыслах, надо держать его в богомысли — созерцании свойств и дел Божиих, Ангельских чинов, обителей святых и сего видимаго мира: сим хранится красота души. — 2) Красота души, с коею она создана, потерянная в падении, восстанавливается в крещении, — в покаянии, — и в подвижнической жизни. [4, 100].

1) Вот где всегда надлежит быть уму, вот где пребывать сердцу! — В бодренном внимании к делу Божию, на поприще подвижничества, отнюдь не позволяя себе влачиму быть туда и сюда, подобно пленнику. Оскудевает ли в море вода, или для дышущаго воздух? — так тем паче в нас не должны оскудевать благия помышления, при устремлении очей ума нашего в беспредельное море дивных дел Божиих, в которыя углубляясь, ум не будет иметь времени осуечатся чем либо житейским, или соплетаться с худыми помыслами. Ибо он, будучи приснодвижен, не может оставаться в покое, но куда направим его, туда и несется он неудержимо, одесную ли или ошуюю: и если—одесную, то он

имеет взывать с Давидом: Господи, волею Твоею подаждь доброте моей силу (Пс. 29, 8); а если — ошуюю то следующий за сим стих: отвратил же еси лице Твое, и бых смущен (—9). Отвращение же Божие бывает, когда ум занимается суетностями, а пагубное смущение души, когда он упражняется в греховных замыслах. Постараемся же всегда направлять его одесную, и давать ему видеть добрых видения. Какая это? — Ангельския небесныя Силы, тамошняя неизреченныя блага, светлыя обители св. Апостолов, Пророков, Мучеников и всех праведных; равно как и сей свод небесный, блестящее солнце, светлую луну, группы звезд, и все другия чувствам подлежащия вещи, не за тем, чтоб на них останавливаться, но, чтоб, чрез них возносясь к Творцу всяческих Богу, хранить красоту свою не поврежденною.

2) Ибо Бог красотою ущедрил нас, сначала создав нас по образу и подобию Своему; и хотя мы чрез преслушание омрачили себя и осрамили, но Он опять облакает нас в красоту в благодати, банею пакибытия, и обновления Духа Святаго, Егоже излил на нас обильно Иисус Христом, Спасителем нашим (Тит. 3, 5); когда же потом и здесь оказались мы непотребными, третье устроил нам средство к возвращению себе красоты чрез покаяние в обете девства, даровав нам вся прегрешения, истребив еже на нас рукописание

(Кол. 2, 13. 14) крестоносною жизнью, подобно крещению . — Да пребывает же в красоте своей душа наша, чтоб удостоиться услышать: вся добра еси, ближняя моя и порока несть в тебе (Песн. Песн. 4, 7). Когда же опять случится ей оскверниться пороком [так как мы превратны и никто нечист от скверны (Иов. 14, 4), никто не похвалится чисто имети сердце (Притч. 20, 9)], поспешим очистить себя слезами покаяния. Омыеши мя, и паче снега убелюся, молится св. Давид (Пс. 50, 9); измыйтеся, и чисти будите, отымите лукавства от душ ваших, призывает Бог чрез Пророка Исаию (1, 16). И блаженна душа, так всегда себя очищающая, отрешившаяся от всякой худой склонности, единого Бога любящая и вожделевающая, и каждодневно ожидающая смерти с удовольствием. — Придет всеконечно и к нам смерть, должны будем и мы уплатить этот общий всем долг. — Но о, когда бы нам, преподобно и праведно поживши, сподобиться того, чтоб, когда останки каждого из нас будут предлежать для последняго братьям целования при отпевании, душа наша была вземлема Ангелами Божиими и относима для жизни вечно блаженной на небеса.

303.

1) Помянув об удалившихся из обители, потом впадших в ересь и развратившихся. — 2) Убеждает блюстись, указывая, что враг ничего так не ищет, как совратить с пути и погубить монаха. [4, 101].

1) Мало ныне слушающих, по причине отбытия нескольких братий; но хотя бы и один был слушатель, не следует небречь о поучении; ибо говорить Господь: блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вами, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца моего небеснаго. Прииде бо Сын человечески взыскати и спасти погибшаго (Мф. 18, 10. 11). О, сколь неизреченно Божие человеколюбие! Пришел Владыка в рабском зраке к убежавшему рабу, чтоб освободить его от рабства диаволу. Пришел свет истинный взыскать драхму погибшую, чтобы вызвать его из мрака греховнаго. Не необходимо ли потому и нам смиренным, подражая всеблагому Господу, о каждом из вас и болезновать, и говорить, и самую душу за него полагать? О, когда бы я крылат был, чтоб полететь и почить в каждом братстве, — посмотреть их и поговорить им о подобающем, — и не только их, но и тех, кои въ путь Каинов поидоша, и в лесь Валаамовы мзды устремилася (Иуд. 11). Кого же это называю я такими? — Леонтия, Ермию и Нектария, отступивших и от нас, и от веры; и в

награду за отступление получивших председательство, — которых если бы я, смиренный, увидел и поговорил с ними, то, хотя бы ничего другого не сделал, но душу свою положил бы за них. Желал бы я повидеть и тех, кои, по грехам моим, сбросили святую схиму и оделись в одежду беззакония и греха, чтоб и еще поплакать о них: из коих один, Пигасий оный, как говорят, до такого зла простерся, что, по царскому удостоению, стал начальником народа, воздвиг брань, убийства совершил и в схватке потерял жизнь. Какое несчастье! В какую пропасть низринулся сей плачевный! Сначала отскочил от братства, потом пошел в след похотений своих, то тем, то другим растлеваясь, как животное безсловесное, затем сбросил с себя монашество, и наконец такую заключил трагедию, которую слышали мы.

2) Помянув о сем, прошу о тех молиться, а себя самих, крепко держать на своем пути, нимало не умаляя подвижнического постоянства, потому что малыми послаблениями и разленениями душа низводится в пагубу. Вот почему жалею я живущих особняком и оплакиваю их, как готовую, подлежащую диаволу, добычу; ибо если и из овчарни похищает волк овцу, не тем ли удобне пожрет он ту, какую найдет вне стада? — Разве не знаете, какою манией дышет против нас диавол? На всякаго человека нападает он, а не только на смиренных монахов; радуется он погибели многих, но не так этим услаждается, как когда успеет низринуть одного монаха. Почему неутомимо бьется, приседит и борется, как бы послушливаго отторгнуть от послушания, безмолвника от безмолвия, столпника от столпа, затворника от затвора, чтоб, после такого передвижения, вести их потом, как хочет: ибо те, которые неподвижно пребывают в своих мерах и в своих местах, содеяв добродетели, бывают неуловимы для диавола, выше сетей его носимы бывая.

Почему, пользуясь данною нам против диавола силою, будем обращать его вспять, ограждаясь Божественным страхом и его низлагая небесными помышлениями, его же помыслам не давая овладевать собою, чтоб сим образом победу над ним приобретая, венца правды удостоиться от Подвигоположника нашего Христа Господа.

304.

1) Будем бодрствовать особенно по причине гонения: ибо тут враг налегает сильнее. Скольких уже он погубил от начала мира? И теперь тоже делает. — 2) Как избежать его сетей? Смирением и покорностию преданным заповедям. Тут изображается должная жизнь — и со вне, и со внутрь, с указанием воздаяния, в воодушевление. [4, 102].

1) Будем вести жизнь, достойную гонения за Христа во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 2), как чада послушания, не преобразующеся первыми неведения вашего похотения (1 Петр. 1, 14), и не послабляя напряжения подвижнических ваших усилий. Ибо видите, что диавол, как лев, рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8); и как теперь видит он нас, гонением раздираемых, то налегает гораздо сильнее, в чаянии удобнее теперь похитить душу. Но мы будем во всякое время и во всяком месте трезвиться и бодрствовать, ограждены будучи Божественными заповедями. И он, не находя в нас места, отойдет посрамленный. Если же найдет, начнет все больше и больше наступать; и не отступит, пока не поразит и не сгубит. Или не знаем, скольких уже он погубил от сложения мира: не довел ли он до изгнания из рая перваго человека, пленив его сластию греховною? Не вооружил ли Каина к братоубийству? Не отторг ли от сонма Апостолов Иуду, соделав его предателем Живота всех? Не предал ли смерти и других многих, коим числа нет? — Он и ныне прельщает, возбуждает и нудит делать всякое зло, и поглощает всю почти вселенную; и избегать его

очень трудно и требует крайнего внимания: ибо он покушается не только распущенною и низкою жизнью, но и напряженным подвижничеством совратить нас с должного и увлечь к противоположному, разнообразно преобразуясь, разныя устроая козни и обольщения, всюду многия простирая сети по земле для уловления нас, как видел в видении блаженный Антоний и получил свыше при сем указание, что их избежать может только одно смирение.

2) Итак, облекшись в смирение, будем избегать соступаний с правой дороги и переступаний чрез нее, царским шествуя путем и не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, но в точности сообразуясь с правилами преданной нам святой заповеди и последуя стопам предшествовавших нам святых отцев, коих жителство на небесах. Пусть ум наш воздерживается от худых помышлений, сердце поучается в Божественных словесах, уста отверзаются только для славословия Богу, очи видят правоты, ухо не слушает слуха суетнаго, руки простираются к своим деланиям, ноги ступают чинно, пища и питье будут умеренны, сон определенный уставом, никакие выходы не допускаются, кроме должных, не будет места дерзновению, смерть причиняющему и ничто другое неуместное не действует в нас, но все совершается преподобно и премудро. Путь такой недлинен и предел подвигов близок. Но какое воздаяние за труды? — Царствие Небесное; ради коего еще и еще поподвигаемся и поборемся; если поткнемся, поспешим встать; если задремим, — пробудимся и опять возбодрствуем, понудим естество свое, умертвим уды, яже на земли, стяжем добродетели. Все сие и к себе говорю я, потому что и я немощами обложен есмь, как одного с вами сущий естества. Да даст Господь всем нам, искренно потрудившись и непреткновенно пожив, прейти отселе в бдагонадежии и сподобиться блаженной вечной жизни.

305.

1) Указав заповеди закона и Евангелия, с различием их, и сказав, что не исполняющие ни тех ни других царотвия Божия наследити не могут. — 2) Напоминает о страшной участи их в смерти, на суде и по осуждении, и — 3) За тем приглашает обратиться к Господу в покаянии, пока не затворились двери милости его. [4, 103].

1) Создавший нас и из несущих приведший в бытие, Бог, как в училище некое, ввел нас в жизнь сию, чтоб мы научились Евангельским заповедям царствия Его. Почему и учеников Своих посылая на проповедь, заповедал им, говоря: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 19. 20). Какия же это заповеди, которыя Он заповедал нам? — По Ветхому Завету, — заповедано было: не убий, не прелюбы сотвори, не укради, не лжесвидетельствуй (Исх. 20 гл.; Втор. 5 гл.); по Новому же, высшия сих и совершеннейшия дал Он заповеди; ибо говорит: речено бысть древним: не убиеш: иже бо аще убиет, повинен есть суду. Аз же глаголю вам, яко всяк гневайся на брата своего всуе, повинен есть суду: иже бо аще речет брату своему, рака: повинен есть сонмищу. — Опять: речено бысть древним: не прелюбы сотвориши. Аз же глаголю вам: яко всяк иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем. Опять: речено бысть древним: не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоя. Аз же глаголю вам не клятися всяко. Опять: речено есть: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящими вас (Мф. 5, 21 — 44). Видишь ли, каково различие обоих Заветов? один запрещает деяния, а другой — самыя расположения сердца, от коих деяния, чтоб здесь не коренился грех? — Теперь, если мы окажемся живущими ни законно, ни

Евангельски, а, —как бы сказать, — язычески, то что испытаем в день оный? — Не льстите себе, говорит Апостол, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернителю, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9. 10).

2) Почему, как прежде часто говорил я вам, так и ныне с решительностию возвещаю: никто не живи по своей воле; никто не относись безразлично к делу спасения; никто не сокровиществуи злата, не приобретаи рабов, не разводи лошадей и быков и никакими другими стяжаниями не обременяй себя, потому что от этого поражаются величайшие и пагубнейшие грехи. А между тем среди вас все еще остаются некие, кои упорствуя упорствуют и сопротивляясь сопротивляются истине. Но я, смиренный, чист от крови вашей; ибо не преставал возвещать вам правду Божию и немолчно объявлял о грядущем на сынов противления мече. Или раздражаем Господа? Еда крепчайши Его есмы? (1 Кор. 10, 22). Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и во огонь вметаемо (Мф. 3, 10). Не боитесь вы этого примера? Не трепещете пред сею угрозою? Не страшитесь и смерти, которой неизбежно подвергнемся, спустя немного? Как встретим мы страшных Ангелов, приходящих обычно взять нас из тела? Как пройдем путь оный не краткий, не стяжав потребных напутствий? Как, имея совесть нечистую, предстанем пред судилищем Христа, пред Коим преклоняется всякое колено, и всяк язык исповестся? Если такими окажемся там, то неизбежно отосланы будем туда, где огонь неугасающий и червь неумирающий, где плачь и скрежет зубов.

3) Но чтоб этого не случилось, приидите поклонимся, и припадем, и восплачемся пред благим Богом нашим, предварив лице Его во исповедании, в прошении, в сокрушении, в слезах, в молитвах, в пощениях, в чистоте, в благоповедении. Ибо Он есть очищение грехов наших; и еще не затворил двери милости Своей пред нами, не отвращается от обращающегося к Нему, но милостиво приемлет, как блудницу, как разбойника, как блуднаго. Ей, прошу вас, возстанем, пробудимся, восподвизаемся, чтоб, как хорошо учащиеся дети, отпущенныя из школы, радостно спешат в дома свои, так и нам, как искренним ученикам Евангелия, отрешившись от сей жизни, с радостию переселиться в жизнь вечную.

306.

1) Похвалив послушание, как подвиг многоплоднейший и укорив живущих не в послушании. — 2) Убеждает своих паче и паче преуспевать в послушании, напоминая, что вот — вот грядый придет и воздаст каждому по делам его. [4, 104].

1) Благодатию всеблагаго Бога вы верите и повинуетесь смирению моему, ничего не делая, кроме повеленнаго вам: в чем радость и венец не для меня только, но и для вас, еще до меня поставивших целью жизни добродетель. Ибо для послушника что может быть сладчае, вожделеннее и радостнее, как жить по заповеди и ничего не делать по своей воле? В этом и состоит истинное послушание; это и есть блаженная жизнь; это многопечальный и безпечальный подвиг: многопечальный, пока еще кто одержим своими желаниями; безпечальный, когда кто успеваеет совершенно отсечь свою волю, и кто потому имеет дерзновение сказать апостольски: живу не ктому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Ибо, не живя по своей воле, он, чрез посредство игумена, живет по Богу, и откровенным лицом славу Господню взирающе, в той же образ преобразуется от славы в славу, якоже от Господня Духа (2 Кор. 3, 18). Таковый не заботится о мире, не боится смерти, безпечальную и ничем не тяготимую

проводит жизнь, всего всецело предав себя Богу. Кто же на своих желаниях опирается и законы послушания отодвигает на задний план, покорствуя своей воле и самоугодию, тот мучительную проводит жизнь, живым уловлен будучи от диавола в свою его волю (2 Тим. 2, 26), — и хотя иной раз кажется постящимся, или бдение совершающим, или иное что доброе делающим, все то неодобрительно: ибо все, что не от веры, грех есть (Рим. 14, 23); и что не по общему уставу бывает, то собственное есть дело делающего и чуждо благочесия Богоугодного.

2) Потому я справедливо таких укоряю, вас же хвалю и прошу, паче и паче пребывать в добрейшем послушании, в терпении, в отсечении своей воли, в вере, надежде и любви, и во всех прочих послушнических радениях во спасение собственное и в добрый пример всему братству. Ей, молю вас: ибо еще елико елико, грядый приидет и не укуснит (Евр. 10, 37); приидет последний день, в который откроются дела тмы и объявлены будут советы сердечные (1 Кор. 4, 5). Приидет страшный и не ложный Судия, Который приведет послушника к послушнику, игумена к игумену, епископа к епископу, вельможу к вельможе, царя к царю, и одного чрез другаго обличит или оправдает, и воздаст каждому по делом его: овим убо по терению дела благаго, славы и чести и нетления ищущим, живот вечный: а иже по рвению противляются убо истине, повинуются же неправде, ярость и гнев. Скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое (Рим. 2, 7 — 9). Чего крайне страшиться должно и со всяким радением попещись, чтоб час смерти не захватил нас пустыми благих дел, но нашел богатыми плодами добрых деланий. Пусть враг противится нам в доброделании [— таков ужь он; ибо есть человекоубийца искони, и во истине не стоит: яко несть истины в нем, как сказал Господь (Ин. 8, 44)]; но мы употребим против него мужество, и великодушие, противостоя ему трудами, потами, молитвами, молениями, слезами, — и он ни в чем не успеет против нас, при содействии борениям нашим и заступлении немощи нашей Господом, дающим победу нам вечную.

307.

1) Помянув о доброплодности поучений, приглашает всех взаимно — содейственно соиздаться в жилище Божие. — 2) Затем убеждает, став храмом Божиим, не давать разлиться ему в нас; к чему указываются и средства. [4, 105].

1) Никто не говори, что поучения наши—напрасный труд. Нет, мы большую получаем от них пользу: ибо что плуг для земли, и что для жаждущаго вода, то наставительное слово наше для слушающаго его открытым сердцем. От чего душа делается обыкновенно худшею? От чего раздоры, брани и разделения в братствах? Не от того ли, что не бывает поучения и внушения? Где есть поучение и внушение, там мир и бдагоустройство; и где мир и благоустройство, там почивает Дух Святой: чего ради и я, смиренный, со страхом и любовию стараюсь вести беседы к вам, внушать, утешать, напоминать, чтоб как себе, так и вам пособить спастись от многообразных искушений диавола. — Исповедую, что вы и сами очень много помогаете мне, особенно первейшие в братстве; вы все содействователи мне есте во благое. Аз, говорит св. Павел, насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти (1 Кор. 3, 6): так что это не мое только, но и ваше есть доброе дело, паче же — Божие, от Коего исходит все благое в человеках. Почему прошу вас, по данному каждому из вас послушанию, направляйте все к общей пользе и взаимно соблагоустраивайтесь в жилище Божие Духом. Ибо Апостол говорит: основания иного никтоже может положить паче лежащаго, еже есть Иисус Христос. Аще ли кто назидает на основании сем, злато, серебро, камень честное, дрова, сено,

простие: когождо дело явлено будет, день бо явит: зане огнем открывается: и когождо дело, якоже есть, огонь искусит (1 Кор. 3, 11 — 13). Видите ли, как добродетель уподобляет он золоту, серебру и дорогим камням, а порок — дровам, сему и тростию; из коих, когда подвергнут их испытанию огня суднаго, одни — сгораемая — сгорят, а другия — твердыя сохранятся.

2) К сему, еще более страшное употребляя слово, прибавляет он: не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто храм Божий растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы (1 Кор. 3, 16. 17). Колик дар, что мы удостоиваемся называться и быть храмом Божиим! Но колика и угроза, что, если растлим мы храм Божий, то растлены будем от Бога! Не будем же растлевать храма Божия в себе, и сподобившись иметь живущим в себе Духа Святаго, не допустим себя сделаться жилищем страстей; равно как освободившись от греха, не дадим себе опять поработиться диаволу. Но да будем чисти и непреткновенни, исполнени плодов правды Иисус Христом, в славу и похвалу Божию (Фил. 1, 10. 11). Да будет убо сердце наше бодренно, исполнено страха Божия и наповаемо непрестанными помышлениями о смерти: ибо где есть такой страх и такая помышления, там нет места для входа греху. Когда же сердце бывает безчувственно к сему и окамененно, тогда легко всевается в нас похоть, раздражает и смущает нас, и не оставляет, пока не востечем опять в прежнее благонастроение. Емлемся же за труд, чтоб, потрудившись над преуспеяшем в добре, обрести потом непресекаемый покой; емлемся за плач, да обретем радость о Господе; емлемся тесным и прискорбным теши путем, да обретем раждающуюся из сего прохладную жизнь. — И вот самая великая из всех куплей купля. Вот державнейшее из счастлих счастье — немногими трудами и подвигами над стяжанием добродетелей — стяжать безмерныя и вечныя блага, — коих буди сподобиться всем нам.

308.

1) Жизнь наша похожа на плавание по морю. — 2) Кормчий ум, как должен править кораблем жизни, чтоб избежать потопления? — 3) Уроки сии не для юнейших только, но и для старейших: ибо и от них опасность не далека. — 4) Будем же внимать, чтоб не погубить собраннаго долгим трудом. [4, 106].

1) Другое некое море есть жизнь человеческая, по которому мы, как в корабль какой, в тело сие вошедши, мысленно плывем и плывем не иногда только, как плавающие по морю на кораблях обыкновенных, которые то плывут, то укрываются в пристанях, но плывем непрестанно день и ночь, в непогоду и бурю; и море это бедственно, и не только бедственно, но и длинно, соразмерно с длительностию нашей жизни; и в нем столько страшных бурных волнений воздымается духами злобы, столько пиратов — демонов нападает, потопить нас покушаясь, что и сказать нельзя. Почему св. Давид, видя сие, молитвенно взывает: да избавлюся от ненавидящих мя, и от глубоких вод; да не потопит меня буря водная, ниже да пожрет мене глубина, ниже сведет о мне ровенник уст своих (Пс. 68, 15. 16). — Если же Давид, такой и толикий муж, боялся и молился, да не будет потоплен, — что однакожь, воздремав, пострадал он некогда, — что скажем мы смиренные, и сколько должны бояться и молиться, чтоб не пострадать тогоже?

2) И наш ум, подобно кормчему, когда бдит и бодрствует, отражает бури страстей, мало некак окропляем бывая брызгами приражающихся помыслов; а когда предается лености и нерадению, тогда приемлет страсть, неистовым потоком бьющую, коим потом переполнившись, терпит наконец великое кораблекрушение греховное, о коем и слышать жалостно, а испытать еще жалостнее. Так

страшно и так бедственно плавание жизни нашей, и потому внимательно и бодренно будем держать кормило ея, далеко отражая страсти и тотчас извергая вторгающиеся неуместные помыслы, чтоб они, если замедлим в них, не потопили нас.

3) Говорю сие, не юнейших только имея в виду, но и старцев, долгое время пребывших в подвижничестве; ибо диавол и их не оставляет не тронутыми, и нередко доводит до падения, жалкаго, — как негде говорит великий и богоносный Василий: «подлинно, самое жалкое зрелище, — после поста, после суровой жизни, после продолжительных молитв, после обильных слез, после двадцатилетняго или даже тридцатилетняго воздержания, по невнимательности и по нерадению души, оказаться вдруг лишенными всего!» (т. 4, стр. 222, — в рус. пер.). — Это я смиренный и слышал и видел, и оплакивал и оплакиваю, помышляя, как такое богатство добродетелей, в продолжении стольких лет собранное, в одно мгновение расхищено лукавым диаволом, оставя подвижника благочесия пустым и непотребным. — Так велико спасения нашего таинство, и таково неистовство против нас диавола, не терпящаго видеть нас восходящими на небо, откуда низпал.

4) Но пусть он таков и с такою яростию вооружается против нас; мы же, малые и большие, младшие и старшие, все единодушно твердое положим решение, с Божиею помощию, не допускать себя до погубления по невниманию того, что многими трудами и подвигами собрано нами — разумею: отречение от мира, послушание, целомудрие, слезы, исповедание первое и последнее; но еще и еще будем неусыпно бодрствовать, держа поднятым парус надежды нашей, и ветрами Духа управлены будучи, чтоб, когда достигнем конца жизни и вступим в пристань безсмертия, богатством добродетелей стяжать царство небесное.

309.

1) Пришел вчера посланный от царя; и мы все всполошились, зная, что царь не благоволит к нам. Еслиб знали, что он благоволит, иначе вы встретили пришедшаго от него. Так душа встретит вестника смерти: радостно, если уверена в Божием благоволении, и с ужасом, если не уверена. — 2) Примиримся же с Богом, сделаем друзьями Ангелов. к сему слезы покаяния, бдение над собою, взаимныя молитвы, наипаче же причащение св. Таин. — 3) Присем излагается, как следует приступать к св. Тайнам, как это спасительно, и как жаль, что редко причащаются, с наказом — вперед причащаться чаще. [4, 107].

1) Вчера, как только прибыл сюда царский посланный, тотчас крайне встревожились мы, поражены быв неожиданностию его прибытия. Когда же потом узнали, что он не ради нас прибыл, еще скорее отрешились от страха. Спрашиваю теперь, чего ради так испугались мы? Не от сознания ли, что царь не только неудовольствие имеет на нас, но даже ненавидит и презирает нас. И напротив, еслиб мы были любезны царю и принадлежали к числу близких к нему, не обрадовались ли бы мы прибытию лица от него, зная, что он всегда относился к нам благосклонно? — Но к чему завожу я такую рчь? — К тому, что таким же образом и душа, доброю жизнью заслужившая иметь Бога благоволительным к себе, во время исхода своего из тела, когда послется за нею от Царя всех Ангел, не убоится, но с удовольствием воззрит на него и с радостию отыдет к Владыке своему. Если же она не такова, то придет в смятение и ужас, и в себе не имея твердости, и ни откуда не ожидая помощи и утешения. Ибо здесь и брат, и друг могут упокоить душу и отогнать страх; а там ничто такое неуместно, и Ангел немилосердо и жестоко возмет бедную душу. — Слыша слово сие, не чувствуем ли мы движений страха в душе? Если же слышание о сем производит страх; то что постраждем мы,

когда будем самым делом находиться в таком положении? — И как душа предстанет тогда судищу Христову? — Река огненная, по пророку Даниилу, течет шходящи пред Ним, тысячи тысяч служат Ему, и тмы тем предстоят Ему (Дан. 7, 10), — и Судия — страшный и неумолимый, и ответ — до праздного слова, как сказано в Евангелии (Мф. 12, 36). Как стерпит тогда все сие душа? — Воистину страшно есть впасти в руце Бога живаго (Евр. 10, 31). И еще страшнее, когда услышит она праведнейшее решение, предающее ее безконечному мучению.

2) Сего ради прошу и молю, примиримся с Богом прежде смерти, стяжем Его благоволение; сотворим друзьями своими Ангелов, имеющих придти за нами, — сделаем бденным мысленное око свое и ум непобедимым, не склоняясь на влечения страстей; если поскользнемся когда, поскорее встанем; многими слезами будем угашать разжженные стрелы лукаваго и вместо того возвышать любовь ко Христу. — Много может, говорит, молитва праведнаго споспешествуема (Иак. 5, 16); почему нужду имем мы в молитвах друг о друге и в молитвенных друг о другек поминаниях. Много могут также слезы и сокрушение, паче же всего причащение святых Таин, — к коему видя вас, не знаю почему, нерадиво относящимися, крайне дивлюсь. В воскресенье еще бывают приступающие к таинствам; когда же Литургия бывает в другой день, никто не подходит. Даже в монастыре каждый день, бывало, причащались желающие; а ныне очень редко это бывает, и даже совем не встретишь этого нигде.

3) Говоря сие, я совсем не желаю, чтоб вы приступали к Тайнам просто, как ни пришлось. Ибо написано: да искушать же человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет. Ядый бо и пийй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня (1 Кор. 11, 28. 29). Нет, — не этого я хочу; да не будет! Но чтобы мы, горя желанием приобщиться, сколько можно, очищали себя, и таким образом сподоблялись дара сего. Ибо предлежащий хлеб есть причастие жизни, как говорит Господь: Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небеси: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира (Ин. 6, 51); и опять: ядый Мою плоть, и пийй Мою кровь, во Мне, пребывает и Аз в нем (Ин. 6, 56). Видишь дар неизреченный и безмерный? Не только умер за нас Господь, но и в пищу нам Себя предложил. Что паче сего может изъявить державную любовь Его к нам? И что спасительнее сего для души нашей? — Если теперь обычной пищи никто не лишает себя каждодневно и, не вкусив ея, тяготится тем крайне; то с чем сообразно, — когда предлагается всем не обычный хлеб, но хлеб жизни, и не обыкновенная чаша, но чаша безсмертия, безразлично относиться к тому, вкусил ли кто их, не почитая сего дела необходимым? О какого неразумия и безсмыслия служит сие свидетельством! Если это и бывало доселе, после сего, прошу, укрепимся не допускать сего более, зная силу сего дара Божия, но всегда, сколько сил есть, очищая себя, будем приступать и причащаться святых и освящающих Таин. — И это, как думаю, и как воистину есть, сильно будет помогать нам в хранении себя чистыми, побуждаясь к тому приготовлением к причащению и чаянием его. При равнодушии же к причащению страстям более предоставляется свободы и простора уловить нас. — Будет это для нас и всегдашним напутствием к жизни вечной, которую да сподобимся получить все, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

310.

1) Вперед — вперед — по пути добродетели. — 2) Как? Каждый день проводя в делании должнаго: чему и программа примерная представляется. — 3) Побуждения: красота и сладость добродетели, и

пагубность греха. — 4) От чего успеха не бывает? От неискренности желания. [4, 108].

1) Добродетель есть дело приснодвижное, никогда не останавливающееся в своем поступании в предняя, но всегда причастников своих влекущее к совершеннейшему. Показывая сие, Апостол говорит: не зане уже достигох, или уже совершихся: гоню же аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса; — и далее: задняя забывая, в предняя же простираяся, к намеренному теку, к почести вышняго звания Божия о Христе, Иисусе (Фил. 3, 12 — 14). Так что никакой остановки в доброделании не должно быть: ибо остановка здесь есть начало уклонения на зло. Не будем же и мы стоять на пути добродетели, но всегда будем благодвижны и, как всегда новые, восходить от силы в силу, дондеже достигнем вси в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13).

2) Будет же сие как? Если каждый день будем проводить в ревностном длании должнаго. Положим для примера так: возстав от сна, поспешим на молитву; оттуда пришедши, возьмемся усердно за дело, — воспевая и поя в сердцах наших Господеви, и вместе работая руками. Прошел день? С благодарением и сокрушением отойдем ко сну; да таким преемством дел исполнится и в нас сказанное святым Давидом: день дни отрыгает глагол, и ночь нощи возвещает разум (Пс. 18, 3). Да не пройдут у нас ни день в равнодушии к делам и в пленениях мысленных и сердечных, — ни ночь в поблажках покою плоти и в срамностях, — не говорю — делом: да не будет! — но ниже мысленно: так как слово истины требует, чтоб у нас не тело только было чисто, но и душа.

3) Если желаем что вожделеть, то что вожделенные добродетели, коей вкушение сладостно и ненасытимо? Если любим услаждаться красотою, то что достолюбезнее Господа, Коего красотою красуется все? Злая же похотения, делая душу неистовою, скупают ее жесточае всякаго зверя: так что от них не удовольствие, а жизнь мучительная. Плоть и кровь, говорит Апостол, царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует (1 Кор. 15, 50). И скажи мне, кого пленив грех не посрамил, не уничижил и смерти не предал? И кого объяв, добродетель не возвысила и не явила дивным в мир? Возми из многих двоих, — Амнона и Иосифа. Того не довел ли блуд до смертнаго посрамления, а этого сохранение целомудрия пред Египтянкою не сделало ли царем? — Так добродетель достолюбезна, так вожделенна, так спасительна! А грех мерзок, отвратителен и пагубен! И однакожь мы люди великим заблуждением заблуждаемся, вместо жизни избирая смерть, вместо света приемля тму, и вместо нетления возлюбляя тление. Что может быть более сего достойно сожаления.

4) От чего же желая быть любителями добра, не можем мы быть таковыми? — От того, что желаем сего не истинным желанием, а притворным: так как будучи самовластны, мы всячески чего желаем, то и избираем; след. еслиб истинно желали добра, добро бы и избирали. — То правда, что нехорошая от юности жизнь наделяет нас страстными навыками не отторжимыми; но что говорит Апостол? — Человеческо глаголю, за немощь плоти ваша, якоже представисте уды ваша рабы нечистот и беззаконию в беззаконие: тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню (Рим. 6, 19). Т. е. в противовес склонности к греху мы должны показать рвение к добродетели. Пребудем же еще и еще толкая, и всеконечно отверзет нам дверь всеблагий Бог, творя в нас благоугодное пред Ним, и подая нам жизнь вечную.

311.

1) Скончался некто с похвалами: дается урок подражать ему. — 2) Внушается памятованием о последних возгревать ревность, как делали все святые. — 3) Ублажается поступающий так, и

прилагается: будем и мы таковы. [4, 109].

1) Теперь мы совершенно удостоверились, что брат наш Феосост скончался; и надобно о нем немного нечто сказать, потому что он был муж из благоискусных, которого похвала у многих, и монахов и мирян, который и сам слушался, и себя заставлял слушать, и искусившись тем, что пострадал, мог, говоря апостольски, и искушаемым помощи. Чрез это стяжав себе многих чад по Богу добрых, подвергся потом за истину скорбям и теснотам, гонениям в искушениям, немалым и нелегким, в коих скончавшись, отошел ко Господу. — Но для чего я все сие говорю? — Для того, чтоб на сем брате нашем мы узрели и свое будущее, т. е. что если хорошо и преподобно проживем, то подобно ему похвалены будем по смерти другими, предлежа возбуждителями доброй ревности для последующих; если же не хорошо будем жить, то не только не будем похвалены, но еще праведно подвергнемся муке нескончаемой: о чем страшно подумать, а не только говорить.

2) Ты же мне вот на что посмотри, — как мы один за другим переходим отсюда, и куда отходим, и что за жизнь устрояется для нас здесь на немногие дни, — чтоб пожить лишь сколько потребно для испытания и пробы добродетели, и потом перейти туда, где пребудем навсегда. Обдумывать сие есть дело благоразумных; и кто обдумывает, тот страшится и трепещет всегда, каждодневно умирая произволением, каждодневно ожидая разрешения от тела своего, и тем возбуждая в себе рвение на предлежащая дела, по вверенному ему послушанию, и труды к трудам прилагая непрестанно. Ибо откуда паче естественные подвиги святых? Откуда послушливость их до самой смерти? — Откуда непобедимое терпение мучеников, при сечении членов, при излиянии крови? — Не отсюда ли, — не от помышления ли о скоротечности жизни и внезапной смерти, — о предстании пред страшное судилище и о нескончаемости вечных мук? — Отсюда у них все; отсюда претерпение жесточайших страданий как бы в чужом теле.

3) И блаженна душа, помышляющая о сем день и ночь, проводящая временную жизнь, как странница, пришельствующая здесь и чающая блаженной оной и нескончаемой жизни, о коей говорит Апостол: чаяние твари откровения сынов Божиих чает. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании, яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих (Рим. 8, 19 — 21). Видишь, что обещается? Что все претворится в нетление и тварь из рабства преложится в свободу? — Каков убо будет день оный, о коем говорит святой Давид: лучше день един во дворех Твоих паче тысящ (Пс. 83, 11); и св. Петр апостол: день един... яко тысяча лет (2 Петр. 3, 8).

Туда будем и мы простирать ум свой и сердце, — туда переведем вожделение наше, туда преселим помышления наши и желания, чтоб, занимаясь такими предметами, укрыться нам от князя века сего, имеющего власть искушать нас, но бессильнаго низложить нас, когда мы ограждены оружием подвижничества нашего, — котораго не только избегнуть, но и победить желаю вам я смиренный, и получить венец правды от Христа Иисуса Господа нашего.

312.

1) Радоваться могут только одни истинные монахи, по причине безпопечения о житейском, и попечения об одном угождении Богу, и за хранение девства. — 2) Им и печалиться не о чем: грехи прощены; уязвления от помыслов и страстей пресекаются борьбою, готовящею венцы, надо только доблестно бороться и поражать врага. — 3) Воодушевимся; скоро — грядый придет. [4, 110].

1) Апостол заповедует всем всегда радоваться о Господе (Фил. 4, 4). Радуются же, обычно, одни

истинные монахи, которые не пекутся ни о жене, ни о детях, ни о рабах, ни о деньгах, ни об имуществе и ни о чем другом, с чем пекутся плотолюбцы. Одно у них попечение, как угодить Господу; об этом же пецишь и есть радоваться всегда о Господе. Ибо где брак, рабы и все, раждающияся отсюда хлопоты, — сие крушение духа, которое дал Бог сынам человеческим, чтоб крушиться в нем, по сказанному от Соломона (Еккл. гл. 1 — 2): там неудобно радоваться о Господе, когда сказанныя выше вещи отвлекают ум от преподобной памяти о Боге, при коей только и возможно радоваться. Состоя убо в части радующихся о Господе, будем радоваться и сорадоваться всегда друг другу, чая за девство и нестяжание наше воздаяния от мздовоздаятеля Бога, обещавшаго дать награду даже за чашу холодной воды, а не только за такие великия и преестественныя деяния. Ибо воистину велико и преестественно есть дело девства: оно соприкасается с Ангельским жительством и вводит человека в первоначальное состояние, имевшее место в раю, когда ни брака не было, ни рабства, но жизнь некая текла безнуждная и безпечальная.

2) Если скажет кто, что он не радуется, а печалится; то прошу сказать, от чего эта печаль? — Что прежде наделал много грехов? — Но те уже прощены ради исповедания, отречения от мира, и приятия ига послушания. — Что каждодневно уязвляем бываешь помыслами? — Но если ты их отриваешь, то в этом предуказание увенчания твоего. Ибо никогда не венчают не вступавшаго в брань, но воителя, и не награждают дарами не боровшагося, но того, кто доблестно состязался и взял верх. Видите ли, что на что могли бы мы указать, как на причину печали, там для нас источник радости? Будем же радоваться радостью духовною, возставая и противостоя доблестнейше козням диавола, молитвами и молениями отражая прилоги его, смирением и послушанием расторгая сети его, слезами и сокрушением потопляя его, как фараона, самообличением и исповеданием отгоняя его далеко от себя, и всеми другими добрыми деланиями низлагая его с помощью Божиею. Таким образом, пусть разнообразен он в своих кознях; пусть многоискусен в злобе; пусть знает время, когда удобне напасть на нас, ища умертвить нас; пусть умеет притворяться побежденным, чтоб, потом нечаянно напав на душу, не приготовленную к тому, сделать с нею, что хочет. Но мы, стоя на страже своей, будем трезвиться и бодрствовать, держа неусыпающим око ума и сердце горящим любовью к Богу, и пребывая вследствие того непреодолимыми и непреложными.

3) Ей, прошу, не будем малодушествовать в брани, ни ослабевать в борьбе со врагом; близко конец борений и подвигов; еще мало елико—елико Грядый приидет и не закоснит, или в час кончины каждого, или при скончании века, когда откроется Он с небес с Ангелами силы во огни пламенне, и в славе неизреченной, и узрит Его всякое око, и те, иже Его прободоша, и плачь сотворят о Нем вся колена земная (Апок. 1, 7). Коль страшно и неописанно зрелище оное! — Тогда возрадуются подвигом добрым подвизавшиеся, пребывшие твердыми в искушениях, любителями преподобия, делатели послушания совершенные и все, во всем благоугодившие Господу. Но буди и нам сопричислиться к ним, и вместе с ними насладиться вечных благ о Христе Иисусе, Господе нашем.

313.

1) Изменчива жизнь земная, сделавшись такою от перваго преслушания. — 2) Мы, отрекаясь от мира, и обрекая себя на послушание, избавляемся от такой изменчивости: но для сего требуется доблестное стояние в подвигах. — 3) Будем же трезвиться и бодрствовать, храня себя в чистот; а если погрешим, будем каяться и исправляться. [4, III].

1) Послушаем, что говорит Апостол: сие глаголю яко время сокращено есть прочее, да имущии

жены, якоже не имущии будут и плачущиися, якоже не плачущии: и радующиися, якоже не радующа: и купующии, яко не содержаще: и требующии мира сего, яко не требующа. Преходит бо образ мира сего (1 Кор. 7, 29 — 31). Что значит: преходит образ мира сего? То есть проходит, пробегает, и на один день не имея постояния: но вчера ясно, ныне пасмурно; вчера хорошая погода, ныне невзгода; один поднимается на высоту, а другой падает с высоты своего достоинства; тот из богатого делается бедным, а этот из бедного богатым; и безчисленным изменениям и преложениям подвергается бедная жизнь наша, никогда не имея твердаго стояния ни в чем. — От чего же так случилось? От древняго безсоветия нашего: поелику мы ни во что вменили данную нам в раю Святую заповедь, быв окражены сладкою лестию змия, то праведно преданы многострадальной и изменчивой жизни сей, — по причине коей состоялось и воплощенное домостроительство Господа нашего Иисуса Христа, возводящее нас в первобытное состояние и возставляющее безскорбное и беспечальное оное жительство. Почему мудрое и разумное дело есть среди непостоянностей быть постоянным, и среди превратностей пребывать непревратным. Кому же именно это свойственно? — Никому, как там, кои распялись миру и пошли вслед Господа.

2) Но таковы мы, благодатию Христовою, добрым отречением от мира отрекшиися и прекрасному послушанию себя предавшие, чрез которое совершается в нас восхождение в древнее состояние. Ибо, так как мы за непослушание и непокорность изгнаны из рая, то всеблагий наш Бог благоволил, чтоб мы чрез послушание и благопокорливость опять возвращали его себе. Будем же радоваться, что состоим в послушании, потому что оно вводит нас в вечную жизнь. Но при сем требуются постоянство в подвигах и терпение в скорбях. Ибо если плотская победа достается многими трудами и потами; то тем более протещи победоносно поприще такой жизни, как наша, никому нельзя кроме лиц мужественных и доблестных.

3) Будем же, прошу, стоять мужественно, непрестанно трезвенствуя, бодрствуя, к Богу единому устремляя вожделение наше и созерцанием Его постоянно занимая ум свой, будучи слезами и сокрушением омываемы, молитвами и молениями просвящаемы, и ими привлекая благодать Святаго Духа. Ибо ничем так не услаждается Бог, как душою чистою от страстей; и ни один многоцветный луг не издает такого благоухания, как душа, благоухающая добродетелями. Если же случится нам когда воздремать, пробудимся поскорее; пусть семь раз в день придется нам согрешить, но семь раз покаемся, — и будем приняты; пусть семьдесят крат седмерицею сие постраждем, но столько же раз покаемся, и не будем лишены надежды помилования, по Божественному обетованию: только пребудем, прошу, постоянны и не поленимся возставлять себя от падений. Уже близок конец подвигов, уже близки радость и веселие, и венцы правды, — коих да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

314.

Брат почил внезапно: отсюда воодушевленное увещание быть готовыми к исходу, и всегда помышляя о нем пребывать в делах Богоугодных. [4, 112].

Приидите, спасительный завет положим относительно последнего дня, приидите, примиримся с Богом прежде, чем наступит неотложный час смерти: ибо говорится: несть в смерти поминаяй Тебе, во ад же кто исповестся Тебе? (Пс. 6, 6). Не видим разве, как каждый день похищаются братия наши? Не видим, что мы, как овцы, обреченныя на заклание, ныне живем, а завтра нет нас? Се взят и брат Ливерий, почитие котораго сокрушило смиренную душу мою: ибо, как говорят, его нашли в кедллии

внезапно умершим, лежащим на боку, подобно спящему. — Таков его конец! — Каков же будет наш, не знаем, и какою смертью мы умрем, не ведаем: внезапно ли придет, или с каким либо предуведением? на суше или на море? — Когда будем мы одни, или окружены братьями? Кто уразумеет ум Господень, и кто советник Ему бысть, чтобы знать, день и час, место и образ кончины нашей? — Страшно воистину определение смерти, и страшно впасть в руки Бога живаго. Посему прошу, будем всегда в подвиге, всегда во внимании, всегда в делах по Богу. Тот-то, говорят, получил большой чин, другой разбогател, другой еще некто царем стал. — И что все это? — Все, как сон, проходит, — Уснуша сном своими, и ничтоже обретоша вси мужие богатства в руках своих (Пс. 74, 6). Всяка слава человека, яко цвет травный (Ис. 40, 6). Избранники же Божии прекрасную совершили куплю, — и получили чины неотемлемые. И какие? — Одни Апостольский, другие — Пророческий, те мученический, эти преподобнический, иные хотя низший сих, но все же спасительный. Имена их в книге живота, неувядаема слава, неизглаголанна радость. Им будем подражать и мы, и всеконечно получим какой либо из сих чинов: ибо независтна благодать, и всякому желающему предлежит свой дар благий, малому и великому, мудрому и немудрому, старцу и юноше. Если же не будем подражать, то не впустит нас в небесный брачный чертог Домовладыка, и затворит пред нами двери его. Горе, говорит Господь, человеку тому, имже Сын Человеческий предается: добро бы, было ему, аще не быродился человек той (Мф. 26, 24). Для всякаго ясно, что слово сие относится к предателю; но его справедливо можно отнести и ко всякому предающему собственное спасение свое. Не думаем о явлении великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа? Не помышляем о страшном решении, какое изречет неподкупный Судия против всех, стоящих ошуюю? Не представляем огня неугасимаго и мук вечных невообразимых? Кто уразумеет сие? Кто разумный есть кормчий, который добре управит себя и спасет душу свою от потопления духами злобы? Мы же, поелику по благодати Христовой избрали тихую и безмятежную жизнь, то еще и еще будем добре совершать плавание свое, еще и еще благодушно переносить все встречаемое, страхом Божиим ограждая каждый член. Да запретится оку любопытно смотреть; ухо да не принимает суетнаго слышания; языку да не позволитися осуждать: ибо оклеветаяй, говорит брат Божий, брата, или осуждаяй брата своего, оклеветает закон, и осуждает закон (Иак. 4, 11); рука пусть работает, потому что кто не хочет делати, ниже да яст, по присуждению апостольскому (2 Сол. 3, 10); ноги пусть правошествуют путем мира; сердце да не уклоняется в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех (Пс. 140, 4); но все да будет у вас благообразно и по чину (1 Кор. 14, 40), чтоб, добре поживши, сподобиться нам благ вечных.

315.

1) Храня веру, преуспевать надо и в доброй жизни; особенно в целомудрии, против коего паче всего воюет среди нас враг. — 2) Начинает он срамными помыслами; потом разжегши похоть, доводит до дела; а далее делает похотливаго похожим на чесоточнаго. — 3) Как избежать? — Помыслам противясь, обращаясь к молитве при первом их приращении. — 4) Воодушевляйся к противлению мыслию, что, прияв всыновление во благодати, чрез грех сей делаешься рабом диаволу, — и противостой как сей страсти, так и всем. [4, 113].

1) Есть две добродетели, созидающия спасение человека, вера и любовь. Еслиб я видел, что вы погрешаете в чем либо о вере, то о ней и слово повел бы я к вам, стараясь всячески направить вас на православное мудрование. — Ибо без веры невозможно угодити Богу: веровати же подобает

приходящему к Богу, яко есть и взыскающим Его мздовоздаятель бывает (Евр. 11, 6). Поелику же благодатию Христовою, вера ваша здрава, то, оставя веру, поговорю с вами немного о деятельной жизни, коей двигателем должна быть любовь. — Итак прошу вас, как всегда, так и ныне, не нерадеть о подвижничестве, о господстве над помыслами, о многоценном сокровище девства, которое мы по милости Божией любезно восприяли, и против котораго враг наипаче со всем рвением направляет козни свои, ища, чрез похищение его, похитить спасение наше. Ибо ведает, что сею добродетелию мы уподобляемся Богу, как, наоборот, потерю ея прилагаемся к скотам несмысленным, как написано: человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им (Пс. 48, 13).

2) О, скольких от века обольстителъ наш пленил плотскою похотию! Но и доселе не перестает прельщать не только юных, но и старцев, и не только нерадивых, но и тщаливейших, и против всякой почти души пользуется он этим оружием. Начинает он заготовлять яд сей всеванием неуместных помыслов; потом, распаливши сердце похотями плоти и крови, вызывает его сказать что либо из запрещеннаго, затем внушает дерзость коснуться члена; поели же сего наносить смерть: ибо, как говорит Апостол, похоть заченши, раждает грех: грех же содеян раждает смерть (Иак. 1, 15).

Будем же избегать сей смерти, — вечной, — будем избегать сей многобедственной болезни душевной. Мне кажется, что эта болезнь похожа на чесотку. Как чесоточный, когда чешет себя ногтями, кажется, доставляет себе тем удовольствие, на деле же не удовольствие получает, а мучительныя раны, и тем больше, чем больше чешется: так и обладаемый похотною страстию, не удовольствие получает, а муку, не насыщение, а пустоту, не благодушие, а бездушие. Жалости достоин таковой, безнадежный, страшливый, боящийся даже тени, а не только будущаго судилища.

3) Но как же избежать сего зла? Первое дело, — надо всеусильно и неопустительно противостоять прилогам всякий раз, как найдет сия страсть. Что она находит, не дивно; силу же берет она или от невнимания ума, не занятаго благими помышлениями, или от зависти врага. Но как бы сие ни случилось, встань уязвленный поскорее, молись, воздыхай, слезы источай, с решительным отвержением страсти; и страсть скоро утихнет, ты же успокоишься в Господе. Тогда познаешь, что ничто так несладостно для души, как быть не осаждаемою и не поработцаемою страстьми.

4) Не слышал разве, что говорит Господь? Всяк творяй грех, раб есть греха: раб же не пребывает в дому во век; сын пребывает во век (Ин. 8, 34). Освободившись убо от греха и всыновление восприяв, опять ли поработим себя греху? Под крепкую руку Божию став, диаволу ли станем данниками? Да не будет. Аще бо яже разорих, сия паки, созидаю, преступника себе представляю (Гал. 2, 18), говорит негде Апостол. Не попустим же себе быть нарушителями Заветов Божиих, и опять соделаться поработченными диаволу, после того, как получили уже свободу от него, сокровиществуя себе тем гнев, в день гнева и откровения праведнаго суда Божия (Рим. 2, 5). Ибо о таковых написано: червь их не умирает, и огонь не угасает (Мр. 9, 44). Свободою убо, еюже Христос нас свободи, стоять будем (Гал. 5, 1), гнушаясь мерзкими мечташьями змия, каждодневно противостоя и противовоюя не сей только страсти, но и всем другим, подавляя зависть, укрощая лукавство, братоненавидение и всякую другую злобу, чтоб избежать вечных мук и получить Царствие Небесное.

316.

1) Величает монахов, называя их родом избранным, и воинством Христовым. — 2) Во всех гонениях еретических, и прежде и теперъ, кто отстаивает веру? — все монахи. — 3) Но будучи таковы, будем

хранить себя чистыми и держать выше всяких страстей. — 4) Не смущайтесь, что монастыри разоряются; и что мы не успеваем возстановить их столько, сколько требуется. Попечемся веру отстаивать и прочее все приложится нам. [4, 114].

1) Братия и отцы! — Не перестану этим добрым именем братства и отчества именовать вас, зная, что в отношении к вам истинно такое именованье, и неложно такое прозвание. Ибо истинные суть отцы и братия те, кои паче родителей, паче братьев, паче рода своего, паче родины своей, паче всего видимаго возлюбив Бога, восприяли жизнь обществом, в коем одно сердце и одна душа, один Отец — Бог, и одно отечество — Иерусалим небесный. Таковы и вы, братия мои возлюбленные о Господе. Назову вас и словом Писания: род избран, царское священство, язык свят, люди обновления, яко да добродетели возвестите из тмы вас призвавшаго в чудный свой свет (1 Петр. 2, 9). Ибо воистину чудный свет есть монашеское житие, в которое мы призваны и в котором возвещаем хвалы Покрывающаго добродетелию Своею небеса. Здесь водворяются мудрость, целомудрие, мужество и правда; здесь — трофеи победы над лукавым о Христе Иисусе. Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем: оружия бо воинства нашего не плотская, но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе, и всяко возношение, взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово (2 Кор. 10, 3 — 5).

2) Если взять во внимание видимых врагов, то увидим, сколько и какія поднимались гонения на Церковь Божию! — И кому приходилось наиболее быть гонимыми, биемыми и убиваемыми, если не тем, кои распялись миру? Миную давно прошедшее; в настоящем роде, и в продолжении тепер действующей ереси, кто стоял до крови против греха подвизающагося? (Евр. 12, 4). Не блаженные ли отцы и братия наши, как нашей обители, так и других? И воистину такая дела и подвиги суть принадлежность преимущественно монахов; монахи суть нервы и опоры Церкви. Вот каково и колико достоинство, дарованное нам благостию Божиею.

3) Но поелику где сокровища, там присядят и тати, — сокровища же души суть добродетели, то напоминаю и прошу, будем трезвиться и бодрствовать, чтоб ни сластию греховною не увлечься, ни гневом не озвериться, ни неверием не омрачиться, ни в неисповедании не ожесточиться, ни другой какой страсти владычеству не поддаться; но держа себя выше бедственных страстей, будем усердно простираться в предняя, пока достигнем конца жизни.

4) Опечаливает, может быть, кого слух, что наши монастыри разоряются врагами Господа. Но об этом что печалиться? Ибо монастырь и храм Божий мы есмы, к коим и сказано: аще кто храм Божий растлит, растлит сего Бог (1 Кор. 3, 17). То, что и эти храмы часто были разрушаемы гонителями нашими, достойно сожаления и печали; но они большею частию опять были возстановляемы Промыслом Божиим. Может быть, смущает кого то, что мы не успеваем возстановить и обновить монастырей столько, сколько требуется по числу потерпевших гонение. Но как гонение теперешнее веру разстроивает; то весь подвиг у нас должен быть на то обращен, чтоб ее отстаивать и возставлять в силе, — и пока это не сделано, но все еще хулится имя Бога нашего и святые отцы предаются анафеме, какая польза возстановлять их? — Кто когда, на ристалищных состязаниях, пробегши половину поприща, получал победную награду? — Ибо говорится: никто не вченчается, если не законно подвизаться будет (2 Тим. 2, 5). Почему, оставив такая помышления, будем твердо держаться исповедания веры и сердцем и словом, веря неложному обетованию: ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 33). Чего и буди нам сподобиться

благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

317.

Один брат умер, другой при смерти. Мы же разве бессмертны? — Будем же помнить час сей. Где память о смерти, там все святое; а где нет ея, там одни страсти. — Но довлеет нам похотствовать. Се ныне время, не отлагай до завтра; ныне кайся. Стань и молись на страсти, как Моисей на Амалика. [4, 115].

Се, двое из братьев наших, Иаков и Вассиан, — один уже отошел ко Господу, другой — при самых стоит дверех смерти. — Мы же с вами бессмертны ли? — Не туже ли чашу испием и мы, какую испили прежде нас отшедшие?

Блажен, кто этим делом занимает душу свою, память о смерти поставляя душею жизни своей. Ибо где память о смерти, там покаянные чувства, сокрушение, слезы, охлаждение ко всему земному, услаждение небесным, просвещение, воздержание лучшаго и пренебеснаго. Где всего такого нет, там возникают злые помыслы, которые Господь осудил в Евангелии (Мф. 15, 19), коими уловляются и пленяются животолюбивые.

Нам же всегда и при всем надо помнить о смерти, и всячески пещись о том, чтоб не ктому не уместным похотям, но воли Божией прочее во плоти жити время. Довлеет бо нам, что мимошедшее время жизни нашей творили волю плоти и помышлений (1 Петр. 4, 2. 3); довлеет нам прельщаться прелестию устрояемою диаволом, отклоняющим нас от добрых расположений и начинаний, и мятущим помышлениями злыми, от которых мы никогда никакой не получали пользы, а одни неприятности и унижения.

Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2 Кор. 6, 2). Днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, вопиет Дух Святыи (Евр. 3, 7). Поелику видел он поползновенность на грех нашего естества, даже и на один день не имеющаго постоянна, то человеколюбно днесь и сегодня определил на покаяние, чтоб никто не имел предлога уклоняться от него; но чтоб всякий, — много ли кто нагрешил или мало, издавна ли грешит, или только начинает, — слыша сие спасительное воззвание, со всем усердием каждодневно обновлял и очищал себя покаянием.

Смотри, какво человеколюбие благаго Бога нашего, дающаго нам скорое и легкое уврачевание греха. Вылечиваются и телесныя получающие раны, но для этого требуется большее или меньшее время лечения, чтобы они потом могли опять стать в ряды против врагов. У нас же как только получена рана, тотчас и уврачеваться можно, если хотим не медля опять обратиться на врагов своих. Не пропустим же каждодневно каяться и обновляться духом и не допустим, чтоб случившееся падение, умом ли, словом, или делом, стало поводом к разслаблению и вознерадению, но сколько бы раз ни были мы поражаемы, столько же будем возставать, и, боясь суда Божия, со всею силою опять вооружаться против страстей.

Моисей, раб Божий, когда, молясь на горе, держал простертыми к небу руки, тогда Амалик был одолеваем; а когда опускал их, тогда он брал силу. Таким же образом и у нас, когда ум, теснимый страстьми, взыдет на гору молитвы и, как руки, простерет помышления свои к Богу, тогда поражает невидимаго амалика; а когда не сделает этого, сам одолеваем бывает. — Видишь теперь, что следует нам деать? Ни что другое, как в час нападения врагов, ум и руки воздавать к могущему спасти от смерти Богу. Этим одним враги обращены будут в бегство, а мы стяжем венец победы и царствие небесное наследуем.

318.

1) При слухе о готовящихся новых притеснениях за веру, выражает воодушевленную готовность все перетерпеть. — 2) Затем переходит к внутренней брани, и приглашает, облекшись в оружия правды доблестно бороться, воодушевляясь готовою свыше помощью. [4, 116].

1) Думаю, что опять ждут нас искушения и скорби. Но, говоря словами Апостола, кои уместно припомнить при сем, — ни единого попечение творю, ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия (Деян. 20, 24). Так и мы будем, по данной нам мере веры, мудрствовать и говорить, радуясь мучениям за Христа, и благоволя паче страдать за Него, а не отказываться подъять опять гонения, потому что уже много раз гонимы были. Слыша, что многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие (Деян. 14, 22), возжелаем более и более страдать, более и более терпеть, да благонадежнее сподобимся получить блаженный оный вход. Может быть, по милости Божией, и ничего не случится с нами нежелательнаго; но хорошо прежде страдания расположиться подъять свойственное страданию, чтоб, когда оно придет, встретить его достоподобно. Ибо душа не предуготовившаяся удобоодолима, если она не настроившись добре, вдруг ввергнется в борения.

2) Но что я говорю о борениях, как о случайном чем? У нас каждодневное берение, каждодневная война, не видимая, но невидимая, не телу, но душе раны наносящая и ее погубить ищущая. Почему препоясав чресла помышлений наших, и как воины Христовы, облекшись в оружия правды, будем воевать усердно и недремленно. Ибо никто, спя, не заслуживает трофеев и, лежа на боку, не собирает богатой жатвы; но в том и другом требуется большой труд и пот. Если же в этом так; не тем ли паче неизбежно сие в нашей брани, в коей стрелы, как стрелы молнийныя, налетают, отсюда злая похоть осаждает, оттуда мания к славе, отынуды зависть, с иной еще стороны хула? Много и других козней у диавола, всячески покушающагося поколебать душу и ищущаго как бы поглотить ее; так что всякому в изумлении пристойно взывать: аще не Господь помог бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя (Пс. 93, 17). Но во всех сих препобеждаем за возлюблшаго ны (Рим. 8, 37); и Давидски говоря: о Бозе сотворим силу: и той уничижит враги наша (Пс. 107, 14). Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино, и средостенге ограды разоривый: вражду плотию своею (Еф. 2, 14); т. е. победивший и поправший диавола, и нам подающий силу побеждать его с обетованием за то жизни вечной, которую буди всем нам получить во Христе Иисусе, Господе нашем.

319.

1) В Вифинии явились два леопарда, и похищают людей. Это дает мне повод напомнить вам о невидимых зверях, всюду рыщущих, чтоб поглощать нас. — 2) Что же нам делать? В крове Бога водворяться, и укрываться внутри держа чувства. — 3) Вот похищен Мемнон, коего оплакиваю, как мертвого. От чего это случилось? От того, что жил сам по себе, особясь от всех: против чего не перестану вопиять. — 4) Укоряет братий, что вынесли наружу, что говорил он не задолго пред тем (вероятно об ереси и гонениях). [4, 117].

1) Желанием желаю всегда преподать вам слово утешения и назидания, и пользуясь для сего всяким случаем. И ныне, слыша, что в Вифинии случилось нечто необыкновенное, отсюда возьму предмет слова для вас. Что же такое случилось? Говорят, что там не один, но два и три леопарда появились внезапно, и похищают не волов, не овец и не других животных, но одних людей: так что жители тамошние, великим пораженные страхом запираются в домах на всю ночь до самага разсвета. Такое

бедствие явное есть доказательство гнева Божия. — Но я скажу вам, почему особенно заняла меня весть сия. Потому что и у нас есть много зверей, зверей лютых, — разумею, — духов злобы: злой зверь — гнев; злой зверь — похоть; злой зверь — зависть; злой зверь — тщеславие; злые звери — и все другия страсти, кои не ночью только, но и днем дерзко нападают, устремляясь похитить душу в пищу себе. Почему блаженный Апостол Петр повелевает: трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, якоже лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8); и святой Давид молится: да не когда похитит яко лев душу мою, не сущу избавляющую, ниже спасающую (Пс. 7, 3).

2) Что же нам делать при этом? — Что другое, как в крове Бога небеснаго водворяться (Пс. 90, 1), и держать себя внутри, не развлекаясь блужданиями чувств. Ибо когда глаз носится туда и сюда, ухо принимает тлетворные слухи, уста произносят неподобныя слова, и ум вдается в неуместныя помышления, — тогда душа блуждает будто по пустынным местам, и легко делается добычею зверей.

3) Сие ныне пострадал и бедный Мемнон, звероуловлен быв диаволом, коего не одежду окровавленную зрю я, как древле Патриарх Иаков одежду Иосифа сына своего, но самую душу его, мечем греха умерщвленную. Ибо грех есть мать смерти; грех праотца нашего Адама, безсмертнаго по благодати, соделал смертным; грех общую на мир навел погибель водою; грех попалил Содом и Гоморру и грады окрест их; грех и ныне всякаго, зачинающаго его, предает вечной смерти. Да бежим же от него, как от огня: ибо лучше попасть в огонь, под удары меча, в зубы зверей, нежели в руки пагубных страстей. — От чего же пал поименованный бедный брат наш? — Не от чего другаго, как от того, что отособлялся от всех? — Ибо не ложно слово истины, изрекающее горе таковому, потому что егда падет он, то не будет втораго воздвигнути его (Екклис. 4, 10); чего страшась, я смиренный непреставал твердить и ему, как другим, и теперь твержу, никто не оставайся один с собою, никто не люби прохаживаться один, никто не блуждай туда и сюда без дела, никто не будь один на один с женщинами, от чего как огонь загорается худое любление. Сын послушания внимает сему, повинуется, и спасается о Господе; сын же непокоривый, живой уловляется от диавола и предается смерти. В крови сего беднаго, хотя и неповинным себя представляю я, потому что немолчал, но предсказывал грядущий на него меч; однако плачу и рыдаю, как о собственном своем члене.

4) Но, возлюбленные, имею нечто укорительное сказать и вам. Что такое? — В Дяниях Святых Апостол написано: бысть, яко трем часом минувшим, послѣ того как умер и погребен был Анания, и жена его, Сапфира, неведущи бывшаго вниде (— 5, 7). Не узнала, — хотя дело то происходило явно, и народу при том было много; потому что там во всем царствовало благочиние и страх Божий, и все держали осмотрительную осторожность. А у нас здесь, за несколько дней прежде, я сказал нечто по секрету; и тотчас слово сие разнеслось отсюда в Константинополь, оттуда в Бруссу. И тесно мне отобоюду, и когда говорю, и когда не говорю: когда говорю, потому что выносы бывают того, что не должно быть выносимо наружу; а когда не говорю, тогда не знаю, как лучше поступить, не пользуясь советами других. И за чем это мы так не воздержны на язык? Зачем прежде времени сами себя ввергаем в беды? Не знак это искренних учеников, а скорее лиц враждебных. И прошу вас, перестаньте подвергать себя такому сраму; но отседе да будет у нас обуздание языка, благочиние, страх Божий и во всем порядок, да по воле Божией поживши и всячески Ему угодивши, соделаемся наследниками вечных благ.

1) Житейские своими делами занимаются; а мы — своим, которое выше всех. — 2) Будем же верны своему чину, борясь со всем противоположным ему. — 3) Для сего делай всякий свое дело, и в свое время. [4, 118].

1) Иные иными повествованиями услаждаются и хвалятся: военные—о воинских делах, пловцы — о морских, земледельцы — о землеобработных, другими занимающиеся мастерствами и искусствами — о том, что относится к ним, и обще сказать, нет никого, — кто бы не услаждался делами своего звания. Нам же радостны сказания не о таких вещах: ибо наше все не плотяно, но относится ко спасению души, к угождению Богу, к преставлению отсели, к водворению там; и, как говорит Апостол, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала (Филип. 4, 8), вот предметы для наших бесед, равно как для забот и попечений. И может ли быть что радостнее сего и блаженнее. — Это может всякий видеть из того, каков конец тех и других вещей; тех вещей как начало, так и конец не заходит за пределы века сего; а наших и начало из другого, высшего мира, и конец за пределами его, безконечный и вечный. Ибо существо их есть добродетель, которая творящих ее соделывает богами: ибо истинен рекший: Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси (Пс. 81, 6). О, какой великой милости сподобились мы! — Возрадуемся же Господеви, воскликнем Богу, Спасителю нашему: предварим лице Его во исповедании и во псалмех воскликнем Ему (Пс. 94, 1. 2); яко избрал есть нас от начала во спасение во святыню Духа и веры истины, в неже и призва нас, чрез приятие схимы нашей, в получение славы Господа нашего Иисуса Христа (2 Сол. 2, 13. 14).

2) Будем же стоять в вере неуклонно, восприимем послушание неложное, сохраним целомудрие ненарушимым. Один у нас предмет возлюбления — Жених Христос, красный добротою паче сынов человеческих, — одно наследие — царство небесное, блага вышняго Иерусалима. Плоть и кровь, богатство и слава и вся суетность, далеко да отступят от нас. — Впрочем пока мы во плоти, нам присуща брань: ибо не было бы и добродетели, елиб не было брани. Если случится нам быть плененными чуждыми помыслами, поскорее воззовем себя к трезвению, паче всего боясь греха делом, как яда смертоносного, и шага, далеко отреваващаго нас от Бога. Помыслы будем отражать помыслами, и против вожделений приведем вожделения. И это без лености и послабления, Цель у демона борющаго — неотступностию брани ввергнуть нас в уныние и расслабление, чтоб мы отказались от противостояния ему. Но если мы пребудем непреклонны в противоборстве диаволу, противостоя ему, чтобы не приходилось терпеть от того, то несомненно одержим над ним победу, и получим победный венец уготованный нам на небесах. Ибо брат Божий говорит: блажен человек, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его (Иак. 1, 12).

3) Итак радуйтесь о Господе. — Вы, несущие разныя послушания, знаете, что в них для вас великая награда. Вы, занимающиеся учением, смотрите, не прогневайте тем Бога. Настал час работы? приступим к работе. Настал час учения? возьмемся за урок. Но если брат твой приступает к работе, а ты берешься за урок, то не путем любви шествуешь, но отчуждаешь себя от братства. Или не слышишь, что говорит Апостол: аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки, да не соблазню брата моего? (1 Кор. 8, 13). А ты не только соблазняешь брата своего; но и когда зовут тебя, не являешься, притворяя себе оправдания и не помышляя о том, что, действуя так, собираешь себе, гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия (Рим. 2, 5). Но чтоб этого не случилось,

послушаемся Апостола, который говорит: вся благообразно и по чину да бывают (1 Кор. 14, 40): во первых — дела, а потом и учение. Будем взаимно друг другу помогать, якоже подобает святым, и друг за друга души полагать, как искренние братья, да и Бог прославится в нас, и мы, действуя во славу Его, наследниками соделаемся жизни вечной.

321.

1) Приближается последний час: не будем нерадеть. — 2) Взыщем Бога исполнением заповедей: ибо тогда другой защиты не будет, кроме добродетелей. — 3) Будем же помнить час смертный, и там умерщвлять уды яже на земли: плоть и все плотское тленно; одна добродетель вечно пребывающа. — 4) Указывается признак различия истинных знамений от кажущихся дивностей. [4, 119].

1) Когда несомненно предлежит нам смерть, сия общая всем епитимия, когда с одной стороны есть надежда получить Царствие Небесное, а с другой грозит геенна огненная; уместна ли леность мне говорить, а вам слушать? Никак. Напротив, поэтому самому то и другое надлежит всегда делать; и это тем паче, чем более видим приближающимся день оный. Ибо непрестанно приближается последний день каждого человека, всякий час и всякую минуту, и страшное некое чаяние суда и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя (Евр. 10, 27), как говорит святой Апостол. Не будем же лениться, и не дадим себе ни одного дня истратить без дела и неразумно; но будем всегда трезвиться и бодрствовать.

2) Взыщем Бога, говоря псаломски, и жива будеть душа наша (Пс. 68, 33). как же взыскать Бога? — Соблюдением заповедей Его, по указанию блаженств Евангельских, т. е. смиренномудрием, плачем, кротостию, чистотою сердца, миром и святынею (Евр. 12, 14), до коих когда достигнет взыскавший Бога, обретает Его, — и обретши, без страха бывает во время исхода, не страшится демонов, не смущается от присутствия Ангелов, приступая к ним, как к своим, и с радостию отходя к Владыке своему, доброю спутницею имея благую совесть. Не приготовленный же таким образом впадет в неотвратимыя крайности, не имея к кому обратиться и от кого взыскать помощи. Здесь, скажем к примеру, когда впадет кто в руки людей злых, или в волны моря, или в беду от землетрясения, или в другую какую крайность, не теряет надежды избавиться от того; а там отъята всякая надежда спасения, и никого нет, кто бы избавил и помог, — ни Ангела, ни человека, ни отца, ни матери, ни брата, ни друга, совершенно никого; и бедная душа в потрясающем ужасании и раздирании сердца безутешном отходит отсюда, и там встречает то, действительную истину чего даже образно никакое слово представить не может. Ибо как блага, уготованныя от Бога любящим Его, так и противное тому, уготованное сынам противления, таковы, что ни око того не видало, ни ухо о том не слышало, ни на сердце то не всходило.

3) Почему прошу незабвенную иметь память о смерти, и тою умерщвлять уды яже на земли (Кол. 3, 5), и исторгать любосласие из души. Что нам и в этом плотолюбии, от коего никакой не получаем мы пользы, а одну только болезненную муку? — Взглянем, если угодно, во гробы и испытаем, какое там зловоние. Такова всякая плоть: тлением зачинается, тлением и кончается. И всякая слава человеческая, как цвет травный. Одна только добродетель неразрушима и неотемлема. Возлюбив ее, святые благоугодили Богу, чего ради духи их на небесах во славе, а тела — прибежище нам на земли, в знамениях, чудесах и силах.

4) Как слово мое коснулось знамений, то помяну, что и ныне бывают знамения, как слышим. И не

дивно: ибо благодать Духа как тогда действовала, так и ныне действует неоскудно. Однакожь не следует без разбора верить всему разносиму молвою; ибо написано: не всякому духу веруйте, — но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир (1 Ин. 4, 1). — И многим еретикам, и нарушителям заповедей Божественных, как древле, так и ныне, по видам, кои весть одно Божие промышление, попускалось и попускается творить походя на знамения дивности. Так что не следует таковыми увлекаться, но надлежит испытывать, истинные ли они ученики Господни, по тем признакам, кои предал нам Господь. Какие же это признаки? — Вот: о сем, говорит, разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). Словом же сим наученный, Апостол писал потом: аще языки человеческими глаголю и Ангельскими, любве же не имам, бых яко мед звенящи или кимвал звяцай: и аще имам пророчество, и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имения моя, и аще предами тело мое во еже сжещи е, любве же не имам, никакая ми польза есть (1 Кор. 13, 1 — 3). Видите, какова высота любви? Как царица какая есть она, стоящая выше всех даров Духа, и отпасть никогда не может; знамения же творящие иногда отпадают: ибо Господь говорит в Евангелии: мнози рекут Мне в день он: Господи, Господи! Не в Твое ли имя пророчесвовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отъидите от Мене делающие беззаконие (Мф. 7, 22. 23). Как страшен такой ответ! и как бедственно такое решение! — Устремимся же к стяжанию любви и союзниц ея — веры и надежды, паче дара знамений, да, добре поживши в духе их, признаны будем истинными учениками Господа и наследуем Царство Небесное.

322.

Время бежит, смерть подходит: что всуе мятемся? — Следует обличение любостязания среди монашествующих. [4, 120].

Дни наши как часы проходят, недели как дни, месяцы как недели, годы как месяцы. Так бежит время и с собою гонит всех к последнему дню явления Господа нашего Иисуса Христа, в который будут вся нага и объявлена пред очима Его (Евр. 4, 13), как говорит Слово Божие. Что же человек всуе мятется? Что царь уповаает на злато и войско свое? Что властелин хвалится стяжаниями и пастбищами? Что богач надеется на богатство неверное? Что сластолюбец погрязает в тине греховной? — Надлежит каждодневно плакать и горевать и, сколько сил есть, очищать себя, прежде чем настанет осуждение смерти, чтоб избежать гнева, грядущаго на сынов противления. Сии же, говоря языком Писания, елика не ведят, хулят, елика же по естеству, яко безсловесная животная ведят, в сих растлеваются. Горе им, яко в путь каинов поидоша и в леть валаамовы мзды устремишася, и в пререканги корреове погибоша (Иуд. 10, 1).

Боюсь, как бы слово сие, оуждая тех, не коснулось и вас, мнящихся быти что (Гал. 2, 6). Ибо когда один, заботясь об отцовском наследстве, предпринимает дальняя отлучки, другой, желая увеличить вметаемая, тревожится, производить хлопоты, и большия употребляет усилия, иной, чтоб приобрести то или это, действует любостязательно, не помонашески, то не заслуживают ли они такого же приговора, как и те? И те могут еще представить некое, хотя слабое, оправдание своего поведения, так как на них лежит забота о жене и детях. Вам же, распявшимся миру, и в одном кресте имеющим все свое сокровище, какое остается извинение? Не тяжчайших ли мук достойны вы, действуя таким образом? Ибо написано: сильнии сильне истязаны будут (Прем. 6, 6): и: суд жесточайший

преимущим бывает (Прем. 6, 5); и опять: ему же предаша множайше, множайше истяжут от него (Лк. 12, 48). Сынове человечести, доколе тяжкосердии? вскую любите суету и ищите лжи (Пс. 4, 3), изобретая резоны в защиту своих страстей?

Возрите на древние роды, и видите, кто верова Господеви, и постыдися? Или кто пребысть в страхе Его и оставися? Или кто призва, и презре, и? (Сир. 2, 10). Авраам патриарх не был ли пресельником из своей земли, по повелению Божию? И однакожь он сделался отцем многих народов. Патриарх Иаков не с одним ли жезлом сошел в Месопотамию? — И однакожь возвратился оттуда богатым. Иосиф не на продажу ли отведен был в Египет? И однакожь сделался там равным царю. Илия Пророк, гонимый Иезавелию, не убежал ли даже без суммы? Но однакожь был прокормлен враном. Блаженные Апостолы не вышли ли на проповедь ни с чем и без оружия? Но однакожь покорили всю вселенную?

Сами мы в прежние годы не потерпели—ль гонений и расхищений? Однакожь и в отношении к нам вы должны признать обетования Божии неложными. Откуда же это зло? И что за суетность такая? Видно, забыли мы о бдагодеяниях Божиих, подобно древнему Израилю, и искушаем Бога, как некие из них искушали. Но что о них говорится? — Четырдесят лет негодовах рода того, и рех: присно заблуждают сердцем, тии же не познаша путей моих: яко кляхся во гневе моем, аще внидут в покой мой (Пс. 94, 10. 11). Смотрите как бы и к нам тоже самое не сказано было, за то, что оказываемся неблагодарными благодетелю, не удовольствуясь тем, что есть у нас. От сего ноги наши не находят здесь покоя, и мы блуждаем туда и сюда; от сего у нас суды между собою и споры, как у мирян; от сего мы любим жить в одиночку, а не с братом, а если и с братом, то притворно: ибо как, имея спутницею себе сребролюбие, может кто жить с братом в искреннем единодушии? Ни как. Горе таковым неразумным!

Не о вас говорю сие, братие мои, и не о тех, кои здееь и там живут боголепно; но о тех, кои худо и не по заповеди данной им живут, коих прошу начать наконец право ходить и сделаться лучшими, да никто из нас не погибнет, но все да спасемся неразлучно.

323.

1) Скончался старец высокой жизни. Похвалив его за подвижничество и терпение мук от иконоборцев. — 2) Дает братиям урок — памятию о смерти отклонять себя от всего мирскаго и возбуждать ревность к стяжанию всех добродетелей. — 3) Побуждая к тому добрыми плодами такого действия, и худыми противоположнаго. — 4) Поминает, что брат, который возвратился из Иерусалима, отправлен опять туда, да молится о нас. [4, 121].

1) Хотя много есть полезных сказаний, от коих душа приходит в умиление и сокрушение; но ни одно из них не имеет столько назидания, как весть о смерти. Ибо смерть есть для нас страшное таинство, и когда слышим о ней, и когда помышляем. Так как и ныне скончался честный старец, то необходимо сказать, хотя кратко что либо в общее назидание. — То самое, что он от юношества до глубокой старости работал Господу в монашеском жительстве, достаточно служить старцу похвалою; потом то, что он был один из мужественных исповедников, взят был нечестивым Львом и мучен довольно: тридцатью ударами истерзали спину его и грудь, тычками и заушениями избивали лице его, и выбили два зуба; после сего, спустя несколько лет, выпустили его из темницы и оставили свободным. Он же опять обратился к прежнему своему образу жительства, именно к столпничеству, и заключился в келлию свою, в коей и прожил в большой нужде и тесноте до конца жизни своей, и в мире предал

дух свой Господу. Всуе беззаконвал нечестивый гонитель; доблестный же борец взошел на небеса украшенный венцем исповедничества.

2) Мы же, братие, что сотворим, и что помыслим? Сколько еще проживем времени? — Много ли, или немного? — И кто весть, что породит находящей день? — Но пока примем урок, внушаемый смертью старца. Ибо что видели мы в нем, тоже не много спустя будет и с нами. Ибо никого нет, кто бы переступил за положенный ему предл смерти. Не будем же никогда забывать о смерти, чтоб не восхитила нас смерть вечная. Не станем любить нынешний век, чтоб не вступить во вражду к Богу. Ибо написано: кто хочет друг быти миру, враг Божий бывает (Иак. 4, 4). Или не знаете, что любовь к миру сему не дает душе с вожделием отнестись к исходу из тела? Ибо как Израиль стремился освободиться от рабства Египетскаго и войти в землю обетованную, так и нам надобно усильно желать освободиться от работы тлению в теле сем, и внити во внутреннейшее завесы, идеже предтеча о нас вниде Иисус (Евр. 6, 19. 20), т. е. в сокровищницу благ вышняго Иерусалима. — Возненавидим же суетность мира, стяжем добродетели превожделенно, обогатимся Божественными куплями, — молитвами, слезами, очищением, просвещением, безстрастием, кои суть напутствия в вечную жизнь. О ястии же и питиии, об одежде и всем другом потребном для тела, настолько будем пещись, сколько нужно, чтоб жить и работать по заповедям Божиим.

3) Если так будем проводить время, то у нас всякий день будет праздник, всякий день торжество. И пусть неисчетное множество прискорбностей найдет на нас, ничто не возможет омрачить благой совести нашей. Если же напротив в злобе и зависти, в жестокосердии и всяком лукавстве будем жить, то, увь! — у нас каждодневно будет смерть, и прежде суда суд и осуждение. Потом придет смерть, как лев какой рыкающий; и как стерпит бедная душа вечную бедственность свою? — Ибо написано: время начатии суд от дому Божия: аще же прежде от нас, кая кончина противящимся Божию Евангелию? И аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится? (1 Петр. 4, 17. 18). Будем же, всегда опасливы и бодренны, всегда мужественны и непреложны, избыточествующе в деле Господни всегда, ведяще, яко труд наш несть тощ пред Господом (1 Кор. 15, 58).

4) О брате же Сократе знаете, что он пришел с востока, исполняя послушание свое и извинясь в замедлении. Его мы хотели оставить здесь, вак брата искуснаго. Но поелику написано: блажен кто имеет семя в Сионе и родных в Иерусалиме, то мы разсудили опять возвратить его туда же, чая чрез него милость получить. И радоваться должны мы, что один из нашего братства, во святом Сионе, матери всех церквей поставлен во иереи тамошним святейшим Патриархом. Благий Бог и его, и нас да сохранит, и исполнит всяко благоволение благодсти, и дело веры в силе; яко да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа (2 Сол. 1, 11. 12).

324.

1) При нападении невидимых врагов, прибегнем к Могущему спасти нас; и Он защитит. Только будем постоянны в служении Ему. — 2) Не дивись, что стужают худые помыслы и страсти. Это от падения Адамля. Во Христе Иисусе хотя и обновляемся мы; но при невнимании старое опять поднимает главу. — 3) Впрочем Святые Божии благодатию Божию преодолевали всякия греховныя возстания. Им и будем подражать. [4, 122].

1) Возмогайте во Господе, и в державе крепости Его: облещытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавола (Еф. 6, 10. 11); потому что он не спит, но всегда бодренно стоит

против нас, и тем настойчивее, когда видит души, мужественно подвигающиеся против него. Итак, когда он наступит на нас, — наступает же он и день и ночь, — станем против него бодренно, прибегши к Могущему спасти нас от смерти греховной, с прилежною молитвою и теплыми слезами, и враг скоро убежит. Ибо в псалмах говорится: призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя (Пс. 49, 15). Уранил враг? Но Господь уврачует. Смутил тот? Но рекший морю: молчи, престани... и бысть тишина велия (Лук. 4, 39), утишит и волнующиеся в нас помыслы. — И сколь велика Божия благодетельность! Не успем мы призвать Его, как Он — благий, уже близ есть с милостию и щедротами, — дает молитву молящемуся, рассеивает облако печали, и чрез благие помыслы светом исполняет сердце. — И чего-чего не делает Он для нас?! Впрочем сему иначе и быть нельзя. Ибо если Он Себя самого предал за нас даже до смерти, смерти же крестныя, то как после сего и вся нам не дарствует? Посему пребудем постоянны во вседушном работании Ему, будем скоро возставлять себя от случайных падений, и усердно теши на поприще подвижничества, зная, что в конце подвигов готовы венцы. Будем пользоваться наипаче исповеданием, потому что исповедание есть узда против грехопадений; будем хранить смиренномудрие, потому что им сокрушаются все стрелы лукаваго разжженные; будем блюсти веру, потому что без веры, невозможно угодити Богу (Евр. 11, 6).

2) Дивится, может быть, иной, и изумляется, как мы, не смотря на то, что так усердно подвигаемся, уловляемы бываем неуместными помыслами? — Но это страждем мы по причине преступления во Адаме. Пали мы в нем, и естество наше крайне заболело сластолюбием. Но потом в силу пришествия Христова чрез воплощение, в бане пакибытия и обновления Святаго Духа приемля крепость, паки востекает оно в первобытное состояние. Но поелику, заболев однажды, научилось оно болеть, то при невнимании легко поскользается оно на сласть греховную.

3) Впрочем святые мужи так укрепляли себя страхом Божиим и любовию к Богу, что не только сами для себя были довольны к устоянию в непоколебимости, но и другим подавали руку помощи, — изгоняли бесов и множество других чудес совершали. — Им, хотя мы и далеко отстоим от их жительства, по силе нашей, постараемся подражать; и благий Бог наш примет малое сие наше приношение, как принимает великия тех добрыя дела, и вмеее с ними удостоить нас царствия Своего.

325.

Подобно обычным путешественникам, и нам, странникам на земле, в небесное отечество стремящимся, не должно ни к чему здешнему привязываться, ничем себя не обременять, и стремиться прямо к намеренному, воодушевляясь неописанностию тамошних благ, и ужасами, какие ожидают нас, если не туда попадем. [4, 123].

Обычно путешествующим возбуждать друг друга и поощрять к продолжению пути, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, но царским шествуя путем; и не только это, но и чтоб умеренно есть и пить, и спать, чтобы соразмерностию диеты легчайшими соделать для себя трудности путешествия. — На что наводит этот пример, вы конечно и сами видите, — именно, что и мы — путешественники в этой жизни, совершающие течение ея, исполненное безчисленных затруднений, — что и мы должны друг друга утешать и воодушевлять в подвигах, ступать незаблудно, воздержны быть в пище, питии и сне, чтоб, обременяясь ими, не сделаться ленивейшими к дальнейшему шествию, и не возвратиться к приятностям здешней жизни; так как и обыкновенные путешественники не возвращаются вспять и

не уклоняются туда или сюда, но одного держатся направления, стремясь достигнуть назначенного для отдыха места.

О коль прекрасно место нашего упокоения! И коль блаженно пребывание там! Оно не временно, а вечно, и полно не тленных, а нетленных благ, — где радование, мир, и непрестанный праздник. Господь в Евангелии вот что говорит о сем: в дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам, иду уготovati место вам. И аще пойду и уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к себе; да идеже семь Аз, и вы будете. И аможе Аз иду, весте, и путь весте (Ин. 14, 2 — 4). Видишь, какое неизреченное и недомыслимое обетование! Кто же не возстанет, кто не потечет, кто не возжелает достигнуть вечных оных обителей? — Их возжелав и блаженный Давид воспел: коль возлюбленна селения Твоя, Господи Сил! желает и скончается душа моя во дворы Господни (Пс. 83, 2. 3).

Вот воистину вожделенныя пребывалища. Здесь же мы как в ссылке; и пребывание наше тут не долго. Да и весь нынешний век сравнительно с будущим, как день один. Чтоже нам дружитья с миром? Что дивиться настоящему? Что обращать взор, не говорю, на ту или другую вещь, но на небо, землю и море, на солнце, луну и звезды, и на все другое видимое? ибо что спустя немного оставим, к тому для чего всеу прилепляться? — Едино просхс, говорит Св. Давид, от Господа, то възыщу: еже жити ми в дому Господню вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм Святыи Его (Пс. 26, 4), в который кто сподобился вступить, тот избавился от дня онаго тяжелаго, о коем говорит некто из Пророков: вскую вам сей день Господень? сей бо есть тма, а не свет (Амос. 5, 18). Но и блаженный Апостол назвал его днем гнева, сказав: собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия: иже воздаст коемуждо по делом его (Рим. 2, 5. 6). Чтобы в примере каком от бывающаго у нас представить хотя несколько подобие мучительности дня онаго, вспомним, если хотите, о мужи, не задолго пред сим заходившем сюда, который, поражен будучи демоном, душим был от него, жегомый по всему телу, как вопиял он день и ночь, ни в чем не находя отрады и облегчения. Легко, думаете, такое мучение мужа сего? — Конечно нет. Но оно сон есть сравнительно с будущим. Как же стерпим мы это последнее, — огонь неугасимый, червя неусыпающаго и безчисленное множество других вечных мук? Но по милости Твоей, Господи, молитвами Святыи Твоих и блаженнаго отца нашего, буди нам избавиться от всех их, и получить обтованныя верующим блага.

326.

Где убежище от уловлений вражеских? В удалении от всего грешнаго, от помыслов и влечений порочных. — И будем так делать, воодушевляясь блаженством мира сердечнаго, и пагубностию страстных волнений. [4, 124].

Боясь, как бы не попасть в руки агарян, убежали мы с прежняго места и живем теперь здесь. Но сколь больший должны мы чувствовать страх, как бы не попасть в руки врагов невидимых? И сколь потому дальше, и в сколь безопаснейшее место должны мы бежать от них? В чем же состоит это убежание? — В удалении от греха, которым, как мечем, диавол всячески покушается убить душу. — Будем же избегать его наитщательнейше, и притом даже до помыслов: ибо грех помыслами начинается, потом от помыслов переходить в слова, а от слов в дела. Трудно не быть уловляему неуместными помыслами: и не заметишь, как это случится. — Но как только заметим, что увлечены ими, поспешим поскорее избавиться от них, молитвами, слезами, сердечными болезнованиями,

страхом Божиим порождаемыми; ибо если дадим им замедлить в нас, они могут причинить смерть душе, — и это каждое мгновение. Ибо в нас непрестанно идет война, — негласная; и поражения избежать мы иначе не можем, как неослабным и всегдашним противостоянием греху ума с помощью свыше.

Не видим разве, какая в эти три дня волны бушевали в море? Таково же бывает и волнение страстей; только оно гораздо бедственнее, поколику и кораблекрушение души пагубнее. Но волнения морского виновник Бог, Который на пользу посылает на море ветры во время благопотребное; волнения же душевного виновники мы сами. И лучше нам, как в пристани какой, пребывая в покое, не отворять дверей страстям; ибо как только отворим, возвеют, как ветры бурные, духи злобы, и в нас подымется великое волнение; и не спасись нам, если не посещим утишить сей мятеж. Какая же нужда допускать нам себе приходиться в такой мятеж, подвергаться такому волнению, и в страхе быть, как бы не потерпеть кораблекрушения? — Не лучше ли наслаждаться миром и спокойною тишиною, не навлекая на себя произвольно удобообстоятельной беды? — Не укоряем ли мы в неразумии тех, кои во время волнения морского выходят из пристани и подвергаются опасности быть потопленными от волн? Но несравненно более неразумными должны мы почитать себя, когда ввергаем себя в волнение страстей. Ибо не воздымает ли в нас страшного волнения похоть злая, дхнувши в сердце наше? Не носит ли туда и сюда, будто совсем потопляя и на дно погружая? Не выводит ли таким же образом из себя ума зависть, уязвляя и сердце и тело? Не омрачает ли также души неверие, делая ее вялою и расслабленною? И каждая из прочих страстей не выводит ли человека из естественного ему состояния, и не делает ли его неразумнейшим?

Будем же избегать пагубных страстей, чтоб иначе и о нас не сказалось тоже, что сказал Бог о допотопных: не имать Дух мой пребывать в человецех сих во век, зане суть плоть (Быт. 6, 3).

Плотию же назвал их Бог не потому, что они имели тело плотяное, ибо в сем смысле и Бог — Слово плоть бысть (Ин. 1, 14); но по причине плотского их мудрования, погрязшаго в непотребных похотях и не имеющаго ни силы, ни расположения возноситься к Богу. — Мы же, Богу себя посвятив, по написанному: наше житие на небесех есть (Фил. 3, 20), да услышим паче: сии не суть от мира, якоже и Аз от мира несмы (Ин. 17, 14).

Может ли что быть блаженнее, не только в отношении к будущему веку, но и к настоящему, как быть чужду непотребных похотей, и не плотию управляему быть, а Духом водиму. Это блаженство, это сладость, это бдагобытие, это Ангельское жительство. Кто таков, тот по видимости живет, как и все в мире, по духу же есть достойнее носящих диадиму, есть владыка мира, небесными украшенный отличиями, всегда готовый к исходу и смерти не боящийся.

Будем подвизаться сделаться такими и мы, сколько сил есть: ибо это возможно, если всецело возжелаем. Соделавшись же такими, и здесь всю жизнь будем наслаждаться отрадным расположением духа, какая бы внешняя прискорбности ни пришлось нам встретить; и в будущем веке царствие небесное наследуем со всеми Святыми.

327.

Убеждает к безпрекословному послушанию 1) примерами доказывая, коль благотворно послушание, и как пагубно непослушание; — 2) уподобляя братство телу, в коем каждый член думает свое дело, — и тело от того живет; и наводя отсюда: так делайте и вы, — и благо будет. [4, 125].

1) Боясь осуждения скрывшаго талант свой в землю, коему сказал Господь: лукавый рабе и

ленивый, ... подобаше тебе вдати сребро мое торжнком, и пришед аз взял бых свое с лихвою, я по необходимости говорю краткия вам поучения; вам же следует, как добрым торжникам, приводить говоримое в дело, что вы, благодатию Божиею и делаете, чрез доброе ваше послушание. — Впрочем есть между вами некие, которые не только даннаго не приумножают, но и своего чуть не погубляют. — Кто же бы это такие? — Это те, которые отказываются от послушания, и в извинение того предлагают одно: прости. — Что ты говоришь, брате? Даже до смерти обещал ты послушание, а теперь отказываешься от дела, к которому способен по благодати Божией. Но что ты говоришь: «убоялся переплыть море», это от безверия, там убоялся ты страха, где нет страха (Пс. 13, 5). Ибо еслиб ты верен был послушанию, то не только на судне поплыл бы ты чрез море, но сбросив платье, нагой переплыл бы по воде, подражая приснопамятному оному послушнику, который, на отеческую полагаясь заповедь, не убоялся бурную переплыть реку, и переплывши оказался ничего не пострадавшим, к изумлению видвших. Послушание и зверей укрощает. Доказательством чего служит, по повелению старца своего, связавший геенну. Послушание и в мертвых чудодействует: что подтверждает Акакий, возгласивший из гроба. Но что говорить то и другое? Сам Единородный Сын Божий, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя, совершил домостроительство спасения мира. Таковы дивныя дела и плоды послушания.

Желаешь ли теперь узнать пагубныя следствия непослушания? — Помяни об Адаме, который тем, что ослушался Бога, вкусив от запрещеннаго плода, ввел смерть в мир; помяни о Сауле, который ослушавшись Святаго Самуила, не только царство, но и жизнь потерял на горах Гелвуйских; помяни и об оном человке Божиим, который, обманут будучи лжепророком, впал в преслушание заповеди, и за то предан на снадение льву. А Петр, блаженный Апостол, по благоговению отказавшись от умовения ему ног Господом, не услышал ли: аще не умью тя, не имаша части со Мною? (Ин. 13, 8). Также у св. Евфимия отказавшийся от послушания скотник, по благословным, как ему казалось, причинам, не тотчас ли наследовал демона, пены теща? Таков суд над отказывающимся от даемаго ему послушания, над прекословящим: прекословия бо воздвижет всяк злый послушник: Господь же ангела немилостива послет нань (Притч. 17, 11).

2) Обще сказать, мы мнози едино тело есмы о Христе, а по единому друг другу уди (Рим. 12, 5): один занимает место глаза, другой — уха; тот — носа, а этот — языка; иной — руки, а еще иной — ноги. Если все члены не будут делать каждый свое дело, а начнут спорить требуя — глаз — слышать, ухо — обонять, нос — говорить, язык — осязать, рука — ходить, не разстроится ли и не сгинет ли все тело? Еслижь это так, то каждый свое послушание пусть исполняет, и какое приял от Бога дарование, тем пусть служит на общую пользу, содержа в мысли, что участь наша в руке Божией. Не потому, что плывет кто по морю, там ему и конец, и не потому, что иной остается на суше, там ему смерть; но как благий наш Бог от сложения мира определил каждому время, место и образ смерти, так наступит и конец каждого.

Сие изложил я не столько для тех, о коих речь: ибо я уже принял их покорности ради, — но для всех слышавших, да внемлем себе тщательно, и какие пред Богом и избранными Его Ангелами дали обеты, будем исполнять деятельно, не уклоняясь, если повеленное представляет некую и смертную опасность. Так заповедают отцы, и прежде всех Великий Василий. Так живя, не подпадем смерти греховной, но правдою проживем и Царствия Небеснаго сподобимся.

1) По воплощенному домостроительству смерть христианам радостна, если они готовыми себя имеют к сретению ея — 2) Уготовим же себя, как следует. [4, 126].

1) Занемог я не много в настоящее время: подвиглось сердце мое, и мне казалось, что я отоюду от вас. — Сколько же еще времени придется пожить мне смиренному? Видите, что уж и старость моя подошла, и сверстники мои отошли; и по порядку мне предстоит конец. — Что же? Печалиться ли об этом? Да не будет. Пусть печалятся, если хотят, живущие по плоти, разлучаясь с женами, с детьми, с слугами, имуществом и всеми уладами жизни сей, коими и пленяются. Для нас же, коим мир распялся и коих обстоит один крест, в силу отречения от мира и обречения себя на послушание, не печальным нечим, но радостотворным должно быть таинство успения. И что говорю я — для нас? И для всех христиан обязательно с радостью относиться к исходу своему.

Прежде пришествия во плоти Господа нашего Иисуса Христа, смерть, чрез преступление Адамова царствуя над родом нашим, страшна была и пренеприятна даже святым. После же того, как Христос, живот всех, за всех вкусив смерти (Евр. 2, 9), открыл и обновил нам путь живой и новый завесою т. е. плотию своею (Евр. 10, 20), как написано: пожерта бысть смерть победою (1 Кор. 15, 54), — умирая мы не низводимся уже в царство ада, но возводимся в Царство Небесное, и не бываем полагаемы в темных и сени смертной (Пс. 87, 7), но восходим в свет неприступный и в жизнь непрестающую, которую обетовал Бог любящим Его. Итак, преставление само по себе не таково теперь, чтоб его бегать надлежало, но таково, что его любезно лобызать следует, конечно тогда, когда мы приготовлены к тому в уготовании сердца. — Ибо без этого и теперь страшно, если во время исхода придется воззывать протекшие годы, и взыскивать дней жизни для стяжания добрых дел. Страшно это и всебедственно, потому что захваченный в таком состоянии возмется сердцем и крайне возбедствует, переходя не к наградам за добрые подвиги, а к возмездию за грехи. О, какое страшное встретит он зрелище!

2) Чтоб не пострадать того же и нам, напоминаю и прошу, будем держать себя всегда готовыми к блаженному исходу, всякий день почитая последним днем жизни нашей, как учит нас св. Антоний? Ибо если положим так действовать, то никогда не будем распущенны, нерадивы, ленивы, праздны, прекословны, непокоривы, необузданны, смехотворны; а напротив будем благопокорливы, сдержанны, сокрушенны, благонастроенны, кротки, мирны, искренни, непреткновенны, и на всякое благое дело готовы по подражанию святым, кои так поживши сподобились получить изреченныя в обетованиях небесныя блага. — Все сие изложил я, не вас только, но и себя стараясь утвердить в добре, чтобы, проведши жизнь в таком приготовлении себя к исходу, во время исхода обрестись нам не страхом и трепетом возмущаемыми, но в радости зывать с Давидом: возвратися душе моя в покой твой, яко Господь благодействова тя; и: благоугожду пред Господом во стране живых (Пс. 114, 6. 8). Что улучшить буди всем нам.

329.

Отсечение своей воли самый великий подвиг, Христоподрожательный и Апостольский, хотя ныне не все видят высоту его. [4, 128].

Поучительное слово скорбеть заставляет скудных добродетелию, и вместе научает врачевать немощи свои. Ибо эта самая печаль о недостатке добродетелей незаметно располагает душу пешись о самоисправлении. Печаль бо, яже по Бозе, как говорит Апостол, покаяние нераскаянно во спасение соделовает (2 Кор. 7, 10). Но посмотрим, в чем состоит то, что печалит нас? В том ли, что возстают в

нас помыслы непотребные и, подобно враждебному войску, осаждают душу нашу? — Но написано: аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще возстанет на мя брань, на Него аз уповаю (Пс. 26, 3). Или в том, что тяжело иго послушания? — Но опять написано: благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей (Плач. Иерем. 3, 27); и еще: иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 30). Или в том, что эта жизнь под игом послушания не позволяет иметь ничего собственного? Но вот слово апостольское: се мы оставихом вся, и в след Тебе идохом: что убо будет нам? (Мф. 19, 27). — И им дано обетование, сколько страшное, столько же и преславное. — И мы разве подобно им не оставили всего и не пошли в след Господа? Не оставил ли тот родителей? и этот братьев и сестр? Один — жены и детей, другой домов и полей? И все — того, что больше всего, — своей воли и своих пожеланий, — что есть в человеках дело, самое трудное для исполнения.

Ибо назови мне пост усиленный, иди бдение, или спание на голой земле, или отсутствие бани, или пустынность места, или другое что из наших Божественных радений, — все это бывает и по собственной воле делающего. Бывающее же по собственной воле, хотя само по себе и тяжело, но при своем желании легко исполняется; делаемое же с отсечением своей воли, хотя и легко само по себе, с большим трудом совершается. Каковое действие святые отцы назвали кровеизлиянием; и оно никому другому не свойственно, кроме того, кто есть воистину послушник, и может с Апостолом говорить: живу не ктому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Ибо поколику он несвоей воле живет, потолику, чрез посредство воли игумена, живет Богу, и подражателем является Тому, Кто рек: снисдох с небесе не да творю волю мою, но волю Пославшаго Мя Отца (Ин. 11, 38). Видите ли высоту нашего жительства? Не Христоподражательно ли оно? — Не Апостольско ли? Или я льстя вам говорю так? — Нет; сама истина свидетельствует о неложности моего слова.

Если люди не сплетают похвал кончающимся в этом образе жизни, чрез это нисколько не умаляется слава их; потому что не как человек смотрит, так и Бог. Но ин суд Божий, и ин человеческий; и сколько незнатных для кажущихся знатными в мире сем в день воздаяния окажутся славнейшими всех, как написано: мнози будут перви последнии, и последни первии (Мф. 19, 30). — Итак, радуйтесь и трепещите: то ради дара Божия, а это ради превратности ума, потому что не навсегда пребываем мы одинаковыми. Почему да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел (Евр. 10, 24), не тяготясь отсечением воли своей, — о чем все слово, — и не разлениваясь в исполнении послушаний, но паче воодушевляясь рвением, друг друга поддерживая, друг друга тяготы носяще, как братия, как единокровные, как стелесники. Так подвизаясь изо дня в день и так совершая течение свое, вы, как добре ведаю, несомненно получите неувядаемый венец славы.

330.

1) В духовной невидимой брани, с упованием небоязненное и воодушевленное противоборство врагу всегда одерживает победу: от таковых убегают враги. — 2) В брани еретической не следует вступать в общение с еретиками и поминать их: что я и запретил. [4, 129].

1) Хотя немощен я словом, как и делом; но нужда мне належит утишать вас и возбуждать духовно, сколько сил есть. Ибо если бьющиеся на войне с врагами имеют нужду в поощрении со стороны соратников: не тем ли паче вы, ведущие войну с невидимыми врагами, имеете нужду быть намащаемыми увещательными словами, и благонастраиваемыми в духе; так как у вас брань не на один день, а на всю жизнь, и притом, если одержите победу, вам — неизреченный венец нетления, а если побеждены будете — вечная тягота посрамления безмерного? — Но не буди нам пострадать сие и

посрамиться в уповании своем! Напротив неусомнимся, что с Божиею помощью одержим победу над диаволом постоянным вниманием себе и непрерывным противоборством врагу. Известно вам, что и обыкновенные воины, когда вступают в схватку, бывают в крайнем возбуждении, изменяются в лице и кажутся совсем иными, чем прежде; и в час тот не вспоминаются уже им ни жена, ни дети, ни родители, ни братия, и совершенно никто, но и ум их и сердце, как и тело все устремляется к борьбе. Таким же образом и мы, по внутреннему человеку, должны быть настроены, ни мало не страшась противников, но порываясь на них рвением и горя духом, как добрые воины Христовы. Враги наши, когда видят нас такими, отстраняются, не смея делать нападение; когда же видят, что в нас умаляется мужество, и ослабляется напряжение сил и внимание, тогда натягивают луки свои и изранивают душу стрелами, т. е. неуместными помыслами. — Но нам и в таком случае не следует отчаяваться, а скорее сознав оплошность, покаяться, и опять напрягши силы, вступить в бореие неусыпное. — Так всегда.

2) Но ныне иная еретическая брань разлита по всей вселенной. И если хотите, поднимите очи ума вашего и увидите всю поднебесную, наполненную ранеными на сей брани. Ибо не только неверных еретиков, не только блудников и прелюбодеев и других, творящих подобныя непотребства, забирает под власть свою змий; но и тех, кои безразлично относятся ко всем таким и вступают в общение с ними: так как верно слово, что касаясь смоле очернится, и приобщаясь гордому точен ему будет (Сир. 13, 1). По сей причине, хотя меня укоряют за то, я запретил православному поминать на священных поминаниях, и на Божественной Литургии некоего, притворявшагося православным и не перестававшаго иметь общение с еретиками и еретичеством. Ибо еслиб он, хотя в час смерти исповедал грех свой и приобщился Святых Таин; то православному можно бы делать за него приношение. Но как он отошел в общении с ересию, то как можно вчинять такого в православное общение? — Св. Апостол говорит: чаша благословения, юже благословляем, не общение ли крове Христовы есть? Хлеб егоже ломим, не общение ли Тела Христова есть? Яко един хлеб, едино Тело есмы мнози: вси бо от единого хлеба причащаемся (1 Кор. 10, 16. 17). Судя по сему, приобщение еретического хлеба и чаши делает приобщающаго принадлежащим противной православным части, и из всех таких причастников составляет одно тело, чуждое Христа. — Кое бо причастие правде к беззаконию? или кое общение свету ко тме? Или кая часть верну с неверными? Или кое сложение Церкви Божией со идола (2 Кор. 6, 14 — 16), как в другом месте взывает тотже Апостол. — Но о таких плакать подобает; о тех из них, кои остались еще в живых, молиться, да дано им будет исторгнуться из сетей диавола; о себе же благодарить, яко избрал есть нас Бог во спасение во святыни Духа, и веры истины (2 Сол. 2, 13), чтоб поработать Ему в православной вере до настоящего исповедничества, за которое, если совершим его непорочно и безукоризненно, да сподобит Он нас небеснаго царствия Своего.

331.

1) Прочия дела свое имеют время; дело же спасения всегда должно быть содеваемо. — 2) Не будем же отлагать, видя, как смерть пожинает всех, и помышляя при сем о мудрых и немудрых девах. — 3) Воспрянем же и возревнуем приготовить все к сретению жениха. [4, 130].

1) Для иных дел иныя определяются времена: иное время для сеяния, и иное для жатвы; иное время для мира, и иное для войны, иное для торга и иное для безторжия. Для содевания же спасения душевнаго всякое время удобно, и всякий день благоприятен, если хотим. — Будем же

приснодвижны на добро, благонастроены, юношескаго исполнены рвенія к приведению в дело глаголов Божиих: не слышателие бо закона праведни пред Богом, но творцы закона сии оправдятся (Рим. 2, 13). — Итак, брань ли невидимая предстоит, воевать надлежит благодушно и прогонять с Божиею помощію возстающие на нас демонскіе помыслы, чтобы, замедлив в нас, не причинили они нам смерти душевной; или жатва духовная настоит, жать надо усердно, чтобы собрать в житницы духовныя достаточно кошта для вечной жизни, чтоб не умирать там вечно от голода. Всегда есть время молитвы, время слез, время очищения падений, время восхищения Царства Небеснаго.

2) Что же раздумываем? Что медлим? Что отлагаем день ото дня дело своего исправления? Не преходит ли образ мира сего? (1 Кор. 7, 31). Не безчисленны ли отходящие от нас каждодневно? Гробы непрестанно отверзаемые не торжествуют ли победы над нашим бедным естеством? — Не тоже ли делает и земля, приемля сродныя ей тела наши? — А мы разве останемся здесь до конца? — Разве не видим, сколько из нашего братства отошло уже? Где блаженные отцы наши? Где братія, духовныя и плоткіе? Где друзья наши и товарищи по трудам, рукодельям и Псалмопению? И как забывчивы мы? — Когда настанет смерть какого брата или отца, тотчас приходим мы в чувство, сокрушаемся и даем обеты ходить прочее право; но когда пройдет немного после того времени, забываем и о сокрушении, и о своих добрых намерениях. — Но не так поступали святые Божии: всю жизнь помышляли они о смерти, каждодневно умирали, каждодневно распинались миру, каждодневно отходили произволением к Богу: и теперь живут там блаженною и невечеряющею жизнью. — И не страшит вас пример десяти дев? — Се Жених грядет, исходите во сретение. Мудрые сретили Его, и внидоша с Ним на браки. А юродивыя, за недостатком добрых дел, опоздали, и когда воззвали: Господи, Господи, отверзи нам, то услышали в ответ: аминь глаголю вами, не вем вас. Так и остались вне. К сему прибавил Господь: бдите убо, яко не весте дне ни часа онаго (Мф. 25, 6. 10 — 13).

3) Итак бдеть надо, надо пробуждать душу от сна, и трезвиться, сокрушаться, блюсти себя непорочными и чистыми, и ходить во свете чтоб внезапно не постигла нас смерть, и не затворила пред нами дверей милости: и не будет отверзающаго или помогающаго. Почему поспешим приготовить к исходу дела, угодныя Богу: ленивый, возстань на делание; непослушный, начни слушаться; высящійся, смирись; жестокосердый, умягчись; нераскаянный, сокрушись: не исповедающийся, начни исповедаться; праздный, начни трудиться; все, все исправьте, — и емлитесь за добрыя дела. Прибавлю и еще одно: женолюбивый, остепенись, не соводворяйся часто с женами, и не бывай с ними по долгу; потому что от этого возгорается огонь греха, как слышим в Писании, которое говорит: ввяжет ли кто огонь в недра, риз же не сожжет ли? Или ходити кто будет на углях огненных, ног же не сожжет ли? Тако вшедый к жене мужатей (Притч. 6, 27 — 29). Но и дева есть мужатая жена, если она поступила в монашество, равно как, давшая монашескіе обеты; — коих Жених есть Господь Славы. — Это говорю я к тем, кои разбрелись туда и сюда и живут самопроизвольно, придумывая извинения грехам своим, и не помня, что Господь и око соблазняющее повелел изымать (Мф. 5, 29), а не только другое что. — К вам же вот что имею я сказать: должны есмы мы сильнии немощи немощных носить (Рим. 15, 1), и представлять образец доброделания для неблагоустроенных. Вы уже таковыю благодатию Христовою; но еще и еще пребудьте таковыми, — и спасетесь в Господе нашем Иисусе Христе.

1) Указывая, что цели и занятия монашества выше всех других состояний и званий, и — 2) что оно привлекает к себе всех, не смотря на прискорбности, — 3) приглашает радоваться и благодарить Господа сподобившихся его, и стараться быть настоящими монахами. [4, 131].

1) Дадим славу Богу, что сподобились благою часть избрать, и как бы присесть у ног Иисуса и слушать Слово Его (Лук. 10, 39). Другие пекутся и молвят о многом, т. е. о жене и детях, о стяжаниях и деньгах; а у нас одно попечение, как угодить Господу. Иные воинствуют земному кесарю, и кесаревым повелениям, всячески до пролития крови, принуждаются раболепствовать; у нас же произвольное воинствование, в коем со всею свободою исполняем мы заповеди всецаря Христа, в надежде получения Царства Небеснаго нескончаемаго. Иные предпринимают долги и трудныя путешествия для стяжаний ничтожных и непрочных; а нам предлежит, то днем, то ночью, притекать лишь в храм Божий, чтоб возносить там хвалы величию Божию, и чрез то приобретать не злато гибнущее, но духовныя сокровища некрадомыя и вечныя.

2) Хотя встречаем мы иногда что нибудь печальное и утеснительное, по внешнему ли положению или по внутреннему состоянию, но как это случается за Слово Божие и нашу надежду, то удобно переносится нами, умеющими радоваться в скорбях и не тесно себя чувствовать в теснотах. Такова наша жизнь, что самыми печальностями своими привлекает к себе имеющих ум. — Кто не любит родителей и не расположен к ним? Но из любви к Богу оставляя их, сюда притекают сыны человеческие. Что тесносоюзнее супружества, когда, по слову Господа, в нем двое бывают плоть едины? Но и таких Евангельский меч разсекши сюда присылает. Здесь властелин отлагает свое властительство; богатый в уметы вменяет богатство; бедный забывает о своей бедности; сирота перестает быть сиротою; прибавлю: царь слагает порфиру и сопричисляется к прочим наравне с ними. Ибо братство наше есть равночестное тело Христово; и обитель наша общая спасения пристань, одинаково для всех спасительная. — У нас все ино, не по мирски. Так, когда случится смерть, здесь не бывает плача и воплей, как у животолубивых, но в тишине совершается погребение почившаго: ибо здесь ни жена не голосит, ни дети не кричат, ни родные не слагают плачевных песней, припоминая то одно, то другое, но и исход бывает с радостью, и вынос с благою надеждою; хотя и слезы бывают, по духовной любви к отшедшему: в чем ничего нет неуместнаго; так как и Господь плакал при гробе Лазаря, по свойству естества нашего (Ин. 11, 35). Была ли от века другая какая жизнь более блаженная, чем эта? — Был ли другой какой образ жительствова, который бы оказался более приближающим людей к Богу? Почему благовременно нам Давидски возглашать: здесь заповеда Господь благословение и живот до века (Пс. 132, 3).

3) Будем же радоваться и сорадоваться друг другу, будем благодарить и благодарить немолчно, будем любить всеблагаго Бога нашего и любить безмерно, что Он призвал нас из тмы во свет, от унижения к славе, от безвестности к знатности. Знает каждый из вас, от кого произошел на свет, и откуда сюда устремился, с кем затем вошел в общение, кого называет братьями и с кем соводворяется. И эти преимущества суть только преддверия будущих обтований: так что, если мы добре совершим предлежащий нам подвиг, всячески подвизаясь переносить труды и приносить плоды послушания, по чину и уставу действующему в нас, то в конце обретем, чего око не видало, о чем ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило, что уготовал Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9). Что буди всем нам получить.

1) Учащающая умирания утверждают память о смерти, память о смерти и ея соприкосновенностях водворяет страх Божий; страх Божий очищает сердце от страстей. — 2) Будем идти сим путем к блаженному безстрастию. [4, 132].

1) Учащают вести о смерти, и издали и вблизи слышимыя в настоящее время, и особенно о смерти наших духовных братьев и отцев. Се оставил нас, кроме других и брат Григорий, коего и жизнь похвальна, и кончина блаженна; ибо он скончался в изгнании за Христа. — Что же? — Должно конечно и нам прейти отсюда, малым и большим, старцам и юным. Ибо одна для всех епитимия смерти, и один прежде, а другой после отходят из сей жизни. Потому как нам не думать о смерти и о том, что имеем сретить, по выходи души из тела? Как выдержим предстание Ангелов, если не облечись в оружия света? — Как пойдем путем оным, если не принесем с собою напутия жизни вечной? Как минуем князя века сего, о ком сказал Господь: грядет мира сего князь, и во Мне не имать ничесоже (Ин. 14, 30), если не будем свободны от работворных страстей? Блажен раб той, говорит Господь, егоже, пришед, господин его обрящет творяща тако. Аминь глаголю вам, яко над всем именем поставит его. Вот превожделенный глас! Аще же речет злый раб той в сердцы своем, коенит господин мой прииму: и начнет бити клеветы своя, ясти же и пити с пияницами: приидет господин раба того в день, в он же не чаает, и в час, в он же не весть, и растешет его полма, и часть его с неверными положит: ту будет плачь и скрежет зубом (Мф. 24, 46 — 51). Ужели нестрашит нас притча сия? Ужели не измождает плотей наших угроза сия? Ибо это не басня и не пустыя слова; напротив, слово далеко еще не доходит до точнаго выражения того, что тогда имеет быть: ибо и плачь оный не по плачу сему, и скрежет зубов тамошний не по здешнему скрежету; но между ними такая разность, как у снов с действительностию; потом, и огонь тамошний не угаснет, а здешний угасает, и червь тот не умирает, а здешний умирает. Но кто думает о сем и разсуждает? Кто видит сие и слышит? Ибо можно и видя не видеть и слыша не слышать, по причине окаменения души и любострастия сердца. — Кто имеет ублажаемый Господом плач, и каждодневно очищает себя от прилучающихся оттуда и отсюда осквернений, не отлагая сего очищения на завтра? довлеет бо, говорится, дневи злоба его (Мф. 6, 34). Кто, к вожделению Бога вожделение прилагая, отторгает всякое пристрастие здешнее, до того, что может с Давидом взывать: прилпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя (Пс. 62, 9). О блаженное безстрастие! Вот како вы должны мы быть, братие! Так благонастроить себя требует от нас Слово! да будем горящи духом, облеченны в броню веры, окрылены надеждою и совершенно готовы к исходу.

2) Почему прошу и молю, как каждодневно умирающие, будем нудить себя на все должное, сколько сил есть, зная, что нудительна есть по естеству добродетель, но за то она возводит горе, тогда как самоугодливый грех низводит в преисподняя. Стяжем очистительныя слезы, кои раждает сокрушенное сердце и смиренное мудрование. Соделаем святых Ангелов друзьями своими безстрастною жизнью, чтоб и они во время исхода дружелюбно вознесли нас к Владыке. — Сие говорю, не яко благое что соделавший, но как желающий творить то вместе с вами, как долженствующий говорить, а не молчать, как любящий вас любовию Божиею, чтобы все мы, добре действуя, наследниками соделались жизни вечныя.

334.

1) Укоряет, что перестали открывать помыслы. — 2) Потом приводит примеры грозных казней Божиих не кающихся, в побуждение к исповеданию. [4, 133].

1) Опечален я вами в настоящие дни, и печалию нестерпимую. Потому что остановилось у вас обычное исповедание, делание в жизни нашей самое ведикое, и самое спасительное. — И еслиб я видел, что вы сделались лучшими и совершеннейшими, порадовался бы, как облегченный в делах: ибо немалого труда требует врачевание немощей других. Но как вижу в вас противоположное тому, то догадываюсь, какая тому причина. Ибо скажи мне, откуда у вас продерзости, и пораждаемая ими нестроения? Не от того ли, что не исповедуете, а скрываете пагубные помыслы свои? Ибо начало некое и корень прегрешений наших есть неуместный помысл, который, когда открывают его, милостию Божиею прогоняется, а когда скрывают, мало по малу переходит в дела тмы. Отсюда душевныя смерти, отсюда разделения друг от друга, отсюда самооправдательныя слова, пораждаемая неведением и заблуждением.

2) Но, о человеце! животныя, разума не имеющие, сами от себя, как видим, знают, какія яства вредны для них, и избегают их; не тем ли паче следует ожидать сего от человека, от самага крещения обогатившагося всяким ведением о том, что добро?! — Ты же не слышал разве, что говорит Писание, что Бог первого мира не пощаде, но, осмаго Ноя правды проповедника сохрани, потоп миру нечествовавших наведе (2 Петр. 2, 5). Разве не читал, что Господь грады содомские и гоморрские сжег разореним осуди, образ хотящим нечествовати положив? (2 Петр. 2, 6). Не слышал разве часто, как Апостол вопиет: не льстите себе, ни блуднцы, ни идолослужители, не прелюбодеи, ни сквернителы, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 9, 10). Как же ты, слыша сие, говоришь, что не знаешь, что худо? — Притворство это и уклончивость. — Не боитесь угрозы? Не трепещете Того, пред Кем трепещет вся тварь? — Не устраняйся же никто от исповедания!

335.

1) Сказав, что любит братию, и уверен, что и они любят его, приглашает благодарить Бога за такой союз, и потерпеть, когда случится ему строго укорить их. — 2) Потом убеждает и вообще охотно переносить труды и скорби в содевании спасения: ибо иначе нельзя; ктому же по причине великих обетований с сим соединенных, это не сильно нарушить радость, свойственную святым. — 3) Будем же верно теши путем Божиим; и если случится поткнуться, поспешим встать. [4, 134].

1) Божественнаго Писания слово есть: Аз любящии Мя люблю, и ищущии Мене обрящут благодать (Притч. 8, 17). В другом месте и признак любви указывает оно, говоря: любяй же наказует прилежно (Притч. 13, 25). Так как я смиренный приставлен настоятельствовать над вами, то по необходимости в предыдущем наставлении обличил и укорил вас, не яко да оскорбитесь, дерзаю словом Апостольским сказать вам, но любовь да познаете, юже имам изобильно к вам (2 Кор. 2, 4), печалясь с вами во время скорби вашей и соутешаясь, при радости вашей. Ибо на кого другаго мне смотреть? или о ком другом печалиться и радоваться, как не о вас? Вы мои и братья, и чада, и отцы, и друзья, и родные, и любезные, и вожделенные, и радость, и венец, и все другое, чем можно выразить искренность общения моего с вами. Свидетельствую же уверенность мою, что и вы таковы же ко мне, и ни к родителям, ни к братьям, ни к роду, ни к родине, ни к другому чему видимому вы не привязаны, но только к Богу, и по Боге к моему смирению.

И благодарение, так соединившему нас, Богу в Духе Святом, чтоб любить и взаимно любиму быть, быть единым телом и единым духом, так как и призваны во едином уповании звания нашего (Еф. 4, 4). Будем же радоваться и сорадоваться друг другу; и по причине того, что случается иногда укорно

говорить к вам, не будем отчуждаться друг от друга, но, как это бывает, из любви и к общей пользе будем переносить наказание терпливо. Ибо написано: сыне не пренебрегай наказанием Господним, ниже ослабевай, от Него обличаемый: егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякого сына, егоже приемлет (Притч. 3, 11. 12). К чему прилагает и Апостол: аще наказание терпите, яко сыновом обретается вам Бог: который бо есть сын, егоже не наказует отец? Аще же без наказания есте, емуже причастницы быша вси: убо прелюбодейчищи есте, а не сынове (Евр. 12, 7. 8).

2) Потом, — богатство и власть, и другия желательныя людям вещи не даром достаются, но требуют больших трудов и потов: можно ли предположить, чтобы достигнуть Бога и Божественных воздаяний было дело легкое и удобное, а не было исполнено безмерных трудов и потов? И не было ли бы такое предположение свидетельством крайней простоты и недалекости? — Почему слышим, что многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божге (Деян. 14, 22), и что тесен и прискорбен путь, ведущий в жизнь вечную (Мф. 7, 14). И по какой это причине? — По той, что мы сами не захотли пребывать в данной нам вначале в раю безпечальной жизни и в безмерной радости; но по безсоветию избрали лучше низпасть в настоящую многострастную и многоскорбную жизнь, и не иначе можем востещи опять туда, как прошедши школу прискорбностей, по подражанию Господу нашему Иисусу Христу. Иже вместо предлежащая Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив (Евр. 12, 2).

Впрочем, так как прискорбности по Богу облегчаются для нас надеждою благ вечных, то оне обыкновенно бывают не слишком скорбны; почему для святых настоящее время называется праздником. Свидетельствует о сем святой Давид, говоря: радуйтесь праведнии о Господе (Пс. 32, 1), указывая на радость всегдашнюю. Тоже и блаженный Апостол подтверждает: радуйтесь всегда о Господе: и паки реку, радуйтесь (Фил. 4, 4). И это говорилось к тем, кои скорбели и плакали, подвизались и в борьбе пребывали, и страдали многообразно; потому что печаль по Бозе для добродетельных есть предмет радования.

3) Будем же и мы, как праздник проводя каждодневно, благодушно переносить прискорбности ради Бога, не ослабевая от диавольских козней и браней. Когда же случится как нибудь вздремать и увлечься на что недолжное, умом, словом или делом, поскорее поспешим возстать, и к прежнему возвратиться благонастроению, и опять с теплым усердием начать работать Господу, зная, что и от царей тот воин получает почести, который борется и противвоюет, а не тот, кто убегает с поля брани. Так—то и мы, пребывая до последняго издыхания в невидимой брани, и вечных наград сподобимся по милости Божией, и царствие небесное получим во Христе Иисусе, Господе нашем.

ТОМ ПЯТЫЙ

СВЯТЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

Краткое сведение о нём

Святой Симеон, родом из Пафлагонии, воспитывался в Константинополе у дяди, одного из придворных. По окончании учения был немного при дворе, но скоро всё оставил и вступил в обитель Студийскую, где был старец его, Симеон благоговейный, руководивший его ещё со времени образования его. Слишком строгая жизнь его возбудила среди братства против него неудовольствие, и он с совета старца перешёл в обитель св. Мамонта, где по смерти настоятеля избран в Игумены и посвящён в пресвитера Патриархом Николаем Хрисовергом. Благоустроив обитель сию, св. Симеон убезмолвился, поставив вместо себя достойного приемника, испытанного Арсения. — Но не до

конца пришлось ему наслаждаться покоем безмолвия. Поднялась против него буря за то, что он установил праздник в честь усопшего старца своего Симеона благоговейника, и выбросила его из Константинополя. Там недалеко облюбил он место, где стояла ветхая церковь св. Марины. Владелец сего места, чтитель его, один из вельмож, Христофор Фагура, уступил ему всю ту местность и помог устроить там обитель. Устроив всё, и здесь св. Симеон опять убезмолвился, и после тридцатилетнего покоя в безмолвии, почил в начале 11 века. Св. мощи его явились в 1050 году. Память его 12 марта — день кончины его. — Никодим Агиорит, поместив его, в своём Синаксарнике под сим числом, замечает под чертою, что память его перенесена на 12 октября, — и что им составлена ему служба.

Св. Симеон оставил много писаний. Во время управления обителями он обычно говорил поучения в церкви, и на покаях обоих писал послания и наставления, общехристианские и подвижнические. Послания более в виде кратких статей, или глав.

Ученик его Никита Стифат, составил жития его, собирал его писания и переписывал на бело, ещё при жизни святого.

В печати, в особой книге, имеются на новогреческом 92 слова его, аскетические главы его и старца его, и на Еллинском 55 молитв, писанных стихами. Слова и главы переведены на русский и изданы, и находятся на руках Афонских старцев.

Греческое Добротолюбие взяло из писаний св. Симеона аскетические его главы, включив в среду их и старца его главы, а некоторые из его глав опустив, и в конце своём прибавило два слова — из общего собрания.

Берём и мы себе аскетические главы и св. Симеона Богослова, и старца его, особо каждые, как они находятся не в Греческом Добротолюбии перемешанно, а в особой книге. Берём и два слова, помещая их не после глав, а там же, где они стоят в Греческом Добротолюбии, к концу всего сборника.

Преподобного Симеона, новаго Богослова деятельные и богословские главы

1. Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь, — нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничто не имеется, быть уверену, что всем обладаешь, — особенно же (она есть) стяжание неизследимаго богатства познания Христа и взирание на всё видимое, как на прах или дым.
2. Вера во Христа есть не только, чтоб небречь о приятностях жизни, но и то, чтоб терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас, — подражая Давиду, который говорит: терпя потерпех Господа и внять ми (Пс. 39, 1). (Т. е., терпя скорби, я уповал, что Господь поможет мне; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи от Него, призрел на меня и явил мне милость Свою.
3. Предпочитающие в чём — либо родителей своих заповеди Божией не имеют веры во Христа. Конечно, и собственная совесть их обличает их в таком неверии, если только совесть жива в них. Ибо истинно верующих отличительный знак есть ни в чём никогда не преступать заповеди великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.
4. Вера во Христа, истиннаго Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих

благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, какого будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего). Ибо обладаемый пристрастием к чему - либо из сего последнего, даже самому ничтожному, не может стяжать совершенного познания о том первом. Даже когда бы, по смотрению Божию, вкусил он скольконибудь такого познания, то — если тотчас не оставить того, к чему одержим пристрастием, и не предаться всецело стяжанию сего единого познания, не позволяя себе даже думать о чем либо другом кроме его, — взято будет от него и это познание, какое мнится он имети.

5. Отречение от мира и совершенное из него удаление, — если восприимем при сем и совершенное отрешение от всех житейских вещей, нравов, воззрений и лиц, с отвержением тела и воли своей, в короткое время великую принесёт пользу тому, кто с таким жаром ревности отрётся от мира.

6. Имея в намерении удалиться из мира, смотри. Не вдавай души своей в плотские утешения, в начале, пока ещё живёшь и вращаешься в мире, хотя бы все сродники и друзья понуждали тебя к тому. Это им демоны внушают. Чтобы погасить теплоту сердца твоего, — через что, если не воспрепятствуют они исполнению твоего намерения, то всячески охладят и ослабят его.

7. Когда ты мужественно будешь отказываться от всех удовольствий житейских и держать себя чуждым всякого утешения, тогда демоны, возбуждив сострадание в родных, заставят их плакать и рыдать о тебе перед лицом твоим. Что это истинно так есть, сие познаешь из того, что, когда ты останешься непоколебим и при этом искушении, то тотчас увидишь, как родные твои возгорятся яростью и ненавистью против тебя. Отвратятся от тебя как от врага и смотреть на тебя хотеть не будут.

8. Видя скорбь о себе родителей, братьев и друзей, посмевайся демону, разнообразно сим против тебя вооружающемуся; но поспеши и удалиться со страхом, прилежною докучая Богу молитвою, сподобить тебя поскорее достигнуть в пристанище доброго Отца, в коем Сей упокоил бы душу твою, утруждённую и обременённую, ибо житейское море представляет много вредного и крайне пагубного.

9. Желаящий возненавидеть мир из глубины души должен возлюбить Бога, и память о Нём стяжать непрестанную, ибо ничто другое, как сие, не побуждает с радостью оставить всё и отвращаться от того, как от уметов.

10. Ни по благословным ни по безсловесным причинам, не оставайся долго в мире; но как только позван будешь, спеши послушаться. Ибо ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностью, нежели медлительность со множеством имений.

11. Если мир и что в мире преходит всё, а Бог нетленен и бессмертен; то радуйтесь все, которые ради него оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля. Одне заповеди Божии свет суть и жизнь, — и так всеми именуется.

12. Если, брате, пламенем ревности о спасении объятый, бегом притёк ты в киновию, или к духовному отцу, то когда будет предлагать тебе он или сподвизающиеся тебе братия, бани, или брашна, или другие какие утешения в упокоение плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готов

(желай, ищи, стремись) к пощению, к злостраданию (произвольным лишениям), к крайнему воздержанию. Если отец твой о Господе повелит тебе дать некое утешение телу, послушай его, отсекая и в этом собственную волю свою; а если нет, то с радостью исполняй терпеливо, что делать произвольно восхотел ты (т. е. всячески воздерживаться от всего). Соблюдая сие, будешь всегда во всём, как постящийся и воздерживающийся и своей воли по всему отрехшийся. И не это только, но и сущий в сердце твоём пламень, всё презирать тебя принуждающий, сохранишь ты неугасимым.

13. Когда демоны, сделав всё с своей стороны, не успеют расстроить наше по Богу намерение, или воспрепятствовать исполнению его, тогда привходят они в притворяющихся благочестивыми (братий), и посредством их покушаются воспрепятствовать начавшим уже подвизаться, в добрых подвигах их. И во-первых, будто любовью и состраданием движимые, советуют им не чуждаться телесных утешений, чтоб и тело, говорят, не изнемогло и самим не впасть в уныние. Потом вызывая их на бесполезные беседы, целые дни попусту проводить в них заставляют. Затем, если кто из ревностных послушает их советов и станет подобен им, то они начинают смеяться над тем, будто радуясь его гибели; если же не послушает их слов, но сохранит себя чуждым всего, себе внимающим и бездерзновенным (скромным и робким перед всеми), то подвигаются на зависть и вооружаются против него, употребляя все способы, чтоб изгнать его даже из монастыря: ибо для бесчестного тщеславия несносно видеть, как у него перед глазами хвалят истинное смирение.

14. Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слёзы, и Бога ими умилоствует, и людей подвигает к новой похвале.

15. После того, как предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чужд всему, что принёс со вне, — вещи ли какие, или деньги. Почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того: ни малого, ни большого; разве только сам он, по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то.

16. Без воли отца твоего по Богу, не загадывай давать милостыню из принесённых тобою денег; но и через посредника какого не домогайся взять у него что либо из них. Ибо лучше быть и именоваться нищим и странным. Нежели расточать и раздавать деньги, когда ты ещё новоначальный. Всё предать в волю духовного отца своего, как в руку Божию, есть дело совершенной веры.

17. Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебе быть палиму жаждою, пока духовный отец твой, сам в себе подвигнут будучи, не велит тебе это сделать. Утесняй себя и нудь во всём, уговаривая себя такими словами: если хочет Бог и достоин будешь напиться, то Он откроет всеконечно отцу твоему сказать тебе: «напейся». И тогда напьёшься с чистою совестью, хотя бы это было и не во время.

18. Никто, опытом познавший духовную пользу и неотложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал: я положил в себе такой помысел, чтоб никогда не просить у отца моего ни есть ни пить и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать мне это. И действуя так, я никогда, говорит, не был тщетен в надежде моей.

19. Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть самого Христа, и бывая с ним или следуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать. Таковой никогда не пожелает беседовать с кем либо другим, и не предпочтёт что либо из мирских вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше, или что полезнее, в настоящей и в будущей жизни, того, чтоб быть со Христом? Что прекраснее или сладче созерцания Его? Если же и беседы от него

сподобляется кто, то конечно почерпает из неё жизнь вечную.

20. Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают, и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преуспеяния. Ибо когда так бывает в чувстве сердца, тогда это благонастроенного сим образом вводит в бездну смирения и изводит из него источники слёз, в которых погружается вся троичность души (т. е. разумная, желательная и раздражительная её силы), — возводит ум на небо бесстрастия и делает его созерцательным, — вкушением же тамошних благ располагает вменять в уметы все блага настоящей жизни, и самую пищу и питье принимать не в сладостях и не так часто.

21. Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов и от мыслей противных (заповедям и воле Божией), — и всегда быть заняту в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспопечительным о вещах житейских.

22. Как тот, кто обнажил всё тело своё, если оставит при сем глаза свои закрытыми каким либо покровом и не захочет взять сей покров и сбросить, не может от одного этого обнажения прочего тела видеть свет: так и тот, кто оставил все свои вещи и деньги, избавился и от самых страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских и помышлений худых, никогда не увидит умного света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23. Что покров, на глаза наложенный, то помыслы мирские и воспоминания житейские для ума, или ока души. До тех пор, пока попустим им быть, ничего не увидим; когда же изгоним их памятью о смерти, тогда узрим свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

24. Кто слеп от рождения, тот не может знать силу пищемага, ни верить тому; но если он когда либо сподобится прозреть, то станет свидетельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25. Видящий чувственными очами знает, когда бывает день и когда ночь, а слепой не знает ни того ни другого. И духовно прозревший, и зрящий умными очами, если после того, как повидит истинный и незаходимый свет, по нерадению и беспечности, опять возвратится к прежнему ослеплению и лишится света, то, находясь в благочувствии, добре чувствует лишение сего света и того, от чего случилось с ним такое лишение, не неведает, но пребывающий от рождения слепым (духовно) ничего такого не знает ни по опыту, ни по действию, — разве слухом что услышит и узнает о том, чего никогда не видал, и станет рассказывать о том другим, хотя ни он, ни слышащие ничего верно не знают о тех вещах, о коих разговаривают.

26. Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело своё, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешенем духовными.

27. Оставим всё земное, — не богатство только и золото, и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствия тела, но и бессловесныя движения его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами; ибо через него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мёртвою, — труднодвижною. Или и совсем неподвижною на всякую заповедь Божию.

28. Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь; так и сердце тщеславного не может смириться. Но как только

скажешь ему что-либо для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле.

29. Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюду острый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает её чуждою жизни вечной.

30. Противоречивый подобен тому, кто произвольно предаётся противникам царя своего, врагам. Противоречие есть удочка, имеющая затравую правдословие (защиту правды, себяоправдание), которым будучи прельщаемы, проглатываем мы удочку (крючок удильный) греха. Так обыкновенно похищается такая бедная душа за язык и гортань духами злобы. И то воздымается горе, то погружается в хаотическую бездну греха и осуждается вместе с ниспадшими с неба.

31. Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болит от этого сердцем, о том ведомо да будет из сего, что он носит древнего змия в недрах своих, если он станет молча переносить наносимое ему, или противоотвечать с великим смирением, то сделает своего змия немощным и расслабленным (и совсем убьёт). А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то станет придавать силы змию - изливать яд в сердце своё и немилосердно пожирать внутренности свои: так что змий тот, будучи таким образом каждодневно усиливаем, поглотит наконец, самое намерение бедной души его исправить себя и держать исправною в добрых порядках жизни; и силу к тому отымет. И станет таковой после сего жить греху и совсем мертвым быть правде.

32. Если захочешь отречься от мира и научиться Евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо Евангельского диавольскому научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые.

33. Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания св. отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, — и затем согласное с писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное - рассудив добре — отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей.

34. Всякий не видящий (слепой духовно), если берётся руководить других, есть прелестник, и последующих ему ввергает в ров пагубы, по слову Господа: слепец слепца аще водит, оба в яму впадут (Мф. 15, 14).

35. Слепой в отношении к одному (Богу), слеп и весь, в отношении ко всему; и видящий в едином (Боге) в видении есть всего; между тем он и отстоит от видения всего, и бывает в видении всего, и есть вне всего видимого. Будучи так в Едином, видит он всё, и во всём будучи, не видит ничего из всего, видя во Едином, через Него видит и себя, и всё и всех; будучи сокрыт в Нём, ничего из всего не видит.

36. Кто во внутреннем своём умном или духовном человеке не облёкся во образ Господа нашего Иисуса Христа, небесного человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть. И не может посредством слова только воспринять чувство духовной славы, подобно тому, как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нём.

37. Кто слышит так, и видит и чувствует, тот знает силу того, что говорится, как уже облечшийся во образ небесного и пришедший в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13).

Будучи таковым, может он добре руководить на пути заповедей Божиих и стадо Христово. А кто не знает этого и не таков есть, в том, очевидно, чувства души не просвещены и не здоровы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить, с опасностью для других и себя.

38. Напряжённо внимающий своему учителю и руководителю, как Богу, противоречить не может. Кто думает и говорит, что имеет то и другое (т. е. Что он и внимает отцу своему, как Богу, и противоречит), тот да ведает, что находится в заблуждении: ибо не знает, какое расположение к Богу имеют люди Божии.

39. Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть.

40. Пока не состоится решение над подсудимым, ему даётся слово самооправдания, говорить судье о том, что наделал; по раскрытии же дел его и произнесении над ним решения судии, он уже ни мало, ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнении приговора).

41. Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния — монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть можно ему говорить что против, одно по неведению, другое по замыслению скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов, уже нельзя ему никогда противоречит своему по Богу судье и владыке, даже до смерти. Ибо монах, вступивший в сие судилище и в начале обнаживший сокровенности сердца своего, с самых начатков жизни здесь носит, если имеет здравый смысл, убеждение, что он достоин бесчисленных смертей, но верует, что через своё послушание и смирение избавится от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего.

42. Кто неизгладимо сохраняет сие в уме своём, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при сем в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю, ещё живой бедственно низводится во глубину ада, и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели.

43. Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, часто обращать сие в мысли своей и со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные; но всякий день так молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, Един могущий у врачевать меня, услыши моление мое. И во мне бедном гнездящегося змия, наитием всесвятого Духа Твоего, умертвив истреби. Научи и настрой меня, нищего и обнаженного от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего, и его святую душу расположи к состраданию и милостивости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави в конец душу, единожды сочетавшую Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо всего мира избравшую и всему предпочтшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злой обычай мой полагает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44. Те, которые во дворе благочестия со страхом и трепетом положили доброе основание веры и надежды, и ноги свои незыблимо утвердили на камне послушания духовным отцам, слушая заповедуемое ими, как из уст Божиих, и на сем основании послушания без колебаний в смирении души устрояя исполнение того, — скоро преуспевают. И исправляется в них великое и первое дело, состоящее в том, чтобы отвергнуть себя самих. Ибо исполнение чужой, а не своей воли не только

самоотвержение душевное укореняет, но и умертвие всему миру производит.

45. Тому, кто прекословит отцу своему, сорадуются демоны; тому же кто до смерти смиряется перед ним, удивляются Ангелы. Ибо таковой дело Божие совершает, уподобляясь Сыну Божию, Который исполнил послушание Отцу Своему даже до смерти, смерти же крестныя.

46. Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем либо чувственном омрачает и возмущает ум, Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в неё болезненное томление сердечное. Отсюда жесткость и томление безмерное; а через это демоны обыкновенно отчаяние наводят на взявшихся жить духовно.

47. Когда случится с тобою таковое, монаше, ты же между тем находишь в душе своей ревность и великое желание совершенства, так что сильно стремишься исполнить всякую заповедь Божию, не погрешить даже в праздном слове, и нисколько не отстать от древних святых, ни в деянии, ни в ведении, ни в созерцании, но видишь, что тебе препятствует в этом враг, всевая плевелы малодушия и не попуская тебе воспарить на такую высоту святости, тем, что наводит расслабление, через возметание помыслов страшливых такими внушениями: невозможно тебе спастись среди мира и неопустительно исполнять все заповеди Божии; тогда ты, седши в угол, сожмись и собери помыслы свои, — и дай благой совет душе своей, сказав ей: вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемя Ему. Спасение лица моего не дела мои, а Бог мой есть (Псал. 41, 6). Кто оправдится от дел закона? И Царепророк говорит: не оправдится перед Тобою всяк живой (Пс. 142, 2). Но верую, какую имею в Бога моего, надеюсь спасённым быть по неизреченному благоутробию Его даром. Ступай прочь с глаз моих Сатана! Господу Богу моему поклоняюся и от юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по образу и подобию Своему да сокрушит тебя.

48. Бог от нас человеков не требует ничего другого, кроме одного, чтоб мы не грешили. Но это не есть исполнение закона, а только ненарушимое хранение образа и горняго достоинства, в коих стоя по естеству и нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими, и знаменуемся светом познания Бога (по слову: знаменася на нас свет лица Твоего, Господи (Пс. 4, 7).

49. Расслабление и тягота телесная, пребывающая в душу от лени и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почасу появляются начинают помыслы страхования и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко от робости не может войти в обычное место молитвы и предаётся лени, а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о творце всяческих. Итак, зная причину, откуда это тебе нашло, поспеши войти в обычное место молитвы твоей и падши перед человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в дверь милосердия Божия) притрудно и неотступно.

50. Кто стяжал чистое сердце, тот победил страхование. А кто ещё очищает его, тот иногда побеждает его, а иногда бывает побеждён им. Кто же совсем не подвизается (о своей высоте), тот или всеконечно ниспал в состояние нечувствия и, как друг страстей и бесов, при тщеславии болезнует ещё и самомнением. Мнит себе быти что, ничтоже сый (Гал.5, 3), — или есть раб, преданный в руки страхования, и как младенчествуемый умом, трепещет и боится страха там, где для боящихся Бога

нет страха, ни страхования.

51. Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как угроз злых людей; но будучи весь как пламень некий и огонь палящий, когда даже проходит по скрытым и неосвещённым местам, обращает в бегство демонов, которые больше, чем он от них, бегут от него, чтоб не быть опалёнными от исходящего от него пламеневидного луча божественного огня.

52. Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутри себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силён бывает на всё и может делать даже то что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди них как гигант среди обезьянок, или лев рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа, твёрдостью мудрования своего изумляет их, ужасает смыслы их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным.

53. Не только безмолвник, или послушник, но и игумен, настоятель над многими, — и он, всё устроая, должен быть беспечален, т. е. свободен от печальной заботы о житейских потребностях. Ибо если печёмся, то оказываемся преступниками заповеди, Божией, которая говорит: не печытесь душою вашею, что ясте, или что пиете, или во что облечетесь, всех бо сих языцы ищут (Мф. 6, 32). — И ещё: зрите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством, и печальми житейскими. (Лк. 21, 34).

54. У кого помысел занят попечением о житейских вещах, тот не свободен: ибо попечене о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них, или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печётся о житейском, будь он епископ, или дьякон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает и ни о чём, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает; а богоугодно всё делая и устроая, о всём беспечален пребывает, — и это на всю жизнь.

55. Смотри не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое; почему поопасись, как бы не случилось, что, взявшись за это, ты свой дом разорить разоришь, но и того дом построить отнюдь не сможешь.

56. Если не стяжал ты совершенного беспристрастия к житейским вещам и деньгам; то не желай, чтоб тебе поручена была экономия (смотрение за этими вещами и распоряжение ими по обители); чтобы не быть пленену ими, и вместо воздаяния за труд служения обители, не подпасть осуждению за воровство и святотатство. Если же будешь принуждён настоятелем взять сие дело: то веди его так, как бы ты обращался с палящим огнём. Расстраивай и самый первый прилог помысла (о чуждоприсвоении) исповедью и покаянием, и молитвою настоятеля сохранён будешь невредим.

57. Не сделавшийся бесстрастным не знает даже, что есть бесстрастие, и не верит, чтоб был кто либо такой на земле. Ибо тому, кто сам не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощил за эту, воистину блаженную, жизнь, — как подумать, что другой кто сделал это, чтоб стяжать бесстрастие? Таким же образом и тот, кто мнится иметь Духа Святаго, ничего не имея, когда слышит, что действия Духа Святаго явно познаваемы бывают в тех, кои имеют Его, никак тому не верит, равно как и тому, что есть кто либо и в настоящем роде равный Апостолам Христовым и всем от века святым, подобно им движимый и воздействуемый Божественным Духом, или в видении Его бывающий, с сознанием того и чувством. Ибо всякий по собственному своему состоянию судит о том, что касается ближних, — по тому, т. е. каков сам, по добродетели ли сказать, или по грехам.

58. Иное есть бесстрашие души и иное бесстрашие тела. То (душевное) и тело освящает своим собственным сиянием и светоизлиянием Духа; а это одно само по себе ни на что бесполезно для того, кто стяжал его.

59. Как тот, кто из последней бедности обогащён царём и возведён в светлый сан, облечён им в блестящее одеяние, и определён стоять перед лицом его, — и самого царя с возделением видит и как благодетеля чрезмерно любит, и на одеяние, в кое облечён, весело смотрит, и сан свой сознаёт, и данное ему богатство знает: так и монах, который, истинно оставив мир и всё мирское, приступил ко Христу, и влеком будучи добрыми чувствами, восшёл на высоту духовного созерцания через исполнение заповедей, — и самого Бога непрелестно созерцать, и совершившееся в нём изменение ясно видеть. Ибо всегда видеть осиявающую его благодать Св. Духа, именуемую и одеянием, и царскою багряницею, — чем наипаче для верующих есть сам Христос Господь, так как верующие в Него облакаются в Него.

60. Многие сами читают Божественные писания, другие слушают читающих оныя; но не многие бывают в силах правильно уразуметь значение и смысл читаемого. Иные полагают, что читаемое в Писаниях Божественных невозможно; иные почитая прямой смысл пишемаго неудобоприемлемым, берутся истолковывать то по своему, и истолковывают зле. Что сказано о настоящем времени, о том судят, что оно будет иметь место в будущем; а что сказано о будущем, то понимают как сбывшееся уже, или сбывающееся каждый день. Таким образом, у них нет правильного суждения и истинного распознавания отличий в вещах Божественных и человеческих.

61. На всех верных должны мы смотреть, как на одного, и думать, что в каждом из них прибывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого либо боримым страстями, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему ещё больше сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушену подобно ему, — как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества.

62. Если кто фальшив от лицемерия, или по делам виновен, или немного уязвлен какою либо страстью, или несколько неисправен в каком либо отношении по нерадению: то такой не приемлется в число исправных во всем. Но как непотребный и неискусный на доброе, отмечается, чтобы он не произвёл разрыва в союзе, которому должно пребывать неразрывным, и разделения между теми, которые должны пребывать нераздельными, тех и других ввергнув в печаль, — так как те, кои впереди (преуспевают), станут болезненно печалиться о тех, кои позади их, а сии о разлучении с теми, кои упредили их. П р и м е ч а н и е. Перевод делается по тексту греческаго Добротолюбия. Место темно. Новогреческий перевод делает ему такой перифраз, со—чтобы: «чтоб не сделал он того, что связь цепи расторгнется, когда её натянут, т. е. чтоб не причинил он расторжения единения братий в то время, когда они ввадутся в большие подвиги добродетелей, не произвёл разделения между братьями, которые должны пребывать нераздельными, и не стал причиною печали для обеих частей, так как те, которые идут впереди, т. е. преуспевают в добродетели, станут печалиться о тех, кои оказались позади, а оставшиеся назади станут печалиться о разлучении с первыми».

63. Как тот, кто на пламень разженной печи набрасывает земли, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид пристрастия к чему либо, даже последнему и ничтожному, истребляет

возжегшуюся в начале теплоту сердца.

64. *(Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолубии.) Кто с радостью и совершенным чувством отрёкся от всего внешнего, от вещей, разумю, и людей, и забыл все сие, преходя, как стену, всякое пристрастие к тому (оставляя позади себя): тот чужд мира и всего, что в мире, и, в собранности держа ум свой, в одном поучается всегда — в памяти и помышлении о смерти. Почему и печется всегда о том, что касается суда и воздаяния, весь пленен бывает сим и, как узами, окован, внедря неизреченный страх в сердце своё такими помыслами и углублением в них.

65. *(Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолубии.) Кто вселит во глубине сердца своего страх суда, тот является на зрелище мира, как некий осужденник, закованный в цепи. Почему пребывает объят страхом, как бы был схвачен палачом немилостивым и влеком на место казни, не думая ни о чем другом, кроме страданий и терзаний, какие имеет претерпеть от мук в вечном огне, Это чувство мук хранится неизгладимо в сердце его страхом, породившим его, и (вместе с ним) не даёт ему заботиться о чем либо человеческом; так как он всегда находится в таком состоянии, как бы был повешен на крест и чувствовал во всей силе болезни и страдания крестной смерти, — что и не попускает ему ни внимать лицу чьему либо, ни думать о чести, или бесчестии человеческих. От всей души почитая себя достойным всякого презрения и бесчестия, и внимания не обращает он на поношения и унижения, какие ему делают.

66. *(В Доброт. гр. и сл. 64; 67-й здешний, там 65... и т. д.) Всяким явством и питием и украшением гнушается чреватый страхом смерти; и в удовольствие ни хлеба не ест, ни воды не пьёт, доставляя телу только потребное, сколько нужно для поддержки жизни; всякой воли своей отвергается и бывает рассудительным рабом, исполняя всё, что не приказывают ему.

67. Предавший себя в рабы свои по Богу отцам не станет, ради страха мук, избирать из повелеваемого то, что облегчало бы болезнь сердца его и разрешало узы страха, и тех не послушает, которые дружески, или льстительно, или повелительно поощряли бы его к тому. Но паче предпочтёт то, что возвращало бы сию болезнь. Возжелает того, что крепче стягивало бы сии узы, и возлюбит то, что делало бы более сильным палача. В таких расположениях пребудет он навсегда, не питая надежды когда либо совсем освободиться от заслуженных крайностей; ибо надежда избавления делает болезнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

68. Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и поражаемая им болезнь сердца. Кто же без такого болезнования и без таких уз страха желает положить начало доброй жизни, тот не на песке только полагает основание своих деяний, но мечтает построить дом на воздухе без основания, что конечно невозможно. Между тем болезнование то скоро порождает всякую радость, узы сии разрывают узы всех грехов и страстей. И плач сей по смерти, а вечной жизни бывает виновником.

69. Кто не станет уклоняться и бегать сердечного болезнования, порождаемого страхом вечного мучения, но будет последовать ему произволением сердца (следовать с ним по доброму пути, или последовать решениями произволения с сочувствием сердца тому, что внушает оно со страхом) и по мере успеха всё более и более стягивать себя узами его, — тот поспешнее будет шествовать. Оно представит его и перед лице Царя царствующих. И когда сие будет, тогда, — лишь только воззрит он, ещё не так ясно, на славу Его, тотчас разрешатся узы его, страх — палач далеко отбежит от него и сердечное болезнование его преложится в радость, которая сделается в нём живым ключом или бьющим источником, источающим всегда чувственно реки слёз, а духовнотишину, кротость и

неизреченное услаждение, но при этом — и мужество с готовностью свободно и невозбранно тещи ко всякому исполнению заповедей Божиих. Что для новоначальных ещё невозможно, а свойственно восшедшему к середине преуспевания; для тех же, кои подходят к совершенству, источник сей бывает светом при внезапном изменении и преложении сердца.

70. Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытанный нечто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бывает он подобен человеку, у которого от чего — нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого жегомый и жжения пламени не могли терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силу быть в себе. Но будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, ещё сильнее воспламеняется он огнем желания божественного, а от этого слёзы ещё обильнее у него текут, и он, будучи омываем изливанием их, ещё блистательнее сияет. Когда же весь разжегшись, станет он, как свет, тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): «Бог с богами соединяем и ими познаваем» (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими), и притом в такой, может быть, степени (исполняется сие на Нём), в какой соединился он уже с Сочетавшимся с ним и в какой оказался познавшим Его.

71. Прежде плача и слёз, — никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, — нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших; ни сознали мы себя ещё виновными и не осудили, и душа наша не была ещё в чувстве будущего суда и вечных мук. Ибо если б мы осудили себя, если б возымели такие движения сердца, если б были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слёзы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение, ни мы ни в силах сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым; не соединившийся же с Ним через очищение себя от всего страстного, созерцания бога и Боговедения сподобиться не может, и недостоин сокровенно научаемым быть добродетелям смирения.

72. *(Сего нет в греч. Добротолюбии и следующих до 78.) Сначала от плача по Богу бывает смирение; от него приходят потом радость и веселье неизреченные; окрест же смирения по Богу вырастает надежда спасения. Ибо чем кто грешнейшим всех людей считает себя от всей души, тем более вместе с смирением разрастается в нём надежда. Цветёт внутрь сердца его и исполняет его удостоверением, что он несомненно имеет быть спасен посредством смирения.

73. Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого, как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слёз; по мере слёз и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и совозрастает надежда и даёт вернейшее удостоверение во спасении.

74. Всякому надлежит рассматривать себя и внимать себе разумно, чтоб ни на надежду одну не полагаться без плача по Богу и смирения, ни опять на смирение и слёзы не полагаться без споследования им надежды и радости духовной.

75. Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виною спасения, но оно не есть таково воистине, потому что не имеет радостотворного плача. Который бы соединён был с ним.

76. Бывает и плач без духовного смирения, и те, которые плачут таким образом, думают, что такой плач очищает грехи; но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа,

таинственно порождающейся в мысленном сокровище — хранилище души, и не вкушают благодати Господа. Почему таковые скоро воспламеняются гневом и не могут совершенно презреть мира и то, что в мире. А кто не презрит сего совершенно и не стяжет ненависти к нему от всей души, тот никогда не возможет стяжать твёрдую и несомненную надежду спасения, но всегда влается сомнением туда и сюда, так как не основал надежды своей на камне.

77. Плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими; и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, согревает, воспламеняет сердце и возбуждает в нём любовь и вожделение к Богу.

78. Внимай себе и познай действия, происшедшие в тебе от смирения и плача, и замечаний, какую пользу приносят они тебе каждый час. В новоначальных же и такая ещё бывает от них польза, — отвержение всякой земной заботы и пристрастия и отречение от всех людей, — родителей, родных и друзей, — беспопечение и презрение всех вещей, — денег и всего, не только до последней нитки, но даже и до самого тела своего.

79. *(В греч. и слав. Добротолубии 70.) Притворяющихся добродетельными и иными являющихся по внешнему виду, иными же бывающих по внутреннему человеку, — исполненных иной раз всякой неправды, полных зависти, рвения и зловония сластей чувственных, — многие почитают, как бесстрастных и святых, имея неочищенным око души (чтоб познать их прямо) и не в состоянии будучи познать их по плодам их; а тех, которые живут в благоговеинстве, добродетели и простоте сердца, и суть воинству святы, не отличают от прочих людей, мимоходят их с небрежением и вменяют ни во что.

80. Такие почитают говоруна и показливого более учительным и духовным; а молчаливого и блюдущагося от празднословия почитают дикарем, необразованным и безгласным.

81. От того, кто говорит в Духе Святом, высокоумные и негодующие диавольскою гордынею отвращаются, как от высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, хвалят и принимают, хотя он о деле спасения всё лживо толкует. Таким образом между такими нет никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле, распознать и видеть (людей или дело спасения).

82. Блажени, говорит Бог, чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). Чистым же сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако ж и в таком случае добродетели — одне не могут сделать сердца чистым, без воздействия и присещения Духа Святого. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть всё делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа, всё делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это — одно — не имеет силы очищать нечистоту и скверну души.

83. В божественном крещении мы получаем отпущение прегрешений, освобождаемся от прародительской клятвы и освящаемся наитием Святого духа; но совершенную благодать, как она означается в словах: вселюся в них и похожду (2 Кор. 6, 16), — не тогда получаем. Ибо это есть достояние совершенно утверждённых в вере и доказавших её делами. Если же мы по крещении

уклоняемся на скверные и злые дела, то совершенно теряем и всякое освящение. И уже покаянием, исповедью и слезами, соответственно делам, получаем опять сначала отпущение прегрешений, а потом и освящение вышнюю благодатью.

84. Через покаяние совершается омытие скворны прежних непотребных дел, а после такого очищения бывает причастие Святого Духа; но не просто, а в силу веры, расположения (крепкой решимости стоять не падая) и смирения кающихся от всей души; и не только после проявления таких расположений, но и после того, как получится разрешение грехов от духовного отца и восприемника. Почему хорошо каждодневно каяться, как повелевает заповедь. Ибо слова: покаяйтесь приблизится бо царствие небесное (Мф. 3, 2), возлагают на нас делание, не ограничиваемое определённым временем, а всегдашнее.

85. Благодать Всесвятого Духа даётся уневестившимся Христу душам, как обручение или залог. И как жена без обручения не имеет твёрдой уверенности, что несомненно сочетается некогда с мужем; так и душа никогда не воспримет верного удостоверения, что будет вечно сопребывать с Владыкою своим и Богом, или таинственно и неизреченно сочетаваться с Ним и наслаждаться неприступною красотой Его, если не получить обручения или залога благодати Его, и не возыметь в себе сознательно Его самого.

86. Как обручение не бывает надёжно, пока согласительные бумаги, в коих пишутся условия брака, не будут подписаны достойными веры свидетелями: так не бывает твёрдо воссияние благодати, прежде делания заповедей и стяжания добродетелей. Ибо что суть при заключении условия свидетели, тем при духовном обручении бывает делание заповедей и добродетелей: через них всякий имеющий спастись получает совершенное обладание обручением (т. е. Благодатью Св. Духа).

87. Сначала как бы пишутся брачные условия деланием заповедей, потом добродетелями они запечатлеваются и подписываются: и тогда Жених—Христос невесте — душе даёт перстень, т. е. Обручение Духа.

88. Как невеста прежде брака получает от жениха только залог обручения, условленное же приданое и прочие обещанные дары ожидает получить после брака: так и невеста Христова — церковь верных и душа каждого из нас сначала получает от жениха только обручение Духа, вечные же блага и небесное царство чаёт получить по исходе отсюда, будучи удостоверяема в том залогом обручения, который показывает ей всё то, как в зеркале и подтверждает несомненность получения того, на чём состоялось соглашение её с Владыкою своим и Богом.

89. Как если невеста, разгневавшись по тому случаю, что жених замедлил в отлучке, или, будучи занят другими делами, отложил на время совершение брака, презрит любовь его и брачный договор или изгладит, или раздерёт; то вместе с сим тотчас лишается и всех надежд, столь многое обещавших ей от жениха: так обыкновенно бывает и с душою. Ибо когда кто из подвижающихся, сказав себе: доколе же должен я злострадать (терпеть всякие лишения)? — вознебрежет о подвижнических трудах и подвигах, и через нерадение о заповедях и оставление всегдашнего покаяния как бы изгладит и раздерёт свои с Господом условия: то вместе с сим тотчас лишается и залога обручения (благодати) и совершенно теряет всякую надежду на Бога.

90. Как невеста, обратив к другому любовь, какую обязана к обручённому с нею жениху, и начав жить с ним явно или тайно, не только не получает ничего обещанного ей женихом, но должна ожидать и достойного наказания и позора по закону: так тоже бывает и с нами. Ибо если какая душа

явно или тайно преложит любовь к жениху Христу на возлюбление какого либо другого предмета и сердце её будет завладено им, то бывает ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетания с Ним. Ибо он сказал: Аз любящие Мя люблю (Притч. 8, 17).

91. По таким признакам каждому надлежит распознавать, получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, да тщится держать сие и хранить; а если ещё не сподобился получить, да потщится посредством дел благих, благопотребных деланий и тёплого покаяния поскорее получить его и потом сохранить деланием заповедей и преумножением добродетелей.

92. *(Нет в Добротолюбии 92–94). Обручение Святого Духа неизъяснимо и для того, кто стяжал его, так как оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живёт, глаголет и движет того, кто стяжал его; отлетает из таинницы, в коей пребывает запечатленным и опять обретается там нежданно, чем образует убеждение, что оно как присещения своего не делает утверждённым однажды навсегда, так отшествия своего - невозвратным, после которого уже не возвратилось бы. Таким образом стяжавший его, и когда не имеет его, и когда имеет его (присущим обязательно), есть как бы имел его, и когда имеет его, в таком находится расположении, как бы не имел его.

93. *Как если, когда кто стоя в доме будто ночью при дверях и окнах, со всех сторон заключенных, отворит одно какое окно, то свет внезапно обдаст его блестящим сиянием, и он, не вынося такого сияния, тотчас закрывает очи свои, закутывается и прячется: так и когда душа, заключенная отовсюду в чувственное, выглянет как-нибудь умом своим, как сквозь окно, во внечувственное и облистается сиянием сущего внутри ее обручения Св. Духа, то не вынося блистания божественного непокровенного света, тотчас трепетать начинает умом своим, вся прячется в самую себя и убегает как бы в дом какой, под покров чувственного и человеческого.

94. Вяжет ли кто огонь в недра, говорит премудрый Соломон, риз же своих не сожжет ли? (Притч. 6, 27). А я говорю: кто, прияв внутрь сердца своего непокровенный небесный огонь Духа Святаго, не возгордится и не облистается, не воссияет и не возьмёт облистаний Божества, в меру своего очищения и восприятия огня? Ибо восприятие огня идет вслед за очищением сердца, и опять очищение сердца идет вслед за восприятием огня, — т. е. сколько очищается сердце, столько приемлет и божественной благодати, и опять: сколько приемлет оно благодати, столько и очищается. Когда же завершится сие (т. е. и очищение сердца, и приятие благодати достигнуть совершенства и полноты), тогда человек весь всецело бывает бог по благодати.

95. *(В Добротолюбии 83.) Как в доме кровля держится на основании с прочим зданием, а основание (с прочим зданием) кладется для держания кровли, — поскольку то и другое необходимо и благопотребно, — и ни кровля обыкновенно не устрояется без основания (с прочим зданием), ни основание (с прочим зданием) без кровли не составляет жилища пригодного для жизни: так и в душе благодать Святаго Духа блюдетя исполнением заповедей, а исполнение заповедей полагается, как основание для получения дара благодати Божией, и ни благодать Святаго Духа обыкновенно не остается в нас без исполнения заповедей, ни исполнение заповедей Божиих не бывает благопотребно и полезно без благодати Божией.

96. Как дом бескровный, оставленный таким по нерадению строителя, не только не гожд ни к чему, но еще служит в посмешище строителю: так и положивший основание исполнением заповедей и стены высоких добродетелей воздвигший, если не получит и благодати Святаго Духа с видением и

ощущением того душевным, несовершенен есть и составляет предмет сожаления для совершенных. А лишен благодати бывает таковой по следующим двум причинам: или потому, что пренебрег покаянием, или потому, что возмалодушествовал пред полным стяжанием добродетелей, как делом безмерно великим, оставил некоторые из них, которые, однако ж, хотя кажутся нам маловажными, но существенно необходимы для полного устроения и окончания дома добродетелей, так как невозможно, чтобы без них дом сей покровен был благодатью Святаго Духа.

97. Если Сын Божий и Бог для того снизшел на землю, чтобы посредничеством Своим примирить с Отцем Своим нас, сущих врагов Ему, и с Собою сочетает нас осязательно, посредством Святаго и единосущного Духа Своего; то лишаящийся такой благодати какую другую получит? Всеконечно таковой ни с Тем (Отцем) не примирился, ни с Сим (Сыном) не имеет сочетания благодатью Св. Духа.

98. Соделавшийся причастным Божественного Духа от страстных похотей и сластей избавляется, а от естественных потребностей телесных не освобождается. Почему как освободившийся от уз страстного похотения, вкусивший бессмертной славы и сладости и сочетавшийся с нею понуждается непрестанно возноситься горе и с Богом пребывать, не позволяя себе даже на мгновение отступить от созерцания Его и ненасытного Им наслаждения; а как связанный телом и тлением, отторгается им от горнего, влечется долу и возвращается к земному. Тогда такая бывает у него печаль о сем (разлучении с горним), какую, полагаю, испытывает душа грешника, разлучающаяся с телом.

99. Как для теплолюбивого и жизнелюбивого, для сластолюбивого и миролюбивого разлучение с сими предметами его любви есть смерть: так для любителя чистоты и Бога невещественного и добродетели воистину смерть есть даже малое отступление от них сердцем. Ибо если видящий чувственный свет, когда смежит очи свои сам, или другой кто закроет ему их, тяготится, скорбит и долго сносить этого не может, особенно — если он смотрел на предметы нужные и дивные, — не тем ли паче просвещаемый Духом Святым и видящий ясно, в видении наяву и мысленно, в бодрственном состоянии и во сне, те блага, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые на сердце человеку не всходили, и в которые сами Ангелы Божии желают проникнуть, будет печалиться и скорбеть, если чем-нибудь будет отторгнут от созерцания их? Ибо это праведно кажется ему смертью и отчуждением от жизни вечной.

100. Одни ублажают пустынную жизнь, другие общежительную, третьи начальственную, чтоб предстоять народу, вразумлять его и учить и устроить церкви, от которых обыкновенно многие питаются и душевно и телесно. Я же не желал бы предпочтении дать никакой из них пред другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта — порицания. Во всяком образе жизни, преблагенна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу.

101. Как обыкновенная жизнь человеческая строится и течет под взаимодействием разных житейских предприятий, мастерства и искусств, — т. е. один одно, другой другое делает и приносит другим на потребности, и таким образом, друг другу передавая и друг от друга принимая, живут люди, удовлетворяя естественные свои телесные потребности: так то же самое можно видеть и в духовной жизни, — один одну добродетель проходит, другой — другую, — один такой путь жизни избирает, а другой — другой, но все вместе текут к единой цели, друг другу содействуя.

102. Цель всех по Богу живущих есть — благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцем чрез приятие Святаго Духа, — и таким образом устроить свое спасение: ибо в этом состоит

спасение всякой души. Если этого нет у нас (в цели и действии), то тщетен всякий другой труд и суетно всякое другое делание наше. – Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему того, кто течет по нему.

103. Оставивший мир весь и в гору удалившийся на безмолвие, и оттуда тщеславно пишущий к сущим в мире, одних убажывая, другим ласки и похвалы расточая, подобен тому, кто, разведясь с женой, блудной, непотребной и всезлойной, и отшедший на страну далеко, чтоб изгладить и саму память о ней, забыл потом о сей цели, для которой удалился на страну — в гору, — и пишет с вожделением к тем, которые обращаются с той женой, или прямее сказать, оскверняются, и убажывает их. Таковой, хотя телом не оскверняется, но сердцем и умом всячески оскверняется, как бы сочувствуя тем произволением в их связи с той женой.

104. Сколько живущие среди мира и очищающие чувства и сердца свои от всякой греховной похоти достойны похвалы и убажания, — столько же живущие в горах и пещерах и вожделевающие похвал и убажаний от людей достойны порицания и отвержения. Таковые пред Богом, испытующим сердца, равны прелюбы творящим. Ибо, страстно желающий, чтобы его жизнь, имя и дела слышны были в мире, любодействует от Бога, по образу древнего народа Иудейского, как говорит Давид.

105. С несомненной к Богу верой отрекшийся от мира и всего, что в мире, верует, что милостивый и щедрый Господь приемлет приходящих к Нему в покаянии, — и ведая, что Он рабов Своих чрез бесчестие возводит к чести, чрез крайнюю нищету обогащает их, чрез поношения и унижения прославляет, чрез смерть соделывает наследниками и причастниками жизни вечной, — посредством их (т. е. бесчестия, нищеты и пр.) усиливается теши, как елень жаждущий, к бессмертному источнику, и по ним восходит к горнему, как по лестнице, — по коей Ангелы восходят и нисходят на помощь восходящим, а Бог восседит вверху ее, ожидая наших посильных трудов и усилий, не потому, чтоб Ему радостно было видеть нас трудящимися, но потому, что, будучи человеколюбив, желает награду нам даровать, будто долг.

106. Бог не попускает тем, которые всеусердно текут к Нему, совсем ниспасть (с той лестницы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы Своей и к Себе возводя, — содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, — пока они, прошедши всю лестницу, к Нему самому приблизятся, и всецело с Ним соединясь, забудут все земное, с Ним сопребывая там и сожительствуя, — аще в теле, аще ли кроме тела, не вем, — и неизреченных наслаждаясь благ.

107. Праведно есть прежде игу заповедей Христовых подклонить нам выи свои, ни в сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя в них даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новым воистину делая себя Божиим раем, пока со Отцем Сын чрез Духа Святаго внидет и станет обитать в нас. И тогда уже, когда таким образом стяжем Его себе жителем и учителем, — тогда кому из нас повелит Он (взять на себя какое служение), и кому какое служение вверит, тому оно и да вручится; и он да ведет его так, как сие благоугодно Богу. Но прежде времени не следует сего служения искать, не следует и принимать его, когда дают его люди (сами от себя), но надлежит пребывать в заповедях Владыки нашего и Бога и ожидать повеления Его (взять на себя какое служение).

108. Если, — после того, как вверено нам будет служение в божественных вещах, и мы потрудимся в нем достохвально, — направлены мы будем Духом перейти на другое служение, или делание, или

- дело, — да не сопротивляемся. Ибо Бог не хочет ни того, чтобы мы были праздны, ни того, чтоб оставались на одном и том же делании, с которого начали; но хочет, чтоб преуспевая, все более и более подвигались к достижению лучшего, не своей, однако ж, но Божией руководясь в сем волею.
109. Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, — вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое. И при этом тщательно смотреть, прорастает ли насаждаемое и внедряемое, пустив в глубь корни; если проросло и дало ствол, то ствол сей, будучи надрезан для принятия прививки, сросся ли с сим прививком и стал ли в одно с ним дерево затем, вырос ли прививок, расцвел ли и дал ли плод прекрасный и сладкий. — чтоб не неведомы были ему и земля, прежде приившая в себя семя, и корень, на котором глубоко утвердилось сие непостижимое и неизреченное живоносное растение (Перифраз; место очень темно).
110. Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так что он не знает, как то бывает, дарует свою волю и соделывает ее неизгладимой в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтоб он познал ее (т. е., что это Божия воля), и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Святаго Духа, а без нее ничего не бывает.
111. Если ты получил прощение всех своих грехов, просто ли только чрез таинство покаяния и исповеди, или с приятием при сем и святой ангельской схимы, то какой любви, какого благодарения и смирения должно быть сие для тебя источником — что, будучи достоин бесчисленных мук, ты не только избавлен от этого, но еще удостаиваешься сыноположения, славы и царства небесного? Обращая сие в уме своем и всегда помня, будь готов и настраивайся к тому, чтобы не обесчестить собою Сотворшего тебя и почтившего, и бесчисленные простившего тебе согрешения, но всеми делами своими прославит Его и почитит, чтобы и Он тебя, почтенного Им паче всякой видимой твари (в творении), еще паче почтил в воздаяние за то (во благодати), — и другом Своим искренним наименовал тебя.
112. Сколько душа честнее тела, столько разумный человек лучше и выше всего мира. Не на великость сущих в мире творений смотри, чтоб ради того думать, будто они честнее тебя, человек; но на данную тебе благодать возрев, и достоинство умной и славной души своей уразумея, прославляй в песнях Бога, почтившего тебя паче всего видимого.
113. Будем смотреть и умудряться, как прославить Бога. Прославляется же Он нами не иначе, как так, как прославлен был Сыном. Но чем Сын прославил Отца Своего, тем и Сам прославлен был от Отца. Будем и мы делать то же (что Сын) со тщанием, чтоб тем прославить Отца нашего, Иже есть на небесех, благоволившего так наименоваться, и от него быть прославленными славою Сына, которую имел Он у Него прежде мир не бысть. Это суть — крест, или умертвие всему миру, скорби, искушения, и другие страсти Христовы, — которые перенося с полным терпением, подражаем мы Христовым страстям и прославляем тем Отца нашего и Бога, как сыны Его по благодати и сонаследники Христовы.
114. Душа, не освободившаяся совершенно от мирских навыков и пристрастия к видимым вещам, в самих чувствах и расположениях сердца своего не может беспечально переносить приключаящихся ей печалей и находящихся на нее напраслин и искушений от демонов и людей. Но как узами связанная пристрастием к человеческим вещам уязвляется ущербом в деньгах, тяжкою поражается скорбью от потери вещей и сильно болеет о наносимых телу ее ранах.
115. Кто отторг душу свою от пристрастия и привязанности к чувственному и тесным союзом

сочетал ее с Богом, тот не только равнодушен будет к сущим около его деньгам и вещам, и терпя потерю в них будет беспечален, как бы они были не его, а чужие, но и самому телу его причиняемые боли будет переносить с радостью и подобающим благодарением, видя всегда, по слову божественного Апостола, что когда внешний человек тлеет, внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Иначе же с радостью переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего ведение совершенное и мудрость духовная, — которых лишенный всегда ходит во тьме безнадёжия и неведения, не имея никакой возможности видеть свет терпения и утешения (молитвы).

116. Всякий, мнящийся быти мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буим, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость. Ибо кто так поступает и с неколеблущею верою последует мужам мудрым в божественных вещах, тот, будучи ими руководим, вместе с ними входит в град Бога живого, и Духом Святым наставляемый и просвещаемый, видит и познает то, чего никто из других людей видеть и познать не может. Так делается он богонаученным.

117. Богонаученных ученики мудрых века сего людей почитают буими, между тем как сами воистину суть буии и наострились только по внешней премудрости обьюродевшей, которую, по божественному Апостолу, обуи Бог (1 Кор. 1, 20) и богословный глас признал земною, душевною, бесовскою, исполненную рвения и зависти (Иак. 3, 15). Таковые, будучи вне божественного света, не могут видеть чудес, находящихся в нем, и тех, которые, водворяясь в сем свете, видят, что в нем и поучают тому, почитают прельщенными, между тем как сами прельщены и никогда не вкушали божественных благ.

118. И ныне есть и среди нас вращаются люди бесстрастные, святые и исполненные божественного света, которые так умертвили уды свои, сущие на земли, отребив их от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда влекут их к тому другие, не терпят никакого изменения в присущем им бесстрастии. Их узнали бы и те, которые презрительно об них относятся и не верят им, когда они поучают о божественных вещах в премудрости Духа, если б добре разумели божественные словеса, каждодневно ими читаемые и поемые. Ибо если б они знали совершенно Божественное Писание, то веровали бы обещанным нам от Бога и дарованным благам. Но как они не причастны сих благ за свое самомнение и нерадение, то оуждают и тех, которые сподобились причастия их и учат о них, не веря им.

Примеч. Так в Греческом Добротолубии. В новогреческом эта глава перефразирована так: «Те, которые говорят, что во времена сии нет ни одного бесстрастного, и не верят тем, которые, в премудрости Духа, ведут беседы о божественных вещах, если бы понимали божественные слова, какие каждодневно читают и поют, узнали бы, что и ныне есть бесстрастные, святые и исполненные божественным светом, и живут среди нас, отребив себя от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, — так что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда другой кто влечет их к тому, не терпят никакого изменения в бесстрастии, которое в них. Но те, не зная Писаний, говорят, что ныне нет никого такого. Ибо, если б разумели, как должно, Божественное Писание, то верили бы тем благам, которые Богом нам обещаны и дарованы. Но как они не причастны таких благ, по причине самомнения и нерадения своего, то, не веря им, оуждают и оклеветывают тех, которые сделались причастными их и учат о

них».

119. Исполненные благодати Божией и совершенные в ведении и премудрости, которая свыше, для того только желают ходить в мир и видеть сущих в нем, чтоб напомианием о заповедях Божиих расположить их к доброделанию и чрез то дать случай заслужить награду некую, — если конечно послушают их, возьмут в толк и убедятся. Так как они, не Божиим водимы будучи Духом, во тьме ходят и не знают, куда идут, и преуспевают ли в каких заповедях; то (во благодати живущие идут к ним с показанными напомианиями в желании и надежде) не восприимут ли когда-нибудь истинного учения Святаго Духа, воспрянув от обдержавшего их самомнения, и искренно, а не с притворством и самохвальством, вняв воле Божией, не покаются ли, чтоб, исполнив ее, соделаться причастными какого-либо дарования духовного. Если же не случится им быть виновниками такой для посещаемых мирян пользы, то они, плача об ожесточении и ослеплении сердец их, возвращаются в свои келии и начинают день и ночь молиться о спасении их. Ибо о другом чем не печалются с Богом непрестанно пребывающие и преисполненные всякого блага.

120. Какая цель воплощенного домостроительства Бога Слова, которая во всем Божественном Писании проповедуется, но которой мы, читая сие Писание, не знаем? Не другая какая, как та, чтоб приобщившись тому, что наше, соделать нас причастными того, что есть Его. Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас человеков соделать сынами Божиими, возводя род наш по благодати в то, что Сам Он есть по естеству, рождая нас свыше благодатью Святаго Духа, и тотчас вводя нас в царство небесное, или, лучше сказать, даруя нам иметь сие небесное царствие внутри нас (Лук. 17, 21), чтобы мы, не надеждою только внити в него питаемся, но уже в обладание им быв введены, зывали: живот наш сокровен есть со Христом в Боге (Кол. 3, 3).

121. Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства диавола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей же состоит воле: или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, — или, уклонясь от правого пути сего, опять возвратиться к диаволу, противоборцу и врагу нашему.

122. Те, которые по святом Крещении повинуются хотениям лукавого и угодное ему творят, отчуждают себя от святых ложесн святого Крещения, по сказанному Давидом: отчужишася грешницы от ложесн (Пс. 57, 4). Ибо каждый из нас не изменяется или не прелгается из естества, как создан, в другое. Но быв создан от Бога благим (ибо Бог ничего злого не сотворил), и пребывая непреложным по естеству и существу, как создан, что свободной своей волей произволяет и желает, то и делает, доброе ли то, или злое. Ибо как нож, на зло ли кто его употребляет, или на добро, не прелгается из своего естества в другое, но остается железом по естеству: так и человек действует и содевает, как сказано, что хочет, но из естества своего не выступает.

123. Не то спасает, если кто однажды и одному кому окажет милость, хотя то, если кто и одного презрит, повинным делает огню вечному. Ибо — взалкался и возжадался — сказано не про один случай, и не про один день, но указывает на всю жизнь. Равным образом напитасте, напоисте, одеясте и прочее, что следует, не на однократное дело указывает, но на всегдашнее и в отношении ко всем. Христос Господь и Бог наш исповедал, что Он такую милость Сам приемлет от рабов Своих (в лице нуждающихся).

124. Кто подал милостыню сотне нуждающихся, но, могши дать и другим, накормить и напоить

многих, — отказал умолявшим его и вопиющим к нему, тот будет судим от Христа, как не напитавший Его. Потому что и в этих всех Он есть тот же самый, которого питаем мы в каждом их бедных.

125. Кто ныне всем нуждающимся все потребное для тела доставил, тот, если завтра, имея возможность то же сделать, вознерадит о некоторых братьях и оставит их умирать с голода, жажды и холода, — того самого оставил умирать, того самого презрел, Кто сказал: понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 40).

126. Того ради Господь благоволил воспринять лице каждого бедного и каждому бедному Себя уподобил, чтоб никто из верующих в Него не возносился над братом своим. Но чтоб каждый, видя в брате своем Бога своего, почитал себя меньшим и худшим брата своего, как есть меньше Сотворшего его, и как Сего, принимал его и чтил, и в помощь ему готов был истощить все имение свое, как Христос и Бог наш истощил кровь Свою для спасения нашего.

127. Кому повелено иметь ближнего своего, как самого себя, тот, конечно, не один день, но всю жизнь свою должен иметь его таковым. Также и тот, кому заповедано давать всякому просящему, заповедь имеет всю жизнь свою поступать так. Равно как и от желающего, чтоб другие делали ему добро (всегда разумеется), требуется, чтоб он и сам то же делал для других.

128. Так как имеющий ближнего своего как самого себя не может позволить себе иметь что больше ближнего, то если кто, имея, не раздает независтно, пока и сам не сделается бедным и не уподобится ближним своим, тот не оказывается точным исполнителем заповеди Владычней. Равным образом (не оказывается) хотящим давать всякому просящему тот, кто, имея хоть грош или кусок хлеба, отошлет ни с чем просящего у него, — или не делая сам для ближнего, чего тот желает (отошлет), чтоб сделал для него это другой кто. Таким образом, и тот, кто всякого бедного и нищего кормил, поил, одевал и все другое для него делал, а презрел только одного и об одном понерадел, — и этот сочтен будет презревшим Христа Бога, алчущего и жаждущего.

129. *(Сего нет в Добротолубии.) Как иные заключают Христа Господа в одном бедном, тогда как Он нераздельно разделяется и есть весь во всяком бедном? Предположим теперь в уме своем, что сто бедных суть, как один Христос, — ибо Христос совершенно нераздельно пребывает. Кто потому дал по монете девяносто девяти бедным, а одного разбил, прибил и выгнал ни с чем, кому тот, думаешь сделал это? Конечно, самому Христу, Который сказал, говорит и всегда будет говорить: понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 40).

130. Из сказанного видно, что Господь Себе усвоит и принимает за сделанное собственно для Него Самого, что сделано для бедных братий наших. И слово Господа: ни Мне сотвористе, не ограничивается только теми, к которым мы немилостивы были, ни теми, которых онеправдовали, или которых собственностью покорыствовались, или которым наделали всякого рода других зол, но включает и тех, которых мы презрели. И этого одного достаточно к нашему осуждению, потому что, презирая их, мы презираем Самого Иисуса Христа.

131. *(Добротол 117.) Может быть, это всем покажется тяжелым, и они потому сочтут благословным говорить в себе: кто может до точности все это исполнить, чтобы всех удовлетворить и напитать, и отнюдь никого из них не оставить неудовлетворенным? Но да послушают они Павла, который ясными взывает словами: любы Христова обдержит нас суждших сие (2 Кор. 5, 14).

132. Как главные заповеди объемлют все заключающиеся в них частные заповеди, так и главные

добродетели заключают в себе все частные объемлемые ими добродетели. Продавший, например, все свое и раздавший то бедным, и сделавшийся сам бедным, за раз исполнил все частные, относящиеся сюда, заповеди. Почему не имеет уже нужды просящему давать, и от хотящего занять у него не отвращаться. Таким же образом и непрестанную стяжавший молитву, в сем едином исполненными имеет все заповеди о молитве, — и не состоит уже под необходимостью седмицею в день хвалить Господа, или в вечер, заутра и полудне, как исполненными уже имеющий в себе все молитвы, какими молимся мы и какие поем, по уставу, в определенные времена и часы. Равно, сознательно имеющий в себе дающего ведение человека Бога, все прошел Святое Писание, — и как плод, собрал всю могущую от чтения его произойти пользу, — и не имеет уже нужды в чтении книг. Ибо какую будет иметь в сем нужду тот, кто, стяжав собеседником себе Того, Кто вдохновлял писавших Божественные Писания, имеет запечатленными в себе от Него неизреченности сокровенных тайн? Напротив, он сам будет для других вдохновенной книгой, носящей новые и древние тайны, написанные перстом Божиим в нем, как совершившим все и почившем в Боге от всех дел своих, — что есть верх совершенства.

133. Бывающее во время сна истечение от многих обычно происходит причин: от чревонеистовства, от тщеславия и от зависти бесов. Но бывает и от долго бдения, вследствие которого тело разнеживается во сне, и от страха, когда страшится кто, как бы не пострадать сего, или ради Божественной литургии, которую имеет совершать, будучи иереем, или ради св. причастия (к коему готовится, будучи простым братом). С занятым такими помыслами на одре своем, с боязнию, как бы сего не пострадать, бывает, что он лишь только заснет, как страждет то: что самое также происходит по зависти демонов. — И вот еще что бывает: иной увидит днем красивое лицо и нарисует его в мысли, потом отходит ко сну с блудными помыслами, по расслаблению не отогнав их, и подпадает истечению во сне, а иногда и не заснувши еще, лежа на одре. Бывает и так: сидят иные нерадивые, подобно мне, и разговаривают о страстных движениях, страстно или бесстрастно; потом и отходя ко сну, вращают такие образы в уме своем и засыпают в сочетании с ними, — во сне и подвергаются сказанной неприятности; может же быть, что еще во время беседы один из них приял вред от другого. Почему внимать должно самим себе всегда и поучаться в слове Пророка: предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. 15, 8), - и слух заграждать от таких словес. Иные нередко подвергались плотским движениям, когда упразднили от молитвы (оставляли молитву), как мы показали и в главе о молитве.

134. *(С сей главы до главы 182 включительно в Добротолюбии нет. Следующие за предыдущей главы Добротолюбия, — 120 — 152 — заимствованы из глав Симеона, духовного отца его, которые помещаются вслед за сим.) Ни к тому, кто богословствует, не идет покаяние, ни к тому, кто кается, не идет богословствование. Ибо сколько отстоит восток от запада, столько богословие выше покаяния. Кто находится в состоянии покаяния и воистину творит дела покаяния, тот себя имеет, как человек больной, день за днем проживающий среди разнемоганий, или как бедный, одетый в рубища и просящий милостыню. А кто богословствует, тот походит на человека, которые проводят время в царских палатах, в светлом царском уборе, всегда находится близ царя, беседует с ним и от него самого слышит ясно повеления его и все, чего он хочет (разумеется состояние созерцания, — а не научное богословствование).

135. Умножение познания Бога бывает причиной умаления знания всего другого. Т.е. чем больше кто

познает Бога, тем больше оскудевает в знании всего прочего. И не только это (бывает с ним), но он все больше и больше приходит в сознание, что не знает и самого Бога. Обилие воссияния Его в духе бывает совершенным Его невидением, и выше чувства воспаряющее чувство — нечувствием всего того, что вне. И как может быть и называться чувством такое чувство, которое не знает, что такое есть, каково и где есть то, в чем оно пребывает, и узнать то, или понять совершенно не может? Да и как возможно, чтоб подлежало чувству то, чего око не видало, о чем ухо не слыхало что на сердце человеку не всходило?

136. Дарующий нам то, что выше чувства, дает нам благодатью Святаго Духа и другое чувство выше чувства, чтоб мы им чувствовали чисто и ясно дары Его и дарования, кои выше чувства.

137. Кто глух к слову Бога, тот глух и ко всякому гласу Его; как, напротив, кто слышит слова Бога, тот слышит (способен слышать) их все (всякие слова Божию), и никого он не слышит, кроме тех, которые говорят слова свои (поучения) благодатью Слова, и не их слышит он, но только слово, которое безгласно говорится голосом их.

138. Когда ты долу — в земном, тогда не исследуй того, что горе, т. е. небесного; и восходя горе, прежде, чем достигнешь верха, не любопытствуй дольного, чтоб поскользнувшись не упасть, или лучше сказать, чтоб не оставаться долу (мняся восходить горе).

139. Кто обогатился небесным сокровищем, — разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: Аз и Отец приидем и обитель у Него сотворим (Ин. 14, 23), тот знает знанием душевным (опытно, сознанием, чувством), какую получил радость, коликое и каковое сокровище имеет в царских сокровищницах сердца своего. Беседуя с Богом, как друг с другом, с дерзновением стоит он пред лицом Того, Кто обитает в нем во свете неприступном.

140. Кто верует тому, что я сказал, тот блажен. Кто деятельно подвизается посредством священных подвигов достигнуть ведения о том (опытно познать то), тот треблажен. Кто посредством делания и созерцания достиг высоты такого состояния и как сын дошел до самого Бога, тот, чтоб не сказать нечто большее, есть Ангел.

141. Как тот, кто стоит на берегу моря, видит безмерную пучину вод, но предела их не достигает зрением, а видит только малую некую часть их: так и тот, кто сподобился чрез созерцание узреть безмерное море славы Божией и видеть мысленно Самого Бога, видит умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ее есть, но лишь столько, сколько сие возможно для него.

142. Как тот, кто находится близ моря, не только видит его, но и в самые воды его входит сколько хочет: так бывает и духовно (с достигшими совершенства духовного), что они, когда хотят, входят в свет Божий и созерцают его и причащаются его сознательно в меру подъятых трудов, усилий и желательных стремлений.

143. Как тот, кто стоит на берегу моря, пока находится вне воды, все видит вокруг и обозревает пространство моря; когда же начнет входить внутрь воды и погружаться в нее, тогда чем больше сходит в нее, тем больше ничего не видит вне ее: так и те, которые сделались причастными божественного света, чем более преуспевают в познании Бога, тем в большее, соответственно тому, приходят неведение (всего что вне Бога).

144. Как тот, кто входит в воду моря по колени или до пояса, ясно видит все, находящееся вне воды; а когда низойдет в глубь и станет весь под водою, ничего уже не может видеть, что вне, — и одно только знает то, что он весь в глубине моря: тоже бывает и с теми, кои возрастают в духовном

преспеянии и восходят в совершенство видения и созерцания.

145. Преспевающие в духовном совершенстве, когда просвещаются, или осияются в уме, тогда видят мысленно славу Господа и научены бывают мысленно божественною благодатью ведению за ведением, восходя от созерцания сущего к познанию того, что воистину есть выше всего сущего.

146. Приближающиеся к совершенству, видя еще только отчасти беспредельность (духовных вещей) и сознавая непостижимость того, что видят, удивляются и приходят в изумление; а чем более входят они, неведомо как, в свет ведения, тем более сознают свою немощь. То, что является им некоторым образом примратно, показывает себя как бы зеркалом в гадании, и отчасти осиявая ум, мыслящий о том, когда благоволит явить себя в большем свете и соединиться по причастию с тем, кто им освещается, вовлекая всего его в себя, так что он бывает весь в глубине Духа, как бы в глубине безмерных светлых вод, — тогда он восходит неизъяснимо в совершенное неведение, как вступивший туда, где все выше ведения.

147. Ум наш, будучи прост, когда обнажится от всякого стороннего помышления и внидет в простой свет Божий, тогда, будучи объят и сокрыт весь сим светом, не может уже встретить ничего кроме того света, в коем находится, чтоб подвигнуться к помышлению о том, но пребывает внутри божественного света, не бывая попускаем посмотреть вовне. И сие—то показывает изречение: Бог свет есть и свет высочайший; почему когда бывает сказанное выше, тогда последует успокоение (почитие) всякого созерцания.

148. Тогда приснодвижный ум становится недвижимым и немыслящим, — без мыслей, — когда весь покроеся божественным облаком и светом, пребывая, однако ж, в сознательном созерцании и чувстве и вкушая те блага, среди коих находится. Глубины Святого Духа не таковы, как глубины воды морской; но они суть живая вода вечной жизни. Все, что находится там, в глубинах Святого Духа, непостижимо и неизъяснимо. Ум входит внутрь того, после того как минует все видимое и мысленное, и среди тех непостижимых вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни в жизни, будучи светом в свете, и не светом, поколику есть сам в себе. Тогда он видит не себя самого, но Того, Кто есть выше его, и будучи изменяем мысленно от тамошней славы, становится совсем не знающим себя самого.

149. Достигший в меру совершенства бывает мертв и не мертв, а живущ паче жизнью в Боге, с Коим пребывает, так как он не живет более сам по себе, как говорит Апостол: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Бывает он также слеп и не слеп; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения, получив новые очи, несравненно лучше естественных очей, коими и смотрит выше естества. Бывает бездействен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие. Бывает немыслящ, как соделавшийся едино с Тем, Кто выше всякой мысли, и почивший там, где нет места действию ума, — т. е. движению его в воспоминании, или помысле, или размышлении. Не имея возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, он некоторым образом опочивает на сем совершенным почитием, оным недвижением блаженного нечувствия, т. е. нелюбопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, с чувством, однако ж, верным и определенным.

150. Кто не сподобился достигнуть в такую меру совершенства и проникнуть до таких благ, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что это дело невозможно, или что бывает в нас совершенство, такое однако ж, о котором мы и не знаем. Удостоверяем будучи Божественным

Писанием, да ведает он, что дело сие возможно, и в истинной своей силе бывает в действительности, и совершается заведомо с сознанием его, но по причине неисполнения и нарушения заповедей Божиих всякой собственнo сам себя лишает таких благ, соответственнo своей неисправности.

151. Бог от начала сотворил два мира, видимый и невидимый, и царя над видимым, который носит в себе характерные черты обоих миров — одного в своей видимой части, а другого в части мысленной, — в душе и теле. В этих мирах сияют и два солнца, — это видимое, и другое — мысленное. И что есть для видимого и чувственнoго солнце, то есть для невидимого и мысленнoго Бог, Который есть и именуется солнцем правды. Чувственный мир и все, что в нем, освещается чувственным сим и видимым солнцем; а мир мысленный и те, которые находятся в нем, освещаются и осияваются мысленным солнцем правды. И чувственнoе освещается чувственным солнцем, а мысленнoе — мысленным разделенно, особо одно от другого, так как не смешаны и не слияны между собою ни мысленнoе с чувственным, ни чувственнoе с мысленным.

152. Из всего видимого и мысленнoго только один человек создан от Бога двояким. У него есть тело, составленнoе из четырех стихий, чувство и дыхание, — и душа мысленная, невещественная, не телесная, соединенная неизреченно и неисследованно, срастворенная неслиянно, и сочетанная несмесно с тем, что есть в теле. И вот что есть человек, — животное смертнoе и бессмертнoе, видимое и невидимое, чувственнoе и мысленнoе, способное видеть видимое творение, и познавать мысленнoе. Как два солнца разделенно действуют каждое на свой мир, так разделенно действуют они и на каждую сторону человека: одно освещает тело, а другое душу, и каждое подают из собственнoго своего света соответствующей себе стороне или богато или скудно, сколько может вместить освещаемый.

153. Чувственнoе солнце видимо, но не видит; мысленнoе же солнце и зримо бывает достойными, и само зрит всех, паче же тех, которые на него смотрят. Чувственнoе солнце не говорит и никому не дает силы и способности говорить; мысленнoе же солнце и само говорит друзьям своим, и всем дает способность и силу говорить. Чувственнoе солнце, светя на чувственный сад, иссушает только теплотой лучей своих сырость земную, а не насыщает и не ботит растений и семян; мысленнoе же солнце, когда воссияет в душе, оба сии оказывает действия: иссушает сырость страстей, очищая вместе скверноту и зловоние, происходящие от них, и сообщает мысленной земле души удобрение (жирную делает), т. е. божественную благодать, коей будучи насыщаемы, произрастения добродетелей мало помалу возрастают в довольстве.

154. Чувственнoе солнце, восходя, освещает чувственный мир, и все, что в нем: людей, зверей и прочее все, над которыми одинаково простирает свет свой, царствует в полдень, затем опять скрывается, оставляя во тьме те места, над которыми светило. Солнце мысленнoе, воссияв, всегда светит, невместно вмещаясь все во всем, и вместе отособляясь от тварей своих и неотделимо отдельно пребывая от них, — будучи все во всем и не будучи нигде в тварях своих исключительно (так чтобы не быть в других местах). Оно — все в видимом и все в невидимом, — все всюду присуще и нигде — все исключительно.

155. Христос есть начало, середина и конец. Он есть и в первых, и в средних, и в последних, — и как есть в первых, так и во всех. Для Него нет разности между сими, как несть у Него ни варвар, ни скиф, ни Еллин, ни Иудей, но всяческая и во всех Христос (Гал. 3, 28).

156. Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетает,

сцепляет, связывает и единит, и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одной и той же. Она есть Бог, с Коем и последние бывают первыми, и первые, как последние.

157. Как мысленные чины небесных Сил освещаются Богом по порядку, так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье, и так во все: так и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святаго Духа, делаются равночестными с ними и подобными им. Затем святые, — которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, — посредством исполнения заповедей Божиих прицепляются к ним, — к тем прежним, и получая благодать Божию, осияваются подобно им, — все же последовательно составляют таким образом некую златую цепь, каждый, будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, — цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть.

158. Кто не изволяет со всей любовью и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними, и не будет вчинен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом.

159. Сколько хочет Бог быть нами познанным, столько открывается, — и сколько откроется, столько зрим бывает и познается достойными. Но сподобиться сего и испытать сие никто не может, если прежде не соединится с духом Святым, стяжав наперед трудами и потами сердце чистое, простое и сокрушенное.

160. Как тот, кто станет предлагать уроки по риторике и философии изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесет ему пользы, но отвратит его и от того, что он проходит и сделает, что он забудет выученное, потому что ум его не вмещает предлагаемых ему учений: так и тот, кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и особенно более ленивым из них, не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять. Потому что как взглянут они ни высоту добродетели и увидят, как далеко отстоят от вершины ее, то, подумав, что им никак невозможно взойти на верх ее, бросят и те немногие добрые дела, которые уже начали делать, как бесполезные, и погрузятся в безнадежие.

161. Которых держат в своей власти и над которыми господствуют страсти, те, — когда услышат, что совершенный по Богу человек почитает себя нечистым паче всякого человека, всякого животного и всякого зверя, — и что он, будучи бесчестим, радуется, будучи злословим, благословляет и хвалит, будучи гоним терпит, и со слезами и болезнью сердечно молит Бога о врагах своих, — во-первых, не верят всему этому, почитая и выставляя себя подобными им; потом, будучи обличаемы Божественным Писанием и опровергаемы святыми, показавшими все сие на самом деле, сознаются, что не могут достигнуть в такую меру совершенства; а когда услышат, что если они не станут так поступать, то и спастись не могут, тогда, не желая отстать от греховных навыков и покаяться, в чем согрешили, впадают в безнадежие.

162. Где глубокое смирение, там и слезы обильные; а где есть сие, там есть и присещение Святаго Духа; когда же придет благодать поклоняемого Духа, тогда в том, кто начинает быть под действием

Его, является всякая чистота и святость, — тогда он зрит Бога, и Бог призывает на него. Ибо Господь говорит: на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущаго словес моих (Ис. 66, 2).

163. Человек может побеждать страсти, но не может их искоренить. Он получил власть не делать зла, но не и не помышлять о нем. Благодетель же настоящее состоит не в том только, чтоб не делать зла, но чтоб и не помышлять о нем. Кто помышляет о зле, в том нет чистоты. Ибо как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью?

164. Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какой-либо страстью, но и не помышляет даже ни о чем худом, или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимой любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога.

165. Бесстрастием почитаю я то, когда кто не только удаляется от действий по влечению страстей, но чужд бывает и самой похоти их; и не только это, но когда ум его обнажен от самого помышления о них и свободно возносится превыше небес, как ни захочет, заходя за пределы всего видимого и чувственного, как бы чувства его были совсем закрыты, и ум превитал в области вышечувственной, имея однако ж с собою и чувства, как орел имеет свои перья (в выси при себе).

166. Ни ум без чувства не проявляет своих действий, ни чувство без ума.

167. Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления, или помысла мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает уже ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превитает в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, — применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знаменем чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя как в зеркале.

168. Как тот, кто находится вне дома, не видит тех, которые заперты в доме, так и тот, кто распялся и умер миру, не имеет никакого чувства о вещах и делах мира.

169. Как мертвое тело не имеет никакого чувства ни к живым телам, ни к мертвым, лежащим вместе с ним, так и исшедший из мира благодатью Святаго Духа и сущий с Богом не имеет чувства к миру, ни пристрастия к вещам мира, хотя подлежит потребностям тела.

170. Бывает смерть прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ, — делом, опытом, силой и истиной. Ибо когда смертное мудрование уничтожается бессмертным умом и мертвенность изгоняется жизнью, тогда душа, как бы воскресшая из мертвых, узревает чисто себя саму, как узревают себя пробудившиеся от сна, и познает истинного Бога, ее воскресившего, и Коего благодаря, выходит она за пределы чувств и всего мира, преисполненная неизреченной сладости, и тем заставляет утихнуть всякое мертвенное движение.

171. Иное вносится (в жизнь спасительную) нами самими, иное подается нам Богом. Чем больше мы очищаемся посредством собственных наших трудов и священных потов, тем более светимся божественным светом, тем более очищаемся собственными слезами нашими, принося от себя слезы и вместо их получая от Бога свет сокрушения.

172. Многие, привнося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богом. Это явно из того, что сделали и что пострадали Каин и Исав. Ибо если кто не привнесет своего с правым помыслом, с благочестным расположением, с верой и великим смирением, то нельзя, чтобы Бог

призрел на него милостиво и принял приносимое им, а не принявши сего, нельзя, чтобы дал вместо того и то, что обыкновенно Им подается в таком случае.

173. Мертьв для святых мир и люди мира. Почему, как мирские видя не видят добрых дел святых мужей, и слыша не могут нисколько понять божественных словес, предлагаемых им благодатью Святаго Духа, так и духовные и святые мужи не могут видеть лукавых дел лукавых мирских людей, и понять страстных речей их — т. е. и они, видя, не видят что в мире и слыша о том, что касается мирских людей, находятся в таком Божественном состоянии и расположении, как бы не слышали то, по неимению к тому чувства. Таким образом, не бывает никакого общения ни у духовных с мирскими, ни у мирских с духовными.

174. Как явно разделение света и тьмы и смешение их невозможно: кое бо общение свету ко тме, или какая часть верну с неверными (2 Кор. 6, 14. 15): так такое же бывает разделение одного с другим, и в тех, кои имеют Святаго Духа, и в тех, кои не имеют Его. Ибо духоносцы имеют житие свое на небесах, сделавшись из людей более ангелами, а эти (не имеющие Духа) сидят еще во тьме прародительской и в сени смерти, прикованные к земле и земному. И те освещаются обильно мысленным не вечерним светом, а эти только чувственным; те видят и себя самих и ближних, — а эти, видя каждый день и себя самих и ближних умирающими душевной смертью, не знают и не верят, что есть воскресение мертвых, суд и воздаяние каждому по делам его.

175. Имеешь ли ты Духа Святаго, это можешь ты верно узнать из действий Его в тебе, как говорит о сем св. Павел, — что где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17), — и что там плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради (Рим. 8, 10), — что иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24). Ибо крестившиеся в Духе Святом облеклись во всего Христа, стали сынами света и ходят в не вечернем свете, видя мир, не видят и, слыша мирское, не слышат. Как о плотских людях написано, что они видя не видят, и слыша о божественных вещах не понимают того и не могут вместить духовного, потому что оно кажется им буйством: таким же образом рассуждай и об имеющих в себе духа, что они хотя носят тело, но не плотяны суть, как говорит Апостол: вы несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас (Рим. 8, 9). Они мертьвы для мира и мир мертьв для них, как он же говорит о них в своем лице: мне мир распяся и аз миру (Гал. 6, 14).

176. Как человек двояк, состоя из души и тела: так и мир, подобно ему, двояк — видимый и невидимый, и в каждом из них свои особые идут дела, по духу каждого, и свои заботы о делах. Тоже нахожу и я в видениях и снах. Чем душа занята и о чем разглагольствует наяву, о том мечтает или философствует она и во сне: или проведя весь день в работах о делах человеческих, об них же суетится она и в сновидениях, или поучаясь все время в вещах божественных и небесных, в видение их входит и во время сна и умудряется видениями, по пророку: юноши ваши видения узрят (Иоильт в Деян. 2, 17). И не прельщается ложными сновидениями, но сновидит истинное и поучается откровениями.

177. Когда желательная часть души движется на страсти, утехы, наслаждения и удовольствия мира сего, тогда душа видит и сны, подобные сему. И опять, когда раздражительная часть души звереет и свирепствует против однородных себе людей, тогда и в сновидениях видятся нападения зверей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой в судах с теми, с коими состоят в раздоре. Когда же умственная часть души надымается в тщеславии и гордости, тогда во сне мечтаются воспарения на

воздух на крыльях, или восседания на высоких креслах судей и властителей народных, торжественные выходы и встречи и т. п.

178. У тех только бывают истинные во сне видения (их не следует называть снами, а видениями), — которых ум благодатью Святого Духа сделался прост и свободен от всякого давления со стороны страстей и от рабства им, — у которых вся забота и попечение о божественном и все помышление о будущих наградах и воздаяниях, — которых жизнь выше жизни живущих, беспопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небесного ведения и других плодов благих, возделываемых в них Духом Святым; у тех же, кои не таковы, сны ложны и беспорядочны, и все в них обман и прелесть явная.

179. Кто делает мертвой волю свою, тот всеконечно делается безвольным, не имеющим воли; из живых же и самодвижных тварей нет ни одной безвольной, кроме не имеющих чувства и движения. Растения движутся как-то внутри и возрастают; но не говорится, что они делают это движение и рост по естественной воле своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имеет и естественную волю. Итак, кто умертвит волю свою подвигом и особым направленным к тому вниманием и тщанием, и сделается безвольным, тот очевидно вышел из естества своего и стал вне его, и ничего уже не хочет собственным хотением своим, и ничего не делает сам, ни доброго, ни худого.

180. Из тех, которые сподобились сделаться едино с Богом, соединяясь с Ним содействием Святого Духа, и вкусить неизреченных благ Его, никто не услаждается пустой, скажу — бесчестной и ничтожной славой, приносимой ему от людей; не вожделевает он также ни денег, ни одежд дорогих, ни камней многоценных, как называют их люди неразумные, — не любит прилеплять сердца своего, или пристрастие иметь и к богатству, текущему и непостоянному, переносящемуся от одного к другому, — не любит и того, чтоб знаему быть царям и начальствующим, которые не суть поистине начальники, властители и господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; он и не почитает их за что-либо великое и высокое и не думает, чтоб они особой какой облакали славой тех, кои близкими становятся к ним, — не желает быть близким и к другому кому из именитых и славных в мире сем, как никто не желает из богатого сделаться бедным, или из властного начальника, великого и славного сделаться бесчестным, бесславным, презренным, низшим всех.

181. Тому, кто много говорит устами в молитве своей, неудобно сознавать все, что говорит; но кто молится немногословно, тот может сознавать, что говорит в молитве. Тем, которые не все сознают хорошо, что говорят, положено много говорить; тот же, кто научился сознавать, что говорит в молитве, не может говорить много, чтоб не рассеиваться умом. Нет нужды много говорить к Богу, но немного с разумным сознанием того, т. е. чтоб понимаемо было то. Впрочем, молиться с разумным сознанием никак невозможно, не сделавшись причастником Духа Святого. Если кто не сдружился с Богом чрез Господа Иисуса Христа в Святом Духе, то душа его не может молиться с разумным сознанием, как сказал один из великих отцев: то, силою чего мы молимся, как должно, есть Дух Святой. Итак, кто думает, что молится настоящим образом без Духа Святого, тот, и прославляя Бога песнословно, тоже, что хулит Его, поскольку нечист есть и не содружился еще с Богом.

182. Как тот, кто всегда смотрит на солнце чувственное, и нехотя претерпевает изменение в зрении, т. е. начинает смотреть иначе, потому что не может ничего другого из видимого видеть, а во всем

видит одно солнце: так и тот, кто умом своим и сердцем всегда смотрит на умное солнце правды, — и нехотя претерпевает изменение в умном зрении, потому что он ничего уже из земного воображать не может, но во всем видит единого Бога.

183. *(Это и след. и в Добротол. есть, — тоже в конце.) Спросили однажды святого и блаженного сего Симеона, каков должен быть иерей, и он ответил, говоря: я недостойн быть иереем, но каков должен быть иерей, верно знаю. Во–первых, он должен быть чист не только телом, но и душой, и при этом непричастен никакому греху. Во–вторых, он должен быть смирен не по внешнему только облику и обычаю действовать, но и по внутреннему настроению. Потом, когда предстоит священной и святой трапезе, должен всеконечно, видя чувственно святые дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущ в дарах, должен он стяжать и иметь обитающим в себе в сердце своем сознательно, чтоб таким образом с дерзновением мог он возносить моления к Богу и, как друг с другом беседуя, говорить: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, потому что молитва сия показывает, что произносящий ее имеет живущим в себе сущего по естеству Сыном Божиим, со Отцем и Святым Духом. Таких видел я пресвитеров, простите мне отцы и братия.

184. Говорил он еще и следующее, будто об ином ком, себя прикрывая и бегая славы человеческой, понуждаемый однажды объявить то по любви к ближнему на общую пользу: слышал я, говорит, от одного монаха иерея, доверявшего мне, как другу своему: никогда (говорил он) не литургисал я, не увидев Духа Святаго, как видел Его сошедшим на меня в то время, когда меня рукополагали и митрополит читал надо мною молитву иерейского посвящения и Евхологий *(омофор с возложением рук; а Евхологий, или служебник держит книгодержец) лежал на бедной главе моей. Я спросил его: как он Его тогда видел и в какого рода образе? Он сказал: простым и безвидным, однако ж как свет; и когда я, увидев то, чего никогда не видел, удивился сначала и сам в себе рассуждал, чтобы это было такое, — тогда Он таинственно, но внятным гласом сказал мне: Я так нисхожу на всех Пророков, и Апостолов, и нынешних избранных Божиих и святых; ибо Я есмь Святой Дух Божий. — Ему слава и держава, во веки веков. Аминь.

Подвижническое слово старца Симеона благоговейного.

Предлежащее слово подвижническое и нравоучительное, состоящее из многих глав, не св. Симеону новому Богослову принадлежит, а Симеону благоговейному, старцу св. Симеона нового Богослова.

1. * (Добротол.120). Брате, в самом начале отречения своего от мира потщися насадить в себе благие добродетели, чтоб и братству ты был полезен, и самого тебя Господь возвеличил напоследок. Не стяжай себе особого дерзновения пред игуменом и не ищи себе особой от него чести. Не стяжай дружбы с наибольшими в обители, и не части в келии их, зная, что чрез это не только страсть тщеславия начнет пускать в тебе свои корни, но и самому настоятелю сделаешься ненавистен; а почему это — разумевай, да разумеет. Сиди в мире в келии своей, какова бы она не была; но и хотящего посетить тебя и побеседовать с тобой не отвращайся, ради сохранения своего благоговения, потому что, с совета отеческого беседуя с ним, не потерпишь вреда, хотя бы он и был из противных, т. е., не согласен с тобою ни в правилах, ни в мыслях. Если и не видишь, чтоб это было полезно для тебя, делай так, побуждаясь возможностью доставить пользу другому.

2. Должно всегда иметь страх Божий и каждодневно обследовать и обсуждать, что доброго и что худого сделано тобою, — и доброе предавать забвению, чтоб не впасть в страсть тщеславия, а о

противном тому проливать слезы с исповедью и напряженной молитвой. Суд сей над собою совершай так. Когда кончится день и настанет вечер, начинай разглагольствовать с собою и вопрошай себя: как, с помощью Божией, провел я день сей? Не осудил ли кого? Не досадил ли кому словом? Не соблазнил ли кого? Не посмотрел ли страстно на чье-либо лицо? Не ослушался ли в чем настоятеля по послушанию своему и понерадел о нем? Не прогневался ли на кого? Стоя в собрании (церковном), не занимал ли ума своего чем бесполезным, или отяготясь от лености богослужением, не уходил ли из церкви и с правила? Хотя бы нашел себя во всем этом неповинным, — что однако ж невозможно, — потому что никто не бывает чист от скверны, аще и един день будет жития его (Иов. 14, 4), и никто же похвалится чисто имети сердце (Притч. 20, 9); и тогда, помянув это, возопи к Богу со многими слезами: Господи, прости мне, елика согреших словом и делом, в ведении и неведении, ибо мы во многом погрешаем, не зная того.

3. Каждодневно должно исповедывать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то как из уст Божиих с полным убеждением (в истине того непреложной); другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и о том-то, и он ответил мне то и то; и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это, и что мне делать во уврачевание себя? Потому что это суть слова неверия отцу своему, и пагубны для души. Это наиболее случается обычно с новоначальными.

4. Всех, сущих в киновии, должно видеть святыми и только себя одного почитать грешным и последним, прилагая к сему, что из всех спасаемых ты один осужден будешь на вечные муки в день он. Когда стоишь на службе, все об этом думай, и не переставай тепло плакать в сокрушении сердечном, не обращая внимания на соблазняющихся, или насмехающихся. Только когда увидишь, что начинаешь от этого поскользаться в тщеславие, тогда выходи их церкви и делай это втайне, поскорее возвращаясь потом на свое место. Это для новоначальных очень полезно; особенно во время шестопсалмия, чтения Псалтири и поучений, и во время Божественной литургии. Но смотри никого не осуждай, а вот что положи в уме своем: те, которые видят меня так плачущим, почитая меня многогрешным, усердно молятся о мне. И конечно так непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу, — и Божию привлечешь благодать, и божественного блаженства причастником сделаешься.

5. Не ходи ни к кому в келию, кроме игумена, и это как можно реже. Но если желаешь спросить его о каком-либо помысле, делай это в церкви; от службы же церковной прямо уходи к себе в келию и потом на дело послушания своего; а после повечерия, положив поклон игумену и испросив молитв, опять поникши головой, с молчанием беги в келию. Лучше одно Трисвятое прочесть со вниманием и лечь спать, нежели без сна провести четыре часа в бесполезных разговорах. Впрочем, где сокрушение и плач духовный, там и божественное осияние; а когда оно найдет, тогда отгоняются и леность, и немощь.

6. Особой любви ни с каким лицом не заводи, особенно из новоначальных, хотя и покажется тебе жизнь его очень хорошей и нимало неподозрительной. Потому что из духовной такая любовь очень часто прелгается в страстную и бывает причиной многих бесполезных скорбей. И это случается наиболее с теми, кои ревностнее подвизаются. Впрочем, смирение и частая молитва научит, как тут поступать; подробно же говорить о сем здесь не нахожу уместным. Разумный да разумеет.

7. В отношении к каждому брату в киновии надо держать себя чужим и отстраненным, особенно из

тех, кои были знакомы по мирской жизни, но всех любить, и любить ровно, — на благоговейных и подвижников смотреть как на святых, а о подобно мне нерадивых прилежно молиться. Впрочем, как и выше показали мы, почитая всех святыми, потщися плачем очиститься от страстей, чтоб, осветившись благодатью, на всех смотреть одинаково и сподобиться блаженства чистых сердцем.

8. Вот что почитай совершенным, имени своего достойным, удалением от мира, — всеконечное воли своей умерщвление, потом беспристрастие к родителям, родным и друзьям и совершенное от них отречение.

9. Далее еще обнажение себя от всего имущества своего, чрез раздаяние его бедным, по слову Господа, сказавшего: продаждь имение твое и даждь нищим (Мф. 19, 21), и забвение действительное всех лиц, какие сердечно любил или плотской, или духовной любовью.

10. Также исповедание всех сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самого часа наделано тобой, духовному отцу, или игумену, как самому Богу, испытующему сердца и утробы, ведая, как Иоанн крестил крещением покаяния, и все шли к нему исповедывать грехи свои (Мр. 1, 4. 5). Ибо от этого бывает великая радость на душе и облегчение совести, по пророческому слову: глаголи ты первее грехи твоя, да оправдишися (Ис. 43, 26).

11. Еще и то, чтоб положить в помысле такое убеждение, что после твоего поступления в обитель, померли твои родителя и друзья, почитать отцом и матерью лишь Бога и настоятеля; затем ничего уже у них не просить ради телесной потребности. Если они по своему о тебе попечению пришлют тебе что, прими то и помолись о них за их о тебе заботу, но присланное отдай в гостиницу или в больницу, и сделай это со смирением, потому что это не есть дело совершенных, но последних.

12. Делай всякое дело доброе со смирением, помня слова Господа: егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны быхом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10).

13. Всячески блюдишь, чтоб никогда не принимать Св. Причастия, имея что-либо на кого, даже в виде прилога помысла, пока не устроишь совершенного примирения с ним посредством покаяния. Впрочем, и этому научишься от молитвы.

14. Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавление от многих долгов, и благодаря за них (когда встретятся) Святаго Бога. Сим образом стяжается непостыдное упование по слову великого Апостола: скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит (Рим. 5, 3–5); так как, по неложному обетованию, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша (1 Кор. 2, 8), есть достояние тех, кои, с помощью благодати, показывают полное терпение в скорбях; без благодати же, ничто не может быть сделано, как следует.

15. Не имей в келии своей никаких вещей, даже до иглы, кроме рогожи, овечьей кожи, рясы и того, во что одеваешься (или чем одеваешься ночью), — если возможно, ни даже подножия. Есть что сказать о всем этом; но разумный да разумеет.

16. Опять и у игумена не проси ничего потребного, кроме положенного по уставу; но и это, когда сам он позовет тебя и даст, никак не соглашаясь при сем с помыслом, внушающим переменить что-либо из даваемого, но каково бы оно ни было, принимай то с благодарностью, как от Бога, — и тем довольствуясь, без замысла купить другое от себя, потому что это неуместно. Так как платье загрязняется, то его надо мыть дважды в год, выпрашивая на это время подобно нищему и

страннику, со всем смирением, у другого брата, чем одеться, пока своя одежда вымытая высохнет на солнце, и потом опять отдавая то с благодарностью. Так и с рясою поступать надобно и со всем другим.

17. Трудись по силе (не лентясь) в деле послушания, а в келии прилежи молитве, со вниманием, сокрушением и частыми слезами, не слагаясь в сердце с помыслом, что—де, как ныне я перетрудился, то отниму немного от молитвы, труда ради телесного: ибо говорю тебе, что, сколько бы кто не преутруждал себя в деле послушания, коль скоро чрез это отвлекается он от молитвы, пусть держит в мысли, что потерял нечто великое. И это так есть воистину.

18. Прежде всех приходи в церковь на богослужение и после всех выходи, кроме крайней какой нужды, — особенно на утреню и литургию.

19. Всякое повиновение имей к своему игумену, от которого и пострижен ты, и без раздумий исполняй, что ни повелит он, даже до смерти, хотя бы то казалось тебе и невозможным. Действуя так, будешь подражателем Того, Кто послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя. Но не только игумена, но и всю братию, и того, кому поручено смотреть за послушаниями, ни в чем не должно ослушаться. Если он назначит тебе что не по силам тебе, положив поклон, проси снисхождения; если не снизойдет, понуди себя исполнить то, помышляя, что нудящихся есть царствие и что его восхищают те, которые нудят себя (Мф. 11, 12).

20. С сокрушенным сердцем припадай к ногам всей братии, как ничтожный, безвестный и совсем будто не сущий. Кто так обращается со всеми и так проводит жизнь свою, тот, дерзаю сказать, бывает прозорливым и с помощью благодати многое предсказывает. Таковой молится и о прегрешениях других братьев, пребывая не развлекаемым пристрастием к вещественному, так как духовная божественная любовь не попускает ему поскользнуться на это. Предсказывать не дивное дело. Часто бывает это и от бесов, — но разумный уразумеет сие. Впрочем, когда кто начнет исповедывать, или принимать открытия ему помыслов другими, то бывает, что лишается и сего, будучи занят рассуждением помыслов других. Но если по великому смирению перестанет это делать, т. е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится в прежнее устройство. Почему так бывает, знает един Бог; я же, страхом объемлем, не дерзаю говорить об этом.

21. Имей ум всегда в Боге и во время сна и во время бодрствования, при вкушении пищи и беседе, за рукоделием и всяким другим делом, по слову Пророка: предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть (Пс. 15, 9). Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное сияние света, наподобие луча. И чем более взыскиваешь его, со вниманием крепким, мыслью неразвлеченной, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым, возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает благовидным, просвещая и научая различать доброе от худого. Впрочем, брате, много требуется труда и с Божией помощью, чтоб такое сияние благодатное совершенно вселилось в душу твою и ее освещало, как луна мрак ночи.

Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтоб не осудить кого, видя, что он делает что—нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрез вселение в нее благодати и установление в ней мирного устройства освободилась от страсти и искушений, обыкновенно влагают в нее такие помыслы; но помощь от Бога (приходит и разоряет их козни). Да будет у тебя и плач непрестанный, и сытости в слезах не знай. Внимай еще,

как бы не пострадать чего из за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, — и ты много поищешь их в молитве и не обрящешь, — и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати. Но Господи, никогда не попусти нам лишиться благодати Твоей. Впрочем, брате, если и случится сие с тобою, возверзи на Бога немощь свою и восстав, воздешь руки свои, и так говори в молитве: Господи! Помилуй меня грешного, немощного и бедного, и ниспосли на меня благодать твою, не попуская мне искувиться паче, нежели могу. Виждь, Господи, в какое бездушие и в какие помыслы ввергли меня грехи мои многие. Я, Господи, если бы и захотел почесть, что мое самомнение, бывшее причиной лишения Твоего благодатного утешения, произошло у меня от бесов, не могу тем извинить себя, ибо знаю, что с теплым усердием творящие волю твою легко сопротивляются им. Не они, а мои собственные грешные расположения, кроющиеся в сердце, искусили меня. Каюсь в сем, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебе и для меня полезно, да внидет паки благодать Твоя в раба Твоего, да, видя ее, радуюся со умилением и плачем, — будучи просвещаем присносветлым сиянием ее и сохраняем от скверных помыслов, и всякой злой вещи, и от всех недобрых дел и слов, коими каждодневно согрешаю я в ведении и неведении, — укрепляясь в благонадежном дерзновении пред Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключаящимися рабу твоему от бесов и людей, и отсечением собственной воли своей, помышляя и о благах, уготованных любящим Тебя. Ибо Ты сказал, Господи, что просяй приемлет, ищай обретает, и толкущему отвержется (Мф. 7, 8). К сему, брате, прилагая и другое, что вложит Бог в сердце твое, пребывай терпеливо в молитве, не расслабляясь скукой и унынием, — и благий Бог не оставит тебя.

22. В келии, какую в начале получил ты от настоятеля, терпеливо пребудь до конца. Если помысл станет смущать тебя по причине ее ветхости, или опасности падения, то, поклонившись настоятелю, скажи ему об этом со смирением. Если он выслушает тебя, радуйся; а если нет, и в таком случае благодари, вспомняв о Владыке своем, не имевшем, где главу подклонить. (И не повторяй уже прошения). Ибо если ты два, три или четыре раза подокучаешь об этом настоятелю (и не получишь удовлетворения), то от этого родится сначала дерзость пред ним, потом недоверие к нему и наконец презрение (и жизнь твоя расстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего, что служит к удовлетворению телесных нужд. При поступлении твоём в монашество, в начале об этом и речи не было. Не обещался ли ты напротив мужественно сносить по заповеди Божией, если бы тебя все презирали и уничижали? Итак, если хочешь сохранить веру и любовь к настоятелю своему и всегда смотреть на него как на святого, соблюди следующие три вещи: не проси у настоятеля того, что служит к упокоению телесному, не позволяй себе особой пред ним смелости, и не учащай к нему, как некоторые делают, имея в виду будто бы то, чтоб пользоваться его наставлениями и руководством, — не иноческое это дело, а человеческое; впрочем, я этого не осуждаю. Прибавь к сказанному еще и то, чтоб не скрывать от него никакого помысла, находящего на тебя. Если будешь соблюдать все сие, то без волнений переплывешь море жизни и отца своего, каков бы он ни был, не перестанешь почитать святым. Если подошедши в церкви к отцу своему спросить о своем каком-либо помысле, найдешь, что другой предупредил тебя по ому же предмету, или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается внимание, смотри не оскорбись, и не подумай чего-либо недоброго; но стань особо поодаль и жди, сложив руки, пока не

кончится речь с тем и тебя не позовут. Бывает, что отцы нарочно так делают для испытания и для заглаживания прежних наших в сем обстоятельстве погрешностей.

23. Поститься в посты надлежит тебе так: в великий пост по два дня, кроме великого какого праздника, субботы и воскресенья; в другие посты через день (вкушать); в прочие же дни года есть по одному разу в день, кроме субботы, воскресенья и праздника, — но не досыта.

24. Старайся быть для всего братства назидательным образцом во всякой добродетели, — в смирении и кротости, в милостивости и послушании даже в низких вещах, в безгневи и беспристрастии, в нестяжательности и умилении, в незлобии и нелюбопытности, в простоте нрава и чуждости ко всякому человеку, в посещении болящих, в утешении скорбящих, — в том, чтобы не отвращаться от ищущих пользы, под предлогом беседы с Богом: ибо любовь лучше молитвы, — в том, чтоб быть сострадательну ко всем, нетщеславну, недерзостну, нетребовательну, ни от настоятеля, ни от другого какого распорядителя, соблюдающу почтительность ко всем иереям; — в том, чтобы показывать внимание к молитве, неподдельное благонастроение и любовь ко всем, чтоб не славы ради стараться любопытно исследовать Писания, — чему научит тебя молитва, бывающая со слезами, и просвещение благодати. Когда спросит кто о чем подобающем, учи его тому, что касается богодейственных и богоугодных деланий, как подаст тебе благодать, со всем смирением, из опытов своей жизни, как бы другого кого, не тщеславясь в помысле, кто бы ни был ищущий у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищет у тебя врачевства против какого-либо помысла, но восприими его погрешения, какие бы они ни были, и молись о нем с плачем: ибо это есть знак совершенного сострадания и любви. И того ради, чтоб не получить вреда от слышания таких вещей, не отривай от себя приходящего. Действуя из любви, не потерпишь никакого вреда, при помощи благодати Божией. Впрочем, чтоб не произошло от этого вреда для других, надобно вести речь о сем (т. е. принимать помыслы и давать уроки по поводу их) в тайном месте. Но если и подвергнешься, как человек, приражению какого помысла, — чего однако ж не потерпишь, если сподобился действия благодати, — то и при этом не переставай тек действовать: ибо мы учимся не своей искать пользы, но многих, да спасутся (1 Кор. 10, 33). Относительно действия благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действие благодати. Будь только беспопечителен (о земном) и нестяжателен, — и сподобишься сего. Как же все сие бывает, не умею сказать: Бог весть.

25. Часы бдения проводи так: два часа читай (отеческие книги), два часа молись в умилении со слезами, (это от себя, не по молитвеннику), затем приложи канон, какой хочешь (или из Октоиха дневной, или из Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двенадцать псалмов, если угодно, — наконец молитву: Нескверная, Неблазная, и молитву св. Евстратия: Величая величаю Тя. Это когда ночи бывают велики; когда же они коротки, тогда и последование молитв пусть будет у тебя покороче, по данной тебе от Бога силе: ибо без Него ничто доброе не делается, как говорит Пророк: от Господа стопы человеку исправляются (Пс. 36, 23), — и как сказал Господь: без Мене не можете творити ничесоже (Иоан. 15, 5). — Но причащаться никогда не причащайся без слез.

26. Ешь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобным образом и вино (пей, какое подадут), с воздержанием, без ропота. Если живешь один, по немощи ешь сырые зелья (овощи, салаты), с маслинами. Если кто из братий пришлет тебе какое варево, прими с благодарностью и смирением, как странник, и поешь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бедному и

благоговейному. Если кто позовет тебя на угощение, ешь все предлагаемое, но всего помалу, по заповеди, соблюдая воздержание. Вставши из за трапезы, сделай поклон звавшему, по обычаю странников и бедных, и поблагодари его, говоря: Бог да воздаст тебе, отче святой. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

27. Если кто из братий, в скорби или от настоятеля, или от эконома, или от другого кого придет к тебе, утешь его такими словами: «поверь брате, что это случилось тебе на испытание. Часто и со мною бывало это, и я по малодушию скорбел от того; но когда воспринимал удостоверение, что это посылалось мне на испытание, переносил то с благодарностью. Поступай и ты таким же образом, и не печалиться, а паче радоваться будешь от таких скорбей». Хотя бы тот на брань и поношение (оскорбивших) поползнулся, ты и при этом не отворачивайся от него, но как подаст тебе благодать, постарайся утешить его. Ибо много есть рассуждений (пригодных на это дело); и ты, как поймешь состояние брата и его помыслы, сообразно с тем подойди с ними к нему и помоги ему; неуврачеванным же ни за что не отпускай его от себя.

28. Если какой брат болен, и тебе случится долгое время не посетить его, то, желая наконец это сделать, пошли наперед предупредить его и сказать: поверь мне, отче святой, что я ныне только узнал о болезни твоей, и прошу в этом извинения. Потом сам иди, и пришедши, положи поклон и по молитве скажи: как тебе, отче святой? Как милует тебя Бог? — затем сядь, сложа руки, и молчи. Если и другие там будут, пришедшие для посещения, смотри ничего не говори, ни от Писания, ни из естествословия, чтоб после не скорбеть. Это наибольшей частью случается с простейшими из братий.

29. Если случится тебе угощаему быть трапезой вместе с другими благоговейными братьями, все предлагаемое надобно тебе есть без раздумий, что бы там ни было. Если имеешь от кого-либо заповедь не есть, например, рыбы или другого чего, а это предложено: то когда тут же или недалеко давший тебе заповедь, поди и умоли его позволить тебе есть то; когда же нет его, или знаешь, что он не разрешит тебе, а ты не хочешь смутить тех, с которыми сидишь за трапезой, ешь не колеблясь, и после стола расскажи ему все, как и почему так ты поступил, прося прощения. Если не хочешь ни того, ни другого, то лучше тебе не ходить на такое угощение. От этого получишь ты два добрых плода: и беса тщеславия избежишь, и тех братий избавишь от смущения и неприятности. — Но если то будут братия из дебелейших, то соблюди свою заповедь. Впрочем, лучше и при них есть понемногу от всего. — Таким же образом поступай и при утешении всей братии кем-либо (когда кто для всей братии предлагает трапезу), по Апостолу, заповедавшему нам все предлагаемое есть ничтоже сумняся за совесть (1 Кор. 10, 27).

30. Если кто из братий, когда ты творишь молитву в келии своей, постучит в дверь, отвори ему, и сядь побеседуй с ним со смирением о том, что предложит он из относящегося к душеполезным предметам, и если он отягчен скорбью, постарайся утешить его словом или делом. Потом когда удалится он, затвори опять дверь и закончи свою молитву, начав с того, на чем прерван был. Ибо утешение и уврачевание приходящих равнозначительно с примирением (враждующих). Впрочем, с мирскими не так должно поступать, — но начинать с ними беседу уже по окончании молитвы.

31. Когда молишься, страх ли нападет на тебя, или стук подыметя, или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не робей; но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного. Такое смятение, страхование и ужасание бывает от демонов, чтоб, растерявшись и расслабев, оставил ты

молитву, а когда такие тревоги обратятся у тебя в навык, чтоб совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобой. — Но, если во время совершения тобою молитвы своей, иной некий воссияет тебе свет, которого изобразить в слове я не в силах, от которого душа преисполняется радости, возрождается вожделение лучшего и начинают течь слезы со умилением; то ведай, что это есть божеское посещение и заступление. Если слишком долго будет держаться такое состояние, то, чтоб по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя. Из-за страха же вражеского смотри никогда не оставляй молитвы; но как дитя, убоявшись каких-либо страшилищ, бежит в объятия отца или матери и там отлагает всякий страх, так и ты, востекши к Богу с молитвою, избежишь страха, наводимого бесами.

32. Если, когда ты сидишь в келии, какой-нибудь брат придет и спросит тебя о плотской брани, не отсылай его ни с чем; но с умилением из того, что подаст тебе благодать Божия и что стяжал ты собственным опытом, попользуй его, и так отпусти. Когда же будет он выходить, поклонись ему и скажи: поверь мне, брате, — уповаю на человеколюбие Божие, что отбежит от тебя эта брань, только не поддавайся и не расслабляйся (не поблажай). А когда выйдет, встань и вообразив брань его, воздешь руки свои к Богу и помолись Ему о брате со слезами и воздыханиями, говоря: Господи Боже, не хотящий смерти грешника, устрой дело сие, как знаешь и как полезно брату сему. И Бог, зная веру его к тебе и твое к нему из любви сострадание и искреннюю о нем молитву, облегчит ему брань его.

33. Все сие, брате пригодно к возбуждению и укреплению умиления, и должно все то исполнять с сокрушенным сердцем, терпением и благодарением; так как в этом причина слез, очищение страстей и прямой путь в царствие небесное: ибо царствие небесное есть достояние нудящих себя, и только нудящие себя восхищают его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь от прежних навыков и расположений, а может быть станешь свободен и от самих прилогов помысла: ибо обыкновенно свету уступает тьма и солнцу тень. Кто же вознерадит о сем вначале, тот, расслабев в помысле и сделавшись пытливым (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вследствие того впадши в злые страсти, познает свою немощь (являет опыты немощи, или опытом изучает ее), полон будучи боязни и робости (того не могу, другого не в силах — говорит он и чувствует, когда сознает, что следовало бы то и то сделать). Тому. Кто исполняет это, не должно думать, что исполняет то собственными силами, но все приписывать благодати Божией. Ему прежде надобно себя очистить, а потом чисто беседовать с Чистым (Богом), как сказал некто. Когда ум очистится многими слезами и восприимет осияние божественного света (которое не умалится, хотя бы его весь мир получил), тогда с любовью мысленно пребывает весь в будущем [58], и созерцает его, как то показывает ему Бог, и радуется радостью духовной, по Апостолу, который говорит: плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, кротость (Гал. 5, 22. 23).

34. Кто стяжал сие, да внимает себе и бдительно смотрит за прилогами помыслов. Ибо кто живет среди множества людей, тому невозможно, думаю, избежать их, особенно прилогов зависти и тщеславия тому, кого хвалят мирские люди за славную жизнь его и презрение видимых вещей. Но и то бывает, что иной раз видя или слыша, как кто-нибудь поступает неподобающим образом, невольно осуждает его. Почему таковой пусть остерегается от любопытства знать, что говорит или что делает игумен, или помощники его; если же побеждаемый страстью подумает или скажет что с любопытством (или то, что узнал, или чтоб узнать о них), пусть исправит себя в этом покаянием.

Пусть смотрит он за собою в сем отношении и во время стояния в церкви и во время исправления дела послушания; потому что помыслы тщеславия и в это время обыкновенно нападают на ревнителей доброго действованиа, когда или по тому поводу, что они добре внимают псалмопению, или по тому, что молятся без блуждания ума туда и сюда, внушают им, будто другие братья все мнуттся помыслами и только они одни пребывают в созерцаниях, возбуждаемых духовной мелодией (пением псалмов), мысленно подражая чинам ангельским, — что однако ж никому не явно, кроме одного Бога и тех, которые одинакового суть с ними устройства. — Бывает, что иным еще образом искушают их помыслы, именно или осуждая их, или ублажая. — Впрочем, всего этого можешь ты избегать, если будешь блюсти себя и себе внимать со смирением, любовью, исповедью и беспристрастием.

35. Старайся никого не опечалить ни словом, ни делом; напротив, даже тех, которые печалены другими, утешай, сколько можешь. Однако ж, никогда не думай, что ты препобедил козни дьявола и не тщеславься. Ибо все человеческое естество не может препобедить их; одна благодать Божия творит сие. — Итак, живущие братством в подчинении настоятелю должны поступать, как сказано. Что же касается до любителей безмолвия (живущих одиноко), тем я не могу ничего сказать. Впрочем, судя по тому, что я сказал, всякий пусть сам додумывается и до того, что свойственно безмолвникам. Безмолвие требует более строгой и внимательной жизни.

36. Если стяжал ты полную веру к кому-либо из братий киновии, и исповедуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, но всякий день и час ходи к нему и открывай помыслы, находящие и смущающие. Следовало бы всем ходить к игумену и исповедываться; но как иные не хотят открывать помыслов своих игумену, по немощи своей и неверию к нему, то я и говорю так по снисхождению к сему. Впрочем, не следует тебе переходить от одного к другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушает тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающего твои помыслы, тем, что часто ходишь к нему, или что стыдно тебе многократно сказывать ему о себе одно и то же, почему перестань исповедываться у него, а ходи к другому. Ибо, если не послушаем таких внушений, а все будем ходить к первому, то еще большую возьмеем к нему веру, и еще большую получим пользу, и от жизни его, и от слов его. За такую жизнь никто не будет осуждать нас, напротив, все будут хвалить, что с таким постоянством храним веру к нему одному. — Если вознерадим мы часто открывать помыслы свои, то впадем в большие страсти, и затем, стыдясь открыть их, впадем в ров нечаяния. — Если пойдем к другому духовнику (что непозволительно нам делать), то когда духовник этот одной с нами киновии, все братия осудят нас за то, что оставили веру, какую имели к прежнему, и Бог крепко осудит нас за это. Да и самый духовник, к которому перейдем, подумает, что и в отношении к нему мы также поступим наконец. И наверное поступим; и таким образом, превыкши переходить от одного к другому, уже никогда не прекратим этого; начнем пытаться, где есть какие столпники, затворники, безмолвники, и ходить к ним исповедываться, тоже переходя от одного к другому и теряя веру к каждому. Наконец, потеряем веру ко всем, сделаемся неверующими никому и во всем безуспешными; и, что бедственнее всего, подпадем общему осуждению и клятве. Почему тому духовнику, которому исповедывался ты в начале, старайся пребыть верующим несомненно до самой смерти своей. Ибо, как я сказал, если презришь его и перейдешь к другому, то подпадешь многим искушениям, начнешь таким же образом осуждать и всех других, и сам себе угладишь путь в пагубу. Но Господи, Господи, избави нас от всякого неверия

и подозрительности, и покрой божественною Твоей благодатью.

37. Если и ты сам приобретешь учеников, имеющих веру к тебе и исповедающих тебе свои помыслы, и увидишь, что они беседуют с некоторыми братьями из более благоговейных, — смотри не соблазняйся тем. Демоны и тем, которые право живут и добре ведут дела свои, внушают тайно, что такие ученики не шествуют в прямоте и простоте сердца и ходят к нам исповедывать помыслы свои не с истинною к нам верою, но прикрываясь лицемерием, не с доброй целью согладают лишь свободу нашу, — и внушая это, возбуждают в нас неудовольствие и недоверие к таким ученикам. — Так ты не принимай такого помысла, когда бесы станут влагать его тебе, но со всей простотой и любовью, Бога ради и ради самого добра старайся исправить таковых и душевно попользовать их, почитая их преуспеяние собственной соевои славой.

38. Если какой-либо из учеников твоих возьмемет неверие к тебе; ты рассмотри от чего это случилось, так как это бывает по многим причинам и предлогам: или от того, что потщеславившись, будто уже достиг совершенства, впал он в гордость и не хочет уже называться учеником, а желает быть в учительском чине; или от того, что, утыв и утолстев (т. е. предавшись беспечности), возлюбил плоть и желает жить в полном довольстве телесном; или от того, что ты прежде любил его больше, а потом стал любить других, — и он впал в зависть; или от того, что он желает рукоположения, а ты препятствуешь ему, так как, судя по делам, им исповеданным, недостойн он священства; или от того, что ты предпочитаешь ему в этом другого, после него, может быть, к тебе пришедшего, потому что такого рода действие сильную причиняет скорбь тому, кто сильно желает и не улучшает желаемого, — особенно если он пришел к тебе от малых ногтей и ты любил его по Богу крепко; или может быть ты когда-нибудь в побуждение, чтоб он воздерживался от страстей, обещал ему, что дашь ему позволение принять рукоположение (ибо духовники часто имеют обычай давать юным такие обещания рукоположения, чтоб воодушевить их отсечь совершенно наклонность, какую, по злой привычке, имеют они к известным страстям), и он не улучив по достоинству своему того, чего надеялся по обещанию твоему, подвигся на зависть и говорит такие обличения против того другого брата, что их даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кроме сказанного, бывают и другие причины неверия, — когда, например, иной по нерадению впадает в сосложения (с худыми пожеланиями), или в действительные грехи, и стыдись исповедывать то по тщеславию, умалчивает, а чрез умолчание такое мало-помалу приходит и в совершенное неверие (отцу своему); или когда кто, увидев тебя состоящим под влиянием какой-либо страсти, осудил тебя и отвернулся от тебя. Признаком отвращения таковых от тебя да будет тебе, если ты опытен, взор лица их или, если это тебе неподручно, изменение во внешнем виде сравнительно с обыкновенным. Ибо учишь ли ты такого, или обличаешь, или утешаешь, он держит вид, будто принимает внушения твои, но видно, что он принимает их слухом, но сердцем не принимает, что они неприятны ему, что он пересмеивает их, или раздражается против них. Если иной раз, желая испытать, чист ли он от страсти, велишь ты ему причаститься, или другое что сделать, он тотчас соглашается сделать это без всякого раздумывания, чтоб ты не обличил его. — Врачевство для таковых — молитвы к Богу усердные со слезами, умножение любви, частое внушение, телесное упокоение и всегдашние собеседования, иногда кроткие и усладительные, а иногда строгие и обличительные, как лучше и пригожее к тому, чтоб они слушались и умягчались нравом.

39. Когда ученик твой скажет о некоторых братьях, что они благоговейны и похвалит их, ты

промолчи. Если он спросит тебя о них, ответь со смирением: «поверь мне, отче, — не знаю; я, будучи малосмыслен, долг имею смотреть за своим нерадением; что касается до других, то они все по благодати Божией святы и добры; впрочем, каждый что посеет, то и пожнет». И ты не хвали и не осуждай никого в частности, но всех их хвали, — особенно, когда придет ученику твоему помысл, будто ты имеешь к кому-либо из них особую веру. Таким способом он ублагонастроится и избавится от того помысла.

40. Если два юных брата возымеют любовь между собой в простоте сердца, и ты, услышав от иных, что эта любовь их не добрая, а страстная, — чувствуешь понуждение пресечь такое их друг к другу пристрастие, когда случится, что они часто ходят к тебе; то добре суди, как надлежит тебе вести к ним беседу о том, что может их упользовать, чтоб вместо пользы не причинить им вреда. Итак, если думаешь, что что-либо из сказанного тебе похоже на правду, позови одного из них и, беседуя с ним с истинной любовью, с лицом радушным и с душевной приятностью, толкуй ему о многих и разных предметах, но в эту речь свою внеси малое нечто и некоторым образом прикровенно и касающееся той страсти; затем скажи ему: внимать себе подобает нам, брате, потому что ходим посреди сетей, и несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем, к духовом злобы (Еф. 6, 12), и враг наш яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Уже многих он из великих подвижников победил в брани; тем легче одолеет он тех, кои подобно мне нерадивы. Внимай убо себе и блюдись от сосложения со всякими помыслами, и от особенного с каким-либо братом содружества, чтоб не вплестись тебе опять в прежние грехи или может быть и худшие. Прибавив после сего еще что полезное о других вещах, чтоб рассеять всякое подозрение, — отпусти его. Другого же совсем не трогай. Если этот, с коим говорил ты, дельный человек и подвижник истинно духовный; то он от одних к нему твоих слов разойдется с тем, если имеет веру к тебе, или разорвет он содружество то от стыда, или от тщеславия, или от страха, — так как иные по этим трем причинам с помощью благодати Божией отстают от страстей, без труда и подвига. Если увидишь, что и после этого взаимное пристрастие сих юных остается по-прежнему, тогда призови и другого — одного, может быть, более бесстрастного, и потолкуй ему, подобно как и первому, или больше того. Потом прибавь и следующее: «слышал я, что ты имеешь любовь к такому-то. Зная вас обоих, я уверен, что эта любовь между вами духовная. Но чтоб иные не соблазнились, послушай меня, если хранишь любовь и веру ко мне, перестань вести с тем братом беседы и сидеть наедине. И это тем охотнее, что игумен имеет хорошее о тебе мнение и намерен представить тебя к рукоположению». Сказав это, начни бранить и укорять другого, что он и страха Божия не имеет, и принадлежит к числу плотяных людей. Этим расположишь его отстать от того, или по духовному побуждению, или по страсти тщеславия, хиротонии ради, о коей ты сказал.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКИТА СТИФАТ

Краткое сведение о преподобном Никите Стифате

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, искреннейший ученик св. Симеона, новаго Богослова, процветал в одиннадцатом столетии. Он посвящен был св. Симеоном во все таинства духовнаго любомудрия и в такой мере усвоил себе все добродетели его, что являлся воистину вторым параллельно с учителем своим солнцем, отражающем в душе своей все лучезарныя преломления благодатных даров его и учений. — Потом и сам по себе, с неусыпными трудами, углубляясь в Божественныя Писания, иное же и делом испытал и пережив, собрал он премножество

прекраснейших воззрений на порядки духовной жизни, и соделав чрез все сие ум свой как бы чреватым божественных и преестественных созерцаний, породил высокия и премудрыя изречения, как желающим можно удостовериться из предлагаемых трех сотиц их, которыя, если кто назовет точным правилом деятельной жизни, руководством к непогрешительному ведению, — зеркалом совершенства богоподобной жизни, одним словом, богатейшею сокровищницею нравственных уроков и умозрительных идей, тот скажет о них настоящую истину. Оне, как высоки по мыслям, так благолепны и по красоте выражений, так что недоумеваешь, мысль ли в них заключающаяся, или красота изложения такое услаждение вливают в душу читающих.

Н И К И Т Ы преподобнаго монаха и пресвитера святейшей обители студийской деятельных глав [59] сотница первая.

1) Четыре, полагаю, есть причины, побуждающия писать о душеспасительных вещах. Первая есть свобода, самое, разумею, безстрастие души, чрез притрудное делание достигшее до естественнаго созерцания творения, и оттоле вступившее в мрак Богословия. Вторая, слезами и молитвою производимая, чистота ума, от коей раждается слово благодатное, и источаются струи спасительных разумений. Третья — вселение в нас Святыя Троицы, от Коей исходит светолитие Духа на пользу всякому из очищаемых, для проявления таин царствия небеснаго и откровения сокрытых в душе сокровищ Божиих. Четвертая, — лежащий на каждом, получившем талант слова разума (1 Кор. 12, 8), долг, по смыслу угрозы Божией, гласящей: рабе лукавый и ленивый подобаше тебе вдати сребро мое торжником: и Аз пришед, истязал бых свое с лихвою (Мф. 9, 25–27); по каковой причине, конечно, и Давид говорил: се устам моим не возбраню: Господи, Ты разумел еси. Правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа (Пс. 39, 10. 11).

2) Начало жизни по Богу — всецелое удаление от мира. Удаление же сие есть отвержение пожеланий души и земнаго мудрования отменение: вследствие чего, востекая к Божественному мудрованию, соделываемся мы из плотских духовными, умерщвляемы бывая плоти и миру, оживотворяемы же в душе, во Христе и Духе.

3) Ведение о Боге неложное, вера глубоко–внедренная, при презрении всего видимаго, и добродетельное действовање, чуждое самолюбия — се треплетная вервь, которая, по Соломону, не скоро расторгнется (Еккл. 4, 12) от духов лукавствия.

4) Верю чаем получить воздаяния за труды; потому легко переносим труды доброделания. Духом же Святым будучи в чем удостоверяемы, любовьию воспаряем к Богу.

5) Не тогда, как терпим приражения нечистых помыслов, бываем мы уже принадлежащими и к части тех, кои делают непотребное. Но когда, по ослаблении в душе усилий ревности о добром и ум, вследствие небрежнаго и беспорядочнаго поведения, начнет вращаться в смутительных и омрачительных воображениях, и труды по добродетели, при лености к богомыслию и молитве, престанут. Тогда, и не делая непотребнаго, числимся мы на стороне произвольно валяющихся в блате нечистых сластей.

6) Когда ослабнут бразды владычественнейших (высших) чувств, тогда тотчас поднимается возстание страстей и приходит в движение действо раболепнейших (нисших) чувств. Ибо обычно неразумным сим (чувствам), разрешась от уз воздержания (или удержания и обуздания), бросаться на предметы страстей, и пастись на них, как на смертоносных пажитях, и это тем ненасытнее, чем

долее продолжается услаждение ими; потому что не могут, когда свободны от уз, удерживаться от вкушения того, к чему естественное имеют стремление.

7) Из чувств одни, — именно зрение и слух, — словесны суть и паче других любомудреннейши и владычественнейши; а другия, — именно вкус, обоняние и осязание, — безсловесны и животны, назначенныя служить словесным. Ибо сначала видим и слышим, а потом, движимые помышлением, осязаем предлежащий предмет и по обонянии предаем вкусу. Таким образом три последняя чувства более скотны и безпрекословнее раболепны, чем два первые; и преимущественно над удовлетворением их трудятся те из скотов и зверей, которые более чревонеистовы и более похотливы, день и ночь, или пищею ненасытно себя наполняли, или неудержимо ища соития

8) Кто действие внешних чувств заменяет внутренними, — зрение — устремлением ума к зрению света животного, слух — вниманием душевным, вкус — разумным рассуждением, обоняние — умным постижением (ощущением, чувством), осязание — бодренным трезвением сердечным: тот Ангельскую на земле проводит жизнь; — для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом.

9) Умным зрением приемлем свет божественный, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникновение) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых; разумным рассуждением, как вкусом, распознаем виды разумений, и те, которыя произрастают из горькаго корня, или преобразуем в сладкую для души пищу, или совсем отбрасываем, а которыя от былий добрых и злчных отражаются, те приемлем, пленяюще всяк разум в послушание Христово (2 Кор. 10, 5); умным постижением обоняем мысленное миро благодати Духа, исполняясь веселием и радованием сердечным; бодренным трезвением сердца благоумно ощущаем, как свыше Дух орошает пламень наших добрых вожделений, или согревает наши силы, охладевшия под действием хлада страстей.

14) Кто славы человеческой, которая ничтоже есть, ищет, как бы она чего либо строила, сластолюбие лобызает с душевною ненасытимою и любоименно предается сребролюбию; тот или в демона превращается чрез высокоумие и гордыню, или скотам уподобляется чрез порабощение похотям чрева и подчревных частей, или зверем для ближних делается чрез ненасытимое и безчеловечное сребролюбие. Ибо таковой, по слову Господню, отпадает от веры в Бога, потому что славу от человеков приемлет (Ин. 5, 44), — отвращает от целомудрия и чистоты, потому что ненасытно услаждается жжением подчревных частей и подчиняется срамным их влечениям, — отторгается от любви, потому что об одном себе печется, ближним же нуждающимся ничего не уделяет из своих имений: чрез то что все является чудовищем неким, из многих противоположностей сложившимся, и враждебным и Богу, и людям, и скотам.

15) Гнев, вожделение и разумная сила ума, когда в естественном своем чине стоят и действуют; тогда соделывают человека всего божественным некако и боговидным, всегда здраво действующим и отнюдь не уклоняющимся от естественнаго ему ступания. Когда же они в противность естеству уклоняются от надлежащаго образа действия и принимают движения (или направления), несвойственныя их естеству, тогда являют его, как сказано, чудовищем неким, из многих противоположностей сложившимся.

16) Гнев в междупределии стоит вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли оне действуют, или противоестественно. Когда вожделительная и разумная

сила души действует по естеству, направляясь к вещам божественным; тогда гнев для каждой из них служит оружием правды против злобного змия, нашептывающего им и предлагающего вкусить от сластей плоти и утешиться славою человеческою. Когда же оне уклоняются от естественного им движения и обращаются к противоестественному, и свой труд и занятия от божественных вещей переносят на человеческия, тогда он служит для них оружием неправды, которым оне борются и воюют со всеми, кто полагает им преграду в их похотениях и стремлениях: так что человек в среде церкви верных, является или деятельным, созерцательным и богословствующим, когда действует по естеству, или скотным, зверонравным и демоноподобным, когда уклоняется к тому, что противоестественно.

17) Если кто прежде душевных своих сил болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит и не сделает такими, какими в начале дал их нам Бог, когда, создав Адама, вдунул в него дыхание жизни: то ни самого себя познать не может когда либо, ни стяжать помысл владычественный над страстями, не кичливый, не пытливый, не лукавый, простой, смиренномудрый, чуждый зависти и клеветы, — чрез пленение всякаго помышления в послушание Христово. Но и души своей никогда не будет он иметь горящую и пламенеющею любовию к Богу, не престающую пределов воздержания, довольствующеюся предлагаемым и желающею упокоения святых. Если же она этого не стяжет, то и сердца своего никогда не возможет иметь кротким, смиренным, безгневным, благим, не задорным, полным милости и радушия, потому что она так наветует сама против себя, и так разстроивает свои силы, что является неспособною вмещать в себе лучи благодати Святаго Духа.

18) Кто таким образом не восприимет в себе снова первоначального благолепия и не возобразит отличительных черт образа Того, Кто в начале создал его по образу Своему: тому как возможно когда либо соединиться с Тем, от Кого он отделился неподобием отличительных черт, и Коему, Свету существу, погасив свой свет, привлек в себе противное (т. е. тьму)? Не соединившийся же с Тем, от Кого получил начало бытия, и из несущаго стал сущим, и над сущими получил власть, куда ввержен будет, как не подобный Создавшему его, по отсечении от Него? Сие явно видящим, хотя я промолчу.

19) Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их; дотолле сила их превозмогает над нами, приемля власть на то от нас же самих. Когда же мы отвергнем их от себя и сердце свое очистим слезами покаяния, возненавидев и обольщение видимыми вещами, тогда соделываемся причастными присещения Духа Утешителя, Бога зря и зримы бывая от Него.

20) Отрешившиеся от уз пристрастия к миру пребывают в свободе от всякаго порабощения чувствам, Единому Духу живя и с Ним беседуя, яко движимые от Него, чрез Коего они обычно сочетаются и с Отцем и Словом, единосущными Ему — един дух, по Св. Павлу, с Ними бывая. Таковые не только не уловимы бывают для демонов, но и страшны, как причастники божественнаго огня и сами огнем соделавшиеся.

21) Осязание есть не частное некое чувство, в одной какой части тела действие свое проявляющее, но чувство общее, по всему телу распространенное. Почему, когда оно осяжет без нужды что либо, питая еще пристрастие к вещам нежащим, тогда колеблет ум страстными помыслами. Когда же коснется чего по необходимой естественной потребе, отрешившись уже от всяких нежностей и

преодолев чувственность, тогда оно не колеблет душевных чувств.

22) Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, безстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, изследуя лишь причины их и природу, и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним без склонения к ним желания против естества.

23) Подвиги и труды духовныя раждают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности поработанных тяжко и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей и священными потоми любовь к Богу стяжавшей и вожделением божественнаго ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокою тела и наслаждению чувственными удовольствиями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали сланость удовольствий сих отмывать потоками слез; а для этой (т. е. для души, работающей Богу) они вожделенны и сладостны. Так как она мерзит удовольствиями, причиняющими ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие, и всякое самолюбивое угождение телу, то для ней прискорбно одно — покой от трудов и пресечение подвигов. Таким образом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе, всецело расположившейся к божественному, причиняет скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том же для тех причина воздыханий и мучений.

24) Труды мучительными кажутся в начале для всех, вводимых в поты и подвиги духовные. Когда же они начнут охотно упражняться в них для возвращения в себе добрых расположений, и достигнут до середины преуспевания в том; тогда труды сии являются для них источником дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец, мертвенное сие мудрование плоти пожрется бессмертною жизнью, подаемую присещением Духа Святаго, в тех, кои, пребывая в теутомимых трудах, простираются к последним пределам добродетели; тогда лица такая исполняются неизреченною радостию и веселием, потому что чрез это в них самих открывается чистый источник слез и сладкия струи свыше дождем льющагося утешения.

25) Если желаешь достигнуть последних пределов добродетели и непогрешительно обрести путь ведущий к Богу, не давай сна очам своим, ни веждям своим дремания. или, покоя скраниам (вискам, бокам) своим (Пс. 131, 4), пока многими трудами и слезами не обретешь места безстрастия для изможденной души твоей и не внидешь в святилище ведения Божия и чрез ипостасную Премудрость Его не прозришь разумно в последние концы человеческих дел, и презрев дольняя жаждательнейше подобно еленю не востечешь на высшия горы созерцания.

26) Краткий путь к стяжанию добродетели для начинающих есть молчание уст, смежение очей и ушей до глухоты заткнутие. Ибо ум, вследствие сего пользуясь бездействием сих чувств и заключив входы к себе со вне, начинает всматриваться в себя самого и в свои движения, и тотчас изследует, какия воспоминания плавают — по мысленному морю помыслов, и какия помышления ввергаются в горнило разсуждения его, для дознания, чисты ли они и не смешаны с горькими семенами, яко от Ангела света подаемая, или суть плевелы непотребныя, всеваемая свету противными, темными силами. Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреде помышлений, обсуждает их и разделяет лучшие помыслы от худших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою, как хлебы некие, на воде божественной замешанные и огнем Духа испеченные, коими питаюсь, возмозгает и светом наполняется, — а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их.

Это впрочем бывает делом одного того, кто духовно вступил на путь, незаблудно ведущий на небеса и к Богу, совлекшись плачевного рубища темных страстей.

27) Душа, решительно отвергшая лукавство и непотребное мудрование неразумнейшего кичения, вместо же того обогатевшая простым и незлобивым сердцем под действием присещенного Утешителя, всегда бывает вся в себе и в Боге, и все что видит и слышит (в области веры), почитает верным и истинным несомненно, как переступившая чрез пагубные пропасти неверия и носящаяся выше адской зависти.

28) В главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющеюся водится мыслию, но всецело отменяет самолюбие. Ибо только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлойнейшее самолюбие (желание плоти). Оно служит препотою к преуспеянию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить) и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее отказаться от злостраданий (произвольных лишений) ради добродетели, как навета против самоугодливой жизни. Есть же самолюбие неразумная любовь к телу, или саможаление, которое делает монаха самолюбивым, душелюбивым и телолюбивым, и отдаляет его от Бога и царствия Его, по следующему преподобному слову: любяй душу свою, погубит ю (Ин. 12, 25).

29) Кто трудолюбно начал исполнять заповеди Божии и с теплым рачением на рамена свои легкий ярем подвижничества: тот не шадит здоровья тела, не ужасается тяжести дел добродетели, не отступает в болезненном страхе пред трудами и не посматривает на другого кого, нерадиво и безпечно относящагося к подвигам; но с горячим желанием шествует стяжею добродетелей, во всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на себя одного и на заповеди Бога, и каждодневно бросает в слезах семена свои на поле живых, пока породится в нем злак безстрастия, возрастет в стебель ведения божественного и даст клас, приносящий зерно слова и порождения правды.

30) Ни от чего, думаю, преуспеяние души не бывает так скоро и поспешно, как от единой веры, но веры не той только, коею веруют в единого Бога и едиnorodного Сына Его, но особенно той внутреннейшей веры, коею веруем, что как все обетования Христовы, какия обетовал и уготовал Он любящим Его, так и угрозу и муки адския, кои уготованы диаволу и рабам его, несомненно истинны. Такая вера убеждает душу, в подвиге сущую, уповать, что достигнет устроения святых и блаженного их безстрастия, встечет на высоту святости их и соделается сонаследницею с ними царства Божия. Будучи же так удостоверяема, она ревностнее устремляется к деланию заповедей, и ни мало не колеблясь, старается подражать трудам их, в чаянии подобными ихним подвигами достигнуть и совершенства их.

32) Внутреннее делание или венцы заслуживает душе, или казни и муки. Ибо если оно божественными занимается вещами и с любовию удобряет поле смиренномудрия, то, имея слезное свыше орошение, воздвывает к Богу любовь и веру, а к ближнему сострадание, чрез кои душа, отображая в себе красоту образа Христова, бывает светом для людей, лучами добродетелей привлекая к себе взоры их и всех возбуждая к славословию Бога. Если же оно занимается вещами дольными и человеческими, и подземныя прокапывает и взрывает мины греха, то, обдаваемо будучи снизу смрадом и мраком, воздвывает ненависть и отвращение к добру, чрез кои душа, отображая в себе перстный и безобразный образ ветхаго человека, мраком всецело бывает для приближающихся,

непотребными делами и беседами развращая незлобивыя и неутвержденные души и возбуждая хулы на Бога. В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертию, сообразное с тем получит и воздаяние.

33) Возделыватель худых помышлений мрачным и печальным делает внешний вид лица своего, язык — неспособным к пению божественных песней и себя — для всех неприятным и нежеланным встречником и собеседником. Возделыватель же благих и бессмертных произрастений в сердце радующееся и улыбающееся имеет лице, и сладкозвучный в молитвах язык, и для всех всегда бывает приятным собеседником. Так что отсюда для всех, видящих добре, явно есть бывает, кто из таковых находится еще в рабстве нечистых страстей, и состоит под невольным законом земного мудрования, и кто освобожден от такого рабства законом Духа.

34) Делами укореняющиеся, страсти делами же, противоположными им, и врачуются. Ибо как невоздержание, сластолюбие и объядение, жизнь изнеженная и рассеянная образуют в душе страстное настроение и ведут ее к делам неуместным: так утеснение себя во всем и воздержание, труды и подвиги духовные снабжают ее безстрастием и из состояния страстного переводят ее в состояние безстрастное.

35) Когда кто чрез притрудное и усиленное подвижничество при смиренномудрии сподобится от Бога великих даров, а потом, поступившись оттуда, предан будет страстям и демонам наказателям, да ведает таковой, что превознесся и великое нечто о себе возмечтал, с презрением смотря на других. Начало греха гордыня (Сир. 10, 15). И ему ни в чем другом не найти врачевства и избавления от овладевших его жизнью страстей и демонов, как в возведении себя в прежнее благонастроение чрез покаяние, избрав себе в посредники при сем добрые — смирение и сознание своих мер, под действием коих всякий, добре стоящий на основании добродетелей, почитает себя низшим всякой твари.

36) Равное зло есть и пред Богом и пред людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надменен в добродетелях духом самомнения. Ибо как о делах перваго и о том, что у него бывает отай, срамно есть и глаголати (Еф. 5, 12): так и высокосердие втораго мерзость есть пред Богом (Прит. 16, 5); и как тот отвратителен Богу, так что Он не может иметь в нем покоя, потому что он плоть, по слову Божию (Быт. 6, 3), так и этот нечист пред Господом, потому что горд.

37) Не так, что если страсть, то и грешное дело; но ино это, и ино то: страсть в душе движится. а деяние греховное телом видимо совершается. Так — сластолюбие, сребролюбие и славолюбие суть пагубныя страсти душевныя, а блуд, лихоимание и неправда суть греховныя деяния; похоть, гнев и гордость суть страсти душевныя, — следствия противоестественнаго движения сил ея, а блуд, убийство, кража, пьянство и другое что, противозаконно телом совершаемое, суть плотския деяния грешныя и пагубныя.

38) Есть три главнейших начальника всех страстей, и три против них ополчения, и три чина лиц, кои борются с ними и низлагают трехглаваго дракона сластолюбия, сребролюбия и славолюбия: новоначальный, средний и совершенный.

40) Кто теперь только обнажился для подвигов благочестия и вводится в ополчение против страстей, тот всю брань свою устремляет против духа сластолюбия, и сильно поражает его посредством всякаго злострадания, — плоть измождая неядением, спанием на голой земле, бдениями и

всенощными молитвами, а душу сокрушая помышлением об адских муках и памятью смертною, и сердце от осквернения сочетанием и сосложением омывая слезами покаяния.

41) Кто ступание свое от начала простер до среды, и поты от борения с духом сластолюбия отер губкою безстрастия (т. е. прогнал сего духа), и открытыми очами начал смотреть на естественныя вещи, — тот теперь поднимает оружие веры против духа сребролюбия, веры не имеющего, ум возвышая к помышлению о божественных вещах, разум устремляя к уразумению значения тварей и к изъяснению свойств их, а душу возводя верою от видимаго на высоту невидимаго, питая убеждение, что Бог, приведший все из небытия в бытие, Он же есть и Промыслитель о своих произведениях, и надеждою окрыляясь к достижению божественной жизни.

42) Кто с помощью созерцания и безстрастия прошел средину и миновав прелести мирскаго чувства, вступил с помощью слова разума и ипостасной Премудрости Божией во мрак Богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолубия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее небезболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятованием о человеческой немощи и возвышая его разумениями божественнаго разума.

43) Постами, бдениями и молитвами, сном на голой земле, трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безуспешным; поработаем его себе слезами покаяния, и вводя в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным, — разумеется тогда, как сами состоим в ополчении ревностных подвижников.

44) Оружиями веры и мечем духовным. иже есть глагол Божий (Еф.6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощью слова премудрости востекаем к созерцанию существующаго, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоиваемся под действием многобогатых сокровищ упования.

45) На крыльях безстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственнаго богословия и входя в горнюю глубину ведения таин Божиих действием Божественнаго Духа, молниями божественных догматов и разумений попадаем духа славолубия; взирая же наконец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею.

46) Кто похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, — мирския сии неправды, по причине любления коих бываем мы врагами Богу, — душевно возненавидел и отрекся от них; тот распял себе мир и сам распялся миру, разрушив во плоти своей вражду между Богом и душею, и сотворив в обоих мир. Ибо умерший сим в совлечении плотскаго мудрования примирил себя с Богом, убив вражду мира в умерщвлении сластей чрез распятую миру жизнь, и облобызал возлюбление Иисуса. Почему таковой бывает уже не враг Божий, как друг мира, но друг Божий, как распявшийся миру и могущий говорить: мне мир распяся, и аз миру (Гал. 6, 14).

47) Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближняго и надмение добродетелями. Почему коль скоро что либо из сего окажется вошедшим в души подвизающихся, то это причиняет им оставление от Бога; и не избежать им праведнаго осуждения за это при падениях, пока отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убежать на высоту смиренномудрия.

48) Не то только есть нечистота и осквернение души, когда кто нечист бывает от скверных страстных помышлений; но и то, если кто превозносится всегдашнею исправностию поведения и надымается

добродетелями, также, когда много думает о своей премудрости и своем познании Бога, и осуждает кажущихся беспечными и нерадивыми братьев. Это видно из притчи о мытаре и фарисее.

49) Не думай получить ослабу от страстей и избежать осквернения происходящими от них страстными помышлениями, нося еще в себе гордостное и дмящееся о добродетелях мудрование. Не увидишь тебе двора мира в благостыне помыслов и не войдешь в храм любви с радостью во всякой милостивости и тихости сердца, пока надеешься на себя и на дела свои.

50) Если душа твоя страстно прилепляется к красивым телам, и подвергается потом тиранству страстных помыслов, раждающихся от сего: не предполагай, что они—то и суть причина происходящей в тебе бури помыслов и страстного движения; но знай, что причина сего сокрыта внутри души твоей, которая, как камень некий магнит железо, привлекает к себе вред от лиц в силу предрасположения к тому, и злой страстной привычки. Творения же Божии все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеют такого, что давало бы основание к похулению создания Божия.

51) Как плывущие по морю и страждующие морской болезнью, не по естественному свойству моря страдают сие, но по причине внутреннего некоего к тому предрасположения в них самих: так и душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегшего расположения к сему злу, подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти.

52) Соответственно внутреннему настроению души, инаковых и инаковым представляется ей и естество вещей. Когда умные чувства стоят в ней в своем естественном чине, и ум незаблудно шествует в понимании тварей, разумно объясняя существо и движения их, тогда в естественном чине видятся ей и вещи и лица, и всякое естество вещественных тел не имеющими сокрытой какой—либо причины заразы или вреда. Когда же силы ея действуют не по естеству своему, возставая одна против другой, тогда и это все видится ей, но как оно есть по естеству своему: оно естественною своею красотою не возводит уже ее к познанию Творца, но, по причине страстного ея состояния, низводит в глубину погибели.

53) Если, оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти, или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине. Ибо если ты прежде не подумал о себе что либо особенное и важное, как не следовало, или не вознесся над кем либо в горделивом о себе мудровании, или не осудил другого кого в естественной какой немощи человеческой, то не был бы, по праведному суду Божию, оставлен благодатию. и не испытал бы сам своей немощи. Испытал же ее ты теперь, да научишься из сего не осуждать, не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать (Рим. 12, 3), и ни над кем не возноситься.

54) Падши во глубину зол, отнюдь не отчаявайся в возможности воззвания оттуда, хотя бы ты низвергся на последнюю ступень адской злобы. Ибо если ты имеешь у себя основание благочестия, усердно заложенное прежде деятельными добродетелями, то, хотя бы, построенная тобою на нем из разных камней добродетели, храмина его, поколеблена быв, подверглась падению и разорению с верха до низу, до самага лица страшнейшей земли зол, и тогда Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное от падения своих носишь сердце, которое, помня прежние дни, с воздыханием взывает к Нему о своих падениях. Призирая, воззрит Он на тебя, трепещущаго словес Его (Ис. 66, 2), невидимо коснется очес болезнующаго сердца твоего, и прежде трудами заложенное тобою основание добродетели, взяв под свой покров, даст тебе силу, большую и совершеннейшую прежней силы в пламенной ревности горящаго духа, на то, чтоб ты снова трудолюбно стяжал дела

добродетели, сгубленные по зависти лукаваго, и в духе смирения воздвигнул дом ея, светлейший прежнего, для вечнаго ея упокоения как написано (Пс. 131, 14).

55) Все к безчестию нашему с нами случающееся от людей, или от демонов, праведным судом Божиим, по Его домостроительству случается к смирению суетнаго надмения наших душ. Цель у Бога, правителя жизни нашей та, чтобы мы были всегда смиренны, не мудрствовали паче, ежеподобает мудрствовати, но мудрствовали в целомудрии (Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и Его блаженному смирению по возможности подражали, ибо Он кроток был и смирен сердцем (Мф. 11, 29); каковыми и нам желает быть Он, претерпевший за нас смерть несправедную и безчестную. Почему ничто другое так Ему не любезно и не привлекательно во всякой воистинну добродетели, и ничто так не сильно возвысит нас от гноища страстей, как кротость, смирение и любовь к ближнему: так что, когда мы творим добродетели без соприсутствия их, тогда всякое наше делание суетно, и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен.

56) Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые чрез добродетель достигли до созерцания славы Божией, — иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшнаго от нея поскользновения. Первым, когда они падают, уклонясь от своей цели, и потом, раскаяваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тьма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимаго скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом.

57) Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутрь совершилось наитие Святаго Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам безстрастия. Пока же она воню сих помыслов чрез частое их докучание ощущает, и пока подчребие плоти ея возжигается, дотоле ведай, что далеко от ней благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувств.

59) Люта и неудобно—победима страсть хуления, которая источником своим имеет гордостное мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговеинствовать пред всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога вышняго, привводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что—либо такое произносит устами нашими, или всевает в мысли наши, надо обращать в слово Христово, говоря к нему: иди за мною сатано (Мф. 4, 10), всякаго зловония исполненный и осужденный на вечный огонь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой предмет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления.

60) Печаль есть страсть тлетворная для души и тела, и самых мозгов касающаяся. Но такова печаль мира сего, нападающая на людей, по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко

бывает для них причиною даже смерти. Печаль же по Богу весьма полезна и душеспасительна: она подает терпение в трудах и искушениях, открывает источник умиления для подвизающегося и жаждущего правды Божией, и слезами, как хлебом, насыщает сердце его, так что на нем исполняется Давидское слово: напитаети нас хлебом слезным, и напоиши нас слезами в меру (Пс. 79, 6), — вином умиления.

61) Части души, разстроенные деланием худых дел, успешно возсозидает печаль по Богу и снова поставляет их в естественное им состояние: она слезами так истончает зиму страстей и облак греха, и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделывается ведро, в море мыслей тишина, в сердцах наших веселие и в виде лица нашего изменение, на которое взирая, имеющие очи видеть могут с Давидом взывать: сия измена денницы Вышняго (Пс. 79, 11).

62) Не принимай всеваемых в тебя помыслов на ближнего по подозрениям, потому что они лживы, губельны и всегда прельстительны. Знай, что чрез это демоны покушаются свергать в ров пагубы тех, кои делают уже успехи в добродетелях: ибо иначе не могут они кого-либо из подвизающихся направить в ров осуждения и деятельного греха, как внушив ему наперед принять лукавые подозрения на ближнего, по его внешнему поведению и обычаю, потому что, подводя его таким образом самого под суд (за осуждение) и доводя до падения в грех, они вплетают его в осуждение вместе с миром, по следующему святому изречению: аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же (судя же других), от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1 Кор. 11, 31. 32).

63) Когда по небрежности дадим демонам место влагать в уши наши подозрения на братьев, — именно не наблюдая за движениями очей, тогда доводимы бываем ими до осуждения иной раз даже и совершенных в добродетели. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и страстным, а другой, строго и мрачно смотрящий — гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не следует составлять суждения о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны. Ибо в людях замечаются большия различия в естественных свойствах, навыках и телосложениях, на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили многим сокрушением и имеют пребывающим в себе безмерный свет божественной жизни, — коим дано видеть и тайны царствия Божия.

64) Сделавшись самоделателями срамных дел плотских, в противность естеству служим похоти и гневу, плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горечию гнева, и за то отчуждаемы бывая от Сына Божия. Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из тела очищать потоками слез, а омрачение души горечию гневную прогонять светом сокрушения и сладостной по Богу любви, и таким образом опять соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены.

69) Иногда горесть и болезнование причиняются сердечному чувству изливанием слез, а иногда радость и веселие. Когда очищаемся мы покаянием от яда и скверны греха, довольныя к тому имея из него слезы, тогда, как млатами тяжелыми, бывая поражаемы воспоминаниями о содеянном глубокия из сердца испускаем стенания, от полноты чувства горести и болезнования о том. Когда же, довольно быв очищены слезами, почувствуем свободу от страстей, тогда, обвеселяемы бывая божественным духом, как тихое и чистое стяжавшие сердце, неизреченно сладостнаго преисполняемся утешения от радостотворных слез умиления.

70) Ины слезы, проливаемые от покаянного сокрушения и ины, проливаемые от божественного умиления. Те, как река, потопляют и разрушают все твердыни греха, а эти бывают тоже для души, что дождь для нив и роса для злаков, питая клас ведения и делая его многозерненным и многоприплодным.

71) Не тоже слезы, что и умиление; но между слезами и умилением большое расстояние. Те приходят от раскаяния в прежнем образе жизни и прежних падениях души для очищения сердца, как бы огнем и кипящею водою; а это свыше находит от божественной росы Духа в утешение и прохлаждение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания, и так к Богу Давидски в радости вопиющей: проидохом сквозе огонь и воду и извел ны еси в покой (Пс. 65, 12).

72) Говорят, слышал я, будто невозможно навыкнуть добродетели, без ухода в даль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навик в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание во едино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действия; а это не со вне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и чрез это входим мы в царствие небесное, которое внутри нас есть, — по слову Господа: то пустынь излишняя, когда мы и без ней входим в царствие, чрез покаяние и всякое хранение заповедей, — что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет божественный Давид: благослови душе моя Господа, на всяком месте владычества Его (Пс. 102, 22).

73) Кто в массе царского ополчения под воеводами и командирами в ряду с другими воинами, готовыми помочь ему и защитить его, выступив на брань, не мог показать воинской доблести и храбрости против супостатов и хоть одного из них поразит: тот как один станет воинствовать и бороться с толпою многих тем вражеских, или как может показать при этом воеводское какое дело, неискусен будучи в воевании? Если же в человеческих делах это невозможно, не тем ли более в божеских? Кто, убежав в пустыню, может узнавать набегу бесов и подступы страстей, явныя и неявныя, или на них делать нападение, наперед добре не обучившись отсечению своей воли, среди общества братий, под руководством опытного вождя в деле такой брани невидимой и мысленной? Если же это невозможно, то тем паче невозможно, чтоб такой за других успешно воевал и других научал одерживать победы над врагами.

74) Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о заповедях Божиих; отбрось самоугодие и вооружись нещадно против плоти; презри славу и честь; возненавидь сластныя похотения тела; бегай сытости, от коей возгарается огонь в подчревии; облобызай скудость и всякия лишения; противостой страстям; обрати чувства свои во внутрь души; направь внутреннее твое к деланию лучшаго; не осучайся человеческими делами; всю силу твою иждивай на делание заповедей; плачь, спи на земле, люби лишение и уединение; познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам; будь выше ничтожности видимых вещей; устремляй мысленное око свое к созерцанию Бога, узревай красоты небесныя, и сошед оттуда возвещай братиям о благах вечной жизни и о таинствах царства небеснаго. Вот это и есть делом убежание от людей чрез крайнее подвижничество и цель пребывания в пустыни.

75) Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли, и бегай мира. Какого же это мира? — Похоти очес и плоти, гордости помыслов и

прелести видимых вещей. Если убежишь от такого мира, то рано возсияет тебе свет чрез узрение божественной жизни и исцеления души твоей, т. е. слезы, скоро возсияют (Пс. 58, 8), и ты изменишься изменением десницы Вышняго (Пс. 76, 11), и рана страстей после сего не приблизится телеси твоему (Пс. 90, 10). Таким образом ты, среди мира и людей пребывая, будешь как живущий в пустыни и людей не видящий. Если же таким образом не убежишь ты от сего мира, то убежание из мира видимаго нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом.

76) Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (т. е. в безстрастие). Если великому оному (Авве Арсению) и сказано: бегай людей, и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, водворялся среди людей, проходил по населенным местам и живал с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. Это же и другой некто из великих воззвал, выходя из собрания: бегайте, братия, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать.

77) Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, который говорит: идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: горе единому, потому что егда падет, не будет втораго воздвигнути его (Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: блажени людие, ведущии воскликновение (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожителство, когда говорит: се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе? (Пс. 132, 1). — И об учениках Господа говорится в Деяниях, что у них была одна душа и одно сердце (Деян. 4, 32). Наконец и сошествие к нам Бога было не в пустыне, а в населенных местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно.

78) Нужда есть приити соблазном, говорит Господь, но горе человеку тому, имже соблазн приходит (Мф. 18, 7). Сие горе навлекает на себя тот, кто, потеряв благоговейство и небрежно без страха Божия ведя себя посреди собора братий, многим из простейших подает соблазны. Он то действиями своими, образом держания тела и нехорошими привычками, то словами и беседою растленною растлевает души и нравы добрые и благие.

79) Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей, потому что в нем нет соблазна (! Иоан. 2, 10). Мир много любящим закон Твой, и несть им соблазна (Пс. 118, 165), но свет, и соль, и жизнь по слову Господа: вы есте свет мира; вы есте соль земли (Мф. 5, 14. 13). Свет есть таковой, как добродетельный по жизни, просветительный в слове, мудрый в совете; соль, как богатый божественным ведением и сильный в премудрости Божией; жизнь, как словесами беседы своей оживляющий умерщвленных страстями и выводящий их из ада отчаяния: и при сем светом дел своих праведных сияя пред лицом людей и освещая их, приятностию и горькостию словес своих возстагивая их от разленения и избавляя от растления страстей; а жизненностию речей своих подавая оживление душам, умерщвленных грехом.

80) Страсть тщеславия есть трех остный волчец, тщеславием, самомнением и гордостью от бесов разжигаемый и выковываемый: но теми, кои водворяются в крове Бога небеснаго, он легко схватываем бывает на месте преступления (в самом начале зарождения); и остны его сокрушаются, а они на крыльях смирения воспаряют горе, и упокоеваются под сению древа жизни.

81) Когда нечистый сей и многокозненный бес приступит к тебе, и, если ты делаешь успехи в добродетели, начнет пророчить тебе высоту престолов, приводя на память в помыслах деятельность твою и превознося ее, как превышающую других, и представляя тебе, что ты довольно силен даже и для того, чтоб руководить других; тогда схватив его мысленно, не пускай убежать от тебя, если свыше получил ты силу поступать так, и, взяв его, пойди с ним мыслию в воображении к какому-нибудь, прежде сделанному тобою, худому делу, и, обнажив его пред ним, скажи ему: делающие такие дела достойны ли взойти на сию высоту предстоятельства, и кажутся ли они тебе довольно гожими к тому, чтоб руководить души и приводить их спасенными ко Христу? Ты, может быть, скажешь это, а я молчу. — И он, не имея, что ответить тебе, исчезнет как дым от стыда и не станет уже более сильно докучать тебе. Если же у тебя нет ничего худого, сделанного или сказанного тобою, — потому что жизнь твоя премирна, то поставь себя пред заповедями и страданиями Господа, и тотчас увидишь, что ты настолько мал пред полною мерою совершенства, насколько купель воды меньше моря. Ибо правда человеческая столько отстоит от правды Божией, сколько величина земли от неба, и комар от льва.

82) Глубоко уязвившийся любовью к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что, таким же сверхестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением, и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа.

83) Мерящий себя, в каком либо отношении, с кем либо из подвижников, или живущих с ним братьев, сам себя прельщает в неведении, и не Божиим идет путем. Таковой или сам себя не знает, или уклонился от пути, ведущаго на небо, по которому ревнители текут в самоуничиженном мудровании, коим, перелетев чрез сети врага, воспаряют в мысленный воздух на крыльях безстрастия, и в светлых веснют местах, украшены будучи смиренномудрием.

84) Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: во свете Твоем узрим свет (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества скимны самомнения, — бесы, говорю, тщеславия и блуда рыкая ищут, кого поглотить и воврещи в чрево отчаяния.

85) Для живущаго по человечески и увлекаемаго духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сладких утех и удовольствий, и троичастность его неистово поражая свирепыми волнами страстей, под действием духов злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сладостями плотскими и кормчий — ум остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет наконец волны свои в глубине смирения, море сластей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не предложится в сладость светоносного умиления.

86) Кто сластям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть попользуется и трудами подвижническими, в потах злострадания; чтобы сытость отбить сытостью, сласть горечью. покой

трусами телесными. и обрести сытость веселия и радования в упоение. Сим образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты, и вкусишь неизреченной сладости бессмертных плодов духовных. Подробно сему обыкновенно кладем мы в одежды очистительная зелья, для очищения их от смрада. когда они пропитаны им до невозможности употреблять их.

87) Болезни полезны для тех, кои только вводятся в добродетельную жизнь. тем, что содействуют им к истощанию и усмирению горячей плоти. Они силу плоти делают слабейшею, грубое перстное мудрование души истончают, а же собственную силу соделывают сильнейшею и мощнейшею, по божественному Павлу, который говорит: когда немощствую, тогда силен есмь (2 Кор. 12, 10).

88) От беспорядочной и неровной диеты у многих часто рождаются болезни, когда кто то при усилении ревнования о трудах добродетельных безмерно и без разсуждения налегает на крайнее неядение, то при ослаблении его поблажает телу, естественно врагу нашему, многоядением и пресыщением. Необходимо мерное воздержание и для тех, кои вступают на путь добродетели. и для тех, кои прошли за средину подвигов и простираются к области высшего созерцания. Оно — мать здоровья, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия.

89) Знай, что безстрастие двояко, и двояким образом бывает в ревностных особенно. И во-первых, по достижении конца деятельной философии (жизни) первое бывает у ревностных безстрастие, когда, по преуспеянии в многообразных трудах подвижничества, умирают в них страсти, стремления плоти останавливаются в бездействии, и силы души начинают действовать, по естеству своему, а ум возводится в первое состояние — поучаться в божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания второе, совершеннейшее явно пребывает к ним безстрастие, в котором ум их, по убезмолвлении помыслов, возводится в мирное устроение, и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах божественных, — в узрениях лучшего, и в раскрытиях таин Божиих; прозрительнейшим в вещах человеческих, — кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах безстрастия действует один и тот же дух, который, в первом, властно держит и вяжет, а во втором, разрешает в свободу вечной жизни. как говорит св. Павел (Рим. 6, 22).

90) Приблизившийся к пределам безстрастия правая о Боге и естествах вещей творить умозрения, и от красоты тварей, соразмерно с своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благия о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах божеских и человеческих произносит суждение. Ничего не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди; но совлекшись умом от всякаго мирскаго чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной, и свободный от всякаго рабства; весь предается мысленным благам Божиим в едином духе, и зря Божескую красоту, любит благолепно пребывать мысленно в божественных местах блаженной славы Божией. в неизреченном молчании и радовании. и изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле невещественно общается с людьми.

91) Разум находит и аскетических пять чувств: бдение, богомыслие, молитву, воздержание и уединение. Кто сочетает с сими чувствами свои чувства, именно — зрение с бдением, слух с богомыслием, обоняние с молитвою, вкус с воздержанием, осязание с уединением, тот скорее очистит ум свой и, утончив его ими, соделает его безстрастным и зрительным.

92) Ум, обуздавший свои страсти и ставший выше печали и радости, безстрастен. Он и в печальных случаях не подавляется скорбью, ни в благоприятных не разливается в радостях, но в

прискорбностях радующеюся держит душу, а в благоприятностях воздержною в радости и не выходящею из меры в ней.

93) Велика ярость бесов на тех, кои преуспевают в созерцании. Они день и ночь приседают им с наветами, и то чрез тех, кои живут вместе с ними, возбуждают на них лютыя искушения, то сами поднимают шум и топот для устрашения их, — иногда нападают на них спящих, завидуя их покойному отдыху. и всячески беспокоят их. хотя не могут причинить вреда тем, кои Богу себя посвятили. И еслиб не было при них Ангела Господа Вседержителя, охраняющего их. не избежать бы им их наветов и сетей смертных.

94) Состоя в подвиге по деятельному любомудрию добродетели, внимательнее наблюдай за наветами губительных бесов. Ибо сколько положишь ты восхождений преуспеяния в высших добродетелях. сколько увеличится божественный свет в молитвах твоих, и ты благодатию Духа Святаго увидишь в откровения и видения неизреченныя: столько они, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно простирают многоплетенныя сети свои по мысленному воздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дхнут на тебя, но и духи богохульные в горькой зависти возстанут на тебя. Сверх того эти воздушныя начала и власти, явленно (наружно) и неявленно в одном воображении начнут принимать разные странные и страшныя образы, чтоб смутить тебя. или вред какой причинить тебе. Но упражняясь с бодренным оком ума в делании умной молитвы, тебе нечего бояться такой стрелы, летящая во дни, потому что они даже к обиталищу твоему не смогут приблизиться (Пс. 90, 5. 10), будучи, как тьма, гонимы сущим в тебе светом и божественным огнем опаляемы.

95) Духи злобы крайне боятся благодати Божественнаго Духа, особенно когда она присветит богато, или когда мы сияем чистотою под действием божественнаго поучения и чистой молитвы. Не смея по сей причине приблизиться к обиталищу осияваемых таким образом, они одними мечтаниями и призраками, страшными топотами и безобразными криками, покушаются устрашить и смутить их, чтоб отвлечь от бдения и молитвы. Даже и когда они лягут немного поспать на земле, не щадят их; но, завидуя этому их коротенькому отдыху от трудов, нападают на них, и некими сотрясениями возьмут сон от вождей их, замышляя сим образом сделать жизнь их более тяжкою и исполненною прискорбностей.

96) Духи тьмы кажутся облеченными в тонкия тела, как подает повод думать опыт, призрачно ли они это представляют, обманывая чувства, или осуждены на это за древнее падение. Как бы то ни было, но они устремляются схватиться с подвижническою душею, когда раб ея тело склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиреннаго тела, — каковы ея энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем либо с яростию и неистовством великим. Душа, уязвленная любовью к Богу и главнейшими добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гневе, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземленившихся вследствие отпадения от перваго божественнаго Света.

97) Прежде схватки и победы бесы часто возмущают душевное чувство. и отъемлют сон от вождей ея. Но душа, от Духа Святаго исполненная дерзновения и мужества, ни вочто ставя такой их обход и горькое неистовство. одним животворящим изображением (креста) и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их обращает в бегство.

98) Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отвсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? — супостатов, конечно, но мысленных и безплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя, и множайшая на тебя начнут строить козни; пока или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многой горести исполнять душу твою, или ввергнуть тебя в злые и болезненные искушения чрез уязвление и озлобление плоти твоей.

99) Не может добрый источник испускать ручьи нечистые и вонючия, отдающиеся запахом мирским, — ни сердце, вне царствия небесного сущее, когда либо источат струи божественной жизни. издающая благоухание мысленного мира. Еда ли, говорит св. Иаков, источник от единого устия источает сладкое и горькое (Иак. 3. 11)? Может ли терновник производить маслины, и маслина желуди? Так ни единый источник сердца не может в одно и то же время порождать злое и благое помышление. Но, по слову Господа, благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое: и злый человек из злаго сокровища сердца своего износит злое (Лук. 6, 45).

100) Как невозможно без елея и огня гореть светильнику и светить сущим в храмине: так и душе без Божественного Духа и огня явственно возвещать о божественных вещах и просвещать тем людей: ибо всяк дар совершен свыше есть, от Отца светов подаваемый любящей душе, у Него же несть пременение, или преложения стен (Иак. 1, 17).

Преподобный Никита Стифат.

вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума.

1) Начало любви к Богу — презрение вещей видимых и человеческих; середина — очищение сердца и ума, от коего мысленное умных очей открытие и познание сокровенного в нас небесного царствия, а конец — неудержимое вождление преестественных даров Божиих, и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем.

2) Где любовь Божия, делание мысленных дел и причастие непреступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святыя Троицы. Так говорит Господь: любяй Мя, Слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23).

3) Три состояния жизни признал разум: плотское, душевное и духовное.

Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный.

4) Плотское устройство жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устройства, и даже не желая стяжать то. Душевное стоит в середине между грехом и добродетелию, когда пекутся о довольстве и здоровьи тела, и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отмечают, и избегают дел плотских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добродетели, по причине несладости ея для них и притрудности, а греху, из за страха лишиться человеческих похвал.

Духовное же устройство — то, когда не изволяют иметь ничего из первых двух и не допускают худя, отличающаго каждое из них, но, будучи свободны от того и другаго. на посребренных крылах любви и безстрастия, перелетают чрез обеи их, не позволяя себе делать ничего из запрещенного.

5) Живущие плотски и плотское мудрование всегда в себе пребывающим имеющие, будучи совершенно плотяны, Богу угодить не могут, как омраченные смыслом и никаких лучей божественного света к себе не пропускающие. Ибо приналегшия на них облака страстей, на подобие

высоких стен, отгораживают их от духовных светочей, и они остаются без света. Будучи разстроены и повреждены во внутренних чувствах душевных, не могут они воззреть на мысленные красоты Бога, видеть свет во истину истинной жизни и стать выше ничтожных видимых вещей. Но как бы оскотинившись и мирским переполнившись чувством, привязывают ум к видимому, и все попечение и труд обращают на преходящие блага, друг с другом из-за них воюют, а бывает, что и души свои за них полагают, прилепившись к богатству, славе и плотским удовольствиям и великим лишением почитая неимение их. К ним праведно как от лица Божия пророческое оное слово: не имать Дух мой пребывать в человецех сих, зане суть плоть (Быт. 6, 3).

6) Душевно живущие и потому называемые душевными суть какие-то полу-умные и как бы парализованные. Никакого никогда не имеют они усердия потрудиться в делах добродетели и исполнения заповедей Божиих, и только славы ради человеческой избегают явных укоризненных дел. Одержимы будучи самолюбием, сею питательницею пагубных страстей, все попечение обращают они на сохранение здоровья и услаждение плоти, от всякой же скорби, от всякого труда и всякого злострадания из-за добродетели оказываются, паче надлежащего питают и греют враждебное нам тело. Держась такого образа жизни и поведения, оземляют они ум, отучивший от страстей, и делаются неспособными к приятию мысленных и божественных вещей, коими душа отторгается от земли, и вся устремляется к мысленным небесам. Это страждут они, потому что обладаемы еще суть вещественным духом, по коему любят свои души и исполнение своих желаний всему предпочитают. — Будучи чужды Духа Святаго, они непричастны и даров его; почему и плодов божественных не увидишь в них, — не только любви к Богу и ближнему, радости в нищете и скорбях, мира душевного, искренней веры и всестороннего воздержания, но и сокрушения, слез, смирения и сострадания: все в них полно надмения и гордости. В глубины Духа войти не имеют они сил: ибо нет в них света, который руководил бы их к тому и отверзал их ум к уразумению писаний, а других, когда они вещают о том, слушать неохочи они. Праведно потому и о них изрек Св. Апостол: душевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть: и не может разумети; зане духовен востязуется (1 Кор. 2, 14).

7) Духом ходящие и духовную всецело восприявшие жизнь благоугодны Богу, как Ему, яко Назореи, себя посвятившие, и всегда об одном заботящиеся, чтоб очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповеди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь к Господу, они плоть свою истощают постами и бдениями, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злостраданиями (произвольными лишениями), молитвою и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделывают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастия к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуются от всех праведно. Они, идя к безстрастию и любви, окрыляются к созерцанию творения, и оттуда приемлют ведение сущаго чрез сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженнаго. Прешедши таким образом всякое чувство мирское и мыслию просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом, и посреде церкви и многочисленнаго собрания верных отырают благия словеса из чистаго сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: вы есте свет мира; вы есте соль земли (Мф. 5, 13. 14).

8) Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог (Пс. 45, 11). Это глас божественнаго слова и хотящими

деятельно познается. Почему отказавшемуся однажды от многомятежия жизни и пагубной суетности ее полезно, со многим вниманием и безмолвием, тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как царствие Божие внутри нас есть. Ибо и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжении многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне возстановит красоту для Того, Кто даровал ее.

9) Поелику прежде заложенный в нас яд зла многообилен; то многого и огня требует для очищения своего, т. е. слез покаяния и произвольных подвижнических трудов, ибо мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами, или невольными скорбями. Когда то, что от воли, предупредит сделать требуемое, тогда не встречается нужды в том, что не от воли. Когда же первое не производит должного очищения внутренняго сткляницы или блюда (Мф. 23, 25), тогда второе посылается в сильнейшей степени к возстановлению в нас древняго устройства. Так бывает по домостроительству Творца нашего и Бога.

10) Посмеваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение, не как следует, и с самага начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем, своему последовав разуму и пред собою показавшись себе разумными (Ис. 5, 21).

11) Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них, без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных — без долгаго подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает, телесных болезней распознавание, в коем упражняется искусство врачей, так тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознавание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнаваться болезни, чем тела сего, всеми чувственно видимаго.

12) Главныя и начальственныя над другими добродетели вместе с сотворением вселены в естество человеческое, из которых, как из четырех источников, реки всех других добродетелей наполняются водою и напаяют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Соблюдший их нерушимыми, или, по падении, многими трудами покаяния возставивший, устроил в себе царский дом и палату, в коей обитель в себе творит Царь всяческих, и тем, кои себя так благоустроили, богатые дары свои распределяет и дает.

14) Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огонь искушений и на время сокрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, — Творцу ли и благодетелю своему, или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственнаго. — И потом, или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями если пристрастны к земным вещам, пока восприимут ненависть к видимым благам, по причине изменчиваго их непостоянства, и горесть удовольствия от них потопят в слезах.

15) Как только мир помыслов бывает возмущен духами злобы, тотчас и разжженные стрелы похоти начинают быть часто пускаемы другими ловцами, бесами плотолюбивыми, на быстро востекающий на высоту ум. Когда же движение ума горе пресечено, тогда впадает он в движения нелепья и смешанныя; и таким образом плот начинает безчинно возставать на дух, щекотаниями и разжжениями совлекая ум долу и желая погребсти его в рове сласти. И если бы Господь Саваоф не сокращал дней таковых, и рабам своим не подавал силы терпения, то не бы спаслася всяка плоть

(Мф. 24, 22).

16) Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает причиною падения в ров тинный, для других служит бичем и жезлом праведным, для третьих — испытанием и камнем Лидийским. Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвижания; второе — достигших середины преуспеяния в добродетели, когда они коснее простираются к ней; третье — в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему безстрастию. Каждому домостроительно обращается сие свыше на пользу.

17) Причиною падения в ров тинный бывает бес блуда для тех, кои в совершенном нерадении проводят монашескую жизнь. Он разжигает члены их огнем блуда и похотию и способы им доставляет творить волю плоти и без общения с другою плотию: о чем срамно и говорить и помышлять. Таковые плоть сквернят, как сказано (Иуд. 8), и плоды сланой сласти снедают, — в зраках мраком исполняются и праведно лишаются лучшаго (настроения душевнаго). Врачевство для тех из них, кои пожелают, теплое раскаяние и раждающееся от сего слезное сокрушение, которое и бегать зла сего располагает, и душу очищает от скверн его, и наследницею ее делает милости Божией. О нем—то гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: исцеление утолит грехи велики (Еккл. 10, 4).

18) Бичем и жезлом праведно бывает сей бес для тех, кои в первом безстрастии совершенствуются чрез деятельное любомудрие и делают успехи в простирании в предняя к большему совершенству. Ибо когда они, по разленению, ослабят силу держимаго ими подвижничества, и немного уклонятся к неохраняемому смотрению мирскаго чувства и войдут в вожделение человеческих вещей; тогда по великой к ним благодати Божией, попускается на них сей бес, яко бич, и начинает бить их, когда они помышляют таковое, помыслами похоти плотской, чтоб, не терпя сего, они поспешили востещи в свою башню усиленнаго делания и тщательнаго внимания, и еще усерднее взялись за спасительныя дела свои, восприяв более трудный образ жизни. Ибо Бог, благолюбив сущи, не хочет, чтоб душа, до сего достигшая, совсем возвратилась к мирскому чувству, но все простиралась в предняя и усердно бралась за совершеннейшия дела, чтоб бич злобы и не приближался к ея обиталищу.

19) Испытанием и камнем Лидским, по домостроительству, бывает дух сей для тех, кои первое безстрастие довело до втораго; чтоб, будучи им докучаемы, помнили о своей естественной немощи, и при умножении откровений, бывающих от созерцания, не превозносились, по слову Апостола (1 Кор. 12, 7), но видя, кто этот противовоюющий закону ума их, отрясали и самое тонкое воспоминание греховное, боясь, как бы не приять сочувствия к этой, пораждаемой такими воспоминаниями, срамной нечистоте, и с высоты созерцания не низвесть долу ока ума своего.

20) Одни те возмогли сохранить ум свой не стужаемым даже тонкими воспоминаниями греховными, которые сподобились свыше чрез Духа получить животворную мертвость Господа и в членах и в помышлениях своих; и плоть мертвую греху носят они, дух же жизнью обогатили чрез правду, яже о Христе Иисусе. Которым дан ум Христов в слове премудрости, в тех оказалась и нестужаемая животворная мертвость в ведении Божиим.

21) В очищаемыя еще души обычно некако привходит духу похоти и гнева. Чего ради? Для того, чтоб стрясти плоды Духа Святаго. висящие на них. Поелику же и радость свободы в некоей мере разливается в душах сих, то все на пользу домостроительствующая премудрость, — желая всегда

своими дарами к себе привлекать их мысль и их держать в непоколебимом смиренномудрии, чтоб оне не превознеслись над другими многою свободою и богатством даров, и не возмнили. что своею силою и своим разумом стяжали великую сию палату мира, — попускает сим духам нападать на них, между тем, как сама скрывает свое действие, дабы, поражаемая страхом падения, твердо стояли оне в хранении блаженного смиренномудрия, и убедившись, что все еще связаны плотию и кровию, взыскали безопасной для себя крепости. в которой могли бы сохраненыбыть силою Духа.

22) Наслание искушений бывает соответственно обдержажшей нас болести страстей, и залегшей внутри нас прели греховной, и судя по ним горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее или милосерднее. Когда залегшая внутрь нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолубивых произшедши, удобоизлечима и легко поддается врачевствам. тогда врачом душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческия немощи, как страждующия нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное разстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в лютоости гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем, непрерывно одних за другими следующих, искушений, отошла наконец от душ наших, под действием порожденнаго ими смирения, после того, как мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах, и врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения.

23) Невозможно подвизающимся избегнуть следующих одних за другими искушений, если они не сознают немощи своей и не почтут себя чуждыми всякой правды и недостойными никакого утешения, никакой чести, никакого упокоения. У Бога, врача душ наших, цель та, чтоб мы всегда были смиренны, сокрушенны, устранялись от всякаго человека и подражали Его страданиям. Будучи Сам кроток и смирен сердцем, хочет Он, чтоб и мы в кротости и смирении сердца текли путем заповедей Его.

24) Смирение состоит не в наклонении выи, или в распущении волос, или в одеянии неопрятном, грубом и бедном. в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа, как сказал Давид: Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19).

25) Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвизающимися во всяком злострадании (в произвольных лишениях) и во внешних трудах добродетели, — так как они все обращаемы бывают на делания и занятия телесныя, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при встрече искушения, смущается. А смиренномудрие, дело некое сущи божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, т. е. далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели, посредством всякаго смирения.

26) Смиренномудрие, проникши во глубину души и тяжелым камнем налегши на нее, так сильно гнетет ее и стискивает, что вся крепость ея истощается в неудержимом излинии слез, от коих ум очищается от всякой скверны помыслов, бывает в видении Божиим и под действием его понуждается воззвать, подобно Исаии: о окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима (Ис. 6, 5).

27) Когда придет к тебе глубокое смиреннословие, тогда высокоречие отойдет от тебя. Когда смирение вкоренится в глубине сердца твоего, тогда и смиреннословие всякое отпадет от тебя. Когда же свыше обогатишься смиренномудрием, тогда и внешнее смирение и смиреннословие языка упразднится в тебе, по слову Апостола Павла: егда же придет совершенное, тогда, еже от части, упразднится (1 Кор. 13, 10).

28) На сколько отстоит восток от запада, на столько отстоит истинное смиреннословие от истинного смирения. На сколько же небо больше земли и душа тела, настолько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрием и совершеннее и больше истинного смирения.

29) Ни того, кто, при смиренном виде и одеянии, говорит смиренно, ни тотчас предполагай смиренным в сердце, ни того, кто говорит высоко и высокопарно, не вдруг почитай исполненным надмения и гордости. не испытавши их наперед; но от дел их познай их.

30) Плод Духа Святого есть любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 22). Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мирское, нестроение душевное, тревожность сердечная, лукавство, любопытное мудрование, беспечность, гнев, неверие, зависть, многоядение, пьянство, бранчивость, осуждение, похоть очес, надмение и гордость. От таковых плодов познавай древо, и сим способом верно будешь ты узнавать, какого духа тот, кто говорит с тобою. Имеешь признаки их и словом Господа еще яснее указанными. Благий человек, говорит Он, от благаго сокровища сердца своего износит блага: лукавый же от лукаваго сокровища сердца своего износит лукавая (Мф. 12, 35). Ибо по древу и плод его.

31) В ком есть и усматриваются плоды Духа Святого; в тех и Бог обитает. От них и немутный источник Слова с мудростию и разумом, смиреннословящими ли ты слышишь их, или высокая вещающими. В ком же не усматриваются плоды и дары Святого Духа, а видятся плоды противного духа, в тех — мрак неведения Бога, толпа страстей и жилище вражеских духов; смиренноглаголивными ли и смиренно мудрствующими видятся они тебе, или говорящими о высоких вещах, в одежде заморской и с представительною наружностью.

32) Не лицами, не внешним видом и не словами характеризуется истина, и не в них почивает Бог, но в сердцах сокрушенных, в духах смиренных и в душах просвещенных Боговедением. Бывает, что иной, как видим, наружно на словах ставит себя ниже других, и пред всяким смиренныя о себе употребляет речения, для уловления похвалы человеческой, внутри будучи полон самомнения, лукавства, зависти и злопамятства против ближняго. Бывает напротив, что иной, как видим, наружно высокоумными словами ратует за правду, и возстает против лжи, или преступления божественных законов, на одну только при сем взирая истину, и внутри полон будучи скромности, смирения и любви к ближнему, хотя иногда хвалится о Господе, подражая Павлу, который, хваляся о Господе, говорил: похвалюся в немощех моих (2 Кор. 12, 9).

33) Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чем из вещей мысленных: как из людей превосходящие других разумением смотрят паче на силу слов и цель дел, и по ним составляют суждения о лицах непогрешимых. Обыкновеннее же бывает, что человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце (1 Цар. 16, 7).

34) Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха

в уши людей на пагубу душ; то создавший на едине сердца наши (Пс. 3, 15) не воздвигнет ли от земли смирения нища, и от гноища страстей не возвысит ли убога (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему мечь духовный, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17)? Преподобно убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением, востекают на высоту ведения, и дается им свыше силою Божию слово премудрости, яко благовествуящим спасение Церкви Его (Пс. 67, 12).

35) Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце, и сие самое делати и хранити понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей.

38) Всякий, познавший себя, почил от всех дел, кои по Богу, и вошел в святилище Божие, в мысленное богослужение Духа, и в божественное пристанище безстрастия и смирения. Не познавший же себя чрез смиренномудрие еще в труде и поте шествует путем жизнисей. О сем и Давид гадательствуя сказал: сие труд есть предо мною, дондеже вниду во Святило Божие (Пс. 72, 16, 17).

39) Когда кто познает себя; а это требует многого со вне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, — тогда тотчас внезапно приходит в душу и божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплаго умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным неким опьянением умиления, входит в глубину смирения, и, из себя изшедши, ни во что вменяет все внешнее яства, пития, одеяния тела, — как изменившийся добрым изменением десницы Вышняго (Пс. 76, 11).

40) Смирение есть нечто величайшее в добродетелях: ибо оно в ком вкоренится чрез искреннее покаяние и в спутницы к себе примет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроются, тогда для них уясняется чрез то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поскольку они углубляются в глубины Духа, потолику погружаются и в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества, и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними.

41) Ничто так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его, как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки слез и представляя пред очи сознания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность; умиление очищает ум от всего вещественного, просвещает око сердечное и делает душу всю светлоблестящею; чистая молитва всего человека сочетавает с Богом, делает его сотрапезником Ангелов, дает ему вкусить сладости вечных Божиих благ, сокровищами великих таин снабжает его, и, воспламенив любовию, располагает его дерзнуть на положение души своей за друзей своих, как ставшаго уже выше пределов человеческого ничтожества.

42) Сохрани ты мне добрый залог обогатительного смирения. в которое складываются на сохранение сокровенныя сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, — и Царь, и Христос Бог покоится как на престоле, окованном златом, разделяя дары Духа Святаго питомцам его и великих

сподобляя их удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения божественных вещей, предуграние вещей человеческих, животворного умертвия в безстрастии и соединения с Ним теснейшего, для соцарствования с Ним в царствии Отца и Бога, как Сам Он Ему молится, говоря о нас: Отче, их же дал еси Мне, хочу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною (Иоан.17, 24).

43) Когда кто, деятельно трудясь в исполнении заповедей, внезапно исполнится радостью неизглаголанною и неизреченною, так что и сам изменится дивным неким и невыразимым изменением, и, как бы совлекшись бремени телесного, забудет о пище, сне и других потребностях естества: тогда да ведает, что это Есть Божие ему посещение, производящее в подвизающихся животворное умертвие и вводящее чрез то в состояние безплотных. Такой блаженной жизни виновница есть смирение; питательница и мать — святое умиление; другиня и сестра — созерцание божественного света; престол — безстрастие; конец — Пресвятая ТроицаБог.

44) Достигший до сего акрополя (кремля), не может быть держим узами чувства ни к чему из всего тварного, не обращает взора ни на какия утехи житейския, не различает неподобного от преподобного, но как Бог равно дождит и солнце возсиявает на праведных и неправедных, на злых и благих (Мф. 5, 45), так и он возсиявает и простирает лучи любви своей на всех, не утесняясь в утробах своих (2 Кор. 6, 12), но чреватый пребывая любовью ко всем, и если чувствует тесноту и тяготу, то только тогда, как не может благотворить, сколько хочет. Отсюда, как некогда из Едема, другой некий исходит источник, разделяющийся на четыре начала (Быт. 2, 10), — смиренномудрие, чистоту, безстрастие и неразвлекаемую ничем (безмолвную) молитву, и напоет лице всего мысленного творения Божия.

45) Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действие, думают, что оне ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых, и недоуменных умозаключений. — Но они естественно нам прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невещественного света, отрясет всякое к миру чувство, и свыше утешения Духа сподобится: тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нея, утверждают чувства ея, и исполняют мысли ея всякаго радования и света божественного; и не это только, но и сокрушают сердце и ум в видении лучшаго соделовают смиренномудрым. Всему сему невозможно быть в тех, кои плачут и рыдают по иным причинам.

46) Невозможно разверзть источник слез без глубочайшаго смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимаго наитием Духа: ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым поражаются Духом. Они, как звенья цепи, держась друг за друга и единою благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный.

47) Свет, от Духа Святаго нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия оносительно слов и явств: ибо как безразличие в явствах и вообще сытая трапеза, так равно и не удерживания языка и очес нехранение изгоняют его из нея и делают нас омраченными. Когда же мы наполнимся тмою; тогда все звери селения сердца нашего и скимны — страстные помыслы с рыканием расходятся по душе, ища себе пищи в страстях, и покушаясь похитить положенное в нас Духом сокровище (Пс. 163, 21). Но истинная другиня наша — воздержание, и Ангело—творная молитва не только не попускают ничему такому произойти в душе, но и сохраняют в

уме неугасимым светением Духа, сердце делают тихим и чистым, источают божественное умиление, душу расширяют любовью к Богу, и всю ее, в веселии и девственности, всецело сочетавают со Христом.

48) Ничто так не свойственно разумности, как чистота и целомудрие души, коих мать и другиня есть воздержание всестороннее, а отец — страх Божий. Страх же Божий, преложившись в вожделение Бога и сочетавшись с сердечным расположением к божественным вещам, соделывает душу свободною от страха, полною любви и божественного разумения родительницею.

49) Страх, наперед сочетавшись с душою, чрез покаяние делает ее чреватую помышлением о суде. Тогда окружают ее болезни адских мучений (Пс. 114, 3); воздыхания и скорбныя томления с жжатием сердца терзают ее, при помышлении о будущем воздаянии за дела злыя. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышления зачатое (намерение содевать спасение) возрадившись, рождает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и освободившись от мучении при мысли об аде, и избавившись от стенаний под действием представления суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ, и сретається другинею — чистотою с целомудрием, кои искреннею любовью сочетавают ее с Богом. — С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в изступлении сущи, течет в след Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: «в след Тебе, в воню мира Твоего теку. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почишаеши в пол—день чистаго созерцания?, чтоб не быть мне вынужденною блуждать по стадам друзей Твоих — праведников (Пес. пес. 1, 3. 6): ибо светлосияние великих таинств у Тебя». — Жених же, введши ее в сокровище—хранительницу сокровенных своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростию.

50) Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того, как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною, и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огонь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; — и душа опять соделывается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, низшедший во свете и радовании неизреченном, и как на престоле славы восседши на высоте ума ея, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «мир вам от борющихся вас страстей, мир мой даю вам для естественнаго вам действия, мир мой оставляю вам для достижения преестественнаго совершенства». Исцелив таким образом тройственностию дарования мира троечастность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Богом девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием миров чистоты, и говорит ей: «востани, прииде ближняя моя. добрая моя, голубице моя, в деятельном любомудрии. Яко се зима страстей преиде, дождь сластолюбивых помыслов отъиде, отъиде себе, цветы добродетелей с благоуханием помышлений явишася на земли сердца твоего. Востани, прииде ко Мне в разумном ведении естества, прииди ты, голубице моя сама о себе, в покров и мрак таинственнаго Богословия и веры, сего твердаго во Мне Боге камня» (Пес. пес. 2, 10 — 14).

51) Блажен мне из сподобившихся добраго изменения и восхода горе тот, кто, — деятельным любомудрием превзошедши стену страстных привычек, и оттуда на посребренных крыльях

безстрастия в ведении поднявшись в мысленный воздух созерцания всего сущаго. а отсюда вошедши в мрак Богословия, — почил наконец от всех сих дел своих в Боге блаженную жизнь: ибо он, соделавшись в совершенстве земным Ангелом и небесным человеком, прославил Бога в себе, чего ради и Бог прославил его.

55) Худо неверие, лукаваго сребролюбия и зависти лукавейшее порождение. Если же оно худо, не паче ли худо то, что порождает его? ибо сие последнее любовь к злату делает в сынах человеческих предпочтительнейшею любви ко Христу, Содетеля вещества почитает меньшим сего вещества, и ему служит паче, нежели Богу научает тех, кои охотнее соглашаются служить твари паче Творца и истину Божию пременяют во лжу (Рим. 1, 25). Если же недуг сей так худ, то какой степени худости не превосходит душа, произвольно им недугующая?

56) Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато, и его ненасытное любление. так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действия по заповедям Его. Если вожделевает злата, то, увы! конечно приобретешь его, если приобретением считаешь, а не крайнюю потерю любовь к нему, предпочтительно пред любовью ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а вместе с Ним потеряешь и Бога, без Коего нет спасения человекам.

57) Если любишь золото, то не любишь Христа. Если же Христа не любишь, а любишь золото; то смотри, кому тиран сей уподобить тебя старается? Оному, хотя ученику, но не верному, хотя другу, но оказавшемуся наветником, зле возставшим на общаго Владыку, бедственно отпадшим от веры и любви к Нему и бросившимся в глубь отчаяния. — Убойся же этого примера и ты, и бегай злата и любви к нему, да Христа приобрящешь, оказывая вместе с тем и к себе самому истинную любовь: ибо видишь, какова участь падшаго в этот грех?

58) Без призвания свыше, никогда не ищи получить председательство, при помощи золота, или при содействии и ходатайстве людей, хотя бы ты видел, что имеешь силу пользоваться души; ибо три следующие беды могут сретить тебя, и одна из них сбудется: или негодование Божие и гнев найдут на тебя в различных напастьях и скорбных обстоятельствах, когда возстанут на тебя не только люди, но и вся почти тварь, — и жизнь твоя будет много воздыхательна; или с великим безчестием будешь свергнут оттуда, когда преодолеют тебя другие; или умрешь не в свое время, будучи отсечен от настоящей жизни.

59) Нельзя ни во что вменять славу и безчестие и быть выше неприятностей и приятностей, если не сподобится кто право смотреть на то, чем кончается все такое. Когда же увидит, как всякая слава, всякое удовольствие и утеха, всякое богатство и благоденствие кончается ничем, потому что смерть все это отнимает и растлевет; тогда, познав явную суетность человеческих вещей, обращает он чувства свои к вещам божественным, и к этим, пребывающим и растлиться никогда не могущим, прилепляется, а от тех отвращается, — вследствие чего становится выше скорбей и утешений земных: скорбей, как победивший в душе саслолюбие, славолубие и любоимание, — утешений, как отторгший от души мирское чувство (всякое сочувствие к мирскому). От того, почитают ли его, или безчестят, скорби ли или утешения облежат его, он всегда одинаков, и за все благодарит Бога, не низпадая помыслом долу.

60) Тщательный может и по сновидениям угадывать движения и расположения души, и соответственно тому направлять попечение об устройении своего духовнаго состояния. Ибо по

настроению внутреннего человека и его забот бывают и телесные движения и душевные мечтания. Кто имеет душу веществолюбивую и сластолюбивую. тому мечтаются стяжания вещей и денежные прибыли, также женские лица и страстные объятия, от коих случается с ним осквернение плоти и одежды. У кого душа любостяжательна и сребролюбива, тот и во сне видит всегда золото: то взysкивает уплаты, то умножает проценты. то прячет добытое в кладовую, то будто осуждается как немилосердый. Кто гневлив и завистлив, тому представляется, будто за ним гонятся звери или ядовитые пресмыкающиеся, — и он испытывает великие ужасы и страхи. У кого тщеславием напыщена душа; тому мечтаются добрая о нем молва, шумные ему встречи народные, предложение ему или получение им какого либо чина или начальства. У кого душа горда и самомнением наполнена; тот видит себя разъезжающим на блестящих колесницах или летающих на крыльях по воздуху, а других всех трепещущими пред великостию власти его. Равным образом и Боголюбивый человек, как ревностный о делах добродетели и неутомимый в подвигах благочестия, имея душу чистую от пристрастия к вещественному. видит во сне или сбытие будущих вещей. или откровение страшных видений. и просыпаясь, всегда находит себя молящимся в умилении и мирном устроении души и тела, со слезами на ланитах и с беседою с Богом в устах.

61) Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. — Мечтания суть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума, но которых предметы перемешиваются, одни вытесняют другие, или изменяются в другие; от них никакой не бывает пользы. и самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением; их тщаливейшие ревнители презирать должны. — Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многия лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящаго их делают самоуглубленным, и притрепетным от неизменнаго созерцания представляющихся страшных вещей; тщатливейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными. — Откровения суть сущия выше всякаго чувства созерцания чистейшей и просвещенной души, представляющия дивныя некия божественныя дела и разумения, тайноводство сокровенных Божиих таин, сбытие наиважнейших для нас вещей, и общее пременение мирских и человеческих дел.

62) Из сказанных видов сновидений первыя свойственны людям чувственным и плотолюбивым, для коих Бог чрево и укоризненное насыщение, коих ум объят тмою. по причине нерадивой и страстьми истертой жизни, и над коими издеваются бесы посредством мечтаний; вторыя — тщаливым ревнителям, очищающим душевныя чувства, и чрез видимое благодетельно возводимым к постижению божественных вещей и приумножению преспеяния; третьи - совершенным, действительно наитствуемым божественным духом и с Богом соединенным богоглаголивою душею.

63) Не у всех людей сновидения бывают истинны, и не у всех печатлеются во владычественной части ума, но у одних тех, коих ум очищен и чувства душевныя просветлены, кои востекли к естественному созерцанию, у коих нет попечения и житейских вещах. ни заботы о настоящей жизни. коих долгия пощения установились в общее воздержание, а поты и труды по Богу обрели покой во святилище Божием в ведении сущаго и в высшей премудрости, коих жизнь Ангельская сокровенна ныне в Боге, и коих преспеяние в священном безмолвии возвело на степень пророков Церкви Божией, о которых и в книге Моисея сказал Бог: аще будет пророк в вас, во сне явлюся ему, и в

видении возглаголю к нему (Числ. 12, 6), и в книге Иоила: и будет по сих, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дочери ваши, и старцы ваши сония узрят, и юноты ваши видения увидят (Иоил. 2, 28).

64) Безмолвие есть состояние ума нестужаемаго (помыслами), тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и невлаемое, светлое созерцание, ведение Божиих таин, слово премудрости из чистаго ума, бездна разумений Божиих, восторжение ума, беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, безтрудный в великих трудах покой, и наконец единение и совокупление с Богом.

65) Пока душа разстроена в себе, по причине беспорядочнаго действованія ея сил и потому неспособна вместить в себе божественные лучи, пока не сподобилась она свободы от рабства мудрованию плоти и не вкусила еще мира, по причине недавности прекращенія в ней брани неустойчивых страстей; дотолѣ потребно ей многое молчаніе уст, до того, чтоб и она могла говорить с Давидом: аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих (Пс. 37, 14). Всегда должно ей быть печальною и в сокрушеніи ходить путемъ заповѣдей Христовыхъ, пока еще оскорбляетъ ее враг, и она ждетъ пришествія Утешителя, Коимъ, когда она пребываетъ в сокрушеніи и омываетъ себя слезами, даруется ей свобода.

66) Когда в безмолвіи уготовляющій медъ добродетелей станетъ выше смиренной плоти, вследствие подвиговъ любомудрія (подвижническихъ) и его душевныя силы придутъ в естественное состояніе, по причинѣ низверженія долу мудрованія (самоуменія, гордости), когда, очистивъ сердце слезами, сдѣлается онъ способнымъ вмѣщать лучи Духа, облечется в нетленную животворную мертвость Христову и, сидя в горнице безмолвія, приметъ Утешителя с огненнымъ языкомъ; тогда долженствуетъ онъ с дерзновеніемъ глаголати величія Божія, и в Церкви велицейъ благовѣстить правду Его (Пс. 144, 5. 11. 12. 21; 39, 10), яко приявшій внутрь чрева законъ Духа, да не подобно оному рабу лукавому, скрывшему талантъ своего господина, вверженъ будетъ в огонь вечный. Такъ и Давидъ, после того, какъ омылъ грѣхъ свой покаяніемъ, и опять воспріялъ пророческое дарованіе, не могши скрывать Божія благодеянія, такое обращалъ къ Богу слово: се устнамъ моимъ не возбраню, Господи, Ты разумелъ еси: Правду Твою не скрѣхъ в сердце моемъ, истину Твою и спасеніе Твое рехъ, не скрѣхъ милость Твою и истину Твою отъ сонма многа (Пс. 39, 10. 11).

67) Умъ, очищенный отъ всякой нечистоты, по блестящимъ и светлымъ разуменіямъ бываетъ для души звезднымъ небомъ, имея в себѣ Солнце правды сияющимъ, и светлыя лучи богословія испущающимъ, в уясненіе, что есть глубина и высота, и широта веденія Бога. Приявъ в недра свои сии лучи, Онъ изъясняетъ потомъ словомъ глубины Духа всемъ, имеющимъ Духа Божественнаго в себѣ, обнаруживаетъ лукавство духовъ, и поведаетъ о тайнахъ царствія небеснаго.

68) Телесныя похотенія и взыгранія плоти останавливаютъ воздержаніе, постъ и бореніе духовное; раженія же душевныя и волненія сердечныя чтеніе Божественныхъ Писаній охлаждаетъ, непрестанная молитва смиряетъ, а умиленіе, какъ елей, утишаетъ.

69) Ничто другое такъ, какъ чистая и чуждая всего вещественнаго молитва, не дѣлаетъ человека достойнымъ собесѣдникомъ Бога и не соединяетъ с Нимъ того, кто словомъ молится Ему неразсеянно, в духе, когда при томъ душа его омывается слезами, услаждается сладостію умиленія и светомъ Духа просвѣщается.

70) Прекрасно и количество в молитвенныхъ псалмопѣніяхъ. когда имъ руководитъ терпѣніе и вниманіе;

но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы). Качество же псалмопения и молитвы (доброе) состоит в том, чтобы молиться в духе умом; а умом молится кто когда, поя и молясь, он умом обозревает то, что содержится в божественном Писании и приемлет восхождения разумений в сердце своем из боголепных мыслей, коими мысленно в воздух света восхищаемая душа, светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, вожделением коих возгараясь, тотчас являет плод молитвы источением из очес источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы, от качества псалмопения поражающийся в душах, добре молящихся.

71) Где видится плод Духа, там присуще качество молитвы; а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения. Где же плод не проявляется, там сухо и качество; если же оно сухо, тем паче количество, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает.

72) Берегись козней вражеских, когда молишься и поешь псалмы Господу: ибо они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется и все то изгладить из памяти. Делают же сие для того, чтоб лишить нас плодов молитвы, и чтоб не вкушая сих плодов, мы заскучали на псалмопении и пресекли его, в предположении, что уже долго молились, как подушает враг. Но ты настой мужественно и еще прилежнее внимай псалмам, неспешно читая их; да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатишься просвещением Святаго Духа, возсиявающим в душах молящихся (сокращенно).

73) Когда что либо такое случится с тобою, когда стараешься петь разумно. смотри не разленись возмалодушествовав, и покой тела не предпочти пользе душевной, подумав, что уже позден час. Но как только заметишь пленение ума, остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай порядку тот же псалом, и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать, то демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвения, убегут от тебя, стыдом покрытые.

74) Твердо ведай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении, и уразумевается только умеющими уразумевать сие.

75) можно пребывать всегда в молитве, если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговействе полном, в глубины Божии проникая и ища вкусить оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания: что при отсутствии мира (помыслов) невозможно. Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва.

76) Если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь келлии твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, призрев стучащагося к тебе брата: ибо это не любезно Богу. Он желает от тебя в сие время елей любви, а не жертвы молитвы. Почему оставя дар молитвы, дай брату беседу любви, и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей.

77) Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы. Ибо если определишь дело молитвы часами, временами и местами; то кроме сего, пожалуй как бы по праву,

станешь проводить время в занятиях суетных. Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело — вращание души в вещах божественных; конец — прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову Апостола (1 Кор. 6, 17).

78) Хотя ты умертвился уже в членах плоти, и душевно оживотворился Духом и преестественных дарований сподобился от Бога: но ты все же не оставляй блуждать туда и сюда мысленную силу души своей, а приучай ее всегда вращаться в памятовании о прежних твоих прегрешениях и о сущих в аде муках, и смотри на себя как на осужденника. Вращая ум свой в таких помышлениях и так смотря на себя, ты сохранишь сокрушенный дух, и будешь иметь в себе живой источник умиления, источающий струи божественной благодати, и Бога будешь зреть смотрящим на тебя и дающим тебе Духа во утверждение сердца твоего.

79) Благоразумное пощение, приившее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам безстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовью к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовь соединяет с Богом.

80) Не так царь о славе и царстве высокоумудрствует и, восхищаясь державною властью, радуется, как монах о безстрастии и слезах умиления. Но у того высокоумудрствование увядает вместе с царством; а этого блаженное безстрастие с ним переходит туда и там пребывает в радовании в бесконечные веки. Как колесо, вращается таковой в настоящей жизни между людьми, мало касаясь земли и того, что на земле по необходимым потребам естества; весь же он шаровидно несется в мысленный воздух, в себе самом сочетавая начало с концем, и неся виды даров благодатных вделанными в венец смирения. Для него обильною трапезою бывает созерцание Сущаго, питием — чаша премудрости, упокоением — Бог.

81) Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь, великих от Бога сподобляется даров. Подвигаясь в преуспевании к середине, доходит он до божественных откровений и видений, — и тем более делается световидным и мудрым, чем более напрягается его подвижнический труд. Но чем выше восходит он на высоту созерцания, тем большую против себя возбуждает зависть губительных бесов: ибо они не могут равнодушно видеть, как человек прелажается в Ангельское естество; почему не ленятся тайно пускать на него стрелу самомнения. Если он, уразумев кознь вражью, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения. Если же нет; то оставлен будучи помощью свыше, предается в руки духов злобы, требующих его, как своего по духу, на невольное обучение наказательное, за то, что произвольно не явил себя обученным и искусным. Эти обучительно наказательные духи суть духи сластолюбия и плотолюбия, злобы и гнева. кои и смиряют его лютыми нападениями, пока познает свою немощь, и оплакав свое падение, побудит отменить обучительное наказание. Тогда и он может с Давидом воззвать: благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118, 71).

82) Бог не хочет, чтоб мы всегда были смиряемы страстями (немошными являлись пред ним) и, когда бываем гонимы ими, уподоблялись зайцам, полагая камнем прибежища одного Его: ибо иначе Он не сказал бы: Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго (Пс. 81, 6). Но желает, чтоб мы, и как елени, востекали на высокия горы заповедей Его, и были жаждательнейшими животворных вод Духа: чтоб,

как они, по естеству, пожирая змий, в разгорячении от долгаго бега, дивно превращают, как говорят, ядовитое естество змий в безвредную пищу; так и мы всякий помысл страстный, приемлемый во чрево мысленное, действием огневаго бега путем заповедей Божиих и силы Духа, претворяли в благое и спасительное деяние добродетели, да явимся всякое разумение чрез деяние пленяющими в послушание Христово (2 Кор. 10, 5). Ибо горнему миру надлежит быть наполнену не перстными и не совершенными мужами, но духовными и совершенными, востекшими в мужа совершенна исполнения Христова (Еф.4, 13).

83) Вращающийся всегда в одном и том же, и в предняя простертися не желающий подобен мулу, который ворочает мельничное колесо, сам ни мало не подвигаясь вперед. Ибо всегда борющийся с плотию и в одних телесных деланиях упражняющийся, при всем злострадании причиняет сам себе великий ущерб в вещах высших, не замечая того, как непостигший цели божественной воли. Ибо, по св. Павлу, телесное обучение в мале есть полезно (1 Тим. 4, 8), пока перстное мудрование плоти не будет поглощено потоками покаянных слез, и в тело не войдет животворная мертвость духовная, и закон духа не воцарится в мертвенной плоти нашей. Благочестие же душевное, которое под действием божественных помышлений созерцается, как древо жизни, в мысленном делании ума, везде и во всем полезно. как чистоту сердца созидающее. как мир между силами души водворяющее, как всякую доброту духовную с собою вводящее: ума просвещение, чистоту тела, целомудрие, всестороннее воздержание, смиренномудрие. умиление, любовь. освящение, небесное ведение, мудрость слова, и зрение Бога. Кто по многих подвигах востек к такому совершенству благочестия, тот, чермное море страстей прешедши, вошел в землю обетования, из коей течет млеко и мед Боговедения — сие неистощимое услаждение святых.

85) По порядкам и степеням любомудрой (подвижнической) жизни, надлежит нам всяко простираться в предняя и восходить к высшему, пребывая приснодвижными в тех, яже к Богу, и никогда усталости не зная в делании добра. От этого деятельнаго подвижничества надлежит восходить к естественному созерцанию творения; а от сего — к таинственному Богословию и упокоеваться в нем от всех трудов телеснаго делания, — став уже выше всего телеснаго и дольняго и получив благоразсудное ведение истиннаго различения вещей. Если же мы еще не получили ведения такого различения, то не знаем и того, как простираться в предняя и восходить к совершеннейшему; и оказываемся еще худшими мирян.

86) Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, божественным светом озаряется и мало по малу начинает узреть естественно данную ей вначале Богом красоту, и расширяется в возлюблении Создавашаго ее. Поколикую же уясняются ей, по мере очищения ея, лучи Солнца правды, и естественная красота ея обнажается пред нею и ею познается; потолику и она умножает труды подвижнические для большаго себя очищения, чтоб чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась и древнее воспринять благородство, и сохранить для Создателя своего образ Его чистым и несмешанным ни с чем вещественным. И никогда не пособляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой нечистоты и скверны и не соделает достойною зреть Бога и беседовать с Ним.

87) Открой очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего (Пс. 118, 18), вопиет к Богу покрываемый еще мглою земнаго мудрования. Ибо неведение перстнаго ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевныя, отемненною и омраченною ея соделоват к уразумению божественных и

человеческих вещей, не могущею устремлять взора своего к озарениям божественного света, или вкушать благ оных. которых око не видало, о которых ухо не слышало, которыя и на сердце человеку не входили (1 Кор. 2, 9). Но открывая очи свои покаянием, она все сие видит чисто, слышит внятно и понимает разумно. И не только это, но и восхождения разумений о сем полагает в сердце своем. Вкусивши же потом и сладости сего, просвещается она в разуме и словом премудрости поведает всем о дивных благах оных, которыя уготовал Бог любящим Его и всех убеждает взыскать причастия их многими подвигами и слезами.

88) Семь есть даров Духа. Слово Божие, перечисляя их, начинает сверху — от премудрости, и нисходит до конца — до духа страха Божия, — говоря: дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия (Ис. 11, 2. 3). Нам же надлежит начинать с очистительного страха, т. е. со страха мук, чтоб, прежде посредством его отторгши себя от худа и покаянием очистившись от скверн греха, достигнуть и сего чистаго страха, дара Духа путем настоящим грядущи к нему, и в нем упокоеваясь во всяком делании добродетели.

89) Начавший страхом суда и преуспевающий в очищении сердца слезами покаяния, исполняется во-первых премудростию, так как страх начало ея есть, по реченному (Прит. 1, 7); потом разумом вместе и с советом, помощью котораго избирает себе душеспасительныя преднамерения. Сего же достигший чрез исполнение заповедей, восходит он к ведению сущаго и получает точнейшее ведение божеских и человеческих вещей, а от сего соделавшись весь жилищем благочестия восходит в высший град любви, и является совершенным; и тотчас чистый страх — дар Духа приемлет его, чтоб хранить положенное внутрь его сокровище царствия небеснаго. Сей страх, будучи крайне спасителен, того, кто достиг высоты любви, делает трепещущим и на всякий подвиг готовым из боязни, как бы не ниспасть с такой высоты любви, и не быть опять ввержену в ужас мук.

90) Чтение Писаний инаково бывает для тех, кои только вводятся в жизнь благочестия, инаково для тех, кои прошли до середины преуспевания, инаково для тех, кои востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели, который и силу крепкую подает им на борение с духами в страстях действующими, и соделоват их мужественными борцами против демонов, так что они говорят: уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим ми (Пс. 22, 5). Для других оно — вино чаши божественной, веселящее сердца их, в изступление их приводящее силою помышлений, ум их вземлющее от письмени убивающаго и в глубины Духа испытательно вводящее, и всего его соделовающее породителем и находителем уразумений, — так что и им свойственно говорить: и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна (Пс. 22, 5). А для третьих — елеем божественнаго Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим ее преизбытком божественных озарений и всю ее восторгающим превыше тела, так что и она хвалясь вопиет: умастил еси елеем главу мою, и милость Твоя поженет мя все дни живота моего (Пс. 22, 5. 6).

91) Доколе мы притрудно деятельным любомудрием в поте лица направляемся к Богу, умаляя страсти плотския, дотоле хлебом насущным, который возделыванием добродетелей уготовляется и сердца человеческия укрепляет, питается с нами Господь на трапезе дарований Своих. Когда же безстрастием освятится у нас имя Его, и Он воцарится над всеми нашими душевными силами, покорив и умирив разстоящее, — худшее, говорю, лучшему, — и воля Его будет и в нас, как на небе; тогда новое и неизреченное пиво премудрости Слова, растворяемое умилением и познанием таин

великих, пиет Он с нами в царствии своем, в нас пришедшим. Когда же соделаемся мы причастниками Духа Святаго, и добрым изменимся изменением, в обновлении ума нашего, тогда Бог сый, яко с богами, будет с нами, обожив воспринятое (человечество).

92) Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святаго. и славная неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет божественный Дух покаяния, и низходят волны умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает мысленныя ноги наши и делает их достойными ступать по двору царствия Его.

93) Бог — Слово, быв плотию и совершенным став человеком кроме греха, естество наше в свою приял ипостась, и, яко Бог совершенный, возсоздал его и обожил. Слово же суще перваго ума и Бога, с словесною его соединился частию и ее горе воскрылил — мудрствовать и помышлять о божественном. — Но и огонь суще, существенным и божественным огнем сим раздражительную силу его соделал способною живо противостоять пагубным страстям и враждебным нам бесам. А суще желанием (предметом желанным) всякаго словеснаго естества и упокоением (полным удовлетворением вожделения, желательную его часть разжег внутреннейшею любовию к причастию оных благ вечной жизни. Таким образом всего обновив в себе человека. из ветхаго Он сделал его новым.

94) Бог — Слово, священно совершив в Себе Самом наше возстановление, Сам Себя потом принес за нас в жертву чрез крест и смерть, и всегда дает жриму быти пречистому Телу Своему, и каждодневно предлагает его нам в душепитательную обильную трапезу, чтоб, вкушая его и пия пречистую кровь Его, в чувстве души соделовались мы чрез сие причащение лучшими, нежели каковы есмы, срастворяясь с ними, претворяясь из худшаго в лучшее, и едино соделоваясь с сугубым Словом сугубо - и телом и душею разумною, яко с воплощенным Богом, и нам по плоти единосущным: так что мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворил нас с Собою чрез безсмертную трапезу, и тем нас соделал по домостроительству, что есть Сам Он по естеству.

95) Если, испытаны быв в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая вкушаем от хлеба сего и от чаши сей прием, то сугубое Слово, с двумя естествами нашими в кротости нашей срастворяясь, всецело претворяет нас в себя — самого, яко воплощенное и нам, по человечеству, единосущное, и всех боготворит и Себе, яко сообразных с Ним и братий, усвоет, яко Бог и Отцу единосущный. Если же приступаем, будучи срастворены с веществом страстей и осквернены скверною греховною, то Оно, приближаясь к нам, естественным ему грехоистребительным огнем пожигает и пополяет нас всех, и жизненность нашу подсекает, но благоволением благости своей, а отвращением к нечувствию нашему будучи к тому понуждаемо.

96) Ко всем, по деятельному любомудрию, начавшим шевствовать путем заповедей, Господь невидимо приближаясь, сшествует им; так как они не совершенное еще имеют мудрование, душа их еще много недоумеает в деле добродетели и душевные очи их праведно удерживаемы бывають в сие время, чтоб не познали своего преуспяния, когда сшествует им Господь, содействует им избавляться от страстей, и простирает руку помощи к содеванию всякой добродетели. Когда же они продолжают делать успехи в подвигах благочестия и идти к безстрастию чрез смирение; тогда Господь не хочет, чтоб они все еще оставались утомленными трудами добродетелей, но чтоб простирались далее и восходили к созерцанию. Почему, напитав их вдоволь хлебом слез, светом

умилениа благословляет, и ум их отверзает к познанию глубины божественных Писаний, — и тотчас скрывается от них, чтоб возбудить их и понудить к тщательнейшему исканию Его.

97) Праведно Господь укоряет в косности тех, кои долго медлят в трудах деятельной жизни и хотят разстаться с ними и на высшую востечи степень созерцания, говоря им: о несмысленные и косные сердцем, еже веровати (Лук. 24, 25) Тому, Кто ходящим по духу может открыть глубины Духа! Ибо нехотение от новоначальных подвигов переходит к совершеннейшим, и от буквы божественнаго Писания проходит к высшему его разумению и смыслу сть признак души ленивой, не ищущей вкусить сладости духовных благ и на зло себе отвращающей от своего преспеяния. За это ей, как несущей светильник свой погасшим, не только сказано будет: поиди, купи у продающих, но, по затворении пред нею чертога брачнаго, приложится: отойди; не вем тя откуда еси (Мф. 25, 9. 12).

98) Когда Господь Иисус Христос, как некогда к граду Вифании, приблизится к падшей душе, с целью воскресить ум ея, умерший от греха и погребенный под тлением страстей: тогда мудрость и правда, погруженные в печаль об умертвии ума, в слезах сретают Его, и говорят: если бы Ты здесь у нас был, блюдомый и хранимый, то брат наш — ум не умер бы от греха (Ин. 11, 21). После сего правда спешит напитать Господа Иисуса попечением о многом и деланием добродетелей, и почтить Его предложением трапезы злострадания (произвольных лишений) полной и многовидной; а мудрость, оставя всякое другое попечение и притрудное злострадание, предпочитает присесть умному деланию, мысленным движениям Господа и слушанию созерцательных Его разумений. Господь же первую милостиво приемлет — за то, что она добре подвизается и усердствует напитать Его трапезою многообразнаго деятельнаго любомудрия, а за то, что она печется о многом и много занимается тем, что немного полезно, укоряет: ибо едино есть на потребу и на угождению Господу — лучшему помыслу подчинить худший, перстное мудрование души преложить в духовное, в потовых трудах добродетельных; а вторую похваляет и к Себе привлекает, как избравшую благую часть ведения духовнаго, в коем воспарив выше человеческих вещей, входит она в дивныя глубины Божии, биссер многоценный оттуда себе добре покупает, и узревает сокровенныя сокровища Духа: и бывает ей радость неизреченная, которая не отъимется от нея.

99) Ум, умерщвленный страстями и оживотворенный присещением Господа Иисуса, отбросив камень нечувствия, разрешается от пленниц греха и тлетворных помыслов духовными слугами Господа, т. е. — страхом мук и трудами доброделания; вкусив же потом света будущей жизни, отпускается идти к безстрастию, достигнув коего, возседает на престоле чувств, и чисто священнодействовав таинство видения, бывает сотрапезником Господа Иисуса, и вместе с Ним возшедши от земли на небо, соцарствует Ему в царствии Бога и Отца, почив от всех своих исканий.

100) Тамошнее, имеющее быть по разрешении от тела, возустроение для каждого ревнителя законно подвизающагося, прошедшаго до середины и усовершенствовагося в меру возраста исполнения Христова, явственно видно бывает чрез действенное удостоверение Духа. Там вечная радость во свете присносущем составляет блаженство того наследия; радость непрестающая объемлет сердца законно здесь подвизающихся и веселие Духа Святаго лобызает их, которое, по слову Господа, не отъимется от них. Сподобившийся пришествия Утешителя здесь и плодами Его насладившийся в воздильвании добродетелей, и обогатившийся дарами Его, радости исполнен сущи и всякой любви, — так как всякий страх отбегает от него, — в радости разрешается от уз тела, и с радостью вземлетя от всего видимаго, к коему еще живущи наперед забыл всякое чувство, и упокуевается в

неизреченной радости света там, где есть всех веселящихся жилище; хотя тело некоторых во время разрешения и пресечения союза с душою и страждет, подобно женам при трудных родах.

Преподобный Никита Стифат.

третья умозрительных глав сотница, — о любви и совершенстве жизни.

1) Бог есть ум безстрастный паче всякаго ума и всякаго безстрастия, — свет и источник света благаго, — премудрость, слово и ведение, и податель премудрости, слова и ведения. Кому даны сии дары чистоты ради, и в ком они усматриваются, в тех сохранным пребывает и еже по образу; так что они являются чрез то сынами Божиими, водимыми Духом, как написано: елицы Духом Божиим водятся. сии суть сынове Божии (Рим. 8, 14).

2) Которые трудами подвижническими соделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятельщиками безсмертнаго естества чрез дарования Духа. До сего же достигшие полны суть света благаго, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отырают благия словеса и премудрость Божия течет из уст их в ведении божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа. На таковых несть закона (Гал. 5, 23), так как они однажды навсегда соединились с Богом и благим изменились изменением.

3) С усердным тщанием притрудно простирающийся к божественному бывает отображением образа Божия добродетелями душевными и телесными; поелику тогда он в Боге и Бог в нем упокоевается, по срастворению, так что он от сего есть и видится образом божественнаго блаженства по богатству даров Духа, и по внутреннему устроению богом, Бог же — совершителем его совершенства.

4) Не по органическому устроению тела человек есть образ Божий, но по мысленному естеству ума, не описуемаго телом, долу тяготеющим. Ибо как Божеское естество, вне всякой твари суще, не описуется, как не определяемое и не телесное, не качественное, не осязаемое, не количественное, невидимое, бессмертное, необъемлемое и отнюдь нами не разумеемое: так и данное от Него нам мысленное естество, как неопикуемое, не телесно есть, невидимо, неосязуемо, необъемлемо, и есть образ бессмертной и присносущной Его славы.

5) Первый Ум сый, Бог единосущное в Себе имеет Слово с Духом соприсносущным, ни без Слова и Духа никогда не бывая, по причине нераздельности естества, не сливаясь с ними, по причине неслиянности сущих в Нем ипостасей. Почему и естественно раждая из существа своего Слово, Сам не отделяется от Него, несеком будучи в Себе. Имеет же соприсносущное Слово соестественным Себе собезначальнаго Духа, предвечно от Отца исходящаго, — и от родителя своего не отсекается. Ибо у них едино есть и нераздельное естество, хотя по различию ипостасей разделяется на лица, и троично воспеваается — Отец, Сын и Дух Святой. Лица сии, как единое естество и Бог един, никогда не отделяются от соприсносущаго существа и естества. Сего—то триипостаснаго и единичнаго естества образ виждь в созданном Им человеке, но по части его мысленной, а не по видимой, по бессмертной, а не по смертной и разлагающейся.

6) Бог, несравненно выше сущи всех созданных Им тварей, рождая Слово без разделения с Ним, и Духа Святаго испущая, в сохранение бытия и силы тварей, есть вне всего и внутрь всего. Таким же образом и причастный божескаго Его естества, человек, будучи образом Его, по мысленной, не телесной и не смертной душе, и ум имея естественно раждающий слово из существа своего, вне и внутрь есть вещества и видимых сих членов тела. И как создавший его не разделен от своих ипостасей, — Слова и Духа: так и он, по душе, несеком есть и неразделен от ума и слова, единаго

естества и существа, неопишуемого телом.

7) Триипостасно Божество, в Отце, Сыне и Духе Святом поклоняемое.

Тречастным зрится и созданный Им образ — человек, душою, умом и словом поклоняющийся самому, создавшему все из не сущих, Богу. Что Богу по естеству совечно и единосущно, сие и образу Его по естеству соестественно и единосущно. По сим чертам усматривается, что есть в нас по образу, и по ним я есмь образ Божий, хотя срастворен с брением и прахом.

8) Ино — образ Божий, и ино то, что усматривается в образе. Образ Божий — душа мысленная, ум и слово, — единое и нераздельное естество; а усматриваемое в сем образе есть начальственность (самостоятельность), владычественность (независимость) и самовластность (свобода). Также — ино слава ума, ино достоинство его, — ино то, что по образу, и ино то, что по подобию. Слава ума есть возношение горе, приснодвижность к высшему, острозоркость, чистота, разумность, мудрость, бессмертие. Достоинство ума есть словесность, самостоятельность, владычественность, самовластие. То, что по образу, есть — иметь душу с умом и словом, личную, единосущную и нераздельную. Ум и слово принадлежат душе, нетелесной, бессмертной, божественной, мысленной, — и все они единосущны, совечны, нераздельны между собою и раздельны быть не могут. То, что по подобию, есть праведность, истинность, благоутробие, сострадание и человеколюбие. В ком сии качества в действии суть и постоянно пребывают, в тех ясно зрится и что по образу и по подобию.

9) Троечастная разумная душа видится опять в двух видах действования, из коих одно разумное, а другое — страстное. Разумное, по образу Создавшего ее сущи, неудержимо и неопределимо чувствами, яко вне и внутрь их бывающее. Сим действованием она, сприобщаясь к умным божественным силам, по естеству востекает к Богу, яко к первообразу своему, и божественным Его услаждаема бывает естеством. Страстное же ее действование чувствами раздробляется на многия части, подлежа страданиям и отрадам. Сим действованием она, сприобщаясь к естеству чувствительному, питательному и растительному, подлжит влияниям воздуха, холода и теплоты, и в пище имеет нужду для поддержания жизни, для возрастания и здоровья. Изменяясь под действием всего сего, она иногда похотствует, и безсловесныя восприемлет похотения, уклоняясь от движения по естеству, иногда преогорчевается и неразумным гневом волнуется, а иногда испытывает алчбу, жажду, печали, болезни, и опять успокоивается: так что здесь она то отрадами услаждается, то скорби терпит; почему эта сторона ее и называется справедливо страдательною или страстною, как в страстях и страданиях проявляющаяся. Когда же мертвенное сие пожерто бывает умною жизнью, в силу победы лучшаго над худшим; тогда и живот Иисусов является в мертвенной плоти нашей (2 Кор. 4, 11), животворную производя в нас мертвость безстрастия и нетленное бессмертие подавая наитием Духа Святаго.

10) Как Творец всего, прежде создания всех вещей из ничего имел в Себе ведение о природе и сущности их, как Царь веков и предведатель всего; так и созданному им по образу Своему человеку в царя творения, дал иметь в себе не силу только все познавать, но и то, из чего все созданное составлено. Так сухое и холодное имеет он в персти, из коей сотворен, теплоту крови от воздуха и огня, влажныя мокроты от воды, от растений растимость, от животно растений питаемость, от неразумных животных страстность, от Ангелов мысленность и разумность, от Бога вдохнутое оно не вещественное, не телесную и бессмертную душу, видимую в уме и слове, и в силе Духа Святаго, — чтоб быть и жить.

11) Богу, создавшему нас по образу и подобию Своему, бываем мы подобны добродетелию и разумением. Добродетель же Божия есть правда, преподобие и истина, как говорит Давид: праведен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе (Пс. 118, 137, 88, 9), и еще: праведен... и преподобен... Господь (Пс. 144, 17). Бываем мы ему подобны также правотою и благостию, ибо благ и прав Господь (Пс. 24, 8); словом премудрости и словом разума, ибо сии в Нем суть, и Он именуется премудростию и разумом (Кол. 2, 3); святостию и совершенством, как Сам говорит: будите совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть (Мф. 5, 48), и: святи будите, якоже Аз свят есмь (Мф. 19, 12); смирением и кротостию, ибо говорит: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29).

12) Ум наш, будучи образом Божиим, имеет свойственное ему в себе, когда пребывает в сродной ему деятельности и не допускает в себе движений, далеких от его достоинства и природы. Почему охотно любит вращаться в том, что к Богу относится и с Тем ищет соединиться, от Коего получил начало, Коим движется и к Коему устремляется по естественным своим свойствам, и Ему подражать желает человеколюбием и простотою. Чего ради рождая слово, ум, как другия небеса, возустроляет души единоплеменных человеков, и твердыми их терпением деятельных добродетелей соделовает, и животворит их духом уст своих, подавая им силу против пагубных страстей. Таким образом и он является устройтелем мысленной твари, подражая Создателю великаго мира, Богу, и ясно слышит такое к себе свыше слово: аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши (Иерем. 15, 19).

13) Кто пребывает в естественной уму деятельности и в достойном употреблении слова, тот чистым соблюдается от вещества и украшается кротостию, смирением, любовию и милосердием, и осияниями Святаго Духа просвещается. К высшим созерцаниям устремляя очи ума, он достигает познания сокровенных таин Божиих, и благолюбиво сообщает их словом премудрости тем, кои могут слушать сие, не только для себя размножая талант свой, но и ближним своим давая насладиться плодами его.

14) Кто лучшее из наших двух естеств превозвысил над худшим и сделал его свободным от влияния сего последняго, тот обрел невещественное между невещественными духами жительство, став и сам мысленным духом, хотя телесно видится вращающимся среди других людей.

16) Пока естественныя наши силы безчинно держат себя между собою и распадаются на многия скопы, до тех пор мы не можем быть причастными и сверхестественных даров Божиих. Оставаясь же непричастными их, мы далеко негде стоим и от таинственного священнодействия, совершаемаго мысленным деланием ума на небесном жертвеннике. Когда же мы, ревностно проходя священные подвиги, очистимся от чувственных влечений и силою Духа соберем в едино образовавшиеся в нас скопы, тогда и неизреченных Божиих благ бываем причастны, и божественныя таинства таинственного священнодействия ума достойно возносим Богу —Слову на пренебесный мысленный жертвенник Божий, как зрители и священнослужители безсмертных таин Его.

17) Плоть похотствует на духа, дух же на плоть (Гал. 5, 17), и брань некая стоит между обоими ими скрытная, чтоб одному из врагов сих одержать победу над другим и перетянуть властительство на свою сторону. Это и есть то, что называется в нас крамолою, скопом, бунтом, возстанием, междоусобною бранию, коею раздирается душа.

20) Божественный свет с собою соединяет причастившихся его души, и своим единством объединяет

их в себе, и своими совершенствами совершенствует их, в глубины Божии вводит умное око их, и зрителями великих таин делает их. Восхоти только крайнюю стяжать чистоту трудами духовными, и самым делом узришь в себе Богу любезное действо сказанного.

24) Для сохранения сокровенных сокровищ Духа, надо упраздниться от дел человеческих, избрав безмолвие, которое, чистотою сердца и сладостию умиления сильнее распаяя любовь к Богу, разрешает душу от уз чувств, силы ея возводит в естественное им состояние и им возвращает первобытное устройство.

34) Богоподобия, сколько оно для нас доступно, невозможно улучшить ревнителю, если он наперед теплыми слезами не смоет прирадившейся к нему тины греховной и не прилепится к исполнению святых заповедей Христовых. Иначе невозможно ему сделаться причастником неизреченных Божиих благ. Ибо желающий умно вкусить божественной сладости, всецело отстает от всякаго мирскаго чувства, и душу свою всю занимает созерцанием отложенных Святым благ.

35) Сохранить неизменным Богоподобие, стяжеваемое крайнею чистотою и полною любовью к Богу, возможно только при непрестанном простирании ока ума к Богу, в котором душа обыкновенно устанавливается чрез постоянное пребывание в доброделании, чрез непрестанную, чистую и непарительную молитву, чрез всестороннее воздержание и усердное чтение Писаний.

38) Когда кто соделается причастником Духа Святаго и наитие Его познает из неизреченнаго некоего Его в себе действия и благоухания, которое осязимо обнаружится даже и в теле: тогда в пределах естества пребывать таковой уже не может, но, добрым изменением десницы Вышняго изменившись, забывает о пище и сне, презирает все телесное, небрежет о покое плоти, и весь день пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления какого либо, или какой либо потребности естественной не чувствует, ни голода или жажды, ни сна, или других нужд естества. Ибо любовь Божия с радостью неизреченною излилась в сердце его (Рим. 5, 5), и он, всю ночь в бодренном бдении проводя, в телесном упражнении умное совершает делание, бессмертною услаждается трапезою из бессмертных произрастений мысленнаго рая, в который будучи восхищен Павел, слышал неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать человеку, имеющему пристрастие к чувственному.

40) Что из сущаго в нас выше — для нас рачителей видимое или мысленное? Если видимое, то ничего уже не будет для нас предпочтительнее и желательнее вещей тленных. А если мысленное: то Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться (Ин. 4, 24). Таким образом телесное упражнение излишне бывает, когда в силе умное делание, от котораго тяготеющее долу легким делается и все превращается в духовное, в единении его с лучшим.

41) Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная и таинственная или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая — средним и третья — совершенным. По трем сим степеням восходя по порядку, рачительный подвижник возрастает до возраста Христова, и приходит в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13).

42) На очистительной степени стоят вводимые в священные подвиги. Свойственны ей — отложение образа перстнаго человека, освобождение от всякой чувственной страсти, облечение в новаго человека, обновляемаго Духом Святым. Делая ея — ненависть к чувственному, измождение плоти, удаление от всего, что может возбуждать страстные помыслы, раскаяние в содеянном; при сем — омытие слезами сланости греха, благоустройство нрава благодатию Духа, умиленным сокрушением

очищение внутреннего стклянницы. т. е. ума, от всякой скверны плоти и духа, и влияние в него вина слова, веселящего сердце человека очищаемого и принесение его царю духов для вкушения. Конец же — действительное разжение себя огнем подвижничества. трудами подвижническими извержение из себя всякого яда греховного, закаление себя чрез погружение в воду сокрушения и соделание себя мечем сильно посекающим страсти и бесов. Достигший сего угасил силу естественного огня, заградил уста львов, — свирепых страстей, стал силен духом из немощного соделался крепким и, как другой Авситидианин (Иов), воздвиг себе трофей терпения, победив искушителя.

43) На просветительной степени стоят действием священных подвигов преуспевшие в первом безстрастии. Свойственны ей — водворение в уме образа здравых словес, или здравых на все воззрений и причастие Духа Святаго. Дело ее — очищение ума действием божественного огня, мысленное сердечных очей отверствие, и рождение слова с высокими помышлениями разума. А конец — Слово премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ведение божеских и человеческих вещей, и откровение таин царствия небесного. Достигший сего мысленным деланием ума на колеснице огненной носим бывает четверицею добродетелей, и, как другой Фесвитянин (Илия), еще живой вземлетя в мысленный воздух и обходит небесныя области, став выше всего земного.

44) На таинственной или совершительной степени стоят пришедшие уже в меру возраста Христова. Свойственно им — пресекать воздух, возноситься выше всего. вращаться в кругу горних чинов небесных, приближаться к первому Свету, и глубины Божии исследовать духом. Дело сей степени — исполнять зрителя таких предметов — ум ведением путей Промысла, законов правды и истины, и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же — тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным тайнам Божиим. исполнять его неизреченною премудростию чрез сочетание с ним Духа. и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, просвещающим людей богословскими поучениями. Достигший сей меры действием глубочайшаго смиренномудрия и сокрушения восхищаем бывает до третьяго неба богословия, как другой некий Павел, и слышит неизреченные глаголы, которых не леть есть слышать и человеку, под влиянием чувств состоящему, вкушает неизреченныя блага, коих око не видало, и о коих ухо не слыхало, и делается служителем таин Божиих, став устами Его, и совершает их для людей Словом, почивая при сем блаженным покоем в Боге, совершенный в совершенном, и с богословами в общении пребывая с высочайшими силами Херувимов и Серафимов, коим принадлежит слово премудрости и вместе слово разума.

50) Духовное возрастание ревнителей о спасении соответствует возрастанию Господа нашего Иисуса Христа человечеством. Когда они младенчествуют в новоначалии. тогда, подобно Господу Иисусу, млеко питавшемуся, питаются млекою телесных добродетелей, или телесного обучения, которое в мале (ненадолго) есть полезно возрастающим в добродетели и мало по малу отлагающим младенчество (1 Тим. 4, 8). Когда возрастут они до возраста юношей и твердою начнут питаться пищею видения истины Божией, как имеющие чувства душевныя уже обученными (Евр. 5, 14), тогда уподобляются Господу, преуспевшему возрастом и благодатию. посреди старцев сидящему и открывающему им глубокия тайны (Лк. 2, 46). Когда же приидут в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13), тогда бывают подобны Господу, возвещавшему всем слово покаяния, научавшему народ тайнам царствия небесного, и между тем к страданию своему спешно приближавшемуся. Таков конец и всякого, совершившагося в добродетелях, чтоб, прошедши все

возрасты Христовы, вступить в прискорбныя искушения в соответствие кресту Его.

51) Пока мы состоим под стихиями телеснаго обучения, дотоле под приставниками и повелителями бываем, как младенцы, стрегомы, чтоб не касались брашен не должных, не давали воли осязанию, не засматривались на красоту, не слушали песней сладких, не услаждали обоняния ароматами, хотя мы наследники и господа всего отцовскаго достояния. Когда же кончится это время обучения и завершится безстрастием, тогда, освободясь от закона мудрования плотскаго, пребываем мы под законом Духа и всыновление восприемлем. Когда же и сие совершится, тогда Дух вопиет в сердцах наших: Авва Отче!, показуя и давая уразуметь нам сыновство наше и наше к Отцу и Богу дерзновение, — и сопребывает и беседует с нами, как с сынами и наследниками, не держимыми уже под игом рабства чувствам (Гал. 4, 3. 7).

52) Пред теми, кои, подобно Петру, преуспели в вере, подобно Иакову, востекли к надежде и, подобно Иоанну, совершились в любви, Господь, возведши их на высокую гору Богословия, преобразуется: зрак лица Его в чистом слове просвещается, как солнце; одежды Его в уразумениях неизреченной премудрости бывают светлы, как свет, и Он — Бог Слово — узревается ими стоящими посреде закона и пророков, то как законоположитель и учитель, то как открыватель глубоких и сокровенных сокровищ премудрости, то как предзритель и предсказатель грядущаго. Тогда, как облак светлый, осеняет их Дух, и глас таинственнаго Богословия приходит к ним оттуда, учащий их таинству триипостаснаго Божества, и так вещающий им: се возлюбленный мой предел совершенства, о нем же благоволих, — чтоб вы были мне сынами совершенными в совершенном Духе.

69) Как не иже яве иудей есть, ни еже во плоти обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием (Рим. 2, 28. 29): так и муж совершен в ведении и премудрости не тот, кто много только в явном краснословии, и истинный ревнитель благочестия не тот, кто старателен о явных телесных подвижнических трудах, но кто тщателен в сокровенном умном делании, ему же похвала не от человек, но от Бога (Рим. 2, 29), как не познаваемому людьми, но ведаемому и любимому Богом, и теми, кои тем же Духом водятся.

70) Если от дел закона не оправдится всяка плоть пред Богом (Рим. 3, 20), то кто одними подвижническими трудами и потами совершенным явится пред Богом? Ибо деянием (деятельною жизнью) мы приходим только в навыкновение добродетели и пресекаем действие страстей, но этим одним не делаемся совершенными в меру исполнения Христова. Что же возводит нас в полное совершенство? Искренняя вера, которая есть уповаемых извещение (Евр. 11, 1), которою Авель множайшую паче Каина принес Богу жертву и свидетельствован бысть быти праведник (Евр. 11, 4), и Авраам зовом послуша изыти и переселиться в землю обетования (там же ст. 8, 9). Она возводит истинных ревнителей к крепкому упованию приятия великих даров Божиих, и дает им в сердце неистошимыя сокровища духовныя, чтоб износить оттоле ветхия и новыя тайны Божии и давать требующим. Сподобившийся быти причастником ея восходит в любовь к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога, и входит в покой Его, почив и сам от всех дел своих, якоже и от своих Бог (Евр. 4, 10).

71) Древле Бог противившимся в неверии клялся, что не внидут в покой Его; почему они и не могли внити за неверствие (1 Петр. 3, 20; Евр. 3, 11; 4, 6). Как же ныне некоторые без веры одним телесным деланием чают внити в покой безстрастия, когда видим, что многие не возмogli внити сим образом и почить от всех трудов своих? Всякому потому смотреть надлежит, не лукаво ли сердце его,

исполнено быв неверием, чтоб не лишиться за то, не смотря на пребывание во многих трудах, упокоения и совершенства своего, ибо ради того и подъемлются труды деятельной жизни, чтоб, так как ему оставлено еще субботство, внити в покой безстрастия, а не впасть в древнюю притчу противления (Евр. 4, 11) и не пострадать того, что пострадали противившиеся тогда по неверию.

72) Будучи чувственны, словесны и разумны, десятину некую должны приносить Богу и мы от себя: как чувственные, должны мы добре воспринимать чувствами впечатления от чувственных вещей, и чрез красоту их востекать к созерцанию Создателя их; как словесные, добре говорить должны о божеских и человеческих вещах; как разумные, непогрешительныя разумения должны иметь о Боге, о вечной жизни, о царствии небесном и сокрытых в нем таинствах духовных, чтоб, и по строгом изследовании, оказаться нам и чувствующими, и говорящими, и мудрствующими здраво и безукоризненно, по Богу: в чем и состоит истинная мера совершенства нашего и Священное Богу приношение.

73) Истинная десятина наша Богу есть душевная пасха, т. е. прехождение всякаго страстного нрава и всей неразумной чувственности. Сей, вкусивший пасхи, причащается Агнца непорочна, взявшего грех мира, и не умрет ктому, но, по слову Господа, жить будет во веки (Иоан. 6, 50, 51).

74) Возбудившийся от мертвых дел со Христом воскрес. Если он воскрес со Христом в ведении, Христос же ктому не умирает (Рим. 6, 9), то им не будет более обладать смерть неведения. Ибо Кто древле умер грехом, сдвинувшись с естественнаго движения, умер единожды; а Кто ныне живет, живет Богу свободою Духа Святаго, возбудившаго его от мертвых дел греха: так что он не живет уже плоти и миру, умерши для членов тела и для дел житейских, но живет в нем Христос, как сущем под благодатию Духа Святаго, и не состоящем под законом греха, поколику члены свои представляет в орудие правды Богу и Отцу.

75) Освободивший члены свои от рабства страстям и предавший их в рабство правде, приблизился к освящению Духа Святаго, став выше закона плоти; и грех не будет уже обладать им, пребывающим в свободе и под законом Духа. Ибо не таков конец рабства страстям, каков конец работы правде: тот обыкновенно кончается мысленною пагубою души, а этот вводит в жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем (Рим. 6, 12 — 23).

76) Закон плоти обладает человеком, пока он живет плотски; когда же он умрет и умертвится миру, тогда разрешается от закона ея. Иначе же умертвиться миру нельзя, как умертвившись для членов плоти; а для них умерщвляемся, когда соделываемся причастниками Духа Святаго. Духа же Святаго причастниками признаемся мы, когда приносим Богу достойные плоды Духа: любовь к Богу от всей души, и к ближнему от сердца, сердечную радость от чистой совести, мир душевный от безстрастия и смирения, благостыню помыслов ума, долготерпение в скорбях и искушениях, благость в благоустроении нрава, внутреннейшую веру в Бога, ни в чем не колеблющуюся, кротость от смиренномудрия и умиления и всяческое воздержание чувств. Когда станем мы приносить такие плоды Богу, тогда будем вне закона плоти. И закон не будет уже для нас наказателем за плоды, какие, живя для плоти, принесли мы смерти. Ибо мы свободны стали от закона ея, как воскресшие со Христом от мертвых дел свободою Духа.

77) Начаток Духа в бане пакибытия приявшие и сохранившие его неугасимым, будучи тяготою плоти бременимы, воздыхают сами в себе, всыновления чающе от исполнения Утешителя, чтоб увидеть избавление своего тела от работы тлению (Рим. 8, 23). Ибо Дух вспомоществует им в

естественных их немощах и ходатайствует о них воздыханиями неизглаголанними (Рим. 8, 26); так как по Богу есть мудрование их и упование их чае увидеть откровение сынов Божиих в мертвенной плоти их, что есть животворная мертвость Иисусова, чтоб и им пребыть сынами Божиими, от Духа Святаго водимыми, и, освободясь от рабства плоти, внити в свободу славы чад Божиих, коим, яко любящим Бога, вся поспешествуют во благое (Рим. 8, 28).

78) Божественное Писание постигается духовно, и сокрытыя в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровения их приять не может (1 Кор. 2, 13. 14), — так как он, кроме чередования помыслов своих о другом чем думать, или внимать тому, что говорит другой, неспособен. Ктому же он не имеет в себе и Духа Божия, испытующаго глубины Божии и единого ведающаго Божие (1 Кор. 2, 10. 11), но имеет дух мира чувственный, ревности и зависти полный, спорливостью и раздором переполненный, по причине коего ему юродство есть углубляться в смысл Писания и мысли его исследовать. Не имея силы разуметь его, — так как все, содержащееся в Божественном Писании, духовне возгязуется (1 Кор. 2, 14), — божеских ли или человеческих дел то касается, — он насмежается над теми, кои духовне то сразсуждают (1 Кор. 2, 13), и таковых не духовными и не Духом Божиим водимыми именует, а возводителными (анагогиками, по произвольному наведению открывающими духовный смысл в Писании), и их слова и духовныя разумения извращает и перетолковывает по своему смышлению. Но духовный не таков, но востязует убо вся под воздействием Божественнаго Духа, сам же он ни от кого востязуем быть не может, так как у него ум Христос, котораго никто изъяснить не может (1 Кор. 2, 15. 16).

79) Огнем откроется последний день, и огнем будут испытваемы дела каждого (1 Кор. 3, 13), говорит св. Павел, прилагая при сем, что, чьи дела по существу нетленны, каковыя он внутрь себя отложил в созидание свое, те пребудут посреде огня нетленными, и не только не сгорят, но еще соделаются блестящими, очистившись совершенно от малых каких либо пятен. А чьи дела тленны по веществу, каковыя он, как бремя, на себя возложил, те возгоревшись сгорят и оставят его в огне ни с чем. Дела нетленные и пребывающия суть — слезы покаяния, милостыня, сострадание, молитва, смирение, вера, надежда и всякое дело, в видах истиннаго благочестия содеваемое, — кои, и когда живет человек, созидаются в нем во святыи храм Богу, и когда умирает, отходят с ним и сопребывают с ним нетленными во веки. А дела, в огне истлевающая, как для всех явно, суть — сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, ненависть, зависть, воровство, пьянство, досаждение, осуждение и всякое дело, телом совершаемое, по похоти или гневу. Все такая дела, и когда живет человек, разжигаясь похотию, тлеют вместе с ним, и когда отторгается он от тела, отходят вместе с ним, но не сопребывают с ним, а быв истреблены огнем, делателя своего оставляют в огне на нескончаемую во веки веков муку.

80) Познание Бога означает, что, наздавшийся в нем чрез смиренномудрие и молитву, познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхестественных таин Его. А в ком видится надмение, тот не чрез них (не чрез смирение и молитву) наздался в нем (в познании Бога), но водится духом мира сего чувственнаго. Почему таковой, хотя и кажется знающим нечто, ничего из божественных вещей не знает, как должно. Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему познал и глубины Божии и тайны царствия Его, как знать надлежит тому, кто Духом Божиим движется, и познан от Бога истинным делателем рая церкви Его, который любовию и совершит волю Божию, обращая души и достойными соделывая недостойных словом,

данным ему от Духа Святаго, и дело свое чрез смиренномудрие и сокрушение соблюдет некрадомым.

81) Все мы крещены водою и Духом Святым, и все тоже брашно духовное вкушаем, и все тоже питие духовное прием: каковое брашно и питие Христос есть. Но не во множайших из нас благоволит Бог (1 Кор. 10, 2 — 5). Ибо многие из верных и ревностных Христиан тела свои многими подвижническими трудами и телесными деланиями измождали и утончили; но, как они при сем не имеют умиления от сокрушеннаго и благолюбиваго сердца, и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святаго и удаленными от истиннаго познания Бога, имея мысленныя ложесна свои неплодными и слово без—сольное и без—светное.

82) Чего ищут Назореи от Господа, не есть только взойти на гору Синай деянием, или только пред взытием туда очиститься, убелить ризы свои и не иметь соития с женою, но и то, чтоб узреть не задняя Божия (Исх. 33, 23), а самого Бога, изъявляющаго им Свое благоволение, дающаго им скрижали ведения, и посылающаго их на созидание людей своих.

83) Не всех слуг своих и учеников Господь вводит с Собою в откровение сокровенных и высших таин своих, но только таких неких, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними; не тайно открывая им потребное о царствии небесном, но явно показуя славу и светлость Божества.

84) Многие с полным усердием возделали нивы свои и семя чистое посеяли на них, посекиши наперед терния и волчцы сожегши огнем покаяния. Но, как Бог не одождил на них дождя Духа Святаго от сокрушения, то они ничего с них не пожали; ибо они высохли от бездождия и не принесли в себе многоплоднаго класа Боговедения. Почему такие, если не с голодом слова Божия, но со скудостью Боговедения и с пустыми руками вышли из тела, малым нечим от воздаяния запасшись на путевое содержание.

85) Всякий, износящий из уст своих полезныя к созиданию ближняго слова, из благаго сокровища сердца своего износит их, по слову Господа (Мф. 12, 35). Но никто не может войти в Богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым; и никто, Духом Божиим говорящий, не говорит того, что противно вере во Христа, но одно то, что назидает, что к Богу возводит и в царствие Его вводит, древнее благородство восстанавливает и с Богом соединяет. Если теперь явление Духа каждому дается на пользу (1 Кор. 12, 7), то обогатившийся словом премудрости Божией и благою часть слова разума приивший, состоит под действием Божественнаго Духа и храм есть неистощимых сокровищ Божиих.

86) Не оставляется непричастным благодати Духа никто из уверовавших во Христа и крестившихся, если только он не предал себя совсем в плен всякому действию противнаго духа и не осквернил веры делами, или с нерадением и беспечною не сжился. Кто же сохранил неугасимым начаток Духа, приятый им в крещении, или угашенный опять возжег делами правды, тому невозможно не приять и исполнения Его.

87) Имеющий любовь не умеет по рвению завидовать, не превозносится, как высокоумный и продерзый, не надмевается ни перед кем, не безчинствует, творя неподобное в отношении к ближнему, не себе только полезнаго ищет, но и что полезно ближнему, не раздражается на того, кто

опечаливает его, не вменяет во что либо, если иногда придется пострадать что злое, не радуется о неправде друзей, но срадуется об истинной правде их, все находящее на него печальное покрывает, всему в простоте и незлобии верует, все обетованное нам Богом получить надеется, всякия искушения претерпевает, не воздавая злом за зло; и никогда от любви к ближнему не отпадает делатель любви (1 Кор. 13, 4–8).

95) Когда пятерица чувств подчинена четырем главнейшим добродетелям и хранит всегдашнюю им благопокорность, тогда естество тела, из четырех стихий составленное, не мешает колесу жизни двигаться безмятежно. Когда же оно так движется, тогда силы наши не возстают одна против другой, но страстная часть похотения и гнева согласуется с мысленною, и ум, восприяв естественную свою державную власть, из четырех главных добродетелей устрояет себе колесницу, а трон из служебной пятерицы, и, победив тиранствующую плоть, вземлетя четвероконно восхищаемый на небеса и, представ Царю веков, венчается венцом победы, и в Нем упокоевается от течения своего.

СЛОВО ФЕОЛИПТА МИТРОПОЛИТА ФИЛАДЕЛФИЙСКАГО

Краткое сведение о Феолিপте, Митрополите Филадельфийском

Феолипт, воистину великое светило Филадельфийское, процветал при Андронике втором из Палеологов, около 1325 года. Сначала он проходил подвижническую жизнь на святой Горе; а оттуда потом вызван был и принял предстояние в Филадельфии. Здесь под его учением и тайноводством состоял Григорий Фессалоникский, которому он преподавал прекрасные уроки о священном трезвении и открыл тайны умной молитвы, когда он занимался еще мирскими делами, как значитя в житии сего Григория, написанном Патриархом Филофеем.

Настоящее, трудолюбно им составленное, слово, — точное изображение и верное правило сокровеннаго во Христе делания, — равно как и последующия за ним главы, в которых прекрасно сочетаны божественныя мысли с чистотою выражения, предлагаются здесь на ряду с другими (отеческими писаниями); потому что оне назидательнее многого другаго, и драгоценны для тех, которые желают иметь в кратком обзоре все богомудрое учение духовной философии.

Феолипта, Митрополита Филадельфийскаго С Л О В О,

в котором, выясняется сокровенное во Христе делание, и показывается вкратце, в чем состоит главное дело монашескаго чина.

1) Монашество есть древо высокорослое и многоплодное, котораго корень — отчуждение от всего житейскаго, ветви — безпристрастие души и неимение никакого сочувствия к вещам, которыя оставлены, плод — богатство добродетелей и боготворная любовь и неотлучная от них радость. Плод бо духовный есть, говорит Апостол, любви, радость, мир и прочее (Гал. 5, 22).

2) Удаление от мира дарует прибежище у Христа. Миром же я называю любовь к чувственным вещам и к плоти. Отчуждающийся от сего, в силу разумения истины, усвоется Христом, ради любви к Нему, по которой, разделившись со всем мирским, купил он этот один многоценный бисер — Христа.

3) Во Христа облекся ты в спасительном Крещении, отложил скверну (греховную) в божественной бане сей, восприял в ней светлость духовной благодати и первозданное благородство. — Но что потом сделалось? или лучше — что потом пострадал человек от неразумия? Любвию к миру изменил божественныя черты, сострастием к плоти исказил образ; и мрак страстных помыслов очернил у него зеркало души, внутри котораго должен бы зреться Христос — умное солнце.

4) Теперь ты снова страху Божию пригвоздил душу твою; познал омрачение мирского настроения; уразумел рассеяние мыслей, вводимое в ум заботами житейскими; увидел суетность кружения, в которое неизбежно ввергает человека многомятежная жизнь, уязвился стрелою любви к безмолвию; взыскал мира помыслов, вняв слову Пророка: взыщи мира и пожени и (Пс. 33, 15); возжелал раждающагося отсюда покоя душевнаго, по слову того же Пророка: обратися душе моя в покой твой (Пс. 114, 6). Ради этого и пришло тебе на мысль — то благородство, которое получил ты в крещении по благодати, и потом отринул злым произволением, работая страстям в мире, — снова возстановить в себе благим произволением: что и в дело привел ты, пришедши в священное училище сие, облекшись в честныя одежды покаяния и дав от всей души обет пребывать в монастыре до смерти.

5) Это уже второй положил ты завет с Богом. Первый (полагал ты), вступая в настоящую жизнь, а этот второй (положил ты), возревновав о (добром) конце сей жизни. Тогда веры ради сочетался ты со Христом, теперь покаянием прилепился ко Христу; тогда благодать обрел ты, теперь обязательства принял на себя; тогда, младенчествуя, не чувствовал ты дарованного тебе достоинства, хотя потом, пришедши в возраст, и величие дара сознал ты, и то, что узду носишь на устах своих, — теперь, в совершенном находясь разуме, ясно понимаешь силу обета сего. Смотри же, (держи слово), — чтоб, нарушив и это обещание, не был ты, как сосуд какой, вдребезги разбитый, выброшен во тьму кромешнюю, где плач и скрежет зубов: ибо кроме пути покаяния, нет другаго пути, ведущаго ко спасению.

6) Послушай, что возвещает тебе Давид: вышняго положил еси прибежище твое (Пс. 90, 9). Прискорбную, по Духу Христову, избрал ты себе жизнь, — да не приближается же к тебе зло, от обращения среди мира прилипающее к нам. Взятся ты нести покаяние, — да не идут же вслед тебя любоимение, утхи, честь, украшения, несдержанность чувств; да не пребывают беззаконницы пред очами твоими (Пс. 5, 6), — парения мыслей, пленение ума, распущенность одни другие сменяющих помыслов, и всякое другое произвольное уклонение от правого пути и смятение; любовь к родителям, братьям, родным, друзьям и приятелям да не сретает тебя (на пути сем) и безвременное уже и бесполезное свидание и собеседование с ними да не имеет у тебя места.

7) Если так возлюбишь ты отречение от мира ителом и душою, то бичь скорби не приблизится к душе твоей, и стрела печали не уязвит сердца твоего, и не омрачит лица твоего. Отставшие от сластолюбиваго нрава, и пристрастие ко всему сказанному пред сим отвергшие — притупляют жало печали. Ибо к подвизающейся душе приходит Христос, и неизреченную подает радость сердцу, — и сей радости духовной ничто ни из сластей мира, ни из лютых горестей его, взять от него никогда не может. Благия размышления, спасительныя памятования, божественныя созецания и слова премудрости, служа подвижнику, сохраняют его на всех путях его богоугодной деятельности. Почему и наступает он на всякое неразумное похотение и продерзливую ярость, как на аспида и василиска, и попирает гнев, как льва, и сластолюбие, как змия. Причина же, почему он, отложив всякую надежду на людей и сказанныя вещи, к Богу прилепился, и богатея боговедением, Бога умно призывает всегда на помощь себе, есть следующее обетование: яко на Мя упова, говорит Господь, и избавлю его: покрью его, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу, — и не только от всех оскорбляющих его избавлю, но и прославлю его (Пс. 90, 14. 15).

8) Видишь ли, каковы борения подвизающихся о Господе, и какия за то воздаяния? Потщися же

звание сие совершить делом, отрывая и помышления о вещах, как уединился ты телом. Переменил ты одежду, — сделай себя и (в чувствах сердца) странником (чуждым всего), отложи самые слова (обычные в мире), а не только сродников по естеству. Ибо если ты не прекратишь скитания мыслями во вне, то не можешь возстать против тех, которые строят тебе засады внутри. Если не победишь борющихся тебя чрез видимыя вещи, то не обратишь в бегство невидимых наветников. Когда прекратив внешния развлечения, ты укротишь и внутренния помыслы, тогда ум начнет воздвигаться к делам и словам духовным (или бодрствовать в них); тогда вместо порядков, соблюдаемых при обращении с родными и друзьями, будешь ты заботливо исполнять порядки доброделания, и вместо суетных слов, расплываемых мирскою беседою (на омрачение души), рассмотрение и уяснение божественных словес, движимых в памяти, будет просвещать и вразумлять душу твою.

9) Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же чувств дают свободу душе. Заход солнца производит ночь; уходит Христос из души, — и мрак страстей объемлет ее, и мысленные звери растерзывают ее. Взошло чувственное солнце, — и звери укрываются в норы свои; восходит Христос на тверди молящагося сердца, — и всякое сочувствие к миру престаёт, жаление плоти исчезает и ум исходит на дело свое, — богомыслие, — до вечера, неизвестным только продолжением времени ограничивая делание духовнаго закона, и не в определенной только мере совершая его, но (подвизаясь в нем) пока застигнет настоящую жизнь конец и заставит душу выйти из тела: на что указывая, и Пророк говорит: коль возлюбих закон твой, Господи, весь день поучение мое есть (Пс. 118, 97), днем называя все течение настоящей жизни каждаго. Итак прекрати беседы внешния и со внешними. пока обретишь место чистой молитвы и дом, в коем обитает Христос, просвещая и услаждая тебя познанием и посещением Своим, и располагая скорби за Него считать радостью, а мирския страсти отрывать, как полынь.

10) Ветры воздвигают волны мирския. и если не престанут ветры, не улягутся волны и не укротится море: и духи лукавые воздвигают в душе нерадиваго воспоминание о родителях, братьях, родных и друзьях, равно как о пиروваниях, празднествах, театрах и всех других выдумках сластолюбия, и подговаривают его повидаться с первыми и принять участие в последних, зрением, языком и телом, чтоб и настоящее время истратилось суетно и следующее за тем, — когда будешь сидеть один в келлии, — и проходило в пустых воспоминаниях о виденном и слышанном. Так бесплодно иждивается у монахов жизнь, когда они попускают воспоминаниям о мирских делах печатлется в мысли, как ноги человека идущаго по снегу отпечатлевают на нем следы свои. Если будем доставлять зверям пищу, когда уморим их? Если и делом и помыслами будем заняты неразумными дружбами и обычаями, когда умертвим мудрование плоти? И как возможем пожить жизнь по Христе, как обещались? След ног на снегу уничтожается, или разстаявая от лучей солнечных, или размываем будучи ниспадшею в дожде водою: и врезавшияся в уме памятования о предметах сластолюбия и сластолюбивых делах истребляются или Христом, возсиявающим в сердце посредством молитвы, или благоумилненным дождем слез (искренняго сокрушения).

11) Неразумно действующий монах когда изгладит прежде напечатлевшияся в уме представления? Дело добродетелей еще только телесно совершается, когда оставляешь ты обычаи мира. Печатлеются же благия памятования и божественныя слова вселяются и пребывают в душе, когда частыми молитвами, совершаемыми с теплым умилением, изгладишь из ума памятования прежних дел. Свет памятования о Боге с верою и сокрушение сердца, подобно бритве, отсекают злыя

воспоминания. Подражай мудрости пчел. Оне видя, что около их летает множество ос, остаются внутри улья, и таким образом, избегают вреда от этих наветников своих. Под осами разумея сношения с миром и мирянами. Их избегая со всем старанием, пребывай в сокровеннице честной обители; а отсюда далее покушайся войти во внутреннейшую сторожевую крепость души, где обитает Христос, от Коего мир, радость и тишина невозмутимая. Это дары Христа, умнаго Солнца, которые, как лучи некие, испускает Он из Себя, и как награду какую подает душе, приемлющей Его с верою и добротолубием.

12) Итак сидя в келлии, помятуй о Боге: и при сем отрешая ум от всего, повергай его безгласно пред Богом, и все расположение сердца изливая пред Ним, прилепляйся к Нему любовью. Памятование о Боге есть созерцание Бога, Который влечет к себе зрение и устремление ума, и светом Своим озаряет его. Ум, обращаясь к Богу, после того, как пресечет в себе все образныя представления сущаго, зрит Его безвидно, и взор свой тем просветляет, не смотря на совершенное ведение Созерцаемого, по причине непреступной Его славы. Не ведая однакож Созерцаемого, по непостижимости Его, ум истинно знает, что Он есть собственно Сущий и Един имеет пресущное бытие; богатством же источающейся от Него благодати пития свою к Нему любовь и удовлетворяя свои стремления, сподобляется всегдашняго блаженнаго в Нем успокоения.

13) Таковы свойства истиннаго памятования о Боге. Молитва же есть мысленная беседа ко Господу, в коей произносятся слова молитвы со всецелым ока умнаго устремлением к Богу. Когда мысль часто призывает имя Господа, а ум напряженно внимает сему призыванию божественнаго имени, тогда свет уведения Бога своим Богом, как облако светлое, осеняет всю душу.

14) За истинным и прилежным памятованием о Боге следует любовь и радость. Помянух, говорит Пророк Давид, Бога, и возвеселихся (Пс. 76, 4). А за чистою молитвою следует показанное уведение Бога и умиление. В он же аще день призову Тя, говорит тот же Пророк, се познах, яко Бог мой еси Ты (Пс. 55, 10); и еще: жертва Богу дух сокрушен (Пс. 50, 19). Когда ум и мысль предстоят Богу напряженным устремлением к Нему ока и теплым молением, тогда последует и умиление сердечное. Когда ум, слово и дух (сердце), припадают к Богу, первый — вниманием, второе — призыванием, третий — умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу, как заповедует и Господь: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и проч. (Лук. 10, 27).

15) Хочу впрочем дать тебе знать и о нижеследующем, чтоб иначе, думая о себе, что молишься, не быть тебе далеку от молитвы, не трудиться бесплодно, и не вотще тещи (Гал. 2, 2). Как во время устной молитвы, иногда псалмопение совершается, а ум где-либо инуды носится, блуждая в страстных помышлениях по предметам мирским, так что от этого теряется самое понимание поемаго: так бывает и в мысленной молитве. Часто мысль повторяет слова молитвы, а ум (внимание) не сопутствует ей, не устремляет ока своего к Богу, к Коему и обращается беседа в молитве, но незаметно уклоняется в другия какия либо помышления. И хотя мысль обычно говорит слова, но ум ускользает от ведения Бога (памятование о Нем и разумнаго о нем предстояния). Тогда душа является неустроенною и как-бы безсознательною; ибо ум ея блуждает в каких либо мечтаниях и кружится или в том, к чему неволью увлекаем и чем украдаем бывает, или в том, к чему сам произвольно отходит. Когда же в душе нет молитвеннаго строя, когда молящийся не сознает даже, пред Кем молится, и о чем молится. как усладится ему молитва его? Как обвеселится молитвою

сердце того, кто вид только имеет молящегося, а не истинную в себе учреждает молитву?

Возвеселится сердце ищущих Господа (Пс. 104, 3). Ищет же Господа тот, кто всею мыслию и с теплым расположением припадает к Богу, отрывая всякое мирское помышление ради уведения Бога и любви, источаемых частою чистою молитвою.

16) Для пояснения того, каково должно быть в уме созерцание при памятовании о Боге, и каково в мысли моление во время чистой молитвы беру сравнение от телесного глаза и языка. Что зрачек для глаза и произношение слова для языка, то память (о Боге) для ума и молитва для мысли. Как глаз, зрительным чувством принимая впечатление от подлежащего видимого, не издает никакого звука, но самым опытом зрения получает познание о видимом: так и ум, памятью (сознанием) любовно устремляясь пред Бога в прилеплении горячаго чувства и в молчании простейшаго созерцания, озаряется божественным осиянием и в нем принимает залог будущей светлости. И опять, как язык, произнося слова, открывает слышащему неявныя без того желания сердца, так и мысль, часто и тепло произнося краткосложныя слова молитвы, открывает прошения души все видящему Богу, а неотступностию в молитве и непрестанным сокрушением сердца отверзает человеколюбныя утробы милосердаго Бога и приемлет богатство спасения. Ибо сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит, говорит Пророк (Пс. 50, 19).

17) Может поруководить тебя к уразумению образа чистой молитвы и то, как обычно действуют пред лицом земного царя. Если случится тебе получить доступ к царю, то ты и телом стоишь пред ним (достождолжно), и языком умоляешь, и очи на него (просительно) устремляешь, — и таким образом привлекаешь себе царское благоволение. Делай тоже и в молитве, в церковном ли стоишь собрании, или молишься в келейном уединении. Приходя в церковь на общую с братьями молитву в Господе, как телом предстоишь Ему и языком приносишь псалмопение, так и ум держи во внимании к словам и к Богу и в ясном познании Того, с Кем беседуешь и к Кому обращаешься; помни, что если мысль усердно и чисто занимается молитвою, то сердце сподобляется неотъемлемой радости и мира неизреченнаго. — Когда же уединенно пребываешь в келлии, мысленную держи молитву, в трезвении ума, с сокрушением сердца, — и видение осенит тебя ради трезвения, ведение вселится в тебя ради молитвы, и мудрость почиет в тебе ради умиления, изгоняя безсловесное сластолюбие и водворяя Божественную любовь.

18) Поверь мне, — истину тебе говорю: если во всяком труде твоём будешь иметь при себе неотлучную мать всего добраго — молитву, то она не воздремлет, пока не покажет тебе брачнаго чертога, и не введет тебя внутрь, и неизреченной славы и радости не исполнит тебя. Она, отстраняя все вокруг препятствия, уравнивает стезю добродетели и делает ее удобною для ищущих (спасения).

19) Вот, посмотри, и образ мысленной молитвы! — Беседа (внутреннее слово в молитве сей) уничтожает страстныя движения, возрание (или устремление) ума к Богу прогоняет мирския помышления, умиление отсекает плотолубие. И очевидно, что молитва, в немолчном призывании Божественнаго имени состоящая, бывает согласиём и единением ума, слова и души (сердца). Но идеже, говорит Господь, два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф. 18, 20). Таким образом молитва, воззывая силы душевныя от разсеяния по предметам страстей, и сочетавая их и между собою и с самою тричастною душею, усвояет Сущему в трех ипостасях единому Богу. Сначала, посредством разных добродетелей, изгладивши из души срамоту греха, потом, посредством свойственнаго ей святаго ведения, живописав в ней красоту божественных черт, представляет она

наконец душу Богу. Душе же тотчас признает своим Творца; ибо говорится: в он же аще день призову Тя, се познах, яко Бог мой еси Ты (Пс. 55, 10). Равно и Им познаваема бывает она; ибо говорится: позна Бог сущия Своя (2 Тим. 2, 19). Она познает по причине чистоты образа; ибо всякий образ естественно имеет влечение к первообразу; познаваема же бывает ради подобия по добродетелям, чрез кои она и познание имеет о Боге, и от Бога познаваема бывает.

20) Желаящий получить царское благоволение, троякий употребляет к тому способ: или (приличными) словами умоляет его (царя), или молча стоит пред ним (в умоляющем положении), или повергает себя к ногам его, единаго могущаго помочь ему. И чистая молитва, соединив в себе ум, слово (внутреннее) и дух (сердце), словом имя Божие призывает, умом воззревает без парения к призываемому Богу, духом (сердцем) являет сокрушение, смирение, любовь — и таким образом преклоняет к себе безначальную Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ЕдинагоБога.

21) Как разнообразие явств возбуждает желание ко вкушению их, так разные виды добродетелей (духовных совершенств) пробуждают ревность ума (к стяжанию их). Почему шествуя мысленным путем, повторяй слова молитвы и беседуй к Господу, непрестанно вопия и не унывая: неотступно молись, подражая безстыдию вдовицы, склонившей на милость неумолимаго судию. Тогда (это будет значить, что) ты духом ходишь, похотям плотским не внимаешь и мирскими помыслами не пресекаешь непрерывность молитвы, но бываешь храмом Божиим, в коем неразвлеченно воспевается Бог. Так проходя мысленную молитву, сподобишься ты наконец достигнуть непрестаннаго памятования о Боге, войти в недоступныя сокровенности ума и в таинственных созерцаниях зреть Невидимаго, един Единому уединенно служа Богу, в разумных одному тебе изливаниях любви.

22) Когда увидишь, что начинаешь ослабевать в молитве, возьми книгу, и внимая читаемому усвой смысл того; но пробегай слова будто мимоходом, но разсматривая их с разсуждением (доискиваясь смысла), слагай познанное в уме, как в сокровищницу. — Потом начинай разсуждать о прочитанном, так чтоб усладилось сердце твое уразумением того, и читаемое оставалось незабвенным. От этого возгорится в тебе теплота при размышлении о Божественных вещах, как говорит св. Давид: в поучении моем возгорится огонь (Пс. 34, 4). Как пища услаждает вкус, когда бывает хорошо разжевываема зубами, так и Божественныя слова питают ум и обвеселяют сердце, когда бывают вращаемы в душе разсуждением. Коль сладка, говорит тот же Пророк, гортани моему словеса твоя (118, 103). Заучивай также на память Евангельския слова и изречения св. блаженных отцев, и жития их изследуй, чтоб иметь тебе все сие предметом размышления в продолжении ночей.

23) Если нужно будет тебе, после чтения и размышления о Божественных словах, еще чем оживлять мысль, ослабевшую к молитве и снова делать ее живо—деятельною в ней, совершай устно псалмопение, тихим однакож голосом и со вниманием ума, не позволяя себе оставлять ничего из произносимаго языком неразумеваемым. Если при этом ускользнет что от внимания ума, опять начинай читать тот стих, сколько бы раз это ни случилось, пока наконец ум станет неотступно следовать вниманием за тем, что произносит язык. Ум силен и петь устами и памятовать о Боге. Учись этому из опыта. Как тот, кто ведет с кем либо беседу, и говорит с ним и глазами на него смотрит, так и поющий псалмы может устами петь, а оком ума к Богу воззреть.

24) Не оставляй коленопреклонений. — Преклонением колен изображается падение в грех, с подразумеванием в нем и исповедания греха; возстанем же с колен обозначается покаяние, с намеком на обет добродетельной жизни. Каждое коленопреклонение совершай с мысленным призыванием

Христа, чтоб, припадая к Господу душою и телом, Бога душ и телес соделать к себе удобоприменительным.

25) Если при мысленной молитве будешь иметь рукоделие какое либо, неозабочивающее, то и это будет помощно тебе в притрудном молитвенном подвиге твоём. — Все показанныя делания, соединяемая с молитвою, (как орудия), изошряют внимание, прогоняют уныние, душе сообщают юношескую живость и ум соделывают более острозорким и теплоусердным к упражнению в умном делании.

26) Как только ударят в било, иди из келлии, телесными очами в землю смотря, а мысль углубляя в памятование о Боге. Вошедши в храм и восполнив собою лик молящихся, ни языком не празднословь с близ стоящим монахом, ни умом не кружись в суетностях; но язык занимай одним псалмопением, а мысль держи в молитве. По окончании Богослужения, иди в келлию свою, и начинай делать, что положено твоим правилом келейным.

27) Пришедши в трапезу не осматривай братских частей, и не разбивай души своей не добрыми подсматриваниями. Но на то только, что положено пред тобою, смотря и того одного касаясь, давай телу пищу, слуху — слышание читаемого, душе — молитву, чтоб, питаясь и телом и духом, всецело восхвалить исполняющего во благих желание твое. Оттуда встав, скромно и молча войди в келлию свою, и как трудолюбивая пчела охотно берись за труд добрых деланий своих.

Когда делаешь какое дело вместе с братьями, пусть руки работают, уста же молчат, а ум помнит о Боге. Если бы кто подвигся на празднословие, то для пресечения сего безчиния, вставай и делай поклон.

28) Помыслы отгоняй, и не позволяй им пробегать чрез сердце и закосневать в нем. Закоснение страстных помыслов оживляя страсти, умерщвляет ум. Почему как только приразятся они, с первого их появления в уме, спеша поразить их стрелою молитвы. Если они будут настаивать, толкая в двери внимания и возмущая мысль, то знай, что они получают подкрепление от скрытнаго предварившаго сие нападение возжелания их; почему как бы право какое имея на душу, ради того, что пошатнулось уже произволение, они тревожат и докучают. В таком случае надобно предавать их поруганию чрез исповедание; ибо злыя помыслы тотчас обращаются в бегство, как только бывают оглашаемы. Как при появлении света отбегает тьма, так перед светом исповедания исчезают страстные помыслы, которые и сами суть тьма. Когда, напр., в помыслах имели место тщеславие и похотная страсть, то они тотчас прогоняются стыдом при исповедании их, и злостраданием при несении наложенной за них епитимии. После сего всякаго рода помыслы, находя мысль свободною уже от страстей и занятою непрестанною сокрушенною молитвою, стремительно отбегают со стыдом.

29) Если подвижник напрягаясь пресечь (молитвою) смущающие его помыслы, отсекает их на время и уничтожает частое их появление, совсем же не освобождается от них, но остается в состоянии борющаго и боримаго: то это от того, что он лелеет причины смущающих его помыслов — покой плоти и мирское честолюбие, из-за которых он не спешит и исповедать свои помыслы. Почему и покоя не имеет, держа в себе то, что дает врагам право ратовать против него. Кто, захватив чужия вещи, не бывает истязуем за них теми, кому оне принадлежат? И кто, будучи истязуем и не возвращая того, что зле удерживает, может чаять свободы от соперников своих? — Но когда подвизающийся, укрепившись памятованием о Боге, возлюбит уничтожение и озлобление плоти, и исповедует помыслы свои, не боясь стыда, враги тотчас удаляются, и мысль сделавшись свободною,

непрестанную держит молитву и не пресекаемое созерцание божественного.

30) Всякое подозрение, поднимающееся в сердце против когонибудь, отсекай в конец, потому что оно разстроивает мир и любовь. Всякую же беду, находящую совне, принимай мужественно, потому что она дает повод к спасительному терпению, — терпению, за которое на небесах дарованы будут покой и отрада.

31) Так проводя дни свои, благодушно проживешь настоящую жизнь, воодушевляясь блаженными надеждами, по смерти же с дерзновением представишься отселе и вселишься в места упокоения, уготованные тебе Господом в воздаяние за здешние труды твои, чтоб соцарствовать Ему. Ему подобаает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем, и всесвятым и благим и животворящим Его Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Того же Феополита митрополита.

о том же девять глав.

1) Ум удаляясь от внешнего и собираясь во внутрь, возвращает к себе самому, и таким образом соединяется с естественным своим мысленным словом; и словом сим, существенно сосущим ему, берется за молитву; молитвою же восходит к сознанию Бога со всею любительною силою и расположением сердечным. Тогда похоть плоти отходит; всякое сластолюбивое чувство престаёт, и все красоты земныя не бывают приятны. Ибо тогда душа, завергнувшись за себя все, в теле и около тела сущее, в след красоты Христовой влечется Ему, последуя честными делами и чистою мыслию, и поя: приведутся Царю девы в след Его (Пс. 44, 15); Христа представляя и предзря со словом Пророка: предзрех Господа предо мною выну, яко одесную Мене есть (Пс. 15, 8); ко Христу прилепляясь любовью и взывая: Господи пред Тобою все желание мое (Пс. 37, 10); ко Христу всегда взирая и вопия: очи мои выну ко Господу (Пс. 24, 15), со Христом беседуя чистою молитвою, Его ею услаждая в радовании, и говоря: да усладится Ему беседа моя, аз же возвеселюся о Господе (Пс. 103, 34). Ибо и Бог, приемля молитвенную беседу, и как любимый, и как именуемый, и как на помощь взыскуемый, неизреченную подает радость молящейся душе; и душа, поминая Бога, в молитвенной беседе, возвеселяется о Господе, говоря с Пророком: помянух Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4).

2) Храни чувства, и упразднишь услаждение чувственным. Бегай и мысленных мечтаний о сладостях чувственных, и упразднишь сластолюбивые помыслы. Ум же немечтательным пребывая, как не приемлющий впечатлений и изменений ни от предметов сладких, ни от помыслов похотных, находится в чистой простоте, и быв выше всех чувственных и мысленных вещей, к Богу возводит помышление свое, ничто другое, как имя Господа при непрестанной памяти в глубине сердца возглашая, как дитя отца своего. И как Адам, рукою Божиею созданный из персти, бысть в душу живу дуновением божественным: так и ум, добродетелями пересозданный, частым призыванием Господа, с чистою мыслию и теплым расположением возглашаемым, божественным изменением изменяется, будучи оживляем и боготворим познанием и возлюблением Бога.

3) Когда выступишь из похотения вещей земных непрестанною сердечною молитвою, и как сном почиешь от помышления о всем, что после Бога и всецело утвердишься в единой памяти Божией: тогда возсоиздается в тебе, как бы иная помощница, любовь Божия. Ибо из молитвы раждающееся сердечное вопияние источает любовь божественную, а божественная любовь возбуждает ум к объявлению сокровенных вещей. Тогда ум, с любовью сгармонировавшись, оплодотворяется премудростию. и действием премудрости возвещает дивныя вещи. Ибо Бог — Слово, в молитвенном

воззвании сердечно именуемый, возьмет разумение, как ребро, и дарует ведение, и место его восполняя благим расположением, дарует добродетель, созидает светотворную любовь и приводит ее к изступившему уму, спящему и почивающему от всякаго земнаго похотения. Сия—то любовь и оказывается иною помощницею уму, почившему от неразумнаго пристрастия к чувственным вещам тем, что возбуждает ум к словесам премудрости. Тогда ум, взирая на нее и ею услаждаясь, в пространном слове обнаруживает другим сокровенныя расположения добродетели и незримыя действия разума.

4) Выступи из всего чувственнаго, и оставь закон плоти, — и закон духовный напишется в сердце твоём. Ибо как духом ходящий похоти плотской не совершает, по Апостолу (Гал 5, 16), так выступающий из чувств и чувственнаго, т. е. из плоти и мира, приходит в состояние духом ходить и духовное мудрствовать. Сие уразуметь можешь ты и из того, что Бог делал для Адама прежде преслушания.

5) Подвизающагося в хранении заповедей, в раю молитвы пребывающаго и Богу предстоящаго непрестанною памятию Бог изступляет из сластолюбивых воздействий плоти, всех чувственных движений, и всех воображений чувственных вещей в мысли, и мертвым соделывая его для страстей и греха, представляет причастником божественной жизни. Ибо как спящий и мертвому уподобляется и жив есть, — первое по телу, а второе по действию души: так и в духе пребывающий для плоти и мира мертвым является, а мудрованием духа жив бывает.

6) Если понимаешь, что поешь, то получаешь познание; от познания стяжывается сознание или совесть (относительно познаннаго); от совести прозябает совершение познаннаго делом; от сего совершения произрастает плод опытнаго ведения; опытное же ведение возводит к истинному созерцанию; от сего же возсиявает премудрость, светозарными словесами благодати исполняющая воздух мысленный, и тем, кои вне суть, изъясняющая сокровенное.

7) Сначала ум ищет и находит, потом соединяется с найденным.

Искание совершает он разумом, а соединение любовью. Искание разумом бывает ради истины, а соединение любовью ради добра.

8) Стоящий выше текучаго естества настоящих вещей, и чуждый похотения вещей преходящих не смотрит на дальнее и не вожделевает красот земных; но на горнее отверстыми имеет очи свои, горняя доброты зрит, и вкушение чистаго блаженства поставляет себе целию. Ибо как для внимающаго одним вещественным благам земли, и склоннаго к плотским удовольствиям, небеса заключенны, как для имеющаго омраченными мысленныя очи свои: так презирающий дальнее и отвращающийся от него имеет ум горе восторженным, видит славу присносущных благ, и постигает светозарность, обетованную святым. Таковый и любовь Божию свыше в него сходящую приемлет, и храмом Духа Святаго бывает, и божественных хотений вожделевает, и Духом Божиим водится, и сыноположения сподобляется, и Бога имеет благоволящим к нему и им благоугождающимся. Елици бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове (Рим. 8, 14).

9) Под предлогом немощи не оставляй молитвы, даже на один какой день, пока есть в тебе дыхание, слыша слова Апостольския: егда немоществую, тогда силен есмь (2 Кор. 12, 10). Действуя так, большую получишь пользу; и молитва скоро возставит тебя при содействии благодати: ибо где утешение Духа, там немощь и уныние не постоят.

СВЯТЫЙ ГРИГОРИЙ СИНАИТ

Краткое сведение о святом Григории Синаите.

Св. отец наш Григорий, постриженный в монашество на Синайской горе, и потому прозванный Синаитом, процветал в царствование Андроника–Палеолога, около тысяча триста тридцатого года. Пришедши на Афонскую гору, и там осмотревши монастыри и безмолвища, многих отцев нашел он, кои украшались познаниями и чистотою нравов, но прилежали только о деятельной жизни, о хранении же ума, точном безмолвии и созерцании так мало были сведущи, что даже и наименований сих не понимали.

Трех только встретил он, в ските Магула, против монастыря Филофея лежащем (Исаия, Корнилий и Макарий — имена им), кои немного занимались созерцанием. Видя сие, возгорелся он ревностью и начал учить трезвению, блюдению ума и умной молитве не только безмолвников, уединенно живших, но и всех киновитов. Кроме того три лавры большия устроив в пределах Македонии, и многия весьма места и епархии обшедши, всех вообще наставлял деланию умной непрестанной молитвы своими божественными учениями; и многих чрез то грешников обратив и из недостойных достойными соделав, был для них виновником удостоения их части спасаемых. Жизнь его пространно описал Каллист, святейший патриарх Константинопольский, бывший учеником его. — Но как во время жизни своей признаваем он был общим учителем священному трезвению: так и по смерти руководит к нему предлагаемыми здесь творениями своими, в коих прекрасно и полно изображает деятельный способ умносердечной молитвы в руководство, и научает добрым нравам и борьбе со страстями и добре выясняет, какие признаки — прелести и какие — благодати. Почему творения сии, паче всякаго другаго полезны к новоначальным, так и средним и совершенным. Сокровенное же в нем духовное богатство, каково оно и колико, найдет всякий не из любопытства прочитавший его имеющий и радостию во истину неизреченною возрадуется об обретении его.

Память его 13 Августа.

Святаго Григория Синаита

Главы [60]) О заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, — еще же — о помыслах, страстях и добродетелях, — и еще — о безмолвии и молитве.

- 1) Настоящим разумным, как было первоначально, кому либо быть, или сделаться невозможно, прежде стяжания чистоты и безстрастия, из коих первая отъята чувственными неразумными склонностями, а второе — растленным состоянием плоти.
- 2) Настоящие разумные суть одни те, кои явились святыми чрез стяжание чистоты. Чистаго разума никто из мудрых в слове не имел, потому что они от рождения разумную силу свою растлевают помыслами (непотребными). Чувственный и многоречивый дух мудрости века сего, богатящий словами, призрачно лишь являющими многоведение, и наполняющий помыслами наидичайшими, творит в них себе обитель. лишив существенной премудрости, истиннаго созерцания и ведения нераздельнаго и единичнаго.
- 3) Под ведением истины разумей собственно благодатное чувство ея. Прочия же мысли надлежит называть проявлениями разумений ея и показаниями предметов ея.
- 4) Которые теряют благодать, страждут сие за неверие и нерадение; и которые опять обретают ее, сподобляются сего за веру и рачение. Эти последняя подвигают все вперед и вперед; а те, противоположныя им, совсем обращают вспять.
- 5) Впасть в окамененное нечувствие есть тоже. что быть мертво; также быть слепу умом его тоже,

что не видеть телесными очами. Ибо тот — (впадший в нечувствие) лишился живодейственной силы; а этот — невидящий (умом) — божественного света, дающего зреть и зримым быть.

6) Силу и премудрость от Бога получают немногие. Ибо та есть причастница божественных благ, а эта — проявительница их: причастие же такое и преподание другим есть дело воистинну Божеское, превышающее силы человека.

7) Истинное святилище, еще прежде будущего жития, есть без помыслов сердце, воздействуемое Духом. Ибо там все совершается и говорится духовно; и не стяжавший сего отсюда хотя ради некоторых добродетелей есть камень, пригодный к созиданию божественного храма, но не есть храм и священнодействитель Духа.

8) Человек создан нетленным, каковым и воскреснет, но не непревратным, ни опять превратным, а имеющим силу по желаетльному расположению превратиться или нет. Желание не сильно сообщить природе совершенной непревратности: она есть почесть будущего непревратного обожения.

9) Тление плоти порождение. Вкушать пищу и извергать излишнее, гордо держать голову и лежать спать, — естественные принадлежности зверей и скотов, в коих и мы, став чрез послушание подобными скотам, от свойственных нам, богоданных благ отпали, и соделались из разумных скотскими и из божественных зверскими.

10) Рай двоякий есть — чувственный и мысленный, т. е. Едемский и благодатный. Едем, место, в коем Богом насажены всякого рода благовонные растения. Он ни совершенно не тленен, ни совсем тленен. Поставленный посреде тления и нетления, он всегда и обилен плодами и цветущ цветами, и зрелыми и незрелыми. Падающие деревья и плоды зрелые превращаются в землю благовонную, не издающую запаха тления, как дерева мира сего. Это — от преизобилия благодати освящения, всегда там разливающейся.

11) Текучая ныне тварь не создана первоначально тленною; но после подпала тлению, повинувшись суете, по Писанию, не волею, но не хотя, за повинувшаго ее, на уповании обновления подвергшагося тлению Адама (Рим. 8, 20). Обновивший Адама и освятивший обновил и тварь, но от тления еще не избавил их. Это избавление от тления иные понимают, как изменение в лучшее состояние, а иные — как совершенное приложение чувственного.

12) Благодать приемлющие бывают, как зачавшие и непраздные Духом; но бывает, что они отметають божественное семя или чрез падения или от того, что овдовевают от Бога по причине общения со врагом, укрывающимся внутрь их. Оставление благодати бывает действия ради страстей (услаждения ради страстными движениями), а совершенное ее лишение ради делания грехов. Ибо душа страстелюбивая и грехолюбивая лишается благодати, отметаает ее и вдовеет; и чрез то делается жилищем страстей, — чтоб не сказать демонов, в настоящем и будущем веке.

13) Гнев укрощается и заменяется радушием, ничем, как мужеством и милостивостию: оне сокрушают осаждающих град души врагов, первое — внешних, а вторая внутренних.

14) Многие из действующих по заповедям кажутся идущими путем, которые однакож, недостигнув града, остаются вне: потому что безтолково совершают путь свой, ошибочно принимая распутья, уклоняющия от прямого царского пути, т. е. соседние с добродетелями пороки, за настоящий царский путь. Ибо исполнение заповедей истинное не только не терпит ни недостатка, ни излишества, но и требует богоугодной цели, т. е. исполнения во всем единой Божественной воли. Если же не так (дело идет), то суетен труд, потому что без этого не творятся правые стези Божии: во

всяком деле неотложно требуется иметь сказанную цель при делании его.

15) На пути своем чрез исполнение заповедей в сердце ищи Господа. Когда слышишь Иоанна, вопиющего в пустыни, как он всем повелевает уготовать пути и правы творить стези (Мр. 1, 3), разумей под сими словами заповеди сердца и деяния: ибо невозможно совершать правый путь заповедей и деяние правое без сердечной правоты.

16) Когда услышишь, как в Писании пророческим словом возглашается: жезл Твой и палица — та мя настависта (Пс. 22, 4); то разумей под сим суд и Промысл, в нравственном же смысле: псалмопение и молитву. Ибо судими от Господа жезлом наказания (обучения), наказуемся, (обучаемся) обращению (1 Кор. 11, 32). Наказуя же возстающих на нас жезлом мужественного псалмопения, утверждаемся в молитве. Имея таким образом жезл и палицу в руке деятельного ума, не перестанем наказывать и наказываться, пока всецело не станем под Промыслом (не предадимся Ему) во избежание суда и нынешнего и грядущаго.

17) Сообразно с заповедью должно предпочитать всему заповедь всеобъемлющую, память Божию, о коей говорится: помни Господа Бога твоего всегда (Втор. 8, 18). Ибо от чего гибнем, противоположным тому и сохранены быть можем. Губит же нас забвение Бога, мраком покрывая заповеди и обнажая нас от всякаго добра.

18) Подвижники двумя заповедями приходят в древнее достоинство, — послушанием и постом: ибо от противных им дел всякое зло вошло в род смертных. При сем послушанием хранящие заповеди поспешнее восходят к Богу, а постом — медленнее; и послушание пригоднее новоначальным, а пост — средним, — умозрительным и мужественным. Но соблюсти в исполнении заповедей нелестное во всем послушание Богу есть удел очень немногих, и дело для самых мужественных многотрудное.

19) Закон Духа жизни, о коем говорит Апостол (Рим. 8, 2), таков, что действует и говорит в сердце; как письменный (по букве) — во плоти действуется (или плотски исполняется). Тот освобождает ум от закона греховнаго и смерти; а этот тайно фарисействовать оставляет, при видимом исполнении закона телом и хождении в заповедях на показ.

20) Состав делом исполняемых заповедей, прилично сочетаваемый и счиневаемый в духе (Еф. 4, 16) представляет, говорят, человека, каков он, — совершен или еще несовершен, судя по преуспеянию: при чем дела по заповедям суть тело; добродетели, как установившиеся внутренния расположения, — кости; а благодать — душа живая, возбуждающая на дела по заповедям и содействующая в сем. Степень рачения к возрастанию о Христе являет человека младенцем, или совершенным, в нынешнем и в будущем веке.

21) Желаящий возрастить тело заповедей (дела по заповедям, добродетель, праведность) да тщится взыскать словесное и нелестное млеко благодати материнской: ибо ею млекопитается всякий, желающий и ищущий возрасти возрастом о Христе Иисусе. Как млеко младенцам к возвращению премудрость ея из сосцев своих дает теплоту; а как мед пищный совершенным дает веселие свое к очищению. Мед и млеко под языком Твоим, поется в Песнях песней (4, 11). Млеко означил здесь Соломон питательную и возрастительную силу Духа, а медом — силу Его очистительную. Великий же Апостол, указывая на различие действ Духа, говорит: яко младенцев млеко вы напоих, а не брашном (1 Кор. 3, 1. 2).

22) Ищущий уразуметь заповеди без исполнения заповедей, и чрез учение и чтение обрести то

желающий, подобен человеку воображающему тень вместо истины. Ибо уразумение истины есть достояние тех, кои стали причастниками истины (вкусив ее жизнью); не причастные же истины, и не посвященные в нее, ища сего уразумения, почерпают его из обьюродившей премудрости. Их Апостол назвал душевными, Духа не имущими (2 Кор. 2, 14), хотя они величаются ведением истины.

23) Как чувственное око взирает на буквы, и из букв приемлет чувственные разумения: так и ум, когда очистится и приидет в древнее достоинство, взирает на Бога, и от Него получает божественныя разумения. Вместо книги имеет он Духа, вместо трости (пера) — мысль и язык [язык мой, говорит Псалом, трость. Пс. 44, 2], вместо чернил — свет. Погружая мысль в свет и светом ее соделывая, начертывает он Духом словеса в чистых сердцах слушающих. Тогда познает он сказанное, что верные научены будут Богом и что Бог научает человека разуму (Ин. 6, 45; Пс. 93, 10).

24) Закон заповедей разумей, как сердечно действующую веру — непосредственную. Ибо из нея всякая заповедь исходит и совершается просвещение душ, в коих тогда проявляются такие плоды истинной и действительной веры: воздержание, любовь, как конец совершенства, смирение, как особый дар Божий, и утверждение всего.

25) Православие неложное есть истинное ведение видимых и невидимых вещей: видимых — чувственных, невидимых — мысленных, разумных, духовных, божественных.

26) Предел православия есть чисто ведать два догмата веры, — Троицу и Двоицу: Троицу неслиянно и нераздельно созерцать и ведать, Двоицу — два естества во Христе в едином лице, т. е. единого Сына исповедать и ведать и прежде воплощения, и по воплощении в двух естествах и волях, божеской и человеческой. неслиянно славимаго.

27) Рожденность, нерожденность и исходность, три неизменных и непреложных свойства лиц Пресвятыя Троицы должно благочестно исповедать: Отца нерожденного и безначального и Сына рожденного и собезначального, и Духа Святаго соприсносущнаго, от Отца исходящаго и Сыном подаваемого, как говорит Св. Дамаскин.

28) Единая благодатная вера, исполнением заповедей споспешествуемая, довлела бы ко спасению, если бы мы хранили ее в силе, и веру мертвую и недействительную не предпочитали вере живой и действительной во Христе. Довлеет верному водрузить в себе образ веры и устроить жизнь по действительной во Христе вере. Но ныне невежество научает благочестивых вере на словах, мертвой и нечувственной, а не вере благодатной.

29) Троица есть простая единица: она неслиянна; троица во единице; единый триипостасный Бог отнюдь неслиянными имеет в Себе ипостаси.

30) Бог во всем триипостасно познается и поминается. Он все содержит и о всем промышляет чрез Сына во Святом Духе; и не один из Них, где бы ни упоминаем был, не именуется и не мыслится сущим вне или особо от других.

31) Как в человеке есть ум, слово и дух; и ни ум не бывает без слова, ни слово без духа, но всегда суть и друг в друге, и сами по себе. Ум говорит посредством слова, и слово проявляется посредством духа. По сему примеру человек носит слабый образ неизреченной и началообразной Троицы, показывая и в сем свое по образу Божию создание.

32) Ум—Отец, слово — Сын, Дух Святой — дух, как учат примерно богоносные Отцы, излагая догматическое учение о пресущной и преестественной Святой Троице, о едином в трех лицах Боге, и предавая на сим образом истинную веру, яко котву упования. Знать единого Бога, по Писанию, есть

корень бессмертия, а ведать державу триипостасной единицы есть всецелая правда. Изреченное о сем в Евангелии слово можно так разуметь: Се же есть живот вечный, да знают Тебе, единого истинного Бога в трех ипостасях, и Егоже послал еси Иисуса Христа в двух естествах и хотениях (Ин. 17, 3).

33) Муки различны, как и воздаяния благих. Муки все в аде суть, по слову Писания, в земле темной и мрачной, в земле тмы вечныя (Иов. 10, 22), где грешники живут прежде суда и куда возвращаются опять по изречении последнего Божия определения. Ибо слова Писания: возвратятся грешницы во ад (Пс. 9, 18), и: смерть упасет я (Пс. 48, 15), — что другое означают, если не окончательный приговор, и вечное осуждение?

34) Огонь, тма, червь, тартар соответствуют страстям, всякаго рода сладострастию, всеобъемлющей тме неведения, неутолимой жажде чувственных удовольствий, смраду греха зловоннаго, — кои, как задатки и зачатки адских мук, уже от-зде начинают мучительно действовать в душах грешников, когда укореняются долгим навыком.

35) Страстные навыки суть задатки адских мук, как действительныя добродетели — царствия небеснаго. Должно понимать и называть добрыми действия по заповедям, а добродетелями укоренившиеся навыком добрыя расположения. Также — и греховныя дела и расположения различаются между собою.

36) Будущия награды и наказания равно вечны, хотя иным это кажется иначе. Одним божественная правда воздаст вечную жизнь, а другим — вечное мучение. Те и другие. добре или зле проживши нынешний век. воздаяние получают по делам: количество же и качество воздаяния определится добродетелями или страстями, навыком укоренившимися.

37) Огненные озера суть сладострастные души, в коих, как в зловонных болотах, смрад страстей питает неусыпающаго червя невоздержания, неудержимую похоть плоти, — питает также змий. жаб и пьавиц злых похотей, скверных и пагубных помыслов и бесов. Такое состояние от-зде приемлет задаток тамошняго мучения.

38) Как зачатки будущих мук сокрыто присущи в душах грешников: так зачатки будущих благ присущи в сердцах праведников, и действуют духовно, как и вкушаются. Ибо царствие небесное есть добродетельное житие, как мучение адское — страстные навыки.

39) Ночь грядущая есть, по слову Господа, будущая тма, в которой никто не может делать (Ин. 9, 4); или, по другому толкованию, это есть антихрист, который и есть, и именуется ночью и тмою; или, в нравственном смысле, это повседневное нерадение, которое, как ночь мрачная, убивает душу во сне нечувствия.

40) Суд мира сего есть неверие нечестивых, по следующему Евангельскому слову: не веруй уже осужден есть (Ин. 3, 18); есть также судительное Промысла Божия устройство к пресечению жизни грешной и к обращению на добрую. Ибо праведный суд Божий, действуя по направлению произволения в добрых людях или злых, одних наказывает, других милует, одних венчает, а других в ад отсылает.

41) Если естество наше Духом не будет сохранено непорочным, или не очищено, как подобает; то во едино тело и дух со Христом быть не может, ныне и в будущем возустроении. Ибо всеобъемлющей и всеединающей силе Духа необычно плат ветхости страстей пришивать к новому хитону благодати.

42) Равночестие со Христом в силу своего во Христе образования иметь будет туне приявший обновление Духа и сохранивший его, неизреченно сподобясь чрез то обожения. Никто там не будет

едино со Христом, или членом Христовым, не сделавшись здесь причастником благодати, и не возмев чрез то в себе образа разума и истины о Христе (Рим. 2, 20).

43) Царствие небесное подобно скинии богозданной; ибо и оно в будущем веке, подобно Моисеевой будет иметь две завесы, — из коих в первую внидут все освященные благодатию, — во вторую же только совершеннейшие.

44) Многими обителями назвал Спаситель различные степени тамошняго состояния. Царствие одно, но многия имеет внутри (себя) различия, по различию имеющих внити в него в добродетели и ведении, и в мере обожения. Ибо ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, и звезда от звезды разнствует во славе, как говорит Божественный Апостол (1 Кор. 15, 41), хотя все они на божественной тверди сияют.

45) Ангелам некако бывает подобен, как бы безплотен и нетленен, тот, кто ум очистил слезами, душу Духом здесь воскресил и плоть, разуму подчинив, соделал световидною и некако огненною.

46) Земно будет тело нетленное, без мокрот однакож и дебелости, быв неизреченно претворено из душевнаго в духовное, так что будет и перстно и небесно. Каким создано было оно в начале, таким и воскреснет, да сообразно будет образу Сына Человеческаго по всецелому причастию обожения.

47) Земля кротких есть царствие небесное, или богومужное состояние Сына Божия, в которое мы вступили, или вступаем, прияв благодатное рождение сыноположения и обновление в воскресении. Или земля святая есть обожившееся естество. Или, по иному разумению, земля, наследуемая истинно святыми, есть безволненная тишина всякой ум превосходящаго мира божественнаго, в которой (земле) вселится род правых.

48) Земля обетованная есть безстрастие, в коем источается, как мед и млеко, радование Духа.

49) Святые в будущем веке (или на небесах) вещают между собою внутреннее слово, Духом Святым изглашаемое.

50) Если не уведаем, какими нас создал Бог, то не познаем и того, какими нас соделал грех.

51) Равны возрастом духовным суть те, кои здесь достигли полноты совершенства во Христе.

52) Коих труды, тех и воздаяния. Количество же и качество их, т. е. их меру, чин и состояние там самым делом явлено будет.

53) Равно—ангельными умами, по нетлению и обожению, будут святые, яко сыны воскресения (Лк. 20, 36).

54) В будущем веке, говорят, Ангелы и Святые никогда не престанут преуспевать в приумножении дарований, стремясь все к большим и большим благам. Умаления же и прехождения от добродетели ко греху век оный не допускает.

55) Ныне мужем совершенным почитай того, кто приял подобие возрастов Христовых, как бы в залог; в будущем же веке совершенным показывает сила обожения.

56) В будущем такую всякий имеет степень обожения, в какой ныне кто бывает совершен в возрастаниях духовных.

57) Слава истинная, говорят, есть ведение, или духовное созецание, или есть догматов точное разумение и истинной веры познание.

58) Изумление есть всецелое восторжение душевных сил к тому, что познано из велелепной славы Божества. Или изумление есть чистое и всецелое простертие ума к сущей во свете безпредельной силе. Изступление же есть не только душевных сил к небу восхищение, но и выступление за пределы

самого чувства.

59) Есть два вида изступления в духе: один сердечный (в сердце углубление с забвением всего), а другой восхитительный (восторжение за пределы всего сущаго). Первый свойствен еще только просвещаемым, а другой - совершенным в любви. Обо же ставят ум, в коем действуют, вне чувства (или сознания внешних отношений): так как божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений.

60) Начало помыслов и причина в разделении преступлением человека единовидной и простой памяти, которая чрез сие потеряла и Божию память, и, сделавшись из простой сложною и из единовидной разнообразною, стала губима своими собственными силами.

61) Врачевство первобытной памяти от этой лукавой и пагубной памяти помыслов есть возвращение ея к древней простоте, Орудие зла, преслушание не только простую души память о добре разстроило, но и все ея силы растлило, омрачив естественныя вожделения добродетели. Врачуется же память постоянною, действием молитвы утвердившеюся, памятью Божиею, в коей, срастворившись с духом, возводится она из естественнаго в вышеестественное состояние.

62) Причины страстей — греховныя дела, помыслов — страсти, мечтаний — помыслы. мнений — память (оразнообразившаяся), памяти — забвение (об истинном и должном); забвения родительница — неведение, неведения — разленение; разленение раждается от похотнаго вожделения; вожделения матерь — превратное движение, движения — действие дела; — дело же такое есть плод неразумной склонности ко злу и прилепления к чувственному и к чувствам.

63) В мысленной силе души раждаются и действуют помыслы, в раздражительной - зверския страсти, в вожделенной — скотския похоти, в уме — мечтательныя воображения, в разсудке — мнения.

64) Нахождение помыслов злых есть как речное течение. В них состоит прилог, с коим потом сосложение греховное бывает, как наводнение волненное, покрывающее (заливающее) сердце.

65) Глубоким рвом тинным почитай мокротную сласть, скверну блуда и печаль о вещественных стяжаниях, коими будучи отягощаем, страстный ум во глубину отчаяния погружается помыслами своими.

66) Помыслы страстные представляют образы страстных вещей. Действие помышлений невещественно; но они напоминают и влекут к вещественному и бывают причиною плотских грехов (перифраз).

67) Помыслы суть слова бесов и предтечи страстей: ибо невозможно сделать что либо доброе или худое, что наперед не приложить и не возбудить помысла о себе. Помысл есть движение безвиднаго прилога каких либо вещей.

68) Вещи сами по себе рождают простые помыслы; бесовский же прилог поражает помыслы злые. Естественные помыслы отличаются от противуестественных и переестественных по сравнению.

69) Помыслы мгновенно изменяются одни в другие: естественные в противуестественные, и те, кои по естеству, в такие, кои выше естества. Бесовские же прилоги ко всему прилипают, даже и к божественным (перифраз).

70) Заметь, что впереди помыслов стоят причины их, впереди мечтаний — помыслы, впереди страстей — мечтания, впереди демонов страсти, как цепь какая, или чин в безчинных духах устрояется, держась одно другаго. Но без бесов ничего тут не творится: ни мечтание не строит

образов; ни страсть не действует без скрытной силы бесовской. Впрочем они берут силу над нами больше по нашей беспечности (с перифразом).

71) Бесы наполняют образами ум наш, или лучше сами облакаются в образы по нам, и приражаются (прилог вносят) соответственно навыкновению господствующей и действующей в душе страсти: ибо сим навыкновением страстным они обыкновенно пользуются к размножению в нас воображений страстных, и даже во сне мечтание наше делают богатым воображениями: при чем преобразуются бесы похоти иногда в свиней, иногда в ослов, иногда в коней женонеистовных и огневидных, иногда в жидов наиболее невоздержанных; бесы гнева — иногда в язычников, иногда во львов; бесы страшливости — в измаилитов; бесы непостоянства — в идумеев; бесы пьянства и объядения — в сарацын; бесы любостяжания — иногда в волков, иногда в тигров; бесы лукавства — иногда в змий, иногда в ехидн, иногда в лисиц; бесы безстыдства — в собак; бесы лености - в кошек. Бывает, что бесы блуда иногда превращаются в змий, иногда в ворон и грачей; в птиц превращаются наиболее воздушные бесы. Трояко же фантазия наша изменяет воображения бесов, по причине троичности души, представляя их в виде птиц, зверей и скотов, соответственно трем силам души - желательной, раздражительной и мыслительной. Ибо три князя страстей против сих трех сил вооружаются и какою страстию окачествована душа, сродный с тою они принимают образ, в коем и приступают к ней.

72) Бесы сласти греховной часто приступают, как огонь и как углие огненное. Эти сластолюбивые бесы разжигают вожделетельную силу души, но, приводя при сем в смятение и разсудительную, омрачают душу. Причина похотнаго жжения, смятения мыслей и омрачения души главным образом лежит в страстной сласти.

73) Ночь страстей есть тма неведения. Или опять: ночь есть страстеродительная область, в коей царствует князь тмы и в коей звери сельные, птицы небесныя и гады земныя, переносно понимаемые, как духи злобы, рыкая ищут поглотить нас в пищу себе.

74) Во время действия страстей, из помыслов одни идут впереди, а другия последуют за ними: предшествуют помыслы мечтаний (чередование образов), а последуют помыслы страстные (возбуждаемые теми образами). Страсти предваряют бесов, а бесы последуют за страстями.

75) Начало и причина страстей есть злоупотребление, злоупотребление — склонность, склонность — движение желательнаго навыкновения, испытание желания есть прилог, прилог же — от бесов, коим Помыслом попускается обнаруживать, каково наше самовластие.

76) Яд жала греха к смерти есть страстный навык душевный: ибо неудобоизменим и неудобопреложим нрав того, кто произвольно окачествовался страстями.

77) Страсти разно именуются: разделяются же на телесныя и душевныя. Телесныя подразделяются на скорбныя и греховныя; скорбныя опять подразделяются на болезненныя и наказательныя.

Душевныя также разделяются на раздражительныя, похотныя и мысленныя; мысленныя подразделяются на вообразительныя и разсудочныя. Из них всех иныя произвольны по злоупотреблению, другия же невольны по необходимости, так называемыя незазорныя страсти, кои св. отцами названы соприкосновенностями и естественными свойствами (нравами).

78) Одни страсти суть телесныя, а другия душевныя; иныя суть страсти похоти, иныя страсти раздражения, и иныя — мыслительныя; и из сих — иныя страсти ума, и иныя — разсуждения. Все оне разносочетаваются между собою, и друг на друга действуют, — и от того изменяются.

79) Страсти раздражения суть: гнев, горечь, бранчивость, вспыльчивость, дерзость, надменность,

кичение и другия подобныя. Страсти вожделения суть: лихоимание, разврат, невоздержность, ненасытность, сластолюбие, сребролюбие, самолюбие, всех лютейшая страсть. Страсти плоти суть: блуд, прелюбодеяние, нечистота, непотребство, чревоугодие, леность, рассеянность, миролюбие, животолубие и подобная сим. Страсти слова и языка суть: неверие, хула, лукавство, коварство, любопытство, двоедушие, поношение, клевета, осуждение, унижение, болтливость, притворство, ложь, срамословие, буесловие, лесть, насмешливость, себя наставление, человекоугодие, надутость, клятвopреступление, празнословие и проч. Страсти ума суть: самомнение, превозношение, велехваление, спорливость, ретивость, самодовольство, противоречие, непослушание, мечтательность, придумывание, любопоказность, славолубие, гордость, — первое и последнее из всех зол. Страсти мысли суть: парение, легкомыслие, пленение и рабство, омрачение, ослепление, отбегания (от дела), прилоги, сосложения, склонения, превращения, отвержения и подобная сим. Одним словом все худыя мысли, чувства и расположения, несообразныя с природою нашею, размещаются по трем силам души, равно как и все добрыя, сообразныя с естеством нашим, в них же сопребывают.

80) Давид с изумлением велегласно так взывает к Богу: удивися разум Твой от мене: не возмогу к нему (Пс. 138, 6). Он недосязаем для слабаго ума моего и моих сил.

81) Достояно изследования, почему богоносные отцы похоть и гнев иногда называют силами плотскими, а иногда душевными? — Говорим о сем, что слова святых никакого не имеют несогласия, если как следует рассмотреть их до точности, но те и другие истинствуют, премудро изменяя, когда должно, свои о сих предметах суждения. Душа сама по себе имеет силу хотения и мужественную энергию к действованию, что есть сила раздражительная; но, будучи создана разумною и духовною, она не получила вместе с бытием похоти и гнева; равно как и плоть первоначально, будучи создана нетленною, не имела тех мокрот, от коих после породились похоть и ярость зверская. Уже по преступлении, когда впал человек в тлю и дебелство плоти, по необходимости возникли в нем похоть и ярость. Почему, когда плоть господствует в нем, похоть и гнев сопротивляются душевным желаниям. Когда же мертвенное сие покорится разуму, тогда они содействуют душе в делании добра.

82) Когда душа чрез вдуновение создана была разумною и мысленною, тогда вместе с нею не создал Бог ярости и похоти скотской, но одну силу желательную вложил в нее и мужество к исполнению желаний. Равным образом и тело создав, Он не вложил в него в начале гнева и похоти неразумной; но после уже чрез преслушание оно приняло в себя мертвость, тленность и скотность. Тело, говорят богословы, создано нетленным, каковым и воскреснет, как и душа создана безстрастною; но как душа имела свободу согрешить, так тело — возможность подвергнуться тлению. И обе оне, т. е. душа и тело — растлились, и срастворились, по естественному закону сочетания их друг с другом и взаимнаго влияния: при чем душа окачествовалась страстями, паче же бесами; а тело уподобилось скотам несмысленным и погрузилось в тление. Объединившись таким образом, силы обеих их составили единое скотоподобное существо, бессмысленное и неразумное, гневу и похоти работное. Вот как человек приложися скотам несмысленным и уподобися им всячески, как говорит Писание (Пс. 48, 13).

83) Начало и источник добродетелей есть благое произволение, или желание добра, как Бог есть причина и источник всякаго блага. — Добра же начало есть вера, паче же Христос, камень веры,

Коего имеем мы началом и основанием всех добродетелей, в Коем стоим и созидаем всякое дело благое. Он есть краеугольный камень, связующий нас Собою и бисер многоценный, котораго ища, во глубину безмолвия входящий инок, продает все желания свои послушанию заповедям, чтоб чрез это стяжать его.

84) Добродетели имеют между собою равность в том отношении, что все во едино сводятся, к одному ведут концу и один все вместе лик добродетели полным делают. Но есть добродетели, большия других добродетелей, как объемлющая и совмещающая в себе очень многия, или даже и все добродетели, каковы — божественная любовь и смирение и божественное терпение. О последнем говорит Господь: в терпении вашем стяжите души ваши (Лк. 21, 19). — Не сказал: в посте вашем, или в бдении вашем. Терпение же я разумею то, которое бывает по Богу, и есть царица добродетелей и основание мужественных доблестей. Оно есть само в себе — мир в бранях, отишие в бурю и непоколебимое утверждение для стяжавших его. Кто стяжал его во Христе Иисусе, тому не могут вредить ни оружия, ни копья, ни воинства напускаемые, ни самое полчище бесов, ни фаланги сопротивных сил.

85) Добродетели, хотя одне из других рождаются, но бытие свое имеют из трех сил душевных, — все, кроме божественных. Ибо причина и начало четырех родовых божественных добродетелей, из коих и в коих состоят все прочия, именно — мудрости, мужества, целомудрия и правды, есть божественная духодвижная премудрость, в уме четверою движимая. Не все их однакож вместе она производит (или приводит в движение), но особо каждую в свое время, как хочет: одну, как свет; другую, как силу живодейственную и как воодушевление приснодвижное; третью, как освятительную и очистительную силу; четвертую, как росу не порочности, обрадовательную и от зноя страстей охладительную. Каждую каждому дает она, как сказано, по преуспеянию; совершенному же и действо их совершенное дарствует.

86) Опыты добродетелей, своим тщанием и усилием совершаемым, не дают душе совершенной благонадежности, если оне не будут в существенное обращены сердечное расположение благодатию. Каждая из них имеет особое дарование и свое ей свойственное действо, — и когда дарована будет, оттоле сохраняется неизменною и непреложною. Ибо сподобившиеся сего имеют в членах своих, как душу живую, благодать, чтоб совершать их. Без благодати же весь сонм добродетелей обыкновенно бывает мертв, и в тех, кои по видимому имеют их, или и делом исполняют, одна тень их и призрак представляется, а не подлинный лик.

87) Итак четыре есть начальных добродетели: мужество, благоразумие, целомудрие, правда. И восемь есть других нравственных качеств, происходящих от излишества или недостаточности их и по сторонам их близко следующих, которыя у нас именуются и почитаются пороками, а в мире добродетелями. По сторонам мужества идут дерзость и страшливость; по сторонам благоразумия — лукавство и безтолковость (безтактность); по сторонам целомудрия — невоздержанность и безчувствие; по сторонам правды — лихоимство и неправда. Посреде их идут добродетели не только начальные, высия всякаго излишества и недостаточности, но и частныя дела добрыя. В одних (кои посреде) действует доброе произволение в правости сердца, а в других, (кои около) испорченность и самомнение. О том, что посреде идут добродетели правыя, свидетельствует притча, так гласящая: и исправиша вся стези благи (Прит. 2, 9). Все оне находятся в трех силах души, в коих и раждаются и созидаются, имея к созиданию себя самих основанием четыре родовыя добродетели, паче же

Христа: при чем естественныя добродетели очищаются деятельными (добрыя прирожденныя нравы и черты темперамента — добрыми делами по заповедям), божественныя же и вышеестественныя даруются благодатию Святаго Духа.

88) Из добродетелей одни суть деятельныя, другия естественныя, третьи божественныя, кои от Духа Святаго. Деятельныя суть дело благаго произволения, естественныя происходят от сложения, божественныя — от благодати.

89) .как добродетелей порождение в душе имеет начало, так и страстей. Но те обыкновенно по естеству рождает она, а эти в противность естеству. Исходным же началом к порождению добра или зла бывает для души склонение желанія: куда склонится желаніе, то душа берет в побуждение и действует.

90) Отроковицами называет Писание (Пес. пес. 1, 2) добродетели по причине сочетанія их с душою, вследствие коего оне с нею созерцаются, как один дух и тело. Символом любви служит лик отроковиц, а свидетельством чистоты и святости сих священных дев — их одеяніе и убранство.

91) Есть восемь начальственных страстей: три главных: чревоугодіе, сребролюбіе и тщеславіе; и пять подчиненных им: блуд, гнев, печаль, леность, гордость. Также и из противоположных им добродетелей есть три главнейшія: воздержаніе, нестяжательность и смиреніе, и пять за ними следующих: чистота, кротость, радость, мужество и самоуничженіе, — и потом весь ряд добродетелей. Изучить и познать силу, действие и качество, свойственное каждой добродетели и страсти есть достояніе не всякаго хотящаго, а только того, кто делом все испытал и от Духа Святаго дарованіе получил к распознанію и различенію их.

92) Добродетели то действуют, то действуемы бывают. Действуют оне в нас, приходя в подобающее им время, когда, сколько и как хотят. Мы же делаем их, по произволенію, нравственному строю и навыкновенію. Но оне сами в себе существенны, мы же только приблизительно подходим к ним, образуясь по ним нравственно. Очень немногими духовное существенно усваивается, прежде будущаго вкушенія того, неизменнаго. Наибольшая же часть из нас только подобія некия имеем добродетелей, а не самое существо их (перифраз).

93) Священнодействует Евангеліе, кто, причастившись его, и другим действенно может преподавать свет Христов. Как некое божественное семя, сеет он слово на душевных нивах слушающих его, по указанію Апостола: слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено божественной благостыни (Кол. 4, 6); да даст благодать слушающим с верою (Еф. 4, 29). В другом месте Апостол, назвав учителей земледельцами, а учимых — нивою воздѣлываемою, явно представляет тех орастаями и сеятелями Слова Божія, а этих тучною землею добродетелей, богато плодоносною.

94) Различно бывает устно произносимое к наученію других слово, по различію способов, коими собирается: ибо иное бывает от ученія, иное от чтенія, иное от деянія, иное от благодати. Но как вода, всюду одинаковая по естеству, претворяется и прелагается в свойственное инде ей особое качество по различію лежащаго под нею перстнаго вещества, так что и на вкус бывает то горька, то сладка, то солонна, то кисла: так и слово произносимое разно бывает соответственно нравственному строю каждаго и разное потому производит действие и неодинаковую приносить пользу.

95) Слово дано всему разумному естеству для пользованія им, и от него, как от разных неких явств, душа разную получает пользу и разное чувствует услажденіе. Научное слово для нея есть, как педагог, нрав ея образующий; слово от чтенія — как вода покойна, ее питающая; слово от деянія —

как место злачно, ее утучняющее; слово от благодати — как чаша, упоявающая ее и веселящая (Пс. 22, 2. 5); неизреченное же благодати радование — как елей, ее умащающий, веселящий и светлым соделовавший (Пс. 103, 15).

96) Воистину, не только в себе, как жизнь, душа сие имеет, но и когда от других учащих слушает, чувствует то, коль скоро обоими ими руководствует любовь и вера, — когда один слушает с верою, а другой поучает с любовью, без надмения и тщеславия предлагая словеса о добродетелях. Тогда слово от учения душа приемлет, как педагога; слово от чтения, как питателя; слово от деяния, внутреннейшее, как невестоукрашителя сладчайшаго; слово от Духа просветительное, как слово жениха, сочетавающего ее с собою и обвеселяющего. — Всякое слово, исходящее из уст Божиих есть, или слово, из уст святых исходящее действием Духа, или сладчайшее от Духа вдохновение, коим не все, а только одни достойные наслаждаются. Ибо хотя все разумные наслаждаются словом, но таких, которые бы здесь обрадываемы были словесами Духа, очень немного; наибольшая же часть только виды духовных словес по памяти и знают и причастны их бывают, не причастившись еще в чувстве Слова Божия, сего истинного хлеба будущего века. Ибо там сей один предлагается вдоволь достойным ко всякому услаждению, не бывая ни съедаем, ни иждиваем, ни похищаем никогда.

97) Без духовнаго чувства невозможно в чувстве вкусить сладости божественных вещей. Ибо как притупивший чувства делает их неспособными ощущать чувственное, не видит, не слышит, не обоняет, будучи совсем разслаблен, или лучше полумертв: так и страстями умертвивший естественныя силы душевныя, соделоват из безчувственными к действию и причастию таинств Духа. Ибо духовно не видящий, не слышащий и не ощущающий мертв есть духом: ибо не живет в нем Христос, и сам он не движется и не действует о Христе.

98) Равное и такое же, чтоб не сказать одно и то же, действие имеют чувства наряду с душевными силами, особенно когда оне здравы. Тогда чувства чувственное, а душевныя силы мысленное ясно зрят, особенно когда нет в них какой либо сатанинской брани, противовоюющей закону ума и духа. Когда же воедино совокупятся они Духом, став единовидными, тогда непосредственно и существенно познают божеское и человеческое, как оно есть по естеству, и значение их ясно созерцают, и единую причину всяческих, Троицу, сколько возможно, чисто зрят.

99) Безмолвствующий первое должен иметь следующие пять добродетелей, как основание, на коем устроят и делания своя: молчание, воздержание, бдение, смирение и терпение; деланий же богоугодных три: псалмопение, молитва и чтение, — и рукоделие, если немоществует. Сказанныя добродетели не только объемлют прочия все, но и входят в состав одна другой. — С утра надлежит, упраздняясь от всего, пребывать в памяти Божией молитвою и сердечным безмолвием, и — первый час терпеливо молиться; потом второй — читать; третий — петь; четвертый — молиться; пятый — читать; шестой — петь; седьмой - молиться; осьмой — читать; девятый — петь; десятый — вкусить пищи; одиннадцатый — отдохнуть, если имеется нужда; двенадцатый — петь вечерню. Так, добре проходя поприще дня, угождает он Богу.

100) От всех добродетелей подобает, подобно пчеле, собирать полезнейшее, и таким образом всех по малу причащаясь, уготовлять великий склад делания добродетелей, из коих образуется мед премудрости на обрадование душе.

101) Послушай, если желаешь, и как удобнее проходить ночное поприще. Бдение ночное бывает трех родов: новоначальных, средних и совершенных. Первый таков: половину ночи спать, и

половину бодрствовать, — или с вечера до полуночи, или с полуночи до утра. Второй таков: бодрствовать с вечера час один или два, потом поспать часа четыре, и вставать на утреню, — петь и молиться часов шесть до утра; затем петь первый час, и сидеть безмолвствуя, как выше показано, — и или соблюдать чин деланий определенных на каждый час, или держать непрестанную молитву без перерыва. Третий состоит во всеобщем стоянии и бдении.

102) Теперь скажем и о пище. Литры (около фунта) хлеба достаточно для всякаго, подвижающегося в безмолвии; пить две чаши вина неразвореннаго, а воды — три; и из брашен, какия случатся, съедать, не сколько похотливо взыскует естество, но воздержанно употреблять подаемое Промыслом. Лучшее же и кратчайшее руководительное для хотящих жить, как следует, правило есть — соблюдать следующие три всеобъемлющая делания добродетелей: пост, бдение и молитву, коими подается надежнейшая твердость всем добродетелям.

103) Для безмолвия прежде всего требуется вера и терпение и, от всего сердца, крепости и силы, любовь и надежда. Верующий, если здесь и не получить искомаго, по нерадению ли, или по другой каковой причине, но во исходе отсюда, всячески невозможно ему не принять удостоверения о плоде веры и подвигов и не узреть свободы, яже о Христе Иисусе, который есть душ наших искупление и спасение, вочеловечившийся Бог — Слово. А неверующий всеконечно осужден будет во исходе. Он впрочем уже осужден есть, как говорит Господь (Мар. 16, 16). Ибо поработанный сластям, и славы от человеков ищущий, а не от Бога не верен есть, говорит (Ин. 5, 44). Хотя на словах и верным кажется таковой, но он сам себя обманывает, не видя того. Ибо услышать имеет: «так как ты не принял Меня в сердце свое, но отверг Меня за хребет свой; то и Я отвергну тебя». Верному же благонадежно быть подобает и веровать истине Божией, свидетельствуемой во всех Писаниях, исповедуя свою немощь, чтоб не подпасть осуждению сугубому и неизвинимому.

104) Ничто так не делает сердца сокрушенным и души смиренною, как уединение разумное и молчание от всех. Ничто другое по истине так не разстроивает состояния безмолвия, и не лишает Его божественной помощи, как следующие главные страсти: дерзость, чревоугодие, многоглаголанье и суетная забота, надмение и госпожа страстей самомнение. Как охотно попускает себе с ними свыкаться, тот с продолжением времени омрачаясь более и более, делается наконец совсем обуморенным. Впрочем если он опомнится и с верою и рвением положит начало соблюдению должнаго, то опять улучит искомое, особенно если будет искать со смирением. Если же по нерадению хоть одна из сказанных страстей воцарится в нем, тогда и все полчище зол с пагубным неверием во главе, нападши на него, совершенно опустошают душу его, делающуюся от бесовских смятений и волнений другим неким Вавилоном, так что последняя его бывают горша первых (Мф. 12, 45): он делается тогда яростным врагом и поносителем безмолвствующих, язык свой изошряя всегда против них, как бритву и как меч обоюдоострый.

105) Воды страстей, коими мутное и возмущенное море безмолвия, наполняет душу, переплыть иначе нельзя, как на порожнем и легком корабле полнаго нестяжания и воздержания. Ибо от невоздержания и любवेशия потоки страстей, потопив землю сердца и нанося на нее всякую гниль и грязь помыслов, мутят ум, омрачают сердце и отягчают тело, в душе и сердце производят нерадение, омрачение и обуморение, и лишают их свойственнаго им по естеству настроения и чувства.

106) Ничто так расслабленную, безпечною и немысленною не делает душу и ревностных подвижников, как самолюбие, сия кормилица страстей. Внушая предпочитать покой тела трудам о

добродетели и предусмотрительным почитать благоразумием не отягчать себя делами произвольно, особенно удобными и небольшими потоми по исполнению заповедей, оно обыкновенно отнимает у души охоту и ревность к прохождению поприща безмолвия и производить в ней сильное и непреодолимое разлечение на дела.

107) Для разленившихся к исполнению заповедей и возжелавших изгнать мутное омрачение, нет лучшаго и пригоднейшаго врача, как не разсуждающее с верою во всем послушание. Оно есть живительное многосоставное врачевство добродетелей для тех, кои пьют его, и нож, за раз очищающий язвы ран. Предпочетший в вере и простоте действовать сим ножом, паче всех других, за раз отсек все страсти, и в безмолвие не только доспел, но чрез послушание и совершил его вполне, обретши Христа, и подражателем Его и рабом соделавшись, и именуясь.

108) Без делания и жительство плача невозможно претерпеть вара безмолвия. Плачущий и помышляющий об ужасах, предшествующих смерти и последующих за нею, прежде чем они самым делом наступят, не может не иметь терпения и смирения, — кои суть два основания безмолвия. А без них вступивший в безмолвие будет всегда совоспитанницею своему нерадению иметь самомнение, от коих размножаются пленения и парения, ввергающая нас в расслабление. Отсюда далее дочь нерадения — невоздержание тело делает вялым и безсильным, а ум омраченным и ожестелым. Тогда и Иисус скрывается, народу мыслей и помыслов, сушу на умном месте.

109) Вкусить мучение совести здесь или в будущем не всех удел, а одних тех, кои погрешают против веры и любви. Она, держа меч ревности и обличения обнаженным, без жалости мучит повинных. Кто противится греху и плоти, того она утешает; а кто подчиняется им, тех мучение ея преследует, пока не покаются. И если не покаются, мучение переходит с ними в другую жизнь, и там продлится во веки (перифраз, сокращенно).

110) Из всех страстей две особенно жестоки и тяжки: блуд и уныние, т. е. леность, — когда оне овладевают душою и расслабляют ее. Оне тесную имеют одна с другою связь и сочетание; от того с ними трудно бороться и их преодолевать, совсем же победить для нас и невозможно. Первая обилует в вожделетельной силе души, но объемлет об части естественнаго нашего состава, — и душу и тело, разливая сласть свою по всем членам. Вторая, держа владычественный ум, охватывает, как плющ, всю душу и плоть, и все естество наше делает ленивым, расслабленным, как бы параличем разбитым. Отгоняются они, хотя прежде блаженнаго безстрастия не побеждаются в конец, когда душа в молитве получает силу Духа Святаго, которая, подав ей отраду, крепость и глубокий мир, обьвеселяет ее в сердце успокоением от тиранства их. Та (блудная страсть — начало, госпожа и царица сластей, — преимушая сласть сластей и спутница ея леность, наводящая тристатов фараоновых, суть непобедимая колесница. Чрез них привзошли к нам бедным в жизнь все страсти.

111) Начало умной молитвы есть очистительное действие или сила Духа Святаго, и таинственное священнодействие ума, как начало безмолвия — упразднение от всего или безпопечение; середина — просветительная сила (Духа) и созерцание, а конец — изступление или восторжение ума к Богу.

112) Святилище духовное есть, — прежде будущаго паче ума наслаждения, — умное ума действие таинственно на жертвеннике душевном и священнодействующаго причащающагося Агнца, в обручение Божие. Вкушать же Агнца на мысленном жертвеннике души есть не разуметь только Его, или причаститься, но быть, как Агнец, по образу Его в будущем. Здесь мы имеем только словеса, а там уповаем получить самые предметы таинств.

113) Молитва в новоначальных есть, как огонь веселия, из сердца исторгающийся; а в совершенных, как свет благоухающий, внутрь его действующий. Или опять: молитва есть проповедь Апостолов, действие веры, лучше же вера непосредственная, основание упования, оживление любви, Ангельское движение, сила безплотных, дело и веселие их, Евангелие Божие, извещение сердца, надежда спасения, знамение освящения, символ святости, познание Бога, обнаружение крещения, или очищения в бане пакибытия, обручение Духа Святаго, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения, печать Христова, луч мысленного солнца, денница сердец, утверждение христианства, показание примирения Божия, благодать Божия, премудрость Божия, лучше же начало самопремудрости, Божие явление, дело иноков, жительство безмолвствующих, причина безмолвия, признак Ангельского жительства. И что много говорить? Молитва есть Бог, действующий все во всех, так как едино есть действие Отца и Сына и Святаго Духа, вседействующаго о Христе Иисусе.

114) Если бы Моисей не получил от Бога жезла силы, то не соделался бы богом Фараону и не казнил бы его и Египта. Так и ум, если не будет иметь в руке силу молитвы, то не возможет сокрушить грех и противныя силы.

115) Говорящие или делающие что либо без смирения подобны строящему храмину зимою, или без цемента. Опытом, разумом обрести и познать смирение есть достояние (очень) весьма немногих. Словом о нем разглагольствующие подобны измеривающим бездну. Мы же слепые, мало нечто о сем великом свете гадающие, говорим: смирение истинное ни слов смиренных не говорит, ни видов смиренных не принимает, не нудит себя смиренно о себе мудрствовать и не поносить себя смиряясь. Хотя все такое начатки суть, проявления и разные виды смирения, но само оно есть благодать и дар свыше. Два есть смирения, как говорят св. отцы: почитать себя низшим всех и Богу приписывать добрыя дела свои. Первое есть начало, второе конец. Тем, кои взыскивают его, предлагается иметь с разумом следующие три в себе помышления: что они грешнее всех людей, что они срамнее всех тварей, как сущие в состоянии неестественном, что они окаяннее бесов, как рабы бесов.

Смиряющемуся так говорить надлежит: есть ли на свете грешники, коих грехи, не говорю, превосходили бы, но хоть равнялись бы моим? — Нет, душа моя; мы с тобою хуже всех людей, мы — земля и пепел под ногами их. — И как мне не считать себя срамнейшим всех тварей, когда оне держат себя по чину естества своего, тогда как, по безчисленным беззакониям своим, я стал ниже естества? По истине звери и скоты чище меня грешнаго; почему я ниже всех, как до ада низвергший себя, и как во аде лежащий еще прежде смерти. — Кто же не ведает и не чувствует, что грешник хуже и бесов, как раб их и подданный, уже от-зде с ними во тьму кромешнюю заключенный? Воистину хуже бесов обладаемый ими; и потому с ними наследую я бездну, окаяннейший. В преисподней, в аде и бездне прежде смерти обитающий, как в самопрельщении дерзаешь называть себя праведным, сделав себя злыми делами грешником непотребным и бесом? Горе прельщению и заблуждению твоему, бесный, пес нечистый, за сие в огонь и тьму осуждаемый!

116) Духодвижная премудрость есть, по разсуждению богословов, сила умной, чистой и Ангельской молитвы, коей признаком служит, если во время молитвы ум видится безвидным и ни себя, ни другаго чего не представляющим даже на мгновение, будучи и от чувств отвлекаем действующим в нем светом. Ибо тогда ум делается отрешенным от всего вещественнаго и световидным, неизреченно во един дух с Богом сочетаваясь.

117) Есть семь разных деланий и расположений, вводящих и руководящих к этому богоданному смирению, кои взаимно входят в состав друг друга и друг от друга происходят: молчание, смиренное о себе думание, смиренное говорение, смиренное одеяние, самоуничжение, сокрушение и последность (иметь себя во всем последним). Молчание с разумом рождает смиренное о себе думание. От смиренного же о себе думания рождаются три вида смирения: смиренное говорение, смиренных и бедных одеяний ношение и самоуничжение. Сии же три вида рождают сокрушение, бывающее от попущения искушений, и именуемое промыслительным обучением и от бесов смирением. Сокрушение же легко делом заставляет душу чувствовать себя сущою ниже всех и всех последнейшею, яко всеми превосходимою. Два же сии вида приносят совершенное и благодарное смирение, которое именуется силою и совершенством всех добродетелей: — и оно—то Богу приписывает добрая дела. Итак первое из всех руководств к смирению есть молчание, из которого рождается смиренное о себе думание; а это рождает три вида смирения. Три эти рождают один — сокрушение; а сокрушение рождает седьмой вид смирения — почитание себя низшим всех, которое называется промыслительным смирением. Промыслительное же смирение приносит благодарное, совершенное, непритворное, истинное смирение. Первое из этих (промыслительное) так приходит: когда человек, будучи оставлен самому себе, побежден бывает, поработен и возгосподствован всякою страстию и помыслом, тогда, будучи побеждаем духом (вражеским), и не находя помощи ни от дел, ни от Бога и ни от чего совсем, и готов будучи пасть даже в отчаяние, смиряется он во всем, сокрушается, низшим всех себя имеет, последним и рабом всех, худшим даже самых бесов, как их тиранству подлежащий и ими побеждаемый. Вот это и есть промыслительное смирение, в силу которого от Бога дается второе, высшее, которое есть божественная сила, вседейственная и всетворная. Его ради видя себя органом божественной силы, человек ею совершает дивныя Божии дела.

118) Существенное света созерцание духовное, ум немечтательный и непарительный, действие молитвы истинное, из глубины сердца непрестанно потоком исторгающееся, души воскресение и горе всепростертие, божественное ужасание и в духе изступление всецелое, и богодвижное Ангельское души возбуждение обрести невозможно в нашем роде, потому что ныне в нас, по множеству искушений, господствует тиранство страстей. Уму обычно о всем таком мечтать прежде времени, так как это легкое занятие; но за это он иногда теряет и малое доброе устройство, которое дано ему Богом. Почему со многим разсуждением надлежит не искать прежде времени, что бывает в свое время, и отбрасывая то, что в руках, мечтать об ином чем. Уму естественно о вышереченном строить легкия фантазии и воображения, хотя еще не достиг того. Потому не мал страх, чтоб не лишился таковой и того, что дано, и не потерял разума, впадши в прелесть, как ставший мечтателем, вместо безмолвника.

119) Благодать — не вера только есть, но и действенная молитва. Ибо она в явности показывает истинную веру, имеющую живот Иисусов, производима будучи духом посредством любви. Потому вера мертва и безжизненна у того, кто не видит ея в себе действующею. Даже и верным да не именуется тот, кто верует только голым словом, а не имеет веры, действующей любовью или Духом. Таким образом надлежит показывать ее в явности посредством успехов в делании добрых дел, или иметь ее действующею в свете и сияющею в делах, как говорит божественный Апостол: покажи мне веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою (Иоан. 2, 18), — показывая сим, что

вера благодатная обнаруживается делами по заповедям, как и заповеди делом исполняются и светлы бывают верою, которая во благодати. Вера есть корень заповедей, или лучше источник, напаяющий их к произращению. Она разделяется на двое, — на исповедание и благодать, пребывая однакоже нераздельною естеством.

120) Малая и великая (длинная и короткая) лестница послушническая имеет пять степеней, возводящих к совершенству: первая отречение (от мира), вторая — подчинение (вступление в обитель с обетом исполнять уставы монашеские), третья — послушание (подчинение на деле, в жизни), четвертая — смирение, пятая — любовь, которая есть Бог. — Отречение от ада возводит лежащего и порабощенного освободить от вещества. Подчинение обретает Христа и Ему служит, по слову Его: аще кто Мне служит, Мне да последует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет (Ин. 12, 16). Христос же где? — На небесах, сидит одесную Отца. Там должно быть и служащему, где Тот, Кому он служит: сие да помнит полагающий ногу на первую ступень восхождения по указанной лестнице. Послушание, действуя всецело по заповедям, устрояет лестницу из разных добродетелей, и их, как восхождения, располагает в душе. Высокотворное смирение, приняв послушливаго с такой лестницы возводит его горе к небесам, предаёт царице добродетелей — любви, и ко Христу подводя, представляет Ему. Так пол короткой лестнице удобно восходить на небеса послушливый.

121) Горе, в царские божественные чертоги нет другаго кратчайшаго пути восхождения малою лестницею добродетелей. как умерщвление пяти противных послушанию страстей, именно: преслушания. прекословия, самоугодия, оправдания и пагубнаго высокаго о себе мнения. Это суть члены и части непокориваго беса, поглощающаго лживых послушников и отсылающаго их в бездну к змию: преслушание — уста ада, прекословие — язык его, яко меч острый, самоугодие — зубы его изощренные. оправдание - гортань его, высокое о себе, препровождающее в ад, мнение — отрыгание всепоглощающаго чрева его. Но кто препобеждает первое послушанием, тот и прочее за раз отсекает, и на небеса быстро востекает одною степенью. Чудо же, воистину непостижимое и неизреченное. сотворил наш человеколюбивый Господь, что одною добродетелью, или лучше одною заповедью можно немедленно восходить на небеса, как одним преслушанием низошли мы и нисходим в ад.

122) Как иной некий мир, вторый и новый человек есть и именуется, по божественному Апостолу, сказавшему: аще кто во Христе нова тварь (2 Кор. 5, 17). К тому же, так как, по слову Апостола, брань наша несть к крови и плоти, но к началом и ко властем тмы века сего, к поднебесным духовом злобы князя воздушнаго (Еф. 6, 12), то, сообразно с сим, надо полагать. что воюющие с нами скрытно, находятся в другом великом мире, по природе одинаковом с природою наших душевных сил. Ибо против трех сил души три князя злобы, борясь с подвижниками, делают нападения, и в чем кто не преуспеет и над чем ни трудится, в том и борим бывает ими. При сем дракон, князь бездны возстает войною против внимающих сердцу, как имеющий крепость на чреслах похотных (Иов. 40, 11); чрез любосластнаго исполина забвения пускает он на них палительныя тучи разжженных стрел, как иное море взволновывает в них похоть, воспеняет и разжигает ее, и к смешению их возбуждает, наводняя потоками сластей ненасытных. Князь мира сего нападает на проходящих деятельныя добродетели, как заведывающий войною против раздражительной части; чрез исполина лености окружает он их всякими чарами страстей и борется с ними, всегда мужественно противоборствующими ему, — побеждает и побеждаем бывает, и соделовається чрез то виновником

для них или венцев, или стыда пред лицом Ангелов. Князь воздушный находит на упражняющихся в мысленном созерцании, фантазии им представляя, как имеющий поручение действовать на словесную и мысленную часть вместе с воздушными духами злобы; чрез исполина неведения, приводит он в смятение горе вчиняющуюся мысль, омрачает ее и страх на нее наводит, внося в нее фантастические туманные образы духов и их преобразования, и призрачно производя молнии и громы, бури и трески. Так каждый из трех князей, приражаясь к соответственным силам души, ведут против нея войну и против какой части определен кто стоять, против той и нападки свои направляет.

123) Были и они некогда умами; но отпадши от онаго безвещества и тонкости, вещественную некую дебелость стяжал каждый из них, отелесаясь по чину и действию, коим окачествился действенно. Ибо так как и они, подобно человеку, Ангельскую потеряв сласть (Ангельский вкус или Ангельский рай сладости), лишились божественного наслаждения, то в персти и они, как мы, стали находить наслаждение, вещественными некако соделавшись к вещественным страстям навыкновениями. И дивиться сему нечего, когда и наша, по образу Божию созданная, разумная и мысленная душа, зная Бога не захотевши, сделалась скотскою, безчувственною и чуть не безумною, по причине наслаждений вещественным. Ибо навык обыкновенно претворяет природу и изменяет действие ея сообразно с произволением.

124) Возстание страстей и брань плотская, возбуждающаяся против души пяти видов бывает в нас. Иногда плоть злоупотребляет сущим, иногда взыскивает делать неестественное, как естественное, иногда вооружаема бывает против души от бесов, яко сладце содружившаяся с ними; бывает, что душа и сама по себе безчинствует, как окачествовшаяся страстию сею; бывает, наконец, брань и от бесов, по поущению возстающих на нас смирения ради нас, когда они всеми указанными способами не успеют соблазнить.

125) Главных же причин сей брани три, от всех и от всего нам прилучающиеся: привычка, злоупотребление сущим и, по поущению, зависть и брань бесов. Возстание и похотствование плоти на душу и души на плоть, тоже и по навыку и по действию суть, что возстание страстей плоти на душу и доблестное борение души против плоти. И сам супостат наш иной раз внезапно и без причины, как стыда не знающий, с дерзостию поднимает против нас брань. Не давай же, друже мой, пьявице кровелюбивой сосать кровь из артерий, потому что она ненасытна, — ни змию и дракону не попускай досыта наедаться перстию; и удобно победить гордыню льва и змия. Воздыхай, пока, совлекшись дольнаго, не облечешься в вышнее жительство, и не преобразишься по образу создавшего тебя Иисуса Христа.

126) Воистину, совершенно плоть сущие и самолюбие лобызающие всегда работают сластолюбию и тщеславию; в них и зависть укоренена. — Изсыхая от злорадства и огорчаясь благоуспешностию ближняго, оклеветывают они доброе, как худое, как сущее порождение прелести, не приемлют, яже суть Духа, или и не веруют в то, ни Бога уведать и познать по маловерию своему немогут такие по ослеплению своему и маловерию, там справедливо услышат: не вем вас (Мф. 25, 12).

127) Истинный любомудрец есть тот, кто от существующих вещей познал Творца их и от Творца уразумел сущее и божественное, — не научением только познал, но и испытал. Или: совершенный любомудрец тот, кто преуспел в нравственном, естественном и богословском любомудрии, паче же в боголюбии.

128) Которые без духа пишут и говорят и церковь назидать хотят, душевны суть, как Духа не

имеющие (Иуд., 19). Они подходят под клятву, которая гласит: горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни (Ис. 5, 21). Ибо от себя говорят, а не Дух Божий есть, в них глаголяй, как определил Господь (Мф. 10, 20). Которые же от своих помыслов говорят, прежде стяжания чистоты, те прельщены духом самомнения. Об этом и притча говорит: видех мужа непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его (Прит. 26, 12). И то: не бывайте мудри о себе (Рим. 12, 16), премудрость нам заповедует. И сам, исполненный Духа, божественный Апостол исповедует, говоря: не бо довольни есмы от себе помыслите что, яко от себе, но довольство наше от Бога (2 Кор. 3, 5); и еще: но яко от Бога, пред Богом о Христе глаголем (Там же 12, 19). Слова таких не сладостны и непросветительны: ибо они говорят их, не заимствуя из живаго источника Духа, но из сердца своего, как некоего тиннаго озера, питающаго пьавиц, змий и жаб похотей, кичения и невоздержания, и вода ведения их смрадна, мутна и теплохладна, от которой пьющие отвращаются, испытывая головокружение, мерзение и тошноту.

129) Говорит божественный Апостол: тело Христово мы есмы и уди от части (1 Кор. 12, 27); и опять: едино тело, един дух есте (Еф. 4, 4). Как тело без духа мертво и безчувственно, так и умертвившийся страстями чрез небрежение о заповедях по крещении бывает бездействен, как непросвещаемый Святым Духом и благодатию Христовою: ибо хотя он имеет Духа по вере и возрождению, но Он в нем бездействен и недвижим по душевной мертвости. Душа у нас одна, и членов тела много, но она все их держит, животворит и движет, — те однакож, которые способны принимать жизнь, те же, которые по какой либо случайной немощи изсохли, как мертвые и неподвижные, хотя держит в себе, но безжизненными и безчувственными. Так и Дух Христов, весь во всех членах Христовых пребывая, те из них, кои могут быть причастны жизни, движет и животворит; но и те, кои неспособны к сему по немощности, человеколюбно удерживает, как собственные. Таким образом всякий верный, хотя по вере причастен сыноположения духовнаго, бывает однакож бездействен и непросвещен по причине нерадения и неверия, лишаясь света и жизни Иисусовой: так что, хотя всякий верный, как член Христов, имеет Духа Христова, но иной остается бездейственным и недвижимым, как неспособный к причастию благодати.

130) Утверждаем, что есть восемь главных предметов созерцания: первый — Бог, невидимый и безвидный, безначальный и несозданный, причина всего сущаго, Троичное единое и пресущественное Божество; второе — чин и стояние умных сил; третий — составление видимых вещей; четвертый — домостроительное снизшествие Слова; пятый — всеобщее воскресение; шестой — страшное второе Христово пришествие; седьмой — вечная мука; восьмой — Царствие Небесное. Четыре первые — прошедшие и совершившиеся, а четыре последние — будущие и еще не проявившиеся, ясно однакож созерцаемые и признаваемые стяжавшими благодатию полную чистоту ума. Приступающий же к сему без света благодати да ведает, что он строит фантазии, а не созерцания имеет, мечтательным духом будучи опутываем фантазиями и мечтающий.

131) Вот и о прелести необходимо сказать по возможности, так как она для многих, по множеству и разнообразию ея козней и осечений, неудобораспознаваема и почти непостижима. Прелесть, говорят, в двух видах является, или лучше находить, — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину. Первая бывает началом второй, а вторая началом третьей еще — в виде изступления. Началом мнимаго созерцания фантастического служит мнение (притязательное на всезнайство, которое научает мечтательно представлять божество в какойнибудь

образной форме, за чем следует прелесть, вводящая в заблуждение мечтаниями, и поражающая хуление, а далее наделяющая душу страхованиями и наяву, и во сне. Ибо за возгордением следует прелесть (от мечтаний), за прелестью — хуление, за хулением — страхование, за страхованием — трепет, за трепетом — изступление из ума. Таков первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести в виде воздействий бывает вот каков: начало свое имеет она в сладострастии, раждающемся от естественного похотения. От сласти сей раждается неудержимость несказанных нечистот. Распаяя все естество и омрачив ум сочетанием с мечтаемыми идолами, она приводит его в изступление опьянением от палительного действия своего и делает помешанным. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъясвляет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные, опьянен будучи неистовством страсти, изменившись нравом и по виду став, как бесноватый. Таковых миряне, — духом прелести водимые, называют психариями (душица, душонка), кои приседают и пребывают при храмах святых неких, ими будучи одуховляемы, воздействуемы и мучимы, и от них людям возвещая откровения; но их следует прямо называть бесноватыми, прельщенными и заблудшими, а не пророками, предсказывающими и настоящее и будущее. Бес непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица.. Но бывает, что бесы эти сами являются и смущают их страхованиями: подчинив их игу велиара, они против воли толкают их на грехи делом, как преданных им рабов, имея потом проводить их в ад.

132) Ведать подобает, что прелесть три главных причины иметь. по коим находит: гордость, зависть бесов и наказательное поущение. Этих же причины суть: гордости — суетное легкомыслие (или тщеславие), зависти - преспеяние, наказательного поущения греховная жизнь. — Прелесть от зависти и гордаго самомнения скорее получает исцеление, особенно если кто смирится. Но прелесть наказательная, — предание сатане за грех, — часто попускает Бог своим оставлением даже до смерти. Бывает, что и неповинные для спасения предаются на мучительство (бесов). Ведать подобает, что и сам дух гордастнаго самомнения дает предсказания иногда в тех, кои не тщательно внимают сердцу.

133) Все благочестивые цари и иереи истинно помазуются в новой благодати, как прообразовательно помазываемы были тогда и древние. Ибо те были прообразы для нашей истины, не от части, но все всех нас предзнаменовали. Означает же оно, что помазуемый, чистый и безстрастный всецело посвящается Богу и ныне и в будущем.

134) Тот устами своими возглаголет премудрость и в поучении сердца своего разум (Пс. 48, 4), кто ясно покажет из сущих дел Бога — Слово, ипостасную премудрость Бога и Отца.

135) Великая противоборница истины и в пагубу вводительница человеков есть ныне прелесть, чрез которую в душах нерадивцев воцарился мрак неведения, отчуждающий их от Бога. — Три есть страсти (главнейшия ея порождения): неверие, лукавство и разленение, кои одна другую раждают, и взаимно друг друга поддерживают. Неверие есть учительница лукавства, а лукавство спутница разленения, которое ведет к совершенной лени. Или наоборот — разленение есть родительница лукавства, как сказал Господь: рабе лукавый и ленивый (Мф. 25, 26), а лукавство — мать неверия: ибо всякий лукавый неверен, неверующий же небогобоязнен. От небогобоязненности раждается разленение — мать презорства (или небрежности), от коего нерадят о всяком добре, и всякое худо

соделывают.

136) Истинное Боговедение и неложное познание вещей составляет совершенное, православное, догматическое учение. Почему мы должны так словословить Бога: Слава Тебе, Христе Боже наш, слава Тебе, что Ты благоволил ради нас вочеловечиться. Бог сый пресущный. Велико таинство Твоего домостроительства! Спасе наш, слава Тебе!

137) По Максиму великому, есть три разных цели, с какими даровитые мужи пишут сочинения безукоризненные и непринудительные: первая себе на память; вторая — другим на пользу; третья — по послушанию. С последнею целию составлено много писаний для тех, кои смиренно ищут слова истины. Кто же пишет из человекоугодия, для славы и показности. тот теряет мзду свою, и никакой от того пользы не получит ни здесь, ни в будущем веке, но и осудится, как человекоугодник и лукавый браконьер Слова Божия.

Святаго Григория Синаита наставления безмолвствующим.

1) Как сидеть в келлии.

Сидя в келлии своей, терпеливо пребывай в молитве в исполнении заповеди Апостола Павла (Рим. 12, 12; Кол. 4, 2). Собери ум свой в сердце, и оттуда мысленным воплем призывай на помощь Господа Иисуса, говоря: Господи Иисусе Христе помилуй мя! Не поддавайся малодушию и разлениению, но пободи сердцем и потруди себя телом, ища Господа в сердце. Всячески понуждай себя на делание сие: ибо царствие Божие есть достояние нудящих себя, и сии нуждницы восхищают его (Мф. 11, 12), как сказал Господь, показывая, что взыскание его требует чувствительных трудов и подвигов.

2) Как произносить молитву.

Из отцев одни говорили, что надо произносить полную молит Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй мя, или: Господи Иисусе Христе помилуй мя, или, что надо переменять и говорить то полно, то сокращенно. Не должно однакож часто переменять слова молитвы. поблажая лености, но с пожданием в показание терпения. — Еще — одни учат устно произносить молитву, а другие — мысленно умом. Я же то и другое полагаю. Ибо иногда ум изнемогает произносить молитву сам по себе, от уныния, иногда уста утомляются делать это. Потому обоими надо молиться, и устами и умом. Однакож тихо и без смятения надо взывать к Господу. чтобы глас не разстроил внимания ума и не пресек молитвы, пока ум навикнет деланию сему и прияв силу от Духа, станет крепко молиться сам в себе. Тогда не будет нужды произносить молитву устно, да и невозможно, — потому что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желаний отставать от ней.

3) Как держать ум.

Знай, что никто не может сам собою удержать ума, если не будет он удержан Духом: ибо он не удержим, не по естеству, как приснодвижный, но потому что, по нерадению, усвоивший себе кружение или скитание туда и сюда, изначала навикнув сему. Когда чрез преступление заповедей Возродившаго нас (в крещении) отделились мы от Бога, тогда потеряли единение с Ним и погубили в чувстве умное Его чувство. Поползнувший таким образом ум и отдалившийся от Бога, всюду водится, как пленник. И невозможно ему установиться иначе, как если повинется Богу и с Ним соединится, часто и терпеливо станет молиться Ему, и каждый день умно исповедываться Ему, в чем погрешает, Который тотчас и прощает все в смирении и сокрушении

просящим прощения, и святое имя Его всегда призываемым. Когда в силу такого молитвенного труда, водворится в сердце действие молитвы, тогда она станет удерживать при себе ум, веселить и до пленения не допускать. Бывает впрочем и после сего парение мыслей, которые вполне покоряются только совершенным в Духе Святом, о Христе Иисусе достигшим не парительного состояния.

4) Как отгонять помыслы.

Из новоначальных никто никогда не отгоняет помысла, если Бог не отгонит его. Только сильным свойственно бороться с ними и прогонять их. Но и они не сами собою отгоняют их, а с Богом воздвигаются на брань с ними, как облеченные во всеоружие Его. Ты же, когда приходят помыслы, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо, и они отбегут: ибо, не терпя сердечной теплоты, молитвою подаемой, они, как огнем палимые, отбегают. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бичуй супостатов: ибо Бог наш есть огонь, поядая злобу. Скорый на помощь Господь вскоре сотворит отмщение вседушно вопиющих к Нему день и ночь. — Не имеющий же действия молитвы иным образом побеждает их, подражая Моисею. Ибо когда он возстанет и на небо прострет руки и очи свои (Исх. 17, 11), Бог прогоняет их. Потом опять садится и начинает молитву с терпением. — Вот какой способ употребляет еще не стяжавший действия молитвы. Но и имеющий действие молитвы при движении телесных страстей, — разлениении, говорю, и блуда, — страстей лютых и тяжких, часто вставая, простирает руки в помощь против них. Однакож прелести ради не долго сие творит, и опять садится, чтобы враг не обольстил ума его, показав какой либо призрак. Ибо иметь ум, даже безопасный от падения и горе, и долу, и в сердце, и всюду, безопасным от вреда свойственно одним чистым и совершенным.

5) Как петь псалмы.

Одни говорят, что надо петь часто, другие — что не часто, а третьи, что совсем ненужно. Ты же ни часто не пой, во избежание смятения, ни совсем не оставляй пения во избежание расслабления и нерадения, но подражай поющим нечасто; ибо мерность во всем прекрасна, по словам немудрых мудрецов. Много петь хорошо для проходящих деятельную жизнь, по причине неведения ими мысленных занятий и по причине труда, а не для безмолвствующих, для коих довлеет в Боге едином пребывать, молясь в сердце и от помышлений удерживаясь. Ибо безмолвие, по св. Лествичнику, есть отложение помышлений о вещах и чувственных и мысленных. Ктому же, истощив всю силу свою на многопение, ум несилен уже будет крепко и терпеливо пребывать в молитве. Ночью, говорит также Лествичник, больше времени отдавай молитве, а пению меньше. — Так и ты должен поступать. Когда в сидении своем видишь, что молитва действует и не перестает двигаться в сердце твоём, никогда не оставляй её, чтоб встать на пение, пока она сама не оставит тебя по смотрению. Ибо иначе ты, оставя Бога внутри, вне стоя будешь обращать к Нему беседу, от высшего к низшему переходя. Ктому же и смуту произведешь этим в уме, извлеки его из его мирного отишия. Безмолвие, по имени своему, и делания у себя заводит такая, чтоб в мире и тишине совершать их. Ибо Бог наш есть мир, превыше всякой молвы и шума сущий.

Надлежит, по образу жизни нашей, Ангельскому быть и пению нашему, а не плотскому. Гласное пение есть указание на вопль умный внутри, и дано нам на случай разлениения и одебеления нашего, чтоб возводить нас в должное по истине настроение. Тем, кои не знают молитвы (не испытали её силы и действия), которая, по св. Иоанну Лествичнику, есть источник добродетелей, напоющий, как произрастения, душевные силы наши, подобает много петь, без меры петь, всегда быть занятым

разными деланиями и никогда не знать покоя от них, пока от многого притрудного действованиа, вступят в состояние созерцания, обретши умную молитву, действующую внутри их. — Иное есть делание безмолвия, и иное общежития; каждый же, пребывая в том, к чему призван, спасется. Почему боюсь писать, немощных ради, зная, что ты возвращаешься среди таковых. Кто по слуху, или учению трудится в молитве, все трудится, не имея руководящего. Вкусивший благодати должен умеренно петь, по словам отцев, больше же упражняться в молитве; а когда разлечение нападет, пусть поет, или читает деятельныя главы отеческия. Корабль не имеет нужды в веслах, когда ветер надувает паруса, потому что тогда ветер дает ему достаточное веяние к легкому преплытию сланаго моря страстей; а когда ветер спадет и корабль остановится, тогда надо приводить его в движение веслами или ладьею.

Некоторые в виде возражения указывают на св. отцев, которые совершали всенощныя стояния, все время проводя в псалмопении. На это скажем, что не все одним путем шествовали и одного правила держались до конца. Многие от деятельной жизни переходили к созерцанию, и перестав от дел, возсуботствовали по духовному закону и о Боге едином веселились, насыщаемы будучи божественною сладостию, по благодати не попускавшю им петь, или о другом чем помышлять, и всегда в изумлении пребывали, как достигшие конца желаний, хотя от части. Другие же до конца деятельную проводили жизнь и спасение улучили, почив в чаянии приятъ воздаяние в будущем. Некоторые в смерти получали удостоверение в спасении, или по смерти издавали благоухание в показание сего; — это те, которые сохранили благодать крещения, но, по причине пленения, или неведения ума, не вкусили ощутимага, хотя таинственнаго общения с нею, пока жили. Иные то и другое благоискусно совершают, т. е. пение и молитву, и так проводят жизнь, богатую имея благодать, как приснодвижную, и ни в чем не встречая препон. Другие до конца наипаче безмолвие держали, не смотря на то, что были простецами, и единые с Единым Богом соединившись, в единой молитве полное почерпали довольство. Совершенныя вся могут о укрепляющем их Христе Иисусе, — Коему слава во веки веков. Аминь.

б) Как пищу принимать.

Что сказать об утробе, царице страстей? Если можешь умертвить ее или полумертвою сделать, не давай ослабы. Одолела она меня, возлюбленне, и я служу ей как раб и данник. Она содейственница бесов и обиталище страстей. Чрез нее бывает падение наше и чрез нее возстание, когда она благочинствует. Чрез нее потеряли мы и первое и второе божественное достоинство. Ибо после растления, древле бывшаго, мы обновлены во Христе; но се ныне опять отпали мы от Бога, чрез пренебрежение заповедей, кои сохраняют и возвращают благодать в преуспянии, хотя не сознавая сего, возносимся, мняся с Богом быти.

В деле питания телеснаго большое бывает различие, как сказали отцы: иному мало, а другому много требуется для поддержания естественных сил своих, и каждый удовлетворяется пищею по силам своим и навыку. Но безмолвствующий всегда должен быть голодующим, не давая себе пищи до сыта. Ибо когда стомах отягчен бывает и ум чрез то помутится, тогда не может человек творить молитву крепко и чисто; но под действием испарения от многих брашен клонимый ко сну вожделевает поскорее лечь соснуть, — от чего безчисленныя мечтания во сне наполняют ум. Итак, желающему спасение улучшить и нудящему себя Господа ради жить безмолвно, хлеба, как полагаю, достаточно литры (три четверти фунта), воды или вина в день три или четыре чаши, и

прочих снедей, какия случаются, вкусить по немного, не допуская себя до насыщения, чтоб таким мудрым употреблением пищи, т. е. вкушением от всех снедей, с одной стороны избежать кичения, с другой не показать гнушения Божиими творениями, зело добрыми, за все благодаря Бога. Таково рассуждение благоразумных! Немошным же в вере воздержание от снедей более полезно и Апостол таковым повелел зелие ясти (Рим. 14, 2), так как они не веруют, что Бог сохранит их.

Что же тебе сказать? Ты попросил правила, а оно обычно тяжело особенно тебе старому. Юнейшие не могут удерживать всегда вес в меру, а ты как удержишь это? Тебе надо свободно действовать в приятии пищи. Когда будешь побеждаем, раскаяваясь зазрев себя, — и новья употребляй усилия. И не переставай так поступать всегда, падая и возставая и при этом себя одного укоряя, а не другого кого, — и будешь иметь покой, премудро падениями стяжая себе победу; однакож не преступай предела, который мы положили впереди, — и довлеет ти: ибо не укрепляют столько тела прочия снеди, как хлеб и вода. Почему Пророк, другое все ни во что не считая, сказал только: сыне человеце! яждь весом хлеб твой и воду мерою пей (Иезек. 4, 9 и т. д.).

Три предела имеет пищи вкушение: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть алкать немного и поевши; доволь — ни алкать, ни отягощаться; сытость — отягощаться не много. А по насыщении и еще есть дверь есть чревобесия кою входит блуд. Ты же, зная сие неверное, по силе своей избирай себе лучшее, не преступая пределов: ибо совершенным свойственно и то, чтоб, по Апостолу, и насыщаться и алкать, и во всем мощным быть (Филип. 4, 12. 13).

7) О прелести, — и о других предметах.

Смотри, я хочу дать тебе точное ведение о прелести, чтоб ты берегся от нея и, по неведению, не причинил себе большаго вреда и не погубил души своей. Ибо самовластие человеческое легко склоняется на сторону врагов, особенно у неопытных, как ими неумомимее преследуемых. Близ и около новоначальных и самочинных бесы обыкновенно распростирают сети помыслов и пагубных мечтаний и уготовляют рвы падений: так как град их находится еще под властью варваров. И нечего дивиться, если кто из них заблудился. или выступил из ума, или принял и принимает прелесть, или видит что чуждое истины, или говорит что неподобающее, по неопытности и неведению. Часто иной, разглагольствуя об истине от невежества своего, говорит одно вместо другаго, не умея сказать правильно, как дело есть, и тем приводит в ужас слушающих, а на безмолвников наводит поношение и смех, неразумным своим действием. В том, что новоначальные ошибаются и после многих трудов, ничего нет дивнаго: так случалось со многими, Бога ищущими и ныне, и в прежния времена. Память Божия, или умная молитва выше всех деланий; она есть глава и добродетелей, как любовь Божия. Но безстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто, и нудящийся стяжать Его в себе удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие. Ибо дерзко и самонадеянно взыскав того, что соответствует его состоянию, в гордости нудится он прежде времени достигнуть того. Господь, милосердый к нам, видя, как скоры мы на высокое, часто не попускает нам впасть в искушение, чтоб каждый, сознав свое высокоумие, сам собою обратился к настоящему действию прежде, чем сделается поношением и посмехом для бесов, и плачем для людей; особенно когда кто взыскивает сего дивнаго дела с терпением и смирением, с послушанием и вопрошением опытных, чтоб вместо пшеницы не пожать кукол, горечи вместо сладости, и вместо спасения не найти пагубы. Ибо сильным и совершенным принадлежит бороться всегда с бесами одним, и на них непрестанно обращать меч духовный, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17); немощные

же и новоначальные пользуются, как твердынею, бегством, с благоговением и страхом, отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким образом избегают смерти. Ты же если добре безмолствуешь, чая с Богом быть, никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри. хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или Святаго какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вожделевает, у тех, кои не внимают сему опасно, и таким образом сами себе причиняют вред. Так же и память о добрых и худых вещах обыкновенно вдруг печатлеет в уме образы их, и вводит его в мечтание. Тогда испытывающий сие бывает уже мечтателем, а не безмолвником. Потому внимай, да не поверишь чему либо, увлекшись тем, хотя бы то было что нибудь хорошее, прежде вопрошения опытных и полного исследования дела, чтоб не потерпеть вреда; но будь всегда недоволен сим, храня ум безцветным, безвидным и безобразным. Часто и то, что было послано Богом, к испытанию для венца, во вред обращалось многим. Господь наш хочет испытать наше самовластие, куда оно клонится. Но узревший что либо мысленно или чувственно и приемлющий то без вопрошения опытных, легко, — хотя то и от Бога есть, — прельщается или имеет прельститься, как скорый на прятие помыслов. Сего ради новоначальному надлежит внимать сердечному действию, как незаблудному, все же прочее не принимать, до времени умирения от страстей. Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть, без вопрошения и должнаго испытания, но паче похваляет его, как мудраго, хотя на некоторых и негодовал.

Впрочем не всех вопрошать надо, но одного того, кому и других управление вверено, кто жизнь блистает и кто, будучи беден, многих богатит, по Писанию (2 Кор. 6, 10). Многие неопытные повредили многим неразумным, за коих суд примут по смерти. Ибо не всем принадлежит руководить и других, но тем, коим дано Божественное разсуждение, по Апостолу (1 Кор. 12, 10), именно разсуждение духовом, отличающее лучшее от худшаго мечем слова. Каждый имеет свой разум, и свое разсуждение естественное, деятельное или научное, но не все имеют разсуждение духовное. Почему премудрый Сирах и говорит: мирствующие с тобою да будут мнози: советницы же твои един от тысяч (6, 6). Немал же труд найти руководителя незаблуднаго ни в делах, ни в словах, ни в разумениях. Незаблуден ли кто, узревается из того, если он имеет свидетельство от Писания и на деяние и на разумение, смиренномудрствуя в том, о чем должно мудрствовать. Ибо немалый труд постигнуть истину явно и чисту быть от того, что противно благодати; потому что диавол обычай имеет, особенно для новоначальных представлять под видом истины прелесть свою, преображая лукавое свое в духовное.

По сей причине тщайся достигнуть чистой молитвы в безмолвии, должен шествовать к сему в трепете великом, с плачем и испрашиванием руководства у опытных, непрестанно слезы проливая о грехах своих, в скорбном сокрушении и боязливом опасении, как бы не попасть в ад или не отпасть от Бога и отлучену быть от Него ныне или в будущем. Ибо диавол, когда увидит кого, в плаче живущаго, то не замедляет там, боясь смирения, пораждаемаго плачем. Если же кто мечтает достигнуть високаго с сомнением, не истинное, а сатанинское имея желание, то такого удобно опутывает он сетями своими, как раба своего. Почему величайшее есть оружие, держать себя в молитве и плаче, чтобы от молитвенной радости не впасть в самомнение, но сохранить себя невредимым, избрав радостопечалие. Ибо чуждая прелести молитва есть теплота с молитвою к

Иисусу, ввергающему огонь в землю сердца нашего, — теплота, попадающая страсти, как терния, вселяющая в душу веселие и тишину, и приходящая не с десной и не шуйей стороны, или свыше, но в сердце источающаяся, как источник воды от животворящего Духа. Сию единую в сердце своей возжелай обрести и стяжать, блюдя ум свой немечтательным и обнаженным от разумений и помыслов, — и не бойся. Ибо рекши: дерзайте: Аз есмь, не бойтесь (Мф. 14, 27), сей самый с нами есть, — нами искомый и нам всегда покровительствующий; и мы не должны бояться или воздыхать, Бога призывая.

Если же некоторые совратились, повредившись в уме, то знай, что они пострадали это от самочиния и гордости. Ибо в послушании с вопрошением и смиренномудрием ищущий Бога никогда не потерпит вреда благодатию Христа, всем человеком спастися хотящаго. Если же и случается с таким искушение, то это бывает для испытания и увенчания, и сопровождается скорою помощью от Бога, попускающаго сие, имиже вест судьбами. Ибо кто право живет и безукоризненно обращается со всеми, удаляясь от человекоугодия и высокоумия, тому, хотя бы и безчисленные против него поднял искушения весь бесовский полк, это не повредит, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти и вреду удобно подвергаются. Почему безмолвствующий должен всегда держать царский путь. Ибо излишество во всем сопровождается обычно самомнением, а за этим последует прелесть.

Три добродетели должно точно соблюдать в безмолвии и каждый час испытывать. всегда ли пребываем мы в них, чтоб. как нибудь быв окражены забвением, не стали мы шагать вне их. Оне суть следующие: воздержание, молчание и самоуничужение, т. е. смирение. Оне одна в другую поддерживают и хранят; молитва от них рождается и возрастает непрестанно.

Начало действия благодати в молитве различно обнаруживается, так. как по Апостолу. и разделение Духа бывает разнообразно, по Своей Ему воли (1 Кор. 12, 4). В некоторых приходит дух страха, разрушающий горы страстей, и сокрушающий камни, — жестокия сердца, — такой страх, что от него плоть как бы гвоздьми пригвождается и мертвою становится.

В других же является потрясение, или обрадование. которое възгнанием назвали отцы. В иных наконец и преимущественно в преуспевших в молитве, Бог производит веяние тонкое и мирное, когда Христос вселится в сердце (Еф. 3, 17), и таинственно возсияет в духе. Посему Бог говорил Илии на горе Хоривской (3 Цар. 19, 12), что не в этом и не в том Господь, — не в частных действиях новоначальных, — но в тонком веянии света, показав совершенство молитвы.

8). Вопрос: Что делать, когда бес преобразуется в Ангела света и прельщает человека?

Ответ: Для этого человека имеет нужду в большой разсудительности, чтоб добре распознавать различие добра и зла. И так не увлекайся скоро по легкомыслию тем, что представляется, но будь тяжел (нескородвижен) и с большим испытанием доброе принимай, а худое отвергай. Всегда должен ты испытывать и разсматривать. а потом верить. Ведай, что действие благодати явны, и бес, хотя преобразуется, подавать их не может, именно — ни кротости, ни приветливости. ни смирения. ни ненавидения мира, ни пресечения похоти и страсти, — кои суть действия благодати. Бесовския же действия суть — надмение, высокоумие, устрашение и всякое зло. По таким действиям можешь распознать от Бога ли возсиявший в душе твоей свет или от сатаны. Фридакс видом похож на горчицу, и уксус цветом похож на вино; но при вкушении их гортань распознает и определяет различие каждой из сих вещей. Так и душа, если имеет разсуждение, умным чувством может

распознавать дары Духа Святого и призрачные мечтания сатаны.

Его—же о безмолвии и молитве.

2) Как надлежит творить молитву.

С утра понудь ум свой сойти из головы в сердце и держи его в нем, и непрестанно взывай умно и душевно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! пока утомишься. Утомившись же переведи ум на вторую половину и говори: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! Многократно проговорив сие воззвание, переходи опять на первую половину. Но часто по лености не должен ты перемещать сии возвания; потому что, как растения не укореняются, если часто их пересаживать, так и молитвенные движения в сердце, при частой перемене слов молитвенных.

Когда увидишь возникновение и приступание помыслов, не засматривайся на них, хотя бы они и не были худы; но держи несходно ум в сердце, взывай к Господу Иисусу, и скоро прогонишь помыслы и наводителей их бесов отгонишь, опаляя их и бичуя невидимо божественным именем сим. Так учит Лествичник, говоря: именем Иисуса бичуй супостатов, ибо против них нет более сильного оружия, как это, ни на земле, ни на небе.

3) Внимать себе должно и памятовать Бога.

Исаия отшельник говорит: «держи ум неудержимый, развеваемый вражескою силою, которая по нерадению нашему после Крещения опять возвратилась в леностную душу с другими духами злейшими, как говорит Господь, и последняя его сделала горша первых (Мф. 12, 45)». — Другой некто учит: «Монах должен иметь память Божию вместо дыхания»; или, — как говорит иной: «должен иметь любовь Божию предворяющею дыхание». — Св. Лествичник внушает: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим, — и тогда познаешь пользу безмолвия». — Апостол Павел уверяет, что ктому не он живет, но живет в нем Христос, действуя, и божественную жизнь вдыхая (Гал. 2,2). Также и Господь говорит: Дух, идеже хочет, дышет (Ин. 3, 20), взяв пример от дуновений чувственного ветра. — Быв очищены (в крещении), мы прияли обручение Духа, возвращающего и обожающего причастных Его. Но как мы вознерадели о заповедях, кои суть блюстителю благодати, то опять впали в страсти и, вместо дыхания Духа Святого, — исполнились ветром злых духов, от коих всякое у нас настроение. Сохранивший же Духа и от Него очищение стяжавший разгорячается Им и вдохновляется божественною жизнью и затем Им говорит, Им умствует и Им умствует и Им движется, по слову Господню: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголай в вас (Мф. 10, 20). Равным образом и имеющий противного Ему духа, и им овладевший противное делает и говорит.

4) Как петь подобает безмолвникам.

«Утомившийся, говорит Лествичник, пусть встав помолится, и сядши опять, пусть мужественно берется за прежнее делание (Сл. 27, 23). Хотя он сказал это об умном делании — т. е. что так должно делать, когда кто достигнет хранения сердца; но не неприлично сказать тоже и о псалмопении. — Варсонофий великий, будучи вопрошен о пении, именно, как должно петь, отвечал: «часы и песни суть церковные предания, и добре даны для соглашения (собирающихся на молитву). Скитяне же ни часов не поют, ни песней не имеют, но рукоделие, на едине поручение (умную молитву) и по малу небольшое молитвословие (Отв. 74). Стоя же на молитве должен ты говорить: Трисвятое и — Отче наш, и попросит Бога об избавлении от ветхаго человека. Долго однакож медлить на сем молитвословии не следует; но ум твой весь день должен быть в молитве. Сими словами старец

показал, что на едине поучение есть умная или сердечная молитва; а по малу молитва есть стояние на псалмопении. Тоже говорит и великий Иоанн Лествичник: дело безмолвия есть беспопечение о всем, молитва без лености, т. е. псалмопение и третье — делание сердца некрадомое» (Сл. 27, 46). Это есть седалище молитвы и вместе безмолвия.

5) Вопрос: Откуда это — различие, что одни учат много петь, другие — мало, третьи — совсем не петь?

Ответ: Разрешение сего вопроса таково. Которые деятельною жизнью, чрез многие труды и в долгие годы обрели действие благодати, те как сами научились сему, так и других учат. Они не верят тем, кои говорят о себе, что по милости Божией достигли сего в короткое время теплою верою, как говорит св. Исаак, и порицают таковых, будучи окрадаемы неведением и самомнением, и других уверяют, что если что бывает иначе, чем у них, то оно прелесть есть, а не действие благодати. Не ведают они, якоудобно есть пред очима Господними внезапно обогатити нищаго (Сир. 11, 21).

Укоряет и Апостол тогдашних учеников, яко неведующих благодати, говоря: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? разве точию чим неискусни есте (2 Кор. 13, 5), — т. е. — за леность вашу не преуспетельны. Почему таковые и дивных свойств молитвы, действием Духа Святаго производимых в неких, не приемлют (не признают за истинныя) по причине неверия и высокоумудрия.

6) Скажи мне, так сидящий, если кто поститься, воздерживается, бдение совершает, стоит на псалмопении, поклоны творит, плачет, не стяжательствует, не есть ли это делание? (Но мы признаем все сие необходимым для безмолвствующаго). Как же ты думаешь и говоришь, будто мы предлагаем преуспеть в молитве без деятельной жизни? — Не это мы утверждаем, а то, что кроме деятельной жизни требуется еще и умная деятельность, без коей невозможно успеть в молитве. — Теперь послушай. Если кто устами творит молитву, а ум его кружится, какая польза? Когда один созидает, а другой разоряет, ничего из этого, только труды (Сир. 34, 23). Но как телом кто делает, так должен делать и умом, чтоб телесно не казаться праведным, а в сердце быть исполненным всякой неправды и нечистоты. Сие и Апостол утверждает, говоря: аще молюся языком, т. е. устами, дух мой, или глас мой молится, а ум мой без плода есть. Помолюся убо духом, помолюся же и умом. И: хошу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком (1 Кор. 14, 14. 15. 19). Свидетель же, что он об этом (об умной молитве) говорит, св. Лествичник, который говорит в слове о молитве (пункт — 21): «великий великой и совершенной молитвы делатель говорит: хошу пять словес умом моим глаголати и прочее». Деланий много, но они частны; сердечная же молитва велика и всеобъемлюща, как источник добродетелей, по Лествичнику (пункт 1 — о молитве), потому что ею стяжывается всякое благо. — Св. Максим говорит: «нет ничего страшнее помышления о смерти и велелепнее памяти о Боге», показывая превосходство сего дела. Некоторые же в нынешнее время даже слышать не хотят, есть ли благодать, будучи, по великому нечувствию и невежеству, ослеплены и маловерны.

7) Которые поют не много, хорошо, думаю, делают, честь воздавая умеренности (ибо мера во всем прекрасна), чтобы, истощив всю силу душевную на деятельный труд псалмопения, ум не оказался малоусердным к молитве, не находя в себе сил для нея, но чтоб, немного поя псалмы, большую часть времени проводить в молитве. С другой стороны, когда ум стужит частым мысленным вопианием и непрестанным водружением внимания его в молитву, справедливо давать ему некое отдохновение, отпуская его в простор Псалмопения из утеснения в безмолвной молитве. Это прекрасный чин, это

учение мужей премудрых.

8) Добре также творят и те, кои совсем не держат псалмопения, если они преуспевают. Таковые не имеют и нужды в Псалмопении, но должны пребывать в молчании, непрестанной молитве и созерцании, если достигли просвещения. Ибо они с Богом соединены и не должны отторгать ум свой от Него, и ввергать его в смущение (или в толпу помыслов). Св. Лествичник говорит, что «для послушника (живущаго в братстве) падение есть своей воли следование, а для безмолвника молитвы оставление или пресечение». Ибо ум таковых прелюбы творит, когда отступает от памяти Божией, как от жениха, и с любовью емлется за другия последнейшия вещи.

Научить других сему чину не всех возможно. Послушливых простецов и неграмотных — да; потому что послушание ради смирения ко всякой добродетели способно. Непослушливым же, простецы ли они или ученые, не преподается сия наука, чтоб не впали в прелесть; ибо самочинный не может избежать самомнения, которому обычно сопутствует прелесть, как говорит св. Исаак. Некоторые же, не помышляя об имеющем быть вреде, всякаго прилучающагося учат своими усилиями держать память Божию для того, чтобы ум навыв сей памяти и возлюбил ее, что невозможно, особенно для привыкших жить по своему чину. Ибо так как ум их нечист по причине нерадения и высокоумрия и не предочищен слезами, то они узревают паче срамные образы помыслов, нежели молитву, между тем как гнездящиеся в сердце их духи нечистые будучи тревожимы страшным именем (Божииим), скрежещут, желая погубить уязвляющаго их. Почему если самочинник услышит или из книг узнает о делании сем и возжелает держать его, то одно из двух постраждет: или, если нудить себя будет, впадет в прелесть и останется неизцельным, или, если нерадеть будет, во всю жизнь останется безуспешным.

9) Скажу и я, как мало нечто из опыта познавший. Когда сидишь в безмолвии днем и ночью, непрерывно моляся Богу, без помыслов в смирении, и ум твой изне может от взывания, возболзнует тело и сердце от сильнаго водружения непрестаннаго призывания Иисуса, не чувствуя между тем теплоты, или возвеселения, от коих рождается и коими поддерживается ревность и терпение подвижника: тогда встав стань и пой псалмы, один или с учеником, который с тобою, или займись размышлением о каком либо слове Писания (и вообще богомыслеим); или в память о смерти погрузись; или возьми рукоделие какое; или чтению внемли, стоя паче, чтоб утрудить тело. — Когда стоишь на псалмопении один, читай Трисвятое, потом твори молитву душевно или умно, причем ум да внимает сердцу. Если належит уныние, читай псалмы, два или три, и тропари умиленные, негласно: ибо таковые гласно не поют, как говорит Лествичник. Довольно для них сердечнаго болезнования о благочестии, как сказал Марк, и теплоты духовной, к обрадованию и возвеселению их даруемой. После псалма твори молитву умно или душевно, без парения, — и Аллилуия. — Таков чин св. отцев Варсанофия и Диодоха и прочих. Псалмы, как говорит Василий божественный, переменять надо каждый день, для раздражения чрез то усердия, и для того, чтоб ум, поя всегда одно и то же, не терял сладости от пения. Надо давать уму свободу и он еще паче укрепитя в ревности и усердии. — Если же с учеником верным стоишь на пении, он пусть читает псалмы, а ты сердцу тайно внимая и молясь, блюди себя. Все же помышления, чувственныя или мысленныя, из сердца исходящия, презирай с содействием молитвы. Ибо безмолвие есть отложение помышлений, кои не от Духа и не суть божественнейши, чтоб внимая им, как добрым, не потерять большаго.

10) О прелести.

Тщательно и разумно внимай, любитель Божий. Когда делая свое дело, увидишь свет или огонь вне или внутри, или лик какой, — Христа, например, — или Ангела, или другого кого, не принимай того, чтоб не потерпеть вреда. И сам от себя не строй воображений, и которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй напечатлеть их в себе. Ибо все сие со вне будучи печатлеемо и воображаемо, служит к прельщению души. — Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, попадающая страсти, отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением, и утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все, приходящее в душу, говорят отцы, чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага. Когда также увидишь ум свой во вне или в высоту влекомым от некоей невидимой силы, не верь сему и не попускай уму великому быть, но тотчас понудь его на дело его. — Что от Бога, то само собою приходит, говорит св. Исаак, тогда как ты и времени того не знаешь. Хотя и враг внутрь чресл покушается призрачно представлять духовное, одно предлагая вместо другого, вместо теплоты наводя жжение нестройное, вместо веселия радость возбуждая безсловесную и сласть мокротную, и успеваеет укрывать себя за сими прельщениями от неопытных, но время, опыт и чувство обыкновенно обнаруживают его пред теми, коим не безизвестны его злыя козни. Гортань брашна различает, говорит Писание. Так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению.

11) О чтении.

Св. Лествичник говорит: «будучи делателем (деятельную проходя жизнь) прочитывай делательныя писания отцев; ибо, если ты чтомое будешь обращать в дело, то чтение прочаго будет для тебя излишне» (Сл. 27, — 78). — Всегда читай о безмолвии и молитве, именно — у св. Лествичника, у св. Исаака, у св. Максима, у новаго Богослова и ученика его Стифата, у Исихия, у Филофея Синайского и у прочих, писавших о сем же. — Прочия же писания оставь до времени, не как не терпимыя, а как в это время не соответствующия цели твоей (навыкновению молитве): ибо предметы, коих они касаются, могут отвлекать ум твой от молитвы. Да будет чтение твое на едине и негласное, чтоб не пришло искушение похвастать пред собою или голосом, или изяществом произношения, или не вообразить себя сущим в собрании и всех пленяющих своим искусством чтения. Да не будет чтение твое ненасытно: ибо во всем самое лучшее есть — мера: не слишком скоро, не слишком лениво или небрежно, но благоговейно, внимательно и разумно. Ум, укрепляясь душеполезным чтением, приемлет силу крепко молиться. Чтение же беспорядочное омрачает ум и расслабляет, и негодным делает к молитве.

12) Обращай внимание и на намерение воли, присматривая, куда оно клонится: по Богу ли, для самого ли добра и ради пользы душевной сидишь ты на безмолвии, поешь псалмы, читаешь молитвы, или другое что доброе делаешь, да не окраден будешь, не замечая того, и да не окажешься, по схиме, делателем Божиим, а по сердцу человеком. а не Богу угодить желающим. Ибо много козней у лукаваго и в тайне зорко он смотрит за склонением нашего произволения, всячески ища окрасть дело наше, неведомо для нас, чтоб не по Богу было то, что делается. — Но хотя он неослабно ратует и безстыдно приступает, но ты, имея твердое намерение единому Богу угождать, не часто будешь окрадываем им, пусть склонение воли твоей будет нудимо им вляться и колебаться нехотя. И пусть иной по немощи и побеждаем бывает против воли, но скоро прощается и похваляется от

Ведущаго намерения наши и сердца. — Страсть эта, разумею тщеславие, не дает монаху преуспеть в добродетели, так что он труды терпит, а под конец оказывается бесплодным. — И оно ко всем трем подкрадается и обнажает их от плода трудов добродетельных, — и к новонаначальному, и к среднему, и к совершенному.

13) Вот еще что говорю, узнав то из опыта: монах никак не может преуспевать без следующих добродетелей: поста, воздержания, бдения, терпения, мужества, безмолвия, молитвы, молчания, плача, смирения, — кои одна другую рождают и одна другую хранят. Непрестанный пост, изсушая похотение, рождает воздержание; воздержание — бдение; бдение — терпение; терпение — мужество; мужество — безмолвие; безмолвие - молитву; молитва - молчание; молчание — плач; плач — смирение; смирение наоборот — плач, и так далее, восходя обратно, найдешь, как дочери рождают матерей.

14) Надлежит здесь и болезненные труды сего подвига исчислить по порядку и ясно показать, как должно проходить каждое делание, чтобы иной, не безболезненно шествуя по слуху путем сим и не получив плода, не обвинил нас или другого кого, что на деле не так есть, как мы сказали. Ибо болезнование сердечное и труд телесный обыкновенно делают дело, как оно есть по истине. Чрез них обнаруживается действие Духа Святаго, которое в крещении дается всякому верующему, но по причине нерадения о заповедях погрешается страстями и по неизреченной милости ожидает покаяние нашего, чтоб в конце за безплодие наше не услышать нам: возьмите от него талант, и следующее: иже аще не имать (плода), и еже мнится имея, возмется от него (Мф. 25, 28; Лк. 8, 18), и не быть посланными в ад на вечное мучение в геенне. Всякое делание телесное и духовное, не имеющее болезнования или труда, никогда не приносит плода проходящему его; что с нуждею восприимется царствие небесное, говорит Господь, и нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12). Под нуждностью разумей приболезненное во всем чувство телесное. Многие много лет делали или делают безболезненно, и поелику не приболезненно поднимали и подъемлют труды, то оказывались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святаго, по причине не понесения лютоости болезненных трудов. Ибо небрежно и разлененно делающие много, кажется, трудятся, но никогда не собирают плодов. по причине болезненности, будучи глубоко безчувственны. Свидетель сему тот, кто говорит: «хотя бы мы все великие подвиги жительства нашего имели, но если не стяжали приболезненного сердца, все они поддельны и попорченны» (Леств. сл. 7, 64). То же свидетельствует и св. Ефрем, говоря: «трудяся трудися приболезненно, чтоб избежать болезненности суетных трудов. Ибо если, по Пророку, чресла наши не истощатся от труда пощения, если не нас болезни, как рождающую младенца, то не зачнем мы духа спасения на земле сердца» (Ис. 21, 3). Но только долголетием, пребыванием в бесплодной пустыне и ленистым безмолвием хвалимся, мняся ради сего быти нечто. Во время исхода все познаем несомненно, каков плод жизни нашей.

15) Невозможно кому либо самому научиться художеству добродетелей, хотя некоторые пользовались своим опытом, как учителем. Ибо самому по себе, а не по совету преуспевших действовать — самомнение наводит, или лучше порождает. Если Сын ничего от Себя не творит, но как научил Его Отец, тако творит — (Ин. 5, 19, 20), и Дух глаголати имать не от Себя (Ин. 16, 13): то кто помыслить может, что достиг такой высоты добродетели, на коей не имеет нужды в чем либо тайноводстве? Безумие паче нежели добродетель имеющим кажется таковой в самопрельщении. Почему слушаться надлежит тех, кои опытно извели болезни и труды деятельной добродетели, и

под их руководством проходить ее, т. е. пост алкательный, воздержание несладостное, бдение терпеливое, коленопреклонение утомительное, стояние неподвижное, молитву непрестанную, смирение непритворное, сокрушение и воздыхание постоянное, молчание мудрое и во всем терпение. Труды добродетелей твоих снеси, говорит Писание (Пс. 127, 2); и еще: нудящихся есть царствие небесное (Мф. 11, 12). Кто всеусильно тщится каждодневно совершать сказанныя делания, тот с Богом соберет и плоды от них в свое их время.

НИКИФОР УЕДИНЕННИК.

Краткое о нем сведение.

(из Греч. Добротолюбия).

Никифор преподобнейший отец наш, поприще своих аскетических подвигов совершивший на святой горе Афонской, скончался немного прежде 1340 года. Он был наставником и руководителем в изучении высшего любомудрия аскетического для Григория Солунского (Паламы), как тот сам об этом негде свидетельствует. В беспопечительном безмолвии себе единому внимая и в себе неизреченно соединившись с премирным Богом, блаженное в сердце своем восприял он просвещение благодати. Сам, богато вкусив сего божественного дара, и нас отечески руководит к тому настоящим своим свитком, в коем, собрав из писаний и житий святых отцев места о трезвении, внимании и молитве, а в конце приложив и от своего опыта совет, всех приглашает путем умносердечной молитвы восходить к преискреннейшему общению с Господом.

НИКИФОРА УЕДИНЕННИКА

Слово

о трезвении и хранении сердца многополезное.

Вы, которые желаете улучшить благолепное божественное просвещение Спасителя нашего Иисуса Христа, — которые ищите воспринять сердечно в чувстве пренебесный огонь, — которые тщитесь ощутить опытом и чувством примирение с Богом, — которые для того, чтобы обрести сокровище, сокрытое на поле сердец ваших и стяжать его, оставили все мирское, — которые желаете, чтоб душевныя свечи ваши еще отныне светло засветились, и для того отреклись от всего настоящего, — которые хотите сознательно и опытно царствие небесное сущим внутри вас познать и приять, — приидите, и я повею вам науку вечнаго небеснаго жития или лучше метод, без труда и пота вводящий действующаго по нему в пристань безстрастия и избавляющий его от страха прелести или падения от козней бесовских. Такой страх уместен только тогда, когда мы вращаемся вне той жизни, какой я намерен вас научить, далече негде от нея по преслушанию. Ибо тогда и с нами бывает тоже, что с Адамом, который, подружившись со змием, презрел заповедь Божию и, доверившись ему, вкусил от запрещеннаго плода, и прелестию от него насытился до пресыщения: чем жалости достойно низверг себя и всех потомков своих в глубину смерти, тмы и тления.

Возвратимся же, братия, к себе самим, с отвращением возненавидев совет змия и всякое долу пресмыкание: ибо нам иначе невозможно с Богом примириться и сродниться, если прежде не возвратимся к себе самим, насколько сие в нашей силе, или не войдем в себя самих, отторгая себя, — что удивления достойно, — от мирскаго кружения и суетной многозаботливости и привыкая неотступно внимать сущему внутри нас царствию небесному.

Потому—то монашеское житие и названо искусством искусств и наукою наук, что преподобное сие житие виновно для нас не каких либо подобно здешним вещам тленных благ. чтоб к ним от лучшаго

направив ум, похоронять его в них. но обещает нам дивныя некия и неизреченныя блага, каких око не видало, о коих ухо не слыхало, кои и на сердце человеку не всходили (1 Кор. 2, 9). Отсего и брань у нас не к плоти и крови, но к началом и властем и к миродержателям тмы века сего (Еф. 6, 12). Если убо настоящий век тма есть, убежим от него, убежим же настроением ума и сердца. Ничего общаго у нас с врагом Божиим да не будет: ибо хотящий другом ему быть враг Божий бывает (Иак. 14, 4). Врагу же Божию кто помочь может? Почему восподражаем отцам нашим, и подобно им възыщем сущее внутрь сердец наших сокровище и, обретши, крепко держать будем его, делая и храня: на что и с самага начала мы учинены. Если же явится другой какой Никодим и станет спорить, говоря: как может кто, в сердце свое вошедши, там делать и пребывать? Как тот говорил Спасителю: како может кто в утробу матере своея второе внити и родитися стар сый (Ин. 3, 4), то да слышит и сей, что Дух идеже хочет дышет (- — 8). — И если мы, в событиях деятельной жизни, такое обнаруживаем сомнение по неверию, то как войти нам в таинства жизни созерцательной? Ибо восход к созерцанию есть деятельная жизнь.

Но, как без письменных доказательств до такой степени неверующему убедиться нельзя; то давайте вставим в сие слово наше на пользу многим черты из житий святых и письменно изложенныя ими суждения, в подтверждение сказанной истины, чтоб всякий, убеждаясь тем, отлагал всякое сомнение. Начнем с перваго отца нашего Антония великаго и потом по ряду проходя последующих, соберем, сколько сможем, деяния их и слова, и предложим в уверение неверующих.

Из жития преподобнаго отца нашего Антония.

Шли некогда к авве Антонию два брата и когда вышла у них вся вода, один умер и другой близок был к тому же. Не имея сил идти, лежал и он на земле и ожидал смерти. В сие время Антоний, сидя на горе, позвал монахов, коим случилось быть у него, и сказал им: возьмите кувшин воды и бегите по дороге к Египту. Там из двоих, шедших сюда один уже умер и другой умрет, если не поспешите. Это увиделось мне, когда я молился. Прибыв на то место, монахи в самом деле нашли одного мертвым и похоронили его, а другаго, оживив водою, привели к старцу. Разстояние было на день пути. — Если кто спросит, почему св. Антоний не послал прежде, чем умер тот; вопрос будет несправедлив. Присуждение смерти брату было не Антониево дело, а Божие, Который и о первом такой суд положил, и о втором открыл. Святому Антонию принадлежит только то дивное дело, что он, сидя на горе, имел сердце трезвещаеся и сподобился того, что Господь открыл ему бывшее вдали от него. — Видишь, что св. Антоний, ради трезвения сердца, сделался Богозри телем и прозорливым. Ибо в сердце Бог является уму, сначала, по словам Иоанна Лествичника, как огонь, очищающий любителя своего, а потом как свет, просвещающий ум и боговидным его соделывающий.

Из жития Феодосия киновиарха.

Святой Феодосий так был уязвлен сладкою стрелою любви и так крепко связан узами ея, что высшую сию и божественную заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею и всем помышлением твоим (Лк. 10, 27), исполнял самими делами. А это не могло быть иначе, как при устремлении всех естественных сил души ни к чему иному, как только к единому вожделению Создателя. Таково и у него было умное делание, в силу котораго он и, когда утешал, был страшен, и, когда делал выговоры, был для всех любезен и сладостен. Кто так, как он и со многими беседуя, наиполезнейшим являлся? И вместе был доволен к тому, чтобы собирать чувства и устроить их к возвращению внутрь? Кто, как он, среди смятений

такую наслаждался внутри тишиною, как иные, живя в пустыне? И кто одинаковым бывал и среди толпы, и в уединении? — Вот и великий сей Феодосий, поелику собирал чувства и вводил их внутрь, соделался уязвленным любовью к Создателю.

Из жития Арсения Великаго.

Дивный Арсений строго держался правила — ни писать ни к кому и ни от кого не получать писем и вообще почти совсем не говорить, не потому, чтоб не мог: как можно так думать о том, кто мог также легко говорить красноречиво, как другим говорить просто? — Но по привычке больше молчать и во избежание тщеславия — показать себя. По сей же причине он и в собраниях церковных всячески старался так стать, чтоб других не видеть и самому не быть видну никому, и в толпу братьев никогда не вмешивался, а укрывался от сего куданибудь. Так заботился он внимать себе и внутрь собранным держать ум свой, чтоб отсюда удобнее возноситься к Богу. Сей пример в наследие нам оставил божественный муж сей и земный ангел.

Из жития Павла Латрсакого.

Сей божественный Павел все почти время проводил в горах и пустынях, соседями и сотрапезниками имея диких зверей, и разве когда сходил в Лавру, для посещения братьев, — коих он обычно учил не малодушествовать и не отставать от притрудных и приболезненных дел добродетели, но со всем вниманием и разсуждением Евангельскаго держаться жителства и вседушно противоборствовать духам злобы. При этом он поведал им и метод, как могут они сделаться сильными — отъучиться от прежних страстных расположений и отвращаться от новых насеяний страстей. Вот смотри, как сей Отец божественный учит методу неведающих его питомцев своих, чтоб им могли они отвращать приращения страстей. Метод же этот не иной, как хранение ума: ибо его это дело (отражение прилогов), а не другаго чего.

Из жития святаго Саввы.

Когда святой Савва замечал, что отрекшийся от мира точно изучил правила монашескаго поведения, стал силен блюсти ум свой и бороться с помыслами сопротивных, и совсем изгнал из мысли памятование о мирских вещах и делах: тогда, если он имел тело немощное и болезненное, давал ему келлию в Лавре, а если был здоров и силен телом, разрешал ему самому строить особую келлию. Видишь, как святой Савва паче всего требовал от учеников своих хранения ума и в особой келлии жить им позволял не иначе, как после навыка в сем делании. — Что делать нам, праздно сидящим в келлиях и даже незнающим, что это за хранение ума?

Из жития аввы Агафона.

Брат спросил авву Агафона: скажи мне авва, что больше — телесный труд или хранение сердца? Авва ответил ему: человек подобен дереву: телесный труд — листья, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию, всякое древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо (Мф. 3, 10), то очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, т. е. о хранении ума. Впрочем для нас потребно и листовое прикрытие и благоукрашение, т. е. телесный труд. — Дивно, как сей святой порешил всех, не имеющих хранения ума и хвальныхся одною практикою добродетелей, сказав: всяко древо, не творящее плода, т. е. хранения ума, и листовое только имеющее, т. е. внешнюю исправную деятельность, посекается и во огонь вметается. Страшно твое, Отче, определение!

Из послания аввы Марка к Николаю.

«Если хочешь, чадо, стяжать внутрь себя собственный светильник мысленного света духовного ведения, чтоб возмог ты непреткновенно шествовать в глубокой ночи века сего и чтоб от Господа исправлялись стопы твоя (Пс. 36, 23), так как ты зело восхотел пути Евангельского (Пс. III, 1; 118, 30), т. е. того, чтобы с теплейшею верою и молитвою сделаться точным исполнителем заповедей Христовых; то показываю тебе дивный к тому метод или способ духовный, не нуждающийся в телесном труде, или подвиге, но требующий труда духовного — внимания ума и мысли, с содействием страха Божия и любви. Сим способом ты всегда удобно можешь обращать в бегство вражеския полчища» (В рус. пер. стр. 193 — 4). — «Итак, если хочешь одержать победу над страстями, то, молитвою и содействием Божиим внутрь себя быв, сойди в глубь сердца и там проследи следующих трех сильных исполинов, — разумею — забвение, разленение и неведение, сию опору мысленных иноплеменников, чрез коих прочия злыя страсти, возвращаясь, действуют, живут и крепнут в душах сластолюбивых. Но ты многим вниманием и настоянием ума с содействием свыше, нашедши этих многим неведомых злых исполинов, легко уже потом, опять вниманием же и молитвою, можешь избавиться от них. Тогда ревностию об истинном ведении, о памятовании слова Божия и о согласовании с тем благаго произволения и жизни, при стоянии вниманием в сердце силою действенной благодати тщательно хранимом, самый след забвения, неведения и разленения истребится и исчезнет» (Там же стр. 295 — 4).

Святаго Иоанна Лествичника.

«Безмолвник тот, кто существо безтелесное — душу свою усиливается удерживать в пределах телеснаго дома. Подвиг редкий и дивный!» (27, 6). «Безмолвник тот, кто говорит: аз сплю, а сердце мое бдит (Песн. пес. 5, 2). Затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед, а внутреннюю дверь души — для лукавых духов» (27, 17 — 18). «Сидя на высоте, наблюдай, если только знаешь это, и тогда увидишь, как и когда, откуда, сколь многие и какие тати хотят войти и украсть грозды винограда. Когда страж сей утрудится, то встает и молится; а потом опять садится и принимается за первое дело с новым мужеством» (27, 22. 23). «Иное дело хранение помыслов, а иное — блюдение ума; и елико отстоят востоцы от запад (Пс. 69, 2), столько последнее делание выше перваго, хотя и несравненно труднее его» (26, 78). — «Как тати, видя, что в каком либо месте лежат царския орудия, не как попало нападают: так и сочетавший молитву с сердцем не как попало окрадается мысленными татями».

Видишь ли глаголы, обнаруживающие дивное делание сего великаго Отца? Но мы, как во тьме ходящие, без внимания пропускаем сии душеспасительныя вещания духа, и как произвольно глухие не слышим их.

Аввы Исаии.

«Когда кто отдалит себя от шуяго, тогда познает верно и все грехи свои, какие наделал пред Богом: ибо не видит он грехов своих, если не отделится от них отделением горьким (с болезнованием сердца). Достигшие же в сию меру, — эти обрели плач и молитву, и то, чтоб стыдиться пред Богом, вспоминая о своем содружестве со страстями» (Сл. 17, 21). «Станем же, братие, подвизаться по силе нашей, и Бог посодествует нам, по множеству милости Своей. Если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, употребим усилие наше сохранить хоть тела, как требует Бог, безгрешными; и веруем, что Он во время глада, если такой постигнет нас, сотворит и с нами милость, как и со всеми святыми Его» (Сл. 21, 20).

Утешает здесь великий сей отец крайне немощных, говоря: если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, хоть тела наши соблюдаем безгрешными, как требует Бог, — и он сотворит с нами милость. — Велико благоутробие сего Отца и снисхождение!

Макария Великаго.

«Главнейшее дело подвижника в том состоит, чтоб, вошедши в сердце свое, сотворит там брань с сатаною и возненавидит его, и противоборствуя помыслам его, воевать с ним. Если же кто по видимости сохранит тело свое от растления и блуда, внутрь же любодействует пред Богом, блудничая в помыслах, то иметь тело действенным никакой нет пользы. Ибо написано: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28). Есть блуд, телом совершаемый, и есть блуд души, с сатаною общающейся».

По видимому великий Отец сей противоречит прежде приведенным словам аввы Исаии. Но на деле этого нет. Ибо и тот внушает нам хранить тела наши, как Бог требует; Бог же требует не телесной только чистоты, но и духовной, как предлагается сие в Евангельских заповедях.

Диадоха.

«Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении себя добродетелями, сии самая добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными» (Гл. 57).

Хорошо сказал святой, что безуспешными остаются козни врагов, когда т. е. мы во глубине негде сердец наших пребываем и это тем более, чем более там мы закосневаем.

Исаака Сирианина.

«Посторайся войти во внутреннюю сокровищницу свою, и узришь сокровищницу небесную. Ибо и то и это одно суть; и одним входом видишь ты их обеих. Лествица в царствие оное внутрь тебя сокрыта, т. е. в душе твоей. Омой себя от греха и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него».

Карпатскаго Иоанна.

«Много подвига и труда требуется в молитвах, чтоб достигнуть невозмутимаго состояния мысли, — другое некое сердечное небо, в коем обитает Христос, как говорит Апостол: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неiskusни есте (2 Кор. 13, 5)».

Симеона новаго Богослова.

«Дьявол с демонами после того, как чрез преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным и от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякаго человека и днем и ночью, иного много, иного немного, а иного множайше. И не иначе можно оградиться от сего, как памятью о Боге непрестанною, — если т. е. в ком память Божия, напечатлевшись в сердце силою креста, утвердить ум в непоколебимости. К сему ведут все труды мысленнаго подвига, коим подвизаться на поприще веры каждый христианин облекся долгом, и если не так у него идет дело, то всуе он проподвизается. Сего ради подвига предприемлются и все разнообразныя духовныя упражнения во всяком ищущем Бога путем произвольных лишений, чтоб преклонить благоутробие всеблагаго Бога, — даровать ему опять первое достоинство, и чтоб Христос напечатлелся в уме его, как говорит Апостол: чадца моя, ими же паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас (Гал. 4, 19)».

Поняли—ль вы, братие, что есть некий духовный способ, скоро возводящий к безстрастию и богозрению действующаго по нему? Убедились — ли, что вся деятельная жизнь считается Богом не более, как листием на дереве без плода и что всякая душа, не имеющая хранения ума, напрасно в ней потрудится? Позаботимся же о сем, чтоб, скончавшись бесплодными, не раскаяваться бесполезно всю вечность.

Самаго Никифора.

Вопрос (к Никифору). — Из приведенных свидетельств узнаем, какое было делание у благоугодивших Богу отцев, и что есть некое делание, скоро освобождающее душу от страстей и любовь с Богом связующее, которое потребно всякому воинствующему о Христе, как мы теперь не только не сомневаемся, но и крайне убеждены в том. — Но просим научить нас, что есть внимание ума, и как сподобиться обрести его. Ибо такое дело совершенно нам незнакомо.

Ответ (Никифора). Во имя Господа нашего Иисуса Христа рекшаго: без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5), Его самаго призвав в помощника и содейственника себе, по силе моей попытаюсь показать, что есть внимание и как, по благоизволению Божию, можно преуспеть в нем? Внимание некоторые из святых называли блюдение ума, иные — хранением сердца, иные — трезвением, иные — мысленным безмолвием, а иные — еще иначе как. Но все сии наименования одно и то же означают; как о хлебе говорят — округ, ломоть, кусок, так и о сем разумей. Что же есть внимание и какия его отличительныя черты — сейчас узнаешь.

Внимание есть признак искренняго покаяния. Внимание есть души воззвание к себе самой, мира возненавидение и к Богу восход. Внимание есть отложение греха и добродетели восприятие.

Внимание есть несомненное убеждение во отпущении грехов. Внимание есть начало созерцания, или лучше, его условие: ибо чрез него Бог приникши является уму. Внимание есть безмятежие ума, или лучше, стояние его (или установление от блуждений), по милости Божией ему даруемое. Внимание есть пресечение помыслов, памяти же Божией палата и сокровищница терпения всего находящаго.

Внимание потому есть веры, надежды и любви виновница: ибо кто не верует, тот не может переносить находящия со вне прискорбности; а кто не переносит охотно сих прискорбностей, тот не может рещи: заступник мой еси Ты и прибежище мое (Пс. 90, 2); кто не положит Вышняго прибежищем своим, тот не будет глубокоискренен в любви к Нему.

Это величайшее из великих делание делается достоянием многих или всех наипаче чрез научение.

Редкие ненаученно получают его от Бога, по своему нуждическому труду и по теплоте веры; но что редко бывает, то не закон. Посему нужно искать наставника незаблуднаго, чтоб, по его начертанию, научиться распознавать десныя и шуие недостатки и излишества по делу внимания, встречающияся по навождению лукаваго. Он из того, что сам пострадал, искушен быв, будет объяснять нам, что потребуется и верно показывать сей мысленный путь, который потому нам удобно будет совершать. Если нет на виду такого наставника, надо поискать его, не жалея трудов. Если же и при таком искании не найдется он, то в духе сокрушенном и со слезами призвав Бога и помолившись Ему прилежно со смирением, сделай, что скажу тебе [61])

Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышем, есть втягивание в себя и выпускание из себя воздуха.

Орган, служащий к сему, суть легкия, которыя облегают сердце и, проводя чрез себя воздух, обдают им и сердце. Таким образом дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом

понудь его сойти в сердце и там остаться. Приучи же его, брате, не скоро оттуда выходить: ибо в начале он очень скучает в этом внутреннем заключении и тесноте, когда же привыкнет, то не любит наоборот кружиться во вне, потому что ему там не невесело и не нерадостно. Как муж некий, бывший в отлучке от дома, когда возвратится, сам себя не помнит от радости, что опять увиделся с детьми и женою, обнимает их и не наговорится с ними: так и ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизреченной сладости и веселия. Тогда видится ему, как воистину царствие небесное внутри нас есть, которое теперь узревая в себе, и чистою молитвою ища да пребудет и укрепится в нем, он все внешнее считает не стоящим внимания и нисколько непривлекательным.

Когда таким образом войдешь ты в сердечное место, как я тебе показал, воздай благодарение Богу и, прославляя Его благость, держися сего делания всегда, и оно научит тебя тому, чего другим путем не узнаешь никогда. Подобаает же тебе при сем знать, что когда ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться молчащим и праздным, но непрестанно творить молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! и никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум не мечтательным, делает его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более вводит в любовь и вожделение Бога.

Если же, брате, и много трудясь, не можешь ты войти в область сердца, как я тебе сказал, сделай так, как я еще тебе скажу, и с Божией помощью найдешь искомое. Ведомо тебе, что словесство (говорение) всякаго человека находится в персях его. Ибо внутри персей, когда молчат уста наши, говорим мы и совещаемся с собою и молитвы творим, и псалмопение совершаем, и другое некое. Итак этому словесству, изгнав из него всякий помысл (ибо сможешь, если захочешь), дай сию молитовку: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — и понудь его вместо всякаго другаго помышления это одно всегда вопиять там внутри. Если будешь такое делание держать неопустительно со всем вниманием, то откроется тебе чрез сие по времени и сердечный вход, о коем я написал уже тебе, без всякаго сомнения, как это сами мы опытом познали.

Приидет же к тебе, при многовождеденном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочия, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Святой Григорий Палама Архиепископ Солунский

Краткое сведение о св. Григории, Архиепископе Солунском.

Святой Григорий родился в Цареграде от родителей благородных и знатных. Очень рано лишился он отца, и был воспитан матерью, равно как братья его и сестра. По окончании образования, изъявил он желание принять иноческое житие. С этим желанием совпало и желание матери его, братьев и сестры, и они всею семьею вступили в монашество. Св. Григорий мать и сестру пристроил в одну из женских обителей, а сам с братьями отправился на Афон, где братьев устроил жить в некоем монастыре, а сам отдал себя в послушание некоему дивному и святому старцу Никодиму, который добре научил его всем иноческим подвигам и деланиям не словом, а делом, не для знания, а для жизни; так что вскоре стал он юным старцем и сподобился явления Божией Матери, приившей его в свое заступление и предстательство.

По преставлении старца своего, св. Григорий вступил в Лавру Афонскую и в ней прожил несколько лет в страхе Божиим, в послушании ко всем и любви всех. Потом, оставя Лавру, вселился в пустыню,

где проходил крайне жестокое житие, горя любовью к Богу, Коему душою и телом предал себя на служение. Сего ради все наветы бесовские победил, божественных откровений сподоблялся, и дарование получил исцелять больных душою и телом, и творить знамения и чудеса. Прожив в пустыни лета довольна, приял он, по повелению Божию сан священства и, как Ангел Господень, совершал тайны Божии, приводя всех предстоящих в умиление и плач.

Все чтители его, как мужа святого, как Богоносца, пророка и бесов прогонителя. Но беды, напасти и искушения не миновали и его: и от бесов, и от людей, и особенно от еретиков. Он же все то в продолжении 23-х лет сладце претерпевал, все обращая во славу Божию. Своим зломудрием Варлаам Калабрийский в то время особенно возмущал церковь Божию, но встретил сильного противоборца в Св. Григории, который победоносно отражал его нападения на истину, и поразил его самого, как врага Божия, когда по сему случаю царем Андроником был собран собор, куда приглашен был и Св. Григорий, который, раскрыв еретические мудрования Варлаама и обличив их лживость в лице ему, был первою причиною его осуждения и изгнания. С ним вместе одинаковой участи подвергся и второй по нем в еретичестве — некто Акиндин.

Главари таким образом были поражены, но оставались в немалом количестве ученики их, которые не переставали смущать церковь и соблазнять православных. Надлежало противодействовать. Находя более всех пригодным для сего святого Григория, на том же соборе положили рукоположить его в Архиепископа Фессалоникского и возложить на него сие дело, которое он усердно и успешно исполнял при трех царях и трех Патриархах, обличая и вразумляя заблуждших и беседами, и писаниями, и на многих частных соборах.

Этого труда не оставлял он до конца жизни в продолжении 30 лет своего Архипастырства. Но он был не исключительный. Ревнуя сам о преуспевании в духовной жизни с детства, он неутомимо заботился и о руководстве других в сем первом христианском деле, возбуждая, утверждая, пути и распутия указывая и словом и писаниями, которых было немало. Аскетические его писания помещены в Греческом Добротолюбии, откуда мы переносим их в переводе и в наш сборник Аскетических писаний.

Святого отца нашего Григория Паламы, Архиепископа Фессалоникского, ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания.

- 1) По причине множества нападающих на меня, я положил было совсем воздержаться от писания о чем либо, если бы ты, досточтимая мать, непрестанно не просила меня о том и письмами и напоминаниями чрез других, пока не убедила опять взяться за сие дело, в утешение и назидание ищущих спасения. Для тебя самой не требуются никакия увещания, потому что, благодатию Христовою, ты со старческих возрастом стяжала и седину мудрости и священные заповеди Евангельския изучила долголетнею по ним деятельностью, деля жизнь свою между трудами послушания и безмолвием, коими, убелив дщицу души своей, ты сделала ее способною принять божественныя начертания и сохранить их. Но дело сие таково, что душа, совершенно плененная любовью к духовному учению, никогда не получает насыщения им. Почему премудрость и говорит о себе: ядущия мя еще взалчут (Сир. 24, 23). И Господь, вселяющий такое божественное желание в душу, говорит о Марии, избравшей сию благую часть, что она не отъимется от нея (Лк. 10, 42).
- 2) Тебе впрочем, может быть, такая писания нужны и для дочерей великаго Царя, живущих под твоим пестунством, и для невест, коих ревнуешь ты обучить с бессмертным Женихом, Коему

подражая и ты, как Он ради нас принял наш воистину зрак, приемлешь теперь сама лице новоначальных, требующих учения. Почему и я, не как довольный к научению других, и при том к такому научению, но послушания ради и заповеди давать просящему, с готовностью исполню долг любви о Христе, из того, что имею ныне.

3) Знай, досточтимая мать, или лучше да познают чрез тебя избравшая жить по Богу отроковицы, что и у души есть смерть, хотя она бессмертна по естеству. Так и возлюбленный Богослов говорит: есть грех к смерти... и есть грех не к смерти (Ин. 5, 16. 17), разумея здесь конечно смерть души и великий Павел говорит: сего мира печаль смерть содевает (2 Кор. 7, 10), конечно смерть души. И опять: востани спяй и воскресни от мертвых и освятит тя Христос (Еф. 5, 14). Из каких мертвых призывает он воскреснуть? Всеконечно из умерщвленных плотскими пожеланиями, кои воюют на душу (1 Петр. 2, 11). Почему и Господь мертвыми назвал живых по духу мира сего суетнаго, когда одному из учеников Своих, просившему пойти погребсти отца своего не дал на то позволения, но повелел за Собою следовать, оставя мертвым погребать своих мертвецов. Мертвыми назвал Господь тех еще живущих, конечно как умерших душею.

4) Ибо как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души. И это есть главным образом смерть, смерть души. На нее указывал Бог, и когда, давая заповедь в раю, сказал Адаму: в какой день вкусишь от запрещеннаго древа, смертию умрешь (Быт. 2, 17). Ибо тогда умерла душа его, чрез преступление отделившись от Бога; по телу же он продолжал жить с того часа и далее до девяти сот тридцати лет. Но смерть, прибывшая чрез преступление, не душу только сделала непотребною и человека подклятвенным, а и тело, соделав многоболезненным и многострастным, предала наконец смерти: ибо тогда же вслед за умертвием внутренняго человека чрез преступление, перстный Адам услышал: проклята земля в делех твоих... терния и волчцы возрастит тебе... в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от нея же взят еси: яко земля еси, и в землю отыдеши (Быт. 3, 17 — 19). Если в будущем оном пакибытии, с воскресением праведных воскреснут телеса и беззаконных и грешников, то лишь для того, чтоб быть преданными второй смерти, — муке оной вечной, червю неумирающему, скрежету зубов, тме кромешной, мрачной геенне огненной неугасимой, по слову Пророка, который говорит: сожгутся беззаконницы и грешницы вкупе, и не будет угашаяй (Ис. 1, 31). Ибо это есть вторая смерть, как научил нас св. Иоанн чрез откровение. Послушай и великаго Павла, который говорит: аще по плоти живете, имате умерети: аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете (Рим. 8, 13). О жизни и смерти говорит он тех, кои будут в будущем веке, жизнью называя наслаждение вечнаго царства, а смертию - вечную оную муку. Таким образом преступление заповеди Божией является причиною всякой смерти и для души и для тела, и той, которая бывает в сем веке, и той, которую составит нескончаемая она мука.

5) И вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с божественною благодатию и сочетается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Для добре мудрствующих она страшнее самой муки геенской. Ея и мы всеусильно избегать будем. Все бросим, все оставим, от всего отречемся и во взаимных отношениях, и в делах, и в желаниях, что отвлекает и отделяет нас от Бога и такую причиняет смерть. Кто будет бояться сей смерти и беречься от нея, тот не убоится приближения смерти телесной, имея обитающею в себе истинную жизнь, которая наипаче смертию приобретает неотъемлемость. Ибо как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть

настоящая жизнь. Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела — единение его с душою. Ибо как чрез преступление заповеди, отделившись от Бога, душа умертвилась, так чрез послушание заповеди, соединившись опять с Богом, она оживотворяется. Сего ради говорит в Евангелии Господь: глаголы, яже Аз глаголах, дух суть и живот суть (Ин. 6, 63). Испытав сие опытно, св. Петр сказал Ему: глаголы живота вечнаго имаши (там же — 69). Но они бывают глаголами живота для тех, кои слушаются их, для тех же, кои преслушают, заповедь жизни бывает в смерть. Так и Апостолы, будучи благоуханием Христовым, для одних были вонюю смертною в смерть, а для других вонюю животною в живот (2 Кор. 2, 15. 16).

6) Жизнь сия опять есть жизнь не души только, но и тела: ибо она обезсмертвляет и его чрез воскресение, не только от смертности избавляя, но и от никогда непрестающей смерти, будущей оной адской муки. Она и ему дает вечную во Христе жизнь, безтрудную, безболезненную и безпечальную во истину безсмертную. Но как за смертью души, т. е. за преступлением и грехом, смерть тела после последовала, а с нею и в землю отгытие и превращение в персть, за телесною же смертью опять смерть души вторая, осуждение ея во ад: так и за воскресением души, которое есть возвращение ея к Богу чрез исполнение Божественных заповедей, воскресение тела после последует, когда оно опять соединится с душою; за воскресением же сим последует истинное безсмертие и соучествование с Богом достойных того, соделавшихся духовными из плотских и ставшими, подобно Ангелам Божиим, жить на небе способными. Восхищени будем, говорит Апостол, на облацех в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем (1 Сол. 4, 17). Как Сын Божий, человеколюбия ради соделавшийся человеком, умер плотию, чрез отделение души Его от тела, без отделения однакоже от Него Божества, почему и, воскресив тело Свое, Он взял его на небо во славе: так и пожившие здесь по Богу, при отделении от тела не отделяющиеся от Бога, в воскресение возмут и тело к Богу, входя вместе с Ним в радости неизреченной туда, куда предтечу о нас вниде Иисус (Евр. 6, 20), чтоб вместе с Ним наслаждаться и имеющею во Христе открыться славою. Ибо они не одного воскресения, но и вознесения Господня и всей божественной жизни Его будут сопричастниками, но не и пожившие здесь плотски и во время исхода оказавшиеся ни какого общения не имеющими с Богом. Ибо хотя и все воскреснут, но каждый, как говорит Апостол, в своем чину: духом деяния плотская умертвивший здесь там будет жить со Христом божественною и воистину вечною жизнью; похотями же плотскими и страстями дух умертвивший здесь там, увы! имеет быть осужден вместе с художником и виновником всякаго зла, и предан нестерпимому и непрестающему мучению: что есть вторая, не имеющая преємства, смерть.

7) Где же начало имела истинная смерть, породительница и виновница временной и вечной смерти и для души и для тела? Не в области ли жизни? — Почему, увы! человек тотчас и изгнан был из рая Божия за пределы его, как смертоносную и божественному раю не соответствующую стяжавший жизнь. Таким же — образом и истинная жизнь, виновница истинной и вечной жизни и для души и для тела, должна получить начало в сей области смерти. И не ревнующий стяжать ее по душе здесь да не обольщает себя пустыми надеждами получить ее там, или как нибудь сподобиться человеколюбия Божия во время оно. Ибо тогда будет время праведнаго воздаяния, а не милования и щадения, время гнева и откровения праведнаго суда Божия (Рим. 2, 5), время показания руки крепкой и высокой, ввергающей на муку в ад непокоривых (Пс. 135, 12). Горе имеющему впасть в руке Бога живаго! (Евр. 10, 31). Горе имеющему там испытать гнев Господень, а не здесь от страха Божия

познавшему державу гнева Его (Пс. 89, 11), и делами не исходатайствовавшему себе человеколюбия Божия! — Это дело настоящего времени. Для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтоб дать место покаянию. Еслиб этого не было, то человек согрешивший тотчас лишался бы и жизни сей. Ибо какая была бы от ней польза, или какая в ней нужда? — Почему отчаянию совершенно никакого нет места в человеках; хотя лукавый многообразно покушается ввергать в него не только нерадиво живущих, но и добре подвизающихся. Поелику таким образом время жизни есть время покаяния, то то самое, что согрешивший еще жив, служит для него, если он пожелает обратиться к Богу, ручательством, что будет Им милостиво принят. Ибо в настоящей жизни самовластие всегда в силе; самовластие же, как предмет, подлежит путь выше указанной жизни и смерти, из коих он может избрать или отвергнуть, какой хочет, как дело достижимое. Где же тут найти место отчаянию, когда всегда и все имеют возможность, если захотят, стяжать жизнь вечную?

8) Не видишь-ли, коль велико человеколюбие Божие?! В начале не пользуется Он праведным судом против нашей непокоривости, но долго терпя, дает время для обращения. В сие время долготерпения дает Он нам власть сынами Ему соделаться (Ин. 1, 12), если хотим. Что я говорю — сынами Ему сделаться? соединиться с Ним и быть един дух с Ним (1 Кор. 6, 17). В это же время долготерпения, если мы и противным Ему пойдем путем и возлюбим смерть паче истинной жизни, Он не отъемлет данной нам власти, или свободы возвратиться к Нему, и не только не отъемлет такой власти, но Сам воззывает нас обратно и обходит ища, как бы обратить к делам жизни, по притче о делателях винограда, с утра до самого вечера жизни (Мф. 20, 1 — 16). Но кто зовет и нанимает? — Отец Господа нашего Иисуса Христа и Бог всякия утехи. Кто виноград, к деланию в коем призывает Он? — Сын Божий, сказавший: Аз есмь лоза (Иоан. 15, 1). Ибо ко Христу и придти никто не может, как Сам Он сказал в Евангелии, если Отец не привлечет его (Иоан. 6, 44). А рождия (ветви) кто? Мы; ибо послушай, что тотчас затем говорит Он: вы рождие, а Отец мой делатель есть (Иоан. 15, 1. 5). Отец чрез Сына примиряет нас Себе, не вменяя нам согрешений (2 Кор. 5, 19), и призывает не как прилежащих делам непотребным, а как ничего не делающих и праздно стоящих, хотя и праздность есть грех, так как и за праздное слово мы воздадим слово (Мф. 12, 36).

9) Бог, как я сказал, презирая прежде соделанные каждым грехи, паки и паки призывает нас. Что же делать — зовет Он? Работать в винограднике. А это значит трудиться над рождиями, т. е. над собою. Потом, — о сколь непостижимо велико человеколюбие Божие! — и награду нам обещает и дает, — за то, что потрудились над самими собою и для себя самих. Приидите, говорит, получите жизнь вечную, от Меня богато подаемую. И за труд шествия сего к жизни и самое желание получить ее от Меня, за все, как должник, уплачу наградою. Кто не исповесть благодати и не воздасть благодарения Избавителю от смерти и Подателю жизни? — А Он еще и награду обещает приложить и награду неизреченную. Аз, говорит, приидох, да живот имут, и лишше имут (Иоан. 10, 10). Что это лишше? Не пребывать только и жить силою Его, но и быть Ему братьями и сонаследниками. Сие лишшее есть награда, даемая тем, кои притекают к животворной лозе виноградной и бывают рождием на ней, кои над самими собою трудятся и себя самих воздвигают. Что деля? Отсекая от себя все, что есть не только ненужного и бесполезного, но и препятствующаго приносить плоды, достойные житницы Божией. Что же это такое? — богатство, утехи, слава суетная, все текучее и преходящее, всякая страсть душевная и телесная, срамная и зловредная, всякое слышание и видение и всякое слово, вред душе причинить могущее. Ибо кто всего этого не отсечет и сердца с наивеличайшим тщанием не

очистит от таких приростков, тот никогда не принесет плода для жизни вечной.

10) Можно и в супружестве живущим достигнуть такой чистоты, но весьма с большою трудностью. Почему все, от юности благоволение Божие улучившие, острейшим оком ума взирая на оную жизнь и благ тамошних сделавшись любителями, преподобно бегают брака, так как и в воскресение, как Господь, не женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии суть (Мф. 22, 30). Кто таким образом желает быть Ангелом Божиим, тот справедливо еще здесь, подобно сынам воскресения онаго, держит себя выше телеснаго смешения. Ктому же повод ко греху первоначально исходил от жены. Почему желающим — никогда никакого не давать супостату случая к соблазну — следует отказываться от брака. Если это тело само по себе трудно удержимо и трудно склонимо к добродетели, — и мы, как естественнаго срасленнаго с нами противоборца носим его вокруг себя, то сможем ли когда покорить его, и насколько увеличим затруднения в деле добродетели, связаны бывая многими и разными телами (жена, дети, прислуга)? И как свободу будет иметь, о которой ревновать приняла заповедь та, которая естественными связана узами с мужем, детьми и всеми единокровными? Как безпопечительно может присесть Господу та, которая взяла на себя заботу о стольких лицах? Как пребыть ей без смущений и тревог, когда она окружена такими толпами?

11) По сей причине истинная дева, желая уподобиться св. Деве и Сыну от Девы, жениху в девстве преподобно поживших душ, не только плотскаго супружества убегает, но и всякаго сожительства мирскаго, отказавшись от всех сродников: так что с дерзновением может говорить Христу с Петром: се мы оставихом вся и в след Тебе идохом (Мф. 19, 27). И что новолепнаго делает она, если подобно тому, как земная невеста оставляет отца и мать ради тленнаго жениха и к нему прилепляется, по Писанию, она то же самое делает для премирнаго чертога брачнаго и жениха, оставив их? И было ли бы уместно иметь родство на земле тем, коих жительство на небесех? (Фил. 3, 20). Как, будучи чадом не по плоти, а духа, будет она иметь плотскаго отца, или мать и сродников кровных? Как, отчуждившись от собственного тела и отчуждаясь, по возможности, как отложившая плотскую жизнь, будет она иметь соотношение какое-либо с телами чужими? Если теперь, как говорят, уподобление есть сдружество и лобызает все подобное, то и дева уподобится тем, с коими сдружится и впадет в болезнь миролюбия. Любовь же к миру есть вражда на Бога (Иак. 4, 4), как говорит и Павел, невестоводитель духовнаго чертога брачнаго (Рим. 8, 7). Таким образом она подвергается опасности не только разорвать брачный союз свой с премирным Женихом, но и стать во враждебное к Нему положение.

12) Не дивись и не кручинься, если вступившим в житейский брак, по Писанию, не служит в укоризну, если они пекутся о мирском, а не о Господнем (1 Кор. 7, 32 — 34); тем же, кои дали Богу обет девства, даже касаться чего либо мирскаго запрещено, и жить утешно совсем не позволяется. Впрочем и к брачным св. Павел так говорит: время прекращенно есть прочее, да и имущии жены, яко неимущии будут... и требующии мира сего, яко не требующе (1 Кор. 7, 29. 31). Что, как я полагаю, гораздо труднее подвига девства. Опыт также показывает, что пост удобнее воздержания в пищи и питии. Может быть, и вообще верно и праведно сказал бы кто, что кто не емлется за дело спасения, к тому не едино же у нас слово; кто же печется о своем спасении, тот да ведает, что жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брачной.

13) Но оставим это. Ты же держи мне в уме, дева, невеста Христова, рождие лозы жизни, что сказано выше. — Так говорит Господь: Аз есмь лоза, вы же рождие, а Отец Мой делатель есть. Всякую розгу

о Мне, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет (Ин. 15. 1. 2. 5). Такое о тебе попечение почитай указанием на плод девства твоего и на любовь к тебе Жениха твоего; и радуйся сему много, и попекись воздать Ему за сие полнейшею преданностию. Скажу и другое нечто: золото, что либо медное в смешение с собою приявшее, называется фальшивым; а медь, обложенная золотом, или позолоченная является более светлою и блестящею, чем сама есть: так, дева, тем, кои не суть девственницы, желать тебя и твоего, хвала есть; а для тебя желать их и ихняго, есть безчестие, потому что чрез это вожделение твое возвращает тебя в мир — то тем, что ты вступаешь в сношение с теми, кои в мире и живешь с ними после того, как умерла миру, — то тем, что желаешь услаждаться тем же, чем они и сродники их и что составляет довольство житейское, каковы — богатство, знатность, слава, утехы. Таким образом, наконец, случится, что ты отпадешь от воли Жениха своего. Ибо все такое явно окаявает Он в Евангелии, говоря: «Горе вам, богатые! Горе вам, смеющиеся! Горе вам, насыщенные! Горе, когда добре рекут вам вси человецы!» Как же Он окаявает их? Не яко ли умерших душею? Невесте же жизни какое сродство с мертвыми? Кое соприкосновение с теми, кои шествуют противоположным путем? Путь, коим они несутся, пространен и широк; и если не удержат себя, примешав к себе нечто от твоего, то совсем впадут в пагубу; а ты узкими вратами и тесным путем входишь в живот (Мф. 7, 13). Узкими же вратами и тесным путем никто не может проходить, надымаясь славою, разливаясь в удовольствиях и обременяя себя богатством и имуществами. Но слыша, что тот путь жизни широк, не думай, чтоб он был безпечален, ибо он полон многими и тяжкими прискорбностями; широким же и пространным называют его потому, что много идущих по нему, и каждый из них обложен большею массою преходящих вещей. Твой же, дево, путь очень тесен, так что и двух, вместе идущих, не вмещает.

14) Почему многия из таких, которыя прежде заняты были миром, после того, как потеряли мужей и остались одни, по ревности к премирному образу жизни твоей, отрекшись от мира, взялись твоим путем шествовать, чтоб и венцов таких же сподобиться? Таковых св. Павел заповедует почитать, как прилежащих молениям и молитвам, с упованием на Бога (1 Тимоф. 5, 3. 5). Если что и на этом пути встречается прискорбное, то и оно доставляет своего рода утешение, к получению царствия небеснаго способствует и виновно бывает спасения; того же пути и приятное и скорбное одинаково смертоносно. Ибо, говорится, сего мира печаль смерть соделоваает. а печаль, яже по Боге, покаяние нераскаянно во спасение соделоваает (2 Кор. 7, 10). Почему Господь ублажает то, что противоположно благам мира, говоря: блажени нищие духом, яко тех есть царствие небесное (Мф. 5, 3). Для чего это, сказавши: блажени нищие, прибавил Он еще: духом? Чтоб показать, что ублажения достойно собственно смирение души, и что хотя и телесная нищета блаженна и ведет в царствие небесное; но если ее сопровождает смирение душевное, если она с ним тесно соединена и от него получает начало. Таким образом ублажив нищих духом, Господь дивно показал, где корень и причина видимой нищеты святых, т. е. в духе их. Дух, прияв в недро свое благодать Евангельской проповеди, воздает от себя источник нищеты, напаяющий лице земли (Быт. 2, 6), т. е. внешнего нашего человека и соделовающий его раем добродетелей. Такая нищета достойна ублажения от Бога. Ибо иной может быть нестяжателен и нищ, и при том произвольно, но славы ради человеческой. Таковой не нищ духом, а лицемерит. Лицемерие же рождается от самомнения, которое противно нищете духом. Кто имеет дух сокрушенный и смиренный, тому не возможно не радоваться видимой нищете и смирению, ибо он считает себя недостойным славы, довольства, утешений и всего такого.

Почитающий себя недостойным всего этого и есть убажжаемый Богом нищий. И такой воистину есть нищий, не в половину заслуживающий сие имя И все такая суть из числа слышавших и последовавших за Господом Иисусом, Сыном Божиим, и Ему восподражавших, ибо Он сказал: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Почему их есть царствие Божие: ибо они суть сонаследники Христовы.

15) Душа тречастна и созерцается в трех силах: мыслительной, раздражительной и желательной. Всеми ими она больна; и Христос — врач ея — начинает врачевание Свое с последней, т. е. с желательной силы. Пищею гневу (делу раздражительной силы) служит пожелание (дело желательной силы); оне же обе при дурном направлении питают гордость ума (дело мыслительной силы). Почему никогда не увидишь здравою раздражительную силу души прежде уврачевания этих обеих.

16) Если изследуешь, найдешь, что первое злое порождение пожелания есть любостыжательность. Пожелания, содействующия людям в хранении и устройении жизни, непорочны; почему с юных ногтей являются срощенными с нами. Сребролюбие же немного после прирастает ко всем, уже существующим. Из чего видно, что оно не из естества, а от произволения имеет свое начало. И Святыи Павел справедливо назвал его корнем всех зол (1 Тим. 6, 10). Некоторые из зол обыкновенно им порождаемых суть следующие: скуповатость, торгашничество, хищничество, воровство и вообще всякий вид лихоимания, которое тот же Апостол назвал вторым идолослужением (Кол. 3, 5). Тем же, кои не порождает оно, почти всем доставляет пищу и поддержку. Все же сие, от вещьлюбия рождающееся, страсти суть души, не имеющей ревнования о доброделании. Вообще страсти, от произволения зависящия, удобнее врачуются, чем страсти, имеющия начало в естестве; но страсти, сребролюбием порождаемыя, трудно победимыи делает неверие в божественное Промышление. Неверующий в Промышление сие на богатстве опирается надеждою своею. Такой хотя слышит слова Господа, что удобие есть вельбуду вскозе иглины уши проити, неже богату в царствие Божие внити (Мф. 19, 24), но ни во что вменяя царствие, и притом царствие небесное и вечное, вождедевает земнаго и текучаго богатства, которое, и когда не имеется в руках вождедевающих его, самым тем, что вождедевается, величайший приносит вред. Ибо, хотящие богатиться впадают в искушения и сети диавольския, как говорит Павел (1 Тим. 6, 9). Оно, и когда присуще, — имеется в руках, дома, — показывает свою ничтожность тем, что, не смотря на свое присутствие, все еще жаждется неразумными, коих не умудряет даже опыт. Ибо эта несчастная страсть не от бедноты, а скорее беднота (чувство бедноты) от нея; сама же она от безумия, по которому весьма праведно от общаго Владыки всяческих Христа получает имя и оный, разоряющий житницы свои и большия созидающий (Лк. 12, 18). Ибо, как не безумен тот, кто ради вещей, никакой существенной пользы принести не могущих [яко не от избытка кому живот его есть (Лк. 12, 15)], — таких вещей ради предает наипольнейшее.

17) Монаху, имеющему сию страсть, послушливым быть невозможно. Если же он упорно будет удовлетворять ей, то великая предлежит ему опасность неизлечимо пострадать за то и телом. Гиезий и Иуда, из Ветхаго и Новаго Завета, — убедительные тому примеры. У того проказа процвела в указание на неизлечимость души, а этот на сел крови, сорвавшись с петли и ниц быв, проседеся посреде, и излился вся утроба его (Деян. 1, 18).

18) Отречение от всего предшествует послушанию; и без перваго последнему нет места. Оно есть

элементарное начало монашеской жизни; и тому, кто прежде не отрекся от всякого стяжания, как подъять другой какой либо подвиг тако жизни? Скажет кто: что за беда, если он неспособен к послушанию? — Но он безмолвствовать станет, один сам по себе живя и прилежа молитве. — Да слышит таковой, что сказал Господь: идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф. 6, 21). Как же мысленно прострется к Седящему одесную престола величества на высоких (Евр. 1, 3) тот, кто сокровища сокровиществует на земле? И как наследует царствие тот, кому даже ум чисто взять его не позволяет страсть любоимания? Потому и сказано: блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное (Мф. 5, 3).

Видишь, сколько страстей отсекает Господь этим одним блаженством? Но любоимание есть только первое порождение злаго похотения. У него есть и второе, котораго еще более надо избегать, и третье не менее злое.

19) Какое же второе? — Славолюбие. Ибо, преуспевая возрастом, прежде плотской любви, когда однакож мы бываем еще юношами, сретает нас страсть славолюбия, как некое злое предначатие ея. Я здесь разумею тот вид славолюбия, который состоит в охорашивании тела и в щеголянии нарядами, и который отцы называют мирским тщеславием. Другой же вид тщеславия имеет место в отличающихся добродетелию и влечет с собою сомнение и лицемерие, коими враг покушается окрасть и разсеять духовное наше богатство.

20) Все сии страсти совершенное находят врачевание в чувстве и возлюблении вышней почести, с почитанием при сем себя недостойным ея, и в перенесении человеческого уничижения, с почитанием себя достойным того, и кроме того еще в предпочтении славы Божией славе человеческой, по слову Пророка: не нам, Господи, не нам; но имени Твоему даждь славу (Пс. 113, 9), — когда же сознается сделанным что либо похвальное, в приписывании Богу соделания того, и Ему за то благодарном возсылании славы, а не себе ея усвоении. Таковой радоваться будет, что получил в дар добродетель и не станет превозноситься ею, как ничего своего не имеющий, а паче смиряться, мысленныя очи свои обращенными к Богу имея день и ночь, как очи рабыни, говоря псаломски, в руку госпожи своя (Пс. 122, 2), из опасения, как бы разъединяясь в добре с дающим и блюдушим его, не низринуться в пропасть зла. Ибо сие обычно страждут рабы сомнения и тщеславия.

21) Содействует к врачеванию таковых особенно удаление от сообщества с другими, жизнь наедине и сидение в келлии, с сознанием немощности своего произволения и почитанием себя не сильным жить в смешении с другими. Это же что другое есть, как не нищета духом, которую ублажил Господь?

22) Если кто также возьмет в ум посрамления, обыкновенно сопровождающия сию страсть, то станет избегать тщеславия, сколько есть сил. Ибо ищущий славы от людей, от самых ради ея дел обыкновенно встречает безславию. Заботящийся о красоте, много думающий о себе по знатности предков, по блеску одежд, и по другим таким вещам, обличает в себе детскую незрелость ума, ибо все такое - прах; праха же что ничтожнее? — Та же, которая не для покрытия и согревания тела употребляет одежду, а для показности и щеголяния изяществом и цветностию их, не только бесплодие души обнаруживает пред смотрящими на нее, но покрывается и безстыдством блудническим. Да слышит таковая и таковой, Того, Кто сказал: се, иже мягкая носящии, в домех царских суть (Мф. 11, 8). Наше же житие на небесех есть (Фил. 3, 20), говорит Св. Павел. Не допустим же себя, ради мягкости одежд, с неба низринутыми быть в кровы князя века сего.

23) Тоже страдают и те, кои славы ради человеческой добрыя дела делают. Ибо таковые, получив жребий — иметь житие на небесех, славу свою, увы! — вселяют в перст (Пс. 7, 6), навлекая на себя сию Давидскую клятву. И молитва их не восходит к небесам, и всякое рачение их низпадает долу, не будучи обложено крылами божественной любви, которая земныя дела наши делает горе — восходимыми: так что они труды подъемлют, а награды не стяжают. Но что я говорю об бесплодии трудов их. Они приносят плод, — но какой? посрамление, непостояние помыслов, пленение и смятение помышлений. Яко Бог разсыпал кости человекоугодников, говорит псалом: постыдешася, яко Бог уничижи их (Пс. 52, 6).

24) Страсть эта есть самая тонкая из всех страстей. Почему подвизающемуся должно не собеседования остерегаться, или не сосложения бегать, но самый прилог почитая уже сложением, беречь себя от него. Ибо и так действуя, едва успеет он упредить скорость падения. Но хотя и, , так внимая себе, будет он действовать, прилог причиняет сокрушение. Если же нет, то этим уготовляется место для гордости. Кто же сию примет, того трудно образумить, или лучше тот становится неисправимым. Ибо это диавольское падение. Но и прежде сего, страсть человекоугодия такой стяжавшим ее причиняет вред, что они даже и в отношении к вере терпят крушение, по слову Господа, рекшаго: како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите? (Иоан. 5, 44). — Что тебе в славе человеческой, о человек, или лучше в пустом имени славы, которое не только не имеет того, что именуется, но и лишает того? И не это только, но при других зловерностях, еще зависть порождает, — зависть равносильную убийству, — причину первого смертоубийства, а потом и богоубийства?

25) Полезна ли она в чем либо естеству? Поддерживает ли его и хранит, или прияв его повредившимся как либо, врачует ли? Никто, конечно, это не может сказать про нее. Напротив, кто захочет тщательно исследовать все о ней, тот найдет, что она большею частию бывает лукавою советницею в делах срамных. — Языческих учений проповедники внушают, что без нее ничего доброго не было бы в жизни. Но не так научены мы, носящие славное имя Того, Кто человеколюбно помазал Собою естество наше. Его имеем мы зрителем дел наших. На Него взирая, Им и для Него делаем мы все наилучшее, и все во славу Его направляем, совсем не имея в виду угождения людям, следуя святому Павлу, верховному таиннику Законоположника нашего, и нашему Законодателю, который говорит: аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был (Гал. 1, 10).

26) Третье похотение болящей похотением души есть чревоугодие, от которого всякая плотская нечистота. Почему же мы называем его третьим и последним, когда оно внедрено в естество наше от самого рождения, равно как и естественныя движения, относящиеся к деторождению. Почему же и мы на последнем месте полагаем плотское похотение? Потому что это есть нашего естества принадлежность. Что же естественно, то невинно, как благим Богом сотворенное, чтоб мы пользовались тем на добро. Естественныя сего ради движения не указывают на болезнь души. Больною обличается душа в тех, кои злоупотребляют ими. Когда мы плоти угодия творим в похоти (Рим. 13, 14), тогда это сластолюбие — грешная страсть, начало плотских страстей, и болезнь души, ибо оне хотя со вне входят, но усвоятся душою и делаются собственными ея. Почему Господь говорит, что из сердца исходят помышления злыя, которыя и сквернят его (Мф. 15, 19, 20). И прежде Евангелия, закон говорит: внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония (Втор. 15, 9). Помышления злыя из души, но в душу набираются они снизу чрез чувства и держатся в

воображении чувственных вещей, которое приводится в движение опять чувствами же, особенно глазами, которые издали могут привлекать служащее к осквернению; чему явное свидетельство представляет праматерь наша, Ева. Ибо она прежде увидела, что добро есть еже видети и красно еже разумети (Быт. 3, 6), и тогда уже сосложила с помышлением сердца, коснулась и вкусила от запрещенного древа. Потому мы добре сказали, что победе срамных страстей предшествует прельщение красотою вещей и лиц чрез очи. Отсюда отеческая заповедь не засматриваться на красоту чужих тел, и своею не услаждаться.

27) Поелику таким образом плотския страсти зачинаются и приходят в движение от помышлений страстных, то от них надо начать и врачевание их. Ибо как при пожаре, если желающий погасить его, станет как нибудь пресекать пламя сверху, нисколько не успеет в деле погашения; если же отторгнет вещество горючее, пожар тотчас умалится и стихнет: так и в отношении к блудным страстям, если не изсушить источника помыслов внутри молитвою и смирением, а только постом и умерщвлением тела вооружиться против них, то безуспешно будешь трудиться; если же источник освятишь смирением и молитвою, как мы сказали, то сообщишь освящение и внешнему телу. Это же, мне кажется, и Апостольское внушает слово, заповедающее препоясать чресла наша истиною (Еф. 6, 4), как и некоему из отцев полубомудрствовалося, что когда умозрительная сила укротить похотную, тогда стихают и страсти подчресленные и подчревныя.

28) Потребно и тела умерщвление, и соразмерное воздержание в пище и питии, чтоб оно не сделалось необузданным и не стало насиловать помысла. Плотския страсти ничем другим не врачуются, как умерщвлением тела, соспешествуемым молитвою и смирением сердечным: что и есть нищета духом, которую ублажил Господь. Если убо желает кто обогатиться освящением, без коего никто не узрит Господа (Евр. 12, 14), да пребывает в своей келлии, умерщвляя тело и молитве прилежат в смирении, ибо для того, кто добре пребывает в уединении, келлия служит пристанищем целомудрия. Внешнее же все, особенно бывающее на торжищах и праздничных гуляниях, исполнено блудного примешения, которое чрез слух и зрение проникает в душу приближающагося к ним монаха и погружает его в срамныя помышления и движения. Можешь и огнем пополающим назвать этот мир грешный, который веществом горючим делает для себя вращающихся в нем, и всякой в них вид добродетели превращает в пепел. Огонь не сожигающий нашелся некогда в пустыне (купина). Ты же вместо пустыни сиди в келлии, и укройся в ней мало елико елико, пока мимоидет зной страстности: ибо, когда она минет, пребывание на открытом воздухе не вредит. Тогда ты и духом нищею воистину будешь, господство над страстьми стяжешь, и блестяще ублажена будешь от Того, Кто сказал: блажени нищие духом, яко тех есть царствие небесное.

29) И не праведно ли ублажены будут те, кои отнюдь не уповают на богатство, а на Него единого, кои никому не желают угождать, кроме Его единого, и живут в смирении пред лицом Его? Вознищенствуем же и мы духом, смиряясь, плоть умерщвляя и не стяжательствуя, да и наше будет царствие Божие и благих сподобимся надежд.

30) Предпосылая Евангелию, как бы некое его сокращение (в изречениях о блаженствах), одним сим первым изречением (о нищете духом) сколько добродетелей обнял, и сколько худых расположений отсек и лишил блаженства? — Но есть в нем еще и другое нечто. Чтоже такое? Указание на разныя смирительныя искушения, кои радостно переносить необходимо желающему плод принести Возделывателю душ наших. Как растениям необходимо перезябнуть зимою, чтоб плод принести, так

искусительныя прискорбности необходимы для плодоносия духовнаго. Кто не перетерпит доблестно тяжелаго бремени встреченных искушений, тот не принесет плода, достойнаго небесных житниц и сокровищниц. — Всякий ревнитель совершенства достигает его чрез подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений, из коих одни совне находят, другие у себя дома устроятся. Но одни свои произвольные не так благотворны, как находящие совне не по нашей воле. И любовь к Богу наиболее испытывается прискорбною искушений непроизвольных. Произвольныя лишения, приготовляют душу к перенесению непроизвольных, ибо привыкши при первых ни во что ставить приятности житейския и славу, она легко уже переносит и последняя. Нищий же духом по самому духу сей нищеты не только не смущается находящими скорбями, но считает себя повинным еще большим, как нуждающийся в сильнейших врачевствах покаяния. Почему живет, деннонощно ожидая всякой скорби, и принимает всякое искушение, как подобающую ему принадлежность, и радуется, когда подпадает им, как вступивший в очистилище души своей, делая то предметом сокрушеннейшей и действеннейшей молитвы, как источник и охрану благонастроения душевнаго; вследствие чего не только не злопамятствует на ввергших его в искушение, но и благодарность им изъявляет, и молится о них, как о благодетелях. За это и сам он не только прощение получает содеянных грехов, но по обетованию Спасителя, но сподобляется и благословения Божескаго и царствия небеснаго, улажен будучи от Господа, ради долготерпения своего до конца в духе смирения.

31) После стяжавших неотъемлемое богатство нищетою в духе, Единый блаженный объявляет причастниками блаженства своего плачущих, говоря: блажени плачущии, яко тии утешатся (Мф. 5, 5). Почему же Христос Господь так тесно сочетал с нищетою плачь? Потому что он никогда не разлучен с нею. Но печаль при мирской нищете смерть души соделовает. говорит Апостол; а печаль при нищете по Богу покаяние нераскаянно во спасение души соделовает (2 Кор. 7, 10). При том за непроизвольною нищетою следует непроизвольный плач, и за произвольною произвольный. Поелику улажаемый здесь плач соединяется с нищетою по Богу, то подразумевается, что он раджи ея бывает и от ней, как от причины, во всем зависит, и только в связи с нею духовен и произволен. — Но посмотрим, как блаженная нищета порождает блаженный плач.

32) Четыре вида духовной нищеты показали мы немного выше, — в мудровании, в содержании тела, в житейском состоянии, в искушениях, со вне находящих. Но никто из вас, слыша, как они раздельно излагаются, не предполагай, что они и в действительности разделены бывают: ибо они обыкновенно все вместе проявляются; почему все заключены и в блаженстве одном, которое дивно вместе показывает и то, где их как бы корень и источник, именно в нашем духе. Ибо он, приемля в недро свое благодать Евангелия, как сказано, дает из себя источник нищеты, напояющий все лице земли нашей, т. е. нашего внешнего человека, и соделовает его раем добродетелей.

33) От каждаго из сих четырех видов нищеты рождается свой особый плач, с соответствующим тому и утешением. От нищеты в содержании тела со смирением, — которую составляет алчба, жажда, бдение и всякое вообще лишение и умерщвление плоти, и сверх того строгое хранение чувств, — рождается не только плач (жалость, скорбение), но и слезы. Ибо как нечувствие, огрубение и ожесточение сердца рождаются обыкновенно от упитания и всем довольствования тела, так от воздержания и скудной диеты — сокрушение сердца и умиление, коими уничтожается всякая горечь при телесных лишениях и доставляется тихая сладость жизни с ними. — Без сокрушения сердца

невозможно, говорят, избавиться от чувств греховных; сердце же приводит в сокрушение тройкое воздержание — в сне, в пище и в телесном покое. Душа, освободившись чрез телесное сокрушение от таких чувств и от горечи их, восприимлет вместо их духовную отраду. И это есть то утешение, ради коего Господь, духовную нам устроивший лестницу, говорит: «жажда и бдение сокрушают сердце; при сокрушенном же сердце исторгаются слезы. Испытавший сие, возмеется о сем, блаженным т. е. смехом (Лк. 6, 21), утешившись, как обетовал Господь (Леств. сл. 6, 13). Так от боголюбезной телесной нищеты рождается плач, блаженно утешающий стяжавших его. А от самоуничившагося мудрования и божественнаго в глубине души смирения — как?»

34) Со смирение души всегда сопребывает самоуничивление; а оно в начале в сильнейшее напряжение приводится страхом мук вечных, пред очи представляя страшнейшее оно в одном мучилище сопребывание со врагами, и к сему прибавляя еще страх и от помышления о том, что муки те неизреченны, что нет слов для выражения их; а нескончаемость их какого еще наддаёт ужаса! — Жар, холод, тма, огонь, узы, страшилища, червей неусыпающих грызение — воедино собираются в оном наказании. Но и этим всем еще не представляется весь тогдашний ужас, как он есть, судя по сказанному о противоположном состоянии: и на сердце человеку не взыдоша (1 Кор. 2, 9). И как бесполезен, как безотраден будет тот, конца не имеющий плач! Здесь в тех, кои в Бога согрешают, приходит в движение от сознания своих прегрешений плач, смягчаемый надеждою помилования. Там же в обличенных и осужденных, при отъятии всякой благой надежды и при отчаянии во спасение, невольное обличение и грызение совести плачем будет безмерно увеличивать надлежащую муку. И сей час плач, и всегда плач, и сие сознание непрестаемости его новый рождает плач! Также и тма на тму будет, и жжение на жжение без малейшей прохлады. И все объемлет безконечная бездна отчаяния.

35) Ныне же здесь плач драгоценен. Ибо внемлет ему Бог, даже до нас низшедший присещением своим, и плачущим давший обетование утешения, так как Сам есть и именуется Утешителем. Видел ты теперь плач, который от смирившейся души исходит и с собою утешение приносит? Впрочем самоуничивление и одно само по себе, как некое мысленное точило для умовой части души, тяжело гнетет и сокрушает, и спасительное выжимает вино, веселящее сердце человека, внутренняго нашего человека. Вино же сие есть сокрушенное умиление, которое плачем сокрушает страсти, и душу исполняет блаженной радости, избавив от сей лютой тяготы. Почему блажени плачущии, яко те утешатся.

36) От нестяжательности. или что тоже от имущественной бедности. когда она соединяется с нищетою духом: ибо только в таком случае она Богоугодна, — от такой нищеты как приходит плач и сущее в нем утешение, — послушай и внемли разумно. Когда человек, оставя все, отрекается от сребра и злата и от всякаго имущества, бросив то, или расточив по заповеди, тогда, отторгши душу от заботы о сем, дает он ей возможность обратиться к попечению о себе самой, освободившись от дел житейских, со вне развлекающих ее. Когда же ум отторгнется от всего чувственнаго и, возникнув от потопления заботою о сем, начнет всматриваться во внутренняго человека; тогда, увидев лице его до отвратительности загрязненным от блуждания долу, во первых спешит обмыть его плачем, потом, по снятии с него этого безобразнаго покрова, так как душа не развлекается более недостойными ея вещами, не смущенно входит во внутренняя ея сокровищницы, и там втайне молится Отцу, Который прежде всего дает ему мир помыслов, как готовое вместилище для благодатных дарований, и вместе

с ним совершенное смирение, родительницу и хранительницу всякой добродетели, — не то смирение, которое состоит в нетрудных для всякого желающего смиренных словах и позах, но то, которое свидетельствуется благим Божественным Духом и которое созидает дух, обновляемый в утробах наших (Пс. 50, 12). В сих же (мир и смирении), как в крепко огражденном рае мысленном, возрастают всякого рода древа истинной добродетели, посреде которых воздвигается царский священный чертог любви, а в предверии, как предначатие будущего века, цветет неотъемлемая неизреченная радость. Ибо нестяжательность есть мать безпопечения; безпопечение — внимания и молитвы; эти — плача и слез; а эти — изглаждают все предвзятое (прежние грехи); по изглаждении же сего удобно прочее совершается путь добродетели, потому что тогда устраняются всякия к тому препоны и совесть соделовается безукоризненною. От всего сего исходит радость и блаженный смех душевный (Лк. 6, 21). Тогда горькия слезы претворяются в сладость, словеса Божии сладки бывают гортани и паче меда устом (Пс. 118, 103), в молитве прошение изменяется в благодарение, поучение в свидениях Божественных бывает в радование сердца с упованием непостыдным, — испытывается то, что вещает псалом: вкусите и видите, яко благ Господь (Пс. 33, 9), — веселие праведных, радость обиженных, отрада униженных и утешение плачущих Его ради.

37) Но прострем и далее слово наше, веруя тому, что изрекали святые отцы наши и других к тому же убеждая, как говорит Апостол по писанному: веровах, темже возглаголах, — и мы веруем темже и глаголем (Пс. 115, 1; 2 Кор. 4, 13). Когда изгнана будет всякая, гнездящаяся в нас, страсть, и ум, как уже сказано выше, возвратясь к себе и к другим силам душевным, возделанием добродетелей благоукрасит душу, все простираясь к совершеннейшему, еще и еще деятельная полагая восхождения, паче и паче с Божией помощью себя омывая: тогда он не только худое отрывает, но вообще все привходящее гонит вон, хотя бы оно принадлежало и к доброй части, и востекши выше всего мысленного и всяких немечтательных о нем помышлений, и все то по любви и ради любви к Богу отложив; яко глух и нем (Пс. 37, 14), предстоит Богу. Тогда ничто внешнее не толчет в двери ума, потому что благодать держит внутреннее в наилучшем настроении и неизреченным, — что предивно, — светом осиявает его, совершенствуя сим внутренняго человека. Когда же таким образом день озарит и денница возсияет в сердцах наших (2 Петр. 1, 19), тогда, по пророческому слову, изыдет истинный человек на истинное делание свое (Пс. 103, 23), и, пользуясь светом тем, емлется пути, коим возводится на горы вечныя и премирных вещей во свете оном зрителем делается.

38) Почему божественный Нил говорит: «состояние ума настоящее есть мысленная высота, цвету небесному подобная, в которую во время молитвы присещает и свет Святыя Троицы». И опять: «если кто хочет видеть ум в настоящем его состоянии, пусть упразднит себя от всех помышлений, тогда увидит его подобным сафиру, или небесному цвету. Но этого сделать нельзя без безстрастия: ибо для сего потребна помощь Божия и божественнаго Его света изливание». И Диодок святой говорит также: «два блага подает нам святая благодать чрез крещение, из коих одно безмерно превышает другое: первое то, что она обновляет нас в воде, и осиявает то, что есть в нас по образу Божию, отъемля всякую нечистоту греховную в нас; другое же то, что она начинает действовать вместе с нами. Итак, когда ум начнет полным чувством вкушать благостыню Святаго Духа, тогда ведать должны мы, что благодать начинает как бы живописать в нас на том, что по образу, то, что по подобию: так что чувство то показывает, что мы образуемся в подобие; совершенство же подобия познаем из просвещения». — И опять: «духовной любви никто не может стяжать, если вполне

удостоверительно непросветиться от Святаго Духа: ибо если ум чрез божественное просвещение не примет в совершенстве того, что по подобию, то хотя все другия добродетели может он иметь, совершенной же любви все еще остается непричастным». Равным образом и св. Исаак говорит: «ум облагодатствованный, во время молитвы, видит свою чистоту подобною небесному цвету, который старцами Израиля назван был местом Божиим, когда узрен был ими на горе». И опять: «есть чистота ума, в коей, во время молитвы, возсияет свет Святыя Троицы. Но удостоиваемый света онаго ум и соединенному с ним телу сообщает многия знаки божественной красоты, стоя посреде божественной благодати и дебелой плоти, и сообщая ей силу на то, что ей самой не под силу. Отсюда боговидное и неподражаемое добродетельное настроение, на зло совсем неподвижное, или неудобоподвижное».

39) Вот до какой высоты возводит блаженный плач смиренных сердцем и нищих духом. Но скажем о нем и еще нечто. — Сопутствует он и всем видам произвольной, или мирской нищеты. Ибо как не печалиться тому, кто и деньгами скуден, и голодует невольно, и трудами обременен, и почетом заделен? — Тут плач безутешен, пока продолжается бедность, особенно, если терпящий сие не имеет истиннаго ведения. Ибо таковой не сласти и горести чувственные подчиняет разуму, а сам подчиняется им, и злоупотребляя изворотливостью ума увеличивает их паче надлежащаго не только без пользы, но и с большим для души вредом. Явному подвергает он себя обличению тем, что не крепко верует Евангелию Божию, предшествовавшим ему пророкам, и последовавшим ему ученикам Его, посланным благовествовать, чрез нищету достоящееся, не оскудевающее богатство, чрез безславия — неизреченную славу, чрез лишения — безскорбное утешение, чрез претерпение находящих искушений — избавление от вечнаго томления и скорбения, отложеннаго тем, кои возлюбили здешнюю распущенную жизнь, и не восхотели узкими вратами и тесным путем пройти в живот. Добре сказал Апостол Павел, что сего мира печаль смерть соделовает (2 Кор. 7, 10). Ибо если истинная жизнь души есть божественный свет, от плача по Богу приходящий, как выше сказано словами отцев, то смерть души будет лукавый мрак, от печали мира сего находящий на душу, тот мрак, о котором Василий великий говорит: «грех, в оскудении добра существование свое имеющий, неправдами мрак мысленный образует». И божественный Марк говорит: «злыми помыслами объемлемый как увидит сокрытый под ними существенный грех, который есть мрак и туман души, от злых помышлений, слов и дел находящий на нее? Не узревший же сего общаго греха когда возмолится о нем и очистится? А неочистившийся как найдет место чистаго естества? Его же ненашедший, как узрит внутреннейшее обиталище Христова?»

40) Итак надлежит постоянною молитвою взыскать сие обиталище, и не только стяжать, но и сохранить. Ибо есть такие, которые после того, как получили сие, потеряли. Голое о сем знание, или случайный опыт имеют, может быть, и нескорые на учение, и юные; постоянное же с терпением делание такое не все имеют и благоговейные из старцев, и многоопытные. С сим согласуется и Макарий, небесный по ведению, и весь сонм преподобных.

41) Но как мрак сей получает существование свое от всех прегрешений; так, если излудуешь и печаль мира сего, найдешь, что она порождается и держится всеми страстями. Она носит образ, и есть как бы начало, преддверие, или залог имеющаго приити будущаго нескончаемаго плача для тех, кои не восхотели избрать себе ублаженный Господом плач, — который не только здесь приносит утешение, служа вместе с тем залогом и вечнаго радования, но и добродетель крепко твердою делает, деля душу непреклонною на худшее. Ибо обнищавший, смирившийся и унижившийся по Богу,

если преуспевая на лучшее, не стяжет при том плача, бывает удобопревратен и охоч возвращаться мыслию к тому, что оставил, и вождевать того, от чего отстал, делая себя таким образом преступником. Если же пребывая постоянным в расположении к блаженной нищете и внемля ей, водворит он в себе плач, то бывает непреклонен к оставленному позади себя и не отбегает зле к тому, от чего прежде, добре делая, убежал. Печаль бо яже по Бозе, как говорит Апостол, покаяние нераскаянно во спасение соделоваает (2 Кор. 7, 10). Почему некто и из отцев говорил: «плач делает и хранит». — И не этот только плод от плача, что от него человек делается почти неподвижным на худое, и неудобовозвратным к прежним грехам, но и тот, что грехи сии становятся какбы не бывшими. Ибо так как человек из-за них в начале плачет, что Бог почитает их как бы невольными в нем; что же невольно, то не вменяется в вину. Как плачущий о бедности свидетельствует тем, что она у него произвольна, почему вместе с хотящими богатиться, или уже богатящимися, впадет в сети диавола, и, если, изменяясь, не поспешит убежать из сетей сих, предпошлет себя чрез то в муку вечную (2 Тим. 6, 9): так в Бога согрешающий, если, раскаявшись, в плаче о грехах проводит дни свои, то праведно грехи его вменяются ему в произвольные, и он, вместе с не согрешавшими подобно ему, будет без соблазна для них теши путем, вводящим в живот вечный.

42) Таков плод начала плача, которое бывает болезненно, так как с ним соединяется страх Божий. Но простираясь в предняя. он дивно сочетается с любовию Божиею и приносит сладчайший и священный плод утешения по благостыни Утешителя, который (плод) вкушает окачествовавшиеся плачем (у кого плач стал чертою характера) и который для неиспытанных его есть нечто неслыханное, яко неизреченное. Ибо если сладости меда никто не может внятно изъяснить словом не вкушавшим его, то кто изъяснит сладость радости и благодати, кои от Бога, не испытавшим ея? Конечно никто.

43) Начало плача есть как бы некое искание обручения Божия, которое кажется недостижимым. Почему при сем произносятся некоторые как бы предобручальные слова теми, кои, по сильному желанию сего, плачут, раздираясь сердцем пред женихом, и призывая его рыданиями. Конец же плача — брачное в чистоте совершенное сочетание. Почему Павел, назвав великим таинством сочетание супругов во едино тело, говорит: Аз же глаголю во Христа, и во церковь (Еф. 5, 31. 32). Ибо как те бывают едино тело, как Божии един дух бывают с Богом, как негде тот же Апостол сказал: прилепляйся Господеви един дух есть с Господом (1 Кор. 6, 17). — Где те, кои говорят, что благодать, обитающая во святых, есть нечто тварное? Да ведают они, что хулу изрекают на самага Духа, Коего причастными бывают святые.

44) Мы же предложим еще и другой, более выразительный пример в уяснение того, о чем у нас речь. Начало плача подобно возвращению блудного сына: ибо и он делателя своего исполняет стыдением, и те же заставляет говорить слова: отче, согреших на небо и пред Тобою, и несмы достоин нарецися сыне твой (Лк. 15, 21). Конец же его подобен сретению и объятию небеснаго Отца, коих, по богатству неизреченнаго благоутробия, сподобясь, сын исполняется радостью и дерзновением, лобзание приемлет и дает, входит в дом вместе с Отцем и с Ним трапезует, небесное при сем вкушая радование.

45) Приидите же и мы, в блаженной нищете духом, припадем и восплачемся пред Господом Богом нашим (Пс. 94, 6), чтоб и прежние грехи омыть, и неподвижными на зло самих себя соделать, и причастия Духа Утешителя сподобиться и Им пребыть утешаемыми, Ему славу возсылая с

безначальным Отцем и едиnorodным Сыном, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Святого отца нашего Григория Паламы,

Архиепископа Фессалоникского,

Деятелиословие по Христианскому Законоположению.

1) Господь Бог твой, Господь един есть (Втор. 6, 4), во Отце, и Сыне и Духе Святом познаваемый: во Отце не рожденном, в Сыне рожденном безначально, безвременно и безстрастно, яко Слове, Который, помазав Собою припятое Им от нас, наименовался Христом, и в Духе Святом, так же из Отца не рожденно, но исходно происходящем. Сей единый есть Бог и сей есть Бог истинный, в Троице ипостасей — Господь един, естеством, волею, славою, силою, действием и всеми свойствами Божества не разделяемый.

2) Его единаго возлюбиши, и Ему единому послужиши, всем помышлением твоим, всем сердцем твоим и всею крепостию своею; и да будут словеса Его и заповеди Его в сердце твоём, чтоб творить их, поучаться в них, и говорить о них, сидя в дому и идя путем, лежа и востая (Втор. 6, 5 — 7). Всегда помни Господа Бога твоего и бойся Его единаго, и никогда не забывай Его и заповедей Его; и тако Он даст тебе силу творить волю Его. Ибо Он ничего другаго не требует от тебя, точию еже бояться Его, и любить Его, и ходити во всех путех Его (Втор. 10, 12).

3) Он хвала твоя, и Он Бог твой. Не дивись без меры безстрастию и невидимости премирных Ангелов, ни крайнему лукавству низпадших оттуда сил, их хитрости и злокозненности на прельщение нас, и не дерзай думать, что в них есть что либо равночестное Богу. Не засматривайся на величие неба и многообразность его движения, ни на блеск солнца, ни на светлость луны, ни на других звезд сияние, на пригодность воздуха к дыханию и на многополезность моря и земли, и бойся что либо из сего сделать для себя богом. Ибо все сие работно Ему, как творение Его, словом Его из небытия к бытию воззванное. Яко Той рече, и быша: Той повеле и создашася (Пс. 32, 9).

4) Сего убо единаго слав, к Нему прилепись любовию, и Ему кайся день и ночь в вольных и невольных грехах своих. Ибо Он щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив (Пс. 85, 15), — вечный благодетель, обещающий и дающий царствие небесное непрестающее, жизнь безпечальную и безсмертную, и свет невечерний в наслаждение чтущим Его и любящим, поклоняющимся Ему и заповеди Его хранящим. Но Он же есть и Бог ревнитель, Судия праведный и страшный Отмститель, воздающий нечестующим в Него, не покоряющимся Ему и заповеди Его оставляющим, муку вечную, огонь неугасимый, страдание непрестающее, скорбь безутешную, тму кромешную, скрежет зубов, червь неусыпающий, — что уготовал первому отступнику лукавому, и с ним всем, прельщенным от него и последовавшим ему и оставившим Творца своего делами, словами и помышлениями.

5) Не сотвори себе всякаго подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах, чтоб служить тому и поклоняться яко Богу (Исх. 20, 4). Ибо все есть творение единаго Бога, Который в последние веки, из девственной утробы плоть прияв, на земли явися и человеки поживе, и за спасение людей пострадав, умерши и воскресши, на небеса с телом вознесся и сел одесную величества на высоких, с каковым телом опять приидет судити живых и мертвых. Сего, ради нас вочеловечившагося, икону сотвори, по любви к Нему, и чрез нее воспоминай о Нем, чрез нее поклоняйся Ему, чрез нее возводи ум свой к поклоняемому телу Спасителя, сидящему во славе одесную Отца на небесах. — Равным образом и святых иконы и твори, и поклоняйся им, не как

богам, что воспрещено, — но во свидетельство твоего с ними общения любви, к ним и чествования их, ум свой возводя к ним чрез иконы их; как и Моисей сотворил иконы Херувимов и поставил во Святом Святых, да и само Святое Святых было образом пренебесных вещей, а Святое носило образ всего мира, и Моисей назвал его Святым, не твари славя, но чрез них мир сотворшаго Бога. — И ты не почитай богами икон Господа Иисуса Христа и святых, но чрез них поклоняйся по образу Своему вначале нас создавшему, а после сей самый наш образ Свой благоволившему воспрять по неизреченному человеколюбию Своему, и в нем описуемым соделаться.

6) И не образу только Христа Господа поклоняйся, но и образу Креста Его, потому что он есть знамение победы Христовой над диаволом и над всем полчищем сопротивных сил, почему они трепещут и бегут, когда видят его изображаемым. Образ сей, и прежде появления первообраза, был высоко прославлен в пророках и явил великия и дивныя чудеса, и во второе пришествие распеншагося на нем Господа Иисуса Христа, имеющаго приити судить живых и мертвых, предъидет пред Ним, яко страшное и великое знамение Его силы и славы. Славь же Его ныне, чтоб тогда с дерзновением воззреть на Него и прославиться с ним. И иконам святых поклоняйся, яко сраспеншихся Христу, крест изображая на лице своем и на память приводя действительно проявившееся в них причастие страстям Христовым. Равным образом чти и гробницы святых и какие либо останки от костей их: ибо не отступила от них благодать Божия, как и от поклоняемаго тела Христова не отступало Божество, во время животворящей Его смерти. Делая же сие и славя прославивших Бога, как явившихся чрез дела совершенными в любви Божией ты вместе с ними прославлен будешь от Бога, и с Давидом воспоешь: мне же зело честни быша друзи твои, Боже (Пс. 138, 17).

7) Не возмешь имене Господа Бога твоего — всуе (Исх. 20, 7), — ложно божась или клянясь ради чего либо земного, или ради страха человеческого, или ради стыда, или ради собственной корысти. Клятвопреступление есть отречение от Бога. Потому не спеша божиться, но всячески избегай божбы, боясь как бы ради ея не впасть в клятвопреступление, от Бога отчуждающее, и к незаконным причисляющее. Но будь истинен во всех словах своих, и доставишь им чрез то твердость клятвы. Если же когда случится тебе без нужды связать себя клятвою, то, когда это будет в чем либо сообразном с божественным законом, делай то, поколику оно законно; а вину свою, что так неосмотрительно поступил, очисти милостынею, молитвою, плачем и тела озлоблением, умиловляя тем Христа, рекшаго: не клянись, или не божись. — Когда же то будет в чем либо незаконном, то смотри из-за божбы своей (неразумной) отнюдь не делай дела незаконнаго, чтоб не быть сопричастну к пророкоубийце Ироду. Но оставь эту незаконную клятву неисполненною, положи потом себе законом не божиться и не клясться без разбора, спеша умиловить Бога, приболезненнейше пользуясь вышеуказанными врачевствами.

8) Один день недели, — который называется Господним, потому что посвящается Господу, воскресшему в оный из мертвых, и тем общее всех воскресение предуказавшему и в нем предъуверившему, — этот день святи святи (Исх. 20, 10 — 11), и никакого житейскаго дела в оный не делай, кроме необходимых, и всем, кои под тобою и с тобою, давай покой, чтоб вместе славить стяжавшаго нас своею смертию и воскресением своим совоскресившему наше естество. Воспоминай будущий век и поучайся во всех заповедях и оправданиях Господних; и самого себя испытай, не приступил ли или не оставил ли чего, и исправь себя во всем. Посещай в день сей храм Божий, и будь на всех службах

церковных; причащайся Святаго тела и крови Христовой, и начало полагай исправнейшей жизни; обновляй себя и уготовляй к принятию будущих вечных благ, ради которых земным не пользуйся на зло даже и в прочие дни; в день же Господень, чтоб Богу присесть, совсем все то оставляй, кроме необходимейшаго, без чего жить нельзя. Имея таким образом Бога местом прибежища, ты не преступишь заповеди, огня страстей не возжешь, и бремени греха на себя не возьмешь; и тако освятишь день субботний, субботствуя не деланием зла. — Дню Господню уподобляй и великие узаконенные праздники, то же в них делая, и от того же воздерживаясь.

9) Чти отца твоего и мать твою (Исх. 20, 12), ибо чрез них Бог ввел тебя в жизнь, и после Бога ввел тебя в жизнь, и после Бога они суть виновники твоего существования. Почему и ты после Бога их почитай и люби, если любовь к ним содействует любви к Богу, если же не содействует, то отстранись от них. Коль же скоро они препятствием будут тебе, особенно в деле веры, истинной и спасительной, яко неправославные, то не только отстранись, но и отвратись от них, и не только их, но и всех других такого рода людей. Ибо Христос Господь сказал: аще кто не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, и не примет креста своего и в след Мене грядет, несть Мне достоин (Лк. 14, 26. 27; Мф. 10, 37. 38). Так должно относиться к тем по плоти, отцам, друзьям, братьям, кои препятствуют спасению; тех же, кои единовверны и не препятствуют спасению, и почитай и люби.

10) Если же по плоти отцев так, то сколь более должен ты почитать и любить отцев, родивших тебя по духу? которые из бытия претворили тебя в благобытие, сообщили тебе свет ведения, научили тебя явно истинствовать, возродили банею пакибытия, вложили в тебя надежду воскресения и бессмертия, не престающего царствия и наследия, и соделали из недостойнаго достойным вечных благ, из земнаго небесным, из временнаго вечным сыном и учеником не человека, а Богочеловека Иисуса Христа, давшего тебе дух сыноположения, как Сам Он сказал: и Отца не зовите себе на земли: един бо есть Отец ваш, Иже на небесех. Ниже нарицайтесь наставницы: един бо есть наставник ваш, Христос (Мф. 23, 9. 10). Всякую убо честь и любовь должен ты воздавать отцам своим духовным, поколику честь к ним возносится ко Христу Господу и к Духу Святому, в коем приял ты сыноположение (Рим. 8, 15) и к Отцу небесному, из Негоже всяко отчество на небесех и на земли именуется (Еф. 3, 15). Постарайся во всю жизнь иметь духовнаго отца и открывать ему всякий грех и всякий помысл и получать от него отпущение и врачевство: ибо им дано вязать и разрешать души, и все, что они свяжут на земли, будет связано на небеси, и все, что они разрешат на земли, будет разрешено и на неби (Мф. 18, 18). Сию благодать и власть получили они от Христа; почему повинуйся им и не противоречь им, чтоб не причинить погибели душе своей. Ибо если противоречащий плотским родителям в том, что не воспрещено законом Божиим, по закону предается смерти, то противоречащий духовным отцам не изгонит ли из себя Духа Божия и не погубит ли души своей? Почему советуйся с духовными отцами своими и слушайся их до конца, да спасется душа твоя, и наследует вечныя и нетленныя блага.

11) Не прелюбы сотвори (Исх. 20, 14), чтоб вместо того, чтоб быть членом Христовым, не стать членом блудничим (1 Кор. 6, 15) и, по отсечении от тела божественнаго, не быть ввержену в геену. Если дочь жреца, осквернившаяся блудом, по закону огнем сжигается, как посрамившая отца (Лев. 21, 9), сколь паче телу Христову такое осквернение причинивший повинен будет мучению вечнующему?

12) Но если вмещаешь, и девство храни, да возможешь весь быть Божиим и к Нему прилепиться совершенною любовью, Ему приседа всю жизнь, не развлеченно всегда печась об одном Господнем, будущую предвкушая жизнь и как Ангел Божий жительствуя на земле: ибо девство их принадлежность, и им уподобляется тот, кто прилепляется к девству; но еще более, чем им, уподобляется он Отцу, прежде всех век девственно рождшему Сына, и девственному Сыну из девственного Отца рожденно произшедшему в начале, в последняя же лета от Девы Марии, плотию нетленно рождшемуся, и Духу, из единого Отца, не рожденно, но исходно происходящему неизреченно. Сему единому Богу уподобляется и нетленным браком сочетается предъизбравший истинное девство, и девствуя душою и телом, всякое чувство, слово и помышление украшающий красотами девства.

13) Если же не считаешь ты девствовать, и не дал обета о сем Богу, то подобает тебе пояти о Господе одну законную жену, и с нею одною жить и как собственный тебе сосуд иметь во святине, от чужих всеми силами воздерживаясь. Тебе можно от них совершенно воздержаться, если будешь блюстись от неуместных с ними сообщений, не станешь услаждаться блудническими словами и слышаниями, и самое зрение свое, телесное и душевное, отвращать будешь от них, сколько возможно, и навикнешь не засматриваться с любопытством на красоту лиц. Ибо всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28), и по сей причине нечист есть пред Христом, смотрящим в сердце. От сего же ниспадает бедный сей и до срамных дел плотских не только до блудов, прелюбодейний и других естественных смешений, но и до всяких неестественных непотребств. Ты же, отсекая от себя горькие корни, не смертоносные будешь приносить плоды, но сотворишь плод чистоты и сущей в ней святости, ея же кроме никтоже узрит Господа (Рим. 6, 22; Евр. 12, 14).

14) Не убий (Исх. 20, 13), чтоб не лишиться сыновства тому, кто и мертвых животворит, и не стать делами своими сыном исконного человекоубийцы. Поелику же убийство происходит от ударов, удары от поношения и брани, эти от гнева, а гнев от причиняемого нам другими ущерба и вреда, или от удара, или от поношения: то от вземляющего ти ризу, и срачицу не возбрани, сказал Христос (Лк. 6, 29), ударившему не оплачивай ударом, и поносящему — поношением. Ибо таким образом и себя самого, и озлобляющего тебя избавишь ты от греха убийства. Ты получишь прощение, в чем погрешил пред Богом; ибо говорится: отпускайте, и отпустят вам (Лк. 6, 37), а злословивший о тебе, и зло тебе сделавший примет наказание — муку вечную; ибо кто речет брату своему: уроде, повинен есть геенне огненной (Мф. 5, 22), сказал Христос. Итак, если сможешь с корнем исторгнуть зло и в душу вселить блаженную кротость, воздай славу Христу, наставнику и содетелю добродетелей, без Коего, как научены, не можем мы сделать ничего хорошаго. Если же не можешь пребыть безгневным, укори себя, когда погневаешься, и покайся пред Богом и пред тем, кто услышал от тебя или пострадал что злое. Ибо кто в начатках греха раскаявается, тот не дойдет до конца его: и кто о малых грехах не болезнует, тот чрез них впадет и в великие (Сир. 19, 1).

15) Не укради (Исх. 20, 15), да не сокровенных Ведатель (Даниил. 13, 42) тебе, яко презрителю Его, воздаст многократным наказанием. — Лучше убо из того, что есть у тебя, тайно подай нуждающимся, да от видящаго в тайне Бога примешь стократно больше того, и в будущем веке жизнь вечную.

16) Не послушествуй на друга своего свидетельства ложна (Исх. 20, 16), да не уподобишься в начале

оклеветавшему Бога пред Евою, и да не будешь подобно ему проклят. Лучше же прикрой падение ближняго, если от этого не будет вреда для других, чтоб не Хаму уподобиться, а Симу и Иафету, и благословения сподобиться.

17) Не пожелай чего из принадлежащаго ближнему твоему, ни стяжаний его, ни денег, ни славы, ни всего, елика суть ближняго твоего (Исх. 20, 17). Ибо похоть в душе зачавшись раждает грех, грех же содеянный раждает смерть (Иак. 1, 15). Ты же, не желая чуждаго, воздержись и от хищения по лихоимству. Лучше же и от своего давай просящему, и оказывай милость, по силе своей, нуждающемуся в милости, и не отвращайся от хотящаго занять у тебя. Если найдешь что потерянное другим, сбереги то для владельца, хотя бы он был из враждебно к тебе расположенных. Ибо таким образом ты и его примиришь с собою и победишь благим злое, как повелевает тебе Христос.

18) Соблюдая все сие всеми силами и по таким правилам жительствова, ты вложишь в душу свою сокровище благочестия, и угодишь Богу и ублажен будешь от Бога и тех, кои суть по Богу, и наследником соделаешься вечных благ, коих сподобиться буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем, и всесвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно и вовеки веков. Аминь.

Его — же

о священно—безмолствующих.

Вопрос ему.

Некоторые говорят, что мы худо делаем, стараясь ум свой заключить внутрь тела; ибо, говорят, гораздо нужнее и полезнее всячески простирать его во вне тела. При этом сильно осуждают они некоторых из наших, пища против них за то, что они внушают новоначальным смотреть в себя и чрез дыхание внутрь вводить свой ум, говоря, что ум не разделен с душею. Если же он не разделен, а соединен с нею, то как опять вводить его внутрь? — Обвиняют они их еще за то, будто они учат божественную благодать вселять внутрь чрез ноздри. — Но я, зная, что это сушая клевета (ибо не слышал, чтоб кто либо из наших говорил так), заключил из сего, что и другие их нападки суть тоже злостная клевета; ибо им обычно выдумывать против людей то, чего нет, а что есть, то злостно извращать. — Однакоже и тебя прошу, отче мой, научить меня, как и почему с особенным тщанием стараемся мы вводить ум внутрь и не считаем худым заключать его в теле.

Ответ его.

Тем, кои в безмолвии внимают себе, небезполезно стараться держать ум свой внутрь тела.

1) Братие! Не слышишь, как говорит Апостол, что телеса наши храм живущаго в нас Святаго Духа суть (1 Кор. 6, 19), — и опять, что мы храм Божий есмы (1 Кор. 3, 16), как и Бог говорит: вселюся в них и похожу, и буду им Бог? (2 Кор. 6, 16). — Что же сподобилось быть жилищем Бога, в то вселит ум свой кто из имеющих ум сочтет чем либо неподобным? Как и Бог в начале вселил ум в тело? Ужели и Он худо сделал? — Такие слова, брате, прилично обратить к еретикам, кои говорят, что тело зло и есть творение злаго начала. Мы же быть уму в телесных мудрованиях почитаем злом, а в теле ему быть не почитаем злом: так как тело не зло. Почему каждый из прилепляющихся к Богу жизнью, вопиет к Нему с Давидом: возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя (Пс. 62, 2), и: сердце мое и плоть моя возрадовастся о Бозе живе (Пс. 83, 3), и с Исаиею: чрево мое, аки гусли возгласит, и внутренняя моя аки стену обновил еси (Ис. 16, 11), — и: страха ради Твоего во

чреве прияхом... Дух спасения Твоего...и не падемся (Ис. 26, 18). Если Апостол и называет тело смертью, когда говорит: кто мя избавит от тела смерти сея (Рим. 7, 24), то понимает при сем чувственное и плотское мудрование. Применяя сие последнее к духовному, он справедливо назвал его телом, и не просто телом, но смертью тела. Почему несколько выше показывая, что не плоть обвиняет, а прившедшее вследствие падения стремление греховное, он говорит: я продан под грех (Рим. 7, 14). Кто же продан, тот не по естеству раб. И опять: — вем, говорит, яко не живет во мне, сиречь, во плоти моей доброе (тамже — ст. 18). Видишь, что не плоть, а что живет в ней называет он злом. Итак, зло то, что не ум, а этот закон, сущий во удех наших и противувоюющий закону ума живет в теле (Тамже ст. 23). Почему мы, противувоюя сему закону греха изгоняем его из тела и поселяем там ум, как епископа (над всем надзирающаго и всем заправляющаго), и чрез него полагаем законы каждой силе души и каждому из членов тела подобающее ему. Чувствам предписываем, что и в какой мере должно им воспринимать; — каковое дело закона духовнаго именуется воздержанием; желательную часть души настраиваем наилучшим расположением, коему имя любовь; мысленную часть улучшаем, отгоняя все, что препятствует уму возноситься к Богу, — и сию частичку закона духовнаго называем трезвением.

2) Кто воздержанием очистит тело свое, а любовию соделает гнев и похотение поводом к добродетелям, молитвою же очищенный ум предстоять Богу научит, тот стяжет и узрит в себе обетованную чистым сердцем благодать; и тогда он может с Павлом говорит: Бог рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисусе Христове. Имамы же сокровище сие в скудельных сосудах, т. е. в телах (2 Кор. 4, 6, 7). Итак, если и мы будем держать ум свой внутри тела, ужели будем делать нечто недостойное величия ума? И кто скажет это, кроме разве того, кто совсем не духовен, и ум имеет обнаженный от божественной благодати, хотя впрочем человеческий?

3) Душа наша одарена многими силами и пользуется, как орудием, телом, ею оживляемым. — Каким же органом, как орудием, пользуется в своей деятельности та сила ея, которую мы называем умом? — Никто никогда не думал, чтоб ум обитал в ногтях или ресницах, в ноздрях или ланитах. Но все согласны, что он внутри нас есть, — расходятся только в том, каким внутренним органом, как орудием, пользуется он. Ибо одни водворяют его в мозгу, как в некоем акрополе (кремле); другие дают ему седалище в сердцевине сердца. С этим и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как не телесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверное это знаем, не от человеков сему научены быв, но от самого Создателя человека, который говорит в Евангелии: не входящее в уста сквернит человека, но исходящее изо уст, то сквернит человека. От сердца бо исходят помышления (Мф. 15, 11. 19). То же говорит и Макарий великий: «сердце правит всем органом, и, когда благодать займет все отделения сердца, господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные». Итак, сердце есть сокровенная хранилища ума и первый плотский орган мысленной силы.

4) Почему стараясь в тщательном трезвении надзирать над нашею мысленною силою, ею право править и ее исправлять, каким другим способом можем мы успеть в сем, как не собрав от вне рассеянный чувствами ум, и введши его внутрь, в это самое сердце, которое есть хранилище помыслов? Чего ради и блаженный Макарий, немного ниже после приведенных выше слов говорит: «там убо должно смотреть, написала ли благодать законы духа». Там, где? — В главном органе, где

престол благодати, и где ум и все помыслы душевные, т. е. в сердце.

5) Видишь, как необходимо для тех, кои положили внимать себе в безмолвии возвращать и заключать ум в теле, наипаче же в том, , которое есть внутреннейшее в теле тело, которое мы называем сердцем. Ибо если, по Псалмопевцу, вся слава дочери царицы внутрь (Пс. 44, 14), то зачем нам искать ее где либо вне? Если, по Апостолу, посла Бог Духа Сына Своего в сердца наша, вопиющая: Авва Отче (Гал. 4, 6), то как нам не в сердцах молиться с Духом сим? Если, по слову Господа, Пророков и Апостолов, царствие Божие внутрь нас есть (Лк. 17, 21), то не будет ли и вне царствия небеснаго тот, кто так усердно старается изгнать ум из внутрь себя во вне?.

6) Видишь, что, греху ли кто противостоят хочет. или добродетель пристязать и венца за подвиг добродетельный сподобиться, или обрести залог сего венца — чувство духовное, необходимо внутрь тела и внутрь себя возвратить ум? Поставлять же ум не вне телеснаго мудрования, а вне самого тела, чтоб там он улучал умныя созерцания, есть верх еллинскаго заблуждения, корень и источник их зломыслия, изобретение демонов, мать невежества, дочь безмыслия. Почему говорящие, по наущению бесов, выступают из себя, не понимая и того самого, что говорят. Мы же не только внутрь тела и сердца, но и внутрь себя самого вводим ум.

7) Не достойны ли потому осуждения те, которые говорят: ум не отделен от души, а соединен с нею, — как же опять вводить его внутрь? Не знают они, как кажется, что иное есть естество ума, а иное его деятельность. Или и знают, но, став произвольно на сторону обольстителей, на созвучии слов строят обманчивые софизмы. Ибо не приемля простоты духовнаго учения, они, как диалектически изострившиеся в противоречиях, по св. Василию великому, извращают силу истины противоположениями лжеименнаго разума, с софистическою убедительностию. Таковыми неизбежно и должны быть те, кои, не будучи духовны, дают себе однакож свободу разсуждать и учить о духовном. Не безызвестно, конечно, им, что не как глаз, который прочия видимыя вещи видит, а себя не видит, так и ум. Но он и прочия вещи, какия нужно, устремляется осматривать, — что, как говорит великий Дионисий, бывает по прямому движению ума, — а потом в себя возвращается, действуя обратным к себе движением, и себя самого зрит. Тот же отец называет это круговым движением.

8) Но то действие ума лучше и свойственнее ему, в котором он, выше себя иной раз бывая, с Богом соединяется. Ибо ум, говорит Василий великий, не рассеивающийся по внешним вещам (видишь, что выходит? а выходящий имеет нужду в возвращении; почему говорит), возвращается к себе, от себя же восходит к Богу незаблудным путем. Ибо сему движению ума, как говорит оный незаблудный зритель духовных вещей, св. Дионисий, невозможно впасть в какое либо заблуждение. Отец прелести, обмана и заблуждения, желающий всегда отводить человека от сего пути и вводить в тот, который совмещает и его прелести, никогда до ныне, сколько нам известно, не находил сопешника себе, который постарался бы благими словами привлекать к нему. Ныне же, как кажется, нашел он себе союзников, которые, как ты сам сказал, слагают уже и слова, склоняющия к тому и покушаются убедить всех, что во время молитвы гораздо лучше держать ум вне тела, даже тем, кои безмолвную избрали жизнь, не стыдясь ниже того, что Иоанн, устроивший нам лестницу возводящую на небо, определительно и решительно высказал, что «безмолвник тот, кто существо безтелесное — душу свою усиливается удерживать в пределах телеснаго дома» (Сл. 27, 6). Согласно с ним учили нас и все духовные отцы наши. Ибо если не заключим мы ума внутрь тела, то как сосредоточим в себе самом?

9) Видишь, брате, что не духовно только, но и вообще человечески разсуждая, необходимейшим делом надо признать, чтоб те, кои возжелали сами себе принадлежать и воистину по внутреннему человеку быть монахами, вводили ум внутрь тела и держали его там. Да и самых новоначальных не неуместно научать, чтоб внимали себе и навывали вводить ум свой внутрь чрез дыхание. Ибо того, кто не стал еще созерцательным, никто из добремудрствующих не будет отклонять от некоторых приемов к введению ума в себя самого. Так как у тех, кои недавно вступили в подвиг сей, ум, и будучи собираем внутрь, часто отскакивает во вне, и им должно также часто тотчас опять возвращать его внутрь, а он, у не навывших еще сему делу, ускользает, как крайне подвижный и трудно удерживаемый вниманием в созерцании единого. то некоторые советуют им воздерживаться от частого дыхания, и несколько сдерживать его, чтоб вместе с дыханием и ум удерживать в себе, пока, с Божиею помощью. чрез навывновение в сем, приучив ум не отходить на окружающее и не смешиваться с тем, сделать его сильным к сосредоточению на едином. Это впрочем (сдерживание дыхания), как всякий видеть может, следует и само собою за вниманием ума (или сопровождает его); потому что, при усиленном размышлении о чем либо, дух сей (дыхание) не спешно входит и выходит, особенно у безмолвствующих и телом и духом. Ибо сии, субботствуя духовно и почивая от всех дел своих, сколько это уместно, приостанавливают разнообразныя движения душевных сил, особенно в видах познания, всякия восприятия чувственныя и всякое вообще движение тела, в нашей власти состоящее.

10) Все же такое свойственно тем, кои преуспели в безмолвии; ибо когда душа совершенно войдет в саму себя, тогда это по необходимости приходит само собою, без труда и особенной заботы. Новоначальным же ничто из сего не дается без утомительнаго труда. Хотя терпение следует само собою за любовь: ибо любви вся покрывает (1 Кор. 13. 7); но мы научаемся с самопринуждением добре совершать дело терпения, чтоб чрез него достигнуть любви. — Так с ними бывает, и об этом что много говорить? Все, испытавшие дело сие, смеются над теми, кои, не испытав, противные сему пишут уставы. Ибо таким вещам учит не слово, а труд деловой, и от труда опыт, который приносит полезные плоды, отвращаясь от бесплодных слов людей спорливых и любящих показность.

11) Поелику, как некто из великих учителей говорит о сем, по преступлении (по падении) внутренний человек обыкновенно согласуется с внешним (с внешними положениями и движениями), то почему не принять, что тому, кто старается ум свой обратить в себя самого, очень много содействует в сем очей своих, вместо блуждания туда и сюда, возвращение внутрь и установление в груди своей? Как, при обращении очей во вне, чрез видение вещей ум рассеивается по сим вещам: так, при возвращении очей внутрь, это движение их естественно туда же внутрь сердца повлечет и ум того, кто усиливается дать ему обратное движение, собрав от-вне внутрь.

12) Внемли себе, говорит Моисей, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония (Втор. 3. 15, 9). Внемли себе, т. е. всему себе; не так, чтоб одному чему из своего внимать, а другому нет, но всему внимай. Чем внимать? Конечно умом, ибо ничем другим невозможно внимать самому себе всему. Его потому поставь хранителем души и тела, и чрез это легко избавишься от злых страстей телесных и душевных. Так себе самому предстой, себе самому настой, себя самого надзирайте, или лучше, блюди, осматривай и обсуждай. Ибо таким образом ты плоть необузданную подчинишь духу, и в сердце твоём никогда не будет тайнаго слова беззакония.

13) Аще дух владеющаго, — т. е. злых духов и страстей, — взыдет на тя, говорит Екклесиаст, места

твоего не остави (Еккл. 10, 4), — т. е. ни одной части души твоей, ни одного члена тела твоего не оставляй не надзираемыми. Ибо таким образом ты и снизу искушающих духов пребудешь победителем, и свыше испытующему сердца и утробы. предварительно сам испытай их, неиспытано предстоять будешь с дерзновением. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были, говорит св. Павел (1 Кор. 11, 31), и блаженное оное св. Давида испытай чувство (вездеприсутствия Божия: камо пойду...) и сам ты скажешь к Богу: яко тма не помрачится от Тебе, и ночь, яко день просветиться: яко Ты стяжал еси утробы моя (Пс. 138, 12. 13), — не только, говорит, души моей вожделетельную силу всю соделаю Твоею, но если в теле найдется какая искра такого вожделения, и она к Тебе возлетит, к Тебе привержется, к Тебе прилепится. Ибо как в преданных чувственным сластям вожделение души все предается плоти, чрез что они всецело бывают плоть, и Дух Божий не имать пребывати в них (Быт. 6, 3): так и в устремивших ум свой к Богу и душу привергших к вожделению божественнаго, и плоть, перенастроившись, возвышается вместе с ним и вкушает божественнаго общения, чрез что и она бывает стяжанием и домом Божиим, перестает уже иметь в себе живущею вражду на Бога и похотствовать на духа (Римл. 8, 7; Гал. 5, 17).

14) Какое более удобное место для духа, снизу на нас нападающаго, — плоть или ум? Не плоть ли, в коей, как и Апостол говорит, не живет ничто доброе (Римл. 7, 18), пока не восприимется человеком закон духа жизни? (Рим. 8, 2). Ее потому наиболее не должно оставлять без внимания. Иначе как она будет нашею? Как удержим ее за собою? Как отразим подступы к ней лукаваго, — особенно когда узнаем, как духовно противодействовать духам злобы, если и внешними приемами не научим себя внимать себе? И это говорю я не о новоначальных только, когда и из совершенных были такие, которые пользовались такими приемами во время молитвы, и были услышаны Богом, не только после Христа, но и прежде пришествия Его к нам. Ибо и самый совершенный в Боговидении Илия, преклонися на землю и положи лице свое между коленами своими (3 Цар. 18. 42), и, тако ум свой собрав в себя и к Богу привергнув, прекратил многолетнее оное бездождие.

15) Эти же, от которых, как говоришь, слышал ты противное сему, мне кажется, брате. болят фарисейскую болезнь. почему не хотят внутреннее стекляницы (Мф. 23, 26), т. е. сердце свое надзирать и очищать, и не согласуясь с отеческими преданиями, покушаются сами по себе председательствовать над всеми. как новые учителя, смиреннаго положения внешняго. какое имел во время молитвы мытарь, оправданный. не допуская и других убеждая не принимать его, когда молятся. Ибо, как говорит Господь в Евангелии: мытарь же издалеча стоя не хотяше ни очию возвести на небо (Лк. 18. 13); то ему подражать ревнуют во внешнем виде те которые внимают себе во время молитвы. Называющие же их амфалопсихами (такими, у коих душа в пупке), называют так, очевидно в насмешку над тем, в чем ложно их обвиняют. Ибо кто же из них самих говорит, что душа в пупке? Этим они показывают, что суть явные злостные клеветники, поносители достойных похвалы мужей, а не исправители заблудших, и пишут не истины ради, а из тщеславия, и не для того, чтоб приводить к трезвению, а чтоб отводить от него. Ибо самое сие дело и тех, кои ему прилежат, всяким образом они стараются унижить, за внешний прием, какой те при сем употребляют. Таковые и того, кто сказал: закон Твой посреде чрева моего (Пс. 39, 9), и того, кто рек к Богу: чрево мое аки гусли, возгласит, и внутренняя моя аки стену обновил еси (Пс. 16, 11), готовы назвать килиопсихами (коих душа в чреве), и вообще порицать всех тех, которые телесными положениями и движениями изображают мысленное, божественное и духовное. Но им они никакого не причиняют вреда, а

напротив будут для них виновниками ублажения и приумножения венцов на небесах; сами же останутся вне священных завес и даже на тень истины взглянуть не удостоятся. И бояться надо очень, что они вечному подвергнутся наказанию за то, что не только отступили от святых, но и нападали на них словом.

16) Жизнь Симеона, новаго богослова, конечно ты знаешь: диво был он для всех и прославился сверхъестественными чудесами; писания же его кто назовет писаниями жизни, не погрешит против истины. Знаешь также и Никифора, онаго преподобнаго, который много лет проживши в тишине и безмолвии, потом в пустынейших св. горы местах поселившись, принял на себя труд, — извлечь из словес св. отцев и нам предать их правило священнаго трезвения. Тут для произволяющих ясно излагается дело трезвения, против чего, как говоришь, некоторые возстают.

17) И зачем приводить мне древних отцев? Мужи, незадолго пред нами жившие, свидетельствованные и проявленные силою Духа Святаго, все сие устно предали нам: богослов сей, яко воистину богослов, верный зритель истины Божиих таинств; Феолит оный, досточтимый предстоятель церкви Филадельфийской, и из ней, как от светильника, весь мир освещавший; Афанасий, который немало лет украшал Патриаршеский престол, и котораго раку мощей почтил Бог; Нил, что из Италии, ревнитель великаго Нила; Селиот и Илия, ни в чем ему не уступающие; Гавриил и Афанасий, пророческаго дара сподобившиеся. Все они и многие другие, прежде них, с ними и после них жившие, хвалят сие предание, и желающих убеждают принимать его, не смотря на то, что новые учителя безмолвия, и следа безмолвия не выдавшие, и не от опыта, а от своего смысления учащие, или лучше болтающие о нем. прокушаются отвергать и уничижать, без всякой для слушающих пользы. А мы с некоторыми из тех святых лично беседовали, и учителями их имели. Как же посмеем мы этих, опытом и благодатию наученных, ни вочто поставить, уступить тем, от надмения в сплетении хитрых словес учить дерзающим?

18) И ты отвратись от них, разумно говоря себе с Давидом: благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя Святое Его (Пс. 102, 1); и отдавая себя в послушные ученики отцам, слушай, как они настоятельно внушают всегда вводить ум внутрь и там его держать.

Его — же

о молитве и чистоте сердца, три главы.

1) Поелику Бог есть сама благодать, само милосердие и бездна благоволения, то кто вступит в единение с Ним, всяко сподобляется милосердия Его. Соединяются же с Ним стяжанием богоподобных добродетелей, сколь сие возможно, и богообщительною молитвою и молением. Но общение чрез добродетели богоподобныя делает тщаливаго о сем ревнителя способным к приятию божественнаго единения, ожнокож не производит его; молитва же сильная священнодействуя совершает простертие человека к Богу и соединение с Ним, по существу своему будучи союзом разумных тварей с Создателем их, когда действие молитвы чрез теплое умиление и сокрушение превзывает страсти и страстные помыслы. Ибо уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом. Почему, пока он таков бывает, молясь, не улучшает он милости Божией. Но поколику отрывает он страстные помыслы, потолику бывает, причастен плача и сокрушения. Соответственно же сокрушению и умилению сподобляется он и милостиваго утешения, и долгое пребывая время в сих чувствах со смирением, переустроивает наконец вожделетельную силу души.

2) Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с

Богоначальнойю Тройческою единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению, и становится выше плоти, мира и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся извнутри духовное радование. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая единым в возвращении к себе самому и в восхождении чрез себя к Богу. Возвращение ума к себе есть хранение себя, а восхождение его к Богу производится молитвою. Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века, и духовным чувством познает, сколь благ Господь, как и Псалмопевец говорит: вкусите и видите, яко благ Господь (Пс. 33, 9). Поставим ум в состояние тройственности, чтоб он, один и тот же сущи, и хранил, и храним был, и молитву деял, может быть, не очень трудно, но долгое время пребывать в сем состоянии, порождающем неизреченное нечто, крайне трудно. Труд над всякою другою добродетелию мал и очень сносен сравнительно с этим. Почему многие, отказываясь от тесноты молитвенной добродетели, не улучают просторности дарований; а претерпевающие это сподобляются величайших божественных заступлений, которыя дают им силу удобно все поднимать и переносить, и с удовольствием простираться в предняя, делая для них трудное легким, и Ангельскую, так сказать, естеству нашему сообщая силу совершать, что выше естества, по слову Пророка: терпящии Господа изменять крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут (Ис. 40, 31).

3) Умом называется и деятельность ума, состоящая в мыслях и разумениях; ум есть и производящая сие сила, называемая в Писании еще и сердцем. По сей силе ума, главнейшей между нашими силами, сущая в нас душа есть мысляща. В упражняющихся в молитве действие ума состоит в помышлениях (в богомыслии), и очищается удобно; порождающая то душа не очистится, если вместе не очищаются и все другия силы ея. Ибо душа есть нечто единое, имеющее много сил, почему она вся оскверняется, в какую бы из сущих в ней сил не вкралось зло, потому что оне все состоят в общении с сею единою, по единству души. Поелику каждая из сил разныя проявляет действия, то возможно, что, по особенному вниманию и тщанию, какое либо из сих действий временно окажется чистым, но из сего нельзя заключить, чтоб и вся сила была чиста, потому что, состоя в общении с другими, она, может быть, более нечиста, чем чиста. Таким образом, по особенному вниманию и тщанию во время молитвы, чистым явивши действие ума и просветившийся мерно или светом разумения, или умным озарением (созерцанием), если посему почтет себя очистившимся, прельщает себя, впадши в ложь, и самомнением широко растворяет в себе дверь тому, кто всегда покушается прельщать нас. Если же он, зная нечистоту своего сердца, не вознесется мерною и как бы случайною, оною чистотою, то, при помощи ея, яснейше узревает и других сил душевных нечистоту, преуспеваает в смирении, прибавляет плача и сокрушения, и приискивает целесообразныя врачевства для каждой силы душевной, очищая деланиями деятельную свою часть, познаванием мысленную, молитвою созерцательную, и чрез них достигая истинной, совершенной и прочно установившейся чистоты сердца и ума, которая не стяжывает никем никогда, иначе, как совершенством в действовании, постоянным сокрушением, созерцанием и молитвою в созерцании.

ИНОКОВ КАЛЛИСТА И ИГНАТИЯ КСАНФОПУЛОВ

наставления безмолвствующим, в сотне глав

1) О нужде научать друг друга добру.

Нам, которые, яко чада Света и наследники Божи, сонаследники же Христовы, по обетованию же божественному должны быть научаемы самим Богом (Ин. 6, 45), носить неизреченно в сердце яснее пламени написанным Новый Завет, и управляться благим и правым Духом, надлежало бы жить Ангелоподражательно и никакой не иметь нужды, чтоб кто либо научал нас: познай Господа (Иерем. 31, 34). Но как ныне с одной стороны наше с детства отклонение от добраго и уклонение к худому, с другой оболщение и непримиримая вражда против нас лютаго велиара, научают нас, отвратившись от спасительных и боготворных заповедей, носиться по душепагубным стремнинам, и, что всего плачевнее, возбуждают нас против самих себя и мудрствовать и действовать, до того, что, по слову Божию, несть разумевай или взыскай Бога, и мы все, уклонившись от праваго пути, стали неключимы (Пс. 13, 2. 3), плотяны и безблагодатны: то крайнюю имеем нужду во взаимном друг друга направлении к добру и содействию в том.

2) Указывается, что настоящее наставление пишется по просьбе некоего брата и в исполнение заповеди отеческой; испрашивается помощь Божия себе к написанию, а читающим к уразумению и исполнению того.

Так как ты, движимый, по слову Господню, желанием испытывать божественныя животворныя Писания и посвященным соделаться в таинства их непогрешительно, часто просил и у нас неключимых слова и писаннаго правила, на пользу себе, а, может быть, и другим, как сам говоришь: то мы, если не прежде, то теперь должным сочли исполнить, с Божиею помощью, похвальное желание твое, забыв из любви к тебе и пользы ради твоей, о нашей совоспитаннице — лени, и тебе подражая в твоём рвении к добру и твоём неумолимом трудолюбии, чадо наше духовное и возлюбленнейшее, паче же всего утравившись Божия осуждения, которым угрожается всякому, скрывающему талант свой, а при этом и заповедь отеческую желая исполнить, которую заповедали нам отцы наши и учителя духовные, чтоб мы и другим боголюбивым вверяли то, чему от них научились. Бог же, Отец любви, и всех вообще благ всещедрый раздаятель, дававший слово и скотам несмысленным, да дарует нам, нескорым и немотствующим, благопотребное слово во отвержение уст наших, на пользу слышащих, тебе же и прилучающимся, по слову своему, да приложит ухо мудро и разумно слушать сие, и, как Ему любезно, неуклонно жителствовать по сему: ибо без Него, как написано, не можем мы делать ничего душеполезнаго и спасительнаго (Ин. 15, 5), и: аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждующии (Пс. 126, 1).

3) Программа подлежащаго наставления.

Поелику всяким делом заправляет цель, цель же — у нас та, чтоб по силе нашей высказать все, что может способствовать к твоему преуспеянию, а у тебя та, чтоб по тому, что будет сказано, в точности направит жизнь свою: то прежде всего другаго надобно уяснить, на что в полноте домостроительства Христова взирая, можем мы верно и основание зданию жизни положить, и здание ея совершить, и в свое время, или как поможет Бог, подобающий возложить на него кров, — все архитектонством Духа (перифраз: ибо темна речь).

4) Основное начало наставления.

Основное начало нашего с Божиею помощью наставления кратко совмещается в следующем положении: надобно всячески и всеусильно стараться жить по законоположению всех боготворных заповедей Спасителя; — чтоб чрез соблюдение их взойти опять к тому совершенному духовно — благодатному воображению и воссозданию, какое в начале туне даровано нам было, во святой

купели, или, — если угодно тебе так определить сей дар, — чтоб отложив ветхаго Адама с деяниями и похотями его, облещися в новаго и духовнаго, который есть Господь Иисус Христос, как говорит божественнейший Павел: чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас (Гал. 4, 19); и: елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь (Гал. 3, 27).

5) Слава благодати св. крещения, и — что омрачает ее, и что возстановляет.

Какая же это благодать, и как мы сподобляемся ея, — что омрачает ее и что возочищает, сие объяснит тебе, паче всякаго злата душою и словом блестящий, св. Златоуст, говоря: «славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся (2 Кор. 3, 18). Это было яснее для верующих времен Апостольских, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне не трудно уразуметь сие. Вместе с тем, как мы крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нея некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечнаго: так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Божией, и от себя отражает луч той же славы. Посему и говорит Апостол: взирающе славу Господню, в той же образ преобразуемся от славы в славу, т. е. от славы Духа в славу нашу, в нас вселяющуюся, и притом в такую славу, какой подобает быть от Господня Духа».

Спустя немного продолжает он: «Хочешь ли, я покажу тебе это яснее и чувствительнее на Апостолах? Помысли о Павле, коего и одежда имела чудное действие; вспомни о Петре, коего и тень обнаруживала чудодейственную силу. Еслиб они не носили в себе образа Царя небеснаго и не были неприступны блистания их, то одежды их и тени не обнаруживали бы такой силы: ибо одежда Царя страшна и для разбойников. Хочешь ли видеть, как и сквозь тела проникает внутренний свет их? — Возревше на Стефана, говорит книга Деяний, видеша лице его, яко лице Ангела (6,15). Но это еще ничего в сравнении с внутри его сиявшею славою. Ибо что Моисей тогда имел на лице своем, то они носили в душе своей. — И еще гораздо большее того: ибо бывшее у Моисея было более чувственно, а это духовно. И как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящимися, и сами отражающийся в них свет разливают на другия ближайшия к ним тела: так бывает и с верными. И поэтому—то испытывающие сие отрешаются от земнаго, и помышляют об одном небесном. — Но увы! прилично нам при сем горько возстенать; что такого сподобляясь благородства, мы не понимаем даже, что говорится о нем, потому что скоро теряем его и уклоняемся к чувственному. Сия неизреченная и страшная слава бывает в нас один или два дня, а потом мы погашаем ее, наводя бурю житейских дел и густотою облаков их отражая лучи ея» (беседа 7-я на 2 посл. к Коринф.).

В другом негде месте говорит он: «Тела угодивших Богу в такую облечутся славу, какой даже и видеть нельзя этими (настоящими) глазами. Некоторые сего знамения и не ясные следы благоволил Бог дать и в Ветхом и в Новом Завете. Там лице Моисеево такую осяялось славою, что было неприступно для очей Израильтян; а в Новом еще гораздо более просияло лице Христово».

Выслушал ты теперь глаголы Духа? Уразумел силу таинства? Познал, каковы болезни совершеннаго нашего от святой купели духовнаго возрождения? Каковы плоды его, полнота и победныя почести? И на сколько в нашей власти состоит умножить или умалить сию преестественную благодать, т. е. проявить или затмить? Затмевают ее — буря житейских забот и от них рождающийся мрак страстей,

кои, наподобие вихря или дикаго потока нападаая на нас и душу потопляя, не дают ей ни отдохнуть ни воззреть на то, что истинно добро и блаженно, для чего она и создана, но всю ее, избитую и измученную волнами и дымом сластей чувственных, омрачают и погружают в непотребства. Проявляет же ее противное сему, — то, что отражает от боготворных заповедей, и для тех, кои не по плоти ходят, но по духу: ибо, говорится, Духом ходите и похоти плотския не совершайте (Гал. 5, 16), душеполезно и спасительно, возводя их, как по лестнице, на самый верх совершенства, на самую последнюю из степеней его — в любовь, которая есть Бог.

6) Во святом крещении мы туне приемлем божественную благодать; когда же закрываем ее страстьми, то опять возочищаем исполнением заповедей.

В божественных ложеснах, т. е. в священной купели, всецело совершенную божественную благодать приемлем мы туне. Если после того как нибудь, по злоупотреблению вещами временными, и по многозаботливости о делах житейских, закроем ее мглою страстей, то можно и после сего чрез покаяние и исполнение заповедей богодейственных, опять воспринять и снова стяжать преестественную ея светлость и увидеть наияснейше проявление ея. Проявление ея открывается по мере ревности каждого быть верным вере, но паче всего помощью и благоволением Господа Иисуса Христа, как говорит св. Марк: «Христос, яко Бог совершенный, совершенную даровал крестившимся благодать Святаго Духа, которая никакого от нас не получает прибавления, а только открывается и проявляется в нас соответственно исполнению заповедей, и приложение веры подает нам, дондеже достигнем вси в соединение веры, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13). Почему если что приносим мы после того, как возродимся в Нем, то и это Им и из Него было уже сокрыто в нас».

7) Живущему по Богу надо все заповеди проходить, но большую часть деятельности уделять первейшим из них, яко породительницам прочих.

Итак, поелику, как мы сказали, начало и корень всего свойственного нам действия есть, чтобы жить по спасительным заповедям, предел же и плод (чаемый от сего) есть, чтобы опять востечи к дарованной нам в начале чрез крещение совершенной благодати Святаго Духа, которая хотя все еще в нас есть (ибо нераскаянны дарования Божия, как говорит Апостол — Рим. 11, 29), но загромождена страстьми, и открывается только чрез исполнение богодейственных заповедей: то надлежит нам всячески стараться, чрез всеусильное исполнение всех таких заповедей, возочистить сущую в нас благодать Духа, привести ее в явление и наияснейше увидеть. Светильник ногама моима, говорит блаженный Давид к Богу, закон Твой и свет стезям моим (Пс. 118, 5); и: заповедь Господня светла, просвещающая очи (Пс. 18, 9); и: ко всем заповедям Твоим направлюсь (Пс. 118, 128). Возлежавший на перси Господа говорит: соблюдая заповеди Его, в Нем пребывает, и Той в нем (1 Ин. 3, 24); и: заповеди Его тяжки не суть (1 Ин. 5, 3). И Сам Господь учит: имей заповеди Моя, и соблюдая их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам (Ин. 14, 21); и: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим (тамже ст. 23); и: не любяй Мя, словес Моих не соблюдает («- - «- ст. 24).

Наипаче заботиться должно о первейших из сих заповедей и источных, кои суть как бы матери прочих, и им наибольшую посвящать часть действия. Ибо сим образом, с Божию помощью, мы непреткновенно достигнем и цели предположенного в начале добраго действия, и конца стремления нашего, т. е. проявления в нас благодати Святаго Духа.

8) Начало всякаго Богу угоднаго действия есть с верою призывание имени Господа нашего Иисуса Христа, и с ним возсиявающие из него мир и любовь.

Начало всякаго Боголюбезнаго действия есть с верою призывание спасительнаго имени Господа нашего Иисуса Христа, — так как Он Сам заявил: без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5), и с сим призыванием мир и любовь: мир, ибо молиться подобает, как говорит Апостол, без гнева и размышления (1 Тим. 2, 8); любовь, ибо Бог любви есть, и пребывая в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем (1 Ин. 4, 16). Сии же — мир и любовь не только благоприятно делают молитву, но и сами опять из сей молитвы раждаются и возсиявают, как неразлучные божественные лучи, и возрастают и в совершенство приходят.

9) Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам обилие всех благ.

Каждым из сих трех, и всеми тремя вместе подается нам и множится в нас обилие всех благ. — Ибо с верою призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа твердо надеемся мы получить милость и жизнь истинную, в Нем сокровенную, кои, при частом возглашении внутрь сердца имени Господа нашего Иисуса Христа, источаются из него, как из некоего божественнаго источника приснотекущаго. — Превосходящим всякий ум и никакого предела не имеющим, миром сподобляемся примирения с Богом и друг с другом. — Любовию, коей хвала несравненна, — так как она есть конец и глава закона и пророков, так как и Бог именуется любовию, — всецело сочетаваемся с Богом, при упразднении греха нашего правдою Божию и при дивно чрез любовь действующем в нас благодатном сыноположении. Зане любовь покрывает множество грехов (1 Петр. 4, 8); любви вся покрывает, всему веру емлет, вся уповае, вся терпит, любви николиже отпадает (1 Кор. 13, 7).

10) И Господь наш Иисус Христос, в дни спасительной страсти, их оставил ученикам своим, как окончательныя заповеди и наследие божественное, также и по воскресении.

Почему и сам всеблагий и сладчайший Господь наш Иисус Христос, и когда приблизился к вольному за нас страданию Своему, и когда явился Апостолам по воскресении, и еще когда имел взыти ко Отцу своему по естеству нашему по благодати, яко истинный и чадолюбивый Отец, оставил их всем своим, как последняя некия заповеди и сладостныя утешения, как дорогие и верные, так сказать, залого, лучше же как Богом подаемое наследие. — Когда настало спасительное Его страдание, Он явился сие в следующих, сказанных ученикам, словах: аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю (Ин. 14, 14); и: аминь, аминь глаголю вам, яко елико аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите и приимите, да радость ваша исполнена будет (Ин. 16, 23. 24). — Опять по воскресении говорил Он им: знамения верующим сия последуют: именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы и проч. (Мр. 16, 17 и д). Согласно с сим возвещает и Наперсник, Иоанн Евангелист: многоже и ина знамения, сотвори Иисус пред ученики своими, яже не суть писана в книзе сей. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его (Ин. 20, 30. 31). И св. Павел Апостол: о имени Иисусовом всяко колени поклонится и проч. (Филип. 2, 10). И в Апостольских Деяниях написано: тогда Петр исполнився Духа Свята, речеразумно буди всем вам, и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскресил от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав. И немного спустя: и несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем даннаго в человецех о немже подобает спастися нам (Деян. 4, 8–12). И опять Спаситель:

дадесе Ми всяка власть на небеси и на земли (Мф. 28, 18). Это же явно и из того, что Богочеловек Господь сказал Апостолам прежде креста: мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин. 14, 27); и: сия глаголю, да во Мне мир имате (Ин. 16, 33); и: сия есть заповедь Моя, да любите друг друга (Ин. 15, 12); и: о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 25); и: якоже возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбих вас: будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви (Ин. 15, 9, 10). И опять по воскресении в разные времена часто видится Он дающим мир, являясь своим и говоря: мир вам (Ин. 20, 21). — Петру же Апостолу, которому вверил и первенство над учениками, до трех раз говорил Он: если любишь Меня, Петре, паче других, паси овцы Моя (Ин. 21, 17), показывая тем, что вверение попечения о пастве есть некое воздаяние за горячайшую любовь к самому Господу Иисусу Христу. — Не далеко будет от нашей цели или предмета нашего и то, если кто скажет, что от только что показанных трех добродетелей раждаются нам другие три дивные плода, именно: очищение души, просвещение и зрелость духовная.

11) В сих трех совмещены все добродетели.

Если кто захочет со всем вниманием до точности исследовать. то найдет, что на этой треплетной и нерасторжимой верви висит из всех добродетелей Богом сотканная порфира. Ибо жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспещренная сеть, в коей одна добродетель тесно сочетается с другою и все сгармонировываются во едино: так как все оне одно дело устроят, — именно то, что обожают человека, искренно в них живущаго. обогащая его некакo, как бы соединительными кольцами, — этим сладчайшаго имени Господа нашего Иисуса Христа, с верою, если же хочешь, и с надеждою и смирением, спасительным призыванием, а также обогащая миром и любовью, кои суть воистинну богонасажденное трехстебельное дерево, — жизнеподательное, котораго благовременно касающийся и, как подобает, причащающийся, не смерть, как первозданный, а жизнь непрестающую и вечную собирает.

12) Дар и присещение Святаго Духа подается верным от Бога Отца о Христе Иисусе и о святом имени Его.

Еще же и Святаго Духа дар и пресещение подается верным от Бога Отца, о Христе Иисусе и о святом имени Его, как сам пребожественный и душелюбивый Господь Иисус Христос говорит Апостолам: уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам (Ин. 6, 7); и: егда же приидет Утешитель, Егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит и проч... (Ин. 15, 26); и опять: Утешитель же Дух Святыи, Егоже послет Отец во имя Мое (Ин. 14, 26).

13) Святыми отцами и с живущим в них Духом Святым преподобно определено молиться нам Господу нашему Иисусу Христу и у Него просит милости.

Посему очень премудро славные руководители наши и наставники, и с живущим в них Духом Святым, и всех нас, паче же тех, кои возжелали вступить на поприще боготворнаго безмолвия, Богу себя посвятить и, отторгшись от мира, разумно безмолвствовать, научают преимущественно пред всяким другим деланием и попечением, Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всесвятаго и сладчайшаго имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце и в устах, и всячески понуждая себя, в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, — и все вообще, что ни делаем, так делать.

Ибо — как, при отсутствии Его, стекается к нам все зловерное, не оставляя места ничему душеполезному: так, при Его присутствии, все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и сам Господь наш возвещает: иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5). Сие убо страшное для всякой твари и досточтимое имя, паче всякаго имени, с верою призвав, и мы недостойные смело подыдем, с помощью Его, ветрила настоящего слова и начнем простираться в предняя.

14) Тому, кто возжелал непадательно шествовать о Господе путем безмолвия, паче всего надлежит со всецелым от всего отречением избрать и совершенное повиновение.

О имени великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшаго: Аз есмь свет, и живот, и истина, путь и дверь ко Отцу (Ин. 8, 12, 14, 6); и: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет, конечно, спасительную (Ин. 10, 9. 10, — внемли тому, что мы говорим и искренно тебе советуем. — Прежде всего, избери себе со всецелым, по божественному слову, отречением и совершенное повиновение непритворное. Для сего со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестнаго (непрелестность его да будет в представлении им в подтверждение того, что говорит, свидетельства из Божественнаго Писания), духоноснаго, сообразную с словами своими и жизнь ведущаго, высокаго в умозрении, смиреннаго в мудровании о себе, во все добронравнаго, и вообще такого, каким, по богопреданным словесам, надлежит быть Христову учителю.

Нашедши же такого, и к нему как к родному отцу сын отцелюбивый прилепившись телом и духом, пребывай с того времени весь в его повелениях, и с ним во всем согласуйся, смотря на него, как на самого Христа, а не как на человека. и всякое от себя отгоняя неверие, и сомнение, равно как и всякое свое мудрование и самоохотное хотение; шаг за шагом последуй за учителем своим, как зеркало какое, как свою совесть, имея это неразсуждающее полное ему послушание. Если же иной раз что либо противное сему подсеет в ум твой враждебный всему доброму диавол, как от блуда и как от огня, отскочи от того, так премудро говоря к себе против, влагающаго такая мысли, прельстителя: не руководимый руководящаго, а руководящий руководимаго руководит; не я его, начальствующаго, а он мой взял на себя суд (мою вину); не я его, а он моим состоит судьей, по св. Лествичнику, и подобное (Сл. 4–е).

Для того, кто восприял намерение расторгнуть рукописание своих прегрешений и сподобиться быть вписану в божественную книгу спасаемых, нет вернейшаго к тому способа, как такой образ жизни, т. е. послушание. Ибо, если, по блаженному Павлу, Сын Божий и Бог наш, Господь Иисус, ради нас став подобным нам, и премудро устрояя отческое о нас благоволение, видится протекающим сей путь (послушания), и чрез него сподобляется отчаго, за благоугождение Ему по человечеству, прославления; ибо смирил Себя, говорит, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя; темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени и проч... (Фил. 2, 8. 9): то ктоже осмелиться дерзко, чтоб не сказать, несмысленно, надеяться, что сподобится славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и отеческих воздаяний, не избрав шествовать тою же, с Вождем и Учителем нашим Иисусом Христом, стезею. Ибо ученику, если у него есть забота быть, как учитель, надлежит неуклонно со всем рвением душевным, как на пример и первообраз наилучший, смотреть на жизнь и дела руководителя своего, и понуждать себя во всем всегда подражать ему. Так

и о самом Господе нашем Иисусе Христе написано, что Он не повинуюся отцу и матери Своей (Лк. 2, 51); и сам о себе Спаситель говорит: не приидох, да послужат Мне, но послужити (Мф. 20, 28). — После сего, возможно ли о том, кто живет иначе, — т. е. без руководителя, самоугодливо и самовольно, — думать, что он живет божественною жизнью, согласно с Словом Божиим? Никак отнюдь. И Лествичник говорит: «как идущий без проводника легко сбивается с пути и заблуждается: так самочинно проходящий монашескую жизнь, легко погибает, хотя бы он знал всю мудрость мирскую». Почему многие очень, чтоб не сказать — все, — из тех, кои шествуют не путем послушания и без совета, хотя, по труду своему и поту мечтают, как во сне, будто сеют много, но по истине нажинают весьма немного; некоторые же вместо пшеницы, увы! пожинают плевелы, как устрояющие жизнь свою самочинно по самоугодливому мудрованию, — чего хуже ничего нет. О сем свидетельствует св. Лествичник, так пиша: «Вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другаго, которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену онаго получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестким. на котором одна только есть стезя. вводящая в заблуждение, — называемая самочинием. — Кто совершенно отвергся самочиния, тот всего, что почитает добрым, духовным и богоугодным, уже достиг, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей» (Сл. 4-е, п. 5). Посему и ты, разумно познав сие, и благой неотемлемой части небожественнаго безмолвия возжелав подвижнически обучиться, последуй добре установленным законам, как тебе показано, и во первых объятельно объими послушание, а потом и безмолвие. Ибо как деяние есть ступень к созерцанию, так послушание к безмолвию. Не покушайся же прелагать пределы, которые положили отцы, как написано (Прит. 22, 28); помни и то, что горе единому (Еккл. 4, 10). Положив таким образом доброе начало основанию, с продолжением времени, возложишь ты и славный покров на духосозидательное свое здание. Ибо как у кого начало не искусно, у того, как сказал некто, и все не терпимо: так напротив у кого начало искусно, у того и все благолепно и благочинно, хотя случается иной раз и противное сему: что впрочем от нашего произволения бывает.

15) Какие признаки истиннаго послушания, кои имея истинный послушник, мог бы послушничествовать без падений.

Но поелику о сем образе жизни многое нам и не удоб сказанное слово; почему и проходящие ее проходят различно: то надобно указать тебе некоторые отличительныя черты ея, как признаки, которых держась, как правила и отвеса, мог бы ты жить с непогрешительною исправностию. — И се говорим тебе, что истинному послушнику все необходимо, как нам кажется, должно соблюдать следующие пять добродетелей: во первых, веру, чистую и нелицную веру настоятелю (руководителю) своему в такой мере, чтоб смотрел на него, как на самого Христа, и как Христу повиновался ему, как говорит Господь Иисус: слушай вас, Мене слушает, и отменяя вас, Мене отменяется; отменяя же Мене, отменяется Пославшаго Мя (Лк. 10, 16); и как учит Апостол: всяко еже не от веры, грех есть (Рим. 14, 23). Во вторых, истину, т. е. чтоб истинствовал в деле и слове, и в точном исповедании помыслов; ибо написано: начало словес твоих истина (Пс. 118, 160, и: истины взыскует Господь (Пс. 30, 24). И Христос говорит: Аз есмь истина (Ин. 14, 6); почему и

самоистиною наименован был. В третьих, — не творить воли своей: ибо для послушника, как говорится, творить волю свою есть большая потеря и большой вред; ему надо всегда отсекал волю свою, и при том самоохотно, т. е. не по принуждению от Отца своего. В четвертых, отнюдь не прекословить и не спорить; потому что прекословие и спор не свойственны благочестивым. И священнейший Павел пишет: аще ли кто мнится спорлив быти, мы такового обычая не имамы ниже Церкви Божия (1 Кор.11, 16). Если же так просто и вообще всем христианам возбраняется сие, то тем паче монахам, которые дают обет полного во всем повиновения. Прекословие и спорливость происходят от самомнения, сожительницы неверия и высокоумия; как напротив, непрекословие и неспорливость происходят от верного и смиренномудраго настроения. — В пятых, должно ему соблюдать следующую добродетель — точно и искренно все исповедывать настоятелю своему (руководителю); как мы и на пострижении. как бы страшному предстоя престолу Христову, пред Богом и Святыми Ангелами Его, дали обет иметь началом и концем (наших рачений и деланий) вместе с другими нашими к Господу обетами и заветами — и исповедание тайных сердца (помышлений и желаний). Сказано и божественным Давидом: исповем на мя беззаконие мое Господеви: и ты оставил еси нечестие сердца моего (Пс. 31, 5); и Лествичником: «язвы, когда о них объявишь, не в худшее — придут состояние, а уврачеваны будут» (Сл. 4, 10).

Кто сие пятеричное число указанных пред сим добродетелей станет мудро и разумно соблюдать, тот да ведает несомненно, что отселе еще он делается, как в залоге, причастником блаженства праведных. — Таковы принадлежности приснопамятнаго послушания, как бы корень его и основание. Теперь послушай, каковы ветви его, каков плод и кров.

«От послушания, говорит опять Лествичник, раждается смирение; от смирения — дар разсуждения; от разсуждения — прозорливость, а от сей — предзрение» (Сл. 4, 105), что есть дело единого Бога, и дар изряднейший и преестественнейший, даруемый от Него блаженно обожаемым. К сказанному, да будет тебе ведомо и то, — что по мере верности и искренности твоего послушания будет источаться в тебе и смирение; и опять по мере смирения — разсуждение; тоже далее и о последующих добродетелях сказать должно. Почему, сколько сил есть, подвизайся теши непреткновенно путем послушания; и непогрешительно простреться на предняя. Если же на стадии послушания как нибудь хромать будешь, то знай, что не совершишь хорошо и прочаго протяжения подлежащаго тебе бега, т. е. жизни во Христе, и не будешь увенчан венцем, какой дается победителям. Почему послушание и, указанные нами выше, его принадлежности, да будут тебе неким путеводителем, как бы компасом, каким пользуются мореплаватели для определения должнаго пути, дабы взирая на них неуклонно, мог ты безбедно преплыть великое море добродетелей, и тако достигнуть неволнуемаго пристанища безстрастия. Если и буря какая и волнение найдет на тебя; то и это будет у тебя по мере твоего послушания. Истинному послушнику и сам диавол вреда причинить не может, по словам св. отцев. — Но чтобы вкратце показать тебе, какова честная высота преславнаго послушания, вспомняем и еще одно изречение св. отцев.

Говорит опять сей светлейший светильник жительствова по Христе, сей новый Веселеил небесной лестницы: «Отцы псалмопение называют оружием; молитву — стеною; непорочныя слезы — банею; а блаженное послушание назвали исповедничеством, без котораго никто из страстных не узрит Господа» (Сл. 4, 8). Достаточно и этого, как нам кажется, к действительнейшему показанию и похвалению треблаженнаго послушания чрез сей неподражаемый образец. Но мы и на опыте можем

увидеть, сколь великое дело есть послушание, если обратим взор на прежде бывшее и рассмотрим, что было причиною нашего повреждения и смертности, когда мы не таковыми в начале были созданы, и какая опять причина нашего обновления и бессмертия. — Находим, что причиною первого, т. е. нашего повреждения, было Адамово самоверие, самочиние и непослушание, от коих оставление и преступление божественной заповеди, а второго, т. е. обновления и нетления, производительное начало есть второго Адама, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа единосветие с Богом Отцем и послушание Ему, от коих соблюдение заповеди Его. Аз от Себе не глаголах, говорит Спаситель, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю: и вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, яко же рече Мне Отец, тако глаголю (Ин. 12, 49. 50).

Итак, как в праотце и в сущих по образу его корень и мать всех зол есть надмение: так в новом Богочеловеке, Иисусе Христе, и в решающихся жить по образу Его, начало, источник и основание всех благ есть смирение. Таковой строй и чин, как видим, соблюдают и пренебесный, высший нас, священный мир всех боговидных Ангелов и наша земная Церковь. И мы научаемся из сего веровать, что те, которые уклоняются от сего основнаго закона, и избирают жить по дерзкому самочинию, отторгаются от Бога, от пресветлаго наследия небеснаго и от вселенской Церкви; за что отовсюду изгоняются и во тму кромешную и в адский огонь отсылаются. Это же, полагаем, постраждут и сущие на стороне падшей денницы лукавые злотворцы, и являвшиеся по временам болтуны из зломудрствующих еретиков, как представляют богописанныя словеса; ибо они за самоволие и гордыню бедственно отвержены от божественной славы и священнаго собора благоугождающих Богу.

Но неким из премудрых сказано, что противное противоположному врачество. Почему, так как причина всего для нас прискорбнаго в непокоривости и гордости, а всего радостнаго в благопокорности и сокрушении: то возжелавшему жить без погрешений надобно побыть на послушании у отца, опытнаго и непрелестнаго, долговременными подвигами стяжавшаго ведение вещей божественных, и в жизни украшеннаго всеми добродетелями, всякое его повеление и всякий совет почитая гласом и советом самого Бога. Ибо спасение, говорит Премудрый, во мнозе совете (Прит. 11. 14); — и: муж безсоветный сам себе враг. Если же неким из досточтимых отцев случалось и без такого подвига послушания улучшить боготворное безмолвие и по Богу совершенство; то это бывает по особенному Божию откровению, и притом очень редко. А что редко, как негде написано, то не закон Церкви, как и одна ласточка не делает весны, но ты, веруя, что истинное послушание есть как бы некое предуготовительное обучение к добрейшему безмолвию, оставь то, что по особенному домостроительству бывало редко, и сообразуйся с тем, что обще для всех постановлено всечестными отцами. Так сподобишься и воздаяния, определеннаго для законно живущих.

Итак чтоже? Если на случайную дорогу, не изведенную делом, едва ли кто решится вступить без вернаго проводника; если в море никто не пустится без искуснаго кормчаго; если за какую либо науку или искусство никто не возьмется без знающаго дело учителя, — то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в безпредельное мысленное море, т. е. в иноческую жизнь, подобную жизни Ангелов, с самоуверенностию достигнуть конца, без руководителя, без кормчаго и учителя, опытнаго и истиннаго? По истине таковой, кто бы это ни был, прельщает себя, и прежде вступления на путь,

уже заблудился, как незаконно подвизающийся: как напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти, или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них научимся отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худыя страсти и всегда стоят некакo при дверях их? Как без них умудримся обуздывать чувства телесныя, и, как струны на гусях, согласно настраивать силы душевныя? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения божественныя, и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом, и научиться богодейственным священнодействиям и таинствам, без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? Никак не возможно это, никак, когда видим, что и сосуд избранный, блаженнейший Павел, сии уста Христовы, сей свет мира, сие солнце всемирное, сей учитель вселенский спешит к соапостолам, чтоб вместе с ними рассмотреть свое благовестие. Чего же это ради? Да не како, говорит, вотще теку, или текох (Гал. 2, 2). Когда видим, что и сама самопремудрость, Господь наш, Иисус Христос говорит о себе: снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Ин. 6, 38), и о святом и животворящем Духе возвещает, что Он не от Себе глаголати имать, но елика аще услышит глаголати имать (Ин. 16, 13). Смотри на благодетельный чин сей, содержащий все и небесное и земное, трепетом, изумлением и ужасом объемлемся при мысли о нашей немощи и лености и об опасном положении тех, кои, по легкомыслию и самомнению, решаются жить самочинно или, что то же, без всякаго чина, на разорение и пагубу себе. Воистину страшен подвиг сей, безчисленны на нем грабители, непрерывны засады пиратов, безчисленны караблекрушения. Почему из многих весьма немногие спасаются. — Но сии как хотят, так пусть и шествуют; ибо коегождо дело, как написано, яково же есть, огонь искусит (1 Кор. 3, 13). Или не просто, как хотят, но, как подобает, и да хотят и да живут. Да даст Господь разум о всем (2 Тим. 2, 7). Ты же и всякий, желающий жить по Богу, по сим изречениям Писания, как бы по бахроме, уразумею всю златую и духовную ткань блаженнаго послушания, потщися, как указано пред сим, найти себе учителя незаблуднаго и совершеннаго. Совершенных же есть, по Христоносному Павлу, твердая пища, имущих чувства обучена долгим учением в рассуждение добра же и зла (Евр. 5, 14). Ища сим обрзом, т. е. притрудно и с верою, ты не погрешительно достигнешь предположенной цели. Ибо всяк просяй приемлет, и ищай обретает, и толкушему отверзется, говорит Божественное Писание (Мф. 7, 8). И он, (обретенный учитель) по порядку и чину научит тебя всему, подобающему и боголюбезному. Еще же он поруководит тебя, и к более богоугодному и более духовному, — такому, что не всем под силу, и не для всех доступно, если увидит, что ты охотно держишься мерности во всем, простоты и скудости, в брашнах и питиях, в покрывалах и одеждах, и довольствуешься тем, что требуется временем, что прилично и нужно, не ища ничего излишняго. изнеживающаго и одни чувства улаждающаго, как поступают неразумно живущие, и сами на себя и свое спасение меч обнажающие. Ибо великий Апостол говорит: имуще пищу и одеяние, сими довольни будем (1 Тим. 6, 8).

Но ты и у нас желаешь поучиться, и от нас иметь письменное изложение всего, касающаго начала, середины и конца жизни по Христе. Похвален вопрос, но нелегок скорый на него ответ. Впрочем прострет Христос десницу Свою на помощь нам к разрешению твоего вопроса, и мы сделаем это, на пречестном послушании совершенном, как на твердом и непоколебимом основании, созидаю многопетый дом всего духовнаго домостроительства, т. е. боготворное безмолвие. — Итак,

утверждаясь на отеческих, по движению Духа провещанных, изречениях, говорим так:

16) Искренно и по Богу возжелавшему безмолвствовать должно при православной вере стараться быть исполнену и благих дел, — и проч.

а) Говорит Спаситель: не всяк глаголай ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесех (Мф. 7, 21). Почему и ты, возлюбленне, если не на словах только голых желаешь боготворнаго безмолвия, — которое тем, кои искренно приступают к нему, дает и здесь ясные принимать проявления Божия царствия небеснаго, в будущем же веке еще полнее и совершеннее), — но истиною и делом любишь его, потщися при православной вере, быть исполненным и благих дел. А при этом будь мирен со всеми, сколько это от тебя зависит (Рим. 12, 18), ничем не развлекайся, не будь многопечителен. т. е. не давай овладевать собою суетным заботам, будь молчалив и тих, за все благодарен, и сознателен в своей немощи. Над всем же сим, око блюди не дремлющее и бодренно внимательное ко всем, каждоденвно случающимся с тобою, разным и многовидным искушениям, терпением и благодушием борясь со всяким треволением и со всякою скорбию, как либо на тебя находящую.

Что касается первого и второго, т. е. что при православной вере должно добрыми делами украшаться, то явным тебе о сем учителем будет преславный брат Божий, который так говорит: вера без дел мертва есть, как и дела без веры; и: покажи ми веру твою от дел твоих (Иак. 2, 26. 18); и еще прежде его, Наставник всех и Учитель, Господь наш Иисус Христос, рекший ученикам Своим: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, Сына и Святаго Духа, учаща их блюсти вся, елика заповедах (Мф. 28, 19. 20). — И Богослов (Григорий) говорит, что «Бог от всякаго человека, имеющаго крещение, требует следующих трех добродетелей: веры правыя от души, целомудрия от тела и истины от языка».

б) Вера двояка.

Заметь, что вера по богопреданным словесам двояка: одна, общая всем православным христианам, в которой сначала крещение прияли мы, и с которою наконец буди и отойти отселе, а другая есть достояние редких людей, таких, кои, чрез исполнение всех боготворных заповедей, востекши до состояния быть по образу и подобию Божию, и таким образом обогатившись божественным светом благодати, всю свою надежду утвердили в Господе, и до такой степени, что, по слову Господа (Мар. 11, 23), во время молитвы отнюдь не размышляют в сердце о прошениях своих к Богу, но с верою просят и готово получают благопотребное. Но такое твердоверие из дел чистых стяжали блаженные сии, как решительно отвергшие от себя всякое знание, раздумывание и колебание, и всякую заботу, и все, всецело погрузившиеся в божественное упоение веры, надежды и любви к Богу, и, по божественному Давиду, изменившиеся лучшим и блаженным изменением десницы Вышняго (Пс. 76, 11).

О первой вере пространно говорить нам теперь не по времени, а о второй, которая, как некий плод божественный, отрождается и цветет от первой, очень благовременно. — Вера сия есть как бы некий корень и глава именитаго боготворнаго безмолвия. «Если безмолвник, говорит Лествичник, не будет веровать, то как станет безмолвствовать?» (Сл. 27, 68). — И божественный Давид говорит: веровах, темже возглаголах (Пс. 115, 1); а великий Апостол Павел возвещает: есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых (Евр. 11, 1), и: праведный от веры жив будет (Евр. 10, 38). И Спаситель, когда просили Его ученики приложить им веру, так сказал: аще бысте имели веру, яко

зерно горюшно, глаголали бысте убо ягодине сей: восторгнися и всадися в море, и послушала бы вас (Лк. 17, 7); и в другой раз: аще имати веру, и не усумнитесь, не токмо смоковничное сотворите, но аще и горе сей речете: двигнися и верзися в море, будет. И вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примете (Мф. 21, 21. 22). Пишет также и преподобный Исаак: «вера тончае знания, как знание — вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие, — потрясающее благоговеинство пред Богом, — силою веры пребывают в услаждении житием оным, преестественным. Веру же разумеем не ту, которою верует кто в различие поклоняемых ипостасей божественных, о едином всепревышающем естестве Божества, и о предивном домостроительстве в воплощении чрез принятие нашего естества, — хотя и эта вера крайне возвышенна, — но веру, возсиявающую в душе от света благодати свидетельством ума, утверждающую сердце быть непоколебимым в верности надежды, далекой от всякаго самомнения, — которая показывает себя не в приклонении слуха ушей, не в созерцании духовными очами сокрытых в душе таин, онаго богатства благодатнаго, утаеннаго от очей сынов плоти и открываемаго Духом тем, кои питаются на трапезе Христовой в приседении законам Его, как он сказал: если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа истины, Егоже мир не может прияти, и Той вы научит всякой истине (Ин. 14, 17. 26). Он указывает человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время, всегда покрывающую его и отражающую от него все вредное. Сию—то силу ум духовный ощущает очами веры. Она есть сам Утешитель, силою веры, как огнем воспламеняющий душевныя силы, — и душа устремляется горе, небрежет о всякой опасности в надежде на Бога, на крылах веры возвышается выше всякой видимой твари, и всегда пребывает как бы упоенною, в изумлении пред Божественною о нас попечительностию и в чистом созерцании божественнаго естества. Ибо пока не придет то, что есть совершение таинств и мы не сподобимся явно откровения оных, дотоле вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства (т. е. приемлет, содержит и созерцает сии таинства), которых, благодатию Христовою, да сподобимся и мы, здесь как в залоге, а там, в царствии небесном, в самой действительной истине» (Сл. 28, стр. 190 — 192).

в) Надлежит тебе быть мирну.

О третьем, о том, т. е., что тебе следует быть со всеми мирну, сильное тебе дают внушение изречение блаженнаго Давида и громче трубы гласящее слово Христоноснаго Павла: то вещает: мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна (Пс. 118, 165), - и: с ненавидящими мира бехмирен (Пс. 119,6), — и: взыщи мира и пожени и (Пс. 33, 15); а это гласит: мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14), — и: аще возможно, еже от вас, со всеми мир имейте (Рим. 12, 8).

г) Надлежит тебе не развлекаться.

О четвертом, т. е. что тебе надлежит не развлекаться, вразумляет тебя преподобный Исаак, говоря: «если похотение есть порождение чувств, то да умолкнут наконец те, которые уверяют, что хранят мир ума и при суетных развлечениях многим. С такими мятущимися не имей общения».

д) Не должно тебе быть многопопечительну и многозаботливу.

О пятом, т. е. что тебе не должно быть много—попечительным и многозаботливым, как о благословных, так и о неблагословных вещах, да послужит тебе уроком то, что говорит Господь в Евангелии: сего ради глаголю вам: не печетесь душею вашею что ясте, не телом вашим, во что облечетесь. Не душа ли больше есть пищи, и тело одежды; Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют,

ни жнут, ни собирают в житницы: не вы ли паче лучши их есте; Кто же от вас пекийся может приложить возрасту своему лакоть един; и о одежди что печетеся; — Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что прием, или чем одеждемся; Всех бо сих языцы ищут: весть бо Отец ваш небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде царствия Божия, и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецытеся убо на утрей, утрений бо собою печетеся: довлеет дневи злоба его (Мф. 6, 25–28, 31–34). И св. Исаак говорит: «без освобождения от забот не ищи света в душе твоей, ни тишины и безмолвия при распушенности чувств твоих» (Сл. 69, стр. 508). И Лествичник: «малый волос смущает око, и малое попечение губит безмолвие, ибо безмолвие есть отложение всех помышлений, не относящихся к делу спасения, и отвержение всех попечений, даже и благословных. Воистину достигший безмолвия не будет заботиться и о теле своем, ибо не ложен обещавшийся попещись о нем (Сл. 27, 51. 52).

е) Надлежит тебе быть молчаливу.

И о шестом, т. е., что тебе должно молчаливу быть, порядок слова понуждает нас сказать тебе: — говорить убо тебе и об этом св. Исаак: «Паче всего возлюби молчание; потому что оно приближает тебя к плоду. И язык немощен изобразить его. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить сие нечто, рождаемое молчанием. Но если начнешь сим житием жить, то не умею и сказать, сколько света возсияет тебе отсюда. — Когда на одну сторону положишь все дела жития сего (иноческаго, безмолвническаго), а на другую молчание, то найдешь, что оно перетягивает на весах» (Сл. 41, стр. 250 1). «Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира» (Сл. 42, стр. 263). «Кто возбраняет устам своим пересуждать (много говорить), тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа» (Сл. 8 сначала). И св. Арсению божественный глас во второй раз так законоположил: «Арсение! бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни безгрешности» (Дост. сказ. об Авве Арсении–2-).

ж) Надлежит тебе быть безмолвну (уединение любить).

Равным образом и о седьмом, т. е., что тебе надлежит безмолвную проводить жизнь, достоверные тебе указатели суть Василий великий и опять святой Исаак: из коих тот говорит: «безмолвие есть начало очищения души», а этот: «предел безмолвия есть молчание от всего» (всестороннее). Сими словами тот вкратце означил начало его (безмолвия), а этот — конец. И в Ветхозаветном Писании так сказано: упразднитесь и уразумеете, яко Аз есмь Бог (Пс. 45, 11). И св. Лествичник говорит: «Первое дело безмолвия есть безпопечение о всех вещах, и благословных, и неблагословных; ибо отворяющий дверь первым всеконечно впадет и во вторыя. Второе дело молитва неленостная; а третье — неокрадываемое делание сердца. Как невозможно, по естественному порядку, не выучившему букв читать книги: так еще более невозможно нестяжавшим перваго дела безмолвия разумно проходить последния два» (Сл. 27, 46). И опять Исаак святой пишет: «вожделенным делом безмолвия должно быть ожидание смерти непрестанное. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что всеми мерами должны мы терпеть и нести» (Сл. 41, стр. 255).

з) Надлежит тебе за все благодарить Бога.

Подобно сему и об осьмом, т. е., что ты за все должен благодарить Бога, достаточным для тебя Учителем да будет божественный Апостол Павел, который заповедует: о всем благодарите (1 Сол. 5,

18). К нему присовокупи и преподобнаго Исаака, который пишет: «благодарность приемлющаго побуждает дающего давать дары, большие прежних. Кто неблагодарен за меньшее, тот и в большем лжив и несправедлив» (Сл. 2 с нач.). Еще: «проводник даров Божиих к человеку есть сердце, непрестанно движимое к благодарению, а проводник искушения к душе есть помышление ропотливое, всегда движимое в сердце». Также: «уста, всегда благодарящая, приемлют благословение от Бога, и в сердце, пребывающее в благодарении, нисходит внезапно благодать».

и) Надлежит тебе сознать свою немощь.

Сколь же великое благо собирается в том, кто достиг познания своей немощи, — что девятое есть по числу, — сие уразумеешь, вникнув в шестой псалом божественнаго Давида, в коем говорится: помилуй мя Господи, яко немощен есмь (ст. 3), — и в другом месте: аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей (Пс. 21, 7). И св. Исаак говорит: «блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. Ибо как скоро познает кто, и воистину возчувствует немощь свою, тотчас утесняет душу в ея суетной горделивости, омрачающей разум, и сокровиществует себе охранение» (Сл. 61 с нач.); и: «человек, достигший познания меры своей, достиг совершенства смирения».

й) Надлежит доблестно переносить искушения.

Последняя глава сего слова, которая исполняет предположенное нами десятичное число, представляет, что должно доблестно переносить имеющие случиться с тобою разныя и многовидныя искушения и противостоять им с терпением и мужеством. Итак послушай, что и о сем написано в Священном Писании. — Вот что говорит Христоносец Павел: братие! несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Евр. 6, 12); еще: аз без наказания есте, ему же причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове (Евр. 12, 8); также: егоже любит Господь, наказует, бьет же всякаго сына, егоже приемлет (- — 6). И брата Божия Иакова мысль первой главы послания такая: «муж неискушенный неискусен». — Св. Илия едик говорит: «всякому христианину, право верующему в Бога, надлежит не предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и готову быть принять его; чтоб когда придет оно, не почитать сего странным и не смущаться тем, но благодарно претерпевать тяготу скорби, припоминая, что поет с Пророком: искуси мя Господи и испытай мя (Пс. 25, 5); и еще: и наказание Твое исправит мя в конец (Пс. 17, 36). Смотри, — не сказал: наказание Твое низвратит мя, но: исправит мя в конец» (Цветособр. 1).

Не ищи причин искушений, откуда оне находят, но только молись благодарно перенести оныя, как говорит св. Марк: «когда найдет искушение, не ищи, от чего и для чего оно нашло, но (о том заботься), чтобы благодарно и беззлопамятно перенести его» (св. Марка об оправдании делами гл. 198); еще: «если нет человека, который бы благоугодил Богу без искушений, то должно благодарить Бога за всякий скорбный случай» (тамже гл. 200); также: «всякая скорбь обличает настроение нашей воли, на право склоняется оно, или на лево. Потому случившаяся скорбь называется и искушением, что подвергшагося оной подвергает испытанию сокровенных его расположений» (тамже гл. 204). — И св. Исаак со многим другим говорит и сие: «искушение полезно всякому человеку. Ибо полезно было искушение Павлу, то всякие уста да заградятся, и повинен будет весь мир Богу (Рим. 3, 19). Подвижные искушаются, чтоб нечто присовокупили к богатству своему, — а слабые, чтоб сохранили

себя от вредного, — спящие, чтоб подготовить их к пробуждению, — вдали сущие, чтобы приблизились к Богу, — свои Богу (домашние Божии, в дому сущие), чтоб с дерзновением пребывали в Нем. Сын, который не был упражняем (в подъятии трудного) не на пользу себе получает богатство из дома отца своего. Почему Бог сперва искушает и томит, а потом обнаруживает дар благодати. Слава Господу, горькими врачевствами в сладость здравия нас вводящему! Нет человека, который бы не скорбел во время обучения; и никто также нет, кому не казалось бы горьким время, когда испивает он яд искушений. Без них невозможно приобрести крепкого сложения (душевного). Но и претерпеть их не наших сил есть дело. Откуда скудель, которая из брения, имела бы силу противостоять размыванию воды, если божественный огонь не делал ее крепкою? Если подкормимся под иго воли Божией и в смирении с непрестанным желанием будем молиться, то чрез терпение и мы все получим о Христе Иисусе Господе нашем» (Сл. 37, стр. 231–2). И в книге Премудрости Сираха сказано: чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу свою во искушение... и потерпи и не скор буди во время наведения (Сир. 2, 1. 2).

Должно на Бога надеяться и от Него чаять полезного.

Котву надежды (Евр. 6, 19) в могущем спасти Боге утверди, и от Него ожидай избытия искушений в благопотребное время. Ибо, как говорит Апостол верен Бог, иже не оставит нас искушиться паче, еже можем, но сотворит со искушением и избытие (1 Кор. 10, 13). Слушай, что и еще говори Писание: — Скорбь терпение соделоваает, терпение же искусство, искусство же упование. упование же не посрамит (Рим. 5, 3–5). Претерпевый до конца, той спасется (Мф. 24, 13). — В терпении вашем стяжите души ваша (Лк. 21, 19). — Всяку радость имейте братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушения ваша веры соделоваает терпение: терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели, ни в чемже лишени. Иблажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его (Иак. 1, 2 — 4, 12). — Недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явятся в нас (Рим. 8, 18). — Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою: И изведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нози мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему (Пс. 39, 1–4). Пишет и блаженный Симеон Метафраст: «душа, ята будучи узами любви к Богу, ни во что вменяет страдания, но услаждается прискорбностями и цветет в злострадании. И когда ничего не страдает за Возлюбленного, тогда еще более мнится страдати. и бежит от утешения, как от муки».

17) О страхе Божиим, что Он двояк: один новоначальных, другой совершенных.

Не поленимся теперь помянуть и о двояком страхе Божиим. так как святые отцы. в порядке добродетелей, страх Божий ставят после веры.

О первом страхе Божиим, — новоначальных.

Знай же, возлюбленный мой, что страх Божий двояк: один новоначальных, а другой — совершенных. — О первом страхе так написано: начало премудрости страх Господень (Пс. 110, 10; Прит. 1, 7); приидите, чада, послушайте Мене, страху Господню научу вас (Пс. 33, 12); страхом Господним уклоняется всяк от зла (Прит. 15, 27), и идеже страх, ту заповедей соблюдение. — И преподобный Исаак говорит: «Страх Божий есть начало добродетели. Он почитается порождением веры, и сеется в сердце, когда ум отстранится от суетности мирской, чтобы собрать влающиеся мысли свои от разсеяния непрестанным углублением в будущее возустройство всяческих» (Сл. 1

сначала); также: «начало истинной жизни в человеке — страх Божий; а он не терпит пребывать в душе вместе с разсеянием мыслей» (там же стр. 4); еще: «умудрись же в основание шествия своего положить страх Божий, и в немногие дни станешь у врат царствия, не кружась по пути» (там же стр. 7).

О втором, — совершенном страхе Божиим.

О втором, или совершенном страхе Божиим так сказано: Блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело (Пс. 111, 1); блажени вси боящиися Господа, ходящии в путех Его (Пс. 127, 1); бойтесь Господа вси Святии Его, яко несть лишения боящимся Его (Пс. 33, 10); се тако благословится человек, бояйся Господа (Пс. 127, 5); страх Господень чист, пребываяй в век века (Пс. 18, 10). Пишет и св. Петр Дамаскин: «Признак первого страха есть ненавидеть грех и гневаться на него, как гневаются на зверя угрызенный им; а страха совершенного признак есть — любить добродетель и бояться превращения; ибо никого нет, кто бы был не превратен: почему в этой жизни, при всяком деле, должны мы всегда бояться падения» (Кн. 2, слово 3, стр. 14 в русск. перев.). — Посему и ты, разумно слыша сие, потщися, вместе со всеми указанными выше добродетелями, непрестанно держать в себе, как следует, и первый страх. Ибо он есть как бы сокровище хранилище всякаго добраго деяния, самое крепкое. Пребывая таким, ты всегда будешь иметь стопы свои направляемыми к деланию всех заповедей Господа нашего Иисуса Христа. Простираясь же далее сим путем, приобретешь ты и совершенный страх, чистый, по любви к добродетелям и милости благаго Бога нашего.

18) За заповеди и веру Господа нашего Иисуса Христа, должны мы и самой жизни не щадить, когда потребует того время.

К сказанному надлежит тебе ведать и то, что за заповеди животодательныя и веру Господа нашего Иисуса Христа, должны мы, когда потребует время, охотно погубить и самую душу свою, т. е. не пощадить и самой жизни своей, как сие сам Господь Иисус Христос говорит: иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Мр. 8, 35), несомненно и без раздумывания веруя, что и воскресение, и жизнь, и все, что ни есть спасительнаго, сам есть Богочеловек Иисус Спаситель, как сам Он сказал: Аз есмь воскресение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки (Ин. 11, 25, 26). И еще: тако возлюби Бог мир, яко и Сына своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй вОн, не погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3, 16), также: Аз приидох, да живот имут, и лишше имут (Ин. 10, 10). — В таком пребывая устроении, и задняя забывая, в предняя же простираясь, как сказано (Фил. 3, 13), теки, со Христом Иисусом Господом нашим, путем своим, не озираясь вспять (Лк. 9, 62).

Теперь, как нам кажется, прилично изложить блаженнаго Никифора естественный некий метод (способ, прием) вхождения внутрь сердца вниманием чрез дыхание, который способствует к сосредоточению помышлений ума. Сей муж, приведши свидетельства многих святых отцев о внутренней жизни, говорит наконец и от себя следующее:

19) Естественный метод вхождения внутрь сердца вниманием чрез дыхание с творением при сем молитвы: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Метод сей немало способствует к сосредоточению помышлений ума.

«Известно тебе, брате, как мы дышем: втягиваем в себя воздух и выпускаем его. На сем жизнь телесная держится и от сего зависит теплота тела. — Итак, седши в безмолвной келлии своей, собери

ум свой, введи его в путь дыхания, коим воздух входит внутрь, и принудь его вместе с вдыхаемым воздухом сойти в сердце, и держи его там; держи, но не оставляй его молчащим и праздным, а дай ему следующую молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. И пусть он имеет сие непрестанным своим делом и никогда не оставляет его. Ибо оно, держа его не мечтательным, делает недосызаемым для прилогов вражеских и возводит в божественное желание и любовь. — Но, брате, восприими труд приучить ум свой нескоро выходить оттуда; ибо он в начале очень скучает от этого внутри заключения его и стеснения, но когда навькнет, то уже не любит носиться по внешним предметам. Ибо царствие Божие внутри нас есть; и тому, кто нам узрит его, и, взыскав чистою молитвою, ощутит, все внешнее кажется уже не привлекательным и теряет всякую цену. Ему там, внутри, уже не невесело и не нерадостно; но как муж какойнибудь, бывший в отлучке из дома, когда возвратится, и делать не знает что от радости что опять увидел жену и детей: так и ум, когда из рассеяния соединится опять с душою, исполнен бывает неизреченной сладости и радования» (приводится сие место сокращенно). Вот что изрек сей блаженный отец, в намерении имея научить ум, под влиянием сего естественного метода (приема, или способа), от обычного своего кружения, пленения и парения, возвратиться ко вниманию себе, чрез внимание такое снова сочетаться с самим собою, и сим образом объединиться с молитвою, и вместе с сей молитвою низойти в сердце и пребыть там навсегда. Другой же некто из богомудрых, как бы в объяснение сказанного, как навькший опытом сему священному деланию, вот какое делает замечание:

20) Еще — о естественном методе призывания Господа Иисуса Христа вместе с дыханием.

Желающему научиться сему деланию надлежит ведать, что, когда приучим мы ум свой, вместе с входом воздуха, входить внутрь, тогда опытно познаем, что ум, приступая к схождению внутрь, лишь только начнет сие, как отвергает всякий помысл, и делается единичным и голым, и никакою другою памятью не занятым, как призыванием Господа нашего Иисуса Христа; напротив же оттуда исходя и на внешнее обращаясь, тотчас развлекается многообразными памятьми.

21) И Св. Златоуст учит молитве внутрь сердца с словами: Господи Иисусе, Христе, Сыне Божий, помилуй мя.

И великий Златоуст говорит: «умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей.» — Немного спустя: «монах должен, — ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает, — непрестанно взывать: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй мя! да имя Господа Иисуса, сходя в глубь сердца, смирит держащего тамошня пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два сии во едино». И опять: «Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца и оно ни о чем другом помышлять не станет, — да возвеличится Христос в вас».

22) Свидетельства о том же св. Лествичника и Исихия.

Говорит также и Лествичник: «память Иисусова да срастворится с дыханием твоим; и тогда познаешь ты пользу безмолвия» (Сл. 27, 61). — Тоже и Св. Исихий: «если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать, и без труда трезвенствовать сердцем; да прилепнет к дыханию твоему молитва Иисусова, — и в немного дней увидишь это на деле» (гл. 182).

23) Желающему мысленно трезвенствовать, — всякому, паче же новонаначальному, — надо, для

удобнейшаго упражнения в молитве, жить в келлии безмолвной и несветлой, потому что чрез это ум и мысли естественно некако собираются во едином.

К показанному выше, — как главному, великими святыми отцами давно узаконенному, как видно из приведенных нами свидетельств, относительно того, как надлежит нам, сходя вместе с дыханием внутрь сердца, о Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием, и о святом и спасительном имени Его, молиться, размышлять и трезвенствовать, и у Него искать себе милости, — прилагается и сие: и всегда, паче же в установленное время молитвы, всякому тщасемуся трезвенствовать мысленно в сердце, паче же новонаначальному, надо укрываться в келлии безмолвной и не светлой, как опытные в сем блаженном делании божественные отцы и учителя тайноводствуют и заповедуют; так как зрение и видение очами зримаго и видимаго обыкновенно развлекает и рассеивает мысли, при заключении же в безмолвной и примрачной, как сказано, хранине, мысли перестают разбегаться и множиться, и ум таким образом, хотя и не хотя, мало по малу утишается и в себе собирается, как говорит св. Василий: «ум, не развлекаемый внешним и чрез чувства не разбегаясь по вещам мира, к себе возвращается».

24) Главным образом непарительность подается уму Господом нашим Иисусом Христом при призывании в сердце с верою святого имени Его; а этот естественный метод (прием) схождения в сердце путем дыхания, и это уединение в месте безмолвном и несветлом, и все другое подобное, только способствуют к сему некако.

Паче же сего, или лучше паче всего вообще, таковой подвиг успешно совершается умом, содействием божественной благодати, при сердечном, чистом и непарительном призывании Господа нашего Иисуса Христа, а не одним этим естественным приемом схождения в сердце путем дыхания, или этим уединением в безмолвном и несветлом месте. Да не будет!

Ибо сие не другаго ради чего святыми отцами придумано, как только ради того, что это содействует к собранию мыслей, к возвращению ума от обычного ему парения к себе самому и сосредоточению его внимания, как сказано пред сим.

А от этих (собрания мыслей и сосредоточения внимания) порождается то, что ум начинает молиться непрестанно, чисто и непарительно, как говорит святой Нил: «внимание, ищущее молитвы, молитву обретет; ибо за вниманием, паче, нежели другое что, следует молитва, о коей нам надлежит иметь наибольшее тщание» (гл. 179). — Вот как должно смотреть на дело сие. — Ты же, чадо, хотя живота, любя дни видети благи, и в теле жить подобно безтелесному, живи по следующему правилу и уставу.

25) Как безмолствующему надлежит проводить время от вечера до пробуждения от сна.

По захождении солнца, призвав в помощь всеблагаго и всесильнаго Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келлии безмолвной и несветлой, и собрав ум от обычного ему во вне кружения и скитания, путем дыхания тихо сведи его внутрь сердца и держи молитву сию: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! вместе с дыханием соединенно некако совводя туда и глаголы молитвенные, как говорит св. Исихий: «с дыханием твоим соедини трезвение, и имя Иисусово, и помышление о смерти незабвенное, и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу» (гл. 189). С молитвою сею, кроме сказаннаго, имей и память о суде и воздаянии за добрая и худыя дела, и вседушно почитая себя грешнейшим всех людей и самых демонов сквернейшим, думай посему, что всеконечно имеешь ты вечно мучим быть во аде. Если при каком либо из сих помышлений придет тебе сокрушение, плач и слезы, на том помышлении и пребудет, пока слезы не пройдут сами собою, Если же ты не

сподобился еще дара слез, то восприими подвиг и с смиренным мудрованием молись, да стяжешь их; ибо ими очищаемся мы от страстей и скверен, и имиже причастными делаемся добрых и спасительных расположений, как говорит св. Лествичник: «как огонь потребляет тростие, так чистыя слезы — всякую скверну мысленную и видимую» (Сл. 7, гл. 31), - и другой некий отец: «желающий отребить худости свои плачем да отребляет их, и желающий стяжать добродетели плачем да стяжавает их; и если не имеешь ты сокрушения, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе придти во сокрушение». — Если слезы не приидут, то, просидев, внимая сказанным помышлениям, и с молитвою, час один, встань потом и пропой со вниманием малое повечерие. Затем опять сядь и держи прежнюю молитву, сколько сил есть, чисто и непарительно, всякаго о чем либо попечения, без всякаго помысла и мечтания, с полною трезвенностию, с пол-часа. Наконец, , положив на себе знамение честнаго и животворящаго креста, а также и на одре твоём, сядь на нем и войди в помышление о будущих наслаждениях и мучениях, о непостоянстве и прелестности всего временнаго, о внезапном наступлении смерти, сего общаго долга, и о страшном посмертном и предсмертном словоистязании, помяни вкратце и о всех прегрешениях своих и прощения их тепло испроси, и до точности пересмотрев все, как провел ты мимошедший день, возляжь на одр свой, держа и молитву, по слову некоего говорившаго: с молитвой Иисусовою и засыпай, и спи. Сосни часов пять, или шесть; вообще же соразмеряй спание с дрогою ночи.

26) Как, встав от сна, проводить время до утра.

Пробудившись от сна, первое всего воздай славу Богу, и призвав Его себе заступление, начни главнейшее свое дело, т. е. молиться в сердце непарительно и чисто, и помолись так с час. Тогда ум сам по себе большею частию бывает тих и немятежен; мы-же заповедь имеем, — первейшее и наилучшее Богу приносить в жертву, т. е. свое первомыслие в чистой сердечной молитве неуклонно простирать к Господу нашему Иисусу Христу, — как говорит Св. Нил: «тот молитву свою делает услышанною, кто всегда свое первомыслие, как зрелый плод приносит Богу» (гл. 126). Потом пропой полунощницу.

Если же ты, не будучи тверд в совершенном безмолвии, не можешь начать так, как мы сказали, — по этой, или по другой какой причине, как часто случается с теми, кои только начинают еще такое делание, а иной раз, хотя редко, и с теми, кои довольно успели в нем, но еще не достигли совершенства, ибо только совершенные вся могут о укрепляющем их Христе (Фил. 4, 13), — так если не можешь, то встав от сна и возставив, сколько можешь, бодренное трезвение, пой прежде полунощницу, со вниманием и разумением поемаго.

После сего, сядь и молись в сердце чисто и непарительно, как показано, час один, лучше же, сколько даст тебе Податель благ. Лествичник говорит: «в продолжении ночи большую часть времени посвящай молитве, а меньшую отдавай Псалмопению; днем же устрояй делания свои. сообразно с силами своими» (Сл. 27, 77).

Если и после такого себя нуждения подвижническаго, все еще будешь одолеваем сонным расслаблением и разлением, встань и напрягись, все держась молитвы, и стараясь, как знаешь, привести себя в бодрственное состояние (Св. Исаак: «выди наружу и походи»). Потом сядь и молись, как написано, всегда со всем тщанием стараясь чистою молитвою с Чистым беседовать Богом. Затем встань, пропой разумно шестопсалмие, пятьдесятый псалом, и канон, какой хочешь. После сего сядь опять и с бодренным трезвением искренно помолись пол-часа. И опять встав пой

хвалитны, обычное славословие и первый час. И затем сотвори отпуст.

Читаемое тобою произноси устами своими лишь на столько высоким голосом, чтоб то слышно было ушам твоим: так как и плод устен приносить Богу заповедано нам, всюю душею и всюю мыслию благодаря человеколюбиваго и попечительнаго о нас, премудраго Бога, по безмерной милости своей сподобившаго нас благополучно прейти пучину минувшей ночи, и увидеть светлое поприще настоящего дня, и тепло при сем также моляся и о том, да дарует Он нам безбедно протечь мрачную и свирепую бурю бесов и страстей.

27) Как подобает жить с утра до обеда [62]).

С утра до обеда, весь всецело возложившись на Единого Бога, и Ему с сердцем сокрушенным помолвившись, да будет помощником тебе, немощному, ленивому и беспечному, старайся, сколько сил есть, все время провести в молитве сердечной, чистой и непарительной, и в чтении. Когда читаешь положенное тебе из Псалтири, Апостола и Святаго Евангелия, читай то стоя, также поступай и при возношении молитв к Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице; прочие же чтения Святых Писаний совершай сидя. Потом в свое время со вниманием пропой обычные часы, очень премудро св. отцами установленные, всеусильно и вседушно отрешая праздность, учительницу всякому худу и избегая вместе со страстями и поводов к ним, как бы малыми и безвредными они не казались.

28) О том, сколькo нужно избегать праздности, и о том, что церковное предание должно соблюдать и безмолвствующему.

Св. Исаак говорит: «остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что в ней сокрыта верная смерть, и без нея невозможно впасть в руки домогающихся пленить инока. В день оный не за псалмы осудит нас Бог и не за опущение молитв, но за то, что опущением сим дается вход бесам. А эти, когда найдут себе проход, войдут и затворят двери очей наших; тогда тераннически наполнят нас такими нечистотами, кои подвергают божественному приговору, с наистрожайшим отмщением. И делаемся мы, таким образом, за опущение малого, что однакож ради Христа почтено достойным великаго попечения, как написано: «кто не покоряет воли своей Богу, тот попадет под иго сопернику Его. «Посему да будет почитаемо тобою, как бы стеною против ищущих пленять нас, сие, кажущееся тебе малым, совершение чего в келлии, по духу откровения, мудро установлено заведующими церковным чином для охранения нашей жизни, и опущение чего малым почитается немудрыми, не берущими во внимание происходящего от того вреда. Но у этих и начало пути, и середина — необузданная свобода, которая есть мать страстей. Почему лучше подвижнически понуждать себя не опускать сего малого, нежели опущением его давать место греху. Ибо конец этой бедовой свободы — жестокое рабство» (Сл. 71, стр. 519).

Немного спустя тут же говорит он опять: «О, как сладки позывы страстные! Страстные дела, бывает, что иной может иногда отсечь удалением от предметов их мирность некую в себе водворить и порадоваться покою от них, но позывов страстных остановить не может. Почему и не хотя искушение испытываем мы; и о страстях (что возстали) скорбим, но любим продление позывов или сластей страстных. Грехов же не желаем, а приводящая нас к ним позывы с услаждением приемлем; от чего эти вторые делаются в нас причиною первых в действительности. Кто любит страсти страстные, тот по неволе и подручен им, и не желая того, раб есть страстей. Ненавидящий грехи свои, перестанет грешить, и исповедающий их, получит отпущение их. Невозможно же человеку

оставить навык греховный прежде стяжания вражды к нему, и получить прощение, прежде исповедания прегрешений; из коих одно служит причиною истинного смирения, а другое — сокрушения, от стыда порождающагося в сердце» (там-же стр. 520 — 1). И еще: «нет греха не прощаемаго, кроме того, в коем не каются» (Сл. 2, стр. 12). Впрочем об этом довольно.

Ты же по пропетии сказанных часов, сядь поешь, — держи и молитву во время вкушения пищи, чтоб, так действуя, придти, благшодатию Божиею, в навыкновение непрестанно молиться, по заповеди. — Но слово о пище, тело, по неизреченной премудрости Создавшего, поддерживающей, пусть подождет немного, а прежде да прострется слово о пище, душу укрепляющей и оживляющей, которою служит, по слову св. отцев, священная и боготворная молитва: что вполне справедливо, потому что душа драгоценнее тела.

29) Еще о молитве, и что молиться надлежит всегда.

Как сие тело наше, по исходе из него души, мертво бывает и смердяще: так и душа, не движущая себя на молитву, мертва есть, окаянна и злосмрадна. А что быть лишены молитвы надлежит почитать горчайшим всякой смерти, сему добре научает нас великий пророк Даниил, который избрал лучше умереть, нежели пребыть без молитвы хотя одно мгновение времени (гл. 9). Добре сему учит нас также и св. Златоуст: «Всякий молящийся с Богом беседует. Сколько же велико, будучи человеком, с Богом беседовать, из всех нас никто не неведает, но словом выразить сию честь едва ли кто возможет; ибо сия честь превышает и Ангельское достоинство». — Еще: «Молитва есть общее дело Ангелов и человеков; и в деле молитвы нет ничего средняго (средостение составляющаго) между одним и другим естеством: она отделяет тебя от безсловесных, она же сочетавает тебя с Ангелами. И тот, кто всю жизнь тщится упражняться в молитвах и служении Богу, скоро подобным Ангелам делается по жизни, чести, благородию, мудрости и разумению». Еще: «когда диавол видит душу огражденную добродетелями, то не смеет близко подходить к ней, боясь могущества и силы, какия подают ей молитвы, более питающия душу, чем брашна — тело». Еще: «Молитвы суть нервы души. Как тело нервами держится в строе, живет, движется и стойким является; когда же кто их пресечет, тогда вся гармония тела разстроивается: так и души святыми молитвами благоустраиваются, стойкость приемлют и легко текут путем благочестия. Если же ты лишаешь себя молитвы, то тоже делаешь, что - вынув рыбу из воды: ибо как этой жизни вода, так тебе молитва. Ею можно сквозь воздух, как сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близ Бога». Еще: «молитва и моление делают людей храмами Божиими; и как золото, камни драгоценные и мраморы украшают дома царские, так молитвы — храмы Христовы — души верующих. Какая может быть большая молитве похвала, как то, что она соделывает нас храмами Божиими, и что, Кого не вмещают небеса, Тот в молитвах входит в душу живую?» Еще: «И из того можно увидеть силу святых молитв, что Павел, который, как какой крылатый, обтек всю вселенную, жывал в узилищах, подвергался бичеваниям, узы носил, жил в крови и бедах, бесов изгонял, мертвых воскрешал, болезни пресекал, ни на что из всего сего не надеялся в устройении спасения людей, но молитвами ограждал душу, и после знамений и воскресения мертвых, спешно тек на молитвы, как на главный подвиг, венчающий дело, — так как и воскресения мертвых и всего другаго молитва есть подательница. Ибо какую силу в деревьях имеют воды, такуюже и молитвы в жизни святых». Еще: «молитва — спасения вина, безсмертия источник, Церкви стена несокрушимая, крепость неодолимая, страшная для бесов, и спасительная для нас в деле благочестия». — Еще: «Как за какую царицею, в город входящею, следует всякое богатство, так

за молитвою, в душу входящую, входит и всякая добродетель». — Еще: «Что основание для дома, то молитва в душе; и должно, водрузив ее в душе, как основание и корень, на ней рачительно наздавать и целомудрие». — И еще: «Свет ума и души есть рачительная молитва, свет неугасимый и непрестанный; почему злой враг наш безмерныя нечистоты помыслов влагает в ум наш и многое такое собрав, о чем и думать мы никогда не думали, обдает тем душу во время молитвы». — И еще: «великое оружие — молитва, великое ограждение». — И Богослов говорит: «о Боге более памятовать должно, чем дышать». — И еще: «чаще помышляй о Боге, чем дышешь». — И св. Исаак: «Без непрестанной молитвы к Богу приблизиться не можешь». — Еще: «После труда молитвы, возложение на ум инаго попечения производит рассеяние мыслей». — Еще: «- всякая молитва, в которой не утомится тело, и не сокрушится сердце, подобно недоношенному плоду чрева: ибо такая молитва без души есть». — И св. Лествичник: «Молитва, по качеству своему, есть общение (, — сосущие, слитие в одно бытие) и единение человека и Бога; по действию же, она есть стояние мира, Бога примирение, слез матерь и опять дочь, умилоствление о грехах, мост чрез искушения, средостение от скорбей, пресечение браней, дело Ангелов, пища всех безплотных, будущее радование, конца и предела не имеющее делание, источник добродетелей, ходатаица и виновница дарований, невидимое преспеяние, пища души, просвещение ума, отчаянию секира, доказательство надежды, разрешение уз печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение (постепенное до ноля) гнева, зеркало преспеяния, проявление мер (на какой кто стоит мере), показание состояния (или устройства духовнаго), возвестительница будущаго. знамение прославления. Для истинно молящагося молитва есть истязалище, судилище и престол Господень, прежде престола будущаго» (Сл. 28, 1); и еще: «молитва не что иное есть, как отчуждение от мира видимаго и невидимаго». — И св. Нил: «Если желаешь стяжать молитву, отрекись от всего, да все наследуешь». — Еще: «молитва есть восхождение ума к Богу». Еще: «молитва есть беседа ума с Богом». — Еще: «как хлеб есть пища для тела и добродетель — для души, так для ума молитва есть духовная пища».

И об этом (т. е. о молитве, как пище душевной), так (разсуждайте).

Теперь благовременно нам и о телесной пище, о ея мере, количестве и качестве, кратко сказать, что подобает, по силе нашей.

30) О телесной диете, т. е. как должно питаться безмолвствующему.

Написано: сыне человек, весом снеси хлеб твой, и воду мерою пити будеши (Иез. 4, 9, 10), сколько потребно, чтоб, довольствуясь тем, подвизающийся по Богу, мог жив быть. Ибо, как говорит некто из отцев, если не дашь крови, Духа не примешь. И великий Павел говорит: умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду (1 Кор. 9, 27). Тоже и божественный Давид: колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися ея ради (Пс. 108, 24). И Богослов: «ничем так не благоугождается Бог, как злостраданием или телесными ради Его лишениями; и ничем так не привлекается человеколюбие Его, как слезами». И св. Исаак: «как мать печется о чаде, так и Христос печется о теле злостраждующаго (терпящаго ради Его телесныя лишения), и всегда есть близ тела его» (Сл. 58, стр. 443). Еще: «в чреве насыщенном нет видения таин Божиих» (тамже). — Еще: «как те, кои сеют слезами, приемлют рукояти радования: так радостию исполняются злостраждующие (подъемлющие произвольныя телесныя лишения) ради Бога». — Еще: «блажен заградивший вход к себе всякому сладострастию, разлучающему его от Создателя Его» (Слово 75, стр. 533 — 535).

Еще: «Долгое время искушаемый в десных и шуих, неоднократно изведав себя сими двумя способами. прияв на себя безчисленные удары противника, и сподобившись втайне великих возможностей, в продолжение многих лет снискал я опытность, и по благодати Божией, опытно дознал следующее.

«Основание всего добраго, возвращение души из вражия плена, путь ведущий к свету и жизни, — все это заключено в следующих способах: собрать себя воедино, и всегда поститься, т. е. премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием.

«Отсюда покорность чувств; отсюда трезвенность ума; отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле; отсюда тихость помыслов; отсюда светлые движения мысли; отсюда рачительность к делам добродетели; отсюда высокие и тонкия умопредставления; отсюда не знающая меры слезы, источающиеся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое целомудрие, совершенно далекое от всякаго мечтания, искушающего мысль; отсюда пронизательность и дальновидность; отсюда глубокия и таинственные понятия, какия ум постигает при пособии божественных словес, и внутренния движения, происходящая в душе, разделение и различение духовнаго, как в святых силах и истинных видениях, та к и в суетных мечтаниях.

«Отсюда тот страх на путях и стезях, который в море мысли отсекает леность и нерадение, тот пламень ревности, который попирает всякую опасность, и преодолагает всякий страх, та горячность, которая пренебрегает всяким вожделением, и изглаждает оное в уме, и вместе с прочим приводит в забвение всякое памятование о преходящем; короче сказать, отсюда свобода истиннаго человека, душевная радость и воскресение со Христом в царствии.

«Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, что пред сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей пренебрежением сих двух добродетелей. И как оне, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава божественнаго делания в душе, дверь и путь ко Христу; так если кто отступит и удалится от них, то приидет к сим двум противоположным тому порокам, разумею, телесное скитание и безчестное чревоугодие. Это суть начала противнаго сказанному выше, — и они дают место в душе страстям» (Сл. 75, стр. 533 — 535).

В другом месте он же пишет: «Которые нерадивы и слабы в начале подвига, те не только от сих, и подобных борений [63]), но и от шума древесных листьев приходят в боязнь и смятение, и малою нуждою, голодом в случае недостатка, и небольшою немощию преодолеваются, отрекаются от подвига, и возвращаются вспять. Истинные же и благоискусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже питаясь сухими былиями, не соглашаются что либо вкусить прежде назначенного часа, но в телесном изнеможении лежат на голой земле; очи их едва смотрят от чрезмернаго истощания тела, — и если от нужды близки бывают они к тому, чтобы разлучиться с телом, не уступают над собою победы, и не оставляют крепкаго произволения, потому что желают и вожделевают лучше сделать себе принуждение из любви к Богу, и предпочитают трудиться ради добродетели, нежели иметь временную жизнь, и в ней всякое упокоение. И когда приходят на них искушения, веселятся паче, и еще усовершаются ими. Даже среди тяжких предстоящих им трудов не колеблются они в любви Христовой, но пока не утратят жизни, пламенно желают с мужеством выдерживать нападения, и не отступают, потому что чрез это усовершаются» (Сл. 60, стр. 475).

С сими и подобными сим уроками согласуясь, и так же покоряясь тому, кто сказал: царским путем шествуй, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе ...9.прит. 4, 27), — и мы излагаем тебе средний устав о пище, состоящий в таких правилах:

31) Как подвизающемуся должно питаться в понедельник, среду и пяток.

В три дня недели, второй, четвертый и шестой, высегда твори девятицу, т. е. вкушай пищу однажды в день (в 9 часов), съедая хлеба унгий шесть (три осьмухи фунта), сухих снедей недосыта и воды три или четыре чаши, последуя 69 правилу Св. Апостолов, которым законополагается: «если какой епископ, или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец [64]) Святую Четыредесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пятницу не постится, да будет извержен, кроме препятствия от немощи телесной; если же это будет мирянин, да будет отлучен». — В понедельник же пост установлен после святыми отцами.

32) Как должно питаться во вторник и четверток.

В два дня, т. е. во вторник и четверток, дважды в день принимай пищу, съедая хлеба тоже шесть унгий, какое либо варево воздержно и сколько нибудь из сухих снедей, и выпивая вина, если употребляешь, растворенного водою чаши три или четыре; вечером же съедай хлеба угнии три, что нибудь из сухих снедей, или овощей каких, вина с водою выпивай одну чашу. или много две, когда жажда сильная одолевает.

Жажда впрочем много содействует в слезах, сожительницею имея и бдение, о коих так говорит св. Лествичник: «Жажда и бдение сокрушают сердце; от сердца же сокрушенного источаются слезы» (Сл. 6, 13). И св. Исаак: «Ради Бога потерпи жажду, да напоит Он тебя любовью Своею».

Если же ты и в эти два дня предпочтешь однажды принимать пищу, очень добре сотворишь; так как пост и воздержание есть первая добродетель, — мать, корень, источник и основание всего добраго. — И из внешних мудрецов некто говорит: «избери наилучшую жизнь, навык же потом сделает ее приятною». И Василий великий: «где произволение с твердою решимостию, там нет препятствий». — И другой некто из богоносных мужей: «Начало плодоносия — цвет; а начало деятельной жизни воздержание» (пр. Нилач. 1. стр. 201).

Это, равно как и последующее за сим, иным покажется, может быть, неудобным, или даже и невозможным. Но кто возьмет во внимание процветающее от сего приплодие и пред очами ума держать станет обыкновенно порождающееся из сего славное состояние; тот признает сие нетрудным, и помощью Господа нашего Иисуса Христа при своем посильном о том рачении, и словами и делами воспроповедует, сколь сие удобоисполнимо, в подтверждение сего, как бы печать какую приложив ими (делами и словами). И св. Исаак говорит: «скудный хлеб на трапезе чистаго очищает душу вкушающаго от всякой страсти... От трапезы постящихся, пребывающих в бдении, и трудящихся о Господе возьми себе врачество жизни, и возбуди от омертвения душу свою. Ибо среди их возлежит Возлюбленный, освящая снеди их и горечь скудной трапезы их претворяя в неизреченную свою сладость; духовные же небесные служители Его осеняют их, и святые явства их» (Сл. 8, стр. 62). Еще: «Воня постника весьма сладостна, и встреча с ним веселить сердца разсудительных... Любезно Богу поведение воздержнаго». (тамже стр. 63).

33) Как надлежит питаться в субботу. Также о бдениях, и о том, как подобает принимать пищу во время оных.

Во всякую субботу, кроме великой, подобает тебе два раза принимать пищу, как выше положено для

вторника и четвертка. Это и по определению священных правил, и потому, что во все всего лета дни Господни должен ты совершать бдения, кроме сырного, и еще кроме того случая, когда на неделе случится какойнибудь великий Господский праздник, или праздник какоголибо из великих святых. Тогда совершай бдение в эти дни, а в день Господень оставляй его. — Но так или так будет, в субботу все два раза принимай пищу. Впрочем, так как тебе полезно всегда понуждать себя на делание бдения ночного, то гораздо лучше тебе, не смотря на совершение бдения на неделе, по случаю означенных выше дней, совершать оное и на Воскресение. Пользу от этого великую сам скоро увидишь; разверзется, скажем словом пророка Исаии, рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют (Ис. 58, 8).

Св. Исаак говорит: «каждому подвигу против греха и похотения труд бдения и пощения есть начало, особенно для того, кто подвизается против сущаго внутри нас греха. И из этого узревается признак ненависти ко греху и похоти в подвизающихся в сей невидимой брани. И все почти страстные прилоги начинают умаляться от пощения. После же него особенно содействует подвижничеству ночное бдение. Во всю жизнь свою любящий беседовать с сею двоицею, другом бывает целомудрия. Как упокоение чрева и многоспание до расслабления, возжигающее похоть блудную, суть начало всех зол: так суть путь Божий святой и основание всякой добродетели пост, бдение и бодренность в священнослужении Богу». — Еще: «В душе облиставшейся памятью Божиею и неусыпным бдением ночь и день, — вот где устрояет Господь, к утверждению ея и обезопасению, облако, сению своею покрывающее ее во дни, и светом огня освещающее ночью» (Пс. 77, 14). Еще: «избери себе сладостное делание, бдение всегдашнее по ночам, коими все отцы совлеклись ветхаго человека и сподобились обновления ума. В часы сии душа чувствует жизнь оную безсмертную, и в чувстве ея совлекается тмы страстей, и приемлет Духа Святаго». — Еще: «почти делание бдения, да обретешь утешение в душе своей». Еще: «не думай, человече, что во всем подвижничестве монашеском есть какоелибо делание, большее ночного бдения». — Еще: «на монаха, пребывающаго в бдении с разсуждением ума, не смотри, как на плоть носящаго: ибо дело сие, яко воистину, есть дело Ангельскаго чина». — Еще: «душа в сем Ангельском делании бдения трудящаяся, будет иметь херувимския очи, и ими созерцать и видеть непрестанно небесныя видения».

Бдения сии проводи в молитве, псалмопении и чтении, чисто, непарительно и с сокрушенным умилением, один, или с любезным и единомысленным содружием. После всякаго твоего бдения делай труда ради, от бдения бывшаго, небольшое утешение в пище и питии на вечера, именно: съедай хлеба унгии три, с приложением и сухих каких снедей, сколько потребно тебе будет, пей и вина с водою чаши три. Но смотри. имея бдение в день девятичный, никак не нарушай ради сего бдения девятицы. Ибо сие подобает творити и онаго не оставляти. Утешение, о коем здесь говорится, полагается по совершении бдения.

34) Как подобает питаться по Воскресеньям, — и о других вещах, также о труде и смирении.

Также и во все воскресные дни два раза в день принимай пищу, как и в субботы. Это установление цело да блюдетсЯ, как положено, кроме немощи. Тоже делай и во все дни, в кои так делать разрешили святые отцы, или долгим обычаем так установилось, по какимлибо причинам. И в эти дни не однажды принимаем мы пищу, и сухоядения не держим, но от всего полезнаго и не зазорнаго вкушаем, также и из овощей, что случится, с воздержанием однакож, и в определенном количестве; ибо воздержание во всем и всегда прекрасное дело. При телесных же немощах, можно,

как сказали мы, вкушать не стыдясь от всего потребного и разрешенного нам для поддержания тела. Ибо св. отцы научили нас быть страстоубийцами, а не телоубийцами. Разрешенное же разумеем не вообще христианам, а нам, по нашему иноческому чину. Всего сего причащайся с благодарением, во славу Божию, и во избежание кичения, только не допускай излишества. «Скудость вещей, говорит св. Исаак, невольно научает человека воздержанию, хотя бы он того и не хотел; напротив когда их у нас вдоволь, и доступ к ним открыт, тогда трудно нам себя воздержать». Телесного упокоения не люби. Ибо «душа, Бога возлюбившая, по слову опять преподобного Исаака, в Боге едином и упокоение имеет». — Избери же себе паче труд и скудость в содержании, — и смиренность. Ибо «труд и смирение, пишет некто из святых, стяжают Христа».

35) Какую диету держать и как жить в посты, и особенно в пост великий.

О диете и вообще об образе жизни во святые посты, излишне, думаю, толковать в особенности и подробно. Ибо как определено тебе поступать в те дни, в кои держишь девятицу, так надлежит тебе поступать и в святые посты, кроме суббот и воскресений. Но, если можешь, держи себя в них еще строже, и еще трезвеннее, наипаче же во святую великую Четыредесятницу, которая есть как бы десятая Богу от целого года, и победителям Христовым доставляет награды за подвиги пресветлым днем Божественного Воскресения.

36) О разсуждении в частности, и о том, что умеренному деланию цены нет; и о послушании.

Впрочем все сие и все подобное сему надлежит тебе проходить со тщательным разсуждением для сохранения мирного сердца устройства при удовлетворении потребностей двоякаго твоего естества. С премудростию, говорит Премудрый, зиждется дом и с разумом исправляется: с чувствием исполняются сокровища от всякаго богатства честного и добраго (Прит. 24, 3. 4). Пишет и божественный Фалассий: «разсудительная скудость и теснота царский есть путь; безразсудное же самоизнурение и безсловесная поблажливость вредны, как без толку с той и другой стороны бывающия». И преподобный Исаак: «за ослабою членов следует изступление и смятение помыслов; за неумеренным деланием — уныние, и за унынием изступление. Но одно изступление разнится от другаго изступления: за первым изступлением следует блудная брань; а за вторым — оставление безмолвнаго своего обиталища, и переходение с места на место. Умеренному же и терпеливо, хотя с трудом, держимому деланию, цены нет. Умаление подвижническаго самоутруждения множит сласть греховную, а безмерность в нем поражает изступление» (Сл. 71, стр. 524). И св. Максим исповедник: «Не все пекись о плоти, но определив ей подвиг по силе ея, весь ум свой обрати на внутреннее. Ибо телесное обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть (1 Тим. 4, 8)» [О любви сотня 4-я — 63]. Когда же весовая чаша плоти скольконибудь перетягивает, — мучит и тяготит чашу душевную, влекущи ее к пожеланиям и движениям безчинным и душетлительным, как написано: плоть похотствует на духа, дух же на плоть (Гал. 5, 15); тогда ты сам, обуздав ее браздою воздержания, умертвляй ее пока и нехотя станет она послушною правящему и покорится лучшему, припомнив слово великаго Павла: елико внешний наш человек тлеет, толико внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16)», — и св. Исаака: «дай себе умереть в подвигах, и не жить в нерадении: ибо не только те, кои за веру во Христа прияли смерть, суть мученики, но и те, кои умирают за соблюдение заповедей» — Еще: «Лучше нам умереть в подвигах, чем жить в падениях». — Еще: «Главное, — все делай с советом и вопрошением отца твоего духовнаго о Христе Иисусе: ибо таким образом благодатию Христовою, несносное и стремнистое бывает легко, — и тебе

покажется, будто ты несешься по равному, несколько покатоному полю». Но пора нам возвратиться к тому, с чего отступили (См. гл. 27).

37) Как подвижающемуся надлежит проводить время от вкушения пищи до заката солнца; и о том, что веровать должно, что по труду и мере делания нашего прибавляется нам и подаяние божественных даров.

Подкрепившись пищею, как подобает подвижающемуся, по слову божественного Павла, повелевающего: подвизайся от всех воздержитя (1 Кор. 9, 25), сядь и читай довольно отеческия писания, наипаче те, кои учат трезвению; потом сосни час один, если дни велики; встав затем, поруководельствуй немного, держа и молитву; после сего помолись, как прежде показано... опять читай, размышляй и поучайся, всячески стараясь смиренномудрствовать и иметь себя ниже всех людей.

Ибо возносяй себе, говорит Господь, смирится; смиряяй же себе, вознесется (Лк. 18, 14); еще: мняйся стояти, да блюдется, да не падет (1 Кор. 10, 12); еще: Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4, 6; Прит. 4, 34). Еще: начало гордыни отступление от Господа (Сир. 10, 14); еще: гордии законопреступоваху до зела (Пс. 118, 51); и еще: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся (Рим. 12, 16). И божественный Златоуст говорит: «тот наилучше знает себя, кто думает о себе, что он ничто; и ничто так Богу не любезно, как причисление себя к последнейшим». И св. Исаак: «смиренномудрым открываются тайны». — Еще: «где произрастает смирение, там источается слава Божия». Еще: «благодати предшествует смирение, а наказанию предшествует самомнение». — И св. Варсанофий: «если истинно желаешь спастися, то покажи послушание самым делом: воздвигни ноги твои от земли, ум же свой возведи на небеса, и там будь помышлением своим ночь и день, но при этом, сколько сил есть, почитай себя презренным, всячески напрягаясь видеть себя низшим всякаго человека. Это есть истинный путь; кроме его другаго нет для хотящаго спастися о укрепляющем его Христе (Фил. 4, 13). Да течет хотяй; да течет хотяй; да течет хотяй, — да постигнет (1 Кор. 9, 24). Свидетельствую сие пред Богом живым, хотящим жизнь вечную даровать всякому желающему» (отв. 477). И св. Лествичник: «не постился я, не совершал бдений, не спал на голой земле, но смирихся, паче всего ища ни во что себя вменения, и вскоре спасе мя Господь (Пс. 114, 5)». — Опять св. Варсонофий говорит: «безпопечение о всем приближает тебя ко граду; непочитание себя чем либо между людьми вселяет во град, а умертвие для всякаго человека делает наследником града и сокровищ его». Еще: «если хочешь спастися, держи ни во что себя вменение, и теки вперед». «Ни во что же себя вменение есть, — по преподобному Иоанну, ученику сего святаго, — не равнять себя ни с кем, и о добром деле не говорить: и я тоже сделал». После сего опять молись чисто и непарительно, пока спадет вечер. Тут пой обычную вечерню и отпуст сотвори, от чистаго сердца веруя, что, по мере труда и болезнования добродетели ради, и вообще по мере делания нашего подвижническаго, Богом присуждается нам подаяние даров, венцов и утешений, как говорит божественный Псалмопевец: по множеству болезней моих в сердце моем, утешения твоя возвеселиша душу мою (Пс. 93, 19). И Сам Спаситель: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы (Мф. 11, 28); и Павел великий: понеже с Ним (Христом) страждем, да и с Ним прославимся. Непшую бо, яко недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас (Рим. 8, 17. 18); и Максим, премудрый в разумении божественных вещей: «причиною (такого или другаго) раздаяния божественных благ бывает мера

веры каждого. Ибо поколику веруем. потолику и силу ревности о действовании по вере имеем. Почему действующий по вере соответственную своей деятельности показывает и меру веры, приемля, поколику веровал, и меру благодати. А не действующий по вере соответственную своему безделию показывает и меру безверия, приемля, поколику не веровал, илишение благодати. Таким образом худо делает завистливый, завидуя преуспевающим, когда явно в его власти, а не другого кого, состоит приложение веры и деятельности по вере, чтоб приять и по мере веры приходящую благодать».

Наконец, от души испрашивай, прочее время пребыть в мире и покаянии, сподобиться Христианской кончины живота, безболезненной, непостыдной и мирной, и добраго ответа на страшном судище Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

38) Чистая молитва есть больше всякаго делания.

К показанному выше знай и то, братие, что всякой метод или прием, всякое правило и, если хочешь, эти разныя делания, потому устанавливаются и узаконяются, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться. Поелику, когда сие, благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, совершится в нас, тогда мы, оставя многое и разнообразное, непосредственно паче разума соединяемся с Единым Единичным и Единящим, как сказано славным Богословом: «когда Бог с богами (т. е. богоподобными людьми) соединяется и ими познается, тогда Святым Духом всущественное в сердце совершается осеяние». — Оно раждается от помянутой чистой и непарительной молитвы сердечной. Редко же кто и едва один из тысячей сподобляется благодатию Христовою достигнуть такого устройства. А еще выше его востечь и духовной сподобиться молитвы, и удостоиться откровения таинств будущаго века есть достояние весьма немногих, в родах и родах появляющихся, благоволением благодати, как пишет и св. Исаак: «как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное и достигший душевной чистоты: так из тысячей разве один найдется, с великим хранением сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть сей предел и улучшить оное таинство, потому что многие чистой молитвы никак не сподобились, а немногие. Достигший же того таинства, которое после нея и за пределами ея есть, едва в роде и роде найдется кто благодатию Христовою» (Сл. 16, стр. 91)...

Почему и ты, если хочешь сподобиться таковых новых таинств делом и вещию, т. е. самым опытом о Христе Иисусе, во всякое время и всякий час, и во всяком делании твоём пытайся настраиваться так, чтобы молиться в сердце чисто и непарительно, , да тако, как из младенца ссушаго преуспеешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, и с верным и мудрым строителем (управляющим Лк. 12, 42) улучишь убажение и гласное одобрение, как в суде (разумно) устрояющий словеса свои, т. е. сообразно с словом и жизнь ведущий, почему и не поколеблешься во век. Филимон пишет о сем так: «брате, ночью или днем сподобит тебя Бог чисто и непарительно помолиться умом, не смотри на свое правило, но сколько есть у тебя силы, напрягайся пребыть в сем прилеплении к Богу, и Он просветит сердце твое о делании духовном». — И еще некто из богомудрых сказал: «если желаешь в теле, подобно безтелесным служить Богу, стяжи непрестанную сокровенную в сердце молитву, и прежде смерти душа твоя будет, как Ангел». — Согласно с сим пишет и св. Исаак; — когда будучи вопрошен неким, «что главное во всех трудах дела сего, т. е. безмолвия, чтоб достигший сего, уразумел, что достиг совершенства в сем образе жизни, — ответил: то, когда кто сподобится непрестанной молитвы. Ибо когда он достигнет сего, то это будет означать,

что он восшел на самый верх всех добродетелей и соделался уже жилищем Святаго Духа; так как тому, кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, не возможно с отрадою держать пребывание сей молитвы в сердце. Почему и говорится, что, когда Дух Святыи вселится в ком из людей, тогда не престаёт он от молитвы: ибо тогда Сам Дух молится в нем непрестанно (Рим. 8, 26). Тогда, и когда спит он, и когда бодрствует, молитва не пресекается в душе его; но ест ли, пьёт ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и воздыхания молитвенныя. Тогда молитва не отстует от него; но всякой час, хотя и умолкает таковая вне, внутри его не перестаёт она священнодействовать тайно. Почему молчание чистых некто из христоносцев называет молитвою; так как помыслы их суть божественныя движения; движения же чистаго сердца и ума суть кроткия гласы, коими они сокровенно воспевают Сокровеннаго» (Сл. 21, стр. 151–2). — И многие другие из богоносных мужей, будучи опытно самую благодатию тайно научаемы, изрекли много такого, удивления достойнаго. что мы по длительности слова опускаем.

39) О количестве коленопреклонений в продолжении дня и ночи.

Что касается количества коленопреклонений, то знаем, что триста числом определено их нам божественными отцами, кои и должны мы совершать в каждое нощенствие пяти дней недели. Ибо во всякую Субботу и всякое Воскресенье, а так же и в другия обычаем определенные дни и недедди, по некоторым таинственным и сокровенным причинам, воздерживаться от них получили мы заповедь. Некоторые впрочем более сего числа кладут поклонов. а иные менее: каждый по силе и произволению своему. И ты совершай их по силе своей, Впрочем блажен воистину, кто, всегда во всем, что по Богу есть, понуждая себя, понуждает себя часто и в этом. Ибо нудится царствие Божие, и нуждницы восхищают его (Мф. 11, 12).

40) О том, что раздаяние даров божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказано, но и по навыку и способности. по вере и естественному нашему предрасположению. И то ведать подобает, что раздаяние нам даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказали мы прежде, но и по навыковению сему образу жизни, и по способности. и по вере нашей и по естественному нашему расположению. Св. Максим говорит: «Ум есть орган премудрости; разум — орган ведения; естественное по обоим им убеждение орган, по обоим им составляющейся, веры; естественное же человеколюбие орган дарования исцелений. Ибо всякое дарование Божие благодатное способный к тому и естественный имеет в нас приемный орган, как силу, или навык, или предрасположение. Именно: кто ум свой сделал чистым от всяких чувственных мечтаний, тот приемлет премудрость; кто же разум поставил господином врожденных нам страстей, — разумею, гнева и похоти, тот приемлет ведение; кто по уму и разуму непоколебимое имеет убеждение в вещах божественных, тот приемлет вся могущую веру; кто в естественном преуспел человеколюбии, тот, по совершенном уничтожении самолюбия, приемлет дарование исцелений». — И все это так есть. —

Смотри же, чтоб никто не знал дела твоего, кроме настоятеля и руководителя твоего, моляся усердно и о нас недостойных, говорящих, но неделающих добра, да сподобимся первее творить угодное Богу, а потом и другим говорить и советовать. Ибо, по слову Господню, кто сотворит и научит, сей велии наречется (Мф. 5, 19). Тебе же Вседержитель и Господь всещедрый да дарует силу и да благопоспешит и выслушать сие разумно и творить со всем усердием: ибо, по божественному Павлу,

не слышатели закона праведни пред Богом, но творцы (Рим. 2, 13). И да наставит Он тебя на всякое дело благое и спасительное, и в подлежащем тебе умном и священном делании да поруководит Духом по молитвам Святых. — Аминь.

Но как впереди малое нечто сказано нами о деятельной разсудительности. то теперь благовременно, по силе нашей, вкратце сказать и о всеобъемлющей и совершеннейшей разсудительности: так как она больше всех добродетелей, по свидетельству великих отцев наших.

41) О всеобъемлющей и совершеннейшей разсудительности; и о том, кто живет противоестественно и плотски, — кто — по естеству и душевно, и кто выше естества и духовно.

Кто плотски и противоестественно живет и действует, тот совсем потерял свою разсудительность; а кто, отклоняясь от зла, положил начало творить благое, как написано: уклонися от зла и сотвори благо (Пс. 33, 15), тот, как только еще вводимый в область добра и ухо приклоняющий к учению, приникает мало некако к некоему чувству разсудительности, свойственной новонаначальному. Кто же по естеству и душевно, т. е. смысленно и разумно живет и действует, — почему называется и средним, тот, по своей мере, и видит и обсуждает и то, что его касается, и то, что касается подобных ему. Кто наконец выше естества и духовно живет, тот, как прошедший за предел страстного, новоначного и средняго. и благодатию Христовою достигший совершенства, т. е. всушественнаго просвещения, и совершеннейшей разсудительности, видит себя самого и обсуждает наияснейше, а также и всех видит и обсуждает определительно верно, сам не будучи ни от кого видим и обсуждаем верно, хотя у всех на виду находится, как говорит Апостол: духовный возстязует убо вся. а сам той ни от единого возстязуется (1 Кор. 2, 15).

42) Еще о разсудительности, в уподоблениях.

Из сих первый подобен шествующему в глубокой ночи и непроницаемой тме; почему, как блуждающий в непроглядной тме и мраком покрытый, не только себя не видит и не обсуждает, но и того не понимает. куда направляется и где полагает стопы свои. как говорит Спаситель: ходяй во тме не весть, камо идет (Ин. 12, 35). — Второй подобен шествующему в светлую ночь, звездами освещаемую; почему, мерцаниями звезд будучи мало некако осияваем. по немного ступает, часто спотыкаясь ногами о камни неразсудительности и подвергаясь падениям. Сей немножко и себя, как в тени, видит и обсуждает, как написано: востани сеяй. и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос (Еф. 5, 14). — Третий подобен шествующему в ночи полнолуной и тихой; почему, лучами лунными направляем будучи, идет менее заблудно. и в предняя простирается, — себя видит, как в зеркале, и обсуждает. равно как и шествующих ему, как сказано: емуже, т. е. пророческому слову, внимающе, яко светилу, сияюще в темном месте. добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших (2 Петр. 1, 19). — Четвертый подобен шествующему в полдень чистейший, светлыми лучами солнца освещаемый; почему таковой и сам себя совершенно видит, как при солнечном свете, и обсуждает полно и верно, и других многих, лучше же сказать, всех возстязует. по вышеприведенному слову св. Павла, — да и все, встречающееся с ним, что бы то ни было и как бы ни было, — сам шествуя незаблудно и последующих ему ведя непреткновенно к настоящему Свету, животу и истине. О таковых написано: вы есте свет мира (Мф. 5, 14); и божественный Павел говорит: Бог, рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших. к просвещению разума славы Божия о лице Иисусе Христове (2 Кор. 4, 6); и блаженный Давид: знаменася на нас свете лица Твоего, Господи (Пс. 4, 7); еще: во свете Твоем узрим свете (Пс. 35, 10); и опять сам Господь: Аз есмь свете

миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать Свете животный (Ин. 8, 12)

43) О предложении и изменении, бывающем с каждым человеком, и о высокой славе смирения. Желаем мы. чтоб ты ведал и то, что и совершенства достигшие. чрез очищение себя и просвещение, сколько это возможно [ибо в нынешнем несовершенном веке нет совершенного совершенства, но паче недовершенное совершенство], — и такие не всегда сохраняют неизменность, и по причине естественной немощи. и по причине прокрадывающагося иной раз возношения. но и изменения и окрадения претерпевают иногда во испытание. и опять заступлений наибольших сподобляются. Ибо непреложность и неизменность есть достояние будущаго века; в настоящем же веке бывает то время чистоты. мира и утешения божественнаго. то примешения нечистаго волнения и печали, и это соответственно жизни и преуспеянию каждаго. и имиже весть Господь судьбами, для того, да познавая из сего немощь свою [ибо блажен, говорит некто. сознающий немощь свою], подобно св. Павлу, ненадеющаея будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя (2 Кор. 1, 9). И св. Исаак говорит: «один раз за другим иные многократно преступают закон, и покаянием врачуют души свои, и благодать приемлет их; потому что во всяком разумном существе без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. И разсудительный имеет много случаев уразуметь это. Но испытания, каждый день бывающия с ним, особенно могут умудрить его в этом. если он трезвенно бодрствует над собою. между прочим и для того, чтоб наблюсти себя умом и познать, какое изменение в кротости и тихонравии принимает душа каждый день. и как из мирнаго устройства своего внезапно переходит она в смятение, и как бывает при сем в великой и несказанной опасности. — И сие—то блаженный Макарий явно по великому попечению и ревности о братиях написал на память и в научение их, — не предаваться. во время изменения сопротивлений (или браней), в отчаяние. потому что и с стоящими в чине чистоты случаются всегда падения, как случается с воздухом охлаждение, и без того, чтоб они были в нерадении и разленении, а напротив когда шествуют по чину своему, случаются с ними падения, противныя цели их стремления» (Исаак сл. 46, стр. 283 4).

И еще немного ниже говорит он: «изменения, говорит св. Макарий в каждом бывают, как в воздухе». Выразумей это — в каждом, — потому что естественно одно. Чтоб ты не подумал, что он сказал это о низших и немощнейших, полагая, что совершенные свободны от изменения, и всегда стоят неуклонно в одном чине, без страстных помыслов, как и Евхиты говорят, прибавил он это — в каждом. Как же это блаженне Макарие? Ты говоришь, что как вне бывает холод и вскоре потом зной, там град и спустя немного ведро: так бывает и в нашем подвижничестве: то брань, то заступление благодати; в иное время душа бывает в обуревании, и возстают на нее жестокия волны; и снова происходит изменение, потому что приходит благодать, и наполняет сердце человека радостью и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами. Он указывает здесь на сии помыслы целомудрия, намекая, что прежде них были скотские и нечистые, и как бы совет дает, говоря: «если за сими целомудренными, и скромными помыслами, последует нападение худых, не будем печалиться и отчаяваться. — И всегда, во время упокоения благодатнаго не будем величаться в самовосхвалении; но во время радости станем ожидать скорби» (там же стр. 285).

Далее говорит он еще: «Знай, что все святые пребывали в сем деле. Пока мы в сем мире, вместе с прискорбным бывает нам втайне и утешение избыточествующее. Ибо каждый день и каждый час требуется от нас опыт любви нашей к Богу, в борьбе и подвиге против искушений. И вот что есть —

не печалиться и не унывать нам в подвиге; и так исправляется путь наш. Желаящий же от этого отступить, или уклониться, бывает добычею волков. Вот дивно что в сем отце святом, — как он кратким словом подтвердил мысль сию, доказал, что она исполнена разума, и из ума читающего совершенно исторг всякое сомнение! Он говорит: уклоняющийся от сего и частию волков ставший не хочет шествовать должным путем, но положил в уме своем стяжать искомое, шествуя путем собственным, по которому не ступали ноги отцев» (тамже стр. 286 — 7).

Еще ниже: «смирение и без дел многим прегрешениям стяжывает прощение; а дела без него напротив бесполезны. — Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели, и крепость многих грехов может оно сокрушить. Об нем потому нужно в душе печалиться (заботиться) непрестанно, с уничтожением своего разумения; и если приобретем его, оно сделает нас сынами Божиими, и без дел добрых представит нас Богу, а без него все дела наши, всякия добродетели и всякое делание напрасны. — Его одного достаточно, чтоб без сторонней помощи представить нас пред лице Бога и говорить за нас ходатайственно» (тамже стр. 289). И еще: «сказал некто из святых: когда придет к тебе помысл гордыни, говоря: вспомни добродетели свои, ты скажи ему: смотри, старик, на блуд свой» (тамже стр. 290).

44) О покаянии, чистоте и совершенстве.

Св. Исаак говорит: «совершенство всего течения нашего состоит в следующих трех: в покаянии, чистоте и совершенстве. — Что же есть покаяние? — Оставить прежнее и печалиться о нем. Что есть чистота вкратце? — Сердце милосердующее о всяком созданном естестве. И что есть совершенство? — Глубина смирения, которая есть оставление всего видимого и невидимого: видимого — всех чувственных вещей, невидимого - существ мысленных» (Сл. 48, стр. 298).

Иначе: «покаяние есть сугубое умертвие от всего, произвольное. Сердце милосердующее есть горение сердца о всякой твари, и о людях, и о птицах, и о животных, и о демонах, и о всяком создании» (тамже).

И опять: «пока мы в мире сем находимся и остаемся во плоти, дотоле, если до самого свода небесного подыдемся, без дел и труда, и в беспечении быть не можем. — В этом все совершенство, прости мне Выше же этого есть тайное в сердце поучение без помышлений или умная молитва (Сл. 47, в конце).

Св. Максим говорит: «любомудрие по добродетели обыкновенно производит безстрастие произволения, а не безстрастие естества, в силу коего, т. е. безстрастия произволения, приходит в душу мысленная благодать божественной сладости». И опять: Испытавший печаль и сладость плотскую может быть назван опытным, как опытом познавший приятности и неприятности вещей плотских, совершенным, — силою разума победивший сладости плотския и прискорбности, всецелым, — деятельными и мысленными навыкновения неизменными соблюдишь крепким к Богу устремлением. Сего ради разсудительность и признана высшею всех добродетелей, что те, у кого она, по благоволению Божию, породится, будучи просвещаемы божественным светом., могут наиточнейше различать божеския и человеческия вещи, и видения таинственные и сокровенныя».

Но время уже по ряду изложить тебе, сколько доступно нам, что касается начала священного и боготворного безмолвия. Бог же да наставит нас в том, что имеет быть сказано.

45) О пяти деланиях первоначального, или вводного безмолвия приступающих к нему, именно:

молитве, псалмопении, чтении, богомыслии и рукоделии.

В пяти деланиях, коими благоугождается Бог, должен проводить свое нощенствие. или часы дня и ночи, только что приступивший к безмолвию, новоначальный, именно: в молитве, т. е. в памятовании Господа Иисуса Христа непрестанном, тихо вводимом, как сказано прежде, путем дыхания, в сердце, и опять также изводимом, при смежении уст, без всякой какой либо иной мысли и воображения, которая (молитва), при всестороннем воздержании, т. е. при обуздании чрева, сна и других чувств, с искренним смирением исправляется в келлии. (Кроме сей молитвы должен он проводить время) в псалмопении, в чтении священнаго Апостола и святых Евангелий, писаний святых и богоносных отцев, особенно глав о молитве и трезвении, и прочих божественных словес Духа, в воспоминании с болезнованием сердечным грехов своих, в размышлении о суде Божиим, или о смерти, или о вечном мучении, или о вкушении вечных благ, и о подобном, — и в рукоделии небольшом, для прогнания уныния. (Но после сих деланий, особенно рукоделья) надлежит опять возвращаться к молитве, хотя делание ея притрудно, и требует самопринуждения, пока ум навькнет легко пресекать свое парение, всецелым приседением (или вниманием полным) Господу Иисусу Христу, непрестанною о Нем памятию, частым приникновением во внутреннюю клеть или сокровенную область сердца и водруженным там вкоренением внимания. Пишет о сем и св. Исаак: «потщися войти в клеть, внутрь тебя сущую, и узришь клеть небесную: ибо одна есть и сия оная; и одним входом узришь ты обе». — И св. Максим: «сердце правит всеми органами, и когда благодать займет все пажити сердца, тогда оно царствует над всеми помыслами и членами. Ибо там ум и все помыслы душевные; там потому должно смотреть: написала ли благодать всесвятаго Духа законы свои». Там: где? В господственном органе, на престоле благодати, где ум и все помыслы душевные, т. е. в сердце.

46) С чего начинать надо восхотевшим разумно безмолвствовать, какое сему начало, возвращение, преуспеяние и совершенство.

Вот делание первоначальных монахов, первое и как бы вводное для взявшихся безмолвствовать разумно: начинают они страхом Божиим, постоянным исполнением всех заповедей боготворных и безпопечением о всех благословных и неблагословных вещах, прежде же всего верою. совершенным удалением от всего, противнаго сему начинанию, и искренним расположением к истинно сущему, как сказано прежде. Возрастают упованием непостыдным, простираясь вперед в меру возраста исполнения Христова пребыванием в сердечной молитве, чистой и непарительной. со всецелым к Богу прилеплением. И таким образом вступают в совершенство с неизменною и непрестанною духовною молитвою, и из совершенной любви источающимся к единому Богу изступлением, восхищением и единением превожделенным: что и есть деянием к созерцанию непогрешительное приспеяние и воспростертие, которое испытал, Богоотец Давид, и изменившись блаженным оным изменением, велегласно возопил: аз рех во изступлении моем: всяк человек лож (Пс. 115, 2). Другой же некто из просиявших в сем чине исповедал: око не виде, и ухо не слыша и на сердце человеку не въздоша, яже уготова Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9); и потом приложил: нам же Бог открыл есть Духом своим: Дух же вся испытует и глубины Божия (тамже ст. 10).

47) О чине безмолвия новоначальных.

Итак, новоначальный. по сказанному пред сим, должен не часто выходить из келлии своей и избегать бесед и свиданий со всеми, разве только по крайней нужде допуская себе это, и то со вниманием.

сдержанностию, и редко, как говорит и божественный Исаак: «при всяком деле память сия (об охранении себя) да пребывает с тобою, потому что помощь, которая от охранения себя, больше помощи, которая от дел». — Эти беседы и свидания не только в новоначальных, но и в преуспевающих уже производят рассеяние и расхищение мыслей, как говорит опять тот же Исаак, что «упокоение плоти юным только вред приносит, а распушенность и юным и старым», и что «безмолвие внешняя чувства умерщвляет, а движения внутренняя оживляет; внешнее же соображение противное сему производит, т. е. внешняя чувства оживляет, а внутренняя движения умерщвляет». Лествичник же пишет: «ббезмолвник тот, кто существо безтелесное — душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома, что крайне дивно». Еще: «безмолвник тот, кто говорит: аз сплю, а сердце мое бдит (Песн. песн. 5, 2). И еще: «затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед и внутреннюю дверь души — для лукавых духов» (Сл. 27, 6. 17. 18).

48) О внимательной и трезвенной сердечной молитве и делании ея.

Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутрь сердца, без всякой другой мысли и воображения какого либо, словами: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий невещественно и безгласно воспростирает ум к самому призываемому Господу Иисусу Христу, словами же: помилуй мя опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда он достигнет опытом совершенной любви, тогда всецело воспростирается он к единому Господу Иисусу Христу, о втором (т. е. о помиловании) прияв действительное извещение. (Почему, как говорит другой некто, взывает только: Господи, Иисусе Христе! в сильном любительном расположении сердца).

49) Как святые отцы предали нам говорить молитву.

Почему не все св. отцы предают нам всегда всю произносить молитву, но кто всю, кто половину, может быть, по силе и состоянию молящегося. Так божественный Златоуст передает всю ее возглашать, говоря так: умоляю вас, братие, никогда не оставлять правила молитвы, или пренебречь о нем. Ибо я слышал некогда отцев, которые говорили: «какой это монах, если он небрежет о правиле, или попирает его? Но он должен, ест ли или пьет, сидит дома или путешествует, или другое что делает, непрестанно взывать: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — дабы это поминание имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань против врага. Поминанием сим душа, нудящая себя на то, может разыскать в себе все, и худое и доброе: прежде имеет она увидеть внутри, в сердце своем, худое, а потом и доброе. Поминание сие имеет привести в движение змия, и поминание сие имеет смирить его. Поминание сие может обличить живущий в нас грех, и поминание сие может потребить его. Поминание сие может подвигнуть всю силу вражью в сердце, и поминание сие может победить и искоренить ее мало по малу: имя, Господа Иисуса Христа, исходя в глубину сердца, змия, держащего пажити ея, смирит, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два в едином. Впрочем дело сие не есть дело одного дня или двух, но многих лет и долгаго времени: ибо великий требуется подвиг и многолетний, да извергнется враг и вселится Христос».

И опять: «Нужно запереться в себе, и править умом, и обуздывать его, и всякий помысл и всякое действие лукаваго казнить призыванием Господа нашего Иисуса Христа». Еще: «где стоит тело, там да будет и ум, чтоб посреде между Богом и сердцем ничего другаго не находилось, как средостение, или перегородка, затеняющая сердце, и отделяющая ум от Бога. Если же иной раз чтонибудь

похитит ум, не надо замедлять в помыслах, дабы сосложение с помыслами не вменилось в дело греховное в день суда пред лицом Господа, когда судить имеет Бог тайная человек. Упразднитесь убо всегда и пребывайте с Господом Богом нашим, пока Он ущедрит вас. И ничего другого не ищите у Господа славы, кроме одной сей милости: ища же милости, ищите ее с сердцем смиренным и умилненным, и с утра до вечера вопийте, а если можно, то и всю ночь: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, и понуждайте ум свой на это дело до самой смерти. Ибо великаго понуждения требует дело сие, потому что узки врата и тесен путь, вводящий в живот, и одни нудящие себя входят в него: ибо таких нудящих себя есть царствие небесное (Мф. 7, 14; 11, 12). — Умоляю убо вас, не отдаляйте сердец ваших от Бога, но внимайте им и храните их всегдашним памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока не укоренится имя Господа внутрь сердца вашего, и оно ни о чем уже другом не станет помышлять, как только о том, да возвеличится Христос в вас».

Прежде же сего св. Златоуста св. Павел в одном из посланий своих сказал: аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоём, яко Бог того воздвиже из мертвых, спасешися: сердцем бо веруется в правду усты же исповестся во спасение (Рим. 10, 9, 10). И опять: никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1 Кор. 12, 3). Сие — Духом Святым прилагает он в таком смысле: когда сердце восприимет действие Духа Святаго, коим и молится: что есть достояние преуспевших, и тех, кои обогатились действительно возобитавшим в них Христом. — Согласно с этим говорит и св. Диадок: «Ум наш, когда памятью Божию затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было какое нибудь, обязательное для него, дело для утоления его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность к достижению предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как говорит Апостол, никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым. С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение (Господи, Иисусе Христе, и проч.) умом, в себе утесняющимся, непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтобы при этом он не уклонялся ни в какия сторонния мечтания. Которые сие святое и преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно пополяет всякую скверну, появляющуюся в душе. Ибо Бог наш огонь поядаяй есть всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожделенное Имя, укосневая чрез памятование о Нем ума в теплом сердце, поражает в нас навык любить благостыню Его безпрепятственно, потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие — т— есть бисер оный многоценный, который стяжывают, продав все свое имение с неизреченною радостью об обретении Его» (гл. 59). Святой же Исихий мысль свою о сем излагает так: «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним во вратех (Пс. 126, 5). Только до самого исхода своего, да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ея вскоре, по неложному божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном Судье: ей глаголю вам, яко сотворит отмщение вскоре (Лк. 18, 8), — и в настоящей жизни, и по исходе ея из тела» (гл. 149). Лествичник говорит: «Бей супостатов Иисусовым именем; ибо против них нет более сильного оружия, ни на небе, ни на земле»

(Сл. 21, 7). В другом месте прилагает он: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия» (Сл. 27, 61).

50) О том, что не только у св. отцев, но и у св. Апостолов обретаются, тайноводственно изреченныя Духом, словеса священной молитвы сей.

Но не только у сказанных св. отцев и подобных им, найдешь ты словеса священной молитвы, но и еще прежде них, у самых первых и верховных Апостолов Петра, Павла и Иоанна. — Один из них, как сказали мы прежде, говорит: никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1 Кор. 12, 3); другой: благодать и истина Иисус Христом бысть (Иоан. 1, 17), — и еще: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть (1 Ин. 4, 2); предпочтенный же другим ученикам Христовым, на вопрос Спасителя ко всем Апостолам: — кого Мя глаголют человецы быти, — ответил от лица всех, блаженнейшее вводя исповедание: Ты еси Христос, Сын Бога Живаго (Мф. 16, 13. 16). — Почему и после них бывшие, наши славные наставники, и из них особенно те, кои шествовали путем бесподъяремной, пустынной и безмолвной жизни, такая изречения, раздробленно и по частям тремя такими столпами святыя Церкви предвозглашенныя, и как божественные глаголы, по откровению Духом Святым предъзаконенныя, собрав воедино и одни с другими, с помощью живущаго в них Духа Святаго, прекрасно согласив и сгармонировав, составили священную нашу молитву, нарекли ее столпом молитвы, и последующим за ними предавши — держать ее и хранить в том же виде.

Посмотри теперь, какой в сем дивный чин и какая дивная последовательность, носящая явную печать небесной премудрости! — Один возглашает имя: Господа Иисуса, другой: Иисуса Христа, третий: Христа, Сына Божия, как бы один за другим следуя, и один другаго со вниманием держась, в согласии и сочетании сих богодейственных глаголов. Видишь, как каждый из них берет в конце изречения другаго стоящее речение и его полагает началом своего? — Блаженный Павел сказал: никто не может исповедать Господа Иисуса. Последнее речение: Иисуса берет св. Иоанн и ставит первым в своем изречении: иже исповесть Иисуса Христа. Последнее его речение: Христа в исповедании св. Петра помянуто первым: Ты Христос Сын Бога. Так составилось как триплетная и нерасторжимая вервь, боготворная молитва наша, премудро и разумно сплетенная и сотканная. Так до нас дошла, так блюдетя нами, и в том же виде от нас перейдет, к тем, кои будут после нас. Что касается до речения: помилуй мя, прилагаемаго к спасительным словам молитвы, т. е. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, — то его приложили св. отцы, наипаче для младенчествующих еще в деле добродетели, новоначальных и несовершенных, ибо преуспевшие и совершенные о Христе, каждым из сих воззваний одним: Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе Сыне Божий! или даже только возглашением: Иисусе, довольны бывають, объемля то и лобызая, как полное делание молитвы, и чрез это одно исполняемы бывая неизреченной, всякой ум, всякое видение и всякое слышание превосходящей сладости и радования. — В убеждение и удостоверение в сем полнейшее сладчайший и душелюбивый Господь наш, Иисус Христос, Сын Божий, Коего словеса суть дела и глаголы — Дух и живот, явно возвестил: без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 17, 5); еще: аще что просите от Отца во имя Мое, Аз сотворю (Ин. 14, 13. 14).

51) О том, что и новоначальным можно молиться иногда всеми словами молитвы, иногда частию их, — внутри однакож сердца и всегда, и о том, что не надо часто переменять речения молитвенныя. Можно и новоначальным молиться иногда всеми словами молитвы, а иногда частию их, внутрь

впрочем сердца и непрестанно. Ибо, по св. Диадоху, «всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей, — и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику же таковой шествие свое совершает в ограждении добродетелями, сии самыя добродетели имея, как бы превратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными» (гл. 57). — Пишет и св. Исаак: «кто ежечасно назирает за душею своею, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутри сердца своего» (Сл. 8, стр. 54).

Но при сем не следует часто переменять речения молитвы, чтобы таким частым переменением и перенесением (внимания одного на другое), ум, привыкши к нестоянию на одном и уклонению от него, навсегда не остался неводруженным в себе и потому бесплодным, подобно древам, часто пересаждаемым с места на место.

52) О том, что плод внутри — сердечной молитвы требует долгаго времени подвига и нуждения себя, и что вообще все доброе немалым трудом и временем достигается.

То, чтоб молиться всегда внутри сердца, равно как и то, что за пределами сего последует, достигается непросто и как случилось, не с недолгим и малым трудом, — хотя и это с некоторыми, по неизреченному смотрению Божию бывает, но требует долгаго и времени, и труда, и подвига, телеснаго и душевнаго, и нуждения себя напряженнаго и продолжительнаго. Ибо, по превосходству дара и благодати, коих чаем мы сделаться причастными, надлежит нам по силе своей приложить и соразмеренные с тем подвиги, и часы или предел того означить, — который, по священным наставникам нашим, есть — извержение из пажитей сердца врага, и действнное вселение в него Христа. Так св. Исаак говорит: «кто желает видеть Господа внутри себя, да напряжется всеусильно очистить сердце свое непрестанным памятованием о Боге, и тако во светлости ума своего всякой час будет он зреть Господа» (Сл. 8, стр. 55). И св. Варсонофий: «если внутреннее делание с Богом не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Ибо внутреннее делание с болезнованием сердца приносит чистоту; чистота — истинное безмолвие сердца; безмолвие сие — смирение; смирение же уготовляет человека в обителище Богу; силою же возобитания такого изгоняются бесы со страстьми; и бывает тако человек храмом Божиим, полным святости, полным света, чистоты и благодати. Блажен тот, кто, во внутреннейших тайниках сердца созерцая Господа, с плачем изливает пред Его благостию моление свое» (Отв. 210). И преподобный Иоанн Карпатский: «долгий подвиг в молитвах и немалое время потребны для того, чтоб в нестужаемом устроении ума обрести иное некое сердечное небо, где обитает Христос, как говорит Апостол: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусне есте (2 Кор. 13, 5)». — И великий Златоуст: «непрестанно пребывай с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будет два едино. Но дело сие не есть дело одного дня, или двух, но долгаго подвига и немалаго времени. Ибо много подвигов и времени потребно, да извержется враг и вселится Христос».

53) О молитве сердечной нечистой; и о том, как достигает кто молитвы чистой и непарительной. От постоянства в употреблении сказаннаго метода или приема к стяжанию чистой и непарительной молитвы, с препобеждением всех к тому препон в помыслах и внешних соприкосновениях, подвизающийся приходит наконец в навыкновение без нуждения себя молиться истинно, чисто и непарительно, или в такое устроение, в коем ум всегда пребывает в сердце, не с нужденими против

воли вводим бывая туда чрез дыхание, и тотчас опять выскакивая, но там неисходно с любовию пребывая, и непрестанно моляся. Св. Исихий говорит: «кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовала бы во внутренних сокровенностях сердца, дабы призыванием Господа Иисуса Христа не зримо был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий» (Гл. 21). И еще: «блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим, или пламя к свече». И тут же еще: «солнце, проходя над землею, производит день, а святое и поклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает безчисленное множество солнцевидных помышлений» (Гл. 196).

54) О непарительной и чистой сердечной молитве, и раждающейся от нея теплоте.

Та есть и именуется сердечною молитвою — чистою и непарительною, из которой раждается в сердце некая теплота, как поется в псалмах: согрея сердце мое и в поучении моем возгорится огонь (Пс. 38, 44), — огонь, который Господь Иисус Христос пришел вобрести на землю сердец наших, прежде износившую терние страстей, ныне приносящую духовные плоды благодатию, как говорит Господь наш Иисус Христос: огня приидох вобрести на землю, и что хочу, аще уже возгорюся (Лк. 12, 49), — который (огнь) некогда, и Клеопу с бывшим с ним спутником, согревши и разжегши, заставил в изступлении вопиять друг ко другу: не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама Писания? (Лук. 24, 32). Говорит и св. Иоанн Дамаскин в одном тропаре своих к Богородице Пречистой песнопений: «влечет меня к песнопению сердечный огнь любви девический». — И св. Исаак пишет: «от напряженного делания раждается безмерная горячность, распалается в сердце горячими помышлениями, вновь появляющимися в уме. А сие делание и хранение утончают ум своею горячностью, и сообщают ему видение. — От сей горячности, производимой благодатию созерцания, раждается слезный ток. — От непрестанных слез душа приемлет умирение помыслов и возвышается до чистоты ума, а при чистоте ума человек приходит в видение таин Божиих. — После сего ум достигает до зренья откровений и знамений, как видел Пророк Иезекииль» (Сл. 59, стр. 459 — 60). И еще: «слезы, ударение себя по главе во время молитвы, повержение на землю побуждают сладостную теплоту слез внутрь сердца, и сердце с похвальною восторженностью воспаряет к Богу, взывая: возжада душа моя к Тебе Богу крепкому и живому: когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи (Пс. 41, 3)». (Сл. 69, стр. 508). И Иоанн Лествичник: «огнь (духовный), пришедши в сердце, воскрешает молитву; по воскресении же и вознесении ея на небо, бывает сошествие огня небеснаго в горницу души» (Сл. 28, 45). И еще: «кто есть верный и разумный монах, который теплоту свою сохранил неугасимою, и до самого исхода своего не переставал прилагать огнь к огню, теплоту к теплоте, вожделение к вожделению, тщание к тщанию». — И св. Илия едик: «когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда молитва, как пламя некое, окружив ее, как огнь железо, делает ее всю огненною. И тогда душа — все та же душа, только бывает неприкосновенною для всего внешнего, подобно раскаленному железу» (Гл. 103). Еще: «Блажен, кто еще в жизни сей таким видетися сподобился; и сам свой бранный по естеству образ видит огненным по благодати».

55) Теплота различное имеет порождение; но та, которая происходит от чистой сердечной молитвы есть самая настояще истинная.

Ведай, что теплота таковая различное и многообразное имеет в нас порождение и пребывание. Это

явно из изложенных изречений святых отцев, но не смеем сказать, что — и из самого дела (опыта). — Из них наиподлиннейшая теплота есть та, которая приходит от чистой сердечной молитвы, с нею всегда поражается, возрастает и в существенном просвещении субботствует, т. е. существенно просвещенным, по свидетельству отцев, делает человека, так себя имеющего.

56) Какое непосредственное действие теплоты сердечной.

Сия теплота непосредственно отгоняет все, что препятствует совершенным образом совершаться первейшей чистой молитве. Ибо огонь есть Бог наш, и огонь поядующий злокозненность бесов и страстей наших. Св. Диодор говорит: «когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовския стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, — это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ея. Ибо если она не потерпит великих болей от безстыдства греха, то не возможет потом богато порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить свое сердце, да разгорячает его непрестанно памятию о Господе Иисусе, имея это одно (т. е. чтоб памятовать Господа) предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает; так и тот, кто иногда помятует о Боге, а иногда нет, что, кажется, что кажется приобретает молитвою, то теряет пресечением ея. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнею памятию о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благаго памятования, душас полною славою совершенно востекла к естественной своей светозарности» (гл. 97). Вот каким образом ум, безпрепятственно пребывая в сердце, молится чисто и без блуждения, по слову святого, который говорит: «огда бываетчистая и неблуждательная молитва, когда ум блюдет сердце, во время молитвы». Пишет и св. Исихий: «тот подлинно истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог)».

57) О вожделении Господа и расположении к Нему, кои раждаются от теплаго внимания и молитвы. От таковой молитвы, теплой и со вниманием, т. е. от чистой молитвы раждаются в сердце вожделение, божественное раположение и любовь ко всему памятуемому Господу Иисусу Христу, как написано: отроковицы возлюбиша тя, привлекоша тя (Пес. Пес. 1, 2). И еще: уязвлена есмь любовью аз (Тамже 2, 5) И св. Максим говорит: «все добродетели содействуют уму в божественном расположении, более же всех чистая молитва: ибо чрез нее к Богу воспаряя бывает он вне всего».

58) О слезах сердечных; и еще о божественном вожделении и расположении.

Из такого сердца исстачается почасту и слеза, очищающая и утучняющая, а не истощающая и иссушающая обогатившагося сим. Ибо сие последнее бывает от страха божественнаго, а то первое — от божественнаго расположения, при сильном и неудержимом вожделении и возлюблении приснопамятуемаго Господа Иисуса Христа. В восторге приведенная сим, душа вопиет: «усладил Ты мене вожделением, Христе, и изменил божественным Твоим расположением». И еще: «весь еси, Спасе, сладость, весь еси желание и вожделение, весь еси ненасытен, весь красота недомыслимая». — И с Павлом, проповедником Христовым, взывает: любы Божия обдержит нас (2 Кор. 5, 114). — Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад,

или нагота, или беда, или меч? — Известихся, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем (Рим. 8, 35. 38. 39).

59) Увещание — не искать ничего, что выше меры; и — еще — руководство относительно непрестанного сердцем памятования Господа нашего Иисуса Христа.

Да сподобиться желающий сего и того, что после сего бывает, — о чем теперь неблагоприятно говорить, — пусть строго держится следующего правила: «не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время: ибо и доброе не добро, если не добре делается». — И по св. Марку: «не полезно прежде делания первейших дел, знать о вторых: ибо знание без делания надымает, а любовь созидает, потому что все терпит» (1 Кор. 5, 1). — Всемерно надо стараться, и всегда подвизаться о том, чтоб, как сказано, памятование Господа Иисуса Христа непрестанно носить во глубине сердца, — во глубине, а не вне и не сверху, — как говорит и об этом тот же св. Марк: «если полною духовною надеждою не откроется внутреннейшее сокровенное вместилище сердца нашего, то нельзя верно узнать живущаго там и увидеть приняты ли наши словесныя жертвы или нет».

60) О теплой ревности, о божественном в нас явлении, и о существенном просвещении благодати. Ибо таким образом ревнитель о совершенстве в духе удобно отклонится не от дел только лукавых, но и от помыслов страстных и от мечтаний неподобных, как написано: духом ходите и похоти плотския не совершайте (Гал. 5, 16). И не только это, но и от всякаго вообще помысла и от всякаго мечтания отступит он, как попяляющий и потребляющий горячею своею о добродетели ревностию всякое лукавое действо, прежде чувственно и мысленно в нем действовавшее, с началовождями всего зла злорадными бесами, как говорит св. Исаак: «страшен бесам и вожделенен Богу и Ангелам Его, кто с пламенною ревностию искореняет возвращаемое в нем от врага терние». (Сл. 8, стр. 56). — И в такое преуспеяние приидет он, что от сего примет извещение о любви к нему Божией, и действительного сподобится проявления и вселения существенного и божественного просвещения благодати, и в великом радовании востечет к прежнему, благодатию св. крещения священнодейственно сообщенному нам благородию и сыноположению. духовному. И о сем далее говорит св. Исаак: «это Иерусалим и царство Божие, внутри нас сокровенное, по слову Господню (Лк. 17. 21). Эта область облако есть Божией славы, в которую только чистые сердцем внидут узреть лице своего Владыки» (тамже). Только сам он да не ищет явления Бога в себе, чтоб не принять того, кто воистину тма есть, — и лживо представляется светом.

61) О действиях Божеском и вражеском.

Почему, если ум его увидит свет, когда он не ищет его, то пусть не принимает его и не упраздняет, как говорит св. Марк: «есть действо благодати, неведомое младенчеству о Христе, и есть другое действо злой силы. истине уподобляемое. Хорошо не всматриваться в таковое явление, из опасения прелести, и не проклинать его, из опасения оскорбить истину; но во всяком случае прибегать к Богу, Который Один ведает полезное в том и другом. Впрочем пусть спрашивает имеющаго благодать и силу по Богу научить и рассудить»

62) Об учителе просвещенном и незаблудном.

И если найдет могущаго научить, не потому только что узнал то из Божественного Писания, но потому, что и сам блаженно испытал божественное просвещение, — благодарение Богу. Если же нет, то лучше ему не принимать того, но в смирении прибегать к Богу, от искренняго сердца

недостойным себя почитая и называя такого удостоения и видения, как сему тайно научились мы благодатию Христовою от языков (уст) нелживых, Духом Святым движимых и вещающих, равно как из богодухновенных Писаний, — а отчасти и из опыта.

63) О просвещении истинном и ложном, т. е. о свете Божеском и лукавом — вражеском.

В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывают признаки непрелестного и прелестного просвещения, как сделал и треблаженный Павел Латрский, когда вопрошившему его о сем ученику своему, сказал: «свет силы вражеской огневиден, дымоват и подобен чувственному огню; и когда душа, обуздавшая страсти и очистившаяся от них, увидит его, с неприятностию относится к нему и гнушается им: свет же Духа благаго благ, радостотворен и чист, и приближаясь освящает светом, радостию и тихостию исполняет душу, и делает ее кроткою и человеколюбивою». Тоже говорят и другие.

64) О мечтании непотребном и благопотребном и как должно относиться к ним.

Как немного прежде помянули мы о мечтании, и о мечтании непотребном, то очень полезно будет, как нам кажется, и еще, сколько сможем, поговорить и о нем, и о всяком вообще мечтании. Ибо очень много противится оно проклятое чистой седечной молитве, и единичному неблуждающему деланию ума. Почему божественные отцы часто очень говорят о нем и против него. Многообразное, как баснословный Дедал, и многоглавое как Гидра, это мечтание есть как бы мост какой для бесов, как сказали отцы, чрез который проходят и переходят эти убийственные нечестивцы, общаются некако и смешиваются с душею. и соделовают ее ульем трутней, — обиталищем бесплодных и страстных помышлений. — Таковое мечтание надобно отметить в конец, — если иной раз не хочешь, — ради покаяния и сокрушения, плача и смирения, особенно же ради посрамления нелепаго мечтания, — привлечь и противозоставить мечтание благолепное, и смешав то с этим, и чрез сие устроив брань против того, поразить его, как безчестное и безстудное, и возторжествовать над ним. Действуя так, ты не вред какой себе причинишь, а напротив большую получишь пользу от того, что с непогрешимым разсуждением устроая дела свои, нелепое мечтание будешь упразднить благолепным, и на смерть поражать врагов их же оружием, как некогда божественный Давид Голиафа (1 Цар. 17, 49).

65) Не только непотребное, но и благопотребное мечтание неуместным признано святыми отцами в чистой молитве и в умном делании простом и единичном.

Такое впрочем борение свойственно младенцам еще, или новоначальным. Преуспевшие же при долголетнем подвиге, всякое вообще отмечают мечтание и непотребное и благопотребное, так что и следа его не остается. Как воск тает от лица огня, так оно рассеивается у них и исчезает под действием чистой молитвы, ради простаго и безобразнаго привержения ума к Богу, предания себя Ему и преискреннего с Ним соединения. — Св. Исихий говорит: «всякой помысл воспроизводит в уме образ какого либо чувственного предмета: ибо Ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем либо привычным для нас, чувственным» (гл. 180). — И опять: «Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то божественный свет Божества тогда уже начинает сиявать ум, когда он упразднится от всего и делается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения его от всяких помышлений» (гл. 89). Тоже и Василий Великий: «как не в рукотворенных храмах живет

Господь, так и не в воображениях каких и мысленных построениях (фантазии), — кои представляются (вниманию) и как стеною, окружают испортившуюся душу, так что она силы не имеет чисто взирать на истину, но все еще держится зеркала и гаданий». — И божественный Евагрий: «Бог там пребывающим признается, где познанным имеется; почему чистый ум и называется престолом Божиим, Помышление о Боге не обретется в помышлениях, печатлеющих ум образами, но в помышлениях не печатлеющих. Сего ради молящемуся надлежит всячески отдалять от себя помышления, печатлеющая в уме образы». — И св. Максим в пояснениях на великаго Дионисия говорит: «иное есть мечтание и иное помышление, или мысль. Оне производятся разными силами и свойствами движения разнятся: ибо мысль есть действие или произведение ума, а мечтание — плод страсти, напечатление образа, представляющаго нечто чувственное, или как бы нечто чувственное. Почему никакое мечтание не должно иметь места в отношении к Богу; ибо он паче ума все превосходит». — И Василий Великий: «ум, неразсеивающийся по внешним предметам и чувствами не носимый по миру, возвращается к себе самому, от себя же восходит к помышлению о Боге, и оною красотою облиставаем будучи, забвение приемлет о самой природе». — Сие ведая и ты, каждый час, с Божиюю помощю, понуждай себя, безмечтанно, без воображений и образов, молиться чисто всем умом, всею душою и всем сердцем. — О сем говорит и св. Максим:

66) Об уме, душе и сердце — чистых и совершенных.

Об уме чистом: «Чистый ум тот есть, который, избыв от неведения, осиявается божественным светом».

О душе чистой: «Душа чиста та, которая, освободясь от страстей, божественною любовию непрестанно обвеселяема бывает».

О сердце чистом: «Сердце чисто то, которое, всегда представляя Богу память безвидную и безобразную, готово бывает едиными от Него впечатлениями печатлетися, в каких Он обычно благоволит явным себя ей делать».

Об уме совершенном: «Ум совершен тот, который, верою познав Сущаго выше всякаго ведения и все создания Его обозрев, от Бога приял ведение всеобъемлющее (в общих чертах) о Помысле и суде Его, в них проявляемом, — разумеется, сколько вместимо для человека».

О душе совершенной: «Душа совершенна та, которой вожделетельная сила всецело устремлена к Богу».

О сердце совершенном: «Совершенным называется сердце, — не имеющее никакого естественнаго движения к чему либо и каким либо образом, на котором (сердце) как на дщице. добре выглаженной, ради его простоты, Бог приступая написует Свои законы».

Приложим к сему и следующее:

О чистом уме: — по святому Диодоху, — «очистить ум есть дело Единого Духа Святаго»; еще по Лествичнику, — «ум удержать от парения, тоже есть дело Единого Святаго Духа»; — еще св. Нил говорит: «кто восхотел бы увидеть состояние ума своего, тот пусть упразднит себя от всех помышлений, и тогда увидит его подобным сапфиру, или небесному цветку». И еще он же: «состояние ума есть мысленная высота, цветку небесному подобная, на котором, во время молитвы, и свет Святыя Троицы появляется». — И св. Исаак: «когда ум совлечется ветхаго человека, и облечется в новаго благодатнаго человека, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цветку,

который старейшины сынов Израилевых наименовали местом Божиим (Исх. 24, 10), когда Бог явился им на горе» (Сл. 16, стр. 99).

Делая так, как сказано пред сим, т. е. чисто, немечтанно и безобразно моляся, ты будешь шествовать по следам святых. Если же не так; то будешь мечтатель вместо безмолвника, и вместо гроздия оберешь терние, что да не будет с тобою!

67) Как Пророки видели образныя видения.

Если кто предполагает, что пророческия видения, образы и откровения были делом фантазии и происходили естественным порядком, да ведает таковой, что носится далеко от правой цели и истины. Ибо Пророки и в нынешнее время бывающие у нас священнотаинники, не по естественному какому либо порядку и чину, видели и воображали, что видели и воображали, но божественно некак и паче естества, было то в уме их печатлеемо и представляемо, неизреченною силою и благодатию Святаго Духа, как говорит Василий Великий: «неизреченною некоею силою Пророки принимали воображения в уме, имея его неразвлеченным и чистым, и Слово Божие слышали как бы возглашающимся в них». И еще: «Пророки видели видения действием Духа, Который печатлел образы во владычественном их уме». И Григорий Богослов: «Сей (т. е. Дух Святой) действовал первее в Ангельских и небесных силах, Потом в Отцах и Пророках, из коих одни Бога видели, или познавали, другие будущее предузнавали, когда владычественный их ум от Духа принимал такая образы, по коим они соприсутствовали будущему, как настоящему».

71) О чистой молитве [65]).

Св. Нил говорит: «Подвизайся ум свой во время молитвы соделывать глухим и немым; и будешь тогда иметь возможность молиться, как должно» (о молитве гл. 11). И еще: «блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безобразие, или безмечтание» (тамже, гл. 117). И св. Филофей: «редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтобы привлечь к себе божественную благодать и исполниться истекающим от ней духовным утешением». И Василий Великий: «молитва добрая та есть, которая действительно внедряет в душу помышление о Боге. Вселение Божие есть иметь в себе водруженным Бога памятованием, когда сие памятование не пресекается земными попечениями, и ум не возмущается нечаянными движениями чстрастей. Боголюбивый, от всего отбегая, к Богу отходит».

72) Иное естть безстрастие ума, а другое молитва истинная, — что и выше.

Ведать подобает, что хотя, по св. Максиму, — «не может ум одною деятельностью благою сделаться безстрастным, если в то же время не будет воспринимать многих и разных созерцаний»; но, по божественному Нилу, можно, и безстрастным будучи, не молиться истинно, но быть развлекаему разными помышлениями и далеко отстоять от Бога; ибо сей св. отец говорит о сем так: «не всякий улучивший безстрастие, уже и молится истинно; ибо таковой может еще занят быть простыми помышлениями (о вещах, без страстных при том движений), и развлекаться историями их (м. б. картинами их и разными их сочетаниями), - и далеко отстоять от Бога (гл. 56). И еще: «но и когда ум не коснит в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы: ибо он может быть занят (философским) умозрением о сих вещах и углубляться в причинныя их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как оне суть умозрения о вещах, то печатлеют в уме образы их, — и далеко отводят его от Бога (ум философствует, но не молится: состояние ученых)» — (гл. 57). Говорит и Лествичник: «которых ум научился истинно молиться, то воистину лицом к лицу

беседуют к Господу, как те, кои говорят на ухо царю (т. е. ближайšie доверенные)».

Из таковых изречений можешь ты уразуметь точно обоих видов жизни и жезтельности различие и несравнимое сравнение, — т. е. той, которая ведется под влиянием свыше, и той, которая своими силами устрояется. Дело одной из них — поучения и многия и разнообразная умозрения; делание же другой — истинная молитва. К сему помни и следующее, что иное дело безстрастие ума, и другое — истинная молитва; и еще, — что имеющий истинную молитву, как указывают отцы, по всякой необходимости и ум безстрастный имеет, но об имеющем ум безстрастный нельзя еще сказать, что он имеет и молитву истинную.

73) Еще о мечтаниях и воображениях ума, — и о признаках прелести и истины.

Какие признаки прелести.

Безмолвствуя и желая один быть с единым Богом, никогда не принимай, если увидишь что либо чувственное или мысленное, внутрь тебя или вне, — лик Христа, или Ангела, или образ Святаго, или световое воображение, мечтаемое умом; но не верь сему с негодованием, хотя бы то и доброе что было, прежде, чем согласишь кого из опытных: что есть дело самое полезное и Богу любезное, и благоприятное. Храни же ум свой всегда безцветным, безобразным, безвидным, безформенным, безкачественным, безколичественным, внимающим одним словам молитвы, в них поучающимся и об них размышляющим в сердечном внутрь движении, последуя Лествичнику, который говорит: «Начало молитвы состоит в том, чтоб отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина ея в том, чтобы ум заключался в словах, которые говорим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу» (Сл. 28, 19). Св. Нил так о сем говорит: «высшая совершенных молитва есть восхищение некое ума и полное его изступление от всего чувственного, при ходатайстве Духа воздыханиями низглаголанными (Рим. 8, 26) пред Богом, видящем расположение сердца, открытое как написанная книга и молчаливыми знаками изъясляющее свое хотение. — Так до третьяго неба восхищен был Павел, не ведая, в теле ли он был, или кроме тела (2 Кор. 12, 2). Так Петр возшедши на горницу помолитися, видел видение плащаницы (Деян. 10, 9). Вторая же после сей первой (высшей) молитвы есть та, в которой слова молитвы произносят с припоследованием им ума сокрушеннаго и сознающаго, Кому приносит он моление. Молитва же, пресекаемая заботами телесными и смешивающаяся с ними, далеко от устройства подобающаго молящемуся» (Рус. доброт. т.2, стр. 245, гл. 168 — 170). — В сем убо пребывая, другаго ничего не принимай, до времени умирения страстей, с вопрошением, как сказано, опытных.

Таковы признаки прелести. Теперь посмотри

Какие признаки истины.

Признаки же истины и благаго животворящаго Духа суть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 22), как говорит божественный Апостол, называя сии добродетели плодами Божественнаго Духа. Он же опять говорит: яко чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благостыни, и правде, и истине (Еф. 5, 9), коим все противное составляет принадлежность прелести. — Говорит о сем и некто из Богомудрых, вопрошен будучи от другаго, так: «относительно незаблудной стези ко спасению, о коей спросил ты, возлюбленне, ведай, что много путей, ведущих в живот, и много ведущих ко смерти. Один путь, ведущий в живот, есть исполнение заповедей Христовых. В заповедях сих найдешь ты всякой вид добродетели, особенно же три сии: смирение, любовь и милосердие, без коих никто не узрит Господа. — Сии три суть

непобедимыя оружия против диавола, кои даровала нам Святая Троица, — смирение, говорю, любовь и милосердие, на кои даже воззреть не может все демонов полчище. Ибо в них и следа нет смирения; и для них, за то, что они омрачились превозношением, уготован огонь вечный. Где у них любовь, или хоть тень милосердия, когда они к роду человеческому непримиримую держат вражду, и денноночно не перестают ратовать против него? Облечемся убо в сии оружия, ибо носящий их вокруг себя неуловим для врагов. — Сию треплетную вервь, которую сшила и соплела нам Святая Троица, видим, что она и три есть, и едино: три — именами, если же хочешь, то и лицами, а едино — силою и действием, и к Богу приближением, устремлением и себя присвоением. О них сказал Господь: иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 30). И возлюбленный ученик Его: заповеди Его тяжки не суть (1 Ин. 5, 3). — Сего ради душа, с Богом срастворившаяся чистотою жития, хранением заповедей и сими тремя оружиями, кои суть сам Бог, в самого Бога облачается, и бывает некоторым образом богом, чрез смирение, милосердие и любовь, и миновав вещественную двоицу. и восшедши выше главы закона, т. е. любви, сочетается с пресущественною и живоначальною Троицею, непосредственно беседуя с нею, светом свет приемля, и радуясь радостию непрестающею и вечною». — Но довольно и об этом. — Указав таким образом отчасти признаки и плоды прелести и истины, скажем теперь малое нечто, изречениями, как и подобает, отеческими и об утешении, от обоих их бывающем — т. е. об утешении божественном и истинно благодатном, и об утешении поддельном, вражеском. — Божественный Диадок говорит о сем так:

74) Об утешении божественном и поддельном.

«Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святаго Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшаго некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплой памяти Святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый оболститель оный тотчас удаляется, но зато возгарается наконец бранию против души своим лицом а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивыя прелести лукаваго более и более преуспеваает в различении духовных вещей» (гл. 31).

И опять: «Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге, как бы прилеплен бывает к Нему любовью; а утешение поддельное, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое — некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия к любви Божией в сильном излинии душевных чувств; а это обыкновенно обвеваает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телеснаго покушается похитить чувство вкушением чего-то приятнаго. не смотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. Итак, если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это, обманчиво кажущееся приятным, дыхание врага, и с радостию выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной» (гл. 32).

И еще: «Если душа не колеблющимся и не мечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некак в глубину сей любви неизреченной и самое тело, — в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействуемаго святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; то

ведать надлежит, что это есть действие Святаго Духа. Будучи вся преисполнена приятными чувствами от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостью. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; то ведать надлежит, что утешение то от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навеивается, и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, что тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу в ожидании, что она, будучи развлкаема этою блажною мокротною сластию. не распознает своего смешения с оболъстителем. По сим признакам можем мы распознавать духа истины и духа лстча (1 Ин. 4, 6). Никому впрочем невозможно ни божественной благодати чувством вкусить, ни горечи бесовской ошутительно испытать, если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как нибудь удостоверились в том, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятию о Боге» (33).

Имеешь теперь и об этом достаточно сведений, — и довольствуйся тем, по совету Премудраго: мед обрет яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши (Прит. 25, 16).

75) О сладости божественной из сердца источающейся.

Ближе же к существу дела можно сказать: кто объяснит сладость меда не вкушавшим его?

Несравненно же более (невозможно не вкусившим объяснить) сладость божественную и радование преестественное и животочное, из сердечной чистой и истинной молитвы источающееся, и текущее приснотечно, о коих говорит Богочеловек Иисус: иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжадет во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот вечный (Ин. 4, 14). И опять: аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе. егоже хотяху приимати верующии во имя Его (Ин. 7, 37 — 39), — говорит Наперник. — И великий Павел подтверждает: посла Бог Духа Сына своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче (Гал. 4, 6).

76) О том, что духовная сия сладость много знамений имеет, и не имеет наименования.

Сия духовная сладость, преестественная и животочная. есть вместе существенное сияние и свет, и красота недоуменная, крайнее из желаний желание, Боговедение и обожение таинственное, невыразимым пребывающее и после какого нибудь выражения его, недоведомым и после некоего уразумения его. Так говорит и св. Дионисий: «в сей, сущийнад светом, мрак молимся мы приити, и чрез неувидание, увидеть и уведать Сущаго выше видения и ведания, (увидеть т. е., и уведать) самую сию неувидаемость и неуведаемость Его: ибо сие—то и есть увидеть и уведать пресущественнаго и пресущественно воспеть Его, чрез отрицание в Нем всего тварнаго». — И еще: «божественный мрак есть свет неприступный, в коем Бог живущим исповедуется, яко невидимый по причине безмернойявности и неприступный, по причине пресущественнаго светолития. В сем мраке бывает всякий, сподобляемый уведать и увидеть Бога, чрез то самое, что не видит и не ведает истинно, когда бывает в Том, кто выше видения и ведания, сие самое познавая, что Он есть за пределами всего, чувствами и умом познаваемаго (или всего чувственнаго и мысленнаго)». — И Василий Великий:

«неизреченны всецело и неописанны молниеносныя блистания божественной красоты; ни слово не может выразить сего, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, — все это недостойно к уподоблению славы. и в сравнении с истинным светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь или ужаснейшая тма от полуденной ясности. Если красота сия, незримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого либо из святых, и оставляла в них невыносимое уязвление желанием; то, возмущенные здешнею жизнью, говорили они: увы мне, яко пришельствие мое продолжися! (Пс. 119, 5). Когда прииду. и явлюся лицу Божию? (Пс. 41, 3); еще: разрешитися и со Христом быти, много паче лучше (Фил. 1, 23); и опять: возжада душа моя к Богу крепкому и живому (Пс. 41, 3); также: ныне отпускаеши раба Твоего Владыко (Лк. 2, 29). Тяготясь сею жизнью, как узилищем, сколько были неудержимы в стремлениях к Богу те, у которых коснулось души Божественное желание. По причине ненасытимаго желания созерцать Божественную красоту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечную жизнь» (Т. 5, стр. 100, 101).

И Богослов: «где страх, там заповедей соблюдение; а где заповедей соблюдение, там плоти очищение и избавление от осеяющего душу облака, не дающего ей видеть божественнаго луча; где же очищение такое, там возсияние света; где это световозсияние, там полное удовлетворение желания, высшаго всех желаний». — И св. Григорий Нисский: «Когда тщанием о доброй жизни отмоешь нечистоту, налипшую на твое сердце, тогда снова возсияет в тебе боговидная красота, как обыкновенно бывает с железом. Ибо когда оно на точильном камне обнажится от ржавчины, тогда, быв пред сим черным, начинает издавать сияние некое и блеск, отражая солнечные лучи. Так и внутренний наш человек, которого Господь называет сердцем, после того, как очистит ржавчинную нечистоту, образовавшуюся на его зраке от лукавой мокротности, опять восприимлет свое первообразное подобие, и делается благим». — И св. Нил: «блажен постигший неразлучную с молитвою непостижимость (Божию)». И св. Лествичник: «бездна плача поражает утешение; чистота же сердца приемлет просвещение. Просвещение сие есть неизреченное действо Духа, дающее видеть не видя, и ведать неведая» (Сл. 7, 55).

Сего ради и треблаженны, подобно древней Марии. избравшие благую сию часть, — сие жителство духовное. и за то сподобляемые богоподобнаго некоего жребия, столь благаго, что им в великом и в изступлении приводящем радовании можно, с божественным Павлом, явно восторгаться и вопиять: егда благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, Егоже излиа на нас обильно, Иисусом Христом Спасителем нашим, да оправдишеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя (Тит. 3, 4 — 7). И еще: извествуяй же нас с вами, и помазавый нас, Бог: иже и запечатле нас, и даде обручение Духа в сердца наша (2 Кор. 1, 21. 22). Также: имама же сие сокровище в скудельных сосудах. да премножество силы будет Божия, а не от нас (2 Кор. 4, 7). Так возвещают Богопросвещенные мужи. — Буди же и нам их богоуветливыми к Господу молитвами пожить хоть отчасти подобно им, по милости и благодати Божией.

77) Желаящие надлежащим образом безмолвствовать по всей необходимости должны кроткое иметь сердце.

Тебе же, чадо, теперь благовременно, прежде всего другаго, или и вместе со всем другим, знать, что как желающий добре научиться стрелять не без определенной меты натягивает лук, так и хотящий

научиться безмолвствовать пусть такую метою имеет — всегда быть кротку сердцем. Так св. Исидор говорит: «Недовольно для добродетели подвизаться, но надлежит в подвизании соблюдать и должную мерность (или соразмерять согласовать одни подвиги или дела с другими). Ибо если, например, проходя подвиг кротости, мы пресекаем его какими либо возмутительными движениями, то это будет значить ничто другое, как — что мы спасение улучшить желаем, делать же, что к сему благопотребно, не хотим». — Но еще прежде сего святого божественнейший Давид изрек: наставит кроткия на суд, научит кроткия путем своим (Пс. 24, 9). И Сирах: кротким открываются тайны (Сир. 3, 19). И сладчайший Иисус: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Еще: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих (Ис. 66, 2). Также: блажени кротции, яко тии наследят землю (Мф. 5, 5), — или сердце, приносящее благодатию Божиею плод — сам тридцать, сам шестьдесят, сам сот, соответственно чину новоначальных, средних и совершенных, — никогда ничем не смущая и не смущаясь, если где не о благочестии идет дело.

78) Как преуспеть в кротости; и о трех силах души — раздражительной, желательной и разумной. В безгневи и кротости легко преуспеешь, если будешь все отклонять от себя, и душу подвигать к любви, больше молчать, умеренно насыщаться пищею, и всегда молиться, как сказали отцы: «раздражительную часть души обуздай любовию, желательную воздержанием увяд, разумную молитвою окрыли: и свет ума никогда не помрачится в тебе». Еще: «гневу узда — благовременное молчание; пожеланиям неразумным — умеренная еда; неудержимости помыслов — единомысленная молитва». И еще: «есть три добродетели, кои завсегда свет доставляют уму: ни в ком не видеть злонамеренности; претерпевать все находящее без смущения, и благодворить злотворящим. Эти три добродетели раждают другие три, большия их: невидение злонамеренности раждает любовь; несмущенное перенесение находящаго пораждает кротость; благодворение злотворящим стяжавает мир». — И опять: «Три есть главнейших нравственных состояний у монахов: первое — ни в чем не погрешать делом; второе — не давать замедлять в душе страстным помыслам; третье — безстрастно смотреть в уме на лица жен и обидевших».

79) Надобно скорее каяться в случае падений каких либо, и тем мудро укреплять себя против будущих искушений.

Если случится тебе когда либо возмутиться, или иной раз допустить какое либо посползновение, и погрешить против чего подобающаго; то тотчас надобно поправить это дело, и другой ли кто тебя опечалил, или ты другого кого, поскорее умиротвориться; а для сего от души каяться, плакать и слезы лить, себя самого осуждая во всем; и таким образом укрепив себя на будущее время, внимать себе потом разумно. — Так учит Господь Иисус, говоря: аще принесеши дар твой ко олтарю, и ты помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой (Мф. 5, 23. 24). — И Апостол: всякая горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою. Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, яко же и Бог во Христе простил есть вам (Еф. 4, 31. 32). — Еще: гневайтесь и не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем (Еф. 4, 26). И еще: — не отмщайте за себя, но дадите место гневу, также: не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое (Рим. 12, 19. 21). — Так говорится о примирении друг с другом.

80) О посползновении и покаянии.

О поскользновении св. Исаак говорит: «не тогда будем печалиться, когда поскользнемся в чем либо, но когда закосневаем в том же; потому что поскользновение бывает часто и с совершенными, а закосневать в том же есть совершенное умертвие. Печаль же, какую чувствуем о своих поскользновениях, вместочистаго делания вменяется нам по благодати. Кто, в надежде на покаяние, поскользнется вторично, тот лукаво поступает с Богом. Неведомо нападает на такого смерть, и не оставляет ему времени, чтоб, как надеялся он, покаяться и исполнить дела добродетели» (Сл. 90, стр. 611). — Еще: «ежечасно надлежит нам знать, что в сии двадцать четыре часа дня и ночи мы имеем нужду в покаянии. Значение же слова — покаяние, как дознали мы из действительнао свойства вещей, таково: оно есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшаго, и болезнование о хранении будущаго» (Сл. 47, стр. 292). — И еще: «Благодать на благодать людям по крещении дано покаяние; ибо покаяние есть второе рождение от Бога. И то дарование, котораго залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим ея; сею дверию входим к божественной милости, и кроме сего входа не обретаем милости; вси бо, по слову Божественнаго Писания, согрешаши, оправдаеми туне благодатию Его (Рим. 3, 23, 24). Покаяние есть вторая благодать, и раждается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока достигнем в духовный рай; а когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится. — Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами» (Сл. 83, стр. 568). — Опять: «Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладии; так никто не может без страха достигнуть любви. Смердное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Если же сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего переходим к Богу, то утопаем в сем смрадном море» (Сл. 83, стр. 570).

81) О покаянии, страхе, любви, плаче, слезах и самоукорении.

(Продолжаюся слова св. Исаака). «Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — божественная пристань. Страх посаждает нас на корабль покаяния, перевозит чрез смрадное море житейское, и вводит в божественную пристань, которая есть любовь. К сей пристани приходят все, труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш кончен, и пришли мы к острову тамошняго мира, где Отец, Сын и Дух Святой» (Сл. 83, стр. 571).

О печали же по Боге так говорит Спаситель: блажени плачущии, яко тии утешатся (Мф. 5, 4). Еще о слезах пишет тот же преподобный Исаак: «слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в своем покаянии, — признак того, что молитва принята, и слезами начала входить в поле чистоты. Ибо если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем, и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять добраго напутствия к исходу своему, не начнут в душе возставлять помыслы о том, что будет там: то глаза не могут проливать слез; потому что слезы суть следствие чистаго и непарительнаго богомыслия, многих частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком, совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль, от чего слезы умножаются и наиболее увеличиваются» (Сл. 30, стр. 202). И св. Лествичник: «как огонь пожигает тростие, так чистыя слезы — всякую видимую и мысленную скверну» (Сл. 7, 31). Еще: «Постараемся приобрести чистыя и нелестныя слезы, которыя раждаются от размышления об

отшествии нашем в вечность: ибо в таковых нет ни окрадения, ни возношения; но паче очищение, преуспевание в любви к Богу, смывание греха, и безстрастие» (там же — 33). И еще: «не верь своим источникам слез, прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще не надежно, которое только-что вышло из точила» (— — 35). И еще: «Слезы, которые происходят от страха, сохраняют сами себя сим же страхом; но те, которые рождаются от любви, в некоторых людях легко бывают окрадаемы, разве только великий оный и приснопамятный огонь возжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как меньше [66]) бывает в свое время тверже большаго» (гл. 66).

О самоукорении говорит Антоний Великий: «великий подвиг для человека — раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последняго издыхания» (Дост. ск. пункт 4). — И другой отец святой, будучи вопрошен: что особенно нашел ты, отче, на пути сем? сказал в ответ: «то, чтоб себя самого во всем укорять»; что и вопросивший похвалил, сказав: «другаго пути нет кроме сего». — И Авва Пимен сказал со стенанием: [67]) «все добродетели вошли в мир сей. Возьми одну добродетель, — и без нея с трудом устоит человек. Спросили его: какая это добродетель? — И он сказал: та, чтоб человек всегда укорял себя самого». — Он же сказал еще: «Кто укоряет себя, тот, чтоб ни случилось с ним, потеря ли какая, или безчестие, или скорбь, никогда не смутится, потому что наперед считает себя всего того достойным»[68].

82) О внимании, и о том, что с мудрою осторожностью должно твердо держаться на своем пути. Равным образом о внимании и осмотрительной твердости, пишет божественный Павел: блюдите, како опасно ходите: не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть (Еф. 5, 15. 16). — И св. Исаак: «о как, дивна ты премудрость, как издалека все предъусматриваешь? Блажен, кто обрел тебя: ибо таковой освободился от юношеской небрежности. Кто за малую цену, или плату, покупает себе врачество великих страстей, тот добре творит. То и любомудрие, чтоб в малых и малейших делах всегда быть бодренно внимательну. Такой сокровиществует себе великий покой; и не спит, чтоб не случилось с ним что противное, но заблаговременно пресекает причины к тому, и в малейших вещах переносит малую печаль, предотвращая тем великую». — И далее: почему Премудрый и говорит: «трезвенствуй и бодрствуй над жизнью своею; ибо сон ума — родня истинной смерти и есть образ ея». А богоносный Василий говорит: «кто в малом своем небрежен, не верь, чтоб тот был рачителен и в большом» (Сл. 75, стр. 543 — 4).

83) О том, что безмолвствующему надо быть рачительну о всем сказанном, паче же всего, быть тиху и кротку, и всячески стараться чисто призывать Господа Иисуса Христа внутрь сердца.

По сей же причине и о всем сказанном имей усердное попечение, наипаче же о том, чтоб быть тиху и кротку, и с чистою совестью в глубине сердца призывать Господа Иисуса Христа, как мы сказали. Ибо таким образом, простираясь путем в предняя, будешь иметь божественную благодать упокояемой душою твоею. Св. Лествичник говорит: «никто из тех, кои подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда либо увидеть и след безмолвия, чтобы ему не впасть в изступление ума. Если же кто чист от сих страстей, тот наконец познает сам, что полезно.

Думаю, впрочем, что и он сам не познает того» (Сл. 27, 36). — И не только благодать будешь ты иметь упокояемую душою твоею, но и душу свою успокоевшеюся от всего, что прежде смущало и тяготило ее, — от бесов и от страстей. Ибо хотя они опять будут докучать, но без последствий; потому что душа уже не переходит на их сторону, и не вожделевает сласти, которая от них.

84) О добром и восторженном Боголюблении, и о божественной красоте.

Все вожделение такового, вся его сердечная и восторженная любовь, и всецелое расположение устремлено к преестественной красоте божеской, блаженнейшей, которая названа отцами верховнейшим из желаемых предметов.

Так Василий Великий говорит: «когда благочестивая любовь (т. е. любовь к Богу) обымет душу, тогда всякой вид брани (или сманывание к другому чему) для нея посмеяния достоин, и все муки за вожделеннаго Господа более улаждают еге, чем уязвляют». И еще: «Что предивнее божественной красоты? Какое помышление радостнейше паче мысли о Божеском благолепии? Какое вожделение души так сильно и неутолимо, как то, которое от Бога внедряется в очищенную от всякаго зла душу, которая тогда искренно из глубины своей взывает: уязвлена есмь любовию аз (Пес. Пес. 2, 5).

85) О брани, обучительном попущении, и об оставлении по отвращению.

Подвергается впрочем брани и таковой, по обучительному попущению, а не по причине оставления по отвращению. — Для чего же? — Для того, чтоб превознесся ум его, по причине обретеннаго им блага; но будучи борим и чрез то обучаем, всегда держал смирение, коим одним всегда может он не только побеждать в гордости нападающих на него, но и больших даров сподобляться, преуспевая, сколько то доступно человеческому естеству, и при всем том, что неизбежными узами и тяготою плоти связан и держим есть, простираться в предняя к совершенству о Христе и безстрастию. О сем так говорит св. Диодок: «Сам Господь говорит, что сатана спал с неба (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, не удостоиваемый общения с добрыми служителями Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению; то этим не представят ничего доказательнаго. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу божественнаго света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтоб горечию бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и с великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие ума. Так мать дитя свое, безчинствующее по причине нехотения подчиниться уставам млекопитания, на короткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей, или зверей каких либо, в страхе великом и в слезах, в матерния опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее, попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам, как бы связанною. Но мы — неподметные чада, но, как веруем, истинныя есмы детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемая, да, под действием таковой ея к нам благостыни, доспеем приити в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13)» (гл. 86). — И в след за сим продолжает: «Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбию, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою, и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшаго молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое — попущение и оставление, во время их приступать к Богу, сообразно с свойствами каждаго из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Богу, яко милостиво наказуемому необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худаго; а здесь непрестанное

исповедание грехов, непрерывные слезы и большое уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем надлежит, что когда, при обучительном попусчении, бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ея, что победа над ними есть дело одной души» (гл. 87). И св. Исаак: «Умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него невозможно иначе, как только по силе воздержанного им испытания. Благодать, как только усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько сомнения, и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтоб усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не побежит и не емлется во смирении за Бога. Сим приходит человек в меру мужа, совершенного верою и упованием на Сына Божия и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу свою показывает во спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе, и нигде Бог не являл ощутительно действенности Своей, как только в стране безмолвия и в пустыне, в местах лишенных сходбищ и молвы, бывающих в обитании с людьми» (Сл. 49, стр. 318 — 19).

86) О безстрастии, — и о том, что есть человеческое безстрастие.

К сказанному надлежит приложить здесь отчасти слово о безстрастии и совершенстве; потом еще немного, — и кончить настоящее наше писание. — О безстрастии св. Василий Великий говорит: «Кто соделался любителем Бога и возжелал, хотя малейшее, причаститься Его безстрастия, духовной святости, тихости, невозмутимости и кротости, и вкусить пораждаемого сим веселия и радования, тот старается далеко отводить помыслы свои от всякой вещественной страсти, могущей возмутить душу, и чистым и не затененным оком обзреть божественные вещи, ненасытно наслаждаясь тамошним светом. Установив же душу в таком навыке и в таком устройении, своим Богу становится, по возможному уподоблению Ему, и бывает Ему любезен и вожделеннейш, как мужественно подъявший такой великий и трудный подвиг, и возмогший, из среды своего с веществом растворения, чистою и некако отторженною от всякаго примешения телесных страстей мыслию, беседовать с Богом». — Это - о безстрастии.

А о том, что есть человеческое безстрастие, св. Исаак пишет так: «Безстрастие не в том состоит, чтоб не ощущать страстей, но в том, чтоб не принимать их. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них, и нелегко могут возстать на душу: и мысль не имеет нужды непрестанно быть в разсуждении их внимательною; потому что во всякое время исполнена в помышлениях своих изучением и исследованием превосходнейших созерцаний, сознательно движимых в уме. И когда страсти начнут приходить в движение и возмущаться, мысль внезапно вземлетя от близости к ним сознанием чего либо горняго, прикишаго в ум, и страсти остаются без воздействия на него, как сказал блаженный Марк: «ум, по благодати Божией, исполняя добродетельные деяния, и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что исходит из худшей и неразумной части души. Ибо ведение его восхищает его на высоту и отчуждает от всего, что в мире. У святых, по их непорочности, по тонкости, легкости и остроте ума их, а также по их подвигам очищается ум их и делается светозарным, так как плоть их изсохла от упражнения делами безмолвия и долгаго в нем пребывания. Сего ради легко и скоро прилагается

каждому созерцание, которое, пребывая в них, руководит их к углублению в созерцаемое, с изумлением. В таком состоянии богато множатся в них созерцания и мысль их никогда не бывает скудна предметами высшего разумения. Таким образом никогда не остаются они без того, что составляет в них плод Духа. Долговременным же в сем роде навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и ослабляется сила дьявольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстями, помышлением о них: тогда, поелику непрестанно занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ея» (Сл. 48, стр. 305 — 6).

И блаженный Диодок: «Безстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, изыти из мира (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб, когда оне борют нас, пребывать непреоборимыми: подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самыя стрелы, на них испускаемые, не уязвляемы однакож бывают ими, по причине твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани, мы же, посредством делания добрых дел, облекшись во всеоружие святаго света, и в шлем спасения, будем разсеивать темныя демонския фаланги; ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностию о добре в конец потребить в себе злое» (гл. 98).

Святой Максим указывает четыре вида безстрастия, говоря так: «Первым безстрастием называю я то, когда телесное ко греху движение не производится в дело. Вторым безстрастие называю я совершенное отвержение страстных помыслов душевных, в силу коего увядает движение страстей, не имея воспаляющих его к действительности страстных помыслов. Третьим безстрастием называю я совершенную неподвижность страстного похотения, которое обыкновенно и во втором имеет место, состоящем в чистоте помыслов. Четвертым безстрастием называю я совершенное отложение страстных в мысли мечтаний, по коему и третье получает свое бытие, не имея чувственных мечтаний, кои представляли бы страстные виды». — Еще: «Безстрастие есть мирное устроение души, по коему она бывает неудободвижима на зло».

87) О безстрастии и совершенстве.

Вот и слова св. Ефрема, который о безстрастии и совершенстве говорит так: «безстрастные, ненасытно простираясь к верховному вожделенному благу, делают некончимым или несовершенным совершенство, потому что вечныя блага конца не имеют: кончимо или совершенно оно. судя по мере силы человеческой, а некончимо и несовершенно, как всегда превосходящее само себя каждодневными приложениями, и возвышающееся непрестанно восхождениями к Богу». — Подобное сему говорит о совершенстве и св. Нил: «два совершенства надо принимать: одно временное, а другое вечное, о коем пишет Апостол: егда же приидет совершенное, тогда еже отчасти упразднится (1 Кор. 13, 10). Слова: егда приидет совершенное, показывают, что здесь не можем мы вместить божественнаго совершенства». Еще: «два совершенства ведает божественный Павел, — и одного и тогоже человека признает и совершенным и несовершенным, — в отношении к настоящей жизни называя его совершенным, а в отношении к истинному свойственному ему совершенству — несовершенным. Почему говорит: не зане уже достигох или уже совершихся: гоню же аще и постигну: а немного ниже говорит: елицы убо совершенни, сие да мудрствуим (Филип. 3, 12, 15).

88) О страстности, сладострастии, пристрастии и безстрастии.

Св. Илия едик говорит: «материя злая или греховная — тела есть страстность, души — сладострастие, ума — пристрастие. Обличаются же или обнаруживаются оне — первое осязанием, другия (сладострастие и пристрастие) другими чувствами. Противоположное же всем им (т. е. безстрастие) противоположным расположением». Еще: «сладострастный близ есть страстного, пристрастный — сладострастного. далеко же от обоих их — безстрастный» (гл. 71, 72).

89) Кто страстен, сладострастен, пристрастен и безстрастен; и о врачевании каждого из них.

О сем тот же преподобный говорит: «страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он не грешит еще внешне; сладострастен тот, у кого действие греховное (желание сделать грех) слабее помысла, хотя он страстно услаждается им внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше роболепно привязан к тому и другому. Безстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния (кто не испытывает их)». — Равно и способы врачевания их он же ясно указывает, говоря: «страстность изгоняется из души постом и молитвою, сладострастие — бдением и молчанием, пристрастие — безмолвием (уединением) и вниманием; безстрастие же устанавливается памятованием о Боге (гл. 72, 73).

90) О вере, надежде и любви.

Поелику всех благ, или нравственных доброт начало, середина и конец, если хочешь, и хороводитель и главарь — вера, надежда и любовь, потому что Бог любви есть и именуется (1 Ин. 4, 8): то несправедно не восполнить ими, что еще недостает в настоящем сочинении; тем паче, что по св. Исааку: «завершение плодов Святаго Духа тогда бывает, когда что сподобляется совершенной любви» (Сл. 21, стр. 154). Давай же и о ней не много помянем словами отцев святых. Так св. Лествичник пишет: «ныне же, скажем после всего сказанного, пребывают три сия, все теснейшим союзом связующия и держащая в нем, вера, надежда и любви, больше же всех любви: ибо ею именуется Бог (1 Кор. 13, 13; 1 Ин. 4, 8). По моему разумению, первая из них есть луч, вторая — свет, а третья — круг; все же оне одно суть сияние и один блеск. Первая все может творить и устроить; вторую милость Божия окружает, и делает непостыдною; третья никогда не падает, не перестает тещи, и уязвленному ею не дает почить от блаженного упоения» — (Сл. 30, 1 — 3). И еще: «Слово о любви знаемо Ангелам; но и тем по действию осияния. Бог любви есть, и кто хочет изречь, каков предел ея, тот, слеп будучи, покушается исцесть песок в бездне морской. Любовь, по качеству своему, есть уподобление Богу, сколько оно доступно для смертных; по действию — опьянение души; по свойству — источник веры, бездна долготерпения, море смирения. Любовь истинно есть отложение всякаго противнаго помышления: ибо любви не мыслит зла (1 Кор. 13, 5). Любовь, безстрастие и сыноположение одними именами различаются. Как свет, огонь и пламя в одном действии сходятся: так разумей ты мне и об этих» (тамже, гл. 5 — 9).

И св. Диодок: «Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь, и наипаче любовь; ибо те (вера и надежда) научают только презирать видимыя блага, а любовь самую душу добродетелями сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимаго» (гл. 7). И еще: «Иная есть любовь души естественная, а другая Духом Святым изливается в нее. Та, когда хотим, от нашего хотения соразмерно движется, почему и от злых духов удобно расхищается, когда нужно не держим в ней своего произволения. А эта так пламенит душу любовию к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественнаго возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовнаго благодатнаго действия, источает

обильный поток любви и радования» (гл. 34).

И св. Исаак: «Любовь, возбуждаемая чем либо совне, есть как малый светильник, питаемый елеем, которым и поддерживается свет его, или как наводняемый дождем поток, которого движение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая имеет виновником Бога, есть тоже, что бьющий из земли источник; потоки ея никогда не прерываются: ибо Он сам есть источник сей любви и неоскудевающая пища ея» (Сл. 30, стр. 199). Еще будучи вопрошен: «в чем завершение многих плодов Духа», — сказал он в ответ: «в том, когда сподобится кто совершенной любви». — Когда за сим последовал вопрос: «почему узнать, что достиг ея ктонибудь?» — ответил: «Когда памятование о Боге возбудилось в уме его, тогда сердце его немедленно возбуждается любовью к Богу, и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы, и кто таков, у того никогда не оскудевают слезы; потому что никогда не прекращается в нем то, что влечет его к памятованию о Боге. Почему и во сне он беседует с Богом; ибо любви свойственно производить это, и она есть совершенство людей в настоящей жизни» (Сл. 21, стр. 154, 5). И еще: «Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту изступленною. Почему сердце ощутившаго ее не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества (своего) и нашедшей на него любви, видится в нем изменение необычное. И вот каковы знамения ея чувственные: лице человека делается огненным и радостным, и тело его согревается. Отступают от него стыд и страх. и бывает как бы изступленным; сила, собирающая ум, бежит из него, и бывает он как бы изумлен. Страшную смерть почитает радостью, и созерцание ума его никогда не испытывает пресечения какого либо в помышлении о небесном. И отсутствуя, как присутствующий беседует он, не зримый никем. Видение и зрение его естественно переходит, и чувственно не ощущает он движения своего, коим движется между вещами. Ибо хотя он и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его высится в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим. Сим духовным упоением упоевались некогда Апостолы и мученики; и одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие, будучи разсекаемы на уды, пролили кровь свою, как воду, и претерпевая ужаснейшия страдания, не впадали в малодушие, но доблестно все переносили, и будучи премудры, почитаемы были неразумными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных, в нестроениях благоустроенными пребывая. Такого нестроения да сподобит нас достигнуть Бог» (Сл. 73, стр. 528 — 9).

91) О святом причащении, и о том, скольких благ бывает для нас виновно частое с чистою совестью сие причащение.

Ничто столько не содействует и не способствует нам к очищению души, к просвещению ума и к освящению тела, и обеих их божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, свойственнейше же сказать. к преестественному с Богом единению и божественному сочетанию и срастворению, как частое, с чистым сердцем и расположением, сколько то возможно человеку, причащение Святых, пречистых, бессмертных и животворящих Таин, — самага, говорим, честнаго тела и крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Почему необходимо и об этом особенно поговорить, и затем положить конец нашему писанию.

Об этом, — о том т. е., что причащение Святых Христовых Таин крайне необходимо, — не только явно говорят отцы, но и сама Жизнь и сама Истина яснейшими словами возвещает, ибо говорит: Аз есмь хлеб животный. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да аще кто от него ясть, не умрет. Аз есмь хлеб

животный, иже шедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, его же Аз дам за живот мира (Ин. 6, 48. 50. 51). Еще: аще не снете плоти Сына человеческого, не пиете крове Его, живота не имати в себе. Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный. Плоть бо Моя есть истинно брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем. Якоже посла Мя живой Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради. Сей есть хлеб шедый с небесе. Ядый хлеб сей, жив будет во веки (Ин. 6, 53 — 58). И св. Павел говорит: Братие, аз приях от Господа, еже и предах вам, яко Господь Иисус в ночь. в нюже предан бываше, прием хлеб, и благодарив, преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сия чаша, новый завет есть в Моей крови: сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет. Темже иже аще ясть хлеб сей, или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни. Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет: ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливы, и усыпают довольни. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1 Кор. 11, 23 — 32).

92) Необходимо знать чудо Святых Таин, что оне суть, для чего даны, и какая от них польза.

Пишет св. Златоуст: «нужно знать чудо сих Таин — в чем оно состоит, для чего дано, и какая от него польза. Едино тело, сказано, мы бываем и уди от плоти Его и от костей Его (Еф. 4, 4). Да внимают сим словам посвященные! — Итак, чтоб не любовью только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой. будем соединяться с сею плотию. А это бывает чрез пищу, которую Христос даровал, чтоб выразить Свою великую любовь к нам. Для этого Он смесил Самого себя с нами и растворил тело Свое с нами, чтоб мы составили нечто единое, как тело, соединенное с главою. И это есть знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотию: кто убо дал бы нам от плотей его насытиться? (Иов. 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целию так поступил и Христос: чтоб ввести нас в большее содружество с Собою, и показать любовь Свою к нам. Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и вкушать, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать им всякое желание» (Беседа на Иоан. 46, стр. 551 — 2, ч. 1-я). Еще: «приобщающиеся этой крови стоят вместе с Ангелами, Архангелами и прочими горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея оружие духовное. Но этим я не сказал еще ничего великаго: они бывают облечены в самого Царя. Но сколько велико и чудно это таинство, столько же верно и то, что, если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение, если же с совестью лукавою, — в наказание и мучение. Ядый бо, сказано, и пияй Господа недостойне, суд себе яст и пиет (1 Кор.. 11, 29). Если и оскверняющие Царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее: то что удивительнаго, если приемлющие тело Христово с нечистою душею подвергнутся тому же наказанию, какому и те, которые истерзали его гвоздями. Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: отверглся кто закона Моисеева, без милосердия рпи двоих и триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися (Евр. 10, 28. 29)» (Тамже, стр. 555 — 6). И еще: «Причащаясь тела Господа и пия кровь Его, будем твердо

помнить, что мы приобщаемся того тела, которое возседит горе и которому поклоняются Ангелы, которое находится близ нетленной силы, — сие именно тело мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим телом, дал нам Свое тело, и все это не отвлекает нас от зла?! О, омрачение! О, безчувствие!» (Беседа на посл. к Ефес. 3-я, стр. 47). — И опять: «Дивный некий старец поведал мне, что он сподобился увидеть и услышать нечто такое, — что если имеющие преселиться отсюда причастятся Святых Таин с чистою совестью, то когда умрут, Ангелы, ради сего причащения, доринося возносят их отсюда».

И Божественный Иоанн Дамаскин (о вере прав. кн. 4, гл 13): «Поелику мы двойки и двусоставны, то надлежит и рождению у нас быть двойному, и ястию сложну. Рождение дается нам водою и Духом, чястие же нам есть хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, шшедший с небес». — Еще — гораздо ниже: «И как в крещении, поелику обычно людям мыться водою и мазаться елеем, сочетал Он с елеем и водою благодать Духа, и соделал то банею пакибытия: так и, поелику обычно нам ясти хлеб и пить воду и вино, сочетал Он с ними свое Божество, и соделал их Своим телом и Своею кровию, дабы чрез то, что обычно и что по естеству бывает, бывать нам в состоянии, которое выше естества. Тело воистину соединено с Божеством, — то тело, которое от Святыя Девы, не потому что само тело, вознесшееся на небеса, сходит, но потому что самые хлеб и вино претворяются в тело и кровь Господа Бога. Если желаешь знать, как это бывает, то довольно тебе услышать: Духом Святым, как от Святыя Девы Духом Святым Сам Себе и в Самом Себе Господь плоть составил. Больше этого мы ничего не знаем, но только то, что Слово Божие истинно есть, действенно и всемогуще, способ же: как — не изследим». — И еще немного спустя: «С верою достойно причащающимся бывает Св. Причастие во оставление грехов и в жизнь вечную, и в охранение души и тела, кои без веры недостойно причащаются, в осуждение — и мучение, как и смерть Господня. — И не есть хлеб и вино только образ тела и крови Христовой. Да не будет! — Но самое тело Христово обоженное и самая кровь. Ибо Он говорит: плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво». Еще пониже: «Тело и кровь Христовы служат к укреплению нашей души и тела. но не истощаются и тлению не подвергаются, а бывают нам в охрану и очищение от всякой скверны. — Им будучи очищаемы, соединяемся мы с телом Христовым и Духом Его, — и бываем тело Христово. Хлеб сей есть начаток будущего хлеба, который есть насущный. Ибо насущный или на будущий хлеб указывает, т. е. на хлеб будущего века, или на тот, который мы теперь принимаем к сохранению нашего существа. Ибо плоть Господня есть Дух животворящий, потому что от животворящаго Духа зачалось; рожденное же от Духа Дух есть. Говорю же это я, не отрицая естество тела, но желая показать его животворящность и божественность». — И еще в самом конце сей главы: «Сии (тело и кровь в таинстве) называются вместообразными будущих некако не сущия истинно тело и кровь Христовы, но потому что ныне чрез них мы причащаемся Христова Божества, тогда же мысленно чрез одно созерцание Его».

И божественный Макарий: «как вино по всем членам пьющаго расходится, и бывает вино в нем и он в вине: так и пьющий кровь Христову Духом Божества напояется, который по всей душе расходится, и душа бывает вся в Нем, и освятившись таким образом делается достойною Христа Господа. Ибо Апостол говорит: вси едином Духом напоихомся (1 Кор. 12, 13). Также и истинно причащающиеся хлеба в Евхаристии сподобляются участниками быть Духа Святаго, и так достойныя души во веки могут живы быть. И как для тела жизнь не из него самого есть, но из вне его есть, т. е. от земли, так и

душе благоволил Бог не из собственного его естества, но из своего Божества, из Духа Своего и света иметь брашно, питание, одеяние, кои суть истинный живот души. Ибо Божественное естество имеет и Хлеб жизни, рекший: Аз есмь хлеб животный (Ин. 6, 44) и воду живую, и вино веселящее, и елей радования».

И св. Исидор: «Приобщением называется причастие Божественных Таин, потому что оно подает нам соединение со Христом и соделоват нас общниками царствия Его». — И св. Нил: «Невозможно иначе спастися верному, и оставление прегрешений получить и царствия небеснаго сподобиться, если со страхом, верою и любовью не причащается он пречистых Таин Тела и Крови Христовых». — Подобное сему пишет и св. Василий Великий в письме к благородной Кесарии: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову; потому что сам Христос ясно говорит: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный (Ин. 6, 54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше. Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святаго» (т. 6, писм. 89).

Думаю, что в эти дни и литургисал святой сей, ибо всякой день не мог, будучи обременен столькими попечениями. И св. Аполлос сказал, что «монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя; ибо Сам Спаситель говорит: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем (Ин. 6, 56). Итак, сие весьма полезно монахам, потому что чрез сие они постоянно творят воспоминание спасительной страсти Христовой. Ктому же при сем каждодневнодолжно им быть готовыми, и так приготавливать себя, чтоб быть всегда достойными приять Святых Таин, и отпущения грехов сподобиться». (Лавс. стр. 169). В братстве преподобнаго Аполлоса всегда соблюдался такой порядок жизни (Тамже — стр. 167).

Св. Лествичник говорит: если тело, другому телу прикасясь, изменяется действием его, то как не измениться тому, кто непорочными руками прикасается телу Божию?» (Сл. 28, 52). — Написано также и в Герондике: «Иоанн Вострский, муж святой и власть имеющий над духами нечистыми, спросил бесов, живших в некоторых отроковицах бесноватых и злодествовавших в них, говоря: каких вещей боитесь вы в христианах? Те ответили: вы воистину имеете три великия вещи: первая та, что носите вы на шее вашей; вторая та, чем омываетеесь вы в церкви; третья та, что вкушаете вы в собрании. Когда спросил он их еще: из сих трех, чего больше боитесь вы? они сказали: еслиб вы добре хранили то, чего причащаетесь, то не кто из нас не возмог бы оскорбить христианина. — Эти вещи, коих боятся наши неистовые враги паче всего, суть: крест, крещение и причащение».

93) Конец всех пространно изложенных вещей; и частное увещание просившему о том.

Се, чадо любезнейшее, исполнено твое прошение, с Божиею помощию. Если, может быть, мы не сумели сделать это в точном соответствии твоему желанию и ожиданию; то всяко сделали по силе своей. Но Богу любезно делаемое по силе. Ты же смотри, не до сего только простирай твою любовь к научению и труд по нему, но яви себя и делами любителем научения и ревнителем. Ибо знаменитый брат Божий говорит: «братие мои возлюбленнейшие! бывайте творцы слова, а не точию слышателие, прельщающе себе самех. Зане аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковой уподобися мужу, смотряющу лице бытия своего в зеркале: усмотри бо себе и отъиде и абие забы, каков бе: приникий

же в законе совершен свободы, и пребыв, сей не слышатель забывлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет» (Иак. 1, 22 — 25).

94) Как должно слушать и принимать духовныя словеса отцев.

Паче же всего надлежит тебе уразуметь, как следует, верно и с подобающим благоговением принимать и выслушивать божественныя и духовныя законоположения отцев. Ибо св. Макарий говорит: «духовные предметы недосязаемы для не испытавших их. К душе же святой и верной на помощь к постижению их приходит причастие Святаго Духа; и тогда небесныя сокровища Духа приемлющему их опытом одному бывают яственны, не посвященному же в сие даже и помыслить о том совершенно невозможно. Итак благоговейно слушай о них, пока и ты, веры ради, сподобишься получить тоже. Тогда самым опытом душевных очес узнаешь, каких благ и таинств души христиан могут быть причастны еще здесь».

Находясь в таком состоянии, ты очень скоро соберешь богатый приплод и пользу и от того, что написано и от того, что услышать случится; и соединяя с научением и делание узнаннаго, преуспеешь до того, что будешь в состоянии и других увещевать и руководить самым опытом к вещам божественнейшим, для многих недоступным. Что и буди тебе, всемошною дланию Господа Иисуса Христа держимому и направляемому! Аминь.

Поелику пресыщение словом неприятно для слуха, как пресыщение пищею для тела, и вообще умеренность во всем есть наилучшее дело; то надлежит и нам, избегая излишества и лобызая мерность, как наилучшее, потолковав еще немного о нашем предмете и сделав краткое некое оглавление настоящего сочинения, на этом бросить якорь слова нашего.

95) Возглавление всего (главнейший пункт), — как должно молиться, — и об истинном просвещении и божественной силе.

Отцы говорят, что желающий разумно трезвенствовать, пусть, сошедши путем дыхания внутрь сердца, непрестанно понуждает себя молиться чисто и непарительно, одним внимая словам молитвы и в них углубляясь, именно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» дотоле, пока ум просветится в сердце, как говорит св. Диодох: «которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут, наконец, увидеть и свет ума своего» (гл. 59). Когда же сие совершится по Божию мановению, тогда с момента сего все остальное течение нашего по Богу жителства, яко во свете ходящие, паче же яко сынами света сущие, незаблудно и непреткновенно пройдем мы, как говорит Сам света податель Иисус: дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете (Ин. 12, 36); еще: Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный (Ин. 8, 12). И святой Давид так взывает к Господу: во свете Твоем узрим свет (Пс. 35, 10). И божественный Павел: Бог, рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших (2 Кор. 4, 6). Ибо Им, как неугасимым и всесветлым светильником, истинно верные путеводятся и простирают взор свой за пределы чувственнаго, — и им, яко чистым сердцем, отверзается небесная дверь ко всякому равноангельному и высокому образу жизни и устройению. И таким образом, как из солнечнаго диска, возсиявает им свет, делающий их способными духовно возсуждать, разсуждать, прозревать, предузревать и подобное. И вообще чрез Него возсиявает Им всякое показание и откровение безвестных таин; и силою преестественною и божественною исполняются они в Духе Святом, этую же преестественною силою и перст их облегчается, или лучше, плоть их утончается и, как метеор, будто горе воспаряет. Сею, в Духе Святом

просветительную силою, некоторые из святых отцев, еще в теле суще, будто невещественные и безтелесные, немокрыми переходили ногами реки непроходимыя и моря караблеходныя, долгие и многодневные пути в одно мгновение проходили, и много других совершали дивных дел на небе, на земле, в солнце, в море, в пустынях, в городах, во всяком месте и стране, в зверях, в гадах, и вообще во всякой твари и во всех стихиях, — и прославились. Когда стояли они на молитве, святые и честныя тела ихподнимались от земли, как бы окрыленные; по кончине — оставались нетленными и творили знамения и чудеса; по воскресении же восхищены будут в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господом будут, как удостоверяет таинник Божий Павел (1 Сол. 4, 17). И святыи Макарий: «всякая душа, верою и тщанием о всех добродетелях еще здесь сподобившаяся облещися во Христа в силе и удостоверительно, сподобляется всегда получать существенное ведение небесных таин, соединена будучи с небесным светом нетленного образа своего. В день же воскресения тело, в силу того же славнаго небеснаго образа, прославится душе и Духом восхищено будет в сретение Господа на воздухе, соделавшись сообразным телу славы Его».

96) Другое возглавление.

Сих новых и невыразимых словом вещей и разумений началом и породительницею бывает упомянутое предсим безмолвие, при совершенном безпопечении и в соединении со вниманием и молитвою, имея основанием твердым и ограждением неодолимым исполнение божественных заповедей. От сих же, безпопечения, говорю, безмолвия, внимания и молитвы, — сердечное движение и теплота, страсти и бесов палящая, и сердце, как в горниле, очищающая, а от этой — Господа Иисуса Христа вожеление и неистощимое любление, от сего — сладкое, как из источника, течение сердечных слез, коими душа и тело, в покаянии, любви, благодарении и исповедании, как иссопом очищаются и утучняются, от них — тишина и мир помыслов, коему нет предела, яко всяк ум превосходящему, а от него — снегосиятельно светлое осияние. Конец же всего — доступное человеку безстрастие, души прежде тела воскресение, образа и подобия Божия изображение и возвращение в сие состояние путем деяния и созерцания, веры, надежды и любви, также совершенное горе к Богу простертие, непосредственное с Ним соединение, изступление и почитие в Нем и стояние, в настоящем веке, яко в зеркале, гадании и залоге, а в будущем — видение Бога лицом к лицу, совершенное Его причастие и присносущное Им наслаждение.

97) О том, что сей есть воистину незаблудный, истинный, и отце-преданный образ жизни по Богу, т. е. безмолвие после послушания, которое достойно названо святыми жизнью во Христе сокровенною.

Сей путь, сие духовное по Богу жителство и священное делание истинных христиан есть истинная, незаблудная и неподдельная, во Христе сокровенная жизнь. Его проложил и к нему тайноводствовал Сам Богочеловек, сладчайший Иисус; по нему прошли божественные Апостолы; по нему проследовали бывшие после них, и им, как и должно, последовавшие славные руководители наши и учителя, которые, с самага начала, с перваго на землю пришествия Христова даже до ныне, как светила, сияя в мире зарями живоносных словес и дел предивных, одни другим передавали и тем, кои в наше время суть, передали сие доброе семя, сей священный квас, сей начаток святыи, сей залог некрадомый, сию благодать и силу свыше, сей бисер многоценный, сие божественное отеческое наследие, сие на селе сокрытое, сокровище, сие обручение Духа, сие царское знамение, сию живую и текущую воду, сей огонь божественный, сию честную соль, сей дар, сие запечатление, сей свет — и

подобное сему. Что и отселе будет, как наследство, передаваемо и таким образом переходит из рода в род, до самого второго пришествия Христова. Ибо неложен обетовавший: се Аз с вами есмь до скончания века. Аминь (Мф. 28. 20).

98) О том, что хотя и другие есть спасительные пути, но этот предпочтительно царский есть, ведущий к усыновлению.

Хотя и иные пути и жительства, если же хочешь, и делания, были и суть в обычае, яко добрые, ко спасению ведущие и покой дающие тем, кои их проходят; но этот есть предпочтительно царский, все другия делания, как душа тело, прбевосходящий, яко вполне обновляющий до усыновления Богу и дивно в Духе обожающий человека, который проходит его достождно, как говорит Василий Великий: «Дух Святой, пришедши в душу, дал жизнь, дал бессмертие, воздвиг лежащего.

Подвигнутое же от Духа Святаго движением присносущным, стало животным, святым; и человек по Духу, всельшемуся в него, приял достоинство Пророка, Апостола, Ангела, Бога, суще прежде того землею и пеплом».

99) По причине высоты — делания жительство сие многоименно.

Сего ради святые отцы жительство сие величают многими славными наименованиями: они наименовали его путем разумным, деянием похвальным и созерцанием верным, пространнейшею молитвою, трезвением ума, умным деланием, делом будущего века, Ангельским жительством, небесным житием, божественным поведением, страною живых, таинственным возреванием, духовною трапезою полнейшею, раем, Богом соделанным, небом, небесным царством, Божиим царством, мраком превысшим света, жизнью во Христе сокровенною, боговидением, обожением преестественнейшим и другими близкими к сим.

Сим божественным отцам последуя, и мы, в лукавых и нечистых помыслах, словах и делах живущие, решились старательно исполнить твое, возлюбленный, прошение, и не поленились сделать, как ты просил, даже и больше меры нашей, твоей ради любви, и отеческой заповеди, как сказали мы в предисловии к сему труду. Жизни же сей равноангельной предводитель есть Сын Божий, Бог — Слово, по новому неизреченному воплощенному домостроительству Своему, по благоволению безначального Отца и содействию Святаго Духа.

100) Нравоучение, — что с Божию помощью и благодатию и нам, сколько можно стараться, должно и подвизаться; да сподобимся от — ныне еще в виде залога, таких сверхестественных и величайших даров, и ради малаго разлечения, увы! да не упустим их: что да не буди нам!

Когда такая и толика предлежат нам блага, возлюбленные, не в надежде только, и по обетованиям в будущем, но ныне воистину и делом, возревнуем улучшить их, пока имеем время. Потечем, восподвизаемся, да сподобимся их и мы, за малое и привременное рачение о них и краткий труд, паче же по дару и благодати Божией. Недостойны бо страсти нынешняго времени, к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8, 18), по словам Павла, божественнаго проповедника. Послушаем его; и если отныне потщимся, обречем их, по уверению его, в виде начатка и обручения (Рим. 8, 23; 2 Кор. 1, 22). Потщимся же: ибо если приглашаемые из низкой доли к сродству и общению с царским домом, все для получения того пускают в ход — и слова, и дела, и умышления, хватаются даже за самое недостижимое, с презрением нередко самой жизни; и это ради славы и чести привременной и скоропреходящей, служащей иной раз не на добро, а на пагубу; то сколько паче надлежит употребить и деятельности и рвения нам, призываемым к общению, браку и сочетанию с Богом, всех

царей Царем и Содетелем, всегда пребывающим, и свойственникам Своим славу и честь подающим пресветлую и непрестающую, и не это одно, но еще с получением области чадами Божиими быть, как говорит Евангелие: елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его (Ин. 1, 12). Область дает Он, а не властительски влечет и не против желания нашего принуждает. Ибо властительское принуждение всегда вооружает принуждаемого против принуждающего, чтоб воздать злом за зло. Сим образом Он воздает честь древнему нашему самовластию, дабы, когда дело благое всецело делается по Его благоволению и благодати, совершение его приписывалось нашей ревности и рачению. Он, хотя Бог есть и Владыка, все Свое сделал: всех одинаково создал, за всех также и умер, чтоб всех равно и спасти. За нами же оставлено приступить к Нему, уверовать, соделаться своими Ему, истинно возлюбившему нас, человеколюбивому Владыке и Попечителю, до возжелания даже и смерть за нас подъять самоохотно, и смерть поносную, чтоб избавить нас от тиранства диавола, началозлобного врага нашего, примирить с Богом и Отцем, и наследниками Божиими и сонаследниками Своими соделать. Что предивно и преблаженно. — Не дадим же себе, ради малаго какого либо и краткаго самоугодливаго разленения и вознерадения, и поддельнаго какого удовольствия отстранить себя от таких и толиких благ, честей и наслаждений; но ревностно, будем делать все подобающее, и всякие нести труды, не щадя, если потребуется, и самой жизни ради угождения Господу, как и Он не пощадил Своей ради нас, и притом Бог съй, — да сподобимся таким образом и нынешних и будущих даров и венцов. — Буди же всем нам улучшить их благоволением и благодатию Господа, и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, столько Себя за нас смирившаго и таковым смирением преестественную и Боготворную благодать Свою еще от-зде самым делом богато нам подающего. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным и пречистым Его Отцем, и с соприсносушим и всесвятым, и благим, и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Блаженнаго Каллиста Патриарха

Главы о молитве [69])

- 1) Если хочешь держать настоящее делание молитвы, подражай гуслиарю, который, преклонив немного главу и ухо обратив к струнам, искусно ударяет по струнам и, извлекая гармонические звуки, услаждается их мелодиею.
- 2) Ясен ли тебе пример сей? — Гусли — сердце; струны — чувства; бряцало — память Божия; гуслиар — ум. Ум памяти о Боге и божественных вещах, извлекает из богобоязненнаго сердца чувства святых, от которых сладость некая неизреченная исполняет душу, и ум, чистым бывая, освещается божественными озарениями.
- 3) Гуслиар ничего не видит и не слышит, кроме своей мелодии, кою услаждается. И ум во время молитвы действительной, трезвенно углубляется в сердце и ничему уже внимать не может, кроме Бога. Все внутреннее его изрекает к Богу, Давидским гласом: прилепе душа моя по Тебе (Пс. 62, 9).
- 4) Если чувств телесных не заградим, то не источится в нас ключем бьющая вода оная, которую даровал Господь Самаряныне. Сия, ища чувственной воды, обрела иную воду живую, текущую внутрь ея самой. Ибо как земля естественно имеет в себе воду, которую, как только откроется исход, тотчас и изливает, так и земля сердца естественно имеет в себе эту воду духовную, из него ключем бить начинающую, как только возможно станет, подобно праотческому свету, который чрез преслушание потерян Адамом.

5) Как вода чувственная непрестанно течет из источника: так и живая вода, ключем бьющая из души, по открытии ея, не перестает источаться. Она, и в души Богоносного мужа Игнатия вселившись, располагала его говорить: «нет во мни огня веществолюбиваго (питающагося веществом), но во мне вода действует и говорит.»

6) Сия блаженная, паче же и трблаженная вода, умное, говорю, трезвение души, подобна воде, бьющей и источающейся из глубины земли. И эта вода, что из источника истекает, источник делает полным, а вода, что бьет из сердца, и как бы сказать, приснодвижно движима бывает Духом, всего внутренняго человека исполняет божественною духовною рососою, внешняго же делает огненным.

7) Ум, очистившийся от всего внешнего и чувства всецело подчинивший себе деятельною добродетелию, неподвижным пребывает внутри сердца, как в центре водружая взор свой. Там, приемля мысленныя озарения, как блистания молнийныя, собирает он божественныя разумения.

8) Слыша сие, никто из непосвященных или еще млека требующих (Евр. 5, 12), да не касается того, как такого, чего касаться не в свое время запрещено. Покушение тех, которые прежде времени взыскивают того, что бывает в свое время, и тщатся насильно протесниться в пристань безстрастия, без должнаго к тому приготовления, святые отцы назвали умоизступлением. Ибо не знающему букв невозможно читать книг.

9) Движения, вследствие подвига, производимыя в душе Божественным Духом, делают сердце тихостным и непрестанно побуждають его вопиять: Авва Отче! Но это не сопровождается какими либо воображениями, или бывает безобразно; нас же преобразует зарею божественнаго света и дает нам образ, какой подобает соответственно горению Духа Божественнаго; и не только это, но и изменяет и переменяет божественную властию, как Сам Он один то ведает.

10) Ум, очистившийся посредством трезвения, если непрестанною памятию Иисусовою не упразднится от всего внешнего, легко омрачается. Равно, с дьятельносною соединивший созерцаете, или хранете ума молвы о себе не отрицается, и говора о себе яснаго или неяснаго не отвращается. Ибо только душа, уязвленная божественною ко Христу любовию, влечется в след Его Единаго, как брата (Пес. Пес. 2, 5).

11) Удерживать плотския страсти и взыграния, или с разумом упраздняться от них, по слову Пророка: упразднитеся и разумеите (Пс. 45, 11), можно и живущим в мире; изгладить же, или потребить их — для них невозможно. Но жизнь пустынная умеет явно искоренять их.

12) Из живых или текучих вод иная имеет быстрое движение, а иная тихое и медленное. Первая, по причине скорости своего движения, не может оставаться мутною и, если когда немного возмутится, скоро опять прочищается, имея такое движение. Но когда движение воды, изменившись, станет наималейшим, тогда она не только возмущается, но такую почти и остается по неподвижности своей; и надобно бывает прочищать ее, дав ей движение.

13) К новоначальным, нравоучимым и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некия фантазии, иногда окрашивая воздух, на подобие света, а иногда производя огневья какия либо образования, чтоб такими покушениями прельстить какнибудь подвижника Христова.

14) Если хочешь научиться, как должно молиться, зриай на конец внимания, или и молитвы. Конец же сей есть умиление, сокрушение сердца, любовь к ближнему; чему противоположное само собою явно, именно — помысл похоти, шептание клеветы, ненависть к ближнему и сему подобное. Все сие

несовместно с деланием молитвы. [Очевидно, что это — часть только глав, или отрывок.]

Господина Каллиста Тиликуды[70]

О безмолвнической жизни.

- 1) Нельзя покаяться без безмолвия; нельзя скольконибудь коснуться чистоты без анахоретства; невозможно, при видании людей и беседах с ними, сподобиться умного зренья Бога и молитвенной беседы с Ним. Почему те, коих объемлет заботливое желание покаяться в своих прегрешениях, очиститься от страстей, достигнуть и вкусить созерцания Бога и беседы с Ним, — что есть предел и цель живущих по Богу, и залог вечного Божия наследия, — всеми способами взыскивают безмолвия, наиболее полезным делом для себя почитая удаление от людей и анахоретство, с должным, конечно, к тому расположением и настроением.
- 2) Начало деланий их в безмолвии бывает плач, самоосуждение и самоуничужение; ради их, — чтоб они происходили сколько можно чище, — бдения, стояния, воздержание и телесный труд, коих предел — потоки слез, источаемых очами смиренными мудрствующих, в сокрушении сердца. Так внимают они очищению своему, и так деятельно преуспевают в нем. Пределом сих трудов служит умиротворение помыслов, как начало изливания слез.
- 3) После сего ум, обычным образом, начинает разсматривать природу вещей, постигать искусство Божие, понимать Божественную мысль, и узревает во всем следы Божеской силы, премудрости, благости и всего, что обыкновенно в Боге созерцается; и в таинства Писания входит он, и преестественных благ вкушает, и премирными красотою наслаждается, и Божией любовью делается приятелем; и таким образом пленяется любовью, радуется и благодушествует, как достигали предела добродетелей, любви к Создателю всяческих, никакой прелести не испытывая и не подозревая, а только претерпевая одни соблазнительные нападки и непотребные греховные движения, по многим причинам, как изменчивый.
- 4) Таким путем следует восходить к возустроению себя, далеко стоя от нечаяния, и окрыляясь надеждою на человеколюбие Божие в достижении благ божественных, пребывая в слезах, в молитве и в других сказанных добрых деланиях, услаждаясь, сколько доступно, раем любви к Богу и ничего больше не видя кроме слез, мира помыслов и любви Божией. Так держится незаблудный путь, так образуется залог спасения души, смиренномудрствующей, трезвящейся и молящейся, во Христе Иисусе, Господе нашем.
- 5) Когда сидишь в келлии, ум твой да имеет дерзновение к Богу во смирении своем. Смирение пусть держит по причине бедности твоей и твоего ничтожества, а дерзновение — по причине всепревосходящей любви Божией и Божия снисхождения, какое имеет Он к людям. Так душа возводится к благоговейному почитанию Бога, когда, и сознав себя грешною, дерзает приступить к Нему по Его человеколюбию. Почему священный Павел заповедует, говоря: Да приступаем убо с дерзновением к престолу благодати (Евр. 4, 16). И воистину дерзновение к Богу есть некое око или крыло молитвы, или дивное некое молитвенное устройство: не так, чтоб дерзал кто о себе, яко добрый и достойный, но чтоб воспарял к надежде божественной, воодушевляясь помышлением о неизреченном человеколюбии, любви и незлобии к нам Божиим. Итак, молись с дерзновенным настроением, в смиренном мудровании, питаясь благими надеждами на Бога, как сказано, во Христе Иисусе, Господе нашем.
- 6) Надлежит тебе строго держаться того, что смиряет плоть, и ум освобождает от всего вяжущаго и

гнетущаго. Вот что я разумею: умеренное ястие, легкое питие, краткий сон, стояние на молитве по силе, преклонение колен, с смиренным видом, бедная одежда, малоговорение и то по нужде, и другое, что скольконибудь может укрощать плоть. Вместе с сим надобно завести и то, чем ум возбуждается к деятельности и сердце располагается прилепляться к Богу. Таковы: чтение Священнаго Писания и святых его толковников, умеренное, разумное псалмопение, размышление о том, что прочитывается из писаний и о дивных вещах, видимых в творении, и устная молитва, пока святая благодать Духа действительно подвигнет ее из сердца. Тогда другой праздник и время инаго ликования, не языком возбуждаемаго, а из сердца Духом действительно исторгаемаго.

7) Это ты теперь совершай так: сделай, сколько можешь, коленопреклонений, потом сядь и молись; утомившись молиться, переходи к чтению, как сказано, и опять возвращайся к молитве; намолвившись до сыта, встань на псалмопение непродолжительное, от него опять переходи к молитве, — и утомившись над нею, побудь немного в размышлении, прежде сказанном, и опять берись за молитву. Наконец и рукодельем займись немного, для разогнания уныния, как слышал ты от отцев, святче. Во всем твоём по Богу делании, каждодневном, с утра до утра, преимущество всегда да отдается молитве; прочия делания привходят только, по причине утомления в молитве. Когда же милость Божия приосенит душу, и благодать Духа источит из сердца, как из источника, молитву, тогда ум одной молитве прилежит и созерцанию, отторгши себя от всего другаго, и одною молитвою и созерцанием услаждается в раю любви Божией.

8) Над всеми добрыми делами державствует молитва: слезу покаяния она рождает, к умирению помыслов весьма много содействует, будучи понуждаема единаго Бога почитать высочайшим миром; любви к Богу она есть родительница; мысленную силу души она одна очищает, Бога представляя родителем и Ангельской чистоты; вожделетельную силу души чистою для Бога сберегает: ибо, прилепляясь к Богу и беседуя с Ним, безмерно и преестественно благим и добрым, она и вожделение все прилепляет к Богу; раздражительную часть души в такой мире укрощает, в какой припадает, молится и просить Бога, смиряя и душу чрез такое припадание, потому что никто, в то время как молится и просит, не может держать в душе несмирненное, или гневливое мудрование. Посему, сводя все во едино, могу сказать, что все силы души и все действия ея нравственные и умственные преподобная молитва очищает и исправляет, особенно когда возьмет с собою и созерцание Бога, и последующую за ним божественную любовь, при мирном строе жизни и поведении, по сказанному прежде. Из какого же места сердца источается слеза, там да мыслится и зрится помысл твой, склоняясь внутрь тебя путем дыхания во время молитвы, и там да пребывает, сколько можно. Ибо это крайне благотворно, — производить частыя и обильныя слезы, пресекает пленение ума, водворяет мир мысленный, даст ход молитве и содействует обретению молитвы сердечной, благодати и животворящаго Духа, во Христе Иисусе, Господе нашем.

9) Есть пять деланий безмолвия: молитва, или непрестанная память Иисусова, вводимая путем дыхания; без всякаго сторонняго помышления, которая (молитва) усовершается чрез всестороннее воздержание, — т. е. и чрева, и сна, и других чувств, внутри келлии со смирением; псалмопение мерное; чтение такое же из божественных Евангелий и святых отцев, из глав о молитве, особенно новаго Богослова, Исихия и Никифора; размышление о суде Божиим, о памяти смертной и о подобных предметах, и небольшое рукоделье. Прошедши все, опять следует возвращаться к молитве, нудя себя без жалости к таким деланиям, пока ум привыкнет отлагать парение свое памятью о

Господе и непрестанным принокновением к болезнованию сердца. Таково делание новоначальных монахов, желающих безмолвствовать, или безмолвников в новоначалии их безмолвствования.

Таковой должен нечасто выходить из келлии и избегать свиданий и бесед со всеми, разве только по крайней нужде допуская, но и в таком случае со всяким вниманием и себя хранением, и при том сколько можно реже, потому что это не только новоначальным, но и преуспевающим уже причиняет рассеяние мыслей.

10) Молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!, умом в сердце творимая со вниманием, без всякаго сторонняго помышления, не вдруг такую является, но требует навыка. Сначала делается сие с нуждением, при чем и сторонния помышления пресекают ее. Но труд, терпение и усердие производят, наконец, то, что она творится уже непринужденно сама собою. Привтечение сторонних мыслей долже не прекращается; но, наконец, и это проходит. Тогда молитва сия невозмущенно из сердца возносится умом к Господу, с верою, упованием и благоговеинством. И это есть сердечная молитва. Ее сопровождает теплота некая, которая зачинается с самого начала углубления ума в сердце для сей молитвы и содействует ему в отревании сторонних мыслей и чувств, и сама вместе с сим очищением ума от всего сторонняго возрастает, усиливается и устанавливается. Когда сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот, тогда ум сидит неисходно в сердце и непрестанно к Господу взывает с теплотою, чисто и безпримесно. В сей молитвенной теплоте поражается в сердце любовь к приснопоминаемому Господу Иисусу, а из ней слезы сладостныя источаются, от вожделения поминаемого Иисуса. Это — непрестанная молитва, которая едино есть с любовью к Господу.

11) Чтоб сподобиться сего и всего другаго, что из сего последует (о чем говорить теперь не время), надо всячески стараться страх Божий иметь пред очами своими, с памятию Иисусовою внутри сердца, а не как нибудь вне, дабы оно сим образом удобно отрывало не только нечистыя и страстныя, но и всякия вообще сторонния помышления. Плодом сего будет удостоверение в любви Божией к действующему так.

12) Блаженное состояние! — Но да поостережется сподобившийся сего взыскать явления Бога, чтобы вместо Света истиннаго не принять того, кто есть суцая тма, притворяющаяся светом. Если же иногда ум увидит свет без всякаго искания его, пусть не принимает его и не отвергает; но пусть пойдет и спросит у имеющаго силу различения таких вещей, и от него узнает истину, и по истине поступит. Это — если найдет настоящаго опытнаго учителя, который знает дело не из Божественнаго только Писания, но сам испытывал просвещение свыше благодатию Божиею. Если же не найдет такого, то лучше не принимать, но во смирении предать дело Богу, почитая себя недостойным такого видения. Это узнали мы от отцев.

13) При всем другом и паче всего другаго надлежит ведать следующее: как желающий выучиться стрелять не без цели или знака натягивает лук, так и возжелавший научиться безмолвию пусть имеет свой знак, — именно, чтоб быть всегда кротку сердцем, и никогда ничем не возмущаться до гнева иди неудовольствия. В этом легко успеть, если от всех уклоняться и больше молчать. Если же когда случится возмутиться, надо поскорее покаяться, себя укоряя, и положить строже внимать себе потом, чтобы тихо и с чистою совестью, положив начало, опять призывать Господа Иисуса и божественную Его благодать, в успокоение души своей. Что и получит. И не только это, но душа его получит успокоение и от всех прежде стужавших ей страстей и бесов, и неизреченно возвеселится

радостью. Если впрочем они и стужат ей когда, но воздействовать на нее не возмогут; ибо она уже не лежит к ним и никакого не имеет желания ихних услаждений, так как все ее желание устремлено к Господу, дающему ей благодать. Брани же такой она подвергается по попущению, а не по оставлению. — Для чего? — Для того, чтоб не превознесся ум ее тем, что обрел истинное благо, от которого другие еще далеки, — но имел в сих бранях всегдашнее побуждение к смирению, им не только побеждая гордых супостатов, но и больших даров сподобляясь. — Коих да сподобимся и мы все от Христа, ради нас столько Себя смирившего, и всем смиренным богатую благодать подающего. О внимании и молитве.

Собрано из святых отцев [71]

1) Все рачение подвижника должно быть обращено на то, чтоб высшая часть души не была унижена возманием низших сластолюбивых похотений. Ибо как бы душа свободным оком могла воззреть на сродный ей мысленный свет, прилепившись к низшим сластям плоти? Почему прежде всего надлежит подвижнически держать воздержание, — сие безопасное хранилище целомудрия, и владычественному уму не позволять вращаться в нечистых помыслах. Необходимо также иметь попечение о внутреннем человеке, чтобы ум пребывал непарительным, и был прилеплен к славе Божией, как последней цели, если хотим избежать суда Господа, рекшаго: горе вам, яко подобитесь гробом поваленым, иже внеуду убо являются красны, внутрюду же полни суть костей мертвых, и всякия нечистоты. Тако и вы, внеуду являетесь человеком праведни, внутрюду же есте полни лицемерия и беззакония (Мф. 23, 27—28). Сего ради подвиг потребен великий, и притом законный, в сердце, в слове и в делах, да не вотще будет принята нами Божия благодать.

2) Как воск принимает образ формы, в которую вливается, или печати, какою печатается; так и мы своего внутренняго человека да образуем учением Господа нашего Иисуса Христа, делом исполняя сказанное Павлом: совлекшеся ветхаго человека с деяньми его, — да облечемся в новаго, обновляемого в разум по образу создавшего его (Кол. 3, 9). Ветхим же человеком называет он все в частности грехи и осквернения. Будем, говорить, так образовывать своего внутренняго человека в обновлении жизни (Рим. 6, 4) до самой смерти, чтоб сделаться достойными истинно сказать: живу не к тому аз, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Много по тому потребно рачение и неусыпное попечение, как бы, действуя противно сей заповеди, не лишиться нам такого и толикаго плода и не подпасть страшным угрозам за то. Когда же диавол покусится наветовать, и начнет с чрезмерною силою, как какия стрелы разженные, пускать помыслы свои в безмолвствующую и мирствующую душу и внезапно воспламенит ее, деля на долго остающимся и трудно изгладимым воспоминание о том, что им однажды ввергнуто: тогда должно с сильнейшим трезвением и напряжением противостать таким нападениям, пока не изгладятся совсем, подобно атлету какому, с тщательным вниманием и быстрыми движениями тела отражающему нападку противника. Первенство однакож в сем деле надо отдавать молитве и призыванию споборания себе свыше в пресечении брани и отвращении стрел. Сему св. Павел научает нас, говоря: над всеми же сими восприимите щит веры. . . . всякою молитвою молящеся (Еф. 6, 16—18).

3) Когда душа, ослабив собранность и напряжение мысли, начнет вносить в себя какия либо воспоминания о каких либо предметах, тогда помысл, необученный и неискусившийся, устремляясь к воспоминаемым предметам и ими одними занимаясь, одну прелесть заменяет другою долгим рядом и, наконец, низвергается в срамныя и непотребныя помышления. Таковую небрежность и

распушенность души должно поспешнее исправлять, возводя ум к тщательнейшему и напряженнейшему вниманию, и понуждая его тотчас заняться добрыми предметами. Ибо настоящий философ, или истинно—мудрый человек, имея тело как бы кабинетом души и безопасным местом убежища, на рынке ли бывает или на праздничном торжестве, на горе или на поле, или среди толпы людской, сидит себе в своем естественном монастыре, собирая ум внутрь и любомудрствуя о подобающем ему. Возможно и в келлии сидящему помыслами блуждать вне, и по рынку ходящему быть трезвенну, как в пустыне, в себя вворачиваясь и Богу единому внимая, не принимая впечатлений, толпою падающих на душу чрез чувства от чувственных вещей.

4) Приступающему к телу и крови Христовым в воспоминание Его, за нас умершаго и воскресшаго, надлежит не только чисту быть от всякой скверны плоти и духа, да не в суд себе яст и пиет, но и действительно показывать, что им исполнена воля за нас умершаго и воскресшаго в том, что он не только чист от греха, но и умер греху, и миру, и себе, а живет только единому Богу.

5) Из порочных помыслов иные никогда не входят в душу нашу, если мы крепким ограждением оградим себя. Иные раждаются внутри, когда разленимся, и растут, но как только сознаются, скоро гложут и исчезают. Иные раждаются, растут, входят в худыя дела, и все здравие души нашей разстроивают, когда мы бываем в большом разлениении и вознерадении. Блаженно никогда не принимать худых помыслов. Второе после него то, чтоб, когда войдут помыслы, изгонять их скорее, и не попускать им долее замедлять в нас, чтоб они не осквернили пажити души нашей и не сделали ее непотребною. Но если и до этого прострем свое нерадение, есть (по человеколюбию Божию, — да не отчаивается нерадивый), и в таком случае утешение, и много врачевств благостынею оною неизреченною уготовано против таких ран.

6) Прошу же тебя, пока ты в теле, не давай воли своему сердцу. Ибо как земледелец не может верить никакому плоду, появляющемуся на его поле; ибо не знает, что с ним случится, прежде чем запрет его в житнице своей: так и человек не может давать волю своему сердцу, пока есть дыхание в ноздрях его, потому что не знает, какая страсть встретит его от этого и управится ли он с нею. Тем паче не должен допускать сего монах до последняго своего издыхания, но надлежит ему всегда взывать к Богу о милости и бороться, если желает получить царствие небесное.

7) Лукавый, зная наверное, что непарительно молящийся Богу очень многое может сделать, спешит всякими способами, и благословными и неблагословными развлечь его ум. Но мы, зная это, вооружимся всячески против врага нашего и, когда стоим на молитве, и колена преклоняем, никакому отнюдь помыслу не дадим войти в сердце наше, ни белому, ни черному, ни десному, ни шуемому, ни писанному, ни написанному, кроме умаливания Бога и с неба сходящаго в ум просвещения и облистания.

8) Великий подвиг и много времени требуется пребыть в молитвах, чтоб обрести невозмутимое устройство ума — сие второе некое внутри сердечное небо, где обитает Христос, как говорит Апостол: или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть (2 Кор. 13, 5). Если кто желает увидеть в сем состоянии ум свой, да блюдет себя от всех помышлений, и тогда ум его узрит себя сапфиру небесному подобным. Ум не узрит места Божия в себе, если не станет выше всех помышлений о вещах, но он не станет выше их, если не совлечется страстей, связующих его с чувственными вещами чрез помышления. Страсти изгонит он добродетелями, голые же (безстрастные) о вещах помыслы — духовным созерцанием; а это воспримет, когда появится на свет.

БЛАЖЕННЕЙШИЙ СИМЕОН АРХИЕПИСКОП СОЛУНСКИЙ

Блаженнейшаго Симеона Архиепископа Солунскаго.

О священной молитве [72]).

1) О молитве, братие, многое нам и великой важности слово, и, по истине сказать, она есть от Бога преподанное нам дело, глава всякаго другаго. Есть же молитва то, чтоб с Богом быть, всегда сосущим с Богу быть, иметь, как говорит Давид, душу, прилепленную к Нему и нерасторжимую с Ним и ум неотторжимым от Него. Прилепе душа моя по Тебе, говорит Он (Пс. 62, 9); еще: возжада Тебе, душа моя (Пс. 62, 2); еще: имже образом желает елен на источники водныя: сице желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41, 2); еще: возлюблю Тя, Господи, крепосте моя: Господь утверждение мое и прибежище мое (Пс. 17, 2); еще: душа моя в руку Твоею выну (Пс. 118, 109), вместо: с Тобою выну. Сего ради и благословлю Господа, говорит, на всякое время, выну хвала Его во устех моих (Пс. 33, 2). И с Ангелами себя сущим представляет Пророк, когда молится, соединяясь с ними в сем добром деле изъявления любви своей к Богу и вожделению Его. Хвалите, говорит, Господа с небес; хвалите Его в вышних. Хвалите Его вси Ангели Его: хвалите Его вся силы Его (Пс. 148, 102). Не в том смысле говорит он так, чтоб Ангелы не хвалили, и он приглашает их к тому, но как бы хваля их, что они имеют это собственным и непресекаемым своим делом по любви к Богу, и себя к ним присоединяя, потому что молитва к Богу и богохваление должны быть делом всякой разумной твари немолчным и непрестающим. К сему же добрый и Ангельский песнопевец Давид и всю вселенную пламенит, предъуказывая, полагаю, явление на земле Спасителя, познание через Него Пресвятые Троицы всеми народами и непрестанное ими Ея славословие, говоря: хвалите Господа вси языцы: похвалите Его вси людие (Пс. 116, 1).

А что Ангелами немолчная возглашается хвала Богу, сему учит и Исаия, видевший славу Божию и Ангелов непрестанно певших Трисвятую песнь; и Изекииль равным образом. Такая песнь есть дело первейших чинов, Серафимов и Херувимов, из коих первые называются огненными за сильную их любовь и пламенные песни, как означает сие и имя их — Серафим; а вторые называются изливанием, по причине широты или расширения ими ведения и Богохваления, как показывает и слово Херувим. Они называются еще многоочитыми, по причине обилия, тонкости и пронизательности их созерцания и славословия, и их непрерывности. Почему и между нами огненными называются мужи преподобные, горевшие любовью и ревностию и сердечною молитвою, по реченному: согрелось сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огонь (Пс. 38, 4); еще: не сердце ли наше горя бе в нас (Лк. 24, 32) еще: духом горяще, Господеви работающе, в молитве пребывающе (Рим. 12, 11. 12). Многие у нас были и такие,

кои имели преизливающееся обилие Боговедения, и как вода многая изливались в божественном вожделении, как говорится: излился благодать во устнах твоих (Пс. 44, 3); еще: расширил еси сердце мое (Пс. 118, 32). И такие есть между нами, коих можно назвать очитыми, яко зрящих Бога, как написано: очи мои выну ко Господу (Пс. 24, 15); еще: презрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть (Пс. 15, 8), — кои и как чистые сердцем зрят Господа (Мф. 5, 8). И третьему чину Ангелов — Престолам между нами некоторые подражают. Это те, в которых Бог упокоевается; ибо упокоение есть седалище и престол. Как на сих упокоеваются сидящие, так Бог упокоевается в них, чтущих Его помышлениями, песнями, словами и делами, так как покой Его честь (Ис. 11, 10).

Почему и Бог, благоугождаясь ими, говорит о них: вселюся в них и похожду (2 Кор. 6, 16); еще: кто

таков, к тому говорит: Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим (Иоан. 14, 23); еще, утверждая, что сие так бывало, Апостол говорит: или не знаете, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте (2 Кор. 13, 5). — Сие—то самое — имеет Христа, носить Его в сердце и уме, непрестанно о Нем помнить и помышлять, и гореть к Нему любовью, как Серафимы, зреть Его всегда, как Херувимы, и в сердце Его упокоевающимися — есть дело молитвы. Почему для рабов Христовых преимущественным пред всеми другими делом есть и должна быть молитва; все другие служения стоят на второй степени.

Прочие Ангелы, как посылаемые во спасение наше и возвещающие нам веления Божии, хотя деятельно служат, пособствуя хотящим наследовать спасение; но и они все непрестанным делом имеют молитву. Почему, когда являются нам, устрояя потребное ко спасению нашему, не без Богохваления и молитвы являются, а и нас научают и исповеданию Бога и Богохвалению. Так Исаия слышал их поющих славу Богу, и Иезекииль, и Даниил; пастыри в час рождения Господа видели множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: слава в вышних Богу (Лк. 2, 14); Иоанн а Апокалипсисе тоже слышал многих их поющими; а тот Ангел, который открывал Апокалипсические таинства, когда Иоанн поклонился ему, сказал: виждь, ни; клевет ти есмь, и братий твоих имущих свидетельство Иисусово: Богу поклонися (Апок. 19, 10). Видишь, какую они все Богу честь воздают и при служении Ему главнейшим делом имеют всегда воспевать славу Ему. Почему и нам св. Павел, Серафимский благовестник, до третьяго восходивший неба, говорит: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 14). Сам же он этому научен от Владыки всяческих, Который учит: бдите убо на всяко время молящися (Лк. 21, 36); еще: бдите, яко не весте дне ни часа, в он же Сын Человеческий приидет (Мф. 25, 13) и еще: бдите и молитесь, да не внидете в напасть (Мф. 26, 41); также: да будут чресла ваши препоясана и светильницы горящи: и вы подобни человеком, чающим Господина своего, когда возвратится от брака, да пришедшу ему и толкнувшу, абие отверзут ему (Лк. 12, 35, 36).

Симисловами Он научает нас внутренней молитве, вниманию ума и молитве непрестанной. Потом наводит: блажен раб твой, его же пришед Господь его обрящет творяща тако (Лк. 12, 43); и прибавляет слово о дарах за такое бдение и молитвы, — что над всем именем своим поставит его (ст. 44), сделает его и других подобных богами, царями небесными, светлейшими солнца. Видишь, какие дары от Бога уготовляются тем, кои бдят и молятся! Их да сподобимся и мы всегда бодрствуя и непрестанно молясь, как научены.

2) Есть много молитв, но превосходнее всех та, которую дал нам Сам Спаситель (Отче наш...), как пишется в Евангелии, яко объемлющая вкратце всю Евангельскую истину, — а после нея спасительное призывание Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия (Иисусова молитва), в научении нас которому потрудились многие преподобные отцы наши, и между ними златословесный отец наш, в трех словах изложивший учение о сей божественной молитве; затем богоносный Лествичник, Диадок святой, епископ Фотики, Симеон новый богослов, аскет Никифор и другие многие. Они говорили о ней достойно жившаго в них Духа Божия, так как и молитва сия в Духе Святом изрекается, как говорит св. Павел: никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (2 Кор. 12, 3). И тот, кто изрекает ее, от Бога есть, как говорит св. Иоанн: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть (1 Иоан. 4, 2). Наилучше же в наши дни сие написали о ней Духом водимые, Богоглаголивые, Богоносные, христоносные и божественные воистинну святые отцы наши: Каллист, бывший патриарх царствующаго града, новаго Рима, и

сотрудник и сподвижник его преподобный Игнатий, в ста главах изложив полное о ней учение, духовное, высокое и богомудрое.

3) Сия божественная молитва, состоящая в призвании Спасителя есть следующая: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры, — Духа Святаго и божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, божественного просвещения подательница, милости Божией кладязь, откровения Таин Божиих ходатаица, единая спасительница, яко имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, — имя Иисуса Христа Сына Божия, на нас названное. И несть иного имене под небесем, о немже подобает спастися нам (Деян. 4, 12), как говорит Апостол. Призывание сие есть и молитва, потому что сим испрашиваем мы милости Божией, — и обет, потому что в нем мы себя самих предаем Христу чрез призывание Его, и исповедание, потому что, исповедав так Господа Иисуса, Петр ублажен Им (Мф. 16, 17), — и сердца очищение, потому что Бог зрит и призывает и очищает того, кто таким образом зрит Бога, — бесов изгнание, потому что именем Иисуса Христа бесы были изгоняемы и изгоняются, — и вселение Христа, потому что Христос в нас есть памятованием о Нем и памятованием сим вселяется в нас и исполняет веселия, как говорит св. Давид: помянух Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4), и духовных разумений и помыслов источник, потому что во Христе все сокровища премудрости и разума сокровенна (Кол. 2, 3), и Он подает их тем, в коих вселяется, - и божественного просвещения подательница, потому что Христос есть истинный свет (1 Ин. 5, 20), и призывающим Его сообщает просвещение и благодать, — как пророк взывал: буди светлость Господа Бога нашего на нас (Пс. 89, 17) и как Господь обетовал: Ходяй по Мне имать свет животный (Ин. 8, 12), — и милости Божией кладязь. потому что милостив Господь и ущедряет всех призывающих Его (Пс. 85, 5) и творит скорое отмщение вопиющих к Нему (Лк. 18, 7, 8), — и откровения смиренным таин Божиих ходатаица, как рыбарю Петру истина о Христе явлена была от Отца небеснаго (Мф. 16, 17), и как св. Павел восхищен был в рай до третьяго неба и слышал неизреченные глаголы (2 Кор. 12, 4), — и единая спасительница, потому что несть ни в едином же ином спасения (Деян. 4, 11), кроме Господа, к Коему взываем, ибо сей единый есть Спас мира Христос (Ин. 4, 42). Почему в последний день, хотя и не хотя, всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Фил. 2, 11). Такое исповедание есть знак веры нашей и свидетельство, что мы — от Бога. Ибо всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть, а не исповедующий сего от Бога несть, а есть антихристов (1 Иоан. 4, 3). Почему всем верующим надлежит имя сие непрестанно исповедывать, и для проповедания веры, и для засвидетельствования любви нашей к Господу нашему Иисусу Христу, от которой ничто никогда отнюдь не должно нас разлучать, и ради благодати от имени сего, отпущения грехов, врачевания души, освящения, просвещения. и прежде всего ради спасения. Божественный Евангелист говорит: сия писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий. Се вера! — и да верующе живот имате во имя Его. Се спасение и жизнь! (Ин. 20, 31).

4) Сие призывание всякий благочестивый всегда да возглашает, как молитву, и умом своим и языком, и стоя, и ходя, и сидя, и склоняясь на ложе; и говоря что либо, и делая, — и всегда да понуждает себя к тому, и обретет великий покой и радость, как опытно знают это имеющие о сем заботливое попечение. — Но как это для людей житейских и даже для монахов, когда они

находятся в неизбежных хлопотах о житейском, невыполнимо, то хоть определенное время пусть каждый на это отрядит, — только да имеют правилом всегда творить молитву сию все, и освященного чина лица, и монашествующие, и миряне: монашествующие, как к тому уже и призванные и неотложный долг имеющие, хотя в хлопотах бывают по исполнению послушаний, всегда да нудят себя творить сию молитву и призывать Господа непрестанно, хотя с расхищением мыслей и пленениями ума, и по причине сего расхищения да не позволяют себе нерадеть о ней, но всячески да стараются опять возвращаться к ней и радоваться сему возвращению; лица священного сана да радеют о сем деле, как о проповеди, как о священнодействии, как о проявлении любви своей ко Христу Господу; миряне да блюдут сию молитву, как печать и знамение веры своей, как охрану, освящение и отгнание искушений, — Сего ради все и лица священного сана, и миряне, и монахи, возстав от сна, прежде всего должны вспоминать о Христе и об Нем помыслить, принося Ему сие первомыслие, как жертву, яко Им спасенные, Его имя носящие, в Него облекшиеся во святом крещении, Им запечатленные во святом миропомазании, Его тела и крови причащающиеся и через то членами Его делающиеся, и храмом, и живущим Его в себе имеющие. За все сие всякий христианин долг имеет вседушно любить Его, и по любви сей стараться всегда помнить Его; и кроме того иметь определенное время творить молитву Его по силе своей.

« Истолкование молитвы — Господи помилуй! »

Господи Иисусе Христе, помилуй мя! и сокращеннейше: Господи помилуй! от Апостольских времен даровано христианам, и определено, чтоб они нерестанно возглашали сие, как и возглашают.

Впрочем, делая так, весьма не многие ныне знают, что значит: Господи помилуй! Потому взывают бесплодно; вопиют: Господи помилуй! а милости Господней не получают, потому что не ведают сами, чего ищут.

Сего ради надлежит нам знать: какая это милость Господа Иисуса? — Какая?! — Всякая: все, что нам потребно в настоящем нашем падшем состоянии, в Его деснице есть. Ибо Он, с тех пор, как воплотился и соделался человеком, как пострадал такая страсти, и изливанием всесвятой крови Своей искупил человека из рук диавола, — с этих пор стал Господом и Властителем человеческого естества особенным неким образом. Все наше и стало таким образом в Его руках.

Господь и прежде воплощения искони был Господом всех тварей, видимых и невидимых, как Создатель их и Творец. По бытию так это и есть и будет, но не по свободной деятельности разумных тварей. Бесы, а за ними и люди не восхотели сами от себя иметь Его Господом и Властителем своим, и отторглись от Него, сушая Владыки всяческих. Ибо всеблагий Бог, создавши людей и Ангелов самовластными и одарив их разумом, не хочет нарушать сего их самовластия и господствовать над ними насильно, против их воли. Почему, которые из них хотят быть под властью и управлением Божиим, над теми Он господствует и тех защищает, а которые не хотят, тех оставляет творить волю свою как самовластных. Посему и Адама, когда он, прельщенный Богоотступником диаволом, соделался и сам отступником от Бога и не восхотел слушаться заповеди Его, оставил Он произволению его, не желая властительно господствовать над ним. Но завистливый диавол, прельстивший его в начале, не перестал и далее прельщать его, пока не сделал его по неразумию его подобным скотам несмысленным, и он стал жить подобно неразумным животным.

Тогда сжалился над ним многомилостивый Бог, и преклонив небеса, сошел на землю и соделался человеком человека ради, и пречистою кровию Своею искупив его, устроил для него спасительный

путь жизни: во святом Евангелии указал, как благоугождать Богу, Божественным крещением возродил и возсоздал его, в пречистых тайнах питание небесное учредил ему, и, кратко сказать, с высочайшею премудростию нашел способ, как Ему быть нераздельно с человеком и человеку с Ним, чтоб диавол не имел более места в человеке. Но и после сего Он все же никого не приневоливает, но оставляет всем на произвол спасаться, как им предлагается, или гибнуть. Так это и идет: одни спасаются, а другие небрегут о спасении; из коих иные совсем не веруют в Евангелие, а иные и веруют, но не живут по Евангельски.

Которые теперь христиане, после стольких даров благодатных, после стольких благодеяний Божиих, опять прельстились диаволом и по действию мира и плоти отделились от Бога, и подпали под иго рабства греху и диаволу, творя волю его, но не совсем еще сделались безчувственными, чтоб не чувствовать зла, какое пострадали, а понимают ошибку свою и сознают рабство, какому подпали, сил же на то, чтоб избавиться от него, в себе не видят; те прибегают к Богу и вопиют: Господи помилуй, чтоб сжалился над ними многомилостивый Господь и помиловал их, чтоб принял их, как блудного сына, и опять даровал им божественную благодать Свою, и ею избавил их от рабства греху, удалил от них бесов, и возвратил им свободу, да сим образом возмогут они прочее жить богоугодно и соблюдать заповеди Божии.

Итак, те христиане, которые с такою целию вопиют: Господи помилуй! всеконечно сподобятся милости Божией, и получают благодать, чтоб освободиться от рабства греху и спастись. Те же, которые совсем не имеют сказанных помышлений и не сознают бедственности своего положения и своего порабощения воле плоти и мирским обычаям, и даже времени не имеют подумать о своем рабстве, но без всякой такой цели, просто по одной привычке вопиют: Господи помилуй! Эти как могут получить милость Божию? и особенно такую дивную и безмерную милость? Для таких лучше не получать ее, нежели, получив, опять потерять, потому что тут уж будет двойное прегрешение. Поясняю теперь тебе тоже примерами. Представь себе человека бедного и нищего, желающего получить милостыню от кого либо из богатых. Что говорит он, пришедши к богатому? — Ничего, как помилуй мя! Сжался над моею бедностию, и благоустрой мою жизнь. — Или долг кто имеет на себе и не имеет чем уплатить его; желая же избавиться от тяготы сей, приходит к решению — упросить того, кому должен, простить ему долг. Приходит к нему, и что говорит? — Тоже только: помилуй мя! сжался над моею бедностию и прости мне долг, каким я должен тебе. Равным образом, когда кто провинится в чем либо пред другим, и желает получить от него прощение; что делает? Приходит к тому, против кого погрешил и говорит: помилуй мя! Прости мне, в чем я погрешил пред тобою.

Все такие знают, о чем просят и для чего просят, и получают по прошению, соответственно обстоятельствам, и полученное обращают во благо себе. — Поставь теперь с другой стороны грешника, который и беден духовно, и должен пред Богом, и оскорблял Его многократно. Если он вопиет будто к Богу: помилуй мя! А между тем не понимает, что такое говорит и для чего говорит, даже и того не знает, в чем та милость, которую желает получить от Бога, и к чему она ему благопотребна, а просто по привычке взывает: Господи помилуй! — как Бог подаст ему милость, когда тот не может даже узнать, что получил, потому внимания на то не обратит и злоупотребит тем, или сгубит то, и тем паче еще прежняго сделается грешником?

Милость Божия не другое что есть, как благодать Святаго Духа, которую должны испрашивать у

Бога мы грешные, непрестанно вопия к Нему: Помилуй мя! Яви милость Свою, Господи мой, ко мне грешному, в жалком состоянии, в каком я нахожусь, и приими меня опять во благодать Твою: дай мне духа силы, чтоб он укрепил меня в противостоянии искушениям диавола и худым навыкам моим греховным; дай мне дух совета, чтоб я уцеломудрился, пришел в чувство и исправился; дай мне дух страха, чтоб я боялся Тебя оскорблять, и исполнял заповеди Твои; дай мне дух любви, чтоб я любил Тебя и не удалялся более от-близ Тебя; дай мне дух мира, да соблюду мирною душу мою, соберу все помышления мои и пребуду безмолвен и немучим мыслями; дай мне дух чистоты, да хранит он меня чистым от всякаго осквернения; дай мне дух кротости, да буду тихонравен в обращении с братьями моими христианами и воздержан от гнева; дай мне дух смирения, да не помышляю о себе высокая и да не буду горд.

Кто знает и чувствует, сколь потребно все сказанное и, прося того у многомилостиваго Бога, взывает: Господи помилуй! тот наверное получит то, о чем просит, и сподобится милости Божией и благодати Его. Но кто не знает ничего из того, что мы сказали, и только по привычке взывает: Господи помилуй! тому нет возможности получить когда либо милость от Бога. Ибо и прежде он уже получил много милостей от Бога, но не познал того и не возблагодарил Бога, даровавшего ему их. Получил он милость Божию, когда создан был и стал человеком; получил милость, когда возсоздан был в крещении и стал православным христианином; получил милость, когда избавился от стольких бед, душевных и телесных, испытанных им в жизни; получал милость Божию, всякий раз, как сподоблялся причащаться пречистых Таин; получал милость Божию всякой раз, как согрешал пред Богом и огорчал Его грехами своими, а не был погублен и не наказан, как подобало; получал милость Божию, когда многообразно благодетельствован был от Бога, но или не сознавал того, или забывал. Такому христианину как еще получить милость от Бога, когда он не знает и не чувствует, что получил столько милостей от Него? — И теперь если и взывает: Господи помилуй, то не знает, что говорит, и произносит слова сии, без всякой мысли и цели, по одному лишь обычаю.

СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

О вере, и к тем, которые говорят, что живущему в мире невозможно достигнуть совершенства в добродетелях. В начале слова—многополезная повесть [73]). Доброе дело проповедать пред всеми милость Божию и возвещать братьям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам. — Знаю я человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не сыпал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, — и многоблагоутробный Господь за это одно спас его, как говорит божественный Давид: смирихся и спасе мя (114,5). Короче сказать: поверил он словесам Бога, и за эту веру Господь приял его. Стяжать смирение много есть препятствий, преграждающих путь к нему; но уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое ставило бы преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар всеблагаго Бога, который (дар) дал Он нам иметь естественно (вложить в естество), употребление его подчинив самовластию произволения нашего. Почему и Скифы и варвары естественно имеют веру и верят словам один другаго. Но чтобы показать вам на опыте действие вседушной веры, послушайте, я расскажу вам в подтверждение сказаннаго некую повесть.

Жил в Константинополе некто по имени Георгий, юноша возрастом, лет двадцати. Это — в наши

дни, на нашей памяти. Он был красив лицом, и в его походке, в манере держать себя и в приемах обращения было нечто показливое: так что по сей причине делали о нем разные недобрый предположения те, которые смотрят на одну внешность, и не зная, что скрыто внутри каждого, судят о других ошибочно. Он познакомился с неким монахом, жившим в одном из константинопольских монастырей, человеком святым, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказал и то, что сильно жаждет спасения души своей. Честный старец, поучив его, как следовало, и дав ему небольшое правило к исполнению, дал еще и книжицу св. Марка—подвижника, где он пишет о духовном законе. Юноша принял эту книжицу с такой любовью и с таким благоговением, как бы она была послана ему от самого Бога, и сильную возымел к ней веру, надеясь получить от нея великую пользу и великий плод. Почему читал ее с великим усердием и вниманием, и, прочитав всю, великую получил пользу от всех глав ея. Но из всех глав три наипаче запечатлелись в сердце его; первая: «Ища врачевания, пекись о совести (внимай ей); и что она говорит тебе, делай то, и получишь пользу» (глав. 69). Вторая: «Ищущий (чающий получить) действительности Святаго Духа, прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то же время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатою за него денег подписали ему и свободу» (гл. 64 о хотящ. оправ. от дел). Третья: «Молящийся телесно и не имеющий еще духовнаго разума подобен слепцу, который взывал: Сыне Давидов, помилуй мя (Мар. 10, 48). Другой же некто прежде слепый, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим (Иоан. 9, 35. 38)» (гл. 13, 14 о дух.зак.). Эти три главы очень ему понравились, и он поверовал, что через внимание к своей совести, как внушает первая глава, он получит уврачевание (немощей душевных); чрез исполнение заповедей достигнет действительности Святаго Духа, как учит вторая глава, и благодатию Святаго Духа прозрит умно и узрит неизреченную красоту Господа, как обещает третья глава. — И уязвился он любовью к красоте сей, и хотя еще не видел ея, сильно возжелал ея и усердно взыскал, в надежде узреть ее наконец.

При всем том однакож он ничего особеннаго не делал (как уверял меня с клятвою), кроме того, что каждый вечер неопустительно исправлял то небольшое правило, которое дал ему старец; и не иначе, как исправив уже его, ложился в постель и засыпал. Но со временем совесть начала ему говорить: положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько нибудь других псалмов, проговори, сколько можешь, большее число раз и: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Он охотно слушался своей совести, и что она внушала ему, делал без размышления все так, как бы то повелевал ему сам Бог, и ни разу не ложился он спать так, чтобы совесть обличала его, говоря: для чего не сделал ты того и того? Так всегда он слушался совести своей, никогда не оставлял без исполнения того, что сделать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала к обычному его правилу, и в немногие дни вечернее его молитвословие возрасло в великое последование. Днем он находился в палатах одного Патрикия, и на нем лежало попечение о всем потребном для людей, живших там. Вечером же каждый день он уходил оттуда и никто не знал, что делал он у себя. Он же и слезы проливал из очей своих, обильныя, и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю; когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одну к другой, и стоял неподвижно; и к Пресвятой Богородице читал молитвы с болезнию сердечною, воздыханиями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падал к пречистым ногам Его, как бы Он телесно присущ был ему, и умолял Его умилосердиться над ним, как некогда над слепым, и даровать прозрение душевным очам его.

Поелику каждый вечер увеличивалась молитва его, то он наконец простаивал молясь, до самой полночи; и однакож во все время молитвы, не разлечения себе не позволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как безтелесный.

Однажды, как он стоял таким образом на молитве и говорил умом паче нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному», — внезапно низшло на него свыше божественное осеяние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения и не приходило тогда на мысль ему ничто из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь срастворен с невещественным оным светом. и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. И показалось ему, к изумлению его, что вскрай света того стоит помянутый выше святой оный и равноангельный старец, который дал ему небольшую ту заповедь о молитве и книжицу св. Марка—подвижника. — Услышав это от юноши, я подумал, что ему много содействовала молитва старца, и что Бог устроил такое видение, чтоб показать юноше, на какой высоте добродетели стоял старец оный. Когда прошло видение то и юноша пришел в себя, то нашел себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления и плакал от всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостию великою. Наконец лег он в постель; но тотчас запел петух и показал, что была уже полночь. Немного спустя заблаговестили в церкви и к утрени; и юноша встал, чтоб прочитать по обычаю своему последование утрени. Так он совсем не спал в ту ночь; сон и на ум ему не приходил.

Случилось это как, ведает Господь, Который и соделал сие, ими же вестъ судьбами. Юноша же тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкою верою и несомненною надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице наставление. И никто не говори, что он делал это для испытания. Это и на ум ему не приходило. Кто испытывает, тот не имеет твердой веры; но юноша тот, отложив всякий страстный и самоугодливый помысл, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пищи и пития не вкушал в сладость или вдоволь.

Слышали, братия мои, что может сделать вера в Бога, свидетельствуемая добрыми делами? Поняли, что ни юность несколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия? Познали, что ни мир и житейския дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание? Ни безмолвие и удаление от мира не пользует, когда властвуют леность и нерадение? Все мы, слыша о Давиде и удивляясь ему, говорим: один был Давид и другаго такого не было, но вот смотрите, в юноше этом проявилось нечто больше, чем в Давиде. Давид приял свидетельство от Бога, помазан в царя и пророка, получил Духа Святаго и многия имел о Боге удостоверения. Почему, когда согрешил, и потерял благодать Святаго Духа и дар пророческий, и отчужден был от обычного собеседования с Богом, что дивнаго, если, вспомнив о благодати, от коей испал, опять взыскал он от Бога потерянные блага? Но этот юноша ничего такого не имел, а был связан мирскими делами, заботился только о временном, а о чем либо высшем земли и подумать не имел времени, — и однакож — дивны судьбы Господни! — лишь только услышал малое нечто от

оного святого старца и вычитал три те главы у аввы Марка, тотчас несомненно поверил слышанному и написанному и с непоколебимою надеждою ввел то в дело, и с небольшим тем деланием, которое совершал вследствие того, сподобился возвысить ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа; Ея молитвами умилиствовал Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такою силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видеть многие желают, но не многие сподобляются. Этот юноша ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяницы не носил, ни из мира не выходил телесно, а только духовно — душевным настроением, — и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивнаго онаго Лота, бывшего в Содоме, или, лучше сказать, явился Ангелом в теле человеческого, человеком по видимости и ангелом по умному строю. За что и сподобился увидеть сладчайший оный свет мысленнаго Солнца правды, Господа нашего Иисуса Христа, каковый свет удостоверил его, что он имел воспринять и будущий свет. И праведно: ибо любовь и сердечное его к Богу прилепление сделали его изступленным, отторгли дух его от мира сего, и от собственного естества, и от всех вещей, и сделали его вс его светом от Святого Духа, при всем том, что он и жил среди города, и правил целым домом, и пекся о рабах и свободных, и делал все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого в похвалу юноше и для того, чтобы подвигнуть и вас придти в такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтоб я сказал вам и другое что большее, чего, может быть, и слух ваш приять не сможет? Впрочем, что может быть больше и совершеннее страха Божия? Конечно, ничего нет. Св. Григорий Богослов сказал: «начало премудрости — страх Господень. Ибо где страх, там заповедей соблюдение; где заповедей соблюдение, там очищение плоти, — этого облака, облегающего душу и недающего ей чисто видеть божественный свет; где очищение, там осеяние, а осеяние есть исполнение желания божественнаго». Говоря так, он показал, что освещение Духом есть нескончаемый конец всякой добродетели, и кто достигнет такого освещения Духом, тот покончил со всем чувственным и начал пребывать сознанием в одно духовном. Это, братия мои, суть дивности Божии. И Бог для того изводит в явь сокровенных рабов Своих, чтоб подражали им добротолубивые и благие, а злонравные остались безответными. Ибо и те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя, как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры, которую показывают к Нему, чтоб в день суда ничего не имели сказать в оправдание свое те, которые не обретают спасения по причине лености своей и нерадения. Так истинен Тот, Кто обетовал даровать спасение ради веры в Него! Итак, братия мои возлюбленные, попечальтесь о себе самих и о мне, любящем вас и многократно проливающим слезы о вас. Ибо благоутробный и милостивый Бог повелел и нам быть благоутробными и милостивыми, и печалиться как о себе самих, так и друг о друге. Веруйте от всей души в Господа, ненавидьте мир сей, как подобает, и не пекитесь о временных и неверных благах его, но приступите к Богу и прилепитесь к Нему. Ибо пройдет еще немного времени, и настанет конец мира сего и настоящей жизни; и горе тем, которые изпадут от царствия Божия. Меня душат слезы, и я плачу и скорблю от всего сердца, когда помышляю, что, — имея такого великодаровитаго и человеколюбиваго Владыку, Который за одну, искренно являемую к Нему веру, дарует нам столь великия и дивныя блага, и ум, и слух, и чаяния превосходящая, — мы не подумавши, подобно безсловесным животным, предпочитаем всему тому землю и земное, которое, по благоутробию Божию, даровано нам на потребу тела нашего, чтоб, между тем как оно было бы

тем питаемо умеренно, душа безпрепятственно совершала течение свое к премирному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею от благодати Св.Духа, по мере очищения ея и обновления. Ибо для того мы, люди, созданы от Бога разумными, чтоб прославляли Его, благодарили и любили за невеликие блага, дарованные Им для настоящей жизни, и таким образом сподоблялись получить в будущей жизни блага великия и вечныя. Но горе нам, что, не имея совершенно никакого попечения о будущем, мы пребываем неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонам, или, лучше сказать, являясь хуже их. За это справедливо большему, чем они, должны мы подлежать мучению. Ибо мы больше облагодетельствованы, чем они: соделались христианами, получили столько духовных даров, веруем в Бога, Который соделался ради нас человеком и претерпел такая страдания и крестную смерть, чтоб избавить нас от заблуждения прелести и греха. Но что скажу на все это? Увы нам! На словах только веруем мы в Бога, а делами отвергаем Его. Не во всяком ли месте именуется Христос, — в городах, селах, киновиях и горах? Не всюду ли находятся христиане? Но розыщи, если это кажется тебе благословным, и разследуй до точности, исполняют ли они заповеди Христовы, и поистине среди стольких тысяч и мириад с нуждою найдешь одного, который и делом и словом есть христианин. Не сказал ли Христос и Бог наш: веруяй в Мя, дела, яже аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит? (Ин. 14,12). Но кто из нас дерзнет сказать: я творю дела Христа и верую право во Христа? Но видите ли по сему, братия мои, как в день суда мы имеем оказаться неверными, и быть преданы горшим мукам, чем те, кои совсем не знали Христа, т. е. неверные? Одно из двух необходимо: или нам быть наказанными больше неверных, или Христу оказаться неверным слову Своему, — что невозможно.

Написал я это не для того, чтоб помешать кому удалиться от мира, и не потому, чтоб предпочитал безмолвию жизнь среди мира, но чтоб удостоверить всех, которыебудут читать настоящее сказание, что желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии. Напротив, предмет сего сказания таков, что еще более должен подвигать к отшельничеству. Ибо если тот, кто вращался среди мира и не думал никогда ни об отречении от мира, ни о нестяжательности, ни о послушании, такую милость получил от Бога за то одно, что от всей души поверил и признал Бога; то какие блага получить подобает надеяться тем, которые, оставляя весь мир и всех людей, предают и самую жизнь свою на смерть за заповедь Божию, как Он повелел? Впрочем, кто начнет творить добрыя дела с верою несомненною и с усердием великим и чувствовал пользу, от сего бывающую, тот сам собою познает, что забота мирская, пребывание и вращение среди мира служат великим препятствием для тех, которые желают жить по Богу. Бывшее с юношею тем, как мы сказали, есть нечто дивное и необычайное; и мы не слышали, чтоб подобный добрый случай был с другим кем. Но если и был с немногими какими, или будет после, да ведают они, что если не удалятся от мира, то скоро очень потеряют полученное благо.

О том юноше после я узнал от него же самого еще и следующее. Я встретил его, когда уж он стал монахом и провел в монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я знал его очень хорошо: мы от юности были друзьями и воспитывались вместе. Так он и рассказал мне следующее: «после онаго дивнаго видения и изменения, бывшаго во мне, немного прошло дней, как со мною случились многия искушения мирския, по причине которых, во время совершения мною тех сокровенных по Богу деланий, я увидел в себе, что мало по малу лишаюсь блага онаго, и сильное возымел желание удалиться от мира и в уединении искать Христа, мне явльшагося. Ибо верую,

брате, что для того Он и благоволил явиться мне, чтоб взять к Себе и меня недостойного, отделив от всего мира. Но как я не мог этого исполнить тогда же, то мало-по-малу забыл все, что пересказывал тебе прежде, и впал в совершенное омрачение и нечувствие, так что не помнил уже ничего из того, что сказывал тебе, ни малаго ни большаго, до самомалейшаго движения мысли, или чувства.

Затем впал я в большия зла, чем прежде, и пришел в такое состояние, как бы никогда не слышал слов Христовых и не понимал их; но и на святого онаго, который так милостив был ко мне, и дал мне малую заповедь и книжицу Марка, смотрел я как на одного из случайных людей, нисколько не помышляя о том, что видел относительно его, — Это я сказываю тебе подробно, говорил он далее, для того, чтоб ты знал, в какую глубину пагубы низпал я, окаянный, по нерадению своему, и подивился неизреченной благодати Божией, явленной на мне потом. Не умею тебе сказать, как без моего ведома остались в бедном сердце моем любовь и вера к оному святому старцу, но думаю, что ради их после столькаго времени человеколюбивый Бог по молитвам его умилился надо мною и опять чрез него же исхитил меня из прелести и исторг из глубины зол. Я недостойный несомненно отдалялся от этого старца, но когда бывал в городе, часто заходил к нему в келью, и исповедывал ему бывающее со мной, хотя не исполнял заповедей его безсовестный. Теперь же, как видишь, милосердный Бог презрел многое множество грехов моих и устроил мне сделаться монахом от того самаго старца и сподобил всегда пребывать с ним вместе мне, поистине недостойному. После чего с великим трудом и с обильными слезами, при решительном отчуждении и отделении от мира, совершенном послушании и отсечении своей воли, многих других делах и приемах строгаго самоумерщвления и неудержимом стремлении ко всему доброму, удостоился я опять увидеть, хотя некоторым образом примрачно, малый луч сладчайшаго онаго и божественнаго света. Но такого видения, как то, которое видел тогда, даже доселе не сподобился еще я увидеть опять».

Это и многое другое говорил он мне со слезами. Я же, бедный, слушая такие святыя слова его, подумал, что он весь был исполнен божественной благодати и был премудр, при всем том, что не был научен внешней мудрости. Получая ведение от делания и опыта, стяжал он тончайшее познание духовных вещей. Почему я просил его сказать мне, что это за вера, которая может производить такие дивныя явления, и преподать мне то письменно, с приемом учительским. Он тотчас начал говорить мне о том, и что говорил, то и писать не поленился. Что именно, то, чтоб не удлинить без меры теперешняго моего слова, я напишу в других словах, в обрадование и услаждение тех, которые любят читать такого рода писания с верою.

Итак, прошу вас, братия мои, потечем с усердием и себе путем заповедей Христовых, — и лица наши не постыдятся. Но как тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери царствия Своего, по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа всесвятаго и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: так и вы несомненно получите дивныя блага от Него, какия уготовал Он любящим Его, — здесь отчасти, как укажет мудрость духовная, а в будущем веке всецело, со всеми от века святыми, во Христе Иисусе Господе нашем, коему слава во веки веков. Аминь.

1) О трех образах внимания и молитвы. 2) О первом образе. 3) О втором. 4) О третьем [74]).

1) Есть три образа внимания и молитвы, коими душа возвышается и преуспевает, или низвергается и гибнет. Кто эти три образа употребляет в свое время и как следует, тот преуспевает; а кто употребляет их неразумно и не во время, тот низвергается.

Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душою. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми пред сим вело брань внимание: ибо одно оно не может их побивать.

На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем, а если не внимаем, чтоб хранить ее чистою, но оставляем неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными.

Итак, поелику есть три образа внимания и молитвы, то надлежит нам показать отличительныя свойства каждого образа, чтоб любящий спасение избрал лучшее.

2) О первом образе внимания и молитвы.

Отличительныя свойства перваго образа таковы: когда кто, стоя на молитве и воздеяв на небо руки свои и очи свои, и ум свой, держит в душе божественныя помышления, воображает блага небесныя, чины ангелов и обители святых, и кратко, все слышанное в Божественных Писаниях, собирает в ум свой, и разсуждает о том тогда во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы).

Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что) мало по-малу — (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это (т. е. так думать о сем образе молитвы) есть знак прелести: ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует.

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (т. е. сделается исихастом, у нас — затворником), то ему едва ли можно не изступить из ума (будет он находится в крайней опасности пострадаться). Но если и случится, что не изступит он из ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или безстрастие. На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное.

Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившагося и явившагося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотят слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разныя прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?

Из сказаннаго нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от сегоперваго образа внимания и молитвы (если почитать его последним пределом совершенства в молитве). Если же и случится кому из употребляющих сей образ не пострадать никакого из таких зол, о коих мы слышали, по причине сожителства с братьями (потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно), то все же он всю жизнь свою проведет, не преуспевши (в духовной жизни).

3) О втором образе внимания и молитвы.

Второй образ есть такой, — когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственнаго, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира сего, — и то изследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то

возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается придти в себя самого, если был возобладан и побежден какою либо страстию. Отличительная черта сего дела та, что оно происходит в голове: мысли с мыслями борются.

Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может он мирствовать в себе никогда, и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить и венец правды. Такой человек подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте, который слышит голоса врагов своих и принимает удары от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и для чего бьют его. Потому что сам он пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он и не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую имеет он в помыслах своих, причиняют ему сей ущерб (т. е. не дают ему видеть это), и нет ему возможности ускользнуть от врагов своих демонов, чтоб они не поражали его. Тщетно подымлет он труд, несчастный, и даже совсем теряет мзду свою, если при этом, и сам не замечая того, возобладан бывает тщеславием, воображая, что надлежало бы внимать себе. В гордости своей презирает он других и осуждает их, а себя самого хвалит, мечтая при сем, что достоин быть пастырем словесных овец и руководить других, — и походит он на слепца, который берется водить других слепцов.

Таков второй образ (внимания и молитвы)! И всякий, желающий себе спасения, должен знать ущерб, причиняемый им душе, и добре внимать себе. Впрочем он лучше первого, как лучше ночь лунная ночи темной, в которую не светит луна.

4) О третьем образе внимания и молитвы.

Третий образ воистину дивен есть и неудобноизъясним, и для тех, которые не знают его опытно, не только не удобопонятен, но кажется даже невероятным; и они не верят, чтоб подобная вещь была на деле. И в самом деле, в наши времена, сей образ внимания и молитвы встречается не у множайших, а у весьма немногих; и, как мне думается, благо сие убегло от нас вместе с послушанием. —

Послушание, если кто возьмем его к духовному отцу своему в совершенстве, делает его беспопечительным относительно всего, так как он всю печаль свою однажды на всегда возверг на духовного отца своего; почему, будучи далек от всякаго пристрастия мирскаго, он является способным к тому, чтобы быть весьма ревностным и неленостным делателем сего третьяго образа молитвы, если впрочем нападет и на духовного отца истиннаго, который сам не состоит в прелести.

Ибо кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовного отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнью и творить волю свою, но умрет для всякаго пристрастия мирскаго и для тела своего, такой какою привременною вещью может быть побежден и порабощен? Или какое попечение и какую заботу может иметь?

Вследствие сего, этим третьим, бывающим вместе с послушанием, образом внимания и молитвы, все козни и хитрости, какия бы ни употребляли демоны, чтоб увлечь ум его к помыслам многим и разнообразным, бывают уничтожаемы и рассеиваемы; ибо тогда ум такого человека, будучи свободен от всего, имеет благовремение без всякой помехи исследовать наносимые демонами помыслы и с великим удобством отгонят их, и чистым сердцем приносят молитвы свои Богу.

Таково начало истинной жизни (духовной)! И которые не полагают такого начала, всеу трудятся, сами не зная того.

Начало сего третьяго образа не то, чтоб воззреть на небо, воздевать руки свои горе, иметь ум свой

в том, что на небе: это, как мы сказали, есть принадлежность первого образа и недалеко от прелести, — и не то, чтоб хранить умом своим чувства и на это обращать все свое внимание, а на внутренняя брани душевные, причиняемая врагами, не смотреть (они смотрят и борются. но все в голове, и не остерегаются их:) это — принадлежность второго образа, и кто употребляет это, попадает в рабство демонам, и не может сотворить отмщения сим поработителям своим, но враги и непрестанно борют его явно и тайно, и делают его тщеславным и гордым.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом: после (установления в сердце) совершенного послушания, какое, как мы сказали, должно тебе иметь к духовному отцу своему, и все прочия дела свои делай с чистою совестью, как бы ты был пред лицом Бога: ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским).

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоевает Бога и неприятно Ему.

В отношении к духовному отцу своему, делай одно то, что он заповедует тебе, и не больше ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его.

В отношении к другим людям соблюдеши совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому.

В отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистою, употребляя их всегда, как должно, — именно пищу, питье и одежду.

И вкратце, все делай так, как бы ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо.

Действуя таким образом, ты уравниешь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (быть в сердце — отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца да возсылает молитвы к Богу. (В этом все; трудись так, пока вкусишь Господа). Когда же, наконец, ум там, внутрь сердца, вкусит и чувством ощутит, яко благ Господь, и усладится тем (наш труд; вкушение же сие есть действие благодати, в смиренном сердце); тогда не захочет уж он отдаляться от места сердечнаго (тогда скажет и он те слова, какия сказал Ап. Петр: добро нам zde быти). . . . и всегда уже будет взирать туда внутрь сердца и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые диаволом (се третий образ внимания и молитвы, как ему следует быть!). Для тех, которые никакого не имеют сведения о сем деле и не знают его, оно большею частию кажется трудноватым и утеснительным; но те, которые вкусили сладости, какую оно имеет, и усладились ею в глубине сердца своего, — эти взывают с божественным Павлом и говорят: кто ны разлучит от любве Христовы? и проч. (Римл. 8, 35).

Почему св. отцы наши, слыша Господа говорящаго, что «из сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбоддеяния, любоддеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы,» и что «сия (вся) суть сквернящая человека» (Мф. 15, 19. 20), — слыша также, что в другом месте Евангелия заповедуется нам очищать внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 26), — оставили всякое другое духовное дело и стали всецело подвизаться в этом одном делании, т. е. в хранении сердца, будучи уверены, что вместе с этим деланием удобно стяжут и всякую другую добродетель, а без него

не могут установиться ни в одной добродетели. Это делание некоторые из отцов назвали сердечным безмолвием; другие назвали его вниманием; иные — трезвением и противоречием (помыслам), иные еще рассмотрением помыслов и хранением ума. Они все в нем преимущественно упражнялись, и им сподобились получить божественные дарования. Его понимает и Екклесиаст, когда говорит: веселися, юноше, в юности твоей, и ходи в путях сердца твоего непорочен (Екклес. 11, 9) и чист, удаляя сердце свое от помышлений злых. О сем же самом говорит он и в другом месте, — что «если найдет на тебя прилог диавольский, то не позволяй ему войти в место твое», разумея под местом сердце (-10, 4). И Господь нам говорит во святом Евангелии: не возноситеся (, — не носитесь, как метеоры, — Лук. 12, 29), т. е. не носитесь умом своим туда и сюда. И в другом месте Он же говорит: блаженны нищие духом (Мф. 5, 3) , т. е. блаженны те, которые не стяжали в сердце своем никакого пристрастия к миру, но бедны всяким помыслом мирским. И все св. отцы много писали об этом. Кто хочет, пусть читает писания их и увидит; пусть прочтает, что написал Марк подвижник, что сказал св. Иоанн Лествичник, преподобный Исихий, Филофей Синайский, Авва Исая, Варсанофий великий — и другие многие.

Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым, или миротворцем, не перенести гонение за правду. И обще говоря, нет возможности стяжать добродетели иным каким либо способом кроме сего внимания. Почему, паче всего другого о нем надлежит тебе приложить старание, чтоб собственным опытом изведать, что я говорю тебе. — Если желаешь научиться и тому, как следует это делать, я скажу тебе об этом.

Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого: безпечение о всем, даже благословном, а не только неблагословном и суетном, или иначе умертвиться всему, — совесть чистую во всем, так, чтоб она не обличала тебя решительно ни в чем, — и совершенное безпристрастие, чтоб помысл твой не клонился ни к какой мирской вещи. Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце). [75]) Там имей ум свой, стараясь всячески обрести место, где сердце, чтоб, обретши его, там уже всецело пребывал ум твой. Ум, подвизаясь в сем, улучит место сердца. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С сего же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой либо помысл, прежде чем войдет он внутрь и помыслится, или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, т. е. Господи Иисусе Христе, помилуй мя! С сего также времени, ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божиею помощью сам из опыта узнаешь, посредством внимания ума, и держа в сердце Иисуса, т. е. молитву Его — Господи Иисусе Христе, помилуй мя! И некто из отцов говорит: «сиди в келлии своей, и она научит тебя всему».

Вопрос: но почему же первый и второй образы внимания и молитвы не могут доставить сего?

Ответ. потому что мы не так употребляем их, как следует. Св. Иоанн Лествичник, уподобляя сии образы, как бы лестнице некоей о четырех ступенях, говорит: «иные укрощают страсти, и смиряются; иные поют, т. е. молятся устами; иные упражняются в умной молитве; иные восходят в созерцание. Которые берутся восходить по сим ступеням, не начинают с верхних, чтоб нисходить к нижним, а от нижних идут к верхним, — ступают на первую, потом на вторую, далее на третью и,

наконец, на четвертую. И вот таким образом может, кто желает, подняться от земли и взойти на небо: во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти, во-вторых, упражняться в псалмопении, т. е. молиться устами, потому когда умалются страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную пред Богом, в третьих, молится умно, — и в четвертых, восходить в созерцание. Первое свойственно новоначальным, второе — преуспевающим, третье подходящим к последним степеням преуспеяния, а четвертое — совершенным.

Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей; а оне не другим каким способом умалются в душе, как хранением сердца и вниманием: ибо, как говорит Господь наш, от сердца исходят помышления злыя, которыя сквернят человека; там и потребны внимание и хранение. Когда же страсти, посредством сопротивления им сердца, усмирятся совсем, тогда ум приходит к возжеланию Бога и ищет содружиться с Ним, для чего умножает молитву и в ней преимущественно проводит время. От сего возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все помыслы, которые вращаются вокруг, чтоб войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань, — с великим шумом возстают злые демоны и посредством страстей производят мятеж и бурю в сердце; но именем Иисуса Христа все сие потребляется и разливается, как воск в огне. Однакож и быв изгнаны и вышед из сердца, они не успокаиваются, но опять покушаются возмутить ум совне через чувства; впрочем ум и тут очень скоро восстанавливает в себе и начинает чувствовать тишину, обычно в нем бывающую, потому что они не имеют силы возмущать самую глубину ума, а возмущают только поверхность его. Но совсем избавиться от брани и не быть боримым злыми демонами ум все же не может. Это - достояние совершенных, — тех, которые всецело отрешаются от всего и непрестанно пребывают во внимании сердечном.

Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на небо воззреть чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молится чисто воистину, как подобает.

Впрочем воззреть на небо чувственными очами надо, сколько можно, реже, страха ради злых, в воздухе находящихся, демонов, которые потому и называются духами воздушными, многоразличныя прелести производящими на воздухе, — и нам надлежит быть внимательными. Бог одного от нас требует, — того, чтоб сердце наше было очищаемо посредством внимания. А затем будет, по слову Апостола: «если корень свят, то явно святы и ветви и плод» (Рим. 11, 16). Если же кто не в таком порядке, как мы сказали, станет возводить очи свои и ум свой на небо, и воображать что либо мысленное, то он увидит мечтания, что нибудь ложное, а не истинное, по той причине, что сердце его не чисто. Так первый и второй образ внимания и молитвы, как мы не раз говорили, не приводят человека в преуспеяние. Почему, как желая построить дом, мы не кровлю прежде возлагаем, а после полагаем основание, потому что так нельзя, но прежде кладем основание, потом строим дом, и тогда уже возлагаем кровлю: так надлежит нам поступать и в отношении к духовному: прежде положим основание, т. е. станем хранить сердце и изгоним из него страсти, потом построим духовный дом, т. е. прогоним мятеж, воздвигаемый в нас злыми духами посредством внешних чувств и навыкнем пресекать сию брань, как можно скорее, и тогда же возложим и кровлю, т. е. совершенное отрешение от всего, чтоб всецело предаться Богу, — и тем закончим духовный дом свой во Христе Боге, Коему

слава во веки. Аминь.

Из жития преподобного отца нашего

Максима Капсокаливита.

Об умной благодатной молитве.

Божественный Григорий Синаит, встретив святого Максима и беседуя с ним, между прочим спросил его: прошу тебя, отче мой честнейший, скажи мне: держишь ты умную молитву? Тот, поникши немного главою, ответил ему: не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятыя Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее со слезами, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с безмерною теплотою сердца, и когда потом с любовью целовал святую икону Ея, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, изшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало из-внутри себя говорить молитву, и ум мой услаждается памятованием Господа моего Иисуса Христа и Пресвятыя Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в сем памятовании о них; и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем, — прости мне.

Говорит ему св. Григорий: скажи мне, святой отче, бывало ли с тобою в то время как ты говорил молитву: Господи Иисусе Христе и проч. божественное какое изменение, или изступление, или другой какой плод Духа Святого? — Божественный Максим ответил ему: да; и сего ради, отче, я уходил в пустынные места и всегда любил полное безмолвие, да насладюсь в большей мере плодом молитвы, т. е. преизобильною любовью к Богу и восхищением ума к Господу.

Святой Григорий спросил его: прошу тебя, отче, скажи мне: имеешь ты то, о чем сказал.

Божественный Максим, потупив очи, говорит ему: не пытай о моих прельщениях.

Тогда святой Григорий сказал ему: о, когда бы и мне дал Бог иметь такое же прельщение, какое у тебя, отче святой! — Впрочем прошу тебя, скажи мне: в тот час, как ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с сердцем возводить молитву? Святой Максим ответил ему: нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается [76]), так как ум тогда весь овладевается благодатию Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его, или в невещественный воздух света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в божественную беседу, и кратко сказать, как хочет Утешитель, Дух Святой, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякой явно видеть в Пророках и Апостолах, которые сподоблялись видеть всякого рода видения, хотя люди насмеялись над ними, почитали их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на престоле высоком превознесенного и окруженного Серафимами. Первомученик Стефан видел отверстыя небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и проч. — Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестями и тех, которые видят их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много, и неудомаваю, что это за люди, и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами

Пророка Иоиля, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут (Иоил. 2, 28), — каковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святаго сойдет на кого либо, то не что либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святаго Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собою никогда (1 Кор. 2, 9). И чтоб тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать; но как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаявает, и там в огне возгарается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам о себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, — когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святаго возгарается, и разливается в божеских помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет.

После сего святой Григорий напоянул ему: бывает, капсокаливите мой, и другое нечто, подобное сему, что однакож есть действие прелести. — На это великий оный Максим ответил ему: бывает; но у каждой из сих свои особые признаки, — иные признаки прелести и иные — благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно пред очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает изступленным и бесноватым, и уста заставляя говорить слова непотребныя и хульныя; тот, кто видит сего духа прелести, большею частию серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ни истинного плача и слез, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия поддается движениям страстей, наконец выходит из ума и приходит в совершенную пагубу. От таковой прелести да избавит нас Господь молитвами твоими, отче честный. — Признаки же благодати суть следующие: когда входит в человека благодать Святаго Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и полными слез, и чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и безпредельным Его человеколюбием, и ум исполняет возвышенными созерцаниями: а) недомыслимой силы Божией, как он единым словом все из несущаго привел в бытие, б) безмерной силы, кою все содержит, всем управляет и о всем помышляет, в) непостижимой Святой Троицы и неизследимой бездны Божескаго существа и прочее. Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом, и просвещается светом Божескаго ведения, сердце делается тихим и кротким, и обильно источает плод Духа Святаго - радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение и прочее (Гал. 5, 22), и душа его восприимлет неизреченное веселие. Слыша сие, св. Григорий Синаит пришел в изступление, изумляясь тому, что говорил преподобный Максим, и более не называл уже его человеком, но земным Ангелом.

ИЗ ЖИТИЯ СВЯТАГО ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ АРХИЕПИСКОПА СОЛУНСКАГО ЧУДОТВОРЦА

О том, что всем вообще христианам надлежит
непрестанно молиться.

Пусть никто не думает, братья мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не и миряне. Нет, нет; все мы христиане имеем долг всегда пребывать в молитве. Ибо смотрите, что святейший Патриарх Константинопольский Филофей пишет в житии св. Григория Солунского. — Имел святитель сей друга возлюбленного, Иова по имени, человека простейшего, но многодобродетельного, с коим беседа однажды, владыка сказал о молитве, что всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда, и молится непрестанно, как заповедует Апостол Павел обще всем христианам: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17), — и как говорит о себе пророк Давид, при всем том, что был царь, и имел попечение о всем царстве своем: предзрех Господа предо мною выну (Пс. 15, 8), т. е. всегда мысленно зрю Господа предо мною в молитве моей. И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух. Говоря это и многое другое другу своему Иову, святитель прибавил еще, что повинуюсь заповеданиям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех обще: и монахов и мирян, и мудрых и простых, и мужей, и жен, и детей, и побуждать их молиться непрестанно.

Слышавшему сие старцу Иову показалось это новым делом, и он начал спорить, говоря святителю, что молиться всегда есть дело только аскетов и монахов, кои живут вне мира и сует его, а не мирян, кои имеют столько забот и дел. Святитель привел новые свидетельства в подтверждение сей истины и новые неопровержимые ее доказательства, но старец Иов не убедился и ими. Тогда святой Григорий, избегая многословия и любопрительства, замолчал, после чего каждый пошел в келлию свою.

Когда потом Иов молился наедине в келлии своей, является ему Ангел, посланный от Бога, иже хочет всем спастися и в разум истины прийти (1 Тим. 2, 4), и укорив его, зачем спорил со святым Григорием и противился явному делу, от коего зависит спасение христиан, возвестил ему от лица Божия, чтоб вперед внимал себе и остерегался говорить кому что либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией, даже и в уме своем чтоб не держал противного сему помысла и не позволял себе мудрствовать разное с тем, что сказал святой Григорий. Тогда простейший старец Иов тотчас поспешил к святому Григорию, и припадши к ногам, просил прощения в противоречии ему и любопрительности, и открыл ему все, что сказал ему Ангел Господень.

Видите теперь, братья мои, как имеют долг все обще христиане, от мала до велика, молиться всегда умною молитвою: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! так, чтоб ум их и их сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии. Убедитесь же, сколько благоугождается сим Бог и сколько великое от сего происходит благо, как Он, по безмерному Своему человеколюбию, Ангела небесного послал объявить нам, чтоб никто более никакого не имел в сем сомнения.

Но что говорят миряне? — Мы обременены делами и заботами житейскими: как возможно нам молиться непрестанно?

Отвечаю им, - что Бог не заповедал нам ничего невозможного, а все только такое, что мы можем делать. Почему и это можно исполнить всякому, ревностно ищущему спасения души своей. Ибо если б это было невозможно, то было бы невозможно для всех вообще мирян, и тогда не нашлось бы

столько и столько лиц, кои среди мира исправляли сие дело непрестанной молитвы, как следует, из коих да будет представителем многих других такого рода лиц отец святого Григория Солунскаго, дивный оный Константин, который при всем том, что вращался в среде придворной жизни, назывался отцем и учителем царя Андроника, и занимался каждодневно государственными делами, кроме своих домашних дел, как имевший большое имущество и множество рабов, — жену и детей, — при всем том столь был не отлучен от Бога, и столь привязан к умной непрестанной молитве, что многократно забывал, что говорил с ним царь и придворные вельможи о царственных делах, и не редко раза по два и более спрашивал об одном и том же; чем другие вельможи, не зная причины того, смущались и его укоряли, что так скоро забывает дело и повторительными вопросами обременяет царя. Но царь, зная причину того защищал его и говорил: «у Константина есть свои думы, которые не дают ему иной раз со всем вниманием относиться к делам нашим».

Премногое множество было и других подобных, которые, живя в мире, всецело были преданы умной молитве, как уверяют исторические о них записи. — Итак, братия мои христиане, умоляю вас и я вместе со святым Златоустом, спасения ради душ ваших не нерадите о деле таковой молитвы.

Подражайте тем, о коих я сказывал, и сколько возможно последуйте им. Сначала это может показаться вам очень трудным, но будьте уверены, как бы от лица Вседержителя Бога, что самое сие имя Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно вами призываемое, поможет вам преодолеть все затруднения, а с продолжением времени вы навькнете сему деланию и вкусите, сколь сладко имя Господне. Тогда опытно познаете, что дело сие не только не невозможно и не трудно, но и возможно и легко. Почему святой Павел, знавший лучше нас великое благо, какое доставит сия молитва, заповедал нам непрестанно молиться. Не стал бы он обязывать нас к сему, если бы это было крайне трудно и невозможно, зная наперед, что в таком случае мы, не имея возможности исполнить то, неизбежно оказывались бы ослушниками его и преступниками заповеди его, и через то делались достойными осуждения и наказания. А это не могло быть в намерении Апостола.

Ктому же поимейте во внимание и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться, — именно — молиться умом. А это мы всегда можем делать, если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться и творить умную молитву, благоугодную Богу, молитву истинную. Телом будем работать, а душою молиться. Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящаем на служение Богу, и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус, говоря в святом Евангелии: ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему, иже втайне (Мф. 6, 6). Клеть души есть тело; двери наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутри сердца нашего. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепляться к внешним чувственным вещам, и ум наш таким образом остается свободным от всякаго пристрастия мирскаго и сокровенною умною молитвою соединяется с Богом Отцом своим.

И Отец твой, видя втайне воздаст тебе яже, прилагает Господь. Видит, ведающий все сокровенное, Бог умную молитву и воздает явными дарами великими. Ибо и эта молитва есть истинная и совершенная молитва, которая исполняет душу божественною благодатию и духовными дарами, подобно миру, которое чем крепче затыкаешь сосуд, тем благоуханнейшим делает сосуд сей. Так и

молитва, чем крепче заключаешь ее внутрь сердца, тем более она обилует божественною благодатию.

Блаженны те, которые навькают сему небесному деланию, потому что им они побеждают всякое искушение злых бесов, как Давид победил гордаго Голиафа. Им погашают безчинные пожелания плоти, как три отрока угасили пламень печи. Сим деланием умной молитвы укрощаются страсти, как Даниил укротил диких зверей. Им низводят росу Духа Святаго в сердце свое, как Илия низвел дождь на гору Кармил. Сия умная молитва восходит до самого престола Божия и хранится в золотых фиалах, и, как кадило, благоухает пред Господом, как видел Иоанн Богослов в откровении: двадесять четыре старцы падоша пред Агнцем, имуще кийждо гусли, и фиалы золоты полны фимиама, уже суть молитвы святых (Апок. 5, 8). Сия умная молитва есть свет просвещающий душу человека и сердце его воспламеняющий огнем любви к Богу. Она есть цепь, держащая в единении Бога с человеком и человека с Богом. О, ни с чем несравнимая благодать умной молитвы! — Она поставляет человека в положение всегдашняго собеседователя с Богом. О, дело, воистину дивное и предивное! Телесно обращаешься с людьми, а умно беседуешь с Богом.

Ангелы не имеют чувственного гласа, но умом приносят Богу непрестанное славословие. В этом состоит все дело их и этому посвящается вся жизнь их. Так и ты, брате, когдаходишь в клеть свою, и затворяешь дверь, т. е. когда ум твой не влается туда и сюда, но входит внутрь сердца твоего, и чувства твои заключены и отграждены от вещей мира сего, и таким образом всегда молишься, тогда ты бываешь подобен святым Ангелам, и Отец твой, видящий тайную молитву твою, которую приносишь ты Ему в сокровенности сердца своего, воздаст тебе яве великими духовными дарами. Да и что еще большее лишнее желаешь ты от сего, когда, как я сказал, ты мысленно всегда находишься пред лицом Бога и беседуешь с Ним непрестанно, — беседуешь с Богом, без Коего никогда никакой человек не может быть блаженным ни здесь, ни в другой жизни.

Наконец, брате мой, кто бы ты ни был, когда возьмешь в руки сию книгу, и прочитавши, возжелаешь испытать делом ту пользу для души, какую доставляет умная молитва, тепле прошу тебя, не забудь, когда станешь творить молитву сию, с одни воззванием: Господи помилуй! вознеси к Богу прошение и о грешной душе того, кто потрудился над составлением сей книги, и того, кто тратился на отпечатание и издание; ибо они имеют большую нужду в молитве твоей, да обрящут милость Божию душе своей, как и ты своей. Буди! Буди!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод с английского Лидии Сикорской и Барбары (Варвары) Джонсон по изданию «St.Nicodemos the Hagiorite» by Constantine Cavarnos.

Institute for Byzantine and modern Greek Studies.

115 Gilbert Road, Belmont, Massachusetts 02178, USA.

Первое издание — 1974 г.

Профессор Константин Каварнос, автор серии книг «Современные православные святые» (издание института Византийских и Современных Греческих Учений, Бельмонт, США), закончил Гарвардский Университет, преподавал философию в ряде американских университетов, провел много лет в Греции, занимаясь изучением византийского искусства, философии, а также православной мысли и образа жизни. Его перу принадлежит много книг по философии и религии.

СВЯТОЙ НИКОДИМ СВЯТОГОРЕЦ

Святой Никодим Святогорец родился в 1749 году на острове Наксос, одном из островов Эгейского моря. Свое начальное образование он получил там же. Его учителем был архимандрит Хрисанф Этолийский, брат святого Космы Этолийского. Отец Хрисанф одно время преподавал в Патриаршей школе в Константинополе, а потом стал директором школы в Наксосу. Архимандрит Хрисанф разделял мысли и убеждения святого Космы. Можно сказать, что, таким образом, уже в раннем детстве Никодим испытывал могучее влияние великого Этолийского святого.

В то время св. Косма совершал свои миссионерские путешествия. Под влиянием св. Космы святой Никодим всю свою жизнь заботился о нравственном и духовном пробуждении греческого народа. Он использовал в своих трудах, для их большей доступности, народный язык, но в то же время развивал высокий стиль, который характеризуется ясностью и простотой.

По окончании начальной школы Никодим отправился в Смирну, чтобы продолжить обучение в известной школе Евангелики. В Смирне, так же как и в Наксосу, светское образование соединялось с духовным. Программа обучения в Смирне включала иностранные языки, и, по окончании обучения, Никодим очень хорошо знал латинский, итальянский и французский. Это лингвистическое образование имело большое значение и позволило ему ознакомиться с западноевропейской мыслью. После четырех лет обучения в школе Никодим вернулся на остров Наксос. Он провел здесь несколько лет, работая секретарем местного архиерея, митрополита Анфима Вардуса (1743 — 1780). В это же время Никодим совершил путешествие на остров Гидра, где повстречался со святым Макарием Коринфским, про которого много слышал, как про человека высокой духовной жизни. Никодим открыл св. Макарию свое желание принять монашеский постриг и получил его поддержку и благословение. Они оба сокрушались о жалком положении греческого народа, угнетаемого турками, и решили в будущем вместе трудиться для просвещения своих соотечественников. На Гидре Никодим познакомился еще с одним замечательным человеком, афонским монахом Сильвестром. Этот монах, уроженец Кесарии Малоазийской, был опытным исихастом, хорошо знавшим учение великих исихастов Византии. Слушая его, Никодим узнал много о афонском монашестве и о теории и практике внутреннего трезвения и умной молитвы Сильвестр не только познакомил Никодима с высочайшими формами православной духовности, но также дал ему рекомендательные письма на Святой Афон.

Вернувшись на родной остров Наксос, Никодим начал духовную жизнь по наставлениям Сильвестра. Его поддерживали и укрепляли в этом трое других афонских монахов — Григорий, Нифон и Арсений, которые временно пребывали в Наксосу. Так же, как и Сильвестр, они были изгнаны с Афона за то, что были «колливадами», то есть приверженцами строгой православной традиции. В возрасте 26 лет Никодим уехал на Афон. Следуя совету Сильвестра, он прибыл в монастырь Дионисиу. Здесь он был пострижен в монашество и назначен чтецом и секретарем братства. Через два года, в 1777 году, на Афон приехал святой Макарий Коринфский. Он встретился с Никодимом и дал ему послушание исправить и отредактировать книги «Добротолюбие», «Евергетинос» и «О постоянном Причащении...». Никодим работал над этими книгами в келлии недалеко от Кареи, столицы Афона. Когда книги были готовы для печати, Макарий уехал с ними в Смирну, где надеялся собрать средства для издания этих книг. Это ему удалось, и вскоре книги были опубликованы в Венеции. «Добротолюбие» появилось в 1782 году, две другие книги в 1783 году.

Как пишут первые биографы св. Никодима, святогорские монахи Евфимий и Онуфрий, оба знавшие его лично, Никодим написал к «Добротолюбия» прекрасное введение и краткие биографии авторов. Во введении Никодим подчеркивает важность «Добюротолубия» и определяет ее внутреннюю суть, то есть практику умной молитвы и внутреннего трезвения. В умной молитве человек обращает свой ум внутрь себя, вводит его в сердце. Постоянно молится Иисусу Христу и ищет Его милости, непрестанно произнося: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». При этом внимание ума обращается на слова этой молитвы. И уму не позволяется отвлекаться ни на что другое, ни внешнее, ни внутреннее. С помощью внимания () или внутреннего трезвения () ум, насколько возможно, содержится чистым от всяких мыслей и образов. В результате этой молитвы ум и сердце очищаются, соединяются друг с другом и с Богом. Единение с Богом называется обожением. Это такое состояние, в котором человек становится причастником Божественной освящающей благодати. Такое единение необходимо для спасения, утверждает св. Никодим: «Спасение и обожение — это одно и то же по откровению тех. Кто премудр в Божественном».

Такая молитва называется «умной молитвой», «молитвой сердца», «духовной молитвой», «чистой молитвой» или «Иисусовой молитвой». Ее могут успешно практиковать, как пишет св. Никодим, не только монахи, но и миряне. Но при этом необходимо обязательное «научное руководство». Именно «Добротолюбие и дает такое руководство. Эта книга, как замечает св. Никодим, «сокровище внутреннего трезвения, хранитель ума, таинственная школа умной молитвы. Средство достижения обожения».

Никодим Святогорец не только говорил о великой ценности «Добротолюбия», но эта книга стала основой его теоретического и практического исихазма (духовного созерцания). В своих трудах он часто ссылается на «Добротолюбие».

«Добротолюбие» оказало глубокое влияние на духовную жизнь всей Греции и всего мира. Оно было переиздано в Афинах в 1893 году в расширенном виде, в двух томах, затем еще раз в 1957 — 1963 годах в пяти томах. Значительно было влияние «Добротолюбия» и на славянский мир[77]. Через 11 лет после первого издания «Добротолюбия» вышел славянский перевод этой книги в Москве.

Перевод сделал русский монах преподобный Паисий Величковский (1722 — 1794), который в 1746 году уехал на Афон, жил там в течение 17 лет, а потом поселился в Молдавии. Благодаря ему и его ученикам произошло духовное возрождение России в конце XVIII — начале XIX веков. Паисий Величковский руководил более чем тысячей монахов, которых он научил умной молитве. Узнав о св. Паисии и его трудах, св. Никодим очень захотел с ним встретиться, чтобы побеседовать о внутреннем делании и почерпнуть все полезное из богатого опыта русского исихаста, который был на 27 лет старше самого св. Никодима. И св. Никодим решил отправиться на корабле в Молдавию. Однако вскоре после их отплытия с Афона поднялась настоящая буря, и кораблю пришлось причалить к острову Тасос. Усмотрев в этом Промысел Божий, Никодим оставил идею поехать в Молдавию и вернулся на Афон.

В 1857 году епископ Игнатий Брянчанинов (1807 — 1867) подготовил дополненное издание перевода св. Паисия и опубликовал его в Петербурге. Между 1876 и 1890 годами был издан русский перевод «Добротолюбия» в пяти томах. Этот перевод был сделан епископом Феофаном Затворником (1815 — 1894) с помощью Московской Духовной Академии и монахов Оптиной Пустыни.

«Добротолюбие» оказало сильное влияние на русский народ. О чем свидетельствует и книга

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», одно из лучших и самых популярных руководств православной духовности. «Рассказы» были написаны во второй половине XIX века неизвестным автором под вдохновением «Добротолюбия» и были изданы в Казани в 1884 году [78]. Надо заметить, что в славянском и русском переводах «Добротолюбия» отсутствуют некоторые тексты, но включены другие тексты, которых нет в греческом оригинале. В последнее время части «Добротолюбия» появились на румынском [79], французском, английском, немецком и итальянском языках. Английский перевод в двух томах под названием «Writings from the Philokalia on Prayer of the Heart» был издан в 1951 году. Второй том, «Early Fathers from the Philokalia», появился в 1954 году. Другая книга, «Евергетинос», является монументальным трудом, составленным в XI веке архимандритом Павлом, игуменом монастыря Евергетинос в Константинополе. В книге собраны жития и учения нескольких сот отцов-пустынников. Биограф св. Никодима монах Евфимий говорит, что Никодим написал введение и сделал правку текста книги. Во введении св. Никодим проявляет глубокое знание нравственного учения восточных старцев. Он очень сожалеет о том, что европейцы чрезмерно заняты математикой, физикой, астрономией, философией природы, метафизикой и энциклопедическими знаниями, но совсем незначительно — этикой, которая гораздо важнее. Св. Никодим пишет: «Многие изучают небо и землю и все множество других предметов для того, чтобы открыть гармонию их отношений и порядок, но лишь совсем немногие исследуют, как им организовать гармонично самих себя путем достижения истинных добродетелей». И «что может быть достигнуто прежними знаниями, — спрашивает св. Никодим, — если человек волнуем разными страстями».

Обо всем об этом говорят святые Отцы, учение которых содержит «Евергетинос». Нравственность была их настоящей заботой. Уходя в уединенные места, где они могли наслаждаться тишиной, Отцы ставили своей целью, с одной стороны, открытие и окончательное искоренение причин, порождающих страсти, а с другой стороны, стяжание ученого знания о добродетелях и их полного, совершенного достижения.

Об этой великой задаче св. Никодим пишет, что, подобно тому, как на протяжении веков ученые естествоиспытатели стремятся открыть свойства физических предметов посредством множества приспособлений, безчисленного количества экспериментов, химических анализов и т. п., так и святые люди, через множество искушений и многовековой практический опыт, открывали сущность и причины страстей и испорченности ума, сердца и тела, но, в то же время, и противоположные им добродетели. Проникнув в глубины нравственной философии, они дали научное знание о добродетелях и пороках и искусно объяснили, как искоренять пороки и укреплять и совершенствовать добродетели.

Употребление термина «философия» к учению, содержащемуся в «Евергетиносе» и в «Добротолюбии» может показаться странным для тех, кто мало знаком с православной мыслью. Поэтому следует отметить, что слово «философия» часто употреблялось восточными Отцами по отношению к христианской религии, особенно в связи с ее руководством по внутреннему совершенствованию. Внутренняя или духовная философия резко отличалась от внешней или мирской философии. Первая происходит от Откровения Божиего, как плод жизни во Христе, а другая есть продукт человеческого рассудка, действующего в падшем состоянии, вне сферы Божественной благодати и просвещения. Подобно другим великим учителям Православия, св.

Никодим утверждал великое превосходство «внутренней философии» над мирским знанием. Замечательными примерами этой «внутренней философии» и являлись «Евергетинос» и «Добротолубие».

Обращаясь к своим соотечественникам, св. Никодим подчеркивал значение нравственного учения, содержащегося в «Евергетиносе». Он призывал всех, и монахов и мирян, изучать его, и из него научиться видеть в Боге конечную цель всех своих устремлений и желаний и стремиться украшать свою душу всякой добродетелью.

Третью книгу, которую св. Макарий давал св. Никодиму для редактирования — «О постоянном Причащении Божественных Таинств», св. Никодим также исправил и дополнил. Эта книга сыграла главную роль в греческом религиозном возрождении ХУІІІ века, а так называемом колливадском движении. Это движение, получившее свое начало на Святой Горе Афон, выступало за строгое сохранение священной традиции Церкви, подчеркивало важность частого Причащения Святых Таинств и оказало влияние на возрождение православного греческого «мистицизма» — исихазма. Св. Макарий Коринфский и св. Никодим возглавляли это колливадское движение. Они придали силы этому движению своим примером и своими публикациями.

Св. Никодим до конца своих дней продолжал свою литературную работу: редактировал, переводил, писал многочисленные книги, составлял акафисты, каноны и другие богослужебные тексты. Он стал самым значительным и плодотворным писателем–богословом ХУІІІ века.

Сразу же по окончании работы над тремя названными книгами св. Никодим приступил к редакции книги со странным названием «Альфabetальфетос», написанной в ХІІІ веке св. Мелетием Исповедником. Книга написана в стихотворной форме и затрагивает догматические, экклезиологические и аскетические вопросы. Св. Никодим работал над этой книгой в течении 1778–1779 годов, сличая и корректируя четыре рукописи. Он написал к этой книге замечательное введение и комментарии, свидетельствующие о его глубоких богословских познаниях и стремлении защищать православную традицию.

В 1782 году св. Никодим последовал за своим старцем Арсением Пелопонесским на лишенный растительности маленький остров Скиропулос, к югу от Афона. Там он прожил год в великой нужде, занимаясь тяжелыми земледельческими работами. По настоятельной просьбе своего двоюродного брата Иерофея, рукоположенного во епископа Еврипского, он писал там, в часы досуга, не пользуясь другими книгами, поскольку не взял их с собой, одну из самых замечательных своих работ — «Сборник советов». Эта книга — советы для живущих в безмолвии с умной молитвой. В ней св. Никодим впервые касается самых важных условий для плодотворности умной молитвы. Он пишет о хранении пяти чувств — зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, о хранении воображения, умственной сферы и сердца посредством внутреннего внимания. Св. Никодим дает наставления в умной молитве и описывает ее плоды. Его руководство в данных вопросах является одним из самых авторитетных и полезных. Это заслуженно ставит св. Никодима, как великого современного греческого представителя православного исихазма, в один ряд с великими Отцами — аскетами–мистиками Православной Церкви. Св. Никодим представляет свое учение в систематической, основательной и ясной манере, подтверждая свои изречения частыми ссылками на Ветхий и Новый Заветы и на Отцов Церкви, в особенности мистиков–исихастов. Эти многочисленные цитаты из Писаний св. Никодим приводит дословно, что свидетельствует его

поразительной памяти, которая не изменяла ему на протяжении всей его жизни.

Появление в 1801 году «Сборника советов» имело большое значение для успешной деятельности св. Никодима, св. Макария и других участников колливадского движения, стремившихся возродить идеи и практику исихастов XIX века, таких, как, например, величайший представитель исихазма того времени святитель Григорий Палама.

В 1784 году митрополит Коринфский Макарий вновь приехал на Афон. Он встретился со св. Никодимом и попросил его подготовить к изданию писания преподобного Симеона Нового Богослова (949–1022), великого мистика Византии. Труды св. Симеона были разбросаны по разным библиотекам на Афоне. Необходимо было произвести всеобъемлющую редакторскую работу. Св. Никодим дал согласие приступить к работе. Желая сделать 92 беседы святого Симеона доступными для всех читающих на современном греческом языке, а не только для немногих знающих древний греческий, св. Никодим поручил сделать перевод этих бесед на современный греческий монаху Дионисию Загореосу, жившему на Пипери, маленьком острове к югу от Афона. Собрание бесед святого Симеона, вместе с 55-ю его гимнами, было опубликовано в монументальном томе в 1790 году[80]. В качестве переводчика был указан Дионисий Загореос, имя св. Никодима в книге нигде не упоминалось.

В своей книге «Святой Никодим Святогорец» отец Феоклит, из монастыря Дионисиу на Афоне, выражает мнение, что перевод бесед святого Симеона Нового Богослова на самом деле был сделан св. Никодимом, и что Дионисий Загореос лишь каллиграфически переписал этот перевод. Святой Никодим из чувства смирения попросил, чтобы Дионисий поставил свое имя в качестве переводчика. Это мнение, приведенное о Феоклитом, подтверждается тем фактом, что не смотря на свои добавления к «Добротолубию», «Евергетинису» и «О постоянном Причащении...», св. Никодим не оставил своего имени в этих книгах. С другой стороны, имя Загореоса приводится в книге как имя переводчика, но не редактора. Первые же биографы св. Никодима, Евфимий и Онуфрий, не говорят о том, что святой Никодим переводил писания святого Симеона. Евфимий просто говорит, что Никодим исправил и украсил книгу святого Симеона Нового богослова, а Онуфрий говорит, что Никодим исправил писание святого Симеона. Можно предположить, что св. Никодим отредактировал текст, который должен был быть переведен, и он же исправил и украсил перевод, сделанный Загореосом.

Единственное, что мы можем утверждать с долей уверенности, это то, что прекрасное введение к книге, которая вышла под названием «Сохранившиеся труды святого Симеона Нового Богослова», было написано самим св. Никодимом. Ни в начале, ни в конце введения нет имени Загореоса и, действительно, даже стиль введения говорит о том, что оно написано св. Никодимом. Св. Симеон назван там «земным ангелом, небесным человеком, великолепием отцов, достоинством священства, истинным правилом монашеской жизни, славой подвижников, сладчайшей радостью всего мира». Далее говорится, что св. Симеон очистил свою душу и принял в свое сердце свет Святого Духа, который сделал его мудрым, красноречивым, великим философом и возвышенным богословом, несмотря на то, что прежде он был неграмотным и необразованным. Он достиг этой чистоты посредством непрестанной молитвы и жизни во Христе.

Так же, как и во введении к «Добротолубию» и «Евергетиносу», св. Никодим призывает не только монахов, но и мирян изучать и осваивать учение, содержащееся в публикуемых трудах. Он

подчеркивает, что монахи узнают из них «радости философии трезвения, точный образ совершения умной молитвы.

Различные степени бесстрастия и совершенства», а миряне узнают, что «мир не помешает им спастись, если у них есть стремление, и они внимают духовной совести».

Вскоре св. Никодим занялся составлением рукописи «Руководство к исповеди». Эта книга — первая в своем роде в Православной Церкви. В начале книги св. Никодим указывает качества, которые должен иметь духовник, чтобы быть истинным духовником. Эти качества: высокая добродетельность, примерная христианская жизнь, основательное знание и понимание Ветхого и Нового Заветов, догматов веры, апостольских, соборных и отеческих канонов. Духовник, пишет св. Никодим, должен быть не из молодых священников, поскольку он уже в какой-то мере преодолел страсти, и у него больше опыта, чем у молодых. Далее Никодим дает наставления духовнику, каким образом лучше всего проводить исповедь. Затем он приводит 38 канонов и 17 епитимий св. Иоанна Постника и толкования к ним на современном греческом языке. Далее в книге следуют главы, в которых св. Никодим советует, как подготовиться к исповеди, как исповедаться и как беречься от греха после исповеди.

Для написания этой книги. Которая адресована не только тем, кто принимает исповеди, но и тем, кто исповедуется, св. Никодим многое взял из Святого Писания и из писаний святых Отцов Церкви. Впервые изданное в 1794 году «Руководство к исповеди» выдержало еще восемь изданий, в том числе в 1835 году на турецком языке для турко-язычных православных.

Продолжая свою литературную деятельность, св. Никодим обратил внимание на богослужебные тексты. Он составил книгу канонов Пресвятой Богородице под названием «Новый Феотокарион» (Богородичник). Эта книга включает в себя 62 возвышенных канона, составленных двадцатью двумя выдающимися гимнографами, в том числе св. Андреем Критским, св. Иоанном Дамаскиным и св. Феодором Студитом. Св. Никодим, собрав эти каноны из разных афонских рукописей, написал к ним введение и произвел необходимые исправления текстов. Его введение отличается величайшим благоговением перед Пресвятой Богородицей. Св. Никодим придавал великое значение богослужебным песнопениям как средству укрепления и оживления душ человеческих. Эта его замечательная книга предназначалась для использования в церковных службах.

«Новый Феотокарион» появился в печати спустя два года после публикации «Руководства к исповеди» и впоследствии дважды переиздавался. Подобную книгу выпустил ранее афонский монах Агапий Ландос, известный под именем Агапий Критский. Но его книга была значительно меньше, и во многом уступала книге св. Никодима.

Все написанные св. Никодимом книги, о которых мы говорили выше, являют его строго православным. Непреклонным приверженцем традиций Восточной Православной Церкви. Однако было бы ошибкой сделать вывод, что он был религиозно нетерпим и закрыт для всего, что шло от западного христианского мира. На самом деле он был широко мыслящим человеком, следующим совету апостола Павла: «Вся же искушающе, добрая держите» (1 Фес. 5, 21). Хотя св. Никодим и был критически настроен по отношению к западной Церкви, но он был открыт всему, что, по его рассуждению, было доброго в ней. Свою позицию он выразил следующим образом в одной из последних своих работ «Геортодромион»: «Мы должны ненавидеть и испытывать отвращение к заблуждениям веры и незаконным обычаям латинян и других инославных, но если у них есть что-то

здоровое и подтверждаемое канонами Святых Соборов, то мы не должны это ненавидеть». О том, что он серьезно относился не только к первой части этого заявления, но и ко второй, свидетельствует тот факт, что две из его работ были обработкой книг римо–католиков[81]. Известная книга св. Никодима «Невидимая брань» является переработкой для православных читателей книги итальянского священника Лоренцо Скуполи (1530–1610) «Combattimento Spirituale» (Духовная брань) и небольшого трактата неизвестного итальянского автора «Sentiero del Paradiso» (Райский путь). Другая же книга св. Никодима «Духовные упражнения» была переработкой книги «Esercizi Spirituali» иезуита Джованни П. Пинамонти (1632–1703).

Хотя св. Никодим не упоминает имен авторов этих книг, он поясняет в подзаголовке к каждой из них, что он использовал другую книгу, усердно ее исправил и значительно улучшил. Переводя с итальянского на современный греческий, св. Никодим либо убрал из них, либо изменил все, что было неверно с православной точки зрения, сделал множество добавлений в самом тексте, внес ссылки на Святое Писание и греческих Отцов и, таким образом, сделал эти книги православными по содержанию.

Книга «Невидимая брань» посвящена брани с демонскими нападками, со страстями, со злом в целом, и дает наставления, как с успехом вести эту брань посредством постоянных бдений, молитв, в особенности умной молитвы, и Причащения Святых Таинств. Эта книга пользовалась большой популярностью. После первой публикации в 1796 году она переиздавалась много раз. Русский перевод ее был сделан епископом Феофаном Затворником и опубликован в Москве в 1886 году. Английский перевод с русского текста был сделан Кадлубовским и Пальмером и опубликован в 1952 году в Лондоне. В своем длинном и ценном предисловии к этому изданию профессор Ходжес все же преуменьшает разницу между «Невидимой бранью» св. Никодима и римско–католическими оригиналами текстов. Но при сравнении этих текстов, профессор Ходжес делает следующие важные замечания, которые подтверждают. Тем не менее, что разница между текстами значительна и часто существенна. В своем предисловии профессор Ходжес указывает, что св. Никодим: 1) опускает две главы из оригиналов; 2) вставляет целую новую главу, посвященную исправлению воображения и памяти; 3) увеличивает краткую главу Скуполи об умной молитве, раскрывая исихастское учение; 4) вводит более высокие формы аскетизма по сравнению с данными Скуполи; 5) во многих случаях переделывает, увеличивает или уменьшает текст оригиналов и порой даже меняет смысл высказываний; 6) удаляет различные латинизмы в словах и учениях — например, он заменяет «образ» на «икону», удаляет упоминание о чистилище и культе Священного Сердца; 7) наконец, св. Никодим усиливает главы значительным количеством ссылок, в которых излагает учения, не содержащиеся в оригинальных текстах.

Книга «Духовные упражнения» — также значительно исправленное и расширенное издание итальянского оригинала. Очевидно, что св. Никодима привлекла не только сама книга Пинамонти, но также его подход к распределению материала. Книга св. Никодима получилась монументальной. Она была посвящена великой цели человеческого спасения и совершенствования. Большая часть ее состоит из 34–х размышлений по разным предметам, относящимся к спасению и самосовершенствованию. Затем следуют краткие размышления на каждый день месяца и восемь упражнений самоконтроля. Заканчивают книгу восемь чтений.

В книге ярко проявились богатство мудрости св. Никодима и его стремление к совершенствованию.

Благодаря значительной переработке оригинала, ему удалось создать книгу, которая стала, по словам отца Феоклита, «шедевром восточной духовности, со всеми характерными чертами православной мистико–созерцательной традиции».

К следующей теме своей литературной деятельности св. Никодим обратился по просьбе Леонтия Гелиопольского и Афанасия Париоса, одного из руководителей колливадского движения и близкого друга св. Макария Коринфского. Они просили св. Никодима собрать и отредактировать все писания св. Григория Паламы. Преклоняясь пред св. Григорием, св. Никодим взялся за работу с воодушевлением и исполнил ее с присущей ему доскональностью и научностью. Он собрал все рукописи, содержащие труды Паламы, из библиотек Афона и всей Греции и приготовил издание в трех томах. Он послал свой труд для печатания в Вену, но к несчастью книга исчезла. Это было великой скорбью для св. Никодима. Сохранилось лишь его введение, которое было опубликовано в 1883 году в Константинопольском журнале «Церковная правда».

После завершения работы над писаниями св. Паламы, св. Никодим обратился к еще одной трудной задаче: подготовке к печати «Великого Номоканона», в котором должны были быть собраны вместе святыя каноны Православной Церкви и комментарии к ним. Эту работу он исполнил с помощью монаха Агапия Пелопонесского (+ 1812). Человек высокообразованный, Агапий преподавал в школах Хиоса, Смирны и родной Демицаны. Свою работу они назвали «Педалион», что означает «Кормчая», поскольку правильное следование ей позволяет безопасно вести церковный корабль. В этой книге представлены все Каноны Апостолов, Семи Вселенских Соборов, поместных соборов и также Каноны св. Отцов, подтвержденные Соборами. Каждый канон дается на древнегреческом, затем приводится его перевод на современный греческий и комментарии к нему. Комментарии объясняют то, что в каноне не ясно, и показывают, когда необходимо, согласие или следование одного канона другому, и таким образом ликвидируют кажущееся несогласие.

Подобная книга была очень нужна, поскольку в то время существовали разные номоканоны, но все они были в рукописях, и написаны на языке, недоступном для большинства людей, за исключением немногих ученых. Также эти номоканоны были неполные, запутанные и искаженные, комментарии к канонам представлялись как законы. Несмотря на то, что они имели несогласия и включали дополнения. «Педалион» не только содержал все каноны, но и устранял все неправильное и ненужное, давал перевод канонов и разъясняющие комментарии на новогреческом языке.

Публикация «Педалиона» была доверена монаху Феодориту. К сожалению, о. Феодорит внес в книгу много произвольных добавлений, особенно в отношении служения панихид, таким образом изменив первоначальное учение. Св. Никодим и Агапий были глубоко опечалены этим, так как Феодорит сделал книгу сомнительной в преподнесении подлинного учения Церкви. Чтобы исправить совершенное зло, Вселенский Патриарх Неофит Y в 1802 году приказал вымарать все добавления Феодорита. В последующих изданиях эти добавления уже не печатались.

«Педалион» вскоре был признан и в Греции и в России одной из самых авторитетных Церковных книг. Она семь раз переиздавалась на греческом, один раз на русском и один раз на английском. Английский перевод был сделан Денвером Каммингом с пятого греческого издания, и был опубликован в 1957 году.

Следующей грандиозной задачей св. Никодима была подготовка книги толкований 14 Посланий апостола Павла. Он придавал большое значение Посланиям Апостола и видел насущную

потребность в книге, которая толковала бы и ясно и просто. На языке доступном всем грекам. Св. Никодим взял книгу толкований Феофилакта, архиепископа Болгарского (XI век), которая была написана на древнегреческом, и перевел ее на современный греческий язык. Он написал к ней введение и многочисленные комментарии, что, в конечном счете, заняло почти половину всего объема книги в 1350 страниц.

О важности Посланий Апостола св. Никодим пишет в своем введении: «Мои братья христиане, всегда вы должны читать благоговейные Послания апостола Павла для того, чтобы научиться из них догматам православной веры, традициям святых апостолов. Обязанностям христианской жизни; научиться. Как избежать пороков и как приобрести христианские добродетели. Я говорю вам, что если вы будете это делать и будете читать Апостола Павла постоянно. То за короткий промежуток времени вы достигнете удивительных изменений в вашем характере и жизни, поскольку послания Послания блаженного Павла имеют сверхестественную силу, которая изменяет человека. Они превращают волков в овец, неразумных в разумных, диких в ручных. Злых в добрых».

О толкованиях Феофилакта св. Никодим говорит, что в них многое подчерпнуто из толкований св. Иоанна Златоуста, текстам которого Феофилакт следовал очень близко. После Златоуста толкования Феофилакта своею ясностью и краткостью выражений превосходят все прочие толкования. Но написанные на древнегреческом языке, «они оставались скрытым сокровищем для неученых и простых христиан». Вот почему, говорит св. Никодим. Он перевел эту книгу на современный греческий. И добавляет, что для наибольшей ясности текста, он расширил краткие объяснения и добавил цитаты из Священного Писания и Отцов, подтверждающие толкования.

Все три тома «14 Посланий Апостола Павла в толковании Феофилакта» были опубликованы в 1819 году. Уже после кончины св. Никодима.

Св. Никодим предавал большое значение чтению не только Священного Писания и писаний святых Отцев, но также чтению житий святых. Так он занялся подготовкой житий святых к публикации. Он подготовил три книги житий: «Новый Еклогион», «Новый Мартирологион» и «Синаксарий». Он собрал рукописи 50 житий святых мужей и жен I — VIII веков, которые вели духовную подвижническую жизнь. Прежде эти жития не издавались. Многие из них, находившиеся в старых рукописях, написанные на древнегреческом, он перевел на новогреческий.

В своем введении к «Новому Еклогиону» св. Никодим подчеркивает великое значение, которое имеет чтение житий святых для всех: духовенства, монахов и мирян. Он говорит, что жития святых очень поучительны, поскольку дают прекрасный пример для подражания.

Эта его книга впервые была издана в 1803 году. Второе ее издание вышло в 1863 году, третье — в 1974 году.

«Новый Мартирологион», впервые опубликованный в 1799 году без указания автора. Вероятно был подготовлен св. Никодимом совместно со св. Макарием. Св. Макарий подготовил первый, черновой вариант книги и передал ее св. Никодиму для дополнений, исправлений и перевода некоторых житий на новогреческий. В книге собраны 85 житий православных новомучеников периода 1492 — 1794 годов. Более поздние издания этой книги (1856, 1961) содержат еще и другие жития святых последующего времени, по 1838 год включительно.

«Синаксарий» содержит жития святых, память которых празднуется Православной Церковью на протяжении всего года. Св. Никодим на новогреческий язык «Синаксарий», написанный в XVI веке

дьяконом Маврикием из «Великой Церкви», то есть из Константинопольской Патриархии. Максим Маргуниос (1549 — 1602), епископ Кифарский, перевел эту работу со древнегреческого на новогреческий, но его перевод был неудачным. По этой причине многие афонские монахи просили св. Никодима сделать новый перевод. Патриарх Григорий Y, находившийся в то время в ссылке в Иверском монастыре на Афоне, также просил св. Никодима сделать новый перевод. За два года напряженной работы св. Никодим перевел оригинал на доступный новогреческий язык, отредактировал и дополнил его.

Таким образом, вклад св. Никодима в новое издание житий святых был огромен. Жития были выпущены в трех томах и выходили с 1817 по 1819 годы. Соединив в новом издании четыре рукописи труда Маврикия, св. Никодим сделал много исправлений, удалил все места, которые противоречили Священному Писанию или были ненужными, прояснил то, что было неясно, сделал необходимые уточнения, лучше распределил материал, добавил много житий, которых не было в прежних книгах подобного типа, написал поэтические строфы для каждого святого, составил введение и многочисленные комментарии.

Имея великую веру в важность чтения житий святых, св. Никодим призывал всех — епископов, священников, дьяконов, монахов. Правителей и подчиненных — читать «Синаксарий». Эта книга, говорил св. Никодим, просвещает ум, согревает сердце, оживляет душу, укрепляет желание достигать христианских добродетелей.

«Синаксарий», написанный св. Никодимом, является самым популярным собранием житий святых. Эта книга переиздавалась четыре раза и послужила основой для поздних «Синаксариев» Константина Дукакиса (1845 — 1908) и Виктора Матфеу (1909 — 1973).

В период между работой над «Новым Мартирологионом» и «Синаксарием» св. Никодим был занят написанием других важных трудов: «Евхологионом», «Толкованием 7 Соборных Посланий», «Христианской нравственностью», «Антологией псалмов Давида», «Очень поучительной книгой», «Толкованием 150 псалмов» и «Садом благодати».

«Евхологион», или «Молитвослов», является исправленным и улучшенным изданием бывшего тогда в употреблении «Евхологиона». Исправляя эту важную богослужебную книгу, в которой содержались чинопоследования всех таинств Православной Церкви и ее главных обрядов, св. Никодим устранил ряд новшеств, внесенных, по определению Святого, отдельными «темными и глупыми людьми», например, такие, как обычай «освящения» икон^[82]. Книга вышла в свет в 1799 году.

В «Толковании 7 Соборных посланий» св. Никодим следует главным образом толкованию иерарха Митрофания, до некоторой степени — толкованию Феофилакта. И в еще меньшей — толкованию св. Экумения (X век). Он использует здесь также объяснения Отцов Церкви из разных мест их трудов об определенных высказываниях из Посланий. Все это св. Никодим публикует на новогреческом языке, чтобы, как он отмечает во введении, «наши простые братья во Христе могли понимать». Помимо собрания, распределения и перевода материалов. Он также добавляет собственные комментарии и ссылки. Таким образом, св. Никодиму удалось создать книгу, содержащую полное и подробное толкование 7 Посланий. Также как и «Евхологион», эта книга издавалась только один раз, в 1806 году.

Следующая книга «Христианская нравственность», является одной из самых оригинальных и

поучительных книг св. Никодима. Она более других рассказывает о жизни и обычаях греческого народа того времени. Книга делится на 13 бесед, в которых Святой рассуждает на темы нравственности не в общих словах, но обращаясь к каждодневной жизни его современников и соотечественников. С одной стороны, он подробно обсуждает и осуждает существующие порочные нравы и суеверия, плохие обычаи и привычки; с другой стороны, он показывает читателю чистые и прекрасные пути истинного христианина.

В своей книге св. Никодим руководствуется Ветхим и Новым Заветами, Канонами Вселенских Соборов, писаниями святых Отцов, особенно, св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого, и естественным законом (). О Соборах и святых Отцах он говорит: «Ни святые соборы, ни Божественные Отцы не говорили своими собственными словами или духом мира сего, но они говорили с благодатью и просвещением Святого Духа; и их слова — это Божественное учение, которое ведет человека ко спасению души и к Царству Небесному». И св. Никодим подчеркивает здесь, что если обычай явно не осуждается в Святом Писании, или не осуждается Канонами Святых Соборов, или словами святых Отцов, но противоречит естественному закону и вредит душе, то такой обычай должен быть отвергнут.

«Христианская нравственность» показывает глубокую заботу о нравственном совершенствовании человечества, и в этом она напоминает «Учения () св. Космы Этолийского. Св. Никодим был уверен, что о нравственном совершенствовании должны заботиться все люди, в том числе и монахи, живущие в пустыне, поскольку человек по природе — существо общественное (как утверждает Аристотель), и каждый человек должен стараться сотворить благое для своего ближнего. Это не только совместимо с монашеским призванием, но, напротив, является его существенной частью, когда таковое призвание правильно понимается. Те монахи, которые сильны душой и телом, говорит св. Никодим, должны периодически идти в мир с проповедью и наставлениями. Те, кто не может идти в мир, либо по причине страстей, которые нападают на них, когда они находятся посреди общества, либо по причине физической слабости, должны заботиться о ближних, молясь о них, давая советы тем, кто приходит, и занимаясь, если они образованные, писанием поучительных книг. Последнее особенно показывает отношение св. Никодима к своей писательской работе. Он ярко выразил это в книге «Духовные упражнения»: «Публиковать духовные и поучительные книги значит не только поклоняться Богу и почитать Его, но также и совершать дело милосердия по отношению к своему ближнему; и это дело превышает все другие дела материальной благотворительности, так как оно приносит пользу бессмертной душе».

Другая категория людей, которая могла бы сыграть важную роль в нравственном совершенствовании человечества, по словам св. Никодима, это священство: патриархи, епископы, священники, духовники. Они должны каждый день учить народ добродетели, а если невозможно каждый день, то, по крайней мере, каждое воскресенье. Если образование клирика недостаточно и по этой или другой причине он не способен давать наставления, он должен заботиться хотя бы о том, чтобы в его местности были школы и учителя. Наставляющие народ в добре и благочестии.

Еще одна книга, «Антология псалмов пророка—царя Давида», была составлена св. Никодимом Святогорцем из трех существовавших на то время собраний. Во введении св. Никодим останавливается на великом значении молитвы. Он подчеркивает, что молитва — самая высокая, самая необходимая добродетель, потому что если другие добродетели только ведут человека к

уподоблению Богу, уподоблению, которое украшает душу человека и делает его достойным соединения с Богом, то молитва именно соединяет человека с Богом; а псалмы и есть молитвы, которые используются для достижения этой великой цели.

Книга впервые была опубликована в 1799 году и переиздавалась в 1864 году.

«Очень поучительная книга» св. Отцов Варсонофия и Иоанна (VI века) представляет собой образец православной духовности, подобно писаниям, включенным в «Добротолюбие» и «Евергетинос». До того как в 1816 году, уже после смерти Никодима Святогорца, была опубликована ее новая редакция, выполненная Святым, книга имела хождение среди монахов в виде некоторых редких рукописей. Св. Никодим начал готовить эту работу к публикации по просьбе афонских монахов. Которые поручились оплатить издательские расходы. Св. Никодим отзывается об авторах книги как о людях высокой духовности и великих авторитетах в аскетике и духовном созерцании. Их книга, отмечает св. Никодим, не просто плод человеческой мудрости, она боговдохновенна и составлена Святыми по их великой любви к близким. Книга содержит 836 ответов на вопросы, которые задавались свв. Варсонофию и Иоанну разными людьми: «епископами, священниками, монахами, мирянами, старыми и молодыми, больными и здоровыми». Некоторые из ответов были написаны Иоанном, но большинство были продиктованы Варсонофием авве Сериду. Как указывает св. Никодим, «Очень поучительная книга» высоко ценилась св. Феодором Студитом, ее упоминали св. Петр Дамаскин, св. Симеон Новый Богослов и другие Отцы; составитель «Евергетиноса», архимандрит Павел, многое из нее включил в свою книгу. Св. Никодим Святогорец призывал всех, независимо от уровня духовного развития. Читать эту книгу постоянно, «ибо она наиболее полезна для епископов и священников, правителей и судей, и особенно для монахов, как для отшельников, так и для живущих в монастырях, словом, — и для начинающих, для совершенствующихся и для совершенных.

Следующим трудом св. Никодима было редактирование и перевод на новогреческий книги «Толкование 150 псалмов пророка-царя Давида» Евфимия Зигабена (1110 г.). Св. Никодим добавил введение и большое количество комментариев к этой работе. Что заняло почти половину объема двухтомной книги. В своих комментариях св. Никодим сравнивает толкования Зигабена с толкованиями святых Отцов и объясняет неясные места. Во введении он обращает наше внимание на важность содержащихся в Псалтири учения о происхождении и природе вещей и нравственного учения. Именно по этой причине, говорит св. Никодим, Псалтирь считается необходимой и используется Православной Церковью для разных целей. Ее употребляют и в личных молитвах, и во всех церковных службах и обрядах.

Св. Никодим избрал толкование Зигабена как наиболее авторитетное и всеобъемлющее, в котором автор использовал работы всех прежних толкователей. Следует отметить, что никодимовская редакция толкования Псалтири через 100 лет была внимательно изучена св. Нектарием Эгинским, который использовал ее для создания своей редакции Псалтири в стихах.

По окончании работы над Псалтирью св. Никодим приступил к работе над книгой «Сад благодати», в которой он объясняет стихи девяти песней. Звучащих на утрене. Святой чувствовал. Что существует настоятельная потребность в объяснении этих стихов на простом и понятном для большинства народа языке, чтобы каждый, прочитавший их, мог понять глубокий заложенный в них смысл. Эти песни отобрали святые Отцы (первые восемь песней из Ветхого Завета и девятая из Нового) и велели, чтобы православные пели их ежедневно. К своим объяснениям песней, которые

заняли более 200 страниц книги, св. Никодим добавил различные поучительные тексты. В их числе один текст о «помысле» (), написанный самим Никодимом Святогорцем, другой текст св. Каллиста, патриарха Константинопольского, об умной молитве или молитве сердца, и текст Геннадия Схолариоса, патриарха Константинопольского, о духовном законе, содержащемся в Евангелии. «Толкование 150 псалмов» и «Сад благодати» — не единственные книги св. Никодима, посвященные толкованию богослужебных текстов. Он написал еще две книги на эти темы: «Геортодромион» и «Новая лествица». Все эти четыре работы показывают, что св. Никодим придавал огромное значение богослужебным песнопениям как поучительным и просвещающим, если их действительно понимают. К сожалению, подлинное значение песнопений редко оценивается по достоинству, и поэтому эти его книги не пользовались такой популярностью, как другие его публикации.

«Толкование» появилось в печати только один раз, остальные работы издавались дважды. Все они увидели свет уже после кончины св. Никодима: «Толкование» в 1819–1821 годах, «Сад благодати» впервые вышел в свет в 1819 году, «Геортодромион» в 1836 году и «Новая лествица» в 1844 году. В «Геортодромионе» Святой дает толкование канонов праздничных служб Спасителю и Богородице. При написании этой книги он руководствовался целью сделать эти каноны понятными для тех, кто не понимал древнегреческий. Но Святой сделал гораздо более того. Взяв каноны за основание, он затрагивает многие богословские, философские и исторические вопросы. Глубокое знание и понимание им православной веры находят красноречивое выражение в его рассуждениях.

«Новая лествица» была закончена св. Никодимом за год до кончины, в 1808 году. Само название напоминает о лестнице св. Иоанна Лествичника, влияние которого св. Никодим испытывал с самого начала своей монашеской жизни. В этой книге св. Никодим дает полное толкование 75 степеней из богослужебной книги, именуемой «Великий Октоих» или «Параклитики», 9–ти в каждом из первых семи гласов византийского пения и 12–ти из восьмого гласа, написанных св. Феодором Студитом. Книга напоминает «Сад благодати» и «Геортодромион». Основываясь на степенях, или ступенях, св. Никодим излагает вопросы вероучения, богословия, морали и духовности на доступном греческом языке.

Сравнивая «Новую Лествицу» с «Лествицей» св. Иоанна, св. Никодим говорит, что эта новая книга «действительно лествица, ведущая человека на небо». Эта «Лествица, менее устрашающая, чем Лествица Иоанна, известна всем, потому что здесь, в каждой трех строфах степеней, помещается строфа, обращенная ко Святому Духу с тем, чтобы Он Своєю силой и благодатью помог тем, кто поднимается, не устрашиться, и удержал от головокружения на высотах восхождения».

Для того, чтобы рассеять клеветнические наветы и слухи, распространяемые некоторыми невежественными афонскими монахами, св. Никодим, за два года до кончины, написал «Исповедание веры или Апологию». В этом трактате, который появился в печати в 1819 году, Святой исповедует, что принимает все, что принимает и исповедует Православная Церковь, и отвращается от всего, от чего отвращается Православная Церковь.

Будучи одним из участников колливадского движения, св. Никодим вынужден был особо защищаться по вопросам служения панихид и Причастия. Колливады настаивали на том, что панихиды не должны служить по воскресеньям, в день памяти Воскресения Спасителя и потому — день радости, а должны служить в другой день, предпочтительно в субботу. Также колливады считали, что нужно часто причащаться Святых Таинств. Их противники стремились оправдать свои

нововведения служения панихид по воскресеньям и резко критиковали колливадское учение. Св. Никодим в своем «Исповедании веры» отстаивал взгляды колливадов о служении панихид, основываясь на Святых Канонах, богослужебных книгах, особенно, на «Триоди» и «Октоихе», на утверждениях святых Отцов — к примеру, на высказываниях Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита и Григория Нисского, и на афонском «Типиконе». В отношении Святого Причастия, ссылаясь на те же авторитеты, он защищал учение колливадов о том, что всякий христианин, должным образом подготовленный, должен причащаться часто, а не только несколько раз в году, как это было принято в то время.

Во время своей долгой писательской биографии, с 1777 по 1809 год, св. Никодим, помимо 26 упомянутых нами книг, написал огромное количество небольших работ. За исключением нескольких кратких слов (), писем и молитвы св. Трифону и св. Модесту, все другие его книги были богослужебными.

Наиболее замечательными из его слов являются «Похвальное слово Златоусту» и «Похвальное слово в неделю Афонских Отцов».

Самое большое и наиболее важное письмо св. Никодима адресовано Афанасию Париосу и представляет собой красноречивую и мощную защиту православного монашества.

Богослужебные работы Святого включают в себя 40 всенощных служб, большую часть которых он написал сам, а остальные, написанные прежде другими авторами, он исправил и улучшил; столько же канонов, большая часть которых также написана им самим; и также огромное количество богослужебных песнопений: тропари, кондаки, икосы, седальны, величания, славословия.

Богослужебные труды св. Никодима отличаются глубоким религиозным чувством, точностью мысли и настоящими поэтическими достоинствами. Хотя его творения и не обладают своеобразием и силой песнопений Романа Сладкопевца и Иоанна Дамаскина, но они написаны в стиле великих византийских гимнографов и исполнены теми же религиозными чувствами сокрушения, благоговения и духовного ликования. Все это ставит Никодима Святогорца в ряд наиболее выдающихся православных гимнографов поствизантийского времени.

Труды св. Никодима показывают не только глубину, историческую и экзегетическую точность, приверженность православной традиции, необычайную эрудицию, настоящий литературный дар, но и многогранность его личности. Они затрагивают многие темы богословия: аскетику, созерцательное богословие, этику, каноническое право, экзегетику, агиологию. Литургику, гимнографию.

Великое значение Никодима Святогорца как религиозного автора было отмечено многими выдающимися писателями XIX — XX веков. Историк Константин Сафос писал в 1868 году: «Работы св. Никодима способствовали укреплению Православия и принесли большую пользу греческому народу». Другой историк, Мануил Геден, несколько лет назад написал: «Никодим трудился до самой своей смерти ради интеллектуального и нравственного просвещения своих соотечественников. Его труды навсегда останутся доказательством его благочестия, ревности и усердия». Русский современник св. Никодима епископ Порфирий (Успенский) также отмечает огромное влияние, которое оказывали труды Никодима. Порфирий подчеркивает, что св. Никодим «был учителем всего православного мира». И.Ф.Колитсарас, написавший в 1953 году первое подробное описание жизни и трудов св. Никодима, замечает: «Он был, по мнению тех, кто занимался его жизнеописанием и изучением его трудов, одним из величайших богословов поствизантийского периода и самым

великим из всех, кто вел монашескую жизнь на Святом Афоне с древних времен до наших дней». Отец Феоклит из монастыря Дионисиу, издавший книгу с замечательным описанием жизни, личности и трудов св. Никодима, подчеркивает, что «что он был великим богословом в широком смысле этого слова и оставил писания, которые огромны, личны, но, в то же время, пригодны для всех и полны ответственности».

И, наконец, профессор Ходжес говорит, что «св. Никодим предстает сегодня как столп Православия».

Св. Никодим был не только великим богословом, но также и величайшим духовным наставником. Его биограф Евфимий свидетельствует, что св. Никодим был безошибочным наставником тех, кто впадал в заблуждения, или подвергался скорбям. «Почти все, поврежденные грехом, оставляли епископов и духовников и бежали к Никодиму, облаченному в худые ризы. Чтоб найти у него исцеление или утешение своим скорбям. И не только монахи из монастырей, скитов и келлий, но также многие христиане из разных мест устремлялись к Святому». Среди них были и те, кто отрекся от христианской веры и принял ислам. Раскаявшись, они шли на Святой Афон, чтобы исповедать свой грех и подготовить себя к возвращению в Церковь. Для этой подготовки многие из них, по совету своих духовников, обращались к св. Никодиму, чтобы получить от него наставления в вере. Новомученик Константин с острова Гидра был одним из таких людей. В течение пяти месяцев он жил в гостевом доме Иверского монастыря, и св. Никодим, пустынь которого была недалеко от этого монастыря, проводил его катехизацию. Позже, в 1800 году, Константин принял мученическую кончину на Родосе. Когда св. Никодим узнал об этом, он возрадовался и написал житие мученика и прекрасную службу в его честь.

Так св. Никодим. Подобно его другу и наставнику Макарию Коринфскому, был «учителем мучеников» Он не только учил мучеников напрямую, но также учил их и через совместную со св. Макарием работу над книгой «Новый Мартирологион».

Кроме того, мы считаем необходимым отметить. Что св. Никодим был исихастом. Он начал заниматься умной молитвой еще до того, как приехал на Святую Гору Афон. И продолжал занятия ею на протяжении всех 34 лет жизни на Афоне. Евфимий. Знавший его все это время, свидетельствует, что св. Никодим занимался умной молитвой «всегда, каждый час дня и ночи».

О характере св. Никодима нам сообщает близко знавший его монах Онуфрий: «Он был прост в обращении, терпелив, мягок, милостив, нестяжателен и собран». Современник св. Никодима историк Завирас называет его «мудрым и благочестивым». А один из современных авторитетных биографов св. Никодима, Колизарос, говорит: «У всех, кто знал его лично или по его трудам, складывалось твердое убеждение, что он не только мудрый богослов, просвещающий наставник всех, от патриарха до самого простого верующего, но он также и святой, живущий во Христе и сияющий благодатью Христовой».

Св. Никодим не был чудотворцем, как св. Косма и св. Макарий Коринфский, но это не препятствовало признанию его святым задолго до того, как Константинопольская Патриархия в 1955 году официально причислила его к лику святых. Как отмечает св. Николай Кавасила (XIV в.): «Чудеса не всегда являются доказательством добродетельной жизни. Ибо не все великие святые совершали чудеса, и не все те, кто совершал чудеса, были добродетельными людьми. Многие святые, поднявшиеся к Богу и показавшие великие дела и добродетели, не совершали чудес». Основаниями

для признания Никодима Святогорца святым стали его великий вклад в богословие Церкви. Его примерный христианский образ жизни. Его добродетели, его святость.

Канонизация св. Никодима была совершена по просьбе монастыря Великой Лавры, которой принадлежит келлия Скуртеи, где св. Никодим провел последние дни своей жизни. Эта канонизация вызвала большую радость на всем Афоне и среди православных других стран.

После прославления Святого возрос интерес к его жизни, личности и его трудам. О св. Никодиме было написано несколько книг на греческом и одна книга на французском языках. Иконы с его образом, написанные выдающимся греческим иконописцем Фотием Контоглу и другими иконописцами, можно теперь увидеть во многих церквах. В его честь были воздвигнуты несколько часовен: на его родном острове Наксосе, в пригородах Афин, и других частях Греции; готовится возведение церкви в честь Никодима Святогорца недалеко от келлии Скуртеи.

Служба св. Никодиму была написана в 1955 году святогорским монахом Герасимом из Малого скита св. Анны, главным греческим гимнографом после св. Никодима. Эта служба отправляется в день памяти Святого 14 июля. В тропаре Святому поется:

«Украшенный даром мудрости, отче, явился еси орган Духа и учитель добродетели, о. Никодиме, глаголавый о Бозе, всем бо дал еси учение спасения и чистоты жизни, открывая е лучезарными своими писаньми, их же богатством сияеши, яко свет миру».

ЖИТИЕ СВ. НИКОДИМА

Автор Герасим [83] из Малого скита св. Анны

На Святой Горе Афон

Поистине добродетель — это нечто великое и небесное, имеющее источник и начало в Боге; прославляющая тех, кто любит ее и стремится к ней. Добродетелью св. пророки почитаются, апостолы, возгласившие о Боге, превозносятся, славно торжествующие мученики творят свои смелые деяния, погоподобные иерархи сияют, и боговдохновенные Отцы становятся общниками Божества. Добродетелью святые сотворили «удивительные и невероятные дела» в мире и стали великими светильниками, имеющими «глаголы жизни» и дающими свет «от Востока солнца до Запада» для просвещения «сидящих во тьме и сени смертной», для вечного спасения душ.

Добродетель делает человека блаженным, ангелом на земле, исполненным Божественного света, живым воплощением всего доброго и благодетельного, наследником Бога, сонаследником Христа. Среди истинных любителей, истинных делателей добродетели и выразителей ее в слове и деле, был и боговдохновенный Никодим, великий и мудрый учитель Церкви, чудо афонских монахов, сияющая утренняя звезда небесной мудрости и жизни во Христе. Недавно просиявший, он освещает даже самые дальние уголки земли своими писаниями, исполненными Божественной мудрости. Он — красноречивый и мудрейший язык, силой которого явлены и объяснены слова вечной жизни и мысли Отцов. Он — деятельный учитель аскетической жизни, изложивший духовную лестницу и открывший ее лучезарное сияние при восхождении по ней. Он «столп и утверждение» Православной Церкви и ее особая похвала, могучий разрушитель всякого еретического и пустого учения, человек, прославивший Бога и достойный Его чести. «Никакоже Мне, зане токмо прославляющия Мя прославлю», говорит Господь Вседержитель (1 Цар. 2, 30).

Этот самый мудрый, добродетельный светильник и учитель Церкви, уста святых учителей прошлого, божественный Никодим, родился на острове Наксос, одном из Кикладских островов в году 1749 от

Рождества нашего Спасителя. Его благочестивые и добродетельные родители, Антоний и Анастасия Каллигурцис, назвали его в святом крещении Николаем. Они были первыми, кто с детства поил св. Никодима богоносными водами веры. Явным доказательством благочестия его родителей является тот факт, что его мать позже стала монахиней. Она взяла на себя благое иго Христово и в монашестве получила имя Агафии.

В детстве Николай был хорошим и воспитанным мальчиком, он избегал плохих компаний и всего того, что могло повредить внутреннему человеку. Забота о своем поведении, ревность ко всему доброму и любовь к церковному и светскому учениям были отличительными чертами юного Николая. Но кроме того, он отличался проницательным умом, точным восприятием и блестящей памятью. Эти качества удивляли не только его ровесников, но также и всех тех взрослых людей, кто видел столь исключительные способности и таланты в таком молодом человеке.

Св. Никодим получил начальное образование на родном острове Наксосе. Его учителем был приходской священник, который также учил его любви к Богу и Святой Церкви, и всему доброму и полезному. С великой преданностью Николай служил этому священнику, помогая ему во время совершения Божественной литургии и в других богослужениях.

Подготовленный соответствующим образом, блаженный отрок поступил в школу на Наксосе. Здесь его обучал светской и церковной грамоте добродетельный и ученый просветитель нации архимандрит Хрисанф, брат дивного равноапостольного Космы Этолийского.

Известно, что на острове Наксос, благодаря заботе образованных епископов Феоны, Афанасия, Иоасафа и других, была основана школа. В 1770 году она была восстановлена. В 1781 году школа была перенесена в монастырь св. Георгия и действовала до 1821 года. Архимандрит Хрисанф Этолийский, которого мы упомянули выше, возглавлял эту школу и преподавал в ней до самой своей смерти в 1785 году. Имея такого учителя, молодой Николай получил блестящее образование; в нем возгорелось желание учиться дальше и приобрести более высокие познания.

Когда Николаю исполнилось 15 лет, отец отвез его на Смирну, в великолепную греческую школу, которая позже была названа школой Евангелики и стала знаменитой. Николай учился в школе на полном пансионе.

В этой школе у Николая был также великий учитель, Иерофей Вулисмос с Итаки, знаменитый в то время своей ученостью и почитаемый за свои нравственные заслуги. Николай обучался в школе в течение пяти лет. Продвигаясь в своих знаниях, он удивлял всех своими замечательными знаниями, исключительной памятью, блестящими суждениями, а также своей величайшей осторожностью в поведении и добрыми манерами. О нем можно было сказать словами святителя Григория Богослова, которые тот произнес о своем Кесарийском брате: «Какой областью познания он ни обладал? Или вернее, в какой области наук он не превзошел тех, кто изучал исключительно эту область? Все предметы он изучал как один, и каждый из них — так всеобъемлюще, словно он не знал других».

Во время учебы в школе юный Николай стал учителем для своих соучеников, разъясняя для них предметы, и обучая их тому, что они не смогли усвоить и понять во время уроков. За эту готовность помогать, так же как и за его доброту и другие дары, он был очень любим своими товарищами, так что, несмотря на протесты самого Николая, они всегда стремились исполнить за него разные работы по дому. Сам его учитель Иерофей, уважая блестящее богословское образование Николая и его нравственные добродетели, писал ему позже: «Приезжай, мой сын. Сейчас, когда я в старом

возрасте, я оставил бы тебя учителем школы, поскольку у меня нет никого, подобного тебе в познаниях».

В школе Евангелики, кроме общеобразовательных предметов, Николай изучал богословие, древнегреческий язык и литературу, а также латинский, итальянский и французский языки. Его познания древнегреческого были удивительными, что ярко проявится впоследствии во всех его работах. Он стал совершенным знатоком этого языка, он мог писать и выражать себя в любой форме какой угодно исторической фазы древнегреческого. Он составлял эпиграммы на диалекте Гомера с такой же легкостью, как и переводил священные тексты на доступный современный греческий язык для того, чтобы сделать их понятными для простого народа.

В 1770 году, из-за гонений на христиан и истребления их турками, которые обозлились на потерю своего флота в сражении с русскими в Чесменской бухте, Николай покинул Смирну и вернулся на родной остров, где митрополит Пароса и Накоса Анфимий Вардис дал ему место своего секретаря и келейника, с намерением подготовить его «для более совершенных дел благодати» и познакомить его со священническим служением Господу. Николай оставался у митрополита Анфимия на протяжении пяти лет. Здесь, на Накосе, юноша получил возможность познакомиться со святыми афонскими иеромонахами Григорием и Нифоном, и монахом Арсением, воистину превзошедшими многих своим благочестием. Они рассказывали Николаю о монашеском, ангельском образе жизни подвижников Святой Горы Афон. Они научили его духовной молитве, усмотрев в нем готовность постигать тайны этого блаженного делания. В общении и в беседах с этими святыми людьми сердце Николая исполнилось божественного рвения, и в нем возникло стремление к ангельской жизни афонских монахов.

Зная по рассказам о добродетели и мудрости митрополита Коринфского св. Макария Нотараса, Николай поехал к нему на остров Гидру, где жил в то время Святой. Николай хотел встретиться с ним и получить от него наставления в аскетической жизни, которой он желал уже всей душой. С этой встречи и на протяжении всей жизни этих двух святых и боговдохновенных людей связывают тесные духовные узы и сильная любовь во Христе.

В это же время Николай познакомился с монахом Сильвестром Кесарийским, который был известен своими добродетелями и подвизался в пустыне, «питаемый медом безмолвия (исихии) и созерцания». Желание Николая к ангельской жизни монахов еще более укрепилось в общении с этим великим отшельником.

И когда сердце Николая зажглось нестерпимо сильным желанием блаженной духовной жизни и более совершенных даров Духа Святого, он взял от старца Сильвестра рекомендательные письма и в 1775 году поехал на Афон, отвергнув мир и самого себя по слову Христову, желая нести сладчайший и добрый крест Христов. В день, когда он покидал остров Наксос, произошел следующий случай: Николай пришел к берегу моря, нашел судно, которое готовилось к отплытию на Гору Афон, и возблагодарил Бога за исполнение его желания. Он умолил капитана взять его на борт. Капитан пообещал дать юноше знать о времени отправления судна, но по неизвестным причинам, отплыл, не уведомив об этом Николая. Увидев, что корабль уходит без него, оставшийся на берегу Николай начал кричать и плакать. Затем, не теряя времени, он прыгнул в море, стремясь вплавь догнать уходящий корабль. Когда моряки увидели это, они вернулись и подняли юношу на борт. И так он благополучно добрался до Святой Горы Афон.

Сойдя на берег Афона, Николай возрадовался великой радостью. По наставлению старца Сильвестра, он отправился в монастырь Дионисиу и нашел там много святых людей. Украшенных всякой добродетелью, благочестием и дарами духовных подвигов. Среди них был старец Макарий[84] с отцом Авраамием и другими, ведущими духовную подвижническую жизнь. Восхищенный их внутренним превосходством, Николай поселился в этом святом общежительном монастыре. Здесь, исполненный Божественной ревности к святой жизни во Христе и, совершенно отвергнув всякую мирскую мысль и чувства, он был пострижен в малую схиму и наречен именем Никодим. Когда отцы монастыря прознали про его исключительные дары, глубокие познания и образованность, его благочестие, его стремление к исполнению правил общежительного монастыря и его образцовый характер, они назначили его чтецом обители. Никто не мог сравниться с Никодимом как в исполнении этого послушания, так и в духовном делании, в котором он совершенствовался день ото дня, стараясь достичь уровня превосходящих его монахов. Подчиняя плоть духу и возводя ум к созерцанию высшего, уготовляя себя к самому совершенному стремлению — к Божественному безмолвию и высшей философии во Христе, в которых он преуспел и в слове и в деле.

В 1777 году на Афон приехал св. Макарий Коринфский, с которым Никодим встречался на острове Гидра. Посещая святые монастыри, св. Макарий прибыл в Карею, столицу Афона, и расположился у своего земляка Давида, в келлии св. Антония. Туда он призвал блаженного Никодима и обратился к нему с просьбой отредактировать монументальные духовные книги «Добротолюбие», «Евергетинос», «О постоянном Причащении...». Таким образом, св. Макарий предоставил Никодиму возможность употребить себя на высоком духовном поприще, где тот и просиял как истинный светильник Церкви и вселенский учитель благочестия.

Св. Никодим начал с «Добротолюбия», привел его в порядок и написал блестящее введение и библиографические очерки о каждом святом — авторе «Добротолюбия». Затем, он исправил «Евергетинос» и к нему также написал замечательное введение. Наконец, он поправил и расширил книгу «О постоянном Причащении...». Когда св. Никодим подготовил книги, св. Макарий отправился с ними в Смирну, чтобы найти для них издателей.

После отъезда св. Макария св. Никодим еще некоторое время оставался в Корее. Он гостил в келлии св. Георгия, которая принадлежит Лавре и часто называется «Скуртеи». С монахами этой лавры св. Никодима связали узы неразлучной дружбы и любви во Христе. Здесь в течение года он переписывал «Альфабетальфabetос», книгу, написанную в XIII веке св. Мелетием Исповедником и содержащую духовное учение в стихах. По завершении работы над этой книгой св. Никодим вернулся в свой монастырь. Подвизаясь в монастыре Дионисиу, св. Никодим много слышал о добродетелях русского киновиярха, старца Паисия Величковского. Св. Паисий в то время подвизался в Богдании (в настоящее время — Румыния), где осуществлял духовное руководство более чем тысячей монахов и обучал их умной молитве. Св. Никодим, питая великую любовь к этому Божественному деланию, решил поехать к старцу Паисию. Корабль, на котором он отплыл со Святого Афона, попал в жестокий шторм в открытом море. Моряки вынуждены были изменить курс и с большим трудом пристали к острову Тасос. И тогда св. Никодим, считая, что на то нет благословения Божиего, отказался от своего плана поехать в Румынию.

Когда Святой возвратился на Афон, он не вернулся в монастырь Дионисиу, но, охваченный любовью

к тишине, и, ради постоянного изучения Святого Писания и непрерывной молитвы, отправился в келлию Скуртеи. Затем он поселился в тихой, уединенной комнате келлии св. Афанасия и посвятил себя духовному созерцанию и непрерывной молитве. Ум его стал еще ярче, а душа обрела духовную пищу. Он, казалось, совершенно достиг уподобления Богу и исполнился небесной светлости и благодати. В определенные часы он переписывал рукописи и этим зарабатывал себе на хлеб. Кроме того, здесь он написал подобны и другие песнопения для дополнения служб святым иерархам Афанасию и Кириллу, в честь которых была освящена часовня в келлии.

Вскоре в скит монастыря Пантократора (теперь именуемый Капсала) с острова Наксос приехал добродетельный старец Арсений Пелопонесский. Боголюбивый Никодим познакомился с этим старцем еще на Наксосу и из его уст услышал небесные, сладчайшие слова о жизни, исполненной духовного подвига. Эти слова вдохнули в него стремление к стяжанию духовных даров. Узнав о приезде старца Арсения, отец Никодим отправился в скит Пантократора и стал учеником старца. Здесь, в святом скиту, блаженный Никодим обрел новое поприще для духовных подвигов и достиг величайших степеней безмолвия, к которому так стремился и которого так искал с таким же усердием, с каким жаждущий олень стремится к источникам водным. Но часто блаженный Никодим посещал и свою любимую келлию в Скуртеи.

В Капсале св. Никодим целиком посвятил себя великим духовным подвигам священного любомудрия во Христе. Изучая день и ночь Закон Божий — Божественно—вдохновенное Святое Писание — и труды Отцов Церкви, премудрых в Божественном, он был исполнен Божественной радости и пришел к познанию тайн Божиих, пребывая выше видимого мира. Кто способен описать Божественные подвиги и труды этого блаженного отца? Полностью отвергнув себя, отказавшись от всякой заботы о материальном, он совершенно умертвил свой плотский ум строгим постом, непрерывной умной молитвой и всей своей духовной подвижнической жизнью, исполненной трудов и лишений. Благодаря этой блаженной жизни, он стал сам светом и святостью. Отсюда, словно второй Моисей, он взшел на гору добродетелей, вступил в славный рассвет духовного созерцания и увидел, насколько возможно увидеть человеку, невидимого Бога, услышал неизреченные глаголы и получил их действительное освящение благодатью, и нематериальное сияние, и вдохновение Великого Утешителя. Он достиг обожения и стал блаженным и богоподобным, ангелом в теле, вдохновенным исихастом, исполненным небесного знания, открывающим для нас жизнь в Духе Святом. Исполненный Святым Духом, он донес до нас и разъяснил нам «в слове благодати» Его плоды и благословения.

Обладая благодатью и мудростью, он получил Божественный дар учительства, и стал ярким светильником Православной Церкви, великим учителем христианства. Сильнейшим противником любой ереси и инославного учения. Подобно водам, изливающимся в вечную жизнь и радость, как говорит пророк Давид, слова благодати изливались из его благословенных уст, и реки его учения питали не только монахов Святого Афона, но и всех других христиан Святой Церкви. Его святой рукой написано множество Божественных книг и сладчайших духовных песнопений и служб в честь разных святых. Его великие труды — богословские, догматические, нравственные, экзегетические, — составляют целую библиотеку. В них явлены высота и глубина всякого человеческого и Божественного знания и море небесной мудрости. Боговдохновенный Никодим день и ночь всеми силами трудился над своими писаниями ради пользы ближних и духовного обогащения

нашей Святой Церкви.

В 1782 году старец Арсений уехал из скита Пантократора на маленький островок Скиропола к югу от Афона. Св. Никодим последовал за ним. Жизнь на этом острове была полна лишений и трудностей. Из письма, которое он послал своему двоюродному брату Иерофею, епископу Еврипскому, мы узнаем о том, что это место было лишено растительности и было необитаемо; единственными соседями монахов были птицы, питающиеся рыбой. Здесь св. Никодим также вел жизнь ангельскую и небесную. Он жил словно бесплотное существо. Упорно трудясь, он едва мог обеспечивать себя и старца самым необходимым для жизни. И тем не менее, по его собственным словам, он предпочел именно «жизнь земледельца, который копает, сеет, жнет и каждый день делает множество другого, что требует тяжелая жизнь на скалистых, бесплодных островах». Кроме того, здесь ему не доставало книг. Но он радовался неизреченной и славной радостью, предаваясь непрерывно умной молитве, через которую его ум просвещался и получал Божественные откровения и проникал в надмирную мудрость.

Хотя он и был лишен всего, и жил, как ангел, и избегал каких-либо дел с внешним, то есть с миром, он не оставил без внимания просьбу своего двоюродного брата Иерофея и в свободное от работы время стал писать замечательную книгу, полную Божественной и человеческой мудрости, со многими высказываниями святых Отцов и других философов. Книга была названа «Сборником советов», поскольку содержала советы для всех верующих, в особенности для епископов. Эта книга, в которой св. Никодим говорит о руководстве чувствами и о борьбе за совершенствование внутреннего человека, показывает, какой безграничной и благодатной памятью обладал Святой, писавший этот труд без нужных для работы книг, на уединенном острове, не имея даже самого необходимого для жизни.

Сам св. Никодим писал брату Иерофею: «Все, что через чтение, по аристотелевской доктрине, отпечаталось на чистой доске моего воображения и, по учению Прокла, отложилось в святилище моего ума, или лучше, как сказал Давид, «в сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе», так я вспомнил все слова, что относились к теме этой убогой книги «Сборник советов», и написал в ней».

Чтобы облегчить хоть немного трудности пустынной жизни отшельников, Иерофей послал св. Никодиму пищу, одежду и одеяла; все это св. Никодим принял с благодарностью.

В 1783 году св. Никодим вернулся на Афон и был пострижен в великую схиму св. старцем Дамаскиным Ставрудасом. Вскоре он поселился в приобретенной им каливе^[85], которая располагалась над соборной церковью скита Пантократора и именовалась калива Феоны. Здесь через год он взял себе учеником своего земляка Иоанна, который потом был пострижен в схиму и получил имя Иерофей. Этот монах служил св. Никодиму на протяжении шести лет. Пребывая в безмолвии, источая мед добродетели, св. Никодим, просвещенный светом Духа Святого, постоянно писал и поучал мудрыми словами и духовными советами всех приходящих к нему братий. Многие из них поселились недалеко от каливы, чтобы непрестанно видеть доброе лицо Святого и слышать его небесное учение. Так подобно тому, как магнит притягивает железо, так и благодать, являвшаяся в св. Никодиме, притягивала всех.

В этой каливе, по просьбе своего возлюбленного брата во Христе митрополита Коринфского Макария, прибывшего в 1784 году второй раз на Афон, св. Никодим исправил и подготовил к

публикации труды св. Симеона Нового Богослова. Кроме того, он написал «Руководство к исповеди» и составил «Богородичник». Затем он подготовил к публикации следующие книги: «Невидимая брань», «Новый Мартирологийон» и «Духовные упражнения». Все эти книги исполнены Божественной благодати и небесной мудрости. Они учат, как избегать греха и искренно каяться. Они также учат отражать дьявольские наветы и учат духовным упражнениям благочестивой жизни. В это же время, по совету преподававшего в Фессалониках ученого просветителя Афанасия Париоса и по просьбе митрополита Гелиопольского Леонтия, Никодим Святогорец собрал по библиотекам Святого Афона и подготовил к изданию труды св. Григория Паламы. Окончив эту грандиозную работу, результатом которой стали три тома собраний св. Григория, и к которым св. Никодим по своему обыкновению написал много комментариев, он отправил этот великий труд в Вену для издания в типографии братьев Пулиосов. К несчастью, эти драгоценные рукописи были потеряны. Типография была разрушена и разграблена австрийцами из-за напечатанных там революционных прокламаций[86], обращенных к грекам. Среди захваченного и не возвращенного властями были рукописи св. Никодима. Когда Никодим узнал об их потере, он так безутешно рыдал, что больше ни минуты не мог оставаться в своей келие. Он отправился в келлию своих возлюбленных братьев в Скуртеи и искал у них утешения. О как велика была скорбь Блаженного об утрате этих замечательных рукописей: он думал о том, какого блага будут лишены благочестивые христиане из-за этой потери.

После этих событий на Святой Афон приехал иеромонах Агапий Демицанский из Пелопонесса[87]. Св. Никодим договорился с ним совместно подготовить сборник Святых Канонов Церкви с толкованиями, для наставления и просвещения клириков и всех верующих. И они начали работу. Драгоценная рукопись, которая стала результатом напряженного труда св. Никодима и иеромонаха Агапия, была названа «Педалион» («Кормчая»), поскольку ее предназначением было направлять и вести Церковный корабль. Помимо толкования каждого канона, она содержала огромное количество комментариев и сносок для точного понимания канонического закона и духа Святых Канонов. Сразу по окончании работы св. Никодим послал о. Агапия в Константинополь для получения одобрения этой книги «Великой Церковью Христовой» (Константинопольской Патриархией). Патриарх Неофит послал эту работу для прочтения св. Макарию Коринфскому и Афанасию Париосу. Получив от них положительный отзыв, он вместе с Синодом одобрил эту работу. Через св. Макария патриарх вернул рукопись св. Никодиму. Но сам св. Никодим, будучи крайне бедным, никогда бы не смог опубликовать «Педалион», так же как он не мог опубликовать сам и другие свои работы. Тогда афонские монахи начали собирать деньги для издания книги и отдали их вместе с рукописью архимандриту Феодориту Иоаннинскому, которого они просили позаботиться о публикации «Педалиона» в Венеции.

Но новая скорбь ожидала св. Никодима. Феодорит произвольно устранил некоторые из его толкований Святых Канонов, другие он заменил или добавил свои собственные, поддерживающие ошибочные мнения и взгляды, противоречащие духу нашей Православной Церкви. И таким образом Феодорит испортил книгу св. Никодима в более чем 18 местах. Когда св. Никодим увидел эти искажения, которые наносили вред благочестивым христианам, он сильно огорчился. Он никак не мог успокоиться и со слезами говорил своим братьям в Скуртеи, что «лучше бы Феодорит много раз ударил его ножом в сердце, чем изменил его книгу». Он переживал глубокую скорбь, когда думал о

том вреде и смущении, которые вызовут в благочестивых душах инославные учения, содержащиеся в такой канонической книге.

После этого св. Никодим оставался в келлии Скуртеи два месяца, затем поселился вместе со старцем Сильвестром Кесарийским в келлии св. Василия, принадлежащей монастырю Пантократора. Здесь он продолжал духовно подвизаться и занимался своей плодотворной писательской деятельностью. Он написал «Христианскую нравственность», одну из самых назидательных книг, которая исправляет нравы христиан и учит их удерживаться от всяких заблуждений, соблазнов и волхваний.

Через некоторое время он, из-за нетерпеливого характера одного из учеников старца Сильвестра, оставил келлию св. Василия и поступил в монастырь Пантократора. Но любовь к тишине и отшельнической жизни, которой он возвышался до духовного созерцания, не дала ему долго оставаться в монастыре. Он поселился в маленькой, тихой каливе напротив келлии св. Василия. Поддерживаемый своими возлюбленными братьями из Скуртеи, он жил в каливе очень аскетично, как странник на земле и как ангел во плоти.

Аскетическая и ангельская жизнь святого учителя и великого Отца Никодима удивляла всех. «Его пища, — говорит его духовный брат Евфимий, — состояла иногда из вареного риса, иногда из меда, разведенного в воде, но обычно из оливок, размоченных бобов и хлеба. Если ему давали рыбу, он отдавал ее кому-нибудь из соседей, кто ее готовил и разделял с ним. Часто его соседи, зная, что он совсем не готовит, приносили ему вареную пищу». Видя ту суровую жизнь, которую он вел и которая была причиной его утомления, поскольку он подвизался духовно и писал многочисленные книги, скуртейские братья часто приглашали его на свою трапезу, чтобы Святой мог дать отдых своему изможденному телу. Но даже за трапезой, когда ему задавали вопросы на духовные темы, «он начинал говорить и говорил, забывая о голоде, так, что старец скита вынужден был просить его остановить речь и немножко покушать». До такой степени Святой был охвачен и вдохновлен Духом Божиим и его сердце радовалось в познании слова Божия.

В этой каливе он исправил и дополнил «Евхологион» («Молитвослов»), работал над рукописью «Руководства к исповеди» для второго издания, написал толкования на 14 Посланий Апостола Павла и 7 Соборных Посланий, перевел и написал комментарии к «Толкованию псалмов» Евфимия Зигабена, и также написал толкования на девяти песней канона в книге «Сад благодати». Эти монументальные работы содержат сокровища богословской мысли, нравственности и разные наставления в благочестии. Каждый, кто изучает их, пожинает плоды истинного просвещения и совершенствования жизни.

Но что нам сказать об искушениях, гонениях и клевете, которым подвергался этот великий светильник Церкви? Направляемый Духом Святым, занимаясь внутренним деланием и писанием святых книг, св. Никодим вызывал ненависть и подвергался нападкам как темных, необразованных людей, так и бесплотных врагов. Ничего не скажем о необразованных и темных братьях потому, что святой отец признавал их истинными братьями и великими благодетелями, и искренне прощал. А что касается бесплотных врагов, то поскольку они не могли искушать его другим образом, они являлись у окон его келлии, когда он становился на молитву или писал, и шептались, и шумели. Но, одетый благодатью Духа Святого, он не обращал на них внимания и часто смеялся над их глупыми, отвратительными действиями. Однажды ночью, когда он был на острове Скиропула, он услышал шепот у своей каливы, а затем громкий шум. Он подумал, что рядом с каливой обрушилась

стена. Но на утро он увидел ее нетронутой.

На Афоне с ним также происходили похожие случаи. Иногда враги постоянно стучали в дверь его каливы. Когда он писал толкования на Псалом 34, 6: «Да будет путь их темен и скользок, и Ангел Господень да преследует их», они устроили такой шум и буйства, что он подумал, что большая армия прошла через его каливу, и что рядом рухнула стена. Но все это было действием злых духов в его воображении, чтобы напугать святого Отца. Однако он стал уже настолько мужественным и сильным благодатью Господней, что воспринимал все эти явления и все злобные нападения врагов как детские забавы и «игрушечные стрелы».

Так трижды благословенный и великий Никодим противостоял многим лишениям и разным искушениям и преуспевал в трудной, но имеющей награду борьбе подвижника, в которой он закалялся, как золото в горниле, и его праведность сияла ярче, чем солнце.

В течение последних лет своей земной жизни он постоянно менял место жительства, вероятнее всего для того, чтобы найти лучшие условия, с одной стороны, для писания, а с другой — для изучения рукописей в разных монастырях; но возможно и для того, чтобы постоянно не беспокоить одних и тех же людей своей очень скромной диетой, а может быть и потому, что его приглашали другие братства Святого Афона. Но и в течение этих лет он продолжал подвизаться так же, как и прежде, что было выше человеческих сил. Он писал и жил во Христе, от которого получал силу, ибо как говорит апостол Павел. «не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Слух о добродетелях и мудрости этого великого Отца быстро распространялся повсюду, и с духовными нуждами со всех концов Греции к нему приходило бесчисленное множество людей, чтобы найти внутреннее утешение.

Его постоянная и очень плодотворная работа и его стремление направлять на путь спасения не только афонских монахов, но и христиан, приходивших к нему из мира, а также его напряженная духовная брань, молитвы, всенощные, — ослабили его тело и здоровье. Тогда он нашел прибежище в келлии иконописца Киприана. Несмотря на физическую слабость, св. Никодим продолжал свою драгоценную деятельность как добрый поборник правды. День и ночь устремляя свой ум к духовному.

В течение последних лет своей блаженной жизни он написал трехтомник Житий Святых, монументальную богословскую книгу «Геортодромион» с толкованием на праздничные каноны Спасителю и Богородице и книгу «Новая Лествица» с толкованиями на степенны Октоиха. Эти чудесные работы, так сказать. Писания от Бога, имеют таинственное благоухание богатой мудрости Святого Духа, той мудрости, живым сокровищем которой и был сам св. Никодим. В конце жизни он написал книгу «Исповедание моей веры», в которой отвергает все нечестивые и необоснованные обвинения, выдвинутые против него некоторыми злобными и завистливыми афонскими монахами. Кто может описать всю клевету. Скорби и искушения, которые переносил св. Никодим в борьбе за истинные традиции нашей Церкви. Он вел эту борьбу мужественно. Прилагая все усилия для сохранения и возрождения истинной духовной жизни афонских монахов и всего православного христианства. Именно за это он постоянно подвергался гонениям со стороны лжебратий, которые притворялись благочестивыми. «Устами неправедных, говорящих неправедное с гордостью и презрением», он подвергался жестокой клевете, как и великие Отцы Церкви — св. Афанасий, св. Иоанн Златоуст и св. Фотий, которым св. Никодим ревностно подражал и равным которым он был по

своим писаниям. Поэтому он написал упомянутое «Исповедание» для усовещания своих братьев. Святая община Святой Горы Афон стремилась защитить праведность великого Святого и опубликовала энциклику. Резко порицающую тех, кто сеет плевелы в чрезвычайно чувствительную церковную почву.

Вся жизнь св. Никодима прошла в высокой духовной борьбе и писании святых книг. Благодатью Святого Духа было исполнено его чистое сердце и, принося радость всем, ее щедро источали его уста. Всю свою жизнь св. Никодим имел одну заботу: служить Божественной воле и приносить пользу своим ближним. В этом он уподобился святым прошлого. Он получил талант от Бога и, как благодарный и верный раб, умножил его в десятки тысяч раз. Он жил как ангел, и был святым; он был богословом, мудрым в Божественных предметах; он являлся неисчерпаемым сокровищем утешителя, подобным Богу, сияющим благодатью Христа, и был ярким советником людей, от патриарха до простого верующего. Он был прост в обращении и терпелив; он был ласковый и добрый по характеру, нестяжательный, кроткий и смиреннейший. Его смирение было глубоким в слове и деле. Когда бы он не говорил о себе, он говорил: «Я чудовище, я мертвая собака, я ничтожество, я немудрый и необразованный». Вместо туфель он всегда носил сандалии. У него была только одна ряса и не было постоянного жилища. Домом боговдохновенного учителя был весь Святой Афон, поэтому его называли Никодимом Святогорцем.

В конце своей земной жизни, сильно ослабев, Святой вернулся в келлию своих возлюбленных скуртейских братьев, где был окружен заботой и любовью. Близился его исход из этого мира. Его здоровье из-за непомерных трудов было совершенно подорвано, его организм был полностью истощен.

Готовясь расстаться с этой жизнью, Святой исповедался, испросил и получил елеосвящение, ежедневно причащался Святых Таинств. 30 июня/13 июля 1809 года ему стало плохо. Почти неслышным голосом, иногда ненадолго прерываясь, он горячо молился Христу. Тем, кто был рядом с ним, он сказал: «Отцы мои, я не могу молиться умом, поэтому я молюсь устами». Он постоянно благодарил братьев за все их труды для него.

Ночью его состояние совсем ухудшилось. Он вновь попросил Святого Причастия. Причастившись, он сложил руки и вытянул ноги; он стал тихим и спокойным, но продолжал непрерывно молиться. Когда братья спросили его: «Учитель, ты покоишься?», он ответил: «Я причастился Христу, как же мне не быть в упокоении?»

1/14 июля 1809 года, в возрасте 60 лет, окруженный своими возлюбленными братьями, пребывающий душой в Боге и небесных благословениях, святой Никодим Святогорец предал свою блаженную душу в руки Бога Живаго, Которого он возлюбил от юности своей и Которому отдал всего себя.

Святое тело боговдохновенного учителя было похоронено в келлии Скуртеи — там, где он умер. Его святая глава и сейчас хранится там, источая Божественное благоухание святости и освящая тех, кто прикладывается к ней с верой.

Кончина св. Никодима исполнила глубокой скорби не только монахов Святого Афона, но и всех благочестивых христиан по всему миру. Все оплакивали уход всеобщего учителя и утешителя. Блаженный Никодим прославлен в лике святых как преподобный, богослов и учитель. И он уже наслаждается вечным блаженством в свете Божественной славы.

Перевод с английского Лидии Сикорской и Барбары (Варвары) Джонсон

По изданию «St. Macarios of Corinth». Первое издание — 1972 г.

СВЯТОЙ МАКАРИЙ КОРИНФСКИЙ

Святой Макарий (Нотарос) Коринфский, подобно равноапостольному св. Косме Этолийскому, сыграл значительную роль в духовном возрождении Греции во второй половине XVIII века. Св. Макарий начал свое служение в 1765 году, через пять лет после начала миссионерства св. Космы. Будучи рукоположен в архиепископа Коринфского, он много потрудился над улучшением церковной ситуации в своей епархии. Подобно св. Косме, св. Макарий видел особую значимость школ в отношении Церкви. До своего рукоположения он шесть лет преподавал бесплатно в коринфской школе, а став архиепископом, построил много школ по всей коринфской провинции. Он также придавал большое значение образованию клириков, посылая их на обучение в монастыри. Как и св. Косма, он требовал соблюдения традиции Церкви. Так, например, в то время, когда св. Косма в своих миссионерских путешествиях по Греции и Албании убеждал богатых жертвовать деньги для покупки больших крестильных купелей, св. Макарий во всех городах и селах своей епархии установил такие большие купели для того, чтобы таинство св. крещения совершалось по всем правилам, через троекратное погружение. Как и св. Косма, св. Макарий стремился вернуть греков к первоначальной христианской практике и устранить все ложные традиции и вредные нововведения из жизни Церкви.

Св. Макарий был одним из главных представителей колливадского движения. Которое объединяло монахов-ревнителей, выступавших за строгое соблюдение Святого Предания. Это движение возникло в XVIII веке на Святой горе Афон. В 1754 году монахи Скита св. Анны на пожертвования православных христиан начали строительство «кириакона», т. е. общей церкви. По афонскому обычаю они совершали панихиды по усопшим родственникам этих жертвователей. Сначала монахи служили панихиды по субботам, как это делалось ранее по всему Афону. Но некоторые из монахов для того, чтобы ускорить строительство[88], хотели служить панихиды вместо суббот по воскресеньям. Однако не все согласились. Часть скитских монахов воспротивилась изменению, говоря, что оно является нарушением Святого Предания, восходящего к первохристианским временам, а воскресенье — это день Господнего Воскресения, то есть день радости, и этот день не подходит для совершения панихид, которые связаны со скорбью. Сторонников изменения такие аргументы не убеждали. Они доказывали, что существование панихид частью основывается на Воскресении Христовом, и совершение таких служб не противоречит радостному характеру воскресного дня. Высмеивая своих противников, они называли их «субботниками» и «колливадами»[89]. Этот спор, принимавший опасный характер, распространился на другие афонские скиты. Сторонники новшества (своего рода «обновленцы») оскорбляли и преследовали традиционалистов.

Вселенские патриархи старались прекратить эту смуту, но безуспешно. В 1772 году патриарх Феодосий II в ответ на письмо афонских монахов заявил: «Тот, кто совершает панихиды по субботам, поступает хорошо, поскольку держится древней традиции Церкви, но и тот, кто совершает их по воскресеньям, не согрешает». Этот ответ должен был восстановить мир среди монахов. Однако спор не прекратился. Через год патриарх Самуил Хатзерис в письме от имени Синода указал:»Монахи, подвигающиеся в келлиях и скитах, подчиняющихся монастырям, должны

следовать безоговорочно Типикону и обычаям этих монастырей в отношении служения панихид». Но борьба продолжалась. По вопросу служения панихид собиралось два Собора, один на Афоне в 1774 году, другой в Константинополе в 1776 году. Первый Собор анафематствовал тех, кто не принял решение Патриархии, в то время как второй объявил, что «панихиды могут совершаться и по субботам, и по воскресеньям».

Спор продолжался вплоть до греческой революции (1821 г.). Он достиг Константинополя и разделил финариотскую[90] аристократию на два враждующих лагеря. В 1819 году Вселенский патриарх Григорий V постановил: «Для того, чтобы совершенно прекратить давнишний спор, панихиды должны служить без различия по воскресеньям или субботам, а также по другим дням недели». Когда нарастала новая волна недовольства против колливадского движения, св. Макарий был на Афоне. В ответ на вопрос сторонников новой («обновленческой») практики он ясно дал понять, что не одобряет их нововведение («обновление»): «Я лично никогда не служил и не буду служить панихиды по усопшим по воскресеньям». После этого недвусмысленного ответа св. Макария начали угрожать. Он был очень огорчен этим и покинул Афон, уехав на остров Хиос.

Почти одновременно со спором о служении панихид возник и спор о том, как часто следует причащаться Святых Таинств. Одни считали, что Святое Причастие следует принимать на каждой литургии, если, конечно, человек не находится под епитимией. Другие считали, что причащаться нужно редко, несколько раз в год. В большинстве своем колливады были сторонниками частого причащения. Книга св. Макария «О постоянном Причащении Божественных Таинств», изданная в 1783 году, сыграла главную роль в решении этого вопроса. Эта книга является значительно увеличенной и измененной версией книги Неофита Капсокаливита

«Руководство неизвестного автора, доказывающее, что христиане имеют своим долгом причащаться Божественных Таинств гораздо чаще», опубликованной тремя годами ранее. Несмотря на то, что книга «О постоянном Причащении...» была издана без указания автора, Афанасий Париос, составитель жития св. Макария, именно его называет автором книги. Окончательно отредактировал книгу св. Макария св. Никодим Святогорец.

Книга «О постоянном Причащении...» имеет особую направленность против практики редкого причащения (2–3 раза в год), и осуждает ее как злое новшество. В своей книге св. Макарий дает подробное толкование Иисусовой молитвы, объясняя необходимость для православных частого причащения Тела и Крови Христовых, и подчеркивает, что непринятие Таинств приносит большое зло человеку. Св. Макарий приводит также 13 доводов сторонников редкого причащения и свои ответы на эти доводы, основываясь на Святом Писании, на Святых Канонах и трудах святых Отцов. Его книга вызвала бурю негодования среди противников колливадского движения на Афоне. Они написали письмо, исполненное обвинений, и вместе с книгой св. Макария послали Вселенскому патриарху. В результате последовало поспешное осуждение книги. Однако позже, в 1789 году, при новом патриархе книга была признана каноничной и полезной для всех христиан. Следует отметить, что спор о Святом Причащении возник до появления книги о Причащении св. Макария. В 1775 году Вселенский патриарх Феодосий старался примирить враждующие стороны. Он написал монахам на Афон, что первые христиане причащались каждое воскресенье, а в последующее время христиане причащались каждые 40 дней, после исповеди. Патриарх советовал тем, кто чувствует себя подготовленным. Следовать примеру первых. А тем, кто не готов, следовать примеру

последних. Но это послание не прекратило спор. Так же, как и спор о панихидах, он продолжался до начала XIX века. В 1819 году патриарх Григорий Y написал афонским монахам, что Причащение должно происходить не в определенные промежутки времени, но в любой момент. Когда человек чувствует себя готовым, после исповеди и необходимых приготовлений.

Эти два спора свидетельствовали о пробуждении во второй половине XVIII века религиозного сознания у многих греков. В своем «Исповедании веры» св. Никодим Святогорец указывает, что Церковь имеет два вида духовной дисциплины: строгость (акривия) и домостроительство (икономия) или снисходительность (синкатабасис) и что, когда патриарх Софроний издал указ о возможном совершении панихид и по субботам и по воскресеньям, он использовал икономию для того, чтобы прекратить смуту на Святом Афоне.

Другая важная сторона колливадского движения — это возрождение православной мистико–созерцательной традиции (исихазма). После триумфа исихазма на Соборах в Святой Софии в середине XIX века и канонизации великого апологета исихазма Григория Паламы, постепенно исихазм был предан забвению. Возрожден он был колливадами. Великую роль в этом возрождении сыграло «Добротолюбие» («») — монументальная антология аскетически–созерцательных трудов тридцати греческих святых Отцов, составленная и изданная двумя великими святыми Макарием Коринфским и Никодимом Святогорцем.

В 1777 году св. Макарий передал собранные им рукописи св. Никодиму. Св. Никодим отредактировал рукописи, написал введение и краткие биографии авторов — святых Отцов, и по завершении работы «Добротолюбие» было опубликовано в Венеции в 1782 году.

Эта книга оказала глубокое влияние на другого выдающегося представителя колливадского движения Афанасия Париоса, который был рукоположен в иеромонаха на Афоне св. Макарием Коринфским. Афанасий был великим просветителем, замечательным богословом и плодотворным писателем. Он преподавал в Афонской академии, потом в фессалоникийской школе и в гимназии на Хиосе. Так на протяжении четверти века он служил великому делу образования и просвещения своих современников. Подобно св. Макарию и св. Никодиму, Афанасий принадлежал аскетико–созерцательной традиции Православной Церкви. В жизнеописании св. Макария Афанасий называет «Добротолюбие» поучительнейшей книгой. Интерес Афанасия к св. Григорию Паламе явился следствием внимательного изучения «Добротолюбия» и бесед со св. Макарием. Афанасий составил службу в честь св. Григория и опубликовал ее вместе с житием этого святого, написанным патриархом Филофеем.

Стремление св. Макария возродить аскетико–созерцательную традицию Церкви сыграло важную роль в появлении другой великой духовной книги — «Сохранившиеся труды св. Симеона Нового Богослова». В 1784 году св. Макарий просил св. Никодима подготовить книгу к печати. В 1790 году эта книга была опубликована в Венеции.

Противники колливадского движения не прекращали гонений против колливадов. В результате этих гонений многие колливады покинули Афон и разъехались по всей Греции. Они основывали монастыри, которые становились центрами духовности и образцами истинной христианской жизни. Они будили религиозное сознание своими проповедями и личными примером. Афанасий Париос, например, воспитал целую плеяду учеников, которые приехали обучаться к нему со всей Греции и из других мест: Константинополя, Египта, Палестины, Сирии и Армении. Многие из этих учеников

сами стали учителями. Возвратившись в свои родные места, они несли свет Православия, который приняли от своего учителя. Другие колливады, нашедшие прибежище на островах Эгейского моря, также сыграли свою роль в жизни многих христиан, в том числе и св. Никодима. Так монахи — колливады Арсений, Григорий и Нифон, с которыми св. Никодим познакомился на своем родном острове Наксосе, способствовали его решению принять монашество.

Враждебность противников колливадского движения со временем составила и св. Макария покинуть Святую гору Афон. Он перебрался на остров Хиос, затем недолгое время он проживал на Патмосе вместе с группой колливадов. Последние 15 лет своей жизни он провел на Хиосе в уединении, ведя строгую аскетическую жизнь, занимаясь умной молитвой и писанием духовных книг и наставляя многих людей в истинной вере. Так же как и св. Косма, св. Макарий всеми силами заботился о ближних, и его труды в публикации книг, в проповеди, наставлениях и помощи нуждающимся имели своей конечной целью спасение душ человеческих.

Следует сказать несколько слов о других книгах св. Макария. «Евергетинос», рукописное собрание учений нескольких сотен святых Отцов, находился в монастыре Кутлумусиу. Св. Макарий просил св. Никодима подготовить эту рукопись к публикации. Кроме того, св. Макарий вдохновил св. Никодима на создание книги «Новый Мартирологион» (). Возможно, именно св. Макарий передал св. Никодиму большинство материалов о новых мучениках, которые он собирал в своих путешествиях. Эта книга «Новый Мартирологион» вдохновила на подвиг мученичества многих христиан, современников св. Макария. О них он написал книгу «Новый Лимонарион» («Новый луг духовный»). Св. Макарий также включил в «Новый Лимонарион» переведенные им на современный греческий язык жития древних мучеников. Святой закончил эту работу за несколько месяцев до своей смерти. Его близкий друг Никифор Хиосский подготовил эту книгу к печати и опубликовал ее в Венеции в 1819 году.

Св. Макарий, по утверждению Афанасия Париоса, написал много других книг. Однако нам известны только упомянутые выше. Остальные, опубликованные без указания автора, остались для нас неизвестны.

Св. Макарий сыграл важную роль в писательской судьбе многих греческих богословов. Св. Макарий был не только великим хранителем традиции Церкви, просветителем и духовным наставником людей, но и великим подвижником. Стремившимся достигнуть очищения своей души и единения с Богом. «Через великий подвиг и аскетическое делание, — отмечает его жизнеописатель Афанасий Париос, — он уподобился Богу и был охвачен огнем Божественной любви».

Св. Макарий был человеком великого смирения. Он являл собой великолепный пример священнослужителя и, как говорил один из его современников: «Если стремишься увидеть первохристианского епископа Церкви, как св. Василий, соблюдающего простоту жизни и скромность облачения, то увидишь в св. Макарии точное его подобие».

Св. Макарий многими был признан святым еще при жизни. День его памяти — 17 арпеля — радостно празднуется по всей Греции, особенно в Коринфе, на Афоне и на островах Хиос, Икария, Патмос.

ЖИТИЕ СВЯТОГО МАКАРИЯ КОРИНФСКОГО

Составил Афанасий Париос, его друг
(в кратком изложении К.Каварноса)

1863 г., Хиос

Коринф — древнейший и знаменитый город Пелопонесса. Хорошо известно. Что апостол Павел написал два Послания к Коринфянам, исполненные Божественной мудрости, наставлял их и привел их от ложного идолопоклонничества к познанию Единого Истинного бога.

Св. Макарий родился и вырос в этом городе. Он происходил из аристократической семьи, принадлежащей к блистательному древнему роду византийских сенаторов Нотаросов. Св. Герасим Кефалонийский, слава и похвала всех православных христиан, просиявший и продолжающий сиять своими бесчисленными чудесами, также принадлежал этому роду.

Родители св. Макария, благочестивейшие Георгий и Анастасия, оба занимали первое место в коринфе благодаря своему происхождению и богатству. У них было много детей. В 1731 году родился св. Макарий, названный в святом крещении Михаил. Его крестным отцом был архиепископ Коринфский Парфений.

Когда мальчик достиг школьного возраста, его отдали на обучение церковной грамоте Евстафию на Кефалонию. С ранних лет Михаил проявлял стремление только к духовному. Его не занимало ничто мирское. Он жил очень благочестиво. Стремился посещать церковные службы и избегал компании юнцов и мирской суеты.

При помощи отца, который и был влиятельным политиком, Михаил стал управляющим несколькими деревнями. Отец хотел, чтобы сын смог таким образом разбогатеть. Однако Михаил раздавал немалые суммы денег нуждающимся, и отец часто бранил его. В конце концов Михаил решил оставить все мирское и стать монахом. Он тайно убежал в Мега Спилион («Большая Пещера»), знаменитый монастырь на Пелопонессе. Здесь он слезно просил монахов исполнить его желание. Но, поскольку он пришел без разрешения своего могущественного отца, они отказали. И, действительно, через несколько дней, узнав, что Михаил в монастыре, отец приказал вернуть его домой, даже против его воли.

Вернувшись в родительский дом, Михаил занялся чтением и изучением Божественного Писания и других духовных книг. Позже, поскольку школа Коринфа не имела учителя, он вызвался обучать детей. Так он проработал шесть лет без всякой платы.

В 1764 году, когда архиепископ Коринфа умер, все жители Коринфской области, духовенство и миряне, богатые и бедные, старые и молодые, единогласно избрали благочестивого Михаила кандидатом на епископство. (После того, как он был избран кандидатом, он был пострижен в монашество с именем Макарий). Так, снабженный просительными рекомендательными письмами, в сопровождении знатных людей, он отправился в Константинополь и предстал перед Священным Синодом. Патриархом в это время был Самуил I Хаизерис. В Константинополе Макарий был рукоположен в архиепископа Коринфского.

Когда он вернулся в вверенную ему Богом епархию, он увидел, как велика к нему любовь: все христиане этой области праздновали день его возвращения, ликуя, прославляя Бога за то, что Он услышал их молитвы и даровал им такого доброго пастыря. И действительно, они не ошиблись в своих ожиданиях. Ибо как в раннем детстве св. Макарий проявлял знаки величия своей души и ревности ко всему доброму, так и теперь, когда он стал епископом, он подтвердил все это делами. Подобно св. Григорию Богослову, он считал, что получил сан епископа не как бесконтрольную власть и средство наслаждения и стяжания богатства, но как отеческую заботу о безопасности и

спасении своего духовного стада, за которое он будет отвечать высшему Пастырю, Господу и Богу всех.

С такими мыслями он, как верный и благоразумный правитель, начал насыщать духовной пищей Божественного слова алчущие души. Он проповедовал в святых церквах с великой любовью, добротой и смирением. До того времени, в результате либо небрежения, либо необразованности его предшественников, вся его епархия была исполнена беспорядка и беззакония, и церковное общество пребывало в испорченном состоянии. Св. Макарий. Подобно новому Зоровавелю[91], принялся с великой ревностью и усердием восстанавливать церковную жизнь, освобождая ее от всякой испорченности. Прежде всего он уволил на покой всех недостаточно образованных священников, а также тех, кто был не в состоянии достойно совершать священническое служение из-за преклонного возраста. Затем он запретил всем священникам принимать участие в политике, ибо в то время во многих местах существовал дурной обычай, когда одни и те же лица были священниками и «ходжамбасидесами»[92]. Тех, кто не подчинялся этому установлению, он запрещал в священнослужении. При рукоположении священников он строго соблюдал Апостольские и Соборные правила. Он никогда не рукополагал за деньги ни священников, ни других причетников. Он возводил в духовный сан только того, кто был достоин по дару Духа Святого. Более того, он не рукополагал никого, кто не достиг соответствующего возраста, несмотря на то, в его епархии была нужда в священниках. Проверая тех, кто хотел стать священниками, он посылал всех, кто был недостаточно подготовлен, в монастыри, чтобы они могли там потратить на образование и подготовку деньги, которые прежде они бы отдали за рукоположение. Он не рукополагал также диаконов во священников, не обучив их прежде всего правильному совершению всех церковных служб, и раздавал всем клирикам Катехизис для изучения. Во всех городах и деревнях своей области он поставил большие крестильные купели для того, чтобы святое крещение совершалось по всем правилам нашей Святой Православной Церкви. Святой иерарх совершил множество других поучительных и спасительных дел. Он строил школы по всей своей епархии и богоугодно, с отеческой заботой пас свое словесное стадо.

Но вот в 1768 году, во времена правления султана Мустафы, началась война между русскими и турками, и русский флот появился около Пелопонесса. Отец св. Макария, предвидя и опасаясь трагических последствий, взял его и всю семью и направился на остров Закинф. На пути они столкнулись с пиратами, которые отняли у них все, что они имели. К счастью не лишив никого из них жизни. Так, после многих страданий они приехали на Закинф. Обитатели острова приняли их с добротой и сочувствием и обеспечили их одеждой и пищей. Они оказали особую честь св. Макарию, которого почитали как нового апостола Христова.

Позже Макарий поехал на остров Кефалонию для того, чтобы приложиться к мощам св. Герасима. Через три месяца он вернулся на Закинф и прожил там еще три года. Затем он отправился на остров Гидру, где оставался в монастыре Пресвятой Богородицы до тех пор, пока в 1774 году не был восстановлен мир между русскими и турками.

В это время Константинопольский Синод рукоположил нового архиепископа Коринфского[93]. Но чтобы смягчить скорбь св. Макария, Синод позволил ему беспрепятственно служить как епископу, где бы он не находился.

Через год св. Макарий поехал на Хиос. Оттуда вскоре он отправился на Святой Афон, куда давно

стремился попасть. Однако он не нашел на Афоне спокойной духовной гавани спасения. Напротив, его встретило бушующее море. Сразу же к нему обратились те, кто совершал панихиды по воскресеньям и спросили его, одобряет ли он их практику. Он ответил отрицательно. Когда же в монастыре Кутлумуш умер бывший патриарх Александрийский Матфей и св. Макарий был приглашен отслужить панихиду по нему на сороковой день, который приходился на воскресенье, он не только отказался служить, но написал приближенным усопшего патриарха следующее: «Почему вы предпочитаете служить панихиды в воскресенье и пропускаете другие дни недели, и таким образом нарушаете правила и постановления Церкви, запрещающие это делать? Я никогда не совершал и никогда не буду совершать панихиды по усопшим в воскресенье». После этого приближенные усопшего патриарха стали угрожать ему и послали его письмо ко Вселенскому патриарху.

Огорченный всем этим, св. Макарий покинул Афон и вернулся на Хиос. Отсюда он направился на Патмос, где познакомился и подружился со святыми отцами Нифоном Хиосским, Григорием Нисирским и Афанасием Армянским. Все они также покинули Святой Афон несколькими годами ранее из-за скандалов, связанных с панихидами.

Через год отец св. Макария умер. По просьбе своих братьев св. Макарий приехал на Гидру, и вместе они направились в Коринф. Здесь они мирно разделили отцовское наследство под присмотром св. Макария. Он отдал братьям полностью свою долю, и после этого попросил их принести ему записи всех должников отца. Эти записи он бросил в огонь, освободив таким образом огромное количество народа от долгов. Целые семьи должников восхваляли своего благодетеля св. Макария и называли его святым.

После этого св. Макарий вернулся на Хиос. Здесь он получил рекомендательные письма и отправился с ними в Смирну, чтобы встретиться с Иоанном Маврогордатосом. Последний, наслышанный о св. Макарии, принял его с уважением и почтением. Как человека Божиего. Он не только с радостью оказал гостеприимство св. Макарию в своем доме, но также дал ему деньги на публикацию святого «Добротолубия», замечательной духовной книги. Под воздействием учения св. Макария, Иоанн превратил свой дом в святое жилище, где постоянно служились вечерни и утрени, и строго соблюдались все посты.

Теперь св. Макарий очень хотел опубликовать другую книгу — «Евергетинос». Нашелся благодетель, пожертвовавший деньги на издание и этой поучительной книги. Им был Иоанн Каннас. Позже св. Макарий вернулся на Хиос, желая провести остаток своей жизни в пустыни (исихастерионе), занимаясь духовным деланием. Он купил у города Хиос пустынь св. Петра в северной части острова и поселился там со своим хиосским учеником Иаковом. Этот монах служил св. Макарию до самой его святой кончины.

В то же время хиосский иеромонах Нифон, с которым св. Макарий познакомился раньше, вместе с несколькими монахами поехал на остров Икарию. Там они попытались построить для себя монастырь. Но у них не хватало денег. Св. Макарий помог им через пожертвования благотворителей Смирны и Хиоса. Благодаря этой помощи на острове был построен небольшой общежительный монастырь. Св. Макарий ездил туда и жил там некоторое время со святыми отцами, его друзьями. Затем он вернулся в свою пустынь на Хиосе. Благодатная природа этого места очень благотворно действовала на него, особенно ввиду его слабого здоровья, из-за которого он прежде постоянно

страдал. Живя в пустыни, он чувствовал себя хорошо и, будучи вдали от шумных городов и мирской суеты, наслаждался тишиной.

Как писал один из древних Отцов Церкви: «Святые люди Божии, опасаясь вреда от суеты и высокомерия, стремятся любым способом скрыть свои добродетели от глаз людских. Поэтому мы можем узнать только те их достижения, которые Бог показывает для пользы других, или которые становятся известными позже, благодаря их ученикам». Это истина. Мы можем сказать и о св. Макарии. Только Бог Всеведущий видел и знал его борьбу и духовные подвиги в пустыни, ибо, стремясь угодить только Ему, св. Макарий скрывал их более тщательно, чем порочный человек скрывает свои преступления. Поэтому мы пишем здесь о св. Макарии только то, что многие точно узнали, и что знает каждый современный житель Хиоса: о его постоянных продолжительных постах, помимо канонических, которые он соблюдал с большой строгостью как и догматы веры, нисколько не сомневаясь в том. Что Святые Каноны — установления не человеческие, но Святого Духа. Он был совершенно не похож на сегодняшних христиан, которые проявляют безразличие и презрение к Святым Канонам, считая их учением простолюдинов, а не написанными по рассуждению и вдохновению Духа Святого, постоянно бесстыдно нарушая их, вкушая рыбу и мясо и говоря при этом, что Бог нигде не заповедал человеку поститься.

Св. Макарий, соблюдавший и канонические и дополнительные посты, которые он наложил на себя, считал вино и масло двумя главными врагами, утверждал, что они вредят здоровью, и вкушал их только в субботу и воскресенье. В другие дни он ел овощи и (мучные изделия, типа макарон), сваренные в воде. О постах, всенощных, поклонах и непрестанных молитвах св. Макария мы точно знаем по рассказам многих людей, особенно его ученика Иакова. И нет никаких сомнений, что св. Макарий такой подвижнической жизнью достиг подобия Божиего и возгорелся огнем Божественной любви. Доказательством этого являются чудесные дела Божественной благодати, которые и сегодня совершаются через обращение к нему. Таким образом, подвиги св. Макария, невидимые многим при его жизни, подтверждаются теперь событиями, которые очевидны и известны для всех. И как пишет святой отец Исаак Сирий: «Невозможно для тех, кто неустанно ведет такой образ жизни, остаться без великих даров Божиих, поскольку они приобрели внутреннее внимание, трезвение сердца и свободу от попечения о мирских делах. Душа, которая трудится и совершает восхождение в ее стремлении к Богу, приобретает херувимские очи. Которыми созерцает вечно небесное». Итак, согласно словам Божественного учителя св. Исаака, св. Макарий своими Божественными дарами и своей чистой молитвой явил себя истинным равноангельным созерцателем небесного.

Святые Отцы учат, что молитва — это беседа с Богом. Все, кто слышал св. Макария в церкви, читающего псалмы и Святое Евангелие, исповедуют, что его чтение было действительно беседой с Богом. Непрерывное, тихое, спокойное, оно несомненно достигало слуха Господа Саваофа. Если мы признаем это о его чтении и молитве в церкви, то насколько должна была быть выше его келейная молитва, более духовная, отрешенная от всего материального и человеческого. Несомненно, в это время его ум был всецело направлен к богу, и слуха Божиего достигало не только то, что исходило из уст св. Макария, но и все его благоговейные и прекрасные мысли.

Все это хорошо и достойно похвалы. Но это следствие заботы о собственном спасении и еще не доказывает любви к ближнему, без которой, как говорит Божественный апостол Павел, все бесполезно и напрасно. Господь дает нам в Евангелии понятие такой любви: «Возлюби ближнего

своего, как самого себя» (Мф. 19, 19). И боговдохновенный Макарий исполнил свой долг к ближнему. Он постоянно повторял слова Апостола язычников: «Богу бо есмы соспешницы» (1 Кор. 3, 9), означающие, что мы должны помогать нашим братьям всеми силами в спасении их душ. Поэтому он стремился принести пользу всем христианам и уготовить им пути к Царствию Небесному своими отеческими советами, наставлениями и поучительными книгами. Так, Феодор Византийский, Димитрий Пелопонесский и многие другие были вдохновлены на мученичество, прочитав составленную св. Макарием книгу «Мартирологион» о духовных подвигах мучеников. И мы слышали, что мирянин из Эноса сказал, что он внимательно дважды прочитал «Добротолубие» и намеривается изучить его и третий раз.

Как велико было желание св. Макария к спасению всех христиан показывает следующее: прочитав небольшую книгу «Христианская апология» и будучи взволнован ею, он собрал 500 медных монет, чтобы вновь напечатать эту поучительную книгу.

Нужно добавить, что св. Макарий. Пребывая в монашеском уединении в пустыни св. Петра, постоянно проповедовал прихожанам церкви св. Петра, а также всем тем, кто собирался из других мест в эту церковь на Божественную литургию. Во время постов он посещал другие церкви в округе, где проповедовал слово Божие спокойно и кротко, подобно апостолам, строгим последователем которых он был. Несомненно, его проповеди были плодотворны. Во-первых, его слушатели видели пред собой епископа Коринфа, облаченного в очень бедные ризы и обращающегося к ним со смирением. Во-вторых, вместо того. Чтобы получать деньги за свои труды. Он предлагал денежную помощь нуждающимся: одному для оплаты долгов, другому на свадьбу дочери и многим другим на иные нужды. Следующий случай являет плодотворность проповедей и учения Святого: одна женщина из соседней деревни нашла три фунта шелка и искала того, кто их потерял, чтобы вернуть. Тем, кто удивлялся она говорила: «Как могу я оставить этот шелк, когда блаженный ни за что не позволит нам это сделать?» Когда ее спрашивали, кто этот блаженный, она отвечала: «Архиепископ Коринфский. Он учил нас, что если мы найдем что-то, принадлежащее другому, мы обязаны вернуть это потерявшему, иначе мы согрешим. И более того, мы не должны просить вознаграждение за возвращение потери».

Однако эта великая любовь св. Макария к ближним, его сочувствие к их нуждам начали немало нарушать его покой, особенно когда к нему стали приходиться по советам друзей нуждающиеся не только из близлежащих мест, но и из дальних районов. И поскольку некоторым из них требовалась значительная помощь, святой отец был вынужден обращаться к зажиточным людям за милостыней для нуждающихся. Поскольку он не хотел досаждал другим, но и не мог отпускать с пустыми руками тех, кто приходил к нему за помощью, он вынужден был на время уехать с острова Хиос на остров Патмос.

Скажем теперь еще несколько слов о его публикациях. Книга св. Макария «О постоянном Причащении Божественных Таинств» содержит в себе ничто иное, как высказывания из Евангелия и Деяний Апостольских, канонов Апостолов и Соборов, высказывания святых Отцов и объяснения их на современном греческом языке. Все они содержат единое учение о том, что частое Причащение Божественных Таинств свято и ведет ко спасению. Таким образом, эта книга является вполне законной и каноничной. Но на некоторое время несправедливость и злоба взяли верх. Так, один неумный афонский монах после прочтения этой книги послал ее Вселенскому патриарху в

Константинополь, написав о ней сколько мог плохого. Прокопий Пелопонесский, прежде епископ Смирны. Был возведен в то время на патриарший престол. Рассерженный обвинениями, он от имени Синода осудил книгу св. Макария как неканоничную и вредную и пригрозил наложением суровой епитимии на тех, кто дерзнет ее читать. Монахи Святого Афона всеми силами боролись за то, чтобы решение патриарха было пересмотрено, однако безуспешно. Позже, когда патриархом стал Неофит из Смирны (в 1789 г.), близкий друг св. Макария, он отменил решение своего предшественника в отношении книги. И послал святому следующее письмо:

«Святейший митрополит, бывший Коринфский, возлюбленный во Святом Духе брат и сотаинник Макарий, благодать на твое епископство и мир от Бога! О твоей работе «О постоянном Причащении Святых Таинств», которую ты напечатал, мы сообщаем, что она была рассмотрена Синодом, внимательно исследована и одобрена. Она является эклезиялогически законной и не содержит ничего, что препятствует христианину быть достойным через покаяние и истинное исповедание причаститься Пречистых и Страшных Таинств Христовых. Твоя названная книга одобрена Синодом как поучительная и ведущая ко спасению. И все, кто желает приобрести и читать ее, свободны это сделать, и должны быть направляемы своими духовниками по любым возникающим вопросам. По причине распространяемых слухов о том, что был издан церковный указ, осуждающий эту твою работу, из-за чего благочестивые христиане избегают ее чтения, мы написали настоящее письмо и, по изволению Духа Святого, издали указ, отменяющий прежний, о том, что все христиане, которые прочитали, читают или будут читать эту твою книгу, именно «О постоянном Причащении Святых Таинств», прощены и благословенны Всесильным Господом и освобождены от всех церковных епитимий и проклятий, и имеют благословение всех святых и боговдохновенных Отцов Церкви. Теперь, зная это, оставь всякое предубеждение к своей работе, за которую ты удостоишься награды от бога. Да будут Его благодать всегда с твоей святостью».

Хотя св. Макарий издал много поучительных книг, эта книга «О постоянном Причащении...», написанная им с великим усердием, может справедливо быть названа источником жизни вечной. Это все, что мы хотели сказать о публикациях нашего святого Отца. Теперь поговорим о его других благочестивых делах. На поприще Христовом, то есть в мученичестве, Иисус Христос сам является Судией и подает венцы. Борец — это тот, кто страдает и умирает ради славы Христовой, а его противник — дьявол с его орудиями, врагами и гонителями святой христианской веры. Истинно. Что борцы не выходят на арену мученичества, не имея силы духа. Но как говорит Господь: «Дух убо бодр, плоть же немощна» (Мф. 26,41). Григорий Богослов утверждает, что немалую смелость приносят слова поддержки душам тех, кто избрал мученические страдания. Каждый обязан оказывать эту поддержку. И св. Макарий именно это и делал. Исполняя евангельскую заповедь: «И грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин. 6, 37), он с готовностью принимал всех и не только подбадривал словами, но и оставлял у себя в пустыни на много дней тех, кто нуждался в дальнейшей подготовке. Научая их и укрепляя постами и молитвами. Среди тех, в душах которых св. Макарий зажег огонь Божественной любви, особенно выделяется Полидор Киприот (принял мученичество от рук турок 3 сентября 1794 года в Новом Ефесе). Он на деле выказал добрые изменения, произошедшие в нем. Так, однажды вечером он стоял у дверей гостиницы и громко возглашал: «Господь благословит тебя за все доброе, что ты мне сделал». Другой раз, когда о. Иаков звал Полидора на ужин, то увидел его в отдаленном месте плачущим и рыдающим. Он рассказал об этом

св. Макарию, и Святой сказал: «Пусть он плачет, ибо плач дорог для Бога и ведет ко спасению». Такое же влияние св. Макарий оказал на душу Феодора Византийского. Феодор прежде страшился смерти, но благодаря св. Макарию он преодолел свое малодушие и смело устремился навстречу смерти ради Христа (он происходил из местечка Неохори (пригород Константинополя, а в античные времена именовавшегося Византием), и был повешен турками 17 февраля 1795 года в Митилене). Также св. Макарий повлиял на незрелую, необразованную душу Димитрия Пелопонесского. Когда Димитрия вели на казнь, он, обратившись к небу, воскликнул: «Благодарю Тебя, Господь Иисус Христос, что удостоил меня недостойного этой блаженной минуты мученичества» (он был обезглавлен в Триполисе Пелопонесском 13 апреля 1803 года).

Мы думаем, что в праве утверждать, что св. Макарий, этот наставник славных мучеников, по сути и сам принадлежит им. Св. Василий Великий называет мучеников святыми. Поэтому наш святой Макарий, много дней и ночей наставлявший и укреплявший тех, кто должен был выйти на арену мученичества, святой, который зажег в их сердцах огонь любви ко Христу и желание пострадать ради Него, еще более достоин считаться равным мученикам. И как праведный венец был возложен на головы мучеников, потому что они, по слову апостола Павла, окончили борьбу и сохранили веру, так и праведный венец был возложен на главу св. Макария. Который своими наставлениями и ревностью в слове и в деле был вместе с ними, их соратником и помощником.

Но пришло время, когда этот Божественный отец должен был отдать общий для всех, неизбежный долг естества. Как только он закончил собрание житий святых подвижников и мучеников, древних и современных, которое озаглавил «Новый Лимонарион», он начал заботиться об издании этой книги. Однако внезапно его разбил апоплексический удар, и вся правая половина его тела была парализована. Его добрая и благодетельная рука перестала двигаться.

Так страдая и сплетая свой венец в терпении, он благодарил благоволящего Бога и непрестанно плакал, говоря, что бог наказал за грехи и он все еще не покаялся. Мы пришли к нему однажды и увидели его плачущим и причитающим, что он, будучи наказан Богом, не может раскаяться. Мы сказали ему: «Досточтимый отец, это правда, что ты не каешься, ибо твоя совесть не может осудить тебя за нарушение Божественных заповедей, поскольку ты хранил их всю свою жизнь». Но все равно слезы рекой изливались из его глаз. И так было на протяжении всех восьми месяцев с 1 сентября до 17 апреля — дня, который стал последним днем его земной жизни.

В это время христиане всех возрастов и сословий приходили к нему, чтобы получить его святое благословение. Он исповедывался и причащался Святых Таинств ежедневно. Его близкий друг, святейший Нил Калогномос, пребывал рядом с ним, беседуя и утешая. Они вместе размышляли, философствовали о духовном и созерцательном, поскольку разум св. Макария оставался неповрежденным до последнего дыхания Святого.

4/17 апреля 1795 года св. Макарий предал дух в руке Божии и вошел в лик святителей, мучеников, подвижников и святых.

Его тело было погребено с южной стороны церкви св. Петра. То, что он желал и предсказал, исполнилось. Когда за два года до кончины св. Макария его келейник Иаков заболел и был уже на пороге смерти, братья спросили св. Макария, где бы он хотел, чтобы они выкопали могилу для Иакова. Когда святой услышал это, он был глубоко тронут и сказал: «Я хочу, чтобы сначала была выкопана могила для меня, а потом для этого доброго старца».

Так и произошло. Только после того, как состоялось перенесение святых мощей Макария, его ученик Иаков умер и был похоронен в той же самой могиле.

Всемогущая и всесозидающая благодать Святого Духа, явленная в великих чудесах св. Макария, подтверждает, что он угодил Богу и достиг святости. Пусть никто не сомневается в реальности этих чудес, ибо рассказы о них записаны не в каких-то дальних и чужих странах, но в самом городе Хиосе при жизни тех, кто страдал смертельно и неизлечимо, но был исцелен, обратившись к Святому с верой, и кто исповедал и возгласил об этих исцелениях во всеуслышание.

Примечания

1

Дотоле работа под навесом, или в сенях, кои назывались иногда внешнею келлиею.

2

В монастыре св. Саввы за час до утрени дают колокол, и все по келлиям кладут положенные поклоны 1500 поясных и 150 земных с молитвою Иисусовою.

3

Т.е. когда кто-нибудь собирал всех отшельников и угощал их при церкви.

4

Это не в келлии, а на общих трапезах. Вино, обычно, виноградное, домашнего изделия, небольшой крепости.

5

Этим внушается жить так, как обязывает одежда.

6

Уединенники жили разсеянно по пустыни; посреди пространства, келлиями их занимаемого, была церковь, куда собирались на общую молитву. Церковь поверялась избранному, одному или нескольким. Макарий Великий, однажды воротившись в скит после посещения св. Антония, сказал братьям, на вопрос их о том, что им заповедует великий Авва: не хорошо, говорит, что у вас нет приношения, т. — е. Литургии. Тогда поспешили устроить церковь. Это образчик того, как устроил жизнь уединенников св. Антоний.

7

Уединенники жили каждый особо от других, но все сселение их раздробленное было нечто единое, и имело одного главу, как напр.: оба Макария, Амон, в скиту келлиях и в Нитрии.

8

У другаго: как плачет тот, у кого в доме есть мертвец.

9

Верно, изречений или правил вообще... Книга указываемая не дошла до нас.

10

У Паисия: об устройении.

11

Обычай доселе на востоке взять кусок за столом и вложить его в уста другаго, в знак особаго расположения.

12

У Паисия: им.

13

Или так: когда сделаешь рукоделие свое, не небрежи, но попекись о нем, чтоб не пропало даром, — и проч.

14

У Паисия: в немже претыкаемся.

15

κτатаι εχθραυ. — У св. Исаии εχθρα означает вражью силу, — толпы бесов. Приобретать их есть — наживать, — привлекать.

16

Не толкают, — может быть, в двери милости Божией, чтоб плод был от молитвы.

17

Μηλωταριον — милоть — монашеская одежда (пояс), по правилу св. Пахомия — из козлиной кожи.

18

Изображенное в слове сем приемлет Иоанн, яко крестивший Господа Иисуса; ибо крещаемый должен исповедать (крестившему), что делает.

19

У Паисия — на полях против закона написано: «страх», — как и требуется содержанием следующих слов.

20

У Паисия здесь стоит: «еже не считати себе, творит тя упразднитися плакати». В греч. рук. сего нет. В Лат. стоит: «кому ненавистны собственные страсти, тот пребывает в плаче в слезах».

21

У Паисия: «воздушных».

22

У Паисия здесь стоит такое положение: «Два бо вещества суть содержащая душу»: — Два предмета занимают душу, или две заботы.

23

На слане — на морозе. Мех на морозе сжимается и делается жестким и твердым.

24

Здесь разумеются не человеческия добрыя дела, а блага от Бога.

25

Столп на Востоке — не груда камней, а высокое жилое здание, для безопасности от злых людей.

26

Μονολογιστος — однословный, одним словом — решительный. Старцы многие, когда встречалось недоумение, молились и получали разрешение.

27

Разумеется самоотверженная решительность.

28

Сам ли кто себя томит без толку, или духовным отцем разим бывает, сердце только раны принимает: бьют его — и больно, а пользы нет. Подобно тому, когда больному дают не то лекарство.

29

Раствор — смешение разных стихий, напр., воды, вина. Три сказанные добродетели должны быть всегда во взаимно-проникновении. Любоимание разстраивает их союз.

30

Тогда хватится, что дурно делал нерадя.

31

Не немилосердное, а вообще окамененное, нечувствием страждущее. Здесь духовно толкуется отверзтие заключенных врат пред св. Петром. Злострадание есть самоозлобление внешними лишениями, а сокрушение — стертие — умное биение сердца представлениями истин сокрушительных. Два эти отваливают камень от сердца.

32

Здесь разумеется какое-либо действительное событие, в роде того, что зовется: «нечаянная радость».

33

71-я гл. в Савв. рукописи и в изд. Migne — такая: Безсовестно (без цели и порядка) трудящийся во всем беден, а текущий с надеждою вдвойне богат.

34

Может быть та только мысль, что из двоих тот выше, кто разумеет сие.

35

Павел Препростый.

36

Перифраз, по причине сжатости фразы греческой.

37

Это похоже на слово старца, при вопросе: впускать ли помыслы? Впусти, говорил, и потом борись и гони.

38

Противопологается сему не вера, а расположения сердца, служащая источником дел.

39

Греч. слово дает мысль: как засматриваются в зеркале на свою нарядность.

40

Ослов не погоняют кнутом, а колят в бедра шилом, воткнутом в палку.

41

Кассиан пишет, что рукава у них простирались лишь до локтей.

42

Чтоб преодолевая огорчения, не притупили мы раздражения и гневливости, живя среди других

43

Разумеет св. Григория Нисскаго.

44

Может быть после того, как все демоны прогнаны и поражены — становится на трупах их пораженных и пр.

45

В Дост. Сказ.: теряем память о Боге.

46

По Палладию, — самому Евагрию. Но Евагрий здесь приводит изречения прежних старцев, а не свои.

47

Давать и брать фраза — фраза выражающая все сделки житейския, и все сношения с другими. В даянии и приятии тоже, что в твоих сношениях и сделках с другими.

48

Этих оглавлений нет в греческом. Их придумал латинский переводчик. Полагая, что оне немало будут способствовать к уразумению и запоминанию премудраго учения Св. Диодоха, заимствуем их у него (Patrol graecae Migne. t. 65).

49

В Славянском переводе прибавка есть: «умным души движением». Верно такое встречено чтение.

50

Прибавка по Славянск. переводу.

51

Вся дружина, пошедшая ив Секелага, была в 600 человек. 200 ив них, дошедши до потока Васорова, не имели сил идти дальше. Давид остановил их тут беречь вещи, и пошел дальше с 400. — Усердие разумеется то, с каким они пошли.

52

Есть обычай на востоке лечить прижиганием.

53

Первая цифра означает сотню, а вторая главу из сей сотни.

54

Стоит — науки, умения; — умение действовать есть деятельное благочестие опытно знающее, — как действовать.

55

Отселе до 166 главы включительно о молитве; что в Славянском Добротолюбии означается и особым заглавием.

56

Это — последняя глава о молитве.

57

В Славянском Добротолюбии, отселе начинается новая номерация слов, и с новым заглавием.

58

Отселе до конца глав в Добротол. нет.

59

Которых глав по номерации недостает, те опущены, по крайней темноте их.

60

В Греческом главы сии расположены акростихично; акростихами служили буквы заглавия.

61

Это сказываемое приводится сокращенно и перифразом, потому что наставление применяется к производству дыхания которое ныне излагается иначе.

62

Уроки сии идут до 36 гл. включительно

63

Выше изображены вражеския искушения

64

Аскеты причисляются к духовенству.

65

Главы 68 — 70 опускаются по крайней темноте их.

66

Т.е. слезы от страха — слез от любви.

67

В достоп. сказ. есть подобное сему сказание: «Авва Пимен говорил со вздохом: все добродетели вошли в дом сей, кроме одной, без которой едвали устоит человек. — Какая же это добродетель? спросили его. — Самоосуждение, отвечал старец (134 изр.).

68

В дост. сказ. похоже на это 95 изречение: «Если человек во всем будет винить самого себя, то везде устоит».

69

Предлагаются несколько сокращенно инде перифразом

70

В Греч. Добротолубии никаких сведений о нем не дано. — Мысли и даже фразы сей статьи сходны с Каллистом и Игнатием. — Знать дается, что в Греч. Доброт. — сия и следующая статьи стоят там, где бы следовало стоять двум статьям Славян Доброт. под заглавием: Святейшего Каллиста Патриарха Константинопольскаго образ внимания молитвы;— и Егоже — о молитве вкратце. Сих статей нет в Греч. Доброт. — Вероятно оне взяты из каких либо рукописей.]

71

Кто потрудился, не сказано. И здесь излагаемая мысли сходны с Каллистом и Игнатием

72

Patrologiae Graecae t. 155, стр. 535 — 548. Главы 293 — 297.

73

Из собрания слов его слово 56. — Помещаются здесь сие и следующее слово, потому что тут они стоят в Греч. Добротолубии.

74

Слово 68, оттуда же.

75

При сем св. Симеон указывает некие внешние приемы, кои иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покривляют самое делание. Так как сии приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть ничто иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существеннаго не дающее, то мы их пропускаем. Существо дела есть приобрести навык стоять умом в сердце, — в этом чувственном сердце, но нечувственно. Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем. — Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнее всего достигнуть

хождением пред Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, т. е. сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хочет Господь. Лучший пример — Максим Капсокаливит.

76

Так и у св. Исаака.

77

По мнению ряда современных исследователей, влияние «Добротолюбия» на духовную жизнь России было более значительным, чем в Греции. Славянское «Добротолюбие» выдержало четыре переиздания немногим более, чем за 60 лет — прим. ред.

78

Согласно исследованиям конца 1980–х – начала 1990–х годов книгу написал архимандрит Михаил (Козлов) в бытность насельником Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (1857 — 1874). Авторское название книги — «Искатель непрестанной молитвы»; издавалась всегда анонимно: первое и второе издания (Казань, 1881 и Казань, 1882) — под названием «Откровенный рассказ странника духовному своему отцу, написанный слышавшим по убеждению следующего изречения в слове Божиим «Тайну цареву добро есть хранить, дела же Божия открывать славно» (Товит, XII, 7)», третье издание (Казань, 1884) — под названием «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», с исправлениями святителя Феофана Затворника, — легло в основу всех последующих изданий. См.: И.Басин Авторство «Откровенных рассказов странника»// Символ, № 27. Париж, 1992. С. 167–190. — Прим. ред.

79

Румынская версия «Добротолюбия» является самой расширенной и во многом по составу отличается от греческого «Добротолюбия», так же, как и русское свт. Феофана. См.: Dictionnaire de spiuntuelle. — Прим. ред.

80

Перевод Дионисия Загореоса, который, как считает архиепископ Василий (Кривошеин), является скорее парафразом подлинных текстов преп. Симеона Нового Богослова, послужил основой для перевода на русский язык сочинений преп. Симеона свят. Феофаном. (См.: Архиеп. Василий (Кривошеин) Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022). Н.Новгород, 1996. — Прим. ред.

81

Идеи, легшие в основу о «Частом причащении» также принадлежали западному автору Мигелю де Молино. См.: K.Papoulides. The Ecumenical Significance of the Monastic Revival of the 18th Century of the Orthodox Church// Balcan Studies, № 10. Thessalonica, 1969. P. 105–112. — Прим. Ред.

82

До XVIII века в Церкви существовал чин поставления в иконописца, совершаемый от архиерея, и иконы не освящались (над ними, писали Отцы VII Вселенского Собора, «не читается священной молитвы, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати»). Чины освящения икон были составлены в конце XVIII — начале XIX века. — Прим. ред.

83

Отец Герасим живет в Малом скиту св. Анны, небольшом поселении отшельников, который примыкает к Скиту св. Анны на Святой горе Афон. Он самый выдающийся гимнограф Греческой

Православной Церкви сегодня. Настоящий текст жития является переводом его книги на английский доктором К.Каварносом. При написании жития св. Никодима отец Герасим использовал главным образом биографию св. Никодима, написанную монахом Евфимием, духовным братом св. Никодима.

84

Не отождествлять со св. Макарием Коринфским.

85

Калива — уединенный дом на Афоне.

86

Автором прокламаций является либо Ригас Фереос, поэт, борец за освобождение Греции от турецкого ига, либо Наполеон.

87

Тот же, что Агапий Пелопонесский.

88

По-видимому, они хотели работать на строительстве и по субботним дням.

89

это вареная пшеница, которая предлагается по окончании панихид от имени усопшего, подобно русской «кутье»

90

Фанар — богатый греческий район в Константинополе, где располагалась Константинопольская Патриархия

91

Зоровавель — ветх., под его руководством иудеи восстанавливали Храм в Иерусалиме после вавилонского пленения.

92

«Ходжамбасидес» — слово турецкого происхождения, которое обозначало глав общин или советов старейшин. Главной обязанностью их было представительство пред турецкими властями.

93

Как указывают другие авторы, не только Макарий, но и другие пелопонесские епископы были заменены в то время по приказанию султана. Вслед за началом русско-турецкой войны. Греки на Пелопонессе, побуждаемые Россией, восстали против турок. Турки сразу же заподозрили пелопонесских епископов в подстрекательстве к восстанию. Эти подозрения в отношении Макария были необоснованны, поскольку он запрещал клирикам своей епархии участвовать в политике и сам всю жизнь был занят исключительно духовными делами. Лишая его епархии, Вселенский патриарх решил назначить ему годовое содержание в 100 грассий.